

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ LXXXVIII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ LXXXVIII

1902

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1902

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

АПРѢЛЬ, 1902

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1902 г.

	СТРАВ.
I. Веселія п хороны. (Новѣсть). I—VIII. А. В. Круглова	5
II. Воспоминанія М. А. Паткуль . Гл. VI—VII. (Продолженіе)	39
III. Безвинный узникъ. Разсказъ. А. П. Лемана	57
IV. Литературныя воспоминанія и характеристики. (1854—1892 г.). XVI—XVII. (Окончаніе). Л. Е. Оболенскаго	77
V. По границамъ Бухары и Афганистана. (Путевые очерки 1898 г.). II—III. (Окончаніе). А. А. Семенова	98
VI. Поэзія В. А. Жуковскаго. А. К. Бороздина	123
VII. Къ матеріаламъ о В. А. Жуковскомъ. К. Я. Грота	146
VIII. Автографъ В. А. Жуковскаго	169
IX. Чешскій писатель и русскій министръ. П. П—аго	172
X. Исторія шести мѣсяцевъ. (Іюль—Декабрь 1862 г.). V—VII. (Окончаніе). І. Кучинскаго	179
XI. «Чортова городище» около г. Елабуги. Д. К. З—нива	206
Иллюстрація: Чортова городище близъ г. Елабуги.	
XII. На новомъ Аэонѣ. (Листки изъ путевого дневника). С. П. Уманца	210
Иллюстраціи: 1) Видъ монастыря съ моря.—2) Церковь св. Симона Кананита.—3) Водопадъ близъ пещеры св. Симона.—4) Озеро за водопадомъ и церковь св. апостола Симона.—5) Кипарисовая аллея къ водопаду.—6) Новый Аэонъ. Верхній соборъ.	
XIII. Забытый критикъ. А. Бв.	239
XIV. Къ біографіи П. А. Кулишя. П. Е. Щеголева	243
XV. Частваніе памяти Н. В. Гоголя. П. К—аго	248
XVI. Имѣніе «Яличи». Иславина	285
XVII. Критика и бібліографія	290

1) А. М. Бобринцевъ-Пушкинъ. Судь и расколыники-сектанты. Сиб. 1902. х. у. Z. — 2) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Томъ I (комитетъ въ царствованіе императора Александра Перваго). Составилъ С. М. Середонинъ. Изданіе канцеляріи комитета министровъ. Сиб. 1902. в. гр—снаго. — 3) Русскій біографическій словарь. Павелъ—Петръ. Изданъ подъ наблюденіемъ председателя императорскаго русскаго историческаго общества А. А. Половцова. Сиб. 1902. с. ш.—4) Графъ Г. А. Милорадовичъ. Родословная книга Черниговскаго дворянства. Т. I и II. Сиб. 1901. в. Рудакова. — 5) Евгений Соловьевъ (Авдреевичъ). Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка. Сиб. 1902. Николай Энгельгардтъ. Исторія русской литературы XIX столѣтія. Томъ первый. 1800—1850. Сиб. 1902. г. т. с.—6) Г. Мандельштамъ. О характерѣ гоголевскаго стиля. Глава изъ исторіи русскаго литературнаго языка. Гельсингфорсъ. 1902. п. ц.—7) Гоголевскій сборникъ. Изданіе русскаго біологическаго общества. Сиб. 1902. п. к—аго. — 8) Н. В. Гоголь въ русской поэзіи. Сборникъ стихотвореній. Составилъ В. В. Каллашъ. Изданіе товарищества П. Д. Сытца. Москва. 1902. п. ц.—9) Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина. Десятая часть. Москва. 1902. с. ш.—10) Историческій очеркъ Ярославскаго Леонтьевского прихода съ 18 рисунками и 4 планами. Священника Селиверста Соколова. Ярославль. 1901. а. к.—11) Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, земледѣлія и управления. А. Л. Лазаревскаго. Томъ III. Полкъ Прилуцкій. Киевъ. 1902. м.—12) Путешествіе братьевъ Грузь-Гржимайло по Западному Китаю. Обработано М. Яличи. Сиб. 1902. а. Фаресова.—13) Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія. Соч. В. Кеншингема. М. 1902. г. с.—14) Гаррисонъ. Оливьеръ Кроувель. Москва. 1902.

См. слѣд. стр.

В. J.—15) Towarszystwo królewskie przyjaciół nauk. 1800—1832. Monografia historyczna, osnuta na źródłach archywalnych przez Alexandra Kraushara. Księga II. Czasy księstwa warszawskiego 1807—1815. T. I—II. Z ilustracyami. Kraków—Warszawa. 1902. (Королевское общество друзей наук. 1800—1832. Историческая монография, основанная на архивных источниках. Александра Краусгарта. Книга вторая. Времена княжества Варшавского. 1807—1815. Тома 1-й и 2-й, съ иллюстрациями. Краковъ и Варшава. 1902). Г. А. Воробьева.—16) Das Gewerbe in Georgien unter besonderer Berücksichtigung der primitiven Betriebsformen, von Dr. Philipp Gogitschawschwilli. Tübingen. 1901. А. Хх—ога.—17) Учебный географический атласъ. 3-е издание А. Ф. Маркса. Спб. 1902. В. В—ова.—18) Русская критическая литература о произведенияхъ Н. В. Гоголя. Хронологическій сборникъ критико-библиографическихъ статей. Часть 3-я. Собрать В. Зелницкій. Изд. 2-е. М. 1902. П. Ц.—19) О положеніи русскихъ инородцевъ. М. А. Мероніева. Спб. 1901. Ц.—20) А. Кирхенгеймъ. Вѣчная утопія. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1902. В. Ивановича.—21) Gedichte von K. M. Fofanoff. Gedichte von A. N. Maikow. Uebersetzung von Friedrich Fiedler. Leipzig. 1901. А. Б.—21) М. Ю. Лахтинъ, прив.-доц. Краткій биографическій словарь знаменитыхъ врачей всѣхъ временъ. Изд. «Медицинскаго Журнала». Спб. 1902. Ваз. Якимова.—22) Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ любителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Книга пятая. Спб. 1902. Бв.—23) Де-ля-Грассери. Психология религій. Переводъ съ французскаго В. И. Писаревой. Спб. 1901. Т.

XVIII. Заграничныя историческія новости и мелочи 333

1) Театральная цензура за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. — 2) Римскія газеты. — 3) Железная корона. — 4) Папа Юлій II. — 5) Мать послѣднихъ трехъ королевъ династіи Бурбоновъ. — 6) Новая гипотеза о желѣзной маскѣ. — 7) Наполеонъ съ точки зрѣнія прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III и современнаго американца. — 8) Альфредъ де Виньи. — 9) Измѣнникъ ли Кроузе? — 10) Смерть Коломана Тиссы и историка Гардинера.

XIX. Смсѣ 358

1) Проекты памятника Гоголю. — 2) Диспутъ И. И. Лаптева. — 3) Русское историческое общество. — 4) Общество ревнителей историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. — 5) Къ XII археологическому съѣзду въ Харьковѣ. — 6) Предстоящій конгрессъ историковъ въ Римѣ. — 7) Предстоящій XIII-й международный конгрессъ ориенталистовъ въ Гамбургѣ. — 8) Археологическій нистигуть. — 9) Московское археологическое общество. — 10) Общество археологии, исторіи и этнографии при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. — 11) Церковно-историко-археологическое общество. — 12) Реставрація церкви. — 13) Археологическая карта С.-Петербургской губерніи. — 14) Общество любителей древней письменности. — 15) Харьковское историко-филологическое общество. — 16) Библиологическое общество. — 17) Географическое общество. — 18) Тибетская экспедиція въ Зимнежь дворцѣ.

XX. Некрологи 381

1) Антошинъ. — 2) Верещагинъ, П. В. — 3) Валинскій, И. М. — 4) Герке, А. А. — 5) Давыдова, А. А. — 6) Доможировъ, А. М. — 7) Егоровъ, Я. Е. — 8) Зброжекъ, Ф. Г. — 9) Калошиковъ, И. И. — 10) Кеммерлингъ, М. А. — 11) Клине, П. Г. — 12) Лазаревичъ, И. П. — 13) Лукомскій, В. В. — 14) Назарьевъ, В. Н. — 15) Нестуровъ, А. Н. — 16) Нефедовъ, Ф. Д. — 17) Пѣцовъ, М. В. — 18) Самарскій-Выходецъ, В. В. — 19) Соколовъ, И. И. — 20) Старостинъ, В. Г. — 21) Филиппъ.

XXI. Замѣтки и поправки 397

По поводу двухъ писемъ Гоголя. В. И. Шенрока.

XXII. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ В. А. Жуковскаго. — 2) Осада Страсбурга. (Braves gens. Strassbourg). Историческая повѣсть. Изъ временъ франко-германской войны. Поля и Виктор Маргѣритъ. Переводъ съ французскаго. V—VII.

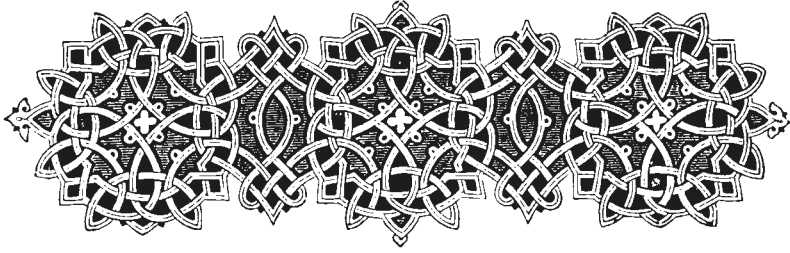
ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ.

Съ литографіи Мейера, съдѣланной съ портрета писаннаго Крюгеромъ.

Дозв. ценз. 20 февраля 1902 г.

ВЕСЕЛЫЯ ПОХОРОНЫ.

(Повѣсть).

I.

ВЪ НЕБОЛЬШОЙ комнаткѣ, въ одно окно, оклеенной свѣтлыми обоями, обставленной во вкусѣ провинціального средняго чиновничества, у круглаго стола, сидѣло двое: довольно пожилая, полная женщина, не смотря на сѣдѣющіе волосы и мелкія морщины, еще сохранившая слѣды былой красоты, и молодой человекъ лѣтъ двадцати двухъ, съ вьющимися бѣлокурыми волосами, съ румянымъ лицомъ, которое оживлялось голубыми глазами съ мягкимъ ласкающимъ свѣтомъ. Женщина была одѣта въ темное шерстяное платье свободнаго фасона; плечи ея покрывали ковровый платокъ. Костюмъ молодого человека—длинный, суконный сюртукъ и широкія черныя брюки—сразу обличали въ немъ семинариста.

Это такъ и было.

Яковъ Аванасьевичъ Крестовоздвиженскій, ученикъ богословскаго класса Сонской духовной семинаріи, только что вернулся изъ деревни съ пасхальныхъ каникулъ. вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали въ городъ и родители: мать для покупокъ, а отецъ по своимъ дѣламъ.

О. Аванасій съ утра ушелъ въ консисторію. Въ ожиданіи его мать и сынъ сидѣли у стола, уже накрытаго для обѣда, и вели между собой разговоръ.

— А здѣсь хорошо, Яша,—промолвила попадья:—не то, что на прежней квартирѣ. Ладно сдѣлалъ отецъ, что перевелъ тебя съ осени сюда. Лучше, какъ одинъ-то: безъ товарищей соблазна меньше. Тамъ васъ много жило вмѣстѣ.

— Это все равно, маменька.

— Что ты, Яша, какъ можно!—возразила попадья:—товарищи иной разъ противъ воли сманять. Ты, Яша, вообще подальше отъ всѣхъ держись. Не ходи къ нимъ. Того и гляди—втянешься... Постѣснишься отстать отъ другихъ. А сегодня заодно, да завтра заодно, такъ и пойдеть.

— Вѣдь я же, маменька, жилъ до сего времени... Ничего...

— Слава Богу, Яша! Благодарю Господа! Я тебя и не хаю: ты у насъ хорошій. Всѣ тобой довольны... Да вѣдь мало ли... Въ послѣднемъ-то классѣ всегда вольнѣй ведутъ себя: мы, дескать, на выходѣ... А тутъ-то какъ разъ и легко свихнуться... Развѣ не бывало?

Она ждала подтвержденія своихъ словъ отъ сына, съ любовью глядя на его розовое лицо, дышавшее здоровьемъ.

— Случается,—сказалъ молодой человѣкъ.

— Вотъ то-то и есть, голубчикъ.

Она вздохнула и продолжала:

— А здѣсь хорошо. Вѣдь ты доволенъ квартирой?

— Доволенъ, маменька.

— Хорошо здѣсь, Яша. Видишь, какъ чисто... Обои веселенькіе, занавѣсочки тюлевья,—совсѣмъ на благородную ногу. И хозяйева хорошиѣ: Павелъ Ивановичъ—человѣкъ уважаемый, о супругѣ его никто дурного слова не скажетъ. Да и чего еще: отъ семинаріи близко. Вотъ, немножко подороже, чѣмъ тамъ, ну, да это что же... Было бы лучше.

Но, какъ бы спохватившись, Анна Михайловна сейчасъ же добавила:

— Ты не подумай, голубчикъ, что отецъ твой такъ богатъ, что швыряться деньгами ему нипочемъ. На нужду жаловаться нельзя, а все-таки не Богъ вѣсть какіе недостатки. Да и ты не одинъ. Сестры подрастаютъ. Дѣвчонки, а заботы еще больше. Надо приданое принасти, ни съ чѣмъ-то не отдашь,—да и стыдно: не дьячковскія дѣти... Скажутъ: отецъ благочинный!

— Да что вы, маменька, развѣ я что говорю?—произнесъ сынъ, поправляя узенькій черный галстукъ, повязанный сверхъ крахмальной рубашки съ отложнымъ воротникомъ.

— Да, Яшенька: что можно, мы тебѣ все дѣлаемъ, не отказываемъ. Смотри, я тебѣ четыре рубашки новья положила, полдюжины манишекъ, носковъ шесть штукъ. Береги! Неужли къ лѣту сызнова заводить?

— Хорошо, маменька.

— Старательно учишь, Яша. Вотъ ты теперь хорошо идешь, кончишь въ первомъ разрядѣ—мѣсто лучше получишь. А то еще и въ академію, пожалуй, назначать.

— Что гадать объ этомъ, маменька.

— Я такъ, родной... Всякій человѣкъ о судьбѣ своей думаетъ. Конечно, все въ Божьей волѣ. Ты, Яша, молись, не смотри на другихъ. Безъ Бога что можно получить?

Анна Михайловна вздохнула, перекрестилась на образъ Спасителя, висѣвшій въ углу, и промолвила, глядя въ окно:

— Что это отца долго нѣтъ? И гдѣ онъ?

— Да въ консисторіи, должно быть.

— Наказанье, право! Какъ вызовутъ, такъ и траты. Другіе завидуютъ: благочинный! А что въ этомъ корысти? Только хлопоты да разореніе. То не ладно, другое не такъ, за все отвѣчай да откупайся.

Въ эту минуту дверь отворилась, и въ комнату вошелъ отецъ Аѳанасій, высокій, коренастый шатенъ, съ широкимъ мясистымъ лицомъ, усѣяннымъ веснушками и рѣдкими оспинками. Длинная рыжеватая борода росла высоко, поднимаясь почти до скулъ. Узенькіе глаза какъ-то мало освѣщали заурядное лицо, лишенное выразительности.

— Вотъ легокъ на поминѣ! Только о тебѣ говорили,—сказала Анна Михайловна.

— Стосковались обо мнѣ что ли?—спросилъ о. Аѳанасій, улыбаясь глазами, при чемъ около нихъ радѣисомъ собрались мелкія морщинки и снова исчезли.

Онъ снялъ верхнюю теплую рясу и повѣсилъ ее на гвоздь около кровати сына.

— Обѣдать пора,—произнесла жена.

— Пора, попадья. Я проголодался.

— Чего же такъ долго-то?

— Развѣ не знаешь, гдѣ былъ! Скоро не отпустятъ.

— Поди, немало высосали?—съ недовольствомъ въ голосѣ проговорила Анна Михайловна.

— Дома сосчитаемъ,—уклончиво отвѣтилъ о. Аѳанасій:—а теперь давай обѣдать, да и собраться. Дома дѣла ждутъ, некогда здѣсь прохлаждаться, и то задержали на лишній день консисторскія проволочки.

Черезъ нѣсколько минутъ на столѣ появилась миска со щами и пирогъ со свиной, привезенный изъ деревни.

Нѣкоторое время всѣ трое ѣли молча. Слышалось только чавканье да легкое побрякиванье о. Аѳанасія, у котораго это вошло въ привычку, когда онъ былъ чѣмъ нибудь доволенъ. Это служило признакомъ того, что онъ собирается что-то сообщить. Попадья знала характеръ мужа и ѣла, ожидая разсказа. Но о. Аѳанасій

насій продолжалъ ѣсть и покрывивать. Анна Михайловна начала терять терпѣніе. Наконецъ, она не выдержала и промолвила:

— Чего ты кряхтишь-то, отецъ? Разскажалъ бы лучше, какъ дѣла, что слышалъ?

О. Аѳанасій опять крякнулъ, отеръ губы и усы салфеткой и промолвилъ, отламывая кусокъ пирога:

— А вотъ славный пирогъ, попадья... Хорошо ты стряпаешь.

— Я это и безъ тебя знаю,—съ улыбкой же замѣтила жена.

— Ну, вотъ,—произнесъ о. Аѳанасій:—а когда пирогъ хорошъ, да щи вкусны, такъ и на сердцѣ весело.

— А дѣла-то какъ, говори? Все ли хорошо?—спросила Анна Михайловна, вызывая мужа на разсказъ.

— Все хорошо. Отца ректора видѣлъ...

— Ну?

— Одобряетъ нашего сына возлюбленнаго. Краса, говорить, богословскаго класса. Понимаешь, мать?

— Слава Богу, если такъ.

Она съ нѣжной любовью посмотрѣла на сына и снова обратилась къ мужу:

— А въ консисторіи какъ?

— И въ консисторіи все изрядно. Недоразумѣніе и все. Секретарь совсѣмъ на моей сторонѣ. Такой обходительный, на чай къ себѣ звалъ меня, да я отказался. Когда мнѣ распивать чай!

— На чай! Поди, и слушилъ онъ съ тебя на чай?— снова съ раздраженіемъ промолвила жена.

— Ужъ всеконечно, какъ водится,—отвѣтилъ о. Аѳанасій.— Зато улажено, и дѣло въ шляпѣ.

Онъ собралъ крошки, положилъ ихъ въ ротъ и добавилъ, взглядывая на жену:

— У преосвященнаго былъ, мать.

— Что же? Поди, ругался?

— И не думалъ. Все шутилъ. Въ такомъ добромъ настроеніи сегодня, что удивительно. Все мнѣ: «благочинный да благочинный». А какъ сталъ прощаться и говорить: «ну, благочинный, человекъ многочинный, поѣзжай съ Богомъ». Ха, ха, ха! Острякъ онъ вѣдь, надо сказать. Любитъ пошутить!

— Когда какъ,—сказала попадья.—Это на него сегодня нашла благодать такая, а то такъ шугнетъ, что не знаешь, куда и дѣться. Забылъ что ли?

— Всяко бываетъ, мать. Человекъ не машина. Горячъ онъ у насъ, прямо кипятокъ, а сердцемъ добръ. Ну, а сегодня словно отецъ родной. Даже по плечу меня похлопалъ.

Доѣвши пирогъ и запивъ его квасомъ, о. Аѳанасій поднялся съ мѣста. Онъ помолился на икону и обратился къ женѣ:

— Ну, собирайся! Скажу Михею, чтобы лошадей запрягалъ. Все купила?

— Все. Вотъ только по пути къ Андрееву заѣдемъ.

— Эхъ, мать! Лучше бы все сразу... Ну, да ладно, это по дорогѣ. Сбирайся же!

— А чаю не станешь развѣ пить?

— Какой тамъ чай! Дома напьемся. Вотъ кваску на дорожку еще выпью. Это и лучше: съ горячаго-то простудиться легко, а квасокъ ничего. Надо, попадья, еще къ хозяевамъ зайги. Деньги уплатить да поблагодарить. Хорошіе люди... Слушай-ка, Яковъ,— обратился о. Аѳанасій къ сыну:— ты заходи къ хозяевамъ-то, не дичись. Павелъ-то Ивановичъ говоритъ, что тебя не дозовутся.

— Я захаживаю. Вѣдь я учу мальчика у нихъ.

— Ну, это что. А ты послѣ урока когда останься, не будь медвѣдемъ-то.

— Ужъ больно онъ у насъ смиренъ,— сказала Анна Михайловна.

— Это не худо, попадья,—возразилъ о. Аѳанасій:— смиреніе качество не дурное. Дичиться не надо, извѣстно. Нужно пріучаться, какъ себя держать. Ну, да погоди, попадья, все будетъ въ свое время: онъ у насъ парень съ мозгами.

О. Аѳанасій любовно посмотрѣлъ на сына, который завязывалъ мѣшокъ.

Черезъ полчаса лошади стояли у крыльца. Дюжій работникъ Михей возсѣдалъ на козлахъ. Сытые кони выражали нетерпѣніе и рвались впередъ. Михей едва сдерживалъ ихъ.

— Ну, Яковъ, прощай!—сказалъ о. Аѳанасій, обращаясь къ сыну:— хозяевамъ, что слѣдуетъ, уплачено... Теперь говори: надо тебѣ денегъ?

За сына послѣшила отвѣтить Анна Михайловна:

— Чего и спрашивать-то, отецъ: какъ же онъ безъ копейки останется, словно сынъ просвирни!

— Баловаться тоже нечего, попадья! На что ему особенно?

О. Аѳанасій досталъ кошелекъ изъ кармана подрясника и вручилъ сыну пятирублевку:

— Вотъ тебѣ, Яковъ... За глаза будетъ,—сказалъ онъ.

— Да прибавь еще... Сыну жалѣешь, а на чужихъ сегодня, поди, сколько посѣялъ,—снова промолвила жена.

— И не хочешь, да сѣешь... И не даль бы, да требуютъ. Щедра ты больно у меня, какъ я погляжу. Ну, ну, будь по-твоему: бери, Яковъ, еще трешницу! Теперь ты совсѣмъ Крезъ! Пусть не говорятъ, что сынъ благочиннаго безъ гроша сидитъ. А только зря не трать. До окончанія больше ни алтына не дамъ.

Молодой человѣкъ поцѣловалъ у отца руку.

— Ну, храни тебя Христось!

О. Аванасій благословилъ сына и расцѣловался съ нимъ.

Анна Михайловна заплакала.

— Чего ты, попадья!—воскликнулъ мужъ: —никакъ старое вспомнила, когда впервой Якова въ училище отправляла... Охоча же ты до слезъ!

— Какъ же... начала Анна Михайловна.

— Присядемъ-калучше да помолимся на дорожку,—перебилъ мужъ.

Всѣ трое присѣли, потомъ встали и молча помолились на образъ.

— Ну, Яковъ, такъ я ужъ въ надеждѣ на тебя,—проговорилъ о. Аванасій, обращаясь къ сыну:—не осрами себя и насъ, кончай перворазряднымъ. Я хоть не охотникъ до академиковъ, а если тамъ... ну, что дѣлать... а то и безъ академіи хорошо. Подвернется мѣсто настоящее—братъ надо. При мнѣ устроишься—лучше. Теперь главное—кончай, веди себя такъ же хорошо, какъ и раньше. Видишь, какъ ректоръ: «краса богословскаго класса», говоритъ. Это надо цѣнить и поддержать такую репутацію. Ну, прощай!

Онъ обнялъ сына и снова поцѣловалъ его.

— Прощай, Яшенька, прощай, голубчикъ!—со слезами промолвила Анна Михайловна. —Храни тебя Царица Небесная! Молись, Яша, не забывай моихъ словъ.

Она долго цѣловала сына.

Въ переднюю вышли хозяева. Крестовоздвиженскіе и съ ними расцѣловались.

— Ужъ вы, пожалуйста, Марья Ивановна, не оставьте вашимъ вниманіемъ,—сказала попадья, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Ну, полно, мать! Не мальчикъ вѣдь теперь, чай, не обидятъ,—ухмыляясь замѣтилъ о. Аванасій.—Всего вамъ хорошаго,—дабавилъ онъ, кланяясь хозяевамъ.

— Счастливаго пути!

Уже сидя въ тарантасѣ, Анна Михайловна наклонилась и поцѣловала сына въ лобъ.

— Ну, пора, пора, попадья, довольно! Трогай, Михей! — крикнулъ о. Аванасій.

Тарантасъ, стуча тяжелыми колесами, съѣхалъ со двора. Молодой чоловѣкъ вышелъ за ворота. Анна Михайловна нѣсколько разъ оглядывалась и отвѣчала на поклоны сына, который стоялъ до тѣхъ поръ, пока тарантасъ не скрылся изъ вида.

II.

Яковъ Крестовоздвиженскій шелъ по наукамъ въ числѣ первыхъ и считался однимъ изъ самыхъ скромныхъ и благонаправныхъ семинаристовъ. Это было сказано немножко сильно — «краса богословскаго класса», но ректоръ любилъ скромныхъ вообще и особенно бла-

говорила къ Крестовоздвиженскому. Неофитъ Псалмопѣвцевъ, пріятель и землякъ Крестовоздвиженскаго, звалъ его «красной дѣвушкой». Молодой человѣкъ дѣйствительно былъ очень застѣнчивъ, но ректоръ, находившій въ немъ «задатки къ монашеству», глубоко ошибался. Крестовоздвиженскій любилъ жизнь съ ея радостями и часто мечталъ о семейномъ счастьи. Онъ былъ влюбчивъ, но застѣнчивъ, и это вредило ему. Онъ по нѣскольку разъ перечитывалъ тѣ романы, въ которыхъ описывалась «хорошая любовь», какъ онъ самъ выражался. Большую часть денегъ, получаемыхъ отъ родителей, Крестовоздвиженскій тратилъ на театръ. Онъ былъ не прочь потанцовать и русскую плясалъ такъ хорошо, что заслуживалъ общее одобреніе, хотя ему и здѣсь мѣшала его застѣнчивость.

— Ты пляшешь чудесно, Яковъ,— говорилъ Псалмопѣвцевъ,— только размаха нѣтъ у тебя настоящаго, а все потому, что ты робѣешь.

Но когда Крестовоздвиженскому приходилось плясать русскую въ товарищеской компаніи, гдѣ роль дамы исполнялъ тоже семинаристъ, онъ набирался храбрости и приводилъ въ восторгъ Псалмопѣвцева.

— Ну, вотъ, это такъ,— говорилъ пріятель:— это совсѣмъ по настоящему. Эхъ, Яковъ, да ты любишь и поплясать!

— А ты не любишь?—съ улыбкой спрашивалъ Крестовоздвиженскій.

— Что я!—отвѣчалъ Псалмопѣвцевъ:—я въ свѣтскіе выйду, а тебѣ скоро крышка: будешь попомъ, всякій плясать по боку!

Крестовоздвиженскій росъ и учился съ мыслию, чтобы стать попомъ. Это ему казалось такимъ непреложнымъ закономъ, который невозможно и нарушить. Вѣдь и всѣ съ этой цѣлью учатся, только очень немногіе поступаютъ на свѣтскую службу. Но это исключеніе, что о немъ и думать. О. Аѳанасій и Анна Михайловна постоянно твердили сыну: «Вотъ когда будешь попомъ», или: «вѣдь попомъ быть тебѣ придется»... и т. д. Выйти въ «свѣтское званіе» родители не позволяютъ. Да и зачѣмъ? Развѣ въ попахъ хуже? Нельзя только будетъ танцовать и ходить въ театръ... Конечно, это большое лишеніе. Но что же дѣлать, если это такой же непреложный законъ, какъ и законъ смерти? Надо умереть, надо итти въ попы. Не ему одному придется отказаться отъ разныхъ развлеченій. Вотъ и надо теперь наверстывать. Въ первыхъ классахъ семинаріи его мало смущало то, что будетъ еще «потомъ»; однако чѣмъ дальше, тѣмъ все чаще и чаще у него стали являться невольный вопросъ: итти ли въ попы? Этотъ вопросъ казался ему празднымъ, но все-таки беспокоилъ. Какъ бы покоряясь судьбѣ, молодой человѣкъ старался отогнать отъ себя тревожныя мысли и не думать о невозможномъ. Онъ успокоивалъ себя тѣмъ, что

еще не теперь рѣшать, «а тамъ будетъ видно»; онъ продолжалъ плясать и посѣщать театръ. Но это «потомъ» становилось все ближе и ближе. За послѣднее время вопросъ началъ сильнѣе тревожить благонаправнаго семинариста. А Псалмопѣвцевъ и другіе товарищи такого же направленія невольно продолжали вліять на него. Случайно онъ какъ-то прочелъ романъ, въ которомъ герой-семинаристъ противъ воли родителей уѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ университетъ. Нѣсколько дней молодой человѣкъ ходилъ самъ не свой. «Въ университетъ!»— это другое дѣло, тутъ карьера хорошая. Ему было и страшно, и въ то же время приятно думать объ этомъ. Онъ намеками, робко подѣлился своими думами съ Псалмопѣвцевымъ.

Тотъ засмѣялся и промолвилъ:

— Конечно, важно, да тебя не пустятъ... Быть тебѣ попомъ! Что же, только плясать нельзя будетъ... ну, да ничего, привыкнешь!

Пріятель иронизировалъ.

— У меня призванія нѣтъ къ священству,—въ первый разъ признался Крестовоздвиженскій.

Псалмопѣвцевъ сдѣлалъ широкіе глаза.

— Вотъ тебѣ на!—воскликнулъ онъ:—давно ли ты сіе позналъ?

— Да вотъ...

— Ты же все время готовился въ попы! И не думалъ никогда такъ!

— Нѣтъ, думалъ, да вотъ отецъ...

— Да, онъ едва ли позволитъ! Послушай, Яковъ, да ты не шутишь?

— Нѣтъ! Все думалъ, что это такъ только... а теперь убѣдился, что не гожусь въ попы.

— Друже, да вѣдь ты воскресаешь! Исполать, земляче! Орудуй!

— А ты?

— Я, братъ, въ медицинскую академію. Это рѣшено!

Но у Крестовоздвиженскаго еще не было рѣшено. Его признаніе было скорѣе порывомъ, возникшимъ подъ вліяніемъ прочитаннаго романа. Чѣмъ больше Крестовоздвиженскій размышлялъ, тѣмъ яснѣе видѣлъ, что его мечты неосуществимы. Онъ затосковалъ. Затѣмъ мало-по-малу онъ опять началъ свykаться съ мыслью «о непреложности закона» и сталъ избѣгать Псалмопѣвцева, словно боялся, что пріятель догадается о томъ, въ чемъ ему не хотѣлось признаться и самому себѣ. Приѣхавъ на Пасху, онъ не посмѣлъ даже намекнуть отцу объ университетѣ. Онъ не открылся и матери, но не переставалъ лелѣять въ мечтахъ то, что ему казалось невозможнымъ въ жизни. Вотъ почему на намекъ Анны Михайловны о священническомъ мѣстѣ и духовной академіи онъ недовольно замѣтилъ: «Что гадать, маменька!».

Проводивъ родителей, Крестовоздвиженскій вернулся къ себѣ въ комнату съ намѣреніемъ почитать лекціи по богословію, но хозинъ помѣшалъ занятіямъ.

— Яковъ Аоанасьевичъ, вы что дѣлаете?—крикнулъ онъ, подходя къ комнатѣ постояльца.

— Собираюсь читать лекціи, — отвѣтилъ Крестовоздвиженскій.

— Успѣете еще, идите къ намъ пить чай.

Павель Ивановичъ Пушковъ, чиновникъ губернскаго правленія, получилъ образованіе такъ же въ семинаріи, но только не кончилъ полнаго курса. Выйдя изъ богословскаго класса, онъ, благодаря протекціи дяди, поступилъ въ губернское правленіе и скоро добился мѣста помощника столоначальника. Теперь онъ былъ столоначальникомъ и считался дѣльцомъ. Онъ любилъ вспоминать семинарскіе годы и рассказывать анекдоты изъ бурсацкой жизни. Онъ ихъ рассказывалъ прекрасно и вызывалъ у слушателей искренній смѣхъ. Онъ любилъ такъ же щегольнуть знаніемъ и начиналъ иногда диспутъ съ постояльцемъ. Крестовоздвиженскій изъ скромности нерѣдко уступалъ ему. Пушковъ, не догадывавшійся объ этомъ, оставался доволенъ своей побѣдой и произносилъ съ гордостью, обращаясь къ женѣ:

— Смотри-ка, Марья Ивановна, лучший ученикъ богословскаго класса и тотъ побѣжденъ. Вотъ какой у тебя мужъ! Вѣдь когда еще было учено, а не забыто. Да-съ, мы еще за себя стоимъ!

Пушковъ былъ очень расположенъ къ постояльцу: это расположеніе выражалось и въ похвалахъ и разныхъ одолженіяхъ, начиная отъ приглашенія на чай и кончая бесплатнымъ билетомъ въ ложу.

Своимъ гостямъ, которые еще не были знакомы съ Крестовоздвиженскимъ, Пушковъ всегда такъ рекомендовалъ постояльца:

— Позвольте представить вамъ: Яковъ Аоанасьевичъ Крестовоздвиженскій, сынъ Домкинскаго благочиннаго, примѣрный молодой человѣкъ, лучший ученикъ богословскаго класса.

Постоялецъ конфузился отъ такихъ похвалъ, но онѣ были ему пріятны.

Крестовоздвиженскій засталъ хозяевъ за самоваромъ. Павель Ивановичъ сидѣлъ въ драповомъ халатѣ, подаренномъ ему женою въ день именинъ.

Пушковъ не отличался красотою, но имѣлъ видъ настоящаго начальника отдѣленія. Даже большая лысина шла къ нему. Въ молодости Павлу Ивановичу, рано лишившемуся волосъ, эта лысина доставляла немало огорченія. Впослѣдствіи онъ нашелъ, что лысина придаетъ ему «сановитость», и успокоился. Онъ старательно ежедневно мылъ лысину, и она лоснилась у него, какъ хорошо натертый паркетъ.

Жена Пушкива, высокая, полная брюнетка, вполне справедливо гордилась своими чудными волосами, которые щадило время. Несмотря на бальзаковский возрастъ, у Марьи Ивановны въ ея косѣ, доходившей до колѣнъ, не было еще ни одного сѣдого волоса. Черная, съ легкимъ синимъ отливомъ, какъ вороново крыло, коса Пушкивой приводила мужчинъ въ восторгъ, а у женщинъ порождала зависть. Марью Ивановну нельзя было назвать дурнушкой, но ея полное лицо отличалось дряблостью, а глаза, слишкомъ выпуклые, производили странное впечатлѣніе: казалось, что они вотъ-вотъ сейчасъ выскочатъ изъ орбитъ. Носъ у нея былъ очень красивъ по формѣ, но его портила краснота, которую Марья Ивановна напрасно старалась уничтожить различными средствами. Пушкива была веселаго характера и любила общество, особенно мужское. Къ постояльцу она относилась хорошо, онъ ей даже нравился, но она звала его про себя «размазней», а прямо въ глаза говорила ему: «Яковъ Аванасьевичъ, вы настоящая барышня».

Она такъ говорила, потому что Крестовоздвиженскій имѣлъ несчастную привычку краснѣть и смущаться, особенно, если ему приходилось быть среди женщинъ. Онъ любилъ ихъ общество и въ то же время чувствовалъ въ немъ себя стѣсненнымъ.

— Вы очень самолюбивы, Яковъ Аванасьевичъ, это отъ того,— говорила Пушкива:—самолюбивые люди всегда застѣнчивы.

Она отчасти была права. Молодой семинаристъ боялся уронить себя въ глазахъ дамъ, показаться смѣшнымъ, неинтереснымъ. Ему представлялось, что сюртукъ на немъ сидитъ хуже, чѣмъ на другихъ, и говоритъ онъ не такъ, какъ другіе.

Псалмопѣвцевъ успокоивалъ его:

— Полно, Яковъ, бери примѣръ съ меня! Вотъ еще обращать на бабъ вниманіе! Да чѣмъ съ ними храбрѣе, тѣмъ лучше. Кто ихъ боится, надъ тѣми они и смѣются. Я вотъ надъ ними смѣюсь, и онѣ меня боятся.

Крестовоздвиженскій не могъ слѣдовать примѣру пріятеля. У него не хватало смѣлости. Онъ обыкновенно забирался въ уголокъ и оттуда наблюдалъ за той дѣвушкой, которая ему больше нравилась. Стоило ей въ разговорѣ съ нимъ засмѣяться, переглянуться съ подругой, какъ онъ уже смущался отъ мысли, что она смѣется надъ нимъ. Онъ краснѣлъ, терялся и дѣйствительно иногда попадалъ «на зубокъ» бойкимъ дѣвицамъ.

— Бѣда, земляче,— говорилъ Псалмопѣвцевъ:— до дѣвицъ ты охочь, а обращаться съ ними не умѣешь. Ну, что будетъ, какъ ты всерьезъ полюбишь?.. Погибло твое дѣло!.. Вѣдь предъ той ты совѣмъ растеряешься, это ужъ вѣрно и согласно со всѣми законами психологін такихъ натуръ, какъ твоя. Если храбрые иногда въ этихъ случаяхъ теряются, то что же съ тобой-то будетъ?

Влюбляясь часто, Крестовоздвиженскій еще не любилъ ниразу серьезно. Ему одно время нравилась и Пушкива, но потомъ онъ нашель, что глаза ея портятъ все лицо, и послѣ этого влюбился въ дочь дьякона, которая бывала въ гостяхъ у Пушкивыхъ.

Подавая стаканъ чаю постояльцу, Пушкива замѣтила съ улыбкой:

— А вамъ кланяется Дуня (такъ звали дочь дьякона).

Крестовоздвиженскій вспыхнулъ. Пушкива засмѣялась.

— Готово... зарево!—сказала она.

— А ты не конфузъ его, — произнесъ мужъ: — что у тебя за привычка высмѣивать Якова Аѳанасьевича. Онъ не изъ тѣхъ...

Пушковъ не могъ найти подходящаго выраженія и замаялся.

— Я вовсе не смѣюсь, — проговорила жена: — я просто шучу. Ну, да это пустяки. Вотъ, Яковъ Аѳанасьевичъ, скоро вы забудете и Дуню и всѣхъ дѣвицъ.

— Почему?—спросилъ постоялецъ, мѣшая ложечкой въ стаканѣ.

— Приѣдетъ моя племянница изъ Самары...

— Она вовсе не такая красавица, — перебилъ Павелъ Ивановичъ.

— Красавица не красавица, — возразила жена, — а только всѣ наши здѣшнія барышня передъ ней ничто. Не даромъ ее прозвали дворяночкой. Я увѣрена, что Яковъ Аѳанасьевичъ въ нее влюбится по уши... Бѣдная Дунечка!

— Да, что вы, Марья Ивановна, — расхрабрысь, промолвилъ Крестовоздвиженскій: — я, кажется, ничего не говорилъ насчетъ Авдотьи Максимовны... Это вы все...

— Ладно, ладно! Развѣ я не замѣчала, какъ вы смотрите на нее? А не вы вызвались проводить ее? А? Покраснѣли, небось! Тутъ нѣтъ ничего худого. Вотъ только вамъ не придется дѣлать выбора, когда станете жениться.

— Какъ такъ?

Крестовоздвиженскій даже пересталъ пить чай.

— Конечно, — промолвила Пушкива. — Вѣдь вы на мѣсто выйдете. Хорошо, если владыка дастъ согласіе на выборъ, а если онъ прямо укажетъ дѣвицу, либо придется брать мѣсто съ невѣстой?

Крестовоздвиженскій не сразу отвѣтилъ.

— Это еще... потомъ!—произнесъ онъ свою любимую фразу, которую такъ часто повторялъ про себя.

— Чего тутъ потомъ, — возразила хозяйка: — дѣло не за горами.

— Яковъ Аѳанасьевичъ еще, можетъ быть, въ академію пойдетъ, — сказалъ Пушкивъ. — Да это и въ порядкѣ вещей: такой ученикъ, какъ онъ...

Крестовоздвиженскій вдругъ перебилъ хозяина:

— А если не въ академію?

Пушковъ посмотрѣлъ на молодого человѣка, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ.

— Вѣдь можно и не въ академію,— снова повторилъ жилецъ.

— Куда же?—спросилъ Павелъ Ивановичъ.

— А, напрімѣръ, въ университетъ.

Его слова своей неожиданностью поразили Пушкина и его жену.

— Въ университетъ?—переспросилъ чиновникъ, какъ бы не вѣря своимъ ушамъ.—Да какъ же это такъ?

— Очень просто... Идутъ же люди. Вотъ, напрімѣръ, Псалмопѣвецъ.

— Ну!—воскликнула Марья Ивановна:—этотъ не въ счетъ, да его и некому удержать, а васъ родители не пустятъ.

— Почему же?

Задавая этотъ вопросъ, Крестовоздвиженскій и самъ не вѣрилъ въ родительское позволеніе, но ему словно хотѣлось хотя на словахъ разбить доводы хозяйки и убѣдить ее въ возможности того, во что онъ самъ почти не вѣрилъ.

— Потому что это... это... Ну, конечно, не пустятъ! Вы одинъ сынъ у Аванасья Григорьевича, онъ такъ горячо желаетъ, чтобы вы были священникомъ, и вдругъ въ свѣтское званіе! Нѣтъ, вамъ объ этомъ и думать нечего.

— Да вѣдь онъ шутитъ,—сказалъ мужъ.—Развѣ можно серьезно говорить объ этомъ? Съ какой стати въ университетъ, если прямая дорога въ академію или на хорошее мѣсто? Яковъ Аванасьевичъ не взбалмошный человѣкъ.

Крестовоздвиженскому показалось, что хозяйка его мысль объ университетѣ нашли нелѣпой, даже преступной, и что настаиваніе на ней можетъ уронить его въ ихъ глазахъ. Онъ не соглашался съ хозяевами, но не сталъ защищать своего мнѣнія и промолвилъ:

— Я это такъ, конечно.

— Ну, разумѣется,—подхватилъ Павелъ Ивановичъ:—вамъ ли думать объ университетѣ? Пусть Псалмопѣвецъ туда идетъ, а вамъ духовная дорога. О. Аванасій передавалъ мнѣ слова ректора: «краса богословскаго класса». Ну, какъ же можно вамъ послѣ этого да мечтать объ университетѣ? Вамъ надлежитъ быть красой духовенства.

Крестовоздвиженскій хотѣлъ сказать: «у меня нѣтъ призванія къ священству», но онъ не сказалъ этого, а всталъ, поблагодарилъ за чай и отправился въ свою комнату.

III.

Недѣли полторы спустя, вернувшись изъ семинаріи, Крестовоздвиженскій услышалъ за перегородкой звонкій голосокъ, который могъ принадлежать только очень молодой дѣвушкѣ.

«Кто это?»—невольно подумалъ богословъ. Онъ забылъ совсѣмъ о племянницѣ, про которую говорила ему недавно хозяйка. Встрѣтившись съ нею въ кухнѣ, Крестовоздвиженскій спросилъ:

— У васъ гости, Марья Ивановна?

— Никакихъ гостей.

— А я слышалъ звонкій голосокъ.

— Ахъ, вотъ что! Ишь, сейчасъ услыхалъ,—засмѣявшись, промолвила хозяйка.—Это Соня, моя племянница. Помните, я говорила? Она пріѣхала погостить.

— Значитъ, мой ученикъ будетъ ей братъ?—спросилъ семинаристъ, учившій маленькаго племянника Пушкиновыхъ.

— Да, только двоюродный. Коля отъ брата, а Соня отъ сестры.

Послѣ обѣда Крестовоздвиженскій отправился на хозяйскую половину, чтобы заниматься съ мальчикомъ. Въ этотъ разъ молодой человѣкъ старательно причесался, надѣлъ новую манишку, долго чистилъ сюртукъ и два раза перевязывалъ галстухъ.

Крестовоздвиженскій смѣло отворилъ дверь въ столовую, черезъ которую надо было проходить въ кабинетъ хозяина, но едва сдѣлалъ шага два, какъ почувствовалъ, что храбрость его оставляетъ.

Хозяева пили чай.

Съ «заревомъ на щекахъ», по выраженію Пушкиновой, семинаристъ подошелъ къ столу и въ смущеніи, забывъ всѣ правила приличія, прежде всего поклонился дѣвушкѣ, разливавшей чай. Сознаніе промаха окончательно лишило его самообладанія, и онъ, совсѣмъ растерявшись, неловко поздоровался съ хозяевами.

— Вотъ, Соня, нашъ жилецъ, Яковъ Аванасьевичъ Крестовоздвиженскій,—сказала Марья Ивановна.

— Краса богословскаго класса,—добавилъ Павелъ Ивановичъ.— Угости-ка его чайкомъ.

Дѣвушка привѣтливо поклонилась; ея щечки также слегка зарумянились.

— Вы какой любите чай... крѣпкій?—спросила она, обращаясь къ молодому человѣку, который сѣлъ невдалекѣ отъ нея.

— Не очень,—поспѣшно отвѣтилъ онъ.

— Въ накладку?

— Нѣтъ-съ, лучше такъ, въ прикуску.

Замѣшательство молодого человѣка не ускользнуло отъ вниманія дѣвушки, и она едва замѣтно улыбнулась.

Крестовоздвиженскій поймалъ улыбку Сони, и эта улыбка задѣла его самолюбіе. Желая поправиться и показать себя настоящимъ кавалеромъ, онъ рѣшился заговорить съ дѣвушкой.

Онъ пододвинулъ къ себѣ стаканъ и промолвилъ:

— А я пришелъ это изъ класса и слышу серебристый голосокъ... Кто бы это?—задаю себѣ вопросъ... А вотъ кто...

Онъ сказалъ и сейчасъ же подумалъ: «и глупо же сказано!»

Пушкова съ удивленіемъ посмотрѣла на жильца. Ее удивила его храбрость.

— Это вотъ и есть моя племянница, о которой я вамъ говорила, помните?—произнесла Марья Ивановна.

Онъ ничего не отвѣтилъ. Вся его смѣлость какъ бы исчезла. Ему хотѣлось еще что нибудь сказать, но слова какъ-то не сходили съ языка. Допивъ стаканъ, онъ не рѣшился обратиться къ дѣвушкѣ съ просьбой налить еще, а Соня не замѣтила, что онъ уже выпилъ чай.

Крестовоздвиженскій не хотѣлъ уходить, да у него и не хватало отважности подняться. Онъ сидѣлъ и молчалъ.

— Не желаете ли еще чая?—предложила хозяйка.—Соня!—обратилась она къ племянницѣ:—что же ты не нальешь чая Якову Аѳанасьевичу?

— Простите, тетя, я и не замѣтила, что они откушали. Что же вы не сказали мнѣ?—прибавила она, взглядывая на молодого человѣка.

— Онъ у насъ такой конфузливый,—промолвила Пушкина.

— Въ монахи собирается,—пошутилъ мужъ.

Крестовоздвиженскій вспыхнулъ.

— Вотъ уже вовсе не правда!—воскликнулъ онъ:—и не думаю собираться въ монахи. Откуда вы это взяли, Павелъ Ивановичъ?

— Позвольте вашъ стаканъ,—сказала дѣвушка, протягивая маленькую, пухлую ручку.

Крестовоздвиженскій привсталъ, подавая стаканъ.

— Опять безъ сахара?—спросила Соня.

— Безъ сахара-съ!

Крестовоздвиженскій уже давно разсматривалъ дѣвушку. Она была жгучая брюнетка, лѣтъ семнадцати, съ живыми, умными карими глазами. На дѣвушкѣ было надѣто простенькое свѣтлое платье изъ легкой матеріи. Недурно сшитое, оно ловко обхватывало стройный станъ Сони. Она была очень изящна, ея движенія граціозны. Такой дѣвушки семинаристу еще не приходилось встрѣчать въ своемъ кругу. Когда она брала стаканъ, онъ замѣтилъ тонкіе длинные пальчики, словно выточенные изъ мрамора. Соня казалась олицетвореніемъ молодости, свѣжести и здоровья.

Молодого человѣка начала опьянять близость дѣвушки; онъ почувствовалъ, принимая отъ нея второй стаканъ, что кровь ударила ему въ голову и горячей волной прилила къ лицу. Ему захотѣлось сказать Сонѣ что нибудь «очень хорошее, пріятное», но онъ не могъ никакъ придумать подходящаго комплимента. Все, что приходило на умъ, ему казалось глупымъ и не отвѣчало его желаніямъ.

Онъ допилъ второй стаканъ и поблагодарилъ Соню.

— Вамъ еще?

— Нѣтъ-съ, довольно.

— Можетъ быть, я не умѣла налить вамъ чая? Вы не такой любите?

Въ словахъ дѣвушки слышалось кокетство.

— Помилуйте, чай прекрасный! Я еще...

— Что еще?—спросила дѣвушка, и улыбка задрожала на ея полныхъ пунцовыхъ губахъ.

Крестовоздвиженскій не рѣшился докончить фразу. Онъ сдѣлалъ видъ, что не слышалъ вопроса дѣвушки, и произнесъ, обращаясь къ хозяину:

— Гдѣ же Коля?

— Онъ ушелъ по моему порученію и сейчасъ вернется,—отвѣтила за мужа Марья Ивановна.

— Такъ... я пойду къ себѣ пока,—промолвилъ постоялецъ.

— Куда же вы?—остановила его хозяйка.—Посидите! Неужели опять за лекціи? Я думаю, что моя Соня гораздо интереснѣе лекцій.

— Мнѣ было бы очень пріятно остаться,—сказалъ молодой человѣкъ,—но надо, право, надо.

Онъ всталъ, сдѣлалъ общій поклонъ и, словно спасаясь отъ кого-то, поспѣшно вышелъ изъ столовой. Ему очень хотѣлось остаться, никакого спѣшнаго дѣла у него не было, и все-таки онъ ушелъ. Онъ самъ не понималъ, почему онъ сдѣлалъ такъ.

Вернувшись въ свою комнату, Крестовоздвиженскій досталъ изъ стола лекціи, но сейчасъ же оставилъ ихъ, и раскрылъ романъ, взятый въ библіотекѣ. Но онъ не могъ читать. Онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ крупными шагами.

Передъ его глазами стояла Соня, стройная, изящная, съ лукавыми глазами, съ пухлыми бѣлыми ручками. Въ ушахъ молодого человѣка продолжалъ звучать голосокъ дѣвушки.

Крестовоздвиженскій былъ не доволенъ собою. «Этакимъ оболтусомъ держался я сегодня,—размышлялъ онъ, шагая по комнатѣ:—развѣ такъ надо было? Развѣ такъ держатся другіе?»

Онъ вспомнилъ прочитанные романы, ихъ героев...

«Да, надо будетъ иначе»,—проговорилъ онъ громко, съ сердечнымъ біеніемъ прислушиваясь къ серебристому голоску, который звенѣлъ за перегородкой.

IV.

Стояли чудные весенніе дни. Было еще только начало мая, а словно уже настало лѣто.

Крестовоздвиженскій сидѣлъ въ своей комнатѣ у открытаго окна и перечитывалъ чуть ли не въ десятый разъ стихотвореніе Некрасова «Застѣнчивость».

Ахъ, ты, страсть роковая, бесплодная,
Отвяжись, не туманъ головы!
Осмѣть насъ красавица модная,
Вкругъ нея увиваются львы:

Поступь гордая, голосъ увѣренный,
 Что ни скажутъ—ихъ рѣчь хороша,
 А вотъ я-то войду, какъ потерянный,
 И ударится въ пятки душа.

На ногахъ словно гири желѣзныя,
 Какъ свинцомъ налита голова,
 Странно руки торчатъ бесполезныя,
 На губахъ замираютъ слова.

Улыбнусь—непроворная, жесткая,
 Не въ улыбку улыбка моя,
 Пошутить захочу—шутка плоская:
 Покраснѣю мучительно я.

Пожѣнусь, молчаливо досадуя,
 Въ дальній уголь... уныло смотрю
 И сижу неподвиженъ, какъ статуя,
 И судьбу потихоньку корю:

«Для чего де меня, горемычнаго,
 Дуракомъ ты на свѣтъ создала?
 Ни умишка, ни вида приличнаго,
 Ни довольства собой не дала?..»

Ахъ! судьба-ль меня полно обидѣла?
 Отчего жъ, какъ домой ворочусь
 (Удивилась бы, если-бъ увидѣла),
 И умень и пригожъ становлюсь?

. . . . .

«Какъ это вѣрно, какъ это вѣрно!—съ тоской и досадой повторять про себя молодой человѣкъ.—Именно такъ! Прекрасно сказано у Некрасова. Тамъ, съ ней, я совсѣмъ не тотъ, что здѣсь у себя въ комнатѣ. Вѣдь не дуракъ же я? Сочиненія пишу такія, что профессора хвалятъ, и вдругъ съ дѣвушкой, которая и гимназій, можетъ быть, не кончила, я слова сказать не умѣю. И ни передъ кѣмъ такъ раньше не робѣлъ. Правъ Неофитъ. Но развѣ я уже люблю Соню?»

Онъ не успѣлъ отвѣтить на свой мысленный вопросъ, какъ дверь отворилась, и въ комнату вошелъ Псалмопѣвецъ.

— Здорово, будущій протопопъ!—громко промолвилъ онъ.—Что дѣлаешь? Зубришь?

Онъ подошелъ къ товарищу, пожалъ ему руку и заглянулъ въ раскрытую книгу.

— «Застѣнчивость»!—прочелъ онъ вслухъ.—Что, братъ, провѣряешь свою психологію, что ли? Вѣрно изображено у поэта. И не только относительно тебя, а и всѣхъ насъ.

— Но не тебя,—замѣтилъ Крестовоздвиженскій.

— А почему?—спросилъ Псалмопѣвецъ, опускаясь на стулъ и доставая изъ кармана папирасы.

— Ты—бойкій.

— Съ кѣмъ? Съ нашими-то дѣвицами? Развѣ я былъ въ настоящемъ свѣтѣ? Съ тѣми барышнями, около которыхъ львы увиваются? Тамъ и я навѣрно спасую. Видишь...

Псалмопѣвецъ взялъ книгу съ окна и прочелъ:

«Поступь гордая, голосъ умѣренный,
«Что ни скажутъ—ихъ рѣчь хороша»...

— Вотъ, братъ,—произнесъ онъ, кладя книгу обратно на подоконникъ:—а мы что? Развязны, только и всего, какъ писаря. А на самомъ дѣлѣ—что мы?

— Вѣрно, вѣрно,—согласился Крестовоздвиженскій.

— Конечно, вѣрно, — подтвердилъ Псалмопѣвецъ, закуривая папираску.

— Да отчего же, Неофитъ? Не глупцы же мы всѣ?

— Отчего? — произнесъ гость, пуская струйку дыма: — всему виной семинарщина. Образованія настоящаго нѣтъ... Это отцы наши воображаютъ только, что мы ученые, а мы просто дикари. На герминевтикѣ сидимъ, свѣта не видимъ. Обидно слышать, какъ говорятъ: «точно семинаристъ». А развѣ не правда? На всѣхъ насъ особый отпечатокъ.

— А вѣдь выходили же замѣчательные люди изъ семинаріи,—сказалъ Крестовоздвиженскій.

— Кто?

— Мало ли ихъ!

— Скажешь опять: Сперанскій?

— Не только онъ одинъ: десятки, сотни.

— Бери больше!—засмѣявшись, промолвилъ Псалмопѣвецъ.— Эхъ, Яковъ Аванасевичъ, хорошо ты считаешь, да плохо смекаешь! Во-первыхъ, на счетъ свѣтскости мы не знаемъ, какіе они были; можетъ статься, тоже походили на героевъ Некрасовскаго стихотворенія. А если относительно просвѣщенія, такъ развѣ семинарія сдѣлала ихъ людьми? Университетъ, вотъ кто образовалъ ихъ. Тамъ свѣтъ и истинное знаніе; тамъ—лабораторія мысли... Хорошо сказано?

— Хорошо, а кто это сказалъ?

— Умный человекъ. Ты вотъ все стихи да романы читаешь, а книгъ настоящихъ не любишь. Бокля читалъ?

— Нѣтъ.

— Дарвина читалъ?

— Тоже нѣтъ.

— Да слыхалъ ли про нихъ?

— Ну, вотъ еще, конечно, знаю.

— Этого, братъ, мало, если хочешь въ университетъ. Слушай, Яшка, поповская душа: вытряхай скорѣе всю схластикку и прочую ерунду изъ головы и выходи на широкую дорогу. А то надѣнуть на тебя рясу, и пиши пропало.

Крестовоздвиженскій соглашался въ душѣ съ пріятелемъ. Но онъ попробовалъ все-таки замѣтить:

— Ты ужъ очень сильно: пиши пропало!

— А развѣ нѣтъ?—воскликнулъ Псалмопѣвецъ.— Хочешь защищать эту тухлятину?

— Не хочу, а все-таки какъ же! Ну, напримѣръ, витіи знаменитые, замѣчательные церковные дѣятели, ты что про нихъ скажешь?

— То, братъ, изъ другой глины люди. И время другое, а главное духъ не тотъ. Ты еще, пожалуй, подойдешь, а ужъ я никоимъ образомъ. Пусть тамъ...

Псалмопѣвецъ вдругъ оборвалъ свою рѣчь и воскликнулъ:

— Ба, ба, ба! Это что за фея такая? скажи, пожалуйста!

— Гдѣ?—спросилъ Крестовоздвиженскій, и сердце его невольно забилось сильнѣе.

— Да вонъ тамъ, въ саду.

Псалмопѣвецъ указалъ рукою въ окно.

Въ саду цуляла Соня. Крестовоздвиженскій покраснѣлъ.

— Да чего ты пунцовѣешь, семинарскій Цицеронъ?— улыбаясь, проговорилъ Псалмопѣвецъ.— Эй, Яшенька, не оттого ли ты и за стихи принялся? Ай, да скромникъ! ай, да будущій протопопъ! Втюрился! Говори, кто?

— Племянница хозяйки.

— Что же раньше-то ея не было видно?

— Въ гости пріѣхала.

— Откуда?

— Изъ Самары.

— Вонъ откуда! Кажется, не дурненькая, канашка! Вѣрно говорю, Яковъ Аванасьевичъ?

— Не знаю,—въ смущеніи отвѣтилъ Крестовоздвиженскій.

— Какъ не знаешь? Да гдѣ же у тебя глаза? Вѣдь встрѣчаетесь?

— Да.

— Какъ же ты не разглядѣлъ? Такой влюбчивый, и не разглядѣлъ. Или, приближаясь къ посту великаго служенія въ санѣ іерея, проникся наставленіями отцовъ благочестивыхъ и рѣшилъ побѣдить свою грѣховную склонность?

Псалмопѣвецъ иронизировалъ.

— Врете, ваше преподобіе,—продолжалъ онъ, какъ бы наслаждаясь смущеніемъ товарища:—не повѣрю я вашему смиренству. Проникаю въ тайники вашего сердца и читаю, какъ по писанному. Яковъ!—вдругъ произнесъ Псалмопѣвецъ, стараясь быть серьезнымъ:—вотъ тебѣ случай: сближайся съ сей феей и учись галант-

ному обращенію. Практика важнѣе всего. Дѣвица, кажется, хорошенькая, ну, а львы-то около нея, вѣроятно, не возвращаются. Да и что тебѣ робѣть: рожа у тебя смазливая, барышнямъ нравится... Не будь такой трусъ, сколько бы побѣдъ ты одержалъ.

— Полно тебѣ,—остановилъ Крестовоздвиженскій пріятеля.

— Что полно! А зачѣмъ запираешься?

— Не думаю. Въ чемъ мнѣ заператься?

— Ой, попове!

Псалмопѣвецъ выглянулъ въ окно. Соня приближалась къ дому.

— Я запою сейчасъ,—шепотомъ промолвилъ Псалмопѣвецъ и затынулъ въ полголоса:

«Полюби меня, красавица-дѣвица!»...

— Ради Бога, перестань!—испуганно воскликнулъ Крестовоздвиженскій и схватилъ пріятеля за руку.

Псалмопѣвецъ захоталъ.

— Какъ перепугался-то! Шабашъ, втюрился!

Крестовоздвиженскій быстро отошелъ отъ окна.

— Ну, вотъ и дуракъ!—сказалъ пріятель.—Зачѣмъ ушелъ? Я бы на твоёмъ мѣстѣ раскланялся и сейчасъ комплиментъ барышнямъ. Экая семинарская неотесанность! Ну, чортъ съ тобою! Пойду къ себѣ. Какъ никакъ, а надо заняться. Началъ писать сочиненіе?

— Немножко написалъ.

— А я и не принимался. Тема здоровая: «Истина бытія Божія есть коренное условіе достовѣрности всѣхъ нашихъ познаній». Надо будетъ обмозговать. Потѣшу напоследѣяхъ преподобныхъ отцовъ. Такіе тексты подберу, что любо, дорого. Они вѣдь думаютъ, спасенныя души, что я тоже надѣну рясу... Мерси, благодаримъ! И удивлю я ихъ!

— Они не знаютъ, что ты пойдешь въ медики?

— Знаютъ, да не вѣрятъ, а я ихъ увѣрю. Досвиданія, земляче!

Псалмопѣвецъ крѣпко пожалъ руку пріятелю и насвистывая вышелъ изъ комнаты.

V.

Соня произвела на молодого богослова сильное впечатлѣніе. Онъ чувствовалъ, что это не такое увлеченіе, какъ всѣ прежнія. Красивыя дѣвушки нравились Крестовоздвиженскому, но онѣ не заполняли собой всѣхъ его мыслей, тогда какъ Соня всецѣло овладѣла его думами и наполнила собой весь его душевный міръ. Все тускнѣло передъ нею и отодвигалось на второй планъ. Дуня была забыта. Для Крестовоздвиженскаго перестали существовать всѣ

другія дѣвицы. Его не интересовали лекціи, книги. И дома, и въ семинаріи онъ только и думалъ о Сонѣ. Онъ возвелъ Соню въ идеаль, наградилъ ее всевозможными нравственными и умственными совершенствами. Все, что бы она ни говорила, ему казалось умнымъ и прекраснымъ. Такое скорое и сильное очарованіе объяснялось не одною влюбчивостью Якова Аванасьевича. Оно было естественно. Соня для него явилась первой дѣвушкой, которая была такъ изящна и такъ свѣтски воспитана,—конечно, для него, видѣвшаго дѣвицъ только извѣстнаго круга. И эта изящная, красивая дѣвушка встрѣчалась съ нимъ не изрѣдка, какъ другія, а ежедневно, иногда два-три раза въ день; происходило невольное сближеніе въ такую пору жизни, когда достаточно одного взгляда, чтобы искру превратить въ пожаръ. Не удивительно, что частые встрѣчи и разговоры, хотя и короткіе, малозначительные, пробудили въ сердцѣ семинариста то нѣжное чувство, которое и соловью диктуетъ страстныя пѣсни. Соня начала держаться съ Крестовоздвиженскимъ проще, и онъ сталъ нѣсколько меньше стѣсняться ея. Весна расцвѣтала, согрѣвала своимъ дыханіемъ воздухъ и способствовала расцвѣту любви въ сердцѣ молодого человѣка. Да, именно любви, потому что Крестовоздвиженскій горячо полюбилъ дѣвушку.

Ежедневно, около пяти часовъ, онъ давалъ уроки Колѣ. Уже задолго передъ тѣмъ, какъ надо было итти къ хозяйкамъ, семинариста охватывала нервная дрожь. Въ сильномъ волненіи онъ отворялъ дверь въ столовую, гдѣ въ это время хозяйка всегда пила чай. Крестовоздвиженскаго приглашали выпить стаканчикъ. Молодой человѣкъ не отказывался (онъ нарочно и шелъ, чтобы получить приглашеніе и побыть около Сони) и садился невдалекѣ отъ дѣвушки, которая обыкновенно разливала чай. Яковъ Аванасьевичъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы скрыть свое душевное волненіе и казаться спокойнымъ. Это ему почти не удавалось. Онъ пытался острить, но веселость выходила натянутой, а шутки мало остроумными. Онъ внутренно удивлялся себѣ: почему такъ неестественна его веселость (онъ это невольно чувствовалъ), когда ему дѣйствительно весело съ Соней. Онъ не могъ понять, что въ глубинѣ его души гнѣздилась грусть, соединенная со страхомъ, и это было причиной неразгаданнаго имъ явленія. Каждая улыбка Сони смущала его. «Какъ она относится ко мнѣ?» Этотъ вопросъ не выходилъ изъ ума Крестовоздвиженскаго. Дѣвушка держалась просто, и въ ея отношеніяхъ проглядывала даже теплота. Но молодой человѣкъ боялся довѣриться всему этому, и жгучая боль нерѣдко сжимала его сердце, бившееся любовью къ Сонѣ. Крестовоздвиженскому иногда казалось, что дѣвушка ему симпатизируетъ, и тогда его вдругъ охватывала безумная радость. Онъ смѣялся, шутилъ (и въ эти минуты шутилъ очень удачно), дѣлался развязнѣе. Но вотъ опять тяжелое сомнѣніе пускало свое жало въ его сердце,

и онъ дѣлался грустнымъ, робкимъ, терялся въ разговорахъ съ Соней и переживалъ тѣ минуты, въ которыя его любящее сердце готово было разорваться отъ муки. Онъ бранилъ себя, семинарское воспитаніе и завидовалъ тѣмъ, кого считалъ умнѣе и ловчѣе себя. Но стоило Сонѣ привѣтливо улыбнуться, сказать ласковое слово, и Крестовоздвиженскій оживалъ, въ его душѣ расцвѣтала весна, что сейчасъ же отражалось на его лицѣ, глазахъ и улыбкѣ... Хозяйка замѣчала все это и посмѣивалась про себя, глядя на постояльца. Она не придавала серьезнаго значенія его чувству и думала: «пусть увлекается, когда же и увлекаться, какъ не теперь! Особенно ему: будетъ попомъ, тогда ужъ не до увлеченій».

Марья Ивановна не догадывалась, что Крестовоздвиженскій обдумывалъ серьезный планъ жизни, что въ этомъ планѣ играла главную роль Соня, отъ которой если онъ и скрывалъ свои предположенія, то только потому, что не былъ увѣренъ въ отвѣтъ. Онъ боялся признаться въ своемъ чувствѣ дѣвушкѣ, но ему хотѣлось какъ нибудь намекнуть ей о томъ, что она ему очень нравится.

Случай помогъ робкому и нерѣшительному семинаристу.

Былъ уже конецъ мая. Стояло утро. Солнце, поднявшись довольно высоко, пріятно грѣло, но не лекло. На ясномъ небѣ не виднѣлось ни одного облачка. Золотые кресты Сонскихъ церквей горѣли яркими звѣздочками. Воздухъ былъ напоенъ тонкимъ ароматомъ. Расцвѣтшія черемухи и яблони бѣлѣли, словно осыпанныя снѣгомъ. Налетавшій изрѣдка вѣтерокъ слегка покачивалъ ихъ вѣтки; качаясь, онъ бросалъ на траву и дорожки прихотливыя свѣтлыя сѣтки. Веселое щебетаніе птичекъ, крикъ пѣтуховъ, карканье воронъ и отдаленный гулъ проснувшейся городской жизни— всѣ эти разнородные звуки производили какую-то странную, но въ высшей степени своеобразную музыку, волнованную душу.

Въ комнатѣ было душно. Крестовоздвиженскій вышелъ въ садъ, захвативъ съ собою лекціи. Но ему совѣмъ не читалось. Свернувъ тетрадку, онъ ходилъ по саду, мечтая. Совершенно машинально, онъ подошелъ къ бесѣдкѣ, скрывавшейся въ зелени старыхъ развѣсистыхъ березъ, опустился на скамейку и прислонился къ тонкой стѣнѣ бесѣдки. Козырекъ съѣхавшей фуражки почти совѣмъ закрывалъ ему глаза. Легкій казинетовый сюртукъ былъ разстегнутъ. Крестовоздвиженскій слышалъ, какъ какая-то птичка чиликала, сидя на крышѣ бесѣдки. Онъ забылся, унесся на крыльяхъ сладкой мечты, и не слышалъ, какъ подошла Соня. Она не знала, что въ бесѣдкѣ сидѣлъ жилецъ. Уже войдя въ бесѣдку, она замѣтила Крестовоздвиженскаго. Зардѣвшись, она воскликнула: «ахъ, вы здѣсь!» и, словно испугавшись, отступила назадъ.

Крестовоздвиженскій пришелъ въ себя. Онъ быстро вскочилъ, поправилъ фуражку и застегнулъ сюртукъ.

— Извините, я помѣшала вамъ,—сказала Соня.

— Нѣтъ, нѣтъ, Софья Львовна! Что вы! Входите, я уйду сейчасъ!—промолвилъ семинаристъ.

— Зачѣмъ же?—сказала она съ улыбкой.—Сидите, мечтайте! О чемъ вы это мечтали?

— Я... хотѣлъ читать лекціи...—смущенно проговорилъ молодой человѣкъ.—А вы гуляете?

— Да, передъ завтракомъ.

Съ этими словами Соня вышла изъ бесѣдки. Крестовоздвиженскій послѣдовалъ за дѣвушкой.

Она была въ ситцевомъ розовомъ платьѣ съ воротникомъ, немного открытымъ. На шеѣ молочной бѣлизны едва замѣтной полоской чернѣлъ шнурокъ отъ креста. Прюнелевые башмаки кокетливо обрисовывали маленькія ножки. Густыя пряди волосъ едва держались въ сѣткѣ. Эта небрежность костюма дѣлала дѣвушку еще болѣе привлекательной.

Крестовоздвиженскій шелъ рядомъ съ Соней, и сладкая истома наполняла его сердце. Мысли и желанія смѣнялись съ быстротою молніи. «А вотъ взять и поцѣловать ее!—подумалъ Крестовоздвиженскій, весь трепеща.—Поцѣловать и сказать: я люблю тебя, Соня, милая Сонечка!»

Онъ чуть не произнесъ вслухъ послѣднихъ словъ и невольно покраснѣлъ при этомъ.

— Какое чудное утро!—промолвила дѣвушка.

— Прелестное!—подхватилъ семинаристъ.—Все цвѣтетъ! Въ саду—восхищеніе!..

— Да,—согласилась Соня.—Весна—пора мечтаній.

— А вотъ вы еще удивились, Софья Львовна,—сказалъ Крестовоздвиженскій.—Теперь нельзя не мечтать.

— О чемъ же вы мечтали? Вы такъ мнѣ и не отвѣтили.

Она взглянула на него.

— О многомъ, Софья Львовна.

— О чемъ же?

— Это...

— Это долго рассказывать... да?

Она улыбнулась и добавила:

— А мнѣ пора и домой!

— Пройдемтесь еще разъ, Софья Львовна,—просительно промолвилъ молодой человѣкъ.

— Мнѣ пора.

— Одинъ разокъ!

— Какой вы, право! Ну, хорошо.

Крестовоздвиженскій чувствовалъ, какъ сердце усиленно билось въ его груди, и все трепетало внутри него. Какимъ-то туманомъ окутывалось сознаніе, что-то росло въ душѣ молодого человѣка и придавало ему смѣлость.

- Слышите, Софья Львовна, какъ заливаются птички?
- Вы поэтъ, Яковъ Аванасевичъ. Можетъ быть, вы пишете стихи?
- Нѣтъ, не пишу. Но я люблю все прекрасное!
- Она ничего не сказала на это.
- А знаете что... Софья Львовна...
- У Крестовоздвиженскаго захватило дыханіе. Онъ чувствовалъ, что словно падаетъ съ высоты въ какую-то пропасть.
- Дѣвушка вопросительно посмотрѣла на спутника.
- Видите этотъ цвѣтокъ, Софья Львовна?—спросилъ онъ съ дрожью въ голосѣ.
- Вижу.
- Не правда ли, очень миленькій, прелестный цвѣтокъ?
- Это... да...
- Дѣвушка вдругъ засмѣялась.
- Вы очень походите на него, — произнесъ Крестовоздвиженскій задыхающимся голосомъ.
- Соня вспыхнула, опустила низко голову и быстро пошла впередъ.
- Семинаристъ догналъ ее.
- Вы обидѣлись, Софья Львовна? Вы обидѣлись?—повторилъ онъ, не дожидаясь отвѣта, и въ голосѣ его звучалъ испугъ.
- Нѣтъ, — отвѣтила тихо Соня. — Но что вы говорите!
- Развѣ это не правда? Вы такой же цвѣтокъ!
- Перестаньте, Яковъ Аванасевичъ!
- Въ этотъ мигъ послышался голосъ:
- Соня, гдѣ же ты? Иди завтракать!
- Вотъ видите, тетя зоветъ. Я говорила вамъ, что пора, — шепотомъ проговорила дѣвушка и сейчасъ же отозвалась своимъ звонкимъ голоскомъ:
- Иду, тетя, иду!
- Она почти бѣгомъ пустилась изъ сада.
- Досвиданія, Софья Львовна!—крикнулъ ей вслѣдъ молодой человѣкъ.
- Дѣвушка обернулась, кивнула головкой и скрылась за калиткой.
- Крестовоздвиженскій долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, переживая сладкое, еще невѣдомое ему до сихъ поръ чувство.
- Онъ развернулъ тетрадку, но сейчасъ же опять свернулъ ее и, снявъ фуражку, пошелъ по аллеѣ, въ глубь сада.

VI.

Чувство Крестовоздвиженскаго росло. Послѣ бесѣды въ саду у молодого человѣка вѣра въ отвѣтную любовь Сони начала крѣпнуть. «Конечно, этой любви у нея теперь еще нѣтъ... — думалъ онъ, — но ясно, что я ей не противенъ, что она не отвергаетъ моего

чувства». (Онъ былъ убѣжденъ, что дѣвушка догадалась объ этомъ чувствѣ). Новыя короткія встрѣчи съ Соней у Пушкиновыхъ подтверждали предположеніе Якова Аванасьевича. Дѣвушка продолжала держаться привѣтливо, и въ этой привѣтливости проскальзывала теплота и какъ бы иное болѣе горячее чувство. Только проскальзывало, — «но развѣ можетъ быть иначе, пока не произошло настоящаго объясненія?» — размышлялъ Крестовоздвиженскій. У него точно вырастали крылья, и онъ ощущалъ приливъ бодрости, силы для борьбы. А борьба предстояла нелегкая, это онъ понималъ и, несмотря на готовность къ борьбѣ, невольно боялся ея. Боялся, но рѣшился не отступать, если только Соня дастъ положительный отвѣтъ.

Марья Ивановна, давно догадавшаяся объ увлеченіи жильца, продолжала не придавать серіознаго значенія этому увлеченію. «Пусть возьмутъ свое съ молодости, — рассуждала она сама съ собою: — опасности никакой нѣтъ. Соня дѣвушка выдержанная, благоразумная, онъ человѣкъ прекрасный, честный. Да и Соня скоро уѣдетъ къ себѣ, а онъ на родину». Марья Ивановнѣ было просто жаль лишать жильца тѣхъ поэтическихъ дней, которыхъ у него, можетъ быть, впоследствии и не будетъ. Все-таки какъ-то, сидя съ мужемъ наединѣ, она сказала ему:

— А ты ничего не замѣчаешь, Павелъ?

— Ты про что это?

— Я про нашу молодежь.

— Ахъ, это ты про то, что Яковъ Аванасьевичъ увлекается Соней? Я давно замѣтилъ. Только что же: онъ вѣдь влюбчивый. Въ попы готовится, а влюбчивъ, словно прапорщикъ, какъ говоритъ нашъ секретарь. Я хотѣлъ было надъ нимъ пошутить, да жаль мнѣ стало и Сони и его. Зачѣмъ конфузить?

— Ты не думаешь, что они серьезно полюбятъ другъ друга?

— Ну, вотъ! — проговорилъ Пушкивъ: — какая тутъ серіозная любовь, просто дѣти развлекаются. Соня вѣдь ни за что не согласится стать попадѣй. Она мнѣ какъ-то прямо сказала: «попъ, говорить, и не мужчина. Ни за что не пойду за попа». А Якова Аванасьевича родители не пустятъ въ свѣтскую службу. Да онъ и самъ не пойдетъ, настолько онъ благоразуменъ. А что увлекается, такъ вѣдь въ его годы это естественно.

— Помнишь, онъ какъ-то говорилъ объ университетѣ? — замѣтила Марья Ивановна.

— Такъ болталъ, какой ему университетъ!

— А если все-таки Соня полюбитъ серіозно, что тогда? Родители ему не позволяютъ жениться.

— Полно тебѣ. Никакой серіозной любви не можетъ быть. Ты придаешь значеніе пустякамъ. Тутъ ничего нѣтъ.

Марья Ивановна поддавалась доводамъ мужа, которые совпадали съ ея мнѣніемъ, и рѣшила «не мѣшать поэтическому роману молодыхъ людей». Но она все-таки стала слѣдить за ними.

Прошло около недѣли.

Однажды, вечеромъ, въ обычное время, Крестовоздвиженскій отправился къ хозяевамъ.

Войдя въ столовую, онъ чуть не столкнулся съ Соней, которая бѣгала по комнатѣ и ловила Колю.

— Здравствуйте, Софья Львовна,—сказалъ молодой человѣкъ.

Соня со смѣхомъ протянула ему руку. Онъ крѣпко пожалъ ее.

— Вотъ какая вы,—произнесъ онъ, любясь раскрасившимся личикомъ дѣвушки.

— Она вѣдь большая шалунья,—замѣтила тетка.—Вась только стѣсняется немного, а то такая стрекоза, что поискать надо другую.

— Тетя, вы меня конфузите,—сказала Соня.

— Что же въ этомъ дурного?—заступаясь и какъ бы оправдывая дѣвушку, проговорилъ Крестовоздвиженскій.—Въ годы Софьи Львовны это простиительно... Даже очень идетъ...

Онъ посмотрѣлъ на Соню. Ихъ взгляды встрѣтились. Соня потупилась.

— Конечно, такъ,—согласилась Пушкова.—А вы хорошій адвокатъ, Яковъ Аѳанасьевичъ. Я и не знала за вами такой способности.

Марья Ивановна засмѣялась. Крестовоздвиженскій не смутился на этотъ разъ словами хозяйки и также засмѣялся счастливымъ смѣхомъ.

— А вамъ не налить ли чай?—предложила Соня.

— Что же это я буду пить одинъ?—сказалъ семинаристъ.

— Мы сейчасъ тоже станемъ,—проговорила Пушкова.—Мы поджидали Павла Ивановича, да онъ, вѣрно, не скоро придетъ.

— Если такъ, то пожалуй,—согласился молодой человѣкъ.

Яковъ Аѳанасьевичъ и Соня были сегодня очень оживлены.

Послѣ чая молодой человѣкъ отправился съ Колей въ кабинетъ хозяина, гдѣ обыкновенно давалъ урокъ мальчику. Марья Ивановна пошла за чѣмъ-то къ сосѣдкѣ; Соня осталась въ столовой и сѣла за работу.

Крестовоздвиженскій занимался съ Колей грамматикой, но мысли его были заняты Соней. Онъ чутко прислушивался къ тому, что дѣлалось въ столовой. Послышались легкіе шаги, и въ кабинетъ вошла Соня.

— Простите, что я помѣшаю вамъ,—сказала она.—Я, кажется, здѣсь оставила ножницы.

Она стала ихъ искать на письменномъ столѣ дяди. Крестовоздвиженскій прервалъ объясненіе, которое дѣлалъ ученику.

— Вы продолжайте, продолжайте, Яковъ Аванасьевичъ! Я сейчас,—сказала Соня.

Она все еще не могла найти ножницъ.

— Какъ онъ учится?—спросила она, перебирая бумаги.

— Ничего, онъ мальчикъ хороший.

— Не лѣнится?

— Немножко бываетъ, но это рѣдко.

— А вы съ нимъ поостроже, вы очень добры.

Соня съ улыбкой посмотрѣла на мальчика. Тотъ сдѣлалъ смѣшную гримасу.

— Вы находите, что я очень добръ?—промолвилъ молодой человекъ.

— Да. Вотъ вы и за меня недавно заступились.

— Я всегда за васъ.

— А если я не права?

— Вы не можете быть неправы.

— Какъ? Почему?—съ удивленіемъ спросила дѣвушка.—Развѣ я не могу ошибаться?

— Не можете.

Вернулась Марья Ивановна, и ея голосъ послышался въ передней.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнула Соня:—вотъ безпамятная!.. Ищу ножницъ здѣсь, а вѣдь я ихъ оставила въ комнатѣ тети!

Она засмѣялась и быстро вышла изъ кабинета.

Возвращаясь послѣ урока къ себѣ, Крестовоздвиженскій снова засталъ Соню въ столовой. Она была одна.

— А гдѣ же Марья Ивановна?—спросилъ молодой человекъ.

— Ушла опять къ сосѣдкѣ. Какіе-то образчики понесла.

— А что вы шьете?

Онъ подошелъ къ дѣвушкѣ,

— Не скажу,—отвѣтила она.

— Отчего?

— Потому что вы очень любопытны.

— Развѣ тайна?

— Нѣтъ... Да вѣдь вы все равно не поймете.

Соня вѣла нитку въ иголку и, замѣтивъ въ рукахъ Крестовоздвиженскаго книгу, добавила:

— Что это у васъ за книга?

— Грамматика.

Онъ помолчалъ и промолвилъ:

— Какой чудный русскій языкъ, Софья Львовна!

— Чѣмъ же? Всѣ говорятъ, что онъ очень трудный, немногимъ легче китайскаго. Я знала одного француза, такъ онъ прямо говорилъ: «вашъ языкъ ужасный! Сколько лѣтъ живу и не могу научиться правильно говорить». Смѣшной такой онъ. Я ему говорю: «щи», а онъ «тши». Я всегда хохотала.

— Да, русскій языкъ трудный.

— А вы говорите—чудный.

— И все-таки чудный! На какомъ другомъ языкѣ можно такъ измѣнять слова?

— Какія слова?

Соня подняла на собесѣдника лучистые каріе глаза, взгляда которыхъ онъ не могъ выносить безъ трепета.

— Да вотъ какія, — отвѣтилъ молодой человекъ, волнуясь:— возьмемъ, напримѣръ, ваше имя.

— Ну, Софья, — сказала дѣвушка.

— Софья, — повторилъ семинаристъ, — а дальше: Соня, Сонечка, Сонюша...

Онъ сказалъ, удивляясь своей храбрости, и остановился, какъ бы испугавшись. «Что если обидѣлась?» пронеслось у него въ умѣ.

Соня не обидѣлась, а только замѣтила:

— Какой вы странный, Яковъ Аѳанасьевичъ!

— Чѣмъ же? Развѣ не вѣрно?

— Вѣрно. Но вѣдь и ваше имя можно также измѣнять.

— А ну-ка попробуйте, — сказалъ онъ.

Дѣвушка засмѣялась.

Въ эту минуту въ столовую вошла Пушкиова.

— Чему ты такъ смѣешься? — спросила она племянницу.

— Яковъ Аѳанасьевичъ смѣшитъ.

— Ну? Яковъ Аѳанасьевичъ, — проговорила Марья Ивановна: — вы совсѣмъ измѣнились за послѣднее время.

— Я?

Крестовоздвиженскій не могъ не покраснѣть при этомъ замѣчаніи хозяйки.

— Да, вы. Храбрый такой сдѣлались, разговорчивый. А сегодня особенно какъ-то веселы. Не получили ли вы какого нибудь пріятнаго извѣстія?

Марья Ивановна пытливо посмотрѣла на племянницу.

Та низко склонилась надъ питьемъ.

— Нѣтъ, не получилъ, — отвѣтилъ Крестовоздвиженскій, — но жду и... надѣюсь получить, — докончилъ онъ, взглядывая на Сою.

Онъ самъ не узнавалъ себя. Онъ ни за что бы не могъ такъ отвѣтить раньше.

Онъ еще болѣе получаса оставался въ столовой. Веселое настроеніе не покидало его. Ему хотѣлось болтать, смѣяться, говорить всѣмъ пріятное. Онъ вдругъ къ чему-то похвалилъ умѣнье Пушкиовой печь булки.

— Вы вообще прекрасная хозяйка, Марья Ивановна, — сказалъ онъ.

— Положительно, не узнаю васъ, — сказала она, польщенная словами жильца. — Вы въ первый разъ говорите мнѣ комплиментъ.

— Это не комплиментъ, Марья Ивановна, это то, что я давно думалъ.

Пушкова всплеснула руками.

— Яковъ Аванасьевичъ, это не вы! Васъ подмѣнили!

Она засмѣялась. Засмѣялась и Соня. Молодой человѣкъ не смутился. Его охватила какая-то безумная радость.

— Вы что-то очень веселы, — сказала Марья Ивановна. — Это хорошо, но, знаете, есть примѣта: иногда очень много смѣются передъ слезами.

Крестовоздвиженскій измѣнился въ лицѣ.

— Зачѣмъ вы это говорите, тетя! — не удержавшись произнесла Соня, замѣтившая дѣйствіе словъ Марьи Ивановны на молодого человѣка. — Яковъ Аванасьевичъ рѣдко такъ бываетъ веселъ, а вы пугаете.

— Ну, вѣдь я такъ, шучу. У меня не злой языкъ... Яковъ Аванасьевичъ, не придавайте значенія моимъ словамъ.

Но замѣчаніе хозяйки уже вспугнуло веселость Крестовоздвиженскаго.

Онъ всталъ, простился и сейчасъ же ушелъ.

— Напрасно я пошутила, — сказала Пушкова по уходѣ его.

— Да, тетя, вы его разстроили, — сказала Соня.

Марья Ивановнѣ въ словахъ племянницы послышался упрекъ.

— А тебѣ его жалко стало? — сказала Пушкова не безъ ироніи.

— Жалко, — искренно отвѣтила дѣвушка. — Онъ такой хорошій.

— Ужъ не влюбилась ли ты въ него? — спросила Пушкова.

Она прищурившись посмотрѣла на племянницу.

Соня ничего не отвѣтила, только щеки ея ярко зардѣлись.

Марья Ивановна помолчала и промолвила:

— Онъ прекрасный человѣкъ, это правда, только вѣдь онъ будетъ попомъ, и ему не придется выбирать невѣсту по своему вкусу. У нихъ вѣдь онѣ готовыя.

Соня низко наклонилась надъ шитьемъ. Пушковой показалось, что при послѣднихъ словахъ легкое облачко затуманило лицо дѣвушки.

VII.

Крестовоздвиженскій не могъ оставаться въ комнатѣ. Несмотря на то, что нужно было готовиться къ экзамену, онъ отправился гулять. Его что-то душило. Недавняя веселость смѣнилась щемящею тоскою, предчувствіемъ чего-то недобраго. Слова, сказанныя Пушковой въ шутку, сильно подѣйствовали на молодого человѣка. Онъ вообще былъ не чуждъ нѣкоторой суевѣрности, а теперь, когда тревога постоянно не оставляла его, эта склонность, сохранившаяся

отъ дѣтскихъ лѣтъ, сказалась сильнѣе. Несмотря на оживленность, которую Пушкина справедливо подмѣтила въ жильцѣ, онъ за послѣднее время тревожился чаще и болѣе, чѣмъ раньше. Веселость при Сонѣ являлась какъ бы реакціей тоскливой тревоги, какую онъ переживалъ наединѣ въ отсутствіи дѣвушки. Чувство его крѣпло, Соня становилась ему съ каждымъ днемъ дороже, ближе; онъ серьезно полюбилъ ее. Развязка была недалека. Крестовоздвиженскій ждалъ ее, какъ воинъ битвы, волнуемый неизвѣстностью, но съ надеждой на то, что онъ избѣгнетъ гибели. И вдругъ напоминаніе Пушкиной! Оно спугнуло радость въ душѣ молодого человѣка и лишило его надежды, становившейся уже вѣрою, хотя и колеблющейся, но все же вѣрою. Оно лишило его и той бодрости, съ какой онъ намѣревался броситься въ борьбу, когда понадобится.

Взволнованный, разстроенный, отправился Крестовоздвиженскій на бульваръ, а оттуда на Соборную гору, съ которой открывался чудный видъ на рѣку и на всю зарѣчную сторону города.

Онъ здѣсь опустился на скамью между двумя старыми березами. Онъ сидѣлъ и смотрѣлъ на гладкое, какъ зеркало, лоно рѣки, и мысли вихремъ пронеслись въ мозгу. Но одна мысль, какъ гвоздь, пронзала до боли мозгъ и съ такой же жгучей болью отзывалась въ сердцѣ. «Неужели все рухнетъ? Если она любитъ меня, все будетъ зависѣть отъ воли родителей. Не написать ли имъ?» Ему показалось это невозможнымъ. Вдругъ онъ вспомнилъ, что какъ-то на-дняхъ Пушкина сказала: «а Соня скоро уѣдетъ». У него, какъ и тогда, теперь опять болѣзненно сжалось сердце. Онъ не можетъ жить безъ нея. «А если родители не позволятъ?»—словно кто-то шепнулъ ему: «Что тогда? О, я не перенесу этого»,—чуть не вслухъ произнесъ онъ.—«Безъ нея жизнь хуже смерти. Нѣтъ!»—вдругъ рѣшилъ онъ:—«я все расскажу родителямъ. Станетъ же имъ жалко меня. Развѣ не все равно, гдѣ служить? Я все равно не могу быть попомъ. Если бы и не полюбилъ Соню,—я не пошелъ бы въ попы. У меня нѣтъ призванія, а быть худымъ попомъ, какъ, напримѣръ, Палтусовъ, вѣдь это же грѣхъ, этого не можетъ желать мой отецъ. А владыка? Какъ онъ можетъ посвятить въ священники такого человѣка, который не чувствуетъ никакого призванія?».—Мысли его вдругъ приняли новое направленіе: «Отчего все это произошло? Вѣдь прежде же онъ не думалъ такъ? Отчего теперь? Это все Псалмопѣвецъ». И ему вспомнились бесѣды съ пріятелемъ и другими товарищами. «Счастливые,—подумалъ Яковъ Аванасьевичъ.—Вотъ хотя бы этотъ Неофитъ: отца нѣтъ, мать согласна на все. А Пискаревъ? Отецъ протопопъ, членъ консисторіи, а какъ разсуждаетъ: «мнѣ, говоритъ, все равно, куда пойдетъ мой сынъ, по духовной, или свѣтской дорогѣ; пусть только служитъ честно, и будетъ счастливъ». «Господи!—воскликнулъ молодой человѣкъ:—

отчего мой отецъ не такъ разсуждаетъ? А что если я сумѣю убѣдить, тронуть?»

И вдругъ опять надежда проникла въ огорченное сердце семинариста. словно тяжелый грузъ спалъ съ души. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь отецъ его любитъ, о матери нечего и говорить. Они поймутъ, тронутся его горемъ.

Крестовоздвиженскій облегченно вздохнулъ.

Невдалекѣ послышались голоса нѣсколькихъ людей. Толпа семинаристовъ и дѣвицъ шли по аллеѣ. Крестовоздвиженскій поднялся стремительно и быстро направился къ выходу.

Было время, которое трудно опредѣлить: поздній ли это вечеръ, или уже ночь. Для однихъ это только конецъ вечера, а для другихъ—ночь. Но въ городѣ уже наступила глубокая тишина. Теплый воздухъ, напоенный ароматомъ, словно застылъ въ дремотѣ. Было свѣтло, какъ днемъ: стояли тѣ чудныя бѣлыя сѣверныя ночи, которыя пробуждаютъ въ душѣ сладкую грусть и невольную жажду любви.

Подойдя къ дому, Крестовоздвиженскій замѣтилъ, что одно изъ оконъ хозяйской квартиры растворено.

«Не сидитъ ли Соня?»—подумалъ семинаристъ.

Онъ не ошибся. Соня сидѣла у окна, подперши голову рукой и устремивъ задумчивый взоръ на бѣлесоватое небо.

— Мечтаете, Софья Львовна?—тихонько окликнулъ Крестовоздвиженскій дѣвушку.

— Ахъ!—воскликнула она и добавила, узнавъ молодого человека:—какъ вы меня испугали, Яковъ Аѳанасьевичъ!

— Мечтаете?—опять спросилъ онъ.

— Гдѣ вы были?— вмѣсто отвѣта произнесла Соня.

— Гулялъ.

— Гдѣ?

— На бульварѣ, на Соборной горѣ... Что за ночь, Софья Львовна!

— Да.

Она тихо вздохнула.

— А экзамены?—спросила она участливо.

— Не до нихъ!

Эти слова, какъ бы со стономъ, вырвались изъ груди молодого человека.

Соня пристально посмотрѣла на него.

— Что съ вами?

Въ ея голосѣ зазвучали участіе и тревога. Въ эту минуту Соня услышала шорохъ въ комнатѣ тетки. Дѣвушка быстро поднялась со стула.

— Куда же вы?—сказалъ Крестовоздвиженскій такимъ тономъ, словно онъ въ эту минуту лишился счастья на всю жизнь.

— Спать надо.

— Софья Львовна, я хочу вамъ...

— Потомъ... завтра... — уже шопотомъ проговорила дѣвушка и закрыла окно.

Крестовоздвиженскій не хотѣлъ и не могъ спать. Онъ вернулся въ свою комнату, гдѣ окно оставалось открытымъ, сѣлъ у окна и сталъ глядѣть безцѣльно въ садъ, тонувшій въ полумракѣ.

«Надо скорѣе объясниться съ Соней!» — рѣшилъ молодой человѣкъ.

Чудная сѣверная ночь какъ бы вызывала его на это объясненіе, задѣвая всѣ струны любящаго сердца. Въ саду безъ устали щелкалъ соловей, и его страстная пѣсня, какъ музыка любви, отзывалась въ душѣ семинариста.

Поздно легъ Крестовоздвиженскій спать и видѣлъ страшный сонъ. Ему снилось, что Соня сидитъ у него на колѣняхъ и перебираетъ руками его волосы, а онъ цѣлуетъ ее. И вдругъ является о. Аванасій въ черной рясѣ и въ камилавкѣ. Онъ подходитъ къ сыну, беретъ его за руку, съ силой бросаетъ на полъ и начинаетъ сѣчь. Крестовоздвиженскій зарыдалъ отъ стыда и проснулся.

VIII.

На другой день Яковъ Аванасьевичъ сдалъ экзаменъ блистательно, хотя совсѣмъ не готовился къ нему. Возвращаясь домой изъ семинаріи, Крестовоздвиженскій зашелъ въ городской садъ. Онъ утомился въ классѣ, гдѣ было жарко и душно. Онъ сѣлъ на диванчикъ, вблизи качели, снялъ фуражку и съ жадностью вдыхалъ въ себя свѣжій воздухъ. Здѣсь нашелъ пріятеля Псалмопѣвцевъ, также возвращавшійся съ экзамена.

— Вотъ ты гдѣ, — сказалъ онъ, подходя къ дивану. — Ну, братъ, поздравляю: такъ отвѣчалъ, что меня удивленіе взяло. Говорилъ, не готовился. Вотъ тебѣ и не готовился! Или ужъ раньше такъ хорошо выучилъ?

Псалмопѣвцевъ опустился рядомъ съ товарищемъ и тоже снялъ фуражку.

— Экая жара!

Онъ посмотрѣлъ на земляка, сидѣвшаго съ опущенной головой, и промолвилъ:

— Яковъ, что съ тобою?

Крестовоздвиженскій молчалъ. Псалмопѣвцевъ обвелъ его долгимъ, внимательнымъ взглядомъ и сказалъ:

— Слушай, Яковъ, шутки-шутками, а я говорю серьезно: зачѣмъ ты скрываешься отъ меня? Вѣдь мы же пріятели?

— Что такое? — проронилъ Крестовоздвиженскій.

— Ты любишь ее, это ясно.

— Кого?—глухо произнесъ Яковъ Аѳанасьевичъ.

— Кого! Ну, конечно, не пушковскую кухарку, — съ досадой промолвилъ Псалмопѣвцевъ:—понятное дѣло, эту самарскую красавицу! Чего ты въ прятки играешь со мной, влюбленный рыцарь?

— Какъ ты говоришь... А еще...

— Не обижайся, Яковъ! Ты очень чувствителенъ, а я изъ другой глины, но все-таки серьезную любовь цѣню высоко. Я тебя одобряю...

— Ты?

Крестовоздвиженскій съ удивленіемъ посмотрѣлъ на земляка.

— Да, я! Что же тутъ невѣроятнаго? Одобрю, потому что эта барышня... какъ ее? Соня, что ли?

— Софья Львовна, — подчеркивая, поправилъ Крестовоздвиженскій.

— Ну, Софья Львовна, если хочешь! Я забылъ ея величаніе. Ну, такъ вотъ я радъ, что Софья Львовна расшевелила тебя, человѣка въ тебѣ пробудила, а то что: пошь, да и только. А тутъ ишь какъ заговорило сердце! Вѣдь правда, Яковъ: влюбленъ?

Крестовоздвиженскому не хотѣлось признаваться, открывать тайну сердца, и въ то же время его тянуло съ кѣмъ нибудь подѣлиться думами. Въ словахъ пріятеля онъ чувствовалъ искренность, онъ любилъ Псалмопѣвцева и вѣрилъ его дружбѣ.

— Какъ тебѣ сказать, Неофитъ,—началъ Крестовоздвиженскій, какъ бы неохотно, скрывая еще настоящую тайну:—какъ бы тебѣ сказать... да, ты правъ, это чудная дѣвушка!

Но вдругъ его охватилъ приливъ откровенности, онъ уже не могъ сдерживаться болѣе и воскликнулъ, не владея собой:

— Эхъ, другъ, что скрываться! Да, я люблю ее!

— Ну, вотъ, давно бы такъ,—произнесъ Псалмопѣвцевъ:—точно я не вижу.

— Да, я люблю! — повторилъ восторженно Яковъ Аѳанасьевичъ.—Больше жизни люблю... Самъ не знаю, какъ это такъ скоро случилось...

— Да какъ у васъ... что теперь все-таки?—полюбопытствовалъ пріятель.

— Ты про что?—не понявъ его вопроса, проговорилъ Крестовоздвиженскій.

— Она-то знаетъ? Сказалъ ты ей?

— Нѣтъ еще. Давно хочется всю душу ей вылить, и не могу. Да и гдѣ же? Наединѣ почти не приходится и быть... И трудно въ лицо. На сердцѣ много, а говорить... какъ-то и не говорится... Знаешь, Неофитъ: я ей хочу на письмѣ все изложить. Лучше такъ.

— Ишь, привычка писать сочиненія,—замѣтилъ Псалмопѣвцевъ.

— Не то, а знаешь, не такъ стѣснительно...

— Ну, что же, излагай, и тексты подбери.

Несмотря на то, что Псалмопѣвцевъ любилъ товарища и серьезно отнесся къ его горю, онъ остался вѣренъ себѣ и не удержался отъ ироніи.

— Неофитъ!

Сильная обида прозвучала въ голосѣ Крестовоздвиженскаго.

— Не сердись, Яша! Прости! — искренно воскликнулъ Псалмопѣвцевъ и взялъ пріятеля за руку:—ей-Богу, не хотѣлъ обидѣть. Такая ужъ привычка скверная! Ну, будемъ серьезно... Скажи мнѣ: что же ты думаешь сдѣлать? Жениться намѣренъ на ней, если она согласится?

— Конечно, — отвѣтилъ Крестовоздвиженскій: — а ты думаешь какъ же?

— Да ничего я не думаю, — отвѣтилъ Псалмопѣвцевъ.

Онъ взглянулъ мелькомъ на земляка и произнесъ:

— Ну, какъ хочешь: сердись, не сердись, Яша, а гляжу на тебя и удивляюсь. Ну, можно ли было думать, что ты такъ заговоришь? Вотъ тебѣ и протопопъ! Да, съ тобой произошла «реформа», какъ выражается отецъ ректоръ. И слава Богу! Такъ ты хочешь жениться, и не шутишь?

— Развѣ этимъ можно шутить?

— Ну, ладно, — произнесъ Псалмопѣвцевъ. — Допустимъ, что она отвѣчаетъ тебѣ: я, молъ, Яковъ Аѳанасьевичъ, васъ также люблю пылко и на вѣки ваша. А ея родители?

— У нея только мать.

— Кто она?

— Начальница какого-то пріюта.

— Такъ. Ну, и это ладно. Пусть и мамаша согласна. А захочетъ ли Софья Львовна быть попадѣй? Ты ее спрашивалъ?

— Я не пойду въ пошы, — рѣшительно произнесъ Крестовоздвиженскій.

— Не пойдешь? — переспросилъ Псалмопѣвцевъ, какъ бы желая удостовѣриться, не ослышался ли онъ.

— Не пойду.

— И ты это рѣшилъ окончательно?

— Безповоротно.

— А въ академію?

— И въ академію не пойду, а въ университетъ.

— Погоди! А жить чѣмъ? Гдѣ «средствія»?

— Найду, буду работать... Пока она можетъ пожить у матери, у тетки... да вѣдь можно только обручиться. Я, Неофитъ, пойду съ тобой въ медицинскую академію.

— Яшка, да ты это бредишь?

— Кажется, видишь, что нѣтъ.

— Господи! Совѣмъ чудеса въ рѣшетѣ!

И вдругъ Псалмопѣвцевъ воскликнулъ:

— Яковъ, а твои родители-то! Мы совсѣмъ и забыли... Твой отецъ что скажетъ?

— Я упрошу его, онъ согласится. Я ему завтра письмо пошлю, такое письмо, что онъ не можетъ не согласиться.

— Упрямя онъ у тебя,—покачавъ головою, произнесъ Псалмопѣвецъ.

— Я буду мать просить.

— Не захочетъ онъ, и мать ничего не подѣлаетъ.

— Тогда на все наплевать!—энергично произнесъ Крестовоздвиженскій.— Махну въ Питеръ, и кончено. Будемъ жить съ тобой вмѣстѣ. Вѣдь ты меня поддержишь?

— Еще бы! Ахъ, дай-то Богъ, чтобы ты не струсилъ и сдержалъ то, что говоришь! Я тогда бы въ ножки поклонился твоей Сонѣ... Виноватъ, Софѣ Львовнѣ. Поклонился бы и сказалъ: «жилъ, молъ, дурень Яшка, готовился въ попы, а вы своей любовью изъ него человѣка сдѣлали. Земно кланяюсь вамъ, ибо вы, какъ чудное видѣніе, какъ ангель дивной красоты»...

— Да не кричи ты, вѣдь мы не дома,—остановилъ Крестовоздвиженскій пріятеля.

— Наплевать, экая важность! Такое историческое событіе—и стѣсняться! Ну, Яковъ, обрадовалъ ты меня. Только ради всѣхъ красавицъ въ мірѣ, ради твоей чудной самарки, выдержи характеръ!

Псалмопѣвецъ всталъ.

— Пойдемъ, однако. Все это хорошо, а мнѣ ѣсть хочется чертовски. Да, думаю, и тебѣ также.

— Мнѣ не хочется.

— Ну, ты любовью сытъ, а я, братъ, человѣкъ реальный, и поѣсть люблю.

Они пошли изъ сада.

Александръ Кругловъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ М. А. ПАТКУЛЬ ¹⁾.

VI.

Пріѣздъ въ Петербургъ.—Вниманіе къ намъ царской фамиліи.—Наша квартира.—Придворный балъ въ Царскомъ Селѣ.—Неожиданное приглашеніе.—Представленіе мое императрицѣ и великимъ княжнамъ.—Ихъ милостивое обращеніе со мною.—Мое представленіе государю.—Катанье съ горы.—Мое паденіе по винѣ великаго князя Константина Николаевича.—Вниманіе государя.—Великія княжны Ольга и Александра Николаевны.—Наши выѣзды.—Пріѣздъ тестя.—Болѣзнь мужа.—Ежедневныя посѣщенія его наслѣдникомъ.—Появленіе мое въ первый разъ на выходѣ.—Пріѣздъ моего отца и сестры.—Встрѣча съ ворами.

СЪНИВЪ себя крестомъ, мы переступили порогъ нашей квартиры, гдѣ были встрѣчены съ хлѣбомъ-солью камердинеромъ мужа.

Тѣмъ временемъ, какъ ходили за священникомъ, чтобы отслужить молебенъ и окропить святой водой комнаты, мы успѣли стряхнуть съ себя дорожную пыль.

Какъ только батюшка ушелъ, мы, проголодавшись, съ наслажденіемъ вышли кофе въ чашкахъ, присланныхъ намъ на новоселье государынею императрицею, вмѣстѣ съ полнымъ чайнымъ серебрянымъ сервизомъ. Наслѣдникомъ были присланы два ящика съ полнымъ столовымъ серебромъ на 24 прибора.

Саша, я буду называть его по имени, былъ тронутъ несказанно милостивымъ вниманіемъ августѣйшихъ особъ. Серебро, присланное наслѣдникомъ, было одинаковаго фасона съ тѣмъ, которое было сдѣлано къ свадьбѣ его высочества.

Заморивъ червячка, мы отправились знакомиться съ комнатами, службами, и, наконецъ, Саша подвелъ меня къ шкафу для провизіи,

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVII, стр. 886.

гдѣ въ выдвигающихъ ящикахъ оказалось все, что требуется для хозяйства. Надъ каждымъ ящикомъ былъ наклеенъ ярлыкъ съ надписью, что въ немъ заключается. Тетушка Траверсе помогала ему устроить наше гнѣздышко.

Квартира наша была au rez de chaussée, свѣтлая, уютная и довольно просторная. Изъ спальни былъ выходъ въ маленькій садъ, что было очень приятно, особенно въ лѣтнюю пору. Хотя былъ конецъ августа, но было еще очень тепло.

Такъ какъ мы прибыли въ столицу въ первомъ часу, то Сашѣ было слишкомъ поздно ѣхать въ Царское Село поздравить своего августѣйшаго начальника и поблагодарить ея величество и его высочество. Уложивъ по мѣстамъ немногія вещи, прибывшія со мной въ каретѣ, мы отправились къ дядѣ Траверсе, который съ женой успѣлъ уже вернуться изъ Ревеля. Они опередили насъ на сутки, не имѣя надобности дѣлать по дорогѣ визиты. Дядя былъ тоже именинникъ, и было рѣшено, что мы проведемъ день у нихъ. Не могу выразить, съ какимъ чувствомъ я вошла въ этотъ гостепріимный домъ, въ которомъ, шесть мѣсяцевъ назадъ, сдѣлалась невѣстой. Чего, чего не напомнили мнѣ эти комнаты, свидѣтельница безсонныхъ ночей, слезъ, надеждъ, сладкихъ грезъ, вмѣстѣ съ неизвѣстностью и волновавшими меня опасеніями!

Сколько было передумано и перечувствовано мною въ послѣднія три недѣли моего пребыванія въ Петербургѣ! Тетушка точно угадала мои мысли, или прочла ихъ въ выраженіи моего лица, и, обратившись къ Сашѣ, спросила, призналась ли я ему во всемъ, чему она была свидѣтельницей въ послѣднія недѣли пребыванія моего у нихъ. Какъ по ночамъ сдержанныя рыданья мои до того тянули ее за душу, что она вставала, приходила ко мнѣ и просиживала со мной по часамъ, стараясь успокоить, но вмѣстѣ доказывая, что такъ убиваться безразсудно. Я вспыхнула, покачала ей головой, недовольная тѣмъ, что она выболтала то, въ чемъ когда нибудь сама бы призналась ему.

Саша на это отвѣтилъ, что никакъ подозрѣвать этого не могъ, такъ какъ я не выказывала ему ни расположенія ни предпочтенія передъ другими; это заставило его откладывать со дня на день просить моей руки, а въ тотъ день, когда онъ наконецъ рѣшился, при первомъ его словѣ я встала, увела его, не давъ докончить, точно боясь остаться съ нимъ вдвоемъ. «Какъ и чѣмъ объяснить это?» Напомнивъ ему сцену съ tante Catherine, послѣ того какъ дѣдушка предложилъ намъ ѣхать вмѣстѣ, я прибавила:

— Это можетъ служить доказательствомъ, какъ насъ воспитывали строго, но вмѣстѣ съ тѣмъ я точно боялась услышать то, чего такъ горячо желала. Прости, если этимъ я могла ввести тебя въ заблужденіе относительно моихъ чувствъ. Теперь ты ихъ знаешь, и я безусловно вѣрю въ наше счастье.

Характеръ у меня былъ веселый, вмѣстѣ съ тѣмъ мечтательный и восторженный.

На слѣдующій день мужъ съ первымъ поѣздомъ отправился въ Царское Село являться наслѣднику, императрицѣ и всѣмъ великимъ княжнамъ и князьямъ.

Вернувшись къ обѣду, онъ съ восторгомъ рассказывалъ, какъ былъ принятъ, какъ всѣ спрашивали обо мнѣ, какъ великія княжны нѣсколько разъ повторяли:

— Алеу, скоро ли ты покажешь намъ свою жену? Мы съ такимъ нетерпѣніемъ хотимъ видѣть ее.

На вопросъ императрицы, когда онъ ей представитъ меня, онъ отвѣтилъ, что съ собой у меня ничего нѣтъ, а когда прибудетъ мое приданое, направленное моремъ, то онъ доложитъ немедленно ея величеству, и мы будемъ ожидать ея приказаній.

Мнѣ никогда въ голову не приходило, что я буду представлена къ двору, какъ жена Паткуля; объ этомъ и разговора у насъ никогда не было; весьма понятно, что это сообщеніе смутило меня, такъ какъ я не имѣла никакого понятія о придворномъ этикетѣ. Застѣнчивость свою я никогда преодолѣть не могла, хотя увѣрена, что никто не подозрѣвалъ ея во мнѣ.

Нашъ первый обѣдъ, заказанный общими силами наканунѣ, былъ самый незатѣйливый и состоялъ изъ кислыхъ щей съ кашей и битковъ.

2-го или 3-го сентября, будучи дежурнымъ, Саша отправился съ утра на цѣлыя сутки въ Царское Село. Проводивъ его до вокзала, я поѣхала къ дядѣ и тетускѣ. Послѣ обѣда туда явился придворный лакей съ приглашеніемъ мнѣ и мужу отъ ея величества на балъ, назначенный на слѣдующій день въ Александровскомъ дворцѣ. Хотя было сказано: «Паткуль съ супругою», но, не бывъ представлена, я была увѣрена, что приглашеніе не относится ко мнѣ.

Въ одиннадцатомъ часу вечера раздается звонокъ, и къ великому моему удивленію и радости вбѣгаетъ мужъ и передаетъ мнѣ, что императрица хочетъ, чтобъ я непременно была на балѣ.

Какъ быть съ платьемъ? Ночью лавки заперты, ничего достать нельзя. Но тутъ я вспомнила, что захватила съ собой кусокъ бѣлаго тарлатана съ бѣлой вышивкой надъ складками, который привезла мнѣ въ подарокъ изъ-за границы сестра Саши. Онъ тотчасъ же съѣздивъ за тарлатаномъ, сняли съ меня мѣрку, и портниха тетуски взялась сшить мнѣ платье. Оно дѣйствительно было готово во время и очень удачно. По утру, захавъ за тетуской, мужъ поѣхалъ покупать съ ней цвѣты для головы, бѣлыя башмаки и перчатки. Меня не взяли съ собой, чтобъ я не утомлялась передъ баломъ.

Я просила мужа сдѣлать мнѣ репетицію, какъ подойти къ императрицѣ, поцѣловать ручку, какъ отвѣчать и проч.

Тетушка причесала меня, мнѣ оставалось только надѣть платье въ Царскомъ, куда мы поѣхали въ каретѣ, чтобъ вернуться послѣ бала домой.

Квартира была отведена для насъ въ Александровскомъ дворцѣ довольно высоко. Вбѣжавъ по лѣстницѣ, я сильно запыхалась и покраснѣлась, но больше отъ волненія и страха. Несмотря на то, что платью было надѣто въ одну минуту, мы опоздали.

Въ передней насъ встрѣтилъ адъютантъ наслѣдника, П. К. Мердеръ, которому было поручено дожидаться насъ, чтобъ предупредить, что статсъ-дама, которая представитъ меня ея величеству, сидитъ у входа въ залѣ. Если не ошибаюсь, это была графиня Кутузова; она привѣтствовала меня очень любезно и сказала:

— Veuillez me suivre, je vais avertir sa majesté.

Доведя меня до одной изъ колоннъ, она велѣла мнѣ обождать тамъ приказаній императрицы.

Какъ только статсъ-дама скрылась, подошелъ ко мнѣ наслѣдникъ, поздравилъ меня, поцѣловалъ руку, а я его въ щеку, за нимъ герцогъ Лейхтенбергскій, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій и принцъ Александръ Гессенъ-Дармштадтскій, братъ цесаревны. Я такъ была поражена такимъ неожиданнымъ привѣтствіемъ, что положительно недоумѣвала, какъ высочайшія особы могли цѣловать мнѣ руку.

Страхъ сдѣлать какую нибудь неловкость волновалъ меня, я просто была въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, отчасти въ чаду.

Вотъ послышалось: «императрица идетъ»; всѣ разступились. Едва я успѣла глубоко присѣсть и поцѣловать руку императрицы, какъ она обняла меня и поцѣловала въ обѣ щеки со словами:

— Je suis bien contente de vous voir chez nous et vous confie le bonheur de notre enfant Patkul. J'espère que vous serez une bonne petite femme économe et raisonnable, que vous ne serez pas dependante pour votre toilette, car ni vous, ni votre mari n'avez de la fortune.

Тронутая до глубины сердца такими материнскими наставленіями, я отвѣтила, что сдѣлаю все зависящее отъ меня, чтобъ составить счастье моего мужа, что же касается роскоши, то я къ ней не привыкла и, любя его, не боюсь никакихъ лишеній.

Потомъ, обратясь къ Самѣ, ея величество сказала ему:

— Aime toujours ta femme et rends la heureuse.

Послѣ этого императрица со словами:

— Allons, je vous présenterai à mes filles,—взяла меня за руку и, подведя къ одной изъ нихъ, ея величество, назвавъ меня, прибавила: «et c'est ma fille Marie № 1». Въ первую минуту я положительно не знала, которая эта изъ великихъ княгинь, но тутъ сама цесаревна вывела меня изъ недоумѣнія, сказавъ, что

ее радуешь, что я буду при ихъ дворѣ, и что мы обѣ Маріи Александровны. Представивъ меня Ольгѣ и Александрѣ Николаевнамъ, императрица повела меня въ другую комнату, гдѣ сидѣла великая княгиня Марія Николаевна, которая, будучи не совсѣмъ здорова, не выходила въ залъ.

Марія Николаевна, какъ и всѣ особы царской семьи, положительно обворожила меня. Ея высочество, припоминая свое краткое пребываніе въ Ревелѣ, не забыла, что я поднесла ей букетъ, привѣтствуя стихами, говорила о живыхъ картинахъ, въ которыхъ я участвовала, о фейерверкѣ и наконецъ о томъ, какъ они жалѣли, что должны были уѣхать въ С.-Петербургъ, и что поэтому не состоялся у нихъ дѣтскій балъ. Я отвѣтила великой княгинѣ, что этотъ день остался для меня лучшимъ воспоминаніемъ моей юности и не забудется никогда.

Императрица, находя, что ея высочество слишкомъ долго задерживаетъ меня своимъ разговоромъ, увела меня обратно и выразила желаніе, чтобъ я протанцевала съ мужемъ кадрили. Исполнить желаніе ея величества не пришлось: на свободную кадрили, обѣщанную Сашѣ, меня пригласилъ принцъ Ольденбургскій. Въ замѣнъ кадрили мы безпрестанно выбирали другъ друга въ вальсѣ и мазуркѣ. Никто такъ хорошо и ловко не танцевалъ, какъ Саша. Это находила не я одна, великая княгиня Александра Николаевна заявила мнѣ на балѣ, что никто такъ ловко не танцуетъ, какъ мой мужъ, который постоянно былъ ея кавалеромъ.

Возвращаясь домой, я въ каретѣ не умолкала ни на минуту, столько было впечатлѣній, которыми надо было подѣлиться съ Сашей.

Я всѣмъ сердцемъ привязалась къ царской семьѣ и сознавала, что обласкана была ея величествомъ и ихъ высочествами потому, что была женою Паткуля.

Съ этого вечера я рѣшила заслужить и быть достойной того расположенія, съ которымъ я была принята всей царской семьей съ перваго дня появленія моего во дворцѣ.

Въ тѣ воскресные дни, когда мы приглашались императрицею къ высочайшему столу, мы прѣзжали раньше по желѣзной дорогѣ, чтобъ дѣлать наши визиты дворцовымъ дамамъ, фрейлинамъ и знакомымъ Сашини. Первый визитъ былъ къ Бутурлинымъ, лучшимъ его друзьямъ. У Ольги Павловны, рожденной графини Сухтеленъ, Саша былъ шаферомъ, когда числился еще пажомъ. Она была дворцовой фрейлиной императрицы и вышла замужъ за адъютанта великаго князя Михаила Павловича.

Хотя я имѣла склонность къ ревности и знала, что Саша былъ когда-то равнодушенъ къ ней, но эту добрую, милую, невозмутимую Ольгу Павловну ревновать мнѣ даже не приходило въ голову. Дружба наша съ этимъ семействомъ сдѣлалась общая.

Въ одно изъ воскресеній пришли пригласить насъ отъ имени ихъ величествъ къ высочайшему столу.

Тогда государь вернулся изъ своего ежегоднаго путешествія по Россіи, для смотра войскъ.

Одѣваясь у Бутурлиной, я призналась ей, что меня пугаетъ встрѣча съ его величествомъ, которому, безъ сомнѣнія, меня представятъ. Буду ли принята имъ милостиво? Я выросла съ чувствомъ не только любви, но и благоговѣнія ко всей царской семьѣ, а на царя смотрѣла, какъ на нашего земного бога, поэтому не удивительно, что къ этому чувству примѣшивался ничѣмъ необъяснимый страхъ. Ольга Павловна ободряла меня, рассказывая, какъ онъ былъ добръ къ ней и вообще ко всѣмъ окружающимъ.

Пока съѣзжались во дворецъ приглашенные, я подошла къ биллиарду, на которомъ сидѣла Александра Максимилиановна, прелестный ребенокъ, дочь великой княгини Маріи Николаевны, и начала катать шары, которые она, смѣясь и ползая по сукну, ловила своими маленькими рученками.

Вдругъ распахнулась дверь краснаго кабинета императрицы, вышли ихъ величества, а за ними всѣ члены царской семьи.

Богъ мой, какъ затрепетало у меня сердце. Я чувствовала, что ноги подкашиваются, прислонилась къ биллиарду и, опустивъ глаза и наклонивъ голову, сдѣлала низкій поклонъ.

Поднявъ глаза, я увидѣла, что ихъ величества направляются прямо ко мнѣ. Когда они подошли, я еще разъ присѣла, а императрица, обратясь къ государю, сказала:

— Cher ami, je te présente, la femme de notre enfant Patkul.

На это государь, протягивая мнѣ свою державную руку, поклонился со словами: «Прошу любить и жаловать».

Я была такъ поражена этимъ неожиданнымъ и столь милостивымъ привѣтствіемъ, что не могла отвѣтить ни слова, покраснѣла и въ первую минуту не могла сообразить, приснились ли мнѣ эти слова царя, и дѣйствительно ли это было наяву. Должно быть, во взорѣ моемъ выразилась такая благодарность, что по улыбкѣ государя я видѣла или вѣрнѣе догадывалась, что онъ понялъ то, чего я выразить не могла и не смѣла. Поневоѣ будешь поражена; могла ли я допустить когда нибудь возможность, что государь, этотъ колоссъ Русской земли, обратится къ 19-ти-лѣтней бабенкѣ со словами: «прошу любить и жаловать». Такой милостивый пріемъ превзошелъ всякое ожиданіе.

Вотъ каковы были наши императоръ Николай Павловичъ и императрица Александра Феодоровна.

Дворъ оставался въ Царскомъ до глубокой осени, и насъ приглашали отъ времени до времени и на маленькіе вечера.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ великія княжны предложили, прежде чѣмъ играть въ petits jeux, кататься съ деревянной горы,

которая находилась въ одной изъ комнатъ Александровскаго дворца. Хотя я когда-то въ Фаллѣ у графа Бенкендорфа каталась съ подобной горы съ его дочерьми, но тутъ я побоялась скатиться одна и пошла съ Сашей. Видя, что это не такъ страшно, какъ мнѣ казалось, я рѣшилась скатиться одна. Два раза сошло благополучно, а въ третій посреди горы платье мое за что-то зацѣпилось, и я грохнулась навзничъ во весь ростъ. Саша и всѣ присутствующіе бросились поднимать меня, локоть былъ въ крови, слезы навернулись на глазахъ не отъ боли, а отъ испуга и стыда, что я выказала себя такой неловкой. Оказалось, что дернулъ меня за платье великій князь Николай Константиновичъ, 14-ти-лѣтній мальчикъ. Поднялась суматоха, кто побѣждалъ за сахарной водой, а кто за холодной примочить руку. Въ это время быстрыми шагами вошелъ государь; подойдя къ великому князю Константину Николаевичу, онъ началъ его бранить и, подойдя съ нимъ ко мнѣ, заставилъ его не только извиниться передъ мной, но и самъ извинился за своего «невоспитаннаго сына». Затѣмъ, обратившись къ воспитателю его, графу Литке, или помощнику его Лутковскому, приказалъ увести великаго князя съ вечера. Несмотря на всѣ мои увѣренія, что я упала по своей неловкости, и великій князь тутъ не причемъ, государь остался непоколебимъ, и къ крайнему моему сожалѣнію бѣднаго 14-ти-лѣтняго юношу, которому въ первый разъ было позволено остаться на вечерѣ до 10-ти часовъ, увели.

Послѣ этого неприятнаго приключенія перешли въ залъ играть въ *petits jeux*.

Несмотря на то, что по такому скользкому паркету мнѣ бѣгать не случалось, никто, однако, поймать меня не могъ ни въ горѣлкахъ, ни въ кошку и мышку. Императрица нѣсколько разъ во время нашихъ игръ выходила изъ своего кабинета осведомляться, не болитъ ли у меня голова, и какъ я чувствую себя послѣ паденія; съ такимъ участіемъ всѣ отнеслись ко мнѣ, что я действительно была не только тронута, но сконфужена.

Великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей я застала въ курточкахъ съ отложными воротничками, формы Царскосельскаго Александровскаго сиротскаго корпуса, который въ то время помѣщался въ казармахъ императорскаго лейбъ-гвардіи стрѣлковаго баталіона. Первому было 10-ть, второму 9 лѣтъ. Они приходили только вечеромъ, отправляясь спать, прощаться съ августѣйшими родителями.

Когда дворъ переѣхалъ осенью въ Гатчино на время охоты, Саша по обыкновенію былъ тоже туда приглашенъ. Пребыванія тамъ продолжались отъ десяти дней до двухъ недѣль. Это была первая наша разлука.

Такъ какъ наслѣднику часто приходилось наѣзжать по дѣламъ въ Петербургъ, его высочество былъ настолько милостивъ, что

бралъ Сашу съ собой каждый разъ, даже когда онъ не былъ дежурнымъ и, оставляя его у меня, заѣзжалъ за нимъ на обратномъ пути.

Какъ-то наслѣдникъ заѣхалъ однажды къ намъ съ совершенно краснымъ глазомъ отъ попавшаго кома снѣга, отброшеннаго пристяжной лошады. Я тотчасъ принесла холодной воды въ серебряномъ тазикѣ и новое самое тонкое полотенце. Этого полотенца я никогда не употребляла. На томъ углу, которымъ цесаревичъ мочилъ свой глазъ, былъ мною пришитъ ярлыкъ съ надписью, и это полотенце я сохранила на память.

Въ отсутствіи мужа я много работала, читала и писала письма; переписка и тогда уже была у меня обширная. Раза два я пробовала обѣдать дома, но одной было такъ невыносимо скучно, что ничего не шло въ горло, поэтому я предпочла отправляться къ тетушкѣ и дядѣ.

Дворъ переѣхалъ въ столицу къ 24-му ноябрю, дню именинъ великой княжны Екатерины Михайловны. Тутъ мнѣ пришлось официально представляться великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, принцессѣ Терезѣ Ольденбургской и великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ и двумъ прелестнымъ великимъ княжнамъ Ольгѣ и Александрѣ Николаевнамъ. Ольга Николаевна была поражающая красавица, въ ней было что-то величественное, кроткое и спокойное. Александра Николаевна обаятельна своей миловидностью, веселостью и граціей. Она очень напоминала императрицу, хотя черты лица ея были менѣе правильны.

Кто имѣлъ счастье знать близко царскую семью, тотъ не могъ не привязаться къ ней всѣмъ сердцемъ. Про меня и говорить нечего, я боготворила императрицу и искренно любила всѣхъ августѣйшихъ дѣтей ея. Предъ государемъ я благоговѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда чувствовала какую-то робость, *parcequ'il avait quelque chose de si imposant, de si majestueux et chevaleresque!*

По воскресеньямъ мы приглашались во дворецъ на танцевальныя вечера, часто и на музыкальныя, на которыхъ мы имѣли случай слышать лучшихъ итальянскихъ пѣвцовъ, какъ-то: Рубини, Тамбурини, Тамберлика, *т-те Віардо* и многихъ другихъ. Театръ былъ намъ не по карману, и поэтому мы были очень довольны и благодарны ихъ величествамъ за возможность слышать артистическое пѣніе.

Наши выѣзды въ большой свѣтъ ограничились одними визитами, мы объѣздили рѣшительно всѣхъ, кого слѣдовало, и тѣхъ, у кого я была на балѣ до своего замужества. Этимъ я доказала, что не забыла любезнаго приѣма, сдѣланнаго мнѣ пріѣзжей, незнакомой провинціалкѣ.

Кромѣ Бутурлиныхъ, Саша познакомилъ меня съ вдовой К. К. Мердера, Саррой Николаевной; съ женой бывшего своего воспи-

тателя Назимова, рожденной Аверкиевой, очень хорошенькой молодой женщиной; съ семействомъ генерала Шкурина, гдѣ онъ былъ принятъ, какъ свой. Это были друзья его отца и сестеръ. Изъ родныхъ Саша жила въ Петербургѣ, въ домѣ Невской лавры, родная его тетка, Анна Карловна Буксгевденъ, рожденная баронесса Апсгофенъ, съ тремя незамужними дочерьми. Это была въ полномъ смыслѣ патриархальная семья. Мужъ тетушки, командуя полкомъ, былъ убитъ въ 1812-мъ году подъ Бородинымъ.

Въ октябрѣ пріѣхалъ погостить къ намъ отецъ мужа. Заказывая обѣдъ, я спросила, любитъ ли онъ щи, на это онъ отвѣтилъ, что поѣсть ихъ съ удовольствіемъ, такъ какъ очень давно ихъ не ѣлъ. Но когда на второй и на третій день явились опять щи, онъ чуть не выскочилъ изъ-за стола и заявилъ, что если мы желаемъ кормить его ежедневно солдатскимъ обѣдомъ, то онъ дольше не остается у насъ. Его пребываніе было очень непродолжительнымъ, ему хотѣлось только посмотрѣть, какъ живутъ его дѣти, побывать у нѣкоторыхъ знакомыхъ, и, удовлетворивъ свое желаніе, онъ уѣхалъ.

Послѣ его отъѣзда Саша, будучи съ наслѣдникомъ на охотѣ, простудился и сильно занемогъ воспаленіемъ. Не берусь описать, сколько я выстрадала за время его болѣзни: одинъ Богъ былъ свидѣтелемъ моихъ слезъ и молитвъ, обращенныхъ къ Его милосердію сохранить мнѣ Сашу.

Наслѣдникъ, узнавъ о его болѣзни, прислалъ тотчасъ своего доктора, И. В. Енохина, которому поручилъ лѣчить его. Самъ же ежедневно навѣщалъ больного, пока опасность не миновала. Сидя у него на кровати, рассказывалъ ему обо всемъ, что могло интересовалъ Сашу, но ему не позволялъ говорить. Во время посѣщеній наслѣдника пришлось отложить всякую церемонію въ сторону и принимать его высочество въ томъ пеньюарѣ, въ которомъ онъ заставлялъ меня, ухаживающую за больнымъ. Утощала я великаго князя калеными орѣхами, привезенными изъ Казанскаго имѣнія тетушки Траверсе, отъ которыхъ онъ не отказывался.

Девять сутокъ я, не раздѣваясь, провела около мужа, то давая ему лѣкарство, то прислушиваясь къ его дыханію. Ночь просиживала въ креслѣ, но вскакивала при малѣйшемъ его движеніи. Ужасное было время. Слава Богу, опасность миновала, онъ началъ быстро поправляться, и къ Рождеству онъ могъ уже выѣзжать и исполнять свои служебныя обязанности.

Къ выходу 1-го января мнѣ сшили русское придворное платье.

Могла ли я думать, когда во время свадьбы великой княгини Маріи Николаевны я съ хоръ любовалась этимъ нарядомъ, что и мнѣ черезъ три года придется нарядиться въ него же?

Съ непривычки мнѣ такъ показалось страшно подойти церемонно для *baise main* къ императрицѣ, сдѣлать общій поклонъ

высочайшимъ особамъ, что, подойдя къ выходной двери, я невольно перекрестилась и чуть не столкнулась съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ, который съ улыбкой спросилъ меня, почему я осынилась крестомъ. Скрывать было нечего, признаніе было чистосердечное.

Въ тотъ же день вечеромъ былъ такъ называемый маскарадъ, на который допускались не только служащіе, не имѣющіе пріѣзда ко двору, но всякій мало мальски прилично одѣтый. Однимъ словомъ, общество было самое смѣшанное, самое разнообразное. Всѣ залы были переполнены народомъ, оставляя только свободный проходъ, по которому парами проходили «польскій».

Приглашенныя дамы были въ русскихъ платьяхъ, а военные въ коротенькомъ черномъ домино, въ видѣ пелерины, надѣтомъ на лѣвое плечо. Только одинъ разъ я поѣхала на этотъ маскарадъ, чтобъ имѣть понятіе о немъ.

На слѣдующемъ маленькомъ вечерѣ государь, подойдя ко мнѣ, сказалъ, что во время выхода онъ смотрѣлъ въ дверную щелку, видѣлъ, какъ я перекрестилась въ дверяхъ и чуть не наткнулась на герцога. Пришлось повторить ему то же, что и герцогу Лейхтенбергскому. Государь засмѣялся и спросилъ: «будто это такъ ужъ странно?» На это я отвѣтила, что въ первый разъ своей жизни я была на выходѣ, къ счастью, не знала, что его величество подсматриваетъ за дверью, а то растерялась бы окончательно. Когда впоследствии я рассказала великимъ княжнамъ, какъ робѣла на выходѣ и какъ боялась сдѣлать неловкій поклонъ, онѣ въ свою очередь признались мнѣ, что у нихъ постоянно дѣлается передъ выходомъ лихорадочная дрожь.

Вскорѣ послѣ новаго года пріѣхалъ къ намъ отецъ съ сестрой моей Аліне, которой я очень обрадовалась. Особеннаго удовольствія мы предложить ей не могли, рѣдко кого принимали и жили вообще очень тихо и скромно. Для нея мы стали чаще приглашать добрыхъ, старыхъ друзей и товарищей мужа.

Приемы были очень не прихотливые, но вечера проходили въ приятной бесѣдѣ. Собирались у насъ Петръ Александровичъ Плетневъ, Иванъ Петровичъ Мятлевъ, бывшій воспитатель мужа В. И. Назимовъ съ женой и адъютанты наслѣдника. Мятлевъ говорилъ свои стихи и оживлялъ общество своей веселостью.

Раза два мы для сестры были въ театрѣ; для себя мы не допускали этой роскоши, несмотря на то, что мужъ и я очень любили театръ.

Погостивъ недѣли двѣ, отецъ съ сестрой уѣхали обратно въ Гельсингфорсъ.

Послѣ одного изъ баловъ во дворцѣ (отъ всѣхъ частныхъ баловъ мы отказывались) оберъ-полицеймейстеръ, генералъ Кокоскинъ, встрѣтивъ мужа, спросилъ его, правда ли, что въ то время, когда я одѣвалась на балъ, какой-то воръ забрался ко мнѣ въ спальню

и, схвативъ съ туалета всѣ брилліанты, выскочилъ въ окно, и что со мной отъ испуга сдѣлался обморокъ.

На это мужъ заявилъ ему, что никакого вора не было, брилліантовъ у меня почти нѣтъ, а потому ни испуга, ни обморока быть не могло, и выразилъ свое удивленіе, что ему докладываютъ небывалые случаи. Но разъ дѣйствительно къ намъ забрались воры.

Возвращаясь вечеромъ отъ дядюшки, Саша, высадивъ меня изъ коляски, остался отдать какое-то приказаніе кучеру. Дверь съ улицы въ сѣни, всегда открытая, на этотъ разъ была притворена. Я толкнула ее, она немного подалась и опять притворилась. Я позвала мужа; онъ всей силой толкнулъ дверь, и она распахнулась. Въ эту минуту изъ-за обѣихъ половинокъ выскочило на улицу по человѣку, которые пустились бѣжать. Дворникъ бросился за ними въ погоню, нагналъ одного, задержалъ, а этотъ выдалъ своего сообщника, который, какъ ни въ чемъ не бывало, шелъ ему навстрѣчу, чтобъ узнать участь своего товарища.

Мужъ остался на улицѣ, а я въ это время вошла въ сѣни, чуть не запуталась въ какія-то веревки и въ темнотѣ взобралась на что-то довольно высокое, наваленное передъ ступеньками, и начала звонить. Мальчику, открывшему мнѣ дверь, я приказала принести свѣчку. Чувствуя, какъ будто у меня подъ ногами что-то шевелится, я не сошла съ мѣста. Когда камердинеръ вышелъ со свѣчей, то оказалось, что я стояла на живомъ существѣ въ нагольномъ тулупѣ, притворившемся спящимъ. Кругомъ лежала сбруя и разныя ворованныя вещи. Этотъ былъ тоже задержанъ, и всѣ три голубчика переданы полиціи.

Не удивительно, что послѣ этого долго оставался у меня страхъ, особенно когда мужъ былъ дежурнымъ и ночевалъ во дворцѣ.

VII.

Назначеніе дяди генераль-губернаторомъ въ Архангельскъ.—Мое пребываніе въ имѣніи генеральши Бергманъ, близъ Ропши.—Посѣщеніе императрицы.—Прѣздъ государя.—Вечерній чай на бивуакѣ.—У императрицы въ Ропшѣ и въ Петергофѣ.—Щедрый подарокъ императрицы.—Рожденіе у меня дочери Александры.—Крещеніе ея въ Зимнемъ дворцѣ.—Необычайное вниманіе и участіе, оказываемое мнѣ императрицей.—Подарки на елкѣ въ Зимнемъ дворцѣ.—Folle jougnée у государя.—Загорѣвшееся на мнѣ платье, потушенное государемъ.—На дачѣ въ Парскомъ Селѣ.—Ежедневныя собранія у императрицы.—Случай во время катанья.—Ошибка крестьянъ.

Весной дядюшка мой Траверсе былъ назначенъ генераль-губернаторомъ въ Архангельскъ. Мы такъ сошлись и подружились съ этой родственной семьей, что намъ обоимъ очень было жаль разстаться съ ней. Сборы продолжались нѣсколько недѣль, а когда

настала разлука, проводы не обошлись безъ слезъ. Домъ Армантъ, въ 9-ой ротѣ Измайловскаго полка, въ которомъ дядя жилъ, и который былъ мнѣ дорогъ по воспоминаніямъ, для меня опустѣлъ, и я никогда больше въ немъ не была.

Настало лагерное время, войска выступили, и Саша съ наслѣдникомъ переѣхалъ въ Красное Село.

По праздникамъ и воскреснымъ днямъ онъ навѣщалъ меня, но до произведенной, вѣчно ожидаемой, тревоги на ночь возвращался въ лагерь, чтобъ не прозввать ея.

На время маневровъ, которые предполагались около Ропши и на довольно продолжительное время, кажется, недѣли на двѣ, генеральша Бергманъ, сестра Шкурина, пригласила меня переѣхать къ нимъ въ имѣніе въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ропши, у самой большой дороги. Саша уговорилъ меня принять это любезное приглашеніе, чтобъ быть ему ближе и имѣть возможность заѣзжать ко мнѣ.

Во время отдыха онъ дѣйствительно навѣщалъ меня, а когда войска стянулись близъ Ропши, то съ бивуака къ Бергманамъ собиралось къ чаю много знакомыхъ имъ офицеровъ. Изъ посѣщавшихъ помню только конногренадера Феншау и Пенхержевскаго.

Однажды послѣ обѣда m-me Бергманъ, дочь ея Катенька и я сидѣли на балконѣ. Вдругъ прибѣгаютъ сказать мнѣ, что императрица остановилась въ коляскѣ на большой дорогѣ и желаетъ меня видѣть.

Я тотчасъ выбѣжала къ ней, поцѣловала ея руку, поклонилась сестрѣ ея, принцессѣ Луизѣ Нидерландской, и великимъ княжнамъ Ольгѣ и Александрѣ Николаевнамъ.

Поговоривъ у коляски, ея величество выразила желаніе посмотрѣть, гдѣ я живу, и въ моей комнатѣ обождать возвращенія государя съ маневровъ.

Несмотря на то, что я отговаривалась отъ этой чести, не смѣя принять такихъ дорогихъ гостей въ занимаемой мною маленькой комнатѣ, смежной съ баней, въ отдѣльномъ домикѣ, въ концѣ большого сада, императрица съ сестрой и дочерью направились со мной къ моему скромному жилищу.

M-me Бергманъ, сконфуженная, вѣроятно, что царская семья увидитъ, въ какомъ невзрачномъ уголкѣ я помѣщена, просила ея величество зайти къ ней на балконъ. Императрица отказалась, сказавъ: «Je veux voir ou est logée ma petite Maria Александровна».

При этомъ считаю нелишнимъ замѣтить, что, начиная съ ихъ величествъ, вся царская семья называла меня по имени. Вошла императрица, принцесса, великія княжны и я, хозяйки не слѣдовали за нами. Комната моя была чистенькая, маленькая, въ ней стояла кровать, столикъ и два соломенныхъ стула, на гвоздѣ ви-

сѣло у печки мое платье. Ея величество сѣла на мою кровать, для принцессы и великихъ княженъ оставалось два стула на троихъ, сначала онѣ отказались сѣсть, потому что мнѣ приходилось стоять, но когда я сказала имъ, что непременно слѣдуетъ присѣсть, чтобы по русскому повѣрью не унести покой изъ дома, эти двѣ прелестныя княжны усѣлись на одинъ стулъ, предоставивъ второй своей тетушкѣ.

Императрица спросила меня, не сыро ли, не скачутъ ли ко мнѣ въ комнату лягушки, и наконецъ не боюсь ли я оставаться тутъ одна. На первые вопросы я отвѣтила отрицательно, а на послѣдній успокоила тѣмъ, что дочь генерала Михельсона, племянница Бергмана, переходитъ на ночь ко мнѣ. Одна я не осталась бы тамъ ни за что. Поговоривъ съ четверть часа, императрица встала, со словами, что, вѣроятно, она государя не дождется, надо возвратиться въ Ропшу, пока не смерклось.

Проводивъ ихъ до экипажа, я поблагодарила ея величество и всѣхъ остальныхъ членовъ за счастье, доставленное мнѣ ихъ посѣщеніемъ; императрица, прощаясь со мной, поручила мнѣ, если увижу государя, возвращавшагося съ маневровъ, передать ему, что она выѣзжала ему на встрѣчу, но не зная, когда онъ вернется, уѣхала домой.

Намъ вынесли стулья, и мы усѣлись около большой дороги ожидать царя.

Вездѣ были разставлены кадки съ водой и ковшами, чтобы солдатики могли, проходя мимо, утолить жажду. Наконецъ, мы увидѣли, что вдаль поднялась густая пыль. Вѣрно, это государь возвращается со свитой. Мы встали и подошли къ дорогѣ.

Какъ только государь увидѣлъ меня, онъ подѣхалъ, поздоровался и спросилъ, давно ли я здѣсь. Когда я отвѣтила на всѣ вопросы, я передала его величеству, что караулила его по порученію императрицы, и слово въ слово отрапортовала ему.

На вопросъ государя, видѣла ли я когда нибудь бивуаки, я отвѣтила «никогда».

— Если вы желаете ихъ видѣть, то приглашаю васъ завтра къ себѣ на бивуаки, гдѣ будемъ пить чай подъ открытымъ небомъ.

Подождавъ мужа, который подѣхалъ верхомъ, государь ему сказалъ:

— Паткуль, завтра ты заѣдешь за женой и привезешь ее на бивуакъ.

Подѣхали поздороваться со мной наслѣдникъ, великій князь Михаилъ Павловичъ и по очереди вся свита.

Въ этотъ вечеръ чай пили позже. Саша и много молодежи предупредили Бергмановъ, что соберутся у нихъ съ бивуака.

На слѣдующій вечеръ Саша пріѣхалъ за мной, и мы вмѣстѣ отправились на бивуакъ государя, куда прибыли императрица,

принцесса и великія княжны. Государь былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа, водилъ насъ по всему бивуаку. Царскія небольшія палатки были раскинута въ лѣсу. Искусно сложенные ружья, пылающіе костры, тамъ и сямъ лежавшіе на травѣ солдаты, пѣсни ихъ, все это было такъ живописно и оживлено, что во мнѣ заговорила военная струнка, и я убѣдилась, что я родилась быть за военнымъ. Чайный столъ былъ накрытъ въ лѣсу же, подъ открытымъ небомъ. Вечеръ былъ чудный, теплый и полное отсутствіе вѣтра.

Прощаясь съ государемъ, я поблагодарила его за доставленное мнѣ удовольствіе и на вопросъ его отвѣтила, что мнѣ чрезвычайно понравился бивуакъ.

Императрица, прощаясь со мной, пригласила меня пріѣхать на слѣдующее утро въ Ропшу, куда я явилась къ назначенному часу.

Императрицу съ принцессой Луизой я застала въ будуарѣ. Она спросила, не хочу ли я позавтракать. На отвѣтъ мой, что я завтракала недавно, она все же настояла, чтобъ я выпила чаю, и накормила меня чудными фруктами.

Вскорѣ подали экипажъ, и императрица сказала: «*Vous allez faire un tour de promenade avec nous, je vous emmène*», и дѣйствительно повезла меня прокатиться вмѣстѣ съ принцессой.

Прощаясь съ императрицей, я сказала, что на-дняхъ уѣзжаю въ Петербургъ и до переѣзда двора въ столицу, вѣроятно, не увижу ея.

На это ея величество приказала мнѣ, отправляясь въ Петербургъ, заѣхать къ ней въ Петергофъ, гдѣ она передастъ мнѣ приданое, приготовленное ею для будущаго нашего ребенка. Императрица заранѣе предупредила меня ничего самой не готовить, говоря, что забота эта лежитъ на ней, такъ какъ у меня нѣтъ матери, а Сашѣ она ее замѣняла. Новое доказательство, какимъ ангеломъ доброты она была.

Нѣсколько дней спустя, маневры кончились, и мужъ пріѣхалъ за мной къ Бергманамъ, откуда мы вмѣстѣ отправились въ Петергофъ.

Какъ только доложили обо мнѣ, я тотчасъ была принята. Императрица была не совсѣмъ здорова и лежала на кушеткѣ. Я поцѣловала ей руку, она поцѣловала меня въ щеку и спросила: «*et votre mari ou est il?*» На мой отвѣтъ, что онъ не смѣлъ войти безъ ея приказанія, она позвонила и велѣла позвать его.

Въ это время вошла великая княжна Ольга Николаевна, и императрица, извиняясь, что не можетъ сама показать намъ приданое, поручила великой княжнѣ провести насъ въ другую комнату.

Глаза разбѣжались, когда я вошла туда и увидѣла все, что было разложено на нѣсколькихъ столахъ, перевязанное розовыми и голубыми ленточками. Ничего подобнаго мнѣ не случалось видѣть, все было въ такомъ изобиліи, такъ красиво, что великая княжна,

видя мой восторгъ, съ улыбкой и особеннымъ удовольствіемъ водила меня отъ стола къ столу, показывая все въ подробности.

Возвратившись къ императрицѣ, я со слезами на глазахъ благодарила ее за ея щедрый подарокъ.

Мы посидѣли съ полчаса, обо всемъ ея величество разспрашивала меня, а когда я съ ней прощалась, она перекрестила меня, пожелавъ, чтобы все кончилось благополучно.

Въ августѣ родилась великая княжна Александра Александровна, дочь наслѣдника, а 8-го сентября Богъ далъ намъ дочку Александру; имя дано ей въ честь ангела нашей матушки царицы, которая изъявила желаніе быть восприемницей.

Я кормила сама и когда черезъ 6-ть недѣль избавилась отъ непрестанной лихорадки, то въ назначенный для крестинъ день мы повезли нашу дочку въ Зимній дворецъ.

Наслѣдникъ былъ восприемникомъ; императрица, чувствуя себя не совсемъ хорошо въ этотъ день, поручила великой княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ быть ея замѣстительницей у купели.

Обрядъ таинства совершалъ духовникъ ихъ величество Бажановъ, послѣ чего Александра Николаевна, взявъ маленькую на руки, сказала, что императрица велѣла принести къ себѣ свою крестницу и намъ слѣдовать за ней. Но я попросила позволеніе одѣть ее сначала, затѣмъ спросила, позволить ли ея высочество, чтобы въ честь ея мы называли дочку нашу «Адини». «Я очень буду польщена этимъ»,—сказала она, поцѣловавъ меня.

Императрица, поздоровавшись съ нами, взяла свою крестницу на руки, поцѣловала ее и, любуясь ея большими черными глазами, густыми черными волосами и осмысленнымъ взглядомъ, предложила мнѣ тутъ же покормить малютку, предполагая, что она, должно быть, голодна. Поблагодаривъ ея величество, я сказала, что малютка терпѣливо будетъ ждать свой обѣдъ до пріѣзда домой.

Невозможно ни описать, ни даже перечислить всѣ случаи трогательнаго вниманія, участія и сердечнаго расположенія, проявленныхъ по отношенію къ намъ обожаемую нами императрицею Александрою Феодоровною.

При воспоминаніи объ этомъ чудномъ, безвозвратномъ времени невольно слезы одна за другой катятся изъ глазъ.

Сколько горя пережито съ тѣхъ поръ, но и оно не въ состояніи было затмить сладостное воспоминаніе. Возвращаясь къ счастливому времени, я продолжаю описывать эти лучшія воспоминанія; всему свой чередъ.

Въ этомъ году мы оба были приглашены на елку, что потомъ повторялось ежегодно. Императрица и для насъ приготовляла особый столъ съ подарками. Первое время подарки большею частью состояли изъ серебряныхъ вещей, какъ-то: ложекъ, подевични-

ковъ или мисочекъ, однимъ словомъ изъ такихъ вещей, которыя могли пополнить то, чего у насъ было мало, или вовсе не было.

Впослѣдствіи императрица поручила madame Рорбекъ, своей камерфрау, узнавать у насъ, что намъ нужно, и чего недостаетъ въ нашемъ хозяйствѣ. Такимъ образомъ мы получили бронзовые большіе массивные канделябры и столовый фарфоровый сервизъ съ нашимъ гербомъ на 48 персонъ.

Когда на елкѣ всѣмъ были розданы подарки, тогда переходили въ другую комнату, гдѣ на длинномъ столѣ были разставлены фарфоровыя и хрустальныя вещи изъ императорскихъ заводовъ.

Этимъ столомъ распоряжался самъ государь. Подъ каждую вещь была положена карта, а другая колода была роздана государемъ присутствующимъ. Стоя у стола, его величество выкликалъ выдернутую имъ карту изъ-подъ вещи, и у кого такая же оказывалась, тотъ подходилъ къ столу и получалъ вещь, выпавшую ему по жребію.

Были чайныя, кофейныя сервизы, вазы для цвѣтовъ, корзинки для сухарей съ бронзовою ручкой, зеркало на туалетъ въ фарфоровой рамкѣ, всего не перечестъ и не упомнить, но такъ какъ изъ упомянутыхъ мною вещей выпали на нашу долю между прочими и эти, то я назвала ихъ.

Когда кончалась эта лотерея, сѣдѣли за чай, потомъ, поужинавъ, разѣзжались по домамъ съ полученными подарками.

Съ разрѣшенія императрицы мнѣ приходилось уѣзжать съ бала до мазурки, которую я больше всѣхъ танцевъ любила, но дома дочка ждала свою кормилицу, слѣдовательно дальше оставаться нельзя было.

На масляной у государя былъ *folle jougnée*, на который былъ приглашенъ только Саши. Чтобы не обѣдать одной, я велѣла заложить карету и поѣхала подъ Невскій за кузиной мужа А. И. Буксгевденъ, которая тотчасъ же надѣла шляпу, и мы вмѣстѣ отправились ко мнѣ на блины. Отѣхавъ шаговъ двадцать, встрѣтили мчавшагося во всю прыть фельдъегеря съ камердинеромъ Саши.

Въ первую минуту я перепугалась, не случилось ли что съ Сашей, но тутъ подбѣжалъ фельдъегерь и передалъ приглашеніе государя пожаловать на завтракъ. Его величество извиняется, что такъ поздно, но вышла ошибка. Выпустивъ изъ кареты кузину, я поскакала домой. У меня ничего не было приготовлено; тотчасъ велѣла разглядить то бѣлое тарлатановое платье, въ которомъ я въ первый разъ была на балѣ въ Царскомъ Селѣ, причесалась, накормила дочку и черезъ четверть часа сѣдѣла уже въ каретѣ.

Вбѣжавъ на верхъ (покои государя были на самомъ верху), я вошла въ первую комнату, гдѣ за небольшимъ столомъ сѣдѣлъ

мужъ, ожидавшій меня, и нѣсколько другихъ флигель-адъютантовъ и адъютантовъ. Сапа встрѣтилъ меня словами: «ай, да молодецъ, видно, что жена военнаго». Онъ еще больше удивился, когда узналъ, что меня поймалъ фельдъегерь около Невской лавры. Блиновъ я не застала, но позавтракала, какъ слѣдуетъ.

Послѣ завтрака государь, увидѣвъ меня, извинился, что приглашеніе не было своевременно послано, и что потревожили меня, но прибавилъ, что своимъ присутствіемъ я доказала, что не сержусь на него.

Этимъ образомъ царской любезности я была крайне сконфужена.

За мазуркой, не помню съ кѣмъ танцевала, вдругъ скорыми, вѣрнѣе быстрыми шагами государь подходитъ ко мнѣ и начинаетъ хлопать по моему платью. Въ первую минуту я, рѣшительно не понимая, что это означаетъ, въ недоумѣніи смотрѣла на царя. Слова государя: «вы горите», объяснили мнѣ то, чего я сначала понять не могла. Отъ искры, упавшей со стѣнного бра, подъ которымъ я сидѣла, загорѣлось мое платье.

Не будь государя въ комнатѣ, отъ зоркаго глаза котораго ничего не ускользало, все разомъ могло на мнѣ вспыхнуть и привести къ трагическому концу. Сдѣлавъ выговоръ моему кавалеру, что онъ ничего не видѣлъ, его величество приказалъ намъ перемѣнить мѣсто. На платьѣ была прожжена дыра въ цѣлковый, но этотъ маленькій изъянъ не помѣшалъ мнѣ продолжать танцевать и веселиться. Такъ какъ развѣзжались рано, то я могла остаться до конца и вернуться домой вмѣстѣ съ Сашей.

Весной мы наняли маленькую дачу въ Царскомъ Селѣ, на Грязной ¹⁾ улицѣ, близъ Александровскаго дворца, куда переѣхали одновременно съ высочайшимъ дворомъ, т. е. послѣ майскаго парада.

У императрицы ежедневно собирались по вечерамъ. Въ 7 часовъ являлся скороходъ съ приглашеніемъ отъ имени ихъ величествъ. Всѣ собирались въ половинѣ девятого, государь приходилъ позже въ сюртукѣ съ контрагончиками и, поздоровавшись со всѣми, садился на три робера за карточный столъ. Партнеры были почти всегда одни и тѣ же.

Въ сосѣдней комнатѣ молодежь играла въ *petits jeux* и въ *secrétaire*; въ играхъ участвовали обѣ великія княжны. Чѣмъ больше, чѣмъ ближе мы знакомились съ ними, тѣмъ сильнѣе онѣ очаровывали не только своей красотой, но милымъ и любезнымъ обхожденіемъ.

На лагерное время дворъ переселялся въ Петергофъ, а 7 августа возвращался въ Царское Село.

¹⁾ Нынѣ Малая.

Снова начались эти милые, симпатичные вечера въ Александровскомъ дворцѣ. Съ какимъ восторгомъ мы туда отправлялись! Видѣть лишній разъ членовъ царской семьи было для насъ счастьемъ, да, настоящимъ счастьемъ. Иногда передъ вечеромъ устраивались катанья то въ Павловскъ, то на Царскосельскую ферму, пили тамъ чай и раза два ѣздили въ Графскую Славянку (нынѣ Царская Славянка).

Въ одну изъ поѣздокъ въ Славянку мнѣ пришлось ѣхать съ наслѣдникомъ въ четырехмѣстной коляскѣ; я сидѣла рядомъ съ его высочествомъ, противъ насъ графъ А. В. Адлербергъ и И. М. Толстой. Саша помѣстился на сидѣннѣ за коляской, на немъ была накинута шинель; подсмѣивались надъ нимъ, что онъ надѣлъ ее въ такой жаркій и ясный день. Онъ не сконфузился, замѣтилъ: «*riga bien, qui riga le dernier*», и прибавилъ, что держится того правила: «*lorsqu'il fait beau, prends ton manteau, lorsqu'il pleut, fais comme tu veux*», «впрочемъ, сказалъ онъ, быть запыленнымъ вовсе не весело».

Не успѣли доѣхать до Павловска, откуда ни возьмись, набѣжала туча, и пошелъ сильный дождь. Саша тотчасъ же снялъ съ себя шинель и подаль ее наслѣднику, который долго не соглашался лишить Сашу шинели, но подъ конецъ уступилъ просьбѣ товарища своего дѣтства и сказалъ: «Ты правъ, Паткуль! На будущее время буду слѣдовать твоему примѣру, ты далъ намъ всѣмъ урокъ».

Обѣдъ былъ сервированъ въ Славянкѣ, послѣ обѣда молодежь направилась играть въ горѣлки, а императрица, взявъ меня подъ руку, предложила прогуляться съ нею по парку.

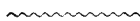
Во время прогулки вышла намъ на встрѣчу крестьянка, подошла ко мнѣ, схватила мою руку и, прежде чѣмъ я успѣла отдернуть, поцѣловала ее. Сконфуженная и красная, я указала ей на императрицу со словами: «вотъ, голубушка, матушка царица, а не я». Императрица засмѣялась, сказавъ, что очень польщена тѣмъ, что ее считаютъ такой молодой: «*Je suis flattée que cette bonne femme me croit si jeune*».

Не ей бы быть польщенной этой ошибкой,—ей, которая до конца жизни держалась прямо, какъ пальма, была граціозна, какъ никто, и чудныя правильныя черты лица ея вполне могли замѣнить молодость.

Это, по крайней мѣрѣ, было мое мнѣніе.

М. А. Паткуль.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

БЕЗВИННЫЙ УЗНИКЪ.

Разказъ.

I.

О, ЧТО я намѣренъ разказать, не выдумка, а истинное происшествіе. Оно могло случиться только въ провинціальной глуши, въ томъ темномъ царствѣ, гдѣ еще не вывелись типы гоголевскихъ Сквозниковъ-Дмухановскихъ и Держимордъ съ ихъ нелѣпымъ усердіемъ и произволомъ.

Я пріѣхалъ лѣтомъ въ Знаменское, усадьбу моего будущаго тестя, генерала Оленева. Моя невѣста, Наталья Николаевна, принадлежала къ старинному дворянскому роду. Ей было двадцать пять лѣтъ, мнѣ тридцать восемь.

Она очень уважала меня. Безъ этого, какъ она выражалась, не могло быть истинной любви. У нея было то, что называютъ характеромъ. Своего взгляда, своего мнѣнія она никогда не мѣняла. Въ ней была непреклонность, та женская непреклонность, неумолимая и холодная, которая кажется такимъ противорѣчіемъ въ будто бы всегда мягкой, нѣжной, уступчивой и покорной женской душѣ.

Но особенно Наталья Николаевна была чутка ко всему, что носило печать непорядочности, нечистоплотности, что портило тонъ.

Одна изъ ея институтскихъ подругъ явилась къ ней въ слишкомъ поношенномъ платьѣ и съ не совсѣмъ опрятными руками. Наталья Николаевна отклонила ея просьбу и объяснила это такими словами:

— Когда человекъ начинаетъ нравственно опускаться, это прежде всего отражается на его внѣшности. Я никому не могу рекомендовать лица, которое не можетъ оправдать моего довѣрія.

Усадьба Оленевыхъ находилась въ восьмидесяти верстахъ отъ города Денисова, который извѣстенъ на всю Россію своими кустарными промыслами, собственно не городъ, а уѣздъ. Городъ былъ промышленнымъ центромъ, и изученіе его представлялось мнѣ дѣломъ не только весьма интереснымъ, но и прямо необходимымъ. Въ это время я усидчиво работалъ надъ большимъ трудомъ: «Кустарные промыслы средней полосы Россіи».

Въ «Знаменскомъ» гостилъ двоюродный братъ Натальи Николаевны, молодой блестящій петербургскій чиновникъ, Илья Семеновичъ Суходольскій. Мы съ нимъ очень ладили. Оба мы любили охотиться, купаться, удить рыбу.

Онъ зналъ, что я собираюсь въ Денисовъ, совѣтовалъ ѣхать туда верхомъ и даже вызвался проводить меня до половины пути.

Были первые дни августа. Погода стояла превосходная. Послѣ жаркаго сухого лѣта чувствовалась та прохлада, та живительная свѣжесть особенно прозрачнаго воздуха, которая всегда является спутникомъ осени.

Мы выѣхали въ восемь часовъ утра. Наталья Николаевна, черно-волосая, матовосмуглая, въ бѣломъ легкомъ платьѣ стояла на террасѣ, среди кадокъ съ померанцевыми деревьями и махала платкомъ.

Тихое прохладное утро смѣнилось жаркимъ днемъ, съ сильнымъ, какъ буря, вѣтромъ. Этотъ вѣтеръ гналъ облака пыли намъ навстрѣчу. Иногда мой вороной останавливался и выражалъ явное желаніе вернуться къ вѣтру спиной. Но скоро дорога пошла лѣсомъ, и здѣсь ярость вѣтра нѣсколько утихла.

Не безъ сожалѣнія я расстался съ Суходольскимъ. Ничто такъ не сближаетъ, какъ совмѣстное путешествіе.

На слѣдующій день къ вечеру я добрался до Денисова. Трудно представить себѣ болѣе печальный и жалкій городокъ. Онъ какъ-то беспомощно распоязся по голому песчаному холму. Бѣлый каменный соборъ представлялъ рѣзкую противоположность съ покосившимися домиками, съ дырявыми крышами, усѣянными зеленымъ и сѣдымъ мохомъ.

Мнѣ указали трактиръ на углу огромной немощенной площади. Я приказалъ дать лошади овса. Меня провели наверхъ, гдѣ комнаты были обращены въ номера для пріѣзжающихъ. Подали чай, я сѣлъ у окна, размышляя, какъ приняться завтра за собраніе матеріаловъ.

— Господинъ, паспортъ позволите, — прервалъ мои мысли половой.

— Хорошо, подожди, — разсѣянно отвѣтилъ я, махнувъ рукой.

На другомъ концѣ площади возвышался каменный бѣлый двухъ-этажный домъ. На крыльцѣ его толпились полицейскіе. Они уходили и возвращались вновь.

День былъ воскресный, но улицы были глухи и мертвы. Даже не слышалось визжанія гармоника. Въ городѣ не было ни одного извозчика, и это производило непривычное впечатлѣніе.

Видъ городскихъ напомнилъ мнѣ о полицейскихъ порядкахъ, и я ощущалъ боковой карманъ, гдѣ лежалъ у меня видъ и бумажникъ. Къ моему изумленію, карманъ былъ пустъ. Встревожившись, я тщательно осмотрѣлъ всѣ свои карманы, но бумажникъ и паспортъ исчезли безслѣдно.

Я вспомнилъ, что, утомившись отъ непрерывнаго напора вѣтра, мы съ Суходольскимъ свернули въ лѣсъ, нашли ручей, снимали сюртуки, умывались, отдыхали. Вотъ, вѣроятно, тутъ и обронилъ я свой бумажникъ, а, можетъ быть, и въ другомъ мѣстѣ.

Но какъ бы то ни было, паспорта не находилось. И денегъ было жалъ: въ бумажникѣ лежало болѣе ста рублей. Въ портмонѣ я насчиталъ у себя 26 рублей съ мелочью.

Между тѣмъ слуга опять явился за документомъ.

— Неужели у васъ тутъ въ глуши такъ строго?—съ нѣкоторымъ раздраженіемъ спросилъ я:—у меня нѣтъ съ собой паспорта.

Половой съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на потолокъ, ушелъ и сейчасъ вернулся.

— Хозяинъ спрашиваетъ, нѣтъ ли у васъ карточки.

Я молча подаль ему свою визитную карточку, на которой, кромѣ имени и фамиліи, значился мой адресъ въ томъ городѣ, гдѣ находился университетъ съ моею кафедрой. Слуга бережно взялъ ее и прочиталъ про себя. Отдаленность города N. видимо поразила его. Онъ вышелъ, и черезъ нѣсколько времени я замѣтилъ его на площади. Онъ подпрыгивая направлялся къ полицейскому дому. Неясное предчувствіе надвигающейся бѣды закралось въ мою душу.

— Что я за искатель приключеній! Солидные люди ѣздятъ тройкой, на почтовыхъ, въ тарантасѣ, съ паспортами, видами на жительство, съ поклажей, чемоданами, узлами. А у меня нѣтъ ничего. И какъ жалъ, что нѣтъ Ильи Семеновича. Онъ бы ужъ навѣрно нашелся, какъ быть.

Я со вниманіемъ принялся наблюдать за полицейскимъ домомъ. Вотъ показался половой. Но теперь онъ шелъ не одинъ. Его сопровождалъ одинъ изъ тѣхъ городскихъ въ длинномъ бѣломъ кителѣ съ пашкой черезъ плечо, любой изъ которыхъ на разстояніи могъ быть принятъ за пристава или исправника. Я зналъ, что городской идетъ ко мнѣ, и не ошибся. Спусти двѣ или три минуты, онъ стоялъ передо мной и говорилъ:

— Паспортъ позвольте, исправникъ требуетъ. А коли нѣтъ паспорта, просятъ васъ дойти до нихъ.

— Дойти до нихъ?! Если у него есть время, онъ и самъ могъ бы дойти. Нѣтъ, я не пойду. Вѣдь я уже далъ карточку.

— Оно такъ, только желательно, чтобы вы сами.

— А мнѣ это нежелательно. И больше объясняться я не буду.

Онъ ушелъ и, перейдя окутанную сумракомъ зловѣщую площадь, скрылся въ бѣломъ домѣ.

Черезъ нѣсколько времени ко мнѣ явился молодой человекъ, назвавшійся письмоводителемъ полицейскаго управленія. Я ему подробно объяснилъ и написалъ на листкѣ, кто я, откуда и зачѣмъ. Когда онъ ушелъ, повидимому, удовлетворенный полученными свѣдѣніями, я вздохнулъ свободно, въ надеждѣ, что теперь неприятная исторія кончилась.

Но это было лишь начало.

За письмоводителемъ пожаловалъ ко мнѣ чиновникъ постарше, надзиратель или что-то въ этомъ родѣ. Онъ убѣдительно просилъ дойти до исправника.

— Помилуйте,—убѣждалъ онъ:—тутъ такъ близко. Сдѣлайте одолженіе, сходите. Онъ васъ ждетъ, не уходитъ изъ присутствія и никого не отпускаетъ.

Я былъ такъ утомленъ этими посѣщеніями и разговорами, что наконецъ согласился.

II.

Въ полномъ мракѣ прошли мы площадь и приблизились къ ярко освѣщенному теперь бѣлому дому. Съ крыльца каменная лѣстница вела во второй этажъ, и мы пошли по ней. Въ большой комнатѣ находилось вдоль стѣнъ нѣсколько столовъ, за которыми сидѣли писцы и писали. У окна, въ глубинѣ комнаты, за столомъ получше и побольше, сидѣлъ бѣлесоватый человекъ съ выпуклыми глазами и взъерошенными усами. Впалая грудь, сутуловатые плечи, рябое, блѣдное, плоское съ жесткимъ выраженіемъ лицо, съ выбритыми скулами, худыя руки съ цѣпкими жилистыми пальцами—таковы были черты его, врѣзавшіяся въ моей памяти.

— Кто вы такой?—грубо и наотрѣзъ спросилъ онъ, сидя за своимъ столомъ и вскидывая на меня свое рябое лицо. Передъ нимъ лежалъ листокъ, на которомъ я написалъ свое званіе и имя. Увидавъ свой почеркъ, я сказалъ:

— Вотъ тутъ я написалъ.

Едва я началъ говорить, какъ онъ, уловивъ мой взглядъ, порывисто прикрылъ листокъ своей рукой.

— То есть что такое написали и гдѣ? Повторяю, я спрашиваю, кто вы такой?

Я назвалъ себя и прибавилъ:

— Позвольте, я желаю сѣсть.

— Не позволю, пока не удостоверюсь, кто вы. Почему я знаю, что вы за птица? Всякие бывают. Генераломъ можно назваться. Пожалуйста паспортъ, тогда дѣло другое. Ясно видно, кто такой. Да мнѣ ваше лицо что-то помнится. Послушайте, да не жили ли вы на Басманной.

— Никогда не жилъ.

Въ эту минуту послышался другой голосъ:

— Удивляюсь, какъ вы осмѣлились сказать, чтобы я явился къ вамъ!—съ раздраженіемъ, захлебываясь, воскликнулъ пухлый съ измятымъ лицомъ офицеръ, внезапно выходя изъ мрака, изъ-за двери въ смежную неосвященную комнату.

— А кто вы, позвольте спросить?—обратился я къ нему.

— Я исправникъ. Приходитъ нижній чинъ, передаетъ приказаніе начальства, а ему заявляютъ: пусть исправникъ самъ явится. Да такъ я и стану всюду таскаться.

Тутъ я увидалъ, какую сдѣлалъ ошибку, прійдя сюда. Однако, что было бы, если бы я не пришелъ?

— Я нисколько не ниже васъ по положенію, а даже выше,— съ твердостью возразилъ я:—въ моихъ словахъ не было ничего оскорбительнаго. Вы такъ настойчиво желали видѣть меня, что было просто сказать то, что я сказалъ.

— Было просто! Все очень просто, милостивый государь. Вашъ видъ на жительство!..

— Я уже говорилъ...

— Такъ я сейчасъ вамъ и повѣрилъ. Да за кого вы насъ считаете? Неужели можно допустить, чтобы изъ Н. можно было ѣхать безъ вида? И станетъ почтенный человѣкъ, профессоръ, путешествовать верхомъ по лѣсамъ?..

— Я прошу васъ не кричать на меня. Въ моемъ положеніи нѣтъ ничего необыкновеннаго.

— Все! Говорите, чтобъ я пришелъ... Это, это... Да знаете ли вы, какъ поступаютъ съ безпаспортными? Вѣдь вы бродяга, неизвѣстный человѣкъ. Мы можемъ задержать васъ за бесписьменность!..

— Къ чему эти слова, къ чему угрозы, когда достаточно одной телеграммы, чтобы удостоверить мою личность?

— Къ вашему единомышленнику?—усмѣхаясь произнесъ рябой помощникъ исправника, сидѣвшій за столомъ.

— Къ попечителю учебнаго округа...

— Ну,—сказали они оба въ одинъ голосъ. Затѣмъ они обмѣнялись нѣсколькими фразами, и помощникъ проговорилъ:

— Несмотря на все, мы желаемъ поступить съ вами гуманно. Мы сдѣлаемъ справки объ васъ и на вашъ счетъ по телеграфу. Потрудитесь дать подписку о невыѣздѣ изъ Денисова въ теченіе трехъ дней.

— Мнѣ нужно побывать въ окрестныхъ селахъ. Я прибылъ съ научной цѣлью.

— Вотъ мы узнаемъ, съ какой цѣлью вы прибыли. Затѣмъ, если справки будутъ для васъ благопріятны, то очень радъ, въ противномъ случаѣ извините.

Проворный писмоводитель подалъ заготовленную подписку о невыѣздѣ. Я безпрекословно подписалъ ее.

— Можете идти,—распорядился исправникъ.

Я повернулся и, оскорбленный грубымъ обращеніемъ, насиліемъ въ подпискѣ, пытливыми, недоувѣрчивыми взглядами и улыбками писарей, вышелъ изъ полицейскаго дома.

Помню, подавленный прискорбными впечатлѣніями этого дня, я добрался до своей комнаты, сѣлъ на диванъ, погасивъ лампу, и погрузился въ тяжелыя размышленія. Мои мечты о новой живой работѣ разлетѣлись, какъ дымъ. Печальный городъ съ нищенскимъ, изнывавшимъ въ вѣчной кабалѣ кулаковъ, населеніемъ не возбуждалъ во мнѣ прежняго остраго чувства состраданія къ его роковой судьбѣ.

Недолго я оставался одинъ. Послышался топотъ множества ногъ. Въ комнату ввалилась толпа народу. Впереди со свѣчей шелъ половой, за нимъ надзиратель, городовые. Мужики съ важностью на лицахъ стали въ дверяхъ, преграждая, повидимому, путь къ бѣгству. Это были понятые.

— Прошу васъ взять свои вещи,—сказалъ надзиратель,—и... расплатиться.

— Вы хотите задержать меня?—спросилъ я.

Мнѣ не отвѣтили. Окруженный толпой, я вышелъ на площадь. Она была попрежнему пустынна и безмолвна.

III.

Меня привели къ исправнику.

— Послушайте, какъ васъ тамъ, говорите-ка по чести, какъ васъ зовутъ,—необыкновенно фамиллярно и оскорбительно произнесъ помощникъ, засунувъ руки въ карманы брюкъ, подходя ко мнѣ. Понятые, полицейскіе неподвижно стояли позади.

— Прошу васъ не говорить со мной такимъ тономъ.

— Те-те, про тонъ заплѣлъ. Бывалый, видно, рецидивистъ!

— Господинъ исправникъ, я обращаюсь къ вамъ и протестую противъ подобнаго обращенія.

— Пожалуйста, оставьте меня въ покоѣ,—отвѣтилъ тотчасъ исправникъ, находившійся въ темной комнатѣ. Онъ вышелъ на свѣтъ и сказалъ:—я поручилъ допросъ моему помощнику и ко мнѣ прошу не обращаться.

— Видна птица по полету,—процѣдилъ помощникъ,—ну, что тамъ заператься? Говорите, кто такой?

Видя, что я молчу, онъ приблизился и, скрививъ лицо, пробормоталъ:

— Эхъ, попался бы въ Москвѣ въ сыскное, живо бы мы тебя въ бараній рогъ согнули.

Въ этомъ я не могъ сомнѣваться. Я говорю истинную правду. Тутъ нѣтъ ни одного выдуманнаго слова. И вотъ, если я, профессоръ, уважаемый въ своемъ кругу человѣкъ, могъ подвергаться незаслуженно цѣлому ряду оскорбленій, то чего же могъ ожидать бѣдный, загнанный, неизвѣстный человѣкъ?

— Рецидивистъ, отвѣчаю чѣмъ угодно, опытный рецидивистъ,—продолжалъ помощникъ,—и все ясно. Дай, думаю, приѣду нѣ Денисовъ. Народъ тутъ простой, тихій. Надѣлаю дѣлъ и дальше. А не тутъ-то было! Всюду шло гладко, а тутъ бацъ да съ перваго абцуга въ полицейское управленіе. Вотъ, голубчикъ, и попался.

Онъ громко захохоталъ.

— Эй, вы, вотъ, вы говорите, что служите въ N. Кто у васъ ректоръ? Имя и фамилію? Гдѣ живетъ? Женатъ или нѣтъ? Кто профессоръ математики, кто священникъ?

Эти вопросы сыпались, какъ градъ, но я былъ такъ возбужденъ, что отвѣчалъ сразу и безъ ошибокъ. Нельзя было сбить меня.

Помощникъ разсердился и замолчалъ.

Тогда я сталъ говорить громко и твердо:

— Что я вамъ сдѣлалъ, что вы такъ обращаетесь со мной? Вы даете поводъ и остальнымъ также относиться ко мнѣ. Эти люди,—я обернулся къ городovýmъ и понятымъ, —тоже думаютъ, что я нивѣсть какой злодѣй. Не могу повѣрить, чтобы въ моемъ отечествѣ бумага значила больше человѣка. Чтобы убѣдиться, кто я, достаточно дать телеграмму въ N., въ Москву, или въ усадьбу Знаменское къ помѣщику Оленеву...

— Ну, телеграммы ничего не удостовѣряютъ, говорятъ вамъ.

— Кто васъ знаетъ тутъ, въ Денисовѣ?—вмѣшался исправникъ.

— Тутъ никто.

— Довольно,—перебилъ помощникъ:—вотъ законъ, и здѣсь сказано, какъ поступать съ бродягами. Позвольте ваши вещи. Понятые, сюда. Михайло Семеновичъ, принимайтесь за опись.

Онъ остановился и вдругъ съ хитростью проговорилъ:

— Мы не вѣримъ ни одному вашему слову, ни тому, что вы профессоръ, ученый и такъ далѣе. Скажите намъ откровенно, кто вы, и Богъ съ вами. Побѣзжайте себя на всѣ четыре стороны.

Воцарилось молчаніе. Понятые съ удивленіемъ смотрѣли на помощника. Онъ со скромнымъ, но побѣдоноснымъ видомъ ждалъ.

Я ни на мгновенье не колебался.

— Я Аркадій Павловичъ Ковровъ, ординарный профессоръ N—скаго университета. Все это я уже объяснилъ и повторять не буд

Лицо помощника передернулось.

— О, чортъ, записывайте вещи!—пробормоталъ онъ.

Прежде всего у меня отобрали деньги, часы и все, что было въ карманахъ. Я сѣлъ въ тяжеломъ раздумьѣ около стола, облокотившись на него и закрывъ лицо обѣими руками, не заботясь объ обшаривавшихъ меня людяхъ.

Когда все было записано, надзиратель прочелъ:

«6-го августа сего года трактирщикъ Зуевъ донесъ, что у него остановился неизвѣстный человѣкъ, прїѣхавшій верхомъ. Означенный человѣкъ отказался предъявить паспортъ. Будучи спрошенъ черезъ полицейскаго надзирателя города Денисова, онъ отвѣтилъ, что паспортъ утералъ по пути въ Денисовъ. Будто бы самъ онъ профессоръ N—скаго университета, прибылъ въ Москву, а оттуда въ усадьбу Знаменское, въ Зубинскомъ уѣздѣ T—ской губерніи. Изъ усадьбы этой онъ, упомянутый неизвѣстный человѣкъ, поѣхалъ для научныхъ цѣлей въ г. Денисовъ, гдѣ и былъ за безписьменность задержанъ полицейскимъ управленіемъ. Вещи и лошадь, кои при немъ нашлись, занесены въ особую прилагаемую при семъ опись».

— Вѣрно?—спросилъ надзиратель, прерывая чтеніе.

Я равнодушно кивнулъ головой.

— Вотъ какъ бумаги пишутъ у насъ въ Денисовѣ,—со смѣхомъ воскликнулъ помощникъ.

— Подпишите,—сказалъ кто-то.

Также молча и безучастно я подписалъ протоколъ.

— Теперь... проводите,—распорядился исправникъ.

Меня повели внизъ по лѣстницѣ и заперли въ какую-то клѣтку, сажени двѣ длины. Большую часть этого помѣщенія занимали сосновыя нары, вылощенные арестантскими спинами и боками.

Засиженная мухами лампа горѣла на стѣнѣ. Окно было съ рѣшеткой. Въ двери, выкрашенной въ черную краску, было вырѣзано четырехугольное отверстіе, куда по временамъ заглядывалъ дежурный городской.

Я прямо легъ на нары навзничъ, закрывъ лицо руками, и такъ пролежалъ всю ночь. Что я думалъ, что выстрадалъ, не дай Богъ этого никому. За перегородкой возились, переговаривались, курили крѣпкій табакъ другіе арестанты. Они меня не интересовали. Впрочемъ, я былъ такъ утомленъ, подавленъ душевно, что внѣшнія впечатлѣнія почти не касались меня.

Долгая томительная ночь наконецъ миновала. На лѣстницѣ и въ верхнемъ этажѣ послышались голоса. Изъ отверстія въ двери я могъ разсмотрѣть помѣщеніе, къ которому примыкала моя камера. Это была большая комната, и въ ней стояли четыре койки. На нихъ спали полицейскіе. Одинъ за другимъ они поднялись, принесли въ жестяныхъ чайникахъ кипятку и принялись пить чай.

Пришли какія-то женщины, прибѣжали дѣти. Часто разговоръ касался меня, при чемъ головы пришедшихъ съ любопытствомъ поворачивались къ моей двери.

Пребываніе взаперти въ клѣткѣ стало казаться мнѣ ужаснымъ. Смутно я надѣялся, что за ночь здѣшнія власти одумаются и отпустятъ меня. Болѣе всего угнетало меня то, что я былъ совершенно отрѣзанъ отъ всего міра. Я не могъ никакъ увѣдомить о своемъ положеніи ни своихъ родныхъ, ни знакомыхъ. Размышляя, какъ мнѣ освободиться, я рѣшился просить, чтобы меня отвели къ судебному слѣдователю. Больше никакихъ властей въ Денисовѣ не было.

Осматривая свою клѣтку, я замѣтилъ нѣсколько листовъ бѣлой бумаги, положенной за ту часть лампы, которой она прикрѣплялась къ стѣнѣ. Въ одномъ изъ кармановъ у меня уцѣлѣлъ кусокъ карандаша. Я оживился и съ большой осторожностью, чтобы мнѣ не помѣшали и не замѣтили моего занятія, вѣроятно, не дозволеннаго здѣсь, принялся составлять телеграмму. «Станція Зубино, Знаменское, Суходольскому. Приѣзжайте немедленно въ Денисовѣ. Задержанъ полиціей. Ковровъ».

Другую телеграмму въ такомъ же родѣ, но болѣе подробную, я приготовилъ брату въ Москву. Въ одиннадцатомъ часу я потребовалъ, чтобы меня провели къ исправнику.

— Что вамъ угодно?—сухо спросилъ онъ, сидя за столомъ, гдѣ вчера располагался помощникъ, сидѣвшій тутъ же.

— Я желаю видѣть слѣдователя.

— Этого вовсе не нужно. Относительно васъ мы уже рѣшили. Вы отправитесь по этапу. Разбираться, кто вы такой, у насъ нѣтъ ни времени, ни возможности. Вы говорите, что вы изъ N., ну, въ N. мы васъ и отправимъ.

— Но до N. двѣ тысячи верстъ. Я вовсе не желаю туда отправиться.

— Потому, что васъ оттуда повернуть назадъ къ намъ. Старая пѣсня,—вмѣшался помощникъ:—и начнутъ гонять по этапу то туда, то сюда.

— Куда же вы желаете, чтобы васъ отправили?

Я колебался. До ближайшаго губернскаго города, гдѣ находился губернаторъ, окружный судъ и тому подобныя власти, было около ста верстъ по почтовому тракту, черезъ лѣса и пески. И тамъ меня никто не зналъ. До Москвы было верстъ пятьсотъ, и изъ нихъ четыреста по желѣзной дорогѣ.

— Я предпочитаю въ Москву.

— Куда угодно. Это для насъ безразлично.

— Когда отправляется этапъ?

— Въ воскресенье,—произнесъ помощникъ:—ну, идите, идите себѣ. Нечего тутъ разговаривать.

Онъ всталъ и взялъ меня за плечо, толкая къ двери.

Когда я очутился въ прежней клѣткѣ, глубокое уныніе овладѣло мной. Былъ понедѣльникъ. Просидѣть еще шесть дней въ этомъ ужасномъ помѣщеніи!

— Подите сюда!—съ рѣшимостью отчаянія сказала я, обращаясь черезъ вырѣзку въ двери къ дежурному.

Онъ подошелъ ближе.

— Есть у васъ деньги? Вотъ двѣ телеграммы. Отправьте ихъ. Я щедро васъ вознагражу.

— Этого намъ не полагается,—съ оторопью и нѣкоторой надменностью отвѣтилъ полицейскій.

Послѣдняя надежда оставила меня.

Вѣжать? Какой позоръ, какой срамъ! Ждать этапа... Это ужасно.

Какъ я ни ломалъ голову, не было выхода.

— Эй, вы, послушайте,—обратился я опять къ своему сторожу.

— Ну?—съ крайней недовѣрчивостью отозвался онъ.

— Кто у васъ тутъ воинскій начальникъ, какъ фамилія?

— Тихомировъ.

— А исправникъ? Кто онъ?

— Изъ полка вышелъ, недавно опредѣлили. А помощникъ по сыскной части въ Москвѣ служилъ. Сквозь всю Москву и Питеръ знаетъ.

— Съ кѣмъ ты тамъ болты болтаешь?—послышался грубый окрикъ.

Мой стражъ торопливо отошелъ.

Прошло два или три томительныхъ часа.

Вотъ ключи загремѣли, и дверь ко мнѣ отворилась.

— Пожалуйста сюда,—позвалъ меня надзиратель.

— Такъ какъ до этапа долго, вы переводитесь въ мѣстный тюремный замокъ. А теперь подпишите опись вашимъ вещамъ.

Онъ сталъ перечислять мои вещи и деньги. Я быстро подписалъ бумагу, охваченный новой надеждой. Я думаю, никто и никогда не радовался такъ своему заключенію въ тюрьму, какъ я.

IX.

Четыре городовыхъ ожидали меня на улицѣ, и мы тотчасъ тронулись въ путь. Одинъ изъ нихъ несъ мои вещи. Старшій держалъ подъ мышкой пересыльную книгу. Позади вели подъ уздцы мою лошадь.

Это шествіе не возбуждало, однако, особаго любопытства. Населеніе города сидѣло за работой. Только лѣнливые торговцы стояли у дверей своихъ жалкихъ лавокъ и тупо смотрѣли на меня.

По пустыннымъ улицамъ дошли мы до деревяннаго желтосѣраго, крайне ветхаго зданія, со сквозными воротами въ серединѣ, вмѣсто крыльца или подъѣзда. Тюремный сторожъ отперъ ихъ, и я вошелъ въ проходъ, ведшій на дворъ. И съ той стороны проходъ былъ загражденъ, но уже воротами въ видѣ рѣшетки.

Къ намъ скоро спустился изъ своей квартиры, занимавшей весь верхъ этого дома, начальникъ тюрьмы.

Это былъ худой съ землистымъ цвѣтомъ лица человѣкъ, въ мундирѣ. Ласковые, выцвѣтшіе глаза его старались глядѣть съ особенной проникательностью, но проникательности въ нихъ не было.

Онъ очень недовѣрчиво отнесся къ моимъ объясненіямъ относительно того, за что я былъ задержанъ, и приказалъ обыскать меня. Къ моему горю, у меня отобрали приготовленныя телеграммы.

— Вамъ все равно, для васъ это клочки бумаги, а для меня они имѣютъ огромную важность. Прошу васъ, отправьте ихъ.

— Хорошо, хорошо, непременно отправлю, — говорилъ начальникъ, перебирая мои вещи.

— Ихъ въ пересыльную? — спросилъ пришедшій старшій тюремный надзиратель, толстый, добродушный человѣкъ, вѣроятно, изъ унтеръ-офицеровъ или фельдфебелей.

— Конечно, они дворянинъ. Ихъ надо особо. До этапа недолго. Помѣстимъ наверху.

Меня повели во дворъ. Тутъ стоялъ мрачный двухъэтажный старый, деревянный флигель, съ широко разставленными окнами, за дѣланными зловѣщими желѣзными рѣшетками. Съ трехъ сторонъ высокій частоколъ окружалъ этотъ флигель, примыкая къ первому зданію, не имѣвшему съ наружной стороны никакой ограды.

Внутри каждый этажъ этого флигеля по всей длинѣ раздѣлялся коридоромъ, по сторонамъ котораго находились камеры для заключенныхъ. По коридору прохаживался въ черной одеждѣ, съ револьверомъ и шапкой, дежурный тюремный сторожъ или, какъ принято здѣсь называть, надзиратель. И тутъ въ дверяхъ были вырѣзаны отверстія для наблюденія за арестантами.

Арестанты въ странныхъ бѣлыхъ одеждахъ, въ видѣ пиджаковъ, и длинныхъ панталонахъ, въ лаптяхъ, смотрѣли съ жаднымъ любопытствомъ на вновь прибывшаго. Появленіе барина въ здѣшней глуши интересовало всѣхъ.

Благодаря своему званію, я попалъ въ одиночное заключеніе. Но моя камера въ тюрьмѣ была чистымъ раемъ въ сравненіи съ той клѣткой, въ которой меня заключили въ полицейскомъ домѣ.

Эта камера имѣла два окна съ видомъ на поля и синѣвшій вдали лѣсъ. Въ ней было одиннадцать шаговъ длины и девять ширины. Высокій потолокъ и стѣны были выкрашены въ бѣлую краску, дверь въ черную. На огромныхъ нарахъ, весьма похожихъ на тѣ

столы, на которыхъ сдѣять, поджавъ ноги, портные, и находившихся посреди комнаты, могло бы помѣститься человекъ пятнадцать.

Пришелъ старшій, принесъ куртку изъ грубаго холста, лапти, и я долженъ былъ переодѣться во все тюремное.

Замокъ щелкнулъ, я остался одинъ. Кромѣ наръ, я замѣтилъ въ своемъ помѣщеніи небольшой столъ, въ родѣ простыхъ кухонныхъ, и около него на полу ведро съ водой.

По распоряженію начальника тюрьмы мнѣ принесли тюфякъ, подушку, набитые соломой, и одѣяло изъ жесткаго солдатскаго сукна. Оно такъ кололо, что я не сразу могъ привыкнуть имъ накрываться.

Голова у меня кружилась, глаза смыкались отъ утомленія. И со вчерашняго утра у меня ни крошки не было во рту. Я легъ и погрузился въ тяжелое, дремотное состояніе. Помню, какія-то лица заглядывали въ окошечко моей камеры, какъ будто приходилъ и начальникъ тюрьмы, я лежалъ въ прежнемъ оцѣпѣннѣи.

Такъ миновалъ день. Вечеромъ дежурный арестантъ внесъ ушатъ съ рѣзкимъ запахомъ нашатыря, и у меня зажгли лампу, которая должна была горѣть всю ночь. Гдѣ-то мужскіе голоса пѣли молитвы, потомъ все утихло. Тюрьма заснула.

Но сонъ бѣжалъ отъ моихъ глазъ. Я лежалъ и думалъ о своемъ тяжкомъ положеніи. Въ Китаѣ, не говоря о Европѣ, нельзя безъ суда лишити человека свободы. А здѣсь, въ Денисовѣ, удаленный изъ полка офицеръ и бывший сыщикъ, его помощникъ, бросили меня въ тюрьму безъ всякой надежды на освобожденіе. А затѣмъ не ляжетъ ли это позорное пятно на меня навсегда?

Если эта исторія разгласится, студенты будутъ показывать на меня пальцами и говорить:

— Онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ.

А Наталья Николаевна...

Но на этой мысли я не хотѣлъ даже останавливаться.

Въ шесть часовъ утра мнѣ принесли кипятку. Старшій сказалъ:

— Что же это вы? Вамъ надо завести чайникъ, стаканъ. Купите себѣ чая и сахара. Вѣдь у васъ есть деньги, 26 рублей.

Онъ лучше меня зналъ, что у меня есть.

— Деньги у меня отобрали,—непріязненно отвѣтилъ я.

— А вы выпишите рубль тамъ, или два. Я получу и куплю все, что прикажете. А вы курите?

— Нѣтъ, не курю.

— А у насъ всѣ курятъ.

— Какъ же выписать?

— Да вѣдь вотъ у васъ двѣ квитанціи. Одна денежная, другая вещевая.

Дѣйствительно, я увидалъ на нарахъ около подушки длинные листки, какъ тѣ, на которыхъ пишутъ рецепты. Въ печатномъ заголовкѣ и прописью стояло:

«Вѣдомость деньгамъ, принятымъ отъ арестанта Коврова, содержащагося въ камерѣ № 4, пересыльнымъ.

«Золотыхъ монетъ по 5 рублей—пять.

«Серебряныхъ въ одинъ рубль—одна.

«Итого 26 рублей».

Также подробно перечислены были и вещи.

Подъ диктовку старшаго я написалъ: 8 августа сего года выдано два рубля.

Затѣмъ слѣдовала моя подпись.

И потомъ, когда являлась необходимость въ деньгахъ, надо было на вѣдомости отмѣчать каждую копейку. Но денегъ я не видалъ. Ихъ получалъ и расходовалъ старшій.

Въ тотъ же день у меня завелся новенькій жестяной чайникъ, 2 фунта колотаго сахара и четверка чаю.

Продовольствіе арестантовъ состояло изъ обѣда въ 11 ч. утра и ужина. На обѣдъ приносили горохъ въ кипяткѣ—это былъ гороховый супъ—или также свареную капусту. На второе давали гречневую или пшеничную кашу. Хлѣба чернаго полагалось фунта два съ лишнимъ. Что оставалось отъ обѣда, то шло на ужинъ. Крестьяне, простые люди, могли ѣсть это неприхотливое кушанье, но я не рѣшался даже его отвѣдать. Я пилъ чай, мнѣ приносили французскую булку, большая часть которой оставалась нетронутой.

Среди дня пришелъ дежурный съ молодымъ арестантомъ, несшимъ связку баранокъ.

— Примите, по четыре,—сказалъ онъ.

Это было подаяніе.

Я молча съ волненіемъ принялъ бублики. Подаяніе я принялъ въ первый разъ.

Впослѣдствіи я убѣдился, что нельзя заключеннымъ жить безъ денегъ и безъ подаянія. Годами томятся узники. Помните о нихъ. Не проходите безучастно мимо темницъ, гдѣ заключены эти несчастные. Заботьтесь о нихъ, потому что о нихъ некому позаботиться.

Вечеромъ пришелъ старшій, крѣпко потрясъ обѣими руками рѣшетки, чтобы убѣдиться, прочны ли онѣ, не перепилены ли гдѣ. Опять иѣли голоса, и опять зажгли раздражавшую меня лампу.

На другой день начальникъ тюрьмы позвалъ меня въ контору. Это была одна изъ свободныхъ камеръ, тутъ же въ коридорѣ, въ которой онъ занимался дѣлами вмѣстѣ съ молодымъ вольнонаемнымъ письмоводителемъ.

Начальникъ спросилъ, какъ я себя чувствую, не надо ли мнѣ чего нибудь. Я прежде всего освѣдомился о телеграммахъ.

— Я послалъ ихъ товарищу прокурора въ О.,—отвѣтилъ онъ.

— По почтѣ?

— Конечно.

— Да вѣдь почта идетъ туда два дня да назадъ два дня!— съ отчаяніемъ воскликнулъ я, теряя надежду на скорое освобожденіе.

— Послушайте, что же я могу сдѣлать? Попавъ въ тюрьму, вы поступаете въ полное распоряженіе прокурора или, какъ у насъ, его товарища. Если онъ разрѣшитъ вамъ видѣться съ кѣмъ нибудь, ходить на работы, писать, посылать письма, телеграммы, все это и я обязанъ вамъ разрѣшить. Но безъ его разрѣшенія я ничего не могу для васъ сдѣлать.

— Ни даже письма опустить?

— Каждое письмо ваше и къ вамъ должно быть имъ прочитано и имъ подписано.

Объясненія начальника тюрьмы глубоко меня огорчили. Тамъ, въ жизни, теоретически все знаешь, все понимаешь, а тутъ всѣ понятія исчезаютъ, видишь грубую, холодную неумолимую силу постановленія и теряешь вѣру въ справедливость.

— Не могу ли я обратиться къ губернатору, съ тѣмъ, чтобы онъ освободилъ меня?

— Разумѣется, можете, но, повторяю, просьба ваша опять пойдетъ черезъ прокурора.

— Это все равно. Позвольте мнѣ бумагу и перо.

Тутъ въ конторѣ я написалъ прошеніе начальнику губерніи. Я правдиво и искренно рассказалъ, какъ меня задержали, какъ заключили подъ стражу. Невозможно было, по моему мнѣнію, сомнѣваться въ истинѣ изложеннаго. Въ такомъ же родѣ я написалъ и прокурору.

Начальникъ тюрьмы прочиталъ обѣ просьбы и покачалъ головой.

— Выдающійся случай, если только это правда. Да, съ вами круто поступили. Исправникъ изъ новенькихъ, всѣмъ у насъ помощникъ заправляетъ. А тотъ все былъ по слѣдственной части. Не хотите ли погулять? Вы имѣете право быть на воздухѣ въ теченіе одного часа.

Я равнодушно согласился. Всѣ чувства, всѣ ощущенія мои притупились въ заточеніи. Одна главная мысль подавила все остальное: мысль объ освобожденіи.

Я вышелъ на дворъ. Дежурный сидѣлъ на крыльцѣ на солнцѣ. Мнѣ можно было ходить по дорожкѣ, мимо него, шаговъ тридцать въ длину.

Было тепло, солнце даже припекало. Въ ясномъ осеннемъ небѣ плыла паутина. Я скоро согрѣлся. Въ камерѣ я чувствовалъ постоянный ознобъ, отъ мозглой сырости, отъ недостатка свѣта.

Изъ оконъ за мной наблюдали арестанты. Кто-то выводилъ:

И за рѣшеткою желѣзной
Ты смутно въ облакахъ блестишь...

— Ждетъ кто нибудь, когда я уйду? — остановившись, спросилъ я.

— А какъ же,—отвѣтилъ сторожъ.

— Ну, такъ мнѣ довольно.

— Погуляйте еще.

Но я отказался и пошелъ въ свою камеру. Когда я проходилъ по коридору, изъ-за одной двери арестантъ проговорилъ:

— Баринъ, напишите прошеніе, сдѣлайте милость, помогите.

— Съ удовольствіемъ, если начальникъ тюрьмы разрѣшитъ.

Я сѣлъ у окна и долго глядѣлъ на невзрачные деревянные городскіе домики. Рѣдко, рѣдко кто проходилъ по улицѣ. Двѣ мельницы на холмѣ неуклюже махали своими крыльями. У одной было шесть крыльевъ, у другой четыре. Видъ этихъ мельницъ врѣзался мнѣ въ память на всю жизнь.

— Пожалуйте въ контору,—позвалъ меня дежурный.

Тамъ находился начальникъ тюрьмы. Передъ нимъ стоялъ породный плечистый арестантъ съ недобрыми сѣрыми глазами, большимъ грубымъ четырехугольнымъ лицомъ. Не понравилось мнѣ его лицо. Въ немъ было что-то нечистое, дурное.

— Вотъ,—сказалъ начальникъ — Коноваловъ просить письмо написать. Вы согласны?

Я отвѣчалъ утвердительно. Коноваловъ подалъ мнѣ письмо, присланное ему адвокатомъ. Я прочелъ его вслухъ.

«Крестьянину Павлу Петрову Коновалову отъ состоящаго при О—скомъ окружномъ судѣ присяжнаго повѣреннаго Викентія Игнатъевича Ярошинскаго.

«Взять на себя веденіе вашего дѣла я могу на слѣдующихъ условіяхъ:

«1) Вы должны до 15-го августа прислать мнѣ 150 р. Эти деньги ни въ какомъ случаѣ не возвращаются.

«2) За благопріятное окончаніе дѣла я отнюдь не ручаюсь.

«3) 7-го сентября я занятъ и принять на себя защиту не могу. Но если разборъ вашего дѣла будетъ послѣ 7-го сентября, то въ засѣданіе я явлюсь.

«4) Въ этомъ случаѣ вы должны уплатить еще сто рублей.

«5) Если судъ выѣдетъ въ Денисовъ, то васъ защищать тамъ будетъ мой помощникъ».

Далѣе слѣдовала подпись.

— Вы намѣрены заплатить 150 р.—спросилъ я:—безъ этого адвокатъ и говорить ни о чемъ не хочетъ. Есть у васъ эти деньги?

— Коноваловъ богатый мужикъ, онъ заплатитъ,—сказалъ смѣясь начальникъ.

Коноваловъ сумрачно проговорилъ:

— Конечно, они свое требуютъ, и придется платить, только у меня денегъ здѣсь вѣдь нѣтъ. Придетъ жена, принесетъ. А вы ему

напишите, что мнѣ желательно, чтобъ непременно онъ самъ лично защищалъ, и нельзя ли, чтобъ дѣло мое разбиралось не въ Денисовѣ, а въ О. Сюда судъ наѣзжаетъ черезъ четыре мѣсяца, а тамъ каждый мѣсяць. Не понаду я на сентябрь, жди января, а тамъ разборъ и въ октябрѣ. Опять и свидѣтели всѣ мои живутъ подъ О. Имъ туда три, четыре версты, а сюда восемьдесятъ. Многіе не поѣдутъ.

И онъ дѣльно и обстоятельно рассказалъ, что слѣдовало написать адвокату. Изъ его словъ я понялъ, что Ярошинскій очень уважается между арестантами, и онъ выигрывалъ весьма рискованныя дѣла.

Я поинтересовался дѣломъ Коновалова. Мнѣ подали утвержденный протоколъ, присланный ему въ тюрьму. Въ немъ описывалось, что въ февралѣ Коноваловъ съ двумя сообщниками взломалъ амбаръ и похитилъ овчинъ, холста и разнаго крестьянскаго добра рублей на пятьсотъ. Одинъ изъ его товарищей попался и выдалъ остальныхъ головою. Прямыхъ уликъ противъ Коновалова не было, и онъ отъ всего отпирался. Протоколъ оканчивался такими словами:

«Вообще Коноваловъ извѣстенъ за чловѣка, постоянно занимающагося кражами, и неоднократно сидѣлъ въ тюрьмѣ».

Коноваловъ былъ взятъ подъ стражу въ февралѣ, и выходило, что онъ уже сидѣлъ шесть мѣсяцевъ. Я съ содроганіемъ подумалъ, что бы пришлось перетерпѣть мнѣ тутъ за это время.

Но я и онъ были разные люди. Я помню, когда въ дѣтствѣ меня сажали на сутки въ карцеръ, я страдалъ невообразимо. Также невыносимъ для меня былъ и арестъ во время отбыванія воинской повинности. Но теперь я былъ старше, спокойнѣе. Жизнь уже помяла меня — ощущенія мои были не столь остры, страданья не столь живы. Я думаю, что старику, не избалованному судьбой, пребываніе въ тюрьмѣ было бы много легче, чѣмъ мнѣ.

Коноваловъ остался доволенъ моимъ письмомъ къ адвокату.

Когда я пришелъ къ себѣ, мнѣ подали новое подаваніе: три маленькихъ сморщенныхъ яблока. Какъ я имъ обрадовался! Они напоминали мнѣ о фруктахъ въ далекомъ моемъ N.

V.

Въ четвергъ, поздно вечеромъ, къ моей двери подошелъ начальникъ тюрьмы.

— Аркадій Павловичъ, — онъ сталъ меня такъ звать, — телеграмма отъ товарища прокурора. Разрѣшаетъ вамъ телеграфировать. Сегодня уже поздно, а завтра я васъ позову въ контору.

Я поблагодарилъ его за предупредительность. Онъ зналъ, съ какимъ нетерпѣніемъ и волненіемъ я ждалъ позволенія извѣстить

родныхъ о своемъ ужасномъ положеніи. Наконецъ, это разрѣшеніе получено.

Теперь я не сомнѣвался въ скоромъ окончаніи своихъ мытарствъ.

Въ десять часовъ меня позвали въ контору.

— Пишите телеграммы, я ихъ сейчасъ отправлю,—сказалъ мнѣ начальникъ тюрьмы.— Садитесь сюда на мое мѣсто, вамъ будетъ тутъ удобнѣе, а я похожу.

У себя въ камерѣ я не только рѣшилъ, кому телеграфировать, но и обдумалъ каждое выраженіе, не стѣняясь количествомъ словъ. Поэтому я прямо безъ помарокъ написалъ телеграмму Суходольскому, брату, одной высокопоставленной старушкѣ въ Петербургѣ, считавшей меня своимъ воспитанникомъ. Въ Н. мнѣ не хотѣлось обращаться по весьма понятной причинѣ.

Начальникъ тюрьмы удивился быстротѣ, съ какой я справился съ телеграммами, и количеству словъ.

— Да вѣдь выходитъ двѣнадцать рублей двадцать копеекъ,—сказалъ онъ.

— Все равно, посылайте.

— Выпишите деньги. Старшій, идите на почту. Есть у меня къ вамъ просьба, Аркадій Павловичъ. Вы такой знаменитый человѣкъ, у васъ есть книжки вашего сочиненія. Пришлите мнѣ одну на память. Девятнадцать лѣтъ я здѣсь завѣдую тюрьмой и ни разу ни одного такого, какъ вы, не было.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Все время вы были ко мнѣ такъ внимательны, ободряли меня. Пришлю непременно.

— И мнѣ пришлите,—попросилъ въ свою очередь письмоводитель.

Я и ему обѣщалъ.

Начальникъ тюрьмы предложилъ мнѣ взять въ камеру книгъ для чтенія.

— Ихъ пожертвовалъ одинъ, вотъ и завелась библіотека. Выбирайте, что вамъ угодно.

Книгъ въ шкапу было штукъ двѣсти. Это были книжки изъ числа тѣхъ, которыя называются полезными для народа: «Четыре царства природы», «Подвигъ купца Иголкина», «Жизнь генералиссимуса князя Суворова», «Пѣснь о Роландѣ», «Орлеанская Дѣва».

Я взялъ нѣсколько томиковъ и унесъ къ себѣ. Но я не могъ читать, я былъ слишкомъ взволнованъ, слишкомъ углубленъ въ свои думы.

Подъ вечеръ меня позвали гулять. День былъ тихій, прекрасный. Опять я скоро согрѣлся въ своей бѣлой курткѣ. Тутъ мнѣ въ первый разъ пришлось ходить въ лаптяхъ. Въ сухую погоду это отличная обувь, только надо привыкнуть къ онучамъ.

По двору шелъ начальникъ тюрьмы.

— Моціонъ дѣлаете, это хорошо,—говорилъ онъ, подходя:—чудесная погода. У насъ это рѣдкость. Что это? Кто-то подѣхалъ.

Слышно было, какъ у воротъ съ шумомъ, звономъ колокольчика и бубенчиковъ, остановилась тройка. Затѣмъ зазвенѣлъ жиденькій тюремный звонокъ, за ручку котораго дергали снаружи, когда хотѣли вызвать сторожа.

Къ намъ приблизился старшій и сказалъ:

— Тамъ приѣзжіе, хотягъ видѣть вотъ ихъ.

Онъ кивнулъ головой на меня.

Начальникъ заторопился и замахалъ руками.

— Безъ разрѣшенія прокурора я никакъ не могу.

— Я имъ говорилъ, а они требуютъ.

— Да кто такіе?

— Сѣдой генераль, молодой господинъ и барышня. Приѣзжіе, здѣсь не видалъ такихъ.

Живѣйшая радость вспыхнула во мнѣ. Я узналъ изъ этого описанія Оленева, Суходольскаго и Наталью Николаевну. Но какъ они могли такъ скоро попасть въ Денисовъ? Вѣдь только сегодня утромъ я далъ телеграмму Ильѣ Семеновичу.

— Не могу, никакъ не могу,—повторялъ начальникъ.

Жиденькій колокольчикъ опять прозвонилъ. На этотъ разъ вошелъ посыльный изъ полицейскаго управленія. Онъ подалъ конвертъ начальнику тюрьмы.

— Ну, Аркадій Павловичъ, собирайтесь. Вы отъ насъ удаляетесь совсѣмъ,—съ радостнымъ волненіемъ произнесъ онъ:—сейчасъ васъ требуютъ въ полицейское управленіе.

— А какъ же насчетъ приѣзжихъ, что у воротъ?—спросилъ старшій:—можетъ быть, при такомъ случаѣ разрѣшите впустить?

— Впустите, впустите. Если это ихъ родные, они ихъ подвезутъ и до полиціи.

Калитка отворилась, и первая вошла въ огражденный проходъ Наталья Николаевна. Я бросился къ ней и поцѣловалъ у нея руку. Изумленная, потрясенная, она выпрямилась и отстранилась.

— Аркадій Павловичъ, это вы, что съ вами?—произнесла она, пристально глядя мнѣ въ глаза.

— Ну, голубчикъ, задали вы намъ передрагу,—заговорилъ генераль,—вчера и сегодня весь день, сломя голову, скакали.

Оба они съ изумленіемъ глядѣли на мою одежду.

Илья Семеновичъ, крѣпко пожавъ мнѣ руку, внимательно осматривался кругомъ. Старшій и начальникъ тюрьмы остановились поодаль.

Я вспомнилъ, въ какомъ я видѣ, и густая краска стыда залила мои щеки. Что могла подумать моя невѣста, глядя на эту позорную шапочку, бѣлую куртку, панталоны и лапти?

— Представьте себѣ, mon cher,—продолжалъ генераль:—приѣзжаетъ къ намъ изъ Гуськова приказчикъ и говоритъ, что отъ денисовскихъ мужиковъ на базарѣ узналъ, что полиція схватила

пріѣзжаго барина и засадила въ острогъ. Мы сейчасъ догадались, что это вы, и немедля пустились въ путь.

— А моя телеграмма, развѣ вы ея не получили?—быстро обратился я къ Суходольскому.

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Мы выѣхали вчера. Можетъ быть, пришла безъ насъ.

— Пропали зря деньги,—проговорилъ сзади старшій.

— Вы можете переодѣться и взять свои вещи,—сказалъ мнѣ начальникъ, выступая впередъ.

— Позвольте представиться, генералъ: начальникъ здѣшней тюрьмы. Впускаю васъ вопреки закону. Но Аркадій Павловичъ освобожденъ, стало быть, въ нѣкоторомъ родѣ уже изъять изъ моего вѣдѣнія.

Сначала Оленевы подумали, что своимъ пріѣздомъ освободили меня, но Суходольскій, пробѣжавъ бумагу изъ полицейскаго управления, объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Его выпустили бы и безъ насъ. Распоряженіе это послѣдовало отъ губернатора.

Поспѣшно я удалился въ свою камеру и переодѣлся въ принесенную мнѣ мою одежду.

Письмоводитель въ конторѣ далъ мнѣ подписать нѣсколько квитанцій.

Съ этимъ я покончилъ мигомъ.

Возвратившись къ Оленевымъ, я распроцался съ начальникомъ тюрьмы, старшими и сторожами, отдалъ всѣ деньги для арестантовъ—теперь я зналъ, какъ тутъ нуждаются, сѣлъ рядомъ съ Суходольскимъ на переднюю скамейку противъ Натальи Николаевны, и мы поѣхали въ полицейское управленіе. Лакей Павелъ сѣлъ на мою лошадь верхомъ, а посыльный съ книгой, злившійся за мной, бѣгомъ пустился по тротуару.

Исправника не было, помощникъ меня встрѣтилъ съ большою тревогою на лицѣ.

— Кому вы телеграфировали? Скажите, пожалуйста.

— Роднымъ,—сухо отвѣтилъ я.

— Вы свободны. Васъ освобождаетъ начальникъ губерніи.

Онъ, униженно подставляя мнѣ стулъ, показалъ телеграмму. Тамъ стояло: «освободить немедленно Коврова».

— Телеграмма пришла полчаса назадъ,—добавилъ онъ:—какъ съ вами обращались въ тюремномъ замкѣ? Вы не имѣете претензій?

— Не имѣю,—произнесъ я, подписалъ какую-то бумагу и вышелъ на улицу.

— Мы можемъ ѣхать,—сказалъ я, наблюдая со щемящимъ сердцемъ за Натальей Николаевной.

— Разумѣется,—подхватилъ генералъ:—мы заѣдемъ къ Трифону, это всего шесть верстъ отсюда, пообедаемъ, и вы намъ расскажете свои приключенія.

— Какія же приключенія? Аркадій Павловичъ, какъ оказывается, все время сидѣлъ... въ тюрьмѣ,—съ отгѣнкомъ брезгливости проговорила Наталья Николаевна.

Лошади тронулись крупной рысью. Мимо замелькали покосившіеся домики съ мшистыми кровлями. Невзрачный, робкій и сумрачный городокъ скоро остался позади.

Наталья Николаевна вдругъ повела плечами и, вздрогнувъ, прошептала:

— Ужасная исторія!

Что рассказывать дальше? Она не простила мнѣ пребыванія въ заключеніи. Потомъ она сама рассказывала, что, какъ только увидѣла меня въ бѣлой шапкѣ, въ курткѣ, среди тюремщиковъ, она была глубоко оскорблена этимъ зрѣлищемъ. Мнѣ она замѣтила:

— Такія вещи не забываются. Теперь я всегда, всегда буду представлять васъ въ одѣяніи каторжника.

Свадьба наша разстроилась.

Еще маленькая подробность: бумажникъ мой съ паспортомъ былъ подобранъ въ лѣсу мужиками и доставленъ мнѣ денисовскимъ полицейскимъ управленіемъ. Даже всѣ деньги были цѣлы.

Но это уже случилось, когда я вернулся въ городъ N. Видъ этого бумажника сталъ мнѣ такъ противенъ, что я поспѣшилъ подарить его.

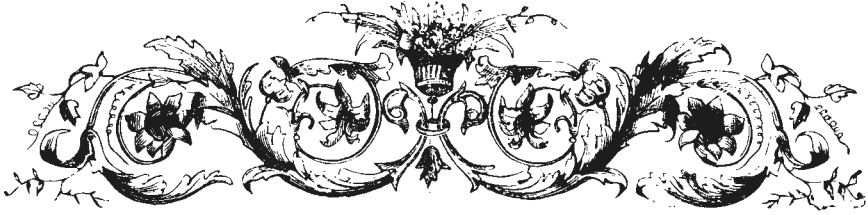
Таково было испытаніе судьбы. Зачѣмъ, на что?

Но на эти вопросы, какъ и на многіе другіе, никогда не будетъ отвѣта.

Анатолій Леманъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ ¹⁾.

(1854—1892 г.г.).

XVI.

Левъ Николаевичъ Толстой. — Первое знакомство и предварительное мое разъясненіе къ послѣдующему разсказу. — Одинъ изъ близкихъ къ Толстому людей этого періода и объясненіе вліянія на него такихъ людей. — Общая характеристика личности Толстого и значеніе такой характеристики. — Мелкія черты, свидѣтельствующія о необыкновенно сильной волѣ и могучемъ чувствѣ.

ВАШИСЫВАЯ мои воспоминанія о свиданіяхъ съ Толстымъ, я постараюсь не пропустить ни одной подробности, такъ какъ, говоря о людяхъ такого «калибра», какъ гениальный русскій романистъ, нельзя считать неважной ни одной малѣйшей черты. Наоборотъ, мельчайшія детали чаще всего именно и способны нарисовать въ воображеніи читателя «индивидуальность» великаго человѣка. Его «общее» достаточно извѣстно по его произведеніямъ, по свѣдѣніямъ биографовъ и т. п. Но именно «личность», со всѣми ея особенностями, привычками и оригинальностями, исчезаетъ при этомъ. А она-то особенно и интересуется въ такихъ людяхъ, какъ современниковъ, такъ и потомство. Не даромъ же современники бросаются толпами, чтобы увидѣть того или другого изъ знаменитыхъ людей своихъ, услышать, какъ они говорятъ и т. п. Самъ Толстой

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVII, стр. 882.

прекрасно чувствовалъ это, изображая, напริมѣръ, въ «Войнѣ и мирѣ», Наполеона. Онъ сообщаетъ о немъ иногда самыя, повидимому, неважныя детали. Многіе спрашивали: для чего это? Вѣдь, не эти же детали составляли отличительныя свойства Наполеона, какъ великаго полководца. Но спрашивающіе это забывали, что о Наполеонѣ, какъ о полководцѣ или государственномъ дѣятелѣ, существуютъ тысячи книгъ и монографій. Эта «общая», историческая, или, какъ теперь выражаются, «соціологическая» его сторона исчерпана и даетъ полную картину. Но за этой «общей» стороною скрывается «индивидуальная», т. е. «личность» человѣка, не повторяющаяся дважды въ исторіи человѣчества, тогда какъ общій типъ (напрімѣръ, великаго полководца, великаго романиста вообще) повторяется. Такъ, напрімѣръ, Наполеонъ I, Александръ Македонскій, Атилла, повторяются, какъ типы, какъ общее явленіе, но, какъ личность, они никогда не повторяются. Поэтому-то человѣчество вполне право, когда на ряду съ общими, историческими и соціологическими чертами своихъ великихъ людей оно стремится уловить, запечатлѣть и сохранить въ себѣ ихъ черты индивидуальныя, личныя, детальныя.

Я поѣхалъ въ Москву специально для того, чтобы видѣться съ Толстымъ. Поѣхалъ я съ однимъ его близкимъ знакомымъ, В. Ч—вымъ, который сообщилъ мнѣ, что Левъ Николаевичъ желаетъ познакомиться со мною и намѣренъ дать какое нибудь изъ своихъ новыхъ произведеній для моего журнала. Журналъ ему нравился за ту основную этическую тенденцію, которую я проводилъ въ немъ всегда, а именно за отрицаніе вражды, злобы, насилія въ отношеніяхъ людей и за проповѣдь «любви», хотя съ этой послѣдней проповѣдью Толстой далеко не былъ согласенъ по многимъ причинамъ, которыя, быть можетъ, выяснятся дальше.

Вечеромъ, въ день нашего пріѣзда въ Москву, я подѣзжалъ уже къ дому Льва Николаевича вмѣстѣ съ Ч—вымъ, который заѣхалъ за мной въ гостиницу и сообщилъ, что уже видѣлся съ Толстымъ и предупредилъ его о моемъ посѣщеніи. Я зналъ, что Толстого осаждаютъ визитами, а потому и не желалъ явиться къ нему безъ предупрежденія и его приглашенія.

Домъ Льва Николаевича, какъ теперь извѣстно каждому грамотному русскому, находится почти на окраинѣ Москвы, въ Ново-хамовническомъ переулкѣ, близъ Дѣвичьяго поля. Это—настоящій старій барскій домъ съ антресолями (или, если угодно, съ мезониномъ). Входъ въ него не съ улицы, а со двора, который въ то время былъ отдѣленъ отъ улицы деревяннымъ рѣшетчатымъ заборомъ съ воротами и калиткой. Въ эту калитку мы и вошли. Домъ и подѣздъ были налѣво отъ насъ.

Позвонили. Дверь отперъ лакей во фракѣ и бѣломъ галстухѣ.

— Гдѣ Левъ Николаевичъ?—спросилъ Ч—въ, когда мы уже вошли въ переднюю и стали раздѣваться.

.. У себя въ кабинетѣ.

— Хорошо. Мы пройдемъ прямо туда. Онъ уже знаетъ,—сказалъ Ч—въ.

Пройдя нѣсколько освѣщенныхъ комнатъ съ барскимъ, стариннымъ убранствомъ, переносившимъ въ 40-е годы, мы поднялись по нѣсколькимъ ступенямъ въ темноватый коридоръ, куда доносился шумъ голосовъ изъ слѣдующей комнаты, въ которой мы и очутились, отворивъ невысокую дверь.

Комнатка, въ которую мы вошли, была не велика и очень низка, сравнительно съ комнатами нижняго этажа. Она была перегороджена легкой перегородкой или даже (если не ошибаюсь) ширмой. Направо полуотворенная дверь вела въ другую комнату, которая потомъ и оказалась кабинетомъ великаго писателя. Но, когда мы вошли, онъ сидѣлъ въ первой комнаткѣ, на простомъ деревянномъ табуретѣ, около топившейся печки, помѣщавшейся въ правомъ (отъ входа) углу, рядомъ съ дверью въ кабинетъ. На немъ былъ фартукъ, какъ у мастеровыхъ; на головѣ ремешокъ, придерживающій волоса, тоже какъ у мастеровыхъ; на колѣняхъ лежала сапожная колодка съ набитой на ней кожей; въ рукахъ—сапожный молотокъ. Кругомъ стояло и сидѣло нѣсколько человѣкъ. Ихъ-то голоса мы и слышали, подходя къ дверямъ антресолей. При нашемъ входѣ споръ пріостановился. Ч—въ представилъ меня Льву Николаевичу. Тотъ встрѣтилъ меня очень любезно и предложилъ перейти въ кабинетъ. Сбросилъ свой фартукъ и ремешокъ, отнесъ за ширму (или перегородку) свою работу, и мы перешли въ кабинетъ.

Онъ былъ такъ же низокъ, какъ и первая комната. Человѣку средняго роста можно было достать рукой до потолка. Но вторая комната была значительно больше первой. Ея окна находились противъ входной двери. Налѣво былъ простой, большой столъ безъ всякихъ украшеній. По стѣнамъ справа и слѣва стояли диваны, обитые темной кожей. Правый изъ нихъ—широкій, въ родѣ турецкаго.

Усѣлись.

Въ то время Толстой еще курилъ и даже очень много. Курили и гости, и черезъ нѣсколько времени кабинетъ наполнился дымомъ до такой степени, что лица и фигуры бесѣдующихъ различались смутно, какъ въ густомъ туманѣ.

Разговоръ какъ-то сразу сосредоточился на вопросахъ, которые я назвалъ бы даже не философскими, а схоластическими... Дѣло шло объ опредѣленіи самыхъ высшихъ «понятій», каковы «Богъ», «назначеніе человѣка» и т. п.

Толстой мало говорилъ и лишь изрѣдка поддакивалъ одобрительно небольшому, сухощавому человѣку лѣтъ сорока, съ длинными волосами и небольшой растрепанной бородой, въ которыхъ

кое-гдѣ мелькала сѣдина. Высокій добъ этого человѣка, большіе, нѣсколько странные—иногда хитрые, иногда блуждающіе глаза на блѣдномъ лицѣ, его неряшливый черный сюртукъ и грязные воротнички безъ галстука, его размашистые жесты и видъ вдохновеннаго пророка, когда онъ говорилъ или, точнѣе, изрекалъ что нибудь (а изрекалъ онъ безпрестанно), сразу выдѣлили его изъ среды другихъ.

Это былъ нѣкто О—въ, человѣкъ особаго типа, исключительно московскаго. Такихъ въ Петербургѣ нѣтъ, какъ нѣтъ у насъ Ивановъ Яковлевичей и тому подобныхъ московскихъ знаменитостей и прорицателей. Въ тотъ періодъ, о которомъ идетъ рѣчь, этотъ О—въ поразилъ Льва Николаевича прежде всего своими своеобразными, мистико-схоластическими рѣчами, а главное, своимъ необыкновеннымъ образомъ жизни, принятымъ Львомъ Николаевичемъ за чистую монету строгой послѣдовательности О—ва своимъ мистическимъ принципамъ. Этотъ человѣкъ, имѣвшій большую семью, жилъ въ Москвѣ, какъ птица небесная. Когда съ нимъ познакомился Толстой и, по своему обыкновенію, пришелъ къ нему, О—въ взялъ на себя обязанности сторожа одной изъ городскихъ школъ, но этотъ сторожъ быстро сталъ любимымъ неофициальнымъ учителемъ школы. Жилъ онъ съ семьей въ коморкѣ сторожа, спалъ съ дѣтьми на голыхъ доскахъ; дѣти бѣгали тутъ же на дворѣ чуть не босикомъ.... и т. д., и т. д. Можно себѣ представить, какъ все это поразило Льва Николаевича, при его тогдашнемъ стремленіи къ евангельской простотѣ и даже нищетѣ, къ физическому труду и т. д. Въ О—вѣ онъ увидѣлъ осуществленіе своей мечты, полное отрѣшеніе отъ житейскихъ благъ не только личное, но и для семьи. Но дѣло-то въ томъ, что у О—ва этотъ образъ жизни былъ не столько дѣломъ принципа, сколько плодомъ его совершенно цыганской природы, да еще не чуждой при томъ нѣкоторыхъ общихъ слабостей русскаго народа. Живя нищимъ, онъ, правда, могъ бы жить и иначе, если бы захотѣлъ воспользоваться средствами нѣсколькихъ милліонеровъ, у которыхъ находилъ всегда радушій пріемъ, угощеніе, даже ночлегъ,—могъ бы, конечно, найти и денегъ, если бы захотѣлъ. Надо замѣтить, что О—въ обладалъ замѣчательнымъ талантомъ рассказчика. Если бы его рассказы стенографировать, они дали бы нѣсколько цѣнныхъ страницъ въ русскаго литературѣ. Но когда онъ ихъ пробовалъ записывать, у него ничего не выходило: одна сцена или эпизодъ слѣдовали за другими безъ всякой внѣшней или внутренней связи; какъ и въ самой его жизни, въ этихъ рассказахъ не было ни послѣдовательности, ни общей связующей идеи, а были только «взрывы» таланта, искры вдохновенія, воображенія и фантазіи, моменты глубокаго чувства, однако совершенно безшабашные, какъ галлюцинаціи въ мозгу опіюфила или алкоголика. Совершенно

такимъ же свойствомъ отличалось и его краснорѣчіе, казавшееся недюжиннымъ на первый взглядъ: оно блистало остроумными сравненіями, образами, страстной горячностью, конвульсивнымъ паѳосомъ древнихъ пней, но все это было, въ сущности, безсвязнымъ фейерверкомъ, вспыхиваніемъ мозгового пороха, безъ системы, безъ общей идеи, если не считать такой идеей сплошной мистико-схоластической туманъ, облекавшій всѣ его слова и мысли.

Я нарочно распространился такъ подробно объ этомъ человѣкѣ, такъ какъ безъ нѣкоторой его характеристики было бы непонятно увлеченіе имъ со стороны Льва Николаевича. Увлеченіе это было весьма сильно и продолжительно, имѣло вліяніе на одинъ небольшой періодъ въ развитіи новыхъ идей Толстого, а потому обойти такого человѣка, какъ О—въ, совершенно невозможно. Впослѣдствіи я узналъ О—ва близко, бывалъ у него, переписывался съ нимъ, онъ бывалъ у меня въ Петербургѣ, читалъ мнѣ свои литературныя попытки, много рассказывалъ о себѣ, о своемъ знакомствѣ съ Толстымъ, о разрывахъ и жестокихъ стычкахъ съ нимъ... Та краткая характеристика, которую я сдѣлалъ ему выше, есть квинтъ-эссенція изъ всего, что я узналъ о немъ послѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Для этой характеристики я выбралъ лишь наиболѣе симпатичныя черты О—ва, а были и очень несимпатичныя. Но о нихъ я умолчу и возвращусь въ кабинетъ Льва Николаевича, гдѣ ораторствовалъ О—въ, а ему поддакивалъ гениальный художникъ и словами, и одобрительнымъ, любовнымъ склоненіемъ своей головы.

Мнѣ сразу не понравился этотъ О—въ. Меня поразила въ его глазахъ эта мелькавшая иногда среди паѳоса насмѣшка и хитрость. Мнѣ иногда казалось, что онъ, изрекая свои схоластическіе абсурды, напримѣръ, въ родѣ того, что «Богъ есть тотъ лучъ, который вдругъ неожиданно проникаетъ въ трубку, когда ее вертятъ передъ солнцемъ», — смѣется и надъ Львомъ Николаевичемъ, и надъ нами. И впослѣдствіи оказалось дѣйствительно, что онъ ненавидѣлъ Толстого въ глубинѣ души, ненавидѣлъ уже за то, что считалъ только одного себя обладателемъ истины и божества. Иногда онъ увѣрялъ, когда дѣлался болѣе откровеннымъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ побочныхъ средствъ, что онъ самъ-то и есть «божество», и т. п. чепуху. Но всѣ эти увѣренія и опредѣленія, даже самая ненависть къ Толстому, какъ къ конкуренту въ новые Будды или Магометы, являлись у О—ва столь же спорадическими, взрывчатыми и безсвязными, какъ и вся его жизнь и мысль. Сегодня онъ ненавидѣлъ Толстого и кричалъ, что пойдетъ на паперть Казанскаго собора и будетъ требовать, чтобы Толстого сожгли на кострѣ, а завтра онъ опять сидѣлъ въ кабинетѣ Толстого и мирно поддакивалъ ему и разъяснялъ слушателямъ его слова,

т.-е облакалъ ихъ въ такой туманъ, который обрацалъ ихъ въ ничто. И Толстой соглашался!

Мнѣ все это было непонятно въ Толстомъ въ вечеръ нашего перваго знакомства. Мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы идеи Толстого были таковы, какими ихъ изображаетъ въ своихъ разъясненіяхъ О—въ. И онѣ дѣйствительно были не таковы. Толстой въ то время находился въ состояніи исканія, старался увидѣть истину во всякой оригинальной мысли, подхватывалъ ее, переживалъ сердцемъ, чувствомъ, какъ переживаютъ только великіе художники, и затѣмъ оставлялъ то, что нужно было его художественному гению, а остальное отбрасывалъ. Я сейчасъ расскажу эпизодъ со мной самимъ, но прежде два слова о томъ, какъ я понялъ впоследствіи эту черту Льва Николаевича—увлекаться новыми людьми, новыми мнѣніями, теоріями, какъ бы иногда они ни были явно абсурдны и даже невѣроятны. Черта эта просто ни больше ни меньше, какъ основное свойство всѣхъ гениальныхъ художниковъ—страстно всматриваться во всякое новое явленіе жизни, всматриваться не однимъ холоднымъ глазомъ, не однимъ холоднымъ, взвѣшивающимъ и судящимъ умомъ, но прежде всего сердцемъ, чувствомъ, т. е. любовью. Рассказываютъ, что Тургеневъ восхищался иногда самымъ бездарнымъ произведеніемъ какого нибудь новичка, рекомендовалъ его всѣмъ, а потомъ оказывалось, что онъ просто вложилъ въ него «изъ себя» ту красоту, то творчество, тѣ образы, которые нашелъ у бездарнаго писака. То же бывало безпрестанно и съ Толстымъ: я видѣлъ самъ, какъ онъ плакалъ передъ всей своей семьей и нѣсколькими знакомыми, когда я читалъ у него вслухъ разсказъ одного беллетриста «изъ рабочихъ», разсказъ не дурной, но совершенно заурадный. Толстому достаточно было знать, что онъ написанъ простымъ рабочимъ, который изображаетъ жизнь такъ, какъ самъ лично наблюдать ее вблизи, чтобы уже настроить свою душу любовью къ этому произведенію. А затѣмъ уже его собственная фантазія влагала въ него и краски, и могучее чувство, и, строго говоря, онъ плакалъ не отъ этого произведенія, а отъ того, которое самъ создавалъ въ тотъ моментъ, когда слушалъ скромную попытку маленькаго таланта-самородка.

Но то же было и въ философской области: когда передъ нимъ говорилъ О—въ, или раньше какой нибудь крестьянинъ сектантъ изъ Тверской губерніи или Сибири ¹⁾, или когда онъ вдругъ откры-

---

¹⁾ Кстати, одного изъ нихъ, крестьянина С—ва, я зналъ довольно близко, много съ нимъ бесѣдовалъ, но не нашелъ въ его рѣчахъ и мысляхъ той глубины и содержательности, которая въ нихъ видѣлъ Толстой, потому что желалъ ихъ видѣть и вкладывать въ С—ва свои мысли. По-моему же, это былъ довольно обыкновенный старикъ-краснобай, немного свихнувшійся на чтеніи «Апокалипсиса», который онъ вздумалъ изъяснять по-своему, какъ аллегорію, до-

валъ сокровища мудрости у какогонибудь китайскаго, индiйскаго, греческаго мудреца, онъ въ ихъ слова вкладывалъ свои художественные образы, свое собственное чувство и жажду истины общепiровой и этической. Онъ впоследствии также восхищался и Паскалемъ, и Кантомъ (за его «Критику практическаго разума»), и Рёскинымъ, котораго совѣтовалъ мнѣ печатать, и Матью Арнольдомъ, и письмомъ какогонибудь полтавскаго помѣщика или царевкокшайскаго народнаго учителя, въ которыхъ онъ замѣтилъ чтонибудь новое, оригинальное. Я ниже говорю о посѣщенiяхъ имъ политическихъ арестантовъ въ пересыльной тюрьмѣ, которыми онъ также горячо увлекался. Однако, мы знаемъ, что, именно благодаря этому, онъ создалъ нѣсколько бессмертныхъ типовъ этого класса людей въ своемъ «Воскресенiи». Позднѣе, когда начали появляться интеллигентные рабочiе, я видѣлъ у него и ихъ (этого періода жизни я не обрисовываю здѣсь по нѣкоторымъ причинамъ). И эти новые для него типы онъ охватывалъ той же страстной силой свсей художественной, пытливой любви. Но, подумайте, какая огромная разница между Толстымъ, выслушивающимъ любовно схоластическія фантазіи О—ва, и тихія рѣчи какогонибудь интеллигентнаго слесаря, который говорилъ съ нимъ о только что прочтенной книжкѣ изъ его же библиотеки и просилъ «дать почитать» новую!

Поэтому, когда я говорю, что Толстой воспринималъ всѣ эти явленія высшаго, духовно-нравственнаго и умственнаго порядка, какъ величайшій художникъ, который не только воспринимаетъ и изучаетъ, но и переживаетъ самъ всѣ явленія,—я говорю это не голословно, а на основанiи фактовъ. Кто видѣлъ Толстого даже года два тому назадъ, тотъ не узналъ бы въ его умственномъ складѣ Толстого той эпохи, когда онъ встрѣтился съ О—вымъ, С—вымъ и т. п. Его умъ, какъ сказочный богатырь, росъ не по днямъ, а по часамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ общественнымъ и жизненнымъ матеріаломъ, который приносило ему неостанавливающееся развитіе явленій внутренней эволюціи русскаго общества... Каждое новое явленіе имъ впитывалось и глубоко переживалось, давая новую пищу его уму, творчеству и его собственному духовному росту... Кто не приметъ во вниманіе этой особенности нашего генія, тотъ ничего не пойметъ въ немъ. Разъ, когда я ему отвѣтилъ по поводу одного изъ такихъ писемъ, присланнаго имъ ко мнѣ для помѣщенія въ журналъ, что оно все состоитъ изъ со-

---

вольню нескладно, крайне наивно, но съ упорствомъ и самоувѣренностью самоучекъ, вообразившихъ, что они открыли нѣчто великое и гениальное. Даже его проекты оздоровить деревню носили печать узости мысли и,—говоря откровенно,—деревенскаго кулачества. Когда нибудь я сообщу особо мои бесѣды съ нимъ.

физмовъ, онъ съ грустью писалъ мнѣ: «быть можетъ, тамъ и есть какія нибудь невѣрности, но за то, какъ это оригинально!»

Но, вѣдь, это та самая черта, которую я уже намѣтилъ и у Гаршина, — всему отдаться беззавѣтно, все перечувствовать, все полюбить, чтобы надолго воспринять въ себя, какъ будущій матеріалъ художественнаго творчества, а иногда и долгой упорной дѣятельности.

Только въ данномъ періодѣ своей эволюціи Толстой увлекался, изучалъ, наблюдалъ уже не «предметы», не «вещи», даже не типы отдѣльныхъ людей, — онъ это изучилъ достаточно въ теченіе своей долгой творческой жизни, — онъ поднялся на другую высшую ступень, а именно онъ изучалъ, облюбовывалъ, воспринималъ (какъ художникъ) идеи, умственные типы мысли, вѣры, нравственности (или, точнѣе, этики) всѣхъ вѣковъ и народовъ, не исключая и современныхъ движеній въ этой же области. По привычкамъ своей мысли, онъ самъ былъ и оставался реалистомъ, позитивистомъ. Ему, какъ великому художнику, мыслящему не отвлеченными идеями, а живыми образами и чувствами, хотѣлось бы и людскіе порывы въ высь, въ область непознаваемаго, въ область творческой фантазіи, облечь въ животрепещущія формы, въ живые, простые образы. Отсюда-то его преимущественное и постоянное обращеніе къ вопросамъ этики (т. е. морали) и отвращеніе къ метафизикѣ, въ которую, тѣмъ не менѣе, его тянуло безсознательно неудовлетворенное чувство и могучая фантазія. Но слова «могучая фантазія» не значатъ вовсе — разнузданное фантазерство. Наоборотъ, разнузданное фантазерство это — признакъ слабой, неяркой фантазіи, творящей, какъ въ чадѣ. Это — фантазія алкоголиковъ, опіофаговъ, вырождающихся, декадентовъ и т. п. Могучая фантазія значитъ такая яркая фантазія, которая всѣ свои образы дѣлаетъ ясными для себя, точными, простыми, наглядными. И вотъ именно такая-то фантазія была и есть у Толстого; такой же она была развѣ только у одного Шекспира, да отчасти у Гёте. У геніевъ нѣтъ ничего недосказаннаго, ничего туманнаго даже въ самыхъ фантастическихъ плодахъ ихъ творчества: Мефистофель Гёте, вѣдьмы въ Макбетѣ, даже «призракъ» короля въ «Гамлетѣ», даже чудища Вальдургиевой ночи въ «Фаустѣ» — все такъ ясно, просто и реально, что обыкновенному уму иногда хотѣлось бы побольше тумана въ этихъ мировыхъ созданіяхъ геніевъ.

Тотъ же процессъ мы видимъ во всѣхъ или почти во всѣхъ произведеніяхъ Толстого, которыя привыкли называть «теоретическими», «философскими», даже «мистическими». Въ нихъ онъ все время — только художникъ и болѣе всего художникъ, вездѣ стремящійся перевести смутныя слова и идеи метафизиковъ, мистиковъ, схоластиковъ въ ясные образы, въ живыя представленія, а главное — въ глубокія, потрясающія чувства. Отдаваясь неволью и неизбѣжно философской и этической потребности (такъ какъ, вѣдь,

онъ не только художникъ, но и человекъ, со всеми запросами, сомнѣніями, потребностями и чаяніями человека, да еще и великаго человека), онъ остается и въ этихъ стремленіяхъ художникомъ-реалистомъ. Его фантазія и здѣсь обуздываетъ себя сама, обуздываетъ не принципами «позитивизма», говорящими: «до сихъ поръ можешь думать, а отъ сихъ поръ запрещается». Нѣтъ, его философская фантазія обуздывала сама себя своею ясностью и точностью...

Но возвратимся теперь къ живому, реальному Толстому и, между прочимъ, къ тому вечеру, отъ описанія котораго я долженъ былъ отклониться, чтобы дать первоначально общую характеристику внутренней личности или индивидуальности Толстого. Теперь читателю стануть болѣе понятными и мелкія детали.

Когда ораторствовалъ О—въ, а Толстой молчалъ и только одобрялъ его, можно было подумать, что О—въ просто выражаетъ его мысли, какъ ученикъ, когда учитель находитъ, что въ устахъ ученика истины его будутъ даже доступнѣе для неподготовленныхъ.

Но въ словахъ О—ва было столько абсурдовъ, что я иногда не могъ удержаться, чтобы не выразить своего удивленія или возраженія въ видѣ отдѣльныхъ восклицаній. Вступать въ споры съ О—вымъ было невозможно: онъ тотчасъ принималъ рѣзкій, карающій тонъ, начиналъ громить, доходилъ до грубостей.

Толстой, при каждомъ такомъ восклицаніи съ моей стороны, видимо, былъ недоволенъ. Онъ обращался съ вопросомъ или ко мнѣ или даже къ Ч—ву, привезшему меня: да читалъ ли я то или другое изъ его новѣйшихъ произведеній?

Когда онъ обращался съ такими вопросами къ Ч—ву, то это звучало упрекомъ по адресу этого послѣдняго: «Какъ же это ты не познакомилъ его съ тѣмъ-то или тѣмъ-то изъ того, что мною сказано!»

При этомъ я въ первый разъ замѣтилъ необыкновенную способность глазъ у Толстого: они были то ласковы, симпатичны и, казалось, проникали въ ваше сердце съ необыкновенной любовью къ вамъ; то вдругъ уходили куда-то вглубь, становились холодными, острыми, почти враждебными. Казалось, что между имъ и вами возникаетъ стѣна, которой вы уже никогда не пробьете. Но это послѣднее предположеніе было не вѣрно. Взглядъ его мѣнялся и снова могъ становиться любящимъ, когда ему нравилось то, что вы говорили. Я бывалъ у него нѣсколько вечеровъ подъ рядъ, одинъ разъ обѣдалъ, познакомился и съ его женой (которая мнѣ показалась въ то время еще красавицей), и вотъ, не помню теперь, въ первый ли вечеръ или въ одинъ изъ слѣдующихъ, Толстой, заинтересованный моимъ собственнымъ тогдашнимъ міросозерцаніемъ, попросилъ меня подробно изложить его. Я говорилъ почти безъ перерыва не менѣе часа, и все время Толстой выра-

жалъ своимъ восклицаніями полнѣйшее согласіе со мной или, какъ онъ выражался, съ моимъ «profession de foi». Помню даже, что сначала, предлагая мнѣ высказаться, онъ сказалъ проницательно:

— Ну, такъ, пожалуйста, развеите намъ ваше «profession de foi».

Скажу въ двухъ словахъ, что оно у меня въ то время состояло въ слѣдующей концепціи: весь міръ, какъ и человѣкъ, состоятъ, по теоріямъ и гипотезамъ современной науки, изъ одной и той же міровой ткани (называемой химиками-теоретиками перво-матеріей или перво-атомами). Поэтому въ отдѣльныхъ предметахъ, людяхъ, деревьяхъ, животныхъ, вообще въ индивидуальностяхъ, мы имѣемъ подобіе того, что дается намъ волнами океана; то-есть всѣ волны состоятъ изъ одной и той же морской воды, но всѣ онѣ индивидуальны, борются, сталкиваются другъ съ другомъ, какъ борются и сталкиваются разныя индивидуальности въ природѣ и обществѣ. Но если бы волны имѣли «сознаніе» или «чувство», то у нихъ непремѣнно было бы одновременно два чувства: одно «индивидуальное», то-есть чувство своей отдѣльности, своей особности, то-есть эгоизмъ, и другое—чувство своей общности, своего единства, какъ сдѣланныхъ изъ одной и той же матеріи, то-есть любовь (или такъ называемый альтруизмъ). Борьбою между собою этихъ двухъ основныхъ чувствъ въ людяхъ (какъ въ міровыхъ волнахъ) и объяснялъ или старался объяснить всю исторію, всѣ социальныя явленія, всю борьбу человѣчества. При этомъ прогрессъ постоянно велъ къ тому (даже при посредствѣ самой науки, не говоря ужъ о религіяхъ, угадавшихъ вдохновеніемъ эту истину, напримѣръ, въ буддизмѣ), что сознаніе единства все возростало, а съ нимъ и любовь къ ближнему, къ чужимъ націямъ, племенамъ, расамъ, а, наоборотъ, иллюзія индивидуальности все ослаблялась этимъ первымъ, великимъ сознаніемъ etc., etc.

И вотъ, повторяю, Толстой былъ чрезвычайно доволенъ моею мыслью, и я ушелъ отъ него съ полной, радостной увѣренностью въ томъ, что мы «сошлись».

Каково же было мое изумленіе, когда на другой день, часовъ въ 12, Толстой, не найдя меня въ квартирѣ моего брата, гдѣ я остановился, отыскалъ меня у Н. Н. Златовратскаго, жившаго въ томъ же домѣ, и прежде всего, едва войдя въ комнату, гдѣ мы скромно завтракали и бесѣдовали, воскликнулъ почти сердито:

— Я пришелъ сказать вамъ, что ни въ чемъ, рѣшительно ни въ чемъ не согласенъ съ вашей теоріей!

На немъ были высокіе сапоги и довольно короткій подшубокъ изъ черныхъ овчинъ,крытый сукномъ и подпоясанный ремнемъ. Онъ былъ видимо взволнованъ, и тонъ его былъ задорный, какъ у юности, а глаза были острые, колкіе, холодные...

Меня это такъ поразило и, скажу откровенно, огорчило, что я отвѣтилъ ему что-то нервнымъ, повышеннымъ тономъ, въ родѣ

того, что переходъ въ его мнѣніи о моемъ взглядѣ черезчуръ быстръ, что нельзя такъ быстро рѣшать вопросы ни въ положительномъ смыслѣ, какъ было вчера, ни въ отрицательномъ, тѣмъ болѣе, какъ вышло сегодня. Нужно сперва сказать, въ чемъ же онъ не согласенъ, и выслушать мои разъясненія. Быть можетъ, разногласіе окажется не существеннымъ. Послѣ моихъ словъ Толстой какъ-то весь сжался и совѣмъ ужъ сердито посмотрѣлъ на меня:

— Первое правило моей этики,—медленно и сухо проговорилъ онъ,—состоитъ въ томъ, чтобы не сердиться, а вы сердитесь, и меня можете заразить тѣмъ же. А я этого не хочу. Поэтому вы сперва успокойтесь, а потомъ мы еще поговоримъ о вашей теоріи. Я нахожу, что она—тотъ же матеріализмъ, какой былъ и прежде, но только подъ новымъ соусомъ! Въ ней нѣтъ высшаго Разума, нѣтъ Бога!

— Значить, я не развила ее всю, въ ея выводахъ, потому что въ ней есть и Разумъ и Богъ,—отвѣтилъ я.

— А, это—интересно... Мы отсюда пойдёмъ съ вами ко мнѣ и будемъ бесѣдовать и дорогой, и у меня... У меня и пообедаете... А пока я здѣсь посижу еще немного... Давно я не видалъ васъ, Николай Николаевичъ!—обратился онъ ласково къ Златовратскому...

Я не буду описывать обѣдъ у Л. Н. Толстого. Въ то время онъ еще не былъ вегетаріанцемъ. За обѣдомъ, кромѣ меня, было нѣсколько гостей, въ томъ числѣ одинъ молодой священникъ съ магистерскимъ крестомъ и въ очень изящномъ шелковомъ подрясникѣ, въ крахмальныхъ воротничкахъ и рукавчикахъ. Впрочемъ, Толстой мало говорилъ съ нимъ и все время обѣда велъ разговоръ, такъ сказать, а parte со мной и съ Ч—вымъ, такъ какъ мы сидѣли по правую и лѣвую его сторону. Этотъ разговоръ а parte былъ обусловленъ, однако, не его исключительной внимательностью къ намъ, а довольно неприятнымъ днѣя меня и Ч—ва разговоромъ, который завела одна изъ дамъ, развивавшая ту мысль, что «нѣкоторые люди наживаютъ себѣ славу, пользуясь добротой Льва Николаевича и издавая безплатно его произведенія». Намекъ на складъ «Посредникъ» былъ очень ясенъ, а тонъ говорившей дамы не сдержанъ и возбужденъ. Толстой ничего не возражалъ, дѣлалъ видъ, что не слышитъ, хотя говорившая дама сидѣла vis-à-vis съ нимъ. И вотъ, чтобы казаться не слышащимъ, онъ постоянно поддерживалъ разговоръ съ нами, обращаясь то къ одному, то къ другому.

Было мучительно-больно видѣть его въ этомъ состояніи.

Послѣ обѣда мы сидѣли не въ его кабинетѣ, а въ столовой. И тутъ-то онъ просилъ меня прочесть вслухъ тотъ разсказъ начинающаго беллетриста-рабочаго, о которомъ я уже упоминалъ. Онъ собралъ всю семью, заставивъ и ее прослушать этотъ разсказъ, ужъ назначенный къ изданію складомъ «Посредникъ». Повторяю, разсказъ былъ не дуренъ, но когда при послѣднихъ его сценахъ

изъ глазъ Толстого быстро закапали одна за другой крупныя слезы, я понялъ ясно, что этотъ человѣкъ безпредѣльно любитъ народъ, что онъ не можетъ слышать безъ слезъ о страданіи мужика, о его нравственномъ паденіи. Я убѣдился въ этомъ въ мое другое посѣщеніе Толстого лѣтомъ, но объ этомъ скажу дальше.

Въ началѣ этого вечера случился эпизодъ тоже довольно характеристическій. Левъ Николаевичъ исчезъ куда-то на нѣсколько минутъ, и когда вернулся, то около виска держалъ платокъ, сквозь который просачивалась кровь.

Вся семья бросилась къ нему въ испугѣ. Оказалось, что онъ очень сильно разбѣкъ себѣ високъ. Бросились за снѣгомъ, жена стала прикладывать его къ ушибленному мѣсту и въ то же время говорила:

— Я это предвидѣла! Я знала, что такъ будетъ! Ну, не говорила ли я тебѣ?

Долженъ сознаться, что никогда я не видѣлъ такого выраженія нѣжности и любви, какое было въ этихъ словахъ и въ ея ухаживаніи за больнымъ. А онъ надъ ней подшучивалъ, говорилъ, что это—совершенный вздоръ, посколькунулся, входя со двора на крыльцо, и ударился о притолоку; черезъ пять минутъ все пройдетъ:

Потомъ разъяснилось, что Левъ Николаевичъ стремился послѣдовательно проводить въ своей жизни принципъ, высказанный имъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, а именно не обременять прислугу никакой лишней работой, а тѣмъ болѣе—работой унижительной. И вотъ этотъ старикъ не позволялъ себѣ того комфорта, который позволяютъ себѣ сотни тысячъ людей... И онъ поступалъ такъ, несмотря ни на какую погоду.

Чтобы показать, что его ранка на вискѣ суціе пустяки, онъ рѣшилъ привести немедленно въ исполненіе свой первоначальный планъ, составленный на этотъ вечеръ, а планъ состоялъ въ томъ, чтобы отправиться къ однимъ его знакомымъ изъ московской молодежи, жившимъ на совершенно противоположной окраинѣ Москвы. Эта группа молодежи была, по его словамъ, достойна того, чтобы мы, питерцы, съ нею познакомились: во-первыхъ, мы увидимъ довольно рѣдкій случай самаго строгаго православія въ средѣ учащейся молодежи. Эти юноши и дѣвушки исполняютъ по глубокому убѣжденію всѣ обряды, посты, всѣ уставы церкви, возводя въ то же время въ идеаль христіанскую мораль и не на словахъ, а на дѣлѣ¹⁾. Между прочимъ, они, напримѣръ, всѣ отказались получить дипломы изъ тѣхъ заведеній, въ которыхъ оканчивали курсъ, видя въ этомъ стремленіе пріобрѣсти для себя исключи-

¹⁾ Вотъ опять доказательство того, какъ нетенденціозно, а глубоко-художественно и любовно относился Толстой къ самымъ различнымъ направленіямъ мысли, если они были чисты.

тельные привилегіи, обезпечивающія исключительный успѣхъ въ жизни и личныя выгоды etc. etc.

Семейные Льва Николаевича настаивали, чтобы онъ позволилъ запрячь экипажъ, что эти его знакомые живутъ очень далеко, но онъ рѣшительно этому воспротивился, и мы отправились пѣшкомъ, а затѣмъ сѣли на конку, но не внутрь, а на верхнія мѣста. Оказалось, что Левъ Николаевичъ часто ѣздитъ по этой конкѣ: кондукторъ разговаривалъ съ нимъ, какъ съ знакомымъ, но, повидимому, не зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, потому что обращался къ нему довольно фамиллярно, хотя и вѣжливо, какъ къ обыкновенному пассажиру изъ зажиточныхъ мѣщанъ или лавочниковъ.

Послѣ конки пришлось итти еще версты двѣ пѣшкомъ, по захламленнымъ, гдѣ снѣгъ былъ не расчищенъ, а только протоптанъ пѣшеходами; ноги скользили, итти было трудно; мы (т. е. я и Ч—въ, который шелъ съ нами) запыхались, а Толстой шелъ быстро и легко, какъ юноша. Дорогой онъ попросилъ у меня папиросу, когда я закуривалъ, но черезъ нѣсколько минутъ бросилъ ее, сказавъ:

— Нѣтъ, придется свернуть изъ своего табаку. Мой вкуснѣе.

Кстати по поводу куренія. То, что я расскажу сейчасъ, покажетъ, какая огромная сила воли присуща этому необыкновенному человѣку. Въ одинъ изъ вечеровъ, когда въ кабинетѣ Толстого было накурено такъ, что трудно было дышать, я сказалъ ему:

— Левъ Николаевичъ, какъ вы можете дышать такимъ воздухомъ! Вѣдь вы этимъ губите свое здоровье и сокращаете себѣ жизнь.

Онъ тогда промолчалъ, но на другой вечеръ, когда я пришелъ къ нему довольно поздно и хотѣлъ закурить папиросу, окружающіе меня сказали, что рѣшено больше не курить. И дѣйствительно тутъ только я замѣтилъ, что въ кабинетѣ не было и признаковъ дыма.

Левъ Николаевичъ улыбнулся и весело сказалъ мнѣ:

— Вотъ вы сами себя наказали: послѣ вашихъ вчерашнихъ словъ я подумалъ и рѣшилъ, что куреніе—гадость во всѣхъ отношеніяхъ, и больше курить не буду, и всѣхъ прошу и убѣждаю не курить.

И онъ больше не курилъ, а ему, въ его возрастѣ, да еще страстному курильщику, сжигавшему папиросу за папиросой, это было не легко.

XVII.

Второе посѣщеніе Толстого.—Его страстная любовь къ семьѣ и теоретическое отрицаніе такой любви.—Наша прогулка съ нимъ въ «Нескучномъ».—Отзывъ Толстого объ «Аннѣ Карениной».—Его разсказъ о маленькомъ крестьянинѣ-нищемъ.—Мое третье посѣщеніе Толстого, въ «Ясной Полянѣ».—«Споры о непротивленіи злу».—Собираніе грибовъ.—Порицаніе имъ своей прежней дѣятельности.—Грустное впечатлѣніе, вынесенное изъ этого посѣщенія.—Эпизодъ съ XII томомъ.—Общее заключеніе о Толстомъ.—Общее заключеніе къ воспоминаніямъ.

Во второй разъ я былъ у Толстого лѣтомъ, и тутъ мнѣ пришлось видѣть, какъ страстно онъ любилъ своихъ дѣтей, хотя теоретически тогда же развивалъ мнѣ мысль, что любить слѣдуетъ «дѣтей по духу», а не по плоти. Но, видимо, отъ этой «привычки» трудно было отвыкнуть, чѣмъ отъ куренья!

Дѣло было такъ: Толстой былъ предупрежденъ о моемъ пріѣздѣ и ждалъ меня, поэтому я былъ очень удивленъ, когда, пріѣхавъ къ нему въ назначенный часъ, не засталъ его дома. Я сказалъ объ этомъ лакею и назвалъ свою фамилію.

— А васъ Левъ Николаевичъ просилъ или немножко обождать ихъ, или, если вамъ угодно, пойти имъ на встрѣчу: они здѣсь не далеко ходятъ вонъ по тому переулку,—лакей указалъ.

— Что это значитъ?—спросилъ я.

— А молодой графинѣ профессоръ Склифасовскій дѣлаетъ операцію сегодня. Такъ, Левъ Николаевичъ очень беспокоился, что долго не возвращаются, не утерпѣли и пошли въ тотъ переулокъ: оттуда видна дорога...

Я пошелъ на встрѣчу Толстому, думая о томъ, что, быть можетъ, въ этой тревогѣ ему будетъ легче не оставаться одному. Но онъ уже входилъ на крыльцо, очень обрадовался мнѣ, разсказалъ, чѣмъ встревоженъ, пояснилъ, что операція—самая ничтожная, нужно срѣзать какую-то опухоль величиной съ горошину, но что это все же его очень беспокоитъ: «Долго не ѣдутъ! Но ждать тамъ еще хуже!—прибавилъ онъ.—Ну, что новенькаго?»

Я передалъ ему письмо, но онъ не сталъ читать его. Какъ онъ объяснилъ мнѣ послѣ, волненіе помѣшало бы ему прочесть письмо съ удовольствіемъ, такъ какъ письмо было отъ человѣка, котораго онъ очень любилъ.

— Сядемъ пока вотъ здѣсь,—сказалъ Левъ Николаевичъ, вводя меня въ комнату младшаго сына, которая была рядомъ съ прихожей, выходила окнами на дворъ, и, слѣдовательно, изъ нея можно было еще издали услышать трескъ экипажа, когда дочь будетъ возвращаться. Окно на дворъ было открыто. Толстой слушалъ меня и самъ говорилъ очень внимательно, но внутренняя тревога сказывалась въ его поблѣднѣвшемъ лицѣ, въ глазахъ, которые часто обращались къ окну, наконецъ, въ напряженности, съ какой онъ постоянно прислушивался къ отдаленнымъ звукамъ.

— Ъдутъ! — вдругъ вскрикнулъ онъ и, какъ мальчикъ, вскочилъ и побѣжалъ на дворъ, а затѣмъ и на улицу.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся сіяющей, счастливый.

— Все кончилось благополучно! — сказалъ онъ мнѣ: — да и операція была самая пустая. Вы ужъ извините меня, что я такъ неожиданно васъ покинулъ. Знаете ли что? Я тамъ обрадованъ этимъ счастливымъ окончаніемъ операціи, что не могу сидѣть на мѣстѣ. А вечеръ отличный! Хотите, пойдѣмъ въ «Нескучный». Онъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, если переѣхать на лодкѣ. Я часто туда заглядываю.

Мы вышли и скоро очутились на берегу рѣки. Старикъ лодочникъ знаетъ Льва Николаевича, и они перекинулись нѣсколькими привѣтствіями.

— Вотъ теперъ я прочту письмо, — сказалъ Левъ Николаевичъ, и тутъ только объяснилъ мнѣ причину, почему не читалъ его раньше.

Дѣйствительно оно его порадовало. Онъ даже прочелъ мнѣ вслухъ нѣкоторые отрывки. Конвертъ сдунуло съ его колѣнъ легкимъ вѣтеркомъ, и онъ поплылъ по водѣ. Левъ Николаевичъ сдѣлалъ было движеніе поймать его, но потомъ улыбнулся и сказалъ:

— Ну, это не важно! Онъ уже намокъ!

Мы вышли на противоположный берегъ и скоро были въ «Нескучномъ», съ его тѣнистыми аллеями. Толстой говорилъ, что послѣдніе дни рѣдко бываетъ дома, посѣщая въ тюрьмѣ заключенныхъ (изъ молодежи), на что получилъ разрѣшеніе. Онъ находилъ ихъ весьма интересными и нѣкоторыхъ необыкновенно симпатичными. Разказывалъ, какъ не однажды ему приходилось заговариваться съ ними дольше установленнаго срока.

Во время этой именно прогулки онъ развивалъ мнѣ мысль о томъ, что слѣдуетъ больше любить дѣтей по духу, чѣмъ по плоти. Тутъ же я услышалъ отъ него замѣчательную мысль, которую, по его словамъ, онъ нашелъ у Матью Арнольда: «тотъ не истинный христіанинъ, кто любитъ Христа больше истины». Онъ хотѣлъ этимъ сказать, что христіанство есть вѣчная истина, никогда не изсякающая, что эта истина можетъ принимать новыя формы, новыя детальныя видоизмѣненія, но черезъ это основная сущность этой истины будетъ только больше и больше раскрываться и уясняться.

Въ его словахъ было что-то мечтательное, милое, нѣжно-поэтическое, чего я прежде никогда не замѣчалъ въ немъ. Онъ совсѣмъ не принадлежитъ къ мечтательнымъ и мягкимъ характерамъ. Но на этотъ разъ проявилась способность его богатой природы къ этому настроенію: вѣдь это былъ особенный день, когда благополучно окончилась его тревога, когда онъ получилъ письмо отъ милого, хорошаго человѣка. Наконецъ, была чудная весна, соловьи пѣли кругомъ.

— Будемъ здѣсь пить чай,—сказаль Левъ Николаевичъ, когда мы достаточно нагулялись и наговорились, и даже немножко устали.—Здѣсь есть самоварницы, и у одной я частенько пью здѣсь чай. Очень интересная старушка.

Онъ повелъ меня въ тотъ уголокъ сада, гдѣ были самоварницы, и угостилъ меня чаемъ, который мнѣ, конечно, показался самымъ вкуснымъ, какой только я когда нибудь пилъ въ своей жизни...

Мы возвратились домой, когда уже начинало темнѣть... На другой день я опять былъ у Льва Николаевича. вмѣстѣ со мной пришелъ извѣстный художникъ П—въ. Приняли насъ двое изъ дѣтей Толстого, сообщивъ, что онъ оканчиваетъ корректуру отдѣльнаго изданія Анны Карениной и сейчасъ выйдетъ.

— Обыкновенно эти корректуры просматриваетъ мама,—говорили молодые хозяева, занимая насъ разговорами,—но сегодня пришлось ихъ дѣлать самому отцу, а мама поѣхала ко всенощной.

Скоро вышелъ и Левъ Николаевичъ. Онъ улыбался и сказалъ полусхотя:

— Вотъ сейчасъ долженъ былъ поневолѣ корректировать свою Анну Каренину, и все время думаль: и какой это дурной человѣкъ (Толстой выразился гораздо рѣзче) написалъ такую гадость!

Мы, конечно, протестовали, но онъ въ томъ же шутливомъ родѣ разсказаль намъ въ видѣ доказательства разговоръ съ нимъ одной московской барыни и даже своей дальней родственницы:

— Ахъ, какъ я вамъ благодарна, Левъ Николаевичъ,—говорила она:—за вашу Анну Каренину! Я всегда была самого дурного мнѣнія о вліяніи высшаго свѣта на молодыхъ дѣвушекъ! Я не хотѣла ихъ вывозить до тѣхъ поръ, пока онѣ не установятся въ своихъ взглядахъ и привычкахъ. Но когда прочла вашъ романъ, я совершенно измѣнила свое мнѣніе и хочу вывозить ихъ нынѣшней зимой...

Онъ громко засмѣялся и снова спросилъ насъ:

— Ну, развѣ я не правъ былъ, сказавъ, что этотъ романъ написалъ очень дурной человѣкъ?

Съ той же ласковой шутливостью онъ заговорилъ о томъ, что жена его недавно возила причащать ихъ маленькую дочку, еще не умѣющую говорить, и тутъ же вспомнилъ, что П—въ превосходно разсказываетъ о нѣкоемъ «Пьерѣ», явившемся въ первый разъ причащаться.

— Вы не слыхали этого анекдота?—спросилъ онъ у меня, и когда я отвѣтилъ, что не слыхаль, онъ упросилъ П. разсказать еще разъ объ этомъ Пьерѣ.

Дѣйствительно П. разсказываль превосходно, передразнивая шепелявую рѣчь свѣтскаго франтика, въ первый разъ попавшаго въ

Божій храмъ и дѣлающаго безпрестанно безтактные и смѣшные вопросы и замѣчанія.

— И, право, это не карриатура!—сказалъ уже серьезно Толстой:— у большинства этихъ шалопаевъ ихъ религіозность не далеко ушла отъ этой!

Черезъ нѣсколько минутъ Левъ Николаевичъ заявилъ, что въ такой вечеръ жаль сидѣть въ комнатѣ, и повелъ насъ въ садъ.

Здѣсь мы долго ходили по густой аллеѣ, при чемъ Толстой, увлекаясь разговоромъ, иногда шелъ, повернувшись спиной впередъ, и одинъ разъ чуть не упалъ, запнувшись за дерновый бордюръ дорожки.

Я не рѣшаюсь передать здѣсь чисто литературной части этого разговора, въ которой Левъ Николаевичъ дѣлалъ мѣткую оцѣнку и характеристику нѣкоторыхъ современныхъ писателей. Быть можетъ, онъ не желалъ бы, чтобы его мнѣнія объ этомъ были напечатаны.

Я спросилъ его мнѣніе о Зола, и онъ сознался, что послѣ «Нана», которой не могъ дочитать, такъ какъ она возмутила его, онъ не читаетъ этого романиста. Я похвалилъ ему углекоповъ, сказавъ, что со временн «Нана» многое измѣнилось въ романахъ этого писателя. Толстой выразилъ живое намѣреніе прочесть новый романъ.

Вотъ послѣ этого я видѣлъ во второй разъ, какъ плачетъ этотъ удивительный человѣкъ. Онъ сталъ намъ рассказывать самый простой случай. Есть у нихъ въ деревнѣ лужокъ, гдѣ много фіалокъ, и вотъ онъ со своей семьей собиралъ эти фіалки. Въ это время прошелъ нищій мальчикъ-крестьянинъ съ пустымъ мѣшкомъ на плечѣ. «Прошло, не знаю, сколько времени,—продолжалъ Толстой,—но, должно быть, немало. И вотъ мы увидѣли опять того же мальчика. Онъ возвращался обратно, маленькій, истощенный, усталый. Мѣшокъ его былъ наполненъ ломтями хлѣба, собранными по деревнямъ. Онъ изгибался подъ его тяжестью и едва передвигалъ ноги! А мы все это время фіалки собирали!»

Крупныя слезы покатались по его лицу. Онъ смолкнулъ, и долго мы ходили по аллеѣ молча, не рѣшаясь нарушить его молчаливой грусти. Какая огромная яркость и живость впечатлѣній должна быть у этого человѣка! И какая сила чувства, какая нервность!

Въ послѣдній разъ я былъ у Льва Николаевича въ «Яеной Полянѣ», осенью, проѣздомъ съ юга.

Поѣздъ приходитъ на станцію очень рано. За мной была выслана лошадь изъ усадьбы, вѣдѣствіе моея телеграммы, и я пріѣхалъ въ то время, когда всѣ еще спали.

Усадьбу Льва Николаевича описывали нѣсколько разъ, а потому я не буду вдаваться въ подробности. При вѣздѣ въ паркъ и аллею, ведущую къ дому, стоитъ бѣленькій каменный домикъ для

сторожа. Огромный паркъ. Большой двухэтажный домъ въ концѣ аллеи, съ площадками передъ нимъ. На одной изъ нихъ столбъ для гигантскихъ шаговъ. Вдали, черезъ боковую аллею, виденъ другой такой же домъ, гдѣ въ то время гостила семья близкихъ родственниковъ Льва Николаевича.

Меня встрѣтилъ еще въ аллеѣ маленькій, худощавый человѣчекъ, въ крылаткѣ и широкой черной пуховой шляпѣ. Онъ сказалъ мнѣ свою фамилію и протянулъ руку, какъ старому знакомому, но я зналъ о немъ только по слухамъ.

— Въ домѣ всѣ еще спятъ, — сказалъ онъ, — и комнаты для гостей всѣ заняты: вчера прѣехали П. И. и В. Н. (онъ назвалъ нашихъ общихъ хорошихъ знакомыхъ). Васъ Левъ Николаевичъ просилъ помѣстить въ павильонѣ.

И онъ велѣлъ кучеру повернуть къ павильону, а самъ прѣѣлъ со мной на таратаечку, которая была за мной выслана.

— А мы получили ваше письмо изъ Н., но, знаете, Левъ Николаевичъ ничего не могъ сдѣлать для этихъ крестьянъ¹⁾. Мы долго думали объ этомъ. Если бы онъ написалъ къ высшимъ властямъ или въ газеты, то это было бы косвеннымъ насиліемъ. А мы не можемъ дѣйствовать даже косвеннымъ насиліемъ. Быть можетъ, Левъ Николаевичъ напишетъ самому А., чтобы воздѣйствовать на его нравственныя чувства.

Павильонъ оказался прелестнымъ деревяннымъ домикомъ, съ огромными окнами. «Здѣсь иногда занимается Левъ Николаевичъ», — сказалъ мнѣ мой новый знакомый. Онъ еще нѣсколько минутъ поговорилъ со мною, а затѣмъ замѣтивъ, что я дремлю, ушелъ. Мнѣ была приготовлена постель, и я уснулъ, какъ убитый. Проснулся я отъ стука въ дверь и звучнаго голоса, въ которомъ сейчасъ же узналъ голосъ Льва Николаевича:

— Пора вставать! Вотъ какъ вы заспались, а мы уже давно на ногахъ!

Я отперъ дверь, и въ комнату вошелъ Левъ Николаевичъ съ Б--вымъ и Ч--вымъ.

Поговоривъ немного, они вышли, чтобы я могъ умыться и переодѣться къ завтраку.

— Вы найдете насъ здѣсь же недалеко, въ аллеѣ.

Когда черезъ нѣсколько минутъ я вышелъ въ аллею, тамъ оставались только П. и Ч., а Левъ Николаевичъ стоялъ около дома, подъ большимъ деревомъ, съ пожилымъ крестьяниномъ и внимательно его слушалъ. Меня удивило, что крестьянинъ стоялъ

¹⁾ Дѣло шло о письмѣ моему, посланномъ недѣли двѣ передъ тѣмъ, объ одномъ печальномъ случаѣ съ крестьянами нѣкоей деревни, при чемъ я предлагалъ Толстому обличить дѣйствія лица, обидѣвшаго ихъ, г. А., человѣка очень сильнаго и вліятельнаго.

безъ шапки, но и Левъ Николаевичъ стоялъ съ открытой головой, и шляпы я не видалъ въ его рукахъ.

Во время завтрака, на которомъ присутствовала вся семья, кромѣ графини, которая еще утромъ уѣхала въ Тулу, въ прекрасной коляскѣ, запряженной парю превосходныхъ лошадей,—я узналъ въ первый разъ, что Левъ Николаевичъ сталъ вегетаріанцемъ. Этому примѣру послѣдовала только вторая его дочь. Остальная семья имѣла обыкновенный мясной столъ.

Во время завтрака зашелъ разговоръ о моемъ письмѣ, упомянутомъ выше. Левъ Николаевичъ настаивалъ, что не слѣдуетъ заступаться за крестьянъ тѣми способами, какіе предлагалъ я. Мнѣ было очень горько за крестьянъ и досадно, что онъ ничего не сдѣлалъ, увлекаясь въ то время «непротивленіемъ злу». У меня сорвалась фраза, о которой впрочемъ я не жалѣю, хотя и было неловко сказать ее при всѣхъ:

— Если вы видите,—сказалъ я,—что кто нибудь мучить собаку, вы не станете задумываться, а броситесь отнять ее или освободить какимъ нибудь образомъ. А вѣдь тутъ дѣло идетъ о людяхъ, а не о собакахъ!

Онъ ничего не сказалъ. Но я знаю, что мало-по-малу, подъ вліяніемъ многихъ фактовъ, поражавшихъ его чуткое, великое сердце, онъ пересталъ слѣдовать этому принципу съ прежнимъ ригоризмомъ. Однако это не значить, что онъ отказался отъ него. Онъ только примирилъ его съ требованіями сердца и дѣйствительныхъ человѣческихъ страданій.

Послѣ завтрака мы сошли внизъ, въ его рабочую комнату, выходившую и въ садъ большой стеклянной дверью. Въ одномъ изъ ея угловъ стоялъ сжатый снопъ; тутъ же стояли коса, грабли... Левъ Николаевичъ предложилъ намъ отправиться за грибами, которыхъ теперь много въ лѣсу. Мы вооружились палками и корзинками.

Дорогой шелъ разговоръ на разныя темы, но главнымъ образомъ о «непротивленіи злу насиліемъ». Я высказывалъ мнѣніе, что это правило можетъ быть только «идеаломъ», т. е. путеводной звѣздой, съ которой постоянно нужно справляться, но что перенести ее немедленно въ практическую жизнь невозможно.

Кажется, мои возраженія раздражали Толстого. Онъ смотрѣлъ на меня сурово и сухо, а одинъ разъ, когда я невольно перебилъ его какимъ-то замѣчаніемъ, онъ сурово посмотрѣлъ на меня и продолжалъ рѣчь, не отвѣтивъ на мои слова.

Грибы онъ собиралъ замѣчательно: у него была уже полная корзинка, у меня только половина, а у нашихъ спутниковъ, особенно у Ч., лишь нѣсколько штукъ.

Левъ Николаевичъ сообщилъ намъ, что лѣсъ, въ которомъ мы были, «насаженъ» имъ. При этомъ онъ побранилъ себя за это, какъ и тогда, когда бранилъ себя за то, что написалъ Анну Каренину.

Къ концу нашей прогулки онъ опять сталъ ласковъ со мной. Быть можетъ, этому помогло мое умѣнье собирать грибы, показавшее, что я совсѣмъ не такой «петербуржецъ», какъ иногда утверждалъ онъ.

Левъ Николаевичъ разспрашивалъ о томъ, что я видѣлъ во внутреннихъ губерніяхъ и Малороссіи, что дѣлаютъ тамъ земства и т. п. Мнѣ было грустно, что ко всему этому, а также и къ школамъ, онъ относился почти отрицательно. Особенно мнѣ было горько за народное образованіе, которымъ онъ такъ горячо занимался когда-то и у себя въ Ясной Полянѣ, и въ окружающей мѣстности.

Мнѣ было больно, что этотъ гениальный человѣкъ, который могъ сдѣлать такую массу добра, оказывать огромное вліяніе на дѣйствительность, оторвался отъ этой дѣйствительности, отъ ея практическихъ условій. Онъ самъ связалъ себѣ руки своими идеалами и принципами, которые на каждомъ шагѣ мѣшали свободнымъ движеніямъ его сердца. И я понималъ, что ему трудно, почти невозможно возвратиться на путь живой, практической работы: онъ черезчуръ рѣзко нападалъ на многихъ съ точки зрѣнія своихъ абстракцій и успѣлъ возстановить противъ себя такую массу людей, что практическое, живое вліяніе было уже невозможно для этой могучей силы. Она сама устроила китайскую стѣну между собой и жизнью.

И все время мнѣ казалось, что въ этомъ виноватъ не онъ, что онъ увлекался многимъ, какъ художникъ, и говорилъ обо многомъ, какъ художникъ. Иногда это дѣлалось подъ чужимъ и временнымъ вліяніемъ людей маленькихъ, узкихъ, одностороннихъ, но фанатическихъ. Пораженный ихъ фанатическимъ жаромъ, онъ увлекался ими, но затѣмъ переходилъ къ новому, обобщалъ, объединялъ, какъ пчела, дѣлающая медъ изъ тысячи цвѣтовъ. Но многіе этого не понимали, ловили его слова, возводили ихъ въ самую суть его взглядовъ и стремленій, и этимъ загнали его сами въ узенькія рамки, въ тѣсную перегородку, которой безъ этого не вынесла бы его гениальная натура. Я уже сказалъ, что онъ постоянно шелъ впередъ въ своихъ взглядахъ, умъ его становился все покойнѣе, реальнѣе. Я опускаю мои послѣднія встрѣчи съ нимъ, но онѣ показали мнѣ съ безспорной очевидностью безпредѣльный прогрессъ въ его идеяхъ отъ схоластическаго мистицизма къ самому реальному, гениально-простому и глубокому міросозерцанію.

Мои воспоминанія о Левѣ Николаевичѣ я закончу однимъ эпизодомъ, который можетъ разъяснить весьма мелкое, но гадкое обвиненіе, сдѣланное противъ него кое-къмъ въ петербургской печати.

Когда вышелъ 12-й томъ его сочиненій, онъ не продавался отдѣльно, а только вмѣстѣ со всѣмъ изданіемъ. Въ печати посыпались обвиненія, что Толстой эксплуатируетъ публику, которая уже купила остальные томы въ прежнемъ изданіи. Теперь же ес

заставляютъ покупать во второй разъ первые томы новаго изданія, чтобы приобрѣсть 12-й.

Зная, что Толстой не только не вмѣшивается въ дѣло изданія своихъ сочиненій, но и не пользуется отъ нихъ ничѣмъ, представивъ это другимъ лицамъ, я написалъ ему горячее письмо, советуя принять мѣры для устраненія нареканій.

Лицо, на которое было возложено предварительный просмотръ писемъ, адресуемыхъ къ Льву Николаевичу чуть не тысячами, со всѣхъ концовъ Россіи и со всевозможными просьбами, не рѣшилось показать Толстому это письмо, зная, какъ оно его огорчитъ и разстроитъ. Но оно приняло само энергическія мѣры къ тому, чтобы XII томъ продавался отдѣльно. Для этого нужно было нарочно ѣхать въ Петербургъ и выхлопотать разрѣшеніе на эту отдѣльную продажу. Когда такое разрѣшеніе было дано, я былъ извѣщенъ вышеупомянутымъ лицомъ, что теперь все улажено, но что мое письмо не было показано Толстому, а теперь можетъ быть показано, если я того пожелаю. Я, конечно, отвѣтилъ, что теперь не слѣдуетъ показывать письмо.

Этотъ эпизодъ показываетъ, какъ глубоко несправедливо было вышеупомянутое обвиненіе. О немъ не рѣшались даже довести до свѣдѣнія Льва Николаевича: до такой степени подобный образъ дѣйствій не совмѣстимъ съ его свѣтлой, высокой личностью.

Здѣсь мы имѣемъ новую иллюстрацію къ тому, что было уже сказано выше о нашемъ русскомъ отношеніи къ своимъ гениямъ, и о чѣмъ же отношеніи? Объ отношеніи самой литературы!

Однако, въ послѣднее время вся литература безъ исключенія поняла свою ошибку, и имя великаго писателя стало въ ней неприкосновеннымъ...

Лучше поздно, чѣмъ никогда.

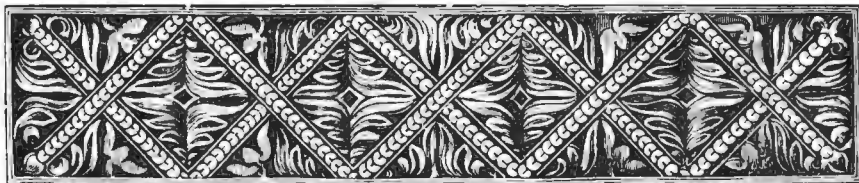
На этомъ я прекращаю мои воспоминанія, надѣясь когда нибудь возвратиться къ нимъ еще разъ.

Не мнѣ судить, удалось ли выполнить въ этихъ воспоминаніяхъ мой задушевный планъ—освѣтить нѣкоторыя явленія нашей печати, ея отношенія къ жизни, ея вліяніе на жизнь и обратно.

Задача эта очень трудна не по одному только недостатку матеріала, котораго у меня достаточно.

Трудна она по многимъ причинамъ, и особенно потому, что о многомъ приходилось умалчивать, по многимъ сображеніямъ.

Л. Е. Оболенскій.

ПО ГРАНИЦАМЪ БУХАРЫ И АФГАНИСТАНА.

(Путевые очерки 1898 года)¹⁾.

II.

Отъ Куляба до Сарая.

НЕРВОЕ знакомство съ бухарской равниной за Кулябомъ производитъ безотрадное впечатлѣніе. До самаго «Чубека» (небольшого кишлака верстахъ въ 40—50 отъ Куляба) дорога все время пролегаетъ по голой, выжженной солнцемъ мѣстности. Солнце огнемъ жжетъ съ высоты голубого безоблачнаго неба, растрескавшаяся почва дышитъ зноемъ, въ раскаленномъ воздухѣ мелькають будто огненные искры. Селенія совсѣмъ исчезли, на смѣну ихъ зеленымъ деревьямъ мѣстами одиноко чернѣють юрты кочевыхъ узбековъ и киргизовъ племени «катаганъ». Стада лѣнливо движутся и подбирають жалкіе клочья засохшихъ травъ.

И куда ни оглянись: справа и слѣва, спереди и сзади—всюду одна и та же унылая равнина. Линія на полдорогѣ между Чубекомъ и Кулябомъ ее пересѣкаетъ невысокая гряда горъ; бѣлая пятна соли мѣстами выступили на ея скатахъ и ослѣпительно сверкають на солнцѣ. Подъ самымъ Чубекомъ показывается обширная площадь яркой зелени, которая, какъ оазисъ, рѣзко вырисовывается на окружающей желтизнѣ.

Въ Чубекѣ находится русская таможня, гдѣ живутъ управляющій и офицеръ пограничной стражи съ своими подчиненными:

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVII, стр. 961.

двумя таможенными чиновниками, 4—5 солдатами и татаринѣмъ-переводчикѣмъ. Въ семейномъ кругу этихъ лицъ мы провели вечеръ 26 іюля впервые въ европейской обстановкѣ послѣ трехмѣсячнаго скитанія по дебрямъ Нагорной Азіи. Грустную исторію пришлось услышать отъ управляющаго таможеней и его сожителя офицера.

Занесенные только два мѣсяца назадъ въ эту глушь далекаго азіатскаго востока изъ разныхъ мѣстъ Россіи, первый изъ Пржевальска, второй изъ Таурогена, они плохо мирятся съ своимъ новымъ житьемъ-бытьемъ. Другой русскій цивилизованный мірокъ, Сарай, находится отъ нихъ въ 3-хъ дняхъ пути, поэтому общеніе съ нимъ бываетъ очень рѣдкое, кругомъ чалмоносцы—«аралашъ», съ которыми они ничего не имѣютъ общаго. Въ особенности растерялся поручикъ фонъ-К. Ему здѣсь все кажется такимъ ужаснымъ и дикимъ, что онъ до сихъ поръ не можетъ себѣ представить, что въ такомъ мѣстѣ могли жить «культурные люди». Окружающая равнина, по его рассказамъ, «гибельнѣе и ужаснѣе, чѣмъ Сахара», невысокіе увалы, чрезъ которые ему иногда приходится переѣзжать, въ его передачѣ рисовались какими-то Гималаями съ головоломными подъемами и спусками и съ ужасными «до обморока» стремнинами. Вдобавокъ г. фонъ-К. вмѣстѣ съ женой и ихъ дѣвочкой болѣютъ все время мѣстной болотной лихорадкой, и ихъ смертельно-блѣдныя изнуренныя лица съ воспаленными глазами краснорѣчиво говорятъ, что дѣйствительно несладка ихъ жизнь.

— Зачѣмъ же вы ѣхали сюда въ эту дичь и глушь?—спросилъ я его.

— Представьте, знакомые подбили, расписали такими привлекательными красками эту проклятую страну, что мы повѣрили и поѣхали. Къ тому же соблазнили большія подъемныя деньги: тысяча рублей.

— Ну, а жалованье-то?

— Да жалованья только на сто рублей больше того, что я получалъ въ Таурогенѣ. Теперь вотъ и живи здѣсь по закону цѣлыхъ три года, сейчасъ бѣжалъ бы отсюда, но нужно заплатить тысячу рублей, которые казна выдала на проѣздъ сюда. А средства офицера вы знаете какія?.. Вотъ положеніе-то!

Бѣдные люди! И это только цвѣтики для нихъ. Что же будетъ, если настанетъ суровая и лютая зима средне-азиатскихъ равнинъ? Выпадетъ снѣгъ, забушуютъ и засвистятъ буйные бухарскіе вѣтры и мятели, подправленные тридцати-градусными морозами,—куда бѣжать отъ нихъ? Помѣщенія для чиновъ таможеннаго вѣдомства и пограничной стражи сложены самымъ примитивнымъ образомъ изъ сырцевыхъ кирпичей, лѣса нѣтъ, обожженнаго кирпича туземцы не дѣлаютъ, стѣны општукатурены кое-какъ, печи невыносимо дымятъ, внутри страшная сырость и рѣзкій холодъ.

Управляющій таможеню, съ виду серьезный и положительный человекъ, не такъ тяготится новой обстановкой: вѣроятно, жизнь въ Сибири и въ такой глуши, какъ Пржевальскъ, пріучила его смотрѣть на вещи проще. Весь досугъ, который онъ имѣетъ, посвящаетъ охотѣ, благо дичи здѣсь такое изобиліе, и чтенію, для чего выписываетъ много періодическихъ изданій. По его словамъ, русская таможня въ Бухарѣ, на границахъ Афганистана, возникла въ 1894 году, за право открытія пограничной линіи таможенъ русское правительство заплатило бухарскому эмиру 3 милліона рублей единовременно. Пошлина съ каждаго товара, идущаго изъ Афганистана, взимается въ размѣрѣ 5% со всей его номинальной стоимости, этотъ поборъ идетъ въ пользу русской казны. Бухарцы же сверхъ того взимаютъ въ свою пользу еще 2%, но обыкновенно такъ, что эти 2% бываютъ равны пяти, если не превышаютъ ихъ. Прижимки и вымогательства туземныхъ властей, очевидно, имѣютъ мѣсто и при сборѣ пошлинъ. Въ виду этого афганскіе купцы, провозящіе товары въ Бухару чрезъ русскія таможи, цѣлыми днями торгуются изъ-за пошлинъ, предполагая, что русскіе, какъ и бухарцы, всегда назначаютъ произвольную плату, и потому, если поупорствовать, то можно что нибудь и выторговать. Словамъ же таможенныхъ чиновниковъ, что размѣръ платы разъ навсегда опредѣленъ, никто не вѣритъ. Что касается доходовъ, то русской казнѣ ни одна мѣстная таможня, за исключеніемъ развѣ Керковской, ихъ не приноситъ. Годовой доходъ, напримѣръ, Чубекской таможи опредѣляется только рублей въ 500, тогда какъ ея содержаніе стоитъ гораздо дороже. Причину подобной вялой дѣятельности мѣстныхъ таможенъ слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ плохомъ развитіи торговыхъ сношеній между Бухарой и Афганистаномъ. Политическія событія послѣднихъ лѣтъ надолго разъединили другъ отъ друга эти два государства-буфера. Недружелюбіе Англій къ Россіи сказалось, и притомъ въ болѣе рѣзкой формѣ, и на взаимныхъ отношеніяхъ Афганистана къ Бухарѣ. Бухарець терпѣть не можетъ афганца, называетъ его не иначе, какъ «одами-гандá» (негодный человекъ, мерзавецъ), и всячески старается избѣгнуть какихъ либо съ нимъ сношеній, афганецъ платитъ тѣмъ же. Кромѣ того, эта обостренность международныхъ отношеній дошла, какъ извѣстно, за послѣднее время до того, что ни одинъ туземець Бухары не имѣетъ права переступить афганскую границу, чтобы не быть «прирѣзаннымъ» (о русскихъ и толковать нечего)¹⁾. Справедливость требуетъ, между прочимъ, сказать, что

¹⁾ По этому поводу мнѣ вспоминается ходившее въ 1897 и 1898 годахъ среди пограничныхъ бухарскихъ властей извѣщеніе афганскаго эмира, Абдурахманъ-хана, для свѣдѣнія русскихъ туристовъ, что «всѣ благородные русскіе путешественники, которые пріѣдутъ въ Афганистанъ, будутъ пользоваться всевозможными удобствами и гостепримствомъ въ странѣ, но, въ сожалѣнію, онъ, эмиръ Афганистана, не можетъ поручиться за ихъ жизнь». Это распоряженіе Абдурахманъ-хана было также извѣстно и многимъ русскимъ въ краѣ.

бухарцы все-таки допускаютъ къ себѣ афганцевъ. Всѣ эти обстоятельства сильно тормозятъ бухарско-афганскія торговыя сношенія. Теперь пока предметами торговли служатъ: скоть, различное сырье, предметы туземной кустарной промышленности (ковры, паласы и проч.), отчасти хлѣбные продукты и нѣкоторые русскіе товары, чрезъ посредство бухарцевъ все болѣе завоевывающіе афганскій рынокъ. Особенно охотно покупается афганцами русскій ситецъ, преимущественно мануфактуры Цинделя, Прохорова и друг., а также хлопчато-бумажныя произведенія Саввы и Видулы Морозовыхъ. Дешевые, но гнилые ситцы англійскихъ фабрикъ все болѣе и болѣе признаются негодными въ Афганистанѣ. Пипущему это приходилось неоднократно слышать подобное отъ самихъ афганцевъ. Къ сожалѣнію, на предложеніе въ Афганистанъ другихъ русскихъ товаровъ спроса пока нѣтъ.

По словамъ бухарскихъ купцовъ, два продукта нашей промышленности могли бы имѣть тамъ, по крайней мѣрѣ, въ Сѣверномъ Афганистанѣ, громадный сбытъ: это фарфоръ и спички. Афганцы не прочь бы покупать русскіе фарфоровые чайники и чашки для чая и спички, такъ какъ нашъ фарфоръ обходился бы имъ дешевле, нежели китайскій и англійскій, а русскія спички качествомъ оказываются лучше, чѣмъ англійскаго издѣлія. Къ сожалѣнію, у насъ въ Россіи значеніе этнографическихъ свѣдѣній для торговыхъ цѣлей не скоро сознаютъ наши фабриканты и детальное изученіе вкусовъ населенія, съ которымъ они ведутъ торговлю, его привычекъ, суевѣрій, любимыхъ цвѣтовъ и прочее, долго будутъ считать ненужной роскошью. Поэтому весьма аляповатые, съ безобразно напачканными рисунками, чайники Матвѣя и Ивана Кузнецовыхъ не нравятся афганцамъ. Они лучше отдадутъ лишнее, лишь бы пріобрѣсти себѣ по вкусу вещь китайскаго или бомбейскаго издѣлія. Производство же маленькихъ безъ ручекъ чашекъ для чая, изъ которыхъ пьютъ чуть ли не всѣ народы Азіи, повидимому, еще не пришло въ голову нашимъ фарфоровымъ фабрикантамъ. Русскій фарфоръ какъ не пошелъ въ Бухарѣ, такъ не идетъ и въ Афганистанѣ. То же самое слѣдуетъ сказать и о русскихъ спичкахъ, преимущественно Лапина. Онѣ не находятъ себѣ сбыта у афганцевъ потому, что послѣднимъ не нравятся слишкомъ простенькія желтыя коробочки, къ тому же на нихъ изображенъ «Левъ и Солнце», гербъ шіитской невѣрной Персіи.

Отъ Чубека до кишлака «Шорхаръ» характеръ мѣстности измѣняется. Дорога мѣстами пролегаетъ громадными зарослями тростниковъ и камышей, скрывающихъ путника вмѣстѣ съ лошадыю въ своемъ зеленомъ морѣ. Порою передъ глазами открываются блестящія озера, съ ихъ спокойныхъ водъ доносятся крики водяныхъ птицъ. Но вотъ заросли рѣдѣютъ, тростники и камыши какъ-то сразу исчезаютъ, и мы на берегу спокойныхъ и плавно льющихся

водъ величавой рѣки. То снова предъ глазами, давно съ Калаи-хума ¹⁾ исчезнувшій Пянджъ, но не узкій и бурный, какъ тамъ, въ верховьяхъ. Здѣсь—громадная площадь водъ, окаймленная съ одной стороны зеленѣющимъ берегомъ бухарской равнины, а съ другой ея стороны смутно вырисовывается изъ-за сѣро-голубой дымки далекаго зарѣчья гористый берегъ Афганистана. Ширь, мощный размахъ такъ и чувствуются во всей этой картинѣ. Зеленые острова и островки съ непролазными чащами кустарниковъ поднимаются изъ зеркальныхъ водъ, деревья жмутся по берегамъ, деревья зеленѣютъ въ глубинѣ острововъ; медленно покойныя воды рѣки то извилистыми узкими рукавами, то широкими пространствами текутъ между острововъ, охватываютъ ихъ со всѣхъ сторонъ и своей сѣтью разнообразныхъ каналовъ бороздятъ всю эту безпредѣльную зеленую ширь необъятной равнины. Это дѣйствительно «Великая рѣка» («Аминъ-дарья», Катта-дарья»), какъ называютъ здѣсь Пянджъ мѣстные племена кочевниковъ.

Въ нижнемъ своемъ теченіи, послѣ принятія справа и слѣва многочисленныхъ и многоводныхъ притоковъ, Пянджъ дѣлается большой и широкой рѣкой, почему живущіе тамъ мои земляки, туркмены нѣкоторыхъ племенъ, называютъ его «Аминъ-дарья», т. е. великая рѣка, такъ какъ «аминъ» по-туркменски означаетъ вообще великій, старшій, значительный, начальникъ, старшина. И, вѣроятно, это названіе было сначала всеобщимъ, но нѣкоторые изъ туркменъ, отличающіеся грубымъ выговоромъ, исказили это слово въ «Амунъ-дарья», «Амбу-дарья», подъ которымъ извѣстенъ у нихъ Пянджъ въ нижнемъ теченіи. Говорятъ, что въ далекую старину его теченіе было не то, что теперь. Эта рѣка протекала чрезъ то мѣсто, гдѣ теперь Бухара, и тамъ, гдѣ сейчасъ находятся двѣ бухарскихъ мечети Магога, былъ страшный водоворотъ, причинявшій окрестнымъ жителямъ немало заботъ и безпокойства, отсюда «Аминъ-дарья» шла къ Ургенчу (Хивѣ) и сливалась по близости его съ Сыръ-дарьей. Но теченіе Аму-дарьи измѣнилось по случаю того, что пророкъ Хызръ,—да будетъ миръ ему,—придя въ Бухару и видя тотъ водоворотъ, ревъ и шумъ котораго пугалъ людей, отправился отсюда вверхъ по рѣкѣ, молясь Богу, чтобы Онъ отвелъ рѣку въ другое мѣсто, и Аллахъ услышалъ мольбу святого: приказалъ рѣкѣ итти по тому пути, по которому она сейчасъ течетъ, т. е. на Керки, Чарджуи и т. д.

Въ первый разъ мы услышали названіе «Аминъ-дарья» въ кишлакѣ «Сайодъ» случайно въ разговорѣ, спросивъ узбека, подававшего намъ чай: «какъ называется эта рѣка?» Узбекъ отвѣчалъ: «Катта-дарья» (т. е. Великая рѣка), при чемъ тутъ же въ видѣ

¹⁾ Калаи-хумъ, или вѣрнѣе Калаи-хумбъ—главный и вмѣстѣ съ тѣмъ единственный городъ Дарваза, обширной бухарской горной области.

поясненія прибавиль: «т. е. «Аминъ-дарья». Слова же «катта» и «аминъ» на узбекскомъ и туркменскомъ нарѣчійхъ есть синонимы одного и того же понятія: великій, огромный. Впослѣдствіи, желая провѣрить это, мы неоднократно спрашивали при случайныхъ нашихъ встрѣчахъ узбековъ и туркменъ разныхъ родовъ, какъ они называютъ Пянджъ. И всюду ото всѣхъ слышали одно слово «Ами-дарья» (конечное и въ словѣ «аминъ» для сокращенія отбрасывалось). Когда же спрашивали, что значитъ «Ами», поясняли, что это слово (при чемъ отдѣльно его туземцы произносили полностью «аминъ») значитъ «катта»—великій, большой ¹⁾).

Въ Порхарѣ пришлось впервые услышать рассказы о тиграхъ: ими да пантерами и леопардами кишмя кишать здѣшніе камыши. Бравый солдатъ—старшій изъ мѣстнаго пограничнаго поста, рапортовалъ намъ о набѣгахъ хищниковъ.

— Сначала эта самая тигра задрала у насъ корову. Наши солдатики вздумали было подстрѣлить тигру, а она замѣсто этого одного изъ нихъ разорвала. А ужъ ежели она отвѣдала человѣчины, такъ берегись... Ночью никто и на дворъ не выходитъ безъ ружья: все около бродить. Такая безобразная страна!

— Что же мѣстные-то жители смотрятъ? Устроили бы на тигровъ облаву, этакъ, вѣдь, житья, пожалуй, имъ нѣтъ отъ нихъ?—спрашиваемъ мы.

— Не могу знать,—отвѣчалъ солдатикъ,—но только ежели который изъ жителей встрѣтится съ тигрой, то сейчасъ ей поклонъ отвѣшиваетъ, ну, она и ничего, уходитъ и не трогаеть его. Должно быть, слово какое знаютъ; а, можетъ, и потому, что здѣшній народъ самъ какъ бы въ родѣ тигры.

Пришлось поговорить о тиграхъ и съ мѣстными туземцами. Добродушные узбеки отнеслись къ нимъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ.

Когда ихъ спросили, охотятся ли они на мѣстныхъ хищниковъ кошачьей породы, они отвѣчали:

— Нѣтъ, таксырь, развѣ человѣкъ одолѣеть ихъ? Мы когда встрѣтимъ тигра или леопарда, сейчасъ же уступаемъ имъ дорогу, они и проходятъ.

— Да развѣ они не таскають у васъ скоть, вѣдь вонъ у солдатъ растерзали корову и человѣка?

— Мы, таксырь, ихъ не трогаемъ, потому они и насъ не трогають и нашъ скоть. И отъ отцовъ никогда не слышали, чтобы тигры сдѣлали намъ какое либо зло. А что про солдатъ говорите, такъ тѣ первые вздумали охотиться на нихъ, ну, вѣдь, надо же имъ какъ нибудь защищаться...

---

¹⁾ Не понимаю, откуда взялъ Вамбери происхожденіе слова «Аму» отъ турецкаго «аму» (дядя). Если онъ былъ на берегахъ Аму-дарьи, то долженъ знать, отъ чего произошло названіе этой рѣки.

Не знаю, были ли мѣстные тигры трусливы, были ли признательны за свою безопасность, или же питали къ туземцамъ родственное расположеніе, потому что дѣйствительно «здѣшній народъ какъ бы въ родѣ тигры», но только вездѣ потомъ по аму-дарьинскому побережью приходилось слышать отъ туземцевъ подобный единодушный отзывъ объ этихъ хищникахъ.

Отъ Порхара почти до самаго Сарая дорога идетъ близъ берега рѣки опять по унылой, выжженной солнцемъ мѣстности. Мѣстами встрѣчаются невысокія горы, покрытыя фисташковыми деревьями. Налѣво, у рѣки, неширокая прибрежная полоса, сплошь заросшая разнообразной зеленью. Тамъ царство оленей, тигровъ, пантеръ, кабановъ и неисчислимыхъ стай пернатыхъ. На пути кое-гдѣ попадаются кочевья арабовъ. По рассказамъ послѣднихъ, они бѣжали сюда тридцать лѣтъ тому назадъ изъ Кундуза¹⁾, отъ притѣсенній афганцевъ.

Ближе къ Сараю дорога переваливаетъ черезъ небольшіе увалы и идетъ все время ужъ по обширной цвѣтущей равнинѣ. Сады и кишлаки разбросаны здѣсь и тамъ, табуны лошадей и стада скота бродятъ по тучнымъ пастбищамъ. Рисовыя поля занимаютъ большія площади вблизи болотъ и по окраинамъ мутныхъ и глубокихъ арыковъ. Преобладающее населеніе—полуосѣдлые узбеки племени «катаганъ»; большинство изъ нихъ опять таки бѣжало двадцать лѣтъ тому назадъ изъ Афганистана и по тѣмъ же причинамъ, что и арабы.

Верстахъ въ 15 отъ Сарая насъ встрѣтилъ сарайскій амлекдаръ со своими людьми. Это былъ высокій красивый таджикъ, по-видимому, нѣсколько тронутый «культурой». Отъ него сильно пахло духами пачули, и онъ то и дѣло подносилъ къ носу безукоризненно чистый носовой платокъ. Вещь совершенно неизвѣстная въ Бухарѣ! Къ тому же онъ хорошо произносилъ по-русски «здравствуйте», «какъ поживаете» и «прощайте» и зналъ по-французски «merci», «merci beaucoup». Видимо житье въ Сараѣ среди русскихъ интеллигентныхъ лицъ не прошло для этого амлекдара безслѣдно.

Подъ Сараемъ, между всюду разбросанными кишлаками, слѣды древнихъ арыковъ, остатки стѣнъ заброшенныхъ селеній и наконецъ громадный курганъ «Мурза-Типа» (въ двухъ верстахъ отъ Сарая) съ явными слѣдами какого-то древняго города или крѣпости; теперь на этомъ курганѣ мѣстные жители хоронятъ своихъ покойниковъ.

Самъ Сарай лежитъ на берегу Аму-дарьи и представляетъ большой кишлакъ, населенный «аралашью», при чемъ узбеки, кажется,

¹⁾ Кундузъ одна изъ афганскихъ провинцій, лежащая по лѣвому берегу Аму-дарьи, центръ такъ называемаго Афганскаго Туркестана. Главный городъ Кундузъ, средоточіе дорогъ въ Китай, Персію, Бухару и Индію.

преобладають. Густая богатая растительность, широкая многоводная рѣка, прекрасный видъ на афганскій берегъ, гдѣ изъ-за горъ «Хаджа-Магомѣтъ» обрисовываются въ туманной дали снѣговые великаны Хиндукуша,—все это дѣлало бы Сарай прекраснымъ мѣстомъ для жилья, если бы не повальныя болотныя лихорадки, свирѣпствующія здѣсь почти круглый годъ. Этотъ бичъ и заставляетъ разочаровываться въ мѣстности каждаго, кто попадетъ сюда.

Въ Сарай находится русская таможня, живетъ подполковникъ пограничной стражи, военный врачъ и другіе, словомъ русское общество здѣсь представлено, сравнительно, многими лицами, и жить бы, казалось, можно сносно. Но достаточно взглянуть на этихъ интеллигентныхъ представителей Россіи, заброшенныхъ въ глубину Азій, чтобы понять, какъ тяжелыя условія мѣстной жизни и полная неподготовленность къ ней наложили на нихъ печать какой-то тупости и полнѣйшей апатіи къ окружающему. И эта страдальческая жизнь забывается развѣ только по вечерамъ за неизбѣжнымъ, безцѣльнымъ винтомъ или въ жестокихъ пароксизмахъ мѣстной лихорадки.

Видно, что обязательный трехгодичный срокъ службы здѣсь не легко достается русскому интеллигенту. Мечтаетъ онъ у себя на родинѣ о большомъ окладѣ въ Азій, о привольномъ житьѣ-бытьѣ на далекой окраинѣ и прочихъ благахъ, надѣется тамъ устроиться поудобнѣе и поуютнѣе, сколотить деньжонокъ и «опереннымъ и окрыленнымъ» возвратиться «въ Россію», а на дѣлѣ вполнѣ оправдываются двѣ мѣткія русскія пословицы: «славны бубны за горами» и «хорошо тамъ, гдѣ насъ нѣтъ». Отчего же все это происходитъ?—спроситъ читатель. Оттого, что любить человѣкъ «авось» и «небось», любить отправляться на новыя мѣста, очертя голову, не прочитавъ, не спросясь и не узнавъ точно, что за жизнь тамъ, и въ результатѣ «разбитыя надежды» и горькія разочарованія. То помѣщеніе изъ рукъ вонъ плохо, то ближайшая русская колонія и Божій храмъ находятся за сотню верстъ, то негдѣ во время достать необходимыхъ вещей, то лихорадки, то, наконецъ, окружающіе туземцы кажутся невозможными дикарями. Да вдобавокъ и люди-то идутъ сюда совершенно не знающіе Востока и его обитателей; каждый изъ нихъ въ правѣ перефразировать гамлетовское: «что мнѣ Гекуба, и что я Гекубѣ!» въ восклицаніе: что мнѣ Востокъ, и что я Востоку! И на этой почвѣ полнѣйшаго незнанія Востока, отсутствія къ нему всякаго интереса, проходитъ вся мѣстная русская жизнь, и происходятъ все сношенія здѣшнихъ русскіихъ властей съ «халатниками-дикарями». Оттого и получается та «тоска-неволя», та горемычная жизнь-каторга, на которыя такъ любитъ плакаться мѣстный чиновникъ каждому, залѣтѣвшему сюда свѣжему человѣку «изъ Россіи».

Мы жили въ Сарай у мѣстнаго гостепріимнаго амлекдара ужъ двое сутокъ и помышляли о дальнѣйшей дорогѣ, какъ вдругъ за-

болѣли двое изъ нашихъ людей. Приглашенный докторъ И. нашелъ у обоихъ всѣ характерные признаки мѣстной болотной лихорадки: припухлость селезенки, повышенную температуру (39—40°), сильную головную боль, упадокъ силъ, ломоту во всѣхъ членахъ тѣла, обильную испарину и отсутствіе озноба. Больнымъ было прописано питье водки два раза нѣ день, усиленные приемы хинина и полное воздержаніе отъ фруктовъ и отъ питья сырой воды. Дня черезъ два они нѣсколько поправились, но были настолько слабы, что не могли сидѣть на лошади; рѣшили отправить ихъ съ большинствомъ багажа въ Патта-Хисаръ на каюкъ, который незадолго передъ тѣмъ пришелъ съ товарами изъ Керковъ и долженъ былъ пустымъ итти обратно внизъ по рѣкѣ. Послѣ долгихъ переговоровъ съ туркменами-перевозчиками, запросившими сорокъ русскихъ рублей за каюкъ, сладились наконецъ что-то за семнадцать—двадцать рублей и отправили нашихъ больныхъ и багажъ по Аму-дарьѣ, а сами направились въ Патта-Хисаръ чрезъ Кабадіанъ.

III.

Чрезъ Кабадіанъ и Патта-Хисаръ въ Чарджуй.

Снова предъ глазами спаленная солнцемъ пустыня. Ни воды, ни травы, ничего нѣтъ. Лишь подлѣ самой Аму-дарьи небольшая полоса густой зелени рѣзко выдѣляется на общемъ безжизненномъ фонѣ окружающей равнины. Знойное солнце одиноко горитъ въ блѣдно-голубомъ небѣ. Тишина окрестностей невозмутима: не слышно ни голоса, ни крика, ни шороха. Кажется, будто все живое вымерло, и могильный покой и безмолвіе сковали окрестности. Иногда лишь увидишь ядовитую фалангу, перебѣгающую дорогу, да мелькнетъ передъ глазами стадо дикихъ козъ, стремительно убѣгающихъ въ даль,—и опять все та же безжизненность, то же смертельное однообразіе. Ни кишлаковъ, ни кочевовъ, ни табуновъ, ни стадъ... Только по берегамъ Аму-дарьи до самаго Патта-Хисара разбросаны русскіе сторожевые посты на разстояніи верстъ двадцати-тридцати другъ отъ друга. На каждомъ изъ нихъ живетъ по нѣсколько человекъ солдатъ пограничной стражи, безотвѣтно коротающихъ въ этой пустынѣ унылые дни. Днемъ страдаютъ отъ 55-ти градусной (по Цельсію) жары, вечерами же и ночью не находятъ себѣ мѣста отъ мірадовъ комаровъ и мошекъ, до самаго утра ни на минуту не дающихъ покоя человекъ.

А вѣдь было же, надо полагать, и у этой бесплодной и унылой равнины лучшее прошлое, не искони она была такою. Слѣды старыхъ заброшенныхъ арыковъ,—памятники прежней заселенности этой пустыни,—пересѣкаютъ выжженную степь во всѣхъ направленіяхъ, верстахъ же въ шестнадцать отъ Сарая раскинулись развалины

древняго города Файзабада. Исполинскій насыпной холмъ, на которомъ, вѣроятно, находилась цитателъ, виденъ издали за нѣсколько верстъ; на верху этого холма и по его склонамъ разбросана масса глиняныхъ черепковъ. Если покопать немного почву, то можно наткнуться на слой пепла и мелкихъ углей; поэтому можно предположить, что сначала разореніе, а потомъ огромный пожаръ докончили существованіе города. Вокругъ этого бугра и дальше внизъ по рѣкѣ здѣсь и тамъ встрѣчаются невысокіе холмы, мѣстами, гдѣ ихъ размывли дожди, видны прослойки обожженного кирпича. Судя по правильному распредѣленію этихъ возвышеній, они должны быть слѣдами городскихъ улицъ. Во многихъ мѣстахъ по дорогѣ и въ сторонѣ, между холмовъ, опять то и дѣло попадаются черепки битой посуды. Разъ существовали здѣсь арыки, слѣдовательно была и вода, а «отъ воды живетъ все», говоритъ арабская пословица. Была здѣсь и растительность, были многолюдные города и села, были сады и нивы. Кто же такъ обезлюдилъ этотъ край, какой бичъ Божій пронесся опустошительнымъ ураганомъ по этой цвѣтущей равнинѣ и оставилъ послѣ себя смерть и разрушеніе? На эти вопросы окружающая пустыня и остатки былой здѣшней жизни не говорятъ ничего, молчатъ объ этомъ и лѣтописные источники, и устные преданія. Окрестныя племена на всѣ вопросы о томъ, что раньше было на этихъ пустыняхъ, твердятъ одно: «мы здѣсь люди новые, пришли сюда лѣтъ 20—30 тому назадъ изъ Афганистана, и что это за развалины, кто тутъ раньше жилъ,—ничего не знаемъ». Равнинная Бухара страшно богата такими памятниками погибшей цивилизаціи; всѣ они ждуть своихъ археологовъ и историковъ и, очевидно, долго еще не дождутся...

Чистота и прозрачность окружающаго воздуха изумительны. Вонъ прямо передъ глазами призрачными очертаніями вырисовывается что-то огромное и вмѣстѣ съ тѣмъ, должно быть, страшно далекое. Горы—не горы, замки—не замки... Подлѣ меня ѣдетъ загорѣлый типичный узбекъ, нашъ проводникъ изъ Сарая; спрашиваю его, что это видируется тамъ, вдали.

— Динау, таксыръ,—лаконически отвѣчаетъ тотъ.—Вѣрнѣе горы, окружающія городъ Динау, лежащій отсюда верстахъ въ 120-ти.

— А вонъ, таксыръ, Кундузъ—моя родина.

И узбекъ показавъ плеткой на афганскую сторону; тамъ дѣйствительно за виднѣющимся желтыми песками смутно чудится какая-то зелень, будто чинары уходятъ въ высь, изъ-за нихъ что-то блеститъ подъ солнцемъ. А отсюда до Кундуза верстъ пятьдесятъ ¹⁾.

---

¹⁾ Мудренаго ничего нѣтъ, что городъ замѣтенъ на такомъ разстояніи. Помимо прозрачности воздуха слѣдуетъ принять во вниманіе и то, что правый берегъ Аму-дарьи, на которомъ мы находились, въ этомъ мѣстѣ выше лѣваго афганскаго берега на 1.000 футовъ.

— Гдѣ же лучше жить Ахматъ-бій: въ Кундузѣ или здѣсь?— спрашиваю я.

— О таксырь, Кундузь—родина, а тутъ чужая сторона,—отвѣчаетъ мой узбекъ:—афганы, шайтанъ ихъ возьми, заставили насъ уйти оттуда и глядѣть на родину издали.

— Зачѣмъ же вы ушли оттуда?

— Охъ, таксырь, вы не знаете, какой злой народъ афганы! Что имъ понравится—все возьмутъ, ни съ чѣмъ оставятъ, а кто не нравится, тому... и Ахматъ-бій многозначительно провелъ пальцемъ по горлу.—Если и весь народъ не понравится—и народа всего не пожалѣютъ. Вотъ мы и бѣжали сюда... Говорятъ, таксырь, къ намъ сюда еще таджиковъ изъ Афганистана Хазретъ хочетъ поселить: тоже недавно бѣжали въ Бухару¹⁾.

Подлѣ Джилли-Куля (верстахъ въ 70-ти отъ Сарая) встрѣчается первая зелень и кочевья туркменъ, лѣтъ двадцать слишкомъ переселившихся сюда изъ-подъ Чарджуя и Керковъ.

Джилли-Куль—огромный, раскинутый на большомъ пространствѣ, туркменскій кишлакъ съ толстыми глинобитными стѣнами высокихъ домовъ. Вблизи селенія посѣвы пшеницы, кунджута, немного хлопчатника, гряды дынь и арбузовъ, обнесенныхъ также небольшими глиняными стѣнами. Дальше же, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ кишлака, слѣды недавнихъ посѣвовъ и забытые арыки.

По словамъ туркменъ, они на этихъ мѣстахъ сѣютъ злаки и огородные овощи чрезъ извѣстный промежутокъ времени: годъ здѣсь бываетъ посѣвъ, на другой годъ въ другомъ мѣстѣ, благо земли здѣсь много, а народа горсть. Вперемежку съ полями мѣстами видны цѣлые покинутые кишлаки: торчатъ стѣны домовъ, тянутся невысокія ограды садовъ и огородовъ и иногда одиноко стоятъ цѣлые, еще не успѣвшіе развалиться, дома. Эти селенія покинуты по одной только прихоти полукочевниковъ-туркменъ, не

¹⁾ По послѣднему памирскому разграниченію, происшедшему въ петербургскихъ и лондонскихъ кабинетахъ, намъ, или, вѣрнѣе, Бухарѣ, были, какъ извѣстно, отданы Шугнанъ, Рошанъ и небольшой клочекъ Вахана, страны, de facto и раньше этого принадлежавшія Бухарѣ. Отъ Бухары же былъ отрѣзанъ и отданъ Афганистану многолюдный и богатый край съ таджикскимъ населеніемъ—южный Дарвазъ, лежащій по лѣвую сторону Пянджа. Неистовства новыхъ хозяевъ южнаго Дарваза, афганцевъ, были причиною того, что началось чуть ли не массовое бѣгство мѣстныхъ туземцевъ въ Бухарскія владѣнія. Въ 1898 году, на глазахъ у пишущаго это, въ Бухару бѣжало 400 таджикскихъ семей изъ южнаго Дарваза; судя по ихъ разсказамъ, съ афганскими звѣрствами могли сравниться развѣ только турецкія злодѣяства надъ христіанскимъ населеніемъ Болгаріи и Сербіи въ минувшую русско-турецкую войну. По словамъ переводчика хисарскаго кушъ-беги, Рахматъ-Уллаха, бухарское правительство охотно отводитъ этимъ бѣглецамъ мѣста для поселенія и, несмотря ни на какія требованія афганцевъ, рѣшило не выдавать ихъ послѣднимъ.

любящихъ заживаться слишкомъ долго на одномъ мѣстѣ. Построить туркменъ на славу свой глинобитный «уй» (домъ), не чета убогому хона таджика, поживетъ въ немъ нѣсколько времени и броситъ его, чтобы гдѣ нибудь по близости опять построить такой же уй, который со временемъ опять бросится, какъ и первый. Природа врожденнаго кочевника сказывается и въ полуосѣдломъ тюркѣ, который лѣтомъ и въ домѣ-то совсѣмъ не живетъ. Съ наступленіемъ теплыхъ весеннихъ дней, когда окружающая равнина одѣнется зеленью, и почки деревъ начнутъ распускаться, туркменъ ставитъ по близости своего дома просторную кибитку съ рѣшетчатыми стѣнами, обтянутыми легкою тканью или камышевой циновкой и живетъ въ ней до самыхъ холодовъ, съ наступленіемъ которыхъ опять перебирается въ глинобитный уй.

Туркмены, живущіе вблизи Джилли-Куля, занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ. Сѣютъ: пшеницу, ячмень, кунджуть, хлопокъ, арбузы, дыни и огурцы. Проса не сѣютъ: это—спеціальность таджиковъ и узбековъ. Поля передъ посѣвомъ унавоживаются и вспахиваются плугомъ, въ который впрягается пара воловъ. По уборкѣ хлѣбъ не свозятъ въ кишлаки (такъ какъ лѣтомъ не живутъ въ нихъ), а складываютъ на поляхъ въ большіе скирды, напоминающіе наши одоньи. Здѣсь же на полѣ разматаютъ токъ и обмолачиваютъ зерно, какъ и вездѣ въ Бухарѣ «чапаромъ», тяжелымъ длиннымъ бревномъ, которое таскаютъ два вола. Муку мелютъ ручными жерновами. Для хлѣба идетъ пшеничная мука съ небольшою примѣсью ячменной; хлѣбы пекутся только на одинъ день и своей формой представляютъ плоскія, круглыя (четверти двѣ въ діаметрѣ) лепешки.

Хлопокъ, собираемый съ полей, идетъ на приготовленіе ткани невысокаго достоинства, которая служитъ исключительно только для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей. Изъ кунджута, какъ и вездѣ, добываютъ только одно масло для освѣщенія, драгоценное же качество его волоконъ здѣсь совершенно неизвѣстно.

Производительная промышленность развита крайне слабо. Многія самыя необходимыя вещи въ домашнемъ обиходѣ приходится покупать или вымѣнивать на хлѣбъ и скотъ у сосѣднихъ таджиковъ, или въ близкомъ Кабадіанѣ, какъ, напримѣръ, глиняную посуду, выдѣлка которой среди туркменъ совершенно неизвѣстна. Помимо тканья мѣстной хлопчатобумажной матеріи, изъ шерсти, кромѣ обыкновенныхъ кошмъ, работаютъ паласы, ковры, хорджины и узкія дорожки (игыныбъ) для скрѣпленія рѣшетокъ кибитокъ. Окраска пряжи для этихъ издѣлій производится исключительно мѣстными растительными красками. Тканьемъ всѣхъ перечисленныхъ вещей занимаются женщины, большія мастерицы этого дѣла. Ихъ ковры и паласы отличаются необыкновеннымъ разнообразіемъ орнамента и ткутся съ особенною любовью и тщательностью, не-

смотря на очень кропотливую и долгую работу. Напримѣръ, на приготовленіе съ узорами паласа, длиною, приблизительно, аршинъ шесть и шириной около сажени, уходитъ времени мѣсяца два и больше.

Переночевавъ въ Джилли-Куль, мы отправились въ Кабадіанъ, лежащій отсюда верстахъ въ тридцати. Послѣ самаго Джилли-Куля пришлось переправляться черезъ быстрый Вахшъ¹⁾, или по-туркменски Вагышъ. Два неуклюжихъ плоскодонныхъ каюка стояли у заросшаго тростникомъ берега. Въ одинъ помѣстили лошадей, въ другой людей. Туркмены-перевозчики накинули четыремъ лошадямъ (по двѣ у каждой лодки) на шею арканы, привязанные къ кормамъ, и погнали лошадей на тотъ берегъ. Несчастныя животныя изъ силъ выбивались, борясь съ быстринной рѣки, арканы немилосердно терли имъ шеи; вѣроятно, отъ частыхъ переправъ при такихъ условіяхъ у нихъ и произошли эти страшныя раны на шеяхъ.

Ближе къ Кабадіану встрѣчаются невысокія горы съ неглубокими долинами, ихъ обнаженные и голые склоны лишены почти всякой растительности и усѣяны камнями. Въ центрѣ этой гряды лежитъ большая пустынная равнина, сухіе стебли засохшихъ травъ скатались въ клубки и перегоняются вѣтромъ съ одного мѣста на другое по ея обширной глади. Заключенная среди горъ, эта равнина, не будь она такъ печальна, производила бы пріятное впечатлѣніе. Залюбовавшись ею, я окликнулъ ѣхавшаго впереди махрамъ-бека и шутя спросилъ его, нельзя ли купить у эмира эту мѣстность.

— Ахъ, тюръ,—засмѣялся махрамъ,—къ сожалѣнію, за деньги нельзя.

— А какъ же?

— У насъ пустырей не продаютъ, а отдаютъ даромъ, но съ условіемъ, что вы, взявъ участокъ, какой хотите величины, дадите обѣщаніе оросить его и засадить растительностью или покрыть посѣвами въ теченіе трехъ-лѣтняго срока. Если не выполните этого, участокъ у васъ отбирается, а если арыки проведете и кое-что посадите или посѣете, то земля навсегда ваша.

За равниной опять каменистыя, малопривѣтливыя горы (по близости здѣсь Пикъ-Федченко), черезъ нихъ мягкій перевалъ, съ гребня котораго видна блестящая извилистая лента р. Кафирнаганъ-даръй, изумрудная зелень ея прибрежья, развалины древняго города Кайкубада и утонувшій въ садахъ, широко раскинувшійся

¹⁾ Вахшъ, носящій въ верховьяхъ названіе Сурхоба, одинъ изъ значительныхъ притоковъ р. Аму-даръй съ правой стороны. Его воды золотоносны, и туркмены, обитающіе въ низовьяхъ Вахша, и таджики Каратегина, гдѣ течетъ Сурхобъ, не безъ успѣха занимаются промывкою рѣчного песка.

Кабадіантъ. Тихо спускаемся съ каменистой горы, навстрѣчу намъ, снизу отъ города, несутся всадники въ яркихъ халатахъ, клубами поднимая пыль. Подѣхали къ встрѣчѣ, обмѣнялись крѣпкими рукопожатіями, перекинулись привѣтствіями и помчались всѣ вмѣстѣ къ городу. На пути, за развалинами, очень широкой и громадный арыкъ пересѣкаетъ дорогу ¹⁾, чрезъ него въ разныхъ мѣстахъ мосты. За арыкомъ—предмѣстья Кабадіана. Узкія улицы всѣ затянуты богатѣйшею зеленью, вѣтви чинаръ и платановъ выставились изъ-за заборовъ и протянулись надъ головой, листвою покрыты крыши построекъ, листвою перевиты столбы и коновязи вблизи хижинъ. Народу на улицахъ почти ни души, несмотря на вечеръ: всѣ, очевидно, въ поляхъ убираютъ хлѣбъ. Проѣхавъ нѣсколько улицъ, повернули налѣво и сразу очутились на обширной площади, средину которой занималъ гигантскій холмъ; на немъ высились мощныя глинобитныя громады городской цитадели и вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторскаго арка. Изъ-за зубцовъ сторожевыхъ башенъ и изъ-за брустверовъ крѣпостныхъ стѣнъ виднѣлись разноцвѣтные тюрбаны, раззолоченныя тюбетейки и пестрѣли яркіе халаты, изъ-за мелкихъ рѣшетокъ неправильно разбросанныхъ оконъ бѣлѣли женскія чадры и мелькали плотно прильнувшія любопытныя женскія лица. Въ настежь растворенныхъ тяжелыхъ громадныхъ воротахъ кишѣла многолюдная разноцвѣтная толпа. Очевидно, всѣ смотрѣли на насъ. Сбоку арка, на склонѣ холма—какія-то постройки, окруженныя глинобитными стѣнами, изъ-за которыхъ видна листва деревъ. Это «Ильчй-хона», т. е. посольское подворье. Мы поднимаемся вверхъ, издали раскланиваемся съ народомъ, стоящимъ около арка, и вѣзжаемъ чрезъ широко распахнутыя ворота на просторный дворъ Ильчй-хона. Предъ глазами развѣсистыя крѣпкоствольныя чинары, суетливая, галдящая толпа и длинное высокое зданіе съ рядомъ рѣзныхъ дверей по фасаду. Насъ ввели на веранду, провели чрезъ высокія, длинныя и узкія комнаты, устланныя коврами и съ нишами въ бѣлыхъ стѣнахъ, и мы очутились по другую сторону флигеля въ большомъ саду.

Тамъ и сямъ, между корней платановъ, карагачей и свѣчеобразныхъ тополей, журчали струи воды и бѣжали въ огромный бассейнъ среди сада, глинобитныя площадки со ступенями были разбросаны чуть не на каждомъ шагѣ, сплошь затянутыя дикимъ виноградомъ легкія бесѣдки виднѣлись между деревьями, дорожки были тщательно расчищены, утрамбованы, посыпаны пескомъ и по сторонамъ обсажены цвѣтущими кустами розъ, резеды и гиа-

¹⁾ Этотъ искусственный арыкъ, на многихъ картахъ изображаемый рѣкою, представляетъ собой каналъ длиной около ста верстъ, онъ идетъ почти все время параллельно рѣкѣ Кафирнаганъ-дарья, беретъ въ ней начало и впадаетъ въ нее, такъ что составляетъ какъ бы рукавъ этой рѣки.

цинтовъ. Видно было по всему, что садъ содержался въ большомъ порядкѣ. На одномъ изъ глинобитныхъ возвышеній, подъ тѣнью платановъ и чинаръ, длинный столъ, покрытый краснымъ сукномъ. На немъ чайники съ чаемъ и водой, горы самыхъ разнообразныхъ фруктовъ и сластей и абрикосовое варенье въ банкахъ; вокругъ стола вѣнскіе стулья бр. Тонетъ. Ближайшее сосѣдство съ русскими колоніями ужъ было замѣтно по этимъ вещамъ. Только что усѣлись за столъ, какъ пришелъ возвратившійся изъ арка махрамъ-бекъ и сказалъ, что къ намъ идетъ кабадіанскій миръ съ визитомъ. Вотъ и онъ спускается съ веранды въ садъ, за нимъ разряженная свита человекъ въ десять. И по внѣшности, и по манерамъ кабадіанскій губернаторъ рѣзко отличался отъ всѣхъ раньше видѣнныхъ нами бухарскихъ мировъ. Это былъ высокій, очень хорошо сохранившійся старикъ, съ длинной сѣдой бородой и необыкновенно живыми выразительными глазами; вмѣсто обычнаго, пестраго шелковаго или парчеваго, одѣянія на немъ былъ тяжелый, малиноваго бархата халатъ, отороченный золотымъ галуномъ, на головѣ чалма изъ индійской кисеи, въ рукахъ высокій рѣзной, изъ чернаго дерева, посохъ. Въ его обращеніи и манерахъ сидѣть и говорить совершенно не было той напускной важности и слащавой изысканной любезности, которыми такъ щеголяютъ мѣстные чиновники высшаго полета. Правда, и нашъ теперешній гость былъ весьма любезенъ и внимателенъ, но чувствовалось, что все это выходило у него совершенно натурально и не било ключемъ чрезъ край. По быстрой манерѣ говорить съ нѣкоторой жестикуляціей, по его привычкѣ не спускать съ собесѣдника глазъ, по его тонкому умѣнью вести интересную бесѣду во время пустяковаго официального визита, наконецъ, по этому частому употребленію въ разговорѣ арабскихъ словъ и реченій,—почти безошибочно можно было судить, что передъ нами находится одинъ изъ тѣхъ хитроумныхъ сыновъ Ирана, недюжинный умъ и изворотливость которыхъ сумѣли приобрѣсти имъ почетное и высокое положеніе даже въ суннитской Бухарѣ, издавна фанатически настроенной къ шиитамъ.

Посидѣвъ съ четверть часа, губернаторъ всталъ, и, извиняясь, что онъ не хочетъ мѣшать отдыху гостей, сталъ прощаться, по обычаю, прося подольше погостить.

Несмотря на то, что время было къ вечеру, я заглянулъ на мѣстные базары, такъ какъ въ Кабадіанѣ рѣшили только переночевать и ѣхать дальше. Скрытые ряды лавокъ, полутемные переходы и закоулки, занимавшіе большое пространство, во многомъ напоминали торговые ряды города Бухары; судя по оживленію многолюдной, волнуемой толпы, наводнявшей кабадіанскіе базары, глядя на эти разнообразные товары, разложенные въ мѣстныхъ лавкахъ, можно заключить, что Кабадіанъ представляетъ собой

весьма значительный торговый центръ. Изъ товаровъ больше всего преобладаетъ мануфактура (туземныя шелковыя матеріи и русскіе ситцы Цинделя и Морозовыхъ), байховые и зеленые чаи кяхтинскихъ фабрикантовъ и разнообразные предметы мѣстной производительности: кожи, сбура, фрукты свѣжіе и сушеные и проч. Среди торговцевъ, помимо таджиковъ и узбековъ, замѣтны бадахшанскіе таджики въ своихъ афганскихъ костюмахъ, неизмѣнные «яхуди» (евреи) съ традиционными пейсами и юркіе, слабосильные индусы.

Послѣдніе въ Кабадіанѣ и его окрестностяхъ занимаются, кажется, не только излюбленнымъ ими ростовщицествомъ, но и ремесломъ ювелировъ и продавцовъ древнихъ вещей; послѣднія они въ изобилии находятъ въ этой обширной странѣ развалинъ. У одного изъ встрѣтившихся на базарѣ такихъ «заргаровъ»¹⁾ мнѣ удалось пріобрѣсти за безцѣнокъ три весьма древнихъ серебряныхъ монеты временъ первыхъ вѣковъ мусульманской эры. Словоохотливый индусъ высказался, что «если поискать въ здѣшней землѣ, то много можно найти хорошихъ вещей и цѣнныхъ монетъ, за которыя всегда дадутъ хорошія деньги тѣ, кому эти вещи нужны»; по его словамъ, дома у него кое-что было, но такъ какъ мы уѣзжали завтра, а индусъ жилъ верстахъ въ 20 отъ Кабадіана, то мнѣ и не удалось посмотреть его «кое-что». Узнавъ, что мы предполагаемъ завтра ночевать въ кишлакѣ «Туркменъ», лежащемъ въ 30—40 верстахъ отъ Кабадіана, индусъ посоветовалъ обратить вниманіе на развалины города Бишкенда подлѣ этого кишлака.

— Тамъ,—говорилъ онъ,—находятъ много всего. Изъ найденнаго вы, саибъ, можете купить, что вамъ нравится, у одного изъ моихъ соотечественниковъ, тоже заргара: онъ живетъ верстахъ въ двухъ отъ Бишкенда. Пошлите за нимъ, саибъ: онъ увидится съ вами.

Вѣроятно, массу интереснаго и цѣннаго въ научномъ отношеніи скрывали не только окружающія Кабадіанъ безчисленныя развалины, но и самый Кабадіанъ, неоднократно въ былые вѣка разоряемый и вновь возстановляемый, переходившій изъ однѣхъ рукъ въ другія, видѣвшій въ своихъ стѣнахъ столько народовъ-владыкъ, сколько ихъ смѣнилось въ Средней Азіи во всю многовѣковую жизнь этой многострадальной страны. Стоитъ, на примѣръ, хотя бы обойти садъ при Ильчи хонѣ. Достаточно бѣгло взгляда на его окраины, чтобы убѣдиться, что онъ разведенъ сравнительно недавно на мѣстѣ давно заброшенныхъ пустырей и развалинъ. Пройдя эти дорожки, минуя изящныя зеленыя бесѣдки, обвѣшанныя травянками, подлѣ изгороди, гдѣ тянутся виноградники, то и дѣло натыкаешься на какіе-то остатки старыхъ кирпичныхъ фундаментовъ, то и дѣло замѣчаешь различныя торчащія изъ земли черепки

¹⁾ Ювелировъ.

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1902 г., т. LXXXVIII.

разноцвѣтнаго фарфора, какіе-то осколки глиняной посуды съ поливой нѣжно-голубого цвѣта, то, наконецъ, находишь цѣльныя глиняныя лампочки и дѣтскія игрушки. Судя по работѣ и матеріалу, эти остатки несомнѣнно принадлежатъ старому прошлому Кабадіана: теперь нѣтъ въ употребленіи ни здѣсь, ни вообще въ Бухарѣ, ни такого фарфора и глины, ни такихъ игрушекъ. Вѣроятно, и цитадель Кабадіана, въ которой мнѣ, къ сожалѣнію, за недостаткомъ времени не удалось побывать, тоже заслуживаетъ вниманія по своей древности.

На другой день, утромъ, мы выѣхали изъ Кабадіана въ Патта-Хисаръ. Перебравившись на каюкахъ выше Кабадіана чрезъ Кафирнаганъ-дарью, мы отделились отъ прибрежной зелени и снова поѣхали знойной безотрадной степью внизъ по рѣкѣ. На полдорогѣ между Кабадіаномъ и кишлакомъ Туркменъ остановились отдохнуть въ одномъ узбекскомъ селеніи.

Встрѣтившіи насъ за кишлакомъ мѣстный аксакаль, одѣтый почему-то въ костюмъ нукера ¹⁾, т. е. въ халатъ, запряганный въ широкіе, на выпускъ, сафьянные штаны, затѣйливо вышитые шелками, и обутый въ сапоги съ высокими узкими каблуками, почему то не поладилъ съ нашимъ махрамомъ. Должно быть мзда, которую махрамъ собиралъ со всѣхъ встрѣчавшихся на пути начальствующихъ лицъ, показалась послѣднему на этотъ разъ слишкомъ мала, и потому, когда мы выѣхали изъ кишлака, то, къ величайшему своему удивленію, замѣтили, что расшитые штаны аксакала очутились на нашемъ махрамѣ, и ихъ бывший хозяинъ выѣхалъ насъ провожать только въ одномъ халатѣ. Правда, хорджинны махрама за все время нашего путешествія постепенно увеличивались въ объемѣ и наполнялись то ковриками для молитвы, то халатами и другими вещами, но чтобы эмирскіи чиновникъ снималъ со встрѣчныхъ людей панталоны, это, признаться, мы еще видѣли въ первый разъ.

Кишлакъ Туркменъ, куда мы пріѣхали на ночлегъ, заселенъ «аралашью» и возникъ лѣтъ 30—40 тому назадъ, какъ передавали его обитатели. Бокъ-о-бокъ съ нимъ—прекрасно сохранившіеся остатки не то города, не то громаднаго замка Бишкѣнда. Высокая

¹⁾ Нукерами въ Бухарѣ называютъ разъѣздныхъ слугъ каждаго мира. Они не получаютъ никакого жалованья отъ своихъ начальниковъ, а пользуются извѣстнымъ надѣломъ земли. Въ Кулябѣ, напримѣръ, земельный надѣлъ каждаго нукера равняется десятинамъ 30, въ Кабадіанѣ же, гдѣ земли хотя и много, да толку въ ней мало, у нихъ находится годной для обработки земли десятинъ по 10. Ни государственныхъ податей, ни различныхъ поборовъ, съ нукеровъ не берутъ. Миръ даритъ имъ по три халата въ годъ и одинъ разъ въ два года эмиръ присылаетъ по халату. Переходитъ нукерамъ отъ губернатора къ губернатору воспрещается подъ страхомъ строжайшаго наказанія, даже если миръ переходитъ на службу въ другую провинцію и тогда онъ не имѣетъ права взять съ собой ни одного изъ своихъ нукеровъ.

толстая стѣна на возвышеніи, занимающемъ обширную площадь, видна далеко издали. Вокругъ нея глубокій ровъ еще понынѣ съ остатками воды. По легкому мостику черезъ ровъ, чрезъ величественную арку воротъ, проникаемъ во внутренность крѣпости. Тамъ обширные дворы, переходы, закоулки, валяются повергнутыя каменные колонны¹⁾, прочь отлетѣвшія отъ нихъ капители, кругомъ, занимая большое пространство, высятся хорошо сохранившіяся стѣны съ зубчатыми башнями и съ отверстиями для бойницъ. Куполообразные дома, разбросанные по всеѣмъ направленіямъ, все настолько уцѣлѣли, что въ нихъ и теперь еще можно жить. Большинство изъ нихъ внутри имѣетъ сводчатые высокіе потолки, прекрасно оштукатуренныя стѣны, сплошь украшенныя богатѣйшей лѣпною орнаментацией; въ нихъ каминны совершенно европейскаго образца. Какъ крѣпостныя стѣны, такъ и внутреннія зданія—все построены изъ прекрасно-обожженныхъ кирпичей той несравненной выработки, которою отличается кирпичъ всеѣхъ старинныхъ среднеазіатскихъ построекъ.

Подъ ногами, куда ни пойдешь, и въ домахъ, и внѣ ихъ, всюду пепель, лоскутья и обрывки какихъ-то матерій или одеждъ, черепки посуды, кирпичи и глина. Ноги такъ и тонуть въ этомъ. Повидимому, этотъ мусоръ, застилающій почву и полы домовъ, очень толстъ, по крайней мѣрѣ, сколько мы ни копали его съ туркменомъ, который сопровождалъ меня, не могли дорыться ни до земли, ни до пола въ постройки. Это подлинно Авгіевы конюшни и не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ. Нигдѣ нѣтъ ни слѣда какой либо надписи, по которой было бы можно судить, къ какимъ временамъ относятся эти развалины. Спросилъ было своего сісегоне, но туркмень отрицательно покачалъ головой и сказалъ:

— Не знаю, таксыръ, мы поселились здѣсь недавно... Должно быть, таксыръ, кто нибудь здѣсь жилъ,—простодушно добавилъ онъ.

Возвратясь съ осмотра развалинъ, я засталъ у своихъ спутниковъ, во дворѣ мѣстнаго аксакала, какого-то пожилого индуса. Оказался тотъ самый заргаръ-продавецъ старинныхъ вещей, котораго мнѣ рекомендовалъ на кабадіанскомъ базарѣ его соотечественникъ. За нимъ, оказалось, послали Якуба, и тотъ привелъ его. Индусъ продалъ нѣсколько штукъ серебряныхъ монетъ временъ арабскихъ халифовъ и различныхъ султановъ Трансоксаніи и выразилъ сожалѣніе, что у него много было и еще разныхъ монетъ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ, онъ ихъ теперь бы продалъ «санбамъ» за деньги, но года два тому назадъ онъ отдалъ ихъ въ долгъ

¹⁾ Только въ одномъ Бишкентѣ я и видѣлъ такія колонны, больше нигдѣ, во всей Средней Азіи, не приходилось встрѣчать ничего изъ камня: повсюду либо кирпичъ, либо глина.

одному «саибу» изъ Патта-Хисара, а «саибъ» этотъ и понынѣ не платитъ деньги. И индусъ вынулъ изъ-за пазухи своего балахона вдвое сложенный листокъ бумаги, оказалась росписка на сумму въ сто пятьдесятъ рублей, которую былъ повиненъ заплатить за взятые монеты индусу нижеподписавшійся. А нижеподписавшійся былъ «фонъ»... и далѣе слѣдовало такое словечко, которому бы мѣсто не на бумагѣ, а гдѣ нибудь на заборѣ. Къ роспискѣ была приложена большая сургучная печать.

— Я, саибы, ходилъ въ Патта-Хисаръ,—говорилъ индусъ:—и саибъ, который мнѣ долженъ, сначала сказалъ, что онъ уплатитъ деньги черезъ два мѣсяца, я пошелъ опять черезъ два мѣсяца къ саибу, но на этотъ разъ онъ меня прогналъ. А отсюда до Патта-Хисара, саибы, взадъ и впередъ такъ далеко, что мои старыя, разбитыя ноги едва добраели обратно... А я вѣдь ходилъ, саибы, дважды, и все понапрасну...

Выѣхавъ на другой день изъ Бишкенда, мы были застигнуты въ дорогѣ сильнѣйшимъ песчанымъ ураганомъ. Тучи мельчайшаго песку поднимались вѣтромъ на страшную высоту, со свистомъ кружились въ воздухѣ, застилая солнечный свѣтъ, и набивали песокъ въ ноздри, въ уши и во всѣ складки платья. Вокругъ слышался только ревъ и вой вѣтра, и царилъ какой-то полумракъ, воздухъ настолько былъ сухъ, что губы и кожа на рукахъ трескались до крови. Укрыться же было рѣшительно негдѣ: передъ глазами лежала одна ровная гладь песковъ съ проходящими по ней кое-гдѣ ложбинками и невысокими возвышенностями. Ни деревца, ни кустика не было видно, мѣстами лишь едва замѣтно высывались стебли занесеннаго песками саксаула. Чтобы поскорѣе добраться до ночлега, лошади сами, безъ понужденія, неслись впередъ, какъ бѣшенныя, среди окружающаго свиста бури и хлеставшаго въ лицо горячаго, раскаленнаго песку. Миновали смутно рисовавшіяся въ вихрѣ громадныя развалины «Хатунъ-Рабатъ», проѣхали веретъ восемь по дорогѣ, сплошь усеянной черепками посуды, и наконецъ, къ своему удовольствію, увидели высокіе камыши и зеленые заросли и плавни Аму-дарьи. Доскакали, оказалось, до русскаго поста, гдѣ у гостепріимныхъ солдатъ умылись, переодѣлись и остались на ночлегъ, такъ какъ дальне ѣхать было невозможно: песчаный жгучій ураганъ ревелъ все попрежнему.

Постъ былъ довольно значительный, на немъ жило человекъ тридцать солдатъ подъ начальствомъ фельдфебеля. Большинство изъ нихъ болѣетъ болотной лихорадкой и лежитъ въ лежку. По словамъ фельдфебеля, то и дѣло перебѣгающаго отъ койки къ койкѣ съ лѣкарствомъ, хины выходитъ страшно много, да и та почти не приноситъ пользы.

— Какъ воду пьютъ,—говорилъ онъ:—и то не дѣйствуетъ. Привыкли, надо полагать.

Въ комнаткѣ фельдфебеля, гдѣ мы пили чай, среди портретовъ государя императора, государыни императрицы и главнаго начальника пограничной стражи министра финансовъ (С. Ю. Витте, была приклеена къ стѣнѣ большая лубочная картина, изображающая всѣхъ правителей свѣта. Нанъ махрамъ-бекъ такъ и впился въ нее глазами, пустившись въ разсматриваніе различныхъ коронованныхъ особъ; особенно привлекла его вниманіе покойная the queen Victoria.

— Ахъ, тюря, тюря,—качалъ головой махрамъ, слегка прищелкивая языкомъ:—что, вы говорите! Такой гордый народъ эти инглизы, и подчиняются женщинѣ... И мужа у нея не было? сама все время управляетъ царствомъ?

И когда я рассказалъ жизнь императрицы Викторіи и сообщилъ вкратцѣ объ англійскомъ парламентѣ, махрамъ еще болѣе удивился.

— Какіе странные порядки у франковъ, очень странные, тюря, совершенно, какъ въ Кафиристанѣ¹⁾. Вы слышали, тюря, про эту страну? Тамъ никто не былъ, совсѣмъ никто, но всѣ, кто видѣлъ кафировъ въ Афганистанѣ, всѣ слышали отъ нихъ, что у нихъ тоже царствуетъ женщина-падишахъ, и собраніе есть, гдѣ государственный дѣла сначала обсудятся, какъ слѣдуетъ, а потомъ ужъ доложатся царицѣ... Страшная и жестокая должна быть, тюря, эта царица инглизовъ: какую бы войну ея парламентъ ни рѣшилъ, на всякую она соглашается, и оттого-то, должно быть, много инглизы войнъ ведутъ; каждый годъ, говорятъ, воюють...

Бѣдная the queen! Такъ сердечно относившаяся къ людямъ вообще и такъ искренно желавшая всюду и вездѣ мира, думала ли она, чтобы ее кто нибудь называлъ когда либо страшной и кровавадной?

Дорога къ Патта-Хисару отъ поста частью пролегалла по пескамъ, частью по плодороднымъ мѣстностямъ, лежащимъ ближе къ упомянутой русской колоніи. Въ пескахъ опять встрѣчаются развалины, опять идутъ обширныя пространства, усѣянные всевозможными черепками. Среди мимоходомъ подобранныхъ нами есть глиняные черепки съ рельефными узорами, черепки разноцвѣтнаго ки-

¹⁾ Кафиристанъ—обширная горная страна въ Афганистанѣ, близъ Индіи. Она населена особымъ племенемъ, «болорами», какъ называютъ себя всѣ мѣстные туземцы. Такъ какъ болоры язычники, то среди окружающихъ ихъ мусульманъ они извѣстны подъ именемъ «кафировъ», т. е. невѣрныхъ; часто ихъ также называютъ «сію-пушами», что въ переводѣ съ таджикскаго значитъ: «люди, носящіе черную одежду». Благодаря политѣйшей замкнутости этой страны отъ всѣхъ иноземцевъ (кафиры никого не пропускаютъ къ себѣ), до сихъ поръ о Кафиристанѣ извѣстно крайне мало. Извѣстнѣе, что эта страна управляется царицей, мнѣ приходилось много разъ слышать въ Бухарѣ и не отъ одного махрамъ-бека. Какъ рабы, кафиры цѣнятся въ Афганистанѣ весьма высоко за свою силу, ловкость и красоту.

тайскаго фарфора и наконецъ куски фаянсовыхъ тарелокъ и различныхъ сосудовъ съ прекрасно сохранившимися на нихъ куфическими письменами. Передъ Патта-Хисаромъ—плодородная цвѣтущая равнина съ обработанными полями и многочисленными кишлаками; вездѣ торчатъ небольшія глинобитныя башенки: стоя на нихъ, особые караульные криками и трещетками прогоняютъ съ полевовъ и огородовъ стаи птицъ и стада кабановъ. Вперемежку съ кишлаками и полями, на однообразномъ фонѣ окружающей зелени и блѣдно-голубого неба, куда ни посмотришь, высятся справа и слѣва громадные обезображенные остовы замковъ, дворцовъ, мечетей, гробницъ царей и водопроводовъ,—словомъ, цѣлое мертвое царство, обширная страна безчисленныхъ памятниковъ былой цивилизаціи. 3-го августа мы были въ Патта-Хисарѣ. Помимо туземныхъ властей насъ встрѣтили и тѣ двое нашихъ людей, которые отправились сюда изъ Сарая водою. Оказалось, что 199 верстъ отъ Сарая до Патта-Хисара они на неуклюжемъ каюкѣ сдѣлали меньше, чѣмъ въ двое сутокъ! Да при томъ ночь туркмены—перевозчики не ѣхали, а ночевали подлѣ берега. Быстрота теченія Аму-дарьинскихъ водъ говоритъ сама за себя: на то же самое разстояніе, но вверхъ по рѣкѣ, уходитъ, какъ было выше упомянуто, болѣе четырнадцати сутокъ.

Патта-Хисаръ представляетъ большое полутуземное, полурусское селеніе. Здѣсь находится главное управленіе корпусомъ пограничной стражи, таможня, православная церковь (при насъ строившаяся) и офицерское собраніе. Преобладающій контингентъ мѣстнаго русскаго населенія составляютъ, конечно, военные и чиновники таможеннаго вѣдомства, затѣмъ идутъ различные торговцы и рабочіе, по большей части, «восточные челоуѣки» съ Кавказа. Не могу сказать, какъ проводится здѣсь жизнь мѣстной интеллигенціей: шесть дней, проведенныхъ нами въ «Патта-Хисарѣ», были сплошными днями страданій всѣхъ насъ (за исключеніемъ г. Н) жестокими припадками болотной лихорадки, поэтому и не пришлось наблюдать здѣсь русскую жизнь. Думаю, однако, что помимо общаго недовольства «Азіей, дичью и вредоноснымъ мѣстнымъ климатомъ» все мѣстное интеллигентное общество живетъ, неособенно скучая. Въ офицерскомъ собраніи, куда мы заглянули въ первый же день нашего приѣзда, мы увидѣли на большомъ столѣ въ залѣ массу различныхъ журналовъ и газетъ за текущее время: всѣ почти были разрѣзаны и развернуты: очевидно, читались добросовѣстно. Большое количество захватанныхъ руками вѣнскихъ стульевъ, стоящихъ вдоль оштукатуренныхъ стѣнъ, показывало, что собраніе охотно и часто посѣщается.

— У насъ, знаете,—говорилъ намъ сопровождавшій насъ офицеръ—частенько происходятъ небольшіе балы. Музыка своя, танцоры и дамы также. Отъ скуки всѣ съ удовольствіемъ веселятся,

веселятся, какъ умѣютъ. Кто постарше или танцовать не хочетъ, засаживается въ винтъ или идетъ къ буфету... Словомъ, какъ и вездѣ, одно лишь скверно—лихорадки, и уберечься отъ нихъ никакъ нельзя... Вотъ, напримѣръ, нашъ докторъ К. и фуфайку носилъ и фрукты не ѣлъ, какъ пріѣхалъ сюда, а все-таки лихорадка его забрала, да еще какая. Стрѣляться два раза хотѣлъ въ безпамятствѣ, но оба раза, къ счастью, его обезоружили...

Лихорадки, какъ видно, вездѣ здѣсь большое мѣсто.

Неподалеку отъ офицерскаго собранія находится часовня, рядомъ съ ней сооружается изъ кирпича небольшой храмъ. Возможность выстроить въ «Патта-Хисарѣ» церковь явилась лишь тогда, когда послѣдовало распоряженіе замѣнить всѣ мѣстные казенныя глинобитныя или изъ сырцовыхъ кирпичей зданія новыми кирпичными и болѣе просторными¹⁾. Мѣстный батюшка, единственный на всю длиннѣйшую цѣпь постовъ пограничной стражи, кавказскій уроженецъ, осетинъ по національности, своимъ положеніемъ, повидимому, не тяготится и легко переноситъ здѣшній климатъ. Его соплеменниковъ вообще здѣсь и въ прочихъ мѣстахъ по Бухарско-Афганистанской границѣ много, они предпочтительно предъ другими народностями охотно принимаются сюда на службу по большей части въ качествѣ переводчиковъ²⁾.

Изъ многочисленныхъ развалинъ подлѣ Патта-Хисара намъ пришлось, къ сожалѣнію, посѣтить только нѣкоторыя, именно: Термезъ и Гуль-Гуля. Осмотрѣть другіе памятники погибшихъ родовъ намъ помѣшала мучившая насъ всѣ дни лихорадка, при чемъ лично мнѣ удалось побывать только въ развалинахъ Гуль-Гуля. О нихъ я упомяну. Развалины города Гуль-Гуля лежатъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Патта-Хисара, занимаемая ими площадь

1) Около Патта-Хисара устроено нѣсколько громаднхъ пирамидальныхъ печей для обжиганія кирпича: на нихъ день и ночь работаетъ нѣсколько сотъ человѣкъ.

2) Это, замѣтимъ, дѣлается, вѣроятно, по недоразумѣнію. Языкъ осетинскій какъ извѣстно, только одного корня съ персидскимъ, но перс или таджикъ ни за что не поймутъ осетина, если же допустить, что тотъ или другой осетинъ владѣетъ азербиджанскимъ нарѣчіемъ турецкаго языка, то разговаривать ему съ узбекомъ все-таки весьма затруднительно, и пишущему это приходилось наблюдать, какъ тотъ или другой переводчикъ-осетинъ при разговорѣ съ туземцемъ прибѣгалъ или къ помощи жестовъ, или къ помощи другого переводчика, знающаго русскій языкъ и мѣстный. При извѣстной же пылости и необузданности темперамента осетинъ нерѣдки и ихъ довольно крупныя столкновенія съ мѣстными жителями, столкновенія, на которыя жалуются туземцы и которыя, со временемъ, пожалуй, приведутъ къ плачевнымъ послѣдствіямъ для нарождающейся русской колонизаціи края.

Лучшими замѣстителями осетинъ могли бы быть наши татары: порукой въ томъ служить то, что татаринъ почти свободно понимаетъ узбека, и что, наконецъ, въ складѣ характера и темперамента у татарина больше выдержки, нежели у осетина.

громадна, но опредѣлить ее, даже приблизительно, не берусь, такъ какъ всюду по пустынь на десятки верстъ тянутся развалины. Гуль-Гуля ли былъ такъ огроменъ, или же по близости его были другіе города и замки,—не знаю. Что касается названія этого города, то оно въ переводѣ съ арабскаго значить: говоръ, шумъ (кыл-у-каль, или, по произношенію таджиковъ, галогуль), потому что, какъ говоритъ мѣстное преданіе, городъ былъ такъ великъ, что гомонъ на его базарахъ и улицахъ былъ слышенъ на той сторонѣ Аму-дарьи, въ Балхѣ, за 60 верстъ. Осмотрѣть все остатки Гуль-Гуля въ день-два нѣтъ никакой физической возможности, а чтобы ихъ описать и изслѣдовать, для этого нужны годы. Тѣ нѣсколько часовъ, которые я провелъ въ Гуль-Гуля 4-го августа, пошли на осмотръ склепа, извѣстнаго у окрестныхъ кочевниковъ-узбековъ подъ именемъ «Султанъ-Саадатъ»¹⁾. Склепъ занимаетъ площадь въ нѣсколько десятинъ и издали могучими стѣнами своихъ зданій напоминаетъ крѣпость.

Внутри эта усыпальница имѣетъ скорѣе видъ дворца, нежели дома смерти: громадныя залы со сводчатыми потолками и лѣпной орнаментаціей, винтовыя лѣстницы, проходныя арки изъ помѣщенія въ помѣщеніе и изящныя рѣшетчатыя окна поражаютъ путника на каждомъ шагѣ и говорятъ о былой счастливой жизни и минувшемъ могуществѣ въ этихъ мѣстахъ. Лишь безчисленныя низкія гробницы, правильными рядами наполняющія все эти величавыя великолѣпно сохранившіеся покои, говорятъ о томъ, что здѣсь—мѣсто вѣчнаго успокоенія многихъ поколѣній владѣтельныхъ лицъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ нигдѣ ни одной надписи, по которой бы можно судить, ктѣ здѣсь покоится. Только въ концѣ двора этого склепа, противъ главнаго входа, возвышается съ надписью величественный порталъ съ островерхой персидской аркой, онъ велъ, по всей вѣроятности, въ мечеть, отъ крыши которой нынѣ не осталось и слѣда. Арабская надпись вязью, остатки которой еще сохранились, окаймляла всю арку и была сдѣлана изъ цвѣтныхъ эмалированныхъ кирпичей; возможно, что подобными кирпичами были облицованы и все наружныя стѣны усыпальницы: кирпичи съ цвѣтной поливой разбросаны въ большомъ количествѣ подлѣ нихъ. Справа арки уцѣлѣло: ...Султанату-с-Саидуль-Мухаммаду... (т. е. Султан-Саид-Мухаммедъ...), въ верху надъ аркой: Ассади-бни-Абиль-Хасани-Мухаммади-бни (Ассада, сына Абу-Хасана-Мухаммеда), и переходя на лѣвую сторону арки: Рабиль-Касыми-Аліи-бни-Абдуллахи-бни-Аби-Касыми-Аліи-бни-Мухаммадиль-Хасаниль . . . . . (Рабби-Касыма-Алія, сына Абдуллаха, сына Абу-Касыма-

¹⁾ Слово «саадатъ» по-арабски есть множественное число отъ слова «саидъ», что значить: государь, начальникъ, а такъ же—потомокъ Пророка, слѣдовательно, названіе склепа «Султанъ-Саадатъ» должно перевести по-русски «усыпальница султановъ, потомковъ Пророка».

Алія, сына Мухаммеда-Хасана). Это, повидимому, «тарихъ», или дата, исчисляющая весь родъ того, при комъ построено, а, можетъ быть, только вновь отдѣлано все зданіе. Справа портала низкая деревянная дверь ведетъ въ громадное полутемное помѣщеніе, все наполненное гробницами; въ углу громадный саркофагъ изъ кирпичей, покрытыхъ зеленой глазурью. Вокругъ него идетъ мѣстами лѣпная глазурная куфическая надпись. Во многихъ мѣстахъ саркофагъ безобразно замазанъ глиной. По сторонамъ его, какъ и по сторонамъ арки портала, два высокихъ шеста съ конскими хвостами на нихъ и съ новыми доскутами краснаго сукна. Это сукно недавно привязалъ живущій здѣсь со своимъ маленькимъ внукомъ старый ишанъ (мулла). Мнѣ не удалось его видѣть,—онъ куда-то ушелъ, но то, что говорили про этого единственнаго обитателя мѣстныхъ развалинъ, заслуживало вниманія. Всѣми окрестными жителями онъ признавался за прямого потомка владѣтельныхъ султановъ, въ былые вѣка царствовавшихъ здѣсь. Не отрицалъ этого и ишанъ, тѣмъ болѣе, что свое происхожденіе онъ подтверждалъ цѣлымъ архивомъ различныхъ документовъ древнѣйшаго происхожденія. Эти бумаги онъ хранитъ далеко отсюда въ мѣстѣ, извѣстномъ только ему одному. Какъ-то забравъ самыя цѣнныя изъ нихъ, онъ отправился съ ними въ Бухару къ эмиру. Послѣдній, рассмотрѣвъ ихъ и убѣдившись въ высокомъ происхожденіи ишана, приказалъ возвратитъ ему обширныя земли, когда-то входившія во владѣнія его царственныхъ предковъ. Но бѣда была въ томъ, что ишанъ былъ очень бѣденъ и ничего не могъ дать эмирскимъ сановникамъ и тому губернатору, въ провинціи котораго онъ жилъ, поэтому эмирскій приказъ остался безъ исполненія, и ишанъ продолжаетъ пребывать такимъ же нищимъ, какимъ былъ и прежде.

Дождавшись парохода изъ Чарджуя, мы отправили всѣхъ нашихъ людей на лошадяхъ въ Самаркандъ чрезъ Ширъ-абадъ, Якка-багъ, Шааръ и Китабъ, а сами, въ томъ числѣ Якубъ и Ходжа-Назаръ, сѣли на пароходъ и отправились внизъ по Аму-дарьѣ въ Чарджуѣ.

Слѣдуетъ сказать, что всѣ товаро-пассажирскіе пароходы на Аму-дарьѣ образуютъ такъ называемую боевую Аму-дарьинскую флотилію, ея назначеніе главнымъ образомъ служить для военныхъ цѣлей во время могущаго произойти столкновенія съ англо-афганцами. Всѣ мѣстные пароходики невелики и вооружены пулеметами, оснастка пароходовъ оставляетъ желать много лучшаго, прочность же вообще не совсѣмъ надежна, причина этому страшная быстрота аму-дарьинскихъ волнъ, которая даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу. Вверхъ по теченію пароходъ, идущій на всѣхъ парахъ, движется едва замѣтно, такъ какъ встрѣчное быстрое теченіе не даетъ ему хода.

При плаваніи же внизъ по рѣкѣ, пароходъ часто даетъ задній ходъ, чтобы мутно-желтыя волны бѣшеной рѣки не нагнали на мели и откосы. Благодаря этой постоянно усиленной работѣ паровъ, пароходы высматриваютъ какими-то разбитыми, скрипучими инвалидами. Второго класса совсѣмъ нѣтъ, есть только первый и третій.

Вмѣсто обычныхъ трехъ дней пути до Чарджуя, мы проплыли пять. Причина этому была та, что капитанъ нашего парохода нарочно хотѣлъ опоздать, такъ какъ въ это время въ Чарджуѣ долженъ былъ произойти смотръ всей аму-дарьинской флотиліи вновь назначеннымъ туркестанскимъ генераль-губернаторомъ С. М. Духовскимъ. Налетитъ гдѣ нибудь пароходъ на песчаную отмель и стоитъ цѣлые часы неподвижно; капитанъ, красный какъ ракъ отъ выпитой марсалы, апатично смотритъ на бурныя волны, команда, тоже подогрѣтая винными парами, горланить пѣсни или галантно любезничаетъ съ двумя «погибшими, но милыми созданіями», ѣдущими изъ патта-хисарскаго веселаго дома¹⁾ въ Керки. Для снятія парохода съ мели не предпринимается ровно ничего; дожидаются, пока благодѣтельные волны сами размоютъ мель и понесутъ пароходъ дальше на новую мель, гдѣ опять та же исторія. Въ Келиффъ же и Керкахъ простояли по цѣлой ночи; къ капитану собрались съ берега добрые друзья и знакомые, къ матросамъ также,—и пошелъ пиръ горой на всю ночь.

Правда, мы, лежавшіе въ каютѣ почти безъ памяти отъ лихорадки, были довольны этимъ медленнымъ подвиганіемъ къ Чарджию: на пароходѣ можно было покойно лежать, не то, что на ожидавшей насъ впереди желѣзной дорогѣ. Но двое мальчиковъ гимназистовъ, ѣхавшихъ чрезъ Чарджию въ Ташкентъ послѣ каникулъ, по нѣскольку разъ на дню приставали къ капитану съ вопросомъ: «скоро ли мы доѣдемъ до Чарджуя?»

На это капитанъ всегда отвѣчалъ имъ словами одного изъ щедринскихъ персонажей: «погодите, доѣдемъ». И тѣ безропотно «годили» до самаго Чарджуя. Благодаря неумѣю и опытности въ опаздываніи, нашъ капитанъ пришелъ въ Чарджию аккуратно на другой день послѣ осмотра генераль-губернаторомъ флотиліи, избѣжавъ этой неособенно пріятной церемоніи.

Выѣхавъ изъ Чарджуя по желѣзной дорогѣ, мы на другой день 14-го августа пріѣхали въ «жемчужину міра»—Самаркандъ, откуда ровно три мѣсяца тому назадъ отправились на лошадяхъ въ горы Центральной Азіи.

А. А. Семеновъ.

---

¹⁾ Въ Патта-Хисарѣ имѣется и это учрежденіе.

ПОЭЗИЯ В. А. ЖУКОВСКАГО.

ПРИ НАСТУПЛЕНИИ пятидесятилѣтія со дня кончины Жуковскаго, вполне естественно спросить, что сдѣлано за такой продолжительный срокъ для изученія его жизни и творчества, но, къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ относительно многихъ нашихъ писателей (въ томъ числѣ и Жуковскаго) приходится отвѣчать или полнымъ отрицаніемъ, или же указаніемъ на крайнюю незначительность точныхъ свѣдѣній, которыми мы располагаемъ. Самое первое затрудненіе, съ которымъ мы встрѣчаемся при разсмотрѣніи творчества Жуковскаго, заключается въ отсутствіи полного и въ научномъ отношеніи удовлетворительнаго изданія произведеній нашего поэта. Въ извѣстномъ изданіи почтеннаго библиографа П. А. Ефремова есть весьма существенные недостатки, указанные еще покойнымъ Н. С. Тихонравовымъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что въ этомъ изданіи мы не имѣемъ первоначальнаго печатнаго текста сочиненій Жуковскаго; передъ нами та ихъ редакція, которая явилась въ результатѣ разныхъ исправленій, сдѣланныхъ черезъ много лѣтъ послѣ ихъ напечатанія то самимъ Жуковскимъ, то нѣкоторыми другими лицами при его жизни, или въ посмертномъ собраніи сочиненій, такъ что объ исторіи творчества нашего поэта, о процессѣ его развитія изданіе г. Ефремова даетъ совсѣмъ неправильное представленіе. Кромѣ того, это изданіе, какъ говорилъ Тихонравовъ, «оставляетъ совершенно неразработаннымъ вопросъ о переводахъ и оригинальныхъ сочиненіяхъ, которыя Жуковскій помѣщалъ въ «Вѣстникъ Европы» безъ подписи своей фамиліи».

Г. Ефремовъ ограничился перепечаткою лишь немногихъ статей и замѣтокъ Жуковскаго изъ его «Вѣстника Европы», не принявъ въ свое изданіе другихъ, гораздо болѣе любопытныхъ замѣтокъ, несомнѣнно принадлежащихъ Жуковскому; въ изданіи г. Ефремова нѣкоторыя переводныя произведенія Жуковскаго признаны за оригинальныя, вопреки авторитету собственныхъ о томъ свидѣтельствъ переводчика. Наконецъ, важнымъ недостаткомъ существующаго изданія надо считать отсутствіе въ немъ писемъ Жуковскаго, т. е., чрезвычайно цѣннаго біографическаго и историко-литературнаго матеріала; для тѣхъ же біографическихъ цѣлей будущему издателю не мѣшало бы воспроизвести дневники Жуковскаго, а также и тѣ его замѣтки и записки, которыя касаются его педагогической дѣятельности. Быть можетъ, все эти недочеты будутъ устранены въ изданіи, которое должно выйти подъ редакцію профессора А. С. Архангельскаго; но теперь слѣдуетъ признать, что мы не располагаемъ хорошимъ изданіемъ сочиненій Жуковскаго.

Не имѣя пока хорошаго изданія, мы бѣдны и по части изслѣдованій о жизни и дѣятельности Жуковскаго: наибольшее значеніе имѣетъ книга друга Жуковскаго, доктора Зейдлица, представляющая собою добросовѣстнѣйшую передачу того, что было извѣстно автору непосредственно отъ поэта, и цѣнная преимущественно по біографическимъ даннымъ; что касается объемистой книги г. Загарина, то ея значеніе сведено почти къ нулю тѣмъ же Н. С. Тихонравовымъ, давшимъ въ своей превосходной рецензіи на эту книгу вполне научное изслѣдованіе нѣкоторыхъ существеннѣйшихъ вопросовъ, связанныхъ съ поэзіей Жуковскаго. Указанными трудами и ограничивается наша литература о Жуковскомъ, если не считать нѣсколькихъ компиляцій, составленныхъ съ педагогическими цѣлями, и нѣсколькихъ статей, имѣющихъ узко-спеціальныя характеръ.

При такомъ состояніи литературы и въ особенности самыхъ источниковъ для изученія жизни и творчества Жуковскаго, конечно, если не повторять нѣкоторыхъ шаблонныхъ приговоровъ, крайне трудно дать вполне правильную общую характеристику его поэзіи; подобная характеристика, чтобы не быть голословной, потребовала бы слишкомъ много мѣста, и поэтому въ своей небольшой статьѣ я ограничусь только нѣкоторыми частными вопросами, разрѣшеніе которыхъ, на мой взглядъ, можетъ намъ содѣйствовать выясненію того, въ чемъ состоитъ значеніе Жуковскаго для нашей литературы, что далъ онъ ей новаго, повліялъ ли онъ и въ какомъ направленіи на ея дальнѣйшее развитіе. Прежде всего мы остановимся на вопросѣ о томъ, какъ смотрѣлъ Жуковскій на задачи поэтическаго творчества,—вопросѣ, имѣющемъ значеніе не только лично для Жуковскаго, но и вообще для развитія нашего литературнаго самосознанія; затѣмъ мы постараемся уяснить гос-

подствующій тонъ поэзіи Жуковскаго, и это намъ дастъ возможность опредѣлить, чѣмъ отличается Жуковскій отъ представителей сентиментальнаго направленія, господствовавшаго въ нашей литературѣ въ началѣ XIX вѣка, и въ какой мѣрѣ онъ содѣйствовалъ возникновенію новыхъ стремленій, извѣстныхъ подъ именемъ нашего романтизма.

I.

Первое по времени выраженіе взгляда Жуковскаго на поэзію мы находимъ въ написанныхъ въ 1803 году «Стихахъ въ день моего рожденія, къ моему лирѣ и къ друзьямъ моимъ». Судя по этимъ стихамъ, можно признать Жуковскаго сторонникомъ поэтическаго квіетизма, челоѣкомъ, чуждающимся интересовъ общества; онъ откровенно заявляетъ:

Я бурный міръ сей презираю.
 О лира, другъ мой, утѣшай
 Меня въ моемъ уединеніи!
 А вы, друзья мои, скорѣй,
 Оставя свѣтъ сей тревоженный,
 Сберитесь въ хижинѣ моей.
 Тамъ, въ мирѣ сердца благодатномъ,
 Нашъ вѣкъ, какъ ясный день, пройдетъ;
 Съ друзьями и тоска пріятна,
 Но и тоска насъ не найдетъ!

Однако уже черезъ годъ послѣ этого эпикурейскаго profession de foi мы видимъ выраженіе иного взгляда въ стихотвореніи «Къ поэзіи». Назвавъ поэзію «прелестью тихой, души очарованьемъ», указавъ, что она является утѣшительницей въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни, «и въ скорби, и въ нищетѣ, и въ мрачномъ изгнаньи», Жуковскій, обращаясь къ самимъ поэтамъ, характеризуетъ ихъ задачи далеко не съ точки зрѣнія отреченія отъ міра и его суеты. Напротивъ, онъ призываетъ поэтовъ къ участию въ жизненной борьбѣ, говоря имъ:

Въ печальномъ странствіи минутной жизни сей
 Тернистую стею цвѣтами усыпайте,
 И въ пылкія сердца свой пламень изливайте!
 Да звукомъ вашихъ громкихъ лиръ
 Герой, ко славі пробужденный,
 Дивить и потрясаетъ міръ!
 Да юноша воспламененный
 Отъ нихъ въ восторгѣ слезы льетъ,
 Алтарь отечества лобзаетъ
 И смерти за него, какъ блага, ожидаетъ!
 Да бѣдный труженикъ душою расцвѣтетъ
 Отъ вашихъ пѣсней благодатныхъ!

Но да обрушится вашъ громъ
 На сихъ жестокихъ и развратныхъ,
 Которые, въ стыдѣ, съ возвышеннымъ челомъ,
 Невинность, доблести и честь поправъ ногами,
 Дерзаютъ величать себя полубогами!
 Друзья небесныхъ музъ! плѣнимся ль суетой?
 Презрѣвъ минутные успѣхи —
 Ничтожный гласъ похвалы, кимвальный звонъ пустой,
 Презрѣвши роскоши утѣхи,
 Пойдемъ великихъ по слѣдамъ!
 Стезя къ безсмертію судьбой открыта намъ!
 Не остыдимъ себя хвалою
 Высокихъ жребіемъ, презрительныхъ душою.
 Дерзнемъ достойныхъ увѣнчать!
 Любимцу ль Фебову за призракомъ гоняться?
 Любимцу ль Фебову во прахѣ пресмыкаться
 И униженіемъ Фортуны обольщать?

Проходитъ еще четыре года, и Жуковскій въ «Письмѣ изъ уѣзда къ издателю Вѣстника Европы» подробно развиваетъ свой взглядъ на задачи журналиста и вообще писателя. Указавъ на развитіе русской журналистики, на растущую потребность въ чтеніи и на возможность влѣдствіе этого для журнала «имѣть самыя благодѣтельныя дѣйствія», Жуковскій опредѣляетъ, что «обязанность журналиста—подъ маскою занимательнаго и пріятнаго скрывать полезное и наставительное. Средства безчисленны: къ его услугамъ богатства литературы чужестранной и собственной, искусства и науки; бери что угодно и гдѣ угодно; единственное условіе — разборчивость. Имѣя въ виду пользу, но угождая общему вкусу читателей, хотя не подчиняясь ему съ рабскою робостью, предлагаетъ онъ имъ хорошія мысли, чужія и свои, облеченныя разными видами: иногда рассуждая, какъ моралистъ или метафизикъ о предметахъ важныхъ для человѣка; иногда рассказывая повѣсть, въ которой идеальное нравилось бы сходствомъ своимъ съ существованіемъ, которая доставляла бы любопытному удовольствіе сравнивать истину съ вымысломъ, самого себя съ романическимъ лицомъ и, можетъ быть, объяснять многое, въ собственномъ сердцѣ его казавшееся тайною; иногда занимая воображеніе созданіями поэзій, прелестью стихотворной гармоніи одушевляя мысли и чувства».

Такова обязанность журналиста, но, какъ видимъ, Жуковскій дѣлаетъ поэта однимъ изъ важнѣйшихъ сотрудниковъ журналиста въ распространеніи «полезнаго и наставительнаго». Для влѣдствія на общество нельзя писателю отъ этого общества устраниваться, и въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытны тѣ мысли, которыя Жуковскій влагаетъ въ этотъ же «Письмѣ изъ уѣзда» въ уста Стародуму. «Любить истинное и прекрасное, наслаждаясь имъ», говоритъ этотъ Фонвизинскій герой, «умѣть ихъ изображать,

стремиться къ нему самому и силою краснорѣчія увлекать за собою другихъ — вотъ благородное назначеніе писателя». Для своей работы писатель долженъ устраниваться отъ суетныхъ удовольствій «большаго свѣтскаго круга», такъ какъ «желаніе въ немъ блистать противно спокойнымъ занятіямъ автора». «И можно ли, продолжаетъ Стародумъ, съ симъ чистымъ, вѣрнымъ, всегда одинаковымъ удовольствіемъ, которое неразлучно съ дѣятельностью ума, производящаго или пріобрѣтающаго новое, соединить безпокойное удовольствіе, доставляемое успѣхами въ свѣтъ, побѣдами самолюбія, непрочными, слишкомъ непродолжительными для того, чтобы наслаждаться ими безъ волненія: одно уничтожаетъ другое. Ограничивъ себя уединеніемъ, гдѣ мысли сохраняютъ свободу, а чувства первоначальную живость и свѣжесть, онъ долженъ только мимоходомъ, изъ любопытства, для заимствованія нѣкоторой пріятной образованности, необходимо нужной писателю, заглядывать въ свѣтъ, собирать въ немъ потребный запасъ, и снова съ добычею возвращаться въ уединеніе; уединеніе пусть будетъ главнымъ театромъ его дѣйствій, когда желаетъ произвести нѣчто полезное для общества. Разсѣянность мѣшаетъ трудолюбію. Но можно ли совершенно отдѣлиться отъ людей, заключить себя въ четырехъ стѣнахъ, жить съ одними безмолвными идеями, съ одними воздушными созданіями воображенія? Даетъ ли одиночество счастье? Кто же награждаетъ писателя, когда не люди, и гдѣ же слава его, когда не въ обществѣ? Мой другъ, я не хочу запереть пріятели нашего въ келлію, но говорю ему: чѣмъ менѣе кругъ, тѣмъ связи привлекательнѣе и сильнѣе. Ищи людей, которые способные другихъ цѣнить твои работы: ихъ судъ есть голосъ современниковъ и приговоръ потомства. Имѣй друзей, согласныхъ съ тобою въ образѣ чувства, въ желаніи дѣйствовать и въ выборѣ цѣли; въ минуты уединеннаго труда помни о своихъ товарищахъ, которые—быть можетъ, въ разныхъ сторонахъ земли—живутъ, думаютъ, дѣйствуютъ одинаково съ тобою, которые видятъ тебя, которыхъ жизнь твоя должна быть достойна, съ которыми совокупно исполняешь важное условіе бытія: любить и распространять добро; ихъ голосъ будетъ возбуждать тебя къ трудамъ, и дружеская осторожность предупредитъ твои ошибки».

Несмотря на указаніе высокої цѣли «любить и распространять добро», въ приведенныхъ разсужденіяхъ Стародума можно замѣтить нѣсколько эпикурейскій идеаль, стремленіе къ творчеству «для немногихъ». Однако, изъ дальнѣйшаго хода мыслей въ «Письмѣ изъ уѣзда» яснымъ становится, что Жуковскій далекъ отъ подобнаго ограниченія круга дѣятельности писателя, что онъ только возстаетъ противъ суетнаго исканія славы. По его мнѣнію, лучшая награда писателя въ его «собственной дѣятельности: въ томъ удовольствіи, которое неразлучно съ любовію къ прекрас-

ному, съ трудами ума, съ работами воображенія; въ той неотъемлемой наградѣ, которая, вопреки самой несправедливости людей, вопреки зависти и клеветѣ, заключена во внутреннемъ спокойномъ увѣреніи, что исполняешь свою должность, какъ человѣкъ, совершенствуя свою натуру, какъ гражданинъ, трудясь съ намѣреніемъ (иногда мечтательнымъ, всегда благороднымъ) приносить отечеству пользу, большую или малую, смотря по обширности дарованій».

Признавая писателя гражданиномъ, Жуковскій, конечно, не можетъ проповѣдовать отрѣшенности поэзіи отъ жизни, и въ этомъ случаѣ онъ является послѣдователемъ Карамзина, который требовалъ, чтобы литература была средствомъ пробуждать къ людямъ добрыя чувства. Жуковскій это требованіе дополняетъ указаніемъ той цѣли, для которой должны быть пробуждаемы добрыя чувства. Поэзія, какъ онъ высказываетъ въ «Графѣ Габсбургскомъ», свободна отъ виѣшнихъ авторитетовъ, поэтъ знаетъ надъ собой высшую волю, волю вдохновенія, которое возникаетъ изъ божественнаго источника.

Наиболѣе полно эта теорія поэтической свободы и служенія божественному идеалу развита Жуковскимъ въ драматической поэмѣ «Камознсъ», написанной уже въ 1839 году. Въ поэмѣ представленъ великій творецъ «Лузіады» уже передъ смертью: онъ лежитъ въ больницѣ, и его посѣщаетъ Васко Квеведо, тоже поэтъ. Старикъ Камознсъ указываетъ юношѣ на свою печальную судьбу и пытается отклонить его отъ занятія поэзіей, но Васко возражаетъ ему, напоминая высокую цѣль, которая преслѣдуется поэзіей. «Не счастья, не славы здѣсь ищю я, говорить онъ:

быть хочу крыломъ могучимъ,
 Подъемлющимъ родныя мнѣ сердца
 На высоту; зарей, побѣду дня
 Предвѣщающей; великихъ думъ
 Воспламенителемъ, глаголомъ правды,
 Лѣкарствомъ душъ, безвѣриемъ крупимыхъ,
 И сторожемъ нетлѣнной той завѣсы,
 Которою предъ нами горній міръ
 Задержуть, чтобъ порой для смертныхъ глазъ
 Ее приподнимагъ и святость жизни
 Являть во всей ея красѣ небесной —
 Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье!
 . . . . .
 Мы не затѣмъ ли здѣсь, чтобъ средъ тяжкихъ
 Скорбей, гоненій, видя торжество
 Порока, силу зла, и слыша хохоть
 Безстыднаго разврата иль насмѣшку
 Безвѣрія, изъ этой бездны вынести
 Въ душъ неоскверненной вѣру въ Бога?

Затѣмъ Васко говоритъ объ идеальномъ значеніи поэзіи, о ея высокомъ воздѣйствіи на человѣчество:

. . . . . Поэзія небесной
 Религій сестра земная, свѣтлый
 Маякъ, самимъ Создателемъ зажженный,
 Чтобъ мы во тьмѣ житейскихъ бурь не сбились
 Съ пути. Поэтъ! на пламени его
 Свой факель зажигай! Твои всѣ братья
 Съ тобою заодно засвѣтятъ каждый
 Хранительный свой огонь, и будутъ здѣсь
 Они во всѣхъ странахъ и временахъ
 Для всѣхъ племенъ звѣздами путевыми.
 При блескѣ ихъ, что бь труженикъ земной
 Ни испыталь,—душой онъ не падеть,
 И вѣра въ лучшее въ немъ не погибнетъ!

Благодаря такому идеальному воздѣйствію, поэзія проникаетъ въ душу человѣка, какъ «Божій лучъ», и во всѣхъ вѣкахъ и поколѣніяхъ ей будутъ отзываться «возвышенныя души».

Понятно, что при такомъ высокомъ характерѣ поэтического творчества самъ поэтъ долженъ испытать полное духовное перерожденіе, и эту мысль Жуковскій выражаетъ въ слѣдующемъ разсказѣ Камоэнса:

Я помню часть, великій часть, меня
 Всего пересоздавший. Я лежалъ
 Съ повязкой на глазахъ въ госпиталѣ.
 Тьма вокругъ меня, и тьма во мнѣ...
 И вдругъ,—сказать не смѣю,—подошло,
 Иль нѣтъ, не подошло, а подлетѣло,
 Иль нѣтъ, какъ будто Божіе съ небесъ
 Дыханье свѣило,—свѣжо, какъ утро,
 И пламенно, какъ солнце, и отрадно,
 Какъ слезы, и разительно, какъ громъ,
 И увлекательно, какъ звуки арфы,—
 И было то, какъ будто и во мнѣ,
 И виѣ меня, и въ глубь моей души
 Оно вливалось, и волшебный кругъ
 Меня тѣснѣй, тѣснѣе обнималъ,
 И унесенъ я былъ неодолимымъ
 Могуществомъ далеко въ высоту...
 И обезпамятѣлъ; когда жь пришелъ
 Въ себя,—то было первая моя
 Живая нѣсеня. Съ той минуты чудной
 Исчезла ночь во мнѣ и вокругъ меня;
 Я не былъ ужь одинъ, я не былъ брошенъ;
 Страданій чаша предо мной стояла,
 Налитая цѣлебнымъ питіемъ;
 Моя душа на крыльяхъ нѣснопѣнья
 Взлетѣла къ Богу, и нашла у Бога
 Утѣху, свѣтъ, терпѣнье и замѣну.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ «Камоэнса», Жуковскій пишетъ небольшую замѣтку «Объ изящномъ искусствѣ» и въ ней, признавая цѣлью искусства «созданіе изящное, то-есть пробуждаю-

ще въ душѣ сладостное ощущеніе красоты», даетъ опредѣленіе понятія о красотѣ. Согласно съ этимъ опредѣленіемъ, «красота въ тѣсномъ смыслѣ есть истина, то-есть вѣрное сходство изображенія съ изображаемымъ; въ обширномъ смыслѣ красота есть истина идеальная, то-есть не одно ощутительное сходство выраженія съ выражаемымъ, но и соединеніе съ нимъ того, что не ощутительно, что единственно существуетъ въ душѣ человѣческой, постигающей нѣчто высшее, внѣ видимой матеріальной природы существующее и свойственное ея общественной природѣ, однимъ словомъ, когда идеаль красота есть Богъ, явно и тайно соприсутствующій въ созданіи и ему сообщающій красоту живую, одной человѣческой душѣ откровенную».

Наконецъ, въ 1848 году, мы еще разъ встрѣчаемся у Жуковскаго съ разсужденіемъ о значеніи поэзіи въ отрывкѣ изъ письма къ Гоголю, озаглавленномъ «Слова поэта—дѣла поэта». Здѣсь комментируются извѣстныя слова Пушкина, возражавшаго противъ взгляда Державина на отношенія между его словомъ и дѣломъ:

За слова меня пусть гложеть,
За дѣла сатирикъ чтить.

Жуковскій въ своемъ письмѣ подробно развиваетъ мысль, высказанную еще Карамзинимъ, о томъ, что творецъ виденъ въ своихъ твореніяхъ. Онъ говоритъ: «Обыкновенно, разсуждая о художествахъ, оставляютъ въ сторонѣ художника и творца рознять съ твореніемъ. Можно ли допускать или оправдывать такой разрывъ, не знаю—по крайней мѣрѣ, не въ теоріи, опредѣляющей не то, что можетъ быть и бываетъ, а то, что всегда должно быть. Поэтъ творитъ словомъ, и это творческое слово, вызванное вдохновеніемъ изъ идеи, могущественно владѣвшей душою поэта, стремительно переходя въ другую душу, производитъ въ ней такое же вдохновеніе и ее также могущественно объемлетъ; это дѣйствіе не есть ни умственное, ни нравственное—оно просто власть, которой мы ни силою воли, ни силою разсудка отразить не можемъ. Поэзія, дѣйствуя на душу, не даетъ ей ничего опредѣленнаго: это не есть ни приобрѣтеніе какой нибудь новой, логически обработанной идеи, ни возбужденіе нравственнаго чувства, ни его утвержденіе положительнымъ правиломъ; нѣтъ, это есть тайное, всеобъемлющее глубокое дѣйствіе откровенной красоты, которая всю душу обхватываетъ и въ ней оставляетъ слѣды неизгладимые, благотворные или разрушительные, смотря по свойству художественнаго произведенія, или, вѣрнѣе, смотря по духу самого художника. Если таково дѣйствіе поэзіи, то сила производить его, данная поэту, должна быть не иное что, какъ призваніе отъ Бога; есть, такъ сказать, вызовъ отъ Создателя вступить съ нимъ въ товарищество созданія. Творецъ вложилъ свой духъ въ твореніе:

поэтъ, его посланникъ, ищетъ, находитъ и открываетъ другимъ повсемѣстное присутствіе духа Божія. Таковъ истинный смыслъ его призванія, его великаго дара, который въ то же время есть и страшное искушеніе, ибо въ сей силѣ для полета высокаго заключается и опасность паденія глубокаго».

Изъ такого опредѣленія поэзіи является опасность для поэта впасть въ непоэтическій дидактизмъ, проникнуться желаніемъ постоянно поучать и наставлять. Жуковскій предвидитъ это затрудненіе и даетъ слѣдующее объясненіе: «Что же, спросятъ, неужели поэтъ долженъ ограничиться одними гимнами Богу и всякое другое поэтическое созданіе считать за грѣхъ противъ божества и человѣчества? Отвѣтъ простой: не произноси имени Бога, но знай Его, вѣрь Ему, пди къ Нему—тогда, что бы ни встрѣтилось на пути твоёмъ откровенному твоему оку, и что бы ни было это встрѣченное—высокое или мелкое, прекрасное или безобразное, многозначащее или легкое, забавное или мрачное,—все оно, прошедъ чрезъ твою душу, пріобрѣтаетъ ея характеръ, не измѣнивъ въ то же время и собственнаго. Поэтъ въ выборѣ предмета не подверженъ никакому обязующему направленію. Поэзія живетъ свободою; утративъ непринужденность (похожую часто на причудливость и своеволие), она теряетъ прелесть; всякое намѣреніе произвести то или другое опредѣленное, но стороннее дѣйствіе, нравственное, поучительное или (какъ нынче мода) политическое, даетъ движеніямъ фантази какую-то неповоротливость, тогда какъ она должна легкокрылою ласточкою, съ криками радости, летать между небой и землей, все посѣщать климаты и уносить за собою нашу душу въ чистый эфиръ высоты, на освѣжительную, беззаботную прогулку по всему поднебесью. Но поэтъ, свободный въ выборѣ предмета, не свободенъ отдѣлится отъ него самого себя: что скрыто внутри его души, то будетъ вложено тайно, безнамѣренно и даже противонамѣренно и въ его созданіе; что онъ самъ, то будетъ и его созданіе». Заключая это письмо къ Гоголю, Жуковскій припоминаетъ послѣдній стихъ «Камоэнса»:

Поэзія есть Богъ въ святахъ мечтахъ земли.

Сводя въ одно все эти высказанныя въ разныя времена мнѣнія Жуковскаго о поэзіи и литературѣ, мы видимъ, что онъ всегда оставался вѣренъ одному требованію: поэзія ведетъ къ нравственному совершенству человѣка, возвышая его къ божественному идеалу истины и красоты; истинный поэтъ непременно самъ проникнуть сознаніемъ и стремленіемъ къ этому идеалу, и ему совсѣмъ нѣтъ нужды насловать свою натуру въ направленіи какого либо дидактизма, такъ какъ идеальныя стремленія отразятся въ его поэзіи безнамѣренно, или, по другой терминологіи, бессознательно. Понятно, что при этомъ подразумѣвается

полная свобода поэзии отъ какихъ либо внѣшнихъ предписаній, но при требованіи этой свободы Жуковскій по существу не имѣетъ ничего общаго съ школой чистаго искусства, рознящей искусство и жизнь, и онъ не особенно далекъ отъ тѣхъ воззрѣній, которыя высказывались Бѣлинскимъ въ послѣдній періодъ его дѣятельности. Не даромъ Жуковскій видитъ въ поэтѣ гражданина, и трудно, думается намъ, не замѣтить нѣкотораго сходства общихъ идей въ приведенныхъ отрывкахъ изъ письма Жуковского къ Гоголю хотя бы съ слѣдующими словами Бѣлинскаго: «Смѣшны и жалки тѣ глущи, которые смотрятъ на поэзію, какъ на искусство втискивать въ размѣренныя строчки съ римами разныя правоучительныя мысли, и требуютъ отъ поэта непремѣнно, чтобъ онъ воспѣвалъ все дружбу да любовь и прочее, и которые неспособны увидѣть поэзію въ самомъ вдохновенномъ произведеніи, если въ немъ нѣтъ общихъ правоучительныхъ мѣствъ... Поэтъ, котораго поэзія выросла не изъ почвы субстанціальной жизни своего народа, не можетъ ни быть, ни называться народнымъ или національнымъ поэтомъ. Никто, кромѣ людей ограниченныхъ или духовно-малолѣтнихъ, не обяываетъ поэта воспѣвать непремѣнно гимны добродѣтели и карать сатирою порокъ; но каждый умный человѣкъ въ правѣ требовать, чтобы поэзія поэта или давала ему отвѣты на вопросы времени, или, по крайней мѣрѣ, исполнена была скорбью этихъ тяжелыхъ неразрѣшимыхъ вопросовъ. Кто поетъ про себя и для себя, презирая толпу, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній».

Право, если оставить въ сторонѣ рѣзко-гражданскій характеръ требованій Бѣлинскаго отъ поэзии, его взглядъ совсѣмъ не такъ противоположенъ воззрѣніямъ Жуковского: и поэтъ, и критикъ ницуютъ отъ поэзии нравственнаго воздѣйствія, но и тотъ и другой одинаково чуждаются дидактизма, т. е. намѣреннаго учительства, такъ какъ для одного изъ нихъ нравственное воздѣйствіе должно явиться безнамѣренно, а для другого—безсознательно. Въ сущности подобный взглядъ на поэзію раздѣляется всѣми выдающимися дѣятелями нашей литературы, всѣми самостоятельными творцами. Съ разными вариациями, его можно простѣдить, начиная съ Карамзина до графа Л. Н. Толстого. Это есть то учительное направленіе, которое составляетъ отличительную особенность и вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ главныхъ основанийъ гордости нашей литературы, которая всегда оказывается тѣсно связанною съ жизнью общества, и въ которой тенденція искусства для искусства никогда почти не могла найти себѣ сильныхъ по таланту сторонниковъ.

Мы сказали, что отмѣченное направленіе во взглядахъ на поэзію идетъ отъ Карамзина, и этимъ Жуковскій связывается съ своимъ предшественникомъ и въ литературномъ смыслѣ учителемъ.

Связь эта выражается и въ другихъ отношеніяхъ: какъ увидимъ, направленіе и характеръ творчества Жуковскаго были сильно сродни Карамзинскому сентиментализму, однако въ его дѣятельно были все же такія черты, которыя заставляютъ признать въ немъ представителя иного литературнаго теченія, а какое это было теченіе, мы отчасти уяснимъ себѣ, отвѣтивъ на второй вопросъ, поставленный въ началѣ настоящей статьи, опредѣливъ тотъ тонъ, который является наиболѣе сильнымъ, преобладающимъ въ поэзиі Жуковскаго, который придаетъ ей своеобразную окраску съ самаго ея начала и до послѣднихъ произведеній, хотя за долгій періодъ своей дѣятельности нашъ поэтъ испыталъ и нѣкоторыя перемѣны въ своемъ направленіи.

II.

Эта характерная, господствующая нота въ поэзиі Жуковскаго обнаруживается уже въ первыхъ произведеніяхъ, вышедшихъ изъ-подъ его пера, какъ въ прозаической, такъ и въ стихотворной формѣ. Это опыты 14-лѣтняго мальчика, помѣщенные въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени» (1797 и 1798 гг.). Уже самое заглавіе перваго изъ сочиненій юнаго поэта характеризуетъ его настроеніе: это сочиненіе называется «Мысли при гробницѣ».

Представивъ картину тихой лѣтней ночи (картину, по нѣкоторымъ частностямъ напоминающую Державинское «Видѣніе мурзы»), Жуковскій передаетъ тѣ мысли о бренности и ничтожности «всего подлуннаго», которыя въ немъ возбудились, когда онъ подошелъ къ какой-то полуразвалившейся гробницѣ. «Вселенная, говоритъ поэтъ, представилась мнѣ гробомъ». «Смерть, лютаая смерть! сказалъ я, прислонившись къ изсохшему дубу, когда утомится рука твоя, когда притупится лезвіе страшной косы твоей, и когда, когда престанешь ты посѣкать все живущее, какъ злаки дубравныя? Ты неумолима, законъ твой непремѣненъ; ничто не избѣжитъ ударовъ твоихъ; ничто не подвигнетъ тебя на жалость . . . . . Тамъ вижу я прекраснаго отрока, подобнаго едва распустившейся розѣ; здѣсь лѣпообразнаго, сановитаго юношу, гордящагося превосходными дарованіями своими. Нѣжные родители не могутъ насмотрѣться на нихъ, не могутъ нарадоваться; ими дышатъ, ими живутъ — и надежда, что они будутъ нѣкогда славою своего рода, украшеніемъ своего времени, восхищаетъ чадолюбивое ихъ сердце. Тщетная надежда..... одинъ махъ косы твоей — и ихъ нѣтъ..... стонъ и вопль раздаются, но ты не выемдешь и спѣшишь къ новымъ жертвамъ. Спѣшишь — и мужъ добродѣтельный, коего вся жизнь посвящена благотворенію, коего примѣръ есть свѣтильникъ, вверху горы стоящій, мужъ достойный жить цѣлые вѣки, колеблется,

падаетъ и, еще разъ взглянувъ глазами любви на оставляемый имъ мѣръ, закрываетъ ихъ навѣки. Слѣдствіе—и столѣтній старецъ, безопасно вчера игравшій съ милыми праправнучатами, сегодня въ послѣднее прижимаетъ ихъ къ холодной груди своей, и сердце его перестаетъ биться. Ты слѣдствіе далѣе, смерть грозная, и все—отъ хижины до чертоговъ, отъ плуга до скипетра—все гибнетъ подъ сокрушительными ударами косы твоей. И я, и я буду нѣкогда жертвою ненасытной твоей алчности, и кто знаетъ, какъ скоро? Завтра взойдетъ солнце—и, можетъ быть, глаза мои, сомкнутые холодною твоею рукою, не увидятъ его. Оно взойдетъ еще—и вѣтры прахъ мой развѣютъ...». Тутъ глубокое смущеніе объяло мой духъ, и грудь моя поколебалась отъ вздоховъ. «Но почто смущаюсь сею мыслию, сказалъ я потомъ, развѣ нѣтъ оплота противъ ужасовъ смерти? Взгляни на сей лазоревый сводъ: тамъ обитель мира, тамъ царство истины, тамъ отецъ любви. Смерть есть путь въ сію вѣчно-блаженную страну. Кто не угнеталъ слабыхъ, кто не притѣснялъ невинныхъ, и на кого горькая слеза сироты не вопіяла на небо, кто всѣхъ любилъ, какъ братій своихъ, всѣмъ по возможности старался дѣлать добро, тому нечего бояться. Смерть для него будетъ торжество, а гробъ лѣтвица къ небу. Но вы, злодѣи, трепещите»...

Рядомъ съ этимъ размышленіемъ о бренности всего земного и о вѣчномъ блаженствѣ въ царствѣ истины можно поставить слѣдующія строфы изъ написаннаго въ томъ же 1797 году стихотворенія «Майское утро»:

Горлица нѣжна
Лѣсъ наполняетъ
Стономъ своимъ.
Ахъ! знать, любезна,
Сердцу драгова
Съ ней уже нѣтъ!

Вѣрна подружка!
Для чего тщетно
Въ грусти, тоскѣ
Время проводишь?
Рвешь и терзаешь
Сердце свое?

Можно ль о благѣ
Плакать другого?...
Онъ вѣдь заснулъ,
И не страшится
Лука и злобы
Хитра стрѣлка.

Жизнь, другъ мой, бездна
Слезъ и страданій....

Счастливъ стократъ
Тотъ, кто, достигнувъ
Мирнаго брега,
Вѣчнымъ спитъ сномъ.

То же настроеніе и почти тѣ же самыя картины, что въ статьѣ «Мысли при гробницѣ», видимъ мы въ явившемся въ 1798 году стихотвореніи «Добродѣтель», изъ котораго приводимъ для иллюстраціи начальныя строфы (при чемъ замѣтимъ, что вторая изъ нихъ пропущена въ изданіи г. Ефремова).

Подъ звѣзднымъ кровомъ тихой ночи,
При свѣтѣ блѣдныя луны.
Въ тѣни вѣтвистыхъ кипарисовъ,
Брожу межъ множества гробовъ.
Повсюду зрю сооруженны
Богатыя памятники тамъ;
Порфиромъ, златомъ обложенны,
Тамъ мраморны столпы стоятъ.

Обитель смерти тамъ—покою;
Усопшихъ прахи тамъ лежатъ;
Ничто ихъ сна не прерываетъ,
Ничто не грезится во снѣ.
Но всѣ ль такъ мирно почиваютъ,
И всѣ ли такъ покойно спятъ?
Не монументы отличаютъ
И не блестяща пышность насъ!

Порфиръ надгробный не являетъ
Душевныхъ истинныхъ красотъ;
Гробницы, урны, пирамиды—
Не знаки ль суетности то?
Они блаженства не доставятъ
Ни здѣсь ни въ новомъ бытін,
И царь сравняется съ убогимъ,
Герой тамъ ляжетъ, гдѣ пастухъ.

Въ заключеніи этого стихотворенія опять таки та же идея, что и въ «Мысляхъ при гробницѣ»:

Тогда останутся нетлѣнны
Одни лишь добрыя дѣла.
Ничто не можетъ ихъ разрушить,
Ничто не можетъ ихъ затмить.
Предъ Богомъ насъ они прославятъ,
Въ одежду правды облекутъ;
Тогда мы съ радостью явимся
Предъ тронъ всемогнута Творца.

О, сколь священна добродѣтель,
Должна ты быть для смертныхъ всѣхъ!
Рабы, какъ и владыки міра,
Должны тебя боготворить.

На что мнѣ памятники горды?
И скиптръ, и посохъ—все равно:
Равно подъ мраморомъ въ могилѣ,
Равно подъ дерномъ—прахъ лежитъ.

Черезъ два года послѣ этого стихотворенія мы находимъ новый прозаическій отрывокъ «Мысли на кладбищѣ», въ общемъ сходный съ «Мыслями при гробницѣ» и по картинамъ, и по настроенію, его проникающему; новостью является только форма, болѣе музыкальная, подходящая къ позднѣйшимъ стихотвореніямъ въ прозѣ. Наши современные декаденты могли бы позавидовать слѣдующимъ фразамъ изъ этого произведенія: «Облокотясь на падшій столбъ, смотрю я вокругъ себя—все молчитъ,—почившіе спятъ сномъ непробуднымъ. Геній унынія, въ бѣлой одеждѣ, съ поникшею главою, сидитъ на гробовыхъ обломкахъ и стонетъ о бренности всего подлуннаго. Они спятъ, сии сыны тлѣнія; они спятъ, и кто ихъ пробудитъ? Натура, одѣянная мракомъ, дремлетъ на лонѣхъ полуночи; все молчитъ; ни единый гласъ не вызываетъ къ нимъ. Все молчитъ въ благоговѣйномъ ужасѣ. Пустынный ручей тихо струится по камнямъ; соловей давно остановилъ громкія трели свои—все молчитъ... Но се грядетъ утро. Съ высоты отдаленныхъ горъ несется благотворное сіяніе его долу. Натура пробуждается: все твореніе возглашаетъ гимны. Се грядетъ утро; но они спятъ. Они спятъ, не внемля гласу взывающаго къ нимъ дня: они спятъ—и кто ихъ пробудитъ? Спите, сыны тлѣнія; еще не время—наступить утро безсмертія; жизненный лучъ его проникаетъ въ сердце міра—и вы возстанете отъ сна своего. Спите, сыны тлѣнія; еще не время»...

Проходитъ еще два года, и Жуковскій даетъ свой знаменитый переводъ элегіи Грея «Сельское кладбище», тотъ переводъ, съ котораго Вл. С. Соловьевъ считаетъ у насъ начало истинно-человѣческой поэзіи. Сравнивая это произведеніе съ только что разсмотрѣнными первыми прозаическими и стихотворными опытами Жуковскаго, мы видимъ, что по темѣ оно близко къ нимъ примыкаетъ, и слѣдовательно вмѣстѣ съ ними можетъ характеризовать настроеніе нашего поэта въ первые годы его дѣятельности, въ такіе годы, когда уже по самому его возрасту врядъ ли мы можемъ считать его особенно самостоятельнымъ. Меланхолическое настроеніе могло проистекать изъ не совсѣмъ нормальнаго общественнаго и семейнаго положенія Жуковскаго, какъ на это указываетъ его другъ, докторъ Зейдлицъ, называя «Сельское кладбище» психологическимъ документомъ. Но, кромѣ этого, могли дѣйствовать и воспитательныя вліянія, которыя Жуковскій испыталъ въ университетскомъ пансіонѣ и въ кружкѣ масоновъ. Несомнѣнно обнаружилось въ этомъ случаѣ и вліяніе журнала «Пріятное и полезное препровожденіе времени», какъ это отлично выяснилъ Н. С. Тихонравовъ, изъ

статьи котораго мы позволимъ себѣ привести характеристику этого журнала. «Рядомъ съ идиллическими картинами пастушескаго быта и сельской природы, говоритъ Тихонравовъ, идутъ, заслоняя ихъ, другіе образы—мрачныя, ужасныя. Меланхолія прославляется, какъ «сильная царица превьспреннихъ мыслей». Кладбище служитъ любимымъ мѣстомъ меланхолическихъ мечтаній. «Утомленный обуреваніями жизни, сопутствуемый Циммерманомъ», меланхоликъ идетъ на кладбище и въ этомъ «величественномъ уединеніи проливаетъ вѣрующія слезы, восхищаясь пареніями Оратора Ночей—Юнга». Дикость мѣстности и «осенняя темнота, умножая меланхолію, оживляютъ въ воображеніи «мечтателя» мрачныя пѣсни Шотландскаго барда». Въ уединенныхъ прогулкахъ писателя сопровождаютъ творенія Циммермана, Юнга, Оссіана и Гервея. Особеннымъ одобреніемъ издателей «Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени» пользовались тѣ статьи, въ которыхъ находили «духъ Оссіанской горести, нѣжность и глубокость меланхолическихъ чувствъ»; подражанія Оссіану нерѣдко встрѣчаются на страницахъ «Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени» и «Иппокрены». Юнгъ пользовался особеннымъ уваженіемъ издателей: изъ «превосходныхъ пѣсней» Юнга одинъ изъ сотрудниковъ «Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени» составилъ «сокращеніе», «раздѣлилъ на статьи», придалъ имъ болѣе простое и понятное изложеніе и напечаталъ въ этомъ журналѣ подъ заглавіемъ «Духъ Юнговъ». Помѣщаются переводы «Размышленій надъ гробницами» извѣстнаго англійскаго «методиста» Джонса Гервея. Элегія Грея «Сельское кладбище» не только переводится два раза, но служитъ даже предметомъ подражанія со стороны плодовитаго Павла Львова. Здѣсь же печатала свои стихи извѣстная въ своемъ кругу подъ именемъ «философки» Анна Турчанинова, которая, «не имѣя еще двадцати лѣтъ отъ роду, избѣгала общества, одѣвалась неряхою, занималась преимущественно математическими науками, знала латинскій и греческій языки». Сюжетами ея стихотворныхъ произведеній были: «Достоинство смерти», «Гласъ смертнаго къ Богу», «Уединеніе», «Воздыханіе о помощи», «Къ суетѣ»... Для своихъ стихотвореній начитанная въ священномъ писаніи Турчанинова избирала сюжеты религіозные и горячо защищала меланхолическія чувства въ стихахъ. Сотрудники «Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени» и «Иппокрены» раздѣляли взглядъ сотрудниковъ на значеніе въ поэзіи «священной меланхоліи»¹⁾.

Не удивительно, что, находясь въ подобной литературной атмосферѣ, молодой Жуковскій долженъ былъ легко ей подчиняться, тѣмъ болѣе, что къ грусти и мечтательности его располагали и домашнія его дѣла. Не удивительно, что это меланхолическое на-

¹⁾ Тихонравовъ. Сочиненія, т. III, часть I-я, стр. 426—428.

строение становится господствующимъ въ первыхъ его произведеніяхъ, и что онъ даже даетъ ему теоретическое обоснованіе въ отзывѣ о книгѣ Шаликова «Путешествіе въ Малороссію». «Кого, говоритъ молодой критикъ, не тронетъ чувствительность? Кто не предавался меланхолии? Кто не мечталъ въ тишинѣ уединенія о своей участи, не строилъ воздушныхъ замковъ, не бросалъ унылаго взора на минувшее время юности? Молодой человѣкъ съ пламенною душою хотѣлъ бы, кажется, всю натуру приаать къ своему сердцу. Всюду летаютъ за нимъ мечты, сіи метеоры юнаго воображенія. Взоръ его стремится въ будущее; надежды, желанія волнуютъ его сердце; онъ вопрошаетъ судьбу; хочетъ узнать, что готовится ему за таинственнымъ покровомъ, которымъ закрыта она отъ взоровъ любопытныхъ; самъ за нее отвѣчаетъ себѣ, играетъ призраками, и счастливъ. Но какъ скоротечна сія пылкая, живая молодость! Увядаютъ чувства, и бѣдный человѣкъ, лишенный магической силы, которая прежде создала вокругъ него волшебный міръ, напрасно унылымъ взоромъ ищетъ прелестей въ пышной, великолѣпной натурѣ: вокругъ него—развалины. Гробъ и смерть остались для него въ будущемъ, воспоминапія — въ прошедшемъ, воспоминапія прелестныя и вмѣстѣ печальныя»...

Меланхолія не оставляетъ Жуковскаго и впослѣдствіи, при чемъ поддерживается иногда мотивами чисто личнаго свойства, той роковой невозможностью осуществить идеаль семейнаго счастья, которая обнаружилась для поэта въ концѣ перваго десятилѣтія XIX вѣка. Въ этомъ отношеніи нельзя не видѣть отголоска личныхъ мотивовъ въ статьѣ «Меланхолія» (1808 г.), гдѣ Жуковскій говоритъ о «любви несчастной, наполняющей душу, но разлученной со сладкою надеждою жить для того, что намъ любезно». Жуковскій указываетъ, что, заведя рѣчь о «несчастіяхъ любви», онъ имѣетъ въ виду «одни препятствія жребія», и о нихъ-то онъ высказываетъ слѣдующія любопытныя соображенія: «несчастіе утратить то, что украшало бы нашу жизнь, что для насъ всего выше, всего святѣе, чему нѣтъ никакой замѣны, и утратить безъ надежды возврата, навѣки, такое несчастіе можетъ отвратить душу отъ привязанности къ жизни, ибо жизнь мила не собою, но тѣми привязанностями, которыми животворится наше сердце; но это самое чувство отвращенія отъ жизни можетъ имѣть нѣкоторую сладость, меланхолическую, драгоценную, благо единственное; сладость, заключенную въ мысли, что любимъ, хотя не долженъ мечтать о соединеніи; или въ мысли, которая не даетъ тебѣ счастья, но въ то же время не даетъ совершенно разрушиться заблужденію души твоей; въ мысли, что сердце, отнятое у тебя судьбою, еще свободно, еще спокойно, еще не отдано; невозможность владѣть имъ тебя терзаетъ, но тайный голосъ тебѣ говоритъ въ то же время: перемѣнись твой жребіи, и, можетъ быть, она была бы твоею! Ты призываешь смерть,

ты веселишься, примѣчая, что жизнь твоя, въ которой нѣтъ уже будущаго, начинаетъ гаснуть и наконецъ угасаетъ, но, разставаясь съ нею и останавливая на ней послѣдній меланхолическій взглядъ, ты говоришь: жизнь моя могла бы быть прелестна».

Эта меланхолія не оставляетъ Жуковскаго и впоследствии; осложняясь новыми мотивами, окрашиваясь нѣкоторыми новыми оттѣнками, она отражается въ общемъ грустномъ, элегическомъ характерѣ его поэтическаго міросозерцанія. Въ 1819 г. является стихотвореніе «На кончину ея величества королевы Виртембергской», въ которомъ ярко сказывается безотраднѣйшій взглядъ на земное существованіе человѣка:

Гонителемъ, неслышимъ и незримымъ,
 На всѣхъ путяхъ бѣда насъ сторожить;
 Пріюта нѣтъ главамъ, равно грозимымъ;
 Гдѣ не была, тамъ будетъ и сразить.
 Вотще дерзать въ борьбу съ необходимымъ:
 Житейскаго никто не побѣдитъ;
 Гнетомы всѣ единой грозной силою;
 Намъ всѣмъ сказать о здѣшнемъ счастьи: было!

. . . . .
 О наша жизнь, гдѣ вѣрны лишь утраты,
 Гдѣ милому мгновеніе лишь дано,
 Гдѣ скорбь безъ крыль, а радости крылаты,
 И гдѣ навѣкъ, навѣкъ минувшее одно..
 Почто жъ мы здѣсь мечтами такъ богаты,
 Когда мечтамъ не сбыться суждено?
 Внимая гласъ надежды, намъ поющей,
 Не слышимъ мы шаговъ бѣды грядущей.

Однако изъ этого мрачнаго воззрѣнія на земную жизнь долженъ быть какой нибудь исходъ, должно быть что либо примиряющее съ жизнью, и это начало примиренія указывается Жуковскимъ въ той же элегій:

Земная жизнь небснаго наслѣдникъ;
 Несчастье нашъ учитель, а не врагъ;
 Спасительно-суровый собесѣдникъ,
 Безжалостный разитель бранныхъ благъ,
 Великаго понятный проповѣдникъ,
 Намъ объ руку на тайный жизни прагъ
 Оно идетъ, все руша передъ нами
 И скорбію дружа насъ съ небесами.

Здѣсь радости—не наше обладанье:
 Пролетные плѣнители земли,
 Лишь по пути заносятъ къ намъ преданье
 О благахъ, намъ обѣщанныхъ вдали;
 . . . . .
 (Святой символъ надеждъ и утѣшенья!
 Мы всѣ стоимъ у таинственныхъ вратъ;
 Опущена завѣса Провидѣнья:

Но проникать ее дерзаетъ взглядъ;
 За нею скрыть предѣлъ соединенья:
 Изъ-за нея, мы слышимъ, говорятъ:
 «Мужайтеси, душою не скорбите;
 Съ надеждою и вѣрой приступите!»

Поэтъ, какъ видно изъ этихъ словъ, глубоко-вѣрующій человекъ, а эта-то вѣра является источникомъ утѣшенія въ тѣхъ бѣдствіяхъ, которыми переполнена наша жизнь. Отсюда происходитъ и другой утѣшительный взглядъ: здѣшнія бѣдствія въ сущности нѣчто приближающееся къ миражу, какъ это выражено въ слѣдующихъ стихахъ «Свѣтланы»:

Лучшій другъ намъ въ жизни сей'
 Вѣра въ Провидѣнье.
 Благъ Зиждителя законъ.
 Здѣсь несчастье — лживый сонъ,
 Счастье — пробужденье.

Та же «довѣренность къ Творцу» указывается и въ стихотвореніи «Иѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ»:

Что бъ ни было — незримый
 Ведетъ насъ къ лучшему концу
 Стязей непостижимой.

Потому мы должны примириться съ огорченіями, встрѣчающимися въ жизни, помня, что «горестъ и радость, все къ цѣли одной». Есть два пути къ утѣшенію: одинъ—«радость сердца—упованье на лучшій неизмѣнный свѣтъ», а другой—«милое воспоминанье о томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ». Если кому нибудь суждено было утратить своихъ «милыхъ спутниковъ», близкихъ друзей, поэтъ обращается къ нему съ увѣщаніемъ:

Не говори съ тоской: «ихъ нѣтъ»,
 Но съ благодарностію: «были».

Чрезвычайно характерно представлены эти два пути къ душевному успокоенію, воспоминаніе и надежда, въ элегии «Теонъ и Эсхинъ». Лишившись подруги своей жизни, Теонъ не предается отчаянію и, указывая на ея гробъ, говоритъ своему другу:

Эсхинъ, вотъ безмолвный свидѣтель,
 Что боги для счастья послали намъ жизнь:—
 Но съ нею печаль неразлучна.
 О нѣтъ, не ропщу на Зевесовъ законъ:
 И жизнь, и вселенна прекрасны,
 Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ
 Я видѣлъ земное блаженство.
 Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
 Эсхинъ, то на свѣтъ не наше;

Но сердца нетлѣнныя блага: любовь
 И сладость возвышенныхъ мыслей —
 Вотъ счастье; о другъ мой, оно не мечта.
 Эхъ инъ, я любилъ и былъ счастливъ;
 Любовью моя освятилась душа,
 И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала.
 При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
 Жизнь великость творенья.
 Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
 Къ прекрасной возвышенной цѣли.

Но рядомъ съ воспоминаніемъ Теонъ знаетъ и другую отраду, такъ какъ онъ не допускаетъ мысли, чтобы навѣки исчезло бывшее счастье:

Для сердца прошедшее вѣчно (говоритъ онъ);
 Страданье въ разлукѣ есть та же любовь;
 Надъ сердцемъ утрата безсильна.
 И скорбь о прошедшемъ не есть ли, Эхъ инъ,
 Обѣтъ неизмѣнной надежды,
 Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ
 Погибшее намъ возвратится?
 . . . . .
 А этотъ безмолвный, таинственный гробъ...
 О другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель,
 Что лучшее въ жизни еще впереди,
 Что вѣрно желанное будетъ;
 Сей гробъ, затворенная къ счастью дверь,
 Отворится... иду и надѣюсь.

Можно привести еще много другихъ примѣровъ изъ произведеній Жуковскаго, примѣровъ, иллюстрирующихъ его господствующее элегическое настроеніе и тотъ двойкій исходъ изъ меланхоліи, который открывается передъ нашимъ поэтомъ; но мы ограничимся уже приведенными, тѣмъ болѣе, что всѣ они показываютъ намъ ту сторону творчества Жуковскаго, которая не была оригинальной, являлась прямымъ отраженіемъ Карамзинскаго сентиментализма: и меланхолія, и воспоминаніе о быломъ счастья, и надежда на возвратъ счастья въ загробной жизни—все это темы старыя, не разъ трактовавшіяся, какъ послѣдователями Карамзина, такъ и тѣми западными сентименталистами, подъ вліяніемъ которыхъ началась поэтическая дѣятельность Жуковскаго, какъ въ своихъ статьяхъ о Пушкинѣ указывалъ Вѣлинскій, но онъ же указалъ, что у Жуковскаго есть кое-что, отличающее его отъ Карамзина и сближающее его съ новой литературной школой, благодаря чему мы можемъ по справедливости называть Жуковскаго не сентименталистомъ, но романтикомъ. Это новое — есть идеализмъ Жуковскаго. Идеала не знало сентиментальное направленіе, оно только будило добрыя чувства, но не указывало цѣли, къ которой должны такія чувства направляться. Эту цѣль указываетъ Жуковскій, а какъ онъ это дѣлаетъ, увидимъ въ слѣдующей главѣ.

III.

Въ письмѣ къ К. Θ. Рылѣву отъ 25-го января 1825 г. Пушкинъ выражаетъ свое несогласіе съ отзывомъ А. Бестужева о поэзіи Жуковскаго и упрекаетъ молодыхъ писателей въ неблагодарности по отношенію къ ихъ руководителю. «Зачѣмъ, — говоритъ Пушкинъ, — кусать намъ груди кормилицы нашей? Потому что зубки прорѣзались? Что ни говори, Жуковскій имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности: къ тому же переводный слогъ его останется всегда образцовымъ»... Однако Рылѣвъ не соглашается съ такой оцѣнкой значенія Жуковскаго. «Неоспоримо, — пишетъ онъ, — что Жуковскій принесъ важныя пользы языку нашему; онъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на стихотворный слогъ нашъ — и мы за то навсегда должны остаться ему благодарными, но отнюдь не за вліяніе его на духъ нашей словесности, какъ пишешь ты. Къ несчастію, вліяніе это было слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность, которая въ немъ иногда даже прелестны, растлили многихъ и много зла надѣлали»¹⁾.

Неизвѣстно, что отвѣтилъ своему несчастному другу Пушкинъ, быть можетъ, споръ на этомъ не кончился; но мнѣніе Рылѣва для насъ важно, какъ выраженіе взгляда на Жуковскаго особой группы русскихъ романтиковъ, группы, явившейся въ началѣ 1820-хъ годовъ. Въ этой группѣ мы видимъ будущихъ декабристовъ, и отъ нихъ мы можемъ вести въ нашей литературѣ начало направленія, извѣстнаго подъ именемъ поэзіи гражданскихъ мотивовъ. Эти молодые поэты 1820-хъ годовъ стремились въ своихъ произведеніяхъ выразить тѣ гражданскіе идеалы, которые были главнымъ мотивомъ ихъ жизненной дѣятельности. Ихъ идеализмъ былъ близокъ къ запросамъ жизни; благодаря имъ, являлась возможность болѣе тѣснаго ссприкосновенія литературы съ жизнью общественной; но сами они дѣйствительно были несправедливы къ своей «кормилицѣ», къ Жуковскому. Какъ бы ни были туманны стремленія старшаго романтика, они направлялись къ идеальнымъ цѣлямъ, они были первымъ проявленіемъ идеализма въ нашей литературѣ. Отъ этого идеализма происходитъ и тотъ, который выражается въ стремленіяхъ Рылѣва, Бестужева, Кюхельбекера, молодого Пушкина. Этотъ идеализмъ, при всей своей туманности и неопредѣленности, явился ступенью къ развитію того новаго направленія, которое проявляется въ нашей литературѣ съ 1820-хъ годовъ.

Дѣйствительно, много мистицизма, туманности и неопредѣленности въ тѣхъ надеждахъ на будущее счастье, которыя составляютъ, какъ мы указали, одинъ изъ существеннѣйшихъ мотивовъ поэзіи

¹⁾ Сочиненія и переписка К. Θ. Рылѣва. Спб., 1875 г., стр. 204—206.

Жуковскаго. Правда, фантастично-мечтательны тѣ картины, которыя рисуетъ намъ поэтъ во второй части повѣсти «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», изображая стремленіе Вадима къ его идеалу; мечтательнень образъ, ведущій героя къ идеалу; но не надо забывать, что этотъ образъ спасаетъ героя отъ низкихъ чувственныхъ оболыцений, напримѣръ, при встрѣчѣ съ кіевской княжной,

...знакомый звонъ
Раздался въ отдаленьи;
И долго жалобно звенѣлъ
Онъ въ безднѣ поднебесной;
И кто-то, чудилось, летѣлъ
Незримый, но извѣстный;
И взоръ, исполненный тоской,
Мелькалъ сквозь покрывало;
И подь воздушной пеленой
Печальное вздыхало...
Но вдругъ сильнѣй потрясса лѣсъ,
И небо зашумѣло...
Вадимъ взглянулъ — призракъ исчезъ;
А въ вышинѣ... звенѣло,
И вслѣдъ за милою мечтой
Душа его стремится.

Къ такому высокому идеалу можетъ прійти только тотъ человекъ, который сохраняетъ въ себѣ чистоту души, который любитъ другихъ людей, чуждъ эгоизма. Этотъ идеализмъ ведетъ къ очеловѣченію общества, въ которомъ много дикаго и злого, и обществу несомнѣнно полезно было слышать отъ поэта такіе призывы:

Прочь низкое, прочь злоба!
Духъ бодрый на дорогѣ бѣдъ
До самой двери гроба;
Въ высокой долѣ простота;
Нежадность въ наслажденьѣ;
Въ союзѣ съ равнымъ правота;
Въ могуществомъ смиренье.

Обѣтамъ вѣрность, чести честь,
Покорность правой власти;
Для дружбы все, что въ мірѣ есть;
Любви весь пламень страсти;
Утѣхи скорби, просьбѣ дань,
Погибели спасенье
Могущему пороку брань,
Безильному презрѣнье;
Неправдѣ грозный правды гласъ,
Заслугѣ воздаянье,
Спокойствие — въ послѣдній часъ
При гробѣ — упованье.

Эта высокая человѣчность прекрасно выразилась въ стихотвореніи «Солнце и Борей», въ которомъ ярко выставляется та идея,

что «злобы самовластной милость кроткая сильнѣй; та же человѣчность высказалась въ знаменитыхъ пожеланіяхъ Жуковского его будущему воспитаннику, цесаревичу Александру Николаевичу;

Да встрѣтитъ онъ обильный чествомъ вѣкъ,
 Да славнаго участникъ славный будетъ
 И на чредѣ высокой не забудетъ
 Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ.

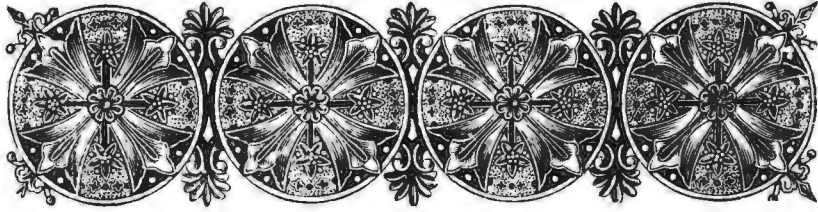
Какъ извѣстно, эта человѣчность привела къ величайшему акту нашей исторіи, къ незабвенному дню 19-го февраля 1861 года, и вспоминая объ этомъ, не лишнее привести отрывокъ изъ статьи «Печальное происшествіе, случившееся въ началѣ 1809 года», отрывокъ, являющійся протестомъ противъ крѣпостного права (въ чемъ можно еще видѣть отличіе Жуковского отъ Карамзина, приблизительно въ это время защищавшаго рабство): «Многіе изъ русскихъ дворянъ имѣютъ при себѣ такъ называемыхъ фаворитовъ. Что это значить? Они выбираютъ или мальчика или дѣвочку изъ состоянія служителей, приближаютъ ихъ къ своей особѣ, даютъ имъ воспитаніе, имъ неприличное, позволяютъ имъ пользоваться преимуществами, имъ не принадлежащими, и—оставляютъ ихъ въ прежней зависимости. То ли называется благотвореніемъ? Человѣкъ зависимый, знакомый съ чувствами и понятіями людей независимыхъ, несчастливъ навѣки, если не будетъ дано ему благо, все превышающее—свобода!.. Просвѣщеніе должно возвысить человѣка въ собственныхъ его глазахъ—а что унижаетъ рабства? Вы замѣчаете въ своемъ человѣкѣ дарованія и умъ необыкновенный—и такъ прежде, нежели рѣшится открыть ему тайну его сокровища, возвратите ему свободу, или убійственное чувство рабства уничтожитъ всѣ ваши о немъ попеченія».

Послѣ этихъ указаній на идеализмъ Жуковского намъ кажется, мы въ правѣ признать его великое значеніе для дальнѣйшаго нашего литературнаго развитія, признать, что, несмотря на зависимость въ началѣ своей литературной карьеры отъ Карамзина, Жуковскій внесъ въ нашу литературу такой элементъ, котораго не хватало сентименталистамъ, и который существенно необходимъ для здороваго роста литературы, какъ выразительницы общественнаго сознанія. «Неизмѣримъ,—говоритъ Бѣлинскій,—подвигъ Жуковского и велико его значеніе въ русской литературѣ! Его романтическая муза была для дикой степи русской поэзіи элевзинскою богинею Церерою: она дала русской поэзіи душу и сердце, познакомила ее съ таинствомъ страданія, утратъ, мистическихъ откровеній и полнаго тревоги стремленія въ «оній таинственный свѣтъ», которому нѣтъ имени, нѣтъ мѣста, но въ которомъ юная душа чувствуетъ свою родную завѣтную сторону... Жуковскій—

это поэтъ стремленія, душевнаго порыва къ неопредѣленному идеалу. Произведенія Жуковскаго не могутъ восхищать всѣхъ и cadaго во всякій возрастъ: они внятно говорятъ душѣ и сердцу въ извѣстный періодъ жизни или въ извѣстномъ расположеніи духа: вотъ настоящее значеніе поэзіи Жуковскаго, которое она всегда будетъ имѣть. Но Жуковскій, кромѣ того, имѣетъ великое историческое значеніе для русской поэзіи вообще: одухотворивъ русскую поэзію романтическими элементами, онъ сдѣлалъ ее доступною для общества, далъ ей возможность развитія, и безъ Жуковскаго мы не имѣли бы Пушкина. Сверхъ того, есть еще другая великая заслуга русскому обществу со стороны Жуковскаго: благодаря ему, нѣмецкая поэзія—намъ родная, и мы умѣемъ понимать ее безъ того усилія, которое условливается чуждою національностью».

А. Бороздинъ.

КЪ МАТЕРІАЛАМЪ О ЖУКОВСКОМЪ

I.

О несостоявшемся его литературномъ юбилеѣ въ 1847 г.

(«Записка» П. А. Плетнева о празднованіи юбилея).

ВЕСНОЮ 1847 года, Жуковскій, жившій въ это время во Франкфуртѣ на Майнѣ и тосковавшій по родинѣ и по своимъ роднымъ и близкимъ послѣ 6-ти лѣтней разлуки, рѣшилъ хотъ одинъ съѣздить на нѣсколько мѣсяцевъ въ Россію, въ Петербургъ и затѣмъ въ Москву. Болѣзнь жены заставляла постоянно откладывать окончательное ихъ переселеніе на родину, о которомъ поэтъ давно мечталъ, и осуществить которое, къ великому его горю, все не удавалось. Въ маѣ, онъ пишетъ своимъ друзьямъ ¹⁾ о своемъ рѣшеніи съѣздить лѣтомъ въ Россію, и что онъ только хочетъ дожидаться пріѣзда его императорскаго высочества наслѣдника (который долженъ былъ пріѣхать съ августѣйшей супругой въ Дармштадтъ, а потомъ ѣхать въ Киссингенъ) и повидаться съ нимъ ²⁾.

Въ Петербургѣ и Москвѣ друзья и родные давно съ нетерпѣніемъ ждали поэта, и извѣстіе о скоромъ его пріѣздѣ чрезвычайно всѣхъ обрадовало, тѣмъ болѣе, что этимъ пріѣздомъ хотѣли воспользоваться, чтобы устроить чествованіе Жуковского по поводу

¹⁾ П. А. Плетневу, А. Я. Булгакову, фонъ-деръ-Бригену и друг.

²⁾ Соч. Жуковского (изд. 7), т. VI, стр. 622, 631 etc.

исполнявшася въ этомъ году 50-тилѣтія его поэтической дѣятельности.

П. А. Плетневъ, которому, безъ сомнѣнія, принадлежала эта мысль, въ началѣ іюня 1847 г. писалъ къ графу С. С. Уварову: «По расчисленію моему, Жуковского 50-ти-лѣтіе литературной жизни исполнится въ октябрѣ 1847 года. Его первая статья напечатана въ XVI ч. (№ 86) «Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени» 1797 года, начавшася въ 1794 г.»¹⁾ Еще 16-го мая Плетневъ, въ отвѣтъ на письмо Жуковского отъ 4-го мая съ извѣстіемъ о его рѣшеніи пріѣхать, пишетъ ему радостное письмо и сообщаетъ между прочимъ: «Сію минуту въ 10 час. утра возвратился я отъ великаго князя наслѣдника. Я сообщилъ его высочеству о вашей радости встрѣтить его въ Германіи и о вашемъ предположеніи прибыть въ Спб...»²⁾ Какъ увидимъ ниже, Плетневъ именно при этомъ случаѣ говорилъ съ наслѣдникомъ и о задуманномъ чествованіи поэта.

Но судьба измѣнила всѣ предположенія. Доктора предписали больной женѣ Жуковского лѣченіе въ Эмсѣ, а потомъ поѣздку въ Швейцарію, и В. А. не поѣхалъ въ Россію, отложивъ этотъ планъ до слѣдующей весны. Но не суждено было ему болѣе увидѣть отечество: болѣзнь жены и въ слѣдующіе годы (до самой его кончины) не позволила ему съѣздить на родину.

Юбилей его въ этомъ 1847 году также не состоялся, хотя самъ поэтъ и не считалъ своего на немъ присутствія необходимымъ.

Въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому отъ 2-го іюля, сообщая о новомъ своемъ рѣшеніи, онъ говоритъ: «Изъ этого слѣдуетъ, что и мой юбилей не состоится, ибо меня налицо не будетъ. Но развѣ нужно для этого мое присутствіе? Для меня было бы душеусладительнѣе, когда бы этотъ актъ воспоминанія и благоволенія отечества совершился въ отсутствіи моемъ. Для меня было бы тогда одно чистое, не смѣшанное ни съ какими тревогами самолюбія чувство благодарности...»³⁾

На это письмо отвѣчалъ, по порученію князя Вяземскаго, П. А. Плетневъ 4-го августа: «Затѣянное мною дѣло о вашемъ юбилеѣ теперь въ странномъ положеніи, пишетъ онъ; по идеѣ, какая у меня была объ юбилеѣ вашемъ, вы могли бы и не присутствовать на немъ. Я думалъ, что прекрасно было бы устроить (безъ обѣда,

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1866. Стр. 1069; См. Соч. и переп. Плетнева, III, стр. 740.— Къ тому же 1797 году относится и первое его стихотворное произведеніе (см. его «Сочиненія»): ода «Благоденствіе Россіи, устроенное великимъ ея Самодержцемъ Павломъ Первымъ».

²⁾ Соч. и переп. Плетнева, т. III, стр. 583.

³⁾ Соч. Жуковского, т. VI, стр. 631. См. еще далѣе въ томъ же письмѣ, на стр. 635—мысли поэта о его юбилеѣ и объясненія, почему онъ о немъ заботится (не для себя, а для своихъ).

безъ музыки и проч.) духовное, такъ сказать, академическое торжество, на которомъ принесена была бы дань уваженія и признательности имени вашему и таланту, столько славы и добра принесимъ Россіи. Это можно было бы выразить взглядомъ на литературное поприще ваше, на труды ваши и характеръ ихъ. Но еще думалъ я, чтобы, въ воспоминаніе событія, незабвеннаго для всѣхъ русскихъ, а особенно для посвящающихъ жизнь свою умственнымъ занятіямъ, въ этотъ день учреждены были стипендіи (по имени виновника) во всѣхъ университетахъ имперіи на капиталъ, какой можно было бы составить подпискою къ предполагавшемуся празднику. Великій князь наслѣдникъ вполне одобрилъ мою мысль. Министръ просвѣщенія нашель, что праздникъ безъ обѣда и безъ виновника торжества не въ русскихъ нравахъ... Послѣ того естественно обратились къ юбилею, въ какомъ родѣ онъ былъ учрежденъ для Крылова. Извѣстіе, что вы не приѣдете сюда, остановило все. Никто теперь не знаетъ, къ чему и приступить...». Далѣе Плетневъ вызываетъ поэта высказать свое мнѣніе «о характерѣ и хотя отчасти о формѣ праздника»¹⁾.

Отвѣчалъ ли что либо Жуковскій на этотъ вопросъ, мы не знаемъ, но въ послѣдующихъ письмахъ Плетнева объ этомъ предметѣ болѣе нѣтъ рѣчи.

Мы знаемъ только, что дѣло это было очевидно отложено²⁾, вѣроятно, въ ожиданіи приѣзда Жуковского въ 1848 году, а когда и это ожиданіе оказалось тщетнымъ, то наконецъ уже въ началѣ 1849 года, 29 января, въ день рожденія поэта, князь Вяземскій устроилъ у себя на дому заочное юбилейное его чествованіе, имѣвшее болѣе частный, дружескій характеръ.

Мы видѣли, что въ приведенномъ выше извлеченіи изъ письма Плетнева было упомянуто о предположеніи послѣдняго ознаменовать юбилей Жуковского учрежденіемъ стипендій его имени въ университетахъ. Эта прекрасная мысль, къ сожалѣнію, оставшаяся неосуществленною, изъ всей программы чествованія заслуживаетъ наибольшаго вниманія и сочувствія. А потому сообщеніе нѣсколько болѣе подробныхъ о ней данныхъ, которыми мы располагаемъ, не можетъ быть излишнимъ.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, Плетневъ 16 мая былъ у наслѣдника, съ которымъ говорилъ о Жуковскомъ. Тутъ-то и былъ возбужденъ вопросъ о юбилеѣ.

¹⁾ Соч. и переп. Плетнева, т. III, стр. 589—590.

²⁾ 23 августа Плетневъ писалъ Я. К. Гроту по поводу извѣстій о Жуковскомъ: «Теперь Богъ знаетъ, удастся ли намъ когда устроить юбилей поэту». Переписка, т. III, стр. 113.

Вотъ какъ Плетневъ рассказываетъ объ этомъ Я. К. Гроту въ письмѣ отъ 17 мая: «Вчера утренній кофе пилъ я у вашего канцлера (Александровскаго университета). Мнѣ хотѣлось особенно переговорить съ нимъ касательно Жуковскаго, отъ котораго наканунѣ я получилъ письмо..... Тебѣ извѣстно, что въ нынѣшнемъ году ровно 50 лѣтъ, какъ явилось въ печати первое сочиненіе Жуковскаго. Мнѣ хотѣлось сообщить это извѣстіе августѣйшему его воспитаннику, въ предположеніи, не приметъ ли онъ участія въ составленіи литературнаго праздника. Великій князь охотно изъявилъ на то согласіе свое и даже поручилъ мнѣ на бумагѣ изложить для него мои о томъ мысли. Мнѣ и хотѣлось этого. Возвратясь домой, я написалъ записку и при письмѣ отправилъ ее къ цесаревичу. Въ запискѣ я сказалъ, что Жуковскій не менѣе Крылова знаменитъ для Россіи, что онъ даже разнообразнѣе и выше для образованной части русскихъ. Сверхъ того, онъ наставникъ великаго князя наследника. Поэтому справедливо и ему оказать почеть, которой удостоенъ былъ Крыловъ. Но какъ въ характерѣ литературныхъ трудовъ господствуетъ у него исключительно чистота, вкусъ, нравственная грація и другія совершенства возвышенной души, то не шумные праздники и рукошлесканія приличны, а то, что поможетъ навсегда утвердить эти качества въ молодыхъ поколѣніяхъ. Итакъ я предлагаю посредствомъ общаго сбора составить капиталъ, котораго процентами можно бы навсегда содержать семерыхъ молодыхъ людей, по одному въ словесномъ отдѣленіи философскаго факультета въ каждомъ изъ семи университетовъ, находящихся въ предѣлахъ Русской имперіи. Я нарочно включилъ сюда Дерптскій и Александровскій университеты, чтобы имя Жуковскаго нигдѣ не было въ Россіи чуждымъ. Распорядителями этого юбилея я назвалъ Михаила Віельгорскаго, Блудова, Уварова и Вяземскаго, какъ лицъ, съ которыми изъ остающихся въ живыхъ Жуковскій наиболѣе связанъ былъ въ продолженіе 64-хлѣтней жизни его. Не знаю, какъ это приметъ великій князь»¹⁾.

Безъ сомнѣнія, послѣдній не замедлилъ одобрить предложеніе Плетнева и согласился съ его мотивировкой, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ П. А. составляетъ записку, въ которой инициаторомъ дѣла является уже самъ наследникъ, и которая предназначается очевидно для министра народнаго просвѣщенія.

Сохранились двѣ черновыя проекты этой записки, писанные 24-го и 26-го мая.

Первая, подъ заглавіемъ «Записка о В. А. Жуковскомъ, составленная по приказанію его императорскаго высочеч-

---

¹⁾ Переписка Г. съ П., т. III, стр. 76. О томъ же своемъ свиданіи съ наследникомъ и о юбилеѣ Жуковскаго П. А. писалъ 16 мая и Гоголю. См. письма Плетнева къ Гоголю (изд. Я. К. Гротъ), «Русск. Вѣстн.», 1890 г. XI, отд. стр. 56.

ства государя цесаревича наслѣдника», содержитъ въ себѣ слѣдующее:

«Въ текущемъ 1847 году совершится 50 лѣтъ съ появленія въ печати перваго сочиненія В. А. Жуковскаго, который нынѣшнимъ лѣтомъ, намѣреваясь прїѣхать изъ-за границы, располагается провести въ С.-Петербургѣ июль и августъ.

Государь цесаревичъ наслѣдникъ полагаетъ, что можно воспользоваться этими двумя обстоятельствами для учрежденія особаго торжества въ честь поэта, который въ эпоху 1812 года былъ провозвѣстникомъ славы императора Александра и всѣхъ его сподвижниковъ.

«Какъ въ характерѣ поэзіи В. А. Жуковскаго господствуютъ преимущественно черты христіанскихъ доблестей и высокой нравственности, то, по мнѣнію его высочества, и праздникъ въ честь его долженъ представить въ нѣкоторомъ смыслѣ свидѣтельство того, что читатели поэта желаютъ прекрасныя качества души его утвердить въ поколѣніи молодыхъ его, современниковъ. И такъ государь цесаревичъ наслѣдникъ думаетъ, что собираемая добровольною подпискою въ подобныхъ случаяхъ деньги, обыкновенно издерживаемыя на обѣдъ, украшеніе его, на музыку и подарки, можно положить основаніемъ капитала, на проценты котораго постоянно содержались бы въ I отдѣленіи философскаго факультета стипендіаты Жуковскаго—по одному въ каждомъ изъ семи университетовъ, находящихся въ предѣлахъ Россійской имперіи.

«Подробности, какъ возвести капиталъ до надлежащей полноты его и какъ устроить назначеніе стипендіатовъ, должны быть, по желанію его высочества, опредѣлены въ особомъ комитетѣ, который бы составленъ былъ изъ лицъ, состоявшихъ постоянно въ дружескихъ сношеніяхъ съ поэтомъ, каковы, напримѣръ: графъ С. С. Уваровъ, графъ Д. Н. Влудовъ, графъ Мих. Ю. Віельгорскій и князь П. А. Вяземскій.

«Но такъ какъ безъ высочайшаго его императорскаго величества разрѣшенія никто не въ правѣ приступить къ исполненію предположеній, здѣсь изложенныхъ, то государь цесаревичъ наслѣдникъ желаетъ, чтобы его сіятельство господинъ министръ народнаго просвѣщенія, войдя въ мысль его высочества, употребилъ содѣйствіе свое къ исходатайствованію всемилостивѣйшаго государя императора соизволенія на учрежденіе праздника».

«24-го мая 1847 года».

Этотъ проектъ записки, вѣроятно, послѣ вторичнаго доклада наслѣднику, получилъ нѣсколько иную, болѣе краткую редакцію, въ которой она и должна была быть представлена министру.

Начало этой «Записки о юбилеѣ пятидесятилѣтія литературной жизни В. А. Жуковскаго, составленной по при-

казанію его императорскаго высочества государя цесаревича наслѣдника» сходится съ предыдущей (т. е. о поводѣ къ юбилею).

Затѣмъ слѣдуетъ:

«Его императорское высочество, государь цесаревичъ наслѣдникъ, признаетъ справедливымъ почтить при этомъ случаѣ особымъ торжествомъ поэта, который цѣлую жизнь посвятилъ высокому искусству и былъ въ 1812 году провозвѣстникомъ славы императора Александра Павловича и всѣхъ его сподвижниковъ.

«Его высочество полагаетъ, что литературный праздникъ въ честь В. А. Жуковскаго прилично соединить съ учрежденіемъ одной или, по мѣрѣ возможности, нѣсколькихъ стипендій, на которыя могли бы получать образованіе молодые люди въ I отдѣленіи философскаго факультета въ російскихъ университетахъ. Общій въ отечествѣ энтузіазмъ къ имени Жуковскаго, безъ сомнѣнія, доставитъ способы привести эту мысль въ исполненіе. Государь наслѣдникъ надѣется, что господинъ министръ народнаго просвѣщенія, раздѣляя мысль его высочества, употребитъ содѣйствіе свое къ исходатайствованію всемілостивѣйшаго его императорскаго величества соизволенія на учрежденіе изъ ближайшихъ къ поэту особъ временнаго комитета, который бы, составивъ въ подробности распisanіе празднества, привелъ все это дѣло къ желанному окончанію.

«26-го мая 1847 года».

Что записка эта была дѣйствительно подана министру, и что она возымѣла свое дѣйствіе, мы видимъ изъ полученнаго вскорѣ затѣмъ (14-го іюня) Шлетневымъ официальнаго письма графа Уварова, до насъ дошедшаго. Вотъ оно:

«Милостивый государь,

«Петръ Александровичъ!

«Съ высочайшаго соизволенія предположено учредить приличное торжество въ честь Жуковскаго во время пребыванія его здѣсь и тогда же открыть добровольную подписку на составленіе капитала для учрежденія въ словесномъ отдѣленіи С.-Петербургскаго университета ¹⁾ одной или нѣсколькихъ стипендій. Для приведенія сего въ дѣйствіе представляется необходимымъ войти въ предварительное совѣщаніе о семъ дѣлѣ и рассмотреть способы его выполненія.

«Надѣясь, что ваше превосходительство не откажетесь принять участіе въ предполагаемыхъ совѣщаніяхъ, я покорнѣйше прошу

¹⁾ Только С.-Петербургскаго, тогда какъ, по мысли Шлетнева, это должно было быть сдѣлано для всѣхъ семи университетовъ. К. Г.

васъ, милостивый государь, извѣстить меня, угодно ли будетъ вамъ изъявить на то ваше согласіе. По полученіи сего отзыва, я не премину увѣдомить о времени, когда совѣщанія должны будутъ воспріять начало.

«Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

«Графъ Уваровъ».

«№ 821.

«Юня 1847 года».

Какъ видно изъ помѣтки Плетнева на этомъ письмѣ, онъ 16-го іюня отвѣчалъ министру, безъ сомнѣнія, въ утвердительномъ смыслѣ.

Однако, какъ мы уже знаемъ, благая мысль Плетнева, столь энергично поддержанная августѣйшимъ воспитанникомъ поэта, будущимъ Царемъ-Освободителемъ, не осуществилась,—и видимо не только по неприѣзду въ Россію Жуковскаго, но и потому, что министръ народнаго просвѣщенія, графъ С. С. Уваровъ, все же находилъ, какъ мы видѣли, что «праздникъ безъ обѣда и безъ виновника торжества — не въ русскихъ нравахъ»....

Но виновника этого несостоявшагося торжества Россія уже не видала болѣе, и такъ достойно задуманный планъ чествованія его великихъ литературныхъ заслугъ пропалъ бы безъ всякаго слѣда и безъ отголоска, еслибъ не дружеская настойчивость князя П. А. Вяземскаго, который черезъ два года вернулся къ мысли и рѣшилъ все-таки хоть скромно и домашнимъ образомъ — среди друзей и близкихъ поэта—заочно отпраздновать его юбилей, приурочивъ его ко дню рожденія В. А., къ 29-му января (1849 года).

Но это великосвѣтское, во всякомъ случаѣ, кружковое чествованіе Жуковскаго въ домѣ князя Вяземскаго, разумѣется, не могло замѣнить публичнаго, общественнаго торжества съ ознаменованіемъ его полезнымъ просвѣтительнымъ дѣломъ, какъ оно предполагалось инициаторами юбилея въ 1847 году, и вышло совсѣмъ несоотвѣтствующимъ существу и значенію самаго факта...

Пышный праздникъ въ домѣ князя Вяземскаго, съ его расфранченною свѣтскою толпою (по случаю присутствія наслѣдника), съ декламациями стиховъ, пѣніемъ и тостами, какъ-то мало гармонировавшій съ характеромъ, задушевной простотой и скромностью чествуемаго лица, произвелъ далеко и не на всѣхъ присутствовавшихъ одинаково свѣтлое и отрадное впечатлѣніе. Въ то время какъ Плетневъ отзывается о немъ восторженно, бывший на этомъ собраніи И. С. Аксаковъ описываетъ его совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ.

Сопоставить здѣсь эти отзывы, и тѣмъ дополнить нашу замѣтку фактическими свѣдѣніями о томъ, какъ въ концѣ концовъ справили юбилей нашего поэта, будетъ не излишне.

Плетневъ пишетъ 5 февраля 1849 года Я. К. Гроту: «По отъѣздѣ твоёмъ, къ субботу (29 января) Вяземскій отпраздновалъ у себя юбилей въ честь 50-лѣтней Жуковского музы. Гостей собралось на вечеръ къ нему человекъ 80 мужчинъ и дамъ. Канцлеръ вашъ (наслѣдникъ) почтилъ этотъ праздникъ своимъ присутвіемъ. Сперва графъ Блудовъ прочиталъ Вяземскаго стихи, написанные въ честь Жуковского и напечатанные въ «Академическихкихъ Вѣдомостяхъ».

«Потомъ пропѣли «Боже, Царя храни», далѣе были пѣты шуточные стихи опять Вяземскаго, въ честь Жуковского же. Вотъ отрывокъ изъ нихъ:

Онъ чудесный даръ имѣеть
 Всѣхъ насъ спавать кругомъ
 Душу онъ душою грѣеть,
 Умъ чаруетъ онъ умомъ,
 И волшебнo слухъ лелѣеть
 Употительнымъ стихомъ.

РЕФРЕНЪ:

Нашъ привѣтъ ему отрадень,
 И отъ города Петра
 Пусть нагриветъ въ Бадень-Бадень
 Наше русское ура!

«Послѣ того положили составить родъ протокола собранія. Заглавіе: 29 января 1849. Всѣ присутствовавшіе, начиная съ великаго князя наслѣдника, на этомъ листѣ подписали свои имена (кавалеръ и дама). Положено: отправить этотъ листъ подлинникомъ къ Жуковскому»¹⁾.

Самому В. А. Жуковскому Плетневъ писалъ между прочимъ: «Такого прекраснаго праздника я не запомню. Всѣ одушевлены были однимъ чувствомъ — чистою, нѣжною любовью къ вамъ и благодарностью къ хозяевамъ. Притомъ это собраніе представляло цвѣтъ общества, вкуса и благородства...»²⁾.

Въ то же время бывший вмѣстѣ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ на этомъ вечерѣ И. С. Аксаковъ писалъ отцу: « . . . Мы отправились и, къ удивленію, нашли почти всѣхъ въ бѣлыхъ галстукахъ и орденахъ: скоро узнали мы, что на этомъ вечерѣ будетъ наслѣдникъ; тутъ было много народу: былъ Киселевъ, Блудовъ и вообще цвѣтъ петербургскихъ придворныхъ умовъ. Пріѣхалъ наслѣдникъ, и Блудовъ прочиталъ стихи Вяземскаго, на сей случай написанные.

¹⁾ Переписка, т. III, стр. 380—381.

²⁾ Соч. и пер. Плетнева, т. III, стр. 610. Самъ поэтъ былъ доволенъ и тронуть вниманіемъ къ нему, что выразилъ, между прочимъ, въ письмѣ къ наслѣднику великому князю Александру Николаевичу отъ 12 февраля. «Русскій Архивъ», 1885 г., № 4, стр. 531.

Стихи очень плохи. Блудовъ читалъ ихъ, безпрестанно прикладывая лорнетъ къ глазамъ и тряся голосъ для эффекта. Еслибъ мнѣ не было противно и досадно, мнѣ было бы смѣшно. Да, я забылъ сказать, что все это началось пѣніемъ Боже царя храни; пѣли бывшіе артисты, Оболенскіе (Дмитрій и Родіонъ), Бартенева и нѣкоторыя другія дамы. Когда Блудовъ читалъ стихи, то нѣкоторыя дамы прослезились, нѣсколько разъ раздавался ропотъ неудержимаго восторга изъ устъ этихъ чопорныхъ фигуръ въ бѣлыхъ галстукахъ; когда кончилось чтеніе, то послышались жаркія похвалы: *s'est charmant, s'est sublime!* Послѣ этого пропѣты были куплеты ¹⁾ старикомъ Вельгорскимъ... Надо было видѣть, съ какимъ жаромъ эти бѣлые галстуки кричали наше русское ура... Послѣ этого поданъ былъ листъ бумаги, на которомъ всѣ посѣтители должны были написать свои имена, начиная съ наследника. Дѣлать нечего, и я вписалъ свое имя, только почти предпоследнимъ. Наконецъ великій князь уѣхалъ, и тогда Глинка, музыкантъ, сталъ пѣть разные свои романсы... Это только меня и утѣшило. Предоставляю вамъ судить, что испыталъ и почувствовалъ я въ первую половину вечера. Среди этого стараго общества я чувствовалъ себя новымъ человѣкомъ, совершенно ему чуждымъ; среди воздаяній этой старой поэзіи во мнѣ пробуждалось сознаніе того новаго пути, по которому пошла моя стихотворная дѣятельность... Я рѣшительно не хотѣлъ сблизаться съ этимъ обществомъ... Вяземскій просилъ Самарина и меня написать объ этомъ вечерѣ статью и послать въ «Москвитянинъ» ²⁾. Мы отказались подъ предлогомъ ссоры съ Погодинымъ. Онъ, конечно, понялъ, почему мы отказались, и видимо огорчился. Впрочемъ, говорятъ, что официальность вечера было не его дѣло, а сюрпризъ, сдѣланный ему его женою...» ³⁾.

Такъ прошелъ 50-лѣтній юбилей Жуковскаго.

II.

Къ исторіи изданій сочиненій Жуковскаго.

(О посмертномъ, дополнительномъ изданіи X—XIII томовъ въ 1857 г.).

По смерти В. А. Жуковскаго (12 апрѣля 1852 г.) въ томъ же году, но болѣе рѣшительно въ слѣдующемъ, естественно возникъ вопросъ о новомъ изданіи его твореній, такъ какъ въ послѣднее предпринятое имъ при жизни (5-ое изданіе 1849 г., въ 9 томахъ, въ Карлсруэ) не могли попасть его послѣднія произведенія, не вошла по цензурнымъ причинамъ и его проза религіозно-нравственнаго и по-

¹⁾ Замѣтка о юбилеѣ въ «Москвитянинѣ» 1849 г., № 6, была написана Шевыревымъ. К. Г.

²⁾ Выше упомянутые въ письмѣ Плетнева. К. Г.

³⁾ Н. Барсуковъ: Жизнь и труды Погодина, кн. X, стр. 183—184.

литического содержания¹⁾, да и вообще оно и для болѣе ранняго времени было далеко не полно. Понятно, что лучшіе друзья поэта изъ литературнаго круга, какъ гр. Д. Н. Блудовъ, кн. П. А. Вяземскій и П. А. Плетневъ, близко принимали къ сердцу это дѣло и были озабочены его скорѣйшимъ и наилучшимъ исполненіемъ, но, несмотря на то, выпускъ въ свѣтъ дополнительныхъ томовъ къ V изд., на которое рѣшились они (въ виду того, что послѣднее еще не было распродано), состоялся только въ 1857 г., т. е. лишь черезъ пять лѣтъ по смерти Жуковскаго! Такая медленность объясняется, помимо неблагоприятныхъ общихъ условій тяжелыхъ для Россіи 1854—1855 годовъ, конечно, и тѣмъ, что всѣ названныя лица, при множествѣ своихъ служебныхъ обязанностей и дѣлъ и вслѣдствіе продолжительныхъ отлучекъ изъ Петербурга (напримѣръ, кн. Вяземскаго въ 1852—1855 гг., Плетнева въ 1856—1857 гг.) не могли безъ перерыва, дружно и скоро заняться этимъ серьезнымъ дѣломъ. Какъ разъ въ 1855 г., когда было наконецъ приступлено къ нему, гр. Блудовъ былъ назначенъ президентомъ императорской академіи наукъ, а кн. Вяземскій—товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, Плетневъ же вскорѣ послѣ того, уже весной 1856 года, для поправленія здоровья жены и своего, получилъ отпускъ и уѣхалъ за границу до осени 1857 года. Эти неблагоприятныя въ отношеніи досуга издателей обстоятельства отозвались не только на ходѣ работы, но и на самомъ изданіи, напримѣръ, на допущеніи тѣхъ произвольныхъ измѣненій и поправокъ въ текстахъ и распорядкѣ произведеній со стороны главнаго редактора, гр. Блудова, на которыя справедливо сѣтовали позднѣйшіе издатели, пользовавшіеся старыми корректурными листами съ текстомъ, набраннымъ прямо съ рукописей и не подвергшимся еще редакторскимъ мудрствованіямъ²⁾.

Я впрочемъ не имѣю здѣсь въ виду заниматься критикой этого изданія, а хочу только сгруппировать нѣсколько фактическихъ данныхъ, до него относящихся, что можетъ пригодиться для будущаго обозрѣнія судьбы сочиненій Жуковскаго, когда придетъ очередь капитальнаго, академическаго ихъ изданія.

Вопросъ объ изданіи былъ серьезно поднятъ, какъ упомянуто выше, въ 1853-мъ году. 1-го сентября этого года кн. Вяземскій пишетъ изъ Венеціи гр. Д. Н. Блудову:

«Охотно раздѣлю съ вами грустную обязанность изготовить новое изданіе твореній нашего незабвеннаго друга. Но, вѣроятно, и послѣднее еще не раскуплено. Не лучше ли повременить? Жела-

¹⁾ Объ этихъ затрудненіяхъ см. переписку Жуковскаго послѣднихъ лѣтъ съ Плетневымъ. Соч. и пер. П. А. Плетнева, т. III.

²⁾ См. П. А. Ефремовъ, въ 7-мъ изданіи (1878 г.), въ примѣчаніяхъ, т. V, стр. 543, т. VI, стр. 679 и проч.

тельно было бы собрать и напечатать письма его, въ которыхъ такъ живо отпечатлѣлись умъ и духъ его, въ разныхъ ихъ видоизмѣненіяхъ, отъ высокаго до площадного, отъ унижительнаго и религіознаго до буффонства и каррикатуры. Жаль не сохранить полной фізіономіи характера его»¹⁾. Но если съ приготовленіемъ новаго цѣльнаго изданія можно было дѣйствительно подождать, то нельзя было откладывать изданія произведеній поэта самаго послѣдняго періода и тѣхъ болѣе раннихъ, которыя по разнымъ причинамъ не могли появиться при его жизни. Поклонники Жуковскаго и вообще публика съ нетерпѣніемъ ждали этихъ новинокъ. Разумѣется, ближе всего принимала къ сердцу и была заинтересована этимъ дѣломъ вдова Жуковскаго, Елизавета Алексѣевна, съ самой смерти своего мужа не перестававшая напоминать его друзьямъ объ этихъ рукописяхъ его, отданныхъ ею въ ихъ распоряженіе и ожидающихъ изданія. Большая часть этихъ рукописей была уже съ самаго начала сосредоточена у П. А. Плетнева, которому поэтъ еще при жизни, въ 1850 г., посылалъ рукописный экземпляръ своихъ прозаическихъ статей (религіозно-нравственныхъ и политическихъ), рассчитывая ихъ напечатать, и копія съ нихъ осталась у П. А. Ему же, какъ извѣстно, по смерти Жуковскаго было доставлено черезъ навѣстившаго за границей вдову поэта великаго князя наследника Александра Николаевича—все то изъ посмертныхъ рукописей, что было подготовлено и приведено въ порядокъ самимъ В. А. въ послѣдній годъ его жизни съ цѣлью изданія и затѣмъ что составляло его послѣдніе труды (т. е. отрывки изъ «Иліады», «Странствующій жидъ» (Агасверъ) и нѣсколько мелкихъ пьесъ)²⁾.

Пріѣздъ въ Россію вдовы Жуковскаго, которой болѣзнь не позволила даже прибыть изъ-за границы съ прахомъ своего мужа для присутствія на его погребеніи, былъ отсроченъ до весны (а потомъ до лѣта) 1853 года, что сильно огорчало друзей поэта, нетерпѣливыхъ выказать ей свое участіе и подать руку помощи въ ея тяжеломъ положеніи. Впрочемъ, по крайней мѣрѣ, съ гр. Блудовымъ она имѣла возможность видѣться и за границей. Плетневъ же вступилъ съ нею въ дѣятельную переписку тотчасъ по кончинѣ В. А., и изъ этой-то переписки я имѣю возможность извлечь кое-что и по занимающему меня теперь предмету.

Отвѣчая на письмо отъ 16-го октября 1852 г., П. А. Плетневъ писалъ: «Я съ нетерпѣніемъ ожидаю весны и молю Бога, чтобы Онъ послалъ вамъ исцѣленіе. Тогда ваше прибытіе сюда много

¹⁾ Полное собраніе сочиненій кн. Вяземскаго, т. X. Старая записная книжка, стр. 34.

²⁾ См. объ этомъ въ нашей статьѣ: «Нѣсколько дополненій къ рукописямъ В. А. Жуковскаго». Спб. 1901. Оттискъ изъ Извѣстій отдѣл. русскаго языка и словесности имп. акад. наукъ, т. VI, кн. 2, стр. 29 и сл.

поможетъ къ ускоренію печатанья сочиненій покойнаго мужа вашего». Въ сказанномъ письмѣ Елизавета Алексѣевна извѣщала П. А. о пересылкѣ извѣстныхъ рукописей поэта чрезъ милостивое посредство наслѣдника цесаревича и поручала ему, его дружбѣ и заботамъ, дорогое ей дѣло ихъ изданія. Я позволю себѣ привести здѣсь въ переводѣ ея собственныя строки (переписка шла на французскомъ языкѣ), такъ какъ подлинный документъ всегда даетъ лучшее представленіе о дѣлѣ: «Что меня удерживало писать вамъ раньше—это надежда имѣть возможность увѣдомить васъ наконецъ объ отправкѣ неизданныхъ рукописей моего мужа. Наконецъ, я въ состояніи это сдѣлать. Его высочество великій князь наслѣдникъ оказываетъ милость взять съ собой пакетъ, заключающій въ себѣ всѣ тѣ произведенія, которыя покойный предназначалъ къ печати. Пакетъ вамъ будетъ переданъ отъ имени его императорскаго высочества, и я надѣюсь, что вы найдете возможность обсудить вопросъ цензурный и приступить къ изданію, сдѣлавъ выборъ пьесъ и особенно разсмотрѣвъ, могутъ ли быть связаны отрывки послѣдняго произведенія «Странствующій жидъ» такъ, чтобы дать вѣрное понятіе о задачѣ поэта, желавшаго представить въ немъ все то, что вѣра христіанская даетъ утѣшительнаго и возвышеннаго страданьямъ и бореніямъ человѣка, смирившагося передъ Господомъ, возлюбившаго и обожающаго святыю волю Его во всѣхъ несчастіяхъ и испытаніяхъ.

«Я посылаю при семъ точный списокъ ¹⁾ всего, что содержитъ названный пакетъ. Онъ уже былъ разсмотрѣнъ графомъ Блудовымъ во время его пребыванія во Франкфуртѣ въ августѣ мѣсяцѣ. Графъ, одинъ изъ старыхъ друзей почившаго, желаетъ присоединиться къ вамъ въ трудѣ, какой потребуетъ изданіе его «Посмертныхъ твореній». Равно и князь Вяземскій былъ бы тутъ у мѣста, какъ въ качествѣ друга, такъ и въ качествѣ писателя и поэта; но мнѣ совершенно невѣдомы ни состояніе его здоровья, ни его настоящее мѣстопробываніе, и, конечно, всѣ эти вопросы найдутъ себѣ наилучшее разрѣшеніе въ вашихъ рукахъ».

Въ январѣ 1853 г. (въ отвѣтѣ на новое письмо Е. А.) Плетневъ писалъ между прочимъ: «Бумаги, посланныя ко мнѣ вами съ великимъ княземъ наслѣдникомъ, я получилъ отъ его высочества. Только до пріѣзда кн. Вяземскаго я не считаю себя въ правѣ ни къ чему приступить, тѣмъ болѣе, что и графъ Блудовъ желаетъ, чтобы всѣ мы по этому дѣлу составили особый комитетъ, куда еще пригласили бы и г. Тютчева (Өед. Ив.)». Жуковская на это отвѣчала (31-го января): «Я совершенно спокойна, зная, что драгоценныя рукописи, имѣ (В. А.) оставленныя, находятся въ вашихъ ру-

---

¹⁾ (м. этотъ списокъ въ нашей статьѣ «Нѣсколько дополненій къ рукописямъ Жуковскаго».

кахъ: я вполне полагаюсь на вашу дружбу къ покойному во всемъ, что касается ихъ изданія. Конечно, самое главное — это войти сколько возможно, въ мысли самого автора, и я не стану жаловаться на промедленіе, которое потребуетъ необходимая для того добросовѣстная работа». Однако жъ Плетневъ и гр. Блудовъ не были расположены откладывать дѣло въ долгій ящикъ и рѣшились приступить къ нему, не дожидаясь замедлившаго возвращеніемъ изъ-за границы князя П. А. Вяземскаго. 7-го марта, Плетневъ писалъ Е. А.: «Пересмотрѣвши всѣ рукописи Василя Андреевича, я видѣлся съ графомъ Блудовымъ, которому объяснилъ, что всего труднѣе склонить цензуру къ пропуску прозы къ напечатанію. Онъ обѣщаль пригласить меня и Тютчева для общаго сужденія, не дожидаясь князя Вяземскаго, такъ какъ онъ до октября сюда не возвратится. Между тѣмъ прошу васъ покорно разспросить камердинера Василя и увѣдомить меня, отчего въ переводѣ Иліады 2-я пѣснь переписана только съ 494-го стиха и доведена до 718-го, и нѣтъ ни начала, ни конца. Можетъ быть, Василій Андреевичъ и не переводилъ ни того, ни другого: мнѣ это нужно знать».

Давъ требуемую справку и успокоивъ П. А., что въ бумагахъ находится полная копія всего переведеннаго В. А. изъ Иліады, Елизавета Алексѣевна прибавляла: «Я очень тронута интересомъ, который вы выказываете къ рукописямъ покойнаго мужа моего, и я раздѣляю ваше предчувствіе относительно цензуры. Все же я еще разсчитываю на исполненіе воли моего мужа, который желаль ихъ напечатанія, такъ какъ мнѣ дорого и желательно все то, чего онъ желаль».

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда въ концѣ іюня 1853 г. Елизавета Алексѣевна наконецъ пріѣхала въ Россію, побывала въ Петербургѣ, гдѣ, конечно, видѣлась и съ Плетневымъ¹⁾ и имѣла случай потолковать о занимавшемъ ихъ предпріятіи, и переѣхала затѣмъ въ Москву, гдѣ и поселилась на житье²⁾.

Однако пріѣздъ въ Россію вдовы поэта на первыхъ порахъ немного подвинулъ впередъ дѣло изданія. Только теперь графъ Блудовъ обратился по этому дѣлу къ кн. Вяземскому, не возвращавшемуся домой, и получилъ отъ него отъ 1 сентября тотъ отзывъ, который приведенъ нами выше. Вскорѣ затѣмъ въ концѣ октября Елизавета Алексѣевна снова возбуждаетъ близкій ея сердцу вопросъ и пишетъ Плетневу: «Нынѣ я опять обращаюсь къ вамъ съ просьбой сообщить мнѣ ваши мысли объ изданіи рукописей моего мужа, нахо-

¹⁾ 23-го іюня Плетневъ писалъ изъ своей «Спасской мызы» своему другу Я. К. Гроту: «Сегодня я съ женою былъ въ городѣ, гдѣ получили ваши письма. Поѣздка наша въ городъ предпринята была по случаю пріѣзда сегодня вдовы Жуковскаго. Мы познакомились съ нею, и въ восхищеніи какъ отъ нея, такъ и отъ предстѣившихъ дѣтей ея». «Переписка», т. III, стр. 633.

²⁾ На Полянкѣ, въ домѣ Поземщикова,

дящихся подъ вашей доброй охраной. Я опасуюсь, не отсрочено ли еще возвращеніе кн. Вяземскаго, и мнѣ бы хотѣлось знать ваши собственные планы. Я надѣюсь, что въ теченіе зимы мы соберемъ многіе отрывки и мысли, записанныя въ разныхъ маленькихъ альбомахъ и пригодныя для напечатанія. У меня здѣсь помощь г-жи Елагиной и ея семейства — для такой интересной работы». П. А. немедленно отвѣчалъ Е. А. слѣдующее: «По желанію вашему спѣшу передать вамъ соображенія мои касательно печатанья сочиненій Василія Андреевича, у меня сохраняющихся. Нѣтъ никакой надежды, чтобы обыкновенная цензура пропустила ихъ. Надобно вамъ самимъ просить графа Блудова, или даже прямо государя, чтобы благоволено было эти рукописи рассмотреть по роду ихъ содержанія двумъ лицамъ: духовному и свѣтскому. На разсмотрѣніе духовныхъ статей просите употребить протоіерея Бажанова, духовника ихъ величествъ и ихъ высочествъ, а на разсмотрѣніе прочихъ статей — графа Блудова, такъ какъ государь уже назначалъ его въ подобныхъ случаяхъ. Я уже нѣсколько разъ объ этомъ же просилъ государя цесаревича, но не получилъ отвѣта. Отъ князя Вяземскаго на-дняхъ я получилъ письмо: онъ всю зиму проведетъ въ Карлсруэ». Этотъ совѣтъ Плетнева былъ вполне сочувственно принятъ Жуковской. Прося его въ половинѣ декабря прислать ей еще копию перевода отрывковъ Иліады (для одного московскаго профессора ¹⁾), желающаго ихъ напечатать) и замѣчая, что это не помѣшаетъ помѣстить ихъ и въ новомъ изданіи, когда оно будетъ разрѣшено, она прибавляетъ: «что же касается пути къ добытію такого разрѣшенія, то я вполне съ вами согласна, и я не премину послѣдовать вашимъ добрымъ совѣтамъ, надѣясь такимъ образомъ достигъ осуществленія этой дорогой и святой задачи: исполнить желанія моего мужа на смертномъ его одрѣ, успѣвшаго начертать еще дрожащей рукой—регістръ всѣхъ этихъ различныхъ статей, которыя онъ желалъ напечатать».

Казалось, если судить по всѣмъ этимъ переговорамъ, что дѣло было на мази и въ надежныхъ рукахъ, которыя не дадутъ ему затормозиться. Но сама судьба готовила ему новую затыжку. Наступила тяжелая година Крымской войны, грозной Севастопольской драмы, великихъ испытаній Россіи, русскаго народа и ихъ державнаго вождя; общественные и частные интересы сосредоточились на животрепещущихъ вопросахъ и событіяхъ дня, а все прочее невольно отошло на задній планъ. Наконецъ печальный финалъ политической драмы, кончина императора Николая I (18-го февраля 1855 г.) приковали къ себѣ всеобщее вниманіе, которое затѣмъ съ такимъ же напряженіемъ новыхъ надеждъ и ожиданій было обращено на молодого, уже всѣми любимаго монарха, на первые шаги его

¹⁾ Леоптьева.

царствованія... Не удивительно поэтому, что и въ ходѣ задуманнаго дѣла изданія Жуковскаго произошла продолжительная заминка, и о немъ мы ничего не слышимъ ни въ 1854 г., ни въ первой половинѣ 1855-го года.

Только осенью 1855 г. поднялся вновь вопросъ объ изданіи, который не переставалъ заботить вдову и друзей Жуковскаго. Еще въ апрѣлѣ этого года Плетневъ писалъ къ кн. Вяземскому въ Баденъ-Баденъ: «Если Богъ велитъ мнѣ свидѣться съ вами по возвращеніи вашемъ сюда, первую нашею заботой должно быть исходатайствовать разрѣшеніе напечатать прозу Жуковскаго. Она бѣдная ни въ комъ еще не пробудила къ себѣ участія»¹⁾.

Несомнѣнно благоприятнымъ для дѣла обстоятельствомъ было возвращеніе на родину кн. Вяземскаго и послѣдовавшее въ іюлѣ мѣсяцѣ (22-го) назначеніе его товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Въ этой должности ему вмѣстѣ съ гр. Блудовымъ являлось дѣломъ болѣе легкимъ разрѣшить и труднѣйшій вопросъ о цензурѣ посмертныхъ твореній поэта. На пропускъ ихъ обыкновенной цензурой издатели, конечно, не могли разчитывать. Оставалось прибѣгнуть къ тому же, къ чему нѣкогда прибѣгъ самъ Жуковский при изданіи посмертныхъ сочиненій Пушкина²⁾, т. е. къ высочайшему соизволенію. Было рѣшено ходатайствовать о назначеніи особой комиссіи для цензурованія предположенныхъ къ печатанію посмертной прозы и стиховъ Жуковскаго. Отъ словъ перешли наконецъ къ дѣлу.

Сохранился писанный рукою Плетнева «Проектъ записки кн. Вяземскаго государю о цензурованіи рукописей Жуковскаго». Подвергся ли онъ еще какимъ либо измѣненіямъ до того, какъ былъ пущенъ въ дѣло, мы не знаемъ. Приводимъ его дословно.

«Статсъ-секретарь, графъ Блудовъ, препроводивъ ко мнѣ рукописныя сочиненія покойнаго В. А. Жуковскаго, изъ которыхъ одни еще не были напечатаны, а другія не вошли въ послѣднее его изданіе и выбраны изъ журналовъ, ходатайствуетъ объ испрошеніи всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества разрѣшенія учредить для цензурованія ихъ особый комитетъ и тѣмъ ускорить ихъ появленіе въ печати.

«Чтобы почтить память не только знаменитаго поэта нашего, но и во всѣхъ отношеніяхъ самаго назидательнаго русскаго писателя, я полагаю справедливымъ оказать ему отличіе, какого при императорѣ Александрѣ Павловичѣ удостоенъ былъ Карамзинъ, а при августѣйшемъ родителѣ вашего императорскаго величества—Пушкинъ.

¹⁾ Соч. и переписка П. А. Плетнева, т. III, стр. 422.

²⁾ См. «Докладъ В. А. Жуковскаго императору Николаю Павловичу объ изданіи въ свѣтъ сочиненій А. С. Пушкина», «Русскій Архивъ», 1881, кн. 3, стр. 466.

«Блаженной памяти государь императоръ Николай Павловичъ неоднократно поручалъ статсъ-секретарю графу Блудову разсматривать сочиненія, которыя не должны были подвергаться обыкновенной цензурѣ. На этомъ основаніи я полагаю, что онъ можетъ быть назначенъ въ предсѣдатели предполагаемаго комитета. По должности управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія ¹⁾, я считаю обязанностью принять въ немъ званіе члена. Изъ лицъ, составляющихъ главное управленіе цензуры, генералъ-лейтенантъ Дубельтъ, а изъ ученаго сословія ректоръ С.-Петербургскаго университета, по моему мнѣнію, должны быть приглашены тоже въ число членовъ комитета.

«По внимательномъ разборѣ означенныхъ сочиненій, комитетъ будетъ имѣть счастье всеподданнѣйше представить вашему императорскому величеству свое заключеніе и ожидать высочайшаго разрѣшенія относительно сомнительныхъ мѣстъ, если они встрѣтятся».

На это ходатайство послѣдовало высочайшее соизволеніе, и въ октябрѣ мѣсяцѣ 1855 г. образовался комитетъ, въ который подъ предсѣдательствомъ гр. Блудова вошли членами: кн. Вяземскій, П. А. Плетневъ, бар. Мод. Андр. Корфъ, Ѳ. И. Тютчевъ и, наконецъ, А. В. Никитенко, который и занесъ въ свой дневникъ подъ 18-мъ октябрѣ:

«Получилъ высочайшее повелѣніе о назначеніи меня членомъ комитета, подъ предсѣдательствомъ гр. Д. Н. Блудова, для разсматриванія посмертныхъ сочиненій Жуковскаго, которыя хотятъ теперь издать. Другіе члены: Плетневъ, кн. Вяземскій, Корфъ, Модестъ Андреевичъ, и Тютчевъ» ²⁾.

Вслѣдъ затѣмъ Никитенко дѣлаетъ подъ 27-мъ октябрѣ отмѣтку и о первомъ засѣданіи комитета: «Быль у графа Блудова, гдѣ состоялось сегодня собраніе комитета по разсмотрѣнію сочиненій Жуковскаго. Собрались: Корфъ, Плетневъ, Тютчевъ. Графъ Блудовъ очень любезенъ. Толковали, какъ приняться за разсмотрѣніе сочиненій Жуковскаго. Положено раздѣлить ихъ на части, которыя каждый членъ по прочтеніи доставитъ другому» ³⁾. Какъ видно изъ нашихъ источниковъ ⁴⁾, предназначенныя къ печати и полученныя Плетневымъ въ свое время рукописи Жуковскаго были переданы имъ графу Блудову еще въ сентябрѣ того года.

Между тѣмъ Е. А. Жуковская, несмотря на свою серіозную болѣзнь и постоянныя страданія, продолжала внимательно слѣдить за ходомъ дорогого ей дѣла и съ друзьями своими по мѣрѣ силъ

¹⁾ Очевидно, кн. Вяземскій въ тотъ моментъ управлялъ министерствомъ за отсутствіемъ министра Норова. *К. Г.*

²⁾ Записки и дневникъ А. В. Никитенко, т. II, стр. 23.

³⁾ Тамъ же, стр. 24.

⁴⁾ Письмо А. Ѳ. Бычкова къ Плетневу, см. ниже.

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1902 г., т. LXXXVIII.

разбирала бумаги своего мужа. Кромѣ родныхъ ея, близко принималъ къ сердцу дѣло изданія П. И. Бартеневъ, который 27-го октября, въ самый день перваго засѣданія комитета въ Петербургѣ, писалъ П. А. Плетневу ¹⁾:

«Дѣтей Жуковскаго я недавно видѣлъ: порадитесь, они свободно говорятъ по-русски, и уже не надо ихъ понуждать къ тому.

«Бѣдная мать ихъ не сходитъ съ постели, ее переносятъ на носилкахъ. Она весьма сокрушается о томъ, что не подвигается впередъ изданіе послѣднихъ трудовъ Василя Андреевича. Живописную азбуку я разсматривалъ; по моему мнѣнію, она вполнѣ окончена и очень будетъ полезна: это собственно не азбука, а вокабулы на четырехъ языкахъ, которымъ можно учиться въ одно время, и при томъ весьма занимательно. Историческія таблицы еще не совѣтъ мною поняты. Къ сожалѣнію, болѣзнь Жуковской не даетъ возможности часто съ нею видаться. Осмѣлюсь высказать свое предположеніе: не будутъ ли годны вокабулы при обученіи младшихъ великихъ князей?»

Плетневъ не замедлилъ, конечно, извѣстить Жуковскую о поступкѣ къ изданію, ее столь заботившему, и вотъ 21-го января 1856 года она въ письмѣ къ нему, прося о присылкѣ ей кое-какихъ изъ послѣднихъ статей поэта (стихотворенія «Розы» и прозаическихъ отрывковъ) ²⁾, пишетъ между прочимъ: «Я съ радостью пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы выразить вамъ чувство моего полного удовлетворенія отъ извѣстія, что наконецъ посмертныя творенія моего мужа будутъ изданы. Я увѣрена, что ваше превосходительство много способствовали къ движенію впередъ этого дѣла, которое я такъ близко принимаю къ сердцу»...

Плетневъ, какъ мы знаемъ (см. статью «Нѣсколько дополненій къ рукописямъ В. А. Жуковскаго»), не замедлилъ исполнить просьбу Е. А. и 27-го послалъ все то, что она просила. Сохранилось письмо А. Ѳ. Бычкова къ Плетневу отъ 25-го января, имѣющее отношеніе къ этой присылкѣ. А. Ѳ. Бычковъ былъ привлеченъ графомъ Влудовымъ къ подготовительнымъ работамъ по изданію Жуковскаго и служилъ обыкновенно посредникомъ въ сношеніяхъ графа по этому дѣлу съ Плетневымъ и другими.

Приводимъ это письмо, небезынтересное по нѣкоторымъ указаніямъ:

«Милостивый государь

«Петръ Александровичъ!

«Согласно желанію вашему, поспѣшаю препроводить въ вамъ списанное стихотвореніе, подъ заглавіемъ «Розы», которое вмѣстѣ

¹⁾ Глубокоуважаемый издатель «Русскаго Архива», мы увѣрены, не посѣтуетъ на насъ за эту маленькую выписку изъ его письма.

²⁾ Подробно о томъ, что она просила прислать, и что именно было послано Плетневымъ, см. въ моей статьѣ «Нѣсколько дополненій къ рукописямъ Жуковскаго», стр. 34—35.

съ другими сочиненіями В. А. Жуковского было вами доставлено въ сентябрѣ прошлаго года графу Д. А. Блудову и послѣ перваго засѣданія комитета возвращено вамъ лично мною въ особомъ пакетѣ, гдѣ между прочими неизданными стихотвореніями Жуковского находился и Агасверъ, но, сколько я помню, безъ малѣйшихъ поправокъ автора. Прозаическія сочиненія Жуковского, переписанныя начисто въ четвертую долю листа, находятся у меня.

«Съ истиннымъ почтеніемъ etc. А. Бычковъ».

Изъ этого письма можно заключить, во-первыхъ, что поэтическія пьесы Жуковского изъ предназначенныхъ къ изданію посмертныхъ его рукописей были прежде всего переданы на разсмотрѣніе или собственно возвращены П. А. Плетневу; тутъ былъ и «Агасверъ». Къ печатанію было приступлено, очевидно, безъ промедленія, такъ какъ уже 8-го февраля Бычковъ посылаетъ Плетневу корректуру перваго полулиста «Агасвера», замѣчая при этомъ, что, «какъ кажется, въ этомъ полулистѣ находится въ двухъ мѣстахъ какой-то пропускъ, который можетъ быть исправленъ только при сличеніи съ подлинникомъ». Изъ послѣдующихъ записокъ Быкова къ П. А. (январь—мартъ) явствуетъ, что, читая первую корректуру, гр. Блудовъ дѣлалъ исправленія или предлагалъ ихъ, и затѣмъ эти корректуры пересылались на усмотрѣніе и для разрѣшенія сомнѣній П. А. Плетневу. Впрочемъ, такая совмѣстная работа продолжалась недолго вслѣдствіе отъѣзда Плетнева весною за границу, послѣ чего Блудовъ остался безъ столь авторитетнаго совѣтника, что и сказалось на редакціи и допущенныхъ произвольныхъ измѣненіяхъ въ текстѣ.

Затѣмъ, во-вторыхъ, въ вышеприведенномъ письмѣ Быкова я нахожу также подтвержденіе высказаннаго мною ранѣе, въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ мнѣнія о томъ текстѣ, который послужилъ для печатанія прозаическихъ статей Жуковского. Копія ихъ in 4°, о которой упоминаетъ Бычковъ, была, безъ сомнѣнія, тою самою, или воспроизведеніемъ той, которая была изготовлена Плетневымъ еще въ 1850 году по порученію В. А., при пересылкѣ оригинала А. П. Елагинной. Между тѣмъ позднѣе редактированный и исправленный самимъ поэтомъ экземпляръ его прозы (въ листъ форматомъ), пересланный Плетневу вдовой Жуковского по его смерти и найденный мною тогда въ бумагахъ П. А. ²⁾, остался недавно, къ сожалѣнію, благодаря какой-то случайности, подъ спудомъ и неиспользованнымъ.

¹⁾ См. въ той же статьѣ моей о рукописяхъ В. А. Жуковского, стр. 81.

²⁾ Нынѣ онъ переданъ въ императорскую публичную бібліотеку, и имъ уже воспользовался редакторъ ожидаемаго новаго изданія сочиненій Жуковского, проф. А. С. Архангельскій.

Извѣстіе объ изданіи посмертныхъ сочиненій Жуковскаго произвело радостное впечатлѣніе въ Москвѣ. Въ письмѣ отъ 8 февраля извѣстный библиографъ М. Н. Лонгиновъ писалъ Плетневу: «Здѣсь пронесся отраднѣйшій слухъ о томъ, что въ скоромъ времени выйдутъ въ свѣтъ 3 тома его (Жуковскаго) посмертныхъ сочиненій. Можете судить, какъ нетерпѣливо ихъ ожидаютъ».

Между тѣмъ, въ Москвѣ въ это время возникалъ новый журналъ славянофиловъ «Русская Бесѣда», и готовилась къ выходу подъ редакціей Т. И. Филиппова первая его книжка. Редакторы выпросили для украшенія ея у Е. А. Жуковской нѣсколько посмертныхъ пьесъ ея мужа, и очевидно, это и былъ поводъ вышеупомянутаго обращенія Е. А. къ Плетневу о присылкѣ копій нѣкоторыхъ пьесъ. Дѣйствительно, изъ нихъ и были напечатаны въ I книгѣ «Русской Бесѣды»: 1) стихотвореніе «Розы» (последнее произведеніе поэта); 2) «О меланхоліи въ жизни и поэзіи»; 3) «Нѣчто о привидѣніяхъ». Въ примѣчаніи къ нимъ издатель благодаритъ Жуковскую за этотъ даръ, выражая вмѣстѣ съ тѣмъ «искреннее желаніе увидѣть поскорѣе въ печати и остальные произведенія поэта». По этому поводу Т. И. Филипповъ предварительно сносился съ Плетневымъ, которому писалъ (24 февраля): «Е. А. Жуковская дала намъ въ журналъ для I-ой книжки двѣ статьи и стихотвореніе «Розы» своего покойнаго супруга. При напечатаніи ихъ, кажется, было бы нужно сдѣлать нѣкоторое предувѣдомленіе о выходящихъ въ свѣтъ посмертныхъ произведеніяхъ В. А. Сдѣлайте милость, потрудитесь мнѣ написать, къ какому времени выйдутъ произведенія В. А., въ сколькихъ томахъ и т. п. Я бы никакъ не подумалъ васъ беспокоить своей просьбой, если бы въ Москвѣ кто либо могъ меня увѣдомить объ этомъ... Но Плетневъ едва ли могъ отвѣтить что нибудь определенное на эти вопросы. Вотъ почему нѣтъ этихъ свѣдѣній и въ «предувѣдомленіи» редакціи, хотя изъ другого письма Филиппова къ П. А. (отъ 12 марта) мы узнаемъ, что послѣдній не оставилъ его запроса совѣмъ безъ отвѣта. Трудно было, однако, опредѣлить потребное для изданія время при коллективности работы и зависимости ея хода отъ тѣхъ досуговъ, которыми лишь очень умѣренно располагали редакторы. Самъ же Плетневъ, озабоченный разстроеннымъ здоровьемъ своей жены, имѣлъ уже въ виду продолжительный заграничный отпускъ. Съ отъѣздомъ его въ маѣ мѣсяцъ работы по изданію стали двигаться еще медленнѣе и затянулись еще почти на цѣлый годъ... О дальнѣйшемъ ходѣ изданія мы, къ сожалѣнію, не располагаемъ сколько нибудь опредѣленными свѣдѣніями.

Изъ краткихъ упоминаній въ «Дневникѣ» А. В. Никитенки узнаемъ только, что послѣдній еще въ маѣ 1856 года подготовилъ предисловіе къ изданію. Подъ 7-мъ мая читаемъ: «Обѣдалъ

у графа Блудова. Сообщилъ ему, что у меня готово предисловіе къ дополнительному изданію сочиненій Жуковскаго. Онъ назначилъ время, чтобы прочесть его вмѣстѣ». Слѣдующее упоминаніе относится уже къ февралю 1857 года. Никитенко заноситъ подъ 24-мъ февраля: «Засѣданіе комитета у графа Блудова по изданію сочиненій Жуковскаго. Читано было примѣчаніе графа къ поэмѣ Агасверъ».

Всего прискорбнѣе въ затяжкѣ предпринятаго изданія было то, что выхода его въ свѣтъ такъ и не дождалась вдова поэта, Е. А. Жуковская, скончавшаяся въ Москвѣ, послѣ многихъ лѣтъ страданій, 26-го ноября 1856 года ¹⁾. Мы видѣли, съ какимъ нетерпѣніемъ она ожидала осуществленія своей мечты, какъ она не упускала случая подстрекнуть и поддержать энергію издателей. Понятно, какъ тяжело должно было ей чувствовать, что того дѣла, которое одно до конца еще привязывало ее къ жизни,—она не увидитъ исполненнымъ... Всего нѣсколько мѣсяцевъ не дожила она до вождѣннаго событія...

Наконецъ, ранней весной 1857 года вышли въ свѣтъ четыре (X—XIII) дополнительные тома посмертныхъ сочиненій Жуковскаго.

Извѣщенный объ этомъ за границей П. А. Плетневъ писалъ изъ Парижа 19-го апрѣля къ князю Вяземскому:

«Появленіе новыхъ сочиненій Жуковскаго не должно пройти безъ сердечнаго съ нашей стороны привѣта. Не смѣю настаивать, но не могу не желать отъ всей души, чтобы вы сами подали голосъ, что теперь для русской литературы значитъ такое явленіе. Если же никакъ вамъ не удастся этого сдѣлать, призовите къ себѣ П. В. Анненкова или Майкова (А. Н.), и посоветуйте которомунибудь изъ нихъ написать статью о Жуковскомъ, достойную поэта благодати ²⁾.

Однакожь, сколько намъ извѣстно, благая мысль Плетнева не нашла исполнителя: никто изъ названныхъ лицъ не отозвался статьей о Жуковскомъ по поводу изданія посмертныхъ его твореній, и оно прошло въ нашей печати и критикѣ какъ-то черезчуръ молчаливо и незамѣтно ³⁾. Нѣкоторымъ объясненіемъ этого факта служить, помимо общихъ причинъ въ направленіи общественной мысли и литературныхъ теченій того времени, и то обстоятельство, что изъ близкихъ къ поэту лицъ некому было озаботиться о воздаяніи должнаго его памяти по такому выдающемуся поводу. Вдова его, которая до послѣднихъ дней своихъ неутомимо заботилась о довершеніи начатаго дѣла и была предметомъ общаго вниманія и сочувствія почитателей и друзей Жу-

¹⁾ См. о ея смерти: Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, кн. 15, стр. 309.

²⁾ «Сочиненія и переписка П. А. Плетнева», т. III, стр. 454.

³⁾ Наиболеѣ обстоятельная рецензія этого изданія появилась въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1857 г., т. 114, съ подписью П. Б.—ва.

ковскаго, скончалась, какъ уже сказано, за нѣсколько мѣсяцевъ до того, а ближайшіе друзья его, графъ Блудовъ и князь Вяземскій, какъ издатели и редакторы, вѣроятно, не считали для себя удобнымъ поднимать голосъ по поводу своего же дѣла, котораго ни они, ни ближайшіе къ нимъ, не могли быть судьями. Плетневъ же былъ тогда далеко, въ Парижѣ, жилъ среди другихъ интересовъ и явленій, хотя и продолжалъ живо интересоваться умственнымъ и литературнымъ движеніемъ на своей родинѣ. Самое изданіе дополнительныхъ томовъ сочиненій В. А. онъ получилъ только осенью, по возвращеніи въ Петербургъ, какъ это видно изъ двухъ сохранившихся писемъ или вѣрнѣе записокъ къ нему отъ 8-го и 10-го октября И. Д. Деянова, тогдашняго помощника попечителя. При второй изъ нихъ послѣдній препроводилъ къ нему и экземпляръ изданныхъ томовъ.

III.

Къ сношеніямъ Плетнева съ великимъ княземъ наслѣдникомъ по поводу Жуковскаго.

Извѣстно, что въ сношеніяхъ Жуковскаго съ его августѣйшимъ питомцемъ (особенно когда первый пребывалъ за границей) роль посредника не разъ доставалась на долю П. А. Плетнева — по тѣмъ близкимъ отношеніямъ, которыя существовали между послѣднимъ и Вас. Андр. — съ одной, и высочайшими особами — съ другой стороны. Это было совершенно естественно: не забудемъ, что Жуковскій еще въ концѣ 1820-хъ годовъ, по отбѣздѣ своемъ за границу, рекомендовалъ Плетнева на свое мѣсто для занятій по русской словесности съ наслѣдникомъ и его сестрами. Занятія П. А. съ первымъ продолжались до 1837 года, а съ послѣдними — гораздо дольше, и близкія сердечныя связи съ царскимъ семействомъ поддерживались у Плетнева до конца его дней. О частыхъ и интимныхъ сношеніяхъ его съ великимъ княземъ наслѣдникомъ въ 1840-хъ и въ началѣ 1850-хъ годовъ свидѣтельствуетъ многократно «Переписка» его съ Я. К. Гротомъ, тогда профессоромъ Александровскаго университета, котораго наслѣдникъ былъ канцлеромъ. Это обстоятельство являлось однимъ изъ поводовъ къ частымъ сношеніямъ съ великимъ княземъ въ интересахъ русскаго дѣла въ Финляндіи и самого университета. Мы видѣли выше, что несостоявшійся въ 1847 году юбилей Жуковскаго былъ также предметомъ переговоровъ П. А. съ наслѣдникомъ; не разъ возникали таковыя и по поводу присылки поэгомъ новыхъ его твореній.

Здѣсь мы имѣемъ возможность подѣлиться съ читателями еще двумя документами, относящимися къ такого рода сношеніямъ Плетнева. Это — два письма его къ великому князю наслѣднику Александру Николаевичу, — одно 1848 года, другое 1852 года.

11-го сентября 1848 года П. А. писалъ своему другу, Я. К. Гроту, въ Гельсингфорсъ:

«Въ то время, какъ я оканчиваю это къ тебѣ письмо, другое пишу къ цесаревичу, отправляя рукопись Жуковского, присланную къ Вяземскому на его стихи: «Святая Русь». Они послужили Жуковскому темою для диссертаци (въ видѣ письма къ Вяземскому) о характерѣ русскаго народа сравнительно съ характеромъ прочихъ европейцевъ. Ежели цесаревичъ испроситъ соизволеніе государя на напечатаніе этого письма, то оно помѣщено будетъ въ «Русскомъ Инвалидѣ»¹⁾».

Вотъ это сохранившееся въ бумагахъ Плетнева письмо его къ цесаревичу:

«Ваше императорское высочество!

«В. А. Жуковскій поручилъ мнѣ представить вашему высочеству письмо его къ князю П. А. Вяземскому по случаю появленія въ печати извѣстныхъ стиховъ: «Святая Русь». В. А. Жуковскій желаетъ, чтобы это письмо было напечатано, ежели послѣдуетъ на то соизволеніе вашего высочества.

«Прилагаемая здѣсь рукопись есть вѣрная копія съ упоминаемаго письма, котораго чтеніе въ подлинникѣ, по неразборчивому почерку автора, могло бы затруднить ваше высочество. Въ письмѣ есть мѣста слишкомъ частныя, касающіяся домашнихъ обстоятельствъ В. А. Жуковского. Изъ нихъ неудобныя къ напечатанью помѣчены рукою князя П. А. Вяземскаго. Но по желанію автора я имѣю честь представить вашему высочеству все письмо вполнѣ, чтобы только исключенное вашимъ высочествомъ не было напечатано.

«Князь П. А. Вяземскій предполагаетъ напечатать это письмо въ «Русскомъ Инвалидѣ». Осмѣливаюсь всенижайше просить ваше высочество приказать, чтобы, когда рукопись будетъ мнѣ возвращаема, я былъ письменно увѣдомленъ о соизволеніи вашимъ на напечатаніе, безъ чего князь П. А. Вяземскій не можетъ представить рукописи въ редакцію «Русскаго Инвалида».

«Вашего императорскаго высочества всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга,

«П. Плетневъ».

«10 сент. 1848.

«Санктпетербургъ».

Соизволеніе скоро послѣдовало, такъ какъ сказанная статья появилась, хоть и не въ полномъ видѣ въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1848 г., № 207. 29-го октября Плетневъ извѣщалъ по этому дѣлу

¹⁾ Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. III, стр.-815. См. далѣе обмѣнъ мнѣній обоихъ относительно этого письма, стр. 332, 337 и 339.

самого Жуковского: «Письмо ваше къ Вяземскому о «Святой Руси» я препроводилъ къ государю наслѣднику при своемъ письмѣ. Черезъ нѣсколько дней онъ приказалъ мнѣ пріѣхать въ Царское Село. Тамъ его высочество лично объявилъ мнѣ, что, не считая себя въ правѣ на цензорское полномочіе, онъ показывалъ рукопись государю, который остался очень доволенъ сочиненіемъ и приказалъ напечатать его за исключеніемъ мѣста о реформаціи изъ чувства деликатности передъ тѣми, которые въ Россіи реформатскаго исповѣданья»¹⁾.

Второе письмо Плетнева къ великому князю наслѣднику, писанное въ мартѣ 1852 года, сопровождало посылку къ его высочеству письма В. А. Жуковского къ Плетневу отъ 5-го марта, оказавшагося послѣднимъ къ нему письмомъ поэта, писаннымъ по поводу кончины Гоголя²⁾. Трогательный откликъ Жуковского на извѣстіе объ этомъ печальномъ событіи и побудилъ П. А. сообщить его наслѣднику. Вотъ это сопроводительное письмо:

«Ваше императорское высочество!

«Если бы не сильное развитіе гриппа, другія сутки надо мною совершающееся, я имѣлъ бы счастье лично явиться къ вашему высочеству съ письмомъ В. А. Жуковского, сію минуту полученнымъ мною. Я убѣжденъ, что чтеніе этого письма доставитъ удовольствіе вашему высочеству. Оно дышитъ высокимъ христіанскимъ спокойствіемъ и посылаетъ истинную отраду въ потерѣ, при которой всѣ мы, какъ люди, не могли не огорчаться.

«Завтра утромъ я буду отвѣчать В. А. на это письмо, и потому осмѣливаюсь просить ваше высочество приказать послѣ прочтенія вашего—отослать его обратно ко мнѣ.

«Вашего императорскаго высочества всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга

«П. Плетневъ».

«14 марта

«1852».

Черезъ 3 дня послѣ того (17-го марта) Плетневъ отвѣчалъ Жуковскому длиннымъ письмомъ съ подробнымъ описаніемъ предсмертныхъ дней и часовъ Гоголя, не подозрѣвая, что это въ дѣйствительности была его послѣдняя бесѣда съ другомъ-поэтомъ... Слѣдующее письмо (отъ 9-го апрѣля) уже не застало В. А. въ живыхъ († 12 апрѣля).

К. Я. Гротъ.

¹⁾ Сочин. и пер. П. А. Плетнева, т. III, стр. 607—608.

²⁾ Тамъ же, стр. 731—732.

АВТОГРАФЪ В. А. ЖУКОВСКАГО.

ОМЪЦАЕМЫЙ здѣсь, въ точномъ факсимиле, автографъ В. А. Жуковскаго любезно сообщенъ намъ И. Н. Захарьинымъ, который получилъ его отъ графини А. А. Толстой.

Автографъ этотъ—шуточное, нигдѣ еще не напечатанное, стихотвореніе Жуковскаго. Оно написано имъ фрейлинѣ В. П. Ушаковой, дочери генераль-адъютанта Павла Петровича Ушакова, бывшаго воспитателя императора Николая I.

Почему паукъ Ушаковой заслужилъ такое вниманіе Жуковскаго и назывался «Оаддеемъ», неизвѣстно. Возможно, что это имя было дано ему самимъ Жуковскимъ въ честь извѣстнаго Оаддея Булгарина.

Мисдробое слово

на скоростижную кончину

именитаго,

пачки Осидея,

служившаго цѣлыя сутки комнатнымъ
паукомъ у Ея превосходительства
Барвары Павловны Ушаковой,

отличнаго благонравия, обжорства и
пучотъ,

и кончившаго дни свои въ пучыркѣ,
въ которомъ Ея превосходительству
слабоугодно было его закупорить и
поминутно кувыркать.

1823^г года сентябрь 13.

И такъ ты кончили жизнь, потемнѣвшій
нашъ дръвь!

Оадеи - паукъ!

До селъ обремененъ ты былъ тяжельмиа грузами!
ты въ одиночествѣ на тоненькихъ ногахъ,
таскался по землѣ съ большимъ узорнымъ пузомъ
И часто, часто мось затолтанъ былъ во прахъ!

~~Но~~ счастіемъ судьба на тилъ тебя прельщала!

Варвара Павловна въ саду тебя нашла,

Изъ великокняжескии дворець переела,

И тамъ - чубы! - тебя досмерти заласкала!

Простай! ты кончили жизньъ въ ея прекрасномъ
цвѣтѣ!

И будутъ мнози завидовать на свѣтѣ

Кончили счастливой твой,

Оадеи!

ЧЕШСКИЙ ПИСАТЕЛЬ И РУССКИЙ МИНИСТРЪ.

КОНЧАВШИЙСЯ недавно чешский писатель Юлий Зейеръ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ иностраннымъ литераторамъ, которые судятъ о Россіи не по отзывамъ «Times»'а и «Neue Freie Presse», а на основаніи непосредственнаго знакомства съ нашимъ отечествомъ; поэтому кончина Зейера вызвала сочувственные некрологи даже въ русской печати, мало интересующейся движеніемъ мысли у западныхъ славянъ.

Впечатлѣнія русской жизни дали покойному чешскому беллетристу и поэту матеріалъ для романа «Андрей Чернышевъ». Въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ своей жизни Зейеръ совершилъ (третье по счету) путешествіе по Россіи съ цѣлью ближайшаго ознакомленія съ мѣстностями, къ которымъ народная традиція приурочиваетъ дѣятельность Ильи Муромца; поэтъ собирался воспѣть подвиги этого богатыря въ особой эпопеѣ.¹

Въ виду такого отношенія Зейера къ русской жизни читателямъ, можетъ быть, небезынтересно будетъ узнать, что покойный писатель избралъ литературное поприще, отчасти благодаря русскому министру; поэтому сообщаемъ, въ переводѣ съ чешскаго, отрывокъ изъ воспоминаній о Зейерѣ лица, не пожелаваго подписаться подъ статью, напечатанною въ газетѣ «Nedělní Listy. Tudešní, příloha» къ «Náslu Národa» («Воскресные Листы», еженедѣльное прибавленіе къ «Голосу Народа») подъ заглавіемъ: «Julius Zeyer: Vypravuje o tom, jak se stal spisovatelem» (Разсказъ Юлія Зейера о томъ, какъ онъ сдѣлался писателемъ).

5-го марта 1893 года, въ солнечный воскресный день, послѣ обѣда въ нашей тихой квартирѣ раздался особенный звонокъ, какъ будто возвѣщавшій приходъ особенно милаго, дорогого гостя. Предчувствіе не обмануло насъ. На порогѣ стоялъ Юлій Зейеръ. Мы не видали его уже нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ въ послѣдній свой прїѣздъ въ Прагу онъ насъ не засталъ. Онъ вернулся передъ святками изъ Италіи. Эта экскурсія очень освѣжила его; онъ имѣлъ весьма здоровый и бодрый видъ. Мы сердечно поздоровались послѣ долгой разлуки.

Я живо и сейчасъ представляю себѣ, какъ онъ снималъ въ прихожей пальто, какъ тихимъ шагомъ вошелъ въ комнату, гдѣ поздоровался съ прочими, какъ медленно усѣлся въ кресло подъ зонтичной пальмой противъ отворенной двери, за которой на противоположной стѣнѣ виднѣлся портретъ его почившаго друга. Когда ни приходилъ къ намъ Зейеръ, онъ никогда не садился на другое мѣсто; его визитъ посвящался прежде всего памяти покойнаго. Зимнее солнце сквозило между листьями зонтичной пальмы, образуя легкое сіяніе надъ головой Зейера, уже подернувшейся серебромъ; по комнатѣ пробѣгали золотые лучи.

Юлій Зейеръ удобно усѣлся, слегка оперся локтями на ручки кресла, положивъ ногу на ногу, сложивъ руки на груди, и тихимъ, приятнымъ голосомъ сталъ рассказывать о предстоящемъ путешествіи. Поѣздка въ Италію сильно возбудила въ немъ охоту къ странствованіямъ; онъ не могъ отказаться отъ приглашенія въ Крымъ и весной собирался на нѣсколько мѣсяцевъ въ Россію.

«Я уже два раза былъ въ Россіи, рассказывалъ онъ, въ первый разъ двадцать лѣтъ тому назадъ; тогда это вышло, благодаря случайнымъ деньгамъ. Мой дѣдъ, происходившій изъ Эльзаса и переселившійся въ прошломъ столѣтіи въ Чехію, покидая свою родину, оставилъ тамъ какую-то неоконченную и безконечную тяжбу. Онъ умеръ въ Прагѣ; отца моего также не было въ живыхъ, когда пришло рѣшеніе этой давно забытой тяжбы, согласно съ которымъ мы, всѣ наслѣдники,—насъ было очень много,—получили извѣстную сумму, по нѣсколько сотъ франковъ на cadaго. Эти неожиданныя деньги возбудили во мнѣ желаніе посмотреть на Петербургъ; я отправился въ Россію и провелъ тамъ два мѣсяца въ интересной для меня обстановкѣ. Вся атмосфера, въ которой я жилъ, такъ занимала меня, что черезъ два мѣсяца, когда деньги были на исходѣ, я, не желая еще возвращаться домой, рѣшилъ помѣстить въ газетахъ объявленіе, что иностранецъ съ университетскимъ образованіемъ, говорящій на нѣсколькихъ языкахъ, ищетъ мѣсто секретаря, гувернера, компаньона, или чего нибудь въ этомъ родѣ.

«Я тогда жилъ съ прїятеlemъ въ небольшой, но хорошенькой комнаткѣ у какого-то портного. Намъ доставляла большое развлеченіе гряда получаемыхъ мною письменныхъ предложеній, а еще болѣе—

поѣздки по Петербургу по указаннымъ мнѣ адресамъ. Однако во всей массѣ не было ничего подходящаго для меня, такъ что я наконецъ собрался писать матеря о деньгахъ на обратный путь. Пріятель уговаривалъ меня совершить сначала нѣсколько экскурсій въ окрестности и такимъ образомъ воспользоваться послѣдними минутами петербургской жизни.

«Однажды, вечеромъ, мы вернулись съ прогулки очень усталыми, когда наша хозяйка, впустивъ насъ, подала мнѣ клочекъ газеты, на которомъ было карандашомъ написано: Николай Петровичъ.

— «Здѣсь былъ сегодня молодой, красивый, элегантный господинъ; онъ прочелъ въ газетахъ ваше объявленіе и просить, чтобы вы завтра (она назвала часъ) пришли къ нему; онъ живетъ на углу Большой Морской. Вы спросите Николая Петровича у швейцара— онъ васъ проведетъ.

«Побуждаемый скорѣе желаніемъ познакомиться съ людьми, чѣмъ мыслью, что можетъ найтись подходящее занятіе, я на слѣдующій день отправился по данному адресу въ палатку на Большой Морской; швейцаръ сказалъ, что мнѣ надо по соеѣдней лѣстницѣ дойти до бельэтажа и тамъ позвонить; я поступилъ согласно съ наставленіемъ и черезъ минуту очутился передъ элегантнымъ юношей, въ комнатѣ, свидѣтельствовавшей о богатствѣ и вкусѣ. Въ открытую дверь была видна большая бібліотека; все имѣло аристократическій характеръ. Молодой человѣкъ сказалъ мнѣ, что искалъ меня. Онъ только-что кончилъ курсъ въ гимназіи; ему—на два или на три мѣсяца, до поступленія въ университетъ—нуженъ былъ ктонибудь, кто говорилъ бы съ нимъ по-англійски и читалъ съ нимъ латинскихъ авторовъ. Хотя я и чувствовалъ, что мои познанія въ латыни не были несокрушимы, однако согласился принять его предложеніе. Онъ всталъ, чтобы позвать рара, и черезъ минуту вернулся съ старымъ господиномъ, который производилъ скорѣе впечатлѣніе англійскаго лорда, чѣмъ русскаго барина. Онъ былъ очень любезенъ, спросилъ меня, откуда я родомъ, какъ мнѣ нравится Россія.

«Россія мнѣ нравится, но правительство здѣсь никуда не годится,—отвѣтилъ я ему. Онъ улыбнулся и сказалъ: «Этого вы тамъ, на Западѣ, совѣмъ не понимаете».

«Затѣмъ, обратившись къ причинѣ моего прихода, онъ спросилъ, знаю ли я англійскій языкъ, и на мое предложеніе убѣдиться, достаточно ли для него моихъ познаній, сталъ говорить со мной по-англійски; до тѣхъ поръ мы говорили по-французски. Вскорѣ онъ воскликнулъ: «вы говорите лучше меня, и я буду вамъ весьма благодаренъ, если вы примете наше предложеніе. Однако вы, конечно, знаете, что въ домѣ главное лицо—хозяйка; поэтому я долженъ сначала представить васъ ей; все зависитъ отъ ея рѣшенія. Приходите къ намъ сегодня послѣ пяти часовъ обѣдать: я васъ представляю».

«Я вернулся домой и только въ разговорѣ съ пріятелемъ вспомнилъ, что я собственно не знаю, у кого былъ. Что же изъ этого! Какая-то элегантная, дворянская семья, какихъ здѣсь много. Имя не важно. Я нѣсколько пріодѣлся и въ назначенный часъ опять явился къ Николаю Петровичу, который обширнымъ домою провель меня къ отцу; мы нашли его въ роскошно обставленномъ салонѣ. Меня посадили противъ отворенной двери, за которой въ полутемномъ будуарѣ я замѣтилъ женскую фигуру; очевидно, хозяйка хотѣла сначала разсмотрѣть меня. Я чувствовалъ, что имѣю при этомъ глупый видъ, и мнѣ было неловко. Впрочемъ, она не слишкомъ долго заставила меня сидѣть на горячихъ угольяхъ, а вошла и привѣтливо поздоровалась со мною. Мы пошли обѣдать. Хозяйка была остзейская нѣмка, но говорила только по-французски и по-русски; она была очень мила и любезна. Только-что кончился обѣдъ, она предложила мнѣ провожать ее въ путешествіе; они собирались на два мѣсяца въ баварскія Альпы, на Тегернское озеро. Я съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе. Отправляясь вечеромъ домой, я размышлялъ, какъ это странно, что я до сихъ поръ не знаю, у кого былъ въ гостяхъ и кому обѣщаль сопутствовать въ Баварію. Швейцара я все-таки не могъ спросить и вернулся домой, утѣшаясь тѣмъ, что меня звали черезъ день на дачу на островѣ возлѣ Ботаническаго сада—буду умнѣе. Въ назначенный день я тотчасъ нашелъ дачу и при входѣ въ садъ моментально угадалъ, что хозяинъ ея, пригласившій меня, находится въ близкихъ отношеніяхъ съ правительствомъ, такъ какъ его владѣнія были соединены съ казеннымъ Ботаническимъ садомъ открытымъ ходомъ. Въ прихожей ждало нѣсколько курьеровъ, форма которыхъ была уже мнѣ хорошо извѣстна; я началъ понимать, что нахожусь у какого нибудь министра. Въ салонѣ было много народу, между прочимъ польская аристократка, которая титуловала хозяина «превосходительствомъ».

«Послѣ обѣда хозяйка предложила мнѣ посмотреть садъ съ Николаемъ Петровичемъ и при этомъ ближе познакомиться со своимъ питомцемъ. Во время прогулки я узналъ отъ этого юноши, что его папа—премьеръ-министръ Валуевъ.

«Я вспомнилъ его улыбку, когда я при первой встрѣчѣ осудилъ русское правительство, и тѣмъ болѣе оцѣнилъ его любезное вниманіе, удивившее меня уже за обѣдомъ, когда, развертывая салфетку, я нашелъ подъ нею «Národní Listy».

«Съ Валуевыми мнѣ жилось прекрасно. Мы поѣхали на Тегернское озеро, гдѣ провели два мѣсяца. Это была пріятная семья. Министръ Валуевъ былъ человѣкъ высоко образованный и даровитый. Онъ былъ писателемъ, и романъ, который онъ позднѣе прислалъ мнѣ, я хорошо зналъ ранѣе, какъ и лица, которыя онъ обрисовалъ въ немъ. Однажды, вечеромъ, на террасѣ онъ спросилъ меня,

знаю ли я, что онъ занимается также френологіей, и вставъ тотчасъ принялся разсматривать всѣхъ присутствующихъ. Когда очередь дошла до меня, онъ удивленно воскликнулъ: «А вѣдь вы стихотворецъ, поэтъ! почему вы скрываете это?» Я отвѣтилъ ему, что первый мой опытъ «*Z prarogého kognoutu*» былъ возвращенъ мнѣ редакціей и возбудилъ во мнѣ недовѣріе къ моему таланту.

«Но это ничего не значитъ. Вы этого не бойтесь. Вамъ слѣдуетъ здѣсь же приняться за работу!»—воскликнулъ онъ. Послушавшись его совѣта, я написалъ въ волшебныхъ окрестностяхъ Тегернскаго озера разсказъ «*Duhový pták*», который «*Lumir*» помѣстилъ, за что я навсегда остался его вѣрнымъ сотрудникомъ. Редакція, возвратившая мнѣ мою рукопись, тотчасъ потребовала ее, но я уже ничего не далъ ей. Такимъ образомъ Валуевъ сдѣлалъ изъ меня писателя.

«Жизнь въ этой семьѣ текла для меня очень пріятно. Я былъ ихъ гостемъ и за это занимался съ Николаемъ Петровичемъ. О жалованьѣ никогда не было и рѣчи, мнѣ ничего не платили, но я имѣлъ всяческія удобства и своего слугу. Осенью мы вернулись въ Петербургъ. Николай Петровичъ поступилъ въ университетъ. Я тогда выразилъ намѣреніе оставить своего питомца, такъ какъ во мнѣ уже не было надобности, но отецъ его сказалъ мнѣ: «Теперь будетъ видно, искренній ли вы человекъ. Все время, которое вы прожили у насъ, вы дѣлали видъ, будто любите насъ; теперь вы должны доказать намъ это. На верху въ третьемъ этажѣ я отведу вамъ три комнаты и назначу вамъ слугу; вы останетесь нашимъ гостемъ. Мѣриломъ вашей дружбы будетъ для насъ то, сколько времени вы выдержите у насъ». Я не могъ, конечно, отклонить это дружеское и радушное предложеніе и такимъ образомъ снова сталъ въ Петербургѣ изучать народъ и все, что окружало меня. Однако это пребываніе въ гостяхъ начало тяготить меня и чѣмъ далѣе, тѣмъ тяготило сильнѣе, и когда черезъ два мѣсяца я захворалъ глазами, то извинился, что петербургскій климатъ для меня нездоровъ, и послѣ сердечнаго прощанья съ этимъ милымъ семействомъ вернулся въ Прагу. Здѣсь я тотчасъ принялся за работу; тогда я написалъ «*Андрея Чернышова*» (*Ondřej Černyšev*).

Тутъ Зейеръ замолчалъ; до сихъ поръ онъ говорилъ безъ остановокъ, никто изъ насъ не прерывалъ его вопросами. Теперь ему замѣтили, что онъ приписываетъ Валуеву слишкомъ большую заслугу; не можетъ быть, чтобы онъ не писалъ и ранѣе.

«Да, я писалъ,—отвѣтилъ онъ намъ,—писалъ, но по-нѣмецки. Мы получили нѣмецкое воспитаніе. Единственной чешкой въ нашемъ домѣ была наша старая нянька, которая сама была поэтессой, хотя и не чувствовала этого. У нея я научился говорить по-чешски. Она неумышленно возбудила во мнѣ любовь къ чешскому языку и землѣ, и когда мнѣ было лѣтъ шестнадцать, во мнѣ

проснулось патриотическое самосознание. Моего отца уже не было въ живыхъ; мать я обратилъ въ чешку и убѣдилъ отдать моихъ младшихъ братьевъ въ чешскія учебныя заведенія, а самъ сталъ прилежно учиться чешскому языку: нѣмецкій я сразу возненавидѣлъ и пересталъ писать стихи, потому что ихъ мнѣ бы пришлось писать по-нѣмецки. Къ тому времени, какъ я вполнѣ овладѣлъ чешской рѣчью, я былъ взрослымъ человѣкомъ, которому не доставало какой бы то ни было опытности. Однако, я чувствовалъ въ себѣ то мощное стремленіе, которому однажды далъ проявиться въ своемъ произведеніи подъ названіемъ «Z rarírového kornoutu», возвращенномъ мнѣ и колебавшемъ мое довѣріе къ своему таланту. Мнѣ было тогда странно, что я чувствовалъ желаніе работать, и такой уничтожающій результатъ возбудилъ во мнѣ рядъ сомнѣній. Я думалъ, что я простой мечтатель. Изъ этого заблужденія вывелъ меня Валуевъ; поэтому я говорю, что онъ сдѣлалъ меня писателемъ».

Воспоминанія о Россіи были въ этотъ день воскрешены; Зейеръ не могъ отогнать ихъ. Черезъ минуту онъ принялся разсказывать далѣе:

«Во второй разъ я былъ въ Россіи черезъ нѣсколько лѣтъ. Пріятель изъ Симферополя писалъ мнѣ, не знаю ли я человѣка, который бы принялъ мѣсто гувернера въ семьѣ дворянина, происходящаго изъ царственнаго рода грузинскихъ князей, владѣющаго обширными помѣстьями въ Крыму. Меня всегда сильно манилъ Востокъ и тамошняя неизвѣстная намъ жизнь. Я поступилъ на это мѣсто самъ.

«Это была странная семья. Мать почти сумасшедшая, живущая вдали отъ семьи, отецъ дикій, суровый, вѣбалмошный, пьяница со всѣми внѣшними приемами цивилизованнаго европейца, тиранъ по отношенію къ дѣтямъ и любовницѣ англичанкѣ, которая была настоящей жертвой и мученицей. Мальчикъ, для котораго я былъ приглашенъ, любилъ меня. Совершенно новая жизнь, окружавшая меня, занимала меня такъ сильно, что я переносилъ и даже забывалъ о непріятномъ хозяинѣ. Онъ имѣлъ вокругъ себя цѣлый дворъ, велъ жизнь въ азіатской роскоши, какъ истый набобъ. Здѣсь я видѣлъ грузинскіе танцы. Красивѣйшія грузинки и иныя азіатскія красавицы блистали при дворѣ этого страннаго барина. Въ изученіи этихъ невѣдомыхъ краевъ и людей время шло для меня довольно быстро; съ обладателемъ всѣхъ чудесъ, окружавшихъ меня здѣсь, я сохранялъ приличныя отношенія. Все-таки однажды послѣ обѣда, когда ему не съ кѣмъ было выпить, — ему всегда для этого нужны были компаньоны, — онъ остановилъ меня и пригласилъ выпить съ нимъ стаканъ шампанскаго. Я исполнилъ его желаніе и, допивъ, хотѣлъ встать. Однако онъ велѣлъ, чтобы мнѣ наливали еще. «Извините, — сказалъ я ему, вставая со стула: — одинъ стаканъ

пампанскаго для меня очень пріятель, вкусенъ, но лторой противенъ, а потому—благодарю васъ». «Не рѣшились бы вы на такія смѣлыя слова, — загремѣлъ онъ на меня, будучи уже на половину пьянъ:—если бы Александръ II не уничтожилъ крѣпостного права. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я бы еще имѣлъ право выѣчь васъ кнутомъ»... «Этого вы не смѣли бы сдѣлать,—закричалъ я, схватившись за тяжелый стулъ, у котораго стоялъ:—во-первыхъ, я иностранецъ, на котораго вы бы не смѣли посягнуть, а, во-вторыхъ, прежде, чѣмъ вы произнесли бы такое приказаніе, я раскроилъ бы вамъ голову этимъ стуломъ». Я поднялъ стулъ вверхъ. Хозяинъ поблѣднѣлъ, опустился опять въ кресло и мгновенно протрезвился. «Вы шутокъ не понимаете»,—заставилъ онъ себя сказать. «Надѣюсь, что это была шутка, хотя и очень неудачная»,—отвѣтилъ я ему.

— «*«Полубуйтесь»*»,—началъ онъ, обращаясь къ англичанкѣ, которая была свидѣтельницей этой сцены.

— «*«Mr Zeyer is allrigh; he is the only gentleman in this house»* («Г. Зейеръ совершенно правъ; онъ единственный джентльмэнъ въ этомъ домѣ»),—отвѣтила она ему.

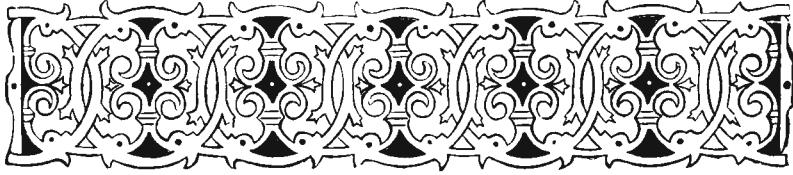
«Она была благодарна мнѣ за то, что я выступилъ противъ этого тирана, который хотѣлъ сокрушить все вокругъ себя. Въ сосѣдней комнатѣ дѣти отъ радости прыгали. Съ этой минуты я пользовался величайшимъ уваженіемъ со стороны всѣхъ обитателей обширнаго замка, но жизнь здѣсь стала для меня неприятною; я хотѣлъ уѣхать, но меня отговорили отъ этого, не желая отпускать. Въ это время я получилъ телеграмму, что моя мать умираетъ. Я тотчасъ покинулъ Крымъ, но матери уже не засталъ въ живыхъ».

«Впослѣдствіи я встрѣтился въ Парижѣ со своимъ бывшимъ воспитанникомъ; онъ приглашалъ меня пріѣхать къ нимъ. Отецъ его былъ разбитъ параличемъ; молодой человекъ самъ управлялъ имѣніемъ. Съ этого времени мы были въ перепискѣ. Теперь онъ приглашаетъ меня пріѣхать къ нему въ имѣніе въ окрестностяхъ Вахчисарая, гдѣ находится много могилъ изъ временъ греческихъ колоній. Онъ хочетъ подарить мнѣ три могилы, даетъ мнѣ рабочихъ; вся добыча, которую я тамъ найду, поступитъ въ мою собственность. Впрочемъ, во многихъ могилахъ совершенно ничего нѣтъ. Я отправлюсь посмотреть на этотъ любопытный край и, можетъ быть, привезу довольно много интересныхъ вещей»...

Золотые лучи медленно погасли, окончаніе воспоминаній поэта раздавалось въ комнатѣ, подернутой вечерними сумерками.

Н. П—ій.

ИСТОРИЯ ШЕСТИ МѢСЯЦЕВЪ.

(Юль—декабрь 1862) ¹⁾.

V.

Циркуляры Крживицкаго къ начальникамъ и попечителямъ учебныхъ заведеній.—Обращеніе къ полякамъ намѣстника великаго князя.—Послѣдствія этого въ средѣ партіи «бѣлыхъ».—Депутація къ Велепольскому и его отвѣтъ.—Разговоръ великаго князя съ гр. Андреемъ Замоискимъ.—Его послѣдствіе: съѣздъ шляхты въ Варшаву.—Дѣло адреса.—Отношенія намѣстника къ съѣзду.—Врученіе адреса гр. Замоискому.—Высылка графа въ Петербургъ.—Его тамъ пребываніе.—Аудиенція у императора.—Отъѣздъ за границу.

ТАКЪ КАКЪ революціонная партія изошрялась въ средствахъ, чтобы подорвать довѣріе общества къ правительству, послѣднее сдѣлало попытку противодѣйствовать этому посредствомъ школъ. Завѣдующій дѣлами просвѣщенія въ царствѣ, Крживицкій, нѣсколько дней спустя послѣ покушенія Ржонцы, издалъ циркуляръ къ начальникамъ учебныхъ заведеній, въ которомъ говоритъ: «если священная обязанность всякаго гражданина осуждать преступныя теоріи, именемъ родины распространяемыя, ведущія къ ложному представленію о благѣ края,—то не менѣе священная обязанность власти напоминать тѣмъ, которые отъ нея зависятъ, дабы всѣми силами противостояли пагубному теченію, которое можетъ увлечь въ зіяющую бездну всѣ принципы, къ которымъ народъ въ теченіе столѣтій относился съ уваженіемъ, всѣ чувства, на которыхъ зиждется нравственность народа, всѣ надежды лучшаго будущаго,

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій вѣстникъ», т. XXXXVII, стр. 1035.

осуществленія которыхъ такъ горячо жаждетъ сердце каждаго поляка... Въ семейныхъ кружкахъ и въ общественныхъ собраніяхъ учителя найдутъ возможность явно и трезво излагать свой взглядъ на то несчастное броженіе, которое насъ охватило»... Циркуляръ не оказалъ особеннаго вліянія. Учительскій персоналъ либо былъ запуганъ революціонными крикунами, либо въ лицѣ болѣе юныхъ своихъ членовъ сочувствовалъ и втайнѣ даже причастенъ былъ революціонной организаціи.

Подобные циркуляры адресовалъ Крживицкій учителямъ религін и опекунамъ школъ грамоты. «Да не упускаютъ случая,—свѣтовалъ онъ послѣднимъ,—внѣдрять въ умы эту простую истину, что кто край свой истинно любитъ, кто хочетъ трудиться для его блага, тотъ не долженъ порываться на чрезвычайныя усилія, но работать въ избранномъ направленіи ежедневно, непрерывно, съ христіанской вѣрой въ Провидѣніе».

Несравненно важнѣе всѣхъ этихъ циркуляровъ было воззваніе къ народу, опубликованное отъ имени намѣтника великаго князя 27 августа, т. е. на второй день послѣ казни Рылля и Ржонцы. Это воззваніе, составленное не безъ участія Велепольскаго, было опубликовано во всѣхъ газетахъ, напечатанное же крупнымъ шрифтомъ на отдѣльныхъ листахъ разослано по всей странѣ и во множествѣ расклеено по городамъ и деревнямъ на наиболѣе видныхъ мѣстахъ. Императоръ, предувѣдомленный о намѣреніи издать это воззваніе, далъ свое согласіе и выразилъ пожеланіе, дабы этотъ шагъ возымѣлъ надлежащее дѣйствіе

Въ воззваніи великій князь заявлялъ, что назначеніе его въ Варшаву составляетъ «несомнѣнное доказательство благихъ пожеланій императора», что онъ, великій князь, не скрывалъ передъ собою трудностей взятой на себя задачи, «но надежда на Бога и на содѣйствіе всѣхъ поляковъ, искренно любящихъ родину», ободряла его, «въ залогъ же чувствъ своихъ привезъ съ собою, что имѣетъ наиболѣе дорогого сердцу, супругу свою и дѣтей». Затѣмъ напоминалъ о покушеніяхъ и обращался въ такихъ словахъ къ народу: «поляки! неужели допустите, дабы преступная партія, не многочисленная, но упорная и прибѣгающая къ возмутительнѣйшимъ средствамъ, ставила преграду между престоломъ и народомъ и тормозила осуществленіе предначертаній императора? Будьте достойны полныхъ славы предковъ вашихъ, помните, что донинѣ ни одна страница вашей исторіи не была запятнана столь мерзкими поступками». Воззваніе заканчивалось слѣдующими заключительными словами: «Итакъ, не допускайте, дабы полное ихъ (реформъ) осуществленіе и дальнѣйшее развитіе могла тормозить преступная партія, способная лишь разрушать, но не созидать. Поляки! окажите мнѣ довѣріе, равное тому, какое я къ вамъ имѣю. Соединитесь со мною въ одномъ чувствѣ, трудитесь сообща и согласно для

блага Польши, моля Бога, дабы благословилъ усилія наши, и новая эпоха благоденствія и счастья откроется для этой родины, столь возлюбленной вами».

Увы! слова великаго князя прозвучали слишкомъ поздно, когда вся страна была уже наэлектризована массою зажигательныхъ прокламаций. Стали говорить, что въ воззваніи о реформахъ упомянуто лишь вскользь, что оно не даетъ никакой гарантіи въ томъ, что эти реформы при первой же перемѣнѣ вѣяній не будутъ отмѣнены и уничтожены.

Въ томъ, что возстаніе въ данное время было бы величайшимъ бѣдствіемъ для края, увѣрены были всѣ, умѣвшіе трезво думать и понимать истинное положеніе вещей. Гораздо менѣе было такихъ, которые желали бы проявить въ требованіяхъ къ правительству надлежащую умѣренность, требовать того лишь, что оно дать могло и хотѣло.

Партія «бѣлыхъ», противная революціи, тѣмъ не менѣе, какъ извѣстно, не довольствовалась программой Белепольскаго, такъ какъ для полнаго соглашенія съ правительствомъ требовала далеко идущихъ гарантій.

Въ противномъ случаѣ она не желала отказываться отъ пассивной, но отрицательно вліяющей на общество, роли молчаливыхъ созерцателей происходящаго. Тѣмъ болѣе, что весь ея престижъ въ краѣ, особенно значительный среди дворянства, былъ именно упроченъ на увѣренности, что руководители ея не поступятся ничѣмъ изъ того, что считаютъ неотъемлемой потребностью дальнѣйшаго свободнаго существованія и развитія польскаго народа.

Такимъ образомъ создавался заколдованный кругъ. Партія «бѣлыхъ» была противъ революціи, но и противъ всего того, что стремилось ее предотвратить, а поэтому косвенно способствовала теченію броженія по наклонной плоскости, вплоть до взрыва.

Въ данную минуту она, исходя изъ словъ воззванія: «соединитесь со мною въ одномъ чувствѣ, потрудитесь сообща и согласно для блага Польши»,—рѣшила дать доказательство, что охотно послѣдуетъ приглашенію свѣше къ общей работѣ, насколько правительство понятія о «благѣ Польши» не захочетъ сузить до тѣхъ рамокъ, какія ее удовлетворить не могли. Совѣщанія, при какихъ условіяхъ предложить правительству свое несомнѣнно цѣнное содѣйствіе къ искорененію революціонной партіи, происходили въ Варшавѣ, преимущественно на квартирахъ графа Владислава Замойскаго и Леопольда Кроненберга. Очевидно, верхъ здѣсь одержали элементы партіи наименѣе благоразумные, такъ какъ требованія ея расширены были до предѣловъ: «возстановленія конституціи 1815 года, присоединенія къ царству западныхъ, главное литовскихъ губерній, а въ крайнемъ случаѣ введенія въ этихъ провинціяхъ тѣхъ реформъ, которыя царство Польское уже получило». При этихъ усло-

віяхъ являлась, по мнѣнію «бѣлыхъ», возможность успокоенія края и предотвращенія революціи.

Они ручались, что въ случаѣ осуществленія ихъ программы, вліяніе ихъ распространилось бы на широкія массы, и они были бы въ силахъ парализовать всѣ усилія революціонеровъ, требующихъ или возстанія или прямо возстановленія независимой Польши. Быть можетъ, въ этомъ они и были правы, быть можетъ, и могли бы остановить на поль-пути тѣхъ изъ примкнувшихъ къ «краснымъ» пылкихъ юныхъ фантазеровъ, которые были въ состояніи думать и чувствовать нормально, но вѣдь и они отчасти уподоблялись этимъ фантазерамъ, требуя того, чего очевидно правительство дать имъ не могло.

Депутация, повидимому, безъ всякой вѣры въ успѣхъ своей миссіи, тѣмъ не менѣе явилась въ Брюлевскій дворець и была принята маркизомъ Велепольскимъ, который впрочемъ отнесся къ ней высокоомѣрно и холодно.

Представитель депутаціи заявилъ, что если требованія, предъявляемыя ему, маркизъ найдетъ справедливыми и обѣщаетъ дѣйствовать въ ихъ духѣ, хотя бы въ дальнѣйшемъ, будущемъ, то умѣренная партія обѣщаетъ ему взамѣнъ повиновеніе и безпрекословное исполненіе его требованій. Выслушавъ это, маркизъ отвѣтилъ гордо и сухо:

— Ни вашего, ни чьего бы то ни было содѣйствія не требую и не нуждаюсь въ немъ. Для поляковъ можно иногда сдѣлать что либо хорошее, но съ поляками никогда.

Для обѣихъ сторонъ этотъ отвѣтъ оказался роковымъ, такъ какъ вырылъ между ними пропасть.

Тѣмъ временемъ, благодаря вліянію гофмейстера Хрептовича, сталъ навѣщать въ Бельведерѣ великаго князя Францъ Венгленскій, имѣвшій и принципиальныя и личныя столкновенія съ маркизомъ, личность вліятельная и близкая къ земледѣльческому обществу и партіи «бѣлыхъ». Венгленскій сталъ представлять великому князю, что въ виду крайней непопулярности маркиза онъ на своемъ посту вреденъ и для страны, и для великаго князя, что было бы крайне полезно, чтобы этотъ постъ занялъ, напримѣръ, графъ Андрей Замойскій, «любимецъ народа», или подобная ему вліятельная и способная личность. Послѣдствіемъ этихъ бесѣдъ было то, что великій князь пожелалъ видѣть графа Андрея и ознакомиться съ его образомъ мыслей. Хрептовичъ, заѣхавъ какъ бы случайно къ графу, спросилъ его, отчего тотъ не посѣщаетъ Бельведера, между тѣмъ какъ великій князь всегда радъ его видѣть и бесѣдовать съ нимъ о дѣлахъ края. Замойскій отвѣтилъ, что «не бываетъ въ Бельведерѣ оттого, дабы Велепольскій не думалъ, что онъ интригуетъ противъ него, но что, если великій князь прикажетъ, всегда радъ будетъ говорить съ нимъ

о дѣлахъ края». Въ отвѣтъ на это, 2 сентября утромъ, онъ получилъ приглашеніе явиться, въ 8 часовъ вечера, въ Лазенки, куда незадолго передъ тѣмъ переѣхалъ изъ Бельведера великій князь.

Очутившись въ указанное время въ кабинетѣ намѣстника, Замайскій остановился у порога какъ бы въ колебаніи. Но великій князь взялъ его за руку, подвелъ къ креслу и, когда оба усѣлись за письменнымъ столомъ, просилъ изобразить ему положеніе края такъ, какъ оно представляется графу, при чемъ, ничѣмъ не стѣняясь, объяснить причины общаго броженія и неудовольствія. Графъ, увлекаясь все болѣе и болѣе, коснулся прошлаго, рѣзко очертилъ правленіе императора Николая I-го и, теряя самообладаніе, говоря о реформахъ настоящаго времени, произнесъ: «il faut que cette comedie cesse» (нужно, чтобы эта комедія кончилась). Слова эти не понравились великому князю, и онъ потребовалъ, чтобы Замайскій взялъ ихъ обратно. Графъ отвѣтилъ, что это слова, произнесенныя императоромъ Николаемъ I послѣ возстанія 1831 года о польской конституціи. Въ кабинетѣ воцарилось тяжелое молчаніе. Наконецъ, великій князь заявилъ, что ему хорошо извѣстны стремленія поляковъ по отношенію возстановленія прежнихъ границъ, но что это невозможно, такъ какъ Литва никогда не была польская. На увѣренія графа въ противномъ великій князь ничего не отвѣтилъ и перевелъ разговоръ на текуція обстоятельства, сталъ спрашивать, чего собственно желаютъ элементы умѣренные, какъ дѣйствовать, чтобы сдѣлать возможнымъ осуществленіе реформъ. Въ заключеніе заявилъ, что графъ, если бы искренно пожелалъ, могъ бы повліять на умиротвореніе умовъ, благодаря авторитету, которымъ пользуется во всѣхъ кругахъ общества, что онъ долженъ бы попытаться умѣрить требованія, превышающія границы возможнаго. «Всѣ васъ любятъ, уважаютъ и послушаютъ навѣрное... только пожелайте, графъ, искренно; иначе создается бездна, въ которую не мы, но вы свержены будете. Рѣшайтесь, графъ». Умныя и доброжелательныя для страны слова эти не произвели должнаго впечатлѣнія. Онъ сухо и холодно отвѣтилъ: «Я всегда желалъ и желаю спокойствія для своей родины и думаю, что никто въ этомъ не сомнѣвается; но мое вліяніе на умы не такъ велико, какъ ваше высочество воображаете. Для меня очень лестны слова вашего высочества, но этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Если бы меня кто спросилъ, что нужно для успокоенія края, я бы отвѣтилъ безъ колебаній: соединеніе всѣхъ провинцій прежней Польши, подъ управленіемъ вашего высочества, со столицей въ Варшавѣ. Но это—мое мнѣніе. Другіе, быть можетъ, думаютъ иначе. Я могу собрать друзей моихъ и знакомыхъ и просить ихъ, чтобы они сказали искреннее свое мнѣніе въ этомъ отношеніи. О томъ, что они скажутъ мнѣ, не

премину довести до свѣдѣнія вашего высочества. Иного средства (?) не вижу». — «Хорошо, соберите своихъ знакомыхъ и разспросите ихъ», — сказалъ великій князь, и на этомъ свиданіе закончилось.

Разговоръ этотъ, вѣроятно, произвелъ на великаго князя крайне тягостное впечатлѣніе, похожее на то, какое чувствовалъ маркизь, выслушивая требованія депутаціи. Здѣсь ярко обрисовалась личность графа Андрея, въ которой воплотились всѣ тогдашніе политическіе идеалы поляковъ. Понятно, мысль о замѣнѣ маркиза графомъ — если она и зародилась на мгновение — пришлось оставить.

Разговоръ великаго князя съ Замоѣскимъ сталъ вскорѣ общезвѣстенъ, благодаря нескромности близкихъ къ графу лицъ, и руководители «бѣлыхъ», получившіе рѣзкій отказъ маркиза отъ всякихъ съ ними переговоровъ, ухватились за заключительныя слова великаго князя, какъ за новую исходную точку продолженія своей дѣятельности. Дирекція «бѣлыхъ» разослала въ провинціи приглашенія явиться на совѣщаніе, не пытаясь скрывать, что оно созывается по желанію великаго князя. Графъ Андрей держался отъ всего этого совершенно въ сторонѣ.

Начался довольно многочисленный съѣздъ, и 10 сентября произошло первое засѣданіе собравшихся. На немъ поднятъ былъ вопросъ объ адресѣ къ великому князю, по инициативѣ Станислава Замоѣскаго, сына графа Андрея, который въ засѣданіяхъ не участвовалъ, но который, по общему мнѣнію, дѣйствовалъ посредствомъ сына.

Вѣроятно, дѣло было не совсѣмъ такъ, ибо графъ Андрей, узнавъ о желаніи составлять адресъ, крайне былъ раздраженъ, назвалъ эту мысль «ребячествомъ» и «глупостью» и требовалъ прямо, чтобы собравшіеся занялись лишь тѣмъ, зачѣмъ были приглашены. Въ этомъ же духѣ они получили предостереженіе и отъ великаго князя. Въ то же время посредствомъ третьихъ лицъ онъ конфиденціально спрашивалъ болѣе вліятельныхъ участниковъ съѣзда, «какія уступки, по ихъ мнѣнію, могли бы удовлетворить поляковъ и склонить ихъ, чтобы содѣйствовали правительству въ его борьбѣ съ элементами разрушенія». Отвѣтъ посланному великаго князя повторялъ въ смягченной формѣ старое упорное «ultimatum» партіи.

Они отвѣтили: «красные не стремятся къ перевороту (что было явной неправдой), но къ полученію политическихъ правъ, согласныхъ съ историческимъ развитіемъ народа и отвѣчающихъ потребностямъ настоящаго времени. Положительно не предрѣшаемъ вопроса, такъ какъ никто насъ на это не уполномочилъ, но думаемъ, что полное самоуправленіе польскихъ провинцій подъ скипетромъ русскаго императора возбудило бы въ народѣ довѣріе и подрѣзало всѣ помыслы о возстаніи». Такимъ образомъ великій князь услышалъ лишь повтореніе того, что слышалъ уже изъ

устъ графа Андрея. Онъ началъ терять терпѣніе и поручилъ сказать главарямъ съѣзда, дабы не смѣли ни подъ какимъ видомъ, подъ угрозой отвѣтственности, представлять ему письменно подобнаго рода требованія. Съѣздъ рѣшилъ: коль скоро великій князь отказывается принять адресъ, то представить его графу Андрею, чтобы такимъ образомъ рѣшенія съѣзда получили широкую гласность, и чтобы графъ, при первомъ удобномъ случаѣ, могъ вручить адресъ великому князю. Графъ Андрей, узнавъ объ этомъ, отказался было отъ адреса наотрѣзъ, но, поддаваясь увѣщаніямъ упомянутаго Венгленскаго и Александра Курца, отъ всего «умыль руки» и предоставилъ дѣлать шляхтѣ, что угодно. Текстъ адреса по однимъ источникамъ составилъ Эдмундъ Ставискій, по другимъ — Карлъ Рупрехтъ.

Составители домогались въ немъ присоединенія Литвы и Бѣлой и Малой Руси, точно имѣли за своими спинами сотни тысячъ штыковъ. Не всѣ, впрочемъ, пожелали скрѣпить подписью этотъ своеобразный документъ. Изъ 300 присутствующихъ подписали около 200, но потомъ рѣшено было эти подписи уничтожить и вручить графу Андрею одинъ адресъ. Торжественная депутация направилась къ нему съ этой бумагой, но графъ, взявъ ее въ руки и не разсмотрѣвъ даже, завелъ съ гостями разговоръ объ урожаяхъ и посѣвахъ, не допуская какого бы то ни было политическаго или касающагося адреса разговора. Шляхта ушла крайне разочарованная и сконфуженная и, опасаясь послѣдствій своего шага, поспѣшила скорѣе разѣхаться изъ Варшавы. Адресъ, вѣроятно, утонулъ бы въ архивѣ графовъ Замоискихъ безъ всякихъ послѣдствій, но на это не могли согласиться ни составители его, ни «красные». Въ тотъ же день текстъ его разошелся по Варшавѣ во многихъ спискахъ, а если вѣрить нѣкоторымъ источникамъ, то попалъ въ руки великаго князя раньше, чѣмъ въ руки графа Замоискаго. Намѣстникъ вначалѣ вспылить, обѣщалъ участниковъ съѣзда отправить въ ссылку, но такъ какъ имѣлась въ рукахъ лишь копія безъ подписей, виновники же его отчасти уже разѣхались, то, вѣроятно, не безъ вліянія Велепольскаго, великій князь, снесшись предварительно съ императоромъ, рѣшилъ призвать къ отвѣту самого Замоискаго.

Четырнадцатаго сентября, въ 10 часовъ вечера, одинъ изъ адъютантовъ, Сержпутовскій, получилъ приказаніе быть готовымъ на утро, въ 10 часовъ, сопровождать графа Андрея Замоискаго въ Петербургъ.

— Предупреждаю, — замѣтилъ великій князь, — что Замоискій не арестованъ, но на всякій случай въ заднемъ вагонѣ будешь имѣть шесть жандармовъ. — Сержпутовскій замѣтилъ, что это излишнее.

— А если друзья Замоискаго рѣшатся на попытку отбить его? — спросилъ великій князь, очевидно, въ возбужденномъ состоя-

ніи. Сержпуптовскій отвѣтилъ, что этого быть не можетъ, что самъ графъ обладаетъ настолько тактомъ, что никогда не рѣшится бѣжать.—Какъ знаешь,—заключилъ великій князь,—предоставляю это твоему благоразумію.

На утро адъютантъ, Альфъ Вржесневскій, дважды, въ 9 и 10 часовъ, былъ у графа, но тотъ еще почивалъ. Наконецъ въ 11 часовъ явился полицеймейстеръ, Развадовскій, и заявилъ графу, что великій князь ожидаетъ его. Около полдня графъ явился въ Лазенки. Великій князь принялъ его въ томъ же, что и первый разъ, кабинетѣ, въ присутствіи Хрептовича, съ суровымъ выраженіемъ лица и не предлагая садиться. Онъ замѣтилъ графу, что дважды обращался къ его патріотическимъ чувствамъ, разъ публично послѣ покушенія, второй разъ въ частной бесѣдѣ; что пытался доказать необходимость того, чтобы всѣ благоразумные поляки поддерживали правительство и тѣмъ доказали свою непричастность къ партіи переворота, такъ какъ въ столь критическіе моменты нѣтъ пути нейтральнаго, а можно идти либо съ правительствомъ, либо противъ него. Затѣмъ, коснувшись адреса, потребовалъ, чтобы графъ передалъ этотъ документъ ему. Графъ заявилъ, что въ этомъ дѣлѣ не игралъ никакой роли, слова же, касающіяся передачи адреса, оставилъ безъ отвѣта. Великій князь началъ волноваться. Онъ упрекнулъ, что графъ не отказался принять адреса, сказалъ, что столь незаконнаго дѣйствія никакого правительство терпѣть не можетъ, и онъ самъ никогда не согласится, дабы частное собраніе присвоивало себѣ права народнаго представительства, и заключилъ словами: «vous êtes chef d'une partie» (вы—предводитель партіи). Графъ началъ было говорить, что великій князь плохо освѣдомленъ, но тотъ прервалъ его словами: «on ne dément pas un grand duc» (нельзя возражать великому князю).

Въ заключеніе Замоискій получилъ приказаніе немедленно отправиться въ Петербургъ, дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ императору. Епископъ Фелинскій, тотчасъ же узнавшій объ этомъ, поспѣшилъ къ великому князю, рассчитывая добиться отмены распоряженія. Но великій князь заявилъ, что такова воля императора. Для сборовъ въ путь Замоискому дали два часа времени, при чемъ разрѣшено было, чтобы сынъ Станиславъ сопутствовалъ отцу: семья не сомнѣвалась, что это ссылка, быть можетъ, даже въ Сибирь. Графъ уѣхалъ на вокзалъ въ три часа, гдѣ его уже пять часовъ ожидалъ Сержпуптовскій. Въ распоряженіе путника предоставленъ былъ вагонъ 1-го класса, снабженный всѣмъ необходимымъ въ дорогѣ. Обѣды и ужины заказывалъ Сержпуптовскій по телеграфу. Такъ какъ онъ везъ въ Царское Село спѣшныя бумаги отъ великаго князя, то телеграфировалъ шефу жандармовъ, чтобы тотъ выслалъ кого либо въ Царское доставить отсюда Замоискаго въ Петербургъ. И вотъ, когда въ Царскомъ Селѣ Сержпуптовскій ввелъ

въ вагонъ явившагося жандармскаго генерала, графъ сильно смутился и спросилъ: «слѣдовательно я на самомъ дѣлѣ арестованъ?» Сержпутовскій успокоилъ его и заявилъ, что лишь только императоръ его отпуститъ, онъ явится къ графу въ Европейскую гостиницу, гдѣ тотъ имѣеть остановиться. На слѣдующій день онъ увѣдомилъ Замойскаго, что императоръ приметъ его, но лишь по возвращеніи изъ поѣздки въ Новгородъ на открытіе памятника. На вопросъ Сержпутовскаго, въ правѣ ли онъ принять отъ графа порученіе передать что либо его семейству, императоръ отвѣтилъ: «рѣшительно все, что дастъ».

Около 25 сентября, изъ Варшавы по телеграфу потребовали отъ графа письменнаго опроверженія слуховъ, будто съѣздъ дворянства созванъ былъ по желанію намѣстника великаго князя. Замойскій требуемый документъ представилъ, и «Dziennik Powszechny» опубликовалъ его.

Свиданіе съ императоромъ послѣдовало лишь около половины октября. Разговоръ происходилъ съ глазу на глазъ и продолжался около двухъ часовъ. Содержаніе его неизвѣстно. И, вѣроятно, потому неизвѣстно,—высказываемъ наши личныя соображенія,—что императоръ взялъ слово не разглашать его. Подъ впечатлѣніемъ исключительнаго положенія графа въ польскомъ обществѣ императоръ, быть можетъ, пытался склонить его на сторону правительства. Но это очевидно было напрасно. Прямота Замойскаго могла подкупить императора, и онъ снисходительно выслушивалъ и, быть можетъ, оспаривалъ взгляды графа. Но въ результатѣ пришелъ къ убѣжденію, что оставаться въ краѣ Замойскій не можетъ, такъ какъ тормозилъ бы своимъ влияніемъ начинанія великаго князя и маркиза.

Какъ бы то ни было, нѣсколько дней спустя, Замойскій уѣхалъ черезъ Берлинъ въ Парижъ. Увидѣть болѣе Варшавы, гдѣ онъ игралъ столь выдающуюся роль, ему не пришлось. Проживая большею частью въ Парижѣ, онъ скончался въ 1875 году, 75 лѣтъ отъ роду.

VI.

Революціонная организація.—Первый «центральный» комитетъ.—Инструкція Гиллера.—Полицейскія власти въ краѣ.—Опубликованіе маркизомъ революціонной инструкціи.—Мѣрславскій и его секретарь.—Учрежденіе ими въ Варшавѣ особаго «революціоннаго» комитета.—Падлевскій.—Прокламаціи «центрального» комитета.—Обращеніе къ русскимъ революціонерамъ и поѣздка въ Лондонъ къ Герцену.—Его отношеніе къ польской революціонной партіи.—Пріѣздъ изъ Лондона полицейскихъ агентовъ.—Первое политическое скрытое убійство: начальника тайной полиціи Фелькнера.—Налогъ на нужды возстанія и взиманіе его.—Состояніе подготовительной организаціи въ прочихъ провинціяхъ бывшей Польши.—Отношеніе духовенства къ дѣятельности «красныхъ» и «бѣлыхъ».—Путешествіе Падлевскаго въ Петербургъ за помощію къ русскимъ анархистамъ.

Между тѣмъ революціонная организація, пробираясь ползкомъ всюду, захватывала въ свои тиски все большее число лицъ. Составъ ея перваго «центрального комитета», въ началѣ іюля, былъ

слѣдующій: Агатонъ Гиллеръ, Витольдъ Марчевскій, Брониславъ Шварце, Владиславъ Косковскій, Ярославъ Домбровскій и Владиславъ Даниловскій. Кромѣ Гиллера, не было здѣсь ни одного сколько нибудь извѣстнаго имени. Гиллеръ, родившійся въ 1831 г., уже побывалъ за Байкаломъ за какое-то политическое дѣло. Онъ занимался литературой, хотя писателемъ былъ посредственнымъ. Аскетъ, яро возстающій противъ роскоши и разврата, онъ напоминалъ средневѣковаго монаха-фанатика. Въ комитетѣ одинъ онъ и отчасти инженеръ Марчевскій представляли направленіе болѣе умѣренное. Домбровскій, извѣстный подъ прозваніемъ «Локетка», офицеръ генеральнаго штаба, былъ полонъ самыхъ фантастическихъ замысловъ и обнаруживалъ кипучую дѣятельность. Остальные представляли собою полныя ничтожества. Изъ нихъ Косковскій участвовалъ въ движеніи 1848 г. въ великомъ княжествѣ Познанскомъ и побывалъ въ ссылкѣ въ Оренбургѣ.

Домбровскій въ комитетѣ считался начальникомъ города Варшавы, кромѣ того, завѣдующимъ военнымъ департаментомъ и представителемъ Литвы. Насколько двѣ послѣднія должности существовали только въ воображеніи, настолько руководство всей организаціей въ Варшавѣ дѣлало его хозяиномъ положенія, такъ что въ комитетѣ онъ одинъ представлялъ собою дѣйствительную силу. Гиллеръ принялъ на себя иностранныя дѣла и прессу, Марчевскій, какъ инженеръ, — пути сообщенія; студентъ Даниловскій былъ представителемъ молодежи и имѣлъ вѣдать дѣла Галиціи и Руси. Подробную инструкцію для комитета и имѣющихъ быть организованными его учрежденій составилъ Гиллеръ. Комитетъ задался цѣлью ни болѣе ни менѣе, какъ создать тайное правительство польское, функционирующее регулярно, посредствомъ цѣлаго аппарата надлежаще оборудованныхъ учрежденій и вѣдомствъ. Это тайное правительство должно было вездѣ парализовать дѣйствія законныхъ властей. Мысль эта вполне не могла быть и не была осуществлена, но теоретически выразилась въ «инструкціи» Гиллера и въ статьяхъ, какія печаталъ органъ комитета «Ruch» (Движеніе). Инструкція, тиснутая въ большомъ количествѣ экземпляровъ, лишь спустя мѣсяць, попала въ руки властей, что доказываетъ, насколько слаба и плоха была тогдашняя и явная и тайная полиція въ Варшавѣ. Полицеймейстеру Муханову чаще всего приходилось докладывать въ такой формѣ: «жители къ чему-то готовятся, но къ чему собственно — неизвѣстно». Въ городахъ, даже губернскихъ, полиція большею частью набиралась изъ старыхъ выслужившихъ срокъ солдатъ и т. п. Уѣздные воинскіе начальники изъ офицеровъ также мало были свѣдуши и опытни въ дѣлахъ администраціи. Слишкомъ довѣряя всякимъ доносамъ, они часто злоупотребляли властью и вооружили противъ себя элементы вполне благонамѣренные; между тѣмъ, случалось, настоящихъ ре-

волюціонеровъ аттестовали съ лучшей стороны, насколько тѣ умѣли поддерживать съ ними хорошія отношенія и подчинялись всѣмъ требованіямъ покаяннаго благонавія.

Подъ вліяніемъ послѣднихъ покушеній полиція засуетилась и арестовала въ общемъ 66 человекъ. Но арестованные принадлежали главнымъ образомъ къ низшимъ агентамъ тайной организаціи, не много знали и не о многомъ могли повѣдать.

Именно въ то же время наконецъ добыта была полиціей инструкция Гиллера. Велепольскій рѣшилъ огласить ее пѣликомъ въ официальной газетѣ, рассчитывая, что этимъ путемъ раскроетъ глаза обществу на серіозность игнорируемой доселѣ опасности. И дѣйствительно оглашеніе инструкции произвело впечатлѣніе. Розсказни о какой-то революціонной организаціи слушались зачастую, точно фантастическая сказка, въ которой трудно разобраться, отдѣлать вымыселъ отъ дѣйствительности. Теперь же общество убѣждалось, что бокъ о бокъ съ явнымъ правительствомъ на самомъ дѣлѣ существуетъ въ краѣ правильно организованная партія анархін, что она имѣетъ свои власти, свой комитетъ, что увѣренно стремится къ опредѣленной цѣли.

Между тѣмъ центральному комитету на первыхъ же порахъ пришлось выдержать борьбу съ расколомъ въ собственныхъ рядахъ. Пресловутый Мѣрославскій, игравшій столь видную роль во всѣхъ революціяхъ, начиная съ 1830 года, въ то время издатель въ Парижѣ революціоннаго листка «Всцносъ» (Вниманіе), въ которомъ доказывалъ, напримѣръ, что Россія, Германія и Австрія могутъ двинуть противъ поляковъ не болѣе 360.000 солдатъ, поляки же въ состояніи противъ нихъ мобилизовать 500.000, имѣя въ резервѣ другія 500.000,—Мѣрославскій, узнавъ объ организаціи тайнаго комитета въ Варшавѣ, отправилъ туда своего секретаря, Яна Куржину, съ требованіями, чтобы этотъ комитетъ призналъ его, Мѣрославскаго, диктаторомъ края и своимъ предсѣдателемъ, чтобы ничего не предпринималъ безъ его вѣдома и дозволенія. Но комитетъ былъ того мнѣнія, что не эмиграція страной, но страна должна руководить эмиграціей. Поэтому спросилъ, согласенъ ли генераль Мѣрославскій, коль скоро его требованія будутъ исполнены, явиться лично въ Варшаву? Посланникъ отвѣтилъ, что это невозможно. Тогда комитетъ отклонилъ «смѣшныя» требованія Мѣрославскаго.

Тотъ, вѣроятно, предвидѣлъ возможность такого исхода и на этотъ случай снабдилъ Куржину надлежащими инструкціями, такъ какъ послѣдній не смутился отказомъ, но началъ организовывать новый комитетъ. Прежде всего склонилъ на сторону Мѣрославскаго изъ центрального комитета Даниловскаго и Косковскаго, которые съ тѣхъ поръ засѣдали и здѣсь и тамъ, о чемъ центральный комитетъ узналъ, лишь много спустя. Кромѣ нихъ, на сторону Мѣро-

славскаго примкнули: Сигизмундъ Росцишевскій, землевладѣлецъ, Станиславъ Качковскій, бухгалтеръ, и Феликсъ Бауерфейндъ, сынъ богатаго купца. Все это были безусые юноши. Они составили въ августѣ новый комитетъ: «революціонный», съ особой печатью и уставомъ, отпечатаннымъ въ Парижѣ. Согласно этому уставу, цѣлью «революціоннаго народнаго союза» было «возстановленіе Польши въ границахъ 1772 года, на демократическихъ началахъ». Союзъ и комитетъ его признавали надъ собою полную власть генерала Мѣрославскаго. Комитетъ подраздѣлялся на пять департаментовъ: а) администраціи провинціальной, б) администраціи города Варшавы и полиціи, в) финансовъ, г) путей сообщенія и д) сношеній съ союзами другихъ провинцій и за границей. Ежемѣсячно комитетъ обязанъ былъ отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ своему фиктивному предѣдателю, Мѣрославскому.

Такимъ образомъ оба комитета парализовали и мѣшали другъ другу, имѣя общій кругъ дѣйствій; разница была развѣ въ томъ, что революціонный комитетъ болѣе восвалъ фразами, центральный—дѣломъ.

Послѣ ареста Домбровскаго его мѣсто въ центральномъ комитетѣ занялъ на короткое время Густавъ Василевскій, пока не появился изъ Италіи Сигизмундъ Падлевскій, который впослѣдствіи игралъ столь видную роль въ развитіи событій. Родившійся въ 1835 г. въ богатой дворянской семьѣ въ окрестностяхъ Бердичева, сынъ участника возстанія 1831 года, онъ получилъ образованіе въ кадетскомъ брестъ-литовскомъ корпусѣ и затѣмъ въ военной академіи въ Петербургѣ. Въ 1861 году онъ посѣтилъ Варшаву, затѣмъ уѣхалъ въ Парижъ и Италію, гдѣ въ Генуѣ, въ школъ подхорунжихъ, послѣ удаленія Мѣрославскаго, къ которому сразу сталъ во враждебныя отношенія, преподавалъ стратегію и тактику. Вскорѣ школа была закрыта, и Падлевскій прибылъ въ Варшаву, гдѣ вошелъ въ составъ центральнаго комитета, чтобы электризовать его своими пламенными рѣчами, сдвинуть съ пути медленной теоретической работы и свергнуть въ пламя кровавой борьбы, которой самъ долженъ былъ сдѣлаться жертвою. Это была натура далеко не дюжинная, дѣятельная, страстная и беззавѣтно преданная утопическимъ своимъ идеаламъ.

Перваго сентября центральный комитетъ издалъ прокламацію, въ которой въ выраженіяхъ, не допускающихъ сомнѣній, заявлялъ, что существуетъ и стремится къ ясно опредѣленной цѣли. «Заявляемъ передъ лицомъ Бога, польскаго народа и всего міра, — читаемъ въ прокламаціи, — что народъ соединился въ организацию для защиты своей свободы и независимости, и что защищаться будетъ до конца, впредь до полной побѣды. Заявляемъ, что центральный комитетъ, являющійся выраженіемъ не только военной, но и народной нравственной организациі края, съ настоящаго мо-

мента будетъ дѣйствовать, какъ явный руководитель, какъ дѣйствительное собственное правительство страны, и что до тѣхъ поръ дѣйствовать будетъ въ качествѣ правительства, пока народъ свободными голосами не откажетъ ему въ своемъ довѣрїи и новаго правительства не установитъ»...

Эта прокламація усугубила впечатлѣніе, производимое на общество организаціей тайнаго правительства. Въ ея недопускающихъ сомнѣнія словахъ чувствовалась увѣренность и бодрость, быть можетъ,—думали многіе,—основанная на какомъ-то обществу неизвѣстномъ, но реальномъ фундаментѣ. Въ болѣе пылкихъ умахъ сталъ все настойчивѣе возникать вопросъ, въ правѣ ли они, изъ-за личной безопасности, отказываться отъ солидарности съ чисто національной организаціей, не будетъ ли это измѣной родинѣ. Словомъ успѣхъ прокламаціи превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія комитета.

Но на чемъ же собственно эти безумцы основали надежду на успѣхъ своего дѣла? Болѣе холодный Гиллеръ видѣлъ возстаніе въ болѣе отдаленномъ будущемъ, послѣ цѣлаго ряда подготовительныхъ работъ. Домбровскій много разсчитывалъ на содѣйствіе русской революціонной партіи, руководимой Герценомъ изъ Лондона. Эту мысль онъ сумѣлъ внушить и товарищамъ.

И вотъ, въ концѣ сентября, Гиллеръ съ Падлевскимъ отправляются въ Лондонъ съ письмомъ къ Герцену, составленнымъ Гиллеромъ отъ имени центрального комитета. Въ письмѣ комитетъ обращалъ вниманіе на то, что многіе, особенно русскіе, не вполне уясняютъ себѣ характеръ польскаго движенія, что усматриваютъ въ немъ стремленіе къ возстановленію «шляхетской Польши», между тѣмъ какъ «мысль основная, на которой возрождается нынѣ Польша, заключается въ полномъ признаніи за крестьянами земли, которую они воздѣлываютъ, а также въ признаніи за всякимъ народомъ права распоряжаться своею судьбою».

Далѣе комитетъ увѣрялъ, что, «исходя изъ этой точки, стремится къ возстановленію Польши въ прежнихъ границахъ, но предоставляя народамъ, ея заселяющимъ, т. е. литвинамъ, бѣло — и малороссамъ, полную свободу: оставаться въ союзѣ съ Польшей, или же иначе распорядиться собою».

И только въ стадіи подготовительныхъ работъ «считаетъ священной обязанностью приложить все усилія къ тому, чтобы Литва и Украина дѣйствовали параллельно съ Польшей».

Логика письма не была блестящая, такъ какъ предоставленіе свободы дѣйствій западнымъ провинціямъ шло въ разрѣзъ съ принципомъ возстановленія Польши въ предѣлахъ 1777 года. Гиллеръ, вѣроятно, дѣлалъ здѣсь вынужденную уступку русскимъ революціонерамъ, которые, какъ это извѣстно было, не были расположены признавать за Польшей правъ на западныя провинціи.

Письмо комитета Герценъ помѣстилъ въ «Колоколъ» (отъ 1-го октября), затѣмъ, въ слѣдующемъ номерѣ высказалъ о немъ свое мнѣніе, очень лестное, такъ какъ, по его словамъ, «оно составляетъ эпоху въ великой эпопее польской борьбы за независимость». Далѣе увѣрялъ Герценъ, что «не сомнѣвается въ глубокомъ, дѣятельномъ участіи, которое слова комитета вызовутъ во всѣхъ русскихъ, стремящихся сбросить съ себя устарѣлое и унижительное иго правительственной опеки». Лично отъ себя онъ обѣщалъ, что предоставитъ комитету пользоваться его связями и вліяніемъ на русскихъ революціонеровъ, утверждая при этомъ, что революція въ Россіи вспыхнетъ очень скоро.

Это было все, что Герценъ, кабинетный теоретикъ, оказалъ для дѣла польской революціи. Гиллеръ и Падлевскій возвращались разочарованные, съ пошатнувшейся надеждой въ возможность помощи со стороны русской анархической партіи.

Между тѣмъ, за время ихъ отсутствія, комитетъ видоизмѣнился, и имъ стали овладѣвать наиболѣе крайніе элементы, стремившіеся неудержимо къ катастрофѣ.

Въ это-то время комитетъ вступилъ на путь кровавыхъ скрытоубійствъ и терроризма, бросившихъ мрачную тѣнь за послѣдніе мѣсяцы 1862 года и самое возстаніе. Это ожесточеніе вызвано было отчасти усиленіемъ арестовъ и дѣятельности полиціи, такъ что играло какъ бы роль самозащиты.

Въ виду малоуспѣшныхъ и вялыхъ дѣйствій мѣстныхъ полицейскихъ агентовъ, кто-то посоветовалъ великому князю выписать ихъ изъ Англіи. Велепольскій поддержалъ эту мысль, и вотъ, при содѣйствіи русскаго посла въ Лондонѣ, въ концѣ октября въ Варшавѣ появились гг. Walker и Whicher, полицейскіе агенты изъ Лондона. Они выглядели джентельменами и потребовали себѣ въ помощники десять людей, приличныхъ, находчивыхъ и хладнокровныхъ. Тогдашняя полиція состояла почти исключительно изъ людей простыхъ и малообразованныхъ, и потому начальникъ полиціи отвѣтилъ, что даже пяти такихъ помощниковъ не наберется. Тогда они потребовали хотя бы двоихъ. Увы, не нашлось и двоихъ, и агенты, заявивъ, что при такихъ условіяхъ не могутъ ничего сдѣлать, и получивъ крупный заранѣе выговоренный гонораръ, возвратились въ Лондонъ.

Но и въ теченіе кратковременнаго пребыванія своего въ Варшавѣ они открыли кое-что и сдѣлали рядъ цѣнныхъ указаній. Между прочимъ они обратили вниманіе на то, что революціонеры находятся также въ средѣ военной. По ихъ указаніямъ арестованы были офицеры: Вараскій, Гейденрейхъ, потомъ извѣстный въ возстаніи подъ прозваніемъ «Крука», Лонткевичъ, Кригеръ, Плавскій, Кучковскій. Изъ нихъ Гейденрейхъ вскорѣ былъ выпущенъ на свободу.

Въ то время начальникъ тайной полиціи, Фелькнеръ, бывший инспекторъ учебнаго заведенія, перехватилъ большую посылку изъ Лондона, кажется, преимущественно съ номерами «Колокола», при чемъ вслѣдствіе этого произошли новые аресты. Комитетъ, которымъ овладѣли, за отсутствіемъ Гиллера и Падлевскаго, доморощенные юные Мараты, рѣшили въ отвѣтъ на это «устранить» Фелькнера.

Миссія поручена была Яну Менкарскому, 20 лѣтъ, который имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи тотъ участокъ города, въ которомъ жилъ Фелькнеръ. Менкарскій созвалъ изъ подвластныхъ ему, какъ «тысячнику», шестерыхъ наиболѣе отчаянныхъ юношей: Дзвонковскаго и Марцинкевича, чиновниковъ магистрата, Котковскаго, писца при таможнѣ, Шульца, жившаго безъ занятій при отцѣ, счетоводѣ, Рабинскаго, ученика гимназіи, и неизвѣстнаго, носившаго прозваніе Яна Муляжа, — и заявилъ имъ, что комитетъ поручилъ убить Фелькнера, за что убійцы получаютъ по 100 рублей, а ихъ помощники по 20 рублей. При этомъ предупредилъ, что если кто либо изъ нихъ «парь изъ устъ пустить», т. е. обмолвится хотя бы однимъ словомъ, того ожидаетъ та же судьба, что и Фелькнера. Такимъ образомъ организовано было первое политическое убійство. Оно совершено было 8-го ноября. Въ коридорѣ дома, гдѣ жилъ Фелькнеръ, его, возвращающагося въ сумерки домой, подкараулили убійцы, и Котковскій, сдавивъ жертвѣ горло и прижавъ къ стѣнѣ, кинжаломъ нанесъ сильный ударъ въ грудь. Бывшіе вблизи насторожѣ Муляжъ и Шулецъ, слыша борьбу Фелькнера съ Котковскимъ, поспѣшили на помощь и ударами кинжаловъ довершили убійство. Затѣмъ всѣ разбѣжались незамѣченные. Но по дорогѣ Котковскій вспомнилъ, что забылъ въ коридорѣ «бурку» (осенній плащъ), и, бравирюя опасностью, вернулся за нею. Въ коридорѣ уже была толпа народа, главнымъ образомъ женщины еврейки. Котковскій на глазахъ всѣхъ поднялъ съ пола бурку, затѣмъ подошелъ къ трупу, отрѣзалъ одно ухо, спряталъ его въ карманъ и быстро ускользнулъ на улицу. Виновники убійства были обнаружены только въ концѣ 1865 года, когда арестованный по какому-то ничтожному дѣлу Шулецъ сознался во всемъ. Котковскій въ то время былъ уже въ Харьковѣ полковымъ писаремъ, на хорошемъ счету у начальства. Всѣ сообщники приговорены къ пожизненной каторгѣ, но Котковскій принялъ участіе въ извѣстномъ Забайкальскомъ бунтѣ и былъ разстрѣлянъ 27-го ноября 1867 года въ Иркутскѣ.

Какъ уже упомянуто было, Гиллеръ и Падлевскій, по возвращеніи, нашли событія значительно подвинутыми впередъ и комитетъ въ лихорадочной дѣятельности. Они рѣшили эту дѣятельность упорядочить и расширить, для чего нужны были прежде всего деньги. И вотъ издано было 18-го октября въ органѣ комитета

«Ruch», а одновременно распространено среди публики во многих оттисках постановление, по которому всякій гражданинъ обязанъ былъ внести единовременный, напередъ опредѣленный, налогъ на нужды возстанія. Отъ капиталовъ и недвижимостей онъ приблизительно составлялъ полъ-процента, отъ личныхъ доходовъ, исчисляемыхъ на основаніи квартирной платы, пять процентовъ. Срокомъ взноса назначено было 10-е ноября. Это распоряженіе произвело впечатлѣніе и на власти и на общество, такъ какъ доказывало, что комитетъ чувствуетъ подъ собою почву и силу. Для многихъ было просто любопытно, какимъ это образомъ комитетъ станеть взимать налогъ. Любопытство это вскорѣ было удовлетворено. Обыкновенно среди бѣлаго дня, на квартирѣ того или другого лица, появлялся молодой человекъ, предъявлялъ квитанцію и печать комитета и вѣжливо, но не допуская возможности отказа, требовалъ уплаты суммы, указанной въ квитанціи. И большинство платило, опасаясь обратиться къ властямъ, чтобы не навлечь на себя месть комитета. Въ «Ruchu» въ каждомъ номерѣ появлялись списки номеровъ квитанцій, по которымъ получены были деньги, и эти списки бывали не коротки.

Такимъ образомъ комитетъ сталъ съ успѣхомъ присвоивать себѣ права явнаго правительства.

Въ то же время Падлевскій принялъ на себя управление Варшавой и энергично совершенствовалъ тайную городскую организацію.

Внѣ царства Польскаго дѣло возстанія подвигалось очень туго. Литовскій комитетъ въ Вильнѣ находился подъ главенствомъ Авейды; большинство членовъ его поплатилось современнымъ жизнью за свое участіе въ возстаніи, среди нихъ выдѣлялся Константинъ Калиновскій, сынъ ткача изъ-подъ Свислочи, энтузіастъ, натура цѣльная и богато одаренная. Комитетъ этотъ проявлялъ стремленія сепаратистическія, не желалъ подчиняться распоряженіямъ варшавскаго комитета, между тѣмъ какъ самъ еле прозябалъ. Калиновскій, наиболѣе дѣятельный, имѣлъ въ виду лишь крестьянскій людъ и громко заявлялъ, что только крестьянинъ можетъ вынести на своихъ плечахъ будущую Польшу. На шляхту онъ не обращалъ вниманія, Варшавѣ не симпатизировалъ, говоря прямо, что «глухимъ мозгамъ варшавскимъ нельзя ввѣрять судебъ Литвы». Между тѣмъ литовскій крестьянинъ былъ туго на подъемъ и даже не вполне понималъ, чего отъ него требуютъ. Не лучше было и на Украинѣ, гдѣ, благодаря Кіевскому университету, въ энтузіастахъ и широкихъ планахъ недостатка не было, но гдѣ вся почти польская молодежь, какъ и ея наиболѣе дѣятельный представитель, Антонъ Юрьевичъ, принадлежали также къ поклонникамъ демагогическихъ идей и желали расчитывать главнымъ образомъ на народъ. И здѣсь, 22-го августа, организовалось нѣчто въ родѣ коми-

тета, но члены его принадлежали лишь наполовину къ «краснымъ». Руководителемъ подготовительныхъ дѣйствій центральный комитетъ назначилъ сюда Сигизмунда Милковского, извѣстнаго подъ псевдонимомъ Ежа, писателя, но онъ, пребывая въ Молдавіи, былъ лишенъ возможности непосредственно вліять на событія.

Въ Галиціи и въ великомъ княжествѣ Познанскомъ нашлись также элементы, сочувствующіе дѣятельности центрального комитета, но вліяніе его даже на эти элементы было крайне ничтожно.

Въ Варшавѣ, кромѣ правительства, комитетъ имѣлъ противъ себя дирекцію «бѣлыхъ», презрительно и свысока къ нему относящуюся. И поэтому вліяніе его не было полное, такъ какъ распространялось лишь на пылкое юношество и низшіе слои общества. Дѣйствительное широкое вліяніе онъ упрочилъ за собою лишь съ того момента, когда большинство духовенства открыто высказалось за него. Въ наиболѣе яркой и явной формѣ это произошло въ половинѣ ноября, на съѣздѣ духовенства «подляскаго» въ селѣ Ключевѣ, въ окрестностяхъ мѣстечка Желехова и вблизи извѣстныхъ изъ исторіи Костюшковскихъ временъ Мацеювиць. На съѣздѣ присутствовало 86 священниковъ, кромѣ того, представитель центрального комитета Янъ Майковскій и нѣкоторые изъ окрестныхъ помѣщиковъ. Послѣ пылкихъ рѣчей присутствующіе рѣшили дать присягу на вѣрность центральному комитету, съ оговоркой: «*salvis juribus ecclesiae*». Изъ 86 присутствующихъ священниковъ, 8 заняли положеніе нейтральное, только 3 высказались за дирекцію «бѣлыхъ», и всѣ остальные за комитетъ «красныхъ». Температура собранія была крайне высокая, по временамъ слышались рыданія.

Впрочемъ, и раньше этого духовенство нѣкоторыхъ другихъ епархій высказывалось за комитетъ, хотя и менѣе открыто. Причина того, что духовенство порывало связи съ вліятельной партіей «бѣлыхъ», была неопредѣленность и выжидательная медлительность ея дѣйствій, то, что «она откладывала спасеніе родины на многіе годы».

Упомянутый съѣздъ не могъ оставаться тайнымъ для властей, онъ нарядили по поводу его слѣдствіе и арестовали нѣсколькихъ священниковъ. Епископомъ, въ епархіи котораго произошелъ съѣздъ, былъ Веніаминъ Шиманскій, сторонникъ политики Велепольскаго. Онъ намѣревался было наказать виновныхъ, но, повидимому, уступилъ передъ угрозами «красныхъ» и, не предпринявъ ничего, тѣмъ самымъ предоставилъ духовенство во власть революціонной агитаціи.

Между тѣмъ комитетъ пожелалъ провѣрить заявленіе Герцена о возможномъ оказаніи ему помощи русскими революціонерами. Съ этою цѣлью отправился въ Петербургъ знакомый со столицей Падлевскій, въ концѣ ноября или началѣ декабря, имѣя съ собою рекомендательныя письма Герцена и Бакунина. Въ Петербургѣ уже

раньше организованъ былъ польскій комитетъ, при участіи извѣстнаго Юсафата Огрызки, который имѣлъ быть посредствующимъ звеномъ между польскими и русскими революціонерами. Но Падлевскій быстро ориентировался и убѣдился, что русскіе анархическіе кружки разрознены, анемичны, не пользуются сочувствіемъ народа и не въ силахъ оказать полякамъ дѣятельное содѣйствіе.

Въ этихъ кружкахъ его просили повременить съ возстаніемъ хотя бы до лѣта 1863 года, такъ какъ раньше революція въ Россіи вспыхнуть не можетъ.

Въ крайнемъ случаѣ обѣщали содѣйствовать, вызывая возстаніе на Уралѣ, гдѣ, какъ утверждали, организація революціонная выѣдрена болѣе глубоко.

Изъ всего этого центральный комитетъ вынесъ то окончательное убѣжденіе, что рассчитывать на помощь русскихъ революціонеровъ нечего.

VII.

Рѣчь великаго князя въ административномъ совѣтѣ на польскомъ языкѣ.—Открытіе «Главной школы» и политехники.—Рекрутскій наборъ и планъ Велепольскаго.—Отношеніе къ этому плану властей, общества и обоихъ революціонныхъ комитетовъ.—Прибытіе гвардіи въ Варшаву.—Обманутые расчеты.—Тайный циркуляръ по дѣлу рекрутскаго набора; его оглашеніе за границей.—Иностранная печать.—Пріѣздъ князя Орлова изъ Брюсселя.—Новыя дѣйствія и распоряженія центрального комитета.—Покупка оружія за границей.—Арестъ Годлевскаго въ Парижѣ.—Сѣраковскій.—Съѣздъ въ Варшавѣ будущихъ вождей возстанія и ихъ военные планы.—Съѣздъ представителей партіи «бѣлыхъ».

Весь этотъ тревожный ходъ событій не остановилъ великаго князя на пути проведенія широко задуманныхъ реформъ и не измѣнилъ его въ высшей степени доброжелательнаго отношенія къ польскому обществу.

Перваго октября, на засѣданіи административнаго совѣта, намѣстникъ обратился къ присутствующимъ съ рѣчью на польскомъ языкѣ, въ которой заявилъ, что «последнія печальныя происшествія не поколебали его лучшихъ для края намѣреній». «Я считалъ бы себя счастливымъ, — говорилъ между прочимъ великій князь, — если бы могъ примѣнять широко прекраснѣйшее изъ предоставленныхъ мнѣ правъ, право милости; но я обязанъ его умѣрять во вниманіе къ справедливости и общественной безопасности». Въ заключеніе намѣстникъ констатировалъ, что «установленные въ истекшемъ году учрежденія начинаютъ функционировать», что «одновременно съ работами совѣта открывается Главная школа, институтъ политехническій и около нихъ другія учебныя заведенія въ краѣ, согласно проекту о воспитаніи, разработка котораго составляетъ одну изъ великихъ заслугъ его сотрудника, Велепольскаго».

Эту похвалу маркизъ заслужилъ вполне.

Торжественное открытіе «Главной школы», имѣвшей программу, почти тождественную съ университетской, составляетъ на мрачномъ фонѣ современныхъ событій одну изъ наиболѣе свѣтлыхъ страницъ польской общественности. Воспитанники «Главной школы» донинѣ занимаютъ выдающееся положеніе въ литературѣ и интеллигентномъ польскомъ обществѣ. Нѣсколько дней послѣ открытія «Главной школы» послѣдовало открытіе политехники въ Пулавахъ (Новой Александріи). Но умы были такъ поглощены разыгравшимися политическими событіями, что пресса лишь мимоходомъ упомянула объ этихъ знаменательныхъ для края событіяхъ. Таинственная проблема будущаго заслоняла собою все остальное.

Болѣе всего волновала общество упомянутая уже «бранка», т. е. рекрутскій наборъ, имѣющій вскорѣ состояться. За послѣднія шесть лѣтъ набора въ царствѣ Польскомъ вовсе не было, раньше же онъ производился на основаніи закона 1816 года, по которому списки призывныхъ, составленные мѣстными властями, препровождаемы были «рекрутскимъ комиссіямъ», выбиравшимъ изъ списковъ рекрутовъ по своему усмотрѣнію. Обыкновенно нѣкоторое число изъ намѣченныхъ рекрутовъ всякими нелегальными путями узнавало объ этомъ и, скрывшись на нѣкоторое время, избѣгало военной службы.

По новому закону 1859 года рекруты не были избираемы тайно «рекрутскими комиссіями», но явно, путемъ жеребьевки.

Царство Польское имѣло доставить 12.000 солдатъ изъ 72.000, подлежащихъ жеребьевкѣ. Такимъ образомъ произошло бы массовое передвижаніе народа въ города, гдѣ производилась жеребьевка, что въ то смутное время не было ни легко, ни безопасно, такъ какъ могло вызвать волненія среди народа, отвыкшаго уже отъ рекрутскихъ наборовъ. Этими волненіями воспользовались бы въ своихъ цѣляхъ элементы крайніе. И вотъ Велепольскаго осѣнила мысль вернуться къ закону 1816 года и произвести тайный наборъ рекрутовъ изъ среды наиболѣе безпокойной: мѣщанъ и дворовой челяди, исключая батраковъ (первыхъ 6.000, вторыхъ 2.000, въ общемъ 8.000, вмѣсто предполагавшихся 12.000). Это могло, какъ думалъ маркизь, радикально подрѣзать въ корнѣ революціонное движеніе, путемъ высылки изъ края наиболѣе ненадежныхъ элементовъ. Проектъ, въ такомъ видѣ представленный великому князю, первоначально ему очень не понравился, въ чемъ поддерживали его и военныя власти, съ генераломъ Рамзаемъ во главѣ. Для великаго князя было очевидно, что рекрутскій наборъ въ такомъ видѣ озлобитъ населеніе противъ властей и слѣдовательно несогласуемъ съ миротворческой миссіей, ради которой онъ согласился принять постъ намѣтника. Но вліяніе Велепольскаго было еще такъ велико, что онъ разсѣялъ всѣ сомнѣнія великаго князя, и проектъ «бранки», даже не представленный предварительно административному совѣту, какъ того требовалъ законъ, былъ отосланъ

въ Петербургъ и тамъ не безъ колебаній и переписки съ намѣстникомъ утверждёнъ. Велепольскій опубликовалъ о томъ 6-го октября въ официальной газетѣ, при чемъ излагалъ проектъ въ выраженіяхъ неопредѣленныхъ, могущихъ вызывать предположеніе, что власти будутъ имѣть возможность всякаго политически непадежнаго гражданина сдавать въ рекруты. Не объявлено было даже число набираемыхъ солдатъ, какъ можно было думать, оттого, что правительство не желаетъ никакими ограниченіями связывать себя. Не подлежали набору: землевладѣльцы, ихъ челядь, употребляемая исключительно для полевыхъ работъ, и крестьяне земледельцы.

Когда знакомые маркиза обращали его вниманіе на то, что задуманный имъ рекрутскій наборъ можетъ въ виду общаго возбужденнаго состоянія умовъ вызвать крайне печальныя послѣдствія, маркизъ отвѣчалъ: «Впередъ назрѣлъ, и слѣдуетъ его разрѣзать. Возстаніе усмирю въ теченіе недѣли и тогда буду имѣть возможность управлять».

Центральный комитетъ первоначально растерялся и посредствомъ своего агента, помѣщика Горбовскаго, давнишняго знакомаго маркиза, обратился къ нему съ заявленіемъ, что «бранка не имѣетъ ни малѣйшихъ законныхъ основаній, можетъ вызвать возстаніе и накликать на страну великія бѣдствія». Велепольскій отвѣчалъ: «Здѣсь дѣло не въ законности принципа, но въ успокоеніи края; если бы произошли беспорядки, сумѣю въ нѣсколько часовъ усмирить ихъ. Когда же буду имѣть спокойствіе, увидятъ, что сумѣю сдѣлать для края».

Прозябающій въ бездѣйствіи «революціонный» комитетъ Мѣрославскаго откликнулся въ данномъ случаѣ болѣе громко, заявивъ, что «не допуститъ набора», что «раньше, чѣмъ правительство осуществитъ свое намѣреніе, наступитъ моментъ избавленія». Такъ какъ это воззваніе онъ выпустилъ просто отъ имени «комитета», и многіе считали его несходящимъ отъ «центрального» комитета, то послѣдовала между обоими жаркая схватка, перешедшая, благодаря Мѣрославскому, на столбцы заграничной революціонной печати.

Тѣмъ временемъ «центральный» комитетъ все болѣе убѣждался, что изъ руководителя организациі онъ незамѣтно переходитъ на роль ея слуги. Въ виду висящей надъ страной, точно мечъ Дамокловъ, предстоящей «бранки», низшіе слои организациі стали все настоятельнѣе требовать ускоренія возстанія. Районные начальники напрягали всѣ силы, чтобы сдерживать это движеніе.

Явно не сочувствовали «бранкѣ» и элементы гораздо болѣе умѣренные. Въ автономныхъ городскихъ совѣтахъ это несочувствіе неоднократно выражалось демонстративно.

Въ сѣдлецкомъ совѣтѣ Людовикъ Гурскій и въ праснышскомъ Ностицъ Яцковскій въ рѣчахъ своихъ коснулись изгнанія графа Андрея Замойскаго и перевозносили его заслуги.

Военныя власти, неблагопріятно настроенныя и противъ предстоящей «бранки» и противъ самого Велепольскаго, съ своей стороны способствовали неудачѣ его проекта.

Тѣмъ временемъ прибыла въ Варшаву давно ожидаемая третья гвардейская дивизія. Ея переводъ сюда рѣшенъ былъ вслѣдъ за назначеніемъ великаго князя намѣстникомъ, выбрали же именно ее потому, что полки ея квартировали въ Варшавѣ еще до возстанія 1830 года.

Они не получили наименованія польской гвардіи, ни польскихъ мундировъ, какъ того домогался Велепольскій.

Населеніе встрѣтило гвардейцевъ очень привѣтливо. Особенно понравились уланы. Многіе старики почтительно привѣтствовали сѣдого барона Павла Корфа, командира прибывшихъ полковъ, котораго помнили юнымъ офицеромъ время цесаревича Константина Павловича.

«Красные» также были довольны появленіемъ русскихъ гвардейцевъ. У нихъ вкоренилось почему-то убѣжденіе, что въ Петербургѣ въ революціонныхъ кружкахъ видную роль играютъ именно офицеры гвардіи, которые, какъ люди обеспеченные и свободные, легче всего поддаются влиянію идей равенства и свободы.

И въ Вильнѣ, во время стоянки тамъ, и теперь въ Варшавѣ, офицеровъ закидали всякаго рода революціонными воззваніями; въ Саксонскомъ саду съ ними пытались завязывать разговоры о текущихъ событіяхъ, либеральныхъ теченіяхъ и идеяхъ въ обществѣ и т. п.

Понятно, скоро пришлось убѣдиться, что все эти усилія напрасны и безцѣльны.

Между тѣмъ дѣло «бранки» подвигалось туго. По приказанію Велепольскаго изданъ былъ тайный циркуляръ всемъ гражданскимъ губернаторамъ, въ которомъ откровенно заявлялось, что «одна изъ главныхъ цѣлей набора это устраненіе той части населенія, которая поведеніемъ своимъ способствуетъ нарушенію общественнаго спокойствія», вслѣдствіе чего рекомендовано было брать въ солдаты преимущественно «лицъ, замѣченныхъ въ послѣднихъ событіяхъ, хотя бы, благодаря этому, пришлось взять изъ одного города или отъ одного вѣроисповѣданія больше, чѣмъ отъ другого». Этотъ циркуляръ, нѣсколько дней спустя, былъ напечатанъ въ «Czasie», что доказало, къ немалому огорченію маркиза, что и въ средѣ ближайшихъ политическихъ его сотрудниковъ имѣются лица, способныя нарушить государственную тайну.

Изъ «Czas»'а этотъ документъ перешелъ на столбцы французской, нѣмецкой и англійской прессы и вездѣ произвелъ крайне неблагопріятное впечатлѣніе. «Daily Telegraph» помѣстилъ рядъ статей, которыя въ выдержкахъ обошли всю европейскую прессу.

Въ Парижѣ, въ годовщину возстанія 1830 года, князь Владиславъ Чарторыйскій, въ рѣчи, произнесенной въ «историческо-ли-

тературномъ» обществѣ, предостерегалъ поляковъ передъ «борьбой безъ надежды и славы». «Ни одинъ человекъ въ здоровомъ умѣ не можетъ думать,—говорилъ князь,—дабы возстаніе въ Польшѣ могло рассчитывать откуда бы то ни было на помощь». Но этотъ единичный голосъ прозвучалъ безъ отклика. Центральный комитетъ, понукаемый и осыпaeмый упреками, почти ежедневно собирався на засѣданія, на которыхъ все-таки не могъ прійти къ иному заключенію, какъ то, что немедленное возстаніе немислимо, и что необходимо его отсрочить хотя бы до мая будущаго года. Что касается угрозы «бранки», то, рассчитывая, что при безсиліи тогдашнихъ властей, половина намѣченныхъ рекрутовъ сумѣетъ скрыться во время,—слѣдовало ожидать, что изъ рядовъ примкнувшихъ къ организаціи, въ общей сложности до 25.000 человекъ, убудетъ 3—4 тысячи. Это былъ сильный уронъ, но онъ не грозилъ организаціи распаденіемъ. Поэтому, по мысли Гиллера, комитетъ занялся облегченіемъ побѣга намѣченныхъ къ набору юношей, изготовляя для нихъ паспорта съ фальшивыми именами, которые давали бы возможность бѣжавшимъ поселиться на время въ другой части края. Совѣтовалось, чтобы они переодѣлись въ крестьянское платье и помогали крестьянамъ въ полевыхъ работахъ. Ихъ содержаніе комитетъ принималъ на свой счетъ. Это распоряженіе комитета встрѣчено было сочувственно. Но второе распоряженіе, чтобы не увеличивать болѣе числа примкнувшихъ къ организаціи, такъ какъ и наличное ихъ число достаточно для начала возстанія, неограниченный же пріемъ въ ряды членовъ организаціи умножаетъ лишь случаи измѣны и угрожаетъ разными нежелательными осложненіями,—это распоряженіе не понравилось провинціальнымъ революціоннымъ властямъ, какъ признакъ трусости комитета.

Одновременно комитетъ обратился ко всѣмъ властямъ, предлагая имъ отказаться отъ выслѣживанія и поимки тѣхъ, попавшихъ въ рекрутскіе списки, которые скрылись. Въ противномъ случаѣ угрожалъ имъ суровой отвѣтственностью и даже смертью. Этотъ смѣлый шагъ не остался безъ впечатлѣнія, и въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ власти, особенно низшія, сквозь пальцы смотрѣли на массовое выселеніе попавшихъ въ списки. Впрочемъ и эти списки составлялись крайне небрежно. Въ Люблинѣ на 700 человекъ, частныхъ организаціи, только 18 попало въ списки, остальные будущіе солдаты были юноши, плохо аттестованные, какъ безнравственнаго или буйнаго поведенія.

Такимъ образомъ немногаго не хватало чтобы, благодаря, дѣятельному противодѣйствію комитета, предпріятіе маркиза потерпѣло полную неудачу.

Но въ средѣ самого комитета распоряженія Гиллера по поводу «бранки», означавшія отсрочку возстанія, не встрѣтили единодушнаго одобренія. Движеніе въ пользу ускоренія возстанія разраста-

лось, и комитетъ видѣлъ, что придется или примкнуть къ теченію, или оставить власть. Несомнѣнно, извѣстную роль въ этомъ движеніи сыгралъ революціонный комитетъ Мѣрославскаго. Пришлось приступать подъ давленіемъ со всѣхъ сторонъ къ непосредственнымъ приготовленіямъ къ взрыву, а прежде всего заготовить оружіемъ, котораго въ краѣ почти не было. На это нужны были деньги. Въ кассѣ комитета имѣлось 400.000 злотыхъ (60.000 рублей), собранныхъ въ октябрѣ отъ налога и хранимыхъ у г-жи Еске, жены Владислава, члена организаци и сестры члена комитета Шварце. Это была до смѣшного ничтожная сумма для начала борьбы съ могущественной Россіей. Тѣмъ не менѣе, комитетъ установилъ въ Парижѣ такъ называемую «комиссію оружія» подъ предсѣдательствомъ генерала Высоцкаго, изъ четырехъ лицъ, которыя понятія не имѣли ни о цѣнахъ, ни о достоинствахъ оружія, ни о способѣ ихъ доставки въ Польшу. Они приобрѣли въ Генуѣ и въ Лондонѣ нѣсколько тысячъ старыхъ ружей и штыковъ, но пришлось дать только задатокъ, такъ какъ не хватило денегъ. На этомъ и остановилась дѣятельность «комиссіи оружія».

Такъ какъ деньги были настоятельно нужны, то произведено было нѣсколько попытокъ нападеній на денежные почты. Но эти попытки потерпѣли неудачу. Наконецъ кое-какъ собрано было 300.000 злотыхъ (45.000 рублей), и съ этой суммой отправленъ Францъ Годлевскій въ Парижъ, чтобы выкупить и доставить оружіе. Годлевскій въ Парижѣ сталъ сноситься съ Цверчакевичемъ, членомъ «комиссіи оружія», который, благодаря своимъ связямъ съ европейскими революціонерами, находился подъ подозрѣніемъ у французской полиціи. Именно въ то время, въ ночь на 21 декабря, она его арестовала, вмѣстѣ съ Годлевскимъ и еще однимъ полякомъ Чапникскимъ. Изъ захваченныхъ бумагъ правительство французское узнало о скоромъ взрывѣ возстанія въ Польшѣ, узнало маршрутъ, по которому имѣло слѣдовать закупленное оружіе, и адреса разныхъ причастныхъ дѣлу лицъ. Относясь въ то время очень любезно къ Россіи, оно передало бумаги въ русское посольство для снятія съ нихъ копій, послѣ чего возвратило ихъ Годлевскому, отпустивъ и его самого на свободу. Центральнѣйшій комитетъ узналъ объ этомъ отъ извѣстнаго въ исторіи возстанія Сѣраковскаго, офицера русскаго генеральнаго штаба. Этотъ Сѣраковскій участвовалъ со стороны Россіи въ работахъ парижскаго военно-статистическаго конгресса, а одновременно знакомился съ выдающимися корифеями революціонныхъ идей. Въ разное время онъ посѣтилъ Гарибальди, Мадзини, Герцена. Пребывая въ Парижѣ уже довольно долго, онъ, на правахъ знакомаго, посѣщалъ князя Петра Витгенштейна (которому отъ матери, рожденной княжны Радзивилль, достались обширныя помѣстья въ Западномъ краѣ, свыше миліона

десятиль, затѣмъ перешедшія по наслѣдству къ его сестрѣ, княгинѣ Гогенлоэ, и недавно распроданныя).

Состоящій при русскомъ посольствѣ князь Виттгенштейнъ однажды сообщилъ Сѣраковскому, что за нимъ предписано слѣдить, такъ какъ стали извѣстны его сношенія съ революціонерами. Въ виду этого Сѣраковскій рѣшилъ оставить Парижъ и вернуться въ Россію, тѣмъ болѣе, что узналъ о болѣзни жены, оставленной въ краѣ. Уѣзжая 22-го декабря, онъ узналъ объ арестѣ Цверчакевича и Годлевскаго и сообщилъ объ этомъ Гиллеру въ Варшавѣ, гдѣ оставался нѣкоторое время, дѣятельно участвуя въ работахъ комитета.

Въ томъ же декабрѣ, но нѣсколько раньше, посѣтили Варшаву и другіе выдающіеся дѣятели революціонной партіи. Явился громкій въ исторіи возстанія Марьянъ Лангевичъ, артиллерійскій прусскій офицеръ, далѣе эмигрантъ 1846 года, Левандовскій изъ Парижа, будущій извѣстный писатель Милковскій (Ежъ), недавно назначенный комитетомъ предводителемъ вооруженныхъ силъ въ Литвѣ и Руси, наконецъ, Зверждовскій, Ружницкій и, быть можетъ, еще кое-кто. Они не все явились въ Варшаву одновременно, и поэтому комитетъ совѣщался съ каждымъ отдѣльно, преимущественно при посредствѣ Паддевекаго и Авейды изъ Вильны.

Милковскій прибылъ въ началѣ декабря и остановился въ Римской гостиницѣ. На совѣщаніяхъ въ квартирѣ упомянутой уже госпожи Еске, на которыхъ Гиллеръ ни разу не присутствовалъ, Милковскій предлагалъ отсрочить возстаніе до мая; онъ впрочемъ не таилъ убѣжденія, что возстаніе будетъ подавлено, «но, — говорилъ онъ, — останется фактъ, свидѣтельствующій передъ лицомъ всего міра и нашей собственной совѣстью о правахъ Польши на такое политическое ея цѣлое, которое создала ей исторія». Точно также участвовавшій здѣсь, накануне отъѣзда въ Парижъ, Годлевскій и Авейде не рассчитывали на успѣхъ возстанія, но считали его неизбѣжнымъ во имя принциповъ высшаго порядка.

Прибывшій недѣли двѣ спустя Сѣраковскій также совѣтовалъ не спѣшить съ возстаніемъ.

Такъ какъ въ числѣ собравшихся были предполагаемые вожди будущаго возстанія, то комитетъ пожелалъ имѣть отъ нихъ планы начала военныхъ дѣйствій.

Сѣраковскій, считая начало революціи никакъ не раньше мая, предлагалъ начать съ партизанской войны, а уже потомъ мелкіе отряды по возможности соединять, пытаться овладѣть какой либо частью края и тамъ приступить къ правильной организаціи военныхъ силъ. До поры же, до времени, запасаться деньгами и оружіемъ и преобразовывать организацію въ духъ военномъ.

Милковскій письменно представилъ слѣдующій проектъ: «люди свѣдущіе должны избрать три или четыре пункта, какъ очаги движенія; въ нихъ сдѣлать возможно большой запасъ оружія и про-

довольствія. Какъ одинъ изъ такихъ пунктовъ, упоминаю Варшаву, предупредѣля ей начать возстаніе посредствомъ уличной борьбы за барикадами, которую вести упорно и возможно долго, дабы въ то время, какъ вниманіе врага будетъ на ней сосредоточено, возставшіе въ провинціи имѣли время явиться на сборные пункты и начать наступательныя дѣйствія противъ мѣстныхъ гарнизоновъ. Варшаву совѣтую послѣ нѣсколькихъ дней борьбы оставить и отрядъ, выведенный за городъ, соединить съ ближайшимъ отрядомъ. Предполагаю, что отряды эти будутъ считать болѣе или менѣе по 10.000 человекъ. Они могутъ пытаться очистить отъ непріятели какую либо часть края, что дало бы возможность сформирования въ этой части народной арміи». Этотъ планъ фантастиченъ уже потому, что немыслимо было допустить, чтобы борьба на улицахъ Варшавы съ тридцати-тысячной арміей, имѣющей пушки, могла продолжаться нѣсколько дней. Также трудно было допустить, чтобы войска въ провинціи допустили сформированіе десяти-тысячныхъ отрядовъ.

Падлевскій предлагалъ, дабы вооружилось лишь нѣсколько тысячъ, внесенныхъ въ рекрутскіе списки. Это была бы армія «доведенныхъ до отчаянія» людей, которые должны были бы или побѣдить, или идти въ сибирскіе батальоны. Все остальное населеніе должно было оставаться спокойнымъ. Въ случаѣ пораженія, эта борьба считалась бы лишь кровавымъ протестомъ противъ «бранки», въ случаѣ побѣды—побѣдители составили бы ядро будущей польской арміи, и центральный комитетъ оповѣстилъ бы всеобщее возстаніе.

Тѣмъ временемъ власти обнаружили тайную типографію органа комитета: «Kuch», и арестовали одного изъ его членовъ, Шварце. Но, четыре дня спустя, появился слѣдующій (одиннадцатый) номеръ «Kuch», въ которомъ извѣщалось, что «нѣсколько дней назадъ обнаружена какая-то типографія, и арестованъ какой-то молодой человекъ... Въ виду смѣнныхъ слуховъ, будто это типографія и редакторъ «Kuch», — газета появляется раньше времени». Власти знали, что это отводъ глазъ, но это было также и доказательствомъ энергіи и средствъ организаціи. Между тѣмъ маркизъ Велепольскій еще однимъ ложнымъ шагомъ крайне вооружилъ противъ себя общественное мнѣніе. Крашевскій, наиболѣе въ то время популярный писатель и редакторъ «Gazety Polskiej», въ статьяхъ своихъ подъ вліяніемъ минуты одинъ разъ, казалось, одобрялъ политику Велепольскаго, другой разъ пытался по возможности мѣшать ему. И вотъ въ канунъ Рождества Христова въ передовой статьѣ Крашевскій широко распространился объ одной изъ христіанскихъ добродѣтелей—о смиреніи. «Для любви,—писалъ онъ,—избираемъ то, чего сердце захочетъ, не пытаюсь подняться до того, чтобы оно любило всѣхъ, такъ какъ нѣтъ у насъ прежде всего смиренія, а эго-

измъ крѣпкой стѣной отдѣляетъ насъ отъ міра». Въ этихъ невинныхъ, безцвѣтныхъ и банальныхъ словахъ Велепольскій усмотрѣлъ аллюзію къ его личности, и добился у великаго князя разрѣшенія выслать Крашевскаго за границу.

Эта болѣзненная мстительность по отношенію къ человѣку, который, при надлежащемъ съ нимъ обращеніи, могъ оказать политикѣ Велепольскаго немаловажныя услуги, такъ какъ по складу ума принадлежалъ къ наиболѣе умѣреннымъ, это почти необъяснимое изгнаніе знаменитаго писателя, понятно, возмутило всѣхъ.

Партія «бѣлыхъ» все это время бездѣйствовала. Наконецъ, въ виду общаго лихорадочнаго состоянія, рѣшила созвать съѣздъ изъ представителей провинцій бывшей Польши, съ цѣлью уяснить себѣ, какое надлежало бы занять положеніе въ виду явно надвигающихся грядущихъ событій.

Изъ царства Польскаго представителями съѣзда избраны были пять лицъ: Леопольдъ Кроненбергъ, Кржижтопорскій, предполагаемый авторъ адреса къ Замоискому Ставискій и двое находящихся понинѣ въ живыхъ. Изъ великаго княжества Познанскаго прибыли Кочоровскій и Гуттре, послѣдній горячій поклонникъ Мѣрославскаго. Изъ Литвы прибылъ гродненскій губернскій предводитель дворянства Старжинскій и двое другихъ помѣщиковъ. По одному прибыло изъ Украйны, Подоли (Баранецкій) и Волини (Солтанъ). Наконецъ изъ Галиціи не явился никто. Такимъ образомъ участвовало въ съѣздѣ 11 лицъ. Предѣдательствовалъ Кроненбергъ. Съѣздъ носилъ характеръ частныхъ, академическихъ бесѣдъ о текущихъ дѣлахъ и ни въ чемъ не повліялъ на ходъ событій. Прибывшіе знакомли присутствующихъ съ состояніемъ представляемыхъ ими провинцій. Сообщенія были крайне тревожнаго свойства. Вездѣ особенно среди юношества чувствовался сильный подъемъ страстей и опасное броженіе. Одна Литва, по мнѣнію ея представителей, не была расположена къ возстанію. Члены изъ царства Польскаго рассчитывали на энергію маркиза, на то, что во всякомъ случаѣ возстаніе вспыхнетъ не скоро; увѣрили даже, что если бы даже оно вспыхнуло, то вліяніе «бѣлыхъ» сможетъ удержать его въ началѣ. На это одинъ изъ членовъ замѣтилъ: «Господа, зачѣмъ себя обманывать? Если возстаніе вспыхнетъ, всѣ, раньше или позже, примемъ въ немъ участіе». Вообще за исключеніемъ Гуттре, съѣздъ высказался рѣшительно противъ возстанія. Выработана была новая программа дѣятельности «бѣлыхъ», которая впрочемъ въ виду послѣдующихъ событій такъ и осталась программой.

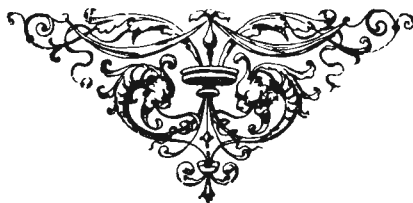
Члены съѣзда, во время пребыванія въ Варшавѣ, свидѣлись съ болѣе выдающимися «красными», какъ Сфраковскій и Ружицкій; депутаты изъ Литвы посѣтили наканунѣ его высылки Крашевскаго, который «не раздѣлялъ опасеній скорой борьбы», и Агатона Гил-

лера, который заявилъ, что «Литва можетъ быть покойна». Наконецъ Юргенсъ утверждалъ, что «настоящее положеніе продлится еще долго». Всѣ покидали бывшую польскую столицу съ тѣмъ убѣжденіемъ, что возстаніе, если и вспыхнетъ когда либо, развѣ при наличности болѣе благопріятствующихъ ему обстоятельствъ и послѣ надлежащей его организаціи.

Увы, всѣ ошибались.

І. Кучинскій.

„ЧОРТОВО ГОРОДИЩЕ“ ОКОЛО Г. ЕЛАБУГИ.

«Сей древнѣйшій памятникъ до разрушенія не допущенъ; возобновленъ слабужскими гражданами въ 1867 году».

Надпись.

НЕДАЛЕКО (менѣе двухъ верстѣ) отъ г. Елабуги (Вятской губерніи), на правомъ гористомъ берегу многоводной Камы возвышается оригинальная башня, извѣстная среди мѣстнаго населенія подъ фантастическимъ названіемъ «Чортова городища». Расположенная на высокой—до 25 сажень отъ подошвы—горѣ, башня эта кажется съ рѣки Камы, равно и съ берега ея, маленькою хижиною; въ дѣйствительности же это сооруженіе имѣетъ (въ настоящее время) болѣе трехъ сажень въ вышину, около восьми сажень въ окружности и двѣ сажени въ поперечникѣ. Эта круглая, крытая желѣзомъ и видимо недавно подновленная башня—одинъ изъ древнѣйшихъ въ предѣлахъ Россіи памятниковъ архитектуры; это одинъ изъ немногихъ остатковъ древне-болгарской культуры,—культуры народа, нѣкогда господствовавшаго на берегахъ рѣки Камы.

Происхожденіе Чортова городища теряется во мракѣ вѣковъ и послужило поводомъ къ созданію многочисленныхъ гипотезъ. Авторъ «Булгарской лѣтописи», писатель XVI вѣка, Шерефъ-еддинъ бенъ Хисамъ, сообщаетъ о преданіи, въ силу котораго основаніе города Алабуги¹⁾ приписывается Искандеру Двурогому, то-есть Александру Македонскому. А извѣстно, что этому герою древности восточные народы приписываютъ построеніе всѣхъ древнихъ и славныхъ городовъ, обстоятельства созданія которыхъ совѣмъ

¹⁾ Мѣстное населеніе и теперь называетъ городъ, вблизи котораго расположено Чортово городище, Алабугой (а не Елабугой).

исчезли въ народной памяти. Русскіе ученые начала XIX вѣка, Зябловскій и Вештомовъ, склонны были относить происхожденіе елабужскаго городища еще къ болѣе отдаленному времени; они видѣли въ немъ тотъ городъ Гелонъ, до котораго, по извѣстію Геродота, персидскій царь Дарій Гистаспъ преслѣдовалъ скиѳовъ въ своемъ походѣ 512 года до Рождества Христова. Но такое предположеніе, по справедливому замѣчанію профессора Невоструева, является совершенно неосновательнымъ.

Достовѣрно одно, что елабужское городище является памятникомъ древне-болгарскаго народа, о богатствѣ котораго говоритъ наша лѣтопись еще при разсказѣ о походахъ Владимира Святого. Очень возможно, что здѣсь былъ именно болгарскій городъ Бряхимовъ, взятый княземъ Андреемъ Боголюбскимъ въ 1164 году. Во всякомъ случаѣ здѣсь былъ городъ съ крѣпостію, которой позавидовали бы многія современныя укрѣпленія. Еще Рычковъ (въ 1769 году) видѣлъ здѣсь каменную стѣну въ 13 сажень длины и болѣе двухъ вышины. Но всеразрушающая рука времени, а еще болѣе людское невѣжество и нерадѣніе, смыли съ лица земли большую часть этихъ укрѣпленій...

Послѣ завоеванія русскими Казани на мѣстѣ елабужскаго городища возникаетъ православный монастырь. Рычковъ говоритъ о преданіи, по которому монастырь этотъ основанъ самимъ Іоанномъ Грознымъ. Послѣдній будто бы поѣхалъ въ г. Соликамскъ, но на пути заболѣлъ, какъ разъ на мѣстѣ нынѣшняго города Елабуги, по какому поводу здѣсь и основанъ былъ монастырь. Преданіе это, какъ противорѣчащее лѣтописнымъ даннымъ¹⁾, считаютъ баснословнымъ. Монастырь возникъ здѣсь только въ 1614 году, при царѣ Михаилѣ Оеодоровичѣ, и просуществовалъ около столѣтія. Въ настоящее время память о немъ сохранилась лишь въ названіи ближайшей деревни «Подмонастырка».

Православные монахи видѣли въ зданіяхъ и укрѣпленіяхъ городища остатки язычества, и потому считали своимъ долгомъ разрушать эти памятники. Къ счастью, въ одной изъ башенъ крѣпости—башнѣ, сохранившейся до нашихъ дней—пріютилась монастырская церковь въ честь сошествія Св. Духа. Въ противномъ случаѣ мы не имѣли бы, вѣроятно, ни одного слѣда отъ этого рѣдкаго памятника старины. Къ 1867 году отъ крѣпости осталась одна стѣна угловой башни. Еще немного,—и однимъ изъ замѣча-

¹⁾ Кратковременное (по лѣтописи) пребываніе Ивана Грознаго подъ Казанью вызвало, однако, въ населеніи сѣверо-восточной Россіи немало баснословныхъ преданій. Въ Ветлужскомъ краѣ Костромской губерніи и теперь показываютъ въ лѣсу «ратную тропу», по которой будто бы проходилъ Грозный съ войскомъ, и говорятъ даже о существующей до сихъ поръ надписи, высѣченной по этому поводу на деревѣ въ лѣсу. Основаніе городовъ Царевкокшайска (Казанской губерніи) и Царевосанчурска (Вятской губерніи) народъ приписываетъ также Грозному.

Чоргово городище близъ г. Елабуги .

тельнѣйшихъ памятниковъ древности на Руси было бы меньше... Но въ Елабугѣ того времени нашлись просвѣщенные лица, которыя и спасли памятникъ.

Въ 1867 году, по иниціативѣ и старанію елабужскаго гражданина Ив. Вас. Шишкина (отца извѣстнаго художника), памятникъ былъ возстановленъ. Угловая (юго-восточная) башня, отъ которой сохранились фундаментъ и одна стѣна, была возсоздана въ своемъ первоначальномъ видѣ. Тогда же въ стѣну башни была вложена чугунная доска, съ скромною, но правдивою надписью, которую мы привели въ эпиграфѣ.

Прилагаемый рисунокъ является фотографическимъ снимкомъ памятника въ его настоящемъ видѣ.

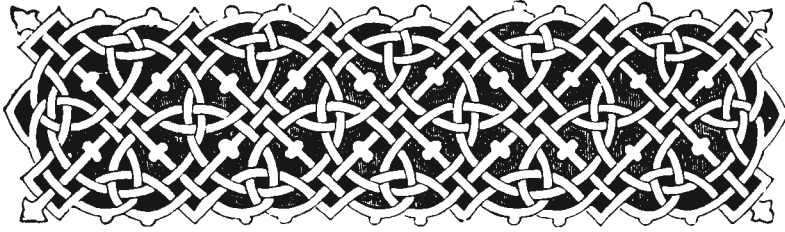
Что до происхожденія самаго названія: Чортово городище, то его объясняютъ различно. Одни видятъ здѣсь память о языческихъ («бѣсовскихъ», какъ говорили въ старину) жертвоприношеніяхъ и моленіяхъ древнихъ болгаръ. Другіе—удивленіе народной фантазіи предъ оригинальною старинною постройкою—изъ огромныхъ необдѣланныхъ камней, почти безъ цемента. (Чортовы же городища показываютъ еще въ Уфимской и Рязанской губерніяхъ). Наконецъ, въ народѣ рассказываютъ на этотъ счетъ весьма поэтическую легенду. Приводимъ ее со словъ одной мѣстной крестьянки.

«У попа было много дочерей, и никто ихъ замужъ не бралъ.— Никому моихъ дочерей не надо,—говоритъ попъ,—хоть бы чортъ посваталъ, такъ и ему бы отдалъ! Черти тѣ, легки на поминѣ, и нагрянули ночью къ попу со свадьбою: общалъ, говорятъ, намъ дочь, такъ отдавай! Отнѣживался-отнѣживался попъ,—ничего не помогаетъ; не даютъ черти спуску.—А постройте мнѣ, говоритъ попъ, въ одну ночь церковь, тогда, такъ и быть, отдамъ.—Согласились черти; закипѣла работа: изъ рѣки камни таскаютъ, десятнымъ мужикамъ не поднять. Торопились-торопились черти, больше полцеркви ужъ было готово,—анъ, пѣтухи запѣли. Ухнули окаянные въ воду,—больше и помину объ нихъ не было. А церковь и теперь стоитъ, только никто въ ней служить не будетъ»...

Замѣчательно, что ни эта легенда, ни названіе городища чортовымъ не хотятъ считаться съ тѣмъ фактомъ, что на мѣстѣ городища былъ монастырь и православныя церкви...

Елабужское «Чортово» городище издавна привлекало къ себѣ вниманіе путешественниковъ и ученыхъ. Послѣ Рычкова (1769 г.) его посѣтилъ и описалъ казанскій профессоръ Эрдманъ (1834 г.), а затѣмъ мѣстный священникъ-историкъ Кулыгинскій (1847 г.). Художникъ Ив. Ив. Шишкинъ нарисовалъ видъ городища и составилъ планъ крѣпости (1855 г.). Наконецъ, профессоръ К. Н. Невоструевъ посвятилъ елабужскому городищу одинъ изъ своихъ докладовъ на первомъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ.

Д. К. З—нинъ.

НА НОВОМЪ АӨОНѢ.

(Листки изъ путевого дневника).

«Берегите дорогое достояніе—вѣру народную:
у него есть чему намъ поучиться».

Ө. М. Достоевскій.

ШЛАВНО и быстро скользятъ нашъ маленькій «Платонъ», уютный пароходикъ «Россійскаго общества», по безмятежному зеркалу черноморскихъ водъ, направляясь отъ Сухума къ Новому Аѳону. Перевалило за полдень... Августовское солнце изрядно припекаетъ, ярко сіяя съ безоблачныхъ небесъ и отражаясь миллионами золотистыхъ лучей въ синевато-зеленоватой глубинѣ моря. Мы торопимся кончить обѣдъ въ каютъ-компаніи и гурьбой выходимъ на верхнюю палубу, чтобъ встрѣтить взорами уже виднѣющійся издали монастырь на живописныхъ склонахъ абхазскихъ горъ.

На темномъ силуэтѣ горнаго ландшафта уже выдѣляется изящный фасадъ изъ бѣлаго камня верхняго монастырскаго храма, съ высокой стройной колокольной. На остроконечной вершинѣ сосѣдней горы, имѣющей видъ расплывшагося конуса, виднѣется часовенка, близъ развалинъ старой башни эпохи римскаго владычества... У подножья монастырскаго горы мелькаютъ маленькіе, бѣлые домики... Тонкіе кипарисы съ темной зеленью, словно соблюдая сторожевые посты, окружаютъ обитель почти со всѣхъ сторонъ.

Пароходъ останавливается близъ монастырскаго пристани... Къ намъ навстрѣчу плывутъ фелюги, чтобы посадить на борту отъѣзжающихъ молельщиковъ и взять на берегъ насъ.

Дружные взмахи веселья, съ плескомъ ударяющихся въ зеленую грудь моря, быстрые скачки фелюги по морской ряби—и мы на пристани, гдѣ радушно встрѣчаетъ насъ «отецъ гостинникъ», — престарѣлый и больной ногами іеромонахъ Евтихій, дѣлающій распоряженіе объ отводѣ богомольцамъ соотвѣтствующаго помѣщенія въ монастырскихъ гостиницахъ.

Мнѣ отвели просторный номеръ окномъ на море. Чуть-чуть слышенъ приборъ.. Небо попрежнему безоблачно... Съ моря въ широко-растворенное окно несетя одному лишь морю свойственный бодрящій и освѣжающій запахъ влаги и соли... На горизонтѣ ни одного паруса... Всюду тишь... Ту же тишь я почувствовалъ и внутри себя, и мнѣ невольно вспомнились строки А. Н. Муравьева, написанныя имъ на Старомъ Аeonѣ:

Моря житейскаго шумныя волны
Мы протекли,—
Въ пристань надежную утле челны
Насъ привесли...
Здѣсь, несказанною радостью полны,
Слышимъ—вдали
Моря житейскаго шумныя волны...

Очень еще сравнительно недавно выстроенный, нагорный, центральный монастырь съ колокольной и окружающими его кельями и разными монастырскими службами, имѣетъ видъ правильнаго четырехугольника, на подобіе всѣхъ вообще монастырей на Аeonской горѣ. Въ лицевомъ корпусѣ постройки, обращенной къ морю,—три церкви, а именно: надъ «святыми вратами»—Вознесенія Господня, въ восточномъ углу — апостола Андрея, а въ западномъ — во имя Всѣхъ Святыхъ aeонскихъ.

Изъ-за этихъ наружныхъ построекъ выступаетъ обширный храмъ во имя св. Пантелеймона-цѣлителя, поражающій cadaго удивительной гармоничностью своихъ частей и благородствомъ стилия, расположенный на широкомъ, вымощенномъ квадратными тесанными камнями, дворѣ. Въ храмѣ четыре придѣла — Александра Невскаго, Маріи Магдалины, Николая Чудотворца и св. Георгія, въ честь посѣщенія почившимъ государемъ Александромъ III, съ августѣйшей семьей, монастыря въ 1886 году.

По отлогимъ уступамъ горъ, все ближе и ближе къ синему морю, спускаются отъ нагорнаго монастыря постройки прежней, первоначальной обители съ главной церковью, темноватой и не обширной, во имя Покрова Богородицы. Церковь окружаетъ тѣнистый садикъ съ кипарисами, что и дѣлаетъ ее полутемной. Этотъ полумракъ ея придаетъ ей какую-то особую прелесть, располагая къ тому именно молитвенному созерцальному настроенію, которое не такъ часто общается при входѣ въ первый встрѣчный храмъ.

Это первая, по времени, монастырская церковь и выстроена еще до русско-турецкой кампании 1877 — 1878 гг. Во время войны она была разрушена возмущившимися абхазцами, какъ и всѣ прочія зданія Ново-Аѳонской обители. По заключеніи мира церковь была заново реставрирована и освящена въ 1879 году.

Въ Покровской церкви есть нѣсколько интересныхъ иконъ. Наибольше достойная вниманія — это старинная икона Пресвятой Богородицы, у лѣваго клироса, привезенная сюда со стараго Аѳона въ 1889 году, именуемая «Избавительницей». Икона эта небольшая, въ золотой, украшенной драгоценными камнями ризѣ; она помѣщается въ отдѣланной эмалью кютокѣ и вдѣлана въ другую большихъ размѣровъ, съ изображеніемъ, во весь ростъ, св. Симона Кананита и великомученика Пантелеймона, какъ бы держащихъ вышеописанную икону въ рукахъ.

Подъ палящими лучами яркаго полуденнаго солнца, медленно, шагъ за шагомъ, прикрываясь отъ зноя зонтиками, долго поднимались мы по крутой каменной лѣсенкѣ, проложенной по почти отвѣсному откосу скалы и ведущей въ келію завѣдывающаго монастырскимъ садоводствомъ отца Тиверія. Келья крохотная, съ миниатюрной кухонкой при ней, и едва вмѣщаетъ въ себя трехъ-четырехъ посѣтителей. Покрытая ковромъ жесткая тахта, круглый столъ у окна, нѣсколько стульевъ и кресель, а на продолговатомъ выступѣ сѣрой скалы, капризно забравшейся подъ самую гостепріимную сѣнь отшельника, какъ бы врѣзываясь въ стѣнку кельи, распятіе и рядомъ аналои съ евангеліемъ, — вотъ и все украшеніе этого прелестнаго, уединеннаго отъ міра, уголка...

Прильнувъ къ широкому откосу лѣсистой горы и держась на его двухъ узкихъ выступахъ, укрѣпленныхъ искусно сложеннымъ фундаментомъ и толстыми желѣзными рельсами, эта единственная въ своемъ родѣ келья отца Тиверія какъ бы виситъ въ воздухѣ, уцѣпляясь гнѣзду орла на вершинѣ недоступныхъ скалъ! Несравненный по ослѣпительной красотѣ, обилію и разнообразію красокъ ландшафтъ открывается передъ вашими очарованными взорами съ обѣихъ балконовъ кельи, бокового, узенькаго, совсѣмъ повисшаго надъ пропастью, на который съ непривычки какъ-то даже жутко выйти, такъ и кажется, что вотъ-вотъ свалишься внизъ съ головокругительной высоты, на которую попалъ какимъ-то чудомъ, и другого, верхняго, лежащаго еще выше перваго, болѣе широкаго и просторнаго, составляющаго естественный выступъ горы, огороженнаго чугунной рѣшеткой и окруженнаго темными лаврами, свободно растущими по уступамъ скалъ. Справа, совсѣмъ внизу, у вашихъ ногъ, виднѣется верхній, нагорный монастырь, тотъ самый, который казался съ моря на такой значительной высотѣ; прямо передъ

Новий Ассонг. Видъ монастиря съ моря.

вами монастырскіе виноградники; лѣвѣ—апельсиновыя и лимонныя рощи, а вдали—безбрежное и могучее море съ темно-зеленоватымъ отливомъ, свойственнымъ исключительно «понту Евксинскому», весело сверкающее подъ ослѣпительно яркими и нестерпимо жгучими лучами кавказскаго солнца!

Отецъ Тиверій, монахъ со Старога Аона, страстный садоводъ и ботаникъ, уже не разъ получалъ почетные отзывы и дипломы отъ разныхъ ученыхъ обществъ и выставокъ за свои экспонаты по гортикультурѣ. Эти отзывы, вмѣстѣ съ фотографіями мѣстныхъ видовъ, украшаютъ всю внутреннюю стѣну его укрожной кельи и составляютъ вполне заслуженную гордость ея скромнаго хозяина.

Невысокаго роста, съ темно-русой бородой, въ синихъ очкахъ, отецъ Тиверій, еще не старый человѣкъ, полный силъ и энергіи, и своей простотой и добродушной обходительностью производитъ симпатичное впечатлѣніе на окружающихъ. Это человѣкъ дѣла и активнаго труда, весь день проводящій въ монастырскихъ садахъ за работой. Въ постоянной близости съ природой черпаетъ онъ свои нравственныя силы, восхваляя Творца въ своемъ живописномъ уединеніи, на кряжахъ Абхазскихъ горъ...

Угостивъ насъ, меня и моего спутника, чаемъ съ сочными лимонами изъ собственныхъ монастырскихъ рощъ, отецъ Тиверій повелъ насъ внизъ показывать ново-аонское садоводство. Оно находится здѣсь въ цвѣтушемъ состояніи.

Мы начали съ «ботаническаго сада», расположеннаго на полпути отъ старога къ верхнему монастырю и обладающаго разными рѣдкими видами экзотическихъ растений до банана и японской «хурмы» включительно; затѣмъ перешли въ пальмовый садъ, находящійся подъ самой стѣной нагорнаго монастыря, гдѣ интереснѣйшія породы стройныхъ пальмъ сидятъ прямо въ грунтѣ и отлично себя чувствуютъ въ благодатномъ климатѣ благословенной Колхиды. Посрединѣ этого садика, не большаго, но чрезвычайно изящнаго, бьетъ фонтанъ, оживляя и освѣжая мѣстность.

Мы закончили нашу интересную прогулку апельсиновыми и лимонными рощами, сразу перенесшими наше воображеніе далеко, далеко за предѣлы Россіи, въ теплую «ривьеру». Ограда этого сада почти вся сплошь изъ розъ и олеандровъ. Маслины и яблоки въ большомъ количествѣ. Яблоки обитель продаетъ въ Новороссійскъ и дѣлаетъ изъ нихъ своеобразное вино, напоминающее собою сидръ.

Мой спутникъ, бывшій земскій начальникъ Астраханской губерніи, г. Р., самъ большой любитель и знатокъ садовыхъ культуръ, съ любопытствомъ останавливался чуть не предъ каждымъ деревомъ и кустикомъ, около которыхъ мы проходили, и разспрашивалъ о нихъ отца Тиверія. Этотъ послѣдній съ величайшей готовностью отвѣчалъ на вопросы, при чемъ называлъ растенія ихъ латинскими именами, какъ настоящій ученый садоводъ.

Новый Афонъ. Церковь св. Симона Кананита.

Монастырскіе апельсины были еще не совѣзмъ спѣлы, зато гигантскихъ размѣровъ, лимоны соблазнительно желтѣли на солнцѣ, выглядывая изъ-подъ гляncовитыхъ, упругихъ, словно покрытыхъ лакомъ листьевъ.

— Вчера еще мы порывались осмотрѣть ваши апельсиновые и лимонныя плантаціи, отче, но насъ не пустили,—сказаль я между прочимъ о. Тиверію.

— Я строго слѣжу,—отвѣтилъ онъ,—чтобы безъ меня сюда никого не пускали; того и гляди, все испортятъ, оборвутъ плоды, наломаютъ вѣтокъ... Особенно безцеремонны въ этомъ отношеніи дамы,—прибавилъ онъ съ добродушной улыбкой.

Монастырскія гостиницы, въ низенькихъ каменныхъ корпусахъ, расположены въ старомъ монастырѣ, у пристани, вблизи главныхъ воротъ, надъ которыми написана икона Покрова Пресвятой Богородицы. Ихъ три: въ верхнемъ этажѣ такъ называемое «дворянское отдѣленіе», сравнительно небольшое, для интеллигентныхъ посѣтителей монастыря, «купеческое», болѣе просторное и обширное, и въ нижнемъ—общія страннопріимныя для простого народа. Этотъ послѣдній стекается сюда цѣлыми массами, особенно въ теплое время и въ теченіе постовъ, гоститъ цѣлыми недѣлями и гораздо больше, пользуясь безвозмездно (какъ и всѣ вообще прибывающіе на Новый Афонъ) кровомъ и пищей. Правда, иногда, по мѣрѣ надобности, монастырь пользуется трудами богомольцевъ изъ народа для тѣхъ или иныхъ земляныхъ работъ въ монастырѣ, но безъ малѣйшаго, однако, принужденія; богомольцы изъ народа всегда очень охотно трудятся на пользу обители, пріютившей ихъ и кормящей, и чувствуютъ въ этомъ какъ бы особое нравственное удовлетвореніе.

Монастырская трапеза изъ трехъ блюдъ, всегда обильна и вкусна, хотя и изготовлена, конечно, на постномъ маслѣ. За обѣдомъ, въ 11 часовъ утра, и ужиномъ, въ 7 часовъ вечера, подаютъ красное вино, очень пріятнаго вкуса, выдѣланное изъ монастырскаго винограда «Изабелла», кисленькое, не крѣпкое и освѣжающее, употребляемое вездѣ въ Абхазіи, Гуріи и Имеретіи. Хлѣбъ въ монастырѣ, какъ черный, такъ и бѣлый, прекрасно пропеченъ и напоминаетъ просфорное тѣсто. Въ монастырѣ ежедневно пекутъ для гостей-богомольцевъ и братіи, которой здѣсь свыше 700 чловѣкъ, по 150 пудовъ хлѣба; въ теченіе же года его расходится до 37.000 пудовъ!

Братія въ монастырѣ имѣетъ особую, совершенно изолированную отъ гостиницъ, трапезную, въ верхнемъ монастырѣ, куда, однако, допускаются и міряне. Это высокая, свѣтлая, выстроенная крестомъ обширная зала, стѣны которой украшены многочисленными изображеніями изъ священнаго писанія; она помѣщается въ зданіи монастырской колоколни. Въ этой трапезной ежедневно читаются житія святыхъ или святоотеческія поученія. Въ трапезныхъ гостиницъ, къ сожалѣнію, этихъ чтеній не бываетъ,—здѣсь

Новый Афонъ. Водопадъ близъ пещеры св. Симона.

всегда царитъ оживленіе, ведется перекрестный разговоръ о видѣнномъ въ теченіе дня, объ испытанныхъ впечатлѣніяхъ, и подчасъ съ нѣскольکو излишней веселостью, слишкомъ мірскаго отѣнка. При вышеупомянутыхъ чтеніяхъ этого, конечно, не было бы и, можетъ быть, къ лучшему.

Въ первую же ночь моего пребыванія на Новомъ Аоонѣ, меня разбудилъ въ 2 часа пополудни рѣзкій звонокъ, гулко прогремѣвшій по коридорамъ гостиницы: это богомольцы оповѣщались о началѣ богослуженія, которое здѣсь, въ соответствии съ древнимъ уставомъ Старога Аѳона, совершается главнымъ образомъ ночью.

Въ 2 часа ночи начинается полунощница, затѣмъ непосредственно слѣдуетъ утренняя, на которой обязательно должна быть вся братія, потомъ ранняя обѣдня, а за ней почти безъ перерыва—поздняя. Въ 4 часа пополудни—вечерняя, а за ней, послѣ краткаго промежутка,—повечеріе.

Въ Ново-Аѳонскомъ монастырѣ существуетъ издревле сохранившійся обычай ежедневной исповѣди братіи предъ о. игуменомъ. Всякій день за утреней, послѣ шестопсалмія, нынѣшній о. игуменъ Симоно-Кананитскаго монастыря, архимандритъ Іеронъ, входитъ въ особую келью, на церковныхъ хорахъ, и исповѣдуетъ въ ней всѣхъ, добровольно желающихъ открыть предъ нимъ свои помыслы и совѣсть. При большой житейской опытности теперешняго о. игумена Ново-Аѳонской обители, достойнѣйшаго архимандрита Іерона, эта добровольная исповѣдь оказываетъ весьма благотворное вліяніе какъ на монашествующихъ, поддерживая постоянное духовное общеніе ихъ съ настоятелемъ, такъ и на мірянъ, пріѣзжающихъ сюда говѣть.

Настоятель служитъ ежедневно раннюю обѣдню въ церкви Вознесенія, имѣющей, какъ уже было упомянуто, въ нагорномъ монастырѣ, вблизи его покоевъ, окнами на море, отличающихся строгой простотой и непритязательностью обстановки.

Отецъ Іеронъ—альфа и омега всей внутренней жизни Ново-Аѳонской обители. Онъ прибылъ сюда со Старога Аѳона въ 1876 году, когда монастырь начиналъ еще только зарождаться, и не будь этого энергичнаго, талантливаго самородка съ недюжиннымъ умомъ и административными способностями, — Ново-Аѳонскій монастырь, безъ всякаго сомнѣнія, никогда не достигъ бы своего теперешняго блестящаго состоянія. Все, что вы здѣсь видите, — этотъ удивительный по грандіозности и граціи нагорный соборъ съ окружающими его, въ видѣ четырехугольника, кельями, для постройки котораго приходилось взрывать гору, чтобы получилась нужная площадка, эти сады, виноградники, апельсиновые и лимонныя рощи, рѣдкіе сорта пальмъ и садовыхъ культуръ, водопроводныя работы, искусственное орошеніе всего монастырскаго участка, пруды, полные рыбою, мельницы, заводы, каменоломни, лѣсопильни, школа, монастырскіе хутора, лежащіе вблизи него; — все это дѣло рукъ о. Іерона, безъ усталы, болѣе четверти вѣка, работавшаго надъ улучшеніемъ и расширеніемъ отданной на его попеченіе обители.

Новый Леонъ. Озеро за водопадомъ и церковь св. апостола Симона.

Хозяйственные способности о. Герона достойны удивления. Вокруг всего монастыря проложена, по его мысли, узкоколейная желѣзная дорога, которая, огибая монастырь внизу, захватываетъ на своемъ пути всѣ главные хозяйственные учрежденія—складъ съѣстныхъ припасовъ, мельницу, хлѣбопекарню, лѣсопилню, и поднимается къ нагорному монастырю, на каменоломню, а оттуда на кирпичный заводъ. По этой дорогѣ въ вагонеткахъ людьми и лошадьми, смотря по надобности, доставляются прямо къ морю и развозятся по обители продукты, строительные материалы. Дорога эта связываетъ собою всѣ разбросанныя на большомъ пространствѣ хозяйственные учрежденія монастыря и оказываетъ громадную пользу при строительныхъ работахъ.

Монастырскіе пруды, эта краса обители, также обязаны своимъ появленіемъ о. Герону. Цѣлая вереница прудовъ прѣсной воды тянется влѣво отъ монастырской пристани. Они обсажены пирамидальными тополями и плакучими ивами, а на гладкой поверхности ихъ мѣрно плаваютъ лебеди. Островки, фонтанъ, кое-гдѣ мостики и хижинки по берегамъ, придаютъ большую прелесть этому симпатичному уголку монастыря. Въ прудахъ много разнообразной рыбы, которая обыкновенно приберегается для больныхъ и для исключительныхъ случаевъ; для монастырской же трапезы рыба приобрѣтается по преимуществу изъ каспійскихъ водъ.

На мѣстѣ теперешнихъ монастырскихъ прудовъ была нѣкогда трясина, вслѣдствіе чего въ монастырѣ свирѣпствовала сильнѣйшая малярія, какъ и вообще на всемъ черноморскомъ побережьѣ Кавказа. Съ устройствомъ же прудовъ по инициативѣ того же о. Герона, стало замѣчаться значительное оздоровленіе мѣстности Новаго Аѳона, и случаи маляріи замѣтно здѣсь уменьшились въ процентномъ отношеніи.

Еще болѣе удивленія и вниманія заслуживаютъ слѣдующія ирригаціонныя сооруженія, увидавшія свѣтъ, благодаря неутомимости о. Герона. Онъ воспользовался обильной водой озера, образуемаго загражденіемъ мѣстной рѣчки Нсыртехи узкимъ ущельемъ, ведущимъ къ пещерѣ Симона-Кананита, въ сѣверо-восточной части монастыря, чтобы устроить орошеніе всей обители. Озеро это, стекая поверхъ плотины внизъ, очень красивымъ водопадомъ, по каналамъ растекается въ разныя мѣста, для очистки нечистотъ нижняго монастыря, орошенія огородовъ, масляничныхъ плантацій, питомниковъ, садовъ, на прачениную и далѣе, на протяженіи двухъ верстъ, чрезъ чугунныя трубы, на кирпичный заводъ. Другими же стоками, изъ того же озера, вода проведена къ морю, гдѣ у самаго берега образуетъ только что описанные пруды съ прѣсноводной рыбой. Прибавимъ, что дно этихъ прудовъ устроено пологими террасами, такъ что вода постепенно сбѣгаетъ все ниже и ниже, съ болѣе высокаго въ лежащій ниже резервуаръ, а излишекъ ея уходитъ въ море.

Новый Афонъ. Кипарисовая аллея къ водопаду.

Питьевой водой монастырь снабжается, благодаря другому сооруженію, придуманному отцомъ настоятелемъ. Къ колесу водяной мельницы, стоящей влѣво отъ ущелья рѣки Псыртехи, приспособлена водокачалка, которая одновременно съ работой на мельницѣ, т. е. съ помоломъ муки, накачиваетъ воду и для нагорнаго мона-

стыря, при чемъ вода, поднятая сначала на высоту 50 саж., проходитъ далѣе около 250 саж. по чугуннымъ трубамъ, отъ нагорнаго монастыря опять по трубамъ идетъ около 70 саж. и изливается въ общій бассейнъ, откуда уже ею снабжаются всѣ зданія нижняго монастыря.

Во время всесторонняго осмотра Ново-Аѳонской обители мнѣ не разъ приходилось подолгу бесѣдовать съ иноками о ихъ житьѣ-бытьѣ.

— Хорошо ли вамъ здѣсь живется?—спросилъ я какъ-то сопровождавшаго меня, еще не стараго, монаха великорусскаго типа, съ бѣлокурыми курчавыми волосами и откровеннымъ взоромъ.

— Ни на что пожаловаться не можемъ,—отвѣтилъ онъ.—Живемъ мы здѣсь, слава Создателю, хорошо, мирно.

— А подчасъ трудно бываетъ?

— Уставъ нашъ, вы сами знаете, не легкій, старо-аѳонскій уставъ съ небольшими измѣненіями, но мы къ трудовой жизни и послушанію привычны... Конечно, постомъ великимъ особенно трудно,—первые три дня первой недѣли и на страстной почти ничего не ѣдимъ...

— А отецъ игумень строгій?

— Очень строгій, но добрый человѣкъ и справедливый, снисходительный... Не строгимъ здѣсь и быть нельзя: одной братіи 700 человѣкъ, а другихъ служащихъ при монастырѣ сколько!

— Налагаютъ на васъ строгія взысканія за проступки?

— Провинится монахъ—идетъ къ отцу игумену и самъ все ему разскажетъ, какъ что было, а игумень внимательно выслушаетъ и внушеніе сдѣлаетъ—это чувствительнѣе всякаго наказанія... За проступки взыщеть, а къ слабости человѣческой снисходитъ: съѣсть постомъ инокъ неположенное—«Богъ проститъ!—скажетъ,—впередъ не дѣлай». Мы нашего настоятеля любимъ и чтимъ, а, конечно, не всѣмъ онъ по сердцу: люди разные бываютъ... Онъ трудиться любить, весь день въ трудахъ, ну, и мы за нимъ трудимся.

— Много къ вамъ пріѣзжаетъ богомольцевъ?

— Такъ-то иной разъ много, что и размѣститъ некуда! Кладемъ кого куда,—въ коридорахъ гостиницъ на циновкахъ спать...

— Трудно вамъ съ ними?

— А на то мы и пришли сюда, чтобы служить пріѣзжимъ и вѣру Христову поддерживать.

— Я думаю, братъ, туристы вамъ изрядно таки надоѣдаютъ?—спрашивалъ я потомъ у другого монаха.

— Это какъ кто,—отвѣтилъ онъ,—есть серіозные, всѣмъ интересующіеся, а, вѣдь, много и празднаго люда приходитъ, которые Богъ знаетъ что потомъ баюють.

Новый Аeonъ, Верхній соборъ.

Къ этимъ послѣднимъ принадлежитъ и г. В. Д., помѣтившій недавно въ газетѣ «Кавказъ» (№ 235) удивительное письмо съ Новаго Аѳона, въ которомъ приводитъ фантастическія свѣдѣнія о какихъ-то, будто бы, ходящихъ по обители «анекдотахъ», по поводу налагаемыхъ на иноковъ жестокихъ наказаній, и вкладываетъ въ уста этимъ послѣднимъ едва ли вѣроятныя жалобы на свою судьбу.

Мысль объ устройствѣ въ абхазскихъ городахъ, въ Закавказьѣ, Ново-Аѳонской обители, какъ надежнаго центра для распространенія православія и обрусенія края, представляющей собою отпрыскъ русскаго Пантелеймоновскаго монастыря на Старомъ Аѳонѣ, принадлежала бывшему настоятелю этого послѣдняго, архимандриту Макарію (прекрасный портретъ котораго виситъ въ трапезной одной изъ монастырскихъ гостиницъ на Новомъ Аѳонѣ) и бывшему нашему послу въ Турціи—графу Н. П. Игнатьеву.

Въ августѣ 1875 года, со Старога Аѳона прибыли въ Сухумскій округъ иноки съ цѣлью выбора мѣста для новаго монастыря и остановились на живописныхъ развалинахъ древней римской крѣпости Никоііи (или Анакоііи), вблизи стараго храма во имя св. Симона-Кананита, на берегу рѣки Псыртсхи, гдѣ, по преданію абхазцевъ и грузинъ, онъ былъ погребенъ. Крѣпость эта, какъ полагають, была основана еще въ III вѣкѣ по Р. Х. римскимъ императоромъ Траяномъ.

Выборъ этого мѣста нельзя не признать вполне удачнымъ. Это лучшее въ Абхазіи, центральное по своему положенію мѣсто, находящееся въ 25 верстахъ къ западу отъ города Сухума; мѣстность въ высшей степени живописная, гористая и плодородная. Ближайшее абхазское селеніе Ацы отстоитъ отъ нея въ 5 верстахъ къ западу.

Возникавшей обители бывшимъ въ то время намѣстникомъ Кавказа, его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, были отведены 327 десятинъ подъ усадьбу и еще отдѣльный участокъ въ 1.000 десятинъ. По полученіи земли подъ монастырь, аѳонскіе иноки немедленно приступили къ заготовленію матеріаловъ для возобновленія древней церкви Симона-Кананита и для другихъ предварительныхъ монастырскихъ построекъ.

Въ 1876 году, прибылъ съ Аѳона на рѣку Псыртсху іеромонахъ Іеронъ, нынѣшній настоятель Ново-Аѳонскаго монастыря, въ качествѣ эконома и архитектора, который путемъ практики достигъ замѣчательныхъ познаній по строительной части. Благодаря его всѣмъ извѣстной неутомимости, энергіи и предпримчивости, работы пошли очень быстро, и осенью 1876 года всѣ заложенныя зданія и

церковь Покрова (о которой читатели уже знаютъ) были закончены. Храмъ былъ освященъ 17-го октября 1876 года.

Предполагавшееся затѣмъ возобновленіе церкви Симона Кананита и закладка монастыря были пріостановлены начавшейся въ это время русско-турецкой войною. Вслѣдствіе появившагося одновременно враждебнаго Россіи броженія среди абхазцевъ, братія новаго монастыря была отправлена въ Кутаисскую губернію, въ Гелатскій монастырь, а при церкви для продолженія богослуженія остались іеромонахъ Іеронъ, монахъ Іоаннъ, въ качествѣ уставщика и пѣвца, и два послушника. Церковная служба продолжалась ими непрерывно до 7-го апрѣля 1877 года, т. е. до открытія военныхъ дѣйствій нашихъ съ Турціей, когда они тоже уѣхали въ Гелатскій монастырь.

По окончаніи войны, братія немедленно возвратилась изъ Кутаиса на избранное мѣсто и стала возстановлять разрушенныя непріателемъ зданія и церковь. Съ этихъ поръ ростъ монастыря продолжался непрерывно.

Абхазы грузинскихъ хроникъ, авазги Прокопія и абезы нашего Нестора появляются въ исторіи съ V вѣка — эпохи грузинскаго царя Вахтанга-Гургослана. Историческая жизнь Абхазіи довольно разнообразна.

За 700 лѣтъ до Р. Х. нынѣшняя Абхазія принадлежала грекамъ, милетскимъ выходцамъ, основавшимъ тамъ свои колоніи и производившимъ торгъ съ Азіей и Индіей чрезъ Закавказье. Важнѣйшія колоніи здѣсь были Пиціусъ (нынѣ Пицунда), большой городъ временъ Страбона, Зуфу, теперь Лихна, Никопсія, гдѣ теперь Ново-Аѳонскій монастырь, Диоскурія—современный городъ Сухумъ, Фазисъ (при устьѣ р. Ріона), городъ Поті и другіе.

Всѣ эти колоніи носили характеръ «вольныхъ городовъ», пока не подпали подъ власть Митридата, царя понтійскаго, за 100 лѣтъ до Р. Х., а затѣмъ Рима. Во время вѣковой борьбы Византіи съ персидскими сассанидами въ Лазикіи, нынѣшней Гуріи, абхазцы принимали сторону первой. Въ VI вѣкѣ царь персидскій Хозрой покорилъ и Лазикію и Абхазію, но вскорѣ абхазцы объявили свою независимость и избрали себѣ своего правителя. Этому воспрпятствовала, однако, Византія, взявшая у абхазцевъ послѣ кровопролитнаго боя Трахейское ущелье, ведущее внутрь страны, и подчинившая ихъ своей власти.

Слѣдствіемъ этого было начало распространенія христіанства среди абхазцевъ и построеніе въ 551 году императоромъ Юстиніаномъ перваго христіанскаго храма въ Абхазіи—въ вышеупомянутомъ Пиціусѣ, нынѣшней Пицундѣ (въ 60 верстахъ отъ Новаго Аѳона, вблизи р. Бзыби, которому это урочище въ 1.049 десятинъ

земли съ возобновленнымъ въ 1885 году древнимъ храмомъ и принадлежить, какъ отдѣленіе обители). Съ этого времени начинается усиленіе Абхазіи. Въ VII вѣкѣ императоръ Прокопій далъ Абхазіи собственнаго правителя, подъ названіемъ архонта, съ резиденціей въ Никопсіи (Новый Аѳонъ), который покорилъ многія горныя племена и Лазикію.

Одинъ изъ абхазскихъ архонтовъ, Леонъ, объявилъ себя царемъ въ 786 году и началъ собою абхазскую династію, существовавшую до 985 года, когда бездѣтный и слѣпой царь абхазскій Θεодосій II объявилъ своимъ наслѣдникомъ юнаго сына грузинскаго царя Гургена—Баграта III (980—1014 г.). Съ этого времени Абхазія соединилась съ Грузіей, цари которой до Давида Возобновителя именовали себя царями абхазо-имеретинскими. Этотъ послѣдній отдалъ верхнюю Абхазію, до р. Псыртси, въ удѣлъ абхазскимъ князьямъ Шервашидзе, которые, пользуясь политической слабостью Грузіи, не преминули объявить себя въ 1462 году вполне независимыми отъ нея владѣтельными князьями. Съ этого времени до предпослѣдней турецкой войны Абхазія считалась независимымъ княжествомъ и управлялась владѣтельными князьями Шервашидзе, потомками храбраго Ширванъ-Шаха, князя абхазскаго.

Въ 1810 году князь Сафаръ-бей-Шервашидзе добровольно принялъ подданство Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ перешелъ въ христіанство. Ему дарована была высочайшая грамота, въ силу которой князья Шервашидзе признаны наслѣдственными правителями Абхазіи и утверждены въ подданствѣ Россіи. Князь Михаилъ Шервашидзе, потомокъ Сафаръ-бея, вступилъ въ управленіе Абхазіей въ 1823 году.

Въ 1864 г., съ окончаніемъ турецкой войны, въ Абхазіи въ виду непрерывавшихся политическихъ интригъ, поддерживаемыхъ самимъ владѣтельнымъ княземъ, введено непосредственное управленіе русскихъ властей, не обошедшееся, однако, безъ волненій среди абхазскаго населенія, быстро усмиранныхъ нашимъ оружіемъ, князь же Михаилъ Шервашидзе удаленъ въ Россію.

Съ западной стороны нагорнаго монастыря спускается широкая аллея изъ высокихъ стройныхъ кипарисовъ, извѣстная въ монастырѣ подъ названіемъ «Царской аллеи», въ память государя императора Александра Александровича, пріѣзжавшаго съ августѣйшей семьей въ Ново-Аѳонскій монастырь 24-го сентября 1888 г., чтобы принять участіе въ торжествѣ закладки главнаго верхняго собора во имя св. Пантелеймона. Эта красивая аллея ведетъ прямо къ небольшой церкви св. Симона Кананита, подъ плитами которой, по узбекскимъ и абхазскимъ преданіямъ, былъ похороненъ на-

званный апостоль, хотя, согласно сказанію св. Димитрія Ростовскаго, онъ былъ распятъ на крестѣ и окончилъ жизнь на подобіе Христа, будучи Ему по плоти братомъ, вмѣстѣ съ Іаковымъ, Іосіей и Іудой (Матѳ. XIII, 54—58).

Древній храмъ этотъ былъ возобновленъ въ 1882 году. Внутри—рѣзной дубовый иконостасъ, почти безъ позолоты, производящій чрезвычайно пріятное впечатлѣніе своимъ изяществомъ и простотой.

При послѣднемъ возобновленіи церкви, на мѣстѣ, гдѣ стоялъ престоль, найдена была монета эпохи Алексѣя Комнена, изъ чего можно заключить, что предшествовавшія реставраціи храма происходили въ царствованіе абхазо-имеретинскаго царя Давида Возобновителя (1089—1130). Изъ древней живописи уцѣлѣло на сѣверной стѣнѣ подновленное изображеніе мученика, по всей вѣроятности, св. Георгія, такъ какъ оно похоже на изображеніе этого святого въ Зографскомъ монастырѣ, на Старомъ Аѳонѣ, гдѣ св. Георгій представленъ не на конѣ, а стоящимъ. Стѣны выбѣлены; надъ западнымъ притворомъ надстроена колокольня.

Надъ южными входными дверями лежитъ продолговатый камень, на которомъ посрединѣ кругъ съ четырехконечнымъ крестомъ, а по сторонамъ креста греческія буквы, подъ титлами, означающія, по мнѣнію ученаго автора изслѣдованія о древностяхъ Абхазіи, архимандрита Леонида, слѣдующее: «матерь Божія, спаси Георгія пречестнаго (т.-е. митрополита) цхомскаго (т.-е. сухумскаго)». Никопсія—Новый Аѳонъ—была каѳедрою архіереевъ цхомскихъ, или сухумскихъ. По всей вѣроятности, вышеупомянутый камень, до реставраціи церкви въ XII вѣкѣ, лежалъ могильной плитой надъ прахомъ одного изъ представителей цхомской церкви. На другомъ изъ камней алтарной стѣны есть тоже греческая надпись и также надгробнаго характера, относящаяся къ греческой эпохѣ Никопсіи.

Мѣстность, занимаемая храмомъ Симона Кананита, одна изъ живописнѣйшихъ, какъ разъ противъ узкаго горнаго ущелья, изъ котораго бѣжитъ въ долину маленькая, но бурливая, какъ всѣ горныя рѣчки Кавказа, Псыртсха, направляясь къ морю, среди роскошной растительности.

Влизъ церкви—оригинальный фонтанчикъ, бьющій изъ вѣтвей бѣлаго каменнаго креста въ урну съ ковшами на цѣпочкахъ, для утоленія жажды путниковъ. За фонтаномъ цвѣты и кусты, вплоть до берега рѣчки, а сзади церкви келійка для старца, исполняющаго обязанности церковнаго сторожа. Предъ келійкой—огородъ.

Посидѣвъ подъ развѣсистымъ вѣковымъ грецкимъ орѣхомъ и напившись воды изъ вѣтвей вышеупомянутаго креста, я пошелъ съ сопровождавшимъ меня инокомъ дальше, въ глубину ущелья, направляясь къ дикой пещерѣ апостола, въ которой ему приходилось не разъ спастись отъ преслѣдованій во время проповѣди слова Божія въ горахъ Абхазіи.

Темное, узкое, но живописное ущелье, по бокамъ котораго, на крутизнахъ горныхъ откосовъ, густая растительность заслоняетъ лучи солнца, постоянно поддерживая полумракъ, ведетъ къ извѣстному уже читателямъ водопаду берегомъ рѣки Псыртски, спокойно и порывисто скачущей по каменистому ложу. За водопадомъ и образующимъ его озеромъ дѣлается гораздо свѣтлѣе и менѣе сыро, чѣмъ въ ущельѣ, такъ какъ тропка подымается здѣсь на значительную высоту и вскорѣ незамѣтно приводитъ къ широкому темному отверстию обширной и почти совсѣмъ темной, низкой пещеры. Въ ней опять сыро и душно. Въ стѣнѣ слѣва довольно значительное углубленіе, какъ бы составляющее вторую пещеру и естественное возвышеніе въ полу, на подобіе примитивнаго стола или ложа. На стѣнѣ, противоположной входу, высѣченъ въ камнѣ большой четырехконечный крестъ. На этой же стѣнѣ повѣшенъ, въ 1884 году, когда пещера была освящена, извѣстный староаеонскій образъ апостоловъ Андрея и Симона Кананита, стоящихъ рядомъ со свитками въ рукахъ, какъ бы готовясь къ проповѣди...

По словамъ иноковъ, есть и другая пещера въ горахъ, выше первой, которая также служила убѣжищемъ подвижнику, но дорогу туда знаютъ очень немногіе изъ братіи, и проникнуть въ нее затруднительно, по отсутствію удобнаго пути.

Я съ радостью вдыхалъ чистый воздухъ, спускаясь отъ пещеры, опять внизъ, къ водопаду.

— Какъ тамъ сыро, темно и душно! Я думаю, и часъ провести въ пещерѣ трудно,—сказалъ я моему спутнику монаху.

— А между тѣмъ въ ней живутъ,—замѣтилъ онъ.

— Какъ?! Теперь?..

— Да, и зиму и лѣто, круглый годъ, въ ней живетъ одинъ схимникъ изъ нашего монастыря...

— Отчего же я его не видѣлъ?

— Онъ уходитъ, когда слышитъ голоса... Когда тихо и посятителей нѣтъ,—онъ возвращается въ свое уединеніе...

— И давно онъ здѣсь живетъ?

— Уже нѣсколько лѣтъ.

Спустившись за водопадъ, мы встрѣтили еще не стараго, съ желтымъ, изможденнымъ словно болѣзнью, нѣсколько припухлымъ лицомъ, человѣка въ поношенной монашеской одеждѣ, который стоялъ у края дорожки, какъ бы отдыхая. Онъ перекинулся съ моимъ спутникомъ нѣсколькими словами вполголоса.

— Кто это?—полюбопытствовалъ я.

— А это онъ, тотъ самый схимникъ, живущій въ пещерѣ, о которомъ мы только что говорили.

— Какой онъ больной съ виду!

— Да, онъ не изъ крѣпкихъ, а ни на что не жалуется.

Мнѣ невольно припомнилась моя встрѣча наканунѣ съ другимъ схимникомъ, давно проводящимъ свои дни въ уединенной кельѣ, восьмидесятилѣтнимъ старцемъ.

Мы, прибывшіе на Аѳонъ путники, спускались по вышеупомянутой кипарисовой аллеѣ. Намъ навстрѣчу медленно поднимался въ гору низенькій старичекъ съ котомкой мяты (растеніе) за плечами. Его румяное лицо, обрамленное сѣдыми, бѣлыми, какъ снѣгъ перепутка, волосами и бородой, было озарено доброю улыбкой, полной совѣтъмъ дѣтской простоты. Онъ улыбался на міръ Божій, на людей, на пригрѣвающее его старыя кости солнышко, на синее море съ его тихимъ прибоемъ, на семью тонкихъ кипарисовъ, окружающихъ со всѣхъ сторонъ монастырь, словно часовые... Эта улыбка и выраженіе благости въ невозмутимо спокойномъ лицѣ, съ котораго навѣки ушли суетныя выраженія земныхъ страстей, производили необыкновенно сильное впечатлѣніе именно этой своей дѣтской кротостью и добродушіемъ: на немъ лежала невыразимая печать того надзвѣзднаго царства «не отъ міра сего», куда давно уже улетѣлъ его очищенный отъ мірскихъ скорбей духъ, оставивъ на землѣ лишь слабую, старческую оболочку...

— Здравствуй, отецъ Памвла!—радостно привѣтствовалъ старика шедшій съ нами монахъ.

— Голосъ знакомый, а лица не разсмотрю, слабъ сталъ глазами,—отозвался старикъ, останавливаясь и попрежнему кротко улыбаясь.—Кто же ты будешь?

— Неужели не узнаешь?

И монахъ назвалъ свое имя.

— Какъ же, какъ же, теперь припомнилъ!.. Давно мы съ тобой не видались... Благослови тебя, братъ, Господь! Ты одинъ?

— Нѣтъ, со мной вотъ пріѣзжіе къ намъ,—ходили на горный монастырь смотрѣть...

— Не вижу я, сталъ глазами слабъ, еле брожу...—какъ-то безропотно-кротко повторилъ схимникъ прежнюю фразу.—И ихъ Господь благослови!

И онъ двинулся было дальше, въ гору, съ трудомъ передвигая свои слабыя ноги, но, отойдя отъ насъ на нѣсколько шаговъ, вдругъ опять остановился.

— Ты ужъ, братъ, не сердись,—вымолвилъ онъ ласково,—что я тебя не сразу призналъ: старъ я сталъ...—И побрелъ дальше.

— Это дивной души старецъ-схимникъ, отецъ Памвла,—говорилъ намъ шедшій съ нами монахъ.—Онъ добръ, какъ дитя, и ласковъ ко всѣмъ, но показывается наружу рѣдко. Это онъ теперь мяты несетъ пересаживать, вздумалъ потрудиться на воздухѣ...

Мы оглянулись—отецъ Памвла все медленно шелъ впередъ, въ гору, опираясь на палочку. Заходящее солнце освѣщало его сѣдую непокрытую голову, а прохладный морской вѣтерокъ чуть-чуть шелестилъ листьями мелиссы, которые старикъ бережно несъ въ своей котомкѣ.

Судьбы христіанства въ Абхазіи заслуживаютъ вниманія.

Евангельскую проповѣдь въ Абхазіи греческіе писатели и мѣстные сказанія приписываютъ апостолу Андрею и спутнику его Симону Кананиту, свидѣтелю, по преданью, перваго чуда Христа на землѣ въ Канѣ Галилейской (Іоан. II, 1—9). По словамъ грузинскаго лѣтописца, апостолъ Андрей (55 г. по Р. Х.) черезъ Каппадокію и Трапезундъ проникъ въ западную Грузію, прошелъ области Клардусетію, Ацхуръ, Цхумъ (Сухумскій округъ), Мингрелію и Абхазію. Хотя проповѣдь апостола Андрея встрѣтила здѣсь сильное противодѣйствіе со стороны иверскихъ царей, однако же, имѣла и немало прозелитовъ, а могила Симона Кананита, подвизавшагося въ горахъ Абхазіи, которая, по мѣстнымъ преданіямъ, находится въ нѣдрахъ церкви его имени, о которой мы уже говорили,—стала со временемъ предметомъ паломничества мѣстныхъ горцевъ.

О состояніи христіанства въ Абхазіи до VI в. не имѣется указаній. По всей вѣроятности, оно утвердилось въ прибрежныхъ пунктахъ, занятыхъ римскими и греческими поселеніями, но коренные жители продолжали коснѣть въ язычествѣ.

Христіанство болѣе или менѣе твердо водворилось въ Абхазіи при Юстиніанѣ, построившемъ, какъ уже было сказано, храмъ Богоматери въ Пицундѣ (Пицѹсѣ).

При славномъ царѣ Грузіи Давидѣ-Возобновителѣ (XI—XII в.) христіанство уже стояло въ Абхазіи твердой ногою и на Абхазскомъ берегу было немало монастырей.

Въ Абхазіи были даже свои «католикосы» при царяхъ абхазскихъ, имѣвшіе пребываніе въ Пицундѣ. Наиболѣе выдающіеся изъ нихъ были: Евдемонъ III, составившій для руководства католикосамъ извлеченіе изъ Кормчей книги; Николай, писавшій толкованія на священное писаніе; Іосифъ, царевичъ имеретинскій, и ученый Максимъ, скончавшійся у насъ въ Кіевѣ.

Въ X в. въ Абхазіи уже было нѣсколько епархій—въ Пицундѣ, Никопсіи, Драндахъ (въ 24 верстахъ отъ Сухума, къ юго-востоку), Илори (между Сухумомъ и Редутъ-кале) и Мокви (въ 25 верстахъ отъ Очемчиръ).

При владѣтельныхъ князьяхъ Шервашидзе христіанство въ Абхазіи сразу значительно ослабѣло, подъ сильнымъ давленіемъ турокъ, вліяніе которыхъ въ Абхазіи усилилось со времени покоренія ими (въ XV столѣтіи) Византіи и ея азіатскихъ владѣній.

Въ XVII в. католикосъ Захарій, тѣснимый турками, принужденъ былъ перенести свою резиденцію изъ Пицунды въ Гелатскій монастырь, въ Кутаисъ, а Дранды и Илори утратили всякое значеніе. Съ паденіемъ Пицунды пало и христіанство въ Абхазіи, которое поддерживалось затѣмъ бродившими по странѣ монахами-миссіонерами.

Положеніе вещей оставалось такимъ же и съ переходомъ Абхазіи подъ власть Россіи. Это объясняется тѣмъ, что какъ политическія, такъ и религіозныя симпатіи князей Шервашидзе склонялись къ Турціи. Въ 1823 году во всей Абхазіи существовало лишь двѣ церкви—въ Илори и селеніи Лыхны (Саукъ-Су), при чемъ въ моментъ введенія русскаго управленія въ Абхазіи, въ 1864 году, большинство поселянъ сказанной деревни было магометанами. Турецкіе муллы свободно поучали народъ въ Абхазіи, всячески заботясь о совращеніи мѣстныхъ жителей въ исламъ.

Абхазская знать первая подавала примѣръ простому народу въ переходѣ въ магометанство. Дѣлая это въ силу личныхъ выгодъ, ведя большія торговыя дѣла съ Турціей, абхазскіе князья тѣмъ самымъ весьма способствовали отурченью Абхазіи, гдѣ вообще въ религіозномъ отношеніи царилъ необычайный сумбуръ, и гдѣ можно было встрѣтить смѣсь всевозможныхъ религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ.

Однако, у народа еще не совсѣмъ изгладилось изъ памяти процвѣтавшее нѣкогда въ краѣ христіанство, и сохранились нѣкоторые христіанскіе обряды, ставшіе впрочемъ простыми обычаями. Такъ донинѣ существуетъ въ Абхазіи обычай рѣзать ягненка въ праздникъ Пасхи и обмѣниваться красными яйцами, и на Троицу устраиваются пляски и хороводы въ роцахъ и т. д. Христіанство оставило въ народѣ также бессознательное уваженіе къ храмамъ. Церковь считается въ глазахъ абхазцовъ мѣстомъ неприкосновеннымъ, и всякій ищущій спасенія подъ ея кровлей избавленъ отъ преслѣдованья. Затѣмъ развалины храмовъ, о которыхъ въ народной памяти сохранилось какое либо преданье, считаются священными, и въ нихъ мусульмане абхазцы приносятъ обыкновенно присягу въ подтвержденіе справедливости своихъ словъ. Присяга на развалинахъ храма близъ м. Гудаута (въ 30 верстахъ отъ Новаго Аэона, въ сторону Сочи) считается самой священной, и врядъ ли найдется абхазецъ, который рѣшился бы принести тамъ ложную присягу.

Главнѣйшимъ святымъ у абхазцевъ считается Аныпсъ-ныходюрюшъ, могила котораго указываетъ близъ вершины горы Дюдюрюшъ, въ Гудаутѣ,—тамъ лежитъ большой камень подъ дубомъ, въ который врѣзанъ образъ Богоматери. На этомъ камнѣ всякій долженъ оставить какую нибудь монетку или что нибудь металлическое; въ большой грѣхъ вмѣняется присвоить какую нибудь

изъ лежащихъ на камнѣ вещей. Здѣсь совершаются жертвоприношенія, но за каждый разъ платятъ деньги владѣльцамъ этого мѣста, извлекающимъ изъ этого большія для себя выгоды.

Наша миссіонерская дѣятельность въ Абхазіи по мѣрѣ силъ идетъ впередъ и достигаетъ иногда весьма существенныхъ результатовъ. Такъ при епископѣ абхазскомъ, преосвященномъ Геннадіи (1886—1889 гг.), были крещены и присоединены къ православной церкви 1918 абхазцевъ. Однако же, особаго успѣха отъ нашей духовно просвѣтительной дѣятельности въ Абхазіи трудно ожидать до тѣхъ поръ, пока въ средѣ абхазскаго населенія не будетъ достаточнаго числа священниковъ изъ природныхъ абхазцевъ, такъ какъ только тогда можетъ быть сдѣланъ переводъ хотя бы самыхъ необходимыхъ богослужебныхъ книгъ на абхазскій языкъ для совершенія требъ и церковнослуженій.

Церковно-приходскія школы въ Абхазіи также, къ сожалѣнію, не достигаютъ вполне своей цѣли изъ-за отсутствія въ нихъ учителей изъ абхазцевъ. Вотъ почему, помимо широкаго распространенія въ Абхазіи такихъ школъ, нельзя не пожелать открытія въ Новороссійскѣ духовнаго училища для самурзаканцевъ, абхазцевъ и русскіхъ поселенцевъ, по типу бывшаго Александровскаго осетинскаго училища, расширеннаго нынѣ въ миссіонерскую семинарію.

Бывшій инспекторъ школъ общества «Возстановленія православнаго христіанства», хорошо знакомый со всеми мѣстными условіями края, весьма наставляетъ на этой мѣрѣ ¹⁾.

Выйдя какъ-то вечеромъ послѣ ужина на балконъ монастырской гостиницы, съ котораго открывается дивный видъ на море, я встрѣтилъ здѣсь «отца гостиника», невысокаго, худого монаха съ болѣзненнымъ, изжелта-блѣднымъ лицомъ. Съ перваго же дня моего пріѣзда на Новый Афонъ отецъ гостиникъ оказывалъ мнѣ много вниманія, и я всегда былъ радъ встрѣчѣ съ нимъ.

Мы, конечно, разговорились, и я узналъ, между прочимъ, что симпатичный собесѣдникъ, со времени своего вступленія въ монастырь, т.-е. вотъ уже цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ, непрерывно страдаетъ лихорадкой, которая то усиливается, то ослабѣваетъ, но никогда не покидаетъ своей жертвы... Рѣчь зашла о малярії, которая свирѣпствуетъ по всему черноморскому побережью Кавказа и свила было себѣ гнѣздо и на Новомъ Афонѣ, гдѣ, однако, съ осушеніемъ болотъ и устройствомъ на ихъ мѣстѣ уже описанныхъ выше, по инициативѣ о. игумена, прудовъ, она замѣтно ослабѣла.

Вся полоса Кавказа, лежащая при Черномъ морѣ, поражена маляріей, и этотъ ужасный бичъ не легко поддается борьбѣ съ нимъ.

---

¹⁾ Отчетъ общества за 1887 г., стр. 27—33.

Вотъ что писать по этому важному вопросу извѣстный кавказскій докторъ, г. Пантиховъ, компетентность котораго въ этомъ дѣлѣ обращаетъ на его слова серьезное вниманіе.

Кавказскій перешеекъ,—говоритъ онъ,—можно представить себѣ здоровымъ, горнымъ островомъ, окруженнымъ малярійнымъ моремъ, съ многочисленными заливами и проливами. Туземцы жили, главнымъ образомъ, на этомъ островѣ, и только иногда спускались къ маляріиному морю; наводнявшимъ же перешеекъ въ разныя эпохи кочевымъ и полукочевымъ племенамъ приходилось жить преимущественно вблизи маляріиного моря. вмѣстѣ съ борьбою съ природой и туземцами пришлые колонизаторы постоянно должны были бороться и съ маляріей.

Правильная колонизація Кавказа началась только съ появленіемъ здѣсь русскихъ. Только съ прекращеніемъ произвола и насилія, съ обезпеченіемъ личности и собственности, ограниченіемъ хищничества, явилась возможность приступить къ правильной земледѣльческой, европейскаго характера, культурѣ. вмѣстѣ съ распространеніемъ правильной земледѣльческой культуры началось высыхать и маляріиное море.

Можетъ быть, покажется страннымъ, почему армяне, грузины, айсоры, персіяне, татары, водворились въ разныхъ мѣстахъ Кавказа гораздо прочнѣе и были всегда болѣе застрахованы отъ маляріи, чѣмъ русскіе. Всмотрѣвшись, однако, въ положеніе вещей повнимательнѣе, мы увидимъ, что русскіе переселенцы съ сѣвера въ Закавказьѣ находились въ гораздо худшихъ условіяхъ, чѣмъ только что перечисленные нами народности. На сѣверномъ Кавказѣ русскіе не разрывали связи съ родиной. Зная, что у нихъ въ тылу живутъ такіе же русскіе, они не чувствовали себя заброшенными въ несвойственную имъ среду и акклиматизировывались довольно успѣшно. Иное дѣло было съ колонизаціей Закавказья. Оторваннымъ отъ родины, попавшимъ въ совершенно чуждую обстановку, ни въ комъ не встрѣтившимъ привѣта, участія и помощи русскимъ переселенцамъ гораздо труднѣе было приспособиться къ совѣмъ новой мѣстности и устроиться, чѣмъ армянамъ и другимъ азіатскимъ народамъ.

Вотъ почему русская колонизація въ Закавказскомъ краѣ вообще идетъ довольно туго, и нѣтъ никакого основанія возлагать какія либо особыя надежды на горсть состоятельныхъ людей, настрившихъ себѣ «виллѣ» подъ Новороссійскомъ, Туапсе, Сочи, Гудаутомъ, куда они пріѣзжаютъ «отдыхать» на лѣтнее время. Эта «колонизація» врядъ ли усилитъ русскій элементъ черноморья Кавказа, пока тамъ будетъ царить всеильная и страшная немочь, о которой мы только что говорили.

Малярія имѣетъ, между прочимъ, ту особенность, что губительное вліяніе на здоровье и жизнь въ зараженныхъ ею мѣстностяхъ вы-

ражается не всегда тотчасъ же по переселеніи въ эти мѣста, но и черезъ много лѣтъ. Малярія не вездѣ и не всегда можетъ быть побѣждена такъ радикально, какъ это нѣкоторые думаютъ. Въ Италіи организовано цѣлое общество для борьбы съ маляріей, такъ какъ тамъ эта ужасная болѣзнь существуетъ въ 60 провинціяхъ и 2.823 общинахъ, при чемъ изъ-за маляріи 5.000.000 акровъ земли остаются необработанными, и каждый годъ заболѣваетъ ею до 2.000.000 жителей, изъ которыхъ умираетъ до 15.000 человѣкъ!.. Если этотъ недугъ такъ опасенъ для европейской, болѣе или менѣе культурной, страны, то насколько же онъ опаснѣе для полудикаго Кавказа!

Совсѣмъ не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать полную неудачу всѣхъ попытокъ нашей колонизаціи въ малярійныхъ мѣстностяхъ Кавказа, пока онѣ не будутъ оздоровлены. Тогда и «русская ривьера», о которой такъ краснорѣчиво пишетъ профессоръ Красновъ въ «Кавказскомъ Вѣстникѣ», можетъ со временемъ густо заселиться, въ противномъ же случаѣ она вѣчно будетъ напоминать русскую поговорку: «око видитъ, да зубъ нейметъ»...

Здѣсь кстати слѣдуетъ упомянуть, что прекраснымъ антималярійнымъ средствомъ является, по мнѣнію доктора Бертенсона и др., эвкалиптовое дерево: въ мѣстностяхъ, гдѣ замѣчаются въ большомъ количествѣ эвкалиптовыя деревья, малярія очень ослабѣваетъ. На Новомъ Аѳонѣ я видѣлъ эвкалиптовыя насажденія, и, конечно, они здѣсь не безъ умысла.

Дорога на вершину такъ называемой «Иверской» горы, къ часовнкѣ съ иконой Иверской Божіей Матери, вѣчающей ея гребень, идетъ зигзагами, проложенными параллельно одному другому въ ребрахъ этой высокой конусообразной горы, гдѣ когда-то грозно возвышались римскія укрѣпленія. Дорога трудная, крутая, съ набросанными по ней мелкими камнями и лишь въ немногихъ мѣстахъ сносно убита гравіемъ. Въ виду постоянныхъ обваловъ путь часто приходится исправлять.

Взобравшись до половины горы, достигаешь первой крѣпостной башни—конечный пунктъ прежнихъ римскихъ укрѣпленій, опоясывавшихъ вершину горы. Остатокъ стѣны, сложенной изъ обтесанныхъ массивныхъ камней съ бастіонами, живописно поросъ густо разросшимися деревьями, переплетенными между собою вьющимися растеніями. Выложенная изъ дикаго камня четырехугольная башня до сихъ поръ порядочно сохранилась...

Взбираясь все выше и выше, по острому, въ безпорядкѣ набросаннымъ по дорогѣ известнякамъ, безжалостно рѣжушимъ подошвы, достигаешь наконецъ вершины горы и приближаешься къ Иверской часовнѣ, помѣщающейся въ одной изъ башенъ крѣ-

пости, бывшей, по всей вѣроятности, входной. Часовня—подъ шатровой крышей, увѣнчанной куполомъ съ крестомъ, и издали видна съ моря.

На довольно просторномъ внутреннемъ дворѣ замка, гдѣ теперь виднѣется монастырская постройка, въ которой живетъ инокъ-сторожъ,—крѣпостная разрушенная церковь, довольно помѣстительная, куда проникаешь чрезъ бывшую колокольню, нижній этажъ которой служить и притворомъ церкви. Въ притворѣ справа гробница. Площадь церкви освѣщаютъ по три окна съ сѣверной и южной стороны. Мѣсто иконостаса обнаруживаетъ сводъ; алтарная стѣна полукруглая, съ обрушившимся верхнимъ сводомъ. Съ юга къ церкви примыкаютъ особыя усыпальницы съ дюжиной или десяткомъ пожелтѣвшихъ отъ времени череповъ, лежащихъ на виду, подъ жиденькимъ деревяннымъ навѣсомъ новѣйшаго времени; надъ ними виситъ въ черной рамкѣ не блестящее ни остроуміемъ ни искусствомъ стихосложенія четверостишіе какого нибудь мѣстнаго пѣнты-монаха, патетически взывающаго отъ имени этихъ бѣдныхъ череповъ къ прохожимъ съ просьбою остановиться и подумать о томъ, что и они со временемъ будутъ тѣмъ же.... Трудно объяснить, зачѣмъ понадобилось выставлять на показъ эти черепа и изображать надъ ними стихи весьма сомнительнаго достоинства.

Въ 1866 году, въ развалинахъ этой церкви найденъ былъ камень, на которомъ высѣченъ четырехконечный крестъ и греческая надпись: «Воздвигнутъ сей храмъ святого Феодора при архіепископѣ Михаилѣ, мѣсяца апрѣля 16-го». Годъ основанія храма, къ сожалѣнію, не помѣченъ. По всей вѣроятности, надпись относится къ XI вѣку, когда нагорная крѣпость г. Никопсіи находилась во власти грековъ, будучи передана имъ мачехою грузинскаго царя Баграта IV, Алдою, дочерью царя осетинскаго, а это случилось въ 1033 году ¹⁾. Церковь могла быть воздвигнута при сынѣ Алды, царевичѣ Димитріи, который, утвердясъ въ Никопсіи, не разъ бунтовался противъ своего брата—грузинскаго царя Баграта IV. Царевичъ Димитрій признавалъ себя вассаломъ Византіи, а потому можно полагать, что упоминаемый въ греческой надписи «архіепископъ Михаилъ»—не кто иной, какъ патріархъ константинопольскій, знаменитый Михаилъ Керулларій (1043—1059 г.), а изъ этого слѣдуетъ, что разрушенная церковь, о которой идетъ рѣчь, во имя св. Феодора Тирона, была построена при византійскомъ императорѣ Константинѣ Мономахѣ († 1056 г.), въ царствованіе котораго грузинскій царь Багратъ IV объявилъ свою независимость отъ Византійской имперіи.

Со стѣны, ограждающей церковь съ сѣвера, открывается красивый ландшафтъ,—сквозь ущелья видны, на возвышенности,

¹⁾ Абхазія, состав. И. Н., Москва, 1900 года, стр. 119.

руины древняго храма, стоявшаго нѣкогда въ нынѣ уже не существующемъ селеніи Ануха, гдѣ, по абхазскимъ преданіямъ, былъ замученъ за христіанскую проповѣдь апостоль Андрей Первозванный; далѣе вырисовывается снѣжная вершина главнаго Кавказскаго хребта...

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ церкви—одинокая сторожевая башня, совсѣмъ разрушенная, безъ крыши, дверей и оконъ, стоящая на самомъ краю крутого обрыва скалы. Къ этой башнѣ пристроенъ полукруглый деревянный балконъ, откуда съ птичьаго полета предъ вашими глазами разстилается восхитительный видъ на безбрежное, обнимающееся съ небомъ море, дикое ущелье, откуда быстро мчится р. Псыртсха, храмъ Симона Кананита и, наконецъ, самый Ново-Аѳонскій монастырь, бѣлыя зданія котораго, крытыя темно-желтою черепицей, тонуть въ роскошной, почти тропической растительности монастырскихъ садовъ.

На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Ново-Аѳонская обитель, былъ когда-то небольшой городокъ Никопсія, основанный, по грузинскимъ хроникамъ, греками до Рождества Христова. Памятникомъ же времени Римской имперіи, или владычества римлянъ надъ этимъ краемъ, остались развалины нагорной крѣпости, только что нами описанной. Крѣпость эта основана, по преданію, во II вѣкѣ по Р. Х., при императорѣ Траянѣ. Въ IV вѣкѣ она упоминается у церковныхъ писателей неподалеку отъ г. Севастополиса или Діоскуріи, т. е. нынѣшняго г. Сухума. Константинъ Багрянородный упоминаетъ о г. Никопсіи (или Анакопсіи) и о рѣкѣ того же имени. Памятникомъ византійскаго владычества въ Никопсіи является храмъ Симона Кананита, реставрированный въ эпоху Комненовъ.

Съ половины VI вѣка Никопсія была резиденціей греческихъ архонтовъ Абхазіи, завоеванной Юстиніаномъ, которые въ IX вѣкѣ сдѣлались независимыми, принявъ титулъ абхазскихъ царей, о чемъ читатель уже знаетъ.

Съ X по XII вѣкѣ, въ эпоху абхазо-имеретинскихъ царей, Никопсія дѣлила эту честь съ Кутаисомъ, а около 1130 года, съ той поры, какъ Тифлисъ, отвоеванный у арабовъ, сдѣлался столицей соединеннаго грузинскаго царства, Никопсія стала крайнимъ пунктомъ владѣній Иверіи на западѣ. Въ началѣ XVII вѣка турки овладѣли городомъ и поставили въ крѣпости гарнизонъ. Въ началѣ XVIII вѣка городъ присоединенъ къ Мингреліи... Древняя Никопсія лежала въ развалинахъ до самаго послѣдняго времени, когда въ 1876 году здѣсь положилъ свое начало Ново-Аѳонскій монастырь.

Монастырской школы мнѣ не удалось осмотрѣть, но я про нее много слышалъ.

Она помѣщается въ особомъ двухъэтажномъ флигелѣ, въ нижнемъ монастырѣ. Въ ней проходится общій съ церковно-приходскими школами курсъ, раздѣленный на пять лѣтъ. Въ теченіе перваго полугодія преподаваніе ведется по-абхазски, затѣмъ переходятъ къ русскому языку, при помощи нагляднаго обученія. Священная исторія и молитвы изучаются на русскомъ и абхазскомъ языкахъ.

Школа рассчитана на двадцать учениковъ и основана одновременно съ возникновеніемъ въ Абхазіи Ново-Афонской обители.

За все время существованія школы въ ней окончили полный курсъ 64 воспитанника. Большинство изъ нихъ возвращалось въ свои семьи. Наиболѣе способные поступали въ учительскія семинаріи, двое состояли потомъ учителями монастырской школы, одинъ, по окончаніи курса военнаго училища, служитъ офицеромъ въ Кавказской арміи, двое состоятъ священниками, двое псаломщиками, одинъ смотрителемъ училища, одинъ обучается на механическомъ литейномъ заводѣ въ Новороссійскѣ, двое въ Екатеринодарскомъ духовномъ училищѣ.

Такъ какъ мальчикамъ приходится вращаться въ темной средѣ, гдѣ магометанское міровоззрѣніе тѣсно вяжется съ прежними языческими вѣрованіями, преподаваніе закона Божія происходитъ въ школѣ съ наименьшей формальностью, не ограничиваясь спрашиваніемъ задаваемыхъ уроковъ, а имѣя видъ свободныхъ бесѣдъ законоучителя съ воспитанниками. При помощи такихъ собесѣдованій, устанавливающихъ тѣсную, нравственную связь съ классомъ законоучителя, этому послѣднему удастся внѣдрять въ школьниковъ серіозные взгляды на христіанскіе идеалы и необходимую устойчивость въ проведеніи въ жизнь этическихъ началъ христіанскаго міросозерцанія.

За исключеніемъ учителя, весь составъ служащихъ при школѣ, начиная съ завѣдывающаго, назначается исключительно изъ монашествующихъ, вслѣдствіе чего школа носитъ строго монастырскій характеръ, который придаетъ свой отпечатокъ и самому внутреннему складу ученической жизни.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что среди ново-афонскихъ монаховъ нѣтъ ни одного грузина. Меня очень удивило это обстоятельство, и я старался объяснить себѣ его причину.

— Отчего это, братъ,—спросилъ я однажды у одного молодого инока,—у васъ въ монастырѣ совсѣмъ, говорятъ, нѣтъ ни монашествующихъ, ни послушниковъ изъ грузинъ?

— Я такъ думаю,—отвѣтилъ мой собесѣдникъ,—что причина этого, дѣйствительно, съ перваго взгляда страннаго явленія лежитъ въ характерѣ самихъ грузинъ...

— Вы хотите сказать, что они не склонны къ монашеству?

— Да, этой склонности въ нихъ именно не замѣчается... Очень они избѣжены, трудиться не любятъ, а жизнь монастырская, въ особенности здѣсь, у насъ, трудовая жизнь прежде всего... Можетъ ли грузинъ думать объ изнуреніи плоти? Сомнѣваюсь! Присмотритесь, монастыри въ Грузіи въ упадкѣ, они не пришли къ складу грузинской жизни.

Эти слова кажутся мнѣ вполне справедливыми. Врядъ ли грузинъ способенъ быть анахоретомъ? Полный мирной лѣни, дѣтски-безпечный и добродушный, исполненный высокихъ рыцарскихъ качествъ, грузинъ въ то же время способенъ, въ пылу раздраженія, подъ вліяніемъ паровъ кахетинскаго, распоротъ кинжаломъ животъ своему лучшему другу! Монастыри въ Грузіи, правда, не процвѣтають и не могутъ похвалиться количествомъ братіи.

Очень жаль, что монастырская школа не дала еще доселѣ дѣятелей на поприщѣ миссіонерства. Абхазцы народъ способный, воспріимчивый и мягкій по натурѣ. Воспитанники школы учатся вообще усердно, и руководители ихъ ими довольны. Мнѣ кажется, при извѣстномъ желаніи, ихъ можно было бы направить именно къ миссіонерской дѣятельности, столь необходимой для русскаго дѣла и церкви, среди инородцевъ Закавказья.

С. Уманецъ.

ЗАБЫТЫЙ КРИТИКЪ.

КРЕВСКОЕ книгоиздательство Фукса задалось цѣлью дать русской читающей публикѣ общедоступное и по возможности полное собраніе сочиненій русскихъ критиковъ. Вслѣдъ за сочиненіями Бѣлинскаго, появились два прекрасно изданныхъ тома статей Валеріана Николаевича Майкова, которые читатель можетъ имѣть теперь всего за одинъ рубль.

В. Майковъ принадлежитъ къ числу *dii minoris* русской критики, и его имя не пользуется у насъ широкой извѣстностью. Причина такого забвенія лежитъ отнюдь не въ свойствахъ самого автора, а во внѣшнихъ обстоятельствахъ его жизни и прежде всего въ томъ, что В. Н. дѣйствовалъ на литературномъ поприщѣ въ общей сложности 15 мѣсяцевъ и, конечно, не успѣлъ выказаться вполне и оставить послѣ себя опредѣленную литературную репутацію. Тѣмъ не менѣе сочиненія его, впервые изданныя въ полномъ видѣ, только теперь представляютъ огромный интересъ для характеристики умственной жизни передовыхъ русскихъ людей 40-хъ годовъ. Майковъ умеръ отъ удара, выкушавшись въ жаркій день, всего 24 лѣтъ отъ роду. Несмотря на свою молодость, онъ высказывалъ порою такія мысли, которыя далеко опережали его время и стали общепризнанными лишь на исходѣ прошлаго вѣка. Его, напримѣръ, воззрѣнія на сущность искусства родняли его съ такими руководящими умами нашего времени, какъ Л. Толстой и Гюйо.

В. Н. Майковъ былъ третьимъ сыномъ извѣстнаго въ свое время художника Майкова, отца еще болѣе извѣстныхъ Аполлона

Майкова, поэта, и Леонида Майкова, недавно умершаго вице-президента императорской академіи наукъ. Уже въ ранней молодости въ немъ обнаружались выдающіяся научныя способности и склонность къ отвлеченному мышленію. Послѣ домашней подготовки, 15 лѣтъ отъ роду, будущій критикъ поступаетъ на юридическій факультетъ Московскаго университета и затѣмъ по окончаніи курса ѣдетъ вмѣстѣ съ братомъ-поэтомъ за границу, и въ Парижѣ слушаетъ лекціи въ Сорбоннѣ, усиленно занимаясь вопросами эстетики. Въ Европѣ Майковъ подвергается новымъ, только что возникающимъ вліяніямъ. Пресловутая философія Гегеля, замутившая было научную европейскую мысль старыми метафизическими умствованіями, видимо, отживала свой вѣкъ, уступая мѣсто идеямъ Конта и позитивизму. Отъ Германіи европейское вниманіе снова сосредоточивается на Франціи, и подъ вліяніемъ французской жизни всюду на первый планъ начинаютъ выдвигаться вопросы соціально-экономическіе. Въ Германіи за нихъ разработку принимается Карлъ Маркъсъ. Ими же усердно занимается и нашъ критикъ. Еще въ студенческомъ его сочиненіи «Производительность и распредѣленіе богатства», впервые напечатанномъ въ 1891 году, ясно чувствуется вліяніе нѣмецкаго экономиста.

Вернувшись на родину, Майковъ впервые выступаетъ на литературное поприще въ изданіи нѣкоего Кириллова: «Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка». Фактическими распорядителями въ этомъ «Словарѣ» были Майковъ и Петрашевскій, герой пресловутаго впоследствии политическаго процесса. Несмотря на невинное съ виду названіе, изданіе это преслѣдовало очень серьезную цѣль и стремилось на мѣсто укоренившихся, обветшалыхъ понятій, поставить новыя, болѣе современные и болѣе соответствующія научной истинѣ. Однако на второмъ же выпускѣ изданіе было прекращено и впоследствии дало прокуратурѣ лишнее оружіе противъ Петрашевскаго.

Послѣ гибели «Словаря» Майковъ пристраивается къ новому, большому журналу «Финскій Вѣстникъ», гдѣ начинаетъ свою дѣятельность статьею соціально-политическаго характера: «Общественныя науки въ Россіи». Статья осталась неоконченной, такъ какъ В. Н. скоро ушелъ изъ этого журнала. Въ томъ, что было напечатано, авторъ проводитъ новую тогда мысль, что изъ соединенія нѣкоторыхъ историко-политическихъ наукъ должна образоваться новая наука, наука объ обществѣ, соціологія. Теперь этотъ терминъ извѣстенъ всѣмъ, но во время Майкова это былъ еще неологизмъ, взятый изъ сочиненій Конта.

До сихъ поръ работы В. Н. носятъ ученый характеръ, да и самъ онъ, какъ видно, мечталъ лишь о карьерѣ ученаго и не думалъ о чисто критическихъ трудахъ. Однако, случай толкнулъ

его именно на этотъ путь. Въ 1846 году, Бѣлинскій, разсорившись съ Краевскимъ, порвалъ съ «Отечественными Записками», и журналъ остался безъ критика. По совѣту Тургенева, на эту роль приглашенъ былъ Майковъ, который дѣйствительно оправдалъ этотъ выборъ. Несмотря на то, что ему приходилось замѣщать такую силу, какъ Бѣлинскій, Майковъ сумѣлъ поддержать критическій отдѣлъ на прежней высотѣ.

Изученіе эстетики и самостоятельная сильная мысль сказывались въ первыхъ же статьяхъ новаго критика. Опредѣляя, что такое искусство, Майковъ высказалъ взглядъ, который лежитъ въ пониманіи искусства и у графа Л. Толстаго, и который въ то время былъ откровеніемъ. Всякое художественное произведеніе, по воззрѣнію Майкова, есть результатъ не мысли, а чувства, настроенія, которое проникаетъ художника, воспринимающаго извѣстное явленіе дѣйствительности. Чтобы быть художественнымъ, произведеніе искусства должно вызывать и въ душѣ посторонняго человѣка то самое чувство, которое пережилъ самъ художникъ. Подъ это опредѣленіе не подходитъ, очевидно, беллетристика, но Майковъ не успѣлъ развить шире свой взглядъ на искусство, а беллетристику выдѣлилъ въ особый родъ искусства, не опредѣливъ его точнѣе.

Другой жгучій вопросъ, по которому предстояло высказаться Майкову, былъ вопросъ о національности и о значеніи племенныхъ особенностей въ развитіи цивилизаціи. Въ сороковыхъ годахъ вопросъ этотъ особенно обострился, и обѣ передовыя партіи, славянофильская и западническая, были на ножахъ.

Сначала Майковъ пошелъ въ этомъ вопросѣ среднимъ путемъ, признавая въ развитіи цивилизаціи начало, такъ сказать, хорое. Какъ отдѣльный человѣкъ въ обществѣ, такъ и цѣлый народъ въ челоѣчествѣ представлялся ему нравственною личностію, которая, развивая свои отличительныя способности, тѣмъ самымъ двигаетъ впередъ и общее развитіе. Общечеловѣческую цивилизацію онъ понималъ, какъ сумму, слагаемыми которой являются племенные особенности. Эта точка зрѣнія впоследствии была усвоена и развита въ статьяхъ извѣстнаго профессора государственника Градовскаго. Скоро, однако, подъ вліяніемъ нетерпимости и крайняго увлеченія славянофиловъ, Майковъ рѣзко измѣнилъ свое мнѣніе и сталъ проповѣдовать новую доктрину, напоминающую ученіе Руссо. В. Н. исходной точкой своихъ мыслей взялъ отвлеченное понятіе «человѣкъ», въ противоположность, на примѣръ, звѣрю, дереву и т. п. По его мнѣнію, человѣкъ вездѣ долженъ былъ бы быть одинаковымъ, и если на самомъ дѣлѣ одинъ народъ не похожъ на другой, то это просто результатъ неблагоприятныхъ вліяній внѣшнихъ условій. Такимъ образомъ

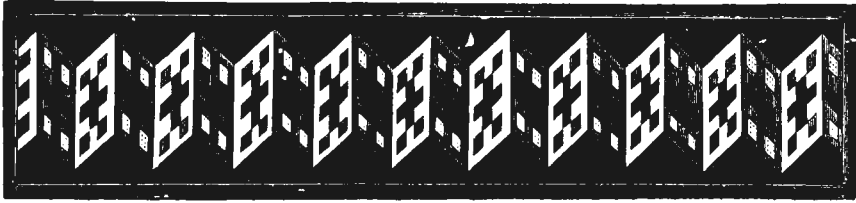
племенные отличія мѣшаютъ человѣчеству приблизиться къ типу идеальнаго человѣка и, стало быть, вредны для цивилизаціи.

Статья эта объявила славянофиламъ войну не на животъ, а на смерть. Но и Бѣлинскій, державшійся болѣе умѣренныхъ воззрѣній, былъ задѣтъ Майковымъ за живое. Оба критика пришли въ столкновение, но скоро этотъ идейный споръ былъ улаженъ, и оба они работали одно время въ «Современникѣ» совмѣстно.

Излагая главнѣйшіе факты литературной дѣятельности Майкова, мы имѣли цѣлью предупредить читателя, что именно онъ найдетъ, если приобрететъ сочиненія этого критика. Съ своей стороны мы можемъ только пожелать возможно широкаго распространенія его сочиненій, въ виду ихъ важнаго историко-литературнаго интереса и воззрѣній автора, до сихъ поръ не потерявшихъ своей свѣжести.

А. Бв.

КЪ БЮГРАФІИ П. А. КУЛИША.

ШАНТЕЛЕЙМОНЪ Александровичъ Кулишъ (1819—1897 гг.)—выдающаяся и въ высшей степени оригинальная личность. Такъ называемой «большой» публикѣ, русской, онъ извѣстенъ главнымъ образомъ, какъ биографъ Гоголя и прекрасный издатель его сочиненій и писемъ, но всѣ интересы обильной трудами жизни Кулиша посвящены его родному, малорусскому народу. Ему принадлежитъ почетное мѣсто въ исторіи созиданія малорусскаго литературнаго языка. Тонкій знатокъ своего родного языка, Кулишъ пользовался въ своихъ сочиненіяхъ и матеріаломъ стараго книжнаго малорусскаго языка и живой народной рѣчью. Для того, чтобы оцѣнить заслуги Кулиша передъ роднымъ языкомъ, достаточно сказать, что онъ перевелъ Шекспира и книги священнаго писанія. Человѣкъ необыкновенно разносторонній и даровитый, Кулишъ былъ публицистомъ, поэтомъ и историкомъ. Изданныя имъ «Записки о южной Руси» сыграли извѣстную роль въ малорусскомъ возрожденіи, а написанный по-малорусски романъ «Чорна рада» считается однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній украинской литературы. Сборникъ стиховъ Кулиша «Досвіткы», по отзыву его земляковъ, лучшій поэтический сборникъ послѣ «Кобзаря» Шевченко. Въ исторіи малорусской интеллигенціи XIX вѣка П. А. Кулишъ игралъ видную и любопытную роль. На поприще служенія родному народу онъ выступалъ вмѣстѣ съ своими единоплеменниками—Костомаровымъ и Шевченко: они не расходились въ своихъ взглядахъ. Вмѣстѣ съ ними Кулишъ принималъ участіе въ Кирилло-Медоудѣвскомъ братствѣ и вмѣстѣ съ ними подвергся административной

карѣ. Затѣмъ взгляды Кулиша потерпѣли эволюціи; они не только развивались, они буквально измѣнялись въ свою противоположность. Эти неоднократныя перемѣны «направленіи» и взглядовъ— своеобразный элементъ біографіи Кулиша, придающій ей психологическій интересъ. Въ «Исторіи русской этнографіи» А. Н. Пыпинъ подробно останавливается на поворотахъ въ мнѣніяхъ Кулиша. Любопытно то, что перемѣны происходили не только во взглядахъ на частныя вопросы, онѣ касались самихъ принциповъ жизни и дѣятельности. «Послѣдній изумительный поворотъ въ мнѣніяхъ Кулиша, по словамъ А. Н. Пыпина, выразился въ «Исторіи воссоединенія Руси» и статьяхъ о казачествѣ въ «Русскомъ Архивѣ» 1877 года, гдѣ прежніе идолы были свергнуты съ пьедесталовъ, и авторъ вообще явился злѣйшимъ противникомъ стремленій, въ которыхъ прошла, однако, вся его прежняя жизнь» (Ист. славянск. литературъ, I, 375). Въ своихъ первыхъ стихотвореніяхъ Кулишъ говоритъ о казацкихъ вождахъ: «енхай знаютъ на всимъ свити, якъ мы погыбали и, гынучы, свою правду кровью запысали». Черезъ нѣсколько лѣтъ казаки въ глазахъ Кулиша становятся только разбойниками, разрушителями культуры. Еще любопытнѣе перемѣны во взглядахъ на народъ и на значеніе интеллигенціи въ дѣлѣ культурнаго развитія народа. Сначала Кулишъ думалъ, что въ своихъ попыткахъ просвѣщенія массы интеллигенція не должна рѣзко порывать съ ея традиціями и обязана прислушиваться къ голосу народной музы, которая полна разума и милосердія. Съ годами взгляды Кулиша мѣняются, и онъ видитъ въ народѣ дикую, грубую массу и признаетъ за интеллигенціей право насильно прививать массѣ свои взгляды. Такихъ перемѣнъ было много не только въ теоретическихъ взглядахъ, но и въ жизни Кулиша: такова, на примѣръ, вызвавшая нареканія друзей служба въ царствѣ Польскомъ въ 1865 году. Съ годами измѣнилось отношеніе малорусской публики къ Кулишу, любовь уступила мѣсто крайне недружелюбному отношенію; Кулишъ платилъ тѣмъ, что еще больше укрѣплялся въ своихъ мнѣніяхъ и все болѣе проникался увѣренностью въ своей непогрѣшимости. И только сознаніе дѣйствительной важности его первыхъ трудовъ для малорусскаго народа помирило людей, враждебно къ нему относившихся, съ его памятью и заставило снисходительно относиться къ послѣднему періоду его дѣятельности, когда онъ сжигалъ то, чему поклонялся.

Редакція журнала «Кіевская Старина», открывая свои страницы для біографическаго очерка П. А. Кулиша, написаннаго В. И. Шенрокомъ и вышедшаго теперь отдѣльнымъ изданіемъ ¹⁾, отдавала должное памяти крупнаго малорусскаго дѣятеля. Г. Шенрокъ далъ инте-

¹⁾ В. Шенрокъ. П. А. Кулишъ. Біографическій очеркъ. Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ. 1902.

ресный и содержательный очеркъ личной жизни Кулиша, воспользовавшись всѣмъ доступнымъ ему матеріаломъ, напечатаннымъ въ русскихъ журналахъ, и главнымъ образомъ его письмами, напечатанными преимущественно въ «Кіевской Старинѣ». Къ сожалѣнію, г. Шенрокъ не касается эволюціи возрѣній Кулиша и не говоритъ объ его общественныхъ отношеніяхъ: онъ имѣетъ въ виду только исторію личной жизни Кулиша. Мы не въ правѣ упрекать г. Шенрока въ томъ, что онъ не коснулся интересующихъ насъ вопросовъ: онъ не разъ оговаривается, что онъ не пишетъ обзора общественнаго и литературнаго значенія дѣятельности П. А. Кулиша, что окончательный трудъ по составленію біографіи Кулиша долженъ быть принятъ на себя спеціальнымъ знатокомъ малорусской и русской литературъ и политическихъ отношеній этихъ странъ въ послѣднія десятилѣтія. Отношеніе г. Шенрока къ Кулишу глубоко сочувственное, настолько сочувственное, что по этому очерку читатель, незнакомый съ исторіей Кулиша, и представить себѣ не можетъ, до какой степени противоположныхъ взглядовъ можно держаться на дѣятельность Кулиша. Намъ кажется, что дѣлу реабилитаціи личности Кулиша г. Шенрокъ нисколько не повредилъ бы, если бы онъ не такъ старательно заглушевывалъ темныя стороны личности Кулиша. Одно качество, по мнѣнію г. Шенрока, искупаетъ всѣ недостатки Кулиша: это — подвижничество идейнаго труда и высота идеаловъ. «Быть можетъ, спросятъ, пишетъ г. Шенрокъ, чѣмъ же оправдывается такой обширный очеркъ однихъ біографическихъ фактовъ и такое сочувственное отношеніе къ изображаемому лицу? Отвѣчаемъ на это, что мы видимъ и цѣнимъ въ Кулишѣ не только талантливаго человѣка, но прежде всего и больше всего человѣка идеи, а это качество даетъ ему, по нашему мнѣнію, большія права на вниманіе, какъ качества рѣдкія и въ высокой степени цѣнныя. Мы цѣнимъ въ Кулишѣ безкорыстнаго подвижника умственнаго труда, согрѣтаго пламенною любовью къ родинѣ, — труда самоотверженнаго, неустаннаго и не ослабѣвавшаго буквально до самаго дня смерти». Г. Шенрокъ въ своемъ очеркѣ ярко отгѣняетъ беззащитную искренность и энтузіазмъ Кулиша и связанное съ этими качествами отсутствіе трусости мышленія, способность не останавливаться передъ крайними выводами. Г. Шенрокъ глубоко правъ, называя Кулиша подвижникомъ труда. Не вѣрится, чтобы человѣкъ могъ подъять такой трудъ, какой взялъ на себя Кулишъ, трудъ упорный и неутомимый, наполнившій всю его жизнь и продолжавшійся до послѣднихъ дней его. «И ничто не было въ силахъ, пишетъ г. Шенрокъ, сломить этой энергіи и остановить этой дѣятельности: ни всевозможныя нападенія и интриги періодической печати извѣстной фракціи и частныхъ лицъ, ни многочисленныя внѣшнія препятствія, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести и неизбежныя житейскія дризги, особенно тяжелыя для бѣднаго чело-

вѣка, ни пожаръ, истребившій многолѣтними трудами съ любовью собранную библиотеку, ни временами постигавшая его ужасающая бѣдность, граничившая почти съ нищетой, ни, наконецъ, обидное полузабвеніе при жизни и невозможность печатать многіе и обширные труды, остававшіеся по годамъ въ рукописяхъ. И всю жизнь Кулишъ бился о желѣзную стѣну и все спѣшилъ работать до надрыва, подавляемый сознаніемъ необъятности стоящихъ на очереди задачъ, какъ это неизбѣжно бываетъ удѣломъ людей, страстно преслѣдующихъ широкія цѣли».

Борьба съ матеріальными затрудненіями, съ нуждой, захватываетъ все теченіе жизни Кулиша. При своей непрактичности Кулишъ не разъ попадалъ впросакъ, хотя онъ никогда не стибался передъ обстоятельствами. Любопытно находящееся въ нашемъ распоряженіи и нигдѣ не напечатанное письмо Кулиша къ Марьѣ Ивановнѣ Гоголь, съ которой онъ хорошо былъ знакомъ:

«Почтеннѣйшій другъ Марія Ивановна!

«Молчаніе мое происходитъ отъ затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыя поставили меня добрые люди. Отъ покупателя моей типографіи я получилъ вексель съ разсрочкою на пять лѣтъ; но вотъ проходитъ годъ, а онъ не выслалъ мнѣ ни одного рубля. Онъ уѣхалъ въ Крымъ, а типографію передалъ своему брату, который на всѣ мои освѣдомленія отвѣчаетъ молчаніемъ. Я послалъ довѣренность одному пріятелю, чтобъ онъ постарался объ моихъ интересахъ, но отъ него отдѣлываются то такъ, то саякъ, и я все-таки сижу безъ денегъ. Къ довершенію непріятностей моихъ, издатель «Вѣстника Юго-Западной Россіи» оказался мошенникомъ. Онъ все упрашивалъ меня обождать, пока у него прибавится подписчиковъ; наконецъ я пересталъ посылать ему статьи свои и требовалъ окончательнаго расчета. Тогда онъ перемѣнилъ тонъ и отрекся отъ заключенныхъ нами условій, то-есть не доплатилъ мнѣ 450 рублей. Вотъ вамъ исторія литератора, котораго не надуваетъ только тотъ, кто не хочетъ! Не буду утомлять вашего вниманія разсказомъ о томъ, какихъ усилій стоило мнѣ завести типографію, при моихъ небольшихъ средствахъ; скажу только, что когда я уплачу взысканіемъ по векселю сдѣланные для этого займы, то у меня не останется и половины тѣхъ 3.000 рублей, которые я заработалъ у васъ. Я неспособенъ лично заниматься такимъ заведеніемъ и долженъ былъ положиться на людей, которымъ типографія моя давала кусокъ хлѣба. Они выиграли отъ моей довѣрчивости, а я остался въ дуракахъ и въ проигрышѣ. Но положеніе мое въ прошломъ году было таково, что я считалъ за счастье, что могъ продать свою типографію и развязаться какъ нибудь съ моими обязанностями, въ которыя ввела меня эта фабрика. Не имѣя на шеѣ типографіи, которая иногда бывала мнѣ въ убытокъ и грозила банкротствомъ

передъ кредиторами, я теперь чувствую себя гораздо спокойнѣе, несмотря на безденежье. Деньги ко мнѣ придутъ, когда я кончу и пристрою въ журналъ нѣкоторыя свои сочиненія; но меня теперь ничто не тащитъ насильно въ гнилой Петербургъ, который много испортилъ мнѣ здоровья. Не всѣ редакторы такіе мошенники, какъ издатель «Вѣстника Юго-Западной Россіи», который подѣхалъ ко мнѣ мелкимъ бѣсомъ и безпрестанно писалъ, что ничего для меня не пожалѣетъ, воспѣвалъ мнѣ акаѣисты, умолялъ объ отсрочкѣ—и все это было заблаговременно обдуманно! Ему только и нужно было усыпить мою осторожность, а какъ только я съ 8-й книжки прекратилъ сотрудничество—тутъ онъ и высказался. Но довольно занимать васъ этими скучными вѣстями. Мы оба, славу Богу, здоровы. Александра Михайловна вамъ почтительнѣйше кланяется. Да хранить Господь вашу прекрасную старость отъ всякой печали. Обо мнѣ же не думайте, что я совершенно подавленъ нынѣшними обстоятельствами. Нѣтъ, меня ужъ ничто не въ силахъ подавить: не даромъ я всю жизнь сражался съ затрудненіями.

«Аннѣ Васильевнѣ отъ меня и отъ Александры Михайловны усердный поклонъ.

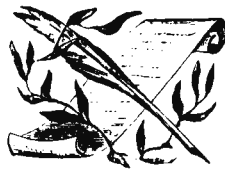
«Съ глубокимъ почтеніемъ цѣлую вашу ручку.

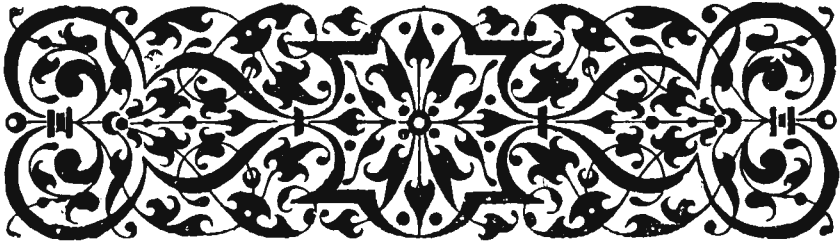
«П. Кулишъ».

•1863, апр. 25-го.
•Хуторъ Мотроновка
•подъ Борзною».

Это письмо имѣетъ интересъ для исторіи литературныхъ правъ того времени и характерно для Кулиша. Заключительныя строки: «меня ничто не въ силахъ подавить», могутъ служить девизомъ всей дѣятельности Кулиша и даютъ лишнюю черточку къ образу подвижника труда, который нарисовалъ г. Шенрокъ въ своемъ очеркѣ.

П. Щеголевъ.

ЧЕСТВОВАНИЕ ПАМЯТИ Н. В. ГОГОЛЯ.

ДАВНО уже говорили и писали о предстоящемъ 2-го февраля 1902 года пятидесятилѣтіи со дня смерти Гоголя. Ожидали этого дня и потому, что еще свѣжи были воспоминанія о пушкинскихъ торжествахъ, всколыхнувшихъ хоть немного сѣрый фонъ нашей общественной жизни.

Но вотъ Гоголевскіе дни настали... и прошли. Послѣдніе звуки разливагося по Россіи торжества такъ быстро замерли, что «праздника» какъ будто и не было. Да былъ ли онъ, этотъ праздникъ, было ли всероссійское, народное чествованіе памяти одного изъ величайшихъ нашихъ писателей? Принимали ли горячее участіе въ этомъ торжествѣ общественные элементы—городское и земское самоуправленіе, отклінулся ли литературный міръ, что дали народу эти дни?

Отвѣтомъ на эти вопросы можетъ служить, прежде всего, описаніе того, какъ чествовали у насъ память Гоголя. Собранный нами матеріалъ¹⁾, хотя далеко и неполный, мы предлагаемъ читателю въ слѣдующемъ видѣ. Сначала идетъ описаніе чествованій въ Петербургѣ и Москвѣ, потомъ въ провинціи, наконецъ, за границей.

¹⁾ Здѣсь приводятся корреспонденціи, статьи и замѣтки изъ разныхъ газетъ: шныя - въ извлеченіяхъ, иѣкоторыя цѣликомъ.

I.

Петербургъ.

Гоголь не любилъ Петербурга съ его бюрократизмомъ и холодомъ. Никто, конечно, и не ожидалъ отъ нашей столицы какой нибудь задушевности, хоть какой нибудь оригинальности въ программѣ чествованія Гоголя. Все было ordinarily и скучно.

Академія наукъ была, повидимому, единственнымъ ученымъ учрежденіемъ, которое 21-го февраля чествовало память нашего великаго писателя. Торжественное засѣданіе привлекло многочисленную публику. Въ 2 часа въ залъ вошли ихъ императорскія высочества великій князь Константинъ Константиновичъ съ августѣйшею супругою великой княгиней Елизаветой Маврикіевной и ея высочество принцесса Елена Георгіевна Саксенъ-Альтенбургская герцогиня Саксонская. На эстрадѣ находились вице-президентъ академіи наукъ П. В. Никитинъ, непрѣмный секретарь генералъ-лейтенантъ Н. В. Дубровинъ, академикъ А. Н. Пыпинъ, сенаторъ А. О. Кони, П. Д. Боборыкинъ, К. К. Арсеньевъ, Н. П. Кондаковъ, В. В. Латышевъ, генералъ-майоръ Рыкачевъ, М. С. Воронинъ, П. Я. Сонинъ, профессора и много учащихся. Засѣданіе было открыто рѣчью академика А. Н. Веселовскаго, который сообщилъ о томъ, что императорская академія наукъ, признавая большія заслуги Н. В. Гоголя на поприщѣ отечественной литературы, приступила къ собранію матеріаловъ, касающихся его жизни и трудовъ. Послѣ этого вошелъ на кафедру академикъ А. Н. Пыпинъ. Въ своей рѣчи, длившейся около часу, академикъ охарактеризовалъ «значеніе Гоголя въ созданіи современнаго международнаго положенія русской литературы».

«Историческія поминки о дѣятеляхъ литературы и искусства,— такъ началъ ораторъ свою рѣчь,—имѣютъ часто двойственный характеръ: тутъ и отрадная память о великомъ дѣлѣ, какое было совершенно мыслителемъ или художникомъ, а рядомъ скорбное воспоминаніе о той тяжелой внутренней и виѣшней борьбѣ, какую приходилось выносить не только мыслителю и общественному дѣятелю, но и дѣятелю поэзии, о борьбѣ, гдѣ онъ въ концѣ поприща, въ послѣдніе дни жизни, если не имѣлъ отрады достигнуть успѣха или, наконецъ, впадалъ въ страшное сомнѣніе, былъ ли правленъ тотъ путь, какимъ была создана его слава, и не была ли эта слава грѣхомъ и преступленіемъ, когда на самомъ дѣлѣ эта слава была именно добрая и правильная. Оба эти впечатлѣнія проходятъ и въ воспоминаніяхъ о Гоголѣ: мы видимъ теперь и весь объемъ благотворнаго дѣла, исполненнаго имъ для отечественной литературы, и все еще рѣшаемъ трудный психологическій вопросъ о томъ мучительномъ душевномъ разладѣ, какой тяготѣлъ надъ

нимъ въ послѣдніе годы его жизни, и подъ гнетомъ котораго онъ кончилъ эту жизнь».

«Вспоминая историческую роль Гоголя, прежде всего, напрашивается сравненіе положенія, которое русская литература занимала, когда окончилась дѣятельность Н. В., и занимаетъ теперь, въ по-смертный юбилей Гоголь. Полвѣка тому назадъ русская литература была на Западѣ почти совсѣмъ неизвѣстна, а теперь новѣйшіе писатели являются уже во многихъ переводахъ, становятся общеизвѣстными, производятъ сильное, а иные и прямо неотразимое впечатлѣніе. Одно знаменитое имя русское пріобрѣло даже всемірную извѣстность, и теперь въ русской книгѣ какъ будто ищутъ вѣщаго прорицанія. Имена Достоевскаго, Гончарова, Толстого, Тургенева, а изъ молодыхъ Максима Горькаго знакомы на Западѣ такъ же хорошо, какъ и имена коренныхъ писателей. И надо признать, что причиной и главнымъ источникомъ привлекательной силы русской литературы за границей нашего отечества слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, искать (и мы ихъ найдемъ) въ Гоголѣ. Онъ самъ мало знакомъ на Западѣ, потому что, какъ Салтыковъ, какъ Л. Толстой въ своихъ разсказахъ и драмахъ изъ народной жизни, мало понятенъ не русскому; но Гоголь могущественно участвовалъ въ созданіи того нравственнаго настроенія, которое дало ему, по справедливости, первенствующую роль въ русской литературѣ, а это настроеніе и сообщило дальнѣйшему развитію литературы тотъ ея высокій тонъ общественнаго интереса и нравственнаго чувства, и отсюда-то шло то духовное и поэтическое обаяніе, какое на нашихъ глазахъ русская литература производитъ въ европейскомъ обществѣ».

Далѣе, ораторъ остановился на извѣстномъ у насъ французскомъ критикѣ Мельхiorѣ де-Вогюэ, который считаетъ высокимъ достоинствомъ нашей литературы то, что она является отраженіемъ особенностей славянской расы. Несмотря на то, что наши художники пера всегда были въ курсѣ всѣхъ теченій западно-европейской мысли, они не были ея рабами и отличались рѣдкой самостоятельностью, тѣмъ болѣе удивительной, что государственное развитіе Россіи, въ зависимости отъ монгольскаго ига, совершилось въ иныхъ условіяхъ, нежели на Западѣ, и не было отмѣчено правильной исторической постепенностью, а потому можно было ожидать подражательности даже у новѣйшихъ писателей. Черпая сюжеты изъ родного быта, Пушкинъ и его преемники дѣйствительно выражали особенности своей расы. Западная литература страдаетъ утонченностью, искусственностью и манерностью языка. Наша, напротивъ, чужда этихъ недостатковъ. По словамъ Тургенева, Мериэ изумлялся «библейской» простотѣ поэзіи Пушкина. Пушкинъ, или Гоголь были вдохновителями и этой самостоятельности, и простоты, и вообще литературнаго движенія 40-хъ годовъ? По мнѣнію

оратора, споръ этотъ безплодный, въ виду сложности литературныхъ явленій. Во всякомъ случаѣ, за Гоголемъ надо признать и даръ высокой наблюдательности (отсюда его изумительный реализмъ), и проникновенный взглядъ на дѣйствительность. Уже въ ранней юности Гоголь пришелъ къ убѣжденію, что онъ долженъ создать нѣчто великое; пока оно не было создано, онъ смотрѣлъ на себя, лишь какъ на «существователя». Слѣдуя этой идеѣ, онъ встрѣтилъ жестокіе нападки критики, но миссію свою осуществилъ. Первые геніальный взоръ направился не на отвлеченные высокіе предметы, а на обыденную, простую русскую жизнь. Гоголь былъ поэтомъ дѣйствительности, и въ томъ одна изъ его заслугъ.

Слѣдующую рѣчь, произнесъ академикъ Арсеньевъ. Онъ живо обрисовалъ значеніе Гоголя для его преемниковъ. Когда Меримэ впервые перевелъ «Ревизора», геніальная комедія осталась совершенно непонятою французами. Нынѣ Воюэ называетъ Гоголя «общимъ отцомъ, учившимъ наблюдать и изображать жизнь реально». Въ произведеніяхъ Гоголя поразительны описанія природы, превосходящія по своей художественной цѣльности даже европейскіе шедевры. Они блещутъ деталями, которыя впоследствии перенесли къ позднѣйшимъ писателямъ, какъ наслѣдіе автора «Мертвыхъ душъ». Съ другой стороны, великій художникъ сливалъ душевныя явленія съ картинами природы. Гоголь первый занесъ на страницы романа черты великорусскія, невеселыя, но дорогія намъ. Въ этомъ отношеніи ему наслѣдовалъ Некрасовъ. Едва ли не единственный изъ современныхъ писателей, Гоголь очертилъ связь между человѣкомъ и его обстановкой (Собакевичъ, Плюшкинъ и др.) и послужилъ примѣромъ для Тургенева («Дворянское гнѣздо»), Достоевскаго (комната старца Зосимы), Гончарова (губернскій городъ въ «Обрывѣ», «Обломовъ») и пр. Характеристики Гоголя приближаются къ портретной живописи; ихъ преимущество въ томъ, что онѣ схватываютъ не только настоящее, но и прошлое типа (Плюшкинъ). Этимъ «генетическимъ» методомъ мы всецѣло обязаны Гоголю. На ряду съ романомъ нравовъ мы видимъ у него романъ психологическій. И вотъ, позднѣйшіе беллетристы, исключая развѣ Л. Толстого, пошли по стопамъ его. Вспомнимъ комедіи Островскаго, «Иѣтушкова» Тургенева, «Кто виноватъ» Герцена и другіе. Гоголь открылъ русской литературѣ доступъ въ слои жизни и показалъ, что для поэзіи нѣтъ ничего низкаго.

Третью рѣчь произнесъ приватъ-доцентъ императорскаго С.-Петербургскаго университета А. К. Вороздинъ на тему: «Развитіе взглядовъ Гоголя на творчество». Въ основѣ каждаго произведенія должна лежать извѣстная идея, и сила образовъ всегда зависитъ отъ ихъ реализма и вѣрности. И то и другое достигается у Гоголя своего совершенства. Очень рано начала развиваться у него необычайная наблюдательность, о чемъ и самъ онъ неоднократно говоритъ въ

своихъ произведеніяхъ. Въ юности еще идеаломъ Гоголя было: сдѣлаться лирическимъ поэтомъ или учителемъ жизни. Правда, художникъ долженъ считаться и съ вкусами толпы, но никогда не служить имъ; субъективность въ его произведеніяхъ должна быть прежде всего.

Послѣдней была произнесена рѣчь приватъ-доцента В. Н. Перетца: «Гоголь и малорусская литературная традиція». Отмѣтивъ очаровательную свѣжесть произведеній великаго писателя, референтъ напомнилъ о тѣхъ высоко несправдливыхъ сужденіяхъ, которыми была богата наша критика по отношенію къ Гоголю. Н. Полевой, баронъ Брамбеусъ, Шевыревъ и Кулишъ низводили его до степени «неприличнаго писателя», забавника, чуть ли не шута и ставили ниже Польде-Кока. Кулишъ обвинялъ Гоголя въ незнаніи малорусской этнографіи и исторіи, но впослѣдствіи это было блестяще опровергнуто. Несомнѣнна связь Гоголя съ цѣлымъ рядомъ малорусскихъ писателей. Одинъ изъ предковъ Гоголя былъ авторомъ такъ называемыхъ «интерлюдій», безъ которыхъ не обходились школьныя драмы, и въ этой сферѣ творчества считался равнымъ Мольеру. Конисскій, Некрашевичъ, Гоголь-отецъ, Котляревскій, Нарѣжный — таковы были предшественники Гоголя. Измѣнивъ драматическую форму въ повѣствовательную, Гоголь вывелъ въ своихъ произведеніяхъ все тѣ же типы, которые фигурировали въ «интерлюдіяхъ». Другимъ источникамъ вдохновенія были, несомнѣнно, пѣсни старцевъ, лирниковъ, кобзарей, думы, въ которыхъ нашла выраженіе героическая исторія Украйны. Самъ Гоголь называлъ эти источники «ослѣпительно хорошими». Иногда онъ пользовался ими даже буквально. Связь съ земляками — Нарѣжнымъ и Квиткой — тѣмъ болѣе была крѣпка, что она имѣла подъ собою общность источниковъ. И всегда, гдѣ бы ни былъ Гоголь, онъ душой рвался къ прекрасной Украйнѣ, залитой лучами южнаго солнца, полной пѣсенъ и поэтическихъ сказаній.

Наградивъ ораторовъ аплодисментами, публика около 4 часовъ дня разошлась.

Русское библиологическое общество почтило память Гоголя засѣданіемъ, гдѣ были прочитаны рефераты гг. Ляцкимъ (характеристика Гоголя) и Липовскимъ (новые матеріалы и статьи о Гоголѣ).

Въ Славянской Бесѣдѣ прочитаны были рефераты о Гоголѣ у славянъ: г. Спасовичъ читалъ о Гоголѣ у сербовъ, г. Узуновъ — о Гоголѣ у болгаръ, г. Липовскій — о Гоголѣ у поляковъ.

Затѣмъ, интересное было собраніе и въ Педагогическомъ обществѣ.

Не безъ воодушевленія почтила память Гоголя С.-Петербургская духовная академія.

Актный залъ разукрашенъ былъ гирляндами. Подъ сѣнью тропическихъ растений стоялъ бюстъ Гоголя. Обширный залъ на-

полненъ былъ служащими въ академіи, студентами, ихъ родственниками, приглашенными лицами, при чемъ распорядителями торжества были студенты. Собраніе началось гимномъ Гоголю (слова К. К. Случевского, музыка Главача). Далѣе, ординарный профессоръ А. И. Пономаревъ прочиталъ рѣчь на тему «Самобытность и русское самосознаніе въ жизни и твореніяхъ Н. В. Гоголя». Интересно и разнообразно составленная программа академическаго вечера блистала лучшими музыкальными и поэтическими произведеніями. Студентами исполнены были отрывки изъ Массенэ, А. Рубинштейна, Чайковского и др.; прочитаны «Записки сумасшедшаго». Во второмъ отдѣленіи и. д. доцента Д. И. Абрамовичъ произнесъ рѣчь «Гоголь въ русской критикѣ». Затѣмъ исполнены были «хоръ парубковъ» изъ оп. «Майская ночь» Римскаго-Корсакова, пѣсня Левка изъ той же оперы, читались отрывки изъ «Мертвыхъ душъ» и пр.

Наканунѣ гоголевскаго дня въ С.-Петербургской духовной семинаріи состоялся литературно-музыкальный вечеръ. Преподаватель русской словесности прочиталъ біографію Гоголя, выяснивъ при этомъ его безсмертное значеніе для русской литературы. Затѣмъ, среди вокальныхъ нумеровъ были прочитаны отрывки изъ произведеній Гоголя.

Вечеръ въ память Гоголя состоялся такъ же въ Исидоровскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ. Вечеръ открылся «гимномъ Гоголю», послѣ чего профессоръ А. И. Пономаревъ произнесъ рѣчь, посвященную памяти писателя. Воспитанницами были исполнены музыкальные и литературные отрывки.

Чтеніе, посвященное памяти Гоголя, состоялось и въ Александро-Невскомъ духовномъ училищѣ. Ученики собраны были въ актовую залу, и преподаватель, сдѣлавъ характеристику Гоголя, прочиталъ нѣсколько повѣстей изъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки».

Гоголевское торжество въ императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ состоялось 21-го февраля. Въ 1 часъ дня въ актовомъ залѣ института, въ присутствіи инспектора института Н. П. Некрасова, директора филологической гимназіи Аквилонова, профессоровъ, преподавателей, студентовъ и учениковъ филологической гимназіи была отслужена панихида при пѣніи пѣвчихъ исаакіевского хора, послѣ которой профессоръ Бороздинъ произнесъ рѣчь «О значеніи Н. В. Гоголя, какъ учителя жизни». Всѣмъ воспитанникамъ гимназіи были розданы критико-біографическій очеркъ и портреты Гоголя.

На высшихъ женскихъ курсахъ устроенъ былъ 21-го февраля литературно-музыкальный вечеръ. Торжество открылось кантатой въ честь Гоголя, исполненной хоромъ слушательницъ. Профессоръ Шляпкинъ сказалъ рѣчь о литературной дѣятельности Гоголя и прочелъ стихи, посвященные ему. Затѣмъ, были поставлены живля

картины изъ «Тараса Бульбы». Въ вечерѣ принимали участіе артисты императорскихъ театровъ г. Варламовъ и г. Бухтояровъ. Въ заключеніе дѣйствующихъ лица изъ произведеній Гоголя окружили бюстъ его, добрый геній возложилъ вѣнокъ на его голову, и все это было освѣщено бенгальскимъ огнемъ.

Чествованіе пятидесятилѣтія памяти Гоголя совпало въ императорскомъ Александровскомъ лицѣѣ съ очереднымъ пушкинскимъ вечеромъ, устроеннымъ 20-го февраля. Вечеръ открылся рѣчью профессора Н. А. Котляревскаго «Жуковский, Пушкинъ, Гоголь». Музыкальная часть вечера состояла изъ избранныхъ произведеній Направника, Шопена, Глинки, Грига, Гайдна, Аренскаго и др., исполненныхъ лицеистами. Струннымъ оркестромъ дирижировалъ лицеистъ XXXII выпуска В. И. Сафоновъ, директоръ московской консерваторіи.

Юбилейныя празднества въ средне-учебныхъ заведеніяхъ одинаково отличались «торжественностью» и умѣлой выработкой программы чествованія.

Учебное начальство озаботилось, чтобы по возможности дать юнымъ слушателямъ наиболѣе яркія выдержки изъ произведеній Гоголя и такимъ путемъ ознакомить ихъ съ характеромъ поэтического дарованія Гоголя. Помимо чтенія литературныхъ отрывковъ изъ произведеній Гоголя, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ происходило чествованіе, были прочитаны—въ однихъ преподавателями, въ другихъ учениками старшихъ классовъ—рефераты (біографія и литературное значеніе Гоголя). Учащимся были розданы—иногда подъ звуки марша—портреты и избранныя произведенія Гоголя.

Гимназическій хоръ исполнялъ «гимнъ Гоголю», ученики изображали въ лицахъ сцены изъ «Ревизора», «Разъѣзда», читали отрывки изъ «Женитьбы», «Мертвыхъ душъ», «Тараса Бульбы».

Въ такомъ же родѣ состоялись чествованія въ лютеранскихъ училищахъ. Въ Петропавловскомъ училищѣ былъ увѣнчанъ мраморный бюстъ поэта, находившійся на особой эстрадѣ среди зелени, при пѣніи кантаты Главача.

Въ Петропавловскомъ училищѣ празднованіе началось съ исполненія на рояли увертюры изъ оперы «Кузнецъ Вакула». Одинъ изъ учениковъ прочелъ свое стихотвореніе, посвященное памяти Н. В. Гоголя.

Еще задолго до 21-го февраля въ женскихъ столичныхъ гимназіяхъ начались дѣятельныя приготовленія къ чествованію памяти Гоголя. Подъ руководствомъ учителей, избранныя воспитанницы изъ всѣхъ классовъ разучивали отрывки изъ повѣстей и драматическихъ произведеній Гоголя. Преподаватели пѣнія и музыки руководили изученіемъ привѣтственныхъ кантатъ и музыкальных нумеровъ изъ оперъ, написанныхъ на сюжеты гоголевскихъ повѣ-

стей. Въ гимназіи принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской, послѣ панихиды, присутствующіе перешли въ актовъ залъ. Здѣсь, на особой эстрадѣ, среди зелени и вѣнковъ возвышался мраморный бюстъ поэта. Въ залѣ была устроена, оригинальная сцена. Малороссійская мазанка-хата, съ своей соломенной крышей, стояла среди тополевои рощи. Стройныя украинскіе тополя прикрывали своими вѣтвями скромную хату и уходили въ глубь сцены. Собраніе открылъ инспекторъ гимназіи И. В. Скворцовъ рѣчью, въ которой отмѣтилъ радостный характеръ праздника, несмотря на то, что оно находится въ связи съ грустнымъ воспоминаніемъ о смерти писателя.

Послѣ рѣчи преподавателя словесности о значеніи Гоголя, на сценѣ среди вишневаго сада появились нѣкоторыя ученицы въ качествѣ исполнительницъ произведеній Гоголя. Одна изъ нихъ произнесла собственное стихотвореніе, посвященное Гоголю. Торжество закончилось пѣніемъ «Славы» Гоголю.

Столичныя женскіе институты также всѣ откликнулись на общее празднованіе. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ было устроено чествованіе еще 19-го февраля. 21-го февраля Смольный, Александровскій, Екатерининскій и Патріотическій институты устроили литературныя вечера, на которыхъ находились родственники учащихся. Исполнительницами выступили институтки.

Справляли знаменательную годовщину и всѣ частныя женскія гимназіи. Въ гимназіи Е. М. Гедда, въ 2 часа дня, была совершена панихида въ актовомъ залѣ. На возвышеніи среди разнообразной живои тропической зелени возвышался бюстъ Гоголя. Подножіе бюста было задрапировано малороссійскими полотенцами и оригинальными пахтами. Одна ученица выпускнаго класса прочла рефератъ: «Дѣтскіе и школьныя годы Гоголя». Затѣмъ слѣдовало чтеніе «лирическихъ отступленій», сценъ изъ комедій и «Мертвыхъ душъ» и проч. Въ заключеніе, хоръ ученицъ старшихъ классовъ исполнилъ «Гимнъ Гоголю», слова К. Случевского, музыка Главача. Къ подножію бюста ученицы возложили лавровый вѣнокъ. Вечеромъ были показаны туманныя картины для младшихъ классовъ.

День пятидесятилѣтія кончины Н. В. Гоголя не прошелъ безслѣдно и для многочисленныхъ учащихся въ городскихъ начальныхъ училищахъ. Наканунѣ, т. е. 20-го февраля, во всѣхъ училищахъ преподавателями были прочитаны, въ доступной для маленькихъ слушателей формѣ, біографіи Н. В. Гоголя, а 21-го февраля были отслужены панихиды. Особенной торжественностью отличалась панихида въ Александровскомъ залѣ городской думы, гдѣ были собраны дѣти 5-го школьнаго участка. Здѣсь былъ установленъ прекрасный офортъ съ портрета Н. В. Гоголя въ нишѣ, убранной траурной матеріей. Вокругъ портрета лавровый вѣнокъ, а у подножія ниши—группа декоративныхъ растений. Отпечатан-

ный за счетъ города сборникъ избранныхъ сочиненій Н. В. Гоголя будетъ розданъ учащимся во время годичнаго акта.

Въ чествованіи принимали участіе всѣ вообще профессиональныя мелкія школы, купеческія, земскія (Ушаковская, Петергофская и Тентелевская) и другія. Программа вездѣ одна и та же.

Въ церковно-приходскихъ школахъ официальное чествованіе отложено до 11-го мая. Въ этотъ день будутъ праздновать и память В. А. Жуковскаго.

Изъ опасенія, вѣроятно, выдѣлиться хотя чѣмъ нибудь, столичная дума скромно чествовала память Гоголя.

Въ Александровскомъ заѣѣ городской думы, въ присутствіи членовъ городской управы, товарища городского головы, членовъ училищной комиссіи съ ея предѣдателемъ, учащихся и учащихся нѣсколькихъ школъ городскихъ, гласныхъ и служащихъ въ управѣ, была отслужена по Н. В. Гоголю панихида, послѣ которой настоятель Казанскаго собора сказалъ рѣчь о значеніи Н. В. Гоголя въ русской жизни. Потомъ послана была московскому городскому голове телеграмма: «С.-Петербургское городское общественное управленіе, вознося молитвы Всевышнему объ успокоеніи души незабвеннаго Николая Васильевича Гоголя, проситъ московское городское общественное управленіе принять выраженіе чувствъ искренняго почитанія дѣлу великаго учителя, нашедшаго упокоеніе въ «сердцѣ Россіи». Тѣмъ дѣло и окончилось.

Въ виду того, что Н. В. Гоголь началъ свою службу въ департаментѣ удѣловъ, въ церкви удѣльнаго вѣдомства была отслужена панихида въ день 50-лѣтія со дня его кончины, а послѣ панихиды настоятель церкви сказалъ слово, въ которомъ указалъ на Гоголя, какъ на автора нѣкоторыхъ произведеній духовно-нравственнаго характера. 19-го февраля отправленъ въ Москву, для возложенія на могилу Гоголя, серебряный вѣнокъ, на которомъ выгравирована золотыми буквами надпись: «Великому писателю земли Русской, Н. В. Гоголю, отъ главнаго управленія удѣловъ, гдѣ въ 1830 году началась его государственная служба».

Въ Царскомъ Селѣ, Павловскѣ, Гатчинѣ въ гимназіяхъ и училищахъ выполнялась та же программа празднествъ, что и въ Петербургѣ.

Театры вспомнили о Гоголѣ, хотя и не по-праздничному. На сценѣ Александринскаго театра шелъ «Ревизоръ» въ 409-й разъ. Спектакль прошелъ вяло, артисты играли безъ увлеченія, и вообще спектакль не носилъ праздничнаго характера. Въ театрѣ присутствовали Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ, Государыни Императрицы Марія Феодоровна и Александра Феодоровна и Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ и Великій Князь Михаилъ Александровичъ и Особы Императорской Фамиліи.

Въ театрѣ литературно-художественнаго общества 21-го февраля также былъ поставленъ «Ревизоръ». Послѣ четвертаго акта передъ бюстомъ Гоголя г. Тинскій продекламировалъ стихи и возложилъ на бюстъ Гоголя вѣнокъ. Декораціи для спектакля вновь написаны А. И. Суворовымъ. Театръ не былъ полонъ.

Въ Новомъ театрѣ 22-го февраля состоялось утро, посвященное памяти Н. В. Гоголя, въ пользу дома трудолюбія. Литераторы: Баранцевичъ, князь Барятинскій и Ермиловъ, читали отрывки изъ произведеній Гоголя. Разыграна была артистами «Тяжба» и «Разговоръ двухъ дамъ». Въ заключеніе поставлена была живая картина: «Гоголь среди своихъ героев».

Народный домъ императора Николая II торжественно отпраздновалъ Гоголевскій юбилей 21-го февраля. Днемъ состоялось чтеніе о Гоголѣ съ туманными картинами, послѣ чтеній на сценѣ появилась живая картина—апофеозъ «Слава писателя»: изображеніе Гоголя, окруженное дѣйствующими лицами его произведеній. Затѣмъ были исполнены сцены изъ повѣсти «Майская ночь». Вечеромъ была дана опера «Вакула-кузнецъ» Соловьева, сюжетъ которой заимствованъ изъ повѣсти Гоголя «Ночь передъ Рождествомъ». раздавались біографія и характеристика дѣятельности Гоголя, съ его портретомъ.

Петербургская консерваторія ничѣмъ не выдѣлилась въ своемъ чествованіи. Днемъ послѣ панихиды, на которой пѣлъ хоръ консерваторскій, преподаватель прочелъ рефератъ: «Біографія Н. В. Гоголя и его значеніе въ русской литературѣ». Затѣмъ ученики и ученицы консерваторіи читали, пѣли и декламировали нѣкоторые произведенія чествуемаго писателя.

Среди множества другихъ шаблонныхъ вечеровъ слѣдуетъ отмѣтить чествованіе въ кружкѣ имени Я. П. Полонскаго. При многочисленной публикѣ состоялось очередное собраніе кружка 21-го февраля. П. И. Вейнбергъ сказалъ «Нѣсколько словъ памяти Гоголя» и прочелъ свое стихотвореніе «Смѣхъ». Князь И. Д. Урусовъ прочелъ свое стихотвореніе въ прозѣ «Смерть Гоголя». Въ музыкальномъ отдѣленіи принимали участіе: А. Г. Жеребцова-Евреинова, С. Н. Гладкая, Н. Н. Кедровъ, исполнившіе нѣсколько романсовъ Кюи, Чайковскаго и Рубинштейна.

Отмѣтимъ также литературно-музыкальный вечеръ въ память Гоголя, устроенный на Удѣльной, въ городской больницѣ св. Пантелеймона. Исполнителями въ живыхъ картинахъ и въ чтеніи произведеній Гоголя выступили призрѣваемые больные. Въ залѣ одного изъ павильоновъ больницы, украшенномъ флагами, находился портретъ Гоголя, написанный углемъ однимъ изъ больныхъ—художникомъ Ивановымъ. Всѣмъ больнымъ раздавали брошюры о Гоголѣ и иллюстрированныя отдѣльныя произведенія его.

II.

Москва.

Если утомила читателя однообразная картина петербургских чествованій Гоголя, то нельзя сказать, что Москва много внесла одушевленія и поэзіи въ свою программу чествованій.

Московскій университетъ, общество любителей россійской словесности, общество драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ, императорскій Малый театръ, литературно-художественный кружокъ, московское городское общественное управленіе, всѣ учебныя заведенія и другія учрежденія столицы старались торжественно отпраздновать 50-лѣтній юбилей со дня смерти Н. В. Гоголя. Послѣ заупокойной литургіи въ Троицкой церкви Данилова монастыря, въ которомъ похороненъ Гоголь, пресвященный Пареній, уроженецъ полтавскій, произнесъ рѣчь, въ которой охарактеризовалъ Гоголя, какъ писателя, руководившагося въ своей жизни и своихъ стремленіяхъ высокими христіанскими идеалами, глубоко любившаго людей и свою родную страну. Онъ говорилъ о томъ, «какое вліяніе имѣлъ Гоголь, какъ вмѣстѣ съ нимъ мы любили Россію, какъ смѣялись сквозь незримыя слезы о несовершенствѣ челоуѣчества». За богослуженіемъ находились родные покойнаго писателя: сынъ его сестры Ольги Васильевны, Василій Яковлевичъ Головня, дѣти другой его сестры Елизаветы Васильевны, Анна Владимировна, Николай Владимировичъ и Юрій Владимировичъ съ супругой, Быковы, почетный опекунъ А. А. Пушкинъ (сынъ А. С. Пушкина), ректоръ университета А. А. Тихомировъ, предсѣдатель общества любителей россійской словесности профессоръ Веселовскій и члены общества, московскій городской голова князь В. М. Голицынъ, члены городской управы, предсѣдатель и члены общества драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ, директоры литературно-художественнаго кружка, профессоръ Гельсингфорскаго университета Мандельштамъ, написавшій диссертацию о гоголевскомъ стилѣ. По окончаніи богослуженія духовенство въ облаченіяхъ и всѣ присутствовавшіе въ храмѣ лица направились къ могилѣ Н. В. Гоголя.

Могила своимъ неблагоустройствомъ производитъ грустное впечатлѣніе. Памятникъ покосился на сторону и даже не огражденъ рѣшеткой. Онъ представляетъ собою высокую массивную плиту чернаго мрамора въ видѣ катаfalка съ возвышающимся въ изголовьѣ ея высокимъ мѣднымъ крестомъ, водруженнымъ на гранитной глыбѣ. На верхней плоскости мраморнаго катаfalка находится надпись: «Здѣсь погребено тѣло Н. В. Гоголя, родился 19-го марта 1809 года, скончался 21-го февраля 1852 года». На боковыхъ сторонахъ катаfalка расположены слѣдующія надписи: на

передней — «Горькимъ словомъ монѣ посмѣюся (Іерем. гл. 20, ст. 8)», на правой — «Истиннымъ же уста исполнить смѣха, уста же ихъ исповѣданія (Іова гл. 3, ст. 21)», съ лѣвой стороны: «Мужъ разумный престоль чувства (Притчей гл. 12, ст. 23)» и «Правда возвышаетъ языкъ (Притчей гл. 14, ст. 34)». Крестъ перевить былъ лавровыми листьями, а подножіе его украшали пальмовыя вѣтви.

Послѣ краткой литіи, преосвященный Пароеній, поклонившись могилѣ, сказалъ: «вѣчная память нашему великому учителю», и вслѣдъ за этимъ началось возложеніе вѣнковъ на памятникъ поэта.

Большой серебряный вѣнокъ съ двумя перьями изъ серебра, съ надписью: «Н. В. Гоголю отъ родныхъ», возложилъ Ю. В. Быковъ. Затѣмъ были возложены отъ университета большой вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ съ двумя пальмовыми вѣтками, отъ общества любителей словесности — металлическій вѣнокъ съ фарфоровыми цвѣтами, отъ города Москвы — лавровый съ пальмовыми вѣтками вѣнокъ, серебряный вѣнокъ съ надписью: «Великому писателю земли русской отъ главнаго управленія удѣловъ», серебряный вѣнокъ съ надписью: «Н. В. Гоголю отъ предсѣдателя и членовъ комисіи по народному образованію въ Петербургѣ, служащихъ въ канцеляріи ея, учащихъ начальныхъ городскихъ училищъ, бібліотечарей, бозплатныхъ городскихъ читаленъ и школьныхъ врачей», отъ общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ — лавровый съ пальмовыми вѣтвями вѣнокъ, лавровый вѣнокъ: «Великому Гоголю императорскій Малый театръ», металлическій вѣнокъ «Священной памяти Н. В. Гоголя, отъ московскаго литературно-художественнаго кружка», Н. В. Быковъ возложилъ серебряный вѣнокъ съ вызолоченнымъ гербомъ Полтавской губерніи «Великому Гоголю полтавское дворянство» и другой серебряный вѣнокъ — «Великому земляку — Гоголю миргородское земство, 21-го февраля 1902 г.», В. Я. Головня — серебряный вѣнокъ «Славному сыну своему Полтавщина, отъ города Полтавы и полтавскаго земства, 1852—1902 гг.», и металлическій съ фарфоровыми цвѣтами вѣнокъ «Славному земляку незабвенному Н. В. Гоголю отъ города Миргорода».

Могила бывшаго профессора Московскаго университета Н. С. Тихонравова, находящаяся недалеко отъ могилы Гоголя, была также убрана цвѣтами и украшена металлическимъ вѣнкомъ съ фарфоровыми цвѣтами съ надписью: «Образцовому редактору сочиненій Гоголя общество любителей російской словесности».

Въ этотъ же день состоялось торжественное соединенное засѣданіе университета и общества любителей російской словесности.

Не веселый видъ представлялъ огромный залъ университета, такъ какъ на торжество собралось не болѣе 300 человекъ. Все было програмно и безцвѣтно. На эстрадѣ грустно виднѣлся бюстъ

поэта. Въ первыхъ рядахъ кресель сидѣла родня Гоголя. Ни литераторовъ, ни депутацій, ни адресовъ.

Собраніе открылось рѣчью ректора Московскаго университета А. А. Тихомирова. Онъ назвалъ Гоголя обличителемъ дурныхъ сторонъ русской жизни. Но обличеніе это великій писатель совершалъ не со злобой, а жалѣя и искренно любя свою родину. Гоголь всегда старался исполнить христіанскій долгъ, и въ этомъ велика заслуга Гоголя. Рѣчь напоминала слушателямъ только что вышедшую передовую статью «Московскихъ Вѣдомостей», даже нѣкоторыми своими частностями.

Послѣ рѣчи ректора Д. Д. Языковъ прочиталъ программу дальнѣйшаго засѣданія, при чемъ было указано, что 10 марта состоится торжественное засѣданіе общества любителей російской словесности въ память Гоголя, гдѣ будутъ прочитаны еще рѣчи и адреса.

Затѣмъ, предсѣдатель общества, профессоръ А. Н. Веселовскій произнесъ рѣчь, посвященную «Памяти Гоголя» (рѣчь напечатана въ № 53 «Русскихъ Вѣдомостей»). Приводимъ ее въ извлеченіяхъ.

Когда Гоголь пріѣхалъ впервые въ Парижъ, — это было въ 1837 году, — неожиданно пришлось ему быть свидѣтелемъ театральной тризны по Мольерѣ. «Въ этомъ было что-то трогательное, — говорилъ онъ, — меня обняло какое-то странное чувство. Слышитъ ли онъ, и гдѣ онъ слышитъ это?». Сцена въ театрѣ такъ поразила Гоголя, что онъ долго еще вспоминалъ о ней. «Слышать ли это въ могилѣ истлѣвшія его кости? Отзывается ли душа его, терпѣвшая суровое горе жизни?» — восклицалъ онъ. Тризна по Гоголю должна закрѣпить среди грамотнаго народа образъ великаго писателя, свободный отъ недомолвокъ и предвзятости.

«Когда въ блестящую дарованіями группу величайшихъ сатириковъ всѣхъ временъ и народовъ вступилъ авторъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ», она въ лицѣ его дала доступъ въ свою среду представителю необыкновенно своеобразнаго, самороднаго оттѣнка сатиры и юмора. То не была безгранично смѣлая политическая насмѣшка Аристофана или борьба Рабле съ невѣжествомъ и жестокостью во имя гуманныхъ идеаловъ поры Возрожденія; это не былъ презрительный, безотрадно-пессимистическій смѣхъ Свифта надъ погрязшимъ навѣки въ порочности человѣчествомъ, или боевой задоръ Мольера, шагъ за шагомъ распатывавшій устои стараго порядка; не ѣдкая иронія всеобщаго сатирическаго обзора человѣчества въ байроновскомъ «Донъ-Жуанѣ»; не облеченная въ веселыя краски печальная повѣсть о безполезности донъ-кихотовскаго идеализма; даже не нервно-чуткое ко всѣмъ превратностямъ жизни сочетаніе смѣха и чувствительности у Стерна или Фильдинга и у ихъ преемника Диккенса, какъ ни близокъ этотъ оттѣнокъ къ гоголевскому юмору. И не столько знаменательнымъ своимъ девизомъ «смѣха сквозь невидимыя міру слезы» выдѣлился новый дѣятель

общечеловѣческой сатиры, потому что непривычный въ русской литературѣ до Гоголя девизъ этотъ свойственъ въ міровой словесности немалой группѣ «меланхолическихъ весельчаковъ». Нѣтъ, соприкасаясь различными сторонами дарованія съ своими сверстниками, Гоголь навсегда сохранитъ среди нихъ вполне обособленное значеніе,—прежде и больше всего по личнымъ свойствамъ сложной своей природы.

«Богатѣйшія, смолоду казавшіяся неистощимыми залежи комизма, не только благороднаго, высокаго смѣха, но и стихійной, заразной веселости, — и склонность къ строгому душевному самоанализу; искренняя преданность художественному творчеству, любовь къ театру и рано обозначившіеся отшельническіе, аскетическіе помыслы; трезвый реализмъ и лирическая вдохновенность; романтическое увлеченіе прошлымъ и выполняемое съ обстоятельностью естествоиспытателя изображеніе новѣйшей пошлости; открытая борьба сатирика съ обществомъ и смѣняющая ее проповѣдь примиренія и братства; постоянные возвраты, при первомъ же просвѣтѣ, къ дѣлу романиста, судьи нравовъ,—и трогательная мечта усталаго, настрадавшагося человѣка «умереть съ пѣніемъ на устахъ»... «Я теперь гожусь болѣе для монастыря, чѣмъ для свѣтской жизни»,—пишетъ Гоголь въ 1840 году, едва закончивъ первый томъ «Мертвыхъ душъ»; но вѣдь послѣ этого признанія онъ выработаетъ текстъ «Женитьбы», напишетъ «Игроковъ», въ «Театральномъ развѣздѣ» выступитъ на энергическую защиту смѣха...».

Ораторъ, далѣе, говорилъ о томъ, какъ велика была въ Гоголѣ жизненная сила, которая одерживала верхъ надъ уныніемъ и мистицизмомъ. Она «незамѣтно для Гоголя превращала ничтожныя съ виду зародыши въ великія созданія, необъятно раскидывала его горизонтъ, смущала своею величавостью».

«Въ ней слились въ удивительномъ сочетаніи невѣдомая дотолѣ въ русской литературѣ глубокая гуманность къ униженнымъ и оскорбленнымъ, и тонкая психологія презрѣнныхъ и ничтожныхъ людей, выраставшихъ до значенія типовъ, и безнечный смѣхъ, порою не брезгающій по-мольеровски фарсомъ, и суровое негодованіе, и добродушная, безыскусственная простота изображенія отталкивающихъ бытовыхъ картинъ, фантастика, идиллія, трагизмъ, талантъ нейзажиста, этнографическій жанръ... Комикъ, лирикъ, мистикъ, другъ людей, обличитель, искренно кающійся грѣшникъ, мечтатель, великій художникъ, и — по печальнымъ наблюденіямъ друзей — за большую часть жизни мученикъ своей хилой природы, мученикъ и своего творчества, — таково то почти ни съ чѣмъ несоизмѣримое сочетаніе душевныхъ свойствъ и дарованій, которое въ лицѣ его вошло въ кругъ величайшихъ мастеровъ мірового юмора. Вѣка пройдутъ, и человѣчество не скоро станетъ снова свидѣте-

лемъ такого необычайнаго явленія. Таковъ яркій слѣдъ, проложенный писателемъ гениальнымъ среди вѣковѣчнаго международнаго обмѣна лучшими созданіями мысли и фантазіи. Насколько же глубже и неизгладимѣе тотъ слѣдъ, который залегъ съ той поры въ жизни и творчествѣ его родного народа, котораго онъ любилъ, быть можетъ, самую горячею своею привязанностью, доходившею до преувеличеній и превознесеній, до ликующихъ и пророческихъ грезъ,— любилъ со всѣмъ его завѣтнымъ достояніемъ, языкомъ, пѣснями, народной славой, живыми чертами племеннаго характера, лучшими людьми, темной и блѣдной массой, къ которой только онъ не сумѣлъ ближе подойти! Истопилъ нашего нравственнаго пробужденія, завѣты общественнаго служенія литературы, художественный ростъ ея, возрожденіе театра, прогрессъ психологической правды, развитіе гуманнаго призванія словесности, — все отводитъ Гоголю почетное значеніе одного изъ главныхъ инициаторовъ, зачинщиковъ, возбудителей энергіи, — тѣхъ, что умѣютъ во время произнести его любимое слово: впередъ!».

«Дѣло, совершенное Гоголемъ, велико, и тургеневскій вопросъ: «какое окончательное мѣсто оставить за Гоголемъ исторія?» — болѣе не существуетъ, такъ какъ мѣсто это твердо намѣчено».

Вслѣдъ за рѣчью профессора А. Н. Веселовскаго московскій городской голова обратился къ собранію съ такимъ привѣтствіемъ:

«Вся Россія поминаетъ сегодня Гоголя и, поминая его, обращаетъ взоры свои на Москву, гдѣ лежитъ онъ въ вѣчномъ покоѣ,— на Москву, въ которой видѣлъ онъ высшее олицетвореніе Россіи, русской жизни, подобно тому, какъ въ Римѣ видѣлъ онъ олицетвореніе мировой жизни. Да, вся Россія здѣсь сегодня: здѣсь Петербургъ, здѣсь Миргородъ, здѣсь и Диканька, единодушно почтившіе вѣнками его могилу. Благоговѣющая къ памяти его Москва запечатлѣла созданія его творческаго духа въ умахъ учащихся въ ея школахъ, увѣковѣчила имя его въ двухъ изъ этихъ школъ, дабы послѣдовательно учащіеся въ нихъ черпали въ имени этомъ любовь къ правдѣ и красотѣ, твердую привязанность къ воспѣтой и обоготворенной имъ Руси и цѣнили въ его смѣхѣ пониманіе людей, въ его слезахъ — безграничную любовь къ этимъ людямъ. Въ настоящій знаменательный въ исторіи русскаго слова день Москва привѣтствуетъ служителей русскаго слова, чествующихъ память великаго Гоголя здѣсь, въ стѣнахъ старѣйшей русской школы, почтившей его славу еще при жизни его».

В. П. Шенрокъ въ своей рѣчи «Исторія текста Мертвыхъ душъ» сообщилъ много подробностей о работѣ писателя надъ его главнымъ произведеніемъ, прочиталъ много любопытныхъ выдержекъ изъ писемъ Гоголя, изъ разныхъ его произведеній, говорилъ о Пушкинѣ и объ отношеніяхъ его къ Гоголю.

Послѣ этого, по предложенію предсѣдателя, общество привѣтствовало родственниковъ Гоголя, а В. А. Крыловъ прочиталъ стихотвореніе П. И. Вейнберга «Смѣхъ», написанное имъ въ 1886 г. по поводу 50-ти-лѣтія постановки на сценѣ комедіи «Ревизоръ». Закончилось торжественное собраніе кантатой:

«Слава Гоголю, великому слава!
Слава свѣтлому генію, слава, слава!
Слава, слава правды поборнику, слава, слава!
Слава, слава порока гонителю, слава, слава!
Слава, слава слову свободному, слава, слава!
Слава, слава смѣху благородному, слава, слава!»

Всѣ рѣчи и кантата сопровождались громкими аплодисментами. 10-го марта въ большой залѣ московской консерваторіи происходило торжественное засѣданіе общества любителей россійской словесности, посвященное памяти Гоголя и Жуковскаго. Гоголь былъ избранъ въ члены общества въ 1836 г., а Жуковскій состоялъ въ числѣ членовъ общества съ 1815 года. Профессоръ А. Н. Веселовскій прочиталъ рѣчь академика А. Н. Шышина о значеніи Гоголя въ созданіи современнаго международнаго положенія русской литературы.

Потомъ слѣдовала рѣчь проф. И. И. Иванова о гоголевской драмѣ. Въ ней лекторъ коснулся глубокой душевной борьбы Гоголя въ послѣдніе годы его жизни и внутреннихъ мученій, среди которыхъ онъ сжигаетъ второй томъ «Мертвыхъ душъ». Гоголь — «глубоко трагическая натура» скорѣе, чѣмъ «глубоко печальная», какъ называлъ его Алексѣй Толстой. Ключъ къ душевной драмѣ его надо искать «въ двойственности его натуры, какъ человѣка и какъ писателя». Какъ человѣкъ, онъ былъ склоненъ къ квіэтизму. Лучшимъ выраженіемъ его личныхъ наклонностей служить поэтизированное изображеніе «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», этой апологіи «невмѣшательства во внѣшнюю жизнь», этой поэмы чревоугодія и мелкихъ семейныхъ радостей. Но, какъ крупный художникъ, онъ порой, противъ воли, давалъ такіе перлы, которые будили скорбную мысль въ окружающихъ, возмущали его собственный покой и ставили писателя въ обостренныя отношенія съ окружающимъ міромъ. Отсюда — внутренній разладъ, доводившій его до потемнѣнія разсудка.

Князь А. И. Сумбатовъ прочиталъ стихотвореніе Некрасова по поводу смерти Гоголя, начинающееся словами: «Блаженъ незлобивый поэтъ». Товарищъ предсѣдателя профессоръ А. И. Кирпичниковъ произнесъ рѣчь: «В. А. Жуковскій, какъ поэтъ-воспитатель». А. Д. Алферовъ сказалъ рѣчь: «Роль московскаго благороднаго университетскаго пансіона и семьи Тургеневыхъ въ развитіи Жуковскаго». Послѣ рѣчей началось принесеніе и чтеніе привѣтственныхъ поздравленій и адресовъ. Были прочитаны привѣтствія: отъ историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета,

отъ университета св. Владимира, отъ Харьковского университета и отъ Варшавскаго университета. Профессоръ А. Н. Веселовскій прочиталъ привѣтственный адресъ отъ Гельсингфорсскаго университета, профессоръ Р. Ѳ. Брандтъ сказалъ привѣтствіе отъ общества исторіи и древностей россійскихъ; профессоръ Л. М. Лопатинъ — отъ московскаго психологическаго общества; С. Е. Смирновъ — отъ московскаго педагогическаго общества; А. Д. Алферовъ — отъ отдѣленія преподавателей русскаго языка и словесности при педагогическомъ обществѣ; отъ московскаго общества любителей художествъ — председатель И. Д. Цвѣтковъ; отъ русскаго фотографическаго общества — председатель К. А. Фишеръ, отъ дирекціи литературно-художественнаго кружка — Я. А. Фейгинъ; отъ училища живописи, ваянія и зодчества — князь А. Е. Львовъ. Затѣмъ прочитано было А. Н. Кремлевымъ привѣтствіе отъ состоящаго подъ покровительствомъ ихъ величествъ и герцогини Эдинбургской англо-русскаго литературнаго общества въ Лондонѣ, при чемъ заявлено, что въ Англіи существуетъ прекрасный переводъ «Ревизора», сдѣланный англійскимъ поэтомъ Сайксъ, который посылаетъ три книжки перевода городамъ Петербургу, Москвѣ и Полтавѣ. Управление по постройкѣ сѣверной части Оренбургско-Ташкентской желѣзной дороги вмѣстѣ съ привѣтствіемъ прислало 495 р., собранныхъ по подпискѣ на вѣнокъ Гоголю, съ просьбою присоединить эту сумму къ капиталу на сооруженіе памятника Н. В. Гоголю. Далѣе прочитаны были привѣтствія: отъ рязанскаго общества народныхъ развлеченій, отъ редакціи «Самарской Газеты», П. И. Вейнберга, отъ поэта А. М. Жемчужникова и беллетриста Ф. Д. Нефедова.

Всѣ рѣчи и привѣтствія сопровождались дружными аплодисментами.

Въ тотъ же день въ литературно-художественномъ кружкѣ состоялся вечеръ въ память Гоголя, съ участіемъ М. Г. Савиной, Г. Н. Оедотовой, А. П. Ленскаго и К. Н. Рыбакова.

Въ Москвѣ юбилейное торжество Гоголя было отпраздновано почти во всѣхъ московскихъ театрахъ. Особенно эффектно прошло это торжество въ Маломъ театрѣ, въ которомъ даны были два спектакля, дневной и вечерній. Утромъ поставленъ былъ «Ревизоръ» (въ 340-й разъ), съ прекраснымъ ансамблемъ. Даже небольшія роли отданы были премьерамъ труппы. Разнообразно обставлена была программа вечерняго спектакля. Пьесы «Утро дѣловаго человѣка», «Отрывокъ», «Разговоръ двухъ дамъ», «Тяжба» и «Лакейская» оставили въ зрителяхъ сильное впечатлѣніе художественно-типичнымъ воспроизведеніемъ всѣхъ почти ролей названныхъ пьесъ. Вечерній спектакль окончился очень красивымъ апоэозомъ. На довольно высокомъ пьедесталѣ красовался бюстъ Гоголя. Вокругъ него на движущейся сценѣ дефилировали группы изъ произведеній его, со вкусомъ размѣщенные и очень эффектно освѣщенные.

У подножія положенъ былъ громаднй лавровый вѣнокъ. Малый театръ и утромъ и вечеромъ былъ полонъ; на вечернемъ же представленіи даже проходы всѣ были заставлены стульями. Въ новомъ театрѣ на утреннемъ представленіи «Ревизора», обставленномъ болѣе слабыми силами, было очень немного публики. Сравнительно больше зрителей собралъ вечерній спектакль; «Игроки» и «Женитьба», вошедшіе въ составъ программы, недурно были разыграны. Изъ частныхъ драматическихъ сценъ къ юбилейному чествованію примкнули театръ Корша и «Акваріумъ». Наиболѣе удачно и интересно въ смыслѣ общаго настроенія прошелъ спектакль въ театрѣ Корша. Въ программу его вошли пьесы: «Тяжба», «Женитьба» и «Собачкинъ». Въ спектакль приняли участіе всѣ лучшія силы труппы. Закончился онъ апофеозомъ, во время котораго прочитано стихотвореніе, написанное г. Потресовымъ-Яблоновскимъ. Спектакль шелъ при переполненной залѣ. Въ «Акваріумѣ» въ этотъ же вечеръ даны были 2-й актъ «Ревизора» и «Женитьба». Публики собралось немного. Изъ оперныхъ театровъ участвовалъ въ чествованіи Гоголя только театръ Солодовникова, поставившій «Черевички» Чайковского, написанные на гоголевскій сюжетъ.

Устроили еще спектакли и чтенія: общество народныхъ развлеченій, московскій городской работный домъ, общество распространенія коммерческаго образованія и др.

23-го февраля чествовали Гоголя въ московскомъ художественномъ театрѣ литературнымъ утромъ. Приватъ-доцентъ Ивановъ читалъ рефератъ о Гоголѣ, въ чтеніи принималъ участіе В. И. Немировичъ-Данченко, а артистами исполнены были разные отрывки изъ произведеній великаго писателя. Не останавливаясь на празднествахъ въ учебныхъ заведеніяхъ Москвы, такъ какъ всѣ гимназій, училища и школы выполнили ту же программу, что и въ Петербургѣ, перейдемъ къ описанію выставки въ Москвѣ.

Гоголевская выставка.

Откладывавшаяся со дня на день выставка въ память Гоголя и Жуковского въ Москвѣ открылась, наконецъ, хотя и не вполне въ законченномъ видѣ, 10-го марта. Выставка устроена обществомъ любителей россійской словесности въ залахъ историческаго музея. Она раздѣляется на шесть отдѣловъ, изъ которыхъ каждый занимаетъ особую залу. Въ первой залѣ собраны всѣ экспонаты, касающіеся лично Гоголя: его портреты, картины и рисунки, изображающіе его въ различные моменты жизни, и предметы, имѣющіе къ нему отношеніе. Здѣсь помѣщены копія съ портрета Гоголя, писаннаго знаменитымъ художникомъ Ивановымъ, и двѣ картины Волкова, изображающія Гоголя въ Васильевкѣ. На одной изъ этихъ картинъ Гоголь представленъ сидящимъ на крыльцѣ большого дома

гдѣ обыкновенно лѣтомъ обѣдали и пили чай, а у стола—его мать съ одной изъ его сестеръ; на другой же картинѣ Гоголь изображенъ въ комнатѣ флигеля, въ которомъ онъ жилъ въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Васильевку. Тамъ же помѣщена увеличенная фотографія съ дагерротипа, принадлежащаго И. В. Шпажинскому, на которой Гоголь изображенъ въ группѣ знакомыхъ, снятой въ Римѣ. В. И. Шенрокъ выставилъ фотографію, представляющую Гоголя, сидящаго у шкафа съ сигарою въ рукѣ, фотографію матери писателя—М. И. Гоголь, старинную фотографію, представляющую видъ дома Гоголей въ Васильевкѣ, фотографическій портретъ М. И. Гоголь и ея внука Н. В. Быкова (мальчика). Отъ А. А. Журавлева поступили два портрета Гоголя: одинъ—писанный художникомъ Ядеренемъ, а другой—работы Мамонова и копія неизвѣстнаго художника съ Молеровскаго портрета Гоголя. С. Н. Филипповымъ выставлены: серія художника Волкова, представляющая портретъ Гоголя, виды дома и сада въ Васильевкѣ; портретъ О. В. Головня, урожденной Гоголь, и другіе. Отъ графа С. Д. Шереметева поступилъ портретъ Гоголя, рисованный Молеромъ карандашомъ. Изъ коллекціи А. А. Бахрушина доставлены: два портрета Гоголя масляными красками, литографія Солоницына «Гоголь, сжигающій свои рукописи (2-й томъ «Мертвыхъ душъ»)»; болѣе 20-ти печатныхъ изображеній Гоголя; акварельный портретъ Гоголя 1852 г. и другіе. Обществомъ любителей россійской словесности представленъ дипломъ на званіе почетнаго члена императорскаго Московскаго университета, выданный Н. В. Гоголю 16-го іюня 1845 г. Изъ коллекціи князя А. Е. Львова на выставкѣ находятся: письмо Н. В. Гоголя къ П. Е. Раевской изъ Вѣны; «Мертвыя души», изданныя 1842 г. съ подписью: «П. И. Раевской отъ автора», два портрета П. И. Раевской, рисованныхъ карандашомъ (Н. Ehlers, 1847 г.) и акварелью (работы Гампельнъ), и записки на французскомъ языкѣ, приписываемыя Гоголю. Родственниками Гоголя доставленъ: фотографическій портретъ Елизаветы Васильевны, сестры Н. В. Гоголя, съ мужемъ Вя. Ив. Быковымъ; вещи, принадлежавшія Н. В. Гоголю. Въ витринѣ родственниковъ Гоголя выставлены золотыя часы, принадлежавшіе раньше Пушкину и перешедшіе къ Гоголю отъ Жуковскаго. Но родня Пушкина опровергаетъ это свѣдѣніе. Въ Гоголевской витринѣ есть интересный медальонъ съ прядями волосъ Гоголя: волосы прямые и чисто русаго цвѣта. Здѣсь же находится жилетъ Гоголя изъ малиноваго бархата. Въ числѣ портретовъ любопытны портреты митрополита Филарета и отца Матвѣя, лицо котораго очень заурядно. Изъ другихъ вещей Гоголя интересны: печатка гербовая, печать именная, заграничный его паспортъ 1847 г., конторка, на которой писалъ Гоголь; фотографическіе портреты родственниковъ. Заграничный паспортъ Гоголя 1842 г.; дорожная его отъ Канева до Одессы, выданная въ 1850 г.; двѣ книжки «Вечеровъ на хуторѣ

близъ Диканьки», изданная 1832 г., съ надписью рукою Гоголя; письма Гоголя къ бывшему оберъ-прокурору святѣйшаго синода А. П. Толстому (5-го марта 1845 г.) и къ рекомендованному имъ ржевскому священнику о. Матвѣю Константиновскому. Отъ К. С. Алексѣева (Станиславскаго) поступилъ «Ревизоръ», изданіе 1836 г., экземпляръ, подаренный Гоголемъ М. С. Щепкину съ своей надписью; отъ Н. В. Лизковскаго—бюваръ Гоголя; отъ В. В. Каллашъ—колокольчикъ изъ темной бронзы, принадлежавшій Гоголю.

Только 9-го марта было доставлено, наконецъ, «знаменитое» кресло Гоголя, изъ-за котораго такъ много спорили.

На выставкѣ помѣщены также портреты лицъ, писавшихъ о Гоголѣ: Н. С. Тихонравова, Авенаріуса, Лавровскаго, ученика Гоголя М. Н. Лонгинова, оставившаго о немъ воспоминанія, какъ о преподавателѣ, А. Аонасьева, оставившаго записки о Гоголѣ, и В. П. Шенрока. Помѣщены весьма интересные рисунки художника Мамонова, изображающіе П. А. Чаадаева въ римской тогѣ, А. П. Ефремова, В. А. Елагина, А. С. Хомякова, О. О. Кошелеву, самого Мамонова и другіе. На юмористическихъ рисункахъ Т. Г. Шевченко поэтъ изобразилъ себя въ видѣ гладиатора, въ видѣ Діогена въ бочкѣ, во образѣ св. Севастьяна съ пронзающими его грудь стрѣлами и т. п. Рядомъ помѣщается портретъ Шевченка, работы Крамского. Въ послѣдней залѣ помѣщена афиша перваго спектакля, даннаго 11-го апрѣля 1860 г. въ пользу Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, въ которомъ шелъ «Ревизоръ» съ участіемъ въ качествѣ исполнителей извѣстныхъ нашихъ писателей: А. О. Писемскаго въ роли городничаго, О. М. Достоевскаго—въ роли почтмейстера Шпекина, П. И. Вейнберга—въ роли Хлестакова, А. Н. Островскаго—купца Абдулина и въ роли другихъ купцовъ—И. С. Тургенева, Д. В. Григоровича, А. Н. Майкова, А. В. Дружинина, В. С. Курочкина, А. А. Краевскаго. Тутъ же помѣщенъ рисунокъ изъ журнала Искра отъ 6-го мая 1860 г., представляющій изъ этого спектакля сцену расправы городничаго (Писемскаго) съ купцами. Вниманіе всѣхъ привлекаетъ экземпляръ «Ревизора» 1836 года съ помѣтками Гоголя и Щепкина.

Выставка почти ежедневно пополняется. Такъ, недавно отъ племянника Гоголя, В. Я. Головни, получены изъ Кіева писанные масляными красками портреты Д. П. Троцинскаго, сосѣда по имѣнію Гоголей, А. М. Троцинской и г-жи Лукашевичъ. Сестра Гоголя, О. В. Головня, доставила интересную коллекцію, состоящую изъ натѣльнаго креста, снятаго съ Н. В. Гоголя послѣ смерти, кольца, обвитаго волосами писателя, перламутровыхъ образковъ и пальмовой трости, привезенныхъ Н. В. Гоголемъ изъ Іерусалима, палитры для акварельныхъ рисунковъ, дворянской грамоты, выданной дѣду писателя въ 1785 году, гербарія, собраннаго Гоголемъ въ Яновщинѣ, и другихъ предметовъ. Выставка продолжится по 21-е апрѣля.

III.

Провинція.

Изъ провинціальныхъ городовъ полнѣе и разнообразнѣе составлены были программы чествованія въ Полтавѣ, Оренбургѣ, Житомирѣ. Въ Полтавѣ городская дума избрала юбилейную комиссію, которая остановилась на мысли, поданной В. Г. Короленко,—учредить въ Полтавѣ художественно-литературное общество имени Гоголя и возложить на могилу его вѣнокъ.

17-го февраля, въ просвѣтительномъ залѣ имени Гоголя, состоялось литературно-музыкальное утро, устроенное комитетомъ народныхъ чтеній. На торжествѣ присутствовали: сестра поэта Ольга Васильевна Головня, мѣстная интеллигенція и учащіеся въ городскихъ и частныхъ школахъ. Пѣлъ архіерейскій хоръ гимны въ честь Гоголя, симфоническій оркестръ исполнялъ пьесы, написанныя на сюжеты произведеній чествуемаго писателя, а драматическая труппа исполнила сцену «Чичиковъ у Плюшкина». Въ залѣ губернской земской управы профессоръ Харьковскаго университета Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, приглашенный сюда городскимъ управленіемъ, прочелъ 19-го февраля лекцію «о пушкинской и гоголевской русской литературѣ». 20-го февраля въ кафедральномъ соборѣ заупокойную литургію по Н. В. Гоголѣ совершилъ епископъ Иларіонъ. На богослуженіи присутствовали племянницы Гоголя М. В. Рахубовская и В. В. Быкова, замѣняющій городского голову М. И. Сосновскій и учащіеся въ городскихъ училищахъ. Народу вообще было мало. Объяснялось это тѣмъ, что въ учебныхъ заведеніяхъ и церквяхъ служились панихиды; затѣмъ состоялись вездѣ литературно-музыкальныя утра. На такое утро въ кадетскій петровскій корпусъ были приглашены племянницы покойнаго писателя. Ихъ встрѣтилъ директоръ корпуса и поднесъ каждой по букету цвѣтовъ. Дѣтямъ народныхъ училищъ розданы были на счетъ земства дешевыя изданія Гоголя. Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Полтавской губерніи были организованы чтенія и поставлены спектакли изъ произведеній чествуемаго писателя. Въ Сорочинцахъ предполагаютъ воздвигнуть памятникъ Гоголю. 21-го февраля въ зданіи имени Гоголя въ 2 часа дня состоялось торжественное засѣданіе полтавской городской думы. Зданіе снаружи было убрано разноцвѣтными флагами, а надъ входомъ славянскими буквами была слѣдующая надпись: «Просвѣтительное зданіе имени Гоголя», которое было закрыто въ началѣ покрываломъ, а когда передъ зданіемъ собралось много публики, то подъ звуки музыки былъ снятъ покровъ. Внутри зала на сценѣ, среди тропическихъ растений, стоялъ бюстъ Гоголя на особомъ пьедесталѣ, украшенномъ лирой, перевитой лаврами. М. И. Сосновскій предлагаетъ почтить память великаго земляка

вставаніемъ, архіерейскій хоръ при этомъ поетъ «Вѣчную память». Затѣмъ г. Сосновскій сказалъ рѣчь, которую заключаетъ словами: «Слава великому поэту, первому давшему намъ грандіозную картину родины, такъ любовно критиковавшему ее, намѣтившему планъ работы для общественныхъ дѣятелей эпохи реформъ!»

Затѣмъ на обсужденіе думы предложено ко времени столѣтія со дня рожденія Гоголя открыть образцовую школу, для чего ежегодно отпускать на составленіе фонда по 2.000 рублей, основать художественно-литературное общество имени Гоголя, предоставивъ ему пользоваться помѣщеніями зданія просвѣтительныхъ цѣлей. Всѣ эти предложенія приняты единогласно. Потомъ г. Сосновскій, обратившись къ находившимся въ ложѣ племянницамъ Гоголя, предложилъ думѣ почтить въ лицѣ ихъ тѣнь великаго писателя. Всѣ поднялись, и залъ огласился аплодисментами. Читались привѣтствія: отъ редакціи «Самарской Газеты», отъ земляковъ изъ города Киренска и отъ В. Г. Короленко, который по болѣзни отсутствовалъ. Затѣмъ учитель реального училища г. Коваржикъ отъ имени славянскаго клуба въ Прагѣ сказалъ привѣтственную рѣчь и поднесъ для народной читальни въ Полтавѣ три тома переводовъ Гоголя на чешскій языкъ. Г. Коваржикъ произнесъ рѣчь объ особомъ значеніи Гоголя для чеховъ, «значеніи по времени»: нужно только вникнуть въ то безотрадное положеніе, въ которомъ находился чешскій народъ въ то время, когда Гоголь началъ писать свои творенія. Народъ, подвергавшійся упорной германизациі въ теченіе двухъ вѣковъ послѣ несчастной Бѣлой горы, былъ совершенно обезсиленъ, и всѣмъ казалось, что они неминуемо обречены на судьбу, постигшую альбскихъ и балтійскихъ славянъ. Но откуда взялась въ нѣсколькихъ людяхъ та сила и увѣренность, съ которой они, невзирая на всѣ препятствія, принялись за свой великій подвигъ возрожденія чешскаго народа? Они сознавали и всѣмъ нерѣшительнымъ и малодушнымъ указывали на то, что, хотя мы и малочисленны, но составляемъ вѣтвь великаго славянскаго народа! Въ этомъ убѣжденіи они жили и работали на возрожденіе народа и завязали близкія сношенія съ лучшими русскими людьми того времени. Эти послѣдніе признавали ихъ, поощряли ихъ. Всѣмъ чешскимъ писателямъ выражено было признаніе съ высоты русскаго престола, а это обстоятельство опять воодушевляло чешскій народъ и заставляло его вѣрить, что онъ еще не погибъ. Всѣ выдающіеся люди чешскіе учились русскому языку и владѣли имъ въ достаточной степени, чтобы читать русскія сочиненія въ оригиналѣ. Въ томъ числѣ особенною любовью пользовались произведенія Гоголя; его сразу поняли, его читали, имъ упивались.

Привѣтствовали думу полковникъ Лицеровскій отъ полтавскаго корпуса и предсѣдатель комитета общественной бібліотеки. Англо-русское литературное общество прислало томъ сочиненій Гоголя,

переведенныхъ на англійскій языкъ. Книги переданы въ бібліотеку. Торжественное засѣданіе закончилось гимномъ въ честь поэта. Вечеромъ въ этомъ же зданіи состоялся литературно-музыкальный вечеръ. Профессоръ Д. Н. Овсянко-Куликовскій прочелъ лекцію: «Право Гоголя на одно изъ первыхъ мѣстъ въ міровой литературѣ». Прочитаны были отрывки изъ сочиненій Гоголя и его біографія. Музыкальное отдѣленіе исполнили симфоническій оркестръ и архіерейскій хоръ.

Полтавцы рѣшили пріобрѣсти въ общественное достояніе домъ и усадьбу Гоголя въ Васильевкѣ, Миргородскаго уѣзда. Въ маѣ мѣсяцѣ туда и въ другія мѣста Гоголевщины будетъ организовано паломничество учащихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ изъ Полтавы и окрестностей.

Въ Гоголевскомъ училищѣ въ с. Яновщинѣ, Полтавскаго уѣзда, 21-го февраля, послѣ панихиды, на которой присутствовали Ольга Васильевна Головня, сестра писателя, она же и попечительница училища, и жена племянника Гоголя М. А. Быкова, ученики земской и церковно-приходской школъ, прочтена была біографія Н. В. Гоголя и сдѣлано сообщеніе о значеніи великаго писателя въ отечественной литературѣ.

Въ заключеніе ученикамъ розданы были книги, подаренныя директоромъ одесской гимназіи г. Борзаковскимъ, и разныя угощенія, купленныя на средства, ассигнованныя уѣздной земской управой и попечительницей.

И Миргородъ не остался въ долгу передъ памятью своего великаго пѣвца. На станціи Миргородъ, въ день юбилея Гоголя, открытъ былъ бронзовый бюстъ писателя, помѣщенный на видномъ мѣстѣ, посреди перрона.

Юбилейныя празднества въ Полтавѣ прошли не безъ курьезовъ, о чемъ рассказываетъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей». Еще 17 октября 1901 года полтавское земство обратилось въ училищный совѣтъ, и тотъ 9 ноября представилъ «планъ чествованія» черезъ дирекцію въ Кіевскій учебный округъ. 16 января отвѣта еще не было, и вотъ 9 февраля полученъ отвѣтъ округа такого содержанія, что попечитель Кіевского учебнаго округа «не признаетъ возможнымъ дать общее разрѣшеніе на празднованіе училищами Полтавскаго уѣзда означенной годовщины». Такой же отвѣтъ полученъ и въ Миргородѣ. Эта бумага пришла почти одновременно съ циркуляромъ министра народнаго просвѣщенія, установившаго планъ чествованія и въ народныхъ училищахъ. «Тщательное разсмотрѣніе этого плана показало, что онъ совершенно совпадаетъ съ неодобреннымъ планомъ полтавскаго земства. Вышло такимъ образомъ, что планъ министра былъ отвергнутъ кіевскимъ округомъ еще ранѣе, чѣмъ онъ успѣлъ появиться. Впрочемъ само собою разумѣется, что съ появленіемъ циркуляра «маленькое не-

доразумѣніе» должно было прекратиться, и тѣ же земскія управы получили дня черезъ два новую бумагу отъ округа, которою первая отмѣнялась, яко не бывшая.

Впрочемъ отмѣна произошла далеко не въ полномъ видѣ. Такъ, полтавская комиссія по чествованію памяти Гоголя, располагающая просвѣдательнымъ зданіемъ и потому имѣвшая возможность дать нѣсколько больше, чѣмъ народныя школы уѣздовъ, прибавила къ указанному плану еще постановку дарового спектакля («Женитьба»). А такъ какъ дарового спектакля циркуляръ министра не предвидѣлъ, то, вѣроятно, по этой причинѣ 11-го февраля городской управой полученъ слѣдующій отвѣтъ (на ходатайство комиссіи объ участіи школьниковъ въ торжествѣ): «Не признаю возможнымъ разрѣшить участіе учащихся народныхъ школъ въ чествованіи памяти Гоголя. Попечитель Вельяминовъ-Зерновъ».

Отъ Полтавы естественно перейти къ Нѣжину, говоря о чествованіи Гоголя.

Въ Нѣжинской «гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко» учился Гоголь, поэтому въ стѣнахъ нынѣшняго историко-филологическаго института, подъ предѣдательствомъ профессора института М. Н. Сперанскаго, образована была специальная «Гоголевская комиссія», которая и выработала программу юбилейныхъ торжествъ въ г. Нѣжинѣ. Торжества начались 21-го февраля литургіей по Н. В. Гоголю въ институтской церкви. Затѣмъ въ 12 часовъ дня въ главномъ залѣ института состоялся торжественный актъ, всецѣло посвященный памяти великаго ученика бывшей «гимназіи высшихъ наукъ», гдѣ онъ провелъ цѣлыхъ семь лѣтъ своей жизни (1821 — 1828 г.). Послѣ вступительнаго слова директора института г. Гельбеке, ординарный профессоръ М. Н. Сперанскій прочелъ рѣчь на тему «Гимназія высшихъ наукъ и нѣжинскій періодъ жизни Н. В. Гоголя». Нарисовавши яркую картину внутренней жизни этой гимназіи въ 20-хъ годахъ минувшаго столѣтія, когда дѣло воспитанія и «насажденіе просвѣщенія между малороссійскимъ благороднымъ юношествомъ» находилось всецѣло въ рукахъ «разнузданной толпы» иностранныхъ культуртрегеровъ, предававшихся «междоусобнымъ бранямъ» и представлявшихъ собою «полное ничтожество» съ педагогической точки зрѣнія, лекторъ особенно отмѣнилъ ту мысль, что «чѣмъ хуже шло дѣло школы въ учебно-воспитательномъ отношеніи, тѣмъ сильнѣе проникали въ нее внѣшнія вліянія прогрессивно-освободительнаго характера».

Внутренній міръ Гоголя развивался и складывался не только подъ вліяніемъ официальныхъ программъ школы и того «направленія», какое школа должна была давать своимъ воспитанникамъ въ эпоху Руничей и Магницкихъ, сколько подъ благотворными воздѣйствіями на юную и впечатлительную душу Гоголя тѣхъ «внѣшнихъ вліяній» чисто-прогрессивнаго характера, которыя про-

никали въ стѣны гимназій, несмотря на всѣ препятствія и запреты. Гимназія князя Безбородко «ничего не дала» Гоголю, въ смыслѣ опредѣленной системы знаній, но ея огромная заслуга въ томъ, что, не признанная официальной, атмосфера этой своеобразной школы заложила въ душу своего воспитанника тѣ добрыя сѣмена, которыя впоследствии развивались, укрѣплялись и дали Россіи одного изъ самыхъ яркихъ обличителей темныхъ сторонъ и общественныхъ язвъ нашей страны. Этой же атмосферѣ Гоголь обязанъ былъ и тѣмъ интересомъ къ своей родной Украинѣ и ея народной жизни, который сталъ обнаруживаться въ будущемъ писателѣ уже въ ранніе годы его жизни.

Въ 2 часа дня состоялось открытіе Гоголевской выставки, устроенной въ помѣщеніи бібліотеки института, а вечеромъ въ томъ самомъ залѣ института, гдѣ ставились ученическіе спектакли во времена Гоголя, былъ поставленъ «Ревизоръ» и прочитаны однимъ изъ студентовъ института «Записки сумасшедшаго». На второй день, т. е. 21-го февраля, въ народномъ домѣ общества трезвости, днемъ было устроено чтеніе біографіи Гоголя и нѣкоторыхъ его произведеній, специально для низшихъ учебныхъ заведеній и раздача бесплатно произведеній писателя. Вечеромъ былъ поставленъ «Ревизоръ» для взрослыхъ учащихся въ воскресныхъ школахъ и вечернихъ классахъ. 23-го февраля въ томъ же народномъ домѣ была поставлена днемъ «Женитьба» для учениковъ 4-хъ-класснаго училища, а вечеромъ въ гимназій былъ устроенъ литературно-музыкальный вечеръ для воспитанниковъ и воспитанницъ мѣстныхъ гимназій и студентовъ института. Наконецъ, 24-го февраля шелъ народный спектакль (та же комедія «Женитьба»). Съ 21-го февраля и по 3-е марта включительно въ зданіи института была открыта для всѣхъ бесплатно юбилейная выставка.

Заключая въ себѣ 967 номеровъ по каталогу, она раздѣлялась на 10 отд. Изъ нихъ особенно любопытенъ четвертый, въ которомъ собраны автографы Гоголя.

Библіотека института въ настоящее время обладаетъ слѣдующими рукописями Гоголя: 1) «Мертвыя души», т. I. Рукопись представляетъ соединеніе: 1) заграничной рукописи I т., переписаннаго рукой П. В. Анненкова въ Римѣ, и 2) рядъ собственноручныхъ набросковъ Н. В. Гоголя къ I тому «Мертвыхъ душъ». 2) «Портретъ», новая, начисто написанная редакція съ поправками автора. 3) «Игроки» и «Театральный разъѣздъ». 4) «Письма къ Н. Я. Прокоповичу»; всѣхъ писемъ 32. 5) «Письма къ М. А. Максимовичу». Писемъ 24 и двѣ записки. 6) «Тарасъ Бульба», рукописный оригиналъ того списка, съ котораго эта повѣсть должна была набираться для изданія. 7) «Тяжба» и «Лакейская». 8) «Дядька въ затруднительномъ положеніи», комедія, соч. Джіов. Жиро, переводъ съ итальянскаго, исправленный и переписанный Гоголемъ. 9) «Письмо

къ И. И. Барановскому»; одно изъ послѣднихъ писемъ Гоголя, найденное въ г. Нѣжинѣ въ 1901 г. Первый отдѣлъ выставки заключалъ въ себѣ: портреты Н. В. Гоголя; сцены изъ его жизни. Номеровъ въ этомъ отдѣлѣ было 71. Отдѣлъ второй состоялъ изъ видовъ, иллюстрирующихъ жизнь и творчество Н. В. Гоголя, — 88 номеровъ. Отдѣлъ третій заключалъ въ себѣ бумаги, относящіяся къ Н. В. Гоголю, — номеръ 12. Отдѣлъ пятый — сочиненія Н. В. Гоголя; номеръ 37. Особенное вниманіе въ этомъ отдѣлѣ на себя обращала величайшая библиографическая рѣдкость: «Ганцъ Кюхельгартенъ, идиллія въ картинахъ, сочиненіе В. Алова». Въ этомъ отдѣлѣ собраны были почти все изданія сочиненій Гоголя. Отдѣлъ V—а заключалъ «Журналы, въ которыхъ принималъ участіе Н. В. Гоголь», 16 номеровъ. Отдѣлъ V—б: «Переводы и переложенія на иностранныя языки, подражанія»; номеръ 22. Отдѣлъ V—в: «Изъ Гоголевской литературы», номеръ 17. Отдѣлъ V—г: «Музыкальныя произведенія на темы изъ Гоголя», 8 номеровъ. VI-й отдѣлъ заключалъ въ себѣ рисунки самого Н. В. Гоголя, номеръ девять; изъ нихъ одинъ подлинный: чертежъ по фортификаціи, сдѣланный на заданную тему въ гимназій высшихъ наукъ въ 1828 году. Самый богатый по количеству номеровъ былъ отдѣлъ VII: иллюстраціи къ произведеніямъ Н. В. Гоголя. IX отдѣлъ носилъ названіе: «Гоголь въ народной книжкѣ и картинкѣ». Здѣсь были собраны лубочныя книжки, подражанія Гоголю, и лубочныя картинки на темы изъ Гоголя, 20 №№. Послѣдній отдѣлъ, X, — учебники гимназій высшихъ наукъ. Въ немъ были собраны тѣ пособія, которыми пользовались во времена Н. В., и тѣ книжки, которыя читалъ Гоголь, будучи въ гимназій, насколько это извѣстно по даннымъ его біографіи.

Ко дню юбилея Гоголевская комиссія издала подъ редакціей проф. М. Сперанскаго интересный «Гоголевскій Сборникъ» (Кіевъ), составъ котораго слѣдующій: 1) «Одно изъ послѣднихъ писемъ Н. В. Гоголя». Текстъ и комментарий М. Н. Сперанскаго. 2) «Гоголь въ русской литературѣ», библиографическій обзоръ П. А. Заболотскаго. 3) Гоголевская выставка въ институтѣ князя Безбородка, подробный каталогъ съ двумя вводными статьями: а) «Портреты Н. В. Гоголя», б) «Гоголь въ народной книжкѣ и картинкѣ» — М. Н. Сперанскаго. 4) Матеріалы изъ архива гимназій высшихъ наукъ, относящіяся къ Н. В. Гоголю, съ предисловіемъ И. А. Сребничаго. Къ сборнику приложены 8 фототипій, въ числѣ ихъ неизданный портретъ Н. В. Гоголя, неизданные портреты Н. В. Кукольника, А. О. Смирновой, И. Г. Кулжинскаго, неизвѣстный рисунокъ Гоголя и послѣднее письмо.

Въ Харьковѣ университетъ чествовалъ память Гоголя торжественнымъ засѣданіемъ совѣта университета и историко-филологиче-

скаго общества. Засѣданіе открылось вступительной рѣчью ректора, въ которой онъ сказалъ, что день этотъ есть воспоминаніе о великомъ счастье, посланномъ нашему отечеству въ лицѣ Гоголя, такъ какъ появленіе генія есть счастье для страны. Затѣмъ, были произнесены рѣчи профессоромъ Сумцовымъ «объ отношеніяхъ Гоголя къ Жуковскому» и профессоромъ Халанскимъ — «Гоголь, какъ романтикъ-поэтъ русской дѣйствительности», прекрасная, воодушевленная рѣчь. А. Я. Ефимовичъ сказалъ рѣчь «о двойственности въ творческой психологіи Гоголя», педагогъ Харціевъ о «Пушкинскихъ принципахъ въ творчествѣ Гоголя», а профессоръ Рѣдинъ прочелъ стихотвореніе, посвященное памяти писателя. Затѣмъ происходило чествованіе памяти Гоголя зъ зданіи начальныхъ городскихъ школъ имени А. С. Пушкина. Здѣсь преосвященнымъ архіепископомъ Флавіаномъ была совершена панихида по Гоголю, послѣ которой учащимся дѣтямъ—около 1.000 человекъ, были прочтены біографія Гоголя и нѣкоторые изъ рассказовъ его, сопровождавшіеся демонстраціей свѣтовыхъ картинъ. На память о Гоголѣ всѣмъ учащимся въ начальныхъ городскихъ школахъ были розданы сочиненія Гоголя.

Въ заключеніе исполнялись музыкальныя произведенія, гимнъ Гоголю (все того же Главача).

Въ гимназіяхъ и городскомъ училищѣ были спектакли и литературныя вечера, въ театрахъ шли пьесы Гоголя, съ апофеозомъ его: все, какъ вездѣ, программно и «торжественно».

Слѣдуетъ отмѣтить, въ числѣ многочисленныхъ празднованій юбилея Гоголя, чествованіе его слушателями курсовъ для рабочихъ въ Харьковѣ. Слушатели этихъ курсовъ, главнымъ образомъ, рабочіе паровозостроительнаго завода, отпраздновали юбилей литературно-музыкальнымъ вечеромъ, организація котораго всецѣло принадлежитъ курсистамъ. Аудиторию училища они убрали флагами и вѣнками. Публику ознакомили съ біографіей Гоголя, читались отрывки изъ его сочиненій, а между чтеніемъ исполнялись музыкальные номера. Вечеръ по живости и жизненности своей выдѣлялся среди другихъ болѣе официальныхъ чествованій.

Невозможно, да и неинтересно останавливаться на всѣхъ крупныхъ городахъ, но отмѣтимъ чествованіе памяти Гоголя въ Юрьевскомъ университетѣ.

Профессоръ Е. В. Пѣтуховъ прочелъ рефератъ «Гоголь и Жуковский». Въ немъ онъ изобразилъ ту полосу жизни великаго юмориста, которая составила изъ его отношеній къ Жуковскому. Профессоръ Л. К. Мазингъ въ лекціи «Гоголь въ западныхъ литературахъ» сообщилъ крайне интересныя свѣдѣнія о переводахъ Гоголя въ славянской и западной литературахъ. На малороссійскій языкъ произведенія Гоголя начали переводиться еще при его жизни (напримѣръ, «Тарасъ Бульба» во Львовѣ). Раньше всѣхъ

изъ славянъ стали переводить Гоголя галичане. Поляки переводятъ Гоголя съ 43 года, затѣмъ чехи и хорваты. На сербо-лужицкомъ нарѣчій Гоголя нѣтъ. Изъ южныхъ славянъ у сербовъ первый переводъ Гоголя появился въ 1855 году, у болгаръ нѣсколько позже, но зато тамъ переводятъ его больше, чѣмъ у другихъ славянъ. Нѣмецкіе переводы стали появляться съ 1846 года. Далекое еще не весь Гоголь переведенъ даже славянами; больше всего переводятся «Тарасъ Бульба», «Мертвыя души», «Ревизоръ» и «Переписка съ друзьями». Лекторъ эстонскаго языка, профессоръ А. М. Германъ, прочелъ рефератъ на тему: «Гоголь въ эстонской литературѣ». Профессоръ сообщилъ, что образованные эсты очень рано познакомились съ произведеніями чествуемаго писателя: онъ помнитъ 60-е годы, когда ему приходилось читать въ переводѣ сочиненія Гоголя и слышать о немъ отзывы. Приведши списокъ имѣющихся въ эстонской литературѣ произведеній Гоголя, лекторъ замѣтилъ, что среди всѣхъ другихъ писателей Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь являются у эстовъ самыми любимыми. Лекторъ латышскаго языка профессоръ Я. И. Лаутенбахъ привелъ свѣдѣнія о переводахъ Гоголя на латышскій языкъ. Первые переводы относятся къ 60-мъ годамъ прошлаго столѣтія, ко времени расцвѣта латышской литературы. Въ настоящее время у латышей имѣется 29 переводовъ; нѣкоторыя произведенія (какъ «Тарасъ Бульба», «Мертвыя души», «Какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» и др.) переведены по два раза. Первый переводъ «Ревизора» былъ сдѣланъ въ 1871 г.; въ томъ же году «Ревизоръ» шелъ въ рижскомъ латышскомъ театрѣ, послѣ чего довольно часто ставился на латышской сценѣ и всегда имѣлъ шумный успѣхъ. Профессоръ В. Ф. Чижъ въ своемъ рефератѣ «Плюшкинъ, какъ типъ старческаго слабоумія», старался доказать неправильность общераспространеннаго взгляда на Плюшкина, какъ на типичнаго «скупого». По мнѣнію референта, въ лицѣ Плюшкина Гоголемъ представленъ просто «типъ человѣка, страдающаго старческимъ слабоуміемъ».

Въ Ригѣ торжественный актъ въ память Н. В. Гоголя состоялся 21-го февраля въ залѣ бывшаго «Улья», красиво убраннаго зеленью, среди которой бѣлѣлъ бюстъ чествуемаго писателя. Послѣ панихиды начались актовыя рѣчи и церемоніи принесенія привѣтствій депутаціями отъ общества. Всего было 11 депутацій отъ разныхъ рижскихъ общественныхъ учреждений. Большинство привѣтствій было написано въ видѣ «адресовъ» въ красивыхъ переплетахъ, при чемъ депутаты приносили вѣнки, слагавшіеся у подножія бюста Н. В. Гоголя. Приводимъ текстъ привѣтствія, произнесеннаго В. Е. Чешининымъ отъ имени газеты «Прибалтійскій Край». «Газета, поставившая на знамени своемъ проповѣдь націонализма культурнаго и прогрессивнаго, чтитъ въ лицѣ

Н. В. Гоголя русскаго націоналиста, но не пѣвца узкаго націонализма, зачастую соединеннаго съ культомъ матеріальныхъ и ретроградныхъ принциповъ жизни, а въ лучшемъ случаѣ достигающаго высотъ того панруссизма, который ссоритъ Россію съ братьями-славянами и братьями-европейцами. Нѣтъ, не этотъ націонализмъ плѣняетъ насъ въ произведеніяхъ всеславянскаго и всеевропейскаго Гоголя. Насъ плѣняетъ въ произведеніяхъ Гоголя болѣе широкій, болѣе культурный, болѣе человѣческой идеаль панславизма и русскаго европеизма. Быть русскимъ хорошо, но быть человѣкомъ прекрасно... «Славянскіе-ль ручки сольются въ русскомъ морѣ?» — вопрошалъ Пушкинъ, считавшій Русь моремъ, и вслѣдъ за нимъ безграничнымъ моремъ считали ее многіе недалководидные славянофилы и панруссисты. На самомъ дѣлѣ Русь—не море человѣчества; это широкая рѣка славянства, воспринимающая въ себя славянскіе ручки и несущая ихъ въ море вселенской человѣчности... Въ гоголевскомъ образѣ тройки, несущейся къ далекой, очень далекой цѣли, мы желали бы видѣть символъ стремленія украинца и руссофила Гоголя къ идеалу всеобъемлющаго, всеславянскаго единенія, символъ стремленія Руси къ міровымъ задачамъ, открывшимся передъ вѣщимъ взоромъ Пушкина — пѣвца тѣхъ грядущихъ временъ, «когда всѣ люди, распри позабывъ, въ великую семью соединяются». Торжество закончилось («Славянскимъ маршемъ» Чайковского, исполненнымъ оркестромъ подъ управленіемъ А. К. Арнсона.

Въ Оренбургѣ чествованіе нѣсколько выдѣляется своимъ торжественнымъ характеромъ. Вездѣсущій А. Н. Кремлевъ прочиталъ на сценѣ городского театра рѣчь объ «общественномъ значеніи Гоголя». На бюстъ возложены были вѣнки отъ нѣсколькихъ обществъ: русскаго театральнаго, русскаго общества дѣятелей печатнаго дѣла, лондонскаго русско-англійскаго драматическаго общества, мѣстной присяжной адвокатуры, труппы артистовъ, и даже отъ управления постройки Ташкентской дороги. Хоръ исполнилъ кантату, представленъ «Ревизоръ».

21-го, 22-го и 23-го февраля рязанскою уѣздною земскою управою по инициативѣ предсѣдателя А. В. Елагина устроены были въ память Гоголя литературные вечера и спектакли, исполненные мѣстными любителями драматическаго искусства. Большая зала гимназическаго пансіона была красиво убрана зеленью и флагами. Празднество носило чисто дѣтскій характеръ, такъ какъ доступъ взрослымъ былъ крайне ограниченъ. Дѣти доставлялись въ городъ, — каждый разъ до 300 человѣкъ, — на подводахъ, при чемъ соблюдалась очередь школамъ. Вечера начинались чтеніемъ въ доступномъ для дѣтскаго пониманія изложеніи очерка жизни и литературной дѣятельности Н. В. Гоголя. Затѣмъ читался рассказъ «Майская ночь»; все это сопровождалось туманными картинами. Въ заключе-

ніе въ оба вечера шла комедія «Женитьба». Въ антрактахъ игралъ военный оркестръ. Всѣ дѣти получили угощеніе. Городское управленіе, къ сожалѣнію, не приняло никакого участія въ юбилейныхъ торжествахъ; индифферентно къ этому отнеслось также и губернское земство. Почти изъ всѣхъ городовъ Россіи получены однообразнаго содержанія телеграммы о чествованіи Гоголя. Нѣтъ никакой надобности приводить ихъ.

Въ Асхабадѣ армянское общество устроило вечеръ, гдѣ читались біографія и произведенія Гоголя въ армянскомъ переводѣ.

Чествовали Гоголя даже на Сахалинѣ. Послѣ панихиды на Александровскомъ посту въ полдень состоялись передъ портретами Гоголя и Жуковскаго безплатныя чтенія. Вечеромъ данъ спектакль въ пользу фонда и устройства народнаго дома имени покойныхъ писателей въ селеніи Рыковскомъ. Предполагается устройство по подпискѣ ночлежнаго дома имени Гоголя.

Въ Боровичахъ учреждается школьный музей имени Гоголя. Въ Иркутскѣ сооружаютъ народный домъ, въ Одессѣ, Павловскѣ—народныя читальни. Въ Одесскомъ уѣздѣ предполагено открыть пять новыхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ въ память Гоголя. Это одно изъ свѣтлыхъ сообщеній о томъ, какъ отнеслись въ провинціи къ памяти Гоголя. Въ остальныхъ извѣстіяхъ унылое однообразіе. Городскія школы украшаются бюстами и портретами писателя, почти всюду были розданы учащимся сочиненія его; во всѣхъ городахъ, уѣздныхъ и губернскихъ, въ деревняхъ и селахъ, гдѣ есть школа, — читаемъ аналогичныя описанія торжествъ. И главное, что прежде всего характеризуетъ эти торжества,—отсутствіе общественной инициативы. Торжества не выходятъ за порогъ школы. Да и сами представители городского самоуправленія во многихъ городахъ—еще совсѣмъ Гоголевскіе типы.

Въ Винницѣ, напримѣръ, городской голова не разрѣшилъ устроить празднество въ единственномъ, сравнительно, большомъ помѣщеніи—залѣ думы, опасаясь, что публика изъ простаго народа испортитъ мебель и паркетъ въ залѣ. Между тѣмъ, комитетъ народной трезвости выработалъ здѣсь цѣлую программу. Пришлось отказаться отъ литературнаго вечера для народа, такъ какъ «паркетъ»,—отвѣчалъ городской голова,—устроенъ не для народа, а «обращать вниманіе на общественное мнѣніе не стоитъ».

Въ Симферополѣ ремесленная управа отказалась роздать своимъ стипендіатамъ сочиненія Гоголя, мотивируя свой отказъ отсутствіемъ средствъ на такіе расходы. Корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (№ 53) прибавляетъ, что одинъ изъ представителей купческаго общества заявилъ при этомъ: «Какой тамъ еще Гоголь! Не знаемъ-съ. Гоголь-моголь, ну, этотъ намъ знакомъ».

Въ Екатеринославѣ, при обсужденіи предложенія управы о переименованіи двухъ улицъ въ честь Гоголя и Жуковскаго, одинъ

изъ гласныхъ просилъ думу назвать именемъ поэта Короткую улицу, «потому что тамъ живутъ все русскіе люди, и нѣтъ ни одного еврея». Въ другомъ городѣ рѣшено наименовать Гоголевской—Жандармскую улицу.

Въ нѣкоторыхъ городахъ проектировали (Кишиневъ, Тирасполь) «гоголевскій костюмированный вечеръ», предлагали «почтить память Гоголя вставаніемъ». Въ архангельской гимназій былъ тоже устроенъ костюмированный вечеръ. Но любопытствующихъ родителей учениковъ туда не пускали.

Та же анатія, та же косность даже и въ болѣе культурныхъ центрахъ. Саратовское общество литераторовъ, напримѣръ, устроило въ день 50-ти-лѣтія смерти Гоголя лекцію... «О жидкомъ воздухѣ». Въ этотъ день въ мѣстномъ кафедральномъ соборѣ была «торжественная» панихида, но присутствовали на ней всего лишь три члена городской управы, изъ которыхъ два блистали въ парадныхъ мундирахъ, былъ еще одинъ земець, одинъ адвокатъ, издатель газеты, нѣсколько чиновниковъ, старушекъ и нищихъ. Между тѣмъ, еще за три дня красовалось объявленіе въ саратовскихъ газетахъ о панихидѣ по Гоголю. И это было въ одномъ изъ культурныхъ русскихъ городовъ.

Въ другомъ большомъ городѣ городской голова высказался вообще противъ народнаго чествованія Гоголя.

Созвавъ для обсужденія вопроса о чествованіи полувѣковой годовщины Гоголя особое совѣщаніе, въ составъ котораго вошли членъ городской управы, учителя и попечители городскихъ начальныхъ школъ, директоръ и инспекторъ народныхъ училищъ, — нижегородскій голова сказалъ вступительное слово, въ которомъ развилъ два положенія: первое — что далеко Гоголю до Пушкина, второе — что чествованіе Гоголя должно быть инымъ, чѣмъ чествованіе Пушкина, а именно: устраивать «гоголевскіе» дни подобно тому, какъ были устроены «пушкинскіе», — не надо, программа чтеній въ школахъ въ день годовщины Гоголя должна имѣть общепедагогическій (?) характеръ, и произведенія Гоголя должны быть на второмъ планѣ. Затѣмъ ораторъ указалъ, что «Гоголь школьникамъ совершенно недоступенъ», и что «знакомство учениковъ съ Гоголемъ даже вредно, такъ какъ этотъ писатель слишкомъ много вниманія удѣлялъ отрицательнымъ явленіямъ жизни». Поэтому «Гоголевскій» спектакль здѣсь былъ устроенъ послѣ юбилея. Учениковъ городскихъ школъ на этотъ спектакль не пускали.

Хотя наше описаніе чествованія Гоголя далеко не полно, такъ какъ корреспонденціи изъ многихъ мѣстъ только теперь еще приходятъ, но все же можно спросить: каковы же итоги «гоголевскихъ» дней? Итоги эти весьма незначительны. Программа чествованій блѣдная, носитъ характеръ чего-то безжизненнаго, вымученнаго, формальнаго. Никакого подъема духа, никакого воодушевленія. Во всѣхъ

этихъ однообразныхъ описаніяхъ, перечисленныхъ выше, такъ и сквозить общественная косность, не видно истинно-культурныхъ классовъ, принимавшихъ участіе. Это не народный праздникъ, а событіе для «газетчиковъ» и педагоговъ, дѣйствовавшихъ на основаніи циркуляровъ. «Торжественныя» засѣданія съ академическими, скучными, рѣчами, «торжественные» спектакли, «торжественное» переименованіе какого нибудь глухого переулка—улицей Гоголя, а главное, «торжественное» украшеніе старой школы именемъ Гоголя. По крайней мѣрѣ, и дешево и сердито, и какъ будто бы дань великому писателю. А въ сущности—полное равнодушіе и страшное невѣжество многихъ «отцовъ» города и обывателей. Училища «по недостатку средствъ» не прибываютъ, а только переименовываются названія, доска «торжественно» прибывается.

Всероссійскій памятникъ Гоголю не только не открытъ до сихъ поръ, но даже закладка его отложена на неопредѣленное время.

Всѣ газеты, конечно, переполнены были статьями, замѣтками и гимнами въ честь Гоголя. Изъ журналовъ особенно заботливо отнеслись къ чествованію памяти Гоголя два: «Историческій Вѣстникъ», посвятившій ему почти весь очень цѣнный февральскій №, и «Литературный Вѣстникъ», журналъ Русскаго библиологическаго общества ¹⁾, вышедшій недавно подъ названіемъ «Гоголевскій Сборникъ», давшій очень содержательный №. «Вѣстникъ Европы» помѣстилъ интересную статью профессора Кочубинскаго «Будущимъ біографамъ Н. В. Гоголя», остановившись на вопросѣ объ отношеніи Гоголя къ католицизму. Въ «Русской Старинѣ» находимъ статью В. И. Шенрока объ отношеніи Гоголя къ Петербургу. «Вѣстникъ Воспитанія» напечаталъ интересныя двѣ статьи: одну (начало)—проф. Овсяннико-Куликовскаго, въ которой сопоставляются натуры Гоголя и Пушкина. Другая статья очень любопытна (А. Левитскій: «Сочиненія Гоголя въ деревнѣ»), такъ въ ней собраны наблюденія сельскаго учителя. «Міръ Божій» помѣстилъ начало большой статьи Н. А. Котляревскаго о Гоголѣ въ 1829—1842 гг. и небольшую статью В. И. Богучарскаго «Гоголь, какъ учитель жизни». «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» далъ прекрасную работу Н. И. Коробки «Дѣтство и юность Гоголя», въ которой талантливо освѣщена жизнь Гоголя до отъѣзда въ Петербургъ. Въ «Русскомъ Богатствѣ» помѣщено «Изъ посмертныхъ бумагъ»—Г. З. Елисѣева и статья С. А. Венгерова. Особенно любопытна статья психіатра Вакеннова о болѣзни Гоголя («Русская Мысль»). «Журналъ для всѣхъ» помѣстилъ біографическій очеркъ Гоголя, составленный В. И. Шенрокомъ. Въ «Образованіи»—статья Н. И. Коробки «Гоголь, какъ романтикъ» и статья С. Ашевскаго «Гоголь и Вѣлинскій».

¹⁾ О немъ см. въ отдѣлѣ «Критика и библиографія».

Такъ какъ 21-го февраля окончилось право частной литературной собственности на сочиненія Гоголя, то выпущено теперь множество изданій Гоголя, полныхъ, сокращенныхъ, дешевыхъ, иллюстрированныхъ, избранныхъ сочиненій для школь и дешевыхъ для народа. Вятское и саратовское земства, а также харьковское общество грамотности выпустили дешевыя иллюстрированныя изданія, такое же изданіе предпринято и петербургскимъ обществомъ грамотности.

Но хорошаго и полнаго собранія сочиненій Гоголя послѣ извѣстнаго дорогаго десятаго изданія Н. С. Тихонравова мы не видимъ. Почти одновременно появилось пять «полныхъ» собраній сочиненій Гоголя. Дорогое—Сытина (3 р. 50 к.) и далеко не полное, хотя съ внѣшней стороны оно лучше другихъ. Усиленно анонсировавшееся изданіе «Народной Пользы», собравшее, вѣроятно, хорошую подписку, сильно разочаровало всѣхъ. Безобразный внѣшній видъ, скверная бумага, совсѣмъ неудачныя, приложенныя къ изданію цинкографіи, печать убогая, тяжелая для чтенія. Четвертый томъ положительно невозможно читать, до того мелка печать. Издатели обѣщали въ своихъ объявленіяхъ дать статью академика Пыпина, статью г. Ляцкого и біографическій очеркъ г. Вѣтринскаго. Послѣдній составленъ очень хорошо, а статья редактора изданія, г. Ляцкого, ничего ровно не прибавляетъ къ тому, что извѣстно и написано о Гоголѣ. Статья академика Пыпина—тоже пріятный сюрпризъ.

Бѣдный подписчикъ, котораго словили на удочку заманчивыя объявленія, вѣроятно, съ нетерпѣніемъ ожидалъ этой новой статьи. Она есть; но редакторъ изданія, г. Ляцкій, въ примѣчаніяхъ на послѣдней страницѣ V тома говоритъ объ этой статьѣ: «съ разрѣшенія автора, извлечено изъ его «Исторіи русской литературы», т. IV, стр. 458—501». Хотя редакторъ и имѣлъ подъ руками текстъ десятаго изданія сочиненій Гоголя, но неизвѣстно, почему онъ не помѣстилъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ текстовъ, вариантовъ, не далъ первой редакціи «Мертвыхъ душъ», «Женитьбы», «Ревизора». Примѣчанія—бѣдныя, очень неполныя.

Еще хуже изданіе И. С. Аскарханова, гдѣ помѣщена бездарная біографія г. Филонова. Сочиненія Гоголя расположены безъ всякаго порядка.

Одинаковы по достоинству изданія Маркса (очень хорошее, но неполное изданіе—1 р. 25 к.) и Павленкова, съ рисунками. Последнее изданіе полнѣе, хотя рисунки плохи. Цѣна тоже 1 р. 25 к. Въ такомъ же родѣ—приличное съ виду изданіе А. Я. Панафидина (1 р. 75 к.).

Такимъ образомъ, полнаго изданія сочиненій Гоголя, гдѣ видна была бы серьезная редакторская работа, къ юбилею не вышло, и безъ грусти нельзя не отмѣтить этого.

IV.

Гоголь за границей.

Въ заключеніе скажемъ и о томъ, какъ отнеслись къ гоголевскому юбилею иностранцы, и какъ чествовали Гоголя за границей.

Въ Римѣ 21-го февраля послѣ заупокойной литургіи въ церкви русскаго посольства по случаю 50-ти-лѣтней кончины Гоголя открыта надпись на домѣ, въ которомъ когда-то жилъ Гоголь. Присутствовали послы Нелидовъ и Губаловъ и именитые члены русской колоніи, которые, послѣ возложенія великолѣпнаго бронзоваго вѣнка на прибитую мраморную доску, отправились въ кафе Греко, часто посѣщавшееся Гоголемъ, и въ которомъ будто бы удалось даже опредѣлить мѣсто, гдѣ сидѣлъ обыкновенно Гоголь. На этомъ мѣстѣ повѣшенъ медальонъ съ профилемъ великаго писателя. Въ этомъ же кафе состоялся обѣдъ, на которомъ присутствовала вся русская колонія, а 26-го февраля чествовалась память Гоголя на виллѣ Волконской, гдѣ нѣкогда жилъ Гоголь. Прочитанъ былъ нашимъ министромъ-резидентомъ при Ватиканѣ, г. Губастовымъ, очеркъ жизни Гоголя въ Римѣ, составленный одной дамой. Драматургъ М. И. Чайковскій прочелъ главу изъ «Мертвыхъ душъ». По инициативѣ совѣтника нашего посольства г. Крупенскаго образованъ для вспомоствованія недостаточнымъ русскимъ въ Римѣ благотворительный кружокъ, которому присвоено имя Гоголевскаго.

Заодно и одновременно со всей Россіей память Гоголя была отпразднована и русской колоніей въ Берлинѣ въ здѣшнемъ русскомъ пріютѣ имени императора Александра III. Какъ инициаторъ праздника, отецъ протоіерей Мальцевъ отслужилъ по «рабѣ Божіемъ Николаѣ» панихиду и сказалъ приличествующее слово, взявъ основнымъ текстомъ то, что стоитъ на памятникѣ самого Гоголя: «Горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюся». Послѣ панихиды всѣ изъ церкви перешли въ зданіе пріюта. Здѣсь діаконъ Н. Н. Сахаровъ прочелъ рефератъ о развитіи въ Гоголѣ религиозныхъ началъ отъ юношескихъ лѣтъ вплоть до встрѣчи съ о. Матвѣемъ Константиновскимъ и коснулся вопроса о возможности примиренія между религіей и искусствомъ. Священникъ о. Гекенъ прочелъ свое стихотвореніе на нѣмецкомъ языкѣ, посвященное памяти Гоголя. Г-жа Миличъ прочла рефератъ о творчествѣ Гоголя, написанный на прекрасномъ русскомъ литературномъ языкѣ. Интересный рефератъ о взглядахъ на искусство прочла г-жа Мальцева, взявшая въ основу своего изложенія повѣсть «Портретъ». В. Фалькнеръ сдѣлалъ очеркъ нѣмецкой критики Гоголя. Нѣмецкіе критики считаютъ Гоголя отцомъ реальнаго направленія въ литературѣ. Затѣмъ г. Самойловъ прочелъ повѣсть о капитанѣ Кошей-

кинѣ, а студентъ Мочульскій — о Гоголѣ на нѣмецкой сценѣ. Читали разговоръ двухъ дамъ и «Записки сумасшедшаго». Чествованіе было также и въ Вѣнѣ.

23-го февраля въ Бѣлградѣ въ комитетѣ для чествованія Гоголя всѣ слушатели сербской великой школы принимаютъ живое и искреннее участіе въ прославленіи великаго русскаго писателя и поборника народной свободы Гоголя. (Телеграмма).

Желая собрать отзывы «знатныхъ» иностранцевъ о русскомъ писателѣ, «Новости Дня» обратились къ ученымъ, артистамъ и поэтамъ съ просьбой высказаться о Гоголѣ, въ виду юбилейныхъ празднествъ. Нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ считаемъ нелишнимъ привести. Вотъ отвѣтъ Эмиля Золя, который очень любитъ русскую литературу, хотя ничего и не читаетъ по-русски. «Увы! Я недостаточно читалъ Гоголя, я недостаточно его знаю, чтобы высказаться о немъ съ должнымъ пониманіемъ и сочувствіемъ. Но мой великій другъ Тургеневъ очень часто говорилъ мнѣ, какъ глубоко онъ почиталъ автора «Мертвыхъ душъ». И, вспоминая о немъ, я посылаю свою братскую дань писателя памяти гениальнаго русскаго романиста, прилагая и свою палму къ неизмѣримой грудѣ цвѣтовъ, которою почитать ее вся благодарная Россія».

Гораздо откровеннѣе поступилъ фонъ-Гартель, австрійскій министръ народнаго просвѣщенія. Онъ прямо сказалъ: «Отъ души жалѣю, что не могу, несмотря на все мое желаніе, отвѣтить на ваше любезное предложеніе. Сочиненія Гоголя, за недостаткомъ времени, я не такъ читалъ, чтобы позволить себѣ высказаться по ихъ поводу».

Любопытенъ отзывъ директора театра «Оеувге», поставившаго «Ревизора», Люнье По: «Меня сильно», говоритъ онъ, «привлекалъ комическій даръ Николая Гоголя, и если бы меня тогда поддержали, его произведенія могли бы удержаться на французской сценѣ. Великій мастеръ заслуживалъ стать популярнымъ во Франціи. Но вамъ извѣстна нетерпимость бульварныхъ литераторовъ, которые защищаютъ свои привилегіи. Я потерпѣлъ поражение. Благодарю васъ за то, что вы предоставляете мнѣ возможность публично засвидѣтельствовать мое удивленіе предъ талантомъ Гоголя».

Интересно слышать и мнѣніе Томазо Сальвини. «Я принимаю живѣйшее участіе», пишетъ онъ, «въ чествованіяхъ выдающагося писателя и драматурга Николая Гоголя, писателя, который своими произведеніями, своими комедіями внесъ въ литературу и на сцену прекрасное правды. Я восторгаюсь имъ, и въ каждомъ, кто исповѣдуетъ культъ классическаго искусства, поднимается самъ собой этотъ восторгъ, потому что, по моему убѣжденію, и въ произведеніяхъ героическихъ необходимо слѣдовать правдѣ той эпохи, въ которой жили ихъ герои. Во всякое время и во всѣхъ литератур-

ныхъ жанрахъ «истинно прекрасное» всегда находило себѣ надлежащую оцѣнку, и вотъ почему я считаю своимъ долгомъ воздать хвалу памяти великаго поэта, Николая Гоголя.

Роберто Бракко называетъ Гоголя преемникомъ Аристофана. Гоголь для Россіи «былъ предшественникомъ Толстого въ проповѣди возрождающейся морали».

Вотъ еще нѣкоторые отзывы:

Анатоль Франсъ:

«Книги г. Мельхиора де-Вогюэ побудили меня познакомиться съ Гоголемъ. Несмотря на жалкій французскій переводъ, я убѣдился, что имѣлъ передъ собою крупнаго, выдающагося писателя. Несомнѣнно, чтобы его хорошо понять, надо знать русскую жизнь, а, можетъ быть, и русскій языкъ. Къ сожалѣнію, мнѣ это не дано. Но какъ я ни мало знаю Гоголя, этого для меня достаточно, чтобы съ большимъ удовольствіемъ присоединиться (*adhérer*) къ юбилейнымъ празднествамъ въ его честь».

Мельхиоръ де-Вогюэ:

«Какое мѣсто слѣдуетъ отвести Гоголю въ литературномъ Пантеонѣ? Меримэ полагалъ: «между лучшими англійскими юмористами». Это, можетъ быть, слишкомъ скромно, если только Меримэ не имѣлъ въ виду поставить Гоголя рядомъ со Свифтомъ, что было бы для Гоголя достаточно почетнымъ и заслуженнымъ мѣстомъ. Но я предпочелъ бы сравнить русскаго писателя съ его учителями — и поставить его между Сервантесомъ и Лессажемъ. Гоголь представляется намъ еще болѣе далекимъ и отсталымъ, если не разсматривать его глазами историка; по содержанію и по формѣ своихъ произведеній онъ—писатель исключительно русскій. Оставимъ его Россіи. Тамъ всѣ лучшіе новоявленные писатели признаютъ его своимъ родоначальникомъ и учителемъ. Они ему обязаны языкомъ, которымъ пользуются».

Анатоль Леруа-Болье:

«Я въ Гоголѣ больше всего цѣню бытописателя. Онъ много помогъ мнѣ понять и изучить Россію, въ особенности русское общество. Его произведенія уяснили мнѣ состояніе общества въ первой половинѣ прошлаго столѣтія и въ теченіе 60-хъ и 70-хъ годовъ. Гоголь много содѣйствовалъ пробужденію самосознанія русскаго общества, которому онъ сослужилъ большую службу, какъ сатирикъ. Вполнѣ естественно, что въ Россіи интеллигентные круги намѣреваются достойно почтить его память. Такого рода поминальнныя почести—долгъ образованнаго общества».

Жюль Кларти:

«Я читалъ изъ Гоголя все, что имѣется во французскомъ переводѣ. Я не знаю русской жизни и потому не въ состояніи судить, лучше ли онъ Диккенса въ своихъ романахъ, и можетъ ли онъ своими комедіями нравовъ выдержать сравненіе съ Ожье; но, во всякомъ случаѣ, это — замѣчательный и разносторонній писатель, заслуживающій удивленія со стороны всякаго литературно-образованнаго челоѣка и особыхъ почестей со стороны своихъ соотечественниковъ. Посылаю привѣтъ русскимъ литераторамъ, которые устраиваютъ нынѣшнія торжества въ память Гоголя».

Викторьенъ Сарду:

«Если вѣрить моей «Энциклопедіи», Гоголь былъ больше романистомъ, чѣмъ драматургомъ. Но я его знаю только по «Ревизору», котораго я видѣлъ въ исполненіи театра «Oeuve». Я забылъ недостатки комедіи и помню только ея замѣчательныя достоинства. Да, Гоголь былъ великимъ писателемъ, и чествовать память такого писателя — долгъ всякаго образованнаго общества».

Матильда Серао:

«Николай Гоголь является для меня истиннымъ выразителемъ русской души въ искусствѣ, инициаторомъ въ дѣлѣ раскрытія передъ нами того сѣвернаго міра, котораго мы до него не знали, и который наполняетъ насъ изумленіемъ и восхищеніемъ».

П. К—ій.

ИМѢНІЕ „ЛЯЛИЧИ“.

ВЪ СТАТЬѢ «Судьба одного имѣнія», помѣщенной въ декабрьской книгѣ 1901 года, и въ статьѣ «Остатки былаго величія», помѣщенной въ январской сего года книгѣ «Историческаго Вѣстника», оказались нѣкоторыя неточности относительно имѣнія «Ляличи» (Екатериндаръ)—тожъ), находящагося въ Суражскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи и принадлежавшаго графу Петру Васильевичу Завадовскому.

Прежде всего, слѣдуетъ сказать, что имѣніе «Ляличи» было пожаловано императрицею Екатериною II-ю графу П. В. Завадовскому, въ 1775 году, по ходатайству фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, во время торжествъ, бывшихъ въ Москвѣ по случаю заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго договора, одновременно съ пожалованіемъ графу Завадовскому ордена Георгія 4-й степени. Завадовскій принималъ участіе въ Турецкой кампаніи, отличился въ сраженіяхъ при Ларгѣ и Кагулѣ, затѣмъ состоялъ правителемъ секретной канцеляріи графа Румянцева-Задунайскаго и, вмѣстѣ съ графомъ Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ, редактировалъ текстъ Кучукъ-Кайнарджійскаго договора.

Во-вторыхъ, строителемъ дома въ имѣніи «Ляличи» былъ не Растрелли, какъ указано въ статьѣ «Остатки былаго величія», а извѣстный, въ свое время, архитекторъ Гваренги (Giacomo Guarenghi), построившій, между прочимъ, зданіе государственнаго банка въ Петербургѣ и Александровскій дворецъ въ Царскомъ Селѣ.

Наконецъ, имѣніе «Ляличи» не было куплено княземъ Г. А. Потемкинымъ, умершимъ въ 1791 году, а было, въ дѣйствительности, продано уже послѣ смерти графа Петра Васильевича Зава-

довскаго (послѣдовавшей въ 1812 году) вторымъ сыномъ его, сенаторомъ графомъ Василиемъ Петровичемъ Завадовскимъ,—генераль-поручику, Василию Васильевичу Энгельгардту, и затѣмъ перебывало въ рукахъ разныхъ лицъ.

Въ числѣ историческихъ предметовъ, находившихся въ Ляличахъ, достойны вниманія также двѣ статуи: одна—мраморная, Екатерины II, нынѣ находящаяся въ академіи художествъ, а другая—бронзовая, фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, исполненная въ 1793 году, по заказу графа Завадовскаго, художникомъ Рашетомъ. Эта бронзовая статуя Румянцева находилась въ особомъ «храмѣ благодарности», въ круглой съ куполомъ колоннадѣ, помѣщавшейся въ Ляличскомъ паркѣ. Этотъ памятникъ простоялъ тамъ до 1866 года, когда, бывший въ то время черниговскимъ губернаторомъ, князь Сергѣй Павловичъ Голицынъ (мать коего княгиня Варвара Сергѣевна, рожденная Кагульская, была внучкою фельдмаршала Румянцева), узнавъ, что тогдашній владѣлецъ Ляличей желаетъ продать этотъ памятникъ на вѣсь бронзы, купилъ его за 800 рублей и затѣмъ поставилъ въ городѣ Глуховѣ (Черниговской губ.), гдѣ сосредоточивалось прежде управленіе Малороссіей, генераль-губернаторомъ которой состоялъ графъ П. А. Румянцевъ съ 1764 по 1796 годъ. По поводу этой статуи графъ П. В. Завадовскій писалъ изъ Петербурга, въ апрѣлѣ 1793 года, графу Семену Романовичу Воронцову, бывшему тогда посломъ въ Лондонѣ, слѣдующее: «Похвалюсь тебѣ, мой другъ, добрымъ дѣломъ. Лѣтъ нѣсколько работали и отливали по моему заказу бронзовую большую статую фельдмаршала Румянцева. Производилъ оную здѣсь находящійся художникъ Рашеть. Вышла прекрасно въ отдѣлкѣ, и образъ его довольно похожъ. Я не хотѣлъ поставить ее здѣсь на показъ всѣмъ, чтобъ не протолковали укориною, а отправилъ въ мою малороссійскую деревню (Ляличи), гдѣ приготовленъ для ея храмъ, чтобъ воздвигнуть памятникъ благодарности моей къ благодѣтелю. Ежели-бъ въ твою жизнь случилось бы увидѣть тамошній мой садъ и домъ, ты бы подтвердилъ, что не напрасно я положилъ на него великія тысячи. Тщетно ожидать, чтобъ ты видѣлъ мое тамъ гнѣздо, въ которомъ я полагаю погresti мои кости».

Въ собраніи сочиненій И. И. Дмитріева (М., 1818 г., I, 113) имѣется стихотвореніе, посвященное этому памятнику. Дмитріевъ влагаетъ въ уста Завадовскому слѣдующіе восторженные стихи:

«Почтѣнный ликъ! Когда бъ ты былъ изображенъ
 Съ перуномъ пламеннымъ на берегахъ Кагула,
 Гдѣ гордый мусульманъ растерзанъ, низложенъ,
 И гдѣ земля въ крови несчастныхъ жертвъ тонула,
 Тогда бы, на тебя взирая, каждый рекъ:
 Румянцевъ славный вождь!—и мимо бы протекъ.

Но здѣсь, здѣсь всякъ тебя прохожій лобызаетъ:
 Здѣсь не герой въ тебѣ блистаетъ,
 Прославившій себя единою войной,
 Обрызганъ кровію враговъ среди сраженій,
 Но другъ, но ближній мой
 И благотворный геній!»

Въ другомъ письмѣ графа Завадовскаго отъ 1800 года на имя того же графа С. Р. Воронцова имѣются указанія на «Ляличи»:

... «около тридцати лѣтъ, что я основался въ сей деревнѣ, нелюдной, некорыстной и безъ всякихъ выгодъ для хозяйства, полюбя единственно мѣстные виды, и въ ней обработалъ большимъ иждивеніемъ мою селитьбу: по плану Гваренгія выстроилъ домъ каменный въ здѣшнемъ краю надиво, каковъ и въ провинціяхъ аглинскихъ былъ бы замѣчательнъ не со стороны огромности, а по красотѣ чистыхъ препорцій своего фасада. Создалъ также церковь каменную, больше чѣмъ деревенскую; въ ней уготовлено и мѣсто для моего гроба ¹⁾. Есть и садовыя пригожія строенія, а паче храмъ благодарности, въ которомъ поклоняюсь статуѣ благодѣтеля моего, изображающей похожими лицо и дѣла его. По ходатайству его жалована мнѣ сія деревня, въ Москвѣ, въ мирное торжество. При томъ имѣю музыку довольно хорошую. Запасся я многимъ противъ скуки и знаменующимъ «*felicitas temporum*»... Безъ общества, коего и въ маломъ числѣ не могу имѣть, теперь все сіе для меня лишнее и обратится токмо въ памятникъ тщетныхъ прихотей или же въ негодованіе за расточительность безразсудную. Не знаю, тутъ ли лягутъ мои кости, и будетъ ли сегодняшнее и завтра моимъ. Суету человѣческую, а, можетъ, и мою, изображаетъ стихотворецъ: «*Sic vos non vobis*» (Виргилій)».

Изъ другого письма, писаннаго въ томъ же 1800 году изъ Ляличей графу Александру Романовичу Воронцову (брату предыдущаго), бывшему государственнымъ канцлеромъ при Александрѣ I, видно, что Завадовскій обладалъ въ деревнѣ довольно обширную библіотекою, и, между прочимъ, имѣются интересныя указанія на тѣ книги, которыя онъ читалъ, а именно онъ пишетъ слѣдующее:

...«Рекомендуешь мнѣ чтеніе, отъ котораго я не только не отстаю, но еще больше, чѣмъ когда нибудь, прилѣпляюсь къ оному въ теперешнемъ моемъ уединеніи. Съ Плутархомъ я знакомъ отъ юности въ переводѣ латинскомъ. Изображеніемъ вещей восхищаетъ вниманіе. Кисть его прелестна, а не всегда правдива. Нерѣдко, отходя отъ простой истины, предпочиталъ оной блистательныя басни, которымъ могъ дать свой удивительный покровъ. Светонъ, нѣ-

¹⁾ Желаніе графа Завадовскаго не осуществилось: онъ умеръ въ Петербургѣ 10 января 1812 года и погребенъ тамъ же, на Лазаревскомъ кладбищѣ Александровской лавры.

сколько предшествовавший ему и отъ котораго заимствовалъ, сколько малъ противъ величайшихъ дарованій Плутарха, столько— вѣрнѣйшій писатель. Ежели не всѣ, то однакоже многіе пробѣжалъ я наши исторіи и лѣтописцы. Хаосъ неочищенный отъ лжи и невѣжества. Стоятъ одни имена и числа, а прочее все завалено грубыми слоємъ. Отъ глагола къ глаголу, а потомъ изъ книги въ книгу, переходили повѣсти, ни разсудительностію, ни явными удостовереніями не утвержденныя. Пишущимъ монахамъ не спорили монастырскія стѣны; а міръ легковѣрный, потому что не просвѣщенный, всякую всячину принималъ за истину, яко исходящую отъ святыни. Симъ образомъ, я полагаю, составилась исторія нашей древности, на которую по-пустому устремляемъ наше любопытство. Несторъ первый поступилъ во тьму необъятную, но его факелъ освѣтилъ ли весь нашъ горизонтъ? Въ безднѣ дикихъ народовъ, препиравшихся между собою, едва виденъ Россѣ. Всю полосу до царства Іоанна Васильевича должно откинуть «in loca imaginaria», каковы полагались прежде, чѣмъ знали физику за предѣлами земной сферы. Но и сія эпоха перемѣшана подобнымъ мракомъ, каковымъ объаты широкіе напуски отъ Китая, отъ Чингисана и отъ вѣрующихъ въ Магомета. Потому исторія наша всегда будетъ для читателя скучна, ежели оную черпать хотимъ глубже, а не отъ временъ Петра Великаго. Для просвѣщающагося вѣка пріятнѣе повѣсть отъ начала просвѣщенія и отъ имени виновника онаго. Голиковы записки я читалъ о семъ царствованіи. Исторію Татищева довольно знаю. Изъ нашихъ писателей, у которыхъ, проходя томы, едва встрѣчается строка мыслящаго автора, а не розказни, онъ лучшій. Но онъ, голоденъ будучи за своимъ столомъ, искалъ пищи въ архивахъ Цареградскомъ, Польскомъ и Шведскомъ. Набитый желудокъ не все сварилъ порядочно. Потому отдаетъ запахомъ гнилымъ хронологія его и родословныя деревья, на коихъ счепилъ иностранныя прививки, по своей теплой вѣрѣ. Когда ты занимаешься Плутархомъ, то сравни умъ и силу его израженій противъ святыхъ и мірскихъ нашихъ писателей, и увидишь всю жалкую бѣдность сихъ послѣднихъ. По моему мнѣнію, исторія та только пріятна и полезна, которую или философы или политики писали. Но еще наши науки и нашъ языкъ не достигли до того: то и лучше пользоваться чужимъ хлѣбомъ, чѣмъ грызть свои сухари со ржавчиною. Когда пріѣдешь въ Москву, пришли мнѣ каталогъ продажныхъ французскихъ книгъ. Зрѣніе еще мнѣ служить. Къ очкамъ не могу себя пріучить; равнымъ образомъ и ко вниманію, когда другой читаетъ»....

При воцареніи Александра I-го гр. Завадовскій былъ вызванъ государемъ изъ Ляличей въ Петербургъ, и ему была ввѣрена «комиссія по составленію законовъ». По этому поводу Завадовскій писалъ: «Не надѣюсь, чтобы стало моей жизни окончить это прѣважное дѣло, а непомѣрно хочется истребить кнутъ, котораго я не

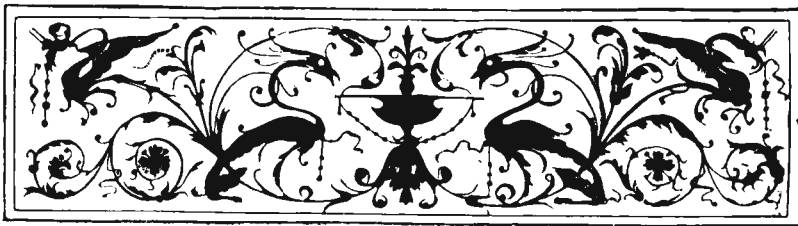
видалъ ни въ натурѣ, ни въ дѣйстви; одно наименованіе поднимало и поднимаетъ во мнѣ всю ненависть». Но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ Завадовскій былъ сдѣланъ министромъ народнаго просвѣщенія, а затѣмъ въ 1810 году былъ назначенъ предсѣдателемъ департамента законовъ государственнаго совѣта и скончался въ 1812 году.

Указанія на имѣніе «Ляличи» встрѣчаются еще въ книгѣ князя Шаликова «Путешествіе въ Малороссію» (Москва, 1804 г.), пріѣзжавшаго въ началѣ XIX вѣка въ Ляличи, а также въ обстоятельномъ біографическомъ очеркѣ графа Петра Васильевича Завадовскаго, составленномъ І. Листовскимъ и появившемся въ «Русскомъ Архивѣ» за 1883 годъ.

Въ этомъ же очеркѣ помѣщено, между прочимъ, слѣдующее стихотвореніе, написанное неизвѣстнымъ лицомъ, посѣтившимъ Ляличи въ 1860 годахъ.

Вотъ здѣсь великая царица
 Пріютъ любимцу создала,
 Сюда искусства созвала
 И все, чѣмъ блещетъ лишь столица,
 Въ нѣмую глушь перенесла.
 Планъ начерталъ Гваренги смѣлый,
 Возникъ дворецъ, воздвигнуть храмъ,
 Красивыхъ зданій городъ цѣлый
 Вездѣ видѣеть здѣсь и тамъ.
 Великолѣнные чертоги!
 Ротонда, залъ роскошныхъ рядъ,
 Со стѣнъ на путника глядятъ,
 Съ ковровъ красавицы и боги—
 И полный водъ, луговъ и тѣней,
 Обширный паркъ облегъ кругомъ;
 Кіоски и бесѣдки въ немъ,
 И бѣгаютъ стада оленей
 Въ звѣринцѣ темномъ и густомъ.
 Подъ куполомъ на возвышеннѣ,
 Руки художника творенье,
 Стоялъ Румянцова колосъ!
 Но все токъ времени унесъ.
 Еврей Румянцова увезъ,
 Широкій дворъ травой поросъ,
 И воцарилось запустѣнье
 Въ дворцѣ и паркѣ. Только тамъ
 Порою бродить, по ночамъ,
 Жена подъ чернымъ покрываломъ,
 Въ одеждѣ черной... Кто она?—
 Идетъ по опустѣлымъ заламъ...
 Ея походка чуть слышна,
 Да платья шумъ, да въ мглѣ зеркаль,
 Порою, ликъ ея мелькаль...

Иславинъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. М. Бобріщевъ-Пушкинъ. Судъ и раскольники-сектанты.
Спб. 1902.

ВОПРОСЪ о расколѣ, его сущности, отношеніи къ нему государства и церкви, служить жгучимъ вопросомъ современности, однимъ изъ главныхъ сюжетовъ нашей публицистики и журналистики. И нельзя не признать благовременными и цѣлесообразными труды тѣхъ серьезныхъ литературныхъ дѣятелей, которые хотя отчасти стремятся внести истинный свѣтъ въ этотъ темный уголокъ русской церковно-общественной жизни, озарить сіяніемъ подлинной гласности одну изъ мрачныхъ страницъ въ исторіи нашего пропалаго, показать жизнь и бытъ русскаго раскола и сектантства съ иной стороны, сравнительно съ прежнимъ его литературнымъ освѣщеніемъ, намѣтить новые пути и поставить новыя пограничныя вѣхи въ изслѣдованіи его пропалаго и уясненіи настоящаго, съ болѣе или менѣе вѣроятнымъ опредѣленіемъ и будущихъ къ нему отношеній со стороны государства и церкви. Особенно много неяснаго и проблематическаго наблюдается въ юридическихъ вопросахъ, касающихся раскольниковъ и сектантовъ, въ отношеніи къ нимъ нашего суда, такъ какъ при рѣшеніи расколо-сектантскихъ судебныхъ процессовъ юридическимъ дѣятелямъ приходится лицомъ къ лицу становиться съ такими капитальными и мало уясненными въ наукѣ вопросами, какъ проблема о взаимныхъ отношеніяхъ церкви и государства, вопросъ о свободѣ совѣсти и вѣротерпимости въ ея принципіальномъ и практическомъ значеніи, о подлинномъ характерѣ и вѣроученіи тѣхъ или иныхъ сектъ, которыя, болѣею частью, окружаютъ себя самою глубокою таинственностью, и т. п. Въ виду этого нельзя не привѣтствовать выхода въ свѣтъ отмѣченной выше книги нашего

извѣстнаго и испытаннаго юриста-практика А. М. Бобріщева-Пушкина, въ которой почтенный авторъ изслѣдуетъ юридическую сторону расколо-сектантства и разъясняетъ вопросъ о томъ, какъ долженъ относиться судъ къ вчиняемымъ противъ сектантовъ и раскольниковъ дѣламъ касательно ихъ вѣроученія.

Сочиненіе А. М. Бобріщева-Пушкина состоитъ изъ пяти главъ. Въ главѣ первой (стр. 1—50) выясняются общія условія борьбы государства и церкви съ раскольниками и сектантами. Въ началѣ главы высказано слѣдующее юридическое положеніе относительно свободы исповѣданія вѣры, съ точки зрѣнія общественной: во имя свободы исповѣданія вѣры никто не въ правѣ считать себя свободнымъ отъ повиновенія законамъ даннаго государства, не въ правѣ нарушать чьи либо законные интересы; съ другой стороны, въ правовомъ государствѣ столь же несомнѣнно право личности избирать или не избирать какую либо вѣру, переходить изъ одной въ другую и совершать по правиламъ своей вѣры домашнее богослуженіе; всякія дальнѣйшія ограниченія въ этой сферѣ являются уже посягательствомъ на свободу совѣсти личности, такъ какъ въ защиту такихъ ограниченій не можетъ быть выставленъ какой либо публичный интересъ (стр. 3—4). Это общее положеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ ученой работѣ г. Рейснера: «Мораль, право и религія по дѣйствующему русскому закону» («Вѣстникъ Права» за 1900 г.), изъ которой нашъ авторъ и беретъ нѣкоторые выводы по вопросамъ о вѣротерпимости и національномъ принципѣ по дѣйствующему праву, религіозной полиціи и т. п. Обращаясь, далѣе, къ русской спеціальной литературѣ по исторіи раскола и сектантства, имѣющей преимущественно полемическій характеръ на догматической почвѣ, г. Бобріщевъ-Пушкинъ отмѣчаетъ ея особый духъ, такъ сказать, педагогическій, выражающійся въ томъ, что путемъ замалчиванія однихъ явленій изъ исторіи расколо-сектантства и тенденціознаго освѣщенія другихъ эта литература рисуетъ слишкомъ мрачную картину положенія раскола въ нашемъ отечествѣ и полна явныхъ и тайныхъ намековъ и указаній на опасности, которыя грозятъ церкви и государству со стороны сектантства. Между тѣмъ, именно въ сужденіяхъ о такомъ неустойчивомъ и мало извѣстномъ предметѣ, какъ расколо-сектантство, и нужно соблюдать возможно-большую умѣренность, справедливость и спокойствіе. Съ другой стороны, въ противораскольнической и противосектантской литературѣ недостаточно ясно отмѣчается одна особенность расколо-сектантства, именно его рационалистическій характеръ съ государственнымъ отгѣнкомъ, который и выдвигается г. Бобріщевымъ-Пушкинымъ на первый планъ, на основаніи вѣскихъ историческихъ данныхъ. А коль скоро рационалистическое теченіе, издавна наблюдаемое въ расколо-сектантствѣ, охватило область не только религіозную, но и государственную, то считается съ этимъ факторомъ призваны, разумѣется, не спеціально духовные элементы государства, а само государство, и притомъ не обремененное нуждающимися въ поддержкѣ союзниками. Отсюда основной и главный выводъ первой главы, вытекающій изъ теоретическихъ и фактическихъ данныхъ, сводится у автора къ слѣдующему: въ вопросѣ о борьбѣ съ раскольниками и сектантами важно помнить, что у государства есть свои

независимые отъ церкви интересы и обязанности, и обратно—въ такомъ же положеніи находится и церковь; значитъ, было бы большою ошибкой и могло бы вызвать очень опасныя послѣдствія—смѣшеніе въ дѣлахъ и въ дѣятельности этихъ самодовлѣющихъ факторовъ (стр. 50).

Во второй главѣ (стр. 51—104) рѣчь идетъ о средствахъ и приѣмахъ борьбы съ отступниками, на основаніи данныхъ историческихъ, административно-законодательныхъ и полемико-литературныхъ. Извѣстно, что въ первые вѣка существованія раскола борьба съ нимъ велась путемъ жестокихъ гоненій, а потомъ постепенно созрѣла идея безплодности и вреда этихъ гоненій, такъ какъ они утверждали расколъ въ его упорствѣ, возбуждали ненависть къ православному духовенству и создавали въ расколо-сектантахъ противоправительственное направленіе. Послѣдствіемъ фактовъ такого рода явилась система вразумленій и увѣщаній, развившихся параллельно съ расколомъ. Центральная власть, церковная и гражданская, цѣлымъ рядомъ указовъ внушала производить увѣщанія со всею кротостью, и наконецъ послѣдовательный прогрессъ нашей внутренней политики по расколу завершился закономъ 1874 года, который совершенно упорядочивалъ положеніе раскольниковъ и сектантовъ въ гражданскомъ отношеніи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезъ всю административно-законодательную дѣятельность русскаго правительства за послѣднія два столѣтія проходитъ взглядъ о необходимости раздѣленія церкви и государства въ ихъ дѣятельности по расколу, такъ какъ интересы церкви и государства въ этомъ случаѣ различны и по содержанию, и по средствамъ ихъ осуществленія. Насколько для представителей церкви слово увѣщанія и непосредственное нравственное вліяніе являлись главнымъ средствомъ, настолько для свѣтской власти оказалось невозможнымъ идти по пути насильнаго вразумленія и побужденія притѣсненіями ради цѣлей религиозныхъ, стоящихъ все-таки не на первомъ планѣ его политическихъ и нравственныхъ задачъ, которыя у государства свои собственныя, особыя. Рядомъ съ этимъ страдали не только нравственные и гражданскіе интересы громаднаго числа русскихъ подданныхъ, но нарушалась общественная устойчивость возникновеніемъ государства въ государствѣ, несмотря на все принимавшіяся въ предупрежденіе и ограниченіе этого зла мѣры, и наконецъ, создалась среда, способная оказаться при случаѣ въ нежелательной въ высшей степени по ея фанатическому характеру оппозиціи властямъ.

Въ главѣ третьей (стр. 105—136) выясняется задача юриста въ дѣлахъ о расколо-сектантахъ. Сначала здѣсь констатируется взаимное озлобленіе въ расколовшейся на двѣ половины русской средѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ многіе оглашенные печатью факты насилія и буйства, анализируется извѣстная рѣчь г. Стаховича, произнесенная на орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, и отвѣтъ на нее со стороны другого лагеря, отмѣчается смутность и отсутствіе научной объективности въ сужденіяхъ о расколо-сектантствѣ, съ которыми часто приходится имѣть дѣло юристамъ, а затѣмъ опредѣляется задача юриста въ расколо-сектантскихъ дѣлахъ. Въ основу этого опредѣленія положено слѣдующее разъясненіе сената по поводу судебныхъ дѣлъ по религиознымъ причинамъ: «ответственное за самое исповѣданіе религіознаго ученія..... имѣть

своимъ основаніемъ.... лишь жизненное проявленіе секты, учиненіе ея послѣдователями, въ силу исповѣдуемыхъ ими догматическихъ ученій или усвоенныхъ сектою молитвенныхъ обрядовъ, дѣйствій, несомѣстныхъ съ охраняемыми государственною властію важнѣйшими интересами частныхъ лицъ или основными требованіями общественной нравственности» (1895 г., № 34). Такое ограниченное толкованіе статьи о расколо-сектантскихъ дѣлахъ и другія юридическія данныя приводятъ А. М. Бобрицева-Пушкина къ выводу, что въ задачу юриста отнюдь не входитъ забота о распространеніи православія, которое вѣдается спеціальнымъ духовнымъ начальствомъ, а затѣмъ— юристъ дѣйствуетъ не во имя политики внѣшней или внутренней, пока не выяснится антигосударственный отгѣнокъ тѣхъ или иныхъ конкретныхъ случаевъ, и наконецъ, юристъ долженъ руководиться старой истиной—отсутствіемъ тенденціи въ ту или другую сторону.

Въ главѣ четвертой (стр. 136—177) рѣчь идетъ о судебномъ изслѣдованіи и экспертизѣ. Авторъ сосредоточивается, главнымъ образомъ, на экспертизѣ и показываетъ крупныя въ ней недостатки. Судебная экспертиза въ расколо-сектантскихъ дѣлахъ основывается на такъ называемой наукѣ сектовѣдѣнія. А «наука» эта въ дѣйствительности представляетъ собою, говоритъ авторъ, нагроможденный въ хаотическомъ безпорядкѣ необработанный историческій и современный матеріалъ, доступный для пользованія въ сочиненіяхъ только полемическаго, очень часто тенденціознаго характера. Естественно, что экспертиза въ рядѣ дѣлъ обнаруживаетъ свою несостоятельность и теоретическую и практическую. Затѣмъ, экспертиза (богословская) является въ расколо-сектантскихъ процессахъ стороною, заинтересованною въ дѣлѣ. Наконецъ, она и по существу иногда является некомпетентной въ рѣшеніи вопросовъ о политическомъ вредѣ сектъ. Въ виду очевидной несостоятельности экспертизы, въ настоящее время судьи и съѣзды почти уже не приглашаютъ экспертовъ, даже по просьбѣ подсудимыхъ, которымъ иногда отказываютъ и въ обращеніи въ духовнымъ консисторіямъ для отзыва. Чтобы убѣдиться въ ненадежности экспертизы, стоитъ только взглянуть на поразительную многовѣтвистость родословнаго дерева русскихъ сектъ, которую авторъ и представляетъ въ своей книгѣ, а въ заключеніи говоритъ, что экспертамъ невозможно по всей Россіи услѣдить за живымъ, постоянно вногъ нарождающимся, крайне расплывчатымъ матеріаломъ расколо-сектантства въ такой степени, какъ это необходимо по характеру судебной дѣятельности. Все это приводитъ автора къ мысли о ненужности духовной экспертизы въ расколо-сектантскихъ дѣлахъ.

Наконецъ, въ пятой главѣ (стр. 178—207) говорится о законодательствѣ и судебныхъ рѣшеніяхъ. Здѣсь авторъ выясняетъ юридическій смыслъ дѣленія сектъ на особо вредныя и менѣе вредныя, теперь отжившаго и почти не имѣющаго значенія, рекомендуетъ юристамъ, при отсутствіи проступковъ, «не допускать, взамѣнъ ихъ, рискованныхъ дедукцій ихъ проблематической догматики духовной экспертизы», занимается толкованіемъ относящихся къ расколо-сектантству нѣкоторыхъ статей закона и прочее. Въ заключеніи авторъ пишетъ, что въ многовѣковой борьбѣ свѣтской и духовной власти за право-

славіе принципъ гоненій, грозно звучавшій въ XVI—XVII вѣкахъ, постепенно перерождался въ рѣководящихъ сферахъ въ суровую и безокоиную заботу о сохраненіи цѣлости церкви духовными и свѣтскими средствами; затѣмъ, неудача приходскаго миссіонерства, этого «орудія государства», замѣнилась, какъ новой надеждой, единовѣріемъ и собесѣдованіями, но всевыясняющее время, въ рядѣ фактовъ, достаточно показало эфемерность и этихъ двухъ средствъ. Авторъ заканчиваетъ пожеланіемъ, чтобы чиновническое направленіе миссіонерства вообще и приходскаго въ особенности постепенно уступало мѣсто живому слову добровольцевъ, хотя бы и «простецовъ», «не миссіонеровъ, а собесѣдниковъ», проповѣдующихъ «лицо Христа», а не одно собраніе догматовъ. «Когда такъ ясно, что самой церкви не расчетъ прибѣгать, ради поддержанія православія, къ содѣйствию свѣтской власти, то странно было бы еще говорить о желательности устранить себя этою послѣднею отъ несвойственныхъ ей и столь, въ свѣтскихъ рукахъ, опасныхъ для самого государства духовныхъ заботъ» (стр. 207).

Книга г. Бобрлицева-Пушкина трактуетъ предметъ весьма интересный, малоразработанный въ наукѣ и важный. Авторъ, на основаніи богатѣйшаго запаса юридическихъ свѣдѣній и хорошаго знакомства съ исторіей и бытомъ русскаго расколо-сектантства вообще и штунды въ особенности, обстоятельно знакомитъ съ вопросомъ о положеніи судовъ въ отношеніи къ раскольникамъ и сектантамъ, съ задачами дѣятельности юристовъ въ этой области и съ тѣмъ, на какой почвѣ и какими средствами они дѣйствуютъ и чего именно могутъ достигать и достигаютъ въ своей охранительной области. Книга должна принести несомнѣнную пользу юристамъ, давая имъ возможность ориентироваться въ сложной и запутанной области расколо-сектантства. Но и читателямъ съ общимъ образованіемъ книга доставитъ безспорный интересъ, такъ какъ содержитъ въ себѣ богатый подборъ фактовъ изъ исторіи и быта русскихъ раскольниковъ и сектантовъ, особенно штундистовъ, касается любопытныхъ вопросовъ принципиальнаго свойства—объ отношеніи церкви къ государству, о свободѣ совѣсти и т. д. Эти вопросы еще недавно служили предметомъ горячаго обмѣна мнѣній между двумя лагерями. Правда, не во всѣхъ случаяхъ можно соглашаться съ г. Бобрлицевымъ-Пушкинымъ (напримѣръ, его рѣзкое сужденіе объ экскертизѣ въ расколо-сектантскихъ дѣлахъ представляется преувеличеннымъ, а отзывъ о противораскольнической и противосектантской литературѣ одностороннимъ), но, въ общемъ, книга прекрасно выполняетъ свою задачу и ярко освѣщаетъ одинъ изъ темныхъ уголковъ русской общественной жизни.

Х. У. З.

Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Томъ I (комитетъ въ царствованіе императора Александра Перваго). Составилъ С. М. Середонинъ. Изданіе канцеляріи комитета министровъ. Спб. 1902.

Канцелярія комитета министровъ предприняла изданіе историческаго обзора дѣятельности комитета въ виду исполняющагося столѣтія со дня основанія этого государственнаго учрежденія.

Составленіе «Обзора» было поручено магистру русской исторіи С. М. Середонину, который при исполненіи своей трудной и отвѣтственной работы держался слѣдующихъ основаній.

Дѣятельность комитета министровъ обнимала все отрасли государственнаго управленія; въ царствованіе императоровъ Александра I и Николая I комитетъ рѣшалъ по 2.000—2.500 и болѣе дѣлъ въ годъ. Многія дѣла однакоже не представляютъ никакого историческаго матеріала (масса дѣлъ, касающихся назначеній, увольненій, титуловъ, наградъ, пенсій), о нихъ «Обзоръ» только упоминаетъ, какъ о дѣлахъ, подлежащихъ разрѣшенію комитета, сюда же относятся дѣла, принятые только къ свѣдѣнію, передаваемыя на заключеніе разныхъ лицъ и учреждений. Поэтому все вниманіе составителя было обращено на тѣ дѣла, въ которыхъ комитетъ принималъ непосредственное участіе: на дѣла о новыхъ законоположеніяхъ, на дѣла, по которымъ послѣдовали высочайшія резолюціи, и по которымъ возникли въ комитетѣ пренія. Отсюда видно все значеніе матеріала, которымъ пользовался составитель.

При этомъ между прочимъ важно то обстоятельство, что на многихъ положеніяхъ комитета находятся собственноручныя высочайшія резолюціи; по многимъ дѣламъ членами комитета подаваемы были особыя мнѣнія. Въ этихъ данныхъ открывается цѣлый рядъ документальныхъ свидѣтельствъ, указывающихъ на стремленія и воззрѣнія государей Россіи XIX вѣка и ихъ главныхъ сотрудниковъ и могущихъ служить необходимымъ коррективомъ къ окрашеннымъ субъективизмомъ показаніямъ современниковъ.

Не юристъ, а историкъ въ собственномъ смыслѣ, составитель «Обзора» придалъ своему труду бытовой характеръ по преимуществу; онъ отмѣтилъ между прочимъ то странное положеніе, которое занималъ Аракчевъ въ качествѣ какаго-то средостѣнія между государемъ и комитетомъ, онъ не упустилъ изъ вида борьбу сената съ комитетомъ и внѣдреніе послѣднимъ перваго въ рамки законности, съ которыми александровскій сенатъ, повидимому, по примѣру прошлаго не всегда признавалъ нужнымъ считаться. Эта склонность автора «Обзора» останавливаться на бытовой сторонѣ комитетской жизни однако имѣетъ свои несомнѣнныя преимущества, она даетъ возможность читателю видѣть не только формы дѣятельности комитета, но ея реальное содержаніе. Г. Середонинъ даетъ въ своемъ трудѣ если не систематизированную абстракцію, то стройныя конкретныя картины. Иногда «Обзоръ», обращая чрезмѣрное вниманіе на отдѣльные факты, даже теряется въ мелочахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень часто мелочнымъ фактомъ умѣло усиливаетъ крупную черту общаго характера.

Первый томъ «Обзора» посвященъ исторіи возникновенія комитета, отношенію его къ государственному совѣту, сенату, который нерѣдко подавался комитетомъ, на сторону котораго во многихъ случаяхъ становился и государь; за выясненіемъ вопросовъ организаціи комитета и его соотношенія съ другими высшими государственными установленіями «Обзоръ» передаетъ свѣдѣнія по части фактической дѣятельности комитета въ области народнаго здравія, продовольствія, затѣмъ касается воздѣйствія на законодательство о

сословіяхъ, о центральномъ и мѣстномъ управленіи, излагаетъ комитетское вліяніе въ сферѣ государственнаго хозяйства и т. д.

Обиліе имѣющагося въ «Обзорѣ» матеріала нѣсколько затрудняетъ ознакомленіе съ нимъ тѣмъ болѣе, что авторъ «Обзора» не выработалъ внутренней схемы дѣятельности комитета и придерживается описательнаго направленія; но, тѣмъ не менѣе, для всѣхъ работающих надъ исторіей русскихъ высшихъ государственныхъ установлений настоящій томъ «Обзора» представляетъ собою въ высшей степени цѣнный матеріалъ. Цѣнность его увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что историческія данныя въ «Обзорѣ» извлечены изъ архивовъ не механической рукой малоподготовленнаго чиновника, исполняющаго обязанности по службѣ, а обладающаго и пониманіемъ и обширной подготовкой, съ любовью трудящагося заправскаго ученаго.

В. Гр—скій.

Русскій біографическій словарь. Павелъ—Петръ. Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя императорскаго русскаго историческаго общества А. А. Половцева. Спб. 1902.

Новый томъ «Словаря», неизвѣстно который по порядку, а по выпуску пятый, заключаетъ въ себѣ нѣсколько обширныхъ и обстоятельныхъ біографій, которыя, въ сущности, составляютъ самостоятельныя изслѣдованія, основанныя не только на печатныхъ, но и на архивныхъ матеріалахъ. Первое мѣсто среди нихъ принадлежитъ безспорно превосходной біографіи императора Павла I, составленной Е. С. Шумигорскимъ и занимающей 70 страницъ; авторъ даетъ не одну лишь характеристику этого государя, но вмѣстѣ съ ней излагаетъ его внѣшнюю и внутреннюю политику, общественныя настроенія того времени и причины народнаго раздраженія, выразившаго въ заговорѣ, предшествовавшемъ его кончинѣ; при этомъ указывается вся литература, касающаяся Павла, какъ русская, такъ и иностранная. Столь же обстоятельны біографіи графовъ Никиты и Петра Ивановичей Паниныхъ (г. Браудо, Гейсмана и Дубовскаго), фельдмаршала князя Паскевича (П. М. Майкова), декабриста П. П. Пестеля (г. Павлова-Сильванскаго), протоіеря Іоанна Памфилова, духовника императрицы Екатерины II (проф. М. И. Горчакова), графовъ Василія и Льва Алексѣевичей Перовскихъ (П. М. Майкова и В. Л. Тагѣва), протоіеря Павскаго (г. Вольскаго), извѣстныхъ ученыхъ: Палласа (г. Кеннена), Паротта (Н. К. Шильдера) и др.

Къ сожалѣнію, и этотъ томъ «Словаря», подобно предыдущимъ, страдаетъ отечутствіемъ определенной системы. Въ немъ рядомъ съ біографіями дѣйствительно замѣчательныхъ дѣятелей, попадаются біографіи совершенно ничтожныхъ личностей, объ однихъ лицахъ говорится слишкомъ пространно, о другихъ слишкомъ кратко; среди русскихъ людей встрѣчаются иноземцы, не имѣющіе никакого отношенія къ Россіи, и т. п. Напримѣръ, въ «Русскій словарь» почему-то включены: Карлъ Пеньковскій, польскій поэтъ и журналистъ, не только никогда не писавшій по-русски, но изъ сочиненій котораго ни одна строка не была переведена на русскій языкъ; или польскій повстанецъ Пиотров-

скій, любезно передѣланный въ «Словарѣ» въ «Петровскаго», извѣстный только тѣмъ, что бѣжалъ изъ Сибири и напечаталъ за границей, подъ видомъ занисокъ, романъ о небывалыхъ похожденияхъ своихъ во время бѣгства; или варшавскій врачъ, Карлъ Павловскій, заслуги котораго заключаются лишь въ томъ, что онъ помѣстилъ въ польскихъ медицинскихъ журналахъ нѣсколько статей по сифилидологiи. Недоумѣваемъ, по какимъ соображенiямъ удостоились включенiя въ «Словаръ» такія, напримѣръ, лица, какъ товарищъ прокурора жигомiрскаго окружнаго суда Павловичъ, «лишившій себя жизни выстрѣломъ изъ револьвера вслѣдствіе неизлѣчимой болѣзни», или отставной генераль-майоръ Перхуровъ, не участвовавшій ни въ одномъ сраженiи, не занимавшій должности выше командира армейскаго полка и исключенный изъ службы «за неприбытіе къ полку въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ», или надворный совѣтникъ Фридрихъ-Гейнрихъ-Карлъ Пербандъ, весь формуляръ котораго состоитъ въ томъ, что онъ кончилъ курсъ медицинскаго факультета въ Дерптѣ, практиковалъ въ Петербургѣ и защитилъ диссертацию «*De virtute balnei marini medica ejusque applicandi modo*», или профессоръ Казанскаго университета Паули, о которомъ его біографъ говоритъ, что, «вѣроятно, незнакомство Паули съ русскимъ языкомъ было одной изъ причинъ того, что въ дѣлахъ совѣта Казанскаго университета не сохранилось никакихъ его заявленiй, ничего характеризующаго его личность»; или Иванъ Яковлевичъ Панинъ, «до смерти служившій учителемъ математики въ Ревельской гимназiи и умершій въ чинѣ коллежскаго совѣтника». Если въ «Словарѣ» включены эти лица, то за что же обижены сотни отставныхъ генераль-майоровъ, врачей, прокуроровъ и учителей математики, которые не менѣ ихъ достойны подобной чести?

Просматривая біографіи, мы встрѣтили въ нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма существенныя неточности. Въ біографіи графа Н. И. Панина говорится: «онъ родился 18 сентября 1718 года; начало дѣятельности его относится еще къ царствованію Анны Иоанновны: въ 1740 году онъ былъ изъ вахмистровъ конной гвардiи произведенъ въ корнеты, въ 1747 году назначенъ посланникомъ въ Данію и при этомъ пожалованъ въ камергеры». Между тѣмъ, въ собственноручной занискѣ о своей службѣ, поданной въ коллегію иностранныхъ дѣлъ въ 1754 году, Панинъ пишетъ: «я родился 15 сентября 1718 года, служу ея императорскому величеству съ 1735 года и опредѣленъ былъ въ мартъ мѣсяцъ лейбъ-гвардiи въ конный полкъ рейтаромъ, гдѣ, прошедъ унтеръ-офицерскія должности, пожалованъ былъ, по старшинству, корнетомъ, января 1-го дня 1740 года, подпоручникомъ въ походъ онаго, въ началѣ 1742 года произведенъ тутъ же адъютантомъ и 1743 года февраля 20 всемилоостивѣйше пожалованъ камеръ-юнкеромъ къ двору ея величества».

Въ біографіи генерала П. А. Паикова говорится: «въ 1808 году Паиковъ былъ зачисленъ по арміи съ назначеніемъ с.-петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ и на этомъ посту получилъ орденъ святого Георгія 3-й степени». Является вопросъ, какой подвигъ могъ совершить полицейскій чиновникъ, чтобы получить столь высокую награду, назначаемую исключительно за выдающуюся храбрость и военное отличіе. Вопросъ этотъ разрѣшается просто: Паиковъ, командуя гвардейской артиллеріей, особенно от-

личился въ сраженіи при Фридландѣ, въ 1806 году, и императоръ Александръ I, тутъ же на полѣ сраженія, надѣлъ ему георгиевскій крестъ на шею; но печатный приказъ объ этомъ былъ отданъ лишь по окончаніи кампаніи, въ 1808 году, что и ввело въ ошибку автора біографіи Пашкова, г. Львова. Въ біографіи одного изъ дѣятелей XVIII столѣтія, Е. П. Пашкова, составитель ея, г. Марченко, говоритъ: «Пашковъ былъ членомъ бестужевскаго кружка стора нникомъ возведенія на престолъ Петра II, при которомъ, въ 1727 году былъ назначенъ членомъ военной коллегіи съ пожалованіемъ въ бригадиръ; съ 1728 по 1735 годъ былъ въ должности воронежскаго вице-губернатора». Изъ этихъ словъ читатель долженъ вывести заключеніе, что существовалъ какой-то «бестужевскій» кружокъ, содѣйствовавшій воцаренію Петра II, и что въ награду за это, принадлежавшій къ кружку, Пашковъ былъ сдѣланъ бригадиромъ, членомъ военной коллегіи и затѣмъ вице-губернаторомъ. Между тѣмъ, на дѣлѣ совсѣмъ другое. Бестужевскій кружокъ, состоявшій изъ двухъ братьевъ Бестужевыхъ, ихъ сестры, княгини Волконской, Ганнибалъ, Черкасова, Маврина, Пашкова, Вессловскаго и др., никакого содѣйствія возведенію на престолъ Петра II не оказывалъ, тѣмъ болѣе, что никто и не оспаривалъ правъ этого государя. Кружокъ имѣлъ дѣлю исключительно противодѣйствіе возвышенію и неограниченному властолюбію Меншикова, и именно въ царствованіе Петра II надъ членами кружка разразилась гроза. Всѣ они были сосланы въ разныя мѣста и въ томъ числѣ Пашковъ. Въ приговорѣ верховнаго тайнаго совѣта, состоявшемся 28 мая 1728 года, о немъ сказано: «Юрору Пашкову за продерзостныя письма къ Волконской и къ Ивану Черкасову въ военной коллегіи у дѣлъ не быть и послать его въ Воронежъ вице-губернаторомъ».

Несмотря на указанные нами недостатки, «Русскій біографическій словарь» займетъ, безъ сомнѣнія, выдающееся мѣсто въ нашей исторической литературѣ, и не одно поколѣніе занимающихся отечественной исторіей будетъ благодарно А. А. Половцеву за это капитальное изданіе.

О. Ш.

Графъ Г. А. Милорадовичъ. Родословная книга Черниговскаго дворянства. Т. I и II. Спб. 1901.

Наша генеалогическая литература за послѣднее время замѣтно возрастаетъ. Кромѣ общихъ сборниковъ дворянскихъ родовъ, появился рядъ сборниковъ по отдѣльнымъ родамъ, съ полными свѣдѣніями о каждомъ лицѣ, но имѣющимся архивнымъ матеріаламъ и печатнымъ источникамъ; при чемъ въ нѣкоторыхъ помѣщены и самые матеріалы, силовъ и рядомъ впервые увидѣвшіе свѣтъ. Таковы, напримѣръ, сборники: «Родъ Шереметевыхъ», капитальный трудъ, составляемый А. П. Барсуковымъ, «Родъ князей Масальскихъ», «Трубецкіе», «Родъ князей Волконскихъ» и другіе. Этого рода сборники, конечно, имѣютъ значеніе историческихъ пособій.

Какъ бы въ добавленіе къ нимъ, также руководясь научною цѣлью «служить матеріаломъ для исторіи дворянства», въ началѣ нынѣшняго года, графъ Г. А. Милорадовичъ обогатилъ нашу генеалогическую литературу новаго рода

изданіемъ—«Родословною книгою Черниговскаго дворянства». Въ первыхъ строкахъ своего предисловія графъ Милорадовичъ заявляетъ, что его книга «есть первый опытъ подобнаго изданія», что «здѣсь описаны все дворянскіе роды губерніи», и что «объ утвержденіи лицъ въ дворянствѣ помѣщены соответствующіе указы правительствующаго сената», а далѣе говоритъ общія мѣста «о роли и значеніи русскаго дворянства».

Прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію того, насколько удовлетворяетъ «Родословная книга Черниговскаго дворянства» предназначенной ей графомъ Милорадовичемъ задачѣ—«служить матеріаломъ для исторіи дворянства» и «въ то же время составить справочную книгу для депутатскаго собранія», мы сдѣлаемъ маленькую поправку къ словамъ автора, что его книга «есть первый опытъ подобнаго изданія».

Кому изъ занимающихся генеалогіей не извѣстно, что многими губернскими дворянскими депутатскими собраніями изданы и издаются свои родословныя книги, въ которыхъ, кромѣ всехъ опредѣленій собраній, имѣются хронологическія даты рожденія почти всехъ лицъ рода, указанія на книгу, въ которую записанъ родъ, иногда указанія на званіе или чинъ и нѣкоторыя другія данныя, напримѣръ, ссылки на сенатскіе указы? Эти родословныя книги депутатскихъ собраній въ очень многомъ напоминаютъ «Книгу» графа Милорадовича и, безъ сомнѣнія, составляютъ лучшую справочную книгу для депутатскихъ собраній». Въдѣ, «Книга» нашего автора не заключаетъ ни одного указанія на опредѣленія собранія и лишь изрѣдка даетъ хронологическія даты рожденія.

Кромѣ того, по нашему мнѣнію, родословныя книги по губерніямъ не вполне могутъ служить и общей цѣли—для исторіи дворянства. Когда-то еще мы дождемся подобныхъ изданій по всемъ губерніямъ, а отдѣльныя они будутъ заключать лишь отрывочныя свѣдѣнія о многихъ родахъ. Многочисленные владѣльческіе и титулованные роды, какъ извѣстно, записаны въ нѣсколькихъ депутатскихъ собраніяхъ, а между тѣмъ авторы родословныхъ книгъ отдѣльныхъ губерній, какъ, напримѣръ, графъ Милорадовичъ, будутъ сообщать лишь то, что обозначено въ указахъ сената, обращенныхъ въ ихъ собраніе, прибавляя къ этому свѣдѣнія изъ своихъ архивовъ, часто весьма неполныхъ. Поэтому не рѣдки могутъ быть случаи, въ чемъ несомнѣнно убѣжденъ и самъ графъ Милорадовичъ, что изъ древнѣйшаго и многочисленнаго рода въ губернской родословной книгѣ найдутся свѣдѣнія лишь о нѣсколькихъ лицахъ, случайно попавшихъ въ эту губернію.

Послѣ этихъ замѣчаній, приступимъ къ разсмотрѣнію содержанія «Родословной книги Черниговскаго дворянства». Начинается первый томъ ея съ перечня родовъ, записанныхъ въ первую часть родословной книги Черниговской губерніи, и заканчивается перечнемъ родовъ, записанныхъ во вторую часть, самую многочисленную. Во второй томъ входятъ роды остальныхъ четырехъ частей. Лица каждаго рода представлены въ обычномъ порядкѣ, принятомъ составителями родословныхъ книгъ, кое-гдѣ съ обозначеніемъ званія или чина и изрѣдка съ приведеніемъ года рожденія. Подъ представителями одного или иногда двухъ и даже трехъ колѣнъ приведенъ указъ правительствующаго сената и нерѣдко герольдинъ. Почти всюду приводится послѣ послѣдняго указа сената еще цѣлый

рядъ новыхъ лицъ, сопричисленныхъ самимъ собраніемъ, всюду безъ даты опредѣленія собранія, вѣроятно, чтобы не отличать отъ тѣхъ лицъ, которыя вписаны въ «Книгу» графа Милорадовича, но на самомъ дѣлѣ не сопричислялись.

Въ концѣ перечня лицъ каждаго рода авторъ называетъ родоначальника рода, указываетъ основанія, сообщившія роду дворянство, и всюду заключаетъ совершенно лишними словами: «Почему родъ этотъ правительствующимъ сенатомъ и признанъ въ дворянствѣ со внесеніемъ въ первую часть родословной книги». Если бы исключить эти 5—6 строкъ (книга напечатана въ два столба), то два тома «Родословной книги Черниговскаго дворянства» значительно бы утонились и, даже думаю, обратились бы въ одинъ томъ.

Указъ правительствующаго сената, какъ извѣстно, сообщаетъ лишь сенатское опредѣленіе, весьма небогатое данными ни «для исторіи дворянства», ни для отдѣльныхъ представителей рода. Графъ Милорадовичъ, поэтому, дополняетъ эти данныя изъ архива Черниговскаго собранія, но пользуется ими не вездѣ и далеко не съ одинаковой полнотой. Подробныя біографическія свѣдѣнія болѣе всего даются о позднѣйшихъ представителяхъ и сравнительно немногихъ родовъ.

Графъ Милорадовичъ называетъ лишь указы правительствующаго сената и герольдіи, но указовъ временнаго присутствія герольдіи, а равно и департамента герольдіи знать не хочетъ, очевидно, признавая различіе въ указахъ только между первыми двумя учрежденіями; на самомъ же дѣлѣ слова «правительствующаго сената» есть общія для указовъ всѣхъ названныхъ учрежденій, какъ входящихъ въ составъ сената, а потому послѣдовательности ради автору въ крайнемъ случаѣ можно было бы ограничиться только словами: «указъ правительствующаго сената».

Нельзя сказать, чтобы графъ Милорадовичъ вездѣ съ точностью использовать содержаніе указовъ правительствующаго сената. Такъ, напримѣръ, въ родѣ Голяховскихъ (т. I, стр. 19) по своему произволу дѣлаетъ Антона старшимъ сыномъ Якова, а его брата Юсифа младшимъ (старшинство братьевъ строго соблюдается составителями родословныхъ, такъ какъ оно порождаетъ дальше путаницу), и отъ себя прибавляетъ въ числѣ утвержденныхъ указомъ герольдіи 30 ноября 1845 г. двухъ дочерей Якова Григорьевича—Марію и Неонилу (стр. 20), которыхъ нѣтъ ни въ указѣ, ни въ подлинникѣ послѣдняго—опредѣленія временнаго присутствія герольдіи, отъ 22 ноября 1845 г. Въ родѣ Демешки (т. I, стр. 24) графъ Милорадовичъ отказывается упомянуть утвержденныхъ герольдіею Михаила, сына Петра Аврамова, и затѣмъ жену Поликарпа Петрова—Анну. Въ родѣ Якимачъ (т. I, стр. 636), руководясь, повидимому, собственными архивными свѣдѣніями, въ числѣ сопричисленныхъ сыновей Михаила Моисеевича ставитъ первымъ того, который былъ третьимъ. Здѣсь интересно замѣтить, что, ограничиваясь для одной части лицъ свѣдѣніями только изъ указовъ и дополняя родословную изъ своихъ данныхъ, авторъ допустилъ такого рода промахъ: въ указѣ правительствующаго сената 22 января 1848 г. у Михаила упомянута жена Марина Ивановна, между тѣмъ приведенныя далѣе дѣти его—три сына и три дочери, всѣ родились отъ второй его жены.

Есть случаи, гдѣ графъ Милорадовичъ вовсе не приводитъ указа, напримѣръ, въ родѣ Бутовичей (т. I, стр. 10—11), или приводитъ его (особенно, когда

одинъ разъ) такъ, что недоумѣваешь, утверждены ли имъ весь родъ, или только сопричислено одно лицо, подъ которымъ помѣщенъ указъ.

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что въ его родословной «описаны все дворянскіе роды губерній», но въ виду того, что на стр. 25, т. I, названы еще и Демешкевичи-Загорянскіе, а такой двойной фамилии никогда не существовало въ Россіи, къ приведеннымъ словамъ смѣло можно прибавить: «и даже не существовавшіе».

Мы ограничились проверкою свѣдѣній, сообщаемыхъ «Родословною книгою Черниговскаго дворянства», только на немногихъ, случайно открывшихся намъ страницахъ, но думаемъ, что не зачѣмъ утомлять читателя приведеніемъ другихъ промаховъ, да къ тому же наша замѣтка слишкомъ разрослась, а потому поспѣшимъ закончить ее совѣтомъ будущимъ подражателямъ графа Милорадовича, буде таковыя объявятся, внести въ свои «Родословныя книги» побольше полноты и точности свѣдѣній и однообразія системы изложенія, чѣмъ мы встрѣтили въ «Родословной книгѣ Черниговскаго дворянства».

В. Рудаковъ.

Евгеній Соловьевъ (Андреевичъ). Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка. Спб. 1902.

Николай Энгельгардтъ. Исторія русской литературы XIX столѣтія. Томъ первый. 1800—1850. Спб. 1902.

Въ предисловіи къ своей книгѣ г. Е. Соловьевъ такъ смотритъ на свою задачу:

«Основная идея русской литературы—религіозно-нравственная и основана на сознаніи святости человѣческой личности и человѣческой жизни вообще. Эта идея, зародившаяся еще въ концѣ XVIII вѣка (?), выросла и окрѣпла, какъ сталь, выкованная булатомъ въ безконечно долгой борьбѣ съ крѣпостнымъ правомъ и духомъ крѣпостничества, еще и теперь далеко не исчезнушемъ (sic!) изъ нашей жизни (IV). Я нисколько не претендую на роль критика, а лишь на роль скромнаго историка литературы. Отдѣльныя лица, строго говоря, для меня не существуютъ; для меня существуютъ лишь общественныя настроенія, точнѣе говоря, настроенія общественной мысли, насколько они отразились въ литературѣ... Для историка литературы не всегда интересны тотъ (sic!), кто талантливѣе, а часто тотъ, кто характернѣе, иногда даже просто раньше высказавшій извѣстную мысль и пустившій ее въ обращеніе. Дѣлаю эту оговорку для того, чтобы объяснить, почему я умалчиваю о многихъ цѣнныхъ художественныхъ дарованіяхъ» (XVI).

Нельзя не замѣтить, что взгляды, подобные вышесказаннымъ, даютъ широкій просторъ личному толкованію автора, который вполне послѣдовательно можетъ свести всю русскую литературу (отъ «Поученія» Мономаха до Льва Толстого) къ десятку идей, игнорируя подробное развитіе каждой изъ нихъ. Но посмотримъ, исходя изъ точки зрѣнія самого г. Евг. Соловьева на свой трудъ, къ какимъ результатамъ онъ приходитъ,

Первое и главное условие научной ценности труда — строго научный метод исследования; его-то мы и не находимъ въ книгѣ г. Соловьева, написанной бойкимъ фельетоннымъ языкомъ. Авторъ съ большимъ апломбомъ высказываетъ, какъ нѣчто общезвѣстное, мысли, неоспоримость которыхъ весьма и весьма гадательна. Такъ, по поводу биографіи Чаадаева, г. Евг. Соловьевъ говоритъ: «вообще замѣчательно, что у русскихъ людей биографіи нѣтъ, что совершенно естественно при полной скудости нашей общественной жизни». А Жуковский, Пушкинъ, Герценъ, Достоевскій, Л. Толстой, М. Горькій?

На стр. 133 читаемъ: «Прославленная повѣсть Григоровича «Антонъ Горемыка», въ сущности говоря, даже не художественное, а лубочное произведение, сразу же возбуждавшее къ себѣ сердечное отвращеніе людей, обладавшихъ эстетическимъ развитіемъ, напримѣръ, В. П. Боткина. Въ ней все дѣлано, искусственно, грубо, аляповато, и дѣйствительная правда жизни выставлена въ ней такъ неумѣло, что даже и не вѣрится правдѣ этой правды». Между тѣмъ Вѣлинскій (IV, стр. 639) далъ объ этой повѣсти восторженный отзывъ, который приводится и у г. Соловьева на стр. 137.

Тургеневъ желалъ мужику «счастья, не особеннаго какого нибудь, въ родѣ того, которое мерещилось прежде Достоевскому, а теперь мерещится Толстому, а единственно возможнаго: основаннаго на знаніи, достаткѣ, правахъ» (147).

На стр. 277 находимъ: «До торжества Москвы, до разоренія Новгорода Грознымъ (?) наша исторія смиренія не знала. Смирненіе вколочено, вбито въ русскую натуру казнями Грознаго, дубинкой Петра, а больше всего монгольскимъ игомъ и крѣпостнымъ правомъ, когда смиреніе оказалось единственнымъ средствомъ самозащиты»...

А св. Александръ Невскій, а Мономахъ, а Плья Муромецъ?

Здѣсь все—слова, слова и слова... Погоня за фразою вообще характеризуетъ слогъ г. Евг. Соловьева, рѣчь котораго пестритъ выраженіями въ родѣ: «не только спусти рукава, но и всю поддевку» (15), «насколько тины типичны» (284), «баринъ вотъ пріѣдетъ, баринъ все разсудитъ по-хорошему и по-благородному» (411), «расилата за проигрышъ и за выигрышъ» (?) (513), «мечтанія 60-хъ годовъ... надъ міромъ пронеслись хотя съ шумомъ, но безъ слѣда. Но не въ судъ и не въ осужденіе говорю я такъ» (326). Иногда г. Соловьевъ такъ обильно приправляетъ фразу «аттической солью», что трудно доискаться въ ней до здраваго смысла. Напримѣръ, описывая впечатлѣніе, произведенное на современниковъ «Русланомъ и Людмилою», г. Соловьевъ говоритъ: «Точно радостный и веселый богъ вѣчной юности, неувядающій Кришна явился въ сонмъ другихъ боговъ, гдѣ медленно жевалъ жвачку быкъ-Шива, чавкалъ огромный крокодилъ Муггеръ и ревѣлъ «оселъ съ расценленнымъ носомъ» (стр. 35).

Мѣстами встрѣчаются совершенно неправильные обороты рѣчи: «Съ годами Карамзинъ дѣлался все болѣе государственнымъ и нравоучительнымъ» (20). «Ничего подобнаго стилю Герцена русская литература не знаетъ: онъ самъ въ себѣ. Если хотите, онъ до послѣдней степени небреженъ, его слова, языкъ—не правилень...» (155).

«Некрасовъ вынесъ на себѣ нищету и брошенность труппной жизни»... (312). «Точка зрѣнія «Историческихъ писемъ», несмотря на броню, на нее (?) надѣтую, чисто этическая»... (340). «Гоголь скорбѣлъ о жизни людей, потому что считалъ ее несоотвѣтствующею ни съ нравственными задачами человѣчества, ни съ его міровою ролью»... (373).

Вотъ затрудненія, съ которыми придется считаться читателямъ «Очерковъ по исторіи русской литературы».

Желая ярче охарактеризовать послѣдовательно смѣнявшіяся литературныя направленія, г. Евг. Соловьевъ 40-е годы, когда «лучшіе люди нашего стараго барства съ фанатизмомъ иконоборцевъ подрубали тотъ сукъ, на которомъ сами они сидѣли» (XIV), противопоставляетъ 60-мъ годамъ, когда барина-идеалиста смѣнилъ писатель-разночинецъ (207), а 60-е годы—70-мъ, когда разночинецъ уступилъ свое мѣсто «кающемуся дворянину» (328); наконецъ 80-е годы, по мнѣнію г. Соловьева, — «годы отказа отъ наслѣдства отцовъ, торопливаго исканія новыхъ словъ и путей, годы тоски и приниженности и въ то же время годы наглаго глумленія надъ святыней прехнихъ идеаловъ» (501).

Надо ли говорить, что подобная характеристика литературныхъ направленій, несмотря на свою заманчивость, не только не научна, но прямо искусственна, что впрочемъ ясно и для самого г. Соловьева. Иначе необъяснимо совершенное умолчаніе о такихъ выразителяхъ народныхъ идеаловъ и стремленій, какъ Крыловъ, Кольцовъ, Шевченко, Никитинъ, Островскій, Писемскій и др.

Если расположить эти имена по эпохамъ, то несостоятельность вышеприведенныхъ характеристикъ станетъ очевидною: среди писателей-помѣщиковъ 1840-хъ годовъ встрѣчаемъ разночинцевъ Кольцова, Шевченко, отчасти Никитина; среди разночинцевъ-шестидесятниковъ видимъ дворянъ: Писемскаго, Мельникова, Слѣцова, Марко-Вовчка (М. А. Марковичъ), Писарева, Салтыкова; среди «кающихся дворянъ»—разночинцевъ: Шеллера, Г. Успенскаго, Г. З. Елисѣева, Златовратскаго, Надсона и др.

Очевидно то или иное настроеніе общественной мысли обуславливалось не сословнымъ составомъ литературныхъ дѣятелей, а ихъ нравственнымъ уровнемъ и ростомъ общественнаго самосознанія.

Тенденціозность г. Соловьева проявляется и въ томъ, что творчество Глѣба Успенскаго, внука деревенскаго дьячка, онъ объясняетъ «психологіей кающагося дворянина» (410), а 1890-е годы характеризуетъ такъ: «Крикливья идейки, наскоро выхваченныя изъ западной литературы, —идейки по грошу за фунтъ, —зародившіяся въ парижскихъ кабакахъ подъ разухабистые звуки канкана..., разумѣется, не могли заполнить пустоты (прежняго стройнаго міросозерцанія)».

Но съ особенной озлобленностью накидывается г. Евг. Соловьевъ на Н. К. Михайловскаго. Здѣсь, что ни слово, то колючь. «Настроеніе 1870-хъ годовъ нуждалось въ научномъ или, по крайней мѣрѣ, на учообразномъ, похожемъ на научное, обоснованіи»... «Его блестящій публицистическій талантъ, въ которомъ чувствуется или «художникъ-недоносокъ» или просто невыработавшійся художникъ,... его полемическое жестокосердіе,... само-

увѣренность его тона...—сдѣлали его однимъ изъ самыхъ видныхъ писателей-учителей 1870-хъ годовъ» (374).

Если въ читателѣ «есть нѣчто отъ г. Михайловскаго, отъ психологиче- кающагося дворянина (!?), отъ голоса больной совѣсти (!!)—вообще отъ на- строения 1870-хъ годовъ (вотъ оно!)—онъ кое въ чемъ (изъ сочиненій г. Михайловскаго) разберется»... (376). «Г. Михайловскій брюзжалъ, негодо- валь, полемизироваль съ Толстымъ и, говорятъ, удачно» (524).

На стр. 388—389 г. Соловьевъ, сдѣлавъ подтасовку, или, по его словамъ, «подстановку» понятій (вмѣсто первобытное общество—крестьянское обще- ство, вмѣсто первобытный человекъ—мужикъ), и выбросивъ мѣста, не поддаю- щіяся передѣлкѣ, навязываетъ г. Михайловскому собственную теорію,—смѣ- лость поразительная, если принять въ соображеніе, что подлинная выписка изъ статьи «Что такое прогрессъ?» помѣщена тутъ же на стр. 383—385. П это пишетъ «скромный историкъ литературы» (XVI)!

Не объяснимы ничѣмъ часто встрѣчающіяся грубыя противорѣчія. На стр. 74 читаемъ: «Гоголь не замѣчалъ слезъ людскихъ, людского стра- данія, и трудно болѣе мягкими красками описывать крѣпостное право, чѣмъ дѣлалъ это онъ»... А на стр. 77: «Геніальная сатира Гоголя вскрыла всю по- шлость жизни крѣпостной Россіи, весь ужасъ этой пошлости, затянувшей всѣ правящіе классы общества».

На стр. 151: «Его (Герцена) способность провидѣнія приводитъ въ изумле- ніе даже покойнаго Страхова», того самаго Страхова, котораго г. Со- ловьевъ на стр. 275 и слѣд. стремится свести къ нулю.

Наконецъ, нельзя пройти молчаніемъ ошибокъ, свидѣтельствующихъ о по- верхностномъ знакомствѣ автора съ исторіей и литературой: бунтъ декабри- стовъ былъ не 25 декабря (7), а 14-го; Лермонтовъ погнѣнъ на дуэли, а само- убійцей не былъ (стр. 73 и 82); журналъ «Современникъ» былъ основанъ не Панаевымъ и Некрасовымъ въ 1847 г., а А. С. Пушкинымъ въ 1836 г. (стр. 218) Г. Соловьевъ ошибается, думая, что «Урожай» Кольцова «закан- чивается полнымъ любви пожеланіемъ счастья и удачи труженику, возрасти- вшему это чудно-красивое поле» (??)—стр. 425; въ «Бѣсахъ» нѣтъ Верховен- скаго (485—486), а есть Верховенскій: героемъ «Тысячи душъ» является не Калининъ (282), а Калиновичъ; а въ романѣ «Война и миръ» нѣтъ Петра Каратаева (404—405), а есть Платонъ Каратаевъ (Platoche). На стр. 66—68 извѣстный Н. В. Кукольникъ названъ нѣсколько разъ Куколькиннымъ....

Въ заключеніе приведу строки самого г. Евг. Соловьева, написанныя имъ по поводу статьи Герцена «Буддизмъ въ наукѣ»:

«Вопросы, поднятые Герценомъ, далеко не разрѣшены еще и въ настоящее время. Дилетантизмъ и буддизмъ процвѣтаютъ и, больше того, считаютъ свое право на существованіе внѣ всякаго сомнѣнія. Буддизмъ гнѣздится въ акаде- міяхъ и университетахъ, дилетантизмъ разсыпался по лицу родной земли и пользуется пріютомъ въ многочисленныхъ журналахъ. То и дѣло переходитъ онъ въ общеизвѣстную форму верхоглядства».

Sapienti sat.

Совершенно иной характеръ носитъ другая книга — «Исторія русской литературы XIX столѣтія» г. Николая Энгельгардта. Автора можно скорѣе упрекнуть въ стремленіи подкрѣпить каждую свою мысль обильными цитатами изъ разбираемыхъ авторовъ, нежели въ верхоглядствѣ и анломбѣ. Г. Энгельгардтъ разсматриваетъ русскую литературу первой половины XIX вѣка по десятилѣтіямъ. Методъ этотъ, какъ и замѣчаетъ самъ авторъ въ предисловіи къ своему труду, былъ неоднократно примѣняемъ и раньше (Бѣлинскимъ — въ VIII томѣ, а въ послѣднее время Теобальдомъ Циглеромъ и Рихардомъ Мейеромъ). Однако нельзя согласиться съ г. Энгельгардтомъ, будто «ритмъ десятилѣтній положительно наблюдается въ литературной эволюціи». Если ритмъ этотъ и замѣчается въ первыхъ десятилѣтіяхъ истекшаго вѣка, то дальше мы этого не видимъ. Такъ тяжелая эпоха пятидесятихъ годовъ охватываетъ годы 1848 (смерть Бѣлинскаго) — 1855, когда начинается освободительное движеніе шестидесятихъ годовъ. Наконецъ, «шестидесятые годы» заканчиваются не 1869, а 1863 г., когда началась реакція...

Поэтому было бы естественнѣе, думается намъ, разсматривать литературу, особенно второй половины XIX вѣка, не по десятилѣтіямъ, а по эпохамъ.

Загѣмъ не меньшее неудобство представляетъ дѣленіе произведеній изящной словесности на: 1) романъ, 2) стихи и 3) драму. Удобно ли «Евгенія Онѣгина» разсматривать въ главѣ о стихахъ, а не въ главѣ о романѣ? До сихъ поръ существовало дѣленіе произведеній на эпическія, лирическія и драматическія. Дѣленіе это можно бы съ пользою удержать и въ данномъ случаѣ.

Переходя къ разсмотрѣнію содержанія книги г. Энгельгардта, не можемъ не выразить удивленія передъ той массой энергіи, которая затрачена имъ вслѣдствіе недостаточности подготовительныхъ и вспомогательныхъ трудовъ. Автору разбираемой книги «приходилось по многимъ отрывочнымъ и недостаточнымъ трудамъ нашихъ библиографовъ составлять библиографическіе указатели по десятилѣтіямъ произведеній критики, прозы, поэзіи и драмы... Исторія литературныхъ кружковъ требовала просмотра многихъ мемуаровъ, записокъ, сборниковъ писемъ». Несмотря на все эти трудности, принятая г. Н. Энгельгардтомъ на себя задача разрѣшена имъ вполне удовлетворительно. Воздерживаясь отъ «напрасныхъ разглагольствованій» и изложеній «своими словами», г. Энгельгардтъ старался характеризовать писателей цитатами изъ ихъ произведеній, приводя также оцѣнки ихъ выдающимся критиками.

Благодаря этому, читатель получаетъ возможность прослѣдить, какъ постепенно, тяжкимъ преемственнымъ трудомъ многихъ писателей, не равносильныхъ по таланту, совершалась выработка различныхъ образовъ и формъ нашей словесности, пока они не возводились на высочайшую степень совершенства, — въ перль созданія». Кроме того, книга г. Энгельгардта можетъ служить прекрасной справочной книгой для всехъ интересующихся отечественной литературой.

Весьма цѣнны библиографическія примѣчанія къ отдѣльнымъ главамъ и оба приложения: 1) синхронистическая таблица произведеній литературы съ 1800 — 1850 г. и 2) хронологическій указатель писателей и писательницъ съ 1800 по 1850 годъ, расположенный по годамъ ихъ кончины.

Переходимъ къ перечисленію замѣченныхъ нами погрѣшностей. Нѣтъ характеристики дѣятельности Пушкина въ 1817—1820 г.г.; героиня «Россіады» татарская царица Сумбека названа на стр. 145 почему-то китайской царицей, встрѣчаются довольно часто опечатки, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ недопустимы. Такъ на стр. 326 о «Юрїи Милославскомъ» сказано: «Загоскинъ точно переноситъ насъ въ 1816 годъ»,—очевидно 1612 годъ; на стр. 460 (въ концѣ): «во всякомъ случаѣ не Гоголь наслѣдовалъ отъ Пушкина темы двухъ величайшихъ своихъ созданій; онъ поэтому завершитель начатаго Пушкинымъ». Здѣсь не совершенно излишне. На стр. 495 поэма Полежаева «Сашка» названа «Сошка». При перечисленіи библиографіи трудовъ Карамзина пропущена книга Сиповскаго «Карамзинъ, какъ авторъ Писемъ русскаго путешественника».

Но эти немногочисленные промахи отнюдь не умаляютъ цѣнности труда г. Энгельгардта, и мы отъ души желаемъ скорѣйшаго появленія II-го тома «Исторіи русскаго языка XIX столѣтія».

Г. Т. О.

I. Мандельштамъ. О характерѣ гоголевскаго стиля. Глава изъ исторіи русскаго литературнаго языка. Гельсингфорсъ. 1902.

Среди вопросовъ, возникающихъ при изученіи Гоголя, наименѣе обследованнымъ или, лучше сказать, вовсе не обследованнымъ, является стиль писателя. Г. Мандельштамъ посвятилъ свою книгу характеристикѣ гоголевскаго стиля и далъ изслѣдованіе, не только цѣнное въ гоголевской литературѣ, но и интересное и любопытное для исторіи и теоріи стиля,—дисциплины, не установившейся и не разработанной еще въ методологическомъ отношеніи. Наша ученая литература блещетъ отсутствіемъ отдѣльныхъ изслѣдованій языка нашихъ писателей XIX вѣка: есть, правда, многочисленныя работы г. Истомина, не имѣющія особаго значенія, объ особенностяхъ языка нашихъ писателей, да профессоръ Будде печатаетъ въ настоящее время свой солидный трудъ по изученію языка Пушкина («Опытъ грамматики языка Пушкина»). Вотъ и все, что можно назвать въ этой области. Трудъ профессора Мандельштама является наиболѣе любопытнымъ и оригинальнымъ изъ всѣхъ посвященныхъ изученію языка писателей XIX вѣка; онъ вовсе не является чисто филологическимъ отчетомъ объ особенностяхъ языка Гоголя; напротивъ, давая характеристику гоголевскаго стиля, стиля въ широкомъ смыслѣ этого слова, авторъ опирается въ своемъ изслѣдованіи на данныхъ не только языка, но и психологій и литературы, и ставитъ очень широкіе и важные вопросы. Профессоръ Мандельштамъ подвергъ тщательному анализу огромный матеріалъ сочиненій и писемъ Гоголя, и его книга заслуживаетъ болѣе подробнаго разбора и обосужденія, какого, конечно, мы не можемъ сдѣлать въ этой замѣткѣ, и который мы надѣемся дать въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь мы ограничимся лишь обзоромъ содержанія книги г. Мандельштама.

Чтобы опредѣлить индивидуальность стиля, необходимо выдѣлить тѣ элементы, которые создаются участіемъ въ творествѣ писателя народа, литера-

туры, современной писателю, и общепоэтического наслѣдія. Стиль всякаго писателя находится въ зависимости отъ языка народа, писатель творитъ слово на почвѣ народнаго языка; кромѣ того, существуютъ извѣстныя связи стили отдѣльнаго писателя со стилемъ писателей, ему современныхъ; наконецъ, всякій писатель владѣетъ пріемами стили, не могущими характеризовать его и характеризующими лишь общепоэтической стили. Характеристикѣ этой зависимости посвящены первыя главы изслѣдованія профессора Мандельштама. Отмѣтимъ его мнѣніе о томъ, что стили Гоголя находится подъ влияніемъ романтическаго стили Жуковскаго. Жаль, что профессоръ Мандельштамъ не воспользовался указаніемъ современныхъ свидѣтельствъ о первыхъ литературныхъ опытахъ Гоголя, которые были составлены въ подражаніе ужаснымъ повѣстямъ тогдашнихъ альманаховъ и въ частности произведеніямъ Марлинскаго. Сравнительный анализъ этихъ повѣстей и гоголевскаго стили перваго періода его дѣятельности является необходимымъ въ изслѣдованіи гоголевскаго языка; и отсутствіе этого анализа—одинъ изъ существенныхъ пробѣловъ книги г. Мандельштама. Переходя къ характеристикѣ гоголевскихъ элементовъ стили, авторъ изслѣдованія указываетъ на психологическія основанія своеобразности языка, и наглядность языка, являющуюся, какъ результатъ постояннаго самоанализа, считаетъ специфическимъ свойствомъ. Авторъ набрасываетъ интересную картину работы писателя надъ стилемъ; замѣтимъ, что немногіе писатели даютъ матеріалъ для такой картины, и Гоголь, имѣющійся въ прекрасномъ Тихонравовскомъ изданіи,—счастливое исключеніе. Къ любопытнымъ выводамъ приходитъ профессоръ Мандельштамъ: характернымъ для Гоголя является сознательное исключеніе изъ своего лексикона иностранныхъ словъ и внесеніе русскаго народнаго элемента. Тщательное изученіе сочиненій Гоголя по всѣмъ вариантамъ показываетъ, какъ онъ съ рѣдкимъ глубокимъ пониманіемъ того, что онъ дѣлаетъ, трудился надъ стилемъ. Изучая особенности стили, профессоръ Мандельштамъ даетъ рядъ любопытныхъ и остроумныхъ замѣчаній: въ 13-й главѣ идетъ рѣчь о психологическомъ основаніи пользованія одними и тѣми же поэтическими образами; въ 14-й главѣ изслѣдователь отмѣчаетъ эпичность гоголевскаго стили и въ 15-й главѣ останавливается на способахъ воспроизведенія явленій. Въ слѣдующихъ главахъ авторъ намѣчаетъ возможность воспользоваться стилемъ въ цѣляхъ чиста біографическаго и опредѣлитъ настроеніе Гоголя на основаніи словъ, сопровождаемыхъ субъективнымъ содержаніемъ, или же на основаніи субъективныхъ эпитетовъ. Отъ эпитетовъ переходъ къ гоголевскимъ сравненіямъ. Въ высшей степени интересны страницы изслѣдованія, посвященныя малороссійскому элементу въ стилѣ Гоголя. На основаніи анализа стили, профессоръ Мандельштамъ дѣлаетъ попытку выяснитъ значеніе малороссійскаго элемента въ творчествѣ Гоголя. Наблюденія надъ стилемъ Гоголя приводятъ его къ любопытному выводу, что русскій текстъ кое-гдѣ является лишь переводомъ съ малорусскаго, преобладающаго при изображеніи настроенія. Обширная 21-я глава посвящена характеристикѣ главнѣйшей особенности гоголевскаго стили,—гоголевскаго юмора. Авторъ собралъ чуть не всѣ примѣры этого юмора и классифицировалъ ихъ, и намъ кажется, онъ дѣлаетъ здѣсь ошибку, ибо онъ даетъ

характеристику и классификацію не гоголевскаго юмора, а юмора вообще; это соображеніе, конечно, нисколько не ослабляет важнаго значенія этой главы для теоретическихъ изслѣдованій о юморѣ. Отмѣтимъ заключеніе профессора Мандельштама о томъ, что стиль Гоголя демократиченъ, и что въ этомъ существеннѣйшее отличіе его стиля отъ языка всѣхъ писателей, за исключеніемъ языка Крылова. Въ связи съ этимъ мнѣніемъ стоитъ другое, парадоксальное на первый взглядъ, о томъ, что «Гоголю слѣдуетъ отвести первое мѣсто въ исторіи русскаго самосознанія, какъ первому, внесшему въ литературу народную рѣчь, въ самомъ обширномъ смыслѣ слова». Въ этомъ отношеніи языкъ Гоголя, по мнѣнію автора книги, выше языка Пушкина. Выводъ, какъ намъ кажется, вѣрный, но съ нимъ трудно мирится обычное представленіе о значеніи языка Пушкина. Гоголь ввелъ въ литературный обиходъ именно народную рѣчь, а Пушкинъ вводилъ народные элементы.

Мы очень бѣгло очертили содержаніе изслѣдованія гельсингфорскаго профессора. Книга даетъ чрезвычайно много матеріала для размышленій и критики. Необходимо замѣтить, что это изслѣдованіе вовсе не есть сухая, ученая работа, доступная и интересная лишь для специалистовъ: мы думаемъ, что большая публика не безъ интереса прочтетъ ее. Въ гоголевской юбилейной литературѣ эта книга займетъ видное мѣсто и есть дѣйствительная дань благодарности тому, чьей памяти она посвящена, т. е. Гоголю. П. Ш.

Гоголевскій Сборникъ. Изданіе Русскаго библиологическаго общества. Спб. 1902.

Первая книжка «Литературнаго Вѣстника», издаваемаго Русскимъ библиологическимъ обществомъ, вся посвященная статьямъ и матеріаламъ о Гоголѣ, вышла недавно отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ «Гоголевскій Сборникъ».

Изъ статей и замѣтокъ въ этомъ сборникѣ видное мѣсто занимаетъ статья Н. Е. Щеголева «Къ біографіи Н. В. Гоголя». Авторъ разсматриваетъ въ ней «первыя вліянія» на Гоголя, остановившись на весьма важномъ фактѣ, на который біографы обращали мало вниманія, каково было отношеніе къ крѣпостному праву среды, окружавшей Гоголя. «Гоголь родился и выросъ въ той средѣ», говоритъ г. Щеголевъ, «неотдѣлимымъ элементомъ которой было крѣпостное право. И родители Гоголя, и окрестныя помѣщичьи мысли не допускали о томъ, что крѣпостное право нарушаетъ основныя требованія человѣческой природы и христіанской нравственности. Вамъ говорятъ, что родители Гоголя были очень добрые люди, не притѣснявшие своихъ крѣпостныхъ; но отъ этого дѣло не мѣняется, такъ какъ существовало все-таки представленіе о томъ, что одни люди могутъ владѣть другими на правахъ собственности, и что такъ самимъ Богомъ устроено». Въ головѣ Гоголя, читаемъ дальше, «не могла ужиться мысль о существованіи въ мужикѣ человѣческаго достоинства. Мужикъ остался неравноправнымъ въ его представленіяхъ, которыя зародились въ самомъ первомъ дѣтствѣ». Ту же неравноправность по отношенію къ высшимъ чувствовали

и родные Гоголя. Онъ не могъ не замѣтить во время своего пребыванія дома «специфическаго оттѣнка въ отношеніяхъ своихъ родителей къ низшимъ и высшимъ: для первыхъ они были благодѣтелями, вторые для нихъ были благодѣтелями. Особенно замѣтно это было въ отношеніяхъ родителей Гоголя къ «вельможѣ» Д. П. Троицкому.

Въ своей семьѣ Гоголь видѣлъ обстановку старосвѣтскихъ помѣщиковъ, а релігіозное міросозерцаніе Гоголя, грубое, вслѣдствіе отсутствія критическаго отношенія къ вѣроученію, получено имъ отъ матери. Нравственная атмосфера, окружавшая Гоголя, мало выяснена. Основанная на новомъ матеріалѣ, статья П. Е. Щеголева приводитъ новыя письма разныхъ лѣтъ къ матери Гоголя, ея письмо къ сыну, выясняющее нѣсколько міросозерцаніе релігіозной М. П. Гоголь.

Особенно любопытно напечатанное г. Щеголевымъ письмо П. А. Кулиша къ матери Гоголя (написано 24 декабря 1864 г.). Въ немъ критикъ Гоголя, высказывая свой взглядъ на Гоголя и, въ частности, на его украинскія повѣсти, убѣждаетъ М. П. Гоголь не поддаваться «вредному» мнѣнію о его критическихъ статьяхъ.

Иллюстраціей этого письма служитъ статья Н. П. Коробки, въ которой умѣло и ярко, путемъ приведенныхъ выписокъ, воспроизведенъ взглядъ Кулиша на украинскія повѣсти Гоголя. Редакція очень хорошо сдѣлала, что напомнила читателю какъ этотъ цѣнный отзывъ Кулиша, ставшій библиографической рѣдкостью (онъ печатался въ «Основѣ» 1861 г.), такъ и отвѣтъ на него М. А. Максимовича, тоже забытый въ настоящее время, благодаря рѣдкости изданія. Изъ статей М. Максимовича напечатаны: «Оборона украинскіхъ повѣстей Гоголя», «О предисловіи къ Вечерамъ на хуторѣ», «О смѣшныхъ прозваніяхъ», «О свадьбѣ Грицька Голопуценка» и др.

Весьма любопытно напечатанное въ «Сборникѣ» не изданное письмо Гоголя съ автографа, принадлежащаго П. Я. Дашкову. Неизвѣстно, кому оно адресовано. Гоголь говоритъ въ немъ, что онъ вслѣдствіе какого-то потрясеннаго его несчастія «исчезъ изъ театра», который готовился устроить ему овацію. Онъ проситъ своего корреспондента передать всѣмъ, что онъ сильно цѣнитъ благосклонность публики, но сердце его «переворотилось», и онъ не могъ оставаться въ театрѣ.

Большого интереса заслуживаетъ какъ статья В. А. Лугаковского «Гоголь въ польской литературѣ», такъ и замѣтка А. І. Ляценко «Объ отношеніи Гоголя къ католицизму». А. І. Ляценко говоритъ, что необходимо очень осторожно относиться къ письмамъ католическихъ священниковъ, знавшихъ Гоголя въ 1838 г. «Представители католической церкви, бесѣдуя съ Гоголемъ, приписали ему нѣкоторыя мнѣнія и взгляды, бывшіе ихъ задушевными мечтами, но нисколько не увлекавшие Гоголя. То обстоятельство, что русскій поэтъ, быть можетъ, молчаливо выслушивалъ ихъ изліянія, показалось имъ сочувствіемъ, а простыя любезности приняты были ими за увлеченіе ихъ идеями, притомъ, какъ нерѣдко бываетъ у пронагаторовъ извѣстной идеи, они преувеличили значеніе этихъ любезностей». Въ дальнѣйшей жизни, какъ видно изъ приводимаго г. Ляценко письма Кулиша, Гоголь уже относится къ католицизму болѣе нетерпимо, чѣмъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ.

Отмѣтимъ еще интересную замѣтку Б. Л. Модзалевскаго «Гоголь и И. Е. Великопольскій», написанную на основаніи не изданныхъ писемъ С. Т. Аксакова. Въ «Сборникѣ» находимъ еще «указатель иллюстрацій къ сочиненіямъ Гоголя», составленный г. Витбергомъ. Отдѣлъ «Изъ русской печати», вообще одинъ изъ наиболѣе живыхъ и любопытныхъ отдѣловъ журнала «Литературный Вѣстникъ», тоже посвященъ Гоголю. Библиографическій отдѣлъ, послѣ рецензій о книгахъ, посвященныхъ Гоголю, даетъ перечень новыхъ изданій великаго писателя и книгъ о немъ. Въ началѣ книги помѣщена автотипія одного изъ рѣдкихъ портретовъ Гоголя съ Моллера. П. К.—ій.

Н. В. Гоголь въ русской поэзіи. Сборникъ стихотвореній. Составилъ В. В. Каллашъ. Изданіе товарищества И. Д. Сытина. Москва. 1902.

Г. Каллашъ собралъ въ этой книжкѣ всѣ произведенія нашихъ поэтовъ, которыя или посвящены Гоголю или только упоминаютъ о немъ. Въ 1899 году г. Каллашъ выпустилъ сборникъ стиховъ о Пушкинѣ. Онъ опредѣляетъ задачу своихъ трудовъ слѣдующимъ образомъ: «наша главная цѣль — историко-литературный сборникъ, который можетъ дать толчокъ для мысли, вдумчиваго изученія великаго писателя, а не художественная хрестоматія по его поводу».

Г. Каллашъ произвелъ самыя тщательныя библиографическія изысканія и въ результатѣ смогъ напечатать всего на всего 25 стихотвореній, посвященныхъ Гоголю, тогда какъ Пушкину, по подсчету г. Каллаша, посвящено около 700 стихотвореній. Чѣмъ объясняется такая значительная разница? Причины невниманія русской музы къ Гоголю г. Каллашъ видитъ, во-первыхъ, въ исключительности его дарованія, сатирическаго, обличительнаго по преимуществу, и, во-вторыхъ, въ ограниченности его связей, и литературныхъ и общественныхъ, скорѣе, въ односторонности ихъ. Намъ кажется, что есть одна забытая г. Каллашемъ причина, лучше объясняющая такую разницу въ отношеніи поэтовъ къ Пушкину и Гоголю. Пушкинъ былъ дѣйствительно учителемъ для поэтовъ въ узкомъ смыслѣ слова, а Гоголь былъ учителемъ нашихъ великихъ прозаиковъ-реалистовъ. Пушкинъ былъ властителемъ думъ нашихъ поэтовъ; поэтому вполне понятно, почему ему посвящено около 700, а Гоголю около 25 стихотвореній. Г. Каллашъ такъ опредѣляетъ значеніе собранныхъ имъ стихотвореній о Гоголѣ: «стихи о Гоголѣ имѣютъ большое значеніе для его биографіи: они вскрываютъ литературныя отношенія великаго писателя, даютъ яркія черты для характеристики его личности и жизни, отражаютъ общественную оцѣнку и критическіе отзывы объ его творчествѣ или въ свою очередь влияют на нихъ». Признавая, что поэтъ скорѣе и чутче оцѣнитъ душевныя переживанія своего собрата, мы не можемъ согласиться съ составителемъ сборника въ оцѣнкѣ стиховъ о Гоголѣ. Эта оцѣнка и самое собраніе стиховъ невольнo вызываютъ въ нашей памяти старый, старый разговоръ объ очень большихъ воротахъ въ одномъ совѣмъ маленькомъ

городѣ. Нельзя на самомъ дѣлѣ забывать, что стиховъ всего на всего 25. Изъ нихъ необходимо отбросить нѣсколько, написанныхъ «по случаю» (юбилея «Ревизора») и внушенныхъ самой шаблонной оцѣнкой значенія Гоголя. «Трудъ Гоголя не былъ безплоденъ, смѣхомъ онъ будилъ лучшія чувства, онъ великъ тѣмъ, что возводилъ въ перлъ созданія и т. д.»—врядъ ли такія фразы могутъ что нибудь прибавить къ исторіи Гоголя. Нельзя говорить, какъ это говоритъ г. Каллашъ, на основаніи одного или двухъ стихотвореній о томъ, что стихи о Гоголѣ вскрываютъ литературныя отношенія Гоголя, давно вскрытыя и хорошо извѣстныя изъ другихъ источниковъ. Для насъ интересъ сборника представляется въ томъ, что онъ даетъ матеріалъ для рѣшенія слѣдующаго вопроса: что въ личности и творествѣ Гоголя привлекало къ нему вниманіе поэтовъ, натуръ болѣе чуткихъ? И очень характеренъ поэтому отвѣтъ поэтовъ на этотъ вопросъ. Самъ Гоголь представляется исполненнымъ тайныхъ, неразгаданныхъ видѣній; поэтамъ чудятся несбывшіяся мечты и недомолвленные рѣчи; жизнь его была загадкой. «Смерть разоблачила намъ его нераздѣленные страданія и шутки со слезами пополамъ, и вѣчноупорное молчанье; какъ будто намъ теперь лишь уясненъ великій духъ—и мы должны сознаться, что въ правѣ былъ задумываться онъ и въ самого себя уединяться». «Гоголь былъ загадочнымъ писателемъ, Гоголь унесъ съ собой тайну своей жизни»—вотъ основной мотивъ поэтической оцѣнки въ тѣхъ стихотвореніяхъ, что написаны не по случаю, а по внутреннему побужденію, и не касаются общественнаго значенія гоголевскаго юмора. Конечно, и это признаніе тайны жизни и творчества у Гоголя—фактъ крупнаго значенія для біографіи Гоголя, но съ этимъ признаніемъ далеко не уѣдешь, ибо біографія хочетъ отвѣтить на вопросъ, въ чемъ тайна.

Во всякомъ случаѣ, для изученія Гоголя сборникъ г. Каллаша не лишень извѣстнаго значенія, хотя бы потому, что онъ можетъ дать толчокъ для мысли и болѣе вдумчиваго отношенія къ писателю. П. Щ.

Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина. Десятая часть. Москва. 1902.

Десятая часть «Сборника» г. Щукина обильна интересными документами. Архивъ почтеннаго собирателя, очевидно, не только не истощается, но постоянно пополняется и даетъ ему возможность обогащать нашу историческую литературу весьма важными и разнообразными источниками. Мы затрудняемся перечислить всѣ заслуживающіе вниманія матеріалы, напечатанные въ десятой части; это заняло бы слишкомъ много мѣста, и потому ограничимся лишь указаніемъ на наиболее любопытные.

«Воспоминанія о холерѣ въ Москвѣ въ 1830 году» архитекторскаго помощника Бокарева заключаютъ въ себѣ немало бытовыхъ чертъ, рисующихъ тяжелое время, которое переживала тогда Москва, отношеніе жителей къ эпидеміи и принятыя для борьбы съ нею административныя мѣропріятія. «Рапортъ директора медицинскаго департамента Пеликана военному министру» подробно

излагають произведенные у насъ, въ 1847 году, первые опыты хлороформирования операционныхъ больныхъ въ госпиталѣхъ; ранортъ этотъ былъ представленъ императору Николаю I, сдѣлавшему на немъ собственноручную надпись: «весьма любопытно». Интересно «Письмо императора Александра I къ великой княгинѣ Аннѣ Федоровнѣ» 6-го января 1820 года, въ которомъ онъ увѣдомляетъ ее о содержаніи поданнаго великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ прошенія въ синодъ о разводѣ съ ней, въ виду ихъ 19-ти-лѣтней разлуки и нежеланія великой княгини возвратиться въ Россію, при чемъ Александръ I убѣждаетъ ее подчиниться рѣшенію синода, обѣщаетъ ей свое покровительство и обезпеченіе ея матеріальнаго благосостоянія. Чрезвычайно любопытны въ бытовомъ отношеніи «Воспоминанія объ обществѣ танцоровъ поневоль», существовавшее въ Петербургѣ въ 1830-хъ годахъ, главная цѣль котораго состояла, кромѣ пріятнаго и веселаго времяпровожденія, въ обязательномъ «волокетствѣ за театральнѣй женщиной». Странное названіе свое общество получило потому, что члены его, слышавъ гдѣ бы то ни было, мотивъ изъ балета «Волшебная флейта», обязаны были непременно плясать; если же этого почему либо нельзя было дѣлать, должны были шевелить въ тактъ головой, ногой, рукой и хоть однимъ пальцемъ. Главой общества, подъ именемъ архимандрита, состоялъ извѣстный впоследствии начальникъ репертуарной части императорскихъ театровъ, П. С. Федоровъ. Въ «Воспоминаніяхъ» разсказывается множество анекдотовъ изъ театральной жизни того времени. Любопытны письма къ декабристу Д. И. Завалишину: Имберга, Львова, Шестунова, Ядринцева, Петрашевскаго, касающіяся сибирскихъ порядковъ при графѣ Муравьевѣ-Амурскомъ и его преемникѣ Корсаковѣ; оба эти администратора очерчиваются съ крайне невыгодной стороны, при чемъ подробно объясняются причины гоненій, воздвигнутыхъ на Львова и Петрашевскаго, неустанно обличавшихъ злоупотребленія администраціи. Много свѣдѣній, освѣщающихъ то или другое событіе, разсѣяно въ письмахъ Сперанскаго, адмирала Крузенштерна, П. П. Пущина, графа Муравьева-Амурскаго (1863—1864 годовъ), князя П. А. Вяземскаго, Н. А. Муханова, Шахова, Свинына, Булгарина и др. Интересно прошеніе московскому генералъ-губернатору князю Голицыну разорившагося богача кушца Варгина, описывающаго обстоятельства, сопровождавшія его разореніе; донесеніе о курьезной льдинѣ, привезенной съ Волги въ нижегородскій архіерейскій домъ въ 1823 году; отрывки изъ дневника графа Закревскаго въ бытность его генералъ-губернаторомъ въ Финляндіи и т. д.

Изъ сдѣланнаго нами поверхностнаго перечня содержанія десятаго тома «Уборника» г. Щукина можно видѣть, сколько новыхъ и любопытныхъ свѣдѣній заключается въ немъ, и какую услугу отечественной исторіографіи оказываетъ издатель обнародованіемъ имѣющихся у него матеріаловъ. Прискорбно, что при такомъ капитальномъ изданіи не прилагается «указатель личныхъ именъ», безъ котораго пользованіе имъ представляетъ чрезвычайныя затрудненія и непроизводительно отнимаетъ у занимающихся массу времени.

С. Ш.

Историческій очеркъ Ярославскаго Леонтьевскаго прихода съ 18 рисунками и 4 планами. Священника Селиверста Соколова. Ярославль. 1901.

Описаніе Ярославскаго Леонтьевскаго кладбища, какъ значится на обложкѣ книги о. Соколова, входитъ въ составъ III выпуска трудовъ Ярославской архивной комиссіи, которая послѣ изданія своей 2-й книжки въ 1892 году до настоящаго времени хранила глубокое молчаніе, занимаясь болѣе общественною, чѣмъ археологическою дѣятельностью, и лишь изрѣдка напоминая о своемъ существованіи тощими брошюрками.

Въ данномъ случаѣ трудъ о. Соколова является «капитальнымъ» вкладомъ въ матеріалы изданія этой комиссіи и единственной исторической статьёй, украшающей 3-й выпускъ.

Историческая часть труда о. Соколова очень обстоятельна, и онъ широко воспользовался официальными документами. Леонтьевскій приходъ въ Ярославлѣ существовать очень давно, и «попъ этого прихода Кирилль вмѣстѣ съ своими духовными дѣтьми въ 1608 году клялся вѣрностью Самозванцу» (стр. 2). Послѣ большого пожара 1768 г. этотъ приходъ, находившійся въ центрѣ города, былъ уничтоженъ, и кладбище переведено за городъ, а «духовной командѣ Леонтьевской церкви» было приказано храмъ разломать и перенести на кладбищенское мѣсто (51). Послѣ разломки церкви остался кирпичъ, но его куда-то дѣвать назначенный свѣтской властью смотрителемъ засѣдатель верхняго земскаго суда коллежскій совѣтникъ Говорковъ, и вотъ, когда стали строить церковь, то причтъ и староста «сказкою показали», что ни единого кирпича и ни единой конейки отъ Говоркова не получили (64). Завязалась перешнека, и въ концѣ концовъ «приказъ общественнаго призрѣнія оплатился 400 тысячами кирпича и немалымъ количествомъ суммы, а Говорковъ по-скору произведенъ въ статскіе совѣтники и кавалеры» (65).

Своимъ устройствомъ Леонтьевскій храмъ всецѣло обязанъ губернатору Кашкину, который въ 1788 году повелъ это дѣло такъ энергично, что «соживунце въ Ярославлѣ, сдѣлавъ добрую складчину, и при содѣйствіи приказа церковь построили менѣе чѣмъ въ три года».

Описывая кладбище, о. Соколовъ приложилъ списокъ надгробныхъ надписей, частью заимствованный имъ изъ рукописи Лѣствицина, частью же списанный имъ самимъ съ надгробій. Затѣмъ онъ помѣтилъ также списокъ лицъ, наиболѣе извѣстныхъ въ Ярославлѣ и погребенныхъ на этомъ кладбищѣ. Списокъ этотъ далеко не полонъ, и надо пожалѣть, что при составленіи его о. Соколовъ не принялъ за образецъ изданія П. П. Бартенева «Петербургскій Некрополь» (приложеніе къ «Русскому Архиву» 1883 г.).

Что касается авторитетическихъ рисунковъ съ видами часовенъ и памятниковъ надъ могилами богатыхъ купцовъ и другихъ ярославскихъ гражданъ, то они едва ли заслуживаютъ быть напечатанными въ трудахъ ученой комиссіи, такъ какъ не представляютъ никакого историческаго значенія; сдѣлано это, вѣроятно, лишь изъ практическихъ соображеній.

Въ XIV главѣ о Соколовъ сообщаетъ о Леонтьевской церковно-приходской школѣ для дѣтей школьнаго возраста, при чемъ заявляетъ, что школа эта должна имѣть здѣсь «особое миссіонерское значеніе, какъ противовѣсь находящейся рядомъ съ кладбищемъ Андроніевой раскольнической пустыни». Можетъ ли преподаваніе въ школѣ служить миссіонерскимъ цѣлямъ, — судить объ этомъ предоставляемъ автору, дальнѣйшія же заключенія и выводы его относительно раскольниковъ съ выпиской изъ консисторскаго дѣла (171 стр.) крайне нежелательны и даже едва ли удобны при условіи поощренія ихъ въ трудахъ архивной комиссіи, задачами которой, во всякомъ случаѣ, должны быть возможно безпристрастное освѣщеніе и оцѣнка историческихъ фактовъ.

А. Е.

Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Ал. Лазаревскаго. Томъ III. Полкъ Прилуцкій. Кіевъ. 1902.

Какъ и въ первыхъ двухъ томахъ матеріаловъ для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія лѣвобережной Малороссіи, мы видимъ, относительно территоріи Прилуцкаго полка, что здѣсь въ XV вѣкѣ несомнѣнно существовали слѣдующія населенныя мѣстности: г. Прилука, волость Торговицкая и село Салеборъ. Другихъ населенныхъ мѣстъ на этой территоріи — за время до конца XVI вѣка — мы не находимъ, по крайней мѣрѣ, по свѣдѣніямъ до сего времени обнаруженнымъ. Но слѣдуетъ полагать, что если въ XV вѣкѣ существовали Прилуки и Торговицкая волость, то существовали тутъ же и другія поселенія, весьма вѣроятно, Переволочна, Монастырище, Гайворонъ, Крапивное, Красный Колодинъ, Зябное.

Несомнѣнно, однакоже, что въ XVI вѣкѣ ни Прилука, ни Торговицкая волость болѣе не существовали. Изъ грамоты Стефана Баторія 1578 года Балбузѣ «на пустыню р. Удай» видно, что никакого замѣтнаго поселенія тутъ уже не было, а о Торговицкой волости прямо говорится (въ началѣ XVII вѣка), что она «лежитъ впустѣ». Для объясненія этого факта можно предположить, что поселенія, существовавшія здѣсь въ XV вѣкѣ, въ XVII вѣкѣ не существовали потому, что были разорены Менгли-Гиреемъ, при его нашествіи на Южную Русь, въ самомъ концѣ XV вѣка. Къ сожалѣнію, никакихъ подробностей объ этомъ нашествіи въ обнаруженныхъ доселѣ русско-польскихъ памятникахъ не имѣется, и лишь можно предполагать, что это нашествіе по своимъ послѣдствіямъ было ужаснѣе Батыева...

По вопросу о землевладѣніи мы видимъ щедрую раздачу маетностей, главнымъ образомъ, въ первой половинѣ XVIII вѣка, при чемъ эта раздача дошла до того, что уже въ 1752 г. гетманъ, графъ Разумовскій, не можетъ найти въ Прилуцкомъ полку, для генеральнаго обознаго Якубовича, какого нибудь одного села, а даетъ ему 44 двора въ трехъ селахъ, т. е. даетъ остатки изъ бывшаго запаса маетностей. Въ то же время продолжается усиленная «купля» казачьихъ земель и увеличеніе массы подсосѣдковъ, число хатъ которыхъ въ 1780 году составляетъ 3.932 на общее ихъ количество 26.031. Для исторіи

управленія Прилуцкій полкъ даєть такія типическія личности полковниковъ, какъ Дмитрій Горленко и Игнатій Галаганъ.

Пользуясь особою пріязнью Мазены, Дмитрій Горленко по свидѣтельству близкаго къ нему челоѣка и его преемника по уряду, распорядился всѣми полчанами, какъ своими подданными. Самовластіе Игнатія Галагана опиралось сначала—на тенденціи высшаго правительства умалить гетманскую власть, а затѣмъ—на благосклонномъ отношеніи къ Галагану тѣхъ генераловъ, которые управляли Малороссією послѣ смерти Апостола.

Можно сказать, что прилуцкіе полковники, начиная съ Дмитрія Горленка и кончая Григоріемъ Галаганомъ (сыномъ Игнатія), распорядились въ полку почти безконтрольно. Произволь полковниковъ рождалъ произволь и сотниковъ; тѣ жестокости, которыя позволяли себѣ сотники Андрей Горленко, Николай Тропына и Андрей Барановскій; повидимому, вовсе не поражали тогдашняго общества. Г. Лазаревскій попрежнему заботился, въ описаніи своемъ, представить живыхъ людеѣ въ тогдашней ихъ домашней и общественной обстановкѣ.

Относительно отдѣльныхъ лицъ изъ старшины большой и малой мы нашли свѣдѣнія, дающія возможность довольно полно представить себѣ ихъ положеніе въ обществѣ.

Книга г. Лазаревского превосходно составлена, преимущественно по архивнымъ матеріаламъ и даєть новое освѣщеніе исторіи Малой Россіи. Будемъ ожидать съ нетерпѣніемъ выхода исторіи остальныхъ семи полковъ, и тогда только можно будетъ приступить къ полной исторіи Малороссіи, до послѣднихъ дней ея существованія. Книга недурно издана, только напрасно въ фамиліяхъ сдѣланы сокращенія.

М.

Путешествіе братьевъ Грумъ-Гржимайло по Западному Китаю. Обработано М. Лялиной. Спб. 1902.

Братья Г. Е. и М. Е. Грумъ-Гржимайло извѣстны своими изслѣдованіями азіатскаго района, длиною почти 8 тысячъ верстъ, отъ русской границы вдоль восточнаго Тянь-Шаня и поперекъ Нань-Шаня въ долину Желтой рѣчки. Специальное описаніе путешествія ихъ по Западному Китаю мало доступно публикѣ, и, кромѣ того, оно еще не закончено. Однако, при помощи отдѣльныхъ отчетовъ, въ дополненіе къ первымъ трудамъ путешественниковъ, г-жѣ Лялиной удалось составить популярную книгу объ ихъ путешествіи по Западному Китаю и снабдить книгу рисунками и картой. Г-жа Лялина не новичекъ въ области подобнаго рода труда, о чемъ свидѣлствуютъ ея прежнія работы по описанію Азии, составленныя на основаніи оригинальныхъ трудовъ Сѣверцова, Пржевальскаго, Потанина и др. Текстъ изданной теперь книги о Западномъ Китаѣ читается съ живымъ интересомъ. Песчанья и горныя пустыни, съ сайгами и дикими лошадьми, съ охотою за ними и опасностями при перевалахъ черезъ горы къ Китаю то отъ китайцевъ, то отъ кочевниковъ, описаны прекрасно, несмотря на то, что путевыя картины по Азии у всѣхъ путешественниковъ часто повторяются. Изъ бытовыхъ особенностей китайской жизни

брата Грумъ-Гржимайло отмѣчаютъ любопытное наблюдёніе, что «ѣда— это своего рода культъ для китайца. Существуетъ китайская поговорка: сытый уменъ, а голодный дуракъ; поэтому для китайца нѣтъ пріятнѣ комплимента, какъ если про него скажутъ: этотъ человѣкъ умѣетъ поѣсть, что въ то же время значитъ: этотъ человѣкъ уменъ. Китайцы очень неразборчивы въ пищѣ. Цикады, сверчки, саранча, земляные черви употребляются, какъ съѣдобные продукты; нѣкоторые породы кошекъ и собакъ считаются лакомымъ блюдомъ. Зато китайцы не выносятъ ничего молочнаго и не любятъ говядины. Много времени удѣляетъ китаецъ трактиру, но еще больше базару и улицѣ. Многолюдство улицъ производитъ прямо ошеломляющее дѣйствіе на иностранца, который, видя себя въ такой сутолокѣ, дѣлаетъ зачастую невѣрные заключенія о населенности города. Домашняя обстановка китайца вовсе не приурочена къ тихой жизни въ семейномъ кругу. Женщина принижена до положенія рабыни, что создаетъ рознь въ интересахъ супруговъ и отсутствіе нравственныхъ узъ между ними».

Заключеніе нашихъ путешественниковъ о Западномъ Китаѣ прямо безотрадно. «Объ древнѣйшія азіатскія культуры, китайская и иранская, давно уже стали клониться къ упадку. Этими народамъ-старцамъ уже не под силу въ настоящее время выдѣлнить изъ среды своей что нибудь гениальное или создать грандіозное. Роль ихъ сыграна безвозвратно. Старый строй жизни уже не поддается измѣненіямъ, и, какъ засохшій организмъ, онъ легче ломается, чѣмъ изогнется въ желаемомъ направленіи. Но страны, служившія нѣкогда колыбелью этихъ культуръ, и до сихъ поръ еще хранятъ столько памятниковъ былого, что уже по этимъ реликвіямъ легко себѣ составить понятіе о каждой изъ нихъ. Вся передняя Азія наполнена развалинами, отмѣченными гениемъ народовъ, возводившихъ эти постройки, и такая же масса развалинъ, хотя и позднѣйшаго происхожденія, переполняетъ Китай».

А. Фаресовъ.

Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія. Соч. В. Кеннингема. М. 1902.

Англійскій историкъ и профессоръ Кеннингемъ извѣстенъ своимъ капитальнымъ трудомъ по исторіи торговли и промышленности въ Англіи. Теперь выходитъ его другой трудъ, весьма интересный, въ которомъ авторъ разсматриваетъ всю западную цивилизацію съ экономической точки зрѣнія. По-русски, пока, имѣемъ первый томъ его труда. Здѣсь выяснены основы культуры древнихъ вѣковъ съ точки зрѣнія экономической. Трудность такого рода изслѣдованій вполнѣ понятна, если вспомнить, какъ запутаны, мало извѣстны и туманны данныя по экономической исторіи древности.

Первый томъ труда Кеннингема состоитъ изъ трехъ книгъ. Въ первой изъ нихъ изложена очень отчетливо исторія Египта, Іудеи и Финикій, какъ главныхъ источниковъ экономической культуры Греціи. Вторая книга излагаетъ греческую культуру, третья— римскую и византійскую.

Историкъ указываетъ сначала на то, что его главная мысль—выяснить точки соприкосновенія между различными обществами, а также разсмотрѣть вліяніе одного общества на другое. Онъ находитъ въ странахъ, расположенныхъ вокругъ Средиземнаго моря, непрерывную традицію цивилизованной жизни. Традиція эта переносилась изъ Египта въ Финикію, изъ Финикіи въ Карфагена въ Грецію и Римъ, изъ Константинополя въ Италію и Францію. Онъ исключаетъ кочевые народы, начиная свое изслѣдованіе съ осѣдлыхъ народовъ.

Источники западной цивилизаціи авторъ находитъ въ Египтѣ и Финикіи. Онъ разсматриваетъ физическія особенности Египта. Величіе Египта основывалось на чрезвычайномъ богатствѣ продуктовоѣ—на плодородіи его почвы и обиліи минеральныхъ богатствъ. Вотъ основа, по мнѣнію автора, преуспѣянія націи. Это богатство послужило основаніемъ, на которомъ въ разныхъ формахъ въ разныя времена строилось благосостояніе Англіи. Но, съ другой стороны, каковы бы ни были естественныя богатства страны, если нѣтъ политической твердости и политической силы, чтобы направлять энергію или поддерживать благоприятныя условія для обнаруженія энергіи другими, то и богатства естественныя средства могутъ истощиться; они создаютъ благоприятную почву для высокой и развитой цивилизаціи, но они не могутъ произвести или поддержать ее. Такимъ образомъ, разсуждаетъ авторъ, продолжительность цивилизаціи Египта и ея блестящій расцвѣтъ приводятъ насъ къ этимъ двумъ важнѣйшимъ выводамъ. Значеніе культуры египетской для послѣдующихъ государствъ очень велико. Разсматривая промышленное вліяніе Египта, авторъ говоритъ, что Египетъ развилъ почти все виды промышленности: лишь въ немногіе изъ нихъ финикіяне внесли существенное улучшеніе; но великое право финикіяне на память потомства заключается въ томъ, что они явились пионерами въ морскихъ предпріятіяхъ и въ колонизаціи на Средиземномъ морѣ. Они дали лучшимъ людямъ примѣръ для подражанія. Мы не можемъ также не поблагодарить ихъ за урокъ, которымъ можетъ служить ихъ паденіе: мы можемъ легко замѣтить внутреннюю слабость и недостатки великой промышленной цивилизаціи, которая для своего сохраненія должна опираться на продукты отдаленныхъ странъ.

Относительно того, каковы способности евреевъ, по мнѣнію историка, не можетъ быть спора, все равно, дадимъ ли мы имъ похвальное названіе дѣловитости или заклеимъ ихъ какимъ нибудь болѣе суровымъ названіемъ. Они не посвящали себя промышленнымъ занятіямъ, не обнаруживали предпримчивости, которая открываетъ новые рынки или толкаетъ на новые пути, они терпѣливо шли болѣе низкими путями торговой дѣятельности, въ качествѣ мелкихъ лавочниковъ и маклеровъ; временами они достигали богатства и высокаго положенія, благодаря умѣнію, съ которымъ они исполняли административныя должності, и выказывали себя вѣрными слугами правительства. Сферы дѣятельности, которой они предались впоследствии въ качествѣ чужеземцевъ, были именно тѣ сферы, которыя привлекали ихъ въ эпоху блеска и славы Соломона.

Не останавливаясь на трудномъ вопросѣ о путяхъ, которыми шла цивилизація въ эти давнія времена, Кеннингемъ переходитъ отъ Востока къ Греціи

и греческимъ колоніямъ. Чрезвычайно хорошо выяснена историкомъ связь Греціи съ Финикіей и Египтомъ и освѣщены заслуги Греціи. Авторъ говоритъ, что исторія экономическаго развитія греческаго міра даетъ намъ въ мініатюрномъ видѣ исторію міра. Мы видимъ переходъ отъ натурального хозяйства къ денежному, ростъ или видоизмѣненіе трехъ главныхъ типовъ соціальной организаціи при денежной системѣ. Такого же рода переходъ постоянно встрѣчался въ одной странѣ вслѣдъ за другой и имѣлъ мѣсто всякій разъ, когда новыя страны попадали въ кругъ правильнаго торговаго обмѣна. Новый типъ соціальной организаціи не созданъ до сихъ поръ; хозяйство, городъ и до нѣкоторой степени царство—каждое съ своими собственными экономическими особенностями—входятъ въ кругъ практики грековъ, и до сихъ поръ мы не переросли ихъ. Римляне, христіанская церковь, эпоха открытій и вѣкъ изобрѣтеній, видоизмѣнили старые институты, но не ниспровергли ихъ. Главные вопросы хозяйственной, городской и государственной экономики, повторяющіеся вновь и вновь, всѣ были извѣстны грекамъ. Авторъ говоритъ даже о томъ, что экономическая литература грековъ нисколько не утратила своего значенія: Ксенофонтъ и Аристотель и теперь очень важны, и за Ксенофонтомъ слѣдовали другіе. Кеннингемъ приходитъ къ тому выводу, что многія страны, заявившія позднѣе выдающееся мѣсто, въ своихъ экономическихъ судьбахъ развивались независимо. Но также видно, говоритъ онъ, что Антиохія, Александрія, Марсель и другіе центры греческой цивилизаціи никогда не исчезали, и греческая традиція передавалась изъ вѣка въ вѣкъ. Мы не можемъ установить предѣловъ, въ которыхъ распространялось ея дѣйствіе. Тамъ и здѣсь звеня связи между новой и классической цивилизаціей достаточно ясны. Но не слѣдуетъ игнорировать косвенной зависимости, которую можно прослѣдить только опущью. Подобно тому, какъ всѣ дороги вели въ Римъ въ дни его могущества, такъ, изслѣдуя происхожденіе нашей разнообразной жизни въ современномъ мірѣ, мы видимъ, что всѣ пути изысканія ведутъ насъ назадъ въ Грецію.

Распространеніе греческой цивилизаціи совершалось двумя путями: благодаря завоеваніямъ Александра и его полководцевъ, а также благодаря дѣятельности римлянъ послѣ того, какъ они уничтожили своего опаснаго соперника—Карфагенъ.

Авторъ останавливается на различіи между развитіемъ Рима и Афинъ, указываетъ на слѣдствіе войнъ въ Италіи, источившихъ страну, описываетъ положеніе провинцій, роль откупщиковъ, и даетъ яркую картину паденія Римской имперіи, останавливаясь на послѣднихъ императорахъ. Кеннингемъ называетъ это время—утратой экономической свободы. «Гнетъ государственныхъ налоговъ былъ, говоритъ онъ, одной изъ главныхъ причинъ, вызвавшихъ тѣ перемѣны въ строеніи общества, которыя произошли въ это время. Обязанности чиновника, вмѣсто того, чтобы дать подходящія условія для выгоды, налагали тяжелую отвѣтственность, и нужно было заставлять людей братья за нихъ. Тяжелый характеръ ограниченій, которыя накладывались мало-по-малу на декуріоновъ, сказался въ Феодосіевомъ кодексѣ, содержавшемъ около двухсотъ статей, посвященныхъ этому предмету. Сынъ декуріона былъ связанъ куріей; ему не позволялось выбирать себѣ профессій—такихъ, какъ служба

въ арміи или въ церкви—которыя могли помѣшать исполненію куріальныхъ обязанностей. По отношенію къ самымъ почтеннымъ классамъ въ имперіи была уничтожена экономическая свобода. Даже свободѣ передвиженія были поставлены препоны. Декуріонамъ запрещалось предпринимать какія бы то ни было поѣздки для того, чтобы не лишать курію своихъ услугъ; по той же причинѣ имъ было запрещено покидать города и жить въ деревнѣ». Подобнымъ же образомъ были лишены личной независимости и ремесленные классы, хотя въ этомъ случаѣ утрата свободы соединялась скорѣе съ отвѣтственностью по уплатѣ налоговъ, чѣмъ съ отвѣтственностью по службѣ.

Дѣйствительно, такая система организациі труда, которая закрѣпляла сборъ налоговъ, служила опаснымъ тормазомъ для промышленнаго прогресса. Но Кеннингемъ не ограничивается только этой стороной. Онъ касается и положенія крестьянина, говоря, что перемѣны подобнаго же рода произошли и въ землевладѣніи. Повидимому, *colonus*, какимъ мы знаемъ его въ первомъ вѣкѣ нашей эры, былъ свободенъ въ экономическомъ отношеніи; онъ, повидимому, бралъ въ аренду землю на опредѣленный періодъ времени и по истеченіи этого періода могъ покинуть ее, и такъ какъ онъ платилъ ренту днягами, то лично онъ былъ свободенъ. Изъ этого положенія онъ, повидимому, попалъ въ положеніе раба, который былъ навсегда прикрѣпленъ къ землѣ и платилъ ренту трудомъ и натурой. Такая рѣшительная утрата свободы крестьяниномъ зависѣла отъ тяжелой задолженности его.

Съ упадкомъ частной предпріимчивости и въ городскихъ, и въ сельскихъ округахъ государство почувствовало необходимость приложить двойныя усилія для организациі промышленныхъ предпріятій. Это было особенно необходимо для обезпеченій достаточнымъ количествомъ продовольствія и Рима, и крупнѣйшихъ провинціальныхъ городовъ. Главнымъ образомъ, при этомъ имѣлась въ виду поставка оружія и военной аммуниціи, но имѣлись также въ виду предметы роскоши для императорскаго дворца. Трудъ возлагался на преступниковъ, рабовъ и вольноотпущенныхъ. Въ Римской имперіи, которая поддерживалась огромной арміей, не было настоящаго поля для законнаго честолюбія лояльныхъ гражданъ, полководецъ могъ произвести съ успѣхомъ революцію, но для нечиновныхъ классовъ не было поприща. Потерю энергіи можно отчасти приписать дѣятельности администраціи, которая заставляла населеніе опираться на Цезаря во всѣхъ дѣлахъ обыденной жизни и способствовала упадку духа муниципальной самопомощи. Населеніе утрачивало интересъ къ общественной жизни; люди пережили древній подъемъ духа и энтузіазмъ, и ничто не явилось на смѣну для того, чтобы дать толчекъ индивидуальной энергіи или жаждѣ жизни.

Не было никакой надежды вдохнуть энергію или оживить предпріимчивость, и постепенный упадокъ окончился крайней степенью паденія. Возрожденіе наступило, но лишь послѣ столѣтій горя, и когда явилось христіанство, цивилизація своимъ возрожденіемъ была обязана новымъ вліяніямъ, и осуществлялась она при помощи учреждений, отличавшихся по характеру отъ тѣхъ, которымъ принадлежала главная роль въ античной жизни. Таковы, повидимому, были главныя причины паденія имперіи.

Основы античной культуры сохранила Византия, и въ этомъ ея великая роль. Таковы мысли любопытнаго, можетъ быть, не всегда обоснованнаго, труда англійскаго историка.

Г. С.

Гаррисонъ. Оливеръ Кромвель. Москва. 1902.

Биографія эта была написана Гаррисономъ для англійскаго изданія «Двѣнадцать англійскихъ государственныхъ дѣятелей» и первый разъ появилась въ печати въ 1888 г. Съ этого времени обширная литература о Кромвелѣ обогатилась еще изслѣдованіями Чёрча, Броша и Морлея, но наибольшимъ распространениемъ все-таки пользуется книга Гаррисона, которая выдержала уже шесть изданій (последнее въ 1894 г., съ котораго и сдѣланъ русскій переводъ).

Такой успѣхъ книги объясняется интересомъ содержанія и полнотою изслѣдованія. Цѣль англійскаго изданія дать читателю подробное описаніе жизни и дѣятельности лицъ, имѣвшихъ влияние на складъ англійскихъ учреждений и на ходъ политики.

Достоинство книги Гаррисона главнымъ образомъ въ томъ, что въ ней «біографія» написана неразрывно съ эпохой, такъ что читатель, совершенно незнакомый съ исторіей революціи, вполне уяснитъ себѣ духъ эпохи, и дѣятельность Кромвеля будетъ для него неизбѣжнымъ слѣдствіемъ.

Объективность при описаніи духа эпохи не совсѣмъ выдержана въ описаніи дѣятельности Кромвеля, и есть мѣста, гдѣ авторъ, желая ничѣмъ не омрачить его дѣятельности, прибѣгаетъ къ неточности изложенія. Такъ, напримѣръ, причиною распущенія Долгаго парламента по Гаррисону оказывается столкновение Кромвеля и арміи—сторонниковъ полной религіозной свободы, съ парламентарскою партіей, яко бы стремящейся къ религіозной нетерпимости.

Въ описаніи личнаго характера Кромвеля, въ вопросѣ о честолюбіи, авторъ немного погрѣшилъ. «Кромвель чрезвычайно медлить въ повышеніи своихъ собственныхъ сыновей и ничего не сдѣлалъ съ цѣлю выдвинуть впередъ частные интересы своей семьи», а черезъ нѣсколько страницъ читаемъ, что Ирландія въ теченіе 10-ти лѣтъ не имѣла другихъ правителей, кромѣ Оливера, «его двухъ зятяевъ и сына». «Кромвель опредѣленно не назначилъ себѣ преемника,— пишетъ Гаррисонъ,— онъ слишкомъ хорошо знаетъ, что послѣ его смерти ничто изъ того, что онъ могъ бы теперь сдѣлать, не спасло бы дѣла», а между тѣмъ по другимъ источникамъ оказывается, что Кромвель «незадолго» до смерти назначилъ своимъ преемникомъ сына Ричарда, который черезъ полгода послѣ смерти отца долженъ былъ отречься отъ протекторства вълѣдствіе своей ничтожности и малоспособности.

Русская литература о Кромвелѣ очень бѣдна, и переводъ этой книги является цѣннымъ вкладомъ въ нашу популярную историческую бібліотеку. Къ сожалѣнію, переводъ сдѣланъ небрежно.

В. І.

Towarzystwo królewskie przyjaciół nauk. 1800—1832. Monografia historyczna, osnuta na źródłach archywalnych przez Aleksandra Kraushara. Księga II. Czasy księstwa warszawskiego. 1807—1815. T. I—II. Z ilustracyami. Kraków—Warszawa. 1902. (Королевское общество друзей наукъ. 1800—1832. Историческая монографія, обоснованная на архивныхъ источникахъ. Александра Краусгара. Книга вторая. Времена княжества Варшавскаго. 1807—1815. Томы 1-й и 2-й, съ иллюстраціями. Краковъ и Варшава. 1902).

Мы отмѣтили въ свое время на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (1901 г., мартъ) выходъ въ свѣтъ первой книги обширнаго труда, предпринятаго г. А. Краусгаромъ, подъ приведеннымъ выше заглавіемъ. Въ настоящее время вышла вторая его книга, въ двухъ томахъ.

Описываемый авторомъ девятилѣтній періодъ времени, съ января 1807 года до конца декабря 1815 года, имѣлъ важное значеніе въ жизни варшавскаго общества друзей наукъ. Последнее не только признается въ глазахъ правительства терпимымъ, но получаетъ отъ него разныя привилегіи и даже возводится на степенъ королевскаго. Въ этомъ періодѣ начинается дѣятельность достопамятнаго Сташица (р. 1755 † 1826), ученаго и филантропа, въ качествѣ предсѣдателя общества. Труды Сташица носятъ на себѣ прежде всего характеръ практическій, направляясь къ удовлетворенію насущнѣйшихъ потребностей народа — умственныхъ и экономическихъ. Всѣ тѣ научные проекты, которые въ предыдущемъ періодѣ были лишь намѣчены, теперь, во времена княжества Варшавскаго, получаютъ свое осуществленіе. Монументальные труды: «Словарь польскаго языка («Słownik języka polskiego» — Богумила Линде), отечественная исторія отъ славянскихъ зачатковъ Польши до позднѣйшихъ временъ, въ рядѣ монографій царствованій королей, Историческія пѣсни («Spiewy historyczne» — Ю. У. Нѣмцевича), какъ средство популяризаціи той же исторіи, намѣреніе воздвигнуть памятники Копернику въ Торнѣ и Варшавѣ, наконецъ, основаніе обширной бібліотеки и научныхъ коллекцій общества—всѣ эти огромнаго значенія предпріятія только теперь вступаютъ въ фазисъ дѣйствительности и въ свою очередь подають поводъ къ новымъ проектамъ, удачно осуществленнымъ въ послѣднемъ—наиболѣе продолжительномъ—періодѣ существованія общества.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и матеріалъ, которымъ пользовался авторъ, и относящійся къ исторіи помянутой эпохи, представляется наиболѣе обильнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, который былъ у него подъ руками при составленіи первой книги.

Въ предисловіи къ первому тому своей монографіи г. Краусгаръ предупреждаетъ читателя о своемъ желаніи придать своему труду характеръ исторической хроникки общества друзей наукъ. И въ данномъ случаѣ авторъ остается вѣрнымъ себѣ. Шагъ за шагомъ, на основаніи протоколовъ собраній общества и его ежегодниковъ (Roczników), г. Краусгаръ слѣдитъ за развитіемъ дѣятельности симпатичнаго ученаго учрежденія, не оставляя въ то же время

безъ вниманія и вѣшнихъ событій, поскольку ходъ послѣднихъ отражался на судьбѣ общества.

Многочисленныя превосходныя, подѣ часть рѣдкія, иллюстраціи: портреты членовъ-сотрудниковъ общества, виды Варшавы въ описываемую эпоху, отдѣльныхъ зданій и мѣстностей, въ какомъ либо отношеніи связанныхъ съ исторіею общества друзей наукъ, — заимствованныя изъ собраній: г. М. Берсона, князя Вл. Четвертинскаго, библиотеки орд. гр. Красинскихъ въ Варшавѣ, музей въ кн. Чарторьскихъ и гр. Чанскихъ, библиотеки Ягеллонской въ Краковѣ, и обширныя приложенія въ концѣ каждаго тома, содержащія копіи болѣе важныхъ и рѣдкихъ документовъ и писемъ, дополняютъ интересный текетъ трудолюбиваго изслѣдователя, занятаго въ настоящее время обработкою матеріала для послѣдующихъ пяти томовъ исторіи Towarzystwa przyjaciół nauk.

Г. А. Воробьевъ.

Das Gewerbe in Georgien unter besonderer Berücksichtigung der primitiven Betriebsformen von Dr. Philipp Gogitschaischwili. Tübingen. 1901.

Изслѣдованіе свое авторъ дѣлать, если не считать краткаго введенія, въ которомъ даются нѣкоторыя географическія и историческія свѣдѣнія о Грузіи, на три части, согласно тремъ экономическимъ формациямъ, которыя наблюдаются въ хозяйственномъ развитіи почти всѣхъ народовъ.

Въ первой части говорится о домашнемъ производствѣ въ связи съ семейнымъ хозяйствомъ, во второй — о различныхъ видахъ ремесленного производства и въ третьей — о капиталистическомъ производствѣ. Какъ указываетъ и заглавіе труда, главное вниманіе авторомъ обращается на первыя двѣ, болѣе «примитивныя формы производства» (вѣрнѣе, «формы хозяйства»).

Извѣстно, что самой первичной формой обрабатывающей промышленности было домашнее производство, которое и въ Грузіи имѣло свое многовѣковое прошлое. Въ настоящее время, однако, условія хозяйственной жизни Грузіи далеко не благопріятны для этой формы промышленнаго производства. Хозяйственная эволюція, ведущая къ высшимъ, болѣе сложнымъ формамъ производства, съ одной стороны, и другія болѣе общія причины, какъ-то: развитіе городовъ и торговли, русское правленіе, русско-турецкія войны, освобожденіе крестьянъ въ Грузіи (1864—1866 гг.), проведеніе закавказской желѣзной дороги и т. п., съ другой, способствовали уже съ начала XIX столѣтія развитію новыхъ формъ промышленнаго хозяйства. Развилось мѣновое хозяйство, съ появленіемъ котораго промышленность приняла форму ремесленного производства. Описавъ подробно натуральное (семейное) хозяйство грузинъ, организацию и технику труда въ этомъ хозяйствѣ и производимые главнымъ образомъ продукты, авторъ переходитъ къ ремеслу и его различнымъ видамъ.

Экономическая наука различаетъ два вида ремесла: работу по заказу (Lohnwerk) и производство на сбытъ (Preiswerk), изъ которыхъ первый въ своей неразвитой формѣ представляетъ какъ бы переходную ступень отъ домашняго производства къ ремеслу. Эта переходная ступень, въ свою очередь, разбивается на двѣ разновидности, представляющія собою высшую и низшую

формы этой ступени. Какъ повсюду, такъ и въ Грузіи, высшая форма ремесла развивалась все болѣе и болѣе, вытѣсняя другія менѣе совершенныя формы производства. Ремесло концентрировалось главнымъ образомъ въ городахъ; производи продукты почти исключительно для рынка, оно искало сбыта; возникли ярмарки и базары, и шире развились другія формы торговли—въ деревняхъ разносная (Hausieren), а въ городахъ—лавочная. Въ связи съ ремесленной организаціей промышленнаго хозяйства находится также появленіе и развитіе цеховыхъ союзовъ, регулируемыхъ раньше только обычнымъ правомъ, а съ половины XIX столѣтія и правительственнымъ законодательствомъ (распоряженія отъ 21-го октября 1859 года и отъ 5-го апрѣля 1867 года). Авторъ отводитъ особую главу описанію и характеристикѣ этихъ союзовъ.

Какъ извѣстно, въ Западной Европѣ ремесло, просуществовавшее все средніе вѣка вплоть до XVI и XVII столѣтій, получило смертельный ударъ отъ нарождавшейся новой хозяйственной организаціи, именуемой капитализмомъ. Вызванный ростомъ и дифференціаціей потребностей европейскаго общества, развитіемъ производительныхъ силъ, концентраціей богатствъ въ немногихъ рукахъ, расширеніемъ обѣма и рынка, улучшеніемъ путей сообщенія, размноженіемъ народонаселенія и цѣлымъ рядомъ второстепенныхъ причинъ и одухотворенный совѣтъ другимъ принципомъ, чѣмъ ремесло, капитализмъ пришелъ на смѣну ремеслу, гигантски увеличивая производительныя силы культурныхъ странъ и колоссально размножая ихъ богатства, революціонируя при этомъ общественный строй и производительныя отношенія. XIX вѣкъ ознаменованъ полнѣйшей побѣдой капитализма на Западѣ, его быстрымъ развитіемъ въ Россіи и, какъ видно изъ изслѣдованія г. Гогичайшвили, вторженіемъ его и въ Грузію. Онъ приходитъ въ общемъ къ заключенію, что, несмотря на значительные успѣхи капитализма и ростъ промышленности вообще, Грузія остается до сихъ поръ сельско-хозяйственной страной преимуществу. Число фабричныхъ рабочихъ и ремесленниковъ вмѣстѣ, напримѣръ, составляетъ только 2,08% всего населенія, а изъ 42.782 человекъ, занимающихся промышленнымъ трудомъ, на долю фабричныхъ приходится лишь 35%, между тѣмъ какъ остальные 65% приходится на ремесленниковъ. Даже то обстоятельство, что за періодъ отъ 1886 по 1897 г. городское населеніе во всей Грузіи увеличилось на 70,3%, въ то время какъ все населеніе возросло на 18,7%, а сельское—только на 12,9%, оставляетъ автора непоколебимымъ.

Кромѣ упомянутыхъ въ началѣ нашей замѣтки достоинствъ труда г. Гогичайшвили, нужно прибавить бросающееся въ глаза довольно широкое знакомство автора съ хозяйственной жизнью Кавказа, въ частности Грузіи, и съ ея особенностями.

А. Хах—овъ.

**Учебный географическій атласъ. 3-е изданіе А. Ф. Маркса.
Спб. 1902.**

Недавно вышелъ въ свѣтъ третьимъ исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ учебный географическій атласъ, составленный профессоромъ Э. Ю. Петри и состоящій изъ 48 главныхъ картъ, 137 дополнительныхъ картъ и чертежей на 47 таблицахъ.

Атласъ Э. Ю. Петри разошелся въ какихъ нибудь два года въ двухъ изданіяхъ, одобренный и рекомендованный разными вѣдомствами и введенный въ большей части учебныхъ заведеній. Въ настоящемъ третьемъ по числу изданіи, на ряду съ исправленіями и дополненіями, вызванными результатами новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій и происшедшими политическими переѣнами, издателемъ сдѣланъ цѣлый рядъ значительныхъ измѣненій и улучшеній на основаніи мнѣній, высказанныхъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и многими авторитетными лицами. Главнѣйшія измѣненія въ новомъ изданіи слѣдующія. Всѣ низменности до 200 метровъ надъ уровнемъ моря отмѣнены свѣтло-зеленою краскою, такъ что ученикъ съ перваго взгляда ихъ различить. Поверхности, покрытыя вѣчнымъ льдомъ или снѣгомъ, отмѣнены свѣтло-голубой краской. Таблицы третья и четвертая совершенно переработаны, такъ что полушарія земли могли быть увеличены, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, стали болѣе наглядными. На этихъ таблицахъ мы знакомимся съ сѣвернымъ звѣзднымъ небомъ, движеніемъ земли вокругъ солнца, съ эклипкою, съ солнечною системою, съ сравнительною величиною солнца и планетъ и съ наиболѣе характерными изъ нихъ (Марсъ, Сатурнъ): наибольшее вниманіе удѣляется лунѣ, какъ спутнику земли, и солнцу, въ особенности въ отношеніяхъ ихъ къ землѣ (нояса освѣщенія въ связи съ астрономическою сѣтью, затменія и т. д.). На таблицѣ четвертой подробно выясненъ весьма важный вопросъ о соотношеніи суши и воды. Вслѣдствіе все возрастающаго значенія Азіи, какъ для Россіи, такъ и для всего цивилизованнаго міра, этой части свѣта посвящены 2 карты: физическая (съ главнѣйшими областями стока) и политическая. Многія карты дополнены новыми желѣзнодорожными линіями и названіями горъ, рѣкъ, городовъ и т. п. Къ атласу приложены: оглавленіе, краткія указанія для учащихся и «методологическое введеніе», въ которомъ обстоятельно изложены тѣ основанія, которыми руководствовался составитель атласа, имѣвшій въ виду полную и разносторонность содержанія на ряду съ ясностью и краткостью карты и сколько возможно лучшимъ освѣщеніемъ наиболѣе выдающихся для описываемыхъ мѣстностей особенностей. Недорогая цѣна (2 рубля) атласа, прекрасно изданнаго, дѣлаетъ это изданіе весьма полезнымъ.

В. В.—овъ.

Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя. Хронологическій сборникъ критико-библиографическихъ статей. Часть 3-я. Собралъ В. Зелинскій. Изд. 2-е. М. 1902.

Ко дню пятидесятилѣтія со дня смерти Гоголя г. Зелинскій выпустилъ вторымъ изданіемъ третью часть своего сборника критическихъ статей о Гоголѣ. Г. Зелинскій извѣстенъ, какъ издатель цѣлага ряда критическихъ сборниковъ о нашихъ писателяхъ: Тургеневѣ, Островскомъ, Некрасовѣ, Пушкинѣ, Толстомъ и другихъ. Прекрасная мысль дать въ строго хронологическомъ подборѣ статей объ извѣстномъ авторѣ исторію его усвоенія обществомъ, къ сожалѣнію, плохо осуществляется. Г. Зелинскій не имѣетъ въ виду научныхъ цѣлей, по своему желанію выпускаетъ извѣстныя статьи, такъ что его книги

вовсе не являются полнымъ сводомъ всего писаннаго объ авторѣ. Изданная имъ третья часть сборника о Гоголѣ страдаетъ обычнымъ недостаткомъ его изданій. Она обнимаетъ періодъ съ 1843 по 1852 годъ, т. е. интереснѣйшій для Гоголя. Г. Зелинскій могъ бы перепечатать здѣсь всѣ статьи по поводу «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями». Полный сводъ этихъ статей значительно содѣйствовалъ бы уясненію исторіи этой странной книги. Но г. Зелинскій ограничился лишь немногими статьями. Онъ не помѣстилъ въ своей книгѣ писемъ Н. Ф. Павлова къ Н. В. Гоголю, напечатанныхъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1847 года и въ томъ же году перепечатанныхъ въ «Современникѣ». Бѣлинскій отводилъ этимъ письмамъ первое мѣсто среди статей о перепискѣ съ друзьями. Не напечатаны въ книгѣ г. Зелинскаго: рецензія «Библиотеки для Чтенія» (1847 г., № 80), дѣльная статья А. Губера въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», № 35, придирчивая статейка барона Розена «Ссылка на мертвыхъ» въ «Сынѣ Отечества» 1847 года и нѣкоторыя другія статьи. Почему-то напечатана всего одна статья А. Г. изъ «Московского Городского Листка», а ихъ было двѣ. Наконецъ, можно было бы добавить, что А. Г. — Аполлонъ Григорьевъ. Вообще нужно признать, что г. Зелинскій довольно небрежно отнесся къ своей задачѣ. Онъ безъ всякихъ измѣненій воспроизвелъ первое изданіе «Сборника», а слѣдовало бы, издавая ко дню чествованія памяти Гоголя, отнестись тщательнѣе къ этой работѣ и дѣйствительно дать цѣнный сводъ всѣхъ статей, писанныхъ о Гоголѣ, хотя бы въ періодъ съ 1842 по 1852 годъ. Подборъ статей не представляетъ затрудненій, ибо всѣ онѣ перечислены въ указателяхъ литературы о Гоголѣ; слѣдовательно, г. Зелинскому оставалось только аккуратно перепечатать эти статьи, но онъ не сдѣлалъ и этой ничтожной работы.

П. Щ.

О положеніи русскихъ инородцевъ. М. А. Мериопіева. Спб. 1901.

Книга г. Мериопіева содержитъ въ себѣ четыре статьи: 1) «Современное движеніе среди русскихъ инородцевъ», 2) «Критика отрицательныхъ началъ ислама, мѣшающихъ сближенію мусульманъ съ другими народами», 3) «Положеніе инородцевъ въ Сибири» и 4) «Положеніе инородцевъ въ Туркестанѣ». Особенное вниманіе читателя обращаютъ на себя двѣ первыя статьи: онѣ отличаются пріемами довольно странными—чтобы не сказать болѣе—и не допускаемыми въ литературныхъ произведеніяхъ, такъ какъ состоятъ не только изъ «критики» сочиненій «противниковъ» автора, но и въ рѣзкой и малопристойной полемикѣ съ ними. При этомъ г. Мериопіевъ полемизируетъ преимущественно съ лицами, уже умершими и не могущими, слѣдовательно, должнымъ образомъ отвѣчать ему на взводимыя на нихъ обвиненія. Въ то же время, онъ употребляетъ еще одинъ непохвальный пріемъ: въ своихъ полемическихъ статьяхъ, заключающихся въ книжкѣ, онъ не обмолвился ни однимъ словомъ о томъ, что его «противники» сошли уже съ жизненной сцены; онъ разговариваетъ съ ними, какъ съ живыми лицами, оставляя, въ этомъ отношеніи, читателя, какъ бы умышленно, въ полномъ заблужденіи. Такъ, напри-

мѣръ, обрушиваясь, въ первой статьѣ своей книги на покойныхъ писателей: Щапова, Шашкова, Ядринцева и другихъ, за ихъ разнорѣчивые съ авторомъ взгляды на «современное движеніе» среди нашихъ инородцевъ, г. Меропіевъ въ концѣ статьи говоритъ: «Между мною и указанными мусульманами съ гг. Семеновымъ и Ядринцевымъ лежитъ такая бездна, что о соглашеніи, пока, нельзя и думать; а потому я, не столько въ видахъ убѣжденія моихъ противниковъ, сколько въ видахъ ознакомленія русской образованной публики съ сущностью и нѣкоторыми подробностями инородческаго вопроса, задумалъ снова пересмотрѣть тѣ положенія, которыя были уже высказаны мною раньше, въ 1884 году».

Прочитавъ такую тираду, никому, конечно, не придетъ въ голову, что всѣ эти «господа» давно умерли, и что только по этой причинѣ последнее слово остается за авторомъ книги, продолжающимъ «убѣждать» ихъ, покойниковъ... А убѣждаетъ г. Меропіевъ довольно сурово: то и дѣло, напримѣръ, у него встрѣчаются такія фразы, обращенныя къ противникамъ: «трудно придумать что нибудь болѣе нелѣпое», «понимаютъ ли ясно гг. прожектеры (!) то, что говорятъ?»—и тому подобное... Всѣхъ больше достается покойному Н. М. Ядринцеву и Магомету (котораго г. Меропіевъ называетъ Мухаммедъ)...

Перечисляя статьи, которыя были написаны покойнымъ Ядринцевымъ въ его «Восточномъ Обзорѣннѣ» объ инородцахъ, г. Меропіевъ продѣлываетъ слѣдующіе приемы: онъ приводитъ изъ этихъ статей клочки и обрывки, а затѣмъ развязно дѣлаетъ свои резюме и выводы. Для примѣра укажемъ на слѣдующую «полемическую страничку». Г. Меропіевъ дѣлаетъ, напримѣръ, такую выписку изъ книги Ядринцева: «Дайте инородцу прежде всего описаніе его жизни, его кочевья, описаніе его племени, его нравовъ и его исторію,—пусть онъ увидитъ самого себя и то, что къ нему ближе, пусть онъ узнаетъ, что его племя совершило и что ему слѣдуетъ совершить»... «Въ заключеніе всѣхъ этихъ разсужденій, г. Ядринцевъ (говоритъ уже отъ себя г. Меропіевъ) высказываетъ сожалѣніе, что въ настоящее время очень мало инородцевъ обучается въ нашихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшаетъ себя надеждою, что мѣстный сибирскій университетъ привлечетъ къ себѣ представителей инородческой среды, и что снова явятся изъ сибирскихъ инородцевъ Банзаровы, Валихановы, Катановы и пр.».

Кажется, что преступнаго пожелалъ покойный Ядринцевъ въ этихъ, въ сущности, прекрасныхъ строкахъ своей книги «Сибирскіе инородцы»? Однако, вотъ что позволилъ себѣ высказать, вслѣдъ за этими строками, г. Меропіевъ: «Мнѣ кажется, говоритъ онъ, что на такихъ книгахъ, какъ «Сибирь, какъ колонія» и «Сибирскіе инородцы», неудобно (?) было бы и выставлять русскую фамилію автора ¹⁾, для котораго все инородческое, до религіозныхъ успѣховъ мусульманства и ламаизма включительно, близко и дорого сердцу, и

¹⁾ Такой рѣзкій отзывъ о сочиненіяхъ покойнаго Н. М. Ядринцева не помѣшалъ, однако, г. Меропіеву воспользоваться въ самомъ широкомъ размѣрѣ этими именно сочиненіями въ своей третьей статьѣ: «Положеніе инородцевъ въ Сибири», находящейся въ его книгѣ.

для котораго, наоборотъ, успѣхи русскаго дѣла, какъ, напримѣръ, обрусеніе инородцевъ и обращеніе ихъ въ православіе весьма несимпатичны и прямо нежелательны». «Само собою понятно, говоритъ далѣе г. Меропіевъ, что издававшаяся этимъ русскимъ ученымъ газета «Восточное Обозрѣніе» проводила постоянно тѣ же взгляды на инородческій вопросъ. Я долг о слѣдилъ за направленіемъ этой газеты (!) по интересующему меня вопросу и пришелъ къ заключенію, что она имѣетъ большое сходство съ крымской татарской газетой Гаспринскаго «Переводчикъ»: и мало носитъ на себѣ характера русскаго литературнаго органа» (стр. 65 и 66). Затѣмъ, какъ бы сомнѣваясь въ силѣ аргументаціи, г. Меропіевъ рѣшается тотчасъ же подкрѣпиться постороннимъ авторитетомъ: «Газета г. Ядринцева, говоритъ онъ, была заражена въ прежнее время въ значительной степени духомъ сепаратизма, какъ это однажды было справедливо замѣчено «Московскими Вѣдомостями» (1886 г., № 25)»... Извольте ли видѣть: г. Меропіевъ точно указалъ не только годъ, но даже и тотъ № почтеннѣйшей московской газеты, гдѣ его супротивникъ обвинялся въ «сепаратизмъ»...

Еще болѣе строго и немилостивъ г. Меропіевъ къ Магомету. Съ этимъ пророкомъ онъ уже совѣтъ не церемонится. Въ чемъ только онъ не обвиняетъ его, какихъ только интимныхъ сторонъ его жизни и его гарема онъ не касается!.. Попутно, немало достается и покойному философу В. С. Соловьеву, котораго г. Меропіевъ обвиняетъ въ «аналогіи ислама» и въ «объленіи» Магомета... (стр. 160 и 161). Между тѣмъ, по мнѣнію автора книги, если ужъ признавать его пророкомъ, то «нужно признать пророками не только Конфуція, Будду, но и всѣхъ нашихъ старообрядческихъ Аввакумовъ, сектантскихъ Селивановыхъ и другихъ разныхъ сумасбродныхъ религіозныхъ агитаторовъ» (стр. 97). Магометъ, по мнѣнію г. Меропіева, «былъ религіозный маниакъ» (стр. 124). Самый же коранъ, по опредѣленію автора, «прежде всего представляетъ изъ себѣ въ настоящее время (?) какое-то хаотическое смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ постановленій, наставленій и изреченій. Въ немъ нѣтъ никакого разумнаго порядка, ни систематическаго, ни хронологическаго, такъ какъ собиратель его, Зейдъ-ибнъ-Тсабитъ, расположилъ его такъ, что сначала идутъ длинныя главы, а затѣмъ короткія»... Женамъ Магомета и ихъ приключеніямъ въ книгѣ г. Меропіева отведено черезчуръ уже много мѣста: авторъ сообщаетъ даже «скабрёзные случаи изъ жизни гарема» пророка (стр. 117 и мн. др.)...

Книжка г. Меропіева—это сплошной курьёзъ. Сдѣланныхъ нами выписокъ. полагаемъ, вполне достаточно, чтобы понять, съ какимъ «ученымъ» мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло... и чтобы оцѣнить по достоинству и заслугамъ полемическіе приемы автора «Положенія русскихъ инородцевъ».

Ц.

А. Кирхенгеймъ. Вѣчная утопія. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1902.

Не было и нѣтъ еще такого народа, который бы считалъ свою политическую организацію совершенной. какъ бы ни были хороши его учрежденія. Всегда и вездѣ находились люди, которые, сталкиваясь съ запросами и вол-

неніями современной имъ жизни, на основаніи фактовъ вынуждены были отрицательно отнестись къ существующей организаціи политическаго строя. Невольно въ ихъ воображеніи создавались тины совершеннаго и блестящаго великолѣбіемъ государства. Такимъ образомъ порождалась неудовлетворенность, которая однихъ заставляла непосредственно «пересоздавать міръ»—дѣломъ, другихъ—распространеніемъ своихъ идей готовить людей къ стремленію создать возможное счастье. Для того же, чтобы ихъ ученіе было доступно всѣмъ, они излагали свои ученія въ формѣ романовъ, которые ихъ мечтаніямъ давали внѣшность реальности—появились политико-экономическіе романы. Изложенію и краткому разбору этихъ романовъ и посвящаетъ настоящую книжку Кирхенгеймъ.

Изученіе фантастическаго представленія о государствѣ онъ начинаетъ съ древней Греціи, ибо здѣсь впервые появились тѣ ученія, которыя впоследствии послужили главнымъ основаніемъ для утопистовъ. Основателемъ этого ученія является Платонъ съ своими произведеніями «Государство», «Законы» и «Критіасъ», въ которыхъ онъ пытается создать идеальное государство. На сѣбѣ ему выступаетъ Ксенофонтъ, съ своей «Киропедіей», послужившей образцомъ для лучшихъ историческихъ романовъ. Представителями противоположныхъ идей являются арабы и индійскіе мудрецы, которые политической идеѣ совершенно не придаютъ никакого значенія и счастье человѣка видятъ не въ благомолучіи общества, а въ благоденствіи отдѣльной личности.

Этимъ ограничиваются мечтанія древности о лучшемъ человѣчествѣ. Новая жизнь выдвигаетъ совершенно иные вопросы, и политическія мечтанія временно ступеньваются съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько столѣтій вспыхнуть съ большою силою. Въ XVII столѣтіи, когда снова несовершенство государственнаго строя и страданія людей начали обращать на себя вниманіе, появилось сочиненіе канцлера казначейства Том. Мора «О совершенномъ республиканскомъ строѣ и о новомъ островѣ Утопіи», отъ котораго всѣ послѣдующія произведенія съ подобной идеѣй получили названіе «Утопій». Само названіе сочиненія Т. Мора указываетъ на его идею создать современный строй. Затѣмъ слѣдуютъ утопіи Кампанеллы, который, по словамъ автора, является прародителемъ тѣхъ идей, носителями которыхъ въ XIX вѣкѣ явились Фурье и Бебель.

Здѣсь не мѣсто перечислять всѣхъ утопистовъ XVII и другихъ вѣковъ, политическіе вопросы и социальная жизнь все больше и больше выдвигаются на первый планъ, и пропорціонально этому все больше и больше появляется политико-экономическихъ романовъ. Утопіи уступаютъ мѣсто философской мысли и принимаютъ болѣе опредѣленную форму. Являются Руссо, Дидро, Оуэнъ, С. Симонъ, Фурье и многіе другіе. За послѣднее же время начинаютъ появляться романы болѣе легкаго содержанія, въ которыхъ излагается будущій социальный строй.

Въ заключеніе авторъ кратко излагаетъ содержаніе книги Теодора Герцка «Страна свободы», въ которой рисуется новое социальное государство, основанное на принципахъ науки и труда.

Переводъ книги Кирхенгейма сдѣланъ очень добросовѣстно, и мы съ удовольствіемъ можемъ рекомендовать эту книгу читателямъ. **В. Ивановичъ.**

Gedichte von K. M. Fofanoff. Gedichte von A. N. Maikow. Uebersetzung von Friedrich Fiedler. Leipzig. 1901.

Талантливый поэт-переводчик *Ф. Ф. Фидлер* продолжает знакомить нѣмецкую публику съ произведеніями нашихъ выдающихся поэтовъ. Давши переводы Пушкина, Лермонтова, А. Толстого, Некрасова и др., теперь онъ выпустилъ въ изданіи Редлама «Universal-Bibliothek» два новыхъ томика избранныхъ стихотвореній *А. Н. Майкова* и *К. М. Фофанова*. Эти переводы отличаются обычными достоинствами работъ г. Фидлера: сохраненъ вездѣ размѣръ подлинника, благодаря чему отлично передается мелодія оригинальнаго стиха; выраженія выбираются необыкновенно точно, такъ что иногда является почти буквальный переводъ, что нисколько не уменьшаетъ красоты и поэтичности нѣмецкаго текста. Вообще надо сказать, что подобными трудами *Ф. Ф. Фидлеръ* приноситъ огромную пользу не только нѣмецкой, но и русской литературѣ, спасая ея произведенія отъ безобразныхъ искаженій разныхъ неумѣлыхъ, недобросовѣстныхъ перелagateлей.

А. В.

М. Ю. Лахтинъ, прив.-доц. Краткій биографическій словарь знаменитыхъ врачей всѣхъ временъ. Изд. „Медицинскаго Журнала“. Спб. 1902.

За границей такіе словари въ большомъ распространеніи, и тамъ не только каждая страна, но даже каждая провинція, имѣетъ подобныя спеціальныя изданія. Въ Россіи же медицинскихъ биографическихъ словарей имѣется только одинъ, составленный докторомъ *Змѣвымъ* лѣтъ пятнадцать тому назадъ и посвященный исключительно русскимъ врачамъ. Поэтому весьма желательно имѣть на русскомъ языкѣ возможно болѣе полный медицинскій словарь и, казалось бы, что попытка г. *Лахтина* должна до нѣкоторой степени удовлетворить эту потребность.

Но, къ сожалѣнію, выпущенный имъ «Словарь» оставляетъ желать очень и очень многого. По всей вѣроятности, г. *Лахтинъ* имѣлъ въ рукахъ одинъ изъ заграничныхъ словарей и переложилъ его на русскій языкъ, добавивъ кое-что о русскихъ врачахъ. Но и первоисточникъ ему попался крайне плохой, такъ какъ онъ далеко не исчерпываетъ всего затронутаго предмета. Хотя г. *Лахтинъ* и говоритъ въ предисловіи, что онъ помѣщаетъ въ свой «Словарь» не всѣхъ врачей, а только наиболѣе извѣстныхъ, тѣмъ не менѣе, просматривая внимательно его словарь, можно сосчитать отсутствующими немало такихъ врачей, которые имѣли большую или меньшую извѣстность. Такъ, напримѣръ, въ «Словарѣ» не имѣется изъ прежнихъ врачей—*Глиссона* (по имени котораго названа печеночная капсула-capsula (Glissonii), изъ болѣе позднихъ *Гуффеланді* (препаратъ котораго Pulvis infant. Huffelandi до сихъ поръ не сошелъ еще съ аптечныхъ полокъ), *Корвизара* (врача Наполеона I, оставившаго потомству нѣкоторые цѣнные методы изслѣдованія больного), *Брунъ-Секара* (творца «физиологическаго метода лѣченія»), *Траубе*, *Бушу*, *Тильмана* (соста-

вителя извѣстныхъ «Тильманскихъ капель»), Эмарха (по имени котораго названъ одинъ приборъ—Эмарховская кружка), Рабе, Люберкюна (открывшаго Люберкюновы желѣзы кишечника), Вильнева, Коломбо и извѣстнаго анатома Гиртля. Нѣтъ также біографіи творца современнаго метода лѣченія заразныхъ болѣзней и бактериологіи — извѣстнаго Луи Пастера. Правда, онъ былъ не врачъ, а химикъ; но, тѣмъ не менѣе, онъ сдѣлалъ для медицины несравненно болѣе, чѣмъ любой изъ перечисленныхъ въ словарь врачей, тѣмъ болѣе, что нашелъ же возможнымъ г. Лахтинъ включить въ свою книжку Бэкона Веруламскаго, тоже не врача, но который совершилъ въ естествознаніи переворотъ, отозвавшійся извѣстнымъ образомъ на медицину. Пастеръ совершилъ для современной медицины болѣе, чѣмъ въ свое время Бэконъ. Не имѣется также въ «Словарѣ» и извѣстнаго бактериолога Роберта Коха.

Помимо всего этого, свѣдѣнія, помѣщенные въ «Словарѣ», страдаютъ отрывочностью, и прочитавшій о томъ или другомъ врачѣ не можетъ составить даже приблизительное понятіе о личности его, его дѣятельности и значеніи, которое онъ имѣлъ въ свое время въ медицинской наукѣ, и всѣ свѣдѣнія, полученные изъ «Словаря», будутъ крайне жалкими и эпизодичными.

Большинства же русскихъ врачей здѣсь совершенно не имѣется, и это составляетъ самый крупный пробѣлъ книжки, такъ какъ несомнѣнно, что среди читателей найдутся желающіе познакомиться съ дѣятельностью отечественныхъ врачей и не найдуть ихъ въ «Словарѣ». Въ общемъ «Словарь» этотъ можетъ только разочаровать многихъ.

Вас. Якимовъ.

Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ любителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Книга пятая. Спб. 1902.

Центръ тяжести пятой книги «Старины и Новизны» лежитъ въ любопытныхъ воспоминаніяхъ князя А. М. Дондукова-Корсакова, бывшаго императорскимъ русскимъ комиссаромъ въ освобожденной Болгаріи. По своему образованію, князь Дондуковъ-Корсаковъ — питомецъ С.-Петербургскаго университета, который въ его время помѣщался въ Семеновскомъ полку и лишь въ 1837 году былъ переведенъ на Васильевскій островъ, въ свое настоящее помѣщеніе. Несмотря на существовавшее тогда рѣзкое разграниченіе сословныхъ правъ, въ студенческой средѣ того времени царилъ духъ замѣчательнаго равноправія и сплоченности, а въ отношеніи тогдашней университетской администраціи къ неизбежнымъ походамъ студентовъ найдется и для современнаго начальства немало поучительнаго. Отношенія между студентами и профессорами были чужды позднѣшняго формализма, и профессора свободно посѣщали студенческіе ширшки и кнейпы. Съ университетскою скамьи князь попалъ въ военную службу съ ея мучительною выправкой и муштрой. «Держитесь на бедрахъ, поднимайте ногу со всевозможной величавостью, опускайте ее, какъ будто люта звѣря придавить хотите, возьмите наклонъ корпуса на точку, не упирайтесь на ногу, идите», такъ вразумительно обучали новичковъ плацъ-парадныхъ дѣлъ мастера. Въ жертву виѣшности приносилась не только боевая

годность офицеровъ и солдатъ, но иногда и самая ихъ жизнь. Артиллеріи приказано было стрѣлять на смотрѣхъ такъ быстро, что снаряды приходилось держать въ простыхъ мѣшкахъ.

Особенно интересны воспоминанія автора о знаменитомъ кавказскомъ на-мѣстникѣ князѣ М. С. Воронцовѣ, при которомъ онъ состоялъ адъютантомъ и котораго имѣлъ возможность хорошо изучить. Нравственная личность князя Воронцова была соткана изъ удивительныхъ противорѣчій. Получивъ англійское воспитаніе и благоговѣя передъ страною законности и свободы, князь терпѣть не могъ нашего русскаго свода законовъ и своими дѣйствіями сильно напоминалъ того Горбуновскаго сановника, который съ досадою перебивалъ своего секретаря: я вамъ дѣло говорю, а вы мнѣ законы тычите ¹⁾. Надѣленный широкимъ и пронзительнымъ государственнымъ умомъ, онъ иногда почти сознательно жертвовалъ общими интересами въ пользу чьихъ либо частныхъ. Простой и доступный, не отказывавшій никому въ помощи, князь Воронцовъ не имѣлъ, однако, теплоты душевной и дѣйствовалъ по внушеніямъ ума, а не чувства. Презируя людей, онъ не огорчалъ ихъ своею немилостью, исподтишка убирая несимпатичныхъ ему лицъ. Всѣ эти противорѣчія, бывшія результатомъ вліянія тогдашней общественной атмосферы, сглаживались, однако, удивительнымъ самообладаніемъ и хладнокровіемъ этого во всякомъ случаѣ незауряднаго человѣка.

Изъ другихъ статей сборника заслуживаетъ серіознаго вниманія обширная монографія графа С. Д. Шереметева «Царевна Феодосія Феодоровна». О существованіи этой царевны едва ли кто нибудь, кромѣ специалистовъ, и подозреваетъ. Хотя женщины въ до-петровской Руси и не играли у насъ политической роли, но крайней мѣрѣ, открыто, но положеніе царевны Феодосіи было исключительно: она была послѣднимъ отпрыскомъ племени Калиты на Московскомъ престолѣ, и съ нею, безъ всякаго сомнѣнія, связывались различныя матримоніальныя политическія комбинаціи. Не умри царевна черезъ два года послѣ рожденія, ходъ нашей исторіи былъ бы, вѣроятно, нѣсколько иной.

Не ограничиваясь личностью царевны, монографія подробно разбираетъ толки и предположенія, которыя бродили въ умахъ московскаго общества, встревоженнаго близкимъ и неминуемымъ прекращеніемъ династіи Рюрика.

Тщательно выясняя временныя отношенія и позиціи важнѣйшихъ боярскихъ родовъ, которымъ въ недалекомъ будущемъ предстояло прійти въ столкновеніе между собою, авторъ между прочимъ старательно группируетъ факты, характеризующіе отношеніе царя Феодора къ памяти убиеннаго угличскаго младенца. Группировка эта ставитъ читателя положительно втупикъ: оказывается, что благочестивый и набожный Феодоръ Алексѣевичъ ни разу не пожелалъ поклониться праху оплаканнаго брата и не позаботился ни о надгробной плитѣ, ни о кормахъ на поминъ его души! Мало того, онъ систематически избѣгалъ посѣщать Угличъ и не поѣхалъ туда даже для торжественнаго прославленія мощей святого князя Романа Угличскаго. Чѣмъ

---

¹⁾ Графъ Н. С. Шереметевъ. Отзвуки разсказовъ Н. О. Горбунова, стр. 108.

объяснить такое равнодушіе къ памяти брата, идущее въ разрѣзъ съ характеромъ послѣдняго Рюриковича?

Изъ историко-литературныхъ матеріаловъ отмѣтимъ 8 неизданныхъ еще писемъ Пушкина къ князю Вяземскому. Письма эти относятся къ тому времени, когда на Пушкина былъ сдѣланъ доносъ, и великій поэтъ бился въ тискахъ слѣдователей, пытавшихся дознаться, онъ ли написалъ известную грубую и непристойную поэму «Гаврилада». Письма снабжены обстоятельными примѣчаніями г. Н. Барсукова. Вв.

Де-ла-Грассери. Психологія религій. Переводъ съ французскаго В. И. Писаревой. Спб. 1901.

Религія въ своемъ происхожденіи зиждется на законахъ психологическихъ и соціологическихъ. Поскольку примирены эти два начала, — вопросъ далеко нерѣшенный. Нѣкоторые изслѣдователи въ основаніи возникновенія религіи видятъ или только психологическія или только соціологическія явленія. Этотъ вопросъ и желаетъ окончательно разрѣшить французскій психологъ. Изслѣдуя психологію языка и психологію права, авторъ пришелъ къ убѣжденію о единствѣ человѣческаго духа. Съ такимъ преднамѣреннымъ взглядомъ началъ онъ и изслѣдованіе психологіи религій, иначе говоря, онъ хотѣлъ сначала открыть единство въ кажущемся различіи религій. Фактическій матеріалъ по религіознымъ вопросамъ обширенъ, и де-ла-Грассери овладѣлъ имъ въ совершенствѣ. Тѣ таинства, которыя раньше считались достояніемъ христіанства, теперь оказываются, существуютъ во многихъ религіяхъ; сравнивая далѣе религіи, авторъ дѣлаетъ предположеніе, что, устранивъ нѣкоторыя различія, возможно было бы создать идеальную религію, которая заключала бы въ себѣ сущность всѣхъ религій. Возможно же это потому, что первоисточникъ ихъ — человѣчскій духъ, возникновеніе религіи есть явленіе психическое, и лишь въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи она становится соціальнымъ явленіемъ. Вотъ каковъ окончательный выводъ Грассери.

Разрѣшая этотъ вопросъ, авторъ строго воздерживался отъ различныхъ религіозныхъ предрассудковъ, приводилъ факты и, сравнивая ихъ, дѣлалъ выводъ — такое объективное отношеніе къ вопросамъ религіи ставитъ это изслѣдованіе на научную почву. Чтобы сдѣлать свою книгу доступной большому кругу читателей, авторъ изложеніе раздѣлил на три части: первая — возникновеніе и развитіе религій и каждой отдѣльной части религіи — догмата, нравственнаго ученія и культа, вторая — факты и руководящіе ими законы и третья — стимулы религій и ихъ психическія причины.

Новый взглядъ, проводимый авторомъ, конечно, нельзя считать закономъ, ибо раздѣленіе въ конкретныхъ религіяхъ психологическихъ элементовъ отъ соціологическихъ сдѣлано произвольно, но это не лишаетъ книгу научнаго интереса въ вопросѣ, съ которымъ долженъ быть знакомъ каждый мыслящій человѣкъ.

Переводъ сдѣланъ прекрасно, и недорогая цѣна книги будетъ способствовать широкому распространенію идей Грассери. Т.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ цензура за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Амедей Буане сообщаетъ ¹⁾ въ первой мартовской книжкѣ «Revue Hebdomadaire» весьма интересныя свѣдѣнія, относящіяся до театральной цензуры. Зачатки ея появились еще въ греческую эпоху. До сихъ поръ греческая комедія, какою ее преподають въ гимназіяхъ, отличается цѣломудренностью нравовъ, но при ближайшемъ изученіи обнаруживается весь безнравственный развратъ утонченнаго ума литературной Греціи. Составъ ея былъ несложный, и хоры представляли необходимую принадлежность. Участвовавшіе, грубо перереженные въ лягушекъ и птицъ, пѣли лирическіе отрывки и парабазы (т. е. обращеніе къ публикѣ, произносимое хоромъ отъ имени автора и не имѣющее связи съ фабулой пьесы), уснащенные ядовитыми сатирами на знатныхъ личностей, въ которыхъ осмѣивались ихъ добродѣтели и пороки. Очень не сложныя дѣйствія сопровождали парабазы, представляя предъ зрителями непрерывный рядъ свѣжихъ событій, въ родѣ «обозрѣнія» конца года, приправленнаго аттической солью. При этомъ приличіе не соблюдалось. Для болѣе сильнаго впечатлѣнія и опредѣленія личности актеры доходили до мельчайшихъ подробностей въ сходствѣ съ нею и даже маски дѣлали совершенно сходныя съ лицомъ критикуемаго. Такъ, въ «Облакахъ» Аристофана, одинъ актеръ изображалъ съ замѣчательной вѣрностью Сократа, и чтобы зрители оцѣнили лучше сходство кошіи съ оригиналомъ, онъ во все время дѣйствія стоялъ. Но иногда, дерзость заходила слишкомъ далеко, и авторъ даже называлъ осмѣиваемое

¹⁾ «La Censure théâtrale il y a deux mille ans»; par Amédée Boinet. «Revue Hebdomadaire», 1 mars 1902.

лицо по имени, хотя бы это был сановникъ, судья или поэтъ. Во время празднествъ, трагическіе или комическіе поэты, желавшіе принять въ нихъ участіе, прежде чѣмъ представить пьесу на конкурсъ, обращались за разрѣшеніемъ къ архонту, т. е. высшему правительственному сановнику. Единственнымъ лицомъ, исполнявшимъ роль цензора, былъ архонтъ; онъ имѣлъ право не только принять или отказать произведеніе, а даже отстранить кандидата. Какъ только его выборъ былъ сдѣланъ, и побѣдитель провозглашенъ, то забракованныя пьесы не допускались до пересмотра, прежде чѣмъ были подвергнуты полной передѣлкѣ. Конечно, архонтъ обращалъ большое вниманіе на предыдущій успѣхъ кандидата, такъ какъ положеніе администратора и директора театра обязывало его выбрать автора, приносящаго наибольшій доходъ театру. Это служило объясненіемъ, почему Аристофанъ, въ то время мало извѣстный, представилъ свои первыя три произведенія, подъ заимствованными именами Филомеда и Каллистрата. Безъ сомнѣнія, эта система вызывала злоупотребленія властью, о чемъ дѣлались доносы. Но, хотя Гратинъ подсмѣивался надъ архонтомъ, отказавшимъ Софоклу дать разрѣшеніе, однако злоупотребленіе было исключеніемъ. Въ дѣйствительности же, организатору игръ былъ прямой интересъ придать имъ наибольшій блескъ, такъ какъ, спустя нѣсколько дней послѣ Діонисій (празднествъ въ честь Вакха), собирались спеціальныя собранія, на которыхъ высказывалось мнѣніе о достоинствахъ правленія архонта во время народныхъ увеселеній. Однако, вскорѣ дерзкія выходки авторовъ комедій начали переступать границы, и Платонъ въ своей «Республикѣ» объявилъ о необходимости обязать ихъ, посредствомъ спеціальнаго закона, сохранять извѣстную мѣру въ выраженіяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, требовалъ, чтобы не позволяли играть никакой комедіи, прежде чѣмъ ее просмотрятъ цензора. «Очень возможно, — говоритъ Буанэ, — что эта мѣра служила отголоскомъ общественнаго мнѣнія». Результатомъ его предложенія были три декрета, обнародованные въ Аѳинахъ: одинъ — слишкомъ радикальный, — совершенно воспрещалъ представленія комедій, но онъ не имѣлъ успѣха. Другой — воспрещалъ всякія нападки противъ личности гражданъ; съ этихъ поръ не позволялось называть фамиліи критикуемыхъ лицъ. Наконецъ, третій — защищалъ неприкосновенность должностныхъ лицъ. Въ концѣ V вѣка, когда аристократическая партія вернула себѣ власть, а главное въ странѣ изобиловали несчастія, свобода театра подверглась реакціи. Во время правительства Тридцати, всѣ граждане имѣли право привлекать къ отвѣтственности авторовъ, которые ихъ публично оскорбили. Вмѣстѣ съ тѣмъ ужасъ, внушаемый начальниками города, былъ такъ великъ, что научилъ авторовъ сдержанности. Печезли также хоры, такъ какъ богатые граждане отказались отъ выдачи субсидій, и, около 388 года, законъ, запрещавшій оскорблять частныхъ лицъ, обнародовалъ смертный приговоръ прежней комедіи. Самъ Аристофанъ повиновался, но той или другой причинѣ, этому закону въ своей пьесѣ «Соеutos», теперь затерявшейся. Зато поэтъ Александридъ поплатился за свое неповиновеніе: онъ пародировалъ слова Эврипида: «Природа даетъ свои приказанія и мало заботится о нашихъ законахъ», замѣнивъ слово «природа» словомъ «городъ». За это поэтъ былъ приговоренъ къ голодной смерти. Съ тѣхъ поръ авторы брали темой пороки, добродѣ-

тели и любовныя питриши; такимъ образомъ, создалась новая комедія. Слывымъ блестящимъ ея представителемъ былъ Менандръ, предвѣстникъ Мольера. Положимъ, цензура, какъ мы ее понимаемъ, вовсе не существовала у грековъ, но очень короткій срокъ существовали фактически ея зачатки. Что касается римской комедіи, то, по словамъ историковъ, учрежденію цензуры послужили нескромныя стихи, въ родѣ грубыхъ сатиръ, которые пѣлись крестьянами послѣ жатвы. Въ праздничныя дни собирались нары въ поляхъ, пили вино и разгоряченныя начинали повторять слышанныя въ театрѣ пѣсни, выбивая тактъ безпорядочными жестами. Для большаго эффекта онѣ надѣвали маски изъ коры, или намазывали лицо сурикомъ. Такимъ образомъ, благодаря этому перережжанію, онѣ свободно держались, и мало-по-малу образовался, въ маленькомъ видѣ, театр. Въ подобныхъ собраніяхъ, *orgorgia rustica*, не затруднялись выборомъ темъ и широко пользовались непристойными намеками, въ которыхъ не щадили и людей, власть имѣющихъ. Съ этого времени зарождается мысль о цензурѣ и, по словамъ Эванея, вышелъ законъ, запрещавшій позорящіе намеки. Затѣмъ послѣдовала *satura*, что-то въ родѣ попури; названіе *satura*, какъ и *farsa* у итальянцевъ, *farce* у французовъ, заимствовано изъ названія кушанья, которое приготовлялось изъ всевозможныхъ ингредиентов и сильно приправлялось перцемъ. Эта новая форма явилась изъ страны этрусковъ въ 390 году, во время свирѣпствовавшей въ городѣ чумы. Римляне, какъ практичныя люди, поняли, что лучшее средство предохранить себя отъ болѣзни — смѣхъ, и съ этою цѣлью выискали этрусскихъ гаеровъ. Такимъ образомъ *satura* привилась въ Римѣ. Грубыя шутки и веселыя выходки очень понравились римлянамъ, только съ виду строгимъ и важнымъ, въ сущности же легкомысленно веселымъ. Собственно, настоящая цензура установилась съ водвореніемъ комедіи новаго жанра, раздѣлявшейся на множество категорій. Придавъ имъ болѣе скатую форму, Ливій-Андроникъ является настоящимъ создателемъ лагинскаго театра; хотя большая часть его пьесъ заимствована и даже просто переведена. Но со времени Невія, болѣе оригинальнаго автора, пользовавшагося сюжетами изъ исторіи и даже римской, цензура начала вполнѣ дѣйствовать. Для избѣжанія ея придирокъ авторы стали прибѣгать къ хитрости, и дѣйствія ихъ пьесъ начали происходить въ другихъ странахъ. Въ Римѣ курульные эдилы завѣдывали дирекціей и полиціей публичныхъ игръ. Они были режиссерами и устанавливали порядокъ въ декорацияхъ и костюмахъ. Первой заботой эдила было ангажировать актеровъ, съ которыми онъ условливался въ цѣнѣ, на время празднествъ. Въ то же время поэты обращались къ нимъ съ предложеніями своихъ произведеній. Авторъ самъ читалъ имъ свои пьесы, при чемъ эдилъ исполнялъ должность настоящаго цензора. Если пьеса подходила, онъ ее покупалъ, но съ совѣта актера, а, на опытность котораго онъ полагался. Вообще мнѣніе актеровъ еще болѣе цѣнилось тогда, чѣмъ теперь. Курульный эдилъ не долженъ былъ брать на себя одного отвѣтственность за выборъ пьесы. Такъ прототипъ нашихъ современныхъ цензоровъ, вѣкій Трапа, время Горация, имѣлъ немалое вліяніе на судьбу пьесъ и пользовался большою популярностью. Круковій, въ своей книгѣ о Горации, говоритъ, что если «Трапа не одобритъ авторовъ, то они не могутъ ставить на сцену своихъ пьесъ». Пьесы

читали въ навильонѣ Аполлона, и тамъ еще за 2.000 лѣтъ до московскаго декрета собирався комитетъ чтеній, составленный изъ пяти судей и критиковъ. Обязанность ихъ заключалась въ просмотрѣ всѣхъ пьесъ, которыя предполагали поставить на сценѣ. Послѣ разрѣшенія пьесы тотчасъ же распредѣлялись роли, и репетиціи слѣдовали въ домѣ эдила. Это стоило немалыхъ для него заботъ, такъ какъ ему предстояло достигнуть одобренія толпы, и Азиній Полліонъ, другъ Августа, рѣшилъ придать публичнымъ чтеніямъ, существовавшимъ уже давно, законное освященіе, т. е. просто назначилъ генеральныя репетиціи. Съ этого времени стали разсылать приглашенія свѣтскому обществу. Но эдилу не хватало времени просматривать самому всѣ пьесы, и съ этой цѣлью онъ поручалъ ихъ знатокамъ дѣла. Цензура существовала въ Римѣ въ дѣйствительности, но была скорѣе политической, чѣмъ литературной. Отъ природы характеры римлянъ были грубы, и, вообще, они мало заботились о литературѣ или искусствахъ. Но, подъ вліяніемъ греческаго генія, они достигли утонченности, и въ Римѣ появился аѳинскій театръ, въ которомъ Аристофанъ и Менандръ служили источникомъ вдохновенія. Но, въ то время, какъ Луцилій пробиралъ знатныхъ лицъ въ своихъ ядовитыхъ сатирахъ, латинскіе комики не осмѣливались прививать къ своимъ пьесамъ политическихъ намековъ. Они не допускали, чтобы стихоплеты осмѣливались оскорблять почтенныхъ общественныхъ дѣятелей. Ихъ личность была священна, и законъ, запрещавшій оскорблять ихъ въ комедіяхъ, такъ строго наказывалъ дерзкихъ, что предъ цензурой вскорѣ предстала первая жертва. Въ началѣ VI вѣка въ исторіи латинскаго театра блестяли Ливій-Андроникъ и Невій. Первый задавался лишь одной цѣлью — развлекать публику, тогда какъ Невій, происходившій изъ народа, проводилъ демократическія идеи, и въ своихъ пьесахъ онъ осмѣливалъ римскую жизнь и знатныхъ римлянъ — конечно, намеками, но слишкомъ прозрачными, какъ было принято у древнихъ греческихъ поэтовъ. Послѣ одной изъ его смѣлыхъ пьесъ, триумвиры заключили его въ тюрьму, но онъ былъ освобожденъ трибунами взамѣнъ крупнаго штрафа. Однако, это его не исправило, и онъ вскорѣ напомнилъ въ другой своей пьесѣ одинъ фактъ изъ молодости Сципіона, побѣдителя при Замѣ, когда тотъ вернулся въ Римъ. Но онъ выбралъ дурной моментъ: народъ былъ благодаренъ спасителю Рима, и Невій былъ изгнанъ въ Утику, въ вѣчное изгнаніе. Это послужило урокомъ его преемникамъ, и никто не смѣлъ болѣе рисковать. Такимъ образомъ перешли къ новой комедіи, въ которой главную роль играли обманутые мужья, молодые обманщики, развратъ и расточительныя сыновья. Въ общемъ, въ Греціи существовала добродушная цензура и въ очень смутной формѣ, которая снисходительно относилась къ весьма непристойнымъ выходкамъ, въ Римѣ же, напротивъ, она была совершенно официальной и строго

— Римскія газеты. Существованіе ежедневныхъ газетъ относится къ болѣе древней эпохѣ, чѣмъ обыкновенно предполагали. Въ послѣдней январской книжкѣ «Revue Hebdomadaire» Р. Д'Ориакъ¹⁾ разсказываетъ, что еще Плиній,

¹⁾ Les Journaux avant le Journalisme, par R. D'Oriac. «Revue Hebdomadaire», 25 janvier 1902.

Титъ Ливій и Цицеронъ упоминали почти во всѣхъ своихъ письмахъ объ *Acta diurna*, какъ тогда называли газеты. Такимъ образомъ эта, повидимому, новѣйшая отрасль литературы существовала еще у римлянъ, если не у грековъ. Времена Цицерона были уже блестящей эпохой римской исторіи, а происхождение ежедневной газеты относится къ болѣе раннему времени, и первымъ источникомъ имъ служили «*Annales*» первосвященниковъ. Послѣдніе являлись не только блюстителями священныхъ традицій и судьями, но также официальными историками. Вначалѣ они вносили въ «*Annales*» всѣ важныя событія, имѣвшія влияние на ходъ общественныхъ дѣлъ, но, затѣмъ, они стали помѣщать ничтожныя извѣстія и дошли до того, что начали пренебрегать очень значительными событіями. Это видно изъ письма Тита Ливія, въ которомъ онъ жалуется, что два года подъ рядъ въ нихъ сообщаются только слѣдующія интересныя подробности: «Въ этомъ году и въ прошедшемъ была чума». Но хотя Катонъ, мало интересовавшійся метеорологіей, враждебно относился къ нимъ, все-таки въ нихъ было немало полезныхъ извѣстій, какъ, напримѣръ, объ освященіи памятниковъ и мостовъ, о смерти знаменитыхъ людей и о большихъ военныхъ экспедиціяхъ. Это была первая официальная газета въ Римской республикѣ. Она выходила въ видѣ дубовой дощечки, на которой были вырѣзаны буквы. Эти дощечки появлялись на стѣнахъ атриума первосвященниковъ, входъ въ который былъ запрещенъ плебеямъ, вслѣдствіе чего содержаніе «*Annales*» оставалось имъ неизвѣстнымъ. Впрочемъ, находились личности, какъ Варронъ, которыя, пользуясь своимъ званіемъ сенатора или знатнаго лица, проникали въ атриумъ и списывали новости, пока жрецъ заставлялъ себя ожидать. Благодаря подобному способу, Варронъ написалъ «Трактатъ республики», списывая изо дня въ день историческія событія перваго времени Рима, и его можно считать родоначальникомъ репортеровъ. Прошло нѣсколько столѣтій, и роль плебеевъ измѣнилась: аристократія ослабѣла, управление страной оказалось неммыслимо безъ народа, и разныя должности замѣщались имъ. Извѣщенія посредствомъ «*Annales*» о воинственныхъ подвигахъ, съ обозначеніемъ имени виновника, не удовлетворяли болѣе народа, желавшаго, ради самолюбія, чтобы объ его славѣ знали всѣ. Тогда начали обнародывать дещеши изъ провинцій съ трибунъ форума, на которыхъ говорили рѣчи, и, по словамъ Горація и Цицерона, дѣлая толпа бездѣльниковъ, между которыми находились и женщины, собиравшая тамъ. Говорилось обо всемъ: о разлитіи рѣкъ, причинившихъ несчастія, объ урожаяхъ, о колебаніи почвы въ городахъ, объ осѣвшихъ горахъ, и такъ далѣе. По словамъ Тацита: «въ Римѣ все узнается, ничего не умалчивается, и говорятъ въ насмѣшливомъ тонѣ о тѣхъ, поведеніе которыхъ чѣмъ либо выдѣляется». Жажда новостей такъ господствовала, что рабы, караулившіе двери домовъ, наговаривали на своихъ господъ и гостей, посѣщавшихъ ихъ домъ. Чтобы отстранить неудобства, причиняемая этими фабрикантами новостей, Юлій Цезарь, настоящій создатель прессы въ Римѣ, рѣшилъ въ 693 г. дать большій объемъ «*Annales*». Современемъ названіе «*Annales*» измѣнилось въ «*Acta diurna*», и въ нихъ начали помѣщать извѣстія о свадьбахъ, разводахъ, рожденіяхъ, состязаніяхъ въ играхъ, объ успѣхахъ или провалахъ актеровъ, однимъ словомъ обо всѣхъ замѣчательныхъ событіяхъ и приключеніяхъ въ

Римъ, даже о басняхъ и различныхъ слухахъ, изобиловавшихъ въ то время. Жрецы были политическими редакторами, но самая работа редакціи была поручена рабамъ-писцамъ. Офіціальное изданіе ограничивалось небольшимъ количествомъ экземпляровъ, строго сберегаемыхъ для знатныхъ гражданъ и архивовъ. Лица, желавшія имѣть извѣстія, посылали рабовъ снимать копии съ вывѣшенныхъ экземпляровъ. Абонементъ не существовало, но сами газеты мало отличались отъ современныхъ. Рядомъ съ политическими и муниципальными извѣстіями находились метеорологическій бюллетень и скандальныя происшествія: бѣгство банкира Офидія, казнь царя Антиохія, приговореннаго сенатомъ къ смерти за убійство посланника; развратъ Юліи, дочери императора, приговоренной къ изгнанію вмѣстѣ съ множествомъ сенаторовъ и прочихъ знатныхъ лицъ, ея сообщниковъ. Вообще въ «Acta diurna» отсутствовала система, и самые разнообразные факты и фантастическія произведенія перемеживались между собою. Такъ Плиній сообщалъ легенду о финиксѣ и о томъ, что во время процесса Милоса, обвинявшагося въ убійствѣ Клавдія, градъ кирпичей выпалъ въ различныхъ частяхъ Рима. Рядомъ съ серьезными извѣстіями Ливія, жена Августа, изъ тѣсноты помѣщала имена всѣхъ сенаторовъ и даже плебеевъ, явившихся къ ней съ утреннимъ визитомъ: «Вчера у Ливія замѣтили всѣхъ членовъ сената и множество плебеевъ». Не хватало только полемики, чтобы «Acta diurna» были тождественны съ современными газетами, впрочемъ это объясняется тѣмъ, что не существовало другихъ газетъ. Изъ этого нельзя еще заключить, что римляне неспособны были къ спорамъ и къ антиправительственной оппозиціи, но они прибегали свое краснорѣчіе къ устнымъ состязаніямъ, которыя, обыкновенно, происходили въ помѣщеніяхъ у хирурговъ. Такъ исторія сохранила имя одного греческаго врача Архагатона, «бойкотированнаго» римскими патриціями за свое неумѣстное усердіе, съ которымъ онъ напалъ на учрежденія страны, гдѣ онъ былъ доцентъ, лишь какъ гость. Широкое распространеніе прессы и масса распространившихся новостей вызвали нѣкоторыя жалобы. Такъ, Павелъ-Эмилиій, по словамъ Тита Ливія, отправляясь въ Македонскую экспедицію, говорилъ: «прошу васъ, римляне, объ одномъ, вѣрить только тѣмъ денешамъ, которыя я буду присылать». «Acta diurna» получили громадное значеніе, и, по словамъ Сенеки, ихъ читали въ провинціяхъ, въ арміяхъ и даже въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ имперіи. Ювенальъ рассказываетъ, что даже римскія дамы, во время прически вѣлошь, заставляли читать себѣ вслухъ газету. Но раздѣленіе имперіи въ VI вѣкѣ повлекло за собою упраздненіе «Acta diurna».

— Желѣзная корона. Въ «Nuova Antologia» помѣщена интересная статья Адольфа Вентури ¹⁾, по поводу судьбы желѣзной короны Италіи. Въ средніе вѣка существовало у народа то же уваженіе къ таинственному числу 3, какъ и въ наше время. Такъ итальянцы были убѣждены, что императоръ только въ томъ случаѣ будетъ царствовать долго и славно, если онъ короновался три раза. Торжественная церемонія коронованія совершалась сначала въ Аахенѣ, мѣстнымъ архіепископомъ, гдѣ и служила для коронованія серебряная корона,

¹⁾ La corona di ferro et Venturi. Nuova Antologia, 1 jan. 1902.

затѣмъ вторично—въ Мюнхѣ, миланскимъ архіепископомъ, коронованнымъ желѣзной короной, и въ третій разъ—въ Римѣ, папой, вѣнчавшимъ золотой короной. О судьбѣ желѣзной короны Вентури разсказываетъ, что она служила для коронаванія всѣхъ королей Ломбардіи. Ее считали palladium, т. е. талисманомъ Сѣверной Италіи, и воспоминаніемъ о безусловной независимости, которой пользовалась нѣкоторое время эта область, а также символомъ, не менѣе безусловной, свободы, которую надѣялись приобрести въ будущемъ. Въ ожиданіи она была, какъ это считалъ народъ, признакомъ автономіи, которую императоръ гарантировалъ Милану и окрестнымъ странамъ. Но императоры не всегда относились съ уваженіемъ къ этой коронѣ. Такъ Конрадъ I и его два преемника не соблаговолили отправиться сами въ Монцу, а послали за желѣзной короной для коронаціи, церемонію которой хотѣли устроить въ Миланѣ. Фридрихъ Барбаросса поступилъ также, но короновался въ Павіи. Невозможно имѣть свѣдѣнія, дѣйствительно ли это та самая корона, которая служила Ломбардскимъ королямъ. Существуютъ два самыя древнія упоминанія о ней: одно относится къ 1159 году (Cronico di Rolando Patavino), а другое къ послѣдующему вѣку (De Regimine Principum), приписываемое Томѣ Аквинату. Первое изъ странныхъ приключеній съ желѣзной короной относится къ тому времени, когда Генрихъ VI рѣшилъ короноваться въ Мюнхѣ. Монархъ отправилъ въ Ломбардію епископа Констанскаго съ предложеніемъ, чтобы миланцы привели въ порядокъ мосты и дороги, по которымъ ему предстояло ѣхать, а также выслать ему на встрѣчу, до подножія Альпъ, пышное шествіе, въ которомъ принимала бы участіе вся ломбардская знать. При этомъ, подъ угрозой строгаго наказанія, приказано было выражать добровольно свой энтузіазмъ. Духовенство Монцкаго собора прежде всего пожелало провѣрить, въ спеціальному сундукѣ, присутствіе желѣзной короны. Конечно, у нихъ были причины предложить эту провѣрку. Корона оказалась исчезнувшей. Сдѣлали розыски и узнали, что синьоръ делла Торре, владѣтель лена, гдѣ былъ расположенъ городъ Монца, забравъ корону, заложилъ ее. Но гдѣ, въ какомъ городѣ, у кого и за сколько, было невозможно узнать. Кардиналъ Арно-Шеллегрю и графъ Галассоди Мангоне—одинъ легатъ, а другой канцлеръ папы—отправились къ молодому делла Торре. Они предлагали ему крупную сумму денегъ, умоляли его на колѣняхъ и угрожали ему отлученіемъ отъ церкви, но ничего не добились. Наконецъ Генрихъ VI прибылъ въ Миланъ и требовалъ возвратить корону. На это делла Торре спокойно сталъ доказывать, что Монцскій соборъ со всѣми находившимися въ немъ предметами—его личная собственность. Тогда объяснили Генриху VI-му, что молодой делла Торре пользуется въ странѣ большимъ почетомъ, и сильно вліяетъ на всю страну, вслѣдствіе чего неслѣдуетъ для начала царствованія возбуждать императору сомнительную тяжбу. Ничего не оставалось дѣлать, какъ заказать золотыхъ дѣлъ мастеру желѣзную корону, сдѣланную изъ дубовыхъ листьевъ тонкой работы и украшенныхъ драгоценными камнями и жемчугами. Спустя много времени, Отто Висконти, герцогъ Миланскій, сталъ удивляться, что болѣе не говорятъ о желѣзной коронѣ, и потребовалъ извѣстій отъ Монцкаго духовенства. Опять открыли сундукъ: корона снова вернулась на свое мѣсто. Немного лѣтъ спустя, случилось новое приключеніе. Въ то время шла борьба

между Гвельфами и Гибелинами; въ Монцѣ жили четыре каноника, которые одинаково ненавидѣли тѣхъ и другихъ. Не желая, чтобы счастливый талисманъ доставался Гвельфамъ или Гибелинамъ, они зарыли корону, и отправились на всѣ четыре стороны, предварительно давъ клятву открыть тайну только въ минуту смерти. Одинъ изъ нихъ, находясь въ Пиаченцѣ, почувствовалъ въ 1324 г. приближеніе смертнаго часа, и написалъ о коронѣ архіепископу миланскому, Экардо. Послѣдній приказалъ выкопать корону и послать ее въ Авиньонъ, который въ то время преобразовывался въ Вѣчный Городъ. Только много лѣтъ спустя и послѣ многочисленныхъ попытокъ получить обратно корону, духовенство монцскаго собора наконецъ добилось ея возвращенія. Но ей суждено было путешествовать еще не одинъ разъ: изъ Милана — на коронованіе Сигизмунда, а также изъ Рима — на коронованіе Фридриха III. Жители Монца заклинали Карла V пріѣхать короноваться въ Монцу. На эту просьбу онъ имъ отвѣтилъ, что не намѣренъ гоняться за короной, привыкнувъ видѣть, какъ короны гоняются за нимъ. Но эта шутка была совершенно излишня, потому что вскорѣ онъ «погнался за желѣзной короной» еще дальше, чѣмъ въ Монцу. Но эта корона была соединена вмѣстѣ съ золотомъ, и онъ получилъ ее изъ рукъ папы. Съ тѣхъ поръ желѣзный обручъ вдѣланъ въ золотую корону, довольно неудобную и некрасивую. Во времена священнаго союза она увѣнчивала голову Фердинанда I-го, какъ короля Ломбардіи и Венеціи. Послѣднее ея путешествіе совершилось въ 1852 г., когда Австрія потребовала ее въ Вѣну. Она должна была возвратитъ корону въ 1866 г. Относительно этой короны Викторъ-Эммануилъ выразился: «Я предпочитаю этой коронѣ другую, — сдѣланную любовью моего народа».

— Папа Юліій II. Реабилитация во Франціи до сихъ поръ касалась, главнымъ образомъ, ея историческихъ дѣятелей; теперь, повидимому, она перешла и на итальянскихъ историческихъ личностей. Такъ въ первомъ мартовскомъ номерѣ «Revue Bleue» Эмиль Гебгаръ помѣтилъ статью относительно папы Юлія II¹⁾. Онъ начинаетъ съ того, что современники Юлія II сохранили о немъ воспоминаніе, какъ объ ужасномъ папѣ, жаждавшемъ быть безусловнымъ повелителемъ всего свѣта и господствовать, по своему желанію, надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ, какъ о человѣкѣ и папѣ, которому слѣдовало носить не митру, а каску. Этому мнѣнію держались долго, даже послѣ его смерти, въ теченіе всего XVI вѣка. Теперь этотъ же самый Юліій II является и, какъ авторъ надѣется, вѣроятно, останется въ исторіи великимъ государственнымъ человѣкомъ, съ великой душою. Правда, Э. Гебгаръ сознается, что въ немъ нѣтъ ничего апостольскаго, чѣмъ слѣдовало бы обладать папѣ, какъ, напримѣръ, милосердія и состраданія. Напротивъ, онъ былъ неукротимъ, когда касался вопросъ его честолюбія, и не задумался возбудитъ европейскую войну и подвергнуть ея бѣдствіямъ Италію ради своей цѣли. Но въ этомъ честолюбіи не было нисколько эгоизма, какъ у трехъ предшествовавшихъ ему папъ. Всѣ его стремленія были направлены на возстановленіе не только въ Италіи, но во

¹⁾ Un pape à l'époque de la Renaissance: Jules II; par Emile Gebhart. «Revue Bleue», 22 février—1 mars 1902.

всей Европѣ политическаго господства папскаго престола. Въ его отношеніяхъ съ итальянскими принцами, съ королемъ Франціи или съ императоромъ, не было нисколько прямодушія. Войну онъ велъ, не ужасаясь, и привлекая въ Италію иностранцевъ для удовлетворенія господствовавшей въ немъ страсти — ненависти къ венеціанцамъ. Онъ не былъ, какъ другіе папы, ни венеціанцемъ, ни римляниномъ, ни сѣнцемъ и т. д., — онъ былъ просто итальянцемъ. Въ ноябрьскую ночь 1503 г., полчаса спустя послѣ избранія въ папы кардинала Юлія дела Роверѣ, племянника папы Сикста IV, Макіавелли, бывшій въ то время флорентійскимъ посланникомъ при папскомъ дворѣ, писалъ: «Надѣмся, что этотъ папа сдѣлаетъ добро для церкви и христіанства». Флоренція не любила Венеціи; на другой день покушенія на двухъ Медичи, вызваннаго папой Сикстомъ IV и Пацци, Венеція порвала трактатъ союза и отказалась помогать Флоренціи, сражавшейся тогда съ соединенными силами папскаго престола и неаполитанскаго короля, Фердинанда Арагонскаго. Кромѣ того, между обоими городами существовало торговое соперничество. Все вмѣстѣ взятое зародило страшную ненависть между этими двумя государствами. Юлій II также не любилъ Венеціи. Онъ былъ изъ Генуи. Принадлежа по рожденію къ одной изъ большихъ морскихъ державъ Италіи, которыя ненавидѣли еще болѣе другъ друга, чѣмъ континентальныя, онъ раздѣлялъ эту неприязнь. Кромѣ того, между Венеціей и папскимъ престоломъ была еще причина ненависти: желаніе венеціанцевъ освободиться отъ ига папскаго престола. Макіавелли поставилъ это на видъ Юлію II, нѣсколько дней спустя послѣ его избранія. Папа отвѣтилъ, что онъ будетъ изъ всѣхъ силъ противиться этому и вооружитъ противъ нихъ всѣхъ христіанскихъ принцевъ. Съ этой минуты Юлій II сталъ обдумывать, кто изъ государей можетъ быть его союзникомъ. Наконецъ, выборъ его остановился на трехъ монархахъ; онъ тайно уговорился съ Людвигомъ XII, императоромъ Максимилианомъ и Фердинандомъ Католикомъ, королемъ Испаніи. Въ 1506 г., во главѣ двадцати четырехъ кардиналовъ и пятисотъ солдатъ, Юлій II двинулся на Перуджію. Овладевъ ею, онъ направился на Болонью, которую взялъ безъ выстрѣла, и 27 марта торжественно вернулся въ Римъ. Однако упрямые венеціанцы упорно удерживали города, которыхъ добивался папа. Послѣдній наконецъ сказалъ посланнику Пизани: «Я васъ приведу въ прежнее состояніе... вы будете селеніемъ рыбаковъ». «А мы, святой отецъ, сдѣлаемъ изъ васъ сельскаго священника, если вы не будете благоразумны». Но въ декабрѣ 1508 г. составила камбрѣйская лига между папой, Испаніей, имперіей и Франціей; она была объявлена буллой въ мартѣ 1509 г. Тотчасъ же къ нимъ присоединились Мантуя, Феррара и Урбино. Французскія войска взяли нѣсколько городовъ, послѣ чего Венеція рѣшилась поступить, по словамъ Мишлэ, «по римски: она освободила свои города на материкѣ отъ клятвы въ вѣрности, предоставивъ имъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, отдала свои цитадели въ Романіи герцогу Урбину, а испанскому королю Фердинанду порты Апуліи». Въ то же время ея дожъ, Лоредано, предложилъ въ сенатѣ призвать турокъ для защиты христіанскаго города противъ преемника апостоловъ. На мгновеніе счастье улыбнулось венеціанцамъ. Одинъ изъ нихъ, Андрѣа Гритти, вернулъ Падую хитростію, спрятавъ солдатъ въ сѣно, которое крестьяне везли въ го-

родъ. Достигнувъ города, они возстановили жителей противъ императорскихъ войскъ. Императоръ пришелъ въ ярость и снялъ осаду города. Съ этого момента война сдѣлалась чисто варварскою и безобразною. Въ окрестностяхъ Виенцы около тысячи человѣкъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей изъ высшаго общества и народа спрятались въ глубокомъ гротѣ, высѣченномъ въ скалѣ, близъ города. Но «искатели приключеній» заложили входъ въ пещеру хворостомъ и подожгли его. Всѣ находившіеся въ гротѣ были сожжены. Это была самая жестокая война въ Италіи со времени изгнанія готовъ. Эти ужасы возбудили совѣсть Юлія II. Понявъ ли онъ свою ошибку, что призвалъ на помощь европейскія войска, или по другой причинѣ, но папа рѣзко измѣнилъ свою политику и сказалъ: «Если бы Венеція не существовала, надо было бы создать ее». Кардиналъ Оша, посланный Людвигомъ, замѣтивъ эту перемѣну, просилъ Юлія II остаться въ союзѣ съ Франціей, но папа отказался, рѣшивъ примириться съ Венеціей, и 24 февраля 1510 г. онъ отпустилъ грѣхи венеціанскимъ посланникамъ въ соборѣ св. Петра, чѣмъ и окончилась война. Въ своей новой политикѣ онъ сначала шталъ вражду только къ Франціи. Онъ отзывался объ императорѣ, какъ о «безвредномъ новорожденномъ ребенкѣ», далъ инвеституру Неаполитанскаго королевства—королю Кастиліи, сошелся съ Швейцаріей, обѣщавшей ему контингентъ въ пятнадцать тысячъ человѣкъ, отлучилъ отъ церкви герцога Феррары, союзника короля Франціи, и даже угрожалъ ему отобраніемъ всѣхъ прежнихъ леновъ, которые ему пожаловала церковь. При этомъ онъ заявилъ, что броситъ въ Тибръ ключи св. Петра и возьмется за мечъ св. Павла. Папа и Людовикъ VII съ этой минуты помѣнялись ролями. Маршалъ Шомонъ не могъ взять Болоньи, гдѣ находилась въ то время резиденція папы Юлія II, такъ какъ венеціанская армія во время подоспѣла на помощь. Теперь Юлій II выступилъ на воинственный путь, и во главѣ своего войска овладѣлъ городомъ Конкордіей и осадилъ Мирандолу—ключи государства Феррары. Онъ лично присутствовалъ при прорытіяхъ траншей и спускался туда, чтобы подбодрять солдатъ. Вокругъ его лагеря летали бомбы и ядра; окружавшіе папу по обязанности кардиналы умоляли его для блага церкви удалиться съ поля сраженія, если не совѣмъ, то укрыться гдѣ нибудь подальше. Взявъ Мирандолу, онъ почти одинъ былъ внесенъ туда чрезъ брешь на носилкахъ. Дѣла Франціи становились замѣтно плохи. Шомонъ умеръ отъ досады, и Людовикъ назначилъ генералиссимусомъ арміи въ Италіи своего племянника, герцога Немурскаго, Гастона де-Фуа. Счастье вернулось къ французамъ, и въ маѣ 1511 г. Юлій II удалился въ Равенну, оставивъ въ Болоннѣ своего фаворита, кардинала Алидозу. Но французскій кондотьеръ Тривольсь овладѣлъ Болонней, а нѣсколько дней спустя, онъ взялъ обратно и Мирандолу. Алидоза во-время спасся и свалилъ всю вину на племянника папы, герцога Урбино. Юлій II, въ гнѣвѣ, выгналъ племянника и заявилъ ему, что если Урбино возвратится во дворецъ, то папа прикажетъ его четвертовать. Возбѣшенный Урбино чрезъ четверть часа убилъ Алидозу. Папа пришелъ въ отчаяніе при извѣстіи о смерти любимца и бросился въ Римъ. Едва прибывъ туда, онъ опасно заболѣлъ; слухъ прошелъ объ его смерти, и народъ во главѣ съ аристократомъ Помпео Колонной провозгласилъ республику. Но

папа скоро ожилъ, примирился съ племянникомъ, а въ октябрѣ 1511 г. состоялась священная лига противъ французовъ. Съ помощью Венеціи, Испаніи, имперіи и Швейцаріи папа хотѣлъ сначала изгнать французовъ, позже нѣмцевъ, а затѣмъ и самихъ испанцевъ. Въ ожиданіи онъ задумалъ купить нейтралитетъ Максимилиана. Но въ это время Гастонъ де-Фуа взялъ Болонью и направился въ Брешию. Онъ вошелъ въ цитадель, занятую французами, и на другой день спустился босикомъ,—такъ какъ каменная почва была покрыта грязью, вслѣдствіе чего было скользко,—черезъ узкій проходъ, укрѣпленный жителями Брешии, и овладѣлъ городомъ. Рѣзня была страшная; мертвыхъ насчитывали до 20.000 человекъ. Соединенныя арміи папы отступили къ Равеннѣ, чтобы заманить французовъ, въ концѣ зимы, ближе къ опустошенной странѣ, гдѣ ожидалъ ихъ вѣрный голодъ. Въ страстную пятницу, 9 апрѣля, Гастонъ де-Фуа попробовалъ войти въ Равенну, но безуспѣшно обстрѣливалъ стѣны. Въ день Пасхи, 11 апрѣля 1512 г., завязалась жаркая битва, во время которой были положены на мѣстѣ еще 20.000 человекъ. Побѣда осталась за французами, но судьба сыграла злую шутку съ Фуа: послѣ своего торжества, во время преслѣдованія непріятеля около Равенны, онъ былъ убитъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Храбрый генералъ увидѣлъ спокойно двигавшійся къ городу отрядъ испанской пѣхоты и, возмущившись ихъ дерзостью, направился на нихъ. Въ это время они обернулись и, совершенно неожиданно, выстрѣливъ въ него, убили наповаль. Съ потерю талантливаго полководца у Франціи не осталось черезъ два мѣсяца ни клочка итальянской территоріи: счастье вернулось къ Юлію II. Въ маѣ 1512 г. состоялась новая лига, въ которой приняли участіе: Англія съ Испаніей, имперія и Швейцарія. Такимъ образомъ римская церковь продолжала ополчаться противъ своей старшей дочери, Франціи. Съ этого времени папскій престолъ сдѣлался господствующей монархіей въ Италіи, и Юлій II обратился къ искусствамъ. 31 октября 1512 г. папа вошелъ съ кардиналами въ Сикстинскую часовню и, поднявъ голову, сердито воскликнулъ: «Здѣсь слишкомъ мало золота!» Въ это время Микель-Анджело дорисовывалъ святыхъ и, сидя на своемъ помостѣ, отвѣтилъ папѣ: «Святой отецъ, люди, которыхъ я рисую, не имѣли золота и были бѣдняками». Капитальныя созданія живописи появились во всемъ своемъ блескѣ въ эту эпоху, благодаря чему, папа Юлій II былъ прозванъ папою Возрожденія. Общая страсть къ грандіознымъ созданіямъ сближала папу и Микель-Анджело, хотя послѣдній всѣми силами избѣгалъ встрѣчъ съ Юліемъ II. Рафаэль былъ тоже папскимъ живописцемъ и украсилъ многія залы Ватикана, въ особенности залъ «La signatura», но папа предпочиталъ ему Микель-Анджело. Послѣдній вѣчно уединялся, какъ Савонарола и Данте, и это доходило даже до дикости. Однажды, увидѣвъ выходящаго изъ Ватикана Рафаэля, окруженнаго друзьями и учениками, онъ сказалъ ему съ горечью: «Тебя сопровождаетъ цѣлое шествіе, какъ великаго полководца». «А ты,—отвѣтилъ кроткій Рафаэль:—одинъ, какъ палачъ». Микель-Анджело, котораго не понималъ его вѣкъ, въ дѣйствительности имѣлъ другомъ и покровителемъ только папу. Общность нравственной природы связывала ихъ крѣпкими узами. Папа заказалъ ему колоссальную могилу для себя, но она не была окончена. Чтобы обставить блестящимъ образомъ могилу, онъ задумалъ построить уди-

вительную церковь и потребовалось болѣе вѣка на ея устройство, но зато Италия обогатилась соборомъ св. Петра. Подходя другъ къ другу по широкимъ замысламъ, но оба обладая высокоумными характерами, папа и художникъ безирестанно ссорились, и Микель-Анджело писалъ своему другу, Санъ-Галло, въ письмѣ, посланномъ предъ его отъѣздомъ въ Константинополь: «Я пришелъ къ убѣжденію, что если я останусь въ Римѣ, моя могила будетъ готова гораздо ранѣе, чѣмъ могила папы, и вотъ причина моего внезапнаго отъѣзда». Возвратившись въ Римъ, онъ работалъ въ продолженіе пяти лѣтъ въ Сикстинской часовнѣ съ 1507 до 1512 г., не видя никого. Однажды туда проскользнулъ папа, и Микель-Анджело, какъ бы случайно, уронилъ сверху доску. Съ тѣхъ поръ папа болѣе не показывался въ часовнѣ. Юлій II наслаждался борьбой за могущество папскаго престола; много было пролито крови въ Брешии и Равеннѣ, но мечты папъ прежняго времени относительно освобожденія Іерусалима и гроба Господня, освобожденія Византии, возвращенія Востока церкви и торжества римско-католической церкви не осуществились, и 20-го февраля 1513 г. папа скончался. Въ продолженіе шестнадцати дней Юлій II приготавливался спокойно къ смерти. Онъ вспомнилъ, какъ позорно вели себя всѣ въ Ватиканѣ послѣ смерти его дяди, папы Сикста IV, когда все было раскрадено, и не могли найти сосуда для воды, чтобы обмыть тѣло покойнаго, и ни одного полотенца, такъ что пришлось потребовать съ кухни котель съ водою и тазъ отъ цирюльника; полотенцемъ же служила разорванная надвое рубашка папы, въ которой онъ умеръ. Не желая повторенія подобнаго случая, онъ призвалъ къ себѣ церемоніймейстера и принялъ всѣ мѣры; затѣмъ пригласивъ кардиналовъ онъ громко заявилъ свое сожалѣніе, что былъ папою, утѣшая себя, что не сумѣлъ достойнымъ образомъ управлять св. церковью. Кардиналы не любили его и не могли забыть, какъ онъ таскалъ ихъ за собою въ лагеря среди зимы и подвергалъ опасностямъ, однако они поняли, какая у него была душа. Одного не хватало у его смертнаго одра—Микель-Анджело.

— Мать послѣднихъ трехъ королей династіи Бурбоновъ. Новая книга Стрѣнскаго ¹⁾ о принцессѣ Маріи Саксонской, женѣ дофина, сына Людовика XV, отличается полнотой свѣдѣній о ней. До сихъ поръ о ней упоминали очень мало, и только теперь авторъ собралъ въ Дрезденѣ массу документовъ и личныхъ писемъ принцессы. Печальная жизнь этой неудачницы началась съ перваго дня ея появленія во Франціи. Некрасивая, но добрая Марія принадлежала къ скромному буржуазному саксонскому двору. Ей было только пятнадцать лѣтъ, когда, по порученію французскаго короля, ей было сдѣлано предложеніе на бракъ съ дофиномъ, неутѣшнымъ вдовцемъ, потерявшимъ свою первую жену. Не имѣя понятія о Версалѣ, молодая, неопытная дѣвушка отправилась въ путь. Встрѣча ей была сдѣлана торжественная; блестящіе праздники встрѣчали ее въ каждомъ французскомъ городѣ, который ей приходилось проѣзжать. Въ Версалѣ она была встрѣчена цѣлой толпой царедворцевъ. Они нашли ее некрасивой, но встрѣтили радушно, бла-

¹⁾ La mère des trois derniers Bourbons, Marie-Josèphe de Saxe et la cour de Louis XV, par C. Stryenski. Paris. 1902.

годаря ей добротѣ. Совсѣмъ иной пріемъ оказалъ ей дофинъ. Этотъ «хорошо откормленный мужчина», какъ называлъ его отецъ, Людовикъ XV, былъ, по отзывамъ де-Люиня, «анатичнымъ ребенкомъ», а, по словамъ Аржансона, «громადной тушей мяса, безъ ума». Жирный, молчаливый, онъ безразлично отнесся къ молодой женщицѣ, весь отдавшись воспоминаніямъ и оплакиванію своей первой умершей жены. Онъ не стѣнялся и безпрестанно признавался ей прямо, что не любитъ ея, такъ какъ любилъ покойницу. Набожность его соприкасалась съ ханжествомъ и доходила до странностей: напримѣръ, у него была зала, обитая трауромъ, и украшенная костями скелетовъ и мертвыми головами, въ которой онъ развлекался пѣніемъ молитвъ по умершимъ. Несчастная молодая принцесса пріѣхала въ Версаль нерѣшительной, застѣнчивой и три года боролась съ антипатіей неразвитаго, глупаго дофина. Ея борьба осложнилась массою затрудненій, встрѣчавшихся ей на каждомъ шагѣ при этомъ развратномъ дворѣ. Ей приходилось лавировать между партіями короля и Помпадуръ, королевы и всѣхъ тѣхъ, которые не желали видѣть Людвига XV среди народныхъ безпорядковъ. Неопытная молодая женщина поминутно дѣлала ошибки, и только выслушивала выговоръ однихъ и замѣчанія другихъ. Благодаря ей терпѣнію, мягкости и предупредительности, она добилась чрезъ три года нѣкоторой доли симпатіи мужа. Рожденіе перваго ребенка—дѣвочки, окончательно измѣнило дофина, хотя онъ и всѣ ожидали появленія мальчика. Его характеръ измѣнился: онъ сдѣлался живѣе, внимательнѣе и любезнѣе къ женѣ. Рожденіе сына, герцога Бургонскаго, въ 1751 г. окончательно измѣнило дофина. Но неудачницу принцессу преслѣдовали неприятели, и когда она отправилась брать молитву въ соборъ Богоматери, толпа окружила ея карету, и воила: «хлѣба, хлѣба». Марія заплакала. Это были первые слезы послѣ короткаго отдыха и служили началомъ новой серіи огорченій. Несмотря на свою религіозность, дофинъ предался страсти къ любовнымъ приключеніямъ. Прежде это только подозрѣвали, теперь же письма жены дофина подтверждаютъ этотъ фактъ. «Это скандально,—пишетъ она:—дурное поведеніе дофина возмущаетъ меня». Но она его не упрекаетъ, и даже, когда онъ заболѣлъ, Марія-Жозефина самоотверженно ухаживала за нимъ день и ночь. Затѣмъ она ему подарила, кромѣ герцога Бургонскаго, четырехъ сыновей: герцога Аквитанскаго, герцога Беррійскаго, графа Прованса и графа д'Артуа. Но съ этой минуты и до самой смерти ея жизнь была лишь цѣлымъ рядомъ страданій. Семилѣтняя война погубила всю ея Саксонскую семью. Ея отецъ былъ разоренъ Фридрихомъ II, изгнанъ и преслѣдуемъ, а ея мать была оскорблена недостойнымъ обращеніемъ съ ней этого короля и умерла въ нищетѣ. Въ письмахъ Маріи къ ея брату, принцу Ксаверію, видно, какъ страшно страдала принцесса отъ этого горя. Послѣ этого несчастія, въ 1761 г., она потеряла своего любимца, старшаго сына, герцога Бургонскаго, десятилѣтняго мальчика, умершаго отъ опухоли въ боку, которую тогда еще не умѣли оперировать. Чрезъ два года умеръ ея отецъ, Августъ III, курфирстъ саксонскій и король польскій, вдали отъ нея, совершенно одинокимъ. Къ довершенію горя, всѣ оставшіеся ея родные перессорились между собою и проклинали другъ друга. Марія ничего не могла подѣлать и только плакала. Послѣднее несчастіе

было въ 1765 г. когда умеръ ея мужъ, котораго она страстно любила, несмотря на его поведение. Онъ умеръ 20-го декабря отъ грудной болѣзни послѣ пяти-мѣсячной медленной агоніи. Письма дофини, относившіяся до этого времени, полны истиннаго, глубокаго, неутѣшнаго горя. Съ этой минуты она начала жить воспоминаніями, думая лишь о немъ и желая послѣдовать за нимъ. Пять мѣсяцевъ она не отходила отъ его постели. Въ то время не думали ни о бактеріяхъ, ни о микробахъ и не производили дезинфекціи, а простыни чахоточныхъ сохранялись, какъ святыня, и несчастная принцесса, вѣроятно, заразившаяся отъ мужа, вскорѣ начала каплять и харкать кровью. Два года длилась ея болѣзнь. Она съ радостью ожидала своего конца, и 13-го марта 1767 г. все было кончено; она умерла 36-ти лѣтъ спокойно, съ одной мыслью, что увидитъ любимаго человѣка. Герцогъ Круа въ своихъ неизданныхъ мемуарахъ говоритъ, что ее сожалѣли не много, а г-жа дю-Деффанъ упоминаетъ о четырехъ личностяхъ, которыя оплакивали принцессу Марію. Что касается Каллэ, то, по словамъ автора книги, онъ много написалъ о ней глупостей въ своемъ «Дневникѣ». Но ее очень мало знали; это была тихая, добрая, кроткая, любящая и вѣрная душа, что видно изъ ея писемъ къ брату Ксаверію, совершенно недостойному такого довѣрія. Авторъ касается также отношеній къ ней ея тестя, Людовика XV. Такъ Жюль Сури, въ своей книгѣ о XVIII вѣкѣ, говоритъ, что король, пресыщенный удовольствіями и циничный, былъ самымъ преданнымъ, любящимъ тестемъ и отцомъ. То же самое говорить и Стріенскій. Что касается ея вліянія на государственныя дѣла, то Марія держалась въ сторонѣ отъ политики. Только во время Семилѣтней войны, когда ея отецъ былъ въ опасности, она принялась дѣйствовать въ его пользу. Не добившись ничего отъ министровъ, она рѣшилась написать Людовику XV трогательное письмо, въ которомъ описала несчастное положеніе отца и умоляла его защитить саксонскаго курфюрста отъ грубаго насилія Фридриха. Наконецъ, она добилась, что король отозвалъ французскаго посланника и отослалъ обратно прусскаго посланника: война съ Пруссіей была объявлена.

— Новая гипотеза о желѣзной маскѣ. Какъ извѣстно, существуетъ въ настоящее время двадцать семь гипотезъ о томъ, кто именно скрывался, около тридцати лѣтъ, во французскихъ тюрьмахъ, въ XVII столѣтіи, подъ желѣзной, или, вѣрнѣе, бархатной маской. Самый фактъ существованія несчастнаго узника вполне подтвержденъ многочисленными документами и длиннымъ рядомъ ученыхъ произведеній Тоена, Луазелера, Юнга, Башетта, Функъ-Брентано, Логена и многихъ другихъ. Но кто именно былъ этой таинственной личностью, — до сихъ поръ тайна. Положительно можно сказать только, что онъ не былъ, какъ утверждали тѣ или другіе писатели, ни старшимъ братомъ Людовика XIV и сыномъ Анны Австрійской отъ Мазарини, ни младшимъ его братомъ, ни графомъ Вермандуа, сыномъ Людовика XIV и г-жи Ла-Вальеръ, ни герцогомъ Монмутъ, ни сыномъ Кромвеля, ни знаменитымъ министромъ при Людовикѣ XIV—Фукэ, ни армянскимъ патріархомъ Аведикомъ, ни министромъ Мантуанскаго герцогства Маттіоли, ни Мольеромъ и т. д. и т. д. Изъ всѣхъ двадцати семи кандидатовъ на мрачныя лавры желѣзной маски всего популярнѣе въ послѣднее время былъ Маттіоли, и до сихъ поръ многіе ученые,

въ томъ числѣ извѣстный историкъ Сорель, считаютъ, что «загадка разгадана» трудами Функъ-Брентано, который возобновилъ и будто бы окончательно подтвердилъ эту старую гипотезу. Однако, въ сущности, она также мало основательна и также мало доказательна, какъ всѣ остальные. Какъ бы то ни было, но на этомъ остановились разысканія французскихъ ученыхъ и любителей исторіи, и уже два года не появляется ни одной книги или статьи объ этомъ предметѣ. Напротивъ, англичане взялись за это дѣло, и Тигъ Гонкинсъ посвятилъ въ прошломъ году означенному вопросу книгу подъ названіемъ: «Человѣкъ въ желѣзной маскѣ» ¹⁾. Однако онъ не сообщил ничего новаго, а только старательно и добросовѣстно повторилъ исторію несчастнаго узника, котораго онъ считаетъ заодно съ Функъ-Брентано и модными французскими исследователями—графомъ Маттіоли. Зато, если Гонкинсъ довольствуется повтореніемъ старыхъ задовъ и нисколько не подвигаетъ впередъ разрѣшенія старой загадки, то извѣстный англійскій историкъ и публицистъ, Лангъ, въ полемикѣ съ Гонкинсомъ на столбцахъ «Atheneum» и въ небольшой статьѣ въ «Monthly Review», подъ оригинальнымъ названіемъ: «Трагедія лакея» ²⁾, представляетъ совершенно новое, оригинальное и замѣчательное толкованіе легенды ³⁾. Его двадцать восьмой кандидатъ на таинственную личность Желѣзной маски, невѣдомый, въ продолженіе болѣе двухсотъ лѣтъ,—не кто иной, какъ лакей, Есташъ Дождэ, такъ же содержавшійся долгое время во французскихъ тюрьмахъ въ означенную эпоху. Лангъ напоминаетъ, что не онъ первый возымѣлъ подобную мысль, а Л'Эрвь, въ его біографіи Фука, впервые высказалъ подобное предположеніе. Даже Функъ-Брентано допускаетъ теорію, что если не Маттіоли, то всего вѣроятнѣе Есташъ Дождэ былъ таинственнымъ узникомъ. Лангъ идетъ еще далѣе и полагаетъ, что Дождэ самъ не зналъ той загадки, за которую онъ такъ долго томился въ тюрьмѣ. Тѣмъ вѣроятнѣе это предположеніе, что Дождэ былъ просто лакеемъ французскаго гугенота Ру-де-Марсильи, который интриговалъ съ англичанами Арлингтономъ и Букингамомъ въ пользу протестантской лиги и противъ Франціи. Этотъ заговоръ былъ, въ сущности, противовѣсомъ переговоровъ англійскаго короля, Карла II, съ Людовикомъ XIV о союзѣ противъ Голландіи и въ пользу возстановленія католицизма въ Англіи. Марсильи дѣйствовали чрезвычайно энергично, получали субсидію отъ Арлингтона и, наконецъ, были схвачены въ Швейцаріи и посажены въ Бастилію, въ 1669 г., по обвиненію его въ покушеніи на жизнь Людовика XIV. Англійскій посланникъ во Франціи, лордъ Монтегью, выдалъ его и, насколько знаетъ, разсказалъ всѣ его тайны. Несмотря на его увѣренія, что онъ не имѣлъ никакихъ намѣреній убить Людовика XIV, Марсильи былъ подвергнутъ самой ужасной пыткѣ и казни. Убѣжая въ Швейцарію, Марсильи оставилъ въ Лондонѣ лакея, котораго онъ называлъ Мартиномъ. Этотъ лакей, покинувъ его службу, жилъ въ своемъ семействѣ. Французское правительство очень заботилось о томъ, чтобы захватить его, такъ какъ по письмамъ Марсильи извѣстно было,

¹⁾ The Man in the Iron Mask. By Tighe Hopkins. London. 1901.

²⁾ The valet's.

³⁾ Lackey's tragedy, by Lang. «Monthly Review». Septembre 1901.

что онъ имѣлъ открытое сношеніе съ заговорщиками, т. е. могъ знать таинственную двойную игру противъ Людовика XIV. Насколько это было справедливо, осталось неизвѣстнымъ, но Людовикъ XIV и его министры, въ теченіе многихъ лѣтъ, безокоились о тайнѣ, будто бы извѣстной этому лакею. Французскій посланникъ въ Лондонѣ, Кольберъ, братъ знаменитаго министра, писалъ 1-го іюля 1669 г.: «Г-нъ Жоли разговаривалъ съ Мартиномъ и убѣдилъ его, что, поѣхавъ во Францію и рассказавъ все извѣстное ему о Марсильи, онъ сыграетъ роль честнаго человѣка и преданнаго подданнаго». Однако, Мартинъ нисколько не былъ убѣжденъ и отвѣчалъ Жоли, что онъ ничего не знаетъ и полагаетъ, что во Франціи его посадятъ въ тюрьму за то, что онъ не выдаетъ тайны, которой онъ самъ не знаетъ. Но Мартинъ, изъ тщеславія, сознался, что онъ многое знаетъ, хотя не все, и Кольберъ вынудилъ Карла II выдать ему лакея. Во всякомъ случаѣ 19 іюля Лувуа, военный министръ Людовика XIV, написалъ Сень-Марсу, коменданту Пиньерольской крѣпости, что онъ получить изъ Дюнкирхена очень важнаго узника, хотя онъ былъ лакей. Этотъ лакей теперь назывался Есташъ Дождэ, и по словамъ Ланга былъ не кѣмъ инымъ, какъ Мартиномъ. «Невѣроятно, — говоритъ онъ: — чтобы французское правительство ловило одного важнаго лакея въ политическомъ отношеніи, а черезъ нѣсколько дней поймало бы другого столь же важнаго». Во всякомъ случаѣ Есташъ Дождэ былъ послѣ этого двадцать четыре года или тридцать лѣтъ таинственнымъ узникомъ Сень-Марса. «Король, — по словамъ Лувуа, — чрезвычайно заботился о безопасности Дождэ, который былъ для него «чрезвычайно важенъ». Онъ не долженъ былъ ни съ кѣмъ разговаривать, и его никто не могъ видѣть, даже чрезъ окошко. Нѣсколько запертыхъ дверей должны отдѣлять его отъ другихъ узниковъ, такъ чтобы голосъ его не былъ слышенъ». «Вы не должны, ни подъ какимъ предлогомъ слушать то, что онъ захочетъ вамъ говорить. Вы должны угрожать ему смертью, если онъ станетъ говорить о чемъ нибудь, кромѣ своихъ жизненныхъ потребностей. Онъ — только лакей и не имѣетъ нужды въ мебели». Дѣйствительно, старшій смотритель Дюнкирхенской тюрьмы, Воруа, привезъ Дождэ въ Пиньероль и сдалъ его Сень-Марсу, который никому не говорилъ о немъ и предупредилъ Дождэ не заговаривать съ нимъ о постороннихъ предметахъ, подъ угрозой смерти. Тогда немедленно начались легенды о таинственномъ узникѣ, и сначала рассказывали, что онъ — какой-то французскій маршалъ. Черезъ пять лѣтъ, однако, Сень-Марсъ спросилъ позволеніе у Лувуа назначить Дождэ лакеемъ къ знаменитому Лозену, временно находившемуся въ Пиньерольской тюрьмѣ. Лувуа ему въ этомъ отказалъ, но въ 1675 г. онъ позволилъ Дождэ быть лакеемъ другого знаменитаго узника, Фукэ, при чемъ, однако, запретилъ ему имѣть какое бы то ни было сношеніе съ Лозеномъ. Такъ какъ Фукэ имѣлъ другого лакея, Ларивьера, то Лувуа, прежде чѣмъ доставить Фукэ большую свободу, спросилъ у него письменно, по секрету даже отъ Сень-Марса, сказать ли что нибудь Дождэ Ларивьеру о томъ, чѣмъ онъ занимался до прибытія въ Пиньероль. «Его величество, — говоритъ Лувуа: — велѣлъ мнѣ предложить вамъ этотъ вопросъ, и онъ надѣется, что вы скажете всю правду, согласно которой онъ приметъ необходимыя мѣры». По распоряженію Лувуа, Лозену никогда не позволяли входить въ комнату Фукэ, когда тамъ находился

Дожд. Последнее распоряженіе тѣмъ юмористичнѣе, что въ стѣнѣ между комнатами Фука и Лозена было сдѣлано послѣднимъ отверстіе, въ которое онъ могъ видѣть Дожд, когда хотѣлъ. По всей вѣроятности, отвѣтъ Фука удовлетворилъ его и короля. По крайней мѣрѣ, до смерти Фука въ 1680 г. не упоминается ни слова о Дожд. Когда же Сень-Марсъ спросилъ Лувуа, что ему дѣлать съ обоими лакеями, то послѣдній приказалъ ихъ обоихъ посадить въ одну комнату, въ нижнюю башню. Болѣе года они оставались тамъ; когда Сень-Марсъ былъ переведенъ изъ Пиньероля въ Экиль, то Лувуа писалъ ему: «Король желаетъ, чтобы вы взяли съ собою тѣхъ узниковъ, которыхъ онъ считаетъ слишкомъ важными, чтобы они перешли въ другія руки». Эти узники были Дождъ и Ларивьеръ. Въ новой тюрьмѣ они сначала содержались вмѣстѣ, а потомъ ихъ раздѣлили и содержали съ обычной строгостью. Въ 1687 г. одинъ изъ узниковъ умеръ, но который изъ двухъ — подлинно неизвѣстно. Надо, однако, предположить, что Дождъ остался въ живыхъ. По крайней мѣрѣ, Функъ-Брентано и Л'Эр не сомнѣваются, что умеръ Ларивьеръ, тѣмъ болѣе, что узникъ умеръ отъ водяной, а у Ларивьера была именно водяная. Что касается Дожд, то мѣры противъ него стали приниматься еще болѣе строгія, чѣмъ прежде, и когда въ 1687 г. Сень-Марсъ былъ переведенъ на островъ св. Маргариты, то онъ взялъ съ собою Дожд, перевезъ его въ герметически закрытыхъ носилкахъ. Въ 1691 г. умеръ Лувуа, и его преемникъ Барбезье писалъ Сень-Марсу относительно узника, который былъ на его попеченіи двадцать лѣтъ. Двадцать лѣтъ находился подъ присмотромъ Сень-Марса только Дожд, и Сень-Марсъ отвѣчалъ: «Я могу васъ увѣрить, что никто, кромѣ меня, его не видѣлъ». Время шло, и, наконецъ, въ 1698 г. Сень-Марсъ былъ назначенъ комендантомъ Бастиліи, но, все-таки, онъ долженъ былъ взять съ собою своего «старого узника», онъ привезъ его въ маскѣ. Въ Бастиліи содержаніе Дожд нѣсколько измѣнилось; ему носилъ пищу уже не самъ Сень-Марсъ, а его помощникъ, Розаргъ, дворянинъ и майоръ. Въ 1701 г. онъ былъ выведенъ изъ своей комнаты, ради какой-то гадалки, и помѣщенъ вмѣстѣ съ какимъ-то девятнадцатилѣтнимъ развратнымъ лакеемъ. 19 ноября 1703 г. таинственный узникъ, называемый Желѣзной Маской, внезапно умеръ и былъ погребенъ 20-го дня, того же мѣсяца, подъ именемъ Марчіалли или Марчіолли. Вотъ почему всѣ защитники теории Маттіоли торжествуютъ, считая, что фамилія Марчіалли или Марчіолли была, очевидно, Маттіоли. Это самая сильная сторона ихъ аргумента. Однако, Л'Эр замѣчаетъ, что у Сень-Марса была страсть хранить своихъ узниковъ подъ вымышленными именами; такъ одного узника, по имени Эльяра, онъ похоронилъ подъ именемъ Пьера Марэ. На этомъ основаніи Лангъ полагаетъ, что Сень-Марсъ могъ измѣнить имя Дожд и назвать его Марсильи, какъ звали его старого господина. Изъ Марсильи передѣлать, по ошибкѣ, въ Марчіолли было очень легко. О смерти Дожд, если онъ не былъ Желѣзной Маской, нѣтъ никакихъ извѣстій, и тѣмъ вѣроятнѣе считаетъ Лангъ его тождественность съ знаменитымъ таинственнымъ узникомъ. Хотя онъ поддерживаетъ свою разгадку тайны ссылками на депешы англійскихъ посланниковъ и государственныхъ людей того времени, но прямыхъ ясныхъ доказательствъ онъ не представляетъ, и такимъ образомъ тайна желѣзной маски все-таки остается

неразгаданной. Въ этомъ отношеніи не помогла и двадцать-восьмая гипотеза, несмотря на всю оригинальность и даже вѣроятность въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ.

— Наполеонъ съ точки зрѣнія прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III и современнаго американца. До сихъ поръ не обнародовано драгоцѣнное содержаніе прусскихъ архивовъ относительно Тильзитскихъ переговоровъ въ 1807 г., и только теперь въ двухъ книгахъ¹⁾ «Deutsche Rundschau» Поль Белье помѣстили интересную переписку на французскомъ языкѣ между королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III и его женой Луизой. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ описываетъ свое свиданіе съ Наполеономъ на Нѣманѣ, въ Тильзитѣ: «Я видѣлъ его (Наполеона), я видѣлъ это чудовище, пещадіе ада, созданное Вельзевуломъ, чтобы служить бичемъ всего свѣта. Я не могу объяснить первое впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня. Никогда я не испытывалъ ничего подобнаго; все мое существо возстало противъ этого страшнаго чловѣка. Онъ, однако, былъ холодно учтивъ, но нисколько не привѣтливъ и нисколько не внимателенъ. Все, что произошло со мною въ этотъ день, казалось мнѣ сномъ. По счастью, меня провожалъ Александръ, и онъ, главнымъ образомъ, принялъ на себя тяжесть разговоровъ. Мы вдвоемъ доѣхали въ коляскѣ до берега рѣки, въ сопровожденіи кавалергардовъ, garde-de-corps и ольвионольскихъ гусаръ. Они выстроились на берегу; я впервые видѣлъ это сочетаніе прусскихъ и русскихъ войскъ, что меня очень порадовало бы, если бы я былъ въ другомъ настроеніи. Напротивъ стоялъ гвардейскій эскадронъ «чорта». Трубнымъ гласомъ обѣ арміи привѣтствовали другъ друга; русскій и французскій флаги очень мило соединились вмѣстѣ, а буквы А и Н видѣлись всюду, граціозно украшенныя цвѣтами. По окончаніи свиданія, онъ спросилъ, кого я привезъ изъ своей свиты; я ему представилъ генераловъ Лейстока, Клейста и Ягова. Вообрази себѣ, это животное былъ до того невѣжливъ, что не представилъ мнѣ своей свиты, поэтому я не сказалъ ни слова и не обратилъ никакого вниманія на Дюрока, Бертрана, Вертье и проклятаго Мюрата». Далѣе король прибавляетъ: «Наполеонъ сегодня много говорилъ о несправедливомъ поведеніи Пруссіи относительно Франціи, и увѣрялъ, что никогда не хотѣлъ драться съ нами, а, напротивъ, думалъ вмѣстѣ съ нами воевать съ Россіей. Предстань себѣ, какая каналья: онъ сказалъ это при русскомъ императорѣ. Я такъ былъ пораженъ, что едва не ушалъ. Прежде чѣмъ уѣхать изъ павильона на рѣкѣ, онъ пригласилъ Александра обѣдать въ 6 часовъ, но мнѣ не сказалъ ни слова. Я былъ очень этому радъ; но какова скотина? Когда Наполеонъ вышелъ на берегъ и сѣлъ верхомъ, то все французское отродье стало кричать: «Vive l'empereur!». Вообще король высказываетъ о Наполеонѣ нелестное мнѣніе, даже объ его внѣшности: «Нѣтъ никакого достоинства въ его фигурѣ,—говоритъ онъ:— а въ его манерахъ есть даже что-то гнусное». Въ послѣдней части этой статьи Фридрихъ-Вильгельмъ III съ такой же ненавистью говоритъ о Талейранѣ и увѣряетъ, что по подлости онъ вполне равенъ своему повелителю.

¹⁾ Tilsit 1807, von Paul Bailleu. «Deutsche Rundschau». Jan.—Febr. 1902.

Въ американскомъ журналѣ «Atlantic Monthly», за ноябрь прошлаго года, помѣщена въ статьѣ ¹⁾ «The Mississippi Valey Organised», Джемса Госмера, оригинальная характеристика Наполеона, какъ основателя Соединенныхъ Штатовъ. По его мнѣнію, Вашингтонъ создалъ Американскую республику, но Наполеонъ расширилъ ее прибавкой штатовъ долины Миссисипи. Если американцы сдѣлались обладателями этой громадной мѣстности, то они должны за это благодарить Наполеона, считавшаго выгодной для себя подобную уступку. Американцы хотѣли приобрести только Орлеанъ и устье Миссисипи, а Наполеонъ, находившійся въ денежномъ затрудненіи и желавшій сосредоточить свои войска въ Европѣ противъ Англии, прибавилъ еще къ Новому Орлеану огромную территорию, которая тянулась отъ Мексиканскаго залива до большихъ американскихъ озеръ. Все его семейство, французскія палаты и страна были недовольны, но Наполеонъ не терпѣлъ оппозиціи. «Вы получите Новый Орлеанъ,—сказалъ онъ американскому посланнику:—и, кромѣ того, громадную степь, простирающуюся на сѣверъ и западъ. Я не хочу, чтобы она попала въ руки Англии, которой такимъ образомъ я надѣлаю много вреда, и на 15 милліоновъ долларовъ, заплаченныхъ вами за эту уступку, я подготовлюсь къ войнѣ съ нею».

— Альфредъ де Виньи. Въ Парижѣ недавно появилась новая біографія Альфреда Виньи ²⁾, написанная Леономъ Сешэ. Собравъ массу новыхъ документовъ, авторъ разбирается въ мельчайшихъ подробностяхъ жизни и характера французскаго поэта. Виньи родился въ 1799 г., и его поэзія дышала разочарованностью и грустью. Стихъ отличался изысканностью и нѣжнымъ настроеніемъ, но его проза была болѣе популярна. Леонъ Сешэ говоритъ, что женщины давали законченность его произведеніямъ, и даже вдохновляли дѣлыя произведенія, смягчая его характеръ, идеи и даже познаніе жизни. Сперва онъ началъ свою карьеру съ военной службы и былъ гвардейскимъ поручикомъ, но избѣгалъ всѣми силами походить на военнаго. Благодаря ли этому, что онъ былъ военный, или, наоборотъ, что не хотѣлъ имъ казаться, въ него влюбилась очаровательная дѣвушка Дельфина Гэй. Но Виньи остался холоденъ и противился браку съ нею. Можетъ быть, онъ упорствовалъ вслѣдствіе того обстоятельства, что она тоже писала стихи, какъ и онъ. Нѣкоторыя личности приводили другія причины: что она не была благороднаго происхожденія, а онъ былъ поклонникомъ аристократизма; другіе говорили, что у Дельфины не было приданаго, и это было причиной холодности поэта. Но поэтъ велъ себя такъ сдержанно, что трудно было угадать настоящую причину. Одно извѣстно навѣрно, что онъ избѣгалъ этой любви, и упорствовалъ очень дипломатично. Мать Дельфины, Софія Гэй, большая поклонница любовныхъ интригъ, и ихъ пріятельница Марселина Дебордъ-Вильморъ, жаждавшая видѣть вокругъ себя влюбленные пары, ничего не могли сдѣлать съ Виньи, несмотря на всѣ свои омытныя ухищренія, такъ какъ поэтъ умѣлъ упорствовать противъ женскихъ заговоровъ. Впослѣдствіи, онъ признавался, что могъ бы полюбить Дель-

¹⁾ The Mississippi Valey Organised; by James Hosmer. Atlantic Monthly. Nov. 1902.

²⁾ Alfred de Vigny et son temps 1797—1863, par Leon Séché.

фину, но его удерживала отъ этого ея привычка «слишкомъ смѣяться». Въ своихъ стихахъ онъ говоритъ, что когда она смѣется, то не такъ прекрасна, какъ въ то время, когда печальна и блѣдна. Изъ этого видно, что любовь не повелѣвала поэтомъ, и ни одинъ мужчина не сумѣлъ бы ей противиться лучше его. Его молчаливая меланхолия мѣшала ему подчиняться женщинамъ съ веселымъ и болтливymъ характеромъ. Онъ искалъ въ женщинѣ поклоненія превосходству мужчины, которое доходило бы до самоотреченія, до полного слиянія съ любимымъ существомъ. Однако, гордый поэтъ, обладавшій страшнымъ эгоизмомъ, женился не по любви на англичанкѣ Лиди Бюнбюри. Она обладала величественной красою, что видно на приложенномъ къ книгѣ портретѣ. Связавъ свою жизнь съ этой женщиною, къ которой не питалъ любви, онъ, однако, не поддавался ея вліянію ни въ жизни, ни въ поэзи, хотя былъ преданъ ей изъ благодарности. Но не ея любовь породила преданность поэта, а ея восторгъ его личностью и талантомъ, ея желаніе совершенно ступеняться, оставивъ ему первое мѣсто. Онъ былъ преданъ ей, потому что, въ продолженіе сорока лѣтъ, онъ могъ на свободѣ развивать свой эгоизмъ, свое я и укрѣплять свое инстинктивное знаніе жизни. Къ тому же она была аристократическаго происхожденія, имѣла величественныя манеры и любила жизнь «на показъ», а поэтъ раздѣлялъ вполне ея вкусъ. Отношенія ихъ могли бы показаться даже смѣшными, однако, не лишенными своеобразной прелести. Такъ, напримеръ, каждый разъ, какъ Виньи выходила по хозяйству изъ залы, поэтъ предлагалъ ей руку и провожалъ ее до дверей. Когда она возвращалась обратно, онъ подходилъ къ ней и поклонившись церемонно, отводилъ ее къ ея креслу. Но, добившись отъ жены ея восторга своему я и дорогого для него аристократизма, онъ, однако, обманулся и не получилъ ея состоянія. Онъ велъ массу процессовъ ради заложенныхъ имѣній. Ея отецъ лишилъ Лидію наслѣдства и не хотѣлъ слышать о своемъ зятѣ. Онъ даже не зналъ хорошо его фамиліи, и, чтобы ее вспомнить, ему приходилось перебрать имена всѣхъ французскихъ поэтовъ. Кромѣ того, Лидія тотчасъ послѣ свадьбы начала безирестанно хворать интимной болѣзнью, которая была одинаково тягостна какъ для нея, такъ и для тѣхъ, кто за ней ухаживалъ. Сорокъ лѣтъ Лидія была наканунѣ смерти и, вскорѣ послѣ замужества, подурнѣла. Ратизбонъ отзывался о ней: «муженоподобная, какъ бы страдающая англійской болѣзнью, на половину слѣпая, она съ трудомъ двигалась и говорила». Виньи вкусили возлѣ нея всю физически отвратительную сторону жизни. Быть вѣчно братомъ милосердія и всегда нуждаться въ деньгахъ—вотъ оборотная сторона жизни этого поэта, который, однако, не внесъ въ свои произведенія ни одного изъ своихъ низменныхъ огорченій. Его вульгарная, однообразная дѣйствительность не соприкасалась съ другимъ его міромъ—поэтическимъ. Даже нельзя сказать, чтобы горькая дѣйствительность имѣла вліяніе на меланхолическій характеръ его произведеній, такъ какъ они отличались этой чертою еще до его женитьбы. Вѣришь, эту меланхолію породила гордость. Сешэ настаиваетъ, что на Виньи имѣла вліяніе Марія Дорваль, и если бы не его связь съ нею, то наврядъ ли явились бы на свѣтъ «*Quitte pour la peur*» «*Chaterton*» и «*Destinées*», хотя это мнѣніе оспаривается, и Дорваль, будто бы, не имѣла никакого вліянія

на его талантъ. Марія Дорваль была актриса и обладала природою комедиантки. вмѣсто съ тѣмъ, какъ бретонка, она соединяла самый симпатичный мистицизмъ съ безпорядочнымъ и взбалмошнымъ существованіемъ. Она носила на шеѣ мощи и охотно мѣняла любовниковъ, а также любила театръ и своихъ дѣтей. Въ общемъ, она была прелестной женщиной, готовой все простить, только бы ей не надоѣли. Упорный и холодный Виньи страстно въ нее влюбился. Будучи красивымъ, поэтъ привлекъ вниманіе Дорваль. Онъ разговаривалъ съ нею о театрѣ, о литературѣ, хвалилъ ея талантъ и признавался ей въ любви метафорами, въ отвѣтъ на что Дорваль закатывала глаза къ небу. Хотя поэтъ ей нравился, но она была практична, при томъ у нея былъ мужъ, по имени Мерль, который написалъ «Историческіе и политическіе анекдоты относившіеся къ Алжиру». Виньи долженъ былъ написать о нихъ хвалебный отчетъ въ *Revue des deux Mondes*. Такимъ образомъ изъ троихъ Мерль былъ вознагражденъ раньше всѣхъ. Но, однажды, вечеромъ Дорваль сама рѣшилась вознаградить поэта за услугу, оказанную мужу, и, глядя ему прямо въ глаза, сказала: «Когда же родители г-на графа явятся просить моей руки?» Конечно, рѣчь шла о лѣвой рукѣ Дорваль, которую поэтъ и получилъ, такъ какъ, по словамъ Сешэ, «*tout en jouant à l'ange, ne voulait pas faire la bête*». Только благодаря инициативѣ Мари Дорваль, поэтъ сдѣлался ея любовникомъ. Но вдругъ ея мужъ задумалъ написать «Добавленіе» къ своей книгѣ анекдотовъ. На этотъ разъ Виньи понялъ игру и началъ самъ разыгрывать «*ange*», а Мари Дорваль вмѣсто поцѣлуевъ стала получать нѣжныя поглаживанія по волосамъ и выслушивать поэтически-платоническія рѣчи. Впрочемъ въ то время, какъ поэтъ разговаривалъ, она думала совѣтъ о другомъ. Дѣло въ томъ, что Виньи былъ обожаемымъ, но скучнымъ любовникомъ, и она была болѣе въ своей сферѣ съ актеромъ Меленгомъ, хотя ей не переставалъ нравиться поэтъ. Сешэ говоритъ, что Виньи писалъ всѣ пьесы для Дорваль, но это оспариваютъ многіе, такъ какъ она играла не во всѣхъ его пьесахъ.

— Измѣнникъ ли Кронье? Въ первой мартовской книжкѣ «*Revue Hebdomadaire*» помѣщена статья русскаго офицера, Евгенія Августуса, принимавшаго участіе въ войнѣ буровъ съ англичанами ¹⁾. Вторая годовщина битвы при Вольфскрадѣ, повлекшая за собою капитуляцію Кронье 24-го февраля 1900 г., напомнила о странномъ поведеніи главнокомандующаго боэровъ, котораго называютъ теперь въ Южной Африкѣ Трансваальскимъ Базеномъ. Правильно ли приписываютъ Кронье позорную измѣну, сказать навѣрно, пока, еще невозможно. Евгений Августусъ поддерживаетъ это мнѣніе, опираясь на то, что генераль, доказавшій въ столькихъ битвахъ свою ловкость, велъ себя 24-го февраля съ необъяснимой беззаботностью. По словамъ автора статьи, появленіе лорда Робертса въ южной Африкѣ съ февраля 1900 г. должно было повести за собою внезапный переворотъ въ военныхъ событіяхъ Трансваала. Полтораستا тысячъ войска составляли его армію; что касается плана кампаніи, то генералиссимусъ держалъ его въ строгой тайнѣ. Выборъ Моддеръ-

¹⁾ Cronje a-t-il trahi son pays? par Eugène Augustus. *Revue Hebdomadaire*. 1 mars, 1902.

Ривера, какъ мѣстоназначенія для прибывающихъ дивизій, сосредоточеніе вокругъ этого мѣста силъ, до тѣхъ поръ разбросанныхъ по всей Калской землѣ, были первымъ актомъ военныхъ дѣйствій, угрожавшихъ Кронье, недвижимо остававшемуся на своемъ мѣстѣ. Суровый Китченеръ удалилъ изъ главной квартиры всѣхъ корреспондентовъ. Тайнственно отравленные войска не знали цѣли своего назначенія, а потому боэрамъ было не возможно имѣть какія либо указанія или свѣдѣнія, какъ чрезъ своихъ шпионовъ, такъ и посредствомъ газетъ. 10-го февраля лордъ Робертсъ, взявъ подъ свою личную команду тридцать пять тысячъ человѣкъ и сто сорокъ одну пушку, расположилъ ихъ вдоль рѣки Граспанъ-Орэнжъ, передъ рѣкою Моддеръ. Кронье могъ выставить лишь около шести тысячъ человѣкъ, разбросанныхъ на громаднѣмъ разстояніи, и шесть орудій. Его позиція направо опиралась на высоты Кодоескихъ горъ, а налево на берега Моддера, и не представляла никакихъ особыхъ преимуществъ относительно мѣстоположенія. 15-го февраля генераль Френчъ открылъ операціи, двинувшись со своей кавалерійской дивизіей, чтобы захватить переходъ черезъ Моддеръ въ Клингъ-Дрифтъ. Въ то время какъ дивизія шла позади его, чтобы занять этотъ важный пунктъ, онъ шелъ безостановочно къ Кимберлею, гдѣ освободилъ отъ осады гарнизонъ. Это смѣлое движеніе было произведено въ тылу Кронье, но онъ даже не попробовалъ его остановить. На всѣ совѣты, получаемые имъ 15-го февраля относительно движенія англійской кавалеріи, онъ только отвѣчалъ, что англичане никогда не рѣшатся покинуть желѣзную дорогу, и, кромѣ того, начальникомъ былъ онъ, «а онъ знаетъ, что ему надо было дѣлать». Только ночью съ 15-го на 16-е, когда снятіе осады Кимберлея состоялось, и никто болѣе не сомнѣвался въ присутствіи англійскаго отряда въ тылу и на флангахъ, Кронье началъ ретироваться къ Магирефонтену. Но было поздно. Густыя облака были выдали движенія буровъ, и Китченеръ двинулъ противъ нихъ шестую дивизію. Однако, бурамъ удалось миновать опасный пунктъ, и только немного далѣе въ Дриу они попали въ столкновеніе съ Китченеромъ. Сраженіе завязалось жестокое и тянулось до самой ночи. Буры, пожертвовавъ восьмьюдесятью повозками, которыя истомленные волю отказывались тащить, продолжали отступать въ темнотѣ. Китченеръ воспользовался ночью съ 16-го на 17-е и, поручивъ бригадѣ Нокса слѣдовать за бурями по правому берегу, онъ съ другой половиной дивизіи, бригады Стефенсона, перешелъ на лѣвый берегъ. Его цѣлью было—достичь усиленнымъ маршемъ Нардеберга-Дрифта, находившагося по дорогѣ въ Влумфонтенъ, и такимъ образомъ пересѣчь отступленіе бурамъ. Онъ, наполовину, достигъ своей цѣли. За темнотою ночи и за неимѣніемъ проводника, онъ пропелъ Нардебергъ, самъ того не подозрѣвая, и утромъ остановился передъ Вольскраалемъ. Непостижимо, какъ Кронье въ это время не успѣлъ достигъ Моддера и, перейдя въ бродъ, задолго до появленія Китченера. Теперь же для буровъ была закрыта дорога въ Влумфонтенъ, и ихъ армія, остановленная на берегу Моддера, очутилась между двумя бригадами 6-й дивизіи. Однако, съ утра 17-го числа дорога на сѣверовостокъ оставалась для нихъ открытой, и, покинувъ часть провіанта, они могли ускользнуть отъ Китченера въ этомъ направленіи. Каждая минута замедленія угро-

жала потерять и это спасеніе. Вскорѣ офицеръ Спрюитъ прискакалъ съ извѣстіемъ, что и эта дорога закрыта, такъ какъ кавалерія Френча оказалась на сѣверѣ. Спрюитъ искалъ повсюду Кронье и, наконецъ, нашелъ его смазывающимъ колеса своего фургона. Онъ предупредилъ его объ опасности, умолялъ его покинуть обозъ и броситься противъ показавшейся пѣхоты. Это мнѣніе поддерживали всѣ присутствующіе; одинъ только Кронье, не выпуская трубки изъ рта, равнодушно слушалъ и наконецъ отвѣтилъ: «знаю, что надо дѣлать». Вся кавалерія Френча окружила съ сѣвера бивуакъ буровъ. Сначала послѣ освобожденія Кимбертея она раздѣлилась. Въ это время Френчъ послалъ бригаду Бродвуда, чтобы догнать Кронье и перерѣзать ему отступленіе. Самъ же онъ бросился съ остаткомъ войска по слѣдамъ быстро отступавшихъ къ Бошофу буровъ. Послѣдніе, прекрасно руководимые Делареемъ, Смитомъ и друг., внезапно измѣнили направленіе и ускользнули отъ него. Тогда Френчъ, отказавшись отъ преслѣдованія, соединился съ Бродвудомъ, и восемь тысячъ человѣкъ стояли передъ бродомъ. Въ тотъ же день, 17-го, 9 дивизія, слѣдовавшая недалеко за 6-ю, присоединилась къ ней, и къ вечеру вокругъ Кронье образовалась блокада. Буры, сознавая свое безсиліе, сомкнулись и приняли мѣры. Въ одну ночь они выкопали глубокія траншеи и защитили ихъ куртиной. Женщины и дѣти, которыхъ было въ фургонахъ около двухсотъ человѣкъ, были помѣщены въ казематы. Эти импровизованныя подземелья служили также убѣжищемъ для раненыхъ, больныхъ и англійскихъ плѣнныхъ. 18-го утромъ Китченеръ началъ первую атаку. Перекрестный огонь изъ пушекъ воспламенилъ фургоны буровъ и перешелъ на ящики съ боевыми запасами, послышались оглушительные взрывы. Буры съ своей стороны не удостоивали англичанъ ни однимъ выстрѣломъ и только, когда цѣпь англійскихъ стрѣлковъ приблизилась на шестьсотъ метровъ, тогда защитники траншей открыли огонь. Дѣлать нечего, Китченеръ долженъ былъ отказаться отъ быстрой атаки, и только его артиллерія въ продолженіе ночи продолжала бомбардировать траншеи. Въ то же время на помощь Кронье послѣдвалъ Оливье, отбившій у англичанъ сто восемьдесятъ фургоновъ, а Деветъ явился въ Кольбергъ съ 5.000 человѣкъ. Онъ увѣдомилъ оптическимъ телеграфомъ Кронье, что намѣренъ атаковать слабую сторону англичанъ, и требовалъ содѣйствія въ этой попыткѣ. Но, несмотря на его смѣлую атаку, Кронье не вышелъ изъ траншей, и Деветъ долженъ былъ удалиться. 19-го лордъ Робертсъ явился съ 7-й дивизіей и принялъ начальство надъ всѣми операціями. Онъ расположилъ свои орудія въ ружейнаго огня буровъ и руководилъ огнемъ изъ этихъ орудій посредствомъ воздушнаго шара. Ни днемъ, ни ночью онъ не прекращалъ бомбардировки, и Кронье, наконецъ, видя, что удовольствіе буровъ совершенно истощилось, просилъ удалить изъ осажденных линій женщинъ, дѣтей и раненыхъ, но Робертсъ отказалъ ему въ этомъ. 26-го числа онъ получилъ еще новыя орудія и повелъ новую параллель противъ буровъ, которая дошла до шестидесяти метровъ отъ ихъ позиціи. Тогда буры пришли въ отчаяніе и потребовали отъ Кронье, чтобы онъ сдался. Нѣкоторые изъ нихъ небольшими группами даже старались пробиться ночью чрезъ англійскія линіи, что въ безчисленныхъ случаяхъ имъ удавалось. 26-го Кронье телеграфировалъ Жуберу, что положеніе его удовлетворительно, а утромъ 27-го,

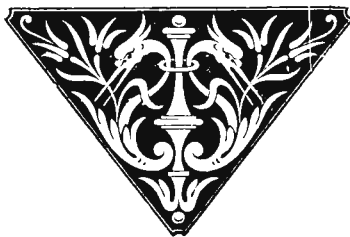
не предупредивъ никого, поднять бѣлый флагъ. Англичане тѣмъ болѣе довольны были этой сдачей, что она пришла въ тотъ самый день, когда въ 1881 году они были разбиты при Аманджубѣ. Напротивъ, солдаты Кронье, маршируя мимо него для сдачи Роберту, показывали ему кулаки, называя его громко: «измѣнникомъ» и «кровопийцею». Несмотря на жестокую бомбардировку, они лишились ранеными и убитыми только двухсотъ семидесяти человекъ. Двѣ тысячи восемьсотъ трансваальцевъ и тысяча сто бюргеровъ Оранжевой республики были направлены на другой же день на островъ св. Елены. Описавъ такимъ образомъ фактическую сторону событія, русскій офицеръ говорить: «Неспособность, чтобы не сказать хуже, доказанная Кронье во время его отступленія, поддерживаетъ слухи, распространенные объ его измѣнѣ. Даже задолго до сдачи ходили слухи о томъ, что Кронье, видя невозможность сопротивляться Роберту, нарочно далъ себя окружить и взять въ ловушку. Послѣ же этого событія всѣ были убѣждены въ справедливости названія его измѣнникомъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что ни прежде ни позже не случилось со стороны буровъ подобной позорной капитуляціи».

— Смерть Коломана Тиссы и историка Гардинера. На-дняхъ умеръ въ Пештѣ извѣстный венгерскій дѣятель и бывший предводитель либеральной партіи Коломанъ Тисса. Онъ родился въ Гестѣ въ 1830 г. и происходилъ отъ старинной протестантской семьи. Несмотря на это, онъ былъ ярымъ защитникомъ мадьярской національности заклятымъ врагомъ всѣхъ славянскихъ племенъ, поселенныхъ въ Венгріи. Въ 1848 г., онъ былъ сподвижникомъ Кошута и впоследствии сдѣлался противникомъ Деака и Андраши, но въ 1875 г., ставъ во главѣ либеральной партіи, очутился первымъ министромъ. Этотъ постъ онъ сохранялъ въ продолженіе 15 лѣтъ. Во всѣ эти годы онъ былъ не ограниченнымъ властителемъ въ Венгріи и постоянно держалъ желѣзной рукой главенство венгерцовъ надъ всѣми мелкими національностями. Наконецъ въ 1890 г. его рѣзкая авторитетность надоѣла всѣмъ: двору, другимъ министрамъ и парламенту. Послѣ продолжительныхъ ссоръ между политическими партіями онъ подалъ въ отставку. Всѣ венгерцы были такъ довольны этимъ обстоятельствомъ, что будапештскія газеты вышли въ рамкѣ изъ розъ въ день его отставки. Съ тѣхъ поръ онъ вернулся въ ряды либеральной партіи, но его вліяніе до того уменьшилось, что онъ былъ забаллотированъ въ прошедшемъ году. Только недавно онъ снова попалъ въ палату на частныхъ выборахъ и не успѣлъ проявить себя еще ничѣмъ замѣчательнымъ, какъ неожиданная смерть унесла его въ могилу на 72 году.

Смерть знаменитаго англійскаго историка Гардинера составляетъ громадную потерю для англійской науки. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ изслѣдователей прошедшаго времени и придавалъ исторіи значеніе не философіи, какъ Гиббонъ, Маколей и Фрудъ, но положительной науки. Главное для него было достиженіе правды, и онъ съ микроскопической и химической точностью искалъ этой исторической правды. По его мнѣнію, историкъ долженъ имѣть въ виду ту эпоху, которую онъ изучаетъ, безъ всякаго отношенія къ ней настоящаго времени. Поэтому онъ представляетъ, какъ историкъ, громадную разницу съ большинствомъ писателей, занимавшихся этими

предметами. Дѣломъ всей его жизни была исторія Англїи, со времени вступленія на престолъ Якова I-го до Карля II, но судьбѣ не угодно было, чтобы этотъ громадный трудъ былъ законченъ, и онъ даже не дошелъ до смерти Кромвеля. Но назначенный имъ душеприказчикомъ, также извѣстный историкъ Фиртъ, намѣренъ довести его трудъ до смерти Кромвеля и оставить на главномъ листѣ имя Гардинера. Такимъ образомъ его работа не пропадетъ даромъ, и онъ останется навѣки историкомъ всей обширной эпохи, центромъ которой были революція и Кромвель. Жизнь Самюэля Гардинера была тѣсно связана съ его мастерскимъ произведеніемъ. Онъ родился въ 1829 г., и по семейнымъ преданіямъ его родъ былъ отпрыскомъ четвертаго сына Кромвеля. Такимъ образомъ онъ былъ историкомъ своего собственного предка. Воспитаніе онъ получилъ въ Винчестерѣ, а потомъ въ Оксфордѣ. Не успѣлъ онъ выйти изъ университета, какъ поссорился съ своей alma mater, по случаю его присоединенія къ сектѣ првингитовъ. Только спустя тридцать лѣтъ, когда слава его была извѣстна всему свѣту, Оксфордъ поставилъ себѣ за честь пригласить его профессоромъ на свою историческую кафедру, опустѣвшую послѣ смерти Фруда. Въ промежутокъ этого времени Гардинеръ женился на дочери Првинга и поселился въ Лондонѣ, гдѣ специально занимался своимъ излюбленнымъ трудомъ, результатомъ чего было тринадцать томовъ. Кромѣ того, онъ написалъ безконечное число историческихъ сочиненій, изъ которыхъ всего замѣчательнѣе: «Студенческая исторія Англїи» въ трехъ томахъ, «Тридцатилѣтняя война», «Очерки англійской исторїи» и т. д. Въ продолженіе тридцати лѣтъ онъ издавалъ англійскій «Историческій журналъ» и принималъ участіе въ «Словарѣ національной біографїи». Кромѣ того, онъ писалъ много брошюръ и журнальныхъ статей историческаго содержанія. Въ прошедшемъ году его разбилъ параличъ, но онъ все-таки продолжалъ писать и только въ концѣ нынѣшняго февраля скончался на 73 году отъ роду.

С М Ъ С Ъ.

ПРОЕКТЫ ПАМЯТНИКА ГОГОЛЮ. 14-го февраля, въ Малой залѣ зданія московской городской думы подъ предсѣдательствомъ его императорскаго высочества, московскаго генераль-губернатора, великаго князя Сергѣя Александровича, состоялось засѣданіе комитета по сооружеію въ Москвѣ памятника Николаю Васильевичу Гоголю для присужденія премій за представленныя на конкурсъ проекты памятника. Его высочество изволилъ прибыть въ зданіе думы въ 2¹/₂ часа дня и, встрѣченный городскимъ головою княземъ В. М. Голицынымъ, товарищемъ городского головы И. А. Лебедевымъ и членами управы, направился въ Малую залу, гдѣ выставлены съ 30-го декабря на конкурсъ проекты памятника Гоголю. По осмотрѣ проектовъ его высочество открылъ засѣданіе комитета въ составѣ слѣдующихъ лицъ: московскаго губернатора А. Г. Булыгина, попечителя Московскаго учебнаго округа П. А. Некрасова, городского головы князя В. М. Голицына, генераль-лейтенанта А. А. Пушкина, состоящаго при его высочествѣ И. Ѳ. Тютчева, профессора А. Н. Веселовскаго, В. И. Шенрока, Д. Д. Языкова и А. Е. Носа. По прочтеніи и утвержденіи журнала предыдущаго засѣданія комитета, 22-го мая 1901 года, казначей общества любителей россійской словесности А. Е. Носъ доложилъ о состояніи суммъ, собранныхъ на сооружеіе памятника. Въ промежутокъ между двумя засѣданіями поступило пожертвованій всего лишь 154 р.; весь капиталъ на постройку монумента знаменитому писателю достигъ въ настоящее время суммы 93.700 рублей. Затѣмъ доложено было о дѣятельности исполнительной коммисіи по устройству конкурса, избранной въ предыдущемъ засѣданіи комитета въ составѣ трехъ лицъ: князя В. М. Голицына, профессора А. Н. Киричичникова и А. Е. Носа. Условія конкурса на составленіе проекта памятника были разо-

сланы комиссіей для опубликованія въ 280-ти изданіяхъ. Всего поступило на конкурсъ 44 проекта отъ 43-хъ авторовъ, два изъ Бѣлгорода въ рисункахъ не подлежали оцѣнкѣ, такъ какъ на конкурсъ могли представляться проекты только въ моделяхъ изъ гипса или воска. Приступивъ къ присужденію премій, комитетъ остановился только на четырехъ лучшихъ по его выбору проектахъ и присудилъ преміи: первую, въ 1.500 рублей, — проекту подъ девизомъ «Заря», вторую, въ 1.000 рублей, — проекту подъ девизомъ «Оріонъ» и третью, въ 500 рублей, — проекту подъ девизомъ «Судьба 1-я». По условіямъ конкурса всѣ три премированные проекта поступаютъ въ собственность комитета. Но комитетъ пожелалъ приобрести еще проектъ подъ девизомъ «Волга 2-я», которому присудилъ также премию въ 500 рублей. Въ проектѣ памятника подъ девизомъ «Заря» Гоголь изображенъ сидящимъ на постаментѣ въ креслѣ, въ сюртукѣ и плащѣ, съ глубоко задумчивымъ, наклоненнымъ книзу лицомъ и опущенными глазами; лѣвая нога закинута на правую, руки покоятся на колѣняхъ и правая рука держитъ за край шляпу. Въ проектѣ подъ девизомъ «Оріонъ» писатель представленъ также сидящимъ на стулѣ съ положенными на колѣни руками, добродушною улыбкой лица. Во второмъ и третьемъ вариантѣ проекта лицо представлено грустно-задумчивымъ. Во второмъ вариантѣ правая нога закинута на лѣвую, правая рука лежитъ на колѣнкѣ, а лѣвая на ручкѣ кресла, голова опущена; въ третьемъ же вариантѣ наклоненная голова поддерживается лѣвою рукой, облокотившейся на ногу. Проектъ подъ девизомъ «Судьба 1-я» представляетъ Гоголя сидящимъ на простой садовой скамейкѣ на открытой верандѣ съ открытою головою и съ грустнымъ выраженіемъ лица. На проектѣ подъ девизомъ «Волга 2-я» фигура писателя покоится въ креслѣ, помѣщающемся на постаментѣ, при чемъ руки лежатъ на книгѣ, поставленной ребромъ на правой ногѣ, взоръ устремленъ вдаль. По вскрытіи конвертовъ съ девизами авторами премированныхъ проектовъ оказались: проекта подъ девизомъ «Заря» — преподаватели Строгановскаго училища технического рисованія художникъ Я. П. Сергѣевъ, В. А. Алмазовъ и А. Н. Шанючкинъ; подъ девизомъ «Оріонъ», имѣющій три варианта фигуры писателя, — академикъ скульптуры П. П. Забѣлло и гражданскій инженеръ художникъ архитектуры П. П. Горленскій (оба изъ Петербурга); подъ девизомъ «Судьба 1-я» — Н. Н. Константиновъ и В. В. Шервудъ (оба москвичи); подъ девизомъ «Волга 2-я» — классный художникъ А. В. Курнатовъ. Комитетъ разрѣшилъ снять фотографіи съ премированныхъ и другихъ представленныхъ на конкурсъ проектовъ памятника. Съ 21-го февраля по 21-е апрѣля проекты будутъ выставлены въ историческомъ музеѣ для обозрѣнія публики.

Диссертъ И. И. Лаппо. 3 февраля въ С.-Петербургскомъ университетѣ состоялась защита диссертациі И. И. Лаппо на степенъ магистра русской исторіи. Диссертациія озаглавлена: «Великое княжество литовское за время отъ заключенія люблинской уніи до смерти Стефана Баторія (1569 — 1586)». И. И. Лаппо родился въ 1869 году, кончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ и оставленъ при немъ въ 1892 году, много работалъ въ различныхъ архивахъ, особенно въ Виленскомъ, занимался вопросомъ о землевладѣніи Московскаго государства; изъ научныхъ работъ его наиболѣе извѣстны «Твер-

ской уѣздъ XVI в.» Настоящій трудъ является первымъ томомъ дальнѣйшихъ изслѣдованій автора по исторіи Литвы. Во вступленіи къ представленной диссертациі П. П. Ланшо говоритъ: «изученіе внутренняго строя великаго княжества Литовскаго въ періодъ его политическаго соединенія съ Польшей представляеть высокій научный интересъ. Вопросъ о томъ, чѣмъ было Литовско-Русское государство въ соединенной Польско-Литовской Рѣчи Посполитой, — область, едва затронутая историческимъ изслѣдованіемъ. А между тѣмъ рѣдкій отдѣлъ исторіи человѣчества заслуживаетъ такого вниманія, на какое имѣеть право внутрення исторія Литвы. Какъ область почти неизвѣстная исторической наукѣ, внутрення исторія княжества времени послѣ уніи 1569 года должна представить совсѣмъ въ новомъ свѣтѣ то государство, которое именовалось Польско-Литовскою Рѣчью Посполитою и которое до конца XVIII ст. занимало одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ системѣ государствъ Европы. Для русской исторіи, какъ науки, изученіе строя княжества послѣ Люблинской уніи имѣеть свой особый интересъ». При изложеніи событій диссертантъ, по его словамъ, стоялъ на литовской точкѣ зрѣнія. Официальными оппонентами выступили профессоръ С. Θ. Платоновъ и приватъ-доцентъ С. Л. Пташицкій. Первый указалъ, что представленная работа несомнѣнно научный и въ полномъ смыслѣ слова самостоятельный трудъ, долженствующій занять видное мѣсто въ наукѣ. Есть много лишняго: можно сдѣлать упрекъ въ нѣкоторой односторонности; не совсѣмъ выдержаны основанія дѣлений шляхты; иногда, повидимому, авторъ боится дѣлать выводы. С. Л. Пташицкій главнымъ образомъ видитъ недостатокъ диссертациі въ томъ, что авторъ пользовался источниками не въ оригиналахъ, а изъ вторыхъ рукъ, кромѣ того, оппонентъ сдѣлалъ немало частныхъ возраженій, на которыя диссертантъ большею частью удачно отвѣтилъ. Послѣ защиты 21 выставленныхъ П. П. Ланшо тезисовъ онъ былъ признанъ достойнымъ искомой степени.

Русское историческое общество. 14 февраля, въ 9 часовъ вечера, происходило въ Зимнемъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора, при участіи ихъ императорскихъ высочествъ великихъ князей Владимира Александровича, Константина Константиновича и Николая Михайловича, годичное общее собраніе императорскаго Историческаго общества. Въ собраніи присутствовали слѣдующіе дѣйствительные члены общества: А. А. Половцовъ, К. П. Побѣдоносцевъ, графъ В. Н. Ламздорфъ, А. Н. Куломзинъ, Д. Θ. Кобеко, Н. Θ. Дубровинъ, Н. К. Шильдеръ, графъ С. Д. Шереметевъ, Θ. Θ. Мартенсъ, В. И. Сергѣевичъ, Г. Θ. Штендманъ, Н. П. Бартневъ, А. Н. Пышинъ, П. Я. Дашковъ, Е. С. Шумигорскій и А. Н. Филишовъ. По открытіи засѣданія предсѣдатель общества А. А. Половцовъ прочелъ отчетъ о дѣятельности общества слѣдующаго содержанія: въ минувшемъ отчетномъ году окончены печатаніемъ четыре тома сборника. 110-й томъ, изданный подъ наблюденіемъ секретаря общества, составляетъ 14-ю часть изданія коній съ дипломатической переписки англійскихъ пословъ, посланниковъ и агентовъ при русскомъ дворѣ. Въ настоящій томъ вошли коніи съ донесеній и другихъ бумагъ съ 7 мая 1748 года по 9 февраля 1749—1750 года, чѣмъ и законченъ весь имѣвшійся въ распоряженіи общества матеріалъ изъ лондонскаго архива, относящійся къ царство-

ванію императрицы Елисаветы Петровны. Помѣщенные въ этомъ томѣ документы вполне выясняютъ постоянное стремленіе Англій и другихъ европейскихъ державъ вовлечь въ свой союзъ и Россію, главнымъ образомъ противъ короля прусскаго Фридриха II. Результатомъ этихъ стараній былъ секретный указъ, данный военной коллегіи 4 декабря 1747 г. относительно высылки въ помощь морскимъ державамъ русскаго 30-тысячнаго корпуса. Хотя медленное передвиженіе русскихъ войскъ не могло принести союзникамъ скорого содѣйствія, но движеніе это все же значительно способствовало скорѣйшему заключенію мира, переговоры о которомъ уже были начаты въ Ахенѣ. Печатапіе относящихся къ этой эпохѣ англійскихъ документовъ закончилось 1750 годомъ, когда къ австро-русскому союзу, основанному на трактатѣ 1746 года, присоединилась и Англія. Этимъ томомъ не оканчивается изданіе дипломатической переписки англійскихъ представителей. Совѣтъ общества, признавъ необходимымъ продолжить изданіе и довести его до конца царствованія Елисаветы Петровны, постановилъ нынѣ же войти въ сношеніе съ русскимъ военнымъ агентомъ въ Лондонѣ Н. С. Ермоловымъ и просить его принять на себя трудъ дальнѣйшаго извлеченія документовъ изъ Лондонскаго архива. 111-й томъ служитъ продолженіемъ 108-го тома сборника и содержитъ въ себѣ бумаги кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны за 1735 годъ. Этимъ томомъ начинается второй періодъ дѣятельности кабинета, отличающійся отъ перваго періода тѣмъ, что съ этого времени, на основаніи извѣстнаго указа 9 іюня 1735 года, подписанные тремя кабинетъ-министрами указы приравниваются къ именнымъ указамъ самой государыни. Изъ напечатанныхъ документовъ за 1733—1734 годы видно, что именныя указы и высочайшія повелѣнія, подписанныя кабинетъ-министрами, стали появляться уже съ 1733 года, но только ихъ подписаніе кабинетъ-министрами дѣлалось каждый разъ по особому повелѣнію государыни. Указъ 3-го іюня лишь обобщилъ разъ навсегда для кабинета тотъ порядокъ подписанія, какой на практикѣ сложился гораздо раньше. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что хотя по указу 9-го іюня должны считаться за именныя лишь тѣ указы, которые подписаны государыней или тремя кабинетъ-министрами, въ дѣйствительности указы и позднѣе подписывались двумя наличными кабинетъ-министрами (графомъ А. И. Остерманомъ и княземъ А. М. Черкасскимъ); такъ было послѣ смерти графа П. И. Ягужинскаго, 6 апрѣля 1736 года, и продолжалось до 30 апрѣля 1738 г., когда третьимъ кабинетъ-министромъ былъ назначенъ А. И. Волынский. Настоящій томъ, составляющій 4-ю часть изданія бумагъ кабинета министровъ, напечатанъ, какъ и предыдущія три части, подъ наблюденіемъ профессора Александра Никитича Филиппова. Вошедшіе сюда документы помѣщены въ томъ же порядкѣ, какъ и въ первыхъ трехъ томахъ, при чемъ подъ названіемъ «входящихъ» помѣщены, въ добавленіе къ журналамъ, списки поступившихъ въ кабинетъ документовъ. Журналы и входящія кабинета взяты изъ архива правительствующаго сената и архива министерства юстиціи въ Москвѣ. 112-й томъ, приготовленный А. А. Половцовымъ и напечатанный въ Парижѣ, составляетъ первую часть изданія донесеній представителей французскаго правительства при русскомъ дворѣ и русскихъ пред-

ставителей при французскомъ дворѣ, а также министерскихъ распоряженій какъ французскаго, такъ и императорскаго правительствъ съ марта 1814 года. До сихъ поръ въ дипломатическихъ архивахъ европейскихъ государствъ было принято за правило не допускать обнародованія документовъ, относящихся къ событіямъ, совершившимся послѣ Вѣнскаго конгресса. Французское правительство впервые сдѣлало въ этомъ отношеніи исключеніе для общества, и такъ какъ одновременно послѣдовало тождественное разрѣшеніе относительно Петербургскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, то и представилась возможность предпринять изданіе дипломатической переписки русскаго и французскаго правительствъ съ 1814 по 1830 годъ. Приступивъ къ этому труду, г. Половцевъ призналъ цѣлесообразнымъ расположить обоюдную переписку совмѣстно, наблюдая лишь хронологическій въ восполнѣніи каждаго документа порядокъ. Такимъ образомъ возникаетъ полная картина отношеній французскаго и русскаго правительствъ за эпоху, доселѣ мало извѣстную и наполненную событіями значительной важности. Почитая возстановленіе въ Европѣ спокойствія возможнымъ лишь по низверженіи Наполеона, императоръ Александръ сталъ во главѣ коалиціи и чрезвычайными успіями, не щадя личнаго своего самолюбія, достигъ своей цѣли, обезпечившей Россіи возможность залѣчить раны, нанесенныя ей грознымъ олицетворителемъ революціи. Не смѣшивая французскаго народа съ сошедшимъ со сцены повелителемъ его, царь русскій, вѣрный отличительной чертѣ нашего народнаго характера—отсутствію метительности, сталъ защитникомъ Франціи отъ надвигавшихся на нее, угрожавшихъ судьбамъ ея, требованій почти всѣхъ европейскихъ правительствъ. Сохраненіе за Франціею положенія великой державы императоръ Александръ почиталъ необходимымъ условіемъ европейскаго мира, а пріянные отношенія между Франціею и Россіею — первымъ для сего условіемъ. По возстановленіи во Франціи законнаго порядка, по введеніи въ дѣйствіе учреждений, направленныхъ къ обузданію проявленій какъ единоличнаго, такъ и еще болѣе страшнаго массоваго произвола, императоръ Александръ I возвратился въ Россію, и между русскимъ и французскимъ правительствами возникла переписка, обнародованію коей и полагаетъ начало 112-й томъ сборника общества. Исполнителями видовъ государя были: въ Петербургѣ—графъ Карлъ Васильевичъ Нессельродъ, а въ Парижѣ—генераль Поццо-ди-Борго. Свойства ихъ были чрезвычайно различны и даже противоположны, но исполнѣ отвѣчали различію вѣренныхъ имъ обязанностей. Сначала статсъ-секретарь при государѣ, а впоследствии министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Нессельродъ былъ вѣрнымъ, точнымъ, правдивымъ, просвѣщеннымъ, несмотря на молодость, много видѣвшимъ и испытавшимъ исполнителемъ предначертаній монарха; Поццо-ди-Борго, родомъ корсиканецъ, богато одаренный отъ природы самыми блестящими способностями, близко знакомый со всѣми главнѣйшими политическими дѣятелями Европы, въ 1804 году поступившій въ русскую службу и векорѣ оцѣненный государемъ по достоинству, принимавшій, вслѣдствіе того, участіе во всѣхъ почти международныхъ переговорахъ, заключенію мира предшествовавшихъ, тотчасъ по назначеніи посломъ въ Парижъ, получилъ тамъ во всѣхъ высшихъ сферахъ первенствующую

щее вліяніе. При отсутствіи телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ, ему часто приходилось руководствоваться не петербургскими инструкціями, а своими собственными взглядами, свойственною ему рѣшимостью, опасаясь исключительно неудачи, а никакъ — не личной отвѣтственности. Во Франціи министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ Талейранъ, человѣкъ, съ одинаковымъ усердіемъ служившій всѣмъ въ теченіе двадцати лѣтъ быстро смѣнявшимся режимамъ, въ высшей степени способный, но способный безразлично на все, что могло принести ему выгоду, болѣе расположенный къ сближенію съ Англіей, чѣмъ съ Россіей и вскорѣ доказавшій это уже тѣмъ, что мѣсто посла въ Петербургѣ отдалъ своему родственнику—графу Ноалю, человѣку весьма посредственному, новичку въ дипломатической карьерѣ. Впрочемъ, Талейранъ вскорѣ былъ замѣненъ герцогомъ Ришелье, человѣкомъ выдающихся душевныхъ качествъ, долго пробывшимъ въ Россіи, гдѣ онъ началъ служебную карьеру участіемъ во взятіи Очакова, а окончилъ довольно продолжительнымъ управленіемъ Новороссійскимъ краемъ, гдѣ доселѣ памятна его дѣятельность, особливо въ борьбѣ съ чумой въ самую эпоху Наполеонова нашествія. Рядомъ съ трудами этихъ государственныхъ людей на пользу порученнаго имъ дѣла, новый томъ сборника являетъ доказательства и непосредственнаго въ дѣлахъ участія самого императора Александра. Оно выражается и въ письмахъ его къ королю Людовику XVIII, и въ особенности въ разговорахъ съ графомъ Ноалемъ. Въ одномъ изъ нихъ мы находимъ слѣдующія слова государя: «Союзъ Россіи съ Франціею можетъ принести лишь пользу обоимъ государствамъ; мы не можемъ сталкиваться; не можемъ имѣть притязаній другъ къ другу; протягивая другъ другу руку, мы обезнечиваемъ Европѣ покой». Такова была мысль, положенная императоромъ Александромъ I въ основаніе франко-русскаго сближенія. Велѣдъ за окончаніемъ настоящаго тома, начато печатаніе второго тома этой переписки. Въ 113-мъ томѣ, изданномъ подъ наблюденіемъ члена совѣта общества, Николая Федоровича Дубровина, напечатаны документы изъ дѣлъ комиссіи, учрежденной въ декабрѣ 1856 года, подъ предѣлательствомъ барона Корфа, для собранія матеріаловъ, относящихся къ полной біографіи и исторіи царствованія императора Николая I. Собранные комиссіей матеріалы были переданы обществу по повелѣнію въ Бозѣ почивающаго императора Александра III, состоявшемуся 31-го января 1886 года. Часть ихъ была напечатана въ 98-мъ томѣ сборника. Въ настоящій же томъ вошли матеріалы, относящиеся къ исторіи православной церкви въ царствованіе императора Николая I. Томъ этотъ раздѣляется на двѣ части. I-я часть посвящена главному управленію православной церкви, то-есть святѣйшему синоду и его конторамъ. Здѣсь, на основаніи собранныхъ матеріаловъ, представляются болѣе или менѣе подробныя біографическія и другія замѣтки о каждомъ изъ лицъ, присутствовавшихъ въ синодѣ въ продолженіе царствованія императора Николая I. Во II части сообщаются историческія свѣдѣнія объ учрежденіяхъ мѣстнаго епархіальнаго управленія: умноженіе епархіальнаго управленія; умноженіе епархій и викаріатствъ въ царствованіе императора Николая I и причины этого явленія, подробное описаніе открытій каждой епархій и викаріатства въ хронологическомъ порядкѣ; хронологическій перечень епархіальныхъ и викарныхъ архіереевъ;

нѣкоторыя ограниченія въ правахъ іерарховъ и новыя ихъ права, наконецъ, въ этой же II части помѣщены извлечения изъ отчетовъ архіереевъ о состояніи ихъ епархій. Печатаніе «Русскаго біографическаго словаря» продолжалось въ отчетномъ году по всеѣмъ грушамъ (на буквы В, Д, К, П, С и Ч). Г. Половцевъ представилъ пятый, по порядку изданія, томъ словаря, содержащій въ себѣ біографіи лицъ на букву П (Павель—Петръ), до императора Петра I. Изданіе дальнѣйшихъ томовъ сборника въ настоящее время представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ 114-мъ томѣ профессоръ Александръ Никитичъ Филиповъ приступилъ къ печатанію V части бумагъ кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны. Этотъ новый томъ бумагъ кабинета за 1736 годъ составленъ редакторомъ по той же программѣ, какъ и предыдущіе четыре тома этой серіи. Все болѣе и болѣе развивающаяся съ годами дѣятельность кабинета отражается естественно и на числѣ документовъ, какъ входящихъ, такъ и исходящихъ. Обиліе этихъ, — весьма интересныхъ для пониманія компетенціи учрежденія, — документовъ таково, что редактору приходится не только все болѣе и болѣе сокращать число коній входящихъ бумагъ, но и между самими указами и резолюціями кабинетъ-министровъ, а въ особенности между ихъ письмами, дѣлать выборку, помѣщая лишь наиболѣе важное, иначе пришлось бы весьма сильно расширить размѣры изданія, уже и теперь обнимающаго четыре тома. Такъ какъ предшествующіе томы бумагъ кабинета министровъ достаточно широко и полно ознакомили желающихъ со многими обыденными сторонами дѣятельности учрежденія, то такая выборка не можетъ невыгодно отразиться на содержаніи изданія, тѣмъ болѣе, что редакторъ Александръ Никитичъ Филиповъ прибѣгаетъ къ ней лишь въ крайности и съ большою осторожностью. Въ 115-мъ томѣ, составляющемъ 7-ю часть изданія «Памятниковъ дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ державами иностранными», печатаются документы, относящіеся до сношеній Россіи съ Швеціей и Даніей, за время царствованія царя Ивана Васильевича. Редакторъ этого тома, служащій въ императорской Публичной бібліотекѣ В. В. Майковъ, надѣется окончить его къ осени текущаго года. Въ настоящее время отпечатано 25 листовъ. 116-й томъ, издаваемый подъ наблюденіемъ завѣдывающаго бібліотекой императорскаго университета св. Владимира г. Кордіа, будетъ въ ряду изданій общества вторымъ томомъ, посвященнымъ изданію донесеній и бумагъ нидерландскихъ пословъ и посланниковъ, бывшихъ въ Россіи. Въ первомъ томѣ этого изданія (по порядку 24-мъ) помѣщенъ отчетъ нидерландскихъ посланниковъ Р. ванъ-Бредероде, Д. Басса и А. Іоахима о ихъ посольствѣ въ Россію въ 1615 и 1616 годахъ, а въ настоящій томъ войдетъ отчетъ посланниковъ Альберта Бурха и Іоганна фонъ-Фельтдриля, прибывшихъ въ Россію 11-го декабря 1630 года. Подлинникъ этого отчета хранится въ государственномъ архивѣ въ Гаагѣ за № 55 въ отдѣлѣ отчетовъ и занимаетъ 179 страницъ въ листъ, въ пергаментномъ переплетѣ. Издается онъ здѣсь безъ пропусковъ, съ приложеніемъ русскаго перевода, по копіи, снятой еще въ 1845 году по повелѣнію королевы нидерландской Анны Павловны. Текстъ отчета написанъ обыкновеннымъ голландскимъ языкомъ, но отличается полнымъ отсутствіемъ единообразія въ правописаніи, вслѣдствіе чего редакторъ счелъ

нужнымъ держаться при печатаніи текста извѣстныхъ правилъ и устранить разнообразіе въ правописаніи. Отвѣты, данные боярами отъ имени царя, переданы въ отчетъ на голландскомъ языкѣ, съ котораго и переведены г. Кордтомъ на современный русскій языкъ. Въмѣстѣ съ предисловіемъ къ тому г. Кордтъ помѣстилъ и «Очеркъ сношеній Московскаго государства съ республикой соединенныхъ Нидерландовъ» по 1631 годъ, гдѣ даетъ полную картину возникновенія и развитія сношеній Россіи съ Нидерландами, преимущественно на почвѣ взаимныхъ торговыхъ интересовъ. Въ 117-мъ томѣ, подъ редакціей профессора Василя Ивановича Сергѣевича, продолжается изданіе бумагъ Екатерининской комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія. Настоящій томъ составитъ десятую часть этого изданія. Напечатано 28 листовъ, которые заключаютъ въ себѣ указы отъ казаковъ и запорожскаго войска малороссійскихъ губерній, а также копіи съ наказовъ разнаго званія сельскихъ обывателей Казанскаго уѣзда, отъ ясачныхъ чувашей, отъ новокраценъ, отъ жителей Галицкой Дороги и отъ Курмышскаго уѣзда. Далѣе будутъ печататься крестьянскіе указы отъ губерній: Смоленской, Выборгской, Нижегородской, Слободской, Воронежской, Бѣлгородской, Архангельской, Оренбургской и Новороссійской. Документы эти хранятся въ архивѣ государственнаго совѣта. Въ 118-мъ томѣ будетъ помѣщена VII часть изданія документовъ, относящихся къ дипломатической перепискѣ императрицы Екатерины II. Матеріалъ, имѣющій войти въ настоящій томъ, хранится преимущественно въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и частью въ государственномъ архивѣ въ С.-Петербургѣ. Выборку документовъ изъ Московскаго архива принять на себя причисленный къ архиву князь Н. В. Голицынъ, свѣрку ихъ съ подлинниками—редакторъ тома баронъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ, подъ наблюденіемъ котораго дѣлается и извлеченіе документовъ изъ государственнаго архива въ Петербургѣ. Въ 119-мъ томѣ будетъ помѣщена переписка императора Николая I съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ съ 1825 по 1831 годъ. Томъ этотъ печатается подъ наблюденіемъ Н. К. Шильдера. Въ 120-мъ томѣ предполагается помѣстити хранящіеся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ документы, относящіеся къ сношеніямъ Россіи съ Швеціей въ XVI столѣтіи. Этотъ томъ составитъ VIII часть «Намятниковъ дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ державами иностранными». Трудъ этотъ принять на себя Н. М. Павловъ. Послѣ годового отчета прочли А. А. Половцовъ—сообщенную графомъ В. Н. Ламздорфомъ статью объ отношеніяхъ графа Нессельроде къ князю Меттерниху; Н. Ѳ. Дубровинъ—сообщенную же графомъ В. Н. Ламздорфомъ статью о секретномъ комитетѣ по восточному вопросу 1829 года; Н. К. Шильдеръ—объ исторіи книги барона М. А. Корфа: «14-е декабря 1825 года», и великій князь Николай Михайловичъ—два письма графа Павла Александровича Строганова, написанныя въ 1790 году изъ Парижа. На новое трехлѣтіе избраны: предсѣдателемъ общества—А. А. Половцовъ, членомъ совѣта—Ѳ. Ѳ. Мартенсъ, секретаремъ—Г. Ѳ. Штендманъ и казначеемъ—Н. Ѳ. Дубровинъ. Въ дѣйствительные члены избраны: профессоръ С. Ѳ. Платоновъ, профессоръ Н. Д. Чечулинъ и Н. М. Павловъ.

Общество ревнителей историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. 26-го февраля состоялось торжественное общее собраніе въ домѣ графа Шереметева. За столомъ засѣданій заняли мѣста: предсѣдатель графъ С. Д. Шереметевъ, товарищъ предсѣдателя графъ А. С. Голенщевъ-Кутузовъ и члены совѣта общества, въ числѣ ихъ: министръ внутреннихъ дѣлъ Д. С. Сицягинъ, его товарищъ, генераль-лейтенантъ князь Святополкъ-Мирскій, предсѣдатель учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ, протоіерей Смирновъ, членъ государственнаго совѣта графъ А. П. Пгнатьевъ, шталмейстеръ Ю. С. Нечасевъ-Мальцевъ, графъ А. Д. Шереметевъ, генераль-адъютантъ Гессе и другіе. Въ числѣ присутствовавшихъ членовъ и гостей находились: оберъ-шенкъ графъ Строгановъ, оберъ-гофмаршалъ князь Долгорукій, с.-петербургскій губернской предводитель дворянства, шталмейстеръ Зиновьевъ, князь Голицынъ (предсѣдатель Русскаго собранія), П. П. Хруцовъ и другіе. Въ числѣ иногородныхъ гостей были: полтавскій губернаторъ Бельгардъ, тифлисскій губернской предводитель дворянства князь Меликовъ и нѣкоторые изъ грузинскихъ и кутаисскихъ дворянъ, здѣсь находящихся, много представителей духовенства и дамъ. Передъ засѣданіемъ была отслужена панхида по въ Бозѣ почивающемъ императорѣ Александрѣ III, которую пѣлъ небольшой хоръ любителей стариннымъ знаменнымъ распѣвомъ. По объявленіи засѣданія открытымъ, лейтенантъ Виноградскій прочелъ о дѣятельности императора Александра III въ сферѣ морского дѣла. Затѣмъ были прочитаны отрывки изъ воспоминаній Н. В. Зиновьева о цесаревичѣ Александрѣ Александровичѣ. В. Л. Величко прочиталъ свое стихотвореніе:

26-е февраля.

(Памяти Царя-Миротворца).

Изъ года въ годъ завѣтный день
Мы чтимъ семьею, какъ сегодня,
И въ сердцѣ,—вѣстница Господня,—
Нисходитъ трепетная тѣнь:
Тѣнь возвышающей печали,
Боль созидательныхъ скорбей!..
Надъ смутой жизненныхъ зыбей
Есть нерушимыя скрижали;
Начертанъ ясный путь на нихъ
И долгъ священный всѣмъ указанъ,
Надъ жалкимъ прахомъ благъ земныхъ
Онъ неземною силой связанъ
Съ безсмертной памятью Того,
Чье сердце истиной горѣло,
Чья мысль, и скорбь, и рѣчь, и дѣло —
Россіи мощь и торжество!..

* *
*

Событій вихоры жадно косить,
Временъ губительная власть;
Раскрывъ чудовищную пасть,
Все новыхъ жертвъ забвеніе просить!

Какъ много меркнеть яркихъ дѣлъ,
 Могучихъ обликовъ мельчаютъ,
 Едва ихъ издали встрѣчаютъ
 Всего непрочнаго удѣлъ!
 Царь незабвенный! Не опасень
 Тебѣ тотъ недругъ роковой:
 Все величавѣй обликъ Твой,
 Красой невянущей прекрасенъ!
 Растеть онъ съ кроткимъ торжествомъ
 Въ трудахъ пресметвенно-державныхъ,
 Въ игрѣ событій своенравныхъ,
 Въ самосознаніи живомъ!..

*
* * *

Растеть.—и въ смутную тревогу
 Приносить миръ и ясный свѣтъ,
 Давая жизненный отвѣтъ,
 Какъ на землѣ быть вѣрнымъ Богу...
 Ты, стягомъ правды русской ставъ,
 Далъ сильнымъ кротость, смѣлость правымъ,
 Съ проникновеньемъ жизни здравымъ
 Любовь Христову сочетавъ!
 Тобою твердъ боецъ усталый
 Въ неравной праведной борьбѣ!
 Растуть, прильнувъ душой къ Тебѣ,
 И старъ и младъ, большой и малый,—
 Сыны духовные Того,
 Чье сердце истиной горѣло,
 Чья мысль, и скорбь, и рѣчь, и дѣло—
 Россіи мощь и торжество!

Затѣмъ оркестръ и хоръ графа А. Д. Шереметева исполнили кантату Георгія Каянуса, посвященную памяти императора Александра III. Дирижировать графъ А. Д. Шереметевъ. Собраніе закончилось гимномъ «Боже, Царя храни», исполненнымъ хоромъ и оркестромъ.

Къ XII археологическому съѣзду въ Харьковѣ. 28-го января состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда. Профессоръ Е. К. Рѣдинъ доложилъ, что императорское Московское археологическое общество прислало комитету членскіе билеты XII харьковскаго археологическаго съѣзда; цѣна билета 5 рублей. Такимъ образомъ, харьковскій комитетъ принимаетъ теперь зачисъ въ члены предстоящаго съѣзда, выдаетъ билеты по умѣренной цѣнѣ и принимаетъ на выставку предметы древностей, этнографіи (за получениемъ билетовъ просятъ обращаться къ секретарю комитета, профессору Е. К. Рѣдину, Дворянская, 10, и музей изящныхъ искусствъ и древностей въ университетѣ). Кромѣ того, доложены сообщенія: 1) ахтырской уѣздной земской управы о присылкѣ комитету 50 рублей на приобретеніе этнографическихъ предметовъ для выставки; 2) славяносербской уѣздной земской управы, Екатеринославской губерніи, о присылкѣ комитету 200 рублей—на приобретеніе этнографическихъ предметовъ въ Екатеринославской губерніи для этнографической выставки; 3) львовской уѣздной земской управы о присылкѣ

25 рублей — для той же цѣли; 4) императорскаго московскаго археологическаго общества—объ исполненіи просьбъ комитета въ виду устройства съѣзда и выставокъ; 5) завѣдывающаго харьковской губернской типографіей о печатаніи каталога выставокъ; 6) П. П. Глененко (Чугуевъ)—предложеніе для выставки предметовъ запорожскаго вооруженія изъ своей коллекціи; 7) г. екатеринославскаго губернатора о присылкѣ для г-жи Родаковой открытаго предписанія объ оказаніи ей законнаго содѣйствія при исполненіи возложенныхъ на нее комитетомъ порученій (собираніе этнографическихъ коллекцій въ Екатеринославской губерніи для этнографической выставки при съѣздѣ); 8) комисіи историко-филологическаго общества при институтѣ князя Безбородко о представленіи собранныхъ ею предметовъ для выставки (предметы относятся и къ памятникамъ мѣстной старины и этнографіи, напримѣръ, кирпичи изъ черниговскаго Спасскаго собора, одежда полковника Г. П. Борщова времени Александра I и др.); 9) В. Николаева объ укрѣпленіяхъ и могилахъ при селѣ Локнѣ, Юнаковской волости, Сумскаго уѣзда; 10) императорской археологической комисіи о пожертвованіи въ музей древностей университета 143 серебряныхъ копеечекъ Петра Великаго, найденныхъ въ с. Каменицкомъ, Ахтырскаго уѣзда; 11) П. П. Гревизирскаго о присылкѣ имъ въ даръ музею двухъ бронзовыхъ стрѣлокъ и фрагментовъ желѣзныхъ колечекъ, найденныхъ у с. Бригадировки, Богодуховскаго уѣзда; 12) Ивана Сулива (Новочеркасскъ) о готовности прислать свои коллекціи этнографическихъ предметовъ (мелкіе шелковые кубилеки, колиаки, кубиленые пояса, базелики и др.); 13) студента П. П. Вѣлкина о древностяхъ с. Цареворисовки; 14) доктора Будзинскаго о присылкѣ имъ въ даръ фотографій съ памятниковъ древностей, находящихся въ Авапѣ; 15) студента Василькова о присылкѣ имъ рукописи о брянской вѣрѣ. Профессоръ Д. П. Багалъй доложилъ о своихъ наблюденіяхъ надъ репертуаромъ лирника Демьяна Васильевича Сыняло, изъ-за Водолага, изъ Кабаговки, ученика старца Круики Сергѣя. Лирникъ ослѣпъ 14-ти лѣтъ; онъ ходилъ по Харькову, по деревнямъ послѣ Покрова, изъ божественнаго поетъ про «Смерть», «Сиротину», «Блудящаго сына», «Лазаря», «Олексія Божого чоловіка», «Плаче, рыдае горе», а изъ свѣтскаго—«Комарицьку», «Понадю», «Дворянку», «Хому и Ярему», «Олексія Поповича».

Предстоящій конгрессъ историковъ въ Римѣ. Весною текущаго года въ Римѣ назначенъ (въ послѣднихъ числахъ апрѣля по новому стилю) международный конгрессъ историческихъ наукъ (Congresso internazionale di scienze storiche), который будетъ находиться подъ августѣйшимъ покровительствомъ итальянскаго короля Виктора-Эммануила III. Матеріаль, подлежащій разсмотрѣнію и обсужденію на этомъ конгрессѣ, предполагается распределить по нижеслѣдующимъ секціямъ: 1) палеонтологія и классическая археологія, 2) нумизматика, 3) исторія древняго востока и народовъ классическаго міра, 4) исторія древнихъ литературъ, 5) исторія древняго права, 6) исторія среднихъ и новыхъ вѣковъ вообще и дипломатика и архивовѣдѣніе въ частности, 7) исторія средневѣковой и новой литературы, 8) исторія искусства средневѣковаго и новаго, 9) исторія новаго права, 10) исторія экономическихъ и социальныхъ наукъ, 11) исторія философіи и педагогіи, 12) исторія религіи, 13) исторія географіи—

ческихъ изслѣдованій и открытій; историческая географія (почетнымъ председателемъ этой секціи будетъ герцогъ Аbruцскій—извѣстный изслѣдователь полярныхъ странъ), 14) исторія математическихъ и опытныхъ наукъ, 15) исторія музыки и драматическаго искусства, 16) историческій методъ. Во главѣ конгресса стоятъ графъ Генрихъ ди С. Мартино и извѣстный историкъ Гекторъ Пайсъ (Ettore Pais), авторъ прекраснаго изслѣдованія по критикѣ римской традиціи (Storia di Roma).

Конгрессу уже обѣщано содѣйствіе, какъ со стороны министерствъ народнаго просвѣщенія и иностранныхъ дѣлъ, такъ и муниципій (городскихъ управленій) Рима, Неаполя и Венеціи. Почти всѣ выдающіяся ученія общества и учрежденія Италіи обѣщали принять участіе въ занятіяхъ конгресса.

Желающіе принять участіе въ конгрессѣ, въ качествѣ его членовъ, приглашаются внести 12 итальянскихъ лиръ и указать секцію (или секціи), къ которой желали бы приписаться. Членскій взносъ, помимо различныхъ льготъ, даетъ право на полученіе тома Трудовъ конгресса (Atti del Congresso). Всякія заявленія должны быть отираваемы по слѣдующему адресу: Segretariato Generale del Congresso presso la R. Accademia di S. Cecilia, Roma, Via dei Greci, n° 18. (Генеральнымъ секретаремъ конгресса состоитъ проф. Горрини).

Предстоящій XIII-й международный конгрессъ ориенталистовъ въ Гамбургѣ. Согласно рѣшенію XII-го римскаго конгресса ориенталистовъ (въ 1899 г.) въ текущемъ году соберется очередной (XIII-й) конгрессъ въ Гамбургѣ. Открытіе занятій конгресса назначено на 4-е сентябрю (по новому стилю), а закрытіе на 10-е того же мѣсяца. Въ цѣляхъ устройства конгресса уже образованъ особый организаціонный комитетъ, въ спискѣ членовъ котораго мы встрѣчаемъ представителей не только ученаго, но и административнаго, дипломатическаго и коммерческаго міра Гамбурга. (Въ числѣ другихъ, въ означенномъ комитетѣ мы находимъ и русскаго министра-резидента въ Гамбургѣ—камергера Арсеньева). Занятія конгресса имѣется въ виду распределить по слѣдующимъ секціямъ: 1) лингвистика, общая индо-европейская секція (эта секція будетъ заниматься сравнительнымъ индо-европейскимъ языковѣдніемъ и вопросами, связанными съ нимъ), 2) Индія, Иранъ, 3) Индо-Китай и Океанія, 4) Центральная и Восточная Азія, 5) общая семитическая секція (эта секція будетъ посвящена языкамъ, литературамъ, исторіи и археологіи народовъ, принадлежащихъ къ семитической семьѣ), 6) исламская секція (для изученія народовъ, исповѣдующихъ исламъ), 7) секція африканскихъ языковъ, 8) взаимное вліяніе между Востокомъ и Западомъ: а) въ древности, в) въ средніе вѣка и новое время (сюда же отнесено византиновѣдніе), 9) секція, посвященная разработкѣ колониальныхъ вопросовъ.

Сравнительно съ предыдущими конгрессами послѣдняя секція (колониальныхъ вопросовъ) является впервые. Введеніе этой секціи въ кругъ занятій ориенталистовъ признано было особенно желательнымъ въ виду того, что собраніе ориенталистовъ будетъ происходить въ Гамбургѣ; комитетъ надѣется, что эта секція должна будетъ способствовать возбужденію особаго интереса къ конгрессу въ болѣе широкихъ кругахъ общества. Что касается язы-

ковъ, на которыхъ можно будетъ дѣлать сообщенія, то таковыми допущены, кромѣ нѣмецкаго, также французскій, англійскій и латинскій.

Лица, имѣющія въ виду принять участіе въ занятіяхъ конгресса, приглашаются заявить о себѣ генеральному секретарю конгресса Ф. Зивекингу (Dr. F. Sieveking, Hamburg, Börsenbrücke, 2); при этомъ желательно, чтобы лица, предполагающія прочесть на конгрессѣ какой либо докладъ, заблаговременно представили краткое résumé содержанія и основныя положенія. Кромѣ того, предварительный комитетъ обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что обсужденіе религиозныхъ и политическихъ вопросовъ безусловно не допускается. Членскій взносъ, установленный для каждаго члена въ размѣръ 20 герм. марокъ (для дамъ, вводимыхъ членами, 10 марокъ), вносится казначею конгресса Albrecht D'Oswald (Hamburg, Grosse Bleichen. 22), отъ котораго и получаютъ членскіе билеты.

Сообщая объ этомъ конгрессѣ, не можемъ не пожелать, чтобы въ его занятіяхъ приняли болѣе активное участіе (чѣмъ это бывало до сихъ поръ) и русскіе ориенталисты. Россія имѣетъ много точекъ соприкосновенія съ Востокомъ, и въ ея предѣлахъ можетъ найтись интересный и богатый матеріалъ для большинства вышеперечисленныхъ секцій. Многоплеменный Кавказъ, Среднеазиатскія владѣнія, Сибирь, наконецъ византійская традиція въ Россіи—все это области болѣе доступныя для русскихъ ученыхъ, нежели для ихъ западныхъ собратьевъ; тѣмъ большая обязанность лежитъ на первыхъ познакомить ученый міръ съ этими пока еще мало изслѣдованными областями.

Археологическій институтъ. I. 3-го февраля былъ прочитанъ рефератъ князя П. А. Путятина: «О распространеніи гончарства въ доисторическія времена». Князь посвятилъ долгіе годы археологическимъ изслѣдованіямъ стоянокъ первобытнаго человѣка близъ Бологое. Здѣсь найдено было этимъ неутомимымъ труженикомъ-археологомъ множество самыхъ разнообразныхъ типовъ гончарныхъ издѣлій. Богатыя коллекціи князя были предоставлены желающимъ для обозрѣнія. Кромѣ бологовскихъ находокъ, въ числѣ демонстрировавшихся предметовъ были и древности Трансильваніи. Въ докладѣ своемъ князь указалъ на мѣстности, гдѣ развитіе гончарства достигло своей высшей точки: это въ мѣстахъ, покрытыхъ лѣсами, обильныхъ водою. Распространялись гончарныя издѣлія преимущественно рѣчными путями; Волга, ея притоки, Сѣверная Двина и другія рѣки служили главными артеріями распространенія. Техника гончарства, при помощи гончарнаго круга, далась человѣку не сразу; передъ этимъ онъ выдѣлывалъ сосуды отъ руки или при помощи дощечки. Украшать свои издѣлія орнаментомъ человѣкъ стремился различными способами: ногтемъ, веревкой, тесемкой—отсюда появились эти три типа древняго орнамента: ногтевой, веревочный и ленточный. Обжиганіе сосудовъ также различается по времени — наиболѣе древніе сосуды слабо обожженной глины, болѣе новые обожжены значительно лучше. II. 17-го февраля засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ профессора Н. В. Покровскаго. А. Л. Погodinъ возвратился къ вопросу о Геродотовскихъ неврахъ—этой этнической загадкѣ, занимающей давно уже многихъ ученыхъ. Референтъ нашелъ еще одно убѣдительно доказательство того, что «невы» были дѣйствительно славяне и обитали въ Полѣсьѣ, изобиловавшимъ въ то время большими

водными бассейнами. Н. М. Печенкинъ сообщилъ о раскопкахъ древняго могильника, произведенныхъ имъ на сѣверной сторонѣ города Севастополя 6-го октября 1901 года. Открытіе могильника было случайнымъ; на него наткнулись рабочіе при укладкѣ фундамента для постройки бань. Но затѣмъ произведена была тщательная раскопка. Найдена коллекція предметовъ погребенія: сосудъ-амфора, пряжки, стеклянные кувшинчики, лампочка съ рельефнымъ рисункомъ, изображающимъ борьбу скиѳа съ медвѣдемъ. Всѣ эти предметы римскаго времени (около Р. X.). Коллекція принесена г. Печенкинымъ въ даръ институту. III. 3-го марта былъ сдѣланъ докладъ Е. С. Шумигорскимъ объ «Охраненіи памятниковъ современной русской исторіи». По обязанностямъ своей службы докладчику приходится имѣть дѣло съ документами государственной важности разныхъ эпохъ. Невольно сравнивая печатныя и писанныя произведенія прошлыхъ, напримѣръ, XVII и XVIII столѣтій съ такого же рода документами конца прошлаго вѣка, докладчикъ пришелъ къ крайне печальнымъ заключеніямъ. Книги, газеты и рукописи отдаленнаго прошлаго, напримѣръ, «С.-Петербургскія Вѣдомости» екатерининскаго и павловскаго времени производятъ впечатлѣніе, точно онѣ вышли только вчера изъ-подъ печатнаго станка. Что же касается газетъ и книгъ, напримѣръ, семидесятыхъ годовъ, то многія изъ нихъ уже и теперь въ полуразрушенномъ состояніи и въ недалекомъ будущемъ, лѣтъ черезъ 25, имъ грозитъ полное разрушеніе. Это печальное явленіе докладчикъ объясняетъ измѣненіемъ качества матеріала, употребляемаго для приготовленія бумаги, и качествомъ и составомъ красокъ съ половины прошлаго вѣка. Въ прежнее время, какъ для печати, такъ и для рукописей употреблялась бумага изъ волокнистыхъ веществъ, преимущественно изъ льна и хлопчатой бумаги. Такая бумага отличалась прочностью, но она стоитъ дорого. Въ силу чрезвычайнаго спроса на печатныя произведенія въ XIX столѣтіи и стремленія къ удешевленію ихъ, пришлось волокнистую бумагу замѣнить бумагою, приготовленною изъ древесины и соломы, обработанныхъ химическимъ способомъ. Такая бумага отличается дешевизной, но въ то же время по своей прочности она очень недолговѣчна. Мелкая древесная масса въ листахъ держится до тѣхъ поръ, пока имѣется на лицо соединяющій ее клей. Этотъ же клей неизбежно съ теченіемъ времени вывѣтривается, и тогда книги, газеты и другого рода печатныя произведенія обращаются въ труху и пыль. Такимъ образомъ, все, что съ пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія мы пишемъ и печатаемъ, съ теченіемъ времени, лѣтъ черезъ 75 или 100, разрушится, и всѣ слѣды дѣятельности человѣка въ разсматриваемый періодъ и въ данной области исчезнутъ. Такая будущность угрожаетъ не только зауряднымъ произведеніямъ печати и письма, которыя, можетъ быть, дѣйствительно и не стоитъ сохранять для отдаленныхъ потомковъ, но та же участь угрожаетъ бумагамъ и актамъ высокой государственной важности, сохраненіе которыхъ является безусловно необходимымъ. По какому-то роковому недоразумѣнію и эти документы исполняются въ настоящее время на такомъ же непрочномъ матеріалѣ. То же самое явленіе наблюдается и въ области художественнаго закрѣпленія современной исторіи. Въ прежнее время художникъ самъ приготовлялъ для себя краски, и онѣ были исключительно минеральнаго

происхожденія. Тогда вопросъ о матеріалѣ былъ почти такимъ же важнымъ для художника, какъ и вопросъ о сюжетѣ и его исполненіи. Вотъ, почему картины старыхъ мастеровъ сохраняютъ и по сіе время свою юность и свѣжесть. Тенерь же краски, употребляемыя художниками, приготовляются на фабрикахъ химическимъ способомъ и, отличаясь яркостью колеровъ, являются очень непрочными. Докладчикъ предвидитъ, что лѣтъ черезъ 75—100 тѣ картины, которыми мы въ настоящее время любуемся, превратятся въ сѣрые безцвѣтные холсты, напоминающіе своимъ видомъ отсырѣвшую стѣну. Та же самая судьба ожидаетъ и современные фотографическія произведенія. Печатаемые на такъ называемой целлюлоидной бумагѣ не сохраняются болѣе 5—7 лѣтъ, на аристократической и альбуминовой—20—25 лѣтъ, а затѣмъ тѣ и другія неизбѣжно должны превратиться въ бѣлую бумагу. Нарисовавъ такую печальную картину гибели почти всѣхъ слѣдовъ современной намъ культуры въ области печати, графическихъ искусствъ, художества и письма, докладчикъ ставитъ вопросъ: не лежитъ ли на археологическомъ институтѣ обязанность серьезно заняться этимъ вопросомъ, чтобы обратить вниманіе кого слѣдуетъ на послѣдствія настоящаго положенія вещей и предложить мѣры къ устраниенію зла? По мнѣнію докладчика, выходъ изъ такого положенія можетъ быть слѣдующій. Необходимо обязать законодательнымъ порядкомъ издателей книгъ, газетъ и другихъ этого рода произведеній печатать хотя бы по пяти экземпляровъ ихъ изданій на бумагѣ изъ прочныхъ волокнистыхъ веществъ, эти экземпляры и должны поступать въ существующія общественныя книгохранилища. Необходимо всѣ акты государственныя и исторической важности печатать и писать исключительно на волокнистой бумагѣ, матеріалами и красками испытанной прочности. Что же касается художественнаго закрѣпленія современныхъ событій, то необходимо вернуться исключительно къ минеральнымъ краскамъ, а фотографовъ побудить изобрѣсти способы и средства закрѣпленія изображеній матеріалами, которые гарантировали бы сохраненіе произведеній этого рода, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько столѣтій. Предложеніе Е. С. Шумигорскаго было единодушно принято собраніемъ, и въ скоромъ времени при археологическомъ институтѣ образуется коммисія, которая при участіи докладчика займется всестороннимъ обсужденіемъ поднятаго имъ вопроса.

Московское археологическое общество. 12-го февраля, въ засѣданіи славянской коммисіи археологическаго общества С. К. Шамбинаго сообщилъ сдѣланную имъ сводку историко-литературныхъ изслѣдованій о такъ называемой «Задонщинѣ»,—литературномъ памятникѣ, повѣствующемъ о мамаевомъ побѣнщѣ на Куликовомъ полѣ при Димитріи Донскомъ. Докладчикъ ознакомилъ съ исторіей этого памятника, его характерными чертами и мнѣніями о немъ изслѣдователей (Соловьева, Шевырева, Филарета, Срезневскаго, Булаева и др.). Резюмируя свое изслѣдованіе, докладчикъ указалъ на то, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ удовлетворительно проредактированнаго основнаго текста памятника, а варианты далеко не всѣ обслѣдованы и тѣмъ болѣе не собраны и не изданы. Въ томъ же засѣданіи проф. Р. Ѳ. Брандтъ сообщилъ біографическій очеркъ славянскаго поэта Яна Коллара, по поводу истекшаго въ январѣ пятидесятилѣтія со дня его смерти, а также охарактеризовалъ его творчество и значеніе для славянства. Янъ Колларъ, апостоль славянской идеи (объедине-

нія славянъ), родился въ 1793 году въ одномъ изъ комитетовъ въ Карнатахъ; кончивъ на родинѣ среднее образованіе, онъ слушалъ лекціи въ Іенскомъ университетѣ, а затѣмъ путешествовалъ по Германіи и Италіи, отыскивая слѣды славянскихъ поселеній. Вернувшись на родину, онъ принялъ на себя пасторскія обязанности, но главнымъ своимъ дѣломъ считалъ пропаганду славянской идеи. Его знаменитое произведеніе «Дочь Славы» было важнѣйшимъ орудіемъ этой пропаганды. Оно навлекло на него преслѣдованіе со стороны нѣмцевъ. Въ 1848 году онъ попалъ даже въ заключеніе. Когда его освободили, онъ поселился въ Вѣнѣ, продолжая трудиться въ избранномъ разѣ направленіи. Въ 1852 году послѣ краткой болѣзни онъ умеръ. Въ отбѣнкѣ его трудовъ главное значеніе имѣетъ созданная имъ народная литература. Наибольшую славу онъ стяжалъ въ качествѣ пророка славянскаго единенія на почвѣ литературы. Главное произведеніе Коллара—«Дочь Славы»—представляетъ собой рядъ сонетовъ, въ которыхъ воспѣвается любовь къ женщинѣ и къ славянству. Какъ славянинъ-патріотъ, онъ оплакиваетъ въ своихъ сонетахъ гибель самобытныхъ славянскихъ государствъ. Желая возбудить патріотическія чувства славянъ, онъ напоминаетъ имъ ихъ героевъ (между прочимъ и Петра Великаго) и идеализируетъ старину въ духѣ тогдашнихъ народническихъ тенденцій. Значеніе Коллара для славянства охарактеризовано въ надгробной надписи надъ его прахомъ, на одномъ изъ кладбищъ Вѣны: «При жизни въ сердцахъ онъ носилъ народъ, а послѣ смерти самъ въ сердцахъ его живетъ».

Общество археологій, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. 28 февраля состоялось очередное общее собраніе членовъ общества. Въ началѣ засѣданія предсѣдатель сообщилъ присутствующимъ о послѣдовавшей въ февралѣ кончинѣ почетнаго члена общества В. Г. Тизенгаузена и члена-соревнователя Е. А. Толмачевой, охарактеризовавъ научную дѣятельность первой и напомнивъ о заслугахъ передъ обществомъ второй. Память почившихъ была почтена вставаніемъ. Далѣе было доложено о произведенной профессоромъ Казанскаго университета И. М. Догелемъ описи монетъ, пожертвованныхъ въ музей общества въ 1901 году Е. А. Толмачевою, согласно завѣщанію прежняго владѣльца ихъ, покойнаго профессора Н. А. Толмачева. Всѣхъ монетъ оказалось болѣе 1.200 экземпляровъ, среди которыхъ немало весьма рѣдкихъ. По постановленію общаго собранія, чрезвычайно тщательно составленное профессоромъ И. М. Догелемъ описаніе этой коллекціи будетъ помѣщено въ «Извѣстіяхъ» общества за 1903 годъ.

Согласно порядку, принятому въ общихъ собраніяхъ общества, въ текущемъ году, статьи, предназначенныя для помѣщенія въ юбилейномъ (по случаю 350-лѣтія присоединенія Казанскаго края къ Московскому царству) сборникѣ, предварительно предлагаются (въ сокращенномъ видѣ) вниманію членовъ общества; поэтому въ засѣданіи 28 февраля одинъ изъ сотрудниковъ предполагаемаго изданія, Н. П. Ашмаринъ, сообщилъ извлеченіе изъ своей статьи о камскихъ болгарахъ. Передавъ въ сжатомъ видѣ относящіяся сюда темныя и запутанныя извѣстія лѣтописцевъ и византійскихъ историковъ, г. Ашмаринъ подробно остановился на дошедшихъ до насъ остаткахъ языка болгаръ; по мнѣнію референта, немногія сохранившіяся слова этого загадочнаго

народа всего лучше объясняются изъ чувашскаго языка; хотя эта мысль и не нова, но можно надѣяться, что г. Ашмаринъ, болѣе своихъ предшественниковъ въ этомъ вопросѣ занимавшійся чувашскимъ языкомъ и его нарѣчіями¹⁾, оставитъ ее болѣе вѣскими доказательствами, нежели это дѣлалось до сихъ поръ. Прочія научныя сообщенія, помѣщенные въ программѣ засѣданія, за позднимъ временемъ были отложены до одного изъ слѣдующихъ собраний.

18-го марта состоялось общее собраніе, въ которомъ профессоръ Казанскаго университета Е. А. Бобровъ произнесъ рѣчь на тему «Путешествіе А. Гумбольдта по Россіи и пребываніе его въ Казани въ 1829 году». Передавъ вкратцѣ извѣстныя уже свѣдѣнія объ экспедиціи «Аристотеля XIX столѣтія» и чествованіи его въ Петербургѣ и Москвѣ, г. Бобровъ съ особенной подробностью остановился на пребываніи Гумбольдта въ Казани, при чемъ воспользовался совершенно новыми данными, найденными въ записной книжкѣ неизвѣстнаго современника-казанца; повидимому, анонимный авторъ записей не былъ ни французомъ, такъ какъ дѣлаетъ слишкомъ грубыя ошибки противъ французской орфографіи (записи ведены по-французски), ни русскимъ, такъ какъ встрѣчающіяся въ замѣткахъ русскія слова выведены рукой, непривычною къ русской скорописи. Коснувшись затѣмъ поѣздки Гумбольдта въ Болгарію, референтъ закончилъ свое сообщеніе благодарственнымъ (французскимъ) письмомъ знаменитаго путешественника къ попечителю Казанскаго учебнаго округа; этотъ документъ хранится въ архивѣ Казанскаго университета.

Послѣ рѣчи профессора Боброва секретаремъ общества, г. Горгаловымъ, вниманію присутствовавшихъ былъ предложенъ отчетъ о дѣятельности общества за 1901 годъ; по утвержденіи его произведены были выборы должностныхъ лицъ на предстоящее двухлѣтіе (съ 18-го марта 1902 г. по 18-е марта 1904 г.); избраннымъ въ предсѣдатели общества оказался профессоръ Н. Ѳ. Катановъ, въ товарищи предсѣдателя—профессоръ А. А. Штукенбергъ.

Церковно-историко-археологическое общество. Надавно исполнилась годовщина существованія одного изъ немногочисленныхъ ученыхъ обществъ Калуги, именно—церковно-историко-археологическаго. Уже давно ощущалась потребность въ дружной работѣ по изученію прошлаго Калужской губерніи. Озаренный христіанствомъ еще въ XII вѣкѣ, Калужскій край, за свою семивѣковую жизнь, немало представлялъ интереснаго и поучительнаго. Но лишь отдѣльныя лица, да и то немногія, пытались воскрешать прошлую религіозно-нравственную жизнь калужанъ. Мало помогала изученію старины Калужской, особенно церковной, основанная нѣсколько лѣтъ назадъ въ Калугѣ губернская архивная коммиссія. Въ прошломъ году кружокъ преподавателей мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній, священниковъ съ высшимъ образованіемъ и другихъ лицъ, кому дорого прошлое, и особенно—религіозно-нравственное прошлое Калужскаго края,—въ ознаменованіе 100-лѣтней годовщины открытія Калужской епархіи (1779—1899 гг.), учредилъ церковно-историко-археологическое общество Калуги, съ цѣлью совмѣстнаго всесторонняго изученія прошлой жизни мѣстной церкви, начиная отъ перваго появленія христіанства въ предѣлахъ

¹⁾ Г. Ашмарину принадлежитъ между прочимъ обширный трудъ: «Матеріалы для изслѣдованія чувашскаго языка» (Казань, 1898 г.).

епархіи. Несмотря на то, что въ истекшій первый годъ жизни молодому обществу пришлось и формироваться, и изыскивать средства на существованіе, за годъ имъ открыто епархіальное древлетохранилище, куда собираются предметы церковной старины Калуги и снимки съ нихъ. Основанъ журналъ общества подъ названіемъ Калужская Старица. Въ немъ печатаются труды членовъ общества, интересныя и вообще (например, О православіи въ древней Руси и о важности изученія его въ историко-археологическомъ отношеніи), и въ частности для калужанъ. въ родѣ «О древнѣйшемъ населеніи Калужскаго края» и т. п. Пока вышли лишь двѣ книжки журнала, но въ настоящемъ 1902 году предложено выпускать труды общества ежемѣсячно, въ приложеніи къ мѣстнымъ епархіальнымъ вѣдомостямъ.

Реставрація церквей. Изъ полученныхъ въ императорской археологической комиссіи свѣдѣній было усмотрѣно, что нѣкоторые духовныя начальства, въ случаяхъ необходимости ремонтировать древнія церкви, входятъ въ предварительныя сношенія съ тѣмъ или другимъ археологическимъ обществомъ, или съ мѣстными архивными комиссіями, не испрашивая вовсе указаній императорской археологической комиссіи. Между тѣмъ, всѣ поступающія въ эту комиссію дѣла относительно реставраціи памятниковъ старины обсуждаются въ особыхъ засѣданіяхъ, при участіи представителей отъ святѣйшаго синода, императорской академіи художествъ, другихъ вѣдомствъ, и, такимъ образомъ, дѣла эти могутъ тамъ быть разсмотрѣны всесторонне и правильно разрѣшены въ научно-археологическомъ и художественно-техническомъ отношеніяхъ. Въ виду этого, святѣйшій синодъ подтвердилъ въ настоящее время по всѣмъ епархіямъ о точномъ исполненіи высочайшаго повелѣнія 11 марта 1889 года, согласно которому реставрація памятниковъ древности въ имперіи можетъ быть производима не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи съ императорскою археологическою комиссіей.

Археологическая карта С.-Петербургской губерніи. Составители археологической карты С.-Петербургской губерніи, издаваемой археологическимъ институтомъ къ юбилею Петербурга, подъ редакціей Н. К. Рериха, передъ окончательной обработкой собраннаго матеріала еще разъ обращаются къ желающимъ содѣйствовать успѣху карты доставленіемъ свѣдѣній касательно мѣстныхъ древностей. Свѣдѣнія могутъ быть адресованы въ С.-Петербургскій археологическій институтъ, а также редактору карты (Галерная ул., № 44).

Общество любителей древней письменности. 15-го февраля состоялось общее собраніе подъ предѣлательствомъ графа Шереметева. Первое сообщеніе: «О сербскомъ спискѣ Симеонова Изборника бібліотеки Хиландарскаго монастыря», было прочитано П. А. Лавровымъ. Въ бібліотекѣ Хиландарскаго монастыря сохранился за № 24 замѣчательный сборникъ XIII—XIV вѣка, въ которомъ, начиная съ Анастасіевыхъ отвѣтовъ, за немногими пропусками, имѣются почти всѣ статьи знаменитаго Изборника Святослава 1073 года. Въ виду древности списка и юго-славянскаго его происхожденія, хиландарскій сборникъ получаетъ особенную важность для критическаго изданія Изборника: въ немъ мѣстами лучше сохранились первоначальныя чтенія памятника, а съ другой стороны въ немъ имѣются немаловажныя варианты. Было бы желательнымъ поэтому имѣть копію хиландарскаго сборника. Но и помимо Изборника, хилан-

дарская рукопись заключаетъ важный матеріалъ. Начиная съ листа 1-го и до 92-го, въ рукописи находится особаго состава выборъ статей изъ произведеній различныхъ отцовъ церкви и языческихъ писателей и, кромѣ того, апокрифическія статьи, теперь уже изданныя. Въ концѣ рукописи, за спискомъ Изборника, слѣдуютъ слова Іоанна Златоуста въ томъ именно переводѣ, какой мы находимъ въ извѣстномъ подъ именемъ Златоструя сборникѣ, переводъ котораго приписывается болгарскому князю Симеону. Какъ извѣстно, въ послѣднее время предполагается существованіе въ эпоху Симеона энциклопедіи литературныхъ памятниконъ. Виолнѣ естественно, что въ нее могъ входить и Златоструй, въ переводъ котораго принималъ участіе Симеонъ.

Харьковское историко-филологическое общество. Въ засѣданіи 12 февраля профессоръ В. П. Бузескулъ прочелъ рефератъ о «Полибій». Напомнивъ біографическія свѣдѣнія объ этомъ историкѣ, докладчикъ остановился затѣмъ главнымъ образомъ на возрѣніяхъ Полибія на историческій процессъ и на исторію, ея требованія и задачи. Въ ходѣ всемірной исторіи Полибіій усматривалъ извѣстную планомѣрность; историческій процессъ съ его точки зрѣнія совершается по твердымъ и цѣлесообразнымъ законамъ. Въ ученіи о формахъ правленія Полибіій выставилъ законъ круговорота человеческихъ судебъ: формы правленія мѣняются, переходятъ одна въ другую, по извѣстному «порядку природы»; перемѣны совершаются «необходимо» и «естественно», «согласно природѣ». Все существующее подлежитъ порчѣ и перемѣнамъ: это—«естественная необходимость». Установляя планомѣрность хода событій, Полибіій часто говоритъ о судьбѣ. Но тутъ взгляды Полибія нѣсколько противорѣчивы: то судьба представляется у него направляющей событія цѣлесообразно и разумно, по твердымъ законамъ; то она дѣйствуетъ какъ будто по капризу, вопреки всякимъ расчетамъ и ожиданіямъ; а въ иныхъ случаяхъ Полибіій какъ бы совершенно отвергаетъ судьбу. Быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что историкъ съ теченіемъ времени мѣнялъ свой взглядъ на судьбу. Полибіій признавалъ во всякомъ случаѣ личность важнымъ факторомъ въ исторіи. Онъ придавалъ большое значеніе государственному строю и природнымъ условіямъ. Самъ Полибіій называетъ свою исторію «прагматическою»; у него эта исторія — въ сущности политическая и притомъ поучительная. Въ исторіи Полибіій ищетъ прежде всего пользы. Отсюда вытекаетъ и требованіе правды, и признаніе важности причинъ событій: по его мнѣнію, если отъ исторіи отнять объясненіе причинъ, то отъ нея останется одна забава, а не наука. Отсюда же вытекаютъ и тѣ требованія, которыя Полибіій предъявлялъ къ историкамъ. Если мы впомнимъ, что Полибіій писалъ назадъ тому болѣе 2.000 лѣтъ, то его взгляды представляютъ для насъ глубокій интересъ; немало въ нихъ такого, отъ чего не откажется и историческая наука начала XX вѣка, и что сохранило свое значеніе и по настоящую пору; мало того, приходится сознаться, что сравнительно съ промежутокъ времени, отдѣляющимъ насъ отъ Полибія, мы не такъ далеко ушли впередъ, какъ бы можно было ожидать.

Профессоръ М. Г. Халанскій прочелъ докладъ «Иѣсни и преданія объ Олегѣ». Докладчикъ изложилъ древне-русскія сказанія объ Олегѣ вѣщемъ преимущественно XV—XVII вѣка. Сказанія эти представляютъ двѣ группы: въ одной Олегъ является самостоятельнымъ и могущественнымъ княземъ сна-

чала Новгорода, а потомъ Кіева, въ другой воеводой Владимира, приводящимъ для Владимира жену, греческую царевну Анну. Для русскаго эпоса эти сказанія имѣютъ глубокий интересъ, свидѣтельствуя о томъ, что имя Олега было очень популярно на Руси до XVI—XVII вѣка. Первая группа сказаній имѣетъ ближайшую связь съ былинами о Вольгѣ; вторая имѣетъ отношеніе къ былинамъ про Плью Муромца, свидѣтельствуя въ пользу того предположенія, что эпосъ объ Пльѣ Муромцѣ представляетъ крайнее развитіе древняго эпоса объ Олегѣ. Имя Пляя есть случайное совпаденіе древняго иностраннаго имени русскаго князя Олега съ именемъ св. Плія пророка. Пляя есть измѣненное Елья, какъ и называется онъ Эрихомъ Лассотой. Елья же представляетъ вариантъ слова Волья и восходитъ къ Ельга или Ельгъ, передававшему древне-нѣмецкое *Helgo*, *Helicho* или *Helgi* рядомъ съ Ольгъ. Прозваніе героя Муромцемъ есть народно-этимологическое измѣненіе слова Мурманскій, какъ и прозывается Олегъ въ Іоакимовской лѣтописи. Въ обсужденіи доклада приняли участіе: проф. М. С. Дриновъ, М. П. Савиновъ и Н. Θ. Сумцовъ.

Профессоръ Е. К. Рѣдинъ прочелъ докладъ «Псалтирь Эгберта». Докладчикъ познакомилъ съ недавно вышедшимъ изданіемъ замѣчательной рукописи—псалтири трирскаго архіепископа Эгберта (977—993 г.), хранящейся въ библиотекѣ города Чивидале. Рукопись въ этомъ изданіи обслѣдована трудами ученыхъ гг. Зауэрланда и Базедова. Рукопись богато украшена миниатюрами, весьма цѣнными для исторіи средневѣковаго нѣмецкаго искусства, и, кромѣ того, она заключаетъ въ себѣ вставленныя въ ту часть ея, въ которой написаны молитвы Гертруды, пять миниатюръ иной совершенно работы и происхожденія; эти миниатюры отличаются византійскимъ характеромъ, на столѣтіе позже, чѣмъ остальные миниатюры рукописи, т.-е. XI вѣка. Двѣ изъ этихъ миниатюръ представляютъ особенный интересъ для русскаго искусства: на нихъ изображены, какъ свидѣлствуютъ славянскія подписи, русскій князь Ярополкъ съ супругой и мать перваго. По изслѣдованію г. Зауэрланда, подтверждаемому и русскими учеными (гг. А. А. Бобринскій), изображенный въ миниатюрѣ Ярополкъ—сынъ великаго князя Изяслава, обстоятельства жизни котораго вполне совпадаютъ съ судьбой того Петра, о которомъ идетъ рѣчь въ молитвахъ его матери Гертруды. Что касается Гертруды, супруги Изяслава, то это—младшая дочь польской королевы Рикцы, отъ которой указанная псалтирь могла попасть черезъ дочь въ Россію. Докладчикъ подробно познакомилъ съ заключеніями изслѣдователей памятника, указавъ на важное значеніе вставныхъ миниатюръ для исторіи древне-русскаго искусства, имѣющихъ связь съ современными русскими памятниками (Остромирово Евангеліе, Изборникъ Святослава), и остановился на вопросѣ о ихъ происхожденіи: заключеніе г. Базедова о ихъ происхожденіи въ Кіевѣ требуетъ большихъ доказательствъ, чѣмъ представлено имъ, и болѣе детальнаго сравнительнаго изученіе памятника.

Библиологическое общество. 9-го февраля, въ помѣщеніи управленія Краснаго Креста, въ 8 часовъ вечера, состоялось годовое общее собраніе Русскаго библиологическаго общества подъ предѣлательствомъ А. І. Маленина. Изъ прочитаннаго предѣлательемъ общества отчета за 1901 годъ видно, что обществомъ было 11 собраній; кромѣ разсмотрѣнія текущихъ дѣлъ, было прочитанъ рядъ научныхъ рефератовъ по специальности общества. Въ пользу общества

прочитаны были публичныя лекціи Б. В. Никольскимъ (о поэзіи Фета), Н. А. Энгельгардтомъ (о Вл. С. Соловьевѣ) и А. К. Бороздинымъ (о Достоевскомъ). Лекціи встрѣтили сочувствіе въ публикѣ и дали, кромѣ того, матеріальную поддержку обществу. Библіотека общества получила цѣнныя приобрѣтенія, благодаря пожертвованіямъ г. Щуклина, Витберга и Дилакторскаго. Выдающуюся сторону дѣятельности общества составляло изданіе собственнаго органа «Литературный Вѣстникъ», приобрѣвшаго прочный кругъ читателей и занявшаго одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду критико-библіографическихъ журналовъ. Изданіе журнала, при скудныхъ средствахъ общества, возможно было, только благодаря безкорыстной и неутомимой дѣятельности редактора журнала А. И. Лященко. Общество чрезъ своихъ представителей участвовало въ двухъ комиссіяхъ при академіи наукъ: первой—посвященной разработкѣ мѣръ къ регистраціи произведеній печати, и другой—посвященной подготовкѣ участія Россіи въ изданіи международнаго каталога по литературѣ точныхъ наукъ. Состоящее при обществѣ справочное бюро занималось собираніемъ и классификаціей библіографическихъ матеріаловъ. Денежныя дѣла общества представляются въ слѣдующемъ видѣ: къ 1-му января 1902 года состоитъ % бумагъ свыше 800 рублей, въ сберегательной кассѣ до 300 рублей, въ наличности—64 рубля. Израсходовано въ теченіе года 1.025 руб. 43 коп. Изданіе «Литературнаго Вѣстника» обошлось 2.136 рублей и дало дефицита 128 рублей. Утвердивъ отчетъ, общее собраніе выразило благодарность А. М. Ловягину, К. И. Храневичу, В. Θ. Боцяновскому и А. И. Лященко за ихъ труды на пользу общества. Затѣмъ была рассмотрѣна и утверждена смѣта расходовъ по обществу и по изданію «Литературнаго Вѣстника». Произведенной баллотировкой В. Θ. Боцяновскій вновь избранъ вице-предсѣдателемъ, членомъ совѣта А. И. Лященко, секретаремъ Б. М. Городецкій и библіотекаремъ Л. Н. Лобовъ. Далѣе собраніемъ былъ выслушанъ рефератъ Е. А. Ляцкаго «Гоголь» (опытъ характеристики). Обрисовавъ ясными чертами обстановку, среди которой происходило духовное развитіе Гоголя, референтъ далѣе представилъ тонкій анализъ писательской его личности и попытался выяснитъ причины душевнаго разлада, который мучилъ Гоголя въ послѣдніе годы жизни. Вторымъ былъ прочитанъ рефератъ А. Л. Липовскимъ на тему «Новое о Гоголѣ». Референтъ сдѣлалъ обзоръ новыхъ матеріаловъ и новыхъ изслѣдованій о Гоголѣ, появившихся въ журналахъ къ юбилейному торжеству въ память Гоголя.

Географическое общество. I. 6-го февраля, въ торжественномъ засѣданіи П. К. Козловъ сдѣлалъ общій обзоръ своего почти трехлѣтняго путешествія по Тибету и центральной Азіи. Экспедиція была снаряжена географическимъ обществомъ въ 1899 г., во главѣ ея стоялъ П. К. Козловъ, участникъ путешествій Пржевальскаго; спутниками его были А. П. Казнаковъ и В. Ф. Ладыгинъ; кромѣ того, въ составъ экспедиціи вошли унтеръ-офицеръ Г. П. Ивановъ, принимавшій также участіе въ путешествіяхъ Пржевальскаго, и 15 нижнихъ чиновъ. Исходнымъ пунктомъ экспедиціи была станція Алтайская; прежде всего была изслѣдована часть Алтая между Кобдо и русской границей, изъ Кобдо экспедиція направилась на юго-востокъ вдоль Монгольскаго Алтая, отъ восточной части котораго повернула въ огромную пустыню Гоби: эта часть пути являлась самой трудной и интересной, такъ какъ приходилось

пти по мѣстамъ, еще совершенно не изслѣдованнымъ, пустыню Гоби пересѣкли тремя маршрутами: П. К. Козловъ прошелъ по ея восточной части, по срединѣ А. Н. Казнаковъ, и по западной части В. Ф. Ладыгинъ; сборнымъ пунктомъ для всѣхъ трехъ отрядовъ была кумирня Чортэнъ-танъ, гдѣ путешественники встрѣтили радушный пріемъ. Изъ Чортэнъ-тана экспедиція двинулась въ Цайдамъ, обширную болотистую равнину, лежащую на высотѣ 2¹/₂ верстѣ надъ уровнемъ моря. Цайдамъ населенъ очень мирными монгольскими племенами, относившимся къ путешественникамъ крайне дружественно; въ Цайдамъ въ небольшой крѣпости Барунъ-Цзасакъ устроены были продовольственный складъ и метеорологическая станція, для охраны коней отъ тибетскихъ разбойниковъ былъ оставленъ унтеръ-офицеръ Ивановъ съ двумя казаками и переводчикомъ. Самъ П. К. Козловъ со своими спутниками въ числѣ 15 человекъ двинулся далѣе въ глубь Тибета, несмотря на предостереженія Сининскаго албана о предстоящихъ опасностяхъ и враждебныхъ встрѣчахъ, которыя имъ будутъ дѣлать тибетскіе разбойники. Экспедиція, переваливъ черезъ снѣжный хребетъ Бурханъ-Будда (на высотѣ 4.500 метровъ), изслѣдовала встрѣтившіяся на пути озера, пересѣкла водораздѣлы Желтой и Голубой рѣкъ и вступила въ бассейнъ рѣки Меконгъ; здѣсь, какъ и предсказывали нашимъ путешественникамъ, имъ пришлось нѣсколько разъ имѣть вооруженное столкновение съ тибетцами. Достигнувъ озера Русскаго (названнаго такъ Пржевальскимъ), изъ котораго вытекаетъ рѣка Желтая, Козловъ прошелъ по неизслѣдованному западному берегу его, а Казнаковъ обогнулъ другое, соединенное съ первымъ озеро Джаринъ-Норъ. Мѣстность всего послѣдняго пути отличалась роскошью природы растительнаго и животнаго царствъ; у водораздѣловъ Желтой и Голубой рѣкъ встрѣчалось много млекопитающихъ и особенно медвѣдей. Экспедиція перезимовала около Чямдо, затѣмъ пройдя новыми путями къ озерамъ верховьевъ Желтой рѣки и выдержавъ нѣсколько сраженій съ тангутами, вернулась благополучно въ Цайдамъ, пробывъ въ Тибетѣ 13 мѣсяцевъ. Обратное движеніе экспедиціи совершилось вполнѣ благополучно, при чемъ удалось сдѣлать 4-е новое пересѣченіе Гоби по направленію къ Ургѣ. Экспедиція по своимъ результатамъ оказалась крайне плодотворной, чему немало способствовало единодушіе въ общей работѣ всѣхъ ея членовъ. Произведена маршрутно-глазomѣрная съемка 12.000 верстѣ въ 10-верстномъ масштабѣ; опредѣлено 40 астрономическихъ пунктовъ; въ Тибетѣ въ 3 главныхъ мѣстахъ на сѣверѣ, югѣ и востокѣ опредѣлены одновременно географическія широты и долготы; за все время дѣлались записи климатологическихъ измѣненій, собраны богатые коллекціи: геологическая около 1.000 нумеровъ, зоологическая, состоящая болѣе чѣмъ изъ 500 экземпляровъ шкуръ млекопитающихъ, множества скелетовъ, около 14.000 штукъ птицъ и насѣкомыхъ и наконецъ батаническая, представляющая собою около 1.500 видовъ или 40.000 экземпляровъ. Кромѣ всего этого, собранъ обширный матеріалъ по этнографіи и исторіи пройденныхъ мѣстностей, а также свѣдѣнія относительно торговыхъ условій страны. П. 13-го февраля подъ предѣтельствомъ П. П. Семенова, въ экстренномъ общемъ собраніи, посвященномъ памяти И. В. Мушкетова, были прочтены доклады: Ю. М. Шокальскимъ — «И. В. Мушкетовъ, какъ предѣлитель отдѣленія географіи физической географическаго общества»; С. Н. Никитинимъ — «О значеніи И. В. Мушкетова въ

географической наукѣ вообще» и К. И. Богдановичемъ — «О значеніи научныхъ трудовъ И. В. Мушкетова въ развитіи географическихъ познаній объ Азій». Ю. М. Шокальскій указалъ на то, что вся дѣятельность И. В. Мушкетова, какъ ученаго, была большею частью связана съ дѣятельностью географическаго общества; первые шаги на почвѣ этой дѣятельности, геологическія изслѣдованія въ Центральной Азій, были сдѣланы И. В. при содѣйствіи общества; много цѣнныхъ наставленій оставилъ покойный на помощь будущимъ изслѣдованіямъ озеръ, песковъ, ледниковъ и т. п., много положилъ онъ труда на организацію правильнаго изученія географическимъ обществомъ явленій сейсмическихъ (землетрясеній), въ настоящее время при академіи наукъ образовалась постоянная сейсмическая коммисія, въ основаніе которой лягутъ труды общества. И. В. обладалъ рѣдкимъ умѣніемъ устраивать и снаряжать самыя интересныя экспедиціи, онъ привлекалъ къ себѣ цѣлыя ряды молодыхъ талантовъ, изъ которыхъ онъ создавалъ серіозныхъ ученыхъ. Обширные труды И. В. Мушкетова географическое общество рѣшило по возможности собрать и соединить въ одно цѣлое. С. Н. Никитинъ въ небольшомъ очеркѣ охарактеризовалъ значеніе 30-лѣтней дѣятельности И. В. Мушкетова для науки вообще и отечественной въ особенности; еще молодымъ ученымъ онъ произвелъ цѣнные геологическія изслѣдованія Южнаго и Златоустовскаго Ураловъ; затѣмъ его многолѣтнее изслѣдованіе Туркестана привело его къ выводамъ, представляющимъ собою высокій общенаучный интересъ; въ 1881 г. онъ изслѣдовалъ ледники Кавказа, послѣ чего на эти ледники взглядъ въ наукѣ совершенно измѣнился. Успѣхъ многихъ минеральныхъ водъ и источниковъ связанъ съ изслѣдованіемъ И. В., такъ, наиримѣръ, липецкихъ, сакскихъ озеръ и др.; далѣе И. В. Мушкетовъ является у насъ единственнымъ авторитетомъ по вопросамъ землетрясеній, подъ его руководствомъ издается каталогъ землетрясеній въ Россіи, онъ установилъ взглядъ на зависимость явленій землетрясеній отъ силъ динамическихъ, а не только вулканическихъ; въ 1893 г. И. В. работаетъ въ Киргизскихъ степяхъ, затѣмъ участвуетъ въ работахъ Анненкова, дѣлаетъ наблюденія надъ подъемомъ Дона, изслѣдуетъ сыпучіе пески и занятъ наконецъ геологическими изысканіями Круго-Байкальской жел. дор. Отличительнымъ характеромъ работы И. В. Мушкетова была способность необычайно быстрой обработки собираемаго матеріала и талантъ освѣтить именно все выдающееся. К. И. Богдановичъ выяснилъ значеніе работъ И. В. Мушкетова о природѣ Средней Азій, познанія о которой до И. В. Мушкетова опирались на крайне неточныя данныя, основанныя на китайскихъ источникахъ; онъ расширилъ рамки изученія Азій и создалъ почти полную картину геологическаго положенія Тянь-Шаня и Туркестана. Въ заключеніе И. И. Семеновъ сказалъ нѣсколько словъ объ И. В. Мушкетовѣ, какъ профессорѣ и человѣкѣ, бывшемъ для молодежи всегда лучшимъ истиннымъ другомъ. Во время чтенія докладовъ въ залѣ на большемъ мольбертѣ помѣщался портретъ покойнаго И. В. Мушкетова, окруженный лавровыми и пальмовыми растеніями. **III.** Въ засѣданіи отдѣленія этнографіи, 15-го февраля, подъ предсѣдательствомъ В. И. Ламанскаго, А. А. Борисовъ сдѣлалъ очень интересное сообщеніе о своемъ путешествіи на Новую Землю, совершенномъ имъ въ 1900 г., при чемъ пребываніе его на Новой Землѣ

въ этотъ разъ длилось 1½ года. Цѣль поѣздки была, собственно говоря, чисто художественная, но попутно съ этимъ А. А. Борисовъ сдѣлалъ множество серьезныхъ и интересныхъ наблюдений въ научномъ отношеніи, географическаго, этнографическаго и экономическаго характера. По мнѣнію докладчика, судоходство въ Карскомъ морѣ можетъ быть развито гораздо шире, чѣмъ оно стоитъ тамъ теперь; для этого необходимо прежде всего измѣнить типъ существующихъ у насъ примитивныхъ судовъ, взявъ за модель приходящія къ намъ суда изъ Норвегіи, строящіяся тамъ изъ русскаго сѣвернаго лѣса; постройку судовъ было бы лучше всего у насъ организовать на Двинѣ. Далѣе докладчикъ указываетъ, что проливъ Маточкинъ Шаръ, какъ судоходный проливъ, можетъ играть большое значеніе; въ Маточкиномъ Шарѣ несомнѣнно существуетъ постоянное теченіе съ сѣвера на югъ; въ случаѣ крайности можно съ судномъ остановиться во льдахъ, при чемъ можно быть увѣреннымъ, что движеніемъ льдовъ оно непременно будетъ вынесено въ Карскія Ворота; между тѣмъ рѣки, впадающія въ Маточкинъ Шаръ, изобилуютъ рыбой, тюленями, медвѣдями, оленями, гусями. Слѣдовательно плаваніе черезъ Маточкинъ Шаръ является крайне выгоднымъ въ промышленномъ отношеніи. Жизнь на Новой Землѣ, по словамъ А. А. Борисова, не была для него и его спутниковъ такъ тяжела по условіямъ, какъ ее обыкновенно изображаютъ; мѣстные самоѣды живутъ тамъ въ очень хорошихъ условіяхъ; если самоѣдъ не лѣнивъ, то онъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль ежегодно можетъ заработать до 500 рублей; они лично очень довольны своей жизнью и говорятъ: «отчего къ намъ не ѣдутъ жить, у насъ такъ хорошо — не жарко; вотъ въ Архангельскѣ такъ здорово жарко». Самоѣды почти всѣ христіане, хотя въ то же время строго придерживаются своихъ языческихъ обрядовъ и приносятъ идоламъ жертвы и иногда даже члвчѣскія; впрочемъ обычаемъ жертвы животныхъ слѣдуютъ и многіе мѣстные русскіе. Затѣмъ докладчикъ далъ нѣсколько картинныхъ описаній изъ быта самоѣдовъ и окружающихъ ихъ животныхъ; интересны охоты самоѣда на медвѣдей, связанныя всегда съ необычайнымъ мужествомъ и присутствіемъ духа охотника; крайне оригинальна охота медвѣдей на тюленей, къ которымъ они подкрадываются, прикрывшись льдиной и толкая ее впередъ передъ собою въ водѣ. Въ заключеніе доклада А. А. Борисовъ показалъ болѣе ста этюдовъ, мастерски исполненныхъ имъ масляными красками; эта цѣлая выставка картинъ живо изобразила передъ глазами зрителей дикую и своеобразную по своей красотѣ и величественности картину мѣстной природы и незамысловатый обиходъ самоѣдовъ; особенно красивы по своимъ свѣтовымъ эффектамъ картины, изображающія полярную лунную ночь, солнечное затменіе, ледяную гору и гротъ имени С. Ю. Витте и др.

Тибетская экспедиція въ Зимнемъ дворцѣ. 1-го февраля въ Зимнемъ дворцѣ имѣла счастье представляться Государю Императору тибетская экспедиція географическаго общества, въ составѣ начальника экспедиціи штабсъ-капитана Козлова, его помощниковъ: штабсъ-ротмистра Казнакова, Ладыгина, фельдфебеля отряда экспедиціи Иванова и волонтера Афутина. При представленіи присутствовали: президентъ императорскаго Русскаго географическаго общества его императорское высочество великій князь Николай Михайловичъ и дежурный при

Государь Императоръ флигель-адъютантъ полковникъ Вольскій. Подойдя къ участникамъ тибетской экспедиціи, Его Величество, какъ передаетъ «Русскій Инвалидъ», соизволилъ удостоить милостиваго разговора штабсъ-капитана Козлова. Поздравивъ экспедицію съ благополучнымъ возвращеніемъ на родину, Государь Императоръ изволилъ разспрашивать ея начальника про мѣстности, изслѣдованныя въ настоящее путешествіе, а также, какъ далеко проникала экспедиція и какъ богаты ея коллекціи. При этомъ Его Величество изволилъ замѣтить, что экспедиціи удалось посѣтить центральный Тибеть-Камъ, куда стремился проникнуть въ свое пятое, неосуществившееся путешествіе, учитель штабсъ-капитана Козлова, покойный генераль Пржевальскій, послѣ смерти котораго эта страна оставалась непосѣщенной. Штабсъ-капитанъ Козловъ отвѣчалъ, что онъ очень счастливъ, что выполнилъ по возможности завѣты своего учителя. Государю Императору было подробно извѣстно о ходѣ путешествія изъ писемъ штабсъ-капитана Козлова, адресованныхъ въ главный штабъ. Его Величество изволилъ интересоваться, какъ отозвалась китайская война на экспедиціи, и не встрѣчался ли ей шведскій ученый, путешественникъ Свенъ Гединъ. Послѣдній доноситъ Его Величеству о ходѣ своихъ дѣлъ письмами. Изъ этихъ писемъ Его Величество изволилъ усмотрѣть, что Свенъ Гединъ былъ вблизи Лхассы, но въ самую Лхассу его не пустили и разграбили даже его коллекціи; въ іюль шведскій путешественникъ возвратится въ Россію. На вопросъ Его Величества, все ли удалось доставить изъ собранныхъ коллекцій, штабсъ-капитанъ Козловъ отвѣчалъ, что доставлено все, что этотъ богатый матеріалъ уже переданъ въ музей императорской академіи наукъ и въ ботаническій садъ, и что часть коллекцій будетъ представлена на Высочайшій осмотръ въ Зимнемъ дворцѣ. Его Императорское Величество выразилъ удовольствіе, что экспедиція благополучно возвратилась, и поздравилъ штабсъ-капитана Козлова съ производствомъ въ капитаны. Затѣмъ Его Величество, подойдя къ штабсъ-ротмистру Казнакову, также принимавшему участіе въ экспедиціи капитана Козлова, осчастливилъ его милостивыми словами и наградилъ его орденомъ св. Владимира 4-й степени. Послѣ этого Государь Императоръ изволилъ обратиться къ губернскому секретарю Ладыгину и милостиво спрашивать о томъ, который разъ онъ путешествуетъ, чѣмъ занимался во время экспедиціи и гдѣ родился. Капитанъ Козловъ доложилъ, что Ладыгинъ знаніемъ туземныхъ языковъ былъ полезенъ экспедиціи. Выразивъ по этому поводу Свое удовольствіе, Его Величество соизволилъ вручить Ладыгину орденъ св. Анны 3-й степени. Съ фельдфебелемъ Ивановымъ и волонтеромъ Афутинымъ Его Величество соизволилъ поздороваться и лично вручить знаки отличія Военнаго Ордена—первому 2-й степени, второму—4-й степени. Оба они были осчастливлены милостивыми словами Государя Императора. Поблагодаривъ за службу Иванова и Афутина, Его Величество вновь изволилъ подойти къ капитану Козлову и еще разъ поздравилъ его съ блестящимъ успѣхомъ экспедиціи. Въ заключеніе Государь Императоръ изволилъ выразить желаніе выслушать докладъ капитана Козлова о тибетской экспедиціи великимъ постомъ въ Зимнемъ дворцѣ.

НЕКРОЛОГИ.

АНТОНИНЪ. Скончавшійся 2-го марта въ Псковѣ преосвященный Антонинъ, епископъ псковскій и порховскій, принадлежалъ къ числу старѣйшихъ архиепископовъ русской православной церкви. Епископъ Антонинъ, въ мѣрѣ Иоаннъ Державинъ, уроженецъ Калужской епархіи. Высшее богословское образование получилъ въ Московской духовной академіи, курсъ ученія въ которой со степенью дѣйствительнаго студента академіи окончилъ въ 1854 г. Въ 1855 г. утвержденъ въ степени кандидата богословія и рукоположенъ, 26-го февраля, во священника; 24-го октября 1861 г. опредѣленъ инспекторомъ Бѣлевскаго духовнаго училища; въ 1875 г. постриженъ былъ въ монашество и назначенъ настоятелемъ Бѣлевскаго Спасо-Преображенскаго монастыря; въ 1878 г. возведенъ въ санъ архимандрита; въ 1881 г. назначенъ инспекторомъ Вианской духовной семинаріи (Московской губ.); въ 1883 г. — настоятелемъ Московскаго Срѣтенскаго монастыря, гдѣ въ то же время состоялъ и членомъ Московской духовной консисторіи. 27-го ноября 1883 г. хиротонисанъ былъ во епископа старицкаго, викарія Тверской епархіи; 18-го октября 1886 г. назначенъ на самостоятельную кафедру въ Ковну; 14-го марта 1889 г. перемѣненъ епископомъ полоцкимъ и витебскимъ, и 3-го сентября 1893 г. назначенъ на старѣйшую кафедру — исковскую. Почившій архиепископъ за заслуги по вѣдомству святѣйшаго синода имѣлъ всѣ ордена до св. Александра Невскаго включительно. Скончался 72 лѣтъ. («Новое Время» 1902, № 9338).

Верещагинъ, П. В. Въ Москвѣ скончался 25-го февраля дѣйствительный статскій совѣтникъ Петръ Васильевичъ Верещагинъ. Съ именемъ покойнаго тѣсно связано заселеніе Черноморскаго побережья. Онъ вмѣстѣ съ покойнымъ докторомъ Ковалевскимъ впервые обратилъ вниманіе на богатые климатиче-

скія и почвенныя условія этого побережья и явился однимъ изъ первыхъ русскихъ колонистовъ Сочи. Ему принадлежала тамъ извѣстная Верецагинская дача, уступленная въ послѣдніе годы министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Съ заселеніемъ Черноморскаго побережья связаны интересныя воспоминанія покойнаго, напечатанныя имъ въ «Моск. Вѣдом.». П. В. по образованію былъ агрономъ. Онъ кончилъ курсъ въ Горы-Горѣцкомъ институтѣ. Дѣятельность свою въ молодые годы сосредоточилъ въ Москвѣ, участвуя въ дѣлахъ московскаго общества сельскаго хозяйства и завѣдуя Бутырскимъ хуторомъ этого общества. Благодаря его стараніямъ, Бутырскій хуторъ былъ приведенъ въ образцовое состояніе и привлекалъ множество сельскихъ хозяевъ, желавшихъ ознакомиться на практикѣ съ основами рациональнаго земледѣлія. Затѣмъ онъ открылъ въ Москвѣ агрономическую контору, приносившую въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ замѣтную пользу тѣмъ сельскимъ хозяевамъ, которые обращались къ ей посредничеству въ дѣлѣ улучшения производительности своихъ хозяйствъ. За свои агрономическіе труды покойный былъ избранъ московскимъ обществомъ въ почетные члены. Въ послѣдніе годы онъ завѣдывалъ имѣніями князя Ф. Ф. Юсупова графа Сумарокова-Эльстонъ. («Нов. Время» 1902, № 9336).

Балинскій, Н. М. 11-го марта скончался послѣ тяжелой непродолжительной болѣзни извѣстный психіатръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Иванъ Михайловичъ Балинскій. Имя покойнаго тѣсно связано съ повсемѣтной организаціей въ Россіи лѣчебницъ и больницъ для нервныхъ и душевныхъ больныхъ. Популярность его, какъ знатока душевныхъ болѣзней и руководителя созданной имъ школы психіатровъ, достигла въ 70-хъ и 80-хъ годахъ широкаго распространенія. Покойный происходилъ изъ дворянъ Виленской губерніи, окончилъ курсъ въ медико-хирургической академіи въ 1846 г. съ золотой медалью и съ занесеніемъ его имени на мраморную доску. Опредѣлившись на службу въ ораніенбаумскій военный госпиталь, онъ занялся спеціальнымъ изученіемъ нервныхъ заболѣваній и послѣ защиты диссертациі на степень доктора медицины былъ приглашенъ въ 1856 г. медико-хирургической академіей адъюнктъ-профессоромъ по кафедрѣ душевныхъ и нервныхъ болѣзней. Въ это время онъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ за границу и подробно ознакомился съ тамошними психіатрическими клиниками и больницами. Въ 1859 г. составилъ проектъ психіатрической клиники, давшій толчокъ коренной реформѣ дѣла призрѣнія душевно-больныхъ въ Россіи. При полученіи профессуры въ академіи онъ создалъ клиническое отдѣленіе душевныхъ болѣзней, обставивъ его сообразно послѣднимъ научнымъ требованіямъ, основалъ психіатрическую клинику и, занимая кафедру психіатріи въ теченіе 14 лѣтъ, образовалъ цѣлую школу русскихъ психіатровъ, большинство которыхъ находится въ настоящее время во главѣ разныхъ учреждений для призрѣнія душевно-больныхъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ приступило въ 1869 году, при содѣйствіи покойнаго, къ осуществленію его плана устройства окружныхъ психіатрическихъ лѣчебницъ въ университетскихъ городахъ; въ Казани была выстроена первая образцовая больница для душевно-больныхъ. Затѣмъ по его указанію возникъ цѣлый рядъ земскихъ психіатрическихъ учреждений.

Одновременно съ профессорской и организаторской дѣятельностью И. М. имѣлъ обширную практику. Къ нему стекались больные со всѣхъ концовъ Россіи. При возникновеніи женскихъ врачебныхъ курсовъ покойный явился однимъ изъ горячихъ поборниковъ ихъ необходимости и принялъ на себя чтеніе психіатріи на курсахъ. Въ 1884 году онъ оставилъ профессуру и занялся почти всецѣло практикой, приглашаемый всюду въ качествѣ консультанта и психіатрическаго авторитета. Имъ была открыта въ это время собственная лѣчебница для умалишенныхъ. Кромѣ того, онъ принималъ дѣятельное участіе въ главномъ медицинскомъ управленіи, былъ совѣщательнымъ членомъ военно-медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, членомъ совѣта управленія учреждениями великой княгини Елены Павловны, предсѣдателемъ почетительнаго комитета Елисаветинской клинической больницы для малолѣтнихъ дѣтей, а также участвовалъ въ трудахъ различныхъ медицинскихъ обществъ. Какъ человекъ, покойный былъ замѣчательно пріятнымъ и обходительнымъ; какъ профессоръ, умѣлъ увлекать своихъ слушателей; какъ врачъ, являлся рѣдкимъ знатокомъ своей специальности. («Новое Время» 1902, № 9347).

Герке, А. А. 27-го февраля скончался президентъ с.-петербургской евангелическо-лютеранской консисторіи, сенаторъ, тайн. сов. Августъ Антоновичъ Герке. Покойный пользовался въ судебномъ и музыкальномъ мірѣ обширной извѣстностью. Родился онъ въ 1841 году. Отецъ его, профессоръ с.-петербургскій консерваторіи, извѣстный пианистъ-виртуозъ, съ раннихъ лѣтъ развилъ въ немъ любовь къ музыкѣ, затѣмъ опредѣлили его въ императорское училище правовѣднія, въ которомъ покойный и кончилъ курсъ въ 1861 г. Начавъ службу въ министерствѣ юстиціи, А. А. принялъ дѣятельное участіе въ судебной реформѣ шестидесятыхъ годовъ, двадцати трехъ лѣтъ былъ назначенъ товарищемъ предсѣдателя херсонской палаты гражданскаго суда, черезъ два года переведенъ товарищемъ предсѣдателя 2 департамента с.-петербургскаго окружнаго суда, но вскорѣ принялъ на себя обязанности товарища прокурора того же суда. Будучи горячимъ поборникомъ суда скораго и справедливаго и по натурѣ своей склонный болѣе къ роли защитника, чѣмъ обвинителя, онъ оставилъ въ 1869 г. прокуратуру и вступилъ въ число присяжныхъ стряпчихъ с.-петербургскаго коммерческаго суда. Съ этого времени онъ занялся веденіемъ частныхъ дѣлъ, принялъ широкое участіе въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, былъ избранъ въ почетные члены с.-петербургскаго совѣта дѣтскихъ приютовъ и въ почетные мировые судьи Валдайскаго уѣзда Новгородской губерніи. Въ 1880-хъ годахъ былъ юрисконсультомъ главнаго общества російскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ 1890 г. назначенъ членомъ консультации, при министерствѣ юстиціи учрежденной, и въ 1893 г. сенаторомъ. До дня своей кончины онъ въ качествѣ опытнаго и знающаго цивилиста присутствовалъ въ гражданскомъ кассационномъ департаментѣ правительствующаго сената, участвуя въ разсмотрѣніи разнообразныхъ судебныхъ дѣлъ. Служба не мѣшала ему работать наочувѣ благотворительности. Высоко цѣня народное образованіе, онъ дѣятельно заботился о распространеніи школъ и объ улучшеніи условий учительскаго труда. Особенно близкое участіе принималъ

въ Езровскомъ двухклассномъ народномъ училищѣ (Валдайскаго уѣзда), въ которомъ былъ почетнымъ блюстителемъ, въ обществѣ взаимнаго вспоможенія учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ и въ благотворительномъ обществѣ судебнаго вѣдомства (въ послѣднемъ несть обязанности казначея). Въ евангелическо-лютеранской генеральной консисторіи А. А. работала съ 1892 года и въ послѣдніе годы была ея президентомъ. До послѣдняго дня своей жизни онъ былъ преподавателемъ въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, дѣятельнымъ членомъ комитета правовѣдской кассы, председателемъ Александровскаго пріюта для женщинъ евангелическаго родовспомогательнаго заведенія, председателемъ правленія общества вспоможенія ученицамъ литейной гимназіи и членомъ совѣта эмеритальной кассы министерства юстиціи. Происходя изъ музыкальной семьи, покойный занимался съ увлеченіемъ музыкой и постоянно вращался въ музыкальныхъ сферахъ, принимая дѣятельнѣйшее участіе въ императорскомъ русскомъ музыкальномъ обществѣ. Со многими изъ русскихъ композиторовъ (П. П. Чайковскимъ, А. Г. Рубинштейномъ и др.) его связывали дружескія отношенія. Какъ человекъ, онъ обладалъ замѣчательно добрымъ сердцемъ, необычайной привѣтливостью и всегдашнюю готовностью помочь нуждающимся. Правдивый и откровенный, онъ чутко слѣдилъ за вопросами общественнаго характера, выдвигаемыми жизнью, и неоднократно высказывалъ свое мнѣніе по нимъ въ печати. До конца своей жизни оставался вѣренъ себѣ и умирая просилъ всѣхъ, кому дорога его память, замѣнить вѣнки пожертвованіями на нужды близкихъ ему благотворительныхъ обществъ и учреждений. («Новое Время» 1902, № 9334).

Давыдова, А. А. 24-го февраля въ Спб. скончалась на 54 году отъ роду основательница и издательница ежемѣсячнаго журнала «Мірѣ Божій» Александра Аркадьевна Давыдова. Покойная, урожденная Горожанская, воспитывалась въ московскомъ частномъ пансіонѣ г-жи Давыдовой, выдержала экзаменъ на званіе домашней учительницы и вышла въ 60-хъ годахъ замужъ за сына начальницы пансіона, извѣстнаго виолончелиста К. Ю. Давыдова, бывшаго въ 80-хъ годахъ директоромъ с.-петербургской консерваторіи. Въ Петербургѣ она вращалась въ музыкальномъ и литературномъ мірахъ. Когда г-жа Евремова задумала издавать въ Петербургѣ женскій журналъ «Сѣверный Вѣстникъ», она пригласила покойную къ дѣятельному участію въ журналѣ. А. А. приняла на себя въ 1885 году секретарскія обязанности и съ этого времени не разставалась съ журнальнымъ поприщемъ, основавъ въ 1892 году свой журналъ «Мірѣ Божій». Въ качествѣ издательницы этого журнала, она, пригласивъ редакторомъ извѣстнаго педагога В. П. Острожежскаго, сумѣла собрать вокругъ себя талантливыхъ людей и принимала близкое участіе въ дѣлахъ журнала до конца своей жизни. Въ 90-хъ годахъ она предприняла изданіе дѣтскаго журнала «Входы», но вела его не долго и передала въ другія руки. («Новое Время» 1902, № 9333).

Доможировъ, А. М. 25-го февраля въ Спб. скончался начальникъ Николаевской морской академіи и директоръ морскаго кадетскаго корпуса, контръ-адмиралъ Александръ Михайловичъ Доможировъ. Умеръ онъ послѣ мучительной продолжительной болѣзни, полученной имъ во время военныхъ дѣйствій

въ Китаѣ. Покойный принималъ въ нихъ дѣятельное участіе, командуя крейсеромъ «Россія». Послѣ взятія фортовъ Таку, онъ былъ назначенъ комендантомъ Таку и болѣе мѣсяца содѣйствовалъ передвиженію международныхъ войскъ отъ Таку къ Пекину для освобожденія посольствъ. Позже въ томъ же 1900 году, онъ принималъ участіе во взятіи китайскихъ укрѣпленій Бейтана, за что былъ награжденъ золотой саблей съ надписью «за храбрость». Покойный родился въ 1850 г., образованіе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, а затѣмъ окончилъ курсъ въ Морской академіи. Служба его была всецѣло посвящена флоту. Въ 90-хъ годахъ онъ послѣдовательно командовалъ крейсеромъ II ранга «Забіяка», завѣдывалъ военно-морскимъ ученымъ отдѣломъ главнаго морского штаба, съ 1896 г. по 1900 г. командовалъ крейсеромъ I ранга «Россія» и въ прошломъ году въ апрѣлѣ былъ назначенъ начальникомъ Николаевской академіи и морского кадетскаго корпуса. Лѣтомъ командовалъ учебнымъ отрядомъ судовъ морского кадетскаго корпуса. Покойный совершилъ рядъ плаваній въ заграничныхъ водахъ и кругосвѣтное. Въ 1895 г. былъ избранъ членомъ конференціи Николаевской морской академіи. («Новое Время» 1902, № 9333).

Егоровъ, Я. Е. Въ с. Кривинѣ (Новгородской губ.) скончался Яковъ Егоровичъ Егоровъ. Покойный происходилъ изъ крестьянъ названной губ., былъ народнымъ учителемъ въ Бѣлозерскѣ, потомъ въ с. Рыбацкомъ Петербургской губ.; послѣдніе годы состоялъ учителемъ въ школѣ при богадѣльнѣ Садовникова и Герасимова; въ общемъ онъ прослужилъ народной школѣ около двадцати пяти лѣтъ. Досуги онъ посвящалъ учебной и общей литературѣ. Перу покойнаго принадлежатъ классныя книги для чтенія: «Красное солнышко», «Ясная звѣздочка» и проч. Я. Е. Егоровъ сотрудничалъ во многихъ изданіяхъ; въ «Сынѣ Отечества», «Россіи». Въ «Сѣверѣ» печатались его очерки. «Среди крестьянъ», вышедшіе отдѣльнымъ изданіемъ. («Новое Время» 1902, № 9331).

Зброжекъ, Ѳ. Г. 15-го февраля въ Сиб. скончался членъ инженернаго совѣта министра путей сообщенія дѣйствительный статскій совѣтникъ Ѳедоръ Григорьевичъ Зброжекъ. Имя покойнаго хорошо извѣстно въ инженерномъ и строительномъ мѣрѣ, какъ одного изъ выдающихся знатоковъ внутреннихъ водныхъ сообщеній и мостового строительнаго дѣла. Ѳ. Г. — сынъ инженера путей сообщенія — родился 7-го марта 1849 года въ Черниговѣ. По окончаніи курса въ Могилевской гимназій съ серебряной медалью поступилъ въ Петербургскій университетъ, а затѣмъ перешелъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія. Начавъ службу въ должности инженера въ С.-Петербургскомъ округѣ путей сообщенія, былъ прикомандированъ къ завѣдующему Царкосельскою и Красносельскою дистанціями и завѣдывалъ гидротехническими сооружениями Царскаго Села и Павловска. Покойный строитель Александровскаго моста черезъ Неву инженеръ Струве обратилъ вниманіе на выдающіяся способности Ѳ. Г. и пригласилъ его въ свои помощники, поручивъ ему обязанности старшаго инженера по надзору за постройкой моста императора Александра II. Молодой инженеръ дѣятельно принялся за новую работу и опубликовалъ въ это время рядъ цѣнныхъ теоретическихъ изслѣдованій по испытаніямъ строительныхъ матеріаловъ и по кессоннымъ работамъ. Послѣ постройки моста

Θ. Г. вернулся вновь къ завѣдыванію гидротехническими сооруженіями Царскаго Села и Павловска, но уже въ качествѣ начальника Царскосельской дистанціи. Одновременно онъ занялся разработкою разныхъ специальныхъ вопросовъ и напечаталъ въ «Журналѣ министерства путей сообщенія» статьи «Опытъ теоріи движенія жидкостей въ пневматическихъ трубахъ» (къ вопросу канализаціи городовъ), «Къ вопросу объ устойчивости русель судоходныхъ каналовъ», «Статическій расчетъ деревянныхъ подкосныхъ мостовыхъ фермъ» и др. Въ 1886 г. бывший директоръ департамента шоссеиныхъ и водяныхъ сообщеній П. А. Фадѣевъ пригласилъ покойнаго на службу въ департаментъ и Θ. Г. занялъ должность завѣдующаго отдѣленіемъ естественныхъ водяныхъ путей технического отдѣла въ департаментѣ. Тогда же онъ былъ приглашенъ институтомъ инженеровъ путей сообщенія для практическихъ занятій со студентами по кафедрѣ внутреннихъ путей сообщенія. Въ теченіе двухлѣтняго завѣдыванія отдѣленіемъ департамента онъ неоднократно былъ командированъ для осмотра водяныхъ путей и принялъ видное участіе въ разрѣшеніи вопросовъ о регулированіи рѣкъ Вислы въ пограничной съ Австріей части, Днѣстра, Днѣпра у Кіева, Нѣмана у Августовскаго канала и др. Въ 1888 г. въ качествѣ главнаго инженера руководилъ работами по постройкѣ Новороссійскаго порта. Завѣдуя практическими занятіями студентовъ института путей сообщенія, покойный послѣ пробной лекціи «Современное положеніе въ Россіи вопроса о выправленіи рѣкъ» былъ допущенъ къ чтенію въ институтѣ курса осушенія и орошенія земель, въ 1889 году былъ назначенъ инспекторомъ института и утвержденъ въ званіи преподавателя курса внутреннихъ водяныхъ сообщеній. Съ 1893 г. Θ. Г., не прекращая чтенія лекцій въ институтѣ, исполнялъ обязанности вице-директора департамента шоссеиныхъ и водяныхъ сообщеній по техническому отдѣлу, состоялъ членомъ комиссіи по устройству коммерческихъ портовъ и членомъ совѣта института путей сообщенія. Его лекціи въ институтѣ послужили матеріаломъ для цѣннаго и полнаго курса, изданнаго подъ заглавіемъ: «Внутреннія водяныя сообщенія». Въ послѣднія 15 лѣтъ рѣдкія инженерныя портовыя, мостовыя и гидротехническія сооруженія обходились безъ близкаго или косвеннаго участія покойнаго. Онъ участвовалъ въ качествѣ специалиста въ городской комиссіи по постройкѣ постоянного Троицкаго моста черезъ Неву, въ комиссіи по устройству казармъ и предѣдательствовалъ въ постоянномъ комитетѣ съѣзда русскихъ дѣятелей по водянымъ сообщеніямъ. Какъ преподаватель и бывший инспекторъ института путей сообщенія, Θ. Г. пользовался большимъ авторитетомъ въ области своего предмета и общими симпатіями студентовъ. Онъ былъ учредителемъ и почетнымъ членомъ общества вспоможенія недостаточнымъ студентамъ института и никогда не отказывался отъ посильной матеріальной помощи наиболее нуждающимся изъ нихъ. Глубокія знанія покойнаго высоко цѣнились инженернымъ міромъ и высказывались покойнымъ въ ясныхъ убѣдительныхъ рѣчахъ, произносимыхъ имъ съ кафедры и въ разныхъ аудиторіяхъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902, № 9323.)

Канонниковъ, И. И. 2-го марта въ Казани скончался ординарный профессоръ по кафедрѣ технологіи и технической химіи Казанскаго университета

Инокентій Івановичъ Канонниковъ. Имя покойнаго, какъ выдающагося химика, пользовалось большою извѣстностью въ научномъ мѣрѣ. Родился онъ 16-го мая 1854 г., образованіе получилъ въ Казанскомъ университетѣ на естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета. Будучи еще студентомъ, опубликовалъ свою первую работу относительно приготовленія хлоралгидридовъ жирныхъ кислотъ и получилъ за эту работу золотую медаль отъ университета. По окончаніи университетскаго курса занялъ должность лаборанта медико-химической лабораторіи, затѣмъ при кафедрѣ физиологической химіи, черезъ пять лѣтъ защитилъ магистерскую диссертацию: «Матеріалы по вопросу о вліяніи строенія на свѣто-преломляющую способность органическихъ соединений», и сталъ читать въ качествѣ приватъ-доцента лекціи по химіи. Въ 1884 г. перешелъ въ Московскій университетъ доцентомъ технической химіи, защитилъ диссертацию въ Петербургскомъ университетѣ на доктора химіи: «О свѣтопреломляющей способности химическихъ соединений» и вскорѣ занялъ въ Казанскомъ университетѣ кафедру технологій и технической химіи. Въ своихъ научныхъ работахъ П. И. избѣгалъ рутинны и шаблоны и стремился къ открытію новыхъ горизонтовъ въ избранной имъ спеціальности. До конца жизни онъ занимался экспериментальными изслѣдованіями въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, добываясь трудно-уловимыхъ законовъ въ области физической химіи: въ атомныхъ лучепреломленіяхъ металловъ, въ растворахъ твердыхъ органическихъ и неорганическихъ соединений и т. д. Перу его принадлежитъ множество спеціальныхъ работъ, изъ которыхъ назовемъ «Руководство къ химическому изслѣдованію питательныхъ и вкусовыхъ веществъ» (1891 г.), «О соотношеніяхъ между свѣтопреломляющей способностью химическихъ соединений и ихъ способностью вращать плоскость поляризаціи», «Удѣльное вращеніе винно-каменной кислоты и ея солей» и др. Какъ профессоръ, онъ умѣлъ заинтересовать слушателей и пользовался ихъ симпатіями за свою искренность, доброту и отзывчивость. (Некрологъ его: «Новое Время 1902, № 9344»).

Кеммерлингъ, М. А. 25-го февраля послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался одинъ изъ старѣйшихъ и популярнѣйшихъ петербургскихъ педагоговъ-филологовъ, Михаилъ Андреевичъ Кеммерлингъ. Покойный по окончаніи въ 1877 году курса Петербургскаго университета нѣкоторое время давалъ уроки въ кронштадтской гимназіи, затѣмъ перешелъ въ петербургскую 6-ю гимназію, гдѣ и преподавалъ до самой смерти. Онъ считался знаткомъ древней исторіи и основательно зналъ древніе языки. Среди многочисленныхъ своихъ учениковъ онъ всегда пользовался любовью и уваженіемъ. Въ учебной литературѣ М. А. извѣстенъ, какъ составитель довольно распространеннаго въ свое время «Атласа древняго міра» и «Книга упражненій по латинскому языку», выдержавшей нѣсколько изданій. (Некрологъ его: «Нов. Вр.» 1902, № 9333).

Клинге, И. Г. 18-го февраля скончался отъ перерожденія сердца главный ботаникъ Императорскаго ботаническаго сада докторъ ботаники Иванъ Густавовичъ Клинге, знатокъ растительности Сѣверо-Западной Россіи, много потрудившійся для изслѣдованія болотъ Прибалтійскаго края и спеціально изучившій чрезвычайно трудное семейство орхидныхъ. Въ послѣдніе годы постоянно

занятый орхидными, присылавшимися ему учеными со всех частей свѣта, онъ находилъ однако время и для занятій вопросами прикладной ботаники. Такъ для популяризаціи онъ велъ въ Императорскомъ ботаническомъ саду испытаніе сельско-хозяйственныхъ сѣмянъ, печаталъ статьи о вегетаріанизмѣ съ ботанико-географической точки зрѣнія, о фальсификаціяхъ чая въ Россіи, о бортевомъ (лѣсномъ) пчеловодствѣ въ Прибалтійскомъ краѣ и т. д. И. Г. Клинге родился въ 1851 г. въ Деритѣ, гдѣ и получилъ высшее образованіе. Въ 1879 году былъ удостоенъ степени магистра ботаники и занялъ должность помощника директора Ботаническаго сада Деритскаго университета, въ которомъ въ то же время читалъ лекціи въ качествѣ приватъ-доцента. Въ 1895 году, имѣя уже званіе доктора ботаники, былъ приглашенъ на службу въ Императорскій Ботаническій садъ. Покойный, будучи хорошимъ знатокомъ тѣхъ специальностей, которыми занимался, не былъ узкимъ специалистомъ, а всегда обнаруживалъ, какъ чловѣкъ широко образованный, живѣйшій интересъ ко всемъ отраслямъ знанія. (Некрологъ его: «Нов. Вр.» 1902, № 9327).

Лазаревичъ, И. П. Въ ночь на 26-го февраля въ Сиб. скончался членъ свѣта министра народнаго просвѣщенія, заслуженный профессоръ, докторъ медицины тайный совѣтникъ Иванъ Павловичъ Лазаревичъ. Покойный принадлежалъ къ числу видныхъ русскихъ акушеровъ и имѣлъ обширную практику въ Кіевѣ, Харьковѣ и въ послѣдніе годы въ Петербургѣ. И. П. родился въ Могилевѣ-на-Днѣпрѣ 17-го марта 1829 года, медицинское образованіе получилъ въ университетѣ св. Владимира, курсъ въ которомъ окончилъ со званіемъ лѣкаря. Оставленный при Кіевскомъ университетѣ въ качествѣ асистента акушерской клиники, онъ черезъ три года былъ назначенъ помощникомъ директора акушерской клиники. Въ 1857 году защитилъ диссертацию на степень доктора медицины. Въ слѣдующемъ году сталъ читать лекціи по акушерству въ Кіевскомъ университетѣ, сперва въ качествѣ приватъ-доцента, затѣмъ доцента. Въ 1862 г. былъ приглашенъ Харьковскимъ университетомъ занять кафедру акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней. Въ Харьковѣ онъ пробылъ около 25 лѣтъ, читалъ лекціи въ университетѣ и былъ директоромъ университетскихъ клиникъ по женскимъ болѣзнямъ. Въ это время имъ произведено нѣсколько цѣнныхъ специальныхъ изслѣдованій, составившихъ ему извѣстность не только въ Россіи, но и за границей. Имъ изобрѣтено также много цѣнныхъ акушерскихъ и гинекологическихъ инструментовъ. Покойный внимательно слѣдилъ за новинками въ своей специальности и съ цѣлью познакомиться съ положеніемъ гинекологіи за границей совершилъ нѣсколько поѣздокъ за границу и участвовалъ въ Лондонскомъ и Парижскомъ международныхъ медицинскихъ конгрессахъ. Перу его принадлежитъ множество ученыхъ работъ, изъ которыхъ назовемъ «Курсъ акушерства» (два тома), «Атласъ гинекологическихъ и акушерскихъ инструментовъ, усовершенствованныхъ и изобрѣтенныхъ авторомъ». «Вниманіе къ дѣтямъ», «Вниманіе къ матерямъ» и др. Многія изъ его специальныхъ работъ переданы на нѣмецкій, французскій и англійскій языки. Поселившись въ Петербургѣ, И. П. занялся акушерскою практикою, былъ почетнымъ консультантомъ Максимилиановской лѣчебницы и непремѣннымъ членомъ медицинскаго свѣта министерства внутреннихъ дѣлъ. (Некрологъ его: «Нов. Вр.» 1902, № 9333).

Лукомскій, В. В. 7-го марта скончался въ Сиб. послѣ продолжительной тяжелой болѣзни докторъ медицины тайный совѣтникъ Владимиръ Викентьевичъ Лукомскій. Покойный родился 9-го марта 1840 г., образованіе получилъ въ Кіевскомъ университетѣ на медицинскомъ факультетѣ, окончивъ курсъ съ званіемъ докторанта. Начавъ свою врачебную дѣятельность въ оренбургскомъ военномъ госпиталѣ, В. В. защитилъ въ медико-хирургической академіи диссертацию на степень доктора медицины: «Наблюденія надъ нѣкоторыми видами злокачественныхъ перемежающихся лихорадокъ». Прослуживъ нѣсколько лѣтъ старшимъ ординаторомъ кіевского военного госпиталя, В. В. читалъ въ качествѣ приватъ-доцента Кіевского университета въ 1874—1875 гг. курсы дерматологіи и микологіи, затѣмъ былъ дивизионнымъ врачомъ, помощникомъ военно-медицинскаго инспектора и инспекторомъ Варшавскаго военного округа и окружнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ Омскаго военного округа. Перу его принадлежитъ много специальныхъ работъ, напечатанныхъ въ «Медицинскомъ Обзорѣніи», «Военно-Медицинскомъ журналѣ» и въ другихъ изданіяхъ. Изъ его работъ назовемъ: «Очеркъ микологіи въ связи съ микропаразитной теоріей развитія паразитныхъ болѣзней», «О современномъ состояніи дерматологіи», «Исслѣдованіе о рожѣ», «О вазомоторныхъ неврозахъ» и другія. (Некрологъ его: «Нов. Вр.» 1902, № 9345).

В. Н. Назарьевъ. † 28-го февраля скончался въ своемъ имѣніи Никулино. Сибирской губерніи, извѣстный беллетристъ и земскій дѣятель Валеріанъ Никаноровичъ Назарьевъ, сотрудникъ «Современника», «Отечественныхъ Записокъ», «Библіотеки для Чтенія», «Вѣстника Европы» и другихъ изданій. Особенно много работалъ онъ въ шестидесятыхъ годахъ, когда его имя почти не сходило со страницъ «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ его несомнѣнное дарованіе особенно цѣнили покойный редакторъ этого журнала С. С. Дудышкинъ, съ которымъ В. Н. Назарьевъ поддерживалъ самыя дружественныя отношенія вплоть до конца его жизни. Здѣсь, подъ общимъ заглавіемъ «Очерки съ натуры» и «Наша сельская жизнь», въ теченіе лѣтъ шести подъ рядъ, В. Н. Назарьевъ помѣщалъ талантливые очерки изъ провинціальной жизни, которую зналъ превосходно и умѣлъ живописать. Необыкновенно наблюдательный, чуткій, присматривавшійся къ каждой мелочи, даровитый писатель обладалъ способностью живо и большей частью ярко передавать свои впечатлѣнія. Всѣ его очерки, рассказы и сцены, кромѣ упомянутыхъ серій произведеній, печатавшіеся также подъ заглавіемъ «Современная глушь», «У себя и на чужбинѣ», «Провинціальныя типы нашего времени», между прочимъ, представляютъ богатый и интересный матеріалъ для изученія такъ называемаго переходнаго времени, — времени, кажется, нескончаемаго. Правда, самая яркая, дѣйствительность въ полной ея неприскосновенности, уваженіе къ крестьянскому труду, къ его долготерпѣнію, теплота, задушевность и полная искренность положены въ основу всѣхъ произведеній В. Н. Назарьева. Его отчужденность отъ столицы и рѣдкая скромность были причиною того, что эти произведенія не пользовались широкой извѣстностью. Да, кромѣ того, изъ-за скромности, онъ не пытался собрать свои произведенія, разбросанныя по журналамъ и могущія составить нѣсколько томовъ. Впервые на талантъ В. Н. Назарьева обратилъ вниманіе Ив. Ив. Па-

наевъ, напечатавъ его повѣсть «Бакенбарды», имѣющую нравоописательный и полуобличительный характеръ, — въ своемъ «Современникѣ». А затѣмъ свелъ его съ С. С. Дудышкинымъ М. Н. Островскій, братъ знаменитаго драматурга, бывший министръ. Позднѣ Некрасовъ, также отдававшій должное дарованію В. Н. Назарьева, съ удовольствіемъ печаталъ его произведенія въ «Отечественныхъ Запискахъ». Здѣсь помѣщены его «Провинціальныя типы», «Литераторъ-обыватель», комедія «Метель» и др. Онъ сотрудничалъ также въ «Вѣстникѣ Европы» и «Порядкѣ» отъ 70-хъ до 90-хъ годовъ: цѣлый рядъ очерковъ «Современная глушь», «Исторія одной волости», «Вешніе всходы» и другіе и нѣсколько статей по земскимъ и другимъ вопросамъ. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» помѣщены его интересные матеріалы для біографіи «великаго писателя земли Русской», подъ заглавіемъ «Графъ Л. Н. Толстой и его студенческіе годы», а также очерки «Люди и жизнь былаго времени», «На новую линію» и прочее. Его комедія «Золотыя сердца» была поставлена на сценѣ московскаго Малаго театра въ 1882 году. Въ «Камско-Волжскомъ Вѣстникѣ» помѣщены его «Послѣдніе могикане» и рядъ рассказовъ и очерковъ. Наконецъ, безчисленное множество мелкихъ статей по земскому вопросу, народному образованію и другихъ помѣщено въ «Симбирской» и «Самарской Газетахъ» и «Симбирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». В. Н. Назарьевъ достаточно поработалъ и на поприщѣ общественной дѣятельности. Около 15 лѣтъ онъ несъ обязанности мирового судьи въ Симбирскомъ уѣздѣ и до самой кончины состоялъ почетнымъ мировымъ судьей, лѣтъ около 8 былъ предѣвателемъ основаннаго имъ ново-никулинскаго ссудо-сберегательнаго товарищества, около 25 лѣтъ дѣятельно трудился въ качествѣ члена симбирскаго уѣзднаго совѣта и пользовался особеннымъ расположеніемъ барона Н. А. Корфа, извѣстнаго педагога. Обязанности земскаго гласнаго онъ исполнялъ до самой кончины. Валеріанъ Никифоровичъ Назарьевъ родился въ 1830 году въ деревнѣ Анкиѣевкѣ, Симбирской губерніи, и высшее образованіе получилъ въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ былъ въ одно время съ графомъ Л. Н. Толстымъ. (Некрологи его: «Новости» 1902, № 63; «Нов. Вр.» 1902, № 9341).

А. Н. Неустровъ. † Въ С.-Петербургѣ 13-го марта скончался извѣстный бібліофилъ и писатель Александръ Николаевичъ Неустровъ, семидесяти семи лѣтъ отъ роду. Происходя изъ купеческой семьи, онъ путемъ самообразованія достигъ почетной извѣстности въ литературѣ. Въ его жизни прежде всего весьма поучительно отмѣтить его книгособирательную и книгожертвовательную дѣятельность, выразившуюся въ семидесяти тысячахъ разныхъ изданій, собранныхъ и подаренныхъ имъ для пополненія специальныхъ отдѣловъ бібліотекъ, начиная съ С.-Петербургской Публичной бібліотеки, Румянцевскаго въ Москвѣ и Дашковскаго музеевъ, университетскихъ бібліотекъ въ разныхъ городахъ, историческихъ и археологическихъ обществъ и кончая бібліотеками петербургскихъ городскихъ училищъ. Множество рѣдкихъ книгъ и рукописей уцѣлѣло въ бібліотекахъ частныхъ лицъ, благодаря тому, что послѣ смерти владѣльцевъ частныхъ бібліотекъ А. Н. скупалъ оставшіяся книги и жертвовалъ ихъ въ болѣе надежныя учрежденія. Но, кромѣ этого, онъ извѣстенъ и самостоятельными трудами, изъ которыхъ «Историческое розысканіе о рус-

скихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703 — 1802 г., библиографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ» съ «Указателемъ» представляютъ собою солидный трудъ объ умственной жизни Россіи XVIII вѣка, рисуя выдающіяся формы русской мысли этого времени, со всеми ея недостатками и достоинствами. Трудъ этотъ былъ премированъ академіей наукъ и теперь представляетъ библиографическую рѣдкость. Покойный печаталъ также статьи въ газетахъ: «Голосѣ», «Русскомъ Мирѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и т. д. Нельзя не упомянуть о томъ, что Неустроевъ отъ денежной преміи имени графа Уварова лично отказался, а назначилъ ее своему замѣстителю, который долженъ будетъ продолжить его «Историческое розысканіе», сдѣлавъ по этому образцу описаніе повременныхъ изданій XIX вѣка. До сихъ поръ послѣдователи Неустроеву не имѣется, и его премія никому не присуждена. Практическая его дѣятельность, какъ гласнаго думы, выразилась въ поучительствѣ надъ городскими начальными училищами, въ участіи въ комиссіяхъ о стипендіатахъ въ учебныя заведенія, для организаціи ремесленного образованія, для наблюденія за с.-петербургскими мѣстами заключенія и т. д. (Некрологъ его: «Нов. Вр.» 1902, № 9348).

Нефедовъ, Ф. Д. Въ деревнѣ Переборъ Владимирской губерніи 12-го марта скончался писатель-народникъ и этнографъ Филиппъ Діомидовичъ Нефедовъ. Покойный родился въ 1838 году въ селѣ Иваново-Вознесенскѣ, происходя изъ крѣпостныхъ крестьянъ графа Шереметева, которому принадлежало село Иваново, впоследствии соединенное съ посадомъ Вознесенскомъ и преобразованное въ городъ. Въ началѣ Нефедовъ торговалъ въ лавкѣ отца посудой, но въ 1861 году переселился въ Москву и сталъ усиленно заниматься, чтобы приготовиться къ экзамену на званіе домашняго учителя. Затѣмъ въ 1862—1863 гг. Нефедовъ слушалъ лекціи въ качествѣ вольнослушателя на филологическомъ факультетѣ Московскаго университета. Диплома домашняго учителя Нефедову получить не удалось, и въ 1864 году онъ поступилъ на службу въ книжный магазинъ Черенина. Въ концѣ 1871 года по порученію редакціи «Русскія Вѣдомости» Нефедовъ изслѣдовалъ фабричный бытъ Владимирской губерніи и тогда же принялъ, во время политехнической выставки въ Москвѣ, дѣятельное участіе въ устройствѣ образцовой школы, народной читальни и народнаго театра; въ 1874 году московское общество естествознанія, антропологии и этнографіи командировало его для этнографическихъ изысканій въ поволжскія губерніи. Съ этого года начались многочисленныя экскурсіи покойнаго въ различныя мѣста Россіи съ этнографическими и археологическими цѣлями. Собраннымъ богатымъ этнографическимъ и бытовымъ матеріаломъ онъ воспользовался какъ для ряда своихъ научныхъ статей, напечатанныхъ въ специальныхъ изданіяхъ, такъ и для своихъ беллетристическихъ произведеній. На литературное поприще беллетриста покойный выступилъ въ началѣ 60-хъ годовъ, въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» редакціи Корша, затѣмъ напечаталъ въ «Развлеченіи» очеркъ «Чертово болото», гдѣ описывалъ Иваново-Вознесенскъ. Первую извѣстность Нефедову дали его рассказы «Безоброчный», напечатанный въ 1871 году въ «Грамотеѣ» Алябьева, и два очерка, появившіеся въ томъ же году въ «Вѣстникѣ Европы». Нефедовъ былъ представителемъ народничества, протестую-

цаго противъ отчужденія крестьянъ отъ земли и деревни и въ особенности противъ ухода ихъ на фабрики и заводы. Въ своихъ многочисленныхъ очеркахъ и разсказахъ онъ задавался цѣлью разобраться въ общественной и экономической жизни народа путемъ изображенія народнаго быта въ типичныхъ его представителяхъ. Выставляя, какъ идеаль, патриархальную семейную жизнь крестьянина, Нефедовъ не жалѣлъ мрачныхъ красокъ въ обрисовкѣ фабричныхъ жизни и типовъ (подъ всеобщимъ Ф. Уводинъ). Сборники его разсказовъ вышли подъ заглавіями: «На міру», «Святочные разсказы». Въ 1879—1881 гг. онъ участвовалъ въ редактированіи газеты «Русскій Курьеръ», въ 1885 году редактировалъ собраніе сочиненій Левитова. (Некрологи его: «Новое Время», 1902, №№ 9351 и 9352).

Пѣвцовъ, М. В. 25-го февраля скончался послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни извѣстный русскій путешественникъ генераль-майоръ Михаилъ Васильевичъ Пѣвцовъ, состоявшій въ послѣдніе годы въ числѣ четырехъ генераловъ, положенныхъ по штату, при главномъ штабѣ. Покойный родился въ 1843 году, образованіе закончилъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Прослуживъ въ Западной Сибири около 15 лѣтъ сперва въ качествѣ старшаго адъютанта штаба войскъ Семипалатинской области, затѣмъ помощникомъ старшаго адъютанта и штабъ-офицеромъ западно-сибирскаго и старшимъ адъютантомъ штаба омскаго военныхъ округовъ, М. В. совершилъ цѣлый рядъ путешествій по Монголіи, Китаю, Восточному Туркестану, Сѣверному Тибету и Джунгаріи. Его путешествія начались въ 1876 г., когда онъ былъ командированъ для изслѣдованія Джунгаріи. Затѣмъ въ 1878 и 1879 гг. онъ сопровождалъ съ ученою цѣлью торговый караванъ по Монголіи и сѣвернымъ провинціямъ Китая, въ 1883 году проводилъ на мѣстѣ государственную границу съ Западнымъ Китаемъ къ востоку отъ озера Зайсана. Въ это время были напечатаны подробныя описанія его путешествій: «Путевые очерки Джунгаріи» и «Очеркъ путешествія по Монголіи и сѣвернымъ провинціямъ внутренняго Китая». Одновременно покойный явился учредителемъ и дѣятельнымъ членомъ западно-сибирскаго отдѣла географическаго общества въ Омскѣ. Переведенный въ 1887 году въ Петербургъ съ назначеніемъ на должность дѣлопроизводителя азіатскаго отдѣла главнаго штаба, онъ въ слѣдующемъ году вновь отправился въ путешествіе. На этотъ разъ былъ избранъ преемникомъ скончавшагося Н. М. Пржевальскаго и въ качествѣ начальника сформированной послѣднимъ научной экспедиціи путешествовать въ 1889 и 1890 гг. по Восточному Туркестану, Сѣверному Тибету и Джунгаріи. Во время этого путешествія ему пришлось выдержать въ непривѣтливыхъ странахъ нѣсколько столкновеній съ враждебными туземцами и быть оторваннымъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ сношеній съ русскими властями. Это не помѣшало ему произвести интересныя географическія и этнографическія изслѣдованія и составить любопытную зоологическую коллекцію. Подробное описаніе этого путешествія напечатано покойнымъ въ «Запискахъ» географическаго общества, подъ заглавіемъ: «Труды Тибетской экспедиціи». Затѣмъ М. В. стоялъ въ распоряженіи начальника главнаго штаба и съ 1896 года въ числѣ четырехъ генераловъ при главномъ штабѣ. Покойный любилъ заниматься астрономіей и, живя

еще въ Омскѣ, напечаталъ свой трудъ «Начальныя основанія математической и физической географіи». Въ Петербургѣ онъ напечаталъ «Объ опредѣленіи географической широты по соответственнымъ высотамъ двухъ звѣздъ» (1888 г.), «О барометрическомъ нивелированіи» и другія работы, посвященные астрономическимъ наблюденіямъ (Некрологъ его: «Новое время» 1902, № 9333).

Самарскій-Быховецъ, В. В. 26 февраля въ С.-Петербургѣ скончался присяжный повѣренный Владимиръ Васильевичъ Самарскій-Быховецъ. Покойный родился въ 1847 году, образованіе получилъ въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, въ которомъ окончилъ курсъ съ золотой медалью. Начавъ свою служебную дѣятельность въ 1855 году во второмъ департаментѣ правительствующаго сената, онъ вскорѣ занялъ должность секретаря этого департамента и въ 1863 году былъ приглашенъ училищемъ правовѣдѣнія читать курсъ гражданскаго судопроизводства. Съ введеніемъ новыхъ судебныхъ уставовъ В. В. оставилъ сенатъ и вошелъ въ составъ присяжныхъ повѣренныхъ округа с.-петербургской судебной палаты. Въ теченіе 35 лѣтъ покойный занимался адвокатской практикой, приобрѣлъ извѣстность знающаго цивилиста и репутацію честнаго энергичнаго общественнаго дѣятеля. Одно время онъ былъ юрисконсультомъ с.-петербургской городской думы. Съ училищемъ правовѣдѣнія В. В. не разставался до дня своей кончины, читая гражданское судопроизводство и принимая близкое участіе въ качествѣ члена комитета правовѣдской кассы. Среди всѣхъ знавшихъ его онъ оставилъ по себѣ лучшія воспоминанія. («Новое Время», 1902, № 9336).

Соколовъ, И. И. 7-го марта послѣ продолжительной тяжелой болѣзни на 50 году жизни скончался завѣдывающій канцеляріей училищнаго совѣта при святѣйшемъ синодѣ Иванъ Ивановичъ Соколовъ. Покойный уроженецъ Ярославской губерніи (города Углича) изъ духовнаго званія, изъ семинаріи поступилъ въ 1872 году въ С.-Петербургскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, гдѣ и окончилъ успѣшно курсъ въ 1876 году въ числѣ славистовъ-учениковъ В. И. Ламанскаго, подъ руководствомъ котораго еще по выходѣ изъ университета продолжалъ занятія славяновѣдѣніемъ, подвизаясь и на педагогическомъ поприщѣ. Въ началѣ 1880-хъ годовъ И. И. совершилъ путешествіе въ славянскія земли, гдѣ особенное вниманіе удѣлилъ Галиціи и Венгріи и въ эпоху извѣстнаго громкаго процесса А. И. Добрянскаго едва избѣжалъ преслѣдованій мадьярскихъ властей, подозрительно относившихся къ русскимъ ученымъ путешественникамъ. Его частныя письма въ Россію за это время представляютъ большой интересъ, обнаруживая въ немъ чуткаго и проницательнаго наблюдателя политическихъ и національныхъ отношеній. Плодомъ его ученыхъ занятій старой славянской письменностью въ эту командировку была между прочимъ статья «Мукачевская псалтирь XV вѣка» въ юбилейномъ «Сборникѣ» учениковъ В. И. Ламанскаго (С.-Петербургъ, 1883). Эта заграничная поѣздка подготовила И. И. къ той его плодотворной и энергичской дѣятельности, которую онъ съ жаромъ и одушевленіемъ отдавалъ съ той поры славянскому благотворительному обществу и которую только болѣзнь заставила его оставить съ годъ назадъ. Много труда и нравственныхъ силъ

вложилъ покойный въ славянское дѣло, которое такъ любилъ и въ которое вѣрилъ. Въ 1883—1885 г.г. онъ редактировалъ первое периодическое изданіе «Извѣстія Славянскаго благотворительнаго общества» сперва вмѣстѣ съ Н. Н. Страховымъ, потомъ одинъ. Много и самъ онъ помѣстилъ здѣсь статей и замѣтокъ. Съ 1885 года онъ былъ постоянно избираемъ въ члены совѣта общества, въ его казначей, въ члены издательской коммисіи, и его неослабной энергіи и стойкости общество немало обязано, особенно въ пережитые имъ смутные періоды жизни,

Служба въ святѣйшемъ синодѣ, редакторство «Церковныхъ Вѣдомостей» (онъ долго состоялъ помощникомъ редактора и главнымъ работникомъ), наконецъ дѣятельность по училищному совѣту дали покойному возможность послужить съ обычнымъ ему рвеніемъ и великою пользою и въ области духовно-просвѣтительной, въ разработкѣ вопросовъ, къ ней относящихся. («Новое Время» 1902, № 9344).

Старостинъ, В. Г. 8 февраля въ Обуховской больницѣ, въ Петербургѣ, скончался послѣ непродолжительной болѣзни, писатель Василій Григорьевичъ Старостинъ. Сынъ сельскаго священника, покойный родился въ селѣ Воздвиженъ, близъ города Устюга, на берегу живописной Сухоны, гдѣ и провелъ свое дѣтство. По окончаніи курса вологодской духовной семинаріи, Старостинъ перешелъ въ С.-Петербургскій университетъ, но здѣсь курса не окончилъ. Въ 1876 году онъ поступилъ на службу въ государственный банкъ въ Петербургѣ, гдѣ и находился до самаго послѣдняго времени. Литературная дѣятельность Старостина началась въ концѣ 60-хъ годовъ. Изъ «Словаря писателей-воложанъ», составленнаго и изданнаго П. А. Дилакторскимъ въ концѣ 90-хъ годовъ, видно, что въ 6-й книгѣ «Дѣла» за 1869 годъ былъ помѣщенъ очеркъ Старостина «Деревенская школа». Вѣроятно, это и было первое печатное произведение В. Г. Затѣмъ, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ Старостинъ продолжалъ сотрудничать въ «Дѣлѣ» Благосвѣтлова и помѣстилъ въ 5-й книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1873 годъ комедію «Старый баринъ». Съ конца 70-хъ годовъ литературная дѣятельность Старостина, повидимому, прерывается на долгое время. Однако, уже пожилой банковскій чиновникъ, Старостинъ не перестаетъ въ тиши своего кабинета заниматься литературой, и въ сборникѣ своихъ произведеній «Выбранное, что лучше», изданномъ Стаскулевичемъ въ концѣ 1901 года, мы встрѣчаемъ двѣ его новыя вещи: большой романъ «Наше счастье» и повѣсть «Послѣдняя». Въ этомъ же сборникѣ помѣщены и лучшія изъ его прежнихъ произведеній—разсказъ «Мой другъ Вагонъ» и обширная повѣсть «Похожденія семинариста Хлопова», своего рода поэма семинарскаго быта. Едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что послѣ знаменитыхъ очерковъ бурсы Помяловскаго Старостинъ глубже, полнѣе и талантливѣе всѣхъ исчерпалъ тему семинарскаго житія-бытѣя и тѣмъ приобрѣлъ себѣ въ началѣ 70-хъ годовъ большую популярность. Сборникъ его «Выбранное, что лучше» былъ встрѣченъ публикой весьма сочувственно. (См. статью Амфитеатрова въ «Россіи»). Старостинъ не былъ писателемъ съ широкимъ общественнымъ міросозерцаніемъ, но, несомнѣнно, онъ обладалъ самобытнымъ талантомъ и въ его творествѣ много своего, оригинальнаго. (Некрологъ: «Сѣверный Край», 1902, № 59).

Филиппъ. 17-го февраля, скончался преосвященный Филиппъ, епископъ новгородъ-сѣверскій, викарій Черниговской епархіи, онъ умеръ въ Елецкомъ монастырѣ, гдѣ проживалъ. Покойный былъ уроженецъ Могилевской епархіи, въ мѣрѣ Аванасій Бекаревичъ, родился въ 1866 году. Находясь на III курсѣ С.-Петербургской духовной академіи, принялъ монашество съ именемъ Филиппа. Черезъ годъ бывшимъ тогда ректоромъ академіи, нынѣ митрополитомъ Антоніемъ, былъ рукоположенъ въ іеромонахи и по окончаніи въ 1888 году академическаго курса со степенію кандидата богословія, назначенъ былъ смотрителемъ Виленскаго духовнаго училища. Вскорѣ былъ назначенъ инспекторомъ Новгородской духовной семинаріи, въ 1893 году возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ ректоромъ Самарской духовной семинаріи. Въ это время онъ заявилъ себя, какъ выдающійся проповѣдникъ, отзывавшійся на современные вопросы жизни. Въ 1897 году онъ былъ хиротонисанъ въ епископскій санъ и назначенъ епископомъ прилуцкимъ викаріемъ Полтавской епархіи, 17-го августа. Въ 1899 году былъ назначенъ епископомъ новгородъ-сѣверскимъ. («Новое Время»), 1902, № 9328).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу двухъ писемъ Гоголя.

Въ февральской книгѣ «Историческаго Вѣстника» (стр. 642—645) напечатано письмо Н. В. Гоголя къ сестрамъ съ объясненіями г. К. Н. Михайлова. Авторъ примѣчаній относитъ его предположительно къ юнію 1837 или 1838 года. Между тѣмъ въ письмѣ заключаются ясныя указанія на то, что оно было написано въ 1838 году, именно: въ немъ говорится о смерти Татьяны Ивановны, матери А. С. Данилевскаго, по второму мужу — Чернышъ, которая умерла въ маѣ 1838 года (см. «Письма Н. В. Гоголя», т. I, стр. 510 и слѣдующія); во-вторыхъ, упоминается о предполагаемомъ возвращеніи А. С. Данилевскаго, что могло имѣть мѣсто въ 1838 году, но никакъ не въ 1837 г., такъ какъ только послѣ полученія извѣстія о смерти матери Данилевскій, потерявъ возможность жить безопасно за границей, сталъ было думать о возвращеніи на родину, и наконецъ на праздникъ въ Дженсано Данилевскій былъ въ 1838 году. Кетати позволю себѣ указать нѣкоторыя небольшія неточности въ передачѣ текста письма, судя по приложенному факсимиле. Во-первыхъ, письмо адресовано не въ Екатерининскій, а въ Патріотическій институтъ, гдѣ воспитывались сестры Гоголя; во-вторыхъ, названіе праздника — *fiorgata*, что и значитъ по-итальянски: цвѣточный, какъ дальше переведено самимъ Гоголемъ, а не *jiovata*; затѣмъ, послѣ этого слова въ текстѣ стоятъ слова: «то есть цвѣточный»; г. Михайловъ неправильно читаетъ: «*jiovata* тоже цвѣточный». Далѣе послѣ словъ: «три дѣвочки лѣтъ пяти, прехорошенькія собою» у г. Михайлова: «одѣты», — въ подлинникѣ: «одѣтыя»; послѣ словъ: «лѣтомъ онѣ (процессіи) происходятъ» въ подлинникѣ: «на улицахъ», у г. Михайлова: «по улицамъ»; почти въ концѣ письма: «Опера въ Римѣ теперь прекрасная,

вы никогда не слышали ничего подобнаго», у г. Михайлова: «не слышали», и въ заключительной фразѣ въ подлинникѣ: «Прощайте мои милыя много любимыя», у г. Михайлова слово много пропущено, а въ самомъ началѣ письма вмѣсто: «не получаю», невѣрно прочитано неясно впрочемъ написанное: «не получалъ»¹⁾).

Далѣе въ письмѣ къ М. П. Погодину (стр. 616) невѣрно прочтено: «должны быть самыя (sic) причины» и т. д., при чемъ въ примѣчаніи значится: «надо: самыя; у Шенрока «самыя сильныя», по нашей рукописи послѣдняго слова нѣтъ». Это невѣрно: въ моемъ изданіи, какъ и въ приложенномъ факсимиле, читается: «сильныя», а слова самыя со всѣмъ нѣтъ. Г. Михайловъ впрочемъ вѣрно отмѣтилъ одну неточность въ текстѣ этого письма въ моемъ изданіи, именно: почиталъ, вмѣсто: почтилъ; но вѣдь подлинное письмо находилось у г. Дашкова (и притомъ въ секретѣ), такъ что, очевидно, я не могъ провѣрить текстъ по нему, а провѣрять по изданію Кулиша и копіи, хранящейся въ Румянцевскомъ музеѣ, гдѣ именно такъ читается это слово. Послѣднее прибавлено въ виду недоумѣнія г. Михайлова: «Мы не знаемъ, по какому оригиналу свѣрять г. Шенрокъ письмо къ М. П. Погодину, но послѣднее находилось въ нашемъ распоряженіи и принадлежитъ П. Я. Дашкову вмѣстѣ съ другими Гоголевскими бумагами». Конечно, разъ подлинное письмо было у г. Дашкова, то письмо печатать приходилось по копіи, а не по оригиналу.

В. Шенрокъ.

¹⁾ Вообще при печатномъ воспроизведеніи факсимиле допущено много неточностей, на что указавъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» г. Якушкинъ.

дали, драгоценные камни, эмали и фигуры из саксонского фарфора. Из закоптелого фона старинных картин выступали головы святых или полководцев; старинный складень представлял три сцены из священного писания: Рождество, воскресение Лазаря и Христос на кресте между двумя разбойниками. Там еще были старинные книги, миниатюры и богемский кубок, но Карл выше всего ценил уродливые фигуры из слоновой кости, дѣлающія гримасы, выраженіе которых схвачено такъ вѣрно, что онѣ кажутся живыми.

Сидя на маленькомъ табуретѣ около кресла дяди, Карлъ слушалъ въ сотый разъ исторію тринадцати колоколовъ собора, которую дядя ему рассказывалъ: «Большой колоколъ, который имѣетъ шесть футовъ въ діаметрѣ и требуетъ шесть человекъ, чтобы его раскатать; во время революціи, когда расплавляли другіе колокола, его не могли спустить, настолько онъ былъ тяжелъ; колоколъ городскихъ воротъ, въ который стража звонитъ въ продолженіе четверти часа, за часъ до открытія и закрытія городскихъ воротъ; серебряный колоколъ, ключъ отъ котораго находился только у властей, звонитъ лишь въ случаѣ измѣны, большой ярмарки, а также во время прибытія или коронованія королей»...

Карлъ потребовалъ, чтобы дядя рассказалъ исторію кавалера, державшаго пари, что онъ обѣжитъ вокругъ галлерей, находящейся на платформѣ собора, и упавшаго въ бездну, въ которую послѣдовала за нимъ его вѣрная собака; затѣмъ о женщинѣ, бросившейся съ собора «нарочно», и башмакъ которой остался висѣть на одной изъ башенъ; эти двѣ исторіи были совершенно достоверны, и ихъ увѣковѣчили каменными фигурами, изображавшими собаку и башмакъ. Карлъ ихъ видѣлъ...

Онъ заставлялъ повторять себѣ и другіе рассказы, напримѣръ, о громадной металлической трубѣ, въ которую трубили стражи въ восемь часовъ вечера и въ полночь, на платформѣ собора, чтобы заставить евреевъ удалиться изъ города; ее сохранили въ библиотекѣ, гдѣ Карлъ любовался ею—знатная труба! И много же было «вещей» въ этой библиотекѣ: ужасныя орудія пытки, гигантскій красный колпакъ, который революція надѣла на шпигъ собора, и, въ особенности, знаменитая ваза, поднесенная жителями Цюриха въ 1576 году Страсбургу, когда они прибыли на празднество стрѣльбы въ цѣль. Ихъ путешествіе было такъ быстро, что вареный рисъ, наполнявшій вазу, окруженную горячимъ пескомъ, достигъ Страсбурга совѣмъ горячимъ, и этотъ рисъ,—прибавлялъ дядя Ансельмъ,—подали на столъ начальнику города, и онъ одинъ все съѣлъ.

— Съѣсть весь вареный рисъ—это бросаетъ въ дрожь: вѣдь эта ваза вмѣщала въ себѣ сто сорокъ ливровъ; есть съ чего сдѣлаться порядочному разстройству желудка! Каково, Карлъ?

Не было такой легенды, которой не зналъ бы Карлъ; иногда мальчикъ раздумывалъ о кровопролитіяхъ 93 года, о террорѣ, о трибуналѣ смерти, въ которомъ засѣдали Тафенъ и Шнейдеръ, бывшіе патеры... и мальчику становилось страшно... Иногда онъ самъ съ собою смѣялся надъ истеріей короля Сигизмунда, который, останавливаясь во дворцѣ Люксофъ, тратилъ на столъ не болѣе шести пфениговъ съ персоны: онъ былъ что-то въ родѣ короля Дагобера, такой добрый король, что въ одно прекрасное утро страсбургскія дамы стащили его съ постели, заставили его пробѣжать, танцуя по улицамъ. Когда онѣ замѣтили, что у него босыя ноги, то зашли къ сапожнику и купили для короля пару грубыхъ башмаковъ; онъ такъ былъ доволенъ этимъ подношеніемъ, что подарилъ предъ своимъ отъѣздомъ кольца тѣмъ дамамъ, которыя его разбудили...

Сколько разъ Карлъ заставлялъ водить себя въ старую часовню храма св. Оомы, гдѣ находятся двѣ муміи въ стеклянныхъ гробахъ. Это было не менѣе интересно Карлу, но въ другомъ родѣ, чѣмъ гробницы ея маршала Саксонскаго съ символическими фигурами. Въ одномъ изъ гробовъ лежалъ «господинъ»,—такъ называлъ его Карлъ,—въ одеждѣ изъ грубой толстой шерстяной матеріи, въ льняныхъ чулкахъ, башмакахъ съ квадратными носками, въ маленькой парчевой скуфейкѣ, въ плоеныхъ брыжахъ и перчаткахъ; въ другомъ лежала,—какъ ее называлъ Карлъ,—«барышня» въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ, въ платьѣ изъ тафты, зеленовато-голубого цвѣта, съ лентами и съ жемчужными браслетами. Она держала въ рукахъ лавровый вѣнокъ, въ срединѣ котораго блестѣлъ рубинъ. Лица обоихъ были, какъ восковыя, словно лакированныя; ихъ неподвижность была странна и ужасна. Такими именно представлялъ себѣ Карлъ покойниковъ, которыхъ предлагали на зрѣлище живымъ, присужденнымъ видѣть ихъ, не вмѣшиваясь въ ихъ среду. Однако, Карлъ думалъ, что эта молодая дѣвушка съ вытянутымъ носомъ и впалыми щеками должна очень скучать.

Такимъ образомъ среди мыслей объ этихъ реликвіяхъ и воспоминаній, мѣшая пепелъ прошедшаго, дядя Ансельмъ и Карлъ,—почти одинаково дѣти одинъ, какъ другой,—ускользали отъ злополучной дѣйствительности.

— Можно войти?—спросилъ чей-то голосъ.

И лицо Стумпфа, похожее на мордочку ласочки, появилось въ дверяхъ. Его сопровождалъ храбрый Гумблотъ, громадные усы котораго придавали ему еще менѣе, чѣмъ прежде, грозный видъ, настолько онъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ въ продолженіе десяти дней.

— Большая новость, осада будетъ снята,—закричалъ Стумпфъ, снизу плохая лѣвой рукой по ладони правой, какъ бы выражая быстрый способъ удаленія непріятеля.—Въ теченіе трехъ дней войско Базена дало грозныя сраженія, нѣмцы совершенно разбиты!

— Да, да,—повторилъ Гумблотъ, очень взволнованный,—совершенно вѣрно! Намъ сказали это въ префектурѣ.

Онъ остановился, увидя вытаращенные глаза дяди Ансельма; они были устремлены на Стумпфа: одна половина лица послѣдняго была подбита и испещрена желтыми и зелеными пятнами, съ чернымъ синякомъ подъ глазомъ.

— Боже мой! Стумпфъ, что это у тебя? — воскликнулъ дядя Ансельмъ.

— Ничего, ничего, такъ случайность...—отвѣчалъ Стумпфъ смѣшавшись.

Дѣло въ томъ, что его приняли за шпиона, когда онъ съ Вороньяго моста внимательно разсматривалъ рѣку Илль. Собравшаяся толпа набросилась на него, а солдаты за волосы поволокли его на гауптвахту. Со времени Фрешвиллерскаго пораженія страсбургцы видѣли повсюду шпионовъ и дошли до такой степени въ своемъ подозрѣннн, что префектъ угрожалъ тюремнымъ заключеніемъ тѣмъ любопытнымъ, которые будутъ взбираться на крыши. На самомъ дѣлѣ шпионы распространялись: это были прежніе рабочіе съ пивоваренныхъ заводовъ и приказчики изъ конторъ. Они не ожидали своего изгнанія въ качествѣ нѣмцевъ, для того, чтобы предложить свои услуги Вердеру, командовавшему корпусомъ, осаждающимъ Страсбургъ. Это былъ человекъ маленькаго роста, сухой, желчный, страшно гнѣвный, такъ же скоро раздражавшійся, какъ и успокоивавшійся, безжалостный изъ принципа, одинъ изъ тѣхъ желѣзныхъ орудій, какихъ выковала нѣмецкая дисциплина рейтеровъ средневѣковыхъ пожаровъ, грабежей и систематическихъ убійствъ.

Кто зналъ его репутацію, не сомнѣвался въ его послѣдующихъ дѣйствіяхъ. Выборъ замѣстителя стараго генерала Бейера, податника и, какъ говорили, слишкомъ человеклолюбиваго, былъ знаменателенъ.

Не встрѣтивъ никого внизу, такъ какъ г-жа Герматъ отправилась въ сосѣдній домъ готовить корпію, а Герматъ занялся организаціей походнаго госпиталя, пасторъ Готтгусъ и Вольфартъ поднялись по лѣстницѣ. Ихъ узнали по голосамъ; они спорили, не соглашаясь съ чѣмъ-то.

— Да, увѣряю васъ,—говорилъ пасторъ:—крестьяне водворили въ городѣ три пушки. Я видѣлъ ихъ и трогалъ.

Они бесѣдовали о несчастномъ исходѣ битвы, происшедшей за два дня до этого, когда войско бѣжало, оставивъ баденцамъ три пушки.

Карлъ предвидѣлъ предстоящій, скучный споръ и ускользнулъ въ полуоткрытую дверь. Ему показалось, что Гертруда мѣсила тѣсто для лепешекъ; мальчику доставляло большое удовольствіе смотрѣть, какъ на горячую вафельницу Гертруда накладывала полужидкое тѣсто толщиною въ орѣхъ: потомъ—кракъ!—обѣ дверцы формы за-

крывались, поглотивъ тѣсто. Минуту спустя, половинки вафельницы открывались, и предъ глазами мальчика появлялась прекрасная золотистая лепешечка, покрытая рельефными арабесками и съ запахомъ корицы. Идя въ кухню, Карлъ натолкнулся на Гретхенъ, подымавшуюся съ подносомъ, уставленнымъ кружками и жбаномъ, въ которомъ пѣнилось свѣжее пиво. Никто ей не приказывалъ подавать пиво, но уже таковъ былъ обычай въ домъ Герматовъ.

Споръ продолжался. Вольфартъ, мотнувъ своей сѣдой щетинистой головой, отвѣчалъ энергично пастору:

— Нѣтъ, къ несчастію, наши пушки остались у непріятеля; баденцы, опасаясь ловушки, не рискнули взять ихъ ранѣе, какъ черезъ полчаса. Видѣнные вами пушки—не тѣ. Одна изъ нихъ не могла участвовать, потому что была испорчена, а двѣ другія были помѣщены въ видѣ резерва позади валовъ. Но вы не видали трехъ восьмифунтовыхъ пушекъ: Анодень, Батальеръ и Алоэ, отлитыхъ въ Страсбургѣ и нарѣзанныхъ въ Тулузѣ, которыя мы навѣрно потеряли; вы видите, что мнѣ хорошо извѣстны подробности. Вы были обмануты префектомъ, ложно рассказывавшимъ для успокоенія толпы, будто эти пушки только что возвращены.

И Вольфартъ, пожавъ плечами, какъ бы надѣвая тогу, сталъ краснорѣчиво клеймить официальную ложь, которая составляетъ монополию префектуры.—Такимъ образомъ эта предполагаемая побѣда Базена ни на чемъ не основана...

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнулъ Стумпфъ.

— Но если вамъ это подтверждаютъ официальнымъ образомъ?—сказалъ Гумблотъ.

— Нѣтъ, она ни на чемъ не основана. Надъ нами смѣются, какъ надъ дѣтьми. А вылазка третьяго дня—какой позоръ!

На этотъ разъ ни Стумпфъ, ни Гумблотъ не протестовали. Послѣдовало молчаніе, въ продолженіе котораго былъ слышенъ лишь тихій шумъ отъ наливаемого Ансельмомъ Герматомъ пива. Пасторъ покачалъ своимъ толстымъ, багровымъ лицомъ, недовольный, что его поймали. Да вылазка была самая несчастная, и это послѣ оскорбительной бомбардировки словно возмездіе за нее. Маленькая колонна подъ командою Фьева вышла черезъ мостъ Альткирхъ на югъ по направленію къ Нейгофу и Нейдорфу. Она состояла изъ 800 человекъ пѣхоты и была сформирована изъ двухъ батальоновъ сводныхъ полковъ и двухсотъ кавалеристовъ,—смѣси фрешвиллерскихъ бѣглецовъ; санитары съ корзинами для раненыхъ слѣдовали за ними. При первыхъ выстрѣлахъ кавалерія повернула назадъ съ криками, бросилась на пѣхоту, которая разсѣялась, несмотря на твердость нѣкоторыхъ зуавовъ капитана Кальяра, и устремилась обратно въ беспорядкѣ. Полковникъ Фьева опасно раненъ! Страсбургъ еще потрясенъ отъ горя. Какъ! даже безъ боя наши солдаты потеряли три пушки, не слушались болѣе своего на-

чальника и бѣжали, а генераль Урихъ не принялъ мѣръ и не создалъ военного суда. Какъ же не разстрѣляли, по меньшей мѣрѣ, дюжины солдатъ?

Относительно этого всѣ были согласны, попивая свѣжее пиво.

Гумблотъ, взявшій въ руки ларецъ изъ старинной кожи, красный съ золотой инкрустаціей, спросилъ:

— Вашъ музей, Ансельмъ, подверженъ опасности, находясь здѣсь подъ крышей. Развѣ вы не примете какихъ нибудь мѣръ?

— Зачѣмъ?

— Ну!—сказалъ Вольфартъ:—послѣ предупрежденія 15 августа...

— Ей-Богу, — прибавилъ Стумпфъ, — ты долженъ бы, братецъ, все перенести въ погребъ.

— Но, — сказалъ наивно дядя Ансельмъ, — развѣ вы не думаете, что это была шутка?

Всѣ воскликнули: шутка, когда были раненые, мертвые и болѣе двадцати домовъ пострадало!.. Однако пасторъ Готгусъ возразилъ, что 18 ч. и уже три дня, какъ нѣмцы щадятъ; онъ отказывался вѣрить, чтобы цивилизованный народъ, религіознаго направленія солдаты, начавшіе кампанію съ гѣніемъ *Ein feste Burg ist unser Gott* (Богъ нашъ — крѣпость наша), бомбардировали съ радостнымъ сердцемъ городъ мира и невинныхъ гражданъ! Онъ не вѣрилъ ни въ запугиванье, ни въ насмѣшки; но развѣ эти гранаты не могли быть предназначены для валовъ и, перелетая чрезъ нихъ, разсѣиваться по городу?

— Подумайте, — сказалъ онъ, потирая свой луковичеобразный носъ указательнымъ пальцемъ, обычная дурная привычка, обозначающая убѣдительность его доводовъ, — люди образованные, лучшей культуры и нравственности, и они измѣняютъ религіи и наукъ. Съ какой цѣлью? Протестантская нація, извѣстная своимъ свободнымъ сужденіемъ и своимъ просвѣщеніемъ, распространяющая въ свѣтѣ *die Idee des Menschenstums*, пошла бы на позоръ, покрыла бы себя безчестіемъ во всей вселенной, рѣзала бы вмѣсто солдатъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ! Германія, питающая къ женщинѣ культъ и уваженіе, имѣющая армію изъ женатыхъ людей и христіанъ, допустила бы подобные ужасы, — нѣтъ, нѣтъ, тысяча разъ нѣтъ!

— Однако они прицѣливались въ соборъ, — замѣтилъ Вольфартъ. — Одинъ изъ моихъ друзей исправилъ нанесенныя поврежденія.

— Къ счастью, — сказалъ Гумблотъ, — что ранѣе восьми дней съ насъ снимутъ осаду! Феликсъ Дуэ спустился съ Бельфора, Макъ-Магонъ съ Вогезовъ, и оба примутся за очистку Эльзаса.

— Кто вамъ это сказалъ?

— Ансбергъ узналъ объ этомъ у префекта!

— Естественно, у префекта! — подчеркнул Вольфартъ.

Никто не могъ удержаться отъ смѣха, хотя имя Ансберга вносило въ разговоръ холодъ; никто изъ друзей дома не одобрялъ такого поведенія; полагали, что Стумпфъ, двоюродный братъ Гермата и человѣкъ, обязанный ему, сдѣлалъ бы лучше, прекративъ сношенія съ Ансбергомъ.

— Ну,—сказалъ Ансельмъ, подымая свою кружку,—выпьемте за наше избавленіе, и чтобы пришло поскорѣе время, когда мы будемъ сидѣть тихо, мирно за обильно уставленнымъ столомъ, на которомъ, я полагаю, мы увидимъ фаршированного поросенка, держащаго трюфель въ зубахъ или еще лучше боченочекъ съ остендскими устрицами, весь покрытый морскими водорослями.

— Въ ожиданіи,—сказалъ пасторъ,—если блокада продолжится, то да пошлетъ Всевышній хлѣбъ насущный всѣмъ бѣднымъ гражданамъ Страсбурга.

— Хорошо сказано,—подхватилъ Вольфартъ, однако, очень любившій остендскія устрицы и хорошо поджареннаго поросенка.

— Да, да,—сказалъ дядя Ансельмъ.

Онъ покраснѣлъ и наклонился къ кружкѣ. Но никому не пришла мысль, что пасторъ хотѣлъ его оскорбить, самъ же пасторъ еще менѣе объ этомъ думалъ, настолько Ансельмъ Герматъ былъ извѣстенъ своимъ милосердіемъ.

Въ это время Карлъ съ восторгомъ любовался автоматической правильностью, съ какою Гертруда пекла лепешки изъ тѣста, повторяя все тѣ же приемы. Кракъ! дверцы закрываются. Кракъ! онѣ снова открываются, и лепешка готова, теперь ее будутъ ѣсть,—кракъ, кракъ! Лепешки были нагромождены на новыхъ плетенкахъ, отдѣльно же лежали «негритянки», т. е. подгорѣлыя лепешки, но и онѣ были не совсѣмъ плохія.

Гертруда, прервавъ свою работу, выбрала изъ нихъ наименѣе подгорѣлыя и, завернувъ въ бумагу, завязала въ пакетикъ, она никогда не забывала этого сдѣлать.

— Вотъ, Ганна, вы отнесете ихъ Ноэми, такъ же, какъ бутылку, купленную г-жею Герматъ въ аптекъ, и не забудьте принести мнѣ кофе и сахару.

Ганна уже приготовилась итти, какъ глаза Карла оживились отъ удовольствія и желанія.

— Возьмите меня, Ганна! — просилъ онъ.

Она согласилась, и Карлъ пошелъ съ нею рядомъ по улицамъ. Онъ очень любилъ ходить къ Ноэми въ пансіонъ «Сестеръ» въ улицу «Радуги». Сестра Базилиса всегда смотрѣла на него печальными глазами, потому что онъ былъ протестантомъ, и со вздохомъ предлагала ему мятную лепешку, такъ какъ онъ былъ очень милый мальчикъ. Ему казалось, что, посѣщая Ноэми, онъ разыгрываетъ роль покровителя. Ея личико въ темномъ платьѣ и подъ ужаснымъ чепчикомъ было жалко-болѣзненное. Онъ былъ свободенъ, тогда

какъ она не смѣла переступить порога пріемной... Зато ей будетъ порядочный пакетикъ лепешекъ!.. Что касается до слабительнаго сиропа, посланнаго его матерью, то Карлъ не любилъ ни его запаха, ни вкуса, такъ какъ онъ походилъ на разведенную водою ваку. Карлъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на уличное движеніе и на кадки съ водою, поставленныя у домовъ на случай пожара, многіе ставни съ внутренней стороны были заложены матрасами. Но отчего то, что веселило его,—думалъ Карлъ,—печалило Ганну?... Она и Гретхенъ были двѣ противоположности; Гретхенъ бѣлокурая, живая и веселая, всегда пѣла; утромъ розовая, со своими золотистыми волосами, она, какъ ясное солнце, входила въ его маленькую комнатку, Ганна — брюнетка, съ серіозной мягкостью, разсказывала ему разныя исторіи; вечеромъ она укрывала его одѣяломъ въ кровати, и свѣчка, которую она уносила, окружала сіяніемъ сумерекъ ея удаляющуюся фигуру, оставляя позади ея тѣнь. Она была очень печальна; отчего? Собравшись съ смѣлостью, онъ спросилъ. ее объ этомъ.

Она взглянула на него съ удивленіемъ и сказала:

— Этого вы ве можете понять, мой маленькій Карлъ.

Нѣтъ, онъ можетъ прекрасно понять...—настаивалъ Карлъ.

Тогда она сказала просто:

— Потому что мой женихъ Вильгельмъ находится съ солдатами, сражающимися съ г. Гаффнеромъ противъ Страсбурга, и вы это хорошо знаете...

Да, Карлъ это зналъ... Онъ видѣлъ Вильгельма, денщика поручика, — это былъ высокій красивый солдатъ съ бородою. Онъ сопровождалъ всегда своего господина. И какой у него былъ солидный аппетитъ! Онъ поглощалъ большой коровой хлѣба, большую чашку кофе съ молокомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, только и говорилъ что о чувствахъ, положила руку на сердце. Но какое дѣло Ганинъ, что онъ сражается противъ Страсбурга?—подумалъ Карлъ. Для мальчика слова: война, бомбардировка, смерть,—несмотря на кровавое зрѣлище и на раненыхъ, которыхъ онъ видѣлъ на вокзалѣ,—не вызывали ничего опредѣленнаго и глубокаго. Онъ даже не обращалъ вниманія на пушечные выстрѣлы.—Сражаться? Что это такое?—спрашивалъ мальчикъ себя:—они однажды дрались съ Генрихомъ, упираясь головами и царапая другъ друга. Его зять, поручикъ Гаффнеръ, очень смѣялся надъ этимъ.

Но вотъ и пансіонъ сестры Базилисы. Сестра, прятая всегда руки въ своихъ широкихъ рукавахъ, смотрѣла на него съ такимъ видомъ, будто хотѣла сказать: «Протестантъ, какая досада!.. но такъ милъ!». Вскорѣ она исчезла. «Конечно, она отправилась за мятными лепешками»,—думалъ Карлъ. Въ это время Ноэми бросилась ему на шею.

— Постой,—сказалъ онъ съ важностью,—вотъ я тебѣ принесъ лепешекъ, а затѣмъ лѣкарство, которое мама прислала тебѣ.

Ноэми не была отъ лепешекъ въ такомъ восхищеніи, какъ ожидалъ Карлъ, и онъ началъ раздумывать: однако, вѣдь это лепешки Гертруды... У Ноэми помятое лицо, и глаза какъ будто плакали; можетъ быть, она думаетъ, что Карлъ счастливъ, имѣя отца, мать, дядю, брата, служанокъ, — цѣлую большую семью, которая его балуетъ, тогда какъ она, Ноэми, одна на свѣтѣ, а въ пансіонѣ такъ скучно... Развѣ она не откроетъ пакета? Карлъ рассчитывалъ, что она поспѣшитъ отвѣдать лепешекъ и даже предложить ему...

Но сестра Базилиса возвратилась безъ лепешекъ; она тоже озабочена, какъ и всѣ....

— Прощай, Ноэми, — сказалъ Карлъ.

Дѣвочка, со слезами на глазахъ, крѣпко обняла Карла.

Какъ только онъ закрылъ дверь пансіона, такъ напомнилъ Ганнѣ о порученіи Гертруды относительно кофе и сахару. Онъ представлялъ себѣ бакалейную лавку Гаагрена: изобиліе съѣстныхъ припасовъ, сахарныхъ головъ, обернутыхъ въ синюю бумагу, — кажется, это походитъ на гранаты; великолѣпіе бочекъ съ копчеными сельдями, скромность чернослива, финиковъ, изюма, нескромность сыровъ, иней поджареннаго въ сахарѣ миндаля и желтый блескъ миндальныхъ орѣховъ; онъ уже видѣлъ, какъ вошла въ лавку Ганна, и раскричалась, что цѣны повысились.

— Всѣ запасаются заранѣе продуктами; неизвѣстно, что можетъ случиться, — сказалъ хозяинъ Гаагрень.

Въ эту ночь Герматъ и его жена бесѣдовали въ своей комнатѣ.

Герматъ высказывалъ свои заботы. Большая часть его состоянія, помѣщенная въ торговомъ товариществѣ его прежней фабрики, долго не дастъ ему дохода. Станки не дѣйствуютъ, рабочіе выброшены на улицу, только тѣ изъ нихъ остались, мастеръ которыхъ могъ возвратиться въ Страсбургъ. Отъ прежняго компаніона, въ настоящее время директора фабрики, нѣтъ никакихъ извѣстій; думаютъ, что онъ въ Парижѣ. Нѣмцы укрѣпились и баррикадировались въ Шильтихгеймѣ; рекогносцировка, сдѣланная наканунѣ, въ этомъ убѣдила подъ ружейнымъ залпомъ. Дома уже сожгли, осталась очередь за фабрикою. По счастью, у него есть бережливые фонды у страсбургскихъ банкировъ, — но сколько людей разорятся! Всѣ эти пивные, солодовенные заводы, всѣ эти фабрики внѣ города осуждены непріателемъ на реквизиціи или разграбленіе подъ гранатами. Какое злополучіе!

Г-жа Герматъ безпокоилась объ Андрэ. Онъ совсѣмъ не разговариваетъ и едва ѣстъ. Она знаетъ чрезъ Лину Стумпфъ, что онъ скитается вокругъ дома Ансберговъ: «какъ бы это не кончилось дурно!». Она знала, какая страшная сила страсти скрывалась въ этой необычайно-нѣжной душѣ. Не говорилъ ли онъ, хромой, что завербуется волонтеромъ въ организованный профессоромъ Лье-Бодаромъ отрядъ?

— Нѣтъ, — сказалъ Герматъ, — онъ не поступитъ туда, я воспротивлюсь этому.

То, что онъ думалъ, его жена поняла. Довольно ужъ этой святотатственной войны; да, недостаточно переносить ее мужественно, надо ее сдѣлать еще братоубійствомъ. Андрэ не въ состояніи будетъ сдѣлать выстрѣла, не рискуя поразить зятя, или не подвергаясь пулѣ, посланной солдатами Гаффнера. Во всемъ этомъ какая-то чудовищность, возмущающая умъ. Хотя Гаффнеръ—нѣмецъ и врагъ однако онъ не могъ бы его ненавидѣть. Гаффнеръ уважаетъ его, какъ отца, Гаффнеръ, сдѣлавшій Эдиту счастливой... а маленькій кудрявый Генрихъ!... Когда онъ объ этомъ думалъ, то его сердце сжималось, какъ въ тискахъ; онъ повторялъ: «есть съ чего сойти съ ума»...

Вдругъ Герматы привскочили съ ужасомъ. Они узнали свистъ и роковой грохотъ недавняго вечера... Граната не должна была упасть далеко отъ дома. Соскочивъ съ постели и одѣвшись въ нѣсколько минутъ, Герматъ подбѣжалъ къ окну и открылъ его, дрожа отъ cadaго взрыва.

— Ну, больше нечего сомнѣваться! На этотъ разъ Готтусъ не скажетъ, что это по ошибкѣ. Еще одна! Еще одна! Пожаръ... Это въ Национальномъ предмѣстьѣ! Дикари, дикари!... Позволь мнѣ, жена, ты видишь хорошо, что мнѣ надо итти туда! До чего мы дойдемъ, если не будемъ помогать другъ другу? Какой отблескъ! Не хотятъ ли они сжечь все предмѣстье?...

— Я пойду съ тобою, отецъ, — воскликнулъ Андрэ, который, находясь въ нижнемъ этажѣ, также у окна, услышалъ его разговоръ.

Но не прошли они и съ подороги, какъ бомбардировка прекратилась. Они все-таки продолжали итти до площади св. Петра. По другую сторону канала фальшиваго укрѣпленія злополучный отблескъ обогрѣлъ небо. Пылали сѣноваль и дома—это горѣла ферма; издали видны были жестикулирующія черныя тѣни, доносился визгъ испуганныхъ свиней, на половину зажаренныхъ, и распространялся противный запахъ. Они провели всю ночь, помогая бѣднымъ людямъ укладывать на возы ихъ мебель и перенося раненыхъ. На другой день, возвращаясь въ свой кварталъ, они увидѣли смущенныхъ сосѣдей: ихъ лица были печальны и полны ужаса.

Суровая Гертруда ожидала на порогѣ.

Герматъ воскликнулъ:

— Несчастіе?

— Да, большое несчастіе, — ея голосъ прерывался рыданіями. — Граната упала на пансіонъ сестры Базилисы: тремъ маленькимъ дѣвочкамъ, лежавшимъ въ постеляхъ, оторвало ноги и руки; одна изъ нихъ была разорвана на куски, а Ноэми совершенно превращена въ какую-то чудовищную массу. Г-жа Герматъ видѣла ее. Просто жалость!..

V.

Гермать съ Андрэ возвращались съ вала. Ихъ туда пропустилъ офицеръ, одинъ изъ ихъ друзей. Впервые послѣ двадцати дней они могли переступить городскія ворота и полюбоваться хорошо знакомымъ имъ пейзажемъ, теперь совершенно инымъ — деревней, сплошь покрытой водою, гдѣ возвышались лишь стволы тополей и тлѣвшіяся развалины Грюнберга. Между вѣтвями ивы и бука, сквозь фруктовые сады видно было, какъ щуки преслѣдовали маленькихъ рыбокъ; удивленные птицы летали надъ этимъ разливомъ. Долго оба страсбургца освѣжали свой взоръ этимъ обширнымъ мирнымъ горизонтомъ; они вдыхали вѣсми легкими чистый воздухъ, приносимый легкимъ вѣтеркомъ съ Вогезовъ. Между грохотомъ выстрѣловъ сдѣлалась пауза. Яростная канонада, которая сожгла четыре дня назадъ Кель, не потрясала болѣе синяго неба. Такимъ образомъ устроился короткій отдыхъ между жизнью и смертью.

Съ живымъ, но печальнымъ удовольствіемъ, Гермать и Андрэ ходили по бурой землѣ и срѣзанному жнивю, не спуская съ нихъ умильнаго взгляда, и чувствуя себя поработченными тысячью глубокихъ привязанностей къ этой землѣ, которая была ихъ французскимъ Эльзасомъ. Эти линіи деревьевъ, дороги, форма холмовъ, цвѣтъ воды—все это было имъ знакомо съ дѣтскихъ лѣтъ, составляло часть ихъ самихъ и ихъ сознанія, увеличивая и дополняя ихъ существо. Для нихъ этотъ городъ и эта окрестность были прекраснѣйшими на свѣтѣ, и, видя ихъ преданными бичу войны, они любили ихъ еще болѣе, если это было возможно. Возобновленіе непріятельскихъ дѣйствій, свистъ пуль надъ ихъ головами и грохотъ бомбъ принудили ихъ броситься въ борозду. Они снова поднялись радостные и взволнованные, но не отъ страха; они почти съ радостью распростерлись на землѣ, вдыхая прекрасный запахъ земли и зеленой травы.

Гермать улыбнулся и показалъ на поле, которое они только что перебѣжали.

— Да это морковь! Прекрасное блюдо свѣжей моркови, которую такъ любятъ твоя мать и дядя!

И съ помощью Андрэ онъ добродушно принялся вырывать ее и, сдѣлавъ цѣлый запасъ, набилъ ею карманы, а изъ излишней собралъ букетъ, въ которомъ стебли ея представляли листья, а длинные красные конусы—цвѣты. Они наслаждались очарованіемъ плодородія страсбургской природы, ея богатствомъ и красотою, даже удовольствіемъ лакомокъ, которое занимало въ ихъ доброй провинціальной жизни такое широкое мѣсто, а также зеленью зубчатыхъ листьевъ и запыленной плотностью этихъ скромныхъ овощей. Далѣе хмель, обвиваясь своими усиками вокругъ шестовъ, запуты-

вался въ безпорядкѣ. Онъ заставлялъ думать о черномъ и свѣтломъ пивѣ, лившемся рѣкою по всей странѣ, наполнявшемъ сотни бочекъ въ погребяхъ пивоваренъ и пѣнвившемся въ большихъ кружкахъ среди дыма трубокъ и шума разговоровъ.

Возвратившись въ городъ, они узнали превосходную новость: совершилась окончательная побѣда Базена, и истреблена до основанія армія Фридриха-Карла. Улицы были переполнены; всѣ подходили другъ къ другу и поздравляли.

— Это достовѣрно!—утверждалъ Вольфартъ, встрѣченный ими въ пивной Кермера, гдѣ веселая толстуха Сузель поспѣшно подала имъ кружки пива. Скептики были утѣшены, — иллюзія была такая сладкая!—и Герматы пересѣкли Брольи. Печаль, внушенная имъ обломками Національнаго квартала, съ еще стоявшими двумя великолѣпными, временъ Реформы, соснами съ ихъ порыжѣлыми иглами,—теперь уменьшилась. Они забыли зрѣлище похоронъ, направлявшихся къ ботаническому саду, превращенному въ кладбище съ тѣхъ поръ, какъ траурныя дроги не могли болѣе выѣзжать изъ города; это было жестокимъ напоминаніемъ о смерти Ноэми.

Они даже не остановились предъ афишами, въ которыхъ генералъ Урихъ объявлялъ жителямъ о неизбѣжности бомбардировки, обѣщая оружіе гражданамъ, избраннымъ мэромъ города.

Насколько поля, откосы, громадная водяная площадь, раскинувшаяся у подножія валовъ, только что заставили ихъ проникнуться любовью къ родной землѣ, настолько Страсбургъ овладѣвалъ, поработалъ ихъ сердце торжественностью своихъ красноватыхъ памятниковъ, своихъ домовъ съ высокими крышами изъ черепицы, своихъ узкихъ улицъ и перекрестковъ, такъ пропитавшихся духомъ прежняго времени, что ни новыя улицы и магазины, ни оживленіе прекрасныхъ кварталовъ не могли истребить этого пережитія контуровъ, цвѣта и запаха прошедшаго. Продолжительность расы, устойчивость традицій заявляли о своей личности въ старыхъ камняхъ церквей, башенъ, воротъ, въ теченіи съ незапамятныхъ временъ зеленыхъ водъ, въ бѣдныхъ кварталахъ, гдѣ нищета казалась вѣчной, въ еврейскомъ кварталѣ, гдѣ крайняя нищета напоминала древнее «гетто».

Всѣ улицы носили выразительныя названія, въ которыхъ указывались потребности жизни, названія предметовъ или животныхъ, имена ремесленниковъ и цеховыхъ обществъ, а также жестокія и кровавыя историческія воспоминанія. Улица «Сожженная» увѣковѣчила воспоминаніе объ истребленіи евреевъ, когда ихъ обвиняли въ распространеніи черной чумы, и двѣ тысячи изъ нихъ были сожжены въ своихъ жилищахъ. Улицы «Топора», «Щита», «Аллебарды» противопоставляли свои воинственныя названія интимности улицъ: «Мыла», «Пергамента», «Котла», «Кружевъ», «Бурдюка»,

«Фонаря», глухой улицы «Ящика», и маленькаго переулка «Чумички». Рынки: «Тряпичный», «Травяной», «Глиняной посуды» и «Поросять», смѣшивали свои наивныя названія съ названіями улицъ «Чеснока», «Чечевицы», «Старой Ржи», улицъ «Быковъ», «Щуки», «Куръ», переулка «Карпа» и глухой улицы «Козла». Были еще улицы «Перевозчиковъ», «Мясниковъ», «Пучковязовъ», «Пищевъ», «Продавцевъ Требухи» и такія, которыя народная фантазія окрестила смѣшными или очаровательными названіями, какъ, напримѣръ, улицы «Золотая», «Ванны изъ розъ», «Лазоревой тучи», «Дѣвственницъ» и «Постнаго супа».

Герматъ и Андрэ прошли предъ ратушею; сколько разъ они любовались ея строгими крупными линіями, и сколько разъ они входили въ залы нижняго этажа, въ музей живописи и ваанія, гдѣ выравнены въ прямую линію полотна Гвидо, Тинторетто, Корреджіо, Перуджино, «Страсти» и «Вѣнчаніе Христа» Мартина Шѣна. Предъ Андрэ представлялись портретъ жены Риго, очаровательная головка, и двѣ статуи Омахта: Флора и Венера, однако онъ предпочиталъ слѣпки древности, находившіяся въ первой залѣ. Герматъ, менѣе надѣленный талантами, думалъ о цѣнныхъ муниципальных архивахъ: тамъ хранились права, дарованныя Страсбургу императорами, акты сеймовъ, нѣсколько императорскихъ грамотъ конца XIII вѣка, протоколы коллегій и денежные документы.

Они снова спустились чрезъ улицу «Студентовъ» къ площади Новаго Храма. Обширная церковь въ своемъ вѣковомъ величіи представляла, раздѣленную на двое проходомъ, массу своихъ темныхъ памятниковъ: здѣсь—средняя часть церкви, тамъ—хоры.

Первая была посвящена протестантскому культу, и Герматы, хотя вѣрные прихожане храма св. Өомы, хорошо знали четыре ряда малыхъ арокъ и колоннъ, раздѣлявшихъ внутри стрѣльчатые своды; они снова увидѣли органы Зильбермана и наполовину стертую фреску «Шляски смерти»: съ папами, кардиналами и епископами, которыхъ увлекаетъ Курносая въ бездну.

Что касается хоръ, расположенныхъ залами и занятыхъ библіотекой, то они содержали мозгъ Страсбурга, все, что составляетъ человѣческую мысль, все, что создалъ религіозный талантъ самаго ученаго и самаго отборнаго — полтораста тысячъ томовъ, гдѣ всѣ образцовыя произведенія были налицо. Тамъ находились рѣдкія рукописи, инкунабулы, происходившія изъ общины св. Іоанна Іерусалимскаго, коллекціи Штурма и Бокенгеймскихъ іезуитовъ, требники, служебники съ миниатюрами, окруженными арабесками, безцѣнный Hortus deliciarum настоятельницы Эрады де-Ландсбергъ и собраніе молитвъ VIII вѣка на пергаментѣ, пурпуроваго цвѣта, съ золотыми и серебряными буквами.

Вся серьезная ранняя молодость Андрэ была сконцентрирована въ этомъ дворцѣ сосредоточенныхъ мыслей и молчанія. Нѣсколько

разъ въ недѣлю онъ приходилъ углубляться въ эти книги, открывшія ему горизонты чрезъ великое ристалище исторіи и безчисленныя извилины жизни. Углубившись въ самого себя, онъ развилъ себѣ умъ и возвысилъ сердце книгами; онъ нашелъ въ нихъ инициаторовъ и своихъ лучшихъ учителей. Тутъ его ожидали упоеніе поэтами: Гюго, Винья, Ламартиномъ, — великолѣпніе прозаиковъ: Шатобріана, Мишлэ,—магическое вліяніе романическихъ героинь: нѣжная тѣнь любви, бѣлая плечи г-жи Морсовъ и голубые глаза г-жи Реналь. Элиза же съ ея граціей и непорочностью вмѣстила въ себѣ эти два незабвенныя лица, но была еще прекраснѣе тѣмъ, что существовала въ дѣйствительности; постичь ее—живая тайна, осуществимое счастье, которымъ возможно овладѣть завтра же.

Завтра! Увы!

Улица «Золотыхъ дѣлъ мастеровъ» привела ихъ къ собору. Онъ выставялъ противъ старыхъ домовъ съ рѣзными балками свой тройной порталъ, украшенный круглымъ окошкомъ. Его главная часть изъ краснаго песчаника, поддерживаемая солидными подпорками, прикрывалась съ двухъ сторонъ башнями, высокія окна которыхъ, расположенныя одно надъ другимъ, вытягивались позади своихъ тонкихъ колоннъ. Лѣвая башня оканчивалась плоской кровлей; правая—упиралась совѣмъ въ небо, пропуская смѣло вверхъ надъ восьмиугольной башенкой свой шпигъ—пирамиду, выточенную ступеньками къ небу, съ крестомъ на верхушкѣ.

Соборъ, памятникъ вѣковыхъ вѣрованій и славы королей, являлся старымъ по безконечности лѣтъ и молодымъ по чуднымъ усиліямъ, которыя его безъ устали строили и перестраивали, начиная съ деревянной церкви Хлодвига до храма Карла Великаго, отъ перваго камня башенъ, положеннаго епископомъ Конрадомъ, до окончанія шпига Іоанномъ Гюльтцемъ. Тщетны были землетрясеніе и пожаръ; громъ сломалъ шпигъ и сжегъ свинцовую кровлю; зданіе, возстановленное горячими усиліями вѣковъ, мало-по-малу, поднялось такимъ, какимъ его созерцаютъ теперь,—однимъ изъ самыхъ высокихъ на всемъ земномъ шарѣ, гордостью Страсбурга и самой благородной его драгоценностью. Поразительный въ цѣломъ, ослѣпительный въ мелочахъ, этотъ Левиаганъ, изваянный изъ каменной глыбы, былъ однородный и въ то же время сложный, разнообразный до безконечности и простой, какъ красота. Цѣлый народъ статуй жилъ между его порталами, колонками и на пьедесталахъ карнизовъ; барельефы улыбались, гримасничали, изгибались подъ арками, наклонялись надъ бездной, въ видѣ причудливыхъ чудовищъ, а звѣри кошмара служили воронками для стока воды.

Существованія и существованія ученыхъ зодчихъ и темныхъ поколѣній рабочихъ наслѣдовали одно другому въ мрачныхъ skleпахъ, въ средней части церкви, на клиросѣ, на солнечныхъ сторонахъ галлерей, взбирающихся и спускающихся, какъ муравьи,

вдоль лѣсовъ; здѣсь и тамъ кровь при паденіяхъ и провалахъ служила цементомъ песчаника. Толпа молилась при таинственномъ освѣщеніи, проходящемъ чрезъ церковныя окна, произнося шопотомъ гимны любви и антифоны за усопшихъ подъ горячими слезами восковыхъ свѣчей и при шумныхъ звукахъ органа.

Герматовъ охватило волненіе, такъ какъ соборъ былъ имъ не менѣе близокъ, чѣмъ Новый храмъ. Андрэ часто бродилъ при гармонической тишинѣ въ средней части церкви, блуждая взоромъ сквозь освѣщенные рубиновыя, аквамариныныя и топазовыя оконныя стекла, или забавляясь игрою статуэтокъ астрономическихъ часовъ. Онъ часто объяснялъ ихъ механизмъ Карлу: ангелъ звонилъ каждую четверть часа; надъ нимъ находились ребенокъ, юноша, зрѣлый человекъ и старецъ—четыре возраста передвигались вокругъ времени, въ то время какъ ангелъ опрокидывалъ песочныя часы, а смерть звонила часъ; еще выше двѣнадцать апостоловъ поворачивались ровно въ 12 часовъ вокругъ Христа, который поднималъ руку, чтобы благословить ихъ, а въ это время три раза пѣлъ пѣтухъ, хлопая крыльями.

Далѣе домъ пѣвческой школы, покрытый изваянными фигурами и деревянными статуями музыкантовъ; еще далѣе Frauenhaus, отличавшійся красотами эпохи Возрожденія, и столько старыхъ дворцовъ, перешедшихъ въ общественное пользованіе—весь Страсбургъ, каждый изъ его песчаниковъ и строилъ, каждая балка приводили отца и сына въ пріятное волненіе... Нѣтъ, это невозможно, чтобы подобный городъ страдалъ дольше, погибалъ подъ гранатами. Эта бесполезная бомбардировка, эти грубыя предостереженія остались бы угрозою... Впрочемъ освобожденіе близко... Базень побѣдитель!... Франція скоро придетъ на выручку!...

Но Андрэ сначала покраснѣлъ, затѣмъ поблѣднѣлъ. На поворотѣ одной улицы вдругъ ихъ замѣтилъ Мумъ, и, весело залаывая, пудель Ансберговъ бросился къ нимъ навстрѣчу. По крайней мѣрѣ, онъ ихъ другъ; онъ не раздѣляетъ ссоры своихъ господъ.... И вдругъ появилась Элиза въ сопровожденіи прислуги. Ея лицо выражало болѣзненную неувѣренность, въ которой боролись радость и опасеніе. Наконецъ она снова увидѣла Андрэ!... Андрэ измѣнился, похудѣлъ.... Какъ онъ, должно быть, страдалъ! Она хотѣла подбѣжать къ нему, но формальныя распоряженія отца запрещали ей узнавать того, кто въ продолженіе пятнадцати лѣтъ былъ товарищемъ ея игръ, другомъ, братомъ и женихомъ... Она хотѣла убѣжать, но ея ноги были, какъ свинцовыя; невѣдомая сила заставила ее приблизиться къ нимъ, несмотря на предостереженія служанки, старой некрасивой женщины, повторявшей: «Барышня не должна... Если узнаютъ, меня будутъ бранить». Заслуга или вина этой неизбѣжной встрѣчи происходила отъ Мума, не хотѣвшаго покинуть болѣе Андрэ и повелительно и лукаво повернувшись къ Элизѣ,

какъ будто онъ хотѣлъ сказать: «Что же ты не видишь? Поскорѣе же! Почему же ты медлишь?»

Андрэ ничуть не колебался, и прежде чѣмъ отецъ могъ его остановить,—о чсѣ Герматъ не думалъ,—онъ перешелъ улицу и пошелъ прямо къ Элизѣ. Она смотрѣла на него съ страдальческимъ лицомъ, освѣщеннымъ чисто сердечнымъ счастьемъ; она тоже измѣнилась, похудѣла. Въ своемъ синемъ платьѣ, съ легкой накидкой, которую онъ хорошо зналъ, въ соломенной шляпѣ съ чернымъ бархатнымъ бантомъ, она казалась болѣе нѣжной и хрупкой, чѣмъ обыкновенно, но нервной и натянутой. Конечно, она не поддавалась судьбѣ и боролась. Онъ увидѣлъ въ ея глазахъ нѣжное, быстро проникающее пламя, охватившее его душу волненіемъ; въ то же время въ ея лицѣ было что-то скрытное, принужденное: ея дочернее повиновеніе и ея стыдливость въ борьбѣ съ неяснымъ и могучимъ чувствомъ. Призналась ли она себѣ въ продолженіе ихъ разлуки, что она любила Андрэ? Нѣтъ, она молилась и плакала одна въ своей комнатѣ. Вдругъ ей не стало хватать чего-то лучшаго въ ней самой. Однако, ея юная душа была горда: она продолжала ходить взадъ и впередъ по дому, занимаясь своими привычными дѣлами, какъ будто ничего не случилось. Она не хотѣла ни возмущаться, ни жаловаться: это было не въ ея характерѣ. Она жила, сжатая съ одной стороны шумнымъ авторитетомъ отца, а съ другой—мелочностью матери, однако обожая ихъ, но безъ забвенія, безъ изліяній. Они считали ее очень спокойной и въ виду ея покорности легко ее забрали въ руки. Они видѣли, что она очень огорчена, но такъ какъ она молчала, то сказали себѣ: «Она его забудетъ».

Ансбергъ не вѣрилъ въ любовь; для него существовали честолюбіе, почести и солидное состояніе;—въ добрый часъ! Вотъ что идетъ въ расчетъ; но страсть, фи! нелѣпыя мечты, быстро разсѣивающіяся облака... Г-жа Ансбергъ вѣрила въ любовь, но какъ въ условное чувство, въ неопредѣленную сентиментальность, украшавшую, какъ цвѣтами, помолвку и похожую на чувство тревожнаго весенняго томленія. Всѣ молодыя дѣвушки подвержены ему, и это у нихъ проходитъ, когда онѣ выйдутъ замужъ и серьезно отнесутся къ своей роли: вести хозяйство, дѣлать визиты, заниматься благотворительными дѣлами съ благомыслящими дамами. Она допускала любовь, дозволенную семьею; но когда нарушалось родительское дозволеніе, она становилась преступной. Она допускала, что сердце молодой дѣвушки можетъ переворачиваться, какъ перчатка. Безъ сомнѣнія, она желала видѣть Элизу счастливой, но согласно понятіямъ ея, матери, о счастьѣ своего ребенка. Да и кто лучше знаетъ, чѣмъ родители, что болѣе подходитъ Элизѣ? Алчная до первенства и ревнивая къ авторитету, впрочемъ питающая культъ къ мужу, она преклонялась предъ его знаніемъ, его умомъ

и опытностью. Онъ произнесъ приговоръ, и этого достаточно... Однако она любила Андрэ, и все это ее огорчало.

Андрэ и Элиза встрѣтились, и все, что они хотѣли бы повѣдать другъ другу, что наполняло ихъ сердце задыхающимися словами, оставалось у нихъ въ горлѣ. Стѣснительное присутствіе третьихъ лицъ? Да, и въ особенности ихъ самихъ; они ощущали смертельное затрудненіе сказать то, что они хорошо чувствовали, найти фразы, которыя тотчасъ же, какъ они разстанутся, будутъ преслѣдовать ихъ, сожалѣніе, что они не умѣли произнести ихъ, и непріятный стыдъ, что они были такъ неловки.

— Я счастливъ видѣть васъ!

Это все, что Андрэ могъ сказать.

— Я тоже довольна,—отвѣтила глазами Элиза, но ея губы не шли далѣе улыбки.

Они стояли въ затрудненіи, между тѣмъ Мумъ, какъ бы желая ихъ сблизить, стоялъ на заднихъ лапахъ, упирался ими то на колѣно Андрэ, то на юбку Элизы.

— Это онъ насъ увидѣлъ,—сказалъ Андрэ.

И онъ принялся ласкать пуделя съ той же нѣжностью, съ какой пожималъ бы руку самой Элизы.

Гермать былъ близъ нихъ. Онъ отцовски поздоровался съ молодой дѣвушкой, попрежнему говоря ей «ты»; она покраснѣла и очень взволнованная сказала:

— Кланяйтесь «тетѣ»,—она изъ расположенія называла такъ г-жу Гермать:—скажите ей, что я люблю ее отъ всей души.

И она удалилась рядомъ съ своей дуэньей, прежде чѣмъ взглянула на Андрэ. Мумъ галопомъ догналъ ихъ.

— Бѣдное дитя!—сказалъ Гермать.

Оба мужчины возвращались молча.

Андрэ пришелъ въ отчаяніе; онъ испыталъ припадокъ гнѣва. Не сомнѣваясь, что его внезапное появленіе, смятеніе и его молящее лицо взволновали Элизу, онъ принялся себя упрекать за молчаніе, проклиная себя за неловкость: что она объ немъ подумаетъ? Какъ могла она угадать то, что въ немъ теперь такъ легко съ убѣжденіемъ и жаромъ говорило:

— Дорогая моя Элиза, наконецъ-то вы предо мною. Я васъ искалъ, ожидалъ; прошедшую ночь я бродилъ подъ вашими окнами; я думаю только о васъ и люблю только васъ. Не правда ли, это только дурной сонъ? Они насъ не разлучатъ... Это невозможно! Развѣ вы будете въ состояніи жить безъ меня? Развѣ я обойдусь безъ васъ? У нашихъ родителей свои идеи—у насъ только одна любовь. Прежде всего развѣ можно двойкою любить—любить Страсбургъ, любить Францію? Знаете ли вы, изъ-за чего они поссорились? Я не понимаю... Надъ нами паритъ смертельная гроза, насъ окружаетъ атмосфера катастрофы. Зачѣмъ вы отдаляетесь? Зачѣмъ мнѣ итти

домой? Увидимся ли мы только?... Это безуміе разставаться въ такой бѣдѣ. Пойдемте со мною; спрячемся въ какой нибудь уголокъ, какъ птицы во время града; дадимъ пройти грозѣ, и если она должна насъ уничтожить, пусть она поразитъ насъ одного возлѣ другого—рука въ руку... Пойдемъ, Элиза, пойдемъ! Ты будешь моею женою предъ Богомъ и людьми, и то, что мы испытываемъ, что наполняетъ наши сердца горечью и опьяненіемъ,—сильнѣ воли твоихъ, сильнѣ уваженія къ общественному мнѣнію и сильнѣ ужасныхъ событій. Отправимся, убѣжимъ, даже умремъ, если ты предпочитаешь это. Скорѣе все другое, чѣмъ это страданіе—не видѣться болѣе! Элиза, моя дорогая собственность, моя надежда, моя жизнь...

А тамъ далеко, далеко отъ него, въ разстояніи только нѣсколькихъ улицъ, Элиза слыша, какъ за нею запирается дверь дома, отвѣчала ему отъ всего сердца:

— Въ особенности, Андрэ, не захворайте. Какъ вы были блѣдны! Мнѣ казалось, что я шаталась. Что-то странное испытываю я. Представьте себѣ, я думаю только о васъ, я не вижу никого, кромѣ васъ,—наяву и во снѣ. Насъ вовсе не разлучили; вы здѣсь, возлѣ меня. Вчера я начала играть сонату Бетховена, которую вы любите, и я «чувствовала васъ» позади меня на вашемъ обычномъ низкомъ стулѣ. Почему же я вдругъ залилась слезами?.. Вы должны считать меня дурочкой? А только что я вамъ не сказала ни одного слова! Я была поражена... Какъ я буду жить счастьемъ этой встрѣчи! Я вижу предъ собою всѣ ея мелкія подробности... Я распѣловала Мума, который замѣтилъ васъ первый. Андрэ, Андрэ, сердце мое болитъ, однако ощущаемое мною томленіе—восхитительно. Андрэ, что произошло во мнѣ? Не любовь ли это? Какая сладкая и ужасная тайна... По возвращеніи съ своего ночного дежурства на валѣ, мой отецъ сегодня утромъ сказалъ: «Насъ могутъ бомбардировать сегодня вечеромъ; они способны не оставить камня на камнѣ въ Страсбургѣ», и онъ, такой храбрый и воинственный въ своемъ старомъ мундирѣ артиллерійскаго капитана, который къ нему еще идетъ, смотрѣлъ на насъ, на мать и на меня, и двѣ слезы катились по его щекамъ. Я не боюсь, Андрэ, ни гранатъ, ни смерти. Я боюсь одного, что вы перестанете меня любить...

Такимъ образомъ Андрэ и Элиза говорили между собою на большомъ пространствѣ, не слыша другъ друга и не видя одинъ другого, въ то время какъ надъ городомъ повисъ огненный циклонъ и разразился шумнымъ грохотомъ. Домъ, находившійся противъ Ансберговъ, вспыхнулъ; окна его всѣ повыбило и ставни сорвало; бомба, проникшая чрезъ крышу, лопнула въ погребѣ. У Герматовъ съ угла обломаннаго шпица посыпался дождь изъ черепицъ.

Дядя Ансельмъ созерцалъ изъ своего окна темное небо, разсѣкаемое молніей и гранатами; они описывали свои параболы и падали, рассыпаясь красными снопами. Это была буря визгливыхъ

голосовъ, паденіе грома, скрежетъ штукатурнаго мусора, глухое уханье вбиваемаго дерева, звонъ кандаловъ, стукъ ѣзды, по мостовой, звукъ плавящагося чугуна, полетъ куропатокъ, человѣческіе вопли, стenanье животныхъ. Уже повсюду раздавались крики ужаса, среди отблеска пожаровъ и крутившихся столбовъ красноватаго дыма:

— Пожаръ! Пожаръ!..

Затѣмъ раздалось:

— Пожаръ въ музеѣ! Пожаръ въ цитадели!

Запахъ гари и жаръ сушильной печи распространялись; голубоватый отблескъ сталъ перебѣгать, какъ блуждающіе огоньки, по крышамъ папгаузовъ; затѣмъ изъ амбаровъ съ соломой вырвались съ глухимъ гуломъ потоки бѣлаго пламени. На западѣ пылали громадные костры подъ дождемъ головешекъ и въ трескѣ искръ.

Дядя Ансельмъ, наконецъ, понялъ и громко закричалъ:

— Страсбургъ горитъ!

VI.

— Да,—сказалъ Герматъ женѣ:—это такъ. Теперь мужайся! Наша надежда на Превѣчнаго, который это видитъ и судитъ.

Хотя г-жа Герматъ была блѣдна, но она не боялась. Однако, предъ ея глазами, въ продолженіе пяти дней, все еще представлялось ужасное тѣло маленькой Ноэми. Она снова увидѣла, содрогаясь всѣмъ своимъ существомъ, смолистую простыню, прикрывающую лоскутья этого тѣла, подъ которой волосы приклеивались къ мягкой массѣ раздавленныхъ ногъ. Прибѣжавъ первая, она видѣла еще другой трупъ дѣвочки, перерѣзанной на двѣ части; она слышала мучительные крики другихъ раненыхъ дѣтей; у одной изъ дѣвочекъ было отсѣчено бедро, у другой не хватало обѣихъ рукъ, въ плечевое отверстіе третьей можно было всунуть кулакъ. Зеленая, какъ смерть, съ окровавленной повязкой на лицѣ, сестра Базилиса сказала ей настолькоъ сильно дрожащимъ голосомъ, что слова щелкали между зубами:

— Вотъ, теперь они избиваютъ дѣтей!

И, когда она говорила это, ея нѣжные глаза сдѣлались страшными.

Г-жа Герматъ извѣдала весь ужасъ. Эти страшныя видѣнія ее осаждали; первыя двѣ ночи, устремивъ глаза, она ихъ отталкивала машинальнымъ жестомъ ужаса. Ноэми была отчасти ея дочерью; она видѣла ее при рожденіи, видѣла, какъ она дѣлила молоко кормилицы съ Карломъ; она улыбалась при первыхъ играхъ дѣтей въ одной и той же колыбели. Но ея горе было слабо сравнительно съ отвращеніемъ и ненавистью, поднимавшимися въ ней. Эта спокойная и добрая женщина убила бы съ упоеніемъ пруссаковъ. Убила? Нѣтъ, она пыталась бы ихъ на медленномъ огнѣ!..

Такъ вотъ какъ дѣйствуютъ войска, объявившія войну, чтобы, по заявленію своихъ генераловъ, повсюду уважать и заставлятъ уважать, гдѣ бы они ни проходили, «религію, гуманность и цивилизацію». Но что же за человекъ былъ ихъ генераль Вердеръ? Были ли у него жена, дѣти и мать? Безъ сомнѣнія, нѣтъ, потому что онъ стремился исполнить свое «славное» порученіе: сжигать городъ съ его памятниками, его мысли, трудъ, богатства, искусство, науку, уничтожалъ дѣтей въ ихъ кроваткахъ, стариковъ и женщинъ!.. Не хватаетъ только теперь, чтобы Карль и Андрэ были убиты.

Страшный грохотъ потрясъ окна и полы; можно было подумать, что граната пронизала домъ.

— Надо сойти внизъ,—воскликнулъ на лѣстницѣ Гермать.— Живо, всѣ сходите съ тюфяками на головахъ; Ансельмъ, помоги мнѣ перенести капитана.

Но раненый закричалъ изъ своей комнаты раздраженнымъ голосомъ.

— Не заботьтесь обо мнѣ! Заботьтесь о женщинахъ!

Онъ присѣлъ на постели; его вытянутая нога была положена въ желобокъ отъ водосточной трубы; жесткая борода щетинилась на его щекахъ, и его красивые темные глаза сверкали.

— Ну, что же,—насмѣшливо сказалъ онъ, увидѣвъ входящаго Гермата:—не говорилъ я вамъ? Мы не то еще увидимъ теперь, когда началась эта кутерьма. Нѣтъ! оставьте меня тамъ; я плюю на свою судьбу.

Но Гермать, Андрэ и Гертруда силою унесли его въ каретный сарай, устроенный съ капитальной стѣною подъ садовой террасой и обложенный значительнымъ слоемъ земли. Затѣмъ Гермать вытащилъ прочь коляску, набивъ ее пустыми мѣшками и одѣялами; она ихъ укрывала со стороны двери.

Одновременно г-жа Гермать одѣвала Карла. Ребенокъ, совсѣмъ сонный, хныкалъ. Вдругъ его разбудилъ шипящій свистъ гранаты, пролетѣвшей мимо дома; онъ издалъ ужасный крикъ:

— Ноэми, Ноэми!

Г-жа Гермать содрогнулась. Отъ Карла скрыли правду, но онъ, конечно, зналъ кое-что.

— Мама, я хочу видѣть Ноэми; я хочу, чтобы она была подлѣ меня. Я боюсь, я боюсь!.. Они опять ей сдѣлаютъ больно.

— Зачѣмъ ты боишься, мой дорогой?

Но ребенокъ съ внезапнымъ спокойствіемъ рассуждалъ:

— Нѣтъ, я знаю, что Ноэми не можетъ прійти: она на небѣ съ ангелами; мнѣ это сказала Ганна.

Г-жа Гермать завернула его въ пуховое одѣяло; она перебѣжала лужайку, преслѣдуемая рикошетами ядеръ; вѣтка каштановаго дерева, срѣзанная бомбой, упала ей на голову, украсивъ ея волосы листьями. Гретхенъ и Ганна несли тюфяки; онѣ были

блѣдны; блондинка вздрагивала отъ нервнаго смѣха, брюнетка съ увеличенными бѣлками глазъ кусала губы.

Карлъ болѣе не плакалъ. Укрывшись въ объятіяхъ матери, приготовившей ему кушетку въ углу сарая, онъ спросилъ:

— Развѣ Гафнеръ съ пруссаками?

— Да, мой дорогой.

— И Вильгельмъ?

Онъ питалъ большую дружбу къ ординарцу капитана. Ему не отвѣтили. Ганна, услышавъ имя своего жениха, отвернула глаза. Онъ снова спросилъ:

— Это Гафнеръ и Вильгельмъ стрѣляютъ въ насъ изъ пушекъ?

— Спи, малютка; пушки не сдѣлаютъ тебѣ вреда.

— Однако, онѣ сдѣлали больно Ноэми. Правда, что мы ея болѣе не увидимъ? Скажи мнѣ, гдѣ она?

— Она тамъ, гдѣ не страдаютъ болѣе. Спи, мое дитя...

И, когда она думала объ Эдели, Генрихѣ и добродушномъ лицѣ Гафнера, котораго она въ этотъ моментъ ненавидѣла, ея сердце разрывалось.

Герматъ беспокоился объ исчезнувшей Гертрудѣ. А братъ? Гдѣ же онъ?... Онъ вышелъ въ садъ; воздухъ колебался, чувствовались какъ бы толчки отъ землетрясенія; подъ сильнымъ вѣтромъ урагана улетали вѣ птицы со столѣтняго каштановаго дерева; онѣ кружились, теряясь въ багровой ночи. Снова раздались тревожные крики дозорныхъ:

— Пожаръ въ Арсеналѣ!... Пожаръ на площади св. Николая!...

Герматъ поднялъ руки къ небу; эти здоровенныя руки падая могли бы убить не одного пруссака. О, какъ бы онъ также убивалъ, убивалъ, убивалъ!.. Быть мужчиной и не имѣть возможности защищаться и защищать своихъ. Быть тамъ среди тысячи гражданъ, требовать оружія, быть готовымъ выступить и броситься на пушки, а ожидать чего—чтобы Страсбургъ обратился въ пепелъ?... «Что я здѣсь дѣлаю?—спрашивалъ онъ себя.—Надо же принести какую нибудь пользу, надо организовать помощь!» Но прежде онъ окликнулъ Гертруду. Старуха, съ очками на носу, спокойно сидѣла за большимъ бѣлымъ столомъ, посреди прибранной кухни; она подсчитывала книжки. Герматъ разсердился. А гдѣ же Ансельмъ?... Онъ не слышалъ зова и, находясь въ своемъ музеѣ, вытиралъ пыль, упавшую съ крыши на его эмали и баулы.

— Полно, братъ,—ворчалъ Герматъ, выводя его изъ мечтаній:— о чемъ ты думаешь? Только объ этомъ и думать теперь.

Дядя Ансельмъ, какъ пойманный на мѣстѣ преступленія, проормоталъ:

— Ты правъ, братъ, пыль пустыки въ сравненіи съ... Видишь ты, привычка... Я спущусь... я пойду съ тобою; подожди только, я возьму мою скрипку.

Онъ довѣрилъ ее Гретхенъ съ всевозможными указаніями; затѣмъ, растроганный, онъ сталъ любоваться Карломъ, лежавшимъ позади ящика съ шорами; Гермать, остановившись въ кабинетѣ, заперъ свои самыя цѣнныя бумаги въ денежный желѣзный ящикъ, вдѣланный въ стѣну. Такъ какъ Андрэ хотѣлъ слѣдовать за нимъ, то онъ сказалъ:

— Нѣтъ, останься съ матерью и братомъ. Здѣсь нуженъ мужчина.

Въ сопровожденіи Ансельма, онъ толкнулъ рѣшетку и исчезъ во тьмѣ, среди дрожавшаго отблеска, который освѣщаль края лоснившихся крышъ и скатывавшіяся трубы.

— Пожаръ въ Библиотекѣ!.. Пожаръ въ Новомъ Храмѣ!... Пожаръ въ Судѣ! Пожаръ въ улицѣ Мезанжъ, въ улицѣ Собора, въ улицѣ Лазоревыхъ Облаковъ!

Съ невыразимымъ отчаяніемъ услышалъ Ансбергъ эти возгласы въ слѣдующую ночь, на передовомъ бастіонѣ, гдѣ онъ служилъ. Улица Мезанжъ! — тамъ-то и находились его домъ, жена и дочь. Неужели онъ такъ погибнуть?... Задержанный своей обязанностью, онъ дико созерцалъ, скрестивъ руки, увеличивавшееся пламя пожаровъ. Чтò это была за ночь въ сравненіи со вчерашней? Ужасъ былъ въ томъ, что приходилось оставаться на своемъ посту, возлѣ нѣмыхъ пушекъ, ожидать позади брустверовъ гранатъ, направлявшихся со всѣхъ концовъ горизонта, поднимавшихся надъ стѣнами ограды и ожесточавшихся надъ одинокимъ городомъ. Разрываясь одна за другою, на одномъ и томъ же мѣстѣ, онъ методически разражались надъ городомъ громомъ взрывовъ. Гранаты, начиненныя керосиномъ и производившія пожары, чередовались съ шрапнелями, которыя разлетались пулями и производили страшныя опустошенія.

То же чувство овладѣло и Вольфартомъ, поступившимъ теперь волонтеромъ въ отрядъ Лье-Бодара. Онъ сжималъ въ рукахъ свое бесполезное ружье, предаваясь беспомощному гнѣву. Пасторъ Готтусъ ощущалъ то же. Когда упали первыя гранаты, онъ только что хотѣлъ рассказывать у семейной лампы, гдѣ собрались въ этотъ вечеръ, въ 24-й годовоюй праздникъ св. Вареоломея, его три сына и ихъ мать, — о рѣзнѣ 1572 г. Ежегодно онъ возобновлялъ этотъ зловѣщій рассказъ, чтобы научить ихъ ненавидѣть религіозный фанатизмъ.... Онъ только-что успѣлъ отправить въ погребъ своихъ, затѣмъ помогъ перенести раненыхъ въ сосѣдній походный госпиталь, какъ пламя охватило пасторскій домъ, а гимназія уже пылала.... Изгнанные изъ погреба, гдѣ имъ угрожала смерть отъ удушья, Готтусъ, его жена и дѣти должны были бѣжать по огненному пути, преслѣдуемые жаромъ раскаленныхъ добѣла угольевъ. Укрывшись въ погребѣ одной изъ гостиницъ, они наконецъ свободно вздохнули. Какія горькія думы овладѣли пасторомъ!..

— Какъ!—говорилъ онъ себѣ:—такъ вотъ на что способенъ этотъ религіозный и образованный народъ, ссылающійся на помощь Бога! Нѣтъ, не это внушаетъ Богъ; нѣтъ, это не плоды христіанства! Если Богъ подсказываетъ подобныя распоряженія, то слѣдуетъ отъ него тотчасъ же отречься. Если христіанство дозволяетъ подобныя жестокости, надо отъ него немедленно отказаться. Нѣтъ, эти люди не знаютъ ни Бога, ни ученія Христа!

Онъ упрекалъ себя за свою наивность и свои иллюзіи: относительно «шалыхъ пуль» и «невольныхъ» случайностей... Въ погребъ спустили дѣвушку, у которой была совершенно пробита грудь; кровь струилась по ея юбкѣ и башмакамъ. Лишь только ее положили, какъ образовалась вокругъ нея цѣлая лужа крови.

— О Боже мой,—раздавались стенанія пастора, склонившагося надъ этой несчастной, находившейся въ агоніи:—Богъ справедливости, ты видишь это и терпишь!...

Семья Герматовъ волновалась подобными же ужасами: ни Ансельмъ, ни Герматъ не возвратились; но Стумпфы, изгнанные изъ своего разореннаго жилища, пришли къ нимъ, пробираясь по стѣнкамъ, просить убѣжища. Жена рыдала навзрыдъ, держа на рукахъ ребенка; мужъ совершенно посинѣлъ; одна пола его сюртука обуглилась. Первое его слово было:

— Мы всѣ умремъ сегодня ночью. Цитадель горитъ, Арсеналь горитъ, тысяча ракетъ пущены въ городъ. Новый Храмъ горитъ, Библіотека горитъ. Все горитъ!

Андрэ, который не могъ болѣе держаться на мѣстѣ, воспользовался этимъ обстоятельствомъ и, проскользнувъ въ дверь, бросился на улицу.

— Элиза!... Только бы не случилось чегонибудь съ нею.

Шумъ былъ оглушительный; фейерверкъ—небывалый; апоѳеозъ разрушенія наполнялъ твердь небесную. Блестящіе слѣды бомбъ надъ домами все увеличивались, появляясь и уничтожаясь въ потокѣ огня.

Побѣжавъ по улицѣ и спотыкаясь объ обрушившіеся камни, онъ слышалъ роковой трескъ; Новый Храмъ представлялъ собою громадный кратеръ. Сдѣлалось свѣтло, какъ въ солнечный день, и жарко, какъ въ кузницѣ; всѣ лица освѣщались золотистымъ сіяніемъ, и въ нихъ было что-то безумное; не было ни одного движенія, которое не выражало бы живого отчаянія или мрачнаго унынія. Нѣкоторые смѣялись, другіе плакали; почти всѣ размахивали кулаками, произнося проклятія... Библіотека горѣла, и ей не могли оказать никакой помощи; струи воды были безсильны противъ этой громадной печи и улетали бѣлымъ паромъ. Въ воздухѣ уже носилось что-то въ родѣ чернаго свода, образовавшагося изъ книжнаго пепла и мелко обуглившихся страницъ; иногда струя воды пронизывала это облако; и видно было, какъ подъ порывомъ жар-

каго вѣтра падали тысячи черныхъ бабочекъ. Это разсѣивались тамъ вѣковыя мысли, знаніе людей, сокровище прошедшаго и сѣмена будущаго—все это истреблено и пущено на вѣтеръ; это была похоронная сажа, бесполезная пыль.

— Подлецы! подлецы!—повторяла одна женщина, прекрасная, какъ фурія.

Одинъ старикъ съ длинной сѣдой бородой горевалъ:

— Зачѣмъ я такъ долго жилъ, чтобы видѣть все это!

Мужчины кричали:

— Къ оружію! Это гнусно!

Другой голосъ вторилъ:

— Брешь загораетъ! Гранаты падаютъ на ратушу! На соборъ!..
Какая ночь! Это конецъ свѣта!

Но большее впечатлѣніе производили тѣ, кого ужасъ и возмущеніе душили и сдѣлали нѣмыми. Не было человѣка какой либо касты: бѣднаго, богатаго, мѣщанина или рабочаго, который въ своей взволнованной совѣсти не проклиналъ бы Вердера, уже прозваннаго по народному приговору: «Moerder, убійца, съ его арміей палачей».

Какой это былъ новый Омаръ, поджигавшій, на глазахъ ужасавшихся поселянъ и предъ лицѣмъ цивилизованной Европы и всего свѣта, эту другую Александрійскую бібліотеку? Развѣ это была война между христіанскими націями?.. Съ какихъ поръ солдаты вмѣсто того, чтобы сражаться съ солдатами, сваливаютъ вину на невинную толпу и вмѣсто валовъ уничтожаютъ дома и памятники, — и какіе памятники, тѣ, которые уважались въ вѣка жестокости и террора, тѣ, которые пощажены самими варварами!.. Соборъ, пережившій неприкосновенно всѣ большія войны, увидѣлъ разбитыми и низверженными свои колонны и статуи. Единственное ядро ударилось въ 1678 г., и это показалось тогда такимъ чудовищнымъ явленіемъ, что на томъ мѣстѣ, котораго оно коснулось, была сдѣлана надпись, для будущаго поколѣнія, объ оскорбленіи, нанесенномъ божественному храму... Но незагладимымъ преступленіемъ, самымъ не искупаемымъ злодѣйскимъ насиліемъ былъ колоссальный костеръ, питаемый зарядами гранатъ — бібліотека. Ея крыша рухнула какъ бы водопадомъ грознаго разрушенія, и, казалось, всѣ видѣли борьбу змѣй и гидръ за добычу пылающихъ звѣрей, пожирающихъ другъ друга, подъ дождемъ чернаго пепла.

Потерявшій голову Андрэ бѣжалъ къ дому Ансберговъ. Всѣ оконныя стекла дома были выбиты, и багровый свѣтъ, проникшій туда, былъ такъ силенъ, что освѣщалъ всѣ предметы до малѣйшихъ подробностей. Онъ еще не горѣлъ, но дымъ вылеталъ изъ нижняго этажа и сосѣдняго дома, выстроеннаго изъ высохшихъ бревенъ, которыя быстро разгорались, какъ вязанка хвороста. У Ансберговъ все умерло, все исчезло. Гдѣ могла быть Элиза? Ушла... спаслась...

Но раздирающіе крики брызнули ключемъ изъ нижняго этажа, отдѣленнаго отъ улицы садикомъ съ рѣшеткой изъ желѣзныхъ остроко-
нечныхъ полосъ, помѣщавшагося между двумя стѣнами, усѣянными
черепками бутылокъ. Появилась г-жа Ансбергъ, растрепанная и разби-
тая отъ паденія, которому она только что подверглась, спасаясь изъ
погребѣ, гдѣ она укрылась съ Элизой и Мумомъ. Въ волненіи она
не могла найти ключа и поранила себѣ руки о желѣзныя полосы
рѣшетки. Позади ея находилась пожилая женщина, въ которой
Андрэ узналъ служанку; она дѣлала какіе-то бессмысленные знаки,
упавъ на колѣни, съ съѣхавшимъ на сторону чепчикомъ. Нѣсколько
мужчинъ поспѣшили къ нимъ на помощь. Судя по неудивлен-
ному лицу Андрэ, очутившемуся возлѣ своего отца, который при-
бѣжалъ на помощь первымъ, нельзя было рѣшить, проснулся онъ
или спитъ. Они толкали рѣшетку, но она не подавалась. Лицо
г-жи Ансбергъ искажилось отъ ужаса.

— Спасите насъ, спасите мою дочь! Если вы не придете къ ней
на помощь, она умретъ!

Какой-то рабочій принесъ кирку; Герматъ пропустилъ ее между
двумя полосами желѣза и однимъ ударомъ вырвалъ замокъ. Слиш-
комъ нетерпѣливый, чтобы дожидаться, Андрэ, съ трудомъ взобра-
вшись на чью-то спину и плечи и окровавивъ себя о стѣну, скольз-
нулъ въ садъ. Какъ разъ было время: огонь разгорался...

Г-жа Ансбергъ узнала Герматовъ и пронзительнымъ, болѣзнен-
но-нервнымъ голосомъ воскликнула:

— Въ погребѣ лопнула лампа. Элиза въ обморокѣ. Я недоста-
точно сильна, чтобы снести ее одна.

За ея спиною служанка продолжала свои странныя колѣнопре-
клоненія: ужасъ сдѣлалъ ее безумной...

Андрэ бросился на лѣстницу, въ сопровожденіи отца и рабо-
чаго, принесшаго кирку.

Г-жа Ансбергъ закричала имъ вслѣдъ:

— Боже мой, можетъ быть, она умерла!

Погребъ былъ наполненъ дымомъ: вспыхнувшая лампа по-
гасла, но близкій пожаръ освѣщаль черезъ отдушину мракъ, въ ко-
торомъ лаялъ черный пудель. Андрэ натолкнулся на распростертую
массу, ощущалъ нѣжныя руки и тонкое лицо:

— Элиза! Элиза!

Онъ ее приподнял. Герматъ взялъ ее подъ голову, рабочій за
ноги; задыхаясь они вынесли ее такимъ образомъ по скользкой
лѣстницѣ; ихъ сердца чуть не лопнули отъ сильнаго бѣшенія. Крики
присутствовавшихъ привѣтствовали ихъ возвращеніе, и насколько
жестокъ былъ ихъ ужасъ, настолько сладка была вѣсть объ ея
спасеніи. Когда узнали, что молодая дѣвушка внѣ опасности и
пришла въ себя подъ поцѣлуями и слезами г-жи Ансбергъ, то ру-
коплесканія и смѣхъ привѣтствовали прыжки освобожденнаго Мума.

Андрэ извѣдалъ опьяненіе и совершенный восторгъ; такъ горячо желаемое чудо осуществилось. Элиза спасена имъ!

Но приходилось посѣбно удалиться: огонь охватилъ домъ Ансберговъ; напрасно пробовали топоромъ отдѣлать часть, истребляемую огнемъ, пламя съ трескомъ подвигалось; оно было такъ сильно, что жгло лицо и ослѣпляло глаза. Андрэ, не отодвинувшійся во время, получилъ ударъ доски по головѣ: все почернѣло у него въ глазахъ... онъ упалъ.

Горить соборъ!

Когда эти крики сторожей, усиленные въ рупоръ, разнеслись по Страсбургу съ верхней платформы собора, старый городъ содрогнулся: это переступало всякую вѣроятность и отдаляло границы возможнаго. Горить соборъ, Богъ изгнанъ людьми изъ своего храма; священные сосуды преданы пламени; слово Божіе, которое—тѣло и кровь Христовы, подвергается самому ужасному святотатству; это сверхчеловѣчно, это было болѣе чѣмъ незаконно, болѣе чѣмъ гнусно, болѣе чѣмъ нелѣпо—это было изумительно! Нѣтъ, нѣтъ, вандалы не сдѣлали бы этого!.. И внѣ себя дрожащія отъ лихорадки и безсонной третьей ночи бомбардировки страсбургцы бѣжали на помощь громадному памятнику; его отблескъ освѣщаль весь городъ.

Дядя Ансельмъ былъ тамъ, затерявшись въ толпѣ, какъ чуждый для всѣхъ и безпріютный отщепенецъ. Въ продолженіе сорока восьми часовъ онъ бездѣятельно блуждалъ; руки его почернѣли, а большой палецъ былъ обожженъ, такъ какъ ему сказали, чтобы онъ замѣнилъ раненаго пожарнаго, и онъ машинально повиновался. Онъ роздалъ всѣ, свои деньги бѣднымъ семействамъ безъ пристанища; онъ съѣлъ только кусочекъ хлѣба и выпилъ кружку пива въ пивной Кернера, устроенной въ житницѣ, блиндированной грудой мѣшковъ съ рожью; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зерна сыпались изъ прорванныхъ мѣшковъ, и спустившіеся съ крыши голуби клевали ихъ.

Ансельмъ все утро бѣгалъ по городу во время затишья, допущеннаго Вердеромъ ради новыхъ требованій. Подъ густымъ дымомъ, застилавшимъ небо, повсюду виднѣлись черные остовы еще горячихъ срубовъ и тлѣвшіеся уголья подъ черной пылью того, что представляло прежде живыя жилища и интимную обстановку.

Онъ безпрестанно наклонялся, съ любопытствомъ разсматривая безформенные остатки. Подозрительные съ виду люди обратились въ тряпичниковъ этой нищеты, въ надеждѣ отыскать серебро, золото и драгоценности. Дядя Ансельмъ нашель дѣтскій носокъ, у котораго обгорѣлъ лишь кончикъ, и положилъ его въ карманъ.

На Брольи, предъ ратушей, онъ попалъ въ водоворотъ толпы. Колонна манифестантовъ увлекла его. Раздавались крики:

— Не надо капитуляціи! Пусть откроютъ казематы женщинамъ и дѣтямъ! Къ оружію! Впередъ на врага!

Трое уполномоченныхъ и партія муниципального совѣта сопровождали Гюманна, мэра Страсбурга, къ генералу Уриху. Тамъ мэръ выразилъ желаніе своихъ согражданъ отправиться къ генералу Вердеру, чтобы умолять его о пощадѣ города. Послѣдовалъ отказъ Уриха: подобный шагъ заставитъ предполагать соучастіе военной власти съ муниципалитетомъ относительно сдачи города. Что до остального: зачѣмъ раздавать оружіе? Защита не требуетъ ни увеличенія сражающихся, ни расточенія крови при вылазкахъ. И Урихъ прибавилъ:

— Когда объявили о бомбардировкѣ, я написалъ Вердеру, прося его дать возможность выйти изъ города женщинамъ и дѣтямъ. Вотъ его отвѣтъ:

«Фортификація большихъ городовъ имѣетъ слабыя стороны въ страданіяхъ населенія, которое подвергается, не имѣя крова, непріятельскимъ пулямъ, въ особенности, если, какъ въ Страсбургѣ, нѣтъ казематовъ. Желаемый вами выходъ части населенія увеличить силу защиты,—вотъ почему я не могу, какъ бы мнѣ ни было больно, дать ходъ вашему желанію, что очень хотѣлъ бы я сдѣлать въ интересахъ человѣчества»...

Это непоколебимое лицемѣріе и эти человѣколюбивыя слова въ подобный моментъ возмутили присутствовавшихъ.

Вскорѣ послѣ нихъ неожиданно появился епископъ Страсбурга, Рейсъ. Онъ явился просить пропускъ и парламентаря, чтобы отправиться въ непріятельскую главную квартиру и именемъ религіи умолять великаго герцога Баденскаго пощадить городъ. Урихъ отвѣтилъ епископу:

— Ваше высокопреосвященство, я согласенъ, чтобы вы отправились въ качествѣ добраго пастыря въ непріятельскій лагерь. Скажите Вердеру, чтобы онъ сосредоточивалъ огонь на защитникахъ, направляя свою атаку противъ валовъ.

Но епископъ ничего не могъ добиться и возвратился обратно въ отчаяніи. Весь день гремѣла бомбардировка, и если она продолжится, конечно, эта ночь будетъ самая ужасная изъ всѣхъ. Страсбургъ среди своихъ нетронутыхъ валовъ обратится въ пепель.

Ансельмъ приблизился къ собору. Библіотека была уничтожена, и ему казалось, что болѣе ничего не осталось для истребленія, но онъ не думалъ о соборѣ; по правдѣ онъ не осмѣлился, онъ не могъ бы постичь нѣчто подобное!... Однако онъ это увидѣлъ...

Страшнымъ свѣтомъ озарился весь Страсбургъ. Воды, каналы были красныя, красныя облака, красное небо, на которомъ выдѣлялись гигантскія пирамиды, но уже не строго правильныя, а волнистыя отъ быстро падающаго отблеска и проходящихъ взадъ и впередъ тѣней. Кровавый блескъ волновался на почернѣвшихъ остовахъ домовъ; видно было, какъ на платформѣ метались сторожа, тѣтно направляя изъ помпъ струи воды на пламенный крутя-

щійся вихрь; напрасно умножались ученики санитарной школы и пожарные, тщетно тысячи рукъ простирались къ зданію—массивная крыша пылала. Громадное пламя синѣло и зеленѣло отъ мѣдныхъ листовъ крыши, завиваясь вокругъ шпица; съ яростнымъ ревомъ обрушились подпорки, мѣдные листы свернулись, церковныя оконницы разлетѣлись осколками, и въ этомъ сіяющемъ омутѣ еще разрывались гранаты огненными струями. Фасадъ со своими безчисленными украшениями: колоколенками, арками, колонками, своими тремя порталами, украшенными статуями дѣвъ, безумныхъ и мудрыхъ, апостоловъ и пророковъ, казалось, одушевлялся странной, призрачной жизнью, какъ будто камень взволновался, и всѣ эти темныя фигуры, пробужденныя отъ своего долгаго сна, воскресли въ этомъ аду.

Вдругъ послышались крики:

— Огонь въ городской больницѣ!

Тамъ, на окраинѣ города, пожаръ охватилъ раненыхъ и покончилъ съ умирающими; на востокѣ горѣла цитадель; на западѣ, между національнымъ предмѣстьемъ и предмѣстьемъ Петра, разоренными, разрушенными и срытыми, камень за камнемъ, поднималось другое зарево: вокзалъ съ длиннымъ рядомъ вагоновъ былъ весь объятъ пламенемъ. Тогда поднялись стenanія въ одномъ изъ послѣднихъ домовъ предмѣстья—жалобы маленькихъ дѣтей, уничтожаемыхъ въ своихъ постеляхъ. Разрывающія душу стenanія вызывали холодный потъ у тѣхъ, кто ихъ слышалъ, и плачевно замирали въ небесахъ, надъ тревожнымъ колоколомъ и надъ скорбнымъ негодующимъ ропотомъ Страсбурга, объятаго пламенемъ со всѣхъ концовъ.

IV.

Андрэ въ лихорадочномъ кошмарѣ снилось слѣдующее: онъ гулялъ съ Элизой въ Робертцау; они шли вдоль Илля и блуждали въ аллеяхъ, проведенныхъ Ленотромъ, вдоль лужаекъ и цвѣточныхъ клумбъ. За ними слѣдовали родители, разговаривая между собою. Было жарко и парило. Сѣроватыя испаренія усѣивали небесную лазурь и ступшеывали солнечный зной. Элиза радостная улыбалась ему. Вдругъ послышались глухіе раскаты грома; она сказала: «Вотъ и гроза!» И они шли среди громовыхъ раскатовъ, пересѣкавшихъ небо серебряными зигзагами; они не боялись ихъ, пробужденные безконечной радостію. Пробѣжавъ оранжерею, они прошли чрезъ плотину Ильскаго канала, достигли до Рейнскаго берега и хижины таможенныхъ съ сельскими скамьями, съ которыхъ открывался восхитительный пейзажъ—зеленая рѣка и горизонтъ Шварцвальда.

— Какая гроза!—повторила смѣясь Элиза.

Андрэ ей отвѣтилъ:

— Да, знатная гроза!

И онъ проснулся. Сонъ его былъ правдивъ: раскатывался адскій громъ; это была бомбардировка, которая въ продолженіе шести дней гремѣла, не переставая. Возлѣ тюфяка, на которомъ онъ лежалъ, Андрэ увидѣлъ сидѣвшую на низкомъ стулѣ и смотрѣвшую на него съ ужасомъ и нѣжностью Элизу.

Онъ не могъ этому повѣрить. Гдѣ же онъ былъ?.. Почему онъ находился въ этой комнатѣ съ голыми стѣнами?... Онъ узналъ ее по запаху кожи, почти испарившемуся: она служила сѣдельной, прежде чѣмъ они сдали двухъ лошадей въ военную реквизицію. Но почему было такъ темно, несмотря на солнечные лучи, которые проникали чрезъ сквозной трилистникъ двери, растягиваясь кружившимся столбомъ атомовъ? Что дѣлала тамъ Элиза въ подобный моментъ? Не видѣніе ли это? Исчезнетъ ли она, если онъ къ ней прикоснется? Но, нѣтъ, маленькая пылающая ручка схватила его руку, и прекрасные глаза, съ темными отъ утомленія кругами, заблестѣли, а нѣжный голосъ, голосъ его сновидѣнія, сказалъ ему:

— Не двигайтесь, оставайтесь спокойнымъ.

Тогда онъ почувствовалъ тяжесть распухнувшей головы и давленіе, производимое перевязками; его сердце замерло. Вспомнивъ объ ужасной ночи, о пламени и о спасеніи, онъ нашель совершенно естественнымъ, что она была тамъ, но въ то же время онъ не могъ себѣ объяснить, какъ она туда попала; въ его сознаніи было нѣчто— пробѣль, темное отверстие.

Элиза прочитала въ его глазахъ смятеніе и на его безпокойство отвѣтила:

— Вы очень страдаете? Нѣтъ? Какое счастье! Докторъ Вейсъ только-что вышелъ отсюда; вы скоро поправитесь.

И слезы брызнули у Элизы; она пожала ему руку.

— Андрэ, это вы меня спасли!

Онъ вспомнилъ объ инстинктѣ и предчувствіи, которые его побудили выбѣжать на улицу, чтобы поспѣшить ей на помощь; онъ отвѣтилъ:

— Безъ моего отца и безъ честнаго рабочаго я никогда не могъ бы... Мои силы мнѣ измѣнили бы, но я сдѣлалъ бы невозможное, да, невозможное, или умеръ бы, чтобы спасти васъ.

Теперь она, взволнованная, повторила:

— Андрэ, Андрэ, вы сдѣлали чудо; мой отецъ...

Но внезапно чрезъ полуоткрытую дверь показался хорошо знакомый профиль энергичнаго печальнаго лица, съ нафабранными кончиками усовъ и эспаньолкой, которые не имѣли болѣе прежняго гордаго вида. Это былъ Ансбергъ, а позади его стояли г-жа Ансбергъ, съ покраснѣвшими глазами, Герматъ, счастливый, несмотря на крайнюю усталость, и г-жа Герматъ. Ихъ изнуренныя черты лица выражали сильное возбужденіе, вызванное примирені-

емъ и нѣжнымъ примирительнымъ поцѣлуемъ, которымъ они только что обмѣнялись. Г-жа Ансбергъ, опустившись на колѣни возлѣ Андрэ, гладила его лобъ рукою.

— Дорогое дитя, дорогое дитя!... Благодарю!... Благодарю!...

Ансбергъ, стараясь казаться хладнокровнымъ, кусалъ себѣ губы: «къ чему бесполезныя нѣжности»,—думалъ онъ. Но, взявъ руки Андрэ, этотъ сильный человѣкъ былъ охваченъ дрожью и ничего не могъ сказать, такъ какъ онъ снова пережилъ весь ужасъ и жестокое отчаяніе, которые овладѣли имъ, когда онъ, подбѣжавъ къ дому, нашелъ тамъ лишь развалины. Его жена!... его дочь!... неужели мертвыя? Въ суматохѣ и среди этихъ развалинъ не было никого, кто далъ бы ему свѣдѣнія. Онъ вкусилъ всю горечь своего несчастія, а затѣмъ — чувства страха и сомнѣнія. Найдеть ли онъ ихъ живыми въ погребѣ, гдѣ онъ укрылись?... Прижимая ихъ къ груди, онъ разразился рыданіями. А когда онъ узналъ, какой опасности онѣ подвергались, и имена лицъ, вырвавшихъ Элизу изъ рукъ вѣрной смерти, — его гордая душа, деспотическая, но честная, совершенно перевернулась.

Въ немъ поднялись всѣ его сожалѣнія, заглушаемыя ложнымъ стыдомъ, всѣ угрызенія совѣсти за жестокое оскорбленіе своего самаго стараго друга. Безжалостный голосъ—голосъ непризнаваемой имъ истины—безпрестанно повторялъ ему, пробуждая въ немъ убѣжденіе, мучительное для его самолюбія, что Герматъ правъ, сто разъ правъ, а онъ, Ансбергъ, ослѣпленъ, какъ дитя. Терзанія честности, упрекавшей его за ожесточеніе и дикое упрямство, подсказывали ему: «Развѣ уже двадцать разъ онъ не долженъ извиниться предъ Герматомъ и пожать ему руку?» Эти упреки совѣсти, какъ гвозди, пронзали его. Такъ вотъ кому онъ обязанъ тѣмъ, что было для него самымъ дорогимъ въ свѣтѣ,—своей женою и дочерью! Этимъ людямъ, на которыхъ онъ смотрѣлъ за минуту до этого, какъ на враговъ, тѣмъ болѣе ненавидя ихъ, чѣмъ менѣе имѣлъ права, и которыхъ теперь онъ жаждетъ любить и боготворить, подъ страхомъ гнусной неблагодарности.

Но развѣ онъ переставалъ ихъ любить? Кто можетъ сказать, гдѣ отдѣляется любовь отъ ненависти; иногда онѣ такъ запутанно связаны. Какое онъ испытываетъ смущеніе! Спасители Элизы: Герматъ, гостепрѣимство котораго онъ отвергъ, покинувъ его домъ съ тѣмъ, чтобы никогда не возвращаться; Андрэ, которому онъ, конечно, разбилъ сердце; мать, которую онъ выпроводилъ съ такой суровой вѣжливостью, когда она пришла къ нимъ умолять о сынѣ. Въ сущности великодушный и рыцарски вѣжливый, но подъ личиною суровости, Ансбергъ чрезъ нѣсколько минутъ послѣ этого страдалъ, какъ настоящій мученикъ.

Но долгъ, который не стоилъ теперь ничего его гордости, такъ какъ онъ предоставилъ ей исправить несправедливость, заставлялъ

его отправиться въ путь, и тотчасъ же—тѣмъ хуже, если эти ужасныя бомбы все еще разрывались. Предъ нимъ предстала мирная улица, съ выступавшими изъ-за стѣны столѣтними каштановыми деревьями, большая рѣшетка Герматовъ, которую когда-то такъ весело онъ отворялъ каждую первую субботу мѣсяца, ради завтрака Гертруды—рейнской лососины и фаршированной пулярки. И онъ сказалъ:

— Пойдемъ, жена! Пойдемъ, Элиза!

Они пустились въ путь. Пробираясь возлѣ стѣнъ, они принуждены были перелѣзать чрезъ нагроможденные камни, такъ какъ улица Собора представляла собой развалины съ черными рывинами. При видѣ зданія Новаго Храма, представлявшаго гору сажи и угасшихъ головешекъ, когда имъ пришлось попить мельчайшей пепель рукописей и книгъ, ихъ сердца жестоко сжались. На площадѣ Собора они почувствовали, что вѣки ихъ распухли отъ слезъ. Какое мрачное зрѣлище! Паперть была завалена остатками лопнувшихъ колоннокъ и обезглавленныхъ статуэтокъ. Въ щели сводовъ виднѣлось синее небо; внутри храма плиты обратились въ груды обломковъ; органъ полувисѣлъ, а окна открывались въ пустое пространство. Это общественное несчастье вмѣстѣ съ ихъ личной бѣдой возбуждало печаль Герматовъ и воодушевляло ихъ глубокимъ состраданіемъ къ городу и ко всѣмъ тѣмъ, кто страдалъ. Два дня назадъ они также обладали счастливымъ маленькимъ хозяйствомъ, имѣли свой уголокъ—сладость и силу привычки. Ничего болѣе не существовало, ни рабочаго кабинета Ансберга, ни его коллекціи ружей, которою онъ гордился, какъ хорошій охотникъ, ни семейной гостиной съ піанино и рѣзнымъ шкафомъ—любимымъ уголкомъ Андрэ, ни бѣлой комнаты Элизы, ни ея узкой кровати, ни тысячи бездѣлушекъ, которыя она такъ любила,—ничего болѣе не осталось. Теперь они, богачи, возбуждавшіе общую зависть, остались на улицѣ, совсѣмъ, какъ тѣ несчастные, которые блуждали по набережной, а также, свернувшись клубкомъ, лежали подъ сводами дверей, или выкапывали себѣ логовище въ насыпи валовъ. Впечатлѣніе было настолько тягостное, что Ансбергъ еще сильнѣе почувствовалъ холодъ одиночества и униженія, вслѣдствіе народной неудачи, и поторопился скорѣе прижать къ своей груди дружеское сердце...

— Герматъ!

— Ансбергъ!

Какія объятія! Какая глубокая радость въ этой вновь завоеванной дружбѣ, еще болѣе дорогой и драгоценной, чѣмъ прежняя,—какое рѣдкое и благородное благо, котораго они едва не потеряли! Но вмѣстѣ съ тѣмъ сколько горя!...

Герматы приняли ихъ въ своей новой квартирѣ изъ трехъ комнатъ подъ насыпью террасы: сарая, гдѣ Герматъ, когда у него была

свободная минута, спалъ возлѣ раненаго капитана и дяди Ансельма, сѣдельной, предназначенной для г-жи Герматъ, Андрэ и Карла, и конюшни, гдѣ помѣстились Гертруда и двѣ служанки. На ихъ губахъ пробѣжала улыбка, когда онѣ увидѣли Ансберговъ, вошедшихъ въ ихъ комнату. Подумать было грустно, что такіе честные люди разсорились изъ-за политики; навѣрно это исцѣлитъ Андрэ лучше, чѣмъ перевязка ранъ съ восковымъ спускомъ доктора Вейса. А сколько воспоминаній у Гертруды, сколько подобныхъ посѣщеній въ болѣе счастливыя времена, на другой сторонѣ лужайки, усѣянной вѣтками,—въ старомъ домѣ, гдѣ каждая вещь уже въ продолженіе столькихъ лѣтъ стояла на своемъ мѣстѣ, гдѣ мебель современемъ сдѣлалась какъ бы живую, гдѣ все носило отпечатокъ семейныхъ традицій и прочнаго комфорта!

Тогда Герматъ сказалъ:

— Послушайте, Ансбергъ, не будетъ сказано, что въ будущую субботу, нашу субботу, мы не разломимъ вмѣстѣ хлѣба. Скажите, что вы придете, какъ въ прежнее время, если съ нами не случится несчастія. Не имѣя возможности соединиться въ радости, мы соединимся въ покорности судьбѣ и надеждѣ.

Сильно взволнованный Ансбергъ принялъ приглашеніе, но Гертруда воскликнула:

— Вы очень печально позавтракаете, г. Ансбергъ! Куда дѣвалось то время, когда у насъ было всего много—рыбы, свѣжихъ овощей и хорошаго масла? Мясо-то еще ѣдятъ! Съ вашего позволенія, развѣ они не сдѣлали изъ моей прекрасной кухни свиного хлѣва!

— Это правда!—сказалъ Герматъ.—Теперь пойдите взглянуть на наше разореніе.

Когда Герматъ узналъ, что его друзья все потеряли во время пожара, онъ предложилъ имъ раздѣлить гостепріимство своего ненадежнаго крова. Но Ансбергъ отказался, такъ какъ, по его словамъ, имъ совсѣмъ не было плохо въ ихъ погребѣ.—Совсѣмъ не худо, увѣряю васъ!—утверждалъ онъ. На его отказъ Герматъ заставилъ его принять все необходимое: бѣлье, одежду, одѣяла. Какъ было отказать въ томъ, что предлагали отъ чистаго сердца? Единственнымъ утѣшеніемъ, которое Герматъ могъ имъ предложить, была деликатная мысль—показать свой домъ въ томъ видѣ, какъ его повредила бомбардировка. Это была меланхолическая гордость, обнаруживавшая тождественность ихъ страданій.

Двѣ гранаты упали на него: одна—въ ночь, когда горѣла бібліотека, другая—тоже ночью, во время пожара собора, каждая въ свою очередь уничтожила мебель, паркетъ и стѣны. Въ кухнѣ добавочнымъ окномъ служила зіяющая трещина; силою взрыва были сорваны кастрюли и лахани съ одной части стѣны. Безформенные остатки валялись въ каменистомъ пескѣ, большой очагъ былъ раз-

ворочень, кухонная фарфоровая посуда была разбита вдребезги. Гипсовые украшенія столовой сохранили весь блескъ инкрустаціи изъ осколковъ бомбъ, чудомъ уцѣлѣли китайскія фарфоровыя тарелки, тогда какъ зеркала и стекла были превращены въ порошокъ.

На лѣстницѣ, ведущей въ подвалъ, появилось чрезвычайно блѣдное лицо Стумпфа. Онъ жилъ съ женою и ребенкомъ подъ землею, въ подвалѣ, который ему казался болѣе надежнымъ, хотя тамъ было страшно сыро. Герматъ приютилъ у себя также нѣсколько рабочихъ со своей прежней фабрики, оставшихся безъ крова и хлѣба. Они расположились лагеремъ въ этомъ мракѣ, помѣстившись кое-какъ на соломенныхъ тюфякахъ и на мебели, уцѣлѣвшей отъ разрушенія. Лина Стумпфъ спала на канале, самъ Стумпфъ надѣлъ на себя мѣховую шубу двоюроднаго брата, несмотря на жаркій конецъ августа, онъ стоналъ съ утра до вечера, предсказывая смерть при каждомъ выстрѣлѣ. Присутствіе Ансберга его изумило, но догадавшись, что ликерный погребецъ, складывавшійся, какъ ширма, и блестящій своими вычурными графинчиками, съ надписью на горлышкахъ, былъ еще не тронутъ, Стумпфъ завладѣлъ имъ и взялъ его внизъ, чтобы, какъ онъ увѣрялъ, сохранить въ цѣлости. Въ комнатѣ Гермата прошелъ ураганъ: туда попала вторая граната. Стекланный шкафъ обратился въ кусочки, доскутки бѣлья были разбросаны, большая кровать сломана, обои висѣли. Вся интимность обстановки была такимъ образомъ разорена, столько привычекъ, бесѣды съ глазу на глазъ, вещи, сохранявшія отпечатокъ человѣческаго существа, постель, на которой Герматы спали бокъ-о-бокъ, — все это грубо разбито, осквернено, и было больно смотрѣть на это разрушеніе. Ансбергъ, у котораго нервно подергивались углы губъ и дрожали усы, сказалъ Гермату:

— Мой бѣдный другъ, какъ вы были правы! Имперія, на которую я такъ полагался, которая была моею вѣрой и гордостью, даже не подумала насъ защищать. Ахъ, мои иллюзіи!.. Вѣрите ли вы въ слухи о побѣдѣ? Я—нѣтъ! Все рухнуло, все пропало! Какъ вспомнишь о ротозѣяхъ, которые бѣжали третьяго дня къ Аустерлицкимъ воротамъ на встрѣчу тридцати-тысячнаго отряда съ музыкой во главѣ, то повторяю: это вранье, вранье, какъ и все остальное!..

Въ этомъ признаніи было столько горя, такая сумятица въ дорогихъ ему идеяхъ, что Герматъ хранилъ молчаніе. Сначала объятія Ансберга принесли ему громадное облегченіе: съ его сердца какъ будто свалилось сто фунтовъ, теперь глухая печаль друга возбудила въ немъ мысль: почему все это произошло? Примутся ли снова и долговѣчны ли будутъ корни ихъ порванной и вновь воскресшей дружбы? Возродится ли вполнѣ ихъ довѣріе. и не зная

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

поступило въ продажу

НОВОЕ СОЧИНЕНІЕ Н. К. Шильдера

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОЧЕРКЪ ЕГО ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Одинъ томъ, большого формата, около 50 печатныхъ листовъ, съ портретами, видами, планами и автографами.

Цѣна 15 рублей.

Историческіе очерки и рассказы

С. Н. Шубинскаго.

Содержаніе: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году.—Вѣнценосный хирургъ.—Петръ Великій въ Дефтфордѣ.—Императорскій титулъ.—Первые балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карликовъ.—Московскій маскарадъ 1722 года.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ.—Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Иоанновны.—Березовскіе ссыльные.—Дочь Бирона.—Убійство Синклера.—Холмогорская старина.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.—Русскій чудакъ XVIII столѣтія.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Столѣтіе кончины князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Кирьянова дача княгини Дашковой.—Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году.—Пѣвица Габріэли.—Подпоручикъ Федосѣевъ.—Семейное преданіе.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Мнимое завѣщаніе Петра Великаго.—Кладбищенская литература. Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ этой книгѣ.

Изданіе третье, дополненное и исправленное. Съ 52 портретами и иллюстраціями.

Цѣна 3 рубля.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА.

Сочиненіе Николая ЭНГЕЛЬГАРДТА.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX СТОЛѢТІЯ.

Томъ первый (1800—1850). Критика, романъ, поэзія и драма. Съ приложеніемъ: синхронистической таблицы, хронологическаго указателя писателей и полной библиографіи. **Краткое содержаніе:** Предисловіе. Гл. I. **Начало вѣка** (1800—1810). Дней Александровыхъ счастливое начало.—Радищевъ.—Борьба «шишковистовъ» съ «карамзинистами».—Проза начала вѣка.—Развитіе «легкой поэзіи».—Новое и старое на русской сценѣ.—Озеровъ.—Шаховскій.—Гл. II. **Десятые годы** (1810—1820). Значеніе 1812 г. для литературы.—Мерзляковъ и его критическая дѣятельность.—«Домъ сумасшедшихъ».—«Исторія Государства Россійскаго».—Творчество Жуковского и Батюшкова.—Кн. Вяземскій и др.—«Лицейскія стихотворенія» А. С. Пушкина.—Комедіи Хмельницкаго и Загоскина.—Гл. III. **Двадцатые годы** (1820—1830). Очеркъ исторіи европейскаго классицизма и романтизма.—Эпоха «совершеннаго переворота» въ русской литературѣ.—Первые шеллингианцы.—«Мнемозина» и «Телеграфъ».—Романы Нарѣжнаго.—«Иванъ Выжигинъ».—«Юрій Милославскій».—Расцвѣтъ поэзіи Пушкина.—Переводъ «Илиады» Гомера.—Языковъ, Баратынскій, Рылѣевъ и др.—«Горе отъ ума».—Гл. IV. **Тридцатые годы** (1830—1840). «Холерный» годъ литературы.—«Телеской».—«Библіотека для Чтенія».—«Литературныя мечтанія».—Кружокъ Станкевича и Бѣлинскаго.—«Европеецъ».—«Философическія письма» Чаадаева.—Проза Пушкина.—«Повѣсти Бѣлкина».—«Повѣсти Гоголя».—Лермонтовъ, Кольцовъ, Полежаевъ и др.—«Борисъ Годуновъ».—«Ревизоръ».—«Маскарадъ».—Гл. V. **Сороковые годы** (1840—1850).—Славянофилы и западники.—«Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями».—Письмо Бѣлинскаго.—Романы Кукольника.—«Герой нашего времени».—«Мертвыя души».—«Бѣдные люди».—«Кто виноватъ?»—Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ и др.—Майковъ, Полонскій и Фетъ.—Некрасовъ.—Шевченко.—Островскій.

Убористый томъ. Стр. XII+608. Цѣна 2 рубля.

Второй томъ (1850—1900) готовится къ печати.

Доволено цензурою 27 марта 1902 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. С. Суворина. Эргелевъ пер., 13.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

МАЙ, 1902

СОДЕРЖАНИЕ.

МАЙ, 1902 г.

	СТРАН.
I. Веселья похороны. (Повѣсть). IX—XVII. (Продолженіе). А. В. Круглова	399
II. Воспоминанія М. А. Паткуль . Гл. VIII—IX. (Продолженіе) . . .	436
III. Четыре «мученика». Н. Н. Щербины	454
IV. Еврейскій погромъ въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1884 г. (Эпизодъ изъ первыхъ лѣтъ губернаторства Н. М. Баранова). П. Л. Юдина	486
V. Что можно сказать въ настоящее время о личности Лжедмитрія. Профессора В. И. Голубовскаго	502
VI. Женщины въ пересыльной тюрьмѣ. (Психологическіе этюды). О. В. фонъ-Кубе	529
VII. Воспоминанія о Н. С. Льсковѣ . А. И. Фаресова	551
VIII. Воспоминанія о Ф. Д. Нефедовѣ . С. И. Васюкова	584
IX. Императоръ Александръ I въ Новгородѣ въ 1814 году. Сообщилъ князь Н. Н. Багратионъ	593
X. В. К. Кюхельбекеръ и А. С. Грибоѣдовъ . А. В. Безроднаго . . .	596
XI. На могилѣ Богдыхана. (Изъ пребыванія въ Манчжуріи). А. К—овой Иллюстраціи: 1) Входная бѣлая мраморная арка. — 2) Священная площадь и навальонъ Долголѣтя. — 3) Входъ во внутреннюю ограду. — 4) Усыпальница души богдыхана. — 5) Курганъ надъ императорскою могилою.	601
XII. Поездка въ городъ Джедду. Д. Ф. Соколова	616
Иллюстраціи: 1) Паломники на пароходѣ. — 2) Городъ Джеда. — 3) Русское и французское консульства въ Джеддѣ. — 4) Улица въ Джеддѣ. — 5) Купецъ-арабъ. — 6) Водоносъ. — 7) Продавецъ сына. — 8) Паломническіе дома въ Джеддѣ. — 9) Гражданская больница въ Джеддѣ. — 10) Карантинъ на островѣ Абу-Саадъ.	
XIII. Изъ жизни Дальняго Востока. В. Д. Черевкова	650
XIV. Николай Карловичъ Шильдеръ. (Некрологъ)	659
Иллюстрація: Николай Карловичъ Шильдеръ.	
XV. Глѣбъ Ивановичъ Успенскій. (Опытъ характеристики). В. Б. Глинскаго	665
Иллюстрація: Глѣбъ Ивановичъ Успенскій.	
XVI. Полувѣковая научная работа. А. К. Бороздина	700
XVII. Критика и библиографія	713

1) А. Папковъ. Церковно-общественные вопросы въ эпоху Царя-Освободителя (1855—1870 гг.). Спб. 1902. — 2) Н. Н. Оглобинъ. Обзорные столбцы и книги Сибирскаго приказа (1592—1568). Часть четвертая. Документы центрального управления. Съ предметнымъ указателемъ къ I—IV частямъ. М. 1901. **В. Р—ва**. — 3) Профессоръ Евгенийъ Бобровъ. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Томъ III. Казань. 1902. **М. Н.** — 4) Луи де Сентъ-Обень. Тридцать девять портретовъ 1808—1815 г. Фототипическія воспроизведенія съ биографическими очерками. Изданіе великаго князя Николая Михайловича. Спб. 1902. **С. Ш.** — 5) Сочиненія императрицы Екатерины на основаніи подлинныхъ рукописей съ объяснительными примѣчаніями академика А. Н. Пынина. Изданіе императорской академіи наукъ. Томы VII—X. Спб. 1901. **Щ.** — 6) М. Бороздинъ. Славянофильство Тютчева и Герцена. (Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества 11 мая 1901 года). Спб. 1902. **п. Щ.** — 7) Библіотека

См. слѣд. стр.

по отечествовѣдѣнію, подъ редакціей М. Н. Мазаева. Русскіе кустари. Научно-популярный очеркъ И. М. Иванова. Изданіе типографіи И. Гольдберга. Спб. 1902. А. Бв.—8) Русское дѣло въ Сѣверо-Западныхъ краѣхъ. Матеріалы для исторіи Виленскаго учебнаго округа преимущественно въ Муравьевскую эпоху. И. Корнилова. Спб. 1901. с.—10) Германъ Вейнгартенъ. Народная реформація въ Англіи XVII вѣка. Москва. 1901. п. А—ча.—11) Художественныя сокровища Россіи. Ежемѣсячный сборникъ, издаваемый императорскимъ обществомъ поощренія художествъ. Выпускъ второй. Спб. 1902. С. Ш.—12) Архивъ князя О. А. Куракина. Книга девятая. Астрахань. 1902. А. Бв.—13) Э. Лангъ. Мифологія. Москва. Изданіе В. Линдъ. 1902. п. А—ча.—14) Морской кадетскій корпусъ. Краткій историческій очеркъ, съ иллюстраціями. Составилъ генераль-майоръ А. Кротковъ. Спб. 1902. С. Ш.—15) Я. Подферовъ. По Сибирской дорогѣ. (Путевые очерки). Отъ Уфы до Орѣнска. Спб. 1902. А. До—ичь.—16) Г. Тардъ. Соціальныя этюды. Переводъ Г. Гольденберга. Спб. 1902. В. И.—17) Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII. Zbiór materyałow do historyi stosunków polsko-rossyjskich za Zygmunta III. Wydadł Aleksander Hirschberg. We Lwowie. Nakładem zakładu n. im. Ossolińskich. 1901.—(Польша и Москва въ первой половинѣ XVII вѣка. Собраніе матеріаловъ для исторіи польско-русскихъ отношеній при Сигизмундѣ III. Издалъ Александръ Гиршбергъ. Львовъ. Издвненіемъ національнаго учрежденія имени Оссолинскихъ. 1901). Г. А. Воробьева.—18) Н. Г. Вороновъ. Элементы исторіи. Москва. 1901. в. И.—19) Г. Г. Змигродскій. Памяти В. А. Жуковскаго. (По поводу пятидесятилѣтія со дня кончины В. А. Жуковскаго. 1852 г.—12-го апрѣля—1902 г.). Юрьевъ. 1902. Д. З—нина.—20) Лѣтопись историко-филологическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. IX. Византійско-славянское отдѣленіе (бывшее византійское). VI. Одесса. 1901. 2.—21) Православная богословская энциклопедія. Изданіе подъ редакціей проф. А. П. Лопухина. Т. I (А—Архелая), т. II (Археологія-Бюхверъ). (Петроградъ. 1900—1902). Б. Городецкаго.—22) В. К. Гульдманъ. Памятники старины въ Подольи. Каменецъ-Подольскъ. 1901. В. Р—ва.

XVIII. Заграничныя историческія новости и мелочи 751

1) Открытіе мѣстоорожденія Будды и одной изъ гробницъ, заключающей въ себѣ его прахъ.—2) Племянница Людовика XIII.—3) Мирабо и Софія Моннье.—4) Умерла ли отъ отравы Марія-Луиза?—5) Былъ ли маршалъ Ней въ Америкѣ?—6) Германскія писательницы.—7) Воспоминанія французской актрисы Реа о смерти императора Александра II.—8) Смерть бывшаго испанскаго короля донъ-Франциска и Сесіля Родса.—9) Встрѣча императора Александра I въ Варшавѣ въ 1815 году.

XIX. Смѣсь 780

1) Присужденіе премій за проектъ памятника первопечатнику.—2) Двадцатилѣтній юбилей Харьковскаго историко-филологическаго общества.—3) Археологическое общество въ С.-Петербургѣ.—4) Археологическій институтъ.—5) Археологическое общество въ Москвѣ.—6) Къ XII археологическому сѣзду въ г. Харьковѣ.—7) Древній могильникъ.—8) Домъ Петра Великаго въ Ригѣ.—9) Общество любителей древней письменности.—10) Библиологическое общество.—11) Объ упрощеніи русскаго правописанія.—12) Архивные матеріалы о Грибоѣдовѣ.—13) Программа для собранія народныхъ пѣсень.—14) Русское общество дѣателей печатнаго дѣла.—15) Географическое общество.—16) Общество любителей естествознанія.

XX. Некрологи 801

1) Аленьевъ, Е. Ф.—2) Баньковскій, А. К.—3) Воронецкій, А. М.—4) Ериновъ, А. Д.—5) Иосифъ.—6) Казаискій, Н. П.—7) Лазаревскій, А. М.—8) Модестъ.—9) Муравьевъ, А. В.—10) Острогорскій, В. П.—11) Петръ.—12) Разпѣтовъ, А. П.—13) Рицони, А. А.—14) Розень, Ф. Ф.—15) Сандрыгайо, П. Я.—16) Сергій.—17) Скворцовъ, Н. В.—18) Стурартъ, Д. Ф.—19) Чумиковъ, А. А.—20) Якоби, Н. В.

XXI. Замѣтки и поправки 814

XXII. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Николая Семеновича Лѣскова.—2) Осада Страсбурга. (Graves gens. Strassbourg). Историческая повѣсть. Изъ временъ франко-германской войны. Поля и Виктор Маргѣритъ. Переводъ съ французскаго. Продолженіе. Главы VIII и IX.

ВЕСЕЛЫЯ ПОХОРОНЫ ¹⁾.

(Повѣсть).

IX.

ВЕРНУВШИСЬ домой, Крестовоздвиженскій былъ пораженъ, какъ громомъ, извѣстiемъ о скоромъ отъѣздѣ Сони. Это извѣстiе, сообщенное ему хозяйкой, было такъ неожиданно, что молодой человѣкъ растерялся и не могъ скрыть охватившаго его волненiя.

— Какъ уѣзжаетъ? Зачѣмъ?—произнесъ онъ упавшимъ голосомъ, глядя на Пушкову, съ которой встрѣтился въ сѣняхъ.

— Мать вызываетъ. Она изъ Самары переѣзжаетъ въ Петербургъ, тамъ ей предложили новое мѣсто.

— Въ Петербургъ? — повторилъ Крестовоздвиженскій, и у него отлегло на сердцѣ.

— Да, хорошее новое мѣсто предложили ей, — отвѣтила Пушкова.

Семинаристъ не слушалъ уже, что говорила хозяйка. Онъ думалъ совсѣмъ о другомъ. При первомъ извѣстiи объ отъѣздѣ Сони, онъ сейчасъ же рѣшилъ, что Соню вызываютъ потому, что кто-то посватался. Дальнѣйшiя разъясненiя его успокоили; переѣздъ Сони въ Петербургъ, куда долженъ былъ отправиться осенью и онъ самъ, его даже обрадовалъ.

¹⁾ Продолженiе. См. «Историческiй Вѣстникъ», т. LXXXVIII, стр. 5.

«Истор. вѣстн.», май, 1902 г., т. LXXXVIII.

Марья Ивановна замѣтила, что слова ея поразили жильца, и въ эту минуту она поняла, что чувство Крестовоздвиженскаго къ Сонѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ думали они съ мужемъ.

— Что же это мы стоимъ въ сѣняхъ? Приходите, Яковъ Аванасьевичъ,—сказала Пушкина.

— Да это очень хорошо,—произнесъ Крестовоздвиженскій вслухъ.

— Что хорошо?—спросила Пушкина.

— Что мать Софьи Львовны переѣзжаетъ въ Петербургъ,—отвѣтилъ жилецъ.

— Для кого хорошо?

«Что это онъ такое говоритъ?» — подумала невольно Пушкина, задавая вопросъ жильцу.

— Для васъ, я думаю, это все равно, въ Самарѣ или въ Петербургѣ будетъ жить Соня и ея мать,—добавила Пушкина.

Она пристально поглядѣла на него.

— Вообще хорошо,—проговорилъ Крестовоздвиженскій, отворяя дверь въ комнату.

Пушкина пожала плечами и подумала: «онъ, кажется, уже заговаривается».

Яковъ Аванасьевичъ рѣшилъ непремѣнно сегодня же объясниться съ Соней.

Когда онъ явился на урокъ и встрѣтилъ въ столовой Соню, онъ сразу замѣтилъ въ ней перемену. Дѣвушка была грустна, мало разговорчива и ни разу не улыбнулась. Онъ перетолковалъ грусть Сони въ свою пользу, и это придало ему бодрости. Во время урока онъ, незамѣтно отъ мальчика, написалъ на клочкѣ бумаги записку Сонѣ, прося ее выйти въ садъ около девяти часовъ вечера. «Мнѣ надо сообщить вамъ очень важное», закончилъ онъ записку. «Лично гораздо лучше», перерѣшилъ онъ сегодня. Уходя съ урока, онъ воспользовался минутнымъ отсутствіемъ хозяйки и передалъ Сонѣ записку.

Еще задолго до назначеннаго срока Крестовоздвиженскій былъ уже въ саду.

Деревья съ шумомъ качались отъ сильнаго вѣтра, на горизонтѣ скоплялись темныя тучи; въ отдаленіи глухо гремѣлъ громъ. Яковъ Аванасьевичъ ходилъ по прямой аллеѣ, прислушиваясь къ шуму деревьевъ, и тяжелое предчувствіе щемило его сердце. Онъ ждалъ Соню, чтобы объяснить ей въ любви, сообщить весь свой планъ; онъ почти не сомнѣвался въ чувствѣ дѣвушки, хотя и боялся, что она не придетъ, потому что ей помѣшаетъ тетка. Въ то же время что-то давило его сердце, словно онъ навсегда прощался съ тѣми мечтами, которыми долго жилъ и которыми были свѣтлы всѣ послѣдніе дни. Онъ ходилъ по аллеѣ понуренный и задумчивый. Въ рѣшительную минуту силы его оставляли.

— Что съ вами, Яковъ Аванасьевичъ?—промолвила Соня, слышно подойдя къ нему.

Въ ея вопросѣ было столько теплаго участія, что сердце молодого человѣка затрепетало отъ радости.

— Я думалъ, что вы уже не придете,—вырвалось у него.

— Напрасно думали. Вотъ видите, я пришла, — отвѣтила дѣвушка взволнованнымъ голосомъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ Крестовоздвиженскій.—Я думалъ, что вы обидѣлись...

— Зачѣмъ вы это говорите?—перебила Соня:—я очень цѣню ваше вниманіе ко мнѣ. Я никогда не забуду этихъ дней... Такъ хорошо было... Мнѣ очень грустно уѣзжать, Яковъ Аванасьевичъ. Я бы такъ охотно еще пожила здѣсь, но мама зоветъ неотложно.

Онъ глядѣлъ на нее въ нѣмомъ восторгѣ и чувствовалъ, что лучше, милѣе ея нѣтъ никого.

— Зачѣмъ вы звали меня, что вы хотѣли сказать?—напомнила ему Соня.

— Софья Львовна!—заговорилъ онъ, безсильный побѣдить волненіе, которое передалось голосу:—я, право, не знаю, какъ и выразить то, что со мной происходитъ... Какъ только я васъ увидѣлъ, я словно новую жизнь узналъ... Вы мнѣ стали родная... И вотъ вы уѣзжаете. Сначала, можетъ быть, станете вспоминать, а потомъ забудете... Въ столицѣ развлеченій много... или ктонибудь...

У него точно что-то застряло въ горлѣ, и онъ не могъ продолжать далѣе.

— Зачѣмъ вы это говорите?—опять промолвила Соня.

— А затѣмъ, Софья Львовна, затѣмъ...

Онъ снова остановился и вдругъ, какъ бы подталкиваемый невидимой силой, заговорилъ быстро, словно хотѣлъ высказать скорѣе все, что такъ долго копилось въ душѣ:

— Не выходите замужъ, Софья Львовна! Положимъ, я семинаристъ, человѣкъ незамѣчательный, можетъ быть, смѣшной... Но я люблю васъ... Вы мнѣ жизни дороже, Софья Львовна... Я не пойду въ поны, я поѣду въ Петербургъ, поступлю въ медицинскую академію. Мы будемъ встрѣчаться... А когда я кончу, буду докторомъ... согласитесь ли быть моей женой?

Лицо дѣвушки сдѣлалось серіозно.

— Яковъ Аванасьевичъ,—проговорила Соня:—я вѣрю вашему чувству, я также... полюбила васъ (ея щеки при послѣднихъ словахъ покрылись яркимъ румянцемъ), я буду очень счастлива, если ваши мечты сбудутся, но...

— Но вы отказываете мнѣ? Вы боитесь дать слово?—со стономъ вырвалось у молодого человѣка.

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, Яковъ Аванасьевичъ, — сказала дѣвушка, и нѣжность зазвучала въ ея голосѣ:—ничего я не боюсь. Чего же мнѣ бояться, если я уже сказала, что тоже полюбила васъ?

Но это такъ далеко. Я слышала отъ тети о вашихъ родителяхъ... Приѣзжайте въ Петербургъ, я буду ждать васъ, а тамъ...

— Нѣтъ, Софья Львовна!—воскликнулъ Крестовоздвиженскій:— ради Бога, дайте слово, не лишайте меня увѣренности!

Дѣвушка посмотрѣла на него и промолвила:

— Если такъ нужно вамъ, если это дастъ вамъ силу для будущаго, извольте: я даю вамъ слово.

— Нѣтъ, скажите мнѣ, что вы любите, что вы будете моею,— продолжалъ Крестовоздвиженскій, какъ бы не довольствуясь сказаннымъ, но желая слышать прямой отвѣтъ на свой вопросъ.

— Да, я люблю васъ и согласна быть вашей женою, — отвѣтила уже твердо дѣвушка.

— Соня!—невольно вырвалось у него.

Онъ взялъ руку дѣвушки, хотѣлъ поцѣловать, но только крѣпко пожалъ ее.

Соня нѣжно глядѣла на него и, тихо высвободивъ свою руку, сказала:

— Кончайте, Яковъ Аванасьевичъ, побѣждайте всѣ препятствія и знайте, что я буду ждать васъ и молиться за васъ.

У него на глазахъ навернулись слезы.

Она улыбнулась невольно и промолвила:

— Зачѣмъ же слезы? А еще борець!

Она, видимо, этимъ шутивнымъ замѣчаніемъ хотѣла ободрить его и вернуть ему веселость.

— Я счастливъ, счастливъ, Софья Львовна!—проговорилъ онъ.— Теперь я на все готовъ. Я сегодня же напишу письмо отцу, и если онъ не согласится, я такъ уѣду въ Петербургъ... Пусть!

Онъ не кончилъ и махнулъ рукою.

— Постарайтесь убѣдить отца, — сказала Соня: — лучше безъ разрыва и ссоры.

— Я буду просить, буду, но если...

— Будемъ надѣяться, Яковъ Аванасьевичъ,—проговорила дѣвушка. — Однако, пора. Меня можетъ хватиться тетя. Я и такъ едва вырвалась.

Она протянула ему руку. Онъ опять хотѣлъ поцѣловать ее и снова не рѣшился. Соня быстрыми шагами пошла домой.

Х.

Крестовоздвиженскій остался въ саду. Онъ былъ охваченъ неизъяснимымъ блаженствомъ, рѣшимостью бороться за свое счастье и страхомъ за него. Всѣ эти разнородныя чувства волновали его и держали въ радостной тревогѣ. Все-таки мысль, что «Соня его любитъ», брала верхъ надъ всѣми другими. Съ открытой головою, охотно подставляя лицо свѣжему вѣтру, ходилъ Крестовоздвижен-

скій крупными шагами по аллеѣ, не замѣчая нѣкоторое время, что уже сталъ накрапывать мелкій дождикъ. Но вотъ деревья зашумѣли сильнѣе, раздался рѣзкій раскатъ грома, и начали падать крупныя капли дождя, съ каждымъ мгновеніемъ все учащаясь. Крестовоздвиженскій очнулся отъ своихъ грезъ, посмотрѣлъ во-кругъ и отправился домой.

Онъ рѣшилъ сейчасъ же написать отцу письмо, чтобы завтра его отправить съ кѣмъ нибудь изъ домкинцевъ, пріѣхавшихъ на рынокъ.

Яковъ Аванасьевичъ досталъ изъ стола бумагу и началъ набрасывать черныя; прочитавъ написанное, онъ остался недоволенъ и изорвалъ.

— Это никуда не годится!—произнесъ онъ вслухъ и сталъ писать снова. Но и новый черныкъ не удовлетворилъ его. Вышло не то, что онъ хотѣлъ. Мозгъ отказывался работать, утомленный отъ долгаго напряженія и волненія. Мысли путались, безпорядочно ложились на бумагу.

Крестовоздвиженскій подошелъ къ окну и раскрылъ его. Гроза стихла; въ саду только изрѣдка падали еще капли дождя. Тянуло пріятной сыростью; ароматный, очищенный воздухъ скоро освѣжилъ молодого человѣка, и онъ началъ успокаиваться. Мысль крѣпла, принимала стройное теченіе, развивалась правильно и ясно.

Наступило то спокойствіе, которое не лишаетъ человѣка энергіи, но, усиливая эту энергію, даетъ ей возможность проявиться цѣльно и не обращаетъ ея въ какую-то торопливую бурную стремительность.

Крестовоздвиженскій закрылъ окно и снова принялся писать письмо. На этотъ разъ онъ остался доволенъ тѣмъ, что у него вышло. Прочитавъ черныкъ дважды, онъ принялся переписывать его на листъ почтовой бумаги. Подписавъ фамилію, онъ еще перечиталъ письмо и запечаталъ въ толстый сѣрый конвертъ. Письмо было слѣдующаго содержанія:

«Дражайшіе родители!

«Вы, по всей вѣроятности, не ждете отъ меня письма, ожидая въ скорости меня самого. Но я имѣю вамъ сообщить очень важное, и потому пишу теперь же, до отбытія изъ города. Экзамены мои идутъ отлично. Но дѣло не въ нихъ. Батюшка! Я боюсь вамъ сказать то, что у меня на душѣ. Матушка! Походатайствуйте вы за меня. Вы удивлены и думаете: что такое? А вотъ что: я надумалъ поступить въ медико-хирургическую академію, изъ которой вышло немало свѣтилъ науки и достойныхъ сыновъ отечества. Я не хочу ѣхать въ духовную академію, если мнѣ и предложатъ, и не могу принять санъ іерея. Я не чувствую призванія къ священству и боюсь взять на себя великую отвѣтственность, не обла-

дая силами для прохожденія должности іерея и наклонностями, необходимыми для этого. Конечно, мое желаніе не можетъ осуществиться безъ вашего согласія, но умоляю васъ Господомъ Богомъ не отказать мнѣ въ вашемъ соизволеніи на мое поступленіе въ медико-хирургическую академію. Все отъ васъ зависитъ. Трепещу при мысли, что вы не раздѣляете моихъ взглядовъ и поколеблетесь дать согласіе. Не гнѣвайтесь, дорогой батюшка. Не огорчить хочу васъ, котораго такъ глубоко люблю и высоко почитаю. Молю васъ, не лишайте меня счастья, сжальтесь надъ вашимъ сыномъ, дайте ему ваше родительское благословеніе. Вы спросите: какая причина такой внезапной переменѣны мыслей? Милая маменька, и вамъ будетъ горько мое письмо, но вѣрьте, у меня есть важныя основанія. Я не могу ихъ пока изложить. Но когда я потомъ все изложу, вы поймете меня и согласитесь со мной. Не на худое дѣло прошу я вашего и батюшкинаго благословенія. Я буду честно служить на врачебномъ поприщѣ, пребуду вѣрнымъ сыномъ отечества и православной церкви. О, я охотно послужилъ бы ей въ санѣ іерея, если бы чувствовалъ, что могу быть достойнымъ служителемъ алтаря. Но у меня нѣтъ призванія, а быть плохимъ пастыремъ—какъ я дерзну на это! Батюшка! Вы, достойный іерей, по сердечному влеченію принявшій санъ, вы, истинный добрый пастырь, лучше меня знаете, конечно, что священство—не ремесло, а нѣкій подвигъ. Но я не призванъ къ этому подвигу и не имѣю силъ для него. Не губите меня. Умоляю васъ, батюшка, и васъ, маменька, сжальтесь надо мною. Согласитесь и позвольте мнѣ отказать отъ духовной академіи, если предложитъ семинарское начальство, и отправиться въ медицинскую академію. Я могъ бы до своего возвращенія въ деревню отложить сіе объясненіе, но потому и пишу теперь, что прошу разрѣшенія отказать отъ духовной академіи, ибо навѣрное это мнѣ будетъ предложено. Кромѣ того, если вы дадите согласіе, я останусь здѣсь на нѣкоторое время и затѣмъ отправлюсь ранѣе въ Петербургъ, чтобы тамъ заблаговременно устроиться. Вы знаете, что тамъ живетъ сынъ о. Ксенофонта изъ Дубенскаго. Онъ теперь при академіи ординаторомъ, и я имѣю причины надѣяться, что онъ, какъ родственникъ моего пріятели Псалмопѣвцева, пріютитъ меня на время и окажетъ всевозможное содѣйствіе къ поступленію.

«За симъ остаюсь въ ожиданіи вашего благословенія и увѣренный въ вашей добротѣ,

«сынъ вашъ, воспитанникъ богословскаго класса,
«Яковъ Крестовоздвиженскій».

Ложась спать, Яковъ Аванасьевичъ положилъ письмо въ столъ и заперъ на ключъ.

«Ну, а если отецъ не согласится, что тогда?»—явился вопросъ у Крестовоздвиженскаго, когда онъ раздѣвался. И онъ отвѣтилъ самъ себѣ: «Не покорюсь! Я скажу отцу: Богъ вамъ судья! я безъ вашей помощи проложу себѣ дорогу. Конечно, старикъ огорчится, и мать тоже,—да что же дѣлать. Зато Соня будетъ уважать меня за силу характера, Ахъ, Соня, Соня!»

Его мысли опять вернулись къ дѣвушкамъ. На другой день, отправляясь въ семинарію, Крестовоздвиженскій зашелъ на рынокъ, расположенный на большой площади, вблизи церкви Казанской Божіей Матери. Онъ скоро отыскалъ мужика изъ Домкина и вручилъ ему письмо для передачи о. Аѳанасію.

Сдѣлавъ это, Крестовоздвиженскій вдругъ проникся уваженіемъ къ самому себѣ за «совершенный подвигъ» и выросъ въ своихъ собственныхъ глазахъ.

XI.

Возвращаясь изъ семинаріи, онъ еще издалека увидѣлъ у воротъ дома тройку лошадей, запряженную въ тарантасъ. У него захолонуло на сердцѣ. «Боже, еще немного, и я опоздалъ бы, не простился бы съ ней!»—чуть не съ ужасомъ подумалъ онъ.

Изволнованный, вошелъ онъ въ калитку, чернымъ ходомъ прошелъ къ себѣ и, забросивъ книги, сейчасъ же отправился къ хозяевамъ. Въ столовой всѣ сидѣли за завтракомъ. Въ тотъ мигъ, когда входилъ Крестовоздвиженскій, кухарка внесла самоваръ.

— А вотъ и вы,—сказалъ хозяинъ.—А мы ужъ думали, что вы нарочно пустились въ бѣга.

Крестовоздвиженскій и Соня обмѣнялись быстрыми, выразительными взглядами.

— Развѣ могъ я такъ поступить?—сказалъ Крестовоздвиженскій.—Я думалъ, что Софья Львовна уѣзжаетъ вечеромъ.

— Нельзя откладывать,—промолвила Марья Ивановна.—Сестра выѣзжаетъ и торопитъ Соню. Она будетъ ждать ее въ Ярославлѣ. Я ѣду провожать Соню и повидаться съ сестрой.

— И вы уѣзжаете?

— Уѣзжаю, Яковъ Аѳанасьевичъ, прощайте!

— Мы, батюшка, съ вами остаемся сиротами,—сказалъ Пушкиковъ.—Давайте, заплачемъ.

Крестовоздвиженскій былъ готовъ послѣдовать этому приглашенію. Онъ старался казаться спокойнымъ, но на душѣ у него было тяжело, и слезы подступали къ горлу.

Онъ ничего не отвѣтилъ на шутку Пушкикова.

— Садитесь, закусите съ нами,—предложила хозяйка.

Крестовоздвиженскій сѣлъ на свободный стулъ, стоявшій между хозяиномъ и Соней. Онъ отказался отъ закуски, но согласился выпить чаю.

Разговоръ не клеился. Соня молча пила чай и была задумчива.

— А тебѣ, кажется, совсѣмъ не хочется уѣзжать? — замѣтила съ улыбкой Пушкива.

— Это правда, — отвѣтила дѣвушка. — Мнѣ у васъ, тетя, было хорошо.

— Ну, такъ не поѣдемъ, — шутливо произнесла Марья Ивановна. — Пошлемъ телеграмму въ Ярославль матери: «Сонѣ такъ понравился Сонскъ, что она хочетъ навсегда остаться въ немъ».

Пушкова засмѣялась и добавила, взглянувъ мелькомъ на жильца:

— Согласна, Соня?

— Что же, телеграфируйте, — также шутливо, съ улыбкой отвѣтила племянница.

— Яковъ Аѳанасьевичъ, слышите? — обратилась къ жильцу Пушкива. — Соня не ѣдетъ. Довольны вы были бы, если бы она осталась?

— Очень.

— Вотъ какъ? Такъ зачѣмъ дѣло стало?

Щечки дѣвушки зардѣлись яркимъ румянцемъ.

— Ну, чего ты, — перебилъ жену Павелъ Ивановичъ: — нашла, когда шутить.

— Господи, да отчего же не пошутить? — возразила Марья Ивановна. — Вѣдь шуткой и жизнь красна.

— Вотъ ты лучше не загащивайся въ Ярославлѣ, — сказалъ Пушкивъ: — а то безъ тебя здѣсь все кувырккомъ полетитъ. Знаешь: безъ женщины и домъ не домъ.

— Уже почувствовалъ! — съ торжествомъ произнесла Марья Ивановна. — Ну, такъ вотъ убѣдись хорошенько. Тогда не будешь ставить ни во что бабьи хлопоты. Пусть и Яковъ Аѳанасьевичъ посмотритъ и убѣдится также.

— Что же ему убѣждаться? Онъ давно знаетъ, что не подобаетъ человѣку жить одному..

— Знаетъ, да не изъ жизни. Пусть поучится до женитьбы.

Все было уложено и готово къ отъѣзду. Сейчасъ же послѣ завтрака стали собираться въ дорогу. По обыкновенію, передъ самымъ отъѣздомъ присѣли, помолились и тогда уже стали прощаться. Соня вдругъ заплакала, прощаясь съ дядей.

Марья Ивановна поняла, что эти слезы не по адресу ея мужа, и промолвила не безъ насмѣшки:

— Ну, Соня, какая ты чувствительная, я и не знала!

У Крестовоздвиженскаго тоже навернулись слезы на глазахъ.

— Да что ты, жена, про нее-то? Посмотри, Яковъ Аѳанасьевичъ тоже плачетъ, — сказалъ Пушкивъ. — Это тебя, Соня, ему жалко.

Соня подошла къ молодому человѣку и протянула ему руку.

— Прощайте, Яковъ Аѳанасьевичъ, — сказала она, поднимая на него заплаканные глаза: — желаю вамъ всего хорошаго. Пусть сбудутся всѣ ваши желанія.

Она выразительно посмотрѣла на него.

— Спасибо,—отвѣтилъ Яковъ Аванасьевичъ взволнованнымъ голосомъ.—Помолитесь, Софья Львовна, чтобы сбылись всѣ мои желанія.

— Помолюсь,—тихо отвѣтила дѣвушка.

— И вамъ всего хорошаго,—продолжалъ Крестовоздвиженскій.

— Жениха ей хорошаго пожелайте, Яковъ Аванасьевичъ,—сказалъ Пушкивъ.—Такъ вѣдь, Соня?

Дѣвушка ничего не отвѣтила дядѣ.

Эта шутка непріятно отозвалась въ сердцѣ Крестовоздвиженскаго.

Павелъ Ивановичъ отправился провожать жену и племянницу до заставы. Крестовоздвиженскому ѣхать съ ними было неудобно. Ему поневолѣ пришлось остаться дома. Проводивъ уѣхавшихъ, онъ вернулся въ свою комнату и заплакалъ, какъ ребенокъ.

XII.

Послѣ отъѣзда Сони погода круто измѣнилась. Пошли дожди, а затѣмъ сдѣлалось довольно свѣжо. Потянулись сѣрые холодные дни, словно вдругъ наступила осень. Отъѣздъ Сони уже самъ по себѣ былъ тяжелъ для молодого человѣка, а наступившая затѣмъ холодная сѣренькая погода еще болѣе усилила угнетенное состояніе души семинариста. Онъ ходилъ молчаливый, угрюмый, бросилъ заниматься, и едва не провалился на патристикѣ.

— А вѣдь тебѣ сегодняшній экзаменъ, пожалуй, повредитъ относительно академіи,—замѣтилъ кто-то изъ товарищей Якову Аванасьевичу.

— Очень мнѣ нужна ваша академія,—отозвался онъ.

Крестовоздвиженскій никому, кромѣ Псалмопѣвцева, не открывалъ своихъ плановъ. Онъ и теперь не сталъ ничего объяснять и только прибавилъ, замѣтивъ удивленіе товарища: — Мнѣ все равно.

Ему дѣйствительно было все равно. Его всецѣло занимала одна мысль: что отвѣтитъ отецъ? Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ письма и по нѣскольку разъ въ день спрашивалъ у Пушкива и у прислуги: не подавали ли ему письма изъ деревни? Ему отвѣчали отрицательно.

— Да развѣ тамъ что нибудь случилось, что вы такъ беспокоитесь?—замѣтилъ какъ-то хозяинъ.

— Я жду... тутъ одно дѣло...—уклончиво отвѣтилъ жилецъ.

— Вотъ погодите, Соня пришлетъ вамъ письмо, можетъ быть,—пошутилъ Пушкивъ.—А признайтесь, Яковъ Аванасьевичъ, вѣдь вамъ Соня понравилась?

— Прекрасная дѣвушка,—отвѣтилъ уклончиво молодой человѣкъ.

— Вотъ бы вамъ на ней жениться, а? Женились бы?—продолжалъ Пушкивъ.

Этотъ шутливый вопросъ не понравился Якову Аѳанасьевичу, который не могъ допустить, чтобы такъ говорили о томъ, что составляло святу ю святыхъ его сердца.

Онъ нахмурился и въ первый разъ довольно рѣзко отвѣтилъ хозяину:

— Нустиаки все вы говорите, Павелъ Ивановичъ.

Замѣчаніе жильца изумило и задѣло Пушкива. Его брови сдвинулись. Но Павелъ Ивановичъ отличался большимъ благодушіемъ, и притомъ онъ сейчасъ же обвинилъ себя за то, что позволилъ шутку, когда у человѣка такая непріятность (Пушковъ зналъ о неудачномъ экзаменѣ жильца и считалъ это для него большимъ несчастіемъ). Пушкивъ, однако, не сразу заговорилъ съ жильцомъ, но когда снова обратился къ нему, уже ни въ лицѣ, ни въ голосѣ не было и тѣни обиды или раздраженія.

— Вамъ надо взять себя въ руки, Яковъ Аѳанасьевичъ,—сказалъ онъ,—а то вы совѣмъ повредите себѣ: одинъ экзаменъ ничего, а дальше...

— Да что мнѣ экзамены! Вѣдь кончу,—сказалъ Крестовоздвиженскій.

— Но какъ кончите!

— Все равно.

— Какъ все равно? Да въ академію...

— Я же сказалъ вамъ, что не пойду въ духовную академію,—уже съ видимымъ раздраженіемъ промолвилъ Крестовоздвиженскій.

— Да будетъ вамъ!—воскликнулъ Пушкивъ:—ну, что вздоръ говорить! Я понимаю, что можно пошутить...

— Это вовсе не шутка,—возразилъ жилецъ:—я уже написалъ объ этомъ отцу.

— Отцу? Вотъ почему вы такъ и ждете письма изъ деревни. Что вы затѣяли, Яковъ Аѳанасьевичъ! Развѣ это возможно? Кто это васъ смутилъ? Навѣрное этотъ безпутный Псалмопѣвецъ.

— Вовсе нѣтъ. Я самъ понялъ, что у меня нѣтъ призванія, и вы, пожалуйста, не убѣждайте меня, Павелъ Ивановичъ, это бесполезно.

Крестовоздвиженскій все больше и больше раздражался.

— Хорошо, я не буду,—сказалъ хозяинъ.—Только все это пустое, отецъ вашъ не согласится.

— А вотъ увидимъ! Не сегодня-завтра отвѣтъ долженъ прійти.

«Да онъ, кажется, всеріозъ все порѣшилъ,—подумалъ Пушкивъ, глядя на жильца, ходившаго по столовой.—И какъ онъ говорить, совѣмъ не похоже на него: такой былъ все тихій, ровный, откуда у него такая прыть взялась?.. Ну, да вотъ посмотримъ, надолго ли ея у него хватитъ. Что-то онъ запоетъ, какъ получить отвѣтъ отъ отца? Тотъ ему по-своему отпишетъ».

На другой день Крестовоздвиженскій собирался ходить къ Псалмопѣвцу, когда вдругъ дверь комнаты отворилась, и вошли о. Аѳанасій и Анна Михайловна. Молодой человѣкъ никакъ не ожидалъ этого. Внезапное появленіе родителей не только озадачило его, но и подѣйствовало на него угнетающимъ образомъ. Онъ не былъ подготовленъ къ такой встрѣчѣ, и сердце его сжалось отъ недобраго предчувствія. Если бы отецъ былъ согласенъ, онъ не поѣхалъ бы самъ. Крестовоздвиженскій готовился къ борьбѣ, но онъ не предполагалъ сейчасъ же стать лицомъ къ лицу съ отцомъ, котораго привыкъ бояться, и эта неожиданность испугала молодого человѣка.

Анна Михайловна замѣтила замѣшательство сына и промолвила:

— Не ожидалъ насъ, письмо думалъ получить, а вмѣсто того— вотъ мы сами.

Крестовоздвиженскій подошелъ къ матери и съ нервной дрожью поздоровался съ ней. Когда затѣмъ онъ подошелъ къ отцу, тотъ сухо остановилъ его:

— Погоди, братецъ, дай раздѣться да Богу помолиться.

Сухой, даже строгій тонъ отца не предвѣщалъ ничего хорошаго, и Крестовоздвиженскій понялъ, что дѣло безъ борьбы не обойдется... А силы у него еще до начала борьбы слабѣли. Невольная боязнь овладѣла имъ.

Отецъ Аѳанасій повѣсилъ рясу, немного смоченную дождемъ, помолился на образъ и промолвилъ:

— Ну, здравствуй, Яковъ Аѳанасьевичъ!

Это величаніе еще больше подтвердило догадки молодого человѣка. О. Аѳанасій называлъ такъ сына только тогда, когда былъ въ особенно хорошемъ расположеніи или сердился. Конечно, не первымъ обстоятельствомъ объяснялось его обращеніе: это показывалъ его тонъ. Сердце упало у молодого человѣка, но онъ все-таки рѣшилъ не сдаваться.

— Зачѣмъ же вы сами ѣхали, батюшка?—сказалъ онъ робко:— вѣдь я только просилъ...

— Мало ли что просилъ. Когда видишь, что человѣкъ сходитъ съ ума, тутъ ужъ не до писемъ, надо ѣхать.

— Я еще не схожу съ ума, батюшка,—сказалъ Яковъ Аѳанасьевичъ, взглядывая на мать и какъ бы у нея ища поддержки.

— Объ этомъ рѣчь впереди. Я давно бы пріѣхалъ, да въ отлучкѣ былъ. Ну, вотъ что, самостоятельный философъ: напой-ка насъ съ дороги чаемъ, а потомъ мы и поговоримъ съ тобой, о чемъ надо и какъ слѣдуетъ,—закончилъ о. Аѳанасій, разглаживая борю и садясь на стулъ.

Онъ выразительно посмотрѣлъ на сына, который еще болѣе смутился отъ этого взгляда.

— А что ты такъ похудѣлъ, Яша?—замѣтила мать:—не боленъ ли?

Въ ея голосѣ слышалась тревога.

— Занятій много, маменька, экзамены...—отвѣтилъ сынъ.

Пока ставили самоваръ, разговоръ вертѣлся на пустякахъ. Анна Михайловна спросила, куда уѣхала хозяйка, и когда узнала, что поѣхала провожать въ Ярославль племянницу, удивленно промолвила:

— Да какая же это племянница? Я и не видала.

— Въ гости пріѣзжала,—отвѣтилъ Крестовоздвиженскій, стараясь не смотрѣть на мать.

— Въ гости? Такъ, такъ.

Анна Михайловна помолчала и опять обратилась къ сыну:

— Молодая?

— Да. Ей всего семнадцать лѣтъ.

— Мм!..

Мать ничего не прибавила больше, только обвела долгимъ взглядомъ сына, который очень старательно устанавливалъ посуду на столѣ.

— Да, да...—проговорила Анна Михайловна, спустя минуту и, вздохнувъ, сѣла невдалекѣ отъ мужа.

— А экзамены, значитъ, всѣ хорошо сдалъ?—спросилъ о. Аѳанасій, также внимательно слѣдившій за сыномъ.

— Всѣ, только вотъ... послѣдній похуже...

— Это отчего же?

— Дѣ голова очень болѣла эти дни.

— Голова болѣла? Не мудрено! Но все-таки не провалился же?

— Нѣтъ,—коротко отвѣтилъ сынъ.

Подали самоваръ, и всѣ трое сѣли за столъ.

Отецъ Аѳанасій пилъ молча, сохраняя наружное спокойствіе. Только брови его были насуплены, и узенькіе глаза глядѣли сумрачно. Анна Михайловна не могла долго сдерживаться и послѣ второй же чашки заговорила о томъ, что ее волновало.

— Скажи, пожалуйста, Яша, что это ты такое задумалъ? И разстроилъ же ты насъ съ отцомъ. Такая ли теперь пора, чтобы ѣхать изъ деревни, а пришлось. Все бросили и поѣхали. Ахъ, Яша, Яша!

Въ ея словахъ слышалась тревога, а не гнѣвъ.

— Да, Яковъ Аѳанасьевичъ, хваленый сынокъ, краса богословскаго класса, отличился, нечего сказать!—произнесъ отецъ Аѳанасій.

Его голосъ звучалъ насмѣшкой, за которою скрывался гнѣвъ, видимо, пока сдерживаемый.

Молодой человекъ молчалъ.

— Что это ты съ ума спятилъ, что ли? А?—произнесъ снова отецъ Аѳанасій.

— Почему же, батюшка?—спросилъ сынъ, не поднимая глазъ:—развѣ?...

Брови о. Аѳанасія сдвинулись, и кровь прилила къ мясистому лицу.

— Оттого, что ты дуракъ, вотъ отчего!—крикнулъ онъ, метнувъ гнѣвнымъ взоромъ на сына.

— Отецъ,—остановила мужа Анна Михайловна:—япросила тебя...

— Молчи, попадья! Я удерживался, но не могу больше. Человѣкъ написалъ дурацкое письмо и, вмѣсто раскаянія, еще смѣетъ оправдываться, возражать. Слушай, Яковъ,—продолжалъ онъ, стукнувъ ладонью объ столъ:—ты не смѣй у меня объ этомъ и думать! Не вводи меня въ грѣхъ, Христа ради!

Молодой человѣкъ измѣнился въ лицѣ.

Анна Михайловна нашла нужнымъ вмѣшаться въ разговоръ и обратилась къ сыну:

— Яша,—заговорила она ласково:—что съ тобою это случилось? Все время ты былъ у насъ такой славный, благочестивый; мальчикомъ, бывало, въ монастырь собирался; еще недавно, когда мы были, ничего не говорилъ и вдругъ... Худое ты забралъ въ голову, и кто тебѣ это посовѣтовалъ—врагъ твой лютый.

— Мнѣ никто не совѣтовалъ, маменька,—едва слышно произнесъ сынъ.

— Какъ никто, дружокъ? Да неужели ты самъ это выдумалъ? Не вѣрю. Вѣрно, это все Неофитъ, безшабашная голова.

— Онъ не при чемъ...

— Не говори. Кто же, если не онъ?

— Да что намъ за дѣло, попадья, кто: Неофитъ или другой какой болванъ, не все ли равно? я сказалъ: нѣтъ, и не будетъ этого!

— Батюшка!

— Ни слова, Яковъ! И слышать не хочу!

— Яша,—опять заговорила мать:—да неужели ты думаешь, что отецъ или я можемъ благословить тебя на такое дѣло? Посуди самъ...

— Я не хочу въ академію, маменька...

— И не надо,—подхватилъ отецъ Аѳанасій, подвигая къ себѣ стаканъ.—Я тебя теперь въ академію и не пуцую. Шалишь! Ты, братъ, тамъ не вѣсть что натворишь... Нѣтъ! А вотъ кончай, да и въ попы... Кстати и мѣсто открывается чудесное. Любый академикъ возьметъ такое мѣсто.

— Батюшка, я не хочу быть священникомъ.

Въ голосѣ молодого человѣка слышались слезы.

— А я говорю—вздоръ.

— Не могу.

— Можешь и будешь!—повторилъ о. Аѳанасій.

— У меня призванья нѣтъ.

— И не требуется никакого призванія. Что еще выдумалъ? Поступишь—привыкнешь, вотъ тебѣ и призваніе.

— Батюшка!—чуть не плача, воскликнулъ молодой человѣкъ:—ради Бога, отпустите меня въ медицинскую академію!

— Ни за что!

И о. Аѳанасій такъ стукнулъ кулакомъ по столу, что посуда задрожала.

— Да будетъ тебѣ, отецъ!—порывисто остановила жена.—Можно вѣдь говорить спокойнѣе. Что ты кричишь на него, какъ на мужика?

— Чего заслужилъ, то и получаетъ,—произнесъ мужъ.—Иначе говорилъ я раньше, а теперь на себя пеняй. Задумалъ что: въ медицинскую академію! Что за люди выходятъ оттуда? Вольнодумцы, безбожники! Нашелся ссылаться на кого, на родственника Псалмопѣвца! Ординаторъ! А мнѣ плевать на это. Пріѣзжалъ онъ сюда, видѣлъ я его. Идетъ мимо храма, лба не перекрестить, весь Успенскій постъ мясо жралъ. Отецъ допускаетъ, его дѣло. Выжилъ старикъ изъ ума, прости Господи! А я, слава Богу, еще въ здоровомъ разсудкѣ и все понимаю, какъ слѣдуетъ. Это все Неофитъ тебя наперчилъ, мать права. А скажи-ка ты мнѣ, сдѣлай одолженіе, что это у тебя за серіозные доводы, которые ты не могъ изложить въ письмѣ?—докончилъ о. Аѳанасій, барабаня пальцами по столу.

Молодой человѣкъ покраснѣлъ, сердце у него учащенно забилося, но онъ ничего не отвѣтилъ.

— Ну, что же, говори!—повторилъ отецъ.

Но у Якова Аѳанасьевича не хватило смѣлости...

— Я послѣ скажу, батюшка,—промолвилъ тихо Крестовоздвиженскій.

— Это еще что за фокусы? Видно, все вздоръ, и сказать-то нечего. Дурь одна!

— Батюшка! Но изъ академіи не все выходятъ вольнодумцы,—произнесъ Яковъ Аѳанасьевичъ, желая на другое отвлечь отца:—сколько врачей истинныхъ христіанъ... Я и не могу сдѣлаться вольнодумцемъ.

— А подумалъ ли ты еще вотъ что, глупая башка: что будетъ стоить твое докторство?—заговорилъ о. Аѳанасій, снова раздражаясь:—ты полагаешь, что у твоего отца карманъ очень толстъ. Да если и есть что, такъ вѣдь сестры растутъ. Да и не затѣмъ я по копейкамъ наживалъ, чтобы на вѣтеръ бросать, дурь твою тѣшить.

О. Аѳанасій досталъ платокъ изъ кармана подрясника, отеръ лицо и продолжалъ, стуча по столу рукою, въ которой держалъ платокъ:

— Вотъ что, Яковъ, ты не ври, не обманешь меня. У тебя что-то на умѣ есть, да ты говорить не хочешь! Какъ это въ самомъ дѣлѣ: все время молчалъ и вдругъ—ни въ академію, ни на мѣсто. Врешь, шельмецъ! Чтонибудь да не такъ!

Молодой человѣкъ понялъ, что исходъ одинъ: или отчаянная борьба, или полная покорность, середины нѣтъ. Тяжелое чувство охватило его. Онъ вспомнилъ свиданіе въ саду и слова Сони: «Побѣждайте всѣ препятствія, знайте, что я жду васъ». У молодого

человѣка вмѣстѣ съ тоской впервые въ сердцѣ проснулось непріязненное чувство къ отцу. Якову Аѳанасьевичу захотѣлось отвѣтить рѣзко, грубо. Но онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и промолчал.

— Что же ты не отвѣчаешь?—съ выраженіемъ нетерпѣливости спросилъ о. Аѳанасій.

— Да что же мнѣ говорить вамъ послѣ этого?—произнесъ съ

Его непріязненное чувство выразилось въ блѣдности лица, горячая смѣлила недавнюю краску.

Анна Михайловна съ изумленіемъ и съ невольнымъ испугомъ глядѣла на сына.

— Такъ ты вотъ какъ начинаешь поговаривать!—медленно протянулъ о. Аѳанасій:—хорошо-о! Видно сейчасъ, что задумалъ въ медики. Ну, да когда тамъ еще будетъ что, а покажьсть я тебѣ вотъ что скажу, грубиянъ: если ты не выбросишь изъ головы всей этой дури, то я съ тобой раздѣлаюсь такъ, какъ ты и не предполагаешь. Я тихъ, меня разсердить трудно, но ужъ если разсердятъ, такъ берегись. Да ты и владыку знаешь: онъ тоже шутить не любить. Будетъ тебѣ медицинская академія!

Яковъ Аѳанасьевичъ поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— Какъ тебѣ не стыдно, отецъ,—вступилась снова Анна Михайловна, — ну, что ты такое говоришь? Ты и самъ-то обезумѣлъ. Развѣ такъ нужно разговаривать съ сыномъ? Вѣдь можно говорить по-родительски, какъ слѣдуетъ.

Замѣчаніе жены нѣсколько смутило отца Аѳанасія.

— Какъ же съ нимъ иначе разговаривать, когда онъ другого языка не понимаетъ?—какъ бы оправдываясь, произнесъ онъ.

Анна Михайловна, не слушая мужа, обратилась къ сыну:

— Яшенька, голубчикъ мой, — начала она нѣжно, кладя руку ему на плечо: — что съ тобой сдѣлалось? Словно землемъ тебя кто опоилъ. И не узнаешь моего смирнаго, кроткаго Яшу. Голубчикъ, что съ тобой?

Ласковыя слова матери растрогали Якова Аѳанасьевича. Онъ былъ готовъ во всемъ признаться, но присутствіе отца стѣсняло его.

А старикъ, успокоившись немного, произнесъ сдержанно:

— Да, попадья, видно, справедлива пословица: нѣтъ дѣтей — нѣтъ и скорбей. Старайся, учи, хлопочи, послѣднее отдавай, а вотъ тебѣ какая благодарность за все!

— Богъ съ вами, батюшка!—промолвилъ сынъ, и, не выдержавъ болѣе, онъ всхлипнулъ и выбѣжалъ изъ комнаты.

XIII.

Онъ прошелъ въ садъ. Здѣсь въ бесѣдкѣ онъ упалъ головою столъ и разразился глухими рыданіями. Спустя нѣсколько минутъ, сюда пришла Анна Михайловна.

— Вотъ гдѣ ты, а я-то тебя ищу,—сказала она мягко.

Онъ поднялъ голову. Въ лицѣ матери виднѣлось глубокое горе.

— Матушка, матушка!—воскликнулъ молодой человѣкъ.—Что е это такое?

Онъ опять склонился головою на столъ, стараясь удержаться отъ рыданій.

— Яша!

Анна Михайловна сѣла рядомъ съ сыномъ и обняла его.

— Яша,—повторила она,—не скрывайся отъ меня, милый. Теперь здѣсь нѣтъ отца. Повѣдай всю правду. Съ чего ты это все задумалъ, кто тебя смутилъ?

— Никто, матушка, не смущалъ, а я не могу, не могу,—отвѣтилъ сынъ, не поднимая головы.

— Отчего же? Идутъ люди...

— А я не могу, я не гожусь.

— Господи, Яша, что ты говоришь! Да какъ не годишься? Перворазрядникъ и не годишься. Что ты!

— Да у меня сердце не лежитъ къ этому, поймите, матушка!

Онъ поднялъ голову и сѣлъ, откинувшись на стѣнку бесѣдки.

Анна Михайловна вздохнула.

— А знаешь ли ты, съ чѣмъ мы пріѣхали?

Сынъ молчалъ.

— Мы ужъ тебѣ и мѣсто припасли, хорошее мѣсто. Знаешь отца Никифора? Ну, такъ вотъ, онъ слабъ очень и хочетъ свое мѣсто сдать дочери. Вотъ и жена тебѣ, дѣвушка на рѣдкость.

Она не кончила, испугавшись той мертвенной блѣдности, какая вдругъ покрыла лицо сына.

— Яша, что съ тобой? Какъ слова-то мои тебя испугали... Ой, голубчикъ, не даромъ это, чуетъ мое сердце,—воскликнула Анна Михайловна:—знаешь что, ты тай—не тай, а я все поняла. Какъ только ты упомянулъ объ уѣзжавшей племянницѣ хозяйкиной, я все и поняла. По лицу твоему поняла, по всему, ты самъ себя и выдалъ. Голосъ-то твой мнѣ все сказалъ. Я при отцѣ промолчала, а теперь скажу тебѣ: Яша, ты въ нее влюбился и на ней хочешь жениться... Отвѣчай: такъ вѣдь?

Онъ молчалъ.

— Яша, тебя спрашиваю. Ужели ты матери-то будешь лгать, а?

— Ну, что-жъ... ну, да... Вы правы,—промолвилъ сынъ.

— Такъ и есть!—выговорила Анна Михайловна, всплеснувъ руками.—Эхъ, Яша, да подумалъ ли ты, что затѣялъ? Да развѣ тебѣ это отецъ разрѣшить?

— А не разрѣшить, и не надо. Я и безъ этого обойдусь.

Слова сына ужаснули Анну Михайловну. Какъ бы не вѣря своимъ ушамъ, она посмотрѣла на сына и проговорила:

— Ты обойдешься и такъ? Ты это сказалъ, Яша? Образуется. Ты... ты... безъ благословенія родительскаго сдѣлаешь этотъ шагъ?

— Матушка, неужели и вы?..

— И я не дамъ благословенія,—твердо сказала Анна Михайловна.—Что это ты выдумалъ: жениться Богъ знаетъ на комъ.

— Маменька, не обижайте ея,—промолвилъ Крестовоздигенскій, вспыхнувъ.

— Да я и не думаю ея обижать. Я въ тѣхъ смыслахъ, что она совсѣмъ неизвѣстная дѣвушка, откуда-то пріѣхала, и вдругъ ты...

— Она чудная дѣвушка,—восторженно произнесъ Яковъ Аванасевичъ.

— Пусть, хоть и такъ, да развѣ это возможно? И отецъ и владыка...

— Я же не пойду въ священники...

— Брось, Яша, что пустое говорить. Не пустить онъ тебя въ медики и ничего не дастъ.

— И не надо. Я и такъ проживу, я буду работать.

— Ишь, какъ ты заговорилъ. Это она все настроила тебя. А еще увѣряешь, что она хорошая. Да нешто хорошая дѣвушка станетъ такъ возмущать сына противъ родителей!

— Она не возмущаетъ, она не хочетъ ссоры.

— Какъ же не хочетъ? Если ты противъ воли отца...

— Маменька, да неужели вамъ меня не жалко?—воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Кабы не было жалко, такъ и разговаривала бы иначе. Ты видѣлъ, какъ я за тебя передъ отцомъ заступалась. А дома что было! Если бы не я, такъ не такъ бы еще онъ съ тобой говорилъ. Какъ прочиталъ письмо, такъ въ ярость такую пришелъ, что я его и не узнала. За всю жизнь съ нимъ такимъ его не видала. Я, кричить, къ владыкѣ, я его въ монастырь упрячу, а то притащу сюда да, какъ мальчишку, выпорю. Вотъ только за послѣдніе дни поуходился. Что я-то перенесла... Яша, Яша! Не думала я, что ты такъ огорчишь меня. За всю мою любовь къ тебѣ... Прости тебѣ Богъ!

Анна Михайловна заплакала. Сыну стало ея жалко. Онъ какъ бы почувствовалъ себя невольно виноватымъ передъ нею.

— Маменька,—сказалъ онъ,—я знаю, что огорчилъ васъ. Простите, но пожалѣйте и меня, не губите вашего сына.

— Кто тебя губить, Христось съ тобой!—проговорила мать, всхлипывая и утирая слезы платкомъ.—О твоей же пользѣ заботимся. Ты самъ себя хочешь погубить, собираясь итти въ медики и жениться на этой... какъ ее зовутъ, не знаю, да и знать не же-

лаю. Для того ли мы столько заботились о тебѣ, чтобы все это видѣть? Думали на старости лѣтъ...

— Я развѣ отказываюсь, матушка? Я докторомъ еще больше буду получать и готовъ помогать вамъ.

— Да не надо намъ твоей помощи, ѣсть что ли намъ нечего? Слава Богу, припасли на черный день и на старость. Ты сердце-то наше на части рвешь, вотъ что, Яша! Думали порадоваться, на тебя глядячи, на твое счастье.

— Вы хотите меня лишить его...

Анна Михайловна разсердилась.

— И не смѣй этого говорить, Яковъ!—воскликнула она.—Счастье! Нашель гдѣ счастье—въ своей погибели!... Не бывать этому, чтобы ты женился на хозяйкиной племянницѣ. Ахъ, Господи! Вотъ грѣхъ-то... И не знаешь, гдѣ ждетъ бѣда. На той квартирѣ боялись оставить, думали—здѣсь хорошо. А вотъ тебѣ и хорошо!.. Вотъ что случилось... Нѣтъ, нѣтъ, Яша! И не упорствуй: отецъ не согласится, да и я просить за тебя не буду, не хочу.. Кончай да бери мѣсто. Жена такая будетъ, что самъ обрадуешься потомъ и насъ благодарить станешь.

— Нѣтъ!—рѣшительно сказалъ Крестовоздвиженскій.—Я не возьму мѣста и не женюсь на дочери о. Никифора. Пусть отецъ дѣлаетъ со мной, что хочетъ.

Вблизи бесѣдки послышались шаги. Черезъ минуту вошелъ Пушкивъ.

— Здравствуйте, матушка! А я за вами. Вернулся со службы, кухарка говоритъ, что вы приѣхали, спрашиваю: гдѣ же? говоритъ: самъ куда-то ушелъ, а матушка съ Яковымъ Аванасевичемъ въ саду. Пожалуйте, обѣдъ готовъ. Мы съ Яковымъ Аванасевичемъ и не ждали васъ.

Попадья сухо поздоровалась съ Пушкивымъ.

— По дѣламъ пришлось приѣхать,—сказала она.—Шокорно благодарю, я не хочу обѣдать, мы только что чай сейчасъ пили.—Яша,—обратилась она къ сыну,—иди, обѣдай.

— Я тоже не хочу,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.

Пушковъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на мать и сына и только теперь замѣтилъ, что они разстроены, и глаза у обоихъ заплаканы.

«Что у нихъ произошло?—подумать Павелъ Ивановичъ:—любопытно».

— Ну, какъ угодно. А я голоденъ и пойду обѣдать.

Онъ дѣлanno улынулся и вышелъ изъ бесѣдки.

Поднялся съ мѣста и Яковъ Аванасевичъ.

— Ты куда же, Яша?

— Такъ, пройдуся,—отозвался молодой человѣкъ.

Мать не могла понять: отчаяніе или злоба прозвучали въ его голосѣ. У нея опустились руки.

XIV.

Крестовоздвиженскій вышелъ изъ сада съ мыслию отправиться къ Псалмопѣвцеву. Кромѣ пріятеля, у Якова Аванасьевича не было никого, кому онъ могъ бы во всемъ открыться, и кто выказалъ бы ему сочувствіе. Вся надежда была на мать, но и эта надежда исчезла. Гдѣ же искать поддержки? Оставался одинъ Псалмопѣвцевъ. «О, если бы здѣсь была Соня!» думалъ молодой человѣкъ.—«Развѣ написать ей?» Нѣтъ, на письмѣ выйдетъ все не то. Она можетъ иначе перетолковать его слова, онъ только повредитъ себѣ въ ея глазахъ. Онъ долженъ одинъ бороться за свое счастье. Да, счастье, потому что безъ Сони онъ не можетъ быть счастливъ. Мать думаетъ иначе... пусть...

Погруженный въ свои думы, Крестовоздвиженскій медленно шагаль по тротуару, совсѣмъ забывъ о цѣли, съ какой вышелъ изъ дома. Онъ шелъ, понуривъ голову, машинально поворачивалъ изъ улицы въ улицу, машинально извинялся передъ тѣми, кого ему приходилось толкать. Онъ очнулся, очутившись у Богородскаго кладбища. Только здѣсь, оглядѣвшись вокругъ, онъ вспомнилъ, что шелъ къ Псалмопѣвцеву. Тотъ жилъ на Глинкахъ,— это было недалеко. Яковъ Аванасьевичъ взялъ вправо, перескочилъ черезъ канаву, чтобы не дѣлать крюка, и пошелъ по наложеннымъ доскамъ, которыя замѣняли собою тротуары. Суевѣрное чувство снова заговорило въ Крестовоздвиженскомъ. «Зачѣмъ это я сюда попалъ?» мелькнуло у него въ умѣ. «Точно невидимая сила привела нарочно къ кладбищу... Что это предвѣщаетъ?».

Крестовоздвиженскій прошелъ бы мимо дома Псалмопѣвцева, если бы этотъ послѣдній, сидѣвшій у окна, не окликнулъ товарища:

— Яковъ, куда ты это?

Крестовоздвиженскій поднялъ голову.

— Я къ тебѣ,—сказалъ онъ.

— Такъ куда же ты шагаешь? Чудило!

Псалмопѣвцевъ засмѣялся.

— Ну, что, получилъ отвѣтъ изъ деревни?—спросилъ онъ, встрѣчая пріятеля въ дверяхъ комнаты.

— Сами пріѣхали.

Яковъ Аванасьевичъ въ изнеможеніи опустился на стулъ.

— И отецъ и мать?

— Оба.

— Вотъ тебѣ на! Чесо ради сіе?

Онъ посмотрѣлъ на пріятеля и добавилъ:

— По лицу вижу, что не согласны. Вѣрно вѣдь?

— Да.

Псалмопѣвцевъ покачалъ головою и произнесъ съ разстановкою:

— Худо дѣло, Яковъ! Да я вѣдь предупреждалъ. Нечего было и писать.

— Я къ тебѣ,—промолвилъ Крестовоздвиженскій:—дай совѣтъ!

— Какой же тебѣ совѣтъ?

Псалмопѣвцевъ сѣлъ рядомъ съ товарищемъ.

— Одинъ совѣтъ мой тебѣ: не сдавайся! Зачѣмъ они пріѣхали-то?

— Не знаю. Видно, очень испугались.

— Такъ чего же они хотятъ? Увезти тебя и держать въ плѣну что ли? Чудаки!

Псалмопѣвцевъ пожалъ плечами.

— Расскажи мнѣ все,—произнесъ онъ черезъ минуту.—Про невѣсту ты говорилъ?

— Матери сказалъ, а отцу нѣтъ.

Затѣмъ Яковъ Аванасьевичъ передалъ пріятелю подробности своихъ объясненій съ родителями. Неофитъ слушалъ внимательно.

— Вотъ какое дѣло,—произнесъ онъ, когда Крестовоздвиженскій кончилъ.—Да, тебѣ придется вести серьезную войну, Яковъ. Ну, что-жъ: если началъ, такъ продолжай. Или ты...

Онъ подозрительно посмотрѣлъ на товарища.

— Или ты... хочешь итти на капитуляцію?

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнулъ Крестовоздвиженскій.

— А тогда и разсуждать нечего: бейся не на животъ, а на смерть. Что можетъ подѣлать съ тобой отецъ? Ничего! Не выпоретъ же онъ тебя, въ самомъ дѣлѣ? Что тебѣ архіерей? Ты еще не попъ. Попу онъ страшенъ, да и то не всякому. Знаешь о Николая Твердынскаго? Онъ прямо архіерею брякнулъ: «Если такъ, владыка, я разстригусь!» Вотъ, братъ! А ты вольная птица. Завтра послѣдній экзамень, получишь бумаги и шабашъ. Ну, посердятъ твои старики, что же дѣлать, не губить же себя изъ-за нихъ. Вѣдь ты хочешь въ медики?

— Хочу.

— И любовь къ Сонѣ не блажь одна?

Крестовоздвиженскій ничего не отвѣтилъ на послѣдній вопросъ, а только посмотрѣлъ на Псалмопѣвцева не то съ удивленіемъ, не то съ укоромъ.

— Ну, такъ и разговору конецъ,—проговорилъ Неофитъ, вставая.—Объявляй войну. Я думаю, Яковъ, говоря правду, тебѣ Соня дороже академіи! Ну, да это все равно, лишь бы что нибудь держало тебя въ рукахъ, а то ты плохой вояка. Гляди, на что похожъ, а еще только начало!

— Я къ тебѣ: поддержи, Неофитъ!

— Съ удовольствіемъ, да вѣдь не могу же я за тебя съ отцомъ объясняться!

— А какъ насчетъ деревни?

— Что же деревня? Поѣзжай туда, никто тебя не съѣстъ. И я приѣду. Вѣдь разстояніе-то между нами будетъ пять верстъ всего. Ты ко мнѣ, я къ тебѣ. Положимъ, твои родители меня не долюбиваютъ, да вѣдь не выгонятъ же. Ты ко мнѣ чаще ходи, будемъ вмѣстѣ подготавливаться.

— А если начнутъ приставать?

— Съ женитьбой? Господи, да вѣдь не сразу же тебя женятъ! Шестъ недѣль — не годъ. Ты борись, оттягивай время. Я напишу дядѣ письмо, онъ что нибудь устроитъ, а тамъ и махнемъ!

— Тихонько?

— Зачѣмъ? Торжественно! Или ты боишься угрозъ отца? Полно, знаешь, поется въ пѣснѣ:

«А ты, а ты—не женщина,
«Тебя не проклянуть».

— Все вздоръ, Яковъ! если хочешь — добьешься. Ты не очень спорь теперь.

— Погоди: а если къ архіерею позовутъ?

— Ну, что же? Ты и съ нимъ политику веди, выскажи свое и оставь «подъ сумлѣніемъ». Пусть думаетъ: авось, молъ, пойметъ свои заблужденія... «Не робѣй, Варсонофій Петровъ!» Кто это сказалъ? Да, не робѣй!

Слова пріятеля подняли упавшій духъ Крестовоздвиженскаго. Онъ ободрился и повеселѣлъ.

— Ну, вотъ и отлично! — одобрилъ Псалмопѣвцевъ, замѣтивъ перемѣну въ товарищѣ.—А то на, и руки опустил! Какой же ты есть послѣ сего мужчина? Не писала тебѣ ничего Соня?

— Нѣтъ, что ты!—промолвилъ Крестовоздвиженскій.

— А что тутъ страннаго?

— Я вотъ хотѣлъ было...

— Насчетъ чего? Ужъ не съ жалобой ли: меня де, сиротинку-мальчика, обидѣть хотятъ. Поддержите, Сонечка! Не такъ ли?

Крестовоздвиженскій улынулся догадкѣ пріятеля.

— И думать не моги!—рѣшительно сказалъ Псалмопѣвцевъ:— все испортишь.

— Я и самъ такъ рѣшилъ.

— Разумѣется! Нюнь дѣвицы не любятъ, да и ладно дѣлаютъ. Противны плаксы! Это я только по добротѣ моей все выношу,— шутиливо dokonчилъ Псалмопѣвцевъ.

Крестовоздвиженскій разсмѣялся.

— Нечего смѣяться, братъ. Конечно, я добрый. По-настоящему тебя надо ругать. Эхъ, Яковъ, если бы я полюбилъ серьезно, такъ я бы чорта самого не испугался, вотъ что!

— Полюби.

— Не могу. Можетъ, потомъ и полюблю, а теперь нѣтъ такой. Ну, и забавляюсь.

Онъ взглянулъ въ окно и воскликнулъ:

— А вотъ и будущій пастырь грядетъ ко мнѣ!

— Кто? — спросилъ Крестовоздвиженскій.

— Иванъ Кедровскій. Этотъ вотъ не мечется. Лучше, говорить, поповскаго мѣста и нѣтъ.

Дверь отворилась, и на порогѣ показалась тощая, долговязая фигура рыжаго семинариста — неуклюжаго, одѣтаго въ поношенный костюмъ.

— Отче Иване! Правда вѣдь, что попомъ быть всего лучше? — спросилъ Псалмопѣвцевъ.

— Всеконечно, — тоненькимъ голоскомъ отвѣтилъ Кедровскій, здороваясь. — А что? — прибавилъ онъ, посмотрѣвъ вопросительно сначала на хозяина, потомъ на гостя: — развѣ Крестовоздвиженскій въ этомъ сомнѣвается?

— Онъ убѣжденъ въ противномъ, — отвѣтилъ Псалмопѣвцевъ.

— А самъ идетъ въ попы?

Кедровскій хихикнулъ.

— Нѣтъ, онъ идетъ не въ попы, а въ доктора, отче Иване!

Кедровскаго озадачилъ этотъ отвѣтъ. Но онъ какъ бы сообразилъ что-то и сказалъ, улыбаясь:

— Этому нельзя повѣрить. Его уже прочать въ духовную академію, а я вотъ сейчасъ слышалъ, что будто бы о. Никифоръ Осокинъ сдаетъ ему мѣсто съ дочерью. Чему вѣрить — не знаю.

— И то и другое вздоръ! — произнесъ Псалмопѣвцевъ. — Яковъ идетъ въ медики.

— Не можетъ быть! — воскликнулъ Кедровскій. — Вѣдь приходъ о. Никифора такой, что за него всѣ готовы подраться.

— И ты въ томъ числѣ?

— Ужъ не отстану.

— Рыломъ, братъ, не вышелъ, — сказалъ Псалмопѣвцевъ, засмѣявшись: — въ Яшку-то дочь о. Никифора влюбиться можетъ, а на тебя и плюнуть не захочетъ.

Кедровскій не обидѣлся словами товарища. Его занимало другое.

— Если Крестовоздвиженскій серьезно... — началъ онъ: — такъ это... Но только я не вѣрю! Зачѣмъ въ медики? Опять учиться, а тутъ покойно, мѣсто доходное, дѣвушка красивая, живи...

— Да плоды дѣтей! — подхватилъ Псалмопѣвцевъ. — Охъ, Ванька, не смущай моего Якова!

— Да развѣ ваши родители согласны? — не слушая Псалмопѣвцева, произнесъ Кедровскій, обращаясь къ Якову Аванасьевичу.

— Пока нѣтъ, — неохотно отвѣтилъ онъ.

— И не согласятся, — увѣренно произнесъ Кедровскій.

— Ну, такъ что-жъ? Развѣ Яшка безъ нихъ не обойдется? — сказалъ Псалмопѣвцевъ.

— Мм... Какъ сказать!... Можетъ выйти изрядная неприятность.

— И даже очень большая, если ты будешь говорить глупости,— произнесъ Неофитъ.—Ты идешь въ пошы—и иди, и нечего много разсуждать.

Онъ подошелъ къ Крестовоздвиженскому и, хлопнувъ его по плечу, промолвилъ: — ну, ты чего опять! Не слушай этого пона! Не сдадимся, братъ, мы не таковскіе! Правда, вѣдь?

Онъ улыбнулся, заглядывая въ глаза пріятелю. Тотъ очнулся и отвѣтилъ поспѣшно:

— Конечно.

Но въ его отвѣтѣ не было той увѣренности, которая свидѣтельствовала бы о его мужественной готовности «боротся не на животъ, а на смерть».

— Эхъ, Яковъ!—произнесъ Псалмопѣвецъ съ недовольствомъ въ голосѣ.

Кедровскій и Крестовоздвиженскій вышли вмѣстѣ. Дорогой въ разговорѣ первый опять коснулся мѣста, сдаваемого о. Никифоровъ. Онъ удивлялся, какъ это можно отказаться отъ такого прихода. Вѣдь тамъ священникъ получаетъ 2.000 рублей, а дочь о. Никифора — красавица. И какъ ѣхать безъ родительскаго благословенія! Помимо ссоры, еще и другое: чѣмъ жить? уроками? Не всегда ихъ найдешь, да и много ли достанешь? Придется бѣдствовать, голодать, а тутъ обезпеченное, покойное житье.

Разсужденія Кедровскаго начали раздражать Якова Аванасьевича тѣмъ болѣе, что въ глубинѣ его души таились тѣ же сомнѣнія и тѣ же опасенія. Любовь въ Сонѣ подвигала его на борьбу, но его кроткой, мягкой душѣ была тяжела всякая борьба и ненавистны ссоры. Онъ шелъ на борьбу по необходимости, неохотно. Слова Псалмопѣцева его ободряли, а разсужденія Кедровскаго угнетали и подшибали крылья, которыя и такъ были слабы. Яковъ Аванасьевичъ невольно раздѣлялъ мысленно многія мнѣнія Кедровскаго и въ то же время злился на него за то, что онъ такъ ясно и просто говоритъ о томъ, чего онъ самъ боится и касаться. Крестовоздвиженскій не выдержалъ, рѣзко оборвалъ товарища и, простившись, разстался съ нимъ.

XV.

О. Аванасій вернулся въ отсутствіе сына. Анна Михайловна въ раздумьи сидѣла у окна, выходящаго въ садъ. Ея глаза были заплаканы, и на лицѣ ясно отпечатлѣвалась та скорбь, какую испытывала она. Анна Михайловна любила сына больше, чѣмъ дочерей. Ей было понятно его горе и жалко его. Она вспомнила, какъ ее выдавали замужъ за о. Аванасія, хотя ей нравился правленскій чиновникъ: она тогда много плакала, тосковала, но потомъ при-

выкла и сжилась. Конечно, и сыну теперь тяжело, если онъ полюбилъ хозяйскую племянницу. Но вѣдь нельзя же ему на ней жениться. Это одно безразсудство. Какая тамъ медицинская академія, когда предлагаютъ такое хорошее мѣсто? Дуня не уродъ, а очень хорошенькая. Отчего ея не полюбить? и, конечно, Яковъ полюбитъ. У Дуни ангельскій характеръ. Потомъ все сладится по хорошему, только придется пережить первое время. Анна Михайловна разсуждала о женитьбѣ сына, какъ уже о совершившемся фактѣ. Она не вѣрила въ то, что онъ пойдетъ противъ ихъ воли, она не могла этого допустить. Но она жалѣла сына и была недовольна тѣмъ, что мужъ такъ грубъ съ нимъ. Нельзя не удержать молодого человѣка отъ безумства, но надо обращаться съ нимъ мягче, ласковѣе. Анна Михайловна обвиняла о. Аванасія за его рѣзкость и потому, когда онъ, вернувшись, довольнымъ тономъ объявилъ, что «все улажено, владыка согласенъ», она спокойно, но съ нескрываемымъ неудовольствіемъ замѣтила мужу:

— Что улажено? Еще вѣдь не знаешь, согласится ли Яковъ.

— Какъ онъ смѣетъ!

— А ты умѣрь себя, отецъ, — перебила Анна Михайловна: — больно расходился, какъ я погляжу, а надо и благоразуміе имѣть. Думаешь, только крикомъ да строгостью и возьмешь? Нонѣ и съ работникомъ ничего не сдѣлаешь, а вѣдь онъ не мужикъ.

— Воля отца, попадья...

— Слышала я это, — перебила жена: — никто воли у тебя не отнимаетъ. Да вѣдь и у него воля есть. Вонъ псаломщикова дочь показала отцу волю, а вѣдь дѣвка; ты же хочешь сына одной строгостью взять. Времена нонѣ не тѣ!

— Что жъ, по-твоему, погладить его по головкѣ, да и сказать: вотъ тебѣ, любезный сыночекъ, мое благословеніе, дѣлай, что хочешь! — насмѣшливо произнесъ о. Аванасій.

— Я вѣдь не ему, отецъ, а тебѣ говорю, — промолвила попадья. — Развѣ я ему это скажу? Не благословлять на глупость надо, а дѣйствовать добрымъ словомъ. Что онъ у насъ: буянъ что ли какой? Кажется, не такого сорта человѣкъ.

— Былъ, мать.

— Полно! Какой былъ, такой и остался.

— Да вѣдь ты слышала, что говорилъ?

— Ну, что-жъ? Смутили парня. Мало ли что въ голову взбредеть? Отъ словъ до дѣла еще далеко. Строгостью да крикомъ ты только раздражишь его. А если пойдетъ на то, такъ что ты съ нимъ подѣлаешь? Уѣдетъ, и вся недолга!

— Пусть-ка!

— Ну, чего ты? Вѣдь и самъ понимаешь, что я говорю правду. Ты думаешь его запугать. Не всегда это попадаетъ въ цѣль, особенно если дружки подзадорятъ. Я тебя дома упрасивала, не послушался...

— Ну, ну, учи! Я глупъ, видно, сталъ!—произнесъ о. Аѳанасій, раздражаясь.

— А ты не сердись,—спокойно продолжала Анна Михайловна.— Кто тебя глупымъ считаетъ, полно! Надо спасать Яшу, а не губить. Ласкою его возьмешь скорѣе. Я его знаю. Онъ смиренный, это правда, и тебя всегда боялся, ну, да вѣдь въ жизни всякія обстоятельства бывають. То случается, что и у смирнаго страхъ пропадаетъ, если ужъ очень...

Анна Михайловна не хотѣла открывать мужу тайны сына, боясь вызвать въ немъ новый взрывъ гнѣва.

— Что же ты не доканчиваешь? — сказалъ о. Аѳанасій, когда жена остановилась на мгновенье, сообразивъ, что она начинаетъ проговариваться.—Какія такія обстоятельства у него? Я не знаю. Онъ тебѣ говорилъ?

— Ничего онъ мнѣ не говорилъ,—промолвила Анна Михайловна:— а я насчетъ академіи и товарищей. Ты все его мальчикомъ считаешь по привычкѣ, а этому мальчику ужъ двадцать второй годъ. Вѣдь у него и самолюбіе проснуться можетъ. Знаешь: гни вѣтку, да не сламывай. Излишнею суровостью можешь такъ его раздражить, что онъ на рожонъ попретъ.

— А и пусть тогда гибнетъ, если хочеть!—воскликнулъ гнѣвно о. Аѳанасій.

Анна Михайловна не то съ сожалѣніемъ, не то съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него.

— И ты, отецъ, это говоришь? Да развѣ не тебѣ, не намъ придется отвѣчать передъ Богомъ за его погибель?

О. Аѳанасій развелъ руками.

— Ну,—проговорилъ онъ:—я ужъ не знаю, какъ теперь и поступать! Я вотъ брошу все, дѣлай сама, какъ знаешь!

— Я объ одномъ тебя прошу, Аѳанасій Григорьевичъ: удержи себя, будь съ нимъ добрѣе, ласковѣе. Самъ увидишь, что выйдетъ лучше.

Въ коридорѣ слышались шаги.

— Никакъ это Яковъ вернулся,—шепотомъ сказала Анна Михайловна, оглядываясь.

Она была права. Въ комнату вошелъ сынъ.

Стараясь не глядѣть на отца и мать, молодой человекъ повѣсилъ фуражку на гвоздь и остановился, видимо, не зная, что дѣлать и какъ держаться. Его тяготило и стѣсняло присутствіе родителей. Это поняла Анна Михайловна, обладавшая чуткостью сердца.

— Пойдемъ-ка, отецъ, къ хозяйкамъ,—сказала она.—Яшѣ надо позаняться. Вѣдь завтра послѣдній экзаменъ; не будемъ мѣшать ему.

О. Аѳанасій продолжалъ сидѣть. Ему хотѣлось поговорить съ сыномъ.

— Ну, идемъ, идемъ, — повторила Анна Михайловна съ той властной ноткой въ голосѣ, которая рѣдко проявлялась у нея, но всегда дѣйствовала на мужа. Онъ всталъ и пошелъ за женой, насупившись и тяжело дыша, что означало у него внутреннее волненіе, которое онъ старался подавить.

Пушковъ сидѣлъ въ столовой и набивалъ папирасы.

— А мы къ вамъ, — гораздо любезнѣе, чѣмъ недавно, — проговорила Анна Михайловна: — ужъ дозвольте посидѣть, а то мы Яшѣ мѣшаемъ заниматься.

— Пожалуйста, я очень радъ, — произнесъ Пушковъ. — Ну, что, о. Аѳанасій, какъ ваши дѣла? Мы и не ждали васъ совсѣмъ.

— Гдѣ и ждать, — промолвила поспѣшно Анна Михайловна. — Мы и сами не думали, да Аѳанасія Григорьевича по дѣлу вызвали, а я и увязалась. За одно, говорю, и Яшу привеземъ. А вы это что, соломеннымъ вдовцомъ живете?

— Да, сиротой остался, — съ улыбкой отвѣтилъ чиновникъ: — жена уѣхала въ Ярославль провожать племянницу да съ ея матерью повидаться. А вотъ сейчасъ получилъ письмо. Жена пишетъ, что ѣдетъ съ сестрой въ Москву и тамъ пробудетъ около недѣли. Раскутилась моя супружница... Чего добраго, сбѣжитъ совсѣмъ!

Онъ засмѣялся, находя свою шутку очень остроумной.

— Да какая это племянница, Павелъ Ивановичъ? Я ее у васъ и не видала совсѣмъ, — дѣланно простодушнымъ тономъ промолвила попадья.

— Она недолго гостила у насъ. Ея мать, сестра моей жены, служила начальницей пріюта въ Самарѣ, а теперь получила новое мѣсто въ Петербургѣ.

— Въ Петербургѣ? — переспросила Анна Михайловна. — Вотъ что... Хорошее мѣсто?

— Ничего. Жалованья больше, чѣмъ въ Самарѣ.

— А дочекъ-то много еще, кромѣ той, что гостила у васъ?

— Одна дочка только.

— Одна? Ну, значитъ, балованная дѣчка.

— Какое баловство, — проговорилъ Пушковъ, прилаживая мундштукъ къ папирасѣ: — для баловства нужны средства, а мать живетъ только на жалованье. И Соня хочетъ взять мѣсто учительницы.

— Что-жъ, если воспитаніе позволяетъ, то отчего же и не взять... Служба благородная. Конечно, дѣвушкѣ замужъ выйти, вотъ главное... Поди, ужъ и женишки сватаются?

— Нынче, Анна Михайловна, женихи-то любятъ деньги да приданое, а за Соней нѣтъ ничего, — сказалъ Пушковъ. — Дѣвушка она красивая и умная, но безприданница.

— А что и надо, Павелъ Ивановичъ, какъ не умъ да не характеръ хорошій. А если еще при этомъ красота да домовитость, это лучше всякаго приданого.

— Это конечно,—согласился Пушкивъ.

Онъ закрылъ ящикъ съ папиросами и, сдунувъ табачныя крошки со стола на бумагу, выкинулъ ихъ за окно.

— Соня дѣвушка хорошая,—произнесъ онъ, садясь на прежнее мѣсто,—только вотъ повеселиться любить, это вѣрно. Я ей говорю какъ-то: «согласилась ли бы ты стать попадѣй?» Она и руками замаяхала: «Ни за что,—говорить,—попъ не мужчина». Ха-ха-ха! Слышите? Вотъ какъ разсуждаетъ!

— Гм!..—крякнулъ о. Аванасій и посмотрѣлъ на жену. Та поспѣшила отвѣтить хозяину:

— Совсѣмъ свѣтская барышня, значить, ваша племянница. При такихъ мысляхъ ей за священника выходить и думать нечего.

«Она, она повліяла на Якова, это ясно»,—подумала Анна Михайловна.

— А что, матушка, не будемъ ли мы пить чай?—предложилъ Пушкивъ.—Вѣдь вы сегодня не обѣдали.

— Не хотѣлось, Павелъ Ивановичъ, раньше закусили... А чайку можно напитокъ, и Яша попьетъ съ нами. Вотъ пособилъ бы Богъ ему завтра экзаменъ сдать хорошо, и дѣлу конецъ.

— А тамъ и въ академію,—сказалъ хозяинъ.

— Зачѣмъ туда? Конечно, по успѣхамъ онъ достоинъ, ему и предложить навѣрное,—съ гордостью проговорила Анна Михайловна,—да хочется намъ его на мѣсто устроить. И безъ академіи живутъ люди.

— Развѣ ужъ есть мѣсто?—спросилъ Пушкивъ.

— Да... имѣется въ виду,—уклончиво отвѣчала попадья.

За чаемъ опять говорили больше Пушкивъ и Анна Михайловна, которая очень внимательно посмотрѣла на сына, когда хозяинъ передалъ поклонъ отъ жены и Сони. Яковъ Аванасьевичъ вспыхнулъ. Попадья едва замѣтно съ сокрушеніемъ покачала головой и заговорила съ хозяиномъ о чемъ-то, отвлекая его отъ разсказа о Марьѣ Ивановнѣ и Сонѣ.

Послѣ чая молодой человекъ отправился опять къ себѣ заниматься, Анна Михайловна съ мужемъ вышли въ садъ. Здѣсь о. Аванасій передалъ женѣ подробности своей бесѣды съ архіереемъ, который далъ слово «воздѣйствовать» на молодого человека.

— Онъ прямо сказалъ: «не академія важна, а важно благочестіе». А оно де не въ академіи фабрикуется.

— Ну, да,—не безъ ѣдкости замѣтила Анна Михайловна:—потому такъ и говорить, что въ академіи-то послѣднимъ кончилъ.

— А умница, мать, это ужъ вѣрно,—заступаясь за владыку, замѣтилъ о. Аванасій.

Не находя нужнымъ спорить, Анна Михайловна только промолвила, тревожась за сына:

— Не напортилъ бы онъ... Какъ начнетъ по своему обыкновенію лютовать, Яковъ, пожалуй, и дерзость скажетъ.

— Развѣ онъ посмѣетъ?

— Ну, отецъ, и овцы брыкаются, и не во всякую минуту человѣка можно окрикомъ взять.

— А знаешь что, — вдругъ промолвилъ о. Аѳанасій: — мнѣ начинаетъ сдаваться, что эта дѣвушка, племянница-то хозяйская, тово..., по сердцу пришлась Якову. Она на него и подѣйствовала.

«Наконецъ-то догадался», съ сожалѣніемъ подумала про себя Анна Михайловна. Но она не хотѣла укрѣплять въ мужѣ этой догадки и проговорила недовольнымъ тономъ:

— Чего еще сочиняешь! Похожаго ничего нѣтъ. Долго ли она жила? Самъ знаешь: Яковъ и ходить-то къ хозяйевамъ не любитъ.

И она заговорила съ мужемъ о хозяйственныхъ дѣлахъ.

XVI.

Архіерей гулялъ по широкой аллеѣ своего сада, расположеннаго на высокой горѣ, обросшей по краямъ тополями и березами. Онъ ходилъ, заложивъ лѣвую руку за спину и держа въ правой широкополую шляпу. Это былъ высокій, плотный человѣкъ, съ круглой большой головой, совершенно лишенной волосъ. Изъ-подъ нависшихъ бровей смотрѣли острые сѣрые глаза. Щеки и подбородокъ были жирные, нѣсколько обвислые. Усы и борода рѣдкіе, сѣдые. Грушевидный, красный носъ, сидѣвшій на широкомъ кругломъ лицѣ невольно каждому бросался въ глаза и вызывалъ предположенія, не особенно выгодныя для владыки. Онъ происходилъ изъ духовныхъ и началъ служебную карьеру сельскимъ попомъ, но если бы съ него снять рясу и одѣть его въ военный мундиръ, онъ выглядѣлъ бы настоящимъ командиромъ. Его рѣзкія, рѣшительныя манеры многимъ не нравились, равно какъ и его крутой горячій характеръ. Онъ любилъ распекать и поучать. Его голосъ то грозно повышался, если слушатель былъ достоинъ кары, то журчалъ, какъ ручеекъ, когда владыка старался кого нибудь убѣдить или разговаривалъ съ дамами. Съ «попами» онъ былъ вообще грубоватъ, иногда даже лютъ, кричалъ, бранился. Разъ онъ въ алтарѣ швырнулъ такъ книгу, что та на лету задѣла дьякона.

— Ты чего подвертываешься? — съ досадою промолвилъ архіерей и грозно посмотрѣлъ на дьякона; тотъ весь съезжился, какъ будто онъ былъ виноватъ въ самомъ дѣлѣ. Но черезъ нѣсколько минутъ владыка уже милостиво обратился къ дьякону. Въ общемъ архіерей отличался добродушіемъ, но его горячность, шедшая объ руку съ грубостью, наносила чувствительные удары самолюбію «отцовъ». Многіе забывали скоро свои обиды, подкупаемые архіерейскимъ добродушіемъ и довольные его шутками съ ними въ иное время. Но были и такіе, которые глубоко страдали отъ архіерейской грубости. Къ достоинствамъ владыки надо было отнести его

энергію и административныя способности. «Онъ совѣмъ епархіальный губернаторъ», говорилъ про него смѣясь мѣстный прокуроръ.

Архіерей услыхалъ позади себя шаги, оглянулся и остановился. Подбѣжалъ молодой служка.

— Ты что, Сократъ?

— Ваше преосвященство, пришелъ семинаристъ Крестовоздвиженскій, которому вы приказали явиться сегодня.

— Гдѣ онъ?—промолвилъ архіерей, сдвигая брови.

— На дворѣ, ваше преосвященство.

— Позови его сюда!

Служка бѣгомъ бросился по аллеѣ. Владыка подошелъ къ дивану, между тополями, опустился на него и надѣлъ шляпу.

Увидя подходившаго Крестовоздвиженскаго, архіерей всталъ и пошелъ въ противоположную сторону по аллеѣ, потомъ повернулъ назадъ, на встрѣчу семинаристу, и приостановился.

Яковъ Аванасьевичъ, еще за нѣсколько шаговъ снявшій фуражку, сдѣлалъ низкій поклонъ и затѣмъ подошелъ подъ благословеніе владыки. Архіерей широкимъ размахомъ осѣнилъ молодого человѣка, который облобызалъ пастырскую руку и, не надѣвая фуражки, ждалъ, что скажетъ преосвященный.

— Ты это что же опоздалъ?—спросилъ архіерей строго.

— Простите, ваше преосвященство, задержалъ отецъ ректоръ.

Архіерей пристально посмотрѣлъ на молодого человѣка и промолвилъ съ усмѣшкой:

— Вѣдь всѣ вы, медики, вольнодумцы. Ты вѣдь медикомъ хочешь быть?

Онъ повернулъ въ боковую аллею и, не оборачиваясь, отрывисто кинулъ семинаристу:

— Иди сюда.

Крестовоздвиженскій повиновался, но пошелъ не рядомъ, а чутьчку позади, однако такъ, чтобы владыкѣ было удобно разговаривать съ нимъ.

— Такъ медикомъ хочешь быть?—снова спросилъ архіерей.

Въ тонѣ его слышалась иронія, а не гнѣвъ.

— Имѣю желаніе, ваше преосвященство.

— А въ духовную академію не хочешь? Противишься волѣ отца?

— Батюшка тоже не хочетъ, чтобы я поступалъ въ академію, ваше преосвященство.

— А почему не хочетъ? Боятся за тебя. Онъ-то благочинный, а ты-то человѣкъ безчинный, ибо безчинства творить собираешься.

Архіерей вдругъ въ полуоборотъ посмотрѣлъ на семинариста и спросилъ:

— Отчего въ попы не хочешь, а?

— Призванья не имѣю, ваше преосвященство.

— А ты почему это знаешь?

— Не чувствую его въ себѣ.

— Ишь чего захотѣлъ!—воскликнулъ архіерей.—Хочешь быть богоизбраннымъ... А ты будь, какъ всѣ. Призванья нѣтъ, потомъ познаешь на дѣлѣ. Я самъ поступилъ въ попы, не чувствуя ничего, а потомъ и понялъ, что на дорогѣ стою. Все воспитаніе твое тебя къ духовному сану приготавливало, а ты говоришь—не чувствую. Богословскія науки прошелъ,—чего же тебѣ?

— Ваше преосвященство,—осмѣлился заявить Крестовоздвиженскій:—знанія одного мало, надо горячее желаніе. Священство подвигъ. Вселенскій учитель Златоустъ боялся принять санъ священства и отказался, а я ли достоинъ?

— Полно тебѣ вздоръ молоть,—рѣзко оборвалъ владыка.—Что ты на Златоуста ссылаешься? Безъ тебя знаю! Дорога Златоуста терниста и крута, гдѣ намъ итти по ней! А что про недостойнство ты свое упомянулъ, такъ вѣдь давно сказано: «никто не достоинъ отъ связавшихся плотскими похотьми и сластями приходити или приближаться Царю славы». А ты молись, проси Бога «очистить совѣсть твою отъ мертвыхъ дѣлъ во еже достойно служить Богу живу и истинну, милостиву быти неправдамъ твоимъ». Вотъ что! Ты, я вижу, любишь много мудрствовать.

Архіерей послѣднюю фразу произнесъ недовольнымъ тономъ, повышая голосъ. Но онъ сейчасъ же опять заговорилъ тише и не такъ рѣзко:

— Ты, можетъ быть, считаешь священство малополезнымъ? Выше его ставишь докторство, а?

— Не дерзаю такъ думать, ваше преосвященство, — отвѣтилъ Крестовоздвиженскій.

— Не дерзаю!—передразнилъ архіерей.—Ты не на словахъ мнѣ почтеніе-то оказывай, не языкомъ, а послушаніемъ. Говоришь смиренно, какъ монахъ, а упорствуешь, какъ раскольникъ. Не дерзаю! Еще бы дерзалъ! Что такое докторство? Всякій шалопай можетъ рѣзать людей да морить ихъ. Велика миссія! А что такое іерей? Ты объ этомъ думаешь? Твердо знаешь писаніе? Апостолы говорятъ: «родъ избранный, царское священіе, люди обновленія, званія небеснаго причастницы»... А еще: «посланники Христовы, ловцы чловѣковъ грѣшныхъ во спасеніе»... Что ты скажешь на сіе? а? Равно-сильно это докторству?

— Я согласенъ, ваше преосвященство.

— А если такъ, то иди и наставляй.

— Я еще самъ нуждаюсь въ наставленіи, ваше преосвященство,—искренно произнесъ семинаристъ.

— Это ты прекрасно сказалъ; что вѣрно—то вѣрно. А для сего есть у тебя великіе учителя, отцы церкви... Читай, поучайся... А ужъ въ твоей рѣзальнѣ тебя на путь истинный не наставятъ.

Тамъ скорѣе всего невѣромъ сдѣлаешься. Ты почему хочешь на медицинскій? Призваніе у тебя?

— Да, ваше преосвященство.

— А кто тебѣ сказалъ? Кошку рѣзалъ и убѣдился? а? философъ! Да ты знаешь ли, что съ третьяго курса многіе сбѣгаютъ, а ты уже здѣсь рѣшилъ—призваніе! Ты хочешь служить на пользу народа?

— Да, ваше преосвященство.

— А въ попахъ, полагаешь, нельзя? Въ медикахъ и безъ тебя много народа, чего ты лѣзешь?

Архіерей медленно шагаль, держа по привычкѣ за спиной лѣвую руку.

— Ты думаешь, — продолжалъ онъ, — поповъ настоящихъ много? Не густо. Другому бы лошадами торговать надо, а онъ въ попы залѣзъ. А если у тебя совѣсть такая чуткая, такъ и иди въ попы, учи народъ, этотъ темный, невѣжественный народъ. Будь не наемникомъ, а пастыремъ. Ты думаешь, что нужда только въ однихъ медикахъ? Народу хорошій попъ лѣкаря важнѣе. Пошло безвѣріе, тутъ лѣкаря ничего не подѣлаютъ. Слушаешь, философъ?

Архіерей оглянулся и добавилъ:

— Иди рядомъ со мной.

Крестовоздвиженскій повиновался.

— Я тебя понимаю,—промолвилъ архіерей, помолчавъ немного. — Ты очень высоко смотришь на санъ іерея. Это похвально, вотъ это-то самое и говоритъ за то, что ты будешь хорошимъ пастыремъ; въ тебѣ страхъ Божій. Ты самъ не понимаешь, что созданъ для іерейства, заблуждаешься, разсуждая иначе. Тебя ктонибудь настронлъ, а ты не поддавайся. Иди въ попы, Богу послужишь и родителямъ радость доставишь. Развѣ тебѣ будетъ сладко, если на старости лѣтъ отца огорчишь, а что если онъ не перенесетъ, а? Отцеубійцей хочешь быть?

Крестовоздвиженскій невольно поблѣднѣлъ при послѣднихъ словахъ архіерея. А тотъ продолжалъ:

— Ты долженъ, какъ хорошій и благодарный сынъ, покоряться родителямъ. А мѣсто... Ты знаешь, куда тебя прочить отецъ?

— Да, ваше преосвященство.

— Онъ былъ у меня, я далъ согласіе. Видишь, какъ я тебя цѣню. Такому юнцу—какой приходъ даю!

— Очень благодаренъ вамъ, ваше преосвященство.

— А дѣвицу знаешь? Дочь о. Никифора Осокина?

— Знаю, ваше преосвященство.

— Нравится тебѣ она?

— Ваше преосвященство, я ея не люблю.

Архіерей строго и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на семинариста.

— Не любишь? Ну, потомъ полюбишь, если она хорошая дѣвушка. Или, можетъ быть, ты уже любишь другую?

Онъ опять посмотрѣлъ на семинариста.

— Да, ваше преосвященство!—невольнo вырвалось у молодого чeловѣка.

— Вотъ что! Кто же она: здѣшняя, духовнаго званія?

— Нѣтъ, ваше преосвященство, она изъ Самары.

— А ты развѣ тамъ былъ?

— Она сюда пріѣзжала.

— Чья же дочь?

— Свѣтскаго званія, ваше преосвященство.

— Гм!—произнесъ архіерей и, помолчавъ, промолвилъ:—а не вздоръ все сіе, на манеръ твоего призванія? а? Повертѣлась дѣвица и понравилась. Улетѣла—тоска взяла. А вотъ узнаешь другую, и та понравится. А эту забудешь... а?

— Нѣтъ, ваше преосвященство.

— Такая ужъ крѣпкая любовь?

Крестовоздвиженскій замѣтилъ по тону архіерея, что онъ остался недоволенъ послѣднимъ отвѣтомъ, но онъ вдругъ, самъ не зная почему, промолвилъ:

— Я уже слово далъ, ваше преосвященство.

— А какъ же ты могъ дать слово безъ отцовскаго согласія?

И голосъ владыки зазвучалъ грозно. Очевидно, послѣднее заявленіе семинариста привело архіерея въ гнѣвъ.

— Какъ же ты смѣлъ такъ поступить?—еще строже повторилъ владыка.—Вотъ оно: еще не сталъ медикомъ, а уже вольнодумство проявилъ, заповѣдь Божію забылъ.

Крестовоздвиженскій молчалъ, зная, что всякое возраженіе теперь еще больше раздражитъ архіерея, который утихалъ только тогда, когда передъ нимъ покорно молчали.

Они подходили къ бесѣдкѣ. Архіерей вошелъ въ нее. Крестовоздвиженскій остановился у входа.

— Иди сюда! садись!—сказалъ архіерей, взглянувъ на семинариста. Его смиренный видъ и молчаніе смягчили архіерея. Онъ заговорилъ менѣе грозно, но также внушительно.

— Ты поступилъ легкомысленно и опрометчиво. Богъ тебя проститъ. Слушай: выбрось дурь изъ головы. Ты сынъ іерея, получилъ образованіе духовное, у тебя всѣ данныя къ тому, чтобы быть достойнымъ іереемъ: и знаніе, и пониманіе долга, и любовь къ народу, къ будущей паствѣ. И сердце у тебя доброе. Ну, легкомысленность это вопросъ времени. Молись, и Богъ тебѣ поможетъ. Отблагодари родителей за всѣ ихъ заботы; а поступишь иначе—Богъ тебя накажетъ. О красавицѣ своей перестань думать. Дочь попа Никифора хорошая дѣвушка. Я былъ у него зимой, видѣлъ ее, разговаривалъ. Разумница и лицомъ пригожая. А тебѣ...

Въ этотъ мигъ подошелъ служка, тотъ самый, который докладывалъ о приходѣ Крестовоздвиженскаго.

— Ты что опять?—съ неудовольствіемъ спросилъ архіерей.

— Отецъ архимандритъ изъ Спасскаго монастыря пріѣхали.

— Ладно, скажи, что сейчасъ буду. Ступай!

Архіерей поднялся со скамейки и обратился къ семинаристу:

— Такъ вотъ что, философъ: поступаай такъ, какъ я тебѣ говорю. Я добра тебѣ желаю, хочу твоего отца обрадовать. Экзамены ты всѣ кончилъ, съ Богомъ поѣзжай домой и, если считаешь во что нибудь мои пастырскія слова, такъ и дѣлай такъ, какъ я говорю: женись, а по осени я тебя посвящу, въ гости къ тебѣ пріѣду, попадья молодая пирогомъ угостить...

Архіерей вошелъ въ хорошее настроеніе, въ которомъ онъ любилъ шутить и острить.

— Ну, иди.

Онъ опять благословилъ семинариста. Крестовоздвиженскій облобызалъ его руку и пошелъ по боковой аллеѣ. Онъ былъ разстроенъ и подавленъ словами архіерея. Они подняли въ душѣ молодого человѣка старое, забытое, и задѣли тѣ струны души, которыя молчали за послѣдніе дни. Тяжелая тоска наполнила сердце семинариста.

— Ну, что, Яшенька?—спросила Анна Михайловна, когда онъ вернулся домой.

Она пристально глядѣла на него, стараясь узнать по лицу то впечатлѣніе, какое произвелъ на сына разговоръ съ архіереемъ.

— Ничего,—коротко и неохотно отвѣтилъ Яковъ Аванасевичъ.

Анна Михайловна не стала спрашивать. Она поняла, что сынъ въ такомъ настроеніи, что всякіе разспросы только раздражать его. «Пусть вымолчится,—рѣшила она:—а тамъ исподоволь все расскажетъ самъ, или я допытаюсь.

Она только спросила, какъ бы между прочимъ:

— Не лютъ былъ архіерей-то?

— Нѣтъ, много говорилъ и даже расшутился: обѣщался пріѣхать на пирогъ къ намъ, т. е. когда я женюсь и буду попомъ.

Крестовоздвиженскій упомянулъ объ этомъ, какъ о событіи, которое никогда не случится.

Анна Михайловна неопредѣленно улыбулась и замѣтила:

— Вотъ какъ! Значитъ въ добромъ настроеніи былъ владыка.

И сейчасъ же добавила:

— Надо собираться, Яша, въ деревню. Хотя отецъ-то и раньше уѣхалъ, да что онъ тамъ безъ меня: я ему въ обѣднѣ не помощница, а онъ мнѣ въ хозяйствѣ.

Въ этотъ же день поздно вечеромъ они уѣхали въ Домкино. Анна Михайловна очень дружески простилась съ хозяиномъ, благодарила его за добрую ласку и вниманіе къ сыну, просила кланяться Марьѣ Ивановнѣ и также поблагодарить ее. Павелъ Ива-

новичъ расцѣловался съ Крестовоздвиженскимъ и пожелалъ ему счастья въ брачной жизни.

— Я сегодня пишу въ Москву. Кланяться? — спросилъ Пушкинъ.

— Кланяйтесь, — отвѣтилъ Яковъ Аѳанасьевичъ и ничего не прибавилъ болѣе.

Ему хотѣлось спросить: долго ли пробудутъ въ Москвѣ, и какой петербургскій адресъ, но онъ не спросилъ этого, стѣснясь присутствіемъ матери, да и другое чувство удержало его отъ этого вопроса.

XVII.

Яковъ Аѳанасьевичъ проснулся поздно. Стоялъ чудный лѣтній день. Солнце нагрѣло воздухъ и землю своими жаркими лучами. Небо было совершенно голубое. Изъ огорода въ комнату, черезъ открытое окно, завѣшенное кисейной гардиной, доносилось веселое чириканье воробьевъ и перекликанье двухъ пѣтуховъ, изъ которыхъ одинъ гудѣлъ баскомъ, а другой отвѣчалъ ему высокимъ теноромъ.

Крестовоздвиженскій хорошо выспался, но ему все-таки не хотѣлось вставать. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами и прислушивался къ веселому крику птицъ. Солнечные лучи падали на постель поверхъ занавѣски и ласкали его.

Прошло около двухъ недѣль, какъ молодой человѣкъ вернулся въ родную деревню. Онъ отдыхалъ, исправно поѣдалъ вкусныя лепешки и пироги, пилъ вдоволь молока, которое такъ любилъ, и ничѣмъ не занимался. Псалмопѣвцевъ, тоже пріѣхавшій на родину и уже два раза посѣтившій Крестовоздвиженскаго, принесъ ему бюхнеровскую «Stoff und Kraft», но Яковъ Аѳанасьевичъ еще не прочелъ въ ней и первой страницы. Его охватила усталость послѣ экзаменаціонной зубрежки и тѣхъ волненій, которыя онъ пережилъ за послѣдніе дни въ городѣ. Онъ ѣхалъ въ Домкино именно съ тѣмъ, чтобы «подготовляться» и «вести борьбу»; но читать мѣшала лѣнь, а бороться пока было не съ кѣмъ. Молодой человѣкъ удивлялся тому, что онъ встрѣтилъ дома. О. Аѳанасій ни разу не заговорилъ ни о женитьбѣ, ни о священствѣ. Онъ вообще мало говорилъ съ сыномъ, занятый надворными постройками и поправками въ церкви, но относился къ нему такъ, словно и не было никакихъ непріятныхъ объясненій. Онъ говорилъ спокойнымъ, ровнымъ голосомъ и пересыпалъ иногда свои рѣчи шутками. Яковъ Аѳанасьевичъ никакъ не могъ рѣшить, что это значитъ: отказался ли отецъ отъ своихъ требованій, или считаетъ дѣло рѣшеннымъ, въ смыслѣ побѣды надъ сыномъ. Первые два-три дня молодой человѣкъ тревожился въ ожиданіи, чѣмъ все разрѣшится. А потомъ мало-по-малу его охватила лѣнь, и онъ весь отдался во власть ея. О Сонѣ онъ продолжалъ думать и рѣшилъ послать ей письмо, какъ только узнаетъ петербургскій адресъ.

Анна Михайловна обращалась съ сыномъ ласково, нѣжно и также ни словомъ не упоминала о женитьбѣ. Она только между прочимъ очень тонко высказывала желаніе видѣть сына священникомъ и разъ упомянула объ о. Никифорѣ, замѣтивъ при этомъ, что скоро день его рожденія.

Яковъ Аѳанасьевичъ былъ радъ всему этому и продолжалъ отдыхать, пользуясь благами деревенской жизни. Онъ цѣлые дни бродилъ по полямъ, въ лѣсу, по тѣмъ мѣстамъ, которыя ему были близки, дороги съ дѣтства. Все оставалось по-старому. То же было здѣсь и въ прошломъ году, и ранѣе, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Словно не годы, а только дни прошли съ тѣхъ поръ, какъ онъ впервые уѣхалъ въ семинарію. Домкино представлялось молодому человѣку какимъ-то заснувшимъ, очарованнымъ царствомъ, гдѣ ничто не мѣняется. Появились, правда, новые люди, незнакомые Якову Аѳанасьевичу, умерли нѣкоторые старики, и другіе, болѣе молодые, заняли ихъ мѣсто въ житейскомъ обиходѣ, но самый обиходъ, сама жизнь, даже природа, остались все тѣ же. Вотъ дорожка въ лѣсу, по которой онъ бѣгалъ съ товарищами за ягодами и грибами. Она такъ же извивается, какъ и въ тѣ далекіе годы, спускаясь къ глубокому оврагу. Маленькая рѣчка такъ же лѣниво катитъ свои мутныя воды, и тѣ же старыя березы, ольхи и осины стоятъ по ея берегамъ, которые извиваются, какъ лента, все понижаясь и понижаясь къ сѣверу. И стоятъ деревья, погруженныя въ думы о чемъ-то. Что снится имъ? Якову Аѳанасьевичу припомнилась сказка бабушки про то, какъ деревья ожили и двинулись, охваченныя желаніемъ посмотрѣть свѣтъ. Они затосковали на чужбинѣ о родныхъ мѣстахъ и вернулись назадъ. А тамъ уже росли новыя деревья, которыя не пустили возвратившихся странниковъ; эти послѣднія горько заплакали, легли на землю и сказали, что они предпочтутъ смерть на родинѣ жизни въ чужомъ краю. Тоска сказочныхъ деревьевъ понятна Якову Аѳанасьевичу. Онъ любитъ самъ эти родныя мѣста, гдѣ такъ хорошо жилось въ дѣтскіе годы, и ему всегда пріятно возвращаться домой. Нынче онъ не хотѣлъ ѣхать изъ города, но вотъ онъ вернулся, и сразу же его охватило роднымъ тепломъ, повѣяло на него отрадою золотыхъ дѣтскихъ лѣтъ. Это — не измѣна стремленію къ свѣту; нѣтъ, въ его груди осталась та же жажда науки, и онъ поѣдетъ въ Петербургъ, но всѣ эти впечатлѣнія, навѣваемые родными мѣстами, какъ-то цѣлительно дѣйствовали на него, утишили сразу душевную бурю, дали ему то спокойствіе, которое ему такъ дорого. И думалъ онъ, не любившій бурь: «Можетъ быть, все обойдется безъ борьбы, родители согласятся, и отъѣздъ въ Петербургъ состоится безъ всякой ссоры. Какъ бы это было хорошо! Вѣдь и Соня не хочетъ ссоры, да и зачѣмъ ссориться?»

Псалмопѣвцевъ, прощаясь съ пріятелемъ въ послѣдній разъ, замѣтилъ ему:

— Яковъ, ты что-то какъ будто мѣняешься. Ты скулить даже пересталъ, а это худо. Уже не прельщаетъ ли тебя «мирное и благоденственное житіе»?

— Что ты выдумалъ?—отвѣтилъ Крестовоздвиженскій, вспыхнувъ.—Я просто отдыхаю. Вотъ скоро всерьезъ займусь.

— Ты очень-то имъ не вѣрь,—продолжалъ Псалмопѣвцевъ, кивая головою въ сторону гостиной, гдѣ въ это время сидѣли родители пріятеля:—если они молчатъ, это еще не значитъ, что они уступили. Это, Яша, у нихъ политика.

— Да вѣдь ты самъ говорилъ, что надо оттягивать... Если молчать, и хорошо.

— А вдругъ да сразу откроютъ дѣйствіе? Невзначай на тебя нападутъ, какъ враги, давшіе противнику заснуть и обезоружиться? Будь, Яковъ, начеку. Молчи, а къ бою будь готовъ... Смотри, братъ!

Дальше говорить Псалмопѣвцеву не пришлось, такъ какъ въ комнату вошла Анна Михайловна.

Она и о. Аѳанасій встрѣтили Псалмопѣвцева не особенно любезно, но вполне «прилично», какъ рѣшилъ про себя будущій Боткинъ. Только Анна Михайловна старалась какъ можно меньше оставлять гостя наединѣ съ сыномъ, и у нея вызвала видимое неудовольствіе прогулка обоихъ ихъ на сосѣдній погостъ. Крестовоздвиженскій далъ слово пріятелю прійти къ нему, но Анна Михайловна очень ловко, подъ разными предлогами, удерживала сына отъ этого посѣщенія. Однако, Яковъ Аѳанасьевичъ рѣшилъ непременно завтра отправиться къ товарищу въ Курилово, гдѣ онъ жилъ съ матерью просвирней. Но ему не пришлось осуществитъ свое желаніе. Когда онъ вышелъ въ столовую, которая находилась рядомъ съ кухней и была въ то же время и гардеробной комнатой,—онъ засталъ за самоваромъ у круглаго стола мать и сѣдую, но довольно еще бодрую, старуху. Онъ узналъ въ гостьѣ сестру о. Никифора, который, овдовѣвъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пригласилъ ее къ себѣ завѣдывать хозяйствомъ.

— Вотъ, Яшенька,—промолвила Анна Михайловна, когда сынъ, поздоровавшись съ гостьей, сѣлъ къ столу:—Анеиса Леонтьевна пріѣхала звать насъ къ себѣ, на рожденный день о. Никифора.

— Пожалуйста,—сказала старуха, обращаясь къ молодому человѣку:—вотъ съ матушкой и съ батюшкой къ намъ милости просимъ. Братецъ и то говоритъ: что это сколько времени живетъ Яковъ Аѳанасьевичъ, а не заглянетъ къ намъ, или...

Анна Михайловна быстро перебила гостью:

— Пусть о. Никифоръ не осудитъ Яшу, отдыхаетъ онъ послѣ экзаменовъ. Шутка ли, сколько было предметовъ, вѣдь все надо было сдать.

— Что говорить,—согласилась гостья:—мудрости немало. Братецъ, какъ начнетъ перечислять всѣ науки, такъ я просто диву даюсь, какъ это возможно все упомянуть. А онъ мнѣ: «я, говоритъ, сестра, еще половину перезабылъ». Я только рукой махну. А онъ смѣется.

Она сама размѣялась и добавила:

— И какихъ только наукъ нѣтъ. Вотъ, на примѣръ, какая-то гимнетика... ужъ не знаю, такъ ли я говорю?

Она вопросительно посмотрѣла на молодого человѣка.

— Герминевтика, — поправилъ онъ съ улыбкой, намазывая на хлѣбъ масло.

— Ну, вотъ, вотъ, и выговорить—такъ языкъ сломаешь, а тутъ еще надо учить. Ну, да слава Богу, теперъ вы ужъ все покончили, и пора вамъ...

Анна Михайловна опять перебила гостью:

— Вотъ Яшенька и отдыхаетъ, потому и не былъ у васъ. А то все собирался, сколько разъ говорить...

Она взглянула на сына, не то вызывая его на подтвержденіе своихъ словъ, не то прося его хотя не возражать ей. Онъ избралъ послѣднее и молча ѣлъ хлѣбъ, заливая его горячимъ молокомъ.

— Такъ уже ждемъ, Анна Михайловна. Жаль, что дочки-то ваши въ отсутствіи. Дуня наказывала безпремѣнно, чтобы онѣ пріѣхали. И долго онѣ прогостятъ у бабушки?

— Да какъ погостится, Анеиса Леонтьевна... Знаете, бабушки всѣ баловницы... ну, а дѣвчонкамъ это и на руку...

— Эхъ, кто не любитъ ласку, Анна Михайловна! Такъ ужъ ждемъ васъ, родная!

— Ваши гости, Анеиса Леонтьевна. Яша, что же ты молчишь, тебя приглашаютъ?

Ей стало даже досадно на сына, и это ясно выразилось въ ея тонѣ.

Яковъ Аванасьевичъ поблагодарилъ старуху и сказалъ, что непремѣнно будетъ.

— Мое почтеніе о. Никифору, а также и Евдокіи Никифоровнѣ,—добавилъ онъ.

Анна Михайловна ласковымъ взглядомъ выразила сыну свое одобреніе.

Гостья скоро уѣхала.

— А я завтра хотѣлъ было къ Неофиту отправиться,—сказалъ Яковъ Аванасьевичъ.

— Ну, чего тамъ ты забылъ?—не скрывая досады, промолвила мать, и сейчасъ же прибавила мягко:—и заспался же ты сегодня: смотри-ка, двѣнадцатый часъ! **Александръ Кругловъ.**

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ М. А. ПАТКУЛЬ ¹⁾.

VIII.

Вниманіе ко мнѣ государя и государыни. — Государь выражаетъ согласіе быть воспріемникомъ моего ребенка. — Рожденіе у меня сына. — Болѣзнь свекра. — Поѣздка къ нему моего мужа. — Кончина великой княгини Александры Николаевны. — Возвращеніе мужа. — Смерть моего сына. — Трогательное участіе наслѣдника цесаревича. — Рожденіе сына Александра. — Лѣто въ Петергофѣ. — Братъ императрицы. — Бракосочетаніе великой княжны Ольги Николаевны. — Празднества по этому случаю. — Рожденіе дочери Маріи. — Посѣщеніе насъ государемъ. — Царскіе подарки. — Покупка дома въ Царскомъ Селѣ. — Моя болѣзнь. — Вечера въ Александровскомъ дворцѣ у императрицы. — Kümmeleuchen.

СЕНТЯБРЯ 8-го родился великій князь Николай Александровичъ.

Въ назначенный часъ мы всѣ собрались въ церковь Большого дворца, гдѣ былъ отслуженъ благодарственный молебень въ присутствіи ихъ величествъ и высочествъ.

Вечера при дворѣ продолжались своимъ чередомъ.

На одномъ изъ нихъ императрица, подойдя ко мнѣ, спросила, не трачу ли я слишкомъ много на перчатки, являясь постоянно въ новыхъ. На это я улыбаясь отвѣтила, что съ самой весны у меня только двѣ пары въ ходу, которыя по очереди я чищу сама. Императрица поинтересовалась даже узнать, какимъ способомъ, и по окончаніи моего объясненія милостиво сказала: «Maintenant que je vous sais si raisonnable, je ne craindrai plus de vous inviter aussi souvent que possible».

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVIII, стр. 89.

Въ началѣ ноября мы должны были переѣхать въ городъ, на новую квартиру по Сергіевской улицѣ, противъ дома княгини Баятинской.

Наканунѣ нашего переѣзда, на вечерѣ, простясь съ императрицей, я подошла къ государю, стоявшему немного въ сторонѣ и, прощаясь съ нимъ, поблагодарила за всѣ милости, которыми мы пользовались во время нашего пребыванія въ Царскомъ; государь спросилъ, почему мы уѣзжаемъ раньше. Объяснивъ ему причину, я сказала, что имѣю большую просьбу, а именно, не отказать быть воспріемникомъ нашего будущаго ребенка.

— Съ большимъ удовольствіемъ! Абонируюсь на всѣ!

Въ сопровожденіи самыхъ лучшихъ пожеланій, его величество поцѣловаль мнѣ руку, а я, не зная придворнаго этикета, поцѣловала его въ щеку.

Только что я отошла, ко мнѣ начали подходить то одинъ, то другой изъ высокопоставленныхъ лицъ, бывшихъ на вечерѣ, съ вопросомъ, съ чѣмъ государь поздравилъ меня.

Одинъ отвѣтъ былъ у меня для всѣхъ: «Это мой секретъ, а кто много хочетъ знать, тотъ скоро состарится». Между любопытными, большею частью, были довольно зрѣлаго возраста, какъ-то: графъ Чернышевъ ¹⁾, Апраксинъ и нѣкоторые другіе.

1-го декабря родился у насъ сынъ, названный Николаемъ.

Воспріемниками были его величество съ великой княгиней Маріей Николаевной Лейхтенбергской. Обрядъ былъ совершенъ въ малой церкви Зимняго дворца В. А. Бажановымъ.

Государь такъ былъ милостивъ, что сдѣлалъ мнѣ выговоръ, зачѣмъ я пріѣхала съ ребенкомъ въ такой морозъ; онъ съ удовольствіемъ самъ пріѣхалъ бы къ намъ.

Январь былъ очень оживленный; въ царской семьѣ были двѣ невѣсты: великая княгиня Александра Николаевна — принца Гессенъ-Кассельскаго, и дочь великаго князя Михаила Павловича — Елисавета Михайловна — герцога Нассаускаго. Обѣ свадьбы состоялись одна послѣ другой, и празднества чередовались.

У Михаила Павловича былъ костюмированный вечеръ, на которомъ я была въ восточномъ костюмѣ. Онъ вышелъ очень удачнымъ, несмотря на то, что весь былъ сдѣланъ мной и обошелся очень недорого.

Баль былъ очень эффектный.

Весной царская фамилія переѣхала въ Царское, куда и мы переебрались.

Молодая великая княгиня Александра Николаевна начала кашлять, здоровье ея очень тревожило августѣйшихъ родителей. Мужъ ея не былъ достоинъ такого прелестнаго созданія, какимъ была ве-

¹⁾ Впослѣдствіи князь, военный министръ.

ликая княгиня. Онъ былъ вѣтренъ, ухаживалъ за всѣми смазливыми бабенками и проводилъ время больше съ наѣздницами цирка, чѣмъ съ женою. Она любила его, а онъ подкосилъ преждевременно ея молодую жизнь.

Недолго пришлось намъ пожить этотъ годъ въ Царскомъ.

Письмо свекра моего, въ которомъ онъ сообщалъ, что долженъ по требованію докторовъ подвергнуться въ Гейдельбергѣ операциі, заставило мужа взять отпускъ, чтобъ сопровождать отца за границу. Не желая оставаться одна съ двумя дѣтьми въ Царскомъ, я рѣшила ѣхать съ мужемъ въ Ревель и пробыть время его отсутствія съ его сестрами въ домѣ свекра. Отпускъ былъ Сашей полученъ на 2 мѣсяца. Это была первая наша продолжительная разлука! Боже мой, какъ она была тяжела. Два мѣсяца! Вѣдь это цѣлая вѣчность. Единственнымъ моимъ утѣшеніемъ были дѣти, молитва и постоянная переписка съ мужемъ. Въ то время почта шла только два раза въ недѣлю за границу и обратно, но ни одна не была пропущена нами. Такъ какъ съ каждаго лота взималось по пятидесяти копеекъ, то я писала на самыхъ тонкихъ листахъ большого формата на крестъ, что составляло отъ 16-ти до 20-ти страницъ и не превышало вѣса лота.

Это былъ цѣлый дневникъ, довольно однообразный, такъ какъ, кромѣ церкви, я никуда не ходила. Проводила все время съ дѣтьми, съ сестрами, много работала и писала.

Тутъ мои belles soeurs убѣдились, до какой степени я люблю ихъ брата; видя меня часто въ слезахъ, онѣ утѣшали меня, обнадеживали, что Саша вернется скоро, а между тѣмъ письмо за письмомъ приходило, а къ операциі не приступали. Старикъ, повидимому, просто боялся. То откладывали изъ-за насморка, то по разнымъ другимъ причинамъ.

Въ августѣ я поѣхала погостить къ одной изъ замужнихъ сестеръ мужа, баронессѣ Софіи Таубе; имѣніе ихъ Ярваканти было въ 70-ти верстахъ отъ Ревеля. Во время моего пребыванія у нихъ, дошла до насъ печальная вѣсть о преждевременной кончинѣ великой княгини Александры Николаевны: угасъ этотъ прелестный цвѣтокъ въ чахоткѣ, черезъ семь мѣсяцевъ послѣ бракосочетанія.

Пробывъ у сестры всего двѣ недѣли, я съ дѣтьми уѣхала обратно въ Ревель, чтобъ спать себѣ трауръ.

Въ половинѣ октября получено было, наконецъ, извѣстіе, что операция сдѣлана удачно, отпускъ мужа отсроченъ, и онъ вернется, какъ только отецъ будетъ на ногахъ. Это ожиданіе тянулось еще до конца ноября; вмѣсто двухъ мѣсяцевъ цѣлыхъ пять продолжалась наша разлука. Я просто измучилась, похудѣла и поблѣднѣла за это время. Слава Богу, что это не отразилось на моемъ малюткѣ, котораго кормила.

Къ первому декабря мы были дома; Саша поѣхалъ тотчасъ же являться наслѣднику и ихъ величествамъ. Я же, спустя нѣсколько

дней, поѣхала во дворець и велѣла доложить о себѣ императрицѣ, которая тотчасъ приняла меня. Это было первое наше свиданіе послѣ кончины великой княгини; не обошлось оно безъ слезъ, когда ея величество рассказала мнѣ въ подробности о болѣзни и послѣднихъ минутахъ жизни возлюбленной дочери.

Въ первыхъ числахъ февраля заболѣлъ скарлатиной нашъ сынъ, котораго 26-го числа того же мѣсяца Господу Богу угодно было отозвать къ себѣ.

Скорбь нашу описывать не буду. Тотъ, кто имѣлъ несчастье лишиться дорогого существа, пойметъ самъ, насколько тяжело было это испытаніе, посланное намъ Всевышнимъ.

Сообщеніе съ дворомъ было прервано по случаю заразной болѣзни.

Мужъ письмомъ сообщилъ наслѣднику о нашей потерѣ. На это сообщеніе Саша получилъ трогательный отвѣтъ, въ которомъ, соболѣзную нашей утратѣ, его высочество выразился, что однимъ Богомъ посылаетъ испытаніе, а другимъ радость и сообщилъ, что въ шесть часовъ утра Богъ далъ ему сына Александра. Странное совпаденіе, въ одинъ и тотъ же день и часъ у наслѣдника родился сынъ, а нашъ ангелъ улетѣлъ въ лучшей міръ.

Въ 1845-мъ же году, 14-го октября, Господь Богъ послалъ намъ въ утѣшеніе сына Александра. Крестины его были дома. Восприемниками — наслѣдникъ цесаревичъ и императрица Александра Теодоровна.

Ея величество проводила зиму за границей, кажется, въ Ниццѣ, поэтому замѣстительницей ея у купели была тетушка моя, маркиза Траверсе, фрейлина императрицы, очень немолодая особа, жившая послѣ смерти отца въ Таврическомъ дворцѣ. Она была такъ польщена счастьемъ стоять у купели съ его высочествомъ, что обѣщала крестнику своему оставить десять тысячъ. Но это осталось однимъ обѣщаніемъ. Она умерла, много лѣтъ спустя, не въ своемъ разсудкѣ, не оставивъ духовной. Хотя наслѣдникамъ намѣреніе ея было извѣстно, но никто изъ нихъ не счелъ нужнымъ исполнить его.

Въ 1846 году было бракосочетаніе великой княгини Ольги Николаевны съ наслѣднымъ принцемъ Карломъ Вюртембергскимъ.

Такъ какъ всѣ торжества должны были происходить въ Петергофѣ, то мы на это лѣто наняли тамъ дачу въ колоніи.

Наша квартира была внизу, а въ верхнемъ этажѣ помѣстились хорошіе знакомые наши, семейство Майлевскихъ. Мать съ тремя молоденькими, хорошенькими дочерьми пріѣхала изъ Москвы, чтобъ быть ближе къ сыну, который стоялъ въ Петергофскомъ лагерѣ; кажется, онъ былъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Передъ домомъ былъ небольшой садикъ, обнесенный низенькой изгородью. Послѣ обѣда барышни, дѣти наши и мы отправлялись въ садъ, играли, бѣгали и пускали мыльные пузыри.

Въ 7 часовъ ежедневно проѣзжалъ мимо насъ государь въ маленькихъ дрожкахъ и, останавливаясь на дорогѣ, кричалъ: «Où est-on mieux qu'au sein de sa famille».

Мужъ, дѣти и я подбѣгали къ изгороди, и его величество, милостиво поговоривъ съ нами минутъ пять или десять, продолжалъ свой путь.

По случаю предстоящаго торжества наѣхало очень много иностранныхъ принцевъ.

Братьямъ императрицы, принцамъ Вильгельму, Карлу и Альберту, ея величество представила меня: «voilà la femme de notre enfant Patkoul», и назвала ихъ мнѣ по имени.

Изъ трехъ братьевъ принцъ Карлъ понравился мнѣ больше всѣхъ: онъ былъ прямой, откровенный, очень любилъ русскихъ и все русское, а я, какъ истая патриотка, цѣнила это въ немъ. Принцъ Альбертъ былъ веселѣе, моложе, обрадовался, что я хорошо говорю по-нѣмецки, и много болталъ со мною, когда мы встрѣчались на вечерахъ во дворцѣ.

Нѣмецкій языкъ остзейскихъ провинцій не можетъ сравниться съ прусскимъ, который далеко не звученъ по произношенію, поэтому иностранцы находили удовольствіе слушать, когда я говорила.

Разъ даже императрица подошла къ намъ и, погрозивъ принцу, сказала, что пойдетъ жаловаться моему мужу, что онъ ухаживаетъ за мной. На эту шутку мы разсмѣялись и продолжали нашъ разговоръ.

Все лѣто, точно на заказъ, было чудное, теплое, ясное и всѣ празднества удались вполне.

13-го іюля, состоялось бракосочетаніе красавицы нашей, великой княгини Ольги Николаевны.

Всѣ празднества описывать не буду. Ихъ припомнить трудно; самый веселый балъ былъ во дворцѣ англійскаго парка, онъ былъ менѣе многолюденъ, а потому и оживленнѣе.

Чего никогда забыть нельзя, это одного изъ дней иллюминаціи.

Нижній паркъ былъ освѣщенъ бѣлыми шкаликами шпалерою по обѣимъ сторонамъ дороги, какъ бывало и раньше и позже, 1-го іюля, въ день рожденія императрицы. Но что было волшебю, это расположенныя въ лѣсу группы разныхъ націй въ своихъ костюмахъ. Были тирольцы, итальянцы, нѣмцы, цыганы съ костромъ и телѣгой и наконецъ группа нашихъ русскихъ. Экипажи двигались шагомъ и останавливались передъ каждой группой, которая пѣла національныя пѣсни на своемъ языкѣ. Всѣ группы были освѣщены бенгальскими огнями. Царицынъ, Ольгинъ и остальные островки были иллюминированы разноцвѣтными шкаликами, которые красовались въ травѣ, въ цвѣточныхъ клумбахъ и окаймляями берега, отражаясь живописно въ водѣ.

Наконецъ экипажи остановились, всѣ заняли мѣста, приготовленныя для зрителей. Сцена была на самомъ берегу, куда под-

плыла prima donna балерина въ лодкѣ со своими сотанцорами и, выйдя на сцену, протанцовала съ ними балетъ. Балетами я никогда не восторгалась и не любила ихъ, но на этотъ разъ нельзя было не любоваться природной красотой декораціи, когда взошла луна и, отражаясь въ водѣ, серебристою лентой тянулась по поверхности озера. По окончаніи балета, подали венеціанскія гондолы, желающимъ было предложено покататься. Мы тоже воспользовались этимъ удовольствіемъ и наслаждались пѣніемъ русскаго хора, находящагося на нашей гондолѣ, на другой были итальянцы, а на третьей хоръ музыки.

Я была въ восторженномъ настроеніи, благодаря всей окружающей меня обстановкѣ. Гондолы, пѣніе, музыка, луна, вода, чудный іюльскій вечеръ, разноцвѣтная иллюминація, вся эта дѣйствительность напоминала своимъ волшебствомъ рассказы арабскихъ сказокъ изъ тысячи одной ночи.

Съ того времени я ничего не видѣла подобнаго. Сколько десятковъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но, когда мысленно перенесусь въ воспоминаніяхъ къ прожитому, все воскресаетъ такъ живо передо мной, точно все это было въ недалекомъ прошломъ.

Мы жили въ Стремянной улицѣ, близъ Владимирской, когда 8-го апрѣля 1848 года родилась у насъ дочь Марія.

Черезъ двѣ недѣли состоялись ея крестины, которыя императоръ Николай Павловичъ и цесаревна Марія Александровна осчастливили личнымъ своимъ присутствіемъ.

Отъ завтрака его величество отказался, но принялъ чай, который я тутъ же за круглымъ столомъ заварила.

Государь пилъ въ то время зеленый чай. Наливая себѣ сливки, его величество спросилъ, гдѣ я достаю такія густыя.

На отвѣтъ, что мы держимъ корову для дѣтей, что сливки и масло у насъ домашнія, государь сказалъ: «отъ одной коровы! у меня же нѣсколько фермъ и сотни коровъ, а въ жизни моей такихъ сливокъ и такого вкуснаго масла не подавали мнѣ».

Это говорилъ русскій императоръ! Какъ мало всѣ окружающіе думали о томъ, чтобъ царю все было подано, какъ можно лучше! Но, къ несчастью, всякій думалъ о себѣ и о томъ, какъ бы карманъ свой набить потолще. Гдѣ совѣсть?

Передъ отъѣздомъ цесаревна надѣла мнѣ на руку прелестный браслетъ голубой эмали, у котораго висѣло такое же сердце съ незабудкою изъ брилліантовъ. Онъ былъ такъ тяжелъ, что, не успѣвъ еще набраться послѣ болѣзни силъ, я къ вечеру не могла поднять руки: такъ онъ оттянулъ ее мнѣ.

Государь никогда не отдавалъ самъ подарка, а присылалъ черезъ кабинетъ.

Спустя нѣсколько дней, императрица прислала мнѣ 2 большія картонки, въ которыхъ было нѣсколько дорогихъ, очень нарядныхъ

платьевъ, кружевныхъ канзу и дюжину шелковыхъ чулокъ съ мѣткою А. Р. и царскою короною. Все это было изъ приданаго въ Бозѣ почившей великой княгини Александры Николаевны, кромѣ того, голубой глазетовый шлейфъ, то-есть придворный русскій нарядъ отъ ея величества.

На лѣто мы переѣхали въ Царское и на этотъ разъ уже въ собственный домъ, купленный у придворнаго лакея Терентьева и подаренный мнѣ мужемъ. Это былъ тотъ самый домъ, на Средней улицѣ, въ которомъ намъ такъ мало пришлось жить въ годъ операціи свекра. Для насъ онъ былъ подходящій какъ по мѣстности, вблизи Большого дворца, такъ и по расположенію комнатъ. Мѣсто выходило на двѣ улицы. При домѣ былъ очень большой дворъ съ конюшней и сараемъ и фруктовый садъ.

Сестры мои въ этомъ году поселились въ Царскомъ, Аline Бекманъ съ мужемъ и дѣтьми наняли дачу недалеко отъ насъ, а двѣ меньшія переѣхали къ намъ. Саша пріѣзжалъ изъ лагеря только на праздничные дни.

Во время маневровъ я заболѣла сильнымъ воспаленіемъ легкаго, сестры мои, ухаживавшія за мной, не знали, какъ извѣстить объ этомъ мужа. Наслѣдникъ, узнавъ черезъ кого-то о моей болѣзни, призвалъ къ себѣ мужа и, сообщивъ ему, что я больна, тотчасъ отправилъ его домой. Къ счастью, Саша пріѣхалъ во время, я была очень плоха, благодаря доктору, который утверждалъ, что это ревматическая боль, тогда какъ у меня кровь горломъ показывалась. При консиліумѣ все разъяснилось тотчасъ, пустили кровь, послѣ чего я чувствовала, какъ начала оживать; докторъ Аракинъ былъ смѣненъ докторомъ Купферомъ, который поставилъ меня на ноги. Черезъ двѣ недѣли я могла продолжать кормить свою Марусю, а черезъ три недѣли, къ всеобщему удивленію публики, которая считала меня отгѣтой, мы съ мужемъ явились верхами въ Павловскъ. Императрица, наслѣдникъ и цесаревна приняли во мнѣ во время моей болѣзни самое теплое участіе. Гонцы ежедневно присылались изъ Петергофа и Краснаго Села узнавать о здоровьѣ.

Съ переѣздомъ двора возобновились симпатичные вечера въ Александровскомъ дворцѣ.

Во время чтенія императрица постоянно работала, то вышивала по кавнѣ, то на вилкѣ плела шелковые шнурочки. Мнѣ было разрѣшено пріѣзжать съ работой и присутствовать при чтеніи. Къ сожалѣнію, оберъ-гофмаршалъ, графъ Шуваловъ, читалъ очень монотонно и этимъ скрадывался интересъ книги. Иногда за этимъ же круглымъ столомъ графиня Тизенгаузенъ раскладывала пасіансъ, а мнѣ отъ времени до времени приходилось играть въ tinterêt съ министромъ двора, княземъ Волконскимъ, чтобъ занять старика. Признаться, это не было очень весело; во-первыхъ, игра отрывала меня отъ работы, а, во-вторыхъ, мѣшала со вниманіемъ слѣдить за чтеніемъ.

На одномъ изъ этихъ вечеровъ императрица вспоминала о Kümmelkuchen (булочки съ тминомъ), которыя она любила, но ни разу не удалось ей кушать съ тѣхъ поръ, какъ она была въ Пруссіи; въ Петербургѣ же такихъ булочекъ нигдѣ достать было нельзя.

Вернувшись домой, я приказала повару приготовить все, что нужно, къ слѣдующему утру. Вставъ довольно рано, я сама замѣсила тѣсто, испекла булочки и, отправивъ ихъ горячими во дворецъ, велѣла передать камердинеру ея величества съ тѣмъ, чтобъ онъ подалъ ихъ къ чаю, а до того ни слова о нихъ не упоминалъ. Императрица такъ обрадовалась, когда ей подали эти булочки, что спросила, откуда онъ ихъ досталъ. Узнавъ, что я ихъ прислала, она на другой день, благодаря меня, спросила, кто у меня умѣетъ ихъ печь. Я отвѣчала, что онѣ собственноручно изготовлены мною, и если я вчера не заявила, что умѣю ихъ печь, то это изъ боязни, что они могутъ не удалиться, въ случаѣ если дрожжи попались бы нехорошія. Только государю она позволила предложить, а остальные велѣла спрятать.

Одному можно удивляться, что окружающіе ихъ величества такъ мало заботились, чтобъ удовлетворять ихъ желанія даже въ такой пустячной прихоти. Въ петербургскихъ булочныхъ печь ихъ положительно не умѣютъ, вѣрнѣе сказать, понятія о настоящихъ Kümmelkuchen не имѣютъ. Но если не тамъ, такъ въ другомъ мѣстѣ узнать можно, вѣроятно, всякая хозяйка, нѣмка изъ Остзейскихъ провинцій, могла бы указать. Не бывъ нѣмкой, я умѣла ихъ печь, мудрости въ этомъ нѣтъ никакой.

IX.

Поѣздка въ Москву.—Недразумѣніе въ Чудовомъ монастырѣ.—Костюмированный вечеръ у графа Закревскаго.—Маскарадъ во дворцѣ.—Трогательная доброта ко мнѣ государя.—Моя болѣзнь и поѣздка въ Ревель.—Отъѣздъ мужа въ Варшаву.—Приключеніе со мной во время прогулки.—Паденіе изъ экипажа и вывихъ руки.—Посѣщеніе меня цесаревной и ея вниманіе ко мнѣ.—Хирургъ Пироговъ.—Неожиданный пріѣздъ мужа.—Обѣдъ у цесаревны.—Кончина великаго князя Михаила Павловича и воспоминанія о немъ.—Пребываніе въ Гатчинѣ.—Образъ жизни двора.—Китайскія тѣни и моя шляпа.—Подарокъ императрицы и ея записка.

Въ 1849-мъ году, по случаю предстоящаго освященія Александровскаго дворца, въ великомъ посту вся царская фамилія выѣхала въ Москву. Мужъ мой ѣхалъ въ свитѣ.

Получивъ приглашеніе г-жи Майлевской остановиться въ ея домѣ, въ которомъ она предоставляла мнѣ такъ любезно занять пустую квартиру, я съ тремя дѣтьми, няней и горничной поѣхала раньше, чтобъ не остаться безъ почтовыхъ лошадей.

Бѣхали мы въ возкѣ; на шоссе снѣгу было мало, и его расчищали для проѣзда двора, поэтому насъ везли стороной, по которой тянулись цѣлой вереницей ломовые съ товаромъ и такъ испортили путь, что ухабы были убійственные. Къ страстной недѣлѣ пріѣхалъ мужъ. Отправились мы съ нимъ помолиться въ Чудовъ монастырь, встали за рѣшетку не далеко отъ раки съ мощами св. Алексѣя, митрополита. Подходить ко мнѣ какой-то послушникъ и говорить довольно грубо: «здѣсь стоять нельзя!». Мы отодвинулись вправо и встали у стѣнки, не прошло и пяти минутъ, какъ этотъ нахаль, дернувъ меня за рукавъ, очень дерзко обратился ко мнѣ со словами: «сказано вамъ, что здѣсь стоять нельзя!» А почему?—даже не счелъ нужнымъ объяснить.

Мужъ мой довольно рѣзко осадилъ его за дерзкое обращеніе, но тотъ, должно быть, до того струсилъ, видя, что полковникъ адъютантъ въ мундирѣ съ аксельбантомъ и орденахъ вступился за меня, что исчезъ моментально; мы рѣшились выйти изъ-за рѣшетки, чтобъ не подвергнуться опять непріятности. Тутъ стояла женщина, къ которой я подошла, чтобъ узнать причину, почему меня изгоняли оттуда. «Вы вѣрно пріѣзжая»,—сказала она,—«по правую сторону идетъ служба, тутъ монахи, а святитель Алексѣй завѣщаль женщинамъ не стоять по этой сторонѣ по той причинѣ, что когда-то одинъ изъ монаховъ соблазнился женщиной, сбѣжалъ изъ монастыря, такъ его больше и не видѣли. Вотъ тамъ по лѣвой сторонѣ другая дверь, ведущая за рѣшетку, тамъ мѣсто для женщинъ, и приложиться можно къ святымъ мощамъ».

Отправились мы туда; въ ту минуту, когда я съ благоговѣніемъ нагнулась, чтобъ приложиться къ святымъ мощамъ, чья-то рука высунулась и подставилась мнѣ прямо ко рту. Откинувшись назадъ отъ неожиданности, я увидала монаха, стоявшаго въ нишѣ. Я не вытерпѣла и сказала ему съ сердцемъ: «что вы подсовываете свою руку и пугаете людей?» Приложившись къ мощамъ, мы тотчасъ же уѣхали, не дождавшись конца обѣдни. Только согрѣшила тамъ, а молиться не удалось.

На Святой недѣлѣ съ выхода мы всѣ перешли изъ дворца пѣшкомъ въ Чудовъ монастырь; царская фамилія прошла внутренними ходами. Всѣ дамы были въ придворномъ русскомъ нарядѣ съ брилліантами, и намъ пришлось стоять какъ разъ въ томъ отдѣленіи, откуда послушникъ выгонялъ меня. Если бы онъ узналъ меня въ нарядѣ, вѣроятно, не подошелъ бы и не сказалъ бы, что тутъ стоять нельзя. Очевидно, что завѣщаніе это—монашеская выдумка; провѣрить завѣщаніе св. Алексія митрополита теперь трудно.

Графомъ Закревскимъ данъ былъ роскошный вечеръ, на которомъ представлены были 52 губерніи Россіи ¹⁾. Когда заиграли

¹⁾ Въ то время ихъ столько было.

польскій, изъ комнатъ, рядомъ съ залой, начали проходить мимо царской фамилии одна губернія за другой. Впереди шла Москва, её представляла высокая, стройная, красивая графиня Орлова-Денисова. Костюмъ ея былъ богатѣйшій, пунцовую бархатную мантию несли пажи. За ней бояринъ съ боярыней Московской же губернии, передъ каждой парой пажи несли знамя съ гербомъ каждой губернии, и костюмы у каждой пары были, какіе ихъ прежде носили, богатѣйшіе: бархатъ, соболя, брилліанты, самоцвѣтные камни и жемчуга. Было чѣмъ полюбоваться.

Государь остался такъ доволенъ, что велѣлъ записать всѣхъ пажей, участвовавшихъ въ этой процессіи, въ пажескій его величества корпусъ.

При дворѣ состоялся передъ отъѣздомъ такъ называемый маскарадъ, по примѣру дававшася въ прежніе годы 1-го января, и на который безъ разбора сословій допускались всѣ. Придворныя дамы и приглашенныя были въ русскихъ платьяхъ, то-есть въ сарафанахъ и кокошникахъ. Сарафанъ у меня былъ голубой дамà (damas), затканный бѣлыми цвѣтами съ серебристымъ отливомъ, обшитый серебрянымъ галуномъ, и съ такими же пуговицами, подаренный мнѣ дядею Траверсе. Шугай изъ гладкой серебряной парчи, обшитый голубой тесьмой, затканной серебромъ. Кокошникъ серебряный же парчевой, украшенный брилліантами, благодаря крестиннымъ подаркамъ, пожалованнымъ царскою семьей.

На этомъ вечерѣ я имѣла счастье пройти польскій съ его величествомъ, съ наслѣдникомъ и всѣми великими князьями, братьями императрицы и другими иностранными принцами.

Когда государь шелъ со мной, народъ бросался ко мнѣ, хватая за руку, чтобъ поцѣловать, принимая меня, конечно, за одну изъ великихъ княгинь. Государя очень занимало, отчего я такъ краснѣю; на вопросъ его о причинѣ я призналась, какъ мнѣ совѣстно, что, принимая меня, вѣроятно, за одну изъ великихъ княгинь, народъ хватаетъ мою руку. Никто изъ нихъ, конечно, не допускаетъ, чтобы его величество могъ прохаживаться съ женой адъютанта наслѣдника. На это государь милостиво замѣтилъ: «не съ женой адъютанта, а съ женой моего приѣмнаго сына, которую императрица и я любимъ и уважаемъ, а я не многихъ дамъ уважаю». Такъ бы и бросилась поцѣловать его руку за такой лестный отзывъ обо мнѣ.

Можно ли послѣ этого удивляться, что я боготворила царскую фамилію, и что самыя теплыя и лучшія воспоминанія моей молодости относятся ко времени царствованія императора Николая I-го?

Саша зналъ почти все московское общество, среди котораго у него были и друзья; съ ними онъ познакомилъ меня. Въ Москвѣ я убѣдилась, какъ распространено тамъ хлѣбосольство.

Чаще всего мы бывали у княгини Любови Петровны Голицыной, рожденной Апраксиной, жены Сергѣя. У нихъ я познакоми-

лась съ графиней Ростопчиной; она такъ правильно и изящно говорила по-русски, что ея можно было заслушаться, и я никогда ни до нея ни послѣ не встрѣчала человѣка, который бы такъ владѣлъ русскимъ языкомъ.

Только что мы вернулись изъ Москвы, объявленъ былъ Венгерскій походъ. На бѣду у Саши пали двѣ верховыя лошади; вдобавокъ и я начала кашлять, явилось лихорадочное состояніе, бессонница, по ночамъ испарина и зловѣщій румянецъ. Пригласили доктора Тильмана, который объявилъ, что мнѣ лѣчиться необходимо, запускать болѣзнь нельзя. Мнѣ казалось, что у меня всѣ признаки чахотки, и Саша испугался не на шутку, но докторъ успокоилъ, что нѣтъ ничего опаснаго.

Остановились на томъ, что пока Саша съ наслѣдникомъ будетъ находиться въ Варшавѣ во время войны, я поѣду лѣчиться въ Ревель сначала пить воды, а потомъ брать теплыя морскія ванны.

Тотчасъ же было послано отцу письмо съ просьбою пріискать мнѣ дачу, около Екатеринталя, по близости теплыхъ морскихъ ваннъ.

Въ это время была больна корью великая княжна Александра Александровна, болѣзнь ея осложнилась, и неизвѣстно было, какой приметъ болѣзнь исходъ. Государь съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ уѣхали въ Варшаву, а наслѣдникъ, оставаясь еще въ Петербургѣ, отпустилъ Сашу проводить насъ въ Ревель и, тамъ устроивъ, ѣхать въ Варшаву, гдѣ и дожидаться его высочества.

Дача, нанятая для насъ, была у самой горы Лаксбергъ, очень миленькая, удобная для меня съ тремя дѣтьми и прислугой.

Вскорѣ дошла до насъ печальная вѣсть о кончинѣ семилѣтней, прелестной великой княжны Александры Александровны.

Бѣдные наслѣдникъ и цесаревна! какое тяжелое испытаніе для ихъ любящаго родительскаго сердца! Ихъ горю мы сочувствовали и понимали его вполне.

Настала минута разставанья съ мужемъ, тяжелая минута, въ которой много было пролито слезъ. Дѣти вѣшались отцу на шею и не хотѣли отпускать его. Уѣзжая, онъ взялъ съ меня слово, что я буду беречь себя, лѣчиться какъ слѣдуетъ и благоразумно переносить нашу разлуку, а дѣтямъ поручилъ утѣшать маму.

Лѣчилась я добросовѣстно, но не могу похвастаться, чтобъ съ благоразуміемъ переносила разлуку, поэтому и лѣченіе не приносило вполне желаемой пользы.

Со старшей дочерью моею, Адими, которой въ то время было около 7-ми лѣтъ, мы часто подымались на Лаксбергъ, а оттуда спускались въ Екатеринталяскій садъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ на встрѣчу намъ поднималось цѣлое общество дерптскихъ студентовъ. Признаюсь, я немного струсила. Взявъ дочку за руку, я свернула на траву, чтобъ предоставить имъ тропинку, но они

любезно очистили дорогу, встали въ шеренгу и, снявъ фуражки, поклонились.

Отдавъ имъ поклонъ, мы разошлись въ разныя стороны.

По средамъ мой beau рѣге съ дочерью Marie обѣдалъ у меня, а по субботамъ я съ дѣтьми отправлялась на цѣлый день къ нему.

Отъ него узнала я, что Екатеринтадьскій дворецъ готовится къ прїѣзду цесаревны, которую въ скоромъ времени ожидали съ дѣтьми, великими князьями Николаемъ, Александромъ и Владиміромъ Александровичами.

На время каникулъ гостилъ у меня мой старшій братъ Николай, лицеистъ. По воскресеньямъ я ѣздила въ городъ къ обѣднѣ; отъ меня до собора это было цѣлое путешествіе. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней я велѣла заложить дрожки въ одиночку, а братъ посовѣтовалъ съ пристяжкой, чтобъ проѣздить лошадь, которая стояла нѣсколько дней. Оказалось, что кучеръ мой былъ нездоровъ, экипажъ подаль форейторъ, мальчикъ лѣтъ 14 или 15-ти, я не была трусливаго десятка, мы поѣхали втроемъ, братъ, дочь и я. Въѣхавъ въ городъ, братъ соскочилъ, собираясь куда-то зайти, и сказалъ, что въ соборъ придетъ пѣшкомъ. Въ это время насъ обогнала коляска, мои лошади подхватили и понесли, перегнали коляску, пронеслись черезъ торговую площадь или рынокъ и завернули въ улицу; дрожки задѣли за тумбу, срѣзали ее, а отъ сильнаго толчка насъ вышвырнуло на улицу. Все время я крѣпко придерживала къ себѣ Адина и падая думала только о томъ, чтобъ ея не выпустить и упасть на мою сторону; дрожки умчались, и слѣдъ ихъ простылъ. Я вскочила, подняла дочку, посадила ее на панель, сѣла съ ней рядомъ, и обѣ мы расплакались. Носъ у нея былъ въ крови, и я боялась, нѣтъ ли перелома. Въ правой рукѣ я ощущала сильную боль; но въ какомъ плачевномъ видѣ я была: платье оборвано, шляпа спуснута, гребень, придерживавшій косу, и зонтикъ переломаны на куски. Нѣкоторые изъ купцовъ, знавшіе меня еще дѣвочкой, приобѣжали, кто съ водой, кто съ сахарной, и наконецъ одинъ явился съ докторомъ, прося войти къ нему въ магазинъ, чтобъ докторъ могъ осмотрѣть, нѣтъ ли у кого изъ насъ поврежденія.

Въ это время подѣхала коляска, испугавшая моихъ лошадей. Дамы вышли изъ нея и упростили меня доѣхать въ ихъ экипажѣ. Сначала я отказывалась, но потомъ, принявъ ихъ любезное предложеніе, прямо поѣхала на Вышгородъ къ коменданту, т. е. къ моему beau рѣге'у.

Насчетъ дочери я была уже спокойна, у нея была только царапина.

Только что я успѣла войти въ комнату къ свекру, явились два эскулапа, одинъ изъ нихъ, былъ тотъ, который видѣлъ меня на улицѣ, а другой мой старый знакомый, приглашенный пользоваться

насъ, во время пребыванія въ Ревелѣ. Рука успѣла такъ вспухнуть, что пришлось разрѣзать рукавъ. Я просила докторовъ сказать мнѣ прямо, сломана ли рука, хотя была почти убѣждена, что существовалъ переломъ. Перелома не было, но локоть былъ вышибленъ и на два вершка очутился выше своего обыкновеннаго мѣста. «Какая досада, что это случилось именно съ правой!»—сказала я:—«какъ я буду писать теперь мужу?» Свекоръ и доктора разсмѣялись, что я горюю не о рукѣ, а о невозможности писать, и нашли меня очень храброй.

Нашъ докторъ предложилъ довести насъ домой, но по дорогѣ заѣхать прежде къ Н. И. Пирогову. Пироговъ, осмотрѣвъ руку, сказалъ, что ничего предпринимать нельзя, пока не пройдетъ опухоль и воспалительное состояніе.

При видѣ меньшихъ дѣтей, которыя съ плачемъ бросились цѣловать меня, отъ волненія или же отъ того, что пересилила себя, со мной первый разъ въ жизни сдѣлался обморокъ, но онъ продолжался недолго. Придя въ себя, я увидѣла передъ собой генерала Николая Васильевича Зиновьева, воспитателя великихъ князей. Цесаревна, прибывшая наканунѣ, узнавъ о моемъ паденіи и о переломѣ руки, послала его за Пироговымъ, отъ котораго онъ узналъ, что я сама заѣзжала къ нему, и что онъ видѣлъ меня; и вмѣстѣ съ тѣмъ Николай Васильевичъ передалъ, что цесаревна сама пріѣдетъ ко мнѣ по окончаніи пріема представляющихся.

Не прошло и четверти часа, какъ ея высочество подѣхала къ дому въ маленькихъ дрожкахъ. Я сидѣла на балконѣ съ стеклянными рамами, итти на встрѣчу была не въ состояніи, но хотѣла привстать, когда вошла великая княгиня. Ея высочество не допустила. Разспросивъ обо всемъ подробно, она уговаривала меня лечь въ постель. Я не соглашалась; тогда цесаревна сказала, что пришлетъ мнѣ своего доктора, который убѣдитъ меня лечь. На это я отвѣтила, что доктора я не послушаюсь, а если она этого требуетъ, то ей я повинуюсь безпрекословно. На это цесаревна сказала: «Je resterai en attendant avec les enfants, faites moi dire quand vous serez au lit, je viendrai causer avec vous, si cela ne vous fatigue».

Адини лежала уже въ постелѣ съ примочкой на носу.

Цесаревна, посидѣвъ съ четверть часа возлѣ моей кровати, сказала, что напишетъ наслѣднику обо всемъ, чтобъ онъ могъ успокоить моего мужа, но пришлетъ ко мнѣ отъѣзжающаго курьера, чтобъ онъ устно могъ передать, что видѣлъ меня и дѣтей. Поблагодаривъ цесаревну, я сказала, что постараюсь написать нѣсколько словъ лѣвой рукой, а то мужъ можетъ подумать, что я убила до смерти. Какъ только цесаревна уѣхала, я велѣла подать себѣ всѣ письменныя принадлежности и, устроившись кое-какъ, написала лѣвой рукой довольно четко, но некрасиво. Когда заѣхалъ фельдъегерь, я передала ему письмо.

Великая княгиня была такъ милостива, что заѣзжала ежедневно ко мнѣ.

Въ продолженіе шести дней воспалительное состояніе руки продолжалось, и когда на седьмой опухоль спала, пріѣхалъ Пироговъ съ двумя докторами приступить къ перевязкѣ.

Я предупредила Пирогова, что буду кричать, если больно, на это онъ отвѣтилъ, что онъ очень радъ услышать мой голосъ; чѣмъ громче, тѣмъ лучше, прибавилъ онъ. Какъ ни больно было, однако я не пикнула, а смѣялась и шутила съ Пироговымъ, который спросилъ, когда же я начну кричать. Я вспомнила и отвѣтила, что въ настоящее время,—война; сколько раненыхъ съ мужествомъ переносятъ свои страданья, а я по малодушію изъ-за пустого перелома буду кричать. Это не подобаетъ женѣ военнаго. Пирогову мое геройство, какъ онъ выразился, такъ понравилось, что онъ при каждомъ своемъ посѣщеніи подносилъ мнѣ большой букетъ цвѣтовъ. Пироговъ первоначально отказался сдѣлать мнѣ перевязку, по причинѣ окончанія своего отпуска, говоря, что, сдѣлавъ перевязку, онъ и снять ее долженъ. Цесаревна, узнавъ объ его отказѣ, послала эстафету къ военному министру, и отпускъ Пирогову былъ продолженъ.

Я такъ наловчилась писать лѣвой рукой, что отправляла съ фельдъегеремъ длинныя письма мужу.

Въ это время переѣхала въ Ревель императрица.

Я думала о томъ, что изъ-за противной руки, которая не позволяла мнѣ одѣться порядочно, я лишена буду счастья видѣть ея величество. Спусти три недѣли, локоть сросся, и Пироговъ началъ сгибать понемногу мою руку. Тутъ боль была такъ сильна, что со мной сдѣлался обморокъ. Недолго думая, онъ набралъ воды въ ротъ и прыснулъ мнѣ въ лицо; я тотчасъ очнулась, и невольно вырвалось у меня «какая гадость», онъ улынулся, нисколько не обидѣлся и сказалъ: «благодаря этой гадости, вы скоро пришли въ себя».

Въ эту минуту на большой дорогѣ передъ балкономъ, на которомъ, окруженная докторами, я сидѣла, остановилась коляска, въ которой сидѣли императрица и цесаревна съ великими князьями. Ея величество прислала казака узнать о моемъ здоровьѣ. Съ помощью эскулаповъ я привстала и, кланяясь въ окно, хотя издали, видѣла нашу дорогу царицу.

Желанье имѣть возможность скорѣе надѣть платье придало мнѣ больше силы воли, и я попросила Пирогова попробовать согнуть еще руку, чтобъ я могла держать ее на повязкѣ. Сразу онъ не рѣшился, но пріѣзжалъ ежедневно и постепенно дѣлалъ гимнастику.

Прошло еще нѣкоторое время. Однажды утромъ, только что я успѣла выйти на балконъ, вбѣгаетъ мужъ, весь въ пыли, съ сумкой черезъ плечо. Это былъ такой неожиданный сюрпризъ, что я глазамъ вѣрить не хотѣла.

Онъ былъ присланъ курьеромъ изъ Варшавы съ доброй вѣстью объ окончаніи войны. Когда онъ передалъ письма ея величеству и цесаревнѣ, послѣдняя сказала ему: «Allez vite voir votre femme, demain vous viendrez diner chez moi avec elle, et vous me donnerez tous les details, que je desire avoir, ainsi que sur la mort du G. D. Michel. Que votre femme vienne en robe de chambre, puisqu'elle ne peut pas mettre une robe».

Такое разрѣшеніе было уже черезчуръ милостиво, но никогда я не позволила бы себѣ явиться въ халатѣ, котораго впрочемъ никогда не носила и даже не имѣла. Разрѣзали рукавъ, пришили ленточки, подвязали руку черной шелковой косынкой, и въ такомъ видѣ я поѣхала съ мужемъ обѣдать къ ея величеству. Цесаревна посадила меня возлѣ себя, сама накладывала мнѣ кушанье и даже рѣзала все сама.

Послѣ четырехдневнаго пребыванія съ нами Сапа былъ императрицею отправленъ обратно въ Варшаву курьеромъ къ государю.

Смерть великаго князя Михаила Павловича очень опечалила меня, я любила его, не только какъ человѣка, но цѣнила въ немъ ту безпредѣльную любовь и преданность, которую онъ питалъ къ своему царственному брату. Онъ былъ самымъ вѣрнымъ и дѣятельнымъ помощникомъ государя. Не разъ мнѣ случалось на вечерѣ или на балѣ, когда онъ подходилъ съ насупившимися бровями и угрюмымъ лицомъ, спросить его, зачѣмъ онъ смотритъ такъ сурово. Всѣ знаютъ, какое у него доброе сердце, и что угрюмый видъ его только напускной. «А кто сказалъ, что я добръ?»—спросить бывало онъ. «Земля слухомъ полна!»—былъ мой отвѣтъ.—«Я долженъ карать, а царь миловать»,—отвѣчалъ великій князь улыбаясь.

Онъ былъ строгъ, требователенъ, ловилъ неисправную по службѣ молодежь, взыскивалъ, а между тѣмъ никого не сдѣлалъ несчастнымъ и помогалъ, кому только могъ.

Какихъ фарсовъ не продѣлывалъ съ великимъ княземъ Константиномъ Булгаковъ, и все сходило ему съ рукъ. Онъ былъ находчивъ, а это любилъ Михаилъ Павловичъ.

Когда Булгаковъ нуждался въ деньгахъ, являлся въ Михайловскій дворецъ и съ согласія камердинера проталкивалъ конвертъ подъ дверь, гдѣ у стола занимался великій князь. Въ отвѣтъ просителю, тѣмъ же способомъ являлся другой конвертъ съ 200 рублями.

Разъ, встрѣтивъ его высочество на Невскомъ, онъ просилъ его, для поднятія его кредита, пройти съ нимъ подъ руку, и въ этомъ ему отказа не было.

Во время лагеря великій князь встрѣтилъ однажды въ Петербургѣ Булгакова, тогда, когда онъ былъ дежурнымъ по караулу

въ Красномъ. Возвратясь въ Красное, великій князь подѣхалъ къ караулу; поданъ былъ звонокъ, и карауль выбѣжалъ вмѣстѣ съ Булгаковымъ. Великій князь, подозвавъ его къ себѣ, спросилъ, какъ онъ попалъ въ лагерь, вѣдь онъ встрѣтилъ его въ Петербургѣ. Булгаковъ отвѣтилъ: «Ваше высочество сами подвезли меня, я сидѣлъ на запяткахъ».

Вышелъ какъ-то приказъ, чтобъ на балахъ шелковые чулки у военныхъ были тѣлеснаго цвѣта. Поднимаемся мы разъ съ мужемъ по лѣстницѣ въ Зимнемъ дворцѣ; на встрѣчу несетя сверху Булгаковъ въ ярко-красныхъ чулкахъ. Мужъ кричитъ ему издали: «Булгаковъ, что у тебя за чулки?» А онъ въ отвѣтъ: «Изъ-за нихъ великій князь выгналъ меня и приказалъ надѣть другіе. Сказано въ приказѣ—тѣлеснаго цвѣта, развѣ великій князь знаетъ, какого цвѣта мое тѣло; выгналъ, не провѣривъ».

Вскорѣ послѣ пріѣзда государя и наслѣдника въ Ревель рѣшено было вернуться въ Петербургъ моремъ. Намъ было сообщено высочайшее разрѣшеніе воспользоваться пароходомъ, приготовленнымъ для свиты къ обратному пути, и предложить Пирогову ѣхать съ нами. Этимъ разрѣшеніемъ мы воспользовались съ благодарностью. Пироговъ былъ очень пріятнымъ спутникомъ, и мы подружились съ нимъ. Пріѣзжалъ онъ къ намъ въ Царское отъ времени до времени слѣдить за успѣхомъ моей руки, которая, несмотря на втиранія, паровыя ванны и гимнастику, плохо подавалась движеніямъ.

При послѣднемъ его визитѣ онъ положительно отказался отъ всякаго вознагражденія, увѣряя, что ему доставляло особенное удовольствие лѣчить такую храбрую барыню.

Въ началѣ ноября дворъ переѣхалъ въ Гатчину, и мы съ мужемъ ѣхали вмѣстѣ съ царской семьей въ одномъ вагонѣ.

Такъ называемый кухонный карре въ то время перестраивался, поэтому вся свита и приглашенные помѣстились въ царскомъ карре.

По случаю траура по Михаилѣ Павловичѣ не было никакихъ увеселеній. Къ 12-ти часамъ всѣ собирались завтракать въ Арсенальномъ залѣ. По окончаніи государь предлагалъ отправиться на охоту дикихъ козъ, кому какъ угодно, верхомъ, въ шарабанахъ, линейкахъ и проч. Въ 4 часа собирались къ обѣду. Не знаю почему, но мнѣ приходилось сидѣть на почетномъ мѣстѣ, или противъ царя или противъ наслѣдника, потому что меня вели къ столу большею частью министръ двора князь Волконскій, вѣроятно, изъ благодарности, что играла съ нимъ въ *tintèret*, или же оберъ-гофмаршалъ графъ Шуваловъ. За обѣдомъ всегда подавались устрицы, до которыхъ я была большая охотница, многіе изъ моихъ сосѣдей, которые ихъ не ѣли, передавали мнѣ свои порціи. Послѣ обѣда всѣ расходились по своимъ угламъ, а къ 8¹/₂ часамъ снова соби-

рались къ чаю. Всевозможныя игры были на сценѣ: жмурки, кошка и мышка, горѣлки, туалеть, загадки съ фантами, *secrétaire*. Наконецъ, великій князь Николай Николаевичъ предложилъ сдѣлать представленіе китайскихъ тѣней и, подошедши ко мнѣ, попросилъ одолжить ему мою шляпу. «Съ удовольствіемъ! пошлите въ такой-то №, спросить ее у моей горничной».

Когда натянута было полотно, и стулья разставлены, насъ пригласили въ залъ, который былъ освѣщенъ только по ту сторону полотна. Между прочими тѣнями прошелъ великій князь Николай Николаевичъ въ дамской одеждѣ и возбудилъ общій смѣхъ своимъ громаднымъ ростомъ. Когда онъ вышелъ къ намъ, государь спросилъ его, чья у него хорошенькая шляпка.

— Это шляпа Маріи Александровны.

Тогда государь, обратившись ко мнѣ, спросилъ:

— Кто вамъ сдѣлалъ такую хорошенькую шляпу?

— Ваше величество, я купила ее готовую въ гостиномъ дворѣ за 3 рубля, она совсѣмъ простенькая, черная, шелковая.

— Завтра же пойду въ гостиный дворъ и куплю такую же женѣ,—сказалъ государь.

— Вамъ за эту цѣну ея не купить.

— А почему?

— Потому что съ царя кушцы норовятъ запросить какъ можно дороже.

Любила я эти гатчинскія пребыванія; *cette vie de chateau* была мнѣ по вкусу.

Послѣ ужина я черезъ день уѣзжала домой навѣщать дѣтей, а на слѣдующее утро съ первымъ поѣздомъ отправлялась обратно въ Гатчино; Саша оставался тамъ.

Оттуда вернулись опять всѣ въ Царское.

Однажды императрица прислала мнѣ изъ своей гардеробной двѣ большія картонки съ платьями при слѣдующей запискѣ:

«*Pardon de vous envoyer ces robes portées par moi, mais je sais que vous les accepterez comme je vous les donne c'est à dire de bon coeur. Je vous aime et vous estime, ma chère jolie petite femme, parce que vous êtes une si bonne femme selon Dieu*», а подпись состояла изъ самаго скромнаго маленькаго а.

Я такъ была тронута этой запиской, что, не ожидая вечера, тотчасъ же поѣхала благодарить ея величество за то, что она осчастливила меня своею рукописью и лестнымъ отзывомъ.

Послѣ этого каждую осень присылались мнѣ платья къ зимѣ, а весной лѣтнія матеріи. Дѣтей она тоже надѣляла своими щедротами.

Контрактъ петербургской нашей квартиры кончился весной, новаго не заключали, другой не пріискали и рѣшили остаться на зиму въ Царскомъ.

Къ 24-му ноябрю дворъ переѣхалъ въ Петербургъ.

Когда насъ приглашали на вечера или на балъ во дворецъ, мы ѣздили въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ, а возвращались домой въ каретѣ, которая пріѣзжала за нами.

Зиму мы провели очень пріятно, составили себѣ небольшой кругъ хорошихъ знакомыхъ, между которыми было распределено, у кого собираться по вечерамъ. Мы выговорили себѣ субботу.

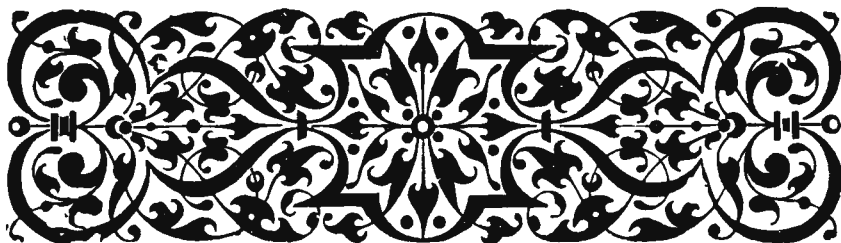
Мужу часто приходилось ѣздить на дежурство и по службѣ въ городъ, съ дежурства онъ возвращался только на слѣдующій день, а въ остальные всегда къ обѣду.

Во время своей службы онъ постоянно сопутствовалъ наследнику то за границу, то по Россіи. Кромѣ того, мужъ получалъ часто разныя командировки, и намъ неоднократно приходилось разставаться, а разлука съ нимъ была всегда для меня ужасно тягостна. Не скрою, что я была экзальтирована, пожалуй, идеалистка. Можетъ быть, посмѣются надо мной, что письма его днемъ носились на сердцѣ, а на ночь прятались, послѣ прочтенія чуть ли не въ десятый разъ, подъ подушку. Теперь я могу признаться въ этомъ.

М. А. Паткуль.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЧЕТЫРЕ „МУЧЕНИКА“

ОБСЪМЪ юнымъ прапорщикомъ, я получилъ въ 187... году командировку сопровождать лошадей нашей батареи на луга, нанятые въ имѣніи польскаго пана Залуцкаго, въ М—ской губерніи.

Командировка ничего хитраго собою не представляла: надо было итти съ командой и лошадьми на луга, выпустить тамъ лошадей на траву и затѣмъ имѣть за командой неусыпное начальническое око. Между тѣмъ мнѣ, по неопытности и новизнѣ дѣла, чудились разные страхи, повергавшіе мое внутреннее самочувствіе въ нѣкоторое неравновѣсіе: то казалось, что у меня лошади должны будутъ разбѣжаться, то трава окажется ядовитой, и порученные моему надзору кони должны будутъ переколѣть. Однимъ словомъ, я тревожился и беспокоился вопросомъ: благополучно ли исполню первое служебное порученіе, требовавшее съ моей стороны нѣкоторой самостоятельности.

Для ознакомленія съ предстоящимъ мнѣ дѣломъ я обращался ко всѣмъ сослуживцамъ, начиная съ батарейнаго командира и кончая такими же неопытными, зелеными, какъ я, прапорщиками.

Командиръ батареи, старый суровый полковникъ, долго допытывался: что именно меня болѣе всего волнуетъ, а потомъ, покрутивъ свой длинный усъ, проговорилъ:

— Мнѣ пріятно, что вы серьезно относитесь къ возлагаемому на васъ порученію. Луга пана Залуцкаго хорошо извѣстны, и я назначилъ къ вамъ въ помощники фейерверкера Хмару, который

былъ тамъ и знаетъ всѣ порядки. Быть можетъ, и я понавѣдаюсь къ вамъ.

Этотъ отвѣтъ хотя и неполнѣ разсѣялъ всѣ мои сомнѣнія, но, тѣмъ не менѣе, значительно успокоилъ меня. Во-первыхъ, меня похвалили за ретивость къ службѣ, а, во-вторыхъ, даютъ мнѣ браваго Хмару, который, значить, и будетъ моей нянькой.

Въ назначенный заранѣе день батарейныя лошади подѣ моимъ начальствомъ двинулись по назначенію и черезъ два дня пути подходили къ мѣстечку Вигуры, пройдя которое и переправившись по мосту черезъ рѣчущку Стежь, вступили во владѣнія пана Залуцкаго.

Надѣ крутымъ берегомъ Стежа стоялъ домъ пана, разукрашенный разными башенками, колоннами и пристройками, обрацавшими его въ нѣчто, подобное средневѣковому замку. Густой, тѣнистый садъ облегалъ кругомъ этотъ замокъ и тянулся дальше въ гору, соединяясь съ лѣсомъ, теряющимся на горизонтѣ. Возлѣ замка ютилось нѣсколько одноэтажныхъ домиковъ и хатъ подѣ деревянными и соломенными крышами.

Хмара подтянулъ команду, вызвалъ впередѣ пѣсенниковъ, и мы весело, шумно, возбуждая неистовый лай собакъ и любопытство дѣтвора, вступили во владѣнія пана Залуцкаго.

При ближайшемъ взглядѣ на строенія пана замѣчались слѣды запущенности; время коснулось своею разрушающей рукой: штукатурка на стѣнахъ замка обваливалась и не возобновлялась; крыша, давно окрашенная красною краскою, просила ремонта; надворныя постройки постепенно разрушались. Вообщемъ отъ всѣхъ этихъ жилищъ пахло уныніемъ; обширный дворъ заросъ бурьяномъ и мелкой травой.

Еще дорогой Хмара познакомилъ меня съ хозяиномъ имѣнія, куда мы слѣдовали.

По его словамъ, Залуцкій велѣ одинокую и страшно скудную жизнь.

Никакихъ не только излишествъ, но просто удобствъ жизни онѣ себѣ не позволялъ, ни у кого не бывалъ и самъ не принималъ, ѣлъ скудно, прислугу держалъ въ очень ограниченномъ числѣ и вообще представлялъ собою довольно загадочную личность.

Не успѣли мы остановиться на дворѣ «замка», не успѣлъ Хмара привести себя въ должный порядокъ, чтобы явиться къ хозяину, какъ боковая дверь «замка», ведущая на крылечко, растворилась, и на крыльцо вышелъ господинъ среднихъ лѣтъ, худощавый, съ длинными висящими усами и съ нависшими бровями. Костюмъ его походилъ на легкую поддевку не первой свѣжести; такія же брюки были запущены въ охотничьи сапоги, голова его была прикрыта соломенной шляпой съ широкими полями. Это и былъ панъ Залуцкій.

Онъ продолжалъ стоять на крылечкѣ, исподлобья глядя на насъ точно испытующими глазами.

Я поспѣшилъ подойти къ нему и отрекомендовался.

Панъ Залуцкій сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ко мнѣ на встрѣчу, протянулъ свою руку и безъ улыбки, почти грубо, проговорилъ:

— Очень пріятно познакомиться, я — Залуцкій, хозяинъ этого имѣнія. Прошу располагаться въ отведенныхъ вамъ помѣщеніяхъ, которыя вамъ сейчасъ покажутъ... Я не вмѣшиваюсь въ ваши распоряжки и не вхожу въ подробности по части продовольствія и проч.

Онъ повернулся спиной къ двери, откуда вышелъ, и крикнулъ:

— Стасъ, покажи пану офицеру ихъ помѣщенія!

Послѣ этихъ словъ панъ Залуцкій, не взглянувъ на меня, ушелъ въ домъ, а я остался въ недоумѣніи и въ ожиданіи какого-то Стася.

Первое впечатлѣніе, произведенное на меня паномъ Залуцкимъ, было очень не благопріятное; я даже чувствовалъ себя нѣсколько обиженнымъ такимъ холоднымъ пріемомъ, а слова его о продовольствіи прямо таки принялъ за намекъ не рассчитывать на его гостепріимство.

Видя полное недоумѣніе, выразившееся на моемъ лицѣ и во всей моей фигурѣ, бравый Хмара поспѣшилъ вывести меня изъ затруднительнаго положенія.

— Такъ что, ваше благородіе, — сказалъ онъ, — та половина замка отдается подъ господъ офицеровъ и людей, сейчасъ насъ туда проводятъ.

Точно въ подтвержденіе его словъ, изъ дому вышелъ старикъ въ простой крестьянской свиткѣ и смазныхъ сапогахъ, поклонился мнѣ низко и молча пошелъ по двору. Я и Хмара послѣдовали за нимъ.

Мнѣ были отведены двѣ комнаты съ отдѣльнымъ выходомъ, а людямъ моимъ указанъ флигель въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моего жилья.

Заботливый Хмара быстро принялся устраивать мою квартиру, назначилъ солдатика для моихъ услугъ и сообщилъ, что онъ сейчасъ отправится въ мѣстечко, гдѣ и устроитъ все для обезпеченія меня продовольствіемъ.

Что же касается до размѣщенія и продовольствія моей команды, а также до порядка пастьбы лошадей и косьбы сѣна, то все это я возложилъ на заботливость того же Хмары и былъ увѣренъ, что онъ это сдѣлаетъ гораздо лучше меня.

Комнаты, отведенныя подъ мое жилье, оказались не особенно большими, но во всякомъ случаѣ вполне достаточными для такого незначительнаго чина, какъ прапорщикъ. Меблировки въ нихъ почти не было, если не считать одного турецкаго дивана, одного боль-

шого стола и нѣсколькихъ стульевъ. Зато свѣту было больше, чѣмъ нужно. Широкія «венеціанскія окна» выходили на юго-востокъ, и если бы не деревья, подошедшія своими вѣтвями почти вплотную къ окнамъ, то при отсутствіи не только ставней, но даже какихъ бы то ни было завѣсъ,—я рисковалъ быть зажареннымъ тѣми лучами, какими награждало насъ іюльское солнце.

А все-таки я остался доволенъ своимъ помѣщеніемъ, хотя нерадушный пріемъ пана Залуцкаго и нѣкоторое таинственное уныніе, царившее въ «замкѣ» и вокругъ него, нѣсколько обезкураживали мое жизнерадостное настроеніе.

Рѣшивъ терпѣливо ожидать, что будетъ дальше, и надѣясь, что Хмара позаботится обо всемъ главномъ и обезпечить мое спокойствіе, я расположился на диванѣ отдохнуть послѣ довольно утомительнаго пути. Въ молодые годы не приходится долго ждать благодѣтельнаго сна, и «новыя мѣста» не играютъ тутъ никакой роли.

Я заснулъ богатырскимъ сномъ и проснулся, когда на дворѣ стоялъ дивный прохладный вечеръ, а въ комнатѣ у меня около стола возился солдатикъ, приготавливая чай.

На столѣ, кромѣ самовара, стояли тарелки съ хлѣбомъ и колбасой.

Все это было очень кстати, и я не заставилъ себя долго ждать; съ завиднымъ, только пралпорщикамъ свойственнымъ, аппетитомъ я принялся за утоленіе голода.

Покончивъ съ чаемъ и узнавъ отъ вѣстового, что люди размѣщены и теперь ужинаютъ, я вышелъ во дворъ. Отсюда были видны, какъ на ладони, все мѣстечко и поле за нимъ, и дорога, по которой мы слѣдовали. Мѣстечко не блистало красотой, дома преимущественно подъ соломенной крышей, разбросаны въ беспорядкѣ; на грязныхъ, неопрятныхъ улицахъ, заросшихъ травой, бродили козы, свиньи и куры. Площадь раздѣляла мѣстечко на двѣ части: еврейскую и крестьянскую. Началомъ послѣдней можно было считать приземистую, точно вросшую въ землю маленькую церковку, противъ которой на другомъ концѣ площади возвышался костелъ, гордо поднявшій свой фронтонъ, блиставшій позолоченной крышей. На фронтонѣ помѣщались часы, гулко отбивавшіе время монотоннымъ колоколомъ.

Я долго смотрѣлъ на открывавшуюся передъ моими глазами картину, а въ сердцѣ закрадывалась тоска одиночества. Мнѣ стало грустно, и я чувствовалъ себя заброшеннымъ въ глухое мѣсто безъ людей, безъ ободряющаго слова близкихъ. Эта тоска такъ заполонила меня, что я, побродивъ нѣсколько времени по двору и выкуривъ съ десятокъ папиросъ, отправился къ себѣ и завалился спать.

Безъ сновидѣній провелъ я эту ночь и былъ разбуженъ первыми лучами солнца, непрошенно забравшимися ко мнѣ на постель.

День былъ праздничный, и, пользуясь этимъ, я рѣшилъ сдѣлать визитъ пану Залуцкому, предполагая застать его дома. Выбравъ

минуту, когда панъ по моимъ расчетамъ долженъ былъ вернуться изъ костела, я принарядившись, насколько этому способствовалъ мой походный костюмъ, отправился къ хозяину. Расчеты мои оправдались, я засталъ Залуцкаго за завтракомъ. По всему было видно, что панъ жилъ очень скромно: столовая вмѣщала въ себѣ круглый столъ безъ скатерти, на которомъ возвышался самоваръ и положены были: на одной тарелкѣ хлѣбъ, а на другой — вареный картофель; тутъ же стояли стеклянная сахарница и масленка съ отбитымъ краемъ. Кромѣ стола и нѣсколькихъ деревянныхъ, деревенской работы, стульевъ, въ комнатѣ еще стоялъ старинный большой буфетъ. Стѣны были голыя.

Панъ Залуцкій встрѣтилъ меня неособенно привѣтливо, относясь очевидно къ моему посѣщенію, какъ къ неизбѣжному злу. Онъ просилъ меня присѣсть, предложилъ стаканъ чая и, когда я отказался, поднялся и пригласилъ въ слѣдующую комнату. Это помѣщеніе было уютнѣе предыдущаго: стѣны и полъ, задрапированные коврами, диваны, обитые такими же коврами, дѣлали впечатлѣніе чего-то восточнаго, а оружіе, въ изобиліи развѣшенное на стѣнахъ, дополняло это впечатлѣніе.

Затѣмъ панъ Залуцкій мнѣ сказалъ:

— Я нанялъ вамъ луга, далъ помѣщеніе вашимъ людямъ и считаю, что съ моей стороны всѣ обязательства покончены. Прибавлю, пожалуй, что мои угодыя къ вашимъ услугамъ, если вы охотникъ и пожелаете побродить тамъ съ ружьемъ. Я же очень и постоянно занятъ, не нахожу даже возможности поддерживать не только знакомства, но даже родственныя отношенія.

Ясно было показано, что со мной не желаютъ вести знакомства. Это меня взорвало, и я отвѣтилъ:

— Я, кажется, не далъ повода предполагать въ себѣ навязчивость, повѣрьте, что только общежитейскія приличія заставили меня посѣтить васъ.

Глаза пана сверкнули на меня недобрымъ огнемъ, онъ постарался улыбнуться и сказалъ:

— Какъ вижу, горячій молодой человѣкъ, вы не такъ поняли меня. Быть можетъ, я больше, чѣмъ вы, желалъ бы имѣть самое живое общеніе съ образованными, интеллигентными людьми, но, какъ я заявилъ, не имѣю къ тому возможности. Лично же для васъ въ моихъ словахъ, кажется, не было ничего обиднаго.

Я поспѣшилъ откланяться, давъ себѣ слово больше не беспокоить гордаго и таинственнаго пана и не пользоваться его разрѣшеніемъ охотиться, хотя къ этому роду занятій я имѣлъ маленькую страстишку.

Такимъ образомъ мнѣ предстояло скучное, томительное пребываніе въ имѣніи пана Залуцкаго.

Но противъ скуки такъ или иначе надо было бороться, и вотъ я рѣшилъ познакомиться съ мѣстечкомъ въ надеждѣ отыскать въ его нѣдрахъ какое нибудь живое существо, могущее раздѣлить мое одиночество.

Выйдя на площадь къ костелу и разглядывая красивую архитектуру этого зданія, я сразу обратилъ вниманіе на довольно странное явленіе: послѣ боя часовъ, опредѣлявшихъ время двумя ударами, большой колоколъ прозвонилъ четыре раза, потомъ черезъ короткій промежутокъ опять четыре и вновь черезъ такой же промежутокъ еще четыре раза.

Не видя вблизи никого, къ кому я могъ бы обратиться за разъясненіемъ столь загадочнаго звона, я побрелъ дальше по мѣстечку, избравъ часть его, населенную евреями и имѣвшую видъ, болѣе похожій на городъ.

По улицамъ рылись въ песокъ куры, а у крылечекъ домовъ попадались группы евреевъ всевозможныхъ возрастовъ и типовъ. Всѣ эти группы живо обсуждали какіе-то вопросы, выкрикивая на своемъ жаргонѣ отдѣльныя фразы и подтверждая свои слова энергичными жестами, между которыми преобладали бѣненіе себя въ грудь и выставленіе впередъ обѣихъ рукъ съ такъ сложенными указательнымъ и большимъ пальцами, будто между ними находилось нѣчто особенно цѣнное и нѣжное.

Возлѣ группъ взрослыхъ евреевъ пныряли мальчишки, чутко прислушиваясь къ словамъ старшихъ и обмѣниваясь между собою мнѣніями по поводу слышаннаго.

Отъ одной группы отдѣлился еврей среднихъ лѣтъ, въ длинномъ поношенномъ «лапсердакѣ» и бархатномъ довольно засаленномъ картузѣ; онъ направился ко мнѣ и, не доходя нѣсколькихъ шаговъ, снялъ картузъ и, глядя на меня заискивающими глазами, проговорилъ:

— Може, пану поручику нужны услуги, то я могъ бы служить пану?

— Какія же услуги вы можете предложить?

— О, какія только угодно пану! Во-первыхъ, если панъ не доволенъ квартирой у пана Залуцкаго, то я бы нашелъ очень веселенькую квартиру тутъ; потомъ можно доставить все, что панъ пожелаетъ на завтракъ, обѣдъ и ужинъ,—вообще все, все! Я всегда служилъ офицерамъ, знаю, чего они хотятъ, и они всегда оставались довольны и благодарны Боруху.

— Благодарю, Борухъ. Если мнѣ что понадобится, я обращусь къ вамъ, но гдѣ васъ найти?

— О, это такъ легко! Пришлите солдата сюда на улицу и прикажите ему сказать: панъ поручикъ требуетъ Боруха, и Борухъ въ моментъ будетъ у васъ.

— А нѣтъ ли тутъ у васъ какого нибудь заведенъица, въ родѣ рестораника, гдѣ можно было бы выпить холоднаго квасу?

— Есть лавочка у Аврума, гдѣ все можно достать! Пожалуйте за мной.

Сопровождаемый Борухомъ, я подошелъ къ лавочкѣ Аврума, степеннаго сѣдого еврея, торгующаго всевозможною мелочью, необходимою въ скромномъ крестьянскомъ обиходѣ.

На мою просьбу дать чего нибудь прохладительнаго, Аврумъ предложилъ «великолѣннаго» квасу и, обратясь къ стоявшей за прилавкомъ еврейкѣ, приказалъ принести бутылку и стаканъ. Квасъ оказался какой-то бурдой, при томъ теплый, и я, отпивъ глотокъ и расплатившись, поспѣшилъ выйти.

Аврумъ въ это время предлагалъ мнѣ всевозможныя вещи изъ своего «магазина», на что я обѣщалъ воспользоваться его предложеніемъ, когда будетъ надобность.

Я побрелъ къ себѣ. Борухъ слѣдовалъ за мной.

Я вспомнилъ о поразившемъ меня странномъ звонѣ съ костела и рѣшилъ спросить Боруха.

— Не знаете ли, Борухъ, отчего это въ два часа дня въ костелѣ звонятъ три раза по четыре?

Лицо подлетѣвшаго на мой зовъ Боруха какъ-то сразу осунулось, онъ посмотрѣлъ по сторонамъ, какъ преслѣдуемый заяцъ, и, приблизивши свой ротъ къ моему уху, зашепталъ:

— О, намъ не можно говорить о томъ! Паны поляки запрещаютъ и, если узнаютъ, что я сказалъ, то меня со свѣту сживутъ.

— А вы не бойтесь, я васъ не выдамъ,—успокоилъ я еврея, страшно заинтересовавшись его словами.

— То поляки вспоминаютъ своихъ мучениковъ, спаленныхъ тутъ.

— Какихъ мучениковъ, и кто ихъ спалилъ?

— Говорятъ, русскіе ихъ спалили, когда тутъ было повстаніе. Больше я ничего не знаю,—прибавилъ Борухъ.

— Не знаете и подробностей, кто были эти мученики, и какъ ихъ сожгли?

— Ничего не знаю, и вы не спрашивайте бѣдныхъ жидковъ, никто вамъ не скажетъ!

— А кто же можетъ рассказать мнѣ эту исторію?—допытывался я.

— Только одинъ панъ Залуцкій.

Мнѣ ужасно хотѣлось узнать трагедію, разыгравшуюся тутъ еще такъ недавно, какихъ нибудь двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, и я рѣшилъ при первомъ удобномъ случаѣ выпытать такъ ревниво оберегаемую тайну. Одно меня смущало, что тайну могъ сообщить только панъ Залуцкій, съ которымъ я рѣшилъ поддерживать только официальные отношенія.

Потекли скучные однообразные дни. У меня было слишкомъ много свободнаго времени, и я не зналъ, куда его дѣвать. Все шло тихо и мирно. Лошади благополучно паслись на лугахъ, солдаты благоденствовали на «вольномъ воздухѣ».

Панъ Залуцкій отдалъ мнѣ отвѣтный визитъ, рассыпался въ любезностяхъ и повторилъ просьбу воспользоваться для охоты его угодами. Соблазнъ былъ великъ, и какъ я ни крѣпился, а въ концѣ концовъ не вытерпѣлъ и большую часть дня началъ проводить въ лѣсу и на болотахъ съ ружьемъ. Дичи оказалось достаточно, и моя охота отличалась добычливостью.

Какъ-то разъ привезли мнѣ цѣлую кипу газетъ, и я, забросивъ на время свою охоту, зарылся по уши въ газеты, поглощая въ себя свѣдѣнія о тѣхъ событіяхъ, которыми волновался весь міръ. А время было горячее. Герцоговинцы, а за ними черногорцы и сербы, подняли возстаніе, намѣреваясь сбросить съ себя турецкое иго. Заволновалась и Россія, чутко прислушиваясь къ стонамъ единовѣрныхъ славянъ, жестоко преслѣдуемыхъ турками.

Газеты были наполнены подробностями о звѣрствахъ, произведенныхъ турками надъ христіанами, и начали появляться слухи о добровольцахъ русскихъ, желающихъ рука объ руку съ братьями по Христу драться съ притѣснителями и изуверами-турками и своею кровью запечатлѣть свободу христіанъ.

Газеты приглашали къ пожертвованіямъ на святое дѣло и общали о хлынувшемъ уже приливѣ этихъ жертвованій. Устраивались вечера, спектакли, пикники и всевозможныя развлечения, чтобы и такимъ путемъ привлечь жертвователей, и изъ всего извлечь пользу для того же дѣла. Моя душа всколыхнулась. Молодая кровь заиграла желаніями откликнуться на общій призывъ, принять участіе въ святомъ дѣлѣ, не быть послѣдней спицей въ колесницѣ.

Эта мысль меня такъ поглотила, что я забылъ все остальное и только и ждалъ, чтобы моя командировка поскорѣе кончилась, и я могъ распорядиться согласно своему влеченію.

Въ одинъ изъ такихъ дней совершенно неожиданно зашелъ ко мнѣ панъ Залуцкій. Я его давно не видѣлъ и нашелъ въ немъ немалую перемѣну.

Во-первыхъ, лицо его какъ-то повеселѣло, оживилось, прежней нахмуренности не было и слѣда, глаза свѣтились почти весело, румянецъ пробивался сквозь загаръ щекъ, губы складывались въ привѣтливую улыбку.

Во-вторыхъ, и костюмъ онъ перемѣнилъ: вмѣсто поношенной поддевки и большихъ смазныхъ сапоговъ на немъ была надѣта парусиновая пара и лакированныя ботинки; соломенную шляпу онъ такъ же замѣнилъ котелкомъ.

Радушно поздоровавшись со мной и освѣдомившись о моемъ здоровьѣ, онъ сказалъ:

— Знаете, я къ вамъ съ предложеніемъ: засидѣлись мы тутъ порядкомъ, встряхнуться намъ не мѣшаетъ.

На мой удивленный взглядъ онъ продолжалъ:

— Вы удивлены, видя меня не въ обыденномъ костюмѣ и не въ обыденномъ настроеніи? Да, подумайте, какое время мы теперь переживаемъ! Можно ли спокойно сидѣть въ глуши и думать только о своихъ мизерныхъ дѣлахъ, когда тамъ, на Востокѣ, рѣжутъ нашихъ братьевъ, и вся Европа всколыхнулась отъ негодованія!

Я еще больше удивился. Отъ пана ли Залуцкаго все это слышу?

Тѣмъ не менѣе мои чувства къ нему сразу перемѣнились: изъ довольно непріязненныхъ они готовы были вылиться въ дружбу.

А панъ Залуцкій продолжалъ:

— Въ нашемъ городѣ завтра назначено большое гуляніе и сборъ пожертвованій на борьбу съ мусульманами; тамъ же, какъ мнѣ говорили, вербуютъ и добровольцевъ въ Сербію. Не правда ли, интересно? Поѣдемъ завтра; немного развлечемся и принесемъ свою лепту на святое дѣло! Согласны?

Я съ удовольствіемъ согласился, и мы порѣшили завтра рано утромъ, пользуясь холодкомъ, отправиться вмѣстѣ въ губернской городъ, отстоявшій отъ имѣнія пана Залуцкаго въ 20 верстахъ.

Утромъ на слѣдующій день, едва заря занялась, какъ ко мнѣ явился посланный отъ пана Залуцкаго съ приглашеніемъ пожаловать. Я не заставилъ себя ждать и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже у хозяина.

У крыльца стоялъ легкій парадный фазтонъ, запряженный парой сытыхъ прекрасно содержимыхъ лошадей. Ни фазтона, ни лошадей этихъ я прежде у Залуцкаго не видѣлъ... Не успѣлъ я оглядѣть экипажа, какъ на крыльцо вышелъ самъ хозяинъ, одѣтый въ парусиновый халатъ, прикрывавшій костюмъ отъ пыли.

— Утро прекрасное, и мы съ удовольствіемъ совершимъ прогулку,—привѣтливо обратился онъ ко мнѣ.—Жаль, что у васъ нѣтъ какогонибудь легкаго одѣянія, чтобъ предохранить вашъ чистенькій китель отъ пыли; хотите, я вамъ велю дать парусиновый халатъ, вотъ такой, какъ на мнѣ?

Я охотно облачился въ очень удобный для дороги халатъ; затѣмъ мы усѣлись въ экипажъ и тронулись въ путь.

Дорога все время шла лѣсомъ. Утренняя прохлада еще держалась въ воздухѣ, птицы немолчно перекликались, на листьяхъ и травѣ, какъ брильянты, сверкали капли росы.

Я положительно отказывался понять ту перемѣну, какая произошла съ паномъ Залуцкимъ. Всю дорогу онъ не переставалъ вести разговоръ, при чемъ безъ всякаго съ моей стороны вопроса разсказалъ кое-что изъ своей біографіи.

У него есть братъ, который былъ замѣшанъ въ польскомъ возстаніи 1863 года, за что отбываетъ наказаніе въ ссылкѣ, срокъ которой уже окончился, и Залуцкій ждетъ прибытія брата со дня на день. Самъ Залуцкій также былъ замѣшанъ въ возстаніи, но его участіе въ этомъ печальномъ дѣлѣ было такъ ничтожно, что

понесенное имъ наказаніе ограничилось лишь двухлѣтнимъ заключеніемъ въ тюрьмѣ.

Больше никакихъ родственниковъ, кромѣ самыхъ отдаленныхъ, панъ Залуцкій не знаетъ.

Какъ только разговоръ коснулся возстанія, меня начало подмывать желаніе разспросить пана Залуцкаго о подробностяхъ.

— Не можете ли объяснить,—спросилъ я,—какъ и по какому случаю установленъ ежедневный троекратный звонъ по четыре удара съ костела въ Вигурахъ?

Залуцкій нѣсколько измѣнился въ лицѣ, брови немного нахмурились.

— Это грустная исторія; я, быть можетъ, вамъ расскажу на обратномъ пути, а теперь будемъ наслаждаться природой и лѣсною жизнью; посмотрите, какъ всякая тварь радуется солнцу, радуется тому, что дышитъ этимъ чуднымъ воздухомъ, радуется, что живетъ. Только человѣкъ сумѣлъ заключить себя въ такія рамки, надѣлалъ себѣ столько перегородокъ, что у него нѣтъ ни времени, ни охоты наслаждаться природой.

— Ужъ не именинникъ ли вы сегодня?—прервалъ я пана Залуцкаго.

— А что?—вскинулъ онъ на меня удивленный взглядъ.

— Да вы какъ-то особенно настроены сегодня.

— Нѣтъ, я не именинникъ, но настроенъ дѣйствительно необыкновенно: въ моей жизни, можетъ быть, совершится сегодня переломъ, котораго я такъ давно жду.

— Не предложеніе ли собрались сдѣлать?—допытывался я.

— Ха, ха, ха... весело засмѣялся панъ Залуцкій.—Не отгадаете, милѣйшій Иванъ Ивановичъ, и не трудитесь отгадывать. Потерпите, все узнаете! А скажите, какого вы обо мнѣ мнѣнія?

Послѣдній вопросъ меня очень затруднилъ; что я могъ отвѣтить, когда теперь я почти забылъ то непріятное впечатлѣніе, какое на меня произвелъ панъ Залуцкій при первомъ знакомствѣ. Теперь онъ казался мнѣ такимъ симпатичнымъ, такимъ добродушнымъ человѣкомъ, что жаль было и вспомнить недавно прошедшее.

— Я васъ почти не знаю, первый разъ разговариваю съ вами, какъ слѣдуетъ, а потому никакого мнѣнія я еще о васъ не составилъ.

— Будто ужъ никакого! Навѣрное первое знакомство вооружило васъ противъ меня, а добрые люди помогли. Меня тутъ никто не любитъ, да я никогда и не стремился заслужить этой любви. Я здѣсь жилъ и работалъ только по необходимости; имѣніе это принадлежитъ моему брату, я обязанъ былъ смотрѣть за нимъ, и только это и удерживало меня здѣсь. Вотъ пріѣдетъ братъ, я ему дамъ все его добро, а самъ распоряжусь собою, какъ вольный казакъ...

— То-есть?

— Это еще загадка, къ которой мы нѣтъ-нѣтъ да и подходимъ въ нашемъ разговорѣ. Но не будемъ предупреждать событій! Вотъ пунктъ нашего стремленія,—указать онъ на открывшійся передъ глазами нашими городъ.

Потянулись огороды, сады, лачуги, не напоминающія своимъ видомъ представленія о городскихъ зданіяхъ; наконецъ загромычала мостовая, слѣдовательно мы находились вблизи цивилизаціи. Пошли и дома городской архитектуры, но больше одноэтажные; проѣхавъ базарную площадь, наполненную торговками и возами крестьянъ, обогнули соборъ, высившійся своими золочеными куполами посреди площади, и остановились у двухъэтажнаго дома съ синей вывѣской надъ входомъ: «Гостиница для проѣзжающихъ».

Панъ Залуцкій уговорилъ меня остановиться въ одномъ съ нимъ номерѣ. Послѣ чая, поданнаго съ довольно неопрятной сервировкой, Залуцкій переодѣлся и началъ куда-то собираться. Свѣжій шелковый костюмъ преобразилъ пана изъ рабочаго деревенскаго жителя въ франтоватаго горожанна.

— Извините,—сказалъ онъ,—я васъ оставляю на короткое время. Если не приду къ обѣду, то не ожидайте меня; передъ вечеромъ женепремѣнно явлюсь, и вмѣстѣ отправимся въ городской садъ.

Панъ Залуцкій ушелъ, а я не зналъ, какъ убить время. Городъ меня не интересовалъ, да къ тому же стояла порядочная жара, и вовсе не тянуло на пыльную, раскаленную улицу. Я рѣшилъ убить время сномъ и, приказавъ убрать со стола остатки нашего завтрака, растянулся на диванѣ.

Сначала мнѣ долго не удавалось уснуть: мириады мухъ облѣпляли мое лицо и всѣ открытыя части тѣла, онѣ же безцеремонно забирались и подъ платье; затѣмъ и другія насѣкомыя, неразлучныя съ провинціальной гостиничной мебелью, также пожелали воспользоваться челоуѣкомъ, прожившимъ въ деревнѣ и упитывавшимъ свое грѣшное тѣло деревенскими продуктами. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти прелести, щедро расточаемыя гостиницами мирныхъ городковъ скромнымъ путникамъ, не преодолѣли молодого здороваго сна, и я проспалъ вплоть до прихода Залуцкаго.

Оказалось, что мой сонъ продолжался нѣсколько часовъ.

Солнце косыми лучами заката пробиралось въ комнату, играя въ столбѣ пыли, тянувшемся къ окну. Было нестерпимо жарко; рубаха моя, напитанная потомъ, прилипла къ тѣлу.

— Боже, неужели вы все это время спали?—ужаснулся панъ Залуцкій.— Вотъ завидный сонъ. А я успѣлъ прекрасно устроить всѣ свои дѣла и теперь чувствую волчій аппетитъ. Завидный, завидный сонъ; значитъ, совѣсть чиста!

Я тоже проголодался, и мы рѣшили пообѣдать въ городскомъ саду, на свѣжемъ воздухѣ, въ болѣе поэтическомъ, чѣмъ столовая

гостиницы, мѣстѣ. Черезъ нѣсколько минутъ мы подходили къ разукрашенному гирляндами, флагами и шкаликами входу въ городской садъ.

Мы пришли еще рано: садъ былъ безъ публики, только по его аллеямъ и площадкамъ изрѣдка суетливо пробѣгали, повидимому, распорядители, на ходу роняя свои замѣчанія и приказы находившимся тутъ же рабочимъ.

Садъ принарядился, дорожки усыпаны пескомъ, повсюду развѣвались флаги и флажки, гирлянды изъ темной зелени окаймляли аллеи, на эстрадѣ военные музыканты устанавливали свои пюпитры.

Вечеръ обѣщалъ быть прекраснымъ: на небѣ ни облачка, въ воздухѣ царила тишина, и только легкій шаловливый зефиръ изрѣдка набѣгалъ и шевелилъ флаги.

Мы направились къ буфету, выбрали одинъ изъ столиковъ, разставленныхъ на площадкѣ, и позвали лакея заказать обѣдъ.

— Позвольте мнѣ, ради сегодняшняго, для меня очень важнаго дня, угостить васъ обѣдомъ. Большое окажете мнѣ вниманіе!

Просьба была выражена паномъ Залуцкимъ такъ просто и такъ искренно, что я не нашелъ въ себѣ смѣлости отказаться.

Очевидно панъ Залуцкій рѣшилъ кутить: онъ долго выбиралъ кушанья, останавливаясь преимущественно на такихъ, которыя носили замысловатыя названія, и въ концѣ концовъ приказалъ заморозить бутылку шампанскаго.

— Да выведите же вы меня наконецъ изъ недоумѣнія!—взмолился я:—вы такъ необыкновенно настроены, что навѣрно съ вами случилось что нибудь особенное. Дайте мнѣ возможность поздравить васъ и принять посильное участіе въ вашемъ торжествѣ!

— Много будете знать, скоро состаритесь! А что можетъ быть привлекательнѣе молодости!—пошутилъ Залуцкій.—Впрочемъ, поздравьте меня съ окончаніемъ старыхъ счетовъ и порадайтесь за меня, какъ нашедшаго выходъ изъ гнетущей душу кабалы.

Эти слова мало разъяснили мое недоумѣніе.

— Я совершенно не могу спать эту ночь, а вы успѣли уже выспаться: махнемъ домой ночью. Дорогой я васъ посвящу въ тайны своей жизни, вы получите полную разгадку вашего недоумѣнія. Согласны?

Я, конечно, согласился.

Пока мы обѣдали, при чемъ пили очень мало, а больше болтали, садъ наполнился публикой.

Музыка гремѣла поочередно съ хоромъ пѣсенниковъ. Пьесы выбирались болѣе патріотическія, и публика все болѣе и болѣе оживлялась. Настроеніе дѣйствительно дѣлалось торжественное, празднично воодушевленное благою цѣлью. Мы кончили обѣдъ и

прошлись между толпой. Эта толпа вела одни разговоры: о звѣрствахъ турокъ, о геройской защитѣ славянъ, о желаніи братскаго русскаго народа стать въ защиту истязуемыхъ единовѣрцевъ, стереть съ лица земли турецкое иго и водрузить крестъ на куполѣ Софіи.

Но энтузіазмъ принялъ просто грандіозные размѣры, когда между публикой появилась красивая, нарядно одѣтая дама и приличный во всѣхъ отношеніяхъ господинъ, съ кружками въ рукахъ для сбора пожертвованій въ пользу славянъ.

Панъ Залуцкій превзошелъ мои ожиданія, въ каждую кружку, какую только проносили около него, онъ клалъ крупныя депозитки, при чемъ дѣлалъ это съ какою-то торжественностью. Я былъ пораженъ и нѣсколько сконфуженъ: по состоянію своего кошелька, я рѣшительно не могъ поддержать ему компанію. Онъ замѣтилъ мое затруднительное положеніе и проникновенно проговорилъ:

— Не конфузьтесь и не смущайтесь, помните лепту вдовицы!

Апогей торжественности въ саду достигъ кульминаціоннаго пункта, когда сборщики жертвованій, съ открытой сцены, объявили о суммѣ сбора: таковая оказалась довольно солидной.

Раздались крики «ура», потребовали гимна, и торжественныя звуки «Боже, Царя храни», начатыя музыкой, были подхвачены всей толпой.

Гулянье кончилось, и мы возвратились въ свой номеръ.

Панъ Залуцкій торопился съ отъѣздомъ домой, при чемъ онъ заявилъ мнѣ, что такъ какъ на возвратномъ пути онъ рѣшилъ открыть мнѣ свою тайну, другихъ свидѣтелей которой не должно было быть, то кучера своего онъ оставляетъ въ городѣ, и мы отправляемся только вдвоемъ.

Такъ и было сдѣлано.

Едва ступились сумерки, и луна медленно показалась на горизонтѣ, мы выѣхали изъ М.

Въ воздухѣ стояла тишина, лошади, почти не управляемыя, мѣрно шли по знакомой дорогѣ.

Я съ сердечнымъ замираніемъ ожидалъ откровеній пана Залуцкаго, вооружаясь терпѣніемъ. Но онъ все еще молчалъ, какъ бы обдумывая свою рѣчь.

Наконецъ, когда мы вѣхали въ лѣсъ, и насъ обхватила темнота, изрѣдка нарушаемая лучами луны, прорывавшимися сквозь листву придорожныхъ деревьевъ, панъ Залуцкій началъ:

— И такъ, молодой человекъ, я рѣшилъ открыть вамъ свою душу. Вы мнѣ очень нравитесь, и я увѣренъ въ вашей скромности! Повѣдаю все, что было интереснаго въ моей жизни. Быть можетъ, многое послужитъ и вамъ когда нибудь па пользу. Итакъ слушайте.

— Отецъ мой служилъ въ пѣхотномъ полку. Какъ сами знаете, прежняя служба не то, что нынѣшняя: не засиживались военные

на одномъ мѣстѣ, не обзаводились и своимъ домкомъ п полнымъ хозяйствомъ, какъ теперь. Прежде, если и случалось простоять полку годъ на одномъ мѣстѣ, то считалось, что ужъ зажились; большею же частью полки переходили съ мѣста на мѣсто, было ли мирное или военное время. И такое кочевое существованіе необыкновенно связывало офицеровъ дружескими чувствами; было только свое общество, другого завести некогда, была только своя офицерская полковая семья. Въ эту полковую семью входили и офицерскія жены, которыя дѣлили со своими мужьями и досугъ, и походы, и всю вообще жизнь. Такія жены знали всѣ полковыя дѣла, интересовались ими, переживали наравнѣ съ мужьями всѣ полковыя радости и печали. Любилъ я слушать рассказы отца про его полковую жизнь, да и старикъ такъ воодушевлялся при этомъ, съ такимъ волненіемъ и теплотой вспоминалъ былые дни, когда онъ съ полкомъ исколесилъ всю Россію, что просто заслушаешься! Полковая жизнь заставила отца забыть свое польское происхожденіе. Слишкомъ сжился онъ со всѣмъ русскимъ, чтобы помнить, чувствовать и понимать постоянныя мечты поляковъ царства Польскаго возсоздать ихъ бывшую когда-то «ойчизну».

Дѣтей у отца было только насъ двое: братъ Иванъ да я. Мы родились на походѣ и хотя крещены католиками, но о полякахъ ничего не знали.

Мать умерла, когда мнѣ было четыре года. Смутно, очень смутно, и то, быть можетъ, только по рассказамъ другихъ, припоминаю обликъ своей матери, которая навѣрно больше, чѣмъ отецъ, терпѣла житейскія невзгоды, мыкаясь съ двумя малышами по походамъ, довольствуясь скромными помѣщеніями по хатамъ, не досыпая, не доѣдая, въ постоянныхъ заботахъ о мужѣ и дѣтяхъ.

Когда подросъ старшій братъ, когда пришлось подумать объ его образованіи, и когда продолжать скитальческую жизнь вдовому отцу съ двумя сыновьями малолѣтками стало не вмоготу, онъ вышелъ въ отставку и поселился въ небольшомъ имѣніи, доставшемся ему отъ дѣда.

Братъ былъ отвезенъ въ городъ и опредѣленъ въ гимназію, а отецъ принялся за чуждое ему дѣло—возиться съ землей, когда большую часть своей жизни онъ только и умѣлъ мѣрять эту землю собственными шагами. По его словамъ, ему сначала очень трудно доставалась наука извлекать изъ земли пропитаніе и обезпеченіе образованія сыновей; но нужда заставила постичь новую науку, и вскорѣ отецъ уже слылъ образцовымъ хозяиномъ и помѣщикомъ. Благосостояніе его росло быстро, и явилась надежда, что мы будемъ вполнѣ обезпечены.

Хотя имѣніе отца — то самое, въ которомъ живу и я—находится въ краѣ, принадлежавшемъ когда-то Польшѣ, но крупныхъ польскихъ владѣній вблизи не было, какъ нѣтъ ихъ и теперь. Бли-

жайшіе же наши сосѣди были мелкопомѣстные, такъ называемая «шляхта», которая кичилась своимъ польскимъ происхожденіемъ и тянула къ магнатамъ, всегда строившимъ воздушные замки.

Съ этими сосѣдами отецъ почти не водилъ компаніи, и они его не долюбливали, обзывая не безъ злобы «москалемъ».

Братъ хорошо учился, а тѣмъ временемъ и я подросъ настолько, что и меня готовили въ ту же гимназію, гдѣ былъ братъ.

Подготовлялъ меня въ гимназію самъ отецъ, съ помощью мѣстнаго ксендза, который впрочемъ недолюбливалъ отца за его постоянный контроль надъ «паномъ пробощемъ», чтобы «святой отецъ» не вбивалъ въ мою юную голову ничего «польскаго-политическаго». Помню очень хорошо нѣсколько горячихъ дебатовъ ксендза съ отцомъ, при чемъ первый не разъ кончалъ споръ предсказаніемъ, что отцу не одобровать, и если не на семь, то на томъ свѣтѣ придется ему круто за «схизматическія, московскія» идеи.

Дѣтство я проводилъ почти одиноко: сверстниковъ нашего круга у меня не было, и приходилось довольствоваться пріятелями изъ дворовыхъ мальчишекъ, съ которыми я и забавлялся.

Наконецъ, меня отвезли въ городъ, опредѣлили въ гимназію и помѣстили на квартиру къ одной бѣдной вдовѣ, которой единственные средства къ жизни и доставляли ей квартиранты. Братъ жилъ тамъ же, но, какъ старшій на четыре года, имѣлъ своихъ пріятелей и меня въ свой кружокъ не пускалъ. Скучно мнѣ показалось въ городѣ противъ деревенскаго приволья, и городскія развлеченія мало увлекали меня.

Насталъ 1861 годъ. Совершилось освобожденіе крестьянъ, вопреки предсказаніямъ, мирно и тихо. У отца крестьянъ было очень мало, и освобожденіе ихъ прошло незамѣтно. Зато до нашего захолустнаго угла начали доходить, преимущественно черезъ евреевъ, вѣсти довольно тревожнаго свойства изъ царства Польскаго: тамъ что-то затѣвалось. Поляки, какъ потревоженные въ ульѣ пчелы, зашумѣли, зашевелились.

Въ это время я и братъ оканчивали курсъ: я—въ гимназіи, а Иванъ—въ университетѣ. Помню хорошо, когда мы возвратились въ Вигуры на каникулы, отецъ началъ насъ спрашивать: что говорятъ въ городѣ о полякахъ, и дошли ли туда слухи о затѣяхъ ихъ? Братъ какъ-то уклончиво отвѣчалъ, что очень не понравилось отцу; я же, какъ жившій въ гимназіи дичкомъ, почти въ одиночку, не могъ ничего сообщить, потому что и самъ ничего не зналъ.

Тогда же отецъ объявилъ свое рѣшеніе: меня, какъ не склоннаго къ ученію, взять окончательно изъ гимназіи и оставить въ Вигурахъ помогать ему по хозяйству.

— Я уже старъ и мнѣ нуженъ помощникъ,—сказалъ при этомъ онъ.—Да къ тому же довольно и одного ученаго изъ семьи Залуцкихъ,—прибавилъ онъ не безъ ироніи по адресу брата.

Такимъ образомъ, я распростился навсегда съ гимназіей, къ которой у меня никогда не лежало сердце, и поселился въ дорогихъ мнѣ Вигурахъ, помогая любимому отцу и занимаясь тѣмъ дѣломъ, къ которому у меня всегда былъ запасъ охоты. Братъ скоро уѣхалъ въ К., гдѣ онъ получилъ мѣсто въ судѣ. На прощанье отецъ долго бесѣдовалъ съ братомъ наединѣ и предостерегалъ его отъ заблужденій. Они говорили въ кабинетѣ запершись, но я изъ мальчишескаго любопытства подслушалъ ихъ разговоръ. Отецъ главнымъ образомъ говорилъ о полякахъ.

— Хотя ты и носишь польскую фамилію и исповѣдуешь католическую вѣру, но не забывай, что ты русскій и всѣмъ обязанъ Россіи, — говорилъ отецъ. — Помни одно: твое участіе или даже сочувствіе польскимъ затѣямъ ляжетъ тяжкимъ позоромъ на мою старую голову, омрачить послѣдніе мои дни.

Братъ все отмалчивался, но наконецъ, должно быть, выведенный отцемъ пзъ терпѣнія, проговорилъ:

— Я уже не маленькій, да къ тому же и учился чему нибудь; значить, знаю, какъ мнѣ быть, и въ наставникахъ не нуждаюсь.

Отецъ вспылилъ, что съ нимъ бывало очень рѣдко. Онъ стукнулъ кулакомъ о столъ и почти крикнулъ:

— Не наставникъ съ тобой говорить, а отецъ! Не только слова, но и сѣдины отца должны быть для тебя священны!

Онъ такъ грозно это сказалъ, что братъ сразу притихъ, а я отъ страху, какъ мячъ, отлетѣлъ отъ двери, у которой подслушивалъ.

Несмотря на полную, какъ мнѣ казалось, ссору отца съ Ивановъ, они разстались трогательно нѣжно. И у того и у другого были слезы на глазахъ; они горячо обнялись, точно предчувствуя, что больше не свидятся на семь свѣтъ.

Я зажилъ привольно. Отецъ не принуждалъ меня къ работѣ, видя, что я и самъ вошелъ въ роль помощника и полюбилъ то дѣло, къ которому былъ приставленъ. Постепенно знакомясь съ несложнымъ хозяйствомъ отца, я скоро вполне могъ замѣнить его. Однимъ словомъ, не прошло и года, какъ я сдѣлался полнымъ хозяиномъ и только изрѣдка давалъ отчеты отцу, который всегда одобрялъ ихъ.

Отецъ замѣтно старился и сталъ предпочитать покой всему прочему. Кромѣ тяжести старости, его начали утруждать еще какія-то таинственныя посланія, которыя онъ сначала скрывалъ отъ меня. Всегда послѣ полученія такого посланія отецъ цѣлый день ходилъ какой-то сумрачный, недовольный. Наконецъ, разъ какъ-то подъ вечеръ, онъ призвалъ меня въ кабинетъ, заперъ дверь и сказалъ мнѣ:

— Ты знаешь, что Польша вздумала бунтовать противъ русскаго царя. Мнѣ почти ежедневно начали присылать приказы: поднять воз-

станіе и тутъ, у насъ. Они забыли, что я—русскій офицеръ, что я присягалъ и никогда присяги не нарушалъ. Неужели они думаютъ, что я побоюсь ихъ угрозъ и посрамлю свою сѣдую голову? Вотъ что, Стась: если я позволю себѣ когда нибудь не то, что сдѣлать, а сказать что нибудь противъ Россіи и за Польшу,—разрѣшаю тебѣ, сынъ мой, убить меня, какъ собаку. Надѣюсь, дитя мое, и ты раздѣляешь мои убѣжденія, и не пойдешь противъ нашей родины-Россіи?

Я поспѣшилъ успокоить старика. У меня голова и сердце были заняты другимъ, ничего общаго не имѣвшимъ ни съ поляками, ни съ ихъ мятежными призывами.

Я переживалъ такое время, что никакіе мятежи и даже революціи не могли меня интересовать. Я любилъ первую, юною, всепоглощающею любовью!

Въ нашемъ краѣ, какъ вамъ извѣстно, безъ евреевъ обходиться не умѣютъ. Нужно ли что купить, продать—безъ посредничества еврея никакъ обойтись нельзя. Такъ и у насъ въ дѣлахъ по имѣнію состоялъ свой факторъ—Лейба Ойстрахъ, пожилой и во всѣхъ отношеніяхъ почтенный еврей.

Онъ имѣлъ въ Вигурахъ свой домъ, жилъ небѣдно, одѣвался всегда прилично и всѣхъ своихъ многочисленныхъ домочадцевъ умѣлъ держать въ большомъ къ себѣ почтеніи.

У Лейбы была дочь Сара, дѣвушка 16 лѣтъ. И что это была за красавица! При одномъ воспоминаніи теперь, когда все бывшее давно былѣемъ поросло, мое сердце начинаетъ усиленно колотиться.

Небольшого роста, тонкаго стана, граціозныхъ движеній, плавной походки, Сара умѣла такъ взглянуть своими большими черными глазами съ длинными рѣсницами и бархатными бровями, что отъ ея взгляда можно было забыть все на свѣтѣ, и броситься туда, куда она поведетъ. Этотъ взглядъ и ласкалъ и манилъ къ себѣ и сулилъ такое блаженство, какое не каждому суждено извѣдать. Не знаю, глядѣла ли она и на другихъ такъ, какъ на меня, но я положительно терялъ голову. Я любилъ Сару, готовъ былъ за нее пожертвовать всѣмъ и считалъ себя счастливѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ! Сара меня любила, и на такую любовь была способна, какъ мнѣ тогда казалось, только одна Сара.

Теперь, спустя много лѣтъ, я до мельчайшихъ подробностей помню нашу первую встрѣчу.

Мнѣ надо было видѣть Лейбу, чтобы переговорить съ нимъ насчетъ сбыта пшеницы, и я отправился къ нему. Не заставъ Лейбы дома, я попросилъ жену его, старуху довольно симпатичнаго вида, передать мужу, что я хотѣлъ видѣть его по дѣлу. Но старуха попросила меня обождать, такъ какъ хозяинъ долженъ былъ скоро вернуться.

Я усѣлся на жесткой диванъ и началъ разсматривать картинки, развѣшенные по стѣнамъ. Старуха вышла, и я остался одинъ.

Вдругъ дверь отворилась вновь, и въ комнату вошла Сара. Я прежде ея никогда не видѣлъ и сразу былъ пораженъ ея красотой. Застѣнчиво, не зная, о чемъ говорить, я продолжалъ только глядѣть на нее, она же съ улыбкой прошла мимо меня, секунду постояла передъ окномъ, потомъ сѣла на ближайшій стулъ и, продолжая улыбаться, нѣсколько разъ взглянула на меня своимъ лучистымъ взоромъ. Я расхрабрился и рѣшился завести разговоръ.

— Вы дочь Лейбы?—спросилъ я.

— Да, это васъ удивляетъ?—спросила она пѣвучимъ голосомъ, безъ противнаго еврейскаго акцента.

— Собственно въ томъ, что вы дочь Лейбы, ничего удивительнаго нѣтъ, но я васъ прежде никогда не видѣлъ.

— Я только недавно возвратилась домой изъ К.

— Вы что же тамъ дѣлали?

— Училась въ гимназiи, а вы гдѣ учились?

— Тоже въ К—ой гимназiи.

— Странно, что я васъ тамъ не видала, я многихъ гимназистовъ и даже студентовъ знаю.

Мы разговорились, и я такъ свободно себя почувствовалъ, точно мы были знакомы цѣлый вѣкъ.

Съ тѣхъ поръ я началъ искать случая видаться съ Сарой, и мои посѣщенiя дома Лейбы участились. Всегда находилось дѣло къ нашему фактору, всегда онъ былъ мнѣ нуженъ, и всегда въ такихъ случаяхъ я спѣшилъ къ Лейбѣ, совсѣмъ отказавшись звать его късебѣ.

Я началъ замѣчать, что мои посѣщенiя были прiятны Сарѣ; она точно поджидала меня, а, встрѣчая, иногда краснѣла и обдавала меня такимъ взглядомъ, что только присутствiе кого нибудь изъ семьи Лейбы удерживало мое желанiе сказать ей, что въ каждый новый день моя любовь къ ней все растетъ и растетъ.

Дѣйствительно, любовь къ Сарѣ поглотила меня всего. Кажется, не было ни одной у меня мысли, къ которой я не пристегнулъ бы такъ или иначе Сары. Я ложился спать съ мыслью о ней и просыпался съ такою же мыслию.

Отецъ не замѣчалъ моего увлеченiя, по крайней мѣрѣ, онъ ни однимъ словомъ не намекнулъ о томъ, что меня слишкомъ тянетъ къ дому Лейбы. А я дѣлался все нетерпѣливѣе и нетерпѣливѣе.

Скоро моя любовь къ Сарѣ меня начала не удовлетворять: свиданiя и бесѣды наши были такъ мимолетны и такъ кратковременны, что не могли утолить разгоравшагося во мнѣ пыла страсти и желанiя быть съ нею постоянно, говорить безъ конца, ласкать ее безъ удержа.

Какъ на бѣду, въ это время отецъ началъ прихваривать, и наши свиданiя совсѣмъ прекратились.

Странная болѣзнь постигла отца: на видѣ онъ какъ будто и не измѣнился, только блескъ глазъ потухалъ, да на лицѣ разливалась какая-то усталость и апатія. Онъ ни на что особенно не жаловался, а говорилъ, что чувствуетъ необыкновенную тяжесть во всемъ тѣлѣ, мѣшающую ему двигать членами. Потомъ пошли обмороки и потеря по временамъ памяти. Я не отходилъ отъ него и дѣлалъ это не только по долгу, но и изъ чувства любви, которое я всегда имѣлъ къ моему старику отцу.

Мнѣ и въ голову не приходила роковая мысль, что я такъ скоро потеряю отца: я даже никогда не представлялъ себя безъ отца, и потому приговоръ доктора, что отцу угрожаетъ серьезная опасность, повергъ меня въ отчаяніе. Помню роковую ночь, отнявшую у меня моего отца. Утомленный постояннымъ дежурствомъ при больномъ, я прилежъ на диванъ въ той же комнатѣ, гдѣ лежалъ отецъ, и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Не знаю, долго ли я проспалъ, когда почувствовалъ, что нужно проснуться; эту необходимость я сознавалъ всѣмъ своимъ существомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что не въ силахъ это сдѣлать. Съ большимъ усиліемъ я наконецъ вскочилъ съ дивана и увидѣлъ, что отецъ сидитъ на постели и знаками рукъ зоветъ меня. Я поспѣшилъ къ нему. Еще слышнымъ шопотомъ онъ сказалъ:

— Прощай... Будь счастливъ... Живите мирно съ братомъ... будьте честными и не....—На этомъ рѣчь его прервалась, онъ откинулся на подушки, захрапѣлъ, вытянулся во весь ростъ и больше не показывалъ признаковъ жизни.

Я въ отчаяніи бросился къ нему, обнималъ, тормошилъ, цѣловалъ, звалъ, молилъ не умирать, но все было кончено.

Вплоть до самыхъ похоронъ я ходилъ, какъ въ чадѣ, дѣлая все необходимое совершенно машинально.

Братъ не пріѣхалъ, а прислалъ лишь депешу, что служба и дѣла мѣшаютъ ему отлучиться изъ города, и что при первой возможности явится, чтобы распорядиться вводомъ насъ во владѣніе. Эта телеграмма поразила меня своею сухостью; противъ брата у меня явилось какое-то недоброе чувство.

Похоронивъ отца, я почувствовалъ страшное одиночество, граничащее съ беспомощностью, и только мысль о Сарѣ еще скрашивала мою жизнь. А между тѣмъ я ее давно не видѣлъ и не зналъ, что съ нею.

Какъ-то утромъ я вышелъ въ садъ. Тоска гнетомъ лежала на моей душѣ. Я безъ цѣли углубился въ чащу къ бесѣдкѣ, какъ вдругъ увидѣлъ чье-то цвѣтное платье. То была Сара, она меня поджидала и пошла навстрѣчу. Мы бросились другъ другу на шею, и я заплакалъ.

— Бѣдный мой, бѣдный,—говорила она, глядя мои волосы: поплачь, поплачь, легче будетъ.

Мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ хорошо: какая-то теплота разлилась по всему тѣлу, покой посѣтилъ мою душу.

Теперь я только понялъ, какъ я люблю эту дѣвушку, насколько она дорога мнѣ. Мы долго бесѣдовали самымъ задушевымъ образомъ и рѣшили каждый день сходитья тутъ, на этомъ счастливымъ мѣстѣ.

Потекли дни безумнаго счастья.

Общимъ совѣтомъ рѣшено было при первой возможности, т.-е. когда я, получивъ свою часть имѣнія, обращу ее въ деньги, — уѣхать за границу, гдѣ Сара должна принять христіанство, послѣ чего мы вступимъ въ бракъ и проживемъ своею жизнью: любовною, согласною, счастливою...

Я съ удвоенной энергіей принялся за дѣло. Работа кипѣла въ моихъ рукахъ. Любовь къ Сарѣ быстро заглушила мое горе, и я только и мечталъ объ осуществленіи нашихъ плановъ.

Хорошіе дни выпали на мою долю: съ утра на работѣ, а потомъ точно въ награду за труды являлась Сара, и мы проводили остатокъ дня въ блаженствѣ. Но и на такомъ лучезарномъ небосклонѣ были свои тучки. Прежде всего мнѣ не нравилась та таинственность, какою мы окружали наши свиданія. Какъ ни приятно любить и быть любимымъ, но когда проявленіе этой любви дѣлается таинственно, крадучись, съ постоянною оглядкою и боязнью, какъ бы насъ не застали вмѣстѣ, то получается въ концѣ концовъ ощущеніе: точно ты не законно, боясь свѣта и людей, похищаешь свое счастье.

Сара была особенно осторожна. Когда я высказалъ, что хотѣлось бы передъ всѣмъ свѣтомъ, открыто обнять ее и объявить всѣмъ о своемъ счастьѣ обладанія такою драгоценностью, Сара съ ужасомъ замахала руками и объявила, что должна будетъ прекратить наши свиданія, если я не буду также остороженъ, какъ она.

Она объяснила свою осторожность фанатизмомъ родныхъ, которые не задумаются ее умертвить, если узнаютъ о связи съ христіаниномъ. Я долженъ былъ согласиться съ нею, хотя таинственность эта, какъ я уже сказалъ, омрачала мои чувства.

Затѣмъ мнѣ не нравилась слишкомъ большая предусмотрительность Сары. Она съ карандашомъ въ рукахъ высчитала, когда и при какихъ обстоятельствахъ намъ можно будетъ подумать о бѣгствѣ, постоянно твердила мнѣ объ экономіи и вмѣстѣ съ тѣмъ брала отъ меня безъ упрековъ тѣ драгоценныя бездѣлушки, какія я дарилъ ей.

Сара пользовалась въ семьѣ большою свободой, благодаря своему образованію, выдѣлявшему ее изъ круга темныхъ евреевъ. Этимъ только и можно было объяснить, что свиданія наши, почти ежедневныя, не поселили въ семьѣ Сары никакого подозрѣнія. Впрочемъ, какъ я узналъ потомъ, Лейбъ было не до наблюденій за своею дочерью; его безпокоили другого рода заботы.

Быль конецъ 1862 года. Отголосокъ польскаго возстанія отозвался и въ нашемъ краѣ. Появились воззванія, брошюры, приглашенія къ возстанію; появились какія-то таинственныя личности, развѣзжавшія по городамъ и мѣстечкамъ. Я, конечно, не былъ оставленъ, напротивъ, благодаря своей молодости и независимому положенію, представлялъ для поляковъ интереснаго со всѣхъ сторонъ субъекта. Не знаю, память ли объ отцѣ и его совѣтахъ была еще слишкомъ жива, но меня вовсе не влекли къ себѣ затѣи поляковъ.

Мнѣ жилось хорошо, никакой польской «ойчизны» я не зналъ и совершенно не понималъ, изъ-за чего поляки заварили такую страшную кашу.

Разъ, подъ вечеръ дождливаго осеняго дня, когда я, покончивъ работу на гумнѣ, возвратился къ себѣ весь мокрый и торопился переодѣться и выпить хорошенько чая, ко мнѣ безъ предварительнаго доклада вошелъ господинъ лѣтъ тридцати пяти, вполнѣ интеллигентнаго вида.

— Панъ Залуцкій?—спросилъ онъ по-польски.

— Чѣмъ могу служить? — отвѣтилъ я вопросомъ, который сопровождался не особенно привѣтливымъ взглядомъ по адресу незнакомца.

— Потрудитесь прежде всего гарантировать нашу будущую бесѣду отъ чужихъ ушей,—почти приказалъ незнакомецъ, не обращая никакого вниманія на мое недоумѣніе.

Я почему-то безпрекословно повиновался подъ повелительнымъ взглядомъ моего гостя.

Наши роли перемѣнились: мой гость сдѣлался хозяиномъ, а я обратился въ гостя.

Когда всѣ двери были плотно закрыты, и я удостовѣрилъ, что насъ никто не подслушаетъ, незнакомецъ развалился на диванѣ, а мнѣ указалъ мѣсто возлѣ себя.

— Слушайте,—началъ онъ,—я посланъ отъ «ржонда народоваго» съ приказомъ, или, лучше сказать, съ нѣсколькими приказами вамъ. Но прежде чѣмъ изложить эти приказы, я долженъ предупредить васъ, что вы у «ржонда» на плохомъ счету. Еще вашъ отецъ навлекъ на себя неудовольствіе «правительства», и хорошо онъ сдѣлалъ, что умеръ, а то пришлось бы вамъ плохо. Теперь вы можете загладить грѣхи отца и исправить свою репутацію.

Я слушалъ, развѣсивъ уши. До чего я былъ безхарактерная тряпка!

Вмѣсто того, чтобы вышвырнуть этого непрошеннаго посланца какого-то таинственнаго «ржонда», я слушалъ его съ видомъ виноватаго, просящаго снисхожденія. Еле набравшись храбрости, я спросилъ его несмѣло:

— Кто же вы?

— Я же сказалъ вамъ, что посланъ «ржондомъ», а до имени моего вамъ нѣтъ никакого дѣла. Такъ вотъ вамъ приказы «ржонда»: во-первыхъ, все ваше имущество должно поступить на наше дѣло освобожденія ойчизны отъ московскаго ига, во-вторыхъ, вы, какъ неспособный организовать никакой военной команды, должны поступить въ ту часть, которая будетъ по близости сформирована; въ-третьихъ—войти въ сношенія съ здѣшними жидами, къ чему у васъ имѣется хорошее средство, прибавилъ онъ улыбувшись,— и убѣдить ихъ примкнуть къ нашему дѣлу; Польша ихъ не считаетъ жидами, какъ русскіе, а поляками іудейскаго вѣроисповѣданія; въ-четвертыхъ—прервать какія бы то ни было сношенія съ русскими, считать ихъ заклятыми врагами и стараться вездѣ, гдѣ только можно, вредить имъ. Долженъ предупредить васъ, что каждый вашъ шагъ намъ извѣстенъ, и если вы не исполните приказовъ, то вашей головѣ не сдобровать.

Я сидѣлъ, какъ въ воду опущенный, рѣшительно не зная, какъ мнѣ быть. Меня начала бить лихорадка, и, должно быть, мое лицо и вся фигура представляли такой жалкій видъ, что гость, посмотрѣвъ на меня, расхохотался.

— Какъ вижу, вы, панъ Залуцкій, не изъ храбрыхъ!—воскликнулъ онъ весело:— мало походите на вашего брата Ивана, тотъ молодець!

— Вы знаете моего брата?—собрался я спросить.

— Ну, еще бы, конечно, знаю, и лучше, чѣмъ вы! Онъ ранней весной долженъ прибыть сюда въ мой отрядъ.

— Но я неспособенъ... я не обиженъ никѣмъ... за что же я буду подымать руку на людей, которые не сдѣлали мнѣ никакого зла?—попробовалъ было я защищаться.

— Стыдитесь, панъ Залуцкій,— прервалъ меня незнакомецъ.— Вы—полякъ, а всѣ поляки безъ различія званій и положеній должны, какъ одинъ, возстать противъ угнетателей. Довольно мы терпѣли, довольно гнули свои шеи въ московскомъ ярмѣ. Часъ насталъ, ойчизна требуетъ своихъ сыновъ на защиту ея достоинства, ея имущества! А вы осмѣливаетесь говорить за нашихъ враговъ, когда вся Европа намъ сочувствуетъ; мало того, среди самихъ русскихъ—многіе за насъ! Неудачи въ царствѣ Польскомъ не должны смущать истинныхъ поляковъ, въ каждомъ дѣлѣ бывають прорѣхи на первыхъ порахъ, но когда всѣ наши доброжелатели увидятъ, что первыя неудачи не только не заглушили геройскаго дѣла, а напротивъ разожгли его, и всѣ поляки, гдѣ бы они ни находились, возстанутъ,— тогда наши враги должны дрогнуть. Повторяю: вамъ даютъ средство не только исполнить свой долгъ, но и заслужить вѣчную благодарность святой ойчизны. Теперь я васъ оставлю, мнѣ еще много дѣла; черезъ два мѣсяца я явлюсь къ вамъ и потребую отчета въ вашихъ дѣйствіяхъ.

Незнакомец ушелъ, а я остался въ убійственномъ настроеніи духа. Меня точно пришибло.

Я былъ совершенно обезкураженъ происшедшимъ и чувствовалъ себя такимъ ничтожествомъ, съ которымъ могъ сдѣлать что угодно каждый, захотѣвшій со мной возиться.

Что мнѣ дѣлать, какъ вырваться изъ тисковъ, въ которые я попалъ?

Вотъ вопросы, волновавшіе меня. Я не находилъ отвѣта. Особенно удручало меня сознаніе, что кто-то стоитъ надо мною, знаетъ каждый мой шагъ, поработивъ мою волю, отнявъ свободу. Прескверное состояніе! Я рѣшилъ посоветоваться съ Сарой, и это рѣшеніе нѣсколько успокоило меня.

При первомъ же свиданіи я рассказалъ Сарѣ о посѣщеніи таинственнаго незнакомца, при чемъ не упустилъ ни одной малѣйшей подробности. Повѣдалъ ей свои мысли и ощущенія.

Такъ и на исповѣди у пана пробоща я не бывалъ никогда откровененъ! Сара выслушала мой рассказъ съ большимъ вниманіемъ, но не заразилась моими тревогами. Въ томъ мѣстѣ разказа, когда я передавалъ слова незнакомца о необходимости вліянія на евреевъ, Сара улыбнулась и сказала:

— Теперь мы можемъ войти въ славу, и на самомъ дѣлѣ изъ «пархатыхъ» обратиться въ равноправныхъ гражданъ.

Затѣмъ, когда я ждалъ ея совѣтовъ, она промолвила:

— Что жъ, тебѣ ничего не остается, какъ исполнить приказы «ржонда». Когда я была въ гимназій, то отъ многихъ студентовъ-евреевъ слышала, что пора бы тряхнуть этимъ неповоротливымъ чудищемъ—Россіей. Вся Европа, весь образованный міръ переживаетъ теперь оздоровительную работу подъ вліяніемъ социальныхъ наукъ, пора стряхнуть и съ насъ спячку, пора показать, что и мы культурны.

Я былъ удивленъ этими туманными словами моей возлюбленной, хотя и прежде мнѣ приходилось слышать отъ нея—правда, въ шутовскомъ тонѣ—почти революціонныя идеи. Но теперь, теперь, когда я лишился покоя, обуянъ тревогой, та, отъ которой я ждалъ помощи, преподноситъ какую-то дикую проповѣдь.

У меня въ первый разъ шевельнулось недоброе чувство противъ Сары.

Я воскликнулъ:

— А какъ же наша любовь, наши планы на совмѣстную жизнь?

— Это успѣется, —отвѣтила она.—Теперь ты долженъ сдѣлаться героемъ.

— А твой отецъ сочувствуетъ полякамъ?—спросилъ я.

— Отецъ—умный человекъ, —отвѣтила улыбаяся Сара,—онъ знаетъ, что дѣлать. Онъ теперь очень озабоченъ, къ нему тоже ходятъ какія-то личности...

Такъ, всё возлагаемая на Сару надежды и не сбылись. Она ушла, а я остался такой же тревожный, выбитый изъ колеи.

Я позвалъ къ себѣ Лейбу въ надеждѣ вывѣдать отъ него, не дастъ ли онъ мнѣ какогонибудь совѣта.

— Слыхали,—началъ я,—что поляки подняли возстаніе и думаютъ затѣять рухавку и тутъ?

— Да, въ газетахъ описываютъ.

— Какъ же вы относитесь къ этому?

— Развѣ насъ, евреевъ, ктонибудь объ этомъ спрашиваетъ? Что мы такое? Кому мы нужны? Мы нужны только, чтобъ насъ притѣснять!

— Но какъ вамъ кажется, могутъ ли поляки чегонибудь путнаго достигнуть?

— А откуда намъ это знать?

И у отца Сарры я ничего для себя не узналъ.

Потекли однообразные, скучные дни. Сара начала рѣже приходить ко мнѣ, рѣчи ея съ каждымъ днемъ становились туманнѣе и неопредѣленнѣе. Я отъ нечего дѣлать началъ наблюдать за Лейбой, и меня поразила та лихорадочная дѣятельность, какую онъ проявлялъ теперь. Спокойствіе покинуло и его. Онъ, какъ почти и всё наши евреи, засуетился, куда-то ѣздилъ постоянно, шептался съ такими же, какъ и онъ, жидами, ходить оглядываясь и явно избѣгалъ встрѣчи со мной.

Наступила зима. Не проходило недѣли, чтобъ ко мнѣ не являлись разные незнакомцы, рекомендовали себя посланцами отъ ржонда и брали отъ меня каждый разъ деньги разными суммами.

Предусмотрительные жидки почуяли перемѣну; но такъ какъ положеніе было крайне неопредѣленное, то, боясь проиграть, они рѣшили служить по обыкновенію и нашимъ и вашимъ. Для того, чтобы въ руки поляковъ не попало ихъ добро, они все свое цѣнное и свои семейства начали отправлять въ такія мѣста, гдѣ не могла угрожать опасность; на случай же побѣды поляковъ и въ виду возможности въ мутной водѣ половить рыбку, главы еврейскихъ семействъ и всё способные на гешефтъ остались на мѣстѣ, удвоивъ изощренное чутье, достигающее у этой расы до виртуозности. Такъ поступилъ и Лейба: онъ остался съ Сарой въ Вигурахъ, а остальныхъ членовъ своей семьи, съ болѣе или менѣе цѣннымъ имуществомъ, отправилъ къ родственнику въ Черниговскую губернію.

Сарѣ тоже угрожала побѣдка къ родственникамъ, но эта дѣвушка успѣла убѣдить отца, что она ничего не боится и можетъ даже принести извѣстную пользу.

Рождественскіе праздники прошли для меня необыкновенно скучно, да мнѣ по моему душевному состоянію было и не до праздниковъ.

Я продолжалъ чувствовать себя, какъ затравленный заяцъ или какъ та ворона, что боится каждаго куста. Даже свиданія съ Са-

рой перестали доставлять мнѣ прежнее наслажденіе, потерянное вмѣстѣ съ покоемъ. Зато она не унывала и даже старалась успокоить, ободрить меня. Но эти попытки были крайне странны. Въ самомъ дѣлѣ, не могъ же я проникнуться ея радужными надеждами, основанными на томъ, что евреи могутъ хорошо заработать разными поставками и услугами и русскимъ и полякамъ, или что при побѣдѣ поляковъ евреи станутъ господами въ новомъ краѣ и чуть ли не образуютъ республику. А все-таки я продолжалъ ее любить, и эта любовь, надо признаться, была главной причиной моей нерѣшительности.

Послѣ Рождества пріѣхалъ братъ и объявилъ, что онъ бросилъ службу. Онъ сразу, безъ предваренія и не справляясь съ моими взглядами и убѣжденіями, учинилъ мнѣ подробный допросъ насчетъ подготавлиющагося возстанія.

На мои несмѣлыя возраженія онъ обрушился на меня рѣзкимъ выговоромъ. Нечего ссылаться на отца, — сказалъ онъ, — во-первыхъ, каждое поколѣніе имѣетъ свои взгляды и не должно итти по стопамъ своихъ родителей, особенно тѣхъ, которые забыли свою родину, свое происхожденіе! Залуцкіе всегда были родовитые поляки, только отецъ нашъ, къ несчастью, явился какимъ-то отщепенцемъ, перевертнемъ, прельстившись русскими ласковыми словами. Впрочемъ грѣхъ отцовъ насъ не долженъ касаться, и, становясь даже на твою точку — любви къ отцу, — намъ надо грѣхи замолить, уничтожить! Если потребуется, то и кровью своей мы должны смыть пятно, которое наложилъ нашъ отецъ на фамилію Залуцкихъ! Предупреждаю: если ты не дашь мнѣ слова примкнуть къ нашему дѣлу и принять въ немъ участіе, — я первый сотру тебя съ лица земли!

Затѣмъ братъ сообщилъ мнѣ, что весною въ лѣсахъ возлѣ Вигуры соберется отрядъ подъ начальствомъ пана Зброжека, бывшаго офицера, и въ этотъ отрядъ должны поступить и мы.

Въ концѣ концовъ я по своему малодушію далъ брату клятву дѣйствовать съ нимъ заодно.

Начались дѣятельныя приготовленія. Насъ постоянно посѣщали какіе-то незнакомцы; между ними былъ и тотъ, что навѣстилъ меня съ приказами «ржонда» и который оказался нашимъ будущимъ «довудцей», или предводителемъ, паномъ Зброжекомъ.

Составлялись совѣты, выбирались лошади, чинились повозки, заготавливались продукты. Во всемъ этомъ принималъ участіе и я, и въ концѣ концовъ общее одушевленіе заразило и меня. Я также началъ суетиться, съ интересомъ присутствовалъ на всѣхъ совѣщаніяхъ, хотя своего голоса и не подавалъ, да, впрочемъ, моего мнѣнія никто и не спрашивалъ.

Весна 1863 года наступила у насъ рано и дружно.

За зиму мы успѣли приготовиться къ предстоящей дѣятельности. Оружія заготовили достаточно, а именно: штукъ 20 охотничьихъ

ружей, пять пистолетовъ, восемь старыхъ сабель, отточенныхъ нами, какъ бритва, и множество ножей, обращенныхъ прикрѣпленіемъ къ древку въ копья.

Предвидѣлось еще оружіе для отряда косиньеровъ, но на совѣтѣ было рѣшено предоставить заготовленіе этого оружія самимъ «солдатамъ» этого отряда.

Относительно величины нашего будущаго войска мы имѣли самыя смутныя представленія.

Мы, составляющіе центръ и душу мѣстнаго возстанія, которые собирались и совѣщались, — разобрали себѣ начальническія роли: панъ Зброжекъ — «довудцей», братъ мой — начальникомъ его штаба, я — адъютантомъ; затѣмъ шли сотенные и полу-сотенные командиры. Были даже назначены казначей, врачъ и интендантъ. Панъ Зброжекъ проектировалъ завести и отряднаго ксендза, но панъ пробощъ уклонился отъ сдѣланнаго ему предложенія и ограничился преподаніемъ намъ благословенія и обѣщаніями своими молитвами поддерживать насъ въ нашемъ святомъ дѣлѣ. Что же касается до остальнаго состава отряда, то предполагалось, что какъ только мы выступимъ въ походъ и объявимъ рухавку, то подъ наши знамена потечетъ народъ въ несмѣтномъ количествѣ, готовый принести себя въ жертву на алтарѣ «ойчизны».

Порохъ и пули мы раздобыли черезъ услужливыхъ жидковъ. Въ числѣ «орудій борьбы» была припасена также сотня такъ называемыхъ «золотыхъ грамотъ», которыми мы думали привлечь на свою сторону глупыхъ мужиковъ. Какъ вспомнишь все это теперь, такъ просто диву даешься: точно всѣ мы тогда обратились въ дѣтей, которыя, затѣявъ игру въ войну, корчили уморительно серьезныя фізіономіи, долженствовавшія привести всѣхъ, видѣвшихъ насъ, въ умиленіе.

А что у насъ дѣло шло совершенно наивно, по-дѣтски, въ томъ не было никакого сомнѣнія. Помилуйте: мы, кучка въ нѣсколько человѣкъ, вооруженныхъ «дубельтовками» да золотыми грамотами, думали воевать съ настоящимъ войскомъ; мы не знали хорошенько, гдѣ и въ какомъ количествѣ находились русскія войска; мы не интересовались, какъ отнесутся къ нашему призыву крестьяне... Мы мечтали, какъ неразумныя дѣти: стоитъ кликнуть кличъ — войско будетъ; а съ этимъ войскомъ мы, не считая враговъ, смѣло пойдемъ къ побѣдамъ! Мы даже не знали, въ какомъ положеніи находится возстаніе въ другихъ мѣстахъ. Правда, къ намъ доходили черезъ жидовъ разные слухи; но эти слухи ничего точнаго, опредѣленнаго не говорили, а сообщали какія-то смутныя свѣдѣнія о постоянныхъ побѣдахъ поляковъ надъ русскими.

Одного я до сихъ поръ понять не могу: почему русскія власти, которымъ, по всей вѣроятности, безызвѣстны были наши затѣи, и которыя легко могли бы охладить нашъ пылъ и помѣнать намъ

безразсудно броситься въ бездну, не предпринимали ровно ничего и глядѣли на насъ сквозь пальцы...

Пользуясь наступленіемъ теплыхъ дней, панъ Зброжекъ рѣшилъ перенести свою штабъ-квартиру въ лѣсъ. Было избрано самое глухое мѣсто вдаль отъ жилья и дорогъ; на полянѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ вѣковыми дубами, мы раскинули свой лагерь. Изъ вѣтвей мы устроили себѣ шалаши, натащили туда разнаго добра, и жизнь наша потекла довольно весело. Панъ Зброжекъ думалъ сначала завести разныя строгости въ родѣ сторожевой цѣпи кругомъ лагеря, но эта затѣя не понравилась остальнымъ и черезъ нѣсколько дней примѣненія была замѣнена отдѣльными сторожевыми постами на большихъ деревьяхъ, обратившихся такимъ образомъ въ наблюдательныя вышки. Вообще всѣмъ больше нравилось находиться въ лагерѣ и предаваться разнымъ развлечениямъ, какъ-то картамъ и кутежамъ, чѣмъ торчать гдѣ-то по кустамъ и на деревьяхъ, созерцая въ одиночествѣ необъятное море распутившейся лѣсной зелени.

А въ лагерѣ было весело, шумно. Кто варилъ обѣдъ, кто игралъ въ карты, кто пѣлъ, игралъ, разговаривалъ. Всѣмъ жилось беззаботно, точно собрались на веселый шикникъ. Свѣжій весенній воздухъ располагалъ къ пѣнѣ, мечтательности; не хотѣлось ничего дѣлать, и только легкія не могли вдоволь насытиться живительнымъ нектаромъ лѣсного воздуха, да желудокъ возбуждался ненасытнымъ аппетитомъ.

Однако нашему благополучію долженъ былъ наступить конецъ. Да и въ самомъ дѣлѣ: не для прогулки же мы собрались, не для свѣжаго воздуха мы устроили свой таборъ. Надо было подумать и о цѣли нашего предпріятія. Довудца, а съ нимъ и мой братъ, начали ходить мрачнѣе тучъ: дѣло плохо клеилось, нашъ отрядъ формировался необыкновенно туго. Насъ было не болѣе 60—70 человекъ разнаго сброда, сброда непокорнаго, больше любящаго болтать языкомъ всякій вздоръ, чѣмъ серьезно отнестись ко взятымъ на себя обязанностямъ. На предложеніе довудцы выступить въ походъ, чтобы самостоятельно или въ соединеніи съ другими бандами броситься на врага, — получился почти единогласный отвѣтъ, что съ такими силами безумно выступать на поле брани, а искать гдѣ-то другихъ отрядовъ значить подвергать себя опасности быть переловленными со скандаломъ. Приходилось оставаться на мѣстѣ въ надеждѣ на увеличеніе отряда. Но эта надежда также не оправдалась. Попытки привлечь крестьянъ къ нашему дѣлу не увѣнчались успѣхомъ, и мы оставались все въ томъ же положеніи. Послѣ рѣшенія не предпринимать ничего всѣ опять успокоились, но не надолго.

Разъ, послѣ обѣда, едва мы расположились на отдыхъ, какъ изъ самаго отдаленнаго сторожевого пункта прибѣжалъ, запыхавшись, блѣдный, какъ смерть, шляхтичъ и сообщилъ, что въ лѣсъ по боль-

шой дорогѣ вступили казаки. Точно громомъ, всѣхъ поразила эта вѣсть. Послѣ минутнаго оцѣпенѣнія большинство изъ насъ бросилось, кто куда могъ, точно цыплята, спугнутые коршуномъ, и только голосъ доводцы насъ немного успокоилъ.

— Что вы ошалѣли,—крикнулъ онъ:—забыли, что большая дорога въ пяти верстахъ отъ насъ!

Затѣмъ онъ приказалъ оставаться всѣмъ на мѣстахъ, но только вооружиться и, соблюдая тишину, ожидать, что дальше будетъ. Брата же моего онъ просилъ выслѣдить казаковъ и, если опасность будетъ угрожать отряду, то дать знать. Братъ взялъ съ собою меня, и мы, зная отлично лѣсъ, какъ кошки, крадучись между деревьями и зарослями, пробирались къ большой дорогѣ.

Не успѣли мы приблизиться къ дорогѣ настолько, чтобы видно было ее на большомъ разстояніи, какъ услышали топотъ лошадей.

Притаившись, еле дыша, мы смотрѣли впередъ. Вотъ изъ-за поворота дороги показались всадники. Ихъ было немного: четыре казака, безопасно закинувъ пики за плечи и покуривая трубочки, ѣхали не спѣша, перекидываясь между собой, должно быть, веселыми фразами, что видно было по ихъ смѣющимся фізіономіямъ. На нѣкоторомъ разстояніи за этими четырьмя ѣхалъ еще одинъ казакъ, поглядывая по сторонамъ и прислушиваясь къ чему-то. Поровнявшись съ нами, онъ точно почувалъ насъ своимъ собачьимъ чутьемъ и даже пріостановился, глядя въ нашу сторону.

Признаюсь, я струхнулъ порядкомъ. Но казакъ недолго стоялъ, онъ какъ-то подозрительно повелъ глазами и поплелся за своими товарищами.

Скоро топотъ копытъ затихъ, и мы поспѣшили къ нашимъ.

Вѣсть, что всѣхъ казаковъ было только пять, чрезвычайно обрадовала нашихъ соратниковъ. Нашлись даже такіе молодцы, которые начали насъ упрекать, зачѣмъ мы не дали знать о такой малочисленности врага,—можно было бы сразиться съ ними. Тѣмъ не менѣе появленіе казаковъ было сочтено за первое предостереженіе. Довудца озабоченно обдумывалъ, что дѣлать дальше. Рѣшено было усилить сторожевые посты.

Прошло еще два дня тишины и спокойствія.

На третій день вечеромъ къ пану Зброжеку явился изъ Вигуръ еврей и сообщилъ, что русская рота, которая стояла отъ насъ въ 50-ти верстахъ, перешла ближе и остановилась въ 25-ти верстахъ отъ Вигуръ. Это извѣстіе требовало обсужденія и принятія мѣръ. Составился военный совѣтъ, который рѣшилъ: 5-ть человѣкъ, имѣющихъ лошадей, отправить въ Вигуры, чтобы они развѣдывали оттуда о движеніи врага и своевременно давали знать отряду. Въ число этихъ 5-ти попалъ и я. На другой день мы рано утромъ, съ большими предосторожностями, прибыли въ Вигуры.

Новыхъ своихъ товарищей я почти не зналъ; теперь же пришлось съ ними познакомиться поближе; насъ связало общее серьезное и ответственное порученіе. Отпуская насъ, панъ довудца сказалъ:

— Вы — глаза и уши нашего отряда; отъ васъ будетъ зависеть успѣхъ нашего предпріятія, а слѣдовательно до нѣкоторой степени и судьба нашей ойчизны. Вы, панъ Залуцкій,—прибавилъ Зброжекъ,—какъ мѣстный житель и знающій всѣ входы и выходы, назначаетесь начальникомъ патруля.

Я началъ присматриваться къ своимъ подчиненнымъ. Все это былъ народъ молодой, веселый и безпечный. До поступленія въ банду они занимались слѣдующими профессіями: одинъ --высокій блондинъ съ большими неуклюжими руками—считался хорошимъ часовымъ мастеромъ въ Б.; другой, тоже высокаго роста, нѣсколько сутуловатый, служилъ на винокуренномъ заводѣ; третій, съ краснымъ носомъ и кривыми ногами, былъ сапожникъ, и четвертый, юноша съ довольно глупымъ лицомъ, не имѣлъ опредѣленныхъ занятій и до сихъ поръ жилъ у отца-поссесора.

Какъ я уже сказалъ, въ Вигуры мы прибыли тайкомъ, осторожно, боясь наткнуться на русскихъ. Но какъ только мы узнали, что врагъ далеко, а Вигуры почти опустѣли,—на насъ нашло благодушное настроеніе, и мы готовы были плясать отъ радости.

Первую ночь мы переночевали въ нашемъ домѣ, сытно поужинали и порядкомъ кутнули.

На другой день черезъ жидовъ мы узнали, что русскіе ничего не знаютъ о существованіи нашей банды и потому не думаютъ оставить свою стоянку. Эти вѣсти были очень пріятны для насъ. Мои товарищи, найдя жизнь въ помѣщицьемъ домѣ довольно скучной, переселились въ мѣстечко и начали кутить. Къ этому представилась полная возможность: свобода, отсутствіе какого бы то ни было стѣсненія и, главное, предупредительность жидовъ, которые, со страху или въ чаяніи другихъ благъ, раскрыли настежь двери своихъ домовъ и предоставили всѣ свои богатства храбрымъ воинамъ польскаго «ржонда».

Я не присоединялся къ кутежамъ, но и не пренятствовалъ имъ. У меня духу не хватало примѣнить авторитетъ власти начальника, да меня бы и не послушались; на меня не обращали никакого вниманія, напротивъ даже посмѣивались надъ моимъ нежеланіемъ кутить.

Въ одинъ изъ очень теплыхъ вечеровъ, напоенныхъ свѣжимъ ароматомъ листвы и цвѣтовъ яблонь, я сидѣлъ у себя дома, любуясь на тихо спускающіяся сумерки. Въ головѣ у меня проносились разныя мысли, но преимущественно о тѣхъ работахъ, какія слѣдовало бы производить теперь, если бы не было несчастнаго возстанія, а на душѣ какая-то тяжесть мѣшала отдаться созерцательному настроенію тихимъ весеннимъ теплымъ вечеромъ.

Вотъ уже совсѣмъ стемнѣло, небо покрылось мириадами звѣздъ, а я все сидѣлъ и сидѣлъ, точно боясь нарушить окружающую тишину.

Вдругъ я услышалъ, какъ что-то стукнуло, хлопнула дверь, раздались поспѣшные шаги.

Я вскочилъ съ мѣста и остановился, ожидая появленія неизвѣстнаго посѣтителя. Въ это же время я услышалъ голосъ Сары, зовущей меня. Этотъ голосъ поразилъ меня: въ немъ была тревога, даже ужасъ, отчаяніе и слезы.

Я поспѣшилъ къ ней навстрѣчу и зажегъ свѣчу.

Моимъ глазамъ представилась Сара просто въ истерзанномъ видѣ: волосы распущены и вкочлены, лицо исказилось отъ ужаса, слезы текли по щекамъ, платье разорвано и половина груди открыта.

— Что случилось, гдѣ ты была?—могъ только проговорить я, тогда какъ зубы мои начали бить барабанную дробь...

Сначала Сара не могла отвѣчать, а только всхлипывала и ломала руки; но затѣмъ, поборовъ нервное потрясеніе, она начала говорить, и отъ ея рассказа я почувствовалъ, что волосы на моей головѣ начинаютъ подыматься.

Изъ отрывочныхъ, пересыпанныхъ горькими восклицаніями, словъ Сары я узналъ слѣдующее.

Мои сподвижники, перепробовавъ въ разныхъ мѣстахъ радушіе хозяевъ, къ вечеру почти всѣ пьяные явились въ домъ Лейбы и потребовали угощенія. Отецъ Сары безпрекословно повиновался, и предъ кутящими воинами появились бутылки, которыя и начали опорожняться одна за другой.

Кутилы вели себя совершенно свободно: пѣли, кричали, били посуду. Но всего этого было имъ мало; захотѣлось чѣмъ нибудь инымъ поразнообразить начинавшее надоѣдать изо дня въ день повторявшееся пьянство. Въ домѣ имъ показалось душно, и они перебрались въ пустой сарайчикъ, потребовали туда сѣна, а также новыхъ бутылокъ; освѣтили это помѣщеніе шабашными свѣчами и продолжали бражничать.

Въ это время они замѣтили Сару, выходящую изъ дома. Красота дѣвушки возбудила въ пьяныхъ гнусныя желанія. Недолго думая, они схватили ее, увлекли къ себѣ въ сарай, и началась безумная оргія.

На крикъ дочери прибѣжалъ Лейба, но въ него полетѣли пустыя бутылки, и старый жидъ съ проклятїями и угрозами привести русскихъ куда-то исчезъ. Сара боролась съ обезумѣвшими пьяными, и только послѣ долгихъ усилій ей, почти растерзанной, удалось освободиться отъ насилія, и вотъ она прибѣжала подъ мою защиту, Сара была убѣждена, что отецъ исполнитъ свою угрозу и позоветъ русскихъ солдатъ.

— Спаси, спаси меня,—молила Сара,—они меня опозорили, они меня погубили!

Я дрожаль, какъ въ лихорадкѣ. Злоба, отчаяніе душили меня, кулаки сжимались, зубы скрежетали. Явилось непреоборимое желаніе немедленно отомстить негодяямъ, такъ безжалостно оскорбившимъ мою Сару.

Я, какъ бѣшенный, не обращая больше вниманія на вопли Сары и на ея предупрежденія, что сейчасъ могутъ явиться русскіе, бѣжалъ въ Вигуры.

Черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже во дворѣ дома Лейбы, у сарая, гдѣ мнѣ представилась такая картина: на полу, на сѣнѣ валялись въ разнообразныхъ позахъ четыре тѣла опьянѣвшихъ моихъ товарищей; на столѣ между стоявшими и лежавшими, цѣлыми и разбитыми бутылками и стаканами, помѣщался шабашный шандалъ съ догоравшими пятью свѣчами.

Что я могъ сдѣлать съ этими безчувственными, пьяными людьми для удовлетворенія своей злобы?

Въ первую минуту я хотѣлъ перерѣзать имъ всѣмъ горло, издѣваться надъ ними, какъ они издѣвались надъ моей милой дѣвухой.

Я хорошенько не помню, что произошло дальше. Помню только, какъ я ворвался въ сарай, бросился на посуду которая полетѣла на спавшихъ; за бутылками полетѣлъ шандалъ со свѣчами; звонъ разбитой посуды, ворчанье пьяныхъ, пламя загорѣвагося сѣна, дымъ, вдругъ наполнившій все помѣщеніе... Я, какъ безумный, бросилъ весь этотъ адъ и бѣгомъ возвратился домой, гдѣ, зарывшись въ подушки, рыдалъ съ отчаяніемъ человѣка, потерявшаго все дорогое...

Предупрежденные Лейбой и привлеченные пожаромъ, русскіе солдаты спѣшили къ Вигурамъ. Пожаръ поднялъ на ноги и жителей мѣстечка, благодаря усиліямъ которыхъ сгорѣлъ только одинъ сарай, гдѣ кутили мои соратники, и гдѣ они нашли и могилу свою.

Всѣ четверо задохнулись въ дыму, и въ руки русскихъ досталось только четыре трупа повстанцевъ.

На другой день меня арестовали, и въ тотъ же день, узнавши отъ евреевъ о нашей бандѣ, русскіе бросились въ лѣсъ и послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ разсѣяли нашъ отрядъ, захвативъ и главу его. Брату моему удалось бѣжать, и только спустя нѣсколько дней, его поймали въ другомъ мѣстѣ.

О катастрофѣ въ Вигурахъ узналъ и ржондъ, но въ нѣсколько искаженномъ видѣ. По опубликованнымъ имъ свѣдѣніямъ выходило такъ, что товарищей своихъ я выдалъ русскимъ, которые и сожгли ихъ живьемъ.

Это дало поводъ иностраннымъ газетамъ оповѣстить свѣтъ о новомъ проявленіи варварства русскихъ.

«Ржондъ» приговорилъ меня, какъ измѣнника и предателя, къ смерти, а погибшихъ въ огнѣ причислилъ къ лику святыхъ мучениковъ, память о которыхъ приказалъ сохранить на вѣчныя времена ежедневнымъ звономъ Вигуровскаго костела. Какъ слабый участникъ въ возстаніи, я понесъ сравнительно легкое наказаніе. Меня приговорили къ двухлѣтнему тюремному заключенію, которое и спасло меня отъ польской казни. Брата моего сослали на десять лѣтъ.

Отбывъ свое наказаніе, я возвратился домой; но съ тѣхъ поръ и до сегодняшняго дня какой-то гнетъ, какая-то удручающая тяжесть давили мое сердце. Я нигдѣ и ни въ чемъ не находилъ себѣ покоя. Все мнѣ мерещилось сожженные, по моей винѣ, товарищи: раскаяніе и упреки совѣсти преслѣдовали меня, и цѣлью моей жизни сдѣлалось найти способъ оправдаться передъ совѣстью, загладить невольныя ошибки.

Къ такому состоянію моей души немало горечи прибавила и Сара.

Еще въ тюрьму ко мнѣ пришло извѣстіе, что она выходитъ замужъ за богатаго еврея. Я поспѣшилъ написать ей и просить отказать отъ свадьбы, подождать меня. Я клялся, что какъ только буду свободенъ, тотчасъ же, несмотря ни на какія препятствія, женюсь на ней. Въ отвѣтъ на мое страстное письмо я получилъ на глянцовой бумагѣ приглашеніе родителей Сары пожаловать на бракосочетаніе ея съ купцомъ города Л., Ворухомъ Залкиндомъ.

Да, тяжкіе годы я прожилъ, и вотъ только теперь я чувствую свое воскресеніе: все прошлое должно быть забыто! Господь указалъ мнѣ путь, на которомъ я заглажу всѣ свои вины—я иду добровольцемъ въ Сербію и ужъ, конечно, не пожалѣю своей крови на освобожденіе славянъ отъ ига турокъ.

Панъ Залуцкій кончилъ какъ разъ тогда, когда мы вѣзжали во дворъ замка. У себя я засталъ приказъ возвратиться съ командой къ батареѣ, что я немедленно и сдѣлалъ.

Разстались мы съ Залуцкимъ настоящими друзьями. Я отъ души желалъ ему поскорѣе выполнить его намѣренія и возвратитъ давно утерянный душевный покой.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, но о панѣ Залуцкомъ я болѣе не слыхалъ ничего.

Недавно только мнѣ пришлось увидѣться съ однимъ господиномъ, бывшимъ на-дняхъ въ Вигурахъ. Онъ мнѣ сообщилъ, что бывшее имѣніе Залуцкихъ принадлежитъ теперь другому, и что съ Вигуровскаго костела все еще раздается звонъ, установленный «ржондомъ» въ память четырехъ «мучениковъ».

И. Н. Щербина.

ЕВРЕЙСКІЙ ПОГРОМЪ ВЪ НИЖНЕМЪ НОВГОРОДѢ ВЪ 1884 Г.

(Эпизодъ изъ первыхъ лѣтъ губернаторства Н. М. Баранова).

I.

О СВОЕМУ географическому положенію на узлѣ двухъ большихъ рѣкъ, Оки и Волги, и благодаря своей всемирно извѣстной ярмаркѣ, привлекающей купцовъ и продавцовъ со всѣхъ странъ запада и востока, Нижний Новгородъ является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ городовъ въ Среднемъ Поволжьѣ, поставленнымъ въ особыя условія развитія его населенія, быта, нравовъ и обычаевъ. Съ открытіемъ навигаціи здѣсь, а особенно въ зарѣчной части города, именуемой по-простонародному «Кунавино», или по-официальному Макарьевская часть, прилегающей къ желѣзной дорогѣ и ярмаркѣ, и около пароходныхъ пристаней, собираются тысячи разношерстнаго и разноплеменнаго рабочаго и торговаго люда, прибывающаго съ сотнями судовыхъ каравановъ съ низовьевъ и верховьевъ Волги, съ Оки, Клязьмы, Ветлуги, Камы, Вятки, Бѣлой, Урала, Самары и изъ Сибири. Благодаря столкновенію съ людьми всякихъ профессій и всевозможныхъ наименованій, въ мѣстныхъ жителяхъ выработался особенный укладъ жизни, особенный характеръ и особыя наклонности, сводящіяся къ одной цѣли: «хапнуть», «дагнуть», стащить, гдѣ плохо лежитъ, «обдѣлать» подвернувшася подъ руку простофилю. Вслѣдствіе этого нижегородецъ дерзокъ, наглъ и грубъ до чрезвычайности. Съ испоконъ вѣковъ онъ былъ такимъ и остался имъ до сихъ поръ, несмотря на рядъ частію крутыхъ, частію мягкихъ, мѣръ для обузданія въ немъ этого произвола.

Вся исторія Нижегородской земли наполнена грабительствомъ, душегубствомъ, посягательствомъ на чужую жизнь и собственность. Покойный предѣдатель Нижегородской ученой архивной комисси, А. С. Гацисскій, мѣтко характеризуетъ прошлое Нижняго Новгорода двумя вѣскими словами: «Караулъ!.. Грабятъ!.. Шестъ вѣковъ къ ряду почти немолчно раздавался на Нижегородской землѣ этотъ отчаянный крикъ... То грабила мордва, то русскіе колонизаторы, то новгородскіе ушкуйники, то татары; то давали себя знать усобицы нижегородскихъ князей, то накладывала свою руку Москва, то бушевали вольныя вольницы смутнаго времени, то Разинъ гулялъ съ своими молодцами по матушкѣ Волгѣ, то Пугачевъ навелъ страхъ на всякаго мирнаго жителя, то Москва освѣщала своимъ пожаромъ 1812 года все, что связывало съ ней Нижегородскую землю» ¹⁾.

Мѣстные архивы полны повѣствованій о волжскихъ разбойникахъ и «удалыхъ молодцахъ», промышлявшихъ грабежомъ преимущественно близъ торговаго Нижняго не только въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, но даже въ половинѣ прошлаго вѣка. Душегубства не прекращались до 1870-хъ годовъ и открыто производились въ виду города. Такъ, на примѣръ, «въ ночь съ 12-го на 13-е июля 1875 года, кричалъ подъ ножомъ, на своей гусянкѣ ²⁾, на Волгѣ, у Козина острова, противъ Нижняго, повыше Борскаго переката, помѣщикъ Лодыженскій» ³⁾.

Въ 1880-хъ годахъ, т. е. до назначенія въ Нижній Новгородъ губернаторомъ Н. М. Баранова ⁴⁾, тамъ была полнѣйшая распущенность. На ярмаркѣ и внѣ ея убивали и грабили свободно, и это было настолько обычнымъ явленіемъ, что полиція даже не трудилась разыскивать виновныхъ. Существовалъ въ ту пору въ Макарьевской части одинъ знаменитый трактиръ, кажется, Корнилова, гдѣ всякую ночь до бѣла свѣта происходили кутежи, картежная игра и вопіющія безобразія. Если гость захмелѣетъ сильно, ему давали возможность заснуть, потомъ обирали до нитки и подъ покровомъ темной ночи выносили на Макарьевское шоссе.

Вскорѣ послѣ своего приѣзда въ Нижній Николай Михайловичъ узналъ объ этомъ трактирѣ. Выбравъ ночь потемнѣе, онъ переодѣлся купцомъ и съ толсто-набитымъ бумажникомъ въ карманѣ, захвативъ съ собою, въ качествѣ пріятеля, также переодѣтаго полицейскаго пристава, отправился туда. По улицѣ въ разныхъ концахъ были разставлены городовые.

¹⁾ «Нижегородка», 1876 г., стр. 82—83.

²⁾ Особаго устройства судно.

³⁾ «Нижегородка», стр. 83.

⁴⁾ Назначенъ губернаторомъ 31-го августа, а прибылъ въ Нижній 21-го октября 1882 года.

Мнимые купцы грузно ввалились въ зало, заняли отдѣльный кабинетъ, потребовали винъ, закусокъ, ужинъ, явилась музыка, арфистки, и пошли швырять деньгами направо и налево. У трактирщика и глаза разгорѣлись. «Вотъ, думаетъ, гдѣ будетъ пожива!»

Гости скоро захмелѣли и притворились спящими. Лакеи только и ждали этого и принялись обшаривать ихъ карманы. Барановъ вскочилъ.

— Это что такое? Ахъ, вы разбойники! — закричалъ онъ на нихъ.

Половые подняли кулаки: «молчи, а то уколошимъ!»

Тогда бывший съ Барановымъ приставъ разбилъ окно и крикнулъ: «карауль!». По этому зову со всѣхъ сторонъ къ трактиру начали собираться полицейскіе.

— Отворяй двери! Что у васъ за шумъ?

Трактирщикъ сталъ объяснять вонедшимъ, что это скандалять двое пьяныхъ купцовъ, которые все бьютъ и ломаютъ.

— Врешь, негодяй! — крикнулъ Барановъ и объявилъ, кто онъ такой.

Половые такъ и ахнули.

— А-а... такъ вотъ вы какъ здѣсь промышляете? Взять ихъ! Запечатать сейчасъ же трактиръ!..

Приказаніе, конечно, немедленно было исполнено, а съ трактирщикомъ потомъ была другая расплата.

II.

Лѣтомъ, во время навигаціи, кромѣ массы рабочаго люда, въ Макарьевской части ютится «значительное число» еврейскаго населенія, промышленяющаго мелкой торговлей, разными ремеслами, а подъ часъ, какъ и вездѣ, темными дѣлишками: въ родѣ приема и сбыта краденаго, ростовщичествомъ и т. д. Часто въ труппахъ Кунавинскихъ скрывались изъ нихъ такіе, которые не имѣли права жительства въ Нижнемъ Новгородѣ. Подъ покровительствомъ своихъ коммерсантовъ, имѣвшихъ здѣсь банкирскія и торговыя конторы, евреи творили все, что хотѣли, нисколько не боясь мѣстнаго полицейскаго начальства, которое все было закушлено. Даже агенты сыскаго (секретнаго) отдѣленія не брезгали подачками.

Тутъ же находились притоны разврата и разныя увеселительныя заведенія, содержавшіяся преимущественно евреями. Многіе евреи, не имѣвшіе опредѣленныхъ занятій, жили между тѣмъ, сравнительно съ мѣщанскимъ населеніемъ, богато, чему, конечно, не могли не завидовать зарабатывавшіе себѣ кусокъ хлѣба поденщиной мѣстные бѣдные жители.

Правда, вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Нижній Новгородъ Барановъ старался облегчить положеніе рабочихъ на заводахъ, частію со-

вершенно закрытыхъ или не имѣвшихъ достаточныхъ работъ, и положеніе кустарей, занимавшихся такими отраслями ремеслъ, которыя, вслѣдствіе конкуренціи возникшихъ фабрикъ, совсѣмъ ихъ не обезпечивали, какъ, напримѣръ, проволочное, гвоздильное и т. п. производства¹⁾.

Но онъ далеко не успѣлъ въ этомъ, особенно ему не удалось оградить кустарей отъ эксплуатаціи скупщиковъ-евреевъ, которые, елико возможно, сбивали цѣны на ихъ произведенія.

Съ 1883 года для поддержанія спокойствія на ярмаркѣ были приняты мѣры «къ предотвращенію возникновенія еврейскихъ безпорядковъ»: отказано было открывать еврейскій театръ, на сценахъ русскихъ театровъ запрещено ставить пьесы, касающіяся еврейскаго быта, а также и относящіяся «до этого предмета» рассказы, въ еврейскомъ кварталѣ особенно усиленъ полицейскій надзоръ²⁾.

Это обстоятельство не только не уменьшило въ народѣ ненависти къ евреямъ, которыхъ рабочіе и мастеровые считали главными виновниками своего тяжелаго положенія, и которыхъ де защищаетъ правительство,—но еще больше ихъ озлобило. Ненависть эту, доходившую до крайняго озлобленія, возбуждали еще религіозный антагонизмъ и циркулировавшіе въ то время повсюду слухи, будто евреи воруютъ христіанскихъ дѣтей и убиваютъ ихъ, чтобы имѣть кровь младенца для какихъ-то своихъ священнодѣйствій. Кстати, незадолго передъ тѣмъ были погромы евреевъ въ Кіевѣ и Черниговѣ, о которыхъ среди рабочихъ распространялись самые невѣроятные слухи. Достаточно было, такимъ образомъ, одной искры, чтобы вспыхнулъ пожаръ. Дѣло началось, можно сказать, изъ-за пустяковъ.

Вечеромъ 7-го іюня, у дома Трунова, на Пирожниковской улицѣ, въ Кунавинѣ, 1^{1/2}—годовая дочь крестьянки Рогожиной, Анна, оставленная безъ призора, упала въ грязь и не могла выбраться изъ лужи, плакала и кричала: «мама, мама!». Въ это время по улицѣ проходили двѣ еврейскія дѣвочки, Сара Пейсихъ, 7 лѣтъ, и Розалія Блохъ, 10 лѣтъ. Увидя безпомощно барахтавшася ребенка, онѣ подбѣжали къ нему, подняли его и понесли, чтобы передать матери. Дѣвочка не переставала кричать. Крикъ ея услышала Рогожина и выбѣжала на улицу.

— Ахъ, вы, жидовское отродье!—не узнавши, въ чемъ дѣло, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, напустилась она на дѣвочекъ:—зарѣзать хотите мою дочь?—И пошла «сыпать».—Сейчасъ въ полицію заявлю!—рѣшительно сказала она и бросилась съ дочерью къ управленію Макарьевской части.

¹⁾ См. въ дѣлѣ канцелярн нижегородскаго губернатора за 1884 годъ, № 30, донесеніе Баранова министру внутреннихъ дѣлъ отъ 12-го іюня.

²⁾ Тамъ же.

Дѣвочки перетрусили и поспѣшно скрылись къ себѣ, въ домъ Бабушкина на 4 линіи, гдѣ помѣщалась еврейская синагога.

Въ злобѣ пущенное слово эхомъ отдалось по улицѣ. На ту пору мимо проходила толпа полупьяныхъ рабочихъ, слышавшая весь этотъ шумъ. Спьяна имъ показалось, что дѣвочку ужъ зарѣзали еврею и унесли въ свою молельню. Съ крикомъ и бранью мигомъ окружили они послѣднюю, требуя выдачи ребенка. На шумъ стали собираться еще народъ. Толпа мѣщанъ, рабочихъ и мастеровыхъ росла все больше, неистовствуя на разные лады. Напрасно прибѣжавшій вмѣстѣ съ Рогожиной приставъ убѣждалъ мѣщанъ, что дѣвочка жива, напрасно вытащенные изъ дома виновницы затѣянной кутерьмы, Сарра и Розалія, увѣряли, что онѣ не имѣли никакого намѣренія рѣзать Анюту, — народъ не слушалъ ихъ и лѣзъ на проломъ.

— Бей ихъ, бей душегубовъ! — кричали мастеравые. — Они наши кровосійцы!

Въ окна синагоги полетѣли камни, палки. Остервенѣлые люди бросились ломать ворота и вышибать рамы и двери, разбивая все, что попадалось подъ руку; разломанныя вещи выбрасывались на улицу и тутъ окончательно подвергались разрушенію и разграбленію, въ окна летѣли подушки, перины разрывались, и пухъ и перья вились въ воздухъ. «Все находящееся въ сундукахъ сдѣлалось предметомъ грабежа развирѣтѣвшаго, частію не пьянаго, но горячими напитками разгоряченнаго (sic) простого люда»¹⁾. Жившихъ въ этомъ домѣ евреевъ толпа выволокла на дворъ, била нещадно до тѣхъ поръ, пока они не испустили духа подъ ударами. Четверыхъ страшно изувѣченными кинули тутъ же на дворѣ, одного выбросили на улицу. Тѣла ихъ лежали обнаженными, «такъ какъ бывшее на нихъ платье все изорвали въ клочки».

Сбѣжавшаяся полиція и вызванные пожарные Макарьевской части не въ силахъ были удержать озвѣрѣвшую толпу, жаждавшую мести и крови. Рабочіе съ засученными рукавами искали новыхъ жертвъ. Разрушивъ молельню въ домѣ Бабушкина и уничтоживъ все въ ней находящееся, они съ крикомъ и гамомъ направились въ контору московскаго купца Дайцельмана, «подрядчика по строительной части на ярмаркѣ, содержавшаго понтонный ярмарочный мостъ чрезъ р. Оку», который квартировалъ въ домѣ Трунова, и тамъ произвели такой же разгромъ. Самого Дайцельмана вытащили на дворъ «избитымъ и изуродованнымъ до безчувственнаго состоянія», а его конторщика, еврея Аркина, выбросили на Пирожниковскую улицу мертвымъ.

На этомъ дѣйствіи застали погромъ прибывшіе изъ города въ 10 часовъ вечера губернаторъ, полицеймейстеръ и прокуроръ окруж-

¹⁾ См. въ дѣлѣ канцеляріи нижегородскаго губернатора за 1884 г., № 30—214, донесеніе полицеймейстера губернатору 10 іюня.

наго суда. Толпа плотной стѣной стояла по улицѣ, такъ что власти съ большимъ трудомъ могли проложить себѣ путь къ дому Бабушкина, «гдѣ неистовый крикъ и ломка свидѣтельствовали о происходившемъ». Голосъ полицеймейстера Каргера, призывавшій народъ къ порядку, заставилъ толпу временно опомниться. Преступники, какъ дикіе звѣри, «вырывались изъ дома». Двоихъ Каргеръ успѣлъ схватить правой рукой и одного—лѣвой и передать находившимся тутъ полицейскимъ и пожарнымъ. Потомъ арестованы еще двое, выскочившіе слѣдомъ за первыми. Бунтовщики, видимо, были поражены такимъ дѣйствіемъ, народъ отступилъ, и разгромъ, казалось, прекратился на нѣсколько минутъ. Но въ это время на другомъ концѣ улицы усилились крики. Народъ всей массой ринулся туда, полиція была смята, захваченные зачинщики отбиты. Четверо мастеровыхъ набросили на голову Баранова рогожный кулъ и вмигъ его скрутили: «А, защитникъ жидовскій! Вей его!» Но тутъ опять раздались крики: «Ура!... Помогите!...». Это громили третій еврейскій домъ. Мастеровые бросили свою жертву и поспѣшили на зовъ. Проходившіе мимо городовые узнали губернатора по краснымъ лампасамъ и освободили.

Силы полиціи, хотя и подкрѣпленной прибывшими изъ города конной стражей и нѣсколькими чиновниками и городовыми, однако были ничтожны въ сравненіи съ силами бунтовщиковъ, которыхъ скопилось до 3 тысячъ человекъ. Блюстители порядка въ силу необходимости должны были бездѣйствовать и стоять невольными зрителями предъ ихъ глазами происходившаго разгрома, который продолжался до половины перваго часа утра, когда «до бунтующихъ дошелъ слухъ о приближеніи войскъ, вызванныхъ изъ лагеря (въ 8 верст. отъ города), и они сами разбѣжались» ¹⁾.

Бунтовщики успѣли разрушить пять домовъ, кромѣ молельни. На крышѣ послѣдней оказалось оторвано 10 тесинъ, у дома приблизительно на сажень сломанъ заборъ, во дворѣ—тесовая палатка; во всѣхъ 34 окнахъ въ домѣ и въ мезонинѣ выбиты рамы, выломаны три досчатая перегородки; все имущество буквально уничтожено. Въ квартирѣ Дайцельмана (во второмъ этажѣ дома Трунова) выбито 24 рамы и сорвана съ петель дверь; нижній этажъ, гдѣ жили русскіе, не тронуть. Выбиты окна и выломаны двѣ двери въ трехъэтажномъ каменномъ домѣ Чернова на Новинской улицѣ; у еврейки Гольштейнъ, содержавшей женское увеселительное заведеніе, въ домѣ Серебрякова, на Александровской улицѣ, перебили всѣ окна. Значительно пострадали на той же улицѣ каменный домъ Пономарева, гдѣ была портерная еврейки Маранецъ, и, наконецъ, передняя половина деревяннаго дома Климова, въ которой квартиро-

¹⁾ Дѣло канц. нижегор. губернатора 1884 г., № 30. Донесеніе полицеймейстера 10 іюня.

валъ еврей Шибореръ; задняя же, занимаемая самимъ хозяиномъ, осталась нетронутой. Было убито четверо мужчинъ, одна женщина и одинъ мальчикъ 13 лѣтъ; сильно ранено пять евреевъ; двое изъ нихъ умерли по дорогѣ въ земскую больницу, третій,—купецъ Дайцельманъ,—скончался въ больницѣ къ вечеру на другой день.

По распоряженію губернатора, оставшіеся безъ пріюта евреи были помѣщены временно въ полицейскомъ домѣ Макарьевской части. Барановъ просилъ городского голову, предсѣдателя мѣстнаго биржеваго комитета и нѣкоторыхъ купцовъ вникнуть въ положеніе пострадавшихъ и оказать имъ матеріальную помощь, такъ какъ они потеряли почти все свое имущество.

По прибытіи батальона 3-й пѣхотной дивизіи стали водворять порядокъ. Вся мѣстность погрома была оцѣлена часовыми, около нетронутыхъ еврейскихъ домовъ разставлены пикеты. Полиція, при содѣйствіи нѣсколькихъ жандармовъ, взятыхъ со станціи желѣзной дороги, приступила къ обыскамъ прилегающихъ къ мѣсту происшествія квартиръ, кабаковъ, харчевень и помѣщеній чернорабочихъ, на которыхъ имѣлись подозрѣнія.

Въ первый день арестовано съ личнымъ и на мѣстѣ преступленія 40 человекъ, на другой день прибавилось еще 20; къ вечеру 9 числа арестованныхъ набралось 98 человекъ, а 10 июня ихъ было уже 103 человекъ,

Одновременно съ войсками изъ города прибыли начальникъ жандармскаго управленія, товарищъ прокурора и два судебныхъ слѣдователя, которые въ ту же ночь приступили къ производству слѣдствія.

III.

Во всѣхъ беспорядкахъ, доселѣ бывшихъ на Югѣ и въ Юго-Западномъ краѣ, главнымъ мотивомъ озлобленія массы населенія противъ евреевъ являлась эксплуатація ими труда и торговли и фанатическое отношеніе христіанина къ жиду. Мотивы эти не только были главными, но почти единственными. Сколько намъ извѣстно, грабежъ имущества разрушаемыхъ еврейскихъ жилищъ не входилъ въ программу дѣйствій толпы. Между тѣмъ въ Нижнемъ Новгородѣ стремленіе къ огульному грабежу было обще всѣмъ лицамъ, участвовавшимъ въ беспорядкахъ. Во всѣхъ разрушенныхъ домахъ не было уничтожено ни одной вещи, имѣвшей какую либо цѣнность, если только ее можно было незамѣтно унести. Не говоря уже объ украденныхъ деньгахъ,—посуда, носильное платье, записныя книжки, кухонная утварь и прочее,—все было не разбито и не сломано, а расхищено.

«Въ центрѣ приволжскаго края,—писалъ въ своемъ донесеніи 12-го іюня министру внутреннихъ дѣлъ Барановъ,—оно и не могло быть иначе. Здѣсь, по крайней малочисленности еврейскаго насе-

ленія, совершенно неизвѣстно иначе, какъ по наслышкѣ (sic), объ эксплуатаціи евреема труда, торговли и самой жизни русскаго рабочаго человѣка. Слѣдовательно сколько нибудь осмысленное чувство мести не могло имѣть мѣста. Религіозный фанатизмъ также былъ слабъ, ибо здѣсь совершенно мирно живутъ и вмѣстѣ работаютъ православный съ раскольниками всевозможныхъ сектъ, магометанами и мордвой, часть которой de facto и теперь язычники». «Поэтому, если не единственнымъ, то главнымъ поводомъ безпорядковъ 7-го іюня слѣдуетъ считать стремленіе къ грабежу, совершенно случайно направленное противъ евреевъ потому, что въ народѣ сложилось убѣжденіе почти въ полной безнаказанности самыхъ тяжкихъ преступленій, если только таковыя были направляемы противъ евреевъ, а не другихъ національностей, и еще потому, что большая часть еврейскихъ семей извѣстна, какъ зажиточныя. Передъ нападеніемъ на домъ, гдѣ помѣщалась контора Дайцельмана, толпа руководилась криками: «Идемъ къ Дайцельману! тамъ есть чѣмъ поживиться!»

На самомъ дѣлѣ тутъ, помимо грабежа, руководило другое чувство, и позднѣе самъ начальникъ Нижегородской губерніи опровергнулъ это свое наскоро написанное мнѣніе.

Уже на другой день среди рабочаго населенія набережной Волги и ближайшихъ заводовъ раздавалось громкое сѣтованіе, что не дали произвести окончательнаго разгрома евреевъ.

8-го іюня, въ Нижегородской почтовой конторѣ, «особенно многолюдной въ этотъ день», какой-то запасный писарь, Михайла Боголѣповъ, высланный въ Нижній, по распоряженію московскаго генераль-губернатора, за неблагонадежность, держалъ цѣлую рѣчь «о необходимости избіенія евреевъ», и слушатели одобряли его горячіи призывъ¹⁾.

Того же числа, отъ 12 до 5 часовъ дня, на пристани Волжскаго общества, въ городѣ Балахнѣ, ожидавшая отплытія парохода въ Работки²⁾ женщина, лѣтъ 35-ти, одѣтая въ свѣтлый русскій на помочахъ сарафанъ, въ бѣлой ситцевой кофтѣ на плечахъ и повязанная желтымъ ситцевымъ же платкомъ, рассказывала толпившемуся около нея простому люду, какъ она была свидѣтельницей происходившихъ въ Нижнемъ безпорядковъ.

— Сама видѣла, собственными своими глазыньками... Схватили жиды-то нашу русскою дѣвочку махонькую, зарѣзали ее, потомъ за ноги повѣсили, а напоследокъ взяли да выбросили на улицу... На-тѣ, молъ!..

Бойкая рассказчица сама навязывала вѣтъ разговоръ, указывая въ подтвержденіе своихъ словъ на бывшаго съ ней, лѣтъ 30-ти,

¹⁾ Изъ донесенія губернатора министру внутреннихъ дѣлъ 11-го іюня.

²⁾ Первая пристань отъ Нижняго Новгорода, въ 63 верстахъ ниже по Волгѣ

бѣлокураго мужчину съ небольшою бородкою, средняго роста, плечистаго, въ пиджакѣ изъ русскаго холста и сѣрыхъ изъ трико шароварахъ, заправленныхъ за голенища. Послѣдній тоже выдавалъ себя за очевидца «мученій евреями дѣтей» и во всемъ «вторилъ женщинѣ». Народъ съ жаднымъ интересомъ слушалъ ее. Толпа стала «было возмущаться», и только благодаря случившемуся на пристани какому-то «господину съ георгиевскимъ крестомъ», не произошло волненія¹⁾.

— Ты, матушка, не должна разглашать такія вещи,—громко и внушительно сказалъ онъ ей. — Оправдывать Кунавинскихъ буяновъ нельзя... На все есть законъ и судъ...

Бывшій тутъ полицейскій надзиратель 1-й части города Балахны Соколовскій «не только не остановилъ рассказчицу, но даже удалился съ пристани, оставивъ ее продолжать свои рассказы». Впослѣдствіи онъ «сознался въ своей винѣ» и, конечно, понесъ достойное наказаніе съ увольненіемъ, по приказанію губернатора, въ отставку...

Благодаря такимъ образомъ быстро, на пароходахъ и по желѣзной дорогѣ, распространявшимся слухамъ, почти весь Нижегородскій край охватило волненіе, и изъ многихъ мѣстъ стали поступать вѣсти о готовящихся тамъ погромахъ.

Первая такая вѣсть пришла изъ с. Павлова, Горбатовскаго уѣзда²⁾, гдѣ мастеровые вооружались «противъ купцовъ-скушниковъ». Какъ сообщалъ, 21-го іюня, губернатору начальникъ нижегородскаго жандармскаго управленія, въ Павловѣ «начала проявляться не замѣчавшаяся прежде вражда къ проживавшимъ тамъ евреямъ». 15-го числа, нѣсколько крестьянъ явились къ помощнику мѣстнаго старшины Копылову и требовали, чтобы онъ предложилъ волостному сходу выгнать евреевъ Евлева, Черномордика и Посникова, занимавшихся скупкой павловскихъ издѣлій. Требованіе это они мотивировали тѣмъ, что евреи эти ихъ сильно эксплуатируютъ. Не имѣя права проживать въ этомъ селѣ, Евлевъ и Черномордикъ съ сыномъ Гиршей и подмастерьемъ Раснеромъ, какъ потомъ дозналъ вице-губернаторъ Неклюдовъ, сбивали цѣны на кустарныя произведенія даже тогда, когда набѣжало много покупателей.

Возбуждали еще сильное подозрѣніе проживавшіе въ Выквунскомъ заводѣ (Арзамасскаго уѣзда) евреи Городецкій и Зауманъ. Въ самомъ городѣ Арзамасѣ жилъ «безъ опредѣленныхъ занятій» еврей Рабиновичъ, ненавистный всему населенію города. Услы-

¹⁾ Впослѣдствіи эта женщина была схвачена въ селѣ Городецѣ, Балахнинскаго уѣзда, и оказалась крестьянской вдовой Харитиной Косаревою.

²⁾ Село Павлово расположено на рѣкѣ Окѣ, въ 70-ти верстахъ отъ Нижняго; извѣстно производствомъ стальныхъ издѣлій: ножей, вилокъ, ножницъ, замковъ и проч., расходящихся по всей Россіи.

шавъ извѣстіе о Кунавинскомъ погромѣ, и здѣсь намѣревались изгнать «жидковъ». Съ 4-го августа стали распространяться среди жителей картинки на простой бумагѣ съ изображеніемъ «еврейскихъ лицъ» въ разныхъ позахъ. Злоумышленники незамѣтно «прикрѣпляли эти картинки на столбикахъ при входѣ въ городской бульваръ» и приглашали жителей произвести погромъ 6-го августа, въ праздникъ Преображенія Господня. Распространялъ эту молву «въ нетрезвомъ видѣ» помощникъ бухгалтера мѣстнаго казначейства Бѣляевъ, который, будто бы, даже «похвалялся», что поставить «кошомникамъ» 1½ ведра водки, если они побьютъ евреевъ¹⁾.

Озлобленіе развилось сильное. Евреямъ уже приписывали такіа дѣйствія, которыя они не могли совершить. Когда, напримѣръ, въ половинѣ іюня (т. е. вскорѣ послѣ нижегородскаго погрома) нашли удушенную послѣ предварительнаго изнасилованія крестьянскую дѣвушку изъ с. Кузнечихи, въ четырехъ верстахъ отъ Нижняго, то молва народная всецѣло приписала это убійство «жидамъ», мстившимъ будто бы христіанамъ за свой погромъ; трупъ лежалъ въ предѣлахъ города, и надъ нимъ было совершено самое гнусное поруганіе. Вѣрилъ этой молвѣ не только простой народъ, но и интеллигентная публика.

Въ Нижнемъ евреи боялись ходить по городу. Какъ писалъ Баранову начальникъ жандармскаго управленія, генераль-майоръ Познанскій, «рабочіе, встрѣчаясь съ евреями 8-го и 9-го іюня, дѣлали многимъ угрозы, что въ непродолжительномъ времени, навѣрное, во время ярмарки, когда полиція и войска будутъ тамъ, повторится то же самое, что было въ Кунавинѣ и на Нижнемъ базарѣ и въ въ Верхней части города»²⁾.

Евреи опасались, чтобы беспорядки не произошли во время похоронъ ихъ убитыхъ родныхъ въ воскресенье, 10-го іюня, когда православный мастеровой и рабочій людъ не работаетъ и предается выпивкѣ. Они говорили Познанскому, что подвыпившая толпа, настроенная враждебно, можетъ явиться къ нимъ на кладбище, дабы помѣшкать религіозному обряду и преданію тѣлъ землѣ.

Въ то же воскресенье, или въ слѣдующее, 17-го числа, во время крестнаго хода, совершаемаго въ Нижнемъ ежегодно въ память избавленія города въ XVII столѣтіи отъ моровой язвы, а если не удастся, то 19-го іюня, въ день выноса изъ города Оранской иконы Божіей Матери, когда въ Нижній собирается нѣсколько тысячъ богомольцевъ изъ дальнихъ и ближнихъ селъ и деревень,

¹⁾ Впослѣдствіи за это дѣло былъ смѣненъ съ должности.

²⁾ Необходимо пояснить, что Нижній Новгородъ раздѣляется на три (неофициальныя) части: расположенный на горѣ городъ называется «Верхнимъ базаромъ», внизу, близъ пароходныхъ пристаней по Окѣ и Волгѣ—«Нижній базаръ», а за Окой—зарѣчная часть, или Кунавино съ ярмаркой.

мастеровые намѣревались освободить своихъ арестованныхъ собратьевъ.

Для предупрежденія этихъ беспорядковъ Барановъ распорядился перевести 98 арестованныхъ зачинщиковъ изъ Макарьевской части въ верхнюю часть города и помѣстить ихъ временно въ центральной пересыльной тюрьмѣ. Какъ въ зарѣчной части, такъ и въ другихъ частяхъ, гдѣ группировалось еврейское населеніе, былъ усиленъ полицейскій надзоръ. По просьбѣ губернатора, начальникъ дивизіи, генералъ-майоръ Корейво, оставилъ въ Кунавинѣ одну роту пѣхоты и казачью полусотню, а роту съ другой полусотней въ Верхнемъ городѣ. Не наполняя города войсками, Барановъ условился (по телеграфу) съ командующимъ войсками Московскаго округа «объ обеспеченіи быстрого появленія войскъ, гдѣ могла встрѣтиться надобность», въ праздничные дни: 10-го, 17-го и 19-го іюня. Потомъ просилъ оставить изъ выступающаго въ Москву на маневры 2-го Оренбургскаго казачьяго полка, вмѣсто одной сотни, какъ обыкновенно оставлялось на ярмарку, двѣ сотни. Наконецъ, онъ самъ, вечеромъ 9-го іюня, отправился въ городской ночлежный пріютъ, чтобы повліять на рабочихъ, доказывая имъ всю «дикость и безчеловѣчность произведеннаго погрома», и просилъ передать прочей массѣ рабочаго люда, что «малѣйшія попытки къ возобновленію беспорядковъ будутъ пресѣчены самымъ суровымъ образомъ». Мало этого, благочинному Нижегородскихъ городскихъ церквей, протоіерею Владимирскому (за отсутствіемъ преосвященнаго), было предложено официальной бумагой (9-го іюня, за № 1.870) въ виду того, что «простой народъ убійство и ограбленіе евреевъ, не считаетъ грѣхомъ, повидимому», то чтобы духовенство въ воскресенье, 10-го іюня, и въ послѣдующіе праздники до уноса изъ Нижняго Новгорода иконы Оранской Божіей Матери, «въ своихъ поученіяхъ за церковной службой выразило порицаніе безчинству, направленному противъ евреевъ».

Въ предупрежденіе беспорядковъ, похороны девяти убитыхъ евреевъ состоялись въ субботу, 9 іюня, вечеромъ. Проводить въ мѣсто вѣчнаго покоя собралось не только все мѣстное еврейское населеніе, но около 100 человекъ ихъ единовѣрцевъ прибыло изъ Москвы. Похороны вышли пышныя и грандіозныя: по пути слѣдованія печальнаго кортежа стояли войска для охраны отъ безчинствъ ¹⁾...

Были приняты еще мѣры, чтобы извѣстія о Кунавинскомъ погромѣ не вышли изъ предѣловъ Нижегородской губерніи. Барановъ издалъ строжайшій запретъ писать о томъ что либо въ газетахъ, хотя это далеко было не въ его власти. Послѣдствія скоро сказались и имѣли обратное дѣйствіе. Извѣстія достигали редакцій не

¹⁾ Изъ донесенія Баранова министру внутреннихъ дѣлъ, 11 іюня.

прямо отъ собственныхъ корреспондентовъ по почтѣ или телеграфу, а контрабанднымъ путемъ изъ частныхъ писемъ и чрезъ проѣзжающихъ. Вслѣдствіе этого являлись преувеличенія противъ дѣйствительности. Уже спустя два дня послѣ погрома, «Казанскій Листокъ» въ № 67 помѣстилъ телеграмму, что «7 іюня въ Кунавинѣ было сильное анти-еврейское побоище; убито 13 человекъ, употреблены войска». Потомъ въ № 160 «Русскаго Курьера» появилась статья «Избіеніе евреевъ въ Нижнемъ Новгородѣ», на которую Баранову пришлось послать (13 іюня) опроверженіе. Далѣе стали печататься корреспонденціи въ «Новомъ Времени» и другихъ газетахъ съ комментаріями и нѣкоторыми далеко неблагоприятными отзывами о дѣятельности мѣстной администраціи, что, конечно, было неособенно пріятно читать Баранову. 11 іюня онъ жаловался министру внутреннихъ дѣлъ:

«По случаю беспорядковъ 7 іюня, отъ мѣстныхъ корреспондентовъ различныхъ журналовъ и газетъ много было подано телеграммъ въ инороднія редакціи съ сообщеніемъ болѣе или менѣе извращенныхъ свѣдѣній о сказанныхъ беспорядкахъ. Я отказалъ въ разрѣшеніи отправлять телеграммы, а равно не дозволилъ мѣстной газетѣ «Нижегородскій Биржевой Листокъ», впредь до правильнаго сообщенія, печатать что либо относящееся до сказаннаго происшествія. Но какъ ни въ телеграммахъ «Сѣвернаго Агентства» ни въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» никакого сообщенія еще не было, то я почтительнѣйше прошу ваше превосходительство, не признаете ли нужнымъ помѣстить таковое, дабы могло послужить къ опроверженію ложныхъ слуховъ».

Въ тотъ же день для той же цѣли Барановъ разрѣшилъ агенту «Сѣвернаго телеграфнаго агентства» послать въ Петербургъ телеграмму и «Нижегородскому Листку» напечатать (въ № 135) «Извѣстіе отъ нижегородскаго губернатора»:

«Въ виду распространившихся въ Нижнемъ Новгородѣ слуховъ о томъ, что проживающими въ Макарьевской части Нижняго Новгорода евреями зарѣзана христіанская дѣвочка, объявляю, что слухи эти, какъ оказалось по самомъ строгомъ разслѣдованіи дѣла о беспорядкахъ 7 іюня, совершенно вымышлены».

Однако, всѣ эти «опроверженія» мало помогли дѣлу. Народъ не вѣрилъ, или, скорѣе, не хотѣлъ вѣрить имъ. «Большая часть общества, какъ рассказываетъ и самъ Барановъ въ письмѣ къ министру 18 іюня, весьма сочувственно и близоруко смотрѣла на случившееся, и подъ вліяніемъ такихъ статей, какъ, напримѣръ, помѣщенная въ № 2980 «Новаго Времени», и умышленно ложныхъ корреспонденцій «Казанскаго Листка», склонна къ оправданію неизбежности еврейскихъ беспорядковъ». «Съ 8 по 13 іюня я получилъ много анонимныхъ, безграмотныхъ писемъ, которыя были полны требованій немедленнаго освобожденія арестованныхъ. Съ 13 числа ко мнѣ стали поступать словесныя и письменныя просьбы

объ освобожденіи задержанныхъ; въ просьбахъ этихъ не отрицается участіе ихъ, а доказывается невинность, что жиды убиты не возбраняется».

Послѣднее обстоятельство наконецъ принудило Баранова пойти на нѣкоторыя уступки и принять другія мѣры для возстановленія общественнаго спокойствія.

IV.

«Одной изъ причинъ, вызывающей время отъ времени погромы евреевъ, являются сами евреи, и въ особенности тѣ изъ нихъ, которые, не имѣя легальнаго права на жительство внѣ черты еврейской осѣдлости, обходятъ законъ всевозможными уловками»¹⁾. Благодаря такому положенію, многіе изъ нихъ безнаказанно совершали разныя продѣлки и незамѣтно скрывались.

По свѣдѣніямъ полиціи, въ годъ погрома въ Нижнемъ Новгородѣ постоянно проживало евреевъ: 197 мужчинъ, 182 женщины и 516 дѣтей, иногороднихъ было: 98 мужчинъ, 56 женщинъ и 150 дѣтей, а всего 1.200 человекъ; къ началу же ярмарки собиралось еще около 2 тысячъ евреевъ. Изъ этого числа 58 человекъ жили «незаконно», при чемъ 11 человекъ не имѣли опредѣленныхъ занятій, трое промышляли ростовщичествомъ и трое мелочной торговлей; затѣмъ 25 евреевъ занимались ремеслами безъ дозволенія мѣстной ремесленной управы и шестнадцать — добывали себѣ пропитаніе музыкой, обученіемъ еврейскихъ дѣтей, приказчики, конторщики, работники, рѣзачи.

26 іюня Барановъ предложилъ вице-губернатору П. В. Неклюдову учредить подъ его предсѣдательствомъ особую комиссію, дабы «разсмотрѣть во всѣхъ подробностяхъ права ихъ на жительство и фактически провѣрить списки проживающихъ въ Нижнемъ Новгородѣ евреевъ» съ тѣмъ, чтобы выработать такія правила, которыми бы полиція могла руководствоваться по сему предмету на будущее время». Въ составъ комиссіи, кромѣ Неклюдова, вошли: нижегородскій городской голова, благочинный городскихъ церквей протоіерей Владимирскій, полицеймейстеръ Каргеръ, исправники Горбатовскаго уѣзда Соболевъ и Семеновскаго — Парееновъ и ремесленный голова Наумовъ.

Послѣ нѣсколькихъ засѣданій, журналомъ 13 іюля комиссія признала нужнымъ выслать только 19 евреевъ, а остальныхъ, не удовлетворявшихъ требованіямъ закона, относительно правильности документовъ и промысловыхъ свидѣтельствъ, она не сочла возможнымъ подвергнуть немедленной высылкѣ и «ограничивать имъ срокъ для упорядоченія ихъ положенія». Комиссія вообще находила не-

¹⁾ Изъ предписанія нижегородскаго губернатора горбатовскому исправнику 26 іюня.

удобнымъ примѣнять въ этомъ году какія либо особыя «подавляющія своей неожиданностью мѣры къ евреямъ, прибывающимъ на ярмарку». По ея мнѣнію, «буквальное исполненіе закона повело бы къ закрытію на ярмаркѣ еврейскихъ лавокъ и изгнанію сотенъ разносчиковъ и мелкихъ торговцевъ». «Трудно судить, насколько это было возможно въ торговомъ отношеніи, писалъ губернатору Неклюдовъ, но въ полицейскомъ положительно вызвало бы большія и крайне нежелательныя затрудненія и недоразумѣнія»¹⁾.

Были также провѣрены права евреевъ въ другихъ городахъ, для чего вице-губернаторъ самъ ѣздилъ туда, и между прочимъ высланы изъ Выксунскаго завода евреи Городецкій и Зауманъ и изъ с. Павлова сильно эксплуатированшіе кустарей Евлевъ и Черномордикъ съ сыномъ Гиршей и подмастерье Раснеръ.

Но въ послѣдствіи оказалось, что эта тяжелая мѣра коснулась только бѣднѣйшей части населенія, и отнюдь не богачей, какъ болѣе вреднаго и опаснаго для общества элемента. Это возмутило даже русское купечество, далеко не отличавшееся состраданіемъ къ «жидамъ». Четверо почтенныхъ гражданъ Нижняго: С. П. Шутягинъ, И. И. Балдинъ, А. К. Муратовъ и П. Т. Зотовъ, прямо и открыто высказали это полицеймейстеру Каргеру въ письмѣ, отъ 3 августа, въ которомъ между прочимъ писали:

«Высылаются евреи, не имѣющіе права жительства. Результатъ онаго, безъ сомнѣнія, отзовется на самобѣднѣйшихъ, не вредящихъ ни обществу, ни правительству, а кулака-эксплуататора, вѣроятно, не придется выкурить, ибо онъ всегда съ законными правами. Почему не выключена отсюда г-жа Якобсонъ? Фамилія эта всякимъ христіаниномъ вспоминается съ содроганіемъ. Мужъ ея многихъ нашихъ православныхъ обдѣлалъ до нищеты. Онъ, правда, за это провелъ часть времени въ тюрьмѣ и арестантскихъ ротахъ и, благодаримъ Создателя, его отсюда выжили. Теперь спрашивается: зачѣмъ проживаетъ здѣсь его жена? Она «шуруетъ» лучше и почище мужа, занимается аппетитно всѣмъ чѣмъ угодно, особенно «процентами»: у нея открыты кругомъ всѣ карманы. Вотъ на кого не грѣхъ распространить въ буквальномъ и исполнительномъ смыслѣ законъ! Вѣрнѣе всего, что ее въ спискахъ высланныхъ евреевъ не помѣстили: вѣдь она богачиха и родню по мужѣ богатую имѣетъ. Но будетъ ей пить христіанскую кровь и впутывать въ свои сѣти слабыхъ и попадающихся по нуждѣ на удочку! Надѣмся, что вы лично въ томъ убѣдитесь и не допустите долѣе скрывать ее отъ глазъ высшихъ властей и протурите ее, по примѣру самого Якобсона».

¹⁾ Журналъ комиссіи 13 іюля въ дѣлѣ канцеляріи нижегородскаго губернатора за 1884 г., № 30.

Увы, письмо это осталось «гласомъ вопіющаго въ пустынь». Хотя въ донесеніи своемъ губернатору 15 августа полицеймейстеръ и самъ подтвердилъ, что «еврейка Якобсонъ имѣетъ правильный паспортъ, но никакихъ занятій, а занимается ростовщичествомъ», тѣмъ не менѣе (какъ видно изъ дѣла канцеляріи нижегородскаго губернатора «О безпорядкахъ въ Кунавинѣ», 1884 г., № 30—214) она не попала въ списокъ высланныхъ изъ Нижняго евреевъ такъ же, какъ не попалъ и жившій въ г. Арзамасѣ «безъ опредѣленныхъ занятій» еврей Рабиновичъ, на котораго не разъ поступали губернскому начальству жалобы.

По просьбѣ Баранова общій надзоръ надъ производствомъ слѣдствія о замѣшанныхъ въ Кунавинскомъ разгромѣ преступникахъ былъ порученъ прокурору Московской судебной палаты, который не замедлилъ прибыть въ Нижній Новгородъ.

Къ 12 іюня заподозрѣнныхъ въ безпорядкахъ преступниковъ набралось 112 человекъ. Особенно дѣятельное участіе въ погромѣ принимали кунавинскій хлѣбопекать, крестьянинъ Иванъ Зеленевъ, и гордѣвскій ¹⁾ пекать, запасный рядовой Василій Семеновъ. Оба были признаны жандармскимъ унтеръ-офицеромъ Савчукомъ по окровавленной у нихъ одеждѣ. Потомъ въ числѣ главныхъ участниковъ былъ торговавшій подъ Владимирской церковью ²⁾ галантерейнымъ товаромъ крестьянинъ Иванъ Николаевъ, торговецъ хлѣбомъ въ домѣ братьевъ Каменскихъ, Иванъ Костылевъ (онъ получилъ двѣ царапины ниже праваго уха отъ еврея, котораго убилъ) и жившій у печника Никанорова извозчикъ Астаѳій Гагинъ. Последніе двое принимали участіе въ безпорядкахъ съ своими артелями. Но всего печальнѣе было то, что главными зачинщиками оказались дворяне Ѳедоръ Покровскій и Николай Столярскій.

Такое грустное явленіе можно было приписать необузданности мѣстныхъ нравовъ. «Радикальнымъ средствомъ къ полному обезпеченію мирной тишины въ будущемъ» Барановъ признавалъ «поднятіе въ народѣ уровней какъ экономическаго, такъ и образовательнаго». Но эти де «задачи, осуществленіе которыхъ требуетъ много времени, должны быть обсуждаемы въ связи со многими общими вопросами».

12 іюня Барановъ ходатайствовалъ предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ «о принятіи такихъ мѣръ, дабы не было безпорядковъ, подобныхъ 7 іюня». Въ представленіи своемъ онъ говорилъ: «по моему мнѣнію, должно фактически и весьма осязательно доказать темному народу всю ошибочность его мнѣнія, что преступленія, со-

¹⁾ Дер. Гордѣвка, Балахнинскаго уѣзда, находится рядомъ съ ярмаркой, но въ черту городского управленія не входитъ.

²⁾ Владимирская церковь находится въ Макарьевской части близъ набережной Оки.

вершаемыя большими массаами, останутся безнаказанными». Для этого онъ просилъ объявить Нижнй Новгородъ съ уѣздами Нижегородскимъ, Семеновскимъ Балахнинскимъ и Горбатовскимъ (въ послѣднемъ находится с. Павлово и громадное количество кустарей) въ положеніи чрезвычайной или хотя бы усиленной охраны не съ 10 іюля, какъ это дѣлается для ярмарки, а съ 25 іюня, «т. е. ранѣ окончанія производства слѣдствія надъ преступниками», съ тѣмъ, чтобы дѣло о нихъ было направлено «къ рѣшенію военнымъ судомъ по законамъ военного время». «Быстрота, гласность и суровость приговора надъ нѣсколькими виновными», говорилъ онъ, «если не устрашать, то задержать возможность повторенія своеволій толпы и разобьютъ нынѣ существующую увѣренность въ полной безнаказанности». Срокъ усиленной охраны продолжить до 10 сентября, до времени дѣйствительнаго окончанія ярмарки.

Желаніе губернатора было уважено. Для разбора дѣла о безпорядкахъ 22 сентября въ Нижнй Новгородъ прибылъ Московскій военно-окружной судъ, открывъ свои засѣданія въ помѣщеніи генераль-губернаторскаго дома на ярмаркѣ. Судъ былъ скорый, но дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ. Изъ 112 привлеченныхъ къ отвѣтственности военнымъ судомъ были признаны обвиняемыми и судимыми только 72 преступника. 2 октября судъ вынесъ имъ слѣдующій приговоръ: 6 обвиняемыхъ сослать въ каторжныя работы на двадцать лѣтъ, троихъ на восемнадцать лѣтъ, одного на двѣнадцать лѣтъ, одного на семь и одного на четыре года; къ ссылкѣ въ не столь отдаленныя мѣста Сибири одного, въ исправительное арестантское отдѣленіе отъ 3 до 1 года 28 человекъ, въ тюрьму отъ 1½ до 6 мѣсяцевъ пятнадцать, простому аресту пять, и одиннадцать обвиняемыхъ оправдано.

Во время объявленія рѣшенія въ окончательной формѣ 13 числа ожидали волненій. Помѣщеніе суда было оцѣплено войсками; но ни въ залѣ суда во время разбора дѣла, ни на улицахъ во время привода и отвода преступниковъ, никакихъ безпорядковъ не было...

П. Юдинъ.

ЧТО МОЖНО СКАЗАТЬ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ О ЛИЧНОСТИ ЛЖЕДИМИТРІЯ I¹⁾?

I.

ВЪ ИСТОРИИ каждаго народа можно указать такіе моменты, которые являются своего рода кризисами. Въ такіе моменты или рѣшаются путемъ цѣлаго ряда потрясеній давно назрѣвшіе, накопившіеся, выдвинутые самою жизнью вопросы, или являются совершенно случайныя, ничѣмъ съ жизнью народа не связанная, чисто внѣшнія обстоятельства, которыя даютъ новый толчокъ народной жизни, направляющей ее по новому пути, хотя это новое направленіе можетъ сказаться и не вдругъ. Къ числу такихъ переломныхъ моментовъ въ нашей исторіи, несомнѣнно, относится Смутное время. Да, это—періодъ, дѣйствительно, смутный не только по обилію смуть-неурядиць, но и потому еще, что въ массѣ переплетающихся, бѣгущихъ одно за другимъ событій трудно ориентироваться, трудно проникнуть въ самую глубь явленій, уяснить эти явленія и связь между ними. Много труда потрачено для выясненія сути Смутаго времени, но и до сихъ поръ мы не можемъ сказать, что вполнѣ выяснили себѣ значеніе этого періода русской исторіи. Тѣмъ не менѣе сдѣлано уже весьма много. Въ настоящее время уже нельзя считать исходнымъ пунктомъ смуты только прекращеніе старой династіи. Зародыши лежатъ глубже: ихъ надо искать еще въ явленіяхъ царствованія Ивана Грознаго, они кроются и въ экономическомъ положеніи сословій Московскаго государства;

¹⁾ Двѣ публичныя лекціи, читанныя въ Кіевѣ.

зародыши эти лежать и въ сословныхъ отношеніяхъ, и въ складѣ государственной жизни русской того времени. И сословныя, и экономическія отношенія того времени были несомнѣнно горючимъ матеріаломъ, который ждалъ только искры, чтобы загорѣться въ большое пламя. Несомнѣнно, неожиданное прекращеніе древней династіи оказало содѣйствіе появленію необходимой искры, но оно не было само этой искрой. Мы видимъ, что новая династія Годуновыхъ совершенно спокойно смѣняетъ старую. Но при новой династіи, не имѣвшей у народа вѣковыхъ традицій, было легче уже появленіе чего нибудь такого, за чтó и сознательно, и бессознательно зацѣплятся всѣ подготовленные жизнью горючіе матеріалы, около чего они на первыхъ порахъ сгруппируются. Дальнѣйшее теченіе событій Смутнаго времени показало, какъ разнообразны были тогда стремленія и идеалы различныхъ общественныхъ элементовъ. Но для того, чтобы начать дѣйствовать, прійти въ движеніе, имъ всѣмъ былъ нуженъ одинъ общій толчокъ, общій центръ, около котораго они могли бы сгруппироваться на первый разъ всѣ, нѣчто такое, чтó интересовало бы всѣ разнородные общественные элементы. Новая династія, безъ традицій, загадочные для народа факты, связанные съ послѣдними годами правленія старой династіи, которые народъ не могъ себѣ представить, какъ случайные,—и темное дѣло въ Угличѣ, и бездѣтность царя Феодора, и его ранняя смерть, — все это обращало на себя вниманіе народа, и на почвѣ этихъ-то непонятныхъ явленій, приковывавшихъ общее вниманіе, и могло возникнуть какое нибудь такое событіе, которое привлечетъ, возбудитъ интересъ всего народа, давъ, наконецъ, разрѣшеніе его недоумѣнію, въ которомъ онъ находился предъ непонятными ему фактами. Такимъ событіемъ и было появленіе царевича Димитрія, оказавшагося живымъ, здоровымъ, а не убитымъ, какъ утверждали, какъ хотѣли увѣрить общество того времени. Важно было то, что теперь правильно или неправильно можно было объяснить такъ или иначе прежде непонятное: значить, старая династія сошла со сцены не нормальнымъ путемъ; значить, новая династія Годуновыхъ переступила черезъ кровь; основатель этой династіи, Борисъ—убійца, хотѣлъ убить царевича Димитрія, значить, отъ него погибъ и Феодоръ. Если въ высшихъ слояхъ общества могли раньше бродить кое-какія предположенія, то теперь у народа они получали значеніе непоколебимой истины. Центръ движенія явился: это былъ спасенный царевичъ Димитрій. Спрашивается теперь: имѣетъ ли значеніе вопросъ о личности этого Димитрія, занявшаго русскій престолъ послѣ Годуновыхъ? Имѣетъ, и притомъ весьма большое. Въ самомъ дѣлѣ, отъ такого или иного рѣшенія его зависитъ объясненіе значенія самаго Смутнаго времени. Участіе или неучастіе боярства и другихъ общественныхъ группъ въ подготовкѣ смуты, существованіе или несуществованіе самой подготовки движенія, роль

и значеніе отдѣльныхъ личностей и стремленія ихъ—все это получаетъ иное освѣщеніе при томъ или иномъ рѣшеніи вопроса о личности перваго Димитрія. Этотъ вопросъ дебатруется въ русской исторической наукѣ давно. Рѣшеніе его затрудняется и недостаточнымъ количествомъ и качествомъ того матеріала, который имѣется въ нашемъ распоряженіи. Этотъ матеріалъ распадается на двѣ группы: памятники литературные и документы. Для рѣшенія вопроса, насъ интересующаго, ихъ очень немного, и притомъ мы не можемъ не признать ихъ односторонними. Русскіе литературные памятники, сюда относящіеся, все писаны уже послѣ смерти Лжедимитрія I, при Василии Шуйскомъ или Романовыхъ. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, показанія лишь одной стороны, одной восторжествовавшей партіи, и ни одного памятника, который исходилъ бы отъ противоположной стороны: черезчуръ кратковременно было правленіе Лжедимитрія, чтобы могло явиться много литературныхъ памятниковъ, объясняющихъ дѣло съ иной точки зрѣнія. То же надо сказать и о документахъ. До насъ дошли указы Бориса, посланія патріарха Іова, грамоты Шуйскаго,—понятно, какія свѣдѣнія можемъ мы получить здѣсь о личности Лжедимитрія и тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ эта личность появляется. Дошли до насъ, кромѣ русскихъ, еще матеріалы и иностранные, но о нихъ я буду говорить далѣе. Такимъ образомъ, постоянно чувствовалась необходимость въ открытіи и обнародованіи новыхъ матеріаловъ. Они постепенно и открывались, что вело, конечно, къ пересмотру вопроса и приводило къ новымъ мнѣніямъ. Въ послѣднее время сдѣланъ цѣлый рядъ новыхъ открытій, какъ у насъ въ Россіи, такъ и за границей. Открытія эти сдѣланы французскимъ ученымъ Ширлингомъ, польскимъ ученымъ Гиришбергомъ и русскими учеными Щепкинымъ и графомъ Шереметевымъ. Открытые ими новые матеріалы значительно подвинули впередъ вопросъ о личности Лжедимитрія I, и если мы не можемъ еще считать вопроса рѣшеннымъ, то во всякомъ случаѣ является надежда, что въ будущемъ наука придетъ къ какому нибудь положительному выводу, на который раньше нельзя было рассчитывать.

Отецъ науки русской исторіи, Н. М. Карамзинъ, своимъ яснымъ умомъ не могъ не замѣтить и противорѣчій, и тенденціозности сообщеній нашихъ туземныхъ писателей, но онъ побоялся нарушить установившуюся традицію и передать въ своемъ трудѣ фактъ въ томъ видѣ, какъ его привыкли себѣ представлять русскіе люди еще съ XVII столѣтія: Лжедимитрій I есть Гришка Отрепьевъ, бѣглый монахъ Чудова московскаго монастыря. «Исторія государства Россійскаго» Карамзина окончательно закрѣпила эту традицію, и долго русская историческая наука признавала ее, какъ непоколебимую истину. Но мало-по-малу и открытіе новыхъ матеріаловъ, и еще болѣе—глубокое изученіе ихъ начали колебать старую традицію. Явились мнѣнія, или прямо

ей противоположныя, или видоизмѣнявшія ее настолько, что она теряла всякое значеніе, потому что вслѣдъ затѣмъ явились новые вопросы, генетически связанныя съ новымъ мнѣніемъ. Явилось даже мнѣніе, что Дмитрій I не есть самозванецъ, а дѣйствительный сынъ Іоанна Грознаго. Дальнѣйшая усиленная разработка матеріаловъ, относящихся къ Смутному времени, заставила надолго оставить этотъ взглядъ.

Какъ чувствовалъ, какъ понималъ себя самъ Лжедмитрій I? Вопросъ не въ томъ, за что онъ выдавалъ себя, а за что его выдавали другіе, и вопросъ въ томъ, какъ онъ самъ думалъ о себѣ, чѣмъ онъ мыслилъ себя въ глубинѣ своей души. Далѣе мы увидимъ, какъ онъ и другіе объясняли его спасеніе отъ смерти въ Угличѣ. Его самосознаніе или самоопредѣленіе, если такъ можно выразиться, должно было сказаться въ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ. Всѣ, даже враги Лжедмитрія I, признавали его человѣкомъ очень умнымъ, талантливымъ, сообразительнымъ. Если бы такой человѣкъ сознавалъ себя самозванцемъ, то постарался бы, несомнѣнно, обезопасить свое положеніе и сумѣлъ бы это сдѣлать. Но, начиная съ момента вступленія своего на почву Московскаго государства и до послѣдней минуты своей жизни, этотъ человѣкъ остается вѣренъ себѣ: онъ не допускаетъ возможности какого либо противъ себя движенія, потому что онъ—дѣйствительный сынъ Іоанна, онъ не измѣняетъ себѣ даже послѣ того, какъ противъ него начинаютъ открываться заговоры, и не предпринимаетъ ровно ничего противъ дальнѣйшихъ покушеній, выставляя всѣмъ, кто его предостерегалъ, какъ несокрушимый щитъ, что ничто серьезное не можетъ быть предпринято противъ его, какъ законнаго государя. Онъ вѣрилъ, что его законность охраняетъ него. Когда созрѣлъ самый крупный заговоръ, во главѣ котораго стояли такіе люди, какъ Василій Ивановичъ Шуйскій, которому онъ вполне довѣрялъ, казалось, необходимо было измѣнить внутреннюю политику, и если не выйти на дорогу Іоанна Грознаго и Бориса Годунова, то во всякомъ случаѣ прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ. Соборъ приговариваетъ Шуйскаго къ смертной казни, а Лжедмитрій не только даруетъ ему жизнь, но возвращаетъ скоро изъ ссылки, приближаетъ снова ко двору и оказываетъ ему прежнее довѣріе. Дошедшія до насъ письма личнаго секретаря Лжедмитрія, Бучинскаго, писанныя къ Лжедмитрію, доказываютъ, что всѣ люди, ему близкіе, стояли за казнь Шуйскаго, предупреждали, что Шуйскій не перестанетъ быть опаснымъ и въ будущемъ, но Лжедмитрій не послушалъ никого. Только увѣренность въ правотѣ своего дѣла, увѣренность въ дѣйствительности своего царственнаго происхожденія, могла допустить такое рѣшеніе. Въ частныхъ разговорахъ съ людьми близкими Лжедмитрій говорилъ: «есть два способа царствовать: путемъ страха, при помощи казней и пытокъ, или путемъ милосердія; я избралъ для

себя навсегда путь второй». Люди, сознающіе себя самозванцами, такъ не разсуждаютъ. Рядомъ съ этой увѣренностью въ непоколебимости своего положенія, какъ законнаго государя, мы видимъ и полную увѣренность въ неприкосновенности своей личности. Кто, сознающій себя самозванцемъ, будетъ ходить одинъ или въ сопровожденіи только одного слуги, безъ всякаго оружія, по городу, въ лавки, въ мастерскія, къ боярамъ? Какой самозванецъ будетъ рисковать ѣздить на ночные пожары, когда въ суматохахъ и темнотѣ возможно осуществленіе всякаго заговора? А все это дѣлаетъ Лжедмитрій и притомъ и до и послѣ заговора Шуйскаго. Словомъ вся его жизнь, всѣ его дѣйствія, и какъ государя, и какъ человѣка, свидѣтельствуютъ о его искреннемъ убѣжденіи въ своемъ царственномъ происхожденіи.

Самъ собою является вопросъ: откуда могъ явиться этотъ убѣжденный человѣкъ? Нужно было вырасти, воспитаться въ сознаніи своего царственнаго происхожденія, чтобы дѣйствовать, чтобы проявлять себя такъ, какъ дѣйствовалъ и проявлялъ себя Лжедмитрій I. Для этого нужно было воспитаніе, и притомъ воспитаніе не кратковременное: нужно было вырасти въ сознаніи своей личности именно таковой, а не иной. Отсюда само собою ясно, что нужны были дѣятели, воспитатели: нужно было умѣнье выбрать подходящій субъектъ, обставить его соотвѣтствующимъ образомъ, направлять и образовывать его умъ и дать ему необходимыя знанія. Кто же подготовлялъ его? Кто далъ ему и увѣренность въ своей личности, и прекрасное знаніе исторіи страны, въ которой ему нужно было дѣйствовать, и полное знакомство съ ея обычаями, придворнымъ этикетомъ, знаніе лицъ, воспоминанія о прошломъ съ самаго дѣтства? А все это въ дѣйствительности было у Лжедмитрія I, и это обстоятельство уже само по себѣ уничтожаетъ мысль о возможности иностраннаго происхожденія этой загадочной личности. Раньше, когда въ распоряженіи науки не было тѣхъ документовъ, какіе она приобрѣла позже, честь воспитанія Лжедмитрія приписывали іезуитамъ, этимъ художникамъ, умѣвшимъ дѣлать изъ своихъ учениковъ то, что имъ было нужно. Этотъ взглядъ былъ простымъ недоразумѣніемъ уже потому, что іезуиты не могли дать Лжедмитрію многихъ тѣхъ знаній, которыя имъ самимъ были недоступны, которыя можно было приобрести только на мѣстѣ, въ Москвѣ, въ Московскомъ государствѣ, только отъ людей русскихъ. Къ тому же оказывается, что на этотъ разъ іезуитамъ измѣнило ихъ обычное педагогическое умѣнье: ихъ воспитанникъ не только не является ревностнымъ католикомъ, но скорѣе мыслить по-лютерански, оставаясь въ то же время православнымъ, не внимаетъ желаніямъ своихъ учителей, сдѣлавшись царемъ, на что іезуиты жалуются въ своихъ письмахъ, наружно принимаетъ католичество, сносится съ паной и въ то же время пишетъ кон-

стантинопольскому патриарху, испрашивая его благословенія. Не таковы были воспитанники іезуитовъ! Ихъ воспитанники проникались такимъ религіознымъ фанатизмомъ, что всю свою политику, если они были государи, ставили въ подчиненіе религіознымъ цѣлямъ и готовы были губить и губили государства ради торжества католичества. Только недостаточность матеріаловъ могла повести къ мнѣнію о подготовкѣ Лжедмитрія іезуитами. Однако давно высказывалось и мнѣніе противоположное. Въ настоящее время въ распоряженіи изслѣдователя имѣются извлеченные изъ ватиканскаго архива документы, относящіеся до сношеній Лжедмитрія I съ представителями католической церкви въ Польшѣ и іезуитами. Эти документы—депешы папскаго нунція Рангони къ папѣ и донесенія іезуитовъ—документы секретныя и потому не возбуждающіе сомнѣній. Оказывается, что римскій дворъ узналъ имя Дмитрія чрезъ извѣщеніе Рангони только 1-го ноября 1603 года. Рангони извѣщаетъ, что онъ, будучи приглашенъ на королевскую аудіенцію, первый разъ услышалъ новость, которая начала обращаться въ высшемъ обществѣ, будто сынъ Іоанна живъ. Рангони и доноситъ папѣ объ этомъ. Какъ видно изъ дальнѣйшихъ депешъ Рангони, онъ лично познакомился съ Дмитріемъ только 19-го марта 1604 года. Оказывается далѣе, что Лжедмитрій, понимая значеніе іезуитовъ, добивался войти съ ними въ сношенія, но это удалось ему не сразу. Онъ обратился, наконецъ, къ посредничеству священника въ Самборѣ, Франциска Помасскаго. Въ мартѣ 1604 года Лжедмитрій пріѣхалъ въ Краковъ, и только 31-го марта 1604 года явился къ нему іезуитъ Каспаръ Савицкій, а затѣмъ второе свиданіе произошло въ домѣ краковскаго воеводы Зебржидовскаго, куда явились два іезуита, тотъ же Каспаръ Савицкій и Станиславъ Гродзицкій. Такимъ образомъ, іезуиты вошли въ сношенія съ Лжедмитріемъ въ самомъ концѣ марта мѣсяца 1604 года, то-есть, тогда, когда уже совершилось официальное признаніе Лжедмитрія царевичемъ московскимъ со стороны польскаго правительства.

Несомнѣнно, установленіе связи съ іезуитами повліяло благоприятно на увеличеніе сторонниковъ Лжедмитрія, но только до нѣкоторой степени, какъ показываетъ отношеніе современнаго польскаго общества къ дѣлу Самозванца. А относительно настроенія общества мы имѣемъ ясныя документальныя показанія. Признавъ Дмитрія истиннымъ царевичемъ московскимъ, польское правительство, однакоже, не оказывало ему никакой существенной поддержки. Это видно изъ усиленныхъ хлопотъ Мнишка въ пользу своего протеже. Мнишекъ писалъ лично королю, но не получалъ отвѣта. Тогда онъ обратился за содѣйствіемъ ко многимъ важнымъ лицамъ, но и тутъ не нашелъ поддержки. Канцлеръ Замоискій совсѣмъ ничего не отвѣтилъ Мнишку. Янушъ Острожскій отвѣтилъ, что не допуститъ войскъ Дмитрія перейти чрезъ границу. Такъ

же недоброжелательно отнеслись къ Димитрію Константинъ Острожскій и Янушъ Заславскій. Письма ихъ въ настоящее время изданы. Сигизмундъ колебался, принять ли активное участіе въ дѣлѣ Лжедимитрія. Онъ разослалъ письма къ выдающимся сенаторамъ съ вопросомъ, какъ слѣдуетъ поступить въ этомъ дѣлѣ. И опять, какъ видно изъ найденныхъ теперь отвѣтныхъ писемъ къ королю, каштелянъ краковскій, Янушъ Острожскій, воевода плочкій, Станиславъ Красинскій, каштелянъ сендомирскій, Станиславъ Тарновскій, удерживали короля отъ участія въ этомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, до ближайшаго сейма, который долженъ былъ собраться въ 1605 году. Янъ Замойскій, Ходкевичъ, Янъ Остророгъ и Вавражинецъ Гослицкій, высказались рѣшительно противъ Димитрія. Но если такъ думало большинство выдающихся людей того времени, то польское общественное мнѣніе рѣшительно обнаружилось на сеймѣ 1605 года. Въ это время Лжедимитрій съ кучкой своихъ друзей и ничтожными отрядами былъ уже за Днѣпромъ. Это вызывало въ Польнѣ сильное негодованіе, что и выразилось въ инструкціяхъ депутатамъ, отправляемымъ на сеймъ. Сеймики въ Галичѣ и Житомирѣ приказали своимъ посламъ на сеймѣ, то-есть, депутатамъ, требовать отъ короля, чтобы на будущее время никогда не повторялись подобныя безпорядки, какъ агитація въ пользу царевича, поддержка его нѣкоторыми польскими шляхтичами и походъ ихъ съ царевичемъ за границу Московскаго государства. Сеймики въ Дрогичинѣ, Вишнѣ, Пельзѣ, Люблинѣ, Дзевянтковичахъ, приказали своимъ посламъ требовать на сеймѣ, чтобы король старательно соблюдалъ трактаты со всѣми сосѣдними государствами и съ Московскимъ въ частности. Генеральный сеймъ въ Познани и Варшавѣ постановилъ требовать, чтобы нарушители заключенныхъ съ Московскимъ государствомъ договоровъ были наказаны, а договоры строго соблюдены. Съ такими инструкціями явились депутаты на сеймъ 1605 года. Понятно, какое направленіе принялъ сеймъ въ отношеніи дѣла Лжедимитрія. Публично, въ засѣданіяхъ сейма, всѣ сенаторы вообще, и въ частности особенно сильно Андрей Лещинскій, Янъ Остророгъ, Криштофъ Дорогостайскій, епископъ виленскій Бенедиктъ Война,—укоряли короля за поддержку, хотя и ничтожную, оказанную царевичу. Но особенно сильна была рѣчь канцлера Яна Замойскаго. Замойскій подвергъ суровой критикѣ всѣ дѣйствія Сигизмунда и закончилъ свою рѣчь такъ: «что касается личности самого Димитрія, который называетъ себя сыномъ Ивана,—правда, что онъ имѣлъ двухъ сыновей, но объ одномъ изъ нихъ, за котораго онъ себя выдаетъ, было слышно, что его задавили; но онъ говоритъ, что задавили кого-то другого. Ради Бога! Что это комедія Плавта или Теренція? Естественное ли дѣло—приказать когонибудь убить, а потомъ не убѣдиться, тотъ или другой убить?!». Сеймъ сдѣлалъ такое поста-

новленіе: «чтобы тотъ безпорядокъ, который возникъ черезъ этого господарчика, былъ утушенъ, чтобы государство не потерпѣло никакого вреда со стороны государя московскаго, а чтобы съ тѣми, которые осмѣлились бы такъ или иначе нарушать договоры съ сосѣдами, было поступлено, какъ съ измѣнниками и врагами отечества». Такимъ образомъ, точные документы показываютъ намъ, что польское государство не хотѣло поддерживать и не поддержало Дмитрія. Не оно и подготовило самозванца. Дѣйствительно, мы видимъ, что лишь кружокъ друзей Мнишка да ничтожная горсть въ нѣсколько сотенъ польскихъ шляхтичей перенли московскую границу съ Лжедмитріемъ. Онъ шелъ на грандіозное предпріятіе, шелъ бороться съ могущественнымъ государствомъ, съ такой ничтожной кучкой людей, что, вполне справедливо, все его предпріятіе имѣло видъ кукольной комедіи. И что же мы видимъ? Лжедмитрій садится на престолъ Московскаго государства! Очевидно, было что-то такое, что поддерживало его уже на московской почвѣ.

Между тѣмъ въ Угличѣ несомнѣнно погибъ царевичъ Дмитрій. До насъ дошло слѣдственное дѣло о его смерти. При чтеніи его ясно обнаруживается, что слѣдствие ведено неправильно, что слѣдователи явно затушевываютъ предъ нами нѣкоторые факты, явно скрываютъ иные изъ нихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается, что царевичъ погибъ дѣйствительно, и въ данномъ случаѣ даже все равно, наткнувшись ли самъ на ножъ или отъ руки убійцы. Важно только то, что погибшій ребенокъ былъ несомнѣнно царевичъ. Но не одно слѣдственное дѣло убѣждаетъ насъ въ этомъ. Въ 1606 г., по приказанію Василія Шуйскаго, было перенесено тѣло царевича изъ Углича въ Москву. Гробъ былъ открытъ для всѣхъ. Свидѣтели-очевидцы описываютъ намъ тѣло, лежавшее въ гробу. Со времени смерти царевича не прошло и 20 лѣтъ, и могли найтись люди, которые знали царевича и могли обнаружить обманъ. Никогда не рѣшился бы Василій Ивановичъ Шуйскій на такой рискъ, если бы не былъ увѣренъ, что убитъ именно царевичъ, и что въ гробу будетъ именно его тѣло, а не кого либо другого. Словомъ, въ смерти царевича Дмитрія не можетъ быть никакого сомнѣнія, по крайней мѣрѣ, при существующемъ въ наличности матеріалѣ.

Итакъ Лжедмитрій I — не царевичъ, не иностранецъ. Его не создаютъ ни іезуиты, ни Польша. Его успѣхъ поконится на поддержкѣ русскихъ людей. Стало быть, и искать прошлой жизни Лжедмитрія и начало всей грандіозной политической интриги надо въ самомъ Московскомъ государствѣ. Мы переходимъ теперь къ разсмотрѣнію данныхъ о личности Лжедмитрія въ русскихъ литературныхъ памятникахъ.

Самозванецъ былъ разстрига Гриника Отрепьевъ. Въ мірѣ онъ назывался Юшка Яковлевъ Отрепьевъ. Юшка остался послѣ своего отца ребенкомъ. Мать научила его божественному писанію и

грамотѣ. Научившись грамотѣ, онъ ушелъ отъ матери и началъ жить въ Москвѣ. Спустя нѣкоторое время, ему случилось бесѣдовать съ игуменомъ Вятскаго монастыря Трифономъ, который убѣждалъ мальчика принять монашество. Слова игумена подѣйствовали, и мальчикъ принялъ иночество съ именемъ Григорія; ему было тогда всего 14 лѣтъ. Принявъ иночество, мальчикъ удаляется въ Суздаль и живетъ тамъ въ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ; затѣмъ изъ этого монастыря онъ направляется въ Спасскій же монастырь на Куку въ Суздальскомъ уѣздѣ. Потомъ онъ ходитъ по разнымъ монастырямъ и возвращается въ Москву. Въ Москвѣ онъ пристраивается въ Чудовомъ монастырѣ и, по желанію настоятеля этого монастыря, былъ рукоположенъ въ діаконы, и рукополагалъ его самъ патріархъ Іовъ. Тутъ началъ онъ читать «богомерзкія книги и впалъ въ прелютую ересь». Живя въ Чудовомъ монастырѣ, онъ былъ знакомъ со многими въ Москвѣ, и съ знатными людьми, и съ иноками. Спустя нѣкоторое время, онъ покинулъ Чудовъ монастырь и перешелъ въ Николо-Угрѣшскій монастырь и тутъ впалъ «въ прелютую ересь». Немного спустя, онъ ушелъ и изъ этого монастыря въ Кострому, въ монастырь Іоанна Предтечи на Желѣзномъ Борку. Оттуда опять пришелъ въ Москву и отсюда, оставя православную вѣру, убѣжалъ въ Литву, убѣдивъ слѣдовать за собой двухъ монаховъ, Мисаила Повадина и Варлаама. Въ этотъ памятникъ, изъ котораго я только что привелъ рассказъ, вставленъ «извѣтъ», т. е. донесеніе того монаха Варлаама, котораго пригласилъ съ собой Гришка. Это донесеніе было будто бы подано Варлаамомъ царю Василію Шуйскому. Заключаетъ оно въ себѣ рассказъ, какъ Варлаамъ ѣхалъ съ Гришкой, и что потомъ было. Тутъ рассказывается, что встрѣча Варлаама съ Гришкой произошла случайно на улицѣ. Почему именно пришла охота Гришкѣ заговорить съ Варлаамомъ, котораго онъ первый разъ видѣлъ, и звать совершенно незнакомаго человѣка въ Кіевъ, — объ этомъ «донесеніе» не говоритъ. Изъ ихъ разговора видно, что до этой минуты они совершенно не знали другъ друга. Когда на слѣдующій день Варлаамъ явился на назначенное мѣсто, то нашелъ Гришку еще съ другимъ монахомъ, Мисаиломъ Повадинымъ. Изъ Москвы на подводѣ они доѣхали до Болхова, изъ Болхова — въ Карачевъ, изъ Карачева — въ Новгородъ-Сѣверскъ, гдѣ ихъ приняли въ Преображенскій монастырь. Здѣсь они взяли проводника, который провелъ ихъ въ Луевъ, а отсюда черезъ Любечъ они прибыли въ Кіевъ и жили въ Печерскомъ монастырѣ. Изъ Печерскаго монастыря Гришка перешелъ къ князю Острожскому. Затѣмъ въ Острогѣ являются и его спутники. Князь отправляетъ ихъ въ Дерманскій монастырь, а Гришка уѣзжаетъ въ Гошу, гдѣ сталъ учиться латинскому языку и другимъ наукамъ, сбросивъ съ себя иноческій санъ. Далѣе Гришка оказывается въ Брагинѣ, гдѣ

будто бы и признается князю Вишневецкому въ своемъ царственномъ происхожденіи. Изъ Брагина Гришка попадаетъ въ Вишневецъ, отсюда къ королю въ Краковъ, а изъ Кракова ѣдетъ въ Самборъ. Таковъ разсказъ о происхожденіи Лжедмитрія I и объ обращеніи Гришки Отрепьева въ царевича.

Чтобы не утомлять вашего вниманія, я не стану подробно передавать разсказы другихъ литературныхъ памятниковъ. Я просто сдѣлаю теперь сличеніе показаній всѣхъ русскихъ источниковъ.

Мы видѣли, что нашего героя зовутъ Юшка Яковлевъ Отрепьевъ. Онъ сирота; его учить грамотѣ мать, и, выучившись читать, онъ отправляется въ Москву. Но въ Москвѣ разсказывали и иначе. Въ Галичѣ жилъ дворянинъ Замятня Отрепьевъ; у него было два сына: Смирной да Богданъ. У Богдана родился сынъ, который при крещеніи названъ Георгіемъ. Самъ отецъ и отправилъ его въ Москву учиться грамотѣ; тутъ грамотѣ онъ научился и былъ постриженъ (неизвѣстно, кѣмъ). Какой изъ источниковъ говоритъ правду? Оба говорятъ и правду, и неправду, какъ это мы увидимъ далѣе. Теперь замѣтимъ только, что относительно дѣтства и юности Лжедмитрія они противорѣчатъ другъ другу. А вотъ еще болѣе сильныя противорѣчія: обойдя нѣкоторые монастыри, Гришка возвращается въ Москву и поселяется въ Чудовомъ монастырѣ потому, что тамъ оказывается дѣдъ его Замятня. Замѣтимъ, что ни о святомъ Трифонѣ Вятскомъ, который склонилъ мальчика къ постриженію, ни объ архимандритѣ Пафнутіи, который его принялъ въ Чудовъ монастырь, — здѣсь не говорится ничего. Будучи взятъ къ патріарху Іову и бывая въ Чудовѣ, Гришка будто бы сталъ усиленно разспрашивать о царевичѣ Димитріи и началъ болтать, что самъ будетъ царемъ. Узналъ объ этомъ митрополитъ ростовскій Іона и доложилъ царю. Царь приказалъ сослать его въ Соловецкій монастырь. Отмѣтимъ, что здѣсь нѣтъ уже упоминанія о «ереси прелютой», въ которую якобы впалъ Гришка, а дѣло получаетъ совсѣмъ политическую окраску. Но Гришка провѣдалъ объ опасности и бѣжалъ въ Галицкій Желѣзноборовскій монастырь, оттуда поѣхалъ въ Брянскъ и тутъ сошелся съ Мисаиломъ Повадинымъ и другимъ какимъ-то монахомъ. Изъ Брянска они уже вмѣстѣ пріѣхали въ Новгородъ-Сѣверскъ, гдѣ и жили нѣкоторое время въ Спасскомъ монастырѣ. Гришка сталъ проситься у игумена въ Путивль. Игуменъ даже далъ ему лошадь. Всѣ они поѣхали, но неожиданно свернули въ Кіевъ. Тутъ они явились князю Василю Острожскому, а затѣмъ жили и въ Печерскомъ монастырѣ. Отсюда Гришка, сбросивъ монашеское платье, бѣжалъ къ Адаму Вишневецкому и здѣсь, притворившись больнымъ, признался священнику на исповѣди, кто онъ. Итакъ, Гришка бѣжитъ за границу не изъ Москвы, а изъ Мурома: бѣжитъ онъ одинъ, съ своими спутниками встрѣчается случайно въ Брянскѣ. Мы видимъ также, что ни о

Дерманскомъ монастырѣ, ни объ ученіи въ Гошѣ, нѣтъ и помину. Въ третьемъ литературномъ памятникѣ говорится опять иное. Оказывается, что Гришка бѣжитъ не въ Гощу, а на Запорожье, и не изъ Дерманскаго монастыря, а прямо изъ Кіева. Въ Гощу Гришка совсѣмъ не ѣздитъ. Затѣмъ, мы видѣли, что мальчикъ Юшка добровольно принимаетъ монашество, а тутъ оказывается, что Гришка принимаетъ монашество, чтобы уйти отъ гнѣва Бориса, совершивъ какое-то преступленіе. Наконецъ, еще четвертый авторъ даетъ намъ очень важныя противорѣчія съ другими: Гришка бѣжитъ за границу не изъ Москвы и не изъ Мурома, а изъ Костромскаго Лѣсноборовскаго Ивановскаго монастыря, и въ Костромѣ подговариваетъ бѣжать съ собой монаховъ: Мисаила Повадина, Венедикта и Леонида. Бѣжали они въ Кіевъ; въ Кіевѣ же Гришка научился польскому и латинскому языкамъ. Еще въ Кіевѣ входитъ онъ въ сношеніе съ Запорожьемъ и донскими казаками. Во-первыхъ, гдѣ же Варлаамъ, спутникъ Гришки, который подалъ Шуйскому донесеніе и такое подробное? Его нѣтъ: ѣдутъ Гришка, Мисаиль Повадинъ, Венедиктъ и Леонидъ. Обращаю особое ваше вниманіе на этого Леонида: онъ будетъ фигурировать у насъ далѣе и, какъ кажется, въ видной роли. Уже теперь, тутъ же, мы находимъ о немъ важное извѣстіе: будто Гришка убѣдилъ его принять на себя имя Гришки, чтобы самому назваться Димитріемъ.

Мы обозрѣли всѣ версіи разсказа о Лжедмитріи въ русскихъ литературныхъ памятникахъ, посмотримъ теперь, что говорятъ намъ официальные документы. Съ однимъ изъ нихъ мы уже знакомы. Это донесеніе старца Варлаама царю Василию Шуйскому, которое было обнародовано для успокоенія народа и доказательства самозванства Гришки. Но что говорило народу правительство Бориса Годунова? 14-го января 1605 года патріархъ Іовъ, по приказанію царя, разослалъ окружныя грамоты объ ежедневномъ молебствіи по случаю войны Бориса съ самозванцемъ и о проклятій Гришки. Въ этихъ грамотахъ патріархъ старается выяснитъ предъ народомъ и происхожденіе самозванца Гришки. Гришка Юшка Богдановъ Отрепьевъ жилъ у Романовыхъ во дворѣ, совершилъ какое-то преступленіе и спасся отъ наказанія поступленіемъ въ чернецы, былъ во многихъ монастыряхъ, потомъ въ Москвѣ въ Чудовомъ монастырѣ у патріарха для книжнаго дѣла, потомъ сбѣжалъ съ Москвы въ Литву съ чудовскими монахами, Варлаамомъ Яцкимъ и Мисаиломъ Повадинымъ. Былъ онъ потомъ въ Кіевѣ, въ Печерскомъ и Никольскомъ монастыряхъ, тутъ же въ Кіевѣ сбросилъ монашество и началъ называться Димитріемъ: объ этомъ де хорошо знаютъ монахи Пимень Дмитрова монастыря, Венедиктъ, монахъ Троицкаго монастыря, да Ярославецъ, Степанъ-иконникъ, которые будто бы все это разсказали патріарху Іову. Пимень говорилъ, что познакомился съ Гришкой и его двумя товарищами въ Новгородѣ-Сѣ-

верскомъ, откуда они пошли въ Стародубъ, взявъ его, Пимена, за проводника, и онъ ихъ довелъ до границы. Монахъ Венедиктъ показалъ, что сбѣжалъ въ Кіевъ изъ Смоленска и видѣлъ Гришку въ Печерскомъ монастырѣ и у князя Василя Острожскаго, а затѣмъ Гришка бѣжалъ на Запорожье. Игуменъ Печерскаго монастыря посылалъ за нимъ. Тогда Гришка бѣжалъ къ Адаму Вишневецкому и началъ называться Димитріемъ. Такое же показаніе далъ и Степанъ-иконникъ. Передъ нами официальный документъ: патріархъ хочетъ наставить свою паству на путь истинный и... противорѣчить самъ себѣ. Въ началѣ патріархъ говоритъ, что Гришка сталъ называться Димитріемъ еще въ Кіевѣ, а въ концѣ, что Гришка сдѣлалъ это у Адама Вешневецкаго. Затѣмъ, передъ нами всплываетъ новое обстоятельство, до сихъ поръ неизвѣстное: Гришка служилъ въ холопахъ у Романовыхъ, совершилъ какое-то преступленіе и, спасаясь отъ царскаго гнѣва, принялъ монашество. Но вѣдь то сказаніе, съ которымъ соединено донесеніе Варлаама, и которое мы можемъ разсматривать, какъ показаніе правительства Шуйскаго, говоритъ совсѣмъ иное. Тамъ мы видимъ мальчика, добровольно, 14 лѣтъ, поступающаго въ монахи; этотъ мальчикъ не служитъ ни у кого въ холопахъ, не спасается, не совершаетъ никакого преступленія. Но этого мало. Патріархъ доказываетъ свидѣтелями, будто Гришка бѣжалъ на Запорожье, а донесеніе утверждаетъ, что Гришка на Запорожьѣ не былъ. Патріархъ говоритъ, что архимандритъ Печерской лавры посылалъ за Гришкой на Запорожье, а донесеніе, напротивъ, ясно указываетъ, что архимандритъ лавры, Елисей Плетенецкій, явно покровительствовалъ Гришкѣ.

Такимъ образомъ, мы видимъ сильныя противорѣчія въ самыхъ официальныхъ актахъ того времени. Откуда могли они явиться? Очевидно, ни Борисъ Годуновъ, ни патріархъ Іовъ сами хорошо не знали, кто такой былъ этотъ неизвѣстный человекъ, который объявилъ себя царевичемъ Димитріемъ. Но народу надо было сказать что нибудь категорически, надо было назвать имя, чтобы убѣдить, что предъ народомъ—самозванецъ. Несомнѣнно, что Гришка Отрепьевъ бѣжалъ за границу. Вотъ это, и только единственно это, было точно извѣстно правительству, а посему легче всего было связать бѣгство Гришки съ появленіемъ самозванца, а Гришку отождествить съ самимъ самозванцемъ. Отсюда само собой слѣдуетъ, что и показанія литературныхъ памятниковъ, которыя мною приведены раньше, суть не болѣе, какъ повтореніе увѣреній правительства Бориса и Шуйскаго съ прибавленіемъ ходившихъ среди народа слуховъ. Приглядываясь ко всѣмъ приведеннымъ мною рассказамъ и официальнымъ показаніямъ о личности Лжедмитрія I, мы ясно замѣчаемъ, что мнѣніе о личности Лжедмитрія въ Москвѣ мѣнялось. Мы увидимъ это далѣе еще яснѣе. Теперь же необходимо отмѣтить лишь тотъ фактъ, что само московское прави-

тельство къ концу правленія Бориса принуждено было отказаться отъ отождествленія Лжедмитрія съ Гришкой: въ крестоцѣловальной записи, по которой бояре обѣщались стоять противъ самозванца, нѣтъ уже упоминанія о Гришкѣ,—самозванецъ является личностью неизвѣстною.

Такимъ образомъ, русскіе матеріалы одни, взятые сами по себѣ, до послѣднихъ открытій, не могли дать отвѣта на вопросъ о личности Лжедмитрія I. Ключъ къ ясному ихъ пониманію, кажется, теперь отысканъ... Но прежде посмотримъ, что давали для интересующаго насъ вопроса матеріалы иностранныя. Мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько разсказовъ иностранцевъ о происхожденіи Лжедмитрія. Свѣдѣнія, даваемыя намъ иностранцами, имѣютъ то преимущество, что авторы ихъ были вполне независимы, не подвергались никакому давленію извнѣ: они писали то, что знали и что думали. Не имѣя прочныхъ связей съ страной, въ которую ихъ занесъ случай, не имѣя общихъ тѣсныхъ интересовъ съ окружающей ихъ, чуждой для нихъ, средой, они не принадлежали ни къ какой партіи, и потому ихъ показанія должны быть болѣе безпристрастны, чѣмъ сообщенія авторовъ туземныхъ. Мы имѣемъ полное право вѣрить, что иностранцы передадутъ намъ все, что они услышатъ, изъ какихъ бы это рукъ ни исходило. Къ сожалѣнію, и въ показаніяхъ иностранцевъ есть одна слабая сторона: они не все могли слышать и не все могли знать, отъ нихъ кое-что и скрывали. Однакоже, имъ удавалось иногда путемъ знакомствъ и связей получать такія свѣдѣнія, какихъ не могли имѣть и русскіе люди. Само собою разумѣется, что болѣе вѣрныя и точныя свѣдѣнія имѣютъ тѣ изъ нихъ, которые были современниками, очевидцами и участниками текущихъ событій, или люди, по времени близко къ нимъ стоящіе. Самыми важными сообщеніями и являются записки купца Буссова (или иначе пастора Бера), капитана Маржерета и голландскаго резидента Исаака Массы, какъ современниковъ самыхъ событій, жившихъ въ Московскомъ государствѣ въ Смутное время. Посмотримъ, что сообщаютъ они о личности Лжедмитрія I.

Начнемъ съ записокъ Буссова. Показанія этихъ записокъ очевидца очень важны. Въ одномъ русскомъ монастырѣ былъ монахъ Гришка Отрепьевъ. Онъ вмѣстѣ съ другими крамольниками распускалъ о царѣ Борисѣ худую славу, но вдругъ бѣжалъ изъ монастыря, нашелъ въ Вѣлоруссін какого-то благороднаго юношу и далъ ему нужныя наставленія, уговорилъ поступить на службу къ Адаму Вишневецкому и открыться въ качествѣ Димитрія. Самъ Гришка отправился къ казакамъ и сталъ разглашать, что царевичъ живъ и находится у Вишневецкаго. Итакъ отсюда ясно: Гришка бѣжитъ, дѣйствительно, изъ Москвы, но находитъ другого для роли Лжедмитрія. А вотъ что разсказываетъ капитанъ Мар-

жереть, лич о знавшій и Бориса, и Лжедмитрія I. Капитанъ Маржереть считаетъ Лжедмитрія I истиннымъ царевичемъ и рассказываетъ о его спасеніи. Мать и родственники царевича, Нагіе и Романовы, подмѣнили царевича въ Угличѣ. Царевичъ воспитывался тайно, а по смерти брата своего Θεодора, когда избрали Бориса, удалился въ Польшу вмѣстѣ съ разстригой (т. е. Гришкой), одѣвшись монахомъ. Тамъ вступилъ онъ въ службу къ Вишневецкому, а потомъ перешелъ къ воеводѣ Сендомирскому. Вскорѣ по воцареніи Бориса, одинъ монахъ, секретарь патріаршій, именемъ Гришка Отрепьевъ, котораго Борисъ называлъ разстригой, бѣжалъ въ Польшу. Этотъ случай возбудилъ подозрѣніе въ Борисѣ; онъ развѣдывалъ до самой смерти, что бы это значило. «Но въ монашескомъ платьѣ, какъ я знаю достоверно, убѣждали двое — разстрига и другой человекъ, доселѣ безымянный». Далѣе Маржереть говоритъ: «Дознано и доказано, что разстригъ было 35—38 лѣтъ, а Димитрій вступилъ въ Россію 23—24 лѣтъ. Димитрій привезъ съ собой и разстригу: его братья живы и до сихъ поръ, имѣя помѣстья подъ Галичемъ. До своего побѣга разстрига слылъ негодяемъ и пьяницей, за что Димитрій удалилъ его изъ Москвы въ Ярославль. Тамъ есть домъ англійской компаніи, и иностранцы тамъ его видѣли и говорили съ нимъ. Черезъ нѣсколько времени царь Василій Шуйскій приказалъ его отыскать; что же съ нимъ сдѣлалось послѣ, я не знаю». Оставляя въ сторонѣ личное мнѣніе капитана Маржерета объ истинности Лжедмитрія I, какъ царевича, обратимъ вниманіе на другіе сообщаемые имъ факты. Мы и здѣсь снова узнаемъ, что за границу бѣжало двое: Гришка Отрепьевъ, монахъ, пьяница и негодяй, и другой, неизвѣстный, человекъ, который потомъ и является Лжедмитріемъ. Итакъ, два очевидца, современники событій, говорятъ намъ одно и то же, именно, что Гришка Отрепьевъ есть совершенно отдѣльная личность, не тождественная съ Лжедмитріемъ I.

Голландскій резидентъ Исаакъ Маасса называетъ Лжедмитрія Гришкой, но въ разсказѣ о его происхожденіи совѣмъ не упоминаетъ имени Гришки, а просто говоритъ о какомъ-то неизвѣстномъ, сбѣжавшемъ въ Литву и Польшу и принявшемъ тамъ на себя имя Димитрія. Этотъ разсказъ Маассы основанъ на официальномъ источникѣ, о которомъ я буду говорить далѣе. Пока оставимъ и это сообщеніе Маассы, а обратимъ вниманіе на другое его извѣстіе, которое интересно для насъ теперь же. Маасса говоритъ, что правительство Шуйскаго уже послѣ гибели Лжедмитрія I утверждало, что Лжедмитрій былъ Гришка Отрепьевъ изъ Галича; будто, по достиженіи престола, Гришка подкупилъ одного вора, который повсюду выдавалъ себя за Григорія Отрепьева, притворялся юродивымъ и ходилъ въ монашеской рясѣ; по убіеніи Лжедмитрія этотъ монахъ, будто бы, сознался, что былъ под-

купленъ; онъ былъ вмѣстѣ съ самозванцемъ въ одномъ изъ московскихъ монастырей и могъ все рассказать о появленіи Дмитрія о томъ, какъ самозванецъ, выдавая себя за Дмитрія, бѣжалъ съ нѣкоторыми бумагами въ Польшу.

Посмотримъ теперь, что говорили о спасеніи отъ смерти царевича Дмитрія. Вотъ первый вариантъ этихъ рассказовъ. У Дмитрія былъ воспитатель, иностранецъ Августинъ. Предвидя угрожающую царевичу опасность, онъ нашелъ одного мальчика, сына бѣднаго, хотя и знатнаго, человѣка, Истомина, который капля въ каплю былъ похожъ на Дмитрія лѣтами, ростомъ и наружностью. Мальчики подружились, и ихъ клали спать на одной кровати, а ночью Дмитрія уносили и клали въ другомъ мѣстѣ. Убийцы, не замѣтивъ подмѣна, убили мальчика Истомина. Докторъ Августинъ увезъ царевича изъ города на сѣверъ по безопаснымъ мѣстамъ до Ледовитаго океана и долго тамъ прожилъ съ нимъ въ одномъ изъ монастырей. Послѣ смерти своего воспитателя Дмитрій сталъ переходить изъ монастыря въ монастырь, пока не ушелъ за границу. Другіе варианты говорятъ то же самое съ ничтожными измѣненіями и интересными добавленіями. Воспитатель царевича называется Симеонъ; онъ уѣхалъ, оставивъ Дмитрія, а Дмитрій сталъ переходить изъ одной обители въ другую. Воспитатель называется просто нѣмцемъ; онъ посоветовалъ Дмитрію поступить въ монастырь; затѣмъ Дмитрій переходилъ изъ монастыря въ монастырь и, наконецъ, ушелъ въ Литву съ однимъ монахомъ; оставивъ иноческую одежду, онъ поступилъ на службу къ князю Острожскому, потомъ былъ у Гойскаго, потомъ у Вешневецкаго и т. д... Сводя эти варианты, мы получаемъ, что царевичъ былъ, якобы, спасенъ своимъ воспитателемъ, увезенъ въ сѣверный монастырь, потомъ переходилъ изъ одного монастыря въ другой, пока не пошалъ за границу; за границу онъ ушелъ вдвоемъ съ другимъ монахомъ. Происхожденіе этого рассказа о спасеніи царевича понятно само собой. Въ основѣ его лежитъ рассказъ самого самозванца князю Вишневецкому. Мы знаемъ, что онъ, дѣйствительно, рассказывалъ Вишневецкому о подробностяхъ своего спасенія. Изъ этихъ-то рассказовъ самозванца мало-по-малу и выросли наши варианты о спасеніи царевича.

Но мы должны помнить, что Лжедмитрій вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе. Въ его рассказахъ поэтому надо различать двѣ части: то, что онъ помнилъ самъ, и то, что ему внушили, и во что онъ вѣрилъ.

Постараемся теперь сопоставить свѣдѣнія о личности Лжедмитрія и русскихъ и иностранныхъ матеріаловъ. Мы увидимъ интересные между ними совпаденія. Всѣ иностранные источники говорятъ о бѣгствѣ двухъ человѣкъ: Гришки Отрепьева, монаха, пьяницы, и другого неизвѣстнаго человѣка. Русскіе источники утвер-

ждають, по правительственнымъ сообщеніямъ, что самозванецъ есть Гришка Отрепьевъ, но называютъ этого Гришку то слугой Романовыхъ, негодяемъ и пьяницей, который спасается отъ наказанія въ монастырь и потомъ неожиданно съ шальной мыслью о самозванствѣ бѣжитъ за границу, то называютъ этого Гришку мальчикомъ, предрасположеннымъ къ созерцательной жизни, котораго св. Трифонъ склоняетъ къ монашеству. Иностранные источники говорятъ, что Лжедмитрій привелъ съ собой въ Москву Гришку, который и жилъ нѣкоторое время въ Москвѣ, былъ для всѣхъ видимъ, а потомъ былъ отправленъ въ Ярославль. Русскіе источники говорятъ, что само московское правительство еще при Борисѣ отказалось отъ Гришки и не называетъ уже самозванца этимъ именемъ, въ силу чего русскіе памятники сами начинаютъ путаться и стараются объяснить одновременное пребываніе предъ всѣми въ Москвѣ Гришки и Лжедмитрія тѣмъ, будто Гришка убѣдилъ другого монаха, Леонида, называться Гришкой, не обращая вниманія на то, что въ Москвѣ были живы родные Гришки, и что очень рискованно было отцу Леониду фигурировать въ Москвѣ съ именемъ Гришки. Иностранные источники прямо говорятъ, что за границей Гришка разстался съ Лжедмитріемъ и отправился агитировать у казаковъ запорожскихъ и донскихъ, а Лжедмитрій былъ въ это время въ Дерманскомъ монастырѣ, въ Гоцѣ. Русскіе памятники обнаруживаютъ здѣсь большое замѣшательство: они одновременно толкаютъ Гришку то въ Гоцу, то на Запорожье и т. д., и имъ никакъ не удастся совершить превращеніе Гришки въ Лжедмитрія, и по той простой причинѣ, что нельзя одному человѣку быть одновременно въ разныхъ мѣстахъ, сидѣть въ Гоцѣ и вмѣстѣ на Запорожьѣ. Но иностранные источники говорятъ намъ, что спасенный царевичъ ходитъ по сѣвернымъ монастырямъ и затѣмъ спасается за границу изъ пограничнаго монастыря. Русскія сказанія точно также рассказываютъ, что ихъ Гришка, или лучше одинъ изъ ихъ Гришекъ, не тотъ, который былъ въ холопахъ у Романовыхъ, а тотъ, который былъ постриженъ 14 лѣтъ, тоже скитается по монастырямъ и уходитъ за границу изъ Муромскаго монастыря.

Не приходитъ ли послѣ этого сличенія данныхъ неволью мысль, что русскіе источники говорятъ не объ одномъ Гришкѣ, а о двухъ разныхъ личностяхъ, которыя слиты воедино, благодаря увѣреніямъ московскаго правительства, старавшагося во что бы то ни стало утвердить въ современномъ обществѣ мысль о Лжедмитріи, какъ Гришкѣ Отрепьевѣ, невзирая на странности и противорѣчія. Запутается, задурманится народъ, — тѣмъ лучше: лишь бы не распутались! Распутаться тогдашнее общество было не въ состояніи.

Кажется, только теперь русская историческая наука нашла конецъ клубка. Но объ этомъ въ слѣдующую лекцію.

II.

Въ прошлую нашу бесѣду я сказалъ, что русской исторической наукѣ удалось, какъ кажется, найти конецъ клубка. Не слѣдуетъ, однако, думать, что теперь уже мы можемъ получить категорическій отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ. Въ нынѣшнюю нашу бесѣду мы познакомимся съ тѣми новыми данными по вопросу о личности Лжедмитрія, которыя открыты за послѣднее время, и постараемся сопоставить ихъ съ сдѣланными нами ранѣе соображеніями.

Прежде всего намъ необходимо познакомиться съ письмомъ Лжедмитрія I къ папѣ. Это письмо написано самозванцемъ между 17 и 24 числами апрѣля мѣсяца 1604 года. Оно было извѣстно и раньше, но нѣсколько въ иномъ видѣ, чѣмъ открытое теперь. Далѣе извѣстное письмо было писано по-латыни. Являлся вопросъ: что же, Лжедмитрій I зналъ латинскій языкъ? Изъ другихъ данныхъ намъ извѣстно, что этого языка онъ не зналъ. Слѣдовательно, имѣвшееся въ распоряженіи науки письмо было писано не Лжедмитріемъ, а кѣмъ-то другимъ. Теперь открыто это самое письмо, но уже на польскомъ языкѣ. Польскій языкъ самозванецъ несомнѣнно зналъ. Сличеніе латинскаго письма съ открытымъ польскимъ письмомъ обнаруживаетъ, что латинское письмо есть не болѣе, какъ переводъ польскаго на латинскій языкъ, и притомъ переводъ этотъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вольный, не дословный, а передаетъ только смыслъ оригинала. Новооткрытое письмо на польскомъ языкѣ найдено въ Ватиканскомъ архивѣ, слѣдовательно, оно было къ папѣ послано вмѣстѣ съ переводомъ. Но является вопросъ: зачѣмъ именно нужно было посылать письмо на польскомъ языкѣ, или еще болѣе, зачѣмъ его надо было писать на польскомъ языкѣ, когда въ Римъ достаточно и болѣе удобно было послать письмо на латинскомъ языкѣ? Этотъ фактъ объясняется очень просто. Вотъ часть этого письма. «Святѣйшій и блаженнѣйшій во Христѣ Отецъ! Кто я, дерзающій писать Вашему Святѣйшеству, изъяснить Высокореподобный посоль Вашего Святѣйшества при Его Величествѣ король Польскомъ, которому я открылъ свои приключенія. Убѣгая отъ тирана и уходя отъ смерти, отъ которой еще въ дѣтствѣ избавилъ меня Господь Богъ дивнымъ своимъ промысломъ, я сначала проживалъ въ самомъ Московскомъ государствѣ до извѣстнаго времени между чернецами, потомъ въ польскихъ предѣлахъ, въ безвѣстїи и тайно». Далѣе въ этомъ письмѣ Лжедмитрій говоритъ папѣ, что понялъ заблужденія православной церкви и истинность церкви католической, что онъ уже принялъ католичество. Затѣмъ Лжедмитрій проситъ покровительства папы и обѣщаетъ возвратитъ къ истинной католической церкви заблудшія души, т.-е. православныхъ. Письмо

оканчивается такъ: «дано изъ Кракова, 24 апрѣля 1604 г. Вашего Святѣйшества нижайшій слуга Димитрій Ивановичъ, царевичъ Великой Руси и наслѣдникъ государствъ Московской монархіи». И такъ мы видимъ, что въ этомъ письмѣ заключается отреченіе отъ православія, удостовѣреніе въ принятіи католичества и обѣщаніе введенія послѣдняго въ Московскомъ государствѣ. Такимъ образомъ, это письмо есть нѣкоторое обязательство. Понятно само собою, что обѣ стороны, и іезуиты, и Лжедмитрій, стремились оставить дѣло, какъ можно точнѣе. Лжедмитрій не могъ знать, что отъ его имени напишутъ отцы-іезуиты въ латинскомъ письмѣ, такъ какъ латинскаго языка онъ не зналъ. Съ другой стороны, іезуиты желали, чтобы это обязательство было собственноручно написано. Они, основательно, могли бояться впоследствии обвиненій въ подлогѣ или въ неточности передачи словъ Лжедмитрія. Собственноручное письмо съ такой же подписью устраняло всякія недоразумѣнія, такъ какъ переводъ всегда могъ быть сличенъ съ подлинникомъ, да и собственноручная подписка, конечно, имѣла уже непререкаемую силу обязательства. Вотъ почему въ Римъ и были посланы вмѣстѣ и собственноручное письмо Лжедмитрія на польскомъ языкѣ и переводъ, сдѣланный іезуитами на латинскій языкъ. Но почему, спрашивается, письмо не было написано по-русски, если Лжедмитрій былъ человѣкъ русскій? Дѣло въ томъ, что ни отецъ Савицкій, ни отецъ Гродзицкій, которые, несомнѣнно, вели все это дѣло, не знали хорошо русскаго языка и потому не могли бы сдѣлать сами перевода письма на латинскій языкъ, и пришлось бы обратиться къ третьему лицу, что, конечно, было неудобно. Что же даетъ это письмо для вопроса о личности Лжедмитрія?

Письмо было подвергнуто тщательному обследованію и со стороны содержанія, и языка, и правописанія, и вотъ какіе получились результаты. Въ письмѣ употребляются слова, составляющія отличительное свойство польскаго языка: они свидѣтельствуютъ о хорошемъ знаніи польскаго языка; синтаксисъ письма говоритъ то же самое. Отсюда вытекаетъ, что авторъ письма не только теоретически, но и практически зналъ польскій языкъ; авторъ свободно владѣлъ имъ. Совсѣмъ иное обнаруживаетъ правописаніе.

Мы находимъ очень много исправленій и поправокъ въ правописаніи, изъ которыхъ однѣ сдѣланы во время самаго писанія, другія послѣ написанія письма; затѣмъ, пишущій очень часто ставитъ прописныя буквы въ серединѣ слова; нѣкоторыя буквы принимаютъ церковно-славянскій видъ. Отсюда ясно, что писавшій письмо не имѣлъ навыка въ польскомъ письмѣ. Но этого мало. Нѣкоторыя буквы взяты писавшимъ изъ греческой азбуки, которой въ Польшѣ нельзя было научиться. Иногда попадаются титла, которыя суть отличительный признакъ только русскаго письма.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пишущій вмѣсто латинскихъ употребляетъ русскія буквы. Прежде всего, что приходитъ на мысль, это, что лицо, писавшее письмо, имѣло хорошую практику въ московскомъ письмѣ и было знакомо съ азбукой греческой. Выводъ же, слѣдующій изъ этихъ фактовъ, таковъ: составитель письма на польскомъ языкѣ и переписчикъ письма—двѣ разныя личности. Письмо было составлено на польскомъ языкѣ кѣмъ-то, кто прекрасно владѣлъ этимъ языкомъ, а переписано человѣкомъ, который едва умѣлъ писать по-польски. Обнаруживается такой процессъ: человекъ, знающій прекрасно польскій языкъ, составилъ письмо, но такъ какъ необходимо было, чтобы Лжедмитрій собственноручно написалъ его, то онъ своей рукой переписалъ составленное письмо и, не умѣя писать по-польски, дѣлалъ ошибки во время писанія; нѣкоторыя ошибки ему исправили послѣ писанія, все-таки Лжедмитрій наставилъ еще русскихъ и греческихъ буквъ, которыя трудно было исправить. Слѣдовательно, Лжедмитрій былъ человекъ русскій, хорошо знавшій московское письмо того времени и вмѣстѣ съ тѣмъ плохо знавшій польскій языкъ и не умѣвшій на немъ писать. И такъ этотъ новооткрытый подлинникъ письма самозванца окончательно убѣждаетъ насъ, что происхожденіе его надо искать на русской почвѣ.

Обратимся теперь къ другимъ документамъ и прежде всего остановимся на письмѣ Бориса Годунова къ германскому императору Рудольфу отъ ноября мѣсяца 1604 года. Заключаетъ оно въ себѣ слѣдующее. Сначала Борисъ говоритъ, что царевичъ Дмитрій умеръ въ Угличѣ при царѣ Θεодорѣ Ивановичѣ, о чемъ знаетъ его мать, его родственники и служившіе въ Угличѣ. А бродяга, мошенникъ, монахъ, есть сынъ нашего боярина, Богдана Отрепьева, и въ иночествѣ онъ названъ Георгіемъ, и служилъ онъ у одного нашего придворнаго, Михаила Романова, и такъ какъ онъ былъ пойманъ въ мошенничествѣ, то Михаилъ Романовъ выгналъ его изъ своего дома. Онъ и послѣ того продолжалъ свои мошенничества, а потому его хотѣли повѣсить. Тогда онъ убѣжалъ и удался въ одинъ дальній монастырь и былъ тамъ названъ монахами Григоріемъ. И послѣ этого онъ, въ наше царствованіе, былъ въ Москвѣ, въ Чудовомъ монастырѣ, изъ котораго взялъ его къ себѣ патріархъ Іовъ для переписки книгъ. Такъ какъ этотъ мошенникъ, по дьявольскому наущенію, сталъ проявлять свои мошенничества и подлую натуру, какъ онъ жилъ и въ мірѣ, и теперь онъ отрекся отъ Бога, впалъ въ колдовство и чернокнижіе, началъ призывать нечистыхъ духовъ, когда это обнаружилось, патріархъ Іовъ отдалъ его на судъ собора, и его приговорили съ его сообщниками отправить въ ссылку на Бѣлоозеро и заключить тамъ до ихъ смерти. Но мошенникъ съ его сообщниками узналъ свою судьбу, и они втроемъ бѣжали за границу, въ Кіевъ, гдѣ въ Пе-

черскомъ монастырѣ онъ былъ діакономъ и священникомъ, потомъ ушелъ къ Вишневецкому и тамъ сбросилъ иноческое платье и т. д... Прочитавши этотъ документъ, мы прежде всего окончательно убѣждаемся, что онъ послужилъ для нѣкоторыхъ изъ тѣхъ разсказовъ о личности Лжедмитрія, которые мы видѣли раньше, именно: что Гришка былъ дворянинъ, даже сынъ боярина, служилъ у Романовыхъ, совершилъ какое-то мошенничество, изъ страха наказанія принялъ монашество, былъ въ Чудовѣ монастырѣ, тамъ сталъ заниматься колдовствомъ («прелютая ересь»), былъ осужденъ соборомъ и бѣжалъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что и у Романова Гришка совершилъ и далѣе совершалъ такія преступленія, что его хотѣли повѣсить; далѣе, что преступленіе, ересь или что другое, въ Чудовомъ монастырѣ онъ совершаетъ не одинъ, а съ товарищами; предполагалась ссылка ихъ на Бѣлоозеро. Такъ утверждало правительство Бориса, такія свѣдѣнія оно старалось утвердить и у себя, въ Москвѣ, и въ сосѣднихъ государствахъ. Но въ то же время оно, видимо, не зная само, кто этотъ самозванецъ, продолжало производить тщательные розыски, которые давали ему новыя объясненія загадочной личности, но, однакоже, не могли исполнѣе ея выяснитъ. Что мало-по-малу у правительства въ Москвѣ являлись новыя свѣдѣнія о личности Лжедмитрія, это доказывается другими новооткрытыми документами.

Какъ извѣстно, во всякомъ государствѣ существуютъ послы, консулы и прочіе агенты другихъ государствъ. На ихъ обязанности, между прочимъ, лежитъ извѣщать свои правительства о всемъ, что происходитъ въ тѣхъ государствахъ, куда ихъ командировали. Путемъ связей, денегъ, подкупа, эти агенты старались узнать и узнавали иногда очень сокровенныя тайны и немедленно сообщали о нихъ своимъ правительствамъ. Въ силу этого ихъ донесенія или реляціи получаютъ огромную важность при объясненіи иныхъ явленій и событій, особенно, внутренней жизни государствъ. И въ настоящемъ случаѣ мы обязаны такимъ же политическимъ агентамъ документами, весьма важными въ данномъ вопросѣ. Датскіе агенты отправили своему правительству подробное донесеніе о всемъ, что происходило на сеймѣ 1605 года. Они подробно и послѣдовательно передаютъ всѣ пренія, всѣ рѣчи въ засѣданіяхъ сейма и даже сообщаютъ намъ то, что происходило въ тайныхъ разговорахъ. Кромѣ того, мы имѣемъ одно частное письмо нѣкоего Ке-керборта къ бургомистру города Данцига. Это письмо также интересно. Такимъ путемъ мы имѣемъ рѣчь на публичной аудіенціи русскаго посла Огарева, присланнаго къ польскому королю на сеймѣ 1605 года, и сообщеніе этого самаго Огарева, сдѣланное имъ на тайномъ совѣщаніи съ сенаторами. Кромѣ того, найденъ и польскій переводъ письма Бориса Годунова къ королю отъ сентября еще 1604 года. Съ него мы и начнемъ.

«Намъ стало извѣстно,—пишетъ Борисъ королю,—что въ нашемъ государствѣ появился разстрига монахъ, а прежде былъ въ нашемъ государствѣ, въ Чудовомъ монастырѣ, діакономъ, у чудовскаго архимандрита въ келейникахъ, монахъ Гришка, а изъ Чудова монастыря взялъ его для писанья патріархъ Іовъ, а до монашества его звали Юшка Богдановъ Отрепьевъ, и онъ по своей испорченности не слушался своего отца, впалъ въ ересь, бродяжничалъ, кралъ, игралъ въ кости и пьянствовалъ; сдѣлавъ нѣскольکو преступлений, убѣжалъ къ отцу и поступилъ въ монахи, но и тогда отрекся отъ Бога, впалъ въ ересь, сталъ заниматься чернокнижіемъ и вызывать нечистыхъ духовъ. Патріархъ Іовъ предалъ его суду собора, который рѣшилъ его и его товарищей, которые были съ нимъ одного умысла, сослать на Бѣлоозеро въ заточеніе по смерти». Затѣмъ говорится о бѣгствѣ Гришки съ двумя товарищами, о пребываніи Гришки въ Кіевѣ, Острогѣ, въ Дерманскомъ монастырѣ. Интересно еще слѣдующее: Гришка начинаетъ называться царевичемъ Димитріемъ по побужденіямъ такихъ же, какъ онъ, мошенниковъ одного съ нимъ умысла... Это письмо къ королю писано въ сентябрѣ 1604 года и ничего не говоритъ о Михаилѣ Романовѣ и о службѣ у него Гришки. Письмо къ императору германскому писано въ ноябрѣ, и мы находимъ въ немъ уже указаніе на два послѣднихъ факта. Слѣдовательно, это свѣдѣніе добыто Борисомъ Годуновымъ въ промежуткѣ времени между двумя письмами. Но Борисъ и теперь не зналъ, кто этотъ называющій себя царевичемъ Димитріемъ. Это лучше всего доказываютъ слова Бориса въ этомъ же сентябрьскомъ письмѣ: «А всѣмъ извѣстно, что у царя Ивана Васильевича былъ сынъ Димитрій отъ незаконной седьмой жены... если бы этотъ негодяй (самозванецъ) былъ и дѣйствительно княземъ Димитріемъ Углицкимъ и изъ мертвыхъ всталъ, то все-таки онъ не отъ законной жены...», т. е. права на престолъ не имѣеть.

Но вотъ въ 1605 году вновь пріѣхалъ посолье Огаревъ во время сейма и на публичной аудіенціи у короля говорилъ: «Какъ могъ ты, король, допустить, что этотъ сынъ извѣстнаго писца и ненадежный челоувѣкъ въ услуженіи нашего архимандрита, который, будучи зараженъ колдовскими и богопротивными дѣлами, бросилъ монашескую жизнь и тогда съ нѣкоторыми изъ своихъ соумышленниковъ задумалъ нечестивую хитрость»... пользуется въ Польшѣ покровительствомъ и т. д. Уже эта открытая рѣчь интересна. Въ ней нѣтъ совершенно упоминанія о Гришкѣ, и самозванецъ является сыномъ какого-то писца. Мы видимъ, что и здѣсь Борисъ отстываетъ отъ своихъ увѣреній, сдѣланныхъ въ сентябрѣ и ноябрѣ, но то, что посолье Огаревъ сказалъ въ тайной бесѣдѣ съ сенаторами, онъ уже никакъ не могъ сказать публично. Вотъ слова Огарева: «Этотъ, объявившій себя царевичемъ, Димитрій Григоро-

вичъ (Григорьевичъ) есть бывший слуга писца архимандрита; этотъ архимандритъ на основаніи приговора и справедливо утопленъ, а слуги его убѣжали, между которыми спасся также и этотъ...». Далѣе опять слѣдуетъ указаніе, что хотя бы это былъ и дѣйствительный царевичъ, то все-таки онъ не имѣетъ правъ, такъ какъ родился отъ седьмой, незаконной жены. При чтеніи послѣднихъ двухъ отрывковъ мы замѣчаемъ ясно неточность передачи словъ Огарева, возможную при передачѣ ихъ однимъ лицомъ другому. Но эта неточность говорить въ пользу этихъ документовъ: содержаніе каждаго изъ нихъ не вымышлено, а соответствуетъ дѣйствительности, тождественно въ обоихъ документахъ съ незначительными, чисто корректурными, неточностями. Такимъ образомъ, въ Москвѣ нашли новыя свѣдѣнія о личности самозванца. Эти свѣдѣнія въ корнѣ противорѣчили тому, что раньше утверждалось въ письмахъ Бориса. Само московское правительство убѣдилось, что самозванецъ—не Гришка, а кто-то другой, какой-то Димитрій, слуга писца архимандрита. Не имѣетъ ни малѣйшаго значенія указаніе на его отчество: Григоровичъ или Георгіевичъ и какънибудь еще иначе. Точно также не имѣетъ значенія и неточная передача словъ Огарева: «сынъ писца архимандрита» вмѣсто «слуга писца архимандрита». Очевидно, Огаревъ употребилъ первое выраженіе, потому что писцами у архимандритовъ были только монахи, у которыхъ сыновей быть не могло, и ничего подобнаго, какъ бы ни было, Огаревъ сказать не могъ. Изъ словъ Огарева оказывается, что въ Чудовомъ монастырѣ, благодаря присутствію этого неизвѣстнаго юноши, писца архимандрита и еще нѣсколькихъ чловѣкъ слугъ этого же архимандрита, благодаря этой группѣ людей, въ Чудовомъ монастырѣ завелась какая-то такая интрига, что и самъ архимандритъ былъ преданъ суду и утопленъ, но слугамъ его удалось бѣжать. Мы должны опять поправить маленькую неточность, при чемъ все дѣло является еще въ болѣе интересномъ видѣ. Этотъ архимандритъ Чудова монастыря намъ уже извѣстенъ: несомнѣнно, это—Пафнутій, который, какъ мы видѣли раньше, принялъ въ Чудовъ монастырь того юношу-монаха, который постригся 14-ти лѣтъ подъ вліяніемъ св. Трифона. Архимандритъ Пафнутій не былъ утопленъ, но могъ быть отправленъ въ ссылку на Бѣлоозеро. Когда Лжедмитрій занялъ престолъ, мы видимъ Пафнутія снова и его быстрое возвышеніе; Пафнутій быстро получаетъ санъ митрополита. Отсюда ясна связь между Лжедмитріемъ I и архимандритомъ Пафнутіемъ.

Такимъ образомъ, мало-по-малу, Московское правительство пришло только къ выводу: самозванецъ не есть Гришка; это какой-то другой юноша, слуга архимандричьяго писца. Въ Чудовомъ монастырѣ завелась интрига, которую оно узнало поздно, наказавъ архимандрита, но упустивъ его писца съ слугой, бѣжавшихъ, оче-

видно, раньше разразившейся грозы. На этомъ московское правительство и остановилось. Сообщая королю новыя свѣдѣнія, оно дома, у себя, очевидно, не обнародовало ихъ, а ограничилось только тѣмъ, что въ присяжномъ листѣ выкинуло имя Гришки.

Когда былъ убитъ Лжедмитрій I, и на престолъ вступилъ Василий Шуйскій, ему необходимо было доказать народу, что убитъ дѣйствительно самозванецъ. И вотъ правительство Шуйскаго въ свою очередь начало производить разслѣдованіе. Ему удалось пойти далѣе Бориса въ опредѣленіи личности самозванца или, по крайней мѣрѣ, его прошлаго. Послы Шуйскаго, отправленные имъ въ Польшу, сообщали тамъ офиціально о личности самозванца. Правительство Шуйскаго поняло, что не можетъ сообщить народу какихъ нибудь колеблющихся данныхъ, но и положительныхъ свѣдѣній оно не имѣло. Оно выдвинуло уже извѣстный намъ доносъ монаха Варлаама, чтобы доказать, что Лжедмитрій есть Гришка Отрепьевъ, съ которымъ, будто бы, Варлаамъ вмѣстѣ ушелъ за границу. Въ то же время Гришка, проживавшій, какъ мы видѣли, въ Ярославлѣ, былъ куда-то удаленъ, и можно было говорить о немъ, что угодно: не было теперь ни Лжедмитрія, ни Гришки. Но мы видѣли, что еще Борисъ ясно отдѣлилъ личность Лжедмитрія отъ личности Гришки, признавъ Лжедмитрія за неизвѣстнаго монаха, слугу писца архимандрита. Такимъ образомъ, правительство Шуйскаго, возвращаясь въ объясненіяхъ назадъ, обнародовавъ доносъ Варлаама, думало покончить разъ навсегда съ этимъ вопросомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣряя всѣхъ, что Лжедмитрій и Гришка одно лицо, правительство Шуйскаго имѣло новыя свѣдѣнія о прошломъ Лжедмитрія, которыя сохранились въ разсказѣ о 14-лѣтнемъ мальчикѣ-сиротѣ, поступившемъ въ монашество по убѣжденіямъ св. Трифона. Кромѣ того, и въ публичныхъ увѣреніяхъ Шуйскаго мы видимъ новую подробность: теперь уже оказывалось, что Гришка былъ раньше въ холопахъ не у однихъ Романовыхъ, но и у князя Черкаскаго. Такимъ образомъ то, что Шуйскій говоритъ въ своихъ публичныхъ сообщеніяхъ о Лжедмитріи, какъ Гришкѣ, не имѣетъ значенія, какъ возвращеніе назадъ, какъ увѣреніе запоздалое, тѣмъ болѣе, что свѣдѣнія, собранныя тѣмъ же Шуйскимъ о дѣтствѣ Лжедмитрія, противорѣчатъ его сообщеніямъ о Гришкѣ.

Постараемся теперь свести всѣ имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о личности самозванца. Прежде всего для насъ окончательно теперь выяснилось, что противорѣчія въ показаніяхъ о личности самозванца въ русскихъ литературныхъ памятникахъ происходятъ оттого, что они черпали свои свѣдѣнія изъ правительственныхъ сообщеній, а эти правительственныя сообщенія сами измѣнялись по мѣрѣ того, какъ шло разслѣдованіе вопроса о личности самозванца, и оттого, что въ концѣ концовъ правительство Шуйскаго само, невзирая на получающіяся противорѣчія, слило старыя свѣ-

дѣнія съ новыми и постаралось сдѣлать неизвѣстнымъ то, что зналъ уже Борисъ о личности Лжедмитрія, именно, что это есть какой-то неизвѣстный слуга (служка) архимандричьяго писца. Этотъ архимандричій писецъ намъ извѣстенъ. Это дѣйствительно монахъ Гришка Отрепьевъ, который былъ въ Чудовомъ монастырѣ извѣстенъ, какъ хорошій переписчикъ, и поэтому былъ взятъ для переписки рукописей и патріархомъ Іовомъ. Гришка въ Чудовомъ монастырѣ является уже діакономъ, и понятно, что у него есть келейникъ— служка. Вотъ съ этимъ-то служкой своимъ Гришка монахъ и бѣжитъ за границу. Мы видѣли, что и купецъ Буссовъ, и капитанъ Маржеретъ ясно говорятъ намъ, что за границу бѣжалъ не одинъ Гришка, а двое, и что второй-то и явился потомъ съ именемъ Дмитрія: мы видимъ тутъ полное согласіе. Кажется, мы можемъ теперь нарисовать біографіи обоихъ героевъ драмы, хотя онѣ, конечно, и не будутъ имѣть совершенной полноты.

Въ Галицкомъ уѣздѣ были бѣдные дворяне Отрепьевы. У одного изъ нихъ, Богдана Отрепьева, былъ сынъ Юрій или Георгій (это одно и то же имя) или сокращенно Юшка. Отецъ послалъ его учиться грамотѣ въ Москву. Юшка грамоту постигъ, оказался очень способнымъ человѣкомъ, но Москва повліяла на него скверно: увлекся онъ и пьянствомъ, и азартной игрой, можетъ быть, въ силу этого сталъ и поворовывать.

Можетъ быть, былъ онъ на службѣ и у Романова, и у Черкаскаго, но и на службѣ продолжалъ пьянствовать и воровать, за чтѣ и былъ прогнанъ. Спасаясь ли отъ преслѣдованія, или просто по пылкости своей натуры, кидающейся въ крайности, Юшка рѣшилъ итти въ монахи. Принявъ монашество съ именемъ Григорія (припомнимъ, что по церковному обычаю въ такихъ случаяхъ дается имя, начинающееся съ той же буквы: Георгій—Григорій), теперь уже не Юшка, а Гришка, быстро выдвинулся своими способностями и по-тогдашнему образованіемъ. Исторія застаеъ его уже діакономъ, искуснымъ переписчикомъ рукописей сначала у архимандрита Пафнутія, а потомъ и у самого патріарха Іова. Но тутъ является нѣчто такое, что неожиданно измѣняетъ положеніе Гришки-монаха.

Біографія другого героя драмы ясно такая. Въ неизвѣстномъ мѣстѣ, можетъ быть, въ томъ же Галицкомъ уѣздѣ, былъ сирота-мальчикъ. Онъ былъ привезенъ въ Москву, а скорѣе, и не былъ привезенъ, а гдѣ нибудь на сѣверѣ же познакомился съ основателемъ Вятскаго монастыря, св. Трифономъ, который постригаетъ его, хотя ему было всего 14 лѣтъ, а это противно каноническимъ правиламъ. Самъ ли св. Трифонъ постригъ его или кто другой, это не имѣетъ значенія: мы знаемъ, что это постриженіе произошло подъ вліяніемъ и въ силу убѣжденій св. Трифона. Раннее, противоканоническое, постриженіе заставляеъ насъ уже и теперь подо-

зрѣвать, что была какая-то необходимость скрыть мальчика поскорѣе под монашескую рясу. Послѣ постриженія юный монашекъ переходитъ изъ монастыря въ монастырь, нигдѣ не останавливаясь надолго. Является онъ и въ Москву и живетъ нѣкоторое время въ Чудовомъ монастырѣ; но затѣмъ вдругъ опять исчезаетъ изъ Москвы и опять бродитъ изъ монастыря въ монастырь.

Живя въ Чудовомъ монастырѣ, юный монашекъ пребываетъ въ кельѣ діакона Григорія и играетъ роль его келейника-служки. И вотъ съ появленіемъ юнаго монаха въ Чудовомъ монастырѣ начинается что-то такое, какое-то броженіе. Дѣло, конечно, идетъ не о «прелютой ереси», а о чемъ-то иномъ. Это иное обнаруживается для насъ въ одномъ изъ раньше приведенныхъ разсказовъ, будто Гришка сталъ собирать свѣдѣнія объ убитомъ царевичѣ Димитріи, а потомъ и болтать, что онъ самъ будетъ царемъ. Можетъ быть, діаконъ Григорій и болталъ что нибудь лишнее, но мы теперь знаемъ, что болталъ онъ не про себя, потому что Лжедимитріемъ оказался не онъ, а его келейникъ-служка, юноша-монахъ, появившійся въ Чудовомъ монастырѣ. Можетъ быть, неосторожные разговоры, можетъ быть, и доносъ кого нибудь изъ братіи, обратили вниманіе правительства, что въ Чудовомъ монастырѣ говорятъ о царевичѣ, какъ о живомъ, что этотъ царевичъ, можетъ быть, и въ Чудовомъ монастырѣ. Конечно, какъ только лица, принимавшія участіе въ неизвѣстномъ юношѣ, узнали, что грозитъ опасность, они не замедлили удалитъ юношу монаха изъ Москвы, и онъ опять сталъ укрываться по монастырямъ.

Спустя нѣкоторое время, діаконъ Чудова монастыря, Григорій, этотъ Гришка, пьяница и воръ, enfant terrible московскаго правительства, исчезаетъ за границу.

Въ одно время съ нимъ, изъ другого монастыря, бѣжитъ за границу и юный монахъ, бывшій келейникъ-служка писца архимандричьяго, Гришки. Сейчасъ за рубежомъ они сходятся и идутъ въ Кіевъ.

Это бѣгство Гришки изъ Чудова монастыря, чего уже нельзя было скрыть, вызываетъ погромъ. Самъ архимандритъ Пафнутій, который принялъ къ себѣ въ монастырь неизвѣстнаго юношу-монаха, оказался замѣшанъ въ дѣлѣ и былъ высланъ въ Бѣлозерскій монастырь.

Между тѣмъ Гришка и неизвѣстный монахъ-юноша въ Кіевѣ начинаютъ дѣйствовать: Гришка отправляется въ Запорожье и къ донскимъ казакамъ, а монахъ-юноша въ Острогъ и т. д. учиться. Тутъ, когда они оба живутъ въ Кіевѣ, обнаруживается, какъ зовутъ этого юношу-монаха. Припомнимъ свѣдѣніе одного изъ русскихъ разсказовъ, что Гришка бѣжалъ вмѣстѣ съ монахомъ Леонидомъ; вспомнимъ и увѣреніе Шуйскаго, будто Гришка, чтобы назваться Димитріемъ, отдалъ свое имя этому Леониду. Теперь, когда мы

знаемъ, что не Гришка, а его спутникъ является потомъ Лжедмитріемъ, мы можемъ сказать, что этотъ принявшій потомъ на себя имя Дмитрія, служка Гришки, и назывался въ монашествѣ Леонидомъ. Шуйскій зналъ все это, зналъ, и какъ зовутъ юношу-монаха, принявшаго на себя имя Дмитрія, что этотъ-то Леонидъ и былъ Лжедмитрій. Не могъ Шуйскій объявить этого потому, что тогда пришлось бы отвѣчать, кто же этотъ монахъ Леонидъ, а потому для категорическаго отвѣта годился только всѣмъ извѣстный Гришка, но въ такомъ случаѣ пришлось передать имя Гришки Леониду, чтобы объяснить, кто же былъ тотъ (скажемъ: дѣйствительный) Гришка, который вмѣстѣ съ Лжедмитріемъ явился въ Москву и потомъ жилъ въ Ярославлѣ, пришлось увѣрять, что это не Гришка, а Леонидъ, принявшій на себя имя Гришки.

Какая же дальнѣйшая судьба этихъ двухъ дѣйствующихъ лицъ? Юноша-монахъ Леонидъ, постриженникъ св. Трифона, дѣлается царемъ московскимъ, а его покровитель, проводникъ и преданный, горячій сотрудникъ, Гришка, по возвращеніи въ Москву, явился тѣмъ же, чѣмъ былъ и задолго раньше: онъ на лаврахъ началъ сильно покучивать, такъ что Лжедмитрій принужденъ былъ удалить его изъ Москвы въ Ярославль. Наконецъ, монахъ—Леонидъ, названный Дмитрій, царь московскій, погибаетъ отъ заговора Шуйскаго, а затѣмъ Шуйскій, которому все-таки надо было сдѣлать Лжедмитрія Гришкой, убралъ куда-то безслѣдно изъ Ярославля дѣйствительнаго Гришку.

Такъ почти распутывается вопросъ о личности Лжедмитрія I. Мы можемъ теперь ясно прослѣдить эту личность съ того момента его жизни, отрочества, когда онъ, 14-лѣтній мальчикъ, уже грамотный, принимаетъ отъ св. Трифона или подъ его вліяніемъ монашество. Но далѣе этого мы пока еще итти не можемъ. Мы ясно видимъ, что мальчику покровительствуютъ, потому что 14-лѣтній мальчикъ не могъ, конечно, бродить изъ монастыря въ монастырь, находить всюду пріютъ и укрывательство. Мало этого. Мы видимъ, что ему покровительствуетъ архимандритъ Чудова монастыря Пафнутій, который временно и заплатился за это. Мальчика во время удаляютъ изъ Москвы и снова укрываютъ въ отдаленныхъ монастыряхъ. Но и этого мало. Его, 14-лѣтняго мальчика, постригаютъ вопреки каноническимъ правиламъ. Несомнѣнно, что не одна, а много рукъ, въ разныхъ мѣстахъ, покрывали мальчика, руководили имъ. Но кто же этотъ мальчикъ, возбуждавшій чье-то невидимое сочувствіе? Почему именно явилось у неизвѣстныхъ намъ лицъ, видимо, очень многочисленныхъ, это сочувствіе? Кажется, недолго осталось ждать и для полученія отвѣта на этотъ вопросъ. Кажется, все, что является теперь еще загадочнымъ, скоро будетъ выяснено, благодаря трудамъ и открытіямъ графа Шереметева. Графъ Шереметевъ давно уже занимается вопросомъ о личности Лжедмитрія

и давно началъ собирать матеріалы, но до сихъ поръ не издалъ въ свѣтъ своего изслѣдованія. О сдѣланныхъ имъ открытіяхъ и его соображеніяхъ мы имѣемъ лишь отрывочныя свѣдѣнія, случайно въ письмахъ къ графу Шереметеву покойнаго академика Бестужева-Рюмина. Вслѣдствіе этого является невозможнымъ привлечь къ дѣлу новыя данныя, добытыя графомъ Шереметевымъ, и остается ждать его изслѣдованія, а пока вопросъ о личности Лжедмитрія въ русской исторической наукѣ находится въ томъ положеніи, какъ я представилъ его вамъ на основаніи старыхъ и новыхъ данныхъ, послѣднихъ соображеній современныхъ русскихъ ученыхъ и моего личнаго изученія.

Профессоръ П. Голубовскій.

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧЪ ЛЪСКОВЪ.

ДОЗВ. ПЕНЗ. 26 МАРТА 1902 Г. СЛЪ.

ЖЕНЩИНЫ ВЪ ПЕРЕСЫЛЬНОЙ ТЮРЬМѢ.

(Психологическіе этюды).

I.

ВЪ ПОСЛѢДНЮЮ зиму, передъ отмѣной ссылки нашихъ преступниковъ въ Сибирь, мнѣ часто приходилось, въ качествѣ члена наблюдательной комиссіи дамскаго благотворительно-тюремнаго комитета, ѣздить по петербургскимъ тюрьмамъ, чтобы наблюдать за женскими отдѣленіями въ нихъ.

Въ мою обязанность входило опрашивать арестантокъ объ ихъ семейномъ положеніи и нуждахъ, собирать ихъ прошенія и по возможности удовлетворять ихъ просьбы черезъ посредство нашего комитета или личными хлопотами.

Казалось бы, какія могли возникнуть претензіи и прошенія тамъ, гдѣ крѣпкія рѣшетки и замки поглотили зловредныхъ членовъ общества и прервали для нихъ всякую связь съ внѣшнимъ міромъ? Однако, нѣтъ! Стоитъ заглянуть за эти рѣшетки, чтобы убѣдиться, что и тамъ жизнь все еще бьѣтъ ключемъ, и страсти, надежда, горе и своеобразное счастье не угасаютъ даже подъ гнетомъ тяжелой неволи.

Кандалами можно сковать руки и ноги, но для души нѣтъ цѣпей; если бы мрачныя стѣны тюрьмы могли заговорить, то какую глубокую психологію могли бы открыть человѣчеству!

Изъ всѣхъ тюремъ особенно интересовала меня пересыльная. Особенность ея въ томъ, что въ ней постоянно смѣняется составъ арестованныхъ, такъ какъ сроки содержанія здѣсь короткіе. Ши-

рокой волной сюда наплываетъ нужда людская со всѣхъ концовъ Россіи и въ самыхъ разнообразныхъ видахъ взываетъ о немедленной помощи. Тамъ работать надо быстро и постоянно. Уплыла волна, и уже не узнаешь, сколько неутѣшенныхъ слезъ унесла она дальше съ собой!

Помню, какъ-то разъ ѣхала я въ пересыльную тюрьму. Стоялъ холодный день, и особенно пустынной и мрачной выглядывала Конная площадь, вся заметенная глубокимъ снѣгомъ. Свинцовое небо низко нависло надъ ней; вороны крикливо носились съ конца въ конецъ. Каждый разъ, что мнѣ случалось вѣзжать на эту площадь и издали завидѣть высокія темно-красныя стѣны тюрьмы, — какое-то безотрадное, почти грустное чувство залегало въ душу, и невольно сердце билось сильнѣе. Что-то найду тамъ сегодня? И блѣдно-желтыя лица арестантовъ въ сѣрыхъ халатахъ невольно воскресали въ памяти одно за другимъ.

«Гй! поберегись!»—вдругъ окликнулъ кого-то мой извозчикъ. Я посмотрѣла впередъ и вижу, что мы обгоняемъ небольшую группу пѣшеходовъ, направляющихся по дорогѣ къ тюрьмѣ. То были арестантъ и арестантка, подъ конвоемъ двухъ вооруженныхъ солдатъ. Поровнявшись съ ними, я взглянула въ ихъ лица и узнала ихъ, такъ какъ недѣли двѣ назадъ видѣла ихъ въ пересыльной. Они судились за поджогъ дома съ цѣлью грабежа. Я слышала, что у нихъ не было надежды на оправданіе, и у меня упало сердце при мысли, что судъ оконченъ, и они приговорены къ тяжкому наказанію. Я еще разъ невольно на нихъ оглянулась. Арестантъ былъ мужикъ маленькій, коренастый, съ обыкновеннымъ лицомъ, женщина—старуха, уродливая, сухая, съ безжизненнымъ выраженіемъ на острыхъ чертахъ и совершенно мертвеннымъ взглядомъ крошечныхъ глазъ, безъ рѣсницъ на воспаленныхъ вѣкахъ. Головы у обоихъ были опущены, руки заложены въ рукава сѣраго бушлата, и шагали они какъ-то машинально, посрединѣ дороги по глубокому снѣгу. Я нѣсколько разъ видѣла эту женщину въ ея камерѣ, и меня поражала въ ней удивительная индифферентность къ своему тяжелому положенію и еще болѣе мрачной будущности.

Въ первый разъ, когда я спросила ее, за что она судится, она лѣниво, еле шевельнувъ тонкими губами, отвѣтила: за поджогъ, и, опустивъ голову, прикрывъ глаза, словно задремала, прислонившись къ косяку и спокойно сложивъ руки на груди.

— Несчастная! Какъ рѣшилась ты на такое ужасное преступленіе! Развѣ ты не знала, что ждетъ тебя за него? Ты вѣдь старая; какъ проведешь ты теперь остатокъ жизни вдали отъ семьи и родной земли?—невольно воскликнула я съ волненіемъ.

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ ея; она и глазомъ не моргнула и только небрежно повела плечами и опять словно застыла въ своей дремотѣ...

Вотъ и теперь, возвращаясь сюда, когда судьба ея рѣшена,— все то же неуловимо-равнодушное выраженіе на этомъ посинѣломъ отъ холода лицѣ, и все такъ же прикрыты безжизненные глазки.

Входъ въ тюрьму всегда производилъ на меня удручающее впечатлѣніе.

Желѣзные ворота, желѣзныя двери, рѣшетки впереди, вправо, влево, часовые на каждомъ шагу, огромные замки и затворы, грохотъ этихъ дверей, звонъ ключей, лязгъ цѣпей, темные коридоры, безъ оконъ, озабоченныя лица надзирателей, тяжелая атмосфера, выкрикиваніе сторожей и какой-то особенный тонъ между служащими, тонъ, присвоенный, кажется, только этому мрачному учрежденію, въ которомъ всѣ эти люди привыкли бороться исключительно съ порокомъ и преступленіемъ, быть ежеминутно на-чеку и держать все въ желѣзныхъ оковахъ дисциплины; эти угрюмыя стѣны, среди которыхъ замираютъ улыбка и привѣтъ, куда словно не смѣетъ проникнуть лучъ солнца, гдѣ все пропитано страхомъ и лишеніемъ человѣческой свободы,—все это представляетъ крайне тяжелую картину, и я всегда старалась какъ можно скорѣе пройти эту мрачную инстанцію и пробраться въ верхній этажъ женскаго отдѣленія. Тутъ картина внезапно измѣняется. Стоитъ только миновать послѣднюю желѣзную дверь, и уже встрѣчаешь спокойное лице которой нибудь изъ надзирательницъ. Типъ женскаго отдѣленія въ пересыльной тюрьмѣ рѣзко отличается отъ мужского отдѣленія. Черезъ весь верхній этажъ тянется широкій коридоръ, въ который свѣтъ обильно вливается изъ множества высокихъ оконъ камеръ, отдѣленныхъ отъ нихъ лишь рѣшетчатыми стѣнками. Камеръ разныхъ величинъ и назначеній расположено по обѣ стороны коридора около двѣнадцати, и распредѣляются въ нихъ арестантки по категоріямъ. Всѣ камеры, однако, болѣе или менѣе на одинъ ладъ: обширныя, высокія, свѣтлыя; содержатся очень чисто; деревянныя нары приподняты и прикрѣплены къ стѣнамъ; по срединѣ длинныя столы и скамьи; тутъ же пристроены умывальники съ проведенной къ нимъ водой. Шкапчики для посуды и висячія лампы дополняютъ обстановку. Въ камерахъ для добровольно слѣдующихъ немного болѣе комфорта; въ нихъ, вмѣсто наръ, стоятъ желѣзныя кровати, застланныя байковыми одѣялами и подушками; у всякой кровати отдѣльная конторка, а по стѣнѣ прикрѣплены холстяныя люльки для дѣтей арестантокъ. Входя въ эти камеры, трудно представить себѣ, что находишься въ тюрьмѣ: онѣ скорѣе похожи на комнаты обширной богадѣльни. Всюду царствуютъ порядокъ и опрятность; воздухъ чистъ и тепелъ и весь характеръ этихъ помѣщеній скорѣе семейный, можно сказать, почти уютный, если только слово это примѣнимо къ этимъ стѣнамъ!

Непріятное ожиданіе тюремной картины совсѣмъ сглаживается здѣсь, когда поближе заглянешь въ этотъ своеобразный мірокъ. Женщины всѣ одѣты одинаково въ пестрыхъ халатахъ, съ бѣлыми косынками на головахъ. Сидятъ онѣ вокругъ стола, пьютъ чай, разговариваютъ, шьютъ, вяжутъ, читаютъ, или нянчатся съ дѣтишками. Дѣти безопасно играютъ другъ съ другомъ. На лицахъ нисколько не замѣчается угнетенности; напротивъ: всѣ какъ-то спокойны, дружны и точно давно знакомы между собой. Тюрьма ли это?—невольно спрашиваешь себя въ недоумѣніи, озирая эту неожиданную картину мира и порядка, и «съ души какъ бремя скатится»... и бодрѣе заглядываешь въ эти заброшенные сюда судьбою сердца.

Я всегда съ большимъ интересомъ разговариваю съ арестантами. Помоему это цѣлая книга психологіи.

Сколько горькихъ истинъ часто услышишь изъ устъ подобной женщины отщепенницы, и какихъ только новыхъ и свѣтлыхъ уголковъ жизни не откроешь, осторожно разрывая верхнія наслоенія нравственной грязи! Между ними приходится наталкиваться на такую идиллическую первобытность, на такую глубину чувствъ, или беззавѣтную удачу, передъ которыми останавливаешься глубоко потрясенный. Тамъ, гдѣ человѣкъ, подъ гнетомъ несчастья, перестаетъ владѣть собою, тамъ всегда ярче выступаетъ его естественное существо съ дурными и хорошими особенностями. Для арестанта, переставшаго фактически себѣ принадлежать, на время прерывается насильная борьба за существованіе. По первому взгляду на эту теорію, она можетъ показаться софизмомъ; принято думать, что человѣкъ, дѣйствующій на свободѣ, самостоятельно, подчиняется своей личной волѣ. На самомъ же дѣлѣ, много ли людей устраиваютъ себѣ жизнь по своимъ внутреннимъ убѣжденіямъ и стремленіямъ? Напротивъ, мы ежеминутно убѣждаемся, какъ сильно вліяніе внѣшнихъ условій жизни и случайныхъ сдѣлленій обстоятельствъ на индивидуальность, какъ беспощадно оно ступшевываетъ и часто совершенно перерождаетъ ее.

Субъектъ на свободѣ или въ стѣнахъ тюрьмы—это два совершенно отдѣльныхъ существа. На волѣ онъ борется за свое существованіе, и если обстоятельства сложатся для него несчастлииво, то дѣлается преступникомъ. Въ тюрьмѣ, когда онъ оторванъ отъ интересовъ внѣшняго міра, вся его жизнь сосредоточивается во внутреннемъ содержаніи его души и ума, отсюда болѣе рельефное очертаніе индивидуальности.

Многіе изъ арестантовъ смотрятъ на тюрьму, какъ на отдыхъ физическій и нравственный. Такъ, напримѣръ, помню, какъ-то спросила я одну арестантку:

— Хорошо ли тебѣ здѣсь?

Она широко улыбнулась и, перекрестившись на икону, отвѣтила:

— Эхъ, барыня, ужъ чего же лучше! Какъ бы такъ жизнь прожить—и умирать бы не надо! Вы думаете, у насъ дома лучше? Какая тамъ жизнь у насъ? Нужда, голодъ, работа тяжелая да заботы! Тутъ хоть обогрѣешься да отдохнешь маленько. Знамо, одно тутъ худо только, что на тебѣ тюрьма, словно клеймо какое, ляжетъ, и не отряхнешься отъ него потомъ, все тебя ею попрекать станутъ. Ну, да что подѣлаешь! Богъ терпѣть велить, Его святая воля!—заключила она и набожно опять перекрестилась.

Невольно вдумываешься въ прошлое такого существа: какъ ей дома жилось, если эти стѣны ей кажутся раемъ, среди котораго и «умирать не надо»?

Посѣщая тюрьму, мнѣ пришлось натолкнуться на нѣсколько весьма интересныхъ субъектовъ, открывшихъ мнѣ много сокровенныхъ чертъ жизни нашего народа.

Въ камерѣ для добровольно-ссылныхъ содержалось нѣсколько женщинъ съ дѣтьми. Первая, къ которой я подошла, была молодая эстонка, свѣжая, красивая, съ веселымъ выраженіемъ большихъ голубыхъ глазъ. На рукахъ у нея сидѣлъ маленькій ребенокъ, лѣтъ около двухъ; въ одной изъ люлекъ лежала дѣвочка, по росту очень маленькая, на самомъ же дѣлѣ 10 лѣтъ, параличная, совершенная идиотка, эпилептичная, съ огромной головою, высохшими и неподвижными, какъ тряпки, ножками и судорожно мотавшимися рученками. Возлѣ люльки стояла дѣвочка лѣтъ 7, худенькая, блѣдная, съ измученнымъ выраженіемъ во всемъ старческомъ личикѣ.

— Это все твои дѣти?—спросила я женщину.

— Мои, милая барыня, всѣ трое мои!—отвѣтила она мнѣ съ добродушной улыбкой.

— Кто вы такіе и куда слѣдуете?—поинтересовалась я.

— Мы эстляндскіе крестьяне, только все больше въ Россіи жили. Мужа, вишь, въ Сибирь за конокрадство ссылаютъ, такъ и мы съ нимъ идемъ,—объяснила она.

— И дѣтей съ собой берешь?

— А то какъ же? Известно, съ собою!—удивилась она и ласково оглядѣла дѣтей.

— Не жаль тебѣ ихъ таскать съ собою въ такую даль да стужу? Вынесутъ ли дорогу?—замѣтила я.

Она повела плечами и вздохнула.

— А Господь ихъ знаетъ!—сказала она съ отгѣнкомъ грусти:—знамо далече, да какъ же и не жаль ихъ?! А все же при насъ будутъ, а то гдѣ же ихъ оставить? Развѣ мы безъ нихъ можемъ уѣхать?

— Ну, и эту больную тоже съ собою берешь?

— А то бросить?—воскликнула она, вся вспыхнувъ.

— Не бросить, а надо въ какую нибудь больницу пристроить ее. Не таскать же ее съ собой! Она дороги не вынесетъ, — убѣждала я ее.

Женщина смолкла и задумалась, глядя на больную дочь, безпомощно пригвожденную на спинѣ.

— Оно, конечно, лучше было бы для нея, и мнѣ бы руки развязала, да мужъ и слушать про такое дѣло не хочетъ, — наконецъ заговорила она какъ-то робко.

— Какъ такъ? Развѣ онъ не понимаетъ, что нельзя везти ребенка въ такомъ состояніи? Онъ у васъ въ дорогѣ умретъ, и поневолѣ придется вамъ бросить его на какой нибудь станціи. Кромѣ этой, у тебя еще вотъ крошка на рукахъ, какъ же ты справишься со всѣми ими одна?

— Извѣстно, тяжело! — вздохнула она. — Ужъ пока насъ изъ Ревеля сюда перегоняли, замучилась я съ ними, не приведи Богъ. — И она объяснила мнѣ, что эта дѣвочка уже 8 лѣтъ находится въ такомъ положеніи. Много разъ ей предлагали пристроить ее въ больницу, но мужъ ея упорно отказывается разстаться съ больной дочерью. Онъ ее очень любитъ и говоритъ, что «ему надо глядѣть на ея страданія, чтобы очистить свою душу».

Я предложила ей поговорить съ ея мужемъ, содержащимся въ нижнемъ этажѣ, въ мужскомъ отдѣленіи, и постараться уговорить его не жертвовать ребенкомъ ради своего личнаго покоя. Она согласилась охотно и, вдругъ оживившись, сказала:

— Вы увидите моего мужа, хорошій онъ человѣкъ!

— Хорошій, а какъ же въ Сибирь ссылается? — замѣтила я.

— Такъ что же дѣлать? — заговорила она живо. — Со всякимъ можетъ грѣхъ случиться! Что ужъ говорить: сглушилъ, виноватъ, да только не по злобѣ какой, а потому, что товарищу довѣрялся, а тотъ, мазурикъ, его и подвелъ. Не онъ и вороваль-то коня, а только позволилъ, чтобы къ нему товарищъ поставилъ его, а самъ и не зналъ, что тотъ его укралъ. Ну, и сцапали ихъ обоихъ. А только хорошій онъ человѣкъ, добрый, и страсть какъ дѣтей любить, и они за нимъ на край свѣта пойдутъ. Вотъ и здѣсь, старшенькая, все у окна сидитъ, все выглядываетъ на дворъ, черезъ рѣшетку, не погонятъ ли арестантовъ за дровами или на какую тамъ работу. А какъ завидитъ отца между ними, такой крикъ подыметъ, ажъ у меня сердце замретъ. «Мама, мама, — кричитъ, — вонъ нашего папу погнали, гляди!» А и онъ передъ окномъ останется да глядитъ сюда, головой дѣтямъ киваетъ да улыбается, а потомъ и заплачетъ... Самъ-то въ кандалахъ, лицо желтое стало, да похудѣлое. Стоитъ, стоитъ, все глядитъ, и слезы рукавомъ обтираетъ, пока сторожа не замѣтятъ, что онъ стоитъ, да и погонятъ прочь. А на свиданьи посмотрѣли бы, что дѣлается у насъ! Много говорить не дозволяютъ, все кругомъ сторожа стоятъ. Такъ

только возьметъ это онъ дѣтей къ себѣ на колѣнки, да цѣлуетъ, да ласкаетъ, и не оторвешь ихъ другъ отъ дружки. Особливо это, маленькая, все по немъ тоскуетъ. Ночью все слышу: ворочается и плачетъ. Я знаю, что это она по отцѣ да по своему домѣ убивается. Не дай Богъ, какъ заговаряютъ арестантки, что насъ далече угонять, такъ и поблѣднѣетъ и затрясется вся, бѣдняжка!

У женщины навернулись слезы на глазахъ. Она нѣжно погладила по головѣ дѣвочку. Я подошла къ ребенку и тоже приласкала ее. Она исподлобья подняла на меня свои большіе, грустные глаза и затѣмъ быстро спрятала лицо въ одѣяло кровати и притихла. Бѣдное дитя! Что за страшныя картины потрясаютъ эту дѣтскую головку, это невинное сердечко? Любимый отецъ въ кандалахъ, въ арестантской шинели, лишенный свободы и правъ даже отеческихъ, опозоренный рабъ, котораго сторожа «гоняютъ», чтобы не смѣлъ заглядѣться на дѣтишекъ своихъ! И эти малютки неповинныя подстерегаютъ такія минуты нѣмого свиданія изъ-за желѣзныхъ рѣшетокъ тюремныхъ камеръ, гдѣ и они и мать также лишены свободы ради любви къ этому несчастному отцу! Какъ сложились со временемъ всѣ эти ужасныя впечатлѣнія въ понятіяхъ ребенка о жизни, о людяхъ, о добрѣ и злѣ? Что за принципы и чувства выростутъ на такой почвѣ въ душѣ такого ребенка? Почитаніе и уваженіе къ родителямъ, вѣра въ справедливость и въ добро—не будутъ ли для него пустыми звуками? Стоишь подавленная и безпомощная передъ такой страшною картиною и невольно закрываешь глаза передъ тѣми подробностями ея, которыя можно себѣ представить, зная этапную ссылку и всѣ безконечныя мытарства нашихъ арестантовъ по всякимъ пересыльнымъ пунктамъ.

Глубоко потрясенная рассказомъ этой женщины, я направилась съ начальникомъ въ большую пріемную, куда черезъ нѣсколько минутъ ввели ко мнѣ арестанта въ кандалахъ.

Это былъ молодой еще человѣкъ, средняго роста, съ очень симпатичной наружностью, но худой и изнуренный. Блѣдное, желтоватое лицо, почти красивое, носило отпечатокъ глубокой грусти; большіе голубые глаза глядѣли ласково и кротко; совсѣмъ поблѣвншія руки, опавшіе мускулы, худая шея, посинѣвшія губы и что-то расслабленное во всемъ существѣ, въ соединеніи съ безпомощной угнетенностью въ немъ, производило впечатлѣніе крайне тягостное. Обезоруженная сила и воля человѣка,—это нѣчто ужасно жалкое! Когда онъ остановился передъ мной, поклонился мнѣ какъ-то рабски боязливо и вопросительно поднять на меня глаза,—голубые, задумчивые глаза своей дочери,—у меня невольно сердце сжалось и слезы подступили къ горлу. «Неужели это преступникъ, котораго надо, какъ звѣря, заковать въ кандалы?»—мелькнулъ у меня въ мысляхъ вопросъ. Однако, предаваться размышленіямъ

было некогда и, овладѣвъ съ своимъ волненіемъ, я, какъ умѣла ласковѣе, заговорила съ нимъ о его больной дочери и моемъ предложеніи отдать ее въ больницу. Съ первыхъ же словъ моихъ, онъ какъ-то весь воспрянулъ, и глаза его блеснули; онъ, съ своей стороны, сталъ мнѣ говорить горячо, какъ онъ безумно любитъ этого ребенка и что ни за что не рѣшится разстаться съ нею. «Пускай и она мою судьбу носитъ, коли я согрѣшилъ передъ Богомъ!»—закончилъ онъ, и слезы застлали ему глаза. Я рѣшилась настаивать, объясняла ему безнадежное положеніе ребенка и тяготу такой обузы для его жены и другихъ дѣтей, доказывала ему, что больная совершенно безсознательна и не пойметъ разлуки съ семьею, а напротивъ почувствуетъ облегченіе отъ хорошаго ухода. Мнѣ пришлось долго убѣждать его всячески. Наконецъ, онъ сдался и далъ мнѣ честное слово не препятствовать отдачѣ ребенка въ больницу. Видно было, что это согласіе стоило ему большихъ усилій надъ собой, но что онъ все же понималъ неосновательность своихъ доводовъ. Когда я отошла, онъ вдругъ рванулся ко мнѣ; сторожъ моментально очутился между нимъ и мною и грубо крикнулъ: «Куда? Назадъ!»—«Я... Ничего... хотѣлъ благодарить барыню!..»—сказалъ онъ, поблѣднѣвъ. Я подошла къ нему, и онъ, низко наклонившись, поцѣловалъ мою руку. «Барыня,—сказалъ онъ взволнованно,—когда умреть... она... напишите. Бога ради, мнѣ это нужно знать!» Онъ умоляюще глядѣлъ мнѣ въ глаза, и по лицу его струились крупныя слезы. Я обѣщала, и его отвели обратно. Его согласіе было встрѣчено женою его съ радостью, а я и до сихъ поръ не могу разгадать, какая таинственная, душевная связь лежала между душою этого «преступника» и его искалѣченнымъ ребенкомъ ¹⁾.

II.

Я вернулась въ женское отдѣленіе.

У окна въ той же камерѣ стояла женщина и вязала чулокъ; на кровати по близости ея спалъ одѣтымъ трехлѣтній, очень хорошенькій бутузикъ—пухленькій, розовый, съ выющимися темными волосами, хорошо и опрятно одѣтый. Этотъ прелестный ребенокъ, мирно спящій на арестантской кровати, казался херувимомъ, сле-

¹⁾ Ребенка отвезли въ больницу, гдѣ ему были предоставлены самыя тщательныя заботы. Тѣмъ не менѣе, онъ умеръ черезъ два мѣсяца. Я написала его родителямъ объ этомъ и получила къ веснѣ отвѣтъ матери. Она тепло благодарила за оказанное дѣвочкѣ благодѣяніе. Въ дорогѣ ей было очень тяжело, и она потеряла, не доѣзжая Иркутска, еще второго ребенка, двухъ лѣтъ, отъ простуды и истощенія. Въ Сибири они устроились хорошо и довольны своимъ пребываніемъ тамъ. Вотъ какъ выражается она по этому поводу въ письмѣ: «Не тутъ Сибирь, гдѣ теперь живемъ мы, славу Богу, очень хорошо и не терпимъ никакой нужды, а тамъ была для насъ Сибирь, гдѣ жили мы раньше—дома, на родинѣ, и гдѣ бѣтъ нечего было».

тѣвшимъ съ свѣтлой обители среди этихъ мрачныхъ стѣнъ. Я подошла къ женщинѣ и спросила ее, чей это ребенокъ. «Мой!» отвѣтила она мнѣ съ гордостью, нѣжно взглянувъ на него, согнала со лба у него муху и накинула ему на ножки пестрый платокъ. Это была женщина около 30 лѣтъ съ довольно оригинальнымъ лицомъ. Трудно было бы опредѣлить, красива ли она, такъ какъ ничто въ чертахъ его не выдавалось особенно; но нельзя было бы пройти мимо, не замѣтивъ его. Овалъ лица, форма карихъ глазъ, опушенныхъ длинными, черными рѣсницами, яркій румянецъ на щекахъ, темные волосы, вычесанные по модѣ, не прикрытые арестантской косынкой, выразительное очертаніе тонкихъ губъ и вся фигура ея стройная, хорошо, хотя просто, одѣтая въ собственное платье,—все это сразу выдѣляло ее изъ обыкновенныхъ арестантокъ. Особенно поразило меня выраженіе ея блестящихъ глазъ: какое-то задумчивое, сосредоточенное, и моментами вспыхивающее, полное огня и ума. Она хотѣла было продолжать свое вязанье, но когда я остановилась подлѣ нея, — надзирательница, сопровождавшая меня, приказала ей отложить работу и стоять смирно. Она недоумѣвающе посмотрѣла на нее и, не выпуская все же вязанья, только опустила руки и исподлобья перевела глаза на меня. На мой вопросъ, кто она и куда пересылается, она очень рѣшительно и пріосанившись отвѣтила:

— Я мѣщанка, иду на Сахалинъ съ мужемъ.

— И ребенка съ собой берешь?—спросила я.

— Еще бы!—кинула она мнѣ съ особеннымъ удареніемъ, словно возмущившись моимъ вопросомъ.

Я объяснила ей, что мой вопросъ надо понимать въ томъ смыслѣ, что часто къ намъ поступаютъ просьбы арестантокъ пристроивать дѣтей въ пріюты, на время ссылки родителей, чтобы облегчить имъ участь и развязать руки матерямъ.

— Сохрани Богъ! Пусть лучше умретъ по дорогѣ, чѣмъ я его покину здѣсь?—воскликнула она, вспыхнувъ, и машинально придвинулась ближе къ кровати, словно боясь, что у нея отнимутъ ея сокровище.

Я успокоила ее, что противъ воли родителей этого никогда не дѣлаютъ, а напротивъ снаряжаютъ такихъ дѣтей, идущихъ въ Сибирь, теплымъ платьемъ.

— Мнѣ ничего не нужно, у меня все есть для него,—гордо замѣтила она.

Тогда надзирательница вмѣшалась въ разговоръ и сообщила мнѣ, что эта женщина была изъ богатой семьи, и что посейчасъ у нея сестра очень богатая и уговариваетъ ее не таскать ребенка въ Сибирь, а дать ей его на попеченіе, на что эта не соглашается.

— Ты вѣрно не жалѣешь своего ребенка,—замѣтила я:—онъ, видно, у тебя очень нѣжный, холеный, а представляешь ли ты

себѣ, какія трудности и лишенія ожидаютъ его въ пути? Если у тебя есть средства, почему ты идешь этапомъ? Ты и себя и ребенка замучишь.

— Мужъ этапомъ идетъ, стало быть, и мы такъ можемъ идти,— отвѣтила она рѣшительно.

— Твой мужъ, какъ мужчина, можетъ вынести такія трудности, а ты и ребенокъ можете не выдержать ихъ. Я увѣрена, что и ему легче будетъ, если онъ будетъ спокоенъ за васъ душою. Мнѣ думается, если только онъ васъ любитъ, то ты ему удвоишь наказаніе, если, перенося свои тягости, ему придется еще болѣть душою за васъ. Скажи мнѣ, имѣешь ли ты понятіе, гдѣ Сахалинъ, и въ какую даль ты идешь?

Она не сразу отвѣтила, словно о чемъ-то глубоко раздумывая, но затѣмъ, пылливо глядя мнѣ въ глаза, упавшимъ голосомъ тихо спросила:

— А... очень далеко?..

— Очень, очень!—сказала я серьезно.

Она опустила голову, словно подавленная моими словами; но вдругъ воспрянула и, сверкнувъ глазами, горячо проговорила:

— Нѣтъ!.. Ни за что!.. Какъ Богу угодно! а я все-таки его не брошу. Не могу этого сдѣлать! Пусть онъ сгубилъ себя и насъ... не мнѣ его судить, когда меня онъ любитъ; для меня онъ хорошъ, и я за нимъ пойду, хоть на край свѣта!

Она замолкла и, обернувшись къ окну, глянула черезъ него куда-то вдаль... Яркой волной прилила кровь къ лицу и снова медленно отлила, и странная улыбка блуждала вокругъ красивыхъ губъ; грудь высоко колыхалась, и выраженіе безграничной любви замерло на всемъ этомъ существѣ.

Я, какъ прикованная, стояла подлѣ нея и любовалась ею. И въ камерѣ какъ бы пронеслась таинственная сила этой вспышки горячаго чувства, и всѣ арестантки стояли тихо, словно замерли...

— Вотъ, слышите, какая она!—первая прервала молчаніе надзирательница, мигнувъ на нее.

Я очнулась и спросила, не могу ли чѣмъ нибудь помочь ей для дороги.

— Мнѣ ничего не надо!—отвѣтила она коротко, не оборачиваясь и продолжала глядѣть черезъ рѣшетку окна, черезъ которое видно было лишь однообразное свинцовое небо...

— Ну, прощай и храни васъ Богъ!—простилась я съ ней и отошла.

И вотъ передо мною и посейчасъ—это странное лицо съ его таинственнымъ выраженіемъ и горячимъ взглядомъ, и пухленькій, розовый ребенокъ, безпечно спящій на жесткой арестантской кровати, и слышатся мнѣ пылкія слова ея: «пусть онъ для людей дурной, пусть онъ сгубилъ себя и насъ, не мнѣ его судить, когда меня онъ

любить, для меня онъ хорошъ, и я пойду за нимъ на край свѣта».

Что для нея—порокъ, преступленіе, лишенія, невзгоды? Какой покой, приволье, богатство замѣняютъ ей любимаго человѣка? И вотъ гдѣ, за желѣзными рѣшетками, въ неволѣ, среди позора, приходится еще наталкиваться на тотъ, съ каждымъ днемъ вырождающійся, идеаль беззавѣтной любви, для котораго не существуетъ ни ложнаго стыда, ни мелочнаго эгоизма, ни оковъ, ни страховъ, ни осужденія, для котораго существуетъ одинъ смыслъ жизни—жизнь другъ для друга!

Въ этой же камерѣ находилось нѣсколько женщинъ, добровольно пересылаемыхъ на родину, по недостатку средствъ, этапнымъ порядкомъ. Онѣ не представляли особеннаго интереса, ихъ только нужно было снабдить теплой одеждой на дорогу и небольшими денежными пособіями, въ чемъ имъ никогда не отказывалось. Разговоры съ двумя первыми женщинами произвели на меня такое глубокое впечатлѣніе, что все остальное въ этотъ разъ казалось мнѣ весьма будничной картинкой.

Другая камера, въ которую я перешла, была такъ называемая на тюремномъ языкѣ «палатная», т. е. камера для подсѣдственныхъ. Въ ней содержались уголовныя преступницы. Въ этотъ день ихъ сидѣло здѣсь около двѣнадцати. Большинство судились за кражи. Нѣкоторыя, какъ рецидивистки, подлежали окружному суду; другія по своей винѣ попадали сюда. Взятая иногда за пустяшное воровство и приговоренная мѣстными мировыми судьями на обыкновенное отбываніе наказанія при полицейской части, или на короткій срокъ къ заключенію въ тюрьму, онѣ систематически осложняютъ всякое дѣло подачей апелляцій, пересылаются въ такомъ случаѣ въ нашу пересыльную и тутъ, пока тянется дѣло и вызовъ свидѣтелей, сидятъ иногда по нѣсколько мѣсяцевъ въ предварительномъ заключеніи.

Здѣсь въ этотъ разъ однако находилось нѣсколько серьезныхъ преступницъ. Такъ, первая, къ которой я подошла, была старуха лѣтъ за шестьдесятъ. Она убила свою невѣстку и была приговорена къ каторгѣ.

Старая была! Ненависть свекрови къ молодухѣ, преслѣдованія и жестокое обращеніе съ послѣдней и въ концѣ концовъ кровавая драма. Тѣмъ не менѣе и тутъ злобный духъ ненависти не смиряется передъ страшной карой; ни раскаянья, ни признанія своей вины; и здѣсь, какъ и на волѣ, все дышитъ въ ней злобной ненавистью, возмущеніемъ противъ посягательствъ на ея материнскія права и отвратительная клевета на другихъ. Какъ только надзирательница мнѣ сказала, за что она осуждена, черты ея морщинистаго злого лица исказились, и она запальчиво закричала:

— Не правда, не правда! Ни за что меня осудили; чтобы меня Богъ покаралъ, да принять мнѣ такую же смерть, какой «та» померла, коли я повинна въ убивствѣ ея! Оклеветали меня сосѣди, лиходѣи, душегубы! Подбили мазурики и сына моего показывать противъ меня, матери родной! Бога не боятся, проклятые!—неистовствовала она.

— Послушай, вѣдь навѣрное были же свидѣтели противъ тебя?— замѣтила я, инстинктивно вооружаясь противъ нея въ душѣ и съ трудомъ подавляя отвращеніе, какое она возбудила во мнѣ.

— Извѣстно, были! Вся деревня противъ нея показывала, потому всѣмъ было извѣстно, какъ она свою невѣстку тиранила, я сама съ нею одной волости, такъ слыхала черезъ людей, какъ дѣло было!—вмѣшалась въ разговоръ другая арестантка.

— А ты молчи! Чего суешься не въ свое дѣло? О своемъ бы лучше рассказывала; небось, саму то за добро сюда пригнали!—огрызнулась старуха, метнувъ на ту глазами.—Тиранила! У васъ все тиранишь, коли васъ, дурь, старшіе учать! Не нравится, когда васъ уму-разуму поучать, такъ у васъ сейчасъ и «тиранство» берется. Небось, вамъ бы только на боку полеживать да командовать, а свекровь чтобъ работала за васъ!

— Ну, ладно, ладно, толкуй! Небось, и мы не знаемъ, каково достается молодухѣ отъ свекрови! Что мачиха, что свекруха — все одна пѣсня! Дѣло извѣстное!—вдругъ со всѣхъ сторонъ поднялись голоса, и въ нихъ слышался вопль отъ наболѣвшей раны. Къ свекрови и среди неволи и несчастья не находится ни состраданья, ни прощенья. Убийство было совершено при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Эта женщина дѣйствительно ненавидѣла свою невѣстку—тихую, безгласную бабенку, которую мужъ однако очень любилъ. Когда его мать не нее нападала, сынъ принималъ сторону жены.

Тогда старуха не разъ говорила, что имъ вмѣстѣ не жить въ одной избѣ: либо ей, либо той оставаться хозяйкой.

Воспользовавшись какъ-то отсутствіемъ сына въ городѣ, она послала невѣстку за картофелемъ къ картофельной ямѣ за огородомъ; сама же тихонько пошла ей въ слѣдъ и въ тотъ моментъ, когда та, нагнувшись къ ямѣ, собиралась спуститься осторожно въ нее,—ударилась ее сзади тяжелой желѣзной лопатой по головѣ. Молодая женщина вскрикнула и упала въ яму. Тогда та быстро зарыла ее землей, такъ что трупъ могли вытащить изъ-подъ земли, лишь спустя нѣсколько часовъ.

Случайно находившійся въ сосѣднемъ огородѣ мужикъ подсмотрѣлъ это преступленіе и немедленно заявилъ о немъ старшинѣ. Преступница упорно отказывалась и на судѣ признавать себя виновной и настойчиво утверждала, что невѣстка ея страдала головокруженіями и, упавъ въ яму, сама паденіемъ обвалила на себя землю и задохнулась подъ нею.

Хитро было обдумано и самое преступленіе и увертки отъ него!

Изъ остальныхъ преступницъ, находившихся тутъ же, были двѣ молодыя дѣвушки: одна, поджегшая домъ трудолюбія отца Іоанна въ Кронштадтѣ; другая—убившая своего незаконнорожденного шестимѣсячнаго ребенка. Обѣимъ имъ не болѣе, какъ по 18 лѣтъ, и выглядывали онѣ очень миловидными и симпатичными. И та и другая представляли собою весьма интересные психологическіе сюжеты, но настолько серьезныя, что останавливаться на нихъ мелькомъ нельзя.

Однако, не имѣя въ то время достаточно данныхъ для подробнаго изученія ихъ, мнѣ пришлось ограничиться лишь поверхностными впечатлѣніями.

Первая изъ нихъ—поджигательница, показала мнѣ не совсѣмъ нормальнымъ человѣкомъ. Такъ, напримѣръ, когда я заговорила съ нею и спросила ее, правда ли, что она подожгла домъ отца Іоанна,—она очень спокойно, почти весело отвѣтила: «да», при чемъ съ большимъ интересомъ осматривала меня съ ногъ до головы. Я спросила ее далѣе, призналась ли она также на судѣ. Она такимъ же веселенькимъ тономъ отвѣтила: «да, призналась».

— А для чего же ты это сдѣлала?—продолжала я интересоваться.

Она повела плечемъ и только сказала: «не знаю!».

— Подбили тебя? Подкупили?

— Извѣстно, не одна, была!—спокойно замѣтила она.

— На каторгу осудили?

— Да!—просто отвѣтила она.

Это почти дѣтское, свѣжее лицо, эти любопытные, веселые глазки, спокойствіе, наивная откровенность—и каторга,—какъ не вязалось все это вмѣстѣ? Тутъ, очевидно, два предположенія: или полнѣйшая безсознательность поступка подъ вліяніемъ ли ненормальности психической, или дѣтскаго невѣдѣнія законовъ, даже самыхъ элементарныхъ; или же отчаянная испорченность, дошедшая до полного отупѣнія, испорченность врожденная, всосавшаяся въ кровь и плоть этого юнаго существа, не знающаго въ жизни ничего внѣ порока. Чтобы разрѣшить эту задачу, надо было имѣть и время и матеріалы, которыми трудно было заручиться, такъ какъ она уходила съ ближайшимъ этапомъ.

Вторая изъ нихъ представляла цѣлую жизненную драму. У этой молоденькой дѣвушки, въ буквальномъ смыслѣ, красавицы, годъ всего назадъ, на 17 году отъ роду, убившей своего ребенка,—теперь на рукахъ сидѣлъ уже второй прелестный малютка 8 мѣсяцевъ, и она шла съ нимъ въ каторгу на Сахалинъ.

Когда я заговорила съ нею, сама вся взволнованная жалостью къ ней, она горько зарыдала и, спрятавъ лице за ребенкомъ, обливаясь слезами и захлебываясь горемъ, говорила, что, для нея каторга ничто въ сравненіи съ тѣми муками, какія она испытываетъ,

когда думаетъ о томъ, что сдѣлала, о погибшемъ ребенкѣ и объ этомъ второмъ, который можетъ теперь погибнуть въ тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ будетъ находиться ради нея.

Я долго съ нею говорила.

— Береги хоть этого крошку; все, что можешь, дѣлай для него; быть можетъ, искупишь свой грѣхъ передъ Богомъ и найдешь утѣшеніе современемъ въ этомъ ребенкѣ!—старалась я ободрить ее.

Она посмотрѣла на малютку сіявшими любовью глазами и, страстно прижимая къ своей груди его, покрывая поцѣлуями и слезами, рыдая сказала:

— Пусть меня одну Богъ наказываетъ, только бы его сохранилъ! Я всю жизнь отдамъ за этого ребенка!

Возможно ли утѣшить такое горе? О себѣ она, очевидно, и не заботилась; не для себя страшилась она каторги, а для ребенка. Я спросила ее, гдѣ отецъ его. Оказалось, что тотъ тоже былъ преступникъ,—самостоятельно отъ нея, и тоже находился въ пересыльной въ это время; оба они подали апелляціи.

Дальнѣйшая ихъ судьба слѣдующая. Окружной судъ, послѣ вторичнаго разбора дѣла, замѣнилъ обоимъ каторгу вѣчной ссылкой въ Сибирь.

Передъ уходомъ по этапу эта дѣвушка обвѣнчалась съ арестантомъ тутъ же въ тюремной церкви, а ребенка отдала въ пріютъ, чтобы не рисковать потерять его въ дорогѣ. Годъ спустя, она писала изъ Иркутской губерніи, умоляя послать ей ребенка при случаѣ, такъ какъ и она и мужъ страшно тоскуютъ по немъ. Убіенство перваго ребенка, какъ оказалось, было вынуждено стыдомъ и отчасти невозможностью его содержать.

Такимъ образомъ, погибла молодая цвѣтущая жизнь этого незлобиваго и далеко не порочнаго существа.

Въ то время, когда я собиралась выйти изъ этого отдѣленія, ввели ту самую арестантку, которую я обогнала по дорогѣ. Она остановилась посрединѣ камеры, поклонилась мнѣ и затѣмъ спокойно оглядѣла присутствующихъ, словно любопытствуя, что произошло между ними въ ея отсутствіе.

— Ну, что скажешь? Чѣмъ кончилось твое дѣло?—спросила я, подойдя къ ней.

— Осудили на Сахалинъ! — спокойно проговорила она, какъ будто сказала: прогулялась, да и все тутъ! Никакого смятенія или горя на лицѣ. Какая-то мертвенность во всѣхъ чертахъ.

Неужели такъ же неуязвимо и сердце ея?—подумала я.

— Не страшно тебѣ?—спросила я опять, въ надеждѣ зашевелить въ ней хоть проблескъ сознанія, теперь, когда страшная будущность раскрылась для нея.

— Нѣтъ, все равно! И въ Сибири люди живутъ,—не звѣри!—отвѣтила она какъ-то автоматически.

— Есть у тебя семья гдѣ нибудь, родные, дѣти?

— Какъ не быть, всего есть, да какой же прокъ въ нихъ, нынче родные хуже чужихъ!—замѣтила она, но такимъ голосомъ, словно заученный урокъ, и смолкла, зажмурила бездѣтныя глазки и, казалось, задремала; только глубокая усталость выражалась во всей этой человѣческой фигурѣ.

Глядя на нее въ эту минуту, невозможно было представить себѣ ее въ минуту преступленія, когда, несомнѣнно, до крайности напрягаются во всякомъ человѣческомъ существѣ всѣ силы его.

Въ данномъ случаѣ въ ней проявлялась рельефно чисто животная потребность физическаго отдыха; быть можетъ, она же и ограждала ее отъ тяжелаго сознанія преступленія и грустной будущности.

Этимъ и еще гнетомъ нищеты и тѣсно связанныхъ съ нею семейныхъ неурядицъ я объясняю себѣ замѣченную мною не разъ поразительную индифферентность нѣкоторыхъ преступницъ къ приговорамъ суда и ссылкѣ на каторгу. Впрочемъ, я наблюдала еще одну причину къ этому равнодушію: весьма немногія изъ нихъ имѣютъ болѣе или менѣе правильное понятіе о громадной дали мѣстъ ссылокъ и тяжелыхъ условій каторги.

Къ лишеніямъ и извѣстному рабству трудовой жизни онѣ привыкли съ колыбели. Даль же разстояній для нихъ нѣчто смутное. Самое тяжелое наказаніе ощущаютъ тѣ изъ нихъ, для которыхъ приговоръ къ ссылкѣ или тюремному заключенію связанъ съ разлукою съ семьею, въ которой остались дѣти. Что же касается сознанія позора своего положенія,—это чувство встрѣчается въ нихъ весьма рѣдко, и проявляется оно чаще тамъ только, гдѣ виновность незначительна или случайная.

Между прочимъ, я замѣтила еще одно явленіе среди разныхъ типичныхъ арестантокъ. Далекое не всѣ онѣ дѣйствительно порочныя субъекты; иногда очень серіозныя уголовныя преступницы обладаютъ симпатичнѣйшими мягкими характерами и большой сердечной теплотой, тогда какъ между только «порочными» личностями въ большинствѣ случаевъ приходилось наталкиваться на антипатичнѣйшіе типы, уродливые физически, озлобленные, циничные; кажется, не они создаютъ зло, а зло избрало ихъ своими сосудами—отвратительными, какъ само оно.

Въ одной изъ слѣдующихъ камеръ содержалось множество женщинъ, арестованныхъ полиціей за безписьменность и нищенство.

Эта послѣдняя категорія отличается своимъ физическимъ уродствомъ; между ними много калѣкъ, полуидіотокъ, юродивыхъ; попадаются сумасшедшія и т. п.

Особенно антипатичные типы представляют собою quasi-религиозныя фанатички-богомолки. Большинство ихъ пересылаются изъ Кронштадта, куда онѣ стекаются со всѣхъ концовъ Россіи, чтобы околачиваться около церквей и духовенства. Ихъ иной разъ одинъ этапъ пригоняетъ до сорока душъ за разъ.

Эта категорія—язва нашей тюрьмы. Съ ними всегда много хлопотъ, такъ какъ онѣ никогда ничѣмъ не довольны, ропщутъ, выражаютъ претензіи и буквально заваливаютъ всѣхъ, кого только могутъ поймать, всякими прошеніями, чаще всего нелѣпыми. Въ тюрьмѣ онѣ не покидаютъ своей роли ханжей или христіанскихъ мученицъ, страдающихъ неповинно за свои «труды для Бога», какъ онѣ называютъ свои паломничества.

Иныя даже напускаютъ на себя молитвенное смиреніе, подъ которымъ кроются самыя хитрыя уловки, или какіе-то религиозныя экстазы: вздыхаютъ, плачутъ, причитываютъ, все время крестятся и проповѣдуютъ всякія нелѣпости, смущая своими примѣрами и рѣчами менѣе зараженныхъ товарокъ по заключенію.

Встрѣчались кликуши и якобы «бѣсноватыя». Такихъ приходится содержать въ одиночныхъ камерахъ, иначе онѣ своими припадками наводятъ ужасъ на остальныхъ арестантокъ.

Къ сожалѣнію, вмѣсто того, чтобы такіе экземпляры препроводить въ больницы на излѣченіе, ихъ систематично водворяютъ на родину, гдѣ онѣ имѣютъ сильное вліяніе на народъ, всегда склонный почитать разныхъ кликушъ и юродивыхъ.

Богомолки и нищенки составляютъ самый крупный контингентъ арестантокъ пересыльной тюрьмы, и какихъ только типовъ не встрѣтишь между ними, начиная отъ пятнадцати до восьмидесяти-лѣтняго возраста! Большинство ихъ рецидивистки, попадающія въ тюрьму по нѣсколько разъ въ годъ и до того свыкшіяся съ тюремной жизнью, что смотрятъ на нее, какъ на родной домъ, и называются здѣсь «своими».

Такъ, на примѣръ, была одна старуха, которую мы называли своей «квартиранткой». Попадала она въ пересыльную иногда до двадцати разъ въ годъ, и вотъ ея подлинный разговоръ со мною, когда я встрѣтила ее въ первое мое посѣщеніе пересыльной тюрьмы.

Наружность ея—отвратительная. Зовутъ ее Марковой. Ей 50 лѣтъ слишкомъ; она маленькаго роста, худая, вертявая, очень развязная. Морщинистое, желтое лицо, испитое и истасканное, похоже на старую тряпицу; курносая, съ выдающимися скулами, безцвѣтными волосами, ключьями выбивающимися изъ-подъ косынки и облѣпляющими изрытый складками низкій лобъ. Маленькіе сѣрые глазки, выцвѣтшіе и совсѣмъ провалившіеся въ орбиты, бойко бѣгаютъ изъ угла въ уголь, безпрестанно мигая воспаленными вѣками; въ нихъ такъ и брызжетъ цинизмъ.

— Вотъ эта,—указала мнѣ на нее въ первый разъ надзирательница,—почти каждая двѣ недѣли къ намъ жалуетъ.

Дружный смѣхъ арестантокъ отозвался на слова эти; смѣялась и сама героиня, широко разѣвая беззубый ротъ.

— Какъ же такъ?—удивилась я тогда.

— А такъ вотъ, сударыня-съ!—бойко заговорила ужъ сама арестантка, близко и какъ-то фамиліарно придвигаясь ко мнѣ.—Извольте видѣть-съ: все хотятъ меня на родину мою сплавить, а мнѣ этого вовсе не желательно-съ, такъ я оттуда удираю. Не далече-то моя и родина вся: Любань — станція всего-то, можетъ, извольте знать? Такъ вотъ, меня завезутъ туда, да и бросятъ; я оттуда сюда обратно, иной разъ въ тотъ же день и махну. Погуляю здѣсь съ недѣлку на свободѣ, да и заберутъ опять меня за безпильность; посадятъ въ часть, значитъ, изъ части сюда пригонятъ; тутъ посижу съ недѣлку, да и доставятъ на родину по этапу; ну, а я опять сюда придеру; вотъ и снова начинай! Такъ и ѣзжу все на казенный счетъ взадъ да впередъ! да!—говорила она и опять нагло засмѣялась, а за нею снова раздался смѣхъ изъ всѣхъ угловъ камеры.

— Отчего же ты не прописываешься здѣсь? —спросила я:—развѣ ты тутъ ничѣмъ не занимаешься?

— Нѣтъ-съ, сударыня; одно, что мнѣ нельзя тутъ жить; я, стало быть, рѣшенная столицы; а другое, что и прописываться-то не на что,—замѣтила она.

— А зарабатывать не можешь?

— Куда тамъ, заработать! Чему же я ученая?—и она закачала головою.

— Да гдѣ же ты съ дѣтства жила? Кто же теперь на бѣломъ свѣтѣ живетъ, не научившись какой нибудь работѣ, хоть стирать, шить, варить или какой иной деревенской работѣ? Что ты мнѣ сказки рассказываешь!

— Да вотъ же, многія изъ нашей сестры такъ и вѣкъ свой прожили, ничему не научившись! Коли позволите, я къ примѣру вашей милости про себя расскажу, какъ моя жисть сложилась,—предложила она.

Я сѣла на табуретку и просила ее рассказывать, невольно заинтересовавшись этимъ типомъ.

— Такъ вотъ, извольте видѣть!—начала она.—Сызмала я въ деревнѣ росла; мать померла, когда мнѣ годиковъ, поди, три, не болѣе того было; только не помню ее совсѣмъ. Отецъ послѣ нея запилъ и все добро наше изъ дома въ кабакъ стащилъ. Пилъ да пилъ, а меня только, знай, дралъ, когда ему на глаза попадала; ну, и тоже скоро померъ. Братъ у меня еще былъ большой. Послѣ смерти отца онъ женился на богатой, а та его въ домъ взяла, потому наша изба старая была, такъ бросили ее, а меня къ сусѣдкѣ въ няньки отдали. На ту пору мнѣ, должно быть, девятый годокъ пошелъ! Въ нянькахъ жисть тоже тяжелая была; цѣлые дни, знай

только, таскай на рукахъ крикуна толстаго такого, что еле стащишь, да озорнаго; а когда утомонится да уснетъ, тогда хозяйка по воду пошлетъ, али поль мыть въ избѣ заставитъ, али грядки на огородѣ пойдешь полоть, а къ какой нибудь домашней работѣ не пріучали. Бѣсть худо давали, зато пинками да тычками власть кормили и за косу таскали исправно! Надоѣла такая жисть! Мыкалась я такъ годовъ, должно, съ нять или шесть и много слезъ въ ту пору наглоталась. Тогда стали наши дѣвки уговаривать меня въ городъ уѣхать, чтобы мѣсто тутъ у господъ найти, да скорѣе на ноги встать. Послушалась да пріѣхала сюда. А здѣсь, словно въ лѣсу! Никого не знаю, денегъ нѣтъ, работы никакой не умѣю, что тутъ дѣлать? Тутъ одна проживала баба съ нашего селенія; розыскала я ее, да и заявила къ ней. Она меня и пристроила къ одному трактирщику въ семью, такъ опять же въ няньки. Ну, то же и пошло житье опять, что въ деревнѣ было! Только еще того тошнѣе обиждали меня эти господа; впрямь сказать можно, озорничали надо мной, какъ имъ вздумается. Билась, билась, съ трудомъ зарабатывала копейки; съ мѣста на мѣсто переходила; гдѣ проживешь нѣсколько мѣсяцевъ, а гдѣ нѣсколько дней всего. Билетикъ у меня былъ взять отъ волостного, да истекъ ему срокъ, а возобновить не сумѣла, да и не на что было. Тогда и спапали меня въ первый-то разъ и стащили въ часть, а оттуда сослали этапомъ на родину. Дома никого у меня уже не оставалось ни родныхъ, ни подругъ, окромѣ что братъ, да у того своя семья большая выросла, и притомъ, какъ доставили меня отсюда черезъ полицію изъ тюрьмы, значить, не захотѣлъ меня принять, такъ и осталась я на улицѣ единешенькая. Куда мнѣ было дѣваться? Къ кому ни пойдешь наниматься, хошь въ работницы, всѣ отъ тебя, словно отъ чорта, отворачиваются, обругаютъ, застыдятъ, да и прочь гонять; ступай, молъ, откуда пришла въ такомъ-то видѣ. Я сюда и вернулась обратно пѣшкомъ и снова начала мыкаться съ мѣста на мѣсто. За это время я къ одной прачкѣ случайно попала и у нея научилась стирать недурно; зато и пить тоже научилась. Да-съ, сударыня моя! Прачешная—погибель наша: то прозябнешь вся, то испаришься, то угоришь; только и спасенье тебѣ отъ всякой такой болѣзни, что въ водкѣ; ну, а извѣстное дѣло, коли познакомилась съ водкой—сюда тебѣ одна дорога, и шабашъ! Такъ-то, барынька!—закончила она свой длинный монологъ, который я съ большимъ интересомъ слушала; она глубоко, но прекомично вздохнула, а наглые глазки съ любопытствомъ на мнѣ остановились, словно изучая впечатлѣніе, какое она на меня произвела.

— И вотъ вся твоя жизнь?—спросила я.

— А то что еще? Тутъ вся и есть! Съ тѣхъ поръ вотъ и таскаютъ меня все съ участка въ часть, съ части сюда, отсюда въ Любань—станцію; тамъ я по прибытіи продаю въ кабаки арестант-

скій армякъ да свое это платье за трешницу, свое тряпье на себя надѣваю и сюда пробираюсь, когда пѣшкомъ, когда зайчикомъ (по желѣзной дорогѣ), когда какъ придется. Здѣсь на свою трешницу гуляю, и, когда шабашъ ей, побираюсь, пока не узнаетъ меня полиція и не схватить.

— Послушай, вѣдь этакъ и жизнь твоя вся пройдетъ, и ты ничего въ ней измѣнить не хочешь?

— Куда ужъ! И прошло такъ пять моихъ десятковъ лѣтъ, такъ и жизнь свою выживу, сударыня-съ! Мнѣ, стало быть, такъ на роду написано! Теперь поздно за умъ браться!—рѣшительно сказала она и такимъ тономъ, какъ будто хотѣла, казалось, поставить точку на такомъ пустомъ вопросѣ.

Я съ недоумѣніемъ на нее глядѣла.

— Скажи мнѣ правду: никогда не хотѣлось тебѣ иначе жить, побожески, трудиться и честно зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба? Развѣ не приходило тебѣ въ голову, что такая жизнь позорная для человѣка, а Богу и честнымъ людямъ противна?—спросила я ее.

— Какъ не приходило! Всяко дѣло въ голову лѣзетъ въ иной часъ! а что же подѣлаешь, барыня? Развѣ съ добра такая жисть сложится? Кому какая судьба выпадетъ! Въ первый-то разъ, когда меня сюда стащили, извѣстно, страшновато было; и поревѣла-жъ я тогда ужъ какъ! Я молода еще была, неопытная и не знала, что со мною дѣлать будутъ; да еще настрацалъ меня околоточный. Ну, а когда испытала тутъ все, такъ и бояться не стала. Что-жъ тутъ худого? Не одна я здѣсь! Вишь, сколько насъ тутъ нагнали и все больше такихъ же безталанныхъ, какая и я! Мы вѣдь не разбойницы какія: не убиваемъ, не ворuemъ, когда сыты; Богу молимся и людей зря не обижаемъ. А только вся и бѣда наша въ томъ, что къ работѣ не приучены, да водка насъ губить.

— Не вѣрится мнѣ, чтобы ты не могла, еслибъ захотѣла, заработать себѣ честную жизнь! Ты не глупая баба, къ тому же и здоровая... замѣтила я и стала уговаривать ее, приводя всякіе примѣры и резоны.

Она очень внимательно меня слушала, но видно было, что ей мои убѣжденія казались скорѣе смѣшными, чѣмъ серьезными. Дѣтство и юность, проведенныя среди лишеній, побоевъ и слѣзъ, служили ей основой взглядовъ на жизнь; мои же картины свѣтлой, трудолюбивой жизни, конечно, казались ей несбыточной волшебной сказкой, для осуществленія которой надо бы родиться счастливой избранницей, а не злополучной Марковой.

— Нѣтъ ужъ, барынька, вы меня оставьте! Чѣмъ же я заработаю себѣ жисть? Я вотъ прачка не плохая, первый сортъ, даже могу сказать, да только, я вамъ сказала, что это такое мастерство пагубное, которое безъ водки не спорится; а хлебнешь разъ и ужъ не удержишься!—возразила она.

— Такъ, значить, ты себя, матушка, черезъ водку погубила, а не судьба твоя такая!—замѣтила я.

— Такъ что же? Хотя бы и черезъ водку! А она-то у насъ съ чего же возьметса, какъ не съ тяжелой жисти? Все отъ нищеты и погибель наша, а вы говорите—не судьба!

— Но вѣдь, еслибъ ты работала, то и нищеты не знала бы! Впрочемъ, опомнись всегда есть время: пожелай только, и всякій тебѣ поможетъ подняться!

— Э... э!... гдѣ ужъ теперь! Горбатаго могилка исправляетъ!—воскликнула она и вздохнула; но въ этомъ возгласѣ и вздохѣ ужъ не было прежняго циничнаго комизма; въ нихъ почудилась мнѣ болѣе человѣчная нотка. Однако она тотчасъ встряхнулась и, схвативъ съ окна толстущій шерстяной чулокъ, собралась его штопать, и прежнее безшабашное наглое выраженіе снова застыло на всемъ этомъ уродливомъ существѣ.

Я встала и отошла.

Эта женщина представляетъ собою весьма типичный образчикъ огромнаго числа ей подобныхъ рецидивистокъ, стѣящихъ правительству громаднхъ денегъ. Напримѣръ, я рассчитала, что полезное существованіе этой старухи съ ея постоянными рейсами изъ Петербурга въ Любань, ея содержаніе въ тюрьмахъ и частяхъ, одежда и прочее стоили правительству за 35 лѣтъ ея тюремной карьеры—16.000 рублей...

Нельзя, къ тому же, не замѣтить, что постоянное водвореніе подобныхъ субъектовъ на мѣста родины не можетъ не отзываться весьма вредно на здоровой половинѣ народа.

Возвращаясь въ свои деревни, эти люди, потеревшіеся въ гнилой атмосферѣ городскихъ трущобъ и набравшіеся въ нихъ того отвратительнаго лоска, который составляетъ неминуемую принадлежность городского распутства, несомнѣнно приобрѣтаютъ надъ неиспорченнымъ воображеніемъ своихъ земляковъ сильное вліяніе. Имъ вѣрять, удивляются, слушаютъ съ любопытствомъ ихъ лживые, хвастливые рассказы про широкую городскую жизнь, увлекающую новизною и легкой наживою.

Трепетно внимаетъ, затаивъ дыханіе, свѣжая, молодая дѣвушка—деревенскій самородокъ,—кудрявые рассказы какой нибудь старой богомолки про ея сказочныя паломничества, или циничныя соблазнительныя повѣствованія какой нибудь «городской» подружки, на подобіе Марковой, вернувшейся въ родную деревню этапнымъ порядкомъ. Въ душу ея западаетъ опасная искра соблазна и скоро разжигаетъ молодое существо желаніемъ самой извѣдать жизнь, про которую только смутно доходятъ до нея разнообразныя слухи... и первый случай уноситъ ее въ это страшное теченіе, гдѣ она безпомощно тонетъ съ первыхъ же шаговъ... Мудрено ли, что

черезъ нѣсколько лѣтъ такой чистый зародышъ превратится въ Маркову?

Чѣмъ больше будутъ разсылать такихъ Марковыхъ на родину, тѣмъ болѣе размножится типъ подобныхъ женщинъ.

Съ моей первой встрѣчи съ Марковой, которую я описала, прошло уже три зимы, и я постоянно еще встрѣчаю ее то въ полицейскихъ частяхъ, то въ пересыльной тюрьмѣ.

Теперь, однако, встрѣчи наши съ нею приняли уже совсѣмъ дружескій характеръ и сводятся приблизительно къ слѣдующимъ діалогамъ:

— А, Маркова! Ты опять здѣсь?

— Здѣсь, здѣсь, какъ же, миленькая барынька! Какъ васъ-то Богъ милуетъ, здоровы ли?—и она бросается цѣловать мою руку съ неподдѣльной радостью.

— Здорова, спасибо! А ты что подѣлывала?

— Да все то же, сударыня-съ, слава Богу!

— Не надоѣли тебѣ еще эти стѣны?

— Какъ можно! Чему тутъ надоѣсть-то? Одно слово—рай!—она ухмыляется и съ наслажденіемъ озирается.

— Брось дурачиться, Маркова! Право, стыдно за тебя становишься!

— Чего стыдиться? Пора бы привыкнуть ко мнѣ! Не первый разъ, чай, видимся-то! Вѣдь, коли я перестану сюда ходить, ей, ей, соскучитесь тутъ всѣ по мнѣ, право слово!

— Нѣтъ, не соскучимся, а порадуеться за тебя, если узнаемъ, что ты за какое нибудь честное дѣло взялась. А нѣтъ, такъ перестанемъ принимать тебя сюда; пусть тебя въ Литовскій упекутъ навсегда, авось опомнишься!

— Не упекутъ, шутите! Небось и ко мнѣ-то всѣ здѣсь попривыкли за тридцать пять лѣтъ, что хожу сюда.

— Ну, иди хоть на нашу паровую прачешную, что ли, да оставайся тамъ работать!

— Что-жъ, отчего не пойти на время, коли прикажете; только вѣдь не утерплю, запыю и сами же прогоните.

— Перестань пить!

— Ишь вы, барынька, шутница какая, что вздумали!

Маркова хохочетъ; смѣются за нею и другія арестантки.

— Ну, прощай, когда ты моихъ совѣтовъ слушать не хочешь!

— До свиданья, миленькая барынька, будьте здоровы! Да не извольте сердчать, сударыня моя-съ, а пожалуйте ручку-то поцѣловать. Да еще просьбица у меня къ вашей милости...

— Чего тебѣ?

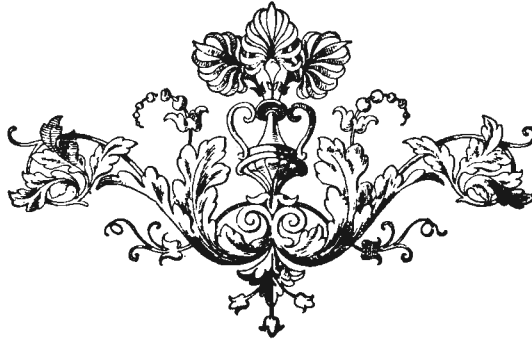
— Пожалуйте гривенничекъ на табачекъ; страсть, курнуть хочется.

— Ты вѣдь знаешь, Маркова, что здѣсь курить не дозволено!

— Какъ не знать; всякій законъ здѣшній уважаю; я не здѣсь курну; а вотъ завтра ранечко съ этапомъ ухожу, такъ тамъ, на волѣ, покурю да васъ вспомяну: дай Богъ барынькѣ здоровья!...

Стоишь и недоумѣваешь: сердиться ли?... смѣяться ли?... или плакать за нее?!...

О. В. фонъ-Кубе.

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. С. ЛѢСКОВѢ.

I.

ПЕРВОЕ изданіе «Полнаго собранія сочиненій» Николая Семеновича Лѣскова было предпринято А. С. Суворинымъ въ 1890 году, второе—въ 1897 году А. Ф. Марксомъ и третье изданіе въ настоящее время разсылается подписчикамъ «Нивы», въ видѣ приложенія. Такимъ образомъ усопшій писатель получилъ чрезвычайно широкое распространеніе въ русскомъ обществѣ, заставляя говорить и вспоминать о себѣ повсемѣстно. Между прочимъ и въ «Историческомъ Вѣстникѣ» помѣщены литературныя воспоминанія г. Оболенскаго, куда вошли и воспоминанія о мимолетномъ знакомствѣ его съ Лѣсковымъ, нуждающіяся въ комментаріяхъ; равно и въ новой книгѣ Ев. Соловьева: «Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка», сдѣлана характеристика Лѣскова, слабѣ которой трудно придумать. При воспоминаніи о писательской физиономіи Лѣскова прежде всего наталкиваемся на сложныя послѣреформенныя задачи и типы людей шестидесятыхъ годовъ; при воспоминаніи о Лѣсковѣ, какъ о человѣкѣ, нужно имѣть въ виду чрезвычайно сложную его натуру: его возбудимость, раздражительность, огромное самолюбіе, личныя отношенія, рѣзкость сужденій о людяхъ подъ первымъ впечатлѣніемъ и замѣчательную его нѣжность и деликатность, когда въ его сужденіяхъ о людяхъ и литературѣ не были замѣшаны «первыя впечатлѣнія», и умъ писателя находился въ свѣтломъ и спокойномъ состояніи. Объ одномъ и томъ же предметѣ, объ одномъ и томъ же лицѣ, возможно было

услышать отъ Лѣскова различныя мнѣнія, смотря по преобладанію въ немъ въ данную минуту страстей или спокойнаго ума. Въ этомъ случаѣ Лѣсковъ удивительно напоминалъ А. К. Шеллера. Вотъ почему одни вспоминаютъ ихъ цѣльными и свѣтлыми личностями, и такими они могли быть неоднократно; но другіе—вспоминаютъ ихъ изломанными и несправедливыми къ людямъ. «Лѣсковъ,—замѣчалъ С. Н. Терпигоревъ (С. Атава),—не можетъ прикоснуться къ человѣку безъ того, чтобы не положить на его голову кусокъ вонючей грязи». Этотъ отзывъ приводитъ въ своихъ воспоминаніяхъ г. Оболенскій. Такую одностороннюю характеристику слѣдуетъ исправить тѣмъ, что въ спокойномъ состояніи духа Лѣсковъ, напротивъ, не могъ прикоснуться къ достойному человѣку безъ того, чтобы не затушевать всѣ его недостатки и не освѣтить всей силой своего таланта одни его достоинства. Бичующій сатирикъ смѣнялся въ немъ идеалистомъ. Друзей своихъ онъ умѣлъ не только разжаловывать часто за воображаемые имъ самимъ проступки, но и восторгаться ими безъ чувства мѣры. Хватать во всемъ черезъ край—не разбирая, гдѣ правда и гдѣ ложь—является основной чертой художественнаго гиперболизма въ натурѣ такихъ людей, какъ Лѣсковъ и Шеллеръ. Этотъ гиперболизмъ живетъ во многихъ даровитыхъ писателяхъ. Понять его и воспроизвести очень трудно, но имъ исключительно объясняется жизнь такихъ лицъ, какъ Лѣсковъ. Преувеличеніе во всемъ, а не исключительно одного дурнаго. Лучшая сторона въ Лѣсковѣ была хорошо извѣстна Терпигореву, и она привлекала его къ нему въ теченіе многихъ лѣтъ. Идеалистическое настроеніе Лѣскова было хорошо извѣстно Терпигореву. Они много лѣтъ были между собою хорошими друзьями, и эта дружба, конечно, держалась не тѣмъ, что они заочно возлагали на головы другъ друга куски грязи. Мнѣ хорошо извѣстно, что, устранивая у себя маленькія пирушки, Терпигоревъ никогда не могъ обойтись безъ Лѣскова. Его письма къ нему въ этомъ случаѣ исполнены искренней пріязни, которую нельзя уже никакъ объяснить потребностью чувствовать у себя за столомъ «куски вонючей грязи»... Вотъ, на примѣръ, записка Терпигорева Лѣскову:

«Поймана и находится въ вотчинныхъ садкахъ гг. Терпигоревыхъ лососка.

«Приобрѣтена для собственнаго стола гг. Терпигоревыхъ индюшка (не литературная, а настоящая).

«Поставлено тѣсто, по распоряженію гг. Терпигоревыхъ, для ватрушекъ къ зеленымъ щамъ.

«Приглашенъ къ обѣденному столу гг. Терпигоревыхъ, имѣющему быть въ среду, въ 4¹/₂ час. генераль-майоръ С. Н. Шубинскій.

«О всемъ семъ вотчинная контора гг. Терпигоревыхъ почтительнѣйше доводитъ до свѣдѣнія его высокопреподобія еписарха

петербургскаго и ладожскаго, для зависящихъ распоряженій, а также и испрашиваетъ благословеніе его высокопреподобія на потребленіе всего сего».

Мнѣ самому приходилось неоднократно присутствовать на подобныхъ трапезахъ то у Терпигорева, то у Лѣскова. Я видѣлъ постоянно, что они хорошо знали недостатки другъ друга, но еще лучше знали взаимныя достоинства. Въ числѣ достоинствъ у Лѣскова числилась и щедрая хвала множеству лицъ, съ которыми онъ соприкасался. Потребность говорить о людяхъ хорошо проявлялась у него даже при чтеніи газетной статьи или книги. Потребность была такъ велика, что безъ всякаго съ моей стороны повода, часто воображая меня противникомъ этой статьи или книги, онъ писалъ мнѣ возраженія, съ цѣлью похвалить симпатичныхъ ему людей. Такъ, 9 мая 1893 года, я получилъ отъ него совершенно неожиданно слѣдующее письмо:

«Писатель, котораго имя я вчера позабылъ, есть де-Местръ. Ихъ было два: Ксаверій и Иосифъ, или Жозефъ де-Местръ.

«Въ «Русской Жизни» однако умѣютъ понимать, что важно и что не существенно. Вы напрасно относитесь къ нимъ съ ироніей. Посмотрите-ка, какой у нихъ сегодня фельетонъ о «саратовскомъ головѣ», и посравните, чѣмъ сегодня же полощутъ себѣ зубы фельетонисты другихъ газетъ»...

Вслѣдъ за тѣмъ, черезъ нѣсколько дней, 11 мая, я получаю опять письмо отъ Лѣскова съ той же потребностью кого-то защитить отъ воображаемыхъ противниковъ и хвалить дорогое ему дѣло:

«То, что мнѣ указываютъ, касается личной порядочности писавшаго. Жаль, если онъ дурень, но онъ все-таки написалъ дѣло. Лучше было бы, если бы можно было знать его и за хорошаго человѣка; но во всякомъ случаѣ и то не худо, что онъ говоритъ людямъ потребное и полезное. Кто его лично не знаетъ, для того этого и довольно, а если бы онъ написалъ дурное и пошрое, чѣмъ заполнена литература газетъ, то хоть бы онъ и не былъ похожъ на тѣхъ, кого мнѣ указываютъ, статьи его все-таки были бы вредны и противны. Теперь же онъ положительно полезен. За это спасибо. Написанное имъ должно производить хорошее внушеніе. Это хорошо. Онъ, говорятъ, ненадеженъ. Это жалко и нехорошо; но руководители изданія поставили его такъ, что онъ притворяется хорошимъ и говоритъ хорошее,—это опять хорошо, и люди, которые умѣютъ извлекать изъ плохого человѣка такую выгоду для честнаго дѣла,—есть люди умные и способные къ дѣлу. Ими стоитъ дорожить. Умѣнье же у нихъ немалое, при этомъ надо отличать не только въ томъ, что они пишутъ, но и въ томъ, о чемъ молчать... На сихъ дняхъ всѣ повторяли одну пошлость, а у нихъ ея не было, и вообще у нихъ не даютъ мѣста пошlostямъ, отъ которыхъ теперь не свободны уже и такіе вожди, которые

претендуютъ на особенную чистоту своихъ репутацій. А, вѣдь, есть еще и такіе, которые научаютъ писать въ пошломъ родѣ людей, еще не совсѣмъ опошленныхъ... Какъ же сравнить этихъ развратителей съ тѣми, которые, быть можетъ, нѣсколько и притворяются, но притворяются людьми порядочными и внушаютъ порядочность?

«Я всегда съ твердою основательностью посовѣтую молодому человѣку читать это изданіе, не дающее у себя мѣста пошлости. Изданія такого духа надо поддерживать и ихъ не конфузить: ихъ мало, и они дѣлаютъ хорошую службу. Когда эта газета заговоритъ такъ же пошло, какъ и другія, тогда можно измѣнить о ней свое мнѣніе; а до тѣхъ поръ надо ей помогать, хотя бы люди, тамъ сидящіе, были мнѣ сподрядъ всѣ непріятны»...

Не менѣе характерны и дальнѣйшія письма Лѣскова ко мнѣ, изъ которыхъ видно, съ какой неодолимой жаждою онъ кладетъ на головы лицъ, съ которыми соприкасается, миртъ и лавры. Письма его вызваны были тѣмъ, что, высоко цѣняя оригинальныя произведенія М. Меньшикова, я находилъ однако многія его мысли красивыми парадоксами или прямо невѣрными¹⁾.

Но Лѣсковъ не допускалъ по адресу своихъ любимцевъ ни малѣйшей критики и возражалъ мнѣ въ письмахъ, страшно преувеливая мои отзывы о Меньшиковѣ. Вообще слѣдуетъ оговориться, что Лѣсковъ всегда преувеличенно воспринималъ чужіе разговоры о литературѣ, особенно если они заключали противныя ему мысли. Онъ придирался иногда къ пустякамъ, подыскивалъ въ словахъ «заднія мысли» и перетолковывалъ сообразно его настроенію. По поводу Меньшикова онъ писалъ мнѣ 16-го ноября 1893 года слѣдующее:

---

¹⁾ За послѣднее время, напримѣръ, я могу указать въ этомъ смыслѣ на тѣ статьи г. Меньшикова, гдѣ онъ настаиваетъ на томъ, чтобы судъ присяжныхъ обязательно обвинялъ убійцъ, ради общественнаго мнѣнія и морали, но съ ходатайствомъ объ ихъ помилованіи. Мнѣ кажется, что если удовлетвореніе судебного ходатайства признать обязательнымъ, то обвинительный вердиктъ представить собою одну комедію, а если ходатайство о помилованіи возможно оставить безъ послѣдствій, то въ какомъ положеніи тогда оцутится подсудимый и совѣсть присяжныхъ? Не менѣе странно, что онъ обвиняетъ также Европу («Нов. Вр.» отъ 31-го марта) за то, что она плохо воспитала насъ, такъ какъ мы заимствовали изъ ея цивилизаціи однѣ отрицательныя стороны. Удивительная логика! Кто же мѣшаетъ намъ заимствовать и цѣнить по достоинству положительныя стороны европейскаго прогресса? Но, разумѣется, было бы глубокой несправедливостью измѣрять значеніе Меньшикова однѣми ошибками или увлеченіями его писательскаго темперамента. Въ общемъ его работы: «Думы о счастья», «О писательствѣ», «Народные заступники», «Критическіе очерки» и т. д.—направлены къ усовершенствованію нравовъ и, изложенныя блестящимъ языкомъ, читаются, какъ романъ, заставляя читателей самостоятельно думать о вопросахъ первостепенной важности. А. Ф.

«Я получилъ ваше взволнованное письмо, въ которомъ вы мнѣ пишете, что писатель, котораго я нахожу очень умнымъ и хорошимъ знатокомъ своего дѣла, — вамъ не нравится, и въ вашихъ глазахъ не имѣетъ никакихъ достоинствъ. Припоминаю, что я и раньше какъ будто слыхалъ о немъ отъ васъ нѣчто подобное и укоряю себя въ томъ, что по разсѣянности сдѣлалъ вамъ новое указаніе на этого человѣка. Сердиться на ваше мнѣніе не имѣю ни основанія, ни причины. «Мнѣнія свободны», и «такъ устроенъ свѣтъ», что гдѣ хоть два есть человѣка, есть два и взгляда на предметъ». Почитать писателя мало значащимъ или много значащимъ свободенъ каждый, но при столь рѣзкихъ несогласіяхъ невозможно трактовать о данномъ лицѣ или о данномъ сочиненіи. Это очевидно, и мы объ этомъ писателѣ болѣе говорить не будемъ, никогда не должно спорить о томъ, что представляется двумъ людямъ совершенно не схожимъ».

Разумѣется, предметомъ спора у меня съ Лѣсковымъ была какая нибудь частная мысль въ статьѣ Меньшикова, и о ней я писалъ или говорилъ Лѣскову съ своей точки зрѣнія. Но Лѣсковъ по обыкновенію обобщилъ мои мысли и приписалъ мнѣ самые произвольные отзывы о Меньшиковѣ. На другой день я получилъ письмо, характерное для литературнаго пульса, который бился въ Лѣсковѣ. Онъ пишетъ отъ 17-го ноября 1893 г.:

«Ничего не могу сдѣлать для перемѣны своихъ убѣжденій на счетъ литературнаго значенія Меньшикова: признаю его за человѣка очень умнаго, съ большимъ знаніемъ литературы и съ выдающимися способностями къ разносторонней критикѣ и анализу. Таково же, какъ мнѣ извѣстно, и мнѣніе Л. Н. Толстого, но если бы Л. Н. имѣлъ и не такое, а иное мнѣніе, даже совсѣмъ противоположное и ближе подходящее къ вашему, — это бы на меня не оказало вліянія. Мнѣ надо не быть самимъ собою, чтобы отложиться отъ моего собственнаго разумѣнія; а этого сдѣлать нельзя, и я долженъ оставаться при своемъ пониманіи, за которое вы, конечно, въ правѣ меня осудить. Но разсуждать объ этомъ мы не можемъ, такъ какъ мы разно видимъ, и потому намъ не на чемъ сговариваться. Такъ это пусть и останется.

«Про Золя я охотно слушаю, когда говорятъ о его талантѣ и его манерѣ писанія, но говорить о его умѣ и критическомъ чувствѣ мнѣ кажется дѣломъ напраснымъ.

«А вообще можно и должно держаться такого правила, что умныхъ и даровитыхъ людей надо беречь, а не швыряться ими, какъ попало, а у насъ не такъ. О насъ Пушкинъ сказалъ:

Здѣсь человѣка берегутъ,
Какъ на турецкой перестрѣлкѣ...

«Оттого ихъ такъ и много! Меня, однако, литература больше терзаетъ, чѣмъ занимаетъ. Мнѣ по ней всегда видно, что мы народъ

дикій, и ни съ чѣмъ не можемъ обращаться бережно: «гнемъ—не поримъ, сломимъ—не тужимъ».

Едва ли подобныя письма свидѣтельствуютъ холодность Лѣскова къ литературнымъ именамъ и неодолимую потребность возложить каждому изъ нихъ на голову кусокъ грязи, какъ отзывается о немъ г. Оболенскій. У меня имѣется очень много доказательствъ обратнаго.

Одной изъ нашихъ талантливыхъ писательницъ онъ писалъ отъ 11 января 1893 года слѣдующія теплыя строки:

«Отъ всего сердца благодарю васъ, что вы меня навѣстили. Это очень мило съ вашей стороны и глубоко меня тронуло и обрадовало какъ за себя, такъ и за васъ и за родъ человѣческій, которому нужны люди съ жизнеспособными сердцами. Потомъ мнѣ досадно, что я совѣмъ не могъ говорить съ вами, и я боюсь, что вы не скоро зайдете ко мнѣ во второй разъ. Пожалуйста, знайте, что я чувствую сильное сродство съ вами, и имѣю духовную потребность васъ знать и имѣть съ вами умственное общеніе. Если вамъ не тяжело подарить мнѣ иногда часокъ вашего времени,—пожалуйста, навѣстите меня и знайте, что для меня съ вами приходитъ интересъ къ жизни и радость отъ встрѣчи съ разумнѣемъ жизни. Повѣстью вашею я, конечно, занятъ очень сильно и очень интересуюсь знать, какими сторонами вы ее теперь поворачиваете къ солнцу, но я не думалъ давать вамъ совѣтовъ. Я просто очень заинтересованъ. Читать другимъ до отдѣлки своихъ работъ никогда не слѣдуетъ, но просматривать отдѣланное съ тѣмъ, въ комъ есть пониманіе дѣла,—очень хорошо. Любой художникъ вамъ скажетъ, что собственный глазъ иногда и даже часто «засматривается» и не замѣчаетъ, гдѣ есть что-то, требующее пополненія или облегченія. Имѣть передъ собою толковаго слушателя это не значитъ подвергать себя опасности «перестать быть собою»... Левъ Ник. читаетъ свои вещи по рукописи, и Гоголь и Тургеневъ дѣлали то же. Повѣсть ваша есть мастерское произведеніе, но вѣдь на героиню надо было положить какую-то черточку, которой не положено, вѣроятно, потому, что глазъ «присмотрѣлся» и не замѣчалъ».

Въ томъ же мѣсяцѣ онъ писалъ ей вновь:

«Благодарю васъ за вашъ отвѣтъ и за обѣщаніе навѣщать меня, но скорблю, что вы запрещаете мнѣ говорить о вашей повѣсти; но какое это лишеніе и зачѣмъ оно?.. Развѣ мы «кружева плетемъ», а не идемъ на дьяволовъ? Вѣдь у насъ есть общая идея, въ преданности которой есть наше «сродство», и вотъ о способахъ служить этой-то самой идеѣ и надо «не говорить»... Какой ужасъ! Мучительная, проклятая страна, гдѣ ничто не объединяется, кромѣ элементовъ зла. Все, желающее зла, сплачивается,—все, любящее свѣтъ,—сторонится отъ общенія въ дѣлѣ. Левъ Николаевичъ много сдѣлалъ, чтобы поставить это иначе, но я боюсь, что съ нимъ это направленіе и пойдетъ...

«Однако я въ моей жизни такъ много перемучился за литературу и такъ много говорилъ, что могу дать вамъ обѣщаніе не говорить болѣе. Я скажу напоследѣяхъ только одно: я хотѣлъ этой вашей повѣсти занять такое мѣсто, чтобы она не только «нравилась», какъ кружево, а чтобы она «жгла сердца людей», и вы должны ее довести до этого.

«Вчера я писалъ Л—ву Н—чу и сообщилъ ему, что вы меня навѣстили, и что я былъ этимъ очень счастливъ, и что вы пришли ко мнѣ, такъ сказать, «во имя его», и стало быть, онъ какъ бы былъ среди насъ. Я, вѣдь, вамъ не сказалъ, что онъ хотѣлъ прійхать ко мнѣ... Это меня очень взволновало, потому что имѣло множество такихъ сложностей, которыхъ совѣмъ не надо.

«Когда я здоровъ, я ухожу гулять въ 2 часа; до 2-хъ работаю; въ 5 обѣдаю и потомъ во весь вечеръ остаюсь дома. Когда бы вы ни зашли ко мнѣ, я всегда буду этимъ очень обрадованъ.

«Хотѣлъ бы знать: могу ли я прійти къ вамъ, когда мнѣ будетъ лучше? Я боюсь васъ стѣснить своимъ визитомъ».

Наканунѣ новаго 1894 года онъ пишетъ тому же лицу:

«Усердно васъ благодарю за поздравленіе съ новымъ годомъ, и самъ васъ поздравляю. Умеръ Гайдебуровъ... Это меня и поразило и огорчило до слезъ. Онъ былъ изъ хорошихъ людей, и съ нимъ можно было кое-что дѣлать на пользу просвѣщенія толпы. Число такихъ мало, и убыль ихъ тяжела. Благожеланія ваши хороши. Во всякомъ разѣ они лучше, чѣмъ бываютъ у всѣхъ, но тоже съ недостатками. Надо желать «добрыхъ и полезныхъ душамъ нашимъ». Тутъ все, что нужно. Я вамъ желаю «добрыхъ и полезныхъ душъ вашей», которую я чрезвычайно люблю и иногда ею люблюсь.

«Книжку Нордау ставлю совершенно такъ же, какъ и вы. Въ ней много умныхъ и интересныхъ мыслей, а любить въ ней нечего, какъ любить Сенеку, Марка Аврелія и имъ подобныхъ.

«Спасибо 1893 году за то, что онъ насъ свелъ и познакомилъ, и, можетъ быть, пріязнью подарилъ».

Изъ слѣдующихъ писемъ Лѣскова къ С. Н. Шубинскому ¹⁾ еще болѣе можно усмотрѣть, въ какой мѣрѣ онъ былъ исполненъ идеалистическаго отношенія къ литературѣ, и какъ онъ былъ радъ добрымъ чувствамъ къ кому либо изъ литераторовъ.

Въ началѣ 1880 г. онъ писалъ г. Шубинскому:

«Я съ радостью прійду къ вамъ въ понедѣльникъ вечеромъ въ 8 или 9 часовъ. Очень радъ послушать очевидца. Книгу вашу привезу. О Голубинскомъ никому не повѣрю. Я читаю его страстно, но сузу не увлекаюсь. Онъ понимаетъ духъ нашей церковной исто-

---

¹⁾ Приношу мою благодарность С. Н. Шубинскому за любезное разрѣшеніе воспользоваться этими письмами. А. Н. Ф.

риі, какъ никто, и толкуеть источники вдохновенно, какъ художникъ, а не буквоѣдъ. Онъ долженъ быть руганъ и переруганъ, но правъ будетъ онъ, а не его судьи. Онъ производитъ реформу и долженъ пострадать за правду—это въ порядкѣ вещей, но правда и притомъ вдохновенная правда историческаго проникновенія съ нимъ, а не съ Б—мъ и не съ tutti frutti. Я впрочемъ охотно готовъ о немъ не писать, но ему я написалъ, потому что я не спалъ 4 ночи, не будучи въ силахъ оторваться отъ книги. Не думаю, чтобы судъ о немъ былъ судъ правый, митрополитъ Макарій не далъ бы денегъ на изданіе пустяшнаго труда, а онъ ихъ далъ, несмотря на то, что Голубинскій много разъ противорѣчилъ Макарію. О Голубинскомъ вѣрнѣе всѣхъ отозвался нѣкто такимъ образомъ: «онъ треплетъ историческіе источники, какъ понамарь поповскую ризу, которую онъ убираетъ послѣ служенія». Сейчасъ еще ее цѣловали, сейчасъ чувствовали, какъ съ ея «ометовъ каплетъ благодать», а онъ ее знай укладываетъ... Грубо это, но вѣдь онъ знаетъ, что подъ нею не благодать, а просто крашенина съ запахомъ отъ пота. Но Голубинскій, кажется, такъ и идетъ на это... Это Шерръ ¹⁾ русской церковной исторіи, у которой до сихъ поръ были только «кадиловозжигатели». Пусть что кому нравится, а мнѣ нравятся Шлоссеръ, Ренанъ, Шерръ, Костомаровъ, Знаменскій и Голубинскій. Степени ихъ учености и дарованій различны, но пріемъ и духъ одинъ и тотъ же—это духъ, единственно принадлежащій живой наукѣ, и онъ есть духъ живучій—духъ будущаго исторіи, тогда какъ Б. и tutti frutti останутся мертвыми, погребаемыми своихъ мертвецовъ.

«Дружески любящій васъ Н. Лѣсковъ».

Отъ 28-го октября 1884 г., узнавъ о смерти Н. И. Костомарова, онъ пишетъ г. Шубинскому:

«О Костомаровѣ глубоко скорблю. Это былъ настоящій писатель и человѣкъ съ литературною честностью, какихъ все становится менѣе и менѣе. «Память его будетъ съ похвалами» и «во благихъ водворится». Онъ пожилъ и потрудился довольно, но безъ него станетъ пусто».

Въ слѣдующемъ 1885 году, то же доброжелательное настроеніе охватываетъ Лѣскова при чтеніи рождественскаго разсказа А. С. Суворина. Онъ пишетъ С. Н. Шубинскому:

«Суворинъ меня очень обрадовалъ: разсказъ его въ рождественскомъ номерѣ исполненъ силы и прелести и при томъ—смѣлъ чор-

¹⁾ Иоганнъ Шерръ—нѣмецкій историкъ. Въ 1848 г.—глава демократической партіи въ Виртембергѣ; въ 1849 г. бѣжалъ въ Швейцарію и въ Цюрихѣ былъ профессоромъ исторіи и литературы. А. Ф.

товски ¹⁾. Это написано такъ живо и сочно, что брызжетъ на читателя не только горячею кровью, но даже и спермой.... По смѣлой реальности и вѣрности жизни я не знаю равнаго этому маленькому, но превосходному разсказу. Я думаю, что если бы онъ не самъ написалъ этотъ мастерской разсказъ, то онъ бы отказался его напечатать. Я болѣе всего радъ, что талантъ его живъ и цѣлъ, и ни годы хандры, ни инныя причины его не упразднили. Разсказъ дышитъ силою и зрѣлостью ума, глядящаго зорко и опытно. Словомъ это прекрасно, несмотря на несоотвѣтствующее заглавіе и на нѣсколько скомканное окончаніе. Какая бы изъ этого могла выйти драма! И однако ея на сцену бы не допустили. Въ общей экономіи картины халуй остался не выписанъ, а тутъ два, три штриха могли потрясти читателя глубже, чѣмъ все остальное, написанное страстно и съ удивительною жизненностью. «Орлу обновишася крила его». Въ этомъ разсказѣ матеріала художественнаго на цѣлую повѣсть, въ которой анализа можно было обнаружить столько, сколько его не обнаруживалъ нигдѣ Достоевскій. И притомъ какого анализа?—не «раскопки душевныхъ ретиратовъ» (какъ говорилъ Писемскій), а погруженіе въ страсть и въ казнь за нее страстью же (страстью лакея). Это не «пустяки», а преступленіе и наказаніе по преимуществу. Суворинъ сжегъ въ этотъ рождественскій вечеръ въ своемъ каминѣ не «рождественскій чурбанъ», а цѣлый дубъ, подъ вѣтвями котораго разыгралось бы много драмъ. За это на него можно сер-

¹⁾ Фельетонъ А. С. Суворина взятъ изъ дѣйствительной жизни и помѣщенъ въ «Новомъ Времени», отъ 25 декабря 1885 года за № 3531, подъ названіемъ «Трагедія изъ-за пустяковъ». Командиръ полка разсказываетъ о томъ, какъ офицеры и онъ самъ въ молодости ухаживали за красивой помѣщицей Ильменевою. Последняя предпочла всѣмъ имъ корнета Привалова и пригласила его къ себѣ на всю ночь во время отъѣзда своего мужа изъ усадьбы «Покровское» въ городъ. Полковникъ зналъ о предстоящемъ свиданіи, но изъ ревности ничего не сдѣлалъ, чтобы удержать Ильменева у себя на квартирѣ, когда тотъ изъявилъ ему намѣреніе вернуться въ ту же ночь обратно къ себѣ въ усадьбу. Повидимому, полковникъ и красавица Юлія приписываютъ послѣдующую трагедію «пустякамъ». По крайней мѣрѣ, она говоритъ ему: «Господи, и все это изъ-за такого вздора, изъ-за такой малости! Отчего я прямо не сказала мужу: «виновата... у меня любовникъ». Изъ этой «малости» разыгралась слѣдующая драма: въ сосѣдней со спальней комнатѣ была глубокая ниша съ платъемъ, куда и бросился корнетъ Приваловъ, слышавъ ночью шаги вернувшася мужа. Въ нишѣ онъ задохся и умеръ. Чтобы скрыть его трупъ, Юлія прибѣгла къ помощи лакея Якова. На этой почвѣ и разыгралась «трагедія». «Этотъ рабъ, говоритъ Юлія, это подлое животное не только обиралъ меня, не только заставилъ заступаться передъ мужемъ и обкрадывать мужа и моихъ дѣтей, онъ заставилъ меня сдѣлаться его любовницей!» Когда не стало болѣе силъ терпѣть, она отравила его и ночью въ отчаяніи прибѣжала къ полковнику съ горькой исповѣдью своей жизни. Безвыходность несчастной женщины обострила въ немъ давнее къ ней расположеніе. Онъ принялъ быстрое рѣшеніе и убѣдилъ ее остаться у него... Въ заключеніе онъ говоритъ: «Выше Покровскаго есть глубокой омутъ... Трупъ Якова путешествовалъ въ моей лодкѣ до этого омута и на днѣ его погребенъ... Это было въ слѣдующую ночь...».

даться. Такъ глубоко не всегда заколупишь. Жаль, если этотъ разсказъ останется мало замѣченнымъ, а это возможно, какъ возможно и то, что его справедливое направленіе рецензенты назовутъ «клубничнымъ» и т. п. Она могла въ трехъ строкахъ разсказать, какъ она въ первый разъ отдалась лакею. Не томилъ страхъ послѣ смерти любовника... она не спала, ей что-то чудилось. Лакей вышелъ изъ ниши, гдѣ тотъ погибъ, и тутъ его смѣлость и нахальство и ея отчаяніе. Думала отдѣлаться однимъ мгновеніемъ, а онъ ввелъ это въ хроническое дѣло. У нея явилось что нибудь въ родѣ не бывшей ранѣ страсти къ духамъ... она все обтирала руки (какъ леди Макбетъ), чтобы отъ нея не пахло его противнымъ прикосновеніемъ. Эта новая ея привычка до развязки разсказа увеличила бы силу чего-то въ ней совершающагося. Очень глубокой и сильный разсказъ. Въ Орловской губерніи было нѣчто въ этомъ родѣ. Дама попалась въ руки своего кучера и дошла до сумасшествія, все обтираясь духами, чтобы отъ нея «конскимъ потомъ не пахло». Лакей у Суворина недостаточно чувствуется; читателямъ его тиранія надъ жертвою почти не представляется, и потому къ этой женщинѣ нѣтъ того состраданія, которое авторъ непременно долженъ былъ постараться вызвать, какъ по требованіямъ художественной полноты положенія, такъ и потому, чтобы сердцу читателя было на чемъ съ нею помириться и пожалѣть ее, какъ существо, оттерпѣвшее свою муку. По крайней мѣрѣ, я такъ чувствую, а, можетъ, и онъ тоже. Иначе все какъ-то легко сошло... очень ужъ легко. 26 декабря 1885 года».

Такія письма Лѣскова, надѣюсь, легко убѣждаютъ въ томъ, что рядомъ съ склонностью испортить чужую репутацію въ немъ жила также потребность идеализации своего ближняго. А въ спокойномъ состояніи духа онъ былъ даже объективенъ. Интересно его письмо къ С. Н. Шубинскому отъ 2 мая 1890 года. Онъ пишетъ:

«Я прочелъ статью Арсенія Ивановича Введенскаго въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» и глубоко благодаренъ за нее автору и вамъ. Статья эта вполне справедлива, умна, благородна и благожелательна, а при этомъ она строга и требовательна и не льстива, что мнѣ особенно дорого и пріятно. Это первая статья, которую я прочелъ о себѣ, чувствуя въ критикѣ настоящую честность, искренность и ясное пониманіе. Я очень счастливъ, что дожился до удовольствія прочесть о себѣ мнѣніе чловѣка искренняго и понимающаго дѣло. Что онъ ставитъ мнѣ въ упрекъ, то все правильно, заслуживаетъ замѣчанія и укоризны, и онъ обидѣлъ бы меня, если бы отнесся ко мнѣ снисходительнѣе. Словомъ я очень радъ, что вы остановились на этой статьѣ Введенскаго, и прошу васъ принять отъ меня глубокую за нее благодарность. 2 мая 1890 года».

Даже въ личныхъ исторіяхъ Лѣсковъ не всегда давалъ волю своему дурному характеру. Въмѣсто бросанія на голову ближняго

кусковъ грязи, онъ могъ и къ самому себѣ относиться критически и сознавать свои ошибки. Однажды А. С. Пругавинъ прислать въ редакцію «Историческаго Вѣстника» статью о сектантѣ «Суетловѣ Водынинѣ», которую редакторъ журнала, С. Н. Шубинскій, далъ на просмотръ Н. С. Лѣскову, какъ много работавшему по русскому расколу. Лѣсковъ сдѣлалъ въ ней исправленія, и статья была напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1884 годъ, въ № 4. Лѣсковскія поправки однако оказались совершенно ошибочными, и г. Пругавинъ послалъ объ этомъ въ редакцію журнала письмо съ справедливымъ укоромъ за допущеніе въ текстъ его статьи грубыхъ ошибокъ. Шубинскій послалъ его возраженіе къ Н. С. Лѣскову, который отъ 8-го сентября отвѣтилъ г. Шубинскому слѣдующимъ письмомъ:

«Получилъ и при семъ же вамъ возвращаю письмо Пругавина. Помню хорошо, какъ это было. Вы жалѣли, что должны ему отказать въ напечатаніи статьи, написанной рѣзко и неловко. Я заспорилъ съ вами, что вы мнительны, и, прочтя статью, сказалъ, что ее можно провести, сдѣлавъ приспособленіе и сопоставленіе. Желая сберечь грошъ собрату, я самъ и сдѣлалъ это по просьбѣ вальей. Статья такимъ образомъ и прошла. О Пушкинѣ я зналъ по корреспонденціи, читанной за границей въ Карлсбадѣ. Можетъ быть, она и невѣрна, а Пругавинъ правъ. Ученье же Пушкина и Водынина по духу близки, а главное они дерзничали и страдали. Впрочемъ этихъ великихъ людей такъ много, и всѣ они такъ велики и имениты, что очень можетъ быть, что я и напугалъ, но съ самою впрочемъ доброю цѣлью—спасти статью чужую и совершенно на вашъ взглядъ невозможную. Чтобы исправить эту историческую ошибку, я бы просилъ васъ написать Пругавину, что я виновникъ всего этого безчинства, и что я прошу у него извиненія за мое глупое вмѣшательство и былъ введенъ въ заблужденіе чужеземною газетою. Поправлять этого не стоитъ до новаго изданія, когда Пругавинъ просто можетъ вычеркнуть. А если ему непременно хочется поправлять теперь, то прошу васъ усердно обнаружить, что этотъ промахъ сдѣлалъ я, и обозначить вполне мое имя. То же самое я предоставляю и самому Пругавину, что и прошу васъ ему сообщить».

II.

Приведа рядъ писемъ Лѣскова, свидѣтельствующихъ о томъ, что въ спокойномъ состояніи духа онъ былъ весьма склоненъ идеализировать людей, я вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ признать, что у него въ запасѣ было достаточно и «вонючей грязи», о которой говорятъ, и которой въ минуты гнѣва и ссоры онъ дѣйствительно пачкалъ соприкасавшихся съ нимъ людей. Но похвальный и отрицательный отзывы о Лѣсковѣ должны быть одновременными, если характери-

зовать его всесторонне. Вотъ почему я считаю необходимымъ сдѣлать поправку къ воспоминаніямъ г. Оболенскаго о Лѣсковѣ и такъ же буду принужденъ распространиться противъ воспоминаній о Лѣсковѣ г. А. О., напечатанныхъ въ «Новомъ Времени». Послѣдній не только писалъ о томъ, что Лѣсковъ былъ скупъ на похвальные отзывы о пишущей братіи, но что онъ думалъ возмѣстить университетское образованіе знакомствомъ съ разными старыми книгами преимущественно церковнаго содержанія; что, прочитавъ какую нибудь раскольничью книгу, онъ воображалъ себя гораздо «ученѣе» университетскихъ профессоровъ; что «книга», съ которою онъ не разставался, никогда не была общеобразовательною книгою; что нерасположеніе ко всему современному и въ особенности европейскому выражалось у Лѣскова даже въ забавныхъ мелочахъ, а пристрастіе къ Москвѣ XVII вѣка, съ кваскомъ и чадомъ подоваго печенья, было безграничнымъ...

Эти отзывы совершенно ошибочны и объясняются тѣмъ, что г. А. О. вспоминаетъ о своемъ съ Лѣсковымъ знакомствѣ въ ранній періодъ литературной дѣятельности послѣдняго.

Между тѣмъ Лѣсковъ умеръ 21-го февраля 1895 года и за послѣднія 10—15 лѣтъ былъ совершенно неузнаваемъ для тѣхъ, кто встрѣчался съ нимъ въ семидесятыхъ годахъ.

С. Н. Шубинскій, редакторъ «Историческаго Вѣстника», въ которомъ по преимуществу работалъ Н. С. Лѣсковъ послѣдніе годы своей жизни, говорилъ мнѣ:

— Лѣсковъ, съ которымъ я познакомился на вечерахъ у Милюкова и который началъ работать вскорѣ у меня въ журналѣ, совсѣмъ не походилъ на того Лѣскова, котораго вы знали послѣдніе годы его жизни, и котораго уже съ трудомъ можно было напечатать въ журналахъ при настоящихъ условіяхъ печати. Онъ неузнаваемъ сталъ. На моихъ глазахъ онъ росъ съ каждымъ годомъ за послѣднія десять лѣтъ, необычайно развиваясь въ своихъ взглядахъ. Онъ умѣлъ читать и выбирать изъ чтенія все то, что подходило къ тѣмъ образамъ, которые наполняли его душу. Онъ училъ за послѣднее время, какъ власть имѣющій, а не просто разговаривалъ съ вами. Прочеть книгу и переработать всю ее по-своему, снабдить разговоръ запасомъ собственныхъ наблюденій изъ русской жизни и литературы, по пути подвергнуть насмѣшкѣ своихъ недруговъ и ошеломить васъ возможностью тѣхъ или другихъ событій въ политическомъ мірѣ, плѣнить лучшимъ, что есть въ человѣческой душѣ, и подорвать довѣріе къ государству во вкусѣ Л. Н. Толстого — вотъ Лѣсковъ у себя дома и въ гостяхъ у друзей...

Дѣйствительно, значительно ранѣе Лѣсковъ чрезвычайно много читалъ книгъ по исторіи церкви и старины, но позднѣе онъ читалъ все, что выходило замѣчательнаго и самостоятельнаго по со-

ціальнымъ вопросамъ. Онъ интересовался и политической, и художественной жизнью Европы такъ же, какъ и у себя на родинѣ. Правда, Лѣсковъ не придавалъ большого значенія университетскому диплому писателя и цѣнилъ въ немъ выше всего оригинальность и дарованіе. Онъ предполагалъ для литературнаго образованія необходимымъ «до сѣдыхъ волосъ не разставаться съ книгой», но руководиться не книжными доктринами множества ученыхъ, а живыми соображеніями и любовью къ благородству въ человѣческой исторіи. Въ этомъ онъ видѣлъ преимущество литератора передъ ученымъ вслѣдствіе того, что литераторъ всесторонне знакомъ съ жизнью, а ученый съ книгами по специальнымъ вопросамъ. Къ полному литературному образованію онъ предъявлялъ серіозныя требованія, съ прискорбіемъ говоря:

— «Мы не тѣ литераторы, которые развивались въ духѣ извѣстныхъ началъ и строго приготавливались къ литературному служенію. Намъ нечѣмъ похвалиться въ прошломъ; оно у насъ было по большей части и мрачно, и безалаберно. Между нами почти нѣтъ людей, на которыхъ бы лежалъ хоть слабый слѣдъ кружковъ Бѣлинскаго, Станкевича, Кудрявцева или Грановскаго. Мы плачевные герои новомоднаго покроя, всѣ посрывались, «кто съ борка, кто съ сосенки».

Сознавая недостатки своего образованія, Лѣсковъ пополнилъ его съ необыкновеннымъ успѣхомъ серіознымъ изученіемъ общественныхъ вопросовъ. Это всякій скажетъ, кому приходилось встрѣчаться съ нимъ за послѣднія 15—20 лѣтъ его жизни. Его обширная библиотека состояла изъ рѣдкихъ и вполне оригинальныхъ мыслителей. Въ письмахъ ко мнѣ, вслѣдствіе постоянныхъ со мной разговоровъ и споровъ, онъ неоднократно укоряетъ меня «верхами журналистики» и совѣтуетъ почитать хоть Гиббона. Этого «Гиббона» можно вспомнить теперь въ переносномъ смыслѣ, такъ какъ по каждому значительному вопросу Лѣсковъ всегда могъ указать на какое нибудь крупное имя, хорошо имъ проштудированное и использованное сообразно его собственному позднѣйшему христіанскому міросозерцанію. Оно было въ немъ всегда научно обосновано, независимо отъ его таланливости.

Лѣсковъ трудолюбивъ и «горбомъ» пріобрѣлъ себѣ имя, а не исключительно «нутромъ» или талантомъ. Онъ много учился, много видѣлъ на своемъ вѣку, много работалъ надъ языкомъ и сюжетомъ своихъ произведеній и потому дорогъ читателю не только «какъ талантъ», но и христіанскими идеалами за послѣдніе годы своей жизни... Онъ былъ совершенно правъ, находя, что множеству его дипломированныхъ противниковъ неудобно считаться съ нимъ «на этихъ счетахъ» по вопросу о писательскомъ образованіи и служеніи общественному просвѣтленію литературнымъ перомъ.

Что касается нелюбви Лѣскова къ европейскому просвѣщенію и его любовнаго пристрастія къ «отечественному дыму», то у меня есть много доказательствъ обратнаго. Изученіе русской старины и народности во многомъ плѣняло Лѣскова особенностями русскаго быта. Множество мелочей въ русской жизни ему нравилось. Его восторгали русскія поддевки, картузы, палки съ солидными рукоятками, удобныя кресла, комоды, крѣпкія настойки и т. п. обиходныя вещи, какъ отчасти это видно и на прилагаемомъ здѣсь его портретѣ. Нравились ему и типы «рабской преданности» въ народѣ, но, разумѣется, и вкусныя настойки и преданные характеры крѣпостныхъ людей не выражали его общественныхъ симпатій. О настойкахъ и подрясникахъ можно совсѣмъ не говорить, а идеальныя рабы трогали художественное сердце писателя, но не въ такой степени, чтобы онъ забывалъ возможность идеальныхъ характеровъ и при лучшемъ режимѣ, въ каковомъ забвеніи обвиняетъ его Н. К. Михайловскій («Русское Богатство», № 6-й, за 1897 годъ). По этому вопросу, отъ 7-го ноября 1887 года, онъ писалъ С. Н. Шубинскому слѣдующія строки:

«Посылаю вамъ историческую справку о характерѣ старинной русской прислуги, вопросъ о которой Манасеинъ (министръ юстиціи) вноситъ въ январѣ въ государственный совѣтъ. Теперь время показать, что это такое было въ достохвальную старину, въ которой газетныя невѣгласы ищутъ помощи отъ всѣхъ золь. Полагаю, что статья цензурна».

Нелюбовь его къ «достохвальной старинѣ» даже переходила въ крайность...

— Какой же это народъ,—восклидалъ онъ неоднократно:—за границей онъ въ праздникъ по утру слушаетъ обѣдню, а вечеромъ пьянствуетъ, а у насъ онъ пьетъ съ утра до вечера... Такому народу не привьешь никакихъ благородныхъ принциповъ. Каратаевъ у Л. Н. Толстого—исключеніе, а народъ во «Власти тьмы».

Въ разсказѣ «Продуктъ природы» (томъ 12-й) Лѣсковъ проводитъ мысль, что если надѣть кокарду, то въ «достохвальную старину» можно было перепоротъ весь народъ, да еще съ его же помощью... Въ альбомѣ Ѳ. Ѳ. Фидлера, переводчика на нѣмецкій языкъ русскихъ поэтовъ, имѣется характерный автографъ Лѣскова, а именно: «Ѳ. Ѳ. Фидлеръ хорошо дѣлаетъ, что знакомитъ европейцевъ съ русскими поэтами, но онъ не хорошо сдѣлалъ, что назвалъ книгу «Русскій Парнасъ», ибо Парнаса у насъ нѣтъ, а самая фантастическая изъ русскихъ горъ есть Лысая гора. Да худо и то, что въ той книгѣ не переведенъ самый основной русскій мотивъ: «Ты с...нъ сынъ камаринскій мужикъ»... И это тебѣ, нѣмчинъ, вина. 23-го апрѣля 1892 г. Н. Лѣсковъ».

Приведенныя строки едва ли согласуются съ кваснымъ патриотизмомъ, въ которомъ обвиняютъ Лѣскова. «Народничество» кон-

сервативныхъ газетъ онъ считалъ «пустохвальствомъ», хотя, конечно, въ стомилліонной массѣ русскаго народа не отрицалъ и добродѣтели («Праведники»), и геній, и изобрѣтательность («Стальная блоха») и т. д.

Въ какой мѣрѣ обвиненіе Лѣскова въ «національномъ самохвальствѣ» несправедливо, — мы видимъ и въ печатанныхъ его произведеніяхъ. Между тѣмъ, обвиненіе Лѣскова въ неопредѣленности его отношеній къ явленіямъ русской жизни поддерживаютъ и Юв. Соловьевъ, говоря: «У Лѣскова не было идеи, не было опредѣленнаго отношенія къ жизни, и онъ то и дѣло бѣжалъ за тѣмъ, что въ данную минуту обѣщало ему успѣхъ».

Въ этомъ отзывѣ нѣтъ ни одного слова правды. Лѣсковъ часто говорилъ мнѣ:

— Если бы я бѣгалъ за успѣхомъ, то мнѣ надо было въ шестидесятихъ годахъ писать Рахметова, и, конечно, я лучше написалъ бы его, чѣмъ Чернышевскій. Исправить моего «Овцебыка» въ торжествующаго радикала очень легко. А въ восьмидесятихъ годахъ мнѣ слѣдовало бы воспѣвать Кронштадтскаго священника; а я какъ разъ поступилъ обратно. Въ шестидесятихъ годахъ меня занималъ протопопъ Туберозовъ, и я не видѣлъ для русской интеллигенціи нужды итти въ бурлаки по слѣдамъ Рахметова и представлять государственную жизнь Россіи темнымъ ея силамъ... Почитайте-ка объ этомъ статью Вл. Соловьева: «Идеалы и идолы».

Ев. Соловьевъ (Андреевичъ) простираетъ свое непониманіе Лѣскова до того, что утверждаетъ: «Лѣсковъ сталъ преслѣдовать «нигилистовъ», и тогда уже, когда нигилисты свою роль сыграли и подверглись другимъ болѣе серіознымъ преслѣдованіямъ». Этотъ отзывъ совершенно не подтверждается ни однимъ произведеніемъ Лѣскова за послѣдніе годы его жизни.

Вотъ что писалъ Вл. Михневичъ послѣ смерти Лѣскова:

«Въ то время, какъ на нашихъ глазахъ очень многіе изъ прежнихъ рьяныхъ ратниковъ и делибашей «крайней лѣвой» въ литературной дружинѣ, принимавшихъ когда-то яростное участіе въ гоненіи нечестиваго автора «Некуда», самое имя его произносившихъ съ брезгливой оговоркой: «съ позволенія сказать», тихимъ манеромъ разоружились, вылиняли, остепенились, а иные догадались приспособиться даже къ сытнымъ казеннымъ хлѣбамъ, какъ иные успѣли совѣмъ «сжечь корабли» и перескочить легкимъ аллюромъ подъ чужой стягъ или, еще лучше, отречься отъ всякаго, — Лѣсковъ въ послѣдніе годы своей карьеры настолько явно примыкалъ своими симпатіями къ этой самой, отрицавшей его сторонѣ и настолько безупречно выдерживалъ ея исповѣдное направленіе», что сталъ желаннымъ гостемъ на страницахъ прогрессивныхъ изданій, при благосклонномъ привѣтствіи еще недавно такой безпощадной къ нему критики: «добро пожаловать!»

Въ 1883—1884 годахъ Лѣсковъ писалъ С. Н. Шубинскому письма, изъ которыхъ до нѣкоторой степени мы узнаемъ истинное его отношеніе къ Россіи и къ Европѣ.

«Многоуважаемый Сергѣй Николаевичъ. Скучно, тяжело и вокругъ столь подло и столь глупо, что не знаешь, гдѣ и духъ перевести. Не могу себѣ простить, что я никогда не усвоилъ себѣ французскаго языка въ той мѣрѣ, чтобы на немъ работать, какъ на родномъ. Я бы часа не оставался въ Россіи и навсегда. Боюсь, что ее можно совсѣмъ возненавидѣть со всеми ея нигилистами и охранителями. Нѣтъ ни умовъ, ни характеровъ и ни тѣни достоинства... Съ чѣмъ же итти въ жизнь этому стаду и вдобавокъ еще сомнящему стаду? 17-го августа 1883 года».

«И въ Кіевѣ ѣздить то же тяжело. Что и природа безъ людей, съ которыми можно хоть потосковать вмѣстѣ. Ужасно тяжело! несносно тяжело! Суворинъ летитъ въ Парижъ. Видно, какъ тамъ ни скверно, а все туда тянетъ. Видѣлъ Нотовича и Розенгейма, а тѣ видѣли вчера Краевскаго, который сказалъ: «Голосъ будетъ, но это будетъ не тотъ голосъ». Газета продана говорятъ Ціону, а другіе говорятъ, что Ціонъ только подставка. Выйдетъ «Голосъ» безъ подписи Краевскаго и будетъ органъ «консервативный», можетъ быть, съ нѣкоторымъ нѣмецкимъ отблескомъ. Что-то такое, чего и не разберешь, но любопытно, хотя ничего хорошаго быть не можетъ. Война у всѣхъ на устахъ, и ее ждуть скоро, но, кажется, въ значительной мѣрѣ поддерживается общеизнурительною скукою всего общества. Вы пишете, что не надо падать духомъ, а надо бодриться. Слово нѣтъ, что это такъ, но вѣдь всякія силы знаютъ усталость. Столько лѣтъ работы и унынія чего нибудь да стоили душѣ и тѣлу. Родину-то вѣдь любилъ: желалъ ее видѣть ближе къ добру, къ свѣту познанія и къ правдѣ, а вмѣсто того, либо поганое нигилистничанье, либо пошрое теченіе назадъ, «домой», т. е. въ допетровскую дурость и кривду. Какъ съ этимъ «бодриться»? Одно средство: презирать и ненавидѣть эту родину и быть философомъ и холоднымъ человѣкомъ. Но до этого безъ муки не дойдешь. И на небѣ ни просвѣта, вездѣ minimum мысли. Все истинно честное и благородное сникло; оно вредно и отстраняется. Люди, достойные одного презрѣнія, идутъ въ гору. Бѣдная родина! Съ кѣмъ она встрѣтитъ испытанія, если они суждены ей?.. За всякое привѣтливое слово «лобзаетъ душа моя», и повѣрьте, что я не въ долгу у васъ... Да, да, далеко не въ долгу. Оттого, можетъ быть, мнѣ и было нѣчто особенно больно. Литературное общество злое и безучастливое (хуже чиновниковъ), и я въ немъ всегда сторонился, но тѣмъ болѣе любилъ тѣхъ, въ комъ встрѣчалъ черты живого человѣколюбія и участливости. Отрадой мнѣ было увидѣть все это въ васъ, и вы знаете, какъ я расположился къ вамъ всею душою. Время гнусное, но тѣмъ тѣснѣе надо добрымъ людямъ

стоять другъ возлѣ друга и поддерживать другъ въ другѣ вѣру въ человѣка. Видѣлъ нашего старичка—Милючка (А. П. Милюкова) и слышалъ, какъ онъ «сопутствовалъ» Григорію Петровичу (Данилевскому) въ его имѣніе, слышалъ, какъ онъ своимъ блекотаніемъ встрѣчалъ А. О. словами: «а я по васъ соскучился!» Кто съ кѣмъ соединился и смѣшался? Какъ же не любить Карновичей? Костомарова? и еще тѣхъ, кто кое-какъ несетъ свою скорбь одиноко, не якшаясь направо и налево, а сохраняя душу свою въ возможномъ опрятствѣ. 20 августа 1883 года».

Лѣтомъ 1884 года, Лѣсковъ уѣхалъ за границу, и письма его оттуда исполнены симпатіи къ Европѣ и прежней ѣдкой горечи по адресу соотечественниковъ. Онъ пишетъ изъ Мариенбада къ тому же С. Н. Шубинскому:

«Нѣмцы ко мнѣ очень благосклонны, такъ что даже заставили завидовать мнѣ настоящихъ генераловъ, которыхъ теперь много привалило изъ Франціи. Меня сдѣлали «почетнымъ гостемъ», прислали «почетный билетъ» въ собранія, клубъ и бібліотеку; не желали взять съ меня податей (около 25 гульденовъ) и за пользованіе врачебными пособіями. Всего одолжили, пожалуй, гульденовъ на 100. Давно въ отечествѣ со мною такого казуса не было. Изъ Веймара пріѣхалъ посольскій священникъ, старикъ Ладинскій, и самъ былъ у меня три раза съ русской манерой не обозначать своего адреса на карточкѣ (веймарскій). Я его искалъ весь день по Мариенбаду и въ воскресенье пошелъ въ русскую (походную) церковь. Подходя къ кресту, я сказалъ ему мое имя. Онъ сію же минуту повернулся въ алтарь, подаль мнѣ просфору и вдругъ сказалъ: «знаете ли, господа, кто это?.. Это нашъ умница Н. С. Л...». Я переконфузился, а онъ добавилъ: «да, да, нашъ милый, честный, прекрасный умище»... Потомъ, перекрестивъ меня, онъ сказалъ: «я 25 лѣтъ на чужбинѣ и часто мечталъ о счастіи васъ видѣть и обнять». Мы оба растрогались и чего-то заплакали. Это, можетъ быть, не умно, но тепло вышло. 12-го (1-го) іюля. Мариенбадъ».

«Сейчасъ получилъ ваше письмо, уважаемый Сергѣй Николаевичъ, отъ 8-го іюля. Здоровье мое, по милости повелѣвшаго мнѣ «ясти хлѣбъ свой въ потѣ чела моего»,—въ состояніи хорошемъ. Я облегчился на 22 фунта, хожу легко и неутомимо, и снимаю съ себя мокрые сапоги самъ рукою, какъ бывало очень давно. Вѣсъ тѣла моего совѣмъ нормальный, и сердце свободно отъ жира, равно какъ и печень. Строгій режимъ водъ меня нимало не изнурилъ, но какъ онъ длится уже 40 дней, то сталъ немножко докучать. Хочется уже спать до 7 и посидѣть за бумагой. Перечиталъ бездну книгъ краснаго отѣнка, все глупо, хотя, какъ матеріалъ, не лишено интереса. Пошлю на ваше имя 2—3 брошюры: выдадутъ—хорошо, а нѣтъ—пусть пропадаютъ. «Свистать» надо мною можно, какъ надо всякимъ, но въ подлости и лицемѣріи меня едва ли

можно уличить, какъ можно въ томъ уличить бы г.г. свистуновъ. Михневичъ все дѣлалъ неловко и грубо, не зная дѣла. То, что оказано городскимъ муниципалитетомъ мнѣ, постоянно по коренному здѣшнему обычаю оказывается каждому писателю-еллину, якоже и іудею, т. е. нѣмецкому, какъ и иностранцу, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ. Это такъ здѣсь всегда для всѣхъ писателей, которыхъ знаютъ. Почему же узнали меня? (Тутъ и изощрилось надо мною остроуміе). А дѣло весьма просто и причинъ тому много.

«1) Книга Бокка *Rurderth und Bureocratie in Russland*», которая жадно прочитана всѣми нѣмцами и гдѣ $\frac{1}{3}$ составлена изъ перевода моихъ статей объ Остзейскомъ краѣ, съ большими и, можетъ, быть, даже излишними мнѣ похвалами за «благородное безпристрастіе и справедливость».

2) Библіотекаръ Гетцъ и Шигай (чехъ) изъ Егера, у которыхъ я въ первый же день пріѣзда подписался на чтеніе книгъ русскихъ и польскихъ. Изъ нихъ Шигай, какъ услышалъ мое имя, такъ и призналъ меня, ибо имѣетъ мои книги. Надѣюсь, это не диво, а Мариенбадъ весь съ тарелку, и «*Marienbader Zeitung*» есть изданіе того же Шигая.

«3) Русскіе студенты изъ Вѣны (преимущественно евреи), которые приходили ко мнѣ сдѣлать визиты, какъ писателю, что здѣсь въ обычаѣ, и наконецъ священникъ, котораго привѣтъ я сообщилъ вамъ. Кажется, довольно этихъ причинъ, чтобы въ городѣ, который весь собирается ежедневно у одного источника, могли меня узнать, и «титуловаться» мнѣ не было никакой надобности. «Свистуны» все судятъ по русскимъ понятіямъ, забывая, что здѣсь паспортвъ нѣтъ. Двое французовъ изъ редакцій «*Siècle*» и «*Figaro*» имѣли точно такое же вниманіе, хотя извѣстность ихъ можетъ быть даже короче моей. Здѣсь просто люди вѣжливы и занятіе литературное пользуется вниманіемъ. Болѣе ничего. Тутъ и въ бібліотекахъ съ литераторовъ не берутъ денегъ за чтеніе, какъ съ лѣкарей въ аптекахъ за лѣкарство. Есть и иныя странности, напримѣръ, дамы дарятъ корзины цвѣтовъ. Бѣда, если бы объ этомъ узнали. То ли не глупость! То ли еще не преступленіе! Но вы, надѣюсь, знаете, что я нескромностью и нахальствомъ никогда не отличался, а если меня знаютъ попы, дамы и студенты, то ужъ это такъ само отъ дѣлъ сдѣлалось. Надъ чѣмъ же свистать? Что русскаго человѣка почтили, не ниже, чѣмъ француза, или поляка изъ Кракова, или венгерца изъ Пешта?... Экіе тактичныя люди мои собратья. Разъясните имъ, пожалуйста, при случаѣ, что дѣло могло обходиться безъ моего радѣтельства объ извѣстности. Пусть будутъ свѣдущи о порядкахъ тѣхъ странъ, гдѣ редакцій не называютъ «притонами», а писателей не считаютъ «отребьемъ». Это имъ можетъ пригодиться. Изъ Мариенбад'а я уѣзжаю 28 (16 русск.) іюля въ понедѣльникъ и покидаю его не безъ сожалѣнія. Ровное прелестное мѣсто. Нигдѣ уже не бу-

детъ какъ «frisch», ни такъ «freu». Маршрутъ держу на Прагу, гдѣ хочу многое видѣть и пробуду тамъ съ недѣлю; потомъ на 2 дня въ Дрезденъ, а оттуда уже въ Вѣну, гдѣ хочу быть у знаменитаго Нотнагеля (докторъ) и просить его о совѣтѣ для моей злосчастной нервозности, которая впрочемъ здѣсь облегчилась, можетъ быть, по причинѣ душевнаго равнодушія и близости къ природѣ. Что сдѣлаю далѣе, еще самъ не знаю. Если Нотнагель найдетъ, что я поправился хорошо, то, можетъ быть, вернусь въ Россію ранѣе, въ августъ (жаль тратить безъ крайности кровные гроши). Изъ Вѣны вамъ напишу. Халата не одобряю—скверное платье. Тутъ его не знаютъ и очень хорошо дѣлаютъ. Здѣсь его замѣняютъ короткой курткой и оттого легко бѣгають въ такіе годы, когда мы уже кряхтимъ. Газетъ русскихъ не читаю и навѣрно ничего не теряю въ этомъ. Польскія (заграничныя) читаю и удивляюсь, что тамъ рассказываютъ о Варшавѣ. Нѣмцы принимаютъ эти вѣсти съ сомнѣніемъ и даже прямо съ недовѣріемъ. 23 (11 іюля). Мариенбадъ».

Изъ этихъ писемъ Лѣскова едва ли можно вывести заключеніе, между прочимъ, о томъ, что Москва XVII вѣка была его сердцу гораздо милѣе, чѣмъ Европа, какъ утверждаютъ про него нерасположенные къ нему писатели.

Эти писатели также получали отъ Лѣскова письма изъ-за границы. Послѣдній не переставалъ восторгаться европейскими порядками и не скрывалъ неприглядностей русскаго быта при сравненіи. Но такъ уже обыкновенно водится, въ особенности, среди пріятелей: если одинъ изъ нихъ возвысится надъ ними и произнесетъ новое слово о жизни, то чтобы понять его и посочувствовать ему, пріятели прежде всего выливаютъ ему на голову всю собственную грязь и, очистившись предварительно, начинаютъ впоследствии ему симпатизировать. Письма Лѣскова и его бесѣды о европейской жизни послужили вовсе не къ тому, чтобы причислить его къ партіи западниковъ, а къ цѣлому ряду насмѣшекъ надъ нимъ, въ родѣ стишковъ В. Крестовскаго:

Нашъ авва Фотій изъ столицы
Хотѣлъ воспрянуть въ высь и ширь,
Но вновь у N—ой вдовицы
Обрѣлъ свой Юрьевъ монастырь.

Лѣсковъ все болѣе и болѣе удалялся отъ фотіево-монастырскихъ тенденцій и шелъ на встрѣчу Л. Н. Толстому, а пріятели не довѣряли его духовному перелому и продолжали зло и безпоощадно насмѣхаться надъ нимъ.

Какъ ни уходилъ Лѣсковъ отъ фотіевскихъ идеаловъ, его все-таки продолжали считать сторонникомъ ихъ, и даже до сихъ поръ патентованные критики полагаютъ, что «(оборыне» Лѣскова—лучшее и задумеивѣйшее его произведеніе. Между тѣмъ самъ

авторъ писалъ, отъ 27-го января 1893 года, Л. И. Веселитской, между прочимъ, слѣдующія строки:

«О «Соборянахъ» говорите правду. Они «вамъ ближе». Во всякомъ случаѣ теперь я бы не сталъ ихъ писать, но я бы охотно написалъ: «Записки разстриги», и, можетъ быть, еще напишу ихъ... Клятвы разрѣшать, ножи благословлять, браки разводить, выдавать тайны, прощать обиды, сдѣланныя другому, оказывать протекціи у Создателя и т. д., вотъ что я хотѣлъ бы показать людямъ, а не Барнавкины кости».

Отзывъ Лѣскова о «Соборянахъ» свидѣтельствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ глубокую перемѣну въ симпатіяхъ и міросозерцаніи ихъ автора по основнымъ вопросамъ русской жизни... А гг. Михайловскіе и Соловьевы, не замѣчая этого, продолжаютъ попрежнему корить Лѣскова то Катковымъ, то Фотиємъ.

III.

Лѣсковъ не только не сочувствовалъ московской цивилизаціи, но ему даже поставили въ вину на службѣ по министерству народнаго просвѣщенія борьбу въ литературѣ съ московскими идеалами и уволили въ отставку по третьему пункту. Широта его взглядовъ открывала ему не только слабыя стороны византійцевъ и тѣхъ, кто все собирался «работать по Боклю», а самъ одной рукой крестился подъ скуртукомъ, но и толстовцевъ въ резиновыхъ калошахъ, вмѣсто сапогъ изъ бычачьей кожи, но съ полной несостоятельностью къ слиянію съ народомъ. Онъ видѣлъ этихъ мало подготовленныхъ и безхарактерныхъ людей, между прочимъ, и въ книжномъ складѣ «Посредникъ», за посѣщенія котораго, ради описанія его, г. Оболенскій выговариваетъ Лѣскову свое неодобреніе въ томъ же «Историческомъ Вѣстникѣ» за мартъ текущаго года. Но Лѣсковъ посѣщалъ «Посредникъ» открыто; служащіе въ немъ сами бывали у Лѣскова и отлично знали, что Лѣсковъ писатель съ большею наблюдательностью и строгимъ критическимъ отношеніемъ ко всемъ явленіямъ русской жизни. Въ чемъ же проступокъ Лѣскова, если онъ взялъ отъ «Посредника» не портреты служащихъ съ враньемъ о нихъ, не ихъ одежду и «особыя примѣты», по которымъ можно угадать выведенныхъ въ повѣсти лицъ, но одно только настроеніе и предвидѣніе того, что даже и скромнаго дѣла съ книгами для народа толстовцы не въ состояніи оборудовать самостоятельно безъ капризнаго вмѣшательства и опеки гг. Чертковыхъ, Сибиряковыхъ и даже Сытиныхъ. Онъ рѣзко отзывался о «лепетунахъ» толстовскаго толка въ «Зимнемъ днѣ», но, разумѣется, никто не усмотритъ въ этомъ разсказѣ пасквиля и нарушенія писателемъ товарищескихъ и житейскихъ отношеній. Неуваженіе къ товари-

ществу часто проявлялось въ жизни Лѣскова, но въ данномъ случаѣ, о которомъ говорить г. Оболенскій, его не было.

Критицизмъ Лѣскова и талантливость его натуры были такъ велики и такъ заполняли его всего, что университетскому образованію по диплому «некуда было и пролѣзть», по словамъ одного Лѣсковскаго благодетеля. Никому въ голову не приходила мысль при столкновеніяхъ съ Лѣсковымъ или чтеніи его произведеній спросить его о томъ, окончилъ ли онъ гдѣ нибудь курсъ наукъ или нѣтъ; европейски образованъ онъ или читалъ однѣ церковныя книги и т. д. Его сужденія о жизни или литературѣ были исполнены захватывающаго интереса. Я часто наблюдалъ у него въ кабинетѣ университетски-образованныхъ писателей и даже научно-ученыхъ профессоровъ, загнанныхъ и растерянныхъ въ спорѣ съ Лѣсковымъ.

— Самая лучшая точка зрѣнія—ученая точка зрѣнія,—говорить одинъ изъ нихъ, посвящая Лѣскова въ одно изъ своихъ литературныхъ недоразумѣній съ редакціей журнала.

— А по-моему,—возражаетъ Лѣсковъ,—самая справедливая точка зрѣнія на дѣло и есть справедливая, а не ученая. Въ защитѣ научныхъ цѣлей у васъ видны личныя соображенія, и эта точка зрѣнія—несправедливая точка зрѣнія...

Помню, одинъ изъ молодыхъ и университетски-образованныхъ писателей горячо распространился о подкупности въ Европѣ свободной прессы и парламентовъ.

— Вы хотите сказать,—спрашиваетъ Лѣсковъ:—что подкуплены люди, а не принципы скомпрометированы? Подкуплены депутаты, а не принципъ голосованія?

— Не все ли равно! У насъ пресса подъ цензурой, а тамъ она добровольно служитъ капиталу.

— Однако французы могутъ читать критическія статьи и о Сади-Карно?

— Да, могутъ.

— Чего же они еще не могутъ читать? О женѣ его не могутъ читать? Такъ это потому, что о частной жизни женщины не принято писать. Французы—благовоспитанная нація.

— Могутъ и о женѣ Сади-Карно прочесть!—презрительно возразилъ писатель.

— Такъ чего же они не могутъ прочесть?

— Есть кое-что, о чемъ и французскіе писатели не пишутъ.

— Что же это такое?

— Объ акціяхъ разныхъ обществъ...

— Значитъ редакціи закуплены?—воскликнулъ Лѣсковъ.—Значитъ, писатели тамъ подлецы, но это уже другой разговоръ... Они не не могутъ, а не хотятъ объ акціяхъ писать. Вотъ если бы они были честные люди и хотѣли писать, да не могли,—это было бы

грустно. А то вѣдь они сами не хотятъ; это не то, что хотятъ и не смѣютъ. Вообще удивляюсь: наши офицеры 15-го года вывезли изъ-за границы европейскія идеи, а вы, русскіе писатели 93-го года вынесли то, что и во Франціи есть полиція и начальство; а у насъ надо писать такъ, чтобы ничего не написать... Вотъ это вы называете хорошей статьей. Безъ хлопотъ для редакціи.

Понимать вещи съ единственно справедливой точки зрѣнія было присуще Лѣскову, когда умъ его былъ въ спокойномъ состояніи, и это отражалось даже въ мелочахъ. Онъ замѣчалъ недостатокъ статьи и составленія газетнаго номера при самомъ поверхностномъ къ нему отношеніи. Получивъ при мнѣ новогодній номеръ одной газеты и развернувъ приложенія, онъ воскликнулъ:

— Ну, посмотрите: гдѣ редакторская сообразительность? Видите портреты Н. М. Аничкова, А. М. Унковскаго и Гладстона. На первомъ планѣ директоръ департамента народнаго просвѣщенія, а потомъ уже дѣятель «крестьянской реформы» Унковскій, а послѣ всѣхъ—Гладстонъ. Бѣдный старикъ—послѣ всѣхъ напечатанъ. Весь міръ тебѣ удивляется, а русская газета предпочитаетъ ему Николая Миліевича. Весьма часто цензора литературнѣ нашихъ редакторовъ. Покойный цензоръ «Живописнаго Обозрѣнія» Фрейманъ, когда тамъ печаталась моя автобіографія съ портретомъ, сдѣлалъ надпись: «печатать портретъ разрѣшено, но только не на первой страницѣ». Вѣдь это значитъ, онъ понималъ, почему портретъ на первомъ листѣ обращаетъ на себя попреимуществу вниманіе; а наши редакторы этого не понимаютъ и печатаютъ Гладстона на послѣднемъ мѣстѣ.

Частенько мнѣ приходилось слышать резонныя замѣчанія Лѣскова при чтеніи газетныхъ фельетоновъ.

— Зачѣмъ это помѣщаютъ статьи со свѣдѣніями о томъ, куда и сколько извѣстная духовная особа пожертвовала денегъ. Вѣдь это имѣетъ чисто личный характеръ и не относится къ литературѣ. Зачѣмъ также статьи о томъ, куда ѣздилъ такой-то, и какія были заслуги у генерала N., скончавшагося въ такомъ-то городѣ. Неужели нѣтъ болѣе интересныхъ предметовъ въ русской жизни для газеты? Это вездѣ печатаютъ и если одна газета не будетъ, то это сейчасъ же замѣтятъ и ее пропечатаютъ другія газеты. Плохо, если этого боятся... Газета много теряетъ отъ сообщеній, не имѣющихъ общественнаго значенія. Боятся обличеній со стороны собственнаго брата по литературѣ—это ужъ не тактъ, а чортъ знаетъ что... Остается только махнуть рукой. Охъ, эти нынѣшніе редакторы. Только и просятъ объ одномъ сотрудниковъ, чтобы было покороче да поглупѣе. Ну, чему можетъ молодой писатель поучиться у такого редактора? Онъ только и цѣнитъ статью, которая безпрепятственной пройдетъ. Приѣзжаетъ однажды ко мнѣ такой редакторъ журнала за статьей и, беря ее въ руки, говоритъ,

что у него уже пальцы сводитъ отъ нея... «Навѣрно, Николай Семеновичъ, вы опять... Развѣ нельзя безъ этого?»—«Безъ чего?»—«Да безъ этого, безъ этого... Да у васъ такая точка зрѣнія... Вѣдь, право, не такъ у насъ худо, какъ вы думаете. Вотъ мы, русскіе редакторы, были въ Парижѣ и видѣли, что тамъ тоже полиція, тоже начальство... Наши моряки даже находятъ, что у насъ лучше». Вотъ какіе разговоры даже со мною... А что же съ молодыми писателями онъ дѣлаеть? Я думаю, онъ на цензуру уже ничего не сваливаетъ, а прямо заявляетъ, что будетъ правильнѣе вотъ такъ-то передѣлать, то-то измѣнить, что теперь снова либерализмъ и гуманность ничего не означаетъ, что консерваторы, оказалось, сдѣлали не менѣ добра, чѣмъ и либералы и т. д.. Всѣ запуганы, и въ моемъ «Загонѣ» всѣ такъ говорятъ. Это мое посмертное произведеніе... Радуюсь, что мнѣ удалось и на закатѣ дней схватить духъ времени и характеры людей. Вотъ, напримѣръ, я читаю либеральную газету и люблю ее... А, несмотря на это, въ статьѣ о макулатурной литературѣ прямо таки обвиняетъ «Живописное Обзорніе» въ безнравственности за приложеніе Шекспира въ переводѣ, близкомъ къ подлиннику. Видите ли: шекспировская «Венера и Адонисъ» развращаютъ русскую публику, если ихъ переводить безъ выпусковъ и дословно. Газеты вообразили почему-то, что Шеллеръ редактируетъ дѣтскій журналъ, и что Шекспиръ для дѣтей вреденъ. Почему «Живописное Обзорніе» дѣтскій журналъ,—не понимаю; онъ—семейный, въ семьѣ есть и мужъ и жена... Неужели же лучше давать въ приложеніи журналъ «Благовѣсть», чѣмъ Шекспира? Лучше это? Да наконецъ въ каждомъ образованномъ англійскомъ семействѣ вы найдете на столѣ полнаго Шекспира, и никто не говоритъ тамъ о развращающемъ вліяніи нѣкоторыхъ его мѣстъ на публику. А мы, смотрите, мы щепетильнѣе англичанъ! Да, наконецъ, если бы это и была правда, дѣло ли литературы указывать это? На это есть цензурная полиція; но если мы, литераторы, будемъ еще слѣдить другъ за другомъ и разъяснять, какъ нѣкогда было разъяснено одно изъ фофановскихъ стихотвореній изъ «Наблюдателя», то у насъ всѣ журналы позакроютъ. Вѣдь это ужасно. Когда я сталъ объ этомъ говорить одному изъ сотрудниковъ все-таки въ общемъ симпатичной газеты, то онъ удивленно и простодушно отвѣтилъ: «Да вѣдь другія газеты это дѣлаютъ постоянно». Это не слѣдуетъ дѣлать, перебилъ я. Аксаковъ этого никогда не дѣлалъ; а ужъ онъ ли не былъ противникомъ нашихъ западниковъ. Но онъ никогда не указывалъ цензурѣ на вредныя мѣста въ либеральныхъ статьяхъ своихъ враговъ. Онъ спорилъ съ ними по существу, а доносами не занимался. Вотъ кому подражайте, а не тѣмъ, которые забыли всѣ литературныя приличія. Кажется,—добавилъ Лѣсковъ:—себе-сѣбѣ признался, что это была ошибка и неопытность редакціи. Конечно, такъ... Они честные, молодые люди и не опытные. А ста-

рики литературы не хотятъ имъ сказать правды въ лицо. Молодежь и носится съ своимъ позоромъ безъ стыда. Но я... я сказалъ и впредь всякому скажу, что это дурно и не литературно. Литература уходитъ изъ рукъ стариковъ къ молодымъ, и имъ надо знать, какъ вести себя. Еще нѣсколько лѣтъ—и мы всѣ перемремъ. Останутся только рыночники и безъидейники, да еще какіе-то декаденты и «метафизическіе идеалисты»... Ну, чортъ ихъ возьми, кто еще тамъ останется... Дѣло все-таки въ томъ, что старики скоро уйдутъ отсюда туда, откуда пришли на землю, а молодые писатели будутъ дѣлать литературу, и имъ надо говорить правду... Одного лая и побреха на нихъ не достаточно, а надо умно доказывать имъ ихъ неопытность и напоминать старые литературные нравы.

Мнѣ самому лично неоднократно доставалось отъ Лѣскова въ тѣхъ случаяхъ, когда какая нибудь моя статья не нравилась ему.

Помню, онъ самъ пришелъ ко мнѣ, прочитавъ мою рецензію въ газетѣ о книгѣ Песковскаго: «Вѣковое недоразумѣніе».

— Странная рецензія,—воскликнулъ онъ, едва только поздоровался со мною.—Вы говорите, что книга Песковскаго очень любопытна по еврейскому вопросу, и познакомиться съ нею никому не мѣшаетъ. Но въ то же время вы замѣчаете, что эта книга «написана безусловно въ пользу евреевъ». Вѣдь это все равно, что похвалить въ семейномъ домѣ женщину, сказавъ, однако, о ней, что она одно время не безгрѣшно увлекалась русскимъ теноромъ.

— Развѣ это все равно?

— Все равно. Какъ даму вашу будутъ избѣгать въ семейномъ домѣ, такъ и книгу не будутъ читать антисемиты, зная, что книга написана безусловно въ пользу евреевъ. Всякій человѣкъ, зная духъ книги, либо беретъ ее, либо бросаетъ. Если книга говоритъ о національностяхъ и проповѣдуетъ то, что для русской націи полезно загнать евреевъ въ Средиземное море, то я не буду читать ее, такъ какъ для меня нѣтъ націй, а есть одно человѣчество. Всѣ націи равны, а книга будетъ мнѣ доказывать, что одна изъ нихъ господствующая. Ну, зачѣмъ же я буду ее читать? Если даже она талантлива и умна, то и тогда я не возьму ея, ибо она увлекаетъ меня отъ свѣта, а не приближаетъ къ нему. Много книгъ существуетъ любопытныхъ, да некогда ихъ читать. Дай Богъ прочесть и тѣ-то, которыя разъясняютъ мнѣ истину, руководятъ мною... Вотъ такую книгу я прочту, а если вы говорите, что она противна моему духу, то зачѣмъ же я буду омрачать его ею и терять свое время на непріятную для меня книгу?

Отмѣчая саркастически «лепетуновъ» толстовскаго толка, Лѣсковъ высоко ставилъ Л. Н. Толстого и его принципы. Ко всякой критикѣ его ученія онъ былъ беспощаденъ и любого противника умѣлъ сдѣлать смѣшнымъ. Помню, онъ передавалъ мнѣ свою бесѣду о Толстомъ съ одной изъ нашихъ писательницъ въ слѣдующемъ юмористическомъ видѣ:

— Л. Толстой за послѣднее время третируется въ литературѣ, какъ послѣдній дуракъ. Недавно приходитъ ко мнѣ литературная дама съ романомъ въ рукахъ, гдѣ ея героиня не знаетъ, что дѣлать съ собой. Ее, видите ли, выдали насильно замужъ шестнадцати лѣтъ; но она осталась дѣвой, хотя и имѣла ребенка.

— Какъ же это?—спрашиваю.

— Насиліе! Насиліе! Въ нравственномъ смыслѣ она осталась невинной. Затѣмъ она начала хлопотать о разводѣ съ мужемъ, но для этого надо пройти грязную судебную процедуру.

— Да, надо.

— Но она не хочетъ. Изъ принципа не хочетъ прибѣгать къ лжи и изобличенію.

— Тогда не разводись.

— Но она полюбила другого,—говоритъ литературная дама.

— Тогда живи съ другимъ.

— Она не хочетъ виѣ брака... Изъ принципа!

— Такъ что же для такой дуры, которая не хочетъ ни такъ, ни этакъ, издавать новый законъ, что ли?

— Да вѣдь эта дура—вашъ Л. Толстой. Моя героиня живетъ по толстовскому ученю и вотъ мучится въ практическихъ столкновеніяхъ съ жизнью.

— Вы хотите сказать, что Л. Толстой—такой же дуракъ?

— Да, да... Все такъ говорятъ. Вотъ къ чему его ученіе ведетъ... Я это изобразила въ романѣ.

— Сказалъ я ей, что у нея у самой дважды два—стеариновые свѣчи, и мы разстались.

Съ глубокимъ негодованіемъ встрѣчалъ Лѣсковъ и газетныя инсинуаціи по адресу Толстого.

— Удивительная у насъ уличная пресса,—восклидалъ онъ неоднократно.—Вѣдь могла бы она, кажется, пробавляться убійствами да скандалами. А, могла бы? У нея достаточно поставщиковъ этого матеріала... Такъ нѣтъ! Ей мало пошлости. Надо еще подлости. Запретить ей Грессеръ трогать околоточныхъ надзирателей, она приметъ за Л. Толстого. Никого нельзя ругать безнаказанно, — ну, пусть и отдувается за это Л. Толстой. Этого можно поносить...

IV.

Въ книгѣ Ев. Соловьева: «Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка», значеніе Лѣскова трактуется, какъ «поддѣлка подъ художество», въ особенности его стиль, названный прямо «лубочной поддѣлкой подъ языкъ древнихъ сказаній» и «прямо позоромъ нашей литературы и нашего языка».

Подобныя оригинальныя оцѣнщики художественныхъ произведеній упускаютъ изъ виду, что беллетристъ прежде всего заботится

не о чистотѣ языка, не объ его музыкальности и пушкинской простотѣ, но о вѣрномъ воспроизведеніи живой рѣчи дѣлаго народа и общества со всѣми ея вульгарностями, неправильностями и прочими отступленіями отъ академическаго стиля. Упуская это изъ виду, они и въ публикѣ пустили слухъ, что Лѣсковъ избѣгалъ обыкновенно красивой живой русской рѣчи и подмѣнялъ ее или простонародною, или смѣсью обыкновеннаго разговорнаго языка съ церковно-славянскимъ; будто бы этимъ объясняется обиліе шутовскихъ выходокъ, скоморошества, забавнаго для толпы, но почти невыносимаго для любителей чистаго искусства; что погрешки диковиннаго краснобайства не привлекали къ нему симпатіи и уваженія читающей публики, будто бы эта «артистическая удалъ» вредила впечатлѣнію и т. д. Возраженія противъ этихъ замѣтокъ я уже дѣлалъ въ печати отъ лица самого Н. С. Лѣскова.

— Чтобы мыслить «образно» и писать такъ, — говорилъ онъ мнѣ неоднократно:—надо, чтобы герои писателя говорили каждый своимъ опредѣленнымъ языкомъ, свойственнымъ ихъ положенію. Если же эти герои говорятъ не свойственнымъ ихъ положенію языкомъ, то чортъ ихъ знаетъ, кто они сами, и какое ихъ социальное положеніе. Постановка голоса у писателя заключается въ умѣніи овладѣть голосомъ и языкомъ своего героя и не сбиваться съ алтовъ на басы. Въ себѣ я старался развивать это умѣніе и достигъ, кажется, того, что мои священники говорятъ по-духовному, нигилисты — по-нигилистически, мужики — по-мужицки, выскочки изъ нихъ и скоморохи съ выкрутасами и т. д. Отъ себя самого я говорю языкомъ старинныхъ сказокъ и церковно-народнымъ въ чисто литературной рѣчи. Меня сейчасъ поэтому и узнаешь въ каждой статьѣ, хотя бы я и не подписывался подъ ней. Это меня радуетъ. Говорятъ, что меня читать весело. Это отъ того, что всѣ мы: и мои герои, и самъ я имѣемъ свой собственный голосъ. Онъ поставленъ въ каждомъ изъ насъ правильно или, по крайней мѣрѣ, старательно. Когда я пишу, я боюсь сбиться: поэтому мои мѣщане говорятъ по-мѣщански, а щепеляво-картавые аристократы — по-своему. Вотъ это — постановка дарованія въ писателѣ. А разработка его не только дѣло таланта, но и огромнаго труда. Человѣкъ живетъ словами, и надо знать, въ какіе моменты психологической жизни у кого изъ насъ какія найдутся слова. Изучить рѣчи каждаго представителя многочисленныхъ социальныхъ и личныхъ положеній — довольно трудно. Вотъ этотъ народный, вульгарный и вычурный языкъ, которымъ написаны многія страницы моихъ работъ, сочиненъ не мною, а подслушанъ у мужика, у полуинтеллигента, у краснобаевъ, у юродивыхъ и святошъ. Меня упрекаютъ за этотъ «манерный» языкъ особенно въ «Полуночникахъ». Да развѣ у насъ мало манерныхъ людей? Вся quasi-ученая литература пишетъ свои ученые статьи этимъ варварскимъ языкомъ. Почти

тайте-ка философскія статьи нашихъ публицистовъ и ученыхъ. Что же удивительнаго, что на немъ разговариваетъ у меня какая-то мѣщанка въ «Полунощникахъ»? У нея, по крайней мѣрѣ, языкъ веселый, смѣшной... Вотъ и ругаютъ меня за него, потому что сами не умѣютъ такъ писать. Вѣдь я собиралъ его много лѣтъ по словечкамъ, по пословицамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ, схваченнымъ на лету въ толпѣ, на баркахъ, въ рекрутскихъ присутствіяхъ и монастыряхъ. Поработайте-ка надъ этимъ языкомъ столько лѣтъ, какъ я. Вѣдь большой трудъ написать было «Полунощниковъ» такъ, чтобы было читать ихъ смѣшно. Да и, кромѣ того, только на такомъ языкѣ я могъ бы провести въ печати мои взгляды о безстыжихъ притворщицахъ въ «Полунощникахъ» и о моей среди нихъ евангелисткѣ Клавдіи... Я внимательно и много лѣтъ прислушивался къ выговору и произношенію русскихъ людей на разныхъ ступеняхъ ихъ соціального положенія. Они все говорятъ у меня по-своему, а не по-литературному. Усвоить литератору обывательскій языкъ и его живую рѣчь труднѣе, чѣмъ книжный. Вотъ почему у насъ мало художниковъ слога, т. е. владѣющихъ живою, а не литературной рѣчью.

Изъ писемъ Лѣскова С. Н. Шубинскому еще болѣе убѣждаешься, что языкъ въ произведеніяхъ Лѣскова является результатомъ изученія самаго предмета и не страдалъ искаженностью русской рѣчи, а блисталъ отличнымъ знакомствомъ съ нею покойнаго писателя. Отъ 31-го марта 1883 года Н. С. Лѣсковъ писалъ С. Н. Шубинскому:

«Окажите мнѣ пріятельскую услугу: черкните адресъ И. О. Горбунова и С. В. Максимова. У меня сегодня, 30-го марта, былъ незнакомый генералъ во всемъ парадѣ съ просьбою военнаго совѣта «составить присягу для военныхъ чиновъ» согласно моимъ замѣчаніямъ, напечатаннымъ въ «Руси». Надо ее составить въ старинномъ русско-библейскомъ стилѣ. Я указывалъ на К. П. Побѣдоносцева и И. С. Аксакова, какъ на мастеровъ сего дѣла, но генералъ сказалъ, что «совѣтъ именно просить меня». Я не сумѣлъ отказаться и попросилъ себя недѣлю на размышленіе. Мнѣ надо о стилѣ попросить совѣта Максимова и Горбунова».

Въ другомъ письмѣ, отъ 19-го сентября 1887 г., онъ пишетъ тому же лицу: «Русская Мысль» за сентябрь 1887 г., стр. 533-я, не заинтересуетъ ли васъ отчетомъ объ изданной вами первой книжкѣ моихъ рассказовъ «Скоморохъ Памфалонъ» и «Спасеніе погибавшаго». Журналъ находитъ въ соединеніи ихъ счастливую идею издателя и воздастъ похвалу Памфалону, цѣня особенно языкъ рассказа «своеобразный и напоминающій старинныя сказанія», а также «ясность, простоту, неотразимость». Вамъ это должно быть пріятно, такъ какъ вы первый и долгое время вы единственный цѣнили этотъ рассказъ, стоившій мнѣ особаго труда по отдѣлкѣ языка и по изученію быта

того міра, котораго мы не видали, и о которомъ іосифовскій «Прологъ» въ житіи св. Феодула давалъ только слабый и самый короткій намекъ. Мнѣ лично эта похвала и то, что «Скоморохъ» всѣмъ нравится и ото всѣхъ любимъ,—ничего не приноситъ, но я очень радуюсь за васъ,—за ваши скорби и досажденія, вами перенесенныя, и за глупыя придирки со стороны тѣхъ, кому бы надо благодарить васъ за вашу заботливость о приобрѣтеніи настоящей «художественной работы», какъ ее нынѣ называютъ. «Скоморохъ» проживетъ самъ собою дольше многого, что держится похвалами и рекламами. Я надъ нимъ много, много работалъ. Этотъ языкъ, какъ и языкъ «Стальной блохи», дается не легко, а очень трудно, и одна любовь къ дѣлу можетъ побудить человѣка взяться за такую мозаическую работу. Но этотъ-то самый «своеобразный языкъ» и ставятъ мнѣ въ вину и заставили меня его немножечко портить и обезцвѣчивать. Прости Богъ этихъ «судей неправедныхъ». Они вѣрно отвыкли думать, что есть еще люди, которые работаютъ не по-базарному,—«безъ помарокъ», прямо набѣло,—«какъ выброшенъ навозъ, такъ и замороженъ». Но «Скомороха»... критика хвалитъ и, говорятъ, будто художники готовятъ картину на выставку, гдѣ изображенъ нашъ скоморохъ. Сцена взята та, когда Феодулъ лежитъ на циновкѣ у Корнилія. Корнилій въ шутовскомъ уборѣ собирается итти на потѣху, а въ двери его стоятъ двѣ призывающія его къ гетерѣ «нильскія змѣи съ играющею кровью и запахомъ страстнаго тѣла». Стало быть, вы оправданы множицею, и я за васъ, добрый другъ мой, радуюсь. Мы дали публикѣ настоящее литературное произведеніе въ дни полного упадка и базарничества».

Вотъ какъ самъ Лѣсковъ цѣнилъ свой стиль и вотъ причины, почему онъ у него выразителенъ въ глазахъ людей, знающихъ хорошо разговорную и живую рѣчь. Между тѣмъ книжникамъ, привыкшимъ къ языку привилегированнаго меньшинства, и совершеннымъ невѣждамъ въ области народной и смѣшанной рѣчи, онъ кажется гаерствомъ, краснбайствомъ, наѣздничествомъ въ область, якобы, базыскусственнаго и простаго русскаго языка. Лѣсковъ зналъ очень хорошо эту несправедливую въ стилистическомъ отношеніи себѣ оцѣнку и временами раздражался на нее. Выражалось это иногда у него рѣзко, а иногда и въ чрезмѣрныхъ похвалахъ тѣмъ лицамъ, которымъ нравился языкъ его произведеній. Всегда далекій отъ самохвальства и рѣдко занимающійся собою даже въ продолжительныхъ бесѣдахъ, находя болѣе интереснымъ общіе вопросы и огромный запасъ наблюденій надъ русскимъ бытомъ, Ник. Сем. однако зналъ себѣ цѣну.

Прочитавъ въ журналахъ лестный отзывъ о повѣсти «Гора», онъ торопится подѣлиться впечатлѣніемъ съ С. Н. Шубинскимъ и, подъ вліяніемъ радости, пишетъ, 2-го іюня 1890 г., по су-

ществу, совершенно справедливо о языкѣ «Горы» слѣдующія строки:

«Получилъ іюньскую книжку «Историческаго Вѣстника» и прочелъ отзывъ Трубачева о «Горѣ». Покорно васъ благодарю за вниманіе и ласку. Трубачевъ очень добръ ко мнѣ, но онъ не сказалъ лести и не оскорбилъ истины: «Гора» требовала труда чрезвычайно большого. Это можно дѣлать только «по любви къ искусству» и по увѣренности, что дѣлаешь что-то на пользу людямъ, усиливаясь подавить въ нихъ инстинкты грубости и ободрить духъ ихъ къ перенесенію испытаній и незаслуженныхъ обидъ... «Гора» столько разъ переписана, что я и счетъ тому позабылъ, и потому это вѣрно, что стиль мѣстами достигаетъ «музыки». Я это зналъ, и это правда, и Трубачеву дѣлаетъ честь, что онъ замѣтилъ эту «музыкальность языка». Лести тутъ нѣтъ: я добивался «музыкальности», которая идетъ къ этому сюжету, какъ речитативъ. То же есть въ «Памфалонѣ», только никто этого не замѣтилъ, а между тѣмъ тамъ можно скандировать и читать съ каденціей цѣлыя страницы. Мнѣ самому стыдно было на это указывать, а старшіе этого не раскушали. А Трубачевъ это уловилъ. Это ему дѣлаетъ честь. Онъ умѣетъ читать — это ужъ кое-что общааетъ».

Перечитывая многочисленныхъ критиковъ о Лѣсковѣ, придется дѣйствительно согласиться съ покойнымъ писателемъ, что «умѣнье читать» слѣдуетъ признать въ современныхъ критикахъ значительнымъ достоинствомъ. Впрочемъ, если покойнаго беллетриста до сихъ поръ плохо разбираютъ его присяжные цѣнители, то публика давно уже научилась цѣнить его и въ художественномъ и въ общественномъ отношеніяхъ. Его герои, какъ простые смертные, такъ и «ангелы» и «дьяволы», дороги читателю; а направленіе Лѣскова въ 60-хъ годахъ выразилось въ борьбѣ съ крайностями такъ называемаго нигилизма, а въ концѣ его жизни — въ борьбѣ съ ханжествомъ и юродствомъ русскаго общества («Полуночники»). Можно ли назвать такого писателя «консерваторомъ»? Можетъ быть, и собственноручныя письма Н. С. Лѣскова о своемъ стилѣ скрѣпятъ за нимъ то мнѣніе, что этотъ стиль не былъ «скоморошничествомъ» или «удальствомъ», а созидался художникомъ въ теченіе долгихъ лѣтъ и стоилъ ему большого труда, столь рѣдкаго въ «дни литературнаго упадка и базарничества».

V.

Какъ ни былъ, однако, Лѣсковъ самоувѣренъ въ своихъ сужденіяхъ о русской жизни и литературѣ, но были и для него вопросы, въ которыхъ и онъ почиталъ за лучшее быть сдержаннымъ. Не только метать куски грязи въ несимпатичныхъ ему людей или восторгаться друзьями, но въ спокойномъ состояніи духа

онъ могъ держать нейтралитетъ и быть очень скромнымъ во многихъ принципиальныхъ дѣлахъ.

— Есть много вопросовъ въ русской жизни,—признавался онъ мнѣ неоднократно,—о которыхъ я много читалъ, думалъ и все-таки не имѣю своего о нихъ мнѣнія, на которомъ бы настаивалъ. Это вопросы: еврейскій, объ общинѣ и обязательномъ въ Россіи обученіи. Нельзя все знать. Нужно чего нибудь и не знать или говорить личное мнѣніе, не обязательное для всѣхъ. Я до сихъ поръ не знаю, хорошо я сдѣлалъ или нѣтъ, что, благодаря, можетъ быть, исключительно мнѣ, въ Россіи не введена система обязательнаго обученія крестьянскихъ дѣтей. Я не знаю, правъ ли я былъ, когда очень давно въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія обсуждался вопросъ объ обязанности посѣщать крестьянскимъ дѣтямъ школы, и всѣ были почти согласны, но я одинъ возсталъ, и здѣсь-то мы схватились съ Лемониусомъ.

— Вы прежде школы постройте, чтобы не ходить въ нихъ за 20 верстъ въ стужу и снѣгъ. Вѣдь дѣти перемерзнуть въ дорогѣ, или волки ихъ поѣдятъ. Вѣдь въ принципѣ это хорошо непременно учиться, да у насъ зимы холодныя, а у крестьянскихъ дѣтей одежды теплой нѣтъ... Это въ Европѣ хорошо, а у насъ холодъ и волки. Затѣмъ, позвольте васъ спросить, что вы будете дѣлать, если отецъ не пошлетъ сына въ школу, а ему онъ будетъ нуженъ по хозяйству?

— Штрафовать отца...

— Ну, вотъ мы договорились... Штрафовать и въ острогъ сажать... Да, знаете ли вы, что этими мѣрами вы воспитаете страшную ненависть къ образованію? Отецъ-то, послѣ порки его и штрафа за сына, возьметъ да и убьетъ сына... Отъ нашего мужика все станется. Вотъ вы чего хотите, а я не хочу этого... Я знаю русскій народъ, знаю, къ чему поведетъ это обязательное обученіе.

— Послѣ моей рѣчи большинство присоединилось ко мнѣ, но и до сихъ поръ, хотя я думаю попрежнему объ обязательномъ обученіи въ Россіи, я не увѣренъ въ томъ, что моя правда, что было бы хуже при обязательности обученія, что я принесъ пользу родинѣ и т. д. Я не могъ вести себя иначе, но я не имѣю смѣлости отговаривать васъ думать иначе. Тоже и о евреяхъ: для себя я имѣю мнѣніе, что лучше жить братски со всѣми національностями, и высказываю это мнѣніе; но самъ боюсь евреевъ и избѣгаю ихъ. То же самое и о поземельной русской общинѣ я не имѣю твердаго мнѣнія. Дай крестьянину свободу распоряжаться своею землею, какъ онъ хочетъ, онъ ее пропьетъ. Вѣдь и мы живемъ не по средствамъ, а наша жизнь еще не бѣдна. Удивительно ли, что крестьянинъ пожелаетъ и получше ѣсть, и получше одѣться, и повеселиться, чѣмъ теперь; и удивительно ли, имѣя что заложить (землю), онъ заложитъ или продастъ ее на удовлетвореніе естественныхъ

желаній пожить лучше? Но я не сказала бы, несмотря на это, что я на сторонѣ общины съ ея передѣлами при кошачьихъ надѣлахъ, мірской властью, съ круговой порукой и т. д. Цифрами вы доказываете, что общинныя земли не менѣ доходны, чѣмъ подворныя и т. д. Ну, и доказывайте своими цифрами въ пользу общины, а только ея противники всегда могутъ возразить вамъ: духъ человѣческой таковъ, что человѣкъ бережетъ свою лошадь болѣе, чѣмъ чужую; свою землю обрабатываетъ лучше, чѣмъ чужую и т. д. Европа умерла бы съ голоду, если бы не бросила общину и не перешла бы къ подворному владѣнію. Какая тамъ у васъ статистика, что за цифры, кто и какъ ихъ собиралъ, — я не знаю, но знаю, что и статистику, и политическую экономію я давно уже пересталъ считать за науки; а вотъ духъ человѣческой, характеръ людей — это точная наука; одной ею я и руковожусь въ рѣшеніяхъ социальныхъ вопросовъ. Пока мнѣ не докажутъ, что человѣкъ бережетъ общественный интересъ болѣе своего; любитъ государство болѣе, чѣмъ семью; что по природѣ онъ альтруистъ и т. д., до тѣхъ поръ я молчу объ общинѣ. Самъ я не пошелъ бы жить въ общину и подчиняться міру. А разъ это такъ, я уже не могу сознательно проповѣдывать мужику подчиняться «старикамъ» и рекомендовать то, что самому мнѣ не нужно. Я боялся бы войти въ общину и лишиться той личной свободы, которою теперь располагаю. Впрочемъ, въ глубинѣ души, я думаю, въ общинахъ ли будетъ жить русскій мужикъ на кошачьемъ надѣлѣ, подворно ли онъ будетъ владѣть кускомъ земли, куда курицу некуда выгнать, въ обоихъ случаяхъ ему придется погибать. Мы оградились отъ Европы китайской стѣной, внутри у себя устроили «загоны» — здѣсь и таится гибель моя...

— Но что же вы ждете?..

— А ничего. Почему я знаю, что будетъ... Придутъ, можетъ быть, нѣмцы, шведы, какіе нибудь новые норманы и завоюютъ насъ... Почему я знаю! Можетъ быть, и это будетъ. А, можетъ быть, все будетъ хорошо у насъ; и обязательное образованіе, и община, и національные вопросы — все устроится къ общему благополучію. Такъ далеко я ничего не вижу, а теперь «жизнь понявъ, остаться жить — нужно немалое геройство», — заключалъ Лѣсковъ неоднократно.

Россия для него являлась весьма часто больнымъ человѣкомъ: «скажи ему, чтобы онъ мало ѣлъ — плохо; скажи, чтобы кушалъ — тоже плохо. Гулять разрѣши — простудится; не разрѣши — въ комнатахъ сомлѣетъ... Все плохо. Средины у него нѣтъ. Здоровый человѣкъ знаетъ всему мѣру, а больной перекачивается отъ одной крайности къ другой, и все выходитъ худо».

Было еще одно обстоятельство изъ литературной жизни, которое Лѣсковъ съ трудомъ понималъ. Признавая, что литература

настолько значительна, поскольку она отвѣчаетъ нашимъ нуждамъ, и что внѣ этихъ задачъ она умалается, Лѣсковъ не могъ признать и описаніе красоты безъ облагораживающаго ея вліянія на характеры людей. Если же красота этому не служитъ, то въ описаніи женскихъ ножекъ и грудей, конечно, одинъ только развратъ, и исчезновеніе подобнаго рода беллетристики, особенно расплодившейся за послѣднее время, необходимо привѣтствовать радостно.

— Но какъ же поэты-то?—восклицалъ Лѣсковъ.— Они скажутъ мнѣ: «такъ-то вы любите свое искусство! Послѣднее въ себѣ самомъ ищеть цѣли, а не въ жизни». Вотъ такое-то искусство,—продолжалъ онъ, мысленно возражая какому-то поэту,—и должно исчезнуть. На Л. Н. Толстомъ это замѣтнѣе всего... Да, и я, для себя самого, утверждаю, что вообще беллетристика, въ формѣ романовъ и стиховъ, сдѣлавъ свое дѣло, можетъ исчезнуть, уступая новому роду творчества... Нельзя же узаконять на одной линіи творчество Апухтина и Л. Н. Толстого, читать стихи В. Л. Величко, посвященные мнѣ, а другіе—кронштадтскому священнику... А поэтамъ это не почему!

Лѣсковъ показалъ мнѣ вырѣзанные имъ изъ газетъ стихи К. Фофанова, почти одновременно посвященные А. Фету и Л. Н. Толстому.

— Читайте! Читайте!—восклицалъ онъ.

А. А. Фету.

Есть въ природѣ безконечной
Тайныя мечты,
Осѣняемая вѣчной
Силой красоты.
Есть волшебнаго зѳира
Тѣни и огни,
Не отъ міра, но для міра
Родились они.
И безсилны передъ ними
Кисти и рѣзцы...
Но созвучными живыми
Вѣщце пѣвцы
Уловляютъ ихъ и вносятъ
На скрижали вѣковъ,
И не свѣтъ, и не скоситъ
Время этихъ сновъ.
И пока горитъ мерцанье
Въ чарахъ бытія:
*«Шопотъ, робкое дыханье,
Трели соловья»,*
И пока святымъ искусствамъ
Радуетъ свѣтъ,
Будетъ дорогъ иѣжнымъ чувствамъ
Вдохновенный Фетъ.

Льву Николаевичу Толстому:

Я знаю міръ души твоей;
 Земному міру онъ не сроденъ.
 Земной міръ сотканъ изъ цѣпей,
 А твой, какъ молодость, свободенъ.
     Не золотой телець—твой богъ,
     Не оскверненъ твой храмъ наживой.
 Ты передъ торжищемъ тревогъ
     Стоишь, какъ жрецъ благочестивый!
 Ты, какъ пророкъ, явился намъ,
 Тебѣ чужды пороки наши—
 И сладкой лести онміамъ,
 И зломъ отравленныя чаши.
     Ты хочешь небо низвести
     На нашу сумрачную землю.
     Остановись на полпути,
     Тебѣ довѣрчиво я внемлю.
 Слѣжу за геніемъ твоимъ,
 Горжусь его полетомъ смѣлымъ...
 Но въ изумленьи оробѣломъ
 Не смѣю слѣдовать за нимъ!..

— Каковы стихи? Прелесть! Музыка! И все-таки этотъ родъ творчества,—говорилъ Лѣсковъ:—долженъ исчезнуть. Не говоря уже о томъ, что такимъ не естественнымъ языкомъ трудно выразить свои мысли, но главная причина въ томъ, что люди будущаго перестанутъ быть en tout cas («Антука»), и явятся съ болѣе опредѣленными характерами и задачами въ нашу литературу. Если же и не явятся такіе писатели, и они будутъ посвящать стихи одновременно и Апухтину и Л. Н. Толстому, то я ничего не понимаю въ грядущемъ вѣкѣ, и нужно торопиться умирать...

А. Фаресовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О Ф. Д. НЕФЕДОВѢ.

МАРТА 12-го, 1902 года, въ деревнѣ Переборъ, Владимирской губерніи, скончался беллетристъ Филиппъ Діомидовичъ Нефедовъ. Покойный принадлежалъ къ разряду писателей-народниковъ, онъ самъ вышелъ изъ сѣрой массы, понималъ народъ, любилъ и страдалъ его горемъ и нуждой.

Имя Нефедова было популярно еще въ началѣ 70-хъ годовъ въ лучшихъ кружкахъ петербургской и московской молодежи, доказательствомъ чего служить, что одинъ изъ этихъ кружковъ издалъ его дѣйствительно замѣчательный по художественной простотѣ очеркъ «Безоброчный». Я отлично помню сильное впечатлѣніе, которое произвело на меня содержаніе этого очерка. Я до сихъ поръ не могу понять, уяснить себѣ, что позорное наказаніе розгами крестьянина, этого перваго плательщика и кормильца родной земли, не отмѣнено въ законодательномъ порядкѣ. Прочтите «Безоброчный» Нефедова и въ память писателя уничтожьте розгу! Пора! Сорокъ лѣтъ освобожденный народъ и розга! Ни въ какомъ государствѣ исторія намъ не показываетъ ничего подобнаго. Не походитъ ли это на то, что, освободивъ и притомъ съ большимъ трудомъ челоуѣка, снявъ съ него цѣпи, вы въ то же время даете освобожденному пощечину. Есть ли въ этомъ примѣрѣ смыслъ?.. Такая же бессмыслица теперь и розга!

Съ Филиппомъ Діомидовичемъ я познакомился въ 1884 году, когда сотрудничалъ въ московской газетѣ, издававшейся покойнымъ Н. П. Ланинымъ. Нефедовъ положилъ основаніе въ 1880 году этой безусловно въ то время лучшей газетѣ въ Москвѣ. Нефедовъ составилъ редакцію, привлекъ талантливыхъ и честныхъ сотрудни-

ковъ, отдавъ газетѣ не только свой трудъ, но и душу, и газета имѣла успѣхъ, да еще какой!.. Многіе помнятъ это время, и близкіе къ газетѣ сотрудники еще живы и, вѣроятно, расскажутъ о Филиппѣ Діомидовичѣ, какъ о редакторѣ «Русскаго Курьера».

Впрочемъ недолго Нефедовъ былъ редакторомъ, хотя вліяніе его на газету продолжалось и въ послѣдующіе годы, когда другіе завѣдывали редакціей, но сотрудники, по крайней мѣрѣ, большинство ихъ, оставались тѣ же и не прерывали своихъ связей съ покойнымъ. Нефедовъ былъ редакторомъ-товарищемъ, а для нѣкоторыхъ даже другомъ. Онъ былъ простой, совершенно искренній человѣкъ, ясный и опредѣленный. Одна изъ главныхъ чертъ его характера—живая и, если даже хотите, шумная общительность, которая привлекала къ нему тоже хорошихъ и простыхъ людей. У Нефедова напрасно бы искали камня за пазухой: кромѣ широкаго креста, тамъ ничего не было.

Обстоятельство, которое заставило покинуть Филиппа Діомидовича редакторскій постъ, произошло вслѣдствіе недоразумѣнія, но недоразумѣнія политическаго характера. Это недоразумѣніе однако познакомило Нефедова съ Петропавловской крѣпостью, куда онъ былъ препровожденъ въ 1880 году по дѣлу нѣкоего Нечаева, съ которымъ онъ былъ знакомъ только потому, что какъ тотъ, такъ и другой были уроженцами одного города Иванова-Вознесенска. У Нечаева нашлось или письмо Нефедова или его адресъ, достовѣрно я не знаю. Тѣмъ не менѣе, когда его освободили, то издатель, человѣкъ довольно трусливаго характера, не пожелалъ, чтобы редакторомъ былъ литераторъ, сидѣвшій въ Петропавловкѣ, хотя бы даже по недоразумѣнію.

Это обстоятельство, конечно, имѣло вліяніе на матеріальное положеніе Нефедова, но зато онъ сталъ больше работать по беллетристикѣ, помѣщая свои повѣсти и рассказы въ «Русской Мысли» и «Наблюдателѣ», въ журналѣ, въ которомъ по его рекомендаціи я напечаталъ одинъ изъ первыхъ рассказовъ. Когда я работалъ въ «Русскомъ Курьерѣ», завѣдующимъ былъ графъ Г'-К., человѣкъ, не особенно ладившій съ сотрудниками, привыкшими къ товарищескому отношенію редактора, но не начальническому. Происходили постоянныя недоразумѣнія, что не совсѣмъ хорошо отражалось на литературной работѣ, да и газета начала нѣсколько падать, ибо стали появляться статьи, несвойственныя тому направленію, которое далъ органу съ самаго основанія Нефедовъ. Непріятности шли crescendo и наконецъ разразились кризисомъ, въ который вмѣшался и самъ издатель Ланинъ, принявшій нашу сторону, и завѣдующій долженъ былъ удалиться. Тогда мы всѣ сотрудники, знакомые и незнакомые съ Нефедовымъ, обратились къ издателю съ просьбой пригласить завѣдывать редакціей Филиппа Діомидовича. Но Ланинъ, признавая вполне заслуги Нефедова и увѣ-

ренный, что дѣло тогда пойдетъ превосходно, все-таки не согласился исполнить нашу просьбу, чего-то опасаясь... Ланинъ предложилъ выбрать редактора изъ своей среды, что мы и сдѣлали. Вотъ въ это-то время я и познакомился съ Нефедовымъ. Тогда работали въ «Русскомъ Курьерѣ» двое близкихъ Нефедову лицъ: Ф. Н. Митропольскій, нынѣ постоянный сотрудникъ «Русскихъ Вѣдомостей», и покойный Н. А. Консиндентовъ, по прозванію «Коша». Вотъ эти люди и повели меня знакомиться съ бывшимъ редакторомъ «Русскаго Курьера».

Какъ теперь помню небольшую комнату на Молчановкѣ въ номерахъ. Комната была буквально вся завалена книгами: книги на окнахъ, книги на столѣ, на стульяхъ, книги, пачки книгъ на полу, повсюду. Покойный дѣйствительно читалъ много. Онъ никогда не пропускалъ хотя сколько нибудь интересной, а тѣмъ болѣе выдающейся книги, и на послѣдніе гроши покупалъ ихъ. Нефедовъ былъ прекрасно знакомъ не только съ русской, но и съ иностранной литературой и очень часто говаривалъ: «писателю не только нужно прочесть всѣхъ классиковъ, но и изучить послѣднихъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ». Какъ романистовъ, Нефедовъ высоко ставилъ Диккенса и Теккерея и приводилъ въ примѣръ выдержанность этихъ беллетристовъ. Помню, какъ-то, упоминая о своемъ покойномъ другѣ А. И. Левитовѣ, онъ говорилъ, что, конечно, эти писатели имѣли огромное вліяніе на литературу Левитова.

Какъ памятно мое первое знакомство съ Филиппомъ Діомидовичемъ. Онъ принялъ насъ и радушно и шумно. Его громкій открытый смѣхъ такъ и раскатывался по комнатѣ. Мнѣ было пріятно въ присутствіи такого живого человѣка, другіе чувствовали себя, какъ дома.

— Ну, младенцы?..—обращался хозяинъ къ Митропольскому и Кошѣ:—чѣмъ васъ угощать, говорите?! Водкой или пивомъ?.. Сейчасъ распоряжусь...

И онъ хлопоталъ весело, задавая въ то же время вопросы и рассказывая самъ, что находилъ интереснаго.

Встрѣчаются, не особенно впрочемъ часто, въ жизни люди, съ которыми при первомъ знакомствѣ влечетъ говорить откровенно, и черезъ какой нибудь годъ уже кажется, что давно знаешь этого человѣка, который такъ близокъ и такъ понятенъ.

Именно это я чувствовалъ тогда въ комнатѣ Нефедова, среди простыхъ людей, въ простой, но вмѣстѣ съ тѣмъ интересной бесѣдѣ. Изъ тѣхъ совѣтовъ по отношенію газеты, которые онъ давалъ, я отлично понималъ, какой это былъ редакторъ, живой, разносторонній. Нефедовъ высоко ставилъ журналистику и повременную прессу, легкое отношеніе къ писательскому дѣлу вызывало въ немъ нескрываемое раздраженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ насмѣшку. Нефедовъ прекрасно владелъ рускимъ народнымъ языкомъ, умѣлъ

пользоваться остроумными народными поговорками и пословицами, и потому рѣчь его была сочна, округленна и ясна. Къ каждому вопросу онъ подходилъ смѣло и ставилъ его необыкновенно открыто и жизненно. «Здравый смыслъ» и чуткость составляли характерную сторону этой личности.

Повторяю, интересъ къ литературѣ у Нефедова былъ огромный, и этого интереса, мнѣ кажется, онъ не могъ удовлетворить: онъ все искалъ, ждалъ проявленія новыхъ талантовъ и радовался, какъ ребенокъ, если встрѣчалъ, наталкивался на искреннее чувство, на сердечный порывъ въ какомъ нибудь очеркѣ, разсказѣ. Въ самомъ дѣлѣ Филиппъ Діомидовичъ необыкновенно душевно относился къ начинающимъ беллетристамъ. Онъ охотно читалъ ихъ рукописи, слушалъ, давалъ совѣты и рекомендаціи. Это знаютъ и должны помнить нѣкоторые.

Вотъ и тогда при первомъ знакомствѣ, когда онъ услышалъ, что я пишу разсказъ, то сейчасъ же спросилъ: «изъ какого быта?»

— Встрѣтилъ я интереснаго крестьянина въ Смоленской губерніи, очень хочется описать.

— Ну, что же, отлично!..

— Да трудно, Филиппъ Діомидовичъ, никакъ не могу справиться.

— Ничего, пишите,.. пишите только правду... Очень меня интересуетъ вашъ разсказъ, — продолжалъ онъ, любовно смотря на меня:—знаете что? не обратятся ли намъ опять на-дняхъ, вы захватите разсказъ, да и прочтите намъ... вмѣстѣ и разсудимъ, какъ и что... Не правда ли?.. и младенцы послушаютъ... Ну, что, младенцы, еще пива хотите?!..

И хозяинъ смѣялся добрымъ, русскимъ смѣхомъ, а «младенцы» благодушно улыбались.

Спустя нѣкоторое время, я прочелъ разсказъ, который былъ выслушанъ Нефедовымъ съ глубокимъ вниманіемъ, при чемъ онъ необыкновенно деликатно сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія и поправки, за которыя, кромѣ благодарности, я ничего не могъ ему выразить.

Въ концѣ концовъ онъ указалъ журналъ, куда послать разсказъ, и далъ рекомендательное письмо къ редактору.

Въ скоромъ времени рукопись была напечатана, и я, право, не знаю, кто былъ больше доволенъ—авторъ или Нефедовъ.

Я могу указать на нѣсколько случаевъ добраго и душевнаго отношенія писателя къ начинающимъ. Въ нынѣшнее время подобное едва ли встрѣтишь... Современный литераторъ не станетъ заниматься разборомъ чужихъ рукописей и искать въ нихъ съ сердечнымъ трепетомъ искры Божіей... Что ни говорите, а время было не сухое, эгоистичное и люди попроще, не такіе нервныя, самолюбивыя.

Одного нынѣ благополучно подвизающагося литератора, С—каго, Нефедовъ положительно поставилъ на ноги, указавъ ему литера-

турные пути и занимаясь съ нимъ совершенно по-товарищески. Это былъ начинающій, но не смѣлый и малоувѣренный въ себя человекъ, которому Нефедовъ сумѣлъ придать бодрость и энергію.

Однажды, обратился ко мнѣ за совѣтомъ молодой, тогда еще начинающій, драматургъ, Е. П. Карповъ, по поводу своей пьесы. Дѣло было въ Москвѣ, и я тотчасъ же подумалъ о Ф. Д., ибо самъ мало понималъ въ драматической литературѣ. Я не ошибся. Нефедовъ съ величайшимъ удовольствіемъ согласился познакомиться съ Карповымъ и выслушать его пьесу. Онъ же посовѣтовалъ мнѣ пригласить на чтеніе Н. Н. Златовратскаго и извѣстную артистку М. Н. Ермолову.

Пьеса называлась «На земской нивѣ». Авторъ мастерски ее прочелъ, и Нефедовъ болѣе всѣхъ останавливалъ вниманіе на разныхъ сценахъ, просилъ вновь прочесть, указывалъ на неясность въ обрисовкѣ характера и на какой нибудь недосмотръ. Я отлично помню, что Нефедовъ и М. Н. Ермолова рассмотрѣли пьесу молодого драматурга со всѣхъ сторонъ, строго и внимательно.

Авторъ согласно ихъ указаніи сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія, и пьеса, принятая Коршемъ, прошла съ огромнымъ успѣхомъ при отличномъ составѣ актеровъ. Я былъ тогда въ театрѣ вмѣстѣ съ Филиппомъ Діомидовичемъ и никогда не забуду его торжества. Онъ отчаянно хлопалъ, кричалъ, вызывая автора, и даже до нѣкоторой степени сердился на меня, что я не обнаруживаю особенной горячности.

— Надо поддержать молодого писателя... у него такія отличныя задачи... Ну, что же вы не вызываете Карпова?!

* * *

Ф. Д. Нефедовъ одно время ¹⁾ былъ секретаремъ общества любителей русской словесности. Къ этому времени относится усиленная дѣятельность этого общества, его частыя засѣданія, выборы новыхъ молодыхъ писателей въ члены общества. Ранѣе общество русской словесности пребывало въ едва замѣтномъ существованіи, публичныя засѣданія почти не устраивались, интересныхъ чтеній не было.

Но когда Нефедовъ былъ избранъ секретаремъ, жизнь и дѣятельность закипѣла живымъ ключемъ въ обществѣ: публичныя засѣданія стали происходить еженедѣльно въ зданіи Московскаго университета, вся московская интеллигенція мало-по-малу стала постояннымъ посѣтителемъ этихъ дѣйствительно живыхъ и въ высшей степени интересныхъ собраній. Популярность этихъ засѣданій дошла наконецъ до того, что не хватало въ большой залѣ

¹⁾ Въ концѣ 80-хъ годовъ.

университета мѣста для желающихъ, и билеты для входа на публичное засѣданіе общества разбирались заранее, доставаясь съ большимъ трудомъ. Я не стану говорить о той пользѣ, которую непосредственно получала молодежь во время этихъ живыхъ общеній литературы съ публикой. Нефедовъ, этотъ беззавѣтный слуга и адептъ русской литературы, заставилъ молодежь и полюбить и интересоваться послѣдней. Литераторы тоже оживились и стали читать въ засѣданіяхъ общества свои новыя произведенія, послѣ чего они уже появлялись въ печати. Я помню, какъ ломилась публика, чтобы послушать новый рассказъ графа Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича», который авторъ далъ прочесть въ обществѣ... Знаменитый авторъ самъ не читалъ своего рассказа, а поручилъ прочесть А. С. Пругавину.

Огромное впечатлѣніе произвелъ тогда этотъ рассказъ на болѣе чѣмъ многочисленныхъ слушателей, изъ которыхъ многіе сидѣли по двое на одномъ стулѣ, всѣ окна были заняты студентами, народъ стоялъ за дверьми, желая услышать хоть чтонибудь... Повторяю, засѣданія общества притягивали къ себѣ людей и одно время, въ секретарство Нефедова, играли видную роль въ московскомъ интеллигентномъ мірѣ.

Большой эффектъ въ тогдашніе дни произвелъ чтеніемъ своихъ воспоминаній покойный Гиляровъ-Платоновъ, мастерски прочитавшій интересные эпизоды... Въ громадной аудиторіи въ теченіе нѣсколькихъ часовъ раздавался дружный, искренній смѣхъ, и я, какъ теперь, помню лектора, оживленнаго и тоже смѣющагося безъ удержки.

Свѣжесть и искренность чувствовалась въ этихъ засѣданіяхъ, главнымъ образомъ успѣхомъ своимъ обязанныхъ Ф. Д. Нефедову, его энергіи и труду, котораго было немало положено, чтобы поднять общество, которое столько лѣтъ мирно дремало и въ настоящее время снова обнаруживаетъ весьма слабые признаки жизни.

Да, такого секретаря, какимъ былъ Нефедовъ, трудно найти, какъ трудно встрѣтить человѣка, такъ любившаго русскую литературу и буквально только и жившаго ея интересами.

Нефедовъ былъ человѣкъ одинокій, его единственный сынъ воспитывался у матери, видаясь съ отцемъ довольно впрочемъ часто... Нефедовъ жилъ жизнью богемы, все его имущество состояло въ любимыхъ книгахъ, а остальное: *omnia mea mecum porto*. Несмотря на сравнительно большой кругъ знакомыхъ въ мірѣ ученомъ, артистическомъ и др., онъ держался тѣснаго, литературнаго кружка, чувствовалъ себя хорошо среди своихъ прежнихъ сотрудниковъ «Русскаго Курьера», простыхъ, какъ и онъ, людей. Былъ близокъ съ извѣстнымъ земскимъ дѣятелемъ и публицистомъ, тоже умершимъ, Колюпановымъ, и нынѣ здравствующимъ извѣстнымъ писателемъ-народникомъ Н. Н. Златовратскимъ, съ которымъ его тѣсно связывала любовь къ народу.

Демократическія привычки и характеръ жизни покойнаго дышали простотой и искренностью. Нефедовъ держалъ себя одинаково, какъ съ простымъ, такъ и культурнымъ человѣкомъ, давая предпочтеніе только возрасту. Можетъ быть, это нѣсколько патриархально, но мнѣ нравилось... Мнѣ приходилось видѣть въ его квартирѣ и извѣстнаго профессора, и именитаго купца (покойнаго Солдатенкова), и артиста, и литератора, и простого крестьянина-земледѣльца. Со всѣми этими лицами покойный находилъ нѣчто общее, и каждый, повидимому, хорошо чувствовалъ себя въ комнатѣ, представляющей по своей обстановкѣ вѣчный хаосъ... Но что обстановка, когда привѣтливъ и сердеченъ хозяинъ!..

Нефедовъ проживалъ постоянно въ Москвѣ до тѣхъ поръ, когда онъ сталъ получать командировки по порученію общества естествознанія, антропологии и этнографіи. Тогда онъ на долгое время покидалъ городъ, пріѣзжая въ Москву только на зиму. Занятія по этнографіи давали Ф. Д. весьма интересный литературный матеріалъ.

Но его очерки появлялись рѣже и рѣже. Интересъ къ нему со стороны культурнаго общества ослабѣвалъ. Подошли 90-е годы, и въ русской литературѣ началось другое вѣяніе, обратное интересамъ къ «мужику». Фабричный бытъ, къ которому покойный относился отрицательно, получилъ въ литературѣ иное освѣщеніе, затѣмъ за фабрикой выступилъ босякъ, теперешній герой русской литературы. Города, развившіеся (на счетъ мужика) многолюдные центры, стали рѣшать всѣ вопросы, не спрашивая деревни и не интересуясь послѣдней. Нѣкоторые прямо отчаянные журналисты объявили войну русской общинѣ, требуя ея уничтоженія, какъ консервативной и невѣжественной единицы. Такіе люди почему-то назвались марксистами, хотя Карлъ Марксъ преклонялся передъ общиной и усматривалъ въ этой вѣковой русской формѣ земледѣлія и землевладѣнія блестящую будущность русскаго народа. Однимъ словомъ людямъ со старыми, народническими идеалами жить въ городахъ становилось трудноѣе.

Надъ народниками посмѣивались;—не въ лицо, положимъ, а втихомолку. Молодежь представителями этого направленія не интересовалась...

— Нефедовъ?! кто это?

— Писатель, хорошій... довольно извѣстный...

--- А, народникъ!?

И при этомъ слышалась уже нескрываемая насмѣшка. Настроеніе противонародническое росло, нѣкоторые, преимущественно петербургскіе литераторы, для популярности и «имени» заплѣли въ подходящую времени дудку и народничеству поставили «крестъ». Думаю, вѣрно ли это?..

Россія безъ многомилліоннаго земледѣльческаго народа—это въ родѣ того, что Китайъ безъ чая!

Нефедовъ продолжалъ больше и больше предаваться этнографическимъ изслѣдованіямъ, забираясь въ далекія окраины и прѣзжая въ Москву на совсѣмъ короткое время.

Наконецъ, онъ поселился въ Плесѣ, Костромской губерніи, и навѣдывался въ Москву только по дѣлу, останавливаясь на день, на два у своихъ друзей.

Мнѣ приходилось видѣться съ Филиппомъ Діомидовичемъ рѣдко. Сначала мы переписывались довольно аккуратно, но впоследствии, какъ это обыкновенно бываетъ, не получали другъ отъ друга извѣстій подолгу. Въ каждомъ письмѣ Нефедовъ говорилъ о литературѣ, спрашивалъ, нѣтъ ли чего новаго, не проглядѣлъ ли онъ чего?

Кстати, я долженъ добавить, что писалъ Нефедовъ крайне неразборчиво, какими-то египетскими іероглифами, которые съ трудомъ можно было разбирать. Мнѣ приходилось почти постоянно обращаться къ его пріятелю Ф. Н. Митропольскому, который письмо покойнаго усвоилъ себѣ въ совершенствѣ.

Филиппъ Діомидовичъ вообще былъ здоровья не слабаго, хотя часто жаловался на боль въ груди и лихорадки, берегъ себя очень, при малѣйшемъ недомоганіи не выходилъ изъ дома, не открывалъ оконъ. Все это его друзья приписывали его нервности и мнительности.

Живости и радушія Нефедовъ все-таки не терялъ, хотя нѣсколько сталъ задумчивѣе. Когда прѣзжалъ въ Москву, то постоянно звалъ къ себѣ погостить въ деревню Переборъ, куда онъ года три какъ окончательно переселился изъ Костромской губерніи.

— Прѣзжайте, у меня хорошо, тихо и спокойно... отдохнете, познакомлю васъ съ крестьянами,—отличные люди.

— И не скучно вамъ въ деревнѣ, Филиппъ Діомидовичъ?..

— Что вы... скучно?! да у насъ веселѣй, потому что душевнѣй... Вотъ развѣ избытка мало, но угостить чѣмъ гостя найдется.

Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось побывать у него въ деревнѣ, которая отстояла отъ Москвы всего въ 145 верстахъ по желѣзной дорогѣ и 5 или 6 верстъ по проселку.

Во время послѣднихъ встрѣчъ и бесѣдъ Нефедовъ высказывался рѣшительнѣе, потому, вѣроятно, что у него много накопѣло желчи противъ нѣкоторыхъ явленій въ русской жизни, или, можетъ быть, отъ того, что любовь къ мужику-пахарю стала еще интенсивнѣе, вслѣдствіе болѣе легкаго отношенія къ мученику земли Русской.

— Ну, что, какое это общество?!—говорилъ онъ:—вялое, индифферентное. Развѣ у него здоровые инстинкты?! Знаете, когда у человѣка испорченъ, развращенъ желудокъ, тогда онъ всякую пакость предпочитаетъ здоровой пищѣ... Теперь увлеклись босяками, фабричными, однимъ словомъ народомъ больнымъ, жалкимъ, неспо-

собнымъ на то, что можетъ вынести нашъ крестьянинъ... да, увлеклись большимъ, искалѣченнымъ матеріаломъ, а на здоровый никакого вниманія... Нечего сказать, остроумно!.. Левитовъ далъ, въ чудныхъ очеркахъ обрисовалъ «ночлежниковъ» и босяковъ, и что же тогда?! Развѣ обратили вниманіе на «эту соль земли Русской». Нѣтъ, Левитовъ—забытый писатель не читанный и не понятый... Господи!. забыть здороваго русскаго мужика и увлечься... чѣмъ?.. пьянымъ безсилемъ...

Чистокровный народникъ сказывался въ немъ. Раньше онъ не былъ такъ рѣзокъ. Его симпатіи были всегда на сторонѣ всѣхъ страждущихъ, угнетенныхъ безъ различія состояній. Впрочемъ не Нефедовъ началъ раздѣлять эти элементы, которые стали нераздѣльны съ деревней, обезсиленной русской деревней.

И не покидалъ покойный этой деревни до самой смерти. Деревня почтила его душевными похоронами и искренно пожалѣла о «своемъ писателѣ, народномъ»!

Миръ праху твоему, русскій писатель, не измѣнившій во всю свою жизнь излюбленнымъ завѣтамъ и свѣтлымъ широкимъ идеаламъ, широкимъ, какъ широка Русь, какъ правда, и глубокимъ, какъ народное чувство!

С. Васюковъ.

25-го марта.
Геленджикъ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I ВЪ НОВГОРОДЪ ВЪ 1814 ГОДУ.

РАЗБИРАЯ бумаги моего дѣда, Діодора Васильевича Трубникова, я нашелъ, между прочимъ, небольшой рассказъ о приѣздѣ въ Новгородъ, въ 1814 году, императора Александра Павловича, записанный имъ со словъ его отца, Василя Платоновича Трубникова. Рассказъ этотъ, по моему мнѣнію, не лишень интереса въ бытовомъ отношеніи, и потому предоставляю его въ распоряженіе редакціи «Историческаго Вѣстника».

Князь Н. Багратіонъ.

Принесли съ почты повѣстку губернскаго предводителя дворянства быть въ губернскомъ городѣ ¹⁾—представиться благородному дворянству самому государю императору.

Призвалъ моего камердинера Петра и велѣлъ приготовить губернской мундиръ; но какъ не надѣялся, что будетъ въ исправности, то велѣлъ ему показать мнѣ. Темно-зеленое сукно очень заѣдено молью, воротникъ, нѣкогда голубой, показался мнѣ бирюзовымъ съ зеленью, а желтая опушка какъ будто замарана. Это бы еще ничего; но приборъ къ этому очень ужъ въ жалкомъ видѣ, а именно: шпага совсѣмъ порыжѣла, штаны бѣлые каземировые трудно сдѣлать совсѣмъ бѣлыми, а заштопать кой-гдѣ необходимо; бѣлые чулки уже заштопаны, а башмаки можно изъ рыжихъ на-

¹⁾ Новгородъ.

ваксить черными, лишь бы влѣзли на ноги, привыкшія къ туфлямъ да валенкамъ.

Двѣ мѣдныя медали прицѣплены на старенькихъ Владимирскихъ ленточкахъ. Но вотъ бѣда! Треуголка или, такъ сказать, шляпа очень затвердѣла отъ старости и на голову не войдетъ; но и то сказать, ее вѣдь придется держать только въ рукахъ; а о перчаткахъ нечего и думать: ихъ почти никто не носитъ въ парадѣ.

Приѣхавъ въ Новгородъ, остановился въ собственномъ домѣ, но какъ неожиданно, то въ нетопленныхъ комнатахъ. Завидоваль дворницкой, откуда изъ часто растворяемыхъ дверей паръ валилъ столбомъ.

10-го января, былъ съ визитомъ у губернатора и уѣзднаго предводителя, сказали, что къ 12-му ожидаютъ государя съ Аракчеевымъ, и условились собраться у губернскаго предводителя.

Вечеромъ всѣ были у губернатора, который очень весело провели. Подавали наливки и играли въ «la mouche» — немного проигралъ. Все говорили, какъ представиться государю, чтобъ было чинно и парадно. Губернаторъ подастъ рапортъ о всемъ благосостояніи; кучество поднесетъ хлѣбъ-соль и, наконецъ, губернской предводитель представитъ благородное дворянство; а такъ какъ его мало было налицо, какъ и всегда, то и порѣшили нѣсколько изъ губернскихъ чиновниковъ, поблаговиднѣе, тутъ же включить въ депутацію, разумѣется, имѣющихъ мундиры или не одолжившихъ своими нѣкоторыхъ изъ дворянъ, почему-то не имѣвшихъ собственныхъ. Однако, съ десятокъ оказалось дворянъ, ну, другой десятокъ будетъ изъ чиновниковъ, и депутація будетъ приличная.

Губернскій предводитель приготовился сказать поздравительную рѣчь съ жаромъ и тутъ же замѣтилъ, что не удивительно будетъ, ежели получить за это и крестъ на шею. Тутъ стало завидно уѣздному, равно какъ и всѣмъ намъ; но какъ я, кромѣ двухъ мѣдныхъ медалей, ничего не имѣлъ, то и сообразилъ, что рано еще мнѣ заниматься честолюбіемъ. Ну, предводителю туда и дорога, онъ же намъ даетъ обѣды—тратится, а мы въ деревняхъ себѣ кошимъ конейку про черный день.

11-го января, обѣдали у губернскаго предводителя—много пили мадеры и дрей-мандеры, а потомъ и наливки. Вечеръ провели тутъ же за бостономъ, домой вернулся поздно, въ 11 часовъ, однако, все еще холодно въ комнатахъ; не удивительно, скоро ль натопишь при 20° мороза.

Утромъ, 12-го, рано проснулся, сердце чувало необыкновенное событіе! Государь приѣхалъ; въ десятомъ часу утра велѣно собираться къ подъѣзду походнаго дворца или дома графа Аракчеева ¹⁾).

---

¹⁾ Домъ этотъ до сихъ поръ сохранился съ двумя каменными львами у подъѣзда. Находится онъ у сада, противъ площади.

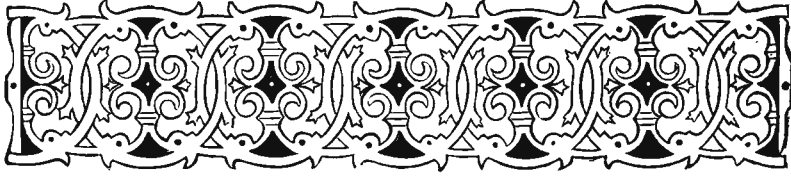
Всѣ съѣхались, бѣготня у подъѣзда, говорятъ, что сейчасъ выйдеть. Генераловъ и всякихъ адъютантовъ множество. Стоимъ въ мундирахъ, кой-какъ прикрывъ головы упрямыми треуголками; морозъ жестокий, подпрыгиваемъ легонько въ чулкахъ и башмакахъ.

Часть проходитъ, шибко морозъ прохватываетъ... Эти купцы счастливы въ кафтанахъ, вѣрно, и полушубки надѣты, да и въ валенкахъ, скоты, стоятъ, не понимаютъ дворянскаго благородства!

Однако, жутко намъ далось благородство, едва живые стоимъ. Вдругъ на лѣстницѣ засуетились — идетъ, мы скорѣй шляпенки подъ мышки,—вышелъ государь въ шляпѣ съ бѣлымъ султаномъ, а графъ Аракчеевъ въ фуражкѣ да и въ старой шинелькѣ. Аракчеевъ оскалилъ на насъ зубы: что, дескать, промерзли, дураки, а императоръ такъ благосклонно приложилъ руку къ шляпѣ, взглянувъ на насъ, что вотъ такъ бы и поцѣловалъ эту руку. Сѣли въ сани и уѣхали въ соборъ. Предводитель тутъ же и шубу надѣлъ и говоритъ намъ: «Господа, надо въ соборъ». Какъ бы не такъ! Во-первыхъ, едва живы, а, во-вторыхъ, гдѣ найти сани, ихъ такъ далеко угнали съ нашими шубами, что не найдешь! И пустился я по площади во весь духъ домой! «Снимайте скорѣй мундиръ, штанишки, чулки. Не отморозилъ ли я себѣ икры—вотъ бѣда! Трите снѣгомъ скорѣй!» Всего себя вытирать велѣлъ снѣгомъ да, напившись пуншу съ французской водкой, легъ въ постель. Что диво, это—то, что никто не простудился. Кого снѣгомъ оттирали, кому и водка помогла, таковы-то были натуры наши.

Говорятъ, государь, какъ только вышелъ изъ собора, сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ въ Москву. Тоже говорили, что губернаторъ очень доволенъ; ему Аракчеевъ сказалъ: «У тебя, братецъ, все хорошо». Забылъ сказать: насъ очень удивило, что маркизъ Пауллуччи такъ смѣло стоялъ противъ Аракчеева, когда другіе всѣ генералы, охъ, какъ жались передъ нимъ, не плоше насъ, бѣдныхъ; но мы-то были совсѣмъ промерзши: пусть его думаетъ, что это со страха передъ нимъ!

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРЪ И А. С. ГРИБОѢДОВЪ ¹⁾.

ВОЛЕННЫЙ отъ службы, въ февралѣ 1823 года, «по домашнимъ обстоятельствамъ» изъ Елисаветградскаго гусарскаго полка, съ чиномъ штабсъ-ротмистра, дворянинъ Новгородской губерніи, князь Сергѣй Сергѣевичъ Оболенскій былъ преданъ суду и осужденъ военнымъ судомъ «за самовольную отъ того полка отлучку, учиненную имъ до полученія еще о своемъ увольненіи высочайшаго приказа, за неприличную игру въ карты и рулетку на деньги и вещи, и за помѣщеніе въ письмѣ къ начальнику 2-й гусарской дивизіи генераль-лейтенанту барону Будбергу грубыхъ и дерзкихъ выраженій». По высочайшей конфирмаціи приговора, послѣдовавшей 29 декабря 1826 года, онъ былъ выдержанъ одинъ годъ въ Динабургской крѣпости и отправленъ затѣмъ, въ апрѣлѣ 1828 года, въ сопровожденіи урядника Аксюка, въ Грузію, для опредѣленія въ Нижегородскій драгунскій полкъ рядовымъ. Во время слѣдованія изъ г. Орла, 28-го того же апрѣля, пропалъ съ повозки зонтикъ Аксюка, а такъ какъ князь Оболенскій сказалъ, что зонтикъ, вѣроятно, выпалъ по дорогѣ, въ деревнѣ Куликовкѣ, то Аксюкъ велѣлъ ямщику вернуться въ эту деревню и зашелъ, какъ онъ утверждалъ на слѣдствіи, справиться о потерянномъ зонтикѣ въ избѣ крестьянина Ляхова. Оболенскій, раздраженный, по его словамъ, на урядника за его грубое съ нимъ обращеніе во время пути, а, можетъ быть, просто подъ влияніемъ выпитаго шампанскаго (въ Орлѣ ему устроили проводы 4 гусарскихъ офицера), воспользовавшись уходомъ Аксюка по направленію къ избѣ Ляхова, схватилъ съ повозки оставленную Аксюкомъ саблю, обна-

¹⁾ Изъ дѣла главнаго военнаго суда, 1829 г., № 14

жилъ ее, напалъ на Аксюка и нанесъ ему рану въ бокъ. Аксюкъ успѣлъ скрыться отъ дальнѣйшаго преслѣдованія въ избу Ляхова, но Оболенскій, выгнавъ его оттуда, погнался за нимъ по деревнѣ и только тамъ былъ задержанъ сбѣжавшимися крестьянами. Обстоятельства эти подтверждали при слѣдствіи: ямщикъ, везшій Оболенскаго, Павелъ Сухановъ, жена крестьянина Ляхова, Ирина Ляхова, и задержавшіе Оболенскаго крестьяне. По обратномъ доставленіи въ г. Орель, Оболенскій былъ обысканъ, и между прочимъ въ его бумажникѣ нашли: безыменное письмо съ надписью на оберткѣ (карандашемъ) въ одномъ мѣстѣ «Бердичевъ», а въ другомъ «Смоленской губерніи, Сычевскаго узда, въ село Татарку», и два листка съ какими-то продолговатыми прорѣзами, по 8 на каждомъ, съ буквами (разставленными накрестъ, К. Н. Л. W.—на одномъ ласткѣ, и В. Ы. Н. Л.—на другомъ) и съ цифрами (87, 36, 78, 187, 80, и отдѣльно—158). На обращенные къ нему вопросы Оболенскій, какъ при задержаніи, такъ и потомъ, при слѣдствіи, упорно скрывалъ, отъ кого онъ получилъ письмо, а относительно листковъ показавъ, что они прорѣзаны и надписаны имъ самимъ, безъ всякой цѣли. Однако по произведенному III Отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи розысканію открылось, что найденное у князя Оболенскаго письмо было написано государственнымъ преступникомъ Вильгельмомъ Кюхельбекеромъ. По докладѣ о случившемся государю императору, его императорское величество повелѣлъ имѣть за Оболенскимъ строжайшій присмотръ и допросить Кюхельбекера. Начальникъ III Отдѣленія, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, сообщилъ высочайшую волю главнокомандующему отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ графу Паскевичу-Эриванскому, а также динабургскому коменданту.

13 февраля 1829 года, Бенкендорфъ представилъ государю императору докладную записку о результатахъ произведеннаго разслѣдованія, въ которой, между прочимъ, объяснилъ, что графъ Паскевичъ увѣдомилъ его, что Оболенскій остался при своемъ показаніи, будто онъ не помнитъ, гдѣ и отъ кого получилъ найденное у него письмо; динабургскій же комендантъ донесъ, что Кюхельбекеръ объявилъ ему слѣдующее: «статскій совѣтникъ Грибоѣдовъ былъ ему самымъ ближайшимъ и лучшимъ другомъ ¹⁾,

¹⁾ По запискамъ Н. И. Греча, первое знакомство А. С. Грибоѣдова съ В. К. Кюхельбекеромъ произошло у Греча. А. С. Грибоѣдовъ принялъ будто бы Кюхельбекера за сумасшедшаго (Спб., 1881 г., стр. 384). Въ 1821 (дек.)—1822 гг. (май), во время службы при Ермоловѣ, В. К. Кюхельбекеръ близко сошелся съ Грибоѣдовымъ въ Тифлисѣ. Къ этому времени можетъ быть отнесено замѣчаніе Кюхельбекера въ его дневникѣ (см. «Русск. Стар.», 1875 г., сентябрь, стр. 84): «Грибоѣдовъ писалъ «Горе отъ ума» почти при мнѣ, по крайней мѣрѣ, мнѣ первому читалъ каждое отдѣльное явленіе непосредственно послѣ того, какъ оно было

коему онъ одолженъ въ особенности величайшимъ благодареніемъ, о коемъ онъ говоритъ въ концѣ письма, и чувства благодарности къ Грибоѣдову были единственною причиною, заставившею его стараться ему письменно напомнить о себѣ, и какъ онъ не могъ надѣяться получить позволеніе на написаніе ему письма, а какъ отправленіе Оболенскаго въ Грузію казалось ему единственнымъ средствомъ для извѣщенія Грибоѣдова о себѣ, то онъ рѣшился отдать письмо Оболенскому, который содержался въ одномъ зданіи съ нимъ, гдѣ расположены арестантскія роты, занимая отдѣльную комнату возлѣ занимаемой Кюхельбекеромъ, а обѣ комнаты имѣютъ выходъ въ одинъ общій малый коридоръ. Касательно найденныхъ у Оболенскаго двухъ бумажныхъ листовъ съ прорѣзанными отверстиями Кюхельбекеръ утвердительно объявилъ, что ему совершенно неизвѣстно, съ какою цѣлью имѣли ихъ при себѣ Оболенскій».

На изложенный докладъ, 13-го февраля 1829 г., послѣдовала высочайшая резолюція: «поставить на видъ динабургскому коменданту, что не должно было ему давать писать»¹⁾.

написано». Это находитъ подтвержденіе и въ письмѣ Грибоѣдова къ Кюхельбекеру отъ 1 октября 1822 г.: «Теперь въ поэтическихъ моихъ занятіяхъ довѣряюсь однѣмъ стѣнамъ. Имъ кое-что читаю изрѣдка свое или чужое, а людямъ—ничего никому» (Спб., Соч. А. С. Грибоѣдова, 1889 г., т. I, стр., 178). Дружба Грибоѣдова съ Кюхельбекеромъ поддерживалась перепиской и свиданіями въ 1823 г. (въ Москвѣ) и въ 1825 г. (апрѣль—май)—въ Петербургѣ. По переданнымъ намъ словамъ г-жи Д. Ф. Харламовой (урожд. Ахвердовой), самый арестъ А. С. Грибоѣдова по дѣлу о декабристахъ былъ вызванъ этой перепиской. Въ своихъ дневникахъ Кюхельбекеръ съ глубокимъ чувствомъ часто вспоминаетъ А. С. Грибоѣдова. Онъ то и дѣло припоминаетъ его вкусъ, литературный талантъ, называетъ «моимъ», видитъ во снѣ и дважды свидѣтельствуетъ о глубокой религиозности его. «Прочелъ 30 первыхъ главъ пророка Исаіи,—записываетъ онъ подъ 3-мъ января 1832 г.,—«начальныя пять главъ его вдохновеній составляютъ такую оду, какой подобной нѣтъ ни на одномъ языкѣ ни у одного народа; онѣ были любимыми моего покойнаго друга Грибоѣдова, и въ первый разъ я познакомился съ ними, когда онъ мнѣ ихъ прочелъ въ 1821 году въ Тифлисѣ» («Русск. Стар.», 1875 г., августъ, стр. 494). Объ этомъ же періодѣ Кюхельбекеръ вспоминаетъ почти черезъ четверть вѣка. «Я тогда только что началъ знакомиться съ книгами Ветхаго Завѣта»,—пишетъ онъ 25 мая 1845 г.,—«которыя покойный Грибоѣдовъ заставилъ меня прочесть» («Русск. Стар.», 1891 г., октябрь, стр. 109). См. также: стихотворенія В. К. Кюхельбекера: «Грибоѣдову» («Московск. Телеграфъ», 1826 г., ч. I), «Памяти Грибоѣдова», «Три тѣни», «19 октября 1837-го года» («Избранныя стихотворенія В. К. Кюхельбекера», Шо-де-Фонъ. Изд. Ф. Бутурлинъ. 1880 г., стр. 47, 84, 87, 121), и статью о Кюхельбекерѣ профессора Н. А. Котляревскаго («Русское Богатство», мартъ и апрѣль 1901 г.).

¹⁾ «Русская Старина», 1875 г., стр. 349: «Четырехлѣтнее заключеніе въ Динабургѣ смягчено было для Кюхельбекера участіемъ и великодушной заботливостью дивизионнаго командира Егора Криштафовича и его семейства. Уроковъ его дѣтямъ, вопреки словамъ Греча, Вильгельмъ Карловичъ не давалъ, и тѣмъ болѣе чести г. Криштафовичу, выхлопотавшему разрѣшеніе узнику читать и заниматься, доставлявшему Кюхельбекеру книги, дозволившему ему прогули-

Возвращая 2-го апрѣля 1830 г. генералу А. Н. Потапову состоявшийся 30-го марта 1830 г. докладъ аудиторіатскаго департамента собственно по вопросу о найденномъ у рядового князя Оболенскаго письмѣ государственнаго преступника Кюхельбекера и препровождая при этомъ копию съ представленной въ февралѣ 1829 г. государю императору докладной записки, удостоившейся высочайшей резолюціи, генераль Бенкендорфъ въ своемъ сообщеніи добавилъ: «Не излишнимъ считаю присовокупить, что, спустя нѣсколько времени по объявленіи мною помянутой высочайшей резолюціи динабургскому коменданту, я имѣлъ счастье испросить всеподданнѣйше монаршее соизволеніе на дозволеніе Вильгельму Кюхельбекеру переписываться съ родственниками» ¹⁾.

Содержаніе найденнаго у князя Оболенскаго письма В. К. Кюхельбекера къ А. С. Грибоѣдову было слѣдующее:

«Я долго колебался, писать ли къ тебѣ. Но, можетъ быть, въ жизни мнѣ не представится уже другой случай увѣдомить тебя, что я еще не умеръ, что люблю тебя попрежнему: и не ты ли былъ лучшимъ моимъ другомъ? Хочу вѣрить въ человѣчество, не сомнѣваюсь, что ты — ты, тотъ же, что мое письмо будетъ тебѣ пріятно: отвѣта не требую—къ чему? Прошу тебя, мой другъ, быть, если можешь, полезнымъ вручителю: онъ былъ вѣрнымъ, добрымъ товарищемъ твоего В... въ продолженіе шести почти мѣсяцевъ; онъ утѣшалъ меня, когда мнѣ нужно было утѣшеніе. Онъ тебя увѣдомитъ, гдѣ я и въ какихъ обстоятельствахъ. Прости! До свиданія въ томъ мірѣ, въ который ты первый вновь заставилъ меня вѣровать ²⁾.

В. К.»

Аудиторіатскій департаментъ посылалъ это дѣло на заключеніе графу Паскевичу-Эриванскому, который въ мнѣніи своемъ, собственномъ въ департаментъ 14-го декабря 1829 г., собственноручно приписалъ, что полагалъ бы, «лиша Оболенскаго дворянскаго и княжескаго достоинства, сослать въ Сибирь въ каторжную работу на 6 лѣтъ и по прошествіи сего срока оставить тамъ на поселеніи».

ваться по платформѣ, вообще смгчившему для него строгія постановленія относительно заключенныхъ. Въ квартирѣ Криштафовича узникъ даже видѣлся со своею матерью...» («В. К. Кюхельбекеръ. Очеркъ его жизни и литературной дѣятельности». Сообщ. Ю. В. Косова и М. В. Кюхельбекеръ).

¹⁾ Ранѣе «родные поэта нѣсколько лѣтъ не знали, гдѣ именно заключенъ Кюхельбекеръ: на получаемихъ ими, чрезъ подлежація власти, его письмахъ, тщательно уничтожалось мѣсто, откуда послано письмо» («Русская Старина», 1875 г., июль, стр. 350).

²⁾ Повидимому, это письмо и было причиной перевода В. К. Кюхельбекера изъ Динабургской крѣпости въ Ревельскую цитадель (15-го апрѣля 1831 г.). Хотя біографическій очеркъ о В. К. Кюхельбекерѣ («Русская Старина», 1875 г., июль, стр. 350) и говорить, что «перемѣщеніе это было сдѣлано вслѣдствіе перехваченнаго письма Кюхельбекера, отправленнаго имъ къ роднымъ въ Смоленскъ черезъ какого-то Оболенскаго, вообще не установленнымъ въ крѣпости порядкомъ».

28-го апрѣля 1830 г. состоялся окончательный докладъ аудиторіатскаго департамента главнаго штаба по этому дѣлу. Призвавъ Оболенскаго виновнымъ «въ причиненіи обнаженною саблею въ бокъ раны уряднику Аксюку, въ упорномъ сокрытіи полученія письма отъ государственнаго преступника Кюхельбекера для отдачи статскому совѣтнику Грибоѣдову, а также въ изъявленіи рота на правительство», департаментъ, въ докладѣ своемъ, представленномъ на высочайшее усмотрѣніе, полагалъ: «его, Оболенскаго, лишивъ дворянства и княжескаго достоинства, также воинскаго званія, какъ вреднаго для службы и нетерпимаго въ обществѣ,—сослать въ Сибирь на поселеніе».

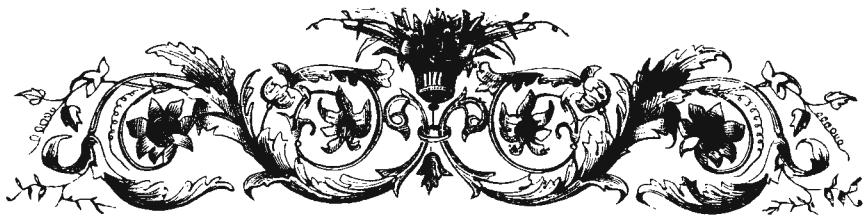
На этомъ докладѣ послѣдовала высочайшая конфирмація государя императора Николая Павловича: «Быть по сему».

Такое рѣшеніе и было приведено въ исполненіе.

А. В. Безродный.

НА МОГИЛѢ БОГДЫХАНА.

(Изъ пребыванія въ Манчжуріи).

НАША батарея расположилась въ двухъ верстахъ отъ Мукдена. Предполагается здѣсь простоять зимніе мѣсяцы, и въ ожиданіи экспедиціи недѣли проходятъ за недѣлями и проходятъ довольно однообразно. Здѣсь все относительно спокойно; по вечерамъ раздаются только выстрѣлы китайцевъ; они стрѣляютъ, чтобы предохранить себя отъ нападений хунхузозовъ, которые все-таки попадаютъ изрѣдка въ руки нашихъ ночныхъ патрулей.

Занятія мирнаго времени, а также приготовленія къ грядущей экспедиціи, очень поглощаютъ молодежь, и въ будніе дни свободныхъ часовъ мало. Зато праздники изрѣдка отмѣчаются прогулкой, и мы, дамы, раздѣляющія походную обстановку, вполне подчиняясь распредѣленію времени, заранѣе предвкушаемъ удовольствіе праздничнаго дня. Уже давно предполагается посѣтить могилу перваго императора манчжурской династіи, расположенную въ окрестностяхъ города и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ.

Вторая половина января. Морозы, до сихъ поръ сравнительно незначительные, стали сильнѣе. Нѣсколько дней было очень холодно, но въ описываемый день потеплѣло. Свѣтитъ яркое солнце въ безоблачномъ голубомъ небѣ, воздухъ сухой и морозный. Снѣгу почти нѣтъ. Онъ держится только въ тѣни, такъ какъ, несмотря на низкую температуру воздуха, солнце сильно грѣетъ, и снѣгъ быстро таетъ.

Послѣ обычнаго ранняго обѣда начинаютъ собираться въ путь. Сначала нѣкоторые члены нашего общества сомнѣваются въ воз-

можности принять участіе въ прогулкѣ, но скоро сомнѣнія разсѣиваются, и мы видимъ молодежь уже на коняхъ.

Бдутъ всѣ за исключеніемъ дежурнаго офицера.

Благодаря любезности командира сосѣдняго стрѣлковаго полка, мы, дамы, ѣдемъ въ отличной коляскѣ, что при хорошихъ зимнихъ манчжурскихъ дорогахъ особенно пріятно. Къ намъ присоединяются еще два офицера, любители древностей, уже знакомые съ могилами. Въ такомъ большомъ обществѣ трогаемся въ путь. Весело смотрѣть на нашихъ спутниковъ, на юную молодежь, съ удовольствіемъ скачущую верхами, и на красивыхъ гвардейцевъ въ бѣлыхъ палахахъ, составляющихъ нашу конвой.

Сначала насъ потряхиваетъ по неровной дорогѣ, идущей по каляновымъ полямъ, напоминающимъ обработкой наши бурачныя. Затѣмъ, двигаясь вдоль наружной, глиняной стѣны города, оставляемъ въ сторонѣ импань (крѣпость). Когда мы проѣзжали по большой площади, наше вниманіе было обращено на рядъ кумиренъ, посвященныхъ разнымъ божествамъ.

За городомъ начинается безконечное кладбище. Все поле покрыто сплошь могилами. Изрѣдка попадаются гробы, стоящіе открыто. У нѣкоторыхъ могилъ маленькія плиты — китайскіе памятники. Могильные курганы не совершенно правильной формы; ихъ верхушки расширяются и заканчиваются какъ бы головой. По такому полю ѣдемъ мы довольно долго, затѣмъ спускаемся съ небольшого пригорка, и на горизонтѣ показывается большой священный паркъ. Въ безлѣсной мѣстности, къ которой мы успѣли привыкнуть, видъ зеленаго хвойнаго лѣса особенно пріятенъ.

Мы проѣзжаемъ маленькую рощу изъ ильмъ, деревья которыхъ производятъ впечатлѣніе какъ бы покрытыхъ сплошь вороньими гнѣздами. Это паразитное растеніе, вѣчно зеленое, съ желтыми и красными ягодами, обвивающее вѣтви рядомъ густыхъ букетовъ.

За рощей начинается Джаолинскій паркъ. Въѣзжая въ него, невольно вспоминаемъ слова Элизе Реклю: «ни одинъ иностранецъ, ни одинъ туземецъ-профанъ не можетъ подъ страхомъ смерти проникнуть въ этотъ некрополь».

Какъ же мы попали сюда?

Но стоящій у входа русскій часовой свидѣтельствуетъ о томъ, что пока мы господствуемъ здѣсь, а чѣмъ окончится наше временное занятіе страны, — покажетъ будущее.

Подъ ногами лошадей застучала ровная, каменная мостовая, точно въ Европѣ. Передъ нами открывается большая площадь со святынями, и невольно возгласомъ выражаемъ свое удивленіе. Все такъ непривычно, ново и эффектно.

Лошадей оставляемъ въ тѣни сосенъ и дальше идемъ пѣшкомъ.

Мы въѣхали во внутреннюю ограду черезъ восточныя ворота, черезъ которыя входили тѣ немногіе, которымъ доступенъ входъ

Входная бѣлая мраморная арка.

въ эту святыню. Съ другой стороны, съ западной, находятся такія же ворота и наконецъ съ южной—главныя, черезъ которыя въ послѣдній разъ прошла погребальная процессія перваго изъ императоровъ нынѣ царствующей династіи Дай-циновъ. Это было почти три вѣка тому назадъ, и на видимыя нами постройки, памятники и окружающую мѣстность время иаложило свою печать.

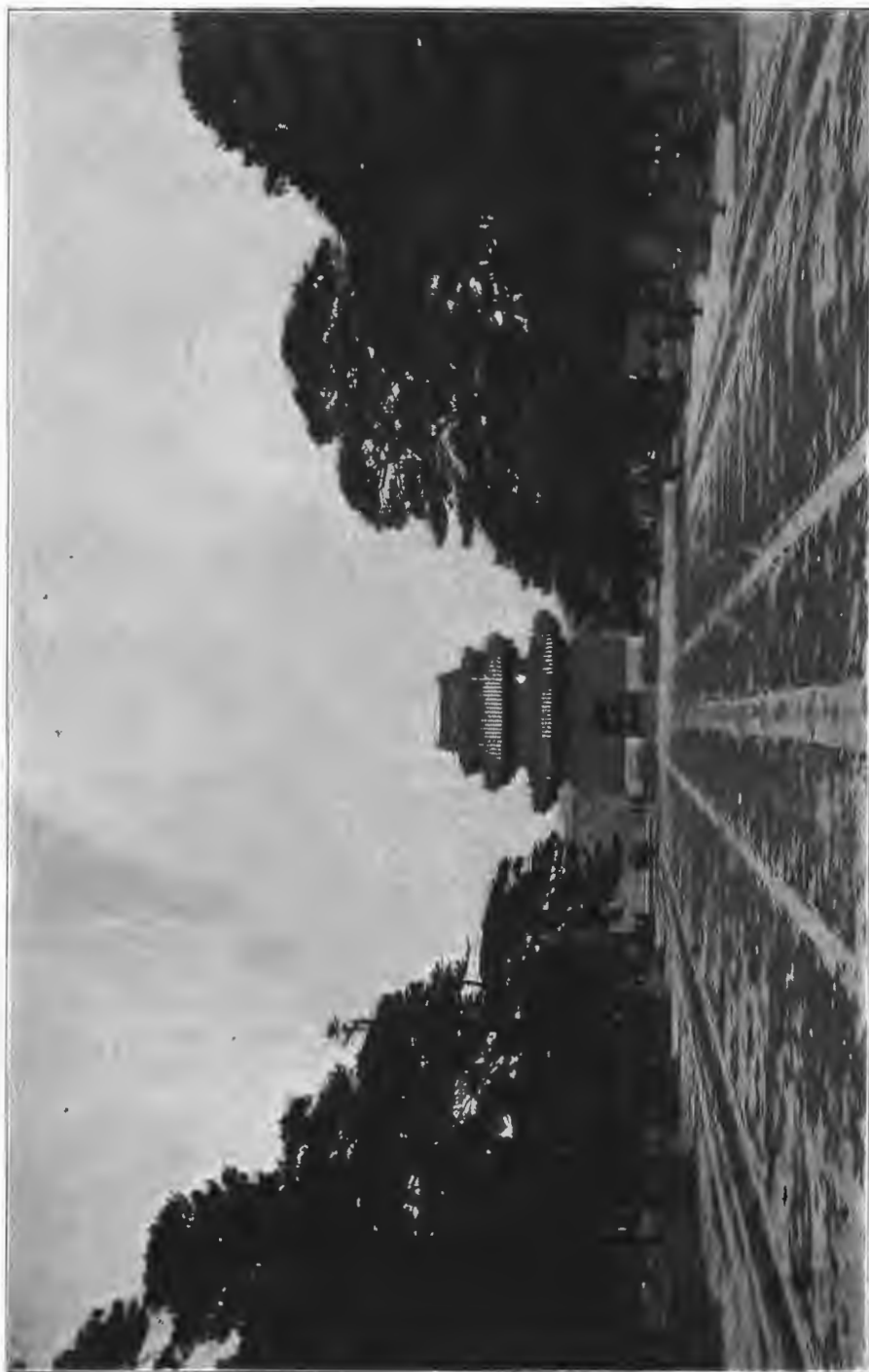
Мы направились къ южнымъ воротамъ, чтобы пройти тотъ путь, по которому когда-то двигалась процессія. До этихъ воротъ, уже внѣ ограды, была оставлена просторная просѣка. Она дѣлится оврагомъ на двѣ части: меньшую и узкую, расположенную ближе къ воротамъ, и большую, дальше отъ нихъ. Кирпичный паркетъ, которымъ она выложена, покрылся толстымъ слоемъ земли и довольно густо заросъ вѣковыми соснами. Деревья подняли своими корнями землю и вырыли кирпичъ, который лежитъ на образовавшихся курганахъ. Одна сосна давно упала, завалила своимъ стволомъ половину просѣки, но могучее дерево не умерло, а пустило вверхъ толстыя вѣтви и образовало родъ стѣны.

Боковые края бывшей каменной аллеи можно опредѣлить по тѣмъ произведеніямъ китайской скульптуры, которыя симметрично установлены по обѣимъ ея границамъ. Древнѣйшими памятниками китайскаго ваянія служатъ надгробные памятники, субурганы и поминальные столбы, здѣсь же мы встрѣтили свѣтлыя каменные плиты, установленныя вертикально на пьедесталахъ и поддерживаемыя по угламъ четырьмя львами, высѣченными изъ темнаго камня. Стороны плитъ, обращенныя къ аллеѣ, испещрены іероглифами по всей ихъ плоскости. По всему вѣроятію, іероглифы эти принадлежатъ къ древнѣйшему стилю, называемому чунь-шу, по имени изобрѣтателя, т. е. къ первому классу стилей, на которые подраздѣляются китайскіе іероглифы. Стиль этотъ употребляется, кромѣ памятниковъ, для печатей и почетныхъ свитковъ.

Пройдя шаговъ сто, мы остановились у колоннъ свѣтлаго камня, въ полторы сажени вышины. Лѣвая колонна сохранилась хуже, больше заросла и покрылась густымъ мхомъ. На нихъ высѣченъ по спирали плоскій императорскій драконъ¹⁾. Колонны увѣнчаны тонкими круглыми карнизами, на которыхъ установлено по фениксу, и окружены восьмиугольными каменными баллюстрадами. Просвѣты между угловыми квадратными столбами со львами забраны плитами съ ажурнымъ рисункомъ²⁾.

¹⁾ Императорскій драконъ характеризуется четырьмя лапами, съ пятью когтями каждая.

²⁾ Не мѣшаетъ для уясненія значенія священныхъ животныхъ, встрѣчаемыхъ нами на каждомъ шагѣ, познакомить нашихъ читателей съ символами этихъ фантастическихъ звѣрей, играющихъ такую роль въ культѣ китайца. Животныхъ этихъ четыре: драконъ, фениксъ, единорогъ и черепаха. Драконъ, символизирующій весну и востокъ и поддерживающій сводъ небесный, считается

Священная площадь и павильонъ Долголѣгія.

До моста расположены еще два льва, символы Будды, въ натуральную величину, сидящіе на заднихъ лапахъ. Они высѣчены изъ темнаго камня и установлены на пьедесталахъ. Отъ нихъ дорога суживается и ведетъ къ мосту.

Каменное полотно моста покоится на полукругломъ сводѣ. Сводчатыя постройки вообще избѣгаются въ китайской архитектурѣ, и мостъ этотъ представляетъ рѣдкое явленіе¹⁾.

Каменные перила давно обрушились, и части ихъ лежатъ на мосту и въ оврагѣ, никѣмъ не тронутыя. По этимъ обломкамъ можно возстановить въ воображеніи когда-то существовавшій мостъ съ его невысокими перилами, разукрашенными фигурами животныхъ.

Отъ оврага, по направленію къ могилѣ, мѣстность повышается террасами, откосы ихъ выложены сѣрымъ кирпичемъ и ограждены баллюстрадой. На террасы ведутъ тѣ своеобразныя лѣстницы, которыя встрѣчаются только въ императорскихъ дворцахъ. Это — широкая, каменная, наклонная плоскость, раздѣленная по ширинѣ на три части: крайняя, меньшая, со ступенями, а внутренняя съ вышуклымъ императорскимъ дракономъ. Иногда этотъ скатъ раздѣленъ на три лѣстницы, заключенныя каждая отдѣльно въ вычурныя перила.

На первой, небольшой по размѣрамъ, террасѣ воздвигнутъ портикъ изъ бѣлаго мрамора: лучшая постройка кладбища по красотѣ и изяществу. Четыре бѣлыхъ каменныхъ столба образуютъ среднюю, главную, и двѣ боковыхъ арки. Внутренніе столбы поддержаны двумя, а наружные четырьмя черными львами. Средняя часть портика нѣсколько выше боковыхъ, и, благодаря этому, приподнятые углы двухскатной крыши расположены на разной высотѣ.

Китайцы вездѣ избѣгаютъ прямыхъ линій, которыя есть излюбленный путь злыхъ духовъ. Все должно двигаться, какъ «вѣтры и воды», какъ учить ихъ культъ Фенъ-шуй. Этотъ культъ китайцевъ, культъ суевѣрій, есть совокупность церемоній, посредствомъ которыхъ человѣкъ долженъ расположить къ себѣ духовъ воздушныхъ и водяныхъ, т. е. всю природу. При криволинейномъ устройствѣ кровли дурныя вліянія отвращаются отъ дома сосѣда и тѣряются въ пространствѣ.

По угламъ крыши висятъ мѣдныя позеленѣвшіе отъ времени колокольчики, выражающіе почтеніе, воздаваемое воздушными про-

---

эмблемой государственной власти. Фенгкь—эмблема императрицы, изображается съ головой фазана, шею черепахи и туловищемъ дракона. Единорогъ олицетворяетъ пять элементовъ и символизируетъ совершенство. Черѣнаха, синонимъ долголѣтія, воплощаетъ Большую Медвѣдью.

¹⁾ Надо замѣтить, что китайскіе архитекторы были давно знакомы съ устройствомъ свода, но не воспользовались имъ для своихъ построекъ и кумирень, которыя не имѣютъ ни колоколенъ, ни куполовъ.

Входъ во внутреннюю ограду.

странствами славѣ Будды. Намъ удалось, бросая мелкій камень въ колокольчики, извлечь изъ нихъ пріятный чистый звукъ.

Ряды тонкихъ орнаментовъ, чередуясь съ ажурной рѣзбой, красиво группируются подъ карнизами, сбѣгаютъ по столбамъ и захватываютъ пьедесталы, на которыхъ покоятся львы. Здѣсь крыша не давить своею тяжестью, все легко и пропорціонально, но слишкомъ много мелочей.

Инстинктивно сознавая недостатки своей архитектуры, китайцы скрадываютъ ихъ обиліемъ подробностей лѣпныхъ и рѣзныхъ украшеній—вычурными фигурами и арабесками. Мы долго стояли и любовались красивыми линіями и контурами портика, его бѣлизной, такъ рѣдко встрѣчающейся среди разноцвѣтныхъ китайскихъ построекъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ за портикомъ опять новая терраса съ такой же лѣстницей, какъ первая. Передней своей стороной она примыкаетъ къ первой каменной стѣнѣ, а по бокамъ ея расположены въ два ряда небольшіе домики подъ зелеными, черепичными крышами.

Пройдя черезъ ворота, украшенныя двумя извивающимися крокодилами, мы вошли въ саженный паркъ съ ровными и густыми соснами. Вообще въ Китаѣ всѣ священныя рощи саженныя, и считается почти преступленіемъ срубить дерево. По сторонамъ, между соснами, видѣлись боковыя стѣны съ западными и восточными воротами.

Передъ нами на сѣромъ фонѣ высокіе зубчатые, какъ будто крѣпостной стѣны, обрисовались контуры павильона. Къ нему ведетъ широкая, мѣстами заросшая травой, аллея символическихъ звѣрей.

Такія аллеи существуютъ со времени Минской династіи (1368—1644 гг.) и ведутъ къ кумирнямъ, гдѣ покоятся останки императоровъ. Вся аллея сплошь выложена кирпичемъ съ тѣми тремя свѣтлыми полосами, по которымъ могутъ ходить только сановныя лица по церемоніалу.

Торжественныя аудіенціи, банкеты, дворцовыя поздравленія и представленія, поклоненія и жертвоприношенія богдыхана на могилахъ почившихъ предковъ—все это регламентируется и опредѣляется ли-бу, т. е. приказомъ церемоніи, на основаніи официальнаго изданія «книги обрядовъ», въ которомъ предусмотрѣны и описаны всѣ церемоніалы.

Пройдя мимо колоссальныхъ львовъ, коней, верблюдовъ и слоновъ, мы поднялись по нѣсколькимъ ступенямъ и вошли въ павильонъ «долголѣтія».

На спинѣ громадной, двухсаженной черепахи, съ вытянутой впередъ головой, установленъ каменный столбъ, испещренный мелкими іероглифами, свидѣтельствующими о дѣятельности импера-

Усыпальница души богдыхана.

тора. Правильныя линіи контуровъ черепахи, тонкая отдѣлка пола, украшеннаго плитками и дождевыми червями, у которыхъ высѣчены до мелочей всѣ сочлененія, и изящество рисунка капители надолго останавливаютъ наше вниманіе на этомъ памятникѣ.

Обойдя павильонъ и пройдя мимо домиковъ, симметрично расположенныхъ по сторонамъ (симметрия—непремѣнное условіе китайскихъ сооружений), мы приблизились ко второй внутренней оградѣ. Снаружи это стѣна, сложенная изъ сѣраго кирпича, сажени въ три вышины. Верхній край ея зубчатый и съ бойницами. По срединѣ стѣны южныя ворота съ крышей въ три этажа. Здѣсь видно, что главное вниманіе архитектора обращено на крышу, на ея величину, форму, большую или меньшую загнутость краевъ.

Дѣйствительно, большія кумирни, городскія ворота, пагоды и казенныя зданія покрываются такъ называемыми многоэтажными крышами, представляющими какъ бы цѣлый рядъ крышъ съ выступающими краями или карнизамн. Нипа воротъ отдѣлана цвѣтными глазированными украшениями. Въ замкѣ свода прикрѣплена черная доска съ бѣлой манчжурской и китайской надписью, обозначающей въ переводѣ: «входъ къ могилѣ императора». По срединѣ, гдѣ лежитъ высокій порогъ, повѣшены массивныя, деревянныя ворота, окованныя желѣзомъ.

Пройдя ихъ, мы вошли на квадратный дворъ. Въ немъ расположены павильонъ, жертвенникъ и нѣсколько зданій.

Чтобы получить большее впечатлѣніе, мы поднялись на стѣну по правой лѣстницѣ, расположенной у воротъ. Лѣвая нѣсколько разрушилась, сорвалась также и облицовка стѣны, обнаруживъ щебень и мусоръ, составляющій ея внутренность.

Поднявшись на стѣну, мы шли какъ бы по широкой, вымощенной улицѣ, огражденной съ наружной стороны стѣнкой съ бойницами, изъ-за которыхъ выглядываютъ верхушки деревъ. По угламъ стѣны высятся павильоны съ красно-коричневыми кровлями, мѣдными колокольчиками по угламъ и каменными эмальированными собаками по краямъ. Три павильона хорошо сохранились, а юго-западный покосился и частью обвалился. Неровный полъ мѣстами разрушился, мѣстами далъ трещины, сѣлъ и грозитъ рухнуть вмѣстѣ со стѣной, обратившись въ груды обломковъ.

Внутри двора наше вниманіе останавливается на павильонѣ съ троннымъ заломъ. Красивое зданіе расположено вблизи задней стѣны—ограды. Передъ нимъ и нѣсколько влѣво стоитъ каменный жертвенникъ съ маленькимъ отверстіемъ для сожженія приношеній. По сторонамъ, у воротъ, двухъэтажные дома, съ жилыми помѣщеніями для китайскихъ солдатъ, составляющихъ охрану могилы. Теперь въ нихъ размѣщены наши офицеры, охраняющіе китайскую святыню до предстоящей передачи ея дзянь-дзюню.

Курганъ надъ императорской могилей.

Между павильономъ и сѣверными воротами, въ задней стѣнѣ, на пространствѣ нѣсколькихъ шаговъ, находятся послѣдній портикъ-ворота и столъ со священными сосудами. Порттикъ этотъ невысокъ и состоитъ изъ крыши, подвѣшенной къ двумъ деревяннымъ столбамъ на желѣзныхъ цѣпяхъ. Рядомъ съ нимъ священные сосуды различныхъ формъ и величинъ, въ числѣ пяти, поставлены на каменномъ столѣ безъ ножекъ ¹⁾. Края стола и самые сосуды покрыты высѣченнымъ на камнѣ рисункомъ.

Мы прошли въ павильонъ надъ воротами. Онъ нѣсколько выше угловыхъ, имѣетъ двѣ желтыхъ крыши и много помѣстительнаго. Внутри стоитъ мраморная плита на цоколѣ, съ верхомъ, украшеннымъ капителю. На плитѣ высѣчено на двухъ языкахъ, манчжурскомъ и китайскомъ, имя «обрушившагося подобно скалѣ» богдыхана.

Павильонъ окруженъ балкономъ, соединеннымъ со стѣнами каменными лѣстницами, которыя, образовавъ площадки, сводятъ со стѣны въ глубокой и узкой дворикъ.

Съ сѣверной стороны за этимъ дворикомъ высится известковый курганъ громадной высоты съ деревомъ на его вершинѣ и кустами у подножія. Дерево—это привилегія только знатныхъ лицъ. Никто изъ простыхъ смертныхъ не имѣетъ права украшать свою могилу растеніями. Могила заключена въ двѣ каменные дугообразныя стѣны. Болѣе выпуклая охватываетъ ее съ дальней стороны, а пологая—съ ближайшей къ намъ. Обѣ эти дуги, соединившись своими основаніями, упираются въ угловые павильоны стѣны и образуютъ между собою площадь въ формѣ луны, съ курганомъ, насыпаннымъ по срединѣ ея.

Насъ отдѣляетъ отъ кургана узкой и глубокой дворикъ съ двумя отвѣсными стѣнами: одной прямой и одной дугообразной. На днѣ его въ срединѣ стѣны устроенъ родъ входа съ крышей, выступающей изъ стѣны въ видѣ карниза. Входъ замурованъ и представляетъ квадратъ, сложенный изъ желтыхъ глазированныхъ плитъ съ выпуклыми тюльпанами. Каждая плита прикрѣплена четырьмя болтами. Это задѣланный склепъ богдыхана. По отбитымъ угламъ плитъ, недовернутымъ винтамъ и небрежной пригонкѣ квадратовъ другъ къ другу видно, что склепъ открывался недавно. Дѣйствительно, когда Мукденъ былъ занятъ русскими войсками, и къ могилѣ выставленъ караулъ, было замѣчено, что склепъ наскоро задѣланъ свѣжей известью и заложень плитамы. Хотя вполне достовѣрныхъ данныхъ не было, но легко можно было предположить, что китайскія войска, покидавшія Мукденъ и разорившія императорскій дворецъ и часть города, могли дерзнуть ограбить и

¹⁾ Пять является кабалистическимъ числомъ, почему насчитывается пять металловъ, пять атмосферическихъ явленій, пять категорій церемоній.

императорскую могилу. Однако, эксперты комиссiи, осмотрѣвшіе дальнѣйшіе слои извести, пришли къ заключенію, что закладка должна быть отнесена къ болѣе отдаленному времени.

Если существующая молва, что въ курганѣ хранятся сокровища, справедлива, тогда они сохранились тамъ совершенно не тронутыя.

Спустившись съ балкона на стѣну, мы прошли къ угловому павильону, а оттуда направились къ кургану.

Курганъ правильной, куполообразной формы, съ крутыми отсыпями, вышиною сажени двѣ. Мы съ трудомъ поднялись по бѣлой известковой тропинкѣ на его вершину, ухватываясь за вѣтви кустовъ. Отсюда открылся красивый видъ на паркъ и сооруженія кладбища. Дальше, за могильнымъ курганомъ, глубокій вырытый оврагъ и громадная насыпная гора, закрывающая горизонтъ съ сѣверной стороны. Небольшія сосны рѣдко покрываютъ скаты ея и обрисовываются своими вершинами на голубомъ небѣ. Мы сорвали на память по вѣткѣ кипарису, сбѣжали съ холма и спустились со стѣны во внутренній дворъ. Оставалось осмотрѣть еще павильонъ съ троннымъ заломъ и самый залъ съ его святой-святыхъ.

Павильонъ стоитъ на небольшой площадкѣ, поднятой надъ уровнемъ двора. На площадку ведутъ три лѣстницы съ ажурными перилами, обѣгающими ее кругомъ. Цоколь площадки облицованъ каменными плитами съ высѣченнымъ на нихъ узоромъ. По угламъ для стока воды служатъ головы крокодиловъ съ открытыми пастьями. Рѣшетчатыя стѣны павильона забраны бумагой. На паперти установлены красные столбы. Для выдѣлки ихъ употребляется кедръ, доставляемый изъ Индо-Китая и изъ Маниллы. Желтая императорская крыша покоится на причудливыхъ карнизахъ, раскрашенныхъ синими, желтыми и зелеными красками. Эта постройка сравнительно очень красива. Вообще почти все китайскія сооруженія: пагоды, мавзолеи, кумирни и субурганы, являются выраженіемъ религіозной идеи и рѣдко поражаютъ богатствомъ замысла и красотой линіи. Работа же цоколя и перилъ по правильности построенія карнизовъ, по стилю рисунка, изображающаго сплетенные между собою цвѣты лотоса, указываетъ на талантливость творца. Но онъ и тутъ скрылъ свое имя, какъ это дѣлаютъ все китайцы-художники, лишая исторію имени прославившихъ себя произведеніемъ искусства.

Передъ нами открылись широкія двери, и мы вошли въ высокую квадратную комнату. Полъ ея покрытъ толстымъ, съѣденнымъ молью и мѣстами изорваннымъ, ковромъ. Стѣны завѣшаны желтыми шелками, что хорошо гармонируетъ съ узоромъ потолка и поддерживающихъ его рѣзныхъ стропиль. По общему темно-синему фону выписаны цвѣты бѣлой, желтой и зеленоватой краской. Сейчасъ же, противъ входа, поставлены пять легкихъ столиковъ крас-

наго дерева, съ гнутыми ножками, и на каждомъ изъ нихъ стоитъ по священному сосуду. Сосуды эти очень старинной работы, cloisonné ¹⁾, и хорошей выдѣлки. Средній—урна для возженія *омиама*, а въ боковые съ узкими горлышками вставлены свѣчи и искусственные цвѣты. За сосудами, на нѣкоторомъ возвышеніи, покрытомъ ковромъ, тронъ богдыхана, «сѣдалище дракона», состоящій изъ двухъ кресель, поставленныхъ рядомъ. Кресла деревянныя, обыкновеннаго китайскаго типа, съ прямой спинкой и высокими ручками, по дереву сдѣлана незначительная рѣзба, покрытая золотомъ; спинка, сидѣніе и ручки выложены твердыми подушками, покрытыми желтой шелковой матеріей, съ вытканными по ней драконами. За трономъ—невысокій задрапированный пологъ. По вѣрованію китайцевъ, здѣсь обитаетъ душа богдыхана.

Внутри полога, на мягкомъ столѣ, лежитъ бамбуковая таблица ²⁾ съ именемъ императора, которой поклоняются и приносятъ жертвы. По сторонамъ полога стоятъ высокія причудливыя украшенія въ родѣ триумфальныхъ столбовъ, разукрашенныхъ цвѣтными камнями, бумажными цвѣтами и бахромой. По стѣнамъ размѣщены четыре кресла, покрытыя чехлами. Все остальное, сравнительно, небольшое пространство комнаты свободно и служитъ мѣстомъ, куда вводятъ животныхъ передъ жертвоприношеніемъ. Самое же жертвоприношеніе совершается на дворѣ у жертвенника. Этимъ закончился осмотръ могилы, и мы направились къ выходу, но были задержаны офицерами, живущими здѣсь. Они любезно предложили намъ согрѣться въ ихъ домѣ.

Домъ этотъ, почти совершенно темный внутри, производитъ впечатлѣніе угрюмое и непривѣтливое. Сыро, холодно, и, конечно, стоянка далеко не завидная и переносимая только потому, что это заточеніе должно скоро окончиться. Но жители ихъ, подобно всѣмъ живущимъ здѣсь, встрѣчаютъ гостей съ тѣмъ особымъ радушіемъ, которое составляетъ отличительную черту Дальняго Востока.

Однако, становится поздно, и мы выходимъ.

Яркое зимнее солнце уже спускалось за гору, послѣдніе лучи его скользили по верхушкамъ темной зелени сосенъ и играли по цвѣтнымъ изразцамъ пагодъ и павильоновъ. Звѣри священной аллеи животныхъ погрузились въ тѣнь. Замѣтно похолодѣло. Мы въ послѣдній разъ оглянулись и бросили взглядъ на фееричную картину кладбища. Да, это дѣйствительно былъ послѣдній взглядъ.

¹⁾ Cloisonné—финифть (эмаль), по-китайски фалань, обратилась нынѣ въ ремесло китайцевъ. Изъ фалани приготавливаются разнообразнѣйшіе предметы, начиная съ принадлежностей религіознаго культа и кончая предметами домашняго обихода. Цвѣтущимъ періодомъ фалани считаются XVII и XVIII вѣка.

²⁾ Таблицы чжу, на которыхъ написаны имена умершихъ, сохраняются въ домашней моделинѣ «мяо». Передъ ними совершаются поминавенія. Когда богдыханъ бываетъ въ пути, вмѣстѣ съ нимъ везутъ таблицы предковъ.

Завтра могилы передаются въ вѣдѣніе китайской администраціи, т. е. мукденскаго дзянь-дзюня. Доступъ къ нимъ будетъ закрытъ на долгое время и, надо думать, до новыхъ осложненій и войны.

Дай Богъ, чтобы это случилось не скоро.

Мы сѣли въ коляску, мужчины на коней и поѣхали сначала по каменной мостовой, а потомъ по извилистой лѣсной дорожкѣ. Впереди, сквозь вечернюю дымку, обрисовались стѣны и крыши воротъ священнаго города.

А. К—ова.

ПОЊЗДКА ВЪ ГОРОДЪ ДЖЕДУ.

I.

Отъ Петербурга до Суэца.—Паломники въ Суэцѣ. — Паломническіе пароходы.—
Переѣздъ паломниковъ по морю.—Пріѣздъ въ Джеду.

ВЪ ПЕРВЫХЪ числахъ декабря 1898 г. я получилъ предложеніе отправиться въ командировку на берегъ Краснаго моря, въ Аравію, избрать мѣстожителствомъ городъ Джеду и пробыть тамъ весь хаджъ.

Наступалъ рамазанъ, постъ мусульманъ, и началось движеніе паломниковъ въ Мекку. Въ виду чумы, появлявшейся въ Джедѣ въ періодъ хаджа, наше правительство два года сряду запрещало изъ Россіи паломничество.

Несмотря на то, что я только лишь вернулся изъ Архангельской губерніи, предложеніе мнѣ показалось весьма заманчивымъ. Предстояло ознакомиться съ хаджемъ и непосредственно столкнуться съ чумой.

Въ спутники я пригласилъ студента А. Н. Я.; 9-го декабря мы уже были въ Одессѣ, а 13-го—плыли на пароходъ Россійскаго общества пароходства «Царь» въ Александрію. Бѣлый снѣжный коверъ смѣнился бурнымъ, темнымъ моремъ.

На «Царѣ» ѣхало до 300 православныхъ русскихъ паломниковъ, направлявшихся къ Рождеству въ Іерусалимъ, а въ Константинополь, Смирнѣ начали подсаживаться и мусульмане. Нашъ небольшой пароходъ быстро переполнился.

Пилигримы мусульмане везли съ собой много домашней рухляди, и почти всё, какъ необходимую принадлежность, перины, на которыхъ съ комфортомъ старались устроиться въ трюмѣ.

Православные паломники ѣхали съ скудными пожитками, но многіе везли съ собой мѣшки съ сухарями. Почти одними сухарями въ пути они и питались.

Въ трюмѣ, на палубѣ около паровой трубы и машины, яблоку негдѣ было упасть. Въ маленькихъ, не комфортабельныхъ каютахъ 1-го и 2-го класса также было тѣсно: появились чемоданы, узлы сомнительной чистоты, корзины съ провизіей. Паломники турки, албанцы и ассирійцы вели себя безцеремонно: садились на чужія койки, плевали на полъ и курили чортovski крѣпкій табакъ. Запахъ послѣдняго перемѣшивался съ запахомъ пахучей восточной провизіи. Иллюминаторовъ открыть было нельзя: волны съ бѣлыми барашками заливали каюту. Пока еще ѣхали по Архипелагу, между островами, можно было сидѣть на капитанскомъ мостикѣ и любоваться чудными видами, но лишь только изъ Ширея выѣхали въ открытое море, свѣжій вѣтеръ сталъ заливать палубу и загналъ всѣхъ пассажировъ въ каюты и трюмы. Ночью къ сильному вѣтру присоединился дождь. Становилось холодно. Пароходъ, какъ щепку, бросало по разъяреннымъ волнамъ. На трюмныхъ пассажировъ было жалко смотрѣть: многіе изъ нихъ впервые видѣли море и, корчась, тяжело страдали морскою болѣзнью; нѣкоторые лежали недвижимо, точно мертвые. Мусульмане перемѣшались съ православными; духота въ трюмѣ невообразимая. Удивляешься, какъ они тамъ не задохнутся.

— Собственно мы не имѣемъ права помѣщать пассажировъ въ трюмѣ вмѣстѣ съ грузомъ,— пояснялъ мнѣ помощникъ капитана,— но они, какъ милости, просятъ забраться внизъ, и мы изъ чувства челоуѣколюбія не въ силахъ имъ отказать; на палубѣ холодно, сыро, да въ такое волненіе и небезопасно, того и гляди, смоетъ когонибудь ночью, вѣдь, не усмотришь. На палубѣ только тепло около паровой трубы и машины.

Такъ мы ѣхали до Александріи. Зато съ какимъ восторгомъ пассажиры встрѣтили появленіе берега! Вѣтеръ стихалъ. Нашъ пріѣздъ считался благополучнымъ. Въ зимніе мѣсяцы не рѣдкость, если пароходъ во время бури не осмѣливается подойти къ берегу и стоитъ иногда нѣсколько дней въ открытомъ морѣ, пока не успокоится стихія. Страданія пассажировъ въ подобныхъ случаяхъ трудно описать.

Въ Александріи мы разстались съ паломниками и направились въ Каиръ, гдѣ пробыли около недѣли, а 27-го декабря пріѣхали въ Суэць.

Этотъ городъ, когда-то жалкая арабская деревушка, въ настоящее время, благодаря своему міровому каналу, занимаетъ видное

мѣсто. Хотя онъ стоитъ у самаго берега Суэцкаго залива, но пульсъ торговой жизни бьется въ 5-ти верстахъ отъ него, на морскомъ каналѣ, куда ходитъ по прекрасному молу трамвай.

Въ ожиданіи парохода мы познакомились съ русскимъ вице-консуломъ Коста. Живой, гостепріимный консулъ, по происхожденію итальянецъ, по-русски не говоритъ ни слова. Замѣтивъ въ его канцеляріи нѣсколько паломниковъ татаръ въ сопровожденіи жирнаго араба, одѣтаго въ тонкій шелковый халатъ, я поинтересовался узнать, кто они. Оказалось, татары — соотечественники казанцы, а жирный арабъ — выходецъ маргеланецъ. Поселившись въ Суэцѣ, онъ разбогатѣлъ, имѣетъ собственные дома, кофейни, гостепріимныя квартиры, въ которыхъ останавливаются наши паломники. Съ консуломъ они дружны, и сынъ его одно время даже служилъ у Коста кавасомъ (полицейскимъ). Татаръ онъ привелъ въ консульство визировать паспорта.

— Какимъ образомъ, — спросилъ я, — попали наши татары, вѣдь паломничество изъ Россіи запрещено, и паспортъ имъ не выдаютъ?

Консулъ улыбнулся моему наивному вопросу.

— Дѣлается это просто. Русскіе мусульмане берутъ заграничный паспортъ и ѣдутъ якобы для торговыхъ дѣлъ въ Константинополь. Здѣсь русскій паспортъ они кладутъ въ карманъ и легко пріобрѣтаютъ турецкій тэскэрэ, съ которымъ уже и ѣдутъ спокойно, какъ турецкоподданные.

— Такимъ образомъ запрещеніе создаетъ очень опасную контрабанду, никѣмъ не контролируемую?

— Да, отчасти. Русскіе поклонники останавливаются, какъ вы потомъ узнаете, въ опредѣленныхъ мѣстахъ; въ Суэцѣ, на примѣръ, вотъ у этого маргеланца; онъ и его помощники являются проводниками ихъ въ городѣ. Чтобъ узнать число профъзающихъ черезъ Суэцъ, мои агенты разузнаютъ и приводятъ ихъ на визу въ консульство. Несмотря на наши увѣренія, что они никакому наказанію не подвергнутся, пилигримы идутъ въ высшей степени неохотно, тщательно скрывая свое подданство. Я въ консульствѣ составляю имъ списки.

Впослѣдствіи я узналъ отъ самихъ паломниковъ, что одни избѣгаютъ посѣщенія консульства, не желая платить лишній разъ за визу паспорта, такъ какъ пріобрѣли паспорта въ Россіи, а затѣмъ и тэскэрэ въ Константинополь, визированіе въ Одессѣ, Константинополь, Суэцѣ, въ Джеддѣ (дважды) обходится далеко не дешево; другіе запугиваются различными темными личностями и откупаются за большія деньги, лишь бы ихъ только не вели къ начальству.

— Турецкое правительство, снабжая охотно тэскэрэ, извлекаетъ какую нибудь выгоду?

— Безусловно. Во-первыхъ, самъ паспортъ стоитъ денегъ, а, во-вторыхъ, если паломникъ умретъ въ турецкихъ владѣнiяхъ, имущество его, буде онъ предупредительно не ограбленъ въ дорогѣ къмъ либо другимъ, поступаетъ въ пользу правительства. Между

Паломники на пароходѣ.

паломниками, вѣдь, есть очень состоятельные люди, которые везутъ съ собою немало денегъ.

Вице-консулъ при прощанiи снабдилъ меня своимъ проектомъ, въ которомъ онъ предлагалъ мѣры упорядоченiя паломничества изъ Россiи. Во избѣжанiе нежелательной контрабанды, опасной въ смыслѣ занесенiя чумы изъ Аравiи, онъ находилъ необходимымъ отмѣну запрещенiя.

Въ Суэцѣ пришлось просидѣть въ ожиданiи парохода четыре дня. Сообщенiе съ Джеддой въ обычное время крайне нерегулярно,

только въ хаджъ оно оживаетъ: ходятъ спеціальныя паломническія пароходы. Послѣдніе идутъ изъ Константинополя и везутъ пассажировъ или до конечнаго пункта Джедды, ближайшаго морского порта Мекки, или до Александрии, откуда по желѣзной дорогѣ пилигримы переправляются въ Суэцъ, а изъ Суэца на пароходѣ въ Джедду. Паломническія суда находятся въ рукахъ нѣсколькихъ компаній, которыя въ большихъ центрахъ—Константинополѣ, Смирнѣ, Бейрутѣ, Александрии и другихъ, имѣютъ своихъ агентовъ. Послѣдніе, соблазняя дешевой платой, стараются завербовать на свое судно какъ можно больше пассажировъ. Паломникъ вноситъ плату за проѣздъ до Джедды или Ямбо, ближайшаго порта Медины, и дальше уже не заботится, сколько времени и какимъ путемъ его повезутъ. Это дѣло компаніи.

Пароходы ходятъ крайне медленно, заходятъ въ порты и стоятъ иногда недѣлю въ ожиданіи вербуемой новой партіи. Кромѣ того, фарватеръ Краснаго моря вблизи береговъ Аравіи недостаточно изученъ, незамѣтные коралловые рифы образуютъ массу мелей. На эти рифы мало свѣдущіе капитаны то и дѣло сажаютъ свои суда. Крушеній не бываетъ, такъ какъ рифы мягкіе, но пароходы сплошь и рядомъ сидятъ по нѣсколько дней въ ожиданіи случайно проходящаго товарища, который его и выручаетъ. Остановки эти очень тягостны для пассажировъ: продукты, захваченные съ собой, истощаются, купить негдѣ, буфетъ деретъ безбожныя цѣны, приходится по необходимости голодать, ограничивая себя въ питаніи; запасъ питьевой воды также исчерпывается, пароходная администрація и въ обычное-то время скупится на воду, предпочитая за излишекъ сверхъ опредѣленной порціи брать деньги, а при исключительномъ положеніи сокращаетъ выдачу до minimum'a. Подъ тропиками же, при громадномъ потѣніи организма, лишеніе воды крайне тягостно. Опрѣснительныхъ аппаратовъ пароходы не имѣютъ, считая это излишней роскошью.

Когда еще пилигримы ѣдутъ въ Мекку, полные физическихъ силъ и матеріально относительно обезпеченные, то переносятъ лишенія сравнительно легче, но на возвратномъ пути, при отсутствіи денегъ, истощенные длиннымъ путешествіемъ, не выдерживаютъ и доходятъ до открытаго возмущенія. Пароходная администрація тогда поневолѣ уступаетъ и выдаетъ скрываемыя запасы.

Въ день нашего отъѣзда, 30-го декабря, стоялъ чудный лѣтній день. На небольшомъ пароходѣ ѣхало болѣе 300 человекъ. Нагрузка началась съ ранняго утра. Пароходъ стоялъ у самаго берега. На набережной высокая деревянная ограда отдѣляла паломниковъ отъ пристани. Производился таможенный осмотръ. Пилигримы еще наканунѣ со своими вещами расположились на берегу. Лишь только данъ былъ свистокъ, открылись двери ограды, и вся масса хлынула къ пароходу. Впереди опытные носильщики-негры,

арабы съ вещами спѣшили занять болѣе удобныя мѣста. Происходилъ невообразимый хаосъ. Вещи, какъ мячики, перебрасывались черезъ головы людей съ одного мѣста на другое. Люди, точно муравьи на разрушенномъ муравейникѣ, падая и давя другъ друга, ползли со всѣхъ сторонъ по мосткамъ парохода. На одно и то же мѣсто являлось 3-4 претендента, возникали споры, сопровождавшіеся страшными криками, угрозами, жестикуляціями. На спорное мѣсто накидывалась груда вещей; рядомъ хоть и свободное мѣсто,

Городъ Джедда.

но никто не хочетъ уступить другъ другу. Служащіе совершенно спокойно смотрятъ на происходящія недоразумѣнія и не вмѣшиваются въ дѣла паломниковъ. Наконецъ, большая часть пассажировъ съ берега перебралась на пароходы. Намѣченныя мѣста заняты. На берегу остались еще дѣти, женщины и старики, которые не въ состояніи принимать участія въ неравной борьбѣ, гдѣ ловкость и сила первенствуютъ. Начались розыски: тамъ ребенокъ, потерявъ родителей, во всю мочь дѣтскаго горла изливаетъ свое горе, рядомъ женщина въ длинномъ покрывалѣ съ закрытымъ лицомъ, изнемогая отъ жары, зоветъ своего мужа, въ другомъ мѣстѣ немощный старикъ умоляетъ не забыть его.

Но вотъ третій свистокъ. Трапъ убирается. Все понемногу успокоивается, только гдѣ нибудь еще въ углу идетъ споръ. Палуба, трюмъ переполнены пассажирами и ихъ вещами. Лучшія мѣста пріобрѣтены за небольшую мзду у пароходной прислуги. Паломники начинаютъ устраиваться, развертываютъ тюки, вынимаютъ перины, ковры, циновки, вытаскиваются котелки, съѣстные припасы. Мужья, развѣшивая на пароходныхъ снастяхъ простыни, одѣяла, стараются устроить для своей семьи шатерьъ, а для себя прикрытія отъ жгучихъ тропическихъ лучей солнца. Пароходное начальство не всегда и не для всѣхъ разстилаетъ тѣнтъ (парусину, натягиваемую надъ головами пассажировъ).

Мало-по-малу на утломъ подвижномъ материкѣ водворятся порядокъ.

Бдутъ паломники группами. Соотечественники быстро знакомятся и въ длинномъ пути, чѣмъ могутъ, другъ другу помогаютъ. Если море спокойно, жизнь пилигримовъ на пароходѣ протекаетъ мирно: въ дружеской бесѣдѣ, приготовленіи пищи и молитвѣ. Пять разъ въ день они совершаютъ намазъ. Между ними всегда находятся 2-3 добровольца, которые охотно берутъ на себя обязанность муэзина. Бдятъ часто. Хотя во время рамазана, великаго поста правовѣрныхъ, и не полагается вкушать пищи, но въ пути они не соблюдаютъ строго этого правила, только старики да молодые фанатики еще свято выполняютъ обычай старины.

Замѣтивъ въ числѣ ѣдущихъ нашихъ казанцевъ, я подошелъ и познакомился съ ними. Моя феска расположила ихъ ко мнѣ. Несмотря на жару, они были одѣты въ свои теплые родные кафтаны, на головахъ—казанскія шапочки.

— Давно ли выѣхали изъ Казани?

— Мѣсяца полтора.

— Гдѣ же были такъ долго?

— Въ Константинополѣ. Изъ Россіи захватили кое-какіе товары и въ Стамбулѣ ихъ распродали.

— Много ли васъ ѣдетъ?

— Здѣсь насъ трое, съ нами вмѣстѣ жены. Изъ Казани собирается порядочно, да еще рано. Мы ѣдемъ сначала въ Медину, а въ курбанъ-байрамъ будемъ въ Меккѣ.

— Пришлось вамъ визировать паспорта въ Суэцѣ?

Мои соотечественники переглянулись, хитро улынулись.

— Мы теперь турецкоподданные.

Въ разговорѣ на ихъ вопросы я имѣлъ неосторожность сообщить, что я христіанинъ, ѣду въ Джедду, интересуюсь хаджемъ. Спутники сразу сдѣлались подозрительными, неохотно продолжали разговоръ и явно стали избѣгать встрѣчи со мной.

Вечеромъ, послѣ захода солнца, когда спадала удушливая жара, пароходъ особенно оживлялся и представлялъ оригинальное и рѣд-

кое зрѣлище. Сверху—чудное тропическое голубое небо, совершенно ясное, сверкало мириадами яркихъ звѣздъ. Пароходъ темнымъ силуэтомъ тихо скользилъ по зеркальной поверхности, оставляя послѣ себя широкую огненную полосу. Брызги и волны отъ движенія парохода переливались самымъ причудливымъ фосфорическимъ

Русское и французское консульства въ Джеддѣ.

свѣтомъ. Это—мириады микроскопическихъ обитателей моря давали знать о своей кипучей дѣятельности.

На пароходѣ въ разныхъ мѣстахъ мелькаютъ огоньки. Пилигримы расположились группами. Какая пестрая картина одеждъ и лицъ! Съ самыхъ противоположныхъ мѣстностей собрались люди, говорятъ на разныхъ языкахъ и вносятъ въ пароходную жизнь обычай и привычки своей страны. Настроеніе царитъ самое разнообразное. Въ одномъ углу, среди почтенныхъ турокъ, съ обнаженной бритой головой, длиннобородый сѣдой старецъ читаетъ моно-

тонно коранъ, рядомъ собралась веселая компанія арабовъ, и за общимъ чаемъ юмористъ съ необыкновенно подвижнымъ лицомъ, сверкая бѣлыми зубами, жестикулируя, рассказываетъ что-то занимательное, веселый рассказъ его то и дѣло прерывается взрывомъ смѣха; створки сосѣдняго тряпичнаго шатра приподнимаются, пара большихъ женскихъ глазъ выглядываетъ изъ бѣлаго покрывала и жадно прислушивается къ разговору; въ другомъ углу нѣсколько человѣкъ, утомленныхъ длиннымъ переѣздомъ, спятъ мирнымъ мертвымъ сномъ; рядомъ составилъ небольшой хоръ—пять человѣкъ сидятъ на корточкахъ и въ полъ-голоса поютъ дикую восточную пѣсню; бокъ-о-бокъ семейная картина: мужъ, жена и сынишка—албанцы, на таганцѣ готовятъ ужинъ.

Но вотъ среди морской тишины съ пароходнаго мостика раздается звонкій голосъ временнаго муэзина, призывающій правовѣрныхъ вознести вечернею хвалу Магомету. Пилигримы оставляютъ разговоры, разстилаютъ коврики и, обратившись въ «Киблѣ», начинаютъ набожно про себя молиться, громко восклицая «Алла, Алла!».

Черезъ 1¹/₂—2 часа на пароходѣ наступаетъ мертвая тишина. Все засыпаетъ.

Но не всегда на пароходѣ жизнь течетъ такъ мирно. Когда жгучій самумъ, или «азъябъ», какъ его называютъ арабы, начинаетъ бросать утлое судно по волнамъ, какъ щепку,—картина другая. Пилигримы, мучительно страдая отъ морской болѣзни, не пьютъ, не ѣдятъ, валяются по палубѣ въ собственныхъ изверженіяхъ, безъ всякаго надзора. Стонъ, плачъ кругомъ. Пароходъ страшно загрязняется; его никто не убираетъ вплоть до прихода въ портъ, гдѣ предстоитъ санитарный осмотръ. На каждомъ суднѣ, согласно регламенту, долженъ быть врачъ, но онъ безсиленъ.

— Мы—рабы общества, — говорилъ мнѣ одинъ мусульманинъ врачъ.— Попробуй я заявить о неудовлетворительномъ состояніи своего судна,—завтра же меня безъ разговоровъ лишатъ мѣста. А, вѣдь, у меня въ Суэцѣ семья.

Въ Джедду мы должны были приѣхать утромъ на пятый день. Еще наканунѣ вечеромъ на пароходѣ началось необыкновенное оживленіе: паломники мылись, чистились, брили свои головы, подрѣзали бороды, стригли ногти. Одежда снималась и замѣнялась ихрамомъ. Ихрамъ—это два куска бѣлой матеріи, наши мохнатые простыни, употребляемая въ баняхъ. Однимъ кускомъ паломникъ обортываетъ въ видѣ юбки обнаженную нижнюю часть туловища, другимъ, перекидывая черезъ правое плечо, верхнюю часть.

— Ихрамъ—нашъ саванъ,—объяснялъ мнѣ старый турокъ:— въ немъ мы должны вступить на священную землю и свершить всѣ обрядности въ Меккѣ. Затѣмъ снимемъ и хранимъ до самой смерти, въ немъ насъ будутъ и хоронить. Одѣвшись въ ихрамъ, я теперь не имѣю права чесать свое тѣло, убивать на тѣлѣ пара-

зитовъ, вырывать у себя волосъ, стричь ногти. Большой грѣхъ, если я этого не исполню.

— А если ты нарушишь невольно, развѣ и тогда отвѣтствененъ за свой поступокъ?

— Человѣкъ грѣшенъ, Аллахъ милостивъ, правовѣрный можетъ искупить свою вольную или невольную вину, если въ Меккѣ принесетъ въ жертву за каждый проступокъ барана.

Утромъ въ виду города пароходъ сразу преобразился. Матросы тщательно вымыли палубу, трюмъ и борта. Предстоялъ санитар-

Улица въ Джеддѣ.

ный осмотръ. Паломники всѣ были одѣты въ бѣлые ихрамы. Бригты головы—обнажены. Запасливые прикрываются отъ жгучихъ лучей солнца зонтиками. На ногахъ—сандалин или легкія туфли, многіе же безъ всякой обуви. У всѣхъ почти какое нибудь оружіе, достойное любого археологическаго музея: старинный пистолетъ, кривой ножъ, кинжалъ, необыкновенный револьверъ и т. д. Борта и носъ парохода усѣяны пассажирами. Лица оживлены и съ радостнымъ напряженіемъ всматриваются въ постепенно обрисовывающійся городъ. На ровномъ аравійскомъ берегу ясно уже видны высокія бѣлыя восточныя зданія съ стройными минаретами. За городомъ вдоль берега каймой тянутся невысокія аравійскія горы.

Пароходъ долго лавируетъ среди безконечныхъ рифовъ и наконецъ, не доходя версты двѣ до города, бросаетъ якорь. Изъ города подъ парусами вереницей несутся большія лодки «самбукки» и плотнымъ кольцомъ окружаютъ пароходъ. На самбуккахъ почти совершенно нагіе негры съ шестами и въ легкихъ длинныхъ рубахахъ—арабы. Съ судна спускается трапъ, но никто еще не смѣетъ подняться. Подходить санитарный баркасъ, на пароходъ поднимается карантинный врачъ и производитъ осмотръ. Прежде всего судовой коллега предъявляетъ патентъ, то-есть бумагу, въ которой обозначено число пассажировъ, состояніе ихъ здоровья. Патентъ, сколько разъ я ни наблюдалъ, всегда оказывался чистымъ, и больныхъ въ немъ не значилось. Затѣмъ карантинный врачъ быстро обходитъ пароходъ и послѣ осмотра спускается въ каюту, гдѣ для него приготовлены освѣжительные напитки. Осмотръ оконченъ. Поднимается страшный крикъ. Негры и арабы, какъ обезьяны, карабкаются съ самбуккъ по канатамъ, лѣстницамъ, якорной цѣпи на борта парохода, хватаютъ оторопѣлыхъ, ничего не понимающихъ пилигримовъ за ихрамы, тянутъ ихъ, не стѣсняясь сбрасываютъ вещи съ парохода въ лодки. Каждый лодочникъ старается какъ можно больше наwerbовать къ себѣ пассажировъ. Но вотъ самбукки, нагруженныя живымъ и мертвымъ товаромъ, дѣлая безконечное число зигзаговъ между рифами, несутся къ городу. Несмотря на искусное управленіе, онѣ то и дѣло врѣзываются въ мели и послѣ большихъ усилій стаскиваются съ нихъ владѣльцами.

Вотъ и городъ. На пристани дорогихъ гостей ждутъ турецкая полиція, консульскіе кавасы, купцы, содержатели гостепріимныхъ домовъ, носильщики и проч.

Паломниковъ везутъ къ карантинному зданію и высаживаютъ на особой площадкѣ, огороженной со всѣхъ сторонъ. Отсюда ихъ ведутъ по длинному узкому коридору мимо двухъ будочекъ, гдѣ турецкіе чиновники взимаютъ паспортный и карантинный сборы. Съ неимущихъ паломниковъ разрѣшено не взимать налога. Паломники это знаютъ, а потому бѣдныхъ всегда находится много.

— Какъ же вы отличаете имущихъ отъ неимущихъ?—спрашивалъ я карантиннаго помощника инспектора.

— Очень просто. Посмотрите на этого паломника египтянина, у него много вещей, ихрамъ его лучше другихъ, очевидно, чловѣкъ онъ состоятельный, а между тѣмъ, какъ убѣдительно старается онъ увѣрить въ своей бѣдности. Я его попрошу подождать, и вы увидите, что черезъ какіе нибудь $\frac{1}{2}$ часа онъ согласенъ будетъ заплатить вдвойнѣ.

Паломника оставили, а его вещи носильщикъ схватилъ и потащилъ въ таможенную, которая находилась отъ карантина шагахъ въ пятидесяти. Носильщикъ не возвращался, паломникъ сталъ безпокоиться за свои пожитки и дѣйствительно черезъ нѣсколько

Купецъ-арабъ.

времени охотно внесъ требуемую сумму. Способъ задержки, какъ я убѣдился, практиковался въ широкихъ размѣрахъ. Даже дѣйствительные бѣдняки изъ боязни потерять своихъ товарищей и свой скарбъ вносили послѣдніе гроши. Тѣ пилигримы, которые имѣли ненадлежащія паспорта, вносили «особый сборъ».

Заплативъ налогъ, богомольцы идутъ въ длинный сарай, гдѣ сидятъ делилы. О послѣднихъ рѣчь будетъ ниже. Шейкъ делилей распредѣляетъ паломниковъ между своими подчиненными, которые ведутъ ихъ на заранѣ приготовленныя квартиры. Лишь только пилигримы выходятъ изъ сарая, какъ на нихъ набрасываются купцы, носильщики, нищія, драгоманы, кавасы. Послѣдніе зорко высматриваютъ подданныхъ своего государства, слѣдятъ, гдѣ они останавливаются, а затѣмъ тянутъ въ консульства для визированія паспортовъ.

II.

Русское консульство въ Джеддѣ.—Описаніе города.—Рабство въ Аравіи.—Делили и векили.—Дѣленіе паломниковъ на группы.—Размѣщеніе ихъ въ Джеддѣ.—Отправка въ Мекку.—Верблюдовожатые и бедуины.—Возвращеніе паломниковъ изъ Мекки.

Я съ своимъ спутникомъ А. Е. остановился въ русскомъ консульствѣ. Консулъ В. В. Ц. обрадовался пріѣзду соотечественниковъ и любезно предоставилъ въ наше распоряженіе цѣлый этажъ.

— Годъ я всего здѣсь, а одичалъ, мохомъ обросъ: страна дикая, сами увидите,—говорилъ онъ мнѣ.

Съ его стороны это было большой скромностью. Край былъ дѣйствительно дикій, нравы суровые, климатъ ужасный, и до В. В. Ц. никто изъ консуловъ не могъ прожить больше года, но онъ здѣсь обжился, завелъ между арабами друзей и чувствовалъ себя прекрасно. По окончаніи хаджа, онъ такъ же, какъ и его европейскіе коллеги, уѣзжаетъ на долгое время въ отпускъ, передавая свою довѣренность секретарю. Въ русскомъ консульствѣ, кромѣ консула и секретаря, были еще два драгомана, лица необразованныя и ни слова не понимавшія по-русски. Самое горячее время для нихъ—хаджъ. Черезъ Джедду проходило по официальнымъ записямъ отъ 4 до 6 тысячъ русскоподданныхъ мусульманъ, а въ запрещенный 1899 годъ до 600 человекъ. Несмотря на недавнее существованіе, русское консульство много дѣлаетъ для паломниковъ; входя въ ихъ интересы, оно съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ довѣрія.

Въ консульствѣ я устроился съ комфортомъ. Въ услуги мнѣ былъ данъ молодой персъ, сынъ нашего каваса, немного говорившій по-русски. Онъ сопровождалъ насъ въ прогулкахъ и служилъ переводчикомъ.

Пятимѣсячное пребываніе въ Джеддѣ дало мнѣ возможность хорошо ознакомиться съ городомъ и нравами его обитателей.

Джедда въ послѣднее десятилѣтіе пріобрѣла особенную извѣстность. Врачи ее считаютъ за Дамокловъ мечъ, висящій надъ Европой. Не проходитъ хаджа, чтобы въ городѣ не вспыхнула какая нибудь эпидемія: 1890, 1891, 1893 и 1895 годы дали ужасную холеру, а 1897, 1898 и 1899—чуму. Европа, ограждая себя отъ заноса эпидемій, устроила на возвратномъ пути рядъ карантинныхъ, гдѣ паломники и ихъ вещи задерживаются на продолжительное время и подвергаются дезинфекціи. Устройство карантинныхъ стоило громадныхъ затратъ, и они представляютъ послѣднее слово науки, но мимоletныя вспышки эпидемій въ Египтѣ, Константинополѣ, Смирнѣ и у насъ въ Россіи даютъ право думать, что эти крѣпости-карантины не вполне охраняютъ Европу отъ искръ эпидеміи.

Джедда носить названіе «воротъ Мекки». Отъ послѣдней она находится въ 90—100 верстахъ. Проѣздъ—на ослахъ и верблюдахъ.

Черезъ Джеддскій портъ проходитъ ежегодно до 50.000 паломниковъ только въ одномъ направленіи, провозятъ сотни тысячъ мѣшковъ съ зерномъ, тюковъ съ хлопчатой бумагой и различными товарами изъ Индіи.

Городъ богатый, но городъ-паразитъ, живетъ исключительно паломниками. Окруженъ онъ высокой стѣной, за которую европейцамъ выходъ запрещенъ. Бедуины фанатики считаютъ себя властителями пустыни и нападаютъ на всякаго смѣльчака-христианина. Управы на вольныхъ дѣтей пустыни нѣтъ никакой; вѣдь стѣнъ города они совершенно не признаютъ никакой власти.

Дома въ нѣсколько этажей, вмѣсто оконъ—рѣзные балкончики, которые днемъ отъ жары наглухо закрываются. Самыми плохими зданіями считаются «гоши». Въ нихъ останавливаются паломники. Гоши—это громадныя трехъ- и четырехъэтажныя зданія съ массой лѣстницъ, выходящія иногда на нѣсколько улицъ. Нижніе этажи гошей служатъ или складочнымъ мѣстомъ для товаровъ или помещеніемъ для кофеенъ, верхніе состоятъ изъ безчисленнаго числа небольшихъ комнатъ, которыя сдаются за дешевую плату бѣднякамъ. Нѣкоторыя квартирки никогда не видятъ солнечнаго луча и не вентилируются. Въ лабиринтѣ комнатъ легко запутаться. Входящаго въ гошъ по узкимъ темнымъ лѣстницамъ сразу обдаетъ затхлостью и запахомъ отхожихъ мѣстъ. Дворы завалены мѣшками и тюками. Гоши—очаги заразныхъ болѣзней, съ нихъ всегда и начинаются эпидеміи.

Улицы въ городѣ кривыя, узкія. Самая длинная и главная изъ нихъ, крытая отъ лучей солнца деревяннымъ навѣсомъ,—базарная. Вся она состоитъ изъ мелкихъ лавочекъ и кофеенъ. Жизнь на ней съ утра до вечера бьетъ ключомъ: въ лавочкахъ идетъ бойкая продажа пестрыхъ бумажныхъ матерій, костюмовъ, ковровъ, чѣтокъ, колець, недорогихъ камней, на лоткахъ выставлены съѣстные припасы, которые готовятся на глазахъ. Все это быстро раскупается паломниками и бедуинами. Кофейни—клубы арабовъ; тамъ за чашкой кофе и кальяномъ арабы ведутъ коммерческія сдѣлки, обмѣниваются извѣстіями и слухами.

Постоянныхъ жителей въ Джеддѣ тысячъ двадцать. Составъ самый разнообразный: арабы, турки, абиссинцы, суданцы, персы, яванцы, бухарцы, китайцы и пр. Европейская колонія очень маленькая. Коренные жители—арабы; они рѣзко дѣлятся на два типа: городской и сельскій.

Горожане—купцы и делили, съ матовымъ, красивымъ цвѣтомъ лица ходятъ важной, горделивой поступью, одѣваются въ тонкіе шелковые или бумажные красивые халаты, съ чалмой или шапочкой на головахъ; сельскіе жители—бедуины, высокіе, стройные, ху-

дощавые, съ темнымъ загорѣлымъ лицомъ, большимъ лбомъ, впалыми, горящими глазами, ходятъ быстро, движенія порывисты, одѣты очень плохо, нерѣдко въ драныя синія рубашки, вокругъ головы платокъ въ видѣ жгута, и всѣ обвѣшаны оружіемъ. Встрѣчь съ европейцами они избѣгаютъ. Сколько разъ я пытался навести на бедуна свой фотографическій аппаратикъ, и каждый разъ бе-

Водонось.

дуинъ, метнувъ острый, непріязненный взглядъ, старался отвернуться или скрыться. Главное ихъ занятіе — перевозъ товаровъ, паломниковъ и грабежи. Живутъ они въ плетеныхъ изъ хвороста шалашахъ.

Кромѣ свободнаго населенія, въ Джеддѣ открыто процвѣтаетъ рабство. Арабы даже средней зажиточности имѣютъ по 2—3 невольника. Рабовладѣльцы посылаютъ рабовъ на заработки въ качествѣ носильщиковъ, перевозчиковъ, рыболововъ и проч. Многія

вдовы заработкомъ ихъ содержать себя и дѣтей.

— Гдѣ вы покупаете рабовъ?—спрашивалъ я одного купца-араба.

— Въ полутора или двухъ часахъ ѣзды на ослѣ отъ города есть нѣсколько приморскихъ бедуинскихъ деревень, жители которыхъ занимаются продажей невольниковъ. Кромѣ того, можно при-

Продавецъ сѣна.

обрѣсти раба и въ Меккѣ, гдѣ около Бейтуллы (Каабы) находится невольническій рынокъ.

— Откуда привозятъ рабовъ?

— Изъ Африки. Почти противъ Джедды, на африканскомъ берегу вблизи Суакима, много деревень, куда изъ центра Африки привозятъ негровъ, сомалійцевъ, абиссинцевъ. Изъ Суакима на большихъ лодкахъ везутъ ихъ къ намъ.

— Сколько же вы платите за человѣка?

— Молодой рабъ, хороший работникъ, стоитъ 100—150 рублей, молодая дѣвушка-рабыня 150—200 рублей. Мальчика можно купить за 60 рублей.

— Не убѣгаютъ они отъ васъ?

— Куда же они могутъ скрыться? На пароходъ ихъ не примутъ, за городъ, въ степь—схватятъ бедуины, которые или снова продадутъ, или къ себѣ возьмутъ. Да у насъ обращаются съ ними хорошо, законъ намъ не позволяетъ ихъ обижать.

— Вступаютъ ли рабы въ бракъ между собой?

— Рѣдко, да и то въ пожиломъ возрастѣ. Молодые дѣвушки идутъ большею частью въ наложницы къ хозяевамъ. Дѣти остаются рабами у владѣльца.

Одинъ изъ нашихъ паломниковъ такъ описывалъ продажу невольниковъ въ Меккѣ: «Около Бейтуллы, въ трехъ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, открытыхъ для публики съ улицы, продаются рабы и рабыни. Для женщинъ устроены высокія скамейки, а мужчины сидятъ накорточкахъ около стѣнъ. Рабыни, числомъ до 70-ти, съ платочками на головахъ, были одѣты въ костюмы, болѣе или менѣе терпимые для глазъ. Черныхъ женщинъ мало, сидѣли преимущественно темно-коричневая, въ возрастѣ отъ 20—40 лѣтъ, и одна дѣвочка 9-ти лѣтъ. Всего больше черныхъ рабовъ; я насчиталъ ихъ до 35-ти, между ними семилѣтній мальчикъ. Покупатели могли осматривать у невольницъ только открытыя части тѣла: лицо, шею, руки, ноги до колѣнъ; если кто желалъ болѣе подробно осмотрѣть, то поручалъ довѣренной женщинѣ, которая и производила осмотръ въ закрытомъ помѣщеніи. Цѣна на мужчинъ въ это время стояла отъ 150 до 200 рублей, на женщинъ отъ 150 до 300».

Разсказъ былъ простъ, безъ красокъ, но отъ него невольно становилось жутко. И это все происходитъ на глазахъ представителей Европы!

Въ періодъ наплыва паломниковъ въ послѣдніе дни рамазана въ городѣ появилась масса нищихъ. Днемъ ихъ не было видно, но какъ только наступали сумерки, они одинъ за другимъ подходили къ домамъ и звонко распѣвали. У каждаго нищаго свой напѣвъ и своя пѣсня. Въ послѣдней они вспоминали свою родину, изливали свое горе и страданія. Многіе пѣли мастереки, съ большимъ чувствомъ, трогали грустнымъ напѣвомъ даже не понимающихъ ихъ языка. Рѣзные балкѣнчики открывались, и къ ногамъ пѣвца летѣли мелкія монеты, продукты.

— Откуда столько нищихъ?—спрашивалъ я.

— Да это по большей части рабы. Здѣсь такой обычай: когда невольники становятся неспособными къ работѣ по болѣзни или вслѣдствіе старости, хозяева даютъ имъ полную свободу и отпускаютъ на всѣ четыре стороны, чтобы даромъ не кормить. Только немногіе рабовладѣльцы оставляютъ и кормятъ невольниковъ за

прежнія заслуги. Въ послѣдніе дни хаджа изъ Джедды всѣ нищіе переселяются въ Мекку. Рабы, нищіе и изнуренные паломники во время эпидемій представляютъ самый горючій матеріалъ.

Климатическія условія Джедды очень тяжелы. Днемъ жара, на солнцѣ даже въ январѣ мѣсяцѣ термометръ показываетъ 40—50°; вечеромъ и ночью, хотя чувствуешь себя лучше, но все же душно. Слѣдя постоянно за температурой, я только разъ въ февралѣ мѣсяцѣ ночью видѣлъ, что градусникъ показывалъ 13°. Особенно тягостны знойные вѣтры, самумъ, или «азьябъ», какъ его назы-

Паломническіе дома въ Джеддѣ.

ваютъ арабы. Жгучій азьябъ съ страшной силой несетъ цѣлыя тучи песку, отъ котораго нѣтъ спасенія даже въ закрытыхъ комнатахъ. При духотѣ воздухъ насыщенъ парами. Если отъ азьяба страдаютъ мѣстные жители, то можно судить, что чувствуютъ паломники въ дорогѣ?

Весною, лѣтомъ и осенью помимо жары бываетъ невозможная сырость, особенно по ночамъ; бѣлье, полъ, все пропитывается влагой. Это—періодъ тяжелыхъ перемежныхъ лихорадокъ.

Большимъ зломъ въ Джеддѣ является недоброкачественность воды. Ее достаютъ или изъ цистернъ, или изъ колодецевъ. Въ послѣднихъ—вода солоноватая, невкусная, въ цистернахъ—загряз-

ненная. Цистерны никогда не чистятся и наполняются дождевой водой только разъ въ годъ. Въ холерное время, когда паломники умирали тысячами, въ цистернахъ находили даже трупы.

Недалеко отъ города находится первое мѣсто, куда направляются пилигримы для поклоненія; здѣсь, по преданію, могила нашей прародительницы Евы. На невысокомъ курганѣ, въ 65 метровъ длиною, обнесенномъ стѣной, поставлены три часовни: одна—въ изголовьѣ, другая—въ ногахъ и третья—надъ чревомъ прародительницы.

По прїѣздѣ въ Джедду паломниковъ встрѣчаютъ «бекили». Бекили—это довѣренные «делилей». Делиль, или мутауфъ, въ тѣсномъ значеніи—руководитель паломниковъ въ совершеніи религіозныхъ обрядностей въ Меккѣ, а въ широкомъ—проводникъ и опекунъ съ момента вступленія пилигримовъ на священную аравійскую землю.

Въ шаріатѣ нѣтъ указаній, чтобы хаджъ непременно совершался подъ руководствомъ делилей, но каждый паломникъ, разъ онъ прїѣхалъ въ Мекку, хочетъ свершить хаджъ по вѣсѣмъ правиламъ, правилъ же этихъ онъ не знаетъ, а потому и обращается къ человѣку свѣдущему, т. е. делилю. Такимъ образомъ, профессія делильства выработалась практикой жизни. Делильство преемственно переходитъ изъ рода въ родъ, утверждается особой бумагой «фирманомъ», которая покупается за большія деньги у шерифа Мекки. Послѣдній на делилей, своихъ подчиненныхъ, смотритъ, какъ на дойныхъ коровъ, требуя отъ нихъ ежегодно подарки. Делили дѣлятъ между собой весь мусульманскій міръ на участки, и каждый мутауфъ старается привлечь изъ своего участка какъ можно больше паломниковъ. Съ этой цѣлью они или сами разъѣзжаютъ или посылаютъ своихъ довѣренныхъ навѣщать участки. Посѣщая бывшихъ или будущихъ своихъ кліентовъ, они везутъ съ собой для продажи и подарковъ землю изъ Каабы, воду изъ святого колодца Земземъ ¹⁾, книжки, финики, чѣтки, коврики съ изображеніемъ Мекки и проч. Вербуя поклонниковъ, делили въ то же время предлагаютъ за деньги свершить «бадаль-хаджъ», свершить хаджъ за другого, кто не можетъ почему либо ѣхать въ Мекку, или за умершаго. По рассказамъ нашихъ паломниковъ, въ Россіи бадаль-хаджъ особенно распространенъ среди казанскихъ татаръ.

Делили зарабатываютъ очень много, они получаютъ за свои услуги не только съ паломниковъ, но извѣстный процентъ за посредничество и съ кушцовъ, верблюдовожатыхъ, домохозяевъ, парходныхъ компаній.

Предъ курбанъ-байрамомъ въ Меккѣ собирается больше 100.000 паломниковъ, а въ священный годъ, когда байрамъ падаетъ на

¹⁾ Земземъ — колодецъ, образовавшійся отъ удара пяткой о землю Измаиломъ, сыномъ Авраама.

пятницу, до 500.000, мутауфы не въ состояніи сами справиться, а потому менѣе состоятельныхъ поручаютъ помощникамъ-ученикамъ, сами же ухаживаютъ за вліятельными и богатыми кліентами. Въ Джеддѣ и Ямбо они имѣютъ довѣренныхъ агентовъ—бекилей. Бекили, встрѣчая паломниковъ, размѣщаютъ ихъ по квартирамъ, водятъ по лавкамъ для закупокъ, нанимаютъ ословъ, верблюдовъ для дальнѣйшей поѣздки и направляютъ по своимъ мутауфамъ. За свое довѣрительство они платятъ мутауфамъ опредѣленную

Гражданская больница въ Джеддѣ.

сумму. Какъ у векилей, такъ и у делилей, есть выборный начальникъ «шейкъ», который устраняетъ между своими подчиненными раздоры и чинитъ надъ ними расправу. Съ джеддскимъ шейкомъ Али-Агдаромъ я познакомился, благодаря консулу, и онъ часто насъ навѣщалъ. Старикъ, 60-ти лѣтъ, высокаго роста, худощавый, съ большимъ покатымъ лбомъ, живыми умными глазами, тонкими губами и хищническимъ носомъ, подвижной, какъ ртуть, онъ представлялъ типъ араба, превозносилъ все арабское и съ презрѣніемъ относился къ чужеземному. Рѣчь живая, выразительная, сопровождаемая жестикуляціей рукъ и мимикой лица, лилась непрерывно.

— Мы, арабы, всѣ поэты,—говорилъ онъ,—да и какъ намъ не быть ими, когда живемъ все время на воздухѣ, смотримъ на чудное небо, усѣянное мириадами чудныхъ свѣтилъ, никогда не знаемъ пасмурныхъ дней и слезъ неба.

Строгий со своими подчиненными, уважаемый паломниками за свою набожность и знаніе всѣхъ религіозныхъ обрядностей, Али-Агдаръ въ интимномъ кружкѣ былъ далекъ отъ того ореола, какимъ его окружали люди близкіе: къ своей дѣятельности онъ относился съ рѣдкимъ цинизмомъ, на паломниковъ смотрѣлъ, какъ на дойныхъ коровъ, и религіозные ихъ порывы оцѣнивалъ съ денежной точки зрѣнія. Читая постоянно наставленія о спасеніи души своимъ клиентамъ, онъ имѣлъ большую слабость къ спиртнымъ напиткамъ, строго осуждаемымъ кораномъ, и намъ не разъ приходилось сдерживать его отъ чрезмѣрнаго стремленія «полѣчиться коньякомъ». Таковъ былъ представитель векилей въ Джеддѣ. Сынъ шейка, еще молодой векиль, шелъ по стопамъ отца.

Али-Агдаръ, пропустивъ за свою жизнь не одинъ миллионъ паломниковъ, отлично ихъ зналъ. Онъ дѣлилъ хаджей на четыре группы: на истинныхъ, торговцевъ, бадальцевъ и плутовъ. Истинные паломники имѣютъ только одну цѣль—религіозную. Бадальцы свершаютъ хаджъ за другихъ, о нихъ рѣчь уже была.

Хаджи-торговцы ѣдутъ съ родины или изъ другихъ странъ съ товаромъ и по дорогѣ распродаютъ (такъ я видѣлъ много индусовъ, продававшихъ бумажныя ткани и бусы, и нашихъ бухарцевъ, продававшихъ платки). Свершивъ хаджъ и распродавъ товары, на возвратномъ пути они закупаютъ мѣстные произведенія и бездѣлушки и везутъ ихъ на родину. У одного нашего возвращающагося казанца я видѣлъ много мѣстныхъ красивыхъ раковинъ, «антиковъ», какъ ихъ тамъ называютъ. Многіе изъ торговцевъ, разбогатѣвъ, бросаютъ бродячую жизнь, открываютъ въ Меккѣ, Мединѣ, Джеддѣ, лавочки, покупаютъ дома, содержатъ кофейни, нанимаютъ для паломниковъ квартиры, занимаются маклерствомъ и ростовщичествомъ. Благодаря своей бывшей профессіи, они имѣютъ много знакомыхъ на родинѣ, а слѣдовательно, и постоянныхъ клиентовъ. Въ Джеддѣ такихъ осѣдлыхъ перебѣжчиковъ изъ Россіи до 50-ти человекъ, а въ Меккѣ до 150.

Четвертая группа—паломники-плуты. Они встрѣчаютъ и ѣдутъ съ пилигримами съ самыхъ бойкихъ пунктовъ: Константинополя, Багдада, Дамаска, Суэца и проч. Одни высматриваютъ въ дорогѣ денежныхъ паломниковъ, слѣдятъ, куда они кладутъ деньги, и въ благоприятный моментъ обкрадываютъ, другіе предлагаютъ въ пути свои услуги въ качествѣ путеводителей, выдаютъ себя за муллу, врача, вкрадываются въ довѣріе и, въ концѣ концовъ, также обираютъ наивныхъ. Заболѣвшіе и умирающіе паломники нерѣдко поручаютъ имъ пересылку на родину денегъ. Особенно много мошен-

никовъ появляется въ Меккѣ и Джеддѣ при возвращеніи хаджей, когда между послѣдними развиваются болѣзни; товарищи, уѣзжая на родину, поручаютъ ихъ имъ, мало знакомымъ людямъ, а тѣ обираютъ несчастныхъ до-гола.

Но самымъ благопріятнымъ временемъ для жатвы у мошенниковъ считаются холерные годы, когда хаджи гибнутъ тысячами и отъ паники бросаютъ даже своихъ близкихъ родственниковъ на произ-

Карантинъ на островѣ Абу-Саадъ.

воль, тогда обираются не только больные, но не брезгаютъ и трупами.

Обманывать паломниковъ не трудно, большинство ихъ паивны, какъ дѣти; пока они еще вмѣстѣ, то обсуждаютъ свои поступки, но стоитъ двумъ-тремъ отстать отъ своей группы, какъ они совершенно теряются и довѣряются первому встрѣчному. Въ Джеддѣ обобранныхъ и обманутыхъ я видѣлъ много и удивлялся ихъ наивности; двое, на примѣръ, поручили какому-то проходимцу, выдавшему себя за агента компаніи, взять скорѣе билеты на пароходъ, и мнимый агентъ скрылся съ ихъ деньгами, а они остались безъ гроша.

Въ Джеддѣ и Ямбо, портѣ Медины, паломниковъ по приѣздѣ векили направляютъ въ заранѣе приготовленные квартиры. Въ

одной комнаткѣ помѣщаются отъ 10 до 40 человекъ. Все зависитъ отъ величины комнатъ и привычекъ гостей: напримѣръ, персы, бухарцы, казанскіе татары любятъ просторъ и стараются устроиться съ комфортомъ, яванцы, индусы, оренбургскіе татары, андижанцы, дагестанцы и пр. менѣе прихотливы и довольствуются малымъ. Плата съ каждаго отдѣльно отъ 40 коп. до 1 рубля въ сутки. Самыхъ бѣдныхъ отводятъ въ гостепріимные дома «тэкіэ», построенные благотворителями—хаджами. Построивъ такой гостепріимный домъ и посадивъ туда завѣдывать какогонибудь земляка, благотворитель-хаджа теряетъ въ дальнѣйшемъ связь съ своимъ тэкіэ, и полнымъ хозяиномъ остается управляющій. Послѣдній живетъ самъ и, по волѣ основателя, долженъ сдавать часть помѣщенія въ наемъ, чтобы на вырученныя деньги ремонтировать домъ, а остальную часть долженъ отдавать бесплатно во время хаджа неимущимъ паломникамъ. Управляющіе пунктуально выполняютъ первую половину завѣщанія, совершенно забывая о второй; большая и лучшая часть квартиръ сдается въ наемъ, деньги поступаютъ въ ихъ карманъ, и тэкіэ совершенно не ремонтируются.

Русскими хаджами выстроено четыре такихъ дома: два ташкентскихъ и два самаркандскихъ, изъ нихъ только одинъ не запущенъ, но зато въ немъ почти всѣ комнаты сдавались въ наемъ.

Когда намъ понадобилась комната подъ больныхъ, то послѣ настойчивыхъ требованій управитель отвелъ темную клѣткушку; бѣдные же паломники помѣщались во дворѣ.

Во время наибольшаго наплыва, за 2—3 недѣли предъ курбанъ-байрамомъ, когда въ Джеддѣ скапливается сразу около 20.000 паломниковъ, всѣ дома, тэкіэ переполняются, многіе хаджи помѣщаются прямо на открытомъ воздухѣ, покупая себѣ особыя плетенныя скамейки за небольшую плату,—ночная сырость не позволяетъ спать прямо на землѣ.

Отдохнувъ въ Джеддѣ отъ длиннаго морского пути, посѣтивъ могилу прародительницы Евы и закупивъ себѣ по совѣту векилей необходимыя вещи и припасы, хаджи стремятся поскорѣе направиться въ Мекку; но дальнѣйшее передвиженіе ихъ по святой землѣ находится въ полной зависимости отъ векилей; послѣдніе задерживаютъ ихъ столько времени, сколько хотятъ. Хотя отъ Джедды до Мекки близко, какихънибудь 100 верстъ, но путь далеко не легкій и не безопасный. Не легко онъ потому, что приходится ѣхать на верблюдахъ около двухъ сутокъ по жарѣ, что для непривычныхъ путешественниковъ крайне тяжело, а опасенъ вслѣдствіе постоянныхъ нападеній по дорогѣ бедуиновъ, которые смотрятъ на паломниковъ, какъ на непосланный даръ Божій.

Для своей поѣздки каждый хаджа долженъ купить шугдуфъ, плетеную, глубокую, двойную корзину съ верхомъ, перекидываемую чрезъ спину верблюда. Шугдуфъ стоитъ недешево (доходитъ до

15 рублей) и по окончаніи поѣздки перепродается за безцѣнокъ. Въ холерное время онъ—разноситель болѣзни. Верблюдовъ нанимають векили. Такса за проѣздъ устанавливается шерифомъ по соглашенію съ делилиами и верблюдовладѣтелями; впрочемъ, она не соблюдается строго, установка ея болѣе необходима для шерифа, который съ верблюдовладѣтелей взимаетъ за перевозъ извѣстный процентъ. Послѣдніе платятъ за доставку пассажировъ и векилямъ.

Конечно, паломникъ могъ бы нанять верблюда и непосредственно, но векиль предупреждаетъ объ опасности, указываетъ на неблагонадежность верблюдовожатыхъ и рекомендуетъ своихъ. Верблюдохозяева, рискуя остаться безъ заработка, въ силу необходимости входятъ въ соглашеніе съ векилями. Да, впрочемъ, они ничего не теряютъ, такъ какъ цѣна на верблюдовъ во время разгара съѣзда поднимается, и весь налогъ падаетъ на пилигримовъ.

Выѣзжаютъ паломники или рано утромъ, до захода солнца или въ ночь. Въ темныя ночи путь освѣщается факелами. Большіе караваны охраняются отъ нападенія турецкими солдатами. Шествіе каравана представляетъ оригинальную картину особенно при факельномъ освѣщеніи. Длинной вереницей, иногда на 1—2 версты, идутъ верблюды. Черезъ спины ихъ перекинута громадная, крытая бѣлой матеріей или ковромъ, неуклюжія корзины-шугдудфы, изъ которыхъ полулежа выглядываютъ пилигримы въ бѣлыхъ ихрамахъ. Возлѣ верблюдовъ идутъ ихъ вожатые бедуины или рабы съ палками. Спереди, сзади и по бокамъ каравана на извѣстномъ разстояніи слѣдуютъ конвоиры на ослахъ. Шугдудфы скрипятъ и качаются въ тактъ движенію верблюдовъ. Вожатые одѣты въ одинаковые костюмы, и отличить ихъ другъ отъ друга трудно. Они полные хозяева своихъ сѣдоковъ, которые это знаютъ, а потому стараются ихъ расположить къ себѣ хорошимъ «бакшишемъ». Если же вожатый почему либо недоволенъ своимъ пассажиромъ-паломникомъ, то въ пути онъ можетъ доставить ему много неприятныхъ минутъ; постоянной поправкой ремней шугдудфа онъ не даетъ покоя, кромѣ того, давъ возможность паломнику усюветься и выбравъ моментъ, когда послѣдній замечается или задремлетъ, онъ тычкомъ палки въ нѣжныя мѣста заставляеть верблюда отскакивать аршина на три въ сторону, такъ что бѣдный хаджа кубаремъ летитъ изъ шугдудфа и разбивается. Двухъ такихъ путешественниковъ мнѣ пришлось лѣчить отъ перелома ногъ.

Большую опасность въ пути представляютъ систематическія нападенія вольныхъ дѣтей пустыни, бедуиновъ.

Толкаясь въ городѣ, они разузнають подробно о караванѣ, нерѣдко сносятся съ вожатыми, по дорогѣ устраиваютъ искусныя засады и внезапно нападаютъ на средину или хвостъ каравана. Вожатые разбѣгаются, верблюды всё равно никуда не уйдутъ, конвоиры также народъ не надежный, и паломники должны защищаться

сами. Убитыхъ и раненыхъ бедуины обираютъ догола. Жизнь единовѣрца разбойникомъ не цѣнится ни во что; если бедуинъ у убитаго хаджи ничего не находитъ, то съ презрѣнiемъ относится къ нему и жалѣетъ потерянную пулю. Грабежу помогаютъ и вожатые, но они обираютъ больше больныхъ и отсталыхъ. Потерпѣвшiе паломники рассказывали, что нѣкоторые вожатые имѣли длинныя палки съ острыми крючками, которыми они во время сна старались зацѣпить и разрѣзать у пилигримовъ пояса и сумки, гдѣ хранятся деньги, при чѣмъ при неудачныхъ ударахъ распарывались и животы. Отвѣтственности, вѣдь, въ дикомъ краѣ никакой.

Другое зло въ пути—болѣзни. Вода плохая, пища сухая, жара невозможная. Отъ непривычной, продолжительной качки шугдуровъ развивается морская болѣзнь. Появляются въ массѣ кишечныя расстройства. Караванъ дѣлаетъ остановки на опредѣленныхъ мѣстахъ, отсталые больные не въ состоянiи его догнать, обезсиливаютъ и дѣлаются добычей хищныхъ бедуиновъ. Въ 1893 году, во время свирѣпствовавшей холеры, по рассказамъ Али-Агдара, между Меккой и Мединой весь путь, который проходится на верблюдахъ около 20 дней, былъ усыянъ брошенными шугдурями и трупами паломниковъ.

Джедда своимъ праздникомъ считаетъ малый байрамъ, первый день послѣ рамазана, Мекка—курбанъ-байрамъ. Въ эти дни закрываются лавки, арабы отъ мала до велика одѣваются въ яркiя, праздничныя одежды, дѣлаютъ другъ другу визиты, посѣщаютъ часовни на могилѣ Евы, вечеромъ и днемъ гуляютъ по улицамъ, которыя разукрашиваются фонариками. На улицѣ вездѣ масса сластей и пряностей, до которыхъ арабы большiе охотники.

Послѣ малаго байрама городъ начинаетъ быстро наполняться паломниками, а въ послѣднюю недѣлю предъ курбанъ-байрамомъ въ бухтѣ выстраивается цѣлая эскадра паломническихъ пароходовъ разныхъ государствъ и парусныхъ судовъ, которые остаются до возвращенiя паломниковъ. Жизнь въ это время въ городѣ самая кипучая. Улицы наводняются пилигримами самыхъ разнообразныхъ народностей, цѣлый калейдоскопъ типовъ, костюмовъ: турки, алжирцы, яванцы, китайцы, индусы, сомалiйцы, албанцы, самаркандцы, персы, киргизы и проч. Для художника портретиста тамъ богатый и рѣдкiй материалъ. Напримѣръ, типъ древняго библейскаго еврея, который идетъ также поклониться камню Авраама, только и можно встрѣтить въ Джеддѣ.

Джеддцы, утомленные дневной работой, вечеромъ собираются въ кафе. На улицы предъ кафе выносятся плетенныя скамейки и столики, подаются кальяны, и арабы, забравшись съ ногами на плетенки, покуривая изъ кальяна и попивая чай или кофе, ведутъ оживленныя бесѣды, обмѣниваясь новостями. Большинство же ихъ

съ азартомъ играетъ въ домино. Арабы страстные игроки, проигрываютъ не только заработокъ дня, но и будущій. Говоръ, смѣхъ, восточная дикая пѣсня, всё это перемѣшивается. Въ глухихъ, интимныхъ нишахъ кафе другой родъ наслажденія: любители гашиша молча затягиваются запретнымъ плодомъ, и лица ихъ принимаютъ радостно-безсмысленное выраженіе. Въ домахъ, за городомъ—веселье: пьютъ хмельную бузу (родъ нашего пива изъ проса), поютъ, танцуютъ, бьютъ въ бубны.

Въ послѣдніе дни предъ курбаномъ городъ пустѣетъ. Всѣ перебираются въ Мекку. Въ священный годъ тамъ, какъ уже сказано, сразу собирается до 500.000 богомольцевъ. Администрація, боясь развитія эпидемій, не задерживаетъ пилигримовъ. Лишь только кончается трехдневное празднество курбанъ-байрама, въ продолженіе котораго паломникъ совершаетъ установленныя обрядности и получаетъ почетное званіе «хаджи», дающее ему право носить чалму, пилигримовъ стараются какъ можно скорѣе выпроводить изъ Мекки. Часть отправляется въ Медину, на поклоненіе гробу Магомета, большая же часть возвращается обратно въ Джедду. Въ теченіе 1—1½ мѣсяцевъ городъ снова оживаетъ, а затѣмъ жизнь затихаетъ до новаго хаджа.

Возвращеніе паломниковъ—самое опасное время. Переполненный городъ страшно загрязняется; по нѣкоторымъ улицамъ вслѣдствіе зловонія нельзя пройти. Между паломниками развивается нищета. Деньги истрачены, оставлены лишь небольшія суммы для обратнаго проѣзда; у нѣкоторыхъ изъ нихъ не хватаетъ на покупку пароходнаго билета. Пароходныя компаніи устраиваютъ общую стачку, цѣна на обратный проѣздъ увеличивается вдвое. Бѣдняки остаются въ городѣ въ ожиданіи пониженія платы и проживаютъ послѣдніе гроши. Развиваются болѣзни, пароходы больныхъ берутъ неохотно, и родственники, земляки, поневолѣ оставляютъ ихъ на произволъ. Несчастные больные, не зная арабскаго языка, гибнутъ отъ голода, валяясь не только въ трущобахъ, по дворамъ гошей, но и на людныхъ площадяхъ, улицахъ. Джеддцы, гостепріимные и ласковые при встрѣчѣ паломниковъ, теперь уже относятся къ нимъ иначе; предупредительность сохранилась только къ состоятельнымъ и вліятельнымъ. Веселые и сытые, они отдыхаютъ за кальяномъ или со всей страстью предаются азартной игрѣ въ домино, не обращая никакого вниманія на тутъ же умирающихъ своихъ гостей, которые мѣсяца два тому назадъ были предметомъ ихъ особыхъ заботъ.

Мѣсяца черезъ два, за всѣми неимущими, оставшимися въ живыхъ паломниками приходитъ турецкій пароходъ, забираетъ весь этотъ горючій матеріалъ и переправляетъ въ Африку и Европу.

Всѣмъ ѣдущимъ въ Европу паломникамъ впереди предстоитъ длинное сидѣніе по карантинамъ. Опять недоѣданіе, потеря времени,

здоровья, силъ. Паломники это знаютъ, но избѣжать карантина въ настоящее время не представляется возможнымъ; единственный путь—караванный на Дамаскъ, но на длинное, тяжелое путешествіе на верблюдахъ находятся немногіе охотники. Много толковъ теперь возбуждаетъ проектированная желѣзная дорога отъ Дамаска на Медину и Мекку.

Съ нетерпѣніемъ ждуть ее паломники, и съ ненавистью о ней говорятъ векили, верблюдохозяева, бедуины и представители пароходныхъ агентствъ. Для однихъ она будетъ благодѣяніемъ, для другихъ—разореніемъ.

Возвращаясь на англійскомъ пароходѣ, который отвозилъ пилигримовъ въ Бомбей и Яву, я былъ свидѣтелемъ тяжелой картины. Многіе индусы, сильно изнуренные, абсолютно не имѣли никакихъ припасовъ; они кротко и покорно выносили голодъ, съ большой признательностью относились къ болѣе состоятельнымъ и добродушнымъ яванцамъ, которые удѣляли со своего стола крохи и отбросы. Пятидневный переѣздъ отъ Джедды до Адена двое индусовъ, истощенные поносомъ, не выдержали и погибли. Трупы ихъ, обернутые простыней, съ привѣшеннымъ грузомъ были брошены въ морскую пучину на съѣденіе акуламъ. Могли ли думать бѣдняки, что въ святой землѣ, куда они такъ стремились, ихъ ждала такая жалкая участь?

III.

Занесеніе чумы въ Джедду.—Бунтъ жителей.—Мѣропріятія противъ распространенія болѣзни.—Отношенія жителей къ чумѣ.—Характеръ чумы въ Джеддѣ.

Въ Джеддѣ мы ожидали чуму. Она появлялась въ послѣдніе два года (1897 и 1898 гг.) только въ періодъ хаджа на два мѣсяца и затѣмъ исчезала. Откуда ее занесли? Вопросъ спорный. Естественными переносчиками заразы могли быть пилигримы изъ Индіи, но они выдерживали длительный и строгій карантинъ на островѣ Камаранѣ недалеко отъ Адена. Если ограждали Джедду отъ паломниковъ, зато не обращали никакого вниманія на привозимые товары изъ Индіи. Джедда служила передаточнымъ товарнымъ пунктомъ: дворы гошей были завалены мѣшками съ зерномъ и тюками съ хлопчато-бумажнымъ товаромъ. Привезенные, не дезинфицированные тюки лежали мѣсяцами и затѣмъ направлялись въ центры Аравіи: Мекку, Медину. Тюки и мѣшки легко могли служить передатчиками заразы, тѣмъ болѣе, что заболѣваніе началось съ рабовъ носильщиковъ и нищихъ. Послѣдніе во дворахъ между мѣшками находили себѣ ночной пріютъ.

Врачи джеддскіе считали, что чуму занесли изъ Ассира.

Область Ассирь, сосѣдняя съ Геджасомъ, представляетъ собою непроходимую, горную мѣстность. Населена она бедуинами, которые живутъ очень бѣдно.

— Эпидемія тамъ была ужасная,—разсказывалъ мнѣ турецкій врачъ-очевидецъ,—она началась съ 1894 года и мѣстами буквально уничтожила все населеніе. Мусульмане арабы—фанатики. Они въ чумѣ видѣли проявленіе промысла Божія, о какихъ либо мѣрахъ и слышать не хотѣли. По обычаю, обмывали трупы чумныхъ, раздавали одежды умершихъ бѣднякамъ, а тѣ, надѣвая, заражали себя и другихъ. Много помогала распространенію эпидеміи вражда отдѣльных семействъ, ихъ месть. Трибы то и дѣло нападали другъ на друга, грабили пожитки и заносили заразу къ себѣ. Турція командировала туда въ 1896 г. врачей. Эпидемія уже стихала. Весь дистриктъ Бени-Шеиръ мы нашли вымершимъ. Скотъ, лишившись хозяевъ, одичалъ, и мы ловили его, какъ дикій.

Въ мартѣ, 1897 года, чума считалась официально прекратившейся, а въ маѣ того же года появилась въ Джеддѣ.

Хаджъ 1899 г. наступилъ. Чуму ожидали съ каждымъ днемъ. Меня удивляло, что городъ совершенно не готовился къ встрѣчѣ страшной гостя: онъ оставался такимъ же грязнымъ, какимъ былъ и раньше. Единственнымъ напоминаніемъ о ней служилъ деревянный чумный баракъ, выстроенный за стѣнами города еще въ предшествующемъ году.

Въ городѣ были два европейскихъ врача-грека; одинъ изъ нихъ занималъ должность санитарнаго инспектора. На помощь къ нимъ пріѣхало нѣсколько турецкихъ, между ними молодой бактериологъ, весьма талантливый врачъ. Населеніе города мало обращалось за помощью къ врачамъ, оно охотнѣе шло къ знахарямъ-бедуинамъ. Причиной этому была съ одной стороны неразвитость и фанатизмъ мусульманъ, поддерживаемый духовенствомъ и векилями, а съ другой невозможная постановка медицинской помощи. Городекая больница могла внушить отвращеніе даже самому неприхотливому паціенту. По городу о ней ходила дурная молва, и я тамъ никогда не видѣлъ больныхъ.

— Кому жизнь надоѣла, иди въ нашу больницу, тамъ хакимъ (докторъ) поможетъ отправиться къ Аллаху,—говорили жители.

Чтобы имѣть хоть какой нибудь контроль надъ заболѣваемостью и смертностью города, врачи, при помощи турецкихъ властей, обя-зали жителей безъ врачебнаго осмотра не хоронить умершихъ. Во время хаджа осмотръ усиливался. Мужскіе трупы изслѣдовались врачами турками, а женскіе—повитухой, бывшей когда-то прачкой при госпиталѣ. Въ медицинѣ она, конечно, ничего не смыслила, но должность для нея была очень доходной. Кромѣ того, врачи имѣли еще тайную агентуру, которая давала знать о сомнительныхъ больныхъ. Агентура также влекла къ злоупотребленіямъ.

Впрочемъ, «бакшиншъ» въ Джеддѣ явленіе обычное, безъ него не обходится ни одно дѣло.

Но вотъ въ городѣ въ февралѣ появилась усиленная смертность. На улицахъ показались дохлыя собаки и крысы.

10 февраля приходитъ ко мнѣ нашъ консулъ Ц. и говоритъ, что появился чумный случай.

Идемъ къ санитарному инспектору. Онъ подтверждаетъ. На улицѣ кавасы (полицейскіе) наткнулись на умирающаго нищаго. Когда пришли врачи, то застали его мертвымъ. Опухоль паховыхъ и шейныхъ лимфатическихъ железъ показала подозрительной. Сдѣлали бактериологическое изслѣдованіе сока лимфатическихъ бубоновъ, получили чистыя разводки чумныхъ палочекъ. Привили разводку мышкамъ, и послѣднія подошли отъ характерной для нихъ чумы.

На другой день нашли новый трупъ съ тѣми же явленіями.

Въ городѣ въ это время находилось уже много паломниковъ, и съ каждымъ днемъ со всѣхъ сторонъ прибывали все новыя и новыя партіи. Изъ боязни, чтобы чума не вспыхнула среди паломниковъ, пароходы останавливали вдали отъ города, а пилигримовъ высаживали на небольшой коралловый островокъ Абу-Саадъ, верстахъ въ пяти отъ города.

Отъ консуловъ и врачей полетѣли телеграммы; первые телеграфировали о появленіи чумы своимъ посольствамъ, а вторые международному константинопольскому санитарному совѣту. Спрашивали, что предпринять. Получился отвѣтъ: городъ объявить въ карантинъ и окружить военнымъ кордономъ, паломниковъ высаживать внѣ города.

Джедда, спокойная до того времени, взволновалась. И было изъ-за чего: ее лишали не только дохода, но и насущнаго куска хлѣба,—купцы, лодочники, квартирохозяева, носильщики, проводники—всѣ оставались безъ заработка. Желаящіе выѣхать изъ города должны были выдерживать двухнедѣльный карантинъ. На улицахъ вездѣ стали появляться шумящія, недовольныя группы. При нашемъ приближеніи онѣ смолкали и бросали непріязненные взгляды.

Въ консульство зашелъ какъ-то нашъ пріятель—шейхъ векилей, Али-Агдаръ. Всегда веселый, разговорчивый, онъ теперь былъ мраченъ и недовѣрчивъ. Рѣчь зашла о злобѣ дня.

— На своемъ вѣку,—говорилъ онъ,—я много слышалъ про черную смерть. Чума послана въ наказаніе людямъ, она бичъ Божій и страшнѣе холеры, а холера у насъ своей острой косою много скосила правовѣрныхъ. Гдѣ же ты теперь видишь ужасъ народа, слышишь стонъ и плачъ родныхъ, страдальческіе крики умирающихъ, которые порождаютъ эти болѣзни? Чумы у насъ не было до сего времени, ея нѣтъ и теперь. Это выдумка тѣхъ людей, кому она выгодна.

Мои объясненія относительно безошибочности способа опредѣленія болѣзни, объ ея опасности для другихъ странъ, мало удовлетворили Али-Агдара, онъ имъ не вѣрилъ. Чума въ предшествующіе два года дала въ Джеддѣ небольшую заболѣваемость. Геджасъ съ своими центрами Меккой и Джеддой представлялъ счастливое исключеніе,—заразное начало подъ вліяніемъ какихъ-то климатическихъ условій ослабѣвало и не давало тѣхъ ужасныхъ взрывовъ, какіе въ это время были въ Индіи. А казалось, къ развитію и распространенію эпидеміи на лицо находились всѣ благопріятныя условія: грязь, скученность населенія, дурное питаніе, плохое вентилированіе домовъ и пр.

Такимъ образомъ Али-Агдаръ съ своей точки зрѣнія былъ правъ. Бактеріологія, чумныя палочки, его заинтересовали, но онъ имъ мало придавалъ вѣры.

Волновалась Джедда, волновались и паломники. Ихъ съ островка Абу-Саада на казенномъ пароходикѣ высаживали на голый песчаный берегъ, вдали отъ города. Никакого прикрытія отъ жгучихъ тропическихъ лучей солнца! Ни воды, ни пищи! Поставщиками продуктовъ явились бедуины изъ сосѣднихъ деревушекъ, но запасы ихъ были ничтожны. Естественно, что съ городомъ образовалось контрабандное сообщеніе. Кордонъ былъ разставленъ больше для вида.

Солдаты стояли рѣдкими рядами, и между ними ночью легко можно было пройти, а за «бакшишъ» и днемъ.

— Поставили турецкихъ аскеровъ (солдатъ) кормиться,—иронизировалъ Али-Агдаръ,—давно они этого времени ждали. У нашего голоднаго аскера за бакшишъ можно душу купить, а если онъ увидитъ бедуина съ ружьемъ, въ песокъ зароется.

Въ это время заходитъ ко мнѣ турокъ-врачъ, весь обвѣшанный оружіемъ. Онъ, по происхожденію черкесь, когда-то служилъ у насъ на Кавказѣ фельдшеромъ, а въ Джеддѣ занималъ должность хирурга въ военномъ госпиталѣ.

— Что на войну собираешься?—спрашиваю я смѣясь, указывая на его вооруженіе.

— Смѣйся, смѣйся,—говорилъ онъ,—а я тебѣ не совѣтую выходить на улицу. Худо будетъ. Жили мы до сихъ поръ спокойно, стали наѣзжать хакимы, пошли невзгоды. Арабы народъ настойчивый, они отъ своего не отступятся. Если не снимутъ кордона, европейцевъ перерѣжутъ, на нашихъ аскеровъ надежда плоха.

Лавки въ городѣ днемъ запирались. Европейцы почти не выходили изъ домовъ. Днемъ на улицахъ народу не было видно, но какъ только наступали вечеръ и ночь, то на площадкѣ и улицахъ устраивались сходки. Консулы чрезъ своихъ агентовъ стали получать недобрыя вѣсти. Врачи прекратили осмотры труповъ. На островкѣ Абу-Саадѣ ночью на врача грека было сдѣлано нападеніе, къ счастью, неудачное.

Наконецъ, въ одну изъ ночей напряженное состояніе разразилось грозой.

Послѣ полуночной молитвы, въ городѣ поднялся невообразимый шумъ и злобщій вой, точно проносился гдѣ-то ураганъ. Мы не знали, что дѣлается на улицахъ, но чувствовали, что происходитъ что-то недоброе. Оказалось, рабы, рабочіе и ремесленники отворили городскія ворота, вышли за городъ и въ щепки разнесли чумные бараки и карантинныя постройки, въ которыхъ лежали отправляемые изъ Джедды товары и помѣщались паломники. Товары раскрасовали, паломниковъ, ограбивъ, впустили въ городъ, по пути разбили лавки и растащили товары. Къ грабящей городской толпѣ присоединились кордонные солдаты и бедуины. Послѣдніе увезли въ свои деревни много мѣшковъ хлѣба и вещей паломниковъ.

Къ утру все успокоилось.

Въ виду бесполезности кордона и полной беспомощности, консулы собрались у каймакама (градоначальника) на совѣтъ. Рѣшили телеграфировать въ Константинополь и просить отмены карантина. Проходитъ день—два, отвѣта нѣтъ. Опять началось броженіе и сборы по ночамъ. Врачей считали виновниками всѣхъ стѣсненій. Положеніе становилось критическимъ. Каждую ночь могли ожидать нападенія разъяренной толпы, а защиты не было никакой.

Наконецъ, послѣ одной такой томительной ночи получился отвѣтъ въ благопріятномъ смыслѣ. Кордонъ сняли и паломниковъ стали впускать въ городъ. Джедда сразу успокоилась, и жизнь потекла по прежнему руслу.

Такъ арабы протестовали каждый разъ, когда дѣло касалось ихъ кармана.

Врачи возобновили осмотръ труповъ.

Пріѣхалъ главный медицинскій инспекторъ Турціи, важный прехосподительный старикъ. Составили общій совѣтъ, какъ дѣйствовать. Рѣшили: 1) городъ для осмотра раздѣлить между врачами турками, 2) закрывать на 40 дней квартиры, въ которыхъ появляются чумные случаи, 3) выстроить новый баракъ, 4) имущество чумныхъ сжигать, 5) паломниковъ оставлять въ городѣ не болѣе 24-хъ часовъ, 6) векилей обязать сообщать о каждомъ заболѣваніи среди паломниковъ и прочее.

На практикѣ эти проектируемыя мѣры оказались невыполнимыми. Баракъ простоялъ безъ больныхъ всю эпидемію, такъ какъ не нашлось желающихъ туда поступить добровольно. Изолировать отдѣльныя квартиры въ гошахъ представлялось невыполнимымъ, обитатели тамъ жили тѣсно и общей жизнью, закрыть же гошъ значило выкинуть цѣлую сотню людей на улицу. Держать паломниковъ въ городѣ только 24 часа также было невозможно. Ихъ отъѣздъ находился въ зависимости отъ наличности верблюдовъ и доброй воли векилей, купцовъ, которымъ не было расчета выпускать оскоро изъ города пилигримовъ.

Однимъ словомъ, врачи не располагали самыми главными средствами, необходимыми для борьбы съ эпидеміей: деньгами и силой.

Останавливаюсь я на этомъ потому, что, несмотря на полное отсутствіе какихъ либо мѣръ, эпидемія въ Геджасѣ распространялась очень слабо, дала небольшую заболѣваемость и продолжалась всего какихъ нибудь мѣсяца два-три, а въ слѣдующіе годы, въ періодъ хаджа, она снова вспыхивала. Эти вспышки мѣстные врачи объясняли распродажей и раздачей носильнаго платья чумныхъ умершихъ въ періодъ большого скопленія бѣднаго люда въ городѣ.

Какъ бы то ни было, Джедда въ настоящее время представляетъ собою постоянный чумный очагъ, и въ виду ея близости очень опасный для Европы. Послѣ настоятельныхъ просьбъ, удалось и мнѣ добиться разрѣшенія принимать участіе въ осмотрахъ больныхъ и труповъ. Больные показывались мнѣ въ консульствѣ, но чумныхъ все не удавалось видѣть. Наконецъ, вскорѣ представился случай. Очень милый, добродушный турокъ врачъ, помощникъ инспектора, приглашаетъ меня навѣстить съ нимъ чумнаго больного. Тотчасъ захожу за коллегой и вмѣстѣ направляемся къ больному. Сзади насъ на почтительномъ разстояніи шагаютъ два здоровыхъ верзилы полицмена.

— Послѣ того, какъ въ прошломъ году меня едва не убила разъяренная толпа при осмотрѣ больного, я одинъ теперъ не хожу, — какъ бы оправдывался мой почтенный коллега.

Скоро мы дѣлаемся предметомъ вниманія, и къ намъ постепенно пристають любопытные. Къ гошу, гдѣ лежалъ больной, мы подходимъ окруженные уже значительной толпой. Мой товарищъ проситъ толпу разойтись, но его просьба — гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Кавасамъ все же удается задержать толпу около дверей, хотя болѣе любопытные успѣли шмыгнуть и скрыться въ темныхъ коридорахъ.

Среди безконечнаго лабиринта маленькихъ комнатъ, въ одной изъ нихъ на полу валялся молодой рабочій-носильщикъ Гадрамуть.

Хотя изъ разспросовъ и узнаемъ, что онъ заболѣлъ недавно, но страшная болѣзнь уже успѣла захватить въ свои цѣпкіе когти его здоровый организмъ. Онъ бредилъ и постоянно выкашливалъ пѣнистую, окрашенную кровью мокроту. Съ воспаленными глазами и тѣмъ характернымъ выраженіемъ лица, которое врѣзывается въ память на всю жизнь, то полнымъ тоски, то ужаса, онъ пытался вскопчить и бѣжать. Въ паху — плотныя распухшія лимфатическія железы.

Воспользовавшись удобнымъ моментомъ, незамѣтно отъ окружающихъ, мы, какъ школьники, извлекаемъ шприцемъ каплю крови больного для микроскопическихъ изслѣдованій.

Въ городѣ уже стали ходить слухи, что хакимы (врачи) колютъ иглой больныхъ, и послѣдніе отъ уколовъ умираютъ. И нужно было много искусства, чтобы продѣлать это незамѣтно отъ присутствующихъ. Въ этомъ отношеніи особенной ловкостью отличался мо-

лодой бактериологъ-турокъ. Родственники и близкіе ревниво относились къ уколамъ не только чумныхъ больныхъ, но и труповъ, считая наше прикосновеніе оскверненіемъ.

Предлагаемъ родственникамъ Гадрамута помѣстить его въ чумный баракъ,—получаемъ категорическій отказъ. Послѣ осмотра больного снабжаемъ его лѣкарствомъ, даемъ совѣты ухаживающимъ и уходимъ.

На другое утро снова спѣшимъ навѣстить нашего больного и, о удивленіе!—его не находимъ. Наши микстура и порошки стоятъ нетронутыми.

Арабы, ехидно подсмѣиваясь, заявляютъ, что чумный отъ одного взгляда на наши лѣкарства выздоровѣлъ и отправился гулять.

Нужно было видѣть конфузъ моего коллеги, который только что по дорогѣ мнѣ рассказывалъ, какимъ онъ пользуется довѣріемъ у арабовъ.

Оказывается, ночью родные и пріятели унесли больного за городъ въ деревню, гдѣ мѣстные знахари бедуины, по словамъ шейка Али-Агдара, очень удачно лѣчили припарками и заволоками «вашихъ микробовъ», какъ онъ говорилъ.

Подъ градомъ насмѣшекъ вернулись мы домой.

Такіе случаи стали повторяться. Устранить ихъ не было возможности.

Въ видѣ исключенія иногда и сами арабы приглашали врачей къ чумнымъ. Такъ помню одинъ случай, доставившій намъ много волненій. У араба, богатаго купца и пріятеля санитарнаго инспектора, заболѣваетъ рабъ. Онъ тотчасъ же созываетъ насъ. Сомалиецъ рабъ, здоровенный дѣтина, свалился съ ногъ всего только второй день. Болѣзнь уже наложила на него свою печать: апатичный, равнодушный ко всему окружающему, съ опущенными воспаленными вѣками, онъ, растягивая слова, едва отвѣчалъ на вопросы, нехотя показывая свой характерный чумный языкъ съ бѣлымъ, точно покрытымъ известью, густымъ налетомъ, на шеѣ и въ паху—опухшія лимфатическія железы.

Хозяинъ охотно по нашему совѣту помѣщаетъ его въ совершенно отдѣльную комнату и приставляетъ для ухода отдѣльную прислугу. Намъ представляется очень удобный случай примѣнить привезенную мною изъ Петербурга сыворотку. Случай свѣжій, не запущенный, слѣдовательно, самый подходящий.

Получивъ согласіе больного и рабовладѣльца, дѣлаемъ впрыскиваніе и съ нетерпѣніемъ ждемъ результатовъ. Впрыскиваніе въ нашей практикѣ еще первый пробный камень. На 3-й и 4-й дни впрыскиваніе сыворотки пришлось повторить. Следя за общимъ состояніемъ и температурой больного въ первые дни, мы были полны надеждъ, но на пятый день стало ясно, что борьба безо-

лезна: нашъ паціентъ послѣ бреда и возбужденнаго періода, во время котораго онъ часто вскакивалъ и уходилъ въ другую комнату, впалъ въ безсознательное состояніе, обезсилѣлъ и лежалъ пластомъ. Хозяинъ не встрѣчалъ насъ уже съ прежнимъ радушіемъ; онъ терялъ рабочую силу. На 6-й день болѣзни въ послѣдніе часы мы застали умирающаго, окруженнаго его близкими.

Наши посѣщенія и осмотры труповъ происходили постоянно на глазахъ—тотъ же конвой, та же праздная толпа.

Если у умершаго были друзья или родственники, то послѣдніе не оставляли трупа, женщины сидѣли вокругъ умершаго на корточкахъ и поднимали ужасный вопль, который всегда давалъ знать о смертномъ случаѣ въ городѣ. Когда врачи начали конфисковать вещи и одежды чумныхъ больныхъ и умершихъ, а квартиры запирать, то родственники и знакомые стали выносить почти обнаженные трупы на дворы гошей, на безлюдныя улицы. Съ трудомъ удавалось добиться, гдѣ жилъ покойный, вещей же его найти не было никакой возможности. Большинство умершихъ и больныхъ были нищія, рабы и бѣдные ремесленники, т. е. тотъ слой населенія, который, кромѣ хлама, и на самомъ дѣлѣ ничего не имѣлъ. Больше всего боялись, чтобы эпидемія не вспыхнула среди паломниковъ, но опасенія оказались напрасными,—ослабленная зараза почему-то къ нимъ не прививалась, изъ паломниковъ за всю эпидемію умерло офиціально всего пять человѣкъ. И эта цифра не уменьшена. Навѣщая нашихъ русско-подданныхъ паломниковъ и толкаясь среди другихъ, я видѣлъ между ними много больныхъ и умирающихъ, но болѣли они своими паломническими болѣзнями—желудочно-кишечными расстройствами и перемежной лихорадкой, а умирали больше отъ истощенія, чумныхъ же я не встрѣчалъ.

Все это указывало, что въ Джеддѣ чумный ядъ почему-то былъ слабъ и не обладалъ прилипчивостью. И здѣсь, какъ нельзя лучше, оправдывались слова извѣстнаго врача Толозана, знатока Персіи, который говорилъ, что природа сама часто ставитъ болѣе дѣйствительныя преграды переносу болѣзнетворныхъ началъ, чѣмъ всѣ нами придумываемыя, и иногда она находитъ для разсѣянія заразы или ея возрожденія намъ еще совершенно неизвѣстныя способы.

Какія мѣстныя условія ослабляютъ болѣзнетворность чумнаго микроба, для насъ остается неразгаданной тайной.

Джедда въ настоящее время причислена къ постояннымъ чумнымъ очагамъ, эпидемія до сего времени вспыхиваетъ въ ней каждый годъ, но продолжается какихъ нибудь мѣсяца 1¹/₂—2 и затѣмъ, несмотря на полное отсутствіе какихъ либо мѣръ, сама исчезаетъ. Такъ какъ эпидемія постоянно повторяется почти въ однихъ и тѣхъ же зданіяхъ-гошахъ, то ихъ и нужно считать хранилищами чумнаго микроба.

Дм. Ф. Соколовъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ ДАЛЬНЯГО ВОСТОКА.

ВАКЛЮЧЕНІЕ союза съ Англіей Японія отпраздновала цѣлымъ рядомъ всевозможныхъ процессій, банкетовъ, торжественныхъ собраній и, конечно, безчисленнымъ множествомъ рѣчей и статей, посвященныхъ высоко знаменательному событію, открывающему собою новую страницу въ исторіи не одной только Японіи, даже не одного Дальняго Востока.

Среди этого потока словоизверженій особенное вниманіе обратила на себя рѣчь графа Окума, бывшаго японскаго министра иностранныхъ дѣлъ, стоящаго уже нѣсколько лѣтъ во главѣ большой и вліятельной партіи прогрессистовъ. Какъ только въ Токио стало извѣстно о заключеніи союза, графъ Окума лично поздравилъ англійскаго посланника, сэра Клода Макдональда, и министра иностранныхъ дѣлъ, Комура, съ благополучнымъ увѣнчаніемъ зданія англо-японской дружбы, послѣ чего отправился на торжественный митингъ своей партіи, гдѣ собрались до 120 наиболѣе выдающихся членовъ ея. Открывъ собраніе, графа Окума обратился къ присутствующимъ съ слѣдующими словами:

«Союзъ, только-что заключенный, является глубоко-радостнымъ событіемъ не только для нашей партіи, но и для всей націи. Мечта, которую мы лелѣяли столько лѣтъ, теперь осуществилась. Война наша съ Китаемъ шесть лѣтъ тому назадъ, конечно, немало содѣйствовала возвышенію престижа Японіи; но многія изъ приобретенныхъ тогда преимуществъ были нами утрачены, благодаря послѣдующимъ измѣненіямъ въ Симоносекскомъ трактатѣ. Общественное вниманіе и общественное мнѣніе были затѣмъ направлены въ другое русло: вы-

ступила на первый планъ доктрина, что Японія должна ограничиться «оборонительной политикою» на сѣверѣ и искать расширенія къ югу; а это означало ни много, ни мало, какъ проповѣдь необходимости для насъ успокоиться на мысли, что Японіи навсегда суждено оставаться лишь островной имперіей. Вожди партіи прогрессистовъ всѣми силами боролись противъ такого взгляда, доказывая всю его ложность. Но люди, стоявшіе въ то время у власти, и значительная часть націи, были противъ нихъ, и принципъ самоуничженія тогда господствовалъ. Затѣмъ наступила эпоха неожиданностей; инцидентъ Цзяо-чжоускій, Портъ-Артурскій, Таліенванскій, исторія съ Манчжурской желѣзной дорогой, инциденты въ Корей—все это былъ рядъ оскорбленій не только для Японіи, но и для державъ, имѣющихъ общіе съ ней интересы на Дальнемъ Востока. Въ ту пору Англія была готова вступить въ союзъ съ Японіей, если бы послѣдняя обнаружила малѣйшую склонность пойти ей навстрѣчу. Но у Японіи не хватило мужества сдѣлать необходимый первый шагъ. Мало того, тѣ, кто, подобно графу Окума, попытались разъяснить націи надлежащее значеніе столь удобнаго случая, были беспощадно осмѣяны. Однимъ изъ результатовъ такого положенія вещей явилось то, что территоріи, уже бывшія однажды въ рукахъ Японіи, очутились во власти другой державы, отобравшей ихъ у Китая; а въ самомъ Китаѣ начались смуты, достигшія высшаго своего напряженія въ такъ называемомъ боксерскомъ возстаніи. Принято думать, что у китайцевъ нѣтъ чувства патріотизма; боксерское движеніе показало всю несостоятельность такого взгляда: какъ ни были ошибочны способы дѣйствія боксеровъ,—несомнѣнно, ихъ одушевляли чувства истиннаго патріотизма; это былъ протестъ противъ иностранныхъ захватовъ, порожденный любовью къ родинѣ; будучи надлежащимъ образомъ направленъ, духъ этого протеста далъ бы хорошіе результаты, подобно тому, какъ это имѣло мѣсто въ Японіи сорокъ лѣтъ тому назадъ. Недавно въ Японіи возникъ національный союзъ, поставившій себѣ цѣлью охрану цѣлости и независимости Китая. Союзъ этотъ встрѣтилъ самую горячую поддержку со стороны партіи прогрессистовъ; но къ нему стали въ оппозицію многія правительственные лица и другіе политическіе дѣятели, увѣрявшіе, что задаваться подобными цѣлями значитъ строить воздушные замки, что помощи здѣсь ждать не откуда, и что во всякомъ случаѣ на Англію рассчитывать нечего. И цѣлые три года вожди партіи прогрессистовъ безуспѣшно боролись съ этимъ взглядомъ. Послѣднія смуты въ Сѣверномъ Китаѣ, конечно, еще больше подняли престижъ Японіи въ глазахъ другихъ державъ,—настолько даже, что ея дипломатамъ пришлось считаться съ откровенной завистью представителей нѣкоторыхъ изъ этихъ могуществъ. Какъ бы тамъ ни было, но мало-помалу, подъ давленіемъ естественнаго теченія событій, державы, имѣющія общіе интересы въ Китаѣ, стали ити рядомъ,—плечо къ

плечу, Японія оказалась въ одномъ лагерѣ съ Англіей и Америкой, и постоянно выходило такъ, что всѣ онѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ, стали оказывать другъ другу поддержку и помощь. Фактически между Японіей и Англіей существовалъ уже союзъ. Теперь онъ только оформленъ письменно. Такому результату содѣйствовали цѣлый рядъ факторовъ: благоприятное теченіе духа времени, мудрость и блестящія достоинства государей Японіи и Англии, мудрость и тактъ японскихъ дипломатовъ, сумѣвшихъ воспользоваться надлежащимъ моментомъ и привести къ благополучному концу крайне щекотливые и деликатные переговоры. Равно велика здѣсь и заслуга англійскихъ государственныхъ людей. Откуда шла тамъ инициатива,—сказать покамѣстъ трудно; но нельзя сомнѣваться, что счастливому завершенію переговоровъ способствовали и лордъ Сольсбери, и лордъ Лансдоунъ, и мистеръ Чемберленъ. Пять лѣтъ тому назадъ, въ рѣчи, произнесенной въ Бирмингэмѣ, Чемберленъ заявилъ, что Англии не слѣдуетъ больше сторониться союзовъ, что ей необходима тѣсная связь съ какой нибудь сильной военной державой. Когда его спросили потомъ, какую державу онъ имѣлъ въ виду, онъ отвѣтилъ: Японію. И если бы Японія сдѣлала тогда первый шагъ, союзъ ея съ Англіей сталъ бы давно совершившимся фактомъ; но подъ вліяніемъ боязливыхъ совѣтовъ она поколебалась. Слѣдуетъ отмѣтить еще одинъ важный факторъ: сэръ Клодъ Макдональдъ, дипломатъ, знающій одинаково хорошо, какъ Японію, такъ и Китай, посѣтилъ Англию въ прошломъ году именно въ то время, когда вопросъ этотъ тамъ былъ поставленъ на очередь, и, конечно его вліяніе сыграло немалую роль, когда закладывалось то основаніе, на которомъ баронъ Хаяси такъ искусно воздвигъ зданіе союза. Потому-то онъ, графъ Окума, и ѣздилъ поздравлять сэра Клода Макдональда и г. Комура отъ имени японской націи вообще и своей партіи въ частности. Дальній Востокъ становится теперь магнитомъ, притягивающимъ къ себѣ вниманіе всего міра. И вся мощь только-что заключеннаго союза должна быть направлена въ сторону охраненія мира на этомъ Востокѣ. Государь, нынѣ царствующій въ Россіи,—самый рѣшительный поборникъ мира. Его величество доказалъ это своей попыткой организовать международный третейскій судъ. О русскомъ министрѣ финансовъ, г. Витге, въ Японіи говорятъ, что онъ—«Гонке мира» (воплощеніе Будды мира). Россія поэтому должна сердечно привѣтствовать союзъ. Такого же отношенія онъ въ правѣ ожидать со стороны Америки и Западной Европы. Такимъ образомъ, Японія можетъ поздравить себя съ тѣмъ, что балансъ политическаго равновѣсія на Дальнемъ Востокѣ возстановленъ, и независимость какъ Китая, такъ и Кореи обезпечена. Этимъ послѣднимъ странамъ остается теперь только позаботиться о проведеніи у себя коренныхъ реформъ въ томъ духѣ свободы и прогресса, который обязателенъ для всякаго государства, желающаго остаться независимымъ».

Въ ту же ночь 1.500 студентовъ Токійскаго университета устроили факельнугъ къ зданію англійскаго посольства. У каждаго изъ демонстрантовъ на груди находились перекрещенными значки, изображавшіе флаги Японіи и Англїи. Такими же флажками были украшены и фонари, которые они несли. Гинза, главная улица города, по которой двигалось шествіе, иллюминировалась. Парадные ворота англійскаго посольства оказались открытыми настежь, и студенты вошли внутрь ограды подъ звуки «Rule Britannia», исполнявшейся студенческимъ же хоромъ. Передъ главнымъ зданіемъ посольства процессія остановилась, и по данному знаку раздался троекратный взрывъ аплодисментовъ въ честь англійскаго короля. Сэръ Клодъ Макдональдъ встрѣтилъ процессію въ вестибюлѣ посольства и распорядился пропустить студентовъ черезъ посольскій дворъ, такъ что они, войдя въ восточныя ворота, вышли черезъ южныя. Отсюда шествіе направилось къ министерству иностранныхъ дѣлъ, и здѣсь снова раздалось рукоплесканіе въ честь Японіи и министра иностранныхъ дѣлъ Комура. Зданія министерства и окружающія ихъ стѣны были ярко освѣщены электричествомъ. Студентовъ встрѣтилъ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, выразившій имъ отъ имени министра его глубокое сожалѣніе, что совершенно неожиданное обстоятельство помѣшало ему самому лично привѣтствовать студентовъ.

Нѣсколько дней спустя, въ дворянскомъ клубѣ въ Токио состоялся грандіозный банкетъ, устроенный обѣими палатами японскаго парламента въ память знаменательнаго событія. Среди 450 приглашенныхъ находились, въ качествѣ почетныхъ гостей, англійскій посланникъ и весь составъ британскаго посольства. Президентъ палаты перовъ, принцъ Конойё, предложилъ тостъ за здоровье англійскаго короля; ему отвѣтилъ англійскій посланникъ тостомъ за императора Японіи. Никакихъ официальныхъ рѣчей политическаго характера не было. Принцъ Конойё сказалъ только, что обѣ имперіи, Британскую и Японскую, можно поздравить съ союзомъ, заключеннымъ нынѣ, благодаря мудрости верховныхъ правителей обѣихъ странъ. И эта сдержанность только еще рѣзче отгѣняла истинный характеръ этой своеобразной демонстраціи.

Несмотря, однако, на самыя миролюбивыя заявленія официального свойства, Японія дѣятельно готовится къ большой войнѣ. Но для такой войны нужны, конечно, и большія деньги; а денегъ у нея нѣтъ, платежныя силы мѣстнаго населенія напряжены до послѣдней степени; попытка заключить виѣшній заемъ, сдѣланная въ прошломъ году, потерпѣла неудачу. И Японія рѣшила, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, попытаться теперь же учесть выгоду своего новаго положенія, — союзницы богатой и могущественной европейской державы. Извѣстно, что графъ Матсуката, бывшій министръ финансовъ и премьеръ двухъ министерствъ,

въ концѣ февраля отправился черезъ Америку въ Англію въ сопровожденіи Мегета, директора одного изъ департаментовъ японскаго министерства финансовъ, и Фукаи Эйго, уполномоченнаго японскаго банка. Цѣль этой поѣздки—убѣдить англійскихъ банкировъ снабдить Японію денежными средствами, въ которыхъ она сильно нуждается, какъ для окончанія своихъ грандіозныхъ военныхъ приготовленій, такъ и для войны съ Россіей.

Въ связи съ энергичной дѣятельностью, проявляемой теперь Японіей по всему фронту Дальняго Востока, — небезынтересно отмѣтить тотъ фактъ, что Като, бывшій японскій министръ иностранныхъ дѣлъ, принялъ постъ совѣтника по иностраннымъ дѣламъ при корейскомъ императорѣ и уже отправился къ мѣсту своего новаго служенія, въ Сеуль. Корейское правительство, предлагая такой постъ бывшему японскому министру, дѣйствовало, конечно, не по собственной инициативѣ, а подъ давленіемъ настойчивыхъ «совѣтовъ» японскаго посланника въ Сеуль.

И тонъ японской прессы, и вопросы, поднимаемые теперь ею, — тоже своего рода знаменія времени. Однимъ изъ такихъ вопросовъ, горячо обсуждаемыхъ на страницахъ японскихъ газетъ, является «имперіализмъ, какъ политическая доктрина». Имперіалистическія вождедѣнія нашли себѣ здѣсь наиболѣе полное и яркое выраженіе въ газетѣ «Кокуминъ». Суть аргументаціи этого присяжнаго органа японскихъ имперіалистовъ сводится къ слѣдующему: имперіализмъ не есть реакція противъ демократическихъ тенденцій нашего времени. Это—синтетическій терминъ для обозначенія извѣстныхъ взглядовъ той или другой націи на цѣлый рядъ разнообразнѣйшихъ вопросовъ,—воплощеніе всей суммы національныхъ чувствъ по отношенію къ нимъ. Всякая нація, претендующая на широкую, активную роль въ міровой политикѣ, должна дѣйствовать теперь, исходя изъ этого начала. Россія, Англія, Германія и Америка уже усвоили себѣ принципы имперіализма, и ему, очевидно, суждено стать руководящимъ началомъ политическихъ дѣятелей начавшагося XX вѣка. Между имперіализмомъ и ростомъ извѣстныхъ расъ существуетъ тѣсная связь. Но одного роста здѣсь не достаточно. Необходимо еще, чтобы данный народъ былъ достаточно силенъ по характеру, чтобы ассимилировать другія племена. Наиболѣе поразительный примѣръ такой ассимиляціи явила міру Сѣверная Америка. Процессъ созиданія имперіи путемъ естественнаго роста одной какой либо расы, по самому существу своему, процессъ медленный. Современный имперіализмъ стремится къ достиженію этой цѣли не только путемъ естественнаго роста извѣстнаго населенія, но и другими средствами: колонизаціей и подчиненіемъ другихъ расъ. Ставя своей задачей увеличеніе могущества

данной націи, онъ неизбежно беретъ на себя, по крайней мѣрѣ, долженъ брать, охрану этой націи отъ торговыхъ вторженій въ сферу ея вліянія другихъ націй. Такимъ образомъ, имперіализмъ, по самой сущности своей, не совмѣстимъ съ фритредерствомъ, и тѣ націи, которыя поставили имперіализмъ основой своей политики, должны неизбежно отказаться отъ принциповъ свободы торговли. И Англіи придется пойти здѣсь по слѣдамъ Германіи, Америки и Россіи. Терминъ «сфера вліянія» прежде примѣнялся къ такимъ странамъ, гдѣ извѣстная нація пользовалась преобладающимъ торговымъ значеніемъ, гдѣ она извлекала больше торговыхъ выгодъ, чѣмъ другія націи. Терминъ «сфера вліянія» сливался, такимъ образомъ, съ понятіемъ о дѣйствительномъ, дѣловомъ, коммерческомъ престижѣ націи. Но въ послѣднее время этому слову стали придавать явно-политическій смыслъ, и теперь подъ нимъ понимаютъ право извѣстной націи, принадлежащее исключительно ей одной, на матеріальныя, денежныя выгоды, извлекаемыя изъ предпріятій внутри сферы ея вліянія, при чемъ само собой подразумѣвается, что правительство этой націи должно оказывать энергическое противодѣйствіе экономическому вторженію всѣхъ другихъ націй въ эту сферу. Словомъ, прежде данный терминъ имѣлъ значеніе торговое и, такъ сказать, ретроспективное, являясь выраженіемъ существующаго факта дѣйствительныхъ торговыхъ пріобрѣтеній націи въ той или другой области. Теперь смыслъ его — политическій и значеніе — «проспективное»: подъ нимъ понимаются исключительныя права націи на всевозможныя предпріятія въ извѣстной области, — права, которыя правительство обязано всѣми способами защищать и охранять. Наиболѣе яркій типъ современныхъ имперіалистическихъ тенденцій представляетъ схема Бисмарка, который ясно видѣлъ, какую страшную силу можетъ пріобрѣсти нація, поставившая своей цѣлью торговое и промышленное верховенство. Созданіе германскаго военнаго флота представляетъ только часть его первоначальной программы. Ростъ Германіи — результатъ всего политическаго опыта истекшаго 19-го столѣтія, и германскій имперіализмъ — воплощеніе этого принципа въ его чистѣйшей формѣ. Имперіализмъ неразрывно связанъ съ международнымъ соревнованіемъ. Въ каждой націи существуетъ стремленіе стать выше другихъ націй, и въ этомъ — залогъ міроваго прогресса. Имперіализмъ, поэтому, заключаетъ въ себѣ элементъ болѣе возвышенный, чѣмъ узкій націонализмъ, съ которымъ его смѣшиваютъ и съ которымъ онъ такъ часто встрѣчается. Современное международное соперничество (или, вѣрнѣе, соревнованіе) значительно выше того, что было извѣстно подъ этимъ именемъ раньше. Идеалы національной нравственности выросли во много разъ противъ прежняго. И хотя великія державы стоятъ другъ противъ друга, вооруженныя съ головы до ногъ, эти вооруженія служатъ не завоевательнымъ цѣлямъ,

а гарантией мира. Такой миръ обходится, правда, очень дорого, но всё охотно платятъ эту страховку отъ войны. Однимъ изъ результатовъ господства имперіалистическихъ идей явилось паденіе значенія нѣкоторыхъ политическихъ партій и образованіе могущественныхъ теченій общественнаго мнѣнія по вопросамъ иностранной политики. Россія, которая не знаетъ политическихъ партій, въ данномъ случаѣ, конечно, въ счетъ не идетъ. Германія далеко не такъ свободна, и ея государственные люди смотрятъ на парламентъ, какъ на крестъ, который они должны нести, и съ которымъ имъ все-таки приходится считаться. Но въ Англии и въ Америкѣ, гдѣ политическія партіи имѣли до сихъ поръ огромное значеніе, ихъ вліянію нанесенъ былъ ударъ, благодаря тому, что народныя массы тамъ усвоили доктрину имперіализма, не дожидаясь руководства той или другой партіи. И несомнѣнно, что отнынѣ, какія бы партіи ни стали образовываться, онѣ будутъ формироваться на основахъ доктрины имперіализма: великія начинанія могутъ быть предприняты и осуществлены только тогда, когда нація представляетъ единое, крѣпкое цѣлое, а задача имперіализма въ томъ и состоитъ, чтобы сдѣлать націю крѣпкой и сильной. Наиболѣе разительные примѣры въ этомъ отношеніи представляютъ Англія и Америка. Демократическія тенденціи и имперіализмъ идутъ здѣсь рука объ руку, и руководящій принципъ обѣихъ этихъ странъ въ настоящее время можно обозначить словами: демократическій имперіализмъ. Для Америки такое сочетаніе словъ звучитъ особенно странно; но, тѣмъ не менѣе, оно служитъ лишь выраженіемъ дѣйствительно существующаго факта: имперіализмъ не только не противорѣчитъ принципамъ демократической республики, но вполне гармонируетъ съ ними. Русскій типъ имперіализма, конечно, очень рѣзко отличается отъ американскаго; но цѣли имперіализма вездѣ однѣ и тѣ же: объединеніе націи, т.-е. созданіе изъ ея элементовъ крѣпкаго, компактнаго цѣлага, сколь возможно большій матеріальный прогрессъ государства и расширеніе сферъ его вліянія и могущества. Торжество идей имперіализма не означаетъ торжества начала, враждебнаго міровому прогрессу. На знамени имперіализма написана не отчужденность отдѣльныхъ племенъ и расъ человѣческаго рода, но ихъ сліяніе въ одно тѣло. Всѣ націи работаютъ для одной и той же великой цѣли: развитія и улучшенія міра въ матеріальномъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, и націонализмъ (вмѣстѣ съ имперіализмомъ) въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ является лишь однимъ изъ этаповъ на пути къ торжеству принципа высшаго порядка—космополитизма. Всѣ націи соперничаютъ другъ съ другомъ въ дѣлѣ улучшенія матеріальнаго и духовнаго состоянія народовъ, и имперіализмъ въ его современной формѣ есть, несомнѣнно, цивилизующій факторъ. Японіи,—заключаетъ свои разсужденія неизвѣстный авторъ,—необходимо ясно

понять свое положеніе на Дальнемъ Востокѣ и, по примѣру другихъ великихъ державъ, сдѣлать имперіализмъ исходнымъ пунктомъ своей дальнѣйшей политики. Она должна покончить съ внутренними распрями и собрать все свои силы въ виду грядущихъ событий. Передъ ней во весь ростъ всталъ теперь грозный вопросъ: оставаться ей самостоятельнымъ, независимымъ государствомъ съ широкими надеждами и планами, или быть смытой имперіалистской волной, которая съ такой силой покатила на Востокъ...

Возвращеніе маркиза Ито въ Японію и рѣчи знаменитаго государственнаго человѣка на торжественныхъ встрѣчахъ, ему здѣсь устроенныхъ, послужили сигналомъ къ цѣлому ряду всевозможныхъ комментаріевъ, какъ со стороны органовъ туземной прессы, такъ и иностранныхъ газетъ, издающихся въ главныхъ портовыхъ городахъ страны.

Маркизь Ито и графъ Окума—политическіе противники. О восторженныхъ изліяніяхъ графа по поводу англо-японскаго союза мы уже говорили. Маркизь Ито—политикъ старой школы, вдумчивый, терпѣливый, осторожный, врагъ бурныхъ порывовъ, открытыхъ вызововъ,—всею, что можетъ увеличить вредное треніе въ международныхъ отношеніяхъ. На него и намекалъ Окума, говоря о «боязливыхъ совѣтахъ» и ставя ему въ упрекъ, что союзъ Англійи и Японіи могъ состояться только теперь, а не гораздо раньше. Будущее покажетъ, кто изъ нихъ былъ дальновиднѣе, кто лучше и глубже понималъ интересы своей страны: творецъ японской конституціи и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашего времени, или вождь партіи прогрессистовъ, которому лавры «старога Ито» не даютъ спать.

На первыхъ же порахъ по прибытіи въ Японію, маркизь Ито счелъ нужнымъ предостеречь своихъ соотечественниковъ на счетъ крайней нежелательности того, чтобы вопросы внѣшней политики, такъ остро задѣвающие иногда національныя самолюбія, безцеремонно волочились по аренѣ партійной борьбы. Проблемы иностранной политики касаются только государствъ,—говорилъ онъ въ одной изъ своихъ послѣднихъ рѣчей; ихъ нельзя смѣшивать съ внутренними, домашними счетами; тѣ или другіе вопросы внутренней политики, внутренняго управленія, могутъ, конечно, стать предметомъ борьбы партій; но проблемы внѣшней политики—не партійные вопросы, а національные, и было бы большимъ несчастьемъ, если бы политическія партіи здѣсь стали трактовать ихъ иначе. Въ Европѣ, правда, случается, что различныя партіи во главу угла своихъ программъ ставятъ то или другое отношеніе къ проблемамъ внѣшней политики, но это — большая ошибка. Если бы въ такой странѣ, какъ Японія, политическія партіи стали формироваться на подобныхъ основахъ, то въ результатѣ могли бы возникнуть партіи — англійская, французская, русская и т. д., и въ

концѣ концовъ странѣ не удалось бы сохранить свое положеніе въ достойномъ равновѣсіи. Больше всего слѣдуетъ опасаться возможности вызвать ненужное раздраженіе за границей и отчужденіе отъ Японіи остальныхъ, дружески расположенныхъ къ ней націй. По поводу слуховъ о томъ, что заключеніе англо-японскаго союза состоялось безъ всякаго участія со стороны Ито и даже помимо его вѣдома,—старый дипломатъ ограничился слѣдующимъ замѣчаніемъ: «я пріѣхалъ въ Лондонъ 24-го декабря и тотчасъ же былъ принятъ королемъ съ величайшими почестями; вслѣдъ затѣмъ мнѣ былъ пожалованъ высокій орденъ, какой не часто дается иностранцамъ; а конвенція была подписана 30-го января; развѣ все это ничего не означаетъ?» — Относительно втораго, интересовавшаго всѣхъ, вопроса, какую роль игралъ онъ въ предполагавшемся тогда помѣщеніи на американскомъ денежномъ рынкѣ японскихъ правительственныхъ бумагъ (послѣдняго неудавшагося внѣшняго займа),—Ито счелъ нужнымъ заявить, что хотя онъ зналъ, конечно, о намѣреніяхъ своего правительства на этотъ счетъ и даже присутствовалъ при переговорахъ съ представителями одной группы американскихъ капиталистовъ, но лишь въ качествѣ «лица безъ рѣчей». Сдѣлка, какъ извѣстно, не состоялась. Ито объясняетъ эту неудачу тѣмъ, что для Америки не пришло еще время давать деньги въ долгъ; у ней ихъ, правда, много, но онѣ нужны дома,—на удовлетвореніе огромнаго внутренняго спроса, на нужды гигантски растущей промышленности; да, кромѣ того, американскіе банкиры въ такомъ большомъ и сложномъ дѣлѣ, какъ реализація внѣшняго займа, не имѣютъ опыта банкировъ Лондона или Парижа; за такія дѣла они покажѣтъ и не берутся.

В. Д. Черевковъ.

НИКОЛАЙ КАРЛОВИЧЪ ШИЛЬДЕРЪ.

(Некрологъ).

Е стало одного изъ достойнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ людей,—Николая Карловича Шильдера. Его неожиданная кончина составляетъ тяжкую потерю какъ для близкихъ къ нему лицъ, такъ и для науки и для общества. Близкіе къ нему никогда не забудутъ этого благороднѣйшаго человѣка, съ чистой душой, теплымъ, отзывчивымъ сердцемъ, всегда готоваго на службу, котораго нельзя было не любить искренно. Наука потеряла въ немъ талантливаго, неутомимаго, страстно преданнаго дѣлу работника, обогатившаго нашу исторію нѣсколькими цѣнными трудами. Общество лишилось симпатичнаго члена, привлекавшаго къ себѣ всѣхъ своимъ ровнымъ, мягкимъ характеромъ, изысканною деликатностью и любезностью, неистощимаго и занимательнаго собесѣдника. Такія свѣтлыя личности, какъ Николай Карловичъ, въ нынѣшнее время встрѣчаются рѣдко, смерть ихъ оставляетъ незамѣнимый пробѣлъ, и память о нихъ не можетъ изгладиться среди тѣхъ, кто когда либо приходилъ въ соприкосновеніе съ ними.

Сынъ извѣстнаго боевого генерала, Н. К. Шильдеръ родился 21-го мая 1842 года въ С.-Петербургѣ. Онъ воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, изъ котораго выпущенъ въ 1860 году, съ занесеніемъ его имени на мраморную доску, прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, съ прикомандированіемъ къ Николаевской инженерной академіи. По окончаніи въ ней курса по первому разряду, Н. К. былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи салерный баталіонъ, въ слѣдующемъ 1863 году назначенъ адъютантомъ къ генералу Тотлебену, а въ 1874 году пожалованъ въ флигель-адъютанты. Состоя при Тотлебенѣ, онъ участвовалъ въ войнѣ съ Тур-

цѣй 1877—1878 годовъ и за оказанныя отличія получилъ золотое оружіе, орденъ св. Анны 2-й степени съ мечами и чинъ генераль-майора съ назначеніемъ въ свиту его величества. Въ 1879 году по назначеніи Тотлебена одесскимъ генераль-губернаторомъ, Н. К. рѣшилъ переимѣнить свою службу на болѣе подходившую къ его характеру дѣятельность—педагогическую, и получилъ мѣсто директора Гатчинскаго Николаевскаго сиротскаго института, а въ 1886 году произведенъ въ генераль-лейтенанты, назначенъ директоромъ Николаевской инженерной академіи и исполнялъ эту должность до 1899 года.

Одинъ изъ сослуживцевъ Н. К. по академіи дѣлаетъ слѣдующую характеристику его, какъ директора: «онъ былъ прекраснымъ педагогомъ именно въ томъ высокомъ смыслѣ этого слова, какой ему желаютъ придать въ настоящее время. Мягкій, вѣжливый, доступный и отзывчивый на все доброе, почти до слабости, онъ, напротивъ, всегда умѣлъ строго и твердо держаться границъ возможнаго, благоразумнаго и дозволеннаго. Никто и никогда не позволялъ съ нимъ грубой фамиллярности, никто ни на минуту не переставалъ видѣть въ немъ начальника, хотя всѣ знали, что у этого начальника для каждаго всегда готово слово утѣшенія въ скорби и слово привѣта въ обычномъ, будничномъ ходѣ дѣлъ. Онъ ни къ кому не придирался, никого не гналъ и не преслѣдовалъ, но никому и ничему не давалъ возвышаться выше мѣры и благоразумія. Въ нѣкоторыхъ, чрезвычайныхъ случаяхъ, онъ заставлялъ себя даже быть строгимъ, хотя эта строгость доставалась ему не легко. Вообще, именно здѣсь онъ былъ джентельменомъ начальникомъ, въ высокомъ значеніи этого слова».

Въ 1899 году, со смертью А. Ѳ. Бычкова, открылась вакансія директора Императорской Публичной библіотеки, и Н. К., всегда хлопотавшій о другихъ, рѣшился на этотъ разъ просить о себѣ, такъ какъ это мѣсто было постоянной мечтой всѣхъ его честолюбивыхъ желаній. Мечта осуществилась, и Н. К. считалъ себя вполне счастливымъ. Съ любовью отдался онъ новой дѣятельности и въ короткое время успѣлъ сдѣлать очень многое. При немъ dokonчено новое зданіе библіотеки, отдѣлана великолѣпная читальная зала, произведена систематизація всѣхъ отдѣловъ и распредѣленіе цѣнныхъ книгъ и матеріаловъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, и т. п. Въ библіотеку проникла свѣжая струя, изгнавшая прежнюю рутину; для публики были сдѣланы всѣ возможныя облегченія и удобства, а лица, желавшія серьезно заниматься, встрѣчали со стороны новаго директора самое горячее участіе и готовность содѣйствовать ихъ работамъ.

На литературное поприще Н. К. вступилъ въ 1872 году, напечатавъ въ «Русской Старинѣ» біографическій очеркъ своего отца, Карла Андреевича Шильдера. Вскорѣ за тѣмъ, въ этомъ журналѣ

Николай Карлович Шильдеръ.

начали появляться его статьи, сообщенія, переводы и изслѣдованія. Перечисленіе всѣхъ ихъ заняло бы слишкомъ много мѣста, а потому мы упомянемъ лишь о наиболѣе обширныхъ: «Война Россіи съ Турціей въ 1829 году» (1881 г.), «Графъ Аракчеевъ въ 1812—1834 годахъ» (1882 г.), «Война съ польскими инсургентами въ 1831 году» (1884—1886 гг.), «Плевненское сидѣніе» (1886 г.), «Россія и ея отношеніе къ Европѣ въ царствованіе Александра I, въ 1806—1815 годахъ» (1888—1890 гг.), «Кутузовъ въ 1812 году» (1894 г.), «Таганрогъ въ 1825 году» (1897 г.), «Междоусобица въ Россіи въ 1825 году» (1897 г.), «Императоръ Николай I и Польша» (1898 г.), «Императоръ Николай I и Восточный вопросъ» (1898—1901 гг.), «Великій князь Николай Павловичъ въ 1814—1822 годахъ» (1901 г.). Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» Н. К. помѣстилъ также нѣсколько интересныхъ и обстоятельныхъ статей, напримѣръ: «Катастрофа на балѣ князя Шварценберга» (1892 г.), «Исповѣдь Шервуда-Вѣрнаго» (1896 г.) «Дипломатъ поневолѣ» (1896 г.), «Императоръ Николай I въ 1848—1849 годахъ» (1899 г.), «Императоръ Николай I и графъ Аракчеевъ» (1900 г.). Въ 1887 году была напечатана его обширная «Біографія графа Тотлебена». Въ 1893 году подъ его редакціей вышелъ 89-й томъ «Сборника императорскаго историческаго общества», заключающій въ себѣ описаніе посольства графа П. А. Толстого въ Парижѣ въ 1807—1808 годахъ. Послѣ смерти М. И. Семевскаго, Н. К. принялъ на себя съ октября 1892 года редактированіе «Русской Старины», но съ выпускомъ декабрьской книжки 1893 года оставилъ редакцію, отнимавшую у него слишкомъ много времени и отвлекавшую его отъ задуманныхъ имъ капитальныхъ трудовъ, именно жизнеописаній императоровъ Павла I, Александра I и Николая I.

Въ 1897—1898 гг. появился первый изъ этихъ трудовъ: «Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе», въ четырехъ томахъ, роскошно изданный А. С. Суворинимъ, сразу выдвинувшій Н. К. среди нашихъ современныхъ историковъ и доставившій ему громкую и справедливую извѣстность. Въ немъ въ полной силѣ выказалось его литературное дарованіе, ясность взгляда, обширная начитанность, всестороннее образованіе, способность правильно оцѣнивать событія и людей. Хотя у насъ и было писано очень много объ императорѣ Александрѣ и его времени, но, за исключеніемъ довольно поверхностнаго сочиненія Богдановича, не имѣлось ни одной связной его исторіи и даже его біографіи. Н. К. Шильдеръ первый нарисовалъ правдивую и ясную картину того періода нашей исторіи, который называется Александровскою эпохою. Въ его трудѣ, фигура Александра, до сихъ поръ загадочная и таинственная, является вполне выясненной съ ея поразительной двуличностью, составлявшей основу всѣхъ мыслей и дѣйствій этого государя, и намъ становится вполне понятной странная эпоха съ ея стремле-

ніями къ свободѣ и аракчеевщиной, съ народной войной и священнымъ союзомъ, съ идеями Сперанскаго и мрачной пропагандой г-жи Крюднеръ. Въ живомъ, увлекательномъ разсказѣ Н. К., основываясь на тщательно изученныхъ и свѣренныхъ документахъ, возсоздалъ сложную, противорѣчившую себѣ на каждомъ шагу, но всегда остающуюся вѣрной своей двойственности, личность внука Екатерины и сына Павла, воспитанника Лагарпа и гатчинскихъ бурбоновъ, друга Чарторижскаго и Аракчеева, союзника и врага Наполеона, возстановителя польской конституціи и слѣснаго орудія Меттерниховской реакціи. Столь же замѣчательнъ и другой трудъ Шильдера, вышедшій въ 1901 году: «Императоръ Павелъ I». Не имѣя возможности, по не зависѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, исчерпать всѣ документы, касающіеся этого царствованія, онъ, тѣмъ не менѣе, далъ вышуклую его характеристику и изобразилъ жизнь Павла, со всѣми ея ненормальными проявленіями, со всѣми ея трагическими «Гамлетовскими» чертами, подобныхъ которымъ не встрѣчается въ жизни ни одного изъ вѣнценосцевъ не только русской, но и всемірной исторіи. Едва окончивъ этотъ трудъ, Н. К. принялся за новый—исторію императора Николая I. Насколько быстро и неутомимо онъ работалъ, доказывается тѣмъ, что все сочиненіе, задуманное въ пяти томахъ, вчернѣ уже было готово къ январю текущаго года, и окончательная его отдѣлка задерживалась лишь обиліемъ вновь приливавшаго матеріала. Параллельно съ этимъ, Н. К. приступилъ, по просьбѣ недавно скончавшейся статсъ-дамы, княгини Барятинской, къ разбору и притоговленію къ изданію архива ея отца, князя А. И. Чернышева, военнаго министра и любимца императора Николая. Для перваго тома этого изданія онъ началъ писать и печатать въ «Военномъ Сборникѣ» съ январской книжки обширную біографію Чернышева.

Обладая крѣпкимъ организмомъ, всегда жизнерадостный, Н. К. не замѣчалъ, что такой постоянный, непосильный трудъ незамѣтно подтачиваетъ его здоровье. Онъ до такой степени весь отдавался работѣ, что даже лѣтомъ никогда не жилъ на дачѣ и проводилъ его въ душной петербургской кваргирѣ среди книгъ и бумагъ. Въ четвергъ, 21 марта, у Н. К. внезапно сдѣлался приступъ грудной жабы, и онъ долженъ былъ лечь въ постель. Своевременно поданная медицинская помощь, казалось, устранила всякую опасность. Онъ началъ поправляться и, наканунѣ кончины, 5 апрѣля, чувствовалъ себя настолько хорошо, что пожелалъ видѣться съ редакторомъ «Историческаго Вѣстника», чтобы переговорить по поводу печатанія первыхъ пяти, вполне законченныхъ, главъ «Исторіи Николая I», бесѣдовалъ съ нимъ около часа, говорилъ о предположеніи ѣхать для отдыха на два мѣсяца за границу, шутя увѣрялъ, что теперь будетъ заботиться о своемъ здоровьи и заниматься «только шесть часовъ въ теченіе дня». Ночь онъ провелъ

спокойно, утромъ, 6 апрѣля, по обыкновенію, вышелъ въ девять часовъ въ столовую, пилъ вмѣстѣ съ дочерью кофе, просматривалъ газеты, какъ вдругъ почувствовалъ себя дурно и, не доходя до кабинета, упалъ. Его подняли, посадили въ кресло, дали лѣкарство. Онъ сталъ дышать ровнѣе, сказали, что ему лучше, но новый приступъ удушья мгновенно прекратилъ его жизнь.

Безжалостная смерть преждевременно унесла въ могилу этого рѣдкаго человѣка, который вполне заслужилъ общую любовь и уваженіе, его окружавшія. Свѣтлая память о немъ навсегда останется въ сердцахъ тѣхъ, кто его зналъ, какъ не исчезнуть крупныя вклады, сдѣланные имъ въ русскую историческую науку. Оставленнымъ имъ литературнымъ наслѣдствомъ еще долго съ благодарностью будутъ пользоваться не только всѣ занимающіеся, но и интересующіеся отечественной исторіей.

ГЛѢБЪ ИВАНОВИЧЪ УСПЕНСКІЙ.

(Опытъ характеристики).

I.

МЕРТЬ извѣстнаго народника-беллетриста, Глѣба Ивановича Успенскаго, не была большою неожиданностью для русскаго общества. Тяжкая болѣзнь, постигшая этого замѣчательнаго человѣка десять лѣтъ тому назадъ и о которой по временамъ оповѣщала читателей періодическая печать, не давала никакой надежды, чтобы онъ могъ оправиться и стать снова въ передніе ряды русскихъ литературныхъ дѣятелей. Успенскій въ извѣстномъ смыслѣ былъ заживо погребенъ уже давно, и даже близкіе къ нему люди, его товарищи въ жизни и литературѣ, какъ, напримѣръ, Н. К. Михайловскій, не считали нужнымъ въ своихъ журнальныхъ бесѣдахъ о дорогомъ имъ больномъ обходить молчаніемъ его недуга и безнадежности положенія. Такъ, въ послѣднемъ очеркѣ «Литература и жизнь», когда горестные дни Успенскаго въ больницѣ Ново-Знаменской дачи еще не погасли, г. Михайловскій, обнаруживая интересные матеріалы для біографіи своего друга, говоритъ: «Къ сожалѣнію, невозможно дать портретъ, передающій всѣ яркіе краски этого удивительнаго лица. И не потому, что оригиналъ еще живъ. «Свѣтъ погасъ», какъ выразилась не помню какая газета, сообщая о психической болѣзни Успенскаго. Теперь это выяснилось окончательно и безповоротно, и онъ не прочтетъ этихъ строкъ». Это было напечатано въ мартовской книжкѣ «Русскаго Богатства», а черезъ нѣсколько дней, по выходѣ ея, газеты принесли въ траурной рамкѣ печальную вѣсть: 24 марта въ 9 часовъ 45 минутъ

вечера Глѣба Ивановича Успенскаго не стало—онъ скончался, не приходя въ сознание, въ психіатрическомъ заведеніи Ново-Знаменской дачи.

Настоящее траурное оповѣщеніе газетъ отозвалось щемящей болью въ общественномъ сознаниі, воскресивъ въ памяти очень тяжелую душевную драму въ жизни выдающагося русскаго чело-вѣка конца девятнадцатаго вѣка. Отъ Успенскаго мысль пере-носилась къ другимъ, схожимъ съ нимъ во многихъ чертахъ, дѣятелямъ отечественной литературы, и изъ-за тумана времени вырисовывались неволью скорбные образы Гоголя, Вс. Гаршина, отчасти и Достоевскаго и нѣкоторыхъ другихъ, но, особенно, первыхъ двухъ, жизнь которыхъ погасла при аналогичной психіа-трической наличности. Жутко становилось за литературу, вы-дающіеся дѣятели которой, отмѣченные печатью высокой дарови-тости, оканчиваютъ безвременно свой вѣкъ при столь трагиче-ской обстановкѣ, гдѣ мысль и чувство не выдерживаютъ борьбы съ суровой дѣйствительностью и болѣзненно погасаютъ, оставляя по себѣ въ обществѣ слѣдъ глубокой тоски и скорби. Это об-стоятельство какъ бы бросаетъ густую тѣнь на всю нашу литера-туру, лишая ее той жизнерадостности, къ которой насъ еще не-давно призывали наши новоявленные пророки послѣдняго времени. Да, въ той литературѣ, гдѣ Гоголи, Гаршины, Успенскіе такъ печально кончаютъ свой вѣкъ, повидимому, нѣтъ мѣста, «заздравной пѣсни Вакха»,—этой литературѣ не до жизнерадостнаго смѣха и ве-селія, и задачи ея иные, чѣмъ это кажется безшабашнымъ пропо-вѣдникамъ чистаго и дѣланнаго искусства. Подвигъ во имя сча-стія близкихъ, во имя народа, во имя всего человѣчества—вотъ тѣ задачи, которыя, несомнѣнно, проникаютъ творческую дѣятельность всѣхъ названныхъ выше корифеевъ русской литературы. Пусть этотъ подвигъ каждымъ изъ нихъ понимается и истолковывается раз-но, пусть будетъ такъ, но намъ важно лишь отмѣтить самое исканіе этого подвига, безпрестанное стремленіе къ нему и указа-ніе его. Понятно, что чѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ напряженнѣе стре-милась мысль писателей къ этому подвигу, тѣмъ болѣе встрѣ-чалось имъ на пути преградъ и препятствій, а отсюда вполне естественно вытекаетъ и обостренность борьбы съ этими препят-ствіями и страстность желанія скорѣе устранить и превозмочь ихъ. Но жизнь не такъ-то легко поддается воздѣйствію единичныхъ борцовъ, единичныхъ лицъ: хаотическая, косная и громоздкая, она угловато отталкиваетъ на первое время отъ себя своихъ учителей и пророковъ, наноситъ имъ подчасъ жестокія раны, отъ коихъ они истекаютъ кровью, поливая ею путь для счастья грядущихъ поколѣній...

Отошедшій только что отъ насъ писатель, которому посвя-щенъ настоящій очеркъ, тоже изощелъ еще при жизни весь

кровью, которую капля за каплею ронялъ на своемъ литературномъ пути, страждуя всю свою жизнь, во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, за счастье простаго народа, который былъ альфою и омегою всей его дѣятельности, всего напряженнаго хода его мысли и тяжкихъ думъ. И, чѣмъ напряженнѣе становилась эта мысль, чѣмъ глубже уходила она въ современность народной жизни, тѣмъ большій разладъ видѣлъ онъ между своими стремленіями, исканіями и хотѣніями и этой самой современностью, тѣмъ жестче становилась она къ нему, тѣмъ болѣе глубокія раны она ему наносила. Сочившіяся раны несли съ собою страданія, ужасныя страданія, подъ тяжестью которыхъ изнемогали одновременно и плоть и духъ, наконецъ, не стало болѣе силъ страдать и... «свѣтъ погасъ». Наступила страшная тьма, гдѣ больная мысль зигзагами прожигала обезсиленный мозгъ и даже въ этомъ больномъ, ненормальномъ своемъ движеніи громко и ясно твердила лишь о счастьѣ народа и подвигѣ ради этого счастья. Сплошной драмой отъ начала до конца вѣтетъ на насъ при обзорѣннѣ жизни и дѣятельности покойнаго Глѣба Успенскаго, вся истинная суть которыхъ сводится не къ внѣшнимъ фактамъ, а къ той психологической подкладкѣ, на коей онѣ покоились. Вотъ почему собственно настоящая біографія этого писателя, біографія, гдѣ разнообразныя и интересные эпизоды жизни смѣняются одинъ другой, не даетъ почти матеріала въ распоряженіе того, кто ею бы занялся. Матеріаловъ этихъ очень мало сейчасъ, да врядъ ли много ихъ появится и въ будущемъ. Успенскій весь въ своихъ произведеніяхъ, въ тѣхъ мысляхъ и идеяхъ, которыми эти произведенія проникнуты; но опять-таки и тутъ встрѣчается для истиннаго пониманія и самыхъ произведеній и проникающихъ ихъ мыслей большое затрудненіе: пожалуй, многое и очень многое намъ будетъ непонятно, если мы возьмемъ ихъ изолированно отъ общихъ соціальныхъ и экономическихъ условій русской жизни, коей онѣ суть иллюстраціи и составныя части. Представить же совокупность этихъ условій въ правильномъ ихъ пониманіи по многимъ причинамъ и преждевременно и невозможно. Это задача будущаго историка семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, историка пореформеннаго періода русской жизни, когда она вся сдвинулась, послѣ долгаго стоянія на мѣстѣ, пришла въ броженіе и непорядокъ. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, что біографія Успенскаго, его всесторонняя характеристика и его истинное пониманіе сдѣлаются возможны, когда сначала будетъ написана правдивая и полная исторія этого времени, и когда изъ интимной личной и общественной жизни Успенскаго будутъ опубликованы такіе матеріалы, которые сейчасъ еще не могутъ видѣть свѣта.

Поэтому пусть и читатели «Историческаго Вѣстника» не посѣтуютъ на меня, если въ моемъ очеркѣ объ Успенскомъ окажутся

большіе пробѣлы, и многое останется недосказаннымъ. Моя задача сводится лишь къ характеристикѣ покойнаго народника-беллетриста, въ связи съ нѣкоторыми главнѣйшими фактами его жизни, **почерпнутыми мною, главнымъ образомъ, изъ «Исторіи новѣйшей русской литературы» А. Скабичевского, изъ автобіографическаго предисловія къ своимъ сочиненіямъ, сдѣланнаго самимъ покойнымъ писателемъ, и, главнымъ образомъ, изъ статьи объ Успенскомъ Н. Михайловскаго въ его полномъ собраніи сочиненій и изъ упомянутыхъ выше «матеріаловъ», опубликованныхъ тѣмъ же Н. Михайловскимъ въ «Русскомъ Богатствѣ».** Редакторъ «Русскаго Богатства» былъ самымъ близкимъ человѣкомъ къ Успенскому изъ числа оставшихся нынѣ въ живыхъ, близкимъ и по журнальной дѣятельности въ «Отечественныхъ Запискахъ», близкимъ и по личнымъ товарищескимъ отношеніямъ. Поэтому все, что имъ уже сказано о Глѣбѣ Ивановичѣ или имѣетъ быть въ дальнѣйшемъ сказано, содержитъ въ себѣ наиболѣе цѣнный матеріалъ для уразумѣнія и правильнаго истолкованія этого необыкновенно сложнаго писателя и интересной личности новѣйшей русской литературы.

II.

Глѣбъ Ивановичъ Успенскій родился 14-го ноября 1840 г. въ Тулѣ. Дѣдъ его былъ сельскимъ дьячкомъ Чернскаго уѣзда и имѣлъ трехъ сыновей; отъ одного изъ нихъ, Василія, бывшаго священникомъ въ Ефремовскомъ уѣздѣ, родился тоже небезызвѣстный писатель, Николай Успенскій, трагически покончившій въ припадкѣ безумія въ 1889 г. свою жизнь въ Москвѣ самоубійствомъ, а отъ другого—Ивана, служившаго секретаремъ въ Тульской палатѣ государственныхъ имуществъ, нашъ народникъ-беллетристъ, авторъ «Нравовъ Растеряевой улицы», «Власти земли» и другихъ произведеній изъ народной жизни.

О своихъ дѣтскихъ и юношескихъ годахъ, о семейной обстановкѣ и семейныхъ преданіяхъ, Гл. Успенскій не оставилъ, подобно многимъ другимъ и не столь выдающимся дѣятелямъ литературы, сколько нибудь обстоятельныхъ свѣдѣній и свѣтлыхъ воспоминаній. Напротивъ, повидимому, это былъ очень невеселый періодъ его жизни, вспоминать который было нелегко. «Вся моя личная жизнь, — говоритъ онъ въ своей автобіографіи, — вся обстановка моей личной жизни до 20 лѣтъ обрекала меня на полное затменіе ума, полную гибель, глубочайшую дикость понятій, неразвитость и вообще отдѣляла отъ жизни бѣлаго свѣта на неизмѣримое разстояніе. Я помню, что я плакалъ безпрестанно, но не зналъ, отчего это происходитъ. Не помню, чтобы до 20 лѣтъ сердце у меня было когда нибудь на мѣстѣ. Вотъ, почему, когда насталъ 61-й годъ, взять съ собою «въ дальнюю дорогу» что нибудь изъ

Глѣбъ Ивановичъ Успенскій.

моего прошлаго было рѣшительно невозможно—ровно ничего, ни капельки; напротивъ, для того, чтобы жить хоть какъ нибудь, надобно было непремѣнно до послѣдней капли забыть все это прошлое, истребить въ себѣ всѣ вѣдренныя имъ качества. Нужно было еще перетерпѣть все то разореніе невольной неправды, среди которой пришлось жить мнѣ годы дѣтскіе и юношескіе, надо было потратить годы на эти непрестанныя похороны людей, среди которыхъ я выросъ, которые исчезали со свѣта безропотно, какъ погибающіе среди моря, зная, что никто не можетъ имъ помочь и спасти, что «не тѣ времена». Самая безропотность погибавшихъ людей, явное сознаніе, что все, что въ нихъ есть, и чѣмъ они жили,—неправда и ложь, и беспомощность ихъ, уже одно это прямо убѣждало людей моего возраста и обстановки жизни, что изъ прошлаго нельзя и не надо, и невозможно, оставить въ себѣ даже самомалѣйшаго воспоминанія, ничѣмъ отъ этого прошлаго нельзя было и думать руководиться въ томъ новомъ, которое «будетъ», но которое рѣшительно еще невозможно. Слѣдовательно, начало моей жизни началось послѣ забвенія моей собственной біографіи, а затѣмъ и личная жизнь, и жизнь литературная стали созидаться во мнѣ одновременно собственными средствами»...

Мрачный колоритъ приведенныхъ воспоминаній дѣтства и юношества, изъ которыхъ фразы и намеки тутъ позволяютъ до извѣстной степени предполагать, что многое изъ того, что читатели встрѣчаютъ въ произведеніяхъ Успенскаго перваго періода—въ «Нравахъ Растеряевой улицы», въ «Растеряевскихъ типахъ и сценахъ», въ «Разореніи» и другихъ мелкихъ разсказахъ той же категоріи, должно быть отнесено насчетъ біографическаго матеріала семейства Успенскихъ и той среды, въ коей возросъ нашъ бытописатель провинціальной Россіи. Всѣ эти безропотно погибающіе, эти беспомощные передъ лицомъ новаго времени, жившіе неправдою и ложью, всѣ эти социальные и психологическіе элементы на-лицо, какъ въ сказанныхъ произведеніяхъ его беллетристическаго пера, такъ и краткихъ автобіографическихъ замѣткахъ. Конечно, я не думаю утверждать, чтобы самыя сюжеты повѣствованій, типы въ ихъ детальной обработкѣ были почерпнуты изъ жизни того дома, гдѣ родился и выросъ нашъ писатель; для такого утвержденія въ моемъ распоряженіи нѣтъ достаточныхъ данныхъ, но позволяю себѣ отмѣтить тождественность тона и настроенія этихъ двухъ живыхъ документовъ изъ жизни Глѣба Ивановича. Поэтому, если припомнить хорошенько страница за страницей картинки изъ жизни Растеряевой улицы, вдуматься въ ихъ социальное значеніе и психологическій смыслъ, то читателю станетъ во многихъ отношеніяхъ понятно, что говоритъ Успенскій о тоскѣ и слезахъ своего дѣтства и юности, о той обстановкѣ, которая «обрекла его на полное затменіе ума и полную гибель». И если нашему беллетристу удалось до нѣ-

которой степени свергнуть съ себя нѣкоторые отмѣченные грозные спутники жизни Растеряевой улицы, которая его воспитала, временно свергнуть и забыть ихъ, то окончательно съ ними раздѣлаться ему все-таки не удалось. Они все же пожали свое и принесли результаты подъ конецъ его жизни, когда наступило именно это «затменіе ума и полная гибель». Поэтому, мнѣ кажется, въ приведенномъ автобіографическомъ отрывкѣ Успенскаго легко усматривается нѣчто пророческое, когда человѣкъ, со страхомъ сознавая въ себѣ наличность ужаса и гибели, какъ бы старается отогнать отъ себя эти грозные призраки, утверждая, что они отлѣтѣли отъ него навсегда и потонули въ морѣ забвенія. Нѣтъ, я смѣю полагать, что родная писателю «Растеряева улица» выпустила на свѣтъ Божій какъ его самого, такъ и его двоюроднаго брата, Николая Успенскаго, надѣливъ ихъ съ рожденія, рядомъ съ свойствами высокой даровитости и талантливости, еще и такими наследственно соціальными недугами, которые сыграли безповоротно въ жизни обонхъ роковую и трагическую роль.

Въ очеркѣ «Парамонъ Юродивый» Успенскій повѣствуетъ: «...Атмосфера, въ которой я жилъ, была полна страховъ, была полна впечатлѣніями неприятныхъ, непривѣтливыхъ лицъ, неприятныхъ, непривѣтливыхъ отношеній, угрозъ безпрестанныхъ, непрерывныхъ, невѣдомо откуда и какъ, но во множествѣ являющихся огорченій. Все, что я видѣлъ вокругъ себя, все какъ бы отказалось отъ самого себя и только заботилось о томъ, чтобы не погибнуть, точно было ввержено въ какую-то пропасть... «Пропадешь!» носилось надо всѣми мнѣ близкими: «пропадешь, если посмѣешь что нибудь захотѣть самъ, если самъ что нибудь позволишь себѣ...» — «Хватай невѣсту-то, покуда можно... а то пропадешь!» И человѣкъ хваталъ урода, отъ котораго спивался... «Хватай мѣсто... останешься безъ мѣста, пропадешь!» и художникъ, талантливый человѣкъ, хваталъ мѣсто попа, почталіона — и спивался... Ни одной свѣтлой точки не было на горизонтѣ».

Въ приведенномъ отрывкѣ, имѣющемъ несомнѣнное автобіографическое значеніе, я прошу читателей обратить вниманіе на выдающуюся роль кабака въ жизни растеряевскихъ обывателей, куда послѣдніе бѣгутъ по всѣмъ труднымъ и печальнымъ случаямъ своей жизни, ибо «не пить въ Растеряевой улицѣ трудно», какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ писатель въ главѣ «Идутъ дни и годы». Подобно тому, какъ растеряиность, безпомощность, тоска и страхъ, паническій страхъ передъ всѣмъ и вся, такъ и безпробудное питье, мрачное, буйное и болѣзненное, составляли неотъемлемый атрибутъ Растеряевской обстановки, изъ которой вышелъ какъ нашъ беллетристъ, такъ и его двоюродный братъ, Николай Васильевичъ. Намъ важно имѣть въ виду отмѣченную сейчасъ особенность этой обстановки, ибо если о ней самъ Гл. Успенскій пи-

чего, по вполне понятнымъ причинамъ, не говоритъ въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ, то о ней немало было говорено и въ его некрологахъ, и въ воспоминаніяхъ о немъ, и даже въ статьѣ Н. Михайловскаго, напечатанной въ мартовской книжкѣ «Русскаго Богатства».

III.

Обращаясь къ фактической сторонѣ біографіи Глѣба Ивановича, необходимо отмѣтить, что, какъ ни печальны были общія условія ранняго періода его жизни, тѣмъ не менѣе ему удалось вынести изъ родительскаго дома довольно порядочное домашнее образованіе. Въ бібліотекѣ его отца водились книги, и онѣ-то, по видимому, сослужили добрую службу въ воспитаніи любознательнаго отъ природы мальчика. Здѣсь онъ обстоятельно ознакомился съ произведеніями такихъ русскихъ классиковъ, какъ Карамзинъ, Пушкинъ, Лермонтовъ и другіе. По достиженіи извѣстнаго возраста, маленькій Успенскій сначала былъ опредѣленъ въ тульскую гимназію, изъ четвертаго класса которой былъ, однако, взятъ, когда отецъ его былъ переведенъ на службу въ Черниговъ. Въ здѣшней гимназіи онъ и окончилъ курсъ, подавая нѣкоторыя литературныя надежды еще на школьной скамьѣ и принимая ближайшее участіе въ товарищескомъ рукописномъ журналѣ. По окончаніи курса гимназіи, онъ поступилъ сначала на юридическій факультетъ Петербургскаго университета, откуда, впрочемъ, скоро выбылъ и перешелъ въ Московскій. По видимому, недостатокъ средствъ не позволилъ ему окончить здѣсь полнаго курса, такъ какъ вопросъ о хлѣбѣ насущномъ сталъ передъ нимъ рано на жизненной очереди. На первыхъ порахъ мы видимъ его въ роли корректора «Московскихъ Вѣдомостей» редакціи Корша, каковая должность, благодаря его разсѣянности, не оказывается ему вполне по плечу; затѣмъ, онъ начинаетъ принимать непосредственное участіе въ литературѣ, работая въ «Зрителѣ», издававшемся Калошинымъ въ 1861—1862 гг., а также помогая иногда своему двоюродному брату, Николаю, въ его беллетристическихъ работахъ указаніями, исправленіями, а подчасъ и вставкой отъ себя нѣкоторыхъ сценъ и діалоговъ. Изъ университета Гл. Успенскій окончательно вышелъ въ 1863 году и посвятилъ себя исключительно литературному труду. Вскорѣ умеръ его отецъ. Онъ немедленно уѣхалъ въ Черниговъ, гдѣ нашелъ полное разореніе своихъ родныхъ, оставшихся безъ гроша и безъ имущества, которое пришлось продать на уплату долговъ. Между тѣмъ, какъ родные его переѣхали на родину въ Тулу, гдѣ сестры нашли себѣ небольшой учительскій заработокъ, Глѣбъ Ивановичъ, будучи не въ силахъ на мѣстѣ помочь имъ чѣмъ нибудь, вернулся въ столицу и началъ

здѣсь свою блестящую и выдающуюся литературную карьеру, пріобрѣтшую ему скоро широкую популярность.

Литературная его работа, постоянная и болѣе или менѣе систематическая, сосредоточивалась сначала въ «Русскомъ Словѣ» (1864—1865 г.), въ «Современникѣ» (1866 г.), въ «Женскомъ Вѣстникѣ» (1866 г.), въ «Дѣлѣ» (1866—1867 г.) и, наконецъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1868—1884 г.), гдѣ его талантъ окончательно расцвѣлъ, и гдѣ напечатаны его главнѣйшія произведенія по зрѣлости мысли и глубинѣ тенденціи. Вспоминая въ своей автобіографіи среду, въ коей развертывалась его литературная дѣятельность, Успенскій говоритъ: «Одиночество было полное. Съ крупными писателями я не имѣлъ никакихъ связей, а мои товарищи—люди старше меня лѣтъ на десять—почти всѣ безъ исключенія погибали на моихъ глазахъ, такъ какъ пьянство было почти чѣмъ-то неизбѣжнымъ для тогдашняго талантливаго человѣка. Всѣ эти подверженные сивушной гибели люди были уже извѣстны въ литературѣ, а живи они въ наше время, когда можно на полной свободѣ «плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ», они бы написали много изящныхъ произведеній, но захватила ихъ новая жизнь, такая, что завтрашній день не могъ быть даже и предвидѣнъ,—и талантливые люди почувствовали, что имъ не унаться за толпой, начинающей жить безъ всякихъ литературныхъ традицій, должны были чувствовать въ этой отживающей толпѣ свое полное одиночество... Сколько ни проявляй искусства въ поэмѣ, романѣ,—«они» даже не почувствуютъ... Спившихся съ кругу талантливыхъ людей было множество, начиная съ такой потрясающей въ этомъ отношеніи фигуры, какъ П. И. Якушкинъ. Въ такомъ видѣ въ пору было «опохмелиться», «очухаться», очувствоваться, и какая ужъ тутъ «литературная школа»! Похвалбы въ пьяномъ видѣ было много; посуловъ еще больше, анекдотовъ—видимо-невидимо, а такъ, чтобы отъ всего этого повеселѣть—нѣтъ, этого не скажу. Даже малѣйшихъ опредѣленныхъ взглядовъ на общество, на народъ, на цѣли русской интеллигенціи ни у кого рѣшительно не было. Немудрено, что ясно сознаваемое горе заливалось сивухой самыми талантливыми людьми.

«Несомнѣнно, народъ этотъ былъ душевный, добрый и глубоко талантливый; но питейная драма, питейная болѣзнь, похмелье и вообще разслабленное состояніе, извѣстное подъ названіемъ «послѣ вчерашняго», занимало въ ихъ жизни слишкомъ большое мѣсто. Одиночество талантливыхъ людей вело ихъ къ трактирному оживленію и шуму. Ко всему этому надо прибавить, что въ годы 1863—1868 все въ журнальномъ мірѣ падало, разрушалось, валилось. «Современникъ» сталъ тусклъ и упалъ во мнѣніи живыхъ людей, отводя по полъ-книгѣ на безплодныя литературныя распри, а потомъ и былъ закрытъ. Закрыто и «Русское Слово», и вообще

всѣ мало-мальски видныя дѣятели разбрелись, исчезли. Начали появляться какія-то темныя изданія съ темными издателями... Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, когда пришли описывать его за долги, сталъ на глазахъ пристава ѣсть овесъ, прикинувшись помѣшаннымъ (Артоболевскій). Когда наконецъ въ 1868 году основались новыя «Отечественныя Записки», первые годы въ нихъ тоже было мало уюта... Все, что собралось, было значительно поломано нравственно и физически, пока, наконецъ, дѣло не стало на широкую дорогу. Пока оно складывалось, жить въ неустановившемся и неуютномъ обществѣ большею частью до послѣдней степени изломанныхъ писателей (съ новыми я едва встрѣчался еще) не было никакой возможности, и я уѣхалъ за границу».

Озираясь непосредственно на свою личную литературную дѣятельность, Глѣбъ Ивановичъ даетъ слѣдующее объясненіе формѣ и облику своихъ очерковъ и рассказовъ: «Времена, пережитыя русскою журналистикою за послѣднія 20 лѣтъ,—говоритъ онъ въ предисловіи къ изданію сочиненій въ 1883 г.,—были переполнены всевозможными случайностями, безпрестанно разстраивавшими правильное ея теченіе и развитіе. Мои очерки много пострадали отъ этихъ невзгодъ журнальнаго дѣла, чисто во внѣшнемъ отношеніи. Правда, аргусамъ нечего было въ нихъ искоренять: цензурныя бѣды обрушивались не на такого рода литературныя явленія. Но въ общемъ водоворотѣ ничто не можетъ оставаться нетронутымъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти очерки вышли бы рельефнѣе, полнѣе и осмысленнѣе, если бы журнальная жизнь была устойчивѣе, и представители печати могли чувствовать себя поспокойнѣе.

«Укажу на одинъ примѣръ. «Нравы Растеряевой улицы», задуманные въ 1866 г., только что начали печататься въ «Современникѣ» (№№ 2 и 3, 1866 г.), какъ журналъ этотъ былъ закрытъ. Продолженіе этихъ очерковъ, приготовленное для «Современника», должно было появиться въ сборникѣ «Лучъ», изданномъ редакціей «Русскаго Слова», которое также было прекращено, при чемъ все, что имѣло связь съ очерками, напечатанными въ «Современникѣ», надо было уничтожить, обрѣзать, выкинуть,—для того, чтобы «продолженіе» имѣло видъ работы отдѣльной и самостоятельной; вотъ почему дѣйствующія лица были переименованы въ другихъ, имъ «сдѣлана» иная обстановка, и самое названіе измѣнено. Затѣмъ дальнѣйшее продолженіе той же серіи рассказовъ печаталось въ журналѣ «Женскій Вѣстникъ», такъ какъ тогда (1866 г.) почти совершенно не было другихъ литературныхъ журналовъ. Судите поэтому, что должна была перетерпѣть Растеряева улица со своими пьяницами, «сапожниками и мастеровщиной», появляясь въ журналѣ, посвященномъ женскому развитію, женскому вопросу. При всемъ моемъ глубокомъ желаніи, чтобы пьяницы мои вели себя въ дамскомъ обществѣ поприличнѣй, всѣ они до невозможно-

сти пахли водкой и сокрушали меня. Но что же было дѣлать? Я ихъ умылъ и пріодѣлъ, и они стали только хуже, а правды въ нихъ меньше....

«Сплоченныхъ литературныхъ кружковъ, къ которымъ могли бы пристать начинающіе писатели,—ничего тогда налицо не было. Все удручало насъ и дѣлало одинокими. А между тѣмъ общество, вступившее въ совершенно новыи періодъ жизни, требовало отъ литературы,—и имѣло на это право,—многосложной и внимательной работы.

«Такимъ образомъ, какъ отсутствіе «школы», такъ и глубокое внутреннее сознаніе, что «теперь» обновившаяся жизнь требуетъ большихъ дарованій и задаетъ имъ огромныя задачи,—дѣлали то, что незначительная способность написать «рассказъ» или «очеркъ» ослаблялась внутреннимъ сознаніемъ ненужности этого дѣла. «Все это не то!» думалось тогда, и вслѣдствіе этого матеріалъ обрабатывался плохо, «кой-какъ», появляясь въ видѣ «отрывковъ» безъ начала и конца».

Такова любопытная автобіографическая исповѣдь писателя о началѣ его литературной дѣятельности, ея характерѣ и социальномъ значеніи. Здѣсь заслуживаетъ вниманія каждая строчка, но изъ всего здѣсь сказаннаго особенно важно отмѣтить мнѣніе автора, что и онъ самъ, и его единомышленники, смотрѣли на свою работу, какъ на не соответствующую задачамъ обновленной русской жизни. «Все это не то!»—твердили они, какъ бы предъявляя этимъ и самимъ себѣ и всему русскому обществу инны болѣе важныя и «сложныя задачи». Такое признаніе со стороны столь оригинальнаго писателя, каковымъ былъ Глѣбъ Успенскій, для насъ чрезвычайно важно и даетъ нѣкоторый ключъ къ разумѣнію всего характера дальнѣйшей его литературной дѣятельности и социального значенія его произведеній. О значеніи этихъ задачъ здѣсь не мѣсто говорить—ихъ смыслъ и объясненіе лежатъ въ исторіи семидесятыхъ годовъ, о чемъ уже упомянуто выше.

IV.

Успенскій указалъ намъ, къ какому кругу литераторовъ онъ присталъ, при чемъ въ общихъ чертахъ отмѣтилъ положительныя, а еще болѣе отрицательныя стороны ихъ личныхъ характеровъ и свойствъ. Въ числѣ этихъ литераторовъ онъ назвалъ извѣстнаго этнографа-народника Якушкина; кромѣ того, намъ извѣстно, что онъ былъ въ родствѣ и въ ближайшихъ литературныхъ отношеніяхъ съ Н. Успенскимъ, тоже даровитымъ народникомъ повѣствователемъ. Сюда примыкали, такъ или иначе, и другіе многіе представители нашей журналистики, которыхъ принято въ исторіи новѣйшей русской литературы относить къ фракціи народниковъ—

разночинцевъ, обильно наполнявшихъ своими произведеніями наши журналы въ концѣ 1850-хъ и во весь періодъ 1860 и 1870-хъ годовъ. Выступленіе ихъ на поприще литературно-общественной дѣятельности относится къ реформаціонному періоду русской жизни, отмѣченному покаяннымъ отношеніемъ къ простому народу, стремленіемъ его познать и съ нимъ сблизиться. Общія задачи этого періода жизни, его характеръ и значеніе наиболѣе полно изъ всего существующаго въ русской литературѣ по сему предмету разработаны Н. К. Михайловскимъ въ многочисленныхъ его публицистическихъ статьяхъ, какъ равно отмѣчены и въ его извѣстныхъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ», почему интересующихся этой стороною отечественной жизни отсылаю къ указанному автору, хотя, быть можетъ, со многими у него и нельзя согласиться, и многое представлено подъ особымъ субъективнымъ угломъ зрѣнія правовѣрнаго семидесятника-публициста ультра-передового лагеря. Рядомъ съ этимъ, тотъ же періодъ въ его историко-литературномъ развитіи, въ литературныхъ лицахъ и разборѣ ихъ произведеній пера, обстоятельно представленъ А. М. Скабичевскимъ, какъ въ его «Исторіи новѣйшей литературы», такъ и нѣкоторыхъ главахъ «Полнаго собранія сочиненій». Здѣсь народникамъ-беллетристамъ, съ большинствомъ коихъ авторъ былъ лично близокъ и знакомъ, отведено широкое мѣсто, при чемъ указана принадлежность каждаго изъ нихъ къ той или иной фракціи этой общей литературной группы. Давъ въ главахъ 13-й и 14-й своей «Исторіи литературы» обзоръ народнической беллетристики въ лицѣ Марко-Вовчка, Н. Успенскаго, Слѣпцова, Максимова, Мельникова, Якушкина, Рѣшетникова, Левитова и Наумова и др., г. Скабичевскій въ главѣ 14-й дѣлаетъ слѣдующую общую характеристику всей литературы, ими созданной. Онъ говоритъ: «по мѣрѣ того, какъ образованіе распространялось въ массахъ общества, и центръ умственнаго движенія перешелъ изъ дворянской среды въ разночинскую, въ литературныхъ сферахъ къ концу пятидесятихъ годовъ произошелъ большой наплывъ новыхъ силъ изъ разночинцевъ. Эти новыя силы, подчиняясь духу времени, еще съ большею энергіею, чѣмъ писатели старшаго поколѣнія, принялись за изученіе народа, вмѣстѣ съ тѣмъ внесли совершенно новый духъ въ беллетристику изъ народнаго быта и обусловили своимъ появленіемъ новый періодъ ея развитія.

«Правда, со стороны художественныхъ формъ, техники, произведенія беллетристовъ-разночинцевъ представляютъ шагъ назадъ, по сравненію съ произведеніями беллетристовъ сороковыхъ годовъ, значительно уступая имъ въ стройности, законченности, умѣньѣ заинтересовать читателя и приковать его вниманіе и т. под. Они представляются, по большей части, неоконченными, необработанными, неуклюжими очерками, эскизами, набросками, иногда безъ всякаго сюжета и фабулы, хаотическими нагроможденіями сырыхъ матеріаловъ.

«Этотъ регрессъ въ техническомъ отношеніи обусловливался многими причинами. Болѣе всего дѣйствовало то обстоятельство, что въ большинствѣ разночинцы учились на мѣдныхъ деньги и являлись на литературное поприще самоучками, не получившими правильнаго и систематическаго литературнаго образованія и едва грамотными; но и впослѣдствіи они не имѣли возможности развивать свои таланты и выработать изящныя формы. Всѣмъ имъ приходилось вѣчно бороться съ нищетою и спѣшить работою, не имѣя времени не только художественно отдѣлывать написанное, но и перечитывать его. Едва написавши двѣ-три первыя главы разсказа, авторъ несъ ихъ уже въ редакцію журнала, чтобы заручиться авансомъ, а тамъ работа прерывалась то болѣзною, то цензурными условіями, и произведеніе оставалось неоконченнымъ, забываясь для новыхъ столь же неудачныхъ попытокъ.

«Тѣмъ не менѣе отъ произведеній молодыхъ беллетристовъ-разночинцевъ повѣяло совсѣмъ инымъ духомъ, и въ нихъ мы видимъ отношеніе къ народу, до того времени небывалое. Вы не найдете уже здѣсь ни излишней идеализаціи народа, ни глумленія надъ нимъ, ни этнографо-бюрократической сухости офиціальнаго изученія народа, ни плаксивой сентиментальности; васъ поражаетъ трезвая неліцеприятная правда, — результатъ глубокаго знанія внутреннихъ основъ народной жизни семейной и общественной. Видно, что авторы близко стояли къ народу и не только наблюдали его жизнь, но отчасти и сами ее переживали».

Беллетристика этого рода представляетъ, въ свою очередь, два періода. Въ первомъ періодѣ, въ теченіе шестидесятихъ годовъ, жизнь народа разсматривалась преимущественно по отношенію ея къ другимъ слоямъ общества, главное вниманіе обращалось на политико-экономическія и соціальныя условія народнаго быта, на необезпеченность народныхъ массъ, безправность ихъ и эксплуатацію со стороны всякаго рода проходимцевъ. Во второмъ же періодѣ, въ теченіе семидесятихъ и восьмидесятихъ годовъ, главное вниманіе начали обращать на внутреннія основы крестьянскаго быта, на его вѣковѣчные устои въ видѣ общины и на идеалы, составлявшіе существенное отличіе деревенскаго человѣка отъ городского.

Наиболѣе видными представителями перваго періода народнической беллетристики г. Скабичевскій считаетъ Рѣшетникова, Левитова, Наумова; во главѣ второго онъ ставитъ Гл. Успенскаго и Н. Златовратскаго.

Историческое развитіе народнической беллетристики, ея общій анализъ, ея существенные признаки по главнѣйшимъ періодамъ, ея вышшіе недостатки и общественное значеніе представлены г. Скабичевскимъ достаточно удачно и, если сопоставить все имъ сказанное по сему предмету съ тѣмъ, что говоритъ самъ Успенскій въ своей автобіографіи о средѣ и условіяхъ, въ коихъ онъ обрѣ-

тался въ первый періодъ своей литературной дѣятельности, то станетъ понятно, почему «Нравы Растеряевой улицы», «Разореніе» и другіе очерки и рассказы, относящіеся къ 1860—1870 годамъ, при всемъ выдающемся талантѣ автора, совершенно отличествуютъ и по технику выполнения, и по формѣ изображенія, и по внутреннему освѣщенію отъ широкаго и красиваго потока русской изящной литературы, вышедшей въ сороковыхъ годахъ изъ нѣдръ Пушкинскихъ и Гоголевскихъ твореній.

Читатель съ первыхъ же главъ названныхъ произведеній Успенскаго видитъ въ нихъ писателя, не связаннаго ничѣмъ съ дворянскими гнѣздами и дворянскими черноземными полями, ни съ преданіями и традиціями дворянскихъ усадебъ, ни съ свѣтскими гостинными и интеллигентными кружками столичнаго общества, нѣтъ, въ нихъ сразу вырисовывается оригинальная и крупная фигура писателя-разночинца, который громко и властно требуетъ у литературы мѣста и вниманія грязнымъ, порочнымъ, пьянымъ и одиачальнымъ, но забытымъ и несчастнымъ представителямъ четвертаго сословія русскаго народа. Его герои тѣ же въ сущности босяки, которыми нынѣ такъ увлекаются читатели въ произведеніяхъ Максима Горькаго, но босяки, коихъ талантливой авторъ, какъ истинный художникъ, не освѣщаетъ фальшивымъ свѣтомъ романтическаго фонаря, но выставляетъ на показъ читателямъ во всей ихъ наготѣ души и тѣла, съ указаніемъ тѣхъ причинъ и условій, социальныхъ и экономическихъ, которыя породили эту наготу. Но Успенскій «Разоренія» еще далеко отъ Успенскаго «Власти земли» и деревенскихъ очерковъ вообще, писанныхъ въ концѣ семидесятыхъ и главнымъ образомъ въ восьмидесятые годы. На первыхъ порахъ онъ еще не выдѣляется, какъ глава новой, отмѣченной для народнической беллетристики г. Скабическимъ школы, но до известной степени сливается по характеру и колориту своей дѣятельности съ старшими представителями этой беллетристики—съ Н. Успенскимъ, Стѣщовымъ, Рѣшетниковымъ, Левитовымъ и другими. И во внѣшнихъ формахъ своихъ произведеній и въ самой судьбѣ ихъ появленія въ печати онъ настоящій представитель этой разночинной литературы, создаваемой при тѣхъ невеселыхъ условіяхъ, о коихъ сказано выше и словами самого Успенскаго и историка тогдашняго времени—г. Скабичевскаго. Только, вникая глубже въ смыслъ его писанія того періода и сопоставляя этотъ смыслъ съ дальнѣйшимъ имъ написаннымъ, можно ясно усмотрѣть, что младшій представитель народническаго направленія въ изящной литературѣ неминуемо долженъ отколотъся отъ своихъ бывшихъ сотоварищей и пойти по новому имъ самимъ созданному пути.

V.

Какъ уже сказано было выше, въ литературѣ Успенскій впервые дебютировалъ въ «Зритель» Калошина, гдѣ былъ помѣщенъ (1862 г.) его рассказъ «Старьевщикъ»—жанровая картинка изъ московской городской жизни. Въ послѣдующіе годы онъ появлялся то же съ небольшими очерками въ «Русскомъ Словѣ», въ «Дѣлѣ» и въ «Современникѣ», гдѣ и было напечатано (1866 г.) начало «Нравовъ Растеряевой улицы», обратившихъ на него особенное вниманіе читателей и создавшихъ ему выдающееся литературное положеніе. Какъ появлялись передъ читателями эти «Нравы», уже извѣстно изъ приведенныхъ выше автобіографическихъ замѣтокъ автора, а потому на этой сторонѣ дѣла останавливаться нечего. Посмотримъ, что представляютъ собою эти очерки въ ихъ литературно-общественномъ значеніи.

Эпопея растеряевщины вылилась изъ-подъ пера Успенскаго не сразу, а выписывалась на довольно большомъ протяженіи времени, появляясь передъ читателями не въ формѣ цѣльнаго произведенія съ опредѣленной фабулой, гдѣ начало, продолженіе и конецъ между собою правильно соотвѣтственны, гдѣ дѣйствующія лица получили свою законченность типовъ, а событія опредѣленное теченіе. Нѣтъ, вся растеряевщина (въ противность обломовщинѣ) состоитъ сплошь изъ ряда сценъ, часто отрывочныхъ и незаконченныхъ, гдѣ только нѣкоторыя части получили необходимую стройность и художественную отдѣлку. Авторъ выставилъ интересную портретную галерею, гдѣ почти каждый выведенный образъ есть крупное художественное произведеніе; кромѣ того, и въ чемъ его особенная сила,—онъ съ удивительнымъ мастерствомъ схватилъ фізіономію толпы, населенія провинціального города, настроеніе этой толпы, смѣны въ ней впечатлѣній и ея основныя характерныя черты—косность, невѣжественность, забитость, непроходимую нужду и безпомощность. И, когда вы внимательно всматриваетесь въ строй жизни этой толпы, вы ясно видите, откуда проистекають эти ея характерныя черты. Авторъ умѣло схватилъ въ данномъ случаѣ основы дореформенной жизни съ ея угнетеніемъ, съ «прижимкою» личности и страхомъ, паническимъ и непрестаннымъ, передъ всѣмъ сильнымъ и властнымъ, изъ какого бы источника эти власть и сила ни проистекали. Такимъ образомъ, хотя «Нравы Растеряевой улицы» написаны и появились въ печати уже въ пореформенную эпоху, но содержаніе этихъ очерковъ, ихъ смыслъ, значеніе относятся къ преддверію освободительнаго періода русской жизни и представляютъ людей таковыми, какими ихъ захватила великая реформа. Тутъ, въ изображеніи Успенскаго, масса комическаго переплетена съ трагическимъ, и въ обѣихъ этихъ областяхъ авторъ обнаружилъ себя крупнымъ художникомъ, не подражае-

мымъ мастеромъ. Вотъ почему появленіе этихъ очерковъ сразу обратило на него вниманіе читателей, приковало къ нему вниманіе критики и поставило въ рядъ крупныхъ и оригинальныхъ русскихъ дарованій.

Слѣдующая серія его очерковъ подъ названіемъ «Разореніе» есть, по соціальному ихъ значенію, непосредственное продолженіе растеряевщины, но, по свидѣтельству самого Успенскаго, лишь силою обстоятельствъ его личной жизни, выпущенное въ свѣтъ въ видѣ самостоятельной работы. Онъ говоритъ самъ въ предисловіи къ своимъ сочиненіямъ изданія 1883 г., что «по первоначальному плану «Разореніе» должно было составить одну большую работу, въ которую долженъ былъ войти весь матеріалъ, распавшійся потомъ на три части. Обстоятельства чисто личнаго характера заставляли меня часто на долгое время прерывать работу и, когда она потомъ начиналась послѣ значительнаго перерыва,—придавать ей форму работы самостоятельной, какъ будто бы она не имѣла никакой связи съ рядомъ предшествовавшихъ очерковъ. Сколько нибудь внимательный читатель увидитъ, однако, что дневникъ «Тише воды, ниже травы» есть въ сущности прямое продолженіе первой части «Разоренія», печатаемой здѣсь подъ названіемъ «Наблюденія Михаила Ивановича». Въ этой второй части дѣйствуютъ тѣ же лица разоренной семьи—сынъ, дочь и мать. Но такъ какъ этотъ дневникъ, по разнымъ причинамъ, появился послѣ первой части почти черезъ годъ, когда первую часть читатель могъ и забыть, то являлось необходимымъ измѣнить кое-что въ характерахъ и обстановкѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Неудивительно поэтому, что изъ собранныхъ въ этомъ томѣ очерковъ многое могло быть понято не такъ, какъ бы слѣдовало, многому могло быть приписано вовсе не подобающее значеніе. Такъ, напримѣръ, многимъ могло показаться, что въ безсильномъ и слабомъ авторѣ дневника я желалъ видѣть героя. Нѣтъ! этотъ типъ такъ же, какъ почти все, что вошло въ первыя двѣ части «Разоренія», отживаетъ свой вѣкъ, и авторъ дневника—типъ «отжившей» молодежи. Нарожденію новыхъ, неясныхъ стремленій въ толпѣ, то-есть въ неразвитой, забитой и необразованной средѣ, предполагалось посвятить третью часть, которая и явилась опять-таки вслѣдствіе перерыва подъ особымъ заглавіемъ «Наблюденія лѣнтя».

Итакъ, «Разореніе» есть прямое продолженіе «растеряевщины», но «растеряевщины», уже потрясенной и взбудораженной новымъ пореформеннымъ временемъ и прогрессивными волненіями. Эти послѣднія, хотя и не успѣли видоизмѣнить строя растеряевской жизни, но успѣли внести въ нее тревогу и опасенія, и съ тѣмъ вмѣстѣ наградили ее и несбыточными мечтаніями и эфемерными иллюзіями. Мечтаніямъ и иллюзіямъ, какъ и подобаетъ имъ всегда и вездѣ, не суждено было сбыться, а отсюда ихъ крушенія со всѣми

вытекающими отсюда комическими и трагическими слѣдствіями, послѣ чего, однако, провинціальная захолустная жизнь все же ничѣмъ не измѣняется къ лучшему, а продолжаетъ попрежнему существовать на основѣ безпробудной тоски, апатіи, заботности и полнѣйшей пассивности. «Несмотря на то, что новыя времена «объявились» въ нашихъ мѣстахъ еще только винтовой лѣстницей новаго суда и недостроенной желѣзной дорогой, жить всеѣмъ (таковъ говоръ) стало гораздо скучнѣе прежняго, ибо вмѣстѣ съ этими новостями пришло что-то такое, что уничтожило прежнюю весьма пріятную и пѣвучую зѣвоту, и томить, и мѣшаетъ. Никогда не было такого обилія скучающихъ людей, какое въ настоящую пору переполняетъ рѣшительно все углы общества, отъ лучшей гостиной въ «Дворянской» улицѣ до овощной и мелочной лавки Трифонова во Всесвятскомъ переулкѣ. Все это скучаетъ, томится и вообще чувствуетъ себя неловко. Среди этой скуки и томленія только и слышишь такіе разговоры, какъ: я говорю одно: иди и ложись въ гробъ!—взволнованнымъ голосомъ говорить обнищавшій отъ современности купецъ.—Нонѣшнее время не по намъ... Потому нонѣшній порядокъ требуетъ контрактъ, а контрактъ тянетъ къ нотаріусу, а нотаріусъ призываетъ къ штрафу!.. Намъ этого нельзя... Мы люди простые... Мы живемъ по душѣ, по чести. — Или: желѣзная дорога! Ну, что такое желѣзная дорога?—говоритъ длинный и сухопарый чиновникъ Печкинъ въ непромокаемой шинели. — Ну, что такое желѣзная дорога? Дорога, дорога... А что такое? въ чемъ? почему? въ какомъ смыслѣ?»

«Прижимка», на исчезновеніе которой возлагалось столько надежды въ растеряевщинѣ, не исчезла съ новыми вѣяніями, но осталась попрежнему въ полной силѣ, развѣ что съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ и въ новыхъ формахъ проявленія.

«Разореніемъ» авторъ ввелъ читателей изъ растеряевщины въ новый кругъ вопросовъ, теченій, интересовъ и людей. Отъ прежняго остались лишь обломки, разрозненныя части, на коихъ онъ и возводитъ слѣдующую серію своихъ очерковъ «Новыя времена, новыя заботы», которые имѣютъ очень мало связи съ предыдущими очерками. Но и здѣсь пока мы не видимъ еще Успенскаго восьмидесятихъ годовъ, передъ нами попрежнему рисуется бытописатель преимущественно городской захолустной жизни, пѣвецъ ея тоски и невѣжества, но манера писанія у автора уже значительно разнится отъ той, съ которой писаны «Нравы Растеряевой улицы» и «Разоренія». Тутъ уже беллетристъ-художникъ все чаще уступаетъ мѣсто беллетристу-публицисту, и Успенскій сплошь и рядомъ, оставляя нить повѣствованія, углубляется въ разсужденія на общественныя темы и въ экскурсіи психологическаго свойства. Мы явно видимъ въ новѣйшихъ очеркахъ, что писатель уже значительно изнервничался, изболѣлся, изболѣлся и своею

работою, и вопросами тревожныхъ дней семидесятихъ годовъ, и вѣчной тоской по людскому горю и страданіями. Нѣкоторыя страницы этихъ очерковъ уже наводятъ на мысль, что думы и заботы автора сильно надломили его здоровье и могутъ впоследствии привести къ печальной катастрофѣ. Вотъ, что въ очеркѣ на «Старомъ пепелищѣ», напримѣръ, говоритъ онъ о своемъ душевномъ настроеніи: «Начинало разсвѣтать, когда я кончилъ какой-то новый романъ... и задумался объ этомъ мучительно-нравственномъ состояніи толпы, послѣдовавшемъ вслѣдъ за пробужденіемъ ея мертво спавшей совѣсти, и мгновенно передо мною пронеслась цѣлая вереница смертей,—смертей отъ испуга при видѣ подлинной сущности самого себя... Одинъ рванулъ къ свѣту и съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ безъ ногъ, что какъ бы онъ ни желалъ итти, — онъ не можетъ сдѣлать шагу... Другой вдругъ неожиданно-негаданно увидалъ и узналъ, что вмѣсто сердца у него — деревяшка или пустое мѣсто, а жизнь какъ нарочно потребовала сердца, да еще какого большого!.. Правда и совѣсть, неожиданно-негаданно, среди заматорѣлой безсовѣстности, среди прочно укрѣпившейся, довольной, покойной неправды, точно прикосновеніе свѣжаго воздуха къ трупамъ, произвели разложеніе этихъ труповъ, которые до сего времени почти невредимо сохранялись въ лишенномъ воздуха мѣстѣ... Толпы этихъ невинно убиенныхъ совѣстью людей, буквально толпы, неслись въ моемъ воображеніи, не прекращая своего мрачнаго шествія ни на минутку и не обѣщая конца... Да, подумалъ я, еще долго, безконечно долго, еще въ большомъ количествѣ поколѣній будутъ отдаваться слѣды вѣковой неправды! Долго еще состояніе души его будетъ одинъ подавленный, скрытый крикъ, прежде нежели переболитъ онъ и, очистившись въ глубокомъ страданіи, покорится тернистому пути, который ему предлежитъ, вѣзмъ сердцемъ, всею душою пойметъ и почувствуетъ, что этотъ-то путь и есть настоящій, и есть настоящая правда и жизнь...

«А тѣни погибшихъ друзей, товарищей, знакомыхъ такъ и жалелись одна за другою... Что это были за лица! То измученныя, то искаженныя злобой... Благодаря разстроеннымъ нервамъ, бессонной ночи, мучительнымъ воспоминаніямъ, навѣваемымъ родиной, я въ полусумракѣ начинавшагося утра сталъ довольно явственно различать то въ томъ, то въ другомъ углу комнаты мельканье и какъ бы легкій шорохъ и мельканье какихъ-то фигуръ, и даже не фигуръ, а просто мнѣ казалось, что въ комнатѣ есть что-то или кто-то, кромѣ меня... Разъ даже почудилось мнѣ, что въ головахъ моей кровати о желѣзо (кровать была желѣзная) что-то чуть-чуть стукнуло, какъ стучитъ кашель... Разъ и два (я думалъ объ одномъ застрѣлившемся товарищѣ)... Ужъ не кровь ли это каплетъ?—мелькнуло у меня, и я проворно вскочилъ съ постели—такъ мнѣ стало жутко... Разумѣется, ничего не было, но спать я уже не могъ».

Я не думаю, чтобы приведенная страница изъ разсказа Успенскаго была сплошнымъ вымысломъ,—для того онъ слишкомъ правдивый и впечатлительный писатель, нѣтъ, скорѣе по своей экспансивности, онъ передалъ читателямъ дѣйствительно съ нимъ бывшее, что въ данномъ случаѣ до извѣстной степени какъ бы сближаетъ его съ мрачными и неуравновѣшанными настроеніями героевъ Достоевскаго. Писатель уже изнервничался подъ воздействиемъ разнообразныхъ причинъ, и эта нервность съ теченіемъ времени и въ дальнѣйшихъ его произведеніяхъ проявляется все чаще и все въ большей пропорціи.

VI.

Что же представлялъ собою Успенскій въ то время, и каковымъ знали его близкіе ему люди? По настоящему предмету необходимо обратиться къ воспоминаніямъ о немъ гг. Скабичевскаго, Михайловскаго и другихъ, появившимся въ печати, какъ незадолго до кончины нашего беллетриста, такъ и по смерти его.

Вспоминая свое первое знакомство съ Успенскимъ, относящееся къ концу шестидесятыхъ годовъ, г. Михайловскій повѣствуетъ: «Я уходилъ отъ Курочкина. На лѣстницѣ, этажемъ ниже, стоялъ у дверей молодой человѣкъ съ неправильнымъ, но чрезвычайно оригинальнымъ лицомъ, на которомъ вниманіе не могло не остановиться. Къ удивленію моему, молодой человѣкъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Вы Михайловскій?»—«Да».—«Я—Успенскій. Зайдемте ко мнѣ, я вотъ тутъ живу». Оказалось, что мы стоимъ какъ разъ у дверей квартиры Успенскаго. Онъ меня зналъ по наслышкѣ отъ Курочкина и отъ другихъ, я его зналъ, какъ автора «Нравовъ Расстриевоу улицы» въ «Современникѣ» и разсказовъ «Вудка» и «Остановка», только что напечатанныхъ въ 1868 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ». Онъ былъ тогда холостъ и жилъ вполне необыкновенно. Квартира его состояла изъ одной комнаты и кухни. Въ кухнѣ, которая, разумѣется, никогда не исполняла своего спеціального назначенія, онъ устроилъ себѣ спальню, а комната изображала собою кабинетъ, салонъ, пріемную и все прочее. Прислуги не было. Разная хозяйственная утварь если и была, то въ весьма незначительномъ количествѣ. Зато была половая щетка, и когда нуженъ былъ самоваръ или что нибудь въ этомъ родѣ, Глѣбъ Ивановичъ стучалъ этою щеткою въ потолокъ. Это былъ условный знакъ, по которому изъ квартиры Курочкина являлась его кухарка, хорошо извѣстная многимъ писателямъ, ворчливая, но добродушная, иконописнаго вида старуха, Аксинья Васильевна. Кухня-спальня отоплялась плитой, а въ салонѣ было какое-то особенное отопленіе, безъ топки изнутри комнаты и требовавшее аккуратнаго открыванія и закрыванія какихъ-то душниковъ и заслонокъ. А такъ какъ хозяинъ не отличался аккуратностью, то въ

салонѣ было очень сыро и скверно. Это не мѣшало хозяину блистать заразительнымъ весельемъ и неподражаемымъ мастерствомъ разсказовъ»...

Заразительная веселость и неподражаемое мастерство разсказовъ были основными чертами характера молодого Успенскаго; къ нимъ еще слѣдуетъ присоединить удивительную задушевность, чуткость, доходящую до нервности, отзывчивость на все доброе и вѣчное стремленіе къ скитальчеству. Съ теченіемъ лѣтъ, и даже довольно короткихъ, отъ веселости осталось очень немного, а остальные черты стали еще напряженнѣе и болѣзненнѣе. Вспоминая о покойномъ, Старый Петербуржецъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (№ 83) такъ рисуетъ молодого Глѣба Ивановича: «Своею врожденною, апіорною, такъ сказать, благожелательностью, куда психологическая чуткость не подшепнула Глѣбу Ивановичу: «это прохвость», своею простотою, искренностью, откровенностью, сердечностью, задушевностью онъ завоевывалъ новаго знакомаго безъ малѣйшаго о томъ старанія, съ перваго часа знакомства, и чѣмъ больше вы съ нимъ сближались, тѣмъ завоевываніе было полнѣе, съ тѣмъ большимъ внутреннимъ удовольствіемъ вы вспоминали потомъ о встрѣчѣ съ нимъ... Помимо же этой стороны, знакомство съ нимъ имѣло еще другую прелесть. Наблюдательный и вдумчивый, онъ высказывался охотно обо всемъ, чѣмъ интересовался въ данный моментъ, и формулировалъ свои мысли въ очень своеобразныхъ выраженіяхъ, сопоставленіяхъ, образахъ, не укладывающихся въ ходячій способъ опредѣленій и аргументацій. Рутинерамъ словопреній рѣчь Успенскаго могла часто казаться смутной, подчасъ доходящей почти до нечленораздѣльности даже и тогда, когда въ немъ не замѣчалось ни признаковъ болѣзни, безвременно лишившей его способности сознательно и здраво думать и писать, ни возбужденія, вызваннаго лишней рюмкой вина или кружкой пива. Собесѣдниковъ же, не поработанныхъ шаблонными приемами уясненія явленій, Успенскій плѣнялъ, напротивъ, мягкостью характеристикъ, зигзаговатостью доказательствъ, отрывочностью и перескакиваньемъ».

Г. Скабичевскій въ фельетонѣ «Новостей» (№ 98), посвященномъ памяти Успенскаго, утверждаетъ, что покойный говорилъ, какъ писалъ. «Глѣбъ Ивановичъ, — говоритъ онъ — неимпровизировалъ своихъ разсказовъ, а передавалъ то, что онъ создавалъ, чѣмъ горѣлъ. Слушая его увлекательные разсказы, вы могли быть увѣрены, что, по прошествіи нѣкотораго времени, вы прочтете ихъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Такъ его «Власть земли» я прослушалъ изъ его устъ по крайней мѣрѣ за мѣсяць передъ тѣмъ, какъ разсказъ этотъ появился въ журналѣ».

Будучи художникомъ слова, Успенскій терпѣть не могъ, однако, ораторствовать на публикѣ, выставявъ себя на показъ. Для

этого онъ былъ слишкомъ скромнень и конфузливъ. «Для него было истиннымъ мученіемъ обращать на себя вниманіе, даже выходить на эстраду на литературныхъ вечерахъ»,—говоритъ г. Михайловскій въ своихъ «Матеріалахъ для біографіи Успенскаго». Я помню уморительную сцену на литературномъ вечерѣ въ Москвѣ, въ домѣ В. А. Морозовой. Залъ вмѣщалъ всего какихъ нибудь 200—300 человекъ, и все это были горячіе поклонники Глѣба Ивановича (вечеръ имѣлъ частный характеръ). Его встрѣтили градомъ аплодисментовъ, а онъ, претерпѣвъ ихъ, раскрылъ книгу, постоялъ нѣсколько секундъ молча, потомъ закрылъ книгу и молча сошелъ съ эстрады».

Ту же черту скромности и конфузливости въ покойномъ отмѣчаетъ и г. Сильчевскій въ своихъ воспоминаніяхъ о покойномъ («Новости», № 84). «На учащуюся молодежь Г. И. производилъ,—какъ и на всѣхъ знавшихъ его,—неотразимое впечатлѣніе, хотя самъ онъ и не любилъ бывать на многолюдныхъ вечерахъ. Съ большими усиліями, едва-едва, разъ мнѣ удалось уговорить Г. И. отправиться на одну вечеринку, устроенную учащеюся молодежью на окраинѣ Петербургской стороны. Послѣ долгихъ отговорокъ Г. И. наконецъ собрался, и мы отправились. Приѣхали на Петербургскую сторону. Было часовъ 8, но Г. И. утверждалъ, что еще рано, и предложилъ зайти пока въ портерную. Въ портерной Г. И. до того увлекъ меня занимательнымъ разговоромъ, что, заслушавшись его непередаваемо-мастерскихъ и мѣтко-образныхъ рассказовъ и воспоминаній о людяхъ, которыхъ онъ встрѣчалъ,—я совершенно и не замѣтилъ, какъ прошло время, и опомнился только тогда, когда насъ попросили о выходѣ: было уже 11 часовъ, и портерная закрывалась».

— «Ну, слава Богу, на вечеринку теперь, поздно,—сказалъ Успенскій и тутъ же сообщилъ, что онъ нарочно придумалъ такую «стратагему» занять меня рассказами, чтобы не попасть на вечеринку.—Ей-Богу, я теряюсь на многолюдныхъ вечерахъ, и присутствовать въ толпѣ незнакомыхъ людей для меня пытка—пытка и мученье, если они знаютъ, что я литераторъ такой-то, дескать, Успенскій!—откровенно признался онъ и просилъ не сердиться на «стратагему»».

Будучи столь скромнымъ, онъ тяготился извѣстностью, которую создала ему особенно въ 80-хъ годахъ его литературная дѣятельность, почему одно время даже не подписывалъ своихъ произведеній полнымъ и настоящимъ своимъ именемъ, а псевдонимомъ: Г. Ивановъ.

Успенскій отличался полнымъ отсутствіемъ практичности, и былъ въ этомъ отношеніи крайне беспомощенъ, безпорядоченъ и неумѣлъ, но «вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ большой искусникъ въ теоретическомъ построеніи плановъ,—повѣствуетъ про него г. Ми-

хайловскій, всегда у него было все обдуманно до мельчайшихъ подробностей. Онъ и другимъ, въ томъ числѣ и мнѣ, случалось, давать истинно превосходные совѣты, какъ устроить свои дѣла въ томъ или другомъ отношеніи, но его собственныя дѣла были всегда и во всѣхъ отношеніяхъ плохи, и превосходно обдуманые планы разбивались при самомъ приступѣ къ ихъ выполненію. Надо сдѣлать то-то и такъ-то, а выходитъ «ахиней» и «чепуха». Редакціи журналовъ и газетъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, всегда высоко цѣнили его сотрудничество, а между тѣмъ онъ постоянно нуждался, хотя и постоянно работалъ. Его письма къ редактору-издателю «Русскихъ Вѣдомостей» переполнены тонко и точно разработанными планами погашенія авансовъ (за эту тонкость и точность Салтыковъ называлъ его «министромъ финансовъ»), но изъ тѣхъ же писемъ видно, что едва ли хоть одинъ изъ нихъ былъ приведенъ въ исполненіе и не отмѣнялся черезъ короткое время другимъ столь же обстоятельнымъ. Съ деньгами онъ вообще совершенно не умѣлъ обращаться. И это ставило его подчасъ въ истинно трагическое положеніе, хотя въ то же время его блестящіе финансовыя планы не могли не производить комическаго эффекта.

По поводу этого комизма г. Скабичевскій въ своихъ воспоминаніяхъ объ Успенскомъ въ «Новостяхъ» приводитъ очень любопытную сценку изъ жизни редакціи «Отечественныхъ Записокъ».

Однажды Салтыковъ, встрѣтивъ его, когда онъ пришелъ къ нему за новымъ авансомъ, грознымъ словомъ «опять?», началъ допытываться у него, куда же онъ дѣвалъ 800 рублей, взятые имъ всего лишь нѣсколько дней назадъ. Глѣбъ Ивановичъ, пощипывая бородку, въ замѣшательствѣ отвѣчалъ:

- Да вотъ, купилъ фунтъ сыру... и замолчалъ.
- Ну, а еще что же?—продолжалъ допытываться Салтыковъ.
- Ну, что же еще? Право, ужъ не запомню... Ну, фунтъ сыру... и опять молчаніе.

Такъ болѣе этого фунта сыру Салтыковъ ничего и не добился.

Непрактичность и вѣчная запутанность въ денежныхъ дѣлахъ и расчетахъ усугублялась у покойнаго добротою его сердца, которое вѣчно болѣло не объ однихъ своихъ родныхъ и близкихъ, а о каждомъ бѣдствующемъ, котораго только встрѣчалъ онъ въ своей жизни. Нерѣдко случалось, что, путаясь самъ въ долгахъ и не въ состояніи будучи свести концы съ концами, онъ бралъ авансъ въ какой либо редакціи, чтобы всецѣло вручить его нуждающемуся и выручить его изъ бѣды. А случалось и такъ, что, получивши за свою работу крупный кушъ, онъ раздавалъ деньги одному, другому, третьему, которые просили у него въ долгъ по крайней нуждѣ въ деньгахъ, и домой приносилъ одни жалкіе остатки.

VII.

Доброта и отзывчивость Успенскаго были, по признанію всѣхъ знавшихъ его, удивительныя; это былъ настоящій «душа-человѣкъ», который вмѣщалъ въ свое обширное и больное сердце всѣхъ страждущихъ и угнетенныхъ. Многія его личныя незадачи жизни проистекали именно оттого, что онъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ судьбамъ близкихъ и постоянно спѣшилъ на помощь имъ, забывая и себя, и семью, и начатую работу, и тотъ заработокъ, который былъ непосредственно связанъ съ этою работою, и въ коемъ онъ постоянно нуждался. Г. Михайловскій въ числѣ прочаго «матеріала» для этой стороны жизни своего покойнаго друга приводитъ, между прочимъ, слѣдующій эпизодъ. «Въ октябрѣ 1886 г., когда я, участвуя въ редакціи «Сѣвернаго Вѣстника», ждалъ отъ него изъ Чудова обѣщанной рукописи, я получилъ вмѣсто нея письмо изъ Рязани: «Нежданно-негаданно пришлось бросить работу и уѣхать по одному дѣлу. Ужъ, стало быть, чтонибудь есть, больше я не знаю, что сказать, и до моего возвращенія ни о моемъ отъѣздѣ не говорите никому и никого (буквально) не спрашивайте. Я глубоко огорченъ, что надулъ «Сѣверный Вѣстникъ», но я искуплю въ ноябрѣ и декабрѣ. Не было возможности даже зайти къ вамъ. Пишу на вокзалѣ въ Москвѣ, черезъ часъ ѣду дальше. Итакъ, знайте, пожалуйста, что если бы не серьезное дѣло, я бы не бросилъ работы и всѣхъ своихъ дѣлъ». Потомъ я узналъ секретъ этой неожиданной поѣздки: Глѣбъ Ивановичъ ѣздилъ за тысячу верстъ для улаженія недоразумѣній, возникшихъ въ семьѣ одного нынѣ уже умершаго, горячо любимаго имъ товарища».

О той же отзывчивости свидѣтельствуетъ и г. Сильчевскій, говоря, что Успенскаго и личное и общественное горе заставляло страдать и мучиться. «Онъ дѣлалъ все возможное, трудился, бѣгалъ и хлопоталъ даже для мало знакомыхъ ему, но «хорошихъ» людей, если ихъ постигала какая либо бѣда. Помню, какъ онъ (1875 г.) хлопоталъ и устраивалъ нашего общаго пріятеля Н. В. Гр—ва, идеалиста-народника, котораго судьба поставила въ весьма трудныя обстоятельства.... Глѣбъ Ивановичъ бросилъ всѣ свои дѣла и до тѣхъ поръ не успокоился, пока не сдѣлалъ для Гр—ва все, что могъ».

Сердце у Успенскаго было воистину золотое, и это качество проявлялось не только въ тѣхъ или иныхъ практическихъ случаяхъ жизни, но и въ его работахъ, которыя именно всѣмъ насквозь проникнуты удивительной сердечностью, тою задушевностью, что сквозила и нервно трепетала даже въ компаніи и обстановкѣ героевъ Растеряевой улицы. Тѣ юношескія слезы, о коихъ онъ повѣствуетъ въ своей автобіографіи, имѣли своимъ источникомъ именно это сердце и, если вполнѣдствіи онъ не лился обильно изъ его глазъ,

зато онѣ несомнѣнно присутствуютъ на всѣхъ страницахъ его работъ. Этимъ обстоятельствомъ до извѣстной степени и объясняется популярность, которая была имъ приобретена среди читателей и вообще современниковъ, а, особенно, среди молодежи, помимо самаго содержанія этихъ работъ и вопросовъ, здѣсь разработанныхъ.

Особенность характеристики и біографіи Успенскаго, «центральный ея пунктъ», по выраженію г. Михайловскаго, это его постоянные разбѣзды и неудержимое къ нимъ стремленіе. Для психологическаго объясненія этого пункта авторъ «матеріаловъ» приводитъ рядъ очень любопытныхъ писемъ Глѣба Ивановича, которыя даютъ отчасти объясненіе этой страсти и этому стремленію. Вотъ, напримеръ, онъ пишетъ г. Михайловскому изъ Парижа: «Господи, что за ахинея идетъ въ моей жизни, что за чепуха! Я пять лѣтъ стремился поѣздить по Дону и пробраться въ Соловецкій, а мнѣ надо сидѣть въ Парижѣ! Нечего сказать, по моимъ вкусамъ устроилось все!». Далѣе письмо къ г. Соболевскому изъ Одессы: «Какъ бы хорошо тутъ около Одессы,—словомъ, въ этихъ мѣстахъ, пожить мѣсяць! Сколько ужасно интереснаго: менониты, колонисты нѣмцы, штундисты, казаки! Все это до чрезвычайности ново, любопытно. Я чуть-чуть видѣлъ и говорилъ, и повѣрите ли, не растаялъ бы съ здѣшними мѣстами: такъ много въ каждомъ уголкѣ своего—вѣръ, порядковъ, взглядовъ, общественныхъ отношеній, типовъ и т. д. Но надо ѣхать въ Ростовъ, потомъ во Владикавказъ, и тамъ утвердиться на мѣсяць, а затѣмъ домой.... Я не печалюсь, хорошо себя чувствую, покойно, и много для меня чрезвычайно новаго. Ахъ, сколько новаго на Руси! Не тужите, не скучайте, не думайте о себѣ печально,—интереснѣй думать о томъ, какъ живутъ люди. Я всегда исцѣляюсь этимъ». Въ одной запискѣ къ г. Михайловскому онъ говоритъ о себѣ: «Былъ на нѣсколько часовъ въ Петербургѣ, и тамъ меня осѣнила такая ужасная тоска, вдругъ какъ обухомъ пришибла, что я не рѣшился зайти къ вамъ, просто боялся омрачить васъ и тотчасъ опять уѣхать въ Чудово за работу. Страшнозато что-то мнѣ по временамъ».

А вотъ рядъ отрывковъ изъ его писемъ къ г. Соболевскому, какъ ихъ сообщаетъ г. Михайловскій: 1) «Ѣхать мнѣ оказывается опять дѣломъ невозможнымъ—нѣтъ денегъ. Хотѣлъ я опять сѣсть за работу и написать послѣдній большой очеркъ «Концовъ», но положительно заѣло меня глубокое горе. Всѣ дѣла только что кончились въ Петербургѣ, только что я выбрался изъ этого кипучаго котла со свадьбами и шахами, и срадомъ, и оказывается, что нѣтъ возможности никуда поѣхать. Писать я положительно не въ состояніи. Вѣдь нынѣшній годъ истиранилъ меня, и истиранилъ на много лѣтъ. Уѣхать надобно.... Да надо и работать. Сидѣть въ этомъ смертельно надобвшемъ Чудовѣ или въ литературныхъ петербургскихъ кружкахъ.... положительно не въ моготу. Мнѣ надобно вновь

внимательно видѣть жизнь. Мих. надняхъ будетъ въ Москвѣ, Кр. уѣхалъ въ Сибирь, Яр. въ Парижѣ,—я только обреченъ изсыхать въ обстановкѣ, которая только меня пугаетъ, и самъ долженъ производить на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе.... Если бы можно было числа до 10 (и то ужасно долго) получить 300 рублей, я бы немедленно уѣхалъ въ Череповецъ, гдѣ меня ждуть, чтобы рассказать всю исторію закрытія земства... Если бы это можно было сдѣлать.... я прямо изъ Петербурга, не заѣзжая въ Чудово, прямо сѣлъ бы на шлиссельбургскій пароходъ (безъ даты). 2) Не знаю, куда мнѣ ѣхать: за границу или въ Сибирь къ переселенцамъ и съ переселенцами? А такъ «отдыхать» зря—не могу, тоска смертная. Въ Сибирь любопытно, но мрачно, чортова яма, холодъ, и вообще я поусталъ отъ мужика, его бороды, лаптей и вообще всего этого голоднаго и холоднаго. Больно смотрѣть, и голова отказывается мучиться объ этомъ, просто утомилась. А за границу тоже не знаю, будетъ ли толкъ (17 мая 1888 г.). 3) Главное, что я необыкновенно утомленъ духомъ моимъ. Видите, какъ плетусь? Только въ Казани, но это потому, что усталъ ужасно! въ Нижнемъ два дня не могъ встать съ постели. Можетъ быть, и хорошо это. Теперь въ Казани я могъ сѣсть за работу, а завтра, 9-го, ѣду въ Пермь. Меня пока беретъ раздумье—ѣхать ли туда? Соблазнительнѣйшія вещи прочиталъ я сегодня въ газетахъ о Семеновскомъ уѣздѣ, и меня туда тянетъ неумолимо. Эта поѣздка была бы мнѣ по душѣ болѣе, чѣмъ въ чортову Сибирь...».

Изъ другихъ приводимыхъ въ «матеріалахъ» г. Михайловскимъ писемъ Успенскаго мы узнаемъ, что онъ вдругъ прерывалъ свое путешествіе и оказывался снова дома за работой, то вдругъ вмѣсто одного намѣченнаго мѣста попадалъ въ другое, при чемъ, при этихъ передвиженіяхъ, обычные эпизоды съ багажомъ, вещами и деньгами, которыя забывались то тамъ, то сямъ, и которыя приходилось мѣстнымъ знакомымъ или выручать, или оставлять на произволъ судьбы.

Обращаясь къ психологической разгадкѣ этихъ вѣчныхъ разѣздовъ, г. Михайловскій полагаетъ, что она объясняется до известной степени изъ самихъ же писемъ: въ этихъ поѣздкахъ Успенскій видѣлъ свое исцѣленіе, а, когда отправлялся въ этихъ видахъ куда нибудь, у него глаза разбѣгались, ибо по всему свѣту онъ видѣлъ себѣ интересъ и задачи крупнаго общественнаго и историческаго значенія, находившіе отраженіе на страницахъ его произведеній. Но отчего же искалъ онъ исцѣленія?—спрашиваетъ г. Михайловскій и даетъ слѣдующій отвѣтъ.

VIII.

«Мнѣ не разъ случалось слышать мнѣніе, что психическая болѣзнь Глѣба Ивановича была результатомъ злоупотребленія алко-големъ,—говоритъ онъ.—Я никогда не могъ съ этимъ согласиться. Отнюдь не говорю, что Успенскій былъ въ этомъ отношеніи безгрѣшенъ. Но, не говоря о моральной сторонѣ дѣла,—ибо не знаю, много ли найдется въ томъ кругу, въ которомъ онъ вращался, людей, имѣющихъ право суда въ этомъ отношеніи,—я думаю, во-первыхъ, что слухи о его грѣхѣ сильно преувеличены (въ покаянномъ настроеніи онъ самъ способствовалъ этому преувеличенію), а, во-вторыхъ, грѣхъ этотъ былъ во всякомъ случаѣ не столько причиною, сколько слѣдствіемъ того нервнаго расстройства, которое окончилось психическою болѣзью. Вотъ, что писалъ однажды Успенскій г-жѣ N. «Не могу забыть, какъ я безобразно велъ себя у васъ,—напился! Могло ли это быть прежде, чтобы именно у васъ, у васъ-то я бы позволилъ себѣ это?.. а теперь вотъ позволилъ, стало быть, что-то во мнѣ пропало, и, стало быть, я сталъ пропадать». Выраженія: «безобразно велъ себя» и «напился», несомнѣнно сильно преувеличены, но здѣсь интересно указаніе на то, что Успенскій «позволилъ себѣ» быть въ «безобразномъ» видѣ у глубоко почитае-мой имъ женщины, когда въ немъ уже «что-то пропало». Я склоненъ придавать этому эпизоду символическое значеніе. Мнѣ кажется, что Глѣбъ Ивановичъ былъ отъ рожденія богатою и блестящею, но неуравновѣшенною натурой, которую могли спасти отъ печальнаго конца только исключительно благоприятныя условія жизни, какія вообще рѣдки, и какихъ не выпало на его долю. Болѣзнь подкралась къ нему съ чрезвычайною постепенностью. Можно, конечно, съ точностью сказать, когда болѣзнь началась. Быть можетъ, она вила давно уже себѣ въ немъ гнѣздо, когда мы, близкіе къ нему люди, видѣли въ немъ только очень нервнаго чудака-оригинала».

Однажды г. Михайловскій, столь близкій человѣкъ Успенскому, столь любившій его, затронулъ вопросъ объ алкоголизациі своего друга, то, конечно, нѣтъ основанія нынѣ, когда уже Успенскаго не стало, и когда приходится о немъ писать, какъ о дѣятелѣ, отошедшемъ въ вѣчность, обходить молчаніемъ этой деликатной стороны жизни покойнаго. Да, безусловно алкоголь сыгралъ въ жизни автора «Нравовъ Растеряевой улицы» крупную роль, и нѣтъ сомнѣнія, онъ, если не привелъ, то ускорилъ печальную развязку его жизни, обративъ послѣдній актъ этой жизни въ тяжкую и мрачную трагедію. Напрасно только г. Михайловскій употребляетъ слово «грѣхъ», когда говоритъ объ этомъ предметѣ. Грѣха тутъ никакого со стороны покойнаго писателя не было, а была лишь наличность тяжелой болѣзни, страшнаго недуга, который подтачивалъ и

безъ того нервный отъ природы организмъ писателя, съ каковымъ недугомъ онъ, повидимому, до извѣстной степени боролся и коему искалъ страстное исцѣленіе въ своихъ странствованіяхъ. Конечно, въ данномъ случаѣ методъ лѣченія былъ никуда негодный, ибо убѣжать отъ самого себя человѣку никуда невозможно, а оставаться съ своимъ недугомъ одинъ на одинъ во время скитаній значило лишь растравлять его и подвергать опасности обостренія. Я привелъ выше цитату изъ Успенскаго, гдѣ онъ повѣствуетъ о своемъ ночномъ душевномъ настроеніи, близкомъ къ галлюцинаціи, и въ этой цитатѣ я склоненъ, несомнѣнно, видѣть слѣдъ того недуга, отъ коего онъ такъ страстно стремился отдѣлаться. Если дать себѣ трудъ внимательно просмотрѣть всѣ произведенія Успенскаго, то такихъ мѣстъ найдется не одно, а суммированные вмѣстѣ они могли бы, въ рукахъ хорошаго врача-психіатра, дать обильную пищу для психіатрической работы и анализа, какъ это, напримѣръ, уже до нѣкоторой степени сдѣлано въ отношеніи произведеній Достоевскаго. Если вспомнить нравы Растряевой улицы, изъ нѣдръ коей собственно вышелъ Успенскій, и гдѣ, по его словамъ, «не пить трудно», если вспомнить трагическую судьбу ближайшаго его родственника, несчастнаго Ник. Успенскаго, погибшаго исключительно отъ алкоголя, если вспомнить среду народниковъ-разночинцевъ: Якушкина, Рѣшетникова и другихъ, между коими протекли его ранніе юношескіе годы, то не останется никакого сомнѣнія, что недугъ Глѣба Ивановича частью былъ наслѣдственъ, частью привитъ ему въ очень раннемъ возрастѣ и привитъ настолько ужъ прочно, что отдѣлаться отъ него простыми странствованиями не было никакой возможности. Необходимо, кромѣ того, имѣть въ виду и послѣдующую обстановку нервныхъ семидесятыхъ годовъ, гдѣ чарка вина, какъ бы по наслѣдству отъ предшествовавшей эпохи, играла также немалую роль. А Успенскій былъ вѣрный сынъ этихъ годовъ и, какъ въ своей личности, такъ и въ своихъ произведеніяхъ, дѣлилъ съ ними всѣ превратности и всѣ настроенія подъема и паденія духа.

О грѣхѣ, поэтому, нечего и говорить, и остается лишь удивляться и, пожалуй, быть безконечно признательнымъ Успенскому, что онъ, раздѣаемый тяжкимъ и страшнымъ недугомъ, не допустилъ себя сгорѣть раньше времени, подобно старшимъ народникамъ-беллетристамъ, и обогатилъ русскую литературу такими крупными произведеніями, какъ «Нравы», «Разореніе», «Власть земли» и другія. Въ этомъ его великій подвигъ и, почему знать, раннее наступленіе постигшей его катастрофы зависѣло ли отъ основы недуга или интенсивности внутренней борьбы съ нимъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что вообще исторію катастрофы съ Успенскимъ трудно воспроизвести во всѣхъ подробностяхъ—здѣсь дѣйствовало слишкомъ много разнообразныхъ факторовъ и психическаго, и

соціального, и историческаго характера и разбираться въ нихъ сейчасъ несвоевременно, ибо тутъ пришлось бы говорить о такихъ вещахъ, для коихъ еще не поступило время истории и оцѣнки. Тутъ пришлось бы считаться съ эпохою семидесятыхъ годовъ во всемъ ея объемѣ, что и вообще по существу и по нынѣшнимъ временамъ въ особенности неумѣстно.

Во всякомъ случаѣ, нервность организациі Успенскаго не встрѣчала себѣ ни въ чемъ умѣренія, а напротивъ всѣмъ складомъ обстоятельствъ общественной жизни, близостью къ разнымъ дѣятелямъ этой жизни, задачами самой литературной дѣятельности, гдѣ вѣчно приходилось откликаться не на радости жизни, а на мрачныя и печальныя ея стороны, личнымъ недугомъ и стремленіемъ къ его исцѣленію, всѣмъ этимъ — нервность его организациі раздражалась до послѣднихъ предѣловъ, когда уже, наконецъ, не стало силъ терпѣть и пришлось стать въ печальные ряды заживо-похороненныхъ. Я постарался представить главнѣйшія характерныя черты Успенскаго, какъ человѣка, къ коимъ остается еще прибавить краткія свѣдѣнія изъ его біографіи. Послѣдняя собственно не богата фактами жизни.

Создавъ себѣ уже крупную извѣстность, какъ талантливый быто-писатель захолустной провинціальной Россіи, Успенскій въ 1870 г. женился, а въ слѣдующемъ году уѣхалъ за границу, гдѣ жилъ главнѣйшимъ образомъ въ Парижѣ и Лондонѣ. Заграничная эта поѣздка слабо отразилась на его литературной дѣятельности, если не считать оригинальныхъ и любопытныхъ наблюдений надъ Венерой Милосеккой въ разсказѣ «Выпрямили». За границу онъ ѣздилъ и въ Сербскую войну, а также еще разъ во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ. Его писема изъ Сербіи, посланныя въ видѣ полубеллетристическихъ произведеній, полны свойственной ему одному оригинальности и не потеряли интереса и для нашего времени, какъ характеристика русскихъ за границею и сопоставленіе ихъ съ тамошними людьми.

По возвращеніи на родину, онъ, все попрежнему томимый тоской по правдѣ жизни, скоро покинулъ городскую жизнь и осѣлъ въ деревнѣ, въ каковыхъ видахъ приобрѣлъ себѣ даже небольшую недвижимую собственность по Николаевской желѣзной дорогѣ, въ Чудовѣ, съ коимъ въ значительной степени связаны его замѣчательные очерки изъ жизни сельскаго русскаго люда. Нельзя не отмѣтить, что Успенскій пытался поступить и на службу, но успѣха на этомъ поприщѣ никакого не имѣлъ и вскорѣ бросилъ это совсѣмъ чуждое его природѣ дѣло. По этому предмету вотъ что сообщаетъ г. Михайловскій. Измученный разными впечатлѣніями Глѣбъ Ивановичъ задумывалъ иногда усесться на мѣстѣ, поступить на службу и, имѣя постоянный заработокъ, работать въ литературѣ спокойно. Но это ему

удавалось не надолго. «Дольше всего, кажется, онъ служилъ завѣдующимъ сельской ссудо-сберегательной кассой въ Самарской губерніи, — повѣствуетъ г. Михайловскій. Повидимому, онъ этой службой былъ доволенъ,—по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія собраннаго имъ тамъ матеріала для литературной обработки. Иначе вышло съ другой его пробой служебной дѣятельности. 11 сентября (все равно какого года) онъ даже съ нѣкоторымъ торжествомъ извѣщалъ меня: «Сижу въ должности», а письмо отъ 1 февраля слѣдующаго года начинается словами: «Мѣста у меня больше нѣтъ». И вотъ мотивы, изложенные въ письмѣ отъ 19 марта: «Мѣсто... я долженъ былъ бросить и какъ ни скверно это въ матеріальномъ отношеніи, но рѣшительно не раскаиваюсь: подлые концессионеры глотають милліоны во имя разныхъ шарлатанскихъ проектовъ,—и во сколько же разъ подлѣе интеллигенція, которая не за милліоны, а за два двугривенныхъ осуществляетъ эти разбойничьи проекты на дѣлѣ, тамъ, въ глубинѣ страны? Громадныя челюсти концессионеровъ ничего бы не сдѣлали, ничего бы не проглотили, если бы имъ не помогали эти острые двухъ-двугривенные зубы, которые тамъ, въ глубинѣ Россіи, въ глуши, пережевываютъ неповиннаго ни въ чемъ обывателя. Я не могу быть въ числѣ этихъ зубовъ; если бы мнѣ было хоть мало-мальски покойно, я бы, можетъ быть, не такъ былъ чувствителенъ ко всему этому и, понимая, считалъ бы себя скотиной, но жалованье получалъ бы аккуратно. Но при томъ раздраженіи, которое временами (какъ въ послѣдній приѣздъ въ Петербургъ) достигаетъ по истинѣ глубочайшей невыносимости, я не могу не принимать этихъ скверныхъ впечатлѣній съ особенною чувствительностью. Мѣсто надо было бросить: всѣ тамъ служащіе знаютъ, что они дѣлаютъ разбойничье дѣло (будете въ этомъ увѣрены), но всѣ знаютъ, чѣмъ оправдать свое положеніе... а вотъ зачѣмъ литераторъ-то (каждый думаетъ изъ нихъ) тоже мокаетъ свое рыло въ эти лужи награбленныхъ денегъ,—это ужъ не хорошо. «Пишете одно, а дѣлаете другое». Вотъ почему нужно было бросить ихъ въ ту самую минуту, какъ только стала понятна вся подлецкая механика ихъ дѣла»...

Исходя изъ такихъ взглядовъ, понятно, Успенскій, кромѣ литературы, не могъ найти себѣ никакого практическаго дѣла, да уже болѣе его и не искалъ, обратившись во всероссійскаго народника-гражданина, вѣчно находящагося въ разъѣздахъ, и лишь не надолго заѣзжая то въ Петербургъ, то въ свое Чудово, къ семьѣ, состоявшей, кромѣ жены, изъ четырехъ дѣтей—двухъ мальчиковъ и двухъ дѣвочекъ.

IX.

Я отмѣтилъ, что широкая извѣстность была завоевана Успенскимъ уже его очерками изъ городской провинціальной жизни, но еще большей степени достигла она, когда вслѣдъ затѣмъ стали появляться его очерки изъ жизни деревни, изъ жизни сѣраго крестьянскаго люда. Въ этой области, послѣ Некрасова, Успенскій рисуется истиннымъ страдальцемъ горя мужицкаго, его самымъ горячимъ адвокатомъ передъ обществомъ и литературой, его поэтомъ и пѣвцомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ никто въ нашей литературѣ ни до, ни послѣ него, не подходилъ къ современной деревенской жизни и къ современному мужику съ такимъ отрицаніемъ и скептицизмомъ, какъ это сдѣлалъ Успенскій, разрушая тѣмъ всѣ накопившіяся дотолѣ въ обществѣ и литературѣ иллюзіи по сему предмету, рисуя и самую деревню, и мужика въ ней, и все мужицкое общество, и его порядки въ самыхъ мрачныхъ ужасающихъ краскахъ. Весь длинный рядъ очерковъ, посвященныхъ этой темѣ (по изд. 1897 г.): и «Изъ деревенскаго дневника», и «Овца безъ стада», и «Малыя ребята», и «Крестьянинъ и крестьянскій трудъ», и «Богъ грѣхамъ терпитъ» и другіе, а въ особенноти «Власть земли», есть сплошной плачъ по деревнѣ и ея обитателямъ, надрывающій душу стонъ, и вмѣстѣ съ симъ самая торжествующая въ нашей литературѣ пѣснь о мужицкомъ будущемъ, которое должно рано или поздно наступить. Г. Скабичевскій въ своей «Исторіи новѣйшей русской литературы» ставитъ Успенскаго вмѣстѣ съ Н. Златовратскимъ прямо во главѣ новѣйшаго теченія народнической беллетристики, главныя задачи коей сводились къ постиженію основныхъ началъ народной жизни, къ выводамъ и обобщеніямъ, которые давали бы ключъ къ пониманію жизни народа въ ея массовыхъ проявленіяхъ, являющихся историческимъ дѣломъ вѣковъ. Между прочимъ, почтенный историкъ даетъ очень интересную справку о дѣятельности этихъ обоихъ видныхъ представителей беллетристики «Отечественныхъ Записокъ». Онъ говоритъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ Глѣбъ Успенскій и Н. Златовратскій обратили на себя вниманіе, какъ двѣ крупныя силы современной литературы, между ними постоянно усматривался взаимный антагонизмъ, какъ бы противоположныя полюсы воззрѣній на народъ,—отрицательный и пессимистическій со стороны Глѣба Успенскаго и положительный, оптимистическій со стороны Н. Златовратскаго. Во многихъ мѣстахъ произведеній этихъ писателей находили даже тайную, замаскированную полемику, которую они вели между собой на страницахъ одного и того же журнала. Читатели ихъ, въ свою очередь, раздѣлились на два лагеря: поклонниковъ Гл. Успенскаго и Н. Златовратскаго, при чемъ первые обвиняли Златовратскаго въ идеализаціи народа и сентиментальности,

а вторые заподозрѣвали Гл. Успенскаго въ чемъ-то въ родѣ скрытаго крѣпостничества. На самомъ же дѣлѣ оба писателя, при всемъ антагонизмѣ, зависящемъ отъ особенностей ихъ талантовъ, различными путями пришли къ одной и той же цѣли. Въ то время какъ Гл. Успенскій своимъ разлагающимъ, чисто прудоновскимъ анализомъ, вооруженнымъ беспощаднымъ юморомъ, разрушилъ всѣ накопившіяся съ сороковыхъ годовъ апріорныя иллюзіи, которыя мѣшали видѣть народъ въ его истинномъ свѣтѣ, Н. Златовратскій, на развалинахъ этихъ иллюзій, возвелъ новое зданіе, показавши намъ не воображаемая, а дѣйствительныя, положительныя начала народной жизни, о которыхъ до тѣхъ поръ никому и не снилось».

Насколько Успенскій въ его деревенскихъ очеркахъ былъ многими неправильно понимаемъ, и въ томъ числѣ даже литературной братіей, лучше всего свидѣтельствуетъ появившаяся въ свое время на страницахъ одного юмористическаго журнала (кажется, «Осколковъ») раскрашенная картинка, изображающая Успенскаго надвигающимся на распластованнаго мужика земной шаръ—землю, долженствующую окончательно раздавить этого мужика. Эта картинка символизировала якобы идею автора во «Власти тьмы», желающаго взвалить на народъ непосильное бремя земельного труда ради его моральнаго и экономическаго усовершенствованія, отъ какового труда ему суждено, однако, погибнуть, быть стертымъ съ лица этой самой земли.

Очерки Успенскаго, посвященные деревнѣ и мужику, по большей части, за исключеніемъ развѣ «Власти земли», носятъ на себѣ тотъ же характеръ, что и предыдущіе очерки, посвященные городской жизни и разночинцамъ. Они также въ большинствѣ случаевъ отрывочны, лишены художественной цѣлостности, гармоніи частей и эстетической закругленности. Авторъ здѣсь еще болѣе скупъ на краски, сжатъ въ своей рѣчи и постоянно часть повѣствовательную прерываетъ для экскурсій въ область практической и теоретической социологіи, политической экономіи и просто философскихъ разсужденій, которыя какъ нельзя болѣе гармонировали съ тѣми научными и публицистическими статьями, которыми изобиловали «Отечественныя Записки» 1870—1880-хъ годовъ. Въ этомъ отношеніи онъ какъ нельзя болѣе гармонировалъ съ работами Щедрина, Елисеѣва и Михайловскаго, главныхъ руководителей этого журнала, и являлся истиннымъ столпомъ того передоваго направленія, коему служили названные дѣятели въ ту эпоху. Отсюда понятенъ, помимо даже личной талантливости автора, тотъ воистину громаднй успѣхъ его очерковъ особенно среди молодежи и провинціальныхъ читателей, соприкасавшихся такъ или иначе съ народной жизнью. Каждый его очеркъ, посвященный изображенію и анализу этой жизни, вызывалъ самыя горячіе толки,

комментировался въ печати, вызывалъ, съ одной стороны, пламенные диоирамбы и похвалы, съ другой—нападки, полемику, запоздрѣваніе и незаслуженные укоры.

Въ краткомъ очеркѣ, разросшемся сверхъ положенныхъ ему предѣловъ, трудно резюмировать взгляды Успенскаго на народную жизнь, его идеалы въ этой области, *ria desideria* и упованія. Этой работы въ полной и законченной формѣ еще никто не сдѣлалъ изъ числа тѣхъ, кто писалъ о немъ, и для этого, пожалуй, труда одного человѣка недостаточно. У Успенскаго, что ни очеркъ, то рядъ богатѣйшихъ темъ для многихъ самостоятельныхъ изслѣдованій, ибо какихъ только темъ народной жизни имъ не задѣто, какихъ страницъ отечественной жизни не освѣщено. Тутъ и длинныя разсужденія, вперемежку съ беллетристическимъ изображеніемъ, о народномъ благосостояніи, о земельной скудости, о народномъ трудѣ, объ отношеніяхъ интеллигенціи къ народу и народа къ интеллигенціи, о легкомъ и трудномъ заработкѣ, о народной школѣ и грамотности, о народномъ самоуправленіи, о народномъ самопониманіи и т. д., и т. д. И все это уже на фонѣ не дореформенной жизни, какъ, напримѣръ, въ «Нравахъ Растеряевой улицы», а именно на фонѣ жизни реформированной и подъ угломъ зрѣнія, что добраго и что дурного дала эта реформа народу, чего она ему не дала, и что она еще должна ему дать. Обращаясь къ народу, онъ зоветъ его не отрываться отъ труда и земли, какъ бы тяжекъ этотъ трудъ ни былъ; обращаясь къ интеллигенціи, онъ призываетъ къ ея долгу, далеко еще не выполненному передъ народомъ, къ ея совѣсти и сердцу.

Въ этомъ отношеніи Успенскій, особенно принимая во вниманіе неблагопріятныя индивидуальныя особенности его личной жизни, оставилъ намъ громадное наслѣдство къ исполненію и послужилъ родной землѣ въ такой степени, какъ немногіе изъ нашихъ писателей, давъ своими произведеніями, при всей ихъ частой неотдѣланности и небрежности, истинный примѣръ гражданскаго служенія народу и родинѣ. Этимъ и объясняется, почему его такъ высоко цѣнили Г. З. Елисѣевъ, который всю свою жизнь проработалъ перомъ надъ тѣми же задачами. По свидѣтельству г. Михайловскаго, Елисѣевъ далъ даже однажды своей родственницѣ, уѣзжавшей изъ Петербурга, сочиненія Успенскаго, сдѣлавъ на нихъ слѣдующую интересную надпись: «Не падай духомъ въ постигшемъ тебя несчастіи, будь покойна и не переставай трудиться надъ своимъ самообразованіемъ для будущей дѣятельности, но такой дѣятельности, которая была бы приспособлена и пригодна для русской дѣйствительности. Для этого совѣтую тебѣ какъ можно чаще читать и даже изучать сочиненія Г. И. Успенскаго, единственнаго у насъ писателя, мысль котораго въ отношеніи Россіи отличается всегда искренностью, свѣжестью, правдивостью, богатствомъ

содержанія и глубиною. Да, даже и глубиною, при всей видимо легкости его писаній. Но глубина можетъ даваться только тому, кто будетъ читать его не бѣгло, а пристально вдумываться въ читаемое, усердно ворочая при этомъ собственными мозгами».

Въ послѣдній періодъ литературной дѣятельности Успенскаго, относящійся къ концу восьмидесятыхъ годовъ и самому началу девяностыхъ, произведенія его, посвященныя все тѣмъ же вопросамъ народной жизни, отличаются особенной грустью, и въ нихъ явно сказывается крайняя болѣзненность, нервность, усталость и даже, пожалуй, разочарованность. То же наблюдали въ его личномъ характерѣ его знакомые и друзья. Отъ прежняго смѣшливаго, веселаго и жизнерадостнаго Успенскаго не осталось слѣда, а былъ лишь раздраженный и больной человѣкъ, видимо сжегшій уже жизненную свѣчку съ обоихъ концовъ и близкій къ катастрофѣ, которая и послѣдовала въ 1891 году.

X.

Кажется, докторъ Шершевскій первый констатировалъ тогда правильно и безапелляционно «болѣзнь мозга» у Успенскаго, а вскорѣ почитатели Успенскаго узнали изъ газетныхъ свѣдѣній, что онъ помѣщенъ въ Новгородской земской психіатрической лѣчебницѣ, что положеніе его тяжело и безнадежно. Вотъ, что сообщаетъ по сему предмету сотрудникъ «Новостей», г. Городецкій, въ своей замѣткѣ объ Успенскомъ на слѣдующій день послѣ его смерти:

«Докторъ Х., хорошо извѣстный въ литературныхъ кружкахъ, обставилъ существованіе Глѣба Ивановича возможно лучше и покойнѣе. Больного часто навѣщали члены его семьи, и только «посторонніе» и «любопытствующіе» къ Глѣбу Ивановичу не допускались».

«Находили на Глѣба Ивановича свѣтлыя минуты успокоенія, и въ это время онъ съ грустью говорилъ о прошлыхъ дняхъ, о судьбѣ русскаго писателя и много говорилъ о судьбѣ русской деревни. Въ его отрывочныхъ, часто безсвязныхъ, словахъ всегда слышалась грустная нотка и всегда чувствовалось любовное отношеніе къ народу, которому покойный отдалъ всю свою жизнь и посвятилъ свое прекрасное дарованіе»

«Когда въ минуты сознанія больному говорили, что наступитъ время, когда онъ оправится и снова примется за работу, болѣзненно горѣвшіе, полные грусти глаза Глѣба Ивановича орошались слезами, и онъ говорилъ:

«— Глѣба Ивановича нѣтъ, Глѣба Ивановича нѣтъ, отлетѣла душа, нѣтъ разума, — только тѣло одно... И снова онъ впадалъ въ забытье, забивался въ уголъ, складывалъ на груди руки, — его

любимая поза, — и въ его больномъ, но все еще прекрасномъ взорѣ чувствовалась тяжелая, подавляющая тоска.

«Глѣба Ивановича всегда сокрушала тоска.

«— Мнѣ казалось, — говорилъ мнѣ врачъ, лѣчившій Г. И., — что въ его ненормальномъ взорѣ и рѣзкихъ движеніяхъ скрывалось что-то возвышенное и благородное, которое онъ не въ силахъ былъ передать... Потомъ врачъ Х. покинулъ земскую больницу.

«Я пришелъ къ Глѣбу Ивановичу проститься. Тяжела была для меня эта разлука, я привязался къ нему, такъ какъ и въ его болѣзненномъ состояніи все-же чувствовалъ прекрасную и святую душу.

«— Прощайте, Глѣбъ Ивановичъ.

«— Какъ прощайте, уѣзжаешь, зачѣмъ, куда, совсѣмъ?... — забросалъ меня вопросами Г. И. — Возьмите меня съ собою, возьмите...

«Глѣбъ Ивановичъ точно чувствовалъ, что съ отъѣздомъ прекраснаго гуманнаго врача его положеніе ухудшится, и «предчувствіе» это оправдалось.

«Уѣхалъ врачъ Х. Въ больницѣ появились новыя лица, пошли новые порядки.

«Безъ всякаго повода и основанія стало развиваться «паломничество» въ больницу, гдѣ находился Г. И., его стали выводить на показъ, а «любители»-фотографы даже фотографировали его.

«Былъ случай, когда въ больничной конторѣ собралось нѣсколько «любопытныхъ», ради которыхъ было отдано приказаніе:

«— Привести сюда больного Глѣба Успенскаго...

«Больного, съ измученнымъ лицомъ, привели Глѣба Ивановича, а одинъ изъ досужихъ репортеровъ сталъ его интервьюировать... Потомъ въ одной изъ петербургскихъ газетъ появился странный фельетонъ о томъ, что Глѣба Ивановича стали забывать не только его прежніе друзья, но также и семья.

«Это былъ возмутительный, ни на чемъ неоснованный упрекъ по адресу жены, дѣтей и друзей Глѣба Ивановича.

«Не заслуженный — потому, что жена и дѣти Глѣба Ивановича боготворили его, и вся ихъ жизнь, все ихъ существованіе были надорваны и отравлены болѣзнью ихъ знаменитаго мужа и отца.

«Положеніе Глѣба Ивановича стало совсѣмъ невыносимо, и семья рѣшила перевести его изъ новгородской больницы въ Ново-Знаменскую. Г. И. перевезли черезъ Петербургъ.

«Пріѣхалъ онъ поздно вечеромъ. Тутъ впервые на вокзалѣ я увидѣлъ Глѣба Ивановича, и, вѣроятно, никогда не изгладится изъ моей памяти эта встрѣча. Согбенный, съ печально устремленнымъ въ даль взоромъ, съ тяжело поднимающейся грудью, онъ нервно выпелъ изъ вагона въ сопровожденіи членовъ своей семьи.

«Къ нему подошелъ извѣстный русскій писатель С. Н. К., много лѣтъ работавшій съ Г. И. и боготворившій его.

«— Глѣбъ Ивановичъ, узнаете меня?»

«Г. И. пристально сталъ смотрѣть на С. Н., и потомъ, какъ бы вспомнивъ его, сказалъ:

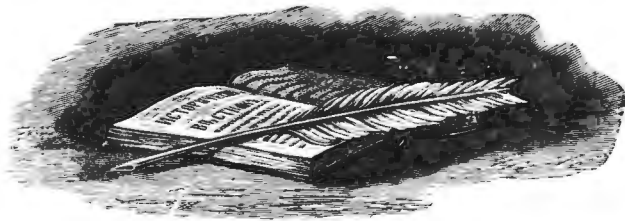
«— Какъ же, какъ же, это вы, С. Н. Пропалъ я, погибъ, совсѣмъ погибъ...

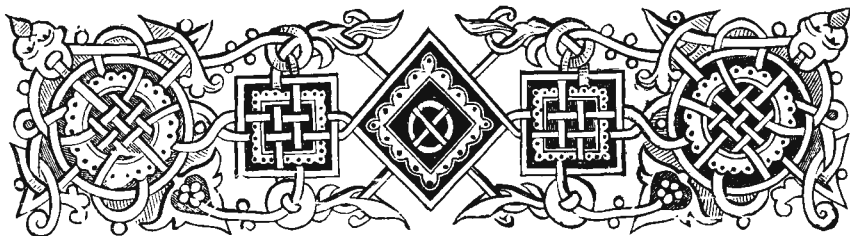
«Всѣ встрѣчавшіе Г. И. плакали. Это были тяжелыя минуты сознанія, что не стало одного изъ гуманныхъ и благороднѣйшихъ писателей, горячо любившихъ свою родину и свой народъ».

Послѣ переѣзда въ Петербургъ, Успенскій содержался въ Ново-Знаменской психіатрической лѣчебницѣ, гдѣ онъ и скончался 24-го марта сего года, проведя такимъ образомъ почти 11 лѣтъ въ полубезсознательномъ состояніи, приходя въ себя лишь на короткое время и, во всякомъ случаѣ, уже никогда не будучи въ состояніи прикоснуться той литературы, которой онъ такъ безза-вѣтно служилъ, и для которой онъ такъ много сдѣлалъ въ свой сравнительно недолгій вѣкъ.

Похоронили Успенскаго съ большими почестями на литераторскихъ мосткахъ Волкова кладбища, и проводить его въ послѣднее мѣсто упокоенія собралась многочисленная и разнообразная толпа, засвидѣтельствовавшая своимъ присутствіемъ, что хотя любимый ею писатель уже давно исчезъ изъ дѣйствующей литературы, но духовный образъ его не изгладился изъ ея благодарной памяти признательныхъ читателей и современниковъ.

Б. Глинскій.

ПОЛУВѢКОВАЯ НАУЧНАЯ РАБОТА.

ВЪ ДЕНЬ выхода настоящей книжки «Историческаго Вѣстника», 1-го мая, исполнится пятьдесятъ лѣтъ съ того времени, какъ началась научная дѣятельность одного изъ наиболѣе выдающихся изслѣдователей исторіи нашей литературы, академика А. Н. Пыпина. Еще будучи студентомъ историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета, Александръ Николаевичъ участвуетъ, вмѣстѣ съ Чернышевскимъ, Лавровскимъ и др. въ составленіи словаря древне-русскаго языка, въ трудѣ, предпринятомъ по иниціативѣ И. И. Срезневскаго, и приготавлиаетъ «Словарь къ новгородской первой лѣтописи», напечатанный академіей наукъ. Въ слѣдующемъ 1853 году, по окончаніи курса, онъ помѣщается въ «Отечественныхъ Запискахъ» свою кандидатскую диссертацию о В. И. Лукинѣ, одномъ изъ второстепенныхъ драматурговъ Екатерининской эпохи, писателѣ, не блестящемъ особеннымъ талантомъ, но весьма характерномъ для своего времени.

Сдѣлавшись постояннымъ сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ», помѣщая въ нихъ рецензіи и небольшія историко-литературныя изслѣдованія, молодой ученый готовитъ обширную работу, посвященную совсѣмъ неразработанному вопросу: исторіи древней русскаго повѣсти. Это—его магистерская диссертациія: «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ», напечатанная въ 1857 году въ «Ученыхъ запискахъ второго отдѣленія императорской академіи наукъ». Это сочиненіе, и до сихъ поръ

не утратившее своей цѣнности, для того времени было положительно откровеннѣе, какъ по матеріалу, почти исключительно рукописному, такъ въ особенности по постановкѣ задачи: на первый планъ молодой изслѣдователь выдвигалъ не эстетическія соображенія, но историко-культурныя, отыскивая въ литературныхъ произведеніяхъ отраженіе духовныхъ интересовъ старой Руси. «Въ литературѣ неразвитой (говорилъ онъ), не сознающей своихъ нуждъ или не достигшей истиннаго употребленія силъ, иногда можно встрѣтить столько же любопытныя черты для народной характеристики, какъ и въ литературѣ, ставшей въ число основныхъ двигателей общественной жизни. Эти блужданія народнаго ума, который иногда рѣзко высказываетъ свои выводы, но не останавливается на одной идеѣ, эти неопредѣленныя стремленія фантазіи, находящей красоту въ преувеличеніи и гротескѣ, эти внезапныя порывы и лѣнивая неподвижность, выражая въ себѣ дѣйствіе историческихъ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на жизнь народную, освѣщаютъ темный путь ея развитія. И здѣсь, въ дѣятельности бессознательной, можно слѣдить за нѣкоторыми особенными направленіями, можно видѣть зародыши новаго движенія, которое обнаруживается несмѣлыми попытками и подражаніемъ; особенная привязанность къ тѣмъ или другимъ произведеніямъ и здѣсь отмѣчаетъ наклонности читателей и указываетъ на состояніе понятій и образованія: чѣмъ ближе были къ массѣ эти произведенія, чѣмъ охотнѣе она обращалась къ нимъ, тѣмъ легче становится открывать ея невыраженные иначе вкусы и потребности. Такъ несовершенно обнаруживаются симптомы жизни въ литературѣ, начинающей свое существованіе, и таковы были явленія старой русской письменности, которымъ часто нельзя отказать въ высокомъ достоинствѣ и интересѣ, но которыя еще много зависѣли отъ случайностей и не представляли строгаго и постояннаго развитія».

Смотря такимъ образомъ на историко-литературное развитіе, А. Н. Пынинъ, шедшій въ этомъ отношеніи по одному пути съ Буслаевымъ и Тихонравовымъ, долженъ былъ, занявшись своею спеціальною темой, выдвинуть рядъ вопросовъ, освѣщавшихъ литературное общеніе древней Руси съ другими странами и взаимодѣйствіе литературы и жизни. «У насъ, писалъ онъ, были извѣстны и любимы очень многія изъ тѣхъ произведеній, которыя были знамениты въ средневѣковой литературѣ и принадлежали къ самымъ характеристическимъ явленіямъ ея. Старинная повѣсть наша представляетъ и другія любопытныя стороны. Прежде всего она имѣетъ право на вниманіе историка литературы, какъ популярное чтеніе стараго времени, очень любимое и распространенное: въ своемъ отношеніи къ читателю она не имѣла тѣхъ интересовъ, какіе соединялись съ произведеніями историческими и чисто-назидательными,— при сильномъ господствѣ дидактическихъ требованій она занимала

своимъ болѣе или менѣе поэтическимъ содержаніемъ, и, слѣдовательно, отвѣчала только чисто-литературнымъ потребностямъ читателей. Съ другой стороны повѣсть наша представляетъ немало данныхъ по отношенію къ народной жизни и понятіямъ, которыя она въ себѣ отражала. Вообще, при разборѣ старинной повѣсти необходимо являются такіе вопросы: въ какомъ объемѣ существовала въ нашей письменности стараго времени эта повѣствовательная литература, такъ богато расцвѣтавшая въ Западной Европѣ среднихъ вѣковъ? Насколько было въ ней начала самостоятельнаго, или, если наравнѣ съ другими сторонами нашей письменности она подчинялась чужому вліянію и пользовались чужими богатствами, гдѣ были ея источники? Существовала ли связь между произведеніями книжными и устнымъ народнымъ эпосомъ? Наконецъ, какіе факты открываются въ нашей повѣсти для характеристики народнаго быта и понятій?»

Поставленная такимъ образомъ задача была разрѣшена молодымъ изслѣдователемъ превосходно: приведенъ былъ въ извѣстность огромный матеріалъ, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ произведеній древне-русской повѣствовательной литературы; нѣкоторые памятники были указаны впервые; были рассмотрѣны оригиналы старинныхъ переводныхъ повѣстей, указаны пути ихъ занесенія въ древнюю Русь. Работа А. Н. Пыпина, благодаря своей обстоятельности, явилась отправнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ разысканій въ той же области, и если мы сравнимъ ея результаты съ тѣмъ, что добыто было впоследствии, мы увидимъ, что при всѣхъ частныхъ дополненіяхъ она и до сихъ поръ остается главнымъ пособіемъ для изученія древней нашей повѣсти.

Одновременно съ этимъ большимъ трудомъ, г. Пыпинъ, занимаясь рукописями императорской Публичной бібліотеки и Румянцовскаго музея, останавливаетъ свое вниманіе на рядѣ памятниковъ, тоже еще не затронутыхъ научнымъ анализомъ: на произведеніяхъ апокрифической литературы, на своеобразномъ христіанскомъ эпосѣ, сложившемся въ глубокой древности и имѣвшемъ сильнѣйшее вліяніе и на нашу письменность и на народную поэзію. Результатомъ этихъ занятій было изданіе «Ложныхъ и отреченныхъ книгъ русской старины» въ III томѣ извѣстныхъ «Памятниковъ старинной русской литературы» гр. Кушелева-Безбородко, въ 1861 г., и изслѣдованіе статьи «о книгахъ истинныхъ и ложныхъ», появившееся въ 1862 г. Этими своими работами, идущими параллельно съ изслѣдованіями Н. С. Тихонравова, г. Пыпинъ возбудилъ въ нашей наукѣ интересъ къ важнѣйшему отдѣлу древней письменности: впоследствии явились новыя изданія апокрифовъ, новыя ихъ изслѣдованія, но, не говоря уже о томъ, что эти изданія и изслѣдованія не устраняютъ необходимости пользоваться трудами г. Пыпина, слѣдуетъ всегда помнить, что

вызваны они были на свѣтъ Божій прежде всего именно этими самыми трудами рядомъ съ разысканіями Тихонравова.

Защитивъ въ 1858 г. свою магистерскую диссертацию, г. Пыпинъ получилъ командировку на два года за границу для приготовленія къ профессурѣ по кафедрѣ исторіи западныхъ литературъ. Побывавъ въ это время и въ славянскихъ земляхъ и подготовивъ частью матеріалъ для одного изъ важнѣйшихъ своихъ трудовъ, г. Пыпинъ занимаетъ кафедру въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Въ 1860—1861 гг. онъ читаетъ лекціи по исторіи провансальской и французской литературы въ средніе вѣка, однако профессура г. Пыпина была очень непродолжительна: въ печальную пору смуть въ жизни нашихъ университетовъ, во времена злосчастной исторіи съ «матрикулами», 20-го ноября 1861 г. онъ выходитъ въ отставку вмѣстѣ съ К. Д. Кавелинымъ, М. М. Стасюлевичемъ, Б. И. Утинымъ.

Съ этого времени начинается постоянная журнальная работа г. Пыпина, сперва въ «Современникѣ» до его закрытія, а съ 1867 г. въ основанномъ его товарищемъ по профессурѣ «Вѣстникѣ Европы». Въ этихъ изданіяхъ появляется непрерывный рядъ статей Александра Николаевича, посвященныхъ самымъ разнообразнымъ вопросамъ исторіи русской литературы: и древняя письменность, и литература новаго періода, и народная словесность, одинаково становятся предметомъ изслѣдованій неутомимаго ученаго. Нѣтъ книжки «Вѣстника Европы» за тридцать пять лѣтъ его изданія, въ которой не было бы хоть небольшой рецензіи, написанной г. Пыпинымъ, и почти въ каждой книжкѣ мы находимъ какую нибудь большую его статью, всегда оригинально тракгующую тотъ или иной вопросъ, выдвигаемый наукой. Въ лицѣ г. Пыпина мы видимъ счастливое сочетаніе серьезнѣйшаго ученаго, не упускающаго изъ виду ни одного сколько нибудь замѣчательнаго явленія въ сферѣ своей специальности, и журналиста, оцѣнивающаго литературные факты съ точки зрѣнія общественной; каждая его статья есть не только цѣнное научное приобрѣтеніе, но и важный общественный урокъ. Въ виду изумительнаго обилія историко-литературныхъ изслѣдованій г. Пыпина, нѣтъ возможности ихъ перечислить въ небольшой статьѣ, а потому мы ограничимся разсмотрѣніемъ наиболѣе важныхъ его трудовъ, вышедшихъ отдѣльными изданіями, при чемъ замѣтимъ, что всѣ они (за исключеніемъ «Обзора исторіи славянскихъ литературъ») составились изъ отдѣльныхъ статей, печатавшихся въ журналѣ г. Стасюлевича.

«Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ» появился въ свѣтъ въ первомъ изданіи въ 1865 году, а въ 1879—1881 г.г. вышло второе изданіе, значительно расширенное и дополненное, при чемъ въ этомъ новомъ изданіи былъ исключенъ краткій очеркъ исторіи русской литературы, такъ какъ этому отдѣлу г. Пыпинъ предпо-

лагаль посвятить особую книгу. Исполненный въ сотрудничествѣ съ В. Д. Спасовичемъ, которому принадлежитъ «исторія польской литературы», «Обзоръ» представляетъ одно изъ самыхъ выдающихся явленій русскаго славяновѣдѣнія; это—своего рода классическая книга, подобной которой не имѣется и въ другихъ славянскихъ литературахъ. Заинтересовавшись славянствомъ еще на студенческой скамьѣ подъ вліяніемъ лекцій В. И. Григоровича и И. И. Срезневскаго, А. Н. Пыпинъ, какъ мы сказали, занимается его изученіемъ и во время своей заграничной поѣздки 1858—1859 годовъ. «Славистика, говоритъ онъ, не была моею спеціальною, научная цѣль путешествія была иная; но славянское возрожденіе представляло такой широкой интересъ, притомъ столь близкій русскою національности по разнымъ отношеніямъ, что значительную часть времени я отдалъ на изученія славянскія. Если раньше славянофильскій взглядъ казался мнѣ исключительнымъ, то въ этомъ еще больше убѣждало непосредственное знакомство съ славянскимъ движеніемъ: въ этомъ движеніи не оказывалось данныхъ для такого заключенія, какое строила теорія. Съ другой стороны, очевидно было, что движеніе состояло не въ одномъ платоническомъ развитіи «народности», о которомъ говорили наши слависты съ романтической точки зрѣнія. Видимо было, что славянству приходилось вести политическую борьбу за самое бытіе своихъ народностей, которыя надо было поддерживать не патріархальными средствами современной общественности и образованія; что братство и взаимность развиты очень мало; что для каждой народности всего важнѣе былъ ея ближайшій интересъ, какъ вопросъ самосохраненія; что для славянства въ такъ называемомъ «панславизмѣ»—въ какой бы то ни было его формѣ—сохраненіе частной народности понималось, какъ непремѣнное условіе. Дѣйствительнаго единства въ славянскомъ мірѣ было крайне мало; незнаніе славянами Россіи превышало всякую мѣру—отношеніе Россіи къ вопросу понималось всего чаще самымъ превратнымъ образомъ. У насъ славянство знали больше, хотя все-таки черезчуръ легко о немъ говорили и судили».

Охарактеризованнымъ положеніемъ славянскаго вопроса опредѣлились направленіе и задача труда, предпринятаго г. Пыпинымъ. «Въ нашемъ обществѣ, говоритъ онъ, многіе, интересуясь славянствомъ, но не умѣя провѣрить славянофильскія теоріи, понимали славянское единство или въ совѣтѣмъ грубой (какъ у Погодина) или слишкомъ мистической формѣ, и полагали, что славянамъ очень просто пристать къ намъ, что они даже желаютъ этого. Надо было напомнить о великомъ разнообразіи славянскою жизни, о различіяхъ, положенныхъ между племенами природою и тысячелѣтней исторіей, о той ревнивой привязанности, какую питаетъ каждое племя къ своей національной цѣлости, о томъ, что нельзя распо-

ряжаться «братьями», не спрашиваясь их самихъ. Въ ту пору въ обществѣ особенно раздувалось самодовольство относительно нашего «славянскаго» значенія и рядомъ проповѣдывалась политическая междуславянская ненависть; надо было заявить нравственную обязанность уважать историческія и племенные особенности «братьевъ». (Тогда именно шли толки объ обрусеніи Польши; позднѣе—толки о несуществованіи малорусской народности; еще позднѣе о «бѣлградской губерніи», о «неблагодарности болгаръ» и т. п.). Національно-правдивое и научно-вѣрное пониманіе славянскихъ отношеній, по моему мнѣнію, возможно только при уваженіи къ народной личности, и само должно внушать это уваженіе; только при этомъ предварительномъ условіи получаетъ свое право взаимная критика. Въ «Исторіи» вопросъ долженъ былъ идти не о политикѣ данной минуты, а объ историческомъ ходѣ явленій и той области національно-славянскаго идеала, гдѣ политическая вражда должна была умолкнуть, и во взаимномъ разъясненіи народнаго содержанія могъ быть найденъ путь къ примиренію и къ дѣйствительному единству».

При такомъ пониманіи своихъ задачъ, авторъ, конечно, долженъ былъ представить въ своемъ «Обзорѣ» истинно-научную исторію развитія славянскихъ литературъ: прямо поражаетъ обширность тѣхъ свѣдѣній, которыя собраны въ книгѣ и дѣлаютъ ее и до сихъ поръ незамѣнимымъ справочнымъ пособіемъ; огромную цѣнность придаютъ книгѣ и тщательныя указанія на литературу предмета, хотя для нашего времени они, конечно, требуютъ и многихъ дополненій; но самую важную стороною «Обзора» надо считать то, что онъ дѣйствительно есть исторія, не механической подборъ библиографическихъ и біографическихъ данныхъ, а полная и ясная картина постепеннаго роста литературнаго творчества разныхъ славянскихъ племенъ, при чемъ литературное развитіе освѣщается данными политической и культурной жизни этихъ племенъ. Тѣ упреки, которые дѣлались «Обзору» за его будто бы тенденціозность, за цолонофильство, выразившееся въ сотрудничествѣ г. Спасовича, при серьезномъ знакомствѣ съ книгою сами собою отпадаютъ, обнаруживая именно партійную тенденціозность, узость взгляда самихъ критиковъ. Этимъ критикамъ не мѣшало бы помнить извѣстный благой совѣтъ: «врачу, исцѣлися самъ»; имъ самимъ слѣдуетъ отказаться отъ разныхъ націоналистическихъ предразсудковъ, чтобы сумѣть оцѣнить высокую научную объективность этого монументальнаго труда.

Отвлечшись на время отъ главнаго предмета своихъ ученыхъ занятій, отъ историческаго разъясненія русской литературы, А. Н. Пыпинъ возвращается къ нему съ начала семидесятыхъ годовъ и даетъ одинъ за другимъ три монографическихъ труда высокой цѣнности. Это его книги: «Общественное движеніе въ Россіи при Але-

ксандръ I» (Спб., 1871), «Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятихъ годовъ» (1874) и «Бѣлинскій, его жизнь и переписка» (1876). Первая изъ этихъ книгъ въ нѣсколькихъ главахъ даетъ синтезъ общественно-литературныхъ теченій Александровскаго времени, которое подготовляло къ многимъ перемѣнамъ въ нашей жизни, отличалось нѣкоторыми особенностями, допускающими видѣть въ немъ какъ бы отдѣльный моментъ развитія. «Въ общемъ историческомъ ходѣ русскаго образованія и общественной жизни, говоритъ авторъ, этотъ періодъ не представляетъ никакихъ особенно замѣтныхъ измѣненій: одни и тѣ же традиціонныя начала продолжали играть въ жизни господствующую роль, неограниченная опека государства продолжала тяготѣть надъ общественною мыслью, масса націи продолжала оставаться въ давнишемъ пассивномъ застоѣ, но въ томъ движеніи понятій, которое тѣмъ не менѣе совершалось въ образованномъ слоѣ и подготовляло новыя основанія общественной жизни въ будущемъ, этотъ періодъ представляетъ большую своеобразность характера и направленія. Эта своеобразность Александровскаго времени опредѣляется двумя главными обстоятельствами. Во-первыхъ, личностью самого императора, вліяніе которой, то возбуждающее, то ретроградное, многообразнымъ образомъ вмѣшивалось въ ходъ общественныхъ понятій. Во-вторыхъ, въ это царствованіе русское общество стало въ особенно тѣсныя связи съ жизнью западно-европейской, и вліяніе европейскихъ идей, отличающее всю новую русскую исторію, теперь особенно глубоко подѣйствовало на умы и въ первый разъ сообщило имъ политическія стремленія. Это была новая черта въ исторіи нашего общества, и возникновеніе ея принадлежитъ именно временамъ Александра». Этими словами опредѣляются тѣ главные вопросы, которые подлежали разсмотрѣнію изслѣдователя. Прежде всего авторъ долженъ былъ остановиться на характеристикѣ личности и политическихъ взглядовъ самого императора Александра, разобрать тѣ вліянія, подъ которыми эти взгляды слагались и подвергались измѣненіямъ. Это была одна сторона работы, другая — болѣе существенная — состояла въ выясненіи общественнаго настроенія, въ характеристикѣ разнообразныхъ политическихъ стремленій, приходившихъ между собою въ столкновеніе въ различные періоды царствованія. Обѣ стороны задачи были разрѣшены съ полнымъ успѣхомъ: прекрасно представлены намъ и туманныя либеральныя мечты императора, крайняя нерѣшительность и шаткость его либерализма, весьма легко подготовившія почву для реакціи послѣднихъ лѣтъ царствованія; дана также яркая характеристика общественнаго подъема при воцареніи Александра и параллельнаго развитія либеральныхъ стремленій и консервативнаго противодѣйствія въ самомъ обществѣ. Литературно-общественная роль Карамзина предстала въ этомъ трудѣ

совѣмъ въ новомъ освѣщеніи, впервые охарактеризовано здѣсь (если не считать «Войны и мира») политическое значеніе масонства. Тайныя общества, приведшія къ возмущенію 14 декабря 1825 г., получили въ первый разъ научную характеристику, основанную на матеріалѣ, до того не разрабатывавшемся. Такимъ образомъ это сочиненіе А. Н. Пыпина было первымъ и огромнымъ шагомъ въ изученіи внутренней жизни русскаго общества начала XIX вѣка, а главное книга указала тотъ путь, по которому долженъ итти всякій изслѣдователь литературы этого времени.

Второе изъ отмѣченныхъ сочиненій, «Характеристики литературныхъ мнѣній», является въ извѣстной мѣрѣ продолженіемъ предыдущаго, такъ какъ представляетъ главныя явленія литературнаго движенія царствованія Николая I. Это не исторія литературы Николаевскихъ временъ, и главная цѣль книги, какъ объясняетъ авторъ, «отмѣтить собственно общественную сторону тогдашняго литературнаго движенія, потому что, какъ строго ни были исключаемы надзоромъ общественные вопросы изъ тогдашней литературы, они въ ней неудержимо пробивались и угадывались читателями. Раскрывъ эту сторону тогдашней литературы, мы находимъ ея внутреннюю основу и ту связь развитія, которая соединяетъ вторую четверть вѣка,—по господствующему режиму періодъ строгаго консерватизма и застоя,—съ послѣдующимъ періодомъ реформъ и общественнаго возбужденія: послѣдній былъ, однако, теоретически подготовленъ предыдущей эпохой, именно лучшими представителями ея научныхъ стремленій и литературы». Въ основу «Характеристикъ» положена общественная точка зрѣнія, которой должна уступить мѣсто эстетическая оцѣнка литературныхъ явленій. «Сопоставленіе литературы съ непосредственной жизнью, замѣчаетъ историкъ, собственно говоря, только и можетъ указать дѣйствительное значеніе историческаго прогресса литературы. Нельзя сказать, чтобы до сихъ поръ оно было достаточно ясно. Для оцѣнки этого историческаго прогресса надо взять въ расчетъ самыя условія существованія литературы, ея общественную обстановку, ея дѣйствительный (часто, за невозможностью, ясно не высказанный) смыслъ. Только опредѣленіе этихъ общихъ условій и указываетъ настоящую жизненную цѣну литературы, возможность и размѣры ея вліянія и т. д. Если литература имѣетъ свою роль, какъ одинъ изъ развивающихся элементовъ національной жизни, то сила ея вліянія, т.-е. ея историческая цѣнность опредѣлится именно условіями ея существованія: она существуетъ въ данныхъ условіяхъ историческихъ преданій, учреждений, образованія и т. д., и эти условія впередъ указываютъ ей извѣстные предѣлы, налагаютъ на нее извѣстный характеръ». Несмотря на такое ясно выраженное воззрѣніе на литературу, какъ на общественное явленіе, нѣкоторые критики видятъ слабую сторону «Характеристикъ» въ

тѣсныхъ рамкахъ исключительно литературнаго изученія; однако, намъ кажется, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ простымъ недоразумѣніемъ. Какъ же иначе, какъ не строгимъ, послѣдовательнымъ проведеніемъ общественнаго критеріума, можно объяснить характеръ оцѣнки Жуковскаго, Пушкина и Гоголя въ «Характеристикахъ»? Гдѣ же чисто литературная цѣнность такихъ явленій, какъ славянофильство, западничество и официальная народность ¹⁾? Вѣдь только общественная точка зрѣнія и можетъ заставить историка литературы заняться этими любопытными фактами, а имъ отведена наиболѣе существенная часть «Характеристикъ». Что же, какъ не общественная точка зрѣнія, выразилось въ общемъ резюме этого замѣчательнаго сочиненія, въ заключительномъ очеркѣ, связывающемъ Николаевскую эпоху съ послѣдующимъ литературно-общественнымъ развитіемъ? Книга именно показала, «по какимъ мотивамъ, въ какой мѣрѣ и цѣною какихъ усилій литература даннаго періода могла служить образованію общественныхъ понятій въ новомъ направленіи и создать то преданіе, къ которому восходятъ лучшія общественныя стремленія нашего времени».

Уже въ «Характеристикахъ» любопытнѣйшая глава посвящена дѣятельности нашего «неистоваго Виссаріона»; но эта глава явилась какъ бы подготовительнымъ этюдомъ къ выше нами названному обширному изслѣдованію о знаменитомъ отцѣ нашей новой критики. Книга А. Н. Пыпина о Бѣлинскомъ впервые дала множество матеріала, характеризующаго духовное развитіе Бѣлинскаго. Здѣсь мы познакомились съ его письмами, здѣсь мы узнали его отношенія къ разнымъ литературнымъ и общественнымъ кружкамъ его времени. Тѣ переходы отъ одного воззрѣнія къ другому, за которые когда-то жестоко упрекали Бѣлинскаго его враги, и которые не были достаточно выяснены и въ извѣстныхъ «Очеркахъ Гоголевскаго періода русской литературы», теперь представились, какъ результатъ сложнаго психическаго процесса, тяжелой умственной работы, пережитой нашимъ критикомъ. Что бы ни сдѣлало дальнѣйшее изслѣдованіе жизни и сочиненій Бѣлинскаго, основаніе этому изслѣдованію положено именно работой г. Пыпина: она должна быть отправнымъ пунктомъ, съ котораго начнетъ свои разыски будущій ученый.

Послѣ этихъ монографическихъ произведеній, тѣсно между собою связанныхъ, Александръ Николаевичъ издаетъ два обширныхъ сочиненія характера общаго. Это—«Исторія русской этнографіи» (1890—1891 г., въ четырехъ томахъ) и «Исторія русской литературы» (1898—1899 г., тоже четыре тома).

---

¹⁾ Къ слову сказать, послѣдній весьма мѣткій терминъ впервые введенъ въ обращеніе А. Н. Пыпинымъ.

Первая изъ этихъ книгъ представляетъ исторію изученія русской народности, начиная съ Петровской эпохи и до нашего времени. Авторъ понялъ свою задачу чрезвычайно широко: онъ далъ не только исторію самой науки, но, стоя, какъ и всегда, на общественной точкѣ зрѣнія, сумѣлъ показать, какъ на изученіи этнографіи отражалось общественное развитіе, и какъ, въ свою очередь, факты научнаго изслѣдованія вліяли на возникновеніе, проявленіе и развитіе тѣхъ или иныхъ общественныхъ стремленій и взглядовъ. Помимо характеристики многихъ отдѣльныхъ дѣятелей науки, историкъ показалъ отношеніе между этнографіей и разными націоналистическими стремленіями, славянофильствомъ, официальной народностью, народничествомъ. Въ этомъ трудѣ обнаружился, между прочимъ, и тотъ любопытный фактъ, что для изученія нашей народности, если не болѣе, то во всякомъ случаѣ нисколько не менѣе, чѣмъ славянофилами, было сдѣлано представителями западнаго направленія, обвиняемаго въ маломъ интересѣ и въ малой любви къ русскому народу.

Наконецъ, обращаясь къ послѣднему сочиненію А. Н. Пыпина, къ его «Исторіи русской литературы», мы должны признать его выдающіяся достоинства, несмотря на строгую, но во многихъ отношеніяхъ мелочную критику профессора А. С. Архангельскаго. Это единственная у насъ настоящая исторія литературы, проникнутая нѣкоторою опредѣленною идеею, приводящая литературные факты въ связь съ общественною жизнью. Чтобы лучше охарактеризовать систему изложенія г. Пыпина, приведемъ слѣдующія его слова:

«Въ древнемъ періодѣ русской литературы историкъ встрѣчается съ однимъ постояннымъ явленіемъ, котораго не можетъ не принять во вниманіе. Вслѣдствіе условій, въ какихъ образовалась наша древняя письменность, она почти не знаетъ хронологіи: большая масса памятниковъ оставалась въ обращеніи втеченіе цѣлыхъ вѣковъ, иногда, съ XI—XII-го до XVII-го и даже XIX-го столѣтія; старые памятники не заслонялись новыми, какъ новою ступенью литературнаго развитія, напротивъ, новые примыкали къ старымъ, какъ ихъ непосредственное продолженіе, и они не разъединялись въ представленіяхъ самихъ книжниковъ. Исторія дѣлала свое, совершались событія, которыя бывали цѣлыми переворотами въ политической жизни народа, но письменность сохраняла тѣ же традиціонныя формы. Такова была лѣтопись; таковы были памятники паломничества; такова была литература церковнаго поученія, житій, наконецъ, отреченныхъ книгъ и т. д. Въ связи съ этимъ мы наблюдаемъ другое явленіе. Московская Русь, когда установилась въ обширное царство, оказалась на перепутьѣ; какъ бы въ предчувствіи новыхъ теченій національной жизни, она думала закрѣпить все старое содержаніе письменности, какъ національное достояніе,

на которомъ воспитался русскій народъ и сталъ великимъ народомъ, и достояніе, изъ предѣловъ котораго онъ не долженъ выходить и впредь, потому что въ немъ предполагалась вся истина. Эта мысль выразилась цѣлымъ рядомъ сборныхъ трудовъ: такова была «Степенная книга», которая въ обычной компилятивной формѣ хотѣла объединить изложеніе русской исторіи отъ древнѣйшихъ и до новѣйшихъ временъ; таковъ былъ «Хронографъ», который по старымъ и застарѣлымъ свѣдѣніямъ излагалъ русскому читателю всеобщую исторію; таковъ былъ «Азбуковникъ», который собиралъ изъ рукописей старыхъ и новыхъ самыя разнообразныя свѣдѣнія, составлявшія своего рода научную энциклопедію; таково было, наконецъ, громадное предпріятіе митрополита Макарія, который въ своихъ Четвѣхъ-Минеяхъ хотѣлъ объединить всю старую русскую письменность въ порядкѣ Святцевъ... Такимъ образомъ, при постановкѣ историко-литературнаго вопроса, сама собою является мысль о необходимости соединить однородное, хотя разновременное по происхожденію, потому что по существу оно имѣло внутреннюю связь и равную цѣнность для читателя. Простое хронологическое распределеніе памятниковъ «по вѣкамъ» въ этомъ смыслѣ не достигаетъ цѣли, такъ какъ вынуждало бы къ постояннымъ возвращеніямъ назадъ. Вопросъ не безразличенъ, потому что съ извѣстной постановкой изложенія соединяется представленіе о внутреннемъ значеніи самыхъ явленій».

«Нѣтъ сомнѣнія, что самая задача исторіи требуетъ вниманія къ хронологическому теченію фактовъ; но эта цѣль можетъ быть достигаема общими указаніями историческихъ періодовъ. Замѣтимъ, что самыя факты древней письменности до сихъ поръ еще не сполна приведены въ извѣстность, и въ тѣхъ, которые извѣстны, не всегда опредѣлено время ихъ происхожденія, и въ древнемъ періодѣ иногда не опредѣлено даже, былъ ли памятникъ русскаго или южно-славянскаго происхожденія».

Если принять во вниманіе, что всѣ предшествовавшіе историки нашей литературы считали необходимымъ соблюдать хронологическій порядокъ при своемъ изложеніи, и особенно держались «вѣсковъ» Галаховъ и Порфирьевъ, то новый приѣмъ А. Н. Пыпина окажется весьма существеннымъ (и, добавимъ, вполне обоснованнымъ) отступленіемъ отъ обычнаго порядка: нельзя же устанавливать строгую хронологію тамъ, гдѣ мы не имѣемъ точныхъ показаній о времени возникновенія памятниковъ.

Такимъ же оригинальнымъ и существеннымъ нововведеніемъ слѣдуетъ признать отношеніе г. Пыпина къ народной словесности, обзоръ которой до сихъ поръ безъ объясненія причинъ ставили въ самомъ началѣ, полагая, что ея памятники всегда древнѣе произведеній литературныхъ; между тѣмъ, въ трудѣ г. Пыпина народная словесность помѣщена на рубежѣ древняго и новаго періодовъ русской литературы.

Причина такого отступленія объясняется такъ: «ставить изложеніе судьбы народной поэзіи въ началѣ цѣлой исторіи мы считали неудобнымъ, почти невозможнымъ, потому что, обыкновенно, мы знаемъ нашу народную поэзію почти только въ новѣйшей ея формѣ, когда она испытала на себѣ вліяніе всѣхъ послѣдовательныхъ вѣковъ исторіи, о которыхъ еще не было рѣчи: въ ней предстоить еще выдѣлять древнее отъ новѣйшаго,—и этотъ предварительный трудъ до настоящаго времени далеко не законченъ, можно сказать, только начать».

Относительно того періода исторіи русской литературы, который начинается съ эпохи преобразованія, авторъ говоритъ слѣдующее: «исторія новѣйшей литературы со временъ Петра, или еще раньше, съ XVII вѣка, представляетъ совсѣмъ иную картину. Историкъ можетъ послѣдовательно наблюдать два исторически развивающіяся движенія: во-первыхъ, постоянное расширеніе европейскихъ вліяній, приносившихъ новый матеріалъ знанія и новыя литературныя формы, которыя были формами всей европейской литературы, и, во-вторыхъ, столь же постоянное расширеніе содержанія русской жизни въ этихъ литературныхъ формахъ, сначала чуждыхъ и искусственныхъ, потомъ все болѣе привычныхъ. Хронологическая послѣдовательность исторіи не подлежитъ здѣсь никакому сомнѣнію. Каждое поколѣніе имѣло своего великаго представителя и даже иногда не одного, въ области поэзіи, въ усовершенствованіи литературнаго языка, въ вопросахъ общественнаго просвѣщенія, и каждое поколѣніе представляло собой новый шагъ въ развитіи литературы. Имена Ломоносова, Державина, Фонвизина, Карамзина, Жуковского, Пушкина, Гоголя давно стали историческими показателями знаменательныхъ моментовъ въ развитіи нашей новѣйшей литературы».

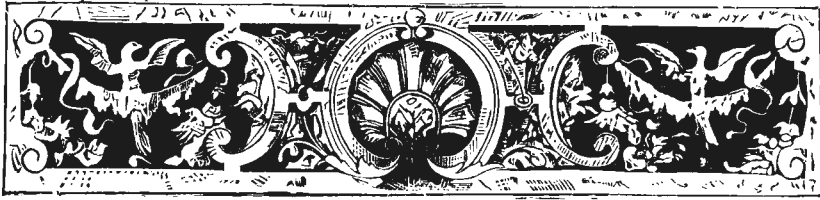
Набросавъ такимъ образомъ общую программу своего сочиненія, А. Н. Пыпинъ даетъ характеристику внѣшней стороны своего труда, уже давно задуманнаго. «Внѣшній способъ изложенія, говоритъ онъ, находится въ зависимости отъ состоянія научной литературы. Въ литературѣ богатой, обладающей большими средствами детальной разработки, частичныхъ обобщеній и цѣльныхъ обзоровъ, можно было руководиться положеніемъ, что исторія литературы есть исторія идей, а не исторія книгъ, потому что послѣднюю читатель найдетъ сполна въ другихъ спеціальныхъ книгахъ. Мы также имѣли въ виду не исторію книгъ, но для насъ былъ особый интересъ въ довольно значительныхъ библіографическихъ указаніяхъ: они доставляютъ любознательному читателю и начинающему ученому возможность войти въ подробности предмета и познакомиться съ настоящимъ положеніемъ его разработки, а вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ, хронологическимъ сопоставленіемъ изслѣдованій, исторію развитія отдѣльныхъ историко-литературныхъ вопросовъ; это послѣднее вводитъ читателя въ исторію науки, въ

которой отражались и самыя судьбы нашей общественности». Можно указывать на разные недостатки въ изложеніи этой «Исторіи», спеціалистъ можетъ найти иногда неполноту въ библиографическихъ указаніяхъ г. Пыпина, можно не соглашаться съ иными его взглядами, но во всякомъ случаѣ приходится признать, что эта книга является результатомъ серіознаго изученія, какъ самыхъ памятниковъ литературы, такъ и того, что относительно этихъ памятниковъ добыто наукой. Еще болѣе важнѣйшимъ достоинствомъ этого труда представляется его цѣльность, которая достигнута особенно потому, что авторъ не изолировалъ литературныхъ фактовъ, оставаясь вѣрнымъ той общественной точкѣ зрѣнія, которая отличала всѣ его работы. Благодаря такому взгляду, исторія литературы находитъ себѣ подобающее мѣсто въ ряду другихъ наукъ: она не есть исключительно описаніе фактовъ, а представляется органическою частью науки объ обществѣ.

Такова обширная, плодотворная дѣятельность нашего историка литературы. Рѣдко приходится наблюдать образцы подобной научной энергіи, притомъ не ослабѣвающей, несмотря на годы. Маститый ученый такъ же, если не болѣе, работаетъ, какъ и молодой человѣкъ. Но работа работѣ рознь: не всякая плодovitость заслуживаетъ похвалы. Этого никакъ уже нельзя сказать объ А. Н. Пыпинѣ. Его многочисленныя труды всѣ оставляютъ замѣтный слѣдъ въ наукѣ, а если мы вспомнимъ, что этотъ ученый живетъ не для одного кабинета, что, замкнувшись въ кабинетъ, онъ несетъ сознательную службу обществу, устраняя изъ его сознанія разные предрасудки, вводя въ его обиходъ здоровыя научныя представленія и такимъ образомъ воспитывая общество,—то мы невольно преклонимся предъ нимъ, и какъ предъ виднымъ общественнымъ дѣятелемъ, мы поймемъ, что въ рукахъ такого дѣятеля наука не можетъ обратиться въ раскапываніе никому не нужныхъ мелочей, а должна быть ободряющимъ импульсомъ въ стремленіяхъ къ общественному прогрессу. Говоря о значеніи подобныхъ дѣятелей для нашего времени, невольно вспоминаешь то, что въ «характеристикахъ литературныхъ мнѣній» сказано о людяхъ сороковыхъ годовъ: «Сложный организмъ общества совмѣщаетъ самыя разнородныя стихіи: исторически всѣ онѣ, даже враждебныя прогрессу, находятъ свое объясненіе, если не оправданіе, но логика событій, въ концѣ концовъ, выдвигаетъ именно тѣ направленія мысли, которыя служатъ залогомъ развитія, если только общество къ нему способно. Эти направленія могутъ подвергаться гоненію, но имъ принадлежитъ будущее, и люди, служащіе лучшимъ умственнымъ и нравственно-гражданскимъ интересамъ общества, находятъ, въ періоды утѣсенія, увѣренность, что придетъ время, когда ихъ труду и самоотверженію будетъ отдана справедливость, когда этотъ трудъ принесетъ свои плоды для общественнаго блага».

~~~~~
А. Бороздинъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Пашковъ. Церковно-общественные вопросы въ эпоху Царя-Освободителя (1855—1870 гг.). Спб. 1902.

ВЯСНЕНІЕ прошлой жизни русскихъ православныхъ приходовъ во всей ея подробности, пишетъ въ предисловіи къ настоящему труду г. Пашковъ, не только представляется задачей огромной литературной важности, но и существенно необходимо въ дѣлахъ чисто практическихъ. Освобожденный отъ крѣпостной зависимости русскій народъ, нѣсколько освоившійся теперь съ своей гражданской свободой, долженъ и въ церковномъ отношеніи слиться съ просвѣщенными классами православнаго нашего общества, постепенно очищающагося отъ вѣдрившихся въ него чуждыхъ ему нравовъ и понятій, и начать совмѣстную дѣятельность, присущую крѣпкой и самостоятельной православной церковной общинѣ. Обстоятельное знаніе прошлой жизни нашей церковной общины будетъ несомнѣнно способствовать правильной постановкѣ ея дѣятельности въ будущемъ.

Руководясь этими соображеніями, г. Пашковъ предпринялъ рядъ литературныхъ работъ, касающихся древняго уклада приходской жизни въ Россіи, ея упадка и возрожденія. Отмѣченное выше сочиненіе является продолженіемъ прежнихъ его трудовъ, посвященныхъ интересному вопросу о русскомъ приходѣ. Его задача состоитъ въ описаніи того движенія въ литературу и журналистикѣ шестидесятихъ годовъ, которое направлено было къ возрожденію православнаго прихода и къ восстановленію его значенія, какъ низшей земской единицы. вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ съ нѣкоторою подробностію останавливается здѣсь на правительственныхъ мѣропріятіяхъ, относящихся до церковно-общественной области, и въ частности на законѣ 1864 года о

приходскихъ попечительствахъ. Сочиненіе состоитъ изъ десяти главъ слѣдующаго содержанія.

Въ главѣ первой (стр. 1—12) изображаются стремленія русскаго общества къ преобразованіямъ въ государственномъ и общественномъ строѣ, возникшія съ воцареніемъ императора Александра II, и отмѣчаются голоса въ пользу этихъ преобразованій, раздававшіеся изъ среды русскаго свѣтскаго общества (Погодинъ, П. А. Валусевъ, Кавелинъ, Шевыревъ) и духовенства (Иннокентій Херсонскій, Григорій, митрополитъ с.-петербургскій), а также съ высоты царскаго престола (манifestъ 19-го марта и 17-го апрѣля 1856 года).

Во второй главѣ (стр. 13—30) говорится о проявленіи среди высшаго духовенства и свѣтскихъ передовыхъ людей въ Россіи сознанія необходимости церковныхъ преобразованій. Положеніе русской церкви въ отмѣченное время было несвободно отъ крупныхъ недостатковъ. Духовенство было малообразованно, матеріально не обезпечено, епархіи были весьма велики, а архіереевъ мало, къ тому же они часто перемѣщались съ одной кафедры на другую, въ консисторіяхъ дѣла велись такъ, что вызывали общее недовольство, въ самомъ синодѣ не было надлежащей свободы и самостоятельности въ дѣйствіяхъ его членовъ и т. п. Вслѣдствіе этого, сознаніе необходимости церковныхъ реформъ было всеобщимъ, какъ среди выдающихся свѣтскихъ лицъ (Валусевъ, Аксаковъ, Погодинъ, Катковъ, А. Н. Муравьевъ), такъ и духовенства (митрополитъ московскій Филаретъ, камчатскій епископъ Иннокентій, послѣ митрополитъ московскій, кіевскій митрополитъ Арсеній, вятскій епископъ Агавангель и другіе).

Въ третьей главѣ (стр. 30—40) изображается возбужденіе въ литературѣ и журналистикѣ вопроса о преобразованіяхъ въ церковно-общественныхъ дѣлахъ и отмѣчается проявленіе сочувствія въ свѣтскомъ обществѣ къ участи духовенства. Въ частности, здѣсь рѣчь идетъ объ иностранныхъ изданіяхъ того времени, въ коихъ яркими красками описывается тяжелое положеніе русскаго низшаго духовенства («Описаніе сельскаго духовенства въ Россіи», Лейпцигъ, 1858; «Русское духовенство», Берлинъ, 1859; *L'Union chrétienne*—парижскій журналъ, въ которомъ въ 1861 году велась горячая полемика между нантскимъ епископомъ Жакмэ и парижскимъ протоіереемъ Васильевымъ о значеніи высшей свѣтской власти въ дѣлахъ русской церкви и ея помѣстнаго собора—святѣйшаго синода). И въ русской публицистикѣ, насколько позволяли цензурныя условія, ярко изображалось положеніе духовенства, при чемъ обращалось вниманіе на его поразительную апатичность и боязливость въ отношеніи къ общественнымъ интересамъ, на его раболѣпіе и заискиваніе предъ сильными людьми, на отсутствіе связей его, помимо требъ, съ другими сословіями, на односторонность его образованія и сословную замкнутость и т. п. Такое же отношеніе къ духовенству наблюдалось и въ художественной литературѣ. Но съ теченіемъ времени критика и осужденіе духовенства со стороны печати смѣнились нѣкоторымъ сочувствіемъ къ нему, когда общество поняло, что духовенство само по себѣ очень мало виновато въ недостаткахъ, ему присущихъ, а виновата окружающая среда, историче-

скія условія его быта, духъ крѣпостного права, царившій на Руси, и т. п. Духовенство было лишь частью цѣлаго—всего русскаго народа, который и въ верхнихъ и низшихъ своихъ слояхъ былъ весьма далекъ отъ совершенства....

Вмѣстѣ съ критикой прошлаго и выясненіемъ исторически выработанныхъ устоевъ минувшей общественной нашей жизни, въ сознаніи лучшихъ русскихъ людей середины прошлаго вѣка стала выясняться и мысль о возвышеніи значенія церковныхъ приходоѡ, какъ такихъ церковныхъ общинъ, которыя объединяютъ православный народъ единствомъ вѣры и преслѣдуютъ интересы просвѣщенія и благотворительности. Развитіе понятія о приходѣ и его значеніи и изысканіе способовъ и мѣръ для оживленія приходской дѣятельности имѣютъ свою небольшую исторію, которая и излагается въ главѣ четвертой книги г. Панкова (стр. 50—73). Въ частности, здѣсь анализируются литературныя работы, посвященныя вопросу о приходѣ и православномъ братствѣ, описывается возрожденіе православнаго прихода, совершившееся сначала въ Амурской и Приморской областяхъ, по иниціативѣ камчатскаго архіепископа Иннокентія и графа Муравьева-Амурскаго (1859 года), а затѣмъ выразившееся и въ учрежденіи «приходскаго управленія» въ средней и южной полосахъ Россіи, и разсматривается постановка вопроса о приходѣ, какъ единицѣ административно-территоріальной, въ редакціонныхъ комиссіяхъ эпохи освобожденія крестьянъ; какъ извѣстно, дѣятели по крестьянской реформѣ, по мѣрѣ возможности, старались сохранить церковныя приходы въ ихъ исторически создавшейся цѣлости, о чемъ и свидѣтельствуютъ статьи 43—45 положенія о крестьянахъ.

Въ главѣ пятой (стр. 73—87) описывается частный починъ въ дѣлѣ возбужденія приходской самостоятельности и учрежденія православныхъ братствъ. Въ Петербургѣ такой починъ принадлежалъ протоіерею Александру Гумилевскому († 1869), а въ Москвѣ священнику Алексѣю Ключареву (впослѣдствіи харьковскій архіепископъ Амвросій), по примѣру коихъ дѣйствовали многія другія просвѣщенныя лица свѣтскаго и духовнаго знанія.

Дружное желаніе нашего общества внести необходимыя улучшенія въ бытъ и строй православнаго духовенства и вызвать оживленіе въ церковно-приходской дѣятельности обратило на себя серіозное вниманіе высшаго правительства, которое въ 1863 году учредило особое присутствіе для дѣлъ православнаго духовенства. Въ его составъ вошли: митрополитъ Исидоръ, какъ предсѣдатель присутствія, наличные члены святѣйшаго синода, шефъ жандармовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, министръ государственныхъ имуществъ, оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода и директоръ духовно-учебнаго управленія. Программа дѣятельности присутствія обнимала слѣдующіе вопросы: о возвышеніи матеріальнаго обезпеченія приходскаго духовенства, объ увеличеніи личныхъ гражданскихъ правъ и преимуществъ духовенства, объ открытіи дѣтямъ духовенства путей для обезпеченія своего состоянія на всѣхъ поприщахъ гражданской дѣятельности и объ изысканіи способовъ ближайшаго участія духовенства въ приходскихъ и сельскихъ училищахъ. Для усилшнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ были затребованы мнѣнія архіереевъ, а также были образованы смѣшанныя губернскія присутствія изъ лицъ

духовныхъ и свѣтскихъ. Такимъ образомъ, вопросъ о православномъ духовенствѣ сдѣлался предметомъ обсужденія всего русскаго общества и вызвалъ много самыхъ разнообразныхъ толковъ и сужденій. Дѣятельность особаго присутствія по дѣламъ духовенства продолжалась двадцать два года (1863—1885 гг.), но обзоръ ея не вошелъ въ содержаніе книги г. Палкова, такъ какъ архивъ присутствія, хранящійся въ святѣйшемъ синодѣ, не разработанъ и донинѣ.

Въ главѣ седьмой (стр. 95—125) обобщаются сужденія въ литературѣ и журналистикѣ по вопросу объ улучшеніи церковно-общественныхъ дѣлъ, въ частности—объ улучшеніи матеріальнаго быта духовенства, о преобразованіи духовныхъ училищъ, о духовномъ управленіи и администраціи, о сословномъ положеніи духовенства и расширеніи его личныхъ, семейныхъ и гражданскихъ правъ. Разумѣется, авторъ здѣсь не входитъ въ детали, а лишь схато рисуетъ картину литературнаго движенія.

Большинство писателей, касавшихся вопросовъ объ улучшеніи быта духовенства и оживленіи церковно-общественныхъ дѣлъ, считали корнемъ всѣхъ преобразованій правильную постановку «приходскихъ» дѣлъ и предоставленіе приходу значенія церковно-общественной единицы. Раскрытіе такого понятія о приходѣ, насколько оно опредѣлилось въ литературѣ духовной и свѣтской, официальной и частной (статья П. С. Аксакова), и составляетъ содержаніе восьмой главы (стр. 126—143).

На горячіе запросы общества о коренномъ преобразованіи церковно-общественныхъ дѣлъ правительство отвѣтило изданіемъ въ 1864 году двухъ законовъ о братствахъ и приходскихъ попечительствахъ. Братства, какъ учрежденія, извѣстныя на Руси, быстро привились, а что касается приходскихъ попечительствъ, то они оказались, по мнѣнію автора, безцвѣтными и вялыми въ своей дѣятельности. Объ этомъ и идетъ рѣчь въ девятой главѣ (стр. 143—164).

Наконецъ, въ десятой главѣ (стр. 165—184) авторъ анализируетъ статью Д. Θ. Самарина «Приходъ», помѣщенныя въ газетѣ Аксакова «Москва», и сообщаетъ нѣкоторыя другія данныя, болѣе поздняго происхожденія, благоприятныя для возстановленія права и обязанностей православныхъ приходовъ, какъ особыхъ церковно-общественныхъ учреждений. Въ заключеніи, обобщая желанія русскаго образованнаго общества касательно улучшенія быта православнаго духовенства и оживленія церковно-общественной жизни, возникшія въ шестидесятыхъ годахъ XIX столѣтія, авторъ говоритъ, что эти желанія выражались—1) въ признаніи православныхъ приходовъ юридическими лицами, наравнѣ съ инославными русскими приходами, 2) въ усвоеніи православными приходами права завѣдывать и распоряжаться мѣстными церковно-общественными капиталами и свободно пріобрѣтать, на имя прихода, движимое и недвижимое имущество, 3) въ устройствѣ организованнаго законнаго представительства прихода предъ правительствомъ, обществомъ и на судѣ для защиты приходскихъ интересовъ, 4) объ упорядоченіи права избранія приходомъ желательныхъ для него священно и церковнослужителей, 5) въ содержаніи членовъ причта на средства прихода, 6) въ признаніи за приходомъ

значенія низшей единицы не только церковной, но и земской, 7) въ закрѣпленіи за духовенствомъ достаточно широкихъ правъ семейныхъ, служебныхъ, сословныхъ и имущественныхъ, въ предоставленіи ему болѣе высокаго образованія, широкаго самоуправленія въ общественныхъ дѣлахъ и суда на твердыхъ каноническихъ основаніяхъ и 8) въ изданіи общаго свода церковно-общественныхъ законовъ.

Такимъ образомъ, г. Папковъ является убѣжденнымъ сторонникомъ прихода и съ большой надеждой взираетъ на его возможное возрожденіе, видя въ немъ залогъ нашего церковно-общественнаго преуспѣянія. Свою вѣру онъ подкрѣпляетъ солидными учено-литературными аргументами, заимствованными изъ той богатой мощными запросами и здоровыми стремленіями эпохи въ русской исторіи, которая ознаменовала зарю новой нашей жизни, столь характерной и замѣчательной... Безспорно, собранный въ книгѣ г. Папкова матеріалъ долженъ имѣть свое значеніе въ разсмотрѣніи и рѣшеніи и теперь волнующаго наше общество вопроса о приходѣ, этой основной единицѣ нашего древне-общиннаго уклада, а данное авторомъ этому матеріалу удачное освѣщеніе во многихъ случаяхъ должно облегчать практическое ими пользованіе. На этотъ практическій интересъ книги г. Папкова мы и указываемъ всѣмъ тѣмъ, кто небезучастно относится къ судьбѣ православнаго русскаго прихода въ его недавнемъ прошломъ, имѣющимъ непосредственную связь и съ настоящимъ положеніемъ вопроса о немъ. С.

Н. Н. Оглоблинъ. Обзорѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768). Часть четвертая. Документы центрального управленія. Съ предметнымъ указателемъ къ I—IV частямъ. М. 1901.

Мы уже не разъ имѣли возможность указывать на страницахъ «Историческаго Вѣстника» на эту серьезную, въ высшей степени кропотливую и богатую научными результатами работу Н. Н. Оглоблина. Нынѣ лежащая передъ нами четвертая часть ея является завершеніемъ обширнѣйшаго «Обзорѣнія столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 гг.)» и заключаетъ въ себѣ документы, составившіеся въ центральномъ управленіи Сибири, т. е. преимущественно въ Сибирскомъ приказѣ и отчасти въ тѣхъ московскихъ учрежденіяхъ, которыя вѣдали Сибирь до и послѣ существованія Сибирскаго приказа. «Документы эти», читаемъ въ предисловіи, «двухъ родовъ: одни представляютъ отчеты Сибирскаго приказа о результатахъ дѣятельности какъ мѣстныхъ управленій Сибири (воеводскаго, таможеннаго, церковнаго), такъ и самаго приказа; другіе же говорятъ о распорядительной дѣятельности приказа, которая вызывалась главнымъ образомъ какъ инициативою и дѣятельностью мѣстнаго управленія, такъ и требованіями мѣстной жизни, но отчасти возникала и по инициативѣ самаго приказа». Всѣ документы четвертой части распределены на 8 главъ. Въ первой изъ нихъ, по общему счету, XXVII, помѣщены «доклады», «именные указы», «указныя грамоты».

«Доклады», наиболѣ цѣнные документы для внутренней исторіи Сибири и дѣятельности Сибирскаго приказа, по сравненію съ докладами предыдущихъ частей, «имѣютъ болѣе или менѣе самостоятельное значеніе, часто стоятъ совершенно одиноко, безъ непосредственной и фактической связи съ другими документами, а если сопровождаются послѣдними, то какъ документами дополнительными и исполнительными по предмету докладовъ». Раздѣляются они на три группы: доклады царю, боярской думѣ и приказу. Наиболѣе любопытные изъ нихъ первые суть выписки изъ разныхъ документовъ, «прикосновенныхъ къ дѣлу и всегда точно обозначаемыхъ, затѣмъ—выписки подходящихъ законовъ, а въ случаѣ ихъ отсутствія—указанія на практику какъ своего приказа, такъ и другихъ приказовъ». Всѣхъ докладовъ вошло въ указатель (СЛХІІІ приложение) около 400, за время съ 1627 по 1712 г.

«Именные указы», называвшіеся также «указами великаго государя» и просто «указами», представляютъ собою тѣ же царскіе приговоры по разнымъ дѣламъ, какіе находятся на докладахъ царю, но только безъ самихъ докладовъ. Они очень рѣдки и «сохранились случайно». Наконецъ «указныя грамоты»—суть боярскіе приговоры, говорящіе большею частью объ общихъ распоряженіяхъ центральнаго управленія, относящихся ко всей Россіи, въ томъ числѣ и къ Сибири.

Слѣдующая (XXVІІІ) глава содержитъ «наказы» и «наказныя памяти»: а) воеводамъ, ихъ товарищамъ, дьякамъ, подьячимъ съ приписью, б) приказнымъ людямъ, в) начальнымъ людямъ, г) таможеннымъ, заставнымъ, кружечнымъ головамъ, д) «наказныя памяти» посыльщикамъ и е) «наказы» и «наказныя памяти» разнымъ лицамъ.

Воеводскіе наказы (болѣе 180 документовъ, за періодъ съ конца XVI в. до начала XVIII), по словамъ составителя «Обозрѣнія», представляютъ громаднѣйшій интересъ для исторіи Сибири и особенно для характеристики отношеній центрального управленія къ мѣстному во всѣхъ его проявленіяхъ и заслуживаютъ, какъ почти вовсе незатронутый матеріалъ, спеціальнаго изслѣдованія. Затѣмъ болѣе цѣнными являются—«наказы» и «наказныя памяти» начальнымъ людямъ (для исторіи ратнаго дѣла Сибири—его организациі, состава войсковыхъ частей разнаго оружія и службъ, правъ и обязанностей начальныхъ людей и проч.) и приказнымъ людямъ, несмотря на ихъ немногочисленность (всего 11).

Въ XXІХ главѣ находимъ «записныя книги», изъ которыхъ древнѣйшая 1647 г., а позднѣйшая 1738 г., и въ которыя вошло около 150 документовъ.

«Памяти», помѣщенные въ XXX главѣ, въ количествѣ около 2.000 документовъ, представляютъ «матеріалъ громадной цѣнности не только для обрисовки отношеній Сибирскаго приказа къ остальнымъ приказамъ, но и для исторіи послѣднихъ, особенно приказовъ малозвѣстныхъ, или извѣстныхъ только по названіямъ, такъ какъ производства ихъ вовсе не сохранились, или сохранились въ ничтожныхъ размѣрахъ. Но памятямъ же можно возстановить время существованія такихъ приказовъ, предметы ихъ дѣятельности, перемѣны въ составѣ «начальныхъ людей» и проч.».

Далѣе, особенно интересны «финансовыя документы» (гл. XXXІ), гдѣ цѣлый рядъ цѣнныхъ «сметныхъ списковъ», «расходныхъ книгъ» и «дѣлъ о

взысканіи долговыхъ денегъ» (преимущественно для исторіи московской торговли XVII вѣка), и «документы соболиной казны» (гл. XXXII). Громадное число послѣднихъ, остававшихся до сихъ поръ незатронутыми изслѣдователями, даютъ богатый матеріалъ для исторіи «соболиной казны», «занимавшей въ исторіи московскихъ финансовъ XVII вѣка не послѣднее мѣсто». Изъ маленькаго отдѣленія, носившаго сначала общее названіе— «государева казна», постепенно въ половинѣ XVII вѣка выросло громадное специальное отдѣленіе— «соболиная казна», съ большимъ наличнымъ составомъ изъ московскихъ торговыхъ и ремесленныхъ людей, а со второй половины XVII вѣка появляются при ней расцѣпная палата, купецкая палата, казенная, скорняшная и др.

Двѣ послѣднія главы: XXXIII и XXXIV, содержатъ— «судныя и сыскныя дѣла», изъ нихъ— «судныя»— довольно рѣдкія въ исторической литературѣ, вслѣдствіе обычнаго въ XVII вѣкѣ «переноса» судныхъ дѣлъ изъ одного приказа въ другой по челобитью сторонъ,— и «разные документы», среди которыхъ обращаютъ вниманіе «въстовыя распросныя рѣчи» сибирскихъ служилыхъ людей, пріѣхавшихъ въ Москву. Среди «частныхъ грамотокъ» этой главы нашлось и собственноручное письмо царевича Алексѣя Петровича, отъ 21 іюля 1707 года, изъ Смоленска, къ «генеральному президенту и сибирскихъ провинцій судіѣ», князю Матвѣю Петровичу Гагарину, которое уже напечатано Н. Н. Оглоблинымъ въ «Русской Старинѣ», за 1892 г., въ № 2.

За этими главами слѣдуютъ «Приложенія», заключающія обзорѣнія нѣкоторыхъ «докладовъ», «наказовъ» и другихъ документовъ, съ подробными указателями, послѣднихъ. А въ заключеніи помѣщены: нѣсколько дополненій къ III части и указатели личныхъ именъ, географическихъ и предметный (послѣдній ко всѣмъ четыремъ частямъ).

В. Р.—въ.

Профессоръ Евгенийъ Бобровъ. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Томъ III. Казань. 1902.

Въ книгѣ, заглавіе которой приведено нами, помѣщено нѣсколько статей, не имѣющихъ между собою внутренней связи; такъ, въ началѣ находимъ «Затерянные произведенія С. Т. Аксакова» (стр. 3—27), далѣе слѣдуетъ статья «Дѣло Сочинскаго» (стр. 28—67), въ которой приводятся свѣдѣнія о несчастной судьбѣ названнаго лица изъ печатныхъ источниковъ; послѣ этой идетъ (стр. 68—100) точно также составленная статья «П. С. Нахимовъ»; на стр. 101—108 находимъ замѣтку «Къ исторіи русскаго масонства», гдѣ впервые обнаружены любопытные документы—въ стихахъ и прозѣ—по исторіи масонства въ одномъ изъ нашихъ провинціальныхъ городовъ—Казани; документы эти найдены въ бумагахъ (удѣльвшихъ только отчасти) тамошняго масона С. А. Москотильникова (1768—1852), извѣстнаго въ литературѣ переводомъ «Освобожденнаго Іерусалима» (Москва, 1819, и второе изданіе: 1820—1821 гг.). Самый обширный отдѣлъ книги Боброва представляютъ (стр. 109—170) «Письма Г. П. Каменева къ С. А. Москотильникову»; они писаны въ

«истор. вѣстн.», май, 1902 г., т. LXXXVIII.

21

1799—1802 гг. и были уже изданы Н. И. Второвымъ въ альманахѣ графа В. А. Соллогуба «Вчера и сегодня», но въ неполномъ видѣ; г. Бобровъ переиздалъ ихъ по подлинникамъ (кромѣ одного), уцѣлѣвшимъ въ бумагахъ того же Москотильникова, и снабдилъ ихъ своими объяснительными примѣчаніями. Остальная часть книги занята статьёй «Сказанія о корыстолюбцѣ въ козлиной шкурѣ» (стр. 171—181) и «Приложеніями и дополненіями» (стр. 182—199).

Наиболѣе цѣнными отдѣлами въ книгѣ г. Боброва должны быть признаны «Затерянные произведенія С. Т. Аксакова», «Къ исторіи русскаго масонства» и «Письма Г. П. Каменева къ С. А. Москотильникову»; во всемъ прочемъ нѣтъ ничего новаго.

«Затерянными» произведеніями С. Т. Аксакова г. Бобровъ называетъ его статьи о театрѣ, появившіяся въ «Драматическихъ прибавленіяхъ» къ журналу М. П. Погодина «Московскій Вѣстникъ». Эти прибавленія, выходящія съ особой пагинаціей (только 7-е и 8-е нашли себѣ мѣсто на страницахъ самого журнала—часть XI, стр. 383—396—и потому оговорены въ оглавленіи, тогда какъ о прочихъ не упомянуто), представляютъ собою большую библиографическую рѣдкость; даже для двухъ существующихъ собраній сочиненій С. Т. Аксакова не оказалось возможнымъ найти 5-е «Прибавленіе» и конецъ 6-го; г. Бобровъ разыскалъ такой экземпляръ «Московского Вѣстника», гдѣ эти прибавленія сохранились, и перепечаталъ ихъ съ дипломатической точностью въ своей книгѣ.

Замѣчанія г. Боброва о мѣстѣ, которое должны занимать «Драматическія прибавленія» въ журналѣ Погодина, вызываютъ нѣкоторое сомнѣніе. Въ предлагаемомъ мнѣ экземплярѣ «Московского Вѣстника» за 1828 г.,—пишетъ г. Бобровъ,—недостающія «Прибавленія» переплетены при VIII части, заключающей 8 книжекъ: V «Прибавленіе» послѣ V-й книжки, а VI послѣ VI-й... Счетъ страницъ у журнала особый,—и даже цензора разные: подъ VI прибавленіемъ подписался С. Глинка, а подъ VI книжкой С. Аксаковъ» (стр. 4—5). Но гдѣ бы ни помѣстилъ «Прибавленія» переплетчикъ, можно смѣло сказать, что въ VIII части «Московского Вѣстника» (1828 г., №№ 5—8, то-есть четыре, а не восемь, какъ утверждаетъ г. Бобровъ, книжекъ) ихъ быть не должно, такъ какъ только въ IX-й части этого журнала издатель сообщилъ (№ 11, стр. 340): «При Московскомъ Вѣстникѣ будутъ отнынѣ издаваться «Драматическія прибавленія»... Перепечатанное г. Бобровымъ V-е «Прибавленіе» уже потому не могло быть приложено къ 5-му номеру журнала, что въ самомъ началѣ его есть ссылка на помѣщенный въ 9-мъ номерѣ «Московского Вѣстника» (стр. 73—86) разборъ комедіи Загоскина «Благородный театр». Такъ какъ четвертое «Прибавленіе» было приложено при 14-мъ номерѣ «Московского Вѣстника» за 1828 г. (ср. стр. 210), то пятое, разрѣшенное къ печати самимъ С. Т. Аксаковымъ 26 августа 1828 г. (у г. Боброва стр. 20), должно было выйти позднѣе, вѣроятно, при шестнадцатомъ номерѣ журнала, получившемъ разрѣшеніе 30 августа того же года и отъ того же цензора. Цензурная дата шестого «Прибавленія» (19 сентября 1828 г., С. Глинка; у г. Боброва стр. 27) всего ближе подходитъ ко времени разрѣ-

шенія семнадцатаго номера «Московского Вѣстника» (10 сентября 1828 г., С. Глинка).

Переизданіе писемъ Каменева въ болѣе полномъ видѣ доставитъ удовольствіе любителямъ нашей старинной литературы, среди дѣятелей которой Каменевъ пользуется едва ли заслуженной извѣстностью; его немногочисленные произведенія навсегда остались бы «во мракѣ забвенія», если бы А. С. Пушкинъ не сказалъ въ присутствіи г-жи А. А. Фуксъ извѣстнаго комплимента Каменеву, ея близкому родственнику. Объ авторѣ «Громвала» у насъ нерѣдко упоминаютъ съ уваженіемъ, хотя никто еще не далъ себѣ труда поближе всмотрѣться въ его литературную личность; едва ли будетъ невѣрнымъ утвержденіе, что наиболѣе интересное произведеніе Каменева—его письма къ Москотильникову, дающія намъ любопытныя подробности изъ жизни мелкаго литератора конца XVIII—начала XIX вѣка. Весьма мало извѣстна и біографія Каменева; г. Бобровъ упоминаетъ (стр. 167, по статьѣ Второва), что поэтъ похороненъ «въ тѣни сосновой рощи Кизическаго монастыря» (въ Казани), но не приводитъ вырѣзанной на его могильной плитѣ надписи:

Въ комъ нѣкогда пылалъ небесный чистый пламень,
Кто добродѣтель чтить, кто былъ несчастнымъ другъ,
Кто бѣднаго любилъ, того оставшій прахъ
Здѣсь кроетъ хладный камень.

(Епископъ Никаноръ. Кладбище Кизическаго монастыря. Исторія его и описаніе. Казань. 1892, стр. 9; ср. также на стр. 33, съ невѣрной датой).

Въ одной старинной книжкѣ мы встрѣтили слѣдующую записъ на карточкахъ:

«Эпитафія Г. П. Каменеву, написанная С. А. Москотильниковымъ.

Въ комъ нѣкогда пылалъ небесный чистый пламень,
Кто былъ любимецъ музъ, кто добродѣтель чтить,
Кто сладость дружбы зналъ, несчастнаго любилъ,
Того оставшій прахъ здѣсь кроетъ хладный камень.

Но даръ Всевышняго—свѣтъ, въ мракѣ заключенный,
Къ источнику его изъ тѣни возлетѣлъ.
О другъ! напрасно ты, уныньемъ отягченный,
Въ природѣ смерть одну и разрушеніе зрѣлъ.

«Первый куплетъ вырѣзанъ на надгробномъ камнѣ Г. П. Каменева, находящемъ (sic) на общемъ (sic) кладбищѣ въ г. Казани».

Такимъ образомъ надгробіе, напечатанное епископомъ Никаноромъ, пополняется, исправляется и перестаетъ быть анонимнымъ. Въ той же книжкѣ тою же рукою написано неизвѣстное, сколько помнится, въ печати произведеніе Каменева, которое считаемъ нелишнимъ привести здѣсь (съ дипломатическою точностью), какъ образецъ усвоенія казанскимъ поэтомъ приемовъ нѣмецкой романтики:

«С о н ъ.»

Стихотвореніе Г. П. Каменева, написанное незадолго до своей кончины; оно исправлено въ нѣкоторыхъ мѣстахъ другомъ его С. А. Москотильниковымъ.

Рдяное солнце въ облакѣ мрачномъ
Скоро сокрылось отъ глазъ;
Все приумолкло, все приуныло,
Дремлютъ лѣса.

Ночь въ колесницѣ, черной, печальной
Тихо съ Востока летить;
Влажныя тѣни стелеть на землю,
Тускнеть рѣка.

Скуки унылой тяжкое бремя
Душу мою тяготить;
Скорби жестоки, горести чуютъ
Сердце мое.

Сердце тоскуетъ, слезы лютя
Градомъ изъ томныхъ очей!
Все будто кажетъ, все предвѣщаетъ
Близку мнѣ смерть.

Въ хижину мирну, къ милой подругѣ
Съ смутной душою спѣшу,
Въ нѣдрахъ покоя — кроткой дремоты
Горе забыть.

Въ длинной одеждѣ, блѣденъ, печаленъ,
Персть приложивши къ губамъ,
Сонъ опускаетъ черную ризу
Мнѣ на глаза.

Съ духомъ смущеннымъ я засыпаю:
Сердце хладѣетъ во мнѣ.
Мрачные виды взору открылись:
Ужасъ и страхъ!

Въ пасмурный вечеръ, съ трепетомъ въ чувствахъ
Я на кладбищѣ сажу;
Камни надгробны, смерти жилища,
Окрестъ меня.

Заревнымъ цвѣтомъ небо покрыто,
Смотритъ кровавымъ лицомъ;
Въ рдяномъ пространствѣ око не видитъ
Звѣздъ и луны.

Въ воздухъ душномъ все увядастъ,
Блекнеть, на что ни взгляну;

Древнія сосны зноемъ томятся,
Ноютъ — молчатъ.

Воздухъ, сгущенный паромъ зловоннымъ,
Грудь мою тяжело тѣснить;
Въ лютомъ мученьи чувствую близко
Горькую смерть.

Камни надгробны вдругъ потряслися,
Скорбный услышалъ я вздохъ;
Глухо и тожно онъ отозвался
Въ сердцѣ моемъ.

Въ робости, въ страхѣ, могъ ли примѣтить,
Вздохъ сей отколь произошелъ? —
Вижу — открылась хладна могила
Близко меня.

Вижу — выходитъ медленнымъ шагомъ
Страшный мертвецъ изъ нея:
Въ гробной одеждѣ, въ саванѣ бѣломъ
Мнѣ предстаетъ.

Я ужаснулся, волосы дыбомъ
Встали надъ блѣднымъ челомъ.
Тѣнь, подошедши, гласомъ могильнымъ
Мнѣ прорекла:

«Вздохъ этотъ тяжкій, чадо печали,
Въ слухъ твой проникъ изъ земли.
Стонетъ природа, тлѣнью предавшись:
Се твой удѣлъ!

«Скоро и ты здѣсь, въ нѣдрахъ безмолвныхъ
Матери нашей земли, —
Скоро здѣсь будешь, въ тѣсной могилѣ,
Съ нами лежать».

Н. Н.

**Луи де Сентъ-Обенъ. Тридцать девять портретовъ 1808—1815 г.
Фототипическія воспроизведенія съ биографическими очерками.
Изданіе великаго князя Николая Михайловича. Спб. 1902.**

Въ 1813 году, извѣстный граверъ Вендрамини предпринялъ изданіе гравированныхъ портретовъ генераловъ и офицеровъ, отличившихся въ отечественную войну 1812 года (*Galerie des portraits gravés des généraux, officiers etc. qui, par leurs valeur, leurs talents militaires et leur patriotisme, ont contribué aux succès des armes russes, pendant la guerre commencée en 1812*). Изданіе это, посвященное императору Александру I, выходило тетрадами, по пяти портретовъ въ каждой. Всѣхъ тетрадей вышло шесть, и затѣмъ дальнѣйшій выпускъ ихъ прекратился. Такъ какъ для гравирования были нужны портреты, рисованные карандашемъ, то Вендрамини обратился съ заказомъ ихъ къ нахо-

дившемуся тогда въ Россіи талантливому художнику Луи де Сентъ-Обену. Последнимъ было нарисовано тридцать девять портретовъ, изъ которыхъ Вендрамини воспользовался почему-то только десятью, а затѣмъ остальные портреты для его изданія были нарисованы художниками Ферьеромъ и Росси. покойный князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій купилъ у наслѣдниковъ Сентъ-Обена всѣ его рисунки. По смерти князя его богатая бібліотека, а вмѣстѣ съ ней и рисунки поступили въ собственную бібліотеку государя императора, съ соизволенія котораго портреты, рисованные Сентъ-Обеномъ, изданы теперь его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ. Портреты воспроизведены безукоризненно фототипіей въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, и къ каждому присоединена краткая, но очень хорошо составленная біографія. Августѣйшій издатель оказалъ этимъ изданіемъ большую услугу всѣмъ интересующимся русской иконографіей. Въ числѣ портретовъ Сентъ-Обена многіе не были совсѣмъ воспроизведены, а другіе даютъ типы изображаемыхъ лицъ, совершенно не схожіе съ извѣстными до сихъ поръ и по всѣмъ даннымъ болѣе правдивые. Укажемъ, напримѣръ, на портреты Васильчикова, Витгенштейна, графа Воронцова, Дибича, Орлова-Денисова, Сеславина, Тормасова, Уварова, барона Розена, Беннгсена. Въ концѣ предисловія къ этому изданію его высочество сообщаетъ о своемъ намѣреніи издать въ недалекомъ будущемъ подробное собраніе русскихъ портретовъ и миниатюръ, начиная съ эпохи императрицы Екатерины II до начала царствованія императора Николая I. Всѣ любители отечественной иконографіи съ искренней радостью прочтутъ это сообщеніе и отъ души пожелаютъ скорѣйшаго его осуществленія.

С. Ш.

Сочиненія императрицы Екатерины II на основаніи подлинныхъ рукописей съ объяснительными примѣчаніями академика А. Н. Пыпина. Изданіе императорской академіи наукъ. Томы VII—X. Спб. 1901.

Академическое изданіе сочиненій Екатерины II подвигается впередъ довольно быстро. Начало 1901 года принесло первые 4 тома, въ которыхъ помѣщены драматическія сочиненія, конецъ 1901 года далъ VII, VIII, IX и X томы. Въ VII томѣ напечатанъ «Антидотъ»—сочиненіе, представляющее разборъ, критическій и полемическій, сочиненія о Россіи аббата Шаппа. Аббать Шаппъ напечаталъ *Voyage en Sibirie*, книгу, написанную задорнымъ тономъ, съ явнымъ злорадствомъ и производившую впечатлѣніе пасквили на Россію. Отвѣтомъ на сочиненіе аббата явилась книга, изданная безъ указанія мѣста печати: «*Antidote ou examen du mauvais livre superbement imprimé intitulé: Voyage en Sibirie*». Кто былъ авторомъ этой книги? Въ началѣ XIX вѣка безъ всякихъ сомнѣній приписывали ее императрицѣ, но затѣмъ явились мнѣнія, отвергавшія авторство Екатерины II. Таково между прочимъ мнѣніе лучшаго знатока Екатерининской эпохи г. Бильбасова. Академикъ А. Н. Пыпинъ въ своей статьѣ «Кто былъ авторомъ Антидота», приложенной къ VII тому, привлекая новыя данныя и тщательно разобравшись въ старыхъ, считаетъ Антидотъ однимъ изъ самыхъ характерныхъ произведеній императрицы.

VIII—X томы изданія заняты «Записками касательно Россійской исторіи» въ той ихъ части, что появилась въ печати въ 6 частяхъ въ 1787—1794 гг. II относительно «Записокъ» высказывались мнѣнія, отрицавшія авторство Екатерины II или же не признававшія за ними самостоятельности. На основаніи архивныхъ данныхъ, пересмотрѣнныхъ А. Н. Пышнымъ, можно съ положительностью утверждать, что «Записки» — самостоятельное произведеніе Екатерины II. А. Н. Пынинъ въ государственномъ архивѣ нашелъ продолженіе этихъ «Записокъ», еще не бывшее въ печати. Оно будетъ напечатано въ XI томѣ изданія сочиненій императрицы вмѣстѣ съ общимъ обзорѣмъ историческихъ трудовъ Екатерины I и подробной описью матеріаловъ, послужившихъ для «Записокъ» и хранящихся въ государственномъ архивѣ и въ бібліотекѣ академіи наукъ. Щ.

М. Бородинъ. Славянофильство Тютчева и Герцена. (Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества 11 мая 1901 года). Спб. 1902.

Въ брошюрѣ г. Бородинна всего сорокъ страницъ. На первыхъ десяти авторъ указываетъ элементы славянофильства въ сочиненіяхъ и жизни Тютчева. Несомнѣнно, въ своихъ взглядахъ Тютчевъ въ многомъ сходится съ славянофилами, и нѣкоторыя изъ его стихотвореній могли бы вполне сойти за произведенія славянофильскаго пера. По отношенію къ Тютчеву задача г. Бородинна была несложна. Нетрудно констатировать славянофильскія тенденціи у Тютчева, и въ доказательство можно было, пожалуй, привести и болѣе яркія цитаты изъ его сочиненій, чѣмъ тѣ, что приведены въ брошюрѣ г. Бородинна. Но по отношенію къ Герцену дѣло стоитъ совсѣмъ иначе. На тридцати страничкахъ г. Бородинъ порѣшилъ вопросъ о славянофильствѣ Герцена. Не кажется ли нѣсколько парадоксальнымъ самое сочетаніе: «славянофильство Герцена»? Въдѣ взгляды Герцена и славянофиловъ представляются намъ столь противоположными, столь расходящимися! А если мы примемъ въ вниманіе то, что для г. Бородинна квинтэссенція славянофильства — въ признаніи официальной триады: православіе, самодержавіе и народность плюсъ убѣжденіе въ гніеніи запада, то сопоставленіе Герцена въ славянофилами и самое желаніе выискать славянофильскіе элементы въ взглядахъ Герцена покажется намъ совсѣмъ непонятнымъ и необъяснимымъ. И мы не могли бы разрѣшить своего недоумѣнія, если бы г. Бородинъ простодушно не рассказалъ намъ, что свой трудъ онъ предпринялъ ad majorem gloriam славянофильства. Правда, онъ пишетъ: «мы отнюдь не желаемъ ни доказать, что Герцена ошибочно называютъ западникомъ, ни выразить желанія перетянуть его въ славянофильскій станъ». Но «умыселъ другой тутъ быть!» Приведа тѣ утвержденія, которыми Герценъ, по его мнѣнію, напоминаетъ славянофиловъ, г. Бородинъ думаетъ этимъ доказать, что «славянофильскія мысли свойственны русскому человѣку, коренятся въ его природѣ и при извѣстныхъ условіяхъ неизбѣжно должны проявиться». По всей вѣроятности, Герценъ никогда не мечталъ о томъ, что на его сочиненіяхъ будутъ утверждать истину славянофильскаго ученія.

Мы знаемъ теперь заднія мысли г. Бородинки и поэтому можемъ отнести съ извѣстной снисходительностью къ его упражненіямъ. Впрочемъ нельзя обойти молчаніемъ одного обстоятельства. Казалось бы, сочиненія самого Герцена и должны бы явиться тѣмъ главнымъ источникомъ, изъ котораго должно черпать доказательства его славянофильства. И дѣйствительно, даже поверхностное знакомство съ ними выяснило бы всю странность сопоставленія взглядовъ Герцена съ славянофильскимъ credo, но сочиненія Герцена изданы за границей, и въ силу извѣстныхъ условій мы не можемъ пользоваться ими. Правда, въ прошломъ году въ газетахъ появились сообщенія о томъ, что готовится къ печати русское изданіе сочиненій Герцена, но до сихъ поръ эти слухи не оправдываются. Г. Бородинъ, какъ видно изъ примѣчанія къ очерку, воспользовался только статьями о Герценѣ, помѣщенными въ русскихъ журналахъ. Цитируя отрывки изъ сочиненій Герцена изъ вторыхъ рукъ, т. е., этихъ самыхъ статей, г. Бородинъ оставилъ безъ вниманія не только доступныя русскому читателю письма Герцена, но и его сочиненія, обращающіяся въ Россіи. Если г. Бородинъ не имѣлъ возможности въ силу извѣстныхъ условій воспользоваться сочиненіями Герцена, то онъ не долженъ былъ строить свои выводы на основаніи немногочисленныхъ отрывковъ, взятыхъ у различныхъ авторовъ: смѣшно же на самомъ дѣлѣ разсуждать о тѣхъ или иныхъ взглядахъ Герцена, зная только отрывки его сочиненій!

Въ чемъ же видитъ г. Бородинъ славянофильство Герцена? Резюмируя свои изысканія, онъ утверждаетъ: «итакъ одинъ изъ самыхъ ярыхъ представителей западничества сталъ проповѣдывать паденіе и вымирание Европы, отсутствіе у нея идеаловъ, невѣрное пониманіе ею истинной свободы и пр.! Онъ увѣровалъ, что у Россіи имѣется свое предназначеніе, что она пойдетъ своимъ путемъ и скажетъ міру свое слово. Логической необходимостью онъ пришелъ къ вѣрѣ въ религію (странно сочетаніе: вѣра въ религію) и къ вѣрѣ въ Россію». Г. Бородинъ останавливается на отношеніи Герцена къ вопросу о гнѣніи запада, православію, самодержавію и народности и вездѣ констатируетъ славянофильскіе элементы и дѣлаетъ это, очевидно, безъ особыхъ затрудненій. Указывая, напримѣръ, на извѣстный переломъ въ отношеніяхъ Герцена къ Западу послѣ 1848 года, г. Бородинъ утверждаетъ, что Герценъ приблизился къ знаменитой славянофильской формулѣ о гнѣніи Запада. Но вѣдь ясно, какъ день, что разочарованіе Герцена западной жизнью и догматическія утвержденія славянофиловъ о паденіи Европы—совершенно различныя явленія. Нельзя забывать того, что Герцена раздражали буржуазныя формы жизни въ Западной Европѣ, торжествовавшія свою побѣду и въ этотъ моментъ казавшіяся долговѣчными. Г. Бородинъ считаетъ совершенно излишнимъ указывать на то, въ какомъ отношеніи состоятъ перемѣны во взглядахъ Герцена на Европу и европейское движеніе къ эволюціи его идеаловъ, а это—вопросъ коренной. Стоитъ только сравнить идеалы Герцена, которымъ онъ оставался вѣренъ всю свою жизнь, съ идеалами славянофиловъ, и всѣ попытки сближенія перваго съ послѣдними потеряютъ подъ собою всякую почву. Еще легче рѣшается г. Бородинъ вопросъ о взглядахъ Герцена на религію. Всѣмъ извѣстно, что Герценъ былъ невѣрующій человѣкъ, но г. Бородину

для его цѣлей сближенія кажется совершенно достаточнымъ привести мнѣнія Герцена о томъ, что Россія никогда не будетъ протестантской, а счастье русскаго народа въ томъ, что онъ не испорченъ католицизмомъ. Верхъ простоты въ стремленіяхъ найти точки соприкосновенія Герцена съ славянофилами во взглядахъ на самодержавіе. Г. Бородинъ могъ привести только одну фразу изъ сочиненій Герцена, буквально одну фразу: «идеаль нашего царя чрезвычайно высокъ». Но что говорить эта фраза объ отношеніи Герцена къ этому явленію русской жизни? Согласитесь, что одной фразы чрезчуръ уже мало для вывода требуемой аналогіи. Послѣдній моментъ, на которомъ останавливается г. Бородинъ, это—народность. И тутъ г. Бородинъ сдѣлалъ замѣчательно удачный подборъ цитатъ и доказалъ, что Герценъ сходилъ съ славянофилами... въ своей любви къ родинѣ и въ своей вѣрѣ въ Россію, являющейся результатомъ этой любви. Правда, выводъ этотъ не нуждается въ доказательствахъ.

Что еще общаго между славянофилами и Герценомъ? Въ концѣ концовъ всѣ аналогіи г. Бородинъ сводятся къ слѣдующему положенію: и тотъ, и другіе были люди вообще и русскіе въ частности; слѣдовательно, они имѣли нѣчто общее, свойственное всѣмъ людямъ вообще и русскимъ въ частности. И тотъ, и другіе очень любили свою родину и вѣрили въ нее. Но стоило ли для доказательства этой мысли писать очеркъ? Положимъ, немного ушло бумаги на доказательства, всего тридцать страницъ, но и тридцати жалъ. Къ сказанному нечего добавлять, что въ литературѣ о Герценѣ брошюра г. Бородинъ не имѣетъ ровно никакой цѣнности. П. Щ.

Библиотека по отечествовѣдѣнію, подъ редакціей М. Н. Мазаева. Русскіе кустари. Научно-популярный очеркъ И. М. Иванова. Изданіе типографіи И. Гольдберга. Спб. 1902.

Потребность ближе и подробнѣе ознакомиться съ родиной никогда, повидимому, не чувствовалась русскимъ обществомъ съ такою силой и настоятельностью, какъ въ наше время. Въ короткій сравнительно срокъ появилось нѣсколько трудовъ по исторіи Россіи, книга Джаншіева объ эпохѣ великихъ реформъ разошлась чуть ли не въ 9 изданіяхъ, а наступившій годъ успѣлъ уже подарить намъ тремя работами по исторіи русскаго просвѣщенія и литературы. Указывая на оживленіе интереса къ родному, эти труды обозначаютъ и путь, по которому направляется любознательность читателя: передъ нимъ выясняется, такъ сказать, казовая сторона русской жизни, исторія русской государственности, русскаго уметвеннаго развитія. Въ историко-литературныхъ трудахъ публика видитъ лишь поверхность общественнаго моря, то спокойную и застывшую, то покрытую мелкою рябью, то, наконецъ, всю въ движеніи съ грозными волнами и пѣною. Внутренняя жизнь, самыя глубины народнаго моря остаются при этомъ для нея неясны, и только кое-какія теченія прослѣжены до болѣе глубокихъ общественныхъ пластовъ.

Въ наше сухое, прозаическое время едва ли не на первый планъ выдвигаются вопросы дѣловые, вопросы политико-экономическіе. Чтобы рѣшить ихъ

или, по крайней мѣрѣ, осмыслить свое къ нимъ отношеніе, нужно знать жизненную, бытовую обстановку, которая эти вопросы порождаетъ, нужно знать свойства нашей природы, которая такъ могуче дѣйствуетъ на условія жизни всего общества и нижнихъ его слоевъ въ особенности. Къ сожалѣнію, русскій читатель едва ли можетъ похвалиться обширностью своихъ знаній по этой части. Вотъ теперь въ печати обсуждается сплошь и рядомъ вопросъ объ общинѣ, и мы увѣрены, что изъ 10 читателей газетъ 9 находятся, за неимѣніемъ собственнаго сужденія, въ необходимости всецѣло полагаться на сужденіе газетныхъ статей. Только недостаточнымъ знаніемъ русской обстановки и экономического быта и можно себѣ объяснить такое странное явленіе, какъ возрожденіе послѣ 30-лѣтняго забвенія пресловутаго марксизма, и на этотъ разъ оказавшагося невѣрной для Россіи формулой. Такое безпомощное положеніе русскаго общества происходитъ, по нашему мнѣнію, прежде всего отъ того, что у насъ нѣтъ работъ, которыя могли бы удовлетворить запросамъ общественной любознательности въ этомъ направленіи. Журнальныя статьи обыкновенно касаются одной какой либо стороны дѣла и, какъ водится, быстро улечувиваются изъ памяти читателя. Разные земскіе статистическіе ежегодники, монументальныя географическіе труды, въ родѣ описанія Россіи Семенова, наконецъ официальныя изданія министерства финансовъ составляютъ необходимое и драгоценное пособіе для спеціалиста, но для большой публики они совсѣмъ непригодны: они слишкомъ дороги, тяжеловѣсны, слишкомъ обременены цифрами. Нельзя поэтому не приветствовать счастливой мысли г. Гольдберга пополнить этотъ пробѣлъ и дать читателю цѣлый рядъ популярно-научныхъ очерковъ по отечествовѣдѣнію, подъ общимъ заглавіемъ: «Библиотека по отечествовѣдѣнію».

Передъ нами пока первый, только что появившійся выпускъ задуманной серіи, посвященный кустарямъ. Благодаря обрывкамъ знаній, разсыпаннымъ въ учебникахъ географіи, мы знаемъ, что кустарь—это крестьянинъ-собственникъ, занимающійся известнымъ ремесломъ въ свободное отъ полевыхъ работъ время, живущій очень бѣдно, работающій разную мелочь очень скверно и постепенно исчезающій передъ натискомъ фабрики. Вотъ, кажется, обычное, ходячее представленіе о кустарѣ. А на самомъ дѣлѣ «кустарь одѣваетъ и обуваетъ наше многомилліонное войско (кустарныя сукна шли даже въ Англію для королевскаго войска); поставляетъ свою работу также на флотъ, артиллерію, желѣзныя дороги... Издѣлія его доходятъ до раззолоченныхъ палатъ графовъ и князей и даже до самыхъ дворцовъ императорскихъ... Роскошныя русскія кружева попадаютъ на плечи парижанокъ, и жены богатыхъ янки въ Америкѣ также высоко цѣнятъ ихъ. Русскіе драгоценныя мѣха красуются въ громадныхъ зеркальныхъ витринахъ Парижа, Лондона, Берлина, Вѣны и Нью-Йорка. Кустарныя издѣлія проложили себѣ путь въ Турцію и Персію, даже Индію, Афганистанъ, Японію и Китай». Если къ этому прибавить, что кустарнымъ промысломъ занято въ Россіи болѣе 7 милліоновъ, и что годичное производство кустарей оцѣнивается въ полтора милліарда рублей, то приходится сознаться, что кустари имѣютъ полное право на вниманіе всякаго, въ комъ есть потребность осмотрѣться вокругъ себя, разобраться въ экономическихъ условіяхъ, при которыхъ мы теперь живемъ.

Разбросанные кучками по всему лицу земли Русской, кустари занимаются самыми разнообразными промыслами, съ самыми разнообразными приемами и съ самымъ разнообразнымъ уснѣхомъ. Нелегкая поэтому задача дать въ небольшой работѣ общую и въ то же время отчетливую картину условий ихъ труда и экономического значенія въ хозяйственной жизни труда. Тутъ какъ разъ можно завалить изложеніе статистическими данными или впасть въ такую сухость, которая не пріохотитъ, а скорѣе отпугнетъ читателя отъ такого рода чтенія. На нашъ взглядъ авторъ разбираемой книги счастливо избѣгъ этой Сциллы и Харибды, и его работа пригодится какъ ученикамъ средней школы, гдѣ вводится преподаваніе отечествовѣдѣнія, такъ и большой публикѣ, въ комъ за житейскими мелочами не заглохъ еще интересъ къ общественнымъ дѣламъ.

А. Вв.

Русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Матеріалы для исторіи Виленскаго учебнаго округа преимущественно въ Муравьевскую эпоху. И. Корнилова. Спб. 1901.

Настоящая книга принадлежитъ недавно скончавшемуся извѣстному дѣятелю въ Сѣверо-Западномъ краѣ И. П. Корнилову, сотруднику знаменитаго М. Н. Муравьева. Она содержитъ въ себѣ не столько литературный, сколько офиціальныи матеріалъ, полученный главнымъ образомъ отъ служебной переписки по Виленскому учебному округу, гдѣ И. П. Корниловъ состоялъ попечителемъ (съ 1864 года). Но, несмотря на офиціальность помѣщенныхъ въ книгѣ документовъ, сухости и формализма въ нихъ мало. Дѣло въ томъ, что время, къ которому относятся эти документы, было настолько живое, требовало такого близкаго, непосредственнаго, чуждаго какому бы то ни было формализма отношенія къ дѣлу, что становиться на строгую и сухую офиціальную почву тогда не было никакой возможности. Всѣ работали, насколько могли, работали сердечно, съ одушевленіемъ, изъ любви къ дѣлу, плоды котораго, для возбужденія русскаго народнаго духа, для возрожденія русскаго культуры и для восстановленія права русскаго народности, были на виду. Кромѣ офиціальныи матеріаловъ, въ книгѣ помѣщены и не офиціальныи, къ которымъ преимущественно относятся разныи письма, уже по самой своей формѣ позволявшія высказываться съ болѣею свободой и откровенностью. Затѣмъ, напечатанныи въ книгѣ матеріалъ принадлежитъ не одному лишь издателю, а отчасти и другимъ лицамъ, работавшимъ въ Западномъ краѣ. А это придаетъ книгѣ большую полноту и разнообразіе въ изображеніи характерныхъ чертъ Муравьевской эпохи.

Книга состоитъ изъ предисловія, трехъ отдѣловъ документовъ съ дополненіями къ нимъ и приложений.

Въ предисловіи (стр. 1 — XXVIII), послѣ обычныхъ, предварительныхъ словъ о происхожденіи и задачѣ книги, помѣщено особое мнѣніе попечителя Виленскаго учебнаго округа, князя Ширинскаго-Шихматова, въ коемъ высказывается взглядъ на особенности Сѣверо-Западнаго края, на состояніе въ немъ учебно-воспитательнаго дѣла до прибытія въ Вильну въ 1863 году графа М. Н.

Муравьева и до совершеннаго имъ здѣсь кореннаго нравственнаго переворота въ національно-русскомъ духѣ; здѣсь же напечатаны соображенія вилenskaго губернскаго предводителя дворянства Домейки, представленныя министру народнаго просвѣщенія А. В. Головину и написанныя въ духѣ польскихъ тенденцій.

Въ первомъ отдѣлѣ книги (стр. 1—23) напечатаны два представленія князя Ширинскаго-Шихматова въ министерство народнаго просвѣщенія отъ 1861—1862 года, свидѣтельствующія о безотрадности и удрученности состояннн русскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ, во время генераль-губернаторства В. И. Назимова.

Во второмъ отдѣлѣ (стр. 24—196) помѣщенъ рядъ документовъ въ формѣ представленнй, писемъ и записокъ, относящихся ко времени генераль-губернаторства графа М. Н. Муравьева, К. П. фонъ-Кауфмана и графа Э. Т. Баранова. Здѣсь рѣчь идетъ о задачахъ русскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ и положенн его, о необходимости изданн для крестьянскихъ дѣтей религіозно-нравственныхъ книгъ въ духѣ православной церкви, о необходимости замѣны польскихъ учителей русскими, вызванными изъ внутреннихъ губернн Россн, объ усиленн женскаго воспитанн въ краѣ, о мѣрахъ противодѣйствн польско-католическому влннню, о характерѣ мѣстнаго образованн, о реформѣ еврейскихъ школъ и тому подобное. Отдѣлъ содержитъ любопытныя свѣдѣнн о положенн русскаго дѣла и православн въ Западномъ краѣ до и послѣ Муравьева. Напримѣръ, въ письмѣ на имя министра государственныхъ имуществъ А. А. Зеленаго, И. П. Корниловъ приводитъ слѣдующн данныя, для характеристики положенн русскихъ въ Вильнѣ до прнѣзда графа М. Н. Муравьева. «Возлѣ меня есть самая древняя въ городѣ православная церковь Святителя Николая. Поляки безнаказанно и позорно для русской чести и православн оскорбляли эту народную святыню: у самаго входа въ храмъ, за церковной оградой, они нахально выбрасывали помои; зловонн проникало въ церковь. Достойный и всѣми русскими глубоко уважаемый епископъ ковенскн Александръ былъ остановленъ на улицѣ тремя мегерами, которыя оплевали его одежду, а одна изъ нихъ, самая бѣшеная, дергая его за рукавъ, осыпала бранью, называя его пономѣмъ псинный вѣры, проклятымъ схизматикомъ. Преосвященный обратился къ Владимиру Ивановичу Назимову и указывалъ на необходимость если не укрощенн польскаго терроризма, то по крайней мѣрѣ защиты русскихъ людей отъ неистовства черни. Но благодушный и нерѣшительный Владимиръ Ивановичъ, не понимавшн поляковъ, у которыхъ дерзость соединена съ малодушемъ, и которые страшны только тогда, когда ихъ боятся, какъ обыкновенно бываетъ съ людьми малодушными и дерзкими, посоветовалъ преосвященному послѣдовать примѣру евангельскаго смиренн. Онъ замѣтилъ между прочимъ, что даже члены его семейства не пощажены, и, кажется, его дочерямъ облили платья купоросомъ. Самъ Владимиръ Ивановичъ чего не перенесъ! Толпа женщинъ ворвалась къ нему и грозилась на него зонтиками, требуя, чтобы онъ говорилъ по-польски. Представьте себѣ, каково было священникамъ, учителямъ, чиновникамъ и другому бѣдному, мелкому и беззащитному русскому люду въ городахъ и мѣстечкахъ» (стр. 25—26). Послѣ Муравьева положенн дѣлъ было совершенно иное.

Въ третьемъ отдѣлѣ разсматриваемой книги (стр. 196—267) напечатаны матеріалы, относящіяся къ управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ генералъ-губернатора Потапова, рѣшительнаго противника Муравьевской правительственной системы, а равно и къ позднѣйшимъ годамъ. Въ матеріалахъ содержатся записи относительно общаго положенія края и въ частности касательно состоянія въ немъ просвѣщенія.

Къ каждому изъ трехъ отдѣловъ въ книгѣ сдѣланы добавленія (стр. 269—328). Особенно любопытны здѣсь свѣдѣнія объ отношеніи поляковъ къ русскимъ, о чемъ убѣдительно говорятъ слѣдующіе сообщаемые въ запискѣ В. П. Кулина факты. Однажды въ Вильнѣ хоронили русскаго солдата, убитаго въ стычкѣ съ мятежниками. Пожилой еврей, спѣша догнать печальное шествіе, по тѣсотѣ тротуара, слегка толкнулъ какую-то старушку, одѣтую весьма прилично въ черное платье и принадлежащую несомнѣнно къ образованному классу. Она громко сдѣлала еврею замѣчаніе въ слѣдующихъ словахъ: «Куда торопишься? Еще успѣешь догнать эту собаку». Или: мимо Николаевского православнаго собора идутъ двѣ старушки, весьма прилично одѣтыя, какъ видно, шляхтянки, давно не бывавшія въ Вильнѣ.—Проше, пани,—спрашиваетъ одна изъ нихъ тутъ же проходившую русскую,—да чи то костель свен-того Станислава (не это ли костель святого Станислава)?—Нѣтъ, это православный соборъ святого Николая,—получаетъ старушка отвѣтъ на русскомъ языкѣ.—Ай, Езусъ-Марія!—въ ужасѣ восклицаетъ старушка:—а я пшежечаламъ се (а я перекрестилась)!—Коротко и ясно. Но не такъ относились русскіе къ полякамъ. Идутъ мимо Свентоянскаго костела два солдата, останавливаются и молятся по-православному, осѣняя себя крестомъ трижды. «Что вы молитесь?—замѣчаетъ имъ какой-то прохожій:—вѣдь это не православная церковь, а католическій костель, тутъ поляки.—А что они тамъ дѣлаютъ?—говорятъ солдаты:—развѣ не Богу молятся? — Коротко и ясно. А вотъ другой фактъ. Хоронили русскихъ солдатъ, убитыхъ въ стычкѣ съ повстанцами. Одна русская дама, возвращаясь домой послѣ участія въ траурной процессіи, встрѣтила у Острыхъ Воротъ толпу черныхъ женщинъ, бросавшихъ на нее наглые презрительные взгляды. Одна изъ нихъ, участница всѣхъ уличныхъ польскихъ манифестацій, ничтожная шляхтянка, жена лакея, обратилась къ ней по-польски съ такими словами: «Московка! Развѣ ты не могла свою падалъ проводить до кладбища?» При графѣ Муравевѣ дѣло измѣнилось, какъ видно изъ слѣдующаго факта. Однажды у входныхъ дверей костела св. Яна, во время богослуженія, сидѣли четыре элегантныя дамы съ серебряными тарелочками и серебряными колокольчиками въ рукахъ и собирали пожертвованія на повстанцевъ. На тарелочкахъ лежали кучки бумажекъ и серебра. Въ это время въ костель входитъ полицеймейстеръ и вѣжливо освѣдомляется о предметѣ сбора; весьма неохотно и съ оттѣнкомъ пренебреженія дамы процѣживаютъ сквозь губы: «на добротинность». Но полицеймейстеръ не удовлетворился этимъ и снова спросилъ, для какой именно благотворительной цѣли собираются деньги. Ему опять отвѣчаютъ—«на добротинность», но уже съ раздраженіемъ въ голосѣ. Но полицеймейстеръ не останавливается въ своихъ требованіяхъ и прямо уже проситъ передать ему всѣ собранныя деньги, увѣряя,

что онъ немедленно будутъ употреблены на доброе дѣло. Грозно сверкнули на него глазами повстанскія сборщицы, но находчивый полицеймейстеръ тихо упомянулъ при этомъ имя новаго начальника края (Муравьева). Это имя возымѣло надлежащее дѣйствіе. Смутились и крѣпко поморщились траурныя дамы, но, дѣлать нечего, всѣ сборы передали полицеймейстеру. А на другой день въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» на русскомъ и польскомъ языкахъ была объявлена сборщицамъ денегъ благодарность отъ имени разоренныхъ мятежниками шайками сельскихъ обывателей, на нужды коихъ предполагалось употребить эти деньги,—съ просьбой и впредь продолжать сборъ (стр. 276—279).

Наконецъ, въ приложеніи (стр. 331—409) помѣщены дѣла комисіи, учрежденной въ 1866 году К. П. фонъ-Кауфманомъ въ Вильнѣ для ревизіи дѣйствій виленскаго цензурнаго комитета и для изслѣдованія злоупотребленій по продажѣ польскихъ жмудско-литовскихъ книгъ, печатавшихся въ мѣстныхъ типографіяхъ и привозимыхъ изъ-за границы.

Такимъ образомъ, изданіе покойнаго И. П. Корнилова имѣетъ немалый интересъ для ознакомленія съ положеніемъ Сѣверо-Западнаго края въ шести-десятихъ годахъ минувшаго столѣтія. О.

Германъ Вейнгартенъ. Народная реформація въ Англіи XVII вѣка. Москва. 1901.

Книга Вейнгартена, очень извѣстнаго знатока исторіи церкви, не новая: она написана болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, и только теперь переведена на русскій языкъ. Однако же она и теперь еще имѣетъ серьезное значеніе, и съ нею приходится считаться всякому, занимающемуся исторіей Англіи, несмотря на появившіеся труды Ранке, Бернштейна, Гизо, Галлама. Всѣ эти перечисленные историки главное свое вниманіе обратили на политическую сторону англійской революціи или социальную (какъ это сдѣлалъ извѣстный и русской публикѣ Бернштейнъ). У Вейнгартена центръ тяжести въ религіозной точкѣ зрѣнія. У него революція изображена въ религіозной оболочкѣ. Въ этомъ отношеніи его не безъ основанія сравниваютъ съ Тэномъ, тоже выдвинувшимъ психологическую точку зрѣнія на первый планъ въ анализѣ причинъ французской революціи. Трудно сказать, который изъ этихъ двухъ историковъ лучше рѣшилъ эту задачу. Думаемъ, что оба выполнили ее плохо, такъ какъ оба взглянули на великое социальное движеніе съ предвзятой точки зрѣнія.

Для Вейнгартена все англійское движеніе есть продолженіе германскаго, чего, конечно, нельзя признать, такъ какъ корни этого чисто національнаго движенія лежали очень глубоко. Никто, конечно, не согласится съ Вейнгартеномъ и въ томъ, что деизмъ непосредственно произошелъ отъ англійскаго сектантства, но въ общемъ и во многихъ частностяхъ книга Вейнгартена даетъ много новаго, яркаго.

Начинаетъ Вейнгартенъ свою книгу съ указанія на то, какое большое значеніе имѣетъ исторія англійской церкви XVII вѣка для общаго развитія

реформаціи. Затѣмъ, онъ переходитъ къ изложенію англійской реформаціи, пуританизма и индипендентства, останавливаясь очень подробно на паденіи епископальной церкви и борьбѣ пресвитеріанъ съ индипендентами, ученіи архіепископа Лоуда объ іерархіи, выясненіи развитія между теоріей Лоуда и практикой епископской власти.

Лучшія главы (3, 4, 5 и 6) даютъ замѣчательныя характеристики «святыхъ» и самого Кромвеля.

Въ Мильтонѣ авторъ совершенно справедливо видитъ главнаго бойца этого времени. «Громадный интересъ», говоритъ онъ, «который представляетъ для насъ личность Мильтона въ годы расцвѣта его силы, заключается именно въ томъ, что мы видимъ въ немъ соединенными тѣ элементы, которые въ послѣдующемъ развитіи ихъ разъединились: здѣсь — бурная любовь къ свободѣ, дважды низвергавшая съ трона Стюартовъ». Мильтонъ былъ представителемъ того гуманистическаго образованія, изъ котораго выросла философія просвѣщенія. Въ немъ воплотилось религиозное и реформаторское рвеніе пуританина, заставившее его пережить столько религиозныхъ скитаній. Въ юности Мильтонъ принадлежалъ къ пресвитеріанамъ, потомъ — къ баптистамъ, индипендентамъ, а впослѣдствіи и вовсе отрекся отъ церковнаго сообщества. Вейнгартенъ говоритъ, что въ исторіи нѣмецкой и англійской реформаціи не найти другого такого человѣка, какъ Мильтонъ: онъ могъ бы носить гербъ республики, государственнымъ секретаремъ которой онъ былъ нѣкоторое время, — арфу и крестъ, съ такимъ же правомъ, какъ и собственный свой. «Невозможно представить себѣ что либо соответствующее этому своеобразному сочетанію поэтическаго гения, не уступавшаго избраннымъ умамъ Аѳинъ и идеальнымъ личностямъ средневѣковой романтики — Данте и Петраркѣ, — античнаго міросозерцанія и интересовъ чисто христіанскихъ». Гуманиста шестнадцатаго столѣтія напоминалъ въ немъ грубоватый, простонародный тонъ, манера его полемики, специально подыскивающая остроты и сатирическія выходы, наконецъ его мѣткій стиль.

Особенно яркой вышла характеристика Кромвеля. Авторъ основываетъ свои сужденія на письмахъ Кромвеля и рѣчахъ его. Письма Кромвеля относятся къ первому періоду его внутренняго развитія, а рѣчи — ко второму. Говоря объ изреченіяхъ Кромвеля, Вейнгартенъ находитъ, что всѣ они сходятся въ томъ, что цѣна жизни заключается въ ея соединеніи съ Богомъ, въ вѣрѣ. Вѣра Кромвеля носитъ рѣзкій отпечатокъ тогдашняго религиознаго настроенія реформированной церкви. Довѣріе его божественному внушенію шло рука объ руку съ серьезной и честной работой совѣсти, которая послѣ борьбы сама съ собой пришла къ опредѣленному рѣшенію. Особенно сердечно высказывается Кромвель въ письмахъ къ друзьямъ, гдѣ рисуется его благочестіе. Но это благочестіе не носитъ на себѣ отпечатка анахоретства: оно, скорѣе, заключается въ томъ, чтобы посредствомъ вѣры быть господиномъ надъ всѣми обстоятельствами жизни, надъ своими радостями и заботами. Онъ рекомендуетъ сыну заниматься науками: исторіей, математикой, но съ наибольшей любовью онъ говоритъ о жизни во Христѣ.

Анализируя характеръ Кромвеля, Вейнгартенъ видитъ основную черту его въ серьезномъ, искреннемъ благочестіи. Его преданность энтузіастическимъ

упованіямъ своего времени, съ ихъ неудержимымъ стремленіемъ впередъ, была свободна отъ всякаго эгоизма. Вейнгартенъ безусловно отрицаетъ существованіе хоть какого нибудь своекорыстнаго расчета въ письмахъ Кромвеля.

Съ такою же полнотою изображенъ другой благороднѣйшій представитель пуританства въ его первоначальной сущности — Бакстеръ, имѣвшій огромное политическое значеніе. Другіе историки этого движенія (Гизо, Бернштейнъ) мало обратили вниманія на эту личность.

Отдѣльная глава посвящена Георгу Фоксу, патриарху квакерства, и прежде чѣмъ дать исторію этой секты, Вейнгартенъ нарисовалъ эту замѣчательную личность. Фоксъ всегда производилъ необыкновенно глубокое впечатлѣніе. Странствующіе пророки постоянно появлялись въ то время въ Англіи. Но съ Фоксомъ, говоритъ Вейнгартенъ, выступило на сцену нѣчто новое, новая сила, съ которой невозможно было бороться. Его проповѣдь очень проста, почти однообразна, его письма большею частью отголоски библейскихъ увѣщаній, краткія, отрывочныя положенія, почти лишены оригинальности. Самъ Фоксъ вовсе не былъ гениальной натурой, рѣчь его тяжелая, отрывистая. Но въ каждомъ его словѣ слышится глубокая, пламенная душа, сильная воля, глубокая серьезность и неустрашимость. Краткими штрихами обрисовываетъ Вейнгартенъ наружность Фокса,—его мягкія черты лица, глубокіе задумчивые глаза, представлявшіе рѣзкій контрастъ съ высокой, сильной фигурой, съ длинными волосами, спадавшими на плечи,—разсказываетъ о тѣхъ преслѣдованіяхъ, которымъ подвергался Фоксъ, о томъ религіозномъ возбужденіи, которое создавали его проповѣди, наконецъ, излагаетъ сущность его проповѣди.

Все это въ высшей степени содержательныя и живыя страницы книги Вейнгартена.

Послѣднія главы описываютъ періодъ реставраціи, а въ связи съ нимъ происхожденіе левеллерства. Вотъ здѣсь церковный историкъ не всегда правъ (глава XII), доказывая происхожденіе и начала деизма. Мысль автора основная такова, что деизмъ, не будучи слѣдствіемъ соцініанства, первоначально былъ не философскою системою, а лишь выраженіемъ новаго взгляда на міръ и на жизнь.

Выводы, къ которымъ пришелъ Вейнгартенъ, заключаются въ томъ, что XVII вѣкъ имѣетъ великое значеніе тройное: для англійской церкви, для реформатской церкви вообще и для общей исторіи реформаціи. Для Англіи эта эпоха важна, какъ время развитія и утвержденія въ ней реформаціи въ смыслѣ внутреннемъ и внѣшнемъ. Значеніе пуританства состоитъ въ томъ, что оно въ англійской церкви XVI и XVII вѣковъ было носителемъ матеріальнаго начала реформаціи. Нельзя сказать, чтобы эта прекрасная книга была хорошо переведена: встрѣчаются очень тяжелыя выраженія. Но и въ этомъ видѣ книга Вейнгартена — весьма цѣнное пріобрѣтеніе для русскаго читателя.

П. А.—чѣ.

Художественныя сокровища Россіи. Ежемѣсячный сборникъ, издаваемый императорскимъ обществомъ поощренія художествъ. Выпускъ второй. Спб. 1902.

Второй выпускъ «Художественныхъ сокровищъ Россіи» по роскоши и обилію рисунковъ значительно превосходитъ первый. Этотъ выпускъ посвященъ исключительно описанію музея М. П. Боткина въ Петербургѣ, одного изъ самыхъ богатыхъ частныхъ собраній не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Съ особенной полнотой въ немъ представленъ античный міръ и золотой вѣкъ итальянскаго возрожденія, но рядомъ съ этимъ въ музеѣ Боткина находятся превосходные образцы византійскаго, средневѣковаго «готическаго», а также древне-русскаго искусства. Кромѣ того, въ музеѣ сосредоточена драгоценная для исторіи русскаго живописи коллекція картинъ и этюдовъ извѣстнаго художника Александра Андреевича Иванова.

Подробное описаніе сокровищъ Боткинскаго собранія сопровождается воспроизведеніемъ наиболѣе замѣчательныхъ изъ нихъ. Рисунки даютъ возможность ознакомиться съ такими рѣдчайшими вещами, какъ, напримѣръ, древне-греческими масками III, IV и VI вѣковъ до Рождества Христова, древне-греческими сосудами, итальянскими мѣдными и бронзовыми издѣліями XVI вѣка, итальянскими южными издѣліями XIV вѣка, чудными фаянсовыми издѣліями XV и XVI столѣтій, французскими работами по кости XIII вѣка и т. д. Византійское искусство представлено барельефомъ изъ слоновой кости X вѣка и эмалью того же вѣка, изображающей Христа Вседержителя. Какъ образецъ древне-русскаго искусства, изображенъ окладъ евангелія, скальп, финифть и живопись работы XVII вѣка. Изъ рисунковъ Иванова воспроизведена первая половина первоначальнаго эскиза съ картины «Явленіе Христа народу».

Всѣхъ рисунковъ во второмъ выпускѣ 35; они исполнены хромолитографіей и фототипіей, и въ техническомъ отношеніи безукоризненны. Вообще роскошный сборникъ общества поощренія художествъ вполне достигаетъ поставленной ему цѣли — знакомитъ публику съ художественными сокровищами Россіи, и можно лишь искренно желать широкаго распространенія этого образца во всѣхъ отношеніяхъ изданія, тѣмъ болѣе, что по цѣнѣ оно доступно каждому.

С. Ш.

Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга девятая. Астрахань. 1902.

Послѣ семилѣтняго перерыва появился очередной, девятый по счету, томъ архива князя Ѳ. А. Куракина. Томъ этотъ, изданный подъ редакціей В. Н. Смольянинова, распадается на двѣ почти равныя по объему части: въ первой помѣщена переписка князя Бориса Ивановича Куракина за 1713 годъ, а во второй напечатаны письма и документы, относящіеся уже къ его правнуку, князю Александру Борисовичу Куракину, и помѣченные 1777 годомъ.

Переписка князя Б. П. Куракина носитъ преимущественно дипломатическій характеръ и относится ко времени Утрехтскаго мира. Князь Б. П. былъ человѣкомъ вполне европейскаго образованія.

Семи лѣтъ онъ былъ отправленъ Петромъ въ Венецію для изученія языковъ и наукъ, а шестнадцать лѣтъ былъ уже на родинѣ, въ военной службѣ. Полтавская битва особенно выдвинула его, и 32-хъ-лѣтній князь получилъ чинъ генералъ-майора. Дальнѣйшая служба его протекала на дипломатическомъ поприщѣ. Сначала онъ былъ русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, при дворѣ Георга I, затѣмъ нашимъ полномочнымъ министромъ-резидентомъ въ Гаагѣ и наконецъ въ Парижѣ. Императоръ Петръ II намѣревался было назначить его представителемъ Россіи на конгрессъ въ Суассонѣ, но въ это время (октябрь 1727 г.) Куракинъ умеръ въ Парижѣ. Прочнымъ памятникомъ по немъ остается существующая до сего времени въ Москвѣ богадѣльня, извѣстная подъ старомоднымъ названіемъ «Страннопримнаго дома князей Куракиныхъ».

Помѣщенная въ IX томѣ архива переписка князя Бориса Ивановича представляетъ рядъ писемъ и бумагъ, которыми онъ обмѣнивался изъ Гааги главнымъ образомъ съ графомъ Головкинымъ, Шафировымъ и Меншиковымъ, сообщая имъ текущія дипломатическія новости. Кромѣ обязанностей нашего официального представителя, князь находилъ время исполнять и личныя порученія императрицы Екатерины I. Такъ въ одномъ письмѣ онъ сообщаетъ, что уже составилъ рисунокъ задуманнаго ордена св. Екатерины; въ другомъ, что имъ пріобрѣтены сдѣланные на заказъ для императрицы 3 фонтаната (банта) и вмѣстѣ съ требуемыми «дитячьими уборамъ» высланы ея величеству черезъ Ригу.

Разнообразнѣе по своему содержанію переписка другого дипломата изъ рода Куракиныхъ, князя Александра Борисовича († 1818), бывшаго государственнымъ вице-канцлеромъ. Тутъ много писемъ къ разнымъ иностраннымъ корреспондентамъ, начиная отъ титулованныхъ особъ, въ родѣ дюка де Sudegmanie, и кончая портнымъ Людовика XVI, Лесажемъ, которому поручалось изготовленіе всевозможныхъ камзоловъ для русскаго дипломата. Князь велъ обширную переписку и съ соотечественниками: кромѣ писемъ его родственниковъ, во второй части книги напечатаны письма И. О. Богдановича, князя Ренина, епископа Ростовскаго Самуила и многихъ другихъ.

Большинство опубликованныхъ въ настоящемъ томѣ бумагъ снабжено краткими примѣчаніями редактора «Русскаго Архива» П. П. Бартенева, а составленный Д. А. Куломзинымъ указатель личныхъ именъ значительно облегчаетъ для занимающихся пользованіе этими историческими матеріалами.

А. Бв.

Э. Лангъ. Мнѳологія. Москва. Изданіе В. Линдъ. 1902.

Труды Ланга давно уже оцѣнены западно-европейскими учеными. Они оказали громадное вліяніе на изученіе не только первобытныхъ вѣрованій некультурныхъ племенъ, но и на знакомство съ пережитками первобытныхъ религіозныхъ воззрѣній. Лангъ прославился своими переводами Гомера, Теокрита и др. писателей. Но онъ извѣстенъ въ Англіи, и какъ первоклассный писатель: у него есть превосходныя стихотворенія, поэмы, баллады. Въ качествѣ мнѳолога Лангъ выдвинулся своими многочисленными статьями, напечатан-

ными имъ въ разныхъ англійскихъ и американскихъ изданіяхъ. Въ этихъ статьяхъ онъ впервые высказалъ рядъ оригинальныхъ мыслей, смѣло сравнивая грековъ съ американцами, индусовъ съ готтентотами и доказывая, путемъ сближеній и сопоставленій, что мифологія должна основываться на изученіи вѣрованій и легендъ всего человѣчества. Такая широкая постановка вопроса сразу же показываетъ и всю сложность его, показываетъ, насколько методъ Ланга отличенъ отъ всего, что было сдѣлано въ области мифологіи до него. Онъ не ограничивается историческими народами. По его мнѣнію, источникъ мифовъ надо искать въ психологіи и интеллектуальномъ состояніи первобытныхъ людей. Это состояніе лучше всего обрисовываютъ намъ низшія расы, начиная отъ австралійцевъ и кончая прокезами; слѣды его встрѣчаются тоже и въ древнихъ культурныхъ странахъ и даже въ понятіяхъ современныхъ намъ крестьянъ. Настоящее основаніе мифологическихъ изысканій лежитъ въ изслѣдованіи психическаго состоянія по методу, указанному Тэйлеромъ въ его книгѣ о первобытной культурѣ.

Сочиненіе Ланга даетъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ наблюденій надъ эволюціей мифовъ. Старый пріемъ этимологическаго толкованія легендъ онъ считаетъ нигде негоднымъ послѣ изученія первобытной культурѣ. По его мнѣнію, для того, чтобы понять мифы, надо понять общество, законы и обычаи людей, находящихся еще въ дикомъ первобытномъ состояніи. Кромѣ того, героическіе мифы Греціи и Индіи, большею частью, не служили образцами, изъ которыхъ путемъ извращенія ихъ произошли народныя сказки; гораздо чаще происходило обратное явленіе. Мифы представляютъ намъ сказки въ наиболѣе развитой формѣ, но сказки не составляютъ исключительную принадлежность индо-европейской расы; у многихъ дикихъ народовъ въ первобытной и дѣтской формѣ можно найти элементы разсказовъ, подобныхъ легендамъ объ Язонѣ, Персеѣ и Эдипѣ. Тѣ же самыя имена не встрѣчаются ни въ европейскихъ сказкахъ, ни въ соответствующихъ сказкахъ зулусовъ, эскимосовъ, полинезійцевъ. Слѣдовательно, имена составляютъ, такъ сказать, только случайность, а не важную черту отличія греческихъ легендъ. Процессъ, по которому одинъ и тотъ же разсказъ прикрѣпляется къ различнымъ лицамъ, въ одномъ мѣстѣ къ матери Карла Великаго, а въ другомъ къ св. Трефинѣ, въ третьемъ къ зулусской королевицѣ Уккомбекоанзинѣ—обычная мифамъ форма развитія. Нельзя поэтому объяснять всѣ разсказы однимъ этимологическимъ толкованіемъ именъ героев: каждый разсказъ можетъ оказаться сочетаніемъ разныхъ элементовъ, разсказомъ, первоначально относящимся къ какому нибудь другому богу или герою.

Книга Ланга дѣлится на двѣ части. Въ первой изложены главныя современныя теоріи мифологіи и дана критическая оцѣнка. Затѣмъ, во второй части—самой важной и оригинальной, изложена собственная теорія автора,—«антропологическая теорія мифологіи».

Трудность мифологіи состоитъ въ томъ, что требуется между прочими элементами мифовъ, кажущимися ирраціональными, найти объясненіе также и слѣдующему: дикимъ и нелѣпымъ разсказамъ о началѣ міра, о происхожденіи людей, солнца, звѣздъ, смерти и вообще всей вселенной; гнуснымъ и смѣш-

нымъ приключеніямъ боговъ; освѣтить, почему божественныя существа считаются кровосмѣсителями, прелюбодѣями, убійцами, ворами, жестокими, людодѣями; почему они принимаютъ образъ животныхъ; объяснить мѣфы о превращеніяхъ людей въ растенія, животныя и звѣзды, отвратительные рассказы о царствѣ мертвыхъ, о нисхожденіи боговъ въ селенія мертвыхъ и ихъ возвращеніи оттуда.

Главный вопросъ, который Лангъ ставитъ, заключается въ слѣдующемъ: былъ ли когда нибудь такой періодъ въ жизни человѣка, когда чудовищныя факты принимались за самыя обыкновенныя? Для этого онъ разсматриваетъ умственное состояніе дикарей: понятія ихъ о вселенной, о человѣкѣ и проч.

Отмѣтивъ въ самомъ началѣ, что дикари считаютъ небо, солнце, вѣтеръ, землю и проч. за настоящихъ людей; Лангъ поставилъ вопросъ, какого рода эти люди, и какая имъ приписывается власть. Его научное изслѣдованіе привело его къ слѣдующему выводу: небо, вѣтеръ, солнце, море и другія явленія природы, представляясь въ глазахъ дикарей индивидуальными существами, одарены всѣми способностями, которыя приписываются дикарями и настоящимъ людямъ. Эти качества и способности слѣдующія: во-первыхъ, они имѣютъ возможность вступать въ сношенія съ животными, способность превращаться и превращать другихъ въ животныя и въ другіе предметы; во-вторыхъ, они обладаютъ даромъ волшебства, при помощи котораго они имѣютъ, напримѣръ, возможность носѣщать умершихъ, вызывать ихъ и властвовать надъ погодой.

Кромѣ того, понятія о великихъ силахъ природы составляютъ часть той путаницы, при которой люди, звѣри, растенія, камни, звѣзды—всѣ считаются стоящими на одномъ уровнѣ, всѣ кажутся въ одинаковой мѣрѣ индивидуальными и одушевленными. Такова почва, на которой дикарь создаетъ свои мѣфы. Они служатъ для него единственнымъ объясненіемъ, и притомъ «научнымъ»— вселенной.

Въ слѣдующихъ главахъ Лангъ разбираетъ всевозможныя мѣфы дикарей Австраліи, Африки, Меланезіи, Америки, Полинезіи, Мексики, наконецъ, мѣфы египетскіе, греческіе и скандинавскіе. Говоря о наиболѣе распространенныхъ мѣфахъ Греціи, Лангъ находитъ, что первоначально многіе изъ греческихъ боговъ были не что иное, какъ силы природы; эти силы природы олицетворяются, согласно съ законами воображенія у первобытнаго человѣка; но каждая подробность не объясняется въ мѣфахъ, какъ мѣфъ того или другого явленія природы, разсматриваемаго съ нашей современной точки зрѣнія; различныя фазисы первобытнаго мышленія наложили свою печать на сказаніе. Зевсъ—небо, но небо не съ нашей точки зрѣнія; онъ, первоначально, имѣетъ индивидуальный характеръ—характеръ первобытный и грубый. Вѣроятно, къ мѣфамъ о немъ мало-по-малу примкнули вначалѣ не относящіяся сюда рассказы. Мало-по-малу онъ становится антропоморфнымъ, и мѣфъ его подвергается новой переработкѣ при помощи мѣстныхъ жрецовъ, пѣвцовъ отдѣльных семей, народныхъ поэтовъ и древнихъ философовъ. Мѣфы о немъ—сложный узоръ на весьма древнемъ основаніи. Мѣфы объ остальныхъ богахъ представляютъ такое же смѣшеніе.

Послѣднія главы книги Ланга представляютъ собою обзоръ происхожденія нѣкоторыхъ, весьма любопытныхъ мѣфовъ: какъ созданъ міръ? Какъ про-

изошелъ человѣкъ? Откуда явились разные приемы житейской техники? Откуда появились звѣзды, солнце и луна, огонь? Сравнивая миры разныхъ племенъ и разныхъ временъ, Лангъ приходитъ къ тому выводу, что волшебство, людоедство и всякія жестокости казались первобытному человѣку исполнѣ естественными, онъ вѣрилъ въ родственныя отношенія между людьми и животными, и эти черты повторяются на каждой страницѣ сборника сказокъ Гримма. Поэтому народныя сказки есть переживание того времени, когда предки германцевъ походили на зулусовъ.

Свои мысли Лангъ развиваетъ необыкновенно сжато, почти конспективно, поэтому мы не передаемъ многого, высказаннаго имъ, считая лишь необходимымъ указать на появленіе въ русскомъ переводѣ—весьма добросовѣтномъ, гладкомъ—этой интересной книги.

П. А.—чѣ.

Морской кадетскій корпусъ. Краткій историческій очеркъ, съ иллюстраціями. Составилъ генераль-майоръ А. Кротковъ. Спб. 1902.

Въ январѣ мѣсяцѣ прошлаго года Морской кадетскій корпусъ торжественно праздновалъ двухсотлѣтіе своего существованія. Къ этому юбилею, по порученію августѣйшаго генераль-адмирала, генераль-майоръ Кротковъ составилъ краткій историческій очеркъ корпуса, только теперь отпечатанный и выпущенный въ свѣтъ. Въ сжатомъ, но живомъ разсказѣ г. Кротковъ излагаетъ всѣ преобразованія, которымъ подвергался корпусъ со времени основанія, 14-го января 1701 года, подъ именемъ Навигацкой школы, происходившія въ немъ разнообразныя перемѣны въ системѣ воспитанія и преподаванія, дѣлаетъ характеристики его директоровъ, приводитъ выдержки изъ воспоминаній нѣкоторыхъ воспитанниковъ, перечисляетъ число выпущенныхъ моряковъ, заботы о корпусѣ высочайшихъ особъ и т. п., и заканчиваетъ описаніемъ юбилейнаго торжества. По очерку г. Кроткова можно прослѣдить постепенное развитіе этого единственнаго въ Россіи разсадника морскихъ знаній, изъ стѣнъ котораго выходили не одни только моряки, но и многіе замѣчательные люди по другимъ отраслямъ государственной дѣятельности. Изданъ очеркъ г. Кроткова роскошно, на веленовой бумагѣ, съ 168 портретами и рисунками, изображающими внѣшній и внутренній виды корпуса въ разныя эпохи, формы обмундированія, различныя типы судовъ, морскія сраженія, выдающіеся подвиги моряковъ, памятники въ ихъ честь, знамена, медали и т. п. Рисунки исполнены въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ съ такимъ техническимъ совершенствомъ, что придаютъ книгѣ видъ изящнаго кипсека. Очень жаль, что г. Кротковъ не счелъ нужнымъ приложить къ своему очерку не только никакого оглавленія, но даже списка иллюстрацій, и этимъ крайне затруднилъ всякія въ немъ справки.

С. III.

Я. Полферовъ. По Сибирской дорогѣ. (Путевые очерки). Отъ Уфы до Срѣтенска. Спб. 1902.

Все, написанное о великомъ Сибирскомъ желѣзнодорожномъ пути, имѣетъ теперь особенную цѣнность. Книжка Я. Полферова «По Сибирской дорогѣ» по своему содержанію представляетъ рядъ бѣглыхъ очерковъ, которые однако даютъ опредѣленное понятіе о пути передвиженія между намѣченными пунктами. Желѣзная дорога развертывается, какъ лента передъ глазами читателя, и чаруетъ его взоръ своимъ пестрымъ живымъ узоромъ. Мѣстами описанія очень картинны и поэтичны. На ряду со многими практическими замѣчаніями авторъ не пренебрегъ и красивыми вымыслами народной фантазіи, какова, напримѣръ, легенда объ основаніи г. Кургана.

Книжка снабжена многими рисунками съ натуры, прекрасно выполненными въ печати. Въ общемъ книжка дастъ возможность туристу ориентироваться въ той массѣ своеобразныхъ впечатлѣній, которыя могучей волной нахлынутъ на него на протяженіи столь долгаго Сибирскаго пути. Очерки написаны очень живо и читаются съ большимъ интересомъ. А. До—ичъ.

Г. Тардъ. Соціальные этюды. Переводъ І. Гольденберга. Спб. 1902.

Извѣстный французскій соціологъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ приверженцевъ среди русской читающей публики. Вотъ уже третій трудъ его переведенъ на русскій языкъ. Въ настоящей книгѣ собрано нѣсколько его произведеній, тѣсно связанныхъ между собою общимъ духомъ, общей доктриной; въ этихъ же этюдахъ изложена вся суть конференцій, прочитанныхъ авторомъ въ свободномъ колледжѣ соціальныхъ наукъ. Кромѣ этого, въ настоящихъ этюдахъ и резюме трехъ главныхъ работъ автора по общей соціологій—«Законы подражанія», «Міровое противоположеніе» и «Соціальная логика». (Кромѣ «Мірового противоположенія», два переведено на русскій языкъ).

Первый этюдъ носитъ названіе «Соціальные законы». Поставленъ онъ въ началѣ книги, вѣроятно, для того, чтобы читатель выяснилъ себѣ прежде всего основной взглядъ Тарда на ту науку, представителемъ которой онъ является. Онъ проводитъ параллель между соціологіей и біологіей. Послѣдняя для разгадыванія тайнъ вселенной пользуется подмѣченными ею тремя законами: повтореніемъ, противоположеніемъ и приспособленіемъ явленій. Тогда только жизненные явленія будутъ объяснены научно, когда дѣйствительность жизни будетъ разсматриваться со стороны этихъ трехъ законовъ. Соціологія тоже тогда займетъ подобающее ей мѣсто въ ряду наукъ, когда «съ полнымъ сознаніемъ овладѣетъ свойственными ей характерными областями повтореній, противоположеній и приспособленій». Задача этого этюда и выяснитъ, такимъ ли путемъ идетъ эволюція соціологій, и каковы съ этой точки зрѣнія законы соціальнаго развитія.

Второй этюдъ—«Толпа и публика», въ которомъ Тардъ желаетъ положить конецъ той путаницѣ, которая господствуетъ въ понятіяхъ «толпа» и «публика». Она предполагаетъ, что читателю уже извѣстны его выводы о психо-

логию толпы и въ настоящемъ этюдѣ онъ ограничивается изслѣдованіемъ только психологии публики, въ своемъ особомъ смыслѣ, то-есть, «какъ чисто духовной коллективности, какъ совокупности индивидуумовъ, раздѣленныхъ между собою физически и соединенныхъ лишь умственно» (стр. 83). Доказываетъ свое опредѣленіе Тардъ противоположеніемъ дѣйствующей толпы дѣйствующей публикѣ. Слѣдующій этюдъ — «Преступность толпы» — только часть его доказательствъ, такъ что нѣтъ полноты впечатлѣнія.

Болѣе интересенъ послѣдній этюдъ «Трансформація власти», въ которомъ Тардъ затрогиваетъ вопросъ объ источникахъ власти, объ ея происхожденіи. Происхожденіе ея онъ видитъ въ семьѣ — это ея единственный источникъ: «въ семьѣ люди научаются повиноваться главѣ, безъ чего было бы невозможно основаніе общества, а позже большихъ государствъ». Въ данномъ случаѣ увлеченіе Тарда психологическимъ методомъ изслѣдованія приводитъ его къ довольно страннымъ выводамъ, а односторонность умаляетъ значеніе его взглядовъ на трансформацію политической власти. Значеніе этого этюда въ томъ, что онъ категорически опровергаетъ и разбиваетъ ту распространенную иллюзію, что будто бы въ болѣе совершенномъ обществѣ исчезнетъ принципъ политической власти. Вообще же задача Тарда обширна: онъ желаетъ указать, чѣмъ можетъ быть «политическая наука послѣ ея соціологическаго рещенія».

Переводъ г. Гольденберга сдѣланъ вполне удовлетворительно. Можно только высказать желаніе, чтобы такія книги, которыя рассчитываютъ на большой кругъ читателей, переводились болѣе живымъ языкомъ и тѣмъ способствовали бы распространенію ихъ, а не наоборотъ, когда вслѣдствіе туманнаго способа выраженія читатель не знаетъ, плохъ ли авторъ, или переводчикъ не умѣетъ выражаться. Такія мѣста есть и у г. Гольденберга. В. И.

Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII. Zbiór materiałów do historyi stosunków polsko-rosyjskich za Zygmunta III. Wydal Aleksander Hirschberg. We Lwowie. Nakładem zakładu n. im. Ossolinskich. 1901.

(Польша и Москва въ первой половинѣ XVII вѣка. Собраніе матеріаловъ для исторіи польско-русскихъ отношеній при Сигизмундѣ III. Издалъ Александръ Гиршбергъ. Львовъ. Иждивеніемъ національнаго учрежденія имени Оссолинскихъ. 1901).

Львовскій ученый, д-ръ Александръ Гиршбергъ, авторъ «Димитрія Самозванца» («Dymitr Samozwaniec», L., 1898; наша замѣтка по поводу этого сочиненія въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1898 г., октябрь) и издатель «Записокъ Станислава Немоѵевскаго» («Pamiętnik Stanisława Niemojewskiego», 1606—1608), выпустилъ въ свѣтъ, при содѣйствіи извѣстной библиотеки Оссолинскихъ (Zakład narodowy imienia Ossolinskich) въ Львовѣ, новый томъ цѣнныхъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи польско-русскихъ отношеній при Сигизмундѣ III и бросающихъ новый свѣтъ на эпоху самозванцевъ.

Книга (400 слишкомъ страницъ) содержитъ въ себѣ три дневника (dyariusz) XVII в.—дворянина Вацлава Досаментовскаго, извѣстнаго стародсты усвятскаго Яна-Павла Сапѣги и московскаго посольства, присланнаго въ Варшаву въ концѣ 1611 года.

Первый изъ помянутыхъ дневниковъ (стр. 1—166) изданъ по рукописи, хранящейся въ библиотекѣ князей Чарторьскихъ въ Краковѣ. Въ литературѣ онъ былъ извѣстенъ до сихъ поръ по двумъ отрывкамъ. Одинъ изъ послѣднихъ помѣстилъ А. П. Тургеневъ въ своемъ сочиненіи «Hist. Russiac Monumenta» (т. II, стр. 155—196), по списку, который вѣкогда принадлежалъ ученому Альбетранди. Отрывокъ этотъ перепечаталъ Устряловъ во II томѣ своихъ «Сказаній современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ», подъ именемъ «Дневника Марины Мнишекъ». Другой отрывокъ напечаталъ Іосифъ Шуйскій по рукописи Дзиковской библиотеки¹⁾, въ видѣ дополненія къ своему изслѣдованію «Марина Мнишекъ и оба самозванца» («Maryna Mniśchówna i obaj samozwańce» въ Roztrząsaniach i opowiadaniach historycznych, ser. I, 97—117, 2-е изданіе въ Dziełach Шуйскаго, ser. II, т. V, 275—295). Дневникъ Досаментовскаго обнимаетъ собою періодъ времени съ 1605 по 1609 годъ.

Дневникъ Яна-Павла Сапѣги съ 1608 по 1611 годъ (стр. 168—329) сохранился въ государственномъ архивѣ въ Стокгольмѣ. Извѣстенъ въ литературѣ по небольшимъ отрывкамъ (у Когновичкаго — «Życie Sapiehow», т. II, 175—191, 201—225, 238—252, 282—295; въ «Сынѣ Отечества» за 1838 г., т. I, стр. 29—64) и по цитатамъ. Покойный Н. И. Костомаровъ въ своихъ Монографіяхъ не разъ пользовался дневникомъ Сапѣги, однако не далъ ближайшихъ свѣдѣній о рукописи, которую имѣлъ подъ рукою.

Наконецъ, третій дневникъ — посольства, отправленнаго изъ Москвы боярами въ Польшу, въ сентябрѣ 1611 года, съ новымъ приглашеніемъ королевича Владислава на московскій престолъ (стр. 333—383). Дневникъ содержитъ въ себѣ описаніе путешествія пословъ-бояръ — Мих. Глѣбовича Салтыкова-Морозова, Мих. Александровича Нагова и думнаго дьяка Василія Осиповича Янова—въ Варшаву, аудіенцію ихъ у Сигизмунда III и королевича и переговоры съ польскими послами. Писанъ по-русски латинскими буквами, хранится въ стокгольмскомъ государственномъ архивѣ и до сихъ поръ не былъ извѣстенъ историкамъ. Въ виду важности содержанія этого историческаго памятника мы надѣемся, насколько позволитъ время, переиздать его.

Приложенный къ книгѣ списокъ лицъ и мѣстностей облегчаетъ пользованіе ею.

Г. А. Воробьевъ.

¹⁾ Въ замкѣ гр. Тарновскихъ въ Дзиковѣ подъ Тарнобжегомъ въ Галиціи.
Г. В.

Н. Г. Вороновъ. Элементы исторіи. Москва. 1901.

Очень мало найдется читающихъ людей, кто бы поинтересовался трудами г. Воронова, но это его ничуть не смущаетъ. Что «элементы исторіи» для человѣка, доказавшаго противорѣчіе въ теоріи Дарвина, что для него «элементы исторіи», когда онъ пытался писать объ основномъ законѣ исторіи! Для этого, пожалуй, и смѣлости большой не требуется. Развѣ мало теперь печатается книгъ для того только, чтобы пронутешествовать изъ типографіи въ какойнибудь книжный складъ, а оттуда по простествіи извѣстнаго времени въ мелочную лавку для завертыванія селедокъ... Элементы исторіи?... Что подъ этимъ подразумѣвалъ авторъ? Отвѣта на этотъ вопросъ въ его брошюрѣ найти при всемъ желаніи нѣтъ возможности. Предисловія же онъ написать не потрудился, а въ концѣ концовъ приложилъ выводы, въ которыхъ соблаговолилъ изложить «тѣ взгляды, которыхъ онъ вообще держится по отношенію къ исторіи». Взгляды его до того оригинальны, что онъ даже ихъ напечаталъ. Такъ, напримѣръ, «руководящую роль въ исторіи играютъ идеи: перемѣните мнѣнія, взгляды народа, и измѣнится его бытъ. Но не надо упускать изъ виду, что подобныя перемѣны происходятъ медленно черезъ длинное число поколѣній»—глубокая истина: отрубить человѣку руку, и онъ будетъ безъ руки. А вотъ и еще плоды недомыслия г. Воронова: «великіе люди не въ силахъ двинуть народъ по пути развитія, если у этого народа нѣтъ идейныхъ людей, или если эти идейные люди не согласны съ великими людьми». Вотъ десятокъ такихъ положеній, на которыхъ покоится весь историческій процессъ, могутъ только привести человѣка къ положительнымъ выводамъ. Но, все же, гдѣ элементы исторіи? На одной страничкѣ пишеть объ историческихъ процессахъ, на другой выкладываетъ тѣ требованія, которыя можно предъявить къ исторіи, какъ наукѣ, далѣе идетъ процессъ измѣненія индивидуальнаго и коллективнаго сознанія, обо всемъ нѣсколько незначительныхъ фразъ, доказательствъ при помощи сравненій какогонибудь явленія съ какимънибудь случаемъ жизни,—вотъ тотъ винигреть, которымъ угостить читателя, прельстившагося названіемъ книги, г. Вороновъ. Нѣтъ ли у г. Воронова тайнаго вождельнія создать періодическую систему историческихъ событій, въ родѣ системы Менделѣева, чтобы заранѣе предсказывать не только историческое событіе, но и исходъ этого событія?

В. И.

И. И. Змигородскій. Памяти В. А. Жуковскаго. (По поводу пятидесятилѣтія со дня кончины В. А. Жуковскаго. 1852 г.—12-го апрѣля—1902 г.). Юрьевъ. 1902.

Какъ извѣстно, значительная часть жизни В. А. Жуковскаго тѣсно связана съ именемъ маленькаго университетскаго городка въ русской Ливоніи, Дерпта (нынѣ Юрьевъ), извѣстнаго также у мѣстныхъ жителей подъ громкимъ именемъ «Museustadt am Embachufer». Въ теченіе болѣе чѣмъ двадцати лѣтъ (1815—1841 г.г.) В. А. Жуковскій посѣщалъ этотъ городъ при всякомъ удоб-

номъ случаѣ, при чемъ въ періодъ отъ 1815 по 1817 годъ Жуковскій жилъ здѣсь особенно подолгу; здѣсь, въ Дерптѣ, въ кругу близкихъ друзей нашего поэта, произошли съ нимъ событія, имѣвшія глубокое вліяніе на теченіе всей его послѣдующей жизни, — разыгрался послѣдній актъ его сердечной драмы.

Этотъ періодъ жизни В. А. Жуковскаго, его отношенія къ дерптскимъ друзьямъ и жизнь въ Дерптѣ уже давно нашли себѣ соответствующее изображеніе и оцѣнку въ трудахъ, касавшихся біографіи нашего поэта (Плетнева и особенно Зейдлица и Пѣтухова). Но нѣкоторыя детальныя стороны изъ жизни В. А. Жуковскаго въ Дерптѣ оставались до сихъ поръ невыясненными. Таковъ прежде всего вопросъ о тѣхъ домахъ, гдѣ проживалъ Жуковскій во время своихъ частыхъ пріѣздовъ въ городъ Дерптъ. Разрѣшить этотъ послѣдній вопросъ и поставилъ себѣ задачею авторъ маленькой брошюры, заглавіе которой мы выписали.

На основаніи архивныхъ справокъ, личныхъ разспросовъ и главнымъ образомъ объявленій въ мѣстной газетѣ «Dörptsche Zeitung» за соответствующіе годы, г. Змигродскій удачно разрѣшилъ указанную выше задачу, и только касательно нѣкоторыхъ детальныхъ вопросовъ не могъ прийти, по недостатку данныхъ, къ положительнымъ выводамъ. Заключенія автора слѣдующія. Въ первые годы своего пребыванія въ городѣ Дерптѣ, до свадьбы Маріи Андреевны Протасовой (14 января 1817 г.), а, вѣроятно, и послѣ этой свадьбы, до своего переселенія въ Петербургъ въ 1818 году, Жуковскій жилъ въ домѣ фонъ-Виргера по Цвѣточной улицѣ (нынѣ домъ профессора К. Шмидта, по Блумовской улицѣ — Blumen-Strasse, 20). Здѣсь, такимъ образомъ, написаны нашимъ поэтомъ стихи «Старцу Эверсу», окончаніе «Пѣвца въ Кремлѣ» и письма къ А. П. Тургеневу, сыгравшія важную роль въ дѣлѣ спасенія тогдашняго Дерптскаго университета отъ грозившей ему опасности по поводу присужденія юридическимъ факультетомъ двумъ портнымъ ученой степени доктора правъ. Во время своихъ многократныхъ пріѣздовъ въ Дерптъ послѣ 1818 года Жуковскій проживалъ здѣсь въ домѣ Мойера по Карловской улицѣ (нынѣ № 85). Наконецъ, во время своего пребыванія въ Дерптѣ въ 1824 и 1841 году В. А. Жуковскій останавливался въ гостиницѣ «Лондонъ» или «Городъ Лондонъ» («Stadt London»), въ одной изъ самыхъ старинныхъ гостиницъ города, гдѣ останавливались также, какъ гласитъ мѣстная исторія, Гумбольдтъ, Вьръ, Сперанскій, Пироговъ и другіе.

Еще мы находимъ въ брошюрѣ небольшую замѣтку г. Змигродскаго объ исполненіи русскаго народнаго гимна «Боже, Царя храни» въ Дерптѣ въ 1815 году. Свѣдѣніе объ этомъ фактѣ авторъ почерпнулъ изъ той же газеты «Dörptsche Zeitung». Гимнъ, былъ исполненъ на официальномъ обѣдѣ въ одномъ изъ мѣстныхъ клубовъ («auf der grossen Musse»). На какомъ языкѣ былъ исполненъ гимнъ, и кѣмъ написана музыка для него, вопросъ остается неяснымъ. Г. Змигродскій предполагаетъ, что музыка написана Плещеевымъ въ г. Черни.

Къ брошюрѣ приложены пять исполненныхъ цинкографіей фотографическихъ снимковъ, съ видами и планами тѣхъ зданій, гдѣ проживалъ В. А. Жуковскій. Остается пожалѣть, что авторомъ оставлена безъ вниманія могила Маріи Андреевны Протасовой-Мойеръ, игравшей столь важную роль въ жизни

нашего поэта-романтика и умершей, какъ извѣстно, въ Дерптѣ 19 марта 1823 года; могила ея находится на русскомъ дерптскомъ кладбищѣ, у южной стѣны (построенной уже послѣ) кладбищенской церкви. Д. З—внѣ.

Лѣтопись историко-филологическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. IX. Византійско-славянское отдѣленіе (бывшее византійское). VI. Одесса. 1901.

Византійско-славянское отдѣленіе Одесскаго историко-филологическаго общества ежегодно знакомитъ публику съ результатами своихъ ученыхъ работъ, посредствомъ издаваемой имъ «Лѣтописи». Предъ нами—выпуски этой «Лѣтописи» за минувшій годъ, любопытные по своему содержанию, состоящему изъ восьми отдѣльныхъ изслѣдованій византійско-славянскаго характера и официальныхъ приложений.

На первомъ мѣстѣ здѣсь находится статья профессора А. И. Алмазова, подъ заглавіемъ «Чинъ надъ бѣсноватыми» (стр. 1—96). Г. Алмазовъ—прекрасный знатокъ литургіки и каноническаго права, котораго онъ изучилъ и на основаніи рукописнаго матеріала, разсѣяннаго въ различныхъ библиотекахъ востока и запада. Въ настоящей статьѣ г. Алмазовъ знакомитъ читателя съ вновь имъ открытыми на Аѳонѣ церковно-богослужебными чинами, употреблявшимися для врачеванія «имѣющихъ въ себѣ бѣса», а вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ нѣсколько общихъ наблюденій касательно исторической судьбы заклинательныхъ отъ бѣса формулъ въ рукописныхъ греческихъ кодексахъ отъ X по XVIII вѣкъ, церковно-богослужебнаго содержанія. Статья отличается новизною матеріаловъ и вполне удачнымъ его научнымъ освѣщеніемъ.

Далѣе помѣщено изслѣдованіе г. С. Вилинскаго, подъ заглавіемъ: «Сказаніе Черноризца Храбра о письменахъ славянскихъ» (стр. 97—152). Изслѣдованіе состоитъ изъ трехъ главъ. Въ первой говорится объ авторѣ Сказанія. По мнѣнію г. Вилинскаго, Черноризецъ Храбръ былъ болгаринъ, побывавшій въ Моравской державѣ или много слышавскій о дѣятельности въ ней святыхъ первоучителей славянъ, Кирилла и Меводія. Сказаніе свое онъ написалъ не позже 914 года; вѣроятно, оно составляло часть другого, не сохранившагося сочиненія. Во второй главѣ обозрѣваются извѣстные списки Сказанія, въ числѣ двѣнадцати, которые авторъ дѣлитъ на двѣ редакціи — старшую и младшую, отмѣчая главнѣйшія ихъ особенности. Въ третьей главѣ разсматривается содержаніе Сказанія и опредѣляется его значеніе. Въ приложеніи представлень сводный текстъ Сказанія Черноризца Храбра о письменахъ славянскихъ, въ основу коего положень болгарскій списокъ 1348 года, находящійся въ Императорской Публичной библиотекѣ, а варианты подведены изъ шести другихъ списковъ.

Слѣдующая статья—«Къ вопросу о гадательныхъ псалтиряхъ» (стр. 153—202), принадлежитъ профессору В. М. Истрину и написана по поводу книги г. М. Сперанскаго — «Гаданіе по псалтири» (Спб., 1899). Здѣсь кратко изложено содержаніе книги г. Сперанскаго, а затѣмъ слѣдуютъ критическія на нее

замѣчанія, изъ коихъ видно, что трудъ г. Сперанскаго не свободенъ отъ недостатковъ.

Въ статьѣ И. А. Линниченко предложена общая характеристика М. П. Погодина (стр. 203 — 220), по поводу столѣтія со дня его рожденія, составленная преимущественно по извѣстному труду Н. П. Барсукова — «Жизнь и труды М. П. Погодина», I—XIV. Характеризуя въ концѣ статьи нравственную фizioномію Погодина, г. Линниченко пишетъ: «Предъ нами человѣкъ со многими слабостями и недостатками, не столько вредными, сколько полукомическими, однако вмѣстѣ съ тѣмъ и писатель съ большими заслугами, и человѣкъ со многими положительными сторонами — добродушіемъ, отзывчивостью, добрымъ сердцемъ, большой искренностью и подчасъ дѣтской наивностью, и если вы прибавите, что этотъ человѣкъ десятки лѣтъ работалъ надъ наукой и литературой, и для науки и просвѣщенія, что съ его научными воззрѣніями приходится считаться и по сей день, пользоваться и теперь памятниками, имъ изданными или собранными, если вы вспомните, что онъ искренно и глубоко любилъ свою родину и по мѣрѣ силъ и разумѣнія, не покладая рукъ, трудился на пользу отечественнаго просвѣщенія, вы простите ему все его прегрѣшенія, вольныя и невольныя, и проникнитесь къ нему тѣмъ уваженіемъ, котораго онъ заслуживаетъ за свою болѣе чѣмъ полувѣковую работу писателя, журналиста и ученаго» (стр. 219—220).

Далѣе помѣщено другое изслѣдованіе А. И. Алмазова, подъ заглавіемъ: «Апокрифическія молитвы, заклинанія и заговоры. Къ исторіи византійской отреченной литературы» (стр. 221 — 340). И это изслѣдованіе составлено исключительно на основаніи вновь открытаго авторомъ рукописнаго греческаго матеріала апокрифическаго характера. Здѣсь, прежде всего, дается опредѣленіе апокрифической молитвы, заговора и заклинанія, затѣмъ излагается общая исторія пользованія ими въ византійской средѣ и, наконецъ, обозрѣваются все извѣстныя автору апокрифическія формулы (до 70), которыя онъ дѣлитъ на четыре главныя группы, а именно: а) формулы вообще предохранительныя для человѣка самого въ себѣ и въ отношеніи всего его внѣшняго благосостоянія; б) формулы медицинскаго назначенія, т. е. врачевальныя, преимущественно отъ специальныхъ и исключительныхъ болѣзней; в) формулы, предназначенныя къ домашнему и семейному благополучію человѣка, и г) формулы, предназначенныя способствовать успѣху человѣка въ различныхъ его занятіяхъ. Въ заключеніи изслѣдованія представлены общія сужденія о формулахъ, описанныхъ авторомъ, а въ приложеніи помѣщено 75 номеровъ греческихъ текстовъ, заимствованныхъ главнымъ образомъ изъ сборника XV—XVI вѣковъ Парижской національной библіотеки № (du fonds) 395 и изъ сборника литургическаго содержанія XVI вѣка библіотеки Barberini въ Римѣ (№ (Ш) 30) 449. И это изслѣдованіе г. Алмазова цѣнно по новизнѣ матеріала и оригинальности его научнаго освѣщенія.

Слѣдующая статья, подъ заглавіемъ — «Политика царскаго престола въ Смутное время» (стр. 341—372), принадлежитъ Е. Н. Щепкину. Здѣсь предложенъ критическій разборъ книги о. Павла Пирлинга S. I. — «La Russie et le Saint-Siège, études diplomatiques, II—III, 1897—1901». Содержаніе этого

французскаго труда извѣстно читателямъ «Историческаго Вѣстника» по реферату, своевременно предложенному на страницахъ нашего журнала. Г. Щепкинъ, въ интересахъ методологическаго, брать на себя задачу прослѣдить тѣ доводы и новыя извѣстія, которыя, наконецъ, заставили о. Пирлинга ясно высказаться по вопросу, почти четверть вѣка занимавшему его пытливымъ, и побудили его отказаться отъ традиціоннаго взгляда римскаго престола на личность Димитрія, московскаго царя-католика, котораго онъ теперь готовъ отождествить не съ сыномъ Іоанна Грознаго, убитымъ въ Угличѣ, а съ Отрепьевымъ русскаго государственнаго, церковнаго и лѣтописнаго преданія. Статья отличается полнымъ знаніемъ дѣла и любопытнымъ поясненіемъ нѣкоторыхъ деталей вопроса.

Далѣе, профессоръ П. Л. Лавровъ разсматриваетъ «Сокровище Дамаскина Студита въ новомъ рускомъ переводѣ» (стр. 373—398), исполненномъ переводчикомъ Θεодоромъ Герасимовымъ Полетаевымъ, по порученію новгородскаго митрополита Іова, и находящемся нынѣ въ библиотекѣ императорской академіи наукъ.

«Сокровище Дамаскина Студита», греческаго писателя и проповѣдника XVII вѣка, пользовалось большою популярностью на славянскомъ югѣ, а также извѣстно въ нѣсколькихъ спискахъ и у насъ. Г. Лавровъ описываетъ вновь найденный имъ русскій списокъ этого памятника и опредѣляетъ его отношеніе къ другимъ редакціямъ.

Наконецъ, Б. М. Ляпуновъ предлагаетъ «Краткій очеркъ ученой дѣятельности академика Игнатія Викентьевича Ячича» (стр. 399—440), по поводу сорокалѣтня трудовъ этого замѣчательнѣйшаго слависта нашего времени.

Въ приложеніи къ разсматриваемому тому «Лѣтописи» помѣщены отчеты о дѣятельности историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ за 1899—1900 годы (стр. 1—20) и протоколы его засѣданій (стр. 1—50).

Такимъ образомъ, и новый выпускъ «Лѣтописи» свидѣтельствуетъ о достаточно уснѣшной учено-литературной дѣятельности византійско-славянскаго отдѣленія Одесскаго историко-филологическаго общества. Σ.

Православная богословской энциклопедія. Изданіе подъ редакціей проф. А. П. Лопухина. Т. I (А.—Архелая), т. II (Археология—Бюхнеръ). (Петроградъ. 1900—1902).

Мы не ошибемся, если назовемъ это изданіе первымъ опытомъ обстоятельнаго русскаго богословскаго словаря. Тогда какъ у духовенства другихъ цивилизованныхъ народовъ давнымъ давно существуютъ уже различныя справочныя пособія по богословско-философскимъ вопросамъ (какъ, напримѣръ: «Реляльная энциклопедія» Герцога, «Kirchenlexicon» Ветцера и Вельте, «Kirchlicher Handlexicon» von Meusel и др.), у насъ подобныя изданія находятся лишь въ зародышѣ. Извѣстные до сего времени русскіе словари по богословію и церков-

ной исторіи: А. Малова («Краткій священный»—1835 г.), П. Благовѣщенскаго и Ѳ. Яцкевича («Библейско-біографическій»—1849 г.), В. Михайловскаго («Библейскій богословскій» и др.—1866—1898 г.г.), А. Верховскаго («Библейскій» и «Церковно-историческій»—1871—1876, 1882 г.г.), «Справочный богословскій, преимущественно церковно-историческій словарь» (Сиб., 1889 г.), арх. Никифора («Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедія»—1891—1892 г.г.) и словари-указатели къ «Новому Завету» Гильтебрандта, охватываютъ главнымъ образомъ лишь одну специально библейскую область знанія, а потому ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть названъ чисто богословскимъ.

Въ виду такого важнаго пробѣла въ нашей духовной литературѣ, благое начинаніе профессора Лопухина, сказавшееся въ изданіи полной богословской энциклопедіи, должно быть встрѣчено весьма сочувственно.

По намѣченной программѣ «Богословская энциклопедія» должна служить настольной справочной книгой по всѣмъ предметамъ богословскаго и философскаго знанія; въ нее входятъ статьи по всѣмъ предметамъ богословской науки отъ св. писанія и догматическаго богословія до литургики и каноническаго права, включительно, а также по вопросамъ философіи и педагогики, насколько это соприкасается съ областью богословія. Особенное вниманіе обращено въ изданіи на разработку вопросовъ по христіанской апологетикѣ и обличенію раскола и ересей и на вопросы литургическіе; наряду съ этимъ печатается перечень святыхъ православной церкви съ свѣдѣніями изъ ихъ жизни, а также очерки по исторіи епархій, духовныхъ учреждений, духовно-учебныхъ заведеній и біографіи выдающихся іерарховъ и духовныхъ дѣятелей. Въ концѣ большинства статей приводятся указатели важнѣйшей литературы по данному предмету.

Въ основаніе рецензируемаго нами изданія за образецъ принята «Реальная энциклопедія» Герцога, при чемъ статьи по догматикѣ, православной восточной и русской церковной исторіи, агіологіи, литургицѣ и нѣкоторымъ другимъ вопросамъ, составлены вполне самостоятельно.

Наиболѣе интересными и обстоятельными статьями въ вышедшихъ томахъ «Богословской энциклопедіи» должны быть признаны: «Абиссинія» (т. I, стр. 19—82), обширный очеркъ В. Тураева, со свѣдѣніями о физическихъ условіяхъ страны, объ ея церковной исторіи и церковномъ устройствѣ, о богослуженіи, о духовномъ просвѣщеніи и о богословской литературѣ, — статья (А. П—ва) о библейскомъ патриархѣ «Авраамъ» (т. I, стр. 163—183); статья (А. Лопухина) объ «Аграфакъ», т. е. незаписанныхъ въ евангеліяхъ изреченіяхъ Иисуса Христа (т. I, стр. 297—316); — очеркъ объ «Англіи», составленный нѣсколькими авторами (N. N., проф. В. Соколовымъ и И. Соколовымъ) и включающій главы: 1) обращеніе въ христіанство и исторія до реформации, 2) англиканская церковь, 3) сношенія англиканской церкви съ православной (т. I, стр. 711—755); статьи А. Бѣляева и П. Смирнова объ «Антихристѣ» (т. I, стр. 821—847); историческо-статистическіе очерки С. Рункевича объ Архангельской, Астраханской и Благовѣщенской епархіяхъ, съ краткой исторіей духовныхъ учебныхъ заведеній и описаніемъ монастырей и церквей (т. I, стр.

1088—1117; т. II, стр. 104—124, 623—632); обстоятельный очеркъ П. Соколова объ «Аѳонѣ» (т. II, ст. 189—236); статьи П. Смирнова о безпоповщинѣ и бѣглопоповщинѣ (т. II, ст. 299—346, 1215—1237), съ подробной исторіей возникновенія этихъ отраслей раскола и съ изложеніемъ главнѣйшихъ ихъ толковъ; добросовѣстно составленныя статьи А. Дьяконова «Библиографія» (т. II, ст. 419—443), преимущественно, богословская на Востокѣ, на Западѣ, славяно-русская и русская, — и «Библіотека» (т. II, ст. 443—472) съ описаніемъ богословско-духовныхъ книгохранилищъ; статьи Ѳ. Елеонскаго о библіи и о библейскихъ обществахъ, и др. Нельзя также обойти молчаніемъ статей С. Рункевича о духовныхъ журналахъ («Архангельскія», «Астраханскія», «Благовѣщенскія Епархіальныя Вѣдомости», «Братское Слово» и др.); въ нихъ авторъ излагаетъ не только исторію возникновенія изданія, его направленіе, но даетъ и подробныя систематическія указатели напечатанныхъ тамъ статей; подобныя статьи, несомнѣнно, служатъ богатымъ матеріаломъ для исторіи русской духовной журналистики.

Приведенный нами перечень статей, самъ собою, говоритъ уже, насколько обширна и разнообразна программа «Богословской энциклопедіи». Это не есть справочникъ со случайно подобранными свѣдѣніями; это — сборникъ обстоятельныхъ монографій, написанныхъ специалистами такъ, что по нимъ можно вполне основательно ознакомиться съ даннымъ предметомъ; это толково и добросовѣстно составленный учебникъ по богословско-философскимъ наукамъ.

Внѣшность изданія вполне удовлетворительна: печать крупна, бумага, цинкографическія рисунки, крашенныя карты и планы приличны.

В. Городецкій.

В. К. Гульдманъ. Памятники старины въ Подоліи. Каменецъ-Подольскъ. 1901.

Трудъ г. Гульдмана представляетъ сборникъ матеріаловъ для составленія археологической карты Подольской губерніи. Матеріалы эти первоначально печатались въ «Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» въ теченіе девяти лѣтъ (съ 1893 по 1901 годъ), и нынѣ, въ отдѣльномъ сборникѣ, остались безъ всякаго измѣненія. Последнее обстоятельство не могло, конечно, не отразиться, какъ на системѣ изложенія, такъ и на полнотѣ и точности сообщаемыхъ свѣдѣній. Въ нихъ, напримѣръ, не рѣдки строки: «нынѣ къ 1 января 1892 или 1893 года оказалось предметовъ...»; многія главы прямо-таки блестятъ отсутствіемъ сообщенія о послѣднихъ находкахъ, сдѣланныхъ по губерніи. О томъ, что автору при такомъ способѣ составленія отдѣльнаго сборника «представлялось большимъ затрудненіемъ сохранить извѣстную послѣдовательность, систему», «нельзя было избѣжать нежелательныхъ повтореній», мы читаемъ на первой же страницѣ его предисловія.

Таковъ характеръ «введенія» и всѣхъ 15-ти главъ содержанія книги «Памятники старины въ Подоліи», и только лишь въ «дополненіяхъ», на 28-й страницѣ, мы находимъ нѣсколько пополненныхъ свѣдѣній.

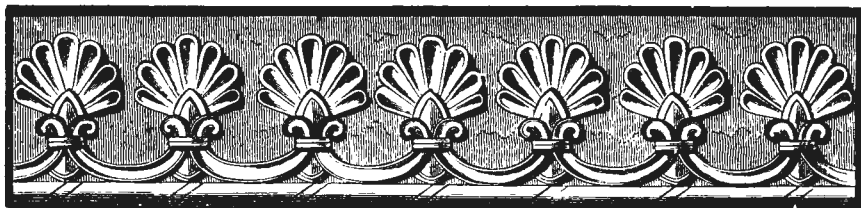
Несмотря на это, въ виду незначительности работъ по изученію археологій Подольской губерніи, нужно отнести съ должной признательностью и къ труду г. Гульдмана, съ содержаніемъ котораго мы и позволяемъ себѣ познать читателя.

Начинаетъ свою книгу г. Гульдманъ «введеніемъ», въ которомъ вкратцѣ сообщаетъ «исторію развитія русской археологій и ея усилій», предназначенную, очевидно, для читателей «Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; такое же назначеніе, надо думать, придавалъ авторъ и своимъ предварительнымъ сообщеніямъ въ началѣ каждой главы о всѣхъ предметахъ древности. Въ первой главѣ говорится о находкахъ каменныхъ издѣлій, исключительно по дневнику І. І. Ролле, за 1860—1889 гг.; во второй — о весьма немногихъ находкахъ мѣдныхъ и бронзовыхъ топоришковъ и стрѣлъ; въ третьей—старинныхъ монетъ, по большей части польскихъ серебряныхъ, русскихъ мѣдныхъ, литовскихъ, и друг. Встрѣчаются среди нихъ и римскія серебряныя монеты І и ІІ вѣковъ по Р. Х., но большинство ихъ относится къ XV—XVII вѣкамъ. Далѣе говорится о находкахъ стариннаго оружія и вообще древнихъ вещей (глава IV), костей человѣческихъ и допотопныхъ животныхъ (глава V), о пещерахъ, довольно многочисленныхъ и «служившихъ жилищемъ первобытныхъ насельниковъ страны» (глава VI), о слѣдахъ мегалитическихъ сооружений (глава VII), насыпныхъ валахъ, среди которыхъ обращаетъ наибольшее вниманіе извѣстный Траяновъ валъ (глава VIII); о городищахъ, «замковищахъ» и замкахъ, наиболѣе любопытны изъ нихъ въ с. Бакотѣ, при мѣстечкѣ Богополѣ, Балтскаго уѣзда, при мѣстечкѣ Гусятинѣ, Каменецакаго уѣзда, при городѣ Барѣ, при гор. Брадавѣ и въкоторыя другіе; довольно много свѣдѣній о Каменцѣ—замкѣ и городѣ (глава IX); о курганахъ, весьма многочисленныхъ и изслѣдованныхъ, главнымъ образомъ, В. Б. Антоновичемъ (глава X); каменныхъ бабахъ, числомъ 9 (глава XI); изображеніяхъ на камняхъ и скалахъ (глава XII), древнихъ монастырищахъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны: Бакотское, Каменецкое Воскресенское на русскихъ фольваркахъ, Рожецкое или Микулинецкое и нѣкоторыя другіе (глава XIV); о придорожныхъ крестахъ, столбахъ, статуяхъ и тому подобныхъ «фигурахъ», сооружавшихся преимущественно сельскимъ населеніемъ изъ дерева, камня и металла (глава XIV), и о церковныхъ древностяхъ (тутъ авторъ приводитъ перечень, съ нѣкоторыми историческими данными, семи наиболѣе древнѣйшихъ православныхъ подольскихъ церквей, пользуясь преимущественно работами и изслѣдованіями о. Сѣцинскаго, и перечисляетъ, по уѣздамъ, римско-католическіе костелы съ краткими свѣдѣніями о нихъ, глава XV).

Въ концѣ книги приложенъ «алфавитный указатель именъ».

В. Р — въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ОТКРЫТІЕ мѣсторожденія Будды и одной изъ гробницъ, заключающей въ себѣ его прахъ. Знаменитый изслѣдователь буддизма, англійскій профессоръ Рись Дэвидсъ, помѣстивъ въ апрѣльской книжкѣ Century Magazine любопытную статью ¹⁾ съ картами и рисунками о своемъ путешествіи по Индіи въ 1900 г., съ цѣлью посѣтить недавнія археологическія раскопки, относящіяся къ эпохѣ Будды. У насъ въ «Мелочахъ» уже упоминалось объ этомъ открытіи, но лишь очень кратко, такъ какъ вообще о немъ до сихъ поръ упомянуто основательно только въ «Археологическомъ изслѣдованіи Сѣверной Индіи» и въ «Журналѣ англійскаго азіатскаго общества», которые мало извѣстны въ Европѣ. Теперь же, впервые, Рись Дэвидсъ знакомитъ публику съ этимъ археологическимъ открытіемъ, которое по своей важности едва ли не самое значительное въ Индіи. По его словамъ, въ 1897 году, Вильямъ Пэннэ, одинъ изъ собственниковъ Бирдиурскаго помѣстья на границѣ Непала и Индіи, произвелъ раскопку одного изъ часто попадающихся въ Индіи надгробныхъ кургановъ буддійскаго происхожденія. Онъ продолжалъ раскопки и въ слѣдующемъ году, ему удалось открыть большой каменный саркофагъ. Крышка его была сломана на четыре куска, но эти куски такъ плотно держались, что содержимое въ саркофагѣ нимало не попортилось. Самъ по себѣ саркофагъ очень замѣчательнъ: онъ вѣситъ 14 центнеровъ и внутри полой. Повидимому, онъ привезенъ издалека, такъ какъ подобнаго камня нѣтъ въ окрестностяхъ. Внутри него находились три каменные урны или вазы, каменная шкатулка для драгоценностей и хрустальный сосудъ. Всѣ эти предметы отлично выработаны. Въ вазахъ найдены остатки костей, значитель-

¹⁾ Recent discoveries concerning the Buddha. By T. W. Rhys Davids. «The Century Magazine», april 1902.

ное количество пепла и сотни мелких изящно отшлифованных драгоценных камней: топазовъ, аметистовъ и т. д., а также различные мелкіе предметы изъ серебра и золота. Нѣкоторыя изъ этихъ мелкихъ вещицъ были просверлены и, повсейвѣроятности, служили украшеніями для женщинъ, которыя пожертвовали ихъ при постройкѣ саркофага. На одной изъ вазъ была надпись, пояснявшая назначеніе этого саркофага, на старинномъ языкѣ Пали. Эта надпись гласила: «Это убѣжище для останковъ Будды, святого изъ святыхъ, создано Сакіасами, братьями знаменитаго изъ знаменитыхъ, при содѣйствіи ихъ сестеръ и женъ ихъ сыновей». Въ книгѣ, написанной буддійскими учениками, подъ названіемъ «Книги Великой Смерти», и переведенной двадцать лѣтъ тому назадъ Рись Дэвидсомъ, прямо говорится, что послѣ сожженія праха Будды его пепель былъ раздѣленъ на семь частей между сосѣдними царями Магады и сосѣдними свободными племенами, въ томъ числѣ Сакіасами. Каждое изъ этихъ племенъ имѣло право на часть пепла Будды, благодаря ихъ родству съ Буддой, и они обязались воздвигнуть въ честь его надгробные курганы. Другое не менѣе важное открытіе, имѣющее отношеніе къ Буддѣ, сдѣлано докторомъ Фюреромъ также на границѣ Непала и Индіи въ слѣдующемъ году. Имъ была раскопана колонна, воздвигнутая въ Капилавасту, родинѣ Будды, императоромъ Асока, буддійскимъ послѣдователемъ. На этой колоннѣ вырѣзано на томъ же мѣстномъ нарѣчій Пали надпись: «Асока на двадцать первомъ году своего царствованія самъ посѣтилъ съ уваженіемъ эту мѣстность. Онъ воздвигнулъ каменную колонну, съ лошадыю на ней, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ родился Будда, Саккіаскій мудрецъ. Селеніе Люмини, ради того, что въ немъ родился великій мудрецъ, освобождено отъ подати, состоящей въ одной восьмой дохода». Въ 1897 г. Гоэ и Луптонъ открыли въ этой мѣстности замѣчательный каменный барельефъ, который изображалъ мать Будды, Маха-Майя, въ моментъ, когда она родила знаменитаго мудреца. Посѣтивъ эти замѣчательныя мѣста въ 1900 г., Рись Дэвидсъ не могъ видѣть этой буддійской святыни, потому что она была заперта, и ключъ отъ нея былъ затерянъ, но браминъ Мукэрджи, служащій въ археологическомъ институтѣ въ Индіи, видѣлъ впоследствии этотъ барельефъ полуоткрытымъ подъ поломъ. Дальнѣйшія раскопки, конечно, откроютъ цѣлкомъ это драгоценное буддійское сокровище. Описавъ все, что доселѣ открыто, Рись Дэвидсъ замѣчаетъ: «человѣкъ, котораго въ древности такъ уважали мужчины, женщины и цѣлое племя, былъ не знаменитый воинъ, не могущественный царь, не богатый благодѣтель; онъ даже не былъ великимъ проповѣдникомъ или популярнымъ политическимъ дѣятелемъ. Онъ былъ—мыслителемъ, разрѣшавшимъ задачу жизни, странствовавшимъ съ мѣста на мѣсто и учившимъ въ разговорахъ, какъ людямъ добиваться этического самообразованія и саморазвитія. Онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ Сократа, только его ученіе было выше. Въ ста восьмидесяти шести «Диалогахъ» Будды, сохранныхъ его учениками, выражены его взгляды на жизнь, свободные отъ гипотезы о Богѣ и душѣ, также совершенно не соотвѣтствующіе народнымъ суевѣріямъ того времени».

— Племянница Людовика XIII. Французская писательница, г-жа Венсанъ, извѣстная подъ псевдонимомъ Арведъ Баринъ, написала исторію юности старшей дочери брата Людовика XIII. Въ то время, какъ извѣстно, во Франціи

называли брата короля «monsieur», его жену—«madame», а дочь—«mademoiselle». Принцесса Анна-Марія-Луиза Орлеанская, герцогиня Монпансье, — которую называли «Grande Mademoiselle»¹⁾, такъ какъ она отличалась большимъ ростомъ, — была дочерью герцога Гастона Орлеанскаго, младшаго брата короля и Маріи Бурбонской, герцогини Монпансье, дальней родственницы королевскаго дома. Принцесса Анна родилась 29 мая 1627 года. Черезъ восемь дней послѣ ея рожденія она осиротѣла, потерявъ мать. Ея рожденіе ожидалось съ одной стороны со страхомъ, съ другой—съ плохо скрываемою надеждой, такъ какъ Анна Австрійская еще не дала наслѣдника Франціи, и новорожденный—если бы у герцога родился сынъ—долженъ былъ наслѣдовать корону. Молодая принцесса все-таки занимала значительное мѣсто въ королевской семьѣ, какъ по своему происхожденію, такъ и по громаднымъ владѣніямъ, полученнымъ ею отъ матери, не считая полутора-милліоннаго дохода. Эта принцесса, говоритъ авторъ, любила похождения и картинность. Обзоръ ея тревожнаго существованія служить лучшимъ объясненіемъ того величайшаго превращенія, совершившагося въ половинѣ XVII вѣка въ чувствахъ Франціи и отразившагося на обычаяхъ. Въ то время Лувръ наружно былъ самъ по себѣ неприятнымъ мѣстопребываніемъ; внутри было не лучше. Съ утра до вечера тамъ происходила суматоха: придворные, дѣловые люди, поставщики, солдаты, лакеи и проч. сновали взадъ и впередъ. Въ документахъ того времени упоминается о «тысячѣ нечистотъ» и «тысячѣ зловоній», дѣлавшихъ Лувръ опаснымъ во время эпидеміи. Да и нравы того времени подходили къ этой обстановкѣ: необычайная утонченность смѣшивалась съ необыкновенной грубостью. Появленіе г-жи Рамбулье, женщины съ большимъ вкусомъ, повлияло въ сильной степени на общество того времени. Ея домъ помѣщался между Тюильри и Лувромъ. Желая перестроить его и не найдя въ то время ни одного архитектора, который сумѣлъ бы начертать ей планъ, она принялась сама за это ремесло. Однажды вечеромъ г-жа Рамбулье воскликнула: «Дайте скорѣе бумаги, я нашла средство сдѣлать то, что хотѣла». И планъ былъ готовъ. Онъ настолько былъ удаченъ, что архитектуръ ея дома стали подражать не только въ Парижѣ, но даже повсюду во Франціи. Съ нея взяли примѣръ дѣлать лѣстницы сбоку, чтобы имѣть цѣлую анфиладу комнатъ, поднимать выше полы и дѣлать окна и двери высокими и широкими, одно противъ другого. Когда королева мать устраивала Люксембургскій дворецъ, то послала своего архитектора посмотрѣть домъ Рамбулье. Она первая стала красить комнаты въ иной цвѣтъ, чѣмъ красный и каштановый, вотъ почему ея салонъ назывался «голубой комнатой». Но не домъ привлекалъ посѣтителей, а умный разговоръ хозяйки и деликатность ея манеръ. Литераторы, какъ Корнель, Шапленъ, Вуатюръ, Менажъ, Конраръ и Вожля смѣшивались съ самымъ высшимъ обществомъ. Писатели приходили къ ней читать свои новыя произведенія, и сочиненія Корнеля были прочитаны тамъ ранѣе выхода въ свѣтъ. Кромѣ того, тамъ читались также письма отсутствующихъ, импровизировали стихи, играли комедіи, и въ различныхъ умственныхъ играхъ разви-

¹⁾ La Jeunesse de la Grande Mademoiselle, par Arved Barine. Paris. 1902.

вали быстроту соображенія. Это общество посѣщала принцесса и болѣе всѣхъ подверглась его облагораживающему вліянію; конечно, она не могла совершенно ступшевать своей природной грубости. «Grande Mademoiselle, — говоритъ авторъ: — принадлежала уже ко второму поколѣнію Precieuse и, заслуживая быть помѣщенной въ золотую книгу за свою любовь къ остроумію, лишь только воодушевлялась, имѣла рѣчь и манеры стараго солдата. Она произносила «тысячи проклятій» и однажды угрожала маршалу Опиталю вырвать бороду собственными руками; принцесса съ такою запальчивостью ему это обѣщала, что бѣднягѣ оставалось лишь спастись отъ нея бѣгствомъ. Но, несмотря на эти рѣзкія манеры, она не держала себя въ салонѣ Рамбулье по-солдатски. Кромѣ салона г-жи Рамбулье, немало способствовало смягченію грубыхъ нравовъ аристократіи того времени романъ Урфе «Astrée». Однако, этотъ романъ, воспѣвавшій побѣду любви надъ разсудкомъ, не имѣлъ того же вліянія на принцессу. По чувству она подходила скорѣе къ героинямъ Корнеля, у которыхъ любовь должна безпрестанно побѣждаться разсудкомъ. «Понятно, — говоритъ авторъ, — что такія личности принадлежали семьѣ и общественному сословію, прежде чѣмъ быть самимъ собою, не такъ, какъ въ наши дни; онѣ подчинялись своего рода дисциплинѣ, основанной на интересахъ общины, въ существенныхъ поступкахъ своей частной жизни. Даже бракъ подчинялся этой соціальной дисциплинѣ». Принцесса находилась въ тѣхъ же условіяхъ, и основой всей ея жизни были безконечные проекты ея брака. Съ очень юныхъ лѣтъ она рѣшила, что ея будущій мужъ долженъ видѣть въ ней только ея титулъ внучки французскаго короля и ея прекрасныя герцогскія владѣнія. Ей было безразлично, будетъ ли онъ уродъ, красивъ, честный или наоборотъ, лишь бы онъ украсилъ ея голову короной, и она имѣла бы первенство надъ другими женщинами. Однажды ея отецъ, не блестящій храбростью, упрекалъ ее за желаніе прославиться героиней, что его компрометировало. Она ему на это отвѣтила: «Я не знаю значенія быть героиней. Я по рожденію принадлежу къ тѣмъ, которые должны дѣлать лишь величественное и великое во всемъ, во что они вмѣшиваются. Другіе могутъ называть это, какъ хотятъ; что до меня, я это называю слѣдовать своей склонности и итти по своему пути. Я рождена не избирать другой дороги». Съ такими взглядами, говоритъ ея историкъ, и не выѣзжая изъ Лувра, гдѣ королева Анна заставляла безпрестанно играть произведенія Корнеля, «Grande Mademoiselle» привыкла находить естественными эти чувства, не совсѣмъ обыкновенныя, при чемъ терялось чувство умѣренности. Съ другой стороны мужчины и женщины того времени жили одинаковой жизнью: раздѣляли тѣ же удовольствія, посѣщали тѣ же мѣста, даже встрѣчались въ лагеряхъ, и мужчины невольно передавали свой дерзкій нравъ женщинамъ. Многія изъ дамъ владѣли рапирой на дуэли или на войнѣ, и всѣ ѣздили верхомъ. Такъ между прочимъ дѣвица де-Наваль, не имѣя возможности получить законную часть, завладѣла домомъ своего племянника, будущаго герцога де-Наваль, при чемъ сестра герцога устроила осаду дома и силою засадила въ тюрьму тетку и двухъ сопровождавшихъ ее вельможъ. Г-жа Шато-Гюн умерла, атакуя съ однимъ оруженосцемъ трехъ сосѣднихъ дворянъ, съ которыми она была въ ссорѣ. Г-жа Бонневаль, которая

очень ловко гасила свѣчу выстрѣломъ изъ ручной пицали, вызвала своего мужа на дуэль и получила отъ него три или четыре удара шпаги. Г-жа Сень-Бальмонъ, мужъ которой умеръ на службѣ у герцога Лотарингскаго, «не имѣла себѣ равной по доблести; она убила и взяла въ плѣнъ болѣе четырехсотъ человекъ. Во время войны эта смѣлая женщина атаковала трехъ нѣмецкихъ кавалеристовъ, которые отпрягли лошадей изъ ея телѣжки, и заставила ихъ сдаться». Относительно безчисленныхъ дуэлей уже нечего говорить. Все это прекрасно характеризуетъ, въ какомъ обществѣ находилась принцесса. Кромѣ физической силы и храбрости, дамы были также набожны и очень учены, такъ что сами сочиняли и печатали остроумныя произведенія. Самыми замѣчательными годами для «Grande Mademoiselle» было время Фронды. Отецъ ея, Гастонъ Орлеанскій, былъ главою коалиціи противъ Мазарини, на котораго страшно озлобился народъ. Выдающіеся члены партіи Фронды слушались и лелѣяли принцессу, проча ея на тронъ, для славы и счастья Франціи. 1651 годъ былъ для нея годомъ оупьяненія побѣдой. Однако, въ концѣ года она была недовольна собою, такъ какъ еще ничѣмъ не отличилась и не могла занять мѣста рядомъ съ героинями Фронды, г-жею Лонгвиль или принцессою Кондэ. Но однажды узнали, что городу Орлеану, принадлежавшему ея отцу, угрожаетъ опасность. Граждане призывали къ себѣ на помощь принца или за отсутствіемъ его принцессу. Вечеромъ, когда она отправилась ужинать въ Тюильри, къ ней подошелъ офицеръ и сказалъ тихимъ голосомъ: «Мы очень счастливы, что вы отправитесь въ Орлеанъ». На другой день она простилась съ отцемъ въ походномъ костюмѣ, сопровождаемая разряженнымъ главнымъ штабомъ, въ которомъ блестяли многія хорошенькія женщины. «Grande Mademoiselle» была «въ сѣромъ платьѣ, сплошь вышитомъ золотомъ». Изъ Парижа она вышла побѣдоносно при громкихъ возгласахъ толпы. На другой день, подвигаясь къ Орлеану, она встрѣтила эскортъ, посланный къ ней навстрѣчу генералами Фронды. Принцесса рассказывала: «они были въ боевомъ порядкѣ и привѣтствовали меня». Тотчасъ же она приняла надъ ними команду. Въ Турѣ она нашла большую часть войска и предводительствовала на военномъ совѣтѣ. Она командовала войсками, и 27 марта 1652 года съ своими солдатами уже была предъ Орлеаномъ. Но при ея появленіи ворота города закрылись и заставились баррикадами. Она должна была послать требованіе о сдачѣ города. Ворота не открывались. «Уставъ отъ ожиданія, говоритъ историкъ, принцесса пошла вдоль стѣны въ сопровожденіи дамъ де-Фьескъ и де-Фронтенакъ, ея генералъ-майоровъ». Весь Орлеанъ находился на валахъ. Принцесса продолжала идти, говоря: «Я выломаю ворота, или возьму приступомъ городъ». Обойдя вокругъ Орлеана, она дошла до Луары. Здѣсь ей предложили судовщики взломать ворота, выходившія на набережную. Принцесса ухватилась за эту мысль, одарила ихъ деньгами и взобралась на холмъ, чтобы видѣть, какъ они будутъ работать. «Я взбиралась, какъ кошка, говоритъ принцесса, задѣвая за всѣ препятствія и затрудненія и перескакивая черезъ заборы». Придворные умоляли ее возвратиться, но она просила ихъ умолкнуть и довѣрилась судовщикамъ. Последніе заставили ее пройти на рыбацье судно и взобраться на большую пологанную лѣстницу до воротъ. Принцесса отослала мужчинъ своей свиты, на-

доѣдавшихъ ей своими замѣчаніями, и воодушевляла добрымъ словомъ рабочихъ. Двѣ среднія доски поддались. Она приблизилась. «Такъ какъ тамъ было очень грязно, говоритъ принцесса, то одинъ изъ лакеевъ взялъ меня на руки, перенесъ и втолкнулъ въ это отверстіе; только что я просунула голову, какъ раздались барабанный бой и восклицанія: «Да здравствуетъ король и принцы! Смерть Мазарини!». Двое мужчинъ взяли меня и посадили на деревянный стулъ. Я не знаю, сѣла ли я на него или на его ручку, такая мною овладѣла радость; всѣ цѣловали мнѣ руки, и я помирала со смѣху, видя себя въ такомъ забавномъ положеніи». Побѣдное шествіе по городу было не менѣе интересно. За принцессой слѣдовали г-жи Фіескъ и Фронтенакъ, шлепая по грязи, окруженные веселыми солдатами, «народъ безъ усталости цѣловалъ и ласкалъ этихъ офицеровъ новаго рода». Вскорѣ по улицамъ раздалось пѣніе куплетовъ, въ которыхъ воспѣвались молодые героини. Однако, принцесса превзошла себя въ Парижѣ 2 іюля 1652 года. Тогда она была тамъ, какъ королева. Городъ былъ въ страшномъ безпорядкѣ. Подъ его стѣнами сражались солдаты короля подъ командою Тюрена съ арміей Фронды, надъ которою начальствовалъ великій Кондэ. Въ 6 ч. утра 2 іюля, принцессу внезапно разбудили. Кондэ призывалъ ее на помощь. Прижатый къ стѣнамъ Парижа, закрытымъ предъ нимъ, и чувствуя себя потеряннымъ, онъ отправилъ посланнаго къ Гастону Орлеанскому, захворавшему на полѣ сраженія. Принцесса бросилась къ отцу, слыша его страшными упреками. Онъ ничего не хотѣлъ слышать. Затѣмъ явились друзья Кондэ. Принцъ отдѣлался отъ нихъ и отправилъ дочь отъ своего имени въ ратушу. Улицы были переполнены воищей толпой. Принцесса добралась до ратуши, приказала открыть ей двери и увидѣла тамъ городского голову, старшинъ, маршала Ошпалля и губернатора Парижа, которые переглядывались, заранѣе порицая ся выраженія. «Принцъ въ опасности, воскликнула она, какое горе и какой позоръ будетъ навсегда Парижу, если онъ погибнетъ за отсутствіемъ помощи! Вы можете оказать ее! Сдѣлайте же это скорѣе!» Городской голова и старшины удалились въ сосѣдную комнату для совѣщанія. Оно длилось долго. Принцесса, чувствуя опасность, была внѣ себя отъ негодованія. Подъ вліяніемъ отчаянія и гнѣва, она внезапно вошла къ нимъ и, указывая рукою на толпу народа, вопль котораго доносился съ площади, воскликнула: «Если вы не подпишете требуемый приказъ, то клянусь вамъ, что эти люди заставятъ васъ подписать его». Ничего не оставалось дѣлать — приказъ былъ подписанъ, и Кондэ спасенъ. Принцесса бросилась къ воротамъ св. Антонія; появились мужчины, покрытые кровью, и раненые. Это были Рошфуко, Гито и Валонъ. Раненыхъ была цѣлая масса. «Это было аристократическое дефилированіе, говоритъ Арведъ Баринъ, такъ какъ въ немъ участвовала французская аристократія, допустившая себя убивать въ послѣднее сраженіе противъ королевства». Сторонники Фронды были побѣждены. Когда принцесса достигла площади Бастиліи и могла приказать раскрыть ворота, Кондэ вошелъ съ цѣлою толпою раненыхъ и багажными фургонами. Принцессу приютили въ одномъ домѣ около Бастиліи. Кондэ пришелъ къ ней весь въ крови и слезахъ. Однако, надо было дѣйствовать; они сговорились. Кондэ снова ушелъ, чтобы руководить отсутствіемъ. Принцесса заставляла подбирать раненыхъ и носила питье сражав-

шимся. Чтобы видѣть мѣсто сраженія, она взобралась на башню Бастиліи. Королевская армія маневрировала, желая отрѣзать Кондэ и его войска отъ воротъ св. Антонія. Въ этотъ моментъ она приказала стрѣлять со стѣнъ Бастиліи. Безконечныя оваціи раздались въ ея честь. Отетушавшая армія кричала ей: «Вы наша освободительница!» На другой день ей устроили необычайное торжество. Оваціи, похвалы сыпались на нее со всѣхъ концовъ. Одинъ современникъ говорить, что пушки Бастиліи убили ея мужа, такъ какъ принцесса еще надѣялась сдѣлаться королевой, выйдя замужъ за Людовика XIV. Ей пришлось послѣ этого отказаться отъ лелѣемой мечты. Вторая половина ея жизни не походила на первую. Ея мечтанія сдѣлаться королевой Франціи, потомъ императрицей, окончились банально. Принцесса сдалась юному гасконцу Лозену. Она умоляла Людовика XIV согласиться на этотъ бракъ, что тотъ исполнилъ. Затѣмъ онъ передумалъ, желая посоветоваться съ принцами своего двора. Тогда принцесса слегла въ постель и стала принимать лежа, какъ опечаленная вдова. Г-жа Ментенонъ увѣряла, будто она восклицала: «Онъ былъ бы здѣсь! Онъ былъ бы здѣсь!». При этомъ она указывала на свободное мѣсто въ постели.

— Мирабо и Софія Моннье. Послѣ множества вышедшихъ въ Парижѣ біографій Мирабо, трудъ Поля Коттена, подъ заглавіемъ «*Sophie Monnier et Mirabeau*»¹⁾ (1775—1781), обращаетъ на себя вниманіе. Авторъ въ немъ приводитъ много новыхъ подробностей относительно пребыванія Мирабо въ Венсеннѣ, куда онъ былъ заключенъ тайнымъ распоряженіемъ, и объ его страстной любви къ Софи Моннье, которую онъ увезъ въ 1776 г. изъ Понтарлье и бѣжалъ съ нею въ Амстердамъ, гдѣ оба были арестованы 14-го мая слѣдующаго года. По пріѣздѣ въ Парижъ Мирабо былъ заключенъ въ Венсеннъ, по распоряженію отца, а Софи, по распоряженію мужа, сначала въ исправительный домъ въ улицѣ Бельфонъ, затѣмъ въ «Новую Францію» (въ Монмартрскомъ кварталѣ), гдѣ она родила дочь. Оттуда 18-го іюня 1778 г. ее перевели въ монастырь св. Клары въ Жинъ. Они были освобождены, спустя много времени, и Мирабо въ январѣ 1781 г., а Софи въ 1783 г., послѣ смерти ея мужа. Они ухитрились вести двойную переписку—официальную, просматриваемую полиціей, и неофициальную, которую вели посредствомъ подкупа. Первая уже была напечатана въ 1792 г. Пьеромъ Манюэлемъ подъ заглавіемъ: «Письма, написанныя въ Венсенской башнѣ». Вторая замѣчательна не только подробностями ихъ существованія въ тюрьмѣ, но также своимъ стилемъ, непринужденнымъ, нѣжнымъ и остроумнымъ. Наружность Софи была симпатична: высокая полная брюнетка съ черными глазами, слегка вздернутымъ носомъ и полными губами, она не могла похвастаться безукоризненнымъ сложеніемъ. Этотъ недостатокъ искупался руками и грудью прекрасной формы и бѣлизны, которыя такъ расхваливалъ Мирабо, и прекраснымъ цвѣтомъ лица. Аббатъ Валлэ, зять Шабо, хирурга монастыря св. Клары, описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: «Она была высока и прекрасно сложена, но ея голова склонялась слегка на одну сторону, и одно плечо было выше другого. Лицо ея было довольно пріятно, но глаза были окружены красноватымъ ободкомъ. Характеръ

¹⁾ Mirabeau et Sophie de Monnier (1775 — 1781), par Paul Cottin. Paris. 1902.

ея былъ кроткій и пріятный, при чемъ она обладала большимъ умомъ, которымъ она недостаточно пользовалась. Главнымъ же ея достоинствомъ были веселый нравъ и умственные качества. Здоровая и сильная женщина вскорѣ превратилась въ хворую, благодаря огорченіямъ и монастырской жизни, и въ 1780 г. настоятельница монастыря писала ея матери, что она «всегда больна». Когда Мирабо вновь ее увидѣлъ въ слѣдующемъ году, то она очень измѣнилась физически: большая часть ея волосъ вытѣзла, а оставшіеся совершенно посѣдѣли. Она также жаловалась на страданіе глазъ, такъ что малѣйшая работа доводила ее до обморока. Хотя она старалась не пугать своимъ положеніемъ Мирабо, но все-таки она писала ему по поводу случившагося у нея ознобленія: «Мое тѣло стало такое скверное, что малѣйшее поврежденіе не излѣчивается безъ пластыря. Я никогда не видѣла ничего подобнаго у здоровыхъ людей. Увѣряю тебя, мнѣ теперь сто лѣтъ». Но и Мирабо все время хворалъ, съ тѣхъ поръ какъ разстался съ Софи въ 1777 г.; у него открылось Наеша-тугіа, почечная болѣзнь и болѣзнь глазъ, которые послѣ перенесенной имъ оспы остались слабы. Но его болѣзнь не была вслѣдствіе строгаго къ нему отношенія въ тюрьмѣ; въ эту эпоху съ заключенными обращались хорошо, и они были неправы, нападая на Ружмона, смотрителя Венсенскаго замка. Главной причиной его болѣзни былъ недостатокъ воздуха и физическихъ упражненій. Первое время ему разрѣшали гулять два часа подъ надзоромъ сторожа, но онъ обращался съ просьбою разрѣшить ему гулять одному и дольше, на что даже получилъ распоряженіе ѣздить верхомъ. Онъ могъ свободно занимать деньги, покупать книги и вообще все, что хотѣлъ. Не довольствуясь скудной пенсіей въ 600 ливровъ, выдаваемой ему отцемъ, онъ прибавлялъ еще самъ литературнымъ трудомъ. Ему удалось пересылать Софи небольшія суммы денегъ, въ которыхъ она нуждалась. Жалобы, переполнявшія письма изъ Венсенской тюрьмы, были не напрасны, и онъ опасался каменной болѣзни и слѣпоты. Иногда за нимъ былъ недостаточный уходъ, онъ писалъ доктору Дюмуру, прося навѣстить его, но тотъ не являлся. Нѣсколько разъ съ нимъ было очень худо, и 2-го мая 1778 г., считая себя при смерти, онъ отдалъ свои послѣднія распоряженія смотрителю тюрьмы Бушэ, котораго прозвалъ вмѣстѣ съ Софи «добрымъ ангеломъ», не сообщать своей возлюбленной объ ухудшеніи его здоровья. Чтобы «поправить испорченную машину», онъ «набивалъ желудокъ кофе». Но скрывать отъ Софи состояніе его здоровья было напрасно, такъ какъ она видѣла изъ писемъ его настроеніе. Она писала по поводу его глазъ: «Я не хочу, чтобы ты потерялъ эти прекрасные глаза, которые я такъ люблю! Ради насъ обоихъ и нашего ребенка побереги ихъ». Вскорѣ послѣ его пріѣзда, Ружмонъ являлся къ нему и, чтобы отвлечь отъ печальныхъ мыслей, убѣждалъ его проситься въ военную службу, такъ какъ англичане потерпѣли отъ американцевъ пораженіе, и война была вѣроятна. Мирабо всегда тяготѣлъ къ военному поприщу, притомъ, по его мнѣнію, это было единственное средство создать себѣ положеніе, освободить Софи и удалиться оттуда, гдѣ отецъ хотѣлъ его погубить. Единственнымъ препятствіемъ былъ недостатокъ денегъ, надѣяться же на помощь отца было сомнительно. Напротивъ Софи эта мысль привела въ ужасъ; она умоляла

его отказаться отъ этого плана. Несмотря на всѣ невзгоды и огорченія, она сумѣла сохранить свой главный даръ — очаровывать. Ея письма переполнены привостями, которыя развлекали ея друга. По поводу одной престарѣлой дамы, посѣщавшей ее, она писала: «Она еще имѣетъ все, что требуется тебѣ. Во время голода можно ею довольствоваться». Мирабо съ своей стороны предлагалъ ей прислать венсенскаго инвалида, такъ какъ обычной его шуткой было отыскивать любовниковъ знакомымъ дамамъ. Софи подшучивала, какъ дитя, надъ сестрами-монахинями, сочиняла имъ сказки и смѣялась надъ ихъ страхомъ: «Пять изъ нихъ заслуживаютъ, говорила она, мѣста въ лупанарѣ, не говоря о тѣхъ, которыя имѣютъ на него право, но болѣе отдаленное». Когда онъ угрожалъ ей, что будетъ ухаживать за одной изъ ея товарокъ, она писала ему: «Потише, сударь, пожалуйста! Вы знаете, что маркизъ твой отецъ не желаетъ, чтобы ты водился съ низшими». Постѣ посѣщенія ея пятью прелестными дѣвицами Бержевиль, она говоритъ: «Надставь мнѣ рожки съ дѣвицами Бержевиль, увѣряю тебя, ты ничего тамъ не потеряешь». Ея мать, узнавъ объ освобожденіи Мирабо, выразила ей свое опасеніе относительно новаго похищенія. Она успокоила мать, отнесясь непріязненно къ подобнымъ попыткамъ и увѣряя, что имѣетъ достаточно влияния на своего друга. Затѣмъ она написала Мирабо: «Ты прекрасно видишь, мой добрый котенокъ, что мы оба ничего другого не жаждемъ, какъ отдыха! Ты сдѣлаешь все, то я захочу, такъ какъ ты послушный ребенокъ, не правда ли, моя любовь». По поводу выраженнаго Дюономъ безпокойства относительно опасности, какой можетъ подвергнуть Мирабо женскій полъ, она написала ему письмо настолько хитрое и шутливое, что заставила его призадуматься надъ отвѣтомъ. Но не однимъ шутками были наполнены ихъ письма. Мирабо любитъ съ нею философствовать и заставлять ее высказываться о различныхъ вопросахъ, въ особенности о физической и другой любви. «Все, что исходитъ изъ любви, пишетъ онъ Софи, идетъ къ сердцу». Она съ нимъ согласилась и прибавила: «Все, что имѣетъ только внѣшній видъ любви, идетъ самое большее къ чувственности». «Легкія побѣды, — говорилъ онъ: — внушаютъ мнѣ презрѣніе». Софи раздѣляетъ его взглядъ и пользуется случаемъ, чтобы заклеить тѣхъ, которые изъ гордости не осмѣливаются прервать старыя связи, утомившія ихъ. Она находитъ «нѣжнѣе» отдаться жениху ранѣе свадьбы, но думаетъ, что мужъ будетъ сожалѣть потомъ о легкости своей жены. Мирабо расхваливаетъ ее за доброту, но она объявляетъ ему, что несправедливо смѣшивать ее съ глупостью, и признается, что не пользуется средствами «выдвинуться» въ свѣтъ. Она мѣтко и вѣрно дѣлаетъ различіе между дружбою женщины къ женщинѣ, мужчины къ женщинѣ, между ревностью, происходящей отъ недоуверія, и той, которая родится отъ опасенія недостаточно нравиться предмету любви. При этомъ она разсуждаетъ очень мѣтко объ умѣ и замѣчаетъ, что тотъ, кто дурно пользуется имъ, достоинъ презрѣнія, и прибавляетъ: «притязанія ему вредятъ, когда его много, и дѣлаютъ невыносимымъ, когда его мало». Наконецъ она утверждаетъ бесполезность морали и философски заключаетъ: «Сколько безумныхъ женщинъ на свѣтѣ, которыя считаютъ себя очень нравственными. Но гораздо пріятнѣе имѣть

собственное приятное безуміе, чѣмъ разсуждать о безуміи другихъ». Она касалась и политики, которую интересовалась. Получая отъ доктора Изабо «Metsige», она прочитавъ посылала его къ Мирабо; взаи́мъ онъ пересылалъ ей «Cougrier d'Europe»: «Увѣряю тебя, я сдѣлалась большимъ политикомъ, удивляюсь, что меня не пригласитъ какой нибудь державный властелинъ управлять страной». Она крикикуетъ «сильныхъ міра», которые по большей части находятъ необходимымъ имѣть шестнадцать предковъ, чтобы обладать однимъ честнымъ сердцемъ; «подумай только, что напротивъ, когда воспитаніе было хорошее, то честное сердце скорѣе находится въ низшихъ слояхъ общества». Относительно покорности французовъ ихъ повелителю она говоритъ: «Видишь ли ты, во Франціи очень злоупотребляютъ правами и дѣлаютъ совѣмъ не то, чего желаетъ правительство». Протестуя противъ тайнаго приказа короля по просьбѣ маркиза Мирабо относительно ареста сына, она замѣчаетъ: «Если ему дадутъ такой приказъ, какой онъ требуетъ, то это будетъ самымъ большимъ памятникомъ рабства нашей страны. На мои глаза не надо ничего болѣе, чтобы обезчестить Францію и ея правительство, если она уже не обезчестилась!»... Съ этого момента проснулась въ Софіи мятежница. Въ послѣдніе мѣсяцы 1780 г. Мирабо былъ очень занятъ литературной работой. Онъ поглощалъ безконечное количество всевозможныхъ книгъ и любилъ писать исторію страны, въ которой находился, или интересовался ею. Что касается Софіи, то она не была сильна ни въ мнѳологіи ни въ орѳографіи, несмотря на то, что очень много читала и много удержала въ своей «удивительной» памяти. Ей не хватало, по словамъ Мирабо, «метода и руководителя». Съ той минуты, какъ Мирабо покинулъ Францію, онъ велъ, не переставая, дневникъ, три четверти котораго растерялись. Софіи съ своей стороны вела дневникъ, съ тѣхъ поръ какъ убѣжала изъ Понтарлье. Онъ блестялъ, говорятъ, точностью и простотой стили. Мирабо его направлялъ, переправлялъ и переписывалъ, затѣмъ онъ отдалъ его своему другу Витри, который потерялъ его. Въ этомъ дневникѣ Софи обрисовывалась, какъ «бѣдовая голова и доброе сердце». Она страстно любила дѣтей, одѣляла гостинцами тѣхъ, которые приходили къ нимъ въ монастырь, и защищала противъ жестокихъ родителей, но въ 1779 году они ее раздражали, при воспоминаніи объ ея дочери, съ которой она была разлучена. Вдругъ 27-го мая ее извѣстили, что ея дочь умерла 24-го мая, вслѣдствіе конвульсій. Когда она нѣсколько успокоилась, то написала Мирабо, что ея жизнь теперь принадлежитъ ему болѣе, чѣмъ когда. Мирабо принялъ извѣстіе о смерти дочери съ отчаяніемъ, но когда мало-по-малу это воспоминаніе стало ступшеваться, то Софи поняла, что ей грозитъ новая потеря. И дѣйствительно смерть маленькой Габріэли служила послѣднимъ звеномъ страсти Мирабо къ Софи. Послѣ смерти дѣвочки она сдѣлалась слишкомъ впечатлительна. Какъ разъ до нея стали доходить странные слухи о Мирабо. «Несчастіе ослабляетъ умъ», говоритъ она. Теперь при каждомъ запоздываніи писемъ отъ своего друга она приходила въ отчаяніе, ей казалось: «что все умерло въ природѣ, и что остатокъ ея существованія будетъ сплошнымъ страданіемъ». Вскорѣ начались между ними ссоры, причиной которыхъ была ревность. Ея страданія все усиливались. Ми-

рабо быть для нея все. Ей казалось, что она начала существовать съ того дня, какъ его узнала. «Это все мое сокровище, все, что я люблю на свѣтѣ. Твоя любовь для меня все, она не разлучна съ моимъ существованіемъ; я не могу ее потерять безъ жизни». Ей все нравилось въ Мирабо, даже его уродливостъ и оспенные знаки на лицѣ. Ее привлекали подобное недостатки даже у другихъ личностей; такъ она говорила о нѣкоемъ Бодуэнѣ: «Онъ ищетъ оспенными знаками, но ты знаешь, что я питала страсть къ филиграни; ты прекрасно знаешь причину, злой ребенокъ». Мирабо вполне овладѣлъ ея характеромъ и мыслями, какъ вообще онъ легко побѣждаетъ женскія сердца, но не уродствомъ, а умомъ. «Знаешь, говорила Софи, почему твой умъ такъ привлекаетъ женщинъ? Потому что онъ имъ не понятенъ. Ты заводшишь ихъ дальше, чѣмъ бы онѣ хотѣли». Но Мирабо не льстился легкими побѣдами. Его тревожила мысль въ началѣ ихъ заключенія, что, обманувъ мужа, Софи могла обмануть его. Софи его успокоивала доводомъ, что только онъ одинъ могъ ее отвлечь отъ ея долга. Оба они питали культъ къ истинной любви. Въ ея любви было отчасти поклоненіе ему, что очень нравилось Мирабо. Узнавъ, что онъ на половину свободенъ, она обрадовалась и желала, чтобы онъ получилъ полную свободу. Отецъ первымъ условіемъ поставилъ ему сойтись съ женою. Мирабо изъ деликатности, прежде чѣмъ ей написать, хотѣлъ узнать мнѣніе Софи, хотя она уже ранѣе дала необходимыя разрѣшенія и не только не колебалась, но даже хотѣла, чтобы жена пріѣхала за нимъ въ тюрьму. Это огорчило Мирабо, и онъ написалъ ей, что она слишкомъ далеко пошла. Но она смотрѣла на это сближеніе, какъ на простую формальность, въ которой сердце не играетъ никакой роли. Со своей стороны Мирабо ни на минуту не отдѣлялъ своихъ интересовъ отъ интересовъ Софи и не согласился просить милостиваго манифеста, который, положивъ конецъ процессу, повредилъ бы Софи. Зато онъ просилъ Бушэ «обмануть» ее, если надо, ссылаясь на то, что съ той минуты, какъ онъ будетъ жить съ женою, лучше для семейнаго спокойствія покончить все разомъ. Тогда онъ послалъ ей проектъ устроить ея освобожденіе. На это она отвѣчала, чтобы онъ думалъ прежде всего о своихъ интересахъ. Мирабо, казавшійся спокойнымъ, тревожился въ первое время своего заключенія за вѣрность Софи, какъ дѣлать ей невозможныя сцены въ началѣ ихъ связи. Онъ сознавалъ свое уродство и боялся соперниковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Мирабо, обладавшій тѣломъ Геркулеса и пылкими страстями, былъ въ то же время нѣжнымъ и кроткимъ любовникомъ. Онъ увѣрялъ, можетъ быть, искренно, что никогда никого не любилъ, кромѣ нея. Ея малѣйшая ласка была для него предпочтительнѣе самыхъ пламенныхъ любезностей другихъ дамъ. И въ подтвержденіе онъ рассказывалъ ей, что когда онъ былъ съ арміей въ Корсикѣ, за нимъ хотѣла слѣдовать его любовница, но «увѣряю тебя, добавилъ онъ, что только любовь можетъ меня сдѣлать похитителемъ!» Хотя вѣрнѣе, пресытившись легкими побѣдами, тридцатилѣтній Мирабо не удовлетворялся болѣе ими и жаждалъ серіозной привязанности. За г-жей Моннье слѣдовала г-жа Неро. Совершенно различныя во всѣхъ отношеніяхъ, эти обѣ женщины подходили другъ на друга своей вѣрностью Мирабо и культомъ къ нему.

— Умерла ли отъ отравы Марія-Луиза? Докторъ Кабанесъ продолжаетъ серію своихъ любопытныхъ очерковъ, и въ первой мартовской книжкѣ «Revue hebdomadaire» ¹⁾ онъ касается интереснаго вопроса, относящагося до легенды объ отравленіи бывшей французской императрицы Маріи-Луизы. Въ своей статьѣ онъ рассказываетъ, что она, какъ извѣстно, не дождавшись смерти Наполеона, бросилась въ объятія Нейперга, чело­вѣка далеко не красиваго и даже уродливаго, такъ какъ онъ былъ лишенъ одного глаза. Въ то время, какъ Наполеонъ въ 1817 г. медленно чахнулъ на островѣ св. Елены, она родила отъ Нейперга сначала мертваго младенца, а затѣмъ еще двоихъ. Когда Наполеонъ умеръ, и надо было извѣстить канцеляріи европейскихъ государей, то явилось затрудненіе, какъ объ этомъ объявить. Назвать его императоромъ—значило возстать противъ декрета Бурбоновъ; назвать узурпаторомъ и генераломъ Бонапартомъ было слишкомъ дерзко. Изъ этого положенія вывелъ Нейпергъ, рѣшивъ назвать Наполеона свѣтлѣйшимъ принцемъ, супругомъ герцогини Пармской. «Это было такъ ядовито,—говоритъ Кабанесъ:—что Талейранъ и Фушэ не придумали бы лучше». Настоящимъ грцогомъ Пармскимъ быть самъ Нейпергъ, и этого обстоятельства онъ ни отъ кого не скрывалъ, хотя и не злоупотреблялъ своей привиллегіей. Послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1829 г., Марія-Луиза плакала, поставила прекрасный памятникъ, но скоро позабыла о Нейпергѣ, благодаря своему темпераменту, не выдерживавшему долгую печаль. Много ей приписывали любовныхъ похожденій и между прочимъ съ однимъ газетнымъ хроникеромъ, который громко объ этомъ рассказывалъ. Но все это были скоро проходившія увлеченія, и, спустя немного времени, Еврона услышала объявленіе о бракѣ бывшей французской императрицы съ графомъ Карломъ-Рене Бомбелемъ, уже зрѣлымъ мужчиной, но «святымъ и любезнымъ чело­вѣкомъ въ обществѣ», какъ писала о немъ съ своей обычной безсознательностью будущая супруга. Съ появленіемъ Бомбеля измѣнилась картина: онъ иначе понималъ свою роль, чѣмъ Нейпергъ, и хотя былъ относительно Маріи-Луизы предупредительнымъ, вѣжливымъ и почтительнымъ, но зато явился настоящимъ диктаторомъ въ герцогствѣ. Считаая итальянцевъ отвѣтственными за паденіе Бурбоновъ, онъ находилъ удовольствіе дурно обращаться съ ними. Это обстоятельство породило многихъ враговъ, и вокругъ него образовались непріязненные партіи; даже увѣряли, что, впоследствии, его смерть была вызвана личной мстью. Ничего нѣтъ удивительнаго, что при Пармскомъ дворѣ шель слухъ, будто заговорщики рѣшили покончить съ Бомбелемъ, но счастливая случайность спасла его; зато вмѣсто него черезъ десять дней умерла Марія-Луиза. По словамъ капеллана, она проглотила отравленный напитокъ, предназначенный для Бомбеля. Конечно, нашлись и свидѣтели этого событія; между прочимъ одинъ старикъ, прежній камергеръ Маріи-Луизы, подтверждаетъ это, но его показанія подозрительно ясны, если взять во вниманіе отдаленность событій. Онъ говоритъ, что когда-то онъ поднималъ на лѣстницѣ дворца, гдѣ онъ въ

¹⁾ L'imperatrice Marie-Louise est-elle morte empoisonnée? par docteur Cabanes. «Revue hebdomadaire», 1 mars 1902.

это время служилъ, записку, въ которой говорилось, что составился заговоръ убить Марію-Луизу. Тотчасъ онъ предупредилъ Бомбеля, но было уже поздно: Марія-Луиза умерла. Конечно, возникаетъ вопросъ, кто же могъ ее убить, и кому могла вредить эта старая женщина? На это онъ отвѣчаетъ, что Луккскіе Бурбоны должны были наследовать ея права на Пармское герцогство. Съ этою цѣлью Луккская партія, находившаяся въ Пармѣ, работала въ пользу Карла-Людвика Бурбона, который былъ человѣкомъ «нрава сомнительнаго и жестокаго», и одинъ священникъ фанатикъ, по имени Лампрехтъ, если не былъ агентомъ принца, то во всякомъ случаѣ былъ орудіемъ преступленія. Вотъ что говоритъ текстъ обвиненія. Лампрехтъ приготовилъ отраву для герцогини въ припадкѣ «священнаго гнѣва». Конечно, послѣ совершения убійства патеръ долженъ былъ тревожиться своимъ правосудіемъ, ужасаться своихъ дѣйствій, и, разрываемый угрызеніями совѣсти, онъ отравился самъ. Одно навѣрно извѣстно, что патеръ Лампрехтъ и Марія-Луиза умерли въ одно и то же время, остальное—одни предположенія. Сдѣланное профессоромъ Людовикомъ Біаджи изъ Флоренціи изслѣдованіе приводитъ къ двумъ предположеніямъ. Первое, сообщенное графомъ Пинолитомъ Малягуцци, директоромъ государственныхъ архивовъ въ Моденѣ, тѣмъ болѣе имѣетъ значеніе, что его брату, на другой день смерти Маріи-Луизы, было поручено вѣнскимъ дворомъ навести справки, должно ли перейти наследіе герцогини къ Карлу-Людвигу Бурбону. Онъ не находилъ ничего таинственнаго въ смерти бывшей французской императрицы. По его словамъ, катаясь въ каретѣ, она простудилась и почувствовала боль въ боку; у нея образовался плевритъ, унесшій ее черезъ нѣсколько дней въ могилу. Графъ не допускаетъ мысли объ отравленіи. Съ своей стороны директоръ Пинакоттики въ Пармѣ тоже не вѣритъ этому слуху и говоритъ, что она «слишкомъ злоупотребляла чувственными наслажденіями, и это довело ее до истощенія и благопріятствовало развитію болѣзни». Докторъ Каджіати, знавшій многихъ дѣтей Маріи-Луизы, могъ часто слышать отъ нихъ подробности объ ея послѣднихъ минутахъ, и онъ тоже повторяетъ, что ничего не было таинственнаго въ ея смерти. Жюль Леконтъ, посѣтившій Парму около 1844 г., за три года до ея смерти, говоритъ, что ея здоровье было съ нѣкотораго времени испорчено, однако не представляло опасности, и никакія тревоженія не дѣйствовали на его ухудшеніе. Она самымъ прозаическимъ образомъ страдала ревматизмомъ, лѣчилась въ Пшлѣ или въ своей резиденціи Сала, у подножія Апеннинъ. Но эта болѣзнь не угрожала ея жизни. Наконецъ, вотъ какъ рассказываетъ о ея смерти одинъ очевидецъ: «9-го декабря 1847 г. она почувствовала первые симитомы болѣзни. Въ этотъ день была прекрасная погода, и она вышла съ своей придворной дамой и камергеромъ на свою обыкновенную прогулку. Еще передъ прогулкой она жаловалась г-жѣ Забель, которая ее сопровождала, на дурно проведенную ночь, такъ какъ она совѣмъ не спала, задыхалась и чувствовала колотье въ правой сторонѣ груди. Дорогою ея лошади взбѣсались, и она очень испугалась, но, все-таки, сѣвъ въ экипажъ, продолжала прогулку. Передъ обѣдомъ, который всегда былъ въ два часа, она почувствовала ознобъ и хотя сѣла за обѣдъ, но мало ѣла. Въ 4 часа къ ней пришелъ ея докторъ, Фритчъ, хотя она его не приглашала, и, найдя

у нея сильную лихорадку, посоветовать ей лечь въ постель. На это она отвѣтила, что у нея есть важныя дѣла, и она должна присутствовать въ совѣтѣ министровъ. Марія-Луиза имѣла обыкновеніе председательствовать ежедневно въ 5¼ часовъ на этомъ собраніи. Послѣ засѣданія, хотя лихорадка и уменьшилась, все-таки докторъ наставлялъ, чтобы она легла въ постель. Вечеромъ у нея былъ пріемъ, и она мало жаловалась на боль, но докторъ видѣлъ, что ей хуже, и уговорилъ ее лечь. Въсѣтъ съ тѣмъ лихорадка усиливалась, боль въ боку дѣлалась оцутительнѣе, припадки кашля учащались, и ознобъ смѣнялся жаромъ. Вскорѣ докторъ обнаружилъ у нея «ревматическій плевритъ» и въ такой степени, что онъ болѣе не сомнѣвался въ роковомъ исходѣ. Болѣзненное положеніе, въ которомъ она находилась уже нѣсколько лѣтъ, ревматическія боли, перешедшія на правую руку, заставляли ее повторять часто слѣдующую фразу: «Первая серьезная болѣзнь унесетъ меня въ могилу». Она въ особенности была поражена, что многія окружавшія ее лица внезапно умирали. Патеръ Лампрехтъ, про котораго говорили, что онъ умеръ трагически,—скончался 7 декабря послѣ нѣсколькихъ дней болѣзни, отъ заразительнаго воспаленія легкихъ. Очень возможно, что, посѣщая его, она схватила эту болѣзнь, но такъ какъ герцогиня была крѣпкаго сложенія, то боролась долѣе его. Ей сдѣлали кровопусканіе, за которымъ послѣдовалъ потъ, не принеший облегченія. Ночь она провела безпокойно. Въ семь часовъ утра снова пустили кровь, и ей стало лучше. Здоровье ея замѣтно поправлялось, и она начала разговаривать. Весь день 12 кашель былъ легкій, и докторъ Фритчъ составилъ консилиумъ въ 5 часовъ вечера; доктора нашли правильнымъ способъ лѣченія и предписали его продолжать. Затруднительное дыханіе и боли въ груди оставались все тѣ же. На пятый день ея болѣзни она такъ ослабла, что временами впадала въ безсознательное состояніе; когда приходила въ себя, то сохраняла ясный умъ до послѣдней минуты. Лихорадка не увеличивалась весь день 13, но дыханіе оставалось затруднительнымъ. Вечеромъ въ 10 часовъ у нея сдѣлалась жестокая лихорадка и сильныя судороги въ груди, которыя захватили и мускулы живота; онѣ продолжались 4 часа, причиняли большой страхъ смерти и невыносимую боль. Снова была консультація, которая и повторялась два раза въ день до послѣдней минуты. Всѣ признаки и появленіе непривычныхъ спазмъ дали мысль подозрѣвать злокачественную лихорадку, которая часто бываетъ въ Италіи, и ей назначили хининъ. 14-го, въ 10 часовъ утра, повторился новый и болѣе жестокій припадокъ, который продолжался до 4 часовъ, а въ полночь онъ опять появился, но съ меньшей силой. Послѣ него она заснула. 15-го утромъ, лихорадка еще уменьшилась, но она жаловалась на сильную слабость. Такъ длилось до 2-хъ часовъ, затѣмъ лихорадка увеличилась и длилась до 9 часовъ вечера. Несмотря на употребленіе хинина, спазмы повторились и захватили мускулы горла, такъ что больная не могла болѣе глотать безъ страшнаго усилія и боли. Ничто болѣе не помогало, и 16-го утромъ у нея появилась такая сильная общая слабость, что она съ трудомъ произносила слова; укрѣпляющія и возбуждающія средства болѣе не дѣйствовали. Припадки кашля учащались, дыханіе было очень затруднительно, и 17-го, на

девятый день, съ утра, ея лицо вытянулось, а глаза стали тусклы. Однако она не теряла сознанія и выражала свои желанія то словами, то жестами. Она спросила своего доктора, думаетъ ли онъ, что она проживетъ весь день, и легко поддавалась успокоенію, что ей лучше, чѣмъ наканунѣ. Въ два часа она впала въ сонное состояніе, изъ котораго болѣе не выходила, и 17 декабря въ 5 часовъ 10 минутъ скончалась; въ продолженіе трехъ часовъ она была безъ сознанія. Марія-Луиза дала приказаніе, чтобы не вскрывали ея тѣла, исключая случая, когда докторъ потребуетъ эту операцію для своего личнаго оправданія. Изъ этого можно вывести, что смерть бывшей французской императрицы не представляла ничего трагическаго, а произошла вслѣдствіе воспаления легкихъ и грудной плевы, потому гипотеза объ ядѣ не выдерживаетъ критики. Кромѣ ясныхъ доказательствъ воспаления легкихъ и грудной плевы, не можетъ быть вопроса объ отравленіи еще потому, что ядъ дѣйствовалъ бы быстрѣе, и были бы другіе симптомы.

— Былъ ли маршалъ Ней въ Америкѣ? Въ одномъ изъ мартовскихъ нумеровъ «Revue critique d'histoire et de litterature» помѣщена статья, подписанная буквой «R», относительно двухъ американскихъ книгъ, касающихся маршала Нейа¹⁾. Первая книга написана нѣкимъ пасторомъ изъ отставныхъ майоровъ союзной арміи, Джемсомъ Вестономъ, который въ ней опровергаетъ смерть Нейа во время совершенія надъ нимъ казни. Безъ сомнѣнія, во Франціи отнеслись къ книгѣ скептически, несмотря на то, что Вестонъ представилъ чуть не цѣлое изслѣдованіе, подтвержденное многочисленными и убѣжденными свидѣтелями, увѣрившими, что знали Пьера Стюарта Нейа въ Америкѣ. Въ первыхъ главахъ авторъ рассказываетъ о блестящей карьерѣ Нейа, затѣмъ онъ касается вопроса, дѣйствительно ли былъ разстрѣлянъ маршалъ, и выводитъ отрицательное заключеніе. Онъ говоритъ: «Не было ни одного англичанина, который не содрогнулся бы отъ ужаса при одной мысли, что подобный человѣкъ, какъ Ней, могъ быть присужденъ къ смерти». Веллингтонъ, будто бы, рѣшилъ, что спасетъ жизнь своему знаменитому противнику, такъ какъ онъ былъ патріотомъ и другомъ мира. Но понимая, что прямой разрывъ съ Людовикомъ XVIII неизбѣжно повлечетъ за собою непріятныя послѣдствія для спокойствія Европы, была рѣшена «ложная казнь», которая достаточно могла наказать Нейа. Затѣмъ американскій авторъ рассказываетъ довольно невѣроятныя подробности относительно разыгранной комедіи ложной казни надъ Неемъ и его секретной отправки въ Америку. Большая часть книги посвящена жизни маршала въ Америкѣ, гдѣ онъ, по словамъ Вестона, былъ воспитателемъ и преподавателемъ въ обоихъ Каролинскихъ штатахъ. Въ этомъ качествѣ онъ оставался въ Америкѣ до самой смерти, послѣдовавшей 15 ноября 1845 года. По всѣмъ признакамъ и въ особенности изъ нѣкоторыхъ его признаній, — увѣряетъ американецъ; — это былъ маршалъ имперіи, и въ доказательство онъ приводитъ слѣдующее. Съ 1819 года въ мѣстностяхъ сѣверной и южной Каролины появился старый «ворчунъ имперіи», который искалъ убѣжища

¹⁾ Deux livres americaines sur Ney, par R. «Revue critique d'histoire et de litterature» 17 mars 1902.

отъ оскорбленій, причиняемыхъ послѣ Ватерлоо «луарскими разбойниками». По извѣстнымъ даннымъ этотъ человѣкъ пріѣхалъ въ одинъ изъ южныхъ портовъ Американскихъ штатовъ въ 1816 году, и съ того времени онъ подготавлился въ уединеніи къ своему ремеслу преподавателя. Изучивъ латинскій и греческій языки и математику, прежній рубака въ продолженіе четверти вѣка отдавался воспитанію юношества. Онъ перебирался изъ одного штата въ другой, согласно приглашеніямъ, съ которыми къ нему обращались. Сосѣди и ученики любили его, хотя иногда онъ бывалъ «настоящимъ бенгальскимъ тигромъ» и вдальбливалъ въ головы своихъ учениковъ духъ порядка и дисциплины, хотя вообще относился къ нимъ добродушно. У него былъ одинъ недостатокъ—любовь къ виски; иногда онъ такъ бывалъ пьянъ, что оставался лежать на сѣбѣ, пока какой нибудь негръ не подымалъ его мимоходомъ. Его находили похожимъ на маршала Нея и разспрашивали относительно его имени, интересуясь, не родственникъ ли онъ ему; но онъ только въ припадкѣ опьяненія иногда признавался въ тождественности съ знаменитымъ маршаломъ. Но когда опьяненіе проходило, то онъ категорически отказывался отвѣчать на вопросы учениковъ и друзей. Минутами на него нападала смутная откровенность, и онъ признавался, что находился въ заговорѣ относительно освобожденія Наполеона съ острова Эльбы. Онъ рассказывалъ также, что у него есть жена и дѣти во Франціи, а въ 1830 году онъ сказалъ одному изъ своихъ друзей, что два года назадъ къ нему пріѣзжалъ сынъ. Въ 1821 году, узнавъ о смерти Наполеона, онъ покушался перерѣзать себѣ горло; нѣсколько позже онъ сжегъ все свои бумажки. Въ концѣ своей жизни американскій Ней занялся составленіемъ мемуаровъ и часто справлялся съ «Исторіей консульства и имперіи», Тьера. Къ сожалѣнію, эти написанные шифрами мемуары были отданы одному нью-іоркскому ученому, который хотѣлъ ихъ разобрать, но съ тѣхъ поръ они совершенно исчезли. Отъ его произведеній остались лишь поэтическіе акростихи, оды и мадригалы, посвященные сентиментальнымъ миссъ, отличавшіеся банальностью и даже пошлостью. Но самое замѣчательное въ этомъ добровольномъ изгнанникѣ, по словамъ біографа, были его удивительныя лингвистическія способности: онъ зналъ шотландскій, французскій, итальянскій, англійскій, латинскій, греческій и еврейскій, русскій и польскій языки. Авторъ утверждалъ, что ему дѣлали испытаніе въ его познаніяхъ, по крайней мѣрѣ, французскаго, греческаго, латинскаго и еврейскаго языковъ, и онъ зналъ лучше всѣхъ еврейскій языкъ. Любимымъ его удовольствіемъ было рѣшать трудныя запутанныя математическія задачи. Онъ былъ человекомъ набожнымъ, посѣщалъ усердно пастора Мориссона и твердо вѣровалъ въ Библию. Иногда его занимала политика, и въ 1830 году, какъ врагъ демократовъ, онъ произносилъ рѣчи на митингахъ въ пользу виговъ, при этомъ его «произношеніе было скорѣе шотландское, чѣмъ французское». Впрочемъ это не удивляло американцевъ потому, что онъ рассказывалъ, будто его мать, Изабелла Стюартъ, была шотландка. Послѣ июльской революціи онъ имѣлъ привычку повторять, что скоро Наполеонъ II будетъ совершеннолѣтній, и французы возведутъ его на престолъ, а тогда и онъ возвратится во Францію. Въ октябрѣ же 1832 г. онъ заявилъ одному изъ своихъ учениковъ: «Молодой

Наполеонъ умеръ, а съ нимъ моя надежда вернуться во Францію». Очевидно, была причина не матеріальная, удерживавшая его отъ свиданія во Франціи съ женою и дѣтьми, такъ какъ у него лежала тысяча долларовъ въ банкѣ Соединенныхъ Штатовъ. Вестонъ объясняетъ, что если бы онъ вернулся до 1848 года, то былъ бы преданъ общественной мести, и всѣ французы, помогавшіе его спасенію, были бы повѣшены или разстрѣляны. Прежде всего Вестонъ указываетъ на физическое и моральное сходство американскаго Нея съ французскимъ маршаломъ, говоря: «Маршалъ Ней былъ вѣрный другъ, достойный человѣкъ и ненавистникъ враговъ, а также поклонникъ свободы и обладатель нравственной силы—таковъ былъ и американскій Ней. Маршалъ Ней восторгался Наполеономъ, что дѣлалъ американскій Ней... Маршалъ Ней мало ѣлъ и мало спалъ, и американскій Ней также питался самой простой пищей и спалъ не болѣе пяти часовъ... Маршалъ Ней курилъ и пилъ очень умѣренно; въ этомъ американскій Ней не много не походилъ на него, такъ какъ злоупотреблялъ табакомъ и виномъ. Зато, какъ и маршалъ, онъ зналъ прекрасно военныя науки и ловко дрался на рапирахъ». Однако, маршалъ не сочинялъ никогда стиховъ, даже на французскомъ языкѣ, и авторъ французской статьи склоненъ предположить, что американскій Ней не болѣе, какъ одинъ изъ ветерановъ Великой арміи, отправившійся искать счастье за океаномъ. Благодаря нѣкоторому сходству, его признали за Нея, и видя, что имя Нея вызываетъ симпатію публики, онъ не оспаривалъ его. Онъ былъ такъ популяренъ въ Америкѣ, что многіе серьезные историки вѣрили, будто онъ дѣйствительно Ней. Даже Давидсонское историческое общество напечатало брошюру Ровэ: «Былъ ли маршалъ Ней въ Америкѣ?» которая вполне подтверждала доводы Вестона, несмотря на всю ихъ фантастичность.

— Германскія писательницы. Германія прославилась своими талантливыми писательницами, о которыхъ французскій публицистъ Шарль Симонъ говоритъ въ своей интересной статьѣ ¹⁾ въ «Revue des Revues». По его словамъ, съ очень отдаленныхъ эпохъ среди нѣмецкихъ писательницъ проявлялись крупныя таланты, и въ Эддѣ разсказывается, что Сигурдриса выучила Сигурда руническимъ письменамъ. Между именами, оставшимися запечатлѣнными въ памяти позднѣйшихъ поколѣній, находятся имена: Алеруны, Гилдеруны и Фридуруны. По словамъ Тацита, онѣ обладали даромъ пророчества и краснорѣчія и принимали участіе въ совѣтѣ племенъ, гдѣ слушались ихъ голоса. Ихъ помѣстили въ рядахъ героинь и великой эпической борьбы, жестокаго сцены которой онѣ пересказывали на словахъ. Ихъ разсказы переходили изъ устъ въ уста, и только устная традиція сохранила въ нѣсколькихъ рѣдкихъ отрывкахъ—какъ въ греческой и латинской эпопее—имена сѣверныхъ богинь, которыхъ онѣ воспѣвали, какъ, напримѣръ: Фригги, жены Одина, Альффраутули, управлявшей, лучами дневного свѣта, Геллы, царствовавшей надъ подземными тѣнями, и т. д. Эти первоначальныя таланты открывали за собою цѣлый рядъ новыхъ, которые съ каждымъ вѣкомъ умножались. Въ X вѣкѣ нашей эры, во время царство-

¹⁾ Les femmes de lettres en Allemagne; par Charles Simond. «Revue des Revues», 1 avril 1902.

ванія Оттона I-го, женскіе монастыри были разсадниками литературы. Такъ въ одномъ изъ нихъ, въ Гандерстеймъ, молодая монахиня, по имени Розвита или Грозуита, изучала съ настоятельницей — племянницей императора — латинскихъ авторовъ: Виргилія, Овидія, Теренція, и подражала имъ. Она написала виргилевскимъ гекзаметромъ поэму въ честь св. Дѣвы, легенды и жизнь Оттона Великаго. Кромѣ того, она создала драматическія комедіи въ прозѣ, въ которыхъ описывала мученичество женщины, поддерживаемой въ своей слабости могуществомъ вѣры. Она была такимъ образомъ первой феминисткой и первой германской музой, какъ ее называли. Въ то время, какъ ея пьесы представляли въ присутствіи сестеръ-монахинь, она, преклонивъ колѣно передъ императоромъ и архіепископомъ Майнцскимъ, посвящала имъ свое произведеніе. Она превосходила значительно своихъ соперниковъ-мужчинъ того времени; копіи съ ея комедій расходились во всей имперіи и съ жадностью читались. Позже ея имя проникло во Францію, Италію и Англию. Въ 1127 г. умерла въ Австріи другая монахиня, св. Ава, оставившая поэтическое описаніе жизни Іисуса, согласно Евангелію. Пятьсотъ лѣтъ оставались въ забвеніи литературныя произведенія нѣмецкихъ женщинъ. Онѣ продолжали писать, но ступевались въ періодъ Нибелунговъ, мейстерзингеровъ и т. д. и только въ XVII вѣкѣ снова заставили заговорить о себѣ, благодаря гимнамъ и пѣснямъ Луизы-Генріеты Бранденбургской, набожной жены великаго курфюрста, написавшей знаменитый гимнъ: «Іисусъ моя крѣпкая надежда», который и теперь считается образцовымъ произведеніемъ. Во второй половинѣ XVII вѣка дамы аристократическаго общества, набожныя и удалившіяся отъ свѣта въ эту тревожную эпоху, являлись соперницами мистическимъ поэтамъ Шпе и Шеффлеру. Такъ, напримѣръ, графиня Шварцбургъ-Рудольштадтъ написала 600 гимновъ; графиня Гессенъ-Дармштадтская соперничала съ нею; Гертруда Мёллеръ, мать пятнадцати дѣтей, ублаживала ихъ своею поэзію, увѣнчанной императоромъ. Принцессы составляли цѣлую фалангу писательницъ, произведенія которыхъ соперничали съ самыми лучшими писателями. Въ XVIII вѣкѣ Луиза Альдегонда-Викторія Кульмусъ, вышедшая замужъ за знаменитаго Готтшеда, раздѣляла съ нимъ литературныя и философскіе лавры. Вокругъ нея собиралась толпа поэтессъ, между которыми выдѣлялась Эрмута-Доротей Зинзендорфъ, Сидонія-Гедвига Занеманнъ и Христіана-Маріанна фонъ Циглеръ, поэзія которой очень трогательна. Въ этотъ періодъ на литературномъ горизонтѣ возшла звѣзда необыкновенной величины: Анна-Луиза Каршинъ. Она была сначала пастушкой, но, созерцая природу и читая книги, которыя ей давали мѣстные пасторы, она почувствовала въ себѣ призваніе поэтессы. Выйдя два раза замужъ, очень неудачно, первый разъ за скрягу, который морилъ ее голодомъ, а второй разъ за пьяницу, продававшаго платье дѣтей ради водки и который ее билъ, — она стала искать утѣшенія въ поэзіи. Случайно попавъ въ Берлинъ, она обратила на себя вниманіе одного придворнаго вельможи. Тамъ она устроила свой салонъ, который посѣщало лучшее общество; ее восиѣвали знаменитые поэты того времени; Глеймъ прозвалъ ее нѣмецкой Сафо, а Рамлеръ и Сульцеръ посвящали ей свои сочиненія. Ея поэзія была импровизаціей, и часто она представляла лишь рюмованную прозу, но отличалась живостью и легкостью, и

правились своей искренностью. Каршинъ писала патріотическія оды и религіозныя гимны, но болѣе всего она отличалась оригинальностью въ своихъ пѣсняхъ, въ которыхъ она воспѣвала горечь прошедшаго и радость настоящаго. Другая женская фигура, но болѣе деликатная, была пріятельница Виланда, мать двухъ красивыхъ дочерей, о которой упоминалъ Гете—Софія Ларошъ, бабушка Брентано и Беттины. Воспитанная въ вольтеріанскомъ обществѣ, выйдя замужъ, она попала въ еще болѣе вольтеріанскій кружокъ, въ которомъ развила свою склонность къ литературѣ чтеніемъ Руссо. Его вліяніе замѣтно въ ея романахъ, въ которыхъ она описываетъ семейную жизнь, и, по словамъ одного критика, она служитъ какъ бы воспитательницей нѣмецкихъ дѣвушекъ. Гердеръ и Гете привѣтствовали появленіе ея произведеній и приблизили ее къ себѣ; благодаря ихъ дружбѣ, ее присоединили къ кружку герцогини Веймарской. Гете и Гердеръ позаимствовали, по словамъ Германа Гримма, частицу вдохновенія у остроумной, гениальной и великодушной герцогини Амаліи, которая со своимъ сыномъ Карломъ-Августомъ сдѣлала изъ Веймарскаго двора литературный Эдемъ. Здѣсь блестя своимъ талантомъ нѣжная граціозная Шарлотта Штейнъ, завоевавшая одно время сердце поклонника идеала и красоты, Гете, создавшаго, благодаря ей, Шарлотту въ «Вертерѣ» и Маргариту въ «Фаустѣ». Нигдѣ въ Германіи такъ не были очарованы Гете, какъ въ Веймарѣ, хотя во всей Германіи его могущественное вліяніе не изсякало—въ особенности на нѣмецкихъ женщинъ—и нигдѣ оно не видно такъ ясно, какъ въ его перепискѣ съ Беттиной не менѣе мечтательной, чѣмъ ея подруга Каролина Гундероде, которая искала объясненіе смятенію своего духа въ смерти. Двѣ книги Беттины Арнимъ, и среди нихъ ея разговоры съ демонами, служатъ звеномъ къ цѣли романовъ Софи Рошъ. Въ нихъ также было демократическое вѣяніе и проглядывалъ будущій натурализмъ. Около 1823 г. нѣмецкія женщины писательницы достигли своей цѣли, къ которой стремились со времени Гросвигты и даже ранѣе ея. Медленно и съ терпѣніемъ, не остерегаясь критики, онѣ шли своей дорогой, пока не сдѣлались властительницами литературы. Когда мужчины увидѣли, что, несмотря на упорную защиту своихъ правъ, они должны сдаться, то произошло сильное волненіе. Писательницы, по словамъ одного друга Гофмана, все прибывали, какъ песокъ на морскомъ берегу. Правда, многія изъ нихъ сдѣлали изъ литературы ремесло, нныя просто подражали нѣкоторымъ писателямъ, не внося ничего оригинальнаго, и не болѣе двадцати именъ изъ этой толпы выдѣлились своимъ талантомъ. Среди нихъ были: Юганна Шоненгауэръ, мать философа, менѣе пессимистка, чѣмъ ея сынъ, которая въ «Габріэлѣ», какъ и во всѣхъ романахъ, прославляла разсудокъ и пожертвованіе страсти въ пользу долга; Тереза Гюберъ, дочь филолога Гейне, проводившая мысль о безбрачій женщинъ; Генріэта Гаукъ, которая въ 126 томахъ передаетъ свою личную жизнь; Ида Ганъ-Ганъ, видѣвшая только въ аристократіи благородную нравственность, затѣмъ впаившая въ мистицизмъ, для котораго ея душа, по ея словамъ, «открылась послѣ долгаго сна»; Элиза Рекъ, преданная сверхъестественнымъ сношеніямъ съ мертвыми и такимъ образомъ бывшая прототипомъ спиритки; Фанни Левальдъ уже болѣе либеральная: она открыто нападаетъ на лицемѣріе и прямо говоритъ, что протестантская церковь,

государство и общество только связываютъ человѣчество, и поднимаетъ противъ этого врага знамя возмущенія; затѣмъ слѣдуютъ Луиза Мюльбахъ, Геиріета Паальтцовъ, Луиза Франсуа; талантъ послѣдней близокъ къ генію, первыя же избрали своей спеціальностью историческія изслѣдованія. Вильгельмина фонъ Гиллернъ, Марлиттъ, Натузіусъ проповѣдывали мораль въ дѣйствіяхъ. Другія избрали поэзію: изъ нихъ отличались талантомъ Луиза Брахманъ; ея первое произведеніе напечаталъ Шиллеръ въ своемъ «Альманахѣ». Елизавета Кульманъ; ея стихами восторгались Гете и Жанъ-Поль Рихтеръ, когда ей было только 11 лѣтъ; въ пятнадцать лѣтъ она знала 11 языковъ, но, къ сожалѣнію, умерла 17 лѣтъ, написавъ эпическія поэмы, между которыми «Молнія» общала въ будущемъ большой талантъ. Несомнѣннымъ талантомъ отличалась также баронесса Анна-Елизавета Дроссъ Гюльшоффъ. Въ такомъ положеніи была женская литература до эпохи, въ которую совершилось преобразование умовъ и народа, вслѣдствіе событій 1870 г. Въ 1870 г. Берлинъ былъ гнѣздомъ политической, общественной и интимной жизни, мысли, литературы, однимъ словомъ всего, что составляетъ выраженіе націи или имперіи, составленной изъ элементовъ одной и той же расы, но, однако, имѣвшихъ личный, индивидуальный характеръ. Послѣ франкфуртскаго трактата все потянулось въ Берлинъ, сдѣлавшійся столицей и резиденціей императора. Прежнія свѣтила замѣнились новыми; къ прежнему литературному поколѣнію, существовавшему до войны, созданной Бисмаркомъ и Мольтке, новые побѣдители стали относиться съ презрѣніемъ. Студенты возстали противъ старой критики. Послѣдняя пріютилась въ салонѣ писательницы г-жи Элизы Гогенштауфенъ, представлявшей послѣднее убѣжище великой литературы въ началѣ XIX вѣка. Въ ея аристократическихъ апартаментахъ въ Ландграфенштрассе принцъ Георгъ Прусскій читалъ свою поэзію, которую подписывалъ именемъ Конрада, и происходила защита Шиллера противъ Гете. Но вокругъ подымалась буря, и раздавался призывъ къ реакціи. Университеты подавали сигналъ молодежи. Шереръ и Германъ Гриммъ защищали Гете, предавая ненависти Шиллера. Въ то же время эхо изъ Мюнхена достигало Берлина. Натурализмъ все болѣе и болѣе завоевывалъ партизановъ. Нѣсколько «женщинъ писательницъ соединились въ Gesellschaft», основанный, чтобы положить конецъ тирании прошедшаго, и поборница мира Берта Зуттнеръ напечатала въ новомъ журналѣ свой «Инвентаръ души», а ея примѣру послѣдовала г-жа Копффъ-Эссентеръ. Обнародованіе литературной революціи и манифесты независимой школы раздалась съ тѣмъ же шумомъ въ Берлинѣ. Свободные лирики объявляли свое рѣшеніе побѣдить во что бы то ни стало. Воинственныя пѣсни звучали повсюду; ихъ заиѣвали пламенные натуры, созданныя для борьбы, какъ, на примѣръ: Конради, Гартъ, Макей, и среди нихъ была только одна женщина: Изольда Курцъ. Все измѣнило свой видъ: литература, живопись и музыка бросили старыя правила. Толпа, прежде окружавшая поэтовъ, мало-по-малу покинула ихъ. Появились новыя имена: Максъ Кретцеръ и Теодоръ Фонтанъ, которые, чтобы удержать своихъ читателей, принуждены были сдѣлать уступку новымъ направленіямъ: Зудерманъ, Вильденбрухъ и Берта Зуттнеръ заняли мѣсто во главѣ романа. Берлинская сцена открыла свои двери для самыхъ смѣлыхъ пьесъ. Курцъ, впервые,

перевелъ въ Германіи Ибсена (Враги народа), и въ это время основался свободный нѣмецкій театръ, въ которомъ Бреть отвелъ мѣсто широкому натурализму. Въ то же время появляются два исхода изъ того же самаго направленія, но расходящіеся по разнымъ дорогамъ—Гебгартъ Гауптманъ со своимъ «Sonnenaufgang» и Германъ Зудерманъ со своей «Честью», а затѣмъ Ницше съ «Сумерками боговъ». Черезъ двадцать лѣтъ революціонная литература окончательно восторжествовала, и съ 1889—1890 г. книжные каталоги лучше всего это свидѣтельствуютъ. Эти два года останутся памятны въ Германіи, и въ нихъ заняли мѣсто также женщины. Изольда Курцъ написала «Флорентинскія новеллы», «Фантазіи и сказки», Ильза Фрапанъ—«Между Эльбой и Эльстеромъ», Елена Белау—«Красавца Валентина», а Лола Киришнеръ подъ псевдонимомъ Осипа Шубина прибавила себѣ еще славы послѣ «Gloria victis», напечатаннаго въ 1885 г. Въ это время всѣ нѣмецкіе города присоединились къ новымъ идеямъ. Реализмъ и натурализмъ проявились во всей силѣ, дѣлая оппозицію, существовавшему въ едва уловимой формѣ идеализму. Женская литература блестяла, и ея лучшей представительницей этой эпохи была г-жа Эбнеръ фонъ-Эшенбахъ, привлекая множество партизановъ къ дѣйствительности, отличавшейся отъ реализма. Реализмъ и натурализмъ смѣшивались многими нѣмцами въ одну школу; одни изъ нихъ стремились дать ему толчекъ дойти до анархизма, иные до порнографіи. Съ этихъ поръ наступаетъ реакція, но она не стремится прямо къ прошлому, а возвращается чаще всего косвенными путями къ романтизму, подъ болѣе современнымъ видомъ. Этому способствовали двѣ нѣмецкія писательницы крупнаго таланта: Рикарда Гукъ своимъ романомъ «Лудольфъ Урзлей», который равнялся ея позднѣйшему роману «Внѣ побѣдной дороги», появившемуся въ 1902 г., и Эрнестъ Росмеръ (Эльза Бернштейнъ) съ своими интересными пьесами. Другія женщины, какъ Эльза Шабельская, Эльзабетъ Мейеръ-Форстеръ, конкурировавшія комедіями и драмами, способствовали также этому возрожденію. Съ этого времени симпатія нѣмецкой публики къ женской литературѣ прогрессивно увеличивалась. Въ 1894 г. поэзія Юанны Амброзіусъ заняла всю прессу. Въ 1895 г. появились переводы романовъ Зельмы Лагерлофъ. Въ томъ же году появился романъ «Изъ доброй семьи» Габріэли Рейтеръ, прославившій автора и выдвинувшій писательницу въ первыя ряды. Въ 1896 г. Марія Эбнеръ своимъ «Rittmeister Brand», Елена Бѣлау образцовымъ произведеніемъ «Rangierbahnhof», Рикарда Гукъ своимъ «Mondregen» и «Schlaraffis» совершенно привлекли на свою сторону публику, которая однако была возбуждена «Колоколомъ» Гауптмана, «Матерями» Гиршфельда, и «Соціальными аристократами» Арнольда Гольца, «Весною» Шлафа и поэзіей Детлова фонъ-Лилиенкрона и т. д. Въ 1897 г. Елена Бѣлау одержала успѣхъ своимъ произведеніемъ «Права матери», и въ томъ же году появилось новая звѣзда Клара Вибигъ, написавшая свой первый романъ «Kinder der Eifel». Послѣ нея въ томъ же году и въ 1900—1901 гг. вниманіемъ публики овладѣла Елена Момбаръ, написавшая подъ псевдонимомъ Каленбергъ «Семейство Баршвитцъ» и «Никсенъ». Въ то же время на литературномъ горизонтѣ появились Марія-Евгенія-дель-Грація съ своей грандіозной поэмой «Робеспьеръ»; поэтессы: Фрида Шанцъ, Альберта Путткамеръ, Герминія Прейшенъ, Марія Лёнъ-Зигель, Текла Лингенъ, Міа Гольмъ, Анна Риттеръ, и въ

особенности среди этой плеяды писательниц выдѣлились Марія Янитчекъ и натуралистка Анна Круассанъ-Рюсть со своими «Lebensstücke», а также Марриотъ съ «Брачнымъ рынкомъ», Лу-Андреасъ Саломе, послѣдовательница Нитцше, которая въ своемъ произведеніи «Странная душа» удивительно ловко разбирается въ самыхъ затаенныхъ изгибахъ человѣческихъ чувствъ; Эльза Азеніефъ, также оказавшаяся хорошимъ психологомъ въ «Возмущеніи женщинъ»; Клэра Глюмеръ, Софія Юнгаусъ, Шарлота Низэ, Эмми фонъ-Эгиди, Леони Мейергофъ, и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ появилась и сразу поднялась на пьедесталъ новая писательница Георги. Конечно, невозможно перечестъ, говорить авторъ, въ короткой статьѣ всей женской литературы. Главная причина дѣятельности и устойчивости нѣмецкой женщины находится въ ея характерѣ и воспитаніи; она никогда не отстаетъ отъ прогресса и его проявленія и присоединяется къ борьбѣ другого пола. Если можно такъ выразиться, она осталась Валькиріей, сражавшейся рядомъ съ героями, которая по окончаніи сраженія диктовала эпизоды руническимъ поэтамъ. Очень часто даже теперь она не отдаляется отъ такъ называемой мужской литературы, и потому въ поэзи, и въ театрѣ она не обладаетъ личной оригинальностью. Въ романѣ же, наоборотъ, она всегда была и есть совершенно оригинальна, и тамъ-то ее надо изучать. Новая школа задалась цѣлью изслѣдовать до сихъ поръ неизвѣданныя соціальныя среды; чрезъ нихъ феминизмъ заявилъ о своемъ существованіи. Тщательно и глубоко изучая женскую душу—къ чести нѣмецкихъ женщинъ—онѣ вышли побѣдительницами изъ этого труднаго предпріятія. Нѣмецкая критика, въ особенности, съ похвалою отзывается о г-жѣ Эбнеръ фонъ-Эшенбахъ, но публика не совсѣмъ раздѣляетъ мнѣніе критики, судя потому, въ какомъ количествѣ расходятся ея романы. Марія Бунзенъ, написавшая романъ «Gegen den Strom», появившійся 1893 г., въ которомъ она рисуетъ аристократическое общество Берлина, пользуется одинаковымъ успѣхомъ, какъ и г-жа Эшенбахъ. Нѣмецкая публика, по-видимому, измѣнила свои вкусы; теперь она требуетъ романы съ болѣе живымъ содержаніемъ, чѣмъ тѣ, которые обыкновенно ей предлагали. Это новое вѣяніе внушила ей, очень вѣроятно, Габріэль Рейтеръ, романъ которой «Aus guter Familie» появился въ 1895 г. Въ немъ она вывела интимныя страданія молодой дѣвушки, жертвы соціальныхъ условій и приличій, и съ присущимъ только женщинѣ знаніемъ женскаго сердца и внутренней душевной жизни, она откровенно высказала, насколько дѣйствительная жизнь женщины, проповѣдуемая моралистами, ложна и обманчива. Романистка продолжала и въ другихъ романахъ дѣлать свои открытія въ женскомъ душевномъ мірѣ, но уже съ меньшимъ убѣжденіемъ. Очевидно, голова писательницы вскружилась отъ славы, и она начала писать вымышленные романы, въ которыхъ уже не существовало болѣе правды, и публика мало-по-малу покинула ее, обратясь къ новымъ авторамъ. Ту же почву самоисповѣданія избрали и другія писательницы; между ними находились: Изольда Курцъ, Марія Янитчекъ, графиня Баллестремъ, графиня Бодиссенъ, г-жа Бонинъ, Домъ, Гембергъ, Генишенъ; но всѣ онѣ убаюкивались болѣе своими фантазіями. Нѣкоторые другія, какъ, напримѣръ, Лаура Маргольмъ и Бонъ Эдъ, любимицы публики, роются въ общественной жизни; къ нимъ также относятся г-жи Мегедъ, Рейхенбахъ и Ольга Вольбрюкъ. Но есть

болѣ реальныя писательницы, «сдернувшія завѣсу съ лицемѣрія, за которой скрывается низкое, но слабое общество»; изъ нихъ выдѣляются г-жи Эмма-Луиза Велли, Ильза Франантъ, Мите Кремнитцъ и лучшая изъ нихъ г-жа Весткирхъ. Представительницами этнографическаго романа—въ которомъ многочисленность отношеній, иноземность и космополитизмъ, введенныя въ новѣйшую литературу, играютъ главную роль—служатъ г-жи Эрихтъ, Фрида Бюловъ, Ридель-Аренсъ, Цёллеръ-Лионардъ, Клаусъ Риттландъ и богато одаренная талантомъ г-жа Шульце-Шмидтъ. Во главѣ нѣмецкаго романа стоитъ Клара Конъ извѣстная подъ псевдонимомъ Вибигъ, которая своимъ талантомъ опередила даже Жоржа Омштеда и Сенкевича. Она родилась въ Триестѣ въ 1860 г. и въ 1897 г. напечатала собраніе новеллъ «Die Kinder der Eifel», въ которыхъ представляетъ мастерской стиль, наблюдательность ума и мѣстный колоритъ своей родины. Въ особенности въ этомъ произведеніи выдѣляются рѣдкое разнообразіе выраженій и совершенно новая могучая сила въ описаніи характеровъ. Эта могучая сила видна въ ея двухъ драмахъ: «Варвара Гольцеръ» (1897 г.) и «Фарисей». Но ея горячіе поклонники не даромъ опасались, что она сдѣлала важную ошибку, бросившись въ «Берлинское пекло», и подвергла себя опасности потерять оригинальныя качества своего таланта, такъ какъ вскорѣ она подпала подъ влияние Габріэли Рейтеръ и Елены Бѣлау. Первая внушила ей написать романъ «Rheinlandstöchter», который не имѣлъ уже той естественной прелести, какъ «Die Kinder der Eifel»; вторая увлекла ее написать романъ изъ берлинской жизни, которой она до того времени не знала. Она увлеклась социальными романами, и богатство ея красокъ ступевалось. Ея «Насущный хлѣбъ»—предпоследнее произведеніе—не что иное, какъ карикатура на берлинское общество, близкое, по словамъ автора, къ разложенію. Однако и по сіе время она—«королева дня», и ея «Насущный хлѣбъ» раскупается по всей Германіи и во всѣхъ классахъ общества. Можетъ быть, секретъ этого успѣха заключается въ томъ, что она все-таки сохранила, говоритъ авторъ, нервность фразъ и горячіе оттѣнки своей палитры, благодаря чему ее предпочитаютъ искусственному Омштеду. Только что появившійся ея романъ «Wacht am Reip» лишь по названію заслуживаетъ славу. Шарль Симонъ выводитъ заключеніе, что вкусъ нѣмецкой публики 1902 г. далеко не разуменъ, не вѣренъ и не здравъ.

— Воспоминанія французской актрисы Реа о смерти императора Александра II-го. Въ апрѣльской книжкѣ «Century Magazine» напечатанъ интересный отрывокъ неизданныхъ мемуаровъ недавно умершей Гортензіи Реа, которая, въ качествѣ французской актрисы Михайловскаго театра, находилась въ Петербургѣ въ продолженіе пяти лѣтъ ¹⁾. «Такъ какъ,—разсказываетъ она:—мы играли на Михайловской сценѣ четыре раза въ недѣлю, то въ промежуточные дни мы давали другъ другу обѣды, на которыхъ также бывали знаменитыя лица Петербурга. Обыкновенно, ежедневно у каждой актрисы бы-

¹⁾ An acquaintance with Alexander II. By witness of his assassination from the unpublished memoirs of the late M-lle Hortense Rhea. The Century Magazine, april 1902.

вало отъ 4 до 6 часовъ нѣчто въ родѣ пріемовъ, на которые собирались главнымъ образомъ ихъ поклонники. Эти поклонники, особенно, старались перещеголять другъ друга въ дни бенефисовъ актрисъ. Они щедро дарили предметамъ своего поклоненія золото, серебро и драгоценные камни, такъ какъ русскіе самый щедрый народъ во всемъ свѣтѣ. Въ особенности замѣчательны были тѣ бенефисы, которые давались актрисамъ за 25 лѣтъ службы. Я по счастью присутствовала на подобномъ бенефисѣ г-жи Лагранжъ, игравшей роли *ingenue*, хотя ей было 45 лѣтъ, и она имѣла внучку. Это была во всѣхъ отношеніяхъ прелестная женщина, сохранившая всю очарованіе юности; она была маленькаго роста блондинка съ улыбающимися глазами и очаровательнымъ выраженіемъ лица. Петербургская публика чрезвычайно ее любила, и даже императоръ Александръ II относился къ ней съ замѣчательнымъ уваженіемъ. Встрѣчая ее на своихъ прогулкахъ, онъ всегда говорилъ: «Я буду счастливъ сегодня, я видѣлъ моего добраго генія». Дѣйствительно, она была ангеломъ доброты, нравственности и преданности». Далѣе Реа говоритъ, что императоръ былъ самымъ любезнымъ человѣкомъ на свѣтѣ. Онъ бывалъ во французскомъ театрѣ до трехъ разъ въ недѣлю. Она видѣла его впервые на представленіи «*Marion de Lorraine*», Виктора Гюго, въ которой она играла главную роль. Въ одинъ изъ антрактовъ императоръ пришелъ на сцену, и баронъ Кистеръ представилъ ему Реа. «Онъ сказалъ мнѣ,—говоритъ Реа: —что ему эта пьеса гораздо больше понравилась теперь, чѣмъ двадцать лѣтъ назадъ, когда мою роль играла г-жа Алланъ. Это было очень лестно для меня, такъ какъ Алланъ считалась одной изъ величайшихъ актрисъ своего времени. Около десяти минутъ онъ продолжалъ разговаривать со мною объ актерахъ и пьесахъ, но вдругъ прервалъ бесѣду словами: «Однако, я слишкомъ долго васъ задерживаю; публика, вѣроятно, ждетъ—не дожидется своей Маріонъ». Вообще, несмотря на гордый и достойный видъ государя, онъ возбуждалъ не страхъ, а уваженіе и любовь. Что онъ былъ добръ и великодушенъ, это онъ однажды намъ доказалъ. Въ тотъ день, когда покушался на его жизнь Соловьевъ, онъ пріѣхалъ къ намъ въ театръ вечеромъ и рассказалъ въ нѣсколько юмористическомъ духѣ неудавшуюся катастрофу. Когда одна изъ нашихъ актрисъ воскликнула: «государь, съ такимъ злодѣемъ надо поступить немилосердно!» то онъ посмотрѣлъ на нее съ упрекомъ и ничего не отвѣчалъ». Зная, какъ императоръ любилъ веселую комедію, Реа выбрала для послѣдняго своего бенефиса, состоявшагося предъ его смертью,—«*la Boule*». Онъ былъ въ восторгѣ и, придя на сцену, выражалъ свое удовольствіе въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ: «Вы всегда прелестны, но сегодня вечеромъ болѣе, чѣмъ когда». Эти слова были послѣдними, которыя она слышала отъ него, такъ какъ чрезъ нѣсколько дней разыгралась на ея глазахъ роковая катастрофа. «Я никогда не забуду этого дня,—разсказываетъ Реа:—это было воскресенье, около двухъ часовъ дня. Мы репетировали новую пьесу и собрались въ фойе, когда мимо проѣхалъ императоръ въ сопровожденіи казаковъ. Мы подбѣжали къ окнамъ, и онъ съ улыбкой сдѣлалъ подъ козырекъ въ отвѣтъ на нашъ поклонъ. Едва онъ повернулъ за уголъ канала, какъ раздался взрывъ. Мы посмотрѣли другъ на друга, и одна мысль пробѣжала въ головѣ каждаго—это было покушеніе на

жизнь императора. Мы бросились на улицу и очутились въ двухъ-стахъ ярдахъ отъ того мѣста, гдѣ раздался второй взрывъ бомбы, который былъ роковымъ. Первый взрывъ убилъ двухъ казаковъ. Пока арестовали убійцу, царь, не слушаясь кучера, предлагавшаго уѣхать, какъ можно скорѣе, вышелъ изъ кареты, чтобы сказать слово сочувствія умирающимъ солдатамъ. Взявъ ихъ за руки и обращаясь къ убійцѣ, онъ сказалъ: «Злодѣй, смотри, что ты сдѣлалъ въ своей бѣшеной злобѣ!» Бросивъ послѣдній взглядъ сожалѣнія на своихъ вѣрныхъ слугъ, онъ пошелъ къ каретѣ, но въ ту же минуту человекъ, стоявшій у дверцы, бросилъ вторую бомбу, которая не только убила самого нигилиста, но и смертельно ранила императора. Въ одну минуту улица, до тѣхъ поръ пустынная, наполнилась народомъ; появились сани, и мы слышали общій возгласъ: «Слава Богу, что императоръ живъ!» Карета его была до такой степени изломана, что его положили на санки и повезли во дворецъ, гдѣ онъ умеръ, нѣсколько часовъ спустя». Мы приводимъ пѣбликомъ воспоминанія Реа о катастрофѣ, хотя онѣ, можетъ быть, и не совершенно вѣрны. Оставшись въ Петербургѣ до конца сезона, Реа потомъ уѣхала въ Лондонъ, гдѣ стала изучать англійскій языкъ и поступила на англійскую сцену, прежде въ Англию, а затѣмъ въ Америкѣ.

— Смерть бывшаго испанскаго короля донъ-Франциска и Сесилия Родса. Надняхъ умеръ на восьмидесятомъ году жизни дѣдъ испанскаго короля Альфонса XII. Онъ самъ былъ испанскимъ королемъ, благодаря женитбѣ на своей родственницѣ, королевѣ Изабеллѣ. Сынъ герцога Кадикскаго, онъ родился въ 1822 г. и женился 10-го октября 1846 г. Получивъ отъ своей жены титулъ, онъ двадцать два года былъ номинально королемъ и высшимъ главнокомандующимъ испанской армии, но, въ сущности, онъ не вмѣшивался ни въ политическія, ни въ военныя дѣла. Его бракъ былъ очень несчастнымъ, и жена его имѣла болѣе близкія отношенія съ своимъ духовникомъ, чѣмъ съ мужемъ. Что же касается до дона-Франциска, то онъ совершенно предался религіи и жилъ большею частью въ Калатравскомъ монастырѣ. Въ 1868 г. въ Испаніи вспыхнула революція, и донъ-Францискъ послѣдовалъ въ изгнаніе за своей женой. Однако, въ Парижѣ ихъ совмѣстная жизнь была еще невыносимѣе, и они миролюбиво разстались. Съ тѣхъ поръ, получая отъ Изабеллы значительную пенсію, онъ жилъ во Франціи въ своемъ замкѣ Эпиннэ, предаваясь страсти къ художественнымъ коллекціямъ. Жизнь онъ велъ очень уединенную, и только передъ смертью его жена ухаживала за нимъ. Вообще онъ былъ человекъ очень добродушный, и про него рассказываютъ интересный анекдотъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ обратился за помощью къ доктору Морибо, человеку очень скромному и застѣчивому. Увидѣвъ его, послѣдній такъ смутился, что называлъ его поочередно то «вашимъ величествомъ», то «вашимъ высочествомъ», то «вашимъ превосходительствомъ», то «вашимъ преосвященствомъ». Донъ-Францискъ молча дождался, когда окончился этотъ потокъ эпитетовъ, и съ улыбкой сказалъ: «называйте меня гражданиномъ».

Около мѣсяца тому назадъ весь политическій свѣтъ былъ пораженъ кончиной Сесилия Родса, прозваннаго Наполеономъ южной Африки и первымъ гражданиномъ Великобританіи, или первымъ гражданиномъ всѣхъ странъ, жители

которыхъ говорятъ по-англійски. Дѣйствительно, всѣ англичане, за небольшимъ исключеніемъ, питали удивительный культъ къ этому необыкновенно способному, энергичному и дѣятельному человѣку, который поставилъ себѣ цѣлью прежде нажать громадное состояніе, а затѣмъ сдѣлать Англію первой страной міра посредствомъ ея многочисленныхъ и все болѣе и болѣе распространяющихся колоній. Въ первомъ отношеніи онъ достигъ своей цѣли, и сдѣлался однимъ изъ архимилліонщиковъ, обладавшимъ до 250 милліоновъ франковъ; во второмъ отношеніи онъ сдѣлалъ громадныя шаги для осуществленія своей задачи. Но, въ сущности, онъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ ловкимъ, почти гениальнымъ искателемъ приключеній, и никакія средства для пріобрѣтенія успѣха не были для него невозможны. По словамъ его горячаго поклонника Стэда, «онъ былъ великимъ человѣкомъ, но его нравственное воспитаніе отличалось нѣкоторой небрежностью». Главною чертой личности Родса было то, что нравственность у него не существовала. Самыя варварскія средства, самыя противорѣчащія способы были имъ одинаково примѣняемы. Стэдъ вполне вѣрно, хотя, вѣроятно, не вполне сознательно, прозвалъ его новымъ Лойолой. Дѣйствительно, онъ былъ послѣдователемъ іезуитскаго правила—цѣль оправдываетъ средства. Въ нравственномъ, общественномъ и политическомъ значеніи великій искатель приключеній не выдерживалъ ни малѣйшей критики, но его жизнь, окончившаяся на 49 году отъ роду, представляетъ любопытную эпопею. Внуку англійскаго фермера, онъ былъ сыномъ сельскаго пастора и родился 5-го іюля 1853 г. Въ дѣтствѣ онъ былъ слабого здоровья, и 17 лѣтъ его воспитаніе было пріостановлено, и по совѣту докторовъ его отправили къ брату въ Наталь. Благопріятный климатъ вскорѣ его совершенно излѣчилъ, и онъ подвергся тогдашней безумной брилліантовой горячкѣ въ Кимберлеѣ. Онъ сдѣлался рудокопомъ, и счастье ему благопріятствовало; въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ пріобрѣлъ большой кушъ. Но мысль, что его воспитаніе не окончено, не давала ему покоя, и онъ, возвратившись въ Англію, поступилъ въ Оксфордскій университетъ. Тамъ онъ прошелъ весь курсъ наукъ, прекрасно сдать экзамены и получилъ высшіе дипломы. Затѣмъ онъ распростился съ метрополіей и вернулся въ южноафриканскія колоніи. До 1881 года онъ пламенно стремился создать себѣ богатство и вполне въ этомъ успѣлъ. «Прежде чѣмъ осуществлять великія идеи, надо имѣть много денегъ»,—говорилъ онъ. Наживъ милліоны, онъ обратился къ полигикѣ; избранный въ Капскій парламентъ, онъ пріобрѣлъ громадное вліяніе на дѣла южной Африки. Въ 1884 году онъ сдѣлался Капскимъ министромъ финансовъ, а шесть лѣтъ спустя—премьеромъ. Тогда онъ поставилъ себѣ цѣлью составить новую имперію отъ Каптауна до Каира; эта цѣль ему отчасти удалась, благодаря всякимъ распространеніямъ англійской территорій. Однако, онъ увлекся и неудачно предпринялъ набѣгъ Джемсона на Трансвааль, блестяще отраженный бурами. Вслѣдствіе этого ему пришлось выйти въ отставку, что, однако, не мѣшало ему дѣйствовать окольными путями для осуществленія его цѣли. Родсъ былъ втайнѣ или явно главнымъ виновникомъ Трансваальской войны и погрома буровъ. Однако, преждевременная смерть заставила «брилліантоваго короля» и «Наполеона южной Африки» оставить неоконченнымъ свое колоссальное предпріятіе. Онъ, какъ говорятъ,

умеръ отъ послѣдствій алкоголизма, и увѣряють, что въ послѣднее время онъ очень пилъ отчаянія, что боэры не сдаются англичанамъ, и что его цѣль не исполнѣ удастся.

— Встрѣча императора Александра I въ Варшавѣ въ 1815 году. Въ вышедшей недавно книжкѣ извѣстнаго польскаго писателя Прижиборовскаго: «Изъ прошлаго Варшавы», въ главѣ, излагающей исторію площади «Трехъ крестовъ» (нынѣ «св. Александра»), находятся интересныя подробности о приготовленіяхъ варшавскаго населенія къ встрѣчѣ императора Александра I въ 1815 году. Именно на упомянутой площади сооружены были извѣстнымъ въ то время архитекторомъ Кубицкимъ триумфальныя ворота. «Онъ (Кубицкій),—восторгается тогдашній хроникеръ «Варшавской Газеты» (1815 г., № 91),—достигъ здѣсь такой степени совершенства, что наша столица ничего подобнаго до сихъ поръ не видала; твореніе его можно поставить наряду съ наиболее величественными этого рода монументами Европы». Ворота занимали собою площадь въ 600 квадратныхъ футовъ, имѣя въ вышину 70 футовъ, т.-е. будучи на 9 футовъ выше колонны Сигизмунда. По виду они напоминали наиболее пышныя и затѣйливыя римскія арки, съ нагроможденнымъ на нихъ множествомъ аллегорическихъ фигуръ и латинскихъ сентенцій; были среди фигуръ и геніи съ оливковыми вѣтками, и статуи справедливости и великодушія, и триумфальныя колесницы, и барельефы, и орлы... Со стороны аллея Уздовскихъ виднѣлась надпись изъ Энеиды:

«Expectare venis...
Sacra suosque Tibi commendat Troja penates».

(Являешься желанный... Троя поручаетъ тебѣ своихъ святыхъ боговъ).

Съ противоположной стороны надпись гласила: «Nis ames dici Pater atque Princeps» (дозволь именовать тебя отцомъ и вождемъ). Вокругъ воротъ построены были амфитеатръ, покоящійся «на большихъ столбахъ, въ видѣ каріатидъ». Занималъ онъ площадь въ 10.400 квадратныхъ футовъ и былъ украшенъ разбросанными здѣсь и тамъ клумбами зелени и цвѣтовъ. Этими-то воротами въѣхалъ въ Варшаву Александръ I, окруженный «вождями войскъ обоихъ народовъ», бурно и радостно привѣтствуемый, такъ какъ «кому же,—вопросаешь тотъ же современный хроникеръ,—болѣе подобаютъ эти пышныя признаки могущества, если не побѣдителю, создателю мира Европы, новому основателю царства польскаго?» Улицы были переполнены народомъ, дома разукрашены коврами, вѣнками изъ лавровъ и цвѣтовъ; «въ открытыхъ настежь окнахъ толпились дамы и дѣвицы, что производило трогательное впечатлѣніе». Вечеромъ весь городъ былъ иллюминированъ и разукрашенъ транспарантами съ соответственными случаямъ надписями. По городу въ разныхъ мѣстахъ были наскоро воздвигнуты «богатыя и изящныя святыни», какъ, напримѣръ: «святыня благодарности» на Краковскомъ предмѣстьѣ, «славы» на Медовой и прочее. Въ «святынѣ благодарности» молодая женщина, изображающая Польшу, преклонялась передъ алтаремъ, на которомъ помѣщались знаки королевскаго сана. По сторонамъ курился въ старинныхъ сосудахъ жертвенный виміамъ. Надписи были латинскія, были и польскія, въ прозѣ и стихахъ, не всегда

уклюжия, но нѣкоторыя не лишены интереса. Такъ, напримѣръ, на улицѣ Медовой отставные старые вояки сочинили надпись:

«Dobroczyńcy narodów, szczęśliwemu w boju,
Dawcy trwałego pokoju,
Skladają hołd, spokojnym opatrzeni stanem —
Inwalida z weteranem».

(Благодѣтелю народовъ, счастливому въ бояхъ, дателю прочнаго мира, приносятъ поклонъ, обезпеченные покойнымъ существованіемъ, инвалидъ съ ветераномъ»).

На той же улицѣ евреи воздвигли Ноевъ Ковчегъ, а на немъ голубя съ оливковой вѣтвью и такой надписью въ стихахъ:

«Jak Bóg z potopu ziemię łaską oswobodził
Tak dziś świat Aleksander nanowo odrodził.
Łaską ludy uprzedza, dobrocią kojarzy,
Ten jest prawy monarcha, co pokojem darzy.
Nie gardź hołdem Mojżesza synów w tym obrzędzie,
A świat cię, ojcem swoim zwać na wieki będzie».

(Какъ Богъ отъ потопа освободилъ землю своею милостью, такъ Александръ нынѣ міръ вновь возродилъ. Милостью предупреждаетъ народы (т.-е. предупреждаетъ ихъ желанія); добротой ихъ соединяетъ. Тотъ истый монархъ, который даритъ миръ. Не пренебреги поклономъ сыновъ Моисея при этомъ торжествѣ (буквально: «обрядѣ»), а міръ тебя отцемъ своимъ будетъ величать вѣдьми). На зданіи народнаго театра (на площади Красинскихъ) иллюминованы были огнями императорскіе инициалы (A. I), съ рогами изобилія внизу и надписью:

«Z jego rąk ziemia pokój otrzymała,
Ludzkiej wdzięczność najpiękniejsza chwala».

Буквальный переводъ:

«Изъ рукъ его земля получила миръ, —человѣческой благодарности наиболѣе прекрасная хвала». Смыслъ этого неуклюжаго двустипія, вѣроятно, тотъ, что одареніе земли миромъ представляетъ собою наиболѣе прекрасное, наиболѣе достойное человѣческой благодарности дѣяніе. Ремесленные «цехи» щегольнули символическими изображеніями своихъ ремеслъ и издѣлій. Кузнецы соорудили кузницу, а въ ней Вулкана съ Циклономъ, перековывающимъ оружіе на плугъ. Вообще, дома пестрѣли отъ солнць, звѣздъ, эмблемъ, символическихъ цифръ и т. п., во вкусъ современной эпохи.

Дополняемъ эти характерныя подробности нѣсколькими данными изъ небызвѣстныхъ и нашимъ читателямъ мемуаровъ графини Анны Потоцкой, появившихся впервые въ печати пять лѣтъ назадъ въ Парижѣ.

«Императоръ Александръ прибывалъ въ столицу, —пишетъ Потоцкая, —окруженный двойнымъ ореоломъ: всеобщаго миротворца и благодѣтельнаго возстановителя (Польши). Ореоль этотъ усиливался обаяніемъ увлекательной его личности и той увѣренности, какую даетъ счастье. Долго обсуждали, какимъ образомъ отпраздновать въѣздъ Александра въ Варшаву. Одни предлагали,

чтобы дамы, переодѣтыя славянскими богинями, вышли ему навстрѣчу съ хлѣбомъ и солью, этими эмблемами мира и согласія среди сѣверныхъ народовъ. Но это показалось — и основательно — слишкомъ театральнымъ. Тогда нѣкоторые пожелали возстановить церемоніи, бывшія при элекціи королей. Но Новосильцевъ отнесся къ этому неодобрительно, говоря, что не слѣдуетъ смѣшивать воспоминаній съ надеждами. Тогда остановились на общепринятыхъ въ такихъ случаяхъ формахъ, т. е. на иллюминаціи, транспарантахъ и бесплатныхъ эрѣлицахъ. Городъ устроилъ пышный балъ въ редутныхъ залахъ, которыя соединены были съ Большимъ театромъ и убраны съ чрезвычайнымъ вкусомъ и изяществомъ.

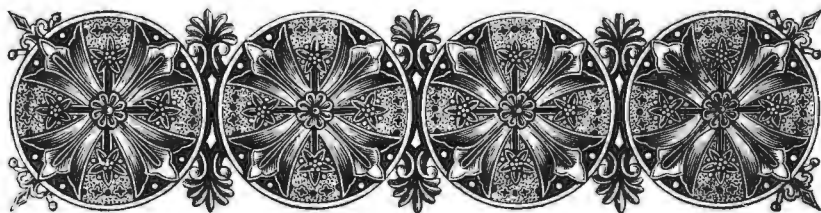
«Императоръ прибылъ на балъ, окруженный штабомъ высшихъ генераловъ юльскихъ, имѣя на себѣ нашъ военный мундиръ и замѣня всѣхъ украшеній ленту Вѣлаго Ора. Можно бы сказать, что онъ хотѣлъ вселить въ насъ столько же довѣрія, сколько и любви. Своимъ обращеніемъ, своей добротой тронулъ всѣхъ. На этомъ же балу мы впервые узрѣли великаго князя Константина, исполняющаго при августѣйшемъ братѣ обязанности адъютанта».

Какъ извѣстно, въ память торжественнаго вѣзда Александра I черезъ триумфальныя ворота на площадь «Трехъ крестовъ», спустя нѣсколько лѣтъ, сооруженъ былъ на этой же площади костель во имя св. Александра, а впоследствии переименована и сама площадь на площадь св. Александра. «Газета Варшавская» (1818 г., № 49) пишетъ, что это сооруженіе имѣло «увѣковѣчить память перваго пріѣзда въ Варшаву его величества императора и короля нашего», а одновременно «замѣнить собою приходящій въ ветхость приходскій костель въ Бельведерѣ», который вскорѣ затѣмъ и былъ упраздненъ. Торжество закладки новаго храма состоялось 15 юня 1818 года.

Современныя газеты придавали новому зданію значеніе скорѣе памятника, нежели христіанскаго храма. Сооруженный по плану архитектора Петра Аигнеръа, подражателя древне-римскимъ образцамъ зодчества, храмъ этотъ дѣствительно напоминалъ римскій Пантеонъ въ миниатюрѣ.

Около 1895 года обветшавшее зданіе на суммы, завѣщанныя Гапацкой, а также на общественныя пожертвованія, было заново перестроено и значительно расширено. Г. Прижборовскій выполнѣ правъ, выражая сожалѣніе, что этотъ любопытный и характерный образецъ церковнаго зодчества начала XIX столѣтія не былъ пощаженъ, тѣмъ болѣе, что собранныя суммы были выполнѣ достаточны для сооруженія вблизи новаго обширнаго храма, необходимаго для быстро увеличившагося населенія этой окраины города.

С М Ъ С Ъ.

ИРИСУЖДЕНІЕ премій за проектъ памятника первопечатнику. 25-го марта, въ 2 ч. дня, въ помѣщеніи Московскаго археологическаго общества состоялось засѣданіе комиссіи для присужденія премій за представленные на конкурсѣ проекты памятника первопечатнику Ивану Федорову. Собраніе комиссіи происходило подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой въ составѣ слѣдующихъ лицъ: московскаго городского головы князя В. М. Голицына, товарища предсѣдателя императорскаго россійскаго историческаго музея И. Е. Забѣлина, профессора скульптуры М. А. Чицова, профессора живописи В. М. Васнецова, профессора архитектуры К. М. Быковскаго, академика архитектуры С. У. Соловьева, профессора русской словесности А. И. Кирпичникова и профессора русской исторіи В. О. Ключевскаго. Лучшимъ комиссіа признала проектъ подъ девизомъ «Плесь», на которомъ фигура первопечатника изображена въ двухъ вариантахъ. По главному варианту статуя помѣщается на высокомъ пьедесталѣ, на который ведетъ полукруглая лѣстница; на боковой площадкѣ пьедестала расположенъ печатный станокъ. Первопечатникъ изображенъ съ непокрытою головою, въ подпоясанномъ кафтанѣ. Онъ стоитъ у наборной кассы и внимательно разсматриваетъ взятую имъ букву. На второмъ вариантѣ диаконъ Иванъ Федоровъ разсматриваетъ оттиснутый листъ, который поддерживается правой рукой, а лѣвой опирается на раму съ наборомъ, стоящую на лавкѣ. Комиссіа, не одобливъ пьедестала, остановила свой выборъ на второмъ вариантѣ фигуры, для которой постаментъ долженъ быть сдѣланъ другой. По вскрытіи конверта авторомъ проекта подъ девизомъ «Плесь» оказался преподаватель московскаго училища живописи, ваянія и зодчества С. М. Волнухинъ. Комиссіа рѣшила заказать ему гипсовую модель статуи по второму варианту величиною въ 1 аршинъ, съ тѣмъ, чтобы она ис-

полнена была къ 1-му октября текущаго года, а затѣмъ уже по указаніямъ комиссіи будетъ изготовлена имъ за вознагражденіе въ 5.000 р. модель статуи изъ гипса въ натуральную величину. Вторая премія, въ 500 рублей, присуждена за проектъ подъ девизомъ «Ярославль», на которомъ первопечатникъ представленъ сидящимъ на скамейкѣ и разсматривающимъ черезъ лупу полученный изъ станка оттискъ; послѣдній находится въ лѣвой рукѣ, а въ правой—лупа. Авторомъ этого проекта оказался также С. М. Волнухинъ. Третья премія присуждена за проектъ подъ девизомъ «Стѣна», представленный въ двухъ вариантахъ. На первомъ вариантѣ статуя Ивана Федорова помѣщается на невысокомъ пьедесталѣ, передъ нишей въ стѣнѣ Китай-Города. Первопечатникъ представленъ въ видѣ подвижника; на груди онъ поддерживаетъ обѣими руками книгу. На второмъ вариантѣ та же статуя помѣщается на обыкновенномъ пьедесталѣ. Премія присуждена только за фигуру первопечатника. Авторами проекта «Стѣна» являются преподаватели Строгоновскаго центрального художественно-промышленнаго училища художникъ Н. А. Андреевъ и архитекторъ И. В. Желтовскій. Засѣданіе комиссіи закрылось въ 5 ч. вечера. 26-го марта выставка проектовъ памятника снова была открыта для публики.

Двадцатипятилѣтній юбилей Харьковскаго историко-филологическаго общества. 28-го февраля исполнилось двадцатипятилѣтіе историко-филологическаго общества при императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. Въ этотъ день, вечеромъ, состоялось въ актовомъ залѣ университета торжественное собраніе, на которомъ присутствовали члены общества, педагогическаго отдѣла, ректоръ университета Н. О. Куплевасскій, представители харьковскихъ ученыхъ обществъ и много гостей изъ мѣстнаго общества. Предсѣдатель общества, профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ открылъ засѣданіе обширной рѣчью, въ которой, отмѣтивъ значеніе ученыхъ обществъ въ Россіи, перечисливъ старѣйшія изъ нихъ, родственныя по задачамъ съ Харьковскимъ историко-филологическимъ, остановился подробно на общей дѣятельности его, какъ посвященной спеціально изученію и разработкѣ историко-филологическихъ знаній, такъ и общественно-просвѣтительной, выразившейся, между прочимъ, въ устройствѣ курсовъ лекцій для женщинъ и въ публичныхъ лекціяхъ для средней школы и вообще для широкихъ круговъ общества. Въ заключеніе ораторъ помянулъ добрымъ словомъ перваго предсѣдателя общества, покойнаго профессора А. А. Потемню, и другихъ покойныхъ членовъ общества, потрудившихся для него, и выразилъ пожеланіе продолженія развитія общества въ новомъ двадцатипятилѣтніи, съ новымъ его уставомъ. Секретарь общества, профессоръ Е. К. Рѣдинъ, прочелъ очеркъ ученой дѣятельности общества за двадцать пять лѣтъ его существованія. Указавъ на связь общества съ историко-филологическимъ факультетомъ и на задачи его по уставу, ораторъ отмѣтилъ, что дѣятельность его состояла главнымъ образомъ въ разработкѣ различныхъ вопросовъ и темъ изъ различныхъ областей историко-филологическихъ знаній и вмѣстѣ съ тѣмъ въ разработкѣ культурной исторіи края: наибольшее число рефератовъ и докладовъ было посвящено этой исторіи во всѣхъ отдѣлахъ ея: собственно исторіи, литературы и народной поэзіи, этнографіи и археологіи. Переходя къ изданіямъ общества, Е. К. Рѣдинъ указалъ, что на первыхъ порахъ своей дѣятельности общество, при от-

сутствии средствъ, не могло до 1886 г. издавать труды своихъ членовъ. Съ 1886 г. оно стало издавать «Сборникъ», котораго по настоящее время вышло 12 томовъ. Согласно общему направленію своей дѣятельности, въ которой наряду съ изученіемъ всѣхъ областей историко-филологическихъ знаній отводится первенствующее мѣсто вопросамъ изъ тѣхъ же областей знаній въ примѣненіи къ мѣстному краю, и въ «Сборникахъ» своихъ общество отводитъ такое же мѣсто статьямъ и матеріаламъ именно мѣстной исторіи, этнографіи и археологіи. Обозрѣвая всѣ статьи, изслѣдованія и матеріалы, напечатанные въ «Сборникахъ», Е. К. Рѣдинъ говорилъ въ своей рѣчи: «Это — обширный матеріалъ, касающійся различныхъ сторонъ культурной исторіи края, основанный или на изученіи архивныхъ документовъ, или на изученіи народнаго быта по его поэтическимъ произведеніямъ и т. п.; это — въ то же время обширный матеріалъ, изданный непосредственно, безъ обработки его — въ видѣ документовъ, народныхъ пѣсенъ, сказокъ, легендъ и т. п. Этотъ матеріалъ входитъ и введенъ въ общую сокровищницу народовѣдѣнія, изученія нашей родины и представляетъ собою ту ленту въ общую науку исторіи-филологіи, которую внесло наше общество». Указавъ на отсутствіе у общества специальныхъ средствъ, благодаря которымъ можно было бы совершить изученіе края по памятникамъ искусства, археологіи, этнографіи, а равно привести въ исполненіе другіе свои проекты, предпріятія, Е. К. Рѣдинъ, выражая пожеланіе обществу развитія и процвѣтанія, въ заключеніе сказалъ: «Общество смѣло и бодро смотритъ въ будущее, вступая въ начало новаго двадцатипятилѣтія своей дѣятельности. Пробѣгая въ настоящій день въ своихъ воспоминаніяхъ дѣятельность за истекшія первыя двадцать пять лѣтъ своего существованія, оно находитъ въ нихъ для себя залогъ успѣха въ будущемъ. То малое, что сдѣлано обществомъ за это время, невозможно было бы совершить и съ большими средствами, при отсутствіи лицъ, искренно преданныхъ дѣлу, любящихъ его, вѣрящихъ въ его плодотворное значеніе, дорожащихъ культурными интересами своей родины, ея культурнымъ настоящимъ и прошлымъ. Профессоръ Д. И. Багалъй, завѣдующій историческимъ архивомъ общества, сказалъ рѣчь, посвященную исторіи этого архива. Основаніе архива относится къ 1880 г.; по инициативѣ П. С. Ефименка былъ перевезенъ въ Харьковъ и поступилъ въ распоряженіе общества черниговскій архивъ; позже къ нему присоединенъ былъ полтавскій отдѣлъ этого архива; далѣе въ его составъ вошелъ отдѣлъ собственно харьковскій и наконецъ — рукописи, бумаги мѣстныхъ дѣятелей. Ораторъ подробно, живо изложилъ судьбу историческаго архива, его помѣщеній, первыхъ его описей и указалъ на значеніе его дѣятельности, которая могла осуществиться, благодаря историко-филологическому обществу, взявшему его подъ свое покровительство; архивъ сохранилъ отъ уничтоженія десятки тысячъ актовъ, привелъ ихъ въ извѣстность, сдѣлалъ возможнымъ пользованіе ими для практическихъ и научныхъ цѣлей, создалъ школу молодыхъ историковъ, изслѣдователей мѣстной старины, сдѣлалъ возможнымъ изданіе въ будущемъ всесторонней документальной исторіи края. Въ заключеніе профессоръ Багалъй высказалъ пожеланіе, чтобы въ положеніи архива произошли нѣкоторые измѣненія и уллучшенія, при которыхъ онъ въ состояніи будетъ еще лучше и пло-

дотворнѣ исполнять свое назначеніе. А. В. Ветуховъ, секретарь педагогическаго отдѣла, существующаго при обществѣ уже десять лѣтъ, остановился въ своей рѣчи на дѣятельности отдѣла, «колоніи» общества, и въ заключеніе отъ имени ея привѣтствовалъ маститую «метрополию» съ радостнымъ свѣтлымъ днемъ ея жизни. Профессоръ Д. Н. Овсяннико-Куликовскій сказалъ рѣчь, посвященную первому предсѣдателю общества, при которомъ оно получило развитіе и силу, покойному профессору А. А. Потебнѣ. Въ этой рѣчи профессоръ говорилъ о Потебнѣ, какъ о мыслителѣ, о его заслугахъ въ исторіи развитія мысли и указалъ, что эти заслуги его западно-европейской наукѣ еще неизвѣстны (какъ и его сочиненія); въ заключеніе ораторъ отмѣтилъ, какую высоко-идеальную личность представлялъ собою профессоръ Потебня, у котораго слово никогда не расходилось съ дѣломъ. Всѣ рѣчи были выслушаны съ большимъ вниманіемъ и покрыты единодушными рукоплесканіями присутствовавшихъ въ засѣданіи гостей. За рѣчами послѣдовало принесеніе привѣтствій и чтеніе телеграммъ отъ различныхъ ученыхъ обществъ русскихъ и заграничныхъ, членовъ общества и отдѣльныхъ лицъ. Въ заключеніе собранія предсѣдатель общества благодарилъ присутствовавшихъ за привѣтствія, добрыя пожеланія. Собраніе носило въ общемъ простой, но радушный и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественный характеръ отчета о дѣятельности полезнаго и симпатичнаго общества, много поработавшаго для края.

Археологическое общество въ С.-Петербурѣ. I. 2-го марта, въ засѣданіи классическаго отдѣленія, подъ предсѣдательствомъ проф. И. В. Помоловскаго, М. И. Ростовцевъ сообщилъ о результатахъ послѣднихъ раскопокъ Помпей. Почва Помпей служитъ неисчерпаемымъ источникомъ для археологовъ. Работы ведутся дѣятельно, каждый годъ открываются все новыя и новыя археологическія сокровища; древній городъ мало-по-малу возрождается изъ покрывающаго его цепла. Послѣднія раскопки производились въ пятомъ и шестомъ кварталахъ города и открыли рядъ частныхъ домовъ. Особенный интересъ имѣетъ цѣлый рядъ изображеній римскихъ божествъ, почитавшихся въ этой мѣстности, которыя открыты въ домашнихъ святилищахъ помпейскихъ жилищъ. Среди изображеній чаще другихъ встрѣчается Венера помпейская—богиня покровительница города. Одинъ изъ вновь открытыхъ домовъ, построенный около 11 года до Р. Х., служилъ вѣкогда жилищемъ гладіаторовъ. Раскопана булочная, въ которой три мельницы приводились въ движеніе веслами. Огромные размѣры находящейся здѣсь же конюшни свидѣтельствуютъ, что тутъ помѣщались животныя, работавшія также и въ сосѣднихъ булочныхъ. Шкафъ одного изъ домовъ сохранилъ много любопытныхъ предметовъ домашняго обихода, среди которыхъ найдены монеты, статуэтки Венеры, геніевъ и пр. Важное мѣсто среди послѣднихъ открытій занимаютъ фрески, на которыхъ изображены наполненные вилами берега Кампаньи и вообще пейзажи западнаго берега Италіи. Князь П. А. Путятинъ сообщилъ о загадочной статуэткѣ-бюстѣ римскаго императора, находящейся во Франціи. Ученые расходятся въ мнѣніяхъ относительно того, чей это бюстъ. Князь П. А. Путятинъ, къ мнѣнію котораго присоединился и М. И. Ростовцевъ, приписываетъ бюстъ Траяну. Секретарь отдѣленія С. А. Жебелевъ разобралъ

вопросъ о богинѣ Афайѣ: судя по одной изъ надписей VI вѣка до Р. Х., Афайя была самостоятельнымъ божествомъ, а не однимъ изъ именъ Артемиды, какъ думали ранѣе. Пренія выяснили, что подъ именемъ Афайи поклонялись той фазѣ луны, когда послѣдняя становится невидимой. II. 16 марта на засѣданіи русскаго отдѣленія подъ предсѣдательствомъ проф. С. Θ. Платонова, проф. Н. П. Некрасовъ далъ новое объясненіе нѣкоторымъ темнымъ и туманнымъ пунктамъ «договора Игоря съ греками 945 г.», именно 3 и 4 статей договора. Рѣчь здѣсь идетъ о побѣгахъ рабовъ русскихъ на греческой территоріи. Русскіе, жившіе въ особомъ предмѣстьѣ «св. Мамы», у которыхъ убѣжаль рабъ, могли дѣлать обыски только у русскихъ же, живущихъ въ Греціи. Русскіе должны были клясться, что не укрываютъ раба. Если же рабъ не находился, то греки платили за него опредѣленную цѣну (2 паволоки). Рабъ, убѣжавшій отъ грека, долженъ былъ быть возвращенъ его владѣльцу такъ же, какъ и все похищенное имущество; за временное же пользованіе рабомъ и вещами потерявшій (грекъ) получалъ установленную плату (2 золотника). С. В. Рождественскій сдѣлалъ докладъ: «Новыя данныя относительно земскаго собора 1642 года». Два изслѣдованные докладчикомъ документа проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на событія указаннаго періода. Царь Михаилъ Феодоровичъ приказалъ боярамъ рассмотреть челобитье атамана донскихъ казаковъ Наума Васильева о передачѣ Москвѣ Азова и о посылкѣ туда московскаго воеводы. Бояре составили смѣту расходовъ, общая сумма которыхъ простиралась до 221.000 р. Заключение бояръ было сдѣлано скорѣе въ отрицательномъ смыслѣ, но они высказали пожеланіе, чтобы вопросъ былъ рѣшенъ окончательно выборными людьми всей земли. Соборъ созванъ былъ съ чрезвычайной поспѣшностью. Въ составъ его вошли и многіе изъ дѣтей боярскихъ, бывшіе въ Москвѣ по своимъ судебнымъ дѣламъ.—С. Л. Пташицкій сообщилъ содержаніе любопытнаго письма, свидѣтельствующаго, что русскій языкъ не забытъ и въ далекой Америкѣ, что и тамъ русскіе писатели читаются на ихъ родномъ языкѣ. Письмо написано американцемъ докторомъ Ноесъ, магистромъ С.-Петербургскаго университета. Въ теченіе очень короткаго времени пребыванія въ С.-Петербургѣ Ноесъ быстро ознакомился съ языкомъ и защитилъ диссертацию на магистра. Въ настоящее время онъ преподаетъ русскій и англійскій языки въ Калифорніи въ университетѣ «Berkeley» Въ первомъ классѣ русскій языкъ изучаютъ 7 студентовъ. Во второмъ классѣ одна изъ студентокъ оказала уже большіе успѣхи и свободно читаетъ романы Толстого. Введеніе кафедры русскаго языка въ калифорнскомъ университетѣ вызвано отчасти торговыми причинами. При университетѣ имѣется славянская бібліотека, на которую ассигновывается ежегодно около 1.000 рублей. III. 21-го марта проф. Н. П. Веселовскій, редактирующій въ настоящее время по порученію географическаго общества изданіе бумагъ, оставшихся послѣ смерти киргиза Чокана Валиханова, сообщилъ содержаніе сдѣланнаго Валихановымъ перевода одной изъ киргизскихъ поэмъ, къ сожалѣнію, не оконченнаго. Киргизскія поэмы напоминаютъ собою вообще поэмы тюркскія и носятъ былинный характеръ. Въ этихъ поэмахъ, такъ какъ и въ орхонскихъ надписяхъ, описываемые герои выступаютъ на поприще юными, растутъ быстро, совершая подвиги уже въ семилѣтнемъ воз-

растѣ. Лошадь въ поэмѣ является всегда нераздѣльной съ героемъ; подробно описываются масть и достоинства коня, играющаго такую большую роль въ жизни номада. Сохранившійся переводъ Валиханова киргизской поэмы передаетъ эпизоды, сопровождавшіе смерть Куко-тай-хана, и совершаемую по ней тризну. Переводчикъ хорошо владѣлъ русскимъ языкомъ, и образная восточная поэма въ его изложеніи живо и ярко рисуетъ намъ своеобразныя бытовыя черты киргизскаго народа.

Археологическій институтъ. 3-го марта, подъ предѣдательствомъ проф. Н. В. Покровскаго выслушаны были три доклада: М. Н. Дитриха «Гончарство въ древней Руси», Т. О. Соколовской—«Орнаментъ и форма сосудовъ микенскаго типа» и Е. С. Шумигорскаго—«Охрана памятниковъ современной русской исторіи». Рефератъ М. Н. Дитрихъ былъ иллюстрированъ коллекціей какъ глиняныхъ фигуръ изъ раскопокъ проф. Н. И. Веселовскаго близъ Самарканда, такъ и аналогичныхъ вещицъ, исполненныхъ нашими современными кустарями. При обзорѣ коллекцій поражаетъ переживаніе формъ искусства въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій: фигурки средне-азиатскія V вѣка имѣютъ полное тожество съ издѣліями нашей кустарной промышленности. Азія оказала сильное и несомнѣнное вліяніе на наше гончарство. Сиринъ, любимая обрусѣвшая сказочная птица, также, повидному, заимствована изъ образцовъ древней керамики. Письменные свидѣтельства о русскомъ гончарствѣ имѣемъ мы съ 902 года изъ лѣтописныхъ сказаній. Русскій мастеръ съ тѣхъ поръ постепенно совершенствовался и творилъ, вдохновляясь то восточными, то западными образцами, но, соединяя ихъ, онъ вкладывалъ въ нихъ и вѣчто свое индивидуальное,—получался самобытный стиль, выдѣляющійся вкусомъ и тонкимъ чувствомъ мѣры. Проявлявшаяся въ этомъ стилѣ склонность къ фантастическому сдерживалась строгою религіозностью. Надо надѣяться, что скоро уже русское искусство, которое еще такъ недавно совершенно отрицалось и искажалось, представитъ во всей своей мощи и красотѣ и будетъ яркой страницей въ исторіи русскаго народа. Докладъ Е. С. Шумигорскаго, завѣдывающаго архивомъ вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, освѣтилъ важный вопросъ о сохраненіи для исторіи современныхъ документовъ, книгъ и произведеній графическаго искусства. Стремленіе къ дешевизнѣ почти упразднило въ нашихъ общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ тряпичную бумагу, бумага же изъ древесной массы, какъ только вывѣтрится покрывающій ее клей, распадается въ пыль. То же удешевленіе производства вызвало появленіе плохо сохраняющихся красокъ, употребляющихся въ живописи, красокъ для пишущихъ машинъ, бумаги для отпечатыванія фотографическихъ снимковъ. Почтенный докладчикъ указалъ на возможность черезъ какія нибудь 50 лѣтъ потерять всѣ историческіе памятники о ходѣ современной намъ жизни, если не будутъ своевременно приняты какіял ибо мѣры къ устраненію этого зла. Въ противномъ случаѣ въ рукахъ нашихъ потомковъ окажется только пыль отъ современныхъ рукописей и книгъ, бѣлыя выцвѣтшія полотна современныхъ картинъ.

Археологическое общество въ Москвѣ. 30-го марта состоялось засѣданіе славянской комиссіи археологическаго общества. Въ виду исполнившагося

перваго десятилѣтія существованія комиссіи и участія въ ней ея основателя и предсѣдателя проф. М. И. Соколова, къ этому дню составленъ былъ «Очеркъ десятилѣтней научной дѣятельности комиссіи» съ обзоромъ научныхъ трудовъ ея предсѣдателя. Къ очерку приложенъ хорошо исполненный фототипіей портретъ М. И. Соколова. За истекшее десятилѣтіе славянская комиссія имѣла 61 засѣданіе, на которыхъ 38-ю лицами прочитано было 127 докладовъ. Кромѣ того, комиссіей издано три тома «Трудовъ», въ которыхъ помѣщено много изслѣдованій и записокъ, посвященныхъ древней славяно-русской письменности и новой литературѣ по славяновѣдѣнію. Предсѣдателемъ комиссіи состоитъ безсмысленно со дня ея основанія профессоръ М. И. Соколовъ, товарищемъ предсѣдателя—С. О. Долговъ и секретаремъ—И. Е. Евсѣевъ. Засѣданіе открылось сообщеніемъ С. О. Долгова и замѣчаніемъ Д. И. Пловайскаго. Послѣдній высказалъ мнѣніе, что слово *Салас Omortag* въ подписи, найденной на колоннѣ въ Тырновѣ и комментированной Ѳ. И. Успенскимъ въ послѣднемъ выпускѣ Извѣстій константинопольскаго археологическаго института, значитъ «князь», а не ханъ. Это вызвало возраженія со стороны Р. Ѳ. Брандта, А. И. Кириичникова и др. По прочтеніи «Очерка научной дѣятельности комиссіи» М. И. Соколовъ напомнилъ о тѣхъ задачахъ, которыя ставила себѣ комиссія 10 лѣтъ тому назадъ и которыя если она и выполнила, то только благодаря обществу, создавшему благоприятную среду для плодотворной ученой работы. Отъ имени комиссіи ея предсѣдатель предложилъ благодарить общество въ лицѣ его предсѣдателя графини П. С. Уваровой. Затѣмъ С. О. Долговъ прочелъ краткую характеристику дѣятельности М. И., какъ предсѣдателя комиссіи, а нѣсколько молодыхъ членовъ сотрудниковъ комиссіи прочли пріивѣтственный ему адресъ. Е. В. Барсовъ прочиталъ пріивѣтствіе отъ общества исторіи и древностей російскихъ. Затѣмъ принесли пріивѣтствія профессоръ Новоросійскаго университета В. М. Истринъ и предсѣдатель восточной комиссіи археологическаго общества профессоръ В. Ѳ. Миллеръ. Графиня Уварова передала чествуемому профессору отъ его учениковъ золотой жетонъ, украшенный изображеніемъ «змѣвика», которому была посвящена одна изъ ученыхъ работъ М. И., и которому русское повѣрье придаетъ значеніе амулета, предохраняющаго отъ болѣзней. Въ заключеніе были прочитаны пріивѣтственные телеграммы отъ варшавскихъ профессоровъ славистовъ, отъ профессоровъ вѣжинскаго института, отъ академиковъ Шахматова, К. Грота и др. По окончаніи засѣданія графиня предложила присутствующимъ ужинъ, за которымъ было произнесено нѣсколько рѣчей и тостовъ.

Къ XII археологическому съѣзду въ г. Харьковѣ. 18-го февраля состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ городѣ Харьковѣ. Профессоръ М. С. Дриновъ сообщилъ свои замѣчанія о важности этнографическихъ наблюденій А. Ѳ. Музыченка надъ болгарскими колонистами Θεодосійскаго уѣзда и познакомилъ съ его трудами, посвященными изученію быта и поэтическихъ произведеній этихъ колонистовъ. Профессоръ Д. И. Багалъйи доложилъ сообщеніе В. Василенка «Къ вопросу о толковомъ словарѣ украинской народной терминологіи». Авторъ доказываетъ необходимость собранія матеріаловъ для составленія по каждой губерніи тол-

ковыхъ словарей туземной технической терминологіи. Эти, такъ сказать, частные словари должны послужить матеріаломъ для общаго украинскаго технического словаря, со включеніемъ матеріаловъ по прежнимъ печатнымъ источникамъ (Максимовичъ, Помисъ, Чубинскій, Гринченко и др.). При этомъ въ общій словарь должна быть включена терминологія не только по кустарнымъ промысламъ, но и по земледѣлію, метеорологіи, пчеловодству, садоводству и т. п. Украинцы имѣютъ по всякимъ прикладнымъ знаніямъ въковой опытъ и наблюденія, и своимъ образнымъ языкомъ давно назвали различныя проявленія небесныхъ явленій, земной растительности, домашнихъ и дикихъ животныхъ и всякую тварь. Далекое не все это извѣстно, и нужно многое записать изъ устъ народа. Докладъ г. Василенка вмѣстѣ съ инструкціей и программой собиранія матеріаловъ по технической терминологіи рѣшено напечатать въ «Трудахъ» комитета и, кромѣ того, доложить его на сѣздѣ. Заслужено сообщеніе А. Еленева о раскопкѣ «Острой могилы», находящейся въ Славяносербскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи, Павловской волости, въ имѣніи «Орловкѣ» Еленева. При раскопкѣ найдены: каменный дискъ, кремневая стрѣла, желѣзный предметъ и три погребенія, изъ коихъ одно было съ двумя скелетами, положенными между необтесанными плитами на лѣвомъ боку. Профессоръ Е. К. Рѣдинъ доложилъ: 1) о присылкѣ императорской академіей наукъ пяти картъ для картографической выставки при сѣздѣ; 2) отчетъ екатеринославской комиссіи по собиранію матеріаловъ для XII археологическаго сѣзда (рѣшено благодарить комиссію за полученные уже чрезъ нея посредство матеріалы); 3) увѣдомленіе г. попечителя учебнаго округа объ отклоненіи путивльскаго городскаго думы просьбы о присылкѣ для выставки при сѣздѣ собранія путивльскаго городскаго библіотеки старопечатныхъ книгъ XVI—XVII в. (рѣшено—просьбу повторить); 4) сообщеніе волчанскаго уѣзднаго земскоу управы списка лицъ, имѣющихъ памятники древности; 5) предложеніе г. Сулимы (Новочеркасскаго) — продать свою этнографическую коллекцію (постановлено—просить о присылкѣ ея на выставку); 6) сообщеніе священника Сивцевца о произведенныхъ имъ изслѣдованіяхъ мѣстъ стоянокъ каменнаго вѣка и жилищъ кочевниковъ, съ приложеніемъ плана мѣстъ находокъ всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые переданы имъ въ комитетъ и музей древностей Харьковскаго университета (постановлено — просить свящ. Сивцевца доложить сообщеніе на сѣздѣ); 7) сообщеніе церковно-археологическаго общества при кievской духовной академіи о согласіи прислать для выставки, кромѣ 30 обѣщанныхъ предметовъ, и старообрядческій складной иконостасецъ; 8) сообщеніе г-жи Литвиновой о присылкѣ ею введенія и описанія рисунковъ для издаваемаго комитетомъ альбома малорусскаго орнамента на основаніи ея собранія (постановлено благодарить г-жу Литвинову за ея цѣнный и важный трудъ); 9) сообщеніе о пожертвованіи харьковскимъ вице-губернаторомъ М. М. Осоргинымъ монетъ изъ клада, найденнаго въ іюль 1901 года въ Калужской губерніи, въ селѣ Сергіевскомъ, въ имѣніи г. Осоргина; 10) сообщеніе о пожертвованіи комитету изданныхъ къ XII археологическому сѣзду А. Н. Гусевымъ серіи открытыхъ писемъ съ видами г. Харькова; 11) сообщеніе М. Р. Кіанова о готовности предоставить свою коллекцію гравированныхъ портре-

товъ малороссійскихъ гетмановъ для выставки; 12) сообщеніе зѣньковской уѣздной земской управы о присылкѣ комитету 25 рублей на устройство этнографической выставки; 13) сообщеніе о присылкѣ въ даръ комитету и музею для выставокъ: отъ учениковъ 1-й харьковской гимназіи: г. Элькинда — серебряной турецкой монеты, А. Кременецкаго—межевыхъ книгъ 1774, 1779 г. и двухъ грамотъ, и уложенія царя Алексѣя Михайловича; отъ А. Старова—копіи съ грамоты царей Петра и Іоанна; отъ Я. Здравомыслова—зуба мамонта. Въ члены комитета избрана г-жа П. Литвинова (Глуховъ, Черниговской губ.). Комитетъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, приславшимъ сообщенія и предметы для выставокъ и музея древностей университета.

Древній могильникъ. Въ Воронежской губерніи, по словамъ Донскихъ Областныхъ Вѣдомостей, были произведены г. Тевяшевымъ раскопки съ цѣлью представить добытыя данныя на XII археологическій съѣздъ, который соберется въ Харьковѣ въ августъ текущаго года. Могильникъ находится между слободой Владиміровкой, Острогожскаго уѣзда, и выселками изъ слободы Шестаковой, Павловскаго уѣзда, на возвышенности, образуемой водораздѣломъ рѣки Дона и притока его Витюга. Въ настоящее время насчитываютъ 13 кургановъ. Высота ихъ отъ одного до четырехъ аршинъ надъ поверхностью почвы. Раскопки производились въ теченіе двухъ лѣтъ, при чемъ раскопано и изслѣдовано 7 кургановъ: лѣтомъ 1900 года — 4 и лѣтомъ 1901 года — 3. Одинъ изъ нихъ оказался ограбленнымъ, вѣроятно, какими либо искателями кладовъ. Одинъ имѣлъ дубовый помостъ на днѣ могилы. Судя по тому, что здѣсь найдены наконечникъ желѣзнаго копья и сдѣланный изъ одного цѣльнаго куска желѣза кинжалъ съ рукояткой, слѣдуетъ курганъ этотъ отнести къ желѣзному вѣку. Въ остальныхъ пяти курганахъ найдены остовы людей, но кости ихъ настолько истлѣли, что при дотрогиваніи разсыпались въ порошокъ. Сохранился только одинъ черепъ, форма котораго указываетъ на принадлежность его къ племени типа «короткоголовыхъ» (брахицефаловъ). Близъ головы одного изъ скелетовъ найдены два бронзовыя кольца, очевидно, серьги и несложная бронзовая спираль, надѣвавшаяся на шею (гривна). Въ ногахъ того жескелета лежали: тонкій кремневый скребокъ и два очень маленькіе глиняные сосуда (одинъ въ 4, другой въ 6 сантиметровъ высоты). Это—такъ называемыя «слезницы». Въ одномъ изъ кургановъ, на глубинѣ 3-хъ аршинъ и 7 вершковъ отъ поверхности почвы, въ материкѣ, была зарыта между прочимъ лошадь. Погребеніе съ конемъ на такую большую глубину практиковалось народами, жившими въ очень глубокой древности. Во всѣхъ пяти курганахъ при скелетахъ найдены горшки изъ желто-красной глины; они сдѣланы были руками при помощи гончарнаго круга. Дно у всѣхъ горшковъ плоское, орнаментъ очень незатѣливый—черточки и точки. Попался, однако, одинъ горшокъ съ болѣе сложнымъ, правильнымъ, симметрически расположеннымъ орнаментомъ. Этотъ горшокъ замѣчательнъ еще въ томъ отношеніи, что въ орнаментѣ его имѣются два знака «свастики». Это — религиозный символъ, принятый древнѣйшими народами. Онъ употреблялся въ искусствѣ древней Индіи, у буддистовъ и браминистовъ, у древнѣйшихъ ассиріянъ, китайцевъ и японцевъ. Одни ученые археологи полагаютъ, что знакъ свастики есть знакъ вѣчнаго священнаго огня, и что въ

его изобразеніи надо видѣть два куска дерева, положенные на крестъ для до-быванія огня треніемъ; другіе считаютъ его символомъ какого-то древнѣйшаго божества, символомъ блеска и т. п. Совокупность всего найденнаго при раскопкахъ послѣднихъ пяти кургановъ заставляетъ предполагать, что курганы эти насыпаны какимъ-то неизвѣстнымъ урало-алтайскаго племени пастушескимъ народомъ, пришедшимъ на Донъ изъ Азіи. Жилъ этотъ народъ давно, въ концѣ каменнаго вѣка, то-есть не менѣе тысячи лѣтъ до Рождества Христова.

Домъ Петра Великаго въ Ригѣ. Въ Ригѣ имѣется подлинный домъ Петра Великаго, описанный разными балтійскими историками, въ томъ числѣ Антономъ Бухгольцомъ; тѣмъ не менѣе домъ этотъ никакихъ слѣдовъ своего былого значенія на себѣ не имѣетъ и въ качествѣ бывшаго царскаго дворца извѣстенъ весьма ограниченному кружку лицъ. О началѣ этого дома одинъ мѣстный историкъ пишетъ, что царь Петръ, когда впервые посѣтилъ Ригу, какъ монархъ ея—съ 18-го ноября по 7 декабря 1711 года, пр. казалъ купить на берегу р. Двины (чтобы былъ видъ на гавань), близъ крѣпостной стѣны, частный домъ, перестроить и обставить его, дабы онъ могъ служить мѣстопробываніемъ царя при слѣдующихъ посѣщеніяхъ Риги. «Царскій домъ» (das Haus des Zagen — подъ этимъ именемъ домикъ упоминается въ документахъ съ 1712 года,—впослѣдствіи, съ 1730 года, домъ именуется уже императорскимъ дворцомъ, при чемъ и улица, въ началѣ которой расположенъ домъ, получила затѣмъ названіе Дворцовой) былъ передѣланъ изъ владѣнія нѣкоего Генненберга, находившагося у Новыхъ воротъ — у нынѣшняго въѣзда съ Двинской набережной въ Большую Новую улицу. Царь Петръ и Екатерина во время своихъ многократныхъ посѣщеній Риги останавливались въ этомъ домѣ, точно также и несчастный первенецъ Петра, Алексѣй Петровичъ, когда проѣздомъ за границу посѣтилъ Ригу 22-го января 1713 году. Изъ преемниковъ Петра въ этомъ царскомъ дворцѣ временно жили императрица Анна и Екатерина II въ 1730 и 1764 гг., императоръ Павелъ въ 1776 г. въ бытность наследникомъ престола. Послѣдующія судьбы домика мало извѣстны. Въ 1785 году онъ былъ предоставленъ въ распоряженіе вновь учрежденныхъ судебныхъ установленій, а съ 1805 года переданъ для учебныхъ цѣлей, и въ немъ долгое время помѣщалось уѣздное училище, преобразованное впослѣдствіи въ реальное училище. Въ началѣ прошлаго десятилѣтія въ этомъ домѣ уже помѣщался... кафе-шантанъ съ низшеразрядной гостиницей, просуществовавшей нѣсколько лѣтъ. Въ настоящее время въ этомъ домѣ помѣщается американское консульство, торговыя заведенія, ренсковый погребъ и пр. Все это лишь теперь обратило на себя вниманіе по случаю составленія, по требованію министерства внутреннихъ дѣлъ, списка имѣющихся въ губерніи памятниковъ и другихъ остатковъ древности. Надо надѣяться, что позорному запустѣнію драгоцѣннаго памятника будетъ теперь положенъ конецъ.

Общество любителей древней письменности. I. 1-го марта состоялось общее собраніе подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Первое сообщеніе: «Къ вопросу объ источникахъ лѣтописнаго сказанія о св. Владимирѣ», было прочитано Н. К. Никольскимъ. Изслѣдованіе вопроса привело автора къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Лѣтописное сказаніе—компилятивное; составлено оно на основаніи нѣсколькихъ источниковъ, какъ относящихся къ жизни св.

Владимира, такъ и не имѣющихъ къ нему ближайшаго отношенія. Въ числѣ послѣднихъ были: «Слово о бытїи всего міра», «Исповѣданіе вѣры», сказаніе о вселенскихъ соборахъ и т. п. Трудъ сводчика состоялъ главнымъ образомъ въ сокращеніи готовыхъ памятниковъ. Изъ группы источниковъ, имѣвшихъ отношеніе къ дѣятельности Владимира, лѣтописному сказанію предшествовалъ памятникъ, сохранившійся въ видѣ «Слова о томъ, какъ крестился Владимиръ», хотя слово это въ свою очередь могло быть извлеченіемъ изъ болѣе обширнаго памятника. Такое слово послужило канвою для разсказа о крещеніи и церковной дѣятельности Владимира за 987—1015 годы. Кромѣ этого слова, для тѣхъ же годовъ у лѣтописца были и другіе матеріалы и среди нихъ недодешнее житіе св. Владимира. Житіе это разсказывало о грѣховной жизни князя до крещенія, объ его обращеніи къ христіанству, его послѣдующихъ добрыхъ дѣлахъ. 2) Такъ называемое житіе св. Владимира не было первичною записью о крещеніи князя, но составилось на основаніи лѣтописнаго свода и «сказанія о русстѣи грамотѣ». Признаки предполагаемаго греческаго происхожденія житія устраняются, такъ какъ они объясняются вліяніемъ послѣдняго сказанія. 3) «Сказаніе о грамотѣ русстѣи» было составлено ранѣе житія св. Владимира и, слѣдовательно, не позже XIV вѣка. Второе сообщеніе: «Замѣтки по исторіи и техникамъ переплетнаго дѣла на Руси въ допетровское время», было сдѣлано П. К. Симономъ. Референтъ представилъ результаты своихъ наблюденій въ области русскаго переплетнаго дѣла, при чемъ указалъ на вліянія (греческо-славянское, польское и вообще западное), подъ которыми развивалось оно. Чтеніе сопровождалось демонстрированіемъ составленной референтомъ большой коллекціи снимковъ съ греческихъ и русскихъ (сѣверно- и юго-западныхъ) переплетовъ, съ обрѣзовъ книгъ и съ переплетныхъ инструментовъ, частью представляющихъ пережитокъ старобытныхъ, частью уже явившихся подъ западными вліяніями у переплетчиковъ, придерживающихся еще стараго способа шитья и переплетанія книгъ въ доски.

II. 22-го марта подъ предѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева первое сообщеніе «Чудо отъ воды св. Никиты Переяславскаго Чудотворца» было сдѣлано Г. З. Кунцевичемъ. Остановившись на вопросѣ о взаимоотношеніи разсказовъ объ этомъ чудѣ, имѣющихся въ «Житїи св. Никиты» (чудо 19-е и 20-е), въ «Степенной книгѣ» и въ «Исторіи о Казанскомъ царствѣ», референтъ выяснилъ, что составитель «Сказанія новѣйшихъ чудесъ» (чудо 20-е) стоялъ близко къ описываемымъ событіямъ и былъ ихъ современникомъ, и, указавъ на буквальное сходство 19-го чуда въ «Житїи» и разсказа объ этомъ чудѣ въ «Степенной книгѣ», высказалъ предположеніе, что 19-е чудо внесено въ «Житіе». Въ «Исторію о Казанскомъ царствѣ» разсказъ о чудѣ отъ воды внесенъ изъ «Степенной книги» вмѣстѣ съ другими заимствованіями изъ нея. Второе сообщеніе: «Изъ исторіи древне-русской переводной литературы XV—XVI вѣковъ», было сдѣлано А. И. Соболевскимъ: 1) указавъ на два новыхъ списка «Логикъ» жидовствующихъ, найденной имъ нѣсколько лѣтъ назадъ и представляющей переводъ съ еврейскаго логики Моисея Маймонида, А. И. Соболевскій сообщилъ, что имъ найдены въ сборникѣ 1483 года Кіево-Михайловскаго монастыря еще два новыхъ текста сочиненій по логикѣ, переведенныхъ также съ еврейскаго и несомнѣнно тѣмъ же переводчикомъ, который перевелъ логику М. Маймонида.

Одинъ изъ этихъ текстовъ—переводъ сочиненія по логикѣ какого-то Авіасаа; другой—или часть продолженія сочиненія Авіасаа, или отрывокъ еще 3-го сочиненія по логикѣ. Такимъ образомъ оказывается, что «Логика» жидовствующихъ, извѣстная Геннадію Новгородскому, была сборникомъ сочиненій по логикѣ, переведенныхъ съ еврейскаго, и состояла изъ двухъ или болѣе статей. 2) Извѣстный Николай Нѣмчинъ, придворный врачъ московскаго великаго князя (перв. полов. XVI в.), овладѣвъ русскимъ языкомъ и, вѣроятно, церковно-славянскимъ, немало писалъ и переводилъ, но до сихъ поръ его труды считались совершенно утраченными. На основаніи нѣкоторыхъ соображеній референтъ предполагаетъ, что текстъ сочиненія Самуила Евреина въ переводѣ Николая Нѣмчина сохранился въ одной рукописи сербской королевской академіи. 3) Письмо литовскаго воеводы Полубенскаго и «Словеса супротивна къ І. Людовику»... Максима Грека, даютъ опредѣленные указанія на то, что въ первой половинѣ XVI вѣка въ Москвѣ были переведены съ латинскаго житіе Августина и разныя его сочиненія. До сихъ поръ не было извѣстно ни одного списка этого житія, но докладчикъ обратилъ вниманіе собранія на сборникъ XVII вѣка Чудова монастыря, заключающій въ себѣ «Книгу св. Августина». Въ текстѣ этого сборника есть ясное указаніе на Курбскаго, а составъ чудовскаго списка «Книги св. Августина» тотъ же, что составъ «Книги св. Августина», упоминаемой Полубенскимъ и принадлежавшей Курбскому до его бѣгства въ Литву. Такимъ образомъ дошедшій до насъ въ чудовскомъ списокѣ переводъ «Житія Августина, его «Manuale» и «Meditationes» сдѣланъ въ Москвѣ въ первой половинѣ XVI вѣка. Далѣе референтъ привелъ еще рядъ данныхъ и соображеній относительно переводовъ сочиненій Августина. 4) Дошедшее до насъ въ списокѣ Синодальной библіотеки произведеніе: «Книга, избранная вкратцѣ о 10 музахъ и о 7 свободныхъ художествахъ», связано съ именемъ Спаарія, но въ главахъ о свободныхъ художествахъ несомнѣнно Спаарію принадлежитъ только прозаическое вступленіе; что же касается написанной рѣчованною прозою похвалы художества самому себѣ, то для нея Спаарій воспользовался готовой статьей. Анализъ этой статьи приводитъ къ убѣжденію, что она была составлена въ первой половинѣ XVI вѣка, а переведена (или точнѣе передѣлана) на русскій языкъ въ концѣ XVI—началѣ XVII вѣка.

Библиологическое общество. 15-го марта, состоялось общее собраніе членовъ общества, которое открылъ В. Ѳ. Боцяновскій рѣчью, посвященной памяти скончавшагося на-дняхъ почетнаго члена общества А. Н. Неустроева. Охарактеризовавъ покойнаго, какъ выдающагося труженика на поприщѣ русской библіографіи и собиранія книгъ, г. Боцяновскій отмѣтилъ въ немъ отсутствіе тѣхъ чертъ, которыя такъ свойственны большинству собирателей. Любовь къ книгамъ у А. Н. Неустроева была чужда коллекціонерства. Онъ собиралъ книги для общаго пользованія, и еще за годъ до смерти предложилъ свою огромную библіотеку въ даръ Библиологическому обществу. Собраніе почтило память покойнаго вставаніемъ. Затѣмъ А. В. Андреевъ прочелъ весьма интересный рефератъ о «Дюма въ Россіи». Г. Андреевъ, проштудировавъ сочиненіе Дюма, подробно остановился прежде всего на описаніи той личины, которую принялъ на себя Дюма во время этого путешествія. Судя по описанію

г. Андреева, на насъ этотъ путешественникъ, украсившій себя множествомъ всякихъ медалей и орденовъ, долженъ былъ бы произвести впечатлѣніе заѣзжаго фокусника. Вездѣ его именовали «превосходительствомъ», а онъ противъ этого ничего не имѣлъ. Затѣмъ г. Андреевъ извлекъ изъ описанія этого путешественника цѣлый рядъ подробностей, интересныхъ для характеристики русскаго быта того времени. Особенно подробно остановился г. Андреевъ на разсказѣ Дюма о Григоровичѣ, Некрасовѣ, Панаевѣ, графини Ростопчиной и привелъ сдѣланныя имъ характеристики журналовъ того времени. Во время оживленныхъ преній по поводу доклада, въ которыхъ принимали участіе академикъ В. И. Ламанскій, Ѳ. А. Витбергъ и др., были представлены карикатуры на Дюма и сдѣлано указаніе на необходимость заняться выясненіемъ взаимоотношеній иностранныхъ и русскихъ писателей. Второй докладчикъ привать-доцентъ В. Н. Перетцъ изложилъ подробно много нашумѣвшую въ свое время исторію, вызванную стихотвореніемъ Ломоносова «Гимнъ бородѣ». Гимнъ этотъ, сатирически воспѣвавшій бороду, угрожалъ Ломоносову большими неприятностями и въ синодѣ даже былъ составленъ уже докладъ, требовавшій привлеченія Ломоносова къ отвѣтственности. Инициативу въ этомъ походѣ противъ Ломоносова до сихъ поръ приписывали злополучному Третьяковскому. Г. Перетцъ, основываясь на найденныхъ пмъ въ архивѣ кievскаго Софійскаго собора письмахъ, весьма убѣдительно доказалъ, что обвиненіе это лишено всякихъ основаній. Рефератъ этотъ, вѣроятно, появится на страницахъ издающагося обществомъ «Литературнаго Вѣстника».

Объ упрощеніи русскаго правописанія. 29-го марта въ совѣщаніи объ охранѣ чистоты русской рѣчи А. С. Будиловичъ (бывшій ректоръ Юрьевскаго университета, славистъ) сдѣлалъ въ «Русскомъ Собраніи» довольно обширныя замѣчанія на возбужденный недавно, много нашумѣвшій докладъ московскихъ педагоговъ по вопросу объ упрощеніи русскаго правописанія. Московскій «докладъ»,—началъ ораторъ,—заслуживаетъ особаго вниманія Русскаго Собранія, поставившаго задачей заботу объ охранѣ чистоты русскаго языка. Какъ извѣстно, недовольство русской орфографіей началось довольно давно. При московскомъ учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній была образована особая коммиссія, полагавшая ходатайствовать объ улучшеніи русскаго правописанія, но фактическихъ результатовъ коммиссія не проявила. Затѣмъ при Московскомъ университетѣ возникло педагогическое общество, куда вошли многіе члены прежней технической коммиссіи и гдѣ предсѣдателемъ былъ профессоръ Брандтъ, секретаремъ г. Казанскій, а наиболѣе дѣятельными членами гг. Смирновъ и Баженовъ. Результатомъ работъ этой группы лицъ и былъ пресловутый «докладъ» 1901 года объ упрощеніи русской орфографіи. Такъ какъ возникалъ довольно жгучій вопросъ о реформѣ средней школы, то являлось благовременнымъ и полезнымъ, по мнѣнію «доклада», устранить формализмъ русскаго языка. Наше правописаніе,—трактуетъ «докладъ»,—не выполнимо въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для доказательства и иллюстраціи этого положенія сдѣланъ былъ одинаковый диктантъ 1.739 учащимся въ среднихъ школахъ Москвы, и въ результатѣ оказались 9.444 ошибки въ правописаніи. Единственный выходъ, какъ говорилъ

«докладъ», это пониженіе требованій въ данномъ отношеніи къ учащимся и коренной пересмотръ правописанія съ повтореніемъ пересмотра періодически. Въ виду несомнѣнной трудности орфографіи нужно, по словамъ «доклада», примѣнить звуковой методъ, чтобы знаки письма соотвѣтствовали звукамъ. Такія слова, какъ миръ (съ восьмеричнымъ знакомъ) и міръ (съ десятеричнымъ) нечего отличать; необходимо исключить буквы ѣ, ъ, ипсилонъ, і, ѳ, ставить мягкій знакъ въ исключительныхъ случаяхъ, послѣ шипящихъ писать ы, напримѣръ въ словѣ жыръ; далѣе, всегда нужно писать: злого, ее (а не ея), они (а не онѣ), о Василіе (а не п или ѣ). Но въ московскомъ «докладѣ» нѣтъ какихъ либо новыхъ теоретическихъ данныхъ и соображеній: въ немъ много неясностей, произвольностей и внутренняго разногласія, что детально выяснялось ораторомъ. Произведенный московскими педагогами опытъ русскихъ диктовокъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ не можетъ служить основой для упрощенія русскаго правописанія, относительно сложности и сбивчивости котораго замѣчается въ московскомъ «докладѣ» еще и крайнее преувеличеніе. Произведены опыты сравненія разныхъ величинъ: школъ классическихъ, реальныхъ и женскихъ. Ученицы оказались грамотнѣе учениковъ, а изъ послѣднихъ лица 4-го класса оказались грамотнѣе, чѣмъ старшаго 7-го, такъ что несомнѣнны ошибки въ методѣ сравненія. Притомъ множество указывается мелкихъ ошибокъ, въ родѣ того, что слово «вѣмцы» написано не съ маленькой буквы, а со средней, похожей на большую. Опытъ одной Москвы распространенъ на всю Россію. Въмѣсто того, чтобы изслѣдовать, не плохи ли учебники, удовлетворительно ли преподаваніе, не плохи ли учителя, не мало ли уроковъ и времени на уроки, московскіе педагоги свалили всю отвѣтственность на чужую голову: на формализмъ орфографіи и на неумѣнье ставить буквы. Проектъ московскихъ педагоговъ вовсе не соотвѣтствуетъ тѣмъ этимологическимъ основамъ нашего правописанія, которыя «докладъ» признаетъ обязательными для него. Еще менѣе удовлетворителенъ онъ при историческомъ взглядѣ на русское правописаніе. Ссылка доклада на предстоящее преобразование средней школы въ данномъ случаѣ не убѣдительна. Допущеніе упрощеннаго правописанія въ наши школы привело бы къ ихъ отторженію отъ общей литературы и послужило бы источникомъ новой смуты въ умахъ учениковъ. Новыя правила могли бы породить новыя ошибки; примѣръ московскихъ педагоговъ могъ бы побудить и другихъ, такъ что министерству народнаго просвѣщенія и академіи наукъ пришлось бы только и заниматься вопросами російской орфографіи; оказалось бы необходимымъ для новаго поколѣнія перепечатать всѣ старыя изданія, вплоть до лѣтописей, отчего могъ бы образоваться какъ бы разрывъ между отцами и дѣтьми. Западныя, а въ частности славянскія аналогіи и опыты упрощенія правописанія говорятъ не за проектъ, а скорѣе противъ него. Россія слишкомъ велика, и мы слишкомъ любимъ ее, чтобы производить эксперименты въ родѣ неудачныхъ буковинскихъ. Да и наличность важныхъ задачъ нашего времени не позволяетъ отвлекать вниманіе общества и школы къ столь второстепеннымъ и неважнымъ вопросамъ, какъ измѣненія правописанія.

Архивные материалы о Грибоѣдовѣ. Въ архивѣ эриванскаго губернскаго правленія есть три дѣла 1828—1829 г.г., относящихся къ Грибоѣдову: 1) начесть назначенія статскаго совѣтника Грибоѣдова полномочнымъ министромъ въ Персію; 2) письма Амбургера (тогдашняго нашего консула въ Тавризѣ), Грибоѣдова и другихъ; 3) о перевозѣ тѣла полномочнаго министра Грибоѣдова изъ Тегерана. Во второмъ дѣлѣ находятся три письма на имя тогдашняго эриванскаго губернатора князя А. Г. Чавчавадзе съ подлинными собственноручными подписями Грибоѣдова, изъ которыхъ одно состоитъ изъ словъ «статскій совѣтникъ А. Грибоѣдовъ», а два другія—«Александръ Грибоѣдовъ». Въ дѣлѣ о перевозкѣ тѣла имѣется списокъ вещей, найденныхъ въ нашей миссіи въ Тегеранѣ послѣ разгрома ея, которая принадлежали лично Грибоѣдову. Въ числѣ ихъ описано 11 лошадей, которыя были высланы въ Россію и уже на дорогѣ, въ Эриванской губерніи, были проданы для сокращенія расходовъ по ихъ доставкѣ,—а также списокъ столоваго серебра и пр. Въ списокѣ перечислены и другія вещи съ указаніемъ, кому изъ состава миссіи онѣ принадлежали. Знатокамъ грибоѣдовской литературы не мѣшало бы повнимательнѣе изслѣдовать этотъ архивъ и позаботиться о сохранности могущихъ найтись материаловъ.

Программа для собиранія народныхъ пѣсень. Музыкально-этнографическая комиссія при этнографическомъ отдѣлѣ общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи выпустила въ свѣтъ составленную подъ редакціей секретаря комиссіи, А. Л. Маслова, брошюрку «Программа для собиранія народныхъ пѣсень и другихъ музыкально-этнографическихъ материаловъ». Программа эта заключаетъ въ себѣ рядъ указаній, необходимыхъ для записывателей памятниковъ народнаго творчества, особенно тѣхъ, которые не получили спеціально-музыкальнаго образованія. Брошюрка высылается бесплатно всѣмъ желающимъ. Адресъ для полученія ея: Москва, Дашковскій этнографическій музей, предсѣдателю музыкально-этнографической комиссіи Н. А. Янчуку.

Русское общество дѣятелей печатнаго дѣла. 20-го марта, Я. А. Канторовичъ ознакомилъ многочисленныхъ слушателей съ развитіемъ книжной торговли съ древнѣйшихъ временъ, съ организаціей и законодательными мѣрами по книжной торговлѣ въ западно-европейскихъ государствахъ и съ союзами книгопродавцевъ и издателей за границей. Въ общемъ законодательныя мѣры относительно книжной торговли, дѣйствующія въ Германіи, Австріи, Англии и другихъ государствахъ, а также и въ Россіи, мало чѣмъ разнятся между собою. Подъ влияніемъ все болѣе и болѣе усиливающагося международнаго общенія книжная торговля во всѣхъ государствахъ, а особенно въ Германіи, достигла огромныхъ размѣровъ. Однако, по мнѣнію докладчика, однимъ изъ серьезныхъ соперниковъ книжной торговли является, благодаря своей дешивизнѣ, періодическая печать, ростъ и распространеніе которой принимаетъ за послѣдніе время гигантскіе размѣры. Самымъ же большимъ зломъ для книжной торговли г. Канторовичъ считаетъ конкуренцію между книгопродавцами, часто переходящую за границы дозволеннаго и выражающуюся въ томъ, что книгопродавцы, особенно крупныя, дѣлаютъ покупателямъ значительныя скидки съ объявлен-

ныхъ цѣнъ и тѣмъ убиваютъ своихъ конкурентовъ. Какъ ни желательно удешевленіе книгъ, но удешевленіе путемъ неправильной конкуренціи несомнѣнно создастъ въ концѣ концовъ тяжелыя условія для книготорговли. Затѣмъ большая опасность для книжной торговли грозитъ и со стороны низкопробной литературы, которая тормозитъ распространеніе солидныхъ и полезныхъ изданій. Все это породило созданіе союзовъ книгопродавцевъ и издателей, цѣль которыхъ — бороться съ неблагоприятными условіями, подрывающими книжную торговлю и издательское дѣло. Союзы образовались въ Германіи, Австріи, Швейцаріи, Франціи, Бельгіи, Англии, Италіи, Голландіи, Швеци. Нѣкоторые союзы издателей ведутъ особые списки, въ которые заносятся фамиліи книгопродавцевъ, оказавшихся неаккуратными плательщиками и вообще недобросовѣстно исполняющими принятія на себя обязательства. Однако указанные національныя организаціи, созданныя для защиты книгоиздательскаго дѣла, не всегда успѣшно могутъ бороться съ разными злоупотребленіями; это обстоятельство вызвало попытку организовать международныя съѣзды издателей. На лондонскомъ съѣздѣ, бывшемъ въ 1899 г., указывалось на общіе недуги, которыми страдаетъ книжная торговля повсемѣстно. Между прочимъ, на съѣздѣ разсматривались вопросы о созданіи національныхъ библиографій по одинаковымъ принципамъ, о правѣ на заглавіе сочиненія, о необходимости продажи книгъ изъ книжныхъ магазиновъ по номинальнымъ цѣнамъ и о мѣрахъ для опредѣленія кредитоспособности книгопродавцевъ. Одними съѣздами издателей международныя мѣропріятія по улучшенію книжной торговли, конечно не ограничатся. Съ теченіемъ времени несомнѣнно возникнутъ и международныя организаціи книгопродавцевъ, потребность въ которыхъ уже чувствуется.

Географическое общество. I. 1-го марта, въ засѣданіи отдѣленія географіи математической и физической, Д. В. Ивановъ сдѣлалъ сообщеніе—«По Берингову морю. Очерки побережья Аляски и Чукотскаго полуострова». Въ то время какъ мы пробавляемся самыми скудными и случайными свѣдѣніями относительно нашихъ береговъ Берингова пролива, американцы кладутъ огромныя заботы для изученія и охраненія прилежащихъ къ нему своихъ владѣній, не оставляя безъ вниманія и жестоко эксплуатируя нашихъ чукчей веденіемъ съ ними мѣнновой торговли. Экспедицію г. Богдановича въ 1900 году на Чукотскій полуостровъ можно считать началомъ новой эры въ изученіи мало извѣстнаго намъ края. Г. Богдановичъ указалъ признаки золота во многихъ мѣстахъ Чукотскаго полуострова и куда должны быть направлены дальнѣйшіе поиски за нимъ, а именно въ глубь страны. Цѣль экспедиціи Д. В. Иванова заключалась въ дальнѣйшемъ изученіи золотоносности Чукотскаго полуострова. Путешествіе свое докладчикъ предпринялъ болѣе окружнымъ, но несомнѣнно болѣе скорымъ и удобнымъ путемъ, т. е. черезъ Америку и Аляску. Промышленная и экономическая жизнь Аляски необычайно широко развилась и забила ключомъ за послѣднее короткое время, благодаря открытію тамъ многочисленныхъ залежей золота; коммерческимъ и промышленнымъ центромъ ея является городъ Нома, возникшій всего 2 года назадъ и имѣющій теперь уже нѣсколько тысячъ жителей, большіе магазины, отели,

банки, 2 ежедневныя газеты и т. п. Всѣ расчеты и расплаты происходятъ тамъ только на чистое золото—самородками или пескомъ; своеобразная жизнь города сложилась по общему типу американскихъ городовъ; въ немъ уже появились консульства большинства европейскихъ государствъ, строится большой католическій соборъ. Золотопромышленность въ Аляскѣ прогрессивно увеличивается, въ настоящее время она идетъ вглубь страны и вверхъ по горнымъ рѣчкамъ; прииски соединены желѣзнодорожными вѣтвями, проложенными прямо по тундрамъ; аппараты для разработки и сама разработка золота крайне несовершенны и неправильны; золотоносность же номскаго округа довольно велика, тамъ находятъ самородки цѣнностью до двухъ тысячъ долларовъ. На Чукотскомъ полуостровѣ докладчику хотя и не удалось въ настоящую поѣздку въ своихъ геологическихъ изысканіяхъ обогнуть Беринговъ проливъ, какъ это предполагалось, но тѣмъ не менѣе имъ были обследованы многія новыя мѣста, при чемъ установлена несомнѣнная золотоносность почвы, хотя пока и небольшая (до 2¹/₂ золотниковъ на 100 пудовъ). Попутно съ своими спеціальными работами Д. В. Ивановъ обратилъ вниманіе на крайне ненормальное положеніе торговыхъ отношеній между чукчами и американцами. Торговля эта ведется на самыхъ эксплуататорскихъ началахъ: американцы, приобретаая за безцѣнокъ, большею частью вымѣнивая у чукчей за самыя плохіе и непрактичныя для послѣднихъ товары дорогую пушнину, моржевые клыки, китовый усъ, продаютъ ихъ за огромныя деньги (напримѣръ, пару моржевыхъ клыковъ за 15, 20 долларовъ) въ городѣ Номѣ. Необходимо положить конецъ такому положенію вещей и расхищенію нашихъ богатствъ. Для этого нужно установить болѣе раціональное крейсерство для охраны нашихъ водъ, обстроить два казацкихъ поста на мысахъ Чаплинѣ и Дежневѣ, запретить совершенно вывозъ оленей на Аляску, на которой ихъ нѣтъ, и куда они вывозятся въ огромномъ количествѣ, устроить русское консульство въ Номѣ, рядъ складовъ на Чукотскомъ полуостровѣ, водворить мелкую кустарную промышленность; желательно также устройство хотя бы одного миссіонерскаго стана для просвѣщенія чукчей. При настоящемъ напряженіи промышленной жизни на Аляскѣ въ то время, когда американцы крайне нуждаются въ продуктахъ Чукотскаго полуострова, одѣваясь исключительно въ произведенія нашей промышленности, торговля наша естественно должна направиться этимъ путемъ. Что касается золотопромышленности, то для того, чтобы подвинуть ее впередъ на Чукотскомъ полуостровѣ, слѣдуетъ упростить вопросъ о правѣ свободнаго исканія золота. II. 5-го марта, въ засѣданіи отдѣленія этнографіи И. Т. Рябининъ, извѣстный сказатель или сказитель, какъ говорятъ на Сѣверѣ, воспроизвелъ передъ многочисленной собравшейся публикой нѣсколько былинь изъ своего обильнаго репертуара. Имъ были отчасти сѣты, отчасти дословно переданы три былины: «Объ Ильѣ Муромцѣ», «О Микулѣ и Вольгѣ», «О Добрынѣ и Змѣѣ» и духовный стихъ «О Вознесеніи Христа». Былина въ передачѣ И. Т. Рябинина приобретаетъ особый интересъ, благодаря хорошей дикціи и своеобразной интонаціи, ярко подчеркивающей отдѣльныя мѣста былины и сохраняющей непосредственный юморъ народнаго русскаго эпоса;

пріятному впечатлѣнію способствуетъ также само пѣніе, его мелодичность и оригинальность напѣвовъ, отличающіяся крайней ритмичностью и совершеннымъ отсутствіемъ однообразныхъ интерваловъ. Былина «О Микулѣ и Вольгѣ» по своему мотиву очень напоминаетъ пѣсню каликъ переходящихъ въ оперѣ «Борисъ Годуновъ» Мусоргскаго. Голосъ П. Т. Рябинина, несмотря на его 60 лѣтъ, сохранилъ чистоту и свѣжесть. И. Т. Рябининъ крестьянинъ, онъ неграмотенъ, но знаетъ наизусть болѣе 6.000 стиховъ, слова и мотивы которыхъ онъ перенялъ въ точности отъ своего отца, тоже неграмотнаго крестьянина; родина и мѣстожительство Рябинина одинъ изъ острововъ Онежскаго озера—Клеменскій. Былинная традиція, по словамъ П. Т. Виноградова, сдѣлавшаго въ настоящемъ засѣданіи небольшой очеркъ о русской былинѣ и Рябининѣ, сохранилась на Сѣверѣ въ губерніяхъ Олонецкой и Архангельской во всей своей неприкосновенности. Объясненіемъ этому можетъ служить природа края, рѣдкая его расселенность, что способствуетъ стремленію разнообразить замкнутую жизнь какимъ нибудь развлеченіемъ, какимъ и является пѣніе былинъ; кромѣ того, сѣверъ даетъ и еще два необходимыхъ условія для сохраненія былинной традиціи—это консерватизмъ и поэтическое чутье, которымъ обладаютъ въ большой степени отъ природы жители Олонецкой губерніи; былины, записанныя со словъ Рябинина-отца Рыбниковымъ, составили въ 60-хъ годахъ эпоху въ русской наукѣ, до этого времени нашъ былинный репертуаръ былъ очень не великъ, было извѣстно всего 60 былинъ; по записямъ Рыбникова и Гильфердинга мы имѣемъ до 400 былинъ. Казалось бы, что этимъ долженъ былъ бы исчерпаться нашъ былинный матеріалъ, но на самомъ дѣлѣ продолжаетъ онъ до сихъ поръ обильно пополняться, и все тамъ же на сѣверѣ: г. Марковъ, на примѣръ, собралъ въ настоящее время въ Архангельской губерніи 120 былинъ, и многія изъ нихъ поютъ о новыхъ богатыряхъ, имена которыхъ были намъ еще неизвѣстны. Какъ попали на сѣверъ былины южныя, до сихъ поръ еще точно неизвѣстно, но зато можно утверждать, что онѣ сохранили свою цѣльность, отличаются полностью и законченностью, и, несмотря на многочисленность сказителей, типы богатырей остаются постоянно тѣми же. Количество сказителей въ настоящее время на сѣверѣ сокращается, и странно, что на это дѣйствуетъ грамотность. Грамотные, какъ, на примѣръ, и сыновья Рябинина, не заучиваютъ и не развлекаютъ себя былинами, а предпочитаютъ чтеніе книжекъ.

III. 12-го марта, въ засѣданіи по отдѣленію географіи математической и физической С. Ю. Раунеръ сдѣлалъ докладъ: «Бурные, горные потоки Туркестана и Закавказья». Такіе горные потоки въ 1896 году стоили Закавказью болѣе 1.500.000 рублей, а въ 1900 году они обошлись Закавказской желѣзной дорогѣ въ 10.000.000 рублей, при чемъ сообщеніе было прервано на нѣсколько мѣсяцевъ, да еще какъ разъ въ серіозный политическій моментъ на востокъ (армянская рѣзня); убытки, подобные, на примѣръ, уничтоженію виноградниковъ въ Нухѣ въ 1901 году, наносимые сельскому хозяйству, прямо неисчислимы. Такія явленія и бѣдствія, связанныя съ ними, должны вызывать энергическія мѣры борьбы съ ними. Успѣхъ этой борьбы прежде всего связанъ съ изученіемъ вопроса о томъ, что такое такъ назы-

ваемый селевой потокъ, какія причины и условія вызываютъ ихъ и какое сочетаніе факторовъ составляетъ ихъ грандіозность. Зная все это, можно аргіогі указать на Кавказѣ мѣста, подвергающіяся и могущія подвергнуться большимъ размывамъ. На Кавказѣ противъ дѣйствія горныхъ потоковъ принимаются нѣкоторыя мѣры: общаго характера (министерствомъ земледѣлія), какъ-то: сохраненіе горныхъ лѣсовъ, и частнаго—какъ постройки на Закавказской желѣзной дорогѣ акведуковъ, переносящихъ потоки воды черезъ полотно, но такіе акведуки, во-первыхъ, дороги (маленькій 40.000), а, во-вторыхъ, не совсѣмъ практичны, потому что трудно разсчитать ихъ пропускную способность. Въ Туркестанѣ, гдѣ за послѣднее время сильно увеличивается населеніе, и замѣчается крайняя нужда въ правильномъ орошеніи, является также необходимость борьбы противъ разрушающихъ дѣйствій горныхъ потоковъ, заваливающихъ часто русла большихъ рѣкъ; мѣры борьбы противъ горныхъ потоковъ заключаются тамъ въ способѣ, примѣненномъ докладчикомъ впервые въ Россіи,—въ устройствѣ ряда горизонтальныхъ каналовъ, поглощающихъ горныя воды и заставляющихъ ихъ проникать въ почву и выходить постепенно въ рѣки ключами. Система такихъ каналовъ заканчивается теперь по рѣкѣ Акъ-Ташѣ и даетъ прекрасныя результаты. Всѣ сооруженія по рѣкѣ Акъ-Ташѣ обойдутся приблизительно не болѣе 100.000, при чемъ получится до 150 десятинъ прекраснаго лѣса изъ деревьевъ грецкаго орѣха, которыми засаживаются самые каналы. Въ заключеніе докладчикъ предложилъ отдѣленію въ виду важности вопроса выработать программу для изученія горныхъ потоковъ, какъ это было сдѣлано нѣкогда по отношенію къ пескамъ. Предложеніе было принято, и для выработки такой программы рѣшено избрать особую комиссію.

Общество любителей естествознанія. I. 2-го марта, въ политехническомъ музеѣ при открытіи публичнаго засѣданія общества любителей естествознанія и его географическаго отдѣленія президентъ общества Д. Н. Анучинъ, сообщивъ о послѣдовавшей на-дняхъ кончинѣ членовъ общества, извѣстнаго путешественника въ Среднюю Азію генералъ-майора М. В. Пѣвцова и извѣстнаго лѣсовода, бывшаго директора Петровской сельскохозяйственной академіи Ѳ. К. Арнольда, предложилъ почтить ихъ память вставаніемъ. Затѣмъ Ю. М. Шокальскій сдѣлалъ сообщеніе—«Современныя способы картографическаго воспроизведенія земной поверхности», при чемъ демонстрировалъ образцы французскихъ, вѣмецкихъ, австрійскихъ, голландскихъ и другихъ картъ, характерныхъ по способамъ изображенія на нихъ рельефа и по различнымъ способамъ воспроизведенія. Послѣ того Д. Н. Головинъ сообщилъ о своемъ путешествіи лѣтомъ 1901 г. въ Саянскія горы, именно въ области рѣкъ Уды и Оки съ ихъ притоками до китайской границы. Сообщеніе продолжалось съ перерывомъ около двухъ часовъ и сопровождалось демонстраціей діалозитивовъ. Такъ какъ дорогъ въ этой мѣстности нѣтъ, а только тропы, да и то не вездѣ, то передвиженіе возможно только верхомъ, при чемъ приходится запасаться палаткой и всѣми припасами. За поясомъ съ преобладаніемъ луговой растительности слѣдуетъ выше 2.500 футовъ поясъ тайги, который можно раздѣлить на два, изъ коихъ болѣе высокій характеризуется

преобладаніемъ кедра. Выше 4^{1/2} тыс. фут. древесная растительность уступаетъ мѣсто кустарникамъ и, наконецъ, мхамъ, а затѣмъ слѣдуютъ скалистые вершины, подымающіяся до 8—9-ти тысячъ футовъ. Горы представляютъ то явственные хребты, то являются въ видѣ столовыхъ горъ, плоскогорій (Асхыдырь, въ верховьяхъ рѣкахъ Мкея и Бербета). Сложены горы преимущественно изъ гранитовъ, гнейсовъ и сіенитовъ, но въ одномъ мѣстѣ встрѣченъ потокъ древней лавы. На горахъ кое-гдѣ остаются лѣтомъ пятна снѣга. Въ полосѣ ниже 2^{1/2} тысячъ приходилось переносить жары до 35° Ц. въ тѣни, а въ горной полосѣ въ началѣ августа уже выпадалъ снѣгъ и температура ночью падала до—7° Ц. Край отличается обиліемъ рѣчекъ, принимающихъ выше характеръ горныхъ, мѣстами—болотъ, а въ горной полосѣ много небольшихъ озеръ. Многія изъ этихъ рѣкъ и озеръ не означены на 40-верстной картѣ, равно какъ не показаны и многія поселенія. Рѣки богаты рыбою (харіусъ), въ лѣсной полосѣ много дичи (соболь, изюбрь, кабарга, косуля, глухарь, рябчикъ), а въ полосѣ альпійскихъ травъ и мха—встрѣчаются горный козель и сѣверный олень. Населеніе рѣдкое и состоитъ изъ осѣдлыхъ удинскихъ бурятъ, кочевыхъ карагасовъ, занимающихся охотой и владѣющихъ сѣверными оленями, и окинскихъ бурятъ скотоводовъ, разводящихъ яковъ, курдючныхъ овецъ, козъ и лошадей. Удинскіе буряты и карагасы считаются христианами, но въ сущности шаманисты; они впрочемъ усвоили себѣ до нѣкоторой степени русскую культуру. Окинскіе же буряты—буддисты, и культура ихъ монгольская. Русское населеніе очень рѣдко и ютится по немногимъ займамъ: оно занимается скотоводствомъ, рыболовствомъ и отчасти также хлѣбопашествомъ и огородничествомъ. Въ полосѣ же до 2—2^{1/2} тысячъ футовъ обиліе высокихъ травъ и скудный снѣжный покровъ зимою даютъ возможность держать круглый годъ скотъ на подножномъ корму и заниматься до извѣстной степени съ успѣхомъ земледѣліемъ. II. 28-го марта, въ публичномъ засѣданіи общества любителей естествознанія К. А. Сатунинъ сдѣлалъ обширный докладъ о своихъ восьмилѣтнихъ зоологическихъ изслѣдованіяхъ на Кавказѣ. Животный міръ Кавказа представляетъ значительное разнообразіе. Референтъ изучалъ специально млекопитающихъ, но собиралъ коллекціи и по другимъ классамъ животныхъ. Въ предкавказскихъ степяхъ можно различить двѣ зоогеографическихъ области: степи сѣверо-западнаго и сѣверо-восточнаго Кавказа. Первые сходны съ южно-русскими степями: въ нихъ тѣ же грызуны (суслики, обыкновенные хояки и др.), насѣкомоядныя (обыкновенный ежъ), хищники (перевязка, волкъ и пр.). Напротивъ того, въ сѣверо-восточныхъ степяхъ, большею частью полынныхъ и солончаковыхъ, встрѣчаются: шакалъ, корсакъ, ушастый ежъ, камышевый котъ, песчанка, большой слѣпецъ, земляной заяцъ, тупшанчикъ, сайга, изъ птицъ—фазанъ и другіе характерные виды, свойственные степямъ, прилегающимъ къ Каспійскому морю. Главный кавказскій хребетъ съ его предгорьями представляетъ собою третью область, богатую эндемичными (то-есть свойственными исключительно этой области) видами: къ нимъ относятся три вида горныхъ козловъ, кавказская серна, зубръ, особый родъ мышей *Prometheomys* (открытый г. Сатунинымъ), особые виды хомяка, полевокъ; изъ птицъ—горная индѣйка, особый

видъ тетерева и др. По ту сторону главнаго хребта, начиная съ Кубинскаго уѣзда, въ низменностяхъ по р. Куръ, въ долину Аракса и по ней до Арарата идутъ степи, животный міръ которыхъ представляетъ много сходнаго съ населяющимъ Закаспійскую область. Нѣкоторыя формы, правда, обособились въ отдѣльные виды или подвиды, но въ общемъ они относятся къ тѣмъ же типамъ. Для объясненія этого факта г. Сатунинъ принимаетъ, что въ предшествовавшую современную эпоху, когда Каспійское море было мельче, поперекъ его, по линіи отъ главнаго Кавказскаго хребта къ горамъ Закаспійской области (Копетъ-дагу), шель перешеекъ, по которому и могло происходить разселеніе животныхъ видовъ. Далѣе, къ югу, въ Талышѣ (Ленкоранскомъ уѣздѣ), мы видимъ уже южныя формы—тигра, горбатаго быка (зебу), дикобраза, —зашедшія, очевидно, съ юга, изъ Персіи. Малый кавказъ и Армянское нагорье составляютъ особую область, связанную съ мало-азіатскою; здѣсь мы находимъ Безоарова козла, особый видъ горной индѣйки и др. Въ общемъ фауна Кавказа носитъ ясно выраженный азіатскій характеръ; соединеніе съ Европой установилось сравнительно поздно, только послѣ осушенія Кумо-Манычскаго пролива между Чернымъ и Каспійскимъ морями: поэтому сюда проникло мало формъ съ сѣвера и, напротивъ того, довольно много изъ Закаспійской области, Персіи, Малой Азіи. Большинство эндемичныхъ видовъ Кавказа существовало здѣсь уже въ доледниковую эпоху. Для многихъ видовъ Кавказъ послужилъ дорогою, по которой они распространились въ Европу. Вообще же животный міръ Кавказа представляетъ еще богатое поле для наблюденій, и нужно только желать чтобы множилось число его изслѣдователей. Въ томъ же запискѣ Г. А. Кожениковъ доложилъ статью П. Ю. Шмидта о зоологической станціи во Владивостокѣ, устроенной имъ при содѣйствіи общества изученія Амурскаго края въ принадлежащемъ обществу домѣ. Въ прилегающей бухтѣ и въ заливѣ Петра Великаго животная жизнь сравнительно богата; фауна напоминаетъ по своему составу фауну Нѣмецкаго моря и Атлантическаго океана, хотя виды, конечно, другіе. Г. Шмидтъ выражаетъ пожеланіе, чтобы общество любителей естествознанія обратило свое вниманіе на эту станцію и на возможность изученія при посредствѣ ея морской фауны нашей далекой окраины.

НЕКРОЛОГИ.

ЛЕНЕВЪ, Е. Ф. 27-го февраля въ Выборгѣ скоропостижно скончался на 37-мъ году жизни пианистъ и композиторъ Евгеній Федоровичъ Алеевъ. Покойный оставилъ послѣ себя рядъ изданныхъ музыкальныхъ сочиненій, которыя отличаются самобытностью таланта. (Некрологъ его: «Нов. Вр.» 1902 г., № 9359).

Баньковскій, А. К. Недавно скончался командиръ 1-го крѣпостного Зегржскаго полка полковникъ Александръ Константиновичъ Баньковскій. Получивъ военное образованіе въ Павловскомъ военномъ и Николаевскомъ инженерномъ училищахъ, покойный началъ службу въ 6-мъ понтонномъ батальонѣ, въ которомъ прослужилъ около 10 лѣтъ. Въ составѣ этого батальона, въ должности ротнаго командира, участвовалъ въ турецкой войнѣ 1877—1878 годовъ и между прочимъ въ форсированной переправѣ русскихъ войскъ черезъ рѣку Дунай у гор. Зимницы, а также при устройствѣ и содержаніи переправъ у Петрошаны, Рущука и Тульчи. Во время переправы у Зимницы былъ раненъ въ голову и въ кисть руки. Боевыя заслуги покойнаго отмѣчены орденами св. Станислава и св. Анны съ мечами и бантомъ и высочайшимъ благоволеніемъ за ситовскую переправу. Дальнѣйшая служба покойнаго протекала въ главномъ инженерномъ управленіи, гдѣ онъ прослужилъ 17 лѣтъ, занимая разныя должности. Изъ главнаго инженернаго управленія А. К. былъ назначенъ командиромъ 4-го сапернаго батальона, впоследствии командиромъ 1-го крѣпостнаго Зегржскаго полка. Изъ частной дѣятельности покойнаго можно отмѣтить его участіе въ техническомъ обществѣ. Кромѣ того, покойный сотрудничалъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ: въ «Инженерномъ Журналѣ», «Русскомъ Инвалидѣ», «Военномъ Сборникѣ», «Развѣдчикѣ» и «Новомъ Времени», преимущественно по военно-техническимъ вопросамъ, а въ 1890 году издалъ свой трудъ: «Инженерное имущество инженерныхъ войскъ и содержаніе его». Въ бытность командиромъ 4-го сапернаго

батальона покойный приступилъ къ составленію исторіи этого батальона, богатаго боевымъ прошлымъ. (Некрологъ его: «Нов. Вр.» 1902 г., № 9374).

Воронецкій, А. М. 2-го апрѣля скончался извѣстный педагогъ и преподаватель географіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Михайловичъ Воронецкій, 65 лѣтъ отъ роду. Воспитанникъ Московскаго университета, покойный большую часть жизни и трудовъ посвятилъ военно-учебнымъ заведеніямъ: онъ преподавалъ въ 1-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ бывшей учительской семинаріи военнаго вѣдомства, также въ Москвѣ, затѣмъ одинъ годъ преподавалъ въ Александровской гимназій въ Гельсингфорсѣ. Въ 1873 г., какъ выдающійся и опытный педагогъ, А. М. былъ приглашенъ преподавателемъ 3-й с.-петербургской военной гимназій (нынѣ Александровскій кадетскій корпусъ) и прослужилъ здѣсь по 1901 г. Выдающейся стороной его преподаванія была та живая наглядность, съ которой онъ излагалъ свой предметъ на урокахъ своимъ ученикамъ. Наглядность эта проявлялась въ выполненіи чертежей и рисунковъ, чѣмъ свободно владѣлъ покойный. Свою научную и практическую дѣятельность педагога А. М. проявилъ еще немалымъ количествомъ литературныхъ трудовъ, какъ по научной, такъ и по методической части, не считая множества статей по методикѣ и библиографіи учебниковъ, помѣщенныхъ имъ въ разныхъ педагогическихъ журналахъ. Кромѣ того, А. М. составилъ учебникъ общей и русской географіи Россіи; при этомъ покойнымъ А. М. составлено единственное полное пособіе для учебныхъ заведеній: «Иллюстрированная хрестоматія по географіи», которая пользуется выдающимся успѣхомъ. Кромѣ указанныхъ учебныхъ заведеній, А. М. преподавалъ еще въ Нажескомъ корпусѣ и въ придворной капеллѣ. Покойный состоялъ завѣдующимъ художественно-промышленнымъ музеемъ и кустарнымъ его отдѣломъ, членомъ комиссіи въ педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній и пользовался симпатіей и уваженіемъ, какъ своихъ товарищей, такъ и многочисленныхъ своихъ учениковъ. (Некрологъ его: «Нов. Вр.» 1902 г., № 9368).

† **Ерицовъ, А. Д.** 21-го февраля въ Тифлисѣ скончался довольно извѣстный дѣятель въ области изученія кавказской археологіи и исторіи—Александръ Давидовичъ Ерицовъ (Ерицянтъ). Покойный родился въ Тифлисѣ, въ 1841 г., воспитывался въ мѣстной армянской духовной семинаріи, а затѣмъ въ гимназій; службу началъ въ казенной палатѣ, затѣмъ участвовалъ въ кавказской археологической комиссіи (подъ предсѣдательствомъ А. П. Берже); принималъ участіе въ русско-турецкой кампаніи 1877—1878 гг. въ качествѣ чиновника особыхъ порученій и, наконецъ, работалъ въ комиссіи Тикѣева по изученію экономическаго быта государственныхъ крестьянъ закавказскаго края. Какъ историкъ и литераторъ, А. Д. извѣстенъ цѣлымъ рядомъ своихъ трудовъ и статей, разсѣянныхъ по издававшимся и издающимся въ Тифлисѣ русскимъ и армянскимъ газетамъ и журналамъ. Изъ нихъ укажемъ: рядъ статей, въ «Новомъ Обзорѣннѣ», подъ заглавіемъ Изъ кавказской старины, трактующихъ о нѣкоторыхъ спорныхъ вопросахъ изъ исторіи Арменіи и Грузіи, статью, посвященную грузинскому наслѣднику царевичу Давиду, въ «Кавказскомъ Вѣстникѣ» за 1900 г., въ № 1; нѣсколько статей съ издававшимся имъ съ

1872 г. журналъ «Кавказская Старина»; обширный трудъ: Патріархъ всѣхъ армянъ Нерсесъ V и князь М. С. и княгиня Е. К. Воронцовы въ ихъ частной перепискѣ (Тифлисъ, 1898), и статьи, напечатанныя въ «Трудахъ» V-го археологическаго съѣзда (О сектѣ тондракскихъ армянъ), а также въ «Протоколахъ» подготовительнаго комитета этого съѣзда (Татевскій монастырь; Смерть и погребальныя обычаи у армянъ; Отчетъ о поѣздкѣ по Карской области и др.). Будучи страстно преданъ археологій, покойный Ерицовъ принималъ энергичное участіе во всемъ, что такъ или иначе могло содѣйствовать развитію археологическихъ занятій на Кавказѣ. Онъ часто читалъ публичныя лекціи по археологій края и довольно долго преподавалъ курсъ археологій въ армянской духовной семинаріи. Какъ любитель старины, покойный цѣлую жизнь собиралъ рукописи и вообще имѣющіе какую либо цѣнность документы (грамоты, письма и т. д.). Многое изъ написаннаго имъ основано на его же собственномъ архивномъ собраніи. Какъ человѣкъ, покойный пользовался всеобщимъ уваженіемъ, какъ скромный, честный труженникъ.

† **Иосифъ.** 26-го марта скончался въ Петербургѣ преосвященный Іосифъ, епископъ михайловскій, викарій рязанской епархіи. Покойный—кандидатъ Кіевской духовной академіи выпуска 1863 года, уроженецъ тульской епархіи, въ мірѣ Никодимъ Андреевичъ Соколовъ, родился 24-го октября 1835 г. По окончаніи академическаго курса назначенъ былъ на духовно-учебную службу преподавателемъ въ волынскую духовную семинарію; 20-го іюля 1867 г. рукоположенъ во священники и назначенъ законоучителемъ сувалкской мужской гимназіи, а въ 1878 г. перемѣщенъ на ту же должность въ виленскую гимназію; въ 1885 г. по смерти жены постриженъ былъ въ монашество, возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ ректоромъ литовской духовной семинаріи; 15-го декабря 1891 г. хиротонисанъ во епископа брестскаго; 24-го мая 1897 г. перемѣщенъ на кафедру епископа острогожскаго, викарія воронезской епархіи, и съ 31-го января 1900 г. находился викаріемъ рязанской епархіи, епископомъ михайловскимъ, гдѣ въ то же время настоятельствоваъ въ рязанскомъ Спасскомъ второклассномъ монастырѣ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902 г., № 9362).

† **Казанскій, Н. П.** Въ апрѣлѣ скончался дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Петровичъ Казанскій, состоявшій при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Покойный по окончаніи курса естественныхъ наукъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ началъ службу въ канцеляріи новороссійскаго генералъ-губернатора, потомъ занималъ должность правителя канцеляріи академіи наукъ и долго состоялъ преподавателемъ ботаники въ Технологическомъ институтѣ. Въ это время онъ принималъ живое участіе въ разработкѣ разныхъ вопросовъ въ обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ. Изъ его работъ, представляющихъ особый интересъ, слѣдуетъ указать на впервые появившіяся въ русской печати «О чай и джутъ». (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9364).

† **Лазаревскій, А. М.** Въ Кіевѣ скончался 31-го марта Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій, извѣстный историкъ Малороссіи, многочисленные исто-

рические труды котораго, какъ основанные на первоисточникахъ, навсегда останутся въ высокой степени важнымъ и высоко цѣннымъ вкладомъ въ дѣль изученія исторіи украинскаго народа. По мнѣнію такого компетентнаго писателя, какъ профессоръ В. А. Мякотинъ, высказанному въ 1896 году, «Лазаревскій, по справедливости, считается лучшимъ знатокомъ малорусской исторіи». Дѣйствительно Лазаревскій открылъ многіе неизвѣстные до него источники, иные изъ нихъ издалъ, а на иныхъ основалъ свои работы, въ которыхъ разъяснилъ много до него спорныхъ вопросовъ по исторіи Малороссіи гетманскаго періода. Такъ, пользуясь черниговскими и кіевскими архивами, Лазаревскій доказалъ, изучая внутреннюю исторію Малороссіи XVII и XVIII вѣковъ, что крѣпостные порядки установлены были въ народѣ, благодаря казачьимъ властямъ (сосредоточивавшимъ въ своихъ рукахъ власти судебную и исполнительную), то-есть, что крѣпостное право не было внесено въ Малороссію извнѣ, какъ прежде думали. Превніе историки Малороссіи (Вантышъ-Каменскій, Марковичъ, Кулишъ, Костомаровъ и другіе) занимались преимущественно ея внѣшней, политической исторіей; Лазаревскій же посвятилъ себя исключительно внутренней ея исторіи, исторіи социальныхъ и культурныхъ формъ малорусскаго народа, и въ этомъ его главная заслуга. Кромѣ низшихъ классовъ народа, Лазаревскій изучалъ и бытъ другихъ сословій Малороссіи, ея финансы, администрацію и проч. Работалъ онъ надъ изученіемъ Малороссіи около пятидесяти лѣтъ.

А. М. Лазаревскій родился въ 1834 году, въ г. Конотопѣ, Черниговской губерніи (прадѣдомъ его былъ конотопскій казакъ, а отецъ состоялъ конотопскимъ уѣзднымъ судьей). Еще будучи въ Черниговѣ на гимназической скамьѣ, Лазаревскій началъ издавать свои первые труды. Таковы были его книжки: «Чуры или Цюры» (Черниговъ, 1853 г.), «А. В. Золотаренко, полковникъ нѣжинскій XVII вѣка» (Ч., 1853), «Нѣжинскіе полковники» (Ч., 1854), «Серагистическая замѣтка» (Ч., 1854). Немало его статей по исторіи и библиографіи Малороссіи было помѣщено въ «Черниг. Губ. Вѣд.» за 1853—1858 г.г.

Окончивъ черниговскую гимназію, Лазаревскій поступилъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета и, находясь въ университетѣ, напечаталъ «Библиографическія замѣтки по русской литературѣ» (Спб., 1857, о Новиковѣ, Воейковѣ, Пушкинѣ и Д. В. Давыдовѣ) и весьма цѣнный и полный библиографическій трудъ: «Указатель источниковъ для исторіи Малороссіи» (Спб., 1858). Тогда же, по порученію академіи наукъ, собралъ въ разныхъ монастырскихъ архивахъ матеріалы для исторіи русскаго хронографа (этотъ трудъ напечатанъ въ «Извѣстіяхъ академіи наукъ», т. VIII, вып. 5, и т. IX, вып. 2, а также изданъ и отдѣльно, въ 2-хъ выпускахъ: Спб., 1860). Затѣмъ Лазаревскій помѣстилъ нѣсколько статей по исторіи русской литературы—о Пушкинѣ, Грибоѣдовѣ и Сумароковѣ—въ «Библиографическихъ Запискахъ» (1861 г., №№ 4 и 19) и работалъ въ «Черниговскомъ Лесткѣ» 1861 г.

Окончивъ университетъ и прослуживъ около 4-хъ лѣтъ бібліотекаремъ у графа А. С. Уварова (при чемъ составилъ каталогъ его собранія рукописей), Лазаревскій всю свою остальную жизнь прослужилъ на роднѣ: сперва (съ

1861 г.) по крестьянскимъ учрежденіямъ Черниговской губерніи. Объ этомъ времени своей жизни онъ напечаталъ любопытные для исторіи введенія крестьянской реформы «Отрывки изъ черниговскихъ воспоминаній 1861—1863 гг.» (Кіевъ, 1901). Затѣмъ онъ служилъ до конца по судебному вѣдомству и умеръ, состоя членомъ кіевской судебной палаты.

Кромѣ упомянутыхъ трудовъ, Лазаревскому принадлежитъ еще рядъ слѣдующихъ работъ:

«Свѣдѣнія о дѣтствѣ поэта Шевченко», «Свѣдѣнія о церковныхъ школахъ и богадѣльняхъ въ старой Малороссіи XVIII вѣка» (въ журналѣ «Основа» 1861 г.), «Очерки старѣйшихъ дворянскихъ родовъ Черниговской губерніи», «Малороссійскіе посполитые крестьяне» (въ «Запискахъ черниговскаго статистическаго комитета», книга I и II, вып. 1 и 2), «Очерки изъ жизни старой Малороссіи», «Очерки малороссійскихъ фамилій», «Павель Полуботокъ» (въ «Русск. Архивъ» 1871, 1873, 1875 и 1876 гг.), рядъ историческихъ изслѣдованій въ журналѣ «Кіевская Старина», изъ которыхъ особенно важны: «Люди старой Малороссіи» (1882 и 1884—1888 гг.), «Изъ исторіи сель и селянъ лѣвобережной Малороссіи», «Полтавщина въ XVII вѣкѣ» (1891 г., №№ 1, 9 и 11) и др. статьи въ томъ же журналѣ по 1901 годъ включительно. Отдѣльно онъ за это время издалъ историческія и историко-юридическія изслѣдованія по архивнымъ документамъ: «Обозрѣніе Румянцевской описи Малороссіи» (Черниговъ, 1866—1885, 4 выпуска), «Сулиминскій архивъ» (Кіевъ, 1884), «Историческіе очерки сель Конотопскаго уѣзда» (Черниговъ, 1886), «Описаніе черниговскаго намѣстничества Пащенко», «Архивные отрывки для исторіи полтавской епархіи» (Полтава, 1887), «Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря» (Кіевъ, 1889), «Историко-статистическія свѣдѣнія о населенныхъ мѣстностяхъ Конотопскаго уѣзда» (Кіевъ, 1890), «Историческій очеркъ Батурина», 1625—1760 гг.» (Кіевъ, 1892), «Матыжинскій архивъ» (Кіевъ, 1890), «Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи» (Кіевъ, 1891—1899, 5 выпусковъ). «Акты по исторіи землевладѣнія въ Малороссіи, 1636—1730 г.г.» (Кіевъ, 1891), «Лубенщина и князя Вишневецкіе, 1590—1548 гг.» (Кіевъ, 1896), «Замѣчанія по исторической монографіи Д. П. Миллера о малороссійскомъ дворянствѣ и о статutowыхъ судахъ» (Харьковъ, 1897), «Отрывки изъ дневника гетманской канцеляріи» (Кіевъ, 1897), «Старинные польско-русскіе календари» (Кіевъ, 1900), «Украинскія литературныя мелочи» (Кіевъ, 1901) и другіе.

Но главнымъ и капитальнымъ историческимъ трудомъ (къ сожалѣнію, недоконченнымъ) Лазаревскаго является «Описаніе старой Малороссіи» (1-й выпускъ 1-го тома изданъ былъ въ Кіевѣ въ 1888 г., 2-й выпускъ того же тома—въ 1889 г., 2-й томъ вышелъ въ 1893 г., а 3-й томъ только что появился въ текущемъ 1902 году). Въ этомъ трудѣ находится много свѣдѣній о заселеніи, землевладѣніи и управленіи въ Черниговскомъ краѣ. (Некрологъ его: «Новости» 1902 г., № отъ 7-го апрѣля; «Новое Время», 1902 г., № 9367).

Модестъ. 13-го апрѣля, въ Житомирѣ внезапно скончался высокопреосвященный Модестъ, архіепископъ волинскій и житомирскій, 78 лѣтъ отъ роду. Скончавшійся архіепископъ—уроженецъ подольской епархіи, въ мирѣ Да-

ніялъ Константиновичъ Стрѣльбицкій, по окончаніи курса въ подольской духовной семинаріи принялъ монашество. Въ санѣ іеромонаха окончилъ по первому разряду курсъ въ кievской духовной академіи и удостоенъ магистра богословія. Далѣе въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ посвятилъ себя педагогической дѣятельности, занималъ должности: смотрителя слѣдующаго духовнаго училища, инспектора литовской и черниговской духовныхъ семинарій, ректора иркутской семинаріи. Въ 1876 году, состоялось его назначеніе епископомъ екатеринбургскимъ, викаріемъ пермской епархіи. Затѣмъ почившій состоялъ епископомъ люблинскимъ, викаріемъ холмско-варшавской епархіи, епископомъ нижегородскимъ и съ 1889 года управлялъ волынской епархіей. Покойный имѣлъ всѣ російскіе ордена до св. Александра Невскаго включительно и брилліантовый крестъ на клобукѣ, въ санѣ архіепископа возведенъ былъ въ 1892 г.

Муравьевъ А. В. 15-го апрѣля скончался въ Митавѣ отъ разрыва сердца, на 39-мъ году жизни, курляндскій вице-губернаторъ Александръ Валерьяновичъ Муравьевъ, братъ министра юстиціи. Отецъ его былъ 60-хъ годахъ псковскимъ губернаторомъ, затѣмъ сенаторомъ, а мать рожденная Мирковичъ, была дочерью виленскаго генералъ-губернатора генерала-отъ-инфантеріи Ѳ. Я. Мирковича (въ 40-хъ годахъ). Роднымъ дядей почившаго былъ знаменитый Муравьевъ-Амурскій, а дѣдомъ—Н. Н. Муравьевъ, близкимъ родственникомъ приходился и Муравьевъ-Виленскій. Близкое родство съ носителями столькихъ славныхъ именъ наложило извѣстный отпечатокъ на все міросозерцаніе покойнаго, которое можетъ быть охарактеризовано однимъ словомъ—русское. Эти глубоко русскіе взгляды покойнаго на окраины были особенно цѣнны. Александръ Валерьяновичъ воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ и въ качествѣ камеръ-пажа сопровождалъ карету государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны во время высочайшаго вѣзда въ Москву на торжество св. коронованія въ 1883 г. Затѣмъ, прослуживъ нѣсколько лѣтъ офицеромъ въ л.-гв. Преображенскомъ полку, А. В. опредѣлился земскимъ начальникомъ въ Новгородской губерніи, гдѣ находится родовое имѣніе Муравьевыхъ, а въ 1894 г. пожалованъ въ камеръ-юнкеры и назначенъ курляндскимъ вице-губернаторомъ. Онъ былъ также почетнымъ мировымъ судьей въ Митавѣ и Новгородѣ. Перу его принадлежатъ «Записки помѣщика», изданныя въ Петербургѣ въ 1889 г. подъ псевдонимомъ А. Аверьянова, и нѣсколько статей въ «Новомъ Времени» (Некрологъ его: «Новое Время», 1902, № 9382).

В. П. Острогорскій. В. П. родился въ 1840 году, учился сперва въ первой, потомъ въ третьей петербургской гимназіи, окончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ на историко-филологическомъ факультетѣ. Въ студенческіе годы ему пришлось испытать жизнь пролетарія. «Всѣ денежные ежемѣсячные ресурсы мои,—писалъ онъ въ своей автобіографіи,—заклучались въ 5 рублѣхъ, за каковыя я долженъ былъ четыре раза въ недѣлю ходить въ Колтовскую заниматься съ сыномъ одного чиновника. Часто приходилось питаться въ сухоматку однимъ ситнымъ или сайкой съ рубцомъ, а то—двумя-тремя бутербродами съ кружкой пива». Подъ вліяніемъ педагогическаго оживленія В. П., будучи студентомъ, участвуетъ вмѣстѣ съ К. Д. Кавелинымъ, В. И. Струбинскимъ, Д. К. Глинкой, А. Н. Страннолюбскимъ и

А. Н. Острогорскимъ и др. въ организациі Василеостровскаго бесплатнаго училища. Эта школа ввела покойнаго въ кружокъ лучшихъ педагоговъ того времени и имѣла рѣшающее значеніе для его выбора педагогической дѣятельности своимъ поприщемъ. Будучи горячимъ, нервнымъ и впечатлительнымъ юношей, В. П. по окончаніи университетскаго курса принялъ на себя уроки литературы въ женскомъ пансіонѣ Швидковской (нынѣ гимназія Ставиской) и одновременно занялся журналистикой, принимая участіе въ журналѣ «Учитель», въ словаряхъ Лаврова и Толя. Въ 1863 году былъ приглашенъ постояннымъ сотрудникомъ въ журналѣ «Библіотека для Чтенія» П. Д. Воборыкина по критикѣ и библіографіи и дебютировалъ статьей: «Помяловскій, его типы и очерки». Еще раньше В. П. написалъ свою юношескую комедію «Липочка». Вскорѣ онъ увлекся открытіемъ въ Петербургѣ библіотеки для чтенія г-жи Макалинской и составилъ для нея первый въ Россіи каталогъ книгъ и журнальныхъ статей и въ 1864 году былъ приглашенъ П. Н. Вѣлохой преподавать русскій языкъ и литературу въ первую военную гимназію. Съ этого момента началась официальная педагогическая служба покойнаго, не прекращавшаяся до конца его жизни. Онъ преподавалъ въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ (въ Ларинской гимназіи 19 лѣтъ, въ Коломенской женской гимназіи и другихъ), читалъ на женскихъ педагогическихъ курсахъ и драматическихъ курсахъ исторію литературы, въ послѣдніе годы основалъ въ Валдаѣ народную школу и содержалъ ее на свои средства, добываемыя тяжелымъ педагогическимъ и литературнымъ трудомъ. Валдайская школа была любимымъ дѣтищемъ покойнаго. Чувствуя свою старость, онъ изыскивалъ средства для поддержки ея существованія въ будущемъ и съ этою цѣлью образовалъ въ Петербургѣ кружокъ изъ своихъ бывшихъ учениковъ и ученицъ.

Начавъ свою дѣятельность въ то время, когда на педагогическомъ поприщѣ дѣйствовали графъ Д. А. Милютинъ, Пироговъ, Ушинскій, И. А. Вышнеградскій, Рѣдкинъ, Кавелинъ, Чистяковъ, Стоюнинъ, Водовозовъ, Резернеръ и другіе выдающіеся люди, онъ до конца своей жизни сохранилъ горячую приверженность къ идеямъ Пирогова, Ушинскаго и Стоюнина и въ теченіе всей своей дѣятельности проводилъ эти идеи, развивая ихъ на страницахъ разнообразныхъ педагогическихъ журналовъ («Народная Школа», «Семья и Школа», «Педагогическій Сборникъ», «Женское Образование», «Вѣстникъ Воспитанія» и друг.). Кромѣ того, онъ принималъ живое участіе въ обсужденіи педагогическихъ вопросовъ въ педагогическихъ собраніяхъ 60-хъ годовъ и въ петербургскомъ комитетѣ грамотности. Въ «Систематическомъ обзорѣ русской учебной народной литературы» комитета имъ редактированъ между прочимъ отдѣлъ по русскому языку. Помимо журнальныхъ педагогическихъ статей перу В. П. Острогорскаго принадлежатъ множество рассказовъ и пьесъ. Его рассказы изданы подъ заглавіями: «Изъ міра великихъ преданій», «Изъ народнаго быта», «Илья-Муромецъ», «Хорошіе люди»; его пьесы («Мгла», «Липочка», «На однѣхъ сѣняхъ», «Первый шагъ», «Въ бель-этажѣ на улицу»); изданы подъ заглавіемъ: «Изъ дальняго прошлаго; драматическіе эскизы». Особенно цѣнны его руководства по русской литературѣ и біографическіе труды: «Этюды о русскихъ писателяхъ», «Русскіе педагогическіе дѣятели»

(Пироговъ, Ушинскій и Корфъ), «Руководство къ чтенію поэтическихъ произведеній», «Бесѣды о преподаваніи словесности», «Выразительное чтеніе», «Русскіе писатели», «Родные поэты», «Двадцать биографій русскихъ писателей», «С. Т. Аксаковъ», «Письма объ эстетическомъ образованіи» и другіе. Въ послѣдніе годы В. П. редактировалъ журналъ «Міръ Божій».

Память о покойномъ будетъ долго жить среди его многочисленныхъ учениковъ, ученицъ и знакомыхъ, какъ о симпатичномъ педагогѣ, скромномъ, сердечномъ и доброжелательномъ человѣкѣ дѣла. Лучшимъ памятникомъ его можетъ быть валдайская школа, нуждающаяся въ развитіи и матеріальной поддержкѣ. (Некрологи его: «Новое Время» 1902 г., № 9367, и другія газеты отъ 1 и 2 апрѣля).

Петръ. 30-го марта скончался на 69-мъ году жизни въ Перми послѣ продолжительной болѣзни преосвященный Петръ, епископъ пермскій и соликамскій. Почившій епископъ, уроженецъ рязанской епархіи, въ мірѣ именовался Петръ Леонтьевичъ Лосевъ; среднее образованіе получилъ въ рязанской духовной семинаріи, курсъ которой окончилъ въ 1854 г.; 15-го мая 1857 г. былъ рукоположенъ во священника; въ 1862 г. по смерти жены поступилъ для продолженія образованія въ московскую духовную академию. По окончаніи академическаго курса ученія со степенью кандидата богословія опредѣленъ былъ 18-го ноября 1867 года преподавателемъ въ рязанскую духовную семинарію; въ 1868 году назначенъ инспекторомъ той же семинаріи; въ 1869 году утвержденъ въ степени магистра богословія; въ 1875 году назначенъ ректоромъ вологодской семинаріи и возведенъ въ санъ протоіерея. Въ должности ректора покойный пробылъ 13 лѣтъ до 1886 года, когда былъ постриженъ въ монашество и возведенъ въ санъ архимандрита. 28-го октября 1887 года послѣдовало высочайшее повелѣніе о бытіи архимандриту Петру епископомъ сумскимъ, викаріемъ харьковской епархіи; 22-го іюля 1889 года перемѣщенъ на кафедру епископа владикавказскаго; 3-го мая 1891 назначенъ епископомъ велико-устюжскимъ вологодской епархіи и съ 7-го мая 1892 года находился на самостоятельной кафедрѣ—пермской. Покойный пользовался извѣстностью талантливаго проповѣдника и энергичнаго дѣятеля въ области церковно-школьнаго образованія. По его инициативѣ учреждено немало благотворительныхъ обществъ и учреждений въ управляемыхъ имъ епархіяхъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9370).

† **Разцвѣтовъ, А. П.** Въ Москвѣ скончался 9-го апрѣля членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Александръ Павловичъ Разцвѣтовъ. Покойный, сынъ священника, родился въ 1823 году, учился въ рязанской духовной семинаріи, затѣмъ кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ со званіемъ лѣкаря. По окончаніи курса онъ занялъ должность ассистента въ хирургической факультетской клиникѣ Московскаго университета, защитилъ диссертацию «De stricture urethrae, quae organicae appellantur» на степень доктора медицины, былъ адъюнктомъ по кафедрѣ хирургіи и съ 1864 г. по 1876 г. читалъ оперативную хирургию въ качествѣ профессора. Выйдя въ отставку, онъ пожертвовалъ свою разнообразную и цѣнную бібліотеку московскому обществу русскихъ врачей и принималъ видное участіе въ обществѣ любителей естество-

знанія, антропологии и этнографіи въ качествѣ предсѣдателя антропологическаго отдѣла и вице-президента общества. На свои средства онъ учредилъ при обществѣ премію и медаль за антропологическія изслѣдованія. Кромѣ того онъ явился однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ комитета по устройству въ Москвѣ музея прикладныхъ знаній (состоялъ товарищемъ августѣйшаго предсѣдателя при комитетѣ Политехническаго музея) и студенческаго общежитія имени Государя Императора Николая II. Членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія А. П. состоялъ съ 1894 года и неоднократно предсѣдательствовалъ въ университетскихъ медицинскихъ испытательныхъ коммисіяхъ. (Некрологи его: «Новое Время», 1902 г., № 9377 и «Москов. Вѣд.» 1902 г., № отъ 10 апрѣля).

† **Рицони, А. А.** 18-го апрѣля скончался извѣстный живописецъ профессоръ Александръ Антоновичъ Рицони. Покойный родился въ Ригѣ 23-го января 1836 года, въ петербургской академіи былъ ученикомъ Виллевалде. Получивъ всѣ медали, онъ въ 1862 году былъ отправленъ пансіонеромъ за границу (за картину «Аукціонъ въ лифляндской корчмѣ»). Онъ объѣхалъ Бельгію, Францію, Испанію и затѣмъ поселился въ Римѣ, гдѣ и оставался до конца жизни однимъ изъ немногихъ русскихъ художниковъ, не измѣнившихъ этому городу для Парижа или Мюнхена. Въ 1868 году онъ получилъ званіе профессора за картины, бывшія на выставкѣ того же года. На нашихъ выставкахъ онъ рѣдко принималъ участіе, особенно въ послѣдніе годы; картины его прямо уходили къ заказчикамъ, преимущественно въ галереи москвичей: Солдатенкова, Трегьякова, Боткина и др. Но и въ Петербургѣ есть немало его произведеній у гг. Мицкевича, Лихтенштейна, Никонова, Грейга, Досса, Елисѣева и др. Наиболѣе характерными его произведеніями слѣдуетъ считать сцены изъ еврейскаго быта, изъ жизни римскаго простонародья, прелатовъ, и различные миниатюрные портреты. Тонкость его кисти и рисунка были замѣчательны, такъ что въ этомъ отношеніи его сравнивали съ Мейсонье. Въ послѣднее время онъ много работалъ en plein air, и манера его стала существенно измѣняться подъ вліяніемъ его новыхъ воззрѣній на искусство. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9383).

† **Розень, Ф. Ф.** 15-го марта скончался въ Казани ординарный профессоръ Казанскаго университета баронъ Фридрихъ Фридриховичъ Розень. Покойный родился 2-го мая 1834 г., образованіе получилъ на камеральномъ отдѣлѣ Ришельевскаго лицея, а затѣмъ поступилъ въ Дерптскій университетъ. Въ 1863 г. онъ защитилъ диссертацию на степень магистра естественныхъ наукъ: «Die chemische-geognostischen Verhältnisse der devonischen Formation des Dünothals in Liv—und Kurland und des Welikajathals bei Pleskau», въ слѣдующемъ году былъ приглашенъ Казанскимъ университетомъ доцентомъ по кафедрѣ минералогіи. Съ тѣхъ поръ покойный не разставался съ Казанскимъ университетомъ. Въ 1867 г. защитилъ диссертацию на степень доктора минералогіи «Ueber die Natur des Stromatoporen». Съ 1868 г. былъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ минералогіи и неоднократно исполнялъ обязанности декана физико-математическаго факультета. Одновременно съ 1880 г. преподавалъ минералогію въ казанскомъ ветеринарномъ институтѣ. Его научная дѣятельность сосредоточивалась главнымъ образомъ на изученіи

потретичныхъ образованій Поволожья и восточной Россіи. Изъ его многочисленныхъ трудовъ назовемъ: «О послѣтретичныхъ образованіяхъ по Волгѣ и Камѣ въ Казанской губерніи», «Къ вопросу о характерѣ послѣтретичныхъ образованій по Волгѣ», «Отчетъ о геологическихъ экскурсіяхъ въ 1875, 1877 и 1878 гг. въ Нижегородской, Казанской и Самарской губерніяхъ» и др. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9355).

† **Сандрыгайло, И. Я.** 27-го февраля въ Москвѣ послѣ долгой и тяжелой болѣзни скончался директоръ канцеляріи главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, начальникъ канцеляріи по военно-народному управленію Кавказскаго края и предсѣдатель сословно-поземельной комиссіи въ частяхъ края военно-народнаго управления, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Яковлевичъ Сандрыгайло. Покойный родился въ 1844 г. По окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету за представленное сочиненіе по политической экономіи былъ награжденъ золотой медалью. Государственную службу началъ въ правительствующемъ сенатѣ; одновременно читалъ финансовое и полицейское право въ бывшемъ военно-юридическомъ училищѣ (нынѣ военно-юридическая академія), затѣмъ съ 1878 по 1881 годъ состоялъ преподавателемъ финансового права и тюремнѣдѣнія въ военно-юридической академіи. Въ 1884—1885 году принималъ ближайшее и главнѣйшее участіе въ выработкѣ проекта высочайше утвержденныхъ и вошедшихъ въ сводъ законовъ правилъ о порядкѣ написанія и подачи жалобъ и прошеній, приносимыхъ въ I и II департаменты сената. Въ 1893 году былъ назначенъ членомъ московской судебной палаты, гдѣ прослужилъ почти 4 года, затѣмъ въ 1897 году вице-губернаторомъ незадолго предъ тѣмъ преобразованной Черноморской губерніи, въ 1898 году вице-директоромъ и вскорѣ директоромъ канцеляріи главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ. Въ теченіе всей своей недолгой службы въ Кавказскомъ краѣ покойный постоянно принималъ ближайшее и живѣйшее участіе во всѣхъ мѣропріятіяхъ центральной кавказской администраціи и въ разработкѣ большинства крупныхъ и многочисленныхъ реформъ въ краѣ, происшедшихъ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ. При его участіи послѣдовало множество реформъ въ Кавказскомъ краѣ, изъ которыхъ нужно упомянуть переустройство прежней земской стражи, коренное измѣненіе податной системы въ Кавказскомъ краѣ переложеніемъ государственныхъ сборовъ съ «души» на землю и многихъ другихъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1902 г., № 9361).

† **Сергій.** 13-го апрѣля въ Астрахани скончался 66-ти лѣтъ отъ роду преосвященный Сергій, епископъ астраханскій и енотаевскій. Почившій, въ мѣрѣ Александръ Серафимовъ, родился въ костромской епархіи. Высшее образованіе получилъ въ Московской духовной академіи. По окончаніи курса, въ 1866 году, со степенью магистра богословія, нѣкоторое время состоялъ преподавателемъ костромской духовной семинаріи и затѣмъ посвященъ въ священники. Въ 1878 году былъ постриженъ въ монашество и вскорѣ возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1882 г. хиротонисанъ во епископа выборгскаго, викарія с.-петербургской митрополіи. Далѣе состоялъ епископомъ ладожскимъ, епископомъ вятскимъ и съ 1896 года—астраханскимъ и енотаевскимъ. По-

койный владыка былъ извѣстенъ, какъ энергичный проповѣдникъ въ борьбѣ съ расколѣмъ и опытный администраторъ. Въ Астраханской епархіи, благодаря его трудамъ и энергіи, въ короткое время былъ организованъ цѣлый рядъ духовныхъ братствъ и церковныхъ попечительствъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9380).

† **Скворцовъ, Н. Е.** 27-го марта, на 63 году жизни, скоропостижно скончался бывшій директоръ Нѣжинскаго историко-филологическаго института Николай Ефремовичъ Скворцовъ. Высшее образованіе покойный получилъ въ Московскомъ университетѣ, на историко-филологическомъ факультетѣ. Специальностью своею онъ избралъ философію и въ этой области преимущественно сосредоточился на изученіи древнихъ греческихъ философовъ. Плодами его занятій были переводъ «Политики Аристотеля», выдержавшій два изданія, и критически философскій разборъ нѣкоторыхъ діалоговъ Платона: Менона Протагора, Феэтета и др. За послѣдній трудъ (анализъ діалога Феэтета, или Платонъ о знаніи въ борьбѣ съ сенсуализмомъ и разсудочнымъ эмпиризмомъ). Н. Е. Скворцовъ удостоенъ былъ степени доктора философіи. За труды свои по философіи онъ былъ избранъ доцентомъ по кафедрѣ философіи въ Киевскомъ университетѣ. Впрочемъ онъ недолго оставался въ этой должности. Вскорѣ онъ былъ назначенъ директоромъ 2-й харьковской гимназіи, а затѣмъ директоромъ Нѣжинскаго историко-филологическаго института. На педагогическомъ поприщѣ покойный не ограничился одною только практическою дѣятельностью, но высказалъ мнѣніе свое по разнымъ вопросамъ школьнаго дѣла во многихъ статьяхъ, частью изданныхъ отдѣльными брошюрами, частью напечатанныхъ въ разныхъ журналахъ и газетахъ. Статьи его по нѣкоторымъ педагогическимъ вопросамъ были напечатаны въ нѣмецкихъ журналахъ и встрѣчены были весьма сочувственно. Покойный былъ сторонникомъ классицизма и на гимназію смотрѣлъ, какъ на школу, наиболѣе пригодную для подготовленія къ университетскимъ занятіямъ. Въ вопросѣ о приготовленіи учителей гимназій онъ держался того взгляда, что научное свое образованіе они должны получать не въ особыхъ институтахъ, а въ университетѣ, и что педагогическая подготовка ихъ должна начинаться уже послѣ окончанія университетскаго курса. Съ 1893 г. Н. Е. Скворцовъ находился въ отставкѣ, но, несмотря на это онъ продолжалъ заниматься вопросами по педагогикѣ и философіи, и только въ послѣдніе три года онъ вынужденъ былъ прекратить свои любимыя занятія вслѣдствіе постигшаго его недуга (паралича). Умеръ онъ въ Харьковѣ на пути въ Ялту, куда онъ, по совѣту докторовъ, отправился. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9366).

† **Стуартъ, Д. О.** 1-го апрѣля скончался директоръ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, тайный совѣтникъ баронъ Дмитрій Фёдоровичъ Стуартъ. Древній дворянскій родъ Стуартовъ ведетъ свое начало изъ Шотландіи, откуда предки Дм. Фёд. переселились частью въ Швецію, частью въ Южную Германію. Въ періодъ Великой Сѣверной войны одинъ изъ Стуартовъ былъ генераль-губернаторомъ Курляндіи, и съ этого времени шведская линія Стуартовъ получила гербъ и баронское достоинство при грамотѣ Карла XII. Титуломъ этимъ пользовался и отецъ Дмитрія Фёдоровича, дѣдъ котораго пе-

ресселился въ Россію въ концѣ царствованія Екатерины II. Высочайшимъ указомъ сенату 1893 г. покойный государь Александръ III предоставилъ барону Дм. Фед. пользоваться баронскимъ Россійской имперіи титуломъ съ его нисходящимъ потомствомъ. По окончаніи курса наукъ въ императорскомъ Александровскомъ лицей, который баронъ Дм. Фед. окончилъ съ чиномъ IX класса, онъ поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, пройдя послѣдовательно всѣ первоначальныя стадіи до дѣлопроизводителя V класса включительно въ азіатскомъ департаментѣ. Въ 1876 году баронъ Стюартъ былъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Бухарестъ и въ слѣдующемъ 1877 году сдѣлавъ министромъ-резидентомъ при князѣ румынскомъ. Въ 1879 году онъ былъ назначенъ на постъ директора государственнаго и с.-петербургскаго главнаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Оказывая съ одной стороны полное содѣйствіе лицамъ и учреждениямъ, черпавшимъ историческіе матеріалы изъ богатой сокровищницы государственнаго архива, баронъ Дм. Фед. участвовалъ и личными своими трудами въ разработкѣ матеріаловъ отечественной старины. Такъ, въ 1885 г. имъ переведена на русскій языкъ обширная переписка императрицы Екатерины II къ графу Кейзерлингу, напечатанная въ XLVIII т. «Сборника императорскаго историческаго общества». (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9368).

Чумиковъ, А. А. Въ Ревелѣ скончался 19-го марта д. ст. с. Александръ Александровичъ Чумиковъ, бывшій издатель журнала «Воспитаніе», выходившаго въ 1857—1863 гг. Покойный родился въ 1819 г., образованіе получилъ въ Петербургскомъ университетѣ, затѣмъ слушалъ лекціи въ Парижскомъ, Берлинскомъ и Боннскомъ университетахъ. Избравъ для своей дѣятельности педагогическое поприще, онъ былъ преподавателемъ географіи и исторіи педагогики, и помощникомъ инспектора классовъ Николаевскаго сиротскаго института въ Петербургѣ. Издаваемый имъ журналъ «Воспитаніе» онъ сумѣлъ обставить лучшими литературными и педагогическими силами того времени. Въ немъ участвовали К. Д. Ушинскій, П. Г. Рѣдкинъ, Н. А. Добролюбовъ, Н. Г. Помяловскій и другіе. Затѣмъ онъ участвовалъ въ основаніи въ Петербургѣ педагогическихъ собраній и Педагогическаго общества. Поселившись въ шестидесятыхъ годахъ въ Ревелѣ, онъ явился, какъ гласный мѣстной думы и видный общественный дѣятель, рѣзкимъ противникомъ нѣмецкаго преобладанія въ Прибалтійскомъ краѣ и энергичнымъ борцомъ противъ нѣмецкихъ происковъ. По его инициативѣ отчасти возникла въ Ревелѣ первая русская газета «Ревельскій Листокъ», переименованная сначала въ «Колывань», затѣмъ въ «Ревельскія Извѣстія»; при его участіи было устроено въ Ревелѣ русское общественное собраніе, избравшее его въ свои почетные члены. Онъ первый сталъ говорить въ мѣстной думѣ по-русски и вызвалъ этимъ нападки со стороны приверженцевъ нѣмецкаго языка. Словомъ, покойный пользовался всякимъ, даже малѣйшимъ случаемъ, чтобъ содѣйствовать обрушенію Прибалтійскаго края. Мѣстные нѣмцы, конечно, не любили его, но онъ не обращалъ вниманія на ихъ недоброжелательство и стоялъ всюду и всегда за русскіе интересы и за процвѣтаніе русскаго дѣла въ овѣмеченномъ краѣ. Заслуги его въ этомъ отношеніи весьма значительны и несомнѣнно будутъ за-

несены на страницы исторіи будущимъ историкомъ обрусенія Прибалтійскаго края. Перу покойнаго принадлежитъ множество историческихъ статей, напечатанныхъ преимущественно въ «Русскомъ Архивѣ», «Русской Старинѣ» и въ «Чтеніяхъ» императорскаго общества исторіи и древностей російскихъ, въ которомъ онъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ. Изъ его статей назовемъ: «Петербургскій университетъ полвѣка назадъ», «Русскіе землевладѣльцы въ старой Финляндіи», «Наша политика наканунѣ Франко-Прусской войны», «Письмо русскаго плѣнника въ Швецію», «Густавъ IV и великая княжна Александра Павловна», «Гизо объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ», «Генералъ-губернаторство князя Суворова въ Прибалтійскомъ краѣ», «Чудовищная сцена въ Ревелѣ», «О руссофильствѣ Мицкевича» и др. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9361).

Якоби, Н. Б. Въ Царскомъ Селѣ послѣ кратковременной тяжелой болѣзни скончался 10-го апрѣля сенаторъ, тайн. совѣтн. Николай Борисовичъ Якоби. Покойный родился въ 1839 году. По окончаніи курса въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія началъ службу въ С.Петербургской судебной палатѣ въ качествѣ секретаря и въ 1862 году былъ приглашенъ въ комиссію, учрежденную при государственной канцеляріи для составленія проектовъ по преобразованію судебной части. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ подготовленіи судебной реформы, но вскорѣ ушелъ изъ комиссіи, будучи назначенъ товарищемъ предѣлателя псковской палаты уголовного суда. При новыхъ судебныхъ уставахъ Н. Б. былъ назначенъ въ 1866 году товарищемъ прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда, черезъ годъ прокуроромъ и находился въ этой должности до 1877 года, когда перешелъ на должность товарища оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената. Въ 80-хъ годахъ принялъ участіе въ комиссіи, образованной подъ предѣлательствомъ сенатора Полнера для составленія изданія судебныхъ уставовъ 1864 года отдѣльною книгою. Оставаясь товарищемъ оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента сената, былъ назначенъ въ 1891 г. членомъ консултацин, при министерствѣ юстиціи учрежденной. Сенаторомъ состоялъ съ 1895 года, принимая участіе въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ, высшимъ дисциплинарномъ присутствіи и въ соединенномъ присутствіи перваго и уголовного кассационнаго департаментовъ правительствующаго сената. Въ качествѣ сенатора онъ участвовалъ во многихъ комиссіяхъ и совѣщаніяхъ, разсматривавшихъ разнообразныя вопросы: о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, объ объединеніи акцизныхъ уставовъ и правилъ и др., а также наблюдалъ за производствомъ слѣдствій нѣсколькихъ выдающихся судебныхъ дѣлъ. Перу покойнаго принадлежитъ множество статей юридическаго характера: «Процессъ по обвиненію Андре Бихаля въ разныхъ убійствахъ», «Объ отвѣтственности малолѣтнихъ заводовладѣльцевъ за ихъ опекуновъ по дѣламъ о нарушеніи устава о штейномъ сборѣ» и др.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» въ статьѣ г. П. К—аго, стр. 248—284, есть двѣ фактическія ошибки, которыя я покорнѣйше попрошу бы исправить.

Стр. 249: засѣданіе 21 февраля въ залѣ академіи наукъ было соединеннымъ засѣданіемъ академіи и историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета, а не одной академіи.

Стр. 253: въ вечерѣ высшихъ женскихъ курсовъ принималъ участіе не артистъ Варламовъ, а артистъ Озаровскій.

Профессоръ С.-Петербургскаго университета **И. Шляпкинъ**.

II.

Въ напечатанномъ въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» (на стр. 391) некрологъ Валеріана Никаноровича Назарьева вкралась ошибка. Покойный писатель скончался въ г. Симбирскѣ, въ домѣ Абуткова, а не въ своемъ имѣніи «Никудино», какъ сказано въ некрологѣ; погребенъ же онъ въ названномъ имѣніи.

почему, онъ сталъ подозрѣвать что-то мрачное въ ихъ неопредѣленномъ будущемъ...

Они поднялись по шаткой лѣстницѣ; надъ ихъ головами громадное отверстіе обнаруживало острые концы дранокъ, почернѣвшій чердакъ и зубчатую полосу неба. Дверь, сорванная съ петель, открывалась въ громадную комнату, наполовину обуглившуюся. Въ ней виднѣлись обрывки дорогихъ ковровъ, на которыхъ части туловищъ обезьянъ преслѣдовали верхомъ на остаткахъ лошадей—руки и плечи купальщицъ; большое бюро Людовика XV, разлетѣвшееся въ кусочки, разбило стекла витринъ; драгоценный фаянсъ и рѣдкія китайскія вазы обратились въ черепки; отъ шкафа изъ чернаго дерева и слоновой кости валялись тутъ и тамъ кое-какіе остатки, похожіе на кружева; нѣсколько медалей, тяжелый мечъ, два стилета, выметенные, какъ ненужный мусоръ, были брошены въ уголь. Но вотъ показались добрые, вытаращенные глаза дяди Ансельма на порогѣ его маленькой студенческой комнаты. Онъ протянулъ руку Ансбергу, нисколько не удивленный, и, какъ бы говоря самъ съ собою, замѣтилъ:

— Я слишкомъ любилъ все это и слишкомъ сжился со всѣмъ этимъ старьемъ—я наказанъ. Однако, тамъ были прекрасныя вещи, зачѣмъ ихъ уничтожили? Это не должно быть пріятнымъ Господу. Но что это за потеря рядомъ съ тѣмъ, чего лишился Страсбургъ! И къ чему все это, спрошу я васъ, къ чему?.. Какая была необходимость сжигать столько чудныхъ вещей и убивать столько людей?

Тщетно онъ сжималъ свой лобъ руками, съ наивнымъ и отчаяннымъ жестомъ, онъ все-таки ничего не понималъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся домой и нашелъ свой музей уничтоженнымъ, онъ жилъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, не слышалъ хорошо, что ему говорили, отвѣчалъ невпопадъ, и мысль его прояснялась лишь въ присутствіи Карла, какъ будто дѣтство ихъ обоихъ понимало другъ друга.

Ансбергъ ушелъ съ женою и Элизой, молодые люди попрощались сердечнымъ пожатіемъ рукъ... ихъ взгляды не могли разстаться!.. Но отчего же послѣ этого сладкаго свиданія и такъ пламенно желаемой встрѣчи они сохранили, какъ тотъ, такъ и другая, необъяснимую печаль и впечатлѣніе страннаго предчувствія?

Бомбардировка продолжала оглушать громомъ выстрѣловъ горько, съ холодной опредѣленностью и непреклонной точностью. Убитыя лошади лежали на улицахъ. Не было минуты, когда на нихъ не виднѣлись ринувшіеся пожарные, падавшіе прохожіе и носилки, переносившія раненыхъ. Въ Ботаническомъ саду мертвые скоплялись въ одномъ залѣ, который ученики медицинской школы,—смѣльчаки въ огнѣ,—называли на своемъ жаргонѣ смерти «заломъ деревянныхъ коньковъ».

Трупы солдатъ, статскихъ, женщинъ и дѣтей перемѣшались въ раздрающемъ душу безпорядкѣ. Страсбургъ, подъ жгучими лучами солнца, до тошноты пахнулъ гарью и гнилью. Цитадель болѣе не пылала. Въ паркѣ ядеръ жаръ отъ огня въ оружейномъ залѣ былъ таковъ, что свинцовые шипы ядеръ расплавились. Предмѣстья Петра и Національное превратились въ известковый мусоръ. Деревья срубали и наклоняли противъ откоса вала, чтобы сдѣлать блиндажъ, за которымъ лежали несчастные. Они все умножались. Оборванные мужчины просили милостыни и угрожали. Раздавались крики объ измѣнѣ Уриха, который былъ, однако, твердъ въ своемъ сопротивленіи и честенъ въ своемъ патріотизмѣ. Но всѣ чувствовали, что онъ могъ бы сдѣлать болѣе, а покровительственная дружба и надзоръ префекта компрометировали его окончательно. Нѣкоторыя души смирялись. Часть муниципальнаго совѣта во главѣ съ Гюманномъ явилась къ нему съ требованіемъ разрѣшенія повидаться съ Вердеромъ, чтобы просить его прекратить огонь въ продолженіе четырехъ или пяти дней. Взамѣнъ ему внесли бы необходимую сумму за каждый уступленный день. Урихъ отказалъ, говоря, что это недостойный шагъ, и непріятель, давъ имъ надежду дожидаться помощи, удвоитъ огонь, чтобы скорѣе ихъ задавить.

— Миѣ дано полномочіе,—заявилъ онъ:—и я исполню его до конца.

Приготовлялась революція, народъ толпился на площади Гутенберга; угрозы смерти сыпались на Уриха, и онъ вооружилъ національную гвардію. Пожарные выбились изъ силъ, жители, преобразовавшіеся въ ночныхъ сторожей, по очереди, обходили вокругъ города и являлись на пожары. Провизія вздорожала, а нищета увеличилась. Газеты «*Courrier du Bas-Rhin*» и «*l'Impartial du Rhin*», сокращенныя до мѣстныхъ извѣстій, помѣщали длинные списки похороненныхъ и рѣдкіе случаи рожденій. Тѣмъ временемъ Урихъ посылалъ депешу за депешей, безнадежно обращаясь къ министру. Паликао отвѣчалъ ему чрезъ Шлештадтъ, чтобы онъ переходилъ Рейнъ съ своей арміей и ударилъ на Баденскую страну. На это Урихъ пожалъ плечами.

Молва объ освобожденіи все еще разносилась, и алчная толпа поддавалась этому вѣчному миражу. Одинъ разъ, какъ рассказывали, добрая вѣсть передавалась въ папирочныхъ мундштукахъ: другой разъ на улицѣ замѣтили солдата, у котораго на пуговицахъ мундира былъ номеръ неизвѣстнаго полка. Лихорадка падала на мозгъ; странныя извѣстія размножались. Люди стали безумными. Мрачный страхъ быть похороненнымъ и замуравленнымъ въ погребкахъ сопоставлялся угрюмому стоицизму самыхъ храбрыхъ гражданъ. Дикая безропотность поддерживала большую часть страасбургцевъ. Они продолжали ходить подъ гранатами, иногда ложи-

лись пламя, иногда укрывались за угломъ двери, а иногда ходили выпрямившись, и героизмъ былъ ненадеженъ, но Страсбургъ, хотя изувѣченный, сожженный, раздавленный, за своими нетронутыми валами и уцѣлѣвшими бастионами, напрягалъ силы своей души и говорилъ:

— Я не сдамся!

VIII.

Столъ былъ накрытъ въ сѣдельной; стулья были разнокалиберные. Шпалерные персики и сливы изъ фруктоваго сада на своемъ зеленомъ ложѣ изъ листьевъ пирамидами лежали на китайскихъ тарелкахъ. Не было ни одного цѣльнаго предмета изъ столового сервиза; тщетно Карлъ требовалъ себѣ узкій, высокій бокалъ для шампанскаго, онъ долженъ былъ удовольствоваться зеленой рюмкой для рейнскаго вина.

Съ помощью Гретхенъ и Ганны, Гертруда нашла средство зажечь огонь подъ кухоннымъ очагомъ. Она приложила все свое стараніе, чтобы гости позавтракали настолько хорошо, насколько позволяли обстоятельства, конечно, не такъ, какъ въ прежнія времена. Совершенно не повинувшись приказаніямъ господъ и не слушая ихъ просьбы, она, какъ въ праздникъ, посадила въ печь тортъ и приготовила только три блюда—очень вкусныя; конечно, они были бы вкуснѣе на Робертцаускомъ маслѣ... Рагу изъ голубей было приправлено раками и шампиньонами. Голуби были убиты на крышѣ, но гдѣ раздобыла Гертруда приправу—неизвѣстно. Затѣмъ мясной филе—sauce madère и пирожки съ сыромъ.

— Какая досада!..—ворчала она.

Въ прежніе годы, какъ только разрѣшалась охота, гостей потчевали дичью!.. При томъ Ансбергъ былъ хорошій поставщикъ!.. Онъ приносилъ полную корзину дичи. Конечно, онъ очень обрадовался бы, если бы она подала перепелокъ и куропатокъ въ папильоткахъ. Въ прошедшемъ году въ то же время она замариновала ляшку козули, о которой было разговоръ въ продолженіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ, и Вольфартъ, при одномъ воспоминаніи, закатывалъ глаза къ небу.

Но ея вниманіе привлекалось также чудовищной кастрюлей. Она клала въ нее послѣдовательно кислую капусту, четверть копченой ветчины, одну колбасу, гусянаго жиру, картофелю, кисейный мѣшочекъ можжевеловыхъ ягодъ и зеренъ чернаго перца, и когда она открывала крышку, то распространялся пріятный запахъ кислой капусты. Такъ какъ это былъ праздникъ, то она расщедрилась для бѣдныхъ работниковъ, укрывшихся у нихъ въ погребѣ, а также для бѣдныхъ, приходившихъ къ нимъ два раза въ день наполнять свои миски. Что касается до Анны Стумпфъ, то поло-

5*

жительно она не могла равнодушно слышать о кислой капустѣ, чтобы не попросить себѣ тарелку.

Но пробило одиннадцать часовъ, и дверь рѣшетки отворилась.

— Благодать Божія!—воскликнула сторожившая Гретхенъ, —они тутъ всѣ! Вотъ Вольфартъ позади Ансберговъ, вотъ пасторъ Готтусъ и, повѣрите ли вы кто еще— Гумблотъ!

— Онъ почувствовалъ запахъ раковъ,—сказала Ганна, отъ которой не ускользнуло его малодушіе.

Онъ пыхтѣлъ сквозь свои громадные усы и былъ въ одно и то же время блѣденъ и имѣлъ гордый видъ, при мысли объ опасности, какую онъ избѣжалъ. Впрочемъ, всѣ были довольны явиться къ Герматамъ, но достойнѣе всѣхъ была г-жа Ансбергъ, такъ какъ Элиза проходила подъ огнемъ, ради свиданія съ Андрэ, и ея единственнымъ опасеніемъ было, чтобы отецъ не нашелъ невозможнымъ этотъ путь. Но Стумпфъ тоже вышелъ изъ погреба послѣ бесполезныхъ настояній и уговариваній своей жены; онъ былъ спокоенъ только на половину.

— Милости просимъ,—сказалъ Герматъ:—поблагодаримъ Бога, что мы собрались живыми.

— Да,—сказалъ Готтусъ,—Предвѣчный нашъ сохранить, и въ подобномъ испытаніи не только наши тѣла, но и наши души соединяются здѣсь, связанныя въ одно и стремящіяся къ одной общей волѣ. Хлѣбъ, который мы сейчасъ переломимъ, будетъ—я могу его такъ назвать— причастіемъ въ печали, но также въ обязанности, такъ какъ мы любимъ одну и ту же мысль: спасеніе Страсбурга!

Затѣмъ всѣ заняли свои мѣста и, какъ прежде, смотрѣли другъ на друга съ улыбкой. Но эта улыбка была полна тревоги; сколько всего случилось въ продолженіе одного мѣсяца, сколько несчастныхъ переворотовъ въ судьбѣ, сколько катастрофъ! Тщетно г-жа Герматъ и ея мужъ старались нѣсколько возстановить веселье, но стѣсненіе не сразу разсѣялось, и только Элиза и Андрэ, сидѣвшіе одинъ возлѣ другого, были совершенно счастливы.

Каждый думалъ о великихъ событіяхъ, измѣнившихъ ихъ жизнь, и каждый ощущалъ какую-то перемену въ самомъ себѣ. Ничего болѣе не осталось отъ прежней доброй безопасности: тревога омрачала души всѣхъ, и маленькій Карлъ, сидя подлѣ дяди Ансельма, былъ спокоенъ, когда думалъ о Нозми. Повидимому, никто не былъ голоденъ; кромѣ того, всѣ испытывали стыдъ, имѣя хорошую пищу въ такой моментъ. Но эту тревогу совѣсти всѣ переносили съ достоинствомъ, достаточнымъ для того, чтобы успокоить свою совѣсть. Не эгоистическое чувство собрало ихъ въ этомъ казематѣ возлѣ сараевъ, гдѣ лежалъ раненый капитанъ стрѣлковъ, состояніе здоровья котораго не допустило перенести его за обидій столъ, и г-жа Герматъ сама служила больному.

Мало-по-малу разговоръ сталъ оживленнѣе, когда съ появленіемъ мясного филе au madère разлили бургонское вино, которое Гермавъ открывалъ разъ въ годъ. Вернулась непобѣдимая надежда, и при каждомъ удобномъ случаѣ возвращались къ обманчивой надеждѣ на освобожденіе. Развѣ не шелъ слухъ о спѣшившемъ на помощь французскомъ отрядѣ? Несмотря на столько обмановъ, всѣ надѣялись. Андрэ и Элиза въ душѣ и въ ихъ отдѣльной атмосферѣ также надѣялись на невѣдомую судьбу. Теперь они могутъ ожидать всего. Счастье било ключемъ изъ силы ихъ любви.

— Увѣряю васъ, — сказалъ Гумблотъ, — что армейскій корпусъ находится на разстояніи не болѣе двадцати километровъ: я это знаю!

— Да, да! — сказала Стумпфъ, сдѣлавшійся легковѣрнымъ послѣ того, какъ только что отнесъ своей женѣ солидныя порціи рагу изъ голубей и ветчины съ капустой.

— Во всякомъ случаѣ, мы это будемъ знать, — сказалъ Вольфартъ, братъ котораго состоялъ въ муниципальной комиссіи: — такъ какъ Людвигъ и нѣкоторые другіе рѣшили требовать отъ префекта дещени.

Созданіе муниципальной комиссіи было великимъ событіемъ. Она замѣнила прежній совѣтъ, засѣданія котораго не имѣли никакого значенія: были безжизненны и умалчивали о понесенномъ городомъ несчастіи, и мэръ едва созывалъ эти собранія. Настоянія нѣкоторыхъ совѣтниковъ заставили префекта назначить комиссію — снисходительность, имѣющая значеніе: конечно, имперія идетъ плохо, и зданіе трещитъ. Префектъ не увѣнчивалъ болѣе орломъ прокламацій и не упоминалъ торжественныхъ словъ: Французская имперія. Комиссія была составлена изъ самаго разнообразнаго элемента: бонапартистовъ, орлеанистовъ и либераловъ. Большинство были люди молодые и республиканцы, собравшіеся вокругъ человѣка высокаго достоинства — доктора Кюсса. Его спокойствіе и прозорливость соединялись съ самой полной преданностью общественнымъ дѣламъ, съ простымъ добродушіемъ и совершенной добротой. Общественное мнѣніе поддерживало этихъ новыхъ людей. Первой ихъ заботой была организація помощи бомбардируемымъ. Уже мэрія извѣстила звономъ колокола, что семьи, оставшіяся безъ крова, будутъ помѣщены въ театрѣ, въ общественныхъ школахъ и въ императорскомъ замкѣ. Надо было кормить этихъ несчастныхъ. Съ помощью Цопфа, комиссія открыла народный ресторанъ въ школѣ, на улицѣ Дубильщиковъ, въ закрытомъ рынкѣ и другихъ мѣстахъ.

Вольфартъ описывалъ засѣданіе въ думѣ. Во время перваго собранія въ большемъ залѣ нижняго этажа гранаты разрывались предъ окнами. Нѣкоторые члены предложили болѣе надежное помѣщеніе, но мэръ Гюманнъ воскликнулъ въ патриотическомъ от-

чаяннiи, что было бы прекрасно умереть на этомъ почетномъ посту. Лишь только засѣданiе началось, какъ граната разбила все. Тогда они помѣстились въ архивѣ мэри.

— Вы его знаете?— сказалъ Вольфартъ:— маленькая темная комнатка подѣ сводами; окна ея блиндированы мѣшками съ отрубями и тюфяками. Свѣчи освѣщали столъ. Въ нее входили чрезъ погребъ, когда того требовала бомбардировка. Въ главной квартирѣ, на которую направлялись безпрестанные выстрѣлы, генераль Урихъ и его штабъ должны были помѣститься также въ блиндированномъ убѣжищѣ.

— Ва!—сказалъ Гумблотъ, у котораго покраснѣли щеки, и оживилось сердце отъ бургонскаго вина:— можно быть убитымъ повсюду.

Онъ менѣ боялся, исполняя обязанность въ походномъ госпиталѣ, окруженный сосѣдями, и усиливаясь быть полезнымъ, чѣмъ одинъ съ своей женою въ погребѣ. Его роль иногда была тягостна; напримѣръ, наканунѣ, послѣ небольшого сраженiя, даннаго полковникомъ Влотомъ, онъ вышелъ съ санитарями, чтобы похоронить мертвыхъ, но подѣ огнемъ непрiятеля они должны были отступить. Онъ видѣлъ, какъ пронесли на носилкахъ таможеннаго съ оторванной верхней частью головы и сложенными въ платокъ мозгами. Гумблотъ думалъ, что упадетъ въ обморокъ.

Вольфартъ, отважно стрѣлявшiй и принимавшiй участiе при вылазкѣ съ двумя баталiонами 87-го полка, сказалъ:

— Храбрость нашего брата статскаго зависитъ отъ дня, часа и физическаго и моральнаго состоянiя; нужны увлеченiе каждую минуту и мало обыденная моральная сила, чтобы достигнуть нечувствительности Дюпти-Туара и Эксельмана. Мнѣ рассказывали, что вчера адмираль шелъ во главѣ своихъ моряковъ, подѣ дождемъ гранатъ. Солдаты колебались. «Гдѣ я пройду,—воскликнулъ онъ:—вы можете слѣдовать за мною безопасно». Въ ту же минуту взрывомъ гранаты вырвало изъ его рукъ саблю, и Эксельманъ упалъ на землю. Онъ поднялся и продолжалъ свой путь; у одного матроса оторвало голову: «это потому, что онъ не шелъ совсѣмъ позади меня»,—сказалъ адмираль и продолжалъ подвигаться впередъ.

— Да,—сказалъ Герматъ:—я знаю, сколько храбрости тратится въ ежедневныхъ рекогносцировкахъ и въ вылазкахъ, но результатъ ничтожный. Пассивный героизмъ Уриха не удовлетворяетъ меня. Въ Страсбургѣ были не только стѣны, пушки и пушки, но и люди.

Отказъ воспользоваться девятью тысячами страсбургцевъ такъ же, какъ самимъ Герматомъ, былъ его раною; ограниченная національная гвардiя занята была только усмиренiемъ бунтовъ. На этотъ разъ Ансбергъ не протестовалъ. Онъ слушалъ, какъ и прежде, высокомерно, но печально. Герматъ, ничѣмъ не занятый, посвящалъ

свое время госпиталю, устройству народнаго ресторана, всему, что было полезнымъ дѣломъ. И чего ему стоилъ бы одинъ ружейный выстрѣлъ (Гаффнеръ... ахъ! какая святотатственная борьба, и какъ онъ его ненавидѣлъ). Г-жа Герматъ съ кружкомъ своихъ знакомыхъ навѣщала бѣдныхъ и щедро помогала всѣмъ.

Появился торгъ, и Карлъ, повидимому, пробудился; веселость воскресла на его личикѣ, нѣсколько похудѣвшемъ и поблѣднѣвшемъ, въ продолженіе трехмѣсячнаго затворничества. Молчаливый дядя Ансельмъ, казалось, отсутствовалъ. Вдругъ Готтусъ заговорилъ, и всѣ чувствовали, что его мысль явилась откуда-то издалека.

— Библіотека сожжена 24-го августа,—сказалъ онъ:—въ соотвѣтствующую дату, въ 70 г. послѣ Р. X. былъ сожженъ Іерусалимскій храмъ, а 6-го Іерусалимъ былъ взятъ.

Всѣ переглянулись. Было 3-е число: неужели чрезъ три дня? Нѣтъ, конечно, непріятель не посмѣлъ бы штурмовать; было рѣшено приступить къ работамъ по осадѣ, такъ какъ видѣли, что жители не заставляютъ Уриха капитулировать, а напротивъ еще усиленнѣе сопротивляются, но работы были только во второй параллели. Однако, такъ близки были воспоминанія ужасной ночи пламени и свинцоваго дождя, что дурное расположеніе продолжалось въ безпокойномъ молчаніи.

Герматъ поднялъ свой стаканъ:

— За нашъ старый добрый Страсбургъ, мои друзья, за нашу дорогую Эльзасъ, за нашу Францію!

Всѣ поднялись съ тяжелымъ сердцемъ и чокнулись. Тогда Ансбергъ сказалъ измѣнившимся голосомъ:

— Да, за Францію, такъ какъ она далеко отъ насъ; Страсбургъ можетъ погибнуть, и никто не придетъ къ нему на помощь. За Францію! Дождемся ли мы ея скоро? Можетъ ли она сберечь насъ на своемъ сердцѣ, какъ мать свое дитя? За Францію!.. Боже мой, но только будемъ ли еще французами чрезъ три недѣли?..

Послѣдовало новое молчаніе; Ансбергъ высказалъ, въ чемъ каждый не смѣлъ признаться: въ скверномъ состояніи осаждаемыхъ, но какъ было тяжело слышать его, вѣрующаго въ имперію, говорившимъ такимъ образомъ!.. На этотъ разъ надъ ними пронесся холодъ смерти. Андрэ и Элиза внезапно взглянули другъ на друга, похолодѣвъ; ихъ пронзило мрачное предчувствіе и острая боль, имъ показалось, что между ними разверзлась пропасть. Минутное ошеломленіе!.. Теперь они снова улыбались другъ другу со слезами на глазахъ. Въ это время молча и важно, какъ бы исполняя священный обрядъ, всѣ направились чокнуться своими стаканами съ стаканомъ, который г-жа Герматъ только что отнесла раненому капитану. Послѣдній со взглядомъ, который невозможно забыть, и блѣдный отъ лихорадки поднялъ свой стаканъ, производя звонъ

прикосновеніемъ къ другимъ стаканамъ, настолько дрожала его рука.

Дни шли. Подъ гранатами пылали общественные памятники и военныя постройки. Должны были очистить цитатель. Лицей былъ поврежденъ; продовольственные магазины, военная мельница, близъ городскихъ воротъ Рыбаковъ, Финкмаксія казармы — все пронизано гранатами; въ храмъ св. Оомы, во время религіозной службы, граната попала въ дверь, а другая въ среднее пространство церкви. Пришлось закрыть мѣшками съ гипсомъ зіяющія отверстія въ двери Петра. Савериское предмѣстье представляло собою груды балокъ и кучу штукатурки, среди которой лошадиныя трупы гнили подъ жгучими лучами солнца или грозовымъ дождемъ. Двѣсти девяносто семь домовъ были совершенно срыты; въ два дня было болѣе шестидесяти человѣкъ раненыхъ. Непріятельскій огонь, не щадя города, перекрещивалъ теперь крѣпостныя работы и валы, а Страсбургу не хватало канонировъ. Восьмого, въ честь именинъ герцога Баденскаго бомбардировка была ужасна. Траншеи нападающихъ быстро приближались; они попробовали сдѣлать брешь въ 12-мъ бастионѣ. Въ четвертый разъ явился парламентаръ къ Уриху съ требованіемъ. Говядины болѣе не хватало, ѣли лошадей. Пройдя чрезъ всѣ превратности надежды и отчаянія, согласно съ тѣмъ, подвигался ли впередъ, или отодвигался назадъ миражъ фальшивыхъ новостей, Страсбургъ изъ его лихорадочной восторженности впалъ въ угрюмое уныніе. Единственной его мыслью было не сдаваться; единственной надеждой — быть освобожденнымъ. Не было дня, который не создалъ бы своей химеры. Если вѣрить сообщеніямъ агенту префекта, то комиссаръ центральной полиціи, удивительно освѣдомленный, увѣрялъ, что французская армія перешла Рейнъ въ Гюнингунѣ, королевскій принцъ разбитъ въ Мео, и дивизія Дюмона шла усиленнымъ маршемъ; слухи быстро распространялись; ничего нѣтъ вѣроятнѣе: видѣли депешу и говорили съ посланнымъ. Затѣмъ снова горизонтъ суживался, ничего болѣе не слышали, какъ громъ бомбардировки, ничего болѣе не видѣли, какъ висящую надъ головами смерть. ту смерть, которую каждый ожидалъ съ минуты на минуту, съ покорностью Провидѣнію, приобрѣтенной отъ привычки къ подобной жизни.

— Дядя, — сказалъ Карлъ: — что сгорѣло въ библіотекѣ?

Съ громаднымъ изумленіемъ онъ узналъ, что больше никогда не увидитъ столько любопытныхъ предметовъ, таинственное происхожденіе которыхъ его очень интриговало. Но расскажем его дяди они принимали въ его глазахъ особое существованіе: на половину реальное, на половину фантастическое.

— Все, навѣрно, Карлъ, все сгорѣло.

— Даже шпага Клебера? Даже маленькое знамя Страсбурга, гдѣ изображены Богородица и Младенецъ Исусъ?

— Да, Карль... Хочешь поиграть въ карты, хочешь, я прочитаю сказки каноника Шмидта, знаешь сказку маленькаго свинцоваго солдата?

Но Карль, голова котораго работала, презиралъ эти развлечения: онъ хотѣлъ все знать. Столько странныхъ идей, столько новыхъ видѣній преслѣдовали его.

— Правда ли, что будутъ ѣсть лошадей?

— Да, крошка, это такъ же вкусно, какъ и говядина.

— А когда ихъ съѣдятъ, тогда что? — сказалъ съ безпокойствомъ Карль, спрашивая себя, чѣмъ это кончится, и вспоминая картину «Плота Медузы» и пѣсню «Маленькаго корабля», въ которой по кинутому жребію маленькій юнга былъ съѣденъ подъ бѣлымъ соусомъ «avec des sal-sal-salsifis pas cuits», какъ говорилось въ пѣсенкѣ.

— Ну, такъ что же, — сказалъ дядя, стараясь засмѣяться: — мы тогда будемъ угощаться паштетомъ изъ гусиной печенки; ты его вѣдь такъ любишь! Подумай, Карль, ты еще очень счастливъ, потому что есть люди, которые имѣютъ только сухой хлѣбъ, если только онъ есть у нихъ...

Теперь, когда онъ старался привыкнуть къ мысли о гибели всего, что было ему дорого — его музея, стоившаго ему столькокихъ лѣтъ терпѣливыхъ поисковъ и представлявшаго живую радость собирателя коллекцій, онъ предался дѣлу помощи несчастнымъ. Подумать только, что человѣческія существа принуждены были укрываться въ большихъ сточныхъ трубахъ, по счастью сухихъ, которыя, проходя подъ Бролы, кончались въ каналѣ у театра!.. Съ наивнымъ милосердіемъ онъ ходилъ по городу, отворачивая глаза отъ видѣній, причинявшихъ ему страданія: испорченные памятники, разрушенныя улицы, Страсбургъ, оскорбленный, убитый и раненый отъ перваго до послѣдняго камня. Онъ раздавалъ деньги, покупалъ провизію, обезпечивалъ пристанище, — все это онъ дѣлалъ тайно, скрывая, что онъ совершалъ добро. Каждый день онъ открывалъ новые ужасы и новыя несчастія; онъ одинаково страдалъ, какъ при видѣ живыхъ существъ, такъ и неодушевленныхъ предметовъ, которыхъ онъ не хотѣлъ видѣть, но они насильовали его взоръ и запечатлѣвались въ его памяти. Эти кварталы, улицы, лица, взгляды — все это былъ его дорогой Страсбургъ, погруженный въ скорбь, и онъ спрашивалъ себя, когда разрывалась на его пути граната: кончится ли когда нибудь этотъ адъ? Двадцать разъ онъ едва не былъ убитъ.

Однажды, возвращаясь домой, онъ видѣлъ идущую предъ нимъ темноволосую женщину съ корзиною въ рукахъ; ея ростъ и походка не были ему чуждыми. Проходя мимо пивной Кермера, она кивнула головой толстой служанкѣ съ бѣлыми руками.

— Да вѣдь это Ганна, — сказалъ онъ себѣ.

Онъ восторгался ея безыскусственной храбростью; она была такъ же смѣла, какъ Гертруда. Между тѣмъ какъ Гретхенъ предпочитала оставаться подъ прикрытіемъ, Ганна выходила, возвращалась, занималась своими обязанностями и дѣлами, какъ ни въ чемъ не бывало. Вдругъ въ концѣ улицы упала бомба. Ансельмъ хотѣлъ закричать Ганнѣ, чтобы она укрылась, хотя бы легла на землю или прижалась за уголъ строенія. Бомбу взорвало, и онъ увидѣлъ, какъ бѣдная дѣвушка сдѣлала движеніе запястьемъ лѣвой руки, на которомъ болталась лишь на маленькомъ уцѣлѣвшемъ обрывкѣ тѣла ея окровавленная рука. Онъ бросился къ ней. Ганна была очень блѣдна, теряя кровь изъ открытой артеріи. Онъ обернулъ ей запястье своимъ платкомъ, стянувъ его, что есть силы. На безымянномъ пальцѣ этой бѣдной висѣвшей руки, красной отъ работы, однако холенной, блестяло серебряное кольцо подъ цѣлымъ потокомъ крови. Оно было дано Вильгельмомъ въ день ихъ обрученія...

Ансельмъ поддержалъ Ганну, и его объяла смертельная тоска при видѣ изувѣченнаго тѣла этой красивой дѣвушки, сдѣлавшейся калѣкой въ расцвѣтѣ молодости; изъ глубины его сердца поднялось отвращеніе при мысли о такомъ безцѣльномъ варварствѣ.

Дома съ горечью поспѣшили къ ней на встрѣчу. Г-жа Герматъ, Гретхенъ и Гертруда окружили ее самыми трогательными попеченіями. Возмущеніе выразилось въ усталыхъ глазахъ старухи; большой кухонный ножъ, которымъ она рубила лукъ шарлотъ, сверкалъ на столѣ стальнымъ блескомъ. Что было бы, если бы въ эту минуту вошелъ въ кухню какой нибудь нѣмецъ, будь то Вильгельмъ или Гафферъ!..

Печальное счастье устроило, что докторъ прибылъ какъ разъ во время. Какое ужасное зрѣлище представляли наскоро произведенная ампутація, молодая кровь, этотъ фонтанъ жизни, лившійся, лившійся, обливавшій платки и тампоны, печальный запахъ карболовой кислоты, этотъ убійственный запахъ, проникавшій повсюду, распространявшійся изъ столькихъ домовъ. Докторъ Вейсъ, покачавъ печально своей старой головою, ушелъ.

Герматъ только что проводилъ доктора Вейса, какъ увидѣлъ быстро прибѣжавшаго, насколько ему позволяли его годы, пастора Готтуса. Онъ казался внѣ себя.

— Мой дорогой другъ,—сказалъ пасторъ прерывающимся голосомъ:—большія новости!.. Уже восемь дней, какъ подъ Седаномъ было проиграно большое сраженіе. Генералъ и префектъ это знали и скрывали. Вся армія вмѣстѣ съ императоромъ взята въ плѣнъ. Имперія низвергнута, въ Парижѣ провозглашена республика.

Эти слова придавили Гермата своей страшной тяжестью, словно снѣжная лавина влекла его въ бездну. Имперія пала, а республика господствуетъ. Въ другое время его либеральное сердце забилось

бы отъ безумной радости, но слишкомъ много неудачъ сопровождали эту неожиданность, слишкомъ много мрачнаго неизвѣстнаго для того, чтобы онъ испыталъ болѣе чѣмъ дикое облегченіе при видѣ крушенія системы управленія, которая причинила такія прерватности судьбы. Даже эта мысль его не утѣшала и не успокоивала.

Республика? Повторится ли порывъ 1792 года? Спасетъ ли онъ Страсбургъ? Спасетъ ли она Страсбургъ?

— Какъ!—сказалъ Готгусъ:—развѣ васъ это болѣе не радуетъ? Развѣ вы не желали того, что случилось? Вы, столь убѣжденный?.. Я думалъ васъ обрадовать и для этого такъ спѣшилъ.

Герматъ печально пожалъ плечами и среди глухой суматохи и раздававшагося грохота выстрѣловъ подъ сводомъ, скрывавшимъ небо, и между безнадежныхъ стѣнъ онъ отвѣчалъ, думая о неизвѣстномъ завтрашнемъ днѣ:

— Простите мнѣ, но я могу думать только о Франціи.

IX.

Но кто же обезсилилъ, развратилъ и уменьшилъ Францію, какъ не имперія? Имперія рушилась—позднѣ искупленіе. Республика могла, должна возродить родину. Почему измѣнить она своей задачѣ? И Герматъ ожилъ въ надеждѣ—прекрасное слово «республика», заключало въ себѣ всѣ его вѣрованія: свободу, равенство и справедливость. Онъ вспомнилъ великолѣпную зарю 1848 года, созданіе вновь возвратившейся революціи и ожившихъ иллюзій—вѣру въ миролюбіе народовъ и счастье людей.

Ничего не зная о политическомъ положеніи и опьяненный этимъ внезапнымъ порывомъ внѣшняго воздуха, онъ томился своимъ безсиліемъ и хотѣлъ знать все. Невѣдѣніе и заключеніе въ этомъ больномъ лихорадкой городѣ, опьяненномъ легковѣріемъ, потрясенномъ тысячью чувствъ сомнѣнія, надежды и унынія, были ужасны. Помощи! Освобожденіе! На это нечего было болѣе разсчитывать! Знаменитая дивизія Дюпона, ожидаемая съ часу на часъ, исчезла окончательно въ дымномъ горизонтѣ. Но кто знаетъ, что перемиріе и даже миръ не наступятъ? Новое правительство не отвѣчаетъ за ошибки прежняго: если вѣрно, что Вильгельмъ воевалъ съ Наполеономъ, а не съ французскимъ народомъ, почему же не заключить договора? Франція достаточно богата, чтобы уплатить расходы за пораженіе. Что касается Эльзаса и Лотарингіи, они откупятся разорительной контрибуціей, хотя пришлось бы отдать все золото богатыхъ и послѣднюю копейку бѣдныхъ!

Нѣтъ, это—мечты! Герматъ слишкомъ хорошо это зналъ. Что бы ни случилось, Эльзасъ съ тѣломъ и костями будетъ выкупомъ за ужасную войну. Онъ заранѣе былъ покинутъ и останется до-

бычей огня и крови. Послѣ ста восьмидесяти девяти лѣтъ французскаго присоединенія, они вернутся къ великому нѣмецкому народу, который, чтобы нѣжинѣ ихъ привлечь, даетъ имъ пощечины и топчетъ ихъ ногами. Тогда онъ снова возмущился и замкнулся въ свою неотступную мысль—не сдаваться и, если надо, умереть, Утромъ 10-го, онъ ходилъ, взадъ и впередъ, по городу, гдѣ бѣгали измученные пожарные среди постоянныхъ возгласовъ:

— Огонь!... Огонь въ театрѣ!... Огонь въ мѳри!

Въ это время онъ узналъ изумительную вещь, совершенно взволновавшую его.

Среди безмолвія народовъ, въ которомъ скрывалось у однихъ—восторгъ, что французы подвергнулись такому жестокому уроку, у другихъ—безразличіе, у иныхъ—соболезнованіе, но они остерегались слишкомъ громко протестовать, и только возвысился одинъ голосъ—голосъ свободнаго маленькаго швейцарскаго народа. Тронутый страданіями страсбургцевъ, онъ хотѣлъ ихъ облегчить. То, чего Урихъ не могъ добиться отъ жестокаго непріятеля—удаленія изъ города женщинъ, дѣтей и стариковъ,—Швейцарія вырвала у безжалостнаго Вердера. Это поднялось чувство челоуѣколюбія, которое призвало Пруссію на судъ исторіи. Вердеръ покорился: завтра три делегата Цюрихскаго, Базельскаго и Бернскаго кантоновъ проникнутъ въ Страсбургъ.

Официальное объявленіе извѣщало объ этомъ.

Герматъ узналъ отъ брата Вольфарта о невыразимомъ волненіи, охватившемъ муниципальную комиссію въ то время, когда мэръ Гюманнъ трепещущими отъ нервнаго содроганія руками развернулъ письмо и началъ дрожащимъ голосомъ его читать. Президентъ Швейцарской республики извѣщаль о пріѣздѣ делегатовъ-спасителей. Чувствуя себя неспособнымъ продолжать далѣе, Гюманнъ передалъ письмо секретарю, который снова началъ... но рыданія заглушили его голосъ, и онъ съ трудомъ могъ окончить. Когда онъ окончилъ, слушатели, пресыщенные ужасами двухнедѣльной бомбардировки и зрѣлищемъ столькихъ невообразимыхъ несчастій, заплакали: скорбная радость наполнила ихъ сердца, и что-то великое пронеслось въ трогательномъ молчаніи. Самое драгоценное, что осталось теперь у страсбургцевъ, единственная ихъ собственность, которою они еще могли владѣть, это—ихъ жены, матери, больные, дѣти, старики, все слабыя и невинныя существа, которыхъ косила смерть,—Швейцарская республика взяла ихъ подъ свое покровительство, будетъ ихъ защищать и кормить!... Это извѣстіе произвело въ городѣ глубокое волненіе. Спасеніе приблизилось: для многихъ это было освобожденіемъ, для всѣхъ—подкрѣпленіемъ.

11-е сентябрю наступило, какъ день праздника благочестія и надежды. Всѣ души вострепнулись. Народонаселеніе приглашалось официальнымъ объявленіемъ привѣтствовать делегатовъ. Но это

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе материалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіяся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ІЮНЬ, 1902

СОДЕРЖАНІЕ.

ЮНЬ, 1902 г.

	СТРАН.
I. Веселья похороны. (Повѣсть), XVIII—XXIII. (Продолженіе). А. В. Круглова	815
II. Воспоминанія М. А. Паткуль . Гл. X—XII. (Продолженіе)	851
III. Въ тѣмѣ ночной. (Изъ пограничнаго быта). Ө. Ө. Тютчева	880
IV. Ложки и ложкари. Впечатлѣнія и замѣтки. А. И. Лемана	895
V. Императоръ Александръ II въ Бѣлостокѣ въ 1867 году. Н. И. Во-ронова	912
VI. Эпизодъ изъ войны 1877—1878 годовъ. (Отрывокъ изъ воспоми-наній). Г. К. Градовскаго	930
VII. Изъ воспомнаній о Г. И. Успенскомъ. С. И. Васюкова	937
VIII. Очагъ бѣглыхъ поповъ. (Къ двухсотлѣтію бѣглопоповщины). Д. Д. Соколова	943
IX. Паломничество въ Палестину. И. П. Ювачева	962
X. Памяти А. Н. Неустроева. А. И. Фаресова	978
<i>иллюстрація:</i> Александръ Николаевичъ Неустроевъ.	
XI. Викторъ Петровичъ Острогорскій. В. В. Глинскаго	996
XII. Перекомо. (Изъ экскурсій въ окрестности Новгорода). А. Г. Слез-скинскаго	1030
<i>иллюстраціи:</i> 1) Перекомскій монастырь.—2) Богоявленскій соборъ въ Пе-рекомскомъ монастырѣ.—3) Часовня въ Перекомскомъ монастырѣ.—4) Настоя-тельскія кельи въ Перекомскомъ монастырѣ.	
XIII. Путешествіе изъ Казани въ Москву сто лѣтъ назадъ. Проф. Е. А. Воброва	1045
XIV. Грядущія судьбы человѣчества. С. В. Фовъ-Штейна	1051
XV. Критика и библиографія	1064
1) М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Судебникъ 1589 г. Его значеніе и источники. Кіевъ. 1902. в. л—на.—2) И. Я. Гурляндъ, профессоръ Демидовскаго юридиче-скаго лицея. Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ. Ярославль. 1902. в. Грибовскаго.—3) Архивъ гр. Мордвиновыхъ Спб. 1902. в. Викт. I—снаго.—4) Гоголевскій сборникъ, изданный состоящей при историко-филологическомъ институтѣ кн. Безбородка Гоголевской комиссіей подъ редакціей проф. М. Н. Сперанскаго. Кіевъ. 1902. п. щ.—5) Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. По-година. Книга шестнадцатая. Спб. 1902. А. М. Бѣлова.—6) Мой отвѣтъ. (Изъ литературной полемики). А. И. Фаресовъ. Спб. 1902. в. К—снаго.—7) А. А. Титовъ. Синодики XVII в. Переславскаго Горичкаго монастыря. Москва. 1902. А. И.—8) Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1902 годъ. М. 1902. с. ш.—9) Ярославская іерархія въ описаніи протоіерея Іоанна Три-ницкаго, съ предисловіемъ и прилѣчаніями А. Титова. Выпускъ II. Монастыри Аванасьевскій Мологскій женскій и Аванасьевскій Ярославскій мужской. Яро-славль. 1902. А. И.—10) В. А. Гиляровскій. На родинѣ Гоголя. (Изъ поѣздки по Украйнѣ). М. 1902. А. Тарсенковъ. Последніе дни жизни Гоголя. Записки его современника. Изд. 2-е, дополненное по рукописи. М. 1902. п. щ.—11) Але-	

См. слѣд. стр.

ksander Puszkín. Eugeniusz Oniegin. Przełożył Leo Belmont. (А. Пушкинъ. Евгений Онегинъ. Переведъ Лео Бельмонтъ. Краковъ. 1902.) 1. **Нучинскаго.**—12) К. С. Шумигорскій. Екатерина Ивановна Нелидова. Очеркъ изъ исторіи императора Павла. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1902. С. Ш.—13) Обзоръ дѣятельности вѣдомства православнаго исповѣданія за время царствованія императора Александра III. Спб. 1901. **В. Логина.**—14) «Литературное Дѣло». Сборникъ. Спб. 1902. **А. Новина.**—15) «Четыре разсказа». В. Тимашевъ-Берингъ. Москва. 1902. **А. Ф—ова.**—16) И. Божеряновъ. Невскій проспектъ. 1703—1903. Культурно-историческій очеркъ жизни Петербурга за два вѣка—XVIII и XIX. Юбилейное изданіе А. И. Вильборга. Томъ первый. Выпускъ второй. Спб. 1902. С. Ш.—17) Антикваръ. Библиографическій листокъ. Апрель 1902 года, № 1. Спб. **В. Б.**—18) Иванъ Абрамовъ. Въ культурномъ скиту (среди нецпоевцевъ). Спб. 1902. **Б. Г—снаго.**—19) Замятинъ, И. Д. Преданіе о Вадимѣ Новгородскомъ въ русской литературѣ. Отгискъ изъ «Филологическихъ Записокъ». Воронежъ. 1902. **п. щ.**—20) П. И. Игнатовичъ. Помѣщики крестьяне накануне освобожденія. Спб. 1902. **В. Стрелева.**—21) Марія Фришмутъ. Критическіе очерки и статьи. (Посмертное изданіе).—Тизъ Фауста въ мировой литературѣ.—Леконгъ де-Ниль.—О женскомъ образованіи.—Еще о Гамлетѣ.—Сказка.—Переводы. Спб. 1902. **Сергья фонъ-Штейна.**—22) Э. Н. Берендъ. Объ источникахъ финляндскаго права. Первая лекція по финляндскому праву, читанная въ императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Спб. 1902. **Б. Гр—снаго.**—23) A. von Jahre 1802 eröffnete Universität Dorpat und die Wandlungen in ihrer Verfassung. Ein Gedenkblatt zum 21 April 1902. Reval. 1902. **Д. З—нина.**—24) Измайль и его военно-историческіе памятники. Составилъ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Гайкинъ. Одесса. 1902. **в. п—на.**—25) Н. П. Булычовъ. Древности восточной Россіи. Москва. 1902. **л. м.**

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 1013

2) Полифемъ-горилла.—2) Политическіе выборы во Франціи шестьсотъ лѣтъ тому назадъ.—3) Французское общество и дипломаты.—5) Памятникъ Коигу.—6) Два англо-русскіе филантропа XIX столѣтія.—7) Александръ II въ Парижѣ въ 1867 году.—8) Нѣсколько русскихъ салоновъ въ Парижѣ.—9) Эмиль Лубэ.—10) Теофиль Делькасса.—11) Совершеннолѣтіе испанскаго короля Альфонса XIII.—12) Смерть Ролена-Жакмана, Монтенана и Бретъ-Гарта.

XVII. Смѣсь 1138

1) Чествованіе памяти Жуковскаго.—2) Къ юбилею печати.—3) Премія имени Г. Ф. Карпова.—4) Диспутъ С. А. Котляревскаго.—5) Археологическое общество въ С.-Петербургѣ.—6) Археологическое общество въ Москвѣ.—7) Общество археологій, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ.—8) Къ XII археологическому съѣзду въ Харьковѣ.—9) Тверской областной археологическій съѣздъ.—10) Археологическія раскопки.—11) Археологическая находка.—12) Курганъ Іоанна Грознаго.—13) Виленскій архивъ.—14) Общество любителей древней письменности.—15) Библиографическое общество.—16) Библиологическое общество.—17) Общество любителей естествознанія.

XVIII. Некрологи 1161

1) Гальберштамъ, М. М.—2) Голицынъ, князь П. А.—3) Дворяшинъ, Н. Н.—4) Криштофовичъ, С. Е.—5) Рачинскій, С. А.—6) Смирновъ, А. И.—7) Сошальская, А. К.—8) Тихомировъ, М. А.—9) Якобій, В. И.

XIX. Замѣтки и поправки 1166

Поправка къ «Воспоминаніямъ о Ф. Д. Нефедовѣ». **Ив. Захарина.**

XXII. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Виктора Петровича Острогорскаго.—2) Осада Страсбурга. (Braves gens. Strassbourg). Историческая повѣсть. Изъ временъ франко-германской войны. **Поля и Виктор Маргеритъ.** Переводъ съ французскаго. X—XI.

ВЕСЕЛЫЯ ПОХОРОНЫ ¹⁾.

(Повѣсть).

XVIII.

А ДРУГОЙ день всѣ трое отправились въ Озямово, гдѣ священствовалъ о. Никифоръ. Нужно было застать обѣдню, чтобы не явиться прямо на обѣдъ. Утро было ясное, немножко свѣжее отъ вѣтра, тянувшаго съ озера. О. Аонасій и Анна Михайловна сидѣли въ тарантасѣ, а молодой человѣкъ помѣстился съ работникомъ на облучкѣ. Сытые кони быстро мчались по дорогѣ, усохшей отъ жаровъ.

О. Аонасій былъ въ хорошемъ расположеніи духа, благодаря тому, что надворныя постройки ему удались, а староста, долго упирившійся, наканунѣ пожертвовалъ триста рублей на ремонтъ церкви. Анна Михайловна также была хорошо настроена, потому что она любила посѣщать о. Никифора, добраго, сердечнаго старика, чуждаго всякаго лукавства и никогда не интриговавшаго, какъ многіе другіе «отцы».

— Славный этотъ о. Никифоръ, — говорила всегда попадья: — вотъ уже не проныра, не льстецъ и не искатель.

О. Аонасій соглашался съ женой, но добавлялъ обыкновенно:

— Только онъ недалекій человѣкъ, мать.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVIII, стр. 399.

«истор. вѣстн.», июнь, 1902 г., т. LXXXVIII.

— Ладно, многоли умниковъ-то?—возражала жена такимъ тономъ, что, будь о. Аванасій болѣе догадливымъ, онъ непремѣнно обидѣлся бы.—Да что и въ умѣ, если душа черная!—продолжала попадья.— А у о. Никифора кристальная душенька.

Вся въ отца была и дочь, — такая же искренняя, довѣрчивая, еще болѣе простенькая, потому что не получила и того образованія, какое имѣлъ отецъ. Дуня училась дома, потомъ у кого-то въ городѣ, но очень не долго. «Науки» ей не дались, зато руководѣльница она была на рѣдкость. Анна Михайловна всегда хвалила за это Дуню, но особенно она хвалила дѣвушку сегодня. Попадья обращалась не прямо къ сыну, но говорила такъ, что онъ все слышалъ.

— Ну, мать,—замѣтилъ о. Аванасій:—ужь ты, кажется, того... въ гиперболу ударились.

— Какую гиперболу? Что такое ты еще выдумашь!

О. Аванасій засмѣялся.

— Ты не мудри, Бога ради, отецъ,—съ досадой сказала Анна Михайловна.—Чего еще по-ученому заговорилъ: вѣдь не съ Яковомъ, а со мной разговаривашь... Что это еще за гипербола?

О. Аванасій не сталъ объяснять, а только опять засмѣялся.

— Вѣрно и самъ-то не знаешь, а туда же за учеными тянешься,—промолвила жена сердито. Но ея недовольство продолжалось недолго. Она опять заговорила о Дунѣ. Яковъ Аванасьевичъ уже не слушалъ ея. Онъ думалъ о Сонѣ, которую видѣлъ сегодня во снѣ, и о томъ, какой бы найти предлогъ для поѣздки въ городъ. Ему нужно было узнать адресъ Сони. «Марья Ивановна навѣрно вернулась», рѣшилъ онъ.

Показалась колокольня Озямовской церкви, и черезъ нѣсколько минутъ, какъ на ладони, обозначилось все село, посреди котораго стоялъ большой каменный храмъ. Работникъ лихо подкатилъ къ его крыльцу; на ступеняхъ сидѣли крестьяне. Было воскресенье, и многіе пришли въ церковь изъ ближайшихъ деревень.

Анна Михайловна встала на лѣвую сторону у клироса, а о. Аванасій съ сыномъ прошли въ алтарь. Дьячокъ,—здоровенный дѣтина, съ большими оттопыренными ушами и съ длиннымъ носомъ, который онъ почему-то придерживалъ пальцемъ лѣвой руки, — низкимъ басомъ доканчивалъ «Вѣрую». Ему подтягивалъ дискантомъ какой-то мальчикъ, получавшій отъ дьячка каждый разъ, какъ сбивался съ такта, щелчокъ по затылку. О. Никифоръ, — низенькій, худенькій старичекъ, съ рѣдкими волосами на маленькой головѣ, которая у него немного тряслась,—дрожащими руками колебалъ надъ предложенными дарами «воздухъ». Взглянувъ мелькомъ на вошедшихъ, о. Никифоръ облобызалъ «воздухъ» и сталъ его складывать. Вскорѣ, сдѣлавъ послѣдній возгласъ, въ алтарь вошелъ дьяконъ, бодрый широкоплечій старикъ; онъ поздоровался за руку съ о. Аванасіемъ и съ его сыномъ. О. Никифоръ служилъ медленно,

говорилъ тихо, едва слышно, и при этомъ голосъ его вибрировалъ отъ внутренняго волненія, такъ какъ старикъ всегда служилъ съ умиленіемъ. На молодого человѣка служеніе о. Никифора произвело впечатлѣніе. Охваченный религіознымъ настроеніемъ, онъ молился усердно, какъ не молился уже давно за послѣднее время. Громкое пѣніе дьячка вызвало похвалу у о. Аѳанасія, но оно не понравилось сыну, который не любилъ холоднаго и безучастнаго пѣнія, а въ пѣніи дьячка не было души, именно того, что возвышало въ глазахъ Крестовоздвиженскаго служеніе старика-священника.

Послѣ возгласа «И да будутъ милости великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа со всѣми вами», о. Никифоръ подошелъ къ о. Аѳанасію, и они облобызались. Яковъ Аѳанасьевичъ, стоявшій въ дверяхъ ризницы, издалека почтительно поклонился о. Никифору.

Послѣ обѣдни былъ отслуженъ молебенъ, и весь причтъ, староста и трое прихожанъ отправились въ квартиру священника.

Квартира о. Никифора состояла изъ четырехъ комнатъ, изъ которыхъ только одна, носившая громкое названіе залы, была въ три окна. Самая маленькая, въ одно окно, служила для хозяина кабинетомъ и спальней. Въ болѣе просторной и лучше обставленной жила Дуня, любимица тетки и отца.

Въ послѣдней комнаткѣ, близъ кухни, въ которой хозяйка обѣдали безъ гостей, помѣщалась Анеиса Леонтьевна. По случаю праздника столъ былъ накрытъ въ залѣ. Когда всѣ вернулись изъ церкви, на столѣ уже шумѣлъ большой свѣтлый самоваръ, были разставлены закуски, возвышалась батарея бутылокъ; видное мѣсто занималъ пирогъ, прикрытый сверху полотенцемъ.

Яковъ Аѳанасьевичъ уже былъ знакомъ съ Дуней, съ которой онъ танцевалъ на святочной вечеринкѣ, два года тому назадъ. За это время она значительно развилась и сдѣлалась совсѣмъ невѣстой. Молодой человѣкъ сразу даже не узналъ ея въ церкви за молебномъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стояла полная, средняго роста блондинка, съ бѣлымъ лицомъ, освѣщаемымъ сѣрыми глазами. Немного вздернутый носикъ свидѣтельствовалъ о веселомъ характерѣ дѣвушки, которую очень красили ямочки на щекахъ и на подбородкѣ. Брови, въ видѣ тоненькаго шнурочка, были нѣсколько свѣтлы.

— Кто это?—спросилъ Яковъ Аѳанасьевичъ у матери.

— Какъ кто? Да это же Дуня. Неужели ты не узналъ?— шопотомъ отвѣтила Анна Михайловна.

«Какъ она похорошѣла, однако!»— подумалъ молодой человѣкъ, снова переводя глаза на Дуню. Ему понравились свѣтлорусые волосы, завернутые на затылкѣ небрежнымъ узломъ, при чемъ вокругъ свѣшивалась коротенькая бахромка, очень шедшая къ дѣвушкѣ.

Анна Михайловна замѣтила, что сынъ засмотрѣлся на Дуню, и подумала: «хорошо, кабы она ему понравилась. Тогда онъ и ту забылъ бы».

И попадая, наклонившись, шепнула опять сыну:

— Не правда ли, Яша, какая Дуня хорошенькая?

— Очень хорошенькая, — отвѣтилъ сынъ, но онъ сейчасъ же насупился, и пересталъ смотрѣть на Дуню.

Онъ почувствовалъ себя виноватымъ передъ Соней и потому, когда Анна Михайловна, уже послѣ молебна, опять замѣтила: «Дунечка просто прелесть», Крестовоздвиженскій нашелъ нужнымъ возразить матери:

— Но ея лицо совсѣмъ не умное: оно безъ всякаго выраженія.

— Полно, пожалуйста, — сказала съ неудовольствіемъ мать.

Дуня просто, какъ давно знакомая, поздоровалась съ Яковомъ Аванасьевичемъ. Она покраснѣла отъ похвалъ Анны Михайловны, но скоро оправилась и радушно промолвила, обращаясь къ падчѣ и къ молодому человѣку:

— Пойдемте къ намъ скорѣе, тетя уже ждетъ.

— Захлопоталась, поди, Анѣиса Леонтьевна, — сказала Анна Михайловна.

— Тетя это любить.

— Да и вамъ, поди, пришлось помогать?

Анна Михайловна, ласково улыбаясь, посмотрѣла на дѣвушку.

— Я ей помогала, — отвѣтила Дуня, — только она говоритъ, что я еще наработаюсь, когда замужъ выйду, а теперь мнѣ нужно отдыхать.

Дѣвушка произнесла это съ той наивной простотой, которая говорила о томъ, что она не умѣетъ притворяться и казаться не тѣмъ, что она есть. Она смотрѣла на все такъ просто, какъ проста сама жизнь.

Дуня была одѣта въ розовое шерстяное платье, немножко узкое и оттого очень обтягивавшее ея полный станъ. Легкая отдѣлка корсажа бѣлымъ кружевомъ и розовыми лентами придавала дѣвужкѣ нарядный видъ.

— А я смотрю на васъ, Дунечка, и люблюсь. Къ вамъ очень идетъ это платье, — сказала Анна Михайловна, подходя уже къ дому.

— Да и тетя того же мнѣнія. Я въ немъ выгляжу красивѣе, — промолвила Дуня.

«Вотъ ужъ этого бы и не надо тебѣ говорить», — не одобрила мысленно Анна Михайловна. Но она улыбнулась и проговорила вслухъ:

— Славная вы, Дунечка: что у васъ на умѣ, то и на языкѣ.

— А развѣ надо лгать? — спросила дѣвушка наивно и посмотрѣла на Якова Аванасьевича, который шелъ рядомъ съ ней съ другой стороны.

Желая втянуть въ разговоръ сына, попадья обратилась къ нему:

— Яша, ты какъ думаешь: надо барышнямъ лгать или нѣтъ?

— Лгать не хорошо,—отвѣтилъ онъ,—да вѣдь для лжи нужно... Онъ чуть не сказалъ «нужно обладать умомъ», но удержался и добавилъ: для лжи нужно особенное умѣнье.

— Какъ надо учиться еще лгать? Да зачѣмъ же? — спросила Дуня съ улыбкой недоумѣнія.

Якову Аванасьевичу не пришлось ничего отвѣтить на это. Ихъ догнали дьяконъ и староста. Всѣ вмѣстѣ вошли въ широкія свѣтлыя сѣни. Сейчасъ же подошли и другіе гости.

О. Никифоръ пригласилъ всѣхъ «выпить по рюмочкѣ» и «попробовать пирожка», Анеиса Леонтьевна такъ же просила гостей «сдѣлать честь ея стряпнѣ».

— И Евдокии Никифоровны, надо присовокупить, я думаю,— промолвилъ о. дьяконъ, наливая себѣ самую большую рюмку очищенной.

— Какъ же, какъ же, и она помогала, — поспѣшила отвѣтить тетка.—Она ко всему у насъ приучена.

— Ну-съ,—возгласилъ дьяконъ,—пью за здоровье почтеннаго настоятеля, желаю ему много лѣтъ жить и радоваться. Гм... желаю дожить до почтеннаго званія дѣдушки, прадѣдушки и прочее и прочее.

Онъ чокнулся съ хозяиномъ, со старостой, съ о. Аванасіемъ и повернулся въ сторону Якова Аванасьевича, но тотъ ничего еще себѣ не налилъ.

— Э, ученый, да у васъ и рюмка пустая!

Онъ сдѣлалъ выразительный знакъ глазами о. Аванасію и залпомъ выпилъ водку.

— А что же вы-то, Яковъ Аванасьевичъ?—обратилась къ молодому человѣку Анеиса Леонтьевна.—Дуня,—сказала она дѣвушкѣ, которая накладывала пирога Аннѣ Михайловнѣ:—что же ты гостя не угощаешь? Онъ ничего и не пьетъ, вѣрно, ждетъ, чтобы ты его попросила.

Дѣвушка подошла къ Крестовоздвиженскому.

— Я не пью,—сказалъ онъ, конфузясь.

— Развѣ совсѣмъ не пьете?—спросила Дуня.

— Онъ не пьетъ водки, Дунечка, — вмѣшалась мать. — Развѣ вотъ вина. Яша, выпей хоть портвейна, надо же поздравить о. Никифора.

— Вамъ можно портвейна?—спросила дѣвушка.

— Хорошо-съ,—отвѣтилъ Крестовоздвиженскій.

Дѣвушка налила небольшую рюмку.

— Да ты побольше, — сказала тетка, слѣдившая за Дуней съ другого конца стола.

— Нѣтъ-съ, довольно этой, — произнесъ Крестовоздвиженскій. Онъ поздравилъ хозяина съ днемъ рожденія, его сестру и Дуню съ новорожденнымъ и хотѣлъ уже отхлебнуть вина, какъ вдругъ дьяконъ остановилъ его восклицаніемъ:

— Погодите, ученый, сейчасъ и я съ вами еще по единой!

Онъ поспѣшно налилъ рюмку очищенной.

— А что же вы сами-то, Евдокія Никифоровна? — промолвилъ староста, мѣстный торговецъ, широко осклабясь и показывая рядъ мелкихъ гнилыхъ зубовъ: — вы сами откушайте чегонибудь.

— Дѣло, староста! — подхватилъ дьяконъ: — Евдокія Никифоровна, вамъ чего прикажете? Мадерцы?

— Нѣтъ, я ужъ лучше маленькую наливки, — сказала Дуня.

— Отлично!

Дьяконъ загнулъ широкій рукавъ рясы, досталъ бутылку, обсыпанную пескомъ, налилъ рюмку и подалъ ее дѣвушкамъ.

— Да ты, дьяконъ, совѣмъ заправскій кавалеръ, — произнесъ со смѣхомъ о. Аѳанасій.

— А вы какъ бы думали, отецъ протоіерей? Кавалеръ и есть! — отозвался дьяконъ, — Конечно, оно, собственно говоря, гм... ученому это слѣдовало бы сдѣлать, да онъ что-то смиренствуетъ. А, впрочемъ, мы понимаемъ, почему сіе.

Дьяконъ подмигнулъ Аннѣ Михайловнѣ, а потомъ Крестовоздвиженскому и продолжалъ:

— Ну-съ, Евдокія Никифоровна, имѣю честь поздравить васъ съ новорожденнымъ, желаю вамъ жить да радовать о. Никифора... Ну-съ, и еще желаю вамъ хорошаго жениха, ученаго и скромнаго, какъ, напримѣръ, вотъ сей молодой человекъ. Гм... хорошо сказано?

Онъ обвелъ гостей торжествующимъ взглядомъ и выпилъ залпомъ рюмку.

Яковъ Аѳанасьевичъ покраснѣлъ; покраснѣла и Дуня. Она поспѣшила выпить вино, поперхнулась и закашлялась.

— Что это съ вами, Евдокія Никифоровна? — сказалъ дьяконъ, ставя рюмку на столъ: — не въ то горлышко, видно, попалю?

— Это ты всему виной, дьяконъ, — сказалъ о. Аѳанасій: — столько наговорилъ, что и смутилъ барышню.

— А чѣмъ? — съ недоумѣніемъ спросилъ дьяконъ: — ничего излишняго не сказалъ. Если насчетъ жениха, такъ вѣдь для того и барышни растутъ, чтобы замужъ выходить.

Пирогъ всѣмъ понравился, и всѣ охотно брали по второму куску, доставляя этимъ удовольствіе хозяевамъ. О. Никифоръ, видимо, утомился. Онъ говорилъ мало, только ласково улыбался, глядя на гостей. О. Аѳанасій велъ хозяйственный разговоръ со старостой,

Анна Михайловна бесѣдовала съ Анюсой Леонтьевной. Двое прихожанъ разсуждали о чемъ-то съ дьячкомъ, а третій, мѣстный сапожникъ, бывший староста, съ такимъ вниманіемъ разсматривалъ скатерть, словно хотѣлъ запомнить въ точности весь ея затѣйливый рисунокъ. Ораторствовавшій дьяконъ заглушалъ всѣхъ, поздравляя хозяина въ десятый разъ, рассказывая «факты» изъ жизни. Онъ старался вовлечь въ разговоръ и дьячка, но тотъ только отмахивался рукой и продолжалъ свою бесѣду съ сосѣдями.

— Дьякъ, да ты пей хоть коньякъ!—произнесъ дьяконъ и снова принялся рассказывать «факты», а для «смоченія горла» наливалъ себѣ рюмку за рюмкой.

Дуня угощала Якова Аванасьевича и сама подавала ему чай, чѣмъ и приводила его въ смущеніе.

Отказавшись отъ третьяго стакана, онъ подъ предлогомъ жары всталъ изъ-за стола и отошелъ къ окну. Черезъ минуту къ нему подошла Дуня и промолвила своимъ пѣвучимъ голоскомъ:

— А вы не хотите ли въ садъ выйти? У насъ цвѣты...

— Съ большимъ удовольствіемъ, — отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Тетя, я иду въ садъ, показать цвѣты Якову Аванасьевичу, — сказала Дуня, обращаясь къ Анюсѣ Леонтьевнѣ.

Дѣвушка вышла на террасу; за ней послѣдоваль Крестовоздвиженскій.

XIX.

Якову Аванасьевичу Дуня казалась такой наивной и простенькой, что онъ подумалъ, глядя на нее за чаемъ: «вотъ это не то, что Соня. Передъ той невольно смущаешься, а съ этой и я не стѣсняюсь».

Однако, когда онъ очутился съ дѣвушкой наединѣ, онъ неожиданно для себя почувствовалъ смущеніе. Онъ разсердился за это на себя и, чтобы доказать, что онъ вовсе и не думаетъ «робѣть передъ глухой дѣвочкой», промолвилъ развязно, хотя и не безъ усилія надъ собою:

— А къ вамъ въ самомъ дѣлѣ очень идетъ это платье, Евдокія Никифоровна.

«Нѣтъ, не это слѣдовало сказать», — мысленно поправилъ онъ себя:—«надо было что нибудь серьезное, чтобы показать»...

Дѣвушка прервала его размышленія:

— И вамъ оно нравится? — радостно, но просто проговорила она. — Я всегда при васъ буду его надѣвать. Вѣдь вы у насъ часто станете бывать?

И, не дождавшись отвѣта, она продолжала:

— Что это вы такъ долго не прѣзжали къ намъ? Мы васъ ждали, ждали...

— И вы ждали меня?—спросилъ Крестовоздвиженскій.

— Ждала. Я часто выходила за ворота посмотрѣть, не ѣдете ли... А вы и не собрались.

Крестовоздвиженскій промолчалъ.

— Вотъ и наши цвѣты,—продолжала Дуня, указывая на клумбы петуней, левкоевъ и розъ.— А дальше тамъ ягодникъ. Вы какія больше любите ягоды?

— Малину,—отвѣтилъ Крестовоздвиженскій.

— Ея у насъ много. Прѣзжайте къ намъ чаще, я вамъ сама начищу ягодъ. Вы какъ любите: съ сахаромъ или съ молокомъ?

— Хорошо и съ молокомъ,—отвѣтилъ Яковъ Аванасьевичъ.

— У насъ и молоко хорошее. А крыжовникъ вы любите?

— Нѣтъ, крыжовника не обожаю.

— И я его не обожаю.

Крестовоздвиженскому стало скучно отъ такого разговора. Онъ зѣвнулъ.

— Вамъ, кажется, хочется спать?—спросила Дуня.—Вотъ послѣ обѣда ложитесь съ папой, онъ вѣдь всегда послѣ обѣда отдыхаетъ.

Крестовоздвиженскій разсмѣялся.

— Я не сплю днемъ, — сказалъ онъ. — Да и намъ надо скоро ѣхать.

— Какъ бы не такъ!—воскликнула дѣвушка.—Мы васъ скоро не отпустимъ. Вы будете у насъ пить чай, мы потомъ съ вами будемъ играть въ карты. Да васъ и безъ ужина тетя не отпуститъ. Развѣ вамъ у насъ такъ скучно?—вдругъ закончила она.

— Нѣтъ, напротивъ...

Но онъ едва удержался отъ новаго зѣвка.

— У насъ здѣсь хорошо,—восторженно промолвила Дуня:—гораздо лучше, чѣмъ у васъ въ Домкинѣ.

Она сорвала розу и подала ее Крестовоздвиженскому. Онъ восторженно посмотрѣлъ на дѣвушку, принимая цвѣтокъ. Дуня засмѣялась.

— А вамъ здѣсь хорошо будетъ, вы не соскучитесь,—сказала она, помолчавъ.

Она подняла на него спокойные, свѣтлые глаза.

— Почему же мнѣ? При чемъ я тутъ?—спросилъ Крестовоздвиженскій, улыбаясь.

«Она премиленькая, это вѣрно,—подумалъ онъ,—но какая, право, глупенькая».

— А развѣ вы думаете, что я ничего не знаю!—воскликнула Дуня.—Я все знаю!—добавила она и подняла голову.

Она была восхительна въ эту минуту со своимъ дѣтскимъ задоромъ.

— Въ такомъ случаѣ скажите мнѣ, я ровно ничего не знаю,— произнесъ Крестовоздвиженскій, машинально бросая розу на дорожку.

Дуня всплеснула руками.

— Что вы сдѣлали!—воскликнула она.

— А что?—удивленно спросилъ Яковъ Аеанасьевичъ.

— Вы бросили мою розу. Вы это нарочно?

— Совсѣмъ нѣтъ, я просто такъ... А развѣ нужно было ее вѣчно держать у себя?

— Вы должны были ее увезти съ собою.

— Почему же?

— Да вы знаете, что это означаетъ, если я дала вамъ розу?

— Не знаю.

Она громко расхохоталась.

— Какой вы смѣшной!—сказала она:—ничего вы не понимаете, а еще ученый.

— А вы полагали, что насъ учать въ семинаріи этому... я и самъ не знаю, какъ сказать вамъ...

— Да это же всѣмъ извѣстно.

— А я не знаю. Объясните, пожалуйста, мнѣ.

— Ну, вотъ,—сказала Дуня,—сами догадайтесь. Да это не правда, вы знаете, вы только такъ, смѣтаетесь надо мною. Вѣдь вы всѣ такіе!

— Какіе?

— Насмѣшники, извѣстно. Это и тетя говорить. Ну, да ладно. А я все-таки знаю, все знаю, и вамъ нечего скрываться.

— Да что вы знаете? Объясните!—уже съ нѣкоторой досадой проговорилъ Крестовоздвиженскій.

Дуня покачала головой и промолвила:

— Какой вы хитрый! Ну, такъ и быть, я скажу, хотя зачѣмъ? вѣдь вы сами знаете.

— Не знаю,—рѣзко произнесъ Крестовоздвиженскій.

— Вы не знаете того, что вы выходите въ попы и берете мѣсто папы?

Она покраснѣлась и, радостная оттого, что уличила гостя во лжи, съ торжествомъ глядѣла на него...

Онъ хотѣлъ разсердиться и не могъ. Онъ только пожалъ плечами и произнесъ:

— Господи, какая вы...

Онъ не кончилъ.

— Какая же? говорите, говорите!—настаивала дѣвушка.

«Она положительно хорошенькая,—подумалъ Крестовоздвиженскій,—но какая она глупая!»

Крестовоздвиженскому стало жалко ее, и онъ не сказалъ того что хотѣлъ.

— Вы милое дитя, Евдокія Никифоровна,—сказалъ онъ, улыбаясь.

— Какое же я дитя?—промолвила дѣвушка, надувши губки.— Дѣти учатся въ школѣ, ихъ ставятъ въ уголъ и даже сѣкутъ.

Крестовоздвиженскій уже не могъ сдержаться и громко расхохотался.

— Евдокія Никифоровна, вы сама святая простота!—воскликнулъ онъ.

— А вы насмѣшникъ,—сказала Дуня.—Я считала васъ лучше и не полагала, что вы такой нехорошій.

— Не сердитесь,—произнесъ Яковъ Аѳанасьевичъ серьезно.— Я не хотѣлъ васъ обидѣть... Но скажите мнѣ, откуда вы взяли, что я хочу на мѣсто вашего батюшки?

— Какъ?—съ удивленіемъ произнесла Дуня, широко раскрывая глаза.—Да развѣ вы можете объ этомъ спрашивать?

— А кто же можетъ спрашивать?—снова невольно сердясь, промолвилъ Крестовоздвиженскій.

— Я не знаю,—вдругъ тихо и съ нѣкоторой робостью отвѣтила Дуня.—Вѣдь это же...

— Позвольте,—перебилъ семинаристъ.—Вѣдь, если я беру мѣсто вашего отца, значитъ, я женюсь на васъ? да?

— Да,—отвѣтила Дуня и такъ посмотрѣла на гостя, словно хотѣла сказать взглядомъ: «неужели и это тебѣ нужно объяснять?»

Отвѣтъ ея и разсердилъ и разсмѣшилъ въ одно и то же время Крестовоздвиженскаго.

— Позвольте,—опять сказалъ онъ медленно:—но развѣ я вамъ говорилъ, что я васъ люблю?

— Нѣтъ, но вѣдь еще...

— Что еще?

— Это еще рано.

— Господи!

Крестовоздвиженскій всплеснулъ руками.

— Да вы-то, вы-то развѣ меня любите, Евдокія Никифоровна?

— Вы мнѣ давно нравитесь,—искренно призналась дѣвушка.

Крестовоздвиженскій невольно почувствовалъ пріятное удовлетвореніе.

— Но этого мало... надо любить,—сказалъ онъ вспыхивая.

— Я и полюблю васъ.

Яковъ Аѳанасьевичъ хотѣлъ отвѣтить, что онъ ея не полюбитъ, потому что любить другую. Но въ эту минуту невдалекѣ послышались шаги. Крестовоздвиженскій обернулся. Подходилъ дьяконъ.

— А, вотъ гдѣ они укрылись! Поймалъ!—воскликнулъ онъ громко.—Ну-съ, Евдокія Никифоровна, я за вами: пожалуйте къ тетушкѣ.

Дѣвушка побѣжала къ террасѣ. Дьяконъ посмотрѣлъ на Крестовоздвиженскаго и усмѣхнулся.

— Что, ученый: помѣшалъ я вашимъ сладчайшимъ разговорамъ? Но онъ вдругъ сдѣлался серьезень и добавилъ, не давши отвѣтить Крестовоздвиженскому.

— Я вотъ шучу съ вами; а по-настоящему мнѣ совсѣмъ иначе надо было бы держаться.

— Почему же?—спросилъ молодой человѣкъ.

— А какъ же? Немного времени... и вы мой начальникъ. «Владыко, благослови!»

— Послушайте,—произнесъ Крестовоздвиженскій:—что вы такое говорите?

— А что? Говорю, что подобаешь,—отвѣтилъ дьякомъ.—Я думалъ, что сегодня же васъ и объявятъ нареченными, а между тѣмъ...

— Вы ошибаетесь, ошибаетесь!—чуть не закричалъ Крестовоздвиженскій, волнуясь.—Это все вздоръ, я иду въ медицинскую академію!..

— Ха-ха-ха! Вотъ такъ шутникъ вы, Яковъ Аванасьевичъ! Ей-Богу! Въ медицинскую академію! Да кого вы хотите морочить!..

Дьяконъ опять залился раскатыстымъ смѣхомъ и, забывъ совсѣмъ, что передъ нимъ будущій начальникъ, хлопнулъ его по плечу и промолвилъ:

— Не бойтесь, никто не отобьетъ: дѣло рѣшенное, мѣсто за вами. Вамъ счастье! Мѣсто хорошее, женкой останетесь довольны. Видѣли, какой бутонъ? Ягодка спѣлая, сочная... Заживете, какъ въ раю, прямо Эдемъ... Адамъ да Ева и только... Искусителя нечего бояться... Дунечку никто не искуситъ... а васъ... да чего же вамъ еще нужно при такой женѣ?

Отъ дьякона несло водкой, глаза его щурились.

Крестовоздвиженскій былъ сильно взволнованъ. «Если такъ говоритъ дьяконъ, значитъ, онъ слышалъ, знаетъ, что дѣло уже рѣшенное. Псалмопѣвцевъ правъ: они потому и молчатъ, что хотятъ сразу напасть. «Объявить сегодня нареченными!» Ну-ка, пусть попробуютъ! Я такой скандалъ устрою... Да неужели мать?»...

Въ груди Якова Аванасьевича поднялась буря. Въ душѣ воскресло все, что начало было затихать въ послѣднее время. «Надо скорѣе объясниться съ родителями; нечего ждать... И эта Дуня: она также увѣрена. Хорошенькая! Что же изъ этого? Онъ ни на кого не промѣняетъ Сонни, а не то, что на эту дурочку Дуню. Борьба, такъ борьба!»

Выпитыя двѣ рюмки имѣли свое дѣйствіе и усиливали возбужденіе молодого человѣка. Онъ потрянулъ волосами, какъ бы посылая кому-то вызовъ.

— Отецъ дьяконъ! Яковъ Аванасьевичъ! обѣдъ поданъ!.. пожалуйте кушать!—раздался съ террасы пѣвучій голосокъ Дуни.

XX.

Поздно уѣхали Крестовоздвиженскіе отъ о. Никифора.

— Мы всѣхъ гостей пересидѣли,—какъ бы извиняясь, сказала Анна Михайловна, прощаясь съ Аноисой Леонтьевной.

— И чудесно сдѣлали, очень вамъ благодарны,—отвѣтила старуха.—Ни съ кѣмъ васъ и равнять нельзя, вы самые дорогіе, близкіе намъ.

— Къ намъ милости просимъ,—приглашала Крестовоздвиженская.—Да и о. Никифору отчего же не пріѣхать?

— Куда ему, онъ все болѣетъ,—сказала старуха:—видите, и теперь не могъ досидѣть, прилегъ и заснулъ. А вотъ Якову Аонасьевичу не хорошо насъ забывать. Молодому человѣку что разстояніе! Дуня, видно, ты не умѣешь просить, или ужъ ему не нравится у насъ.

Дуня немножко дулась на Крестовоздвиженскаго, который послѣ разговора въ саду совсѣмъ перемѣнилъ съ нею свое обращеніе; онъ отказался даже играть въ карты, какъ ни упрашивала она его.

— Что же мнѣ дѣлать, тетя?—сказала Дуня.—Если онъ не хочетъ, не силкомъ же его тащить.

Въ ея голосѣ звучало что-то похожее на обиду.

— Ну, что вы, Дунечка, какъ не хочеть! Онъ еще все отдыхалъ, а теперь будетъ къ вамъ ѣздить,—проговорила Анна Михайловна.

Они вышли на крыльцо. Яковъ Аонасьевичъ опередилъ родителей.

— Онъ у насъ немножко бука, — съ улыбкой шепнула Анна Михайловна старухѣ. — Да погодите, Дунечка вотъ его расшевелить.

— Можетъ быть,—промолвила Аноиса Леонтьевна.—А знаете: братецъ заговорилъ съ нимъ послѣ обѣда, такъ онъ прямо сказалъ, что имѣетъ влеченіе къ медицинѣ.

— Пустое, дорогая моя! Онъ и мнѣ это говорилъ: все это однѣ мечты!

— Оно, конечно, — согласилась старуха.

Отецъ Аонасій порядочно подпилъ и всю дорогу сладко дремалъ. Анна Михайловна также долгое время молчала и только уже вблизи дома заговорила съ сыномъ.

— Какіе они радушные, славные,—сказала она.—А эта Дуня премилая дѣвушка: такой прямой, чистой души нынче и не найти. Правда, Яша?

— Глупа она очень, — рѣзко отвѣтилъ сынъ.

— Ну, какъ можно такъ выражаться про дѣвушку, да и при томъ еще такую, какъ Дуня!—строго произнесла Анна Михайловна.

Она помолчала и заговорила опять:

— Ты, Яша, не умѣешь понимать людей. Другой бы въ восторгъ пришелъ отъ такой дѣвушки, ей цѣны нѣтъ. Или для тебя лучше какая нибудь безпутная вертихвостка?

Анна Михайловна немного раздражилась. Ея раздраженіе перешло и сыну.

— Мнѣ нравятся умныя, развитыя дѣвушки, маменька, — сказалъ онъ. — А съ этой и говорить не о чемъ.

— Какихъ тебѣ еще надо разговоровъ? Не о богословскихъ же наукахъ разговаривать съ барышней.

— Помимо этого есть еще о чемъ говорить.

— Да гдѣ же это ты видалъ такихъ развитыхъ да умныхъ? Кажется, въ городѣ тебѣ не приводилось.

Анна Михайловна какъ бы дѣлала вызовъ сыну, но онъ уклонился. Она спохватилась и овладѣла собою. Она даже обвинила себя въ томъ, что завела разговоръ при работникѣ. Ее разсердило то, что сынъ такъ прямо заявилъ о своемъ желаніи отцу Никифору. Она еще не знала о разговорѣ его съ Дуней.

Дома, прежде чѣмъ лечь спать, Анна Михайловна подъ какимъ-то предлогомъ зашла въ комнату сына и замѣтила ему:

— Яша, ты такъ держишься, словно нарочно хочешь не нравиться.

— Кому это? — спросилъ сынъ. — Не Дунѣ ли?

— Хотя бы и ей.

— И не желаю вовсе нравиться!

— Это напрасно, мой милый.

Раздраженіе опять овладѣло Анной Михайловной.

— Маменька, — произнесъ молодой человѣкъ, — вы, кажется, не отказались отъ мысли женить меня на Дунѣ?

— А ты, я вижу, еще не отказался отъ своихъ вздорныхъ мечтаній, — сказала мать.

— И не думаю отказываться. О Господи! — воскликнулъ Крестовоздвиженскій: — да что же это такое?

— Полно, — остановила мать, — теперь не время, потомъ поговоримъ. И я-то глупа, что затѣяла разговоръ, да больно ужъ ты меня сегодня обидѣлъ, Яковъ.

— Я, маменька?

— Ты, — укоризненно произнесла Анна Михайловна, — что ты отцу Никифору сказалъ?

— То же самое, что и вамъ.

— И думаешь, мнѣ это пріятно? Развѣ ты не отравляешь моего сердца такимъ упорствомъ? Я только о томъ и думаю, какъ бы тебя счастливымъ сдѣлать.

— Маменька, да счастье мое не здѣсь!

— А гдѣ же? Въ Петербургъ?

— Да.

— Съ этой красавицей?

— Да, маменька!

— Нѣтъ, Яша, этому не бывать. Ты не женишься на ней, потому что не захочешь убивать свою мать!

Въ голосѣ Анны Михайловны послышались слезы.

— Маменька!

— Нѣтъ, Яша... Но не будемъ объ этомъ говорить теперь. Ложись спать. И я устала, да и ты утомился. Поговоримъ потомъ. Ложись. Христосъ съ тобой!

Она перекрестила сына, какъ дѣлала это всегда, и вышла изъ комнаты.

— «Господи!»—вырвалось со стономъ у Якова Аонасѣевича.

Онъ сѣлъ на кровать и просидѣлъ болѣе четверти часа, въ застывшей позѣ, устремивъ взоръ въ одну точку.

— Нѣтъ! Надо дѣйствовать!—воскликнулъ онъ вскакивая.— Надо написать Сонѣ и поговорить съ Неофитомъ.

«Ты не захочешь убить мать», припомнились ему слова Анны Михайловны, и его сердце сжалось отъ боли. Да, онъ не хочетъ этого, но какъ же быть, гдѣ исходъ?

Не раздѣваясь онъ бросился на кровать и такъ проспалъ до утра.

На другой день о. Аонасій вдругъ неожиданно обратился къ сыну за вечернимъ чаемъ:

— А что, Яковъ, если бы я тебя послалъ завтра въ городъ?

— Зачѣмъ это?—спросила жена.

— По чеку надо получить. Самому мнѣ ѣхать не рука, а доѣхать такую сумму боязно. Яковъ все равно ничего не дѣлаетъ.

— Можно отложить.

— Нельзя, попадья. Нужны деньги плотникамъ. Да ты что? боишься за деньги что ли?

— Что еще выдумаешь?—проговорила жена.—Знаю, что онъ не растратитъ, чего мнѣ бояться?

— Ну, такъ зря и говоришь.

Крестовоздвиженскій былъ радъ поѣздкѣ. Сама судьба помогала ему. Онъ боялся, что отецъ передумаетъ, и потому поторопился взять у него чекъ. На слѣдующее утро, когда родители еще спали, онъ уѣхалъ въ городъ въ одноколку, безъ работника. Какъ только онъ отъѣхалъ нѣсколько верстъ отъ деревни, на сердцѣ у него сдѣлалось легче, и онъ почувствовалъ себя свободнымъ. Прежде онъ нигдѣ не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ дома. И эти двѣ недѣли ему легко жилось въ Домкинѣ. Но вотъ небольшое столкновение съ матерью, и на душѣ сдѣлалось снова тяжело. Онъ любитъ мать, ему жаль ее, больно наносить ей горе, но ему тяжело и отказаться отъ своихъ стремленій, отказаться отъ Сони. Даже тогда, когда онъ не

думаетъ о ней, она все равно живетъ въ его сердцѣ, и никому другому онъ не можетъ отвести такое же мѣсто. Жениться на другой, нѣтъ, это невозможно! Дуня очень миленькая, и онъ готовъ съ ней разговаривать, шутить, но сдѣлайся она его женой, онъ ее возненавидитъ, и эта ненависть будетъ настолько же сильна, насколько сильна любовь къ Сонѣ. Крестовоздвиженскаго вдругъ охватилъ такой страстный порывъ, что будь Соня сейчасъ здѣсь, онъ бросился бы къ ея ногамъ и покрылъ бы ихъ поцѣлуями. Мать, отецъ—все потеряло цѣну въ его глазахъ. И ему захотѣлось какъ можно скорѣе услышать что нибудь о Сонѣ, написать ей письмо, излить всѣ волнующія его чувства.

Онъ еще сильнѣе началъ погонять Пѣгашку, который усталъ отъ продолжительной ѣзды, безпрестанно фыркалъ и отмахивался хвостомъ, какъ бы выражая этимъ свое неудовольствіе. По мѣрѣ приближенія къ городу нетерпѣніе молодого человѣка росло. Онъ въ сильномъ волненіи, чуть не галопомъ, вѣхалъ въ городъ. Началась убійственная мостовая, но Крестовоздвиженскій, не замѣчая тряски, мчался, какъ на пожаръ, подпрыгивая на сидѣннѣ. Черезъ четверть часа онъ остановилъ взмыленнаго Пѣгашку у воротъ дома, гдѣ жили Пушкивы. Топотъ копытъ и стукъ колесъ о мостикъ черезъ канаву заставилъ кого-то раздвинуть занавѣску окна и взглянуть на улицу. Это была Марья Ивановна. Крестовоздвиженскій узналъ ее, и сердце у него учащенно забилося.

Онъ спрыгнулъ съ одноколки, привязалъ лошадь къ периламъ палисадника и прошелъ въ калитку. Парадная дверь уже была отперта, и Марья Ивановна встрѣтила молодого человѣка въ передней.

— Какими это судьбами, Яковъ Аванасьевичъ? Почему въ городъ надумали?—спросила она, протягивая руку.—Здравствуйте! Здравствуйте! Мы вѣдь давно не видались съ вами. Проходите въ столовую, я васъ напою съ дорожки чаемъ.

— Благодарю, мнѣ теперь некогда, тороплюсь въ банкъ,—сказалъ Крестовоздвиженскій.

Но онъ все-таки присѣлъ и освѣдомился у Марьи Ивановны насчетъ ея «путешествія».

— Славно съѣздила!—съ восторгомъ проговорила она.—Такъ освѣжилась, отдохнула отъ здѣшней скучищи. Нашъ Сонскъ и съ Ярославемъ не можетъ сравниться, а о Москвѣ нечего и говорить. Я вѣдь нигдѣ еще не бывала, и для меня все вновь.

У Крестовоздвиженскаго такъ и вертѣлся на языкѣ вопросъ о Сонѣ, но семинаристъ удержался, надѣясь, что Пушкива сама заговоритъ о ней. И онъ не ошибся.

— Ну, Яковъ Аванасьевичъ,—промолвила Пушкива,—а я вамъ поклонъ отъ Сони привезла: очень, очень просила кланяться.

Щеки Крестовоздвиженскаго покрылись румянцемъ, но не отъ смущенія, а отъ радости.

— Все хорошо? Здорова Софья Львовна?— спросил онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Здорова. Дорога на нее такъ хорошо повліяла, что она еще красивѣе стала. Недаромъ такъ и прельщается всѣхъ. Ахъ, умора да и только съ вами, мужчинами!

— А что?— спросилъ Крестовоздвиженскій съ улыбкой, но съ замѣтной тревогой въ голосѣ.

— Да какъ же, — промолвила Пушкова:— въ Москвѣ мы остановились въ гостиницѣ; не дурная, но не изъ главныхъ. И въ первый же день въ общемъ залѣ встрѣтили какого-то купца или фабриканта, — не могу сказать вѣрно. Увидѣлъ онъ Соню и все время, пока мы обѣдали, глазъ не спускалъ съ нея. А потомъ вдругъ вечеромъ какъ-то ловко сумѣлъ познакомиться съ сестрой моей; гляжу — на другой день онъ уже пьетъ чай у нихъ въ номерѣ. Спрашиваю сестру... Она отъ него въ восторгѣ. Богатый, веселый... Сейчасъ билетъ предложилъ въ садъ. Но сестра поблагодарила и отказалась, конечно. Отказъ его не то обидѣлъ, не то озадачилъ... Только послѣ этого онъ еще чаще сталъ посѣщать сестру и, видимо, приударилъ за Соней. Я ей говорю: «Смотри, не влюбись!» Надо вамъ сказать, онъ очень недурень. «Что вы говорите, тетя, пустяки!» А сама смѣется и болтаетъ съ нимъ охотно. Сестра съ Соней уѣхали днемъ раньше, чѣмъ я. Приѣзжаемъ на вокзалъ—купецъ уже тамъ. «А вы куда?»—спрашиваю его.—«Въ Петербургъ».—«Да развѣ вамъ туда надо?» (а онъ изъ Казани). «Надо»,—говоритъ.—«Да если бы и не нужно было, все равно бы поѣхалъ: куда, говоритъ, Софья Львовна, туда и я». Разумѣется, шутить. А вѣдь кто знаетъ: всяко случается. Бываетъ и такъ: невѣдомо откуда явится, разъ-два, глядишь — и свадьба. Ахъ, мужчины, мужчины! Только бы вамъ смазливое личико, и сейчасъ...

Марья Ивановна размѣялась, но взглянула на молодого человека и промолвила испуганно:

— Что съ вами, Яковъ Аванасьевичъ? Вы такой блѣдный, здоровы ли?

— Ничего... голова только очень разболѣлась.

— Это вѣрно отъ жары. Вы вѣдь сегодня выѣхали?

— Да, сегодня. Я торопился.

— Вотъ, вотъ, отъ этого. Сколько верстъ... да и встали рано... Прилягте-ка, голубчикъ, да давайте, я васъ напою чаемъ. Вамъ будетъ лучше.

— Нѣтъ, благодарю васъ, мнѣ въ банкъ надо, — взволнованнымъ голосомъ проговорилъ Крестовоздвиженскій.

Его губы дрожали, въ горлѣ у него пересохло, а сердце ныло, словно отъ боли.

Онъ поднялся.

— Ну, возвращайтесь скорѣе, — сказала Марья Ивановна, подавая ему руку.—Я многого еще вамъ не рассказала. Про поклонъ Сони я вамъ сообщила: она хотѣла было вамъ письмо написать, да все хлопоты, а тутъ сестра вдругъ заторопилась, такъ она и не собралась написать. Но она просила кланяться и, ужъ, ей-Богу, не знаю, что это значитъ, но она просила передать вамъ, чтобы вы «вѣрили въ молитву». Въ какую молитву? Что это значитъ, Яковъ Аванасьевичъ? Я ее спросила, а она мнѣ: «онъ, говоритъ, пойметъ».

Марья Ивановна пытливо посмотрѣла на Крестовоздвиженскаго.

— Это такъ... Софья Львовна однажды говорила... когда она...—путаясь, промолвилъ Яковъ Аванасьевичъ и протянулъ руку хозяйкѣ.

— Торопитесь? Ну, ладно! Такъ смотрите же, я васъ жду изъ банка къ чаю. Да вы, конечно, у насъ и обѣдаете.

Крестовоздвиженскій поклонился и вышелъ изъ комнаты.

— Яковъ Аванасьевичъ!—крикнула ему въ догонку Пушкова, пріотворяя дверь:—вы лошадей-то на дворъ введите да поставьте подъ навѣсъ.

— Хорошо-съ!—отозвался Крестовоздвиженскій.

Онъ былъ удрученъ рассказомъ Пушковой. «Всяко бываетъ»... Неужели и Соня, какъ всѣ другія дѣвушки: встрѣтила богатаго, красиваго человѣка, и она забудетъ свое слово? Не можетъ быть! Она такъ не поступитъ. Это ничего, что «смѣется, болтаетъ охотно». А вѣдь все-таки велѣла кланяться и напомнить о молитвѣ. «Значитъ, помнитъ обѣщаніе и ждетъ. Конечно, ждетъ. Все это пустяки!» Крестовоздвиженскій старался отогнать смутившую его мысль. «Соня хорошая, она не измѣнитъ».

Онъ вошелъ въ подъѣздъ банка и поднялся по широкой лѣстницѣ во второй этажъ. Ему указали комнату, въ которой выдавали по текущимъ счетамъ. Онъ подошелъ къ окну въ рѣшеткѣ, отдѣлявшей публику отъ служащихъ, и подалъ чекъ. Пока записывали, что нужно въ книгу, онъ, стоя у окна, глядѣлъ, какъ сторожа укладывали на столъ пачки кредитокъ. «Вотъ бы мнѣ двѣ-три пачки, и поѣзжай смѣло въ Петербургъ?» мелькнуло въ умѣ молодого человѣка. «Какія глупости!» осудилъ онъ мысленно самъ себя: «да развѣ въ деньгахъ счастье? Пусть дадутъ нѣсколько тысячъ, но если Соня»...

— Вы по чьему чеку получаете? — обратился къ нему чиновникъ.

— Отъ Гусева,—отвѣтилъ Крестовоздвиженскій, очнувшись.

— Такъ что же вы не отзываетесь? — съ досадою произнесъ чиновникъ: — васъ третій разъ выкликають, а вы стоите тутъ, и молчите!

— Виноватъ,—сконфуженно проговорилъ Крестовоздвиженскій.

Онъ направился по указанію въ кассу за полученіемъ денегъ. Его мозгъ такъ плохо работалъ, что онъ трижды пересчиталъ деньги, и каждый разъ у него выходило разно.

— Позвольте же другимъ мѣсто, — сказалъ чиновникъ съ нетерпѣніемъ.

— Нельзя ли мнѣ дать сторублевками, — промолвилъ Крестовоздвиженскій, краснѣя...

Чиновникъ небрежно взялъ кредитки и обмѣнялъ ихъ на радужныя.

Крестовоздвиженскій положилъ деньги въ карманъ сюртука и отошелъ отъ кассы.

Выйдя изъ банка, Яковъ Аванасьевичъ остановился на подъѣздѣ. Въ умѣ возникъ вопросъ: «гдѣ же написать письмо Сонѣ? У Пушкиновыхъ или на почтѣ? Нѣтъ, на почтѣ неудобно, лучше у Пушкиновыхъ. Скажу, что получилъ письмо отъ товарища, и нужно ему сейчасъ отвѣтить. Не будетъ же Марья Ивановна спрашивать— отъ кого, и любопытствовать, что я пишу». Онъ сбѣжалъ со ступенекъ и направился быстрыми шагами къ рынку, чтобы кратчайшимъ путемъ, черезъ Серебрянскій мостикъ, пройти къ Пушкинымъ.

XXI.

Крестовоздвиженскій не торопился домой. Онъ ѣхалъ почти шагомъ, опустивъ вожжи. Лошадь прекрасно знала дорогу и сама сворачивала, гдѣ нужно. На полпути стоялъ «питейный» Сафронича, къ которому всегда завертывалъ работникъ. Сообразительный Пѣгашка остановился у кабачка и покосился правымъ выпуклымъ глазомъ на сѣдока. Крестовоздвиженскій впервые на обратномъ пути стегнулъ Пѣгашку; онъ фыркнулъ, выражая не то удивленіе, не то неудовольствіе на ударъ, и побѣжалъ рысцей.

А молодой человекъ снова погрузился въ думы.

Совсѣмъ въ другомъ состояніи духа возвращался онъ домой. Онъ ѣхалъ въ городъ съ надеждой узнать новости, ждалъ чего-то особеннаго для себя. Его волновало письмо, которое ему предстояло писать, но онъ не чувствовалъ, несмотря на непріятный разговоръ съ матерью наканунѣ, того душевнаго угнетенія, которое испытывалъ теперь послѣ встрѣчи съ Марьей Ивановной.

Онъ никакъ не ожидалъ того, что сказала ему Пушкиова. Онъ даже не предполагалъ, что она догадывается обо всемъ... Но она прямо сказала, что ей все ясно... Въ этомъ не было для него ничего ужаснаго, или даже непріятнаго, и онъ не сталъ заищаться. Но дальнѣйшія слова Пушкиовой обезкуражили его. Марья Ивановна не то, что не вѣрила въ его любовь,—она даже допускала искреннее чувство со стороны Сони, но она не вѣрила въ счастливую развязку. Марья Ивановна сказала: «Соня мнѣ ни въ чемъ не

призналась, но я увѣрена, что вы ей нравитесь.... И все-таки ничего не выйдетъ... Родители ваши не согласятся на вашъ бракъ съ нею, а такъ что же будетъ?»—«Отчего же?—попробовалъ возразить Крестовоздвиженскій: — я поѣду въ Петербургъ, буду выбиваться... Пушкова покачала головою и сказала: «все это фантазіи, Яковъ Аванасъевичъ! Когда вы еще выбьетесь... а вѣдь тутъ могутъ и женихи къ Сонѣ свататься. Дѣвушка скоро отцвѣтаетъ—какъ же можно ждать, не видя ничего впереди твердаго. Вы нравитесь... да вѣдь и другіе могутъ понравиться... А если бы вы вздумали сейчасъ обвиняться, то на это сестра не согласится: ни у васъ, ни у Сони ничего нѣтъ... а она не привыкла къ нуждѣ. Нѣтъ, голубчикъ, все это — пустяки... я понимаю... ну, да вѣдь мало ли влюбляются въ хорошенькихъ дѣвушекъ... вамъ теперь кажется, конечно, что безъ Сони и жизнь не въ жизнь... это пока... а тамъ все пройдетъ... выйдете на мѣсто... женитесь... и заживете, какъ всѣ»...

Она хотѣла утѣшить, образумить бывшего постояльца, но совѣтъ не достигла цѣли. Ея слова только придавили его.... Конечно, она рассуждала по-мѣщански, не придавая большого значенія чувству, считала племянницу за обыкновенную дѣвушку, способную увлечься новымъ женихомъ; конечно, она говорила отъ себя, не уполночная Соней, но все-таки ея слова произвели на Крестовоздвиженскаго сильное впечатлѣніе. Онъ выдѣлялъ Сою изъ ряда обыкновенныхъ дѣвицъ, но разсужденія Марьи Ивановны являлись отголоскомъ тѣхъ понятій, въ которыхъ выросъ и онъ. Выгодный женихъ... У Сони мать, которая можетъ имѣть вредное вліяніе. А каково бороться съ этимъ,—Якову Аванасъевичу было понятно... Если тяжело ему, мужчинѣ, то каково же будетъ дѣвушкѣ?.. А облазны... Соня не привыкла къ нуждѣ... а если она вдругъ побойтсся... Яковъ Аванасъевичъ не высказалъ своихъ мыслей Пушковой, а напротивъ сказалъ, что онъ не отступитъ и поѣдетъ въ Петербургъ. «Голубчикъ! — проговорила Пушкова: — не ладно это... вы пожалѣете потомъ... отъ души говорю вамъ»... «Нѣтъ!»—рѣшительно произнесъ Крестовоздвиженскій.

Съ этимъ «нѣтъ» онъ уѣхалъ домой, полный гнетущаго чувства. Еще человѣкъ, который не раздѣляетъ его мечтаній... И только одинъ Неофитъ на его сторонѣ. «Какъ одинъ?»—чуть не вслухъ произнесъ Крестовоздвиженскій. «А Соня? Вѣдь она же пока раздѣляетъ его мечты, молится за него, ждетъ его. Надо только, чтобы никто не вліялъ на нее, не отговаривалъ»... И вдругъ его охватилъ страхъ... «А что, если Марья Ивановна уже повліяла на сестру и теперь въ письмахъ будетъ вліять на Сою. Но неужели? Нѣтъ! Марья Ивановна этого не сдѣлаетъ... Она хорошая... Она боится, не вѣрится... но она не станетъ вредить... А все-таки не мѣшало бы сдѣлать приписку въ письмѣ къ Сонѣ... предупредить... Но это неловко... И хорошо ли вообще онъ напи-

салъ Сонѣ... такъ ли все выразилъ... ясно ли... убѣдительно ли? Онъ съ наслажденіемъ началъ припоминать текстъ письма, тѣ мѣста его, въ которыхъ онъ высказывалъ свои чувства, дѣлился своей скорбью, общался не отступая, просилъ и Соню быть вѣрною «слову». Онъ не упомянулъ о купцѣ, но умолялъ дѣвушку «не открывать своего сердца для новаго чувства». Эта фраза не его, а героя изъ какого-то романа, но она пришла ему на память, когда онъ писалъ письмо. Онъ закончилъ письмо мольбою немедленно отвѣтить, успокоить его. «Если вы не отвѣтите сейчасъ же, — читалъ Крестовоздвиженскій наизусть письмо, — это будетъ означать, что вы не хотите повторить словъ, сказанныхъ вами въ саду. Но этого не случится. Вы отвѣтите. Я твердъ, я борюсь, но вашъ отвѣтъ придастъ мнѣ еще больше силы». Онъ просилъ адресовать письмо до востребованія... Вѣдь всегда можно найти предлогъ для побѣдки въ городъ.

«Но ждать больше нельзя,—продолжалъ разсуждать Крестовоздвиженскій.—Надо объясниться съ родителями рѣшительно!» Онъ понималъ, что стоитъ на краю пропасти... Или побѣда или гибель въ пропасти... Онъ вспомнилъ о Неофитѣ, который такъ подерживалъ его. «Что же это онъ пропалъ? Не уѣхалъ ли? Надо навѣстить его».

— Здравствуйте, Яковъ Аванасьевичъ!

Молодой челоувѣкъ пришелъ въ себя и оглянулся. Ему кланялся какой-то мужикъ. До деревни было менѣе полуверсты. Уже виднѣлся «домкинскій плагбаумъ», какъ шутя звалъ Крестовоздвиженскій деревенскій отводъ.

— А мы васъ еще вчера ждали, — сказалъ работникъ, принимая лошадь у поповича.

— Пѣганку пожалѣлъ, — отвѣтилъ Крестовоздвиженскій. — А это чья лошадь? — добавилъ онъ, указывая на рыжую клячку, запряженную въ таратайку.

— А это, Яковъ Аванасьевичъ, какой-то гость пріѣхалъ... такъ съ часъ не болѣе... Какъ телько батюшка уѣхали, почитай сейчасъ же и онъ пріѣхалъ.

— Отца развѣ нѣтъ дома?

— Съ требой уѣхамши... неподалеку, тутотка...

Подходя къ гостинной, Яковъ Аванасьевичъ ясно слышалъ слова матери:

— Никогда мы этого ему не дозволимъ, мой батюшка.

«Вѣдь это, должно быть, про меня... кому это она говоритъ?...» — подумалъ Крестовоздвиженскій, и у него защемило на сердцѣ.

Въ гостинной сидѣлъ Кедровскій.

— Ну, вотъ и ты! а безъ тебя и гость пріѣхалъ,—промолвила Анна Михайловна другимъ тономъ.—Что ты долго-то... заночевалъ почему?

— Голова разболѣлась, да и лошадь пожалѣлъ,—отвѣтилъ сынъ, здороваясь съ товарищемъ. — Батюшки нѣтъ, — добавилъ Яковъ Аванасьевичъ,—такъ я вамъ отдамъ...

Онъ вынулъ бумажникъ и передалъ его матери.

— Ну, успѣлъ бы,—сказала она, пряча бумажникъ въ карманъ платья, но затѣмъ какъ бы побоялась держать въ карманѣ столько денегъ и вышла изъ гостиной, чтобы положить бумажникъ въ комодъ.

Она сейчасъ же вернулась обратно.

— Усталъ, поди, — освѣдомилась она у сына: — не хочешь ли чаю? Кстати и гость напьется съ тобой, а то я упрасиваю, да не хочеть... Торопится къ отцу Никифору, опоздать боится.

Последнія слова попадая произнесла съ ироніей, на которую, однако, не обратилъ вниманія сынъ.

— Развѣ ты знакомъ съ отцомъ Никифоромъ?—спросилъ онъ у товарища довольно безучастно.

— Мало... Я его только разъ видѣлъ у крестнаго въ городѣ... Да вѣдь я по дѣлу.

Онъ бросилъ взглядъ на попадаю, какъ бы спрашивая: «говорить?» Но Анна Михайловна не замѣтила этого взгляда; она пристально смотрѣла на сына.

— Я по дѣлу,—повторилъ Кедровскій, и затѣмъ прибавилъ болѣе рѣшительнымъ тономъ:—я вѣдь къ тебѣ съ важнымъ вопросомъ.

— Ко мнѣ?—встрепенувшись, произнесъ Крестовоздвиженскій.

— Да... я хотѣлъ бы узнать опредѣленно отъ тебя... какъ ты насчетъ мѣста?

— Какого мѣста?

— Да вотъ насчетъ о. Никифора... Вѣдь онъ сдаетъ свое мѣсто... Если ты его берешь...

— Я его не беру!—проговорилъ Крестовоздвиженскій тихо, но твердо.

Лицо Анны Михайловны сдѣлалось все красное; глаза заблестѣли.

— Яковъ!—воскликнула она, едва сдерживаясь:—вѣдь товарищъ тебя серьезно спрашиваетъ, а ты опять все шуточной отдѣливаешься... такъ нельзя!

Она подчеркнула свои слова, какъ бы желая передъ гостемъ обратить въ шутку отвѣтъ сына и въ то же время давая понять последнему, что она его слова иначе и принимать не хочеть.

Но Яковъ Аванасьевичъ повторилъ тѣмъ же тономъ:

— Я не беру мѣста, я ѣду въ Петербургъ.

Въ его повторенномъ отвѣтѣ слышался уже вызовъ.

— Ну, этому не бывать!—воскликнула Анна Михайловна, не сдерживаясь болѣе.—Ты не поѣдешь въ Петербургъ!

— Поѣду, маменька!

— А я говорю, что нѣтъ!—повторила попадья, возвышая голосъ.

— Маменька!

— Нѣтъ, нѣтъ, довольно, Яковъ! Я все выжидала. А теперь говорю тебѣ прямо, при товарищѣ: этому не бывать!

И она поднялась со стула.

Встала и Кедровскій.

— Не слушайте его,—обращаясь къ гостю, проговорила попадья:—онъ беретъ мѣсто... и вамъ нѣтъ никакой надобности ѣхать къ о. Никифору, беспокоить больного человѣка.

Кедровскій покорно, но не безъ сожалѣнія въ голосѣ произнесъ:

— Я вѣдь не отбиваю мѣста у Якова Аванасьевича. Я потому, что всѣ говорятъ: «Крестовоздвиженскій не возьметъ... онъ ѣдетъ учиться въ медицинскую академію»... вотъ потому я и рѣшился... попросить письмо у крестнаго...

— Конечно, конечно,—промолвила Анна Михайловна, волнуясь и, повидимому, не особенно внимательно слушая объясненія семинариста.—Я васъ не виню,—добавила она:—но вамъ все наврали... вздоръ все!..

Кровь бросилась въ лицо Крестовоздвиженскому.

— Маменька,—произнесъ онъ, вставая:—я прямо говорю вамъ, что я не возьму мѣста... пусть Кедровскій ѣдетъ къ о. Никифору... Меня ничто не можетъ остановить...

Сказавъ это, онъ хотѣлъ выйти изъ комнаты, но ему загородилъ дорогу входившій отецъ. Онъ замѣтилъ волненіе сына и жены и, мелькомъ взглянувъ на Кедровскаго, даже не отвѣтивъ на его поклонъ, проговорилъ съ недоумѣніемъ:

— Что такое? Въ чемъ дѣло?

— Да вотъ, отецъ, этотъ господинъ...

Кедровскій поклонился вторично и назвалъ свою фамилію.

— Вотъ этотъ господинъ пріѣхалъ насчетъ мѣста о. Никифора...

— Какъ такъ?—перебилъ жену о. Аванасій:—да вѣдь мѣсто за Яковомъ.

— А Яковъ отказывается...

— Ты опять за свое!—крикнулъ о. Аванасій.—Да долго ли же это?!

— Я вѣдь давно объявилъ вамъ, батюшка...

— А я знать не хочу твоихъ объявленій!.. Ты берешь мѣсто, и кончено!

Молодой человѣкъ поблѣднѣлъ.

— Я не возьму мѣста... началъ онъ.

— Что-о?

Лицо о. Аванасія побагровѣло.

— Что-о?—повторилъ онъ и сдѣлалъ шагъ впередъ.

Анна Михайловна испугалась и приблизилась къ мужу.

— Успокойся, отецъ, успокойся!—сказала она, беря у него изъ рукъ шляпу.—Не волнуйся... Объясни лучше этому господину...

Отецъ Аванасій, тяжело дыша, опустился на подвинутый ему стулъ и обратился къ Кедровскому:

— Вы откуда? кто такой будете?—рѣзко спросилъ онъ.

— Я крестникъ отца Михаила, протоіерея сонской Спасской церкви,—отвѣтилъ Кедровскій тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ.

— Крестникъ о. Михаила?.. мм!

О. Михаилъ былъ вліятельный человѣкъ въ консисторіи и пользовался уваженіемъ въ городѣ. Упоминаніе его имени сразу произвело надлежащее дѣйствіе на домкинскаго благочиннаго.

— Такъ вы крестникъ о. Михаила,—повторилъ онъ, оглядывая Кедровскаго... Очень приятно. Только что же это о. Михаилъ вздумалъ перебывать?..

— Крестный совсѣмъ не желаетъ этого,—отвѣтилъ Кедровскій:—крестный мнѣ прямо сказалъ: я не хочу ссориться съ о. Аванасіемъ, и ты прежде, чѣмъ поѣдешь къ о. Никифору, заѣзжай въ Домкино и узнай все лично. Если сынокъ о. Аванасія беретъ мѣсто,—тебѣ и ѣхать къ о. Никифору нечего. Ну, а если не беретъ, то...

Кедровскій сдѣлалъ выразительный жестъ руками.

— Такъ, такъ!—одобрительно произнесъ о. Аванасій, удовлетворенный объясненіями.—Это не обидно... Мы съ о. Михаиломъ въ добрыхъ отношеніяхъ. Конечно, если мѣсто свободно, то что же... но дѣло обстоитъ не такъ...

Онъ посмотрѣлъ на сына, стоявшаго у косяка выходной двери, и закончилъ:

— Яковъ беретъ мѣсто... и въ скорости будетъ сговоръ... вы такъ это и доложите о. протоіерею, а посему вамъ дѣйствительно и не зачѣмъ беспокоиться ѣхать къ о. Никифору

— Да ужъ я и не поѣду,—сказалъ Кедровскій, поднимаясь съ мѣста и подавляя вздохъ.

— Вы что же... откушайте съ нами... чайку,—предложилъ о. Аванасій, желавшій сгладить свою первоначальную нелюбезность съ крестникомъ вліятельнаго протопопа.

— Благодарю покорно. Я спѣшу,—отвѣтилъ Кедровскій, раскланиваясь.

Яковъ Аванасьевичъ вышелъ проводить товарища.

— Вѣдь вотъ я правду тогда говорилъ... у Псалмопѣвцева...—произнесъ Кедровскій, отвязывая лошадь:—такъ все и выходитъ...

Крестовоздвиженскій ничего не возразилъ на это. Онъ проводилъ товарища за ворота, повернулъ влѣво и пошелъ вдоль деревни.

Черезъ нѣсколько минутъ его хватились, но ни въ комнатѣ, ни въ огородѣ, ни на сѣновалѣ его не нашли.

— Вы никакъ Якова Аѳанасьевича ищете?—спросилъ работникъ.

— Да, да... а ты знаешь, гдѣ онъ?—спросила Анна Михайловна.

— Они по порядку пошли... должно, въ поля... прогуляться...

Но когда сынъ не явился къ ужину, Анна Михайловна встревожилась.

— Отецъ, да гдѣ же онъ?—съ безпокойствомъ проговорила она, входя въ кабинетъ мужа.

— Ну, чего ты... вернется.. куда онъ дѣнется!—отвѣтилъ о. Аѳанасій, придавая голосу беззаботное выраженіе и стараясь этимъ скрыть передъ женою свое внутреннее волненіе.

Конецъ тревогъ положилъ пришедшій на поповскій дворъ домкинскій мужикъ. Отъ него узнали, что «поповичъ» пошелъ на Курилово.

— Я его встрѣтилъ какъ разъ около Мокшинскаго овина,—пояснилъ мужикъ.

— Ну, вотъ, больно тревожилась,—сказалъ о. Аѳанасій женѣ:—никуда не пропалъ, а къ дружкѣ своему направился... Теперь гляди: бѣгутъ оба въ Питеръ и оттуда извѣстятъ, что мы, моль, доктора стали!..

— Нашелъ когда шутить!—съ досадою промолвила пападя и вышла изъ комнаты мужа.

Поздно въ этотъ день легъ спать о. Аѳанасій, въ раздумьѣ долго ходившій по кабинету.

XXII.

Крестовоздвиженскій и Псалмопѣвцевъ пили чай, къ которому были поданы ржаные опекиши.

Яковъ Аѳанасьевичъ сидѣлъ задумчивый; нетронутый опекишъ лежалъ передъ нимъ на тарелкѣ. Псалмопѣвцевъ ѣлъ съ аппетитомъ, свертывая за разъ по два опекиша.

— Ты что же, Яковъ, не ѣшь-то?—сказалъ онъ:—ты у насъ уже шестой день живешь, а ни разу толкомъ не поѣлъ... этакъ ты отощаешь и къ ученю силъ лишишься...

— Не нравится наша бѣдная пища Якову Аѳанасьевичу, не къ такой онъ дома привыкъ,—замѣтила просвирня, входя въ комнату и услышавши послѣднія слова сына.

— Ну, мать, ты не благочинный, и на твоей квашнѣ доходовъ много не получишь, — проговорилъ Псалмопѣвцевъ. — Да и надо Якову приучаться... въ Питерѣ и не такъ еще доведется нуждаться...

Просвирня прошла къ столу и стала наливать себѣ чай. Она покачала головой и вздохнула.

— Ты что, мать?—спросилъ ее Псалмопѣвцевъ... — О чемъ сокрушаешься? опекишей что ли много поѣлъ я?

— Ну, вотъ... кушай на здоровье, — отвѣтила старуха улыбаясь. — Что опекиши! А вотъ я слушаю, смотрю и никакъ не возьму въ толкъ...

— Чего, мать?

— Да я боюсь и говорить-то... осерчаешь, того гляди...

— Да ну, говори, мати... я вѣдь знаю, что ты богословія не изучала и въ философіи—швахъ!.. Говори... что такое?

— Да вотъ насчетъ нужды... какая необходимость Якову Аванасьевичу на нужду ѣхать, когда такое счастье выпадаетъ?

— Ну, мать, это вѣ твоёй компетенціи, — сказалъ Псалмопѣвцевъ, разсмѣявшись:—а ты налей-ка лучше мнѣ еще чаю...

Старуха взяла изъ рукъ сына стаканъ и проговорила:

— Я, извѣстно, по-бабьему, по-глупому разсуждаю... Гдѣ же мнѣ по-вашему, по-ученому... а только...

— Только ты и меня не одобряешь... И мнѣ лучше бы въ поны итти? Такъ, мать?

— Конечно, Неофитъ... Я стара, устала хлопотать, а тутъ мнѣ покой бы.

— Погоди... кончу... буду деньги огребать лопатами и тебя успокою... шубку тебѣ куплю, шаль... ну, чего еще надо... говори: запишу, чтобы не забыть.

— У тебя все шутки, Неофитъ...

— А что-жъ мнѣ, плакать что ли? о чемъ?

Старуха только вздохнула, ничего не отвѣтивъ сыну.

Крестовоздвиженскій допилъ свой чай и, отодвигая стаканъ, обратился къ пріятелю:

— А что же, когда мы отправимся къ Кулакову?

— Сегодня, друже, сегодня... Я уже узналъ... онъ бросилъ пить, и человѣческій образъ принялъ... съ нимъ теперь можно разговаривать...

— Согласится ли онъ?

— Будемъ убѣждать... на разные манеры... А то у меня еще одна комбинація явилась... потомъ сообщу тебѣ...

Крестовоздвиженскій поднялся съ мѣста.

— Я пойду въ огородъ,—сказалъ онъ.

— Иди, иди, а я вотъ допью чай, и сейчасъ же отправимся... — отозвался Псалмопѣвцевъ.

Когда Крестовоздвиженскій вышелъ, просвирня сказала сыну:

— И напрасно ты его смущаешь, Неофитъ... Отъ счастья отводишь...

— Что онъ, крошечка, что ли? Самъ имѣетъ думалку... Не хотѣлъ бы, не сталъ бы меня слушать.

— Да вишь онъ какой... смиренный... Безъ тебя бы ему ни за что не подняться на такое дѣло,—сказала старуха.

— На какое дѣло?

— Да супротивъ воли родительской итти... Охъ, Неофитъ, грѣхъ ты берешь на душу!.. Самъ не думаешь о матери и его...

— Будетъ, мать, будетъ!—оборвалъ Псалмопѣвцевъ. — Я это уже слышалъ, знаю, что я непокорный и плохой сынъ... Можетъ быть, и не образцовый, точно... Но что дѣлать: не могу овечкой сдѣлаться...

— Зачѣмъ овечкой, Неофитъ... А ты только о себѣ думаешь однимъ...

— И въ этомъ каюсь: самъ себѣ ближе всѣхъ...

— И мать не любишь...

— Нѣтъ, это не вѣрно: люблю я и тебя, но только губить себя и ради тебя не буду... А помочь... отблагодарить за все сумѣю... увидишь!

— Долго ждать... не дожить мнѣ до тѣхъ дней...

— Ну, Богъ милостивъ, мать! ты не такъ слаба... Да и съ голоду не умираешь... прокормиться есть чѣмъ!.. А немножко-то помогать я скоро буду въ силахъ.

Онъ всталъ.

— Спасибо!—сказалъ онъ:—не сердись на меня... тебѣ меня не понять и мнѣ тебя не убѣдить... что безъ толку себѣ печонку тревожить... скоро уѣзжаю...

Онъ вышелъ изъ комнаты.

Старуха посмотрѣла ему вслѣдъ. На ея глазахъ, въ которыхъ свѣтилась любовь, навернулись слезы.

— Ахъ, Неофитъ!—прошептала старуха и, вздохнувъ, принялась мыть чашки.

Крестовоздвиженскій всѣ эти дни провелъ въ сильной тревогѣ. Онъ своимъ рѣшительнымъ отказомъ и еще болѣе исчезновеніемъ изъ дома бросилъ родителямъ вызовъ. «Война начата!» Эту фразу произнесъ Псалмопѣвцевъ, когда явился къ нему Яковъ Аванасьевичъ. Да, начата. Что же дальше? Уходя изъ дома, Крестовоздвиженскій не думалъ ничего о будущемъ. Онъ убѣгалъ отъ объясненія съ родителями, которое не могло кончиться добромъ,—такъ казалось молодому человѣку. Охваченный боязнью, онъ «сдѣлалъ отступленіе», и это одобрилъ Псалмопѣвцевъ.

— Всякій, братъ, сражается по своимъ средствамъ, — сказалъ пріятель.—Тебѣ и надо вести войну такимъ образомъ: отступать, затягивать время; сразиться прямо у тебя не хватитъ силъ, да и рано, еще не все готово къ поѣздкѣ.

Крестовоздвиженскій не рѣшался возвращаться домой. Онъ боялся отца, и ему было тяжело разговаривать съ матерью. Да и товарищъ настаивалъ на томъ, чтобы онъ не возвращался пока.

— Поживи у меня, — говорилъ онъ. — Пусть все стихнетъ, это тебѣ поможетъ; они увидятъ, что ты не шутишь. Отсюда ты для нихъ страшнѣе. Они въ самомъ дѣлѣ подумаютъ, что ты во-какой сдѣлался отчаянный.

— Надо же будетъ явиться,—замѣтилъ Крестовоздвиженскій.

— Конечно, дай все устроить, тогда, братъ, мы вмѣстѣ явимся. Какъ совѣмъ-то вооружимся, тогда и они не страшны. Честь-честью проститься надо.

Псалмопѣвецъ имѣлъ въ виду «добычу средствъ». Въ двухъ верстахъ жилъ лавочникъ Кулаковъ, дававшій деньги подъ проценты. Псалмопѣвецъ зналъ лавочника и надѣялся занять у него «сотнягу». Но Кулаковъ запилъ какъ разъ за два дня до появленія Крестовоздвиженскаго въ Куриловѣ. Нужно было выждать. Хотя Яковъ Аонасьевичъ мало вѣрилъ въ возможность займа у Кулакова, но все-таки въ его сердцѣ жила надежда, поддерживаемая товарищемъ. Да другого исхода и не было. И Крестовоздвиженскій продолжалъ гостить у Неофита, каждый день ожидая посланца за собою изъ Домкина.

Псалмопѣвецъ, подойдя къ тыну огорода, крикнулъ пріятелю, шагавшему въ раздумьѣ по узенькой тропинкѣ:

— Ну, Яковъ-воинъ, грядемъ къ торговцу!

Кулаковъ происходилъ изъ дворовыхъ и любилъ подражать «господскимъ порядкамъ». Онъ постоянно твердилъ женѣ:

— У меня чтобы все, какъ слѣдуетъ, по-благородному. Теперь всякъ господинъ, если при капиталѣ.

Онъ одѣвалъ дочь, какъ барышню, нанималъ ей одно время даже учителя, какого-то отставнаго офицера, порядочно выпивавшаго, но знавшаго французскій языкъ. Маня, не умѣя правильно писать по-русски, знала нѣсколько французскихъ фразъ, хотя и произносила ихъ «чортъ знаетъ по-каковски», по выраженію учителя; впрочемъ онъ дипломатически умалчивалъ объ этомъ передъ лавочникомъ. Собирался Кулаковъ купить и «фортипяны», но не могъ найти по дешевой цѣнѣ, а большихъ денегъ жалѣлъ. Съ покойнымъ отцомъ Неофита онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, а потому и Неофиту онъ давалъ иногда займы пять—семь рублей подъ «бумажку».

— Все-таки лучше, при случаѣ и взыскать можно... Ну, и срамота человѣку.

Въ добрую минуту Кулаковъ обѣщаль семинаристу помочь на дорогу, вотъ почему онъ и питалъ увѣренность на заемъ.

Молодые люди, войдя въ лавку, застали тамъ Маню, которая что-то записывала въ книгу.

— Марьѣ Спиридоновнѣ наше почтеніе, — произнесъ Псалмопѣвецъ.

Маня была равнодушна къ семинаристу. Ея личико зарумянилось.

— Что это вы записывать изволите?—продолжалъ Псалмопѣвецъ:—никакъ долги, которыхъ вашъ тятенька не отпускаетъ съ такой же милостью, съ какою Господь отпускаетъ наши прегрѣшенія.

— Вы всегда только надсмѣхаетесь,— сказала Маня, кокетничая.

— Никогда-съ! А вы совсѣмъ розой пышной стали, Марья Спиридоновна. О, кто тотъ счастливецъ, который сорветъ благоуханную розу!

Маня еще болѣе покраснѣла и промолвила дѣланно обиженнымъ тономъ:

— Не смѣйте надсмѣхаться... противный!

— Благодарю на ласковомъ словѣ. Если я противный, такъ вотъ позвольте вамъ представить непротивнаго человѣка, моего друга, Якова Аванасевича Крестовоздвиженскаго. Вѣроятно, изволили слышать?

— А вы думаете, только васъ однихъ знаютъ? — отвѣтила дѣвушка, кланаясь Крестовоздвиженскому.

— Что мы! — пожимая плечами, произнесъ Псалмопѣвцевъ. — А вотъ позвольте узнать, Марья Спиридоновна...

— Вамъ что угодно? Можетъ быть, гороху отвѣсить? — перебила дѣвушка, очень довольная своей остротой.

— Благодаримъ на вниманіи, — отвѣтилъ Псалмопѣвцевъ безъ всякаго смущенія. — Конечно, бурсакамъ горохъ кушанье пріятное... но такъ какъ мы съ пріятелемъ уже окончили курсъ и ѣдемъ въ медицинскую академію, то согласно гигиеническимъ требованіямъ...

Онъ вдругъ оборвалъ рѣчь, увидѣвъ входившаго Кулакова, и воскликнулъ, снимая фуражку:

— Коммерсанту и банкиру наше низжайшее!

— Хе-хе-хе! Ужъ издали узналъ по голосу... Э, думаю, балагуръ пришелъ... Здравствуй, бурсацкое сіятельство! А кто это съ тобою? Никакъ сынокъ о. Аванасія?

Кулаковъ пожалъ руку Псалмопѣвцеву и отвѣтилъ на поклонъ Крестовоздвиженскаго.

— Да, это будущій знаменитый врачъ, единственный и возлюбленный сынъ отца благочиннаго... Видишь, коммерціи совѣтникъ, какіе знатные гости къ тебѣ пожаловали. Принимай и угощай.

Псалмопѣвцевъ нарочно держался такъ развязно, желая «задать форсу», что было, по его мнѣнію, необходимо относительно Кулакова.

— Ахъ, балагуръ, — засмѣявшись произнесъ лавочникъ. — Что-жъ чайкомъ угостить? Можно... Впервые сынокъ-то о. Аванасія пожаловалъ. Милости просимъ въ садикъ... тамъ подъ липками чудесно.

— Безподобно, — согласился Псалмопѣвцевъ. — Только уже вели подать къ чайку монашескихъ сливочекъ.

— Хе-хе-хе! А если безъ нихъ? — спросилъ Кулаковъ. — Вѣдь не въ попы идешь, а въ доктора...

— А доктора всегда съ коньячкомъ пьютъ, — не теряясь отвѣтилъ Псалмопѣвцевъ.

Чай былъ поданъ въ «садикъ». Явились «монашескія сливки» и мадера, которую Кулаковъ «обожаль».

Псалмопѣвцевъ пилъ и то и другое. Крестовоздвиженскій отказался.

— Да вѣдь и вы въ доктора?.. Такъ какъ же не пьете?—замѣтилъ Кулаковъ.

— Онъ еще въ недоумѣніи,—отвѣтилъ за товарища Псалмопѣвцевъ,—за разрѣшеніемъ сего недоумѣнія къ тебѣ и пріѣхаль.

— Какъ такъ?

— А вотъ погоди, объясню.

Когда было выпито по пятой рюмочкѣ, и Кулаковъ сталъ чаще смѣяться, Псалмопѣвцевъ объявилъ о цѣли ихъ прихода.

— То-есть это какъ же... И они денегъ занять у меня хотятъ?—съ недоумѣніемъ спросилъ лавочникъ.

— И я, и онъ, мы оба,—отвѣтилъ Псалмопѣвцевъ, продолжая держаться избраннаго тона.

— Хе-хе-хе! Да у ихъ батюшки денегъ достаточно и безъ моихъ: и дома и въ банкѣ. На что же занимать?

— А потому, что батька хочетъ его въ попы опредѣлить, а онъ хочетъ въ доктора.

— Вотъ что-о!—протянулъ Кулаковъ.—Значить, отецъ Аѳанасій не соглашается на ученіе и ничего не даетъ.

— Ты всегда, банкиръ, удивительно догадливъ!—воскликнулъ Псалмопѣвцевъ, наливая себѣ еще рюмку мадеры.

— Д-а, вотъ оно что...—повторилъ Кулаковъ. Онъ посмотрѣлъ на Крестовоздвиженскаго и тоже налилъ себѣ мадеры.

— Ну, что же скажешь?—спросилъ Псалмопѣвцевъ, ставя рюмку на столъ.

— Дѣло-то не подходящее,—произнесъ лавочникъ, вытирая губы кончикомъ скатерти.

— Почему?—съ искреннимъ недоумѣніемъ спросилъ Псалмопѣвцевъ.—Кажется, сыну благочиннаго можно повѣрить.

— Вотъ оно-то и неудобно, это самое, что они-съ сыноуъ благочиннаго. Денегъ у о. Аѳанасія достаточно... Если не даетъ, стало быть, желаетъ воспрепятствовать. Если я дамъ, это значитъ я наперекоръ пойду, въ ссору съ нимъ.

— Тебѣ-то что?—замѣтилъ Неофитъ:—давно ли ты такимъ благочестивымъ сталъ, что гнѣва пастырскаго боишься? Не бойся, онъ анаемѣ тебя не предастъ.

— Какая тамъ анаема!.. Нешто я Гришка Отрепьевъ, чтобы меня анаемѣ предавать?—обидчиво проговорилъ лавочникъ.

— Такъ чего же ты?—промолвилъ Псалмопѣвцевъ, улыбкой стараясь поправить свою невольную ошибку.

— А съ того, что не желаю ссориться съ о. Аѳанасіемъ,—и весь сказъ!

Въ тонѣ Кулакова послышалось упрямство закапризничавшаго мужика.

— Какая же ссора?—продолжалъ убѣждать Псалмопѣвцевъ:— ну, сначала родители посердятся на сына, а потомъ простятъ и сами же пошлютъ ему денегъ. Онъ тебѣ и отдастъ. А то о. Аѳанасій тебѣ за сына заплатитъ самъ... Вотъ и все!

— Нѣтъ, это не дѣло,—упрямо возразилъ Кулаковъ.—Между родителей какъ можно соваться? Будь еще дѣло чужестранное... А то по близости... Я о. Аѳанасія знаю, и онъ меня. Встрѣтимся, какими глазами стану смотрѣть на него?

Упрямство лавочника начало сердить Псалмопѣвцева.

— Ужъ очень ты что-то стыдливъ сталъ нонѣ,—сказалъ семинаристъ не сдержавшись.

Эти слова еще болѣе задѣли Кулакова.

— Это какъ же понимать надо?—спросилъ онъ:—стало быть, я стыдъ потерялъ, такъ по-твоему выходитъ? Спасибо! Сидишь у меня, угощаешься, да меня же и хаешь... А еще, поди, и для себя занять хочешь?

— Ты мнѣ обѣщалъ давно, — отвѣтилъ Псалмопѣвцевъ сухо, сердясь и на лавочника, и на себя самого.

— Да что... расписку что ли я тебѣ далъ? Уговоръ сдѣлалъ съ тобою? Обѣщалъ! Да послѣ такой обиды съ твоей стороны какія же деньги!

— Фу, ты какъ разобидѣлся! — воскликнулъ Псалмопѣвцевъ.— Точно и невѣсть, какъ его оскорбили. Зазнался ты, Спиридонъ Севастьяновичъ, больно... Разбогатѣлъ и зазнался.

— Всякій при своемъ капиталѣ, — отвѣтилъ Кулаковъ.—Кого какъ Господь наградилъ...

— Ну, ты имя-то Божіе все не употребляй,—перебилъ Псалмопѣвцевъ, теряя всякое самообладаніе.—Нажилъ деньги, благодаря мужицкой темнотѣ и нищетѣ, и помалчивай. Пойдемъ, Яковъ,—добавилъ онъ, обращаясь къ пріятелю, все время хранившему молчаніе.—Видишь, его степенство разошлось, въ амбицію вломилось, не тронь его.

— Да-а. Обижать себя я не позволю. И за что? За то, что я его не одиново выручалъ, хотѣлъ, можно сказать, облагодѣтельствовать на дорогу, онъ же меня и каститъ задумалъ!

— Да полно! никто тебя не кастилъ. Прощай, богатѣй больше,—сказалъ Псалмопѣвцевъ и пошелъ изъ сада.

За пріятелемъ послѣдовалъ и Крестовоздвиженскій.

Нѣкоторое время они шли молча. Наконецъ Псалмопѣвцевъ воскликнулъ съ досадою:

— Экая мерзость! Прорвало его сегодня! Совсѣмъ дѣло дыра.

— Ты ужъ очень, Неофитъ...

— Чего очень? Всегда я такъ... ну, положимъ, немножко переборщилъ... Нѣтъ, это оттого, что послѣ запой вскорѣ. Нервы не въ порядкѣ у него. Э, да не кручинься! У меня другая комбинація есть. Поѣду въ Дубровки, тамъ живетъ мой пріятель. Я его, можно сказать, въ истинную вѣру привелъ, свѣтъ показалъ: теперь онъ «Что дѣлать» читаетъ. Понимаешь? А у его отца денегъ много.

— Кто же его отецъ?—спросилъ Крестовоздвиженскій.

— Водочный заводъ у отца. Давно бы туда надо, да далеко—пятьдесятъ верстъ съ лишнимъ. Дѣлать нечего, съѣзжу.

Въ кухнѣ просвири сидѣлъ Михай. Увидѣвъ отцовскаго работника, Крестовоздвиженскій измѣнился въ лицѣ.

— Ты что?—спросилъ онъ нетвердымъ голосомъ.

— А я по васъ, Яковъ Аванасьевичъ. Бабушка пріѣхали съ сестрицами, желаютъ васъ видѣть.

— Хорошо, ступай, скажи, что приду.

На другой день Крестовоздвиженскій отправился домой.

— Ты держи ухо востро,—сказалъ Псалмопѣвецъ прощаясь.— Я завтра же айда въ Дубровки. Если все хорошо, я сейчасъ же къ тебѣ. Ты только свои бумаги прячь хорошенько.

— Онѣ у матери,—отвѣтилъ Крестовоздвиженскій.

— Какъ?!

Псалмопѣвецъ всплеснулъ руками.

— Какъ же это можно, Яковъ? Непремѣнно достань. Выдумай что нибудь, ухитрись, обойди мать... Безъ бумагъ куда же ѣхать? Эхъ, Яковъ, Яковъ!..

Съ невеселыми думами и съ тяжестью на сердцѣ возвращался Крестовоздвиженскій въ Домкино.

XXIII.

На встрѣчу брату выскочила Ѳеклуша, его любимица. Ласковая, добрая и бойкая, пухленькая, русокудрая Ѳеклуша была очень привязана къ брату.

— Якуша, Якуша!—закричала она и повисла у него на шеѣ.

Онъ обнялъ ее и поцѣловалъ нѣсколько разъ.

— Ну, какъ жилось у бабушки? весело было? — спрашивалъ Яковъ Аванасьевичъ у Ѳеклуши, идя рядомъ съ нею.

На него повѣяло тепломъ, хорошо стало на сердцѣ отъ ласки сестренки. Той тяжести, которую онъ чувствовалъ, словно и не бывало,—по крайней мѣрѣ, въ эту минуту. Онъ такъ боялся возвращаться, и вотъ «Снѣгурочка», какъ звалъ онъ Ѳеклушу, согрѣла его своей любовью и наполнила сердце радостью.

— У бабушки было хорошо,—отвѣтила сестра:—только я по тебѣ скучала. А ты не хорошій.

— Чѣмъ же?—спросилъ Крестовоздвиженскій съ улыбкой, забывая на мигъ и о борьбѣ, и о своихъ мечтахъ.

— А какъ же: ушелъ, и нѣтъ тебя. Это я попросила бабушку послать за тобой. Она и сама хотѣла, а я тоже просила.

Она заглядывала въ глаза брату.

Въ передней Крестовоздвиженскій столкнулся съ другой сестрой, которая была на два года старше Оеклуши. Худенькая, съ длиннымъ весноватымъ лицомъ, съ рыжими искрасна волосами, съ узенькими костлявыми плечами, Стеша выглядѣла жалкой дѣвочкой, не возбуждавшею симпатіи. Ей никакъ нельзя было дать четырнадцати лѣтъ, и передъ ней двѣнадцатилѣтняя Оеклуша казалась совсѣмъ взрослой.

— Здравствуй, Стеша,—сказалъ Крестовоздвиженскій, и въ его голосѣ не было слышно тѣхъ нотъ, какія звучали недавно въ разговорѣ со Свѣгуркой.

Стеша какъ-то робко поздоровалась съ братомъ и въ ея безцвѣтныхъ узенькихъ глазахъ не отразилось ни волненія, ни радости.

— Ты это что же, въ бѣгахъ былъ?—промолвила она, очевидно повторяя чью-то фразу.

Крестовоздвиженскій вскипѣлъ, но ему не удалось ничего отвѣтить сестрѣ, потому что въ дверяхъ показалась невысокаго роста, нѣсколько сгорбленная старушка въ черномъ платьѣ и въ повязкѣ на головѣ. Маленькіе глазки старушки слезились, но въ нихъ было такъ много нѣжной любви и ласки. Все лицо старушки въ мелкихъ сборкахъ походило на губку, но въ немъ было что-то неуловимое, что дѣлало его пріятнымъ. Всмотрѣвшись, вы начинали понимать, что лицо красила улыбка, въ которой душевная мягкость сливались съ чистотой и добротой сердца.

— Ахъ, Яшенька, соколикъ мой!—воскликнула старуха.

Она вся просвѣтлѣла, обнимая внука, который съ искреннимъ чувствомъ поцѣловалъ у нея обѣ руки и потомъ расцѣловался съ нею. Онъ горячо любилъ бабушку, которая прежде жила подолгу у нихъ, когда онъ былъ еще маленькимъ. Бабушка, дѣтство, зимніе вечера, сказки, леденцы и ласковыя рѣчи—все это сливалось въ одно въ представленіи Крестовоздвиженскаго. Ласками бабушки освѣщалось дѣтство, а свѣтъ дѣтства падалъ въ свою очередь на бабушку. Стоило Якову Аванасьевичу вспомнить дѣтскіе годы—онъ вспоминалъ и бабушку. Вспоминалъ бабушку—воскресали и дѣтскіе годы. И теперь сразу на него повѣяло тепломъ дѣтства, точно отворили окно въ темную комнату, и въ нее снаружи ворвался лучъ солнца.

— Пойдемъ, пойдемъ, Яшенька, мы чай пить собираемся... Дай на тебя, соколикъ, хорошенько наглядѣться. Шутка ли: полтора года не видала тебя. Нарочно и пріѣхала.

— Бабушка, Якуша любитъ малиновое варенье,—сказала Өеклуша.

— Знаю, знаю, стрекоза. Ишь обрадовалась.

Старуха погладила внучку по головѣ и опять обратилась къ внуку, глядя на него радостными, счастливыми глазами.

— Какой ты красивый да пригожій сталъ!—произнесла она съ восхищеніемъ.

Самоваръ уже кипѣлъ. Анна Михайловна заваривала чай. О. Аванасія еще не было въ комнатѣ.

— Здравствуйте, маменька,—произнесъ Крестовоздвиженскій.

— Ну, и загостился же ты у своего дружка, и домъ забылъ,—сказала попадья, ставя чайникъ на самоваръ.

Въ голосѣ Анны Михайловны прозвучало неудовольствіе, хотя, видимо, старалась она быть ласковой.

— Бѣглець,—смѣясь промолвила бабушка.—Ну, да мы его теперь не пустимъ, шалишь! На цѣпочку его... Такъ вѣдь, Яшенька?

— Зачѣмъ же на цѣпочку?—съ улыбкой спросилъ молодой человекъ, поглядывая на дверь.

— А потому, не бѣгай! Вотъ зачѣмъ,—съ добродушной усмѣшкой отвѣтила старуха.—Мы, батюшка, этого не любимъ. Садись-ка, пей чай да ѣшь лепешку. Смотри, какая она румяная, въ родѣ тебя.

— И меня,—подхватила Өеклуша, ластясь къ бабушкѣ.

— Ужъ безъ тебя не обойдется дѣло, какъ можно тебя забыть! Ну, полно, полно. Садись, пей, да гдѣ сестра-то? Зови ее.

— А гдѣ же батюшка?—освѣдомился Крестовоздвиженскій.

— Онъ закусилъ ужъ да въ церковь ушелъ съ подрядчикомъ,—отвѣтила мать.

Послѣ чая Яковъ Аванасьевичъ отправился съ Өеклушей въ огородъ, куда пришла и бабушка. Она скоро уснула Өеклушу.

— Ну, что же, Яшенька, ты о себѣ ничего не скажешь?—заговорила старуха, когда они остались одни.

Она опустила рядомъ съ внукомъ на скамейку.

— Какъ ты насчетъ своей судьбы думаешь?

— Да вѣдь вы, навѣрное, все знаете, говорили вамъ,—сказалъ Крестовоздвиженскій.

— Ничего мнѣ не говорили,—отвѣтила старуха:—да зачѣмъ мнѣ отъ другихъ узнавать, развѣ ты мнѣ не скажешь самъ?

Яковъ Аванасьевичъ посмотрѣлъ на нее и промолвилъ съ улыбкою, которою хотѣлъ скрыть свою тревогу, снова пробудившуюся при вопросѣ старухи.

— Да вотъ бунтъ учиняю, бабушка.

— Ой, какіе страхи, Яшенька! Что ты, Богъ съ тобой! не пугай меня, Христа ради!

И она махнула рукой.

— Да нешто можно бунтовать? А что за это бываетъ-то?

— Да я не противъ начальства, бабушка. Это, такъ сказать, семейный бунтъ.

— Развѣ не одно и то же? Да полно тебѣ меня пугать. Ты лучше расскажи мнѣ, какъ устроиться задумалъ? Въ академію-то не ѣдешь?

— Въ духовную нѣтъ, а ѣду въ медицинскую.

— Это зачѣмъ же, родной? Нешто оттуда тоже въ попы выходятъ?

— Нѣтъ, въ доктора.

— Зачѣмъ же тебѣ въ доктора? Думаешь меня что ли опять въ молодую превратить? Эхъ, Яшенька, тутъ никакая наука не поможетъ.

Она улыбнулась.

— Не хочу, бабушка, въ духовные выходить, хочу быть свѣтскимъ.

— О-о? Будто лучше?

— Не по сердцу мнѣ духовное званіе.

— Да ты вѣдь не пробовалъ. Мой мужъ покойный, твой дѣдушка, то же самое: не хотѣлось ему въ попы итти, да и только. Со слезами посвящали. А какъ пожилъ да привыкъ, потомъ и сталъ говорить: да лучше и жизни нѣтъ, спасибо, что архіерей заставилъ. Вѣчно Бога за него молилъ, вотъ что, Яшенька.

Она внимательно посмотрѣла на внука. Онъ молчалъ.

— И куда же это надо ѣхать тебѣ въ академію-то эту?

— Въ Питеръ.

— Ухъ, куда! А какъ да худо тамъ окажется? Другіе-то вѣдь храбрые да смѣлые, а ты у насъ смиренный, прожилъ все время на готовомъ. А тамъ какъ же на казенномъ что ли живуть?

— Нѣтъ, на своемъ.

— На своемъ. А гдѣ же деньги-то у тебя? Развѣ припасъ?

— Если бы отецъ захотѣлъ, то у него хватило бы.

— А ты считалъ? Эхъ, соколикъ! А сестрамъ не надо? Обидѣть хочешь Снѣгурочку-то. А Стеша? За той еще больше надо, красой-то не вышла.

— Мнѣ не много надо. Да тутъ дѣло не въ деньгахъ, бабушка. Отецъ не хочетъ, говоритъ, въ попахъ лучше.

— А что же, Яшенька, и не хуже. У алтаря Господня и почетно и Богу угодно.

— Склонности не имѣю.

— Ну, что ты! Съ твоимъ чистымъ сердцемъ, да не имѣть склонности! Ты такой добрый да кроткій, настоящій пастырь и будешь.

— Неужели, бабушка, и вы противъ того, чтобы я шелъ въ доктора?

— Извѣстно, въ попахъ лучше, особенно, если мѣсто хорошее... Какъ у Христа за пазухой: живи, не тужи... И здорово, и спокойно.

А доктору сколько безпокойства: тутъ не вылъчилъ, тамъ не угодилъ, глядишь, и пошла дурная слава, а коли такъ-то, и цѣна не та, да и опасно. Не далеко ходить: у насъ докторъ-то лѣчилъ отъ горячки, да и домой болѣзнь занесъ, всѣ переболѣли, а жена и умерла. Нѣтъ, Яшенька, какъ можно ровнять, то ли дѣло быть попомъ? Домикомъ своимъ заживешь, всего-то у тебя будетъ вдоволь: и птички, и скотинки, и хлѣбецъ свой, и огородикъ... Живи себѣ, какъ баринъ, никого не знаешь, только съ благочиннымъ не ссорься.

На этомъ разговоръ пока и кончился. Но старуха на другой день опять заговорила о томъ же самомъ. Она говорила мягко, не настаивая, не возмущаясь, а только расхваливая поповское житье.

— Знаешь, Яшенька,—сказала она:—кабы ты на мѣсто вышелъ, и я бы къ тебѣ перебралась. Право. Или прогонишь?

Крестовоздвиженскій засмѣялся.

— Не прогонишь? Ну, и ладно. Мы къ тебѣ вмѣстѣ со Снѣгурочкой.

— Милости просимъ въ Петербургъ, бабушка.

— Ни-ни! Туда не поѣдемъ! Куда мнѣ, старой, кости такъ далеко трясти? Не доѣду, разсыплюсь.

Послѣ обѣда Ѳеклуша пристала къ брату.

— Якуша, вѣдь ты не уѣдешь?—говорила она, чуть не плача.

— Уѣду.

— Ну, какъ же! Такъ тебя и пустили.

— Кто же меня не пустить?

— Да я не пушу.

— Ты развѣ меня не любишь, Ѳеклуша?

— Я-то тебя люблю, а ты вотъ меня не любишь и никого изъ насъ не любишь, хочешь такъ далеко уѣхать. Вѣдь даютъ тебѣ мѣсто, ну, и бери его... Якуша, милый, не уѣзжай!

Она прижималась къ брату.

— А если уѣдешь,—продолжала она, не получая отъ него отвѣта:—то я умру, и бабушка, и мама... всѣ, всѣ умремъ.

Она говорила какъ бы шутливо, но порывисто и съ дрожью въ голосѣ.

— Перестань, Ѳеклуша, ты мелешь глупости,—остановилъ ее Яковъ Аванасьевичъ, которому были непріятны слова сестры.

— Да, да,—капризно повторяла она.—А не уѣдешь—ничего не случится.

Стеша почти совсѣмъ не разговаривала съ братомъ. Она была флегматична, замкнута къ себѣ. Она если и оживлялась порою, то потому только, что «Ѳеклуша хоть мертваго подниметъ», по выраженію бабушки. Но когда младшая сестра оставляла ее въ покоѣ, Стеша по цѣлымъ днямъ молчала, занятая работой. Она была большая руководѣтельница, но мало способная къ ученю. Ее нельзя было назвать злой, но она долго помнила обиды. Бабушка

жалѣла Стешу, считая ее дурнушкой и обдѣленной природою; въ ласкѣ старухи проглядывало больше жалости, чѣмъ той горячей любви, которую она чувствовала къ другой внучкѣ. Яковъ Аванасьевичъ не любилъ Стешу; полнымъ равнодушіемъ отплачивала и она брату.

Занятый ремонтомъ въ церкви, о. Аванасій нѣсколько дней подъ рядъ мало видѣлся съ сыномъ, а разговаривать съ нимъ ему совсѣмъ не приходилось, да, видимо, онъ и избѣгалъ разговоровъ.

Зато бабушка, Анна Михайловна и Феклуша все время не отпускали Якова Аванасьевича никуда, и всѣ разговоры были направлены къ одной цѣли. Слова бабушки и ласки сестры имѣли на него самое большое вліяніе. Онъ не отказался отъ своего плана, потому что Соня все равно не пошла бы за попа. Но самое іерейство получило въ его глазахъ болѣе привлекательности. Онъ соглашался и съ тѣмъ, что хорошо остаться вблизи своихъ, жить въ тиши, заниматься хозяйствомъ. Однако все дѣло было въ Сонѣ, и Яковъ Аванасьевичъ стремился въ Петербургъ.

Неофитъ не подавалъ о себѣ вѣстей. Слѣдуя его совѣту, Крестовоздвиженскій добылъ у матери свое семинарское свидѣтельство. Онъ взялъ его, чтобы показать бабушкѣ, и, воспользовавшись тѣмъ, что въ это время пріѣхала жена становаго, оставилъ свидѣтельство у себя. Анна Михайловна забыла потомъ и не спросила бумагу обратно у сына.

Александръ Кругловъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

ВИКТОРЪ ПЕТРОВИЧЪ ОСТРОГОРСКІЙ

ДОВВ. ЦЕНЗ. 22 МАЯ 1902 Г. СПБ.

ВОСПОМИНАНІЯ М. А. ПАТКУЛЬ ¹⁾.

Х.

Рожденіе сына Владимира.—Посылка мужа къ наслѣднику цесаревичу съ орденомъ св. Георгія 4-й степени.—Маленькая исторія мѣхового халата.—Сюрпризъ государя государынѣ.—Кофе у императрицы.—Ея особенное вниманіе ко мнѣ.—Возвращеніе домой въ дрожкахъ государя.—У царскихъ дѣтей.—Рожденіе сына Алексѣя.—Признаніе къ любви офицера В.—Совѣтъ императрицы.—Непріятное объясненіе съ В.—Отношеніе моего мужа къ этой исторіи.—Цыганскій таборъ въ дворцовомъ театрѣ въ Гатчинѣ.—Неожиданный успѣхъ моей дочери Маруси.—Приключеніе на Царскосельской желѣзной дорогѣ.

ВЪ АВГУСТѢ 1850-го года, наслѣдникъ отправился на Кавказъ; онъ не взялъ Сашу съ собой по добротѣ сердца, такъ какъ мы ожидали прибавленія семейства. Черезъ два дня послѣ отъѣзда его высочества явился на свѣтъ сынъ нашъ Владимиръ.

Я видѣла, что Саша жалѣлъ, что ему не удалось сопровождать своего обожаемаго великаго князя; но онъ былъ вознагражденъ, когда въ ноябрѣ государь, при которомъ онъ состоялъ на время отсутствія наслѣдника, послалъ его ему навстрѣчу для передачи наслѣднику Георгія 4-й степени.

Отправляя его, государь сказалъ:

— Прежде чѣмъ вручишь крестъ, скажи, что я очень недоволенъ имъ: наслѣдникъ русскаго престола не имѣетъ права рисковать, какъ онъ изволилъ это сдѣлать: чуть не попалъ къ горцамъ въ плѣнъ!

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVIII, стр. 436.

Встрѣтивъ не помню на какой станціи его высочество, онъ передалъ ему слово въ слово порученіе его величества, которое видимо озадачило наслѣдника; но когда Саша вручилъ ему Георгіевскій крестъ, лицо цесаревича просіяло, и, обнимая мужа, онъ сказалъ:

— Это лучшая для меня награда; я радъ, что именно ты привезъ мнѣ ее.

Во избѣжаніе скуки пріискивать квартиру и перебираться съ семьей въ городъ, мы продолжали проводить зимы въ Царскомъ.

Въ одну изъ поѣздокъ наслѣдника въ Москву я подарила сопровождавшему его мужу шелковый халатъ на мѣху. Онъ былъ принесенъ изъ магазина только наканунѣ отъѣзда.

Дорогой его высочество озябъ въ вагонѣ и спросилъ камердинера, нѣтъ ли чего теплаго съ собой, чтобъ накрыться во время сна. Увы, никто объ этомъ не подумалъ, и ничего не оказалось подходящаго. Тогда Саша досталъ мой халатъ и предложилъ его высочеству.

Сначала великій князь отказывался, церемонился, но наконецъ по настоятельной просьбѣ Саши надѣлъ его со словами:

— Какая прелесть, какъ тепло въ немъ! Когда вернемся, передай Маріи Александровнѣ, что я извиняюсь, что лишилъ тебя халата, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавь, что я наслаждался, имѣя его на себѣ.

Для Саши халатъ этотъ сдѣлался послѣ этого во сто разъ дороже.

Я часто говорила мужу, что ревную его къ наслѣднику; это была самая безграничная любовь, которую Саша до конца жизни питалъ къ своему августѣйшему товарищу дѣтства.

Во время лагернаго сбора въ Красномъ Селѣ я иногда переѣзжала туда съ дѣтьми, недѣли на двѣ или на три; тамъ мы были положительно на бивуачномъ положеніи, спали на полу на сѣнникахъ, лишеныя всякихъ удобствъ, но дѣти были въ восторгѣ: имъ нравилась перемѣна въ ихъ обыденной жизни. Я нисколько не тяготилась, что мнѣ приходилось дѣлать все самой, такъ какъ горничной я съ собой не брала; вообще я была, какъ говорится, покладиста, и бивуачная жизнь для разнообразія нравилась мнѣ.

Императрица часто приглашала насъ на лѣто въ Петергофъ, гдѣ намъ отводился одинъ изъ кавалерскихъ домовъ близъ Большого дворца. Дѣти обѣдали дома раньше, а мы ходили ежедневно къ гофмаршальскому столу въ Большой дворецъ; въ царскіе дни былъ министерскій столъ во дворцѣ; были также обѣды въ высочайшемъ присутствіи. Въ хорошую погоду мы приглашались на прогулки. Собирались у Большого дворца, гдѣ ожидали пріѣзда ихъ величествъ и высочествъ. Экипажи стояли готовые. Вечеръ кончался обыкновенно ужиномъ въ Александрійскомъ коттеджѣ.

Однажды, когда всѣ усѣлись въ экипажи, государь, подойдя къ императрицѣ, сказалъ, что онъ поѣдетъ въ дрожкахъ впередъ, и отдалъ при этоъ какое-то приказаніе кучеру.

Прокативъ по парку, насъ подвезли къ небольшому домику. Императрица замѣтила, что этого домика она не видѣла никогда, и какво было ея удивленіе, когда, подѣхавъ къ крыльцу, она увидѣла своего царственного супруга, стоявшаго на ступени въ унтеръ-офицерскомъ сюртукѣ съ хлѣбомъ-солью въ рукахъ; кланяясь въ поясъ, онъ сошелъ привѣтствовать свою августѣйшую хозяйку во вновь выстроенномъ сюрпризомъ Никольскомъ домикѣ. Это было такъ трогательно, что не только у императрицы наворачнулись слезы, но и мы не могли остаться равнодушными къ этой сценѣ. Тамъ былъ поданъ чай, послѣ котораго всѣ поѣхали провести остальной вечеръ въ Александріи.

Однажды всѣ были приглашены въ *Monplaisir*. Дорога туда и вся мѣстность передъ Петровскимъ дворцомъ, гдѣ пили чай, была освѣщена разноцвѣтными фонарями; особенно красива была площадка на берегу моря, на которой мы протанцовали нѣсколько кадрилией. Гуляли вдоль берега, спускались по камнямъ до самаго моря. Погода была чудная, плескъ волнъ, отраженіе фонарей въ водѣ, все это было такъ живописно, что этотъ вечеръ не ступевался изъ моей памяти, какъ и многое другое.

Столько чудныхъ, теплыхъ воспоминаній воскресаютъ изъ прошлой моей жизни, и потому не удивительно, если всѣ года перепутались въ моей памяти.

Однажды, лѣтомъ, мы были приглашены на балъ къ Александровымъ (генераль-адъютанту); дача ихъ «Стрѣльна» была на Петергофской дорогѣ. Мужъ въ этотъ день, будучи дежурнымъ, долженъ былъ ѣхать въ Петергофъ; онъ уговорилъ меня ѣхать съ нимъ и хоть одинъ разъ принять приглашеніе, отъ котораго до сихъ поръ мы постоянно отказывались. Поѣхали мы изъ Царскаго въ каретѣ на почтовыхъ. Мужъ зналъ, что наслѣдникъ будетъ на этомъ балѣ, и что ему, какъ дежурному, быть тамъ необходимо.

Въ номерѣ, который ему отводился въ готическомъ домѣ, тоже могла остановиться съ горничной.

О балѣ распространяться не буду; похожіи на всѣ балы болѣе или менѣе, онъ не оставилъ мнѣ никакихъ особенныхъ впечатлѣній.

На слѣдующее утро Саша уѣхалъ съ наслѣдникомъ на пароходѣ въ Петербургъ, а я послала за почтовыми лошадьми, чтобъ вернуться домой.

Въ ожиданіи экипажа, я вышла съ книгой въ палисадникъ. Въ окно увидѣлъ меня адъютантъ наслѣдника, графъ Іосифъ Ламбертъ, и вышелъ ко мнѣ; пока мы съ нимъ разговаривали, императрица вѣхала на дворъ въ шарабанѣ съ двумя жокеями верхами. Увидя меня, она, погрозивъ пальцемъ, сказала:

— *Je me plaindrai à votre mari, que vous vous laissez faire la cour.*

Она остановилась у подъѣзда другого дома и велѣла сказать своей сестрѣ, принцессѣ Луизѣ Нидерландской, чтобъ она вышла къ ней.

Я подбѣжала къ шарабану, поцѣловала императрицѣ руку и сказала, что жду карету, чтобъ вернуться въ Царское. Узнавъ, что я пріѣхала наканунѣ для бала Александровыхъ, она съ упрекомъ сказала:

— Et vous vouliez repartir sans venir me voir?

— Je n'ai pas osé importuner Votre Majesté, qui n'a que trop de bonté pour moi,—отвѣтила я.

— Eh bien, je vais vous punir, vous ne partirez pas encore, je vous emmène avec moi et nous irons prendre du café à Царицынъ островъ.

— Si c'est une punition, je voudrai bien la mériter aussi souvent que possible,—сказала я, цѣлуя ей руку.

— Ah, petite flatteuse! allez mettre votre chapeau.

Въ эту минуту вышла принцесса, я поздоровалась съ нею и побѣжала надѣтъ шляпу и кофточку.

Сѣла я рядомъ съ ея величествомъ, и мы поѣхали. Сначала я рассказала о вчерашнемъ балѣ, кто былъ на немъ, а потомъ императрица, посмотрѣвъ на меня, сказала:

— Vous êtes toujours si élégante.

— Grâce à la générosité de Votre Majesté.

— Vous allez me faire croire que cette robe bigarrée vous a été donnée par moi?

Тутъ я напомнила ея величеству, что весной, два или три года назадъ, она прислала мнѣ этотъ барезъ на платье. Онъ дѣйствительно былъ очень пестрый, свѣтло-зеленый, усѣянный розовыми цвѣтами, а на воланахъ были корзины, изъ которыхъ выпадали розы, но въ то время онъ былъ самый модный. Кофточка темно малиновая, бархатная, вся вышитая широкими и узкими черными плетенками. Отъ этого дара императрица тоже отказывалась увѣряя, что она никогда ея не видѣла. Тутъ я напомнила, что, когда однажды утромъ была у ея величества въ Петербургѣ, она позвонила м-ше Рорбекъ, велѣла принести присланную, «*comme nouveauté*», княгиней Ливенъ изъ Парижа кофточку и подарила ее мнѣ. Шляпа у меня была изъ самой тонкой сѣрой прозрачной соломки, подбитая розовымъ шелкомъ, привезенная мнѣ ея величествомъ изъ Берлина въ доказательство, что тамъ за 5 рублей можно купить готовую шляпу, тогда какъ тѣ, которыя я дѣлала большею частью сама, обходились иногда въ эту же цѣну.

Не изъ хвастовства скажу, но изготовленныя мною шляпы были красивѣе, потому что Германія не щеголяетъ изящнымъ вкусомъ.

Когда мнѣ удалось убѣдить императрицу, что весь мой туалетъ состоялъ изъ ея подарковъ, она сказала, что удивляется моей памяти и тому, какъ долго я ношу вещи.

Пріѣхавъ на Царицынъ островъ, мы нашли столъ, накрытый уже на балконѣ. Императрица сѣла въ кресло, а меня посадила возлѣ себя на диванъ.

Подали кофе, который она сама разлила, и густыя сливки съ пѣнками въ двухъ маленькихъ каменныхъ горшечкахъ.

Разговоръ былъ самый задушевнѣй, я переживала наслажденіе быть съ царицею наединѣ.

Вскорѣ пріѣхала туда цесаревна, я встала, поздоровалась съ нею и отошла отъ дивана, но она сѣла на маленькій стулъ, а меня заставила занять прежнее мѣсто.

Вдругъ начали пріѣзжать: Марія Николаевна, наслѣдникъ съ дѣтьми, великіе князья и наконецъ государь.

Однимъ словомъ сѣхалась вся царская семья.

Мнѣ сдѣлалось ужасно не ловко быть единственнымъ постороннимъ лицомъ, и я попросила разрѣшенія императрицы пойти въ садъ. На это ея величество мнѣ сказала:

— Comme je vous compte de la famille vous n'avez qu'à rester avec nous.

Подъ конецъ пріѣхала королева нидерландская, Анна Павловна, которой я была раньше представлена, такъ что она знала меня.

Изъ свиты не было ни одной души. Замѣтивъ въ одной изъ аллея сада статсъ-даму королевы, я подошла къ императрицѣ со словами:

— Permettez Votre Majestè que j'aie tenir compagnie à la dame d'honneur de la reine, qui se promène toute seule au jardin.

Тогда императрица меня поцѣловала, поблагодарила и отпустила.

Наконецъ собрались уѣзжать. Всѣ двинулись къ экипажамъ.

Когда государь сѣлъ съ императрицей въ шарабанъ, ея величество сказала:

— J'ai ammené m-me Patkul avec moi, comment retournera-t-elle?

На это наслѣдникъ отвѣтилъ, что его дрожки въ моемъ распоряженіи, такъ какъ онъ возвращается съ цесаревной и дѣтьми.

Въ эту минуту государь вышелъ изъ экипажа со словами:

— Нѣтъ, мои дрожки!—и закричалъ:—Яковъ!

— Какъ мнѣ быть?—спросила я его высочество.

— Государю отказать нельзя.

Яковъ подѣхалъ; его величество самъ помогъ мнѣ сѣсть, поцѣловалъ руку и сказалъ: «пошелъ!». Яковъ моментально пустилъ лошадь, и я сидя, какъ воробей на крышѣ, съ ужасомъ пронеслась мимо ихъ величествъ и всей царской семьи, стоявшей еще на мѣстѣ. Говорю, съ ужасомъ, и это не преувеличено; я никогда не находилась въ такомъ неловкомъ положеніи, какъ въ эту минуту, опередивъ всѣхъ въ дрожкахъ царя. Почти со слезами я умоляла Якова пропустить впередъ царскую семью, но видимо страдало его самолюбіе, и онъ отвѣтилъ мнѣ, что до такого срама онъ не доживалъ никогда, чтобы его обогнали. Тутъ я стала ему доказывать, что настоящій для него срамъ тотъ, что онъ везетъ меня, а не государя, и если бы у меня не былъ страхъ расшибиться, то я соско-

чила бы съ дрожекъ. Должно быть, ему стало совѣстно или жаль меня, онъ началъ придерживать лошадь, сказавъ: «такъ и быть, пропущу своего барина». Ихъ величества проѣхали мимо меня, кланяясь и улыбаясь. Государь не могъ не замѣтить, какъ всѣ военные становились мнѣ во фронтъ, встрѣчные кланялись, снимали шапки. Это потѣшало его, а мнѣ было не до смѣха; заслонивъ себя зонтикомъ, я не смотрѣла ни на кого, пусть думаютъ, что ѣдетъ одна изъ великихъ княгинь. Яковъ могъ принять поклоны на свой счетъ. Когда онъ довезъ меня до готическаго дома, я вздохнула легче и извинилась передъ царскимъ кучеромъ за доставленное ему неудобольствіе, на что онъ, какъ придворный челоувѣкъ, отвѣтилъ, что съ удовольствіемъ исполнилъ приказаніе своего барина.

Почтовые лошади были готовы, и я тотчасъ уѣхала изъ Петергофа.

Когда Саша вернулся къ обѣду изъ Петербурга, я съ восторгомъ передала ему всѣ подробности проведеннаго мною утра въ средѣ царской семьи.

Остановилась я долѣе надъ этимъ утромъ, такъ какъ это былъ первый въ моей жизни случай, когда я была единственнымъ постороннимъ лицомъ среди многочисленной царской семьи.

Только поѣздка въ дрожкахъ государя смущала прелесть моихъ воспоминаній.

Въ то лѣто, когда наслѣдникъ съ цесаревной уѣзжали въ Дармштадтъ, чтобы ввести въ семью принца Александра Гессенскаго жену его, рожденную графиню Гауке, бывшую фрейлину цесаревны, ея высочество просила меня навѣщать августѣйшихъ дѣтей.

Въ то время ихъ было трое: Николай, Александра и Александръ Александровичи. Я часто заходила навѣщать ихъ. Со старшими двумя я играла, сидя съ ними на коврѣ; они показывали свои игрушки, рассказывали мнѣ то, что ихъ интересуетъ, а Александра Александровича, которому было всего нѣсколько мѣсяцевъ, м-те Струттонъ давала мнѣ на руки нянчиться съ нимъ. Когда онъ глядѣлъ на меня своими улыбающимися глазенками и смѣялся такъ привѣтливо, когда я качала его на рукахъ, могла ли я думать, что держу будущаго своего императора Александра III?

Въ мартѣ 1852 года родился сынъ нашъ Алексѣй, крестины котораго состоялись послѣ переѣзда высочайшаго двора въ Царское Село.

Заочнымъ воспріемникомъ былъ государь, находившійся въ отсутствіи, замѣстителемъ его былъ великій князь Николай Александровичъ, а воспріемницею августѣйшая его мать, цесаревна Марія Александровна.

Осенью мужъ былъ командированъ въ Эстляндскую губернію для рекрутскаго набора. Въ виду шестинедѣльнаго отсутствія мужа я рѣшила ѣхать съ нимъ въ Ревель. Переѣздъ съ пятью дѣтьми не затруднялъ меня. Намъ было разрѣшено государемъ занять помѣщеніе въ Екатерининскомъ дворцѣ, куда дано было знать при-

готовить все къ нашему прїѣзду. Письмо свекра разстроило всѣ наши планы; онъ сообщалъ о свирѣпствующей тамъ скарлатинѣ прибавивъ, что смертность большая между дѣтьми. Рисковать своими, конечно, я не рѣшилась, и осталась съ ними дома.

Уѣзжая, Саша просилъ кирасирскаго офицера Б..., посѣщавшаго насъ довольно часто, не отказать помочь, если мнѣ придется обратиться къ нему, или насчетъ людей, или лошадей, такъ какъ послѣдними я никогда не завѣдывала.

Не желая оставаться одной во время отсутствія мужа, я выписала къ себѣ двоюродную его сестру, А. И. Буксгевденъ, которая тотчасъ же переѣхала ко мнѣ.

Г. Б... заходилъ отъ времени до времени узнать, нѣтъ ли какихъ приказаній, но въ помощи его я не нуждалась, въ домѣ все шло своимъ чередомъ, тихо и спокойно.

Однажды, вечеромъ, въ то время, когда мы обѣ были заняты укладкою посылки въ Барнауль, гдѣ жилъ отецъ мой съ молодой своей женой, мнѣ принесли письмо отъ г. Б... и, передавая его, сказали, что просятъ отвѣта.

Распечатавъ, начинаю читать это нѣмецкое посланіе «mit kurzen Sinn die langen Rede», въ началѣ ровно ничего понять не могла, думала, что онъ сообщаетъ мнѣ найденные безпорядки среди прислуги, но когда дошла до гармоніи душъ, что во мнѣ онъ нашель совершенство женщины, вслѣдъ за этимъ до просьбы назначить свиданіе, гдѣ онъ можетъ видѣть меня безъ свидѣтелей, со мною сдѣлалась нервная дрожь отъ оскорбленнаго чувства женскаго достоинства. Позвонивъ челоуѣка, велѣла сказать, что отвѣтъ будетъ завтра.

Прочитавъ его двоюродной сестрѣ, я расплакалась, такъ я считала себя оскорбленной. Тотчасъ же сѣла и, переписавъ письмо Б... въ двухъ экземплярахъ, вложила одинъ въ письмо Сашѣ, предлагая ему отгадать автора этого посланія,—оригиналъ отправила рано утромъ дерзкому Б..., а со второй копіей поѣхала на слѣдующее утро къ императрицѣ въ Петербургъ.

Ея величество, къ счастью, была одна. Когда я сообщила ей о такъ сильно возмутившей меня выходкѣ Б..., она сказала, что ее удивляетъ, что такое признаніе мнѣ дѣлается въ первый разъ.

На это я отвѣтила, что никому не давала повода забываться передо мной, а рѣшиться на такую дерзость—просить свиданія, это превышало все.

Прочитавъ содержаніе письма, императрица не нашла въ немъ ничего обиднаго, такъ какъ въ немъ было сказано, что во мнѣ онъ нашель идеаль и совершенство женщины. Это явное противорѣчіе! Просьба о свиданіи неумѣстна, заключила императрица и совѣтовала мнѣ мужу объ этомъ не писать, а рассказать, когда онъ вернется.

Когда я объявила, что ему послана копія, она нашла это лишнимъ и была того мнѣнія, что я поступила чюесторожно. Но я успокоила

ее тѣмъ, что подписи въ копіи не было, и что отъ Саши я никогда ничего не скрывала, и секретовъ у насъ нѣтъ.

На просьбу мою посовѣтовать, что мнѣ дѣлать, ея величество была того мнѣнія, чтобы я пригласила Б. до пріѣзда мужа и сдѣлала ему внушительный выговоръ. Затѣмъ потребовала, чтобы я пріѣхала послѣ этого свиданія къ ней и передала ей въ подробности мой съ нимъ разговоръ.

Хотя мнѣ было крайне непріятно видѣть его, но послушаться я не смѣла, а потому на слѣдующій же день послала пригласить его къ чаю. Съ кухиной было условлено, что послѣ чая, когда дѣти отправятся спать, она подъ предлогомъ писать письмо перейдетъ въ кабинетъ Саши, который былъ смеженъ съ гостиной, сядетъ за притворенной дверью, чтобы слышать нашъ разговоръ.

Мы сидѣли за чайнымъ столомъ, дѣти, кухня и я, когда слышался звонокъ. Трудно передать, въ какомъ я была отвратительномъ состояніи. Б. вошелъ сконфуженный, на поклонъ его я едва кивнула головой и безмолвно указала ему мѣсто возлѣ кухни. Когда я передавала ему стаканъ чая, рука у меня до того дрожала, что половина чая выплеснулась на блюдо и скатерть, его рука была не тверже моей, чуялъ онъ, что не туда попалъ. Наконецъ, дѣти простились и удалились въ дѣтскую, двоюродная сестра перешла въ кабинетъ, а я, пригласивъ его въ гостиную, предложила ему стулъ, а сама сѣла на диванъ.

Всего, чего я ему наговорила, передавать не буду, я была въ такомъ нервномъ состояніи, что носовой батистовый платокъ имѣлъ печальную участь быть изорваннымъ на клочки. Этотъ разговоръ былъ пыткой для меня, но я думаю и для него, потому что ему пришлось выслушать почти дерзости; наконецъ, указавъ ему на дверь, я сказала:

— Прошу не переступать больше моего порога.

Этого онъ никакъ не ожидалъ; извиняясь онъ началъ увѣрять, что далекъ былъ отъ мысли оскорбить меня, что я не поняла его, и въ заключеніи просилъ позволенія приходить иногда, чтобъ полнымъ своимъ отсутствіемъ не дать прислугѣ повода къ разнымъ толкамъ.

На это я отвѣтила: если у него такъ мало самолюбія, что послѣ всего того, что я высказала ему, онъ рѣшается продолжать свои визиты, то пусть приходитъ, но какъ можно рѣже, предупредивъ при этомъ, что посѣщенія его будутъ для меня самыми непріятными минутами.

Согласно желанію ея величества, я на слѣдующій день поѣхала къ ней и передала слово въ слово весь мой разговоръ съ Б.

— *Pauvre homme! vous avez été bien cruelle!*

— *Probablement pas assez, madame, puisqu'il a demandé la permission de revenir,*—сказала я.

Въ отвѣтъ на посланную копію мужъ назвалъ нѣсколько личностей, но именно на этого подозрѣніе его не пало. Когда же онъ вернулся, и я назвала его, то признался, что отъ этого тихаго, скромнаго, молодого человѣка никакъ не ожидалъ подобной выходки.

Съ возвращеніемъ мужа, тотъ больше не показывался, а наши субботы, въ которыя собирались къ намъ нѣсколько хорошихъ знакомыхъ, возобновились и въ этомъ году. Въ одинъ изъ этихъ дней Саша объявилъ, что хочетъ доставить бѣдному Б. удовольствіе и пригласить его. Сначала я возстала противъ этого, но, будучи увѣрена, что тотъ не рѣшится прійти, предоставила мужу дѣлать, какъ хочетъ. На этотъ разъ я ошиблась, приглашеніе было принято съ благодарностью, и я имѣла неудовольствіе видѣть его у насъ съ сіяющимъ лицомъ. Вотъ доказательство, до какой степени у Саши было доброе сердце; онъ жалѣлъ глупца. Впрочемъ Санѣ бояться было нечего; онъ зналъ мою безграничную любовь къ нему и дѣтямъ, зналъ и строгія мои правила.

Когда по возвращеніи съ набора, онъ въ первый разъ явился къ императрицѣ и благодарилъ ее за данный мнѣ совѣтъ и вообще за то, что она такъ милостиво относилась ко мнѣ, императрица спросила его, не былъ ли онъ встревоженъ, читая копію письма, которую я имѣла неосторожность послать ему. На это онъ отвѣтилъ отрицательно, прибавивъ, что секретовъ между нами не существуетъ, и въ продолженіе одиннадцати-лѣтней супружеской жизни ни одного недоразумѣнія между нами не было.

Въ одно изъ осеннихъ пребываній въ Гатчинѣ устроили скурпризъ ихъ величествамъ, а именно: въ дворцовомъ театрѣ дано было представленіе подъ названіемъ «Русской свадьбы». Она состояла отчасти изъ живой картины цыганскаго табора, въ которомъ участвовали тоже трое старшихъ нашихъ дѣтей, вызванные для репетицій. Изъ табора я въ костюмѣ цыганки отдѣлилась, вышла впередъ и что-то объяснила безмолвно жестами и мимикой. Гольць, танцмейстеръ, руководилъ мною во время репетицій. Затѣмъ подошелъ цыганъ, генераль-адъютантъ Огаревъ, явилась невѣста въ русскомъ костюмѣ, графиня Е. Н. Адлербергъ, и парень молодой, не помню, кто онъ былъ, и мы въ двѣ пары протанцовали русскую. Когда мы окончили танецъ, вдругъ изъ табора вышла на средину сцены наша пятилѣтняя Маруся, съ голубымъ шарфомъ въ рукахъ и начала граціозно выдѣлывать па. Изъ партера послышались аплодисменты, закричали: «браво, Маруся!» Тутъ я оглянулась и увидѣла какъ она балансируетъ съ своимъ шарфомъ. Когда занавѣсъ опустился, императоръ вошелъ на сцену, приподнялъ, поцѣловалъ Марусю и похвалилъ за то, что она мило танцевала, а я была ужасно сконфужена, что никто не удержалъ ея, но, оказывается, никто не замѣтилъ, когда она сошла съ своего мѣста.

На ночь я уѣзжала домой, гдѣ оставались двое меньшихъ сыновей, которыхъ я боялась оставлять на ночь безъ себя, а старшіе оставались съ отцемъ.

Возвращаясь однажды вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, который предложилъ мнѣ мѣсто въ своемъ вагонѣ, всѣ мы, ѣхавшіе съ нимъ, задремали, какъ и онъ самъ. Вдругъ сильный толчокъ, подбросивъ насъ къ потолку, разсѣялъ моментально нашъ сонъ. Мы ѣхали не по рельсамъ, а по шпаламъ. Дальше ѣхать было нельзя, всѣ вагоны, кромѣ паровоза и багажного, сошли съ рельсовъ. Тутъ рѣшили всѣмъ перебраться въ товарный вагонъ. Выскочить было не трудно при помощи протянутой руки, но влѣзть въ вагонъ въ шубѣ я никакъ не могла, подставить лѣстницу за неимѣніемъ ея было нельзя; тогда великій князь попросилъ одного изъ рабочихъ встать на четвереньки, и спина этого добряка помогла мнѣ взобраться; кто-то держалъ въ рукахъ фонарь, служившій намъ освѣщеніемъ, и я съ великимъ княземъ сѣла на какой-то ящикъ.

На слѣдующее утро, въ Гатчинѣ, ихъ величества встрѣтили меня словами, что я выказала храбрость героя; великій князь успѣлъ уже рассказать происшествіи. Дѣйствительно, я вовсе не испугалась и не струсила.

XI.

Пожалованіе мужу золотыхъ присковъ.—Постройка дома.—Устройство мужемъ общественнаго собранія въ Царскомъ Селѣ.—Принятіе государемъ званія почетнаго члена собранія.—Неудавшееся посѣщеніе государемъ собранія.—Объясненіе мужа съ государемъ.—Замѣчательныя слова, сказанныя мнѣ государемъ, и его заботливость обо мнѣ.—Завтракъ у насъ для наследника цесаревича и великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей.—Я учу государя играть въ карты.—Неудачный ходъ съ туза и его послѣдствія.—Разговоръ съ государемъ о дороговизнѣ вслѣдствіе переложенія ассигнацій на серебро.—Неприятный казусъ.—Мои три сына записываются, по повелѣнію государя, въ Пажескій корпусъ.—Я интригую въ маскарадѣ принца Альтенбургскаго.—Мой подарокъ императрицѣ.—Князь Чернышевъ.

Не помню, въ которомъ году государь пожаловалъ мужу золотые приски изъ казенныхъ остатковъ.

Нашли капиталиста, онъ выговорилъ себѣ 40 паевъ изъ 99, на долю Саши выпало 20, а 39 онъ роздалъ тѣмъ лицамъ, которыхъ надоумили его испытать счастья. Эти казенные остатки отдавались очень не многимъ лицамъ и по особому ходатайству. Компания составила. Долгое время золото добывалось въ такомъ незначительномъ количествѣ, что оно шло на покрытіе расхода по промышлѣ. Но зато два года сряду на наши паи выпало по 18 тысячъ.

Такая значительная и неожиданная сумма заставила мужа рѣшиться перенести домъ, въ которомъ мы жили въ тѣснотѣ, на Малую улицу, а на его мѣстѣ выстроить большой, такъ какъ семья увеличивалась. «Подъ старость, замѣтилъ онъ, у насъ будетъ уголъ, гдѣ преклонить голову».

На время постройки и перестройки надо было переѣхать куданибудь. Въ Петербургъ не хотѣлось. Казенный угловой домъ противъ бывшаго лицея стоялъ въ то время пустымъ, поэтому я просила императрицу исходатайствовать разрѣшеніе государя занять его временно. Послѣдовало высочайшее разрѣшеніе.

Не упомянула я еще о вечерахъ въ собраніи, устроенномъ по инициативѣ мужа.

Въ Царскомъ положительно никакихъ развлеченій и увеселеній не было. Съ переѣздомъ царской фамилии въ Петербургъ нашъ уѣздный городъ впадалъ въ полную апатію и засыпалъ окончательно. Кромѣ военнаго элемента и нѣсколькихъ служащихъ въ дворцовомъ правленіи, почти никого не было. Жителей было мало. Гимназій въ то время не существовало. Кому же и охота была жить, когда сообщеніе со столицей было крайне неудобно. Поѣзда отходили туда и обратно только 4 раза въ сутки. Въ театръ попасть было немислимо безъ ночевки. Послѣдній поѣздъ отходилъ въ 8 часовъ вечера, впослѣдствіи въ 9-ть. Военные имѣли возможность возвращаться съ бала или театра на тройкахъ, заплативъ всего 3 рубля сер. Тогда хозяева троекъ не грабили людей, какъ теперь, взимая по 10 и 15 рублей.

Возвращаясь къ тому, что мужу пришла благая мысль—основать общественное собраніе. Онъ взялъ на себя всѣ хлопоты, нашелъ хорошее, удобное помѣщеніе съ большимъ заломъ, паркетнымъ поломъ и достаточнымъ числомъ другихъ комнатъ, чтобъ устроить биллиардную, столовую, буфетъ и дамскую уборную¹⁾. Членовъ, платящихъ по 10 рублей, набралось достаточно. Нашли эконома, который взялся держать буфетъ и кухню, съ условіемъ не взимать больше 75 коп. за ужинъ изъ 3 блюдъ. Кромѣ того, офицеры могли тамъ завтракать и обѣдать за установленную плату. Директорами были выбраны генералъ Захаржевскій, мужъ и одинъ изъ совѣтниковъ дворцоваго правленія. Послѣ молебствія состоялось открытіе. Разъ въ двѣ недѣли по средамъ были назначены семейные танцевальныя вечера. Дамы запросто, въ высокихъ платьяхъ, военные—въ сюртукахъ съ эполетами, только директора должны были быть въ мундирахъ. Меня удостоили выбрать хозяйкой.

Эти вечера очень сблизили все общество, веселилась молодежь отъ души, и всѣ благодарили мужа за то, что онъ надумалъ дать

---

¹⁾ Домъ этотъ теперь принадлежитъ Савельеву, по Средней улицѣ.

возможность царскосельскимъ жителямъ собираться и пріятно проводить время. Наслѣдникъ принялъ званіе почетнаго члена и отъ времени до времени посѣщаль наши вечера съ великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами. Оба послѣдніе были, кажется, всего два раза, разумѣется, только во время пребыванія высочайшаго двора въ Царскомъ. Въ дни семейныхъ вечеровъ императрица разрѣшила намъ не пріѣзжать на ея вечера во дворець.

Однажды, государь подошелъ къ Сашѣ и заявилъ свою претензію, что ему, какъ царскосельскому помѣщику, не предлагаютъ быть членомъ собранія. Мужъ отвѣтилъ, что, не смѣя надѣяться на счастье имѣть его членомъ, никто не рѣшался обратиться къ нему съ этой просьбой. На слѣдующее утро депутація, состоявшая изъ 3-хъ директоровъ, представилась государю, и званіе почетнаго члена было принято милостиво.

Наканунѣ одной изъ средъ государь сказалъ мужу, что собирается пріѣхать въ собраніе, освѣдомляясь при этомъ о формѣ.

— Въ сюртукахъ съ эполетами,—отвѣчалъ Саша, но при этомъ не счелъ нужнымъ предупредить, что директора всегда въ мундирахъ.

Утромъ наслѣдникъ прислалъ сказать, что государь пріѣдетъ съ нимъ въ собраніе послѣ вечера императрицы. Мы съ Сашей поѣхали раньше и предупредили всѣхъ о намѣреніи царя посѣтить нашъ семейный кружокъ. Хотя танцы были въ разгарѣ, но всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивались, когда раздадутся три звонка. Наконецъ, звонокъ, другой и третій. Общее волненіе и ожиданіе. Директора сбѣжали внизъ, чтобъ встрѣтить въ сѣняхъ августѣйшихъ почетныхъ членовъ, а я ожидала ихъ въ передней. Но каково было всеобщее разочарованіе, когда вошелъ одинъ наслѣдникъ и сказалъ, что государь, недовольный сдѣланной ему встрѣчей въ мундирахъ, разсердился на мужа, сказавъ ему: «Ты надулъ меня, говоря, что въ сюртукахъ, а сами встрѣчаютъ меня въ мундирахъ», и, не желая выслушать никакихъ объясненій, надѣлъ шинель и со словами: «въ другой разъ не надуешь», уѣхалъ.

Весь вечеръ былъ испорченъ.

Когда на слѣдующій день собрались во дворцѣ, императрица, этотъ ангелъ доброты, подойдя къ намъ, выразила свое сожалѣніе о томъ, что вышло такое недоразумѣніе, и сказала, что понимаетъ, насколько это было намъ непріятно. Вскорѣ показался въ дверяхъ государь. Саша стоялъ у самыхъ дверей кабинета императрицы. Государь сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его, и всталъ почти рядомъ, но спиной къ нему. Потомъ повернулся и на поклонъ мужа сказалъ: «Я сердитъ на тебя».

— Я имѣю болѣе права быть сердитымъ, — отвѣтилъ мужъ, — я ничѣмъ не провинился передъ вашимъ величествомъ, а вы

оскорбили меня, допустивъ возможность, чтобъ я рѣшился надуть васъ.

— Зачѣмъ же ты сказалъ, что въ сюртукахъ, а самъ былъ въ мундирѣ?

— Я докладывалъ вашему величеству, что, по нашему уставу, директора должны быть въ мундирахъ, но вы слушать не хотѣли, разсердились и отъѣздомъ своимъ огорчили всѣхъ.

— Если такъ, то виноватъ, — и лбомъ своимъ коснулся лба Саши, который поцѣловалъ его въ плечо.

Государь спросилъ меня, сердита ли я тоже на него. Я отвѣтила, что сердиться на него не смѣю, но вечеръ былъ намъ испорченъ.

— Постараюсь исправить свою ошибку, — сказалъ онъ, съ поклономъ протягивая мнѣ руку.

Увы! не пришлось ему сдержать своего обѣщанія.

Государь любилъ, чтобъ ему говорили правду; къ сожалѣнью, она, вѣроятно, рѣдко доходила до него, вотъ изъ чего я могу это заключить.

Однажды мнѣ пришлось ѣхать одной въ Петербургъ на вечеръ во дворецъ. Саша былъ посланъ куда-то произвести слѣдствіе.

Кромѣ ихъ величествъ и наслѣдника, насъ было изъ постороннихъ только графиня Ю. Ѳ. Баранова съ сыномъ Э. Т. и я, которая, исправляя должность дежурной фрейлины, разливала чай.

Не помню, о чемъ шла рѣчь, и почему государь обратился съ вопросомъ ко мнѣ. Кажется, его величество спросилъ о семейныхъ вечерахъ, достаточно ли бываетъ дамъ, потому что въ кавалерахъ, вѣроятно, недостатка нѣтъ.

Если не ошибаюсь, то это именно касалось этихъ вечеровъ; я отвѣтила, какъ было въ дѣйствительности, что, благодаря неудобному сообщенію съ Петербургомъ, куда многіе ѣздили къ роднымъ или въ театръ, молодежь не имѣла возможности возвращаться изъ столицы во время къ семейному вечеру, и потому случалось, что иногда танцоровъ было недостаточно.

Тутъ графиня Баранова, дернувъ меня за платье, слегка нагнулась и вполголоса проговорила: «On ne peut pas dire ces vérités à l'empereur!». — «Oserais je jamais mentir à mon souverain?» — отвѣтила я, при этомъ чувствовала пристальный взглядъ государя, который тутъ же спросилъ, что сказала мнѣ графиня. Я покраснѣла, сконфузилась, растерялась, повторить слова графини — это выдать ее, а этого я не хотѣла, а потому нетвердымъ голосомъ проговорила: «Графиня мнѣ что-то сказала, но».... Государь перебилъ меня:

— Вы хотѣли сказать, что не разслышали, вотъ это не правда! У меня слухъ хорошъ. Графиня сдѣлала замѣчаніе, зачѣмъ вы сказали мнѣ правду! Это несчастье, что всѣ боятся говорить мнѣ

правду, и никто о томъ не думаетъ, насколько облегчили бы мнѣ тяжесть царствованія, если бы говорили всегда правду. Поэтому прошу васъ никого не слушать и не вѣрить, что я боюсь истины.

Когда я прощалась съ ихъ величествами, императрица спросила, гдѣ я ночую, такъ какъ для возвращенія въ Царское поѣзда нѣтъ. Я отвѣтила, что возвращаюсь домой на лошадахъ, дѣтей боюсь оставлять на ночь безъ себя. Узнавъ, что, кромѣ кучера, никого со мною нѣтъ, государь объявилъ, что не пуститъ меня одну, а дастъ своего камердинера проводить меня. На это любезное предложеніе я положительно не согласилась; могла ли я рѣшиться взять на себя балованному царскому камердинеру устроить удобный ночлегъ, когда мы сами крайне были стѣснены. Успокоивъ ихъ величества тѣмъ, что неоднократно я возвращалась домой одна въ каретѣ и доѣзжала безъ всякихъ приключеній, я уѣхала безъ проводника. Зато на слѣдующее утро съ первымъ поѣздомъ былъ присланъ скороходъ освѣдомиться отъ имени ихъ величествъ, благополучно ли я доѣхала.

Какая трогательная заботливость со стороны царя и царицы!

Чѣмъ могла я отплатить имъ, какъ не самой безпредѣльной любовью и преданностью?

Въ 1853 году мы перебрались въ казенный домъ; нашъ начали разбирать и переносить на другую улицу. Дворъ въ этомъ году прожилъ въ Царскомъ дольше обыкновеннаго. Императрица, послѣ болѣзни въ Петергофѣ, должна была отдохнуть и окрѣпнуть до переѣзда въ Петербургъ, который состоялся 23-го декабря.

Въ Рождественскій сочельникъ наслѣдникъ съ великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами дѣлали какой-то смотръ, на которомъ присутствовалъ Саша. Изъ манежа Саша прислалъ мнѣ записку, которою предупреждалъ, что ихъ высочества заѣдутъ къ намъ послѣ смотра, и просилъ приготовить чай, кофе и что нибудь закусить.

Что можно приготовить въ полчаса? Чѣмъ богата, тѣмъ и рада! Вспомнивъ, что наслѣдникъ любитъ жареный картофель съ лукомъ, велѣла придѣлать къ этому битки, заварила кофе и чай, и стала ждать дорогихъ гостей, которые не замедлили пріѣхать. Я была въ восторгѣ, что скромный нашъ завтракъ пришелся имъ по вкусу, въ особенности понравился ихъ высочествамъ домашній бѣлый хлѣбъ, только что вынутый изъ печки. Ихъ высочества увѣряли, что никогда такого вкуснаго хлѣба не ѣли, и, проголодавшись въ манежѣ, къ нашему удовольствію, сдѣлали честь всему, что бы подано на столъ.

Вечеромъ на елкѣ, куда мы съ Сашей были приглашены, ихъ величества по очереди подошли ко мнѣ съ вопросомъ, какими булками мы угостили великихъ князей, которые за обѣ-

домъ ничего почти не ѣли, а все вспоминали вкусный хлѣбъ Паткуля.

На ночь мы вернулись домой въ каретѣ, нагруженные царскими подарками для насъ и дѣтей.

Не знаю, кто сказалъ государю, что я хорошо играю въ карты, поэтому его величество, подойдя ко мнѣ на одномъ изъ вечеровъ, попросилъ сѣсть около него и поучить, такъ какъ партнеры всѣ въ претензіи на него, что онъ играетъ такъ плохо.

Исполнивъ желаніе государя, я, признаться, сомнѣвалась, что онъ будетъ слѣдовать моему совѣту.

Усѣлись вокругъ ломбернаго стола, я около государя. Очередь ходить была его величества. Разобравъ карты по мастямъ, онъ спросилъ, съ которой итти.

— Сдѣлать инвйтъ съ маленькой, показать партнеру свою лучшую масть,—сказала я.

— Вы думаете?

— Увѣрена, что такъ слѣдуетъ.

Его величество по нѣсколько разъ передергивалъ маленькую карту, то вложить ее опять и наконецъ, вынувъ туза, обратился ко мнѣ со словами:—Позвольте на этотъ разъ не измѣнять моему правилу, а играть по *systeme Nicolas*,—и тузъ явился на столъ. Игра, понятно, была проиграна, а партнеръ графъ С. Ф. Апраксинъ сказалъ съ сердцемъ:

— Такъ играть, ваше величество, не возможно, ничего нѣтъ удивительнаго, что вы постоянно проигрываете, а съ вами и партнеры.

Спустя нѣкоторое время, государь вошелъ въ кабинетъ императрицы позже обыкновеннаго и занялъ свободный стулъ между графомъ Шуваловымъ и мною. Съ его приходомъ чтеніе прекратилось, и начали разговаривать.

Государь былъ серьезенъ, чѣмъ-то озабоченъ, молчаливъ и перебиралъ свои пальцы, т. е., сложивъ руки, вертѣлъ большими пальцами одинъ за другимъ.

Не знаю, откуда у меня явилась храбрость спросить государя, почему у него нѣтъ партіи.

— Я больше не играю!—былъ отвѣтъ.

Тутъ я позволила себѣ спросить причину.

— Я велѣлъ подать счетъ своего проигрыша и увидѣвъ, что въ продолженіе года проигралъ три тысячи рублей, далъ себѣ слово больше не играть. Сколькимъ бѣднымъ семьямъ я могъ бы этими нѣгмами прійти на помощь!

Я не удержалась и сказала государю, неужели онъ для своего развлеченія и отдохновенія не можетъ позволить себѣ издержать такую небольшую сумму.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ государю,—я считаю это грѣхомъ.

Государь выше 25 коп. не игралъ, и то только три ропера.

Съ этого дня онъ дѣйствительно больше не игралъ.

Императрица, желая, чтобъ государь имѣлъ какое нибудь развлечение, замѣнила игру картъ обыкновеннымъ лото, въ которомъ его величество принималъ участіе.

Во время ужина одного изъ вечеровъ, по какому-то случаю, разговоръ зашелъ о дороговизнѣ. Съ обычною мнѣ откровенностью я сказала, что все ужасно вздорожало съ тѣхъ поръ, какъ счетъ переведенъ съ ассигнацій на серебро.

Государь, сидѣвшій возлѣ меня, спросилъ, чѣмъ я это докажу. Тутъ я подумала: вотъ попалась, лучше бы держала языкъ за зубами, какъ я выпутаюсь?

— Докажите!—сказалъ государь.

— Я могу судить сравненіемъ прежнихъ и теперешнихъ цѣнъ, имѣя привычку сохранять изъ года въ годъ расходныя книги,— отвѣтила я.

— Назовите мнѣ хоть одну вещь, которая, какъ вы говорите, втрое вздорожала.

Государю надо было доказать фактомъ, поэтому отвѣтъ требовался категоричный. Въ эту минуту я могла только доказать однимъ туалетнымъ предметомъ.

— Если ваше величество позволите, то въ настоящую минуту я могу только указать на одинъ случай, касающійся туалета. Въ 1841 году я заказала себѣ двѣ дюжины шелковыхъ пуговицъ съ кистями, заплатила за нихъ 12 р. Спустя нѣсколько лѣтъ, мнѣ вздумалось заказать по тому же образцу. Отправилась въ тотъ же басонный магазинъ Дорна, спрашиваю цѣну. «Двѣнадцать рублей». «Ассигнаціями?»—спросила я.—«Нѣтъ, серебромъ!» Это составляло 42 рубля 50 к.; я поклонилась и вышла изъ магазина.

Въ это время поварь, французъ, Jinhert, подаль жаркое.

Обратившись къ нему, государь спросилъ:

— Les prix sur les provisions ont ils haussés depuis que le compte ne se fait plus en assignat?

— Ils ont triplé, Votre Majesté.

— Qu'avez vous payé autrefois une dinde?

— De trois à quatre et cinq roubles!

— Et maintenant?

— De trois à cinq, Votre Majesté, mais avec la difference— qu'actuellement 3 r. en argent valent 10 r. 50 cop. et cinq 17 r. 50 cop.

Его величество ни слова не отвѣтилъ, сдвинулъ брови и задумался.

Это была большая ошибка графа Канкринна, который, вѣроятно, самъ не подумалъ о послѣдствіяхъ этого денежнаго переворота. Иначе наврядъ ли онъ предложилъ бы это государю.

Весною 1854 года заболѣлъ скарлатиною сынъ нашъ Алексѣй. Я отдѣлилась съ нимъ отъ прочихъ дѣтей, которыхъ видѣла только издали, и хотя особенныхъ предосторожностей принято не было, онъ поправился, и никто не заразился изъ остальныхъ.

Закладка новаго дома по большой Грязной (теперь Средней) была сдѣлана съ благословеніемъ Божиимъ. Это было своего рода торжество. Придворнымъ архитекторомъ Монигетти былъ сдѣланъ планъ, внутреннее же распредѣленіе комнатъ было назначено нами. Ученику его А. Ѳ. Видову было поручено наблюдать за постройкой.

Не упомянула я, что цесаревна нѣсколько разъ осчастливила насъ своимъ посѣщеніемъ, когда мы жили еще въ своемъ маленькомъ домѣ. Въ одинъ изъ ея пріѣздовъ, она застала у насъ икону Успенія Пресвятой Богородицы, привезенную изъ Іерусалима одной богомолкой, которую я знала еще съ дѣтства моего; она просила позволенія поставить ее у меня до отъѣзда своего въ Ревель. Царица Небесная погостила у насъ двѣ недѣли.

На одномъ изъ вечеровъ въ Царскомъ со мной чуть не случился очень непріятный казусъ. Я поѣхала безъ работы. Обшивая сама дѣтей, я натрудила себѣ глаза, засиживаясь часто съ иглой въ рукахъ до 3 часовъ ночи.

Императрица, называвшая меня *l'abeille laborieuse*, видя меня безъ работы, спросила причину.

Узнавъ ее, она посадила меня возлѣ себя и, желая заслонить меня отъ свѣта, повернула въ мою сторону стоявшій передъ ея величествомъ канделябръ съ абажуромъ. Безъ привычки сидѣть сложа руки и благодаря монотонному чтенію графа Шувалова, меня начало клонить ко сну. Какъ я ни таращила глаза, ни боролась со сномъ, была минута, что голова у меня покачнулась, и я вздрогнула. Я такъ испугалась, что сонъ поневолѣ исчезъ. Къ счастью, никто не замѣтилъ; но каковъ былъ бы скандалъ, еслибъ я заснула въ дѣйствительности.

По воскресеньямъ мы съ дѣтьми бывали постоянно въ дворцовой церкви. Послѣ обѣдни ихъ величества обходили всѣхъ собравшихся въ залѣ, смежной съ церковью, милостиво разговаривали съ присутствующими и ласкали нашихъ дѣтей.

Старшій сынъ нашъ, Александръ, приглашался постоянно, какъ въ Царскомъ, такъ и въ Петербургѣ, для совмѣстныхъ игръ съ ихъ высочествами.

Великій князь Николай Александровичъ носилъ гродненскую гусарскую куртку, великій князь Александръ Александровичъ— л.-г. гусарскаго его величества полка, товарищамъ было разрѣшено носить такія же куртки. Сынъ нашъ желалъ носить гродненскую форму, на что получено было высочайшее разрѣшеніе, сообщенное намъ наслѣдникомъ при посѣщеніи его; вмѣстѣ съ

тѣмъ, его высочество предупредилъ, что полная форма для сына заказана.

Всѣ три сына, по повелѣнію государя, были записаны въ пажекій корпусъ.

Не рассказала я о маскарадѣ, на которомъ была въ далекомъ прошломъ. Мужъ, будучи дежурнымъ, долженъ былъ сопровождать наследника. Мнѣ тоже хотѣлось ѣхать, а потому мужъ просилъ Л. Н. Эртеля быть моимъ провожатымъ.

Когда мы вошли въ зало Большого театра, государь, наследникъ и принцъ Альтенбургскій, съ которымъ я наканунѣ познакомилась на вечерѣ у императрицы, были уже тамъ. Подъ маской у меня явилась храбрость, я начала интриговать принца. Чтобы онъ никакъ не могъ подозрѣвать, что это я, то первымъ дѣломъ упрекнула его, что онъ ухаживаетъ за замужней дамой. Онъ началъ допытываться, кто эта дама; когда я назвала ее и сказала, что она играла въ вистъ *rompage* съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, онъ былъ окончательно озадаченъ. Я описала вечеръ такъ подробно, назвала всѣхъ, кто находился тамъ, что онъ заподозрѣлъ меня и думалъ, что я сама присутствовала на немъ. Отвѣтить пришлось, что, къ сожалѣнію, не имѣя въѣзда ко двору, я летала мухой, поэтому все видѣла и слышала.

Наконецъ, онъ предложилъ мнѣ пройти по галлерей.

Проходя мимо садовника, продающаго букеты, онъ спросилъ, люблю ли я цвѣты. Что могло подразумеваться въ этомъ вопросѣ? Желаніе поднести мнѣ букетъ: не такъ ли?

Однако, любезность его ограничилась однимъ вопросомъ.

Несмотря на мое признаніе, что я очень люблю цвѣты, *il a fait la sourde oreille*.

Сойдя опять въ залъ, гдѣ разыгрывался аллегри, онъ попросилъ у своего адъютанта рубль. Подошедъ къ колесу, онъ взялъ одинъ билетъ, а оставшійся полтинникъ опустилъ себѣ въ карманъ. Развернувъ пустую бумажку, онъ съ грустью произнесъ: «*Pas de chance*». Я расхохоталась.

Въ это время подошли его величество и наследникъ со свитою.

Государь сказалъ принцу:

— *Il paraît, que le masque se moque de vous.*

Потомъ, обратившись ко мнѣ, спросилъ о причинѣ моего смѣха.

Рассказъ о букетѣ и билетѣ разсмѣшилъ всѣхъ окружающихъ, и государь сказалъ принцу:

— *Le masque a bien raison de se moquer de vous!*

На слѣдующій день мы были приглашены на вечеръ. Великій князь Николай Николаевичъ передалъ, что принцъ просилъ посадить его за нашу партію въ вистъ, а я въ свою очередь сказала, что, не зная его вовсе, мнѣ скучно будетъ играть съ нимъ, поэтому желательно, чтобы составила наша обыкновенная партія.

Во время нашей игры императрица подошла къ столу и сказала мнѣ, что принцъ просилъ ее убѣдительно пригласить меня. Одна маска такъ заинтриговала его въ маскарадѣ, что онъ желалъ видѣть меня еще разъ до своего отъѣзда; такъ какъ онъ уѣзжаетъ на слѣдующій день, то она согласилась исполнить его просьбу.

Съ трудомъ удержалась, чтобъ не признаться императрицѣ, что маска была я, но воздержалась сознаться при всѣхъ.

Послѣ ужина я подошла къ ея величеству и сказала, что имѣю сообщить ей что-то конфиденціально. Государыня взяла меня подъ руку, увела къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ, посадивъ на диванъ и при сѣвъ сама на ручку, милостиво выслушала мою исповѣдь. Разсказъ мой очень занялъ ее.

Тайны моей никто не выдалъ, и принцъ такъ и не узналъ, кто интриговалъ его, и кто смѣялся надъ его нѣмецкой любезностью.

Императрица иногда играла въ мушку, и пяточки при игрѣ лежали въ корзиночкѣ. Разъ она сказала:

— Сколько у меня фрейлинъ, а ни одна не догадалась связать кошелекъ для моихъ пяточковъ.

На слѣдующее утро я поѣхала въ Петербургъ, купила голубого шелку, золотыхъ нитокъ и принялась усердно вязать. Вечеромъ фрейлина Боде поднесла ея величеству очень некрасивый кошелекъ, на что императрица сказала ей:

— Купить я сама могла, но мнѣ было бы пріятно имѣть работу одной изъ васъ.

Кажется, никто не принялся за эту работу потому, что когда я передала императрицѣ мой кошелекъ, ея величество пристыдила имъ своихъ фрейлинъ.

Послѣдующіе кошельки были гораздо изящнѣе, но работались медленно; когда же императрица сказала, что накопилось ихъ много, тогда я поднесла ей *sortie de bal* бѣлаго атласа, на голубомъ плюшевомъ подбоѣ.

Какъ только онъ былъ оконченъ, Саша отвезъ его императрицѣ, которая не только милостиво приняла мое подношеніе, но велѣла сказать, что надѣнетъ непременно вечеромъ въ театръ, что она и сдѣлала, обративъ вниманіе государя на мою работу. Это было мнѣ передано дежурной въ тотъ день фрейлиной Н. А. Бартеневой.

Свекра моего, генерала Паткуля, долгое время обходили наградами. Причина была курьезная. Ему была поручена постройка госпиталя въ Ревелѣ. Оставшюся въ 10 т. рублей экономію отъ постройки онъ представилъ при рапортѣ. Это не входило въ расчетъ нѣкоторыхъ личностей.

На выходѣ въ Новый годъ я подошла къ князю Чернышеву и сказала ему, какъ мнѣ больно, что забыли заслуженнаго старика, который, за отсутствіемъ полковаго командира, въ годину окончанія Отечественной войны, ввелъ л.-г. Семеновскій полкъ въ

Парижъ. На это князь отвѣтилъ, что его величество самъ назначаетъ награды, а онъ не при чемъ.

Но я прямо заявила ему, что у государя слишкомъ много заботъ, чтобъ имѣть возможность думать о наградахъ, а это лежитъ на обязанности его помощниковъ, и я знаю, что это зависитъ только отъ князя.

Повидимому, онъ былъ польщенъ и спросилъ, какая будетъ ему за это награда, поцѣлую ли я его.

Я обѣщала похристосоваться съ нимъ въ свѣтлый праздникъ Воскресенія Господня.

Къ Пасхѣ свекоръ получилъ, кажется, Анну 1-й степени.

Наканунѣ князь имѣлъ любезность прислать мнѣ высочайшій приказъ.

Когда я на выходѣ подошла благодарить его, онъ напомнилъ, что теперь моя очередь исполнить обѣщаніе. Но я отклонила подѣ предлогомъ, что христосоваться при такомъ стеченіи публики мнѣ неловко.

Когда я встрѣтилась съ Чернышевымъ въ сѣняхъ дворца великой княгини Маріи Николаевны, куда заѣхали расписаться, онъ, не замѣчая стоявшаго за колонной Саши, подошелъ опять за своей наградой.

— Если мужъ позволить!—сказала я.

Тутъ Саша показался изъ-за колонны, и я спросила его разрѣшенія похристосоваться съ княземъ.

Такъ какъ я просила его отклонить какъ нибудь исполненіе этого обѣщанія, онъ отвѣтилъ, что со всякимъ другимъ онъ могъ бы дать свое согласіе, но князь слишкомъ опасенъ для женскаго сердца.

Старикъ, который ужасно любилъ молодиться, такъ былъ польщенъ отвѣтомъ Саши, что съ самодовольною улыбкой сказалъ «flatteur» и, цѣлуя мнѣ руку, вполголоса сказалъ: «méchante!».

Несмотря на то, что я обманула Чернышева, свекра моего не обходили больше наградами.

XII.

Неутѣшительныя вѣсти изъ Севастополя.—Мой сонъ.—Исторія пожертвованной мною иконы.—Еще два сна.—Командировка мужа.—Болѣзнь и кончина государя.—Видѣніе.—Возвращеніе мужа.—Свиданіе его съ новымъ императоромъ.— У вдовствующей императрицы.—Разсказъ камердинера Гримма о болѣзни и кончинѣ государя.—Докторъ Мандтъ.—Характеристика моего мужа.—Предательство Мандта.—Кучеръ покойнаго государя Яковъ.—Отѣздъ мужа.—Переѣздъ мой въ нашъ новый домъ въ Царскомъ Селѣ.—Назначеніе мужа командиромъ л.-гв. Павловскаго полка.—Посѣщеніе меня государемъ Александромъ Николаевичемъ.—Разговоръ съ нимъ.—Производство мужа въ генераль-майоры съ назначеніемъ въ свиту и пожалованіе ему пяти тысячъ рублей.—Отѣздъ мужа къ полку.—Поѣздка въ Петербургъ для представленія новой императрицѣ.—Статсъ-дама княгиня Салтыкова.—Пріемъ, оказанный мнѣ придворными.—Мое положеніе при дворѣ.

Осень въ Царскомъ 1854-го года была далеко не веселая, вѣсти изъ Севастополя доходили не утѣшительныя. Государь былъ серьезенъ, молчаливъ, а у насъ у всѣхъ было тяжело на сердцѣ, видя его озабоченнымъ.

Съ переѣздомъ двора въ столицу, сдѣлалось еще грустнѣе въ нашемъ уѣздномъ городѣ. Ѣздить въ городъ я не могла; Сережа, котораго я въ то время кормила, былъ слишкомъ малъ, чтобъ я могла отлучаться на долгое время изъ дома, а сообщенія по желѣзной дорогѣ, какъ я уже говорила, были рѣдки.

Всѣ принялись за приготовленіе корпіи и бивтовъ; со всѣхъ сторонъ приносили къ намъ, кто что изготовилъ, и Саша отвозилъ въ городъ и сдавалъ по принадлежности.

Я рѣдко видѣла сны, можетъ быть, и не помнила ихъ, но въ эту зиму нѣкоторые изъ нихъ остались въ памяти; я рассказала ихъ нянѣ, которая растолковала ихъ вѣрно, хотя не придавала имъ въ то время никакого значенія.

Приснилось мнѣ, что въ столовую, гдѣ стоялъ длинный накрытый столъ, вошелъ государь, котораго я встрѣтила, держа Сережу на рукахъ. Поздоровавшись, онъ взялъ на руки ребенка, поцѣловалъ его и, отдавая его мнѣ обратно, нагнулся, поднялъ двѣ булавки и, подойдя къ окну, положилъ ихъ на подоконникъ со словами: «Я не могу видѣть равнодушно булавокъ на полу, тамъ, гдѣ дѣти». Съ этими словами онъ исчезъ. Говорятъ, снится то, о чемъ много думаешь, или подъ какимъ впечатлѣніемъ засыпаешь, но государь не баловалъ насъ своими посѣщеніями; единственный разъ онъ осчастливилъ насъ, въ день крестинъ Маруси.

Вотъ что гласило толкованіе сна. Накрытый длинный столъ—дальняя дорога; поднятыя двѣ булавки, съ которыми государь отошелъ къ окну, это двое очень близкихъ ему существа предпримуть далекій путь.

Узнаемъ, нѣсколько дней спустя, что государь отправляетъ въ Севастополь сыновей своихъ Николая и Михаила Николаевичей.

Вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда я отправила при письмѣ на имя великаго князя Николая Николаевича икону Знаменія Пресвятой Богородицы, прося его поставить ее на 4-мъ бастионѣ Малахова кургана, какъ на одномъ изъ самыхъ опасныхъ мѣстъ.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, возвращаясь изъ Москвы по желѣзной дорогѣ, мнѣ случайно привелось слышать разговоръ незнакомаго мнѣ генерала о севастопольской кампаніи; генераль упомянулъ объ иконѣ Знаменской Божіей Матери, передъ которой теплилась неугасимая лампада. Она поставлена была, прибавилъ онъ, на 4-мъ бастионѣ Малахова кургана по желанію особы, которою была прислана великому князю. Меня такъ заинтересовалъ его разсказъ, что я не вытерпѣла и, подойдя къ нему, спросила, не знаетъ ли онъ, какая впослѣдствіи была участь этой иконы. Онъ передалъ мнѣ, что когда непріятельскія бомбы немилосердно разрушали земляной валъ, передъ которымъ она была поставлена, ее съ почестью духовенство перенесло въ болѣе безопасное мѣсто. Въ заключеніе онъ сказалъ, что Царицѣ Небесной, которой онъ такъ усердно молился во время страшной бомбардировки, онъ обязанъ, что остался цѣль и невредимъ.

Второй сонъ не имѣлъ другого значенія, какъ то, что я слышала, какъ дьяконъ читалъ въ какой-то маленькой церкви, куда я случайно вошла, манифестъ, содержаніе котораго не помнила, и что въ этотъ день дѣйствительно былъ изданъ манифестъ.

10-го февраля Саша уѣхалъ; онъ получилъ командировку сопровождать маршевые баталіоны для укомплектованія войскъ въ западныхъ губерніяхъ.

По оставленному мнѣ маршруту я адресовала ему письма.

Послѣ его отъѣзда вижу опять сонъ, будто цесаревна пріѣхала ко мнѣ и на приглашеніе отобѣдать съ нами согласилась. Всѣ усѣлись за круглый столъ, но по обѣ стороны цесаревны было оставлено по одному не занятому стулу, а на вопросъ ея высочества о причинѣ я отвѣтила, чтобъ дѣти не толкали, и ей было бы просторнѣе.

Когда, по толкованію няни, это означало повышение для цесаревны, я отъ души посмѣялась и замѣтила ей, что для цесаревны никакого повышения быть не можетъ.

Ничего того ужаснаго, что ожидало насъ, не приходило мнѣ въ голову; могла ли я допустить мысль, что въ скоромъ времени Россія облечется въ глубокой трауръ, и что надвигается общая скорбь и плачь.

Вдругъ доходитъ до меня вѣсть, что у государя гриппъ; хватаюсь за газету, бюллетеней нѣтъ, стало быть, ничего серіознаго. Успокоилась немного, но, тѣмъ не менѣе, написала въ Зимній дворецъ m-me Гогель, прося ее сообщить мнѣ о состояніи здоровья государя.

18-го февраля, утромъ, получаю отвѣтъ, что его величество на столько посправился, что посѣтилъ даже манежъ, чтобы проводить отправлявшееся въ Севастополь войско.

Прочитавъ записку, стала просматривать газету: первое, что бросилось мнѣ въ глаза, были три бюллетеня, одинъ тревожнѣе другого.

Недоумѣвая, я тотчасъ написала Сашѣ, чему вѣрить: письму m-me Гогель или бюллетенямъ, подписаннымъ докторами. Невольная тревога ложилась на сердцѣ.

Въ часъ пріѣхалъ изъ Петербурга Бекманъ, мужъ сестры моей Alice; къ сожалѣнію, онъ ничего не зналъ и никакихъ свѣдѣній поэтому дать не могъ.

Докладываютъ: совѣтникъ дворцоваго правленія. Принимаю его; подоздоровавшись, онъ присѣлъ на стулъ, началъ гладить свой цилиндръ и наконецъ нетвердымъ, взволнованнымъ голосомъ спросилъ, имѣю ли я какія извѣстія изъ Петербурга. Сообщивъ ему содержаніе письма m-me Гогель, я прибавила, что такое противорѣчіе, какое гласятъ бюллетени, не понятно мнѣ. Совѣтникъ Б. помялся, помялся на стулѣ и наконецъ проговорилъ: «я пришелъ сказать вамъ грустную вѣсть, государь приказалъ долго жить!».

Вскочивъ со стула, я чуть не набросилась на него со словами: какъ онъ смѣетъ распускать такіе нелѣпные слухи! Отвѣтъ его былъ, что, къ несчастію, это неотъемлемая истина, которая передана ему чиновникомъ изъ сената, и что манифестъ императора Александра II уже печатается.

Придать безусловно вѣру этому потрясающему извѣстію я не была въ состояніи; какъ могло случиться, чтобъ мы внезапно лишились нашего обожаемаго монарха, этого колосса и рыцаря! Нѣтъ, этого быть не можетъ.

Написала Я. В. Захаржевскому; но онъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній, обѣщалъ дать знать, какія извѣстія сестра его привезетъ изъ Петербурга вечеромъ. Въ 9 часовъ онъ присылаетъ просить меня зайти къ нимъ. Какое-то гнетущее предчувствіе сдавило мнѣ дыханіе; какъ я добѣжала до Захаржевскаго, не знаю, помню только, что, войдя въ гостиную и заставъ Якова Васильевича и сестру его въ слезахъ, я поняла, какую услышу роковую вѣсть.

Увы! Императора Николая Павловича не стало! Сомнѣнія не оставалось. Послѣдній лучъ надежды исчезъ.

Выпивъ предложенный мнѣ стаканъ сахарной воды, рыдая я дошла до дома. При этомъ извѣстіи раздался общій плачъ въ домѣ, рыдали всѣ—и дѣти, и прислуга, и я съ ними. Первая мысль моя была о Сашѣ; бѣдный! какой ударъ для него! не удалось ему проститься со вторымъ отцемъ своимъ, который взялъ его къ себѣ семилѣтнимъ мальчикомъ и воспиталъ съ августѣйшимъ своимъ сыномъ Александромъ Николаевичемъ. Когда дѣти утомонились и

улеглись спать, я съѣла писать мужу. Первый листъ пришлось бросить, ни одного слова разобрать было нельзя, чернила расплозлись отъ слезъ. Наконецъ я справилась съ короткимъ письмомъ, больше писать не могла. Длинное отправлено было днемъ.

До пяти часовъ утра я ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, не находя себѣ мѣста. Утомленная физически и морально, я наконецъ легла и уснула. Вдругъ я вздрогнула и проснулась отъ стука прихлопнувшейся двери; открываю глаза, и мнѣ представилось чудное видѣнье. Государь стоялъ передъ мной съ улыбкой на устахъ въ томъ сюртукѣ съ контропогончиками, въ которыхъ мы выжили видѣть его на небольшихъ вечерахъ императрицы.

Увы! это видѣніе длилось не болѣе секунды! Къ величайшему моему утѣшенію, оно повторялось ежедневно въ продолженіе шести недѣль.

Не имѣя траурнаго платья, на третій день его кончины я обрѣзала свою черную амазонку и, доставъ шляпу, поѣхала прямо въ Зимній дворецъ къ панихидѣ, на которой присутствовала вся царская семья.

Приложиться пришлось только къ рукѣ; чудное его лицо было покрыто густой кисеей, сквозь которую ничего не просвѣчивалось, да и глаза мои, полные слезъ, видѣли все сквозь туманъ. Говорятъ, что бальзамировка была очень неудачная.

Тутъ я узнала отъ графа Адлерберга, что за Сашей была послана эстафета. Изъ дворца заѣхала къ Aline; сестра уговорила меня переѣхать къ нимъ со всей семьей, чтобы имѣть возможность быть на панихидахъ и погребеніи. Дня черезъ два, со всей моей семьей, т. е. съ дѣтьми, я переѣхала къ Бекманамъ.

Саша пріѣхалъ, когда останки государя находились еще въ Зимнемъ дворцѣ. Въ походной формѣ, прямо съ дороги, онъ явился къ новому императору, который бросился ему на шею и рыдая сказалъ: «прошелъ нашъ золотой вѣкъ». Оба долго рыдали и оплакивали безвозвратную утрату.

До пріѣзда Саши я была у матушки царицы, которую застала сидѣвшей на кушеткѣ съ портретомъ августѣйшаго мужа въ рукахъ. Я бросилась передъ нею на колѣни, цѣловала ея исхудалую руку, и долго мы не могли проговорить ни слова, слезы душили насъ. Она была трогательна въ своей скорби и покорности волѣ Всевышняго. Передавъ мнѣ въ подробности послѣднія минуты жизни того, котораго такъ искренно всѣ оплакивали, она сказала, что на просьбу взять ее съ собой умирающій царь отвѣтилъ ей, что жизнь ея нужна еще, такъ какъ она звено, которымъ держится вся семья.

Саша, бывъ предупрежденъ, что я съ дѣтьми въ городѣ, пріѣхалъ прямо изъ дворца къ сестрѣ моей. Понятно, наше свиданіе было трогательное. Онъ передалъ намъ свою первую встрѣчу съ

государемъ и слова его: «прошелъ нашъ золотой вѣкъ». Затѣмъ разсказаль, что когда эта ужасная вѣсть дошла до него, и онъ на пути долженъ былъ объявить войску, что императора Николая I-го не стало, то онъ съ трудомъ могъ выговорить это, и тутъ же ментально всѣ безъ исключенія пали на колѣни и рыдая молились среди дороги.

На панихиду мы поѣхали вмѣстѣ. При выходѣ, по окончаніи панихиды, въ коридорѣ, намъ встрѣтился Гриммъ, камердинеръ почившаго государя, съ которымъ Саша расцѣловался и тутъ же просилъ его въ подробности разсказать ему о кончинѣ его второго отца.

Передавъ намъ всѣ подробности этого печальнаго событія, Гриммъ сказалъ Сашѣ:

— Ich weiss, Patkul, mit welcher treuen Liebe sie dem seligen Kaiser zugethan sind, auch habe ich ihnen ein theures Andenken aufbewahrt, es ist das Hemd, in welchem seine Mejestät entschlief, und das Schupftuch, mit welchem ich ihm den todten Schweiss abgetrocknet ¹⁾).

Попросивъ насъ обождать немного, онъ пошелъ къ себѣ и вынесъ эти драгоценности, тщательно завернутыя въ бумагѣ.

Саша со слезами обнялъ старика, который зналъ его съ малолѣтства и любилъ его потому, что онъ былъ ласковый, добрый, правдивый и не гордился, не важничалъ, какъ многіе другіе, своимъ исключительнымъ положеніемъ.

Безъ всякаго пристрастія я смѣло могу сказать, что Саша былъ любимъ всѣми, кто только зналъ его. Это была такая честная, благородная душа; онъ не пользовался своимъ положеніемъ, никогда ничего для себя или своихъ не просилъ, никому не кланялся и ни у кого ничего не заискивалъ, но если могъ кому въ чемъ помочь, всегда былъ готовъ сдѣлать все зависящее отъ него, не жалѣя ни трудовъ своихъ, ни кармана, за что много поплатился. Правду онъ рубилъ съ плеча, не стѣняясь никѣмъ, поэтому окружающіе боялись его, завидовали, понятно, не выказывая этого; онъ же не обращалъ на это никакого вниманія и былъ со всѣми хорошъ.

Когда, послѣ погребенія, всѣ разъѣхались изъ крѣпости, въ ней остался министръ двора по своей обязанности, мы съ Сашей и кучеръ Яковъ, у котораго крупныя слезы катились изъ глазъ и останавливались на густой его бородѣ.

Саша поцѣловалъ его, а я протянула ему руку.

Мы разошлись, когда послѣдній камень свода былъ положенъ надъ могилою того, котораго мы такъ искренно оплакивали.

---

¹⁾ Я знаю, Паткуль, съ какою любовью вы преданы покойному императору, поэтому я сохранилъ вамъ на память дорогую вещь, сорочку, въ которой онъ скончался, и носовой платокъ, которымъ я стиралъ съ лица его предсмертный потъ.

Спустя нѣсколько дней, Саша, откланявшись государю, отправился догонять маршевые батальоны, а я съ дѣтьми уѣхала домой, гдѣ вскорѣ перебралась изъ казеннаго въ собственный домъ на Малой улицѣ, который только что быть оконченъ.

Когда дворъ послѣ Пасхи переѣхалъ въ Царское Село, самые приближенные, въ томъ числѣ и я, въ глубокомъ траурѣ, собирались по вечерамъ у матушки царицы. Она занимала свое обычное мѣсто въ креслахъ у круглаго стола, императрица Марія Александровна возлѣ нея, а мы усаживались на свои мѣста.

Когда на первомъ вечерѣ вышелъ государь Александръ Николаевичъ изъ уборной матушки царицы, захлопнувъ за собою дверь, точь въ точь какъ покойный государь, я такъ вздрогнула отъ знакомаго мнѣ стука, слышаннаго столько лѣтъ сряду и пробуждавшаго меня въ продолженіе шести недѣль, что графиня Тизенгаузенъ, сидѣвшая возлѣ меня, спросила о причинѣ. Она тоже въ первую минуту думала увидѣть императора Николая. Такъ трудно было свыкнуться съ мыслью, что его уже нѣтъ.

По воскресеньямъ съѣзжались къ обѣднѣ въ дворцовую церковь; въ ожиданіи царской семьи собирались въ залѣ.

Въ одинъ изъ праздничныхъ дней, только что я вошла въ залъ, ко мнѣ подошелъ генералъ Гильденштубе и поздравилъ.

— Съ чѣмъ?—спросила я въ недоумѣніи.

— Вашъ мужъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, онъ будетъ вѣрно очень доволенъ; это любимый его полкъ, въ которомъ онъ числится съ самаго своего производства.

Сначала я вѣрить не хотѣла, но когда онъ утвердительно сказалъ, что это совершенно вѣрно, я расплакалась и, взявъ дѣтей, вернулась домой, не дождавшись обѣдни. Цѣлый день ничего не ѣла, не пила, только плакала безутѣшно. Вечеромъ мнѣ сдѣлалось такъ нехорошо, что должна была послать за докторомъ.

Я очень хорошо поняла, что Саша, какъ бѣльмо на глазу, стоялъ у всѣхъ завистниковъ и придворныхъ интригановъ, что его хотятъ такъ или иначе отдалить отъ государя. Саша былъ слишкомъ правдивъ и откровененъ, безцеремонно рѣзалъ правду съ плеча, не стѣсняясь ни передъ кѣмъ. Вотъ этого-то всѣ боялись.

Полкъ въ это время находился гдѣ-то въ западныхъ губерніяхъ, и это было многимъ съ руки.

На слѣдующее утро съ опухшими глазами я пошла въ паркъ, гдѣ набрала букетъ полевыхъ цвѣтовъ, любимыхъ великой княгиней Ольгой Николаевной (гусиныхъ лапокъ), затѣмъ зашла въ Александровскій дворецъ, чтобъ подѣлиться съ ней своимъ горемъ, но, къ сожалѣнію, она уѣхала въ Петергофъ. Оставивъ букетъ камердинеру для передачи ея высочеству, я вернулась домой.

Не успѣла еще снять шляпу, какъ верхомъ заѣхалъ государь ко мнѣ. Какъ была въ шляпѣ, съ безобразно-опухшими глазами, вышла къ нему на встрѣчу въ переднюю.

Повидимому, государю передали, какъ я приняла вѣсть о назначеніи мужа, потому что послѣ долгаго разговора о разныхъ постороннихъ вещахъ онъ спросилъ наконецъ, имѣю ли я извѣстія отъ мужа, и при этомъ поручилъ поцѣловать его въ слѣдующемъ моемъ письмѣ.

Я отвѣтила, что вчерашнее мое письмо послѣднее, онъ долженъ скоро вернуться, если только его величество не далъ ему еще порученія.

На это государь, какъ бы немного сконфуженный, отвѣтилъ:

— Я хотѣлъ дать ему Павловскій полкъ, конечно, въ такомъ только случаѣ, если онъ ничего противъ этого не имѣетъ, и тогда ему придется ѣхать принять его тамъ на мѣстѣ.

— Вы знаете, ваше величество, что мужъ никогда ни отъ чего не отказывался и ни на что не напрашивался, а безпрекословно исполнялъ ваши приказанія..... но я боюсь одного...

— Чего?—спросилъ онъ удивленно.

— Не оправдалась бы французская поговора: *loin des yeux, loin du cœur!*

У государя навернулись слезы на глазахъ; взявъ мою руку, онъ какъ бы съ упрекомъ сказалъ:

— Марія Александровна, неужели вы знаете меня такъ мало, что могли судить такъ невыгодно обо мнѣ? Вы знаете, какъ я люблю Паткуля, мы выросли вмѣстѣ, товарищи съ дѣтства, могу ли я забыть его, и могутъ ли измѣниться наши дружескія отношенія? Нѣтъ, никогда!

— Если такъ, ваше величество, то куда угодно, хоть на край свѣта!—отвѣтила я, и на душѣ какъ будто стало покойнѣе.

Государь уѣхалъ, обѣщая прислать маршрутъ Павловскаго полка. На слѣдующее утро я получила его, а черезъ нѣсколько дней онъ прислалъ сказать, что мужъ пріѣдетъ скоро въ Царское, такъ что мнѣ не пришлось больше писать Сашѣ.

Въ этотъ же день, передъ обѣдомъ, великая княгиня Ольга Николаевна прислала мнѣ, въ обмѣнъ на мой скромный изъ полевыхъ цвѣтовъ, чудный букетъ, за который на слѣдующее утро я пошла благодарить ее; заставъ ея высочество, я облегчила свою душу, передавъ ей все пережитое мною за эти два послѣдніе дня. Она сочувственно отнеслась къ моимъ опасеніямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ доказывала, что я напрасно мучилась и волновалась. Государь никогда не забудетъ друга и товарища своего дѣтства,—прибавила она.

Когда Саша вернулся, то за прогулкой съ государемъ послѣ утренняго кофе, который они часто пили вмѣстѣ, его величество передалъ ему о своемъ намѣреніи поручить Павловскій полкъ мужу, если это не противъ его желанія. Оказывается, что мужъ отвѣтилъ почти слово въ слово то, что я сказала государю.

Онъ былъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка и вмѣстѣ съ тѣмъ произведенъ въ генералъ-майоры съ оставленіемъ въ свитѣ со старшинствомъ съ 17-го апрѣля, дня рожденія государя.

Полная обмундировка Павловской формы, свитской и общегенеральской, была заказана и прислана Сашѣ его величествомъ, и, кромя этого, пожаловано изъ собственной шкатулки 5.000 на мебелировку квартиры павловскихъ казармъ и подъемъ въ походъ.

Принявъ отъ прежняго командира казармы, цейхгаузъ и выдавъ квитанцію въ приемъ отсутствующаго дѣйствующаго полка и покончивъ всѣ дѣла, Саша откланялся ихъ величествамъ и высочествамъ и отправился къ своему полку, давъ мнѣ обѣщаніе, что при малѣйшей возможности онъ выпишетъ меня съ дѣтьми на зимнюю стоянку.

Сестра моя, Аline Бекманъ, переѣхала ко мнѣ со всей семьей на лѣто, чтобъ помочь мнѣ быть готовой, какъ только Саша вызоветъ меня.

22-го юли, я съ утра поѣхала въ Петергофъ, чтобъ поздравить императрицу Марію Александровну. У моей belle soeur, мужъ которой командовалъ конно-гренадерскимъ полкомъ, я переодѣлась въ въ высокое бѣлое креповое платье съ такими же цвѣтами на головѣ и, оставивъ на попеченіи сестры моего Сережу съ няней, отправилась въ Александрію.

На фермѣ я вызвала камердинера, которому поручила спросить статсъ-даму, княгиню Салтыкову, могу ли я войти поздравить ея величество. Камердинеръ былъ пораженъ моимъ порученіемъ, такъ какъ онъ привыкъ видѣть меня не только въ торжественные дни, но даже не разъ при туалетѣ ея высочества.

Несмотря на его убѣдительное приглашеніе войти, я дождалась отвѣта княгини. Пройдя первую комнату, гдѣ былъ собранъ генералитетъ свитскихъ и сановныя лица, я застала во второй сидящую на диванѣ княгиню. Поздоровавшись съ ней, спросила: «*princesse, ne suis-je pas une intruse ici?*» На это она вдругъ отвѣтила: «*je ne sais pas, ma chère, quelles sont vos relations avec l'Impératrice, n'oubliez pas qu'elle n'est plus césarevna*». На это я замѣтила ей, что меня крайне удивляетъ ея отвѣтъ, но во всякомъ случаѣ я вошла съ ея разрѣшенія. «*On peut toujours forcer la porte quand on le veut*»,—вдругъ отчеканила она. Это меня взорвало; и я ей сказала: «такъ какъ она приняла меня, *comme un chien dans un jeu de quilles*, я ни минуты не остаюсь и поручаю ей передать императрицѣ, что я приѣхала нарочно изъ Царскаго поздравить ея величество, но послѣ любезнаго приема ея статсъ-дамы уѣхала». Затѣмъ я кивнула ей головой и направилась къ дверямъ. Тутъ княгиня вскочила съ своего мѣста, услыша, что государь сошелъ изъ верхняго покоя, должно быть, струсилла не на шутку и, насильно удерживая

меня за руку, отвела отъ дверей. Я встала у окна, и если бы оно было открыто, кажется, я готова была бы выскочить изъ него, чувствуя, что слезы подступаютъ къ горлу. Въ то время вошедшій государь, увидя меня, подошелъ со словами: «Марія Александровна, вѣдь вы тоже именинница» — и, поцѣловавъ мнѣ руку, замѣтилъ: «какъ это любезно съ вашей стороны, что вы пріѣхали поздравить Marie». Когда государь удалился во внутренніе покои, княгиня Салтыкова подошла ко мнѣ съ любезной улыбкой и сказала: «vous voyez que vous aviez tort de ne pas vouloir rester, vous êtes la seule à qui l'Empereur a daigné baiser la main». Я только съ презрѣніемъ взглянула на нее, но не отвѣтила ни слова.

Вскорѣ вошла вся царская семья, матушка царица шла впереди и спросила, нѣтъ ли тутъ именинницъ; княгиня, желая, вѣроятно, заглядить свое непростительное поведеніе въ отношеніи меня, поторопилась отвѣтить: «madame Patkul est ici». Сердечный и ласковый пріемъ, сдѣланный мнѣ всѣми членами царской семьи, доказалъ княгинѣ, что я не была тамъ лишней.

Когда царственная семья направилась къ экипажамъ, чтобъ ѣхать къ обѣднѣ въ маленькую церковь, я вошла въ комнату, гдѣ находился еще генералитетъ и придворные чины. Тѣ, которые знали меня больше, подходили, поздравляли, прося позволенія поцѣловать ту руку, которую поцѣловалъ государь. Я согласилась подѣ однимъ условіемъ, если всѣ просьбы, которыя находились у меня въ карманѣ, будутъ исполнены. Заручившись обѣщаніемъ, я прѣважно, передавая прошенія по назначенію, протягивала по очереди руку. Отдаю полную справедливость всѣмъ тѣмъ, кому переданы были въ этотъ день прошенія: ни одно не осталось не исполненнымъ, даже были приняты тѣ двѣ сироты, о которыхъ просила раньше безуспѣшно. Да! было время, когда мое ходатайство о комъ нибудь не знало отказа, я считалась любимицей матушки царицы, и, конечно, не безъ зависти называли меня «l'enfant chérie de l'impératrice».

Если я была дѣйствительно въ числѣ ея любимицъ, то я съ своей стороны боготворила этого ангела.

М. А. Паткуль.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ ТЬМѢ НОЧНОЙ.

(Изъ пограничнаго быта).

ТЕМНАЯ, осенняя ночь. Холодный вѣтеръ, вырываясь изъ ущелій далекихъ горъ, съ воемъ и свистомъ проносится по необозримому пространству обнаженной пустыни и съ жалобнымъ стономъ ударяется о крыши и стѣны жалкихъ лачугъ мусульманскаго селенія Энгеджи, словно запоздалый, утомленный путникъ, стучащійся въ гостепріимную дверь своего стариннаго пріятеля. Но крѣпко спать утомленные дневнымъ трудомъ жители селенія, съ головой укрывшись овчинными шубами и паласами, обвѣянные угарнымъ запахомъ кизячнаго дыма, погруженные въ безпросвѣтную мглу дикаго фанатизма и невѣжества. Ни одна живая душа не встрѣтится въ этотъ часъ на кривыхъ, узкихъ, наполненныхъ зловоніемъ улицахъ, по которымъ въ непросвѣтной мглѣ журчатъ заражающія воздухъ грязныя канавки. Волкообразныя, тощія собаки, какъ тѣни, снуютъ по плоскимъ крышамъ, злобно огрызаясь, рыча и сверкая во тьмѣ зрачками алчно горящихъ глазъ.

Въ концѣ селенія, отдѣленный отъ него глинобитной, растрескавшейся стѣной, стоитъ старый, угрюмый домъ энгеджинскаго хана Хабибулатова. Густой, запущенный садъ окружаетъ этотъ домъ со всѣхъ сторонъ и ревниво скрываетъ отъ посторонняго, любопытнаго взора домашнюю жизнь хана и его многочисленнаго семейства.

Мракъ, царящій во всемъ селеніи, царитъ и въ домѣ хана; только изъ одного окна, сквозь щели разохшагося ставня, робко

вырываются полоски свѣта, скупо озаряя уродливыя полубнаженныя вѣтви шиповника, простирающіяся къ окну, какъ чьи-то косматыя лапы.

Въ комнатѣ, освѣщенной лампой, поставленной въ углу на небольшомъ столикѣ, на широкой тахтѣ, сидятъ, поджавъ подъ себя ноги, два старика. Одинъ въ офицерской тужуркѣ, съ золочеными пуговицами, безъ погонъ, съ Георгіевскимъ крестикомъ въ петлицѣ, другой въ длинной, бѣлоснѣжной аббѣ ¹⁾ и такого же цвѣта чалмѣ, ясно указывающихъ на принадлежность его къ высшему мусульманскому духовенству.

Старикъ въ офицерской тужуркѣ былъ самъ владѣтель энгеджинскій, Маммедъ-ханъ Хабибулатовъ, другой—его испытанный, старинный другъ, нацвалинскій кадій, Гаджи-Тимуръ-Мешеды-Аласкеръ-оглы, или, короче, Гаджи-Тимуръ-ага ²⁾. Оба старика вовсе не походили одинъ на другого. Маммедъ-ханъ, несмотря на свои 58 лѣтъ, выглядѣлъ чрезвычайно моложаво и бодро. Небольшого роста, плотный, съ скуластымъ широкимъ лицомъ, украшеннымъ длинными, пушистыми, сѣдыми усами, съ огненнымъ взглядомъ красивыхъ черныхъ глазъ, онъ производилъ впечатлѣніе челоуѣка, далеко еще не утратившаго юношеской силы и энергіи. По натурѣ своей Маммедъ-ханъ принадлежалъ къ типу постепенно вымирающихъ кавказскихъ рубакъ. Въ послѣднюю турецкую кампанію онъ командовалъ мусульманскимъ конно-иррегулярнымъ отрядомъ, составленнымъ изъ отчаянныхъ головорѣзовъ, по преимуществу курдовъ русскаго подданства, и немало лихихъ подвиговъ совершилъ Маммедъ-ханъ, обрушиваясь, какъ Божья кара, подъ покровомъ темныхъ ночей, на черезчуръ безпечныхъ враговъ-единовѣрцевъ.

Теперь онъ ужъ давно въ отставкѣ и живетъ въ своемъ имѣніи, окруженный многочисленной семьей, сыновьями, внуками, племянниками, отъ сорокалѣтняго и до младенческаго возраста.

Совсѣмъ иначе выглядить, прославленный своей мудростью и святостью жизни, почтенный Гаджи-Тимуръ-ага. Огромнаго роста, широкоплечій, но давно высохшій, какъ египетская мумія, онъ сильно напоминаетъ древнихъ библейскихъ старцевъ. Длинная борода его, ниспадающая до самаго пояса, бѣлизной своей не уступитъ его бѣлоснѣжной чалмѣ, брови, какъ ключья бѣлаго хлопка,

¹⁾ Абба—верхняя одежда, въ родѣ мафферлана.

²⁾ Мусульмане шиты Закавказья къ именамъ своимъ присоединяютъ и духовный титулъ, если таковой имѣется. Такихъ титуловъ три: младшій—кербалай, дается тѣмъ, кто былъ въ Кербалаѣ на богомольѣ, второй—болѣе почетный, мешеды, присваивается ходившимъ на богомолье въ Мешедъ, и третій, самый почетный—гаджи, получается тѣми, кто ходилъ въ Мекку. Къ своему имени мусульманинъ прибавляетъ имя отца съ приставкой слова оглы, т. е. сынъ. Въ данномъ случаѣ Тимуръ имя собственное, Гаджи—титулъ, Аласкеръ—имя отца, Мешеды—титулъ отца, оглы означаетъ, что Тимуръ—Аласкера сынъ.

густо нависли надъ глубокими впадинами глазъ, худощавое, съ запавшими щеками лицо, обтянутое кожей, подобно древнему пергаменту, блѣдно и безжизненно, какъ у мертвеца, голова слегка трясется на длинной, высохшей шеѣ. Взглядъ полупотухъ, и только изрѣдка, въ минуты особеннаго душевнаго волненія, онъ слабо вспыхиваетъ, какъ пламя угасающей лампы, передъ тѣмъ, какъ совсѣмъ потухнуть. Старъ, очень старъ почтенный кадїи, давно потерялъ онъ счетъ своимъ годамъ, никого изъ сверстниковъ его не осталось въ живыхъ, и только онъ одинъ, какъ живой памятникъ былыхъ временъ, временъ, начинающихся уже мало-по-малу заволакиваться туманной дымкой легендъ, продолжатъ жить среди измельчавшихъ, быстро вымирающихъ соплеменниковъ.

Медленно пуская густые клубы дыма изъ глиняныхъ мешедскихъ трубочекъ, сидятъ старики одинъ противъ другого и чутко прислушиваются къ стону вѣтра и глухому ропоту деревьевъ. Лица ихъ угрюмы и озабочены, особенно у Маммедъ-хана, который при всякомъ неожиданномъ шумѣ или стукѣ торопливо оглядывается на окно и, вынувъ трубку изъ рта, настораживаетъ слухъ, послѣ чего съ новымъ ожесточеніемъ принимается вновь раскуривать, какъ бы желая сорвать на ней закипающую въ немъ злобу.

Въ одну изъ такихъ минутъ Гаджи-Тимуръ вдругъ прервалъ свое молчаніе и глухимъ голосомъ наставительно произнесъ:

— Не отчаивайтесь такъ, Маммедъ-ханъ, надѣйтесь на милость Аллаха, онъ не допуститъ гибели правовѣрныхъ... Повѣрьте мнѣ, вашъ сынъ вернется благополучно.

— Пошли, Аллахъ, мнѣ такую радость,—угрюмо отвѣчалъ Маммедъ-ханъ,—но если такъ, то Хайлару давно бы слѣдовало быть здѣсь, ночь уже на исходѣ, а днемъ такіа дѣла не дѣлаются.

— Не остался ли онъ ночевать въ Тамбулѣ?

— Невозможно. Разъ онъ уже выѣхалъ съ своей невѣстой и ея родственниками, а мнѣ извѣстно, что они въ пути еще со вчерашняго дня, Хайларъ ни за что не рѣшится ночевать въ приграничномъ селеніи, гдѣ у него нѣтъ ни одного близкаго человѣка, къ тому же въ какихъ нибудь десяти верстахъ отъ родительскаго дома. Нѣтъ, живой или мертвый, а онъ эту ночь будетъ на нашемъ берегу.

— Да, пожалуй, вы правы, ночевать въ Тамбулѣ было бы безразсудствомъ. Тамъ живетъ много враговъ вашего рода, которые не замедлили бы дать знать русскимъ о готовящейся переправѣ; это былъ бы для нихъ хорошій случай отомстить вамъ.

— Еще бы. Вотъ это-то меня и тревожитъ. Ужасно боюсь, чтобы тамъ кто нибудь не пронюхалъ и не предупредилъ солдатъ.

— А кто проводникъ?

— Каграманъ. Этотъ-то если взялся, то проведетъ, ни одна собака не учуетъ. На эти дѣла онъ усташъ¹⁾.

¹⁾ Усташъ—мастеръ.

— Если самъ не продастъ,—угрюмо проворчалъ Гаджи.—Я, признаться, ему не вѣрю, плохой мусульманинъ и плохой человѣкъ. Не слѣдовало вамъ, Маммедъ-ханъ, давать согласіе на это дѣло.

— Э, да развѣ я позволялъ?—раздраженно махнулъ рукой Маммедъ-ханъ.—Ни я, ни сынъ мой объ этой глупости и не думали, но что подѣлаешь съ нашими персидскими фанатиками? Какъ узнали, что на русской таможи солдаты будутъ пересматривать всѣ ихъ вещи, женскую одежду невѣсты, ея шальвары и все прочее, а самихъ женщинъ ощупывать руками, такъ такой шумъ подняли, что и сказать нельзя... чуть, чуть свадьба не разстроилась.

— Не мудрено. Для насъ, мусульманъ, нѣтъ худшаго оскорбленія, если мужчина смотритъ и трогаетъ руками одежду женщинъ, даже братъ родной, а уже тѣмъ болѣе невѣрный христіанинъ.

— Что дѣлать? Законъ. Здѣсь къ этому привыкли.

— Здѣсь-то привыкли, а въ Персіи объ этомъ и не слыхано. Ничего нѣтъ удивительнаго, если невѣста твоего сына и ея родственники не захотѣли перенести такого униженія. Тяжелый это законъ для насъ, мусульманъ, и много крови и слезъ проливается черезъ него.

— И я имъ не удивляюсь и понимаю, что иначе они и поступать не могли, но отъ этого мнѣ не легче... Болитъ мое сердце за сына, охъ, какъ болитъ. Когда на Аладжинскихъ высотахъ черкесы у меня на глазахъ зарубили моихъ двухъ старшихъ сыновей, Чингиза и Джемшида, мнѣ было легче, право, легче, тогда, по крайней мѣрѣ, война была, а теперь изъ-за чего мнѣ терпѣтъ такое горе?!

Маммедъ-ханъ не докончилъ, тяжело вздохнулъ и въ глубокой задумчивости поникъ головой.

За окномъ жалобно стоналъ вѣтеръ, словно бы кого оплакивалъ...

Солнце близится къ закату. Далекіе гребни снѣговыхъ горъ уже подернулись пурпуровымъ румянцемъ, тогда какъ по подошвамъ ихъ и глубокимъ ущельямъ залегли черными широкими полосами ночныя тѣни. По каменисто-песчаной дорогѣ, черезъ мертвенно-безмолвную пустыню, торопливо подвигается небольшой караванъ. Середину его занимаютъ три рослыхъ катера ¹⁾, нагруженные разной хурдой-мурдой ²⁾, мастерски увязанной въ ковровые мафражи ³⁾, хурджины ⁴⁾ и пестрая шерстяная одѣяла. Вокругъ катеровъ, на маленькихъ, тощихъ, но шустрыхъ лошадакахъ, тропятъ человѣкъ

¹⁾ Катерь помѣсь осла съ лошадыю.

²⁾ Хурда-мурда—мягкая домашняя рухлядь.

³⁾ Мафражъ—родъ чемодана изъ ковровъ.

⁴⁾ Хурджины—переметныя сумы.

восемь курдовъ. Рослые, смуглолицые, съ огненнымъ быстро-бѣгающимъ взглядомъ, въ огромныхъ черныхъ чалмахъ, едва прикрытые ярко пестрыми лохмотьями, всадники эти представляютъ собою живописную группу, а блескъ болтающихся за плечами винтовокъ, скрещивающіеся на груди патронташи, наполненные патронами, торчащія изъ-за широкихъ поясовъ рукоятки длинныхъ кремневыхъ пистолетовъ и кривыхъ ятагановъ, придаютъ имъ грозно воинственный и въ то же время немного фантастическій видъ.

Шагахъ въ ста, за караваномъ, на такомъ разстояніи, чтобы подымаемая копытами лошадей пыль не могла до нея достигнуть, слѣдуетъ другая группа всадниковъ, состоящая изъ четырехъ мужчинъ и одной женщины.

Впереди всѣхъ на свѣтло-сѣромъ, раскормленномъ иноходцѣ ѣдетъ старикъ, съ остроконечной выкрашенной въ красную краску бородой, одѣтый въ верблюжьяго цвѣта аббу¹⁾ и высокую конусообразную чернаго барашка шапку-персіанку. Въ правой рукѣ своей онъ держитъ поводъ, за который ведетъ высокаго, чрезвычайно красиваго, аравійскаго катера молочно бѣлой масти. На катерѣ этомъ сидитъ женщина, тщательно закутанная въ темно-синее шелковое покрывало, ревниво скрывающее ея лицо и контуры тѣла.

По другую руку женщины ѣхалъ второй всадникъ, настолько похожій лицомъ на старика, что въ немъ легко можно было признать родного сына послѣдняго. Ему было лѣтъ за тридцать съ небольшимъ, и одѣтъ онъ былъ точно такъ же, какъ и его отецъ, только конь подъ нимъ былъ не сѣрый, а золотисто-гнѣдой. Два остальныхъ всадника были гораздо моложе, почти юноши, лѣтъ по 18, не больше, ловкіе и щеголеватые. На одномъ изъ нихъ былъ персидскаго покроя полукафтанъ темно-синяго, тонкаго сукна, застегнутый на одну лишь верхнюю пуговицу, съ высокой таліей и широкой, сборчатой юбкой. Золоченныя пуговицы украшались персидскимъ государственнымъ гербомъ—льва и солнца, такой же гербъ красовался и на круглой, черной мерлушки, невысокой шапкѣ. (Сѣрыя шаровары на выпускъ и кожаные чусты²⁾ съ загнутыми носками дополняли костюмъ.

Другой юноша былъ одѣтъ, какъ обыкновенно одѣваются молодые знатные, богатые беки и ханки на Закавказьѣ. Свѣтло-сѣрая черкеска съ серебряными газырями³⁾ на груди, туго перетянутая въ таліи серебрянымъ же поясомъ, на которомъ висѣлъ длинный, богато отдѣланный серебромъ и бирюзой кинжалъ, ловко обле-

1) Абба—одежда, длинная, безъ рукавовъ, съ прорѣхами для рукъ и широкая.

2) Чусты—кожаные туфли.

3) Гавыри—деревянные, полныя внутри трубочки, украшенные на концѣ серебромъ, костью или рогомъ.

гала его стройную, плечистую фигуру, поверхъ голубого бешмета, обшитаго по вороту и груди золотымъ галуномъ. Небольшая папахъ чернаго блестящаго барашка съ голубымъ дномъ была лихо сдвинута на затылокъ, придавая блѣдно-матовому лицу юноши выраженіе удали и беззаботности.

Въ то время, какъ старшіе путники ѣхали молча, сосредоточенно, молодежь оживленно болтала между собой и весело пересмѣивалась, скаля ослѣпительной бѣлизны зубы и поблескивая черными, какъ агаты, глазами.

Кони, на которыхъ сидѣли молодые ханки, были вполне подъяты имъ. Нарядной золотисто-гнѣдой масти, немного поджарые, мускулистые и тонконогіе, они горячо выступали, круто согнувъ шею, раздувъ ноздри и сверкая налитыми кровью глазами. Тонкая кожа ихъ блестяла, какъ атласъ, и была вся покрыта сѣтью безчисленныхъ тонкихъ, какъ волосъ, жилокъ — признакъ высокой породы. При взглядѣ на этихъ кипучихъ скакуновъ, казалось, что достаточно одного легкаго нажатія широкихъ стремянъ, чтобы заставить ихъ взвиться на дыбы и бурно ринуться впередъ.

— А вотъ наконецъ и Тамбуль,—произнесъ старикъ, пытливо вглядываясь сквозь сгущающійся сумракъ въ чернѣющія вдаль строения.—Хайларъ-ханъ,—обратился онъ къ юношѣ въ черекскѣ:—гдѣ будетъ насъ ждать проводникъ?

— Въ камышахъ, пониже селенія, на одномъ изъ бродовъ, который у насъ зовется Ишачымъ. Когда мы дойдемъ до тѣхъ холмовъ,—онъ указалъ рукой на лежащій впереди рядъ невысокихъ холмовъ,—намъ нужно будетъ спуститься въ оврагъ и по дну его пробѣхать къ самой рѣкѣ. Если будетъ еще рано, обождемъ въ камышахъ. Впрочемъ, это какъ Каграманъ скажетъ, онъ теперь навѣрно все уже высмотрѣлъ, мы можемъ вполне на него положиться.

Старикъ на это ничего не отвѣтилъ, только какъ-то особенно посмотрѣлъ на ѣхавшую рядомъ съ нимъ женщину. Что-то похожее на грусть и затаенную тревогу на мгновенье мелькнуло по его лицу, и онъ многозначительно переглянулся съ старшимъ сыномъ.

— Да будетъ воля Аллаха,—прошепталъ онъ едва слышно, тряхнулъ головой, какъ бы отгоняя этимъ безпокойныя мысли, и снова тронулся въ путь. Остальные послѣдовали за нимъ.

По узкой тропинкѣ, едва замѣтно извивающейся вдоль густо заросшаго высокимъ камышомъ берега рѣки Аракса, среди мрака холодной ночи, оглушаемые неистовыми порывами вѣтра, усталой походкой, неторопливо бредутъ два солдата. Надвинувъ на самыя брови папахы, они ежатся въ своихъ отрепанныхъ, испещренныхъ заплатами шинелишкахъ, тщетно стараясь какънибудь согрѣться.

— Ну, и жисть проклятая, — угрюмо проворчалъ одинъ изъ ихъ, высокій, плотный ефрейторъ съ небольшою русой бородкой, — обридла хуже горькой рѣдки.

— О-о-охъ, — сокрушенно вздохнулъ его товарищъ, небольшого роста, круглолицый и безусый парень, — тяжело, что и говорить. Второю разъ вѣдь мы сегодня идемъ съ вами, дяденька Москалевъ, не шутка, чай. Въ конецъ семь да назадъ семь, выходитъ четырнадцать, за два-то раза и всѣ двадцать восемь... а я къ тому же съ полночки до утра на конюшнѣ дневальнымъ былъ... просто одно слово — ложись да помирай... Больно много у насъ больныхъ-то на посту, почитай, половина солдатъ въ лежку лежать... служить со-всѣмъ некому.

— Осенью завсегда такъ. Коли ежели наберется на посту человѣка три-четыре, чтобы значить совсѣмъ здоровыхъ, то и слава Богу, а бываетъ такъ ину пору, весь постъ въ растяжку валяется, такая ужъ болѣзнь проклятая, лихорадка-то эта самая. Ничего-то ты съ ней не подѣлаешь.

— Неужли жъ, дяденька, всякій ею переболѣть долженъ?

— Это ужъ безпримѣнно. Здѣсь климатъ, говорятъ, такой, чтобы значить лихорадкой болѣть. Диви бы люди одни болѣли, а то даже лошади и собаки и тѣ, слышь, иной разъ лихорадкой этой, не приведи Богъ, какъ мучатся...

— Климатъ? А что же это значить, климатъ-то этотъ самый?

— Климатъ-то? Да какъ тебѣ сказать? Это все единственно, какъ воздухъ. Ну, и сырость къ тому же, отъ поливки полей, стало быть, камыши гниютъ, ну, и прочее, а особое дѣло поля рисовыя, отъ этихъ-то рисовыхъ полей больше всего климатъ-то и идетъ, потому ужъ больно заразныя они, какъ зальютъ ихъ по веснѣ водой, такъ она безперечь и стоитъ до поздней осени, болото болотомъ, не приведи Богъ, какъ же тутъ климату-то не быть, посуды самъ.

— Двистительно... эхъ, горюшко наше... А правда, дяденька, сказываютъ, быдто съ этой лихорадки помереть можно?

— А ты бы какъ думаль? Очень даже просто. За мою службу человѣка три на моихъ глазахъ отъ лихорадки умерло. Вѣдь и болѣть-то недолго болѣютъ, дня три-четыре, много недѣлю, и шабашъ, вотъ она какая вредная. Эхъ, даль бы Богъ службу только кончить благополучно, вернулся бы домой и горе забылъ. У насъ въ Херсонской губерніи никакой это такой ни лихорадки, ни климату нѣтъ...

— А еще бы. Нешто у насъ въ Рассеѣ какой климатъ есть? И не слыхивали. Это только здѣсь, въ этой басурманщинѣ, и климатъ, и мошка, и скрыпюны, и халанги, и чортъ знаетъ, чего-чего нѣтъ. Одно слово басурманщина проклятая, да и все тутъ. Эхъ, попалъ я, бѣдный, за грѣхи родительскіе!

— Ну, ладно, не скули, — усмѣхнулся Москалевъ, — не на всю жизнь загнали тебя сюда. Протрубишь пять лѣтъ да и айда туда же, откуда пришелъ. Къ женкѣ на печь.

— Легко оно выговорить, пять лѣтъ, а каково-то прожить ихъ?

— Какъ тебѣ сказать, спервоначалу, оно точно быдто и невѣсть Богъ, какъ долго показываетъ, а апосля того и ничего... Я тебѣ, Перстенъковъ, про себя скажу, какъ пригнали меня сюда, думалъ и жисть здѣсь скончаю, чувствую себя такъ, ровно меня навсегда прислали, даже и представить себѣ въ умѣ не могу, что придетъ время мнѣ домой иттить. Подумаешь объ этомъ, и самому не вѣрится, вотъ оно какъ было, а теперь? Пять лѣтъ прошло, словно годъ одинъ, даже самому чудно, словно бы вчера только еще новобранцемъ былъ. Ей-Богу, вся служба быдто сквозь сонъ прошла, и вѣрить не хочешь, что всего на всего черезъ какіе нибудь три мѣсяца и конецъ ей... Право слово... Вотъ и съ тобой также будетъ, помни меня.

— А скажите, дяденька Москалевъ, правда, старые солдаты рассказываютъ, быдто прежде, на границѣ, не въ примѣръ противъ нонѣшняго, служба опасивѣй была? Разбойниковъ больше было, и контрабандиры куда лютивѣе были?

— А то какъ же, конешенное дѣло, опасивѣй. Теперь что за контрабандиры, званіе только одно, что контрабандиръ, а ёнъ трусливѣй зайца. Гукнешь на него, а вонъ и бѣгитъ, не знамо куда и зѣньки запрячетъ со страху. Товаръ посброситъ и тикаетъ во всю прыть конскую, а прежде не такъ, за свой товаръ ухъ какъ крѣпко стояли. Особливо ежели да большая контрабанда, держи носъ по вѣтру, а то и моргнуть не успѣешь, какъ онъ тебѣ свинчатку-то промежъ глазъ всадитъ. Много тогда нашего брата, солдатъ, на перестрѣлкахъ пропадало.

— А страшно, чай, на перестрѣлкѣ-то быть?

— Конешенное дѣло, страшно. Хотя, ежели по совѣсти сказать, страхъ беретъ только спервоначалу, до перваго выстрѣла, а какъ слышишь—свистнула первая пуля, тутъ и страху конецъ... начнетъ сердце разыгрываться, и всѣ думки, какія были, ровно вѣтромъ сдуетъ. Легко станетъ, обо одномъ только въ мысляхъ держишь, какъ бы «его», чорта бритаго, изъ рукъ не упустить... Одначе, пожди малость, — самъ себя перебилъ вдругъ Москалевъ и остановившись принялся напряженно прислушиваться.

— И чего это собаки въ Тамбулѣ разбрехали такъ?—какъ бы про себя проворчалъ онъ, вопросительно взглядываясь въ окутанную мракомъ даль.

— Може, на волковъ. Теперь ихъ по осени въ камышахъ до чорта.

— Песъ ихъ знаетъ. Быть можетъ, и на волковъ, а, пожалуй, и контрабандиры на той сторонѣ по камышамъ лазаютъ. Какъ-

никакъ, а слѣдуетъ намъ съ тобой, Перстеньковъ, къ рѣкѣ проползти, полежимъ, послушаемъ, не нанесетъ ли кого. Сдается мнѣ, не спроста собаки такъ надрываются...

Говоря такъ, Москалевъ раздвинулъ осторожной рукой камыши и, опустившись на четвереньки, безшумно поползъ впередъ. Перстеньковъ послѣдовалъ за нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ они были подлѣ самой рѣки и, растянувшись во весь ростъ, подъ тѣнью густо растущаго гребенчука ¹⁾, замерли въ терпѣливомъ ожиданіи.

Прошло около часу. Вѣтеръ попрежнему вылъ и стоналъ. Рѣка глухо бурлила въ каменистыхъ берегахъ; со стороны утонувшаго во мракѣ Тамбула смутно доносился заливиный лай собакъ. Гдѣ-то далеко, далеко на Персидскомъ берегу, высоко надъ землей, мигалъ одинокій огонекъ. Это чабаны ²⁾ разложили свой костеръ на полугорѣ, и кажется отсюда, будто онъ виситъ въ воздухѣ.

Вдругъ Москалевъ торопливо толкнулъ Перстенькова локтемъ въ бокъ.

— Ты не спишь? — шепнулъ онъ, наклоняясь къ самому его лицу.

— Ни, дяденька, а что?

— Идутъ, — таинственно отвѣчалъ Москалевъ, осторожно продвигая впередъ ружье и поспѣшно оттягивая затворъ на предохранительный взводъ.

— Дяденька, а дяденька — окликнулъ его шепотомъ Перстеньковъ.

— Ну, чего еще?

— Чтой-то боязно мнѣ, а какъ они тоже съ ружьями?.. Убить могутъ.

Голосъ молодого солдатака слегка дрожалъ.

— Молчи, сопля, — огрызнулся Москалевъ, — ишь, боязно ему, чертякъ, а мнѣ не боязно? Одначе ничего не подѣлаешь, коли пришлось, такъ, стало, оно и слѣдуетъ. Ты, смотри только, раньше мово не стрѣлай, выжди, какъ я вдарю, такъ ужъ и ты опосля того не зѣвай. Цѣлься только получше. Помни, какъ учили, ружья не сваливай, мушки теперъ въ темнотѣ не видать, такъ ты по каналу потрафляй...

— А какъ ѣнъ тоже стрѣлять начнетъ?

— А, башка вязовая, ну, и пуцай стрѣляетъ. Запретишь ты «ему» што ли, одначе заткни глотку, слышь, уже близко, нишкни, быдто тебя и нѣту вовсе.

Перстеньковъ примолкъ и нѣсколько минутъ съ напряженіемъ прислушивался, но непривычное ухо его не могло уловить ничего, кромѣ стона вѣтра и монотоннаго гула волнъ. Невольное сомнѣніе

¹⁾ Гребенчукъ — кустарникъ изъ породы хвойныхъ.

²⁾ Чабанъ — по-татарски пастухъ.

закралось въ его душу: «Не почудилось ли дяденькѣ Москалеву?» Онъ уже собирался спросить его объ этомъ, какъ вдругъ гдѣ-то близко, среди непроницаемаго мрака, что-то захлюпало по водѣ. Раздался скрипъ прибрежнаго мелкаго щебня, попираемаго желѣзными подковами, и въ слѣдующую затѣмъ минуту какая-то темная, неясная масса наполнила собой ночную мглу.

— Явашь ¹⁾! кто идетъ? — смѣло выпрямляясь во весь ростъ, громко крикнулъ Москалевъ, вскидывая ружье на руку. Перстеньковъ, не отдавая себѣ отчета, послѣдовалъ его примѣру и съ нервной поспѣшностью защелкалъ затворомъ винтовки.

Чернѣвшая впереди масса заколыхалась, раздался чей-то сдержанный, но энергичный, властный окликъ, кто-то слабо вскрикнулъ, торопливо защелкали ружейные затворы, застучали подковы, чьи-то тѣни стремительно метнулись въ сторону, раздался топотъ пущенныхъ съ мѣста вскачь лошадей, и мимо солдатъ справа и слѣва замелькали темные силуэты всадниковъ. Москалевъ не цѣлясь приложился и спустилъ курокъ. Ярко блеснулъ огонь, и надъ рѣкой съ грохотомъ прокатился звукъ перваго выстрѣла, постепенно замирая вдали.

— Стрѣляй, сучій сынъ, — завопилъ Москалевъ на растерявшагося Перстенькова, который, стоя подлѣ него, только топтался на одномъ мѣстѣ и безпомощно размахивалъ ружьемъ, забывъ совершенно, что ему тоже слѣдуетъ стрѣлять. Окрикъ Москалева заставилъ его опомниться. Онъ машинально вскинулъ ружье къ плечу и торопливо, трясущимся пальцемъ, нажалъ спускъ курка.

Разъ... разъ... загрохотали почти одновременно два выстрѣла, и въ то же самое мгновеніе чей-то болѣзненно-жалобный вопль пронзительно прорѣзалъ ночную мглу.

— Стрѣляй, стрѣляй еще, — услыхалъ Перстеньковъ надъ своей головой хриплый, задушенный окрикъ Москалева. Онъ засуетился, рванулъ затворъ, но въ ту минуту, когда его трепещущіе пальцы досылали патронъ въ патронникъ, прямо передъ его глазами ослѣпительно ярко засверкалъ цѣлый снопъ пламени, а въ ушахъ раздался нестерпимо-оглушительный грохотъ... точно нѣсколько раскаленныхъ иглъ впилося ему въ тѣло... Перстеньковъ громко ахнулъ, выронилъ ружье и, какъ подкошенный, опрокинулся навзничь.

Въ домѣ Маммедъ-хана страшный переполохъ и суета. Женщины, какъ спугнутыя куропатки, торопливо шмыгаютъ взадъ и впередъ, сталкиваются другъ съ дружкой, всплескиваютъ руками и громко причитаютъ. Въ той комнатѣ, гдѣ ночью Маммедъ-ханъ сидѣлъ съ своимъ другомъ Гаджи-Тимуръ-агой, собралось нѣ-

¹⁾ Явашь—стой.

сколько человѣкъ мужчинъ. Лица ихъ угрюмы, головы потуплены они сидятъ молча, не глядя въ глаза другъ другу.

Кромѣ Маммедъ-хана, любимаго его сына Хайлара, Гаджи-Тимуръ-аги и Тимучина-хана съ двумя сыновьями, которыхъ мы видѣли на пути къ Тамбулу, комнату наполняло еще нѣсколько человѣкъ. Старики и болѣе почетные сидѣли, а молодежь стоя ютилась по угламъ и съ любопытствомъ и страхомъ посматривала на старшихъ. Изъ присутствующихъ многіе знали о Тимучинъ-ханѣ только по наслышкѣ, какъ о чрезвычайно гордомъ и богатомъ человѣкѣ, отцѣ знаменитой красавицы Гюзейль-ханумъ, невѣсты Хайларъ-хана, съ которымъ она была помолвлена, когда жениху было 6, а невѣстѣ всего 3 года. Много лѣтъ ждали жители Энгеджи этой свадьбы, много толку было о ней на базарѣ. Наконецъ невѣста пріѣхала, но не радостью дышать лица старыхъ хановъ-отцовъ.

Печально лицо у Маммедъ-хана, но еще печальнѣй у Тимучина. Блѣдный, съ полузакрытыми глазами, сидитъ онъ, скорчившись на полу, и тихо раскачивается во всѣ стороны, словно въ забытьѣ. Велико горе старика, но онъ крѣпится, стараясь не выказывать позорной, по его мнѣнію, въ мужчинѣ слабости. Но больше ихъ обоихъ огорченъ Хайларъ-ханъ; стиснувъ до боли зубы и едва-едва сдерживая упрямо подступающія къ глазамъ слезы, онъ забился въ уголъ и выглядываетъ оттуда, какъ затравленный волкъ. Изъ сосѣдней комнаты, сквозь спущенный тонкій, шелковый джеджимъ¹⁾, замѣняющій дверь, доносятся тихіе, болѣзненные стоны.

Тамъ, на небольшомъ матрасикѣ, положенномъ прямо на полу, поверхъ покрывающихъ его ковровъ, лежитъ разметавшись молоденькая дѣвушка, почти подростокъ, лѣтъ пятнадцати. Блѣдное, классически-прекрасное лицо ея осунулось и покрыто предсмертной синевою, огромные, черные глаза подъ изящной дугой бархатистыхъ, словно кистью художника нарисованныхъ, бровей, широко открыты и остановились съ выраженіемъ недоумѣнія и ужаса передъ неизвѣстно откуда, неожиданно налетѣвшей, смертью.

Сквозь плотно стиснутые, бѣлые, какъ слоновая кость, зубки, частые и мелкіе, съ глухимъ свистомъ и стономъ вырывается хриплое дыханіе. Обнаженная до пояса, полудѣтская, едва начинающая сформировываться грудь тяжело дышитъ, кругомъ на полу валяются клочья окровавленныхъ тряпокъ, тутъ же стоитъ мѣдный тазъ съ водой, слегка окрашенной въ пурпурный цвѣтъ. Въ воздухѣ чувствуется пряный запахъ свѣжей крови.

Нѣсколько старухъ, похожихъ на вѣдьмъ, разсѣлись по угламъ и тупо смотрятъ на умирающую, не отводя глазъ отъ ея лица.

¹⁾ Джеджимъ—матерія, употребляемая на портьеры и на постельныя покрывала.

Какъ подстрѣленная птичка, умираетъ Гизейль-ханумъ, не сознавая даже, какимъ образомъ, зачѣмъ и почему постигла ее такая участь.

Вчера рано утромъ, на разсвѣтѣ, она по приказанію отца послушно сѣла на катера, не разсуждая, не разспрашивая. Отецъ взялъ въ руки поводъ, и они поѣхали. Куда? Этого она не могла представить себѣ вполнѣ ясно, да, признаться, и не старалась. Приученная съ младенческаго возраста къ слѣпому повиновенію, она слѣдовала за старшими безъ робости и безъ протеста. По дорогѣ она слышала разговоры объ ожидающей ихъ ночью переправѣ черезъ рѣку въ бродъ, толковали о какихъ-то солдатахъ, встрѣча съ которыми грозитъ неминуемой бѣдой. Прислушиваясь къ этимъ разговорамъ, Гюзейль-ханумъ чувствовала, какъ сердце замираетъ въ ней отъ ужаса, отъ волненія ей хотѣлось плакать, но она не смѣла произнести ни одного слова, не смѣла ни о чемъ спросить и ѣхала, терзаемая страхомъ и сомнѣніемъ, вся трепеща и замирая подъ плотно окутывающей ее чадрой.

Когда среди хаоса темной, осенней ночи, подъ свистъ и вой вѣтра, у ея ногъ, съ глухимъ ревомъ забурлили темныя, свинцовыя волны Аракса, Гюзейль-ханумъ чуть не умерла отъ страха. Голова ея пошла кругомъ, и она едва-едва усидѣла въ сѣдлѣ, судорожно вцѣпившись пальцами въ переднюю луку сѣдла. Полчаса, употребленные ими на переправу, показались Гюзейль-ханумъ безконечными. Но вотъ и берегъ. Зачернѣлъ прибрежный камышъ, лошади пошли бодрѣй. Гюзейль-ханумъ радостно перевела духъ, страха какъ не бывало, теперь она опять готова была ѣхать куда угодно, ни о чемъ не думая и ничего не спрашивая... Приливъ искренней веселости овладѣлъ ею, и она, едва-едва удерживая въ себѣ желаніе разсмѣяться, беззаботно улыбнулась изъ-подъ своей чадры. Однако радость и веселье ея были непродолжительны. Не успѣли они сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ передъ мордами ихъ лошадей, словно изъ земли, выросли какія-то темныя фигуры, и чей-то голосъ грубо крикнулъ имъ остановиться.

— Солдаты,—мелькнуло въ умѣ Гюзейль-ханумъ, и сердце въ ней снова упало... Такъ вотъ они, эти солдаты, о которыхъ съ такимъ ужасомъ вспоминали по дорогѣ ея отецъ и братья... Стало быть, все кончено, и всѣхъ ихъ ожидаетъ смерть... Гюзейль-ханумъ инстинктивно зажмурила глаза. Какъ въ полубреду, слышитъ она испуганный, торопливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ властный возгласъ отца, послѣ котораго ея катеръ, какъ безумный, стремительно бросается впередъ... она мчится, сломя голову, навстрѣчу завывающему вѣтру. Рядомъ съ ней, по правую руку отецъ, по лѣвую женихъ, сзади безпорядочной толпой несутся нѣсколько человѣкъ конвоировавшихъ ихъ курдовъ, таща на поводу, навьюченныхъ ея вещами, катеровъ. Прочіе курды и оба ея брата остались,

чтобы задержать солдатъ и помѣшать имъ преслѣдовать убѣгающихъ. Проходитъ нѣсколько томительныхъ мгновеній, и вдругъ среди непроницаемаго мрака гулко загрохоталъ первый выстрѣлъ, ему вторитъ другой... Гюзейль-ханумъ почувствовала легкой толчекъ немного пониже лѣвой груди и пронзительно вскрикнула не столько отъ боли, сколько отъ инстинктивнаго страха. Голова ея закружилась, и она навѣрно упала бы съ своего катера, если бы сильныя руки ея отца не успѣли во время крѣпко обхватить ее за талію и поддержать... Теряя сознаніе, Гюзейль-ханумъ слышала за собой грохотъ выстрѣловъ, чей-то глухой стонъ, заглушенный криками торжества... вихрь подхватилъ ее и понесъ куда-то впередъ, впередъ... въ ухахъ звенѣло... сердце болѣзненно замерло.....

Въ длинномъ, узкомъ, полутемномъ сараѣ, съ потолкомъ, покоящимся на толстыхъ столбахъ, нукеры быстро и торопливо развьючивали измученныхъ, дрожащихъ отъ усталости катеровъ. Невзирая на бѣшеную скачку, ни одинъ вьюкъ не развязался, не потерялась ни одна вещь. Все оказалось цѣлымъ и невредимымъ, но та, для которой укладывались все эти вещи, уже больше не нуждалась въ нихъ. Навѣки сомкнула красавица Гюзейль свои дивныя очи, замерло безхитростное, дѣтское сердце. Бездыханнымъ трупомъ лежитъ она на залитомъ кровью матрасикѣ, сраженная шальной пулей русскаго солдата.

— О милая моя дочь, моя рѣзвая козочка,—ломаю руки, тихо шепчетъ Тимучинъ-ханъ, склоняя свою сѣдую голову къ телу дочери,—для того ли я везъ тебя сюда, розанъ души моей, чтобы дать безжалостно убить... Что я скажу теперь твоей матери, когда вернусь, и она спроситъ меня о тебѣ, радость дней нашихъ?...

Долго и горько плакалъ старый Тимучинъ-ханъ, сидя на полу передъ трупомъ дочери, покачиваясь изъ стороны въ сторону и протягивая къ ней свои дрожащія отъ горя руки, а тѣмъ временемъ Хайларъ-ханъ, съ искаженнымъ, блѣднымъ лицомъ, выпрямившись во весь ростъ, стоялъ поодаль, не спуская съ дѣвушки мрачно сверкавагося взгляда, въ которомъ была и тоска, и неудовлетворенная страсть, и безумная ненависть къ убійцамъ.

Широко, на десятки верстъ, раскинулась унылая Аханъ-Беклинская равнина: камни, песокъ да сѣровато-бѣлые солончаки. Изрѣдка, кое-гдѣ, подобно заплатамъ на рубищѣ нищаго, чернѣютъ небольшіе участки небрежно распаханной земли, мелькаютъ одинокія группы деревъ, окаймляющія зацвѣтшіе тиной водоемы. Отъ этихъ водоемовъ, какъ кровь отъ сердца, по разбѣгающимся

во всѣ стороны канавкамъ весело журчатъ струйки мутной воды, орощающія въ лѣтній зной раскаленную почву полей.

На высокомъ, обнаженномъ, какъ черепъ, холмѣ одиноко ютится одинъ изъ постовъ пограничной стражи. Сѣрья, глиняныя стѣны, плоская, земляная крыша, узкія окна-бойницы и отсутствіе какой бы то ни было зелени кругомъ производятъ впечатлѣніе удручающей тоски.

Шагахъ въ пятидесяти и немного въ сторонѣ отъ поста, вокругъ глубокой и широкой ямы, собралась группа солдатъ, человѣкъ пятнадцать. Всѣ они безъ шапокъ, у нѣкоторыхъ въ рукахъ лопаты и кирки. Тутъ же у самаго края ямы стоятъ два гроба, кое-какъ сколоченные изъ бѣлыхъ нетесанныхъ досокъ, похожіе скорѣе на неуклюжіе ящики, чѣмъ на гробы. Они ничѣмъ не обиты и даже не покрашены, единственнымъ украшеніемъ служатъ грубо намалеванные на крышахъ голландской сажей кресты. По другой бокъ ямы навалена куча булыжниковъ, приготовленныхъ для того, чтобы ими обложить могилу, тутъ же лежитъ простой бѣлый некрашенный крестъ, сколоченный изъ распиленныхъ пополамъ бревенъ. Ни священника, ни ладана, ничего нѣтъ, чѣмъ могила крѣпка.

— Ну, готово что ли?—сурово спросилъ вахмистръ, оглядывая толпу:—клади лопаты, стройся.

Солдаты сгрудились немного тѣснѣе, впередъ вышелъ небольшого роста, бѣлокурый унтеръ-офицеръ и откашлявшись затянулъ: «Со святыми упокой». Остальные дружно подхватили. Жалобно полилась заунывная пѣнь по широкому простору мертвой пустыни.

Стоявшіе въ сторонѣ подъ воротами пожилой офицеръ и худощавая, безцвѣтная женщина, въ домашнемъ затрапезномъ платьѣ, при первыхъ звукахъ пѣнія, невольно вздрогнули. Имъ обоимъ вдругъ представилось, будто это отпѣваютъ ихъ самихъ, оплакиваютъ ихъ сгибшую среди этой однообразной, глухой пустыни, невозвратную молодость, ихъ неясныя, смутныя надежды. Сердце болѣзненно жалось, и на глазахъ женщины навернулись слезы, а офицеръ, мужъ ея, насутился еще угрюмѣй и началъ машинально, торопливо креститься.

Внизу подъ холмомъ, съ пронзительнымъ карканьемъ, беспокойно суетилось нѣсколько вороновъ, привлеченныхъ доносящимся до нихъ по вѣтру трупнымъ запахомъ. Время отъ времени одинъ изъ нихъ стремительно поднимался вверхъ и, покругивъ надъ солдатами, возвращался къ своимъ, какъ бы съ развѣдки... Уныло, нестройно поютъ солдаты, нетерпѣливо, пронзительно вторятъ имъ жадныя вороны.

Наконецъ пѣніе кончилось.

— Ну, теперича, братцы, берись помаленьку, да и спущай съ Богомъ!—раздался тотъ же голосъ вахмистра. Солдаты засуетились.

Нѣсколько человѣкъ, опоясавъ гробы веревками, бережно приподняли ихъ съ земли. Неуклюжіе, тяжелые гробы дрогнули и, слегка покачиваясь, медленно поползли на дно могилы. Слово два родныхъ брата, стали они рядомъ, чернѣя изъ глубины намалеванными на крышахъ крестами.

— Засыпай!

Солдаты съ тою же угрюмой поспѣшностью схватились за лопаты. Глухо застучала земля о крышки гробовъ, защелкали осыпающіеся въ яму мелкіе камешки.

— Дяденька, — робко спрашиваетъ молодой, безусый солдатикъ другого постарше, съ серебряной серьгой въ ухѣ и щетинистыми усами:—а какъ же безъ попа-то и безъ панахиды?

— А ну ты къ лѣшему, — сердито отмахивается усачъ, котораго неожиданный вопросъ неприятно выводитъ изъ задумчивости. Опустивъ голову, онъ сосредоточенно слѣдитъ за тѣмъ, какъ постепенно исчезали подъ глыбами падающей земли бѣлыя доски, и какъ быстро мелѣла яма.—Откуда тебѣ тутъ попа взять?—насмѣшливо укоризненнымъ голосомъ напустился на вопрошавшаго:—самъ, чай, знаешь, ближе ста верстъ нѣтъ ни попа, ни церкви. Вотъ уже весной поѣдетъ нашъ бригадный попъ по границѣ, тогда, коли напомнятъ ему, отпоетъ, а не напомнятъ, и такъ ладно. Съ насъ, небось, Господь-Богъ не взыщеть, знаетъ, не по своей волѣ живемъ...

— Жалко словно бы такъ-то, безъ всего-то, — нерѣшительно произнесъ солдатикъ, съ тупымъ недоумѣньемъ косясь на выросшій намогильный холмъ:—Перстенковъ-то мнѣ землякъ вѣдь.

— Ладно, скули, мнѣ Москалевъ тоже землякъ доводится, думали вмѣстѣ и домой иттить, а оно вонъ какъ вышло... убили, и шабашъ, ничего не подѣлаешь. Чай, матка-то евоная во какъ убиваться будетъ... ждала, дожждаться не чаяла, теперь, поди, въ деревнѣ денечки считаетъ, всѣ думушки передумала дожидаячись, да ау, братъ, шабашъ, не вернется...

— Ну, что-жъ пойдемъ, — обратился офицеръ къ женѣ, когда солдаты, засыпавъ могилу, по одиночкѣ стали отходить, волоча за собой лопаты, визгливо лязгая ими по твердому усѣянному мелкими камешками песку.

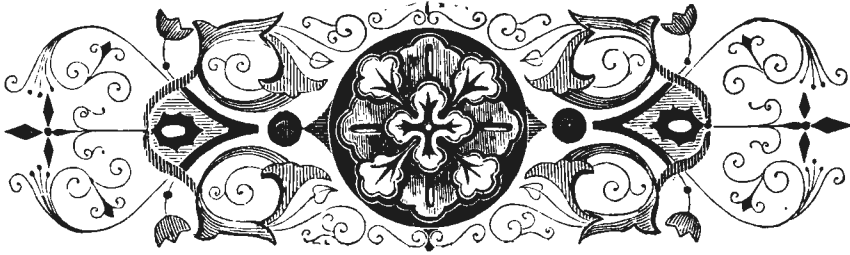
Женщина тяжело вздохнула, нѣсколько разъ набожно перекрестилась и молча побрела за мужемъ.

— Остапенко, — крикнулъ офицеръ, подымаясь на крыльцо и обращаясь къ чернѣвшей въ концѣ двора, распахнутой настежь двери офицерской кухни:—давай обѣдать.

— Сичасъ несу, ваше высокоблагородіе.

Въ долину разочарованно каркали вороны.

О. О. Тютчевъ.

ЛОЖКИ И ЛОЖКАРИ.

Впечатлѣнія и замѣтки.

I.

ВЪ ПРОШЛОМЪ году мнѣ пришлось быть на ярмаркѣ въ Нижнемъ Новгородѣ. Подѣхавъ къ собору, я увидалъ нѣсколько лавокъ, торгующихъ ложками, совками, рѣшетами и тому подобнымъ товаромъ. Я вошелъ въ одну изъ нихъ. Хозяинъ, бывший ложкарь, а теперь купецъ Калугинъ, у котораго я купилъ разной мелочи, разговаривая со мной, объяснилъ, что почти всѣ ложки въ Россіи дѣлаются въ городѣ Семеновѣ, въ Нижегородской губерніи, и что тутъ исконное мѣсто ихъ производства.

— Правда, дѣлаютъ ихъ еще въ Подольской губерніи, цыганы, но тѣ ложки простыя, бѣлыя, некрашенныя, грубой работы, и идутъ тѣ ложки только для мѣстнаго покупателя, для хохла. Выработываютъ этотъ товаръ и въ Вяткѣ, но очень мало, а супротивъ нашего Семенова никого нѣтъ.

— Я знаю многія ремесла, а вотъ никогда не видалъ, какъ ложки дѣлаютъ, и хотѣлъ бы посмотрѣть, какъ ихъ красятъ. Лакъ у васъ какой-то особенный,—сказалъ я словоохотливому хозяину.

Онъ усмѣхнулся.

— Про этотъ лакъ не вы первые спрашиваете, только какъ объяснить вамъ. Тутъ собственно лаку никакого нѣтъ. Если вамъ, къ примѣру сказать, выписать хоть боченокъ лаку, ничего у васъ не выйдетъ. Былъ у меня такой случай. Попросилъ у меня одинъ управляющій,—непремѣнно хочу, чтобы шкатулка моя была по-

крыта по-вашему, достаньте мнѣ лаку, а мой мастеръ ужъ обдѣляетъ не хуже, чѣмъ у васъ. Я ему досталъ. Мазали, мазали они, ничего у нихъ не вышло.

— Какую краску вы кладете?—спросилъ я.

— Да никакой краски нѣтъ. Колеръ мы наводимъ въ печкѣ.

— Такъ значитъ у васъ олифа?

— Одна олифа. Только все-таки, такъ не расскажешь. Если интересуется, прїѣзжайте сами. Тутъ будетъ на Борки перевозъ черезъ Волгу. Вы вотъ, какъ переправитесь на стальной лошадекѣ, часовъ въ пять домахнете до Семенова. Верстъ восемьдесятъ будетъ.

Я распросилъ его про дорогу. Выходило, что ѣхать надо было большей частью песками и черезъ лѣса.

— Мѣста у насъ глухія, только вы не опасайтесь, не нападаютъ на проѣзжихъ, да и трактъ у насъ такой, все либо свои, либо чиновники ѣздятъ. Дорога однако почтовая, поѣдете, не собьетесь: путь прямикомъ идетъ.

Я распостился съ Калугинимъ и въ тотъ же день отправился на велосипедѣ въ Семеновъ.

Огромный пароходъ, съ грубой настилкой для телѣгъ и скота стоялъ около пристани. Воза съ сѣномъ, пустыя телѣги, мужики съ мелкимъ и крупнымъ скотомъ безпорядочно лѣзли на пароходъ по досчатому помосту. Казалось, вся эта страшная тяжесть потопить его, но пароходъ стоялъ, не осѣдая даже замѣтно внизъ.

День былъ жаркій, но вѣтреный. Зеленоватыя и мутно-желтыя отъ песку волны плескались о берегъ. Бѣлые зайчики играли по всему необозримому пространству мелководной Волги. Огромные пароходы стояли вереницей у берега. На нихъ пестрѣли знакомыя надписи: «Кавказъ», «Меркурій», «Надежда»—и эти надписи очень мнѣ напоминали примелькавшіяся вывѣски въ Петербургѣ.

Съ того берега послышался свистокъ. Тамъ съ Боркской пристани отваливалъ такой же большой транспортный пароходъ, какъ и нашъ. И у насъ раздался оглушительный свистъ, и мы отвалили отъ пристани.

Я сидѣлъ на палубѣ перваго класса, совершенно пустой, и смотрѣлъ на Волгу. Вдали, вверхъ по теченію, клиномъ врѣзывалась въ волны плоскость ярмарки, отдѣленная отъ гористаго Нижняго Новгорода широкой Окой. Ярмарочный соборъ, какъ мачта, какъ острый шпиль, выдѣлялся надъ этимъ клиномъ.

Почти противъ нашей пристани круто поднималась вверхъ набережная, покрытая кустами и деревьями. На самомъ верху ея красиво возвышался губернаторскій дворецъ.

Наша переправа длилась минутъ двадцать. Боркская пристань была совершенная деревня. Наскоро сбитые балаганы замѣняли здѣсь лавки. Мужики и бабы торговали въ ларяхъ или просто подъ открытымъ небомъ.

Вся толпа переправившагося народа, вмѣстѣ съ повозками и скотомъ, торопясь и толкая другъ друга, повалила безпорядочной гурьбой наверхъ. Но здѣсь берегъ былъ гораздо ниже, чѣмъ городской. Хорошее шоссе тянулось до села Борокъ, находившагося верстахъ въ трехъ отъ пристани. Но по деревенскому обычаю по шоссе никто не ѣхалъ, потому что лошадямъ жестко исти, какъ объясняли мужики. Ёхали вдоль шоссе по песку.

Вѣроятно, Борки стояли когда-то въ лѣсу, потому что объ этомъ свидѣтельствовало ихъ названіе, но теперь вокругъ нихъ не было и кустика. Волга далеко закатывала сюда свои волны, и мѣстами синѣли здѣсь настоящія озера. Видно было, что въ этомъ краю много воды.

Село Борки ничего особеннаго собою не представляло, и, миновавъ его, я поѣхалъ дальше по тропинкѣ. Дорога, хуже которой я не видывалъ, сколько ни странствовалъ на велосипедѣ по Россіи, вѣроятно, не ремонтировалась со временъ Стеньки Разина. Глубокій бѣловатый песокъ, въ которомъ вязла нога, заставлялъ лошадей выбиваться изъ силъ, и мужики, большей частью, шли около своихъ телѣгъ, не садясь на нихъ. Но лошади были очень хорошія, высокія, стройныя, сильныя. Очевидно, на другихъ нечего было и думать ѣздить.

Къ вечеру я остановился на почтовой станціи. Она представляла собою нѣчто въ родѣ «Ноева ковчега». Двухъэтажный деревянный домъ занятъ былъ внизу хозяевами и ямщиками, а наверху были комнаты для проѣзжихъ.

Рослый старикъ съ длинной бѣлой бородой, ястребинымъ носомъ и нависшими длинными, густыми бровями надъ зоркими сѣрыми глазами, держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ свою многочисленную семью. Молодцоватые сыновья его, ихъ жены, дѣти, все ходили передъ дѣдушкой по стрункѣ. Огромный дворъ по здѣшнему обычаю былъ сплошь покрытъ навѣсомъ. Сгнившая подстилка изъ соломы, обильно наваленная на дворѣ, вѣроятно, выносилась только разъ въ годъ, потому что лошади и свиньи утопали въ ней.

Къ большой избѣ примыкали клѣти, коридоры, переходы, кладовки, боковуши. Вспыхни пожаръ—и весь этотъ огромный улей мигомъ бы сгорѣлъ дотла.

Выпивъ стаканъ чая и закусивъ ржанымъ хлѣбомъ, я легъ на клеенчатый диванъ и уснулъ, какъ убитый. Я проснулся на зарѣ и, расплатившись съ хозяиномъ, тотчасъ пустился въ дальнѣйшій путь.

За околицей начиналось шоссе, что было для меня пріятной неожиданностью, но шоссе скоро кончилось, и я, миновавъ водяную мельницу, вѣхалъ въ густой сосновый и еловый лѣсъ.

Чѣмъ ближе къ Семенову, тѣмъ лѣсовъ становилось больше и больше, а мѣстность принимала дикій, мрачный характеръ... Я

зналъ, что недалеко течетъ знаменитый Керженецъ, впадающій въ Волгу, съ раскольничьими скитами, столь живо описанными Мельниковымъ. Рѣдко, рѣдко попадались навстрѣчу мужикъ или баба

Раза два я встрѣчалъ почту. Ыздили тутъ въ легкихъ плетеныхъ бричкахъ, поставленныхъ на длинныя изъ тонкихъ досокъ дроги. Дѣйствительно такой экипажъ, какъ нельзя лучше, былъ пригоденъ для здѣшной тяжелой дороги.

Въ одной изъ деревень я остановился на постояломъ дворѣ, чтобы закусить. Тутъ, какъ разъ, присталъ обозъ, и ямщики, сидя въ избѣ за большимъ столомъ, пили въ прикуску чай изъ большого пузатаго, до странности блѣднаго самовара. Это чаепитіе было безконечно, и я разговорился съ ними. Какъ всегда, они интересовались дѣломъ, за какимъ я ѣду, потому что они не могли представить себѣ, чтобы одна любознательность могла увлечь меня такъ далеко. Я началъ спрашивать ихъ про Семеновъ и про здѣшніе промысла. Ямщики съ перваго же слова стали жаловаться на то, что лѣсъ очень вздорожалъ, а цѣны на щепной товаръ остались прежними и держатся много лѣтъ безъ всякаго измѣненія.

— У насъ, баринъ,—говорили они,—народъ дикій. Живемъ мы въ лѣсу и молимся пню.

Они рассказали мнѣ, что собственно въ Семеновѣ ложекъ почти не дѣлаютъ, а занимаются этимъ производствомъ только окрестныя деревни.

— Ты поѣдешь, самъ увидишь,—говорили они.—Въ городѣ, у насъ, ложки красятъ, а дѣлаютъ ихъ въ Медвѣдевѣ, въ селѣ Ларионовѣ, въ Кондратьевѣ, въ Дѣяновѣ, Содомовѣ и Хвостиковѣ.

— Развѣ лѣсъ тутъ не крестьянскій?—спросилъ я.

— Все казенный,—отвѣчали ямщики.—Суди самъ, баринъ, какой ты ни будь исправный ложкарь, а болѣе пятидесяти рублей за зиму тебѣ не выработать. А изъ нихъ двадцать рублей надо за дерево отдать.

— Почему же лѣсъ тутъ такъ дорогъ?—спрашивалъ я.—Вѣдь, кромѣ васъ, лѣсу тутъ никто не покупаетъ?

— Оно дѣйствительно такъ,—отвѣчали ямщики.—Поставлены тутъ лѣсничіе, вотъ они цѣны и возвышаютъ. Взять хоть бы дрюковскаго лѣсничаго, вѣдь безъ ножа рѣжетъ, слова поперекъ ему не скажи, сейчасъ прочь отгонить, покупай себѣ лѣсъ, гдѣ хочешь.

— Какъ это прочь отгонить?—полюбопытствовалъ я.

— Видишь ли, сперва у насъ лѣсъ продавался дѣлянками. Отмежуетъ лѣсничій полосу, которую можно вырубить, вотъ онъ и продаетъ ее тому, кто больше дастъ. Вотъ изъ-за этого лѣса и бьются на перебой. Богатей накупить дѣлянокъ и бѣдному съ большой пользой перепродаетъ. Но теперь этотъ обычай почти ужъ вывелся. Теперь сами лѣсничіе рубятъ у себя лѣсъ, привозятъ его на базаръ въ Семеновъ. На наше дѣло идетъ только береза, не

слишкомъ, положимъ, толстая. Кубикъ—кубическая сажень, стоитъ десять рублей и двѣнадцать. Ничего работнику не остается, вотъ только то, что щепками избу топимъ.

— А вы какой товаръ возите?—спросилъ я ямщиковъ.

— Извѣстно какой: ложки, уполовники, совки, рѣшета. Весь этотъ товаръ возимъ мы по пятнадцати копеекъ съ пуда. Случается, въ распутицу, беремъ мы и по двадцать пять и по тридцать, только рѣдко.

— Лошади у васъ хорошия. Недешевыя эти лошади?

— Да на плохихъ-то не уѣдешь. Рублей по полтора за иную платимъ.

II.

Солнце начинало уже сильно припекать, когда я доѣхалъ до деревни Осинки. Я сѣлъ на заваленкѣ у одной избы въ тѣни, въ холодкѣ.

День былъ праздничный, и на улицѣ виднѣлись бабы и дѣвки въ красныхъ сарафанахъ.

Ко мнѣ подошелъ крестьянинъ, который съ любопытствомъ глядѣлъ на меня. И дѣйствительно, здѣсь, въ этой глуши, я съ моимъ стальнымъ конемъ долженъ былъ возбуждать недоумѣніе и удивленіе.

Вскорѣ подошелъ другой мужикъ, за нимъ третій, и образовалась порядочная кучка. Я спросилъ, не работаютъ ли въ этой деревнѣ ложки, и мнѣ отвѣчали, что половина деревни занимается хлѣбопашествомъ, а другая половина—ложкари.

— Вотъ поѣдете дальше: въ Хвостиковѣ, тамъ всѣ отъ мала до велика ложки работаютъ,—отвѣчали мнѣ.

— Я никогда не видалъ, какъ дѣлаютъ ложки,—сказалъ я.— Гдѣ бы тутъ посмотрѣть?

— Да съ великимъ удовольствіемъ, хоть бы я покажу,—отвѣтилъ широкоплечій, небольшого роста мужикъ.

— Нѣтъ, ты постой, вотъ Софронъ покажетъ. Софронъ тутъ насупротивъ живетъ, а ты пообожди.

Изъ толпы выдѣлился мужикъ лѣтъ тридцати, съ умнымъ, рябымъ лицомъ, клинообразной бородкой и сѣрыми глазами. Одѣтъ онъ былъ бѣдно, но чисто.

Онъ позвалъ меня въ свою избу, находившуюся напротивъ.

Мы вошли въ холодную клѣть, которая была пристроена къ его избѣ, большую часть внутренности которой по здѣшнему обычаю занимала русская печь.

Бабы озабоченно засуетились, увидавъ меня. Мнѣ подали табуретку, на которую я усѣлся въ этой клѣти. Софронъ сѣлъ на пенекъ и поставилъ другой пень предъ собою; ему подали «инстру-

ментъ», который былъ незамысловатъ и состоялъ изъ небольшого, весьма остраго топорика съ короткой рукояткой и другого топорика поменьше. Лезвее его въ видѣ верхней части клюва птицы представляетъ полукруглую стамеску. Имъ долбятъ ложки, и называется онъ тесломъ. Кромѣ того, необходимо еще имѣть рѣзецъ-кольцо, насаженное на рукоятку, имъ вычищаютъ ложки изнутри, и машинку, напоминающую приборъ, которымъ чинятъ карандаши. Ею дѣлаютъ закругленія съ каемочками на концѣ ручки ложки. Впрочемъ машинки у Софрона не было.

— Мы дѣлаемъ ложки изъ березы,—говорилъ онъ, взявъ брусокъ вершка четыре съ половиной длиною и около вершка толщины. Вотъ это называется баклушей. У насъ изъ лѣса баклушни мальчишки заготавливаютъ. Для насъ, чѣмъ лѣсъ сырѣе, тѣмъ лучше. Отъ сырого инструментъ не тупится.

Съ этими словами онъ взялся за топорикъ, приготовляясь обтесывать баклушу.

Я вынулъ часы и замѣтилъ время. Софронъ уперъ баклушу въ пенекъ, находившійся передъ нимъ, и быстро топоромъ придалъ ей форму недолбленной ложки. Затѣмъ онъ тесломъ, двумя или тремя ударами, выдолбилъ ее и въ одно мгновеніе вычистилъ внутренность кольцеобразнымъ рѣзцомъ, острымъ, какъ бритва. Затѣмъ ножикомъ онъ выправилъ ручку. Ложка была готова. Я посмотрѣлъ на часы; онъ работалъ тринадцать съ половиной минутъ.

Ложка была сдѣлана мастерски, чисто, каждый штрихъ въ ней свидѣтельствовалъ о твердой и опытной рукѣ мастера.

Я подивился его работѣ.

Кругомъ мужики говорили:

— Софронъ Морозовъ у насъ лучшій работникъ на деревнѣ, а спросите его, каковы его достатки. Жена, четверо дѣтей. Чайкомъ побаловаться не приходится. Все на черномъ хлѣбѣ сидятъ.

— Оно точно такъ,—сказалъ Софронъ, обернувъ ко мнѣ свое умное, покраснѣвшее отъ быстрой работы лицо.—Чтобы оправдать весь расходъ, долженъ я встать въ шесть часовъ, а лечь за полночь, а отдыхаю днемъ и вовсе мало. Этакъ я могу сдѣлать сто двадцать ложекъ, и съ тысячи я получаю три съ половиной и четыре рубля, впрочемъ у насъ еще счетныя ассигнаціи, такъ что приходится четырнадцать рублей пятнадцать копеекъ.

— Какъ такъ на ассигнаціи?—удивился я.

— Это наши богатеи, закупщики, чтобы не такъ замѣтно было, счетъ на ассигнаціи со стороны ведутъ. На серебро-то, видишь, мало приходится, а на ассигнаціи словно больше.

— Болѣе всего лѣсъ дорогъ. Лѣса у насъ своего нѣтъ. Изъ-за лѣса бьемся и бѣдствуемъ,—говорилъ Софронъ.—Еслибъ платить за кубикъ хоть шесть рублей, вотъ бы вздохнулъ свободно, а то казенный лѣсничій всѣ десять сорветъ, а не то и двѣнадцать.

— Кто же назначаетъ цѣны за лѣсъ?
 — Это намъ неизвѣстно,—говорили крестьяне.
 — Еслибъ нашелся кто, похлопоталъ, чтобы цѣны спустили, вотъ бы благодѣтель былъ.

— Кто же у васъ покупаетъ ложки?
 — У насъ каждый четвергъ базаръ, значить, въ Семеновѣ. Туда мы и веземъ. Какъ обѣдня отойдетъ, наши богачи и выходятъ: Аеонька Курносовъ, Степанъ Закрутихинъ, Ладонкинъ. Человѣкъ пять крупныхъ-то наберется. Больше всѣхъ беретъ Курносовъ. Ну, и куражатся они, какъ хотятъ. Скажутъ цѣну, и отдавай перепеча, а не возьметъ, съ голоду помрешь. Окромъ, вѣдь, некому продать.

— А въ Нижній Новгородъ развѣ нельзя послать?—перебилъ я.
 — Не къ кому послать. Наша ложка бѣлая, некрашенная. Ее еще надо докончить. Вѣдь у насъ ложечка столько рукъ пройдетъ!
 — Почему же вы не красите сами?
 — Для этого и заведеніе надобно большое. Силы у насъ нѣтъ. Красятъ въ Семеновѣ. Нужна печь, вотъ въ печи-то и все дѣло. Олифу у насъ на базарѣ же продаютъ.

— Такъ, значить, по деревнямъ нигдѣ ложекъ не красятъ?
 — Нигдѣ, возьми хоть самыя большія села, и оттуда тоже бѣлый товаръ возятъ на базаръ въ Семеновъ.

Мало-по-малу, предо мной изъ дальнѣйшихъ разспросовъ стало выясняться положеніе кустарнаго промысла въ Семеновѣ.

Въ Семеновѣ жили кулаки-скупщики и красильщики. Кулаки скупали по возможно низкой цѣнѣ весь товаръ, какой производили окрестные крестьяне, красили его и перепродавали въ разныя мѣста.

Безотрадность и тяжелое положеніе ложкаря работника, благодаря этому распредѣленію труда, были такъ велики, что дѣйствительно помимо кулака онъ ничего не могъ сдѣлать. Главнымъ препятствіемъ очевидно являлось тутъ то обстоятельство, что ложки нельзя было выкрасить безъ желѣзной печи, а эта печь стоила дорого, рублей до пятисотъ, и никто изъ работниковъ не могъ ее выстроить на свой счетъ. Но если бы деревня, работающая ложки, выстроила себѣ общую красильню, то, конечно, она могла бы избавиться отъ посредничества кулака и его пагубнаго вліянія. Но до этого мужики не додумались.

Распрощавшись съ Софрономъ Морозовымъ, я поѣхалъ дальше.

Дорога становилась все лучше и лучше, хотя по временамъ встрѣчались полосы глубокаго песку. Верстахъ въ восьми отъ Семенова начинается громадный дикій лѣсъ. Глухо, должно быть, бывало въ этомъ лѣсу зимой. Въ немъ водились волки и медвѣди, не говоря ужъ о лисицахъ и зайцахъ.

Миновавъ его, я остановился въ Хвостиковѣ. Семеновъ впереди виднѣлся, какъ на ладони. Онъ лежалъ среди полей, по скатамъ

отлогато холма. Сѣрые дома его, лишеныя всякой архитектуры, похожіе одинъ на другой, какъ двѣ капли воды, уныло тѣснились другъ около друга. Только золотой куполь собора и нѣсколько бѣлыхъ каменныхъ строеній придавали нѣкоторое разнообразіе этой унылой картинкѣ.

Въ Хвостиковѣ я тоже остановился у одной избы, желая укрыться отъ палящихъ лучей солнца. Хозяева были дома и попросили меня войти въ горницу. Они жили зажиточно. Въ холодной клѣтѣ я увидалъ нѣсколько огромныхъ плетеныхъ коробовъ, наполненныхъ доверху бѣлыми ложками. Тутъ было ихъ нѣсколько тысячъ.

Семья этихъ ложкарей состояла изъ двухъ братьевъ, стариковъ. Изъ нихъ одинъ былъ женатъ, имѣлъ взрослого сына и дочь. Этотъ сынъ произвелъ на меня такое же впечатлѣніе, какое и Софронъ Морозовъ. У него тоже было бойкое осмысленное лицо и привычныя къ работѣ руки.

На стѣнѣ висѣло нѣсколько рѣзцовъ, тесель и топориковъ. Его отецъ, крѣпкій старикъ, долбилъ кленовую ложку, какъ онъ объяснилъ мнѣ.

Работать кленовую ложку гораздо труднѣе, потому что клень очень твердъ, но зато и выгоднѣе, такъ какъ за сотню кленовыхъ ложекъ платятъ семьдесятъ пять копеекъ, тогда какъ за сотню березовыхъ какъ Софронъ Морозовъ, такъ и Никифоръ Маслениковъ получали всего двадцать пять или двадцать восемь копеекъ.

Если взять въ соображеніе стоимость лѣса, то выйдетъ, что ложкарь за березовую ложку получаетъ одну шестую копейки. Какое же долженъ быть барышъ кулаковъ и торговцевъ, когда всюду эти ложки продаются за двѣ или за три копейки, т. е. двадцать или тридцать рублей за тысячу? Трудно себѣ представить болѣе безсовѣстную и жестокую эксплуатацію.

Я видѣлъ баклуши, изъ которыхъ вытесывались эти ложки. Сколько надобно труда и умѣнія, чтобы превратить эту грубую деревяшку въ тонкую и не лишнюю своеобразнаго изящества ложку, и все это за одну шестую копейки.

Правы были мужики, говорившіе, что Софронъ сидитъ только на черномъ хлѣбѣ.

Маслениковы очевидно были достаточнѣе, но это объяснялось тѣмъ, что работниковъ было нѣсколько, а, кромѣ того, помогала и дочь одного изъ стариковъ, Маша, бывшая крапильщицей, какъ мнѣ объяснилъ ее братъ.

— Видишь ли, — говорилъ онъ, — инныя ложки у насъ расписныя, значитъ, на нихъ разные узоры. Занимаются этимъ дѣвушки, крапильщицы. Получаютъ онѣ тридцать копеекъ съ тысячи.

— Марья, да покажи, какъ это дѣлается, — обратился онъ къ сестрѣ, и молодая дѣвушка тотчасъ принесла баночку съ сурникомъ,

съ черной и зеленой краской. Она взяла нѣсколько гусиныхъ перьевъ и съ необыкновенной быстротой начертила толстогрудую барыню съ длиннымъ подбородкомъ и съ крошечной шляпкой на взбитыхъ волосахъ. Ручка у барыни вышла крошечная, дѣтская, вокругъ барыни крапильница набросала фантастическіе цвѣты въ видѣ розъ и листьевъ. Корсажъ у барыни она сдѣлала изъ краснаго сурика, поясъ и рукава зеленаго цвѣта и такія же зеленыя ленты. Листья кругомъ тоже были зеленые, а розы красныя. На это потребовалось такъ мало времени, что я не вѣрилъ моимъ глазамъ. Молча и быстро она взяла другую бѣлую ложку и на ней, какъ автоматъ, нарисовала точь въ точь такое же изображеніе. Было ясно, что этой барыней крапили тутъ ложки тысячами, оттого такъ и набили руку.

— Ты чтонибудь другое,—сказалъ ей братъ.

Тогда она начертила фантастическій городокъ съ куполами и съ красными крышами.

У нея было, повидимому, очень мало сюжетовъ. Но особеннаго разнообразія въ нихъ и не требовалось.

Я взялъ ложку и начертилъ на ней сердце, пронзенное стрѣлой. Это ни крапильницѣ, ни ея брату не понравилось.

— Оно можно попробовать,—сказала она,—только такой рисунокъ у насъ не пойдетъ.

Я заинтересовался, откуда старикъ Маслениковъ получаетъ узорчатый кленъ, въ родѣ того, который идетъ на спинки скрипокъ.

— Это мнѣ Курносовъ даетъ,—объяснилъ онъ.—Онъ своихъ приказчиковъ куда-то далеко посылаетъ, за тысячи верстъ. Оттуда кленъ въ такихъ баклушахъ къ намъ и идетъ. Такъ-то онъ очень жесткій, что надобно его распаривать въ водѣ, но все-таки трудно долбить. У меня съ рукъ никогда мозоли не сходятъ.

Онъ мнѣ показалъ эти мозоли, какихъ я, признаться, еще не видывалъ.

— Съ такой работой,—говорили отецъ и сынъ,—пользы никакой нѣтъ, вотъ только стружками топимъ зимой. Земля у насъ плохая, родить худо, иной разъ и на сѣмена не соберешь. Никакихъ другихъ промысловъ нѣтъ, сторона глухая, просто не живемъ, а погибаемъ.

— Что бы могло вамъ помочь?—допытывался я.

— Лѣсъ дорогъ,—говорили они:—ежели бы за кубикъ рубликовъ пять, все бы было ничего, а двѣнадцать — силъ нѣтъ платить. Вѣдь на все цѣна растеть, только ложки наши словно заколдованы. Вотъ взять хоть бы ложку круглую, большую, крѣпкую, ей имя межеумокъ, платятъ съ тысячи работнику по положенному три рубля, другому три рубля шесть гривенъ. И такая цѣна стоитъ споконъ вѣку. Мы, слава Богу, получаемъ четыре рубля. Это я вамъ говорю безъ ассигнацій.

— У насъ вѣдь на ассигнаціи,—смѣясь прибавилъ старикъ.— На ассигнаціи-то четырнадцать съ полтиной приходится. Затѣмъ у насъ берутъ ложку тонкую, круглую. Такъ она и называется—тонкая и круглая. Затѣмъ идутъ «востроносые». Полубаска, та дороже, по шесть съ полтиной выходитъ. Есть еще ложка вострая, серебрушка, и самая маленькая—это симбирка. Уполовники у насъ рубль двадцать сотня, а совки пять, шесть рублей сотня, смотря по величинѣ. Впрочемъ есть совки и два рубля сотня, только эти ужъ очень маленькіе.

Въ селѣ Медвѣдевѣ работаютъ востроносые ложки, въ Ларіоновѣ полубаски, въ Дѣяновѣ уполовники и совки, а въ самомъ Семеновѣ работаютъ очень мало, да и то только осенью.

Маслениковы произвели на меня самое выгодное впечатлѣніе. Я видѣлъ крѣпкую, стойкую семью труженниковъ. Я видѣлъ ихъ благосостояніе, созданное этимъ постояннымъ, напряженнымъ трудомъ. Я думалъ о томъ, что стоило болѣзни подкосить одного изъ этихъ работниковъ, и все ихъ добро, нажитое съ такими усилиями, поидеть ни за что. Я думалъ о тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ, въ которыхъ изнемогалъ этотъ край. Но я еще не видалъ всего и не хотѣлъ торопиться съ моими выводами. Отсюда до Семенова я доѣхалъ въ нѣсколько минутъ. То унылое впечатлѣніе, которое городъ произвелъ издали, вблизи еще болѣе усиливалось.

Тутъ мнѣ тоже предстояли встрѣчи и приключенія, но расскажу все по порядку.

III.

Подъ самымъ Семеновомъ нагнала меня грозная туча, съ дождемъ и вихремъ. Я едва успѣлъ укрыться въ маленькій и грязный трактирчикъ, какъ косые полосы дождя покрыли небо, дома и улицы.

Въ трактирчикѣ находились мужики, мастеровые и мелкіе торговцы. Самъ хозяинъ съ семействомъ сидѣлъ за столомъ и ѣлъ жаренаго леща съ картофелемъ и лукомъ.

Это былъ плотный мѣщанинъ съ хитрымъ лицомъ. Жена его, бѣлая и пухлая баба, повязанная платочкомъ, говорила нараспѣвъ. Дѣти сидѣли насупившись.

Мнѣ прислуживалъ человекъ, по имени Ларіонъ. Онъ оказался очень словоохотливымъ и смышленнымъ малымъ. Когда онъ узналъ, что я путешествую, не имѣя никакого срочнаго дѣла, и что бывалъ уже въ многихъ мѣстахъ, онъ, повидимому, возмѣлъ ко мнѣ большое уваженіе.

— Я здѣсь тоже въ услуженіи послѣдній день живу,—съ особенной твердостью выговорилъ онъ, ударяя на словѣ: послѣдній.

— Давно ли вы тутъ служите?

— Вотъ ужъ скоро семь лѣтъ. Я ухожу по доброй волѣ. Вотъ, ежели сказать правду, хочу свое дѣло начать, красильное заведеніе.

— Кажется, для этого нуженъ капиталъ?—спросилъ я.

— Это такъ, капиталъ дѣйствительно нуженъ, но вотъ для того-то я и служилъ. Волѣ пятисотъ рублей у меня накоплено.

— Сколько же вы получали жалованья?

— Оно небольшое, семь рублей на хозяйскихъ харчахъ, ну, конечно, есть доходъ, на чай даютъ. Не легко было накопить,—присовокупилъ онъ, помолчавъ.

Я въ этомъ нисколько не сомнѣвался, и внимательноѣе посмотрѣлъ на Ларіона.

Это былъ бѣлокурый парень, лѣтъ двадцати пяти, сильнаго сложенія. Какое-то упорство и рѣшимость выражались на его лицѣ. Видно было, что онъ говорилъ правду.

— Кто же у васъ будетъ завѣдывать этимъ красильнымъ заведеніемъ? или вы сами это дѣло знаете?—продолжалъ я спрашивать.

— Это дѣло у насъ извѣстное, хитрости никакой нѣтъ. Всякій знаетъ, какъ красить. Если вамъ это любопытно, поѣзжайте, я вамъ скажу адресъ. Тутъ у Григорія Ѳедорова Пашина, на Новой Верхней улицѣ, хорошая красильня, въ собственномъ домѣ. Онъ мнѣ дядей приходится. Онъ солдатомъ сперва былъ, потомъ ложкаремъ и понемногу выбился въ люди, а ужъ теперь ложками не занимается, а красить ихъ Курносову. Вы у него побывайте. Человѣкъ онъ обстоятельный, грамотный,—все онъ вамъ, какъ по писанному, расскажетъ и покажетъ. Въ этомъ дѣлѣ самое главное—надо завести желѣзную печь. Одна такая хорошая печь рублей двѣсти стоитъ, ну, затѣмъ олифа, скороварка, лотки и все прочее. Очень бы выгодное дѣло было, ежели бы товаръ не заставляли, олифу и, положимъ, сурикъ, у нихъ, у хозяевъ, брать. Потому, посудите сами, на базарѣ олифа шесть съ половиной будетъ, а Курносовъ ставитъ ее по десяти рублей своимъ красильщикамъ. Наши богатеи въ своихъ кладовыхъ всякій товаръ держатъ, и вывѣски у нихъ есть, только постороннимъ не продаютъ; да кто у нихъ брать-то станетъ. Со своихъ рабочихъ берутъ, примѣрно, такъ: чай стоитъ полтора рубля фунтъ, они берутъ съ красильщика два. Сахаръ у насъ двадцать копеекъ фунтъ, а красильщикъ плати двадцать пять.

Мнѣ отвели въ этомъ трактирчикѣ прилично убранную, наверху въ помѣщеніи хозяина, комнату. Ларіонъ принесъ мнѣ туда кушанье и продолжалъ бесѣду со мной. Видно было, что ему хотѣлось поговорить.

Въ живыхъ словахъ описывалъ онъ мнѣ положеніе Семеновскаго уѣзда и города. Онъ въ сущности повторялъ рассказы Софрона Морозова и Масленикова.

Лѣсничество тутъ было Барановское, Кахальское и Дрюковское.

— Дрюковской лѣсничій, Полусоболевъ, былъ хуже и прижимистѣе всѣхъ,—говорилъ Ларіонъ.— Богатеи, что хотятъ, тутъ и дѣлають. Съ исправникомъ и становымъ въ большой дружбѣ. Весь народъ у нихъ въ кабалѣ. Кого хотятъ, того и разоряютъ, у кого дочь или сестру, какъ овцу, со двора уведутъ.

— Вообще у насъ женщины и дѣвочки гуляція,—сказалъ онъ, безнадежно махнувъ рукой.

Болѣе всего вольничаютъ красильщицы и крапильщицы. Эти ужъ таскаются съ тринадцати и четырнадцати лѣтъ. Сквернословіе, табакъ, вино, частыя драки, безграмотность, бѣдность, праздность и ранняя смерть—вотъ что, по словамъ Ларіона, характеризовало ихъ жалкую участь.

Но болѣе всего былъ онъ возстановленъ противъ кулаковъ и полиціи.

— Полиція у насъ жестокая,—говорилъ онъ.— Въ участокъ кого заведутъ, мертвымъ боемъ бьютъ. За всякую малость—въ холодную. И жаловаться некому. Окружный судъ,—отчетливо проговорилъ онъ, щеголяя своей образованностью,—находится въ Нижнемъ Новгородѣ и пріѣзжаетъ сюда только четыре раза въ годъ для разбора накопившихся дѣлъ. А какъ полицейскіе живутъ, поглядѣли бы вы, что князь!

Грустная, унылая безнадежность вѣяла отъ его рѣчей. А этотъ человѣкъ уже очевидно выбрался изъ рабства, въ которомъ коснѣли его ближніе, и самъ готовился сдѣлаться крѣпкимъ, независимымъ дѣльцомъ.

Отпустивъ его, я отдохнулъ и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, отправился къ Пашину.

Дождь пересталъ, разорванныя тучи быстро проносились по блѣдному небу. Широкія улицы Семенова, нигдѣ не мощенныя, были покрыты глубокимъ пескомъ, поросшимъ у заборовъ крапивой. Извозчиковъ въ городѣ не было, не слышался стукъ колесъ, и это производило странное впечатлѣніе, точно городъ былъ погруженъ въ вѣчную непробудную спячку.

Ничто не напоминало тутъ города. Не было по-городски одѣтыхъ мужчинъ и дамъ. Попадавшіеся обыватели ходили или въ пиджакахъ или въ поневахъ. Обыкновенную мужскую одежду составляла рубанка съ чернымъ жилетомъ, поверхъ украшеннымъ мѣдной цѣпочкой, и штаны съ высокими сапогами. Нѣсколько лавокъ гнѣздились въ каменныхъ домахъ около собора. Вдоль улицъ тѣснились деревянные, сѣренскіе, невзрачныя дома, которые служили жилищемъ ложкарямъ, красильщикамъ и тому подобному мелкому мастеровому народу.

Не было тутъ ни огородовъ, ни садовъ. Около собора былъ маленькій прудъ, похожій на рыбный садокъ, окруженный низенькими зелеными перилами. Соборъ стоялъ на вершинѣ холма, и всѣ

дома ползли отъ него во всѣ стороны внизъ. Скучнѣе, печальнѣе, однообразнѣе и бѣднѣе Семенова я не видывалъ города.

Полицейская власть, какъ я потомъ узналъ, была здѣсь все- сильна. Въ городѣ былъ острогъ, или тюремный замокъ, по офи- циальному выраженію. Это было старое, дряхлое зданіе, выкрашен- ное въ желтую и черную краску и окруженное частоколомъ. Въ Семеновѣ находился воинскій начальникъ, въ распоряженіи кото- раго было около двадцати пяти человекъ команды. Больше ника- кихъ войскъ въ Семеновѣ не было. Здѣсь не было ни чиновниковъ, ни интеллигенціи, кромѣ доктора, слѣдователя и какого-то изъ чи- новъ земства. Жалкій городъ и жалкіе горожане!

Домъ у Пашина былъ новый, бревенчатый, въ два этажа. Дворъ, какъ водится, былъ у него крытый, и тамъ стояли коровы и ло- шади. Все тутъ обличало достатокъ хозяина. Самъ онъ, человекъ лѣтъ пятидесяти, черный, съ красноватымъ опухшимъ лицомъ и маленькими зоркими глазками, былъ приведенъ въ полное недоумѣ- ніе моимъ появленіемъ. Прибѣжала его жена и свояченица, двѣ или три молоденькія и хорошенькія красильщицы, но всѣ они успо- коились довольно скоро, узнавъ, что я явился не отъ полиціи, а по собственному желанію, и охотно вызвались показать мнѣ всѣ тайны своего ремесла.

Сперва Пашинъ подробно и обстоятельно рассказалъ мнѣ, какіе бываютъ сорта ложекъ, что ужъ впрочемъ я хорошо зналъ, но онъ пояснилъ мнѣ, сколько денегъ даютъ за окрашиваніе того или другого сорта.

— Межеумокъ красимъ мы,—говорилъ онъ:—за полтора рубля тысячу, симбирку—рубль двадцать копеекъ, а тонкія идутъ за рубль тридцать.

Онъ повелъ меня въ красильню. Это была изба, похожая на баню, находившаяся тутъ же на его дворѣ. Добрую часть ея за- нимала гладкая желѣзная печка, передъ которой на длинномъ лоткѣ, сажени въ двѣ длину, безпорядочной грядкой лежали ложки разныхъ сортовъ и величинъ. Синій чадъ и острая гарь отъ пригорѣвшаго масла стояли въ невыразимо жаркой и душной ком- натѣ, и безъ привычки нельзя было въ ней оставаться.

Одна изъ красильщицъ, бойкая и ловкая, которую называли Ольгой, вызвалась показать мнѣ, какъ красятъ ложки. Быстрота ея движеній была изумительна. Еще раньше сестра Никифора, Маша, удивила меня той скоростью, которой она крапила барынь и городки съ красными крышами. Теперь эта Оля дала мнѣ обра- зецъ еще большей быстроты въ работѣ. Она взяла бѣлую ложку, мгновенно натерла ее жидкимъ тѣстомъ и отбросила. Такъ она поступила со второй и третьей и четвертой, затѣмъ она взяла одну изъ другихъ ложекъ и точно такъ же въ одинъ мигъ обтерла ее жид- кимъ льнянымъ масломъ, окунувъ пальцы въ кадочку съ олифой

Я остановилъ ее и попросилъ, чтобы мнѣ рассказали по порядку, въ чемъ состоитъ процессъ окраски ложекъ.

Тогда Пашинъ и дѣвушки, перебывая другъ друга, сообщили мнѣ слѣдующее.

Берутъ пшеничную муку перваго сорта, разводятъ жидкое тѣсто, которое называется сбойкой. Въ котель со сбойкой кладутъ немного олифы, масла и скороварки. Скороварка дѣлается такъ: на пудъ льняного масла кладется полтора фунта сурику и двѣ ложки мумры—муми—и варится все это три часа. Ложку сперва покрываютъ сбойкой, когда она высохнетъ, ее второй разъ покрываютъ сбойкой, въ третій—покрываютъ олифой и скороваркой, въ четвертый—опять олифой и скороваркой, въ пятый—ложка отжаривается въ печи для колера. Послѣ каждаго раза покрытія ложку сажаютъ въ печь для сушки, чтобы дать возможность производить безъ перерыва работу.

Работницы, красильщицы—все дѣвушки. Онѣ получаютъ по пятнадцати копеекъ съ тысячи, объясняли мнѣ. Такихъ работницъ въ красильнѣ три или четыре. Всѣ онѣ встаютъ въ четыре часа утра, а ложатся въ одиннадцать, двѣнадцать часовъ ночи. При такомъ напряженномъ трудѣ онѣ могутъ заработать только девяносто копеекъ въ недѣлю. Самыя же лучшія, какъ исключеніе, могутъ заработать рубль двадцать копеекъ въ недѣлю. Горечь отъ олифы и масла раздражаетъ кожу, и глаза наливаются кровью. Не мудрено, что дѣвушки приходятъ въ одурѣніе и, чтобы забыться, пьютъ водку и предаются разгулу.

Пашинъ тоже жаловался мнѣ на кулаковъ. Онъ говорилъ, что сбойка на базарѣ стоитъ рубль пятьдесятъ копеекъ пудъ, а у кулаковъ онъ принужденъ брать за два рубля. Олифа стоитъ семь рублей пудъ, лучшая, а у кулаковъ—десять рублей. Масло для скороварки—шесть рублей или пять рублей пятьдесятъ копеекъ, у кулаковъ—десять рублей. Мука семьдесятъ копеекъ пудъ, а у кулаковъ восемьдесятъ пять и девяносто. Керосинъ, который не дорогъ въ этомъ краю, они продаютъ по пяти копеекъ фунтъ.

— Если бы не кулаки, богатеи наши, дѣло очень выгодное бы было,—говорилъ онъ.—Олифу варятъ въ слободѣ Городецъ. Это отсюда верстахъ въ сорока. Варятъ ее тамъ бабы мѣсяцевъ шесть, семь, не вынимая котла изъ печи. Такъ дѣды и прадѣды варили, и онѣ крѣпко на томъ стоятъ. Московская, скажемъ, или петербургская олифа совершенно намъ не идетъ, потому что она другому варена. Двумя пудами олифы я окрашиваю семнадцать тысячъ ложекъ. Дровъ у меня идетъ три сажени, по четыре рубля сажень—двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ. Крашу я по шесть тысячъ ложекъ ежедневно, двадцать шесть дней. По воскресеньямъ работницы гуляютъ. Вотъ ежели взять мнѣ олифы по десять рублей, то два пуда и выйдетъ двадцать рублей. Окрашиваніе семнадцати

тысячъ ложекъ обходится мнѣ въ двадцать пять рублей пятьдесятъ копеекъ. Сами рассчитайте, сколько мнѣ останется.

Когда мы возвратились изъ красильни въ комнату, гдѣ жилъ Пашинъ, я спросилъ его, какъ идетъ торговля ложками.

— Въ Семеновѣ у насъ базары,—сказалъ онъ.—Но теперь лѣтомъ базары плохіе, потому что въ Нижнемъ ярмарка. Всѣ «спекулянты» туда уѣхали,—ввернулъ онъ столичное словечко.—А зимой хорошіе; лучше всего торговля идетъ передъ большими праздниками—передъ Рождествомъ и передъ Пасхой.

Я поблагодарилъ Пашина за сообщенныя свѣдѣнія и вернулся къ себѣ.

IV.

Черезъ нѣсколько дней я хорошо ознакомился съ Семеновымъ.

Вѣчно пустынный и безлюдный, онъ не оживалъ даже къ вечеру, когда въ мастерскихъ кончались работы. Какъ мало тамъ было дѣтей, и какія то были жалкія и запуганныя дѣти! Мнѣ говорили, что Семеновъ бываетъ оживленъ только въ базарные дни и по воскресеньямъ. Въ среду уже съ полудня стали прибывать изъ окрестныхъ селъ телѣги съ большими коробами, наполненными бѣлыми ложками. На каждой телѣгѣ стояли одинъ, рѣдко два короба. Коробы эти ложкари пристраивали гдѣ нибудь у своихъ знакомыхъ и родственниковъ и съ пустыми телѣгами возвращались въ свою деревню. Ничего не возили въ Семеновъ.

На другой день ложкари выставили эти коробы на площадь, не соборную, а на торговую. Шла ранняя обѣдня и до обѣдни не было никакой торговли.

Мнѣ рассказывали, что пока богачи не начнутъ своихъ покупокъ, никакой торговли не идетъ. У ложкарей, работниковъ, нѣтъ хлѣба, они покупаютъ тутъ черный хлѣбъ. Никто на пятакъ не купитъ, замѣчали старожилы, пока хозяева денегъ не дадутъ.

Послѣ обѣдни началась торговля. Покупали ложки десятками тысячь родственники и приказчики большихъ хозяевъ, которыхъ въ настоящее время не было, такъ какъ они находились въ Нижнемъ Новгородѣ на ярмаркѣ.

Говорили, что Курносоевъ въ каждомъ базарѣ покупаетъ отъ ста до полутора ста тысячь ложекъ, а другіе меньше. Но въ общемъ на базарѣ продаются до пятисотъ тысячь ложекъ, совковъ и уполовниковъ.

Я привожу эти цифры со словъ мѣстныхъ жителей, но провѣрять ихъ и вообще пускаться въ статистическія данныя не мое дѣло.

— Здравствуй, Софронъ,—сказалъ я, увидавъ въ толпѣ знакомое лицо удалого ложкаря, выколачивавшаго до ста двадцати ложекъ въ день,—и ты сюда же.

— Какъ же,—отвѣчалъ онъ,—надо хлѣба, муки, того-другого купить.

— Продашь ложки?

— Продать—продать, деньги еще не получилъ, но сейчасъ дадутъ. И вы тоже вышли посмотрѣть на нашу коммерцію. Жалко только, что нынче базаръ маленькій. Въ большой-то базаръ мы тутъ всѣ стоимъ, ждемъ-не дождемся, пока наши купцы-то выйдутъ. Они—какъ бояре, всякій имъ въ поясъ кланяется, толпа передъ ними разступается, дорогу даетъ, словно твоему митрополиту.

Пройдя нѣсколько дальше, я увидалъ Никифора Масленикова и сестру его, Машу. Очевидно, всѣ ложкари, сколько ихъ ни было въ окрестныхъ деревняхъ, въ Содомовѣ, Дѣяновѣ, Кондратьевѣ, всѣ приходили сюда повидаться другъ съ другомъ и покалякать о своихъ дѣлахъ.

Вечеромъ парни ходили по улицамъ и пѣли пѣсни, и гдѣ-то въ переулкѣ была драка. Но болѣе ничѣмъ особеннымъ базарный день не ознаменовался.

Въ этотъ же вечеръ я отправился въ Нижній. Темнота быстро охватила землю, и когда я въѣхалъ въ лѣсъ, тянущійся на пространствѣ восьми верстъ, какъ я упоминалъ раньше, тутъ стоялъ совершенный мракъ. Пришлось итти пѣшкомъ.

Черезъ нѣсколько времени я услышалъ позади себя стукъ колесъ, и меня нагнала телѣга, запряженная горячимъ воронымъ жеребцомъ.

— Несподручно тебѣ, голубчикъ, съ лисапедомъ,—сказала женщина, сидѣвшая въ телѣгѣ—лошадью правилъ мужчина,—песку-то много, и видишь, темень какая. Садись-ка къ намъ, и машинку твою мы тутъ же пристроимъ.

— И то садись, господинъ,—сказалъ мужчина, походившій на торговца, въ ушастомъ картузѣ и запачканной мукой сибиркѣ.

Я послѣдовалъ ихъ приглашенію, и вороной жеребецъ, какъ ни въ чемъ не бывало, помчался дальше.

— Ишь какой ретивый,—замѣтилъ я:—надорвется онъ у васъ.

— Просто всѣ руки вожжами оттянулъ, окаянный. Какъ почуветь впереди себя лошадь, до тѣхъ поръ его не удержишь, покуда ее не догонить.

— А далеко ли вы живете?

— Да тутъ версты три. Мы кушцы, торговлей занимаемся.

— Ужъ куда вамъ ѣхать ночью, больно темно. Оставайтесь у насъ переночевать, мѣста хватить,—говорила жена торговца.

Я не сталъ отказываться. Показалась деревня. Мы подѣхали къ одноэтажному дому. Меня провели наверхъ. Тамъ были три или четыре хорошо убранныя комнаты, а въ одной даже стояла мягкая мебель. Хозяйка приказала работнику поставить самоваръ.

Самъ хозяинъ, по фамилии Карповъ, сказалъ мнѣ, что онъ занимается всякой торговлей и что продаетъ ложжарямъ муку, деготь, масло, овчину, дуги и колеса.

— Насъ, любезный человекъ,—говорила хозяйка,—Господь не оставляетъ. Въ прошломъ году рублей на шестьсотъ насъ обокрали. Года два назадъ—клѣтъ сгорѣла. Цѣны у насъ дешевыя, ну, и въ долгъ охотно даемъ. Ложжари насъ любятъ. Чего имъ, ложжарямъ?—живутъ хорошо. По другимъ мѣстамъ у крестьянина только земля, пахотой только занимается, гдѣ же у него быть достаткамъ? Нынѣшній годъ—урожай, а то и неурожай, годъ на годъ не приходится, а ложжарь знай себѣ работаетъ, и всегда у него вѣрная копейка есть. Нѣтъ, ложжарямъ живется хорошо. Дай Богъ всякому такой жизни. Слушать ихъ нечего, иной жалуется на свою долю, а поглядѣть—либо онъ пьяница, либо лѣнтяй, а настоящему работнику никогда худо не будетъ.—Кто тамъ?—сказала она, высунувшись въ окно.—Ей, да никакъ ты, Софронъ?—заходи, голубчикъ, къ намъ чайку попить, у насъ самоваръ поставленъ.

Морозовъ удивился, увидавъ меня за столомъ, но хозяева объяснили, какъ я къ нимъ попалъ.

Софрону налили стаканъ. Онъ подселъ ко мнѣ и сказалъ:

— Вотъ дома ужъ чайкомъ не побалуешься и бѣлаго хлѣба не увидишь. Имъ что! у нихъ дѣло торговое.

— Нѣтъ, Софронъ,—сказалъ Карповъ:—у тебя прежде всего семья и дѣти маленькя, а подрастутъ да возьмутся за ремесло, будешь и ты не хуже людей.

— Дай-то Богъ, дай-то Богъ,—говорилъ Софронъ.

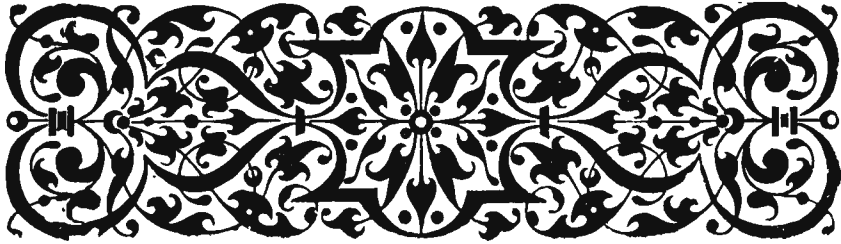
Я распрощался съ ними и отправился спать въ сосѣдную комнату, гдѣ хозяйка приготовила мнѣ пышную постель изъ нѣсколькихъ овчинъ, разостланныхъ на полу.

Я выѣхалъ на зарѣ. Крупная роса покрывала блестящими каплями траву. Галки и голуби сидѣли на крышахъ и молча чистили свои носы. Бѣлый туманъ стоялъ надъ низиной. Бодро и крѣпко чувствовалъ я себя, и вѣрный стальной конь мой быстро несъ меня по чуть замѣтнымъ тропинкамъ. Вотъ брызнули первые лучи солнца, послышалось щебетанье птицъ. Впереди на деревнѣ заигралъ въ рожекъ пастухъ.

Когда я выѣхалъ туда, почти передъ каждой избой стоялъ пенъ, а у пня сидѣлъ ложжарь и долбилъ ложки. Ярко бѣлыя стружки въ изобилии лежали кругомъ, свидѣтельствуя о томъ, что тутъ работа началась раньше солнышка. Ложжари проводили меня изумленными взглядами, продолжая прерванную работу, и долго доносился до меня стукъ ихъ тесель и топориковъ.

Въ Нижнемъ я не останавливался и въ тотъ же день выѣхалъ въ Москву.

Анатолій Леманъ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II ВЪ БѢЛОСТОКѢ ВЪ 1867 ГОДУ.

ВЪ СЕРЕДИНѢ мая 1867 года, отъ главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края послѣдовало извѣщеніе, что императоръ Александръ II, по возвращеніи своемъ изъ Парижа, слѣдуя на Варшаву, посѣтитъ г. Бѣлостокъ, гдѣ будетъ производить смотръ войскамъ.

Съ 1864 года я занималъ постъ военнаго начальника Сокольскаго уѣзда, Гродненской губерніи, смежнаго съ Бѣлостокскимъ (разстояніе между городами составляло всего 35 верстъ), а потому и на мою долю выпало немало заботъ, пришлось тщательно обдумать, какія принять мѣры и какъ распорядиться по предоставленной власти, чтобы ожидаемый высочайшій проѣздъ не только не омрачился какой бы то ни было неудачей, но напротивъ того, чтобы онъ навсегда остался радостнымъ воспоминаніемъ въ сердцахъ нашихъ.

Должность военнаго начальника, тяжелая, отвѣтственная, безпокойная, требовала непомѣрнаго труда и усиленной дѣятельности, вслѣдствіе разнообразія лежавшихъ на немъ обязанностей. Кромѣ политическихъ дѣлъ, въ кругъ вѣдѣнія военнаго начальника входило: постройка церквей, какъ предсѣдателя церковнаго комитета, возведеніе для церковнаго причта разныхъ построекъ, предсѣдательство въ рекрутскомъ присутствіи, наблюденіе за общимъ порядкомъ и благочиніемъ въ уѣздѣ, размѣщеніе войскъ, наблюденіе за прибывающими и отъѣзжающими, осмотръ и выдача видовъ, число которыхъ доходило до 40 тысячъ номеровъ въ годъ. Кромѣ того, являлась масса спѣшныхъ и сложныхъ дѣлъ, взысканіе коң-

трибуціи; и, припоминаю, въ особенно тяжелый 1865 годъ, во время холерной эпидеміи, и по разнымъ, непредвидимымъ случаямъ, на примѣръ, приказывалось выѣхать тушить лѣса, такъ что, кажется, если бы въ суткахъ было 48 часовъ, то и того было бы мало.

Хотя и трудно было подчасъ, но человѣкъ мирился и выносилъ все на своихъ плечахъ, но вотъ что поистинѣ было тяжело— это изобиліе сплетенъ, инсинуаций, всякихъ мерзостей и гадостей, не щадившихъ ничего, дѣлавшихъ подчасъ положеніе невыносимымъ.

Военные начальники всѣхъ уѣздовъ губерніи находились въ непосредственномъ подчиненіи губернаторовъ. Кромѣ того, подчинялись командующимъ войсками въ губерніи, не говоря о главномъ начальникѣ края, отъ котораго зависѣло всецѣло назначеніе и увольненіе ихъ.

Состоя въ корпусѣ жандармовъ и находясь въ должности начальника уѣзднаго жандармскаго управленія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по инструкціи главнаго начальника края, считаясь помощникомъ военнаго начальника (до назначенія военнымъ начальникомъ), я косвенно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подчинялся и военному начальнику и въ то же время всецѣло былъ подчиненъ жандармскому штабъ-офицеру въ губерніи, начальнику жандармскаго округа, штабу корпуса жандармовъ и, наконецъ, шефу жандармовъ.

Изъ этого перечисленія видно, что военные начальники, числящіеся въ корпусѣ жандармовъ, имѣли начальства въ достаточномъ количествѣ.

И вотъ, однажды, сижу дома, работаю, дежурный подаетъ телеграмму, вскрываю—оказывается отъ губернатора, генераль-майора Скворцова, съ приказаніемъ: немедленно прибыть въ Гродно къ нему, прямо съ поѣзда, въ сюртукѣ.

Гродненскій губернаторъ, генераль-майоръ Иванъ Николаевичъ Скворцовъ, былъ человѣкъ весьма умный, энергичный, дѣловитый, онъ обладалъ удивительнымъ спокойствіемъ и какой-то особенной выдержкой. Выслушивая доклады, схватывалъ суть быстро, отвѣчалъ точно и опредѣленно. Никто не смѣлъ рассчитывать, что его можно обойти, или провести. Напрасно. Докладывай прямо, чего не сдѣлалъ, или чего не могъ сдѣлать, и почему,—безъ лжи и увертокъ. Десять разъ можешь спросить, расскажетъ и научить. Только не болтай вздора, а то оборветъ вѣжливо, но язвительно. Работалъ онъ безъ усталы, чуть не 24 часа въ сутки. Въ началѣ мы сильно побаивались его, но потомъ, когда узнали поближе, то, выходя изъ кабинета, выносили пріятное впечатлѣніе. Не стѣсняйся, спрашивай, сколько угодно, только говори дѣло и правду.

На должность губернатора Иванъ Николаевичъ назначенъ былъ М. Н. Муравьевымъ, узнавшимъ его, когда онъ занималъ постъ начальника жандармскаго округа. Незабвенный М. Н. Муравьевъ

цѣнилъ его заслуги, и отдавалъ ему должное. Безспорно, Иванъ Николаевичъ былъ человѣкъ добрый, хорошаго сердца и души, хотя на видъ казался какимъ-то суровымъ и угрюмымъ. Прекрасный семьянинъ, вполнѣ человѣкъ русскій, онъ заслужилъ глубокое уваженіе и преданность всѣхъ хорошо его знавшихъ. Спустя годъ или два, послѣ отъѣзда изъ Гродненской губерніи въ 1867 г., мнѣ пришлось испытать величайшее удовольствіе встрѣтиться въ г. Вилькомирѣ, Ковенской губ., гдѣ я въ то время служилъ, съ Иваномъ Николаевичемъ, состоявшимъ тогда при военномъ министрѣ.

Бесѣдуя съ нимъ въ теченіе двухдневнаго пребыванія его у меня, я слышалъ немало разсказовъ, которые и понынѣ остались у меня въ памяти и частью внесены въ записную книжку; разказы эти произвели удручающее впечатлѣніе массой сплетенъ и всякихъ небылицъ, взведенныхъ на него и на всѣхъ насъ досужими доброжелателями нашими. Впрочемъ, это—общая участь всѣхъ русскихъ, служившихъ въ Западномъ краѣ.

Посвятивъ нѣсколько строкъ памяти многоуважаемаго Ивана Николаевича, славнаго дѣятеля Сѣверо-Западнаго края, справедливаго и умнаго начальника, и выдающейся свѣтлой личности того времени, слѣдовавшаго предначертаніямъ незабвеннаго М. Н. Муравьева, слившагося въ общемъ единомысліи и въ направленіи съ нимъ, перехожу къ прерванному разсказу.

Сѣвъ на первый поѣздъ, проѣхавъ 35 верстъ, черезъ нѣсколько часовъ уже былъ принятъ губернаторомъ. Онъ объясняетъ, что въ іюнѣ мѣсяцѣ, между 5 и 10-мъ числами, государь императоръ прибудетъ въ Бѣлостокъ, гдѣ его величество произведетъ смотръ войскамъ, собраннымъ для этой цѣли. Для смотра представлялась необходимость пріискать, какъ можно ближе къ Бѣлостоку, удобное поле, настолько обширное, чтобы на немъ можно было размѣстить: 2 полка кавалеріи, 2 полка пѣхоты, 2 батареи артиллеріи и еще баталіонъ. Поле необходимо было привести въ надлежащій видъ для свободнаго дефилированія войскъ, т. е. сровнять его, уничтожить кусты и засыпать канавы и ямы. Для этой цѣли разрѣшалось вызвать рабочихъ-крестьянъ изъ ближайшихъ деревень, сколько потребуется, за плату: пѣшему 25 коп., а съ лошадыю 45 коп. въ день.

Губернаторъ приказываетъ мнѣ немедленно отправиться въ Бѣлостокъ, для пріисканія поля, совмѣстно съ командированнымъ для этой цѣли землемѣромъ и лѣсничимъ отъ палаты государственныхъ имуществъ. Въ то время пустопорожней земли въ Сокольскомъ уѣздѣ, прилегавшей къ самому городу Бѣлостоку, было много; она вся принадлежала казнѣ, вслѣдствіе чего по отводу поля препятствій не предвидѣлось. Кромѣ того, на меня возлагалась обязанность озаботиться приведеніемъ въ порядокъ шоссе

для удобнаго проѣзда государя къ мѣсту смотра. Генераль Скворцовъ убѣдительно просилъ тотчасъ дать ему телеграмму, когда мы отыщемъ поле, удобное для смотра, и немедленно приступить къ работѣ, прибавивъ при этомъ, что онъ вполне полагается на точное исполненіе своего приказанія.

Такой неожиданный сюрпризъ заставилъ всѣхъ насъ троихъ въ ту же ночь выѣхать въ Бѣлостокъ. Раньше я послалъ телеграмму въ Соколку, съ приказаніемъ прибыть по желѣзной дорогѣ тремъ коннымъ жандармамъ, въ Бѣлостокъ привести мою верховую лошадь, ожидать меня на вокзалѣ.

Прибывъ въ Бѣлостокъ, утромъ, довольно еще рано, мы отправились въ путь четверо верхами и двое на извозчикахъ, для осмотра окрестностей подъ Бѣлостокомъ. Къ нашему благополучію, мы недолго искали. Всего въ верстѣ съ небольшимъ отъ Бѣлостока мы нашли вполне подходящее ровное пространство, кое-гдѣ покрытое мелкимъ березнякомъ, который пришлось вырубить, съ небольшими промоинами и канавами, которыя не трудно было засыпать. Только шоссе оказалось размытымъ дождями, вслѣдствіе чего образовались ложбины. Для его исправленія мы употребили добытый изъ ближайшаго озера песокъ, по мѣстному названію «жвирь», обильный маленькими камешками и удобный для засыпки. На другой день было вызвано 200 человѣкъ рабочихъ-крестьянъ, съ лошадьми, для очистки поля и для исправленія шоссе. Работа закончилась. Крестьяне безъ всякаго понуканія работали усердно, зная хорошо, для какой это цѣли дѣлается, и притомъ радовались возможности увидѣть государя-освободителя. Они часто обращались съ вопросомъ, могутъ ли быть во время смотра.

Итакъ, черезъ нѣсколько дней, поле и шоссе были приведены въ надлежащій видъ, даже въ блестящій, сверхъ всякаго ожиданія.

Спустя нѣсколько дней, прибылъ губернаторъ вмѣстѣ съ воинскими чинами для осмотра поля. Одобривъ работы, губернаторъ благодарилъ всѣхъ насъ за быстрое исполненіе и телеграфировалъ о томъ генераль-губернатору. Я представилъ расчетъ о числѣ работавшихъ и просилъ распоряженія объ отпускѣ денегъ черезъ волостныя правленія для удовлетворенія крестьянъ. Затѣмъ губернаторъ осматривалъ домъ, предназначавшійся для государя императора, и остался недоволенъ какъ медленностью работъ по устройству и приспособленію его къ пріѣзду царя, равно и другими распоряженіями, а потому просилъ меня помочь въ нѣкоторыхъ случаяхъ и принять на себя заботу объ отдѣлкѣ дома. Между прочимъ просилъ съѣздить къ сенатору Крузенштерну попросить его, отъ лица генераль-губернатора графа Баранова, приготовить для государя экипажъ и лошадей.

Сенаторъ Крузенштернъ, выслушавъ переданную просьбу, отвѣтилъ, что у него не имѣется подходящаго экипажа и лошадей.

Потомъ пристально на меня посмотрѣлъ, какъ будто ожидая отъ меня слова. Я осмѣлился доложить сенатору, что въ двухъ уѣздахъ нѣтъ рѣшительно ни у кого изъ дворянъ-помѣщиковъ удобнаго экипажа и приличныхъ лошадей; но что если бы были деньги, то только стоитъ послать въ Варшаву, и мнѣ кажется, что въ одинъ день можно приобрести лошадей и экипажъ. Опять сенаторъ посмотрѣлъ на меня. Передъ тѣмъ, какъ говорить о лошадяхъ, въ началѣ своего представленія, я доложилъ сенатору, что губернаторъ извиняется, что не можетъ быть лично у него сегодня, по случаю назначеннаго засѣданія, но что завтра обязательно будетъ имѣть честь представиться.

Собираюсь уже откланиваться; сенаторъ встаетъ и проситъ доложить губернатору, что имъ будутъ приготовлены лошади и экипажъ для его величества.

Не помню хорошо, сколько дней провелъ я въ Бѣлостокѣ, но однажды по возвращеніи въ Соколку (куда я вернулся лишь на короткое время, рассчитывая опять вскорѣ ѣхать въ Гродно и Бѣлостокъ) утромъ рано вдругъ вбѣгаетъ дежурный жандармъ и, подавая телеграмму, докладываетъ, что опять стрѣляли въ государя. Читаю. О ужасъ! покушеніе на драгоцѣнную жизнь государя въ Парижѣ, произведенное нѣкимъ Березовскимъ. Перекрестившись, порадовался благополучному исходу. Вотъ содержаніе телеграммы:

«Соколка. Военному начальнику.

«Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ слѣдующее извѣстіе: Божій промыселъ охранилъ государя императора. Сегодня около 5 часовъ пополудни на возвратномъ пути, черезъ Булонскій паркъ, послѣ военного смотра, выстрѣлъ изъ пистолета былъ направленъ на экипажъ, въ которомъ находились оба императора, наслѣдникъ цесаревичъ и великій князь Владимиръ Александровичъ. Выстрѣлъ сдѣланъ со стороны императора Наполеона, никого не коснулся, поранилъ лошадь штабмейстера, сопровождавшаго экипажъ; преступникъ немедленно былъ схваченъ и почти растерзанъ народной толпой. Онъ молодой человѣкъ, повидимому, французъ; подлежащія власти, въ руки которыхъ онъ переданъ, производятъ слѣдствіе. Подробности будутъ сообщены по изслѣдованіи и приведеніи въ ближайшую извѣстность. Депешу эту прочесть въ церквахъ всѣхъ вѣроисповѣданій». Подписалъ губернаторъ Скворцовъ».

Зову въ окно коннаго дежурнаго жандарма и отдаю ему приказаніе немедленно ѣхать ко всѣмъ начальникамъ частей, т. е. командиру казачьей батареи, командиру эскадрона уланскаго полка, начальнику мѣстной команды и просить ихъ поспѣшно пожаловать ко мнѣ, по экстренному дѣлу.

Небезынтересно знать, что два пѣхотныхъ баталіона помѣщались за верту отъ города, въ каменномъ большомъ зданіи, впослѣдствіи обращенномъ въ казармы, въ которомъ до 1863 года находилось таксаторско-писарское училище, принадлежавшее министерству государственныхъ имуществъ, но въ 1863 году весь составъ, мальчишки отъ 12 до 18 лѣтъ, съ наставниками и ксендзомъ во главѣ, отправился въ шайку мятежниковъ, подъ команду извѣстнаго «довудцы» Домбровскаго. При стычкѣ съ войсками, часть учениковъ вернулась назадъ, другая часть участвовала въ стычкѣ, гдѣ были захвачены въ плѣнъ въ количествѣ человекъ 20-ти. Военно-судная коммиссія производила слѣдствіе надъ ними, и они содержались подъ арестомъ.

Когда я вступилъ въ должность военнаго начальника, то призналъ болѣе цѣлесообразнымъ и даже по многимъ причинамъ необходимымъ эту молодежь помѣстить отдѣльно отъ прочихъ арестованныхъ; для того былъ пріисканъ домъ съ большимъ дворомъ, устроена хорошая кухня и хорошія постели, и разрѣшены игры въ чехарду, въ мячъ и другія; по временамъ мальчиковъ водили въ баню и купаться, однимъ словомъ, бытъ ихъ былъ значительно улучшенъ, и, кромѣ того, назначены были «дядьки»—солдаты, которые за ними смотрѣли. Впослѣдствіи я узналъ, что на меня поданъ былъ доносъ, будто бы я произвольно освободилъ многихъ изъ-подъ ареста. Командированное для разслѣдованія доноса лицо провѣрило всѣхъ арестованныхъ и, осмотрѣвъ помѣщеніе, гдѣ находились молодые люди, нашло все въ исправности. А устройство помѣщенія для мальчиковъ было имъ особенно одобрено, о чемъ было доложено главному начальнику края, отъ котораго мнѣ черезъ губернатора послѣдовала благодарность за заботливость. Вотъ какъ смотрѣло начальство. Между тѣмъ, не мало насъ позорили въ польскихъ газетахъ, увѣряя, что мы безчеловѣчны и чуть ли не поѣдаемъ живыхъ людей.

Другой жандармъ былъ посланъ за о. протоіереемъ, деканомъ и раввиномъ, третій—за исправникомъ и нѣкоторыми служащими.

27-го мая, въ 11 часовъ утра, было отслужено торжественное молебствіе въ церкви, костелѣ и синагогѣ. Старшій воинскій начальникъ сдѣлалъ парадъ войскамъ. Нижнимъ чинамъ поднесли по чаркѣ, при чемъ былъ произнесенъ тостъ за спасеніе драгоценной жизни государя. Кричали «ура», артиллерія салютовала. Служащіе въ городѣ и всѣ военные наскоро устроили завтракъ въ помѣщеніи думы послѣ обѣдни; было выпито немало за драгоценное спасеніе царя-освободителя. Меня не было на завтракъ, я выѣхалъ поспѣшно въ Гродно, по депешѣ командующаго войсками. Впрочемъ успѣлъ разослать гонцовъ во всѣ станы и оповѣстить духовенство разныхъ исповѣданій относительно служенія молебствій.

Вечеромъ получена была слѣдующая телеграмма:

«Гродно—Соколка. Военному начальнику.

«Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ генераль-губернатору извѣстіе изъ Парижа, полученное отъ генераль-адъютанта, графа Шувалова. Преступникъ—уроженецъ Волынской губерніи, полякъ, по имени Березовскій, онъ эмигрировалъ два года передъ симъ, но 20 лѣтъ проживаетъ въ Парижѣ, онъ уже нѣсколько дней искалъ удобнаго случая для покушенія на жизнь государя императора. Двухствольный пистолеть его разорвало отъ слишкомъ сильнаго его заряда, и при этомъ уклонилось направленіе пули. Березовскій сдѣлалъ вольное признаніе, обнаруживая признаки фанатизма; предлагаю обнародовать телеграмму о спасеніи драгоценныхъ дней государя императора и отслужить торжественное молебствіе. Губернаторъ Скворцовъ».

Къ пріѣзду государя императора въ Бѣлостокъ нужно было приготовить для пріѣзжающей свиты до 50 квартиръ, а также и экипажей. Впослѣдствіи оказалось, что потребовалась лишь половина, такъ какъ многія лица свиты направились изъ Варшавы прямо въ Петербургъ.

Экипажъ и лошади были собраны изъ двухъ уѣздовъ преимущественно отъ дворянъ-помѣщиковъ.

Домъ, приготовленный для его величества въ Бѣлостокѣ, былъ большой, красивый снаружи, двухъэтажный, съ прекраснымъ садомъ. Въ прежнее время здѣсь помѣщался областной начальникъ, впослѣдствіи присутственныя мѣста. Мебель была выписана частью изъ Варшавы, частью изъ Гродно; картины и статуи прислалъ сенаторъ Крузенштернъ, очень дорогія, на 91.000 талеровъ; не помню изображеній, но статуи были небольшія. Коверъ въ гостиную былъ выписанъ изъ Варшавы, заплачено за него 500 рублей.

При этомъ не могу умолчать о случаѣ, который насъ всѣхъ привелъ въ ужасъ и содроганіе. Теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, при воспоминаніи, право, мурашки ходятъ по тѣлу. За нѣсколько дней до пріѣзда государя получила телеграмма, приказывавшая приготовить для его величества душъ самой простой конструкціи, вмѣщающій не менѣе полутора ведеръ и обтянутый простой клеенкой. Душъ былъ заказанъ евреямъ: сдѣланъ былъ большой круглый тазъ изъ листового желѣза, выкрашенный внутри бѣлой краской, и также ведро вмѣстительностью въ полтора ведра воды, къ которому привинчивалась мѣдная рѣшетка съ ситомъ для пропуска воды, внутри ведра былъ клапанъ съ пружиною, и къ ней привязывался шнуръ, за который слѣдовало потянуть, тогда клапанъ открывался, и вода быстро черезъ рѣшетку лилась въ видѣ дождя. Ведро висѣло на веревкѣ, прикрѣпленной къ крюку, ввинченному въ потолокъ. Вокругъ были поставлены деревянные столбики, связанные между собою, прибитые къ полу и затянутые

черной клеенкой внутри, а снаружи обшитые бѣлымъ равендукомъ. Вода шла хорошо, крупнымъ дождемъ. Нѣсколько разъ пробовали, и все было отлично. Но вотъ пріѣхалъ губернаторъ и, осмотрѣвъ приготовленное для его величества помѣщеніе, пожелалъ осмотрѣть и душъ, приказалъ влить воды въ висячее ведро. Дернулъ за шнуръ, вода полилась. Но, о ужасъ! мѣдная рѣшетка внезапно падаетъ въ тазъ. Если бы внутри таза стоялъ человѣкъ, то полуфунтовая рѣшетка могла бы ушибить голову и даже сдѣлать рану. Въ одинъ моментъ всѣ стоящіе замерли отъ страха! Всегда владѣвшій собою губернаторъ спокойно заговорилъ; насъ же слезы душатъ. Пришлось пережить и почувствовать немало! Оказалось, что два шалнера, на которыхъ держалась мѣдная рѣшетка, сломались, оттого рѣшетка и упала въ тазъ. Отъ несообразности и неопытности могло случиться то, о чемъ страшно подумать! На всю жизнь спокойствіе было бы отнято.

Конечно, сейчасъ принялись за исправленіе, рѣшетку перевязали проволокой и укрѣпили ее такъ, чтобы она не могла упасть, и если бы сорвалась, то только повисла бы на проволокѣ. Ведро тоже повѣсили на цѣпь, обмотанную проволокой, которая привязывалась подъ ведро къ цѣпи. Мнѣ пришлось жить въ домѣ, приготовленномъ его величеству, и ночевать нѣсколько ночей на диванѣ, въ маленькой комнаткѣ, предназначенной для камердинера.

Вскорѣ послѣдовало еще одно приказаніе отъ графа Баранова къ губернатору слѣдующаго рода: графъ, вѣроятно, вспомнилъ, что Преображенскій полкъ, которымъ онъ командовалъ во время венгерской кампаніи, стоялъ въ Бѣлостокѣ, и тогда-то, близъ Бѣлостока, въ рѣчкѣ Дососнѣ, Сокольскаго уѣзда, ловилась прекрасная форель, не уступающая по вкусу гатчинской. Вотъ графъ и просилъ наловить такой форели къ царскому столу. Такъ какъ форель прячется подъ камнями, то, несмотря на собранное большое количество бабъ и мальчиковъ (за чтò была уплачена порядочная сумма изъ собственнаго кармана графа Баранова), за двѣ noci выловили всего 32 фунта. По пріѣздѣ кухни, рыба была передана метръ-д'отелю, который распорядился сдѣлать майонезъ для государя, а оставшуюся рыбу употребить для обложенія блюдъ съ холоднымъ.

Приглашенныхъ къ обѣду, сверхъ всякаго ожиданія, оказалось до 100 персонъ, и когда этого холоднаго не хватило на нашемъ «казовомъ» концѣ, и государь, обходя столъ обѣдающихъ, замѣтилъ это, то очень любезно изволилъ сказать: «Господа, извините и не взыщите съ походнаго человѣка». Взамѣнъ тотчасъ подали другое блюдо.

Главный начальникъ края, генералъ-адъютантъ, графъ Эдуардъ Трофимовичъ Барановъ, прибылъ въ Бѣлостокъ до пріѣзда государя дня за три. На желѣзной дорогѣ его встрѣтило начальство

военное и гражданское и дворянство. Былъ выставленъ почетный карауль. Губернаторъ представлялъ всѣхъ. Сѣвъ въ экипажъ съ губернаторомъ, графъ Барановъ прямо подъѣхалъ къ дому, предназначенному для остановки государя. Около дома былъ выставленъ почетный карауль, который назначался для встрѣчи государя императора, не помню отъ какого полка, но, кажется, отъ одного изъ полковъ, входящихъ въ составъ 26-й дивизіи. Тутъ же стояли гимназисты Бѣлостокской гимназіи съ своимъ начальствомъ и воспитанники прочихъ учебныхъ заведеній и училищъ; эти послѣдніе были въ красныхъ рубахахъ и пѣли. Были здѣсь и старшины отъ каждаго уѣзда губерніи по нѣсколько человекъ и отставные старые солдаты-ветераны разныхъ временъ, въ числѣ ихъ много было георгиевскихъ кавалеровъ, прибывшихъ изда-лека, чтобы имѣть счастье увидѣть обожаемаго государя.

Пропустивъ карауль, принявъ ординарцевъ и сдѣлавъ репетицію общей встрѣчи, графъ Барановъ началъ осмотрѣть экипажей и лошадей, при чемъ приказалъ музыкѣ играть и барабанамъ бить, чтобы лошади попривыкли къ шуму. Вотъ подъѣзжаетъ экипажъ № 1-й, назначенный для его величества,---новенькая коляска, присланная сенаторомъ Крузенштерномъ, запряженная четырьмя чудными рослыми жеребцами, сѣрой масти. Увидѣвъ этихъ лошадей и кучера съ капюшономъ или целериной и бичемъ въ рукѣ, графъ сразу забраковалъ ихъ, найдя неподходящей сбрую на лошадяхъ и одежду кучера, по образцу польскому. Говоритъ объ этомъ губернатору, который подзываетъ меня; слѣзаю съ лошади, подхожу. Графъ Барановъ обращается ко мнѣ и спрашиваетъ, почему я не обратилъ вниманія на то, что это сбруя польская. Докладываю, что, по заявленію хозяина, это шоры англійскія! Какія англійскія? Нечего спорить! Молчу, сконфуженный. Подъѣзжаетъ № 2,—четверка вятскихъ лошадей, въ русской сбруѣ, принадлежавшая полковому командиру полковнику Баумгартену и запряженная въ довольно хорошую коляску. Этотъ экипажъ графъ Барановъ назначилъ для государя. Затѣмъ были осмотрѣны слѣдующіе экипажи, назначенные подъ лицъ свиты. У каждаго кучера на шляпѣ былъ № и ярлыкъ, съ обозначеніемъ, подъ кого именно экипажъ назначался. Одобривъ видѣнное, графъ Барановъ отправился смотрѣть помѣщеніе, приготовленное для его величества. Всюду ходилъ и остался доволенъ. Благодарилъ губернатора. Губернаторъ доложилъ объ усердіи военнаго начальника полковника Веселитскаго и моемъ. Графъ Барановъ, протянувъ руку, поблагодарилъ насъ.

10 іюня, его величество изволилъ прибыть въ Бѣлостокъ, около 10 часовъ вечера. Государь по приѣздѣ былъ встрѣченъ главнымъ начальникомъ края, который подалъ рапортъ его величеству. Графъ Барановъ представилъ губернатора и еще нѣсколькихъ лицъ. Го-

сударь, пройдя черезъ залъ I класса, вышелъ на крыльцо вокзала, къ которому былъ поданъ экипажъ, остановился на минуту и, увидѣвъ эскортъ офицеровъ уланъ, взялъ подъ козырекъ и сказалъ: «Здравствуйте, господа». Офицеры низко поклонились. Послѣ этого государь сѣлъ въ экипажъ; подсаживалъ его величество графъ Строгановъ. Государь пригласилъ съ собой графа Баранова, графъ же Строгановъ ѣхалъ верхомъ около экипажа государя, а по бокамъ ѣхали офицеры-уланы.

Второй экипажъ былъ поданъ князю Василию Андреевичу Долгорукову, состоявшему при особѣ государя императора,— бывшему шефу жандармовъ. Въ третій экипажъ сѣлъ графъ Шуваловъ, шефъ жандармовъ. Затѣмъ остальнымъ лицамъ свиты тоже были поданы экипажи, при соблюденіи очереди и должнаго порядка. На всемъ пути слѣдованія государя была устроена прекрасная иллюминація, горѣла масса плошекъ, и были сооружены двѣ арки, красиво освѣщенные. Только, кажется, на одной аркѣ надписи были сдѣланы на нѣмецкомъ языкѣ, именно слова: «Боже, царя храни». Можетъ быть, ошибаюсь, но помнится, что, возвращаясь съ вокзала шагомъ, куда вторично ѣздилъ по порученію графа Шувалова, около 4 или 5 часовъ утра, когда совсѣмъ было свѣтло, я былъ удивленъ, увидѣвъ надпись, сдѣланную на нѣмецкомъ языкѣ.

Его величество прямо подѣхалъ къ приготовленному для него дому; почетнаго караула выставлено не было. Спустя менѣе часа, въ домѣ, занимаемомъ его величествомъ, огня уже не было. Государь изволилъ лечь почивать.

По приѣздѣ съ вокзала, я тотчасъ же отправился представиться шефу жандармовъ, графу Шувалову. Тамъ уже было нѣсколько офицеровъ и другихъ лицъ, прибывшихъ по разнымъ дѣламъ. Нѣкоторые уже выходили. Я видѣлся мелькомъ съ шефомъ на вокзалѣ, при его приѣздѣ, въ то время, когда ему подавали экипажъ; лошади, четверка вороныхъ, были мои, купленныя евреемъ на аукціонѣ въ Августовской губерніи по 40 рублей за лошадь и перепроданныя мнѣ по 75 рублей.

При представленіи, его сіятельство, подавая мнѣ руку, изволилъ сказать: «мы давно знакомы, я помню, что въ послѣдній разъ видѣлся съ вами въ г. Островѣ». — «Точно такъ». При этомъ я доложилъ, что имѣлъ честь нѣсколько разъ представляться графу въ Петербургѣ въ то время, когда служилъ старшимъ адъютантомъ первой резервной дивизіи, и когда его сіятельство былъ оберъ-полицеймейстеромъ. Сказалъ, что помнитъ. Затѣмъ передалъ мнѣ, что графъ Барановъ находитъ нужнымъ перемѣстить меня въ г. Вилькомиръ, гдѣ уѣздъ требуетъ усиленной дѣятельности и наблюденія, выразилъ при этомъ свое удовольствіе, что графъ Барановъ оцѣниваетъ мою службу, и сказалъ, что въ виду того, что перемѣщеніе сопряжено всегда съ расходами, онъ переговоритъ объ этомъ вопросѣ съ графомъ Барановымъ. Я поклонился.

Отпустивъ всѣхъ, графъ попросилъ меня обождать. Секретарь его сіятельства, Ф. А. Романченко, обязательный и любимый всѣми нами офицерами (онъ былъ секретаремъ еще при шефѣ жандармовъ Долгоруковѣ, — недавно скончался въ Петербургѣ, въ чинѣ тайнаго совѣтника), увидѣвъ меня, пригласилъ въ свою комнату посидѣть. Прошло не болѣе полчася; шефъ потребовалъ меня къ себѣ и, вручая письмо, просилъ свезти его на вокзалъ, сдать въ почтовый вагонъ и телеграфировать о томъ супругѣ его, графинѣ Шуваловой. Поѣздъ проходилъ ночью, времени оставалось еще достаточно. Посидѣвъ у почтеннѣйшаго Ф. Р. Романченко и выпивъ предложенный стаканъ чая, я пошелъ пѣшкомъ, ведя за собою лошадь, къ дому, гдѣ его величество помѣщался. Обойдя вокругъ дома, зашелъ въ садъ и, убѣдившись, что все въ порядкѣ, пошелъ къ себѣ на квартиру, послѣ чего, сѣвъ на коня, поѣхалъ на вокзалъ. Сдалъ письмо, началъ писать телеграмму, задумался, какъ писать. Писать отъ имени графа не могъ. Составилъ телеграмму на имя графини Шуваловой, что по порученію графа письмо сдать въ почтовый вагонъ ночью.

Позволяю себѣ прервать мой разсказъ отступленіемъ, касающимся моихъ встрѣчъ съ графомъ Шуваловымъ, до его назначенія шефомъ жандармовъ. Во время моего служенія старшимъ адъютантомъ первой дивизіи, дивизія эта каждый годъ приходила въ Петербургъ на лѣто изъ Новгородской и другихъ губерній для караульной службы и каждый разъ бывала осчастливлена смотромъ его величества, и получала милостивѣйшее одобреніе. Графъ Шуваловъ въ то время занималъ должность оберъ-полицеймейстера, и мнѣ приходилось не разъ являться къ нему, по порученію начальника дивизіи. И вотъ въ виду какого комическаго случая я долженъ былъ однажды явиться къ графу Шувалову, какъ оберъ-полицеймейстеру. Начальникъ дивизіи жилъ у Пяти Угловъ въ домѣ Погребова, кажется, бывшаго въ то время городскимъ головою. Онъ предложилъ мнѣ комнату въ своей квартирѣ, и я жилъ у него. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней начальникъ дивизіи пригласилъ къ себѣ нѣсколько человѣкъ обѣдать и меня просилъ распорядиться. День стоялъ хорошій, и потому было рѣшено обѣдъ устроить въ маленькомъ саду при домѣ, въ бесѣдкѣ. Я просилъ у начальника дивизіи дозволенія вызвать хоръ нашихъ музыкантовъ, которыми я завѣдывалъ. Нашъ дивизионный хоръ славился въ Петербургѣ своей мастерской игрою и, будучи приглашаемъ въ загородные сады, зарабатывалъ хорошія деньги. Капельмейстеръ, австріецъ, участвовавшій, кажется, въ бою при Сольферино и имѣвшій орденъ и медаль за храбрость, получалъ въ то время 1800 рублей жалованья, квартиру, прислугу и 3% изъ зангранной суммы. Гости собрались, прибылъ также хоръ. Въ срединѣ обѣда вдругъ оркестръ прекращаетъ игру, и мы слышимъ громкій разговоръ. Встаю отъ

стола и отправляюсь спросить, что случилось. Вижу полицейскаго чиновника, помощника ли пристава, или околоточнаго, не помню, изрядно выпившаго. Онъ требуетъ немедленно прекратить музыку, какъ не разрѣшенную полиціею. Я прошу его не кричать, совѣтую уйти. Онъ не унимается, выхватываетъ даже у музыкантовъ инструменты и бранится. Музыканты хохочутъ. Прошу его вторично уйти и попросить сюда частнаго пристава. Никакихъ резонновъ не принимаетъ. Какого-то маленькаго музыкантскаго ученика ударилъ, не знаю за что. Вижу, что ничего не подѣлаешь съ нимъ. Приказываю музыкантамъ взять его за руки и вывести за калитку сада. Кричитъ и протестуетъ, но наконецъ уходитъ. Спокойствіе водворилось, и музыка продолжала играть. Во избѣжаніе повторенія описанной сцены, посылаю тамбуръ-мажора къ частному приставу доложить о случаѣ.

Возвращаюсь къ столу и рассказываю, въ чемъ было дѣло. На слѣдующій день согласно приказанію начальника дивизіи, одѣвшись въ мундиръ, часовъ въ 9 утра, ѣду къ графу Шувалову. Докладываю о вчерашнемъ случаѣ. Говоритъ, что знаетъ. Проситъ на будущее время сообщать ему записками въ управленіе или давать знать въ часть. Говорю, что приказаніе его сіятельства будетъ обязательно исполнено въ точности. О поведеніи полицейскаго чиновника умолчалъ. Но графъ поручаетъ передать начальнику дивизіи извиненіе за недостойное поведеніе чиновника.

Продолжаю прерванный рассказъ: съ вокзала я заѣхалъ къ военному начальнику, полковнику Веселитскому, котораго увидѣлъ въ окнѣ. Посидѣвъ у него около часу, отправился домой и, не сомкнувъ глазъ въ эту ночь, только собирался пить чай, какъ прибѣгаетъ за мной посланный отъ губернатора. Выслушавъ его приказаніе, отправляюсь опять къ себѣ на квартиру; у меня помѣщался завѣдывающій агентурною частью, нѣкій Г.,—его застаю за чаемъ. Побесѣдовалъ съ нимъ, переговорилъ съ приходившими по разнымъ дѣламъ лицами, сталъ отдавать нѣкоторыя приказанія по встрѣтившимся вопросамъ, когда прибѣжали доложить, что государь изволилъ уже встать, сейчасъ будетъ принимать душъ, кушать чай и затѣмъ пойдетъ гулять. Поспѣшилъ въ садъ, чтобы осмотрѣть, все ли въ порядкѣ, и потомъ всталъ на площадку лѣстницы, около двери, ведущей въ садъ, зная, что государь долженъ здѣсь пройти. Прошло около часу времени, вижу, государь спускается съ лѣстницы. Стою, приложивъ руку къ каскѣ. Государь изволилъ остановиться и спрашиваетъ, положивъ свою руку на мой эполетъ:

— Далеко ли квартира князя Долгорукова?

Докладываю его величеству, что почти рядомъ.

— Сходи къ Василію Андреевичу, доложи, что я пошелъ въ садъ, попроси его прийти.

— Слушаю, ваше величество!

Вмѣстѣ съ тѣмъ я подбѣжалъ къ двери, ведущей въ садъ, и хотя она и была отворена на половину, придержалъ ее, ставъ на площадку, съ которой небольшая лѣстница вела въ садъ. Государь такъ ласково посмотрѣлъ на меня, что взглядъ его никогда не изгладится изъ моей памяти. Тотчасъ, пославъ верхового къ генераль-губернатору и къ губернатору съ сообщеніемъ о томъ, что государь вышелъ гулять, самъ направился къ князю Долгорукову, котораго засталъ на балконѣ за утреннимъ чаемъ. Войдя, доложилъ приказаніе государя и осмѣлился выразить свою радость видѣть его сіятельство, которому всецѣло обязанъ своимъ служеніемъ въ корпусѣ жандармовъ.

Необходимо сдѣлать отступленіе.

Князь Долгоруковъ, ранѣе описываемаго времени, состоялъ шефомъ жандармовъ, и при немъ, въ концѣ 1863 года, я былъ прикомандированъ къ штабу, съ тѣмъ, чтобы со временемъ перевестись въ корпусъ. Я давно намѣревался поступить въ корпусъ жандармовъ, но не имѣлъ ни рекомендаціи, ни протекціи. Между тѣмъ, резервная наша дивизія предназначилась къ расформированію, при чемъ изъ каждаго резервнаго баталіона долженъ былъ сформироваться полкъ, слѣдовательно, изъ дивизіи, въ которой я служилъ, должны были сформироваться три самостоятельныя дивизіи. Я пожелалъ остаться за штатомъ на годъ, съ сохраненіемъ содержанія, съ тѣмъ, чтобы поѣхать въ отпускъ къ отцу въ Херсонскую губернію и тамъ отдохнуть. Пробывъ съ мѣсяць, я соскучился безъ дѣла и вернулся въ Петербургъ для присканія себѣ мѣста. Хотя генераль Швевъ, получившій мѣсто начальника мѣстныхъ войскъ Петербургскаго округа, предлагалъ мнѣ быть у него адъютантомъ, но я, поблагодаривъ его сердечно, отказался, такъ какъ въ управленіи безъ меня было уже два адъютанта, слѣдовательно, приходилось сѣсть на шею другимъ, что считалъ неудобнымъ. Попробовалъ поступить въ комиссаріатскую комиссію, работалъ тамъ съ мѣсяць, приходилъ раньше другихъ и уходилъ позднѣе, но получилъ за эту работу всего 40 рублей, что меня разсердило, и я бросилъ заниматься.

Между тѣмъ, покойный мой отецъ, которому я сказалъ о своемъ намѣреніи перейти въ корпусъ жандармовъ, предложилъ мнѣ написать къ князю Долгорукову, котораго хорошо зналъ и у котораго бывалъ въ прежнее время довольно часто. Я просилъ написать и съ тѣмъ уѣхалъ. Письмо отца имѣло 'успѣхъ'; долго меня разыскивали по Петербургу, пока наконецъ отыскали.

Къ великой моей радости, получилъ приказаніе явиться шефу жандармовъ, и при представленіи князю Долгорукову его сіятельство сказалъ мнѣ приблизительно слѣдующее: онъ помнитъ хорошо моего отца со времени служенія начальникомъ штаба у

графа Никитина, командующаго военными поселеніями и войсками, и согласно просьбѣ моего отца принимаетъ меня въ корпусъ жандармовъ и надѣется, что я буду такимъ же усерднымъ и честнымъ слугою, какимъ былъ мой отецъ. Поклонившись, я поблагодарилъ. Собираюсь уже откланяться, какъ князь останавливаетъ меня и, какъ будто что-то вспомнивъ, говоритъ: «Когда его величество покойный государь императоръ Николай Павловичъ, въ сороковыхъ годахъ, пріѣзжалъ въ Вознесенскъ смотрѣть войска и дѣлать большіе маневры, мнѣ пришлось докладывать его величеству, что полковникъ Вороновъ, георгіевскій кавалеръ, ветеранъ 1812 года, проситъ монаршей милости объ опредѣленіи 4-хъ сыновей его въ кадетскій корпусъ. Государь взялъ списокъ и собственною рукою распредѣлилъ сыновей вашего отца по корпусамъ». Затѣмъ князь спросилъ, въ какомъ корпусѣ я воспитывался. Доложилъ, что во 2-мъ кадетскомъ. Сдѣлавъ низкій поклонъ, я вышелъ.

Дѣйствительно, старшій братъ мой воспитывался въ дворянскомъ полку, остальные братья не были отданы въ корпуса. Почему, не знаю. Припоминаю, что при отправленіи въ корпусъ въ тѣ времена на проѣздъ выдавались прогонныя деньги на двѣ лошади, по полторы копейки съ версты. Меня привезъ въ корпусъ какой-то кирасирскій офицеръ и сдалъ.

За отступленіе прошу извинить. Полагаю, что это не портитъ моего разсказа. Продолжаю.

Когда я передалъ приказаніе князю Долгорукову, его сіятельство пригласилъ меня сѣсть и, предложивъ чаю, сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, на которые я съ должною почтительностью отвѣчалъ. Вставъ, просилъ разрѣшить откланяться, такъ какъ долженъ былъ отправиться къ шефу жандармовъ доложить, что государь вышелъ гулять. Графъ Шуваловъ жилъ рядомъ, засталъ его за чаемъ и, несмотря на ранній часъ, уже за бумагами, вмѣстѣ съ его секретаремъ Ф. А. Романченко. Докладываю, что государь вышелъ гулять, и что я вчера сдалъ письмо въ почтовый вагонъ и послалъ телеграмму графинѣ. Графъ поблагодарилъ. Откланиваюсь и спѣшу къ дому, гдѣ государь изволилъ помѣщаться. Изъ дома выходитъ князь Долгоруковъ, въ сюртукѣ, при оружіи и при камергерскомъ ключѣ. Догоняю князя, чтобы провести его въ садъ.

Меня все время беспокоилъ душъ, поэтому я иду наверхъ и спрашиваю камердинера, который отвѣчаетъ, что воды много, какъ государь любитъ, и что душъ сдѣланъ хорошо.

Въ 10 часовъ утра назначенъ былъ смотръ почетному караулу, пріемъ разныхъ учреждений и лицъ. Ровно въ 10 часовъ государь вышелъ со свитою къ почетному караулу, не помню отъ какого пѣхотнаго полка, только знаю навѣрное, что отъ 26-й дивизіи. Государь, принявъ караулъ и ординарцевъ, изволилъ поблаго-

дарить и отпустить. Проходя мимо стоявшихъ разодѣтыхъ дамъ, государь изволилъ узнать супругу полкового командира Владимирскаго уланскаго полка, Ю. А. Баумгартенъ, урожденную графиню Ниродъ; отецъ ея командовалъ царскосельскими кирасирами. Государь, подойдя къ г-жѣ Баумгартенъ, удостоилъ протянуть ей руку. Юлія Александровна сдѣлала глубочайшій реверансъ, — нѣсколько секундъ государь изволилъ говорить съ ней. Ю. А. Баумгартенъ была очень красивая, умная, милая и любезная женщина.

Государь подошелъ къ дворянамъ съ ихъ предводителями; тутъ же стояли польскіе магнаты, между ними былъ Радзивиллъ. Одинъ изъ предводителей Бѣльскаго уѣзда, кажется, былъ отставной полковникъ, фамиліи его не помню; онъ служилъ раньше въ гвардіи, и въ его эскадронѣ государь императоръ, будучи наслѣдникомъ цесаревичемъ, началъ свою строевую службу. Государь тотчасъ узналъ его, изволилъ назвать «своимъ командиромъ», обласкалъ и за обѣдомъ долго съ нимъ бесѣдовалъ. Потомъ государь подошелъ къ духовенству, офицерству, чиновничеству и купечеству, а также къ ученикамъ различныхъ учебныхъ заведеній, здѣсь выстроенныхъ, которые привѣтствовали государя громкимъ «ура». Потомъ государь подошелъ къ старшинамъ, которыми былъ поднесенъ хлѣбъ и соль на деревянномъ блюдѣ и благодарственный адресъ за освобожденіе отъ крѣпостной зависимости. Сказавъ старшинамъ нѣсколько словъ, государь подошелъ къ бывшимъ здѣсь старикамъ-ветеранамъ, въ числѣ которыхъ было немало георгіевскихъ кавалеровъ, удостоилъ сказать, что радъ ихъ видѣть, поблагодарилъ ихъ за прежнюю службу и приказалъ выдать георгіевскимъ кавалерамъ по 3 рубля, а прочимъ по 1 серебряному рублю, и при прощаніи пожелалъ имъ здоровья, хорошей жизни и просилъ ихъ направлять молодыхъ солдатъ на пользу службы.

Флигель-адъютантъ подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ, сколько здѣсь отставныхъ солдатъ. Докладываю, что не знаю. Нужно спросить мѣстнаго военнаго начальника, полковника Веселитскаго. «Пожалуйста, потрудитесь, капитанъ, узнать (въ прежне время въ корпусѣ жандармовъ былъ чинъ капитана, теперь замѣненный чиномъ ротмистра) и пожаловать въ походную императорскую канцелярію получить деньги для раздачи».

Докладываю, что сейчасъ разыщу и разспрошу полковника Веселитскаго; послѣдній проситъ разыскать своего адъютанта и спросить списокъ, который долженъ быть у него. Посылаю командира разыскать адъютанта и взять списокъ для представленія въ походную канцелярію. Адъютантъ приноситъ списокъ и между прочимъ говоритъ, что списокъ невѣрно составленъ, такъ какъ многіе старики-солдаты прибыли сегодня, и не успѣли попасть въ

списокъ. Спрашиваю, почему сегодня не провѣрили. Иду докладывать флигель-адъютанту о положеніи дѣла; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, подзываю своего вахмистра Мартынова, дѣльнаго и умѣлаго, и отдаю ему списокъ, чтобы онъ провѣрилъ, сколько всѣхъ стариковъ-ветерановъ, и сколько между ними Георгіевскихъ кавалеровъ.

По окончаніи представленія, его величество поѣхалъ въ институтъ, въ гимназію и въ соборъ.

Только что хочу сѣсть на лошадь, чтобы ѣхать къ собору, какъ меня опять подзываетъ флигель-адъютантъ и спрашиваетъ про списокъ старослужившихъ. Докладываю о сдѣланномъ мною распоряженіи относительно провѣрки и составленія списка. Приказываетъ получить деньги примѣрно, а потомъ представить счетъ, и предлагаетъ итти въ походную императорскую канцелярію за полученіемъ. Отъ камеръ-юнкера получаю 500 рублей серебряными рублями; положивъ ихъ въ мѣшокъ, передаю своему адъютанту, который только что пріѣхалъ изъ Соколки; приказываю раздать деньги ветеранамъ, по провѣркѣ ихъ вахмистромъ Мартыновымъ и по составленному списку съ указаніемъ Георгіевскихъ кавалеровъ. Лечу въ соборъ. Народу гибель. Прошу публику очистить паперть для пріѣзда государя, что непрекословно исполняется. Государь черезъ ворота подѣхалъ къ паперти собора, гдѣ уже на крыльцѣ его ожидало духовенство.

Его величество, выслушавъ краткое молебствіе, обошелъ соборъ. Садясь въ экипажъ, государь приказалъ ѣхать въ квартиру. Я же возвращаюсь къ ветеранамъ, которымъ адъютантъ раздаетъ серебряные рубли. На мой вопросъ, хватитъ ли денегъ, адъютантъ говоритъ, что, вѣроятно, да, потому что немного уже осталось людей, не получившихъ. Приказываю, кромѣ именного списка, составить перечневую вѣдомость о числѣ всѣхъ ветерановъ съ показаніемъ Георгіевскихъ кавалеровъ и за своею подписью представить мнѣ съ оставшимися деньгами.

Въ 2 часа назначенъ былъ смотръ войскамъ.

Государь по возвращеніи изъ собора завтракалъ съ лицами своей свиты.

Пойдя на свою квартиру, я еле успѣлъ выпить стаканъ чая и сѣсть чего-то, какъ докладываютъ, что ожидаетъ жандармъ, прибывшій изъ Соколки съ бумагами, для подписи. Прочитавъ наскоро телеграммы и другія бумаги, приказываю жандарму собрать мои вещи и ѣхать обратно въ Соколку съ бумагами, которыя подпишу, по возвращеніи въ Соколку, куда предполагалъ вернуться въ царскомъ поѣздѣ, но не такъ случилось.

Между тѣмъ является пріѣзжій помѣщикъ Сокольскаго уѣзда, котораго я зналъ хорошо, и проситъ подписать свидѣтельство, написанное въ моемъ управленіи, о перевезеніи тѣла его матери въ Варшаву. Говорю, что не могу этого сдѣлать, такъ какъ вы-

дача такого разрѣшенія зависитъ отъ губернатора. Онъ передаетъ мнѣ, что третій день тѣло находится на станціи, и пока послѣдуетъ распоряженіе губернатора, еще пройдетъ около двухъ или трехъ дней, почему просить убѣдительнѣйше дать ему это разрѣшеніе, тѣмъ болѣе, что начальникъ станціи сказалъ, что если онъ привезетъ разрѣшеніе отъ военнаго начальника, то тѣло онъ отправитъ. Подумавъ и войдя въ его положеніе, подписалъ ему требуемое разрѣшеніе, рѣшивъ во всякомъ случаѣ доложить или донести объ этомъ губернатору. Сѣвъ на коня, двинулся шагомъ къ мѣсту смотра, мимо помѣщенія государя; думаю, было уже съ небольшимъ часъ. Выѣхавъ на шоссе, пустилъ коня крупной рысью, тѣмъ болѣе, что мой иноходецъ всегда отличался хорошимъ ходомъ. На всемъ пути, по бокамъ, стояла масса народу въ порядкѣ.

На мѣстѣ смотра, войска были уже выстроены, и хотя народъ толпился, но повсюду порядокъ былъ образцовый, что слѣдуетъ приписать исключительно распорядительности и умѣлости командированнаго жандармскаго офицера, при которомъ находилось нѣсколько унтеръ-офицеровъ. Стояли здѣсь воспитанники учебныхъ заведеній, старшины и старые солдаты-ветераны. Впереди стояли разодѣтыя дамы, и впереди ихъ дѣти, тоже разодѣтыя, какъ куколки. На шоссе вездѣ было чисто, ровно. Для наблюденія за этимъ было назначено мною 5 человекъ жандармовъ моего управленія. Подѣзжаю къ гг. полковымъ командирамъ, спрашиваю про плацъ. Очень хорошъ. Главное, что камней нѣтъ, а то бѣда, какъ для лошадей, такъ и для пѣхотинцевъ.

На смотру находились два полка пѣхоты, входящіе въ составъ 26-й дивизіи, и 2 кавалерійскіихъ полка: Владимирскій и Ямбургскій уланскій.

Кромѣ того, на смотру было двѣ или даже три батарен и мѣстная команда въ баталіонномъ составѣ.

Государь пріѣхалъ ровно въ два часа. Свита уже собралась и его ожидала. Его величество, сѣвъ на коня, объѣхалъ всѣ части и здоровался съ людьми. Послѣдовала команда: «къ церемониальному маршу». Прохожденіемъ войскъ государь остался доволенъ и благодарилъ. Смотръ продолжался не болѣе полтора часа. Вызваны были начальники частей. Государь изволилъ дѣлать вопросы и замѣчанія. Отпуская, вторично благодарилъ. Дѣйствительно кавалерійскія части представились въ блестящемъ видѣ, кони красивые, въ особенности у эскадронныхъ командировъ и офицеровъ.

Государь подѣхалъ къ экипажу и садясь вынулъ изъ маленькаго черепаховаго портсигара папирску и фитиль и закурилъ. Графъ Барановъ сѣлъ также въ экипажъ.

Въ 6 часовъ у государя состоялся обѣдъ; приглашенныхъ было до 100 человекъ. Черезъ нѣсколько времени, послѣ обѣда, начали собираться на вокзалъ. Офицеры опять выстроились верхами около

дома, занимаемаго государемъ. По приѣздѣ на вокзалъ, государь поблагодарилъ офицеровъ и прямо вошелъ въ вагонъ, за нимъ вошли графъ Барановъ, князь Долгоруковъ, графъ Шуваловъ и прочія лица государевой свиты. Во время слѣдованія государя на вокзалъ, солдаты стояли на всемъ протяженіи пути безъ ружей, въ шапкахъ. Кричали «ура». Также кричалъ «ура» весь народъ, стоявшій по бокамъ улицъ.

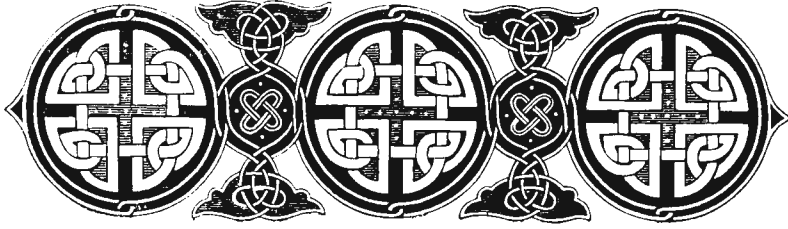
Мнѣ удалось попасть на царскій поѣздъ, и я рассчитывалъ въ Соколкѣ выйти. Но не тутъ-то было, поѣздъ промчался мимо, и я въ полной парадной формѣ приѣхалъ въ Гродно и только съ вечернимъ поѣздомъ добрался до своего пепелища—Соколки.

Такъ закончился приѣздъ и пребываніе государя императора въ Бѣлостокѣ.

Полагаю, что и понынѣ у многихъ лицъ того времени сохранилось объ этомъ событіи пріятное воспоминаніе.

Николай Вороновъ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ВОЙНЫ 1877—1878 ГОДОВЪ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

ВЪ ЧИСЛѢ сотрудниковъ «Русскаго Оборѣнія» былъ талантливый молодой поэтъ Николай Васильевичъ Симборскій (см. его стихотворенія «Илья Муромецъ», «Святогоръ», «Въ ожиданіи войны»).

Въ апрѣлѣ 1877 года, Симборскій заходитъ ко мнѣ и съ перваго слова заявляетъ:

- Война рѣшена и на-дняхъ будетъ объявлена.
- Почему вы знаете?
- Интендантскіе чиновники гуляютъ по Невскому въ новыхъ мундирчикахъ, высокихъ сапогахъ и бѣлыхъ перчаткахъ!..

Это было сказано съ такимъ юморомъ и съ такимъ провидѣніемъ тѣхъ дѣйствій, которыя имѣли мѣсто въ Дунайской арміи, что я невольно расхохотался.

— Знаете, что я вамъ посоветую?—сказалъ я Симборскому:— отправляйтесь-ка на войну и не иначе, какъ въ Малую Азію, черезъ Кавказъ... Побывайте въ тѣхъ мѣстахъ, которыя вдохновляли Пушкина и Лермонтова, пишите корреспонденціи... Вы и сами обновитесь и увидите то, чего другіе не замѣтятъ...

Н. В. Симборскій послушался, по моему совѣту пошелъ къ О. Ѳ. Миллеру, тотъ его порекомендовалъ «Новому Времени», и черезъ нѣсколько дней онъ уѣхалъ.

Я не предвидѣлъ тогда, что и мнѣ скоро придется уѣхать (вслѣдствіе пріостановки газеты), и что для бѣднаго Симборскаго поѣздка эта окажется гибельной. Онъ любилъ кутить и вмѣсто обновленія погибъ на гостепріимномъ Кавказѣ.

Засталъ я Симборскаго въ лагерѣ подъ Карсомъ. Онъ очень обрадовался мнѣ, жилъ со мною въ одной палаткѣ, но большую часть времени проводилъ у маркитантки или въ кругу молодого офицерства, за стаканами кахетинскаго, среди шутокъ и прибаутокъ.

... Какъ остроумный собесѣдникъ, онъ былъ постоянно окруженъ толпой... Корреспонденцій отъ него «Новое Время» не дождалось, о чемъ даже телеграфировало въ штабъ. Мои уговоры сердили Симборскаго, и однажды онъ даже назвалъ меня «непрощеннымъ гувернеромъ»...

Послѣ неудачнаго дѣла (штурма) подъ Зивинымъ Симборскій написалъ извѣстное шутивное стихотвореніе:

«Быль день 13-го іюня,
«Отпоръ турецкій былъ не слабъ,
«Войска дралися звѣремъ втуне,
«Тринадцать разъ напуталъ штабъ...

и т. д.

Все вертѣлось на несчастномъ 13 числѣ и кончалось тѣмъ, что въ дѣлѣ было 13-ть генераловъ, вернувшихся благополучно, но изъ 13 тысячъ солдатъ многихъ не досчитались (въ дѣйствительности около 800 убитыхъ и раненыхъ).

Стихотвореніе это разнеслось по всему лагерю, списывалось и т. д., и, конечно, дошло до свѣдѣнія «13-ти генераловъ», чрезъ услужливыхъ наушниковъ.

Однажды, въ пору томительнаго бездѣйствія, когда войска занимали оборонительное положеніе, отступивъ отъ Карса, въ ожиданіи подкрѣпленій, вызванныхъ изъ Москвы и Саратова (1-я гренадерская дивизія и 40-я пѣхотная), приходитъ ко мнѣ въ палатку жандармъ или писарь (не помню хорошо) и спрашиваетъ, не знаю ли я, гдѣ Симборскій. Я зналъ, что Симборскій былъ въ гостяхъ, день или два, въ другомъ лагерѣ (верстахъ въ 10-ти), но счелъ за лучшее промолчать и справиться, зачѣмъ онъ понадобился.

— Да его приказано арестовать и вывезти съ жандармами... уже и лошади готовы.

Таковъ былъ отвѣтъ.

Встревоженный я пошелъ къ правителю походной канцеляріи, полковнику Чернявскому (кажется, такъ его фамилія), къ которому требовали Симборскаго. Онъ подтвердилъ, что дѣйствительно приказано выслать Симборскаго, и принялъ со мной весьма рѣзкій тонъ, когда я попросилъ объясненія этой мѣры, заговорилъ о какихъ-то польскихъ прокламаціяхъ, разбрасываемыхъ въ лагерѣ.

— Вообще, — заявилъ правитель канцеляріи, — съ тѣхъ поръ, какъ появились корреспонденты, пошли разныя неудачи, прокла-

маціи, и еслибъ моя воля, то я всѣхъ бы корреспондентовъ выслалъ изъ лагеря, а не только Симборскаго, который только пьянствуетъ и скандалитъ.

Выслушавъ такую дерзость, я вспылить и сказалъ, что если прокламаціи появились, то это совпало съ его прїѣздомъ, а до него корреспонденты были, а о прокламаціяхъ ничего не было слышно... (такъ оно и было въ дѣйствительности).

— Не кричите, не то командующій корпусомъ услышитъ!

— Пусть слышитъ, и я даже желаю, чтобъ онъ слышалъ о тѣхъ дерзостяхъ, которыя мнѣ пришлось выслушать отъ васъ.

Впослѣдствіи графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ говорилъ мнѣ, что онъ слышалъ громкій разговоръ мой съ Чернявскимъ, но что изъ турецкаго лагеря дѣйствительно подбрасывались прокламаціи, писанныя ломаннымъ русскимъ языкомъ, не имѣвшія, конечно, ни малѣйшаго значенія, крайне глупаго содержанія.

Вернувшись къ себѣ въ палатку и будучи въ крайнемъ возбужденіи, я написалъ Мих. Тар. Лорисъ-Меликову письмо, въ которомъ просилъ свиданія для необходимыхъ объясненій, убѣждалъ его отмѣнить высылку Симборскаго, припомнилъ ему извѣстное стихотвореніе гр. Толстого:

«Какъ 8-го сентября,
Мы за вѣру и царя,
Отъ француза шли,
Отъ француза шли!..»

Неужели, — писалъ я, — теперь не умѣстна та шутка, которая была терпима въ Крымскую войну, да еще со стороны военнаго, а не корреспондента. Въ заключеніе я предупреждалъ, что отказъ въ объясненіи я сочту за указаніе, что и мнѣ остается только уѣхать изъ лагеря въ Петербургъ.

Вручивъ письмо дежурному ординарцу, я ждалъ отвѣта не болѣе $\frac{1}{2}$ часа, когда меня позвали къ командующему корпусомъ. М. Т. встрѣтилъ меня съ улыбкой, добродушно и любезно, разомъ внушивъ тѣмъ, что дѣло уладится. Онъ сослался сначала на крайнее неудовольствіе «генераловъ», задѣтыхъ стихотвореніемъ, на необходимость какого нибудь взысканія, упомянулъ о праздности и бесполезности пребыванія Симборскаго въ лагерѣ; но въ концѣ концовъ уступилъ, когда я указалъ ему, что высылка съ жандармами можетъ пагубно отразиться на дальнѣйшей судьбѣ Симборскаго.

— Ну, хорошо, — кончилъ Лорисъ-Меликовъ: — я отмѣняю эту мѣру, но съ тѣмъ, чтобы Симборскій самъ уѣхалъ, куда хочетъ... Передайте ему объ этомъ.

Симборскій уѣхалъ въ Тифлисъ. Оттуда онъ уже не вернулся въ Петербургъ, и я его не видѣлъ. Онъ участвовалъ въ тифлис-

скихъ газетахъ, издавалъ сатирическій листокъ «Фаланга», а года черезъ два или три застрѣлился.

Собраніе его стихотвореній до сихъ поръ не издано, о чемъ слѣдуетъ пожалѣть.

Когда мнѣ случалось видѣться съ Лорисъ-Меликовымъ въ Петербургѣ, онъ часто вспоминалъ этотъ эпизодъ и шутилъ гово- рилъ:

— Кланяется вамъ пріятель вашъ Чернявскій.

Уѣзжая болѣе или менѣе вынужденно съ театра войны, Н. В. Симборскій въ видѣ отместки сказалъ слѣдующій экспромтъ:

Изъ шутки, сказанной сполпьяна,
Устроить грязенькій скандалъ
Не смѣлъ бы рыцарь Ардагана,—
Сумѣлъ зивинскій генераль!

Этотъ экспромтъ вспомнился даже черезъ 25 лѣтъ, потому что въ основѣ его лежитъ весьма вѣрное впечатлѣніе. Во время побѣды и успѣшнаго хода военныхъ дѣйствій начальство въ хорошемъ настроеніи, и оно распространяетъ вокругъ, среди подчиненныхъ и въ отношеніяхъ къ печати и т. п., здоровую, добрую, человѣколюбивую атмосферу. Но одна-двѣ неудачи, и пойдутъ толки, сомнѣнія, послышится змѣбиный шепотъ интригъ и злорадства; начальственное раздраженіе начинаетъ отыскивать причину неудачъ и видитъ ее, большею частью, гдѣ нибудь въ сторонѣ, въ какомъ нибудь единичномъ случаѣ, въ мелочномъ событіи, а приспѣшники, наушники подслуживаются и выслуживаются, отыскивая подобныя мелочи, подставляя ножку своимъ врагамъ и соперникамъ, подстрекая къ чрезвычайнымъ мѣрамъ и строгостямъ, за которыя отвѣчать придется не имъ, а тѣмъ же вождемъ и общему ходу дѣлъ. Въ такія времена даже очень добрые и умные вожди или начальники становятся жертвой, игрушкой въ рукахъ дурныхъ и злыхъ людей и утрачиваютъ обычное благоразуміе, волю, чувство законности и справедливости. Въ Малой Азій хотѣли выслать Симборскаго, а за Дунаемъ выслали всѣхъ корреспондентовъ «Голоса» и искали виновниковъ Плевны среди англійской печати!

Замѣчательно, что и лазутчики и вообще получаемыя, собираемыя начальствомъ негласныя свѣдѣнія о неприятелѣ какъ бы согласуются съ его видами и расположеніемъ духа. Въ періодъ побѣды и успѣховъ получались самыя пренебрежительныя свѣдѣнія о неприятелѣ. Турки трусы, только и думаютъ о сдачѣ или бѣгствѣ, оружіе плохое, мрутъ отъ голода, пушекъ мало и т. п. Напротивъ, наткнувшись на неудачу, послѣ Плевны и Зивина, появляются преувеличенныя свѣдѣнія: тысячи превращаются въ десятки тысячъ, запасы неистощимы, орудія самыя лучшія и безчисленныя и т. п. Случалось, что послѣ побѣды недоумѣвали, гдѣ же тѣ «многочисленные таборы и тѣ батарен», которые удесятерятъ

лись въ не въ мѣру напуганномъ воображеніи поставщиковъ и собирателей достовѣрныхъ свѣдѣній (тайныхъ).

На урочищѣ Мелидюзъ была дневка. Это было почти то самое мѣсто, гдѣ когда-то собиралъ свои впечатлѣнія Пупкинъ, во времена Паскевича.

Мы медленно отступали послѣ неудачнаго Зивинскаго штурма. Съ тыла за нами надвигался Мухтаръ-паша, а впереди находился Карсъ съ гарнизономъ, ободреннымъ нашей неудачей. Намъ предстояло пройти мимо этой первоклассной крѣпости, имѣя на плечахъ непріятели, межъ двухъ огней, чтобъ соединиться съ 39-й дивизіей, которая оставалась съ сѣверной стороны Карса, гдѣ было выставлено нѣсколько осадныхъ батарей, противъ Карадага и Арабъ-Табіи.

Задача эта была выполнена, какъ извѣстно, съ полнымъ успѣхомъ. Обремененные большимъ обозомъ, нѣсколькими сотнями раненыхъ, которыхъ везли и частію несли на носилкахъ, мы безъ малѣйшихъ потерь, въ полномъ порядкѣ, совершили это отступление, сняли осаду и со всѣми тяжестями отодвинулись назадъ, къ р. Арпачаю, гдѣ и заняли оборонительное положеніе въ ожиданіи подкрѣпленій изъ Россіи. Кавказъ не могъ ихъ дать, такъ какъ разгорѣлось возстаніе, которое приходилось довольно долго усмирять.

Только инертность турокъ да престижъ славныхъ кавказскихъ войскъ могли объяснить все благополучіе этого отступления.

Но во время дневки на Мелидюзѣ, на Саганлугскихъ высотахъ, будущее было неизвѣстно, и мы переживали тревожныя минуты, какъ вслѣдствіе неудачнаго штурма, такъ и трудныхъ условій отступления.

Палатка генерала Шульца, гостепріимно принявшаго меня, была разбита въ двухъ шагахъ отъ палатки командующаго корпусомъ. Я только что вернулся съ похоронъ трехъ убитыхъ офицеровъ и съ перевязочнаго пункта, гдѣ безъ усталы работали врачи. Впечатлѣнія были невеселыя. Вдругъ слышу раздраженный голосъ, почти крикъ генераль-адъютанта М. Т. Лорисъ-Меликова.

— Тебя повѣсить мало!.. Я прикажу заколотъ мерзавца и бросить въ яму...

Что-то въ этомъ родѣ. Выхожу изъ палатки и вижу: передъ карауломъ, среди двухъ часовыхъ, сидитъ, поджавши ноги, рядовой иррегулярнаго Чеченскаго полка, блѣдный, безъ оружія. Часовые глядятъ сумрачно; всѣ какъ будто не въ своей тарелкѣ. М. Т. Лорисъ-Меликовъ, жестоко раздраженный, распекаетъ кого-то.

Оказалось, что наши разъѣзды захватили этого чеченца въ тылу отряда и приняли его за дезертира. По-русски онъ не зналъ, а его татарской болтовни наши драгуны не понимали. Молодца обыскали и нашли при немъ записку. Состоявшій при штабѣ переводчикъ

прочелъ эту бумагу и заявилъ, что это не болѣе и не менѣе, какъ письмо или увѣдомленіе Мухтара-паши, въ которомъ зивинскому пашѣ предписывается держаться, какъ можно долѣе. Держись, молъ, посылаю тебѣ въ подкрѣпленіе мою кавалерію и самъ скоро прибуду на помощь. Таковъ былъ смыслъ найденной у чеченца записки, по словамъ переводчика. Этому тѣмъ скорѣе повѣрили, что записка подтверждала все то, что происходило въ Зивинѣ, и чѣмъ объясняли неудачу нашего штурма.

Въ такомъ видѣ дѣло было представлено на усмотрѣніе М. Т. Лорисъ-Меликова. Дезертиръ и его измѣна были налицо. Всѣ требовали быстрой и примѣрной расправы. Командующій корпусомъ раскричался и приказалъ заколоть штыками измѣнника, давъ ему $\frac{1}{2}$ часа на приготовленіе къ смерти.

И вотъ истекали эти тягостные $\frac{1}{2}$ часа. Осужденный сидѣлъ, хорошо не сознавая своей участи, и надъ нимъ стояли люди, блѣдные, разстроенные, которымъ предстояло выполнить ужасное дѣло, тяжкое, но справедливое чужое рѣшеніе.

Какъ нарочно, въ это время впереди лагеря проѣзжалъ верхомъ командиръ того иррегулярнаго полка, къ которому принадлежалъ осужденный. Лорисъ-Меликовъ замѣтилъ его и приказалъ позвать.

— Какъ вы смотрите за своими людьми, вы распустили полкъ...

Надъ головой полкового командира разразилась гроза.

— Но въ чемъ же дѣло, выше высокопревосходительство?

— А вотъ полюбуйтесь, вашъ рядовой схваченъ съ письмомъ Мухтара...

Растерянный полковой командиръ оглянулся, но, увидѣвъ осужденнаго на казнь измѣнника, заявилъ:

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство, какой же это дезертиръ!.. Это мой конюхъ!.. Я посылалъ его за сѣномъ... Онъ все время былъ при мнѣ и не могъ получить письма отъ Мухтара... Позвольте взглянуть на это письмо...

Оказалось, что полковой командиръ зналъ, могъ разбирать по-татарски. Пресловутое письмо Мухтара оказалось свидѣтельствомъ, выданнымъ туземцу въ удостовѣреніе принадлежности ему его лошади. Слово «мухтаръ» дѣйствительно значилось въ этой бумагѣ, но оно означаетъ старшину, старосту того села, къ которому принадлежалъ мнимый дезертиръ. Переводчикъ не умѣлъ перевести этого свидѣтельства, не зная мѣстнаго нарѣчія, но, разобравъ два слова «мухтаръ» и «лошадь», подслужился и сочинилъ записку Мухтара-паши.

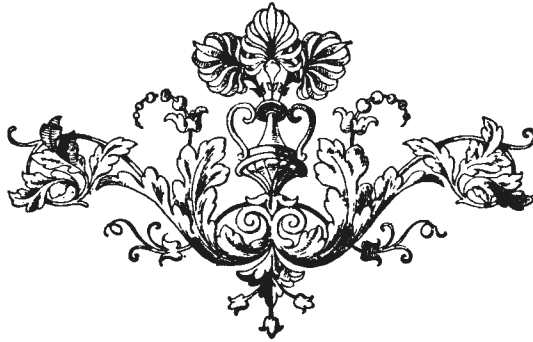
Убѣдившись въ обманѣ, жертвой котораго онъ сдѣлался, Лорисъ-Меликовъ приказалъ позвать переводчика и перенесъ на него свой гнѣвъ.

— Тебя самого надо повѣсить!..

По счастью, никто не былъ на этотъ разъ казнень, и несчастный конюхъ былъ отпущень къ своему командиру. Но еслибъ прошло $\frac{1}{2}$ часа, еслибъ скорый, энергичный судъ свершился надъ «очевиднымъ» злодѣемъ!

Къ сожалѣнію, подобныя ошибки не составляютъ единичнаго исключенія...

Григорій Градовскій.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О Г. И. УСПЕНСКОМЪ.

БЫЛЪ студентомъ Петровско-Разумовской академіи, и среди насъ, студентовъ, Успенскій пользовался большою популярностью. Изъ журналовъ «Отечественныя Записки» и въ нихъ статьи Успенскаго и Щедрина были тѣ произведенія, на которыя въ то время молодежь набрасывалась съ жадностью и съ нетерпѣніемъ ожидала выхода новой книги любимаго журнала.

— Вышла новая книга «Отечественныхъ Записокъ»...

— Успенскаго, Щедрина есть что нибудь?

— Да!...

— Надо достать... Поскорѣе достать!... Будемъ читать вмѣстѣ...

Было это весной 1876 года, при началѣ сербско-турецкой войны, когда ко мнѣ пришли знакомыя слушательницы акушерскихъ курсовъ московскаго воспитательнаго дома, Г. и К., и между прочимъ спросили меня:

— Знаете ли вы Г. И. Успенскаго?

— Какъ писателя, конечно, но лично никогда не встрѣчалъ.

— Онъ теперь въ Москвѣ по дорогѣ въ Сербію... Знаете, съ нимъ случилось несчастье: онъ потерялъ, или украли у него деньги. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе печальное!

— Откуда вы это узнали?

— Его двоюродная сестра у насъ на курсахъ...

— А гдѣ онъ остановился?

— У Москворѣцкаго моста, въ гостиницѣ Мамонтова.

Тогда мы собрали денегъ, помню, приняла въ этомъ участіе артистка М. Н. Ермолова, и я на другой день отправился въ гостиницу и постучался у комнаты, которую занимать писатель.

Передо мной стоялъ средняго роста человѣкъ, худой, шатенъ, съ нѣсколько рыжеватымъ оттѣнкомъ и съ большими сѣрыми глазами, которые смотрѣли на меня испуганно-изумленно.

Я отрекомендовался и пояснилъ цѣль моего визита.

Успенскій продолжалъ смотрѣть на меня тѣмъ же взглядомъ, но теперь онъ улыбался.

Я положилъ деньги на столъ.

Наступило нѣкоторое молчаніе.

Затѣмъ Успенскій быстро спросилъ:

— Вы водочку пьете?

— Да, употребляю,—отвѣчалъ я.

— Садитесь,—продолжалъ писатель,—мы съ вами позавтракаемъ,—и онъ нажалъ пуговку звонка.—Чѣмъ будемъ закусывать?... бѣлорыбцей, осетриной? Москва, вѣдь, славится этими продуктами... Говорите!...

Я сказалъ, что мнѣ все равно. Я былъ такъ радъ и доволенъ, что сижу и вижу передъ собой любимаго писателя, что могъ бы закусить даже пуговицей.

Мягкій, деликатный, съ особеннымъ нервнымъ, но злымъ юморомъ, Успенскій оказался прекраснымъ собесѣдникомъ. Онъ былъ талантливый и своеобразный рассказчикъ. Въ его разговорѣ обыкновенно нѣтъ, нѣтъ, да и мелькнетъ фраза, оригинальная, характерная, чисто русскаго юмора, фраза, мѣтко опредѣляющая или положеніе или личность.

Говорилъ онъ не громко, смѣялся тихо и иногда язвительно. Жизнь, сама жизнь несомнѣнно только его и интересовала. Въ бесѣдѣ мы не касались никакихъ теоретическихъ вопросовъ, больше онъ меня спрашивалъ, я отвѣчалъ.

День былъ прекрасный, тихій и не жаркій. Кажется, это было въ іюнѣ мѣсяцѣ или концѣ мая.

Послѣ завтрака мы отправились на Воробьевы горы. Дорогой я спрашивалъ Глѣба Ивановича, зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Сербію.

— Посмотрѣть на добровольцевъ.

— Да, вѣдь, на нихъ и здѣсь можно посмотрѣть, когда они отправляются.

— Я хочу видѣть добровольца въ дѣйствиі... это, батюшка, большая штука... Понимаете, въ дѣйствиі!... какъ «онъ» тамъ за свободу будетъ...

На Воробьевыхъ горахъ мы любовались видомъ Москвы, и Г. И. вспоминалъ царя Ивана Грознаго. Нѣсколько разъ возвращался въ тотъ вечеръ къ этимъ воспоминаніямъ. На другой день онъ уѣхалъ въ Сербію. Нервный, разсѣянный, постоянно сосредоточенный на какой-то тайной мысли, Успенскій былъ непрacticный и совсѣмъ неаккуратный человѣкъ.

Когда онъ совѣмъ уже уложился, и надо было расплачиваться по счету гостиницы, денегъ нѣтъ! Куда онъ дѣлится? Пошло путешествіе по вѣсѣмъ карманамъ, по столу, подъ нимъ, подъ кроватью. Положеніе въ самомъ дѣлѣ непріятное! Но, слава Богу, деньги завалились въ прорванный жилетный карманъ, изъ котораго писатель вынулъ ихъ въ видѣ плотно сжатого комка. Съ трудомъ отдѣливъ бумажки, Успенскій уложилъ ихъ болѣе тщательно.

Да, непрактичный былъ человекъ Глѣбъ Ивановичъ... А писатель непрактичный, да еще деликатный—это одно для него горе!

Послѣ этого знакомства я видѣлся съ Успенскимъ и въ Петербургѣ и Москвѣ; онъ заходилъ ко мнѣ, когда проѣзжалъ Москву, въ свою очередь я навѣщалъ его въ Петербургѣ.

Вскорѣ и со мной случилась непріятность въ Петербургѣ. Надо было возвращаться въ Москву, а на проѣздъ денегъ нѣтъ, пустяки, положимъ, а нѣтъ. Я пошелъ къ Г. Ив., думая, не выручить ли онъ меня на этотъ разъ. Успенскій жилъ тогда близъ Николаевского вокзала на Гончарной улицѣ, я засталъ его въ возбужденномъ состояніи. Онъ очень волновался по случаю визита къ нему деревенскаго старшины, рассказавшаго ему разныя деревенскія неурядицы.

— Да,—говорилъ Глѣбъ Ивановичъ:—Грознаго... царя, Грознаго нужно!...

Опять Грозный!—подумалъ я и сказалъ о цѣли своего посѣщенія.

Глѣбъ Ивановичъ какъ-то съежился и еще болѣе заволновался. Оказалось, что денегъ у него нѣтъ, а деньги нужны ему, пожалуй, больше моего: ожидалось приращеніе семейства.

— Въ «Отечественныхъ Запискахъ» не дадутъ, я уже забралъ авансомъ... Вотъ въ «Пчелѣ» за статью о Демертѣ получилъ бы... да не отдають... Посылалъ, да толку нѣтъ. Самому развѣ съѣздить, да вотъ работу надо кончать...

— Хотите, я съѣзжу? Гдѣ адресъ журнала?

Онъ мнѣ сказалъ, и я поѣхалъ. Признаюсь, тогда на меня такое матеріальное положеніе писателя извѣстнаго, талантливаго, произвело тяжелое впечатлѣніе. Какъ?... въ критическомъ семейномъ положеніи, и нѣтъ денегъ, которыя въ этомъ случаѣ необходимы. Успенскій тогда показался мнѣ и больнымъ и грустнымъ.

На Васильевскомъ островѣ я засталъ въ редакціи издателя, художника М., который меня принялъ очень вѣжливо, сказавъ, что Успенскому слѣдуетъ дѣйствительно получить 80 рублей, но въ редакціи денегъ нѣтъ, надо подождать...

— Но, видите,—убѣждалъ я:—Глѣбу Ивановичу очень нужны деньги, и именно теперь.

— Ахъ, Глѣбъ Ивановичъ, Глѣбъ Ивановичъ!—говорилъ, потирая руки, художникъ... Какой онъ прекрасный человекъ! А вы не родственникъ его будете?

— Нѣтъ, просто знакомый.

Я ушелъ, не получивъ ни копейки.

На другой день я опять былъ на Васильевскомъ островѣ и, проходя мимо редакціи «Пчелы», подумалъ: «дай, зайду опять за деньгами!» Редакція помѣщалась въ нижнемъ этажѣ; человѣкъ, узнавъ меня, пропустилъ въ кабинетъ безъ доклада.

За большимъ круглымъ столомъ сидѣлъ издатель и какой-то купецъ; передъ ними лежали пачки кредитныхъ билетовъ, перевязанныя бичевками, помню, что пачекъ было много.

— Ахъ, вы отъ Глѣба Ивановича, — заволновался художникъ: — какой онъ прекрасный человѣкъ!... превосходный!... да, вчера вы говорили о деньгахъ... Теперь я могу ему передать, только не всѣ, вотъ 40 рублей.

Я взялъ эти деньги, быстро вышелъ отъ любезнаго издателя, нанялъ извозчика и привезъ Успенскому деньги, которыя были очень нужны.

— Какъ это вы получили? Вотъ удивительно!.. — говорилъ писатель.

Въ свою очередь и меня, тогда еще мало знакомаго съ литературными нравами и порядками, такой случай поразилъ несказанно: человѣкъ написалъ, работалъ, нуждается, а ему вмѣсто денегъ говорятъ, что онъ прекрасный человѣкъ!..

Чудно что-то!

Вообще въ 70-хъ годахъ Успенскій жилъ не особенно покойно, много работалъ и постоянно нуждался.

Мнѣ кажется, что эта нужда и постоянное, связанное съ ней безпокойство, да еще при его пессимистическомъ настроеніи, немало способствовало къ все больше и больше усиливающейся нервности и болѣзненности.

Покойно работать онъ едва ли могъ. Для его художественнаго характера и натуры должна была быть другая обстановка среди природы и непосредственныхъ людей, а не въ столицѣ, въ вѣчной сутолокѣ и среди впечатлѣній, которыя даже здороваго человѣка способны уложить въ гробъ.

Гл. Ив. сидѣлъ въ городѣ, работая въ постоянной тревогѣ и безпокойствѣ, когда его тянуло на волю, на просторъ.. отсюда его постоянное скитаніе и исканіе той народной сильной правды, которая, по его художественному чутью, жила именно въ народѣ.

Несомнѣнно, Гл. Успенскій большой талантъ, сосредоточившійся въ хрупкой и нервной натурѣ, изнемогающей подъ разнородными впечатлѣніями, которыя и мучили его и заставляли спѣшить высказываться. Художественные образы, разнообразныя человѣческія отношенія и положенія, толпились передъ нимъ постоянно. Художникъ не успѣвалъ давать этимъ образамъ подходящія краски, не успѣвалъ ставить ихъ въ соответственныя положенія. Повторяю,

онъ спѣшилъ и потому впадалъ въ публицистику. Конечно, это было печально, но надо знать и то время, когда жилъ и работалъ Успенскій. Помимо и этого ему нужно было спѣшить, потому что литература составляла его единственный и существенный заработокъ.

Онъ былъ работникъ листа, строки, а это знаютъ тѣ, которымъ надлежитъ знать.

Правда, одно время Гл. Ив. не нуждался, когда издано было полное собраніе его сочиненій, и ему нужно было устроиться и жить не въ городѣ, а въ деревнѣ.

По-моему это уже поздно было: организмъ былъ сломанъ, и болѣзнь медленно, но вѣрно приближалась. Наконецъ и наступило тяжелое мучительное время, которое тянулось годами. Кажется, 8 лѣтъ Гл. Ив. прожилъ въ психіатрическихъ больницахъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Успенскаго 24 марта (число и мѣсяцъ его смерти) 1894 г. на юбилейномъ обѣдѣ въ честь 35-лѣтней литературной дѣятельности А. М. Скабичевскаго.

Онъ тогда былъ боленъ, и я удивлялся, какъ онъ присутствовалъ при его состояніи на многолюдномъ и шумномъ собраніи. На выраженное мной удивленіе кто-то сказалъ изъ его близкихъ: «конечно, его никто не приглашалъ, пришелъ самъ, узнавъ про юбилей, ну, какъ его не пустить!»

За столомъ онъ сидѣлъ противъ, немного наискось отъ меня, и когда я зачѣмъ-то всталъ изъ-за стола, Гл. Ив. подошелъ ко мнѣ, на его лицѣ блуждала какая-то страдальческая и блаженная улыбка. Онъ взялъ меня за руку и сказалъ:—Семень, смотри, ангелы Божіи радуются!.. видишь?

— Гдѣ?—спросилъ я невольно.

— Вонъ, вонъ, гляди!.. и онъ дрожащей блѣдной рукой указывалъ куда-то вверхъ къ карнизу.

Сердце мое сжалось.

Вскорѣ послѣ этого Успенскій былъ помѣщенъ въ психіатрическое отдѣленіе, кажется, земской больницы въ Новгородѣ.

И черезъ восемь лѣтъ не стало народнаго писателя и печальника народа. Какой тяжелый и тревожный годъ!.. Едва не сошелъ въ могилу графъ Л. Н. Толстой, умеръ Нефедовъ, Успенскій и Острогорскій; одинъ за однимъ, точно по уговору, сошли со сцены такіе писатели, благородные, идейные.

«У счастливаго недруги мрутъ,
У несчастнаго другъ умираетъ»,—

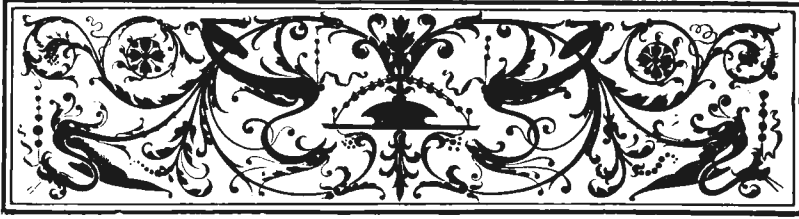
писалъ Некрасовъ, и его поэзія правдива и по сіе время. Дѣйствительно, въ смерти Нефедова и Успенскаго едва ли многое потеряло наше культурное общество, которое и до сихъ поръ чуждо народа,

до сихъ поръ живеть, не имѣя съ нимъ живой внутренней связи и не зная его... Нѣтъ, не общество потеряло, а народъ, русскій народъ похоронилъ своихъ вѣрныхъ друзей, преданныхъ и любящихъ.

Сошли со сцены жизни писатели, сошли въ такое время, когда именно въ такихъ писателяхъ явилась постоянная нужда, когда народное сознаніе растетъ не по днямъ, а по часамъ, и когда нужны народу свои писатели!

С. И. Васюковъ.

ОЧАГЪ БѢГЛЫХЪ ПОПОВЪ.

(Къ двухсотлѣтію бѣглопоповщины)¹⁾.

I.

Извѣстность Калуги въ расколѣ. — Первый бѣглый попъ. — Первая раскольническая община. — Кража иконостаса для первой раскольнической церкви. — Количество бѣглыхъ поповъ изъ Калужской епархіи.

ДВА ЛИ какая другая епархія пользовалась въ раскольническомъ мірѣ такою печальною извѣстностью, какая выпала на долю Калужской епархіи. Въ теченіе многихъ лѣтъ эта центральная по своему географическому положенію епархія была главною поставщицею бѣглыхъ поповъ для большей половины старообрядческаго міра, поповщины.

Бѣгство калужскихъ поповъ въ расколъ началось весьма рано, когда ни Калужской губерніи, ни Калужской епархіи еще не существовало. Достаточно сказать, что первый бѣжавшій въ расколъ отъ православной церкви священникъ новаго, послѣниконовскаго постановленія былъ изъ города Калуги. Это — попъ Борисъ, котораго въ самомъ началѣ XVIII вѣка сманилъ на Вѣтку, тогдашній центр старообрядства, извѣстный раскольнической попъ Θεодосій

¹⁾ По архивнымъ даннымъ калужской духовной консисторіи (дѣла по описи, начатой въ 1770 году, №№ 37, 40, 41, 78, 440, 5615, 5684, 5668, 6302, и по описи секретныхъ дѣлъ №№ 2, 12, 72 и 295) и по другимъ источникамъ.

«истор. вѣстн.», июнь, 1902 г., т. LXXXVIII.

Ворыпинъ, и который такимъ образомъ положилъ начало бѣгствующему въ расколъ священству.

Съ этого-то времени Калуга стала извѣстною и популярною въ раскольническомъ мѣрѣ.

Были и другія обстоятельства, содѣйствовавшія популярности среди раскольнической массы города Калуги.

Въ 1695 году, въ одной изъ церквей ея, стоявшей праздною, въ темную весеннюю ночь на великій четвергъ помянутымъ попомъ Θεодосіемъ совершена была первая раскольническая обѣдня. «Все сдѣлано было,—замѣчаетъ въ своихъ очеркахъ поповщины П. И. Мельниковъ,—сообразно требованіямъ самыхъ строгихъ ревнителей стараго обряда: въ дониконовской церкви, на дониконовскомъ антиминсѣ, дониконовскаго рукоположенія священникъ совершилъ литургію по старому служебнику». Правильность совершенной обѣдни признана была всѣми старообрядцами. А запасные дары, которые Θεодосій освятилъ за этой литургіей, и въ которыхъ такъ нуждались тогда старообрядцы, получили почетную извѣстность во всемъ раскольническомъ мѣрѣ. Вотъ почему, когда Θεодосій явился съ ними изъ Калуги на Вѣтку, то тамъ, по словамъ раскольническаго писателя, «все радостными привѣтствы возблагодариша приходъ его къ нимъ, и все, увядшіе печалію, весело хождаху».

Въ томъ же 1695 году, изъ Калужской Покровской подъ горою церкви (гдѣ, по преданію, совершена была первая раскольническая обѣдня) ночью выкраденъ былъ древній временъ Іоанна Грознаго иконостасъ для первой во всемъ расколѣ церкви, строившейся тогда на Вѣткѣ. По имени Калужской церкви и вѣткинская старообрядческая церковь получила названіе Покровской.

Такъ, въ то время какъ одна половина раскольниковъ, за оскуднѣніемъ и смертью священниковъ стараго рукоположенія, рѣшила остаться совершенно безъ священниковъ (безпоповцы), другая половина ихъ рѣшила принимать къ себѣ священниковъ новаго постановленія отъ господствующей церкви (поповцы). Съ легкой руки калужскаго попа Бориса стало кому у нихъ и службу церковную совершать, и требы мѣрскія справлять.

За попомъ Борисомъ бѣжалъ въ расколъ Іосифъ Боровскій, а за нимъ потянулся длинный рядъ бѣглыхъ поповъ изъ разныхъ калужскихъ весей.

Въ XIX вѣкѣ, особенно послѣ изданія извѣстныхъ правилъ 26 марта 1822 года о бѣглыхъ попахъ, бѣгство поповъ въ расколъ принимаетъ здѣсь прямо эпидемическій характеръ. По даннымъ архива калужской консисторіи, въ періодъ только времени съ 1821 по 1862 годъ изъ городовъ и селъ Калужской епархіи бѣжали 53 священника и нѣсколько діаконовъ. Въ иные годы, какъ, напримѣръ, въ 1828 году, сразу убѣгало отсюда по шести человекъ.

Больше всего бѣжали попы изъ южныхъ, покрытыхъ тогда дремучимъ лѣсомъ, уѣздовъ Калужской губерніи. Такъ, бѣжавшіе въ 1821—1862 г.г. попы по уѣздамъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 12 человѣкъ приходится на Козельскій уѣздъ, семь на Жиздринскій, по шести на Перемышльскій и Лихвинскій, по пяти на Мещовскій и Медынскій, по три на Мосальскій, Калужскій и Боровскій и только по одному человѣку на Малоярославецкій и Тарусскій уѣзды и на городъ Серпейскъ.

II.

Уловители поповъ.—Насильный увозъ въ расколъ высококаго попа Василя Страхова.—Другіе способы уловленія поповъ въ расколъ.—Арестъ уловителя.

Въ виду большого спроса раскольниковъ на калужскихъ поповъ, въ Калугѣ, въ Полотняномъ заводѣ, въ Сухиничахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Калужской губерніи, явились особаго рода промышленники, которые специально занимались сманваніемъ и увозомъ поповъ въ расколъ.

Вотъ образчикъ того, какъ дѣйствовали эти уловители православныхъ священниковъ.

17 декабря 1831 года, въ калужскую консисторію явился пожилой человѣкъ и обратился къ столоначальнику Воскресенскому съ просьбой выдать ему указъ на причетническое мѣсто въ село Заболотьѣ, Перемышльскаго уѣзда.

Невзрачный, сильно поношенный подрясникъ, испитое съ весьма замѣтными слѣдами неумѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ лицо и вообще весь внѣшній видъ просителя изобличали его бурную предшествующую жизнь.

И дѣйствительно, стоило взглянуть въ данный ему консисторіей указъ, чтобы убѣдиться, что проситель былъ не кто другой, какъ низведенный на два года во причетника за пьянство, грубый, неуживчивый характеръ и другія провинности, бывший высококій попь, Василій Никифоровъ Страховъ.

Выдавая указъ, столоначальникъ не преминулъ предупредить новаго заболотьевскаго причетника, что во все время служенія въ Заболотьѣ онъ будетъ находиться подъ строгимъ присмотромъ благочиннаго и мѣстнаго священника, и что всякая жалоба съ ихъ стороны на его нетрезвость и дурное поведеніе поведетъ за собою горькія для него послѣдствія и даже можетъ лишить его священства.

Нерадостный вышелъ о. Василій изъ консисторіи. Необходимость цѣлые два года жить съ шестью дѣтьми на скудномъ причетническомъ мѣстѣ не сулила ему ничего хорошаго. Сознаніе предстоящей полнѣйшей и унижительной зависимости отъ собрата по

священству, заболотьевскаго попа, давило его голову какъ бы свинцовою тяжестью. Неувѣренность въ распатанныхъ продолжительнымъ пьянствомъ силахъ и сомнѣніе въ своей способности перенести такой продолжительный искусь еще болѣе удручали его...

Совершенно подавленный шелъ онъ на постоянный дворъ, гдѣ оставилъ свой скудный скарбъ.

Вдругъ его кто-то окликнуть по имени.

Удивленный и немного испуганный, Страховъ обернулся назадъ и увидѣлъ за собою плотнаго мужчину, который куталъ свое лицо въ воротникъ овчиннаго тулупа съ очевиднымъ намѣреніемъ скрыть его отъ прохожихъ.

— О. Василій, а о. Василій! Пстой-ка малость!—сказалъ окликнувшій его человѣкъ.

— Что тебѣ отъ меня надо?—спросилъ Страховъ, стараясь разглядѣть неожиданнаго собесѣдника и припомнить, гдѣ онъ видѣлъ это лицо раньше.

А лицо несомнѣнно было знакомое о. Василію и, главное, что подсказывало ему, что еще недавно видѣлъ онъ это лицо...

— Ну, что, о. Василій, совѣтъ тебя теперь порѣшили въ консисторіи, али только такъ малость поначалили?—продолжалъ незнакомецъ, пытливо и съ любезной, нѣсколько заискивающей улыбкой смотря на недоумѣвающаго о. Страхова.

— А тебѣ какое дѣло?

— Ахъ, батюшка, батюшка! Да или ты меня не призналъ? А помнишь...

Тутъ говорившій осторожно оглянулся по сторонамъ и, не видя никого близко, нагнулся къ Страхову.

— Помнишь,—шопотомъ сказалъ онъ,—что я тебѣ говорилъ въ Высокомъ-то, гдѣ ты попомъ былъ, али запомнелъ?

При этихъ словахъ о. Василій сразу вспомнилъ все.

Это было годъ тому назадъ. Онъ тогда только что былъ переведенъ въ село Высокое и сильно бѣдствовалъ съ семьей...

Ясно вспомнилась ему теперь темная сентябрьская ночь, въ которую вотъ этотъ самый человѣкъ, шедшій теперь рядомъ съ нимъ, явился къ нему и предложилъ бросить бѣдный приходъ и бѣжать въ расколъ, обѣщая ему богатство, привольное житье, почести... Съ презрѣніемъ отвергъ тогда онъ это гнусное предложеніе, а затѣмъ, за житейскими дѣлами, и совѣтъ забылъ о немъ...

— Однако, чего намъ съ тобой на улицѣ мерзнуть?—перебилъ его воспоминанія незнакомецъ:—пойдемъ ко мнѣ, тамъ потолкуемъ да перехватимъ чего либо. Оно хоть и постъ, а выпить у насъ всегда дозволяется.

— Да ты не упрямяся, о. Василій,—продолжалъ искуситель, видя его нерѣшительность:—вѣдь силой я тебя не утащу; можетъ, ты и у своихъ до протопопа дослужишься и въ шелковой ряскѣ будешь ходить...

Тутъ онъ съ явной усмѣшкой окинулъ бѣдный, неприглядный костюмъ своего собесѣдника.

— Я вѣдь къ тому рѣчь веду, что я у тебя въ гостяхъ прошлой осенью былъ, стало быть, и ты долженъ теперь у меня побывать. Коли хочешь, я тебя и до твоего Заболотья доведу, мнѣ туда по одному дѣлу нужно.

— До какого Заболотья?!

— Эвона, до какого? Извѣстно, куда тебя теперь «Господи помилуй» пѣть посылаютъ, да еще къ тамошнему попу подъ ноготокъ. Ты, можетъ быть, думаешь, что я ничего не знаю? Нѣтъ, милый человѣкъ, все доподлинно знаю... Да что тутъ толковать, пойдемъ-ка ко мнѣ, я тебѣ кое-что еще скажу, весь вѣкъ будешь помнить Василю Кирилловича Дегтева.

Такъ неожиданно отрекомендовался незнакомецъ и рѣшительно зашагалъ въ Ямскую слободу.

Въ Ямской слободѣ по Московскому тракту находился въ описываемое время постоялый дворъ калужскаго мѣщанина—раскольника Василю Дегтева.

Это былъ самый ловкій и энергичный изъ всѣхъ извѣстныхъ калужскихъ уловителей православныхъ священниковъ. Дегтевъ выработалъ себѣ цѣлую систему уловленія: сначала онъ намѣчалъ себѣ жертву среди православнаго духовенства, затѣмъ тщательно выслѣживалъ и разузнавалъ всѣ обстоятельства, касавшіяся намѣченной жертвы, и наконецъ, пользуясь благопріятнымъ моментомъ, всегда съ успѣхомъ увозилъ ее къ раскольникамъ, большею частью, въ Стародубскія слободы Черниговской губерніи. Его дѣятельными помощниками въ этомъ оригинальномъ промыслѣ были жена Александра Евдокимовна и своякъ Григорій.

Въ такія-то цѣпкія руки и попалъ теперь отецъ Василій Страховъ.

— Вотъ видишь, о. Василій,—говорилъ ему Дегтевъ, сидя съ нимъ въ отдѣльной комнатѣ своего постоялаго двора и усердно подливая водку своему все болѣе и болѣе хмелѣвшему собесѣднику,—теперь пойдешь ты, скажемъ, въ свое Заболотье, ну, что ты тамъ будешь дѣлать? А? Вѣдь тебѣ помирать къ голоду придется... Доходы дьячковскіе извѣстно какіе... Вѣдь по міру съ ребятами пойдешь... А у меня сейчасъ для тебя на примѣтъ есть важное мѣсто. Поди, слышалъ про посадъ Воронокъ Черниговской губерніи?.. Богатѣйшій приходъ!.. Тамъ, одно слово, все тысячники живутъ-то, на всю жизнь тебя облагодѣтельствуютъ, да и семья твоя одѣта и обута будетъ... А служить-то все равно что у насъ, что у насъ; только развѣ по старымъ книгамъ, да насчетъ табаку строго, а остальное прочее у насъ куда привольнѣе...

Сначала о. Василій пытался было возражать, но затѣмъ отъ винныхъ паровъ у него совсѣмъ ослабѣли умственные способности и отнялся языкъ.

Время отъ времени входившая въ комнату жена Дегтева зорко смотрѣла за происходившимъ. Наконецъ, она замѣтила, что собесѣдники дошли до полнаго опьяненія.

Этого-то только ей и нужно было. Она позвала Григорія и отдала ему шопотомъ какія-то приказанія.

Въ самую полночь 17 декабря 1831 года, со двора Дегтева выѣхала тройка, запряженная въ большія ямщицкія сани съ задкомъ. Въ саняхъ сидѣла сама Дегтева, а лошадьми правилъ Григорій.

Внимательный прохожій разсмотрѣлъ бы въ самой срединѣ сани что-то, прикрытое рогожей. Это что-то и былъ несчастный попъ Василій Страховъ, крѣпко связанный веревками и наглухо закутанный въ нагольный тулупъ.

Въ такомъ полубезчувственномъ состояніи его провезли двѣ станціи, потомъ подноили и повезли дальше...

Какъ смутный и тяжелый сонъ, помнилъ потомъ все это о. Василій.

Такъ былъ въ буквальномъ смыслѣ уворованъ въ расколъ высоцкій попъ В. Н. Страховъ. Въ 1850 году, онъ былъ пойманъ и препровожденъ въ Калугу, гдѣ на допросѣ откровенно и рассказалъ все вышеизложенное. Лишенный за побѣгъ въ расколъ священнаго сана, онъ былъ отосланъ въ Оптину пустынь, въ которой и умеръ въ единеніи съ православной церковью.

Насильный увозъ православныхъ священниковъ практиковался, впрочемъ, рѣдко. Гораздо чаще дѣло дѣлалось по взаимному договору священника съ уловителемъ, который въ такихъ случаяхъ являлся простымъ посредникомъ между попомъ и желавшими принять его раскольниками.

Соглашавшійся бѣжать въ расколъ священникъ запрашивалъ обыкновенно съ уловителя большую сумму денегъ. Тотъ предлагалъ меньшую. Происходилъ болѣе или менѣе продолжительный торгъ, кончавшійся обыкновенно 300 — 500 рублей ассигн. (въ исключительныхъ случаяхъ цѣна на попа подымалась до 1.000 рублей), каковыя деньги уловитель и выдавалъ впередъ соблазненному имъ попу, а затѣмъ, выбравъ ночь потемнѣе, пріѣзжалъ за нимъ и увозилъ его одного или съ семьей въ старообрядческія слободы.

Какъ легко въ такихъ случаяхъ устроилось дѣло, видно, на примѣрѣ, изъ показанія бѣжавшаго въ 1858 году изъ Мещовскаго монастыря къ забайкальскимъ раскольникамъ священника Василія Георгіевскаго.

— Когда вздумалъ я бѣжать въ расколъ,—сознался онъ потомъ:—то написалъ о семъ въ Калугу мѣщанину Дегтеву, и сей въ одинъ мѣсяць уладилъ дѣло.

Кромѣ своихъ ¹⁾, въ Калужской губерніи промышляли сманива-

¹⁾ Въ свою очередь и калужскіе уроженцы промышляли бѣглыми попами за предѣлами губерніи. «Изъ такихъ промышленниковъ,—говоритъ П. И. Мельниковъ въ своихъ «Очеркахъ поповщины»,—особенно замѣчательенъ былъ въ 80 и

ніемъ и увозомъ въ расколъ поповъ и чужіе ловители, которыхъ слали сюда высоко цѣнившіе калужскихъ поповъ старообрядцы разныхъ мѣстъ, даже далекой Сибири и иновѣрной Туретчины.

Подъ видомъ странниковъ, любителей церковной службы и духовной бесѣды расхаживали эти волки въ овечьей одеждѣ по городамъ и селамъ Калужской губерніи, высматривали подходящихъ священниковъ и уговаривали ихъ перейти въ расколъ.

Но не доводами въ пользу старыхъ обрядовъ, не доказательствами истинности старообрядства старались они убѣдить православныхъ священниковъ перейти въ расколъ. Деньгами и обѣщаніями всевозможныхъ благъ въ старообрядческомъ приходѣ смазывали они послѣднихъ.

А если какой совѣстливый священникъ заводилъ рѣчь о вѣрѣ и ссылаясь при этомъ на соборныя правила, запрещающія священнику оставлять свою церковь и своего епископа, то у ловителей готовъ былъ стереотипный отвѣтъ.

— Вы, батюшка,—возражали они такому священнику,—мудрено что-то говорите... Оно какъ будто и такъ выходитъ... Да вотъ какъ бы вы поговорили съ нашими наставниками: они убѣдили бы васъ. Наши наставники тоже все по правиламъ св. апостоловъ и соборовъ толкуютъ... Вотъ вы съ ними тогда и сговоритесь...

— Вѣдь другіе же ваши священники, — прибавляли далѣе соблазнители,—безъ боязни переходятъ къ намъ. А и они — люди ученые; стало быть, знаютъ такія правила... Переходите и вы, батюшка, къ намъ. Мы всегда рады вамъ будемъ... А ужъ какъ вы-то останетесь довольны!..

Случалось, что уговоренный такимъ образомъ священникъ забиралъ съ собою ставленную грамоту, отправлялся въ консисторію, бралъ изъ нея билетъ на проѣздъ въ Кіевъ на богомолье и уже больше не возвращался къ мѣсту своего служенія. Въ 1828 году былъ пойманъ бѣглый изъ села Воткина, Жиздринскаго уѣзда, священникъ Иванъ Ивановъ. Въ оправданіе своей годовой отлучки изъ прихода онъ сочинилъ цѣлую басню о томъ, какъ вмѣсто Кіева нечаянно попалъ въ Стародубскую слободу Митьковку и тамъ противъ воли удержанъ былъ раскольниками. Епархіальное начальство, разумѣется, не повѣрило его объясненію, и воткинскій іерей заплатилъся саномъ за побѣгъ въ расколъ.

Конечно, промыселъ бѣглыми попами былъ не безъ опасностей. Особенно опаснымъ сталъ онъ съ 1827 года, когда правительство,

---

40 годахъ московскій мѣщанинъ, уроженецъ Боровскаго уѣзда, содержавшій въ Рогожской части, въ Вороньемъ переулкѣ, постоянный дворъ, Степанъ Трифоновичъ Жировъ. Про него ходили между старообрядцами слухи, будто онъ одного возимаго пона Егора, польстившись на накопленные имъ деньги, утопилъ въ какой-то рѣкѣ. Этотъ слухъ не помѣшалъ, однако, ему сдѣлаться первымъ русскимъ старообрядческимъ архіереемъ. Это—Софроній, епископъ симбирскій, лишенный впоследствии епархіи».

дотолѣ снисходительное къ бѣглымъ попамъ, стало издавать постановленія, сначала ограничившія, а затѣмъ и вовсе запретившія побѣгъ въ расколъ православныхъ священниковъ. Вотъ почему уловители поповъ дѣйствовали крайне осторожно и аккуратно.

Тѣмъ не менѣе, не всегда безнаказанно сходилъ имъ съ рукъ ихъ постыдный промыселъ.

Въ 1865 году, былъ арестованъ одинъ изъ такихъ уловителей, зашедшій въ домъ карамышевскаго священника Извѣкова и соблазвившій его перейти въ расколъ. Оказалось потомъ, что этотъ уловитель, по паспорту Иванъ Петровъ, турецкій подданный, уже не перваго калужскаго священника уговаривалъ перейти въ расколъ. Между прочимъ, жена незадолго передъ тѣмъ (въ 1863 году) бѣжавшаго въ раскольническія слободы барятинскаго священника Ивана Шумилина признала въ арестованномъ того именно чело-вѣка, который не разъ бывалъ у ея мужа въ гостяхъ и который устроилъ самый побѣгъ его въ расколъ. Уловитель переданъ былъ въ руки правосудія.

III.

Нравственныя качества бѣглыхъ поповъ.— Два бѣглыхъ попа XVIII вѣка.

Само собою понятно, что измѣнить своей церкви, бросить свой приходъ, бѣжать по уговору въ расколъ, считающій православную церковь еретическою, и тамъ священнодѣйствовать, не обращая вниманія на церковную анаѹему и изверженіе изъ сана за побѣгъ,— понятно, говоримъ, что рѣшиться на такое отступничество могъ только тотъ священникъ, которому почему либо нельзя было оставаться въ православной церкви.

И дѣйствительно, бѣглые попы изъ Калужской епархіи, какъ показываютъ сохранившіяся о нихъ дѣла въ архивѣ консисторіи, были большею частью люди потерянные, безъ твердыхъ нравственныхъ правилъ и живого религіознаго чувства.

Уже первый бѣглый попъ Борисъ извѣстенъ тѣмъ, что унесъ съ собою изъ приходскаго храма образъ Пресвятой Богородицы. Впрочемъ, умирая, онъ завѣщалъ окружавшимъ его возвратить похищенную икону по принадлежности, что послѣ его смерти и было исполнено. Въ настоящее время икона эта хранится въ калужскомъ Покровскомъ на рву храмѣ, какъ мѣстно чтимая святыня.

Болѣе подробныя свѣдѣнія сохраняетъ архивъ мѣстной консисторіи о послѣднемъ за XVIII столѣтіе бѣгломъ попѣ Егорѣ Оедоровѣ.

Бѣжалъ этотъ попъ въ расколъ потому, что изобличенъ былъ въ подлогѣ. Дѣло было такъ.

Вскорѣ послѣ своего опредѣленія въ Высоцкую слободу, Боровскаго уѣзда, о. Егоръ овдовѣлъ. Натура, видимо, не изъ дюжин-

ныхъ, слабая, онъ не перенесъ постигшаго его несчастья и сталъ искать утѣшенія въ винѣ. Въ компанію къ нему присоединился отставной поручикъ Александръ Абрамовичъ Синявинъ. За стаканомъ вина вдовець-священникъ и отставной воинъ близко сошлись и сдѣлались пріятелями.

Синявинъ давно уже заглядывался на имѣніе своей тетки, вдовы-поручицы Кошелевой. Но у него были соперники, ближайшіе родственники и, стало быть, наслѣдники вдовы.

Синявинъ и вздумалъ воспользоваться каллиграфическимъ искусствомъ своего новаго пріятеля.

По его просьбѣ, о. Егоръ сфабриковалъ документъ, по которому желанное имѣніе отъ имени Кошелевой и за ея будто бы рукоприкладствомъ уступалось въ полное и неотъемлемое владѣніе А. А. Синявина.

Однако, подлогъ вскорѣ же открылся. Назначено было слѣдствіе. И о. Егоръ, не надѣясь оправдаться по нему, 2-го января 1783 года бѣжалъ въ Стародубскій раскольническій посадъ Клинцы, захвативъ съ собою крестьянскую женку, вдову Авдотью Евсееву «не для чего другого, а только для воспитанія своего малолѣтняго сына Андрея».

Около двухъ лѣтъ безъ всякаго вида проживалъ о. Егоръ у клинцовскихъ старообрядцевъ, отправляя у нихъ разныя требы. Затѣмъ онъ раздобылся паспортомъ, въ которомъ прописанъ былъ уволеннымъ изъ крутицкой епархіи (въ составъ которой прежде входила большая часть нынѣшней Калужской епархіи), срокомъ на два года, въ Кіевъ и другіе города Россійской имперіи для прісмотрѣнія по вдовству мѣста жительства въ какомъ либо монастырѣ.

Позже, когда онъ былъ уже пойманъ, о. Егоръ объяснилъ, что этотъ паспортъ выслалъ ему въ Клинцы съ извозчикомъ за десять рублей канцеляристъ Крутицкой консисторіи Аѳанасевъ. Но послѣдній положительно отвергъ извѣтъ на него бѣлаго попа, такъ что, вѣроятно, о. Егоръ самъ сфабриковалъ себѣ подложный видъ, на что онъ, какъ мы видѣли, былъ способенъ.

Съ фальшивымъ паспортомъ о. Егоръ отправился на югъ Россіи, побывалъ въ Кременчугѣ, Елисаветградѣ и нѣкоторое время отправлялъ требы у донскихъ раскольниковъ, къ которымъ пригласилъ его казацкій полковникъ Карпъ Денисовъ.

Когда паспорту истекъ срокъ, о. Егоръ переѣхалъ въ Польшу, въ мѣстечко Смѣлое, и здѣсь добылъ себѣ новый паспортъ на польскомъ языкѣ. По новому виду, о. Георгій, уже священникъ церкви св. Алексія Божьяго челоуѣка въ Новой Княжей слободѣ Дѣдичной вотчины свѣтлѣйшаго князя Г. А. Потемкина-Таврическаго, значился слѣдующимъ съ женою и съ извозчикомъ на парѣ лошадей за російскую границу.

Едва ли слѣдуетъ прибавлять, что женою о. Егора названа въ паспортѣ та самая Авдотья Евсеева, которая бѣжала съ нимъ изъ Высоцкой слободы, и съ которой онъ не разлучался во все время пребыванія въ расколѣ.

Изъ отмѣтокъ на новомъ паспортѣ видно, что нашъ попъ «съ женою» не разъ переѣзжалъ російскую границу, при чемъ отъ російскихъ командъ ему былъ свободный пропускъ.

Однако, и у зарубежныхъ раскольниковъ о. Егоръ пробылъ недолго. Захотѣлось ему побывать на родинѣ, повидаться съ родными, а, можетъ быть, и похвалиться предъ ними нажитымъ богатствомъ.

И вотъ 11-го февраля 1789 года, т. е., спустя шесть лѣтъ послѣ своего побѣга въ расколъ, о. Егоръ совершенно неожиданно пріѣхалъ къ савьякскому дьячку Борису Федорову, который доводился ему сватомъ.

Болѣе мѣсяца прожилъ о. Егоръ благополучно у свата. Былъ онъ за это время въ Вереѣ, Боровскѣ и даже въ самой Калугѣ, навѣщая тамъ раскольниковъ и справляя у нихъ разныя требы.

Прослышало о бѣгломъ попѣ боровское духовенство и рѣшило изловить его.

Раннимъ утромъ, 20-го марта 1789 года, въ село Савьяки съ разныхъ сторонъ сразу вѣхало нѣсколько подводъ. На подводахъ сидѣли все больше духовныя лица.

Впереди всѣхъ вѣхалъ самъ боровскій протопопъ Гавріилъ въ сопровожденіи своего великана-дьячка, на слѣдующей подводѣ сидѣлъ канцеляристъ боровскаго духовнаго правленія Артемій Погунтинъ съ двумя правленскими сторожами. Съ противоположной стороны вѣхали высоцкій священникъ Иванъ и сватунскій Василій тоже съ своими дьячками.

Весь поѣздъ остановился около дома савьянскаго дьячка Бориса Федорова и окружилъ его. О. Егоръ, только что передъ тѣмъ вернувшійся изъ своей поѣздки въ Калугу, былъ пойманъ. Вмѣстѣ съ нимъ схвачены были крестьянка Авдотья Евсеева и неизвѣстный мужчина, оказавшійся потомъ клинцовскимъ мѣщаниномъ-раскольниковомъ Василюмъ Глинкинымъ, сопровождавшимъ бѣглаго поца въ качествѣ его псаломщика.

Находясь уже въ острогѣ, о. Егоръ подалъ московскому митрополиту Платону прошеніе, любопытное по описанію нѣкоторыхъ подробностей его ареста, а также свидѣтельствующее о богатствѣ, какое наживали себѣ у раскольниковъ бѣглые попы.

— Разбойническимъ образомъ пріѣхавъ въ квартиру мою,—писалъ между прочимъ о. Егоръ въ этомъ прошеніи, — оный протопопъ Гавріилъ захватилъ все мое имѣнье, какъ-то: сундуки съ ризами, везенными мною по обѣщанію въ Сергіеву лавру, съ матеріями на ризы въ другіе монастыри, съ платьемъ и съ другими вещами, и деньги золотою монетою, російскими имперіалами тысячу

шестьсотъ рублей, серебромъ пятьсотъ рублей, мѣдными десять рублей пятьдесятъ копеекъ, да голландскихъ червонцевъ тридцать, каждый по три рубля, а всего денегъ двѣ тысячи двѣсти рублей пятьдесятъ копеекъ; всего же имущества, находившагося при мнѣ (а чего именно, тому прилагаю реестръ), и денегъ отнято у меня суммою на четыре тысячи на сто на двадцать на шесть рублей съ копейками. А все сіе происходило на дворѣ у того дьячка, гдѣ раскололъ тотъ протопопъ съ канцеляристомъ и прочими одинъ мой сундучекъ съ деньгами, въ коемъ находились шестьсотъ рублей пятьдесятъ копеекъ, и, по разбитіи, раздѣлили оныя по себѣ, а остальные деньги съ имѣнемъ моимъ и меня привезли въ Боровскъ, въ духовное правленіе, гдѣ заковали меня съ малолѣтнимъ моимъ сыномъ въ ножныя желѣза и посадили подъ стражу, не объясняя мнѣ причины, за что я взятъ... А въ сіе время содержанія моего захваченное имѣніе и остальные деньги разграбили и, повидимому, раздѣлили по себѣ... По многимъ во время дѣлежа добычи между ними ссорамъ и бранямъ учинилось сіе небезызвѣстнымъ и жителямъ того града... И я ихъ въ томъ персонально предъ вашимъ высокопреосвященствомъ изобличу, да и сами они, при произведеніи слѣдствія, уповаю, изобличатся между собою... 27-го марта отосланъ я съ сыномъ въ московскую духовную консисторію, изъ которой препровожденъ въ московское губернское присутствіе, а оттуда посаженъ въ острогъ и понынѣ содержусь въ ономъ»...

Впрочемъ, о. Егоръ не долго просидѣлъ въ острогѣ. Раскольники скоро доставили ему способъ бѣжать изъ тюрьмы, о чемъ и извѣстилъ московскую консисторію оберъ-полицеймейстеръ, генералъ-майоръ Толь, 10-го сентября 1789 года.

Что стало послѣ сего съ о. Егоромъ, не извѣстно.

Для арестовавшихъ же его лицъ дѣло кончилось печально. Правда, по дѣлу о разграбленіи и отнятій у арестованнаго ими поца имущества и денегъ они оставлены были только въ подозрѣніи, но за то, что въ дѣлѣ поимки его они поступили вопреки синодскому указу отъ 22-го декабря 1786 года, запрещавшему духовнымъ лицамъ самимъ ловить бѣглыхъ поповъ и предоставлявшему это дѣло городничимъ и исправникамъ,—протопопу Гавріилу, канцеляристу Погутину и прочимъ объявленъ былъ изъ московской духовной консисторіи строжайшій выговоръ.

IV.

Бѣлые попы XIX вѣка.—Общая ихъ характеристика.—Жизнь ихъ въ расколѣ.—Отношеніе ихъ къ расколу.—Почему калужскіе попы дорого цѣнились въ расколѣ.

Съ 1821 года по 1836 годъ имена всѣхъ бѣжавшихъ изъ Калужской епархіи поповъ извѣстны.

Замѣчательно, что большинство ихъ были люди образованные, кончившіе курсъ семинаріи или же дошедшіе до богословскаго или

философскаго классовъ. Въ числѣ ихъ значится даже лихвинскій соборный священникъ Димитрій Бѣляевъ, студентъ семинаріи, спеціально приготовлявшійся въ 1854 году въ Петербургѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго въ свое время знатока раскола преосвященнаго Григорія, архіепископа казанскаго († 1860), къ противораскольническому миссіонерствованію, нѣкоторое время состоявшій таковымъ миссіонеромъ и въ концѣ концовъ бѣжавшій въ расколъ.

Это обстоятельство, какъ нельзя больше, подтверждаетъ высказанное выше положеніе, что въ расколъ бѣжали священники не по убѣжденію въ его правдѣ и истинности, а по другимъ причинамъ, ничего съ общаго съ вѣрою не имѣющимъ.

Въ своемъ большинствѣ бѣгле калужскіе попы XIX вѣка были безпробудные пьяницы, люди штрафованные, часто подначальные и нерѣдко низведенные за порочную жизнь во причетниковъ. Другой контингентъ бѣжавшихъ составляли молодые священники — вдовцы, которые не могли снести своего вдовства, бѣжали въ расколъ и тамъ обзаводились экономками... Въ исключительныхъ случаяхъ въ расколъ уходили болѣе или менѣе порядочные священники (по бѣдности ли приходовъ, отъ столкновенія съ начальствомъ и пр.), да и такіе обыкновенно низко опускались и опошлялись въ расколѣ.

Извѣстныя правила 26-го марта 1822 года широко открыли всѣмъ такимъ лицамъ двери въ расколъ. И потекла туда, по выраженію одного писателя, всякая гниль...

Однимъ изъ первыхъ піонеровъ этихъ правилъ былъ бѣжавшій въ 1822 году въ Москву, на Рогожское кладбище, священникъ села Бакѣва Мосальскаго уѣзда, Петръ Ермилычъ Русановъ, достаточно извѣстный, по очеркамъ П. И. Мельникова, своею непотребною въ расколѣ жизнью. Несмотря на то, онъ пользовался большимъ уваженіемъ у заправилъ Рогожскаго кладбища и нажилъ у нихъ большое состояніе.

А вотъ что передаетъ о своей жизни въ расколѣ другой бѣглый попъ (того же 1822 года), изъ села Аграфенина Медынскаго уѣзда, Никита Ивановъ:

— Что такое было тамъ, Боже упаси,—говоритъ онъ,—бывало, допьешься до того, что не можешь подняться къ службѣ, валяешься себѣ, словно скоть какой, да еще иной разъ вдвоемъ... А службу все-таки велишь начинать. Вотъ приходятъ звать; видятъ, что нигуда не гождь человѣкъ, и говорятъ: «ты, отче, давай намъ хоть возгласы, а тамъ мы и безъ тебя управимся». Ну, съ кровати-то и промурлычишь имъ; а они возьмутъ возгласъ и понесутъ его, а тамъ уставщикъ и произнесетъ... Вотъ тебѣ и служба Божія! Какъ, бывало, опамятуешься да всѣ свои непотребства-то сообразишь, такъ хоть въ удавъ лѣзь... Порѣшить съ собою нѣсколько разъ собирался...

Впрочемъ, иногда раскольники, выведенные изъ терпѣнія безобразнымъ поведеніемъ бѣглыхъ поповъ, кончали съ ними энергичнымъ образомъ. Такъ, раскольники-некрасовцы, къ которымъ въ началѣ 1828 года бѣжалъ карамышевскій (богатое село Медынскаго уѣзда) попъ Осипъ Бѣляевъ, извѣстный своимъ пьянствомъ, буйнымъ характеромъ и скандальнымъ поведеніемъ,—до своего побѣга въ расколъ онъ, между прочимъ, убилъ въ запальчивости свою родную дочь-малютку,—бросили его живого въ Дунай.

Замѣчательнъ также случай, когда бѣглый попъ изъ села Пыринки, Боровскаго уѣзда, Никита Леонтиевъ, своимъ поведеніемъ, связью съ крестьянской дѣвкой при живой женѣ, оттолкнулъ отъ себя принявшихъ было его раскольниковъ деревни Подберезья, Гжатскаго уѣзда, Смоленской губерніи, такъ что тѣ предпочли получить отъ господствующей церкви благословеннаго священника, нежели переносить далѣе безчинства бѣглаго попа.

Но вообще раскольники относились къ бѣглымъ попамъ болѣе чѣмъ снисходительно и сквозь пальцы смотрѣли на всѣ ихъ продѣлки. «Оскудѣніе священства» было такъ велико и такъ ощутительно, что старообрядцы терпѣли поповъ, каковы бы они ни были; мало того, они вынуждены были дорожить ими. И чѣмъ меньше становилось у старообрядцевъ поповъ, тѣмъ попы дѣлались безнравственнѣе... Съ другой стороны, прогнать безнравственнаго попа раскольники не могли и потому, что озлобленный попъ могъ въ такихъ случаяхъ причинить имъ много непріятностей: донести на нихъ свѣтскому или духовному начальству, вызвать слѣдствіе и т. п.

— Что же намъ дѣлать,—обыкновенно отвѣчали раскольники, когда ихъ спрашивали, почему они терпятъ у себя недостойныхъ священниковъ:—когда хорошіе къ намъ не идутъ? Надобно довольствоваться и тѣми, какихъ Богъ даетъ. Они исправляютъ для насъ нужныя требы, а больше намъ отъ нихъ ничего не нужно. За грѣхи же свои каждый самъ отвѣтитъ предъ Богомъ.

Самый расколъ, какъ религіозную доктрину и какъ церковное общество, бѣглые попы не уважали. Нагляднымъ доказательствомъ того служить исторія бѣжавшаго въ 1830 году изъ села Князищева, Лихвинскаго уѣзда, священника Павла Алексѣевича Побѣдоносцева, можно сказать, самаго вліятельнаго изъ всѣхъ извѣстныхъ за XIX столѣтіе бѣглыхъ поповъ изъ Калужской епархіи, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ «окормлявшаго» всѣми необходимыми требами раскольниковъ-поповцевъ нашихъ центральныхъ губерній и проживавшаго открыто въ Тулѣ, а подъ конецъ своей жизни—въ Москвѣ.

Ничѣмъ неудержимое хмелеванье заставило о. Павла бѣжать въ расколъ. Чтобы удовлетворить своей страсти къ вину, онъ растратилъ сто рублей церковныхъ денегъ. Послѣдовалъ доносъ; на-

чалось дѣло. Не имѣя, чѣмъ пополнить растрату, Павелъ во всемъ заперся. Но улики были налицо. И Павелъ, какъ тать и горькій пьяница, былъ запрещенъ въ священнослуженіи и низведенъ на причетническую должность.

Невеселый, хотя и хмельной, ѣхалъ Павелъ домой послѣ выслушанія въ консисторіи указа о низведеніи его на причетническое мѣсто.

Переѣхавъ Оку, онъ остановился въ заведеніи съ горячими напитками у «Живого моста».

Сюда-то къ нему и явились утѣшители, очевидно, давно за нимъ наблюдавшіе.

Послѣ взаимныхъ угощеній раскольники,—а это были они,—съ выраженіемъ самаго теплаго участія къ судьбѣ запрещеннаго попа принялись за дѣло.

— Э, батюшка Павелъ Алексѣевичъ,—говорили они,—есть о чемъ много тужить... Что въ дьячки-то васъ опредѣлили? Ну, пусть опредѣляютъ: вы можете и не ходить въ дьячки...

— Какъ не ходить?—спросилъ съ недоумѣніемъ Павелъ:—а что же мнѣ дѣлать, если не въ дьячки итти?

— Зачѣмъ же вамъ, батюшка Павелъ Алексѣевичъ, въ дьячки? Вы и священникомъ можете остаться...

— Какъ такъ?

— Да вы только согласитесь, батюшка!

— Я что-то не пойму, говорите толкомъ: ну, я соглашусь, да гдѣ же я буду попомъ?

— Да у насъ, въ Тулѣ.

— Въ Тулѣ?!

— Да, да, въ Тулѣ, у насъ, по старой вѣрѣ. Вы только согласитесь, батюшка Павелъ Алексѣевичъ, перейти въ нашу древлеблагочестивую вѣру, и вы будете у насъ священникомъ само-самоправнымъ: ни отъ кого зависѣть не будете, никому подчиняться не станете... Жить будете въ покоѣ да въ почетѣ и вы, и матушка ваша, и дѣтки ваши...

Раскольники умѣло вели дѣло, много обѣщали и еще болѣе угощали о. Павла.

Разыгралось Павлово воображеніе; и тутъ же, подъ пьяную руку, рѣшилъ онъ свою судьбу, уѣхалъ въ Тулу, гдѣ и сталъ указнымъ, на основаніи правилъ 1822 года, попомъ.

Какъ же Павелъ смотрѣлъ на расколъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ его сынъ Григорій Павловичъ, кончившій курсъ въ калужской духовной семинаріи.

— Отецъ нашъ,—разсказывалъ онъ своимъ товарищамъ,—самъ ошибся, тужить, да не воротить. А что касается до насъ (у Павла учились два сына въ семинаріи), то онъ, какъ мы начали приходить въ смыслъ, крѣпко-на-крѣпко запрещалъ намъ итти по его

слѣдамъ. «Я самъ,—говорить,—сбился съ дороги, не хочу, чтобы и вы погибли. Затѣмъ я васъ и отдалъ въ Калугу учиться, чтобы здѣсь (въ Тулѣ) къ вамъ не привилась эта проклятая раскольническая вѣра». Отецъ нашъ ни на волосъ на уважалъ этой старой вѣры... Бывало, будучи раздраженъ чѣмъ либо, особенно подвыпивши, онъ клялъ и старообрядство, и старообрядцевъ, и себя самого.—«Какіе вы старообрядцы?—кричалъ онъ имъ въ такихъ случаяхъ:—вы просто раскольники, проклятая ваша секта». На отца сильно, бывало, погнѣваются раскольники, но не надолго. А когда, бывало, протрезвится отецъ, то, увидя насъ, подзоветъ къ себѣ, заплачетъ, начнетъ просить, чтобы мы и учились получше, и отъ церкви не отступали... Въ это время онъ впадалъ въ какую-то болѣзненную задумчивость.—«Брошу я,—говорилъ онъ,—брошу это проклятое житье, уйду въ православную церковь, покаюсь, нужды нѣтъ, что накажутъ, потерплю»... Но узнаютъ, бывало, раскольники о его задумчивости и тоскѣ, придутъ къ нему и начнутъ «утѣшать», пока отецъ снова не запьетъ горькую...

Находясь при смерти, Павелъ слезно, во имя Христа, просилъ окружающихъ его позвать къ нему православнаго священника.

Но раскольники не уважили его просьбы.

Они позвали такого же, какъ и Павелъ, бѣглаго попа Дмитрія Бѣляева, достойнаго сына утопленнаго некрасовцами попа Осипа Бѣляева. И вотъ у одра умирающаго Павла произошла бурная сцена.

Когда Павлу доложили, что пріѣхалъ священникъ «справить» его, то умирающій спросилъ:

— Какой священникъ?

— О. Дмитрій Осиповичъ,—отвѣтили ему.

При имени о. Дмитрія Павелъ затрясся весь, задрожалъ.

— Митька-то здѣсь?! Митьку-то позвали!—закричалъ онъ, насколько могъ громко,—нашли кого позвать!.. Не нуженъ онъ мнѣ... Какой онъ священникъ? Это волкъ въ овечьей одеждѣ... Я просилъ Христа ради настоящаго священника, а не этого еретика...

— Батюшка, о. Павелъ!—уговаривали его приставники,—о. Дмитрій такой же священникъ, какъ и вы, одного согласія.

— Еретикъ онъ, не нуженъ мнѣ,—продолжалъ шумѣть Павелъ,—позовите ко мнѣ православнаго...

Зло разобидѣлся о. Дмитрій Бѣляевъ на Павла и на пригласившихъ его.

— Пусть издыхаетъ,—сказалъ онъ, уходя,—никогда и на духъ его не приму. Онъ съ ума сошелъ, старый еретикъ, бредитъ православіемъ, отъ котораго самъ отрекся...

— Ты еретикъ,—возразилъ ему Павелъ, собирая послѣднія силы:—я ошибся, по нуждѣ оставилъ церковь; зато всегда каялся, всегда думалъ возвратиться въ церковь, не удалось... А ты и грѣха

не видишь въ своемъ отступничествѣ. Будь же ты проклятъ съ своимъ расколомъ!..

Такъ и умеръ Павелъ безъ видимаго примиренья съ церковью.

Говорятъ, что у умершаго Павла подъ подушкой раскольника нашли покаянную грамоту, написанную имъ на имя святѣйшаго синода, въ которой онъ, вмѣстѣ съ раскаяніемъ, просилъ прощенія въ своемъ грѣховномъ отступленіи отъ православной церкви.

Насколько намъ извѣстно, такъ бурно принятый умирающимъ Павломъ о. Дмитрій Бѣляевъ былъ единственный за весь XIX вѣкъ бѣглый попъ изъ Калужской губерніи, который, будучи пойманъ, отказался оставить старообрядчество, съ которымъ сроднился вслѣдствіе двадцатитрехлѣтнаго (1859—1882) пребыванія въ старообрядческихъ обществахъ, и въ которомъ онъ, вдовый священникъ, имѣлъ цѣлую семью. Препровожденный послѣ допроса въ Тихонову пустынь, о. Бѣляевъ воспользовался первымъ представившимся ему удобнымъ случаемъ и снова бѣжалъ въ расколъ. Указомъ святѣйшаго синода онъ былъ лишенъ сана и исключенъ изъ духовнаго званія.

Но если бѣглые попы изъ Калужской епархіи, какъ мы видѣли, отличались далеко недоброй нравственностью и жизнью; если даже самые знаменитые изъ нихъ, какъ, на примѣръ, Павелъ Тульскій, съ нескрываемымъ пренебреженіемъ относились къ старообрядчеству, то, спрашивается, почему же старообрядцы такъ высоко цѣнили калужскихъ поповъ, что предпочитали ихъ священникамъ другихъ епархій?

Отвѣтить вполне удовлетворительно на этотъ вопросъ трудно. Весьма возможно, что Калуга, откуда собственно произошелъ источникъ бѣглопоповщины, была всего родственнѣе и любезнѣе послѣднему. Къ тому же, здѣсь, какъ до открытія самостоятельной Калужской епархіи (въ 1799 г.), такъ и съ открытія ея до самой половины XIX вѣка архіереями были великороссы, ведущіе преемственность своей хиротоніи отъ уважаемаго старообрядцами патріарха Іосифа. Наконецъ, они и то высоко цѣнили, что въ Калужской епархіи всегда крестили дѣтей чрезъ погруженіе въ воду, а не чрезъ обливаніе, какъ это нерѣдко допускалось въ нашихъ южныхъ губерніяхъ. А потому, выписывая себѣ священника изъ Калужской епархіи, раскольники не рисковали навязать себѣ на шею столь презираемаго ими обливанца. Только этими соображеніями можно объяснить такія, на примѣръ, явленія, что, даже обращаясь въ единовѣріе, старообрядцы весьма часто ставили непремѣннымъ условіемъ своего обращенія дарованіе имъ, въ ихъ единовѣрческія церкви, священниковъ изъ Калужской епархіи. Такъ, на примѣръ, поступили въ 1841 году нѣсколько тысячъ раскольниковъ—военныхъ поселенъ Новороссійскаго края (Херсонской губерніи); такъ сдѣлали раскольники Черниговской губерніи въ 1845 и 1846 годахъ и пр.

V.

Мѣры противъ бѣглыхъ поповъ. — Что прекратило бѣгство въ расколъ калужскихъ священниковъ?

Бѣгство въ расколъ священниковъ сильно компрометировало Калужскую епархію и, конечно, было весьма непріятно для епархіального начальства.

Послѣднее желало остановить это бѣгство и принимало для этого разныя мѣры. Такъ, калужскій преосвященный Григорій (1826—1828 г.), вполнѣдствіи митрополитъ С.-Петербургскій и видный противораскольническій дѣятель, чтобы предупредить зло, обращалъ особенное вниманіе на кандидатовъ священства и подвергалъ ихъ строгому предварительному испытанію (экзамену); въ тѣхъ же цѣляхъ онъ заботился о возможно лучшемъ матеріальномъ обезпеченіи духовенства, особенно сельскаго.

Но такъ какъ всѣ такія мѣры могли принести пользу только въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, а между тѣмъ среди наличнаго духовенства епархіи случаи бѣгства въ расколъ все учащались, то преемникъ Григорія, епископъ Гавріиль (1828—1831 г.), донося о десяти священникахъ, бѣжавшихъ изъ Калужской епархіи за послѣдніе два года (1828—1829), счелъ необходимымъ спросить святѣйшій синодъ, «не благоугодно ли будетъ постановить законныя мѣры къ ограниченію таковыхъ свободныхъ побѣговъ, по которымъ, съ одной стороны, расколъ, пріобрѣтая лжеучителей, усиливается и распространяется къ явному вреду церкви и къ нарушенію ея спокойствія, а, съ другой, порочные священники не только сами избѣгаютъ заслуженнаго ими наказанія, но и другихъ отвлекаютъ своею ненаказанностью отъ точнаго исполненія обязанностей».

Какой послѣдовалъ отвѣтъ на это ходатайство, не извѣстно. Кажется, высшее церковное правительство ограничилось на этотъ разъ общими постановленіями, коими повелѣно было вновь бѣжавшихъ къ раскольникамъ священниковъ возвращать въ ихъ епархіи, въ распоряженіе епархіальныхъ архіереевъ (правила 1832 года).

Однако, нѣсколько лѣтъ спустя, святѣйшій синодъ самъ обратилъ вниманіе на бѣгство калужскихъ поповъ въ расколъ и предписалъ калужскому преосвященному Николаю (1834—1851 г.) «войти въ надлежащее разсмотрѣніе, какъ причинъ, служащихъ священникамъ поводомъ къ такому поползновенію и преступленію, такъ и средствъ къ прекращенію оныхъ, и свои заключенія по этому поводу представить на разсмотрѣніе святѣйшаго синода».

Въ отвѣтъ на это предписаніе, преосвященный Николай донесъ синоду, что «въ послѣднія десять лѣтъ бѣжало къ раскольникамъ священниковъ разныхъ уѣздовъ и селъ епархіи двадцать, изъ ко-

торыхъ пятнадцать подлежали суду за несообразные духовному сану поступки и приговорены были къ достойному наказанію, и лишь пять лицъ до побѣга ни за что судимы не были».

Самую причину бѣгства калужскихъ священниковъ въ расколь преосвященный Николай объяснялъ такъ:

«Старообрядцы, — писалъ онъ, — знакомые съ священниками, разными способами стараются войти къ нимъ въ довѣренность и затѣмъ прельщаютъ ихъ, описывая ихъ сельскую жизнь, скучную и бѣдную, и совѣтуя имъ перейти къ нимъ, обѣщая спокойное и безотчетное пребываніе и во всемъ избытокъ. Священники, особенно тѣ, которые знаютъ за собою пороки или опасаются доносовъ и преслѣдованій со стороны мѣстнаго и высшаго начальства, иные же по вдовству и неимѣнію дѣтей, а другіе, наконецъ, отъ обремененія семействомъ, за лучшее для себя почитаютъ удалиться къ раскольникамъ и дѣйствительно уѣзжаютъ къ нимъ. Между тѣмъ, семейства ихъ остаются въ епархіи, и дѣти, обучаясь въ семинаріяхъ, при пособіяхъ, присылаемыхъ ихъ отцами изъ раскольническихъ слободъ, оканчиваютъ семинарскій курсъ наукъ и занимаютъ священническія мѣста, и нерѣдко случалось, что бѣжавшіе къ раскольникамъ священники съ богатымъ приданымъ и значительною суммою денегъ выдавали дочерей своихъ за лучшихъ учениковъ высшаго отдѣленія семинаріи и за учителей, поступавшихъ въ священники. Есть примѣры, что нѣкоторые изъ священниковъ, находящихся въ расколѣ, вызвали туда же, къ раскольникамъ, отецъ сына, тестъ зятя, и сами таковые священники, бѣжавшіе въ расколь, записываются, какъ извѣстно, въ мѣщанскія общества».

Въ виду изложеннаго, преосвященный проектировалъ строго карать бѣглыхъ поповъ, лишая ихъ всякой надежды на помилованіе, даже не исключая и случаевъ добровольнаго возвращенія ихъ изъ побѣга, и еще строже карать ихъ «сводчиковъ, соблазнительей и пристанодержателей».

По обсужденіи этого донесенія, святѣйшій синодъ постановилъ: 1) объявить всѣмъ ученикамъ семинаріи и прочимъ лицамъ, намѣревающимся поступить на священнослужительскія должности, чтобы они не вступали въ бракъ съ дочерьми бѣжавшихъ къ раскольникамъ священнослужителей, подъ опасеніемъ оставленія въ званіи причетника, пока не загладятъ своего поступка и не докажутъ благонадежности къ священству; 2) предписать благочиннымъ, подъ страхомъ отвѣтственности предъ начальствомъ, наблюдать за подвѣдомственными священнослужителями въ отношеніи къ образу мыслей ихъ о православной церкви и доносить епископу о подозрительныхъ, а епископу вызывать такихъ въ архіерейскій домъ, отбирать грамоту на санъ и возвращать по удостовѣреніи въ благонадежности; 3) преосвященнымъ вмѣнить въ обязанность, при

выдачѣ священнослужителямъ паспортовъ на отлучки въ другую епархію, отъ состоящихъ подъ судомъ и сомнительныхъ въ образѣ мыслей и поведеніи отбирать грамоты до возвращенія изъ отпуски.

Распоряженія эти изданы были въ 1836 году. Въ этотъ и слѣдующе годы, за исключеніемъ 1839 и 1843 годовъ, по самый 1857 годъ, не было случаевъ бѣгства въ расколъ калужскихъ священниковъ. Въ 1857, 1858, 1859, 1860 и 1862 годахъ было по одному случаю такого бѣгства. Съ 1863 же года бѣгство священниковъ изъ Калужской епархіи совершенно прекращается.

Имѣли ли на это обстоятельство вліяніе сказанныя правила 1836 года, или здѣсь были другія причины, неизвѣстно.

Несомнѣнно одно, что окончательно прекратили позорившее Калужскую епархію бѣгство священниковъ вовсе не предпринятая здѣсь противъ нихъ мѣры.

Прекратило это бѣгство появившееся въ сороковыхъ годахъ австрійское священство: съ трудомъ добываемыхъ и дорого стоившихъ бѣглыхъ поповъ отъ господствующей церкви замѣнили теперь легко получаемые и дешевые попы и епископы Амвросіевскаго постановленія.

Калужская епархія перестала быть очагомъ бѣглыхъ поповъ.

Д. Д. Соколовъ.

ПАЛОМНИЧЕСТВО ВЪ ПАЛЕСТИНУ.

I.

Сборы въ Палестину.—Предварительныя справки.—Въ Одессѣ.—Подворье Афонскаго монастыря.—Задержка изъ-за паспорта.—На пароходной пристани.—Паломническое смиреніе.—Отходъ парохода.

ДАВНО я мечталъ посѣтить Іерусалимъ и вообще священный Востокъ, съ которымъ сроднили меня и христіанская религія, и восточная поэзія, но, выжидая свободнаго времени и подходящихъ условій, съ каждой весной приходилось мнѣ откладывать свое путешествіе на неопредѣленные годы. То помѣшаетъ чума въ Египтѣ, то служебныя занятія, то различныя обязательства... Я не предвидѣлъ и конца разнымъ предлогамъ! И вотъ однажды, въ разгаръ усиленной и неотложной работы, вдругъ запротестовала душа моя: брось все и поѣзжай въ Іерусалимъ! Я поддался этому голосу, рискнулъ своимъ положеніемъ на службѣ и попросилъ отпускъ съ 1-го марта на два мѣсяца.

Мои сборы въ дорогу были недолги. Набивъ небольшой чемоданъ необходимымъ бѣльемъ да справочными книгами, я считалъ себя готовымъ къ далекому странствованію. Остановка была заграничнымъ паспортомъ, но прежде я обратился за справками къ одному изъ представителей Православнаго Палестинскаго общества. Онъ мнѣ далъ брошюрку «Наставленія русскому паломнику» и любезно предупредилъ, чтобы я не рассчитывалъ въ Іерусалимѣ на помѣщеніе въ постройки ихъ общества, такъ какъ въ томъ году былъ особенно большой наплывъ народа, и все уже тамъ занято.

— Въ такомъ случаѣ,—говорю ему:—мнѣ придется обратиться къ грекамъ?

— Да, придется ужъ къ нимъ обратиться.

Выѣздъ изъ Россіи за границу вообще сопряженъ съ нѣкоторыми хлопотами относительно паспорта, но все-таки онѣ не такъ сложны въ С.-Петербургѣ, чтобы отымали много времени. Для паломниковъ въ Палестину выдаются удешевленные заграничные паспорта, но зато канцелярская процедура съ ними нѣсколько сложнѣе. Дорожа временемъ, я взялъ обыкновенный десятирублевый ¹⁾ паспортъ и отправился въ Одессу, откуда пароходъ Александрійской круговой линіи выходилъ 8-го марта.

На вокзалѣ, въ Одессѣ, паломниковъ встрѣчаютъ аеонскіе монахи и приглашаютъ ихъ въ свои подворья. Но лишь только я тронулся за монахомъ Пантелеймонскаго монастыря, какъ меня окружила толпа комиссіонеровъ отъ здѣшнихъ гостиницъ.

— У монаховъ грязно, да и не дешевле!—кричали они, зазывая въ свои номера.

Желая поближе быть вообще къ паломникамъ и, насколько возможно, лично испытать обстановку ихъ путешествія, я не поддавался искушенію комиссіонеровъ и пошелъ въ монастырскую гостиницу, которая возвышалась тутъ же на площади, противъ вокзала.

Мнѣ отвели небольшой номеръ съ очень скромной обстановкой. Для простого народа здѣсь есть общія палаты. У меня былъ съ собою свой постельный приборъ, и я рѣшилъ примириться съ сомнительной чистотой кровати.

Въ коридорахъ стоялъ убійственный сквозной вѣтеръ.

— Отчего,—спрашиваю послушника,—вы открываете окна въ разныхъ концахъ коридора?

— Изъ-за уборной.

И въ самомъ дѣлѣ, это—слабое мѣсто въ гостиницѣ. Не можетъ похвастаться чистотою и общая умывальня.

Распоряжался здѣсь высокій и здоровый съ виду монахъ, съ ласковой интонаціей голоса. Онъ взялъ у меня мой заграничный паспортъ и два рубля за его прописку у турецкаго консула.

Весь слѣдующій день я дѣлалъ визиты и вернулся къ подворью въ 9 часовъ вечера. У запертыхъ воротъ стояла толпа вновь прибывшихъ нѣшкомъ крестьянъ. Пришлось порядочно долго стучать, пока сторожъ отворилъ ворота. Я не утерпѣлъ, чтобы не сдѣлать замѣчанія:

— Это не монастырь, а гостиница для пріѣзжающихъ, а потому двери должны быть для всѣхъ отворены во всякое время.

---

¹⁾ Въ настоящее время, съ налогомъ въ пользу Краснаго Креста, заграничный паспортъ стоитъ 15 рублей.

На другой день съ утра паломники стали собираться на пароходъ. Многочисленные узлы, мѣшки и сундуки складывали на общія подводы, нанимаемыя монахами. Послѣ напутственнаго молебна въ богатой и просторной церкви подворья всѣ тронулись въ путь. Замѣшкалась одна группа мужиковъ и озабоченно разговаривала.

— Въ чемъ дѣло?—спрашиваю.

— Да вотъ не можемъ получить паспортовъ, а ужъ больше недѣли, какъ пріѣхали.

— Должно быть, въ чемъ нибудь у васъ неисправность. Задерживать здѣсь не станутъ, тѣмъ болѣе сегодня отходить пароходъ. Я тоже жду своего паспорта. Погодите немного, можетъ быть, гостиникъ съ моимъ паспортомъ и ваши принесетъ.

Такъ я ихъ утѣшалъ, а самъ подумалъ про себя: слава Богу, что я взялъ заграничный паспортъ въ Петербургѣ.

И вспомнилось мнѣ послѣсловіе въ шестомъ параграфѣ «Наставленій Палестинскаго общества», въ которомъ подробно исчисляется, сколько надо заплатить за гербовыя марки, за бланкъ паспорта, за засвидѣтельствованіе турецкаго консула, за прописку вида въ полицію, за бланки прошеній, и потомъ сказано, что вотъ при всѣхъ-то этихъ хлопотахъ и расходахъ паломникъ «можетъ все-таки не получить заграничнаго паспорта и возвратиться обратно на родину, не посѣтивъ св. мѣсть».

Въ самомъ дѣлѣ, бывали случаи, когда крестьяне приходили въ Одессу вовсе безъ паспортовъ изъ отдаленнѣйшихъ губерній или изъ Сибири. Въ этомъ случаѣ, надо отдать дань уваженія представителю Палестинскаго общества, М. Ив. Осипову, который, изъ состраданія къ богомольцамъ, беретъ на себя, когда представляется возможность, весь трудъ по выпискѣ заграничнаго паспорта нашимъ деревенскимъ простацамъ.

Заплативъ монаху за номеръ и, конечно, нисколько не меньше, чѣмъ въ обыкновенной гостиницѣ, я отправился на пароходъ, за часъ до его отхода. На пристани засталъ большую толпу народа. На пароходѣ въ столовой второго класса сидѣло за столомъ нѣсколько жандармовъ. Они вырѣзывали изъ паспортныхъ книжекъ листы и клали штемпеля на тѣхъ страницахъ, гдѣ обозначена явка, а затѣмъ раздавали ихъ на берегу по выкричкѣ:

— Петровъ?

— Я!

— Какъ зовутъ?

— Иванъ!

— Получай!

И паспортъ выдавался Ивану Петрову на руки. Тогда онъ забиралъ свои вещи на пристани и шелъ занимать мѣсто на одной изъ палубъ парохода. Безъ паспорта никто не смѣлъ взойти на пароходъ.

Я заинтересовался размѣщеніемъ паломниковъ и остановился у средняго люка, куда они спускались непрерывною нитью. Меня поражало, какое количество мѣшковъ имѣлъ нашъ іерусалимскій путешественникъ. Оказывается, почти у всѣхъ взяты запасы хлѣбныхъ сухарей, крупы и даже картофеля и капусты. У нѣкоторыхъ—полотна, ризы, покровы, ковры и другіе предметы для пожертвованія на Гробъ Господень. Узлы обшиты холстомъ съ написанными мѣтками или съ нашитыми цвѣтными крестиками, по которымъ они разбирались неграмотными паломниками.

Среди шума и гама на берегу и на пароходѣ рѣзко выдѣлялись крики распорядкающагося на палубѣ. Одинъ почтенный паломникъ замѣтилъ вслухъ, какъ бы про себя:

— Ну, чего кричить зря? И такъ много гаму. Крикомъ не можешь...

Втайнѣ я съ нимъ соглашался. У нѣкоторыхъ есть такое понятіе, что распорядиться значить покричать. Но давно бы пора оставить этотъ обидный способъ обращенія съ публикою. Точно гуртовнй скотъ загоняють. Да и помѣщеніе для пассажировъ третьяго класса ничѣмъ не отличалось отъ скотскаго. Они располагались прямо на открытой палубѣ на дождѣ, на солнцѣ, на вѣтру. Немногіе захватили нары подъ мостикомъ у машиннаго отдѣленія. И этими счастливыми оказались евреи изъ Средней Азіи. Я принялъ сначала этихъ всесвѣтныхъ жителей по ихъ широкимъ бухарскимъ халатамъ за мусульманъ, но они сами поспѣшили меня разувѣрить, показавъ свои еврейскія книги.

Въ трюмѣ второй палубы паломники устроились нѣсколько лучше своихъ верхнихъ товарищей. По крайней мѣрѣ, ихъ не мочило дождемъ, было значительно теплѣй, да и вообще здѣсь ихъ меньше тревожили, какъ матросы, такъ и проходящіе. Въ трюмѣ, хотя тоже на палубѣ, они размѣстились группами по три, по четыре и больше человекъ, оградивъ себя мѣшками и узлами. По борту парохода развѣсили свои походныя иконы. Вообще въ трюмѣ замѣчалось больше уютности, и вскорѣ, еще до отхода парохода, здѣсь раздавались духовныя пѣсни.

Обозрѣвая пассажировъ парохода, я встрѣтился съ однимъ знакомымъ монахомъ, который четыре раза былъ въ Іерусалимѣ. Въ разговорѣ вспомнили недавнюю поѣздку германскаго императора.

— Когда-то, — замѣтилъ мнѣ монахъ, намекая на Готфрида Бульонскаго, — средневѣковый германецъ входилъ въ храмъ Гроба Господня босой, съ соломеннымъ вѣнкомъ на головѣ, въ глубокомъ смиреніи, а современный германецъ готовъ былъ, кажется, верхомъ туда вѣхаться. Своимъ именемъ онъ наполнилъ гордо и святыи городъ и всю Палестину. Всюду, гдѣ раньше можно было встрѣтить библейскія картины — на открытыхъ письмахъ, конвертахъ, бумагахъ, на стѣнахъ, теперь стоитъ изображеніе этого земного владыки или его герба...

— Ну, это и понятно, — замѣчаю я. — Гостепріимный Востокъ этимъ только выражаетъ свое вниманіе къ державному гостю.

— Да, вѣдь, не турки, а палестинскіе нѣмцы гордятся своимъ земнымъ повелителемъ. Вотъ увидите, сколько они кичатся имъ тамъ, гдѣ не должно быть мѣста ни политикѣ, ни націонализму, ни какому людскому превозношенію. Да молчитъ всякая плоть человѣча, гдѣ Царь царствующихъ и Господь господствующихъ отдалъ себя на закланіе за общій миръ, единеніе и братство всѣхъ народовъ...

Мнѣ казалось, что нѣсколько возбужденный монахъ готовъ былъ сказать цѣлую проповѣдь на эту тему, а потому я прервалъ его своимъ предложеніемъ:

— Если такъ, то не послѣдовать ли и намъ примѣру Готфрида Бульонскаго и, ради смиренія, не съѣсть ли съ народомъ на палубѣ?

— Нѣтъ, этого не дѣлайте! — поспѣшилъ возразить монахъ. — Вы не знаете, сколько грязи и неудобствъ вы можете встрѣтить здѣсь, особенно въ качку или во время дождя. А насѣкомья! Отъ нихъ вѣдь ничѣмъ не защититесь.

Мы прошли въ пассажирское помѣщеніе. Въ каютъ-компаніи уже шумѣли столовыми приборами. Среди пассажировъ было нѣсколько грековъ, державшихся въ сторонѣ отъ русскихъ. Женщины заняли одну большую каюту подъ трапомъ. Мнѣ вдвоемъ съ однимъ чиновникомъ досталась четырехмѣстная каюта. Всѣ паломники, казалось, были въ такомъ настроеніи, что готовы были безропотно помириться со всякими неудобствами и сомнительною чистотою.

Въ 5 часовъ вечера пароходъ снялся. Многочисленная толпа провожающихъ замахала намъ шляпами и платками. Я поднялся на мостикъ, чтобы лучше видѣть Одессу и ея гавани, а паломники въ трюмѣ въ это время громко запѣли молитвы въ напутствіе.

II.

Въ Черномъ морѣ. — Боязливый пассажиръ. — Морская качка. — Утро на пароходѣ. — Чтеніе акаѣстовъ. — Слѣпой предстатель. — Сухари при морской болѣзни. — Купецъ-паломникъ. — Вниманіе грековъ къ богатымъ богомольцамъ.

Послѣ обѣда многіе паломники, утомленные впечатлѣніями дня, стали скрываться въ своихъ каютахъ. Часовъ въ восемь вечера выхожу я наверхъ. Качаетъ. Довольно темно. Огни только въ каютахъ и внизу въ трюмахъ. На палубѣ умышленно не держатъ огня, чтобы не мѣшать вахтеннымъ смотрѣть впередъ. Среди лежащихъ прямо на палубѣ паломниковъ я съ трудомъ пробираюсь къ прогульной площадкѣ парохода.

Вдругъ изъ трюма выскакиваетъ всключенный мужчина, должно быть, прямо со сна, и лишь только онъ сдѣлалъ шага два, какъ

размахомъ судна его перебрасываетъ на мою сторону. Онъ ухватился обѣими руками за бортъ и, дико озираясь, говоритъ мнѣ:

— Буря-то все больше и больше...

— Нѣтъ,—успокоиваю его,—погода, напротивъ, довольно тихая.

— А какъ же качаетъ?

— Безъ этого нельзя. Только лѣтомъ случается, когда море бываетъ совершенно гладкое.

— А зачѣмъ,—указываетъ онъ на мачты:—этихъ палокъ наставили? Онѣ только больше раскачиваютъ пароходъ.

Я постарался ему рассказать, какое значеніе имѣютъ мачты для парохода.

— На нихъ,—объясняю ему,—подымаютъ сигнальные флаги и фонари; въ случаѣ порчи машины на нихъ растягиваютъ паруса; кромѣ того, онѣ служатъ кранами для подъема тяжестей. Наконецъ, если качка усилилась бы, то паруса, растянутые на этихъ мачтахъ, только сдерживали бы ея стремительность.

— А съ пути мы не сбились?

— Нѣтъ,—успокоиваю его,—при такой сравнительно тихой погодѣ сбиться не можемъ. Горизонтъ чистъ. Ложитесь-ка съ Богомъ да спите спокойно.

Не знаю, удалось ли мнѣ его успокоить, но только онъ спустился въ трюмъ и исчезъ среди спящихъ паломниковъ. Я прошелъ на бакъ. Тамъ кто-то шарилъ въ темнотѣ, ища напитокя. Я ему не могъ помочь, потому что самъ не зналъ, гдѣ на палубѣ поставлена вода, а спросить было некого: все спало кругомъ.

Къ утру качка усилилась. Многіе страдали морскою болѣзнию. Въ тѣсномъ трюмѣ отъ распространившагося запаха стало еще тяжелѣе. Я взобрался на мостикъ, чтобы удобнѣе было наблюдать, какъ подымаются паломники, моются изъ чайника, какъ молятся они тутъ же на палубѣ, несмотря на тѣсоту и качку. По сообщенію командира, на пароходѣ пассажировъ третьяго класса было около четырехсотъ человѣкъ. Тѣснота была еще болѣе ощутительна, когда изъ трюма высыпалъ народъ съ чайниками за водой для чая. Въ ихъ распоряженіи находились два большихъ мѣдныхъ котла съ кипяткомъ, прикрѣпленныхъ къ борту на верхней палубѣ.

На другой сторонѣ парохода три рядомъ отхожихъ мѣста поочередно брались съ боя безразлично мужчинами и женщинами. Грязь ужасная. Свѣжо. Всѣ жмутся къ своимъ мѣшкамъ. Многіе все еще лежатъ на палубѣ, испытывая тягость морской болѣзни.

Къ полдню качка нѣсколько утихла. Я спустился въ средній трюмъ, услышавъ оттуда звуки акаѳиста Божіей Матери. Среди столпившагося народа, передъ иконою, стоялъ на колѣняхъ одинъ изъ паломниковъ съ книжкой въ рукахъ и прочитывалъ только первую фразу кондаковъ и икосовъ. За нимъ другой, въ длинной

хламидѣ, весь страшно обросшій волосами, съ орлинымъ носомъ, громко продолжалъ читать молитву наизусть. А послѣднюю фразу: «радуйся, невѣста ненеѣстная» или «аллилуія»,—вся толпа подпѣвала растянутымъ такъ называемымъ аѳонскимъ напѣвомъ.

Послѣ акаѳиста Божіей Матери стали читать другой, третій. И все наизусть. Я подивился памяти пилигрима въ длинной порыжѣлой хламидѣ, но еще больше удивился, когда узналъ, что онъ совершенно слѣпой. Его водить и вообще ухаживаетъ за нимъ одна богомолка, нанятая на счетъ будущихъ благъ, которыя онъ рассчитываетъ собрать и по дорогѣ, и въ Иерусалимѣ. И, сколько я замѣтилъ, ему охотно подавали послѣ каждого акаѳиста. Впослѣдствіи я его не разъ встрѣчалъ среди толпы русскаго народа въ качествѣ предстоятеля во время общаго моленія, хотя на парохдѣ и въ самомъ Иерусалимѣ немало было путешествующихъ священниковъ. Вообще, надо сказать, наши паломники, одушевленные одною религіозною идеей и предоставленные самимъ себѣ для ея выраженія, охотнѣе прибѣгаютъ вотъ къ такимъ излюбленнымъ каликамъ переходимъ, какъ этотъ слѣпецъ, чѣмъ къ официальнымъ представителямъ церкви.

Это не потому, что они не уважали бы священническаго сана. Нѣтъ! Но профессиональные молитвенники въ эти минуты религіознаго энтузіазма слишкомъ для нихъ сухи, сдержанны, холодны. Здѣсь кто первый палку взялъ, тотъ и капралъ. Кто способенъ здѣсь на свободное проявленіе своихъ религіозныхъ чувствъ, а не на связанное церковными уставами, кто способенъ на вдохновенную пророческую молитву, тотъ и во главѣ толпы, тотъ и предстоятель.

Такъ какъ у каждого были съ собой большіе запасы пищи, то обѣды паломниковъ состояли изъ «сухояденія»; впрочемъ нѣкоторые вошли въ соглашеніе съ рестораторомъ и ухитрились варить въ камбузѣ рыбную похлебку.

Черный хлѣбъ и особенно ржаные сухари съ солью очень кстати для морскихъ путешественниковъ. Во время морской болѣзни не надо допускать, чтобы желудокъ былъ пустой, иначе рвота вызоветъ желчь; и лучшая пища въ данномъ случаѣ, сколько я могъ замѣтить изъ моихъ плаваній,—черные сухари съ солью. Напрасно нѣкоторые прибѣгаютъ къ лимонамъ, апельсинамъ и къ разнымъ кислотамъ. Если онѣ помогаютъ, то очень мало. Умышленныя движенія, черный хлѣбъ и свѣжій воздухъ,— вотъ три вещи, которыя я посоветовалъ бы всемъ во время качки.

Изъ паломниковъ большинство страдающихъ морскою болѣзнію были женщины. Иныя лежали на палубѣ пластомъ безъ всякаго движенія. Къ счастью, по мѣрѣ нашего путешествія, качка все болѣе и болѣе стихала.

На всю массу паломниковъ простого званія немного было купцовъ и очень мало людей привилегированнаго сословія. Изъ классныхъ же пассажировъ, въ первый день нашего путешествія, я познакомился съ двумя братьями-кушцами. Оба рослые, съ типичными русскими лицами, пожилые. Они ѣдутъ въ сопровожденіи приказчика. У одного изъ нихъ дочь среднихъ лѣтъ. Старшій братъ, Иванъ, съ сильной просѣдью, но еще крѣпкій старикъ, былъ четыре раза въ Іерусалимѣ и потому теперь ѣдетъ туда совершенно спокойно, напередъ зная, что греки его примутъ съ распростертыми объятіями.

— Такъ вы у грековъ останавливаетесь? А почему же не на русскихъ постройкахъ?—спрашиваю его.

— Всегда у грековъ. Отъ нихъ близко ко Гробу Господню, а главное во время праздниковъ они даютъ хорошее мѣсто въ храмѣ. Въдъ все въ ихъ рукахъ, они всѣмъ распоряжаются...

Я такъ много худого слышалъ и читалъ про грековъ, о ихъ безцеремонныхъ поборахъ, о ихъ своекорыстномъ поведеніи, о некрасивой эксплуатаціи христіанскими святынями, и вдругъ на первыхъ же порахъ встрѣчаю ихъ защитника въ лицѣ симпатичнаго русскаго старца. Но мнѣ тутъ же другіе паломники разъяснили, въ чемъ дѣло. Этотъ богатый купецъ, въ каждый свой пріѣздъ въ Іерусалимъ, оставляетъ въ рукахъ грековъ не одну тысячу рублей; кромѣ того, на большіе праздники онъ присылаетъ имъ изъ Россіи тоже немалые подарки. Понятно, что для грековъ такой старикъ кладъ, и они буквально за нимъ ухаживаютъ. А старику лестно. Еще бы! Въ Россіи епископъ въ своей обширной епархіи—лицо мало доступное для простыхъ смертныхъ. Его видятъ обыкновенно въ кафедральныхъ соборахъ во время богослуженія. А тутъ, во Святомъ Градѣ, купецъ имѣетъ доступъ не только къ митрополиту, но даже къ самому блаженнѣйшему патріарху Даміану. Мало того, ему и въ Россіи оказываютъ уваженіе іерусалимскіе греки, присылая каждый праздникъ свои поздравительныя письма и архиастырскія благословенія, а иногда и небольшіе подарки изъ Святой Земли.

Встрѣчались на пароходѣ и такіе паломники, которые побывали въ Іерусалимѣ болѣе десяти разъ. Они знаютъ всѣ іерусалимскіе уголки, посвящены во всѣ сплетни Святого Града и всю тамошнюю администрацію называютъ по именамъ. Свои рассказы они обильно иллюстрировали описаніями скандаловъ. Но эти лица подозрительны.

III.

Константинополь.—Обозрѣніе города.—«Живоносный источникъ».—Влахернскій храмъ.—Патріархія.—Айя-Софія.—Атъ-Мейданъ. — Безестѣйвъ. — Дарданеллы.—Архипелагъ.—Митидена.

Поздно вечеромъ пароходъ пришелъ въ Босфоръ и сталъ на якорь въ ожиданіи утра. На другой день погода была облачная, сырая, и потому вся прелесть замѣчательнѣйшей панорамы въ мірѣ была для насъ утрачена. Оба берега тонули въ сѣрой мглѣ, и только изрѣдка мелькали въ ней кучки домовъ на болѣе выдающемся мыску.

Въ Константинополѣ, какъ и въ Одессѣ, недалеко отъ пристани, стоятъ рядомъ три большихъ подворья аѳонскихъ монастырей. Чтобы быть послѣдовательнымъ, я опять остановился въ подворьѣ Пантелеймонскаго монастыря. Здѣшній монахъ-гостиникъ, красивый, здоровый человѣкъ, былъ не менѣе внимателенъ къ своимъ гостямъ, чѣмъ одесскій. Да и номера, пожалуй, здѣсь будутъ почище. За общимъ чаемъ паломники вмѣстѣ съ гостиникомъ выработали планъ обозрѣнія Константинополя и его древностей.

За два дня пребыванія въ Константинополѣ мы многое успѣли осмотрѣть въ немъ; и такъ какъ всѣ поѣздки происходили большими группами, то онѣ намъ обходились сравнительно недорого. Проводниками паломниковъ были здѣшніе монахи. Они хороши, какъ честные люди, искренно желающіе услужить паломнику и защитить его отъ лишнихъ поборовъ со стороны охранителей мечетей, но слабоваты въ исторіи. Впрочемъ, у многихъ паломниковъ средняго класса были въ рукахъ путеводители, а потому и съ этой стороны мы до нѣкоторой степени были удовлетворены. Въ первый день вереница нашихъ колясокъ сперва потянулась по узкимъ улицамъ за городъ. Грязь, вонь, собаки,—о чемъ считаютъ нужнымъ упомянуть всѣ путешественники при описаніи Константинополя. Выѣхавши за древнія ворота, мы направились вдоль городскихъ стѣнъ въ Балукли, къ церкви «Живоноснаго источника». Высокія стѣны византійскихъ временъ таютъ, какъ ледъ. Но еще громада ихъ стоитъ. Часто встрѣчаются остатки башенъ. Нѣкоторыя ворота заложены. Кое-гдѣ видны стѣны въ два ряда. Съ другой стороны дороги чередуются кладбища и огороды. Огороды разведены и въ обширномъ сухомъ рвѣ вдоль самыхъ стѣнъ.

Въ часовнѣ Живоноснаго источника каждый паломникъ спѣшитъ испить святой воды изъ каменныхъ чашъ (самый водоемъ внизу) и помыться, а запасливые люди наливаютъ чудодѣйственную воду въ припасенныя для этой цѣли бутылки. Самое возникновеніе источника связывается со сказаніемъ, какъ императоръ

Левъ Великій далъ испытъ изъ него воды слѣпому нищему, и тотъ прозрѣлъ.

Отсюда мы поѣхали во Влахернскій храмъ, гдѣ также имѣется источникъ воды, въ которомъ омывались византійскіе императоры передъ вступленіемъ на престолъ. Въ храмъ мы застали вечернюю службу. Пѣли на два клироса очень гнусаво, но горячо, страстно, такъ что одинъ паломникъ серьезно замѣтилъ:

— Отчего они такъ дико поютъ?

На хорахъ есть треугольная доска, связанная, по преданію, съ явленіемъ Божіей Матери. По угламъ доски сдѣланы три лунки. Паломники пьютъ изъ нихъ святую воду во имя Святой Троицы. И, конечно, за все это приходится платить греческимъ монахамъ.

Настоящій небольшой Влахернскій храмъ стоитъ на мѣстѣ древняго, ознаменованнаго дивнымъ видѣніемъ Андрея Юродиваго (Покровъ Пресвятой Богородицы). Нарвавъ здѣсь вѣтокъ зеленѣющаго лавра, мы поѣхали въ Патріархію. По дорогѣ нѣсколько задержала насъ поломка экипажа, и мы не успѣли попасть къ началу архіерейской службы. Тѣмъ не менѣе, нашъ проводникъ-монахъ подвелъ насъ къ константинопольскому патріарху, Константину V-му, для благословенія. Приложившись къ чудотворной иконѣ Божіей Матери и осмотрѣвъ каедръ Іоанна Златоуста, мы отправились чрезъ греческую часть Фанаръ домой. По дорогѣ греки привѣтствовали насъ по-русски:

— Здравствуй! Здравствуй!

На другой день назначенъ былъ осмотръ мечетей. Послѣ обѣдни паломники группами, человѣкъ по пятнадцати—двадцати, пѣшкомъ отправились сперва къ Айя-Софіи. На мосту, соединяющемъ Галату съ Стамбуломъ, толпу паломниковъ остановили турки въ бѣлыхъ рубахахъ. Это были сборщики денегъ за проходъ по мосту. Нашъ проводникъ, отецъ Алфей, поспѣшилъ расплатиться сразу за всѣхъ. Въ массѣ двигающагося народа по улицамъ и площадямъ Стамбула группы паломниковъ совершенно потонули. Отецъ Алфей все время съ озабоченнымъ видомъ оглядывался назадъ, безпокоясь, какъ бы не растерялась его партія. Послѣ нѣсколькихъ переходовъ и подъемовъ, мы пришли на обширную площадь древняго храма св. Софіи. Нашъ монахъ скромно попросилъ турокъ пропустить путешественниковъ для осмотра мечети. Бакшишъ открылъ намъ двери или, правильнѣе сказать, толстую дверную завѣсу, но не оберегъ отъ грубаго обращенія турокъ. Надѣвши на сапоги бабуши—просторныя туфли, мы стали тихо обходить храмъ боковыми переходами, какъ бы стѣсняясь сразу войти въ его средину, гдѣ въ это время учились и молились турки. И, только обойдя половину храма, отецъ Алфей ввелъ насъ подъ своды необъятнаго купола.

Наслушавшись безконечныхъ похвалъ какимъ нибудь извѣстнымъ художественнымъ произведеніямъ, очень часто разочаровываешься,

когда, наконецъ, случится увидѣть ихъ воочию. Всегда ждешь въ этихъ случаяхъ чего-то особеннаго, невиданнаго, превышающаго твое воображеніе. Но за св. Софію смѣло можно поручиться, что она, несмотря на нѣкоторыя задѣлки и аляповатые рисунки позднѣйшаго времени, будетъ еще долго вызывать своими красотоми искренніе восторги у самыхъ требовательныхъ людей. Гармонія и изящество верхнихъ и нижнихъ колоннадъ поразительны! Пространства и свѣта, кажется, больше, чѣмъ въ любомъ русскомъ храмѣ.

Паломники безшумно ступали по разостланнымъ циновкамъ и мягкимъ коврамъ и старательно выискивали, по указанію проводника, чуть-чуть просвѣчивающіе слѣды христіанскихъ рисунковъ и надписей.

Изъ Айя-Софіи о. Алфей повелъ насъ на Атъ-Мейданъ—мѣсто древняго гипподрома Византіи. Здѣсь онъ попробовалъ заинтересовать насъ обелискомъ Θεодосія, змѣиной колонной и другой, полуразрушенной, поставленной въ X вѣкѣ, но въ этихъ остаткахъ византійской старины для многихъ паломниковъ не было главной приманки—связи со священными преданіями. Съ большимъ удовольствіемъ они осматривали знаменитый стамбульскій базаръ—Безестэйнъ. Можно было запутаться въ его безчисленныхъ улицахъ и переулкахъ, защищенныхъ отъ солнца и дождя сплошными кровлями, а потому нашъ монахъ, какъ насѣдка съ цыплятами, все время заботливо слѣдилъ за своею группою, пока не вывелъ всѣхъ изъ этого полусвѣтлаго лабиринта лавокъ. Однако разошедшійся дождь помѣшалъ дальнѣйшему обзорнѣю города, и мы отправились на пароходъ.

Болѣе половины простого народа не съѣзжало на берегъ, боясь разстаться съ своимъ багажемъ. Впрочемъ, и у нихъ эти оба дня были наполнены массою новыхъ впечатлѣній. Помимо красивой панорамы города, оживленной движеніемъ множества судовъ и каюковъ, для паломника интересъ былъ и на самомъ пароходѣ. На его палубѣ и на толпившихся вокругъ него лодкахъ велась бойкая торговля разнообразными товарами. Тутъ и дождь не мѣшалъ.

Вечеромъ 11-го марта пароходъ снялся съ якоря, а на другой день утромъ пришелъ въ Дарданеллы. Къ намъ присоединилось довольно много турокъ и грековъ, и еще стало тѣснѣе.

Погода тихая, но сырая, пасмурная. Временами накрапывалъ дождь. Я грустно ходилъ по мостику и недовольно посматривалъ на острова Архипелага. Гдѣ тѣ краски, которыми любовался тринадцать лѣтъ тому назадъ? Гдѣ это синее, синее небо и тѣ восхитительные фіолетовые острова, какъ воздушная сказка, вырывающіе изъ морской дали? Гдѣ все это? Теперь какіе-то сѣрые холодные тоны, какъ поздней осенью въ Балтійскомъ морѣ.

Вотъ Митилена. Зашли на минутку. Здѣсь пріятно было вспомнить, какъ восемнадцать съ половиною вѣковъ тому назадъ,

первые христіанскіе паломники, плившіе въ Іерусалимъ на праздникъ Пятидесятницы, вмѣстѣ съ апостолами Павломъ и Лукою, тоже приставали къ этому острову. Пути древнихъ паломниковъ и современныхъ русскихъ соприкасаются еще въ Хіосѣ и Родосѣ, но далѣе они расходятся. Въ настоящее время паломники направляются въ Яффу, съ заходомъ по дорогѣ въ Триполи и Бейрутъ, а апостолъ Павелъ высадился въ Птолемаидѣ. Но какъ тогда, такъ и теперь, христіане пользуются случайными товаропассажирскими судами, хотя пора бы завести для русскихъ паломниковъ въ Палестину спеціальныя пароходы.

IV.

Смирна. — Православные храмы. — Апокрифическія книги. — Торговля на пароходѣ. — Хіосъ. — Патмосъ. — Вѣсѣда за Библией. — Синее море. — Оживленіе на палубѣ. — Купецъ-благотворитель.

Вечеромъ по дорогѣ въ Смирну насъ захватилъ дождь. Палубные пассажиры плотнѣе закутались въ свои кафтаны и шубенки. Съ дождемъ еще грязнѣе стало на пароходѣ. Только трюмные паломники, избравъ себѣ «благуу часть», читали и пѣли одинъ акаѣистъ за другимъ.

Около 11 часовъ ночи вошли на рейдъ Смирны и стали на якорь. Недалеко отъ насъ торчатъ три мачты греческаго судна, разбитаго русскимъ пароходомъ. На набережной города множество огней, отражающихся въ водѣ длинными свѣтлыми полосами. Несмотря на поздній часъ, въ этомъ главномъ городѣ Малой Азіи слышенъ людской шумъ и музыка. Нашъ пароходъ остался ночевать на рейдѣ.

На другой день, рано утромъ, прибылъ къ намъ на палубу грекъ-проводникъ и собралъ среди паломниковъ второго класса небольшую группу желающихъ обозрѣвать городъ. Взялъ онъ съ насъ за свою услугу и за лодку по франку съ человѣка. Мы посѣтили три главныхъ церкви Смирны: св. Фотиніи, Георгіевскую и Іоанна Богослова. Въ послѣдней показали намъ рукописное евангеліе на пергаментѣ, съ раскрашенными рисунками и съ позолотою. Когда греческій священникъ сказалъ паломникамъ, что это евангеліе писано рукою самого евангелиста Іоанна, довѣрчивый народъ сталъ благоговѣнно прикладываться къ книгѣ и еще усерднѣе покупалъ свѣчи и жертвовалъ деньги. Я нашелъ неудобнымъ на первыхъ порахъ разрушать иллюзію нашего простодушнаго поломника и не разоблачилъ явной неправды грека.

У воротъ ограды храма продавались мелкія греческія брошюрки духовнаго содержанія. Я купилъ по пятаку за штуку нѣсколько этихъ неряшливо изданныхъ книжечекъ на плохой сѣрой бумагѣ. Это были по преимуществу апокрифическія сказанія, въ родѣ лю-

бимаго русскимъ народомъ «Сна Богородицы». Выписываю заглавія нѣкоторыхъ изъ нихъ: «Слово святого и праведнаго Авраама», «Откровеніе Пресвятой Богородицы, которая спускалась въ адъ и видѣла, какъ мучатся грѣшники», «Посланіе Господа нашего Иисуса Христа» и др. Во введеніи «Посланія» сказано: «Посланіе это найдено во святомъ градѣ Іерусалимѣ, въ Геосиманской веси, на гробѣ Пресвятой Богородицы и приснодѣвы Маріи». Затѣмъ разсказывается, какъ упалъ камень съ неба, и въ этомъ камнѣ было заключено посланіе.

Пересмотрѣвъ эти брошюрки, я подумалъ: о, если бы онѣ были изданы на русскомъ языкѣ,—мигомъ бы раскупили ихъ наши паломники! Да не по пятаку, а по рублю давали бы за такія пророческія сказанія! Впрочемъ, грекамъ нѣтъ нужды прибѣгать къ такимъ операціямъ: русскій богомалецъ и такъ имъ несетъ свои годами скопленныя денежки.

Осматривая обширный базаръ Безестѣйнъ, хотѣли купить кое-что на память о Смирнѣ, но усилившійся дождь прогналъ насъ на пароходъ.

Простой народъ не съѣзжалъ на берегъ и ограничился покупкою провизіи на самомъ пароходѣ. Съ утра до вечера здѣсь былъ настоящій базаръ! Несмотря на дождь и на ужасную грязь на палубѣ, торгошники-греки бойко продавали губки, орѣхи, фрукты, рахатъ-лукумъ, шелковыя матеріи, розовое масло, ладанъ, извѣстный здѣсь подъ названіемъ смирны, разныя издѣлія изъ морскихъ раковинъ и многое другое. И нельзя сказать, чтобы все это было особенно дешево. Особенно быстро раскупался ладанъ. Развѣ можно быть въ Смирнѣ и не купить себѣ на память «смирны»? И каждый паломникъ запасался хоть маленькимъ кусочкомъ пахучей смолы.

Въ 4-мъ часу пополудни нашъ пароходъ снялся съ якоря и направился къ Хіосу. Неперестававшій дождь скрылъ отъ насъ всю красоту Смирнскаго залива. Я сошелъ въ каютъ-компанію и разговаривалъ съ паломниками. Замѣчательно, у всѣхъ на первомъ планѣ стоитъ «благодать», то-есть тотъ чудесный огонь, который ежегодно въ Великую субботу сходитъ съ неба на гробъ Господень. Какъ будто только для него и ѣдутъ. Всѣ ихъ думы и расчеты сосредоточены главнымъ образомъ на этомъ пунктѣ: гдѣ бы имъ найти поудобнѣе мѣсто въ храмѣ въ этотъ день, какъ провезти этотъ огонь въ Россію, какъ бы увидѣть самое чудо схождения огня. И я поражаюсь, какаѣ у всѣхъ паломниковъ несокрушимая вѣра въ небесное происхожденіе «благодати». Они не видя вѣрили заранѣе, безъ всякаго колебанія.

Въ 10 часовъ вечера загромычала якорная цѣпь, и я выскочилъ на палубу. Мы стоимъ около Хіоса. Темно. У лѣваго трапа матросы съ фонарями воюютъ съ греками-торговцами и не пускаютъ ихъ на пароходъ. Но они, какъ кошки, незамѣтно въ тем-

нотѣ взобрались на русленя и спрыгнули на палубу къ паломникамъ. Одинъ матросъ все-таки усмотрѣлъ грековъ, но хорошо знакомые съ здѣшними порядками торговцы сунули ему въ руку пару апельсинъ и скрылись на бакѣ, гдѣ все время, пока стоялъ пароходъ на якорѣ, происходила ихъ таинственная торговля.

Рано утромъ, когда проходили мимо острова Патмоса, мнѣ обидно было видѣть, какъ такая масса паломниковъ, объединенная однимъ благочестивымъ желаніемъ посѣтить библейскія мѣста, была оставлена на произволъ самой себѣ. Что они не съѣзжали въ Константинополь и Смирнѣ на берегъ,—это еще понятно: они боялись оставить свои пожитки на пароходѣ. Но какъ наши миссіонеры не воспользуются случаемъ въ продолженіе десяти дней, отъ Одессы до Яффы, проповѣдывать Евангеліе такой жадной аудиторіи изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ—это удивительно! Въ каютахъ были священники, но ни одинъ ни разу при мнѣ не отслужилъ ни одного молебна въ трюмѣ въ продолженіе всего пути. Вотъ мы проходимъ мимо Патмоса, мимо того знаменитаго острова, гдѣ былъ въ ссылкѣ евангелистъ Іоаннъ и написалъ извѣстный Апокалипсисъ, раскрывающій судьбы міра; но никто ни малѣйшимъ намекомъ не подсказалъ народу взглянуть на это святое мѣсто, гдѣ передъ глазами любимаго Христомъ апостола пронесли картины всемірной исторіи всѣхъ вѣковъ, гдѣ предначертаны были всѣ тайны человѣческаго бытія, все величіе безконечной жизни. Сколько бы можно было повѣдать тутъ, въ виду самаго острова, о любимомъ русскимъ народомъ «Откровеніи» Богослова! Но онъ спокойно стоитъ у борта, безучастно глядитъ на мимоплывущіе острова, и ни одного умышленнаго взгляда въ сторону Патмоса!

Возвращаясь къ раньше высказанной мысли о спеціальному пароходѣ для паломниковъ, я опять повторяю, какъ было бы хорошо, если пароходъ не останавливался бы въ какихъ нибудь Дарданеллахъ, чтобы забрать турокъ и загромождающій палубу товаръ, а напротивъ заходилъ бы въ такія чтимыя мѣста, какъ о. Патмосъ!

Къ нашему удовольствію, дождь пересталъ, небо стало проясняться, и потянуло тепломъ. Изъ трюмовъ повывѣзли паломники на палубу и любовались зеленѣющими берегами острововъ. Небольшая группа любителей Слова Божія усѣлась на палубѣ вокругъ благообразнаго вида мужчины съ Библіей въ рукахъ и внимательно слушала его толкованія на посланіе Іакова. Я подивился бойкой рѣчи чтеца. Чуть ли не отъ каждаго прочитаннаго стиха онъ быстро переходилъ къ поученію. Слушателей собиралось все болѣе и болѣе. Подошло время обѣда. Кто-то замѣтилъ, что чтеніе можно отложить до вечера. Неохотно подымаясь, заговорили о постѣ.

— Еще одну минутку, братія,—попросилъ ихъ чтець библіи:— я вамъ прочту, что говоритъ пророкъ Исаія о постѣ.

И быстро однимъ взмахомъ раскрываетъ онъ свою толстую книгу какъ разъ на той самой 58-й главѣ пророка Исаи, которую онъ и хотѣлъ имъ прочитатъ. Это не ускользнуло отъ вниманія слушателей, и они громко удивлялись такому совпаденію.

— Такъ вотъ, братія,—вдохновенно ораторствовалъ чтець,—вы слышали, какой постъ желателенъ Господу: «Разрѣши оковы неправды, угнетенныхъ отпусти на свободу; раздѣли съ голоднымъ хлѣбъ твой, и скитающихся бѣдныхъ введи въ домъ; когда увидишь нагого, одѣнь его, и отъ единокровнаго твоего не укрывайся». А не это постъ, говоритъ пророкъ, когда ты гнешь голову свою, какъ тростникъ, и подстилаешь подъ себя рубище и пепель, а въ то же время ссориться и ругаешься и дерзкою рукою бьешь другихъ.

Надо было видѣть, какое сильное впечатлѣніе произвела эта рѣчь на слушателей. Какъ будто новое слово они услышали о постѣ, а между тѣмъ оно было сказано пророкомъ болѣе двухъ съ половиною тысячъ лѣтъ тому назадъ!

Вечеромъ опять они собрались на верхней палубѣ и долго читали третью книгу Эздры. Въ это время пароходъ близко обогнулъ Родось и направлялся на востокъ по Средиземному морю. Видѣлъ я воды всѣхъ океановъ и многихъ морей, но нигдѣ мнѣ не приходилось встрѣчать такого удивительно чистаго синяго цвѣта воды, какъ здѣсь, въ Средиземномъ морѣ. Это не есть отраженіе здѣшняго лазурнаго неба. Напротивъ, синій цвѣтъ воды кажется еще чище, еще красивѣе, когда смотрѣть на него вертикально сверху внизъ черезъ колодець подъемнаго винта на судахъ.

Такъ было хорошо наверху, что не хотѣлось ложиться спать, и я просидѣлъ въ креслѣ на мостикѣ большую половину ночи и любовался яркими звѣздами. Мнѣ хотѣлось увидѣть красивое созвѣздіе Центавра, недоступное для глазъ жителя Петербурга, но скопившіяся облака на горизонтѣ закрыли южную часть неба.

Переходъ отъ Хиоса до Сирійскихъ береговъ самый большой въ нашемъ путешествіи, болѣе тысячи верстъ. На вторыя сутки (15-го марта), когда мы плыли въ виду острова Кипра, вѣтеръ сталъ еще тише, и качка уменьшилась. Большую часть дня пассажиры проводили на верхней палубѣ. Тепло, сухо, ясно. Пестрая толпа паломниковъ разбилась на небольшія группы и мирно бесѣдовала или закусывала. Побывавшіе въ Иерусалимѣ осаждались вопросамъ. У нѣкоторыхъ были раскрыты книги. Библейское общество, о которомъ я уже упоминалъ выше, опять собралось послушать своего талантливаго толковника. На этотъ разъ они читали Апокалипсисъ. На бакѣ возсѣдалъ солидныхъ размѣровъ московскій діаконъ и внушительно объяснялъ слушателямъ о животной твари, населяющей пучины морскія.

Ко мнѣ подсѣлъ одинъ изъ палубныхъ пассажировъ, съ виду напоминающій зажиточнаго мастерового. Онъ былъ, какъ говорится,

немного навеселѣ. Съ его лица не сходила улыбка. Я его и раньше замѣчалъ на палубѣ подъ хмелькомъ, усердно оберегаемого внимательной супругой. Но теперь онъ былъ одинъ.

— Гдѣ же ваша жена?—спросилъ я его.

— Пошла внизъ отдыхать. Устала, сердечная! Въ качку-то намаялась... А я, хоть бы что!... Умная у меня баба! Охъ, умная, образованная! Вотъ проснется,—поговорите. А что я хочу съ вами посоветоваться... Есть у меня капиталъ, такъ тысячъ сорокъ. Я вѣдь купецъ. Оптомъ торгую. А больше по подрядамъ поставляю. И мы съ бабой только вдвоемъ и есть. Куда намъ копить? Зачѣмъ? Вотъ и надумали мы сдѣлать вкладъ для спасенія души. Только, посоветуйте, куда лучше: на Аѳонъ или въ Иерусалимъ?

Такую откровенность его я приписалъ выпитой лишней рюмкѣ водки и потому затруднился съ отвѣтомъ. Да и правда ли, что у этого грязнаго съ виду, постоянно улыбающагося пьянаго чловѣка было сорокъ тысячъ? Я попросилъ его познакомить меня съ его «образованной» супругой и тогда обѣщался дать ему мой совѣтъ. Но этого не случилось. Сегодня было уже поздно, и пьяненькій купчикъ вскорѣ поспѣшилъ послѣдовать примѣру своей прекрасной половины, чтобы завтра пораньше утромъ привѣтствовать сирійскіе берега и библейскія горы Ливана.

И. П. Ювачевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПАМЯТИ А. Н. НЕУСТРОЕВА.

I.

ВСОНЧАВШИЙСЯ 13 марта текущего года А. Н. Неустроевъ былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ и полезныхъ работниковъ въ области русской исторіографіи. Онъ извѣстенъ не только книгособирательной и жертвовательной дѣятельностью, но также и своими очень цѣнными библиографическими трудами.

Родившись въ купеческой семьѣ, 14 ноября 1825 года, въ городѣ Кронштадтѣ, и получивъ домашнее воспитаніе, онъ путемъ самообразованія достигъ почетной извѣстности въ русской литературѣ. Еще въ ранней молодости его поражало то, что собирателей книгъ въ Россіи всегда было не много, и притомъ, дѣйствуя на свой страхъ, они не имѣли, такъ сказать, преемственности и программы. Случалось даже, что плоды, собранные усиліями одного лица, погибали безслѣдно, такъ какъ ближайшими наслѣдниками богатыхъ книжныхъ сокровищницъ являлись люди, смотрѣвшіе на книги безъ должнаго къ нимъ уваженія. Сознавая всю важность возможно полнаго собранія отечественныхъ древностей, книгъ, рукописей и охраненія ихъ для дальнѣйшей исторической разработки, Неустроевъ задумалъ своими личными силами и средствами основать библіотеку, которая вмѣщала бы въ себѣ полное собраніе книгъ, гдѣ и когда либо напечатанныхъ на русскомъ и славянскомъ языкахъ, а также рукописей, гравюръ, лубочныхъ картинъ, монетъ и другихъ отечественныхъ памятниковъ.

Множество рѣдкихъ книгъ и рукописей въ библіотекахъ частныхъ лицъ уцѣлѣло, благодаря тому, что послѣ смерти владѣльцевъ частныхъ библіотекъ, А. Н. скупалъ оставшіяся книги и жертвовалъ ихъ въ болѣе надежныя учрежденія.

Имъ были пріобрѣтены, между прочимъ, слѣдующія осиротѣлыя библіотеки: В. Анастасевича, Балабина, Брянчанинова, Гамеля, Демидова, Кардальонъ-Пинскаго, П. И. Кеппена, П. И. Корсака, С. С. Ланскаго, А. Я. Лобанова-Ростовскаго, Ив. Ив. Мартынова, Монбелли, Ростопчина, И. М. Снегирева, Солукадзіева и т. д. Первоначально А. Н. Неустроевъ предполагалъ сосредоточить книжныя сокровища въ одномъ мѣстѣ. Объ этой его дѣятельности мною уже были соощены въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1893 г. слѣдующія свѣдѣнія.

«Я не сознавалъ,—говорилъ мнѣ Неустроевъ,—всей трудности ея исполненія и лишь тогда почувствовалъ слабость силъ и средствъ одного лица, когда собраніе мое настолько подвинулось впередъ, что уже одна библіотека достигла цифры 6.000 названій. Какъ я былъ радъ, когда нѣсколько позднѣе, въ 1849 году, къ собиранію печатныхъ памятниковъ приступило государство въ лицѣ покойнаго графа Модеста Андреевича Корфа, перваго директора Императорской Публичной библіотеки. Тѣмъ не менѣе я не бросилъ своего дѣла и сталъ строить въ Петергофѣ: специально для музея домъ на свои собственныя средства; но, въ ожиданіи и не имѣя мѣста для массы накопившихся пріобрѣтеній, я обратился въ февралѣ 1849 года въ петергофскому начальству съ просьбою отвести мнѣ временно для склада книгъ и другихъ предметовъ одинъ изъ незанятыхъ нумеровъ гостиннаго двора, находящагося въ вѣдѣніи петергофскаго дворцоваго правленія. Управляющій въ то время Петергофомъ, инженеръ генераль-майоръ С. М. Лихардовъ, и завѣдующій городскими дѣлами совѣтникъ правленія, А. П. Кожевніковъ, сдѣлали распоряженіе объ отдачѣ мнѣ въ гостиномъ дворѣ бесплатно просимаго нумера. Получивъ помѣщеніе, я сложилъ въ немъ всю библіотеку, пополняя ее новыми пріобрѣтеніями и, не сомнѣваясь въ ея цѣлости, такъ какъ лавки и самый гостинный дворъ охранялся съ одного конца часовымъ, а съ другого конца сторожемъ зданія, изъ солдатъ инвалидной команды. Но, несмотря на всю эту охрану, въ ночь съ 20-го на 21-е декабря 1856 года, произведенъ былъ взломъ занимаемаго мною помѣщенія и грабежъ книгъ, гравюръ, серебряныхъ монетъ и крестовъ, мѣдныхъ складней, чернильницъ и другихъ старинныхъ вещей, свыше трехъ сотъ штукъ. Мало того, грабители, чтобы удобнѣе выбрать годныя, по ихъ мнѣнію, вещи, рвали пополамъ драгоцѣнныя гравюры и дѣлали изъ нихъ факелы, которыми свѣтили себѣ при грабежѣ. Затѣмъ, для сокрытія слѣдовъ преступленія, они подожгли оставшееся имущество, но пожаръ почему-то не распространился. О гра-

бежѣ этомъ я просилъ произвести слѣдствіе петергофскую полицію и, видя ея безучастіе, обратился къ с.-петербургскому генераль-губернатору П. Н. Игнатьеву, отъ котораго получилъ отвѣтъ, что кража произведена не въ Петербургѣ, и что онѣ слѣдствія производить не можетъ, помимо мѣстной власти. Мѣстная же власть города Петергофа о производствѣ слѣдствія мнѣ ничего не сообщила, а выдала открытый листъ съ поименованіемъ украденныхъ вещей на случай, если бы онѣ гдѣ оказались, и при этомъ возвратила мнѣ нѣсколько книгъ, найденныхъ проѣзжающими по Петербургскому шоссе на шестой верстѣ отъ Петергофа. Этотъ грабежъ разстроилъ всѣ мои планы и предположенія объ основаніи въ Петергофѣ музея, и начатый постройкой специально для него домъ былъ оставленъ и не оконченъ. Я пришелъ къ мысли о сліяніи своей дѣятельности съ дѣятельностью Императорской Публичной библіотеки. Продолжая разыскивать и скупать книги и осиротѣвшія библіотеки, я не только держалъ ихъ у себя, но дѣлалъ вклады по специальностямъ въ Публичную библіотеку, а равно и другія казенныя учрежденія, при которыхъ могли бы возникнуть публичныя библіотеки и музеи, организуя специальные отдѣлы и пополняя имѣющіеся въ нихъ пробѣлы».

Насколько крупны книжныя пожертвованія, сдѣланныя Александромъ Николаевичемъ разнымъ учрежденіямъ и обществамъ въ Россіи, съ 1852 года, можно видѣть изъ слѣдующаго краткаго перечня:

Библіотеки и музеи:

- 1) Императорская Публичная библіотека получила вкладъ рукописей, книгъ и т. д.—17.071 томъ.
- 2) Московскій публичный и Румянцовскій музеи—12.732 тома.
- 3) Русскій этнографическій Дашковскій музей—2.346 томовъ.
- 4) Публичныя библіотеки въ городахъ: Вѣлевѣ, Вильнѣ, Виткѣ, Симбирскѣ, Ташкентѣ и Чертковская библіотека въ Москвѣ—2.259 томовъ.

Художественныя учрежденія:

- 5) Императорская академія художествъ, общество любителей художествъ въ Москвѣ, Московское архитектурное общество, общество древне-русскаго искусства при Московскомъ Румянцовскомъ музеѣ и С.-Петербургское архитектурное общество—503 тома.

Императорскіе университеты:

- 6) Варшавскій, Новороссійскій и Харьковскій—895 томовъ.

Историческія и археологическія общества.

- 7) Археографическая комиссія, императорское Русское археологическое общество въ С.-Петербургѣ, Московское археологическое общество, императорское общество исторіи и древностей въ Москвѣ, Одесское общество исторіи и древностей и церковно-археологическое общество—1.354 тома.

8) Географическія, естественныя и медицинскія общества въ разныхъ городахъ—7.054 тома.

9) Земледѣльскія и сельско-хозяйственныя общества въ разныхъ городахъ—12.432 тома.

10) Техническія учрежденія—12.048 томовъ.

11) Петербургскій комитетъ грамотности, Славянскій благотворительный комитетъ, Московскій губернскій статистическій комитетъ, Московское юридическое общество, вѣдомства учрежденій императрицы Маріи дѣтскіе пріюты—2.609 томовъ.

12) Передъ смертью А. Н. пожертвовалъ свою послѣднюю бібліотеку, болѣе 2.000 названій книгъ, «Русскому бібліологическому обществу». Всего, въ общемъ, имъ пожертвовано болѣе—73.000 томовъ.

Если бы оцѣнить на деньги приведенный списокъ вкладовъ, болѣе 73 тысячъ томовъ, считая и отправку ихъ въ отдаленные углы Россіи (Иркутскъ, Кавказъ) на собственныя средства, то онъ выразилъ бы собою цѣлое состояніе. Пересылка книгъ иногда стоила дороже самыхъ книгъ, а принимая во вниманіе трудность, преодолеваемую въ этомъ дѣлѣ, и многочисленныя огорченія, сопряженныя съ нимъ, слѣдуетъ признать, что книголюбіе г. Неустроева представляетъ собою рѣдкій примѣръ безкорыстія и трудолюбія. Огорченія въ этомъ дѣлѣ выпали немалыя. Г. Неустроевъ жаловался на нихъ печатно и устно, и эти жалобы ярко иллюстрируютъ халатность и безучастное отношеніе къ книжному дѣлу многихъ лицъ и учрежденій. Такъ, въ газетѣ «Русскій Міръ» за 1872 г., въ № 2, г. Неустроевъ помѣстилъ большое «Заявленіе по поводу отчета Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1867—1869 годы», въ которомъ, между прочимъ говорится:

«На стран. 36 — 41 упомянутаго отчета мы прочли описаніе принесенныхъ нами рукописей и церковно-славянскихъ книгъ; послѣднихъ значитъ только 8 названій, тогда какъ ихъ поступило слишкомъ 100 названій.

«Въ отчетѣ по отдѣленію бібліотеки (стр. 84 — 102), въ числѣ лицъ, сдѣлавшихъ приношеніе книгами для музея, на стран. 90 показано:

«Почетный корреспондентъ музеевъ А. Н. Неустроевъ пожертвовалъ въ теченіе этого трехлѣтія 4.217 томовъ (и 16 атласовъ плановъ и картъ). Въ ряду ихъ почетнѣйшее мѣсто занимаютъ книги по части земледѣлія и этнографіи, особенно довольно многочисленныя путешествія на иностранныхъ языкахъ, а затѣмъ русскія оригинальныя и переводныя изданія конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, отчасти послужившія къ пополненію нѣкоторыхъ пробѣловъ этого отдѣла бібліотеки».

«По оставшимся по этому предмету у меня въ копіяхъ документамъ видно, что мною по 1870 годъ пожертвовано было музеямъ не 4.217 томовъ и 16 атласовъ плановъ и картъ, какъ говоритъ отчетъ, а 11.393 тома; кромѣ этого, до 1.000 нумеровъ отдѣльныхъ

указовъ прошлаго столѣтія и собраніе плановъ, картъ и портретовъ. Въ числѣ оныхъ книгъ находится бібліотека покойнаго извѣстнаго классика И. И. Мартынова, состоящая изъ изданій, начиная съ половины XVI по первую половину XVIII столѣтія, на латинскомъ языкѣ, въ пергаментныхъ переплетахъ, въ форматѣ in folio и in quarto, а также книгъ, изданныхъ эльзивирами, и собраніе Rossica, о которыхъ отчетъ вовсе не упоминаетъ.

«Въ отчетахъ музеевъ встрѣчается не впервые умаленіе приношеній моихъ. Такъ, въ отчетѣ за 1864 годъ, напечатанномъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», часть СХХV, отд. II, стран. 583 (онъ былъ и отдѣльно изданъ), я нашелъ свое приношеніе. Тамъ значится: «отъ г. Неустроева 7 раскрашенныхъ гравюръ, изображающихъ часть ложъ Рафаеля, и 2 гравюры русскихъ гравировъ»; на самомъ же дѣлѣ принесено было первыхъ 7, а вторыхъ не двѣ, а 47. Значить, показано на 45 гравюръ менѣе, въ томъ числѣ былъ хорошій оттискъ гравюры Н. И. Уткина: Іоаннъ Креститель».

Въ большинствѣ случаевъ эти заявленія и жалобы не достигли своей цѣли и никого не исправляли. Разказы г. Неустроева по этому поводу поражаютъ многочисленностью случаевъ утратъ книжныхъ вкладовъ, которые были имъ сдѣланы въ тѣ или другія ученые общества. Эти огорченія не ослабили, однако, энергіи нашего бібліофила, и онъ остался вѣренъ разъ намѣченной имъ цѣли до конца своей жизни. Но, кромѣ книжныхъ вкладовъ, обогатившихъ наши общественныя бібліотеки, г. Неустроевъ сдѣлалъ своими трудами цѣнныя вклады и въ русскую литературу.

Изъ литературныхъ трудовъ его слѣдуетъ указать на перепечатанные имъ экземпляры рѣдкихъ изданій XVIII в., съ подробнымъ ихъ описаніемъ¹⁾, но главнымъ образомъ на самостоятель-

¹⁾ 1) «Санктпетербургскія Ученыя Вѣдомости» на 1777 годъ Н. И. Новикова. Изданіе второе. Спб., 1873 г. (350 экз.). 2) Библиографическое описаніе первыхъ LIV частей «Трудовъ» императорскаго вольно-экономическаго общества, Спб., 1874 г. (150 экз.). 3) «Экономическій Магазинъ», сельско-хозяйственный журналъ, издававшійся въ 1780—1789 гг. Библиографическое описаніе. Спб., 1874 г. (100 экз.). 4) «Библиографическій указатель академическаго журнала «Новыя ежемѣсячныя сочиненія» 1786—1796 гг. Спб., 1874 г. (100 экз.). 5) «Древняя Россійская Вивліоника» (второе изданіе 1788—1791 гг.). Библиографическое описаніе. Спб., 1874 г. (150 экз.). 6) Алфавитный указатель «Словаря Историческаго», периодически по листу при «Московскихъ Вѣдомостяхъ» изданнаго въ 1790—1798 гг. Спб., 1874 г. (150 экз.). 7) Библиографическое указаніе «Политическаго Журнала» за 1790—1802 гг. Спб., 1874 г. (150 экз.). 8) Описаніе рѣдкаго нынѣ журнала «Россійскій Магазинъ», изданнаго въ 1792—1794 гг. О. Туманскимъ. Спб., 1874 г. (150 экз.). 9) Первый русскій медицинскій журналъ «Санктпетербургскія Врачебныя Вѣдомости» 1793 (1792)—1794 гг. Библиографически описанный. Спб., 1874 г. (150 экз.). 10) «Библіотека ученая, экономическая» и проч., издававшаяся П. П. Сумароковымъ въ 1793—1794 гг. въ Tobольскѣ. Библиографически описана. Спб., 1874 г. (150 экз.). 11) «Пріятное и полезное препровожденіе времени», литературный жур-

ный трудъ: «Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библиографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ», вмѣстѣ съ «Указателемъ» къ этому «разысканію».

До Неустроева мы имѣли отрывочныя свѣдѣнія о литературѣ XVII вѣка отъ перваго русскаго библиографа Сильвестра Медвѣдева: «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ»; о Петровскомъ времени мы имѣемъ П. Пекарскаго: «Наука и литература при Петрѣ Великомъ»; описаніе рѣдкихъ книгъ XVIII столѣтія сдѣлано Н. Гурбери: «Матеріалы для русской библиографіи», также для начала XIX вѣка необходимы труды Сопикова: «Опытъ россійской библиографіи», Смирдина, Ольхина, Ламбина, Межова (съ 1855 г. по 1876 г.) и т. д. Но всѣ эти труды отрывочны и неполны. Между тѣмъ самъ Неустроевъ о своей работѣ, нисколько не преувеличивая, говоритъ слѣдующее:

«Отъ желанія — имѣть подъ руками полную хронологическую роспись нашихъ повременныхъ изданій XVIII вѣка, многіе были не прочь. Но такъ какъ подобный трудъ не могъ быть дѣломъ частнаго лица, по невозможности отыскать если не около, то, во всякомъ случаѣ, и не вдали себя всѣ необходимые матеріалы, способствующіе къ разъясненію,—прибавимъ къ тому же рѣдкость и самыхъ періодическихъ изданій прошлаго столѣтія, изъ которыхъ нѣкоторыя и вовсе не сохранились, или уцѣлѣли только въ одномъ, двухъ или трехъ экземплярахъ; все это успѣшную возможность историческаго разысканія о старинныхъ нашихъ повременныхъ изданіяхъ обусловливало почти исключительно лишь для какого нибудь правительственнаго учрежденія, владѣющаго, сравнительно съ частнымъ человѣкомъ, неизмѣримо большими къ тому средствами. А какъ у каждаго подобнаго учрежденія отыщется всегда масса спеціально своихъ, необходимыхъ и нетерпящихъ отлагательства, нуждъ и дѣлъ, то такого исторически-библиографическаго копотливаго и неблагодарнаго изданія едва ли можно было бы ожидать. Несмотря на всѣ эти неудобства и препятствія, которыми обставленъ былъ трудъ по историческому разысканію о русскихъ

налъ, издававшійся въ 1794—1798 гг. въ Москвѣ. Библиографически описанъ Спб., 1874 г. (150 экз.). 12) «Письма И. М. Снегирева къ В. Г. Анастасевичу (1828—1831 гг.)». Спб., 1892 г. (100 экз.). Помѣщены были въ «Древней и Новой Россіи». 13) «С.-Петербургская Городская Дума, справочный сборникъ на 1884 г.». Спб., 1884 г. (Совмѣстно съ М. И. Семевскимъ.). 14) «Письма митрополита Евгенія къ В. Г. Анастасевичу изъ Калуги и Пскова (1813—1818 гг.)», съ примѣчаніями. Налечтаны въ журналѣ «Древняя и Новая Россія» за 1880 г. Томъ XVIII, стран. 336—363 и 611—640. 15) Свѣтопечатная копія съ портрета, находящагося въ Императорской Публичной библиотекѣ, съ автографомъ и слѣдующею надписью: «Николай Ивановичъ Новиковъ родился 26-го апрѣля 1744 года, умеръ 31-го іюля 1818 года. Основатель первыхъ начальныхъ школъ въ С.-Петербургѣ для бѣдныхъ дѣтей 24-го ноября 1777 года». (Спб. 1882 г. (300 экз.).

повременныхъ изданійхъ, мы въ 1868 году все-таки приступили къ этому разысканію, съ устойчивою увѣренностью—довести нашу работу до предположеннаго конца. Во всей нашей книгѣ, въ очеркѣ каждаго повременнаго изданія или сборника, вмѣстѣ съ личнымъ составомъ редакціи, равно какъ и издателей, мы старались опредѣлить направленіе изданія. Для этой послѣдней цѣли мы поставили себѣ въ необходимость прочитывать если не все, то большую часть самаго изданія, и его внутреннюю, основную идею опредѣлять уже впечатлѣніемъ личнымъ. Не касаясь здѣсь общаго вопроса о значеніи, которое имѣло въ свое время все печатавшееся въ этихъ изданіяхъ, мы не можемъ не сказать, что историкъ русской литературы не долженъ игнорировать совершенно этотъ періодъ развитія русской мысли. Отъ него, конечно, будетъ зависѣть—почерпнуть для своего труда изъ всего періодически издававшегося въ то время то, что указывало бы болѣе или менѣе выдающіяся формы развитія русской мысли, но для такого выбора онъ долженъ имѣть передъ глазами полную картину этого развитія, со всѣми ея недостатками и излишествами. Если онъ будетъ удовлетворенъ нашею книгою, то мы можемъ сказать, что наше изданіе достигло своей главной цѣли».

Книга Неустроева даетъ полную картину умственной жизни XVIII вѣка, если, разумѣется, проштудировать заключающійся въ ней матеріалъ самостоятельно. Ученый узнаетъ въ подробностяхъ, что прошлое столѣтіе имѣло газетъ, журналовъ и сборниковъ, выходившихъ болѣе раза въ недѣлю, 14, еженедѣльно 27, полумѣсячно 3, ежемѣсячно 53, неопредѣленно 30 и сборниками (альманахами) 11, всего 138 изданій съ 1.383 сотрудниками. Періодическая литература началась у насъ съ изданія въ 1703 г. «Вѣдомостей о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ значенія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и въ иныхъ окрестныхъ странахъ». Петръ I былъ и первымъ ихъ редакторомъ. Выходили «Вѣдомости» по 1727 г. Съ 1728 г. являются «С.-Петербургскія Вѣдомости», издаваемая академіей наукъ. Та же академія издаетъ позднѣе «Содержаніе ученыхъ разсужденій» и журналъ «Ежемѣсячныя сочиненія» (1755—1765 гг.). Въ 1756 г. Москва заводитъ при университетѣ свои собственныя «Московскія Вѣдомостп». «Помимо правительственныхъ изданій», говоритъ г. Неустроевъ, «2-е января 1759 г. памятно въ исторіи нашей періодической литературы, какъ первый день частной предпринимчивости въ этомъ родѣ». Въ С.-Петербургѣ начало выходитъ первое частное еженедѣльное изданіе: «Праздное время, въ пользу употребленное», и вскорѣ затѣмъ ежемѣсячное—«Трудолюбивая пчела» (А. Сумарокова). Въ 1760 г. въ Москвѣ является журналъ (еженедѣльный) «Полезное увеселеніе» (М. Хераскова) и т. д., появляются также ученныя изданія («Труды вольно-экономическаго общества»). Въ 1769 г. въ русской

Александръ Николаевичъ Неустроевъ.

журналистикъ возникаютъ сатирическія изданія: «Всякая всячина», «И то, и сію», «Ни то, ни сію», «Поденьщина», «Трутень», «Адская почта», «Пустомеля», «Живописецъ» и т. д. Печатаются также ученныя изданія: сельско-хозяйственныя, историческія. Въ 1786 г. въ Ярославлѣ выходитъ первый провинціальный журналъ: «Уединенный пошехонецъ» В. Санковского. Затѣмъ объ столицы издають

цѣлый рядъ журналовъ, въ томъ числѣ въ 1802 г. «Вѣстникъ Европы» Н. М. Карамзина и другіе.

«Историческое разысканіе», появившееся первое время безъ «Указателя», было встрѣчено на ряду съ похвалами, не менѣе интересными требованіями, предъявленными къ автору его собратьями по библиографіи.

Такъ Я. О. Березинъ-Ширяевъ писалъ ему отъ 8-го декабря 1875 года слѣдующее:

«Читая съ большимъ интересомъ предисловіе къ вашей книгѣ, я прочелъ въ концѣ его и вашу просьбу, съ которою вы обращаетесь къ читателямъ, чтобы они указали вамъ печатно или письменно на промахи или ошибки. Пользуясь этимъ правомъ, я спѣшу заявить вамъ объ одной ошибкѣ, встрѣчающейся въ предисловіи на страницѣ XII и XVIII и на первой страницѣ самаго описанія журнала, а именно вѣдомостей 1703 года. Въ заглавіи ихъ у васъ вездѣ помѣщено: «достойныхъ значенія и памяти», тогда какъ слѣдуетъ написать «достойныхъ знанія и памяти». При первомъ разѣ я полагалъ, что это опечатка, но при второмъ и третьемъ—убѣдился, что заглавіе списано невѣрно. Такъ какъ это наше первое періодическое изданіе, то жаль, если случайная ваша ошибка перейдетъ и во всѣ послѣдующія изданія, которыя, вѣроятно, будутъ руководствоваться вашею книгою. При изданіи «Систематическаго указателя» непременно слѣдуетъ заявить объ этой ошибкѣ. Удивительно, какъ г. Бычковъ, рассматривая ваше сочиненіе, не замѣтилъ означенной ошибки въ заглавіи петровскихъ вѣдомостей, столь хорошо ему извѣстныхъ. Также и въ заглавіи «Всякая Всячина» вмѣсто «впредь» напечатано «впередъ», но это измѣненіе неважное».

Гораздо интереснѣе письмо къ Неустроеву другого библиографа (А. Викторова), который писалъ ему:

«Не могу не повторить замѣчанія нашего рецензента, что систематическій указатель статей по русской исторіи, географіи и древностямъ рѣшительно необходимъ. Я желалъ бы даже высказать бѣльшія по этому предмету претензіи. Мнѣ кажется, гораздо полезнѣе былъ бы не простой указатель статей по заглавіямъ, но съ краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія и съ оцѣнкою, то-есть въ томъ видѣ, какъ изданы были подобнаго рода указатели: Бартеневымъ къ «Москвитяину», Полуденскимъ къ «Вѣстнику Европы», Афанасьевымъ къ «Отечественнымъ Запискамъ» и т. д. Польза отъ такого указателя была бы гораздо существеннѣе. А то представьте положеніе, напримѣръ, какого нибудь провинціального археолога, занимающагося кавказскими древностями. Въ вашей книгѣ или въ приготовленномъ вами къ ней указателѣ онъ прочтетъ, что въ «краткомъ описаніи комментаріевъ академіи наукъ» 1782 года была напечатана статья Байера о кавказской стѣнѣ. Археологъ, понятно,

станетъ добиваться непремѣнно достать это рѣдкое изданіе изъ столицы, заплатить за него большія деньги, и потомъ, пожалуй, окажется, что игра не стоила свѣчъ. И вотъ польза отъ критическаго указателя, которую назовемъ отрицательною. Если бы ученый археологъ былъ предупрежденъ, что статья вздорная, то, конечно, не сталъ бы ее и разыскивать, а сослался бы лишь на вашъ указатель. Съ другой стороны, если въ указателѣ сказано, что статья имѣетъ интересъ, то это заставило бы археолога непремѣнно упомянуть объ этомъ и воздать должному должное. Совершенно понимаю, что такой указатель—работа очень трудная, требуетъ не только внимательнаго просмотра статьи, но и разныхъ справокъ о дальнѣйшихъ работахъ по ея предмету. Но зато такой указатель былъ бы не указателемъ, а книгою, нужною для всѣхъ и каждаго. Онъ представилъ бы картину развитія русской науки, по всѣмъ ея отраслямъ, за цѣлое столѣтіе.

«Чтобы въ благодарность за вашу любезность сказать еще что нибудь, сдѣлаю придирку къ первой страницѣ введения. Тамъ вы говорите, что въ первый разъ благое намѣреніе привести въ извѣстность все, что вышло на Руси изъ-подъ печатнаго станка, было высказано въ «Собраніи Новостей 1775 г.», но что эта попытка была выполнена потомъ, спустя много лѣтъ Сопиковымъ. Это не совсѣмъ вѣрно. Въ промежутокъ между 1775 и 1813 г.г. былъ исполненъ по тому же предмету замѣчательный трудъ—Россійская библіографія нижегородскаго епископа Дамаскина, того самаго, что учился въ Геттингенѣ, былъ членомъ Россійской академіи, издалъ Ломоносова и проч. и проч. Подлинникъ этой библіографіи, обнимающей книжное дѣло въ Россіи до 1785 г. и между прочимъ также и журнальное дѣло, находится въ библіотекѣ Московской духовной академіи, но есть въ копіи и у насъ въ музеѣ (въ собр. Унд.). Ундольскій около 1850 г. началъ было печатать эту библіографію и напечаталъ въ «Чтеніяхъ общества исторіи» 12-ть полулистовъ, но дѣло на этомъ почему-то и остановилось, и то, что напечатано, въ свѣтъ не было выпущено. Подробное свѣдѣніе о трудѣ Дамаскина недавно напечатано было у Сухомлинова, въ его «Исторіи Россійской академіи». Вы вотъ хотѣли посвятить себя библіографіи XVIII вѣка. Какъ было бы полезно, если бы вы взяли на себя трудъ напечатать работу Дамаскина. Ундольскій очень уважалъ ее. Да и я, когда пересматривалъ ее, находилъ очень интересною. Тамъ исчисляется множество изданій XVIII вѣка, о которыхъ и не грезилось нашей новой библіографіи. Тихонравовъ, помню, дѣлалъ изъ Дамаскина выписки по части театральныхъ пьесъ и нашелъ много совершенно для него новаго. Есть тамъ много интереснаго и по старой церковной печати, хотя много и наврано по этой части. Но во всякомъ случаѣ это попытка, не задуманная только, какъ въ «Собраніи Новостей», но и приведенная въ исполненіе. Да не эту ли попытку

и имѣли въ виду собиратели новостей? Дамаскинъ былъ въ Петербургѣ именно около этого времени, и собиратели новостей у него, какъ человѣка, только вернувшагося изъ-за границы и уже бывшаго извѣстнымъ своими литературными и учеными работами, именно могли просить сотрудничества, а онъ могъ общать имъ».

Въ какой мѣрѣ добросовѣстно исполненъ трудъ г. Неустроева, можетъ свидѣтельствовать разборъ его академикомъ А. О. Бычковымъ, которому было поручено академіей наукъ дать свое заключеніе объ «Историческомъ разысканіи». Отзывъ Бычкова былъ весьма лестнымъ для Неустроева, и послѣднему была присуждена премія имени графа Уварова въ 750 рублей. Слѣдуетъ прибавить, что и за составленіе «Указателя» къ «Историческому разысканію» назначена Неустроеву вторая премія въ 500 рублей.

Но премій этихъ г. Неустроевъ не взялъ, а назначилъ ихъ тому, кто составитъ разысканіе, съ указателемъ, подобное его собственному, о русскихъ повременныхъ изданіяхъ первой половины нынѣшняго столѣтія (съ 1803—1850 г.). Извѣстно, что до сихъ поръ эти преміи никому не присуждены, и послѣдователя г. Неустроеву не имѣется. Между тѣмъ самое сочиненіе г. Неустроева сдѣлалось въ свою очередь библиографической рѣдкостью, и въ продажѣ его не всегда можно найти за повышенную цѣну.

Правда, для представленія новыхъ трудовъ о повременныхъ изданіяхъ XIX в. назначенъ 1905 годъ, и, въ случаѣ непредставленія къ этому сроку такихъ работъ, назначенъ другой срокъ въ 1915 году. Изъ наросшихъ на капиталъ этихъ двухъ премій процентовъ къ 1915 году будетъ учреждена третья премія въ 500 рублей за составленіе въ той же формѣ «Указателя къ С.-Петербургскимъ и Московскимъ Вѣдомостямъ за время 1703—1850 г.г.».

Кромѣ литературно-кабинетной дѣятельности, слѣдуетъ помянуть добрымъ словомъ и дѣятельность А. Н. Неустроева, какъ гласнаго С.-Петербургской городской думы.

Съ 1874 по 1886 годъ, онъ былъ членомъ исполнительной комиссіи по завѣдыванію городскими начальными училищами, при чемъ лично завѣдывалъ 14 городскими школами; членомъ комиссіи по назначенію городскихъ стипендіатовъ въ учебныя заведенія; членомъ комиссіи для организаци дѣла ремесленнаго образованія; членомъ подготовительной комиссіи для обсужденія вопроса объ увеличеніи въ С.-Петербургѣ числа среднихъ учебныхъ заведеній; членомъ исполнительной комиссіи для устройства ремесленныхъ учебныхъ мастерскихъ и завѣдыванія ими, при чемъ лично завѣдывалъ женскою учебною мастерскою; окружнымъ санитарнымъ попечителемъ; членомъ исполнительной комиссіи для завѣдыванія дѣломъ призрѣнія сиротъ; кандидатомъ къ членамъ въ правительственныя комиссіи по наблюденію за С.-Петербургскими мѣстами заключенія, состоящими въ вѣдѣніи главнаго тюремнаго управле-

нія; принималъ участіе въ устройствѣ библиотеки при городской думѣ, въ составленіи изданія «Справочный сборникъ С.-Петербургской городской думы» и т. д.

Относясь съ любовью къ народному образованію, А. Н. Неустроевъ былъ инициаторомъ основаннаго въ началѣ 1881 года перваго въ Петербургѣ общества для пособія бѣднымъ учащимся въ начальныхъ училищахъ. Въ первый же годъ существованія общества А. Н. былъ выбранъ въ члены правленія. Общество имѣло 9.791 рубль капитала при 302 членахъ; а по отчету за 1891 годъ капиталъ его возросъ до 45.580 рублей при 483 членахъ. Ссуды на бѣдныхъ дѣтей простирались до 14.267 рублей 86 коп.

Приведенныя нами данныя достаточно характеризуютъ въ высшей степени полезную многолѣтнюю дѣятельность А. Н. Неустроева.

II.

Говоря объ А. Н. Неустроевѣ, невольно хочется сказать нѣсколько словъ и о всѣхъ вообще русскихъ библиографахъ, съ ихъ библиотеками и трудами. Типъ писателя-библиографа имѣетъ тѣсную связь съ книжнымъ дѣломъ, и потому интересъ къ нему двойной. Въ современной литературѣ, какъ это ни странно, библиографъ менѣе всего ремесленникъ, хотя творчество также не изъ его качествъ. Патриотъ, труженикъ, жертвователь, коллекціонеръ, раритетная извѣстность—онъ счастливъ составленіями хронологій повременныхъ изданій, указателей къ нимъ, жизнеописаній не только литературныхъ знаменитостей, но и таинственныхъ звѣздочекъ, анаграммъ, псевдонимовъ и кличекъ. Онъ не ищетъ себѣ ни денегъ, ни славы въ публикѣ, но счастливъ исключительно книгою; въ то время какъ множество людей на разныхъ поприщахъ дѣлаютъ себѣ карьеры, наши библиографы бѣгаютъ на толкучкахъ по букинистамъ, роются въ публичныхъ библиотекахъ, спорятъ изъ-за лучшей каталогизаціи, шрифта, нумераціи страницъ, изъ-за года появленія въ свѣтъ книги или ея автора, восхищаются рѣдкимъ его портретомъ, рѣдкой гравюрой, офортномъ и т. д. Всѣ библиографы обязательно книголюбы, но удовлетвореніе этой страсти чрезвычайно разнообразно. Одинъ изъ нихъ вноситъ въ книжное сборище всякую книгу, какъ, на примѣръ, покойный Я. Θ. Березинъ-Ширяевъ, гордившійся, между прочимъ, тѣмъ, что ни у кого, кромѣ него, нѣтъ книги Θ. Коржавина: «Description du Pou» (Исторія вши); по этому поводу въ журналѣ «Антикваръ» (№ 1 за 1902 г.) справедливо замѣчено, что собирателей этого типа нѣкоторые окрестили прозвищемъ библиофиловъ Геннадіевскаго толка, опираясь на то, что Геннадіи въ своемъ указателѣ русскихъ книжныхъ рѣдкостей помѣстилъ много такихъ книгъ, которыя сами по себѣ не заслуживаютъ никакого вниманія, представляясь лишь трудно находимыми въ продажѣ. Разумѣется,

выборъ книгъ зависитъ также и отъ степени умственнаго развитія библіофила: въ противовѣсъ упомянутому выше такъ называемому Геннадіевскому толку существуетъ толкъ Ефремовскій, послѣдователи котораго дорожатъ книгою не потому, что она рѣдка, а потому, что она содержательна, поучительна и интересна, или же вообще необходима собирателю для его научныхъ и литературныхъ занятій.

Во многихъ случаяхъ одни книгособиратели страдаютъ книгоманіей, другіе книгопрятаніемъ (библіотафіей), третьи—клептоманіей книгъ и т. д. Маньяки изъ нихъ исполнены любви къ давно умершимъ писателямъ и ихъ книгамъ гораздо болѣе, чѣмъ къ собственной семьѣ. Лучшіе друзья ихъ—это букинисты въ маленькихъ лавчонкахъ, гдѣ нѣтъ мѣста и для двухъ человѣкъ, а все пространство завалено старьемъ и ломомъ.

Приобрѣтя рѣдкую книгу, книгоманъ ставитъ ее въ свою библіотеку съ девизомъ: «книги рѣшительно никому изъ дома не выдаются», но и дома доступъ къ книгамъ чрезвычайно затрудненъ. О профессорѣ института путей сообщенія Н. П. Дуровѣ († 1879) сказано въ «Антикварѣ», «что свои книги онъ держалъ на антресоли, надъ столовой, куда допускались лишь немногіе избранные. Входъ въ это книгохранилище былъ устроенъ изъ передней, при чемъ на антресоль приходилось взбираться по узенькой деревянной лѣстницѣ. Вышина антресоли была въ средній ростъ человѣка, а площадь въ двѣ квадратныя сажени. Свѣтъ въ это помѣщеніе проникалъ черезъ единственное небольшое отверстіе изъ столовой, такъ что и днемъ здѣсь приходилось зажигать огонь. Все это помѣщеніе, конечно, было завалено книгами, которыя лежали и на полкахъ, и на столахъ, и прямо на полу».

Прятаніе книгъ, особенно рѣдкихъ, отъ любопытныхъ глазъ часто вызывалось тѣмъ, что нѣкоторымъ книгособирателямъ нельзя показать имѣющуюся рѣдкость. Они никогда обратно не возвращаютъ взятой у васъ книги; иногда прямо воруютъ, иногда спрашиваютъ для нужной имъ работы и при этомъ обязуются экземпляръ отдать въ переплетъ, обновить его, вписать недостающіе въ немъ листы и т. д.

Въ средніе вѣка, когда книги были дороги, послѣднія нерѣдко заковывались въ библіотекахъ на цѣпь для спасенія ихъ отъ клептомановъ.

Разумѣется, въ наше время совершенно излишне заковывать книги на цѣпь, но не мѣшало бы серьезно подумать о печальной судьбѣ, въ большинствѣ, частныхъ библіотекъ.

Судьба ихъ въ Россіи почти одинакова: онѣ погибаютъ по частямъ, либо въ мелкихъ лавчонкахъ букинистовъ, либо уничтожаются наслѣдниками на домашнія потребности именно потому, что въ обществѣ не существуетъ покупателей на книги. Библіотека извѣстнаго библіографа и современника Пушкина, С. А. Собо-

левскаго, не нашла себѣ покупателя въ Россіи и была продана за границу; о библиотекѣ Березина-Ширяева въ «Новомъ Времени» отъ 3 апрѣля поступила публикація слѣдующаго содержанія:

«Не найдутся ли русскіе люди, желающіе приобрести для будущаго музея Петра Великаго рѣдчайшія Петровскія книги изъ собранія Я. О. Березина-Ширяева.

«Неужели придется помириться съ тѣмъ, что эти книжныя сокровища, собиравшіяся русскимъ человѣкомъ въ теченіе полувѣка, попадутъ къ американцамъ или англичанамъ, не жалѣющимъ денегъ на подобныя коллекціи?

«Справиться отъ 1 ч. до 2 ч. дня въ библиотекѣ Я. О. Березина-Ширяева: Спб., Б. Московская, д. 7, кв. 30».

Библиотека Норова не избѣгла общей участи; библиотека Сулокадзева долгое время лежала въ куляхъ на чердакѣ, пока не была куплена за безцѣнокъ апраксинскимъ книготорговцемъ Шапкинымъ; библиотека М. И. Семейскаго не имѣетъ покупателя; вѣроятно, ту же участь ожидаютъ и извѣстныя библиотеки Д. О. Кобеко, П. А. Ефремова и С. Н. Шубинскаго. Въ особенности поучительна въ этомъ отношеніи судьба библиотеки М. Д. Хмырова. Въ некрологѣ его («Русскій Архивъ», 1873 г.) г. Ефремовъ аттестуетъ его библиотеку слѣдующими словами:

«Въ этой библиотекѣ каждый могъ найти все, что было писано въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ объ интересовавшемъ его предметѣ; желающій, напримѣръ, получалъ цѣлую папку о саранчѣ, другой о свекловицѣ, третій о книгопечатаніи, о типографскомъ или военномъ дѣлѣ, объ Испаніи или о Владимирской губерніи, объ Ивановской колокольнѣ въ Москвѣ или о храмѣ св. Петра въ Римѣ, о коннозаводствѣ или о снѣгирѣ и т. п. Словомъ, всякій находилъ у него все, что надобилось ему. Такой библиотеки теперь и составить нельзя за исчезновеніемъ многихъ журналовъ и газетъ изъ продажи, особенно послѣ пожара петербургской толкучки. Матеріалы для біографическаго словаря русскихъ людей въ библиотекѣ Хмырова просто изумительны (они подложены по алфавиту фамилій), а генеалогической книги, по нашему мнѣнію, никакой не возможно и издать порядочно, не обратившись къ собранію Хмырова. Мы не говоримъ уже о его записныхъ книжкахъ, безъ которыхъ онъ никогда не читалъ ни одного архивнаго дѣла и ни одной книги; а читалъ онъ почти все появляющееся въ печати, особенно не пропускавая ничего по русской исторіи, по исторіи литературы, этнографіи, статистикѣ и проч. Каждое имя, встрѣчаемое имъ въ дѣлѣ или въ книгѣ, каждый выдающійся фактъ, онъ немедленно записывалъ въ свои алфавитныя книжки, съ указаніемъ на источникъ, такъ что, нерѣдко обращаясь къ нему съ вопросомъ о комъ либо изъ русскихъ писателей, мы получали отъ Хмырова, изъ папокъ, статьи объ этомъ писателѣ (біографическія, бібліографиче-

скія и критическія), и въ дополненіе онъ сообщалъ еще изъ записныхъ книжекъ о томъ, въ какихъ книгахъ и изданіяхъ, или въ архивныхъ дѣлахъ упоминается объ этомъ писателѣ, и если такія упоминанія были немногословны, то въ «книжкахъ» Хмырова они были выписаны цѣликомъ. Жаль, если пропадетъ это собраніе, какъ пропала безъ исполненія и завѣтная мечта собирателя: составить полную энциклопедію отчизновѣдѣнія. Эту мечту онъ лелѣялъ всю жизнь, къ исполненію ея приспособлялъ и самое собраніе, но поддержки нигдѣ и ни въ комъ не нашель, и все дѣло ограничилось составленіемъ программы и плана этого изданія, найденныхъ по смерти покойнаго въ его бумагахъ».

Продажа его бібліотеки въ Московскій историческій музей состоялась при участіи С. Н. Шубинскаго, который при этомъ сдѣлалъ совершенно вѣрные замѣчанія насчетъ того, что Хмыровская бібліотека, существенную часть которой составляютъ нѣсколько тысячъ журнальныхъ и газетныхъ вырѣзокъ, сдѣлавшись общедоступной, требуетъ особаго попеченія для сохраненія ея отъ возможныхъ утратъ, пополненіе которыхъ будетъ не только затруднительно, но въ иныхъ случаяхъ даже невозможно. Поэтому слѣдуетъ, прежде открытія бібліотеки для общественнаго пользованія, тщательно разобрать всѣ находящіяся въ папкахъ матеріалы, привести ихъ въ извѣстный порядокъ и систему и затѣмъ переплести каждый отдѣлъ въ одинъ или нѣсколько томовъ, судя по объему; при этомъ, газетныя вырѣзки должны быть наклеены на бѣлые листы, нарочно оставленные для нихъ въ книгѣ. Къ каждому тому должно быть приложено оглавленіе заключающихся въ немъ статей. Затѣмъ, для всѣхъ томовъ съ журнальными и газетными вырѣзками долженъ существовать «общій» указатель въ двухъ видахъ: 1) по предметамъ и 2) по фамиліямъ авторовъ, со ссылками на соответствующій № тома, гдѣ находится статья. Собственно «книжному» составу бібліотеки, по приведеніи его въ порядокъ и по возможномъ пополненіи наиболѣе нужными изданіями, слѣдуетъ также составить каталогъ, который необходимо напечатать, ибо безъ него пользованіе бібліотекой будетъ крайне неудобно и затруднительно. Въ публичной бібліотекѣ каждый занимающійся требуетъ «всякую» нужную ему книгу съ полной увѣренностью, что она «непремѣнно» находится на лицо. Въ Хмыровской бібліотекѣ составъ книгъ весьма ограниченъ, и потому, безъ каталога, занимающійся не будетъ знать, что требовать, то-есть, что именно есть въ бібліотекѣ, и чего нѣтъ. Печатаніе оглавленія журнальныхъ и газетныхъ вырѣзокъ было бы преждевременно, за неполнотою этого отдѣла, но писанный каталогъ необходимъ: онъ составитъ начало и важнѣйшій матеріалъ для того труда, о которомъ постоянно мечталъ Хмыровъ, собирая свою бібліотеку, именно для энциклопедіи отчизновѣдѣнія. Рукописи слѣдуетъ непременно

отдѣлнить и предоставить пользованіе ими только лицамъ, дѣйстви-тельно занимающимся, съ разрѣшенія управляющаго музеемъ. На обязанности старшаго бібліотекаря должна лежать, между прочимъ, забота о пополненіи бібліотеки, по той системѣ, которая была принята ея составителемъ. Для этой цѣли нужно имѣть постоянного корреспондента въ Петербургѣ, такъ какъ статьи, журналы и газеты можно приобретать только или на толкучихъ рынкахъ, или у букинистовъ, или у частныхъ лицъ.

Резонныя требованія объ упорядоченіи Хмыровской бібліотеки, чтобы можно было ею пользоваться съ полнымъ знаніемъ публикою того, что въ ней есть, и безъ опасенія расхищенія книгъ той же частной публикой, повели не къ тому, чтобы тотчасъ же приступить къ выполненію означенныхъ требованій, но побудили музей свалить эту бібліотеку въ подвалъ, гдѣ она обрѣтается и до сихъ поръ.

Интересенъ разсказъ покойнаго Неустроева о судьбѣ Мартыновской бібліотеки, записанный и переданный намъ его дочерью.

— Въ 1850 году,—говорилъ Алекс. Ник.,—былъ изданъ Императорскою Публичною бібліотекою каталогъ дублетовъ ея книгъ, и вслѣдъ затѣмъ были назначены аукціоны на продажу этихъ книгъ. Въ первые дни нѣсколько книгъ было распродано по хорошей цѣнѣ, а затѣмъ день ото дня аукціоны слабѣли, и черезъ нѣсколько дней они совсѣмъ прекратились. Оставшіяся книги лежали въ Императорской Публичной бібліотекѣ и мѣшали дальнѣйшему устройству бібліотеки. Въ это время классикъ Ив. Ив. Мартыновъ пришелъ къ книгопродавцу Шигину и убѣдилъ послѣдняго отправиться въ Публичную бібліотеку и купить оставшіяся отъ аукціоновъ книги. Когда книги были уступлены ему, Мартыновъ выдалъ Шигину деньги за книги и труды, а самъ всѣ эти книги, на ломовыхъ подводахъ, перевезъ въ особо нанятую для нихъ квартиру. Причина, по которой онѣ были вывезены на особую квартиру, а не на ту, на которой проживалъ Мартыновъ, заключалась въ нелюбви его жены къ книгамъ. На особой квартирѣ, потихоньку отъ жены, Мартыновъ предался пересмотру этихъ книгъ и нерѣдко засиживался тамъ далеко за полночь, давая поводъ своей женѣ подозрѣвать его въ чемъ-то неприличномъ, и черезъ это происходили частыя ссоры между ними. Однажды поздно вечеромъ, зачитавшись книгою, онъ заснулъ. Въ это время свѣча догорѣла, подожгла лежавшія на столѣ бумаги, произвела маленькій пожаръ, отъ котораго, кромѣ горѣвшихъ книгъ, загорѣлся и носовой платокъ въ рукахъ у Мартынова. Ожогъ разбудилъ его. На Мартынова это такъ подѣйствовало, что съ тѣхъ поръ онъ по вечерамъ уже пересталъ посѣщать свою бібліотеку. За квартиру онъ исправно платилъ ежемѣсячно условленную сумму, при чемъ домохозяйка его, вполне довольная жильцомъ, аккуратно платящимъ и не живущимъ

въ домѣ, не заботилась справиться о его имени, а полиція въ то время не требовала паспортовъ. По смерти Мартынова, квартирная хозяйка, не видя своего жильца около книгъ и не получая за квартиру денегъ, заявила о томъ въ полицію. Слухи о тайнственномъ жильцѣ и хозяинѣ бібліотеки распространились по околотку и дошли до г-жи Мартыновой, которая изъ любопытства пошла посмотреть эту бібліотеку. Пришедши туда, она нашла въ квартирѣ халатъ мужа и нѣсколько вещей, принадлежащихъ ему. По лежащимъ тамъ нѣкоторымъ книгамъ и рукописямъ и обожженному платку выяснилась принадлежность этой бібліотеки. Полиція выдала женѣ покойнаго книги, которыя и были сложены ею въ сарай вмѣстѣ съ мебелью. Последняя была ей не нужна, и она отправилась на Апраксинъ дворъ заявить о продажѣ ихъ скушникамъ мебели. Одинъ изъ нихъ, Викторъ Алексѣевичъ Алексѣевъ, зашелъ посмотреть мебель и увидѣлъ въ сараѣ какого-то господина, который сапожнымъ ножомъ отпарывалъ пергаментные переплеты отъ книгъ и откладывалъ ихъ особо, для связки въ веревкахъ, а книги бросалъ въ кули. Оказалось, что этотъ господинъ, безъ зазрѣнія совѣсти портившій и уничтожавшій дорогія изданія, былъ г. Рѣшеткинъ, племянникъ г-жи Мартыновой, человекъ, окончившій университетъ, домовладѣлецъ и владѣлецъ бумажной фабрики. Забывъ про мебель, Алексѣевъ спросилъ Мартынову:

— Для чего порютъ и портятъ книги?

— Да онъ мнѣ сказалъ, батюшка, что книги никуда не годны, слишкомъ стары. Вотъ переплеты, которые онъ снимаетъ, тѣ можно продать, а книги только и годятся, что на бумажную фабрику.

— Вздоръ онъ вамъ, сударыня, сказалъ. Я скорѣе уступлю переплеты вамъ, а за книги деньги заплачу. А лучше всего прикажите вашему племяннику перестать пороть и продайте мнѣ всѣ книги.

Г-жа Мартынова была довольна предложеніемъ Алексѣева и продала ему вмѣстѣ съ мебелью и книги, частью испорченныя, а частью въ хорошемъ видѣ. На слѣдующій день, по утру, какимъ-то чудомъ, пронюхали объ этой покупкѣ собиратели серьезныхъ книгъ, явились къ Алексѣеву за покупкой ихъ и увезли множество кулей. Я самъ,—продолжалъ разговоръ Неустровъ,—тоже заходилъ къ Алексѣеву и, когда узналъ, что купленныя имъ книги представляютъ собою дубликаты книгъ Императорской Публичной бібліотеки, тотчасъ же купилъ ихъ. По привозкѣ книгъ къ себѣ на квартиру, я немедленно же приступилъ къ ихъ разборкѣ и приведенію въ порядокъ. Отрѣзанные переплеты сталъ присоединять къ книгамъ и перевязывать ихъ веревками. Часть книгъ, оказалось, принадлежала бібліотекѣ графовъ Залусскихъ въ Варшавѣ, но большая часть относилась къ XVII столѣтію, нѣкоторыя къ XVI-му, на латинскомъ языкѣ. На многихъ книгахъ были помѣтки графовъ

Залусскихъ. Одна звѣздочка означала, что книга рѣдкая, 2 звѣздочки, что очень рѣдкая, 3 звѣздочки—чуть ли не уника, которые Залусскіе покупали на вѣсь золота. Многія страницы были исписаны на поляхъ руками Залусскихъ, что превращало книгу уже въ рукопись. Чуть не ежедневно ко мнѣ являлось множество лицъ, спрашивая, нѣтъ ли дефектнаго экземпляра того или другого сочиненія. Это были лица, которыя купили у Алексѣева книги въ куляхъ, а книги попадали туда разрозненныя, отчего и произошла путаница съ ними. Когда книги были разобраны, переплеты подобраны, опись составлена, я послалъ ихъ въ Румянцевскій музей въ Москву. Въ печатаемыхъ отчетахъ Румянцевскаго музея, получаемыхъ мною, согласно спискамъ, книгъ этихъ не оказалось. Черезъ посредство газеты «Русскій Міръ» я дѣлалъ запросъ о томъ, почему въ отчетѣ показано невѣрное количество моихъ приношеній, но официальной отвѣта не послѣдовало, а частнымъ образомъ я узналъ, что эти книги были получены, сложены въ подвалъ и, кажется, находятся тамъ по настоящее время. Со времени возбужденія этого вопроса присылка мнѣ ежегодныхъ отчетовъ прекратилась,—грустно закончилъ А. Н. свой рассказъ о судьбѣ русской книги.

А. Фаресовъ.

ВИКТОРЪ ПЕТРОВИЧЪ ОСТРОГОРСКИЙ.

РЪШИТЕЛЬНО не хочется помириться съ мыслью, что Виктора Петровича Острогорскаго, этого вѣчно юнаго, энергичнаго и восторженнаго общественнаго дѣятеля, нѣтъ уже въ живыхъ, и никогда не раздастся болѣе на нашихъ литературныхъ собраніяхъ его громкая задушевная рѣчь, его «маленькое слово», которое всегда такъ живительно и тепло дѣйствовало на окружающихъ и близкихъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ это такъ: смерть подкралась какъ-то внезапно и унесла съ собою неожиданно этого хорошаго человѣка, этого типичнаго русскаго учителя словесности, этого добраго друга и товарища по литературѣ. Процессъ хворанія былъ недлиненъ, и еще за нѣсколько дней до кончины имъ были подписны и прочитаны послѣдніе корректурные листы редактируемаго имъ журнала «Міръ Божій», были произнесены послѣднія слова лекціи въ театральномъ училищѣ. И вдругъ въ газетахъ телеграмма изъ Валдая: не стало Виктора Петровича Острогорскаго! Больно и обидно становится на душѣ, и я радуюсь, по крайней мѣрѣ, что близкій мнѣ журналъ гостеприимно даетъ мнѣ мѣсто для слова памяти о любимомъ человѣкѣ.

Я былъ знакомъ съ Викторомъ Петровичемъ съ конца восьмидесятихъ годовъ, въ теченіе каковаго времени жизнь насъ сводила порою очень тѣсно, порою снова разводила, при чемъ это раздѣленіе вызывалось не какими нибудь разногласіями, раздорами и столкновеніями, а просто такъ себѣ, безъ всякой основательной причины, какъ это часто наблюдается въ большомъ столичномъ городѣ между знакомыми, работающими и дѣйствующими на разныхъ поприщахъ; но когда

судьба насъ снова сводила, Викторъ Петровичъ попрежнему тепло и ласково меня встрѣчалъ, порою журия словомъ старшаго и любящаго товарища за содѣланные мною какіе нибудь промахи и погрѣшности, порою одобряя и ободряя за то, что ему приходилось по уму и сердцу изъ моей литературной и общественной дѣятельности. Ученикомъ его въ прямомъ смыслѣ этого слова я не былъ, какъ равно не былъ и его интимнымъ другомъ, другомъ на «ты», каковыхъ у него, безъ достаточнаго даже для того основанія, было множество, но всеже я всегда испытывалъ къ себѣ дружеское его расположеніе, какъ равно неизмѣнно, до послѣднихъ дней его жизни, глубоко любилъ и почиталъ этого прекраснаго человѣка и достойнаго общественнаго дѣятеля. Вотъ почему въ моей памяти сохранилось немало личныхъ впечатлѣній о покойномъ, которыя, надѣюсь, нѣсколько оживятъ біографическій матеріалъ, оставшіяся о немъ и послѣ него въ печати, изложенію котораго и посвящена настоящая статья.

I.

Викторъ Петровичъ родился въ 1840 г., и дѣтство его протекло при печальныхъ и достаточно ненормальныхъ условіяхъ домашней обстановки, о чемъ до извѣстной степени свидѣлствуютъ и его въ высшей степени интересныя автобіографическія записки— «Изъ исторіи моего учительства», и о чемъ мнѣ лично неоднократно приходилось отъ него самого слышать въ откровенной бесѣдѣ. Отецъ его былъ человѣкъ недюжинный, но чрезвычайно неуравновѣшенный и не безъ странностей, жизнь котораго проходила далеко не ровно. Будучи офицеромъ и служа въ Финляндіи, онъ, противъ воли родственниковъ, женился на красавицѣ шведкѣ, выдающейся пѣвицѣ и прекрасной женщиной. Отъ этого брака родилось нѣсколько дѣтей, но все они перемерли въ раннемъ возрастѣ; выжилъ только младшій — Викторъ, будущій извѣстный педагогъ и писатель. Не поддержанные въ матеріальныхъ средствахъ родными, Острогорскіе испытывали немалую нужду, почему отецъ Виктора Петровича рано покинулъ невыгодную офицерскую службу и занялся какими-то рискованными торгово-промышленными дѣлами, которыя то приносили ему значительныя средства жизни, то повергали въ нужду и бѣдность. Когда Виктору Петровичу минуло всего три года, его мать скончалась, и онъ остался на попеченіи нѣжно любившей его нянюшки-нѣмки, старой дѣвы, дочери ревельскаго кистера, строго религіозной, страстной поклонницы Шиллера, котораго она знала, какъ и Евангеліе, чуть не наизусть. Когда у отца дѣла шли хорошо, онъ баловалъ и нѣжилъ своего сына; когда они снова приходили въ упадокъ, онъ чуть ли не покидалъ свой домъ, то пропадая

куда-то, то удивляя знакомыхъ и родственниковъ страннымъ выборомъ жизненнаго пути. Такъ, между прочимъ, о чемъ мнѣ лично передавалъ покойный Викторъ Петровичъ, онъ одно время, и, кажется, довольно долгое, числился послушникомъ Александро-Невскаго монастыря и чуть ли не въ этомъ званіи и окончилъ жизнь самоубійствомъ. Дѣло, по словамъ Острогорскаго, происходило такъ. Сославшись какъ-то, будучи дома, на нездоровье, отецъ послалъ его за какимъ-то лѣкарствомъ въ аптеку, а когда это лѣкарство было доставлено, онъ удалилъ сына изъ квартиры, предложивъ ему прогуляться. По возвращеніи съ прогулки, мальчикъ нашелъ лишь бездыханный трупъ родителя, отравившагося именно тѣмъ лѣкарствомъ, которое ему незадолго передъ тѣмъ было принесено сыномъ. Нечего, конечно, говорить, какую страшную драму пришлось пережить двѣнадцатилѣтнему мальчику, и какъ она тяжело отозвалась на его нервномъ и хрупкомъ организмѣ. Викторъ Петровичъ, по понятнымъ причинамъ, не любилъ останавливаться на этомъ моментѣ своей жизни и меньше всего былъ склоненъ, конечно, винить своего несчастнаго родителя въ роковой и драматической развязкѣ. Напротивъ, онъ навсегда сохранилъ самыя лучшія воспоминанія объ отцѣ и въ своихъ автобіографическихъ запискахъ признавалъ, что именно ему онъ обязанъ, вмѣстѣ съ няней, первыми прочными основами образованія.

У своей воспитательницы мальчикъ выучился свободно говорить по-нѣмецки, читать и писать, кажется, даже раньше, чѣмъ по-русски; у нея же онъ выучилъ множество нѣмецкихъ стихотвореній, особенно Шиллера, нѣсколько нѣмецкихъ молитвъ и отрывковъ изъ Евангелія. Эта ранняя закваска нѣмецкой образованности сослужила добрую службу въ педагогической и литературной дѣятельности Острогорскаго. На его работахъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ основѣ ихъ, ясно видно вліяніе германскаго генія, и я даже склоненъ видѣть это вліяніе и въ той восторженности, которою покойный педагогъ-литераторъ всегда отличался при жизни. Страстный поклонникъ Шиллера, часто даже помимо личной воли, выступалъ въ немъ и въ его бесѣдахъ, и въ застольныхъ рѣчахъ, и въ тѣхъ порывахъ къ поэзии, къ которой онъ постоянно чувствовалъ влеченіе.

Обращаясь къ вліянію на него отца и къ своимъ познаніямъ въ отечественной грамотѣ и словесности, онъ вотъ что говоритъ въ своихъ запискахъ: «Какъ и когда выучился я читать и писать по-русски, не помню. Помню только, что и читалъ я, и списывалъ съ книги, уже по шестому году, и почти ежедневно, по приказанію отца, долженъ былъ выучивать по баснѣ Крылова, или небольшому стихотворенію. Отецъ, прекрасно читавшій, или, какъ тогда говорили, декламировавшій, обращалъ особое вниманіе на мое выразительное произношеніе и всегда спрашивалъ выученное самъ,

не оставляя меня въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока я, по его мнѣнію, не выучивался говорить порядочно. А чтобы я привыкъ къ хорошему чтенію, онъ очень часто читалъ мнѣ вслухъ и стихи, и прозу, рассказывалъ священную, русскую и всеобщую исторію, выслушанное заставлялъ меня рассказывать и о прочтенномъ со мною толковалъ. Эти чтенія, рассказы и бесѣды имѣли на меня, ребенка, огромное вліяніе. Они незамѣтно обогатили меня словами и выраженіями, пристрастили къ чтенію (книгъ у него было множество,—была даже особая, моя собственная библіотека изъ лучшихъ тогдашнихъ дѣтскихъ книгъ, но ихъ я читалъ мало, предпочитая книги для взрослыхъ, и зналъ наизусть цѣлую массу стиховъ и басенъ), и сдѣлали то, что въ 8—9 лѣтъ я свободно рассказывалъ прочитанное, нерѣдко самъ придумывалъ новые рассказы, и какъ-то, безъ всякихъ грамматикъ или особыхъ упражненій (я только много списывалъ съ прописей и книгъ, внося въ особую тетрадь все, что мнѣ особенно нравилось), писалъ почти совсѣмъ правильно, и 10-ти лѣтъ даже сочинилъ повѣсть «Цымбальда» и драму въ 2-хъ дѣйствіяхъ «Похищенное дитя». Какъ ни странно для маленькаго мальчика, но, конечно, подъ вліяніемъ отца и отчасти няни, могу сказать, что еще до поступленія въ гимназію уже страстно любилъ литературу и благоговѣлъ передъ именами Пушкина, Лермонтова, Крылова, Гоголя и другихъ, даже Ломоносова и Державина, слыша отъ отца объ этихъ писателяхъ множество рассказовъ. Эту страсть отецъ во мнѣ поддерживалъ и, съ улыбкой смотря на мои упражненія въ прозѣ и даже стихахъ, говорилъ: «Ужъ не знаю, что изъ тебя выйдетъ, а только, кажется, коли не писатель, то профессоръ или учитель россійской словесности». Эти слова я запомнилъ хорошо, и мысль о писательствѣ и учительствѣ не покидала меня во все время моего образованія».

Приведенный автобіографическій отрывокъ чрезвычайно любопытенъ и важенъ для разумѣнія послѣдующей жизненной дѣятельности Острогорскаго. Мы видимъ, что еще въ отчемъ домѣ, на зарѣ юности, въ немъ опредѣленно сказываются склонности и основы жизненнаго поприща, которыя впослѣдствіи дали пышный расцвѣтъ. Даже болѣе,—многое изъ того, что было до извѣстной степени безсознательно (по крайней мѣрѣ, не въ видѣ системы, основанной на какомъ нибудь теоретическомъ построеніи) положено его отцомъ въ основу ранняго образованія сына, получаетъ въ зрѣлыхъ трудахъ и педагогическихъ задачахъ послѣдняго вполне сознательную обработку и выливается въ видѣ опредѣленной доктрины и ученія. Я разумѣю въ данномъ случаѣ его ученіе о выразительномъ чтеніи, которому онъ посвятилъ особое пособіе, и которое составляло непремѣнную часть его учительства и предметъ извѣстныхъ публичныхъ лекцій. Такимъ образомъ мы наблюдаемъ

въ Викторѣ Петровичѣ, уже до 10-ти-лѣтняго возраста, главныя черты его характеристики, какъ общественнаго дѣятеля. Онъ уже тогда проявляетъ склонность къ писательству, къ учительству, въ немъ сказывается ранняя восторженность, экспансивность и преклоненіе передъ творцами русской и иностранной литературы, которыхъ онъ такъ много впоследствии популяризировалъ въ своихъ многочисленныхъ литературныхъ работъ и истолковывалъ на урокахъ и лекціяхъ. Поэтому можно съ увѣренностью сказать, что нѣкоторыя черты наслѣдственности, музыкальность и живость, и результаты ранняго педагогическаго внушенія сказывались въ его характерѣ очень сильно и опредѣленно, что всегда придавало этому характеру большую устойчивость, цѣльность и опредѣленность. Личная работа надъ самимъ собою, извѣстное самовнушеніе, а также воздѣйствіе школы и среды, въ которую онъ попалъ впоследствии, дополнили и развили эти черты и окончательно оформили весь характеръ и опредѣлили жизненное призваніе.

II.

Дѣтство маленькаго Острогорскаго протекло невесело; отсутствіе товарищей было полное, и только няня да прислуга были тѣмъ обществомъ, съ коимъ онъ дѣлился впечатлѣніями и мыслями. Почувствовавъ рано литературное призваніе, онъ въ этомъ обществѣ впервые и проявлялъ его, устраивая здѣсь литературные вечера, читая имъ какъ свои собственныя, такъ и чужія произведенія пера.

На одиннадцатомъ году жизни отецъ опредѣлилъ его въ 1-ю гимназію прямо во 2-й классъ; но здѣсь, въ этомъ учебномъ заведеніи, онъ пробылъ всего одинъ годъ, ибо со смертью отца некому было за него платить и тѣмъ болѣе, что 1-я гимназія въ то время была до извѣстной степени дорогою аристократическою учебною колыбелью, откуда воспитанниковъ изъ 5-го класса переводили прямо въ лицей. Самоубійство отца, повидимому, неблагоприятно отразилось на отношеніяхъ начальства къ маленькому Острогорскому, и онъ, по личному доброму распоряженію попечителя Мусина-Пушкина, былъ переведенъ въ дешевую тогда по платѣ 3-ю гимназію, гдѣ было много казенно-коштныхъ, большею частью, круглыхъ сиротъ, или вообще дѣтей безотвѣтныхъ бѣдныхъ чиновниковъ, счастливыхъ уже тѣмъ, что дѣти ихъ, такъ или иначе, все же пристроены. Эта гимназія въ тѣ времена (да, пожалуй, и много позднѣе) отличалась очень плохимъ содержаніемъ, грубымъ обращеніемъ съ учениками и жестокими нравами интерната, напоминавшими приснопамятную бурсу Помяловскаго.

Острогорскій даетъ въ своей книгѣ «Изъ исторіи моего учительства» очень живыя воспоминанія объ этомъ учебномъ заведеніи, гдѣ, отмѣчая многое дурное и неудачное въ строѣ тамошней

ученической жизни, находить тѣмъ не менѣе нѣсколько словъ и теплой признательности гимназіи, которая его, осиротѣлаго и одинокаго, пригрѣла и поставила на ноги. Здѣсь заслуживаетъ особеннаго вниманія то, что онъ говоритъ о Стоюнинѣ, его вліяніи на учениковъ вообще и на него, Острогорскаго, въ частности. «Августа 1853 г., когда я перешагнулъ изъ третьяго класса въ четвертый, отнесенный въ гимназіи уже къ старшимъ классамъ, даже занимавшимъ особую большую камеру, начинается для меня новый періодъ, такъ сказать, моего литературнаго гимназическаго образованія,—повѣствуетъ онъ. Этотъ періодъ, продолжавшійся до университета пять лѣтъ (въ 5 кл. сидѣлъ я изъ-за недавнейся мнѣ математики два года), тѣсно связанъ для меня съ незабвенной личностью покойнаго Владимира Яковлевича Стоюнина, преподававшаго во всѣхъ старшихъ классахъ русскій языкъ и все время состоявшаго секретаремъ педагогическаго совѣта, на который имѣлъ онъ большое вліяніе, и гдѣ вѣское и умное его слово было авторитетомъ. Изъ всего тогдашняго педагогическаго персонала за все шестилѣтнее мое пребываніе въ 3-й гимназіи, насколько представляется оно теперь въ моемъ воображеніи, прямо долженъ сказать, что, на мой личный взглядъ, этотъ человекъ только и былъ у насъ одинъ настоящимъ серьезнымъ педагогомъ, любившимъ свое дѣло и сознательно стремившимся подѣйствовать на насъ, юношей, своимъ преподаваніемъ и отношеніемъ къ намъ не только образовательно, но и воспитательно. Его свѣтлая личность окончательно рѣшила мое педагогическое и литературное призваніе, и во всю мою педагогическую дѣятельность по настоящее время служитъ мнѣ идеаломъ учителя и человека».

Три главныхъ особенности отмѣчаетъ Острогорскій въ знаменитомъ русскомъ педагогѣ: во-первыхъ, большая нравственная сила, поддерживавшая въ немъ собственное достоинство человека и побуждавшая учениковъ уважать его личность; во-вторыхъ, дѣйствительная и серьезная образованность, соединенная съ культурностью, проявлявшеюся въ его обращеніи, манерахъ и тактѣ, и, наконецъ, способы методики его преподаванія. Стоюнинъ, его уроки русскаго языка и словесности, его педагогическія идеи и завѣты являются до извѣстной степени кардинальнымъ мѣстомъ въ жизни и характеристикѣ покойнаго Виктора Петровича; имъ и его идеями опредѣлилась жизненная карьера послѣдняго, имъ и его идеями во многихъ и многихъ отношеніяхъ питалась вся его педагогическая дѣятельность, какъ учителя русской словесности и популяризатора отечественныхъ классиковъ, съ точки зрѣнія ихъ воспитательнаго значенія въ классномъ и внѣклассномъ обученіи, каковому вопросу впоследствии онъ посвятилъ рядъ статей въ журналахъ и отдѣльно вышедшихъ работъ.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ дѣятелей русской педагогики и въ особенности въ области обученія и изученія русской словес-

ности, Острогорскій наиболѣе полно въ практическомъ примѣненіи и теоретическомъ развитіи воспринялъ и осуществилъ педагогическія идеи Стоюнина, почему и является въ нашей школьной жизни наиболѣе виднымъ и полезнымъ ученикомъ и ближайшимъ замѣстителемъ послѣдняго. Я вовсе не хочу этимъ сказать, что только-что скончавшійся писатель-учитель былъ лишь копіей оригинала и эхомъ чужого громкаго и властнаго голоса; далеко нѣтъ, у Острогорскаго было много своего личнаго, индивидуальнаго, что не было у его учителя. Я отмѣчаю лишь ближайшую преемственность педагогическихъ идей и задачъ обоихъ общественныхъ дѣятелей,—идей, вышедшихъ изъ широкаго потока обновленной русской жизни шестидесятыхъ годовъ, при чемъ одинъ изъ нихъ—Стоюнинъ, является непосредственнымъ участникомъ этого обновленія, по крайней мѣрѣ, въ области школьнаго дѣла, а другой—Острогорскій, продолжателемъ и истолкователемъ перваго, въ примѣненіи къ разнымъ деталямъ этого дѣла, къ требованіямъ дальнѣйшаго времени и къ общественнымъ позднѣйшимъ настроеніямъ.

Итакъ, обращаясь къ гимназическимъ годамъ Острогорскаго, мы видимъ, что уроки Стоюнина и личное вліяніе послѣдняго опредѣлили его жизненное призваніе. Тогда же онъ, подъ руководствомъ и по указаніямъ своего наставника, обращается и къ серьезнымъ литературнымъ работамъ, изъ коихъ одна, о Веневитиновѣ, была даже прочитана на публичномъ актѣ и была поощрена громкими аплодисментами товарищей, наставниковъ и публики. Послѣдній годъ въ гимназіи Острогорскимъ былъ проведенъ уже въ соприкосновеніи съ общественными теченіями русской жизни: «Всеобщее пробужденіе Россіи къ новой жизни пахнуло свѣжимъ воздухомъ и на нашу гимназію,—повѣствуетъ онъ все въ тѣхъ же воспоминаніяхъ. Поступило нѣсколько молодыхъ преподавателей, заговорившихъ совсѣмъ новымъ языкомъ, даже старые какъ-то подтянулись и стали менѣе педантичны и придиричвы. Порки не было уже и въ поминѣ, и даже въ маленькихъ классахъ прекратились воспитательскіе, а то и преподавательскіе, щипки и колотушки, и всѣмъ ученикамъ, невзирая на возрастъ, стали говорить—«вы». Приходя послѣ праздниковъ въ гимназію, ученики приносили изъ дому вороха новостей, слуховъ о реформахъ, предположеній, мечтаній, вопросовъ—и все такихъ живыхъ, интересныхъ; стали появляться въ гимназіи книжки журналовъ—«Современникъ» и «Русскій Вѣстникъ», и въ старшей камерѣ и по ночамъ въ спальнѣ пошли нескончаемые дебаты обо всемъ этомъ, а у учениковъ 7-го класса разговоры о будущей дѣятельности и, сообразно съ ней, выборѣ факультета. Но, кажется, болѣе всего способствовали въ эту пору умственному нашему оживленію наши старшіе товарищи, уже студенты, большею частію, наши цѣвчіе, свободно посѣщавшіе во внѣклассное время свою alma mater, не-

рѣдко объдавшіе и пившіе чай, по старой памяти, вмѣстѣ съ нами и принимавшіе участіе въ многочисленныхъ спѣвкахъ и церковныхъ службахъ. Они помогали намъ готовить уроки, носили книги и передавали университетскія и городскія новости... Не по днямъ, можно сказать, а по часамъ, росла наша гимназическая молодежь, такъ недавно еще дѣтски-наивная, и ничего, кромѣ гимназическихъ стѣнъ и скучной учебы, не видѣвшая, почти ничего, кромѣ нѣкоторыхъ русскихъ писателей, не читавшая»...

Написавъ на выпускномъ экзаменѣ сочиненіе «О пользѣ чтенія книгъ» и прочитавъ на торжественномъ актѣ прощальную рѣчь со стихами къ товарищамъ, Острогорскій въ 1858 г. кончилъ курсъ своего гимназическаго образованія и безъ экзамена поступилъ на филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, будучи, хотя и плохо, по собственному сознанію, подготовленъ къ воспринятію университетской науки, но зато окрыленъ самыми розовыми и пылкими надеждами и горячею вѣрою въ заманчивость и силу этой науки.

III.

Въ очеркѣ, посвященномъ 75-ти-лѣтію С.-Петербургскаго университета ¹⁾, я приводилъ въ своемъ мѣстѣ отзывы Острогорскаго о профессорахъ, которые наиболѣе рѣшительно и плодотворно вліяли на учащуюся молодежь того времени, такъ что повторяютъ сказаннаго тамъ здѣсь не буду. Изъ числа этихъ профессоровъ особенное вліяніе имѣли на Виктора Петровича Срезневскій, Благовѣщенскій, Стасюлевичъ, Костомаровъ, Пыпинъ и Никитенко, изъ коихъ Срезневскій своимъ пронизательнымъ умомъ рѣшительно опредѣлилъ, что Острогорскому, несмотря на его способности и хорошія занятія, ученая карьера не по плечу. Такъ, когда молодой студентъ представилъ ему свою диссертацию на степень кандидата—«Семья, какъ нравственная единица, и хозяйство по Домострою», профессоръ, хотя ее и вполне одобрилъ, но замѣтилъ, что она скорѣе напоминаетъ журнальную статью, чѣмъ ученую диссертацию. «Я смутился,—повѣствуетъ объ этомъ эпизодѣ Острогорскій,—и спросилъ, какіе же въ ней научные недостатки. Измаилъ Ивановичъ улыбнулся и уклончиво отвѣчалъ: «Какъ вамъ сказать? все вѣрно, и факты подобраны и освѣщены, работали много»... Я прервалъ его: «Вы хотите сказать, Измаилъ Ивановичъ, мало ученаго багажу, слишкомъ популярно по формѣ и рѣзко по выводамъ?» Онъ засмѣялся своимъ всегдашнимъ, нѣсколько ироническимъ смѣхомъ и сказалъ: «Ну, да, вы скорѣе литераторъ, журналистъ, но не ученый». Профессоръ былъ правъ,—

¹⁾ «Историч. Вѣстн.» 1894 г.

добавляетъ Острогорскій:—ученымъ, въ самомъ дѣлѣ, я и не сдѣлался».

Немалымъ былъ обязанъ молодой студентъ и Никитенкѣ, и въ особенности одною стороною своего характера, которая во всю его жизнь была въ немъ первенствующею, это именно сильнымъ развитіемъ эстетическаго чувства. Александръ Васильевичъ, не насилуя убѣжденій, направленія и личныхъ вкусовъ своего ученика, имѣлъ самое благотворное на него вліяніе, именно на его эстетическое развитіе. «Въ ту эпоху нашего русскаго Sturm'a и Drang'a, когда въ крайнемъ увлеченіи реализмомъ развѣнчивались и Пушкинъ, и Лермонтовъ, и Бѣлинскій,—этотъ, можетъ быть, односторонній, но убѣжденный и искренній человѣкъ,—говорить про Никитенку Острогорскій,— вселилъ во мнѣ, юношѣ, чутье художественной «красоты», которая уже сама по себѣ, безотносительно, воспитываетъ человѣка. Онъ выучилъ меня боготворить эту красоту, смотрѣть на искусство, какъ на святыню, требующую отъ ея жреца-художника возвышенной мысли, извѣстнаго подъема духа и достойной формы, безъ коей настоящаго искусства нѣтъ. И если впоследствии, на поприщѣ учителя словесности, мнѣ сколько нибудь удавалось дѣйствовать воспитательно на вкусъ учащихся посредствомъ поэзіи, заставляя ихъ полюбить ее и въ ней находить наслажденіе, то въ значительной степени обязанъ я этимъ Александру Васильевичу, какъ и сознаниемъ важности художественнаго выразительнаго чтенія.

Такимъ образомъ, старому профессору-эстетику онъ обязанъ былъ тѣмъ, что заложенные съ дѣтскихъ лѣтъ въ него начала художественности, не получившія, однако, достаточнаго развитія въ гимназическихъ стѣнахъ и угрожаемая даже общественными теченіями студенческой жизни, въ которую онъ, какъ видно будетъ дальше, попалъ, никоимъ образомъ не заглохли въ немъ и даже стали фундаментомъ его педагогической и литературно-критической дѣятельности. Онъ избѣгъ крайностей эпохи, лучшихъ сторонъ которой онъ былъ типичнымъ выразителемъ, и до конца своихъ дней былъ восторженнымъ поклонникомъ всего прекраснаго въ жизни, въ чемъ бы это прекрасное ни выражалось, будь то въ литературѣ, музыкѣ, живописи, сценическомъ искусствѣ или просто въ окружающей повседневной жизни. Эстетизмъ билъ въ немъ всегда горячимъ ключемъ, при всемъ его поклоненіи благородному реализму и полезной общественности.

Послѣдней онъ началъ служить очень рано, и рядомъ съ этимъ въ его душевномъ настроеніи того времени какъ бы наблюдается нѣкоторый протестъ противъ этой службы, протестъ, длившійся, однако, очень недолго и который впоследствии онъ сумѣлъ разумно подчинить законамъ гармоніи жизни, гдѣ прекрасное и полезное легко и удобно уживались. Изъ него не вышелъ ни чистый эстетикъ, признающій только «сладкіе звуки и молитвы», ни грубый

реалистъ, преклоняющійся исключительно предъ тревоженіями окружающей жизни въ ея политическихъ и соціальныхъ проявленіяхъ. Тѣмъ не менѣе моментъ нѣкоторой неопредѣленности жизненныхъ задачъ у него какъ бы проглядываетъ, и этотъ моментъ я склоненъ видѣть въ стихотвореніи «Путеводный свѣтъ», напечатанномъ въ журналѣ «Ласточка», въ 1859 г., когда онъ былъ на 2-мъ курсѣ университета. Впослѣдствіи самъ авторъ признавалъ его очень слабымъ, и таковымъ, конечно, оно и должно быть почитаемо, но, тѣмъ не менѣе, я считаю нелишнимъ привести его здѣсь именно для характеристики его тогдашняго настроенія. Вотъ оно:

Путеводный свѣтъ.

Не надо мнѣ бурь и волненій,
 Что сердце волнуютъ и мучатъ;
 Ихъ пылъ отъ борьбы остываетъ,
 И жизнь безъ отвѣта наскучитъ.

Остынуть кипучія страсти,
 Не сбывшись угаснуть мечтанья;
 Останется горькая память
 О дняхъ прожитыхъ упованій.

Такъ ярко порою зарница
 Пожаромъ встаетъ надъ землею,
 Сіяя средь мрака ночного
 И въ мигъ пропадая съ зарею.

Чтобъ могъ я мой путь неизвѣстный
 Пройти и легко и свободно,
 Пусть чувства любви и надежды
 Мнѣ будутъ огнемъ путеводнымъ.

Въ немъ много скрывается силы,
 Хоть пламень не ярко пылаетъ,
 Пусть свѣтъ его тихій, отрадный,
 До гроба мой путь озаряетъ...

Кромѣ Никитенка, важное значеніе для умственнаго развитія Острогорскаго имѣли лекціи А. Н. Пыпина, которыя, правда, долго ему слушать не удалось, но которыя имѣли рѣшительное и опредѣленное на него вліяніе. На этихъ лекціяхъ онъ позналъ настоящую необходимость для науки основательнаго знанія иностранныхъ языковъ и все значеніе познанія всеобщей исторіи литературы. Подъ вліяніемъ г. Пыпина Острогорскій сталъ усердно заниматься всеобщей литературой и изученіемъ ея виднѣйшихъ представителей, съ точки зрѣнія ихъ общественныхъ идеаловъ, вліянія ихъ на ходъ всемірной исторіи, а также со стороны изящества самой формы ихъ произведеній. Ознакомленіе учащихъ въ такой

постановкѣ дѣла съ литературными корифеями западно-европейской жизни стало во всю его педагогическую дѣятельность одною изъ главныхъ задачъ этой дѣятельности. Равнымъ образомъ и изъ лекцій Благовѣщенскаго вынесъ онъ любовь къ классической жизни, и его вліянію приписывалъ онъ то, что впоследствии, уже будучи словесникомъ-учителемъ, считалъ знакомство съ литературой Греціи и Рима совершенно обязательнымъ для молодежи, какъ съ основою нашей собственной культуры.

Таковы были главнѣйшія вліянія на Острогорскаго, исходившія изъ профессорской среды и изъ общаго строя тогдашняго университетскаго преподаванія. Рядомъ съ этимъ заслуживаютъ вниманія и иного рода вліянія, которыя оказали воздѣйствіе на складъ его ума и характера, а именно вліянія чтенія, театра, родного дяди и товарищескаго кружка, окрещеннаго въ свое время наименованіемъ «мыслящаго пролетаріата».

IV.

Сочиненія Бѣлинскаго, «Вопросы жизни» Пирогова и Некрасовскій «Современникъ»—вотъ тотъ широкій и блестящій умственный источникъ, откуда студентъ Острогорскій съ особенною пользою для себя почерпалъ запасъ идей и который окончательно утвердилъ его въ стремленіи къ учительству и къ педагогической дѣятельности. Особенно сильно было вліяніе Бѣлинскаго. «Выходъ его сочиненій какъ разъ совпалъ со временемъ пребыванія моего въ университетѣ, — говоритъ Острогорскій въ своихъ воспоминаніяхъ, — и за эти три-четыре года я прочелъ Бѣлинскаго съ величайшимъ увлеченіемъ, по тому за томъ, — всего, что называется, отъ доски до доски, постоянно дѣлая выписки и перечитывая по нѣскольку разъ. На этихъ 12 томахъ я пережилъ послѣдовательно, вмѣстѣ съ великимъ критикомъ, всѣ три фазы его собственнаго развитія, начиная съ туманнаго шелленгизма и гегелизма, съ которыми я отчасти попутно познакомился изъ книгъ, отъ его романтизма съ прискорбными шатаніями мысли до живого реализма позднѣйшей трезвой критики. Вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ я бранилъ Менцеля, увлекался, подъ его же вліяніемъ, даже елейной исторіей древней литературы Шевырева, бредилъ народною литературою, которая въ то время съ увлеченіемъ собиралась и разрабатывалась, между прочимъ, Буслаевымъ, котораго «Очерки народной литературы и искусства» я также прочелъ; наконецъ, Бѣлинскій же въ своихъ послѣднихъ томахъ отрезвилъ меня, выведя на дорогу здоровой реальной критики, въ которой и утвердили меня потомъ статьи въ «Современникѣ» и позднѣйшія сочиненія А. Н. Пыпина. Бѣлинскій составилъ для меня цѣлый основной капиталъ, такъ сказать, прочный фундаментъ всего моего литературнаго знанія и развитія.

На Бѣлинскомъ я, юноша, пережилъ за три-четыре года, послѣдовательно, разные періоды умственнаго роста; онъ, великій русскій энциклопедистъ-популяризаторъ, далъ мнѣ цѣлую массу понятій эстетическихъ, философскихъ, общественныхъ, нравственныхъ, которыя потомъ только болѣе опредѣлялись, оформливались и расширялись чтеніемъ. Своею горячею, ясною и образною рѣчью онъ былъ моею школою литературнаго стиля и формы».

Приведенныя слова Виктора Петровича никоимъ образомъ не должны быть разсматриваемы, какъ преувеличеніе и полетъ разгоряченной мысли. Если дать себѣ трудъ просмотрѣть работы покойнаго педагога, будь то работы критическія, по общепедагогическимъ вопросамъ, на общественныя темы или относящіяся до театра—во всѣхъ нихъ мы найдемъ явные слѣды идей Бѣлинскаго. Какъ Стоюнинъ въ области преподаванія русскаго языка и словесности, такъ Бѣлинскій въ другихъ областяхъ культуры и просвѣщенія были для него центрами, къ коимъ всегда тяготѣли его мысль и работа ума. Бѣлинскому посвятилъ онъ немало журнальныхъ и газетныхъ статей, освѣщая его съ разнообразныхъ точекъ зрѣнія и почерпая изъ его сочиненій, въ интересахъ популяризаціи и педагогическаго проповѣдничества, неизсякаемый матеріалъ. Когда въ 1898 г., по случаю 50-лѣтія со дня кончины знаменитаго критика, наступили столь извѣстные его дни въ обѣихъ столицахъ и въ провинціи, Острогорскій, среди всѣхъ прочихъ писателей и ораторовъ, выдѣлился на торжествахъ съ особенною силою, и пензенскія, напримѣръ, торжества стали совершенно неразрывны съ личностью и именемъ Виктора Петровича. Такимъ образомъ, впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ изученія знаменитаго критика въ студенческіе годы, были не поверхностны и мимолетны, а дѣйствительно оставили въ немъ глубокой слѣдъ, изъ коего впоследствии выросли тѣ общественныя и литературныя явленія въ его жизни, о коихъ сказано выше.

Кромѣ чтенія и изученія родной литературы, несомнѣнное вліяніе на развитіе его ума и характера оказалъ и театръ, который онъ, при всей своей непроходимой студенческой бѣдности, часто посѣщалъ, бывая здѣсь и на драматическихъ, и на оперныхъ представленіяхъ. Страсть къ театру родилась у него еще въ дѣтствѣ, подъ воздѣйствіемъ отца, большого театрала и хорошаго декламатора. Онъ нерѣдко рассказывалъ своему сыну о прежнихъ актерахъ, о театральныхъ писателяхъ, а также декламировалъ ему отрывки изъ Озерова, Хмельницкаго, Грибоѣдова и др. Въ библиотекѣ отца за многіе годы хранились книжки извѣстнаго журнала «Репертуаръ и Пятеонъ», и вотъ маленький Острогорскій упивался уже съ 9-лѣтняго возраста книжками этого журнала. «Нерѣдко читывалъ я отрывки изъ любимыхъ пьесъ своей старушкѣ нянѣ или отцу,—вспоминаетъ онъ въ автобіографическихъ за-

пискахъ,—и вмѣсто всякой игры чуть не по цѣлымъ днямъ занимался разыгрываніемъ сценъ, декламаціей монологовъ, устраивалъ импровизированный театръ изъ стульевъ, облакаясь въ игрушечный шлемъ и вооруженіе или драпируясь въ нянинъ платокъ, воображалъ себя въ роли какого нибудь Ернани, Трибуле, Гамлета или маркиза Поза».

Страсть къ театру не покидала Виктора Петровича во всю жизнь, и, принадлежа душою цѣликомъ міру педагогическому и литературному, онъ былъ также чрезвычайно близокъ и къ міру артистическому, имѣя среди послѣдняго немало друзей, посвящая драматическимъ произведеніямъ и искусству вообще немало рецензій и журнальныхъ статей, а также состоя въ теченіе многихъ лѣтъ преподавателемъ петербургскаго театральнаго училища, сохранивъ за собою это учебное заведеніе изъ всѣхъ остальныхъ, въ коихъ онъ когда-то преподавалъ, до послѣднихъ своихъ дней. Театръ и драматическое искусство были въ его жизни тою стихіею, гдѣ онъ питалъ свое природенное артистическое чувство и гдѣ почерпалъ эстетическое наслажденіе, очищавшее его отъ пыли жизни и отвлекавшее отъ слишкомъ острыхъ впечатлѣній обществѣнности и ея мутныхъ волнъ. Онъ пыталъ даже свои личныя силы въ созданіи драматическихъ произведеній (напримѣръ, комедія «Липочка», драма «Мгла», поставленныя на сценѣ, и небольшія сценки: «Первый шагъ», «Въ бельэтажѣ на улицу», «Въ минуту раскаянія»), но должно откровенно признать, что этотъ родъ литературной дѣятельности не оказался его настоящимъ призваніемъ, и въ качествѣ драматическаго писателя онъ не оставилъ по себѣ выдающагося имени. Иное нужно сказать относительно его теоретическихъ статей о театрѣ и представителяхъ драматическаго творчества, а также о переводахъ съ иностраннаго и передѣлкахъ западноевропейскихъ авторовъ. Здѣсь онъ былъ силенъ, и его работы въ этой области имѣютъ доброе общественное и воспитательное значеніе. Къ кругу такого рода работъ, по качеству вложенныхъ сюда идей, должны быть отнесены и работы по вопросамъ объ искусствѣ и эстетикѣ вообще. Элементы всѣхъ этихъ работъ находятъ себѣ корни въ его студенческихъ еще занятіяхъ, тогдашнихъ настроеніяхъ и привязанностяхъ.

Кромѣ книгъ и театра, на складъ характера и убѣжденій юнаго Острогорскаго оказалъ немалое вліяніе и его дядя, братъ отца, имѣвшій послѣ смерти послѣдняго, нѣкоторое попеченіе о сиротѣ племянникѣ. Быть ему полезнымъ матеріально, по скудости личныхъ средствъ, онъ не могъ, но взамѣнъ того дарилъ студенту Острогорскому немало любви и добраго просвѣщеннаго вниманія. «Онъ имѣлъ несомнѣнное вліяніе на мое литературное развитіе,—признаетъ Викторъ Петровичъ въ своихъ воспоминаніяхъ.—Ему съ дѣтскихъ лѣтъ повѣрялъ я свои литературныя опыты и мечты объ

учительствѣ и писательствѣ; онъ участливо выслушивалъ ихъ, поощряя мои наклонности, въ послѣдствіи такъ сердечно радуясь всякому моему успѣху и поддерживая меня своимъ отеческимъ участіемъ въ горькія минуты послѣдующей моей жизни. Въ его небогатую квартиру на Петербургской сторонѣ собирались иногда по нѣскольку человѣкъ и изъ нашего кружка, и многое изъ того, что говорилось тамъ, въ кружкѣ, обсуживалось и здѣсь, вмѣстѣ съ радушнымъ хозяиномъ, любившимъ не только меня, но и привязавшимся, какъ къ роднымъ, къ моимъ университетскимъ товарищамъ. Домъ моего покойнаго дяди былъ для меня, за все мое студенческое время, едва ли не единственнымъ хорошимъ семейнымъ домомъ, гдѣ находилъ я ласку и теплый, родственныи привѣтъ».

Отмѣченные въ настоящей главѣ факторы, вліявшіе на Виктора Петровича въ его студенческіе годы, необходимо дополнить еще даваніемъ частныхъ уроковъ, которые также понемногу подготавливали его къ будущей педагогической дѣятельности. Но наибольшее вліяніе на весь складъ его характера и убѣжденій имѣлъ товарищескій кружокъ, гдѣ оформились его взгляды на задачи жизни, и откуда уже цѣликомъ вылилась его дѣятельность, какъ педагога-практика.

Вспоминая свое вступленіе въ университетъ, Острогорскій рассказываетъ, что онъ перешагнулъ гимназическій порогъ и вступилъ въ жизнь самостоятельнымъ гражданиномъ, имѣя лишь на плечахъ гимназическій мундиръ и одну пару бѣлья на брэнномъ тѣлѣ. На студенческую экипировку казеннокоштнымъ выдавалось изъ гимназіи 40 рублей, но въ виду того, что онъ въ своей выпускной рѣчи допустилъ нѣкоторыя вольности, не понравившіяся начальству, онъ на первыхъ порахъ былъ лишенъ и этой скудной субсидіи. «Такимъ образомъ,—говоритъ онъ,— «самостоятельный гражданинъ» очутился на улицѣ даже безъ обѣда въ перспективѣ. Но встрѣтившійся, опоздавшій на актъ, студентъ - товарищъ... обѣдомъ меня накормилъ, а ночевать я пошелъ къ другому товарищу... и прожилъ у него цѣлое лѣто. Осенью, экипировавшись кое-какъ, поступилъ я въ университетъ и тутъ-то зажилъ жизнью «мыслящаго пролетарія». Всѣ денежные ежемѣсячные ресурсы мои заключались въ пяти рубляхъ серебромъ, за каковыя я долженъ былъ четыре раза въ недѣлю ходить по вечерамъ въ Колтовскую заниматься съ сыномъ одного чиновника, за что въ придачу получалъ всякій разъ по кружкѣ кофе съ ломтемъ ситнаго, что иногда составляло въ то время, все мое дневное пропитаніе. Въ этотъ первый годъ, какъ часто и потомъ, приходилось питаться всухомятку однимъ ситнымъ или сайкой съ рубцомъ, а то—двумя-тремя буттербродами съ кружкой пива въ одной изъ многочисленныхъ тогда нѣмецкихъ маленькихъ портерныхъ на Васильевскомъ острову, гдѣ насъ, студентовъ, очень

любили, и гдѣ можно было и наѣсться, и напиться пива вволю за какойнибудь рубль, да еще въ долгъ. Что же касается квартиры, то въ первый годъ ея не было у меня вовсе, и первое мое собственное логовище—проходную клѣтушку съ окномъ, отдѣленную перегородкою,—нашелъ я уже въ сентябрѣ слѣдующаго года за четыре съ половиной въ мѣсяць. Ночевалъ же я въ «эпоху бездомовья» гдѣ случалось: иногда у родныхъ (домъ моего дяди), иногда у товарищей, а то въ теплое время и на скамьѣ Адмиралтейскаго бульвара (нынѣ Александровскій скверъ) или же на Петербургской, въ Александровскомъ паркѣ,—благо, не гнала полиція. Собственности у меня, кромѣ нѣсколькихъ книгъ, да двухъ-трехъ паръ бѣлья, не было никакой, а помянутая личность сохранялась у товарищей, имѣвшихъ нѣкоторую осѣдность. У нихъ я и занимался, смотря по тому, у кого была та или другая моя книга. Но чаще всего работалъ я въ прекрасной библиотекѣ академіи наукъ, гдѣ заниматься было и тепло, и спокойно... и гдѣ давали мнѣ даже бумагу, карандашъ и перья».

При такой невеселой и скудной обстановочной сторонѣ жизни, Острогорскій никогда не падалъ духомъ, былъ всегда бодръ, веселъ, почерпая источникъ своему душевному настроенію въ товарищеской тѣсной средѣ, въ томъ студенческомъ кружкѣ, который и именовался «мыслящимъ пролетаріатомъ». Этотъ студенческій пролетаріатъ заслуживаетъ вниманія читателей, и на немъ стоитъ остановиться, такъ какъ онъ несомнѣнно наложилъ на него рѣзкій опредѣленный отпечатокъ на всю жизнь.

V.

На зарѣ эмансипаціонной эпохи и въ расцвѣтѣ ея глаголь мыслить и производныя отъ него слова, какъ, напимѣръ, «мыслящій», играли извѣстную роль въ умственной жизни русскаго общества и имѣли до нѣкоторой степени таинственное значеніе либеральнаго характера. Въ тѣ времена Писаревъ выдвинулъ на сцену своихъ знаменитыхъ «мыслящихъ реалистовъ», почерпнувъ эпитетъ своему подлежащему изъ обиходнаго словаря того времени. Среди тогдашней молодежи были «мыслящіе реалисты», былъ и «мыслящій пролетаріатъ». Чегонибудь опаснаго, революціоннаго въ этомъ понятіи не было—здѣсь не поклонялись ни насиліямъ, ни страшнымъ замысламъ, ни краснымъ знаменамъ; просто-напросто это понятіе обнимало собою учащуюся бѣдноту, бездомную, шумную, веселую, романтическую въ политическомъ и общественномъ смыслѣ и восторженную, увлекающуюся безъ конца. Нервная эпоха вѣяла на нихъ своимъ жгучимъ дыханіемъ, и они, опьяненные ею, возбужденные и влюбленные въ нее, выходили на жизненный путь съ горячею вѣрою въ людей, въ отвлеченныя понятія любви и

добра. Много тутъ было наивнаго, пожалуй, даже комическаго, съ точки зрѣнія людей, лишенныхъ поэзіи и радости жизни, но въ самой этой наивности и въ этомъ смѣшномъ было такъ много сердечнаго, поэтическаго и идеально-хорошаго, что невольно забываешь объ отрицательныхъ сторонахъ и съ любовью останавливаешься на общемъ симпатичномъ обликѣ. Кружокъ Острогорскаго былъ именно симпатиченъ этимъ общимъ своимъ обликомъ, гдѣ краски общественнаго и политическаго романтизма были доминирующими. Въ этомъ кружкѣ нашъ покойный писатель-педагогъ почерпнулъ свои типическія черты общественнаго энтузіаста, съ коими онъ прошелъ жизненный путь и съ коими сошелъ въ могилу. Конечно, время дѣлало свое: блекли ланиты, мѣнялся изъ темнаго въ серебристый цвѣтъ волосъ, вся фигура получала старческаій отпечатокъ, но духъ, тотъ духъ, который въ него вложилъ кружокъ «мыслящаго пролетаріата», не покидалъ его до послѣднихъ дней. Длинная галерея общественныхъ дѣятелей, вышедшихъ изъ эпохи 60-хъ годовъ, проходитъ передъ моими глазами, но ни къ кому изъ числа ихъ, кромѣ Виктора Петровича, не могу я приложить милыхъ стиховъ великаго поэта, сказавшаго про одного изъ своихъ героевъ:

Всегда восторженную рѣчь
И кудри черныя по плечь...

Мнѣ приходилось видѣть въ квартирѣ покойнаго Острогорскаго его большой портретъ юности, затѣмъ часто видѣлъ я его въ старые годы, и, какъ въ первомъ, такъ и въ послѣдующіе случаи мнѣ всегда именно вспоминались приведенные стихи поэта, желавшаго олицетворить этими строфами представителя восторженнаго романтизма. Сказанный портретъ рисовалъ Виктора Петровича, вышедшаго изъ нѣдръ «мыслящаго пролетаріата», и, глядя на оригиналъ въ старомъ уже возрастѣ, я всегда думалъ, какъ мощно сохранилъ онъ начала своей юности, и какъ ни время, ни невзгоды не поколебали въ немъ того священнаго огня, который загорѣлся на школьной студенческой скамьѣ университета конца пятидесятихъ и начала шестидесятихъ годовъ.

Описывая кружокъ, въ который онъ попалъ прямо съ гимназической скамьи, Острогорскій такъ опредѣляетъ его общее значеніе и значеніе въ личной жизни.... «Нашъ кружокъ, — говоритъ онъ, — былъ для насъ, студентовъ, едва сошедшихъ съ гимназической скамьи, истиннымъ благодѣяніемъ. Не говоря уже о томъ, что для насъ, лишенныхъ семьи, общества, онъ былъ желаннымъ отдыхомъ и разумнымъ, бодрящимъ развлеченіемъ, котораго ждали мы, какъ праздника, отъ субботы до субботы; онъ былъ для насъ настоящей школой общественности, нравственнымъ контролемъ надъ нашими собственными поступками, такъ сказать,

маленькой публичной школой упражненія въ живой рѣчи, что для меня, какъ будущаго учителя, было очень важно,—школой критики, благороднаго остроумія и нивелировкой разнородныхъ, иногда дурно воспитанныхъ характеровъ. Всего же важнѣе то, что за все время существованія кружка всѣ мы незамѣтно прониклись жаждой полезной дѣятельности общественной, честнаго служенія, современемъ, лучшимъ интересамъ родной земли. Прямо скажу: не попади наивный романтикъ съ гимназической скамьи, кромѣ университета, въ этотъ кружокъ, столкнувшій и сблизившій меня на всю жизнь со многими лучшими людьми, я не знаю, что бы изъ меня вышло». Какая же цѣль преслѣдовалась этимъ кружкомъ? Цѣль его, по собственному признанію Острогорскаго, была собственно очень скромная и довольно неопредѣленная. Здѣсь молодые люди просто сходились, чтобы потолковать обо всемъ, что кого интересовало, подѣлиться новостями, какихъ въ то оживленное время было и въ обществѣ, и въ университетѣ довольно, знакомиться сообщая съ текущей журналистикой и, путемъ рефератовъ по разнымъ вопросамъ и сообщеній о прочитанномъ, взаимно дополнять свое образованіе... Члены кружка подписывались въ складчину на журналы, которые и разбирали по рукамъ; каждый участникъ обязанъ былъ при этомъ докладывать обо всемъ, наиболѣе интересномъ въ области критики и статей политическихъ и экономическихъ, что давало, конечно, поводъ къ горячимъ спорамъ, незамѣтно втягивая молодежь въ интересы общественные и ставя *au congnant* всего того, чѣмъ интересовалась тогда вся мыслящая Россія. Здѣсь участіе въ кружкѣ принимали не только товарищи-студенты, но также и нѣкоторые посторонніе, какъ, на примѣръ, декабристъ Цебриковъ, флотскіе офицеры Страннолюбскіе, артиллерійскій офицеръ Табенскій и другіе. Большинство участниковъ кружка были матеріально бѣдны, отсюда его наименованіе «пролетаріатъ», цѣли же самообразованія давали основаніе присоединить сюда эпитетъ «мыслящій». И дѣйствительно, не входя въ разсмотрѣніе умѣстности этого эпитета, мы видимъ, что здѣсь лились не одни слова и слова, но что кружокъ дѣйствительно очень скоро перешелъ отъ этихъ словъ къ дѣлу, направивъ свои силы на созданіе, по примѣру частнаго бесплатнаго Таврическаго училища, основаннаго извѣстнымъ бар. Косинскимъ,—Васильеостровской бесплатной школы для бѣдныхъ, въ созданіи которой приняли непосредственное участіе изъ постороннихъ: Струбинскій, Кавелинъ, Макалинскій, братья Страннолюбскіе, А. Острогорскій, а изъ числа студентовъ шесть человекъ и въ числѣ ихъ В. П. Острогорскій. Викторъ Петровичъ даетъ въ своихъ воспоминаніяхъ интересные данныя объ этомъ вольномъ учебномъ заведеніи, о лицахъ, игравшихъ въ немъ руководящую роль, и томъ значеніи, которое оно практически имѣло, въ смыслѣ подготовки его къ бу-

душей педагогической дѣятельности. Для исторіи русскаго просвѣщенія повѣствованіе Острогорскаго по сему предмету имѣетъ немалый интересъ; немалое значеніе оно имѣетъ и для истолкованія педагогическихъ пріемовъ самого автора записокъ, какъ учителя словесности, прошедшаго здѣсь хотя краткую, но хорошую школу, подъ руководствомъ и въ близости такихъ выдающихся дѣятелей отечественнаго просвѣщенія, каковыми были покойные А. Я. Гердъ и Ѳ. Ѳ. Резенеръ.

Васильеостровское училище, пріобрѣвшее большую популярность и уваженіе не только среди мѣстныхъ жителей, но и вообще въ городѣ, просуществовало всего два года, послѣ чего оно, по распоряженію начальства, было закрыто, къ каковому времени Викторъ Петровичъ уже окончилъ курсъ университета, пробывъ въ послѣднемъ не полные четыре года, ибо на четвертомъ курсѣ, за участіе въ студенческихъ беспорядкахъ, былъ уволенъ и долженъ былъ держать кандидатскій экзаменъ въ качествѣ экстерна. Окончивъ курсъ университета и вступая на совершенно самостоятельную дорогу жизни, онъ къ этой жизни былъ основательно подготовленъ, имѣя въ запасѣ нѣкоторый педагогическій опытъ, а также искусившись уже въ самостоятельной литературной работѣ, какъ поэтъ, драматургъ, рецензентъ и критикъ.

Учительство Острогорскаго въ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ наладилось довольно скоро, и въ этомъ отношеніи жизнь не вызвала его на борьбу и лишенія. Хорошая рекомендація проф. Никитенка до извѣстной степени была хорошею визитною карточкою, которая широко открывала передъ нимъ двери учебныхъ заведеній. Была одна лишь неудача, да и то больше, такъ сказать, комическаго характера, съ большимъ юморомъ рассказанная самимъ Викторомъ Петровичемъ въ его воспоминаніяхъ и которую для характеристики покойнаго приведу съ его словъ цѣликомъ. Дѣло шло о полученіи имъ мѣста въ Смольномъ институтѣ на Николаевской половинѣ, куда его рекомендовалъ, съ одной стороны, все тотъ же Никитенко, а съ другой—инспекторъ института Тимошеевъ, небезызвѣстный переводчикъ сочиненій о Шекспирѣ. Сначала всѣ были убѣждены, что Острогорскій получитъ здѣсь мѣсто, такъ что былъ даже назначенъ день его представленія начальницѣ учебнаго заведенія, статсъ-дамѣ Леонтьевой.

«Я остался одинъ на концѣ большого зала, со стѣнъ котораго глядѣли на меня портреты государственныхъ особъ,—рассказываетъ онъ объ этомъ представленіи... Почему-то мнѣ стало жутко... Прошло томительныхъ четверть часа посреди гробовой тишины, нарушаемой только иногда доносившимся изъ классовъ громкимъ выкрикомъ учителей... Вдругъ, большая тяжелая дверь на другомъ концѣ зала открылась настежь, и вдали отъ меня предстала величественная фигура старухи, въ платьѣ съ орденскимъ знакомъ и шлейфомъ, съ лицомъ, сохранившимъ

еще остатокъ красоты, съ пронизательными, устремленными прямо на меня глазами... Вошла,—и стала неподвижно, молча разсматривая меня издали... Такими рисуютъ на портретахъ королевъ... Господи, какой маленькой, жалкой, тѣмъ болѣе, въ этой огромной залѣ, должна была казаться, сравнительно съ этой высокой, проникнутой чувствомъ недостижимаго достоинства и власти фигурой, невзрачная фигурка худенькаго юноши, съ косоватыми глазами, въ старомодномъ фракѣ, неуклюже сидѣвшемъ на узкихъ плечахъ!... Я, молча, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ; величественно и медленно пошла мнѣ на встрѣчу и Леонтьева. По срединѣ зала мы оба остановились другъ противъ друга. Она была выше меня чуть не головой; не то съ любопытствомъ, не то съ изумленіемъ, самымъ внимательнымъ образомъ и все молча, стала разсматривать меня сверху внизъ, съ ногъ до головы. Такъ разсматривалъ, вѣроятно, бѣднаго Гуливера, попавшаго къ великанамъ, король ихъ острова—Бробдингнага. Я не выдержалъ взгляда и опустилъ глаза. А она все молчитъ. Наконецъ, я начинаю: «По приказанію вашего превосходительства, въ качествѣ будущаго преподавателя, честь имѣю представиться»... Она прервала, протягивая снова: «Знаю... вы тотъ... да, Острогорскій... хотите учить»... и вдругъ остановилась... Я хотѣлъ было выразить благодарность за оказываемую мнѣ честь; но «королева» рѣзко оборвала меня, продолжая все также пронизывать меня глазами:—«Вы... вы злой... нервный... да, нервный, злой! Вы здоровы?» Я поспѣшилъ отвѣтить, что совсѣмъ здоровъ, что даю уроки уже нѣсколько лѣтъ, и ученицы на меня не жаловались... Возраженіе ей не понравилось. Она, уже гнѣвно, еще разъ смѣряла меня глазами и, повторивъ еще болѣе раздѣльно: «недобрый, злой... нервный»... быстро обернулась, не удостоивъ, какъ и раньше, меня даже поклономъ, и величественно вышла въ ту же дверь, въ какую вошла, и я опять остался въ залѣ одинъ. Аудіенція кончилась».

Конечно, уроки въ Смольномъ не состоялись, и не для констатированія этого факта привелъ я столь длинную выдержку. Въ ней важно отмѣтить наивно-добродушный тонъ, съ коимъ Острогорскій повѣствуетъ о постигшей его неудачѣ, тѣ ироническія краски, коими онъ обрисовываетъ себя, свою фигуру и окружающій антуражъ. Вѣдь, это въ своемъ родѣ Диккенсовскій юморъ, и должно замѣтить, что этотъ юморъ не покидалъ никогда Виктора Петровича, когда онъ въ дружескомъ интимномъ кругу повѣствовалъ о самомъ себѣ, о разныхъ злословіяхъ своей жизни и эпизодахъ изъ литературной, педагогической и общественной практики. Мнѣ никогда не приходилось слышать отъ него нытья, празднаго самобичеванія и жалобъ на несправедливости судьбы; никогда ничего подобнаго. Какъ въ эпизодѣ съ Леонтьевой, такъ и въ другихъ подобныхъ имъ онъ въ своихъ разсказахъ быстро становился на юмористическую

точку зрѣнія и тутъ же на глазахъ слушателей создавалъ въ своемъ родѣ анекдотъ, гдѣ его личность и фигура противопоставлялись окружающему, при чемъ первые элементы повѣствованія рисовались въ комическомъ миниатюрѣ, а вторыя—въ комическомъ преувеличеніи, и все это передавалось съ неподражаемой мимикой, надлежащими жестами и въ подходящей для того даже позѣ. Конечно, тутъ рассказчикъ переходилъ иногда въ шаржъ, въ буффонаду, гдѣ дѣйствительность переплеталась съ полетомъ разыгравшейся фантазіи, коей у покойнаго было не занимать, но тѣмъ не менѣе тутъ важно отмѣтить именно умѣнье автора находить въ формѣ изложенія примиреніе горечи испытаннаго. Вотъ почему для незнавшихъ покойнаго лично его литературный рассказъ о происшествіи съ Леонтьевой даетъ очень хорошее понятіе объ автобіографическихъ устныхъ повѣстяхъ Острогорскаго, относящихся до неудачъ и невзгодъ жизни. Иногда, впрочемъ, онъ любилъ драматизировать явленія жизни, но только главнымъ образомъ тѣ, которыя относились къ области политической и общественной.

Обращаясь къ официальному вступленію Виктора Петровича на педагогическое поприще, необходимо отмѣтить, что немногимъ изъ его сотоварищей по профессіи удавалось поработать столь продолжительно и въ столь разнообразныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ ему, пропустить черезъ свои уроки и свое руководство столь значительное число молодежи обоого пола. Въ этомъ отношеніи его дѣятельность за сорокъ лѣтъ педагогической службы просто поразительна, и этимъ-то обстоятельствомъ въ значительной степени объясняется громадная популярность Острогорскаго въ нашей столицѣ, гдѣ его чуть ли не на каждомъ шагу любовно встрѣчали бывшіе ученики и ученицы, сохранившіе о своемъ быломъ наставникѣ самую свѣтлую память и при томъ память не простого только уваженія и холоднаго почтенія, но какой-то нѣжной дружбы въ окраскѣ самаго теплаго сердечнаго отношенія. Отъ него и его маленькой тщедушной фигурки, нѣсколько согнутой, съ роскошной серебристой шевелюрой и нѣсколько косыми глазами вѣяло на учениковъ чѣмъ-то дорогимъ и милымъ, съ чѣмъ связывались всегда самыя лучшія идеальныя воспоминанія юности, столь громко говорящія взволнованному есердцу.

Педагогическій формуляръ Острогорскаго очень почтененъ, разнообразенъ и складывается изъ слѣдующихъ моментовъ.

Въ 1859—1861 г. онъ учительствовалъ въ бесплатной Васильеостровской школѣ, о коей сказано выше; съ 1863—1869 г. былъ учителемъ словесности въ женской гимназіи В. В. Швидковской (нынѣ Стевисской); 1867—1869 г. — учителемъ словесности въ Васильеостровской женской гимназіи; съ 1869—1892 г. — преподавателемъ исторіи всеобщей литературы на женскихъ педа-

гогическихъ курсахъ; съ 1869—1877 г.—преподавателемъ въ Елизаветинскомъ институтѣ; 1864—1880 г.—учителемъ словесности въ 1-й Военной гимназiи; съ 1871—1890 г.—въ Ларинской гимназiи; съ 1876—1882 г.—въ женскомъ пансіонѣ Шаффе; съ 1880—1890 г.—учителемъ словесности въ Коломенской женской гимназiи; съ 1881—1888 г.—преподавателемъ литературы въ театральной школѣ Коровякова; съ 1887—1889 г. читалъ курсъ исторiи новой русской литературы въ VIII кл. гимназiи Стеблинъ—Каменской; съ 1896—1897 г. читалъ курсъ «По искусству вообще и поэзiи въ особенности» въ Смольномъ институтѣ; съ 1891—1902 г. былъ преподавателемъ исторiи всеобщей литературы и исторiи литературы русской на драматическихъ курсахъ при Театральномъ училищѣ; съ 1892—1902 г. состоялъ преподавателемъ исторiи русской литературы въ «Классахъ новыхъ языковъ» М. М. Бобрищевой-Пушкиной. Кромѣ того, имъ за свою жизнь была прочитана масса публичныхъ лекцій, изъ коихъ многія носили характеръ цѣльныхъ обширныхъ курсовъ.

VII.

Таковъ былъ педагогическій формуляръ Острогорскаго, куда надлежитъ помѣстить еще главнѣйшіе его труды, изданные отдѣльно и пользовавшіеся въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ прочною извѣстностью, какъ среди учащихся, такъ и учителей. Къ числу такихъ относятся: «Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми», «Руководство къ чтенію поэтическихъ произведеній», «Изъ міра великихъ преданій», «Выразительное чтеніе. Пособіе для учителей и учащихся», «Этюды о русскихъ писателяхъ», «Двадцать біографій образцовыхъ русскихъ писателей» и др. Многія изъ названныхъ книжекъ выдержали по нѣсколько изданій, и на нихъ воспитались буквально тысячи учащихся.

Одними отдѣльно вышедшими изданіями литературно-педагогическая дѣятельность Острогорскаго не исчерпывалась, и имъ по вопросамъ педагогики, по учебному дѣлу вообще помѣщено въ журналахъ и газетахъ множество статей, одинъ перечень которыхъ занялъ бы нѣсколько страницъ убористаго шрифта²⁾. Глядя на этотъ длинный перечень, буквально удивляешься энергіи покойнаго Острогорскаго, съ какою онъ посвящалъ свое свободное отъ уроковъ время все тому же педагогическому дѣлу и школьнымъ вопросамъ, откликаясь въ печати на все жгучее и животрепещущее въ этихъ областяхъ и настойчиво проводя въ нихъ излюбленные взгляды и пожеланія. Начиная съ первой напечатанной имъ статьи этого

¹⁾ Онъ сдѣлавъ въ журналѣ «Миръ Божій» Д. Сильчевскимъ за май 1902 г.

характера, куда я отношу статью въ «Библиотекѣ для Чтенія» 1864 г. — «Воспитательное значеніе нѣкоторыхъ художественныхъ произведеній И. Крылова», и кончая статьей въ «Новостяхъ» (№ 70 за текущій годъ) — «Дорогой памяти Д. Д. Семенова», написанной положительно за нѣсколько дней до смерти, мы видимъ въ немъ писателя-педагога съ самыми идеальными, возвышенными стремленіями, непрестанно проводящаго въ массу русскаго общества литературно-педагогическія тенденціи, почерпнутыя имъ отъ лучшихъ учителей молодости (Стоюнина, Бѣлинскаго, Пирогова, Пыпина и другихъ) и изъ запаса передовыхъ идей русскаго общества въ періодъ великой освободительной реформы.

Какъ я уже сказалъ въ началѣ статьи, я не имѣлъ чести состоять въ числѣ учениковъ покойнаго Виктора Петровича, но хорошо помню, что въ дни моей гимназической жизни немало слышалъ о немъ, какъ о выдающемся учителѣ словесности, умѣвшемъ вносить жизнь въ свои уроки, умѣвшемъ воодушевлять свою юную аудиторію и вселять въ нее горячую любовь къ родинѣ и родной литературѣ. Уроки Острогорскаго по всеѣмъ отзывамъ были живымъ обмѣномъ мысли и чувства между каедрою и школьною партою, гдѣ учитель и ученики сливались въ тѣсную семью во имя идеальныхъ началъ жизни, во имя истины и знанія. Викторъ Петровичъ былъ чуждъ всякой педагогической рутинѣ и школьной схоластики и въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ учительствовалъ, положительно выносилъ на своихъ плечахъ многострадальное преподаваніе русской словесности и отечествовѣдѣнія, задавленное и униженное пресловутой классической казенщиной. Поэтому въ нашей реальной дѣйствительности въ его образѣ воплощался тотъ милый и всеѣмъ дорогой намъ учитель словесности, котораго съ такой любовью обрисовала, какъ положительный типъ отечественной жизни, русская беллетристика.

Ушинскій, Стоюнинъ, баронъ Корфъ и другіе педагоги той же старшей плеяды были велики на своихъ постахъ, передъ ними слѣдовало преклоняться и ихъ уважать, но въ нихъ чувствуется нѣкоторая замкнутость, неприступность и сдержанность. Не то ихъ ученикъ — В. Острогорскій: тутъ была истинная доброта, мягкость, задушевность, которыя создаютъ человѣку имя настоящаго учителя жизни, не покидающаго своихъ учениковъ ни въ какихъ положеніяхъ и обстоятельствахъ; отсюда горячая любовь къ Виктору Петровичу его учениковъ, широкая его популярность въ русскомъ обществѣ и русской литературѣ и стремленіе его почитателей и близкихъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, высказывать ему чувства горячей признательности, справедливой оцѣнки и сердечнаго уваженія за понесенные труды на пользу русскаго школьнаго дѣла. Съ особенною яркостью эти чувства были проявлены на его юбилейныхъ торжествахъ въ 1889 г. и 1894 г. Наи-

болѣ полная оцѣнка его, какъ педагога и общественнаго дѣятеля, была произведена въ 1889 году на его четвертьвѣковомъ юбилеѣ, гдѣ поздравить виновника торжества собралось множество представителей нашего общества: писатели, ученые, педагоги и его ученики, бывшіе и настоящіе. Здѣсь, и въ поднесенныхъ ему адресахъ, и въ сказанныхъ застольныхъ рѣчахъ проявилось съ особенною силою доброе къ нему чувство и была сдѣлана справедливая его оцѣнка, какъ педагога, литератора, общественнаго дѣятеля и просто задушевнаго, милаго человѣка и друга ¹⁾.

Въ адресѣ его бывшихъ учениковъ и ученицъ такъ былъ очерченъ образъ Острогорскаго, какъ воспитателя юношества:

«Сегодня мы вновь переживаемъ лучшіе годы жизни,—годы искреннихъ увлеченій и свѣтлыхъ надеждъ, мы переносимся въ прошлое и представляемъ себѣ то время, когда со школьной скамьи мы слушали вашу горячую, убѣжденную рѣчь, когда видѣли передъ собою учителя-человѣка и бодро глядѣли на тотъ жизненный путь, который онъ намъ указывалъ впереди. Не одинъ только интересъ къ знанію вызывали вы своимъ сильнымъ словомъ, указывая на литературные образы, рисуя общечеловѣческіе идеалы, вы заставляли почувствовать ихъ красоту, вѣрить въ нихъ, руководиться ими въ будущей дѣятельности. Вы учили насъ уважать честныхъ тружениковъ мысли, любить нашу родину, служить только истинѣ, и у васъ это были не пустыя слова, а черты вашей собственной личности, поэтому ваши бесѣды и оставляли въ насъ глубокой слѣдъ; теперь мы разошлись по разнымъ дорогамъ, но у насъ есть одно связующее звено—ваше имя. Каждый изъ насъ гордится тѣмъ, что онъ—ученикъ Острогорскаго, и сознаемъ, что развитіемъ своихъ нравственныхъ убѣжденій онъ во многомъ обяванъ вамъ».

Точно также полно и сердечно привѣтствовали его бывшіе ученики, ставшіе сами преподавателями. Изъ числа послѣднихъ небызвѣстный педагогъ-литераторъ Н. И. Поздняковъ въ слѣдующихъ звучныхъ гекзаметрахъ охарактеризовалъ своего учителя:

Вспомнимъ, товарищи дѣтства, тотъ день, когда юный учитель
 Бодрости полный и силъ, радужныхъ полный надеждъ,
 Къ намъ появился впервые... И сразу его полюбили
 Всѣ мы, и сразу душой всѣ привязались къ нему.
 Было въ рѣчахъ его намъ непривычное страстное что-то,
 Слово его новизной насъ удивляло своей.
 Голосъ его вдохновенно звучалъ въ тишинѣ наставшей
 И поселялъ намъ въ сердца сладкій, отрадный восторгъ...
 Вспомнимъ, съ какимъ нетерпѣньемъ всегда мы его ожидали
 И какъ спѣшили ловить каждое слово его.
 Каждое слово, которымъ отчизну любить онъ училъ насъ,
 Вѣрить въ нее и служить благу родимой страны,—
 Какъ разъяснялъ онъ творенья великихъ служителей слова,
 И благодарность въ сердцахъ нашихъ онъ къ нимъ воспиталъ,
 Какъ вызывалъ передъ нами онъ образы рядъ благородныхъ,
 И передъ ними онъ насъ благоговѣть научилъ...

¹⁾ Описаніе торжества см. въ «Женскомъ Образованіи», № 8 за 1889 г.

Братья! Умчались годы въ теченіи неудержимомъ,
 Времени много прошло, прожито много съ тѣхъ поръ...
 Вотъ онъ теперь передъ нами сидитъ, сѣдиной убѣленный,
 Бременемъ жизни согбенъ, счастье познавшій въ трудахъ...
 Но позабудемъ сегодня, что старость его ожидаетъ:
 Что намъ до дерзкихъ морщинъ, избороздившихъ чело?!
 Дорого то намъ, что тотъ же, все тотъ же нашъ добрый учитель,
 Что не посмѣли года духа состарить его:
 Такъ же, какъ прежде, въ немъ искрою Божіей теплится сердце,
 Какъ и въ тѣ годы, душой юнъ онъ и свѣжъ и могучъ,
 Рѣчь его нынѣ, какъ прежде, звучитъ вдохновенно и страстно.
 Такъ же, какъ нѣкогда, все любимъ его мы и чтимъ.
 Братья! Собравшись здѣсь пестрой толпою на праздникъ веселый,
 Будемъ же мы ликовать—честь и хвалу воздадимъ;
 Слава учителю доброму, честному, милому—слава!
 Дай Богъ здоровья и силъ, многія лѣта ему!

Друзья-литераторы такъ оцѣнили и охарактеризовали на этомъ торжествѣ своего товарища по перу въ адресѣ, подписанномъ 40 лицами.

«Въ этотъ радостный день, дорогой Викторъ Петровичъ, когда исполнилось XXV лѣтъ служенья вашего на пользу родного края и когда со всѣхъ сторонъ Россіи привѣтствуютъ васъ признательные голоса вашихъ бывшихъ учениковъ, хранящихъ о васъ дорогую память, въ свою очередь и мы, ваши сотоварищи по перу, спѣшимъ засвидѣтельствовать вамъ наше глубокое уваженіе къ вамъ, дорогой нашъ собратъ, за ту двойную пользу, которую вы въ продолженіе XXV лѣтъ оказывали русской литературѣ вашими непрерывными трудами, и какъ педагогъ, и какъ литераторъ, не переставая внушать многочисленнымъ ученикамъ вашимъ любовь и уваженіе къ русской литературѣ, будя въ нихъ стремленіе осуществлять ихъ высокіе идеалы и всею вашею жизнью показывая имъ наглядный примѣръ такого осуществленія. Вы въ то же время, не оставляли ея безъ вашего личнаго участія, и намъ всегда дорого было это участіе ваше въ общемъ нашемъ дѣлѣ развитія и распространенія въ обществѣ благихъ и свѣтлыхъ идей—мы высоко цѣнили въ васъ мужественнаго борца, непоколебимо несущаго знамя, ни на одну минуту не выпуская его изъ рукъ. Вашъ голосъ былъ всегда однимъ изъ тѣхъ правдивыхъ искреннихъ и честныхъ, которыхъ такъ немного въ нашей литературѣ. Неустанно звуча въ общемъ литературномъ хорѣ, голосъ этотъ напоминаетъ намъ инныя лучшія времена, и, вѣрьте, онъ всегда глубоко западалъ и не перестаетъ западать во все честныя сердца, желающія блага своей родинѣ. Примите же, нашъ дорогой собратъ, искренній привѣтъ и сердечное желаніе отъ всей души, чтобы долгіе годы еще вы оставались среди насъ столь же возлюбленнымъ членомъ нашей литературной семьи, и чтобы мы могли дожидаться счастья привѣтствовать васъ снова также горячо и искренно и по истеченіи второго XXV лѣтія вашего полезнаго и благого поприща».

VIII.

Адресъ Острогорскому отъ друзей-литераторовъ былъ заслуженною наградою, ибо дѣйствительно его публицистическая и вообще журнальная дѣятельность чрезвычайно почтенна, и, помимо специально-педагогическихъ трудовъ, за нимъ имѣется немало заслугъ и въ прочихъ родахъ литературы и въ качествѣ рядового работника, и въ качествѣ редактора повременныхъ изданій.

Я уже отмѣтилъ выше, что его беллетристическое перо не могло похвалиться особенною яркостью и блескомъ; точно также не приходится много распространяться о немъ, какъ о поэтѣ, хотя несомнѣнно поэтическія ноты въ немъ всегда громко сказывались, и въ душѣ онъ былъ настоящій художникъ-энтузіастъ, высоко ставившій все изящное и прекрасное въ жизни, литературѣ и искусствѣ. Трудно собственно въ точности опредѣлить, почему же, при наличности этого духовнаго элемента, даръ истиннаго поэтическаго слова былъ у него затрудненъ, и въ сущности онъ гораздо лучше говорилъ и устно импровизировалъ, нежели писалъ и вообще излагалъ на бумагѣ свои мысли. Можетъ быть, тутъ играла роль недостаточная выдержка характера, недосугъ заняться выработкой стилистики, нетерпѣливость, а также самая профессія учительства, гдѣ за вѣчной работой надъ чужимъ слогомъ и теоретическимъ его истолкованіемъ пропадаетъ собственный даръ творчества, лишаясь вдохновенности и слишкомъ подчиняясь законамъ грамматикальности. Такъ или иначе, но ни къ числу удачныхъ драматурговъ, ни къ числу выдающихся беллетристовъ или поэтовъ покойный Острогорскій причтенъ быть не можетъ. Все же считаю долгомъ, ради безпристрастія, привести здѣсь одно его стихотвореніе, напечатанное въ «Русскомъ Богатствѣ» за 1880 г., которое лично онъ очень любилъ декламировать среди пріятельскаго кружка, которое было ему, очевидно, дорого по интимнымъ воспоминаніямъ, и которое до извѣстной степени обрисовываетъ его идеальныя порывы и стремленія. Вотъ оно:

Изъ грезъ юности.

Безъ боязни гляжу я впередъ,
Свѣтлый образъ себѣ представляя;
Съ нимъ рисуется жизнь мнѣ иная,
Интересовъ другихъ и заботъ!
О, люби же меня, дорогая,
И веди за собою впередъ!

Посреди этой мглы роковой,
Посреди этой ночи безвѣздной,
Что надъ нами нависла такъ грозно,
Путевой ты мнѣ свѣтишь звѣздой,
Чтобъ изъ мрака я къ свѣту съ тобой
Съ обновленною вышелъ душой!

Да, довольно раскаянья, слезъ —
Горькой платы за всѣ заблужденья,
За смѣшныя порой увлеченья,

Другъ твой въ жизни своей перенесъ, —
Пусть со старымъ поконченъ вопросъ:
Нѣтъ о немъ у меня сожалѣнья!..

Въ чемъ же новое? Новое въ томъ,
Чтобы, вѣры въ себя не теряя,
Намъ съ тобою, моя дорогая,
Для людей жить полезнымъ трудомъ,
Чтобъ къ труду и другихъ подвигая,
Быть для нихъ путеводнымъ огнемъ...

Сила литературной дѣятельности Виктора Петровича заключалась, съ одной стороны, въ большой отзывчивости на явленія окружающей жизни, и съ другой—въ твердости общественнаго символа вѣры и непрестанномъ исповѣданіи его, внѣ зависимости отъ соображеній личной выгоды этого исповѣданія. Это былъ правдивый шестидесятникъ, проводившій неустанно излюбленныя идеи въ своихъ работахъ по преимуществу критическихъ, біографическихъ и бібліографическихъ, но при этомъ шестидесятникъ-эстетикъ, не столько интересовавшійся явленіями политической, экономической и соціальной жизни, сколько явленіями культурнаго свойства въ области работы человѣческой мысли на почвѣ литературы, искусства и педагогики. Онъ былъ совершенно свободенъ отъ всякой рѣзкости и исключительности, твердо вѣря, что слово дѣйствительно свободно, и что на эту свободу всѣ имѣютъ одинаковое право, внѣ зависимости отъ приходско-кружковыхъ интересовъ и задачъ, симпатій и антипатій, знакомствъ и кумовства. Будучи врагомъ всякой насильственности, онъ одинаково не признавалъ и насильственности «литературныхъ участковъ», какого бы толка этотъ участокъ ни былъ, гдѣ на прокрустовомъ ложѣ редакціоннаго деспотизма гибнуть свободныя дарованія и независимыя убѣжденія. Конечно, такое отношеніе къ людямъ и собратьямъ лишало его остроты и выпуклости литературныхъ чертъ, но зато давало ему возможность, въ роли руководителя повременныхъ изданій, выдвигать на арену жизни новыя молодыя силы и давать имъ возможность высказаться. Въ послѣднемъ отношеніи залуги его немалыя, именно какъ редактора, управлявшаго въ своей жизни долгое время двумя журналами—однимъ спеціальнымъ и другимъ общелитературнаго характера. Я разумѣю «Дѣтское Чтеніе» и «Міръ Божій».

У Виктора Петровича былъ большой редакторскій навыкъ и опытъ, съ одной стороны, по выпуску разныхъ изданій, по порученіямъ тѣхъ или иныхъ ученыхъ обществъ, съ другой—по управленію отдѣльными органами печати; но при этомъ необходимо отмѣтить, что его умѣлость была умѣlostью главнаго руководителя, но никакъ не чернаго работника, легко справляющагося съ кипами

корректуръ, съ своевременнымъ выходомъ книжекъ и показываніемъ редакціоннаго товара лицомъ. Въ этомъ отношеніи Острогорскій не былъ силенъ, и ему всегда требовался умѣлый ближайшій помощникъ, которой бы игралъ при немъ роль няньки, помощника и товарища по работѣ. Оставить же его безъ всякаго попеченія не было рѣшительно возможности, и въ такомъ случаѣ съ милѣйшимъ редакторомъ могло случиться немало досадныхъ курьезовъ и анекдотовъ.

Редактировалъ Острогорскій, какъ уже сказано, журналъ «Дѣтское Чтеніе» и при немъ «Педагогическій Листокъ» съ 1877 по 1884 г.г., журналъ «Дѣло» съ іюля 1883 по іюнь 1884 г.; журналъ «Воспитаніе и Обученіе», издававшийся при дѣтскомъ журналѣ «Родникъ» (въ 1885 г.), и, наконецъ, ежемѣсячный литературный и научно-популярный журналъ для самообразованія «Мірѣ Божій»,—съ 1892 по день смерти.

Управляя «Дѣтскимъ Чтеніемъ», Острогорскій ставилъ этому старѣйшему изъ дѣтскихъ журналовъ задачу «возбудить въ дѣтяхъ любовь и интересъ къ жизни, способствовать воспитанію въ юности вѣры въ человѣка, въ его нравственное достоинство и силу характера, въ назначеніе человѣка быть полезнымъ гражданиномъ своей родины и членомъ великой семьи человѣчества». Недостатокъ издательскихъ средствъ не позволялъ въ свое время редактору поставить журналъ на желанную литературную высоту, чего онъ достигъ, только перейдя въ руки извѣстнаго педагога и талантливаго общественнаго дѣятеля Д. И. Тихомірова, когда у журнала явились и необходимыя средства, и, что главное, наши беллетристы перестали брезгать «дѣтскою литературою» и стали усиленно дѣлиться отъ своего природнаго богатства крохами на пользу малыхъ силъ, понимая, что полезно не только заботиться объ аудиторіи взрослыхъ современниковъ, но и готовить себѣ будущихъ читателей.

Значительно большее значеніе Острогорскаго, какъ редактора и организатора «Міра Божьяго», особенно въ первые два-три года основанія этого журнала. Мнѣ всегда казалось, что въ литературныхъ кружкахъ, да и въ самой редакціи почтеннаго журнала не отдають себѣ яснаго отчета въ той роли, какую Викторъ Петровичъ сыгралъ на зарѣ жизни этого литературнаго дѣтища покойной А. А. Давыдовой.

Александра Аркадьевна Давыдова, скончавшаяся незадолго передъ Викторомъ Петровичемъ, была женщина, богато одаренная природою, женщина умная, талантливая и энергичная. Ея характеристика довольно полно сдѣлана въ мартовскомъ № «Русскаго Богатства» Н. К. Михайловскимъ, и въ нашей литературѣ это, кажется, единственная памятка объ этой достойной женщинѣ, такъ страстно любившей русскую литературу, и хотя въ ней не-

посредственно не принимавшей активнаго участія перомъ, но такъ много для нея сдѣлавшей основаніемъ журнала «Міръ Божій», сумѣвшей его поставить и имъ руководить. Но Давыдова, при всѣхъ своихъ личныхъ качествахъ, врядъ ли была въ состояніи создать, что называется, популярный органъ печати, выкинуть на немъ знамя, привлечь къ нему ученыхъ, литераторовъ и вызвать къ нему сочувствіе читателей. Нѣтъ, съ такою задачею она одними своими силами не справилась бы, и вотъ тутъ-то Викторъ Петровичъ, принося часто въ жертву и личное самолюбіе, и матеріальныя расчеты, поступаясь кое-чѣмъ и въ личныхъ привязанностяхъ и симпатіяхъ, сыгралъ своимъ именемъ, именемъ Виктора Острогорскаго, столь высоко стоявшаго въ общественномъ сознаніи, рѣшающую роль. Онъ вышелъ, по приглашенію Давыдовой, съ ея дѣтищемъ на авансцену русской журналистики и кликнулъ громкій кличъ, на который люди пошли и не изъ числа лично близкихъ Давыдовой, а по большей части изъ числа невѣдомыхъ ей дотолѣ новыхъ сотрудниковъ, внявшихъ голосу и личной рекомендаціи Острогорскаго. Онъ собралъ ядро, наладилъ дѣло и затѣмъ скромно отошелъ на второй, даже, пожалуй, на третій планъ, уступивъ Давыдовой первое мѣсто, которое она съ достоинствомъ и умѣло заняла, не разставаясь никогда съ своимъ редакторомъ-организаторомъ, но далеко не всегда, однако, давая должное значеніе его словамъ и указаніямъ.

Обрисовывая въ сердечныхъ словахъ дѣятельность Острогорскаго, какъ редактора журнала, его ближайшій помощникъ и соредакторъ, собственно фактически несшій въ послѣднее время на своихъ плечахъ бремя журнала, А. И. Богдановичъ, такъ говоритъ о своемъ старшемъ покойномъ товарищѣ¹⁾: «Въ нашемъ журналѣ, съ первыхъ самыхъ трудныхъ дней его существованія, онъ былъ настоящимъ редакторомъ-другомъ, который въ каждомъ сотрудникѣ видѣлъ близкаго себѣ человѣка и готовъ былъ поощрить каждую попытку, каждое робкое начинаніе. Болѣе бережнаго отношенія къ только что выступающимъ писателямъ я не знаю, и не могу не поставить Виктору Петровичу въ огромную заслугу передъ родной литературой, что много полезныхъ работниковъ было имъ создано и выдвинуто такимъ образомъ. Въ сложномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ редактированія онъ былъ до извѣстной степени такимъ же педагогомъ, какъ и въ школѣ. Развивать, учить, поощрять и исправлять—вотъ тѣ начала, которыми онъ руководствовался, постоянно объединяя въ журналѣ все больше и больше опытныхъ работниковъ, отводя каждому мѣсто, больше всего отвѣчающее его достоинствамъ и силамъ. Всегда обаятельный въ личныхъ отношеніяхъ, чрезвычайно доступный и дѣтски-незлобивый, онъ очаровывалъ посѣтителей въ свои пріемные дни, чѣмъ немало содѣйствовалъ популярности жур-

¹⁾ «Міръ Божій», 1902 г., № 5.

«истор. вѣстн.», июнь, 1902 г., т. LXXXVIII.

нала, въ которомъ каждыи новый сотрудникъ скоро чувствовалъ себя, какъ въ родномъ кругу. Но онъ же становился неузнаваемымъ, когда при немъ задѣвались дорогіе ему принципы, и тогда немыслима была никакая уступка, никакой компромисъ. Въ старикѣ просыпался въ такія минуты настоящій боець-шестидесятникъ, рѣзко и безпощадно отдѣлывавшій противника, по недоразумѣнію, залетѣвшаго въ редакцію «Міра Божьяго». Правда, такихъ недоразумѣній было немного, такъ какъ слишкомъ хорошо всѣ знали, каковы взгляды и направленіе Виктора Петровича. Эта неизмѣнная преданность взглядамъ своей молодости и ревность къ нимъ отнюдь не дѣлали его консерваторомъ, не желавшимъ признавать новыхъ волнъ и теченій. Напротивъ, онъ широко открывалъ страницы своего журнала молодымъ настроеніямъ и, даже не соглашаясь съ нѣкоторыми новыми теченіями въ искусствѣ, напримѣръ, охотно допускалъ ихъ, находя, что «надо дать высказаться», чтобы читатели были освѣдомлены обо всемъ, что новаго происходитъ въ области идей и направленій. Несмотря на свои годы, онъ очень любилъ «молодежь» въ литературѣ, «новые всходы», какъ онъ ихъ называлъ, и требовалъ только одного—«помягче», безъ лишней рѣзкости, не обижая «стариковъ», чѣмъ и сглаживалъ рѣзкость полемики. За каждымъ онъ признавалъ широкое право свободно излагать свои взгляды, если они не шли противъ основныхъ принциповъ въ обществѣ, усвоенныхъ имъ въ молодости: прогресса, гуманности, знанія и широкаго просвѣщенія народныхъ массъ, свободы и, прежде всего, вѣры въ людей. Эта вѣра была въ немъ неизбежна и поддерживала его въ самыя мрачныя минуты. Ее онъ не уставалъ проповѣдывать и устно, и перомъ, поддерживая ее въ другихъ и укрѣпляя всѣми доводами ума и сердца! Она-то и давала ему силы пережить тяжкія минуты русской жизни и донести до могилы незапятнанными идеалы молодости, не поступившись ничѣмъ изъ благородныхъ завѣтовъ своихъ великихъ учителей—Бѣлинскаго, Добролюбова и Чернышевскаго, память которыхъ онъ чтить съ трогательной благодарностью».

XI.

Г. Богдановичъ прекрасно очертилъ обликъ Острогорскаго въ послѣдніе годы его жизни, и какъ редактора, и какъ общественнаго дѣятеля, и какъ человѣка. Къ сказанному не приходится много прибавлять, и остается лишь отмѣтить послѣднія біографическія черты покойнаго.

Дѣля свою жизнь между литературою и педагогикою, Викторъ Петровичъ не оставался чуждъ остальнымъ сторонамъ общественной жизни, такъ или иначе соприкасавшимся съ этими профессіями. Его всегда встрѣчали участникомъ разныхъ ученыхъ обществъ

(комитетъ грамотности, педагогическіе кружки, учебныя и ученныя комисси), обществъ вспомошествованія учащимся заведеній, гдѣ онъ преподавалъ, и литературныхъ обществъ, напримѣръ, кассы взаимопомощи, которую онъ очень любилъ, гдѣ неоднократно исполнялъ роль члена ревизіонной комисси и общія собранія которой старательно посѣщалъ.

Остальное время онъ посвящалъ своему дому и пріятельскимъ кружкамъ, гдѣ всегда былъ встрѣчаемъ, какъ дорогой, желанный гость. Сообщество Виктора Петровича, бесѣды съ нимъ были истиннымъ удовольствіемъ, гдѣ почерпалось не только пріятное, но и въ высшей степени полезное и поучительное. Я уже говорилъ выше, что, по моему мнѣнію, онъ говорилъ лучше, чѣмъ писалъ. Въ нашемъ обществѣ, гдѣ ораторство совершенно не развито, и гдѣ на десять человѣкъ едва одинъ мало-мальски умѣетъ связно построить свою рѣчь, Острогорскій былъ настоящимъ исключеніемъ. Онъ владѣлъ мастерски даромъ слова, внося въ свою рѣчь массу юмора, а подчасъ и драматизма, массу естественной восторженности и удивительно причудливыхъ красокъ, почерпаемыхъ изъ неиссякаемаго источника воображенія. Онъ часто импровизировалъ свои повѣствованія, и въ его передачѣ даже знакомые слушателямъ факты часто получали совершенно неожиданную окраску и освѣщеніе. Я какъ-то не могу представить себѣ Виктора Петровича не говорящимъ, не проповѣдующимъ, не учащимъ, не произносящимъ застольнаго «маленькаго слова» или не спорящимъ. По-моему, это былъ настоящій странствующій проповѣдникъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, который всегда собиралъ вокругъ себя толпу слушателей, жадно внимавшихъ его пылкія рѣчи. Быть можетъ, скептикамъ, людямъ требовательнымъ и заѣдненнымъ рефлексіей, рѣчи Острогорскаго нѣсколько надоѣдали, и они относились къ нимъ съ иронической улыбкой и нескрываемой насмѣшкой, но, вѣдь, извѣстно — своего пророка дома не бываетъ, а потому слѣдуетъ смотрѣть на Виктора Петровича—оратора не среди своихъ (особенно среди литературной братіи), а въ обстановкѣ чуждой и подъ этимъ угломъ зрѣнія цѣнить его рѣчи и застольныя слова. Являлся ли онъ участникомъ торжествъ Бѣлинскаго въ Пензѣ, пріѣзжалъ ли онъ гостемъ въ Москву, гдѣ, къ слову сказать, любятъ и цѣнятъ людей «говорящихъ»,—вотъ тутъ надо было видѣть эффектъ его «маленькихъ словъ», его официальныхъ и неофициальныхъ рѣчей. Тутъ онъ становился настоящимъ героемъ дня, коему окружающіе страстно рукоплескали, коего величали и благодарили. Иду даже далѣе: стоило зайти въ какойнибудь маленькій кабачекъ (особенно, такъ называемый. «Капернаумъ» на Владимирской—любимое мѣсто его закусыванія по дорогѣ, когда онъ съ уроковъ возвращался домой) и встрѣтить здѣсь Виктора Петровича; тутъ-то становилось понятнымъ значеніе его ораторскаго искусства, его проповѣдничества, которое

казалось скучнымъ и надоедливымъ нашимъ «генераламъ отъ литературы». Здѣсь простая случайная толпа посѣтителей буквально облъпляла его, внимая каждому его слову и съ сочувствіемъ и благодарностью принимая отъ него тѣ «забытыя слова», которыя онъ непрестанно твердилъ и которыя самъ лично такъ хорошо помнилъ. Здѣсь часто эти слова падали на благодарную почву, пробуждая въ окружающихъ лучшія чувства и помыслы. И это тѣмъ легче дѣлалось, что самъ Викторъ Петровичъ былъ удивительно простъ, не чванливъ и легко сближался съ новыми знакомыми, даже случайными, съ коими, быть можетъ, жизнь его въ другой разъ и не сведетъ болѣе. «Умственный пролетаріатъ» въ этомъ отношеніи былъ для него хорошей школой, выработавъ изъ него навсегда добраго и простого бурша, у коего «всегда восторженная рѣчь и кудри черныя до плечъ». Какъ тогда, въ дни юности, онъ проводилъ неоднократно часы въ пивныхъ Васильевскаго острова съ кружкой пива въ рукахъ, такъ и на старости лѣтъ, уже сѣдой и нѣсколько согнувшійся, онъ охотно заходилъ въ дешевые кабаки, вполне удовлетворяясь невзыскательной окружающей обстановкой, гдѣ можно было съ пріятелемъ перекинуться словомъ, поспорить и поговорить по душѣ за стаканомъ дешеваго вина. Эти бесѣды, эти экскурсіи съ пріятелями вреда ему для здоровья не приносили, ибо природа одѣлила его удивительно крѣпкимъ организмомъ, который за всю жизнь не зналъ ни одной мало-мальски серьезной болѣзни, ни одной экстренной и длительной врачебной помощи. Поэтому онъ и могъ себѣ кое-что лишнее позволить, благо это не вредило ни здоровью, ни занятіямъ, и благо имъ уже столько было сдѣлано для общественнаго добра и пользы просвѣщенія, что иногда не только можно было, но даже и должно было отдохнуть.

Домашній отдыхъ, при всей его любви къ семьѣ и дому, его далеко не удовлетворялъ: здѣсь не хватало общественности, которой онъ насквозь былъ проникнутъ, и къ какой онъ всегда стремился. Ему нужны были, внѣ времени кабинетной работы, люди, общество, движеніе кругомъ и впечатлѣнія; улицы онъ боялся, и потому не могъ находить удовольствія въ прогулкахъ пѣшкомъ, а отсюда естественное захожденіе въ маленькіе рестораны и сидѣніе тутъ часъ-другой съ пріятелями и даже малознакомыми людьми.

Насколько эта общественная струнка въ немъ всегда громко звучала, свидѣтельствуетъ всего лучше основанная имъ въ Валдаѣ школа.

Случайно заведши себѣ здѣсь недорогую недвижимую собственность, въ видѣ небольшого домика съ садомъ, куда можно было пріѣзжать лѣтомъ на отдыхъ, Викторъ Петровичъ скоро началъ чувствовать гнетущую скуку провинціальной жизни и быстро пришелъ къ заключенію, что и здѣсь слѣдуетъ что нибудь создать общественное, къ чему были бы приложены его силы, знанія и лю-

бовъ къ просвѣщенію. Такимъ общественнымъ явленіемъ могла быть, конечно, главнымъ образомъ школа, въ коей мѣстное бѣдное населеніе чувствовало такой недостатокъ. Спѣша прійти въ этомъ отношеніи на помощь этому населенію, Викторъ Петровичъ и открылъ бесплатную школу, гдѣ дѣти получали бы даромъ всѣ учебныя пособія, а самыя бѣдныя даже обувь и платье. Школа была открыта и содержалась до настоящаго года на личныя средства основателя, при чемъ ея содержаніе обходилось въ первые годы существованія въ 600—700 рублей въ годъ; но большой наплывъ учащихся и желаніе Виктора Петровича устроить при школѣ и занятія ремеслами заставили ее расширить и перевести изъ собственнаго въ наемный домъ, каковой потомъ онъ и купилъ специально для этой школы. Для поддержанія своего дѣтища основатель читалъ разныя публичныя лекціи и, сверхъ того, въ разные сроки вложилъ сюда болѣе 5.000 рублей изъ собственнаго учительскаго и литературнаго заработка, ограничивая для того во многомъ личныя потребности. Его бывшіе ученики, ученицы и друзья рѣшили поддержать школу Острогорскаго и ко дню 35-ти-лѣтія его учительской дѣятельности основали общество попеченія о бесплатной школѣ Виктора Петровича въ Валдаѣ, и такимъ образомъ въ настоящее время забота о ея поддержаніи лежитъ на правительствомъ разрѣшенномъ официальномъ учрежденіи. Съ самаго начала своего существованія школа Острогорскаго встрѣтила горячее сочувствіе среди всѣхъ его знакомыхъ, благодаря чему сюда поступали пожертвованія деньгами, учебными предметами и вещами, а въ особенности книжками, такъ что при школѣ образовалась хорошая бібліотека, какъ учительская, такъ и дѣтская. Здѣсь, кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, преподаются ремесло чулочное (вязанье на чулочныхъ машинахъ) и переплетное. Ремесламъ въ школьномъ обученіи Острогорскій придавалъ вообще большое значеніе по тѣмъ соображеніямъ, что они 1) даютъ въ будущемъ ребенку возможность заняться профессиональнымъ трудомъ и имѣть отсюда вѣрный заработокъ, и 2) это обученіе дѣтей ремеслу въ школахъ должно заставлять родителей оставлять дѣтей въ школѣ на болѣе продолжительное время, благодаря чему создавалась возможность пребывания дѣтей въ школьной обстановкѣ, которая бы на нихъ благотворно вліяла и ихъ развивала.

При школѣ устроенъ садъ и огородъ, и организовано специальное занятіе по садоводству и огородничеству. На веденіе этихъ занятій Викторъ Петровичъ исхлопоталъ изъ министерства земледѣлія субсидію въ триста рублей въ годъ, на каковыя средства и получилъ возможность пригласить въ школу специалистовъ, какъ по садоводству, такъ и по огородничеству. Въ созданіи означенной школы, въ ея организациі, управленіи и руководствѣ дѣятельной помощницей Острогорскаго была его супруга, Елизавета Яковлевна, на ко-

тору и ложилось, конечно, все бремя хозяйских и вообще практических заботъ объ учебномъ заведеніи ея дорогого непрактичнаго мужа.

Опасаясь, какъ бы послѣ смерти любимое дѣтище не зачахло и не погибло, Викторъ Петровичъ оставилъ послѣ себя трогательное воззваніе къ своимъ ученикамъ, своимъ знакомымъ и друзьямъ, которое было опубликовано въ «Новостяхъ» въ № 99. Это воззваніе имѣетъ такое глубокое общественное значеніе, такъ полно и характерно обрисовываетъ нравственный обликъ покойнаго, что не можетъ не остаться безъ практическаго выполненія его тѣми, къ кому оно обращено, и ложится на ихъ нравственную отвѣтственность передъ свѣтлою памятью дорогого наставника и выдающагося общественнаго дѣятеля. Вотъ текстъ этого посмертнаго письма:

«Когда прочтется письмо, автора уже не будетъ въ живыхъ. Я былъ такъ счастливъ, что видѣлъ много разъ трогательное къ себѣ вниманіе, особенно выразившееся въ 1889 г., въ день чествованія четвертьвѣкового юбилея педагогической дѣятельности. Это вниманіе учившихся у меня и публики не оставляло меня до конца жизни и всегда было лучшею наградою за мою посильную педагогическую и литературную дѣятельность. Я всегда вѣрилъ въ искренность выражаемыхъ мнѣ чувствъ, а потому обращаюсь къ моимъ ученицамъ, ученикамъ, собратьямъ по литературѣ и всѣмъ, кто меня знаетъ, любитъ и помнитъ, съ посмертною послѣднею просьбой. Она относится не ко мнѣ (мнѣ уже ничего не нужно), а къ дѣлу, которое всю мою жизнь было мнѣ дорого. Это—дѣло просвѣщенія моей родины, просвѣщенія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Все, что я писалъ, какъ умѣлъ и могъ, все, что дѣлалъ, какъ учитель гимназій и разныхъ курсовъ, было направлено единственно къ тому, чтобы въ скорбную эпоху сомнѣній въ пользу просвѣщенія обратить на него вниманіе, какъ на самое важное и существенное. Болѣе 35 лѣтъ назадъ основалъ я вмѣстѣ съ другими товарищами Васильеостровское бесплатное училище для бѣдныхъ дѣтей, о которомъ рассказалъ я въ своей книгѣ «Изъ исторіи моего учительства»; уже старикомъ, въ 1896 году, я снова, но уже на мои собственные средства, получаемыя отъ уроковъ и литературнаго труда, основалъ въ г. Валдаѣ бесплатное училище—двухклассную общеобразовательную, профессиональную школу, помѣщающуюся въ моемъ домѣ, но требующую особаго помѣщенія, которое при жизни мнѣ не удалось построить. Со смертью моей дорогой для меня дѣтище погибнетъ. И вотъ обращаюсь къ вамъ, мои ученики, ученицы, собратія по литературѣ и всѣ, кто меня любилъ, не оставьте моей Валдайской школы вашей энергической поддержкой, въ формѣ ли попечительства, литературно-музыкальныхъ вечеровъ, которые я такъ любилъ устраивать съ моими учениками, публичныхъ лекцій—словомъ, какъ надумаете.

«Вамъ, выразившимъ ко мнѣ такъ часто пріязнь при жизни моей, ввѣрю мою школу въ твердой увѣренности, что не дадите ей погибнуть послѣ моей смерти.

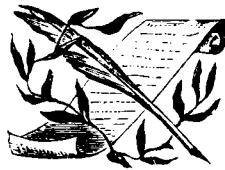
«Васъ любившій, теперь умершій
«Викторъ Острогорскій».

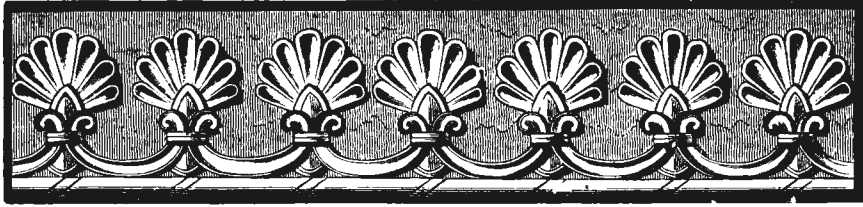
Въ комментаріяхъ это письмо не нуждается: оно является въ нашей общественной жизни такой дивной загробной пѣснью возвышенной души, что я считаю текстъ его лучшимъ заключеніемъ моей статьи о покойномъ. Миръ праху его и вѣчная память его имени въ созданномъ имъ учебномъ заведеніи!

Смерть В. П. Острогорскаго была для всѣхъ большою неожиданностью. Въ концѣ прошлаго года у него появилась рожа на лицѣ: потомъ она исчезла, чтобы черезъ три мѣсяца снова появиться и броситься на мозгъ. При правильномъ лѣченіи, продолжительномъ и безусловномъ отдыхѣ и покоѣ катастрофа могла бы быть отерочена, но покойный не хотѣлъ внять словамъ предупрежденія и продолжалъ до послѣднихъ дней стоять на своемъ славномъ посту редактора большого журнала и учителя словесности, волнуясь и страждя общественными вопросами и злобами и... катастрофа наступила: 31-го марта его не стало. Тѣло его было привезено въ Петербургъ изъ Валдая, гдѣ его настигъ вѣчный сонъ, и куда онъ по настоятельнымъ убѣжденіямъ жены поѣхалъ для краткаго отдыха, и погребено, согласно его волѣ, на Смоленскомъ кладбищѣ, близъ дорогихъ ему могилъ.

Б. Глинскій.

ПЕРЕКОМО.

(Изъ экскурсій въ окрестности Новгорода).

ИТОБЫ пробраться въ Перекомскій монастырь изъ Новгорода, на разстояніи 25 верстъ, мнѣ кажется, надо вооружиться нѣкоторымъ терпѣніемъ. Въ началѣ желѣзная дорога, а въ концѣ телѣга—сущее наказаніе: зимою тонешь въ сугробахъ, осенью—въ невылазной грязи.

Монастырь пріютился на берегу Ильменя. Историческія данныя говорятъ, что Перекомскій монастырь основанъ въ половинѣ XV вѣка преподобнымъ Ефремомъ, тѣмъ самымъ, котораго Савва Вишерскій посылалъ къ новгородскимъ посадникамъ съ ходатайствомъ о землѣ. Постриженный въ монашество Саввой, Ефремъ удалился на берегъ Ильменя и построилъ келью; къ нему присоединились еще иноки, соорудили церковь во имя Богоявленія и образовался монастырь подъ началомъ основателя. Прежній монастырь былъ отъ нынѣшняго 3 версты вглубь и переносилъ большія неудобства относительно воды. Ефремъ перекопалъ къ озеру канаву, отчего монастырь и получилъ названіе Перекопскаго, или Перекомскаго, затѣмъ Ефремъ обратился къ князю Василию Іоанновичу за помощью на каменный храмъ. Князь оказалъ помощь съ тѣмъ, чтобы обитель воздавала молитвы о разрѣшеніи его бездѣтства ¹⁾. Явилась новая церковь во имя Николая Чудотворца. Преподобный Ефремъ умеръ въ 1492 году. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ Богоявленской церкви. Благодаря перекопу, монастырь часто страдалъ отъ наводненій, и только послѣ смерти преподобнаго его перенесли ближе къ берегу, на возвышен-

¹⁾ Житіе преподобнаго Ефрема Перекомскаго.

ное мѣсто. Здѣсь онъ подвергался другимъ бѣдствіямъ: разоренію, запустѣнію, пожару. Возобновителями его были бояринъ Боборыкинъ и Петръ Великій, занесенный нѣкогда бурей въ Перекомскую обитель. Въ настоящее время въ монастырѣ одна церковь Богоявленская съ придѣлами Ефрема и Николая Чудотворца; она новой кладки, съ новою внутреннюю отдѣлкою и живописью.

Вообще монастырь отдѣланъ на современный ладъ, по содержанию общежительный, на всемъ готовомъ, безъ жалованья.

Я пріѣхалъ въ монастырь утромъ, когда шла обѣдня. Въ церкви были служилые монахи, пѣвшіе на клиросѣ, да три—четыре богомольца изъ сосѣднихъ деревень. Какъ оказалось, молился и настоятель, но гдѣ-то скрытно отъ насъ.

Выйдя изъ церкви, я оглянулся и вижу: на меня вопросительно уставилъ глаза симпатичный, 80-ти-лѣтній старецъ. Это былъ перекомскій настоятель, архимандритъ, отецъ Іоаннъ, объ имени котораго я слыхалъ раньше.

— Пріѣхалъ посмотрѣть,—сказалъ я, приближаясь къ нему.—Здравствуйте, отецъ Іоаннъ.

Бодро, безъ всякаго шамканья заговорилъ старецъ.

— Хорошо, отлично. Посидите полчасака, пока справлюсь, а потомъ покажу и расскажу все съ нитки до нитки. Этакъ чрезъ полчасака ко мнѣ, въ келью.

— Сюда?—указалъ я на красивый фасадъ зданія.

Настоятель только кивнулъ головою и зашеметилъ по плитняку, ведущему къ зданію.

Я пошелъ по монастырю. Собственно монастырь представляетъ собою кольцообразную стѣну, а посрединѣ храмъ съ колокольной. Надъ стѣной возвышаются башенки, главный входъ и двухъ-этажное помѣщеніе настоятеля. Но въ самой стѣнѣ вы найдете все: братскія кельи, кухню, трапезную, пекарню, кладовыя, хлѣва, конюшни и пр.

Вернувшись къ архимандриту, я очутился въ свѣтломъ, просторномъ, чистомъ помѣщеніи, обставленномъ просто, помонашески, но довольно прилично.

— Какъ у васъ хорошо, уютно!—сказалъ я, оглядывая кругомъ.

— Очень радъ, что понравилось, очень радъ,—любезно отвѣчалъ архимандритъ.—Это мое жилье съ келейникомъ, а кому изъ гостей надо уединиться, такъ наверху, даже съ ночлегомъ. Пожалуйте посмотрѣть,—добавилъ живой архимандритъ и юркнулъ въ двери.

Мы поднимались по лѣстницѣ, а настоятель и тутъ не умолкалъ.

— Посмотримъ, пока кое-что намъ приготовить, быть можетъ, заночуете, такъ выберите комнатку, какая вамъ приглянется.

Перекопскія монастирь.

Помнится, тамъ было три или четыре комнаты. Столы, накрытые салфетками, цвѣты, зеркала, диваны, желѣзныя койки съ чистымъ бѣльемъ и опрятными покрывалами—все ласкаетъ взоръ и производитъ пріятное впечатлѣніе.

— Какъ прекрасно! Жалко, что тороплюсь.

— Развѣ не ночуете?—съ ноткой сожалѣнія спросилъ настоятель.

— Нѣтъ, батюшка, хочу сегодня же поспѣть въ ближайшій монастырь—Клопскій.

— Какой вы спесивый! У насъ, какъ братіи, полагается страннику ночлегъ, чай, трапеза.

— Благодарю, душевно благодарю, но задумалъ объѣхать два монастыря разомъ.

— Ну, не смѣю задерживать,—пожалъ плечами старецъ.

Наступило краткое молчаніе. Мы стояли, смотрѣли другъ на друга и только не говорили: кажется, дѣлать здѣсь больше нечего.

— По такому случаю, знаете, что?—вдругъ воскликнулъ настоятель.

— Скажите.

— Червячка бы заморить,—пояснилъ онъ и засмѣялся.

Стали спускаться внизъ.

— И въ Соловкахъ нѣтъ такого удобства, какое у васъ,—замѣтилъ я, идя по лѣстницѣ.

— Какъ гдѣ, а у насъ такъ водится. Обогрѣть, накормить, пріютить—долгъ cadaго христіанина. Какъ же мы, монастырскіе жители, не стали бы соблюдать завѣтовъ нашего Учителя? Мы обязаны встрѣчать и провожать съ любовью страннаго, будь онъ знатный или простой, богатый или бѣдный,—такъ читалъ мнѣ сзади архимандритъ, видимо, довольный моимъ замѣчаніемъ.

За «червячкомъ» я узналъ, что отецъ Іоаннъ изъ бѣлаго духовенства, имѣетъ дочь—монахиню Звѣринаго монастыря, и сына, доктора, служащаго въ Курскѣ. Года два назадъ онъ справлялъ 50 лѣтъ священства, но справлялъ безъ адресовъ, безъ подношеній, а просто отслужилъ молебенъ и пошелъ въ келью, прославляя Бога, что онъ его грѣхамъ еще терпитъ. По словамъ, да, какъ оказалось, и на дѣлѣ, отецъ Іоаннъ знатокъ сельскаго хозяйства, самъ за всѣмъ слѣдитъ.

— У Волховскаго моста,—разсказывалъ о. архимандритъ,—есть наша часовня Чуднаго Креста, доходная статья. При часовнѣ—помѣщеніе для жилья. Тамъ прежніе настоятели больше и пребывали, а въ монастырь заглядывали рѣдко.

— Значить, запущенность была?

— Какое ужъ стадо безъ пастыря, сами знаете. А какъ взялъ я монастырь въ руки, сѣлъ надъ каждой работой да въ городъ-то

Богоявленскій соборъ въ Перекомскомъ монастырѣ.

стать ѣздить только поважнымъ дѣламъ, такъ вся братія говоритъ мнѣ спасибо, потому что ей всего хватаетъ: всѣ сыты, обуты и одѣты.

Далѣе настоятель сообщилъ, что хлѣба и сѣна хватаетъ до новаго урожая, даже излишекъ продаютъ; овощные продукты кругомъ свои, отдаленные покосы въ пустошахъ Ломтихѣ и Грязи сдаются въ аренду за 370 рублей, есть небольшой капиталъ, отъ котораго монастырь пользуется процентами. По отдаленности и неудобству пути богомольцевъ бываетъ въ обители немного, поэтому и дохода отъ нихъ очень мало. Жертвователей съ доброй

Часовня въ Перекомскомъ монастырѣ.

душой совсѣмъ не стало, зато мошенники подъ видомъ жертвователей нынѣ встрѣчаются. На этотъ счетъ настоятель передавалъ, какъ одна молодая женщина явилась къ нему однажды съ извѣщеніемъ о томъ, что ея тетка приноситъ въ даръ Перекомскому монастырю каменный домъ, но не знаетъ, какимъ образомъ закрѣпить его. Настоятель посоветовалъ написать письмо, чтобы благодѣтельница прислала свѣдѣніе: гдѣ находится домъ, сколько приноситъ дохода, есть ли на немъ долгъ. Женщина сейчасъ же составила письмо и въ ожиданіи отвѣта попросилась пробыть въ монастырѣ, но этого настоятель ей не разрѣшилъ. Особа эта больше не показывалась и объявилась въ другомъ монастырѣ съ такимъ

же предложениемъ, гдѣ ея слова приняли за чистую монету; тамъ что-то украла и была арестована. Вообще отецъ Іоаннъ остороженъ съ подобными людьми, какъ имѣвшій съ ними столкновение ранѣе. Его тоже хотѣли обмануть, когда онъ былъ намѣстникомъ Юрьева монастыря. Явились къ нему двое мужчинъ и сообщили, что по желѣзной дорогѣ въ Новгородъ слѣдуетъ тѣло ихъ знатнаго дяди, который завѣщаль, чтобы его непременно похоронили въ одномъ изъ новгородскихъ монастырей. Болѣе лучшаго и подходящаго монастыря, чѣмъ Юрьевскій, они будто бы не нашли, поэтому просили отвести для могилы мѣсто повиднѣе и подороже, рублей въ 500. По распоряженію намѣстника въ тотъ же день была вырыта могила и обложена кирпичемъ. Утромъ эти лица принесли намѣстнику процентныя бумаги въ тысячу рублей и просили обмѣнять на наличныя деньги, чтобы уплатить за мѣсто и перевозку тѣла изъ города въ монастырь. Но отецъ Іоаннъ почему-то стѣснился такой операціей и посоветовалъ имъ обратиться къ одному новгородскому купцу. Неизвѣстные уѣхали и, увы, болѣе не возвращались; тѣла, конечно, тоже никакого не было, и пустую могилу зарыли. Спустя нѣкоторое время, отецъ Іоаннъ узналъ, что эти господа съ тою же цѣлью все-таки обмѣнили въ какомъ-то монастырѣ билеты, но они оказались фальшивыми.

Послѣ домашней бесѣды архимандритъ предложилъ мнѣ обойти монастырь и познакомиться съ его хозяйствомъ. Мы отправились сначала съ внѣшней стороны, вышли изъ главныхъ воротъ, и глазамъ представилась цѣлая панорама: красивыя кудрявыя березы, хлѣбныя поля, за ними Ильмень. По полю ходилъ монахъ съ плугомъ, въ длинной, почти до пятъ, холщевой рубахѣ и въ потертой бархатной скуфейкѣ. Я обратилъ на него вниманіе и сказалъ:

— Братія обрабатываетъ?

— Это отецъ Павелъ пахнетъ, — поспѣшилъ сообщить настоятель.

Пахарь-монахъ, завидя насъ, остановился работать, снялъ скуфейку и кланялся.

Мы приблизились къ нему.

Отецъ Павелъ былъ мужчина лѣтъ подь сорокъ, плечистый, здоровый. Полное, широкое лицо его, покрытое загаромъ, имѣло какой-то мѣдно-красный цвѣтъ. На грудь спускалась путанная рыжая борода. По спинѣ расплзались длинныя пряди волосъ такого же цвѣта. Бѣдный труженикъ усталъ, вспотѣлъ и тяжело дышалъ:

— Не легкая работа,—замѣтилъ я ему.

— Оно бы ничего, да землю быстро солнцемъ припекло, что твоя рыхлая плита. И лошадь-то бьется, и самъ-то смеешься.

— Лошадка сытая.

Настоятельскія келы въ Перекомскомъ монастырѣ.

-- Корму у насъ вволю,—вмѣшался архимандритъ.— За скотомъ уходи первый сортъ.

— Конь добрый,—подтвердилъ отецъ Павелъ, и вполголоса сказалъ ему:

— Ну-ка, Рыжко, трогай.

Рыжко, шатаясь и спотыкаясь, зашагалъ по полосѣ. Земля отдѣлялась слоемъ и комьями оставалась за плугомъ.

— У меня набрана братія все изъ крестьянъ,—пояснялъ отецъ Иоаннъ, когда мы снова подходили къ стѣнамъ монастыря.

— Вотъ какъ!

— И хорошо: надежные и привычные работники. Изъ двадцати-то человѣкъ, почитай, 3—4 престарѣлыхъ только не работаютъ. Намъ силы нужны. Вотъ теперь горячая пора для сѣнокоса, такъ до 30 крестьянъ помочью на пожняхъ.

— Значитъ, за харчъ?

— Да, для обителѣ даромъ, только покормить хорошенько.

— Гдѣ же они ѣдятъ?

— Предъ кухней столы устроены. Сегодня здѣсь не будутъ обѣдать, потому что ушли далеко, большая трата времени на ходьбу, такъ обѣдъ на мѣсто повезутъ; ужинать-то навѣрняка будутъ въ монастырѣ.

— Сколько у васъ земли?

— Пашни отдѣльно до 40 десятинъ, а прочихъ угодій до 1.000 наберется.

— Немало.

— Да, порядочно, благодареніе Богу.

— А рыболовствомъ не занимаетесь?

— Вы думаете, что озеро-то близко?—засмѣялся архимандритъ.

— Всякій подумаетъ.

— Обманчиво. Тутъ берегъ такой отлогій, что иди вглубь двѣ версты, а все будетъ по колѣно. На лодкахъ въ городъ и то не ѣздимъ.

Пошли въ обходъ. Стала попадаться участками капуста вперемежку съ полыми мѣстами. Архимандритъ подробно объяснялъ:

— Наша капуста крупная, сладкая. Нынѣ урожай ея, а бываетъ зѣло скверно. Поэтому мы запасаемъ на 2—3 года. Случится излишекъ—продаемъ.

— А пустота между капустой зачѣмъ?

— Это хозяйственная смекалка. Видите, пустыя мѣста огорожены; сюда на ночь загоняется скотъ, такъ какъ въ хлѣвахъ ему душно и жарко. На будущій годъ, гдѣ ночевалъ скотъ, будемъ капусту садить, а гдѣ нынѣ капуста, тамъ скотъ поставимъ. Выходить двойная польза. Хлѣва у насъ отличные, а вѣдь отъ жары не спасешься.

Архимандритъ ввелъ меня въ хлѣвъ. Помѣщеніе громадное, на каменныхъ столбахъ, съ потолокомъ. Полъ обильно устланъ соломой.

— Вонъ какъ просторно и свѣтло,—восхищался отецъ Іоаннъ,— а настилка-то, словно въ деревенской избѣ.

Онъ то поспѣшно шагаль по хлѣву, утопая въ соломѣ, то останавливался, оборачивался и говорилъ:

— Въ пору людямъ жить.

— Дѣйствительно, всё удобства,—отвѣчалъ я.

— Въ конюшняхъ тоже чистота, хотите—смотрите, хотите—нѣтъ,—предлагаль архимандритъ, какъ будто ревизору какому, когда мы вышли изъ хлѣва.

— Не безпокойтесь. Много у васъ скота?

— Штукъ тридцать коровъ да съ десятокъ лошадей.

— Гдѣ же молоко перерабатывается?

— А пожалуйте сюда.

Мы вошли въ узкій длинный коридоръ, гдѣ отецъ Іоаннъ отыскалъ парусину, подъ которой, видимо, лежалъ какой-то предметъ, и потрогалъ ее. Изъ-подъ парусины вылѣзла растрепанная сонная баба.

— Ну-ка, ты, коровница,—улыбался архимандритъ;—показывай намъ твое искусство!

— Зачѣмъ ты спишь подъ парусиной?

— Терпѣнья нѣтъ, баринъ,—отвѣчала баба, протирая заспанные глаза. — Въ избѣ-то мухъ несмѣтная сила; глаза всё повывололи.

Она повела насъ по комнатамъ коровника. Баба только отворяла двери и говорила назначеніе комнаты, а настоятель рассказываль подробно, что и какъ тутъ производится.

— Здѣсь топимъ и творожимъ,—поясняла коровница.

— Вонъ какая печь,—дополняль архимандритъ, — съ громаднымъ жерломъ, столы приспособленные, горшки, ухваты. Творогъ дѣлають, по обыкновенію, гдѣ молока излишекъ, а топка для того, кто любитъ топленое да съ пѣночками.

— Въ этой комнатѣ снимають сливки и сметану.

— Изъ маленькихъ въ такіе,—дополняль отецъ Іоаннъ и обхватываль большіе горшки, какъ будто желалъ поднять ихъ.

— Двойной ледникъ,—продолжала баба.

— Наверху хранится только-что удойное молоко, пока оно стынеть, а внизъ ставятъ уже съ устоємъ.

— Телятная,—отворяла дверь за дверью коровница.

— Видите, котлы для горячей воды. Тутъ чистять, моютъ, сушатъ телятъ, чтобы они не хирѣли и хорошо росли.

— Казарма.

Мы заглянули, гдѣ живутъ коровницы. Тучи мухъ поднялись со столовъ и ринулись намъ въ лицо.

— Пойдемте, пойдемте отсюда,—торопилъ архимандритъ.—Здѣсь нечистъ расплодилась въ изобиліи.

Снова пошли вокругъ стѣны. Настоятель показывалъ мнѣ основательные амбары съ хлѣбомъ и сѣномъ. Я смотрѣлъ и любовался, какъ колосится рожь, зеленѣетъ овесъ, спрашивалъ о монастырскомъ лѣсѣ, виднѣвшемся вдали. Лѣсу болѣе половины всего владѣнія. Рубятъ только дровяной, а строевой берегутъ до высокихъ цѣнъ. За разговоромъ мы приблизились къ какому-то двухъэтажному зданію.

— Это тоже ваше?—спросилъ я архимандрита.

— Гостиница монастырская.

— Кто же останавливается?

Отецъ Іоаннъ махнулъ рукой.

— «Бродячая Русь», должно быть?

— Да всякій сбродъ, кому въ городѣ мѣста нѣтъ, куска хлѣба не заработать отъ лѣности и пьянства.

— А здѣсь что добудутъ?

— Даромъ квасу съ хлѣбомъ поѣдятъ, переночуютъ и пойдутъ въ другой монастырь.

— Зачѣмъ же такихъ людей поощряете къ бездѣлю?

— Нельзя. Среди нихъ попадаются настоящіе страннички, аѳонскіе, валаамскіе, соловецкіе. Изъ такихъ иные живутъ по нѣскольку дней и работаютъ, по доброй волѣ, особенно лѣтомъ; ходятъ косить, грабить, метать стоги.

— Ужъ не по обѣту ли, какъ въ Соловкахъ, отработываютъ?

— Можетъ статься, даютъ обѣщанія потрудиться угоднику,—согласился архимандритъ и перемѣнилъ разговоръ.—Далѣе, за гостиницей, ничего нѣтъ, идетъ до главнаго входа только луговой пригорокъ. Теперь пойдемте внутрь монастыря. Въ церкви вы были; она новѣйшая. Отъ старой обители не сохранилось никакихъ памятниковъ, ни достопримѣчательностей. Единственно—чудный крестъ въ часовнѣ, принадлежащей монастырю. Она въ Новгородѣ, при входѣ на Волховской мостъ. Какъ стоящая на бойкомъ мѣстѣ, часовня служитъ большимъ источникомъ средствъ. Недаромъ причтъ Софійскаго собора хотѣлъ ее отнять, но безуспѣшно; я долго хлопоталъ противъ собора.

Затѣмъ архимандритъ сообщилъ вкратцѣ, по лѣтописямъ, что чудный крестъ относится къ глубокой древности; его водрузилъ святой князь Владимиръ, нетлѣнно почивающій въ соборѣ св. Софіи. Крестъ прославленъ чудесами. При обнесеніи его, усмирялись новгородскіе мятежи, прекращались пожары. И донинѣ у часовни останавливаются крестные ходы. Крестъ липовый, высотой болѣе сажени, а въ поперечникѣ немного менѣе. На немъ изображенія

Христа, Богоматери и Маріи Магдалины. У подножія, въ надписи, между прочимъ, упоминается Петръ Невѣжинъ. Волховской мостъ не разъ мѣнялъ мѣста, а за нимъ переносилась и часовня. Дѣлалось это по повелѣнію градоправителей, изъ которыхъ Невѣжинъ и пожелалъ увѣковѣчить свое имя на крестѣ.

Боясь вызвать утомленіе у такого старца, внутри обители я ничего не смотрѣлъ, да тамъ, по словамъ отца Іоанна, ничего особеннаго и не было.

— Теперь поблагодарить васъ, отецъ настоятель, и въ путь.

— Нѣтъ, мы еще пообѣдаемъ. Неужели откажетесь? Да сохрани васъ Богъ. Какъ можно пускать голоднаго? Только поведу я васъ чрезъ кухню, тутъ поближе.

Дѣйствительно, отъ такого приглашенія отказаться было трудно.

Въ кухнѣ печь въ два устройства, выходящія въ отдѣльныя комнаты. Съ одной стороны готовятъ кушанья, съ другой—выпекаютъ хлѣбы.

Трапезная большая, чистая. Длинные столы и скамейки. Архимандритъ сѣлъ въ концѣ и позвонилъ въ громкій колокольчикъ.

— Я обѣдаю всегда съ братіей и звоню передъ каждымъ блюдомъ.

Подавали творогъ со сметаной, супъ съ соленой рыбой, жареную рыбу и пшеничную кашицу.

— Вы говорили, отецъ Іоаннъ,—сказалъ я за обѣдомъ,—ваши монахи не рыболовы, а въ кушаньяхъ рыба преобладаетъ. Покупать столько невыгодно.

— Не покупаемъ,—махнулъ ложкой въ воздухъ настоятель. — Монахи не ловцы, такъ крестьяне много ловятъ. У насъ есть исконный обычай во время озерныхъ лововъ. Это бываетъ весной и осенью. Отловятъ рыбаки на озерѣ день или два и возвращаются домой съ благополучіемъ, да поближе къ нашему берегу. Вотъ ѣдутъ и кричатъ: «Перекомскій монастырь!»—архимандритъ крикнулъ, подражая рыбакамъ, призывающимъ протяжнымъ голосомъ.—Потомъ спускаются ниже, къ Клопскому монастырю и также кричатъ: «Клопскій монастырь». Здѣсь и тамъ монахи выходятъ съ кошелями и берутъ отъ одного до трехъ пудовъ рыбы.

— Даромъ?

— Такъ не за деньги же. Что вы? Даютъ на братію во имя святыни монастырской. Угоднички Божьи за нихъ молятся, чтобы они благополучно и прибыльно ловили.

— И это въ каждый ловъ?

— Думаю, что въ каждый, когда ловъ хорошій, а не поймаютъ, такъ на нѣтъ и суда нѣтъ.

— Вотъ дань своего рода.

— Какъ хотите, назовите, а все-таки этимъ народъ удовлетворяетъ религіозное чувство, все равно, что свѣчу ставитъ передъ иконой или лепту опускаетъ въ кружку.

- Сами говорите — лепту, а тутъ дѣло рублевое.
- Намъ купить, а имъ нипочемъ, — замѣтно взволнованнымъ голосомъ возразилъ настоятель.—Озеро Ильмень широкое; лови въ немъ, кто хочешь, безданно, безошплинно. Такъ чего тутъ?
- Я свернулъ съ непріятной стороны вопроса.
- И много скапливается рыбы?
- Кругомъ годъ ѣдимъ, кромѣ постныхъ дней.
- Очень недурно и, главное, все даромъ.
- Мнѣ ужъ перевалило далеко за восьмой десятокъ, и всю жизнь я провелъ среди крестьянства, такъ достаточно присмотрѣлся къ русскому мужичку. Хорошій онъ у насъ. Коли у него есть, такъ бери—не жалко, а коли нѣтъ, ну, начнетъ нить, канючить,—настоятель развелъ руками:—не приведи Богъ какъ.
- Нужда — тяжелое дѣло, отецъ архимандритъ, и тѣмъ болѣе въ крестьянской жизни.
- Кто говоритъ объ этомъ! По-моему, попросилъ, и сиди, жди, пока не дадутъ. Не тутъ-то было: начальству давай надоѣдать, лѣзутъ, на языкъ наступаютъ. Ну, хорошо ли, согласитесь сами.
- «Ого, куда пошелъ старецъ, совсѣмъ за предѣлы монастыря», — подумалъ я и сталъ изыскивать оборотъ разговора, чтобы пресѣчь этотъ вопросъ, который не намъ съ нимъ было рѣшать здѣсь, за трапезой. Но меня выручила кашница—последнее блюдо. Я ѣлъ ея очень мало, да и настоятель взялъ двѣ-три ложки. Мы встали изъ-за стола. Я крѣпко пожалъ руку любезному настоятелю и попросилъ дать лошадку до Клопскаго монастыря.
- Вы бы еще остались, побесѣдовали бы, Клопскій не уйдетъ, тамъ же будетъ стоять, — упрашивалъ архимандритъ.
- Хочу засвѣтло попасть туда.
- Ну, извините, чѣмъ богатъ, тѣмъ радъ.
- Такъ лошадку, отецъ Іоаннъ, одолжите.
- Это сейчасъ, — сказалъ онъ и пошелъ изъ трапезной, прибавивъ на ходу: — у насъ недолго.
- Я вышелъ за нимъ, на монастырскій дворъ. Здѣсь подошелъ ко мнѣ монахъ, видный, представительный, въ новой люстриновой рясѣ и новомъ клобукѣ.
- Еще разъ здравствуйте, — привѣтствовалъ меня монахъ.
- Здравствуйте, отецъ, — отвѣтилъ я и стоялъ въ недоумѣніи, припоминая, гдѣ же я этого монаха видѣлъ.
- Не узнали? Отца Павла не узнали, что на пашнѣ-то по-встрѣчался вамъ?
- Батюшки, и въ правду не узналъ! — воскликнулъ я сконфуженный.—Какъ вы скоро преобразились, да совсѣмъ и не похожи на того, который съ плугомъ ходилъ.
- Отецъ Павелъ самодовольно усмѣхался.
- Уѣзжаете, — спокойно заговорилъ онъ, — что-то скоро.

— Надо спѣшить.

— Да, у насъ, кромѣ развѣ хозяйства, и ничего такого нѣтъ интереснаго. Древности не осталось, все заново сдѣлано. Братія живетъ своимъ трудомъ, безъ всякихъ приношеній изъ міра.

— А вотъ въ Кирилловъ монастырь жертвуютъ, невѣдомо приносятъ.

— Тотъ близокъ къ городу, а нашъ въ глуши.

— У васъ курьезы съ приношеніями.

— Это вамъ говорилъ настоятель,—широко улыбнулся монахъ, показывая бѣлые, крѣпкіе зубы,—разсказывалъ онъ и намъ. Нѣтъ, когда я жилъ въ Отенскомъ монастырѣ... Вы не бывали въ немъ?

— Не бывалъ, но хочу съѣздить.

— Вотъ когда я былъ тамъ іеродіакономъ, то съ тамошнимъ настоятелемъ случилась чудная исторія. Пріѣхала къ нему этакъ въ великомъ посту дама, молодая, расфранченнная, и назвала себя благодѣтельницаей. Говорила, что она во многіе монастыри жертвовала и хочетъ подарить Отенской обители какую-то землю. Долго она просидѣла въ кельѣ настоятеля, до двухъ-трехъ часовъ ночи, и все толковала съ нимъ о дѣлахъ, разсказывала о своемъ богатствѣ. Настоятель, старецъ уже почтенный, повѣрилъ ей и приглашалъ ее переночевать въ монастырѣ, хотѣлъ побережь ее, чтобы кто не обидѣлъ ночью. Она отказалась по причинѣ, что надо спѣшить въ Новгородъ, чтобы выхлопотать закрѣпительныя бумаги на пожертвованную землю. Ну, что-жъ, дѣло прибыльное. Куй желѣзо, пока горячо. Настоятель не задерживалъ и далъ свою лошадь съ извозчикомъ изъ монастырскихъ служителей. Было холодно. Стала садиться, да и говорить: «Отецъ настоятель, пріѣхала я къ вамъ днемъ, погода стояла теплая, и платье на мнѣ легкое, а теперь вечеръ, что-то знобитъ меня, такъ нѣтъ ли у васъ, чѣмъ прикрыться». Что же можетъ дать монахъ женщинѣ, да такой богатой франтихѣ? У настоятеля было двѣ рясы: одна ватная, плохая, а другая хорошая, на лисьемъ мѣху. Онъ и говоритъ ей: «возьмите рясу, коли не побрезгуете». А она ему въ отвѣтъ: «чтонибудь, чѣмъ бы ни прикрыться, только бы не простудиться». Не хотѣлъ старецъ сконфузить себя и далъ ей лисью рясу рублей въ двѣсти. Проходитъ два-три дня—ни дамы, ни рясы. Посылаетъ служителя. Тотъ вернулся и передалъ, что сама привезетъ. Проходитъ недѣля—ни слуху, ни духу. Ёдетъ настоятель, разыскиваетъ ее въ гостиницѣ, является. Она какъ будто его не узнаетъ, потомъ обошлась, разговорилась, но о рясѣ ни слова. «Что-жъ это она о рясѣ-то молчитъ»,—думаетъ онъ, а самому спросить стыдно. Потомъ не стерпѣлъ и спросилъ. Какъ вы думаете, что она на это, мазурка такая, отвѣтила?

— Сказала, что не брала,—заклучилъ я.

— Нѣтъ, она не отперлась, а сказала: «не напрасно же я съ вами сидѣла до полуночи». Такъ старецъ отъ своей рясы отказался, чтобы хулы только какой не распространила. И жаловаться никому не посмѣлъ. У монаха женщина въ кельѣ ночью сидѣла! Тутъ языкъ прикусишь. Со слезами вышелъ несчастный.

Мнѣ хотѣлось смѣяться, но было неловко, и я кусалъ губы.

Послѣ нѣкотораго молчанія отецъ Павелъ спросилъ меня:

— А я съ Рыжкомъ попалъ къ вамъ на карточку?

— Обязательно.

— Такъ не будете ли милостивы прислать мнѣ одну? Любопытно, какъ это я тамъ вышелъ въ рубахѣ, съ долгомъ и за работой.

Я обѣщалъ.

Отецъ Іоаннъ вывернулся изъ-за угла какого-то зданія, крикнулъ и махнулъ мнѣ рукою, чтобы я шелъ къ нему. За этимъ зданіемъ я сѣлъ въ телѣгу, набитую свѣжимъ душистымъ сѣномъ, и поѣхалъ. Гостепріимный и хлѣбосольный настоятель Перекомскаго монастыря шелъ рядомъ и проводилъ меня до первой опушки лѣса.

А. Г. Слезкинскій.

ПУТЕШЕСТВІЕ ИЗЪ КАЗАНИ ВЪ МОСКВУ СТО ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

В ЛЕГКОЙ руки Лаврентія Стерна, автора «Сентиментальнаго путешествія» (A sentimental journey through France and Italy) 1768 г., «путешествія» сдѣлались одною изъ любимѣйшихъ литературныхъ формъ. Это объясняется условіями эпохи, а именно борьбою двухъ враждовавшихъ направленій въ литературѣ: отживавшаго псевдоклассицизма и нарождавшагося сентиментализма. «Путешествіе» является одною изъ наиболѣе свободныхъ формъ, позволяющею безъ всякой логической связи, только при помощи новаго заголовка, обыкновенно названія слѣдующей станціи, переходить и даже перескакивать отъ одного происшествія къ другому, отъ картины мѣстности къ воспоминанію объ историческомъ событіи, либо о пережитомъ и продуманномъ самимъ авторомъ, отъ только что слышанныхъ рѣчей къ собственному размышленію или обращенію къ читателю, а главное, при всякомъ случаѣ и всякомъ впечатлѣніи можно было давать волю своимъ собственнымъ чувствованіямъ. Надобно и стали казаться стѣснительными традиціонныя формы псевдоклассической поэзіи, ода, эпосъ, трагедія, гдѣ все было заковано, оцѣпенѣло, условно, предразсчитано и предписано, гдѣ не только нельзя было высказывать всѣ свои чувствованія (кромѣ предписываемыхъ теоріею: восторга, ужаса etc.), но даже не разрѣшалось употреблять множество самыхъ употребительныхъ и обыкновенныхъ словъ; стѣсненіе касалось не только чувствъ, мыслей и образовъ, но даже самаго языка. Сентиментализмъ, ставя на знамени свободу чувства и рѣчи, поэтому охотно пропагандировалъ «путешествіе», какъ легкую и вольную форму, дающую полный про-

сторъ движенію чувства, мысли и фантазіи. И по мѣрѣ того, какъ сентиментальное направленіе приобрѣтало себѣ все большій и большій районъ вліянія, возрастала въ разныхъ странахъ интересъ и любовь къ литературнымъ «путешествіямъ». Такъ путешествіе Стерна было переведено Боде на нѣмецкій языкъ еще въ томъ же 1768 г., въ которомъ вышелъ англійскій подлинникъ. Затѣмъ является въ нѣмецкой литературѣ рядъ оригинальныхъ путешествій, изъ которыхъ особенною извѣстностью пользовалось «Reise in die mit-täglichen Provinzen von Frankreich», 1791—1805 гг., Морица Августа Тюммеля (Thümmel). Этотъ литературный жанръ культивировался еще и въ XIX вѣкѣ, вплоть до извѣстныхъ Reisebilder Гейне—1826 г.

У насъ въ Россіи первую, раннюю ласточкою сентиментализма былъ несчастный А. Н. Радищевъ. Его «Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву» 1790 г. было по внѣшней формѣ самой точною копіей Стерна «Путешествія Юрика». Но не безобидный англійскій юморъ Стерна служилъ отличительною чертою труда Радищева: его «Путешествіе» по своимъ идеямъ было отзвукомъ тѣхъ, которыя опрокинули во Франціи ancien régime. Радищевъ сгнѣбъ, и на его книгу было наложено veto, по недоразумѣнію тяготящее надъ нею и понынѣ. Это искусственное укороченіе исторической перспективы оставляетъ въ тѣни важное значеніе Радищева, какъ нововводителя и перваго русскаго оригинальнаго сентименталиста: честь первенства и слава реформы, введшей въ русскую литературу новое направленіе, до сихъ поръ не совсѣмъ справедливо воздаются Н. М. Карамзину съ его «Письмами русскаго путешественника» 1797—1801 г. Эти «Письма», по свидѣтельству М. А. Дмитріева. («Мелочи изъ запаса моей памяти», изд. 2-е, 1869 г., стр. 100), возбудили въ Россіи «большой энтузіазмъ» къ «Путешествіямъ». Книга Радищева не успѣла попасть въ широкіе круги публики. Зато Карамзину немедленно нашлись подражатели. Влад. Вас. Измайловъ¹⁾ (1773—1830 г.) издаетъ «Путешествіе въ полуденную Россію», 1800—1802 г., которое, по мнѣнію Дмитріева (стр. 96), было «блѣднымъ оттѣнкомъ Карамзинскихъ Писемъ». Но и у Измайлова явился тоже свой подражатель, который даже и ѣздилъ туда же: князь Петръ Ив. Шаликовъ (1768—1852 г.) издалъ «Путешествіе въ Малороссію», 1803 г., и «Другое путешествіе въ Малороссію», 1804 г.; а въ 1806 г. появилось въ журналѣ «Московскій Зритель» его же описаніе поѣздки въ Кронштадтъ въ 1805 году. «Путешествія» Шаликова, по Дмитріеву, являлись, въ свою очередь, «блѣднымъ оттѣнкомъ» «Путешествія» Измайлова. Въ «Памятникѣ отечественныхъ музъ», 1827 г., Измай-

¹⁾ См. о немъ въ III т. моего труда «Литература и просвѣщеніе въ Россіи», стр. 156—159.

ловъ же помѣстилъ «Путешествіе въ Сарепту» Григ. Серг. Салтыкова. Упомянемъ еще путешественниковъ: Максима Ив. Невзорова «Путешествіе въ Казань, Вятку и Оренбургъ» въ 1800 г., ч. I, М., 1803 г. (изъ писемъ къ И. П. Тургеневу), Павла Петровича Свиньина «Опытъ живописнаго путешествія по Сѣверной Америкѣ» 1815 г., «Ежедневныя записки въ Лондонѣ» 1817 г., «Картины Россіи» 1839 г., т. I, и князя Ив. Мих. Долгорукова, который оставилъ по себѣ «Журналъ путешествія изъ Москвы въ Нижній» 1813 г. и «Путешествіе въ Кіевъ» 1817 г. Эти «путешествія» увидѣли свѣтъ только въ 1870 году (изданы въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей»).

Наконецъ, и въ Казани, которая тогда не отставала въ литературѣ отъ столицъ, тоже появились «Путешествія». Въ рукописномъ журналѣ «Аркадскіе пастушки», который въ 1804 году издавали казанскіе гимназисты С. Т. Аксаковъ и братья Панаевы, Неренсъ (Николай Панаевъ) помѣстилъ статью «Швейцарія въ Казани», которая подала поводъ къ названію извѣстной загородной мѣстности, а Адонисъ (Александръ Панаевъ) написалъ сентиментальное «Путешествіе въ Болгары». Эти статьи были напечатаны С. Т. Аксаковымъ въ приложеніи къ «Семейной хроникѣ и воспоминаніямъ», М., 1856 (въ изданіи сочиненій 1886 г., т. II, стр. 371—375).

Нужно замѣтить, что среди этой массы «чувствительныхъ путешественниковъ» живой реальности и, такъ сказать, болѣзненной дѣйствительности касался почти лишь одинъ Радищевъ. Прочіе либо изъясняли «сентименты» безобиднаго свойства (Шаликова такъ и прозвали «Вздыхаловымъ»), либо сообщали сухія статистическія свѣдѣнія о городахъ, заводахъ, монастыряхъ и пр., какіе случалось осматривать по пути. Изъ разсказа сентименталистовъ не возстаетъ передъ нами самое реальное ихъ путешествіе, самый, такъ сказать, образъ совершенія пути, самая дорога со всѣми ея дрязгами и трудностями. Мы не узнаемъ изъ этихъ повѣствованій, что значило путешествовать въ ту эпоху: намъ недостаетъ культурно-исторической, этнографической, бытовой стороны тогдашней жизни. Мы не можемъ съ ясностью красокъ и полнотою характерныхъ особенностей возстановить бытъ и жизнь странъ, гдѣ проѣзжали «Вздыхаловы». Съ этой точки зрѣнія, несомнѣнно, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія одно «Путешествіе», доселѣ неизвѣстное въ печати, а именно воспоминаніе о поѣздкѣ изъ Казани въ Москву, хранящееся въ бумагахъ казанскаго поэта Саввы Андреевича Москотильникова (1768—1852). Это воспоминаніе облечено въ форму письма къ пріятелю и датировано: «Москва, 13 августа 1805 года».

С. А. Москотильниковъ, конечно, былъ знакомъ съ путешествіями Радищева, Карамзина, Измайлова, и не уберется отъ ихъ вліянія.

И онъ выѣхалъ въ дорогу съ нѣкоторымъ запасомъ чувствованій и охотой ихъ проявлять при удобномъ случаѣ. Но, благодаря живому воздѣйствию дѣйствительности, «путешествіе» Москотильникова (вдобавокъ не предназначенное къ печати) вышло по тону совсѣмъ иное.

Избалованные спальными вагонами, отдѣльными купэ, поѣздными ресторанами и т. п., мы теперь и представить себѣ не можемъ, каково приходилось путешественнику средней руки 100 лѣтъ тому назадъ даже на самыхъ бойкихъ трактахъ; такимъ испоконъ вѣковъ была «Владимирка», трактъ съ Москвы на Нижній. Самыя разнообразныя невзгоды, начиная отъ климатическихъ и кончая социальными, посыпались на Москотильникова, чуть не съ перваго момента выѣзда.

Правда, сильные міра сего и тогда могли ѣздить не безъ удобства. Изъ біографіи Г. Р. Державина, написанной Я. К. Гротомъ (Сочиненія Державина, т. VIII, стр. 486—488), мы видимъ, напримеръ, что въ 1787 г. къ проѣзду генераль-прокурора, князя Вяземскаго, тогдашній тамбовскій губернаторъ, поэтъ Державинъ, на всякій случай (не знали, по которому направленію поѣдетъ власть) заготовилъ сразу по двумъ трактамъ на каждой станціи по 100 лошадей. Вдобавокъ, «для скорѣйшаго въ ѣздѣ успѣху» Вяземскій предполагалъ ѣхать впередъ одинъ, оставивъ жену и свиту, но просилъ: «хотя и проѣду, чтобы лошади не были распускаемы, доколѣ жена моя не проѣдетъ».... За всѣ эти «успѣхи» въ ѣздѣ, конечно, расплачивались одни крестьяне да ихъ лошади. Но такіе «успѣхи» были возможны лишь для Вяземскаго и ему подобныхъ сильныхъ людей. Скромному губернскому чиновнику не приходилось равняться съ ними. А потому Москотильниковъ, какъ водится, выправилъ себѣ подорожную, которая стоила тогда отъ Казани до Москвы 46 рублей съ копейками. Впрочемъ, какъ увидимъ, она не совсѣмъ гарантировала своего обладателя.

С. А. Москотильниковъ тронулся въ путь скромно, на парѣ. Сначала, ѣдучи по берегу Волги, онъ предавался чувствованіямъ и томился разлукою, «пустотою въ сердцѣ, избалованномъ нѣгою любви и дружбы». Въ деревнѣ Васильевкѣ (въ 40 верстахъ отъ Казани) «пьяныя дѣти трезваго Харона» переправили путника на другой берегъ. Здѣсь-то и начались злключения, дававшія обильную пищу чувствованіямъ совсѣмъ иного рода, чѣмъ дружба и любовь. Приходилось ѣхать по голому песку, и повозка скоро въ немъ окончательно угрузла. Лошади изнемогли. Стали имъ помогать сѣдоки, истощили всѣ свои силы, но не могли податься впередъ ни шагу. Что дѣлать? Неподалеку стоялъ обозъ. Поэтъ предполагалъ, что «человѣкъ не можетъ отказать въ помощи человѣку». Но ямщики, спавшіе тутъ же, на пескѣ, какъ оказалось, не раздѣляли филантропическаго образа мыслей: воззваніе къ нимъ, под-

крѣпленное даже обѣщаніемъ щедрой мзды, осталось тщетнымъ. Пришлось послать Михайла-лакея, сопровождавшаго Москотильникова, въ Свіяжскъ, въ почтовую контору за добавочными конями для припряжки. Тѣмъ временемъ ямщикъ его тоже прилегъ на песокъ и «захрапѣлъ изо всѣхъ силъ». С. А. остался бодрствовать одинъ на караулѣ при утонувшей въ песокъ повозкѣ. Наконецъ черезъ 4 часа ожиданія вернувшійся Михайло возвѣстилъ, что свіажская контора лошадей не отпускаетъ; зато нашелся тамъ же милосердный черемисинъ, который за гонораръ въ полтора рубля взялся со своею парой лошадей извлечь путниковъ изъ песочной бездны...

Вторую ночь путешествія С. А. провелъ тихо, проѣзжая дремучими Чебоксарскими лѣсами. Безмолвіе, мракъ и величіе лѣса вызвали въ поэтѣ «священный трепетъ» и пробудили въ его сердцѣ религиозное чувство: нашъ путникъ готовъ былъ бы преклонить свои колѣна рядомъ съ какимъ либо инородцемъ, еслибъ засталъ его гдѣ нибудь приносящимъ жертву своему Кереметю. Въѣхали въ Нижегородскую губернію. «Красота и благо должны были бы», по мысли Москотильникова, «быть синонимами». Пріятныя впечатлѣнія отъ пейзажа привели было путешественника къ мысли, что и социальное положеніе обитателей подобно красотѣ мѣстности, что онъ въѣхалъ въ царство Астреи, справедливости... Но дѣйствительность не оправдала фантазій: крестьяне кругомъ горько жаловались на непомѣрные поборы, на прижимки и прямое мошенничество городничихъ и исправниковъ, на своеволие казаковъ, пикеты которыхъ осмѣливались останавливать самого царскаго чиновника Москотильникова и требовать съ него денегъ «на команду».

Желая выгадать время, въ Нижній С. А. не заѣзжалъ. Дорога, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась хуже, а путешествіе неудобнѣе. Въ Муромѣ усталый странникъ мечталъ отдохнуть. Какой-то мельникъ на перевозѣ, большой краснобай, «съ патріотическимъ самолюбіемъ» сообщилъ ему, что «въ муромскомъ каменномъ трактирѣ онъ найдетъ всякое кушанье и даже чай, если угодно». Подѣхалъ Москотильниковъ къ славному отелю: то былъ грязный домъ съ выбитыми стеклами и лоткомъ черныхъ калачей вмѣсто вывѣски. У дверей нижняго жилья впустили гостя въ пустую комнату, гдѣ вѣтеръ дулъ изо всѣхъ угловъ. Меблировкаю служили скамья и столъ топорной работы. Заказъ кушанья или, по крайности, пироговъ оказался неисполнимымъ: ничего, кромѣ выставленныхъ калачей, не было... «Если надобна солянка или пирогъ съ рыбой», то приходится подождать «до зимы, возвращающей въ муромскій трактиръ изобиліе и возвышающей его въ достоинство харчевни». Зато въ странникъ пробудили надежду отдохнуть уже, какъ слѣдуетъ, во Владимирѣ, въ домѣ благороднаго собранія.

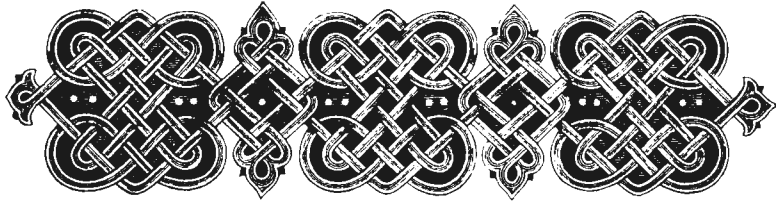
Добрался путешественникъ и до владимирскаго клуба. Здѣсь точно пахло уже совсѣмъ Европой. Гости помѣстили въ парадной гостиной, гдѣ пышность владимирскаго дворянства доказывалась двумя липовыми ломберными столами и обломанною люстрой; зато не было ни одного дивана или канапе, гдѣ можно было бы уснуть. Спрашиваетъ гость, какъ поздно ужинаютъ въ клубѣ. Оказывается, ждать нечего, ибо и самаго ужина не бываетъ совсѣмъ... Нельзя ли изжарить пару рябчиковъ?—таковыхъ во всемъ городѣ не сыщешь. Въ концѣ концовъ помирились на томъ, что зажарили цыпленка и подали бутылку жидкаго, краснаго вина, якобы «Шато Марго». Голодающаго утѣпалъ подъ окномъ пѣвецъ изъ мѣстныхъ обывателей, при чемъ «звуки балалайки еще болѣе возвышали прелесть похмельной мелодіи»... Послѣ ужина С. А. послѣшно выѣхалъ изъ Владимира, не останавливаясь на ночлегъ.

Проѣзжая уже по Московской губерніи, Москотильниковъ сдѣлался жертвою «грабительства» и «безстыднаго корыстолюбія» подмосковныхъ ямщиковъ. За 75 верстъ до Москвы учтивый почталіонъ объявилъ путнику, что лошади въ разгонѣ и еще не вернулись, а ямщики сосѣдней станціи взяли съ Москотильникова двойные прогоны и за 4 лошади. Въ довершеніе всего поднялась буря,—и путешественнику оставалось лишь одно то утѣшеніе, что корыстолюбивый ямщикъ на дождѣ промокъ до нитки. Въ 4 часа проѣхали всего 17 верстъ. Пришлось остановиться и заночевать въ Буньковѣ; отсюда взяли до Москвы болѣе 13 рублей, тогда какъ цѣлая подорожная отъ Казани до Москвы стоила всего 46 рублей съ копейками.

«Читатель, теперь прости! Ямщикъ, погоняй! Москва, Москва!»—восклицалъ въ концѣ своего пути А. Н. Радищевъ. Но что собою представляла тогдашняя Москва для пріѣзжающаго, видимъ мы изъ письма къ тому же С. А. Москотильникову его друга, «казанскаго негоціанта и литератора», отца русскаго романтизма, Г. П. Каменева, который ѣздилъ въ Москву за 6 лѣтъ передъ тѣмъ и общалъ своему другу отъ 9 февраля 1799 г. (см. «Литература и просвѣщеніе въ Россіи», т. III, стр. 111, письмо № 1): «Съ часъ назадъ тому пріѣхалъ я, слава Богу, въ Москву, и въ переѣздѣ 800 верстъ перетерпѣлъ я нужды и досады болѣе, нежели иной на 8.000 верстахъ. Теперь на худой квартирѣ въ Зарядѣ, въ мокрой и студеной комнатѣ, едва достаетъ терпѣнія писать... Судя по первымъ предметамъ, мнѣ представляющимся, едва ли съ трудомъ повѣрить можно, чтобъ я былъ въ Москвѣ,—въ Москвѣ, куда лѣтъ съ пять сряду всѣ желанія мои стремились»...

Проф. Е. А. Бобровъ.

ГРЯДУЩАЯ СУДЬБА ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

«The safe life in the old order, where one did this because it was right, and that because it was the custom, when one shunned this and hated that, as lead runs into a mould, all that is passing away. And presently, as the new century opens out, there will become more and more distinctly emergent many new cultures and settled ways. The grey expanse of life to-day is grey, not in its essence, but because of the minute confused mingling and mutual cancelling of many-coloured lives».

H. G. Wells, «Anticipations», IV, pp. 139—140.

ИЗВѢСТНОСТЬ англійскаго писателя Уэльса, хорошо знакомаго русской читающей публикѣ, растетъ на Западѣ съ каждымъ годомъ. Его произведенія переводятся на иностранные языки и читаются нарасхватъ всѣмъ образованнымъ міромъ. Тайна его популярности лежитъ, впрочемъ, не столько во вдумчивомъ и блестящемъ литературномъ дарованіи, сколько въ отзывчивой его чуткости къ запросамъ настоящаго. Невольно, путемъ долгихъ наблюдений окружающаго, онъ пришелъ къ грустному выводу, что современная жизнь не таитъ животворнаго начала объединяющихъ идей. Отсюда Уэльсу оставался одинъ шагъ до убѣжденія въ необходимости создать особый міръ отдохновенія для себя и другихъ, область, чуждую мелочныхъ житейскихъ дразгъ и грошевыхъ расчетовъ. И вотъ онъ уходитъ въ сферу фантастики, то пробуждая въ читателѣ смѣхъ, то поражая глубокимъ трагизмомъ положенія, то наконецъ воссоздавая жизнь, которой такъ не хватаетъ современ-

ному человѣчеству, жизнь, сотканную изъ яркихъ противорѣчій порождающихъ могучую борьбу страстей и увлеченій.

Но до послѣднихъ лѣтъ Уэльсъ жилъ настоящимъ своихъ литературныхъ успѣховъ, которые лишь недавно навели его на новыя размышленія, заставивъ дать синтезъ всего ранѣе сказаннаго, многое освѣтить сильнѣе и всестороннѣе, многое добавить и пополнить. На-дняхъ въ Лондонѣ вышли новымъ изданіемъ его «Anticipations» ¹⁾, гдѣ авторъ дѣлится съ читателемъ своими «отвлеченными соображеніями по поводу развитія физическихъ силъ, образующихъ гипотетическія догадки о вѣроятномъ направленіи мірового прогресса въ ближайшемъ столѣтіи».

Еще ранѣе въ своихъ романахъ Уэльсъ не разъ касался судебъ, ожидающихъ человѣчество, но избѣрилъ въ возможность ясно изложить свое profession de foi, ибо художественныя произведенія, разбирая сюжетъ конкретно, безъ альтернативъ, устраняютъ полноту доказательствъ, тогда какъ догадки о будущемъ, въ духѣ реальной современности, должны быть построены на научныхъ методахъ отвлеченіемъ.

«Безмятежная жизнь по старинѣ, когда каждый дѣлалъ одно, потому что оно признавалось благомъ, или совершалъ другое, потому что оно было въ обычаяхъ, и ненавидѣлъ третье, потому что зло выливалось въ одинаково признаваемыя всѣми формы,—эта жизнь уходитъ отъ насъ прочь. По мѣрѣ того, какъ будетъ протекать новое столѣтіе, стануть все болѣе слагаться новыя культуры и едва обозначающіяся вѣянія. Безпросвѣтное теченіе современной жизни сѣро, безнадежно сѣро, но отнюдь не въ существѣ, а потому, что по мелочамъ смутно смѣшиваются и взаимно покрываютъ другъ друга многокрасочныя, единичныя начинанія». Борьбу съ «сѣростью жизни» Уэльсъ предсказываетъ въ будущемъ, а фазисы ея намѣчаетъ на страницахъ своей многообъемлющей книги, которая, несомнѣнно, представляетъ незаурядное явленіе въ западной литературѣ.

«Предсказанія» авторъ начинаетъ вопросомъ о способахъ сообщенія, такъ какъ ростъ крупныхъ центровъ, быстрое увеличеніе населенія Америки и включеніе Китая въ сферу вліянія европейской политики—лишь прямыя и очевидныя послѣдствія новыхъ способовъ передвиженія въ пространствѣ. Указавъ на типичныя особенности развитія желѣзнодорожнаго движенія, Уэльсъ проводитъ ему конкуренцію въ системѣ вращающихся вокругъ оси подвижныхъ платформъ и допускаетъ мысль, что въ результатѣ предсказываемой эволюціи промышленные города добьются очищенія улицъ отъ коннаго движенія и, быть можетъ, полнаго его упраздненія.

---

¹⁾ H. G. Wells. «Anticipations of the reaction of mechanical and scientific progress upon human life and thought». London. 1902.

Распределение населения въ странѣ находится въ зависимости отъ легкости перемѣщенія: подъ вліяніемъ усовершенствованныхъ средствъ сообщенія, сходящихся радіусами къ торговымъ центрамъ, и началось въ XIX вѣкѣ разрастаніе городовъ. Наслушавшись объ ихъ культурныхъ задачахъ и ознакомившись со статистическими о нихъ данными, мы увѣровали въ грядущую неизбѣжность еще большаго сгущенія населенія въ столицахъ, а между тѣмъ въ XX столѣтіи гигантскіе города, связанные желѣзнодорожною сѣтью, достигнутъ кульминаціонной точки развитія и подвергнутся процессу расчлененія, почти равносильному съ распадомъ.

Ранѣе городская округа ограничивалась 4-мильнымъ радіусомъ для пѣшеходовъ и 7—8-мильнымъ—для конной тяги, но дешевизна проѣздовъ по пригороднымъ желѣзнымъ дорогамъ постепенно расширила ее до 30-мильнаго радіуса, а въ недалекомъ будущемъ скорость движенія достигнетъ 100 миль въ часъ, и округа Лондона, на примѣръ, займетъ площадь, равную территоріи всей Ирландіи, что позволитъ жителямъ, интересы которыхъ связаны съ городомъ, расселиться по всей странѣ, почему самая антитеза между городомъ и деревнею падетъ, и вся разниа сведется къ большей или меньшей ихъ населенности. До границы вѣчныхъ снѣговъ, повсюду раскинутся желѣзныя дороги, трэки и сѣти электрическихъ проводовъ. Прочестъ газету нѣсколькими часами позже, день переждать, пока доставятъ потребованное,—такова окажется крайняя мѣра отсталости медвѣжьихъ угловъ.

Съ другой стороны новѣйшія общественныя явленія порождены могучимъ развитіемъ фабричнаго производства—характерной особенності XIX столѣтія, сравнительно съ которымъ вся 40-вѣковая исторія культурныхъ обществъ, несмотря на пестроту поверхностныхъ признаковъ, отличается въ основѣ своей малой подвижностью.

Зародышемъ всякаго общественнаго организма были рабы, землепашцы и рабочіе. Составляя источникъ работы *de facto*, рабочій классъ являлся совокупностью живыхъ машинъ соціального строя, заправлялъ же этими животворными силами, подъ часъ владѣя ими, высшій культурный классъ: воины и знать.

До появленія зачатковъ фабричной промышленности несложный строй этотъ держался повсюду. Сущность исторіи прошедшаго сводится къ стремленію разныхъ комбинацій общественности воплотиться въ наиболѣе совершенную, по мѣстнымъ условіямъ, форму въ цѣляхъ преодолѣнія двухъ непримиримыхъ враговъ прочности: нововведеній и вѣкового прироста населенія.

Въ связи съ прогрессомъ механическихъ силъ, который сталъ въ соціальномъ отношеніи сказываться съ XVIII вѣка,—на сцену выступаетъ новый элементъ общественности: классъ «держателей промышленныхъ цѣнныхъ бумагъ».

Въ прежніе годы владѣніе и накопленіе собственности всецѣло зависѣло отъ дѣятельности, труда, насилія или разбоя. Собствен-

никъ паевъ и акцій—ингредиентъ современности, не нуждается ни въ разумѣ, ни въ силѣ и, не имѣя рѣзко очерченныхъ признаковъ помимо обладанія капиталами, свободенъ отъ обязанностей въ отношеніи реального имущества, изъ котораго извлекается доходъ. Проникая насквозь все общество, классъ «держателей бумагъ» объединенъ чашиемъ барышей и не сплоченъ въ тѣсную семью: дать дружный отпоръ посягательствамъ на свои интересы онъ едва ли способенъ. Несомнѣнно, провозглашенное социалистами рѣзкое отрицаніе принципа его существованія вызвало со стороны капитала нестройный протестъ, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы его представители коллективно смогли побороть живыя силы, которыя рано или поздно ополчатся противъ нихъ; такимъ образомъ вопросъ дальнѣйшаго ихъ существованія сводится къ способности и желанію отвѣчать насущнымъ интересамъ общества и, кто знаетъ, если бы коренной экономической переворотъ не упразднялъ устоевъ всей человѣческой дѣятельности, и промышленное развитіе XIX вѣка завершилось окончательно, быть можетъ, общество не постѣснилось бы свести съ современными мервингами-акціонерами тѣ счеты, о которыхъ мечтаютъ социалисты.

Но до послѣдняго фазиса экономической эволюціи еще далеко: изобрѣтенія идутъ своимъ чередомъ, реформируя общественный строй; новизна находится въ непрестанной борьбѣ со стариною, стремясь упрочиться въ ущербъ прошлому, и у государственныхъ людей слагаются представленія о социальномъ порядкѣ, какъ о чемъ-то вѣчно растущемъ; по мѣрѣ теченія матеріальнаго прогресса неизбѣжно развиваются новыя акціонерныя предпріятія и «вышибаніе дивидендовъ». Предполагая даже, что торгово-промышленныя предпріятія будутъ «государствлены» или «муниципализированы (т. е. осуществится задача государственнаго социализма),—eo ipso акціонеровъ-частныхъ лицъ замѣнитъ акціонеръ государство или корпорація. Предпріятія стануть возникать и исчезать, отражаясь на относительной цѣнности разныхъ формъ богатства; отжившіе свой вѣкъ способы, уклады и промыслы будутъ падать въ цѣнѣ, а индивидуальности видоизмѣнять свойства; семейный строй подвергнется кореннымъ преобразованіямъ, и, допуская возможность соединенія грозныхъ капиталовъ въ отдѣльныхъ родовыхъ группахъ, слѣдуетъ ожидать, что общество введетъ противъ нихъ прогрессивныя подоходныя налоги и наслѣдственныя пошлины. Но какія бы ни совершились перемѣны, основы акціонернаго хозяйства будутъ столь же долговѣчны, какъ и эволюціонное движеніе общества, доколѣ оно не выйдетъ изъ стадіи экспериментовъ.

На противоположномъ концѣ общественной лѣстницы, вершину которой занимаютъ акціонеры-капиталисты, все явственнѣе вырисовывается иной элементъ, какъ неизбѣжное послѣдствіе превращенія статическаго общественнаго строя въ кинетическій.

Типичнымъ продуктомъ XIX вѣка являются не отправляющіе въ социальномъ организмѣ опредѣленной функціи бѣдняки, не сумѣвшіе приспособиться къ измѣнившимся условіямъ промысла или развившіеся въ обстановкѣ, не позволившей пристать къ живому дѣлу. Эта «утопающая» часть общественнаго организма обречена на паденіе въ бездну.

Когда голытьба впервые стала рѣзать своею массою статическому обществу глаза, въ оборотъ была пущена мысль о непомѣрной ея плодовитости, но теперь любой вестъ-эндскій врачъ подтвердитъ своимъ клиентамъ, что эта наименѣе желанная отрасль рода человѣческаго не воспитывается, а рекрутируется постоянно заново.

Хотя индивиды безпомощные, бѣдствующіе и развращенные будутъ вымирать и впредь, тѣмъ не менѣе обездоленный классъ сохранить долговѣчность, пока цивилизація не измѣнитъ своего направленія, а человѣчество не научится невѣдомыми нынѣ способами устранять народненіе обдѣленныхъ приспособляемостью особей. Уэльсъ легко примиряется съ фактомъ ихъ существованія: они также неотъемлемо принадлежатъ составу фізіологическихъ отправленій въ фабрично-капиталистическомъ строѣ общества, сколь неизбѣженъ процессъ распадненія клѣточекъ въ тѣлѣ живого, здороваго человѣка.

Ассимилируя родовую и земельную знать, акціонерный капиталъ сведетъ ее къ нулю въ то самое время, какъ низшее сословіе, составлявшее устойчивый фундаментъ социальной пирамиды, по мѣрѣ развитія машиннаго производства, гибнетъ, скатываясь въ бездну нищеты. И въ связи съ крушеніемъ первичныхъ элементовъ общественности постепенно выясняется процессъ объединенія разнороднѣйшихъ особей въ новую специальную группу, медленно, но сознательно образующую доселѣ невѣдомые идеалы. Благодаря распространенію изобрѣтеній и прикладныхъ знаній, проникающихъ во всѣ области жизни, современнымъ техникамъ приходится неустанно учиться, постоянно переучиваясь заново, а это далеко не то же, что по-ремесленному понаторѣтъ въ обычныхъ пріемахъ извѣстнаго мастерства.

Отправляя должность техника, инженера, ученаго или врача, будущіе дѣятели, обладая своеобразной, стройной подготовкой и обширными профессиональными знаніями, хорошо знакомятся съ общенаучнымъ истолкованіемъ мірозданія. Въ силу необходимости они станутъ чутко и послушно относиться къ велѣніямъ долга, независимо отъ исповѣдуемыхъ религіозныхъ убѣжденій, ибо внѣ вліянія категорическаго императива личность окажется жалкой игрушкой въ жизни грядущаго. Но если даже среди представителей новой культуры широко разовьется чувственность, то въ ней попросту будутъ видѣть уступку животности, необходимой для расцвѣта жизненной энергіи.

Послѣ анализа предполагаемаго культурнаго общества *in vacuo*, т. е. силъ, вліяющихъ поступательно на его укладъ, авторъ переходитъ къ факторамъ, задерживающимъ развитіе или вызывающимъ борьбу. Оставляя въ сторонѣ наименѣ оригинальныя страницы, посвященныя характеристикѣ войнъ ХХ вѣка и борьбѣ расъ, мы обратимся ко взглядамъ Уэльса на демократію и политическій бытъ цивилизованныхъ народовъ. Болѣе чѣмъ холодное отношеніе къ Биконсфильдовской и Чемберленовской политикѣ—характерная черта Уэльса, который видитъ причины пораженія британскихъ силъ въ Трансваалѣ, Китаѣ и европейскомъ концертѣ—въ безталланности демократически-парламентскаго режима. Наравнѣ съ Шопенгауеромъ и Карлейлемъ, Ренаномъ и Тэнномъ, къ гуртовой массѣ человѣчества, къ народовластью онъ относится также недовѣрчиво, какъ и къ социализму.

Современные умники молчаливо преклоняются передъ мыслью о вѣчномъ господствѣ демократіи. Намеки на ея всемогущество и самоувѣренныя толки о ея значеніи повсемѣстно приобрѣли права гражданства, на дѣлѣ же демократія—пустая въ себѣ самой идея, широкое, но ничего не выражающее понятіе. Ея развитіе, не будучи точкою опоры для мірового движенія, неумолимаго въ дальнѣйшемъ прогрессивномъ теченіи, играетъ роль перваго судорожнаго толчка тѣхъ силъ, которыя когда нибудь примутся дружно дѣйствовать въ одномъ направленіи.

Осуществленіе демократіи легко приурочить къ признанію вольностей, запечатлѣнныхъ въ знаменитой «Декларациі правъ чело-вѣка и гражданина» 26 августа 1789 года: современное правовое государство осуществило ея притязанія. Демократическая теорія, какъ извѣстно, признаетъ въ общественныхъ вопросахъ воздѣйствіе на отдѣльное лицо единой народной воли, т. е. суммы волей всѣхъ гражданъ государства.

Не зная реального воплощенія выборныхъ началъ, недоступнаго логическому обращенію въ безусловный *pop-sens*, Уэльсъ думаетъ, что безконечная цѣль общественныхъ рѣшеній не имѣетъ ничего общаго съ выраженіемъ единой всѣхъ гражданъ воли, ибо разумнѣе заурядныхъ «обывателей» не идетъ въ этой области далѣе индиферентизма. Столь же очевидно, что любая избирательная система искусственно перемѣщаетъ власть въ руки наиболѣе изворотливыхъ и ловкихъ. Въ сущности говоря, *maximum* и *minimum* государственнаго благоденствія зависятъ отъ общественнаго контроля условно, и народная масса, терпѣливо перенося величайшія бѣдствія безъ сопротивленія выборному правительству, не задумается свергнуть законодателей изъ-за ничтожнѣйшихъ поводовъ къ раздраженію.

Разочарованіе въ опытахъ народовластія настолько бьетъ въ глаза, что въ распространеніи его установленій трудно найти убѣдительные выводы, добытые процессомъ разума. Скорѣе слѣдуетъ

допустить, что хваленая демократія только реторическій покровъ, таящій противорѣчивѣйшіе факты.

Всѣ ея элементы спутаны въ хаотическомъ сумбурѣ. На нашихъ глазахъ великобританская конституція ревниво оберегаетъ компромиссъ между давно угасшими антагонизмами. Палата лордовъ является собраніемъ территоріальныхъ и церковныхъ сановниковъ, разношерстныхъ представителей современнаго, безотвѣтственнаго богатства, тогда какъ нижняя палата, весьма удобная, какъ арена партійныхъ столкновеній при сведеніи кружковыхъ счетовъ, давно перестала отвѣчать реальнымъ запросамъ времени. Члены ея намѣчаются темными радѣтелями общественнаго блага, сами же избиратели давно уже перестали выполнять функціи проводниковъ коллективнаго самосознанія, не преслѣдуя общихъ цѣлей. Въ теоріи палата общинъ охраняетъ интересы классовъ, которые въ практикѣ неизмѣнно разлагаются на противоборствующие, непримиримые элементы.

Зло это, вытекая изъ коренной сущности демократическаго строя, вовсе не носитъ характера мимолетной случайности, ибо новыя формы правленія призваны къ бытію отнюдь не потому, что державный народъ сознательно сталъ у кормила власти, какъ утверждаютъ краснобаи, а просто въ силу упадка и вырожденія правящихъ классовъ по мѣрѣ quasi-естественнаго роста машиннаго строя и индустріализма. Такимъ образомъ, подобно знаку безконечности, демократическая формула является конкретнымъ выразителемъ, символомъ отрицанія и безсилія.

Вотъ почему Уэльсъ не ждетъ и въ будущемъ ничего, кромѣ бессмысленныхъ интригъ, потугъ и борьбы между политическими лагерями, и склоняется къ мысли о появленіи новаго Наполеона, который смететъ во многихъ государствахъ безтолочь парламентскаго режима. Стремленіе удержать власть въ рукахъ станетъ толкать враждующія партіи на разжиганіе «кваснаго» патріотизма и международной ненависти, а отсюда возникнетъ рядъ кровавыхъ войнъ, ибо подъ вліяніемъ усовершенствованій въ механикѣ, баллистикѣ, артиллеріи и воздухоплаваніи окажутся непримѣрныя средства къ уничтоженію рода человѣческаго.

Скоро ли наступитъ эта пора, Уэльсъ, конечно, не говоритъ и, хотя нерѣдко ссылается на XX столѣтіе, тѣмъ не менѣе постоянно дѣлаетъ оговорки, отодвигая осуществленіе «предсказаній» *ad calendae graecas*.

Въ предѣлахъ отдѣльныхъ государствъ разовьются явленія мрачныя. Цивилизующей единицей общественнаго строя была до сихъ поръ единобрачная семья, но моногамическій институтъ въ исторіи человечества возникаетъ сравнительно поздно, отвѣчая психо-физиологическимъ запросамъ единичныхъ особей обоюбого пола. Для мужчины единобрачіе влечетъ крайнія стѣсненія, заставляя

обуздывать воображеніе или тайкомъ нарушать законъ, бахвалясь на людяхъ примѣрною добродѣтелью; для женщины же, въ большинствѣ случаевъ, прегрѣшенія противъ нравственности завершаются смиреннымъ подчиненіемъ мужу.

Въ минувшемъ была возможность поддерживать въ различныхъ странахъ рѣзко различныя этическія системы, но съ распространеніемъ и удешевленіемъ путешествій усилившаяся подвижность населенія начинаетъ вызывать нравственную смуту, созданную противорѣчіемъ неодинаковыхъ ограниченій.

Сузятся ли нравственный законъ въ международныхъ отношеніяхъ до исключительности или расширится до признанія правомѣрности за всѣми разновидностями брачныхъ и половыхъ отношеній, конечные результаты будутъ одинаковы: силы эти станутъ неуклонно содѣйствовать ослабленію нравственности въ грядущемъ, тѣмъ болѣе, что въ данномъ направленіи, конечно, скажется вліяніе «безотвѣтственныхъ собственниковъ».

Вѣдь въ рамкахъ права, личныхъ способностей и смѣлости капиталистъ воленъ продѣлывать все, что ни подскажетъ ему чувственная фантазія и, если принять въ соображеніе, что человѣкъ созданіе не совершенное и падкое до новыхъ опытовъ, снѣдаемое непреодолимыми страстями и одаренное измѣнчивымъ разумомъ, — окажется ясно, сколько безграничныхъ опасностей таитъ въ себѣ свобода «безотвѣтственного богача».

Роковымъ, но неизбежнымъ образомъ мы придвигаемся къ эпохѣ паденія идеаловъ, когда ослабѣвшія религіозныя вѣрованія и общественное мнѣніе утратятъ единогласіе, когда не только связи и сожительства фізіологически здоровыя, но даже болѣзненно порочныя наклонности спокойно проникнутъ въ жизнь, находя вѣскія оправданія своему господству.

А впрочемъ угрожающее будущему извращеніе общепризнаннаго мѣрила этики вовсе не значитъ, что общество сплошь упадетъ вліянію разврата.

Вмѣсто одной нравственности явится пестрый ихъ рядъ, и въ виду наличной обстановки каждый станетъ вырабатывать своеобразныя духовныя стремленія, детерминируемыя индивидуальными свойствами характера.

Жизнь вѣдь удивительно капризна и теперь уже носитъ характеръ случайныхъ опытовъ, а черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ исторія общественности сведется къ безпокойнымъ поискамъ оцупью, къ обходу затрудненій, къ распаденію однѣхъ группъ и созданію новыхъ, паче же всего къ тягостнымъ для массъ человѣчества стараніямъ познать самихъ себя.

Отчетливое пониманіе новой культуры и переходъ мысли отъ отвлеченнаго раскола къ опредѣленнымъ намѣреніямъ произведутъ коренныя измѣненія въ коллективной соціальной жизни. Чело-

вѣчество, проникаясь одною культурою и общностью міросозерцанія, найдетъ въ положительной наукѣ прочные устои для уразумѣнія истинной цѣнности жизни. Въ какихъ предѣлахъ сохранять самобытные могучіе люди грядущихъ вѣковъ современную расплывчатую нравственность, никому не вѣдомо, но Уэльсъ полагаетъ, что они, отличаясь глубокою честностью, разовьютъ литературу, отвѣчающую ихъ потребностямъ, многое обсудятъ, провѣрятъ и откинутъ, выяснятъ неразрѣшимыя для насъ загадки, рѣшивъ многіе вопросы, въ которыхъ нынѣ мы беспомощно колеблемся и малодушествуемъ¹⁾. И долго ли, коротко ли пройдя вѣка кровопролитныхъ столкновеній, недоразумѣній и опасностей, человечество объединится въ органически сплоченное общество, вѣчно пребывающее въ мирѣ съ самимъ собою.

Въ преємственной послѣдовательности историческихъ событій мы замѣчаемъ, какъ могучія силы механическаго и научнаго развитія ведутъ глухую, но непрестанную и упорную борьбу противъ устарѣлыхъ, отжившихъ обособленій и тупого партикуляризма. Конечное завершеніе и полное осуществленіе все примиряющаго синтеза вовсе не составляютъ процесса, зависимаго отъ козней отдѣльной личности или сознательной воли совокупнаго человечества... Въ постепенной эволюціи всего скорѣе скажется высшій промыслъ, и она совершится столь же неизбежно и неотразимо, какъ вѣковыя возмущенія природы, какъ поднятіе материковъ и разрушеніе горныхъ кряжей.

Въ смутныхъ преданіяхъ сѣдой старины сохранились вѣсти о томъ далекомъ прошедшемъ, когда Европа переживала коренные и мятежные перевороты. Въ неуклонномъ стремленіи къ единству понадобились десятки вѣковъ для воссозданія областей, покрывшихъ одна другую и соединившихся въ цѣлое тѣло, для возникновенія понятій «автохтоновъ», расъ, языковъ и національных государствъ.

И нынѣ все также неотразимо слагается ясное сознаніе потребности въ обобщающемъ синтезѣ. Рамки національнаго строя, часто возникавшія случайно и условно, не удовлетворяютъ потребностямъ общества, и все сильнѣе развиваются объединяющія политическія идеи, раснавшіяся въ послѣднее время на пять основныхъ группировокъ: 1) англо-саксонскій имперіализмъ, 2) объединеніе латинскихъ народностей, 3) объединеніе желтолицыхъ племенъ, 4) панславизмъ и наконецъ 5) пангерманизмъ.

Узко національныя особенности и склонности, воспитанныя на почвѣ неразумнаго патріотизма, неизмѣнно тормозятъ прогрессъ

---

¹⁾ Центръ тяжести всего развитія общественности перемѣщается, такимъ путемъ, въ руки представителей ума и знанія, въ лицѣ которыхъ Уэльсъ провидитъ народженіе того правительства ученыхъ, о которомъ мечталъ Огюстъ Контъ.

человѣчества, за связующій и творческій элементъ слѣдуетъ признать начала болѣе существенныя и обоснованныя... Но водвореніе ихъ въ общественномъ сознаніи и въ окружающей жизни сулитъ не физическое или матеріальное господство надъ міромъ,— они послужатъ на пользу болѣе дѣйствительной, а главное болѣе цѣлесообразной охраны расовыхъ, нравственно бытовыхъ и язычныхъ особенностей новыхъ союзовъ отъ вторженій и насильственныхъ враждебныхъ посягательствъ.

Уэльсъ не питаетъ особенной вѣры въ жизнеспособность англо-саксонскаго империализма. Недостатки соотечественниковъ слишкомъ хорошо знакомы и понятны англійскому писателю, и онъ не закрываетъ на нихъ глазъ. Самонадѣянная увѣренность въ своемъ превосходствѣ и гордое презрѣніе къ иноплеменнымъ государствамъ являются первымъ и неустранимымъ препятствіемъ къ объединенію націй подъ эгидою Англии, а надменная исключительность, малая способность къ дѣятельной умственной жизни и сомнительное воспитаніе неминуемо обрекаютъ британскаго подданнаго на тупую косность, часто оставляя его въ сторонѣ отъ міровой культурной работы.

Иное дѣло—сочетаніе положительныхъ сторонъ англійскаго характера съ преобладаніемъ американскаго генія. Такому союзу не трудно предсказать успѣхъ... Здѣсь стойкость въ разработкѣ социальныхъ началъ будетъ пополняться энергичною предприимчивостью. Но, къ сожалѣнію, идея эта еще не стала настоятельною потребностью, не встрѣтивъ дѣятельнаго сочувствія въ общественно-политической литературѣ.

Наиболѣе достовѣрный успѣхъ Уэльсъ предрекаетъ западно-европейскому культурному городскому району: ему суждено соединиться при главенствѣ Франціи.

Восторженное преклоненіе британскаго публициста передъ галльской культурой находитъ естественное психологическое объясненіе. Угнетенный однообразіемъ окружающаго, въ напрасныхъ поискахъ кипучей и содержательной жизни, онъ остановился на латинской народности. Ни одна исторія не изобилуетъ такими изумительными контрастами, какъ исторія Франціи и сродныхъ ей національностей. Содержаніе жизни—въ непримиримой и неустанной борьбѣ, которая возникаетъ изъ столкновенія противоположностей... Французскій національный характеръ сотканъ изъ нихъ.

Самъ авторъ «Предсказаній» не совѣмъ такъ опредѣляетъ свои доводы въ пользу латинскаго политическаго союза. Онъ благоговѣетъ, главнымъ образомъ, передъ врожденной галльской жизнеспособностью и умѣнемъ перерождать академическія истины въ лозунги постоянного обихода, отмѣчая, что нигдѣ нѣтъ такого преклоненія передъ свѣтомъ знанія, какъ во Франціи, проникнутой сознаніемъ собственной культурности.

Неодолимыя преграды созданы судьбою на пути осуществления панславистских мечтаній. Объединенію славянъ, по мнѣнію Уэльса, прежде и болѣе всего помѣшаетъ разнь языковъ... Пусть Чехія, Польша и Россія создали самобытныя литературы, одинаково совершенныя и равно законченныя: слишкомъ ничтожно данное обстоятельство, чтобы отдать предпочтеніе извѣстному говору, чтобы опредѣленное нарѣчіе вытѣснило изъ обращенія всѣ остальные родственныя языки... И какая держава приметъ на себя починъ возсоединенія славянскихъ племень?

Послѣдніе вѣка выдвинули Россію въ рядъ «великихъ европейскихкихъ державъ»; съ ея голосомъ въ «международномъ концертѣ» считаются очень серьезно, но англійскій публицистъ считаетъ это явленіе скоропреходящимъ и не имѣющимъ прочнаго значенія. Внѣшняя политика Русскаго государства не разъ обращала вниманіе на разрѣшеніе Восточнаго вопроса, неразрывными узами связаннаго съ родственнымъ ему вопросомъ о будущности славянскихъ народовъ. Легко предсказать, что Россія сдѣлаетъ естественную попытку стать во главѣ всеславянскаго союза... Но удастся ли она? На заданный себѣ вопросъ Уэльсъ отвѣчаетъ отрицательно.

По его словамъ, наше отечество слишкомъ отстало по сравненію со своими западными сородичами: средній культурный классъ, на развитіи котораго зиждется все будущее міра, находится у насъ въ едва замѣтномъ, слабомъ зародышѣ, а умственная жизнь, протекающая вяло и монотонно подъ вліяніемъ общественной и религіозной реакціи, способствуетъ неуклонному и широкому разростанію невѣжественныхъ массъ темнаго крестьянства... Прорицатели матеріальнаго величія Россіи забываютъ, что численность ея армій роли не играетъ: она значительно растаетъ подъ вліяніемъ недремлющаго прогресса механическихъ усовершенствованій въ области военнаго дѣла.

Какъ истый британецъ, заплативъ дань руссофобіи, Уэльсъ утѣшается надеждою, что западное славянство примкнетъ къ пруссакамъ и литвинамъ, сольется съ ними, понемногу утративъ яркую самобытность, и войдетъ въ составъ западно-европейскаго округа, тогда какъ отсталая Россія, составляя четверть всего земнаго шара, утратитъ значеніе угрозы для культурныхъ народовъ, которые воспримутъ новую цивилизацію.

Развивая упрощенный сельскій бытъ въ крестьянской средѣ, нѣкогда могущественная сѣверная держава будетъ замыкаться все болѣе и болѣе въ тѣсныя рамки, станетъ уходить все далѣе отъ тѣхъ умственныхъ, нравственныхъ и торговыхъ теченій, какія неудержимо разовьются на Западѣ... Этого мало: политическій центръ тяжести Россіи въ виду противодѣйствія будущимъ экономическимъ вліяніямъ Запада, отклоняясь отъ единенія съ нимъ, постепенно

перемѣстится въ Азію. Быть можетъ, въ ближайшія десятилѣтія Россія, господствуя въ Азіи, политически завладѣетъ Китаемъ, но въ цѣломъ ни русская литература, ни русскій языкъ, ни письменность не обладаютъ, по мнѣнію Уэльса, жизненными свойствами, которыя обезпечили бы неударжимое воздѣйствіе на миллионы энергичныхъ азіатовъ, сросшихся со своею самобытною культурою, сплотившихся въ оригинальной общественной жизни. Но 21 вѣкъ, сущій неблагопріятную участь міровой мощи славянства, можетъ легко возродить пангерманизмъ, который, покинувъ тщетныя попытки завладѣть господствующимъ положеніемъ дѣль въ центральной Европѣ, устремится на беспорядочное и дурно сплоченное славянство.

Подробная характеристика внѣшней и внутренней германской политики приводитъ Уэльса къ логическому выводу, что, какъ организованное проявленіе нѣмецкой агрессивности, Прусская имперія падетъ, обезсиленная рядомъ кровопролитныхъ сухопутныхъ и морскихъ войнъ, уступая автономному развитію новаго культурно-общественнаго элемента,—и, пожалуй, на исходѣ 21 вѣка, послѣ смѣны компромиссовъ, въ Западной Европѣ восторжествуютъ возрѣнія, родственныя швейцарско-французскому республиканизму, а не идеалы нѣмецкаго империализма.

И въ то время, какъ великія континентальныя державы приступятъ къ подавленію язычныхъ препопъ и національныхъ преданій, воссоздавая путемъ воспитательныхъ приемовъ энергичное, дѣятельное общество въ новомъ духѣ, азіатскій Востокъ пойдетъ по пути своеобразнаго замкнутаго развитія, имѣя во главѣ Россію, Японію и Китай.

Таковы, по мнѣнію Уэльса, грядущія судьбы человѣчества. Не вдаваясь въ подробный анализъ «Предсказаній англійскаго публициста», окидывая бѣглымъ взглядомъ все сказанное, необходимо замѣтить, что въ творческомъ дарованіи Уэльса художникъ преобладаетъ надъ мыслителемъ, объясняя во многихъ случаяхъ его недосмотры и промахи... Чуткій и впечатлительный, онъ легко увлекается новизною идеи, яркими очертаніями образа, и въ тѣхъ работахъ, гдѣ объективный изслѣдователь не забылъ бы ни единой изъ второстепенныхъ подробностей, Уэльсъ въ главномъ нерѣдко грѣшитъ односторонностью.

Другой немаловажный его недостатокъ—склонность къ преувеличеннымъ ожиданіямъ отъ будущаго, заставляющая закрывать глаза на уроки историческаго опыта, что случается съ англійскимъ писателемъ, къ слову сказать, нерѣдко. Высказывая правильную въ сущности своей мысль о стремленіи и потребности синтеза, Уэльсъ считаетъ черту эту типичною для настоящаго, забывая, что въ прошломъ мы видимъ частыя увлеченія политическими «концентраціями», которыя сплошь и рядомъ вновь уступали мѣсто хаотическимъ раздробленіямъ и «децентраціямъ».

Но помимо общих недостатков Уэльсу вредит еще другое... Когда онъ принимается предсказывать будущее Россіи и славянства, замѣтно, что ему приходится писать о вопросахъ, знакомыхъ мелькомъ и по наслышкѣ. Повидимому, онъ плохо знаетъ нашу культурно-общественную жизнь; иначе онъ, безъ сомнѣнія, остановился бы дольше на характеристикѣ социальнаго и государственнаго строя нашей родины. Ему должна была бы броситься въ глаза наличность условий, характеризующихъ, съ его точки зрѣнія, содержаніе общественной жизни: въ извѣстномъ отношеніи, Россія—страна социальныхъ контрастовъ, что не можетъ укрыться отъ взора наблюдателя даже при поверхностномъ знакомствѣ съ ея бытомъ.

Едва ли знакомы Уэльсу, съ научной точки зрѣнія, славянскія нарѣчія и русскій языкъ: считая однимъ изъ видныхъ препятствій для воссоединенія славянъ «рознь языковъ», онъ упускаетъ изъ виду очевидную для всякаго общность ихъ происхожденія.

Слишкомъ мало вниманія удѣляетъ онъ также вопросу вліянія русской литературы на западную умственную жизнь. Толстой, Чеховъ и Максимъ Горькій появляются одновременно въ десяткахъ переводовъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ, и, конечно, данный фактъ, самъ по себѣ знаменательный,—не мимолетная мода, а знаменіе времени, надъ которымъ Уэльсъ, къ сожалѣнію, не задумался и не сумѣлъ оцѣнить по достоинству.

Отдавая Уэльсу должное за его художественный литературный талантъ, обширныя познанія и остроуміе выводовъ, нельзя не сказать, что англійскій писатель въ своихъ политическихъ прорицаніяхъ остановился, въ отношеніи Россіи, на полпути. Отрѣшившись отъ рабскаго преклоненія передъ англо-саксонскими началами и объявивъ себя врагомъ отечественнаго шовинизма, онъ не сумѣлъ, или, вѣрнѣе, просто не смогъ, въ виду «скудныхъ свѣдѣній въ литературѣ трактуемаго предмета», освободиться отъ типичной черты британскихъ публицистовъ и политикановъ: слѣпой и панической руссофобіи.

Сергѣй фонъ-Штейнъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Судебникъ 1589 г. Его значеніе и источники. Кіевъ. 1902.

АКЪ извѣстно, въ 1899 г. среди рукописей и книгъ, завѣщанныхъ Московскому архиву иностранныхъ дѣлъ Ѳ. Ѳ. Мазуриннымъ, былъ найденъ рукописный экземпляръ Судебника царя Ѳедора Ивановича, законодательный памятникъ, до тѣхъ поръ никому неизвѣстный. Въ 1900 г. онъ былъ напечатанъ г. Богоявленскимъ въ «Сборникъ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ» (вып. 7), при чемъ, какъ г. Богоявленскій, такъ и проф. В. О. Ключевскій снабдили изданіе памятника небольшимъ предисловіемъ, въ которомъ призвали его за проектъ, а не за законъ, когда либо введенный въ дѣйствіе. И только теперь появилось изслѣдованіе извѣстнаго знатока исторіи нашего права, проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, посвященное выясненію значенія и источниковъ Судебника 1589 г. Къ крайнему сожалѣнію, проф. Владимірскаго-Будановъ былъ лишенъ возможности вторично издать текстъ памятника, сопоставивъ его съ текстомъ Царскаго Судебника 1550 г. и сопроводивъ это изданіе подстрочными комментаріями. «Я приготовилъ такое изданіе, свидѣтельствуешь почтенный ученый, однако, оно мнѣ не было разрѣшено и остается въ рукописи» (стр. 2). Въ интересахъ науки приходится очень сожалѣть, что такой опытный издатель и ученый комментаторъ нашихъ древнихъ памятниковъ, какъ авторъ «Христоматіи по исторіи русскаго права», встрѣтилъ препятствіе, хотя бы и на «законномъ основаніи», къ появленію своего труда на свѣтъ Божій!

Приступая къ изученію Судебника 1589 г., проф. Владимірскаго-Будановъ прежде всего задается вопросомъ, кто былъ его авторомъ. Отвѣчая на этотъ вопросъ, онъ приходитъ къ слѣдующему, весьма оригинальному, заключенію: составитель Судебника не былъ юристомъ и знаткомъ тогдашнихъ законовъ,

вообще не былъ человѣкомъ средней образованности, а являлся провинціаломъ сѣверной Россіи и принадлежалъ къ простонародной массѣ начетчиковъ (стр. 6). Такимъ образомъ самый Судебникъ не имѣетъ никакого officialнаго значенія ни въ качествѣ закона, утвержденнаго высшею властью, ни въ качествѣ проекта, исполненнаго по предписанію правительства, и долженъ быть признанъ памятникомъ литературнымъ, составленнымъ частнымъ лицомъ (стр. 65). Доказательствамъ истинности этого основнаго положенія и посвящено изслѣдованіе проф. Владимірскаго-Буданова.

Что составитель Судебника обнаруживаетъ весьма слабое юридическое развитіе, для убѣжденія въ этомъ достаточно сличить статьи памятника съ соотвѣтствующими статьями Царскаго Судебника, являющагося главнымъ его петочникомъ, которыя онъ не просто переписываетъ, а передѣлываетъ или даже передаетъ по-своему. Проф. Владимірскій-Будановъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, иллюстрирующихъ вышеприведенное положеніе, но мы остановимся на одномъ, а именно на статьяхъ 163—167, въ которыхъ излагаются постановленія Царскаго Судебника о вотчинахъ. Какъ извѣстно, основнымъ правиломъ родового выкупа вотчинъ по Царскому Судебнику считалось правило, по которому нисходящіе продавца не имѣли права выкупа, а равно и тѣ изъ боковыхъ родственниковъ, которые были свидѣтелями при продажѣ. Напротивъ, по Судебнику 1589 г. нисходящіе продавца теряютъ право выкупа, если свидѣтелями сдѣлки являются боковые родственники. «Съ перваго раза, замѣчаетъ проф. Владимірскій-Будановъ, можно подумать, что онъ (Судебникъ 1589 г.) преднамѣренно измѣняетъ прежній законъ, хотя связь между причиною и слѣдствіемъ является здѣсь явнымъ абсурдомъ: почему право нисходящихъ на выкупъ зависитъ отъ присутствія боковыхъ при сдѣлкѣ?» Однако, ст. 164 рѣшаетъ это недоумѣніе весьма просто, а именно: въ Царскомъ Судебникѣ говорится далѣе о томъ, что право выкупа не простирается на имущество благопріобрѣтенныя: «до купель имъ (родственникамъ) дѣла нѣтъ». Авторъ Судебника 1589 г. ошибочно прочиталъ слово «купель» и вмѣсто приведенной фразы поставилъ: «до купцевъ дѣтямъ и внучатамъ дѣла нѣтъ». А такъ какъ такая фраза, стоящая отдѣльно, совсѣмъ была бы лишена смысла, то онъ связалъ ее съ предыдущею, гдѣ рѣчь идетъ о срокахъ давности для выкупа: «а далѣе сорока лѣтъ вотчинникамъ до вотчинъ дѣла нѣтъ, до купцевъ дѣтямъ его и внучатамъ дѣла нѣтъ». «Такимъ образомъ, вполне основательно замѣчаетъ проф. Владимірскій-Будановъ, послѣдняя фраза уже не есть простая бессмыслица, а ненужное повтореніе предыдущей фразы замѣнъ отдѣльнаго и очень важнаго постановленія Царскаго Судебника. Здѣсь уже нельзя усмотрѣть намѣченной замѣны прежняго закона новою (хотя бы и нѣтъною) нормою; здѣсь простое непониманіе текста Судебника» (стр. 7).

Такихъ примѣровъ приведено въ разсматриваемомъ изслѣдованіи много, но мы ограничимся вышеприведеннымъ и лишь укажемъ на большой интересъ тѣхъ изъ нихъ, которые относятся къ области процессуальнаго права, въ отношеніи коего составитель Судебника, выражаясь словами проф. Владимірскаго-Буданова, «оказался совсѣмъ безсиленъ» и «не былъ въ состояніи уловить самые существенные пункты ученія своихъ источниковъ», надѣлавъ «крупные

промахи на каждомъ шагѣ» (стр. 13). Все это приводитъ автора изслѣдованія къ выводу, съ которымъ нельзя не согласиться, что составитель Судебника, обнаружившій такое слабое знакомство съ тогдашнимъ дѣйствующимъ правомъ и понимавшій столь превратно тексты законовъ, не могъ быть официальнымъ лицомъ, наиримѣрь, дьякомъ, которому бы поручила дѣло кодификаціи правительственная власть. Но къъ же, однако, онъ могъ быть?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, проф. Владимірскій-Будановъ замѣчаетъ, что «составитель нашего памятника, обнаруживая невѣдѣніе въ чуждыхъ ему текстахъ закона и въ дебряхъ процесса, показываетъ большое знакомство съ бытомъ сельскаго простонародія» (стр. 19), при чемъ приводитъ цѣлый рядъ любопытныхъ данныхъ, касающихся этого быта и находящихся въ разныхъ статьяхъ Судебника, чѣмъ, между прочимъ, этотъ памятникъ отличается отъ другихъ. Такимъ образомъ приходится признать, что авторомъ Судебника является не приказный дѣлецъ, но крестьянинъ. Къ этому же выводу приводитъ и разсмотрѣніе памятника со стороны литературной и въ частности со стороны языка. Судебникъ написанъ на языкѣ, грамматически неправильномъ и всегда отступающемъ отъ официального языка Московскаго государства. Авторъ его, очевидно, хотѣлъ «опростить» официальный языкъ, сдѣлать его доступнымъ пониманію такихъ людей, какъ онъ самъ. «Это, говоритъ проф. Владимірскій-Будановъ, вольный переводъ Судебника Царскаго на простонародное нарѣчіе» (стр. 20). Въ разсматриваемомъ изслѣдованіи приведено много примѣровъ для иллюстраціи названнаго положенія, но мы, будучи ограничены мѣстомъ, вынуждены ихъ опустить. Мало того, проф. Владимірскій-Будановъ идетъ еще дальше и рѣшается утверждать, что авторомъ памятника является сѣверянинъ, что, между прочимъ, видно изъ содержанія статей Судебника, касающихся крестьянскаго хозяйства, такъ какъ въ средней и южной Россіи такихъ явленій въ этой области, о которыхъ сообщаетъ намъ памятникъ, уже не было въ концѣ XVI ст. Наконецъ, оглавленіе ст. 223: «Дорога отъ Москвы до Колмогоръ куды преже была», не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что «авторъ памятника интересовался главнымъ образомъ Холмогорскою, т. е. Двинскою страню» (стр. 26). Къ тому же выводу приводятъ и диалектическія особенности памятника.

Дальнѣйшія, не менѣ твердыя доказательства неофициальности Судебника даетъ разсмотрѣніе его источниковъ. Въ основу его положенъ Царскій Судебникъ 1550 г. и указы 1556 и 1588 гг. По подсчету проф. Владимірскаго-Буданова около $\frac{3}{4}$ матеріала (170 статей) Судебникъ 1589 г. заимствуетъ изъ названныхъ источниковъ и только $\frac{1}{4}$ (61 статью) изъ другихъ, каковыми являются обычное право и «собственный разумъ» составителя памятника.

Между тѣмъ, если бы послѣдній былъ официальнымъ лицомъ и выполнялъ работу, порученную ему правительствомъ, то онъ, конечно, не могъ бы пропустить всей массы законодательнаго матеріала, изданнаго въ періодъ времени между 1550 и 1589 гг., что прямо бросается въ глаза, при самомъ бѣгломъ анализѣ содержанія Судебника. Такъ, составитель памятника совершенно игнорируетъ такой важный источникъ, какъ постановленія церковныхъ соборовъ 1551, 1572 и 1580 гг., касающіяся правъ церкви на земельныя имуще-

ства и вошедшія въ указныя книги приказовъ. Далѣе ему совершенно неизвѣстны указы 1556, 1560, 1558 и 1586 гг. о холодахъ. Затѣмъ онъ вполне игнорируетъ знаменитую реформу Ивана IV въ сферѣ мѣстнаго управленія, почему всѣ грамоты уставныя (земскія), губныя и судныя прошли безслѣдно для статей Судебника. Точно также цѣлый рядъ законовъ о вотчинахъ и помѣстьяхъ (напримѣръ, указы 1557, 1562, 1572, 1573, 1587 гг. и др.) остался неизвѣстенъ составителю памятника, какъ остались неизвѣстны и уголовные законы, вошедшіе въ составъ Уставной книги Разбойнаго приказа. «Съ совершенною наглядностію, говоритъ проф. Владимірскій-Будановъ, бросается въ глаза мысль, что человѣку, живущему въ глуши сѣвера, попадается въ руки экземпляръ Судебника царя Грознаго съ единственнымъ указомъ, приписаннымъ къ нему (1556 г.). Грамотный и любознательный владѣлецъ, вчитываясь, находитъ, что многое въ этомъ законѣ слѣдовало бы измѣнить и многое добавить, и начинаетъ оперировать надъ этимъ скуднымъ матеріаломъ, добросовѣстно воображая, что другого и нѣтъ» (стр. 39). Результатомъ подобнаго отношенія къ дѣйствующему законодательству со стороны составителя Судебника было появленіе въ послѣднемъ анахронизмовъ, т. е. изложеніе такихъ законовъ, которые въ концѣ XVI ст. перестали дѣйствовать, будучи отмѣнены новыми узаконеніями, неизвѣстными составителю.

Какъ уже сказано, другимъ источникомъ Судебника были собственныя соображенія составителя памятника и нормы обычнаго права. Проф. Владимірскій-Будановъ приводитъ много примѣровъ, которые онъ считаетъ новыми постановленіями, возникшими изъ этого источника. Несмотря на большой интересъ и названной части его изслѣдованія, мы лишены, однако, возможности привести ее *in extenso*.

Въ заключеніе скажемъ, что серьезная аргументація почтеннаго ученаго, солидные доводы, приведенные имъ въ доказательство своего основного положенія, и глубокое знаніе нашей старины невольно подкупаютъ читателя и заставляютъ его соглашаться съ мнѣніемъ автора изслѣдованія.

В. Л.—нѣ.

И. Я. Гурляндъ, профессоръ Демидовскаго юридическаго лицея. Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ. Ярославль. 1902.

Среди государственныхъ учрежденій московской Руси приказъ тайныхъ дѣлъ до сихъ поръ является загадкой, ключъ къ разрѣшенію которой пытается подобрать г. Гурляндъ. Относительно существа дѣятельности названнаго приказа имѣется нѣсколько различныхъ мнѣній. Одни, по примѣру Татищева, считаютъ приказъ тайныхъ дѣлъ чѣмъ-то въ родѣ инквизиціоннаго судилища, другіе видятъ въ этомъ приказѣ частную канцелярію царя, третьи—царскую канцелярію съ функціей надзора. Послѣдняго воззрѣнія придерживается, между прочимъ, профессоръ Ключевскій; съ нѣкоторыми ограниченіями въ ту же сторону склоняется профессоръ Владимірскій-Будановъ, а также и профессоръ Сергѣевичъ, который видитъ въ приказѣ тайныхъ дѣлъ специальный органъ надзора. Есть изслѣдователи, указывающіе на разнообразіе и многочисленность

функцій тайнаго приказа съ одной особенностью подлежащихъ его вѣднію дѣлъ — ихъ секретностью, по крайней мѣрѣ, для времени производства; есть историки, не признающіе за тайнымъ приказомъ секретности въ дѣлахъ за всю эпоху его существованія и усматривающіе въ немъ вначалѣ только органъ царской благотворительности.

Г. Гурляндъ, на основаніи имѣвшихся въ его распоряженіи архивныхъ матеріаловъ, подвергаетъ вопросъ коренному пересмотру и въ заключеніе приходитъ къ тому выводу, что опредѣлить точно компетенцію приказа тайныхъ дѣлъ нельзя. Различные авторы, знакомясь съ какою либо одной стороною дѣятельности приказа, были склонны обобщать единичные факты и считать ихъ преобладающими, тогда какъ большое количество матеріала расширяетъ горизонты.

Какъ указываетъ г. Гурляндъ, приказъ вѣдалъ личную переписку царя, царскія имѣнія, промышленныя заведенія, Аптекарекій, Гранатный и Потѣшный дворы, нѣкоторыя торговыя операціи царя, Малую казенную палату, сыскъ всякой руды и залежей, раздачу церковныхъ книгъ, царскую благотворительность, приказъ вѣдалъ личную кассу царя, нѣкоторыя полки, нѣкоторыя области. Въ приказѣ получались челобитныя на имя царя о высшей справедливости и жалобы на дѣйствія подчиненныхъ властей; приказомъ же осуществлялся надзоръ за законностью управленія и проч.

Приказъ тайныхъ дѣлъ, какъ думаетъ г. Гурляндъ, образовался приблизительно въ началѣ 1655 г. и просуществовалъ до смерти Алексѣя Михайловича. Самое возникновеніе его было вызвано особенностями характера царя и условіями тогдашняго управленія. По мнѣнію г. Гурлянда, царь замѣтилъ, что тяжелая машина дворцовыхъ учреждений не въ состояніи поспѣвать за нимъ не только въ силу отсутствія энергіи у того или иного отдѣльнаго лица, а потому, что планы, къ которымъ стремился царь, а также быстрота и точность, которыхъ онъ желалъ, были не по плечу дворцовому строю. Уже эти соображенія могли заставить царя раздѣлить всѣ дѣла и проекты на двѣ категоріи: одни исполняемые въ общемъ, другіе—въ особенномъ порядкѣ. Этимъ дѣленіемъ Алексѣй Михайловичъ не подрывалъ общихъ основъ управленія, но нѣкоторымъ дѣламъ только сообщалъ большую скорость. Эти-то дѣла и складывались въ компетенцію тайнаго приказа.

Постепенно кругъ вѣднія приказа расширялся. Начали поступать челобитныя; царь ихъ не отстранялъ, и приказъ получилъ значеніе органа внутренняго управленія, вначалѣ будучи личной царской канцеляріей по преимуществу. Особенностью приказа тайныхъ дѣлъ являлось, между прочимъ, то обстоятельство, что въ немъ главнымъ двигателемъ былъ самъ царь своєю особою. Онъ направлялъ ходъ дѣлъ, писалъ приказанія, отдавалъ устные повелѣнія. Въ этомъ приказѣ онъ обходился безъ бояръ съ одними дьяками и подьячими, что дало поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ предполагать, что съ помощью тайнаго приказа Алексѣй Михайловичъ боролся съ вліяніемъ боярства. Это личное управленіе царя приказомъ и придало тайнымъ дьякамъ особое значеніе, поднимавшее ихъ фактически надъ юридически стоявшими выше ихъ думными дьяками.

Исслѣдованіе г. Гурлянда, уже далеко не новинка въ трудахъ по исторіи русскаго права, несомнѣнно, обогащаетъ скудную литературу предмета новыми данными. Авторъ обильно пользуется матеріалами, хотя жаль, что онъ не приложилъ ихъ въ большемъ количествѣ въ самомъ подлинникѣ. Нельзя такъ же не похвалить, что авторъ слишкомъ довѣряетъ стариннымъ описаньямъ дѣлъ. Архивныя чиновничьи классификаціи и въ настоящее время страдаютъ большими неточностями, — что же можно сказать о стариннѣхъ?

Строго говоря, весь трудъ г. Гурлянда носитъ преимущественно описательный характеръ и отмѣченъ значительнымъ подчиненіемъ автора разрабатываемому матеріалу. Въ «Ямской гоньбѣ» г. Гурляндъ выказалъ себя большимъ хозяиномъ предмета; но, какъ бы то ни было, и за произведенную работу среди скудной литературы исторіи русскаго права приходится сказать искреннее спасибо.

В. Грибовскій.

Архивъ гр. Мордвиновыхъ. Спб. 1902.

Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» уже былъ помѣщенъ отзывъ о первыхъ двухъ томахъ «Архива гр. Мордвиновыхъ» и указано важное значеніе, которое будетъ имѣть это изданіе для русской исторіографіи. Въ настоящее время вышелъ третій томъ, напечатанный такъ же роскошно, какъ и первые два; въ него вошли бумаги за время первыхъ десяти лѣтъ царствованія императора Александра I, съ 1801 г. по 1809 г. включительно. Вызванный изъ деревни, при воцареніи Александра I, Мординовъ былъ назначенъ вице-президентомъ адмиралтействъ-коллегіи и, кромѣ этого, принималъ дѣятельное участіе въ негласномъ комитетѣ, гдѣ онъ и близкіе государю люди обсуждали вопросъ о преобразованіи государственнаго строя въ Россіи, и въ непремѣнномъ совѣтѣ, замѣнившемъ прежній императорскій совѣтъ. Стоя такъ близко къ общественнымъ интересамъ страны, Мординовъ честно относился къ своимъ обязанностямъ, и въ печатаемомъ томѣ мы находимъ его докладныя записки и мнѣнія по самымъ разнообразнымъ отраслямъ общественнаго управленія. Эти мнѣнія и проекты съ исторической стороны представляютъ громадный интересъ и рисуютъ намъ положеніе Россіи въ первые годы царствованія Александра I. Здѣсь есть и «право приобрѣтенія земли», «проектъ и уставъ трудопоощрительнаго банка», мнѣніе о «вызовѣ иностранцевъ»; вопросъ «о правахъ сената» — особое мнѣніе Мордвинова, которое разсматривалось въ пяти засѣданіяхъ совѣта. Изъ бумагъ, касающихся лично Н. С. Мордвинова, въ настоящій томъ вошло немного и только по двумъ вопросамъ: о преданіи суду сената адмиралтействъ-коллегіи и о крымскихъ татарахъ.

При учрежденіи въ 1802 г. министерствъ, Мординовъ былъ назначенъ министромъ морскихъ силъ, но черезъ полтора мѣсяца принужденъ былъ подать прошеніе объ отставкѣ. Бумаги, относящіяся къ просьбѣ объ увольненіи, ясно рисуютъ намъ тотъ безпорядокъ, который господствовалъ тогда въ веденіи дѣлъ. Конечно, въ своемъ прошеніи Мординовъ указываетъ только на то, что онъ не снискалъ того довѣрія у государя, при которомъ только и можно искоренить всѣ безпорядки, дававшіе иногда большую выгоду лицамъ, стоя-

цимъ во главѣ управленія морскими силами. Оставивъ министерство, Мордвиновъ не почилъ на лаврахъ, но вниманіе его было устремлено на другія существенныя нужды Россіи. Въ бумагахъ, относящихся къ этому періоду его жизни, оказывается тоже много всевозможныхъ мнѣній и записокъ по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія.

Чисто спеціальное значеніе имѣютъ только служебныя бумаги Мордвинова, относящіяся исключительно къ недолгому управленію имъ морскимъ министерствомъ и заключающіяся въ приказахъ и донесеніяхъ къ нему и отъ него разнымъ лицамъ.

Въ приложеніи къ этому тому помѣщены бумаги, относящіяся къ первымъ девяти годамъ прошлаго столѣтія, но которыми Мордвиновъ руководствовался при составленіи своихъ докладовъ и мнѣній. Изъ этихъ бумагъ особаго вниманія заслуживаетъ *Projet de représentation à l'Empereur*, который, по мнѣнію редакціи архива, не принадлежитъ перу Мордвинова, хотя напечатанное въ Лондонѣ «Письмо Мордвинова къ императору Александру I», приводимое въ сочиненіяхъ Герцена, представляетъ собою переводъ этого проекта, значительно искаженный и сокращенный. Въ этомъ проектѣ настолько ясно и правдиво рисуется печальное положеніе Россіи, что въ свое время онъ пользовался большимъ успѣхомъ, и рукописныя выдержки изъ него въ большомъ количествѣ ходили по рукамъ. Имѣя темеръ его въ подлинникѣ, мы можемъ сказать, что авторъ его не совѣмъ ясно излагалъ свои мысли, и нарисованная имъ картина, хотя и соответствуетъ дѣйствительности, но фактами не богата. Учрежденныя министерства не оправдали тѣхъ надеждъ, которыя на нихъ возлагались, такъ какъ не были объединены руководящей идеей, а нѣкоторымъ изъ министерствъ были чужды даже интересы націи. Всюду мѣстничество и протекція, которыя бдительно оберегаютъ своихъ кліентовъ отъ тѣхъ бѣдъ и каръ, которыхъ они заслуживаютъ за свои дѣянія. Картина всеобщаго разрушенія страны ужасна: чума съ границъ угрожаетъ распространиться и внутри имперіи, рабочіе и крестьянскіе беспорядки, затрудненія внутренней и внѣшней торговли, всѣ классы — горожане, дворяне, духовенство, купцы и землевладельцы, подъ властью одного духа — недовольства, отчаянія, возмущенія, финансы истощены двумя несчастными войнами, доходы государства употребляются не для дѣйствительныхъ нуждъ страны, а для удовлетворенія ненасытной жадности всевозможныхъ грабителей, открыто поддерживаемыхъ систематическою безнаказанностью. Армія тоже недовольна безплодными жертвами. Все это внутреннее неурюстройство поведетъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. Въ заключеніе авторъ видитъ выходъ изъ этого положенія и выходъ только одинъ. Государь долженъ окружить себя прежде всего людьми русскими, вѣрить имъ, разобраться въ причинахъ настоящей неурядицы, довѣрчиво относиться къ народу и дворянамъ. Въ этомъ единеніи и довѣрїи есть залогъ будущаго блага, такъ какъ каждый гражданинъ сочтетъ тогда своимъ долгомъ содѣйствовать соблюденію общественныхъ интересовъ. Только при такихъ условіяхъ возможно проведеніе въ жизнь тѣхъ желаній, которыя высказаны въ первомъ манифестѣ при вступленіи на престоль, иначе никакой самый великій гений не можетъ сдѣлать ничего полезнаго для благосостоянія государства.

Далѣ въ бумагахъ архива слѣдуетъ докладъ объ учрежденіи въ Россіи внутренняго займа, при чемъ впервые обращено вниманіе на экономическое положеніе страны, и впервые выясняется преимущество такого займа передъ внѣшнимъ, который, кромѣ большихъ процентовъ, вызываетъ иногда и политико-экономическія потери для Россіи. Въ приложеніи имѣется нѣсколько бумагъ, относящихся къ крымскому вопросу, вѣрнѣе говоря, рисующихъ ту путаницу, которая господствовала въ положеніи о земельномъ вопросѣ въ Крыму.

Въ заключеніе къ третьему тому приложено нѣсколько стихотвореній, воспѣвающихъ исключительно всевозможныя торжества въ неуклюжей стихотворной формѣ и тяжелымъ языкомъ. Какая цѣль печатать ихъ наряду съ ипѣющими огромное историческое значеніе бумагами, мы не понимаемъ.

Викт. I—нскій.

Гоголевскій сборникъ, изданный состоящей при историко-филологическомъ институтѣ кн. Безбородка Гоголевской комиссіей подъ редакціей проф. М. Н. Сперанскаго. Кіевъ. 1902.

Нѣжинскому юбилейному сборнику приданъ мѣстный колоритъ. Здѣсь помѣщено описаніе Гоголевской выставки, устроенной при институтѣ и отличающейся мѣстнымъ характеромъ, т. е. обратившей вниманіе на нѣжинскіе матеріалы о Гоголѣ. И самое цѣнное, что даетъ сборникъ, связано съ Нѣжиномъ, съ пребываніемъ Гоголя въ Нѣжинѣ.

Сборникъ открывается неизданнымъ письмомъ Гоголя, однимъ изъ послѣднихъ, писанныхъ имъ. Письмо не заключаетъ ничего важнаго для характеристики Гоголя, но, какъ Гоголевская реликвія, издано съ необычайной филологической точностью. Письмо напечатано съ орфографіей подлинника, сообщено въ факсимиле, къ письму (всего въ немъ—15 строкъ) написано проф. Сперанскимъ введеніе. Въ слѣдующей статьѣ г. Заболотскій далъ тщательный обзоръ литературы о Гоголѣ. Работа г. Заболотскаго распадается на двѣ части: въ первой, охватывающей литературу до времени перваго Гоголевскаго юбилея 1852 г., г. Заболотскій, не ограничиваясь библиографическимъ перечнемъ, даетъ краткій и сжатый обзоръ теченій Гоголевскаго вопроса, стараясь «прослѣдить постепенное видоизмѣненіе точекъ зрѣнія на характеръ и значеніе Гоголевскаго творчества и постепенное зарожденіе научнаго интереса къ Гоголю». Вторая часть даетъ только перечень Гоголевской литературы за два послѣднихъ десятилѣтія; г. Заболотскій присоединяетъ къ этому перечню указанія на содержаніе и главнѣйшіе выводы наиболѣе существенныхъ трудовъ по Гоголевскому вопросу. Матеріалъ обработанъ въ известной системѣ: сначала матеріалы о личности и творествѣ Гоголя (воспоминанія; письма Гоголя, къ Гоголю, касающіяся Гоголя; неизданныя сочиненія; официальные данныя), потомъ—обработка матеріаловъ (монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ; учебно-педагогическія статьи; опыты біографій; мелкія замѣтки и театральныя рецензіи; дѣтская литература о Гоголѣ; портреты и иллюстраціи; библиографія). Указатель г. Заболотскаго составленъ достаточно тщательно;

правда, есть промахи, но не существенные. Въ письмахъ, касающихся Гоголя, можно было бы указать на письма В. Я. Ломиковскаго, напечатанныя въ «Кіевской Старинѣ» 1898 года; указаніе на статью Вѣтринскаго о загадочной книгѣ сдѣлано такъ, что можно подумать, будто статья вышла отдѣльнымъ изданіемъ, между тѣмъ какъ она напечатана въ его книгѣ «Въ сороковыхъ годахъ»; нужно было отмѣтить, что статьи г-жи Вѣлозерской о Нарѣжномъ вышли отдѣльнымъ изданіемъ; въ отдѣлѣ трудовъ, затрогивающихъ вопросъ о Гоголѣ, но не посвященныхъ ему специально, можно сдѣлать указанія на книгу проф. Алексѣя Веселовскаго «Западное вліяніе въ русской литературѣ», на книжку проф. Бороздина «Сто лѣтъ литературнаго развитія» и т. д. Но, во всякомъ случаѣ, обзоръ г. Заболотскаго—работа очень полезная.

Въ каталогѣ выставки два отдѣла вызвали не только перечень, но и отдѣльныя интересныя статьи проф. М. Н. Сперанскаго. Одна вызвана собраніемъ портретовъ Гоголя: въ ней авторъ даетъ обзоръ извѣстныхъ до сихъ поръ «типовъ» портрета Гоголя въ связи съ современными свидѣтельствами о его наружности и съ указаніями на душевныя переживанія, современныя возникновенію портретовъ. Другой очеркъ посвященъ обзору народныхъ книжекъ и картинокъ, такъ или иначе относящихся къ Гоголю. Но самыя цѣнныя данныя для біографіи Гоголя сообщаетъ послѣдняя статья сборника (И. А. Сребницкаго): «Матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя изъ архива гимназій высшихъ наукъ». Г. Сребницкій извлекъ изъ институтскаго архива всѣ документы, непосредственно относящіеся до Гоголя; но, не ограничившись этимъ, онъ представилъ довольно много документовъ, характеризующихъ обстановку, въ которой учился Гоголь: состояніе учебной и воспитательной части въ гимназій, умственный и нравственный уровень учителей и учениковъ. Правда, къ этимъ документамъ нужно относиться съ извѣстной осторожностью; вѣдь это все официальные, бумажные документы, но тамъ, гдѣ эти документы содержатъ данныя отрицательнаго характера, на нихъ можно положиться. Любопытныя официальныя данныя сообщаетъ г. Сребницкій о нравственной атмосферѣ, окружавшей Гоголя въ училищѣ, и эти данныя какъ разъ не позволяютъ согласиться съ слѣдующею фразой г. Сребницкаго: «относительно Гоголя мы съ радостью констатируемъ, что та нравственная чистота и высота, которая отличали Гоголя въ жизни, вынесены были еще изъ школы, или, можетъ быть, правильнѣе будетъ выразиться, сохранены имъ въ школѣ, несмотря на всѣ неблагоприятныя условія этой послѣдней» (стр. 310). И этотъ выводъ г. Сребницкій дѣлаетъ только на томъ основаніи, что въ архивѣ не нашлось никакихъ записей о «развратныхъ разговорахъ» Гоголя въ родѣ тѣхъ, которыми соблазняли своихъ товарищей вольноприходящіе ученики Сидоренко и Стунаковъ (стр. 343). Достаточно того, что Гоголь жилъ въ той атмосферѣ, въ которой возможны были поступки, отмѣченные на 307 стр. Извѣстный интерес имѣетъ приводимый г. Сребницкимъ перечень учебниковъ, употреблявшихся въ гимназій высшихъ наукъ; изслѣдователямъ Гоголя не худо было бы пересмотрѣть тѣ учебники риторики, шитики и другихъ предметовъ, которые были у Гоголя въ рукахъ. Любопытны также извлеченныя г. Сребницкимъ изъ архива подлински преподавателей гимназій о непринадлежности ни къ какимъ тайнымъ

обществамъ. Нѣкоторые изъ педагоговъ объясняютъ мотивы, по которымъ они въ былое время принадлежали къ масонскимъ ложамъ, но впредь общаются въ нихъ не состоятъ. Изъ собственноручныхъ рукописей Гоголя въ архивѣ сохранилось прошеніе Гоголя объ экзаменахъ и ситуационный чертежъ или планъ, относящійся къ «военнымъ наукамъ». Этотъ рисунокъ приложенъ къ сборнику.

Таково содержаніе сборника. Больше всего онъ даетъ, какъ и слѣдовало ожидать, для нѣжинскаго періода жизни Гоголя; но и статьи проф. Сперанскаго и работа г. Заболотскаго принадлежатъ къ цѣннымъ приобрѣтеніямъ Гоголевской юбилейной литературы, которая, кстати сказать, вовсе не такъ богата, какъ это можно было ожидать. Къ сборнику приложено два портрета Гоголя, Н. Кукольника, Пв. Кулжинскаго, учителя Гоголя, и А. О. Смирновой. Портреты выполнены очень удовлетворительно.

П. Щ.

Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга шестнадцатая. Спб. 1902.

Шестнадцатая книга «Жизни и трудовъ Погодина» обнимаетъ собою періодъ съ 1858 по 1859 г. включительно.

Важнѣйшимъ вопросомъ, волновавшимъ и раздѣлявшимъ въ то время русское общество на враждебныя партіи и кружки, былъ, конечно, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, приближавшійся къ благополучному разрѣшенію. Съ 1858 г. начались правительственныя подготовительныя работы къ великому дѣлу, и въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ засѣдали уже комитеты для выработки условій и общаго плана уничтоженія крѣпостной зависимости. Въ первыхъ главахъ книги г. Барсукова живо рисуется по нисемамъ современниковъ-очевидцевъ, съ одной стороны, тупое, скрытое противодѣйствіе реформъ помѣщиковъ въ разныхъ медвѣжьихъ углахъ, и съ другой—одичалое состояніе крестьянской массы, которая подъ вліяніемъ рабства и постоянной тайной борьбы съ помѣщиками мѣстами дошла до ужасающей развращенности. Не даромъ даже такой славянофилъ, какъ кн. Черкасскій, ратовалъ за сохраненіе права помѣщика и постѣ освобожденія наказывать крестьянъ розгами.

Время было очень горячее, но неопредѣленное и неустойчивое въ практическомъ смыслѣ. Доказательствомъ служатъ частыя перемѣны въ личномъ составѣ министерствъ и другихъ правительственныхъ учрежденій, которыхъ касается повѣствованіе г. Барсукова. Перемѣны эти въ свою очередь влекли за собою неувѣренность, не давая опредѣленно выясниться настоящимъ видамъ правительства. Журналы оказались въ положеніи прямо отчаянномъ: всякія замѣчанія, внушенія и предостереженія сыпались, какъ изъ рога изобилія. Извѣстный московскій цензоръ фонъ-Крузе, оставившій по себѣ добрую память у славянофиловъ и западниковъ, былъ удаленъ и замѣщенъ Дранусовымъ. Цензура была изъята изъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія и передана въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Но и этого показалось мало. Стали подумывать объ учрежденіи особаго министерства цензуры и даже намѣтили уже кандидата на новый министерскій постъ въ лицѣ тогдашняго директора Императорской Публичной бібліотеки, извѣстнаго барона М. А. Корфа.

Проектъ этотъ почему-то не осуществился, и цензура до сихъ поръ продолжаетъ оставаться въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ это трудное для печати время погибло нѣсколько журналовъ, въ томъ числѣ издававшійся П. С. Аксаковымъ «Парусъ». Съ послѣднимъ произошла цѣлая исторія. Запрещеніе «Паруса», отстаивавшаго интересы славянъ, какъ разъ въ то время, когда министерство Горчакова признавало небезполезнымъ для нашей политики заручиться ихъ сочувствіемъ, не могло, конечно, не вызвать въ славянскихъ земляхъ нѣкотораго неудовольствія. Чтобы поправить дѣло, рѣшено было создать офиціозный органъ, который явился бы вмѣстѣ съ тѣмъ и продолжателемъ тенденцій «Паруса». Послѣ долгихъ поисковъ и переговоровъ руководство «Пароходомъ» — такъ предполагалось назвать преемника «Паруса» — согласился взять на себя извѣстный славянофилъ В. Ѳ. Чижовъ. Тѣмъ не менѣе дѣло это разстроилось. Чижовъ представилъ на утвержденіе программу будущаго журнала, который имѣлъ цѣлью пробуждать чувство національнаго возрожденія у всѣхъ славянскихъ народностей безъ исключенія. Программа эта не была утверждена цѣликомъ, и Чижову поставили на видъ, что неудобно въ такую минуту касаться дѣлъ польскихъ. Чижовъ, однако, стоялъ на своемъ, такимъ образомъ «Пароходъ» не осуществился, и все дѣло свелось къ появленію на страницахъ казенныхъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» особой рубрики «Славянскія земли».

Изъ области научной жизни за этотъ періодъ слѣдуетъ отмѣтить возрожденіе въ 1858 г. общества любителей російской славы при Московскомъ университетѣ. Съ тридцатыхъ годовъ это когда-то оживленное общество стало гложуть и вымирать, такъ что къ 1858 г. въ немъ оставалось всего на все шесть членовъ: Масловъ, Погодинъ, Кубаревъ, Хомяковъ, Вельтманъ и Максимовичъ. Послѣдній и явился обновителемъ общества: благодаря его энергіи, засѣданія общества возобновились, и для пополненія его состава на первыхъ же порахъ было избрано до 30 членовъ, въ томъ числѣ гр. Толстой, Салтыковъ, Писемскій, Островскій. Предсѣдательское кресло занялъ А. С. Хомяковъ, а секретаремъ былъ избранъ М. А. Максимовичъ.

Другимъ выдающимся событіемъ въ жизни Москвы явилось основаніе первой въ столицѣ публичной библіотеки. Косвеннымъ поводомъ къ ея основанію послужило столкновеніе упомянутаго уже барона М. А. Корфа съ митрополитомъ Филаретомъ. Заботясь о пополненіи Императорской Публичной библіотеки, баронъ Корфъ предложилъ митрополиту помѣняться дублетами съ библіотекой при Московской синодальной типографіи. Неизвѣстно, почему Филаретъ совсѣмъ не отвѣтилъ на предложеніе директора Публичной библіотеки, а приказалъ разсортировать книги, рукописи и акты синодальной библіотеки и, смотря по содержанію, часть оставить въ ней, часть же отдать въ мѣстную духовную академію и другія епархіальныя учрежденія. Въ Москвѣ пронесся слухъ о полномъ уничтоженіи синодальной библіотеки... Стали настойчивѣе говорить о необходимости завести въ Москвѣ общественную библіотеку, доступную для занятій, тѣмъ болѣе, что нужда въ такомъ учрежденіи чувствовалась уже давно.

Неизвѣстно, конечно, осуществились ли бы и на этотъ разъ мечтанія московскихъ библиомановъ, если бы имъ не пришелъ на помощь сынъ извѣстнаго

археолога Г. А. Чертковъ. Какъ разъ незадолго до этого времени онъ получилъ въ наслѣдство отъ отца обширную и прекрасно подобранную библиотеку, въ которой тогда уже насчитывалось до 17 тысячъ томовъ. Желая, чтобы это драгоцѣнное собраніе приносило пользу родному просвѣщенію, молодой владѣлецъ библиотеки обратился къ П. И. Бартеневу съ предложеніемъ занять въ ней мѣсто бібліотекаря и привести ее въ такое состояніе, чтобы ею могла свободно пользоваться публика. Бартеневъ принялъ предложеніе, и первая общественная библиотека Москвы была открыта. Черезъ нѣсколько лѣтъ при ней возникъ особый журналъ для изданія матеріаловъ по русской исторіи: «Русскій Архивъ», благополучно существующій и донинѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что весь штатъ Чертковской библиотеки содержался на личныя средства ея владѣльца, и самое книгохранилище помѣщалось въ его домѣ на Мясницкой. Только впоследствии, когда библиотека была передана въ собственность города, для нея было отведено помѣщеніе въ зданіи историческаго музея.

Таковы важнѣйшія событія изложеннаго г. Барсуковымъ періода. Читая «Жизнь и труды Погодина» въ наше пасмурное и узкое время, невольно поражаешься, какъ чутко относились тогдашніе передовые люди всѣхъ направленій къ общественнымъ вопросамъ, какъ широко понимались ими запросы русской жизни. Какіе это были цѣльные, убѣжденные люди, столь удивительные въ наше вывѣтрившееся время, когда всѣ стали похожи другъ на друга, какъ стертые полтинники. Съ этой точки зрѣнія и шестнадцатая книга труда г. Барсукова, несмотря на нѣкоторую тусклость содержанія, прочтется не безъ интереса и во всякомъ случаѣ не безъ пользы. А. М. Бѣловъ.

Мой отвѣтъ. (Изъ литературной полемики). А. И. Фаресовъ. Спб. 1902.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» были напечатаны воспоминанія г. А. Фаресова объ извѣстномъ писателѣ Александрѣ Константиновичѣ Шеллерѣ. Въ нихъ признавались его оригинальный умъ, симпатичный талантъ, необыкновенное трудолюбіе, солидное образованіе, значительная роль въ русской литературѣ, превосходное направленіе и литературная честность—это съ одной стороны; но съ другой—были указаны и его недостатки, исключительно профессиональные: умственная горделивость, раздражительность на почвѣ партійныхъ и принципиальныхъ интересовъ, искательство популярности и т. д. Впоследствии эти воспоминанія вышли отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: «Александръ Константиновичъ Шеллеръ». Въ воспоминаніяхъ г. Фаресова выяснилась очень крупная и вполне живая личность Шеллера, отвѣчающая духу времени и средѣ; тѣмъ не менѣе эти воспоминанія, появившіяся вскорѣ послѣ смерти Шеллера, вызвали противъ себя укоры въ ихъ преждевременности (хотя никто не могъ подорвать ихъ достовѣрности) и въ нарушеніи г. Фаресовымъ стараго обычая: *de mortuis aut bene, aut nihil*. Собравъ возраженія своихъ оппонентовъ воедино, г. Фаресовъ нынѣ выпустилъ въ свѣтъ брошюру, подъ заглавіемъ: «Мой отвѣтъ», въ которомъ

совершенно объективно и последовательно отвѣчаетъ каждому изъ своихъ критиковъ, доказывая имъ, что въ его воспоминаніяхъ о Шеллерѣ нѣтъ ни личныхъ съ кѣмъ либо счетовъ, такъ какъ всѣ отзывы Шеллера о тѣхъ или другихъ литераторахъ вполне совпадаютъ съ дѣйствительностью, то-есть съ литературной дѣятельностью послѣднихъ; нѣтъ ни одной литературной сплетни, то-есть нескромности, касающейся Шеллера или чужой интимной жизни; нѣтъ также смѣшенія авторомъ случайныхъ и минутныхъ настроеній Шеллера съ его типичными чертами, а напротивъ въ воспоминаніяхъ все строго разграничено. Сужденія Шеллера о литературѣ и ея представителяхъ оправдываются фактами, а «страшные слова» большею частью о себѣ самомъ вызваны вліяніемъ «первыхъ впечатлѣній» и случайностями. Въ «воспоминаніяхъ» воспроизведена исключительно суровая критика Шеллера о фабрично-ремесленной литературѣ и полное его разногласіе какъ съ народническимъ «лапотничествомъ», такъ и съ марксизмомъ и съ толстовизмомъ. Никакихъ предосудительныхъ дѣяній по адресу Шеллера не обнаружено г. Фаресовымъ въ воспоминаніяхъ о немъ. Вся его книга наполнена біографическими данными изъ жизни Шеллера, обстоятельной характеристикой его сорокалѣтней дѣятельности въ литературѣ и любопытными чисто теоретическими его взглядами по вопросамъ искусства, науки и политики.

При всѣхъ недостаткахъ Шеллера, въ каждомъ изъ нихъ проявляется сложная психологическая и литературно-общественная основа, весьма интересная въ комментаріи г. Фаресова. Затѣмъ весьма удачно построена аргументація противъ обычая писать о мертвыхъ либо одно хорошее, либо ничего не писать. Понимая скорбь близкихъ лицъ къ покойнику и деликатность, которая должна удерживать въ эти дни каждого отъ воспоминаній о порокахъ покойника, увеличивающихъ горе его близкихъ, г. Фаресовъ возстаетъ, однако, противъ того, чтобы некрологи, какъ это принято теперь, были наполнены исключительно похвалами умершему и совершенно невѣрно рисовали его литературную физіономію. Онъ говоритъ:

«Я достаточно воспитанъ, чтобы понимать невозможность предавать гласности все то, что другой человѣкъ можетъ говорить о себѣ или о людяхъ въ минуту откровенности, глазъ на глазъ. Все это я отлично понималъ, когда писалъ воспоминанія объ А. К. Шеллерѣ, и, конечно, умолчалъ о множествѣ щекотливыхъ эпизодахъ изъ его жизни и ограничился только такими, которые имѣютъ исключительно литературный и психологическій интересъ. Не этимъ ли объясняется и то, что газеты, выговаривающія мнѣ укоры за Шеллера, въ то же время цитируютъ цѣлыя страницы изъ моихъ воспоминаній о немъ; приводятъ дословно на своихъ столбцахъ его отзывы о Толстомъ, Воборыкинѣ, Тургеневѣ и т. д.? Почему несимпатичные отзывы Шеллера о литературѣ и ея работникахъ наполняютъ столбцы газетъ? Да просто потому, что эти отзывы всѣ до одного крайне литературны, и въ нихъ много правды».

На замѣчанія критиковъ о томъ, что эти воспоминанія вполне объективны, но не своевременны, г. Фаресовъ спрашиваетъ: почему?

«Неужели лучше написать воспоминаніе о комъ бы то ни было черезъ десять—пятнадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ я и самъ могу умереть и всѣ со-

временники, которые могут провѣрить меня, возразить мнѣ и опровергнуть ошибочные факты и заключенія? Наконецъ съ теченіемъ времени многое забывается съ обѣихъ сторонъ, и само общество перестаетъ интересоваться покойными литераторами. Даже при ихъ жизни общество уже многими изъ нихъ не интересуется. А когда проходитъ извѣстный періодъ времени, то всѣ воспоминанія о прошломъ въ русской литературѣ занимаютъ только специалистовъ, а не публику. Напримѣръ, воспоминанія Кс. Полевого, Н. Греча, В. Сологуба и др., при всемъ интересѣ къ Пушкинскому періоду и 40-мъ годамъ, лежатъ безъ движенія въ кладовыхъ книжныхъ магазиновъ. Такимъ образомъ только свѣжія воспоминанія о писателяхъ интересуютъ публику. При этомъ тактъ подскажетъ, что въ нихъ допустимо, и что очень дурно. Дурно, когда при воспоминаніяхъ о крупномъ писателѣ поднимаютъ завѣсу съ чисто личной и интимной его жизни, въ большинствѣ случаевъ крайне запутанной и мало кому извѣстной въ точности. Въ особенности если при этомъ забываютъ, что у покойника есть жена и дѣти, къ которымъ обязательно относиться съ большей деликатностью, чѣмъ это водится въ литературѣ. Но у Шеллера не было ни жены, ни дѣтей, а главное при воспоминаніяхъ о немъ совѣмъ не были вскрыты, вопреки увѣреніямъ газетъ, «самыя интимныя стороны его жизни». «Напротивъ, у меня,—говоритъ г. Фаресовъ,—приведены не «интимныя стороны его жизни», а только его «взгляды» и «отзывы» исключительно литературнаго характера, которые онъ могъ бы высказать смѣло при жизни и самъ въ печати».

Авторъ полагаетъ, что его воспоминанія о Шеллерѣ вызвали неудовольствіе многихъ газетныхъ работниковъ главнымъ образомъ горькой правдой о современной литературѣ, вырвавшейся изъ устъ Шеллера, а не «несвоевременностью» ея опубликованія. Во-вторыхъ, авторъ книги о Шеллерѣ нарушилъ самый священный предразсудокъ, господствующій въ литературной средѣ, и этимъ вызвалъ противъ себя горячую полемику. Этотъ предразсудокъ заключается въ томъ, что каждый общественный дѣятель подлежитъ критикѣ, и какъ человекъ, и какъ дѣятель; но писатель долженъ составлять исключеніе. Лучшая часть писательской жизни заключается въ его произведеніяхъ, и потому суду потомства подлежатъ только писательскія думы, а не его душа и поступки. По этой изумительной логикѣ, всякій, кто сталъ общественнымъ человекомъ и учителемъ общества, долженъ быть готовъ къ суду и надъ личной своей жизнью, но только не писатель... Объективность къ послѣднему неприложима! Вотъ причина нападковъ на книгу г. Фаресова объ А. К. Шеллерѣ, а между тѣмъ въ воспоминаніяхъ этихъ нѣтъ и тѣни сiletничества, личныхъ счетовъ, смѣшенія случайнаго раздраженія съ настоящими взглядами Шеллера на литературу и литераторовъ.

В. К.—скій.

А. А. Титовъ. Синодики XVII в. Переславскаго Горлицкаго монастыря. Москва. 1902.

Знаменитой когда-то Успенскій Горлицкій монастырь, основанный въ XIV вѣкѣ и бывший съ 1744 по 1788 г.г. мѣстопробываніемъ переславскихъ вла-

дыкъ, былъ упраздненъ, а затѣмъ разоренъ въ 1788 г. Онъ считался богатѣйшею обителью и имѣлъ 4.900 душъ крестьянъ, пожалованныхъ великими князьями, царями и боярами на поминъ души. Почти сто лѣтъ находился онъ въ запустѣннѣ; зданія разрушались, и церкви приходили въ такую ветхость, что ихъ уже хотѣли продать на-сломя; только въ 1883 году на средства окружнаго духовенства они были по возможности исправлены и покрыты, и тутъ помѣстилось духовное училище. Отъ всѣхъ монастырскихъ рукописей и документовъ уцѣлѣло очень мало: они сгорѣли еще въ 1722 году, но и оставшіеся два синодика представляютъ собою драгоценные документы для исторіи этой обители.

Въ синодикахъ упоминаются роды Тверскихъ князей, царевича Михаила Арслановича Кабалова, князей Барятинскихъ, Челяднинныхъ, Заболоцкихъ, Чеботова (того самаго, котораго, по свидѣтельству лѣтописи ¹⁾, царь Грозный нагимъ въ позднюю осень вмѣстѣ съ подьячими прогналъ пѣшкомъ изъ Александровской слободы до Москвы, князя Вѣльскаго, Бутурлиныхъ, Вяземскихъ, Метиславскихъ, Нагихъ, Мятлевыхъ, Колычевыхъ, Пожарскаго, Шаховскихъ, Волконскихъ, Воейковыхъ, Волынскихъ, Сулешевыхъ, Годуновыхъ, Петлентевыхъ, Львовыхъ, Стрѣпневыхъ, Романовыхъ и другихъ.

Большинство этихъ князей и бояръ жертвовали въ монастырь села, деревни и разныя угодья, для вѣчнаго поминовенія себя и своихъ родителей, но оказывается, что вѣчнаго ничего нѣтъ, и эти два синодика сохраняются въ ризницѣ Переславскаго собора. Третій синодикъ, о которомъ упоминается въ изданіи А. А. Титова, приведенъ по новому списку графа Уварова, сдѣланному въ 1820 году; этотъ синодикъ былъ кѣмъ-то изъ настоятелей собора проданъ и уже въ 1901 г. былъ купленъ Н. И. Лихачевымъ у московскаго букиниста Вострякова; синодикъ этотъ, или скорѣе, вкладная книга Горицкаго монастыря, едва ли не важнѣе уцѣлѣвшихъ въ Переславскомъ соборѣ.

Пробѣгая записи, сдѣланныя въ синодикахъ безхитростною рукою монастырскаго лѣтописца, тяжело дѣлается на душѣ, когда читаемъ, что «лѣта 7105 юня въ 17 день село Никольское съ деревнями въ Костромскомъ уѣздѣ по отцѣ своему по Борисѣ Ивановичѣ Жулебинѣ и по матери своей инокѣ Марѣ и по всѣхъ своихъ родителяхъ дали Андреева жена Федоровича Нагова Анна Борисовна для вѣчнаго поминовенія, пока монастырь стоитъ»...

Правда, монастыря нѣтъ, но три монастырскихъ храма еще сохранились, равно какъ и нѣкоторыя угодья прежнихъ жертвователей находятся и теперь во владѣннѣ Владимирской епархіи...

А. К.

Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1901 годъ. М. 1902.

Въ 1901 г. Московскій Публичный и Румянцевскій музеи лишились своего директора М. А. Веневитинова, оказавшаго этимъ учрежденіямъ, въ теченіе пятилѣтняго управленія ими, много существенныхъ услугъ. При немъ зданія

¹⁾ Карамзинъ, IX, 131.

музеевъ были капитально отремонтированы, введены новые штаты, улучшившіе положеніе служащихъ, приобрѣтено сосѣднее съ музеями владѣніе, дающее имъ возможность безпрепятственнаго расширенія въ будущемъ, музейскія собранія значительно пополнены, на что М. А. Веновитиновъ жертвовалъ все получаемое имъ содержаніе. Въ «Отчетѣ» посвящено покойному директору нѣсколько теплыхъ страницъ, гдѣ, между прочимъ, сдѣлана слѣдующая его характеристика: «М. А. умѣлъ такъ управлять музеями, что каждый сознавалъ себя и вполнѣ свободнымъ отъ всякихъ внѣшнихъ стѣсненій и въ то же время подчиненнымъ строгому контролю собственной совѣсти. М. А. никогда не приказывалъ и не требовалъ,—онъ только совѣтовался, изрѣдка совѣтовалъ и просилъ, и просьбы его всегда свято исполнялись изъ любви къ нему и къ пользѣ дѣла. Никакихъ партій, интригъ, напештываній, при немъ не было и въ поминѣ не потому, чтобы онъ запрещалъ это,—онъ не умѣлъ запрещать, какъ не умѣлъ приказывать,—а потому, что его честная натура отвращалась отъ всего этого, и его отвращеніе какъ бы невольно передавалось и окружающимъ, какъ передавалась имъ его любовь къ дѣлу. Онъ служилъ не для себя, а для музея, ради котораго отказывался отъ всякихъ высшихъ назначеній».

Въ отчетномъ году музеи обогатились замѣчательной картинной галлереей и библиотекой, пожертвованными имъ умершимъ извѣстнымъ московскимъ меценатомъ К. Т. Солдатенковымъ. Галлерей его состоитъ изъ 258 картинъ преимущественно новѣйшихъ русскихъ художниковъ и является драгоценнымъ дополненіемъ къ богатымъ и систематически подобраннымъ коллекціямъ произведеній старыхъ русскихъ мастеровъ, которыми справедливо гордится Румянцевскій музей. Что касается библиотекы, то часть ея, уже поступившая въ музей, заключаетъ въ себѣ 5.000 названій въ 8.000 томахъ. Здѣсь почти нѣтъ книгъ, которыя бы представляли крупную библиографическую рѣдкость, но зато онѣ отличаются своимъ систематическимъ подборомъ и состоятъ изъ сочиненій по литературѣ, исторіи, философіи и исторіи искусства. Другая часть книжнаго собранія поступитъ въ текущемъ году, такъ что пока нѣтъ еще возможности опредѣлить число книгъ, завѣщанныхъ музеямъ. Вообще цѣнность всего его дара опредѣляется знатоками музеевъ въ суммѣ около 500.000 рублей.

Въ 1901 г. входныхъ билетовъ въ читальный залъ музея было выдано 5.709, по которымъ сдѣлано 60.736 посѣщеній. Сравнительно съ предыдущими годами, общее число требованій на книги и періодическія изданія увеличилось весьма значительно, а именно: всѣхъ требованій было 106.515; противъ 1900 г. болѣе на 25.751, а противъ 1899 г. болѣе на 51.580.

Годовой приходъ суммъ по музеямъ составлялъ 111.151 р., а расходъ 106.032 р. Специальныхъ капиталовъ въ распоряженіи музеевъ имѣется два: капиталъ барона А. И. Дельвига, завѣщанный на напечатаніе его «Воспоминаній»,—1.000 р., и капиталъ Н. П. Боголюбова, завѣщанный на напечатаніе его «Воспоминаній изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго 1821—1891 гг.»,—1.000 р.

С. Ш.

Ярославская іерархія въ описаніи протоіерея Іоанна Троицкаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями А. Титова. Выпускъ II. Монастыри Аѳанасьевскій Мологскій женскій и Аѳанасьевскій Ярославскій мужской. Ярославль. 1902.

Первоначально исторія этихъ монастырей печаталась въ 1901 году въ «Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», которыя со времени назначенія редакторомъ профессора семинаріи В. С. Преображенскаго совершенно измѣнили свое прежнее безсодержательное направленіе и, обративъ вниманіе на историческую часть, опять приблизились къ тому времени, когда эти вѣдомости считались самыми лучшими изъ всѣхъ епархіальныхъ вѣдомостей.

Описанный въ II выпускѣ Ярославской іерархіи Аѳанасьевскій Мологскій монастырь имѣетъ интересную исторію. Въ книгѣ Большого Чертежа уже значится древній монастырь, изстари называемый «холопымъ», о которомъ преданіе говоритъ, что будто бы здѣсь когда-то заключены были жены новгородцевъ, вышедшія за холопей своихъ во время продолжительнаго отсутствія мужей на войнѣ; что будто бы въ селѣ Становѣ, въ 8 верстахъ отъ монастыря, находился станъ холопей, гдѣ они, бѣжавъ изъ Новгорода, укрѣпились для защиты себя отъ своихъ господъ, возвратившихся съ войны, а въ селѣ Броншинѣ оборонялись отъ нихъ, и что все дѣло кончилось тѣмъ, что новгородцы, побѣдивъ холопей своихъ бичами, построили на нынѣшнемъ монастырскомъ мѣстѣ обитель и заключили въ ней своихъ невѣрныхъ женъ. Затѣмъ, другое преданіе говоритъ, что здѣсь въ XIV вѣкѣ было складочное мѣсто для товаровъ во время ярмарки, бывшей нѣкогда въ городкѣ Холопьемъ при устьѣ Мологи, что доказывается, между прочимъ, тремя обширными ямами, которыя открыты были въ монастырѣ около 1798 г., и въ которыхъ будто бы складывались и хранились азіатскіе и европейскіе товары; объ этой ярмаркѣ упоминается въ завѣщаніи царя Іоанна III, который свелъ торгъ съ Холопяго городка на Мологу. При патриархѣ Никонѣ монастырь былъ приписанъ къ Новоіерусалимскому.

Уничтоженный въ 1764 году Аѳанасьевскій монастырь былъ въ 1795 году опять возобновленъ и превращенъ въ женскій.

Въ описаніи приведены двѣ любопытныя описи монастыря XVII и XVIII вѣковъ, изъ которыхъ видно, что церковныя украшенія постоянно увеличивались, но, къ сожалѣнію, 17 грамотъ царей XVII вѣка по послѣдней описи уже утратились, равно также не сохранился и «сундукъ сосновый большой не кованный со всякими писъмами». Впрочемъ, часть монастырскихъ документовъ, повидимому, была взята въ Новоіерусалимскій монастырь, гдѣ, по свидѣтельству преосвященнаго Амфилохія († 1893), они сохранялись еще въ шестидесятихъ годахъ настоящаго столѣтія. Монастырь этотъ замѣчательнъ еще и тѣмъ, что въ XVII вѣкѣ въ немъ жилъ диаконъ Тимоѣей Каменничъ Рвовскій, авторъ знаменитой Якимовской подложной лѣтописи, которою безъ всякой критики такъ широко воспользовался историкъ Татищевъ. Каменничъ оставилъ также немало проповѣдей, изъ которыхъ нѣсколько сохранилось въ подлинныхъ рукописяхъ въ собраніи И. А. Вахрамѣева (№№ 451, 711). Языкъ

этихъ проповѣдей очень сходенъ съ употреблявшимся въ книгахъ и проповѣдяхъ Литовской Руси и мологскими слушателями Каменевича очевидно не совсѣмъ понимался; что, безъ сомнѣнія, чувствовалъ и самъ проповѣдникъ и, пущаясь въ объясненія, еще болѣе затягивалъ свои рѣчи; все изложеніе Каменевича, согласно требованіямъ реторики того времени, покрывалось цвѣтами краснорѣчія, и слова его и поученія выходили «длинные, предлинныя» и фразистыя.

Ярославскій мужской Афанасьевскій монастырь не представляетъ собою ничего замѣчательнаго, да исторія его основанія и неизвѣстна, такъ какъ онъ згорѣлъ безъ остатка въ огромный Ярославскій пожаръ, превратившій 11 июня 1658 г. этотъ городъ въ пепель, и только по одному уцѣлѣвшему акту отъ 1570 года съ записью игумена этого монастыря Вассіана видно, что онъ существовалъ уже въ XVI вѣкѣ. Теперь этотъ монастырь служитъ мѣстопробываніемъ ярославскихъ викарныхъ владыкъ.

А. К.

В. А. Гиляровскій. На родинѣ Гоголя. (Изъ поѣздки по Украинѣ). М. 1902.

А. Тарасенковъ. Послѣдніе дни жизни Гоголя. Записки его современника. Изд. 2-е, дополненное по рукописи. М. 1902.

Гоголевская юбилейная литература оказалась необильной ни новыми матеріалами, ни новыми изслѣдованіями. Какъ всегда во время юбилеевъ, занялись сборомъ анекдотовъ и мелочей изъ жизни Гоголя, перебрали старые матеріалы и сдѣлали къ нимъ добавленія и разъясненія.

Работа Г. Гиляровскаго представляетъ юбилейный подборъ именно мелочей жизни Гоголя. Авторъ объѣздитъ всѣ мѣста на Украинѣ, такъ или иначе связанные съ именемъ Гоголя, и далъ описаніе всѣхъ вещественныхъ знаковъ памяти о Гоголѣ. Понятно, свидѣтели, за старостью лѣтъ, не сообщили ничего новаго и любопытнаго о Гоголѣ, да трудно и предполагать, чтобы непосредственныя впечатлѣнія сохранились неприкосновенными въ теченіе 50 лѣтъ и не испытали вліянія разсказовъ и обсужденій. И всѣ разсказы очевидцевъ, записанные г. Гиляровскимъ, безусловно никакого значенія не имѣютъ. Немного даютъ для біографіи и исторіи Гоголя и перечни вещей, принадлежавшихъ Гоголю: тростей, колець, чемодановъ, жилетовъ и т. п. Все, имѣвшее серьезный интересъ для біографовъ Гоголя, все давнымъ давно было использовано ими. Впрочемъ, г. Гиляровскій исправилъ двѣ ошибки, повторяемыя (о ужасъ!) всѣми изслѣдователями Гоголя. Г. Гиляровскій неопровержимо доказалъ, что Гоголь родился не въ большомъ домѣ, а во флигелѣ Трохимовскихъ. Еще значительнѣе другая ошибка. На основаніи выписи изъ метрической книги г. Гиляровскій утверждаетъ, что Гоголь родился не 19 марта 1809 года, какъ думали до сихъ поръ, а... 20 марта 1809 года. Но какъ велика дерзость человѣка, который останется при старомъ мнѣніи, ссылаясь на то, что разница на одинъ день въ метрическихъ записяхъ отъ дня рожденія, — вещь довольно обыкновенная! Въ брошюрѣ г. Гиляровскаго читатель найдетъ свѣ-

дѣнія о трюродномъ братѣ и предкахъ Гоголя; не ограничившись поѣздкой по Украйнѣ, неутомимый изслѣдователь продолжалъ свои поиски и въ Москвѣ: здѣсь онъ познакомился съ г-жею Троицкой, бывшей компаньонкой гр. Толстой, — отъ нея онъ узналъ, что графиня, слушая чтеніе Гоголя, засыпала и прямо-таки сползала съ кресла, что Гоголь любилъ тюрю и часто ѣлъ ее вмѣстѣ съ графиней. Г. Гиляровский даетъ въ концѣ брошюры нѣчто, дѣйствительно, цѣнное: ненапечатанное письмо Гоголя къ графу А. П. Толстому. Мы перечислили все, что можно найти въ брошюрѣ г. Гиляровскаго о Гоголѣ, но въ ней гораздо больше матеріаловъ найдется не о Гоголѣ, а о самомъ Гиляровскомъ. Мы узнаемъ, что г. Гиляровскийъ бываетъ у А. П. Чехова, имѣетъ сотню общихъ знакомыхъ съ г. Быковымъ, старшимъ въ родѣ Гоголей, мы узнаемъ, что г. Гиляровскийъ любитъ осень съ ея особыми тонами, и что вездѣ въ Малороссіи ему предлагали отвѣдать наливковъ. Брошюрка г. Гиляровскаго — специфическое юбилейное произведеніе.

Несравненно значительнѣе и содержательнѣе записки доктора Тарасенкова, пользовавшаго Гоголя въ послѣдніе дни его жизни. Правда, эти записки не представляютъ новости. Онѣ были написаны Тарасенковымъ въ мартѣ 1852 года, въ 1856 году напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ 1857 году выпущены отдѣльнымъ изданіемъ. Для специалистовъ воспоминанія Тарасенкова даютъ матеріалъ для сужденія о болѣзни Гоголя; вопросъ о болѣзни Гоголя былъ пересмотрѣнъ въ нынѣшнемъ году д-ромъ Баженовымъ въ «Русской Мысли», и интересующіеся исторіей физической жизни Гоголя должны обращаться не къ запискамъ Тарасенкова, а къ статьѣ г. Баженова. Впрочемъ, кромѣ гаданій и предположеній, ни здѣсь, ни тамъ читатель ничего не найдетъ. Но записки Тарасенкова имѣютъ для читателя ту цѣну, что рисуютъ картину послѣднихъ дней жизни Гоголя, картину его умиранія. И эта картина, такъ просто нарисованная медикомъ, оставляетъ ужасное впечатлѣніе. Душевные муки, разросшіяся до своего апогея, муки тѣлесныя, вызываемыя болѣзнью и медленнымъ истощеніемъ, и, наконецъ, муки лѣченія, невозможно грубые приемы лѣчившихъ его докторовъ — вотъ что заполняло послѣдніе дни жизни Гоголя. Тайна смерти усугубляетъ тайну жизни, послѣднимъ знакомъ которой были стоны и мольбы: «помилуй, Господи, меня, грѣшнаго! Свяжи сатану вновь»...

Новое изданіе записокъ Тарасенкова дополнено по сохранившимся рукописнымъ замѣткамъ доктора; кромѣ того, въ немъ возстановлены нѣкоторые факты и имена, которые въ 1856 году обнаруживать представлялось неудобнымъ. Несомнѣнно, это новое изданіе — полезный вкладъ въ Гоголевскую литературу, а главное дѣльный.

П. Ш.

Aleksander Puszkín. Eugeniusz Oniegin. Przełożył Leo Belmont. (А. Пушкинъ. Евгеній Онѣгинъ. Перевелъ Лео Бельмонтъ. Краковъ. 1902).

Мицкевичъ въ своихъ парижскихъ лекціяхъ славянскихъ литературъ считаетъ Онѣгина «наиболѣе совершеннымъ, самобытнымъ и національнымъ» твореніемъ Пушкина и предсказываетъ, что оно «всегда будетъ читаться съ

удовольствіемъ во всѣхъ славянскихъ странахъ, оставаясь нерушимымъ памятникомъ своей эпохи». Въ польской литературѣ съ переводомъ Онѣгина не сѣшшили, отчасти, вѣроятно, и потому, что большинство поляковъ въ состояніи ознакомиться съ нимъ въ подлинникѣ. Единственный до настоящаго времени полный переводъ Онѣгина, сдѣланный Сикорскимъ (Вильно, 1847 г.), ниже всякой критики. Переводчикъ—диллетантъ любитель, совершенно неизвѣстный въ польской литературѣ. Стихи его неуклюжи, мѣстами прямо безграмотны и бессмысленны.

Въ 1873 г. адвокатъ Будзинскій перевелъ первую главу Онѣгина. Объ этомъ переводѣ нельзя сказать, чтобы онъ былъ безграмотенъ или бессмысленъ, но больше этого также ничего нельзя сказать. Размѣръ строфъ совершенно другой, изящества стиха, поэзіи—нѣтъ и въ поминѣ. Очень недурно переводили небольшіе отрывки Плучъ (Петкевичъ), Бартошевичъ и Гомулицкій, особенно первый, хотя и не пытались точно сохранить размѣръ подлинника.

Что потребность полного, литературнаго перевода назрѣла и чувствовалась,—доказываетъ хотя бы тотъ фактъ, что накануне юбилея Пушкина ниже подписавшійся получилъ предложеніе перевести Онѣгина, но долженъ былъ отказаться, такъ какъ не считалъ себя въ силахъ надлежаще выполнить эту задачу. Теперь только за этотъ нелегкій, но пріятный и почетный трудъ взялся по собственному почину Лео Бельмонтъ (псевдонимъ), авторъ многихъ талантливыхъ стихотвореній и рассказовъ на польскомъ языкѣ. На-дняхъ его переводъ появился въ печати. Онъ выполненъ очень точно и старательно, въ изящной литературной формѣ, если же и далекъ отъ совершенства, то вѣдь это можно сказать несомнѣнно про всякій вообще переводъ Онѣгина и подобныхъ ему чисто національныхъ произведеній. Во всякомъ случаѣ трудъ Л. Бельмонта наконецъ восполнилъ замѣтный пробѣлъ въ польской переводной литературѣ.

Въ заключеніе сдѣлаемъ одну оговорку.

Какъ это ни покажется страннымъ, но точность размѣра стиховъ Онѣгина, при переводѣ его на польскій языкъ, не слѣдовало бы доводить до полного тождества подлинника съ переводомъ. Въ польскомъ языкѣ ударенія на послѣднемъ слогѣ имѣютъ только слова односложныя, и переполненіе ими, особенно заканчиваніе каждой строфы мѣшаетъ гармоніи и плавности стиха, словомъ совершенно напрасно умаляетъ литературное достоинство перевода. Вѣдь гораздо было бы важнѣе въ стихотворныхъ переводахъ соблюдать полную точность и строй выраженій подлинника, но разъ это невозможно, слошъ и рядомъ отступаютъ отъ этого въ угоду цѣльности формы стиха. Тѣмъ болѣе допустимы тѣ отступленія отъ размѣра подлинника, которыхъ требуетъ самъ характеръ даннаго языка. Не дурно въ этомъ случаѣ брать примѣръ съ лучшихъ поэтовъ. Какъ ни неохотно переводятъ они, но переводятъ хорошо (вспомнимъ хотя бы переводы Пушкина изъ Мицкевича, Мицкевича изъ Байрона), хотя съ внѣшней стороны и не вполне точно. И поэтому переводчикъ, обладающій, какъ въ данномъ случаѣ, талантомъ, несомнѣнно, выиграетъ, если счетъ и мѣрку подчинитъ собственному художественному чувству.

И. Кучинскій.

Е. С. Шумигорскій. Екатерина Ивановна Нелидова. Очеркъ изъ исторіи императора Павла. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1902.

Монографія Е. С. Шумигорскаго о другѣ императора Павла и императрицы Маріи Феодоровны, Е. И. Нелидовой, была напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1898 года и затѣмъ издана отдѣльной книгой, о которой нами былъ сдѣланъ отзывъ («И. В.», 1898 г., ноябрь). Это обстоятельство избавляетъ насъ отъ обязанности распространяться о ея содержаніи и достоинствахъ; насколько она интересна, доказывается тѣмъ, что теперь потребовалось ея второе изданіе. Мы можемъ только радоваться этому, потому что Е. С. Шумигорскій принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ нашихъ историковъ, которые относятся съ рѣдкой добросовѣстностью къ своимъ работамъ, умѣютъ группировать и освѣщать матеріалъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, писать живо и доступно для публики. Такія монографіи, какъ «Екатерина Ивановна Нелидова», имѣютъ важное значеніе въ томъ смыслѣ, что способствуютъ распространенію среди читателей правильныхъ взглядовъ на историческія личности и нѣкоторые эпизоды изъ нашей исторіи. Второе изданіе дополнено новыми свѣдѣніями, почерпнутыми изъ архивовъ, и снабжено не бывшими въ первомъ изданіи портретами и рисунками. Изъ нихъ особенно любопытенъ портретъ Нелидовой, до сихъ поръ совершенно неизвѣстный. Кромѣ того, къ книгѣ приложены факсимиле писемъ императрицы Маріи Феодоровны и Нелидовой.

С. Ш.

Обзоръ дѣятельности вѣдомства православнаго исповѣданія за время царствованія императора Александра III. Спб. 1901.

Предъ нами очень интересная книга, посвященная обзору дѣятельности вѣдомства православнаго исповѣданія за время 1881 — 1894 г. На протяженіи 700 съ лишнимъ страницъ она знакомитъ насъ съ тѣми мѣрами и средствами, какія принимались этимъ вѣдомствомъ для поднятія церковной жизни, и тѣми проявленіями этой жизни, какія имѣли мѣсто въ нашемъ громадномъ отечествѣ.

Уже въ «эпоху великихъ реформъ» было обращено серьезное вниманіе на церковь и духовенство. Намѣчался цѣлый рядъ реформъ, кореннымъ образомъ долженствующихъ измѣнить и улучшить церковно-религіозную жизнь въ Россіи. Къ сожалѣнію, не все было доведено до конца, а нѣкоторыя реформы оказались на практикѣ и не совсемъ удачными, напримѣръ, реформа духовно-учебныхъ заведеній.

Въ царствованіе императора Александра III на очереди стоитъ тотъ же вопросъ о реформахъ и оживленіи церковной жизни. Благодаря различнымъ мѣрамъ, церковно-религіозная жизнь, несомнѣнно, оживляется. «Это была эпоха великаго оживленія церковной жизни во всѣхъ ея сторонахъ и проявленіяхъ», — говорится въ предисловіи къ разсматриваемой книгѣ.

«Послѣдовательный рядъ мѣропріятій, твердо и опредѣленно направленныхъ къ всестороннему возвышенію церковнаго благоустройства», привелъ къ тому,

что въ это время «возникли новыя учрежденія духовно-просвѣтительнаго и благотворительнаго характера; вызваны къ жизни и возстановлены отодвинутыя и затемненныя теченіемъ времени нѣкоторыя формы древне-русскаго строя. По требованію мѣстныхъ условій учреждены новыя епархіи, возстановлено и вновь открыто большое число новыхъ приходоѡвъ, возникли во множествѣ женскія общины, большею частью съ школами или съ другими благотворительными учрежденіями для окрестнаго населенія, а равно женскіе и мужскіе монастыри. Обращено особенное вниманіе на улучшеніе быта и матеріальнаго положенія духовенства. Начальное образованіе народное учрежденіемъ церковно-приходскихъ школъ поставлено на основахъ церковныхъ и ведется въ ближайшемъ общеніи съ церковью» (2 стр.). Обращено серьезное вниманіе на миссіонерское дѣло, церковно-книжное издательство, церковное строительство и проч.

Отсылая желающихъ познакомиться подробно съ дѣятельностью вѣдомства православнаго исповѣданія къ самой книгѣ, мы остановимся только на нѣкоторыхъ наиболѣе интересныхъ ея страницахъ, и прежде всего на дѣятельности монастырей.

Въ описываемое время число монастырей умножились на 143. Соответственно этому увеличилось и число монашествующихъ. И что особенно важно, монастыри въ это время открываютъ школы и устраниваютъ богадѣльни и больницы. Такъ при Новодѣвичьемъ монастырѣ въ С.-Петербургѣ въ 1889 г. открыта Свято-Владимирская женская церковно-учительская школа (169), цѣлью которой поставлено приготовленіе учительницъ церковно-приходскихъ школъ и не только для мѣстныхъ нуждъ, но и для всей имперіи. По отзывамъ ревизоровъ, школа эта не оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ томъ же 1889 году открыта школа-пріютъ при московскомъ Алексѣевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, въ 1890 г. — учительская школа при Кіево-Михайловскомъ монастырѣ. Открыто нѣсколько и другихъ школъ.

Расширилась въ это время и благотворительная дѣятельность монастырей. Особенно выдается дѣятельность Кіево-Покровскаго монастыря. На средства великой княгини Александры Петровны устроена больница на 33 кровати со всѣми удобствами. Были устроены больницы и при нѣкоторыхъ другихъ монастыряхъ.

Особенно подробно останавливается рассматриваемая книга на дѣятельности церкви по отношенію къ раскольникамъ и сектантамъ. Какъ видно изъ нея, расколъ и сектантство продолжаютъ распространяться преимущественно тамъ, гдѣ послѣдователи ихъ имѣли возможность не вступать ни въ какія отношенія съ православными. Наиболѣе распространялась секта штундистовъ, проникшая почти во всѣ губерніи. На вредный характеръ этой секты обратилъ вниманіе самъ государь императоръ. На докладѣ витебскаго губернатора о состояніи губерніи за 1888 годъ ему благоугодно было начертать: «Необходимо принять всѣ мѣры къ прекращенію штундистской пропаганды» (250 стр.). Мѣры и были дѣйствительно принимаемы, и при томъ самыя разнообразныя. Не говоря уже о различныхъ циркулярныхъ отношеніяхъ синода, для борьбы съ расколомъ и сектантствомъ, преимущественно, конечно, съ штундой, устраи-

вались собранія архіереевъ въ Кіевѣ, Казани и Иркутскѣ, организовались мисіонерскіе съѣзды и т. п. Гражданская власть шла навстрѣчу духовной. Въ 1894 г. закономъ она признала итунду сектой наиболѣе вредной и воспретила ея послѣдователямъ молитвенныя собранія.

Пропуская много страницъ, посвященныхъ обзору мѣръ, принимаемыхъ для улучшенія матеріальнаго быта духовенства и для поднятія уровня его образованія, мы остановимся нѣсколько на церковно-приходскихъ школахъ. Это ужъ настоящій продуктъ того времени. Правила о нихъ были высочайше утверждены въ 1884 г. По нимъ духовенству предоставлялось право открывать школы для начальнаго обученія дѣтей (692). На всеноданныйшемъ докладѣ было начертано государемъ императоромъ: «Надѣюсь, что приходское духовенство окажется достойнымъ своего высокаго призванія въ этомъ важномъ дѣлѣ». Отчетъ показываетъ, что духовенство по возможности выполнило свою задачу. По крайней мѣрѣ, къ концу 1894 года, школъ церковно-приходскихъ въ имперіи значится уже 31.835. Если принять во вниманіе, что средствъ на нихъ отпускалось очень мало, что духовенство обременено и безъ того различнаго рода дѣлами, возложенными на него, то можно и не быть слишкомъ придирчивымъ къ плохому состоянію этихъ школъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Заканчивая этимъ свою замѣтку, мы не можемъ не пожелать книгѣ этой наибольшаго распространенія. Знакомство съ ней, быть можетъ, посодѣйствуетъ выработкѣ болѣе правильныхъ взглядовъ на состояніе церковно-религіозной жизни въ нашемъ отечествѣ, чѣмъ тѣ, которые часто циркулируютъ въ нашемъ обществѣ.

В. Логиновъ.

«Литературное Дѣло». Сборникъ. Спб. 1902.

Издававшіеся за послѣднее время сборники являлись въ большинствѣ случаевъ плодомъ безвозмезднаго труда нѣсколькихъ писателей, желавшихъ прійти на помощь нуждающимся или же отмѣтить какую нибудь торжественную годовщину дѣятельности полезнаго и почтеннаго работника. Такъ издавались сборники въ пользу голодающихъ, пострадавшихъ армянъ, учащихся и т. п., такъ появились книги «На славномъ посту», «Подъ знаменемъ науки» и другіе. «Литературное Дѣло» никакой изъ этихъ цѣлей не преслѣдуетъ. Кто составлялъ его, для чего, почему—не объясняется. Нѣтъ ни предисловія, ни послѣсловія, если не считать напечатанныхъ въ концѣ книги объявленій отъ «Міра Божія» и изданій «Русскаго Богатства»; это—единственныя страницы, не занятія текстомъ. Быть можетъ, и самыя статьи сборника не были заранѣе подобраны, но тогда тѣмъ знаменательнѣе ихъ сочетаніе. Въ сторонѣ отъ другихъ стоятъ Е. Тарле и В. Богучарскій. Дѣлая оцѣнку соціологическимъ работамъ Н. Михайловскаго, г. Тарле приходитъ къ заключенію, что заслуги г. Михайловскаго въ области соціологическихъ изслѣдованій даютъ ему право на прочное мѣсто въ ряду дѣятелей науки. Статья эта—какъ бы запоздалая дань юбилейному сборнику; тамъ она была бы болѣе «въ своемъ кругу», чѣмъ здѣсь. В. Богучарскій собралъ свѣдѣнія о декабристѣ А. О. Корниловичѣ и его пше-

тельскихъ трудахъ. Къ сожалѣнію, большинству изъ нихъ не суждено было увидѣть свѣтъ; все написанное имъ во время заключенія, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, было передано генералу Шумкову, но, куда дѣлъ ихъ этотъ послѣдній, остается неизвѣстнымъ. Тѣ немногія работы, которыя были опубликованы, доставили А. О. не только своего рода извѣстность, но и послужили поводомъ нѣсколько разъ къ выраженію «каторжному Корниловичу благоволенія его величества». Занимаясь исторіей, этотъ декабристъ особенно интересовался XVIII вѣкомъ, временемъ Петра и императрицъ. Перепечатанная недавно въ «Дешевой библиотекѣ» Суворина его статья о «нравахъ русскихъ при Петрѣ Великомъ», къ сожалѣнію, не снабжена свѣдѣніями объ ея авторѣ.

Подборъ статей въ сборникъ, какъ мы уже сказали, очень знаменателенъ. Наиболѣе ярко выражающими общій тонъ ихъ являются статьи С. Булгакова и Н. Бердяева. С. Булгаковъ, небезызвѣстный специалистъ по аграрнымъ вопросамъ въ экономической литературѣ, помѣстилъ здѣсь статью: «Васнецовъ, Достоевскій, Вл. Соловьевъ, Толстой. (Параллели)». Достоевскій и Толстой—это «два солнца нашей и міровой литературы», Васнецовъ—«корифей нашей живописи», Вл. Соловьевъ—«единственный до сихъ поръ царь нашей русской философіи». Желая опредѣлить основныя черты русскаго генія, авторъ ищетъ выраженія ихъ въ этихъ національныхъ герояхъ и приходитъ къ выводу, что заключаются онѣ «въ христіанскомъ религиозномъ настроеніи, опредѣляющемъ характеръ философіи и искусства». Разъясняя кажущееся противорѣчіе между подобнымъ опредѣленіемъ и господствомъ атеизма въ нашемъ обществѣ, г. Булгаковъ напоминаетъ, что нашъ атеизмъ—скорѣе заблужденіе ума, а не сердца, попрежнему тоскующаго о Богѣ. Находясь въ плѣну у позитивной науки, современный человѣкъ нуждается въ поднятіи уровня своего философскаго образованія. «Пробужденіе философскаго интереса и философской мысли, которое, повидимому, совершается въ нашемъ обществѣ, поведетъ къ созданію болѣе философскаго міросозерцанія и возвратитъ ему утраченнаго Бога».

Еще болѣе характерно свидѣтельство автора статьи о М. Метерлинкѣ, Н. Бердяева, столь напумѣваго у насъ два года назадъ своей книгой о субъективномъ методѣ, изданной съ предисловіемъ Струве. Н. Бердяевъ прямо говоритъ: «Въ жизни передовой части общества преобладала практически-разсудочная складка. Матеріальный гнетъ вызывалъ обостренное сознаніе необходимости матеріальнаго устройства человѣческой жизни. Этотъ моментъ нашель себѣ гениальное выраженіе въ ученіи Маркса. Еще не такъ давно вѣрилось, что все зло, всѣ противорѣчія жизни, устранимы матеріальнымъ социальнымъ развигіемъ... Это было торжество внѣшняго человѣка надъ внутреннимъ, временное, основанное на психологической иллюзіи, торжество средствъ жизни надъ ея дѣлями» и т. д. Гармонируетъ по направленію съ этими статьями и очеркъ З. К.: «М. Горькій въ иностранной критикѣ»; всеобщій интересъ къ Горькому объясняется именно тѣмъ, что этотъ писатель подчеркнулъ «никудышничество» современнаго человѣка, его неудовлетворенность тѣми оправданіями смысла жизни, которыя были подысканы до сихъ поръ.

Сборникъ заканчивается прекрасной статьей профессора Анничкова объ англійскомъ художникѣ-поэтѣ общественномъ дѣятелѣ и утопистѣ-романистѣ, Виллья-

мъ Моррисъ. Впечатлѣніе, производимое этими статьями сборника, совершенно отводитъ на задній планъ его художественный отдѣлъ, изъ котораго, кромѣ свѣжыхъ, искреннихъ и глубокихъ вещей г. Новикова, едва ли что нибудь особенно займетъ вниманіе читателя. «Литературное Дѣло» — несомнѣнно знаменіе времени. Статьи С. Булгакова «объ Иванѣ Карамазовѣ» и Н. Бердяева объ «идеализмѣ», вышедшія въ печати раньше, какъ одиночки, не давали еще поводовъ къ тѣмъ выводамъ, которые напрашиваются теперь. Достоевскій, Нитцше, громадное значеніе искусства, Вилльямъ Моррисъ, исکانіе утраченнаго Бога, Горькій, идеалистическая философія, Толстой — все это, сосредоточенное въ «Литературномъ Дѣлѣ», переноситъ насъ за нѣсколько лѣтъ назадъ, къ тому времени, когда такъ безвременно существовать и безвременно погибъ «Сѣверный Вѣстникъ». Но помянуть его здѣсь только тѣмъ, что онъ со своимъ credo пришелъ не во время, — значитъ, сказать очень мало. Онъ былъ не только пророкомъ современнаго движенія, но и первый открылъ путь для него.

А. Новино.

«Четыре разсказа». В. Тимашевъ-Берингъ. Москва. 1902.

Изъ четырехъ разсказовъ г. Тимашева-Беринга одинъ «Сидорушкинъ грѣхъ» печатался въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Онъ касается бытового грѣха крестьянской семьи, когда только что женившемуся сыну приходится идти на заработки или въ солдаты, а его молодуха остается въ домѣ свекра, еще не окончательно стараго и иногда вдоваго. Семейная драма часто кончается не только обычнымъ грѣхомъ, но убійствами и самоубійствами. «Сидорушкинъ грѣхъ» съ таковымъ исходомъ производитъ гнетущее впечатлѣніе о русской деревнѣ. Не менѣе сильное впечатлѣніе оставляетъ разсказъ «Эскизъ» изъ жизни городскихъ мѣщанъ, касающійся умирающаго портного, который желаетъ внести въ духовное завѣщаніе имя своего сына отъ первой жены, а вторая жена и ея родственники стараются помѣшать ему въ его намѣреніи. Муки отца смѣнились радостью, когда для составленія завѣщанія пришелъ нотаріусъ, сумѣвшій понять и выполнить волю умирающаго. И тотъ, и другой разсказъ ничего не говорятъ отворческомъ дарованіи автора, но свидѣтельствуютъ о знаніи имъ народной среды съ ея темными сторонами и умѣніи возбудить ими интересъ къ себѣ. Что касается прочихъ его разсказовъ изъ свѣтской среды, то въ нихъ преобладаетъ сочиненность и искусственность, портящая впечатлѣніе въ особенности въ слабомъ исполненіи. Напримѣръ, въ разсказѣ «Стой» мужъ безпричинно разошелся съ женой и, несмотря на это, злился и носилъ ее заочно, пока въ его семейную жизнь не вмѣшался ангель-хранитель и не показалъ ему во снѣ «духа зла, отрицанія и безвѣрія», затѣмъ «духа мира и постоянства» и наконецъ книгу, гдѣ и были начертаны добрыя и худыя дѣла несчастнаго мужа по замысловатой программѣ: «жизнь, любовь и сомнѣнье». Каждому явленію духовъ ангель предносилъ пространныя объясненія, столь поправившіяся герою, что онъ просилъ ангела «уронить въ его душу отблескъ вѣчности» и не уходитъ отъ него.

Разумѣтся, ангельскія аллегоріи о грѣхахъ далеко не художественный матеріаль, въ особенности, если при всей замысловатости онѣ вполне азбучны.

Четвертый разсказъ г. Тимашева-Беринга: «Все къ лучшему», изображаетъ художника съ поэтической душой, идеально полюбившаго барышню, которая отвѣчаетъ ему такой же идеальной привязанностью. Но вскорѣ она вышла замужъ за богатаго и блестящаго офицера, а художникъ одиноко добился извѣстности и долженъ быть счастливъ сознаніемъ, что въ здѣшнелъ міръ идетъ «все къ лучшему».

Здѣсь нѣтъ аллегоріи, но нѣтъ и значительности содержанія. Такимъ образомъ, насколько авторъ реаленъ и интересенъ въ разсказахъ изъ народнаго быта, настолько въ разсказахъ изъ культурнаго быта его дарованіе исполнено вымысла или безхарактерной ежедневности.

А. Ф—овъ.

И. Божеряновъ. Невскій проспектъ. 1703 — 1903. Культурно-историческій очеркъ жизни Петербурга за два вѣка — XVIII и XIX. Юбилейное изданіе А. И. Вильборга. Томъ первый. Выпускъ второй. Спб. 1902.

Второй выпускъ «Невскаго проспекта» еще болѣе роскошенъ, нежели первый. Въ немъ помѣщено нѣсколько сотъ портретовъ и рисунковъ, относящихся къ первой половинѣ XVIII столѣтія и воспроизведенныхъ съ самыхъ рѣдкихъ оригиналовъ. Эти рисунки навсегда останутся существеннымъ источникомъ для будущихъ иллюстрированныхъ изданій не только по исторіи Петербурга, но и по исторіи вообще. Благодаря богатому собранію гравюръ П. Я. Дашкова, — этой неизсякаемой сокровищницѣ для всѣхъ занимающихся, — г. Вильборгъ получилъ возможность сдѣлать вполне художественное изданіе, давъ въ немъ рядъ портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей, разнообразныя виды стариннаго Петербурга и сцены изъ бытовой русской жизни. Передъ читателемъ проходитъ весь XVIII вѣкъ въ живыхъ образахъ. Выборъ рисунковъ для изданія сдѣланъ г. Божеряновымъ съ большимъ знаніемъ и вкусомъ, при чемъ не упущена никакая мелочь. Любители, художники и историки найдутъ здѣсь все, что можетъ интересовать ихъ: портреты выдающихся лицъ Елисаветинскаго царствованія, виды дворцовъ, замѣчательныхъ зданій, внутренность школы того времени, мастерскую портного, мастерскую цвѣтвовъ, граверную, словолитню, экипажи, наряды того времени, факсимиле манифестовъ, указовъ, печатныхъ объявленій, отпускныхъ крѣпостнымъ, заглавныхъ листовъ изданій и т. д. И все это, что особенно важно, исполнено безукоризненно въ артистическомъ заведеніи г. Вильборга.

Заглавіе изданія совсѣмъ не подходитъ къ тексту, и можетъ лишь ввести въ заблужденіе. Для описанія Невскаго проспекта было бы достаточно пяти, шести печатныхъ листовъ, а не шестидесяти, которые будутъ заключать въ себѣ оба тома. Вслѣдствіе этого, авторъ текста, г. Божеряновъ, дѣлаетъ въ сущности описаніе не только Петербурга, но и быта двора и общества того времени. При обширности такой задачи въ добросовѣстномъ трудѣ г. Божеря-

нова неизбежно встрѣчаются пробѣлы и неточности. Напримѣръ, почтенный авторъ пожаловалъ Ив. Ив. Шувалову, и въ текстѣ и въ подписи подь портретомъ, графскій титулъ, котораго онъ никогда не имѣлъ. При описаніи восшествія на престолъ Елисаветы Петровны совсѣмъ упущенъ изъ виду весьма важный источникъ, именно 96, 100 и 105 томы «Сборника историческаго общества», гдѣ намечатаны депеши Шетарди и Далльона, дающія новое освѣщеніе и подробности этого событія. Самый переворотъ 24 ноября 1741 года разсказанъ по статьѣ покойнаго Семевского, устарѣлой и требующей провѣрки. Такъ, отсюда заимствованъ разсказъ, будто при арестѣ Анны Леопольдовны солдаты съ шумомъ вбѣжали въ ея спальню и объявили, что она должна слѣдовать за ними; трепещущая отъ страха, она, кое-какъ одѣваясь, молила о свиданіи съ Елисаветой, но ей отказали и торопили одѣваться. Въ дѣйствительности же Елисавета Петровна сама вошла къ Аннѣ Леопольдовнѣ, запретивъ солдатамъ слѣдовать за собой, разбудила ее словами «сестрица, вставайте», объяснила ей, въ чемъ дѣло, и успокаивая обѣщала устроить ея судьбу наилучшимъ образомъ.

Такіе маленькіе недосмотры нисколько не умаляютъ значенія изданія, которое и по содержанію, и по изяществу, вполне заслуживаетъ вниманія публики.

С. Ш.

Антикваръ. Библиографическій листокъ. Апрель 1902 года, № 1. Спб.

У насъ были и есть журналы библиографическіе и историко-литературные, но не было еще журнала антикварнаго. Пробѣлъ этотъ рѣшилъ восполнить владѣлецъ одного изъ антикварныхъ магазиновъ въ Петербургѣ, г. Соловьевъ, и первый номеръ его журнала передъ нами. Въ редакціонномъ предисловіи г. Соловьевъ не ставитъ какой либо широкой и громкой программы. Свой листокъ онъ называетъ почтовымъ ящикомъ, которымъ приглашаетъ пользоваться всѣхъ интересующихся антикварной книжной торговлей лицъ. «Вопросы и отвѣты о рѣдкихъ изданіяхъ, полемика, касающаяся близко дѣла собиранія книгъ, извѣстія и новости антикварнаго книжнаго міра, иногда интересныя статьи отвлеченнаго характера»— вотъ неопредѣленная программа этого листка. Въ первомъ номерѣ «Антиквара» начато выполненіе этой программы, и довольно удачно. Такъ, мы находимъ въ немъ подробное описаніе рѣдкаго «Театральнаго альбома» 1842 года, изъ котораго автотипіей воспроизведены— заглавный листокъ, портретъ Е. Я. Андріяновой и Т. П. Смирновой. Интересна статья г. Петрова о собирателяхъ книгъ. Особенно большое значеніе долженъ имѣть отдѣлъ, посвященный описанію частныхъ библиотекъ. Въ настоящемъ номерѣ описаны библиотеки В. В. Святловскаго, графа Г. А. Милорадовича и С. Н. Шубинскаго. Пора уже привести въ извѣстность тѣ рѣдкости, которыя хранятся въ рукахъ частныхъ лицъ, и которыя съ такимъ трудомъ, а иногда и совершенно безъ всякихъ результатовъ, разыскиваютъ интересующіеся ими изслѣдователи. Къ сожалѣнію, описанія библиотекъ, помѣщенные въ «Антикваръ», страдаютъ большою краткостью. Со временемъ, вѣроятно, потребность

въ болѣе подробныхъ извѣстiяхъ о книжныхъ сокровищахъ частныхъ лицъ поведеть къ расширенiю этого весьма полезнаго отдѣла. Въ общемъ журналъ производитъ вполне благопрiятное впечатлѣнiе, такъ какъ соответствуетъ своему главному назначенiю служить органомъ всѣхъ интересующихся антикварнымъ дѣломъ. Желаемъ ему успѣха.

В. Б.

**Иванъ Абрамовъ. Въ культурномъ скиту (среди неплюевцевъ).
Спб. 1902.**

Настоящая небольшая книжка составила изъ ряда статей автора, напечатанныхъ въ свое время въ «Русскомъ Богатствѣ» и являющихся литературнымъ воплемъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, противъ филантропическо-педагогической дѣятельности небезызвѣстнаго г. Неплюева съ его религиозна-мистическими школами и «братствами». Г. Абрамовъ на собственномъ опытѣ испыталъ всѣ прелести этихъ лицемѣрныхъ учреждений и въ своихъ статьяхъ шагъ за шагомъ обличаетъ всѣ установленiя, порядки и методы этихъ учреждений, приводя въ доказательство своихъ словъ и мнѣнiй живые документы, въ видѣ писемъ, дневниковъ и литературныхъ произведенiй участниковъ братства и учениковъ знаменитой въ своемъ родѣ Воздвиженской школы.

Въ нашей литературѣ, кажется, г. Меньшиковъ первый обратилъ серьезное вниманiе на аномальность, чтобы не сказать — уродливость, педагогической дѣятельности г. Неплюева, гдѣ вся система воспитанiя и принципы общезжитiя деревенскаго юношества основаны на ханжествѣ, лицемѣрiи, доносахъ и низкоклонствѣ передъ главою и основателемъ этихъ учреждений, который сдѣлалъ изъ собственной персоны нѣчто въ родѣ пророка и святого, передъ коимъ должно все кругомъ раболѣпствовать, поклоняться и расprostираться въ словословіи и похвалахъ, льстивыхъ и фальшивыхъ, его добродѣтелямъ, уму, родовитости и добротѣ. Когда читаешь взволнованныя повѣствованiя г. Абрамова о всемъ имъ видѣнномъ и испытанномъ на горькомъ опытѣ, то грустно и обидно становится за то деревенское юношество, которое, благодаря прихоти балованнаго, богатаго и неискренняго барича, обречено на порчу въ раннемъ еще возрастѣ и принесено въ жертву филантропическому капризу и педагогическому недоразумѣнiю. Въ обстановкѣ и условiяхъ безхитростной и простой русской жизни отъ затѣй г. Неплюева въ изображенiи ихъ г. Абрамовымъ вѣтъ такими деморализующими началами, гдѣ даже не скрыта наличность самыхъ предосудительныхъ элементовъ, что только диву даешься, какiя уродства могутъ всплывать на поверхность нашей отечественной дѣйствительности, какъ они терятся и даже до извѣстной степени пользуются покровительствомъ и поддержкою. Остается въ утѣшенiе лишь одно, что пока г. Неплюевъ съ своими затѣями у насъ одинокъ, что, повидимому, его примѣръ не соблазнилъ еще никого изъ нашихъ соотчичей, столь склонныхъ вообще на перениманiе и обезьянство, и что наша пресса уже успѣла освѣтить и отмѣтить этотъ неве селый улолокъ русской жизни.

В. Г.—скій.

Замотинъ, И. И. Преданіе о Вадимѣ Новгородскомъ въ русской литературѣ. Оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ». Воронежъ. 1902.

Въ Никоновской лѣтописи подь 863 годомъ записано о томъ, что новгородцы возмущились правленіемъ Рюрика, и... «того же лѣта уби Рюрикъ Вадима храбраго и иныхъ многихъ изби новгородцевъ, совѣтниковъ его». Наши историческія данныя ровно ничего не прибавляютъ къ этому сообщенію. Гдѣ, въ чемъ искать истинныхъ мотивовъ возстанія, его цѣлей? И что за человекъ Вадимъ, вождь возстанія? При совершенномъ отсутствіи данныхъ возможны различныя предположенія. Кто онъ—безкорыстный ли борець за свободу своихъ гражданъ, за освобожденіе отъ иноземнаго ига, оскорбленный ли въ своихъ притязаніяхъ тиранъ или, наконецъ, поборникъ опредѣленныхъ политическихъ идеаловъ? Исторія не можетъ отвѣтить на эти вопросы, оставляя обширное поле для догадокъ и различныхъ характеристикъ Вадима. Воплнѣ понятно, что при оживленіи въ XVIII вѣкѣ интереса къ русской старинѣ нѣсколько лѣтописныхъ строкъ о Вадимѣ должны были своею загадочностью привлечь вниманіе и вызвать попытки такъ или иначе объяснить себѣ характеръ дѣйствій Вадима и его личность. А чѣмъ же другимъ можно было руководствоваться при объясненіи политическаго положенія Вадима, какъ не своими личными симпатіями и собственными политическими убѣжденіями? Такой благодарный сюжетъ, какъ сказаніе о Вадимѣ, давалъ возможность не только высказать свои взгляды, но и противодѣйствовать защитникамъ противоположныхъ взглядовъ. Господствовавшее въ данный моментъ литературное направленіе отражалось на характеристикѣ личности Вадима, являвшася то ложноклассическимъ героемъ, то сентименталистомъ, то романтикомъ. Изъ этихъ соображеній становится очевиднымъ то важное значеніе, которое можетъ имѣть изслѣдованіе различныхъ литературныхъ обработокъ темы о Вадимѣ въ изученіи литературныхъ теченій и для исторіи политическаго настроенія нашего общества во второй половинѣ XVIII вѣка и первой четверти XIX вѣка. Первымъ опытомъ такого изслѣдованія является работа, заглавіе которой мы выписали.

Г. Замотинъ подвергаетъ анализу слѣдующія произведенія: «Историческое представленіе изъ жизни Рюрика»—императрицы Екатерины II, трагедію Гняжинина «Вадимъ», поэмѣ Хераскова «Царь», неоконченную повѣсть М. Н. Муравьева «Оскольдъ», повѣсть В. А. Жуковскаго «Вадимъ Новгородскій» и отрывки о Вадимѣ Пушкина. Г. Замотинъ не производилъ спеціальныхъ изысканій о генезисѣ каждаго изъ этихъ литературныхъ произведеній; опираясь на немногочисленную спеціальную литературу объ этихъ писателяхъ, онъ далъ сравнительный анализъ ихъ содержанія, и уже этотъ анализъ приводитъ къ любопытнымъ выводамъ, являясь яркой иллюстраціей политическаго настроенія общества. Достаточно самаго бѣглаго обзора выводовъ г. Замотина, чтобы читатель понялъ ихъ интересъ и значеніе. Вотъ какъ измѣнился образъ Вадима въ нашей литературѣ. Въ то время, какъ по изображенію Екатерины Вадимъ является дерзкимъ бунтовщикомъ противъ верховной власти Рюрика,

представителя просвѣщеннаго абсолютизма, Княжнинъ въ своей трагедіи выводитъ Вадима — новгородскаго гражданина, борца за свободу своихъ гражданъ, русскаго Брута. Приходитъ французская революція, и взгляды мѣняются. Въ поэмѣ Хераскова, посвященной Павлу I, Вадимъ — «юноша, предерзкій, злобный, свирѣпствомъ льву подобный», честолюбивый бунтарь и ярый республиканецъ. «Дней Александровыхъ счастливое начало» будить вновь неясныя, неопредѣленныя мечты о свободѣ, и Вадимъ Муравьева и Жуковскаго является сентиментально-романтическимъ героемъ, ревнителемъ національной свободы. Наконецъ, темы о Вадимѣ касаются Рылѣевъ и Пушкинъ. По мнѣнію г. Замотина, въ ихъ произведеніяхъ Вадимъ представляется грустнымъ, разочарованнымъ скитальцемъ, бросившимъ свою родину послѣ неудачнаго исхода борьбы за свободу. Въ Вадимѣ Рылѣева и Пушкина не трудно узнать общій типъ данной эпохи, эпохи байронизма.

Работа г. Замотина страдаетъ недостатками, обычными въ первомъ опытѣ изслѣдованія. Не привлеченъ весь возможный матеріалъ, главнымъ образомъ, въ первой четверти XIX вѣка, а само изслѣдованіе различныхъ образовъ Вадима — недостаточно глубоко. Недостатки работы вызваны отчасти двойственнымъ характеромъ работы: съ одной стороны авторъ слѣдитъ за отраженіемъ литературныхъ теченій на произведеніяхъ о Вадимѣ, а съ другой имѣетъ въ виду общественное значеніе этихъ произведеній. Отсюда смѣшеніе чертъ литературнаго типа Вадима съ чертами политическаго типа. Отсюда — совершенно невѣрное опредѣленіе типа Вадима у Рылѣева. Нельзя отрицать байроновскихъ чертъ въ этомъ типѣ, но совершенно невозможно найти и тѣни разочарованія у рылѣевскаго Вадима, вдохновлявшаго на борьбу не только Рылѣева, но и его товарищей по тайному обществу. И Владимиръ (не Василій, какъ его именуетъ г. Замотинъ) Федосеевичъ Раевскій, о которомъ лишь вскользь упоминаетъ изслѣватель, вдохновлялся Вадимомъ. Г. Замотинъ пишетъ: «стихотвореніе В. Ф. Раевскаго, повидимому, никогда не было напечатано; о рукописи его намъ тоже не удалось собрать никакихъ свѣдѣній». Это невѣрно; если бы г. Замотинъ обратился къ такому распространенному изданію, какъ «Энциклопедическій Словарь» Брокгауза и Ефрона, онъ нашелъ бы замѣтку о Раевскомъ съ перечисленіемъ литературы о немъ. Между прочимъ, указанъ 56-й томъ «Русской Старины» (1887 годъ, книга X); въ этомъ томѣ напечатаны отрывки изъ стихотворенія Раевскаго «Иѣвецъ въ темницѣ», которое кажется г. Замотину потеряннымъ. Говоря о Вадимѣ Жуковскаго, г. Замотинъ не останавливается подробно на исторіи этого сюжета въ произведеніяхъ Жуковскаго. Въ 1803 году было написано начало повѣсти «Вадимъ Новгородскій»; въ 1817 году — баллада «Вадимъ», составляющая вторую часть «Двѣнадцати свящихъ дѣвъ». Любопытна эволюція типа: Вадимъ баллады, по выраженію Н. С. Тихонравова, является освободителемъ не родины отъ ига иноплемениковъ, а двѣнадцати свящихъ дѣвъ. Г. Замотину неизвѣстна статья Н. С. Тихонравова о Жуковскомъ, написанная имъ по поводу книги Загарина о Жуковскомъ и напечатанная въ первой части третьяго тома сочиненій московскаго ученаго. Эта статья (стр. 435—440) помогла бы г. Замотину уяснить генезисъ и лучше оцѣнить повѣсть Жуковскаго о Вадимѣ, въ которой онъ подражалъ сочиненію Флоріана

«Вильгельмъ Тель, или освобожденіе Швейцаріи». Первые страницы книжки г. Замотина посвящены выясненію вопроса, почему не сохранилось никакихъ слѣдовъ поэтическаго преданія о Вадимѣ. Быть можетъ, доводы, приводимые изслѣдователемъ, и достаточно объясняютъ причины гибели преданія, но дѣло въ томъ, что этого преданія, по всѣмъ вѣроятіямъ, и не существовало. Во всякомъ случаѣ, у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ утверждать его существованіе.

Указанные недостатки, конечно, не лишаютъ книги г. Замотина извѣстнаго значенія. Въ ней впервые дана постановка вопроса и предложенъ первый опытъ отвѣта на этотъ вопросъ. Изслѣдованіе г. Замотина имѣетъ безусловную цѣнность для исторіи нашей общественности.

П. Ц.

И. И. Игнатовичъ. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. Спб. 1902.

Книга эта представляетъ собою очень живо написанный очеркъ положенія крѣпостныхъ крестьянъ передъ освобожденіемъ. Первая глава ея посвящена выясненію юридическаго положенія помѣщичьихъ крестьянъ въ то время. Авторъ вполне основательно замѣчаетъ, что крѣпостное право имѣло у насъ государственный характеръ: государство, какъ бы сознавая свое безсиліе справиться съ управленіемъ всею народною массою, часть своихъ обязанностей передало помѣщикамъ. Помѣщикъ, имѣя право на личный трудъ крѣпостныхъ и получая въ извѣстной степени право суда надъ своими людьми, съ одной стороны, являлся ответственнымъ лицомъ передъ правительствомъ за правильные взносы государственныхъ платежей и за исполненіе повинностей крестьянами, а съ другой—долженъ былъ заботиться о продовольствіи крѣпостныхъ во время голода и помогать имъ въ несчастныхъ случаяхъ. Однако, такого рода опека надъ крестьянами съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обнаруживала свою несостоятельность: подати поступали самымъ неисправнымъ образомъ; такъ, въ Курской губерніи въ концѣ 30-хъ годовъ «казенныя недоимки достигали громадныхъ размѣровъ, ибо многіе дворяне имѣли обыкновеніе никогда не платить податей, разчитывая на милостивые манифесты, часто объявляемые по разнымъ случаямъ» (стр. 4); что дворяне не торопились съ уплатой казенныхъ податей, показываетъ и тотъ фактъ, что къ 1841 г. въ оекѣ состояло 916 имѣній за неплатежъ податей и недоимокъ (стр. 5), а поэтому насущный интересъ самого правительства побуждалъ его покончить съ крѣпостнымъ правомъ. Вторая глава посвящена вопросу о численности крѣпостныхъ крестьянъ передъ эмансипаціей, объ ихъ распредѣленіи по губерніямъ и объ отношеніи количества земли, находившейся въ разныхъ мѣстахъ за владѣльцами, къ количеству земли за ихъ крѣпостными. По десятой ревизіи, изъ 21.625.603 душъ обоего пола (не считая крѣпостныхъ въ Закавказскомъ краѣ) собственно крестьянъ было 20.158.231 душъ обоего пола, а дворовыхъ 1.467.378 душъ обоего пола. Отношеніе численности помѣщичьихъ крестьянъ ко всей массѣ населенія уменьшилось съ XVIII вѣка, а именно: въ періодъ времени съ 1747 по 1837 годъ отношеніе это составляло 45%, къ десятой

ревізія эта цифра упала до $37\frac{1}{2}\%$ (стр. 37). Распредѣленіе крѣпостной массы по имперіи было крайне неравномѣрно и сложилось, какъ основательно указываетъ цитируемый авторомъ П. Н. Миллюковъ, «подъ прямымъ вліяніемъ историческихъ причинъ, среди которыхъ главными можно считать: степень близости къ московскому центру и степень давности заселенія» (стр. 38), а отсюда естественно произошло скопленіе массы крѣпостного люда въ нечерноземныхъ губерніяхъ наряду съ рѣдкимъ населеніемъ вообще и малымъ развитіемъ крѣпостного люда въ плодородныхъ, но окраинныхъ губерніяхъ. Точно также не равномѣрно было и распредѣленіе земли между помѣщиками и крестьянами въ разныхъ частяхъ имперіи: въ черноземныхъ губерніяхъ вѣстѣ съ преобладаніемъ барщины преобладала помѣщичья земля, напротивъ въ нечерноземныхъ съ преобладаніемъ оброка—крестьянская. Говоря вообще, въ XIX столѣтіи количество земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, было очень часто вдвое меньше сравнительно съ XVIII столѣтіемъ, что указываетъ на ухудшеніе положенія крестьянъ. Третья глава разбираемой нами книги посвящена положенію оброчныхъ крестьянъ, четвертая—работавшихъ на барщинѣ, а пятая—дворовыхъ. Здѣсь авторъ обращаетъ особенное вниманіе на положеніе «крѣпостной интеллигенціи», то-есть крѣпостныхъ, которымъ съ своекорыстными цѣлями помѣщики дали образованіе, несогласное съ ихъ положеніемъ, и которымъ поэтому ихъ положеніе сдѣлалось особенно невыносимымъ. Для такихъ несчастныхъ заложіи и самоубійство были единственнымъ исходомъ... Такъ, напримѣръ, въ разбираемой книгѣ приводится упоминаніе «объ одномъ замѣчательномъ кониистѣ рабѣ: онъ шелъ отъ мольберта къ своему обычному занятію, чисткѣ сапоговъ, и потомъ нашивался»... Дворовый-художникъ Мясниковъ застрѣлился послѣ того, какъ его господинъ приказалъ ему вернуться въ деревню, узнавъ о томъ, что его крѣпостной—художникъ, за которымъ академія художествъ признаетъ недюжинный талантъ... Подобная же участь постигла крѣпостного помѣщика Б., ученика академика Васильева, Полякова, котораго баринъ внезапно потребовалъ къ себѣ, несмотря на данное раньше слово отпустить его. Онъ спился съ кругу и пропалъ безъ вѣсти. Авторъ приводит много и другихъ подобныхъ примѣровъ (стр. 155 и сл.). Трудно было выбраться изъ крѣпостного состоянія даже очень даровитому человѣку. Такъ, графъ Морковъ отпустилъ на волю извѣстнаго художника Тропинина только 47 лѣтъ отъ роду въ 1823 году, несмотря на то, что онъ былъ извѣстностью въ Россіи, и въ немъ принимали участіе многія вліятельныя лица. Слѣдующая глава посвящена вопросу о вліяніи крѣпостного права на умственное развитіе крестьянства и протестамъ послѣднихъ противъ помѣщичьей власти. Историческое значеніе крестьянскихъ волненій авторъ опредѣляетъ такъ: «На общество волненія крестьянъ вліяли возбуждающимъ образомъ, все ближе и ближе приводя къ сознанію необходимости уничтоженія крѣпостного права. Интеллигенція могла, опираясь именно на проявленія неудовольствія самого народа, настойчивѣе указывать на необходимость реформы». «Если бы, — говоритъ въ одномъ изъ своихъ изслѣдованій о крестьянахъ В. П. Семевскій:—крестьяне не выражали протеста противъ крѣпостного права и пассивно и активно, то крѣпостное право могло бы, пожалуй (!), просуществовать и долѣе 1861 года». «Правительство по

инстинкту самосохраненія не могло дожидаться пугачевщины, чтобы отмѣнить крѣпостное право» (стр. 178). Съ этимъ нельзя согласиться: паденіе крѣпостного права было обусловлено тѣми причинами, о которыхъ авторъ говоритъ въ послѣдней главѣ своего труда, а именно: несовмѣстимостью употребленія крѣпостного труда съ новыми требованіями промышленности, настроеніемъ правительства послѣ Севастопольской кампаніи, ясно доказавшей несостоятельность государственнаго порядка, основаннаго на крѣпостномъ правѣ, а главное усиѣхами просвѣщенія и дѣятельностью такихъ профессоровъ, какъ Грановскій, Кавелинъ, Мейеръ и др., изъ учениковъ которыхъ вышли Милютины, Черкасскій, Самарины. Что же касается до крестьянскихъ волненій, то они, какъ всякія массовыя движенія, только отпугивали правительство отъ либеральныхъ начинаній, давая крѣпостникамъ поводъ утверждать, что нашъ мужикъ не доросъ еще до свободы, и вызывая реакцію въ обществѣ. Поэтому нельзя не согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ Пушкинымъ, что только тѣ преобразованія прочны, которыя являются результатомъ распространенія просвѣщенія и неразрывно связаннаго съ послѣднимъ смягченія нравовъ.

Несмотря на такое несогласіе наше съ авторомъ, мы не можемъ не отдать должнаго его труду: въ немъ замѣтно всестороннее изученіе вопроса, и онъ можетъ быть съ пользою прочтенъ публикой. Въ концѣ приложенъ длинный перечень книгъ, которыми пользовался авторъ, что также не бесполезно для читателя.

В. Стровъ.

Марія Фришмутъ. Критическіе очерки и статьи. (Посмертное изданіе).— Типъ Фауста въ міровой литературѣ.— Леконтъ де-Лиль.— О женскомъ образованіи.— Еще о Гамлетѣ.— Сказка.— Переводы. Спб. 1902.

Въ преемственной связи историческихъ событій «личность, стараясь занять возможно широкое мѣсто, должна была измѣнить сущность и формы искусства. «Благородные роды» поэзіи исчезаютъ, преобладаютъ тѣ, въ которыхъ легче сказаться личности; возникли и новые жанры, служащіе проводниками для личнаго міровоззрѣнія. Мы интересуемся извѣстными предметами только тогда, когда видимъ ихъ сквозь призму субъективности. Современный романъ, богатая лирика, дневники, записки, воспоминанія, критическіе этюды, даже научныя изслѣдованія свидѣтельствуютъ о томъ...». Мысль эта, высказанная покойною г-жей Фришмутъ, проникая большинство ея работъ, могла бы послужить мѣткимъ эпитафиемъ къ посмертному изданію «Критическихъ очерковъ».

Съ особенно чуткимъ вниманіемъ останавливается г-жа Фришмутъ на вершинахъ человѣческаго генія, гдѣ поэтическое творчество отразило эволюцію личности въ исканіяхъ цѣли жизни и міровой гармоніи. Не пропуская подробностей, способныхъ восполнить и освѣтить ея взгляды, она, неволью изумляя читателя богатой эрудиціей и обширной начитанностью, неотразимо вліяетъ на него своею отзывчивою на все изящное, оригинальною личностью.

Марія Яковлевна Фришмутъ (р. 1840 г., ум. 1898 г.) родилась въ семьѣ извѣстнаго въ свое время профессора-филолога Виленскаго университета, но

липилась отца въ раннемъ дѣтствѣ. Кончивъ курсъ въ московскомъ пансіонѣ г-жи Гларнеръ, она посвятила себя педагогической дѣятельности, избравъ спеціальностью преподаваніе новыхъ языковъ и естественныхъ наукъ. Обязанная многосторонними познаніями исключительно себѣ самой, она не покидала научно-литературныхъ трудовъ до послѣднихъ лѣтъ жизни и, свободно владея десятью новыми языками, неуклонно слѣдила за искусствомъ и литературой. Какъ наставница, она оставила по себѣ благодарныя воспоминанія во многихъ поколѣніяхъ учениковъ и ученицъ, пользуясь громаднымъ умственнымъ и нравственнымъ авторитетомъ въ своихъ «маленькихъ семейныхъ аудиторіяхъ», для которыхъ, видимо, была написана содержательная и дѣльная статья «О женскомъ образованіи».

На литературное поприще г-жа Фришмутъ выступила незадолго до смерти. При жизни автора были напечатаны всего три очерка, хотя матеріаловъ за много лѣтъ у нея набралось достаточно. Остальныя статьи, отмѣченныя богатствомъ и разнообразіемъ содержанія, появились нынѣ въ печати впервые, составляя значительную часть «Критическихъ очерковъ».

Просматривая ихъ, невольно останавливаешься на изслѣдованіи «Типъ Фауста въ міровой литературѣ», едва ли не лучшимъ изъ всего написаннаго г-жей Фришмутъ. По словамъ ея біографа, монографія эта, напечатанная въ 1889 году на страницахъ «Вѣстника Европы», была замѣчена, что придало безконечную энергію «молодой писательницѣ».

Пояснивъ смыслъ и значеніе избранной темы, авторъ послѣдовательно, шагъ за шагомъ, излагаетъ развитіе типа Фауста со времени его зарожденія и первоначальнаго воплощенія въ народныхъ повѣстьяхъ и грубой, но сильной драмѣ предшественника Шекспира, Марло, до дидактически философской разработки въ произведеніи англійскаго поэта Бэли, при чемъ особенно тщательно и подробно анализируетъ наиболее глубокую и художественную передачу преданія о Фаустѣ въ драмахъ «великаго олимпійца» Гете и Ленау.

Этюдъ о Гамлетѣ, несмотря на свой интересный сюжетъ, оставляетъ читателя неудовлетвореннымъ, ибо носитъ случайный характеръ. Авторъ ограничился обзоромъ критическихъ изслѣдованій Гельберга и Бэка, тогда какъ сущность Шекспировской драмы очерчена у него слабо. Также нельзя назвать удачнымъ опытъ оцѣнки исполненія роли Гамлета на сценѣ, въ лицѣ современныхъ трагиковъ, поверхностная бѣглость котораго крайне вредитъ изложенію. Признавая справедливость словъ Лонинга, замѣтившаго, что «каждое поколѣніе узнаетъ себя въ Гамлетѣ, при этомъ выдвигая и подчеркивая какую нибудь сторону его характера, толкая его по личному отношенію къ герою», своей статьей г-жа Фришмутъ мало подтверждаетъ его мысль. Только третья часть этюда, въ которой подвергается серьезной критикѣ вопросъ, вѣроятно ли предположеніе, что честь созданія Гамлета принадлежитъ Бэкону, и приводятся вѣскіе доводы въ пользу положительнаго отвѣта, читается съ большимъ интересомъ.

Совѣмъ иное впечатлѣніе производитъ обдуманная и законченная характеристика одного изъ лучшихъ представителей современной французской литературы Леконта де-Лиль. Всесторонне и тонко разбирая три цикла его стихо-

твореній «Poèmes antiques», «Poèmes barbares» и «Poèmes tragiques», г-жа Фришмутъ обнаруживаетъ несомнѣнную способность глубоко чувствовать поэзію. Необходимо принять во вниманіе, что у насъ на Руси блестящій представитель школы «rapassiens», кромѣ автора «Критическихъ очерковъ», еще не нашелъ себѣ безпристрастнаго критика.

Намѣчая условія, необходимыя для полнаго и правильнаго пониманія поэзіи Леконта де-Лиль, сокрытыя въ особенностяхъ его таланта, г-жа Фришмутъ признаетъ типичной чертой его творчества удивительно быструю смѣну настроеній, тона и даже духа, что предполагаетъ въ читателѣ особенную восприимчивость фантазіи. Эстетикъ до мозга костей, проникнутый поклоненіемъ красотѣ, онъ пишетъ «для немногихъ», подобныхъ себѣ.

Для Леконта де-Лиль не существуетъ ни родины, ни излюбленныхъ темъ. Онъ является жрецомъ той поэзіи, которая пользуется результатами наукъ и располагаетъ «средствами искусствъ, которой передъ всѣми другими принадлежитъ преимущество приобщать насъ жизни отдаленнѣйшихъ временъ и народовъ, вводитъ насъ въ ихъ нравственную атмосферу; она живетъ душою дальнихъ народовъ и отжившихъ поколѣній». Г-жа Фришмутъ, мѣтко называя ее «эрудиціонной», посвящаетъ немало соображеній выясненію, справедливы ли нареканія современной критики, считающей стихотворенія французскаго поэта «безличными» и блѣдными. Провѣряя мнѣніе это на практикѣ, собственнымъ изученіемъ его творчества, она логически приходитъ къ противоположному заключенію.

Говоря о Леконтѣ де-Лиль въ характеристикѣ г-жи Фришмутъ, нельзя обойти молчаніемъ слѣдующаго. Въ основѣ міровоззрѣнія французскаго поэта лежитъ безнадежно мрачный пессимизмъ, отнюдь не сродный грошовой печали современныхъ «нытиковъ». По удачному опредѣленію критика «скорбь Леконта де-Лиль имѣетъ величіе Эсхилова хора: Пойте гимнъ плачевный»... Насколько ясно изъ отдѣльныхъ данныхъ, разсѣянныхъ на страницахъ ея сочиненій, со всѣмъ иною символа вѣры придерживалась г-жа Фришмутъ. Повидимому, до послѣднихъ дней ея не покидала теплая вѣра въ человека, преклоненіе передъ великимъ и прекраснымъ жизни. Тѣмъ болѣе дорога ея спокойная и справедливая оцѣнка поэзіи Леконта де-Лиль и умѣніе, забывая на время личные взгляды, смотрѣть на міръ иными очами, чувствовать чужими чувствами, скорбѣть скорбью другого.

Я не буду останавливаться на «Очеркахъ скандинавской литературы», посвященныхъ добросовѣстному и довольно полному обзору литературнаго творчества Норвегіи въ XIX вѣкѣ. Отмѣчу только, что наиболѣе интересныя страницы отведены критическимъ параллелямъ между поэзіей сѣвера и юга и оцѣнкѣ художественной дѣятельности Ибсена и Бьернсона.

Въ концѣ книги напечатаны переводы «Китайскихъ стихотвореній» и драмъ знаменитаго австрійскаго писателя Грильпарцера («Эсфиръ» и «Волны любви и моря»). Что касается первыхъ, они имѣютъ значеніе слишкомъ спеціальное и относительное, вторыя же блестяще подтверждаютъ старую истину, что можно быть прекраснымъ знатокомъ поэзіи, о чемъ свидѣлствуетъ разборъ стихотвореній Леконта де-Лиль, и очень плохимъ поэтомъ: г-жа Фришмутъ со всѣмъ не владѣетъ стихомъ.

Благопріятному впечатлѣнію, производимому «Критическими очерками», сильно вредитъ нестрога содержанія книги, нарушая единство впечатлѣнія. Наряду съ талантливыми историко-литературными этюдами помѣщена педагогическая статья, лишенная всякой оригинальности сказка и рядъ неудачныхъ переводовъ¹⁾. Что же касается недостатковъ изложенія г-жи Фришмутъ, то къ нимъ слѣдуетъ отнести частое отсутствіе обдуманнаго, стройнаго и систематически проведеннаго плана въ связи съ чрезмѣрнымъ преклоненіемъ передъ авторитетами, порождающимъ массу цитатъ, утомительно нестрящихъ страницы ея книги.

Вообще же говоря, принимая въ соображеніе серіозныя литературныя достоинства «Критическихъ очерковъ», нельзя не поблагодарить приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета В. В. Святловскаго, сдѣлавшаго цѣнный вкладъ въ нашу научную литературу изданіемъ сочиненій покойной М. Я. Фришмутъ, и не пожелать имъ полного успѣха среди русской читающей публики.

Сергѣй фонъ-Штейнъ.

Э. Н. Берендсъ. Объ источникахъ финляндскаго права. Первая лекція по финляндскому праву, читанная въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Спб. 1902.

Одинъ изъ очень немногихъ у насъ знатоковъ финляндскаго права, Э. Н. Берендсъ, своему курсу этого предмета въ С.-Петербургскомъ университетѣ предпослалъ интересное историческое введеніе. Финляндское право по существу своему есть право шведское. Оно сложилось въ письменной формѣ въ концѣ XIII в. и, будучи не заимствованіемъ чужихъ юридическихъ институтовъ, но произведеніемъ отечественнаго правотворчества, съ самыхъ раннихъ лѣтъ пользовалось народными симпатіями. Характерно то обстоятельство, что древній шведскій законъ облакался въ поэтическую форму, въ форму стиха съ кадансомъ и римой. Народъ пѣлъ свои законы, и въ видѣ пѣсни старшія поколѣнія научали имъ младшія. Даже въ Уложеніи 1734 г. еще сохранилась рима, какъ отзвукъ когда-то обычныхъ пѣснопѣній, явившихся передачею дѣйствовавшихъ правовыхъ нормъ.

Любопытна также и та черта шведско-финляндскаго права, что оно болѣе другихъ сохранило свою чистоту при столкновеніи съ правомъ римскимъ и потому въ весьма значительной степени осталось самобытнымъ. Нерасположеніе шведовъ къ римскому праву вообще было такъ сильно, что во второй половинѣ XVIII столѣтія было рѣшено упразднить кафедру римской юриспруденціи въ Упсальскомъ университетѣ, а въ 1734 г. земскіе чины сейма въ предложенномъ имъ проектѣ Уложенія требовали уничтоженія всякихъ слѣдовъ римскихъ правовыхъ новшествъ. Тѣмъ не менѣе, хотя контрабандой, но могущественное римское право проскользнуло въ шведско-финляндскіе юридическіе институты и нѣсколько измѣнило ихъ.

¹⁾ Издатели, видимо, руководились естественнымъ желаніемъ спасти отъ забвенія все, что сохранилось изъ литературнаго наслѣдія г-жи Фришмутъ.

Если не считать почтенной книжки Н. Д. Сергѣевского, о которой будетъ сказано особо въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ «Историческаго Вѣстника», брошюра г. Берендса представляетъ собою едва ли не единственный научный трудъ историческаго характера по вопросамъ шведско-финляндскаго права, а поэтому и заслуживаетъ особаго вниманія.

Б. Гр—скій.

A. von Gernet. Die im Jahre 1802 eröffnete Universität Dorpat und die Wandlungen in ihrer Uebersetzung. Ein Gedenkblatt zum 21 April 1902. Reval. 1902.

Въ виду приближающагося (12 декабря 1902 года)¹⁾ столѣтняго юбилея Юрьевскаго (прежде Дерптскаго) университета, въ печати появляются одинъ за другимъ труды, посвященные исторіи этого учрежденія. Между прочимъ, въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» напечатаны и первые главы исторіи Юрьевскаго университета, составляемой, по порученію университета, профессоромъ Пѣтуховымъ. Замѣнить для нѣмецкихъ читателей эту послѣднюю, «официальную» исторію—вотъ цѣль настоящаго юбилейнаго изданія г. Гернета, какъ о томъ заявляетъ самъ авторъ. Но такъ какъ трудъ профессора Пѣтухова появится въ полномъ видѣ, какъ кажется, еще не скоро, то книга г. Гернета представляетъ нѣкоторый интересъ и для русскихъ читателей.

Это первая полная исторія Юрьевскаго университета за время его 100-лѣтняго существованія. Хотя авторъ и подчеркиваетъ, что онъ намѣренъ изложить исторію Дерптскаго (а не Юрьевскаго, какимъ сталъ университетъ съ 1889—1893 гг.) университета, однако онъ сообщаетъ главные факты университетской жизни и за послѣднее десятилѣтіе, въ «періодъ руссификаціи». Но начинается авторъ лишь съ XVIII в., и предшествующей исторіи Дерптскаго университета, основаннаго впервые Густавомъ-Адольфомъ въ 1632 году, касается очень кратко. Рамки изложенія имъ также очень сужены: авторъ слѣдитъ почти исключительно за перемѣнами въ университетскомъ уставѣ, не касаясь совсѣмъ характеристики и быта профессоровъ и студентовъ, отношенія къ университету общества и т. п. Это обстоятельство дѣлаетъ книгу г. Гернета очень похожею на официальные юбилейныя исторіи стараго времени, представляющія сухой перечень внѣшнихъ, такъ сказать, юридическихъ, фактовъ и цифръ, своего рода формулярный списокъ учрежденія. Предъ нами не исторія жизни университета, а исторія юридическихъ нормъ. Нѣсколько оживляютъ книгу вѣчныя подчеркиванія «балтійскихъ привилегій» и обычная идеализація стараго строя балтійской жизни, но все это интересно только развѣ для одной части мѣстныхъ, балтійскихъ читателей.

¹⁾ Одна часть мѣстнаго общества (къ которой, видимо, принадлежитъ и г. Гернетъ) уже отпраздновала вѣковой юбилей университета 21-го апрѣля, день основанія «рыцарскаго» университета. Всѣ предшествующіе юбилеи праздновались 12 декабря (день преобразованія рыцарскаго университета въ государственное учрежденіе), когда будутъ имѣть мѣсто официальные юбилейныя торжества и въ нынѣшнемъ году.

Начинает авторъ съ положенія вопроса объ университетѣ въ Лифляндіи при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ, при чемъ попутно вспоминаетъ кое-что и изъ исторіи университета въ предшествующій, XVII вѣкъ; подробно говоритъ объ основаніи университета при Александрѣ I и о преобразованіи его изъ учрежденія частнаго въ государственное (что произошло 12 декабря 1802 года); затѣмъ сообщаются перемѣны въ университетскомъ уставѣ, имѣвшія мѣсто въ 1820, 1834, 1847, 1855, 1865 и 1889 годахъ. Рядомъ передаются кое-какія свѣдѣнія о постройкѣ новыхъ зданій, о появленіи новыхъ и обогащеніи старыхъ учебно-вспомогательныхъ учреждений университета, о возникновеніи при немъ ученыхъ обществъ и т. п. Широкое выраженіе нашла для себя также официальная жизнь студенчества: сообщается время появленія и прекращенія студенческихъ корпорацій, излагаются перемѣны въ ихъ уставахъ, передается длинная исторія о студенческихъ дуэляхъ и т. п., но и здѣсь также излагаются только нормы права, а не факты жизни.

Какъ цѣльная и связанная группировка извѣстныхъ внѣшне-юридическихъ фактовъ университетской жизни за истекшее столѣтіе, книга г. Гернета, конечно, не лишняя; но кто желалъ бы познакомиться не съ однѣми юридическими формами и реформами, а также и съ дѣйствительною жизнью университета въ его прошломъ, того это сухое изложеніе официальныхъ данныхъ удовлетворить не можетъ.

Д. З—нинъ.

Измаиль и его военно-историческіе памятники. Составилъ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Галкинъ. Одесса, 1902.

Это небольшая по объему, но очень хорошо и обстоятельно изложенная брошюра о важномъ подвигѣ, или, вѣрнѣе, подвигахъ войскъ русскихъ.

Измаиль не столько еще, какъ укрѣпленный пунктъ, но какъ придунайскій городъ, грабля запорожская вольница, не признававшая никакихъ ни своихъ, ни чужихъ властей. Затѣмъ Измаиль, плохо укрѣпленный и защищаемый сомнительной конницей, былъ взятъ въ 1771-мъ году княземъ Репнинымъ, безъ особаго усилія; но по Кучукъ-Кайнарджійскому миру вновь возвращенъ Турціи и только съ тѣхъ поръ, сильно и грозно укрѣпленный турками, представилъ твердыню, овладѣніе которой потребовало энергіи боевого таланта и несокрушимаго упорства Суворова. О томъ, что такое былъ этотъ штурмъ, стоившій жизни или увѣчья 20.000 турецкаго войска и безъ малаго 5.000 съ нашей стороны, лучше всего говорятъ слова самого же Суворова, «что рѣшиться на штурмъ, подобный измаиловскому штурму, можно только одинъ разъ въ жизни». Несмотря на страшныя усилія и потери русскихъ при взятіи Измаила, онъ по Яесскому миру снова былъ возвращенъ Турціи и сталъ принадлежать намъ только послѣ третьяго имъ овладѣнія путемъ долгихъ, медленныхъ и очень мало поучительныхъ послѣ Суворова военныхъ операций Меендорфа, Михельсона, князя Прозоровскаго и наконецъ генерала Засса. Въ концѣ концовъ рѣшителемъ судьбы этого города является Михаилъ Иларионовичъ Кутузовъ, одинъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей при суворовскомъ штурмѣ Измаила. Онъ въ роли дипломата устроилъ намъ выгодный Бухарестскій миръ

по которому Измаилъ и перешелъ навсегда въ вѣчное и нераздѣльное владѣніе Россіи. Съ этихъ поръ онъ пересталъ быть крѣпостью и все болѣе и болѣе перестаетъ быть мусульманскимъ городомъ, такъ какъ его мечети уже всѣ замѣнены православными церквами. Къ прискорбію надо сказать, что городъ этотъ, какъ русскій, очень мало вниманія отдалъ памяти Суворова, а еще менѣе Кутузова. Въ настоящее время существуетъ Суворовская городская аудиторія, но кутузовскаго въ городѣ нѣтъ ничего, зато имѣется памятникъ, сооруженный на частныя средства во славу бывшаго здѣсь смотра русскихъ войскъ въ 1829-мъ году, произведеннаго императоромъ Николаемъ.

Брошюра г. Галкина снабжена иллюстраціями, положимъ, при современномъ масштабѣ для такихъ работъ неважными, но все же посильно иллюстрирующими сообщаемые въ этой монографіи факты. Написана она отличнымъ и простымъ языкомъ, факты переданы выпукло и просто; въ приложеніяхъ играютъ значительную роль поэтическія привѣтствія на взятіе Суворовымъ Измаила, затѣмъ идутъ планы, дѣйныя своею оригинальностью, такъ какъ они вновь сдѣланы, хотя и полуинструментально (ахъ, ужъ эта полуинструментальность, истинная ересь генерально-штабской науки!), самимъ авторомъ. Въ этихъ же приложеніяхъ имѣетъ историческую дѣйность поименный списокъ офицеровъ, убитыхъ во время суворовскаго штурма Измаила. Въ заключеніе не могу не согласиться съ авторомъ, что именно въ Измаилѣ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, крайне умѣстенъ хорошій памятникъ нашему русскому величайшему полководцу, а также и обязательна память о Михаилѣ Иларіоновичѣ Кутузовѣ, какъ о дѣятелѣ, благодаря боевымъ и дипломатическимъ талантамъ котораго Измаилъ въ настоящее время является русскимъ городомъ.

В. П—нъ.

Н. И. Булычовъ. Древности изъ восточной Россіи. Москва. 1902.

Въ этомъ изданіи г. Булычова мы имѣемъ описаніе курганныхъ и имъ подобныхъ древностей, которыя хранятся въ Уфимскомъ губернскомъ музеѣ; кромѣ того, сюда же вошло описаніе и нѣкоторыхъ предметовъ, составляющихъ частную собственность отдѣльныхъ лицъ. Въ описаніи коллекцій авторъ держался географическаго пріема, а именно онъ имѣлъ въ виду рѣки, по близости которыхъ найдены были описываемые предметы. Такимъ образомъ, въ I отдѣлѣ разсмотрѣны предметы, происходящіе изъ мѣстностей по восточнымъ притокамъ Волги (рѣка Вѣлая съ притоками, рѣка Кама и т. д.), во II-мъ—изъ мѣстностей по притокамъ рѣки Иртыша; что касается III-го отдѣла, то въ немъ описаны «разныя находки», мѣстонахожденіе которыхъ или неизвѣстно или же точно не опредѣлено. Относительно самихъ предметовъ уфимскаго собранія кратко отмѣтимъ, что они представляютъ вещи изъ камня, желѣза, бронзы, золота, серебра, янтаря и т. д.

Настоящее изданіе сопровождается XIII прекрасно исполненными фототипическими таблицами, представляющими иллюстраціи предметовъ, о которыхъ говорится въ описаніи. Самому описанію предшествуетъ набросокъ географической карты съ указаніемъ мѣстностей, откуда происходятъ предметы музея.

Можно только пожелать, чтобы почаще появлялись подобныя прекрасно изданныя описанія провинціальныхъ музеевъ Россіи.

Л. М.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ПОЛИФЕМЪ-ГОРИЛЛА. Нѣмецкій ученый Целль издалъ любопытную книгу «Polyphem ein Gorilla. Eine naturwissenschaftliche und staatsrechtliche Untersuchung von Homers Odyssee». Заглавіе ея полно и ясно опредѣляетъ ея положительную часть. Идею Целля, на первый взглядъ парадоксальную, надо понимать и возможно принять приблизительно съ такимъ предисловіемъ.

Прометеевъ огонь зажегъ очаги въ Европѣ и положили начало общественности и цивилизаціи. Человѣкъ отвоевалъ материкъ у древняго звѣря. Звѣрь бѣжитъ, вымираетъ, отгѣсняется на далекія окраины. Въѣтъ съ нимъ отгѣсняются и человѣческія первобытныя племена, — впрочемъ, пожалуй, тутъ умѣтнѣе будетъ употребить слово «породы», оказавшіяся слишкомъ дикими и грубыми, безнадежными для нарождающейся культуры. Человѣческое общеніе слагается, мало-по-малу, стройныя соціальныя формы, въ которыхъ и для которыхъ одиночная борьба дикаря съ живою, враждебною природою уже не болѣе, какъ смутное воспоминаніе. На низшихъ ступеняхъ культуры, это — животный эпосъ. На болѣе высокихъ — эпосъ героическій, переработавшій первобытныя, наивныя матеріалы звѣриныхъ сказокъ, примѣнительно къ условіямъ новаго быта и настраиваемой имъ, развивающейся фантазіи. Привносится въ эпосъ религіозный авторитетъ; свѣтлая божественность цивилизованнаго міра-побѣдителя противоплагается темнымъ и свирѣпымъ тварямъ побѣждаемой природы; фактическое значеніе многихъ отголосковъ пережитой, дикой старины забыто; сами они, утративъ прямой естественный смыслъ, обратились въ источники аллегорій и метафоръ. Исконный врагъ, древній звѣрь, — пережитокъ, быть можетъ, допотопной фауны, — сдѣлавшись въ странахъ культурнаго общенія исключительно рѣдкимъ явленіемъ, разсматривается въ георическомъ эпосѣ, уже не какъ простое животное опасной силы, свирѣпости или смышлености.

Ставъ необычайнымъ, онъ заставилъ своихъ, отвыкшихъ отъ него, противниковъ видѣть въ немъ существо сверхъестественное, демоническое, созданное или капризомъ, или гнѣвомъ властныхъ надъ человѣкомъ божественныхъ силъ. Такovy Немеискій левъ, Лернейская гидра, Калидонскій вепрь и др. Иногда звѣрь и въ героическихъ сказкахъ сохраняетъ свои древнія животныя формы, но чаще подвергается антропоморфической эволюціи и перерождается въ великана, карлика или иное человѣкоподобное (цѣлымъ тѣломъ или только отчасти) чудовище. Роли сказочныхъ медвѣдей переходятъ къ злымъ исполинамъ, лукавые подвиги лисицъ и шакаловъ повторяютъ кобольды и цверги.

Въ эпоху созданія гомеровыхъ рапсодій цивилизованный міръ заключался въ тѣсныхъ рамкахъ мелкихъ эллинскихъ государствъ, Малоазіатскаго поморья, Нильской дельты: по крайней мѣрѣ, столько фактически знали и признавали культурнымъ сами греки, для которыхъ рапсоды сложили пѣсни Иліады и Одиссеи. Зато въ этомъ, тѣсно ограниченномъ, кругу цивилизація стояла уже настолько высоко, что первобытныхъ чудовищъ въ немъ не могло ни водиться, ни встрѣчаться. Отзвуки преданій о вымершихъ страшилищахъ слышны въ сказкахъ о великихъ охотахъ Геракла, Тезея, Мелеагра и др. Немеискій левъ, Мараѳонская лань и т. п., быть можетъ, не иное что, какъ память о послѣднихъ пещерныхъ львахъ и оленяхъ въ предѣлахъ Эллады. Сверхъестественныя явленія занимаютъ важное мѣсто равно и въ Иліадѣ, и въ Одиссеѣ. Но чудеса обѣихъ поэмъ — разнаго характера, содержанія и окраски. Иліада — эпопея о войнѣ двухъ культурныхъ осѣдлыхъ народовъ, познавшихъ городской бытъ и государственный строй. Хотя въ Троянскую войну то и дѣло мѣшаются боги-олимпійцы, но все же она ведется людьми съ людьми и естественными, человѣческими орудіями и средствами. Слѣдовательно, являть на свѣтлыхъ берегахъ Геллеспонта дѣйствующими лицами чудища животной или полуживотной породы сдѣлалось безмысленнымъ анахронизмомъ даже для поэтического произведенія, для былины. Они остались позади, во мракѣ вѣковъ. О существованіи ихъ слышать, ихъ видятъ, съ ними сражаются только путешественники, которыхъ торговля или несчастіе заноситъ далеко за границы цивилизованнаго міра: на дикіе козьи острова Средиземнаго моря, либо за Геркулесовы столбы. Тамъ человѣкъ еще слабъ и робокъ; тамъ — царство грубой, темной, животной силы. Вотъ почему Одиссея — эта огромная географія въ стихахъ — въ противоположность Иліадѣ, полна сказками о страшилищахъ низшаго, отжившаго міра, о звѣробразныхъ людяхъ и человѣкообразныхъ звѣряхъ, прогнанныхъ изъ центровъ цивилизаціи искрою Прометея.

Разбирая знаменитый эпизодъ Одиссеи о Полифемѣ и Циклопахъ, Цельль довольно доказательно усматриваетъ въ этой исторіи сильно приукрашенную вымысломъ легенду о столкновеніи греческихъ мореплавателей съ послѣдними въ бассейнѣ Средиземнаго моря представителями человѣка-гориллы, — того самого праотца человѣчества, котораго художникъ Габріель Максъ попытался воскресить въ своей извѣстной картинѣ *Pithecanthropus Alatus*. Остроумные доводы Цельля слишкомъ пространны, чтобы излагать ихъ подробно. Отмѣтимъ лишь, что съ главнымъ недоразумѣніемъ мифа — одноглазіемъ ци-

клопа — онъ справился находчиво и искусно. Кюжлѡф, по Целлю, принявъ значеніе одноглазаго человѣка только въ позднѣйшей эволюціи великанскихъ мнѡвъ, по смѣшенію отжившихъ понятій. Первоначальный смыслъ слова *κοκλωψ* «существо съ круглыми глазами», то-есть такого же вида, какъ у звѣрей. Гомеровъ циклопъ человѣкъ гигантъ, живущій дикаремъ, одиночкою, въ условій обществѣ даже стадной, не имѣющей понятія о самыхъ первоначальныхъ идеяхъ обще-человѣческой этики, хищный пещерный скотоводъ, съ неясною рѣчью, похожею то на ревъ, то на ворчаніе, бормотаніе, и съ круглыми глазами. Это близкій портретъ гориллы, орангъ-утанга, шимпанзе. Однако, немисливо предположить, чтобы сложная драма пребыванія Одиссея въ пещерѣ Полифема имѣла мѣстомъ дѣйствія звѣриное, обезьянье логовище. Даже если снять съ гомерическаго текста всѣ поэтическія наслоенія и прикрасы, то иголый остовъ разсказа описываетъ угрюмый бытъ циклоповъ въ чертахъ, понуждающихъ признать въ этой чудовищной породѣ тварей, хотя дикихъ и еще не вовсе человѣческихъ, но уже на полпути отъ звѣря къ человѣку. Такое переходное существо Целль и видитъ въ человѣкѣ-гориллѣ (*Gorillamensch*), вѣрить въ котораго усердно приглашаетъ насъ, скептическихъ современниковъ. «Если это и не такъ», говоритъ онъ, «то согласитесь, что оно могло быть такъ». Правду сказать, аргументъ этотъ сильно напоминаетъ классическое: «*se non e vero, e ben trovato*».

Такъ оно или не такъ, но, во всякомъ случаѣ, гипотеза Целля является смѣлымъ и остроумнымъ призывомъ къ антропологической провѣркѣ мнѡвъ Гомера. Его опытъ какъ бы ставитъ старую эвгемеристическую теорію на основы естествознанія.

— Политическіе выборы во Франціи шестьсотъ лѣтъ тому назадъ. Недавно происходили во Франціи политическіе выборы, и по этому поводу Луи Батифоль вспомнилъ ¹⁾ въ одной изъ майскихъ книжекъ «*Revue Hebdomadaire*» о шестисотлѣтнемъ существованіи выборовъ во Франціи. Упрекнувъ согражданъ въ небрежномъ отношеніи къ этому юбилею, онъ переходитъ къ средневѣковой эпохѣ, когда состоялось 10-го апрѣля 1302 года первое собраніе генеральныхъ штатовъ, созванное Филиппомъ-Красивымъ въ церкви Парижской Богоматери. Хотя оно не имѣло прямыхъ послѣдствій, но, тѣмъ не менѣе, посѣяло зачатокъ извѣстнаго принципа, породившаго въ 1356 и въ 1484 годахъ преждевременные результаты, которые повели за собою въ 1789 году всѣмъ извѣстный переворотъ, конечно, не предусмотрѣнный основателемъ собранія. Еще ранѣе 1302 года короли призывали для совѣщаній прелатовъ, бароновъ и делегатовъ общинъ, и давать совѣты сюзеренамъ было феодальнымъ долгомъ. Слѣдовательно эта мысль явилась Филиппу-Красивому не первому, а ново только то, что призывалось на совѣтъ все королевство въ общемъ собраніи представителей націи. Поводомъ этого созыва послужили столкновенія между Филиппомъ-Красивымъ и папою Бонифаціемъ VIII, задумавшимъ созвать соборъ, чтобы судить своего противника Филиппа-Кра-

¹⁾ Le sixième centenaire des élections en France 1302—1902, par Louis Batiffolle, «*Revue Hebdomadaire*», 10 mai 1902.

сиваго и преобразовать французское королевство. Въ отвѣтъ на созывъ Римскаго собора французское правительство рѣшило сдѣлать оппозицію папѣ въ лицѣ цѣлой націи, и 15 февраля 1302 года были отправлены по всѣмъ направлениямъ Франціи курьеры съ призывными грамотами къ представителямъ различныхъ сословій государства, начиная съ духовенства и монаховъ, феодаловъ и бароновъ до горожанъ и членовъ сельскихъ общинъ. За этимъ собраніемъ слѣдовали два другихъ, въ 1303 и 1308 годахъ, относившіяся до дѣла Храмовниковъ. Для созыва совѣта не существовало никакихъ особыхъ правилъ и закона; даже собраніе не носило особаго названія. Слово «генеральные штаты» было изобрѣтено впоследствии. Король обращался въ грамотахъ ко всѣмъ одинаково со слѣдующей фразой: «Желая разсмотрѣть и обсудить съ вами, а также съ прелатами, баронами и другими вѣрными подданными королевства, затруднительныя дѣла, касающіяся государства, нашей свободы и свободы королевства, церквей и подданныхъ, мы требуемъ именемъ долга и вѣрности, которые вы должны питать къ намъ, а также именемъ другихъ узъ — явиться самимъ къ намъ въ Парижъ, или выбрать вмѣсто себя делегатовъ къ такому-то числу». Эти грамоты отсылались съ королевскими сержантами, отправлявшимися верхомъ, которые отдавали ихъ лично означенному лицу, или королевскимъ чиновникамъ каждой провинціи—уѣзднымъ судьямъ и предводителямъ рыцарства или дворянства, съ приказаніемъ немедленно ихъ разослать и въ случаѣ ихъ недостатка сдѣлать съ нихъ копии. Но если грамоты адресовались младшимъ чиновникамъ, какъ, на примѣръ, судья или лицу, управлявшему городомъ, лишеннымъ муниципалитета, или лицу, управлявшему укрѣпленнымъ замкомъ, то имъ предписывалось сообщить объ этомъ духовенству и дворянству города, какъ можно скорѣе, подъ угрозой лишенія должности и прочей строгой кары. Случалось, что нѣкоторые владѣтельные лица не хотѣли предпринимать длиннаго путешествія и для этого отговаривались недоумѣемъ къ личности посланнаго сержанта. Въ такомъ случаѣ призывались два нотариуса для подтвержденія законности дѣйствія сержанта. Въ городахъ передавались пергаменты съ висящей печатью изъ воска мэрамъ и старшинамъ, если таковыя составляли муниципалитетъ, но за неимѣніемъ авторитетныхъ лицъ приходилось сержанту сзывать жителей мѣстечекъ звуками трубъ на площадь и читать королевскую грамоту, не слѣзая съ лошади. Дѣло оканчивалось очень часто тѣмъ, что самого же сержанта выбирали депутатомъ. Собственно говоря, выборовъ для духовенства и дворянства не было, а король призывалъ всѣхъ, и какъ теперь въ Англіи извѣстное число лицъ и сановниковъ имѣетъ право быть членами палаты пэровъ, такъ и въ XIV вѣкѣ призывалось на совѣтъ все духовенство и всѣ владѣтельные лица. Содержаніе грамотъ къ духовенству было настоятельно: «Мы желаемъ обсудить дѣла,—говорилось въ нихъ,—съ другими прелатами и баронами, чтобы принять мѣры насчетъ всего, что касается государства, вашей и нашей чести». «Пріѣзжайте скорѣе и съ возможно меньшей свитой, для избѣжанія бесполезныхъ расходовъ, но сейчасъ же пріѣзжайте въ Парижъ, не уклоняясь подъ какимъ либо предлогомъ». Такого рода содержаніе грамоты относилось къ епископамъ и аббатамъ. Къ каноникамъ Филиппъ-Красивый обращался съ требованіемъ прислать одного или нѣсколь-

кихъ представителей, «способныхъ людей», съ полномочіемъ рассмотреть и рѣшить заодно съ прелатами и баронами все, что касается сохраненія чести всѣхъ, государства и свободы. Король оканчивалъ угрожающимъ тономъ и заявлялъ, что онъ не допускаетъ никакихъ извиненій. Онъ предвидѣлъ, какъ неохотно будетъ принято это приглашеніе. Причина тому была не политическая, а просто неудобство путешествія и расходы; каждый являлся за свой счетъ, и король ничего никому не платилъ: это былъ феодальный долгъ... Приходилось ѣхать верхомъ по узкимъ дорогамъ, подвергаясь всѣмъ неудобствамъ. Епископы, собравшись въ своихъ провинціяхъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа, прочитавъ бумагу, запротестовали, говоря, «что они готовы защищать права государства и его честь, а также повиноваться королю, по мѣрѣ возможности». Они были искренни и ничего не имѣли противъ собраній. Однако духовенство Руэрга не двигалось съ мѣста, и Филиппъ-Красивый, узнавъ, что никто не расположенъ явиться, разсердился. Онъ написалъ сенешалю Родезу, чтобы послѣдній сначала мягко заставилъ ихъ повиноваться требованію короля, а если, черезъ восемь дней послѣэтого предупрежденія, не обратятъ на это вниманія, то задержать ихъ свѣтскую собственность. Многие между ними рѣшили вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Парижъ, послать делегата отъ многихъ лицъ, уменьшивъ такимъ образомъ расходы. Король на это согласился. Назначили семь депутатовъ. Пять остальныхъ аббатовъ не успѣли присоединиться, и имъ предложили отправиться отдѣльно отъ делегатовъ. Многие изъ нихъ отказались отъ путешествія подъ предлогами болѣзни и даже увѣчья, бѣдности и проч. Владѣтельные лица, привычныя къ путешествіямъ, являлись охотнѣе, притомъ они обладали большими средствами, чѣмъ духовенство. Къ нимъ король обращался въ слѣдующей формѣ: «Пріѣзжайте, а если у васъ есть серьезная причина, пришлите делегата съ необходимымъ полномочіемъ, который могъ бы дѣйствовать отъ вашего имени». Но и послѣдніе не всѣ являлись, отговариваясь болѣзнью и дѣлами, и даже по причинѣ толщины посылая за себя довѣренныхъ лицъ. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ далъ полномочіе своему конюху. Женщинамъ разсылались въ XIV вѣкѣ такія же грамоты, какъ и мужчинамъ. Бароны, изъ экономіи, тоже не являлись лично, а избирали отъ многихъ лицъ делегата.

На этихъ выборахъ король не предписывалъ никакихъ правилъ; каждый дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію, или какъ ему Богъ на душу положить. Король просилъ лишь назначить двухъ депутатовъ отъ cadaго города и предмѣстья, гдѣ есть ярмарка или рынокъ; деревни исключались, и только городскія группы подавали голоса. Народная всеобщая подача голосовъ происходила просто. Сержантъ короля, по приказанію старшины, получившаго распоряженіе отъ судьи, собиралъ подъ звуки барабана жителей города въ извѣстное мѣсто и, взобравшись на эстраду, читалъ грамоту короля, а народъ назначалъ двухъ гражданъ. Въ Алэ выборы дѣлались на кладбищѣ подъ главенствомъ двухъ нотаріусовъ и двухъ священниковъ, въ Ангіенѣ—передъ воротами монастыря, а въ нѣкоторыхъ городахъ—въ церквахъ. Выборы происходили безъ интригъ и разногласій, такъ какъ никто не сознавалъ тѣхъ правъ, которыя ему давались. Нѣсколько человекъ, или даже одинъ, называли выборныхъ, и королевскіе чиновники при-

нимали кандидатовъ. Король не стѣснялъ ничѣмъ выборныхъ. По избраніи его извѣщали просто короткимъ письмомъ, что по его приказанію выбрали того и того; на пергаментъ прикладывалась печать города изъ коричневаго сургуча. Никакихъ недоразумѣній и отмінь не происходило, а также никакихъ выборныхъ программъ или обѣщаній кандидатовъ не существовало. Что касается расходовъ, то ихъ уплачивали города. Королевскіе чиновники относили перерасходования на счетъ гражданъ, что вызывало неудовольствіе.

— Французское общество и дипломаты. На-дняхъ выйдетъ въ Парижѣ третій томъ «Histoire de la société française» дю-Бледа, а пока въ апрѣльской книгѣ «Le Carnet» помѣщенъ отрывокъ ¹⁾ изъ этого интереснаго труда. Авторъ начинается съ эпохи XVI вѣка—расцвѣта французскаго общества, когда все сосредоточивалось при дворѣ, въ замкахъ и дворцахъ принцевъ крови и куртизановъ, подражавшихъ во всемъ своимъ повелителямъ. Турниры, балеты, карусели, танцы, бесѣды, слѣдовали за академическими засѣданіями, спектаклями и прочими удовольствіями. Домашнія представленія такъ нравились обществу, что въ 1760 году было не менѣе ста шестидесяти частныхъ театровъ только въ одномъ Парижѣ. Затѣмъ проявилась страсть къ библиотекамъ, музеямъ рѣдкостей и различныхъ коллекцій, увлеченіе путешествіями, и, мало-по-малу, французское общество начало совершенствоваться и преобразовываться. Чѣмъ болѣе приближалась эпоха къ современной, тѣмъ богаче становилась нація и частныя личности, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилось болѣе досуга и широкаго существованія—плодовъ цивилизаціи. Въ XVI вѣкѣ, напримѣръ, судьи не очень вмѣшивались въ свѣтскую жизнь, а въ XVII вѣкѣ они уже принимали въ ней нѣкоторое участіе, тогда какъ въ XVIII вѣкѣ они уже не отдѣлялись отъ другихъ классовъ. Въ XVII вѣкѣ финансисты понали въ салоны сначала не чрезъ официальные двери, и хотя Сень-Симонъ назвалъ царствованіе Людовика XIV «долгимъ царствованіемъ презрѣнной буржуазіи», но въ то время еще строго относились къ различію классовъ. Наконецъ наступила очередь третьяго сословія; его члены сдѣлались государственными откупщиками, совѣтниками, министрами, и сыновья герцоговъ и пѣровъ женились на ихъ дочеряхъ. Даже самъ Людовикъ, нуждаясь въ деньгахъ для государственной казны, ухаживалъ за Самуэлемъ Бернардомъ. Самое лучшее общество посѣщало его салонъ и расхваливало его празднества, остроумныя словца и находчивыя отвѣты, въ родѣ даннаго имъ нѣкому вельможѣ, обратившемуся къ финансисту со слѣдующей фразой: «Я васъ очень удивлю: я не знаю васъ, а припелъ къ вамъ занять пятьсотъ лундоровъ». «Я васъ болѣе удивлю,—отвѣтилъ Бернардь:— я знаю васъ и одолжу вамъ ихъ». Но въ XVIII вѣкѣ финансисты играли уже значительную роль въ обществѣ; они покупали титулы, а ихъ салоны посѣщала самая древняя аристократія. Что касается французскихъ дипломатовъ, то они, благодаря своимъ прекраснымъ манерамъ, воспитанію и остроумію, составляли всегда часть аристократическаго общества. Иностранные же дипломаты отсутствовали въ салонахъ. Это обстоятельство объяснялось тѣмъ, что

¹⁾ Les Diplomates et la Société française, par Victor du Bled. «Le Carnet», avril 1902.

только въ XVIII вѣкѣ салоны начали имѣть политическое вліяніе, произносить свои мнѣнія и служить ареной «для составленія репутаціи государственныхъ людей, изъ которыхъ многіе, какъ, напримѣръ, Вріенъ и Калоннъ, только и занимались, что посѣщали будуары и нравились женщинамъ. Въ эпоху Генриха IV, Ришелье и Людовика XIV все готовилось въ кабинетахъ королей или ихъ довѣренныхъ. Система неограниченнаго правленія, отсутствіе политическихъ салоновъ, присутствіе большей части неофициальныхъ посланниковъ, являвшихся съ опредѣленной цѣлью, достигнувъ которую они исчезали, и неограниченное количество официальныхъ посланниковъ, опредѣленно проживающихъ при короляхъ, — все заставляло дипломатовъ избѣгать посѣщенія собственно общества. Притягательнымъ центромъ служилъ имъ дворъ, и они изучали его съ рѣдкой прозорливостью. Наступилъ XVIII вѣкъ — эпоха царствованія женщины, и слова одной изъ нихъ: «Видно изъ того, какъ съ нами обращаются, что Богъ — мужчина», — были неумѣстны. Установилась диктатура вѣера: грація, остроуміе, любезность и искусство нравиться были вопросомъ дня. Мужчины, угождавшіе женщинамъ, достигали высокаго положенія. Каждый салонъ представлялъ маленькій дворъ, и въ каждомъ изъ нихъ былъ свой представитель или представители, уполномоченные короля и распространители общественнаго мнѣнія, за которыми приходилось ухаживать, поэтому дипломаты стали посѣщать общество и устраивать свои дѣла. Тамъ-то они научились искусству «разсчитанныхъ неосторожностей». Всѣ стремились туда по пріѣздѣ въ Парижъ: короли и принцы, Иосифъ II, графъ Сѣверный съ женою, датскій и шведскій короли и проч. Екатерина II переписывалась съ г-жею Жоффенъ въ продолженіе пяти лѣтъ, также велъ корреспонденцію и шведскій король съ г-жами Эгмонъ, де-Буффлеръ, Ла-Маркъ, Ноаль и прочими. Принцъ Генрихъ Прусскій игралъ на скрипкѣ въ концертахъ г-жи Виже-Лебрентъ, графиня Сѣверная посѣщала Бюффона, и ей приписывали остроумныя слова, сказанныя въ одинъ изъ визитовъ, когда Бюффона не было дома. «J'irai donc faire ma cour à son cabinet, ne pouvant pas lui faire moi même». Многіе изъ дипломатовъ, какъ Бернсторфъ, Кауницъ, д'Аранда, управляли своими странами, а другіе писали прекрасныя книги. Франклинъ же, бывшій въ продолженіе десяти лѣтъ посланникомъ во Франціи, заключилъ съ министромъ Людовика XVI трактатъ, приготолившій независимость Соединенныхъ Штатовъ. Нѣкоторые изъ нихъ отличались оригинальностью, или же, если можно выразиться, самодурствомъ. Такъ австрійскій посланникъ, Кауницъ, фаворитъ Маріи-Терезіи, при бывъ въ Парижъ, сталъ небрежно относиться къ аристократическому обществу и охотно посѣщалъ буржуазныя кружки, какъ, напримѣръ, г-жу Жоффенъ, принимая у себя лишь симпатичныхъ ему лицъ. Несмотря на то, что Кауницъ платилъ за наемъ дворца герцогини Бурбонской 25.000 ливровъ, — громадную въ то время сумму, — онъ жилъ очень скромно. Онъ доходилъ въ своихъ чудачествахъ до невозможнаго и ставилъ свой эгоизмъ наравнѣ съ религіей, а изъ своей маніи сдѣлалъ какъ бы догматъ. Онъ привыкъ не стѣсняться съ Маріей-Терезіей до того, что зашпиралъ окна въ ея апартаментахъ, надѣвалъ шинель, если въ комнатахъ ему казалось холодно, и покидалъ въ 11 часовъ партію билліарда съ императоромъ. При этомъ онъ не терѣлъ разговоровъ о смерти и старости

и не выносить запаха духовъ до такой степени, что отваживался говорить дамамъ: «Сударыня, отойдите, вы дурно пахнете». Не церемонясь вслухъ ворчать на графиню Клари, которой было поручено выбирать приглашаемыхъ къ нему въ домъ лицъ, онъ говорилъ ей: «Надо признаться, что вы пригласили сегодня преглупую компанію». Сидя по срединѣ салона на креслѣ, какъ какой нибудь монархъ, онъ называлъ поименно лицъ, съ которыми желалъ вести частную бесѣду, и деспотически судилъ о людяхъ и дѣлахъ, отвергая тѣхъ, которые ему не нравились, и осмѣивая слишкомъ притязательныхъ. Такъ однажды, когда нѣкій посланникъ долженъ былъ обѣдать у него первый разъ и опоздалъ, Кауницъ, ни минуты не ожидая, сѣлъ обѣдать, тогда какъ на другой день онъ отсрочилъ обѣдъ ради балетмейстера Новерра. Не любя, чтобы разговоръ прерывался и царло молчаніе, онъ предпочиталъ слушать даже глупости. Однажды на его обѣдѣ присутствовалъ знатный венеціанецъ, по имени Градениго, котораго ради шутки онъ прозвалъ Grand-Nigaud. Конечно это вызвало громкій смѣхъ, приведшій въ замѣшательство венеціанца и онъ просилъ соседа объяснить причину, вызвавшую такое веселье. Послѣдній объяснилъ ее страстью принца къ шуткамъ. Однако венеціанецъ настолько смутился, что пропускалъ блюда, а это спутывало очередь и задерживало обѣдъ. Тогда Кауницъ обратился къ метр-д'отелю со словами: «Отчего ты не дашь ему пинка?» Вообще Кауницъ вмѣстѣ съ дурнымъ тономъ обладалъ еще и дурнымъ вкусомъ, и среди изящнаго парижскаго общества онъ представлялъ печальное исключеніе. Въ концѣ обѣда ему подавали за столъ щетку, зеркало, тазъ, и онъ исполнялъ предъ гостями свой послѣобѣденный туалетъ. Когда онъ хотѣлъ напудриться, то разставлялъ по четыремъ угламъ комнаты слугъ съ мѣхами, изъ которыхъ они пускали цѣлыя облака пудры, и среди нихъ проходилъ Кауницъ. На аудіенціи Людовика XV, когда придворные не смѣли ни сморкаться ни кашлять, онъ преспокойно бралъ платокъ, обѣими ладонями прижималъ его по обѣимъ сторонамъ носа, издавая громкіе звуки, что вызывало улыбку всего двора. Но и его удалось проучить графу Шароле. Послѣдній сдѣлалъ ему по этикету визитъ, въ сопровожденіи церемоніймейстера. При отъѣздѣ Кауницъ проводилъ его до кареты, какъ того требовали правила этикета, и, посадивъ въ экипажъ, возвратился назадъ. Но Шароле умысленно приказалъ кучеру не отъѣзжать отъ подъѣзда и закричалъ вслѣдъ Кауницъ. «Не тамъ ваше мѣсто, посланникъ; вы должны остаться здѣсь, пока я не отъѣду». Кауницу на этотъ разъ пришлось сдать. Въ 1791 году одна французская эмигрантка спросила его, долго ли продолжится революція. На это Кауницъ съ глубокимъ вздохомъ отвѣтилъ: «Долго и, можетъ быть, всегда». Въ XVIII вѣкѣ между посланниками и принцами крови происходили стычки изъ-за этикета, портившія ихъ добрыя отношенія. Послѣ перваго столкновенія посланники, обѣдавшіе у принцевъ крови, требовали, чтобы имъ служили пажы, со своей стороны принцы желали возстановить этикетъ Людовика XIV—имѣть собственный футляръ съ запертымъ столовымъ приборомъ. Въ торжественныхъ случаяхъ предъ каждымъ принцемъ и принцессой находился подобный футляръ, и прислуживавшій открывалъ его, вынималъ оттуда ножъ съ золотой рукояткой, солонку, перчницу и кубокъ. Послѣ обѣда запирали снова футляръ и торжественно уносили за прин-

цами. Это приводило въ дурное настроеніе членовъ дипломатическаго корпуса, слѣдствіемъ чего было ихъ рѣдкое посѣщеніе принцевъ крови и отсутствіе послѣднихъ на дипломатическихъ пріемахъ. Авторъ приводитъ между прочимъ нѣсколько анекдотовъ и словечекъ дипломатовъ. Графъ Люккъ, посланникъ Людовика XIV въ Швейцаріи, писалъ ему, что, проведя семь часовъ за столомъ съ швейцарцами, онъ готовъ былъ сдохнуть, но, продолжалъ онъ: «чего несдѣлаешь для службы его величеству? Однако, я предпочитаю лучше молиться за его здоровье, чѣмъ пить за него со швейцарцами». Горацій Вальполь разсказывалъ одному другу, что Людовикъ XV былъ удивительно застѣнчивъ съ иностранцами, неловокъ въ вопросахъ или слишкомъ безцеремоненъ, и эта застѣнчивость объясняетъ многія черты характера короля. Такъ онъ приводитъ слѣдующій случай. Когда ему представили герцога Ричмонда, то онъ спросилъ его: «Герцогъ кумберлендскій дуется на короля, не правда ли?» Герцогъ смутился; король настаивалъ: «Онъ дуется, развѣ это не правда?» Тогда герцогу пришла счастливая мысль, и онъ отвѣтилъ: «На его министровъ—иногда, государь, но никогда на его величество». Шамфоръ разсказываетъ, что одинъ англійскій посланникъ далъ въ Неаполѣ прелестный праздникъ, но такъ какъ онъ стоилъ недостаточно дорого, то вызвалъ порицанія среди придворныхъ. Узнавъ объ этомъ, посланникъ объявилъ другое празднество. Когда явились приглашенные, то увидѣли, что на этотъ разъ не было ни освѣщенія, ни цвѣтовъ, ни музыки. Наконецъ подали спиртовую канфору, и эксцентричный посланникъ обратился къ приглашеннымъ со словами: «Господа, вы оцѣниваете расходы, а не удовольствія празднества, такъ смотрите»,—и онъ показалъ подкладку своего кафтана:—это картина Доминикена, стоящая пять тысячъ гиней. Это не все, вотъ десять билетовъ, каждый по тысячѣ гиней». Онъ скрутилъ ихъ вмѣстѣ, положилъ на канфору, и въ нѣсколько минутъ они превратились въ пепель. «Я не сомнѣваюсь, сударыни,—прибавилъ онъ,—что этотъ праздникъ васъ удовлетворитъ, и вы удалитесь совершенно довольны мною. Прощайте, праздникъ оконченъ». Французскій посланникъ въ Берлинѣ, графъ Гинь, затмевалъ весь дипломатическій корпусъ роскошью своихъ пріемовъ, это вызвало неудовольствіе, и составилъ заговоръ, съ цѣлью поставить его въ смѣшное положеніе, и въ немъ приняла участіе жена русскаго посланника, княгиня Долгорукая. На обѣдѣ, данномъ въ честь ея мужа, она забавлялась тѣмъ, что пускала въ глаза Гиню воду изъ маленькаго шприца, вдѣланнаго въ прекрасное кольцо. Французскій посланникъ на первую ея попытку улыбнулся, но когда она повторила ее, то онъ предупредилъ: «Сударыня, этотъ родъ забавы на первый разъ представляется шалостью, на которую можно смѣяться, на второй—вѣтренностью, извинительной молодости, если это дѣлаетъ дама, но на третій разъ—оскорбленіемъ, и вы получите тотчасъ же обратно весь этотъ кубокъ воды, что вы видите предо мною. Имѣю честь васъ объ этомъ предупредить». Княгиня Долгорукая не считала возможнымъ исполненіе этой угрозы и снова повторила свою забаву, но тотчасъ же получила обѣщанный отвѣтъ—кубокъ былъ вылитъ на нее. «Я васъ предупреждалъ, сударыня»,—отвѣтилъ посланникъ. Мужъ похвалилъ графа Гиня, а княгиня оставалось лишь встать изъ-за стола и отправиться перемѣнять платье. Всѣ посланники, по словамъ того же Вальполя,

избѣгали Дю-Барри и ея пріемовъ, но вскорѣ г-жа Валентинуа пригласила ихъ ужинать, гдѣ они встрѣтились съ Дю-Барри. Видя, что они не слишкомъ чуждаются ея, она пригласила ихъ на свои ужинны. Всѣ поспѣшили явиться, исключая испанскаго посланника, но это считали случайнымъ, такъ какъ онъ отсутствовалъ. По пріѣздѣ его и новаго итальянскаго посланника, канцлеръ далъ ужинъ и пригласилъ то же самое общество, а также и Дю-Барри. Испанецъ возвратилъ карточку, сказавъ, что онъ не имѣлъ чести дѣлать визитъ канцлеру, на что послѣдній съ большимъ присутствіемъ ума воскликнулъ: «это совершенно вѣрно, и я не далъ приказа моему лакею заходить къ испанскому посланнику». Затѣмъ, авторъ переходитъ къ Бисмарку, воздавая ему похвалу, какъ свѣтскому, талантливому, остроумному человѣку, и приводя слова герцогини Дино, предсказавшей ему великую будущность. Желѣзный канцлеръ ловко избѣгалъ сѣтей дипломатовъ въ юбкахъ и говорилъ: «ихъ сѣтей избѣгаютъ служители Бога, грѣшники же попадаютъ». Онъ былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ замѣчательно любезный и предупредительный съ женщинами, но не болѣе; единственнымъ его грѣшкомъ, былъ фотографическій портретъ съ пѣвицей Лукка. Такъ, будучи въ 1867 году въ гостяхъ у императрицы Евгеніи въ Тюильри, онъ танцевалъ котильонъ съ г-жею Кареттъ, предложившей ему букетъ изъ розъ, на что Бисмаркъ, вынувъ розу изъ петлицы, поднесъ ей со словами: «Сохраните, сударыня, этотъ цвѣтокъ, какъ воспоминаніе о послѣднемъ вальсѣ, который я танцевалъ въ моей жизни». О своей политикѣ онъ говорилъ: «Я еще былъ ребенкомъ и уже ходилъ на охоту и рыбную ловлю; тамъ я научился выжидать удобный моментъ, и этотъ пріемъ я перенесъ въ политику». Во время визита Тьеру въ 1862 году онъ сказалъ между прочимъ: «Либерализмъ ребячество, отъ котораго легко образумиться, но революція—сила, и надо умѣть ею пользоваться». Свой успѣхъ у Меттерниха онъ объяснялъ графу Туну слѣдующими словами: «Это очень просто! Въ продолженіе трехъ дней я заставлялъ говорить князя и слушалъ его, не прерывая, придавая своему лицу по возможности умное выраженіе, только слегка подергивая колоколь, чтобы раскачивать его; это любятъ старые болтуны». «Дураки,—говорилъ онъ,—утверждаютъ, что только за ихъ счетъ учатся, что до меня, то я стараюсь учиться за счетъ другихъ». «Революціонеры вдохновляются въ особенности химіей, наукой внезапныхъ взрывовъ; а эволюціонисты наоборотъ—біологіей, наукой медленнаго роста». Онъ строго относился къ дипломатамъ своего времени, говоря о нихъ: «это режимъ трюфелей и декораций, искусство убѣждать другихъ, что постигли секретъ, и убѣждать себя, что другіе знаютъ то, чего самъ не знаешь». Въ письмахъ изъ Франкфурта онъ прислалъ цѣлую галерею портретовъ, посвященныхъ другимъ посланникамъ, съ описаніемъ различныхъ исторій, празднествъ и котильоновъ. Относительно дипломатической литературы онъ говорилъ, что, по его мнѣнію, это просто «бумага и чернила», и она не можетъ ни въ чемъ помочь историку и представляетъ «простые политическіе фельетоны». Онъ въ особенности не терпѣлъ «сентиментальныхъ дипломатовъ», какъ Жюль-Фавръ, и находилъ, что Тьеръ ничего въ себѣ не имѣетъ дипломатическаго и слишкомъ сентименталенъ для этого ремесла. Не менѣе сурово относился онъ къ

нѣмецкимъ дипломатамъ; къ графу Гольтцу, Бернсторфу, Арниму. Въ началѣ битвы при Садовой разразилась гроза съ громомъ, и Бисмаркъ воскликнулъ: «Вотъ уже Превѣчный стрѣляетъ залпами, чтобы извѣстить о нашей побѣдѣ». Филиппъ де Каминь первый назвалъ посланниковъ «надежными и почетными шпионами, которыхъ гораздо выгоднѣ посылать, чѣмъ принимать, а потому для тѣхъ, кто ихъ принимаетъ, самыя пріятныя посольства—короткія и рѣдко являющіяся». Часто правительства отказываются принимать въ свою страну посланниковъ, которые чѣмъ либо имъ непріятны. Такъ въ 1825 году кардиналъ Ришелье, зная, что герцогъ Букингамъ долженъ явиться во Францію, сказалъ отъ имени короля, чтобы онъ не беспокоился пріѣзжать, такъ какъ его личность непріятна. Императоръ Николай I отказался принять Страфорда Редклифа, «англійскаго султана», столько лѣтъ бывшего его антагонистомъ въ Константинополѣ. Точно также Викторъ-Эмануилъ не принялъ прусскаго посланника генерала Вилизена, который писалъ противъ Италіи и сражался противъ нея при Сольферино, а Пій IX не принялъ германскаго посланника, кардинала Гогенлоэ. Посланницы также не отставали въ остроуміи и находчивости. Такъ въ Юльскую монархію жена австрійскаго посланника, графиня Апони, дѣлая визитъ женѣ министра, графинѣ Дюшатель, сказала: «У насъ бываетъ такая масса лицъ на пріемахъ, что мы лишены возможности принимать французовъ, которыхъ мы очень хотѣли бы видѣть у себя. Послѣдніе должны бы скорѣе насъ пожалѣть, а не сердиться на насъ». — «Эти сожалѣнія имѣютъ свою хорошую сторону,—возразила графиня Дюшатель,—и доказываютъ, что иностранцы желаютъ съ нами сблизиться». — «Вѣрнѣ скажите, что Парижъ европейскій городъ, въ которомъ легче всего можно просвѣтиться и веселиться, а иностранцы любятъ науку и удовольствіе»,—возразила г-жа Апони и тотчасъ же удалилась, откланявшись графинѣ. Салоны графини Гатцфельдъ, графа Саль, принцессы Меттернихъ, лэди Дюффринъ, графини Торнелли, которая, по словамъ автора, заключаетъ въ своей особѣ всѣ дарованія русской, французской и итальянки, принадлежатъ къ этимъ тремъ странамъ по рожденію, семьѣ и браку—охотно посѣщаются лучшимъ обществомъ. Въ Россіи, заканчиваетъ свою статью Дю-Влэдъ, блеститъ салонъ г-жи Монтебелло, жены французскаго посланника.

— Памятникъ Конту. На-дняхъ, 18-го мая новаго стilia, въ Парижѣ, на площади Сорбонны, былъ торжественно воздвигнутъ памятникъ французскому философу-позитивисту, Огюсту Конту. На торжество собралась громадная толпа, среди которой были не только французы, но и множество иностранныхъ почитателей, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ свѣта. По поводу этого событія французскій публицистъ, Луи Бюнь, дѣлаетъ обзоръ дѣятельности Конта и его послѣдователей въ своей статьѣ ¹⁾, помѣщенной въ «Revue des Revues». Начавъ съ того, какую разницу представляетъ это чествованіе съ тѣмъ умышленнымъ умалчиваніемъ, или, какъ его называли, «заговоромъ молчанія», преобладавшимъ до и тотчасъ послѣ смерти Конта, онъ переходитъ къ его

¹⁾ «L'heritage intellectuel d'Auguste Comte», par Louis de Busne. «Revue des Revues», 1—15 mars 1902.

юности. Огюсть Контъ родился въ католической, роялистской семьѣ, въ городѣ Монпелье, 19-го января 1798 г. Поступивъ въ лицей своего родного города, какъ полный пансіонеръ, онъ отдѣлался уже четырнадцати лѣтъ отъ богословскихъ взглядовъ и превратился въ яраго республиканца. Въ 1814 г. онъ былъ записанъ первымъ на листѣ экзаменаторовъ политехнической школы, гдѣ знаменитый Пуансо былъ его профессоромъ, прежде чѣмъ сдѣлался его покровителемъ и другомъ. Вслѣдствіе коллективнаго нарушенія школьной дисциплины, Контъ покинулъ школу и возвратился въ Монпелье, гдѣ слушалъ лекціи на медицинскомъ факультетѣ. Затѣмъ онъ отправился въ Парижъ для продолженія образованія и, не имѣя денегъ, долженъ былъ зарабатывать средства для существованія преподаваніемъ математики. Обладая даромъ быстро усваивать предметъ преподаванія и необычайной памятью, онъ скоро пополнилъ свои знанія физиологіей и философіей исторіи, а также не забылъ и великихъ поэтовъ. Въ 1818 г. онъ сошелся съ Сень-Симономъ, который увлекъ его своими стремленіями произвести общественную реформу, и сдѣлался самымъ дѣятельнымъ его сотрудникомъ. Но вскорѣ деизмъ Сень-Симона и его замѣчательная, но утопическая, мысль немедленнаго преобразованія общества пришли въ столкновеніе съ позитивными взглядами Конта, и въ 1824 г. онъ отдалился отъ Сень-Симона. Въ 1819 г. Контъ напечаталъ первое свое сочиненіе: «*Séparation générale entre les opinions et les désirs*», и въ 1820 г. «*Sommaire appréciation du passé moderne*», а въ двадцать четыре года онъ написалъ: «Планъ научныхъ работъ, необходимыхъ для преобразованія общества». Въ этихъ первыхъ работахъ, въ которыхъ позитивная философія является въ зачаткѣ, выражены существенныя мысли, что общественное преобразование неминуемо должно для прочности быть предшествоваемо теоретическимъ пересмотромъ чловѣческихъ знаній въ различныхъ разрядахъ наукъ, и «законъ трехъ стадій», черезъ которая прошла чловѣческая мысль. Первая стадія—теологическая, или вымышленная, когда явленія природы объясняются волею сверхъестественныхъ существъ. Вторая—метафизическая, или отвлеченная, когда сверхъестественное даетъ мѣсто первопричинамъ, сущностямъ, субстанціямъ. Третья—научная или позитивная—познаніе законовъ, управляющихъ явленіями, и классификація наукъ, которая есть необходимое заключеніе. Въ 1825 г. онъ напечаталъ «Философскія размышленія о наукѣ и ученыхъ», въ которыхъ находится его знаменитая классификація наукъ, въ порядкѣ линейномъ, т. е. идя отъ простаго къ сложному. Въ ней основной наукой является математика, затѣмъ идетъ астрономія, физика, химія, біологія; послѣдней же—соціологія, вступившая позднѣе всѣхъ въ положительную стадію развитія. Въ 1826 г. его «Размышленія о духовной власти» выражали мысль о необходимости власти, освобожденной отъ политической, которая можетъ быть дана лишь ученымъ, обладающимъ полною совокуиностью знаній. Такая власть единственно способна полезно повліять на отношенія націй между собою, какъ въ вопросѣ нравственности, такъ и въ вопросахъ соціальныхъ. Эти различныя небольшія сочиненія заключали въ себѣ зачатки «Курса позитивной философіи», начатаго имъ въ апрѣлѣ 1826 г., и извѣстные взгляды «Позитивной политики». За годъ исередъ этимъ философъ совершилъ, по его выраженію, «единственную въ своей жизни, дѣй-

ствительно важную ошибку», женившись без согласія родителей на женщинѣ легкаго поведенія, съ которой, впервые, онъ познакомился въ галлеряхъ Палерояля. Это была красивая и притомъ способная женщина, и когда Контъ встрѣтилъ ее вторично, она была уже смотрительницей небольшой читальни, куда ее помѣстилъ одинъ изъ ея покровителей. Контъ при вторичной встрѣчѣ увлекся ею настолько, что устроился на одной квартирѣ съ нею и черезъ нѣсколько времени женился, добившись ея исключенія изъ полицейскихъ списковъ. Но не прошло и года, какъ ее потянуло къ прежней жизни, а стѣсненное матеріальное положеніе Конта способствовало тому. Въ это время Контъ познакомился со всѣми сердечными страданіями и жизненными невзгодами. Глубокое разочарованіе, перечувствованное Контомъ при открытіи роковой правды, вмѣстѣ съ усиленнымъ умственнымъ напряженіемъ, вызваннымъ разработкой «Позитивной философіи», закончило въ немъ сильный мозговой кризисъ, которымъ часто злоупотребляли противъ него его враги,—и онъ бросился въ Сену. По счастью его вытащили и вернули къ жизни, а заботливый уходъ матери излѣчилъ его отъ тяжелаго недуга, не оставившаго ни малѣйшаго слѣда, такъ какъ въ 1828 г. появилось его «Исслѣдованіе трактата Бруссэ относительно раздраженія и сумасшествія», для теоріи котораго въ высшей степени наблюдательный Контъ воспользовался личнымъ опытомъ. Послѣ выздоровленія онъ рѣшился продолжать совмѣстную жизнь съ женою до того дня, когда она бросила его и поселилась въ Батиньоль. Но онъ все-таки обезпечилъ ея существованіе, выплачивая ей пенсію, держась своего принципа: «мужчина долженъ кормить женщину». Однако, несмотря на великодушное къ ней отношеніе Конта, она продолжала дѣлать ему непріятности, и Литтре нашелъ въ ней дѣятельную союзницу въ своихъ козняхъ противъ Конта. Окончательный разрывъ съ нею произошелъ въ 1842 г., и Контъ только матеріально считалъ себя связаннымъ съ нею. Вскорѣ послѣ своего выздоровленія онъ напечаталъ подробный планъ «Курса позитивной философіи», который онъ преподавалъ въ Атенеѣ въ 1829—1830 гг. предъ избранной аудиторіей, гдѣ въ 1826 г. между прочими учеными слушателями находились Пуансо, Фурье, Бруссэ, Вленвилле, Навье. Начавъ съ изученія метода абстрактныхъ наукъ, различныя отрасли которыхъ онъ привелъ въ порядокъ, согласно программѣ своей «классификаціи», идя отъ математики къ социологіи, Контъ приступилъ къ этой наукѣ, называемой имъ также «общественной физикой». Его можно назвать настоящимъ ея создателемъ, считая, что она пользуется, кромѣ замѣчаній и наблюденій въ абстрактныхъ наукахъ, свойственнымъ ей методомъ исторической связи. Разсмотрѣвъ въ цѣломъ западную цивилизацію, начальнымъ источникомъ которой онъ считалъ египетское и халдейское богословіе, онъ слѣдитъ черезъ ихъ развитіе за греческой и римской цивилизаціей и католическо-феодальной, проистекающей изъ нихъ, а также изучаетъ современный періодъ, изъ котораго вышла французская революція. Затѣмъ онъ выдѣляетъ великій нравственный и социальный кризисъ, которому не умѣли положить конецъ чисто революціонные принципы, такъ какъ условіе прогресса—порядокъ. Давъ ему задачу улучшить социальное положеніе посредствомъ свѣта позитивной философіи, Контъ окончательно отвлекаетъ мыслителя отъ метафизиче-

скихъ размышленій. Оригинальность этого зарожденія «цѣлаго» произвела глубокое впечатлѣніе на нѣкоторые умы. Стюартъ Милль въ Англіи и Литтре во Франціи объявили себя учениками Конта, что еще болѣе увеличило неудовольствіе противниковъ позитивной философіи. Въ особенности въ академіи явились враги, которые никакъ не могли простить Конту его приговоръ режиму «спеціальности». Однако, Контъ, все-таки былъ проведенъ въ 1832 г. въ Политехническую школу, какъ репетиторъ трансцендентнаго анализа и рациональной механики, и въ 1836 г. онъ занималъ тамъ, временно, главную кафедру математики, а затѣмъ постъ пріемнаго экзаменатора. По напечатаніи своей «Позитивной философіи» продолжатель Декартовской идеи увидѣлъ, что ученый міръ затѣялъ противъ него гоненіе съ цѣлью парализовать его философскую дѣятельность, отнявъ отъ него средства существованія. Враги достигли своей цѣли, и въ 1844 г. Контъ лишился своего положенія экзаменатора, а въ 1852 г. и репетитора, такъ что принужденъ былъ пользоваться помощью своихъ почитателей, главнымъ образомъ Джона Стюарта Милля и Гротта. Стараясь забыться въ своемъ покинутомъ женюю очагѣ, Контъ силился жить для другихъ, результатомъ чего былъ напечатанный въ 1843 г. «Трактатъ аналитической геометріи», а въ 1844 г. «Discours sur l'esprit positif», за которымъ слѣдовалъ «Философскій трактатъ популярной астрономіи». Въ 1845 г. въ жизни и интеллектуальной эволюціи Конта начался новый періодъ. Въ это время философъ жилъ въ Парижѣ уединенно отъ свѣта, отдавшись вполне своимъ размышленіямъ. Ему было въ это время сорокъ шесть лѣтъ, когда судьба столкнула его на жизненномъ пути съ сестрою одного изъ его учениковъ — тридцатилѣтней Клотильдой Во, находившейся въ очень грустномъ нравственномъ положеніи разведенной жены, такъ какъ мужъ ея по приговору суда былъ подверженъ уголовному наказанію. Это была красивая блондинка съ грустными глазами, судя по ея портрету, находящемуся въ позитивистскомъ храмѣ. Тожественность семейныхъ страданій сблизила ихъ, а жизненный опытъ Клотильды инстинктивно внушилъ ей оказать необходимое сочувствіе человѣку, гениемъ котораго она восторгалась. Вскорѣ между ними завязалась дружба, не переступавшая границы, хотя Конту, охваченному страстнымъ порывомъ, стоило это борьбы, такъ какъ онъ, по его словамъ, будучи въ полной физической зрѣлости, сохранилъ весь пылъ молодости. Сама же Клотильда не подверглась этому любовному урагану и преклонялась только передъ гениемъ философа, испытывая умственное, а не сердечное увлеченіе. Она обладала талантомъ и написала повѣсть «Люси», одобренную Контомъ, а затѣмъ начала новый романъ «Вильгельмина», въ которомъ героиня переживала ея личныя страданія. Она упорно отклоняла страстные признанія Конта, уговаривая его «наложить запретъ на стѣснительныя бесѣды» и касаться только умственныхъ вопросовъ. Его настойчивость принудила ее сознаться, что она любила другого, но между ними существовало двойное препятствіе, и ея сердце, нѣсколько успокоившееся отъ любви, теперь требуетъ только покоя. Контъ собралъ все свое мужество и рѣшился довольствоваться ея нѣжной дружбой, но сдержанность нервно потрясла весь его организмъ, и онъ признался ей въ этомъ. Признаніе философа заставило молодую женщину сдаться, и она написала ему, что «готова на все, лишь бы онъ не страдалъ изъ-

за нея», но съ условіемъ, что отвѣтственность за могущее представиться материнство падаетъ на него. Это смутило Конта, и Клотильда достигла успѣха. Контъ понялъ, что его подруга сдается изъ жалости, не раздѣляя его страсти, и рѣшилъ терпѣливо ожидать, пока въ ней заговоритъ другое чувство. Эта сдержанность поддѣйствовала на Клотильду, и она почувствовала къ нему большую нѣжность. Его же любовь обратилась въ поклоненіе. Эта любовь еще болѣе очистила нравственно Конта, и онъ обрекъ себя на вѣчное поклоненіе своей «вѣчной супругѣ». Смерть Клотильды, послѣдовавшая 5 апрѣля 1846 г., положила для нея ковецъ роману, тогда какъ Контъ до послѣдняго вздоха жилъ этой любовью, которая все болѣе и болѣе разрасталась. Послѣ ея смерти онъ проникся къ ней религіознымъ поклоненіемъ. Ей онъ обязанъ пробужденіемъ въ немъ своихъ эстетическихъ вдохновеній, до тѣхъ поръ сдерживаемыхъ, а главное той великой мыслью о роли женщины въ обществѣ, которую никто лучше его не умѣлъ выразить. Это горе было для него новымъ страшнымъ испытаніемъ, его утѣшала лишь нѣсколько ежедневный культъ, который онъ оказывалъ своей подругѣ, и въ то же время онъ развивалъ въ себѣ всѣ любящія силы своего существа. Изъ его размышленій въ эту эпоху вышла формула, резюмирующая весь позитивизмъ: любовь — для принципа, порядокъ — для основы, а прогрессъ — для цѣли. «Le discours sur l'ensemble du positivisme» опредѣляетъ зачатіе человѣчества, великое коллективное Существо, реальное, источникъ, средство и цѣль индивидуальнаго существованія, предметъ поклоненія и любви — какъ былъ имъ Богъ—для индивидуумовъ, но почитаемый согласно законамъ одной религіи, догмъ которой—наука, и который слѣдовательно будетъ также длиться долго, какъ наша раса. Около этого времени позитивизмъ, до тѣхъ поръ мало извѣстный публикѣ, ненавистный университетскимъ профессорамъ, философамъ-литераторамъ и ученикамъ Виктора Кузена, нашелъ себѣ поклонника и пропагандиста въ лицѣ Эмиля Литтре, а въ Англии появилась въ 1838 году въ «Эдинбургскомъ Обзорѣніи» статья Давида Брюстера, признавашаго полноту философской мысли Конта. Литтре, членъ института, пользовавшійся славой ученаго и политическаго писателя, помѣстилъ въ 1844 году цѣлую серію статей относительно позитивизма въ «National». Въ Англии же Стюартъ Милль и въ Голландіи графъ Лимбургъ-Стирумъ объявили себя учениками Конта, и въ 1848 году образовалась подписка на позитивистскую субсидію среди читателей и учениковъ Огюста Конта, съ цѣлью дать независимое существованіе Конту послѣ потери мѣста экзаменатора въ Политехнической школѣ. Между двѣнадцатью подписями находится имя Контрераса, медицинскаго студента мексиканца, который впоследствии ввелъ идею Конта у себя на родинѣ. «Система позитивной политики, устанавливающей религію человѣчества», появилась въ 1851—1854 гг. Въ первомъ томѣ находится позитивистская теорія, «душа, какъ цѣлое элементарныхъ функций мозга», раздѣленная на три группы: «сердце» (которое даетъ побужденіе, импульсъ), «умъ» (который освѣщаетъ) и «характеръ» (который осуществляетъ). Второй томъ содержитъ «соціальную статику», глубокій анализъ каждаго характера, общаго во всѣхъ обществахъ; религію, семейную собственность, языкъ, соціальное раздѣленіе. Третій томъ

по словамъ автора статьи—настоящее продолженіе произведенія Кондорсе—общій трактатъ чловѣческаго прогресса. Четвертый и послѣдній представляетъ систематическую картину будущности чловѣчества, грандіозную гипотезу, въ которой созидается теорія чловѣчества; организація религіи безъ церкви культа и догмата; въ ней переходъ отъ настоящаго къ будущему совершается въ логическомъ порядкѣ, открывая мысли новые горизонты. Между вторымъ и третьимъ томами появился его: «Позитивистскій катехизисъ», болѣе предназначенный для посвященія въ «религію чловѣчества» женщинъ и пролетаріевъ, въ которомъ заключаются списокъ трудовъ, составляющихъ «позитивистскую библіотеку», и позитивистскій календарь. Появившійся въ 1855 году, призывъ къ консерваторамъ, обратилъ вниманіе государственныхъ людей на необходимость согласовать матеріальный порядокъ съ «духовной свободой». Въ «Трактатѣ математической философіи», въ первомъ томѣ «Субъективнаго синтеза», написаннаго въ 1856 году, обнаруживается болѣе, чѣмъ когда либо, могучій умъ 58-лѣтняго мыслителя; но смерть помѣшала ему окончить этотъ трудъ. Послѣ кончины Конта его ученикамъ осталась двойная задача: 1) привести въ исполненіе его духовное завѣщаніе; 2) распространить его доктрину. Душеприказчиковъ, назначенныхъ Контомъ, было 13; предсѣдателемъ ихъ комитета назначенъ былъ духовной ученикъ и другъ учителя, Пьеръ Лаффитъ. Онъ немедленно взялъ на себя духовное управленіе позитивизмомъ, а Фабенъ Маньенъ составилъ элементы группы пролетаріевъ. Не менѣе дѣятельное участіе принимали Робинэ, Фукаръ, Винстенлей, Констанъ, Ребекъ, Гадери, Лоншанъ, Одиффренъ, а также Конгревъ, главный представитель позитивизма въ Англии. Ученикамъ удалось собрать значительную субсидію во Франціи и за границей, которая позволяла Пьеру Лаффиту исполнить главную волю покойнаго—заплатить долги, сдѣланные имъ въ послѣднее время жизни, выкупить его книги и домашнія вещи, которыя его вдова, вопреки его волѣ, пустила въ продажу, и устроить центръ позитивизма въ улицѣ Monsieur-le-Prince. Кромѣ того, Лаффиту пришлось въ 1868 году вести процессъ противъ г-жи Контъ, которая, поддерживаемая Литтре, старалась уничтожить значеніе завѣщанія мужа, «безбожника и сумасшедшаго», и захватить въ свои руки всѣ его бумаги. Однако, гражданскій судъ отказалъ ей въ этомъ, и позитивизмъ могъ основать свое гнѣздо, а Лаффитъ былъ не только ученикомъ, но и продолжателемъ теоріи Конта, продолжая развивать философію учителя, которую разработалъ Контъ въ общихъ чертахъ. Въ то же время д-ръ Робинэ въ своихъ трудахъ: «Дантонъ», «Кондорсе» и «Культь Разума», примѣнилъ позитивистскій методъ къ исторіи и развилъ идеи Конта относительно революціи. Фукаръ дѣйствовалъ въ кружкахъ рабочихъ сѣвера Франціи; профессоръ Робенъ, д-ръ Сегонъ и Одиффренъ въ своихъ біологическихъ и медицинскихъ опытахъ вдохновлялись методомъ Конта. Но, кромѣ этихъ учениковъ, многими умами овладѣла философія Конта; такъ Ренанъ, сначала отказавшійся слѣдовать Конту, обязанъ ему частью своего метода работы. Тэнъ вдхновлялся имъ почти во всѣхъ своихъ работахъ; Рибо не пренебрегалъ никогда «философіей души». Литтре проагандировалъ его философію, но отвергалъ политику, называя этотъ трудъ Конта «старческимъ» въ сравненіи съ первымъ методомъ фило-

софіи. Хотя теорія Лютге имѣетъ еще своихъ adeptовъ, но позитивизмъ сильно влялъ на французскихъ государственныхъ людей и въ особенности на Гамбетту и Жюля Ферри. Гамбетта сказалъ въ своей рѣчи въ Сорбоннѣ 22 декабря 1880 года: «Это—тотъ методъ, начертанный величайшимъ мыслителемъ вѣка, идеи котораго проникають теперь повсюду,—Огюстомъ Контонъ». Съ этой эпохи два знаменитые французскіе писателя—въ то время еще начинающіе—романистъ Зола и поэтъ Сюлли Прюдомъ, подпали подъ вліяніе новой доктрины. Первый сталъ изображать въ своихъ романахъ не отдѣльныхъ личностей, а цѣлыя социальныя группы, классы рабочихъ. Послѣдній написалъ свое «Письмо къ Альфреду Мюссэ» и находилъ въ созерцаніи человѣческой мысли и въ восторженности простыхъ великодушныхъ дѣйствій болѣе богатый источникъ вдохновенія, чѣмъ несчастная метафизика. По его словамъ, «она уменьшила гений Виктора Гюго и заставляла музу внушать Мюссэ скитаться безпрерывно между смутной надеждой на Бога и глубокимъ отвращеніемъ къ жизни». Но какая громадная разница между прежнимъ временемъ, когда слышались лишь отдѣльныя манифестаціи вліянію Конта, и настоящимъ—полнымъ безчисленныхъ свидѣтельствъ славы великаго мыслителя, заявляемыхъ со всѣхъ концовъ свѣта. Англія служитъ главнымъ средоточіемъ пропагандирования доктрины Конта. Въ 1836 году профессоръ Витстонъ, проѣзжая черезъ Парижъ, купилъ два первые тома «Позитивной философіи», появившейся въ 1830 и 1835 гг., и передалъ ихъ сэру Роберту Брюстеру, напечатавшему статью объ этомъ трудѣ Конта въ «Эдинбургскомъ Обзорніи». Джонъ-Стюартъ Милль, выпустившій въ свѣтъ уже въ 1837 году часть своей «Логики», трактовавшей объ «индукціи», узналъ о существованіи «Позитивной философіи». Прочитавъ ее, онъ пришелъ въ восторгъ и сдѣлался его ученикомъ, но позже откровенно раскритиковалъ въ своемъ произведеніи «Огюсть Контъ и позитивизмъ» послѣдующіе труды французскаго философа, однако «Религію человѣчества» онъ призналъ, какъ лучшую изъ тѣхъ, которыя ей предшествовали, и объявилъ, что «христіане могутъ многому въ ней научиться». Послѣ него Жоржъ-Генри Люисъ напечаталъ въ 1845 году «Біографическую исторію философіи», въ которой послѣдняя глава служила панегирикомъ Конту, и въ то же время Гербертъ Спенсеръ началъ питать такое уваженіе къ произведеніямъ французскаго философа, что втихомолку вдохновлялся имъ. Въ 1855 году, впервые, установилась въ Оксфордѣ первая группа позитивистской дѣятельности во главѣ съ д-ромъ Конгревомъ, Билли, д-ромъ Бриджемъ, Коттеръ-Мориссономъ и Гарриссономъ, которые работали надъ переводами главныхъ произведеній Конта. Благодаря этимъ переводамъ, напечатаннымъ въ 1865 году, Жоржъ Эліотъ впервые узнала и увлеклась доктриной Конта, а въ 1870 году основались курсы въ Лондонѣ и въ 1881 году въ Манчестерѣ. Они раздѣлились на группы. Конгревъ находился во главѣ той, въ которой изучалась религіозная сторона позитивизма; Фридрихъ Гарриссонъ—въ которой главнымъ образомъ изучали «преподаваніе», и въ 1893 году эта группа основала «Positivist Review». Они стремились вмѣшаться именемъ человѣчества въ дѣйствія отсталыхъ правительствъ въ различныхъ критическихъ обстоятельствахъ. Такъ въ 1870 году англійскіе позитивисты энергично дѣй-

ствовали, требуя вмешательства их правительства в пользу Франции, затѣмъ въ 1871 году протестовали противъ присоединенія Эльзаса и Лотарингіи къ Германіи, а въ 1873 году они поднялись противъ объявленія войны королю ашантиевъ и противъ войны съ Китаемъ. Они также служили примирителями во множествѣ стачекъ между рабочими и хозяевами. Они почти одни съ группою социалистовъ возстали противъ гнусной войны въ Трансваалѣ, но это не повело къ добрымъ результатамъ, несмотря на то, что число позитивистовъ съ каждымъ годомъ все увеличивается и увеличивается. По выраженію одного англійскаго позитивиста, въ «Соединенномъ королевствѣ царитъ еще въ дѣлахъ общественной жизни официальное божество». Совершенно иначе выражается вліяніе позитивизма на политическую жизнь и воспитаніе въ Мексикѣ. Онъ проникъ туда въ 1851 году, благодаря Габино Барредѣ и Контрерасу Элизальдѣ. Первый родился въ Ноэбло 19 февраля 1824 году и слушалъ лекціи на медицинскомъ факультетѣ въ Мексикѣ, когда въ 1848 году онъ рѣшилъ отправиться въ Парижъ въ февралѣ, вслѣдствіе войны Мексики съ Соединенными Штатами. Въ Парижѣ онъ встрѣтилъ земляка, Элизальду, который былъ въ сношеніяхъ съ Контомъ, начавшимъ въ Кардинальскомъ дворцѣ философскій курсъ по «общей исторіи человѣчества». Молодой человѣкъ былъ пораженъ высокою нравственной идеей этой доктрины и, купивъ всѣ выпущенныя въ свѣтъ произведенія Конта, увезъ ихъ въ Мексику. Занявъ кафедру физики и затѣмъ естественной исторіи, онъ началъ въ своемъ преподаваніи пропагандировать идею позитивизма. Затѣмъ онъ выпустилъ въ 1861 г. любопытное маленькое сочиненіе: «Гомеопатія или критическое сужденіе объ этой новой системѣ», написанное согласно позитивному методу, и сразу привлекъ вниманіе публики. Второе его произведеніе о нравственномъ воспитаніи имѣло еще большій успѣхъ. Наконецъ наступилъ благоприятный моментъ для позитивистскаго вліянія 16 сентября 1867 года — годовщина мексиканской независимости. Барреда произнесъ рѣчь, и съ этого времени вліяніе позитивизма стало проявляться во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства. Прежде всего Барреда выставилъ на видъ въ своей рѣчи, что недостаточно преобразовать правленіе, надо также передѣлать народное образованіе, чтобы воспитать для Мексики свободныхъ и достойныхъ дѣятелей. Президентъ республики поручилъ Барредѣ основать подъ его управленіемъ «національную подготовительную школу». Эту школу должны были посѣщать студенты въ продолженіе пяти лѣтъ, прежде чѣмъ имъ позволять поступить въ какую либо спеціальную школу государства. Преподаваніе было совершенно бесплатное. Студенты начинали изученіе съ математики до исчисленія безконечно малыхъ величинъ и рациональной механики, прежде чѣмъ приступить къ астрономіи, послѣ которой слѣдовали по градаціямъ физика, химія, біологія и общественныя науки. Этотъ курсъ былъ открытъ равно для дѣвушекъ и мальчиковъ. Впервые осуществились постоянныя стремленія Конта основать народную даровую школу, гдѣ преподавали бы, согласно порядку, установленному имъ—отъ простаго къ сложному,—всѣ законы явленій, какъ внѣшняго міра, такъ и человѣка, разсматриваемые съ трехъ точекъ зрѣнія—съ біологической, социологической и нравственной. Эта школа, въ которой Барреда былъ директоромъ и занималъ кафедру логики, часто подвергалась на-

падкамъ мегафизиковъ и католиковъ. Ея девизомъ были «любовь, порядокъ и прогрессъ». 10-го марта 1881 г. Барреда умеръ, оставивъ множество учениковъ. Онъ совсѣмъ не разработалъ ритуальную сторону «религіи человечества», полагая необходимымъ, подготовить сначала общественное мнѣніе. Число позитивистовъ въ Мексикѣ очень значительно въ настоящее время, если считать подъ этимъ названіемъ не только учениковъ Конта, но также послѣдователей Литтре и Стюарта Милля. Ученикъ Барреды, адвокат Лимантуръ, преобразовалъ совершенно финансы, а изъ отчета президента Мексиканскихъ штатовъ, Порфиріо Діаза, видно, что, благодаря доктринѣ Конта, Мексика перешла отъ кровавой анархіи къ порядку, и, съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе эмансипируется въ теологическомъ отношеніи и прогрессируетъ социальнo и научно. Но вліяніе Конта въ Бразиліи было еще очевиднѣе, чѣмъ въ Мексикѣ. Около 1860 г. нѣсколько молодыхъ бразильцевъ поселились въ Брюссель, чтобы пополнить свое ученіе, гдѣ услышали отъ г-жи Риббентропъ, воспитательницы юной двоюродной сестры Барреды, о существованіи философіи Конта. Она уговорила ихъ отправиться въ Парижъ въ улицу Monsieur le Prince къ Лаффиту и Робине. Они поѣхали туда и купили книги Конта. Одинъ изъ нихъ Луизъ-Перейра Барreto отправился на югъ своей родины, другой Брандао на сѣверъ, а третій Іоакимъ Рибейро Мендоза въ центръ. Барreto, получившій дипломъ доктора медицины въ Ріо де-Жанейро, имѣлъ, благодаря своимъ способностямъ и дару слова, большое вліяніе. Вскорѣ его «*Theoria das gastralgias e dos nervosesem general*», посвященная памяти Огюста Конта, обратила на себя всеобщее вниманіе. Между нимъ и редакторомъ «*Tribuna liberal*» завязалась любопытная полемика, въ которой Барreto требовалъ свободу совѣсти и политическую свободу. Въ 1874 г. онъ напечаталъ свою «Теологическую философію», которая показала всю неспособность католической теоріи для дальнѣйшаго руководительства бразильской націи. Въ 1875 профессоръ математики въ Политехнической школѣ Бенжаменъ Констанъ Ботело де Магалесъ посоветовалъ ученикамъ прочесть «аналитическую геометрію» и первый томъ «курса позитивной философіи» Конта, и такимъ образомъ большая часть будущихъ офицеровъ обратилась въ учениковъ Конта. Первая группа позитивистовъ образовалась въ Ріо де-Жанейро 1-го апрѣля 1876 г. по инициативѣ Оливейра Гимареца. Президентъ группы извѣстилъ объ этомъ Лаффита письмомъ 22-го августа 1877 г. Послѣ смерти Гимареца его замѣститель Мендоза присоединился къ субсидіи позитивистовъ и завязалъ тѣсную связь съ позитивистскимъ центромъ улицы Monsieur le Prince. Въ 1881 г. Мендозу замѣнилъ Лемось, ученикъ Литтре, слушавшій курсъ философіи у Лаффита. Онъ вернулся въ Бразилію, получивъ отъ Лаффита титулъ временнаго директора позитивизма въ Бразиліи. Этотъ 27-лѣтній дѣятельный человекъ, не лишенный надменности, основалъ въ 1882 г. «семейный культъ», установилъ гражданскій бракъ, организовалъ конференціи, обнародовалъ годовые отчеты своихъ дѣйствій. Лемось установилъ ритуаль, справлялъ религіозныя и гражданскія празднества и 12-го октября 1890 г. заложилъ камень новаго «Храма человечества». Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ залъ, освѣщенныхъ электричествомъ и посвященныхъ культу и преподаванію, типографіи и прочему. Въ 1892 казна обложила податью этотъ храмъ; Лемось запротестовалъ на

основаніи того, что священныя мѣста не подлежатъ налогу, на что ему отвѣчали: «позитивизмъ, не признавая Бога, не можетъ быть религіей». Лемось обратился въ министерство финансовъ, и налогъ былъ снятъ. Съ тѣхъ поръ позитивизмъ считается тамъ, какъ религія. Бразильское апостольство имѣетъ въ распоряженіи около 60.000 франковъ субсидіи, которая со дня на день увеличивается, и оно привлекаетъ вниманіе болѣе, чѣмъ остальные группы позитивистовъ. Но политическое вліяніе имѣютъ друзья Бенжамена Констана, самаго заслуженнаго позитивиста въ Бразиліи, который, благодаря мирной, но энергичной инициативѣ, уничтожилъ конституціонную монархію 1882 г. и объявилъ 15-го ноября 1889 г. бразильскую республику. Съ нимъ вмѣстѣ рѣшили задачу «основать общество безъ короля и католической церкви» ораторы Сильва Кардинъ и Квинтина Бокэюва. Они дали правительству девизъ: «порядокъ и прогрессъ», который неизбежно велъ къ раздѣленію церкви отъ государства, что было очень хорошо принято въ Мексикѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они выработали для высшей школы программу обученія учениковъ абстрактнымъ наукамъ нравственности. Министръ народнаго просвѣщенія установилъ преподаваніе общественныхъ наукъ безплатно и, кромѣ того, способствовалъ созданію свободнаго факультета. Онъ умеръ 22-го января 1891 г. и былъ почтенъ гражданами безсмертіемъ. «Придя къ заключенію, что мы болѣе и болѣе управляемся съ мертвыми,—сказалъ министръ Бокэюза на выборахъ новаго президента:— и что почитаніе великихъ умершихъ патріотовъ есть чувство, которое способствуетъ нравственному воспитанію челоуѣка и улучшенію народныхъ нравовъ, учредительный національный конгрессъ рѣшилъ слѣдующее: «Основатель Бразильской республики Бенжаменъ Констанъ де-Маголесъ, родившійся 18-го октября 1833 г., покинулъ объективную жизнь для безсмертія 22-го января 1891 г.». Изъ этого видно, насколько доктрина Конта имѣла вліяніе въ Бразиліи. Что касается другихъ странъ, то позитивизмъ развился тамъ постепенно. Такъ, благодаря госноуѣ Ньюстромъ, въ Швеціи основался въ 1880 г. институтъ рабочихъ, который далъ позитивизму энергичную поддержку, благодаря группѣ пролетаріевъ. Въ Испаніи, Бельгіи, Голландіи, Даніи, Греціи, Италіи, Швейцаріи, Соединенныхъ Штатахъ, Канадѣ, Аргентинской республикѣ, попытки учениковъ контовскаго позитивизма болѣе или менѣе удачны. Въ Турціи Ахмедъ Риза, глава сильной партіи молодой Турціи, старался согласовать девизъ «порядокъ и прогрессъ» съ мусульманскими традиціями. Въ Германіи работы Фейербаха, Вундта, Ратценгофера и въ особенности Грубера привлекаютъ къ доктринѣ Конта развитые умы. Нѣмецкій профессоръ Молленаръ, издающій въ Мюнхенѣ «Обозрѣніе челоуѣческой религіи», распространяетъ позитивизмъ, какъ «элементъ международнаго мира, союзъ людей ума и сердца и ученыхъ всѣхъ странъ». На родинѣ Конта, во Франціи, его имя стало почитаться, и «Discours sur l'esprit positif» вошло въ программу экзаменовъ и подверглось осужденію будущихъ профессоровъ философіи, которые вскорѣ преобразуютъ въ университетскомъ преподаваніи «эклетиическій методъ» и въ особенности метафизическій. Группа позитивистовъ улицы Monsieur le Prince силовилась и хотя медленно, но увѣренно, разрастается и даже купила тотъ домъ, гдѣ былъ основанъ центръ позитивизма. Вмѣсто Лаффита, уже устарѣвшаго, представителемъ

является Жанноль. Кейферъ, секретарь конфедерации рабочихъ печати, членъ высшаго совѣта работъ, благодаря своей высокой нравственности, къ общему удовольствію окончили многіе споры между рабочими и хозяевами—миромъ, побѣдиль различныя несправедливости, успокоилъ нетерпѣливыхъ и завелъ порядокъ и методъ не въ одномъ рабочемъ конгрессѣ.

— Два англо-русскіе филантропа XIX столѣтія. На-дняхъ, въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ, Тотнесѣ, въ Девонѣ, будетъ воздвигнуть въ церкви памятникъ двумъ мѣстнымъ жителямъ, братьямъ Джону и Вальтеру Венингамъ, которые много поработали въ дѣлѣ тюремной реформы въ Россіи. Они оба очень мало извѣстны въ странѣ ихъ благодѣтельной дѣятельности, и чрезвычайно кстати ихъ внучатная племянница, миссъ Венингъ, прочитала въ мартѣ мѣсяцѣ въ англо-русскомъ литературномъ обществѣ лекцію объ этихъ замѣчательныхъ филантропахъ. Она напечатана въ журналѣ литературнаго общества за апрѣль мѣсяцъ¹⁾, и въ ней представлена чрезвычайно живо характеристика обоихъ братьевъ. Старшій братъ, Джонъ Венингъ, родился въ 1775 г., а второй—Вальтеръ—въ 1781 г.; они оба воспитывались въ мѣстной Грамматической школѣ. Старшій ихъ братъ, Вильямъ, велъ торговлю съ Петербургомъ и послалъ туда Джона Венинга въ 1793 г. Въ то время англійская факторія въ Петербургѣ была очень популярной и богатой, такъ что сначала юный Венингъ велъ блестящую свѣтскую жизнь и завелъ дружбу со многими русскими вельможами. При этомъ онъ почти совершенно забылъ пуританскія идеи и обычаи своихъ родителей. Въ началѣ XIX столѣтія онъ возвратился въ Англію, но, спустя шесть лѣтъ, совершенно поселился въ Петербургѣ и пригласилъ туда своего младшаго брата Вальтера, въ качествѣ компаніона. Благодаря глубоко религіозному характеру этого брата, Джонъ сдѣлался также энергичнымъ дѣятелемъ по добрымъ дѣламъ и совершенно отказался отъ свѣтскихъ удовольствій. Они оба посвятили себя тюремной благотворительности и въ этомъ отношеніи пріобрѣли значительную помощь министра народнаго просвѣщенія, князя Голицына. «Этотъ министръ,—писалъ въ Лондонѣ Вальтеръ Венингъ:—такъ пламенно поощрялъ мои хлопоты о тюремной реформѣ, что я пересталъ о чемъ либо другомъ думать и совершенно оставилъ посѣщать биржу». Братья Венинги не только подружались съ княземъ Голицынымъ, но были друзьями и съ самимъ императоромъ Александромъ I-мъ, который питалъ большое сочувствіе къ англійскимъ сектантамъ. По министерскимъ и императорскимъ приказаніямъ двери всѣхъ петербургскихъ тюремъ были открыты предъ ними, и въ мемуарахъ Джона Венинга, напечатанныхъ миссъ Гендерсонъ, прямо говорится: «Положеніе этихъ тюремъ было таково, что его невозможно описать». При этомъ надо прибавить, что филантроповъ допустили только до гражданскихъ тюремъ; въ нихъ царилъ всевозможный безпорядокъ, и не существовало никакой классификаціи арестантовъ. Всѣ заперты были вмѣ-

¹⁾ «The anglo-russian literary society proceedings». February, march and april 1902.

стѣ: судившіеся и подслѣдственные, здоровые и больные, женщины и дѣти, самые отъявленные преступники съ пьяницами и буянами. Оба брата филантропа были не только сентименталисты, но и практическіе реформаторы. Они привезли изъ Лондона модель образцовой тюрьмы. Въ одно изъ своихъ частныхъ посѣщеній Джона Венинга императоръ Александръ очень внимательно осмотрѣлъ эту модель и посоветовалъ сдѣлать нѣсколько измѣненій, согласно петербургскому климату. Глубоко религиозные и гуманные Венинги одинаково сочувствовали русской церкви и римско-католической,—поэтому они съ одинаковой ревностью работали въ дѣлѣ тюремной реформы съ благотѣльцами всѣхъ вѣроисповѣданій, какъ, напримѣръ, съ знаменитымъ докторомъ Гаазомъ и другими. Прежде чѣмъ имъ удалось устроить новое религиозное общество, князь Голицынъ повезъ ихъ въ Москву для осмотра тамошнихъ тюремъ и для представленія отчета обо всемъ ими видѣнномъ находившемуся тамъ императору. Большую помощь имъ оказала добродѣтельная дама, княгиня Мещерская, которая переводила на русскій языкъ всѣ брошюры Венинговъ. Между ихъ гуманными просьбами къ императору обратило на себя вниманіе заявленіе, что желѣзныя оковы на арестантахъ должны быть подшиты внутри кожей, и на основаніи этого было введено необходимое измѣненіе. Императрица Марія Ѳеодоровна и многіе русскіе вельможи оказывали всевозможное содѣйствіе филантропамъ въ раздачѣ пособій, какъ арестантамъ, такъ и несчастнымъ должникамъ, запертымъ въ тюрьму. Въ октябрѣ 1819 г. было открыто въ Петербургѣ «Русское тюремное общество» въ домѣ князя Голицына, котораго императоръ назначилъ предсѣдателемъ. Въ числѣ вице-предсѣдателей былъ петербургскій митрополитъ и графъ Ливенъ, попечитель Дерптскаго университета. При обществѣ образовался дамскій комитетъ изъ русскихъ, и даже иностранокъ. Все, повидимому, общало большой успѣхъ новому гуманному обществу. Вальтеръ Венингъ осмотрѣлъ всѣ тюрьмы въ Твери и въ Кронштадтѣ, а потомъ отправился въ Копенгагенъ, но по дорогѣ въ финляндскомъ заливѣ онъ потерпѣлъ кораблекрушеніе. По возвращеніи въ Петербургъ Вальтеръ Венингъ заразился тифомъ въ одной тюрьмѣ и умеръ въ январѣ 1821 г., сорока лѣтъ отъ роду. Онъ никогда не былъ женатъ и всю жизнь посвятилъ добрымъ дѣламъ. Его прахъ покоится на Смоленскомъ кладбищѣ, и представителемъ императора при похоронахъ былъ князь Голицынъ. Съ разрѣшенія императора на его могилѣ воздвигнули памятникъ стараніями тюремнаго общества. Послѣ смерти брата Джонъ Венингъ продолжалъ одинъ ихъ общіе труды по тюремной реформѣ. Но въ послѣдніе годы царствованія Александра наступила клерикальная реакція: князь Голицынъ былъ удаленъ, и хотя Джонъ Венингъ сохранилъ свое вліяніе на императора, но ему было чрезвычайно трудно попрежнему добиваться сираведливости, помощи несчастнымъ арестантамъ, уничтоженія злоупотребленій среди чиновниковъ и улучшенія тюремныхъ зданій. Лично же Александръ I-й до своей смерти благоволилъ къ англійскому филантропу и не только хотѣлъ произвести его сына въ офицеры, но желалъ пожаловать ему орденъ, на что онъ не согласился по своимъ сектантскимъ убѣжденіямъ. Смерть госу-

даря произвела на него тяжелое впечатлѣніе и сильно повліяла на его гуманную дѣятельность. О декабристскомъ движеніи онъ выразился чрезвычайно характерно: «Я полагаю, что оно не русскаго происхожденія, и его занесли изъ-за границы, потому что русская нація любитъ императора, и это преданный, мужественный и гостепріимный народъ. Таково мое мнѣніе послѣ пребыванія въ этой странѣ тридцать семь лѣтъ». Несмотря на подобное мнѣніе и официальное покровительство императора Николая, Венингъ, все менѣе и менѣе, имѣлъ успѣха въ своемъ гуманномъ дѣлѣ. Еще пять лѣтъ онъ пробылъ въ Петербургѣ, и въ 1830 г. по семейнымъ обстоятельствамъ, по причинѣ нездоровья и въ виду неуспѣха нѣкоторыхъ изъ своихъ предпріятіи, онъ перебрался въ Англію. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ продолжалъ интересоваться, хотя письменно, своей русской филантропической дѣятельностью и въ 1858 г. умеръ въ Норвичѣ.

— Александръ II въ Парижѣ въ 1867 году. Баронъ Пьеръ Бургуанъ напечаталъ ¹⁾ въ «Figaro» воспоминанія о пребываніи русскаго императора Александра II въ Парижѣ въ 1867 году. Источникомъ этихъ воспоминаній послужили бумаги его покойнаго отца, котораго Наполеонъ III назначилъ шталмейстеромъ при императорѣ Александрѣ, и личныя воспоминанія барона. Его юное воображеніе было такъ поражено впечатлѣніемъ покушенія на жизнь императора Александра II, что онъ живо сохранилъ память о немъ. 1-го юня 1867 года, въ четыре часа, императорскій поѣздъ подѣхалъ къ Парижу. Онъ остановился лишь на нѣсколько минутъ въ Крель, гдѣ императоръ надѣлъ мундиръ. Александръ II, въ сопровожденіи наслѣдника и великаго князя Владимира Александровича, отправился въ Елисейскій дворецъ на завтракъ. Свита государя была изъ 28 лицъ; 14 человекъ прислуги состояло при комнатахъ, 15—при столовой, при чемъ французъ метръ д'отель пріѣхалъ изъ Россіи. Два выѣздныхъ лакея-казака сопровождали императора. Начальникъ русской полиціи Шульцъ вошелъ тотчасъ же въ сношенія съ Гирвуа, начальникомъ полиціи при Наполеонѣ. На другой день императоръ Александръ присутствовалъ на скачкахъ въ Лоншанѣ; 4-го—было парадное представленіе въ Оперѣ, послѣ дипломатическаго обѣда въ Тюильри; 3 и 5 были дни «отдыха»; императоръ посвятилъ ихъ на посѣщеніе города и суда; 5-го онъ пожелалъ спуститься въ подземныя галереи, чтобы осмотрѣть сточныя трубы Парижа. Баронъ Гаусманъ, префектъ Парижа, увѣдомилъ отца автора, что къ 2-мъ часамъ все будетъ готово. Главному инспектору постовъ и шоссе одному было извѣстно о высококомъ положеніи посѣтителя, тогда какъ полицейскимъ агентамъ было сказано, что вопросъ идетъ о знатномъ иностранцѣ. Рѣшено было, что императоръ пріѣдетъ въ простой каретѣ и по возможности съ меньшимъ количествомъ свиты, ради сохраненія инкогнито. 6-го состоялся смотръ войскъ въ Лоншанѣ. Въ два часа забили барабаны, зазвучали трубы, раздался русскій гимнъ, и появился императоръ Александръ, прусскій король и На-

¹⁾ Alexandre II à Paris en 1867, par baron Pierre de-Bourgoing. «Figaro», 20 mai 1902.

полеонъ III, въ сопровожденіи наслѣдника, принца прусскаго и великихъ князей. При прусскомъ королѣ находился Бисмаркъ. Осмотрѣвъ войска, всѣ они помѣстились предъ центральнымъ павильономъ, въ которомъ находилась императрица, великая княгиня Марія Николаевна, принцесса Гессенская, принцесса Матильда, герцогиня Гамльтонъ, принцесса Мюрать и проч. По окончаніи смотра, наслѣдный принцъ направился въ Севъ-Клу въ первой коляскѣ. Во второй слѣдовала императрица съ прусскимъ королемъ, въ третьей — императоръ Александръ съ Наполеономъ и съ русскими великими князьями. При ихъ появленіи клики удвоились. Никому не приходила въ голову мысль, что въ эту минуту восторженныхъ выраженій симпатіи могло случиться обстоятельство, омрачившее такой прекрасный день. Когда окончился смотръ, толпа бросилась въ сторону Лонпанской мельницы, чтобы видѣть, какъ пройдутъ императорскіе экипажи, такъ что приходилось ѣхать шагомъ до водопада. Отецъ барона находился около дверцы императорской коляски, запряженной à la Daumont, со стороны Александра II. Впереди коляски ѣхалъ отрядъ изъ ста гвардейцевъ, затѣмъ пикеръ, который долженъ былъ поворачивать все время голову въ сторону барона, чтобы слѣдить за его приказаніями. «Я былъ предупрежденъ, — говорилъ баронъ (отецъ автора): — что полиція узнала о пріѣздѣ во Францію множества опасныхъ иностранцевъ, между прочимъ, одного поляка, котораго никакъ не могли уловить, чтобы удостовѣриться въ его личности. Слѣдовательно возможно было ожидать покушенія. Видя, что при такомъ громадномъ стеченіи народа нельзя было ѣхать даже шагомъ, а приходилось очень часто останавливаться въ такія минуты, когда секунда замѣшательства могла повлечь опасность для жизни государей, я сдѣлалъ знакъ передовому берейтору свернуть направо въ аллею между водопадомъ и рестораномъ, которая была почти совсѣмъ пустынна. На подъемъ мы поѣхали рысью, какъ вдругъ я услышалъ такой сильный взрывъ, какъ будто разорвалась бомба. Я воскликнулъ: «галопомъ!» и императорскій экипажъ, а за нимъ эскортъ понеслись. Черезъ 200 метровъ императоръ приказалъ пріостановить лошадей. Государя были спокойны. Наполеонъ прервалъ молчаніе первый: «Ваше величество не ранены?» — спросилъ онъ Александра. — «Нѣтъ, государь», — отвѣтилъ послѣдній. — «А вы?» — «Я тоже не раненъ». Александръ обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ великимъ князьямъ, которые отвѣтили отрицательно. Лошадей снова пустили рысью. Вдругъ императоръ Александръ замѣтилъ, что бѣлый мундиръ цесаревича зачачканъ кровью: послѣдовала ужасная минута, но вскорѣ успокоились, узнавъ, что это была кровь лошади Рамбо, ѣхавшаго съ лѣвой стороны императорскаго экипажа. Пуля попала въ морду несчастнаго животнаго, и при каждомъ шагѣ галона кровь высгупала у нея изъ ноздрей. Рамбо соскочилъ съ нея, и я сдѣлалъ знакъ офицеру Буссону, командовавшему эскортомъ, замѣстить перваго. Мы продолжали путь и достигли Елисейскаго дворца: здѣсь императоры разстались». Преступникъ былъ, какъ извѣстно, Березовскій; онъ ожидалъ возвращенія императора на половинѣ подъема у водопада, въ аллеѣ Акацій, держась правой стороны. Если бы барону Бургуанъ не пришла мысль во время свернуть, и экипажъ продолжалъ бы ѣхать шагомъ, то Березовскій могъ бы стрѣлять въ

упоръ. Увидѣвъ, что экипажъ свернулъ, онъ бросился бѣжать къ водопаду и прибѣжалъ запыхавшись къ мѣсту въ пяти метрахъ разстоянія отъ экипажа. Второпяхъ онъ спустилъ, почти разомъ, двоекратно курокъ, и дуло пистолета разорвало, ранивъ въ руку Березовскаго. Одна пуля задѣла лошадь, другая попала въ лѣсъ и хотя говорили, что пуля коснулась экипажа, но это не вѣрно. По возвращеніи онъ былъ помѣщенъ, подъ печатью, въ Луврскихъ конюшняхъ и на другой день заложенъ для производства слѣдствія. На немъ сохранились слѣды крови, но не было поврежденій. Такимъ образомъ, по словамъ автора статьи, императоръ Александръ избѣжалъ опасности, благодаря предусмотрительности барона Бургуанъ. Въ тотъ же вечеръ баронъ получилъ св. Станислава, а по возвращеніи въ Россію императоръ прислалъ ему двѣ малахитовыя вазы, съ письмомъ графа Адлерберга, генераль-адъютанта императора. Одинъ свидѣтель передавалъ барону, что Наполеонъ, выходя изъ экипажа у Елисейскаго дворца, сказалъ императору Александру, беря его за руку: «Государь, если это сдѣлалъ итальянецъ, то выстрѣлъ предназначался для меня». — «Если это полякъ», — отвѣтилъ Александръ II: — то онъ предназначался для меня. Во всякомъ случаѣ, да хранить насъ Богъ!» «До сегодняшняго вечера», — отвѣтилъ Наполеонъ и сѣлъ въ карету. Извѣстіе о покушеніи уже достигло Тюильри, гдѣ императрица ожидала съ безпокойствомъ Наполеона. Лишь только показалась карета подъ сводами павильона часовъ, императрица уже стояла на главной лѣстницѣ, скрестивъ на груди руки. «Негодяи! — воскликнула она: — смѣютъ стрѣлять въ нашего гостя!» — «Вѣдь ты не знаешь», — отвѣтилъ Наполеонъ: — мнѣ или ему это предназначалось». Нѣсколько минутъ спустя, императрица появилась въ Елисейскомъ дворцѣ, гдѣ авторъ видѣлъ ее изъ комнаты отца. Съ этого момента еще болѣе были приняты мѣры предосторожности, ради охраненія жизни русскаго императора, но программу празднествъ не измѣнили. Только баронъ получилъ распоряженіе измѣнить путь 10-го числа въ день большого бала въ Тюильри, и вмѣсто кратчайшаго пути черезъ улицу Риволи императора повезли длиннѣйшей дорогой. Посѣщеніе Фонтенбло сопряжено было съ опасностью, такъ какъ предстояло ѣхать отъ станціи до замка въ открытомъ шарабанѣ. Когда обсуждали вопросъ о поѣздкѣ, то императрица сказала: «Мы посадимъ императора между нами. Такимъ образомъ мы его предохранимъ».

— Нѣсколько русскихъ салоновъ въ Парижѣ. Въ одной изъ майскихъ книжекъ «Revue Hebdomadaire» маркизъ д'Юкселль описываетъ нѣсколько русскихъ салоновъ въ Парижѣ, начиная со временъ довольно отдаленныхъ и заканчивая современными ¹⁾. Безъ сомнѣнія, авторъ первымъ долгомъ отдаетъ патріотическую дань своей націи, какъ родоначальницѣ и преподавательницѣ остроумія, изящества и вкуса, а слѣдовательно родоначальницѣ салоновъ, у которой явилось множество подражателей и даже соперниковъ. Насколько у этихъ соперниковъ равныя силы съ Франціей, авторъ обѣщаль,

¹⁾ Quelques salons russes à Paris, par marquis d'Huxelles. «Revue Hebdomadaire», 10 mai 1902.

виослѣдствіи, разсмотрѣть этотъ вопросъ. Во всякомъ случаѣ онъ убѣжденъ, что никто не превысилъ Франціи на этомъ полѣ дѣятельности. Прежде всѣхъ онъ касается Россіи и говоритъ, что она только при Екатеринѣ стала принимать европейскій видъ. Послѣдняя старалась, насколько могла, придать своимъ приемамъ въ Эрмитажѣ характеръ французскаго салона, для чего привлекла принца де-Линя, переписывалась съ Гриммомъ и приглашала въ Петербургъ Вольтера. Нѣсколько выкопоставленныхъ дамъ начали подражать ей, а многочисленные французскіе эмигранты въ 1790—1814 г.г., несмотря на свое несчастіе, внесли съ собою веселіе, живость, остроуміе и прочія пизанскія качества. «Они были приняты съ восторгомъ, осыпаны заботами и самымъ деликатнымъ вниманіемъ, но,—говоритъ авторъ,—что еще дороже квартиры и стола, это гостепріимство души». Такъ княгиня Долгорукая, очаровательная и замѣчательно добрая женщина, оказала самый деликатный приемъ г-жѣ Виже-Лебрёнъ. Княгиня была послѣдней вдохновительницей Ривароля, для нея Потемкинъ устраивалъ легендарныя празднества; ради нея онъ штурмовалъ Очаковъ ранѣе, чѣмъ это допускала стратегія; для нея онъ посылалъ въ Парижъ курьеровъ, скакавшихъ день и ночь, чтобы достать пару башмаковъ для одного бала. Она ввела въ моду эластичныя жабо, которыя дѣлалъ эмигрантъ, графъ Отиманъ, чтобы заработать себѣ хлѣбъ; она предложила г-жѣ Виже-Лебрёнъ браслетъ изъ пряди своихъ волосъ, на которомъ была надпись: «Украшай ту, которая украшаетъ свой вѣкъ». Княгиня написала больному Риваролю: «Ваше здоровье доказывало намъ, что вы очень любезны, а ваша болѣзнь—что вы очень любимы». Авторъ съ присущей французамъ любезностью говоритъ: «Русскія женщины скоро поняли, что салонъ чудное оружіе для ихъ царствованія, и, благодаря ихъ свойству усвоенія и оригинальнымъ качествамъ расы, съ могуществомъ ихъ волшебства, прелести ихъ ума и даже недостатковъ, должны были бы сдѣлаться грозными побѣдительницами. Но онѣ слишкомъ любили политику, добавляетъ онъ, что же дѣлать, совершенства нѣтъ на свѣтѣ, и для нихъ цѣль—вліяніе—оправдываетъ средство». Одинъ французъ, хорошо ихъ изучившій, говоритъ: «Сѣверныя женщины чудесно сговорились заставить насъ вѣрить, что онѣ избрали то, что назначила имъ судьба. Это не фальшь, а тонкое кокетство, онѣ вѣжливы съ судьбою. Это царственная грація, а грація всегда естественна, что не мѣшаетъ пользоваться ею очень часто для прикрытія лжи. Все, что жестоко и насильственно въ различныхъ положеніяхъ, исчезаетъ у привлекательныхъ женщинъ, это самыя обманчивыя существа. Сомнѣнія исчезаютъ отъ ихъ дуновенія, онѣ творятъ, что желаетъ ихъ воображеніе, и никакое сомнѣніе не уступитъ противъ ихъ слова. Если онѣ не обманываютъ другихъ, онѣ обманываютъ себя самихъ, такъ какъ ихъ стихія—очарованіе; ихъ склонность—удовольствіе, основанное на вѣщности. Опасайтесь привлекательности—оружія тѣмъ болѣе опаснаго, чѣмъ менѣе его подозреваютъ». Маркизъ Кюстинъ, врагъ Россіи, писалъ о русскихъ: «Русскіе, если они любезны, имѣютъ въ обращеніи что-то обворожительное, и наперекоръ всѣмъ предубѣжденіямъ, васъ это захватываетъ. Сначала вы не замѣчаете этого, а позже не имѣете ни возможности ни желанія избавиться отъ этого очарованія. Определить подобное вліяніе значитъ объяснить его и уре-

гулловать очарованіе. Это— повелительное очарованіе, хотя тайное, могущественная власть, которая зависитъ отъ врожденной прелести славянъ,—даръ, замѣняющій въ обществѣ всѣ другія качества и который ничѣмъ незамѣнимъ».

Такимъ образомъ русскіе вообще, а дамы въ особенности, являются въ глазахъ француза какими-то сиренами, или, скорѣе, какъ говоритъ авторъ, они служатъ по-своему символомъ русскаго двуглаваго императорскаго орла. «Двойственность ихъ натуры дѣлаетъ ихъ непреодолимо волнующими и лучшими дипломатами народа, гдѣ всѣ мужики, чиновники, офицеры, вельможи и прочіе—дипломаты. Русскія женщины не только въ своей странѣ руководятъ салонами, но даже въ Парижѣ». Затѣмъ авторъ перебираетъ русскіе салоны, начиная съ графини Сиркуръ, урожденной Клушиной, перешедшей въ католицизмъ. Ея мужъ былъ французскимъ посланникомъ въ Берлинѣ въ 1848 году. Графъ Кавуръ посѣщалъ часто эту даму и велъ съ нею переписку, а впоследствии очень огорчился ея неприязнью къ итальянскому союзу, который прозвали его «знаменитымъ преступленіемъ». Тьеръ, Сень-Бевъ и Огюстенъ Тьерри относились къ ней съ большимъ уваженіемъ. Она была очень большого роста, какъ описывала ее графиня Боссакъ, и имѣла на рѣдкость прекрасныя манеры. Ея лицо съ черными глазами, окаймленное черными волосами, было выразительно, и прежде чѣмъ она начинала разговоръ, уже всѣ чувствовали на себѣ ея могущество, не задаваясь вопросомъ, красива ли она. Ея движенія были очаровательны. Она была умна, серіозно-образована, къ тому же много читала, рассуждала обо всемъ и пользовалась своими познаніями, чтобы заставлять блестять другихъ. Прекрасно умѣя вести разговоръ съ каждымъ, она заставляла разговариваться самыхъ неразговорчивыхъ. При появленіи каждаго, она имѣла видъ, что его именно ожидала, и любила одинаково всѣхъ своихъ гостей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Парижѣ, въ улицѣ Ласъ-Казасъ, пять мѣсяцевъ въ году былъ открытъ салонъ княгини Юрьевской, онъ перемѣщался на два мѣсяца въ Ниццу, на два въ Люцернъ и на три въ Біаррицъ, но въ послѣдніе годы здоровье княгини заставляло ее все рѣже и рѣже появляться въ Парижѣ. Салонъ г-жи Свѣчиной пользовался большой извѣстностью въ Парижѣ. Живя въ этомъ блестящемъ центрѣ сорокъ лѣтъ, она, естественно, пропиталась парижскимъ блескомъ и полюбила Францію, какъ вторую родину. Когда въ 1855 г. между Франціей и Россіей произошелъ разрывъ, она говорила: «Для всѣхъ—это просто война, но для меня это гражданская война». Союзъ Россіи съ Франціей очень бы ее радовалъ, и въ извѣстномъ смыслѣ она защищала это дѣло. Ея жизнь, литературные труды, дружба, разговоры, мысли—все приближалось къ идеалу, что сообщало имъ рѣдкое качество—единство. Какъ писательница, она представлялась христіанской моралисткой, и ея салонъ бывалъ сборищемъ клерикаловъ, и интересы католической церкви занимали тамъ видное мѣсто. Переходъ ея въ католичество совершился не сразу. Прежде чѣмъ рѣшиться на это, она удалилась въ деревню и занялась сравненіемъ Канта, Фихте и Шеллинга съ Паскалемъ, Декартомъ и Лейбницемъ; прочитала Флери и др. и наконецъ рѣшила измѣнить православію. Это надѣлало много шума въ Петербургѣ, и ея мужъ рѣшилъ уѣхать. Императоръ Александръ, хотя разрѣшилъ этотъ отъѣздъ, но продолжалъ вести съ нею переписку до послѣдняго дня своей жизни.

Она поселилась окончательно въ Парижъ въ 1825 г. въ улицѣ св. Доменика, гдѣ жила до своей смерти. Г-жа Свѣчина вмѣщала въ себѣ въ одно и то же время духъ спиритуализма въ философіи, католицизма и монархизма въ идеяхъ, классицизма въ литературѣ. Она старалась вести разговоры съ лицами противоположныхъ взглядовъ съ ея собственными: «Къ чему послужитъ жизнь, если будешь слышать только звуки собственнаго голоса?»—говорила она. Возлѣ ея салона помѣщалась ея часовня, въ которой произносили рѣчи знаменитые проповѣдники, и молодыя дѣвушки старались совершать въ ней свои браки, также тамъ исполнялись церемоніи перехода въ католичество. На украшеніе этой часовни она пожертвовала всѣ свои брилліанты. Ея вкусъ относительно туалета и талантъ одѣваться заставляли молодыхъ женщинъ являться къ ней прежде, чѣмъ отправиться на балъ, такъ какъ ея одобреніе или порицаніе были искренни. Послѣ смерти г-жи Свѣчной, въ Парижѣ появляется другой русскій салонъ—княгини Трубецкой, внучки княгини Ливень, на которую, по словамъ автора, она походила умомъ—живымъ и веселымъ—увлеченіемъ искусствами и политикой; прямымъ характеромъ, рѣзкими словами, что придавало ей капризную внѣшность. Съ 1862 г. ея салонъ въ улицѣ Лилль служилъ средоточіемъ отборнаго общества. Она горячо хлопотала о франко-русскомъ союзѣ, что было въ то время затруднительнымъ, такъ какъ симпатіи французовъ были на сторонѣ Польши. Она служила эгеріей Тьеру. Въ 1870 г. княгиня приняла его у себя въ Петербургѣ и высказала въ глаза печальную правду, съ которой онъ не хотѣлъ согласиться. Онъ былъ полонъ иллюзіи до такой степени, что во время обѣда краснорѣчиво восхвалялъ Базена; это заставило Горчакова написать у себя на колѣнѣ записку и передать княгинѣ. «Остановите его, говорилось въ ней, и скажите, что онъ единственный, который не знаетъ, что маршалъ заключилъ трактатъ съ Германіей». Послѣ войны она переехала въ Парижъ въ улицу Курсель, гдѣ въ ея салонѣ собирались сливки парижскаго общества. *Lise de Paris*, какъ ее называли французы, видѣлась съ Тьеромъ ежедневно въ Елисейскомъ дворцѣ, умѣла его слушать и оставаться независимой. Она какъ будто говорила все, что ей приходило въ голову, но все это дѣлалось умно и съ апломбомъ. Съ 1871 г. и въ продолженіе 12 лѣтъ пользовался успѣхомъ салонъ виконтессы Рэнвиль, въ которомъ собирався центръ правой и умѣренной правой. Виконтесса русская и родилась въ Россіи, но вышла замужъ за француза. Красивая женщина, образованная и умная, она, повидимому, страстно любила политику. Тайны парламента, интриги партій и прочіе аксесуары политики были ей не чужды; она слѣдила за ними съ удовольствіемъ, и политическіе дѣятели любили слушать, какъ она осаривала тотъ или другой вопросъ. Но красивой женщиной трудно оставаться въ положеніи политическаго товарища, и въ одинъ прекрасный день случилось неожиданное происшествіе. Одинъ изъ политиковъ явился къ ней и вмѣсто разговоровъ о политикѣ, бросаясь предъ ней на колѣни, сталъ объясняться въ любви. Виконтесса расхохоталась, и онъ понялъ, что попалъ впросакъ, но, будучи очень грузнымъ подагрикомъ, не могъ сразу подняться; она продолжала смѣяться. Въ это время появился мужъ и помогъ встать влюбленному. Когда виконтесса выходила изъ сферы политики, то была очень при-

ятной женщиной, такъ какъ знала и видѣла многое и притомъ рассказывала интересные анекдоты. На одномъ вечерѣ, рассказывая о пребываніи Александра I въ Парижѣ въ 1814 г., объ его отношеніяхъ къ г-жѣ Крюденеръ, она вспомнила нѣсколько его выраженій. Такъ, на примѣръ, увидя Вандомскую колонну, онъ замѣтилъ: «Если бы меня такъ высоко вознесли, то я опасаюсь, что у меня закружилась бы голова». Въ Тюильри онъ остановился предъ залой «Мира» и сказалъ смѣясь: «Къ чему могъ служить этотъ залъ для Бонапарта?» При посѣщеніи больницы умалишенныхъ онъ спросилъ: «Много здѣсь женщинъ, сошедшихъ съ ума отъ любви?» — «До сихъ поръ нѣтъ, — отвѣтилъ сопровождавшій его французъ: — но можно опасаться, что число возрастетъ съ момента появленія вашего величества». Салонъ княгини Горчаковой, которая часть года проводитъ въ Парижѣ и часть въ Неаполѣ, пользуется не меньшимъ успѣхомъ. Во время ея пребыванія въ Парижѣ ея понедѣльники служатъ центромъ веселой болтовни красивыхъ женщинъ и остроумія. Она умѣетъ слушать и прекрасно рассказываетъ. Салонъ госпожи Рафаловичъ теперь посѣщается сравнительно меньше; тамъ бываетъ небольшое количество артистовъ и ученыхъ, не такъ, какъ при жизни ея мужа, когда собирались въ немъ всѣ сливки ума и таланта. Ея невѣстка и теперь даетъ великолѣпныя и оригинальныя празднества. Прошедшую зиму у нихъ были маскарады, на которыхъ одинъ изъ приглашенныхъ раздавалъ каждой дамѣ написанные имъ самимъ стихи. У второго секретаря русскаго посольства, Бревернъ-де-ла-Гарди, также открытъ салонъ, гдѣ его жена, граціозная и умная женщина, умѣетъ принять. Совѣтникъ посольства Нарышкинъ, жена котораго отличается серіозными качествами сердца, добрыми дѣлами, не менѣе посѣщаемъ. Графиню Лидію Растопчину, автора многихъ французскихъ романовъ и комедій, маркизъ г'Юксель приравниваетъ къ Мери и госпожѣ Жевръ. Салоны госпожи Власовой, урожденной Боффемонъ, госпожи Бернардаки и Самаринной также привлекаютъ много посѣтителей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у послѣдней было большое празднество въ честь великаго князя Владимира Александровича, на которомъ была разыграна японская комедія восемью молодыми дѣвушками и кавалерами. Вообще общество часто даетъ домашніе спектакли, между прочимъ, у госпожи Черницкой. Не менѣе привлекаютъ общество вечера госпожи Шейтлинъ де-Мулленъ, празднества же русскаго посланника, князя Урусова, служатъ центромъ избраннаго общества и отличаются роскошью и своего рода очарованіемъ, такъ какъ князь извѣстенъ былъ своимъ гостепріимствомъ, любезностью и радушіемъ еще въ Брюсселѣ. Вообще до франко-русскаго союза уже замѣчалась склонность къ русско-французскимъ бракамъ.

— Эмилъ Лубэ. Посѣщеніе Лубэ Россіи обратило на него вниманіе даже тѣхъ, которыхъ не привлекалъ представляемый имъ идеалъ демократическаго президента республики. Въ первый разъ глава Франціи совершилъ полную эволюцію отъ скромнѣйшаго общественнаго положенія до высшей ступени государственныхъ почестей, и въ лицѣ его народъ, впервые, истинно возсѣдаетъ въ Елисейскомъ дворцѣ. Его предшественникъ Форъ, хотя и происходилъ также изъ народнаго класса, но старался придать себѣ псевдо-монархическій видъ. Англійская писательница Ада Конъ въ мартовской книжкѣ «Pall-Mall Magazine» ри-

суетъ Лубе чрезвычайно точно и интересно ¹⁾). По ея словамъ, Эмиль Лубэ родился шестьдесятъ три года тому назадъ, въ Марсанѣ, близъ Монтелимара, въ департаментѣ Дромы. Его родители были состоятельные поселяне и отдали его въ сельскую школу очень юнымъ. Выказывая постепенно прилежаніе въ дальнѣйшихъ учебныхъ занятіяхъ, онъ современемъ прошелъ лицей и университетъ и, сдѣлавшись адвокатомъ, вернулся въ свой родной городъ. Послѣ этого Лубэ прошелъ всѣ ступени общественной и политической карьеры: былъ монтелимарскимъ мэромъ, председателемъ муниципальнаго совѣта Дромы, депутатомъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ, премьеромъ, председателемъ сената и съ 1899 г. президентомъ республики. Это была постоянно возвышающаяся дѣятельность въ истинно демократическомъ обществѣ. Если онъ никого не затмевалъ своими талантами, то его всѣ уважали за скромность, честность и трудолюбіе. Во время знаменитаго Дрейфусовскаго дѣла онъ говорилъ: «Никто не въ правѣ меня называть дрейфусаромъ или антидрейфусаромъ. Я стою съ большинствомъ націи въ пользу правды, поддерживаемой справедливостью». Онъ всегда былъ умѣреннымъ республиканцемъ, антиклерикаломъ и въ то же время антисоціалистомъ. Съ перваго времени его избранія въ президенты, Лубэ не пользовался популярностью, но мало-по-малу онъ сдѣлался общимъ любимцемъ, и всѣ называютъ его не только добрымъ человекомъ, но глубоко уважаютъ, какъ государственнаго дѣятеля, значительно подкрѣпившаго республику. Съ точки зрѣнія частнаго человека онъ очень походитъ на американца, который самъ себѣ проложилъ дорогу къ самому высшему положенію въ странѣ. Не-высокаго роста, сѣдой, президентъ не покидаетъ обычнаго фрака. Его прямой римскій носъ чрезвычайно походитъ на носъ его старой коренастой матери, которая, несмотря на свои 88 лѣтъ, еще до сихъ поръ занимается виноградниками, шелковичными деревьями и домашнимъ хозяйствомъ. Въ день его выбора президентомъ она съ сожалѣніемъ сказала: «Mon Dieu, mon Dieu, quel malheur pour mon fils!». Чтобы окончить его портретъ, надо упомянуть, что черты его лица чрезвычайно тонки, ротъ отличается слѣдомъ юмора, а главное обращаютъ на себя вниманіе голубые, выразительные глаза, чрезвычайно добродушные и серьезные. Его манеры очень радушны и любезны, при чемъ онъ одинаково обращается съ коронованными особами и съ фермерами. Несмотря на его обычную застѣнчивость, онъ, однако, съ большимъ достоинствомъ исполняетъ свои officialныя обязанности. Не отличаясь краснорѣчіемъ, Лубэ говоритъ хорошо, и его разговоръ можно слушать съ большимъ удовольствіемъ. Одѣвается онъ очень просто. Почти обыкновенно онъ носитъ фракъ. Вообще у него пять фраковъ: два для зимы, два—лѣтнихъ и одинъ для особыхъ случаевъ. Онъ носитъ всегда толстые башмаки съ высокими каблуками. Въ началѣ своей карьеры Лубэ женился на сельской красавицѣ Монтелимара, Мари Дэни. Всѣ сходятся во мнѣніи, что г-жа Лубэ съ большимъ тактомъ исполняетъ свои обязанности, но она болѣе семейная женщина, хотя много занимается добрыми дѣлами. У президента трое дѣтей. Старшая его дочь замужемъ за судьей Субераномъ и имѣетъ много дѣтей. Сынъ его Поль занимается

¹⁾ «President Loubet», by Ada Cone, Pall-Mall Magazine, march 1902.

мѣсто частнаго секретаря отца, а младшій—еще восьмилѣтній мальчикъ, большойлюбимецъ отца. Частное состояніе Лубэ, говорятъ, незначительно, около ста пятидесяти тысячъ франковъ, президентскаго жалованья онъ получаетъ четыреста восемьдесятъ тысячъ франковъ, которые онъ почти всѣ расходуетъ по должности президента. Обычное его развлеченіе составляютъ прогулки лѣшкомъ и верхомъ; часто его можно встрѣтить съ однимъ изъ его секретарей гуляющимъ по большимъ бульварамъ, рано утромъ. Онъ не любитъ officialнаго блеска, и въ Елисейскомъ дворцѣ царить простота, господствующая въ Вѣломъ домѣ. Хотя, несмотря на это, въ его officialной жизни еще существуетъ много рутинны, однако онъ сдѣлалъ одну перемену въ Елисейскихъ порядкахъ, именно, настоялъ на томъ, чтобы при officialныхъ приемахъ подавали всѣмъ одинаково хорошее шампанское, а не такъ, какъ водилось прежде: первый сортъ знатнымъ лицамъ, а всѣмъ остальнымъ дрянцо. При этомъ, когда ему замѣтили, что увеличатся президентскіе расходы, то онъ молча сталъ платить разницу между хорошимъ и дурнымъ шампанскимъ. Его пища очень скромная, хотя обильная, обыкновенно онъ не ѣстъ ничего сладкаго и пьетъ очень мало вина. Послѣ обѣда онъ куритъ сигару, отдыхая въ креслѣ. Изъ президентскихъ мѣстопробываній Лубэ предпочитаетъ Рамбулье, гдѣ онъ совершенно, какъ дома. Окрестные поселяне, встрѣчая его, инстинктивно говорятъ вслухъ: ah, quel brave homme que le president». Они знаютъ, что онъ настоящій ихъ представитель и никогда не перемѣнитъ своего мнѣнія, высказаннаго имъ въ первый день его избранія: «Я надѣюсь, что проведу послѣдніе дни среди моего народа на той фермѣ, гдѣ я родился».

— Теофиль Делькассэ. Въ самое короткое время, именно въ четыре года, занимая постъ министра иностранныхъ дѣлъ, Делькассэ сдѣлался однимъ изъ самыхъ видныхъ государственныхъ людей Франціи. До тѣхъ поръ его не знали не только за границей, но и во Франціи, а теперь, по всей вѣроятности, его ждетъ самая блестящая карьера, и въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Званіе перваго министра или президента республики можетъ легко, при теперешнихъ обстоятельствахъ, вознаградить его за энергичное, неусынное служеніе отечеству. Конечно, надо сказать, что судьба ему везла въ послѣдніе годы и помогла сдѣлаться однимъ изъ самыхъ удачныхъ и способныхъ министровъ третьей французской республики. Напротивъ его предшественникамъ очевидно не везло. Въ 1898 г., когда онъ вступилъ въ управленіе внѣшними дѣлами Франціи, положеніе ихъ было не благопріятно. Отношенія съ Соединенными Штатами были чрезвычайно натянуты, съ Англіей—даже опасны, съ Россіей—неопредѣленны, съ Германіей—холодны, а съ Италіей—недовѣрчивы. Наконецъ на востокѣ трехцвѣтное знамя не возвратило себѣ прежняго престижа, а на далекомъ востокѣ грозили международныя затрудненія. Въ четыре года, благодаря ловкости, дѣятельности и энергіи Делькассэ, который умѣлъ пользоваться всѣми благопріятными обстоятельствами, внѣшнее положеніе Франціи совершенно измѣнилось: русскій союзъ окончательно окрѣпъ; устроились хорошія отношенія съ Италіей; Франція возстановила сочувствіе къ ней Соединенныхъ Штатовъ, а съ Англіей почти подружилась; на Средиземномъ морѣ возстановленъ ея престижъ, а на далекомъ Востокѣ воцари-

лось ея вліяніе. Конечно, кромѣ политики Делькассэ, обстоятельства играли большую роль. Повятно, что притакомъ усилѣнъ внѣшней дѣятельности Делькассэ общее вниманіе обращено на него, особенно со времени посѣщенія его Россіи вмѣстѣ съ президентомъ Лубэ. Одинъ изъ выдающихся французскихъ публицистовъ, Пьеръ де-Кубертенъ, помѣстилъ въ одномъ изъ номеровъ *Fortnightly Review* вѣрную характеристику этого замѣчательнаго человѣка ¹⁾. По его словамъ, Делькассэ родился 1 марта 1852 г. въ Памье и въ молодости дебютировалъ въ политическомъ мѣрѣ подъ покровительствомъ Гамбетты. Съ самаго начала онъ обратилъ особое вниманіе на иностранную политику и колоніальныя дѣла. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ писалъ по этому предмету въ газетѣ Гамбетты: «*Republique Française*», а съ 1889 г. онъ избранъ въ депутаты. Въ парламентѣ Делькассэ произнесъ замѣчательную свою дѣвственную рѣчь, по случаю необходимости отвѣтить на тройственный германо-австро-итальянскій союзъ двойственнымъ франко-русскимъ. Вообще, будучи депутатомъ, онъ занимался преимущественно вопросами дипломатическими и колоніальными, поэтому очень естественно, что его назначили товарищемъ министра колоній. Убѣдившись въ его дѣловыхъ способностяхъ, первый министръ Дюкой предложилъ ему портфель министра иностранныхъ дѣлъ, однако онъ отказался изъ скромности и принялъ постъ министра торговли. Онъ сохранилъ это званіе только шесть мѣсяцевъ, но въ это время отличился знаніемъ и распространеніемъ здоровой колоніальной политики. Прошлю еще четыре года, и началась его тройная серія занятія поста министра иностранныхъ дѣлъ. Впервые его избралъ главою французской дипломатіи Бриссонъ, потомъ онъ перешелъ въ министерство Дюкой и наконецъ находится теперь въ трехлѣтнемъ министерствѣ Вальдека-Руссо. При этомъ замѣчательно, что всѣ три премьера держались различной внутренней политики. Бриссонъ колебался между радикалами и умѣренными, Дюкой былъ исключительно умѣренный, а Вальдекъ-Руссо искалъ помощи радикаловъ и даже социалистовъ. Что же касается до Делькассэ, то ему рѣшительно все равно, какой внутренней политики держится министерство. Онъ заботится только объ интересахъ Франціи во внѣшнихъ дѣлахъ. Точно также онъ и въ парламентѣ не принадлежалъ къ одной опредѣленной группѣ, а былъ просто республиканцемъ свободнымъ и независимымъ. Какъ человѣкъ, онъ чрезвычайно способенъ, уменъ и главное работающій. Онъ работаетъ цѣлый день до 9 часовъ вечера и не посѣщаетъ даже театра, любимаго имъ прежде развлеченія. Хотя онъ женатъ и имѣетъ дѣтей, но мало занимается своимъ семействомъ, потому что вся его жизнь сосредоточена въ дѣлахъ и въ благѣ Франціи.

— Совершеннолѣтіе испанскаго короля Альфонса XIII. 17 мая 1886 года испанскій дворъ и всѣ высшіе чины двора были собраны въ Мадридскомъ дворцѣ, ожидая съ безпокойствомъ разрѣшенія отъ бремени вдовы покойнаго короля Альфонса XII. Минута была торжественная, и отъ нея зависѣла судьба династіи. Въ 7 часовъ вечера Сагаста, бывшій въ то время, какъ

---

1) Delcasse: a character sketch, by baron Pierre de Coubertin, *Fortnightly Review*, january 1902.

п теперь, первымъ министромъ, вышель изъ комнаты королевы, держа въ рукахъ новорожденнаго младенца, и произнесъ: «Это — король». Прошло съ тѣхъ поръ ровно 16 лѣтъ, и 17 мая нынѣшняго года юный король вступилъ въ совершеннолѣтіе. Онъ принялъ бразды правленія изъ рукъ своей матери, королевы регентши Маріи-Христини, эрцъ-герцогини австрійской, и такъ какъ въ Испаніи, конституціонной странѣ, не существуетъ коронаціи, то король торжественно принялъ присягу этой конституціи. Въ зданіи кортесовъ, въ присутствіи своей матери и всѣхъ членовъ, какъ сената, такъ и кортесовъ, министровъ, маршаловъ и т. д., Альфонсъ XIII всталъ съ трона и, положивъ руку на книгу конституціи, которую поднесли ему предѣдатели сената и палаты, произнесъ взволнованнымъ голосомъ: «Клянусь уважать и заставить уважать конституцію и законы монархіи, а также во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствоваться благоденствіемъ народа. Если я такъ буду дѣйствовать, то да вознаградитъ меня Богъ, а въ противномъ случаѣ да потребуетъ онъ отъ меня отчета». Послѣ этого маркизъ Вега Армихо, предѣдатель сената, вернулся къ присутствующимъ и произнесъ громкимъ голосомъ: «Кортесы слышали присягу его величества въ вѣрности конституціи и законамъ монархіи, а равно обязательство его во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ заботиться о счастіи народа». Вслѣдъ за этимъ все было кончено, и тѣмъ завершилась церемонія такъ называемаго коронаванія, при которомъ присутствовалъ тотъ же первый министр Сагаста, который извѣстилъ о рожденіи короля. По обычаю, министр немедленно подалъ въ отставку, но былъ оставленъ королемъ въ должности премьера. Мадридскимъ торжествамъ по случаю совершеннолѣтія новаго короля посвящено за границей множество газетныхъ статей, а въ журналахъ помѣщенъ цѣлый рядъ очерковъ его воспитанія, а также характеристикъ Альфонса XIII. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи всего замѣчательнѣе статьи ¹⁾ «Воспитаніе государя», А. Брамертона, въ «Pall-Mall Magazine» и «Образованіе современнаго принца» Ж. Лабади-Лаграва въ «Revue Hebdomadaire». Конечно, сначала воспитаніемъ короля занималась его мать и няньки, потомъ пaterъ Монтана, которому было поручено преподаваніе нравственности, религіи и церковной исторіи, а потомъ онъ перешелъ въ руки воспитателей: генерала Сапхоса, двухъ полковниковъ и контръ-адмирала. Подъ ихъ руководствомъ королю преподавали лучшіе профессора. Прежде всего, занялись отечественнымъ языкомъ, литературой и исторіей, потомъ латинскимъ и греческимъ языками, математикой и необходимыми въ современномъ образованіи науками. Само собой разумѣется, что новѣйшія языки не были забыты, и король прекрасно говоритъ по-англійски, по-французски и по-нѣмецки. Кромѣ того, подъ руководствомъ сеньора Мэридель-Валь и либеральнаго мадридскаго профессора Санта-Маріо де-Передесъ король изучалъ политическую экономію, социальныя науки, конституціонное и международное право, а также политику. Естественно, что обращено серьезное вниманіе и на его военное воспитаніе — теоретическое и практическое. Онъ отлично ѣздитъ верхомъ, прекрасно стрѣляетъ и фехтуетъ. Охота составляетъ его любимое препровожденіе времени. Вообще, онъ во всѣхъ отноше-

¹⁾ Alphonso XIII, king of Spain, by Bramerton. Pall-Mall Magazine, april 1902
«истор. вѣстн.», июль, 1902 г., т. LXXXVIII.

ніяхъ—образцовый молодой человекъ и отличается многими талантами, но до сихъ поръ очень скромный и застѣнчивъ, такъ какъ привыкъ вести самую уединенную жизнь. Это не мѣшаетъ ему быть добрымъ, внимательнымъ, любезнымъ и предупредительнымъ ко всѣмъ окружающимъ его. Вкусы его, однако, чрезвычайно просты, и, занимаемые имъ до сихъ поръ апартаменты во дворцѣ не отличаются роскошью. Король высокаго роста, но лицо его представляетъ разительный контрастъ съ его фигурой, такъ какъ онъ кажется совершеннымъ ребенкомъ. Что же касается до его идей, то онъ вполне конституціонный и патриотичный. Такъ, наприимѣръ, на-дняхъ, онъ сказалъ одному высокопоставленному иностранцу, посланному на Мадридскія празднества: «Не легко быть конституціоннымъ королемъ. Повидимому, ни за что не отвѣчаешь; но когда все идетъ хорошо, то королю ничего не ставятъ въ заслугу, а когда—дурно, то онъ во всемъ виноватъ. Меня прекрасно подготовили въ военномъ отношеніи, но я никогда самъ не начну войны—я король конституціонный. Если вся страна признаетъ, что надо сражаться, то я буду первымъ солдатомъ и солдатомъ храбрымъ. Необходимо уметь воевать. Испанія еще способна на великія дѣла. Четыре года тому назадъ она перенесла тяжелый недугъ, но теперь все прошло. Съ помощью Божіей она совершенно оправится».

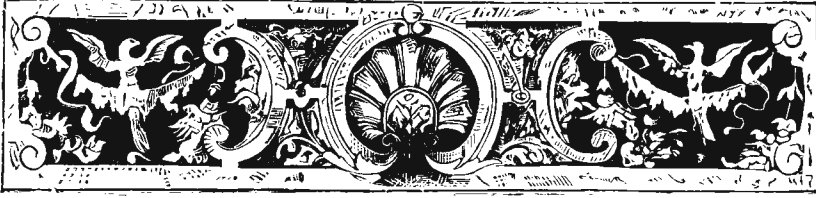
— Смерть Ролена-Жакмэна, Монтепэна и Бретъ-Гарта. Хотя извѣстный юристъ и международный политическій дѣятель, бельгіецъ, Ролень-Жакмэнъ, умеръ въ январѣ нынѣшняго года, но до сихъ поръ не появлялось его обстоятельной біографіи. Только теперь на страницахъ «Revue Universelle» помѣщена подробная его біографія. Онъ родился въ 1835 году и былъ сыномъ извѣстнаго бельгійскаго юриста и министра иностранныхъ дѣлъ. Основательно изучивъ юридическія науки и получивъ дипломъ доктора правъ, онъ съ молодыхъ лѣтъ извѣстенъ былъ, какъ адвокатъ и авторъ сочиненій по международному праву. Въ 1873 году онъ основалъ институтъ международнаго права и сталъ издавать «Архивъ международнаго права и сравнительнаго законодательства», а также «Ежегодникъ международнаго права». Въ 1878 г. онъ былъ избранъ депутатомъ, и его назначили министромъ внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Фреръ-Орбана. Черезъ шесть лѣтъ онъ, вмѣстѣ съ либералами, былъ свергнутъ клерикалами и на новыхъ выборахъ даже не былъ выбранъ въ депутаты. Онъ хотѣлъ занять мѣсто въ Египтѣ, но сіамскій король въ 1891 г. пригласилъ его къ себѣ въ совѣтники. Онъ сдѣлался его первымъ министромъ, занималъ цѣлый дворецъ и получалъ содержанія сто тысячъ франковъ. Въ политическомъ отношеніи онъ былъ ярымъ врагомъ Франціи. Во внутреннихъ же дѣлахъ провелъ много полезныхъ реформъ. Въ послѣдніе годы ему предлагали мѣсто генераль-губернатора Крита, но онъ на это не согласился. Въ 1901 году онъ вернулся въ Бельгію и умеръ отъ болѣзни печени. Его многочисленныя сочиненія по международному праву останутся надолго образцовыми.

Популярный французскій романистъ, графъ Ксавье де-Монтепэнъ, умеръ 1-го мая, оплакиваемый обычными читателями фельетонныхъ романовъ, какъ, наприимѣръ, французскими привратницами, мелкими швейками и т. п. Ему было 78 лѣтъ, и съ 1850 года онъ предался своему мастерству, т. е. созданію безконечныхъ романовъ, не имѣвшихъ никакого смысла, но легко написанныхъ

и полныхъ пустого интереса; всѣхъ его романовъ болѣе ста штукъ. Они болѣею частью въ нѣсколькихъ томахъ, такъ что онъ написалъ всего 3 милліона строчекъ. Въ политическомъ отношеніи онъ былъ яркимъ консерваторомъ и прославилъ себя тѣмъ, что во время декабрьской имперіи предложилъ исключить Виктора Гюго изъ общества литераторовъ. Онъ нажилъ своими романами и театральными пьесами громадное состояніе. Въ театральномъ отношеніи однимъ изъ его главнѣйшихъ успѣховъ была пьеса «Porteuse de pain».

5-го мая 1902 года скончался въ Англіи Францисъ Бретъ-Гартъ, знаменитый юмористъ, поэтъ и авторъ рассказовъ изъ калифорнской жизни. Онъ родился въ 1837 году въ Америкѣ и въ молодости жилъ на Калифорнскихъ золотыхъ приискахъ то рудокопомъ, то землемѣромъ, то наборщикомъ, то редакторомъ журналовъ, то профессоромъ литературы въ Санъ-Франциско. Одно время онъ находился въ Ливерпулѣ американскимъ консуломъ, а въ послѣднее время поселился въ Англіи. Своей славой онъ обязанъ вышедшему въ 1870 году небольшому рассказу: «Удача буйнаго лагеря», въ которомъ онъ впервые описалъ съ мастерскимъ талантомъ, юморомъ и поэзіей, оригинальные нравы грубыхъ рудокоповъ на золотыхъ приискахъ Калифорніи. За первымъ опытомъ слѣдовали безконечные рассказы въ томъ же родѣ до послѣднихъ его дней. Диккенсъ призналъ его своимъ собратомъ по перу, и дѣйствительно нѣкоторые его рассказы, напримѣръ, «Miss» и эпопеи Джака Гамлина, Джона Окгурста, Джуба Билля и т. д. по своему очаровательному изложенію и художественности типовъ совершенно напоминаютъ Диккенса. Относительно большихъ романовъ онъ не имѣлъ успѣха и также въ поэзіи, но его юмористическія пародіи на современные романы отличались сатирическимъ талантомъ. Въ послѣдніе годы онъ менѣе пользовался успѣхомъ, чѣмъ въ первые годы своей романической дѣятельности, хотя нѣкоторые изъ его рассказовъ, относившіеся до стараго рудокопнаго времени, отличались прежнимъ блескомъ и художественностью.

С М Ъ С Ъ.

ИЕСТВОВАНИЕ памяти Жуковского. 23-го апрѣля, въ актовъ залѣ императорскаго Московскаго университета происходило торжественное соединенное собраніе совѣта университета и состоящаго при немъ общества любителей россійской словесности, посвященное памяти бывшаго почетнаго члена университета и общества, В. А. Жуковского, по случаю исполнившагося 50-тилѣтія его кончины. Зала была полна публикой. Надъ кафедрой возвышался бюстъ Жуковского, увѣнчанный лавровымъ вѣнкомъ. Засѣданіе открылось въ 3-мъ часу дня рѣчью ректора университета А. А. Тихомирова о значеніи Жуковского въ исторіи русскаго просвѣщенія. «По-петинѣ,—говорилъ ораторъ,—счастливъ народъ, который въ теченіе одного года можетъ чествовать память такихъ двухъ писателей, какими были Гоголь и Жуковскій, и послѣ того, какъ не прошло еще трехъ лѣтъ со времени чествованія Пушкина. Московскій университетъ долженъ благоговѣть предъ такими почетными своими членами, какъ Пушкинъ, Жуковскій, Гоголь. Если бы послѣ нихъ не было у насъ болѣе выдающихся писателей, то и тогда русская литература заняла бы почетное мѣсто среди литературъ Европы. Не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы кто нибудь изъ этихъ трехъ писателей въ своей творческой дѣятельности что либо заимствовалъ у другого, но несомнѣнно Жуковскій былъ другомъ-руководителемъ Пушкина и Гоголя. Ихъ творчество носитъ на себѣ печать его вліянія, и въ періодѣ ихъ литературной дѣятельности царитъ духъ Жуковского. Въ чемъ же заключаются преобладающія черты творчества, духа поэзіи Жуковского? «Поэзія,—говорилъ Жуковскій,—должна быть земною сестрой религіи небесной». Этотъ взглядъ раздѣляли Пушкинъ и Гоголь. Всякій, кто внимательно всмотрится въ глубину творчества Жуковского, замѣтитъ домини-

рующій въ его поэзіи взглядъ, что и горе, и радости не даются человѣку даромъ, а являются испытаніемъ его души, и что въ несчастіи онъ терпѣливо долженъ нести свой крестъ. Съ другой стороны въ его поэзіи повсюду блещетъ безпредѣльная любовь къ человѣчеству, и у читателя невольно является вопросъ, можно ли любить человѣка болѣе, чѣмъ любилъ его Жуковскій. Этими основными чертами его личности опредѣляется и его взглядъ на свободу. Свобода въ высшемъ смыслѣ слова, по его мнѣнію, — совершенное подчиненіе волѣ Божіей. Таковы были преобладающія особенности направленія, духа поэзіи Жуковского. Онъ характеризуютъ его, какъ истиннаго христіанина, воспріявшаго ученіе Христа во всей его глубинѣ не только умомъ, но и сердцемъ. Христіанской идеей, духомъ гуманности, милосердія, кротости, беззавѣтной любви къ человѣку проникнута вся жизнь Жуковского, его литературная дѣятельность и его отношенія къ людямъ. Въ своей многолѣтней дѣятельности онъ является толкователемъ истинной христіанской жизни, неустаннымъ провозвѣстникомъ идей Христа словомъ и дѣломъ во всей ихъ высокой чистотѣ и глубинѣ, и въ этомъ его главное значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія и для современныхъ дѣятелей просвѣщенія». Предсѣдатель общества любителей россійской словесности, проф. А. Н. Веселовскій, произнесъ рѣчь на тему: «Романтизмъ и направленіе поэзіи Жуковского». Дѣйствительный членъ общества А. Е. Грузинскій сказалъ рѣчь: «Общественные взгляды Жуковского». Деканъ историко-филологическаго факультета, проф. А. П. Кирпичниковъ, произнесъ рѣчь о послѣднихъ годахъ и дняхъ жизни Жуковского. Торжественное собраніе закончилось кантатой, посвященной Жуковскому, слова П. П. Вейнберга, музыка профессора консерваторіи М. М. Ипшолитова-Иванова. Кантата исполнена была русскимъ хоровымъ обществомъ, состоящимъ при императорскомъ русскомъ музыкальномъ обществѣ, подъ аккомпанементъ рояля, на которой игралъ директоръ консерваторіи В. П. Сафоновъ.

Къ юбилею печати. Въ бывшемъ, 5-го апрѣля, засѣданіи московскаго юбилейнаго комитета по организациіи всероссійскаго празднованія 200-лѣтія русской періодической печати въ предсѣдатели комитета избранъ А. П. Кирпичниковъ, товарищемъ предсѣдателя — Н. Л. Казецкій, секретаремъ — А. А. Шевелевъ и казначеемъ — К. К. Голубевъ. Въ ближайшемъ будущемъ комитетъ рѣшилъ: обратиться въ библиографическое общество съ просьбой о доставленіи отчета о всемъ, что сдѣлано имъ по вопросу объ изданіи списка бывшихъ и существующихъ у насъ періодическихъ изданій; въ ближайшемъ собраніи (въ четвергъ на Пасхальной недѣлѣ) избрать комисіи: издательскую, выставочную и по устройству уѣзжнца; обратиться во все ученыя общества, учрежденія, имѣющія какое либо отношеніе къ періодической печати, съ просьбой объ участіи въ празднованіи и, наконецъ, повторить воззваніе ко всемъ періодическимъ изданіямъ о доставкѣ матеріаловъ и объ участіи въ празднованіи юбилея.

Премія имени Г. О. Карнова. 24-го апрѣля, въ чрезвычайномъ засѣданіи императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ проф. В. О. Ключевскаго, объявлены были результаты 10-го соисканія премии имени Г. О. Карнова (въ 500 р.). Особо из-

бранной экспертной комиссіей премія эта присуждена экстраординарному профессору Московскаго университета М. К. Любавскому за удостоенное уже докторской степени изслѣдованіе его «Литовско-русскій сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства». Рецензенту же этого сочиненія, петербургскому педагогу, специально изучившему исторію Литовскаго государства, И. П. Лапко, присуждена золотая медаль.

Диспутъ С. А. Котляревскаго. 21-го апрѣля въ большой словесной аудиторіи новаго зданія Московскаго университета приватъ-доцентъ С. А. Котляревскій защищалъ диссертацию на степень магистра всеобщей исторіи подъ заглавіемъ «Францисканскій орденъ и римская курія въ XIII и XIV вѣкахъ». Официальными оппонентами выступили профессоръ В. П. Герье и приватъ-доцентъ В. М. Михайловскій. Главныя положенія диссертациі слѣдующія. Съ эпохи клювийской реформы правящая церковь ищетъ средствъ и органовъ, съ помощью коихъ она можетъ осуществить программу духовнаго правленія свѣтскимъ обществомъ: не имѣя возможности опереться на епископовъ, опутанныхъ феодальными узамъ и мѣстными отношеніями, она все болѣе и болѣе привлекаетъ къ этому правленію монашество. Однако послѣднее въ теченіе XI и XII вѣковъ по своей организаціи оказывается не въ состояніи, оставаясь на высотѣ аскеты, принять болѣе дѣятельное участіе въ жизни свѣтскаго общества. Поэтому при Иннокентіи III для правящей церкви явилось жизненнымъ вопросомъ найти новыя орудія вліянія и воздѣйствія на общество. Одновременно съ ростомъ самосознанія правящей церкви среди городского населенія растетъ потребность въ иныхъ формахъ удовлетворенія религіознаго чувства, чѣмъ тѣ, которыя представляла церковь; тишичнымъ проявленіемъ этой потребности было вальденское движеніе. На одинаковой съ вальденскою общиной социальнo-психологической почвѣ выросла и францисканская община. Въ ранней стадіи своего развитія она совершенно не носитъ характера монашескаго соединенія и лишь постепенно превращается въ орденъ. Главною виновницей такого превращенія является церковь, которая, будучи свидѣтельницею необыкновеннаго успѣха проповѣди францисканцевъ, беретъ послѣднихъ подъ свое покровительство и мало-по-малу даетъ имъ многообразныя церковныя функціи. Два правила, 1221 и 1223 годовъ, являются основными стадіями на пути превращенія общины въ орденъ. Дальнѣйшая исторія ордена за разсматриваемый періодъ наполнена попытками папъ превратить францисканцевъ въ свое послушное орудіе. Эта тенденція постоянно вызывала расколъ въ самомъ орденѣ, пока, наконецъ, папамъ не удалось достигнуть своей цѣли. Оппоненты признали работу С. А. Котляревскаго, посвященную изслѣдованію одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ средневѣковой исторіи, цѣннымъ вкладомъ въ науку. Но въ то же время они указали на рядъ болѣе или менѣе крупныхъ промаховъ, допущенныхъ авторомъ. В. П. Герье указывалъ на нѣкоторые недочеты въ пользованіи источниками, на отсутствіе внутренней связи между біографіей Франциска и исторіей ордена, на неправильную транскрипцію нѣсколькихъ именъ. В. М. Михайловскій подчеркнул то обстоятельство, что авторъ какъ будто забываетъ, что исторія францисканцевъ является частью великаго ре-

лигіознаго движенія второй половины средних вѣковъ, что изолируетъ это явленіе отъ явленій, его окружающихъ; далѣе, ошюонентъ отгмѣтилъ отсутствіе въ книгѣ біографіи такихъ дѣятелей, какъ папа Іоаннъ XXII и Людовикъ Баварскій, сыгравшихъ крупную роль въ исторіи ордена. С. А. Котляревскій, отвѣчая на сдѣланныя ему замѣчанія, пытался оправдать положенія своей книги и свои методологическіе приемы. Послѣ окончанія преній деканъ историко-филологическаго факультета, А. И. Киршичниковъ, прочелъ постановленіе факультета, которымъ диспутантъ признавался достойнымъ искомой степени.

Археологическое общество въ С.-Петербурѣ. I. Въ засѣданіи классическаго отдѣленія 4-го апрѣля, подъ предсѣдательствомъ профессора И. В. Помяловскаго, академикъ Н. П. Кондаковъ сдѣлалъ докладъ «О поддѣльности нѣкоторыхъ византійскихъ эмалей въ коллекціи М. П. Боткина». Необыкновенная рѣдкость, высоко-художественное исполненіе рисунка, трудность техники, секретъ которой неизвѣстенъ до настоящаго времени, давно уже привлекали вниманіе ученыхъ на находки древнихъ византійскихъ эмалевыхъ изображеній. Изготовленіе ихъ относится къ эпохѣ расцвѣта этого ремесла въ Византіи (около X вѣка). Техника эмалей составляла принадлежность цеховъ. Изъ Византіи эмаль распространялась отчасти и въ другія страны: къ намъ въ Кіевъ, Сицилію и пр., но получала при этомъ нѣкоторыя особенности національнаго характера, отличающія ее отъ настоящей византійской эмали. Въ средніе вѣка было много попытокъ на западѣ къ поддѣлкѣ эмалей, или, вѣрнѣе, къ подражанію. Такова эмаль короны Карла Великаго, Стокгольмской митры и пр. Двѣ подобныя поддѣлки извѣстны въ Писбрукѣ и Вѣнѣ. Поддѣльность эмалей можетъ быть обнаружена лишь наблюденіемъ надъ толщиной слоя, свойствомъ красокъ, характеромъ стиля. Современныхъ поддѣлокъ неизвѣстно. Появленіе ихъ представляетъ большую опасность для собирателей. Докладчикъ, рассмотрѣвъ нѣкоторые изъ экземпляровъ богатѣйшей коллекціи эмалей (до 100) М. П. Боткина, собранной послѣднимъ въ теченіе 30 лѣтъ, нашелъ въ нихъ признаки поддѣлки. Докладъ Н. П. Кондакова вызвалъ оживленное обсужденіе вопроса; въ преніяхъ приняли участіе: графъ А. А. Бобринскій, графъ И. И. Толстой, владѣлецъ коллекціи академикъ М. П. Боткинъ, академикъ В. В. Латышевъ и др. Сомнительные экземпляры были представлены на рассмотрѣніе собранія. Вторымъ референтомъ былъ А. Θ. Эрманъ, взявшій темою своего доклада опредѣленіе названія племенъ, населявшихъ территорію Италіи въ доисторическое время, и въ частности сдѣлавшій попытку рѣшить вопросъ о томъ, къ какому племени принадлежали жители террамаръ. II. На послѣднемъ передъ лѣтними вакаціями засѣданіи восточнаго отдѣленія 25-го апрѣля подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена профессоръ П. М. Меліоранскій сообщилъ содержаніе прочтенной имъ загадочной надписи, сдѣланной на днѣ сосуда, найденнаго В. В. Радловымъ на Алтаѣ и хранящагося нынѣ въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ. Открыта была надпись Я. И. Смирновымъ. Надпись эта—орхонская, состоитъ изъ четырехъ буквъ и содержитъ названіе города «Логучена», въ древности—Люгчюнъ, Люгчинъ. В. А. Жуковскій, много путешествовавшій по Персіи и знатокъ персидской литературы, сообщилъ послѣднія сдѣланныя имъ изслѣдованія въ этой области. Приписываемыя шейху

Абу-Саиду стихотворенія эпохи расцвѣта суфійской поэзіи оказываются принадлежащими многимъ авторамъ, такъ какъ Абу-Саидъ, по пмѣющимся теперь свѣдѣніямъ, былъ авторомъ только одного стихотворнаго произведенія. Благодаря послѣднему открытію, эпоха расцвѣта суфійской поэзіи переносится ранѣе на цѣлое столѣтіе. Затѣмъ референтъ сообщилъ о находящихся въ числѣ рукописей Британскаго музея интересныхъ произведеніяхъ современника Абу-Саида—Али-Баба-кухи. Ревностный послѣдователь Абу-Саида, Баба-кухи былъ и новаторомъ. Между прочимъ онъ проповѣдывалъ вегетаріанство. Произведенія Али-Баба-кухи относятся къ XI вѣку нашей эры. Референтъ демонстрировалъ фотографическіе снимки рукописи, которая будетъ вскорѣ пмѣ издана. Интересною новостью персидской литературы является новый трудъ, принадлежащій главѣ одного изъ дервильскихъ орденовъ Персіи. Въ немъ впервые излагается письменно исторія этого любопытнаго учрежденія. Первые главы сочиненія посвящены вопросамъ о сущности знанія, о суфійскомъ воспитаніи и т. д. Источники указываются съ большою точностью.

Археологическое общество въ Москвѣ. I. 4-го апрѣля въ засѣданіи археологической комисіи археологическаго общества Д. Я. Самоквасовъ сдѣлалъ интересное сообщеніе о «Компетенціи приказа тайныхъ дѣлъ по архивнымъ документамъ». Приказъ тайныхъ дѣлъ учрежденъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ для наблюденія тайно и явно за точнымъ исполненіемъ царскихъ указовъ. Чины приказа назначались по личному выбору царя, безъ соблюденія мѣстничества и стояли внѣ всякой зависимости отъ другихъ вѣдомствъ. По смерти Алексѣя Михайловича царь Федоръ 8-го февраля 1676 г. приказалъ печатать всѣ дѣла приказа, позже—разобрать ихъ и переписать. Специальная комиссія князя Одоевскаго исполнила это порученіе, и ея работы сохранились въ цѣломъ видѣ. Изъ нихъ мы видимъ, что часть дѣлъ упраздненнаго приказа была возвращена на «верхъ» къ государю; вторая была распределена по архивамъ различныхъ приказовъ: Большой казны, стрѣleckаго, посольскаго, сибирскаго и др.; третья осталась неразобранной и сохранилась въ различныхъ архивахъ. Изученіе всѣхъ этихъ документовъ приводитъ къ заключенію, что компетенція приказа тайныхъ дѣлъ заключалась въ контролѣ не только законченнаго дѣлопроизводства различныхъ вѣдомствъ, но и текущей ихъ дѣятельности. При посредствѣ другихъ приказовъ онъ входилъ въ сношенія и съ мѣстными властями, и всѣ вѣдомства по его требованію представляли ему отчеты о своей дѣятельности. Въ 1711 году приказъ возродился по указу Петра подъ именемъ правительствующаго сената. Сообщеніе это вызвало оживленную бесѣду. Въ помѣщеніи общества въ настоящее время выставлена присланная внѣ конкурса модель памятника первопечатнику Ивану Федорову работы Антокольскаго. Модель представляетъ стройную фигуру молодого русскаго по обличію и костюму дьяка, опирающагося рукой на старинный печатный станокъ. II. 5-го апрѣля въ засѣданіи общества доложено, что комиссія для разсмотрѣнія проектовъ памятника Ивану Федорову, принявъ проектъ С. М. Волнухина, обратилась къ художнику съ предложеніемъ разработать его проектъ въ увеличенномъ масштабѣ (до 2 арш. высотой) и представить свою новую работу къ 1-му октября текущаго года, чтобы съ весны

1903 года можно было приступить къ постановкѣ памятника. С. М. Волнухинъ принялъ предложеніе общества. Затѣмъ В. А. Городцевъ сообщилъ отчетъ о произведенныхъ имъ, при участіи приватъ-доцента Харьковскаго университета Е. К. Рѣдна, профессоровъ Харьковскаго ветеринарнаго института М. П. Садовскаго, Ю. В. Готье, В. П. Большакова, В. Ф. Сиѣявцева и др. лицъ, археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Изюмскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи, по теченію рѣки Донца, оба берега котораго изобилуютъ остатками жизни древнихъ обитателей. Въ продолженіе 4-хъ мѣсяцевъ экспедиціи удалось при безпрерывной работѣ осмотрѣть и изслѣдовать 5 неолитическихъ стоянокъ, 3 линіи земляныхъ стоянокъ, 3 городища и раскопать 107 кургановъ, одну стоянку бронзовой эпохи и одинъ могильникъ IX—X вѣка по Р. Х. Характерною чертой кургановъ, обыкновенно занимающихъ высокіе хребты и водораздѣлы, является громадная обширность основанія сравнительно съ высотой насыпи. По формѣ насыпей, изюмскіе курганы дѣлятся на три типа: 1) курганы съ круглымъ основаніемъ и вершиной надъ сѣвернымъ краемъ; 2) курганы длинныя или продолговатыя и 3) курганы полушарныя съ вершиной надъ центромъ основанія. Курганы перваго типа являются самыми обычными и составляютъ не менѣе 90⁰/₀ всѣхъ кургановъ; они относятся къ глубокой древности: основныя погребенія ихъ сопровождаются каменными и бронзовыми предметами. Курганы втораго типа встрѣчаются рѣдко и составляютъ не болѣе 6⁰/₀. Основныя погребенія ихъ столь же древни, какъ и первыхъ. Еще рѣже встрѣчаются курганы третьяго типа съ погребеніемъ скифской или сарматской эпохи. Многіе курганы украшались статуями, извѣстными подъ именемъ каменныхъ бабъ и дѣдовъ. Такихъ статуй насчитывается 66, изъ нихъ 8 найдены стоящими на курганахъ, остальные разбросаны по садамъ, мемамъ и дорогамъ. Въ курганахъ открыто 299 погребеній, изъ которыхъ 264 относятся къ бронзовой эпохѣ, 9—къ скифской, 4—къ сарматской и 22—къ позднѣйшему времени—VIII—XII вв. по Р. Х. Въ составъ 264 погребеній бронзовой эпохи вошли 255 простыхъ погребеній и 9 трупосожженій. Въ числѣ простыхъ погребеній оказалось 200 одиночныхъ, 6—двойныхъ, 3—тройныхъ, 1—четверное и 1—пятерное. Характерною чертой изюмскихъ погребеній служитъ совместное нахожденіе съ покойниками бронзовыхъ и каменныхъ орудій, а также присутствіе остатковъ домашнихъ животныхъ. Самымъ древнимъ является типъ погребеній въ ямахъ, позже его смѣнилъ типъ катакомбныхъ погребеній, еще позже—типъ срубныхъ погребеній, а потомъ—типъ погребеній въ насыпяхъ. Ямъ изслѣдовано 61 съ 76-ю погребеніями, изъ которыхъ 50 ямъ съ 64 погребеніями вполне устойчиваго типа. Ямы эти небольшого размѣра, покойники полагались скорченно на правомъ боку, къ закату солнца. Катакомбъ изслѣдовано всего 30; въ нихъ заключалось 39 погребеній, отличающихся замѣчательною стройностью, а иногда и величіемъ обряда. При сооруженіи катакомбъ вырывалась яма, подъ одною изъ сторонъ которой дѣлался подконъ или нища. Въ наибольшей катакомбѣ можно было стоять; въ прочія приходилось входить согнувшись, а дѣтскія совсѣмъ не могли вмѣстить взрослога человѣка. Передъ положеніемъ покойника въ 22 катакомбахъ дно было посыпано известью, въ 14—красками и въ двухъ—золой и углями. Въ 15-ти случаяхъ ко-

стяжки были посыпаны сверху красками, не сплошь, а частями; чаще осыпались красками: головы, кисти рукъ и ступни ногъ, вслѣдствіе чего и соответствующія кости получили окраску. Каждому покойнику ставили по одному, два и болѣе глиняныхъ сосудовъ, изъ которыхъ одни содержали просо, другіе мясо и трѣтьи, повидимому, жидкую пищу. Нерѣдко также съ сосудами ставили особыя жаровни съ золой и углемъ или красною краской, принимаемою, очевидно, за символъ огня. Въ ногахъ покойниковъ укладывались голова и ноги коровы или овцы. Послѣ всего размѣщались вещи: бронзовые ножи и шилья, каменные полированные топоры, кремневыя стрѣлы, костяныя острія, куски красокъ, игральныя кости, точильные бруски, осколки кремня и пр. Въ двухъ катакомбахъ положены формы для отливки металлическихъ прутниковъ; въ одной—мраморная прекрасно шлифованная булава. По найденнымъ даннымъ можно возстановить исторію обитателей рѣки Донца въ бронзовую эпоху. Культура первоначальныхъ народовъ была близка къ культурѣ неолитической эпохи. Кремневыя орудія играли главную роль во всей индустріи, бронзовыя или мѣдныя издѣлія только начали проникать въ употребленіе. Древнѣйшіе обитатели были вытѣснены пришельцами, хоронившими своихъ покойниковъ въ катакомбахъ. Катакомбные люди жили патриархальными семьями и имѣли рабовъ, которые не были полноправными съ членами семьи; они были смѣнены людьми, хоронившими своихъ покойниковъ въ срубкахъ; наравнѣ съ скотоводствомъ и земледѣліемъ эти послѣдніе владѣли и плотничнымъ имуществомъ; при ихъ погребеніяхъ трупосожженіе достигаетъ наибольшаго развитія; вводится въ употребленіе рѣчной песокъ и камышъ. Последними появляются на берегахъ рѣки Донца въ бронзовую эпоху люди, хоронившіе своихъ покойниковъ въ насыпяхъ кургановъ, оставленныхъ ихъ предшественниками. Черена ихъ поражаютъ своею толщиной; при меньшемъ сравнительно ростѣ, они обладаютъ болѣе развитою мускульною системою. По найденнымъ признакамъ эта народность оставалась на берегахъ рѣки Донца до вторженія греко-скиѣской культуры и носила историческое имя киммерійцевъ. По даннымъ современной археологіи этотъ періодъ начался приблизительно за VI тысячелѣтіи и кончился за I тысячелѣтіе до Р. Х. Бронзовая эпоха была смѣнена желѣзною. Эта смѣна произошла подъ влияніемъ греко-скиѣской культуры; позже обозначилось влияніе римско-сарматской, а еще позже—азиатской культуры. Для изюмскихъ погребеній легко устанавливается, такимъ образомъ, 3 эпохи: скиѣская—отъ конца бронзовой эпохи по II в. до Р. Х., сарматская—отъ II в. до Р. Х. по II в. по Р. Х. и историческая—отъ VIII до XII в. по Р. Х. Погребенія скиѣской эпохи дѣлятся на два типа: древнѣйшій (6 погребеній) и новѣйшій (3 погребенія). При погребеніяхъ найдены золотыя, бронзовыя, костяныя и желѣзныя вещи. Особеннымъ богатствомъ отличалось одно погребеніе древнѣйшаго типа, при которомъ найдены: бронзовый скиѣскій котель, 60 небольшихъ золотыхъ якорьковъ, 16 золотыхъ мелкихъ розетокъ, 217 бляшекъ ромбической формы, 28 выпуклыхъ бляшекъ, 3 обоймицы, 2 круглыя золотыя бусины, всего же 322 золотыя вещицы. На шеѣ костяка оказалось ожерелье изъ янтарныхъ, сердоликовыхъ, мраморныхъ и другихъ бусинъ; тутъ же лежали остатки деревянной, рѣзной шкатулки, кусокъ желѣза и пр.; черепъ былъ

окрашенъ въ алый цвѣтъ. III. Въ засѣданіи 22-го апрѣля Ю. Д. Талько-Гриневичъ сообщилъ о результатахъ произведеннаго имъ во время десятилѣтняго (съ 1892 по 1892 годъ) пребыванія въ Забайкальской области изслѣдованія древнихъ памятниковъ Западнаго Забайкалья въ районѣ на востокъ и западъ отъ города Троицкосавска, по 300 верстъ въ обѣ стороны, въ бассейнахъ рѣкъ: Селенги, Чикоя, Хилки и Джиды. Работы докладчика состояли въ постепенномъ нанесеніи на демонстрированную имъ въ засѣданіи карту видѣнныхъ или раскопанныхъ имъ, частью совместно съ со товарищемъ Я. С. Смолевымъ, въ 130 мѣстахъ до 500 могилъ. По распредѣленію древнихъ памятниковъ Забайкалья можно заключить, что народы, нѣкогда его населявшіе, сообразовались съ географическими условіями мѣстности; нѣкоторые оставили слѣды своего пребыванія здѣсь въ видѣ орудій, употреблявшихся въ ихъ обиходѣ, найденныхъ большею частью по берегамъ рѣкъ; другіе же оставили могилы. Последнія всѣ изъ камня, даже и въ мѣстностяхъ съ песчаною почвою, гдѣ камни, наложенные сверху могилъ поражаютъ издали своими огромными размѣрами. Однѣ могилы расположены на высокихъ степныхъ каменистыхъ мѣстахъ, другія, меньшія, встрѣчаются въ мѣстахъ болѣе низменныхъ; нѣкоторыя еле замѣтны и попадаются въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ съ почвою, болѣе удобною для земледѣлія. Изъ случайныхъ находокъ чаще всего встрѣчались орудія каменнаго вѣка, преимущественно неолитической эпохи, какъ-то: ножи, скребки, пики, наконечники стрѣлъ и т. п., рѣже молотки. Подлѣ каменныхъ орудій были часто находимы и человѣческіе остатки, по типу черепа — длинноголовые. Одинъ разъ удалось найти въ 1½ верстахъ отъ берега рѣки Селенги гробъ съ полнымъ скелетомъ, около котораго находились каменные орудія: ножики, скребки, 6 наконечниковъ стрѣлъ и каменный молотокъ, осколки костяного лука и рѣчныхъ раковины. Покойникъ лежалъ на правомъ боку, обращенный головой на сѣверъ, съ согнутыми руками и ногами; кости окрашены въ красный цвѣтъ; подлѣ нихъ найдены куски красной глины. Черепъ среднеголовый, высокій, правильно развитой, принадлежалъ, судя по длиннымъ костямъ, мужчине, ростомъ во 165 сантиметровъ. Самыми распространенными въ Забайкальѣ и Монголіи являются могилы, представляющія высокія кучи камней отъ 4, иногда до 8 метровъ высоты и отъ 8 до 15 метровъ въ діаметрѣ. Другую форму представляютъ четырехугольныя, не возвышающіяся надъ поверхностью земли могилы, обставленныя по сторонамъ каменными плитами, съ болѣе высокими изъ нихъ по угламъ. Часто внутри нихъ и весь гробъ выстланъ камнями. Въ этихъ могилахъ находили осколки глиняныхъ горшковъ, бусы изъ янны или кровавика, много желѣзныхъ издѣлій, слѣды бронзы и осколки человѣческихъ костей. Кромѣ того, есть еще особый видъ погребенія, безъ возвышенія надъ могилою, съ воронкообразнымъ углубленіемъ, выложеннымъ камнями въ видѣ круга или четырехугольника, съ аллеей изъ двухъ рядовъ камней съ южной стороны, на 1 — 1½ метра отъ поверхности земли уголь и ниже срубъ съ перекладной, раздѣляющею его на двѣ или три камеры, въ одной изъ которыхъ помѣщались покойники и предметы, похороненные съ ними, а въ другой — меньшей — животныя. Изъ находимыхъ въ нихъ предметовъ замѣчательны: костяныя издѣлія въ видѣ узкихъ длинныхъ ножей, маленькія ло-

жечки разной формы, то въ видѣ лѣкарственной, употребляемой монгольскими ламами, то на подобіе китайской и монгольской курительной трубки; пряжки изъ бѣлой бронзы и два полированные зеркала китайской работы съ орнаментацией на другой сторонѣ изъ бѣлой бронзы; въ другихъ обрядахъ погребенія такія зеркала встрѣчались и совершенно гладкія съ надписями, свидѣтельствующими объ ихъ китайскомъ происхожденіи. Изъ текущихъ дѣлъ, доложенныхъ собранію, особенное вниманіе привлекло письмо графа П. С. Шереметева о приобретенныхъ имъ документахъ Звенигородскаго полицейскаго управленія, имѣющихъ несомнѣнный археологическій интересъ, при слѣдующихъ оригинальныхъ обстоятельствахъ: «Для исторіи Звенигородскаго уѣзда приобретенныя бумаги имѣютъ очень большое значеніе, и я, по правдѣ сказать, былъ крайне удивленъ, узнавъ о продажѣ архивныхъ бумагъ звенигородскимъ исправникомъ. Счастливый случай доставилъ мнѣ возможность сохранить для науки проданный архивъ. Во избѣжаніе неправильныхъ толкованій этого приобретенія, считаю необходимымъ сообщить слѣдующее. Слыша еще два года тому назадъ, что въ звенигородскомъ полицейскомъ управленіи можетъ быть продажа старыхъ дѣлъ, какъ только кончится приведеніе всѣхъ дѣлъ въ порядокъ, я написалъ офиціальное письмо звенигородскому исправнику, князю В. М. Друцкому-Соколинскому, въ которомъ просилъ сообщить мнѣ, когда будетъ приступлено къ продажѣ старыхъ дѣлъ, такъ какъ, занимаясь русскою историческою наукой и, въ частности, собирая матеріалы для исторіи Звенигородскаго уѣзда, я непремѣнно воспользовался бы старыми дѣлами полицейскаго архива, которыя будутъ признаны ненужными. При личномъ свиданіи я подтвердилъ написанное еще на словахъ. Отвѣта отъ звенигородскаго исправника я, однако, такъ и не получилъ. Лѣтомъ прошедшаго года мнѣ случилось итти пѣшкомъ по городу Звенигороду и встрѣтить рядъ телѣгъ съ какими-то мѣшками недалеко отъ зданія присутственныхъ мѣстъ. На мой вопросъ, чтъ это такое, мужикъ, везшій мѣшки, объяснилъ, что это старыя бумаги изъ полицейскаго управленія, и куплены однимъ жителемъ Звенигородскаго посада. Разумѣется, телѣги были мною остановлены. Первоначально я хотѣлъ отобрать изъ всего этого вороха—40 кулей—только то, что представитъ значеніе въ историческомъ отношеніи, но, увидѣвъ, что такая работа потребуетъ слишкомъ много времени, я рѣшилъ приобрести все цѣликомъ. Такимъ образомъ, всѣ бумаги я перекупилъ уже у этого лица, а черезъ нѣкоторое время захватилъ и ту часть, которая была перепродана въ Москву и предназначалась для бумажныхъ фабрикъ». Даже поверхностное изслѣдованіе привело къ открытію среди приобретенныхъ бумагъ ряда документовъ, весьма важныхъ для исторіи звенигородской области.

Общество археологій, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. 30-го апрѣля состоялось общее собраніе, въ программу занятій котораго было внесено четыре сообщенія. Первымъ былъ сдѣланъ докладъ дѣйствительнаго члена общества, профессора А. А. Штукенберга, о раскопкахъ, произведенныхъ осенью 1901 г. на берегу Волги въ мѣстности, называемой «Пустая Морквашка». Нѣсколько времени тому назадъ г. Штукенбергу были доставлены предметы бронзовой (мѣдной) эпохи, найден-

ные, какъ удалось установить по справкамъ, въ дачной мѣстности на правомъ берегу р. Волги, нѣсколько ниже впаденія въ нее р. Свіяги. Въ виду того обстоятельства, что до послѣдняго времени изъ этого пункта въ казанскіе музеи не доставлялось никакихъ находокъ, было основаніе предполагать, что раскопки въ данной мѣстности могутъ дать болѣе интересные результаты, нежели въ какихъ либо другихъ пунктахъ, давно уже извѣстныхъ, какъ мѣста находенія древностей. Поэтому въ сентябрѣ 1901 г. гг. дѣйствительные члены общества, профессора А. А. Штукенбергъ и П. Н. Смирновъ, совершили, по просьбѣ общества, экскурсію въ Пустую Морквашку, гдѣ и произвели, при помощи нанятыхъ рабочихъ, раскопки. При заложении одного изъ шурфовъ былъ найденъ костяной гарпунъ, а затѣмъ обнаруженъ вблизи него и цѣлый скелетъ въ нормальномъ положеніи; въ другомъ мѣстѣ оказался скелетъ съ перебитыми уже костями. По словамъ лицъ, хорошо знающихъ данную мѣстность, здѣсь хоронили бурлаковъ; но находеніе при одномъ изъ скелетовъ костяного гарпуна показываетъ, что здѣсь были погребенія и гораздо болѣе древняго періода — даже предшествовавшего бронзовой эпохѣ. Прерванные по обстоятельствамъ раскопки будутъ продолжаться лѣтомъ текущаго года. Второе сообщеніе, принадлежавшее дѣйствительному члену общества, профессору Н. Ѳ. Катанову, было озаглавлено: «Шведъ Филиппъ-Іоганнъ Страленбергъ и труды его по Россіи и Сибири XVIII вѣка», и представляло собою популярный очеркъ жизни и ученой дѣятельности знаменитаго путешественника поневолѣ. Третій докладъ былъ сдѣланъ членомъ-сотрудникомъ общества И. С. Михеевымъ; референтъ изложилъ легенду казанскихъ вотяковъ «Три года діавола возилъ», интересную, какъ образецъ представленій нашихъ инородцевъ о загробномъ мірѣ; здѣсь разсказывается, какъ отошедшій къ праотцамъ вотякъ за свои грѣхи былъ обращенъ въ лошадь и принужденъ въ теченіе трехъ лѣтъ возить діавола, принявшаго видъ куца. Къ сожалѣнію, г. Михеевъ изложилъ эту легенду свободно, не придерживаясь буквально вотяцкаго текста.

Къ XII археологическому съѣзду въ Харьковѣ. 30-го марта состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Профессоръ М. Г. Халанскій доложилъ: 1) о двухъ рукописныхъ сборникахъ Императорской Публичной бібліотеки, содержащихъ два списка русской лѣтописи особаго типа, подходящей ближе всего къ извѣстной, такъ называемой, Іоакимовской лѣтописи. Въ этихъ лѣтописныхъ спискахъ г. Халанскій особо отмѣтилъ слѣдующія повѣствованія: а) варианты сказаній о первыхъ русскихъ князьяхъ — Олегѣ, Игорѣ, Ольгѣ, Святославѣ; въ этихъ сказаніяхъ наши князья-варяги рисуются героическими чертами и образами, напоминающими героевъ великорусскихъ былинъ, богатырей; б) повѣсть о корсунскомъ походѣ Владимира, представляющую большой интересъ по сравненію, съ такъ называемымъ, распространеннымъ житіемъ св. Владимира. Въ обоихъ памятникахъ упоминается о царѣ и царицѣ корсунскихъ, о варяжскихъ Ижбернѣ или Ждебернѣ, помогшемъ Владимиру взять Корсунъ, и о послѣ Владимира въ Царьградѣ, котораго житіе называетъ Олегомъ, воеводой Владимира; в) сказаніе о завоеваніи Москвы Батыемъ; и д) Плачъ князя Юрія о гибели Русской земли во время нашествія Батыя, представляющій, можетъ быть, продолженіе

къ тому поэтическому отрывку, который Хр. Лопаревымъ найденъ и изданъ подъ заглавіемъ «Слово о погибели Русской земли». Рѣшено издать отрывки названныхъ лѣтописей. 2) Затѣмъ было сообщено о рукописи, содержащей заговора и повѣрья пчеляковъ. Постановлено издать къ сѣзду. 3) Г. Халанскій еще доложилъ о поступившихъ въ комитетъ слѣдующихъ рукописяхъ: отъ г. Л. А. Григорова — письмо папы Пія IX къ императору Александру II и отвѣтъ императора Александра II папѣ Пію IX по вопросу о вмѣшательствѣ папы въ свѣтскія дѣла; отъ г-жи А. Томилиной — народныя сказанія о Маркѣ Богатомъ, записанныя въ Тимскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, а отъ г-на Лойко — лѣсни, записанныя въ с. Лнивкѣ, Зміевского уѣзда. А. В. Ветуховъ познакомилъ съ матеріаломъ о писанкахъ, доставленнымъ разными лицами комитету и сгруппированнымъ профессоромъ Е. К. Рѣдинымъ; указавъ на общее наблюденіе изъ этого матеріала, что раскрашиваніе лицъ падаеть, выгѣсняемое покупаемыми въ городахъ и лавкахъ, г. Ветуховъ подробно остановился на нѣкоторыхъ сообщеніяхъ, касающихся даннаго предмета въ различныхъ отношеніяхъ. Профессоръ Д. П. Багалій прочелъ отчетъ В. А. Городцова объ археологическихъ раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ 1901 г. въ Изюмскомъ уѣздѣ, Харьковской губ., въ области теченія рѣки Донца. Изслѣдованные г. Городцовымъ памятники, по его опредѣленію, относятся 1) къ неолитической эпохѣ, 2) бронзовой, или энеолитической, 3) къ VII—II в. до Р. Х., или скифской эпохѣ; 4) къ II в. до Р. Х. — II по Р. Х., или сарматской эпохѣ, 5) къ VIII—XII в. по Р. Х. Доложены матеріалы, присланные В. Бабенкомъ: этнографическій очеркъ Салтова; дневникъ археологическихъ раскопокъ верхне-салтовскаго могильника, произведенныхъ г. Бабенкомъ; Салтово-Придонецкія окраины древней южной Россіи. Последній очеркъ постановлено просить доложить на сѣздѣ. Доложено присланное генераломъ Бранденбургомъ произведеніе «Въ сотенную глуховскую канцелярію отъ патентового дьячка Іоакима Вреуха слезно ридящее доношеніе», представляющее картинку изъ малорусскаго быта XVIII или начала XIX вѣка. Профессоръ Н. Θ. Сумцовъ предложилъ пригласить для разборки и установки этнографическихъ матеріаловъ опытное лицо; рѣшено пригласить такое лицо. Профессоръ Н. Θ. Сумцовъ предложилъ комитету обратиться къ художникамъ и любителямъ и владѣльцамъ съ просьбой о предоставленіи ими для этнографической выставки картинъ, этюдовъ съ изображеніемъ сценъ народной (малороссійской) жизни, построекъ, отдѣльныхъ лицъ и предметовъ, дающихъ матеріалъ для мѣстной этнографіи. Комитетъ, принявъ предложеніе, обращается съ просьбой ко всѣмъ художникамъ и любителямъ о предоставленіи картинъ, этюдовъ съ украинскимъ содержаніемъ для выставки при сѣздѣ; на картинахъ можетъ быть обозначена цѣна, и предметы по окончаніи выставки будутъ переданы лицамъ, пріобрѣтшимъ ихъ. Профессоръ Е. К. Рѣдинъ доложилъ: 1) о сообщеніи г. попечителю округа основаній, по комъ испрашивается всѣмъ профессорамъ и преподавателямъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, которые пожелаютъ прібытъ на XII археологическій сѣздъ въ г. Харьковъ, разрѣшеніе оставаться тамъ до конца сѣзда, т. е. до 27-го августа, 2) сообщеніе председателя историко-филологическаго общества при институтѣ князя Безбородка о коллекціи древностей благочиннаго о. Θ. П. Яновскаго, ко-

торая поступить на выставку при сѣздѣ; 3) сообщеніе лебедянской земской управы о присылкѣ комитету для этнографической выставки 100 рублей; 4) о присылкѣ г-жей Томилиной для выставки ея коллекціи книгъ; 5) предложеніе В. Р. Апухтина произвести раскопки въ Орловской губ. и о результатахъ доложить на сѣздѣ, а также прислать нѣкоторые предметы изъ его коллекціи древностей; 6) предложеніе Е. Духовского—прислать предметы древности, имѣющіеся въ его распоряженіи; 7) увѣдомленіе московскаго главнаго архива иностранныхъ дѣлъ объ испрошеніи всемилостивѣйшаго соизволенія государя императора на отправку въ Харьковъ на XII археологическій сѣздъ необходимыхъ для интересовъ его картъ; 8) увѣдомленіе екатеринославской духовной консисторіи объ исполненіи просьбы комитета разрѣшить присылку изъ церкви Николая для церковно-археологической выставки нѣкоторыхъ памятниковъ церковной старины, хранящихся въ ней; 9) о присылкѣ Х. А. Алчевской для выставки нѣсколькихъ древнихъ монетъ, найденныхъ въ Харьковѣ и въ Лохвицкомъ уѣздѣ, и предметовъ древности (ножъ, бубенчикъ, костяная ручка), найденныхъ въ Славяносербскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ. (между дер. Васильевкой и Селезневкой); 10) о присылкѣ для выставки: П. А. Севернымъ древней карты и въ даръ фотографій гг. Н. И. Алякритскимъ и А. Матецкимъ (черезъ Д. Элькинда). Въ члены комитета избраны: м-ле Х. А. Алчевская, м-ле М. Ѳ. Галицкая, священникъ Левицкій, гг. Грунскій, Рябининъ, г-жа Е. Н. Мельникъ, В. Бабенко. Профессору М. Г. Халанскому поручено приобрести этнографическіе предметы въ Львовскомъ уѣздѣ, Курской губ., на средства, отпущенныя земскимъ собраніемъ указаннаго уѣзда. Постановлено обратиться въ харьковскую духовную семинарію съ покорнѣйшей просьбой о присылкѣ для церковно-археологической выставки предметовъ древности. Съ той же просьбой комитетъ обращается ко всѣмъ о.о. священникамъ, еще не доставившимъ предметовъ и свѣдѣній. Предварительный комитетъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, сообщившимъ различныя свѣдѣнія и приславшимъ предметы древности для выставки и для музея древностей университета.

Тверской областной археологическій сѣздъ. 20-го апрѣля въ помѣщеніи тверскаго императорскаго дворца состоялось совѣщаніе организационнаго комитета по устройству втораго областного тверскаго археологическаго сѣзда изслѣдователей исторіи и древностей Новгородской и Ростово-Суздальской области. На совѣщаніи присутствовали архіепископъ тверской и кашинскій Димитрій, непремѣнный попечитель тверской архивной комиссіи кн. Н. Д. Голицынъ, проф. С. Ѳ. Платоновъ, гр. П. С. Уварова, А. І. Маленинъ, представители архивныхъ комиссій: костромской—Н. М. Бекаревичъ, оренбургской—А. П. Добросмысловъ, Тверскаго общества любителей исторіи, археологій и естествознанія—П. С. Потемкинъ, І. К. Линдеманъ, члены тверской архивной комиссіи и представители города Твери. Предсѣдательствовалъ И. А. Ивановъ, предсѣдатель тверской архивной комиссіи. Совѣщаніе имѣло цѣлью установить программу втораго областного тверскаго археологическаго сѣзда, который состоится въ 1903 году съ 10-го по 20-е августа. Такъ какъ Тверская губернія находится на рубежѣ восточной Ростово-Суздальской части Великороссіи и западной Новгородской, то къ участию въ занятіяхъ сѣзда рѣшено пригла-

сипт архивныя комисіи губерній, входящихъ въ составъ Новгородской и Ростово-Суздальской областей, для обсужденія же вопросовъ, касающихся современнаго положенія архивныхъ комиссій и условій ихъ дѣятельности, приглашаются представители всѣхъ архивныхъ комиссій имперіи. Программа съѣзда предполагается слѣдующая: I. Первобытныя древности. Каменный вѣкъ. Курганная эпоха. II. Областная исторія. III. Живая старина. Особенности языка. Обряды. Обычаи. Повѣрья. Пѣсни. Преданія и сказки. IV. Памятники церковной и гражданской старины. Памятники церковнаго и гражданскаго зодчества. Надгробныя и другіе наземныя памятники. Иконопись, домашняя утварь и одежда. V. Областная этнографія. Изслѣдованіе современнаго этнографическаго состава населенія области и его прошлаго. VI. Вопросы архивовѣдѣнія. Положеніе архивнаго дѣла въ губерніи. Устройство мѣстныхъ архивовъ. Порядокъ поступленія архивныхъ дѣлъ изъ мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений въ губернскіе архивы. Что необходимо сдѣлать для правильной постановки губернскихъ архивовъ. VII. Архивныя комисіи и ихъ современное положеніе. Вопросы, связанные съ дѣятельностью архивныхъ комиссій по охраненію мѣстныхъ древностей, устройству музеевъ, изданію историческихъ документовъ и археологическимъ изслѣдованіямъ края. Во время засѣданій съѣзда въ помѣщеніи музея предположено устроить выставку наиболѣе интересныхъ и рѣдкихъ предметовъ старины изъ губернскихъ музеевъ Новгородской и Ростово-Суздальской областей и предметовъ изъ коллекцій, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. На выставкѣ будутъ находиться также рукописи и старопечатныя книги славянскія, греческія (венеціанскія), польскія XVII в. и латинскія, напечатанныя въ Кіевѣ, Львовѣ, Вильнѣ въ XVII и началѣ XVIII вв. Къ участию въ выставкѣ рукописей и старопечатныхъ книгъ предположено привлечь общественныя учрежденія и частныхъ коллекціонеровъ. Въ промежутки засѣданій съѣзда состоится обзоръ древностей въ г. Твери и близъ города: церкви Бѣлой Троицы, собора, церкви Космы и Даміана Отроча, Жолтиковского и Малицкаго монастырей, будутъ произведены раскопки Дудневскихъ кургановъ близъ с. Отличъ, при впаденіи рѣки Тьмы въ Волгу. По окончаніи докладовъ будетъ предпринята экскурсія, для которой намѣчены города: Торжокъ, Старица, Ржевъ, Калезинъ монастырь, Кашинъ и Краснохолмскій монастырь. Въ заключеніе совѣщанія было заявлено о рефератахъ, которые будутъ приготовлены къ съѣзду: проф. С. Ѳ. Платоновъ—о Новгородско-Тверскомъ рубежѣ въ связи съ направленіемъ Новгородскихъ путей, В. П. Колозовъ—благовѣрная княгиня Анна Кашинская, В. А. Шетневъ—археологическая карта Тверской губерніи, свящ. Н. А. Крилицкій—протоіерей оставшковскаго Троицкаго собора А. Н. Колоколовъ (1763—1862 гг.), очеркъ изъ исторіи масонства, Леонтій Филипповичъ Магницкій (1657—1739), свящ. В. П. Некрасовъ—тверская школа иконописи, А. А. Митропольскій—тверская агіографія, М. В. Рубцовъ—тверскія деньги, П. Ѳ. Симсонъ—находки каменнаго вѣка близъ города Ржева, А. А. Панковъ—особенности въ организаціи прихода въ Бѣжецкомъ уѣздѣ Тверской губерніи, А. Г. Первухинъ—живая старина—свадебные обряды и обычаи въ Новоторжскомъ уѣздѣ Тверской губерніи; отъ костромской архивной комисіи—быть черемисъ Костромской губерніи,

куричій богъ въ Костромской губерніи; условія жизни и дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. Организационный комитетъ поручилъ Тверской архивной комиссіи обратиться съ циркулярнымъ предложеніемъ къ архивнымъ комиссіямъ и другимъ ученымъ учреждениямъ для указанія вопросовъ, которые было бы желательно обсудить на съѣздѣ.

Археологическія раскопки. Раскопки въ Опоченскомъ уѣздѣ, Псковской губерніи, и Новоторжскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, были, по словамъ газетъ, произведены лѣтомъ 1900 г. В. Глазовымъ. Въ 14 селеніяхъ обоихъ уѣздовъ было вскрыто и изслѣдовано 70 кургановъ; кромѣ того, въ трехъ жалыникахъ вскрыто до 50 могилъ. Большинство кургановъ представляютъ невысокія насыпи (высотой 2—3 арш.) полушаровидной формы, заключающія угольно-пепельный слой въ основаніи или совершенно пустыя. Въ нѣкоторыхъ найдены пережженные кости въ разной степени обугливанія. Въ одномъ изъ кургановъ онѣ были собраны въ большой сосудъ грубой работы и помѣщены въ насыпи на половинѣ ея высоты. Все это—несомнѣнные слѣды труиосожженія. Для опредѣленія времени вскрытыхъ кургановъ служили найденные въ нихъ предметы, полученные преимущественно отъ мѣстныхъ крестьянъ. Судя по этимъ предметамъ, курганы описаннаго типа можно отнести къ X вѣку. Весьма интересно, что г. Глазовымъ были найдены и изслѣдованы нѣсколько кургановъ совершенно иного типа, о которыхъ до настоящаго времени ничего не было извѣстно. Это—продолговатыя насыпи, длина которыхъ простирается отъ 10 до 12 сажень, высота до 2 аршинъ и болѣе и ширина отъ 3 до 5 аршинъ. Кругомъ нихъ нерѣдко проведены канавки. Въ основаніи всѣхъ залегаютъ тонкіе угольно-пепельные слои. Внутри насыпи мѣстами попадаетъ мелкій уголь. Кромѣ того, въ основаніи большинства изслѣдованныхъ длинныхъ кургановъ помѣщался рядъ небольшихъ кострищъ, состоящихъ изъ крупныхъ углей, золы и небольшого количества пережженныхъ косточекъ, которыя иногда собирались въ горшокъ, помѣщаемый тутъ же на кострищѣ. Встрѣчено нѣсколько длинныхъ насыпей, соединенныхъ съ курганами, чтò ясно указываетъ на одновременность насыпей того и другого типа, то же доказывается присутствіемъ въ основаніи длинныхъ кургановъ зольныхъ прослоекъ и одинаковостью глиняныхъ сосудовъ. Длинные курганы, очевидно, служили мѣстомъ коллективныхъ погребеній того же времени и народа. Свойство грунта не позволило уяснить: постепенно или сразу сооружались насыпи означенныхъ кургановъ. Въ общемъ раскопки эти устанавливають, что изслѣдованный районъ въ культурномъ отношеніи составляетъ одно цѣлое съ землей полоцкихъ кривичей.

Археологическая находка. Житель селенія Сыренца, Абрамовъ, плывя въ лодкѣ по Чудскому озеру, нашелъ въ недалекомъ разстояніи отъ берега Сыренца, на глубинѣ 3-хъ аршинъ, разбитое судно съ грузомъ каменныхъ ядеръ разной величины. Изъ воды, по словамъ мѣстныхъ газетъ, извлечено девять штукъ разнаго вѣса ядеръ, изъ которыхъ одно вѣситъ около 60 пудовъ; о находкѣ сообщено Псковскому археологическому обществу.

Курганъ Іоанна Грознаго. Городъ Алатырь Симбирской губерніи собирается въ 1902 году праздновать свой 350-лѣтній юбилей со дня основанія его царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ въ 1552 году, когда царь про-

ходилъ здѣсь со своей ратью подѣ Казань. Опасаясь спускаться съ московскимъ войскомъ по рѣкамъ Окѣ и Волгѣ, гдѣ тогда бродили большія шайки казанской вольницы и «бунтовала черемисъ», чтобы не вступать съ ними въ кровавыя схватки, Грозный избралъ для себя весьма трудный путь— «сухой дорогой» черезъ городъ Рязань и далѣе на Эрзямасъ, бывшую столицу мордвы, а нынѣ уѣздный городъ Арзамасъ Нижегородской губерніи, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы пересѣчь степную мѣстность, лежащую между рѣками Пьяной и Сурой, съ одной стороны, и между Сурой и Свягой— съ другой, и спуститься по этой послѣдней рѣкѣ до ея устья и основать здѣсь при ея впаденіи въ рѣку Волгу выше Казани на 25 верстѣ, помимо Алатыря, другой городъ Свяжскъ. Проходя этотъ девятисотверстный путь отъ Москвы до Казани приокскими и присурскими лѣсами, тогда сплошь пролежавшими до береговъ самой Волги на многія сотни верстѣ, при полномъ бездорожьѣ и прямою «цѣлиною пустынь», поросшихъ степными злаками, Грозный по временамъ, останавливаясь вечеромъ на высокихъ гребняхъ присурской волнистой мѣстности на отдыхъ, обозрѣвалъ отсюда свои отдаленныя отъ Москвы царскія владѣнія на многіе десятки верстѣ въ окрестности... На одномъ изъ такихъ долгихъ приваловъ московской рати въ степной мѣстности Присурья Грозный оставилъ по себѣ величественный по тому времени памятникъ — огромный курганъ. Нынѣ находящійся «въ чистомъ полѣ» на землѣ села Кочетовки — бывшаго города Мятлева, Курмышскаго уѣзда, Симбирской губерніи, въ 40 верстахъ отъ города Алатыря и вдали отъ большихъ почтовыхъ трактовъ: въ 15 верстахъ— симбирско-тамбовскій трактъ, проложенный здѣсь еще при Екатеринѣ II, и въ 10 верстахъ— симбирско-нижегородскій трактъ, курганъ этотъ, какъ говорить мѣстное преданіе, былъ «сложенъ Іоанномъ Грознымъ изъ земли, снесенной сюда его многочисленной ратью въ своихъ шапкахъ, по одной на каждаго воина»... Имѣя круглую форму съ усѣченнымъ конусомъ, на вершинѣ котораго была оставлена площадка въ нѣсколько сажень въ діаметрѣ, курганъ Іоанна Грознаго, какъ говорить то же преданіе, долго служилъ мѣстомъ обсервационнаго пункта для московскаго царя, откуда онъ оглядывалъ всѣ окрестности, расположенныя во всѣ четыре стороны, на 20 верстѣ къ берегамъ рѣки Пьяной, гдѣ въ первые вѣка монгольскаго нашествія на Русскую землю происходила рѣшительная битва, «давшая Богомъ», какъ говорить исторія, полную побѣду русскому воинству, и 25 верстѣ на юго-востокъ, къ берегамъ рѣки Суры, за которой уже лежалъ путь на Казань. О курганѣ Іоанна Грознаго въ мѣстномъ населеніи еще и до сихъ поръ существуетъ преданіе, что здѣсь зарыты большіе клады, и ихъ оберегаетъ «темная сила», по ночамъ освѣщающая курганъ зелеными огнями въ знакъ того, чтобы люди вѣдали, что сила эта не спитъ и сторожитъ свои сокровища. Несмотря, однако, на это, находились смѣльчаки, которые въ разное время разрывали курганъ и искали тамъ денегъ. Но находилъ ли кто, исторія умалчиваетъ. 50 лѣтъ тому назадъ все подножіе кургана было распахано крестьянами села Кочетовки подѣ полевые посѣвы, и на немъ, какъ говорили тогда, «выросталъ добрый хлѣбъ»... Но до вершины кургана соха тогда еще не доходила. Алатырцамъ, готовящимся къ празднованію 350-лѣтія основанія своего города, въ

знакъ уваженія къ памяти завоевателя приволжскихъ татарскихъ ордъ и царствъ, слѣдовало бы увѣковѣчить эту память сохраненіемъ единственнаго въ своемъ родѣ во всей Присурской мѣстности кургана Грознаго и поставить на вершинѣ его хотя бы какой нибудь памятникъ.

Виленскій архивъ. Недавно исполнилось 50-лѣтіе существованія Виленскаго центрального архива, учрежденія, имѣющаго очень важное не только научное, но и государственное значеніе. Это учрежденіе вызвано важными потребностями историческими и государственными, и на него должно быть обращено серьезное вниманіе. Какъ извѣстно, польское правительство обращало особое вниманіе на архивы. Издавались законы, сеймовыя постановленія, ограждавшія цѣлость архивовъ не только отъ разграбленія, но и отъ недостаточной заботливости о ихъ охранѣ. Въ чиновникахъ существовало чувство уваженія къ старинѣ и заботливость объ архивахъ, которые тщательнo сохранялись. Цѣнило архивы и польское общество. У многихъ богатыхъ помѣщиковъ существовали богатые архивы. Любовь къ старинѣ отчасти сохранилась въ польскомъ обществѣ и до настоящаго времени: есть любители старины, приобретающіе старинныя рукописи. Правда, въ послѣдніе годы политическаго существованія Польши архивы стали предаваться разграбленію, хранящіяся въ нихъ бумаги часто уничтожались, поддѣлывались. Несмотря на это, къ намъ перешло множество архивовъ отъ временъ польскаго господства въ бывшемъ литовско-русскомъ краѣ. Въ XVIII вѣкѣ было 200 учрежденій: судебныхъ, городскихъ ратушъ, монастырей, церквей, при которыхъ были архивы съ актовыми бумагами. Эти сокровища и надо было сохранить. Потому особенно надо было обратить вниманіе на сокровище архивное, что, какъ было сказано, практиковалась поддѣлка документовъ. Въ 30-хъ годахъ прошедшаго столѣтія существовали цѣлыя мастерскія, изготовлявшія дворянскіе документы. Не даромъ въ 1861 году по переписи оказалось въ Сѣверо-Западномъ краѣ 400.000 дворянъ, а земельной собственностью владѣло не болѣе 4%, т. е. тысячъ 16. Поддѣлывались документы и на право владѣнія земельной собственностью. Въ виду этого съ нашей стороны было обращено вниманіе на архивы, и 2-го апрѣля 1852 года учрежденъ виленскій центральный архивъ. Въ 1863 году, когда архивъ былъ устроенъ, и закончена перевозка книгъ, послѣднихъ оказалось 18.243. Въ 1864 году по распоряженію графа М. Н. Муравьева въ учрежденную имъ публичную бібліотеку переведены архивы закрытыхъ римско-католическихъ монастырей. Многіе архивы изъ бібліотеки постепенно переходили въ центральный архивъ. Постепенно пополнялись архивы и изъ другихъ мѣстъ. Въ 1882 году было доставлено 200 инвентарей и 61 актовая книга изъ судебныхъ учрежденій Гродны и Ковны, изъ Минскаго управленія государственными имуществами и Ковенской казенной палаты. Въ 1887 году по ходатайству попечителя учебнаго округа Н. А. Сергіевскаго и архиваріуса П. Я. Сирогиса былъ переданъ архивъ изъ Люблина. Въ настоящее время по исчисленію архиваріуса П. Я. Сирогиса собрано до 26.000 актовыхъ книгъ, въ которыхъ можно считать до 13 милліоновъ документовъ, считая среднимъ числомъ по 500 документовъ въ каждой книгѣ. Виленскій центральный архивъ служитъ достовѣрнымъ судьей въ вопросѣ о правахъ на Сѣверо-Запад-

ный край. Въ архивѣ находятся данныя для исторіи трехвѣковой внутренней жизни Западнаго края. На основаніи ихъ можно ясно видѣть, что до XVIII вѣка въ Сѣверо-Западномъ краѣ преобладающее вліяніе имѣла русская культура; что преимущественная религія была православная; языкъ какъ въ частной, такъ и государственной жизни былъ русскій; словомъ, Сѣверо-Западный край былъ искони русскій и потому долженъ быть русскимъ и теперь. Въ виду важности архива и цѣнности хранящихся въ немъ документовъ, слѣдовало бы обратить на него особенное вниманіе. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на помѣщеніе. Архивъ не имѣетъ обѣщаннаго помѣщенія; всѣ ходатайства прежняго попечителя учебнаго округа и заботы нынѣшняго до сихъ поръ остались неудовлетворенными. Нельзя не порадоваться, что ходатайство попечителя учебнаго округа т. с. Попова объ увеличеніи штата служащихъ и улучшеніи ихъ быта получить удовлетвореніе. До сихъ поръ главнымъ работникомъ былъ архиваріусъ П. Я. Спрогисъ съ друмя помощниками, отдавшій весь трудъ свой, всю свою жизнь архиву, хотя матеріальное обезпеченіе его далеко не удовлетворительно. Надо пожелать, чтобы прежде всего было выстроено для архива особое обширное и безопасное помѣщеніе. Затѣмъ до сихъ поръ почти всѣ отдѣльные архивы въ краѣ находятся въ полномъ небреженіи. Архивы приводятся въ порядокъ и сортируются часто невѣжественными чиновниками, которые продаютъ иногда евреямъ на пуды и цѣнные документы. Извѣстны факты, что частныя лица пріобрѣтали у евреевъ важныя документы. Въ Вильнѣ есть любитель и знатокъ старины, полковникъ, который неоднократно спасалъ многіе документы изъ еврейскихъ рукъ, выкупая ихъ на собственный счетъ.

Общество любителей древней письменности. 22-го апрѣля подъ председательствомъ графа С. Д. Шереметева состоялось годовое собраніе. Засѣданіе было открыто заявленіемъ председателя о томъ, что исполняющееся въ маѣ текущаго года двадцатипятилѣтіе со дня основанія общества будетъ праздноваться въ одномъ изъ декабрьскихъ засѣданій. Затѣмъ секретарь общества прочелъ годовою отчетъ, главныя данныя котораго слѣдующія: общество состоитъ изъ 10 почетныхъ членовъ, 35 дѣйствительныхъ, включая учрежденія, подписывающіяся на изданія общества, и 119 членовъ-корреспондентовъ. Сумма неприкосновенныхъ капиталовъ увеличилась на 5.400 рублей, изъ которыхъ 5.200 рублей государственной 4 проц. рентой пріобрѣтены на 5.000 рублей, отпущенныхъ по высочайшему повелѣнію государя императора на образованіе капитала имени въ Бозѣ почивающаго наследника цесаревича и великаго князя Георгія Александровича въ цѣляхъ продолженія взноса въ Бозѣ почивающаго наследника цесаревича въ общество по 200 рублей въ годъ, а 200 рублей выручены отъ продажи изданій, пожертвованныхъ гр. С. Д. Шереметевымъ. Сумма всѣхъ неприкосновенныхъ капиталовъ общества въ настоящее время равна 57.650 рублямъ. Въ текущемъ году общество издало нѣсколько выпусковъ «Памятниковъ древней письменности и искусства»; кромѣ того, почти закончены юбилейныя изданія: фототипическое изданіе кенигсбергскаго списка лѣтописи и «Описаніе рукописей князя П. П. Вяземскаго». Премія имени А. М. Кожевникова присуждена П. К. Симони за печатающійся въ изданіяхъ общества трудъ

его о переплетномъ искусствѣ въ древней Руси. Бюджетъ будущаго года составленъ на сумму 15.277 р. 29 коп. Въ этомъ же засѣданіи Н. К. Никольскій прочелъ сообщеніе: «Ближайшія задачи изученія древне-русской книжности». Современное изученіе такъ называемой древне-русской литературы идетъ по неправильному пути съ 50 годовъ XIX вѣка. Сохранившіеся источники для исторіи этой литературы суть памятники церковной письменности, которая въ настоящее время несправедливо оцѣнивается въ историческомъ отношеніи ея къ послѣ-петровской изящной словесности. Древне-русская церковная книжность не была связана съ послѣдней причинною послѣдовательностью и не прекратила своей дальнѣйшей жизни послѣ появленія позднѣйшей беллетристики. Если остатки стариннаго былевого эпоса, историческія сказанія и т. п. памятники (особенно кievскаго періода) показываютъ, что въ древности существовала свѣтская литература съ произведеніями народнаго творчества, то они не могли сохраниться до нашего времени потому, что весь наличный запасъ древнихъ рукописей принадлежалъ церковно-монастырскимъ библіотекамъ, составъ которыхъ зависѣлъ отъ ихъ спеціальныхъ практическихъ задачъ, и изъ которыхъ исключалось все то, что не относилось къ ихъ прямому назначенію. Только тѣ свѣтскія сочиненія или книги свѣтскихъ библіотекъ дошли до насъ, которыя случайно попали въ свое время на полки церковно-монастырскихъ книгохранилищъ. Если въ настоящее время нельзя писать обзора современной литературы на основаніи той группы книгъ, которая встрѣчается въ церковныхъ книгохранилищахъ, точно также на основаніи сохранившихся матеріаловъ мы должны пока (до критическаго изученія ихъ) говорить только о той письменности, которая въ старину допускалась въ церковно-монастырское собраніе книгъ. Сообразно съ потребностями монастыря и церкви послѣднее состояло обыкновенно изъ книгъ богослужебныхъ, четыхъ (назначенныхъ для церковнаго чтенія согласно съ предписаніями Типикона) и келейныхъ, приспособленныхъ къ внѣцерковному назиданію. Произведенія оригинально-русской духовной литературы постольку проникали въ сохранившуюся книгу, поскольку они соответствовали практически бытовымъ потребностямъ библіотеки. Чтобы научно воспользоваться сохранившимися рукописями для правильныхъ выводовъ по исторіи русскихъ допетровскихъ произведеній, необходимо предварительно изучить древнюю церковно-монастырскую книжность съ точки зрѣнія церковно-исторической. Слѣдуетъ обратиться къ исторіи отдѣльныхъ библіотекъ и областного просвѣщенія, собрать и издать старинныя описи рукописныхъ собраній, привести въ извѣстность всѣ уцѣлѣвшія еще рукописи и списки отдѣльныхъ русскихъ сочиненій. Тогда исторія такъ называемой древне-русской литературы получитъ научную постановку, но разоидется съ современными выводами, остающимися неprovѣреннымъ преданіемъ 50-хъ годовъ истекшаго вѣка. Самыя начальныя страницы исторіи духовной литературы окажутся иными. Если подлинность поученія Луки Жидята, которое было извѣстно по тремъ спискамъ, никѣмъ не осмаривалась до сихъ поръ, то 14 новыхъ списковъ, обнаружившихся при изученіи древне-русской книжности, дадутъ основанія для серьезныхъ сомнѣній. Легенда о мнхѣ Іаковѣ, писателѣ XI вѣка, построена совсѣмъ ненаучно. Также ошибены сужденія о сочиненіяхъ Θεодосія Печерскаго, митро-

полита Георгія и другихъ авторовъ древняго періода. Научная исторія древне-русской литературы (понимать ли послѣднюю, какъ пзщную словесность, или болѣе широко) пока преждевременна. Необходимо предварительно критически изучить и правильно оцѣнить древне-русскую библиотечную церковно-монастырскую книжность въ ея исторіи и составѣ. Въ члены-корреспонденты избранъ Д. К. Треневъ.

Библиографическое общество. 23-го апрѣля въ общемъ собраніи проф. А. И. Кирпичниковъ сдѣлалъ два сообщенія. Первое посвящено было личнымъ воспоминаніямъ докладчика объ умершемъ почетномъ членѣ общества, историкѣ эпохи Александра I, Н. К. Шильдерѣ и его характеристикѣ. Докладчикъ сообщилъ, между прочимъ, что главною своею цѣлью покойный Шильдеръ считалъ завершеніе огромнаго предпринятаго имъ исторіографическаго труда, о размѣрахъ котораго только слабое понятіе могутъ дать появившіяся въ печати жизнеописанія Павла I и Александра I. Шильдеръ собралъ огромное количество матеріаловъ; по его словамъ, эти матеріалы въ систематизированномъ хронологически видѣ заняли двѣсти ящичковъ. Въ окончательной обработкѣ они составили бы не менѣе восемнадцати томовъ. Шильдеръ рассчитывалъ этотъ трудъ представить на соисканіе извѣстной аракчеевской преміи 1925 года. Выпущенные томы являются только выдержками наиболѣе важныхъ мѣстъ главнаго труда. Шильдеръ, какъ историкъ, занялъ исключительное мѣсто: прежде всего онъ описываетъ отдѣльныя личности, а не общее состояніе государства въ извѣстную эпоху. Этимъ значеніе его трудовъ понижается; на дѣлѣ, однако, онъ какъ бы попутно даетъ яркую картину культурнаго состоянія всей эпохи и всей страны. Въ его жизнеописаніяхъ обращаетъ на себя вниманіе смѣло высказанная мысль о вліяніи личныхъ характеровъ на развитіе той или иной государственной политики. Отдавая свои силы главнымъ образомъ предпринятому исторіографическому труду, Шильдеръ не проявилъ особеннаго интереса къ порученной ему Публичной библиотекѣ и довольствовался той постановкой въ ней дѣла, которую далъ его предшественникъ А. Ѳ. Бычковъ. Отъ себя онъ внесъ только болѣе справедливое соотношеніе между размѣромъ труда и вознагражденіемъ своихъ сослуживцевъ. Второе свое сообщеніе А. И. Кирпичниковъ посвятилъ характеристикѣ Жуковскаго, какъ журналиста. На журнальное поприще Жуковскій выступилъ 25-ти лѣтъ отъ рода въ 1808 г. пріобрѣтеніемъ начатаго Карамзинымъ и перешедшаго къ Каченовскому «Вѣстника Европы». Сотрудниками его изъ русскихъ были Языковъ, Васюковъ и Василій Пушкинъ; рядъ иностранныхъ сотрудниковъ наполненъ былъ именами всякихъ національностей. Жуковскій стремился совершенно удалить изъ своей программы политику, но, живя въ такую эпоху, онъ не могъ вполне осуществить своего намѣренія. Журнальная дѣятельность Жуковскаго, какъ позже и Некрасова съ его фельетонами въ «Современникѣ», до сихъ поръ не обращала на себя должнаго вниманія критики и ждетъ оцѣнки въ будущемъ. До тѣхъ же поръ оцѣнка дѣятельности Жуковскаго, какъ и Некрасова, только какъ поэтовъ, будетъ страдать существенною неполнотою.

Библиологическое общество. 10-го мая состоялось общее собраніе библиологическаго общества. Въ собраніи было сообщено, что президентъ общества А. М. Ловягинъ отказался отъ обязанностей президента, вслѣдствіе

собственныхъ многочисленныхъ занятій. Собраніе постановило просить А. М. Ловягина взять свой отказъ обратно. Временно исполняющій обязанности председателя В. Ф. Боцяновскій посвятилъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ памяти скончавшагося недавно почетнаго члена общества, директора Публичной библіотеки, г.-л. Н. К. Шильдера, который, по словамъ докладчика, своими работами упразднилъ предрасудокъ о томъ, что «дилетанты» работать научно не могутъ, и что это доступно только патентованнымъ ученымъ. Собраніе почтило вставаніемъ память усопшаго.

Затѣмъ собраніе единогласно избрало въ почетные члены общества: С. Н. Шубинскаго, Д. Ф. Кобеко и П. Я. Дашкова.

Послѣ этого г. Половцевъ сдѣлалъ интересное сообщеніе объ автографахъ русскихъ писателей въ амстердамской университетской библіотекѣ. Докладъ, вызвавшій оживленный обмѣнъ мыслей, демонстрировался снимками съ автографовъ и въ которыхъ другими предметами, приобретенными докладчикомъ въ Амстердамъ и относящимися ко времени пребыванія тамъ Петра Великаго.

Продолжительныя пренія вызвалъ прочитанный затѣмъ отчетъ комисіи, состоявшей изъ членовъ библіологическаго общества, по устройству 200-лѣтняго юбилея печати.

Библіологическое общество первое въ Петербургѣ заговорило о предстоящемъ юбилеѣ печати. Еще 15-го апрѣля 1901 г. въ собраніи былъ сдѣланъ по этому вопросу докладъ. Тогда же было рѣшено воспользоуаться юбилеемъ для того, чтобы подвести итоги всему сдѣланному и пережитому печатью. Такимъ образомъ, общество въ началѣ имѣло въ виду только чисто библіографическую задачу, издать ко дню юбилея историко-литературный сборникъ, или что нибудь другое, соотвѣтственно задачамъ общества и предстоящему юбилею. Но послѣ переговоровъ съ представителями нѣкоторыхъ другихъ обществъ и учреждений выяснилось, что желательна такая общая организація, въ которой могла бы принять участие и печать и тѣмъ самымъ сдѣлать юбилей болѣе значительнымъ и болѣе соотвѣтствующимъ предстоящему событію. Такимъ образомъ, кромѣ чисто-научной цѣли, общество по соглашенію съ другими взяло на себя подготовительную работу для объединенія дѣятельности нѣсколькихъ учреждений и для образованія такого совѣщанія, которое могло бы отъ своего имени пригласить въ свой составъ и петербургскую печать. Съ возникновеніемъ такого совѣщанія, начавшаго свою дѣятельность подъ председательствомъ П. Н. Исакова, на долю библіологическаго общества выпала чисто исполнительная роль вслѣдствіе того, что представитель его былъ избранъ въ секретари совѣщанія. При этомъ общество несло и всѣ расходы. На этихъ совѣщаніяхъ былъ окончательно опредѣленъ порядокъ приглашенія делегатовъ отъ всѣхъ 349 петербургскихъ редакцій. Но когда въ засѣданіе сформированнаго комитета изъ представителей печати явилось всего 4 представителя (вмѣсто избранныхъ 14), комиссія естественно поставила 9-го мая вопросъ: надо ли считать предпріятіе осуществившимся, и можетъ ли такой комитетъ быть выразителемъ всей печати?

При обсужденіи этого вопроса присутствовавшими въ собраніи выяснилось, что еще на собраніяхъ, предшествовавшихъ приглашенію печати, опредѣли-

лось два направленія. Одни (касса взаимопомощи и библиологическое общество) настаивали на томъ, что обращенія должны быть сдѣланы къ редакціямъ съ просьбой о присылкѣ представителя; вторые настаивали на обращенія къ издателямъ и редакторамъ, формулируя просьбу, чтобы они явились лично или прислали вмѣсто себя своего замѣстителя. Далѣе въ собраніи указывалось, что хотя и одержало верхъ первое предложеніе, но когда касса взаимопомощи литераторовъ отпала, перевѣсъ получило послѣднее направленіе.

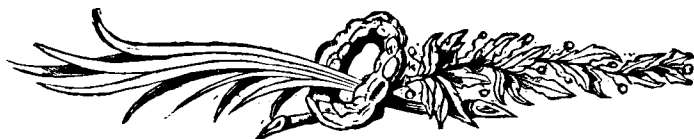
Послѣ продолжительныхъ преній собраніе постановило: 1) признать дѣятельность комиссіи вполне правильной и законченной по отношенію къ совмѣстной работѣ съ другими учрежденіями, при чемъ комиссіи этой во главѣ съ ея предсѣдателемъ Н. М. Лисовскимъ выразить искреннюю благодарность; 2) предоставить комиссіи продолжать участіе въ совѣщаніяхъ юбилейнаго комитета, если она признастъ дальнѣйшее участіе цѣлесообразнымъ, или, въ случаѣ надобности, выйти изъ этой организаціи; 3) утвердить произведенные по созыву и дѣятельности совѣщанія расходы въ 102 рубли, принявъ ихъ на счетъ общества, и 4) предоставить комиссіи перейти къ своимъ спеціальнымъ занятіямъ по разработкѣ и осуществленію мѣропріятій при русскомъ библиологическомъ обществѣ, связанныхъ съ юбилеемъ печати. Въ настоящее время библиологическое общество признало дальнѣйшее участіе въ этихъ общихъ совѣщаніяхъ нецѣлесообразнымъ, въ виду обнаружившагося полного равнодушія представителей печати къ своему юбилею, но при этомъ не оставило своей первоначальной мысли отмѣтить день 200-лѣтія печати и подвести историко-литературные итоги этого періода.

Общество любителей естествознанія. 30-го марта въ публичномъ засѣданіи антропологическаго общества Д. Н. Анучинъ сдѣлалъ сообщеніе о древнѣйшихъ, найденныхъ до сихъ поръ, ископаемыхъ остаткахъ человѣка. Указавъ на глубокую древность человѣка и остановившись на первобытной стадіи культуры, такъ называемомъ каменномъ вѣкѣ, референтъ пояснилъ, что вѣкъ этотъ распадается на двѣ эпохи: неолитическую, непосредственно предшествовавшую металлической, и болѣе древнюю, палеолитическую. Въ неолитическую эпоху растительный и животный міръ Европы не отличался отъ современнаго; только нѣкоторые виды, ставшіе теперь рѣдкими или даже исчезнувшими, были прежде гораздо болѣе распространены; человѣкъ также не отличался по своему физическому типу отъ современныхъ людей и хотя не зналъ еще употребленія металловъ, но достигъ уже значительнаго искусства въ обдѣлкѣ камня (его оббивкѣ и обтесываніи), занимался земледѣліемъ, разводилъ домашнихъ животныхъ, имѣлъ обширныя поселенія и т. д. Палеолитическая эпоха уходитъ гораздо далѣе вглубь вѣковъ, когда климатическія условія, флора и фауна Европы были инныя, и когда человѣкъ находился еще въ стадіи звѣролова-дикаря, умѣвшаго изготовлять орудія изъ камня (преимущественно кремня) только помощью его оббивки, хотя достигшаго къ концу эпохи значительной ловкости въ обдѣлкѣ кости и рога, даже въ художественномъ изображеніи рѣзьбой на кости окружавшихъ его животныхъ. Эпоха эта непосредственно примыкаетъ къ такъ называемому ледниковому періоду, когда послѣдовало значительное охлажденіе климата въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ, и

когда вслѣдствіе этого горные ледники получили мощное развитіе, а на сѣверѣ распространялись изъ Скандинавіи и Финляндіи до Южной Англіи, среднегерманскихъ горъ и Южной Россіи. Ледниковый періодъ представлялъ, повидному, нѣсколько эпохъ большаго или меньшаго развитія ледниковъ, чередовавшихся съ болѣе теплыми, межледниковыми эпохами, и къ первой изъ этихъ межледниковыхъ эпохъ и относятъ теперь первое появленіе человѣка въ Европѣ, хотя южнѣе онъ могъ жить и въ эпоху, непосредственно предшествовавшую ледниковой. Продолжительность палеолетической эпохи была, несомнѣнно, громадная: въ началѣ ея еще жили вымершіе нынѣ виды животныхъ: мамонтъ, носорогъ, пещерный медвѣдь и др., во второй же ея половинѣ они уже исчезли, и замѣня ихъ распространились въ Средней Европѣ виды полярные: сѣверный олень, овцебыкъ и др. Послѣ отступленія ледниковъ на мѣстѣ ледниковаго покрова образовались тундры, смѣнившіяся съ повышеніемъ температуры степями и, наконецъ, лѣсами. Человѣкъ пережилъ всѣ эти измѣненія, хотя древнѣйшія расы его уступали съ теченіемъ времени мѣсто другимъ, являвшимся съ юга и востока. Въ нѣкоторыхъ пещерныхъ отложеніяхъ палеолетической эпохи (болѣе позднихъ?) были найдены остатки человѣка (черепъ и кости), не отличающіеся отъ современныхъ; другія, наоборотъ, дали остатки, представляющіе существенныя отличія отъ типа современныхъ людей. Особенно замѣчательны остатки скелетовъ, найденные въ Неандертальскомъ гротѣ (близъ Бонна) и въ пещерѣ Spy, въ пров. Намюръ, въ Бельгіи, также нѣсколько нижнихъ челюстей изъ пещеръ de la Naulette (въ Бельгіи), Шника (въ Моравіи) и др. Остатки эти указываютъ на людей роста ниже средняго, коренастыхъ, съ короткими ногами и руками, съ удлинненнымъ черепомъ, сильно выраженными надбровными дугами, покатымъ взадъ лбомъ, слабо выраженнымъ подбородкомъ, согнутыми въ колѣнахъ ногами и т. д., однимъ словомъ, отличавшихся рядомъ признаковъ низшаго строенія. Новѣйшій изслѣдователь, профессоръ Швальбе, отдѣляетъ эти древнѣйшіе остатки человѣка въ особый видъ *Homo neanderthalensis* въ отличіе отъ современнаго человѣка — *Homo sapiens* или точнѣе, *Homo europaeus*. Этотъ древнѣйшій видъ человѣка занимаетъ промежуточное положеніе между современнымъ человѣкомъ и ископаемой формой *Pithecanthropus erectus*, остатки которой были найдены Дюбуа на островѣ Явъ, именно неполный черепъ, два коренныхъ зуба и бедренная кость. Форму эту одни анатомы причисляли къ обезьянамъ (сближали съ гиббономъ), другіе считаютъ ее промежуточнымъ типомъ между человѣкомъ и обезьяной, третьи, наконецъ, склонны видѣть въ ней форму, близкую къ человѣческой, только низшаго строенія. Референтъ познакомитъ помощью рисунковъ на экранѣ съ условіями, при которыхъ были найдены эти остатки, и съ особенностями этихъ ископаемыхъ череповъ и костей, а также демонстрировалъ гипсовые слѣпки съ череповъ и костей изъ пещеръ Cro-Magnon, Неандертальской, Spy, La Naulette и съ черепъ *Pithecanthropus erectus*. Въ общемъ, всѣ эти остатки даютъ извѣстное представленіе о стадіяхъ, которыя проходилъ человѣческій типъ въ своемъ развитіи, и познаніе которыхъ должно въ будущемъ еще болѣе расширяться съ дальнѣйшими палеонтологическими находками въ различныхъ частяхъ земной поверхности. В. Н. Розановъ прочиталъ рефератъ «Къ вопросу объ усиленномъ и

замедленномъ развитіи человѣческаго организма», остановившись особенно на явленіяхъ гигантизма (великанахъ) и нанизма (карликахъ), на случаяхъ скороспѣлости и недоразвитія. Кромѣ показанія многихъ рисунковъ на экранѣ, референтъ демонстрировалъ двухъ живыхъ субъектовъ: одного семилѣтняго мальчика, Ваню Г., который по росту значительно выше своего старшаго восьмилѣтняго брата, отличается такою силой, что поднимаетъ свою мать и выказываетъ всѣ признаки полового развитія, и крестьянина Архангельской губерніи Евтихія Власова, который, имѣя 17 лѣтъ, ростомъ не больше девятилѣтняго мальчика, имѣетъ неразвитую половую систему и отличается слабостью и болѣзненностью (страдаетъ туберкулезомъ). Коснувшись затѣмъ явленій акромегалии (усиленнаго роста кистей, ступней, челюстей и т. д.), не получившей еще вполне удовлетворительнаго объясненія, референтъ высказалъ мнѣніе, что случаи усиленнаго и задержаннаго роста организма стоятъ, повидимому, въ связи, съ явленіями въ половой сферѣ, съ ускореннымъ ея развитіемъ или задержкой.

НЕКРОЛОГИ.

АЛЬБЕРШТАМЪ, М. М. Въ ночь на 19-е апрѣля, скончался извѣстный своими учеными трудами и изслѣдованіями по бальнеологіи докторъ медицины Михаилъ Матвѣевичъ Гальберштамъ. Современная медицина обязана ему пополненіемъ довольно многихъ существенныхъ пробѣловъ въ области изученія минеральныхъ источниковъ и грязей. Однимъ изъ выдающихся научныхъ трудовъ покойнаго было изслѣдованіе солености и химическаго состава воды цѣлебнаго Тамбуканскаго озера. М. М. состоялъ дѣятельнымъ членомъ почти всѣхъ петербургскихъ медицинскихъ обществъ и общества охраненія народнаго здравія, гдѣ имъ было сдѣлано немало цѣнныхъ докладовъ и сообщеній. Онъ выступалъ также и дѣятелемъ по вопросу о борьбѣ съ алкоголизмомъ. Его перу принадлежитъ много самостоятельныхъ, а равно и переводныхъ трудовъ. Незадолго до смерти М. М. получилъ должность старшаго врача въ Сестрорѣцкомъ курортѣ. Жизнь уже начинала улыбаться ему, но тутъ внезапно подкралась смерть. Покойный всю жизнь былъ безсребренникомъ и пользовался любовью и уваженіемъ, какъ въ средѣ врачей, такъ и въ средѣ всѣхъ знавшихъ его. (Некрологъ его: «Нов. Вр.» 1902, № 9389).

† **Голицынъ, князь И. А.** Въ Москвѣ скончался 14-го мая директоръ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, гофмейстеръ высочайшаго двора, тайный совѣтникъ, князь Павелъ Алексѣевичъ Голицынъ. Покойный началъ свою службу въ л.-гв. Конномъ полку въ 1850 году и черезъ два года былъ произведенъ въ корнеты. Въ 1857 г. вышелъ въ отставку и вскорѣ опредѣлился на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Онъ исполнялъ секретарскія обязанности въ русскихъ миссіяхъ въ Брюссель и Дрезденъ и былъ старшимъ секретаремъ миссій во Флоренціи и Брюсселѣ. Съ 1891 г. состоялъ въ должности гофмейстера, въ 1896 г. назначенъ директоромъ Главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, въ 1900 г. пожалованъ званіемъ гофмейстера. (Некрологъ его: «Нов. Вр.» 1902, № 9409).

† **Дворянинъ, Н. Н.** 11-го мая, скончался въ петербургской больницѣ св. Николая Чудотворца докторъ медицины, филантропъ, Николай Николаевичъ Дворянинъ. Покойный происходилъ изъ духовнаго званія, родился 20-го января 1846 г. По окончаніи курса въ Технологическомъ институтѣ поступилъ въ медико-хирургическую академію, откуда былъ выпущенъ лѣкаремъ; началъ службу въ Выборгскомъ полку и въ 1875 г. защитилъ диссертацию на степень доктора медицины, озаглавивъ ее: «О состояніи легочнаго эпителія при интерстиціальному воспаленіи легкаго». Во время войны Сербіи съ Турціей онъ отправился съ отрядомъ Краснаго креста на театръ военныхъ дѣйствій и образовалъ тамъ на свои средства санитарный отрядъ. Вернувшись въ Россію, Н. Н. служилъ старшимъ врачомъ сначала въ л.-гв. 4-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ, затѣмъ въ л.-гв. Уланскомъ его величества полку. 1-го марта 1881 г. ему пришлось явиться первымъ врачомъ, участвовавшимъ при перенесеніи раненаго Царя-Освободителя во дворецъ. На его долю выпало оказаніе первоначальной помощи императору Александру II. Будучи человѣкомъ въ высшей степени сострадательнымъ, покойный не могъ оставаться равнодушнымъ къ чужому несчастію и былъ всегда готовъ прийти на помощь въ нуждѣ и въ горѣ. Въ 1881 году онъ дѣятельно хлопоталъ объ учрежденіи «Общества братской помощи». Хлопоты его кончились неудачей. Тогда онъ переработалъ уставъ и основалъ въ 1883 году «Общество ночлежныхъ домовъ въ Петербургѣ». Во главѣ общества онъ находился въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и вложилъ въ дѣло открытія ночлежныхъ домовъ и домовъ трудолюбія всѣ свои средства и силы. Пожалованные ему за участіе въ оказаніи врачебной помощи Царю-Освободителю 30.000 рублей онъ пожертвовалъ обществу, старался всячески привлечь къ дѣлу благотворительности состоятельныхъ лицъ и съ этой цѣлью написалъ рядъ брошюръ и стихотвореній. Еще въ концѣ 70-хъ годовъ Н. Н. занялся спеціально изслѣдованіемъ столичныхъ санитарныхъ условий. Въ 1879 году онъ опубликовалъ свое изслѣдованіе «О вліяніи на животный организмъ продуктовъ гніенія, получаемыхъ при различныхъ условіяхъ относительно доступа воздуха», затѣмъ напечаталъ рядъ статей «О гигиенѣ рабочаго класса столицы». Будучи предсѣдателемъ общества ночлежныхъ домовъ, онъ, всегда заботившійся объ убогихъ и сирыхъ, старался всячески улучшить санитарныя условія жизни и питанія рабочихъ. Одновременно принималъ живое участіе во многихъ другихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, участвовалъ въ организаціи разнаго рода выставокъ и въ организаціи ночлежныхъ домовъ въ Кронштадтѣ. Въ послѣдніе годы Н. Н. служилъ главнымъ врачомъ въ двинскомъ военномъ госпиталѣ. Замѣчательно добрый и отзывчивый, всегда мягкій и пріятливый, раздававшій всѣ свои средства бѣднымъ, Н. Н. оставилъ по себѣ лучшую память. (Некрологъ его: «Нов. Вр.» 1902, № 9408).

† **Криштофовичъ, С. Е.** 25-го апрѣля скончался на 60-мъ году жизни инспекторъ по техническо-строительной части главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей Семенъ Емельяновичъ Криштофовичъ. Покойный происходилъ изъ дворянъ Подольской губ., первоначальное техническое образованіе получилъ въ Рижельевскомъ лицей, а затѣмъ нѣсколько лѣтъ работалъ за границей въ германскихъ университетахъ. Верну-

впиль въ Россію, онъ поступилъ на частную службу на винокуренныхъ заводахъ, явившись едва ли не первымъ у насъ ученымъ винокуромъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ покойный перешелъ на службу въ акціонное вѣдомство. Въ 1899 г. получилъ назначеніе на должность техника московскаго и рязанскаго акціонныхъ управленій. Обширныя техническія познанія и личныя качества покойнаго обратили вниманіе бывшаго тогда директоромъ департамента неокладныхъ сборовъ А. С. Ермолова, поручившаго ему выстроить въ Москвѣ первый казенный спиртовой складъ, который долженъ былъ явиться прототипомъ цѣлой сѣти подобныхъ складовъ въ Россіи, въ цѣляхъ поощренія сельско-хозяйственнаго винокурения. Послѣ удачнаго исполненія задачи, покойный былъ назначенъ завѣдующимъ этимъ складомъ, но вскорѣ, какъ извѣстно, приступлено было къ осуществленію казенной винной монополіи въ Россіи, и покойному поручено было, по образцу московскаго склада, построить рядъ складовъ и заводовъ въ Самарской губерніи. Затѣмъ С. Е. Криштофовичъ неоднократно командировывался въ разныя губерніи. Ему же поручена была постройка грандіознаго московскаго склада и завода. Несмотря на тяжелую хроническую болѣзнь, покойный не переставалъ работать до послѣднихъ дней своихъ. (Некрологъ его: «Нов. Вр». 1902, № 9590).

† **С. А. Рачинскій.** 2-го мая, скончался въ селѣ Татевѣ Вѣльскаго уѣзда Смоленской губерніи извѣстный педагогъ, профессоръ Сергѣй Александровичъ Рачинскій.

Покойный родился въ 1833 году, въ Москвѣ, въ дворянской семьѣ. Высшее образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, степень магистра ботаники присуждена ему за диссертацию «О движеніи высшихъ растений» (М., 1859). Въ родномъ университетѣ С. А. Рачинскій занималъ кафедру ботаники до 1867 года, издавъ за это время нѣсколько ученыхъ и научно-популярныхъ работъ (напримѣръ, «Цвѣты и насѣкомыя», напеч. въ «Русскомъ Вѣстникѣ», переводъ Дарвина «Происхожденіе видовъ» и пр.). Въ 1867 г. С. А. оставилъ профессуру и поселился въ селѣ Татевѣ, гдѣ занялся по призванію дѣломъ народнаго учительства. Въ 1875 г. онъ открываетъ народную школу и самъ становится въ ней учителемъ. Этому своему призванію покойный не измѣнилъ до гроба; всѣ силы души своей за послѣднюю четверть вѣка онъ отдалъ народной школѣ. Татевое стало образовательнымъ центромъ, откуда нравственное и педагогическое вліяніе С. А. распространялось не только на окружающія мѣстности, но и на всю читающую и мыслящую Россію, въ особенности же на сельскихъ учителей и сельскихъ пастырей. За время своей дѣятельности на учительскомъ поприщѣ покойный педагогъ подготовилъ цѣлыя поколѣнія искренно любящихъ свое дѣло народныхъ учителей, которые считали Татевое своимъ роднымъ гнѣздомъ. Литературная дѣятельность С. А. Рачинскаго за это время была почти исключительно направлена на уясненіе коренныхъ вопросовъ о направленіи нашего народнаго образованія. Покойный былъ поборникомъ церковныхъ началъ въ народномъ просвѣщеніи, которыя онъ считалъ соответствующими желаніямъ и возрѣваніямъ самого народа. Выраженіемъ взглядовъ покойнаго на народную школу служатъ его литера-

турно-педагогическія работы: «Замѣтки о сельскихъ школахъ», «Народное искусство и сельская школа», «Изъ записокъ сельскаго учителя», «Церковная школа», «Чтеніе псалтири въ начальной школѣ», «Начальная школа и сельское хозяйство», «Возродившіяся школы грамотности», «Церкви и школы», «Школьный походъ въ Нилову пустынь». Всѣ эти и нѣкоторыя другія мелкія статьи и замѣтки печатались въ журналахъ: «Русскій Вѣстникъ», «Русское Обозрѣніе», «Народное Образованіе» и затѣмъ изданы училищнымъ совѣтомъ при святѣйшемъ синодѣ въ видѣ сборника подъ заглавіемъ «Сельская Школа» (Спб., 1898).

Одинъ изъ послѣднихъ литературныхъ трудовъ: покойнаго «Письма къ духовному юношеству о трезвости» (Казань, 1898), посвященъ борьбѣ съ великимъ бичемъ народа—пьянствомъ. Покойный былъ сторонникомъ абсолютной трезвости. На началахъ ея имъ было основано въ Татевѣ общество трезвости, членами котораго были не только ученики Рачинскаго изъ ближайшихъ селъ и деревень, но и многіе послѣдователи его идей изъ разныхъ концовъ имперіи. Переписка съ этими членами была любимымъ дѣломъ покойнаго и можетъ составить много томовъ интереснѣйшаго культурно-бытового матеріала.

Самая послѣдняя печатная работа Рачинскаго «Absit omen» (М., 1901) посвящена очередному вопросу нашей современности—вопросу о средней школѣ. Въ названной брошюрѣ Рачинскій выступаетъ въ защиту образовательнаго значенія классическихъ языковъ. (Некрологъ его см. во всѣхъ газетахъ за май 1902 г.).

† **Смирновъ, А. И.** Въ Казани скончался 20-го апрѣля заслуженный ординарный профессоръ мѣстнаго университета по кафедрѣ философіи Аполлонъ Ивановичъ Смирновъ. Родился онъ 13-го октября 1838 года, окончилъ курсъ на историко-филологическомъ факультетѣ Казанскаго университета съ золотой медалью. Избравъ для своей дѣятельности педагогическое поприще, опредѣлился въ Нижегородскую гимназію учителемъ исторіи и географіи. Въ 1871 году былъ командированъ за границу для подготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ философіи и, вернувшись въ Россію, былъ назначенъ штатнымъ доцентомъ въ Казанскій университетъ. До конца своей жизни покойный не разставался съ университетомъ, читая въ немъ лекціи по философіи въ качествѣ экстраординарнаго, ординарнаго и заслуженнаго профессора. Въ 1881 году онъ получилъ степень доктора философіи, въ разное время былъ секретаремъ и деканомъ историко-филологическаго факультета. Изъ его многочисленныхъ сочиненій назовемъ: «Философія Беркли», «Исторія англійской этики», «Эстетика, какъ наука о прекрасномъ въ природѣ-искусствѣ», «Эстетическое значеніе формы въ произведеніяхъ природы и искусства» и др. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9390.)

† **Сошальская, А. К.** 28-го апрѣля скончалась въ Полтавѣ, на 74 году жизни, дѣтская писательница, сотрудница провинціальныхъ газетъ, женщина-врачъ Анна Карловна Сошальская. Двѣ или три ея книги были удостоены премій педагогическихъ обществъ и выдержали нѣсколько изданій. Талантливые рассказы А. К. печатались въ послѣдніе годы постоянно въ «Приднѣпровскомъ

Краѣ», «Полтавскихъ Вѣдомостяхъ» и пр. Скромность и неувѣренность въ себя побуждали А. К. сосредоточивать свою работу въ провіціальныхъ газетахъ, несмотря на то, что дарованіе ея позволяло бы ей обращаться къ болѣе обширному кругу читателей. Высокій идеализмъ отличалъ покойную. Желая быть болѣе полезною обществу, она стала заниматься изученіемъ медицины и на 54 году сдала экзаменъ для поступленія на врачебные курсы, при чемъ держала его одновременно съ своей дочерью. Будучи единственной поддержкой семьи, она занималась потомъ медицинской практикой, служа въ земствѣ а послѣднее время практикуя въ Полтавѣ. Она была другомъ бѣдныхъ и, несмотря на свой возрастъ и необходимость работы, находила еще время и для преподаванія въ мѣстныхъ богоугодныхъ заведеніяхъ, безъ всякаго, конечно, вознагражденія. (Некрологъ ея: «Новое Время» 1902 г., № 9409).

† **Тихомировъ, М. А.** Въ Кіевѣ скончался деканъ медицинскаго факультета университета св. Владиміра, профессоръ анатоміи, Михаилъ Андреевичъ Тихомировъ. Покойный родился въ 1851 году, образованіе получилъ въ Смоленской гимназій, затѣмъ кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ съ званіемъ лѣкаря и былъ оставленъ при университетѣ въ качествѣ помощника прозектора при кафедрѣ физиологической анатоміи. Въ качествѣ помощника прозектора, потомъ прозектора М. А. занялся изслѣдованіемъ случаевъ трихинноза и опубликовалъ рядъ работъ о легчайшихъ способахъ открытія трихинъ въ подозрительномъ мясѣ. Въ 1880 году защитилъ диссертацию на степень доктора медицины: «Распредѣленіе и взаимное отношеніе артерій большого мозга у человека». Въ 80-хъ годахъ былъ приглашенъ читать анатомію въ Московское училище живописи, затѣмъ занялъ кафедру анатоміи въ университетѣ св. Владиміра. Перу покойнаго принадлежитъ рядъ цѣнныхъ работъ по физиологіи и анатоміи: «Курсъ анатоміи» и др. (Некрологъ его: «Новое Время», 1902 г., № 9412).

† **Якобій, В. И.** 30-го апрѣля въ Ниццѣ скончался извѣстный художникъ, профессоръ исторической живописи, Валерій Ивановичъ Якобій.

Покойный—уроженецъ Казанской губ., родился въ 1834 г., получилъ общее образованіе въ казанской гимназій, затѣмъ поступилъ въ Казанскій университетъ, но курса въ немъ не окончилъ. Онъ вышелъ изъ университета и отправился въ рядахъ казанскаго ополченія въ Крымъ для участія въ крымской кампаніи. На пути онъ узналъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій и рѣшилъ поступить въ академію художествъ, куда влекла его любовь къ рисованію. Съ 1856 года онъ изучалъ живопись подъ руководствомъ А. Т. Маркова и въ теченіе четырехъ лѣтъ успѣлъ получить всѣ академическія отличія: малую серебряную медаль за картину «Разносчикъ фруктовъ», большую серебряную за картину «Татаринъ, продавецъ халатовъ», малую золотую за «Свѣтлое Воскресенье нищаго», большую золотую за картину «Привалъ арестантовъ» (была приобретена К. Т. Солдатенковымъ).

Въ 1861 г. Якобій на казенный счетъ былъ посланъ на шесть лѣтъ за границу. Онъ посѣтилъ Германію, работалъ въ Цюрихѣ подъ руководствомъ профессора Колера, въ Парижѣ, Неаполѣ и Римѣ. Западъ развилъ еще болѣе его талантъ. Въ этотъ періодъ его дѣятельности имъ было написано нѣсколько

жанровъ и двѣ историческія картины «Террористы и умѣренные первой французской республики» и «Кардиналу Гизу показываютъ голову адмирала Колиньи, убитаго въ Варолюмеевскую ночь». Эта картина, бывшая на академической выставкѣ въ 1868 г., доставила ему званіе академика. Въ 1869 году В. И. возвратился въ Петербургъ и черезъ годъ получилъ званіе профессора за картину «Арестъ Бирона». Въ послѣдующіе годы съ каждой новой картиной извѣстность его росла. Онъ былъ выбранъ въ члены совѣта академіи художествъ, и ему было поручено въ 1883 году руководство академическимъ классомъ исторической живописи. Въ 1878 году покойный былъ командированъ въ Парижъ на всемірную выставку комиссаромъ русскаго художественнаго отдѣла и состоялъ членомъ художественнаго жюри по присужденію наградъ экспонентамъ. Участіе въ этой выставкѣ упрочило его извѣстность въ Парижѣ, и покойный сталъ почти ежегодно предпринимать поѣздки во Францію, Испанію и на сѣверные берега Африки. Въ 1890 году В. И. оставилъ академию художествъ.

Изъ главнѣйшихъ произведеній покойнаго назовемъ: «Волинскій въ засѣданіи кабинета министровъ», «Костюмированное утро въ XVIII столѣтіи въ Пеорбургѣ», «Ледяной домъ» (собственность академіи художествъ) и «Первое торжественное собраніе академіи художествъ 28-го іюня 1765 г.» (Некрологъ его. «Новое Время» 1902 г., № 9395).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Въ «Воспоминаніяхъ» о Нефедовѣ г. Васюкова, напечатанныхъ въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», имѣется слѣдующая фактическая ошибка. Тамъ сказано (на страницѣ 585), что покойный писатель былъ арестованъ въ 1880 году, потому, будто бы, что «у Нечаева нашлось или письмо Нефедова, или его адресъ». Это не вѣрно—даже и въ хронологическомъ отношеніи: Нечаевъ былъ арестованъ за границей въ 1871 году; судили его въ Москвѣ въ 1872 году, осенью; арестъ же Нефедова, какъ подтверждаетъ и самъ г. Васюковъ, состоялся въ 1880 году, т. е., спустя 8 лѣтъ послѣ окончанія самаго «дѣла» о Нечаевѣ и даже послѣ уже его смерти, послѣдовавшей, какъ было слышно, въ 1883 году.

Ив. Захарьинъ.

было излишне. Муниципальная комиссія, предшествуемая мэромъ и его помощникомъ, направилась къ Национальнымъ воротамъ; за ними слѣдовала громадная толпа. Гермать съ сыновьями и дядя Ансельмъ были тамъ.

Карлъ держалъ за руку дядю, блиставшаго своей лучшей одеждой, не потому, что онъ ожидалъ чего либо для себя или для своихъ отъ вмѣшательства Швейцаріи, но онъ просто проявился отъ этого прекраснаго зрѣлища. Его чистое сердце раскрылось для восторга и благодарности, и онъ повторялъ наканунѣ весь вечеръ:

— Это прекрасно! Ахъ, какъ это прекрасно!

И какъ бы разбуженный отъ своего оцѣпенѣнія, онъ первый разъ, въ продолженіе долгаго времени, напомнилъ Карлу старыя легенды о дружественныхъ узахъ, соединявшихъ Страсбургъ, свободный городъ, съ швейцарскими городами.

— Помнишь, Карлъ, о жителяхъ Цюриха во время праздника стрѣльбы въ цѣль, помнишь объ ихъ лодкѣ, о котлѣ съ кипѣвшимъ рисомъ и о томъ, что сказали швейцарцы «амнейстеру»: какъ мы можемъ сегодня принести вамъ рису, еще горячаго, такъ рассчитывайте, что наша помощь будетъ также быстра въ день опасности.

И Карлъ снова увидѣлъ въ воображеніи гигантскій котелъ, сохранявшійся въ библиотекѣ, а также картину, находившуюся въ художественномъ музеѣ и уничтоженную пожаромъ, которая изображала прибытіе «Hirsebrei» въ Страсбургъ.

— Когда Базель былъ уничтоженъ землетрясеніемъ,—снова началъ Ансельмъ:—то у насъ укрылись разоренныя семьи, и Страсбургъ съ Рейнской республикой помогали базельцамъ своими деньгами возстановить городъ. Мы и швейцарцы во всѣ времена были хорошими друзьями.

— Развѣ они опять принесутъ горячаго рису?—спросилъ Карлъ, очень любившій рисъ на молокѣ. Онъ все болѣе и болѣе безпокоился, слыша, какъ говорила Гертруда, что запасы уменьшаются, и одно яйцо стоитъ двадцать пять сантимовъ, а мѣшокъ картофеля шестьдесятъ франковъ.

— Они принесутъ лучше, чѣмъ это,—сказалъ дядя.

Онъ уже видѣлъ, какъ маленькій Карлъ, Андрэ и невѣстка вышли изъ своихъ казематовъ—изъ этого помѣщенія, гдѣ спятъ на тюфякахъ не раздѣваясь,—онъ видѣлъ ихъ вмѣстѣ съ Гертрудой, Гретхенъ и бѣдной Ганной достигнувшими мирнаго швейцарскаго города, гдѣ они забудутъ весь пережитый ужасъ, и гдѣ у Карла сдѣлаются снова пухленькія щечки. Но какъ только мужъ возбудилъ этотъ вопросъ, г-жа Гермать отвѣтила съ нѣжной твердостью:

— Нѣтъ, я не покину тебя, не настаивай—я рѣшила. Вмѣстѣ мы прошли чрезъ эти испытанія, вмѣстѣ и окончимъ, если Богу

будеть угодно. Я не буду въ состояніи перенести ужасъ сознанія, что ты и вы, Ансельмъ—здѣсь, тогда какъ я въ Базелѣ или въ Цюрихѣ буду кататься, какъ сыръ въ маслѣ. До сегодняшняго дня наши дѣти сохранились. Такой семьѣ, какъ наша, не слѣдуетъ разъединяться.

Самыя убѣдительныя настоянія столкнулись съ ея волей. Но, поспѣшивъ отказаться отъ этого шага для себя, она должна была подумать о Линѣ Стумпфъ, ребенокъ которой, лишенный молока, чахнулъ, о Ганиѣ и другихъ служанкахъ. Одна Гретхенъ согласилась уѣхать, такъ какъ у нея былъ двоюродный братъ въ Люцернѣ, Гертруда же разсердилась и сказала, вся покраснѣвъ:

— Вотъ такъ хорошо! Развѣ я уйду, оставивъ своихъ господъ и домъ, въ который поступила скоро тридцать лѣтъ?

Ганна тоже ничего не хотѣла слышать и отвѣтила:

— Куда же я теперь пойду съ одной рукой?..

Она такъ измѣнилась, что ее нельзя было узнать. Она не покорилась безропотно судьбѣ и долго оплакивала свою немощь, или дико углублялась въ себя, устремивъ глаза въ пространство.

Андрэ смотрѣлъ по сторонамъ, думая, что въ этой нетерпѣливой толпѣ онъ увидитъ Элизу. Онъ и желалъ и не желалъ ея удаленія изъ города. Знать, что она съ этого времени будетъ спасена, и не видѣть ея болѣе!.. Эти два чувства спорили въ немъ, согласно тому, эгоизмъ или самоотверженная любовь увлекали его. На что не рѣшились бы Ансберги, но предъ достовѣрностью рокового исхода, отерочивавшагося день ото дня и часъ за часомъ, хотя неизбежнаго, онъ чувствовалъ, какъ увеличивались его страданія, крѣпкія объятія которыхъ его уже предупреждали. Онъ отгадывалъ и зналъ, хотя никто ему объ этомъ не говорилъ, что паденіе Страсбурга создастъ въ ихъ жизни драму. Въ ней поднимутся грозные вопросы, будущность будетъ поставлена на карту; но это была таинственная тѣнь, безпокойный мракъ, который онъ боялся изслѣдовать.

Вокругъ его раздавались ропотъ и проклятія... первый разъ толпа вошла въ предмѣстья: въ нихъ виднѣлись обуглившіяся стѣны и обрушившіеся дома; тамъ, гдѣ начинался самый бѣдный и болѣе всѣхъ населенный кварталъ, теперь разстилалась каменная пустыня. Національныя ворота съ двумя мрачными башнями открывались издали, насквозь пробитыя, испещренныя брешами. Ближайшія батареи умолкли, но направо на всемъ фронтѣ атаки гремѣли раскаты бомбардировки.

Муниципальная комиссія одна переступила поднятый мостъ первой ограды; звуки трубы раздались въ полѣ; отворились вторыя ворота; делегаты Швейцаріи находились тамъ. Это были: государственный секретарь Бишофъ, полковникъ Бюренъ и докторъ Рёмеръ. Всѣ руки протянулись къ нимъ, слезы текли по щекамъ.

Они хотѣли пройти далѣе. Гюманнъ остановилъ ихъ и началъ говорить. Онъ выразилъ имъ благодарность города и сказалъ:

— Милости просимъ пришедшихъ спасти женщинъ, дѣтей и старцевъ... Сообщите Европѣ о зрѣлищѣ, свидѣтелями котораго вы были въ нашихъ стѣнахъ; скажите, что это война девятнадцатаго вѣка.

Его дрожащій голосъ возвысился:

— Уже не противъ валовъ и солдатъ направляется огонь, а противъ населенія... женщины и дѣти—первыя жертвы. Наши валы, какъ вы видите, не тронуты, а наши жилища—сожжены. Наши церкви, историческіе и вѣковые памятники недостойно изувѣчены и разрушены, а наша чудная библіотека навсегда уничтожена. Вы можете сказать это все Европѣ, но скажите также, что эти жестокости, опустошенія, эти возобновленныя дѣйствія мусульманъ и варваровъ—безполезны, что они не покорили нашей храбрости, и мы были тѣмъ, чѣмъ хотимъ остаться навсегда,—храбрыми и твердыми французами!

Базельскій докторъ Бишофъ отвѣтилъ нѣсколькими словами:

— Я не краснорѣчивъ, но наши дѣйствія говорятъ за насъ.

И процессія направилась въ городъ. Когда они вошли въ предмѣстье, то какъ бы электрическая волна пробѣжала по толпѣ, и раздались восклицанія:

— Да здравствуетъ Швейцарія!

Толпа замахала платками, и головы обнажились: это былъ непреодолимый порывъ.

Герматы слились душею съ этимъ общимъ воодушевленіемъ. Внезапно Андрэ, отъ толчковъ, какъ могъ, защищавшій Карла, который сидѣлъ на плечахъ у дяди,—почувствовалъ, какъ маленькая ручка схватила и нервно сжала его руку. Это была Элиза. Она также заразилась воодушевленіемъ, повинувась движенію сильнѣе ея воли: въ ея большихъ глазахъ горѣло нѣжное пламя сильнаго возбужденія. Но скоро она овладѣла собою. Ансбергъ былъ около нея и смотрѣлъ, какъ медленно приближались между тѣсными рядами толпы три человекъ, олицетворявшіе состраданіе народа и гуманность цивилизованнаго міра. Онъ казался постарѣвшимъ и не такимъ гордымъ, какъ прежде. Гнѣвъ на непрерывный рядъ несчастій прошелъ, онъ видѣлъ только одно: имперія низвергнута, все его вѣрованія растоптаны. Онъ чувствовалъ себя побѣжденнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что рушилось. Республика? Въ нее онъ не вѣрилъ, и печальный онъ созерцалъ мрачный горизонтъ.

Съ швейцарскими делегатами вошла въ замкнутый городъ истина, изгнанная, заглушенная, перереженная истина. Страсбургъ сразу узналъ о великихъ событіяхъ и съ жаромъ принялся ихъ объяснять.

Официальная ложь рушилась. Такимъ образомъ уже недѣля, какъ существовала республика, и объ этомъ не знали!... Обсудивъ все съ муниципальной комиссией въ торговой палатѣ, делегаты отправились къ губернатору. Тогда улицы уже были пусты. Повсюду виднѣлись окна, заложеныя тюфяками, отдушины погребовъ, заваленныя навозомъ; надъ мрачными домами раздавался свистъ и взрывы гранатъ: Страсбургъ являлся какъ бы городомъ мертвыхъ.

Въ то время, какъ генераль Урихъ принималъ делегатовъ, комиссія разсматривала прошенія о выходѣ изъ города и приготовляла списки, которые генераль Вердеръ долженъ былъ ратифицировать. Префектура, угрожаемая толпой, прибѣгла къ полиціи и попробовала возратить себѣ общественное мнѣніе. Внезапно распространилась тревога... эти швейцарцы были прусскіе эмиссары, уполномоченные обезнадежить народъ фальшивыми извѣстіями. Бюренъ, Рёмеръ, Бишофъ — лгуны! Они даже не швейцарцы!.. Часть легковѣрныхъ жителей, раздраженная, ожидала на дворѣ ратуши возвращенія делегатовъ, находившихся въ этотъ моментъ у генерала Уриха. Произошли тягостныя сцены, буйныя споры между статскими и военными, чиновниками, бонапартистами и свободными гражданами. Префектъ разглагольствовалъ среди группъ, опровергалъ Седанъ, паденіе имперіи и учрежденіе республики.

Когда въ четыре часа делегаты сѣли въ карету и направились къ прусскому лагерю, то ихъ сопровождали немногіе жители. За нѣсколько часовъ, проведенныхъ въ Страсбургѣ, эти люди въ награду за свою преданность получили жестокія оскорбленія. Вечеромъ даже прошелъ слухъ, что ихъ задержали и посадили въ тюрьму, какъ шпионовъ.

На другой день мстительница истина разогнала эти слухи. Страсбургъ узналъ о мирной революціи 4 сентября. Множество домовъ разукрасились флагами. Марсельеза оглашала воздухъ въ промежуткахъ между пушечными выстрѣлами. Снова возродились надежды: это лучше, чѣмъ побѣда, лучше, чѣмъ освобожденіе. Республика, казалось, обѣщала спасительное будущее: переговоры и близкій миръ. Императорская власть, префектъ, центральный комиссаръ — исчезли. Баронъ Пронъ, вышедшій въ отставку, былъ замѣненъ временнымъ преемникомъ, уполномоченнымъ муниципальной комиссией. Мэръ Гюманъ удалился со своими помощниками. Докторъ Кюссъ, окруженный новыми помощниками, взялъ на себя тяжелую отвѣтственность быть представителемъ города. Только что возстановленная муниципальная комиссія клеймила объявленіемъ сильныхъ людей, которые безъ важной причины покинули Страсбургъ съ тѣхъ поръ, какъ открылась война. Она признавала ихъ недостойными исполнять съ этого времени какія либо общественныя должности.

Это объявленіе прикрывало то, въ которомъ префектъ, проща-ясь съ народомъ, рѣшился объявить о великихъ событіяхъ, и дру-гое, гдѣ Урихъ, признавая правительство національной обороны, призывалъ къ патриотизму всѣхъ солдатъ и жителей...

Однако, желавшіе покинуть Страсбургъ подписывались въ бюро торговой палаты. Двѣнадцатаго, съ утра, пятьсотъ тысячъ человѣкъ потребовали пропускъ. Послѣдовали переговоры между швейцарскими делегатами, генераломъ Вердеромъ и муниципалитетомъ. Первая партія состояла изъ людей, имѣвшихъ достаточно средствъ для прожитія въ Швейцаріи; затѣмъ слѣдовали больные всевозмож-ныхъ категорій. Прусскіе солдаты эскортировали кареты эмигран-товъ до Ринау. Въ пятидесяти открытыхъ повозкахъ, съ постлан-ной внутри соломой, переправлялись тѣ, кто не могъ найти мѣста въ каретахъ.

15-го, дядя Ансельмъ и Ганна провожали Гретхенъ къ Аустерлиц-кимъ воротамъ. Бѣлокурая служанка теперь сожалѣла объ отбѣздѣ и заливалась горячими слезами. Она должна была сопровождать въ той же каретѣ Лину Стумпфъ съ ребенкомъ, г-жу Готтусъ и ея трехъ сыновей. Та же причина, которая удержала г-жу Герматъ около мужа, заставила остаться г-жу Ансбергъ и Элизу. Онѣ отка-зывались упорно покинуть одна—отца, другая—мужа. Андрэ по-перемѣнно радовался этому и огорчался.

— Полно, Гретхенъ,—говорилъ добродушно Ансельмъ:—не порти твоихъ красивыхъ глазъ. Чортъ возьми, ты должна быть довольна, покидая насъ!

— О, нѣтъ, г. Ансельмъ!.. — и слезы служанки усилились.

Они увидѣли приближавшійся экипажъ, въ которомъ находи-лись Готтусы и Стумпфы. Пасторъ и Стумпфъ вышли изъ него; они хотѣли остаться, какъ можно долѣе, со своими. Образовалась длинная нить наскоро нагроможденныхъ каретъ, сопровождаемая безконечной колонной пѣшихъ. Эта испуганная, тѣснившаяся толпа, дѣти, цѣплявшіяся за шею отцовъ, рыдавшія женщины, больные съ лихорадочными глазами, бросавшіе вокругъ себя взгляды, кото-рые выражали ужасъ,—все это представляло плачевное зрѣлище.

Долго Готтусъ, Стумпфъ, дядя Ансельмъ и Ганна смотрѣли, какъ удалялись экипажи, переполненные женщинами, дѣтьми и чемода-нами. Бѣлокурыя головы сыновей пастора тѣснились между кожа-ными занавѣсками, бѣлое платье ребенка Стумпфа образовало свѣт-лое пятно, а Гретхенъ посылая прощальныя привѣтствія Ганиѣ, которая своей здоровой рукою махала въ отвѣтъ платкомъ.

Когда экипажъ исчезъ въ волнѣ эмигрантовъ, то тѣ, которые остались, задерживаемые необходимостью или долгомъ, перегляну-лись между собою, успокоенные мыслью, что столько дорогихъ су-ществъ будутъ спасены, но въ то же время удрученные при мысли, что останутся одиноки... Они разстались, будучи не въ состояніи

сказать другъ другу слово; пасторъ пошелъ въ свою сторону, трое остальныхъ возвращались вмѣстѣ съ такимъ тяжелымъ сердцемъ, что они задыхались.

Всякій сознавалъ, что смертный часъ Страсбурга приближается. Это удаленіе женщинъ, дѣтей, стариковъ и больныхъ походило на бѣгство пассажировъ съ палубы давшего течь корабля въ лодкахъ, спущенныхъ въ морѣ. Каждый чувствовалъ, что надо остаться на палубѣ: это былъ долгъ мужчинъ. Но непріятель уже раскаялся въ своей запоздалой гуманности. Два дня спустя послѣ перваго выхода эмигрантовъ, Вердеръ увеличилъ затрудненія, воспротивившись отъѣзду эмигрантовъ массами. Ворота, остававшіяся частью открытыми, теперь были полуоткрытыми, а затѣмъ совсѣмъ заперлись. Съ трудомъ четыре тысячи могли удалиться изъ города, заключавшаго въ себѣ 80.000 душъ. Бомбардировка возобновилась ожесточеннѣе. Парламентеръ отправился снова къ Уриху требовать сдачи. Если не сдадутся на капитуляцію,—говорилъ онъ:—разрушеніе не пощадитъ ничего, уцѣлѣетъ лишь соборъ. По его словамъ, атака вошла въ тотъ періодъ, когда бомбардировка города необходима. Вердеръ просилъ Уриха подготовить жителей къ этому шагу непріятеля, такъ какъ онъ рѣшился взять Страсбургъ живымъ или мертвымъ.

Великіе дни бѣдствій возвратились. Непріятель сдѣлалъ брешь въ валахъ и разрушалъ дома; болѣе четырехсотъ превратились въ развалины. Тремя ударами нѣмецкіе артиллеристы свернули крестъ на соборѣ. Жертвы увеличивались отъ шестидесяти до восьмидесяти въ день. Шестъ тысячъ жителей оставались безъ крова. Подъ чудовищнымъ огнемъ батареи крѣпостныя работы рушились. Съ помощью крестьянъ, которыхъ непріятель принуждалъ работать, нѣмецкіе піонеры, переходя отъ параллели къ параллелѣ, дошли уже до гласиса. Фортификація 53 имѣла на выступѣ брешь въ тридцать метровъ. Она была взорвана послѣ того, какъ они ее покинули. Бастіонъ 52 былъ сокрушенъ. Ночью осаждавшіе установили флагъ на выступѣ 44 гласиса, какъ бы овладѣвъ имъ; артиллерійскій поручикъ Дарбусье вышелъ изъ укрѣпленія и сорвалъ его.

Спротивленіе зависѣло отъ одного дня, а вскорѣ отъ нѣсколькихъ часовъ. Съ утра до вечера дымный покровъ разстилался надъ Страсбургомъ; въ ночь Мундольсгейма всѣ увидѣли, какъ черная масса домовъ и памятниковъ освѣщалась краснымъ пламенемъ и зловѣще преобразилась. Увеселительныя поѣздки для любителей фейерверковъ обогатили нѣмецкія желѣзныя дороги, телѣжки, реквизицированныя въ Келѣ и окрестностяхъ, доставляли на берегъ Рейна любителей зрѣлищъ. Начиная съ писателей, самыхъ идиллическихъ, до ученыхъ и самыхъ суровыхъ профессоровъ, Германія трепетала отъ восторга. Бертольдъ Ауэрбахъ, буколическій романистъ, воспѣвалъ на мѣстѣ въ посланіяхъ, полныхъ энтузіазма

красоту города въ огнѣ, величіе этого дикаго разрушенія, ореоль пожара, въ которомъ сіяли, какъ въ вѣнцѣ, нѣмецкіе принцы и генералы. Одинъ писатель объявлялъ, что, безъ сомнѣнія, Франція была полна очарованія, остроумія, красоты, но надо было, хотя одинъ разъ, хорошо сжать ея тонкіе пальцы, до тѣхъ поръ, пока кровь заструится между розовыми ноготками. Однако, какъ увѣряли, въ осаждающей артиллеріи даже сами солдаты и взволнованные офицеры повиновались съ сожалѣніемъ. Что касается великаго герцога Баденскаго, безсильнаго филантропа, онъ отвѣчалъ пасторамъ, умолявшимъ его именемъ Бога мира и милосердія: «Es ist das Kriegsrecht' es könnte noch übler zugehen» (это законъ войны; могутъ быть еще худшія дѣла).

Въ одинъ сырой, холодный и дождливый вечеръ, у Герматовъ велась мрачная бесѣда между старыми друзьями: Гумблотомъ, пасторомъ Готтусомъ и Стумпфомъ; Вольфартъ былъ тоже тамъ. Онъ не участвовалъ болѣе въ отрядѣ вольныхъ стрѣлковъ, угрожаемомъ Вердеромъ законами войны. Онъ, какъ и большая часть его товарищей, бывшихъ вмѣстѣ въ отрядѣ Лие-Бодара, подписалъ свое поступленіе волонтеромъ. Легкая рана принудила его уволиться изъ службы на этотъ вечеръ. Извѣстія были дурныя; солдатъ плохо кормили, и они жаловались. Въ походныхъ госпиталяхъ и больницахъ, какъ объявилъ Гумблотъ, не существовало дисциплины. Напрасно доктора, ученики военно-медицинской школы умножались—гнилое зараженіе оспой причиняло страшное опустошеніе. Военно-госпитальная церковь оставалась заткнутой трауромъ, и обѣдни по умершихъ не прекращались.

— Всего хуже,—сказалъ Готтусъ:—это душевное состояніе низшаго слоя общества: чувствуется волненіе этой темной толпы, которая обыкновенно поднимается въ минуты великихъ кризисовъ. Въ предмѣстьяхъ праздношатающіяся шайки торопятся выламывать двери домовъ и уносить съ собою все. Вчера вечеромъ я слышалъ на углу моей улицы, какъ какіе-то люди съ лицомъ висельниковъ издѣвались, говоря: «не слишкомъ рано беремъ, все равно скоро ограбятъ богачей».

Высказался и Стумпфъ.

— Страсбургъ не будетъ болѣе въ состояніи держаться долго.

— Ну, такъ что же!—сказалъ Герматъ:—лишь бы онъ удержался до конца своихъ силъ! Мы пожертвуемъ собою, и удержимъ подъ нашими стѣнами армейскій корпусъ. Мы останемся опорой Франціи.

Вольфартъ поднялъ печально голову. Думали уже о капитуляціи...

И, понизивъ голосъ, онъ сказалъ:

— Безъ совѣта обороны это уже совершилось бы.

Къ этому отнеслись недоувѣрчиво, и онъ подтвердилъ:

— Да, послѣ долгой бесѣды съ муниципальной комиссіей Урихъ, подъ вліяніемъ безнадежнаго положенія, а также взволнованный страданіемъ народа, составилъ письмо къ генералу Вердеру; послѣ того, какъ предъ совѣтомъ обороны онъ изложилъ положеніе дѣлъ и заключилъ, что сопротивленіе приходитъ къ концу, то вручилъ письмо полковнику Дюкассу, приказывая ему отправиться въ главную квартиру непріятеля для переговоровъ о сдачѣ города. Совѣтъ взволновался; послышались рѣзкіе протесты. Урихъ сказалъ: «Засѣданіе закрыто». Члены совѣта вышли и остановились въ сосѣдней комнатѣ; они такъ рѣзко заспорили, что появился Урихъ. Протесты и мольбы удвоились. Адмиралъ Эксельманъ объявилъ: «Это рѣшеніе преждевременно, я протестую и удаляюсь». Генералъ Барраль загорячился: «Это капитуляція Бейлена». Инженерный подполковникъ Маритцъ разразился рыданіями и умолялъ не посылать парламентаря Уриха. Полковникъ Блотъ отказался присоединиться къ взятому рѣшенію: «его полкъ много страдалъ, но готовъ еще сражаться». Полковникъ Дюкассъ, какъ истинный солдатъ, высказался, что «готовъ исполнить приказанія, но съ смертью въ душѣ, бороться еще можно и должно. По военнымъ правиламъ необходимо для сдачи, чтобы брешь была образована въ передовомъ фортѣ». Сопротивленіе заставляетъ бездѣйствовать 60.000 нѣмецкаго войска. Я требую протоколъ совѣщанія, чтобы подписать свое мнѣніе: защищать до крайности!» Тронутый Урихъ отвѣчалъ:

— Слезы подполковника Маритца и протесты въ приличной формѣ полковника Дюкасса меня болѣе трогаютъ, чѣмъ всѣ рѣзкости, которыя я только что слышалъ. Такъ, господа, вы думаете, что мы можемъ еще бороться?

— Да! да!

Урихъ отвѣчалъ:

— Этого достаточно. Полковникъ Дюкассъ, возвратите мнѣ письмо, сопротивленіе проложится, и мы не сложимъ оружія, пока вы не скажете, что все кончено.

Въ рѣзкомъ голосѣ, въ скромныхъ жестахъ Вольфарта каждый изъ присутствовавшихъ представлялъ себѣ эту сцену. Было слишкомъ очевидно, что муниципальная комиссія изъ жалости къ несчастіямъ города желала скорѣе ихъ покончить. Наканунѣ всѣ ея члены, въ количествѣ сорока пяти, исключая двоихъ протестующихъ—Маларме и Липпа, выразили губернатору желаніе начать переговоры съ непріятелемъ.

Урихъ, на этотъ разъ лучше настроенный, отвѣчалъ:

— Конечно, было бы жестоко видѣть до такой степени страдающихъ жителей, но данный примѣръ не будетъ бесплоднымъ: Туль, Верденъ, Монмеди еще сопротивляются. Парижъ, покрывшій статую Страсбурга на площади Согласія цвѣтами, вдохновился этимъ великимъ примѣромъ, чтобы побѣдить врага...

И онъ прибавилъ:

— Страсбургъ—это Эльзась, и пока наши флаги будутъ развѣваться въ его стѣнахъ, Эльзась будетъ французскимъ; но если Страсбургъ падеть, Эльзась роковымъ образомъ сдѣлается прусскимъ.

Онъ требовалъ еще немного терпѣнія и благородной смѣлой покорности Провидѣнію.

— Онъ правъ!—воскликнулъ Гермать.

Но если всё такъ думали, то сказалъ это онъ одинъ; воцарилось суровое молчаніе.

X.

На другой день только и было разговору, что о пріѣздѣ новаго префекта Валянтена и о его героической одиссеѣ.

Всѣмъ было хорошо извѣстно, что правительство національной обороны избрало его для замѣщенія префекта имперіи, но возможно ли было повѣрить, что онъ будетъ въ состояніи пробиться чрезъ линіи германскихъ войскъ и проникнуть въ городъ?

— Я этому никогда не повѣрилъ бы,—сказалъ Гермать.

Семья собралась вокругъ завтрака, состоявшаго изъ лошади-наго душоного мяса, съ картофелемъ.

Онъ снова заговорилъ:

— Однако, я зналъ Валянтена, какъ энергичнаго человѣка. Это сынъ Эльзаса; помнишь его, Ансельмъ? Въ 1849 г. департаментъ Нижняго Рейна выбралъ его почти единодушно представителемъ народа въ національномъ собраніи.

— Да,—сказалъ дядя:—но кушай же, Карлъ; ты теперь никогда не голоденъ?

Мальчикъ еталъ еще блѣднѣе, его полненькія щечки совершенно провалились; онъ сдѣлалъ гримасу. У него нашелся бы аппетитъ, если бы, по предсказанію дяди, ѣли паштетъ изъ гусиной печенки, но эта лошадь, должно быть, деревянная, она такая крѣпкая...

Андрэ со страстнымъ вниманіемъ слушалъ рассказъ отца о попыткахъ и успѣхѣ Валянтена. Они походили на романъ и останутся въ исторіи.

— Слушай, Карлъ,—сказала г-жа Гермать:—это прекрасно и истинно.

На ея кроткихъ чертахъ выражалось оживленіе подѣ влияніемъ рассказа о борьбѣ со столькими препятствіями, о ловкости и смѣлости этого человѣка, пробравшагося сквозь цѣлую армію.

— Двадцать разъ онъ рисковалъ своей жизнью,—сказалъ Гермать.—Снабженный американскимъ паспортомъ, онъ попробовалъ достигнуть Страсбурга съ южной стороны. Патруль его остановилъ и чрезъ пятнадцать часовъ отпустилъ. Онъ хотѣлъ войти чрезъ

Иль въ крѣпость: здѣсь опять его остановили и еще разъ удалили. Онъ рѣшилъ отправиться въ Виссембургъ. Всѣ сдѣлались его сообщниками; женщины и дѣти провожали его. Переодѣтый крестьяниномъ, онъ прошелъ чрезъ непріятельскіе ряды, спалъ въ домѣ Вердера и его главнаго штаба, пилъ ихъ кофе, говорилъ предъ нимъ о «знаменитомъ Валянтенѣ» и ихъ хорошемъ караулѣ. Онъ поселился въ послѣднемъ домѣ Шильтихгейма, совсѣмъ близко отъ нашей бѣдной фабрики. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ наблюдалъ за траншеями и маневрами солдатъ, и, уловивъ моментъ, онъ ринулся; послышался крикъ и выстрѣлъ. Онъ ползъ на животѣ подъ пулями чрезъ картофельныя и маисовыя поля. Достигнувъ береговъ Аара, впереди 57-го люнета, онъ бросился впасть. Онъ запутывался въ травѣ, возвращался назадъ, снова бросался въ воду и послѣ бесполезнаго зова часовыхъ на обрывѣ рва достигъ другого берега. Съ трудомъ взобравшись на вершину бруствера, онъ поднялся и закричалъ, Франція! Раздались ружейные выстрѣлы, направленные въ его лицо: старый зуавъ прицѣлился въ его щеку; какой-то капралъ опустилъ ружье со словами: «Не стрѣляйте, видите, онъ одинъ!»

— Вотъ это человѣкъ!—сказала Гертруда, которая слушала разсказъ, собирая со стола.

Герматъ продолжалъ:

— Его заперли въ одномъ изъ павильоновъ, находившихся въ саду Липса: было слишкомъ поздно отвести его въ городъ. Сегодня утромъ, въ шесть часовъ, его проводили въ главную квартиру; тамъ Валянтенъ сказалъ: «Доложите — префектъ Нижняго Рейна». Онъ вынулъ изъ разорваннаго рукава декретъ о своемъ назначеніи и подаль его Уриху.

— Какое несчастье, что онъ явился такъ поздно!—сказала г-жа Герматъ.—Если бы раньше воспользовались такой энергіей, то она сдѣлала бы великія дѣла.

Въ тотъ же вечеръ загорѣлась префектура: «Прекрасная иллюминація для моего вѣзда!»—сказалъ смѣясь Валянтенъ.

Однако его появленіе было встрѣчено холодно въ муниципальной комиссіи и въ городѣ. Все потому, что тотъ же декретъ, который назначалъ его префектомъ, опредѣлялъ мэромъ Энгельгардта, адвоката и публициста, который былъ непопуляренъ по своей политической роли. Многіе либералы возмутились при мысли, что новое правительство, подражая прежнему, присвоило себѣ право назначать первыхъ должностныхъ лицъ общинъ, опредѣливъ въ Страсбургѣ представителя, котораго никто не хотѣлъ. Развѣ требовалось двадцать лѣтъ свободы общинъ для того, чтобы видѣть отказъ молодой республики? Не настоятъ ли новый префектъ на опредѣленіи новаго мэра? По счастью, Валянтенъ откровенными объясненіями разрѣшилъ кризисъ: назначеніе Энгельгардта было отмѣнено, и у Страсбурга не было другого мэра, какъ Кюссъ.

Но что могли сдѣлать люди съ сердцемъ теперь подъ градомъ огня, когда все погрузилось въ смерть! Тщетно въ четырехъ округахъ обороны, подъ командою подполковника Ралле и полковниковъ Птипье и Бло, а также контръ-адмирала Эксельмана, отважно бо-ролись пѣхотинцы 87 полка, волонтеры, таможенные и моряки; тщетно артиллеристы давали себя убивать на своихъ снятыхъ съ лафета пушкахъ, тщетно разрушались бойницы, уничтожались брустверы, проводились ночи въ поднятїи мѣшковъ съ землею вокругъ пушекъ—непріятель съ каждымъ часомъ приближался. Его осадныя мортиры причиняли страшныя опустошенія. Спеціаль-ный поѣздъ изъ двадцати вагоновъ въ день доставлялъ изъ глу-бины германскихъ крѣпостей громадное количество гранатъ, шрап-нелей и бомбъ. Городъ и валы были осыпаны болѣе чѣмъ сто вось-мьюдесятью тысячами метательными снарядами; 11 и 12 бастїоны были пробиты брешью; пять укрѣпленїй, послѣдовательно покину-тыхъ, были разсыпаны, какъ жемчужное ожерелье, у котораго обо-рвалась нитка.

Муниципальная комиссія сдѣлала еще попытку у генерала Уриха, во имя страданїй народонаселенія. Онъ отвѣтилъ:

— Мною руководить военный законъ, и моя обязанность повино-ваться ему неизмѣнно.

И онъ прибавилъ:

— Событїя идутъ...

И каждый чувствовалъ себя увлеченнымъ ужаснымъ теченїемъ.

Часы, минуты были безконечны. Самыя впечатлительныя души пресытились. Узнавали ли онѣ, что театръ объять пламенемъ, что женщины родили въ большой водосточной трубѣ, что бомба, уда-рившись въ церковь св. Іоанна, убила несчастныхъ, искавшихъ тамъ убѣжища, что порѣдѣвшихъ пожарныхъ не хватало болѣе для пожа-ровъ, такъ какъ гранаты разбили чаны съ водою и разгромили упряжи, что угрожалъ голодъ, что нечистоты, распространенныя на гласисахъ, сдѣлались гнѣздомъ заразы, что въ Ботаническомъ саду засыпали зараженную землю разрубленными двадцатью пятью тру-пами,—онѣ смотрѣли безъ удивленія на рассказывавшаго, и вотъ все что отвѣчали: «А!».

Способность страдать атрофировалась, условія существованія не-ревернулись: жизнь становилась исключенїемъ, а смерть—правиломъ къ этому привыкали. Въ особенности же раздирающимъ сердце обстоятельствомъ было то, что съ этимъ свыклись. Другъ, ко-торому вчера пожимали руки, исчезъ,—что дѣлать? даже не огор-чались болѣе: гдѣ же взять еще слезъ? Въ сырыхъ погребахъ, за-раженныхъ грязью, безчисленные замуравленные пассивно ожидали своего послѣдняго часа, какъ безчувственные предметы. Слабые, ста-рики и дѣти умирали.

Тѣ, которые сохранили свои души нетронутыми до конца, вели

себя благородно. Такіе люди ходили по обвалившимся улицамъ, останавливаясь, сторонясь отъ пуль, часто блѣдные, съ бившимся усиленно сердцемъ, съ плотью, возмущавшейся противъ ума, который ихъ вель, — и тѣмъ болѣе оказывались храбрыми. И это были не только военные, люди закаленные опытомъ, но простые граждане, женщины, мальчики. Гумблотъ окрѣпъ, Стумпфъ осмѣлился подвергаться опасности, Карлъ забылъ Нозми, и этотъ содомъ ему казался совершенно естественнымъ. Онъ говорилъ о внезапныхъ взрывахъ:

— Паратапуфъ! Бум! Не правда ли, мама, мы не сдадимся?

Однажды вечеромъ Ансельмъ снова взялся за скрипку и цѣлыми часами игралъ Бетховена. Когда шумъ пушечнаго урагана былъ очень силенъ и заглушалъ жалобы смычка, г-жа Гермагъ и ея мужъ склонялись и прислушивались къ музыкѣ. Этотъ горячій голосъ скрипки изливался, какъ душа, и только, когда слушали его, водворялась лучшая атмосфера: и настоящее забывалось— жили въ прошедшемъ, мрачныя стѣны этихъ казематовъ исчезали, предоставивъ мѣсть рѣзвѣ старой гостиной. Столько добрыхъ семейныхъ вечеровъ видѣли они, собираясь подъ лампою; тогда царствовалъ миръ; каждый день гуляли въ полѣ, небо было прозрачно, сентябрьская пожелтѣвшая зелень, омываемая свѣтомъ, трепетала надъ зелеными водами. Земля была сплошной пашней, ласточки собирались вмѣстѣ; утренній и вечерній туманъ предвѣщалъ осень; великолѣпіе полей и лѣсовъ издавало сіяніе радости и безконечной меланхолии. Вотъ что вызывала скрипка Ансельма: исчезнувшее счастье и скрывшіеся прекрасные дни, такъ какъ кто же смѣлъ думать о будущемъ?

Андрэ, не уставая, слушалъ этотъ стонущій, поющій и просящій голосъ. Онъ былъ отзвукомъ его больного сердца, и Андрэ испытывалъ странную тоску, слѣдя за быстро исчезающими на этомъ звучномъ деревѣ рисунками смычка, поднимавшагося и опускавшагося волною нѣжныхъ или торжественныхъ звуковъ. Иногда вечерами вмѣсто того, чтобы подвергать себя опасности во тѣмѣ улицъ и провести часъ съ Элизой въ погребѣ, гдѣ она укрывалась съ матерью, ему случалось оставаться дома, положивъ локти на столъ и подперевъ подбородокъ руками въ глубокой задумчивости. Однако, его задерживали не лѣнь и не осторожность. Это также не было ни скукой вслѣдствіе того, что онъ не могъ разговаривать съ Элизой наединѣ, ни стѣсненіемъ, что онъ видитъ ее лишь въ присутствіи испуганныхъ женщинъ, такъ какъ для него было трогательнымъ счастьемъ молча созерцать ее. Нѣтъ, онъ не сумѣлъ бы сказать, что принуждало его оставаться дома, кромѣ магнетическаго дѣйствія чарующей музыки. Едва только онъ осмѣливался углубиться въ себя самого, какъ пугался при мысли, что онъ не находилъ Элизы, между тѣмъ какъ они искали другъ друга.

Элиза! Боже! какъ онъ однако ее любилъ! Какое было отчаяніе, когда онъ пересталъ ее видѣть! Какой былъ восторгъ, когда онъ ее спасъ,

и какое было восхищеніе встрѣтиться потомъ и сказать себѣ, что дурной кошмаръ миновалъ, и что онъ воскресъ къ жизни, къ будущности.

Будущность!.. Но какая будущность? Будетъ ли она одна для нихъ обоихъ?.. развѣ ужасное настоящее не поглотило всего? Какимъ бы онъ ни былъ эгоистомъ въ любви, и какъ бы ни была горяча его любовь, но что-то болѣе великое возлагалось на него въ данный моментъ и подавляло его. Это было несчастье его родины. Онъ боялся думать о Страсбургѣ, а онъ только объ этомъ и думалъ. Двѣ недѣли тревоги и ужаса измѣнили его и сдѣлали почти совсѣмъ другимъ. Двѣ недѣли тому назадъ любовь къ Элизѣ занимала его болѣе, чѣмъ народный трауръ; онъ возмущался, потому что Элиза могла быть убита, онъ негодовалъ, что не могъ свободно, мирно наслаждаться ихъ прекрасной молодостью; онъ проклиналъ эту войну, которая для нихъ была посторонней... Что же произошло въ немъ, и почему теперь національная катастрофа добралась до самыхъ интимныхъ его нервовъ и мозга, и онъ страдалъ всѣмъ сердцемъ отъ этихъ страданій, но не потому, что это угрожало Элизѣ и ему, однимъ, но вслѣдствіе того, что несчастью подверглось столько невинныхъ существъ. Слившись въ одно съ опасностью города, онъ чувствовалъ себя связаннымъ тысячью кровавыхъ фибръ съ Страсбургомъ, съ Эльзасомъ и съ Франціей. Онъ уже это доказалъ, когда гулялъ съ отцемъ внѣ города, въ тотъ день, когда воспоминаніе о традиціяхъ, обычаяхъ, прошедшемъ Страсбурга и его улицъ поднялось въ немъ; это былъ памятный день первыхъ большихъ пожаровъ. Но какъ это онъ живо ощущалъ сегодня!

Вчерашній ребенокъ сдѣлался мужчиной сегодня; онъ въ нѣсколько дней созрѣлъ въ этихъ огненныхъ теплицахъ. Да, онъ любилъ Элизу также, можетъ быть, даже полнѣе и серіознѣе, но по-другому. Все романическое, что служило ореоломъ его нѣжности,—разсѣялось; онъ увидѣлъ истину въ лицо. Ему казалось, что какъ ни была бы ихъ любовь прекрасна, искренна и велика, все же она—ничтожное, бѣдное индивидуальное чувство рядомъ со всѣмъ страшнымъ водоворотомъ души, который кипѣлъ въ нихъ въ эти лютые часы. Въ прошедшій вечеръ онъ болѣзненно это почувствовалъ въ присутствіи Элизы. Они не могли говорить о себѣ и чувствовали, какъ отсутствовали сами въ себѣ; ихъ мысли неслись къ этой громадной скорби, охватившей всѣхъ, ко всѣмъ тѣмъ, кто страдалъ тѣломъ и душою. Это необъяснимое молчаніе и скорбные разговоры о бѣдствіяхъ проникли въ нихъ тогда мучительной грезой, въ концѣ которой они просыпались, смотря другъ на друга, какъ на два дорогихъ существа, раздѣленные широкой пропастью и протягивавшія другъ другу руки, но которыя не могли соединиться. Затѣмъ онъ изгналъ эти мысли.

Упадокъ силъ?.. Упадокъ духа?.. Да, они облагородили ихъ страсть горемъ, переживаемымъ столькими существами, и которое они раздѣляли. Но развѣ правда, что громадныя бѣдствія могутъ одержать верхъ надъ ихъ любовью, и чѣмъ же виновата ихъ любовь, что они обязаны отечеству? Почему имъ было бы стыдно любить другъ друга? Напротивъ, не моментъ ли это, чтобы прижать другъ друга къ сердцу, подъ висѣвшей надъ ихъ головами смертью?

Скрипка Ансельма продолжала пѣть...

Наступило 24-е. Страсбургъ находился въ осадѣ уже въ продолженіе семи недѣль, и съ часу на часъ разрушался. Съ двухъ сторонъ Каменныхъ воротъ стѣны бастіоновъ были пробиты. Въ оградахъ люнетовъ 52 и 53 мортиры и пушки сдѣлали бреши. Можно было различить въ городѣ глухіе раскаты бомбъ, взрывававшихся противъ Каменныхъ воротъ и превращавшихъ ихъ въ порошокъ. Приготовлялся штурмъ. Осаждаемые готовили плоты, бочки, фашины, наполненные камнями. Городъ будетъ бомбардированъ воспламеняющимися гранатами сразу изъ всѣхъ батарей. Солдаты изъ Помераніи, которыхъ Вердеръ называлъ нѣмецкими тюркосами, должны были предшествовать атакующимъ колоннамъ. Однажды спущенные, они не знали удержу; тогда совершатся всѣ ужасы отданнаго на разграбленіе города.

Великій герцогъ Баденскій вмѣшался, «какъ добрый сосѣдъ Эльзаса и въ особенности Страсбурга». Онъ написалъ Уриху, чтобы послѣдній послушался «голоса нѣмецкаго принца, сражающагося за славу родины, но, тѣмъ не менѣе, знавшаго долгъ предъ Богомъ, для котораго одна слава: братская любовь». Генераль исполнилъ свой долгъ; зачѣмъ было ждать очевиднаго взятія Страсбурга, зная, что это «дорого будетъ стоить его гарнизону, и послѣдствія будутъ еще пагубнѣе для бѣднаго города»?

Урихъ отвѣчалъ, какъ «гражданинъ Страсбурга» — почетный титулъ, пожалованный ему городомъ. По его мнѣнію, несмотря на состраданіе къ развалинамъ, окружавшимъ его, къ безвреднымъ мужчинамъ, женщинамъ и бѣднымъ дѣтямъ, падавшимъ подъ пулями и картечью,—онъ исполнитъ свой долгъ до конца.

Французская артиллерія выбилась изъ силъ, пушки съ лафетовъ сбиты, артиллерія была уничтожена. Валы годились теперь лишь для защиты разобщенныхъ людей. Бруствера послѣднихъ передовыхъ укрѣпленій и главная часть крѣпости были срыты; во всемъ фронтѣ атаки не было ни одного орудія, способнаго произвести огонь. Не оставалось ни одного прикрытія для защиты войска, которое отбило бы атаку брешей. Раздраженный гарнизонъ разсѣялся, не повинувшись офицерамъ. Полковникъ Бло раненъ, Дюпти-Туаръ раненъ. 27 начальниковъ фортификацій и начальникъ инженеровъ явились предупредить Уриха, что брешь 11 бастіона можетъ про-

пустить непріятеля, штурмъ можетъ случиться на другой день, въ тотъ же вечеръ, или даже чрезъ два часа Страсбургъ будетъ во власти непріятеля.

Было пять часовъ вечера. Гермать и Андрэ услышали на улицѣ шумъ. Они вышли изъ дома. Всѣ бѣжали и махали руками. Достигнувъ собора, они увидѣли развѣвавшійся бѣлый флагъ.

— Капитуляція!—говорили одни.

— Нѣтъ,—отвѣчали другіе,— это флагъ Женевской конвенціи.

— Но на немъ нѣтъ краснаго креста!

— Да, да, это—капитуляція.

Нѣкоторые отвѣчали утвердительно; Герматы спросили офицеровъ. Народъ переполнилъ улицы и собрался на городскихъ площадяхъ. Герматы устремились съ этой человѣческой волной. Одинъ офицеръ объявилъ о перемиріи. Торжественное молчаніе тяготѣло надъ этимъ человѣческимъ муравейникомъ: огненный градъ былъ остановленъ. Внезапное молчаніе производило сильное впечатлѣніе.

— Ахъ,—сказалъ Гермать, сжимая руку сына:— я все отдалъ бы, чтобы услышать еще пушечные выстрѣлы.

Въ группахъ вспыхнули проклятія. Мэръ объявилъ со слезами на глазахъ, что городъ сдался. Офицеры отправились галопомъ, ихъ возвращенія ожидали съ ожесточеннымъ нетерпѣніемъ. Проклинали Уриха. Молодые люди хотѣли выломать двери собора и сорвать флагъ, развѣвавшійся надъ этими вопящими головами. Ружейные выстрѣлы направились на шпигъ собора. Забили сборъ. Французскіе стрѣлки сговаривались выйти вмѣстѣ и дать себя убить. Когда мэръ переходилъ площадь Гутенберга, чтобы отправиться въ главную квартиру, восклицанія огласили воздухъ: «Смерть мэру! смерть губернатору! смерть измѣнникамъ!» Генераль и члены комиссіи были окружены, имъ угрожали. Въ префектурѣ Валянтенъ успѣлъ съ большимъ трудомъ успокоить возмущеніе. Среди самыхъ возбужденныхъ людей многіе, блѣдные отъ пребыванія въ темныхъ погребахъ, наканунѣ соглашались сдаться, теперь же самые робкіе сдѣлались бѣшеными. Но въ особенности женщины, такъ много страдавшія, всего болѣе негодовали. Все это искреннее отчаяніе и запоздалая ярость составляли основаніе грознаго концерта стенаній и проклятій, поднявшихся надъ Страсбургомъ, уже разрушеннымъ. Тщетныя конвульсіи агоніи!.. Показались штыки національной гвардіи, батальоны группировались. Толпа устремилась обратно.

Гермать и Андрэ нашли Стумпфа и Гумблота взбѣшенными, а Готтуса и Вольфарта удрученными скорбью; никто изъ нихъ не могъ говорить, и даже ихъ взгляды отворачивались. Ансбергъ увидѣлъ ихъ издалека, но не подошелъ къ нимъ: онъ слишкомъ страдалъ и устранился отъ встрѣчи съ ними. Народное волненіе улеглось. Наступила ночь.

На улицахъ умолкло жужжаніе толпы, мало-по-малу онѣ опустѣли. Часовые расхаживали на разстояніи; одно только тяжелое молчаніе съ часу на часъ становилось все тяжелѣе и тяжелѣе.

Страсбургъ болѣе не существовалъ.

XV.

Въ эту послѣднюю ночь, пока Страсбургъ былъ еще французскимъ, Герматъ, его братъ и сыновья отправились въ паломничество по его улицамъ и развалинамъ, съ которыми была связана вся ихъ жизнь, воспоминанія дѣтства и тяжелыя душевныя волненія. Въ Страсбургѣ они родились, въ Страсбургѣ похоронили родителей, въ Страсбургѣ же Андрэ и Карлъ появились на свѣтъ Божій. Они не знали ничего красивѣе этого благороднаго города, гдѣ существованіе было такъ просто и пріятно. Въ немъ заключался для нихъ Парижъ, Ліонъ, Марсель, Бордо—всѣ свѣтоносныя центры ихъ родины. Онъ былъ для нихъ лучшимъ изъ городовъ ихъ отечества.

Имъ казалось, что у нихъ вырвали сердце, отрывая ихъ отъ націи, кровь которой уже скоро два столѣтія текла въ ихъ жилахъ, и мысль которой оживляла ихъ мысль. Теперь, только теперь это непреложное, невозвратное событіе, устраняющее отъ нихъ ужасъ, недовѣрчивость, ихъ безнадежныя иллюзіи и стоическую энергію,—надвинулось наконецъ съ жестокой очевидностью. Завтра нѣмецкіе флаги будутъ развѣваться на валахъ, нѣмецкіе солдаты замѣнятъ французскихъ, языкъ, который они услышатъ, будетъ нѣмецкій. Не будетъ болѣе свободы, которою они наслаждались, но находили неполною во время имперіи. Дорогая для ихъ убѣжденій республика будетъ царствовать, но не для нихъ. Они потеряли Францію въ тотъ моментъ, когда она сдѣлалась свободной, а они—рабами. Эта горькая мысль наполнила ихъ душу такой скорбью, что, казалось, она превосходила всѣ человѣческія страданія. Они оплакивали онѣмеченный Страсбургъ болѣе, чѣмъ скорбѣли бы о любимомъ покойникѣ. Ихъ трауръ увеличивался скорбью всего города, и эта общая печаль дѣлала изъ ихъ личнаго отчаянія нѣчто такое мрачное и мучительное, что они какъ будто переживали ужасъ смерти тѣхъ людей, которыхъ хоронятъ живыми.

Члены муниципальнаго совѣта обходили дозоромъ по различнымъ кварталамъ. Герматы присоединились къ Вольфарту, сопровождавшему своего брата Людовика.

Какъ тѣ, такъ и другіе несли печальные, тусклые фонари. Молчаливые и спотыкаясь въ темнотѣ, они шли, какъ бы въ похоронной процессіи; истинно—это былъ послѣдній обликъ Страсбурга, который они такимъ образомъ провожали. Завтра они не увидятъ болѣе тѣми же глазами этихъ памятниковъ и улицъ.

Между прошедшимъ и будущимъ настоящее поглощалось въ этой нерѣшительной минутѣ.

То, что они видѣли, дѣлало ихъ ужасъ еще болѣе мучительнымъ: пустынные улицы, площади, на которыхъ стояли группы національной гвардіи, бѣлый флагъ на соборѣ, развѣваемый вѣтромъ, зловѣщія предмѣстья и цѣлое море развалинъ, освѣщаемыхъ луною. Деревья на валахъ поднимали свои вѣтви, словно висѣлицы, съ искромсанными на солнцѣ листьями. Горизонтъ краснѣлъ отъ побѣдныхъ огней непріятели; отдаленное эхо ихъ музыки и пѣсенъ долго раздавалось въ городѣ. Одно это—ужасно; но было еще худшее: заглушаемыя жалобы, рыданія женщинъ и дѣтей, подымавшіяся съ крутого берега канала, ночной ропотъ всего этого предавшагося отчаянію народа, искавшаго убѣжища позади стѣны набережной и подъ нагроможденными бревнами. Десять тысячъ несчастныхъ безъ постели и крова кочевали смѣшанной толпою, тутъ и тамъ. И надъ всѣмъ этимъ царило молчаніе валовъ, пушекъ, ружей, беззвучіе трубъ, безмолвіе города, бессонница, глухая агонія восьмидесяти тысячъ душъ—небывалое, поразительное молчаніе кладбища, траурный миръ послѣ сорокадневнаго грома...

Когда Герматы, истомленные усталостью и подавленные отчаяніемъ, вернулись къ себѣ, — Ансельмъ съ Карломъ, ослабѣвшимъ отъ сна, на плечахъ, — то нашли грѣвшихся у огня, зажженнаго Гертрудой въ комнатѣ Гаффнеровъ, Ансберга, его жену и Элизу.

Они также изнемогали отъ ужаснаго горя и не въ состояніи были болѣе страдать. Убѣжавъ изъ своего вреднаго для здоровья погреба, находясь «безъ крова» и стремясь вдохнуть леденящій ночной холодъ, они инстинктивно направились къ своимъ самымъ старымъ друзьямъ. Они пришли къ нимъ, чтобы менѣе быть одинокими и наплакаться въ волю на братскомъ сердцѣ. Они смотрѣли угрюмо, какъ пылали въ каминѣ обломки мебели и балокъ.

Стумпфъ помогалъ Гертрудѣ наскоро устроить домъ. Ганна была у раненаго капитана: свѣчка на столѣ, стоявшемъ между ними, освѣщала ихъ раздиравшее душу молчаніе калѣкъ.

Похоронное бодрствование продолжалось до двухъ часовъ ночи; произносились рѣдкія слова, царствовало угнетающее молчаніе. Г-жа Герматъ уложила Карла и съ безпокойствомъ ирисушивалась къ взволнованному дыханію малютки. Она созерцала синіе круги подъ глазами, его изнуренное лицо и мысленно желала въ своемъ французскомъ сердцѣ, чтобы онъ помнилъ Францію... Да, она желала, чтобы всю жизнь его преслѣдовало воспоминаніе о раздавленной Ноэми, о Страсбургѣ, красномъ отъ пожаровъ и оглушенномъ взрывами, о лишеніяхъ, о слезахъ этихъ мрачныхъ часовъ, чтобы эта послѣдняя прогулка въ холодной могилѣ Страсбурга къ развалинамъ, освѣщеннымъ луною, осталась врѣзанною въ его памяти навсегда. Она хотѣла бы имѣть возможность своими ру-

ками наполнить его слабую голову этими мыслями и своимъ взглядомъ вкоренить въ сомкнутые глаза ребенка всѣ эти священные видѣнія... Затѣмъ она сжалилась надъ его лихорадочнымъ сномъ и удалилась.

Она услышала тяжелыя рыданія и, войдя въ гостиную, увидѣла лежавшаго на кушеткѣ раненаго офицера. Онъ плакалъ, какъ дитя, при мысли, что завтра пруссаки увидятъ его немощъ и ничтожность. Его старая грудь задышалась, а слезы, струившіяся по его щекамъ, было больно видѣть... Ганна въ сторонѣ плакала, молча...

Что сказать? что сдѣлать? У г-жи Герматъ вырвался жестъ отчаянія; она не могла никого утѣшить, и никто не могъ утѣшить ее. Она прошла мимо.

Ансбергъ говорилъ Гермату:

— Помните, Герматъ, мои иллюзіи? Въ какомъ безпомощномъ положеніи насъ бросили! Однихъ!... Какъ же намъ было устоять? Тѣ, которые кричатъ теперь объ измѣнѣ—патріоты послѣдняго часа, — пойдутъ завтра смотрѣть валы и не найдутъ болѣе ни батарей, ни брустверовъ, а увидятъ только снятыя съ лафета пушки на взрытой землѣ, скрытыя фашины и брешь, обрушившуюся подъ ногами... По крайней мѣрѣ, мы исполнили нашъ долгъ всѣ.

Герматъ покачалъ головою: мужественнѣе быть не могли, нѣтъ, но отважнѣе, изобрѣтательнѣе, дѣятельнѣе — да, сто разъ, да! Страсбургъ защищался, словно загнанный въ западную кабанъ, какъ въ старыя времена, но онъ не сдѣлалъ никакихъ предварительныхъ приготовленій, не занималъ никакихъ оборонительныхъ позицій, не производилъ никакихъ большихъ вылазокъ и не вооружалъ своихъ гражданъ. Что можно было ожидать отъ національной гвардіи, примѣромъ служили вольныя дружины. Вотъ чего не понималъ столь рыцарски-храбрый Урихъ, и не извлекъ пользы изъ всѣхъ возможныхъ средствъ.

Ансбергъ болѣе не протестовалъ; его дружба къ официальнымъ властямъ не закрывала ему болѣе глазъ. Если онъ не могъ не знать, что баронъ Пронъ выказалъ себя рѣшительнымъ чиновникомъ, то онъ все-таки не переставалъ на него злобствовать за его оболъщенія, безпрестанные миражи относительно освобожденія и успѣховъ Франціи, которые могли бы свести съ ума болѣе благо-разумный городъ.

— Какова-то будетъ наша судьба завтра?—сказалъ онъ. Онъ задалъ этотъ вопросъ потому, что въ этотъ самый часъ составлялся въ Кенигсгафенѣ роковой договоръ. Муниципальная комиссія съ безпокойствомъ ожидала извѣстій о закрытыхъ совѣщаніяхъ уполномоченныхъ Вердера и французскихъ эмиссаровъ: полковника Дюкасса и подполковника Манжэна. Въ два съ половиной часа

оба храбрые офицера съ разбитымъ сердцемъ подписались подъ актомъ, который передавалъ Страсбургъ въ руки непріятеля. Въ 8 часовъ утра гарнизонъ долженъ былъ покинуть цитадель, Аустерлицкія и Національныя ворота; взамѣнъ его эти пункты будутъ въ то же время заняты нѣмецкими войсками. Въ 11 часовъ французскіе солдаты и волонтеры принуждены были выйти съ военными почестями и сложить свое оружіе, какъ военнопѣнные. Національная гвардія и вольные стрѣлки остались на свободѣ, подписавъ реверсъ. Въ томъ же смыслѣ была оставлена свобода и офицерамъ съ указаніемъ ихъ мѣстожительства. Полковникъ Дюкассъ потребовалъ, чтобы Страсбургъ не былъ обложенъ никакой контрибуціей, и чтобы не касались французскаго банка, муниципальной кассы и сберегательной кассы. Урихъ потребовалъ для населенія отъ Вердера жизни, цѣлости имущества, съ правомъ удалиться изъ города. Вердеръ обязался «залѣчить язвы Страсбурга».

Андрэ и Элиза тихо разговаривали въ сторонѣ. Въ ея взглядѣ было то же голубое пламя, но она похудѣла, поблѣднѣла и, казалось, сдѣлалась совѣмъ другой Элизой. Андрэ искалъ въ ея тонкихъ чертахъ, прежняго легкаго очарованія и хрупкой граціи, но онѣ уступили мѣсто скорбной силѣ воли и возмущенному ужасу. Ея вѣки покраснѣли, и минутами изъ-подъ нихъ появлялись слезы. Она почувствовала вполнѣ ужасъ этого момента; эта серія катастрофъ растерзала также и ея дѣтскую душу, которая ее оживляла: изъ этого испытанія она вышла женщиной. Къ ея нѣжности, по-прежнему чистой и безупречной, въ отношеніи Андрэ присоединилась неизмѣримая страсть къ побѣжденному Страсбургу, къ изувѣченной Франціи. Прежде она ихъ любила настолько естественно, что мысль посвятить имъ культъ не приходила ей въ голову; она вдыхала воздухъ родины, веселая, наслаждаясь ея солнцемъ, небомъ и жатвами, и похоронный звонъ по родинѣ не раздавался въ ея ушахъ. Она не подозрѣвала ужаснаго потрясенія, которое произведетъ въ ней мучительный выборъ изъ двухъ—потерять Страсбургъ или потерять Францію. Возможенъ ли выборъ? Когда онъ будетъ сдѣланъ, уменьшится ли кровавая рана? Грозная неизвѣстность окружала этотъ выборъ—мрачно и безжалостно, но иначе, чѣмъ въ день Фрешвиллера, когда они предугадали въ грозовой атмосферѣ угрозу невидимой опасности.

Какая судьба предстоить имъ?

Не грозила ли имъ разлука? Безъ сомнѣнія, Ансбергъ, принявшій участіе въ оборонѣ въ чинѣ офицера, будетъ считаться военнопѣннымъ; въ такомъ случаѣ жена и дочь послѣдуютъ за нимъ въ Германію. На недѣлю? На мѣсяцы?.. Какой мракъ!..

— Элиза,—страстно шепталъ Андрэ:—я васъ еще болѣе люблю; вы для меня теперь все. Скажите мнѣ, что вы меня не забудете, скажите мнѣ, что я также вамъ необходимъ...

Она произнесла:

— Да...

Ея лихорадочныя руки отвѣтили на пожатіе Андрэ. Но прошлое, когда они другъ другу улыбались, было далеко; кто увидѣлъ бы ихъ теперь, то могъ бы подумать, что они страдали одинъ чрезъ другого и сохранили еще на своихъ лицахъ бѣглое безпокойство.

— Элиза, помните ли вы, какъ прекрасно и легко открывалась предъ нами будущность? Намъ оставалось лишь жить и ожидать нашего счастья. Но мы возстановимъ наше гнѣздышко, и, можетъ быть, послѣ страданій наша любовь не будетъ ли серіознѣе и лучше.

Она отвѣтила:

— Да...

И ея слабый голосъ казался отдаленнымъ.

Между ними было что-то, о чемъ они не рѣшались говорить, какъ и гдѣ они возстановятъ развалины. Положимъ, они будутъ эльзасцами, но съ которой стороны границы?.. Это-то и была дверь мрака, которую они избѣгали открыть изъ страха, чтобы она не раскрылась въ зіяющую пропасть. Они хорошо знали, что оттуда пришло странное предостереженіе, глухое безпокойство, которое овладѣло ими среди радостной встрѣчи. Каждая семья должна была раздѣлиться. Страсбургъ терялъ половину своей крови, Эльзась, заживо отрѣзанный отъ матери родины, увидитъ своихъ дѣтей отдаленными другъ отъ друга. Одни останутся на родной землѣ добровольными плѣнниками, силою обстоятельствъ, или изъ интереса; другіе—эмигранты отправятся во Францію, или еще далѣе, за море подъ неизвѣстное небо...

Богъ знаетъ, что рѣшатъ ихъ родители, раздѣленные столькими мыслями, хотя соединенные несчастіемъ; какъ они посмотрятъ на свою власть главы семейства и на патріотическій долгъ? Кто знаетъ, что еще болѣе грозныя обстоятельства, чѣмъ тѣ, которыя имъ встрѣтились, не возстанутъ между ними?

Ихъ любовь?.. Безъ сомнѣнія, ихъ любовь велика, вѣчна и горяча; но они, тотъ и другой, находились подъ ударами судьбы болѣе властной, чѣмъ ихъ любовь. На нихъ опускался бичъ Божій, который уничтожалъ все. Жизнь цѣлаго народа и продленіе его расы были неопредѣленны, тысячи и тысячи мертвецовъ гнили въ землѣ; сколько осталось огорченныхъ матерей, вдовъ и невѣсть! Они были былинкой въ этой бурѣ!

Однако ночь протекала. Г-жа Ансбергъ уснула въ креслѣ; Герматъ взглянулъ на часы: Ансберги не могли возвращаться къ себѣ, имъ оставалось лишь отдохнуть здѣсь нѣсколько часовъ, въ ожиданіи разсвѣта. Андрэ принесъ шаль и разложилъ ее на колѣняхъ Элизы. Удалившись въ сосѣднюю комнату съ другими мужчинами, онъ издали созерцалъ лицо Элизы, на половину освящен-

ное свѣчей, на половину затонувшее въ тѣни. Элиза не спала, а устремила глаза въ пространство. Андре страдалъ, видя ее углубившейся въ одну и ту же мысль. Вскорѣ онъ почувствовалъ, что его взоръ затуманился, а голова склонилась къ спинкѣ кресла; онъ еще видѣлъ Элизу, но менѣе ясно, какъ будто свѣтъ, распространявшійся по ея лицу, ослабѣлъ, и она болѣе и болѣе уходила во мракъ...

Ни дядя Ансельмъ ни Гермать не могли заснуть. Они продолжали свое погребальное бодрствованіе до багровой зари, и по мѣрѣ того, какъ протекали минуты, они впадали въ какую-то пустоту и мрачность; ихъ мученія становились несносны.

Съ семи часовъ утра весь Страсбургъ, въ траурной одеждѣ, былъ на ногахъ. Герматы и Ансберги, пожавъ другъ другу руки, разстались; они дошли до той точки, когда горе болѣе не дѣлится: оно становится нелюдимо и требуетъ уединенія.

Два объявленія покрывали стѣны. Урихъ прощался со Страсбургомъ и благодарилъ жителей, солдатъ, волонтеровъ, моряковъ, таможенныхъ, пожарныхъ, врачей, учениковъ военно-врачебной школы и всѣхъ тѣхъ, кто страдалъ. Мэръ Кюссъ приглашалъ жителей къ покорности судьбѣ; всякія враждебныя дѣйствія повлекутъ за собою страшныя возмездія; дома будутъ срыты, и жители убиты. Великій гражданинъ, который рыдая написалъ эти строки, также несъ свой крестъ. Въ сопровожденіи двоихъ членовъ муниципальной комиссіи, онъ направился въ Мундольсгеймъ за полученіемъ инструкціи отъ побѣдителя. Но генераль Мертенсъ, новый комендантъ Страсбурга, уже отправился навстрѣчу французскимъ войскамъ, и одинъ изъ его адъютантовъ отдалъ приказанія Кюссу. Когда онъ возвратился, Страсбургъ былъ уже въ распоряженіи непріятеля.

Съ восьми часовъ ворота были открыты для нѣмецкихъ отрядовъ. Они заняли въ громадномъ количествѣ цитадель и груду обломковъ, валы, больницы, Аустерлицкія ворота и Національное предмѣстье. Толпа издали смотрѣла на нихъ съ отчаяніемъ и яростью въ сердцѣ.

Пришли французскіе отряды во главѣ съ барабанщиками и трубачами и собрались на площади Клеберъ. Національная гвардія и французскіе стрѣлки, созданные на сборъ, сложили свое оружіе. Уже улицы и площади были полны обломковъ сабель и ружей, брошенныхъ гарнизономъ; мальчишки прогуливались съ патронами въ рукахъ, мужчины вмѣсто палокъ брали шомполы изъ ружей. Исключая печальныхъ таможенныхъ, жандармовъ, понтонеровъ, моряковъ и артиллеристовъ, съ достоинствомъ дефилировавшихъ, остальные солдаты вопили, нѣкоторые были пьяны и ломая бросали свое оружіе съ мостовъ въ зеленія воды, продолжая двигаться безпорядочной толпою къ Національнымъ воротамъ.

Непріятель, державшій ружья на караулъ, опустилъ ихъ. Генераль Вердеръ, который обнялъ Уриха, выражая ему свой восторгъ за оборону, дурно скрывалъ свое отвращеніе. Это безстыдное дефилированіе прибавляло еще лишнюю печаль къ сдачѣ Страсбурга. Урихъ, возвращаясь въ городъ, былъ оскорбляемъ солдатами. Но уже нѣмцы, безъ криковъ и смѣха, тяжелыми шагами, распространялись по улицамъ, подъ звуки пронзительныхъ флейтъ; ихъ музыка заиграла національный нѣмецкій гимнъ предъ статуей Клебера.

Тогда страсбуржцы, родственники и друзья, при видѣ этого зрѣлища пожали другъ другу руки и, возвратясь домой, заперли свои двери.

По мостовой катились пушки, отряды и еще отряды скоплялись въ городѣ, тѣлѣги со съѣстными припасами и стада быковъ тѣснились въ предмѣстьяхъ. На глазахъ часовыхъ, караулившихъ мосты, отряды въ темныхъ мундирахъ занимали площади. Вторгавшійся непріятель все входилъ и выходилъ безъ отдыха въ покинутый Страсбургъ съ пустыми улицами и мертвыми домами. Слышались только ритмическіе шаги небольшихъ отрядовъ и удары ружейныхъ прикладовъ въ двери, требовавшихъ квартиры для непріятели. Въ три часа въ соборѣ раздался колокольный звонъ. Въ первый разъ послѣ долгихъ недѣль этотъ благовѣстъ, словно утомленный, торжественный, раздался въ городѣ и долго отражался въ душахъ страсбуржцевъ.

Герматы попрощались съ Ансбергами, они также простились съ Вольфартомъ, Готтусомъ и Стумпфомъ, у котораго была только одна мысль: какъ можно скорѣе убѣжать и догнать жену. Герматы нашли свой домашній очагъ еще болѣе опустѣвшимъ. Ихъ раненый не былъ болѣе у нихъ; благодаря заботамъ Ансельма и Андрэ, его перенесли въ походный госпиталь. Какъ ни было сердечно ихъ гостепрїимство, какъ ни были усердны заботы его хозяевъ, онъ захотѣлъ быть съ солдатами, когда войдетъ въ городъ непріятель. Видѣть въ его несчастномъ положеніи, какъ занимаютъ этотъ домъ, ему казалось слишкомъ жестокимъ.

Карлъ находился около Гертруды и смотрѣлъ, какъ она чиститъ картофель. Онъ имѣлъ сильное желаніе растянуть его кожу, какъ резинку, но не смѣлъ и не рискнулъ болѣе говорить: настолько мрачное молчаніе старой женщины пугало его.

Сидя другъ противъ друга, рука въ руку, Герматъ и его жена думали о настоящемъ и будущемъ. Они ожидали своихъ двадцать человѣкъ солдатъ, которыхъ имъ опредѣлили. Подъ надзоромъ фельдфебеля долженъ былъ прибыть отрядъ изъ пятнадцати толстыхъ, бородатыхъ, съ смиренными рожами баденцевъ.

Когда Герматъ ихъ устраивалъ въ каретномъ сараѣ, сѣдельной и конюшнѣ, къ нему подошелъ офицеръ и сказалъ:

— Здравствуйте, батюшка!

Поблѣдѣвшій и охваченный дрожью Гермать обернулся и узналъ Гаффнера. Онъ не измѣнился: то же добродушное лицо и тонкіе закрученные кверху усы и спокойные глаза. Затянутый въ мундиръ, онъ раскрылъ объятія, чтобы обнять тестя: еще одинъ жестъ, и онъ обнял бы его. Замѣтно было, что онъ былъ очень взволнованъ, но, повидимому, онъ не испытывалъ никакого стѣсненія и сожалѣнія. Что было, то было... Это—несчастіе, но это такъ... Онъ сказалъ, какъ великій герцогъ: «Es ist das Kriegsrecht» (это законъ войны)... Сущность въ томъ, что Германія торжествовала, а Страсбургъ, «братскій городъ», «жемчужина имперіи», «король Рейна», волей-неволей вернулся къ общей матери.

Когда Гаффнеръ встрѣтилъ горестный взглядъ и упрекъ Гермата, онъ сказалъ, очень удивленный:

— Ну, такъ, по крайней мѣрѣ, подадимъ ли мы другъ другу руки?

Но такъ какъ на нихъ смотрѣли солдаты, онъ подождалъ, чтобы его тестъ протянулъ ему свою. Гермать продолжалъ смотрѣть ему прямо въ лицо, не произнося ни слова.

— А! понимаю, понимаю,—сказалъ Гаффнеръ послѣ молчанія:— вы на насъ сердитесь! да; за бомбардировку!.. Но зачѣмъ же вы защищались? Вы прекрасно знаете, что должны намъ принадлежать. Франція васъ покинула. Возвратитесь къ великой германской родинѣ! Вы обдумаете... Эдель съ Генрихомъ будутъ завтра здѣсь. Скажите, отецъ, желаете ли вы, чтобы она находилась подъ вашимъ кровомъ?

Въ его манерахъ было достоинство, требовать же отъ него деликатности и утонченности было бы слишкомъ. Гермать сдѣлалъ ему знакъ слѣдовать за собою въ разгромленный домъ и провелъ въ комнату, гдѣ Эдель и онъ всегда останавливались. Г-жа Гермать видѣла ихъ; она вышла, величественная въ своемъ черномъ платьѣ. Гаффнеръ очень низко склонился и взялъ ея руки:

— Мама, не скажете ли вы мнѣ добраго слова?

— Какое хочешь ты отъ меня слышать слово? Хочешь ты слышать, чтобы я тебѣ сказала: «милости просимъ»? Хочешь ли ты, чтобы я наговорила тебѣ любезностей относительно войны, которую вашъ братъ велъ противъ женщинъ и дѣтей? Тогда я тебѣ скажу, что вы дикари и разбойники!

Она произнесла эти слова съ такимъ грознымъ и поразительнымъ взрывомъ ироніи, что онъ поблѣднѣлъ.

— Ваши слова—горьки, но они не относятся ко мнѣ: мое сердце страдало и обливалось кровью, когда я увидѣлъ подымавшееся надъ Страсбургомъ пламя. Но я только солдатъ, я долженъ исполнять свой долгъ.

Онъ прибавилъ:

— Я еще такъ поступлю. Солдатъ долженъ повиноваться, когда ему приказываютъ начальники.

Они не находили болѣе ни одного слова и смотрѣли другъ на друга съ неизъяснимымъ выраженіемъ. Сильный крикъ нарушилъ давившее всѣхъ молчаніе. Это кричала Ганна, которую Вильгельмъ, вошедшій на ципочкахъ въ дверь, обнялъ неожиданно сзади и поцѣловалъ. Она протянула ему вызывающе свою изуродованную руку и измѣрила его сверкающимъ взглядомъ. Озадаченный ординарецъ пролепеталъ, запинаясь и подшучивая:

— Mein Herz, mein Vogel! (Мое сердце, моя птичка!).

И онъ приблизился, распространяя запахъ вина.

Ударъ кулакомъ по головѣ заставилъ его вытянуться неподвижно, по-солдатски. Гаффнеръ, выместивъ на немъ свой гнѣвъ, воскликнулъ:

— Вонъ!

Механически закинувъ ногу впередъ, какъ автоматъ, Вильгельмъ переступилъ порогъ кухни, добрался до улицы, не оборачиваясь, и исчезъ.

Гаффнеръ приложилъ руку къ плоской фуражкѣ и съ серьезнымъ видомъ, въ которомъ не было недостатка ни въ добродушіи, ни въ твердости, сказалъ:

— Я возвращусь, батюшка и матушка, когда мое присутствіе не будетъ такъ тяжело для васъ. Подумайте, что во всемъ этомъ Эдель и Генрихъ невинны, и что у нихъ одна только мысль обнять васъ, какъ можно скорѣе. Привѣтствую васъ, какъ уважающій васъ сынъ.

Онъ быстро удалился, отдавъ сторожія приказанія фельдфебелю оказывать всевозможное вниманіе жителямъ этого дома.

На другой день Эдель и Генрихъ вошли въ толпу горожанъ и поселянъ, наводнившихъ Страсбургъ. Тутъ были женщины, дѣти, старики—съ ягдташами чрезъ плечо, съ зонтиками въ рукѣ и съ провизіей, которую они ѣли, прогуливаясь или таща за собою телѣжки съ боченками пива—кушцы, евреи, любопытные, крестьяне Шварцвальдена, свѣтскія дамы изъ Карльсруэ и Гейдельберга—цѣлый народъ, доставляемый полными вагонами и длинной нитью экипажей. Всѣ они съ удовольствіемъ указывали на развалины, громко говорили и громко пѣли.

Эдель съ свѣтлыми волосами, глазами, цвѣтомъ лица и выраженіемъ доброты походившая на мать, явилась, держа за руку бѣлокураго, толстощекаго Генриха. Она толкнула рѣшетку съ чисто французской живостью. Увидѣвъ г-жу Гермать, она бросилась къ ней на шею со словами:

— Ахъ! мама!..

Заплакавъ, онѣ обнялись.

XII.

Семь мѣсяцевъ спустя, въ одно теплое апрѣльское утро, Герматы и Ансберги собрались въ маленькой залѣ Базельской гостиницы. Черезъ открытое окно слышались крики удовольствія Карла и Генриха, игравшихъ въ лошадки и почталыоны въ аллеяхъ сада. Добрые, миролюбивые швейцарцы пили свѣтлое пиво и курили трубки на стеклянной верандѣ. Съ своими сентиментальными гравюрами на стѣнахъ, съ мебелью попороченной, но чистой, съ навощеннымъ паркетомъ залъ гостиницы былъ довольно банальной рамкой, которая годилась для мимоходныхъ встрѣчъ на этой нейтральной землѣ между Эльзасомъ, куда возвращались Герматы, и Франціей, которую Ансбергъ, вернувшійся изъ плѣна, жаждалъ поскорѣ увидѣть.

Они встрѣтились здѣсь въ назначенный день и часъ, и глубокая тоска омрачила ихъ черты, такъ какъ они чувствовали, что въ нихъ возродилась ужасная печаль мрачной ночи, послѣдней французской ночи Страсбурга.

Будущность Элизы и Андрэ рѣшалась.

Оба серьезные и блѣдные, съ выраженіемъ жертвы въ глазахъ, молодые люди впивались другъ въ друга глазами до глубины души. Они не сидѣли болѣе одинъ возлѣ другого и не держались за руку, и если они еще улыбались съ своей обычной нѣжностью болѣе сильной, чѣмъ горе, и болѣе мучительной, чѣмъ смерть, то улыбка ихъ была печальной, какъ слезы. Они слушали, какъ говорили ихъ отцы, и сознавали, что серьезные и мужественные голоса родителей выходили изъ отдаленнаго прошедшаго совѣсти и чести. Они стойко выражали традиціи, идеи и долгъ, какъ они его понимали, противоположный одинъ другому, несогласный. Матери съ поникнувшими головами, съ сердцемъ, разрывавшимся отъ рыданій, также слушали голоса мужчинъ. Дядѣ Ансельму не хватало смѣлости присутствовать при объясненіи; онъ блуждалъ по набережной Рейна.

Ансбергъ сказалъ:

— Родина—это свободная земля, это воздухъ, которымъ вы дышите, и который принадлежитъ вамъ; я вижу поля, дома, солдатъ, мужчинъ, подобныхъ мнѣ; они говорятъ на моемъ языкѣ, они—мои братья. Трехцвѣтный флагъ развѣвается въ воздухѣ; я—у себя, я—во Франціи. Я не могу колебаться. Тамъ,—онъ протянулъ руку по направленію къ границѣ и Вогезамъ:—тамъ мой долгъ.

Онъ могъ бы, когда Страсбургъ сдался, быть свободнымъ и возвратиться во Францію, но надо было бы подписать реверсъ, обязаться болѣе не воевать. Это было невозможно, онъ предпочелъ плѣнъ. Онъ провелъ шесть мѣсяцевъ въ Рапштадтѣ съ женою и дочерью. Онъ еще сильнѣе жаждалъ увидѣть Францію—нѣмцы его

ужасали. Онъ чувствовалъ, что не можетъ болѣе вступить ногою въ Страсбургъ. Онъ предпочиталъ изгнаніе оттуда навсегда и полную переѣмъ жизни; однако, какъ печально! Нельзя безнаказанно прожить двадцать лѣтъ въ одной странѣ; онъ это испыталъ. Ему не хватало Страсбурга, его улицъ, его неба, его привольной жизни и спокойныхъ нравовъ, близкихъ сердцу уголковъ, вида извѣстныхъ площадей, формы домовъ, бѣжавшихъ облаковъ, цвѣта воды—тоска по родинѣ наполняла его сердце.

Его беспорядочные и лихорадочные сны были полны знакомыхъ голосовъ и лицъ друзей. Онъ понималъ страданія тѣхъ, кто удаляется навсегда съ родины.

Герматъ сурово отвѣтилъ:

— Родина... увѣрены ли вы, что это не несчастная земля нашего угнетеннаго Эльзаса? Родина!... Но развѣ для всякаго человѣка крыши его деревни, шпиць колокольни—не родина? Я вижу поля, которыя созерцали глаза моего отца и дѣда, старый домъ, гдѣ они жили и умерли. Я чувствую, что во мнѣ трепещутъ глубокіе корни, крѣпкія узы меня привязываютъ къ прошедшему, къ обычаямъ, къ жизни Страсбурга; я увѣренъ, что буду въ состояніи оборвать ихъ, только со смертью. Это чувство меня не обманываетъ, и я говорю: «Тамъ я долженъ остаться; вотъ—моя родина и домъ».

Ансбергъ возразилъ сурово, но безъ гордости и съ глубокимъ убѣжденіемъ, такъ какъ война преобразовала его страданіями и сдѣлала лучшимъ.

Герматъ, Франція упала; она никогда не была такъ унижена со времени Карла VII, когда англичане были въ Бордо и Парижѣ. Мирный трактатъ, уступившій Эльзасъ и Лотарингію «навсегда»,—самый постыдный въ исторіи. Франція истекаетъ кровью со всѣхъ концовъ; она разорена и затоптана: вѣрьте мнѣ, всѣ ея сыны должны бѣжать къ ней на помощь!

Герматъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ; холодный потъ выступилъ у него на вискахъ. Для него эта мысль тоже была пыткой: потерять Францію, сказать себѣ, что она была тамъ, здѣсь, повсюду вокругъ него, и теперь ея болѣе нѣтъ. Видѣть ее отдалившейся, отодвинутой, убавленной и говорить себѣ: «Эта почва, которую я попираю, вчера еще была французской, — уже сегодня нѣмецкая. И я также нѣмецъ, или, по крайней мѣрѣ, мнѣ навязываютъ это имя. У меня была родина, ее у меня отняли; мнѣ говорятъ: «Вотъ другая». Эта другая, вздувшаяся отъ крови и золота, гордая своимъ могуществомъ, только тѣмъ и велика, что раздавила ту, которую я любилъ, мою пріемную мать, добрую Францію, прекрасную и рыцарски прекрасную королеву великодушныхъ идей и авангардъ прогресса!

Если бы онъ слушался своего оскорбленія, своей скорби, конечно, онъ давно бы покинулъ Страсбургъ. Онъ не могъ, несмот-

ря на ослѣпительную очевидность, повѣрить въ окончательное поражение Франціи. Послѣ капитуляціи Страсбурга онъ надѣялся на Мецъ, послѣ паденія Меца онъ надѣялся на Парижъ, на Шанзи, на Бурбаки, даже на Гарибальди и на собраніе въ Бордо!.. Увы! Съ какой душою онъ принялъ участіе въ благородной манифестаціи Эльзаса, избиравшаго своихъ депутатовъ и протестовавшаго изо всѣхъ силъ противъ присоединенія! Когда онъ все потерялъ, то уцѣпился за химеру—нейтрализацию, затѣмъ за безумную мысль, будто Германія настолько умна, чтобы оставить Эльзасу его законы, его привычки, французскій языкъ, чтобы ему дать полныя льготы, свободу: провинціальную, общинную, муниципальную, свободу печати и собраній, что разрушенный Страсбургъ, безъ постоянного войска и безъ расхода на содержаніе главы конституціоннаго государства, будетъ существовать, какъ Швейцарская республика... Но потребуйте этого отъ Пруссіи Садовой и Седана!.. Какая насмѣшка! Наконецъ, онъ видѣлъ ясно, что Эльзасъ нѣкоторое время будетъ переносить нѣмецкое иго, и ни Богъ, ни человѣческое могущество не вмѣшается въ это преступленіе противъ національной справедливости, противъ чудовищнаго поступка, какъ оскверненная страна, обворованная, захваченная побѣдителемъ, силою уступленная, отданная самимъ побѣжденнымъ—съ ножомъ у горла. Уже послѣ расхищенія, послѣ ихъ мелочной мести и заключенія въ крѣпость Валянтена на пять мѣсяцевъ за его героизмъ начались преслѣдованія. Графъ Бисмаркъ-Болень, генералъ-губернаторъ Эльзаса, предписалъ раздраженному народонаселенію различныя полицейскія придирки, домашніе полицейскіе обыски, отбирание оружія, служащаго для украшеній, охотничьихъ ножей, дѣтскихъ знаменъ и оружія, а также заключенія въ тюрьму мальчишекъ, которые кричали: «Да здравствуетъ Франція».. Ахъ, если бы, убѣжавъ изъ Страсбурга, Германъ могъ все это забыть, унеся родину на подошвахъ своихъ башмаковъ,—онъ не сталъ бы ждать ни одной минуты. Только, по-истинѣ, это было очень наивно.

Онъ спросилъ:

— Развѣ вы не думаете, что Страсбургу тоже понадобятся его сыны? Оставимъ ли мы пруссаковъ воздѣлывать Эльзасъ и населять Страсбургъ? Развѣ у насъ нѣтъ обязательства относительно города? Кто будетъ защищать нашу прекрасную провинцію, если вы ее покинете? Да, кто? если не нашъ братъ, оставшійся тамъ?.. Увѣрены ли вы, что не покидать его—почетное мѣсто и священное презваніе? Народъ можетъ сопротивляться иначе, чѣмъ насиліемъ. Если мы останемся французами со всѣми и противъ всѣхъ,—кто можетъ насъ приневолить сдѣлаться нѣмцами? Никто. Эльзасцамъ предстоитъ исполнить великую роль въ исторіи—выставить противъ онѣмеченія глухую и упорную оппозицію, какую они обнаружили, когда ихъ громили гранатами.

— Нѣтъ, — возразилъ Ансбергъ:— вы обольщаетесь. Вы безкорыстны и чисты. Я знаю, что вы не повинуетесь никакому эгоистическому расчету. Но вы ошибаетесь. Страсбургъ подвергнется мало-по-малу иностранной инфильтраціи, и онъ тѣмъ легче ее перенесетъ, что языкъ, нравы, обычаи—анатогичны и были когда-то братскими.

— Теперь явилась кровавая пропасть; насъ отдѣляетъ ненависть,—произнесъ Герматъ.

Ансбергъ возразилъ:

— Ненависть ослабѣетъ. Все изнашивается. Это--вопросъ времени. Я допускаю, что вы останетесь неизмѣненнымъ, такъ и и быть, Андрэ—тоже, но этотъ маленькій мальчикъ, играющій съ Генрихомъ въ саду уже будетъ менѣ неподатливъ. Будутъ ли еще его сыновья непокорными? Но, подумайте же, Герматъ, развѣ это не ужасно, если вашъ Карлъ въ одинъ прекрасный день будетъ нѣмецкимъ солдатомъ и пойдетъ противъ Франціи?

— Не говорите этого!—воскликнулъ съ отчаяніемъ Герматъ.— Благодаря Бога, чрезъ годъ, чрезъ три года вы узнаете объ отмщеніи. Мы его приготовимъ. Надо, чтобы оно нашло эльзасцевъ въ Страсбургѣ, чтобы его украсить флагами и подать помощь нашимъ солдатамъ!

— Мой бѣдный другъ!..—сказалъ Ансбергъ.

И подъ впечатлѣніемъ молчаливаго сожалѣнія, тяготѣвшаго надъ нимъ, Герматъ спрашивалъ себя со страхомъ. Конечно, онъ не думаетъ повиноваться никакому эгоистическому мотиву; не удерживаетъ же его тамъ комфортабельная жизнь и очарованіе привычекъ; его фабрика сгорѣла, его бывший компаньонъ умеръ разоренный, всѣ деньги товарищества на вѣрѣ безвозвратно поглощены. Самая строгая матеріальная независимость съ большимъ порядкомъ и экономіей осталась на его долю. Это была полубѣдность послѣ прежней роскоши. Безъ сомнѣнія, онъ повиновался непреодолимому отвращенію видѣть своихъ дѣтей и внуковъ, раздѣленныхъ на непріягельскія расы и обреченныхъ на святотатственную войну; но кто же его за это порицалъ бы? Развѣ это не естественно? Развѣ это не человѣчно? Кромѣ того, Эдель была такъ нѣжна, такъ по-дочернему покорна, а Гаффнеръ выказалъ себя такимъ честнымъ въ своемъ ложномъ положеніи, что онъ не могъ выдержать долго своей суровости. Какъ же онъ, дѣдушка, могъ оттолкнуть ласки маленькаго Генриха, который въ этомъ не виноватъ, но истинъ!.. онъ думалъ также объ Ансельмѣ... однако онъ былъ страсбургецъ до мозга костей, который, только умирая, могъ бы покинуть свою страну безъ угрызенія совѣсти. Все это повелительно приказывало ему:

— Останься!..

А дѣлать добро, развивать благотворительныя дѣла, утѣшать въ горѣ, возстановлять развалины!.. Да, съ раздрающимъ

сердцем онъ признавалъ себя обязаннымъ исполнить долгъ. И этотъ долгъ уплатятъ только эльзасцы. Уйти значитъ покинуть мысль объ отмщеніи и подвинуть нѣмецкую колонизацію; это — два раза отдать Страсбургъ.

И онъ объявилъ свое убѣжденіе, онъ сказалъ, насколько онъ чувствуетъ себя французомъ, и потому, что онъ французъ и хочетъ имъ остаться навсегда, онъ беретъ на себя эту тяжелую задачу и отдается неблагодарной роли. Въ одинъ прекрасный день вся страна будетъ благодарна своимъ эльзасскимъ сынамъ.

— Ахъ! — сказалъ Ансбергъ: — какую мнѣ причиняютъ боль ваши иллюзіи!.. Вы думаете пожертвовать собою, я это вижу, и вы ожидаете, какъ награду... Дай Богъ, чтобы я ошибался; но я съ ужасомъ спрашиваю себя, сумѣетъ ли исполнить наша Франція — да проститъ она мнѣ, что я ее поношу — ваши надежды; я не вѣрю ни въ легкость ея сердца, ни въ ея забывчивость, но роковой законъ и слишкомъ человѣколюбивый требуетъ, чтобы отворачивались отъ того, что вы называете оскорбленіемъ и горечью. Ахъ, если бы она могла!.. какъ бы она прижала васъ къ своему сердцу! Но она этого не можетъ, она не будетъ въ состояніи этого достигнуть въ продолженіе долгаго времени, а потому я опасаясь, что ваше воспоминаніе, какъ бы оно ни было дорого и глубоко, угнетаетъ ее иногда, какъ бесполезное сожалѣніе или угрызеніе совѣсти....

Герматъ возмущился.

— Нѣтъ, Ансбергъ! Нѣтъ, я этому не вѣрю! Вы клевете на благородную страну, въ которую возвращаетесь. Нѣтъ, нѣтъ, во всѣхъ французскихъ сердцахъ будутъ вѣчно жить Эльзасъ и Лотарингія!

Ансбергъ сказалъ:

— Да, да! Очень возможно, что мои слова перестушили мои убѣжденія... простите мнѣ. Все это такъ жестоко!.. Тяжело видѣть насъ, обоихъ честныхъ людей, понимающихъ нашъ долгъ радикально различно! Если бы дѣло шло только о насъ! Но эти бѣдныя дѣти...

Къ Гермату вернулось спокойствіе, и онъ сказалъ:

— Произнесите приговоръ, такъ какъ это необходимо.

— Произнесите вы сами!

— Я не могу; я не признаю себя въ правѣ насиловать совѣсть и волю этихъ любящихъ другъ друга существъ. Они насъ слушаютъ, пусть рѣшатъ.

— Пусть будетъ такъ! — сказалъ Ансбергъ.

Тогда отцы повернулись къ Элизѣ и Андрѣ.

— Сынъ мой, — сказалъ Герматъ: — ты знаешь, какъ я и твоя мать нѣжно тебя любимъ. Ты знаешь, почему мы остаемся въ Страсбургѣ. Ты также знаешь, чего это стоитъ твоей матери и мнѣ, но мы считаемъ это долгомъ.

— Элиза,—сказаль Ансбергъ:—ты знаешь мои принципы; ты знаешь, что я защищаль ихъ своей жизнью и кровью. Мы отираемся во Францію; мы считаемъ, что тамъ нашъ долгъ.

Элиза и Андрэ выпрямились, шатаясь, блѣдные, какъ полотно; они чувствовали, что ихъ счастье и будущее рушится, и умираеть ихъ молодость; сердца ихъ замерли; это была самая худшая минута изъ всей агоніи. Отцы сжалились.

— Элиза, ты свободна.

— Ты свободенъ, Андрэ!

— Ты можешь сдѣлать выборъ между старыми родителями и твоимъ женихомъ,—сказаль Ансбергъ. — Въ священномъ писаніи сказано: брось отца твоего и мать и слѣдуй за мужемъ... Если ты можешь быть счастлива въ Эльзасѣ, вдали отъ насъ, у непріятеля, ступай, куда подсказываетъ тебѣ сердце. Только размысли, потому будетъ непоправимо.

Гермать, взявъ руку сына, задыхающимся голосомъ обратился къ сыну:

— Я тебѣ сказаль, мой сынъ, что мы сдѣлаемъ все, лишь бы ты былъ счастливъ. Ты можешь намъ сказать «прощай» и отправиться во Францію. Ты тамъ найдешь новую семью и невѣсту, достойную тебя, и мы будемъ молить Бога о твоёмъ счастьѣ.

Послышались заглушаемыя рыданія матерей. Тогда Элиза съ пылающими глазами сказала, обращаясь къ Андрэ:

— Я васъ люблю болѣе всего на свѣтѣ, но я не могу жить иначе, какъ во Франціи съ моими. Это сильнѣе меня: этого требуетъ моя совѣсть.

— Я васъ люблю, Элиза, съ того дня, какъ у меня явился первый проблескъ сознанія; я еще былъ ребенкомъ, и вы уже были для меня дыханіемъ жизни, но я не могу покинуть Эльзасъ, моего отца и мать. Я былъ бы недостойнъ васъ, если бы принужденъ былъ не уважать себя: это говорить долгъ.

Она посмотрѣла на него, и ея красота теперь совершенно преобразилась, озаренная душевными лучами.

— Прощайте, Андрэ. Я возвращаю вамъ ваше слово.

— Прощайте, Элиза, вы—свободны.

Въ приносимой ими обоими жертвѣ роковой судьбѣ долга, въ этой банальной комнатѣ гостиницы чувствовалось отчаянное содроганіе изувѣченнаго народа и горе расы, которыхъ они олицетворяли. Эльзасцы Франціи, эльзасцы Эльзаса—эльзасцы всегда и во что бы то ни стало. Въ мучительныхъ объятіяхъ, которыя ихъ соединяли лицомъ къ лицу и грудь къ груди, повторялись ужасныя страданія доведенныхъ до отчаянія провинцій побѣжденной матери-родины.

К О Н Е Ц Ъ .

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе материалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

